

(Grof) — чешско–американский психолог, представитель трансперсональной психологии. Доктор медицины. С середины 1950–х гг. начал в Праге клиническое изучение действия на человека психоделических наркотиков. В 1967 г. покинул Чехословакию. Работал в психиатрических учреждениях США. Руководил отделением психиатрических исследований в Психиатрическом исследовательском центре штата Мериленд. Работал ассистентом профессора психиатрии в медицинской школе университета Дж. Хопкинса, также — в Эскаленском институте. Основатель и президент Международной трансперсональной

ассоциации. Им было сделано заключение, что прием наркотиков служит мощным катализатором для работы с различными символами (как например, в традиционном психоанализе), проводимой среди невротических, депрессивных, психотических больных. Центральным моментом этого процесса, названного психолитическим целением, является переживание в состоянии наркотического опьянения опыта смерти, возрождения, космического единства, архетипических образов. В дальнейшем Гроф использовал и другие практики и техники, направленные на изменение сознания. Для картографии возникающих при этом переживаний предложил антропологическую модель, в которой было выделено четыре области: сенсорные переживания, ранние биографические переживания, пренатальные переживания, трансперсональный опыт. Считается, что благодаря сильнейшим переживаниям, связанным со смертью и воскресением, ранними событиями индивидуальной жизни, встречами со значимыми архетипическими персонами, с подключением к „энергиям“, происходит достижение человеком психологической целостности.

Доктор медицины Станислав Гроф - врач и учёный, отдавший более сорока лет исследованиям необычных состояний сознания и духовного роста. Он родился в Праге, 1 июля 1931 года. В 1956 году получил диплом врача от Медицинской школы Карлова университета в Праге и степень доктора наук от Чехословацкой академии наук. С 1956 по 1967 г. С. Гроф - практикующий психиатр-клиницист. В этот же период он активно изучает основы психоанализа и принимает участие в новаторских научно-исследовательских проектах. В 1959 году он удостоивается премии Кюфнера - национальной Чехословацкой награды, ежегодно вручаемой за наиболее выдающийся вклад в области психиатрии. Начиная с 1961 года он возглавляет исследования применения ЛСД и других психоделиков для лечения психических расстройств.

В 1967 году, как стипендиат Фонда поощрений психиатрических исследований (США), он получил возможность пройти двухлетнюю стажировку в Университете Джона Хопкинса. Затем продолжил научно-исследовательскую деятельность в Мерилендском центре психиатрических исследований. С 1973 по 1987 год С. Гроф живёт и работает в Эсаленском институте (Биг-Сур, Калифорния, США). В этот период вместе с женой Кристиной он разрабатывает технику холотропного дыхания - уникальный метод психотерапии, самопознания и личностного роста.

Станислав Гроф является одним из основателей Международной трансперсональной ассоциации (ИТА), долгое время являлся её президентом. Он также выступал в качестве организатора и координатора международных конференций в США, Индии, Австралии, Чехословакии и Бразилии. В настоящее время С. Гроф - профессор факультета психологии Калифорнийского института интегральных исследований, где преподаёт на двух факультетах: психологии и межкультурных исследований. Кроме того, он проводит обучающие семинары для профессионалов ("Трансперсональные тренинги Грофа"), а также выступает с лекциями и семинарами по всему миру.

Станислав Гроф - автор и соавтор более ста статей и шестнадцати книг. Его тексты неизменно привлекают внимание как профессионалов, так и всех тех, кто интересуется самоисследованием и духовным ростом. Книги и статьи Грофа переведены на двенадцать языков, включая немецкий, итальянский, испанский, португальский, голландский, шведский, датский, русский, чешский, польский, китайский и японский.

В 1997 году легендарный питерский религиовед-буддолог Е. А. Торчинов написал монографию "РЕЛИГИИ МИРА: ОПЫТ ЗАПРЕДЕЛЬНОГО: ПСИХОТЕНИКА И ТРАНСПЕРСОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ", активно используя разработки представителей трансперсональной психологии (С. Гроф и его школа).

Станислав Гроф (Stanislav Grof) - чешско-американский врач и учёный, отдавший более сорока лет исследованиям необычных состояний сознания и духовного роста, один из основателей и виднейших представителей трансперсональной психологии. По мнению многих экспертов, наряду с Фрейдом и Юнгом, крупнейший реформатор психологии и психиатрии XX века, заложивший основы психологии будущего.

Родился в Праге, 1 июля 1931 г. С 1956 по 1967 г. С. Гроф - практикующий психиатр-клиницист. В этот же период он активно изучает психоанализ. В 1959 году удостоивается премии Кюффнера - национальной Чехословацкой награды, ежегодно вручаемой за наиболее выдающийся вклад в области психиатрии. С 1961 года он возглавляет в Чехословакии исследования применения ЛСД и других психоделиков для лечения психических расстройств.

В 1967 году, как стипендиат Фонда поддержки психиатрических исследований (США), получил возможность пройти двухлетнюю стажировку в Университете Джона Хопкинса. Затем продолжил научно-исследовательскую деятельность в Мэрилендском центре психиатрических исследований. С 1973 по 1987 год С. Гроф живёт и работает в институте Эсален (Биг-Сур, Калифорния). В этот период вместе с женой Кристиной он разрабатывает технику холотропного дыхания - уникальный метод психотерапии, самопознания и личностного роста.

Гроф является одним из основателей Международной Трансперсональной Ассоциации (ИТА), долгое время являлся ее президентом. В 1993 г. он награжден почетной премией Ассоциации трансперсональной психологии за выдающийся вклад в развитие трансперсональной психологии.

В настоящее время С. Гроф - профессор факультета психологии Калифорнийского института интегральных исследований. Кроме того, он проводит обучающие семинары для профессионалов ("Трансперсональные тренинги Грофа"), а также выступает с лекциями и семинарами по всему миру. Автор и соавтор более ста статей и четырнадцати книг, переведенных на двенадцать языков.

Гроф начал свою медицинскую карьеру будучи классическим психоаналитиком, который верил в то, что психоделические вещества, применяемые в психиатрии в контролируемых условиях могут значительно ускорять процесс психоанализа. Однако вскоре беспрецедентное богатство и диапазон переживаний во время сессий ЛСД-психотерапии убедили его в теоретических ограничениях Фрейдовой модели психики и лежащего в ее основе механистического мировоззрения. Возникшая в результате этих исследований новая картография психики состоит из трех областей: 1) (Фрейдовой) личного и биографического бессознательного; 2) трансперсонального бессознательного (которое включает в себя и более узкие представления Юнга об архетипичном или коллективном бессознательном); 3) перинатального бессознательного, являющегося мостом между личным и трансперсональным бессознательным и наполненным символизмом и конкретными переживаниями смерти и возрождения. Эта область бессознательного несет в себе наибольший трансформирующий потенциал. В своих последних работах Гроф постоянно подчеркивает, что перинатальное не ограничено внутриутробной жизнью и процессом родов, но образует более всеохватывающую структуру психодуховной трансформации, справедливой для всех стадий развития сознания. Громадный клинический опыт самого Грофа и его учеников, а также запатентованный опыт мировых духовных традиций, свидетельствует о том, что регрессия к перинатальному уровню зачастую является необходимым условием для доступа к трансперсональному. Гроф сам ассистировал на около четырех тысячах сеансов психоделической психотерапии и через его семинары по холотропному дыханию прошли десятки тысяч людей во всех странах мира и всех национальностей.

Можно выделить девять областей современной науки и практики, в понимание и развитие которых Гроф сделал заметный вклад:

1. Изучение целительного потенциала необычных состояний сознания;

2. [Новая, расширенная картография психики;](#)
3. [Архитектура эмоциональных и психосоматических болезней;](#)
4. [Применение новых данных изучения сознания в терапии;](#)
5. [Холотропное дыхание;](#)
6. [Духовный кризис: понимание и лечение кризиса трансформации;](#)
7. [Переживание смерти и умирания: психологические, философские и духовные перспективы](#)
8. [Космическая игра: онтология мира и природа сознания;](#)
9. [Эволюция сознания и выживание человечества.](#)

1. Гроф экспериментально показал возможность для любого человека иметь переживания необычайной интенсивности и насыщенности, что, как правило, характерно для экстремальных ситуаций человеческой жизни, связанных с переживаниями экстаза, катастрофы, смерти, духовного преображения. Необычные состояния сознания широко практиковались во всех традиционных культурах и сопровождали любое значимое изменение в индивиде и обществе. Среди этих состояний выделяются холотропные, или целостные состояния сознания, обладающие особо мощным терапевтическим и обновляющим потенциалом (от holos -целый и trepein - двигаться к). Они определяются по отношению к обычным, или хилотропным состояниям (hile - земля). Европейская картезианская наука основана на опыте хилотропных состояний, возникающая новая научная парадигма основывается на опыте холотропных состояний.

2. Развитая Грофом расширенная картография психического вбирает в себя не только большинство картографий западной психологии, но и соответствует практически всем известным восточным и мистическим картографиям. Универсальность грофовской картографии состоит в том, что независимо от того, каким путем духовно-философского развития следует человек, ему неизбежно приходится решать одни и те же задачи с точки зрения овладения определенным уровнем энергии. В “энергетической антропологии” Грофа степень осознания прямо связана с уровнем доступной энергии и степенью проработки блоков на пути ее освоения в качестве привычного уровня.

3. Данные исследования холотропных состояний сознания показывают, что эмоциональные и психосоматические заболевания, включая множество состояний, которые диагностируются сегодня как психозы, не могут быть адекватно объяснены исходя из проблем послеродового развития, называются ли эти проблемы отклонениями в развитии либидо или искажениями в формировании объективных взаимоотношений. В соответствии с исследованием Грофа, эти заболевания имеют многоуровневую структуру, имеющую корни как в перинатальной, так и в трансперсональной областях. Таким образом психопатология наиболее полно объясняется с учетом не только биографической, но также перинатальной и трансперсональной динамики.

4. Принятие этих данных во внимание открывает новую и более полную картину психопатологии, а также более успешную стратегию лечения. Неосознаваемые переживания, связанные с рождением, образуют матрицы сложных эмоций и телесных ощущений, которые образуют потенциальный источник для различных форм психопатологии. Чтобы не остаться вечным просителем у врат града сознания, необходимо сделать усилие для того, чтобы вспомнить себя. По сути дела вся стратегия вхождения в мир Грофа основана на сверхусилии, особого рода воспоминании о том, что с нами было и понимании того, кто мы есть сейчас.

5. Холотропная стратегия в психотерапии основывается на данных изучения необычных состояний сознания и представляет собой важную альтернативу психотерапевтическим методам различных школ глубинной психологии, которые подчеркивают вербальную коммуникацию между терапевтом и клиентом и эмпирической психотерапией, проводимой в обычных состояниях сознания. Главная цель холотропной терапии состоит в том, чтобы активировать бессознательное, освободить энергию, содержащуюся в эмоциональных и психосоматических симптомах и трансформировать эти симптомы в поток переживания. Роль терапевта, или фасилитатора, в холотропной терапии состоит в том, чтобы поддерживать процесс переживания с полной верой в него и без попыток управлять им или изменять его.

6. Множество состояний, диагностируемых сегодня как психозы и лечимых медикаментозными средствами, являются в действительности кризисами духовного роста и психодуховной трансформации. Если правильно понять их смысл и поддерживать его раскрытие, то они могут развиваться в процесс эмоционального и психосоматического исцеления, личностного роста и развития.

7. По Грофу, травма рождения, смерть и рождение, мистерия смерти, являются прототипом (или фундаментальной психологической структурой), которая активизируется всякий раз, когда мы сталкиваемся с ситуацией угрозы жизни или проходим любые другие экстремальные переживания. Эта структура активизируется в нас каждый раз, когда мы делаем некое сверхусилие к тому, что называют ростом, индивидуацией, раскрытием, творчеством. Пройдя через перинатальный опыт, мы подключаемся к гигантским полям переживаний, которые не случались с нами конкретно как с отдельными существами, но происходили с нами, как с принадлежащими к роду Человек, роду Живых, к роду существ, населяющих эту планету, в которых в свернутом виде содержится вся история живого и неживого

8. Понимание природы реальности, вытекающее из изучения холотропных состояний находится в резком конфликте с воззрениями материалистической науки. Грофовская реальность есть “Космическая Игра” Абсолютного сознания, подобного абсолютному принципу великих мистических традиций мира.

9. Выживание человечества и решение им глобальных проблем в значительной степени связано с его освоением опыта холотропных состояний

Основанная на богатейшем клиническом опыте (столь масштабном, что по мнению критиков, трудно предположить, что кто-то еще может иметь сравнимый опыт, для адекватного критического сопоставления) Грофовская картография сформулировала правила вхождения в холотропный мир, и условия переживания чего-то, что адекватно моменту рождения, в смысле наполненности энергией, символикой и богатству возможностей переживания. Условия интенсивности подключения к виртуальному сверхполю человеческого знания. По Грофу, наша психика устроена так, что входя в разные состояния, которые являются своего рода стоянками, устойчивыми местами в топологии развивающегося сознания, мы можем передвигаться в них без усилий и комфортно. Каждое такое состояние связано с раскрывающимися в нем виденьем и знанием.

Находящийся за пределами слов и мышления холотропный мир для нас в каком-то смысле нем, бессловесен, синкретичен. Стратегия вхождения в этот мир - воздержание от злоупотребления вербального языка. Стремление к целостности, к счастью присуще каждому из нас. При энергизации нашей психики, когда взбадриваются наши латентные состояния, происходит автоматическое восстановление целостной коммуникативной ткани нашего сознания, как сознания Божественного. Когда мы учимся держать эту энергию, не будучи вовлеченными в привычные эмоциональные конфликты, провокации, недомогания и т.д., тогда перед нами раскрывается ларец перинатального опыта, выводящий нас за пределы личной истории к универсальному сознанию. Этот уровень энергии отрезан от нашего повседневного опыта вместе с соответствующими воспоминаниями. Но если мы становимся способны выдерживать эту энергию, то становимся способны и жить на большей энергии, и в большей целостности.

В соответствии с Грофовской “экономикой сознания” для того, чтобы быть более целостным, свободным и счастливым требуется меньше напряжений, это состояние более естественно для каждого человека и оно не требует для своего продолжения тех сил, того напряжения, которые требуются для поддержания нашего обычного существования. Величайшая ирония, величайший парадокс человеческой природы заключается в том, что для того чтобы быть несчастным, замкнутым, нецелостным нам приходится постоянно затрачивать гигантские неосознаваемые усилия. По сути дела эти усилия и составляют жизнь и организацию того, что является человеческим бессознательным. Как только мы перестаем подпитывать свои травмы, настаивать

на перцептивных структурах нашего опыта, мы восстанавливаем целостную коммуникативную ткань сознания и одновременно начинаем жить более расслаблено, спокойно и свободно.

ЛИТЕРАТУРА

- **Станислав Гроф. "За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии". М., 1994.**
- **Станислав Гроф. "Области бессознательного: данные исследований ЛСД". М., 1994.**
- **Станислав Гроф. "Путешествие в поисках себя: измерения сознания и новые перспективы психотерапии и внутреннего исследования". М., 1995.**
- **Фритьоф Капра. "Уроки мудрости: разговоры с замечательными людьми". М., 1996.**
- **Станислав Гроф и Джоан Хэлифакс. "Человек перед лицом смерти". М., 1996.**
- **Станислав Гроф "Холотропное сознание". М., 1996.**
- **"Пути за пределы "эго": трансперсональная перспектива". Под ред. Роджера Уолша и Френсис Воон. М., 1996.**
- **Станислав Гроф. "Космическая игра: исследование рубежей сознания". М., 1997.**
- **S. Grof. LSD Psychotherapy. Hunter House, Pomona, California, 1980.**
- **S. Grof, C. Grof. Beyond Death: Gates of Consciousness. Thames & Hudson, London, 1980.**
- **S. Grof (ed.). Ancient Wisdom and Modern Science. State University New York (SUNY) Press, 1984.**
- **S. Grof (ed.). Human Survival and Consciousness Evolution. State University New York (SUNY) Press, 1988.**
- **S. Grof, C. Grof (ed.) Spiritual Emergency: When Personal Transformation Becomes a Crisis. J. P. Tarcher, Los Angeles, 1989.**
- **S. Grof. Books of the Dead: Manuals for Living and Dying. Thames and Hudson, 1994.**
- **S. Grof. Transpersonal Vision. Sound True publ. 1998.**

В.В. Майков

Инфантильный прообраз в описании З. Фрейда и С. Гроф

[Оценить этот текст](#)

О.С. Борисов

Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. Материалы научной конференции. Серия “Symposium”, выпуск 7. СПб.: СПб.: [Санкт-Петербургское философское общество](#), 2001.

В своей концепции осевого времени К. Ясперс говорит о самом резком повороте в истории, знаменующимся появлением человека нового типа. Это новое, возникшее в течении нескольких столетий в Китае, Индии и на Западе (Конфуций, Лао-цзы, Будда, Заратустра, Илия, Исая, Иеремия, Второисайя, Платон) почти одновременно и независимо друг от друга, предстает в том, что человек осознает бытие в

целом, самого себя и свои границы,
сознание начинает осознавать сознание,
мышление делает своим объектом
мышление и это происходит
посредством рефлексии: «Перед ним
открывается ужас мира и собственная
беспомощность. Стоя над пропастью, он
ставит радикальные вопросы, требует
освобождения и спасения. Осознавая свои
границы, он ставит перед собой высшие
цели, познает абсолютность в глубинах
самосознания и в ясности
трансцендентного мира» [1] — и тогда
мифологической эпохе приходит конец.
Миф уже не выражает сокровенного
исконного содержания и превращается в
символ. В знак, которым рационализм
может манипулировать в целях
построения логической картины мира.
Однако, нельзя забывать, что для
первобытного мышления,
мифологический бог был конкретен: жив,
действенен, всемогущ. Это для нового
сознания он — только алгоритм
первобытного мышления, как впрочем, и
современного тоже, в научном подходе к
мифологии и религии. Но для конкретного
мифологического сознания бог еще более
реален, чем «секуляризированный»
монотеистический бог современного,
поэтому мы должны называть
религиозным это конкретное сознание, и
может быть, даже в первую очередь,
поскольку «доисторическое становление
человека — формирование человека как
вида со всеми его привычными
склонностями и свойствами, со всей
присущей ему сферой
бессознательного — составляет
фундамент нашего человеческого
бытия» [2]. К. Юнг говорит: «В то

время как мифические построения выглядят не более, чем схемы и реликты давно ушедшей и ставшей чуждою жизни, религиозное высказывание выступает как непосредственное переживание божественного начала. Оно есть живая мифология. [...] Так называемое религиозное высказывание — это то, что все еще наделяется божественностью, т.е. качеством, которое мир уже в значительной степени утратил» [3].

Первые попытки рассмотреть религиозное высказывание принадлежат Ф. Шлейермахеру. Сущность его коренится в непосредственном чувстве «бесконечного и вечного». Мышление и действие, протекающие из этого чувства получают статус действительной религиозности, которая представляет из себя эмоциональное знание, несоизмеримое с рациональным познанием по существу. «Конечное» предстает как «бесконечное» в своих границах. Вот суть религиозной карты восприятия, активированного стремлением восстановить посредством анамнезиса изначальные партиципации и сродство: «стремление вернуться в целое и стремление к самостоятельной жизни — то и другое одновременно [...] Вы становитесь сознанием и целое становится предметом, и это взаимное слияние и единение сознания и предмета, пока еще то и другое не вернулось на свое место, пока предмет еще не оторвался от сознания и не стал объективным представлением, и вы сами не оторвались от сознания и не стали чувством» — это есть предшествующее усвояемое

состояние до начала со-знания, момент который «почти не находится во времени» [4].

З. Фрейд, считая религию общечеловеческим навязчивым неврозом, который, подобно соответствующему детскому неврозу, коренится в Эдиповом комплексе, в амбивалентном отношении к отцу, прогнозирует отход от религии, который совершится «с фатальной неумолимостью процесса роста» [5]. Так или иначе, З. Фрейд осуществляет «основательную ревизию отношений между религией и культурой» [6]. При чем последняя рассматривается рационалистически: как защита от чувства страха перед подавляющей сверхмощью природы, преодолеваемого рациональным освоением и осмыслением, тогда как религия предстает в форме синдрома навязчивости, который, по сути, отражает функционирование сознания постоянно устремленного к своему «началу», остановленного в «росте», ищущего в праистории своей «вины», разрешение которой оно видит не во внешнем («ритуальном», символическом) избавлении от ее причины, такой шаг был уже совершен в первоубийстве, а в искуплении, не имеющим (или имеющим) внешне оформленное событие, в беспредметном (или предметном) пере-живании искупительной жертвы, самим наличием его присутствия останавливающим историю, осуществляя «конец истории». Если первобытно мысля, человек совершал ритуальное убийство, то современно — в большей степени символическое, тем более, что культура

предлагает огромный выбор символов-заместителей. Отсюда понятно, что религия ищет себя в «конце истории» на уровне эмоционального знания, во «вчувствовании» в иную реальность (психологическую?), культура видит свое предназначение в продолжении истории на почве рациональности, в дальнейшем отпадении от аффективной сферы, в «обесчувствлении» [7]. Разве ни есть демократия отвлеченная «братская любовь», а экуменическое движение, с позиции некоторых православных деятелей, — синкретическое собрание «церквей», географическая вселенная, а не единая вселенская Церковь — «тело Христово»? [8] Разве понятие соборности «конкретного идеализма» лежит в контексте рациональности, рационального знания? («Тот, кто, после того как найдена истина, продолжает искать чего-то, тот идет лжи» — из Деяний VII Вселенского Собора). Так, З. Фрейд, проповедуя примат интеллекта, видит пути будущего человечества в радикальном отказе от влечений с помощью рациональности, то есть «культивируя» влечения, забывая при этом, что культура как «вторая природа» сама является носителем и инкубатором влечений, тогда как религия стремится преобразовать и последние. Ее смысл заключается ни в замещении одних влечений другими, ни в рационально обоснованном преимуществе продуктивности одних влечений над другими, ни в радикальном отказе от влечений, а, видимо, в непосредственной переработке и трансформации в переживании последних, дающее непосредственное эмоциональное знание,

скорее, конкретной любви к «ближнему» как сродству с ним и со-причастию, где целое представляется непосредственно органическим целым и убийство предстает как «самоубийство», а самоубийство как «убийство всего», чем рациональное знание абстрактной любви к «дальному». Такое «опытное» разрешение конфликта есть чисто религиозная установка в восприятии.

Но основное исходное событие, по понятию З. Фрейда, которое формирует религиозные представления — это первоубийство отца. Причем остается неясным: чувство вины, ужас содеянного и страх являются реакцией на это событие, которое теперь становится основанием различения смерти в осознании своей отрешенности и беспомощности, — или само различение смерти, осознание ее наличности, как некой данности, воспринятое как раз-рыв сродства, приводит к отрешенности и просит защиты, поскольку первое движение сознания, вкусившего плоды от древа познания — «прочь от истинного Бога» (Ф. Шеллинг). Если последнее — различение смерти, а через это — осознание утраты сродства и стремление к его восстановлению путем возвращения «к истокам», то корень представлений надо искать еще глубже. Тогда олицетворение сил природы имеет своим инфантильным прообразом не установленный З. Фрейдом интроецированный образ переживаний, связанных с амбивалентным отношением к отцу, а более ранние и более глубокие внутриутробные переживания неразличенного блаженства как феномен

изначального состояния сродства, повсюду характерные для продуцирования любых религиозных представлений «начала», так и связанные с ними перинатальные переживания, сначала — антагонизма с матерью, потом — синергизма, и в конце — прекращения симбиотического союза и формирования нового типа отношений, переживания, представленные С. Грофом базовыми перинатальными матрицами. Если так, то «осознание» (здесь мы имеем в виду «пассивную апперцепцию ценности», характерную для чувства-интуиции, К. Юнга) утраты сродства и связанное с этим «осознание» одиночества и смерти (обрезание пуповины и связанная с этим символика и обряды как реакция на восстановление сродства) имеет своим истоком праэмоцию, в момент, который в дальнейшем предстанет как вычлененное и отвлеченное Я. Эта праэмоция есть чувство любви, осознаваемое как утраченная любовь, а не агрессии, как у З. Фрейда. Но апперцепция смерти сопровождалась, бесспорно, и апперцепцией воскресения, поскольку таинство рождения распадается здесь на два момента: утрата одного пространства, симбиотического союза (воспринятого как одно в другом) и обретение другого пространства (одно после другого), переход от симбиотического союза к новому типу отношений, умирание в одном пространстве и воскрешение в другом. Таким образом, в религиозном сознании происходит интроекция любви, распространение ее на другое пространство, в воплощении ритуала

и/как метафоры. И если «фиксация» на различении одиночества и смерти стимулирует рациональность и провоцирует социо-культурные связи как реакцию на чувство страха, то проекция воскрешения, замыкая круг, возвращает утраченное первоединство-любви в то пространство, в котором, казалось, должен царствовать холодный расчет. И если в качестве аргумента «против» можно привести то обстоятельство, что силам природы характерна борьба за существование и они проявляют себя в форме агрессии, то на это будет существовать возражение: что природа сама по себе как «предустановленная» гармония не имеет различений, различение осуществляется на уровне конкретного сознания, причем в контексте утраты способности различать: и первое, что «осознается» сознанием — это собственные внутриутробные переживания блаженного брожения сил (плероматическая фаза жизни [9]) как первая фигура, которая осознается как таковая только в новой фигуре, (сознание — «это новая фигура, которая может обнаружить поздним числом смысл предшествующих фигур» — П. Рикер [10]) — в первых антагонистических отношениях в организме матери (схватки). При этом необходимо помнить, что целостность и «первоначальное совершенство может быть «обозначено» или описано лишь символически; его сущность не поддается никакому другому описанию кроме мифического, потому что то, что описывает — Эго, и то, что описывается — начало, предшествующее

любому Эго, оказываются несоизмеримыми величинами, как только Эго пытается охватить свой предмет концептуально, как сущность сознательного» [11]. Вообще, символика смерти в одном пространстве для возрождения в другом является конституирующей и концептуальной на всех уровнях и этапах развития сознания, и она имеет свой инфантильный прообраз — материнское лоно. Желание остаться в бессознательном под влиянием сил закона тяготения и по инерции психики, медленное погружение и фиксация в нем, является фундаментальной человеческой чертой, но существует противодействующая сила — желание стать сознательным, выйти из бессознательного лона. Одну из тенденций, видимо, необходимо интерпретировать как религиозную, если рассматривать ее как постоянное возвращение к «началу», правда, и вторая тенденция имеет место в религиозном сознании, когда «желание стать сознательным» не уходит в чистую рациональность, а осваивает свое «осознанное» бытие, как присутствие, на эмоциональном фундаменте, в абстрактном чувстве, т.е. наиболее адекватно будет выразить себя в символе и метафоре как религиозное высказывание (*metaphora*: «[чтобы] хорошо переносить [значения, нужно уметь] подмечать сходное [в предметах]» — Аристотель), пролонгирующее вечную тайну любви и смерти.

Примечания

[1] Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М.: «Республика». 1994. — С. 33.

[2] Там же. — С. 56.

[3] Юнг К. *Бог и бессознательное*. М.: «Олимп». 1998. — С. 17.

[4] Шлейермахер Ф. *Речи о религии. Монологи*. СПб.: «Алетейя». 1994 С. 80 — 81.

[5] Фрейд З. *Будущее одной иллюзии // Сумерки богов*. М.: Политиздат. 1990. С. 131.

[6] Там же. С. 127.

[7] Шкловский И.С. *Вселенная, жизнь, разум*. М.: «Наука». 1987. С. 279.

[8] См.: Архим. Серафим (Алексиев), Архим. Сергей (Язаджиев). *Почему православному христианину нельзя быть экуменистом*. СПб., 1992.

[9] Нойманн Э. *Происхождение и развитие сознания*. М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер». 1998. С. 31.

[10] Рикер П. *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. М.: «Медиум». 1995. С. 174

[11] Нойман Э. Происхождение и развитие сознания. С. 23.

Станислав Гроф, Джоан Хэлифакс.

Stanislav Grof, Joan Halifax "THE HUMAN ENCOUNTER WITH DEATH"
E.P. DUTTON NEW YORK, 1978
Перевод с английского: Александр Неклесс
Издательство Трансперсонального Института, М.; AlrLand, Киев, 1996
OCR: mLife

Редактор серии Владимир Майков
Перевод с английского Александра Неклесса
Научная редакция к. ф. н. Владимира Майкова

Эксклюзивное право издания книги на русском языке принадлежит Трансперсональному Институту. Все права защищены.

Любая перепечатка без разрешения издателя является нарушением авторских прав и преследуется по закону.

Г89 Гроф С., Хэлифакс Дж. Человек перед лицом смерти.—
Пер. с англ. А. И. Неклесса—М.: Изд-во Трансперсонального Института,
1996. - 246с.

Изучение смерти имеет ключевое значение для осознания психических процессов. Без близкого знакомства с переживанием смерти и процессом смерти-возрождения невозможно понять религию, мистику, шаманизм, мифологию.

Согласно различным мистическим школам, люди, пережившие смерть или смертельную опасность и возвратившиеся к жизни, называются дважды рожденными. Соприкосновение со смертью изменяет отношение к ней независимо от того, является ли данное соприкосновение чисто символическим или же происходит в действительности, например, в результате несчастных случаев либо в ходе событий, приводящих к реальной клинической смерти.

0303020000-003 Г ---без объявл. ISBN 5 - 88389 -009-1
98B (03)-96-1977 by Stanislav Grof and Joan Halifax - Трансперсональный
Институт, 1996

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие д-ра медицины Элизабет Кюблер-Росс</i>	6
Введение	9
1. Изменчивый лик смерти.....	14
2. История психоделической терапии умирающих.....	26
3. Программа исследований «Спринг Гроув».....	39
4. Параметры сознания: картография человеческой психики	54
5. Человек перед лицом смерти: психоделические биографии.....	80
6. Психоделические метаморфозы процесса смерти.....	122
7. Сознание и порог смерти.....	147
8. Посмертный путь души: миф и наука.....	174
9. Смерть и возрождение при ритуальной трансформации	207
Диалектика жизни и смерти	222
Библиография	240

ПРЕДИСЛОВИЕ

-

Книга «Человек перед лицом смерти» -- новейшая из многочисленных недавних публикаций в области танатологии, переживающей сейчас расцвет. Данная работа, однако, существенно отличается от остальных, -- ей обеспечено место в библиотеке каждого, кто серьезно пытается разобраться в сущности феномена, называемого «смертью».

Эту книгу должны прочитать как все, интересующиеся психосоматической медициной и ее взаимосвязями, так и занимающиеся вопросами клинического использования психоделического опыта. С точки зрения содержания, работа подобна ящику Пандоры. Здесь же вы найдете и добротный исторический обзор проблемы. Автор книги, ныне ставший известным и талантливым писателем, одновременно является блестяще эрудированным исследователем. Он фактически совершит с вами волнующее путешествие, в котором произойдет встреча с египетской «Книгой мертвых»;

вы узнаете о переживаниях людей, принимавших ЛСД, и о возможном применении этого опыта; о чувствах, испытываемых утопающими и другими жертвами несчастных случаев, которые были близки к смерти. Все это сопровождается изложением многочисленных и отличающихся друг от друга точек зрения, а также теоретических интерпретаций субъективных переживаний процесса умирания. Появление подобной книги уже давно ожидалось в нашем обществе, ориентированном на потребление наркотиков и иных сильнодействующих препаратов.

Как заявляет С. Гроф переживания умирающих крайне разнообразны. Их диапазон очень широк: от абстрактных до эстетических, от вторичного проигрывания травматических и положительных детских воспоминаний и происшествий, связанных со

смертью и возрождением, до глубоких изначальных (архетипических) и трансцендентальных форм сознания.

Данное исследование отнюдь не является обзором случаев столкновения человека со смертью, -- обычным переживаниям умирающих посвящена лишь незначительная его часть. Оно почти полностью написано человеком, чей истинный вклад в науку—это осознание роли галлюциногенов и измененных состояний психики вкупе с более ясным представлением об их пользе и путях применения, а также выработка особого подхода к переходному периоду, называемому смертью. Автор изучает феномен боли и его изменение под влиянием ЛСД; его интересует трансформация психики у несостоявшихся самоубийц после прыжка с моста «Золотые ворота»*; он исследует изменение шкалы ценностей у индивидов, побывавших «по ту сторону» -- либо посредством применения наркотиков, либо в результате спонтанного космического переживания, либо вследствие тесного соприкосновения со смертью.

Интересно отметить, что из 35540 случаев «посмертного опыта»,

исследованных Карлисом Осисом, лишь десять процентов умирающих были в сознании в последний перед наступлением смерти час. Я придерживаюсь мнения, что устоявшаяся практика «напичкивания» пациента лекарствами в предсмертные часы является плохой услугой и ему, и его семье. Больные, не подвергавшиеся в это время массажному воздействию различных препаратов, перед наступлением момента ухода смогли испытать благословенное состояние, вследствие которого обрели некое знание (а не просто веру) о присутствии кого-то, ожидающего и любящего;

о существовании здесь (а не только где-то) мира и покоя; о благостности и цельности—состояния, полностью преодолевающего страх смерти.

Видение, где преобладает внечеловеческое содержание, также типично, поскольку представляет внутреннюю фазу расставания пациента с земными межличностными отношениями, что в свою очередь предшествует контакту с «направляющей рукой», которая всем оказывает помощь при переходе с этого плана существования на следующий.

- Знаменитый высотный мост в Сан-Франциско.—Прим. перев.

Тех, кто потерял любимого человека в результате самоубийства, могут утешить сведения о том, что люди, именно так соприкоснувшиеся со смертью, не были впоследствии измучены чувством вины или стыда, которые мы склонны им приписывать, -- скорее, у них появилась новая надежда и цель пребывания в жизни.

Книга Грофа и Хэлифакс «Человек перед лицом смерти» вместе с первым в данной области исследованием К. Осиса, а также опубликованными и готовящимися к печати работами Раймонда А. Моуди, поможет многим скептикам произвести переоценку своей позиции, поднять новые вопросы вместо того, чтобы просто отвергать исследования жизни после физической смерти. Им следует спросить себя: почему столь ничтожны различия в переживаниях этих людей и почему постоянно повторяются определенные темы и мотивы в культурах и религиях самых разных стран и эпох.

ВВЕДЕНИЕ

Авторам хотелось бы выразить благодарность и признательность всем коллегам и друзьям из Мэрилендского центра психиатрических исследований в Кэтонвиле, которые внесли свой вклад в осуществлявшуюся в клинике «Спринг Гроув» программу изучения психоделической терапии смертельно больных пациентов, страдающих раковыми заболеваниями. Результаты этих исследовательских усилий стали самым важным импульсом для начала комплексного анализа опыта умирания, составившего данную книгу.

Энтузиазм, энергия и поддержка д-ра медицины и философии Уолтера Панке сыграли ключевую роль в организации программ психотерапии с применением ЛСД и ДПТ у пациентов, страдающих раковыми заболеваниями. Медицинская,

психологическая и религиоведческая квалификация и выдающиеся личные качества У. Панке сделали его идеальным руководителем программы исследований психоделической терапии умирающих. Сам Уолтер трагически погиб в июле 1971 года, не увидев завершения собственных проектов.

Нам хотелось бы специально упомянуть, д-ра философии Уильяма Ричардса, внесшего вклад в исследование ЛСД и ДПТ в качестве врача и концептуалиста. На различных стадиях работы по данному проекту принимали участие штатные сотрудники Мэрилендского центра в качестве врачей-специалистов по психоделической практике. Пользуемся случаем поблагодарить д-ров философии Сэнфорда Унгера и Сиднея Вольфа, д-ров медицины Томаса Чимонетти и Франко Дилео, а также д-ров философии Джона Рида, Джона Лобелла и Локвуда Раша. Последний совместно с д-ром философии Ричардом Йенсенем и Марком Шифманом отвечал за информационную часть проекта, в результате чего большая

часть историй болезни, описанных в этой книге, сохранена в форме видеозаписей. Другой член исследовательской группы, Элен Бонни, способствовала работе своим редким сочетанием достоинств музыкального консультанта, помощника врача и сотрудника в научной работе. Кроме того, мы хотели бы выразить признательность Ненси Джюел, Илей Ричарде и Карин Лейхи за их чуткое и преданное участие в исследовании в качестве медицинских сестер и помощников врачей. Все трое проявили исключительную заинтересованность, энергию и инициативу и с пониманием относились к необходимости выполнять дополнительные обязанности, вызванные необычным характером психоделической терапии раковых больных.

Особую благодарность мы приносим д-ру Альберту Керланду, директору Мэрилендского центра психиатрических исследований и заместителю директора по научной работе из Управления по профилактике психиатрических заболеваний штата Мэриленд. Несмотря на то, что ответственные посты и сложные административные обязанности не позволили ему принять непосредственное участие в клинической работе над проектом, его помощь как координатора, попечителя и советчика играла решающую роль. Хотелось бы упомянуть и д-ра Чарльза Сэвиджа, заместителя директора Мэрилендского центра психиатрических исследований, в течение ряда лет оказывавшего проекту неоценимую поддержку.

Невозможно представить экспериментальную часть психоделической терапии без редкого понимания и сотрудничества со стороны д-ра Луиса Гудмана, хирурга-ординатора и главы онкологической клиники при Синайской больнице. Заслуживают признательности и некоторые другие члены медицинского персонала больницы за проявленные ими интерес, поддержку и содействие в этой неисследованной и в высшей степени деликатной сфере. Среди них мы особенно благодарны д-рам Адольфу Ульфону и Даниэлю Бейкалу*.

-
- Здесь представляется уместным сделать одно необходимое уточнение: результаты исследований, проведенных в клинике «Спринг Гроув», были описаны в ряде докладов, зачитанных на медицинских собраниях и опубликованных в научных журналах. Они включены в библиографию книги. Те из перечисленных выше ученых, кто является соавторами этих статей, несут ответственность лишь за информацию и выводы, сделанные в них. Меж-

Специального упоминания заслуживают организации, предоставившие необходимые средства, для исследовательских мероприятий клиники «Сприг Гроув»: Управление по профилактике психиатрических заболеваний штата Мэриленд и национальные институты здоровья. Особо значимой была помощь Фонда Мэри Рейнольдс Бэбкок, чья финансовая поддержка в наиболее решающий момент позволила углубить исследования. Мы с благодарностью вспоминаем также административное и финансовое содействие организации «Друзья психиатрических исследований».

Мы находимся в долгу у многочисленных друзей и коллег, которые помогли изложить данные и наблюдения, полученные в ходе клинических исследований с более широкой междисциплинарной точки зрения. Среди них хотелось бы выделить вклад и благотворное влияние д-ров философии Маргарет Мид и Марии Катерины Бейтсон. В июле 1973 года они пригласили нас принять участие в задуманном и организованном ими симпозиуме на тему:

«Ритуал: динамическое равновесие». В ходе долгих и плодотворных дебатов с тринадцатью участниками симпозиума в течение девяти дней в Бюрг Вартенштейн (Австрия) родились некоторые из идей, выраженных в данной книге, другие же -- прояснились и обретали более четкую форму. Одновременно мы выражаем искреннюю благодарность Лите Осмондсен, президенту Фонда Вен-нер-Грен, финансировавшему австрийский симпозиум, за предоставленную возможность провести этот уникальный междисциплинарный обмен мнениями, а также за ее удивительное гостеприимство.

Наши теоретические взгляды в области проблем смерти и умирания подверглись сильному влиянию работ д-ра Руссела Ной-еса, профессора психиатрии Университета штата Айова, привлечшему наше внимание к феномену околосмертного опыта и субъективных переживаний, сопутствующих состоянию клинической смерти. Бесценные сведения, предоставленные профессором Ной-есом, дали нам возможность прийти к заключению, что внутренняя картография, разработанная в исследованиях, проводимых с

дисциплинарные экскурсии, предпринятые в книге, выходят далеко за рамки упомянутых статей, содержащих результаты клинических исследований. За мнения и предположения, высказанные в данной работе, несем ответственность только мы.—
Прим. авт.

помощью ЛСД, применима к данной области. Это явилось важным шагом в развитии углубленного понимания универсального и центрального положения опыта смерти. Д-р Давид Роузен из Ленглипортерского психоневрологического института в Сан-Франциско предоставил нам возможность задолго до публикации ознакомиться с данными обследования лиц, пытавшихся покончить с собой и выживших после прыжка с моста «Золотые ворота». Мы выражаем нашу благодарность обоим только что названным исследователям.

Следует особо сказать еще об одном человеке. После знакомства несколько лет назад с Джозефом Кэмпбеллом каждый новый контакт с ним являет редкое сочетание интеллектуального наслаждения, прославления искусства и духовного события с ощущением радости от встречи. Нельзя переоценить его влияние на нас, как наставника и близкого друга. Щедро делаясь своими энциклопедическими познаниями и глубокой житейской мудростью, он обратил наше внимание на значение мифологии для серьезного понимания человеческой жизни и смерти.

Мы оба благодарны Эсаленскому институту в Биг-Суре, штат Калифорния, за предоставление идеальных условий для развития наших концепций и для продолжения работы над рядом книг. В его стенах нам удалось создать экспериментальную образовательную программу для специалистов, действующую и поныне. Интенсивные межличностные взаимоотношения с приглашенными преподавателями и участниками данных неординарных мероприятий явились богатым источником идей и профессионального вдохновения. Приносим глубочайшую благодарность Майклу Мерфи, Ричарду Прайсу, Жанет Ледерман, Эндрю Гагарину, Джулиану Силвэрману и всем нашим друзьям в Эсаленском институте. Особо упомянем Рика Тарнаса, оказавшего нам неоценимую помощь на разных стадиях написания и редактирования рукописи.

Все, внесшие самый существенный вклад в данную работу, не могут быть названы поименно. Мы находимся перед ними в неоплатном долгу и вспоминаем их с величайшей благодарностью. С нами поделились опытом и знаниями, обретенными во время путешествий во внутренние пространства, многие сотни людей (страдавшие психическими расстройствами и принимавшие ЛСД), которые в ходе психоделических сеансов исследовали царство смерти в некоем модифицированном варианте обряда перехода в другой мир. Наиболее важные сведения мы получили от людей, больных раком и стоявших перед неизбежностью биологической смерти. Людей, для которых символическая встреча со смертью во время психоделических сеансов явилась непосредственной подготовкой к последнему путешествию. Их вклад в книгу неоценим. Если бы не великодушное участие их и их семей, она просто не могла бы быть написана.

Эсаленский институт,
Биг-Сур, штат Калифорния,
октябрь 1976 года.

1. ИЗМЕНЧИВЫЙ ЛИК СМЕРТИ

Смерть—одно из тех немногочисленных переживаний, через которые рано или поздно проходит каждый живущий. Ее наступление неотвратимо. Однако сущность смерти окутана глубокой тайной. С незапамятных времен сам ее факт стимулировал фантазию человека, предопределив удивительную пестроту выражения в религиях, искусстве, мифологии, философии и фольклоре. Многие выдающиеся

памятники архитектуры, рассеянные по миру, были вдохновлены тайной смерти. Это монументальные пирамиды и сфинксы Египта, его великолепные гробницы и некрополи; мавзолей в Геликарнасе*, пирамиды и храмы ацтеков, ольмеков и майя в доколумбовой Америке; знаменитые гробницы великих Моголов, вроде Тадж Махала и монумента Великого Акбара. По данным новейших исследований, даже легендарный минойский дворец на Крите был не королевской резиденцией, а скорее всего, гигантским некрополем**.

-
- Мавзолей в Галикарнасе был гробницей Мавсола Карни, правившего провинцией Персидской империи и скончавшегося в 353 году до н.э. Здание было воздвигнуто группой скульпторов по заказу его преданной сестры и вдовы Артемисии и стало одним из семи чудес древнего мира благодаря необычной форме, пышности и изысканности отделки. Мавзолей состоял из 36 колонн, покоившихся на высоком цоколе и поддерживавших мраморную пирамиду, увенчанную квадригой.

**Согласно д-ру Гансу Георгу Вундерлиху, профессору геологии и палеонтологии из Штутгарта, дворец царя Миноса в Кноссе являлся не жильем, а некрополем, в котором могущественная секта практиковала изощренные погребальные обряды, где приносились жертвы и проводились ритуальные игрища. Вундерлих подробно излагает свою вызывающе смелую теорию в книге, озаглавленной «Тайна Крита».

Неясная природа смерти открывает широкий простор для индивидуального и коллективного воображения. Взять, к примеру, лишь некоторые из образов, существующих в западной культуре:

смерть представляется «старухой с косой», «неумолимым пожирателем», «ужасным всадником», «бессмысленной машиной», «неумолимым мстителем», «наглым обманщиком», «пылким возлюбленным», «сладкой утешительницей», «великим уравниателем». Эмоции, вызванные данными образами, охватывают широкий диапазон чувств: от глубокого ужаса до экзальтации и экстаза.

Различные концепции смерти и связанные с ними верования оказывают глубокое воздействие не только на душевное состояние умирающих, но и на те особые условия, при которых они покидают этот мир, а также на поведение остающихся. В результате процесс умирания и сама смерть могут быть по-разному поняты и пережиты. С этой точки зрения значительный интерес представляет сравнение положения умирающего современной западной цивилизации с аналогичным состоянием индивидов древних культур или в странах, находящихся на доиндустриальной стадии развития.

В большинстве незападных культур существуют религиозные и философские системы, космологии, ритуальные обычаи, а также определенные принципы социальной организации, помогающие своим членам принять и испытать смерть. Здесь она обычно не воспринимается, как абсолютное уничтожение. Напротив, существует убеждение, что сознание или жизнь в той или иной форме продолжают существовать и после физической кончины. Какие бы особые концепции посмертного существования не превалировали в различных культурах, смерть обычно рассматривается как переход или преображение, а не окончательное уничтожение личности. Мифологические системы обладают не только детально разработанными описаниями различных сфер потусторонней жизни, но часто имеют

также сложную картографию, помогающую душам в трудных путешествиях после смерти.

Сила веры в существование посмертного пути нашла отражение в разнообразии погребальных обрядов. Большинство ученых, изучавших обычаи, связанные со смертью, подчеркивают, что общей чертой таких ритуалов является изначальная двусмысленность отношения живых к мертвым и вера в загробную жизнь. Многие аспекты обрядов представляют собой попытку облегчить и ускорить процесс перехода умерших в мир духов. Однако почти

столь же часто можно встретить и противоположную тенденцию, а именно: церемониальное установление связи между живыми и мертвыми с целью обеспечить свою безопасность и получить покровительство. Определенные стороны многих ритуалов, исполняемых после смерти человека, могут быть одновременно интерпретированы и как помогающие мертвым в их посмертных путешествиях, и как мешающие им вернуться.

Особая разновидность веры в продолжение существования после смерти— концепция реинкарнации. Помимо принципа вне-телесного посмертного существования индивида, в ней признается возможность возвращения к материальному возрождению в известном нам мире феноменов в иной форме. Вера в реинкарнацию существует в таких разнотипных культурных и религиозных структурах, как философии и религии Индии, космологические системы различных племен индейцев Северной Америки, философия Платона и неоплатонизм, орфический культ и другие мистические религии Древней Греции, а также раннее христианство*. В индуизме, буддизме и джайнизме эта вера объединена с законом кармы, согласно которому качество личной инкарнации определяется заслугами и грехами данного лица, имевшими место в предыдущем рождении.

Нетрудно понять, что твердая убежденность в существовании сознания или даже допущение подобной возможности способны изменить отношение к старости, взгляд на смерть и само переживание кончины. Так условная оценка жизни и смерти может подвергнуться полному пересмотру и измениться на противоположную по отношению к доминирующим европейским концепциям. Тогда процесс умирания станет восприниматься как событие более важное, нежели жизнь. Это верно, к примеру, для некоторых философских или религиозных систем, включающих веру в реинкарнацию. В них период умирания может быть событием огромнейшего значения, так как позиция умирающего определяет качество всей будущей инкарнации, а сущность и ход следующего воплощения являются актуализацией способа смерти. В других системах жизнь воспринимается как состояние оставленности, как темница духа, а смерть есть воссоединение, освобождение или возвращение домой. Таким образом, для индуса смерть— пробуждение от мира иллюзии (майа) и возможность для индивидуальной души (дживы) реализовать и испытать свою божественную природу (Атман-Брахман). Согласно буддийским писаниям, страдание есть исконное свойство биологического существования; его внутренняя причина заключается в силе, являющейся источником самого процесса жизни. Цель духовного пути видится в уничтожении огня жизни и остановке колеса смертей и рождений.

• Поскольку принято считать, что вера в реинкарнацию несовместима с христианством и враждебна ему, нам представляется уместным тщательно рассмотреть приведенное выше утверждение. Концепция реинкарнации

существовала в христианстве, пока в 543 году она вместе с другими утверждениями высокообразованного отца церкви Оригена не подверглась резким нападкам со стороны византийского императора Юстиниана и не была окончательно осуждена Вторым Константинопольским собором в 553 году. Ориген, которого считают наиболее выдающимся из всех отцов церкви, за исключением Августина, недвусмысленно заявил в своей работе «О началах»:

«Душа не имеет ни начала, ни конца... Каждая душа является в сей мир, усиленная победами, либо ослабленная поражениями предшествующей жизни. Ее положение в мире подобно ладье, коей предначертан путь к чести или бесчестью, определено прошлым достоинствами и недостатками. Ее деятельность в этом мире определяет положение в мире грядущем».

В некоторых культурах умирание означает переход на ступень вверх в социальной или космологической иерархии, в мир предков, могучих духов или полубогов. В других -- это переход в благословенное существование в солнечных сферах либо в мирах богов. Чаше посмертный мир четко разделен на две области, включая в себя, наряду с небесами, преисподнюю и чистилище. Путь души после смерти к желанной цели чреват опасностями и испытаниями различного типа. Для его благополучного завершения необходимо знание картографии и законов иного мира. Поэтому многие из культур, в которых существует вера в загробный мир, выработали сложные и изощренные обряды, знакомящие человека с опытом смерти.

Во все времена в различных культурах существовали ритуалы, в ходе которых люди испытывали мощное переживание смерти в символической форме. Это соприкосновение со смертью—основная часть обрядов перехода в храмовых посвящениях, ми-стериальных религиях и секретных обществах, а также в разных экстатических религиях. Согласно описаниям исторических источников и антропологической литературы, подобные глубокие переживания смерти приводили не только к удручающему познанию временного характера биологического существования, но и к

озаряющему постижению трансцендентной и вечной духовной сущности человеческого сознания. Ритуалы такого рода выполняли две важные задачи: с одной стороны, провоцировали глубинный процесс трансформации в посвященном, который в итоге открывал новый способ постижения мира; с другой -- служили подготовкой к настоящей физической смерти.

Были даже созданы специальные руководства, объясняющие, как действовать при соприкосновении со смертью, рассматриваемой как на символическом уровне в русле духовной практики, так и на уровне физической гибели биологической оболочки. Лучшие известные образцы подобных пособий -- «Тибетская книга мертвых» (Бардо Тедоль), собрание погребальных текстов, определяемые как «Египетская книга мертвых» (Перт Эм Хру), и литературное произведение средневековой Европы, известное как «Искусство смерти» (Ars Moriendi) .

Антропологическая литература заполнена описаниями обрядов перехода, совершаемых в различных культурах во время столь важных событий, как рождение, совершеннолетие, свадьба, рождение ребенка, перемена в жизни, смерть. В ходе сложных ритуалов, исполняемых по таким случаям, люди учатся испытывать переходы с одной стадии жизни на другую, умирать для одной роли и рождаться, входя в другую. Во многих обрядах превращения, в которых используются галлюциногенные средства либо сильнодействующие методики без употребления наркотиков, посвящаемый переживает смерть и возрождение, сравнимые с практикой древних храмовых мистерий. Всякое соприкосновение с умиранием,

смертью и трансцендентностью, переживаемое в рамках этих ритуалов, может рассматриваться живущими, как серьезная психологическая и экспериментальная подготовка к решающему переходу в момент смерти.

Во многих дописьменных обществах гомогенная, замкнутая и в высшей степени сакральная природа общины является тем клубком взаимозависимостей, внутри которого умирающий обретает себя. В подобном обществе сознание клана, племени или царства превалирует над отчетливым «я» личности. Именно этот фактор и делает утрату индивидуальности, происходящую в момент кончины, менее болезненной по сравнению с протеканием аналогичного процесса в культурах, где сильна привязанность к «эго». Однако выпадение человека из системы социальных связей гомогенного общества может оказать серьезное воздействие и на живущих. Процесс умирания и смерть в условиях «общины» предполагает как

оказание коллективной поддержки умирающему, так и выражение горя и гнева со стороны провожающих его в последний путь. Ведь они теряют важного члена социальной группы, связанной изнутри таинственными путями.

Многие носители западной культуры считают, что этот подход к смерти чужд присущей им системе ценностей. Усложненные предписания ритуала, касающегося смерти, а также характерное для многих религий акцентирование понятия бренности существования свидетельствуют, с их точки зрения, о болезненной фиксации внимания на мрачной теме, что часто интерпретируется на Западе как выражение социальной психопатологии.

Изохренный европеец склонен рассматривать веру в посмертное существование и концепцию загробного странствия души как выражение примитивных страхов людей, лишенных преимуществ научного знания. В подобном контексте преобладание группового сознания над индивидуальным представляется признаком психологической незрелости. Однако более пристальное внимание к собственной культуре выявит наш сдвиг к другой крайности: полному отрицанию и пренебрежению всем, что относится к смерти. Не так уж много в жизни человека событий, имеющих столь огромное значение, как процесс умирания и смерть. Каждому приходится переживать кончину близких родственников и, наконец, столкнуться с фактом собственной бренности и биологической смертности. Учитывая естественность смерти, просто поразительно стремление человека избежать проблем и уклониться от вопросов, связанных с нею. Старение, смертельные болезни и умирание воспринимаются не как составные части процесса жизни, а как полное поражение и болезненное непонимание ограниченности наших возможностей управлять природой. С точки зрения присущей нам философии прагматизма, подчеркивающей значение достижений и успеха, умирающий является потерпевшим поражение. В нашей культуре люди только начинают осознавать, что есть нечто, постигаемое через контакты с престарелыми и умирающими.

Отношение современной медицины к последним определяется непреклонным стремлением всеми возможными средствами победить смерть и отсрочить ее наступление. В этой борьбе за механическое продление жизни любой ценой очень мало внимания обращается на то, каковы последние дни умирающего. Многие из

них окружают капельницы, кислородные подушки, электрические устройства для работы сердца, искусственные почки, приборы контроля за важнейшими функциями организма. Часто, пытаясь скрыть от пациента истинное положение дел, медицинский персонал и члены семьи разыгрывают сложные спектакли, отвлекающие от проблем, непосредственно связанных с ситуацией, обольщая

больного несбыточными надеждами. Все это еще больше усиливает чувство изоляции и отчаяния, испытываемые умирающими, многие из которых инстинктивно ощущают окружающую их ложь.

Религия, способная быть значительной поддержкой для умирающего, в значительной степени утратила смысл для среднего европейца. Прагматическая житейская ориентация и материалистическая внутренняя установка пришли на смену религиозному горению. За небольшим исключением, западные религии уже не играют существенной роли в жизни, низведены до уровня формализованных обрядов и утративших внутренний смысл церемоний.

Взгляд на мир, выработанный наукой, базирующейся на материалистической философии, усиливает тяжесть положения умирающего. Ведь, согласно такому подходу, за пределами материального мира ничего не существует. Воспринимать реальность могут лишь живые организмы с функционирующими органами чувств. Сознание же рассматривается как продукт деятельности мозга и, следовательно, полностью зависит от его целостности и нормальной работы. Физическое уничтожение тела и мозга есть необратимый конец человеческой жизни.

Сейчас наша социальная структура, равно как и философия, религия и медицина почти ничего не могут предложить для облегчения душевных мук умирающего. Поэтому многие, находясь в подобном положении, переживают глубокий и всеохватывающий кризис, затрагивающий одновременно биологические, эмоциональные, философские и духовные стороны жизни. Однако психиатры, психологи и лица смежных профессий, разработавшие системы вмешательства в случае возникновения кризиса в различных трудных жизненных положениях, как ни удивительно, до недавнего времени не называли эту область в числе остро нуждающихся в квалифицированной помощи. Поскольку многочисленные менее значимые ситуации воспринимались в прошлом, как требующие чрезвычайных мер, нам представляется важным рассмотреть некоторые причины, не дающие специалистам возможности безотлагательно осознать необходимость помощи человеку в серьезнейшем жизненном кризисе.

Одна из наиболее очевидных причин -- это в целом прагматический взгляд на жизнь, присущий нашему обществу, ориентированному на понятие «успеха». Соответственно, более разумно помогать тому, у кого есть шансы вернуться к продуктивной жизни, нежели тому, кто более не в состоянии вносить вклад в развитие общества и в ближайшем будущем физически перестанет существовать.

Работа с умирающими и их семьями крайне трудна. Она не только предъявляет высокие требования и сложна по самой своей сути, но и происходит в неблагоприятных условиях, пронизанных пессимизмом. Врач постоянно соприкасается с сильными и болезненными эмоциями, предопределенными обстоятельствами, в которых находится умирающий и его близкие. В рамках традиционного психотерапевтического подхода очень важно быть в состоянии предложить пациенту нечто конкретное с целью повлиять на его мотивации и показать ему возможность самому использовать свои ресурсы для достижения более удовлетворительного уровня существования.

Врач, работающий, в условиях западной культуры, практически ничего не может предложить в качестве позитивной альтернативы ни умирающему, ни остающимся. Эта область, по традиции, принадлежит церкви. Однако и она часто мало что может дать, кроме слов утешения, указаний на веру и обычных церемоний.

Важнейшая причина нежелания психотерапевтов и других лиц входить в отношения с умирающими -- их собственный подсознательный страх перед физическими страданиями, биологической брэнностью и смертностью. Личные отношения с индивидом, находящимся на пороге смерти, могут пробуждать собственную метафизическую тревогу, связанную с идеей биологической кончины.

Страх смерти, испытываемый людьми, обычно связывается с осознанием ими траектории жизни. В отличие от животных, человек знает о своей смертности, о том, что рано или поздно ему придется пережить прекращение биологического существования. Ниже в этой книге мы попытаемся показать, что подобный страх коренится еще глубже. Наблюдения, сделанные в ходе психоделических исследований, наряду со сведениями из истории, сравнительного религиоведения и антропологии, видимо, указывают на

то, что мы храним в подсознании функциональные матрицы, содержащие память о подлинном соприкосновении со смертью.

Активизация этих подсознательных структур с помощью психотропных средств или нелекарственных способов и методов приводит к яркому переживанию смерти, по своей интенсивности неотличимому от настоящего процесса умирания.

Поэтому люди обладают не только интеллектуальным знанием о своей смертности, но и подсознательным пониманием смертельных мук умирающих. Такое осознание смерти организмом находится практически на клеточном уровне и представляется главной причиной неестественного уклонения от связанных с нею проблем. В условиях полного отсутствия социальных, психологических, философских и духовных систем, обеспечивающих поддержку и могущих быть противопоставленными этому страху, последний становится важнейшим препятствием в работе с умирающими и основным сдерживающим фактором в деле оказания им эффективной помощи.

Наши средства массовой информации вместо того, чтобы использовать свой колоссальный образовательный потенциал для распространения полезной информации о смерти и умирании, способствуют распространению неверных представлений об этих явлениях. В заурядных фильмах смерть представлена как абсурдное событие или ситуация личного поражения. В сообщениях о жертвах в ходе военных действий, во время авиационных катастроф, ураганов, наводнений, землетрясений, засух и массовых эпидемий данные столь велики, что воспринять смерть на личностном уровне невозможно. Ее важность и психологические, философские и духовные взаимоотношения растворяются в бесстрастных цифрах. Картина смерти стала еще более абстрактной, когда зашла речь о возможности мгновенного и полного уничтожения человечества в ядерном пожаре. Особый личностный оттенок, присущий смерти, полностью затмевается апокалиптической природой, технологическим характером и массовым масштабом такого события.

Непонимание проблем, связанных с отношением к смерти, эмоциональные барьеры и даже сам характер социальных и медицинских учреждений предопределяют невозможность для большинства членов нашего общества осознанно принимать участие в процессе кончины. Это равно относится к умирающим и к их друзьям и близким.

Сегодня мы являемся свидетелями резкого изменения отношения медиков и специалистов смежных профессий к проблеме умирания и смерти. Важной вехой на

этом пути стала книга Германа Фейфеля «Значение смерти» (1957) -- своеобразный свод статей врачей, психиатров, психологов, философов, посвященных процессу умирания. После публикации названной книги возросли убежденность в необходимости срочных перемен и интерес к проблеме со стороны гуманистически настроенных специалистов, предпринимавших значительные усилия для облегчения положения умирающих. Важным событием стало создание в 1968 году в Нью-Йорке организации «Фонда Танатологии» (первый президент Фонда и один из членов-учредителей -- Остин Кучер). Цель организации—объединение специалистов, работающих в областях, ориентированных на оказание помощи больным: философов, священников, писателей и других лиц, интересующихся вопросами, связанными со смертью и уходом за умирающими.

Волна профессионального интереса к практическим и теоретическим аспектам процесса умирания привела, в частности, к появлению научного труда Элизабет Кюблер-Росс, выполненного на факультете психопатологии Университета Чикаго. В книге «О смерти и умирании», прокладывающей путь будущим исследователям, суммируется ее опыт работы в качестве психотерапевта с тяжелобольными, а также опыт тренировочных семинаров, проводимых совместно с врачами, медсестрами, студентами и священниками. В этом труде содержатся многочисленные доказательства того, как часто люди, находящиеся на смертном одре, остро нуждаются в искренних человеческих контактах и психотерапевтической помощи. Она подчеркнула важность открытого и честного общения с умирающими, готовность последних обсуждать любые психологически близкие им темы. В результате подобного подхода они могут научить остающихся в живых важным вещам, относящимся не только к заключительным фазам жизни, но и к проблемам работы человеческого сознания, а также к некоторым редким аспектам нашего существования вообще. Кроме того, данный процесс обогатит его участников и, возможно, снизит уровень их тревоги относительно собственной смерти.

Обосновывая свой опыт теоретически, Кюблер-Росс выделила пять стадий, характеризующихся специфическими эмоциональными реакциями и отношениями, через которые последовательно проходит типичный умирающий по мере ухудшения своего физического состояния: стадии отторжения и изоляции, гнева, попыток что-то выторговать, депрессии и, наконец, признания неизбежного. В последние два года Кюблер-Росс особенно интересовалась исследованием субъективных переживаний, связанных с процессом умирания, и проблемой существования сознания после смерти. Ее работа произвела сильное впечатление как на профессионалов, так и на широкого читателя.

Другим важным нововведением в уходе за смертельно больными стал лечебный эксперимент, проводившийся с 1967 года под руководством д-ра Сесилия Сандерса в приюте св. Христофора в Лондоне. Ведущее направление в деятельности персонала этого приюта -- стремление сделать все, чтобы дать возможность пациентам полноценно и комфортабельно жить до самого дня кончины. Общий режим и вся атмосфера гораздо более свободны и неформальны, чем в обычной больнице, а порядок посещения и выхода больных значительно проще обычного в палатах для тяжелобольных. По желанию пациентов, им разрешено находиться в палатах или уходить на прогулки. Они могут встречаться с семьями и заниматься любым делом столько, сколько могут и хотят. Им разрешают курить в постели и каждый вечер, только не поздно, пользоваться спиртными напитками. Подход, практикуемый в приюте св.

Христофора, соединяет хорошо организованный уход и медицинское мастерство с состраданием, теплом и дружелюбием. Работа Сесилия Сандерса имеет явный религиозный акцент, носящий, однако, скорее экуменический, несектантский

характер, не сводимый к канонам какой-то одной избранной религии. Кроме известности, которую данная организация получила из-за истинно гуманного подхода к умирающим, она также пользуется безупречной репутацией за достижения в сфере эффективного обезболивания. Специалисты в областях, ориентированных на оказание помощи людям, сейчас, кажется, остро сознают важность вопросов, связанных со смертью. Также бесспорна для них необходимость далеко идущих перемен в существующих медицинских порядках и методиках. Быстро растет число статей и книг, посвященных смерти и уходу за страдающими от неизлечимых заболеваний. Увеличивается количество лекций, семинаров, симпозиумов и конференций по данной теме. Все больше и больше исследований ориентируется на разработку эффективных методов помощи людям, находящимся при смерти, на изыскание возможности яснее представить психологические аспекты процесса умирания и смерти.

Проводимые в течение последней четверти века исследования ЛСД и других галлюциногенов открыли новые возможности для облегчения эмоционального и физического страдания умирающих от раковых заболеваний и других хронических болезней. В ходе этих исследований были также выдвинуты нетривиальные подходы к проблеме углубления наших познаний об ощущениях умирающих. Переживание смерти и возрождения, иногда возникающие в результате приема химических препаратов во время психоделических сеансов, как у нормальных людей, так и у душевнобольных, помогло понять, что источник этих переживаний расположен в подсознании. Возможность моделирования феномена смерти и возрождения в регулируемых условиях и достаточно предсказуемым образом сделала реальным проведение детального картографирования таких переживаний. В книге показана практическая важность психоделической терапии умирающих, а также обсуждается значение психоделических исследований для углубленного понимания процесса смерти.

2. ИСТОРИЯ ПСИХОДЕЛИЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ УМИРАЮЩИХ

Твой опыт работы с людьми, умирающими от неизлечимых заболеваний, был тесно связан с разработкой психоделической терапии, то есть обширной программы ускоренной психотерапии с применением веществ, вызывающих изменение состояния сознания, наподобие диэтиламида лизергиновой кислоты (ЛСД) и дипропилтриптамина (ДПТ). Хотя данный вид лечения и является прямым следствием развития современных фармакологических и клинических исследований, у него есть близкие аналоги в различных современных западных культурах, а его истоки теряются в доисторическом прошлом и шаманских ритуалах, а также в лечебных церемониях многих древнейших цивилизаций.

Предположение о возможном применении галлюциногенов для терапии неизлечимо больных впервые было высказано педиатром Валентиной Павловной Уоссон. В результате многолетних этномикологических исследований она и ее супруг Гордон Уоссон заинтересовались употреблением грибов, содержащих галлюцино-гены, в разных культурах, существовавших в Америке до появления там европейцев, а также в современной Центральной Америке. Уоссоны провели несколько полевых исследований в Мексике и, наконец, в июне 1955 года стали первыми европейцами, допущенными к священному ритуалу, проводимому

масатекской ку-рандерой - знахаркой Марией Сабиной. Мощное воздействие грибов, съеденных ими в ходе церемонии, произвело на Уоссонов глубокое впечатление. Французский миколог Роже Хейм, к чьей помощи они прибегли, определил грибы по принятой в ботанике классификации, как относящиеся к виду *Psilocybe mexicana* или сходные с ним. Затем он послал образцы для проведения химического анализа в лабораторию швейцарской фармацевтической фирмы «Сандоз». В 1957 году Валентина Павловна дала интервью

журналу *This Week*, в котором рассказала историю открытия и описала свои ощущения после принятия мексиканских священных грибов. Она высказала мнение, что если удастся выделить активный ингредиент и обеспечить его достаточный запас, то этот ингредиент может стать важнейшим инструментарием в изучении психических процессов. Кроме того, г-жа Уоссон заявила, что после изучения возможно применение препарата в медицине, предположительно, для лечения алкоголизма, наркомании, душевных расстройств и неизлечимых заболеваний, сопровождающихся сильными болями. Спустя несколько лет некоторые исследователи из Балтимора провели независимые испытания достоверности ее необычных видений. Группа психиатров и психологов Мэрилендского центра психиатрических исследований, незнакомых со статьей в *This Week*, занималась систематическим изучением возможностей психоделической терапии с помощью ЛСД (препарата, весьма близкого псилоцибину) для использования в предсказанных Валентиной Уоссон случаях. Мы были удивлены, обнаружив газетную вырезку в библиотеке Гордона Уоссона во время визита к нему в 1974 году.

Следующий импульс, усиливший интерес к приему умирающими галлюциногенов, исходил не от врача или бихевиориста, а от писателя и философа Олдоса Хаксли. Последний глубоко интересовался как феноменом смерти, так и религиозным и мистическим опытом, вызванным употреблением галлюциногенов. Необычайно чутко и проникательно он помогал своей первой жене Марии, когда в 1955 году она умирала от рака. В предсмертные часы он применил технику гипноза с целью пробудить воспоминания об экзотических переживаниях, несколько раз спонтанно возникавших в ее жизни. Хаксли явно стремился облегчить предсмертные переживания, направляя жену в эти мистические состояния сознания по мере приближения смерти. Данный, глубоко личный опыт отражен в его романе «Остров», где одна из героинь по имени Лакшми умирает в очень сходных обстоятельствах. В письме, адресованном Хамфри Осмонду, психиатру и пионеру в области психоделических исследований, познакомившего его с ЛСД и мескалином, Хаксли писал:

То, что я пережил с Марией, убедило меня: живущий может многое сделать для облегчения предсмертного состояния, для поднятия самого что ни на есть физиологического акта человеческого существования на сознательный уровень, а может даже и на духовный

У лиц, знакомых с действием галлюциногенов, а также с личной биографией Хаксли, не возникает сомнений, в том, что «сома» из «Нового смелого мира» и препарат «мокша» в «Острове» — галлюциногены, по действию подобные ЛСД, мескалину и псило-цибину. В романе препарат «мокша» дает обитателям Острова возможность пережить мистические озарения и освобождает их от страха смерти, предоставляя одновременно возможность жить более полной жизнью. В другом письме Хамфри Осмонду, написанном еще в феврале 1958 года, Хаксли ясно излагает свою идею серьезно рассмотреть возможность приема ЛСД умирающими:

...и еще один проект: введение ЛСД неизлечимым раковым больным в надежде, что это позволит сделать процесс смерти более духовным и менее физиологичным.

Согласно сведениям, полученным от его второй жены Лауры, Олдос Хаксли упоминал по нескольким поводам, что «предсмертные обряды должны усиливать, а не ослаблять сознание, подчеркивать, а не уменьшать человечность». В 1983 году, сам умирая от рака, он продемонстрировал серьезность своей идеи. За несколько часов до смерти он попросил Лауру дать ему 100 микрограмм ЛСД, чтобы облегчить себе уход. Это волнующее переживание описано Лаурой Хаксли в книге «Сей вечный миг».

Предложение Олдоса Хаксли, хоть и подкрепленное уникальным личным примером, в течение нескольких лет не оказывало влияния на исследователей медицины. Новый импульс пришел из довольно неожиданного источника и не был связан с идеями и усилиями О. Хаксли. В начале 60-х годов Эрик Каст из Чикагской медицинской школы изучал воздействие различных препаратов на болевые ощущения в поисках хорошего и надежного обезболивающего средства. Он заинтересовался ЛСД и оценил его как перспективное вещество из-за необычного характера воздействия. Каст узнал, что ЛСД имеет тенденцию вызывать заметное искажение восприятия тела и изменения в физических ощущениях. Более того, ЛСД, видимо, нарушает способность концентрироваться и избирательно фокусирует внимание на особых физиологических ощущениях. Таким образом, у лиц, находящихся под воздействием ЛСД, простые визуальные впечатления могут подавлять боль и инстинкт самосохранения. Оба фактора—воздействие ЛСД на восприятие тела и способность препарата влиять на отношение организма к сигналам из внешнего мира—представлялись заслуживающими дальнейшего изучения из-за возможности использовать их для изменения восприятия физической боли.

В статье, опубликованной в 1964 году, Каст и Коллинз описали результаты исследования, в котором предполагаемые обезболивающие свойства ЛСД сравнивались с двумя признанными и мощными препаратами -- дигидроморфином (дилаудид) и менери-дином (димерод). Исследование проводилось на группе пациентов из 50 человек, страдавших от сильных физических болей, в том числе 39 -- с разными типами раковых заболеваний неодинаковой тяжести, 10 -- с гангреной ступней или ног и 1 больной с тяжелой формой опоясывающего лишая. Результаты статистической обработки данных показали, что обезболивающий эффект ЛСД превосходит действие как дилаудида, так и димерода. Кроме снятия болей, Каст и Коллинз заметили, что некоторые из пациентов демонстрируют поразительное пренебрежение тяжестью ситуации, в которой находятся. Эмоциональный фон их частых бесед о неизбежной смерти был абсолютно нетипичен для нашей культуры. В то же время было совершенно ясно, что в их положении это оказывалось единственным выходом.

В проведенном позднее исследовании 128 больных с неоперабельной формой рака Каст более детально проанализировал некоторые свои предыдущие открытия. На этот раз его интересовало не только обезболивающее действие ЛСД, но и влияние препарата на изменение эмоций, сон, отношение больных к болезни и смерти. Учитывая, что при этом не проводилось никакой психотерапевтической обработки и пациентам даже не сообщали о введении ЛСД, результаты были удивительны. У многих больных через два-три часа после введения 100 микрограмм препарата резко снижалась боль, в среднем на двенадцать часов. Интенсивность боли у группы в целом (но не обязательно у каждого ее члена) была уменьшена на три недели. В течение десяти дней после введения ЛСД наблюдалось улучшение сна и понижение тревожности по поводу болезни и смерти.

В 1966 году Каст опубликовал еще одну работу, более подробно трактующую влияние ЛСД на религиозные и философские переживания и воззрения пациентов.

Исследуемая группа состояла из 80 неизлечимых больных, чей предположительный срок жизни измерялся неделями или месяцами, и каждый из них знал об этом. В отличие от предыдущих исследований, сеансы ЛСД прерывались внутримышечным введением 100 миллиграммов хлорпромазина в случае появления чувства страха, паники, неприятных галлюцинаций либо желания отдохнуть. Положительное воздействие одного приема 100 микрограммов ЛСД на физическую боль, настроение и сон соответствовало предшествующим результатам. Кроме того, Каст описал различные облегчавшие положение изменения, происшедшие у пациентов. Он отметил улучшение контактности с исследователем и между собой, что укрепляло их дух, поднимало самоуважение, спланивало и объединяло их. Важно также отметить появление после приема ЛСД «счастливого океанического чувства», длившегося до 12 дней. Каст ясно сформулировал, что философские и религиозные взгляды больных на смерть претерпели определенное изменение, не отраженные в приводимых им цифровых данных и графиках.

Несмотря на наличие, с точки зрения современного врача, специалиста по ЛСД-терапии, некоторых погрешностей, историческая важность работ Каста не подлежит сомнению. Он не только открыл ценность ЛСД как обезболивающего средства для некоторых пациентов, страдающих от неустранимых болей, но и получил первые экспериментальные подтверждения предположения Олдоса Хаксли о том, что введение препарата может облегчить кончину раковым больным. В конце последнего исследования Каст, сославшись на наблюдения, заявил, что ЛСД не только способен облегчить положение умирающих, сделав их более контактными с окружением и семьей, но и повышает их способность переносить тяготы и передраги повседневности. ЛСД приносит эстетическое удовлетворение, «заново формирует желание жить и придает вкус впечатлениям, а также, несмотря на наличие гнетущего темного фона и постоянный страх, открывает захватывающую и многообещающую перспективу».

Ободряющие результаты работ Каста подвигли Сиднея Коэна -- известного психиатра из Лос-Анджелеса, друга Олдоса Хаксли и пионера исследований ЛСД -- разработать и внедрить программу психоделической терапии умирающих от рака. К сожалению, итоги его исследований и детали применяемых им методик никогда не публиковались. В 1965 году Коэн высказал мнение о перспективах психоделической терапии умирающих, основываясь на своих предварительных экспериментах с небольшой группой больных. Он заявил, что его изыскания подтвердили открытое Кастом благотворное воздействие ЛСД на сильную физическую боль и высказал предположение, что когда-нибудь, возможно, разработают методику применения ЛСД для изменения переживаний умирающих. Коэн

ясно представлял важность подобной исследовательской инициативы. Он писал: «Кончина человека должна носить достойный, более гуманистический характер: он не должен ощущать себя покинутым, изолированным, -- это и является сегодня одной из величайших проблем медицины».

Сотрудник Коэна Гарри Фишер позднее опубликовал статью, в которой обсуждал личные и межличностные проблемы, встающие перед умирающими. В данном контексте он указал на важность трансцендентальных переживаний— спонтанных, то есть появляющихся в результате различных видов духовной практики, или же --

возникающих под воздействием психоделиков. Благодаря такому переживанию человек перестает беспокоиться о своей физической кончине и начинает воспринимать ее как естественный феномен круговорота сил жизни. Подобное приятие смерти резко меняет жизненный стиль индивида. Он больше не относится к происходящим переменам со страхом и болью, не чувствует зависимости от них и не впадает в панику. Пациент скорее жаждет поделиться новым знанием с родными и близкими. Фишер обсуждает применение ЛСД-терапии в рамках исследовательского проекта, в ходе которого названный препарат сравнивался с разрабатываемым средством для обезболивания, а на подготовку больного отводился лишь час. Несмотря на такое ограничение, Фишер сообщает о поразительных результатах: снижении интенсивности болей, психологическом последствии препарата и примирении больных с неизбежностью кончины.

Другая серия исследований, позднее сведенных в концепцию психоделической терапии умирающих, возникла в Чехословакии, в Пражском научно-исследовательском институте психиатрии. Группа сотрудников института, возглавляемая Станиславом Гро-фом (соавтором настоящей книги), в начале шестидесятых годов проводила эксперименты по оценке перспективности использования ЛСД для исследования личности и лечения психических расстройств. Эти эксперименты привели к созданию методики, объединяющей серьезный психологический подход с лечебными сеансами, в ходе которых применялся ЛСД. Хотя в своих первоначальных формах метод основывался на теории и практике психоанализа, с течением времени он подвергся существенной модификации и превратился в самостоятельную лечебную методику,

объединяющую работу в сфере психодинамики с акцентированием трансперсонального и трансцендентального опыта.

На предварительной фазе работы все пациенты, страдающие разнообразными психическими расстройствами, проходят через ряд ЛСД-процедур, в ходе которых рано или поздно переступают психоаналитические границы и спонтанно выбрасываются в некие эмпирические миры. На протяжении веков такие миры описывались различными учениями, как достижимые посредством следования мистическим традициям, участия в храмовых мистериях, ритуалах перехода в древних культурах, а также культурах, не достигших технологической фазы развития. Самыми общими, но и наиболее важными явлениями, возникавшими во время сеансов, были переживания смерти и возрождения, сопровождаемые чувством космического единства. Такое реальное столкновение с собственной бренностью оказывалось для пациента весьма сложным феноменом, обладающим биологическими, эмоциональными, интеллектуальными, философскими и метафизическими параметрами. Подобные переживания, видимо, имели весьма позитивные последствия для душевнобольных. Некоторые впечатляющие улучшения различного рода психопатологических состояний были зарегистрированы непосредственно после переживания феномена смерти-возрождения и, особенно, после переживания чувства единства с миром.

Приведенные выше наблюдения наводят на мысль о существовании сложного целительного механизма, до сих пор неизвестного западной психиатрии и психологии, и значительно превосходящего то, что применяет обычная психотерапия.

Многие индивиды, самостоятельно пережившие опыт смерти и возрождения, сопровождаемый, по их воспоминаниям, чувством космического единства, сообщали об изменении своего отношения к умиранию. Их взгляды на смерть претерпели резкую трансформацию. Исчез страх перед биологической тленностью, они

стали допускать возможность существования сознания после клинической смерти. У них также появилась тенденция рассматривать процесс смерти скорее как приключение в сфере сознания, нежели как принципиальную биологическую катастрофу. Те из нас, кто занимался данными исследованиями, к своему великому удивлению, регулярно наблюдали процесс, поразительно сходный с мистическим посвящением и подобный переживаниям, описанным в тибетской или египетской «Книгах мертвых».

Утверждения об изменении отношения к смерти были столь частыми, что нам показалось важным проверить реальность их практического применения. Было очевидно, что такое глубинное изменение сознания может оказаться весьма полезным для умирающих, особенно для страдающих хроническим и неизлечимым недугом. С. Грофу представилась возможность заняться с несколькими раковыми больными. Предварительное изучение показало, что снижение страха смерти, зарегистрированное ранее как результат ЛСД-терапии душевнобольных (большинство которых были молоды и физически здоровы), может иметь место и у тех, для кого проблема смерти является насущной. К тому моменту пражская группа начала серьезное обсуждение возможности вести систематическую работу с умирающими, и Гроф разработал программу, включавшую серию сеансов ЛСД с целью воздействия на умирающих раковых больных. Однако осуществление планов было прервано в связи с предложением автору стипендии американским фондом психиатрических исследований в Нью Хэвене, штат Коннектикут, что привело к отъезду Грофа в Соединенные Штаты.

По прибытии в Балтимор в марте 1967 года, он присоединился к группе ученых, работающих в научно-исследовательском отделе больницы «Спринг Гроув» штата Мэриленд. (Позднее больница стала базовой клиникой управления клинических исследований недавно созданного Центра психиатрических исследований штата Мэриленд.) Работая здесь, С. Гроф, к своему удивлению, обнаружил, что незадолго до его приезда группа заинтересовалась исследованием возможностей психотерапии с использованием ЛСД для уменьшения эмоциональных и физических страданий раковых больных. Последовательность событий, привлечших интерес ученых к данной проблематике была вкратце такова: с 1963 года ряд психиатров, психологов и работников социального обеспечения занимался в «Спринг Гроув» изучением действия сжатого курса психотерапии, включавшего использование ЛСД с целью воздействия на отношение к спиртному, психологический статус и социальную адаптацию алкоголиков. В параллельном исследовании терапевтический потенциал нового вида лечения проверялся на группе невротиков. При оценке результатов, основывающихся на данных опроса пациентов и на психологическом тестировании, выяснилось, что симптомами, наиболее поддающимися

воздействию психоделической терапии, являются депрессия и тревожность.

В 1965 году, когда работы, касающиеся алкоголиков и невротиков, были в полном разгаре, научная группа «Спринг Гроув» впервые непредвиденным и трагическим образом обратила внимание на потребности раковых больных. У профессионального члена группы Глории, женщины лет сорока с небольшим, развилась карцинома груди. Грудь удалили, однако при последующем хирургическом вмешательстве были обнаружены неоперабельные метастазы в печени. Пребывая пока на амбулаторном режиме, она испытывала глубокие эмоциональные и физические страдания. Глория полностью осознавала свое положение, не обольщалась относительно будущего и вместе с коллегами находилась в отчаянии. Основываясь на данных о снятии депрессии и

тревожности у душевнобольных в результате психотерапии с применением ЛСД, психолог и член лечебной группы Сидней Вулф предположил, что процедура психоделической терапии может помочь Глории. Представлялось вероятным, что ее депрессия и тревожность, хотя и носящие реактивный характер и вполне объяснимые тяжелой жизненной ситуацией, все же могут поддаться ЛСД-терапии, как это обычно происходило при иных психогенных состояниях.

После обсуждения вопроса с мужем, ее лечащим врачом, с согласия всех заинтересованных сторон был разработан курс психоделической терапии с Сиднеем Вулфом в качестве лечащего врача. Лечебным планом «Спринг Гроув» предусматривалось в ходе краткого, но интенсивного психотерапевтического сеанса добиться с помощью галлюциногенов вызова пикового переживания.

Подготовка продолжалась немногим более недели. Основное внимание уделялось анализу личности и существовавшим межличностным отношениям. Как только удалось удовлетворительно разобраться в большинстве важных моментов, сразу же был проведен сеанс с введением 200 микрограммов ЛСД в условиях, сходных с применяемыми для душевнобольных. Результат эксперимента, прокладывавшего путь будущим исследованиям, оказался весьма примечательным. После тщательных приготовлений, нескольких бесед без использования лекарств и единичного приема ЛСД психоделическое переживание, возникшее у Глории, видимо, изменило характер последних дней ее жизни. Вскоре после сеанса ЛСД-терапии она отправилась отдыхать с мужем и детьми, а вернувшись, через две недели после сеанса

написала ретроспективный отчет.

«За день до приема ЛСД я была полна тревоги и страхов. В тот момент я с удовольствием отказалась бы от опыта. К концу подготовительного периода практически вся тревога ушла, процедура и инструкции были понятны. Ночь я спокойно провела дома. Пришли мои близкие друзья, и мы разглядывали семейный альбом фотографий, вспоминая счастливые времена. Сон был глубоким и спокойным. Я проснулась отдохнувшей и практически не испытывала чувства страха. Я чувствовала себя готовой к испытанию и стремилась к нему. Утро было прекрасным: прохладным и свежим. Вместе с врачом я прибыла в здание, где должна была получить ЛСД. Члены управления ждали меня, чтобы пожелать успеха. Все это было приятно.

В процедурной на столе стоял прекрасный темно-красный бутон розы, покрытый каплями росы, но, к сожалению, менее ароматный, чем другие сорта. Рядом была ваза, наполненная влажными сочными фруктами. Я сразу же получила первую дозу и села разглядывать фотографии из своего семейного альбома. Постепенно движения становились неуверенными, и я почувствовала себя неловкой. Меня уложили, закрыв уши и надев повязку на глаза. В какой-то момент я получила вторую дозу ЛСД. Эта стадия характеризовалась в основном беспокойством. Ранее меня проинструктировали, как себя вести в случае возникновения боли, страха или других затруднений. Я была готова испытать свою способность взглянуть в глаза открывающейся неизвестности и преодолеть трудности. Я была готова, но кроме физического ощущения неудобства и небольшого головокружения ничего не происходило.

Примерно в это время я влилась в музыку, и она унесла меня. Я настолько ощущала единство со звуком, что когда проигрываемая мелодия прерывалась, пусть на мгновение, я живо ощущала паузу и с нетерпением ожидала вступления в следующий круг путешествия. Мы играли в прекрасную игру. Что будет дальше? Будет ли это могущественным, нежным, искрящимся или мрачным? В ту минуту я чувствовала,

что меня как бы дразнят, но так добро, так мягко. Мне хотелось смеяться оттого, что я понимаю суть намеков, и мне было все равно, где я, грустна или исполнена трепета. Как только музыка начиналась, она снова уносила меня. Всего открывшегося я не помню.

В основном вспоминаются два переживания. Я находилась в безграничном, лишенном времени мире, там не было ни атмосферы, ни красок, ни образов, но, возможно, был свет. Внезапно я осознала, что являюсь мигом времени, созданным теми, кто жил до меня, и сама я, в свой черед, -- создатель других. Это был мой миг; моя основная задача была выполнена. Будучи рождена, я придала смысл существованию родителей.

И вновь—в пустоте, одна, вне границ времени и пространства. Жизнь сжималась снова и снова, доходя до мельчайшего всеобщего основания. Я не в состоянии восстановить логику переживания, но до боли ясно понимала, что суть жизни есть любовь. В этот момент я почувствовала, что выплываю в мир, ко всем людям, но особенно -- к наиболее близким мне. Я долго плакала над потерянными годами, над поисками себя не там, где следовало, над упущенными возможностями, над растроченной в погоне, непонятно за чем, энергией чувств.

Несколько раз после короткого перерыва я вновь погружалась туда, но всегда выходила на вариации одних и тех же тем. Музыка все несла и поддерживала меня. Иногда во время передышек я явно ощущала запах персиков. Роза была ничто в сравнении с ^ плодом. Фрукт был нектар и амброзия (жизнь), роза же -- лишь прекрасным цветком. Когда, в конце концов, мне дали нектарин, он был квинтэссенцией тонкого, сильного аромата.

Как только я стала приходить в себя, я очутилась в свежем проветренном мире. Работники управления приветствовали меня, и я ощущала радость не только за себя, но и оттого, что смогла пережить нечто, что эти люди, заботившиеся обо мне, хотели. Я чувствовала себя очень близкой к большому кругу людей. Позже, когда пришли домашние, я ощутила такие связи между нами, каких не чувствовала ранее. Вечером к нам домой пришли и мои родители. Все заметили перемену во мне. Говорили, что я излучаю свет и, кажется, пребываю в покое. Я чувствовала то же самое. Что изменилось для меня? Отныне я живу и ощущаю жизнь. Некоторые из моих физических симптомов прошли: сильная слабость, часть болей. Иногда я по-прежнему раздражаюсь и кричу. Я все та же я, однако более умиротворенная. Моя семья ощущает это, и мы сблизилась. Все, кто хорошо меня знает, говорят, что это был хороший опыт».

Через пять недель после сеанса у Глории неожиданно развился асцит (скопление серозной жидкости в брюшной полости),

ее пришлось вновь госпитализировать. Она тихо скончалась спустя три дня.

Результат инициативы Сиднея Вулфа был столь обнадеживающим, что персонал «Спринг Гроув» принял решение продолжить исследование возможностей психоделической терапии для облегчения страданий умирающих от раковых заболеваний. Группа широко мыслящих хирургов из Синайской больницы в Балтиморе, заинтересовавшаяся методикой, предложила сотрудничество и согласилась направлять своих пациентов для прохождения ЛСД-терапии. Еще три человека лечились в тот период у психолога Санфорда Унгера, сыгравшего в свое время важную роль в деле организации на базе «Спринг Гроув» исследований алкоголиков и невротиков.

Следующий важный шаг в этом направлении был сделан в конце 1967 года, когда Уолтер И. Панке присоединился к исследовательской группе «Спринг Гроув». Он сыграл ключевую роль в трансформации ее первоначального интереса в систематическую предварительную работу, а затем -- в научный проект. Образование Панке было идеальным для подобной работы: он окончил Медицинскую школу Гарварда, имел докторскую степень в области сравнительного изучения религий и степень в области богословия.

Трудно представить себе более продуктивное поле деятельности, объединяющее медицину, психологию и религию, нежели психоделическая терапия умирающих. С необычайной энергией, энтузиазмом и самозабвением Панке взял на себя роль ведущего исследователя в проекте, связанном с людьми, страдающими раковыми заболеваниями. После предварительных изысканий он сумел получить финансовую поддержку Фонда Мэри Рейнольдс Бэбкок и начал программу научных исследований психоделической терапии с применением ЛСД. Позже он предложил аналогичную программу, в которой вместо ЛСД применялся кратковременно действующий галлюциноген дипропилтриптамин (ДПТ).

Жизнь и работа Уолтера Панке резко и трагично оборвалась в результате несчастного случая 10 июля 1971 года. Во время летнего отдыха на своей даче в Мейне он не вернулся из очередной подводной экспедиции. Ни тело, ни снаряжение для подводного плавания не были найдены, и происшествие осталось окутанным тайной. Это была большая потеря для исследовательской группы «Спринг Гроув» и с профессиональной, и с личной точки зрения.

После смерти Уолтера С. Гроф взял на себя ответственность за проект терапии раковых больных, избрав его основным направлением своей научной деятельности ч-интересов. Целью Грофа было не только завершение исследования и получение достаточного количества данных, но и создание теоретической системы, способной истолковать хотя бы некоторые из поразительных изменений личности, происходивших в результате ЛСД-терапии. На том этапе нам представлялось важным подвергнуть тщательному анализу наблюдения, полученные в ходе сеансов по приему ЛСД здоровыми добровольцами, психическими больными и умирающими, а также сформулировать всестороннюю теорию ЛСД-терапии, основывающуюся на новой модели подсознания.

В 1972 году после прихода в исследовательский коллектив помощником врача и консультантом-антропологом Джоан Хэлифакс, второго автора этой книги, работа получила еще одно перспективное направление. Отныне мы могли объединить наш научный багаж из областей экспериментальной психиатрии и меди-цинской антропологии и осмыслить полученные результаты на новом культурологическом уровне. Именно в ходе подобного междисциплинарного взаимообогащения, обмена наблюдениями и данными, -- когда мы работали, как лечебная диада, -- стали зарождаться и кристаллизоваться идеи, нашедшие выражение в книге.

3. ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЙ «СПРИНГ ГРОУВ»

К 1974 году уже более ста больных, умиравших от рака, участвовали в программе «Спринг Гроув» по изучению психоделической терапии. Этим людям можно разделить на четыре группы:

пациенты, подвергшиеся ЛСД-психотерапии на ранней стадии программы и проходившие курс до введения шкалы оценок; добровольцы, принимавшие участие в систематическом изучении психоделической терапии с использованием ЛСД;

лица, которым вводили дипропилтриптамин (ДПТ) -- краткодействующий галлюциноген, используемый в качестве дополнительного средства при психотерапии и способный заменить ЛСД; и, наконец, больные, проживающие в удалении от исследователей, обратившиеся к нам сами, либо направленные врачами из разных районов страны. Вследствие невозможности использовать в работе с ними группу постоянного наблюдения, мы не включили их в основное исследование ЛСД и ДПТ.

Большинство раковых больных, участвовавших в изучении ЛСД и ДПТ-терапии, были госпитализированными и амбулаторными пациентами Синайской

больницы в Балтиморе. Отвечающие за программу психиатры (Уолтер Панке, затем Станислав Гроф) каждую неделю проводили один день в онкологическом отделении больницы. Они участвовали в амбулаторных осмотрах, присутствовали на собраниях медицинского персонала и совершали обход палат онкологических больных. В процессе этой деятельности те из умирающих, которые могли бы выиграть от применения психоделической психотерапии, рекомендовались для прохождения экспериментальной лечебной программы. Основными критериями отбора для участия в исследовании были: наличие некоторого уровня физической боли, депрессия, напряженность, тревожность, чувство изолированности от других, связанное с раковым

заболеванием, а также ожидаемая продолжительность жизни не менее трех месяцев (поскольку нас интересовал не только непосредственный результат лечения, но и степень его устойчивости). Необходимыми условиями также являлись: отсутствие в анамнезе серьезных сердечно-сосудистых нарушений типа сердечной недостаточности, инфаркта миокарда, кровоизлияния в мозг или выраженного атеросклероза (не то, чтобы галлюциногены представляли какую-то непосредственную фармакологическую опасность, но они вызывают мощные эмоции, могущие быть весьма опасными для лиц с такой историей болезни). Мы также отсеивали переживших любое психическое заболевание до возникновения рака, и больных, находившихся в предпсихотическом состоянии во время проведения отбора. На более поздних стадиях исследования исключались также лица с признаками метастаз в мозгу либо серьезных органических заболеваний мозга. К данному решению мы пришли вследствие ряда неудачных сеансов психоделической терапии, проведенных в предшествующие годы с несколькими людьми, имевшими в мозгу новообразования. Наличие в анамнезе эпилептических припадков тоже служило препятствием для участия в исследовании, так как галлюциногены иногда могут вызывать у подобных лиц ряд последовательных припадков (status epi-lepticus), с трудом поддающихся контролю.

Если пациент отвечал необходимым критериям, психиатр и лечащий врач предлагали ему подумать над участием в программе психоделической терапии. В ходе специальной беседы мы разъясняли природу этого типа лечения и откровенно обсуждали с умирающим и его семьей плюсы и минусы данной

экспериментальной формы психотерапии. Больного просили письменно подтвердить свое согласие, и он принимался в программу.

После вступительных бесед с умирающим, его знакомили с одним из врачей центра, и начиналась лечебная работа. Курс психоделической терапии состоял из трех фаз. Первая—подготовительная -- включала в себя несколько бесед, в ходе которых исследовалось прошлое пациента, его нынешнее положение и устанавливались доверительные отношения с умирающим и его семьей. Второй фазой был собственно сеанс психоделической терапии. В этот день пациент проводил много часов в специальной палате вместе с врачом и его ассистентом (которые всегда были разного пола). Третья состояла из нескольких бесед после сеанса

с целью помочь интеграции психоделических переживаний в жизнь умирающего.

Подготовительная фаза продолжалась от шести до двенадцати часов в течение двух-трех недель. Поскольку наиболее важными из меняющихся факторов, влияющих на успешность психоделической терапии, являются атмосфера глубокого доверия и хорошие взаимоотношения между врачом и пациентом, именно в это время мы прилагали значительные усилия, чтобы установить тесную связь с умирающим и способствовать проявлению доверия с его стороны. Собственно психотерапевтическая работа фокусировалась в первую очередь на существующих нерешенных проблемах в его взаимоотношениях со значимыми для него людьми.

Внимание уделялось также приятию и неприятию реальности болезни и смерти и, кроме того, важным, глубоко скрытым в подсознании конфликтам, выявлявшимся по мере развития отношений в ходе терапии. Хотя вопросы умирания и смерти обычно обсуждались весьма подробно, акцент делался не на смерть, а на максимально возможную полноценную жизнь

Никогда психоделическая терапия не представлялась, как могущая исцелять раковое заболевание. Когда нас об этом спрашивали, мы обсуждали важность психологических факторов в определении течения патологических процессов и способности организма противостоять болезни. Иногда касались некоторых гипотез, предполагающих наличие психогенных факторов в этиологии раковых заболеваний. Таким образом, мы оставляли простор для

возможности исследовать психосоматические аспекты раковых заболеваний, если бы таковые проявились в ходе сеансов, но в то же время ограждали пациентов от разочарований в случае, если попытка самоисцеления не приносила успеха.

Многие из бесед с больными вращались вокруг философских, религиозных и метафизических вопросов. Существует несколько причин важности проведения подобных бесед в контексте психоделической терапии умирающих. Столкновение с фактом собственной физической брэнности может привести к возникновению или усилить уже существующие интерес к духовным и философским сторонам бытия. Личные философские и религиозные воззрения индивида оказывают глубокое воздействие на представление о смерти, отношении к ней и на то, как умирающий проживет оставшиеся дни. Более того, психоделические переживания имеют важные религиозные и мистические параметры, и потому обсуждение данной области в ходе подготовительной фазы помогает избежать ряда сильных недоумений во время самого сеанса.

Нам представляется важным открыто обсуждать основные конфликты, которые могут возникнуть у пациента из-за определенной религиозной

запрограммированности в детстве, принадлежности к какой-либо церкви и выполнения ежедневных религиозных обрядов. Здесь часто требуются разъяснения, учитывающие то, как больной понимает значение религии и духовности в человеческой жизни, и недоумение, способное возникнуть в результате столкновения различных вероисповеданий. Пациентам, отрицательно относящимся к религиозным аспектам психоделической терапии, полезно подсказать, что духовные переживания в ходе сеанса обычно не принимают ортодоксально религиозную форму. Чаще они напоминают то, что Эйнштейн называл «космической религией». Такая форма духовности не имеет персонифицированного бога, пантеона посредничающих святых и формализованных обрядов. Упор делается на благоговение и удивление, испытываемые во время столкновения с творческими силами природы и многими тайнами мироздания. Духовные переживания связываются с дилеммой времени и пространства, происхождением материи, жизни и сознания и конечными целями всего процесса творения. Когда же психоделическое переживание развивается в рамках одной из устоявшихся религий, оно, как правило, сходно с их мистическими ответвлениями, а не с основным ортодоксальным течением. Оно ближе к христианскому мистицизму, чем к традиционному христианству, ближе к каббале или хасидизму, чем к ортодоксальному иудаизму, ближе к суфизму, чем к исламу. Часто случалось, что в ходе психоделического сеанса человек сталкивался с переживаниями, абсолютно чуждыми его религиозной традиции, порой весь сеанс проходил в рамках совершенно иной культуры. Например, христианин или мусульманин мог открыть закон кармы и уверовать в существование циклов перерождений, а раввин — пережить обращение в дзэн-буддизм.

Перед началом психоделического сеанса приходилось разбираться в межличностных взаимоотношениях умирающего, существовавших на тот момент. Особого внимания требовали его отношения с членами семьи и медицинским персоналом больницы. Нередко даже поверхностное обследование текущих социальных связей индивида выявляло поразительное количество искажений и путаницы во взаимоотношениях с родными, друзьями, лечащими

врачами и медицинскими сестрами. Отрицание, избегание, перенос, механическое разыгрывание ролей, подавание пустых надежд и лицемерие с благими целями могут доходить до разрушительных стадий. Мы часто сталкивались с ситуациями, когда медперсонал, члены семьи и сам больной знали и диагноз, и вероятный исход болезни, но продолжали играть в прятки с целью «оградить» друг друга. Смерть пациента при таких обстоятельствах, как правило, приводила родственников и даже медперсонал в состояние фрустрации и к переживанию чувства вины.

Важной составной частью задачи врача являлось исследование социальных связей больного и определение основных барьеров в общении. Не так уж редко случалось, что необычайно запутанные и плохие взаимоотношения удавалось уладить, сделать открытыми и непосредственными в результате нескольких простых катализирующих вмешательств. Не существует единой техники работы с семьей, так как каждая ситуация своеобразна. В зависимости от характера проблем, мы встречались с членами семьи в различных сочетаниях, в присутствии пациента и без его участия. Родным предоставлялась возможность обсудить чувства, испытываемые к умирающему, его болезнь и факт неизбежной смерти. Значительные усилия направлялись на помощь в установлении открытых и

честных взаимоотношений для разрешения существующих межличностных конфликтов

и в достижении согласия по важным вопросам. Мы поощряли членов семьи активизировать свои отношения в возможно более широком диапазоне с целью снизить ощущение психологической изоляции, которое так часто испытывают умирающие. После подобного расчищения путей для общения члены семьи часто обнаруживали испытываемый ими самими страх смерти. Страх, прежде скрытый уклончивостью, характерной для их подхода к больному родственнику. Такие нарушения связей часто вкрадывались и в отношения между медицинским персоналом, умирающим и членами семьи. Как правило, первый с облегчением воспринимал весть о том, что пациент знает и приемлет свой диагноз.

Обычная методика работы с умирающим не включала требования непрерывной информированности всех больных о характере их заболевания и о предполагаемом смертельном исходе, хотя для нас, безусловно, была важна возможность открытого обсуждения этих вопросов, если пациент спрашивал или был готов к их обсуждению

Выяснилось также, что существенным фактором являлись и наши собственные эмоциональные реакции. Страх врача перед смертью либо отсутствие соприкосновения с нею в прошлом могут серьезно затруднить процесс общения и привести к боязливому отчуждению от умирающего. Мы ощущаем, что наш личный опыт сострадания в смерти и возрождении, полученный в ходе тренировочных психоделических сеансов, давал возможность более полно и откровенно общаться с людьми, которым предстояло вскоре умереть.

После исследования основных вопросов и установления доверительных отношений с умирающим планировалось проведение собственно психоделического сеанса. В особой беседе, непосредственно перед проведением сеанса, больной получал конкретную информацию о природе психоделического переживания, диапазоне необычных состояний психики, возникающих вследствие приема ЛСД или ДПТ, и о способах взаимодействия с различными аспектами психоделического состояния. Обсуждались также способы связи с нами в период действия препарата и различные другие технические стороны сеанса.

Психоделические препараты представлялись как неспецифические усилители или катализаторы, позволяющие получить доступ к областям подсознания, недостижимым с помощью других методов, и совершить, таким образом, путешествие вглубь собственной психики. При описании состояний, вызванных применением ЛСД или ДПТ, весьма полезным оказалось употребление метафор, особенно «грёза наяву» или «яркий интрапсихический фильм». Мы просили пациента оставаться в ходе сеанса в лежачем положении, с глазами, закрытыми повязкой, и слушать музыку, а также поощряли его не избегать никаких возникающих в ходе сеанса переживаний, полностью проходить сквозь них и открыто их выражать. Особый упор делался на то, что продуктивный сеанс обычно включает в себя полную психологическую капитуляцию перед переживанием.

По меньшей мере за неделю до проведения сеанса прием всех больших транквилизаторов отменялся, чтобы они не влияли на действие галлюциногенов. Не прерывался прием наркотиков, антибиотиков, цитостатиков и гормональных препаратов. За день до сеанса больной переводился в отдельную палату. Мы стремились к созданию максимально комфортабельной и теплой обстановки, насколько это возможно в больничных условиях. Родственникам

рекомендовалось принести живые цветы, фрукты, фотографии или произведения искусств, имеющие особое значение для умирающего. В палате устанавливалось стереофоническое оборудование, чтобы он мог привыкнуть пользоваться наушниками и повязкой, так как все это применялось на следующий день в ходе психоделического сеанса. Обычно мы встречались с членами семьи умирающего, чтобы помочь им уяснить суть процедуры и цели ЛСД-терапии, и, как правило, просили любого из них, собирающегося провести с пациентом вечер после сеанса, присутствовать на этой подготовительной встрече.

Утром в день сеанса медперсонал больницы проводил больному обычные процедуры несколько раньше, чем обычно, чтобы сеанс мог начаться, как только мы приедем. После краткой беседы с ним, сконцентрированной на душевном состоянии и отношении к сеансу, мы вводили препарат. Если использовался ДПТ, то всегда -- путем внутримышечной инъекции, поскольку он не эффективен при пероральном приеме. Доза варьировалась от 90 до 150 миллиграммов, в зависимости от физического состояния, психологического сопротивления и веса пациента. Поскольку действие ДПТ почти всегда мгновенно и часто носит резко выраженный характер, тех, кому его ввели, просили немедленно после укола лечь и надеть повязку и наушники.

ЛСД, как правило, может применяться перорально, но в ходе работы с больными раком мы иногда предпочитали вводить его внутримышечно из-за опасений за качество всасывания препарата или случившихся иногда тошноты и рвоты. Доза ЛСД варьировалась от 200 до 600 микрограммов, что соответствовало по силе воздействия дозе ДПТ. В ходе сеансов ЛСД-терапии имел место скрытый период продолжительностью от двадцати до сорока минут с момента введения препарата до появления первых признаков его действия. Обычно мы проводили это время в неторопливых беседах либо разглядывая фотографии и слушая спокойную музыку. Как только пациент начинал ощущать действие препарата, мы просили его лечь и закрыть глаза повязкой. Это помогало больному сосредоточиться на начинающихся разворачиваться в нем переживаниях и избегать воздействия внешних раздражителей. Затем на него надевались наушники, и в течение большей части сеанса через них проигрывалась музыка. С этого момента работа с пациентами, принявшими ЛСД и ДПТ, была одинаковой.

Выбор музыки проводился после консультации с врачом-специалистом по музыкальной терапии из нашего исследовательского центра Элен Бонни, обладавшей большим опытом в области психоделической терапии. Если во время сеанса пациент лежит с повязкой на глазах и в наушниках, то ЛСД-переживание значительно углубляется и усиливается*. Музыка выполняет различные важные задачи и открывает новые горизонты в психоделическом переживании. Она пробуждает широкий спектр глубоких эмоций, помогает снять психологическую защиту и усиливает ощущение непрерывности различных состояний психики, возникающих во время сеанса. Специфический выбор музыки часто давал возможность воздействовать на содержание и ход переживания. Ее роль в психоделических сеансах обсуждалась в специальной статье, написанной двумя членами нашей группы—Элен Бонни и Уолтером Панке.

Там, где было возможно, использовалась и внесловесная поддержка: от простого касания или держания пациента за руки до баюканья, ласкания и укачивания его. В такие моменты словесный контакт сводился к минимуму, принимая форму поощрения индивида не уклоняться от любого возникающего переживания и полностью проявлять свои чувства. Во время перерывов в ходе сеанса мы снимали с пациента повязку и наушники и устанавливали с ним краткий словесный контакт. Так больной получал возможность высказать любые прозрения и чувства. Однако в

целом упор делался на внутреннее переживание. Обсуждение его содержания откладывалось на вечер или на следующий день. Изредка, особенно в заключительное время сеанса, мы пользовались семейными фотографиями, чтобы помочь выявить переживания и воспоминания об особых людях и событиях, возникающих в ходе сеанса с указанием на их прямое отношение к больному.

Действие ДПТ было гораздо короче, чем ЛСД. После 4 -- 5 часов сеансы ДПТ-терапии обычно заканчивались, и пациент относительно быстро возвращался к нормальному состоянию сознания. Основное время действия ЛСД исчислялось 8--12 часами. Иногда в ходе сеанса мы оставались с больным 14 и более часов. Когда он начинал возвращаться в нормальное состояние сознания, члены семьи или близкие друзья приглашались в процедурную для «воссоединения». Особое состояние пациента обычно способствовало более широкому и откровенному общению и приводило к необычайно плодотворному взаимодействию. После того как посещение исчерпывало себя, мы некоторое время разговаривали с больным наедине. На следующий день и в течение ближайшей недели мы помогали ему обобщить переживания, испытанные во время сеанса, и ввести новые прозрения в концептуалистику повседневности. Основой работы в этот период служил письменный или устный отчет пациента о сеансе.

- Специально разработанные сеансы приема ЛСД, проводимые в простых и обеспечивающих защиту условиях, резко отличны от «ширяния». Для человека, принявшего ЛСД в сложной социальной ситуации, внешние раздражители и то, что

выходит из его подсознания, переплетаются в невероятные сочетания. Происходящее в таких условиях ЛСД-переживание обычно выливается в непостижимую путаницу восприятия внешнего мира и переживаний из мира внутреннего. В результате ситуация не очень-то благоприятствует глубокому исследованию своего «я».

При позитивном результате психоделического переживания проведение дополнительных сеансов не планировалось. Если же результат был неудовлетворительным или позже, по мере развития болезни, эмоциональное состояние больного снова начинало ухудшаться, сеанс повторялся. Решение о продолжении лечения всегда принималось совместно пациентом и врачом.

Все, описанное выше, является лечебной психоделической процедурой, применявшейся в систематическом исследовании возможностей ЛСД и ДПТ, когда врачам приходилось действовать в соответствии с планом исследовательского проекта. Клиническая же работа с раковыми больными, которые обратились к нам сами, значительно отличалась как от лечебной процедуры в раннем пробном исследовании, так и от ситуации в исследовательском проекте ЛСД- и ДПТ-терапии. В первом главной целью лечебных экспериментов был сбор клинических впечатлений о потенциальных возможностях психоделической терапии раковых больных. К тому времени, когда мы работали с группой обратившихся к нам людей, мы уже обладали значительным клиническим опытом в области лечебных процедур, и задачей исследования было выяснение возможностей психоделической терапии в условиях, не скованных жесткой методикой. Иными словами, мы пытались выяснить наиболее перспективное направление развития этой терапии для максимального проявления ее возможностей.

Существовало несколько важных различий между лечебной работой с пациентами этой группы и работой в ходе двух предшествующих основных видов

исследований. На данном этапе умирающие направлялись к нам хирургами и другими врачами Синайской больницы

уже на последних стадиях болезни, после того как обычные медицинские методы были опробованы и не принесли успеха. Большинство пациентов, обратившихся к нам по своей воле, в целом миновали этот рутинный процесс отбора. Чаще всего они не были балтиморцами и связывались с нами после того, как первые результаты программы работы «Спринг Гроув» были представлены на конференциях, опубликованы в научных журналах и обсуждались средствами массовой информации. Некоторые из обратившихся находились на гораздо более ранней стадии заболевания, и работа с ними была легче и плодотворнее. Остальные больные этой категории поступили обычным образом. Сначала они были включены в исследование ДПТ-терапии, но определены в контрольную группу, не получавшую препарата. После окончания времени наблюдения, им предоставлялась возможность пройти через психоделические сеансы вне рамок программы.

В ходе основных исследований время, проводимое с умирающим и членами его семьи, ограничивалось планом. При работе с обратившимися к нам больными жесткие временные рамки не ставились - определение количества времени, проводимого с умирающим и семьей в ходе подготовки, а также продолжительности бесед по окончании сеанса зависело только от нас. Кроме того, мы оба действовали, как лечебная диада, начиная с первой и вплоть до последней встречи с умирающим и его семьей. Такое положение вещей значительно отличалось от характерного для основной программы исследований при помощи ЛСД и ДПТ, где ассистент врача (или медсестра) обычно начинал принимать участие в лечебном процессе лишь за день или два до сеанса психоделической терапии.

Беседы без использования препаратов, равно как и сами сеансы проводились в одной из двух специальных процедурных палат в Мэрилендском центре психиатрических исследований. Если умирающий был балтиморцем, мы старались провести большую часть работы в знакомом и удобном домашнем окружении. На позднейшей стадии нам посчастливилось получить разрешение проводить сеансы психоделической терапии на дому. Терапевтическая работа в такой ситуации являлась как для нас, так и для больного и его семьи гораздо более глубоким переживанием и становилась бесценным источником важных сведений о психологии и метапсихологии процесса умирания, а также о ценности психоделических переживаний

перед лицом смерти.

Перемены, происходящие у раковых больных в результате проведения психоделической терапии, значительно различаются между собой, сложны и разноплановы. Некоторые привычны - снижение уровня подавленности, напряженности, тревожности, уменьшение нарушений сна и отказ от ухода в себя. Другие проявления не характерны для психиатрии и психологии Запада, что особенно относится к специфическим переменам в основах отношения человека к жизни, то есть в изменении его духовной ориентации и шкалы ценностей. Кроме влияния на эмоциональные, философские и духовные сферы бытия, ЛСД и ДПТ могут разнообразно влиять и на испытываемые пациентом боли. Из-за сложности таких перемен и отсутствия конкретного и чувствительного психологического инструментария для определения некоторых из них, объективное установление результатов и их оценка являются трудной задачей. Положение усложняется также физическим и эмоциональным статусом многих раковых больных и их часто негативным отношением к психологическим процедурам как таковым, что, конечно же, еще больше сужает возможность использования существующих методик.

В ходе программы исследований «Спринг Гроув» мы экспериментировали с различными методами оценки, но так и не нашли удовлетворительного решения описанных выше трудностей.

Изучение возможностей ЛСД-психотерапии, проведенное на 31 раковом больном, может быть использовано в качестве иллюстрации названных усилий*. В соответствии с первоначальным планом работы предполагалось, что каждый пациент пройдет несколько стадий психологического тестирования - до и после данного вида лечения. Однако это оказалось нереалистично, такие тесты требуют определенной степени концентрации и упорства, на которую многие тяжелобольные люди просто неспособны из-за

-
- Здесь мы только кратко коснемся метода оценки терапевтического результата и подхода к анализу данных. Детальное обсуждение исследовательской методологии, количественные данные, детализированное, описание применявшихся шкал, а также результаты статистического анализа заинтересованный читатель найдет в статьях, опубликованных непосредственно по результатам работы.

физических страданий и истощения. В результате подобной неполноты данных, полученных в ходе тестирования пациентов, основной акцент пришлось сделать на сведения наблюдателей. С этой целью Панке и Ричарде разработали специальную методику - «Шкала оценки эмоционального состояния» (ШОЭС). Она позволяла получать оценки в диапазоне от -6 до +6, что отражало степень депрессивности больного, психологической изоляции, тревожности, трудностей в проведении лечения, страха смерти, поглощенности болью и физических страданий. Оценка с использованием данной методики проводилась за сутки и через трое суток после прохождения терапии лечащими врачами, медсестрами, членами семьи, врачом-специалистом по ЛСД-терапии и его ассистентом; на более поздних стадиях исследования -- сотрудником службы социального обеспечения, выступавшим как независимый наблюдатель. Кроме того, в качестве критерия для определения уровня физической боли измерялось количество наркотических средств, потребляемых пациентом.

Эффективность программы психоделической терапии определялась путем оценки статистической значимости сравнительных замеров клинического состояния больных' сравнивались данные, полученные до и после сеанса. Подсчеты производились отдельно для каждой из позиций ШОЭС (депрессивность, чувство изоляции, тревожность, трудность в проведении лечения, страх смерти, поглощенность болью и физическими страданиями), а также для каждого из шести наблюдателей (врач -- специалист по ЛСД-терапии, ассистент врача, лечащий врач, медсестра, ближайший член семьи, независимый наблюдатель)

Кроме того, выводился обобщенный индекс для всех категорий недомогания путем суммирования сведений всех наблюдателей. Затем лечебные результаты в отдельных категориях оценивались путем сравнения индивидуальных обобщенных индексов состояния пациента до прохождения терапии с индексами, полученными после терапии. Для того, чтобы получить итоговую оценку степени улучшения, для каждого пациента высчитывался один итоговый индекс, охватывающий все показатели клинического состояния путем сведения оценок наблюдателей по измеряемым позициям. В результате подсчета стало возможным описать состояние больного при помощи единого цифрового индекса. Хотя при таком подходе оказывалась скрытой специфика лечебных вопросов, а мнения индивидуальных

наблюдателей зачастую сильно

расходились, индекс оказался полезным для сравнения результатов, показанных отдельными пациентами, а также для выражения В виде процентов степени улучшения группы в целом.

Клинические впечатления от подчас резкого воздействия психотерапии с использованием ЛСД на эмоциональное состояние раковых больных подтверждались результатами оценки с помощью ШОЭС. Наиболее значимые терапевтические изменения отмечались в степени депрессивности, тревожности и в области болевых ощущений. Немногим меньше - в чувствах, связанных со страхом смерти. Самые незначительные изменения происходили в сфере осуществления процесса лечения.

Понятие «резкое улучшение» мы определили, как повышение итогового индекса на четыре и более пунктов, а «умеренное» -- как повышение его от двух до четырех пунктов. Пациенты с улучшением менее чем на два пункта или с аналогичным ухудшением, рассматривались, как «в целом без изменений». В соответствии с такой оценкой, 9 больных (29%) показали резкое улучшение в результате проведения психотерапии с применением ЛСД, 13 (42%) - умеренное улучшение, а у оставшихся 9 (29%) состояние в целом не изменилось. Лишь у двоих пациентов итоговый индекс снизился после проведения психоделической терапии. В обоих случаях снижение было незначительным (соответственно - 0,21 и - 0,51 пункта).

Что касается потребности в наркотиках, то средняя суточная доза группы в целом показала явную тенденцию к уменьшению, которое, однако, не достигло статистически значимой степени. Поскольку данный результат, видимо, находится в противоречии с оценками, указывающими на весьма значительное снижение болей, он будет специально проанализирован в одной из нижеследующих глав.

Результаты исследования, проводимого с помощью ДПТ, были описаны и проанализированы Уильямом А Ричардсом*, психологом и врачом Мэрилендского центра психиатрических исследований, участвовавшим в научной работе с больными раком с 1967

-
- С детальным анализом данных и обсуждением результатов программы исследования «Спринг Гроув», проводимых на основе ДПТ, можно ознакомиться в докторской диссертации У А Ричардса (см библиографию)

года В этом проекте приняли участие 45 пациентов, произвольно распределенных между экспериментальной и контрольной группами Два независимых наблюдателя оценивали состояние больных и членов их семей, используя шкалу психологических оценок Хотя в отдельных случаях психотерапия с использованием ДПТ привела к разительным положительным переменам, результат клинических исследований для экспериментальной группы в целом не показал статистически значимого уровня изменений Значимые результаты и важные тенденции обнаруживались в динамике оценок состояния отдельных больных, но в целом доказательства, что ДПТ в состоянии успешно заменить ЛСД в психоделической терапии раковых больных, получены не были Это, видимо, совпадает с впечатлениями от результатов клинической работы и просто с ощущениями врачей-специалистов по психоделической терапии из Мэрилендского центра психиатрических исследований, которые почти единогласно предпочитали работать с ЛСД, если их об этом спрашивали или предоставляли выбор

Более интересной, нежели общий результат работы, оказалась попытка

Ричардса определить терапевтическую ценность психоделического пикового переживания. В этой части исследования возникновение подобных переживаний оценивалось по «Вопроснику психоделических переживаний» (ВПП), разработанному Панке и Ричардсом. Акцент в вопроснике делался на основные категории пикового переживания, как оно описывается авторами, то есть на чувства единства, выход за пределы времени и пространства, ощущение объективности и реальности, а также чувство святости, глубоко ощущаемую позитивность и невыразимость переживания. Позиции, относящиеся к каждой из этих категорий, измерялись по уровню интенсивности при помощи шкалы с диапазоном оценок от 0 до 5. Другим источником сведений была оценка психоделического переживания врачом. Согласно Ричардсу, данные, собранные в результате исследования с использованием ДПТ, показывают, что лучшие терапевтические результаты достигнуты у пациентов, испытавших пиковое переживание, по сравнению с теми, у кого его не было.

Один важный аспект подобной работы неизбежно ускользает даже от самой изощренной методологии аналогичных исследований, которые, кстати, продолжатся и в будущем. Это -- глубина личного опыта тех, кто избран разделить ситуацию умирания с другим человеческим существом и наблюдать, как душевный кризис, -- столь часто возникающий перед лицом смерти, -- уменьшаясь или

даже превращаясь в свою противоположность, претерпевает полную трансформацию в результате психоделического переживания. Повторяющееся участие в подобном особенном событии является более убедительным, нежели цифровые данные. Оно не оставляет сомнений у врача, специализирующегося в области психоделической терапии, что такая работа с умирающими стоит того, чтобы ею заниматься.

4. ПАРАМЕТРЫ СОЗНАНИЯ: КАРТОГРАФИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПСИХИКИ

Для понимания глубокого воздействия психоделической психотерапии на умирающих следует принять во внимание природу и особые характеристики переживаний, вызываемых ЛСД. Клинические исследования препарата в течение последних двадцати лет показали, что он активизирует психические процессы, позволяя индивиду исследовать многие, обычно недоступные, области подсознания. Следовательно, переживания в результате приема ЛСД представляют собой путешествие вглубь скрытых областей психики. Описания разных типов таких переживаний могут рассматриваться как карта психики или, говоря иначе, «картография внутреннего мира». Какие именно сюжеты главенствуют в выходящем из подсознания во время сеанса ЛСД-терапии материале, обусловлено рядом внешних факторов: житейской ситуацией, личностью врача и участников, характером взаимоотношений в процессе лечения, обстановкой.

При проведении сеансов ЛСД-терапии возникает одновременное восприятие ряда параметров и уровней символического характера. Хотя любая попытка описать подобную голографическую совокупность в рамках линейной терминологии содержит в себе определенную степень профанации, мы можем различить четыре главные группы переживаний, вызванных приемом ЛСД: а) абстрактные и эстетические; б) психодинамические; в) перинатальные*; г) трансперсональные.

Ниже приводятся описания каждой

- **Перинатальное переживание** -- новый психиатрический термин, созданный С. Грофом. Этимологически слово перинатальность является производным греко-латинским, состоящим из греческого префикса *пери-* (означающего

и из этих групп и определяется характер ее соотносительности с умирающим .

Абстрактные и эстетические переживания в сеансах ЛСД-терапии

Переживания, входящие в эту категорию, весьма характерны для сеансов ЛСД-терапии, проводимых с использованием низких или средних доз. При применении высоких доз такие переживания обычно имеют место только на ранних этапах, до кульминации действия препарата, и лишь изредка абстрактные феномены длятся долго или преобладают на протяжении всего сеанса, проводимого с применением высокой дозы. Абстрактные и эстетические переживания характеризуются резкими изменениями восприятия при минимуме или полном отсутствии психодинамического контекста. Основная особенность здесь -- перемена в системе зрения. Трансформации восприятия формы и цвета столь сильные и яркие, что зачастую определяются, как «оргии зрения» или «феерия в сетчатке». Иногда нарушение восприятия окружающего мира фактически незначительно, однако сам этот мир необычно интерпретируется чувствами и может казаться невероятно прекрасным, осязаемым, чувственным или комичным. Часто он описывается, как имеющий магическую или сказочную окраску.

Эстетические переживания представляют, видимо, наиболее внешнюю сторону ЛСД-переживаний. Они не содержат важных психологических прозрений и не выявляют глубоких уровней подсознания человека. Их характерная черта на языке психологии объясняется, как следствие химической стимуляции органов чувств, отражающее свойства их внутренней структуры и функциональные характеристики. Подобные же изменения могут вызы

(начало ссылки см. Стр. 54)

около или рядом) и латинской основы *наталь* (выделенной из латинского слова *natalis*, -- относящийся к рождению) Термин перинатальный указывает на возможную тесную связь феномена, относящегося к данной категории, с событиями, непосредственно предшествующими, сопровождающими или следующими

за биологическими родами

- Более детально и полно эти эмпирические категории обсуждаются в книге С. Грофа «Области человеческого бессознательного. Данные исследований ЛСД» М, Из-во Трансперсонального Института, 1994.

ваться другими путями, например, нажатием на глазное яблоко, стробоскопическим светом, пониженным потреблением кислорода, вдыханием углекислого газа или электростимуляцией глазного нерва.

Большинство умирающих, у которых в ходе сеансов ЛСД-терапии преобладали эстетические переживания, не ощутили в себе каких-либо глубоких перемен. Необычайная красота эстетических эпизодов, как правило, производила на этих больных большое впечатление, и они испытывали

благодарность за нарушение монотонности процесса эмоционального и физического угасания. Подобные переживания лишь изредка оказывали длительное благотворное действие. Однако несколько раз мы сталкивались с неожиданным смягчением острой физической боли после сеансов, в которых доминировали, в основном, эстетические переживания.

Психодинамические переживания в сеансах ЛСД-терапии

Переживания данного типа берут свое начало в истории жизни пациента, отражая эмоционально значимые ситуации из его прошлого и настоящего. Они зарождаются в различных областях подсознания, а также в тех сферах психики, которые в обычном состоянии недоступны. Самым простым психодинамическим переживанием является повторное переживание эмоционально значимого для индивида события. Видимо, оно является ярким проигрыванием травматических или очень приятных воспоминаний младенчества, детства или позднейших периодов жизни. Более сложные феномены из этой же группы представляют собой зрительную конкретизацию фантазий, разыгрывание мечтаний, перенесение на других подавленных воспоминаний, а также сложное переплетение вымысла и реальности.

Психодинамические сеансы могут иметь весьма важные терапевтические последствия. Индивид способен вновь прожить и интегрировать различные травматические переживания периода становления личности, имевшие решающее значение для ее развития. Возможность ярко пережить отдельные воспоминания из различных периодов жизни позволяет увидеть их внутреннюю связь и показывает цепь подсознательных невротических матриц, простирающихся сквозь специфические эмоциональные трудности. Все

это может стать важным трансформирующим переживанием, приводящим к глубоким переменам в структуре личности, динамике чувств и поведении индивида.

Психодинамические переживания часто встречаются в сеансах психоделической терапии умирающих. Не приводя обычно к серьезной переоценке взгляда на смерть с философской и духовной точек зрения, они могут помочь обрести важный синтез прожитых периодов жизни и - как результат -- способствуют подготовке к неминуемой смерти с большим спокойствием. В сеансах подобного рода пациенты заново переживают болезненные события, обретая вследствие этого мир и прощение. В тех случаях, когда из-за болезненного осознания несбыточности прошлых планов, неосуществимости мечтаний, неоправданности амбиций душевное равновесие больных нарушается, пробуждая чувства горечи и обиды, больной способен замкнуться в себе или у него может пропасть стремление достичь былой цели. Нередко при таких обстоятельствах перед глазами умирающих проходит в сжатом виде вся их жизнь, и они положительно оценивают ее, что в конечном итоге приводит к прекращению эмоциональной привязанности к ней*. Переживания, вызванные применением ДПТ, у Сильвии -- женщины семидесяти одного года, умирающей от рака груди с многочисленными метастазами--могут быть примером сеанса психоделической терапии, в котором превалирует психодинамический материал автобиографического характера.

В день проведения сеанса, около полудня, Сильвии было введено внутримышечно 105 миллиграммов ДПТ. Ее переживания начались через несколько минут после инъекции. Хотя внешне она спокойно, не двигаясь, лежала на кушетке с глазами, закрытыми повязкой, события, происходившие в ней, были очень яркими и драматичными. Когда Сильвию попросили описать происходящее, она пожаловалась на слабость. Она дрожала. Затем

- Подобное полное прокручивание ленты жизни может происходить в течение весьма короткого объективного времени сеанса. Иногда весь процесс занимает несколько минут или даже секунд. Этот феномен поразительно схож с субъективными переживаниями, сопровождающими несчастные случаи или иные обстоятельства, несущие в себе угрозу жизни, а также ситуации, связанные с клинической смертью.

женщина описала ряд ярких образов, проходивших перед ее глазами и связанных с периодом детства.

Через полчаса мы вновь попросили ее поделиться впечатлениями. Хотя Сильвия по-прежнему чувствовала себя физически неудобно, она выказала сильное возбуждение, связанное с этими детскими впечатлениями, продолжавшими быстро проноситься перед ней. Теперь они переживались на фоне полного осознания предстоящей кончины «Здесь столько всего, что я не могу свести все воедино я была счастлива тогда, а сейчас я больна и уми раю. Я хочу умереть, я хочу умереть сегодня же вечером. Пожалуйста, Боже, возьми меня к себе. Меня не волнует, что я умру, я так стремлюсь к этому. Почему же я страдаю? Я была такой хорошей всю жизнь. Я думала, что только плохие люди страдают. Я была добра к моим детям, к моему мужу». На этом фоне Сильвия вновь пережила рождение детей и обзрела ход их жизни, включая свои отношения с ними. В какой-то момент она неожиданно увидела прекрасного ангела, ведущего партию сопрано в хоре. «Я вижу ангела. Еврейке не следует видеть ангела, ведь это противоречит моей религии, но это настолько, настолько прекрасно. О, нет, все в порядке, это не ангел, это Кэррол Вернет!». Все мы рассмеялись после такого замечания. Это было так типично для Сильвии, чей земной юмор пронизывал все наши взаимоотношения.

К 6 часам вечера действие препарата начало ослабевать, но картины воспоминаний не переставали разворачиваться перед глазами Сильвии. «Все, происходившее в моей жизни, показывается мне сейчас. Воспоминания, тысяча воспоминаний чувств. Во время хороших воспоминаний, все становится солнечным, вокруг так много света, во время печальных -- все темнеет. Я не понимаю, почему мне приходят на ум все эти воспоминания -- некоторым из них 50--60 лет. Удивительно, но вся моя боль прошла, я совсем не думаю о боли». Вскоре после этого Сильвия прошла через период интенсивной дрожи и так описала свои ощущения и переживания: «Мне хочется дрожать, и я не знаю почему, я не знала, что во мне скрыта напряженность. Должно быть, она присутствовала во мне подсознательно. Я думаю, что все мы проходим через жизнь, испытывая некоторую напряженность. Это была такая прекрасная жизнь. Никто не поверит, какую прекрасную жизнь я прожила».

После этого эпизода Сильвия довольно быстро вернулась в свое обычное душевное состояние. Ее окончательное мнение о сеансе сводилось к тому, что она использовала весьма специфическую возможность обозреть свою жизнь. Сильвия заявила, что теперь удовлетворена. Переживание облегчило для нее ожидание смерти, так как отныне она могла понять и оценить по достоинству, насколько полной и стоящей была ее жизнь. Кроме того, серьезное осознание того, что после нее остается множество детей и внуков, которые продолжают жизнь, помогло ей внутренне принять свою кончину.

Последний раз, когда мы ее видели перед смертью, Сильвия подмигнула и сказала: «Увидимся позднее, где-нибудь там.»

Хотя раскрытие перенесенных в детстве травм и глубоких конфликтов совсем не редкое явление в ходе сеансов ЛСД-терапии умирающих от рака, основной акцент в психодинамических переживаниях этих людей все же приходится на актуальные стороны настоящего тяжелого положения. Часто длинные эпизоды в ходе сеансов, для которых характерны психодинамические переживания, концентрируются вокруг таких вопросов, как принятие неизбежной разлуки с детьми, супругами и другими членами семьи; ощущение неизбежной слабости и последующей зависимости; проблема борьбы с физической болью, потерей веса, а иногда -- с физическим уродством, возникающим вследствие ракового заболевания или хирургического вмешательства с целью спасения жизни. Другой существенной проблемой подобного рода является примирение с прогрессирующим уменьшением либидо и падением сексуальной привлекательности. У тех, кто до заболевания был погружен в профессиональную деятельность, потеря продуктивности и резкий крах карьеры могут явиться дополнительной областью душевных переживаний, которые должны быть проработаны на психодинамических этапах сеанса. Иногда раковые больные, до приема ЛСД точно не знавшие своего диагноза и прогноза либо избегавшие того, чтобы узнать их, в ходе сеанса сопоставляли частичные данные и наблюдения, касающиеся болезни, формируя таким образом реальную картину положения.

Довольно часто встречаются воспоминания, соотносимые с физическими травмами. Они являются связующим звеном между психодинамическими и перинатальными переживаниями и, как правило, касаются угрозы для жизни или целостности тела. Они охватывают широкий диапазон от серьезных операций, болезней

ных и опасных травм, тяжелых заболеваний, случаев утопания и до фактов жестокого физического обращения. Освобождение от всего этого -- явление весьма частое для психоделических сеансов умирающих. На материале воспоминаний о прошлых физических страданиях и случаях серьезной угрозы жизни они нередко осмысливают проблемы диагноза, прогноза, боли, агонии, а также неизбежности смерти.

Пережитые раковыми больными в ходе психоделической терапии эпизоды психодинамического характера могут оказать весьма благотворное воздействие на различные эмоциональные расстройства, связанные с основным заболеванием. Временное или стойкое улучшение, наступающее после таких сеансов, выражается в уменьшении чувства подавленности, снижении уровня напряженности, общей тревожности, бессонницы и ухода в себя. Острые физические боли, не подававшиеся воздействию наркотиков, иногда резко облегчались или даже проходили в результате сеанса, в котором превалировали переживания психодинамического типа.

Перинатальные переживания в сеансах ЛСД-терапии

Важнейшая общая черта переживаний перинатального типа -- акцент на проблемах биологического рождения, физической боли, агонии, болезней, одряхления, старения, умирания и смерти. Соприкосновение со страданием и смертью на перинатальном уровне принимает форму глубокого личного опыта переживания кончины. Осознание смерти, происходящее в данной ситуации,

передается не только символическими средствами. Особые эсхатологические размышления и такие натуралистические видения умирающих, как расчленение трупов, гробы, кладбища, катафалки, похоронные процессии оказываются характерными сопутствующими компонентами переживания, связанного со смертью.

Однако его основой является крайне реальное ощущение острого биологического кризиса, и оно часто принимается за настоящее умирание. В подобной ситуации нередко случается, что индивид утрачивает понимание психоделического сеанса, как символического переживания, и ему начинает казаться, что кончина уже неизбежна. Переживание смерти-возрождения на перинатальном

уровне—очень сложный процесс, затрагивающий не только биологический, эмоциональный и интеллектуальный, но и философский и духовный аспекты.

Потрясающие соприкосновения с этими фундаментальными сторонами человеческого опыта, наряду с глубоким осознанием уязвимой и брэнной природы человека, как биологической машины, имеют два важных последствия. Первое из них -- глубокий кризис существования, заставляющий индивида серьезно задуматься над смыслом своего бытия и всех жизненных ценностей. Через подобные переживания он приходит к пониманию того, что независимо от характера деятельности в реальном мире, невозможно избежать наступления физической смерти. Человеческим существам придется покинуть этот мир, лишившись всего, что они накопили и чего добились. Такой онтологический кризис, как правило, приводит к кристаллизации основных ценностей. Земные цели, стремление к соперничеству, желание завоевать некое положение, силу, славу, уважение и завладеть чем бы то ни было, -- все это обычно не выдерживает сравнения с перспективой неизбежности наступления конца жизни в виде полного биологического уничтожения.

Другое важное последствие соприкосновения с явлением смерти (часто эмоционально и физически весьма болезненного) -- открытие религиозных и духовных областей, которые, судя по всему, есть неотъемлемая часть человеческой личности и не зависят от характера культурного и религиозного воспитания индивида. Единственный способ преодолеть известную двусмысленность существования -- трансцендентность. Кризис разрешается, когда люди отыскивают для себя ориентиры вне узких рамок физического организма и вне ограничений продолжительности собственной жизни. Нам представляется, что у каждого, кто пережил соприкосновение с этими уровнями, развивается бесспорное понимание абсолютной и естественной принадлежности духовного мира общему порядку вещей.

Каким-то не совсем ясным на данной стадии исследований образом описанные выше переживания связаны с обстоятельствами биологического рождения. Люди, принимающие ЛСД, зачастую относятся к, ощущаемому ими ряду последовательных ситуаций агонии, смерти, рождения (или воскресения), столь характерных для данной области, как к переживанию действительно имевших место биологических родовых травм. Другие не проводят

такой четкой связи и рационализируют свой опыт соприкосновения с кончиной, а также переживание смерти-возрождения целиком в философских и духовных категориях. Но даже в этой последней группе перинатальные переживания довольно регулярно сопровождаются комплексом физических симптомов, которые легче всего истолковать, как относящиеся к биологическим родам. Они включают в себя разнообразные ощущения физической боли,

проявляющейся в различных частях тела, ощущение давления, чувство удушья, резкие изменения окраски кожи, тремор, приступообразные подергивания, нарушения в работе сердца, аритмию, обильное потоотделение, повышенное выделение слизи, слюноотделение и тошноту. Лица, находящиеся под действием ЛСД, также принимают позы и продуцируют серии телодвижений, поразительно напоминающие процесс прохождения плодом различных стадий родов. Кроме того, они часто говорят о возникновении образов или чувств идентификации с зародышами или новорожденным младенцем. Нередки различные проявления, переживания и типы поведения, характерные для новорожденных, а кроме того, возникновение образов женских гениталий и груди.

Богатый и сложный материал, выявляемый на перинатальном уровне подсознания, возникает в сеансах ЛСД-терапии в виде нескольких типичных структур или, иначе говоря, матричных переживаний. Для дидактических целей, теоретических рассуждений и практики проведения психотерапии с использованием ЛСД оказалось весьма плодотворным соотнести феномены этой группы с последовательными стадиями протекания биологических родов и с ощущениями ребенка в перинатальный период. Последние будут кратко описаны в определенной последовательности, соответствующей фазам протекания процесса родов при реальном рождении человека. В ходе сеансов психоделической терапии такой порядок не обязательно соблюдается, и индивидуальные матрицы могут проявляться в виде блоков, чередующихся во многих иных последовательностях.

Переживание космического единства

Это важное перинатальное переживание относится, видимо, к первичному союзу с матерью, изначальному состоянию внутриутробного существования, когда ребенок и мать образуют символическое единство. Если нет воздействия вредных раздражителей,

условия, в которых пребывает зародыш, близки к идеальным, включая в себя защиту, безопасность и постоянное удовлетворение всех потребностей. Основными чертами здесь являются преодоление разделения мира на категории субъект-объект; необычайно мощные позитивные переживания (мира, покоя, безмятежности, блаженства); ощущения святости, преодоления пространства и времени, независимости и богатства постижения своего изначального слияния с космосом.

Переживание космического всасывания

Люди, принимавшие ЛСД и сталкивавшиеся с этим типом, часто относят его к самому истоку биологических родов, когда первичное равновесие внутриутробного существования нарушается химическими веществами, сигнализирующими о начале родового процесса, а позднее и мышечными сокращениями. Переживание космического всасывания обычно начинается со всеобъемлющего чувства нарастающей тревоги и уверенности в существовании непосредственной угрозы жизни. Источник такой приближающейся опасности не может быть ясно идентифицирован, отчего у индивида проявляется тенденция интерпретировать свое непосредственное окружение или весь мир параноидальным образом. Нередко люди, находящиеся в этом состоянии, заявляют об испытываемых вредоносных воздействиях, исходящих от членов тайных организаций, обитателей других планет, злых чародеев и механических устройств, испускающих губительные лучи. Дальнейший рост тревоги обычно приводит к ощущению неумолимого втягивания индивида со всем его внутренним миром и поглощения гигантским водоворотом. Частая вариация подобного

всеобщего всасывания—заглатывание человека и переваривание его ужасающим чудовищем. Иной формой того же процесса, судя по всему, является тема нисхождения в подземный мир и столкновения с различными опасными тварями и сущностями.

Переживание «отсутствия выхода»

Оно соотносится с первой клинической стадией процесса родов, когда сокращения матки постепенно захватывают плод, следствием чего является его полная зажатость. На этой стадии шейка матки еще закрыта и выхода вовне пока нет. В ходе сеансов ЛСД-терапии данное переживание характеризуется глубокой темнотой

поля зрения. Индивид чувствует себя запертым, пойман ным в замкнутом мире, испытывает невероятные душевные и физические муки. Существование в подобном мире представляется абсолютно бессмысленным, все положительные стороны жизни скрыты. Символика, сопровождающая этот тип, чаще всего выражается в образах ада, взятых из различных культур. Наиболее характерная черта, отличающая данное переживание от следующего, -- это настойчивое акцентирование роли жертвы и абсолютной неизменности и вечности любой ситуации. Человеку представляется, что нет никакой возможности вырваться ни во времени, ни в пространстве.

Переживание борьбы смерти и возрождения

Многие аспекты переживаний такого типа могут быть понятны, если сравнить их со второй клинической стадией родов. Во время этой фазы продолжаются сокращения матки, однако ее шейка уже широко раскрывается.

Наступает период постепенного проталкивания через родовой канал, во время которого плод испытывает сильные механические сдавливания. Он борется за жизнь и часто ощущает острую нехватку воздуха. На заключительных стадиях родов плоду приходится непосредственно соприкоснуться с различного рода биологическими субстратами типа крови, слизи, околоплодной жидкости, мочи и даже фекалий. С точки зрения переживаний, эта матрица является весьма сложной и имеет для индивида несколько важных аспектов: чувство титанической борьбы, садомазохистские тенденции, высокая степень сексуального возбуждения, грязно порнографические порывы, а также присутствие огня

Лица, принимавшие ЛСД, на данной стадии ощущают, как мощные потоки энергий протекают сквозь их тела, и одновременно испытывают скопление колоссального напряжения, время от времени разрешающегося взрывом. Обычно все это сопровождается неистовыми образами разбушевавшейся природы, апокалиптическими картинами войны и демонстрацией пугающих технических устройств. Освобождается и вновь накапливается огромное количество агрессивной энергии, что находит выражение в ярких разрушительных и саморазрушительных переживаниях, включающих в себя жуткие убийства, все мыслимые виды пыток,

расчленения, казни, изнасилования и принесение кровавых жертв.

Сексуальное возбуждение может достичь необычайно высокой степени, и тогда оно находит выход в сценах сексуальных извращений или же в образах ритмичных чувственных танцев. Многие лица, принимавшие ЛСД, обнаруживали на данной стадии психофизиологическую связь между агрессивностью и агонией, с одной стороны, и сексуальным экстазом, -- с другой. Они постигли что интенсивное оргиастическое возбуждение может граничить со страданием, а смягченную агонию можно ощущать, как сексуальное наслаждение.

Скатологические аспекты борьбы смерти и возрождения включают в себя личное соприкосновение с омерзительными вещами. Люди могут воспринимать себя валяющимися в экскрементах тонущими в выгребных ямах, ползающими в отбросах, едящими фекалии, задыхающимися от мокроты, пьющими кровь или мочу. Все это обычно сопровождается переживанием прохождения через очищающий огонь. Пламя сжигает все испорченное в личности подготавливая таким образом, к переживанию духовного возрождения.

Несколько важных параметров отличают эту группу переживаний от описанных ранее в связи с ситуацией «отсутствия выхода». Здесь положение не представляется безнадежным, а человек не является беспомощным. Он активно участвует в происходящем испытывая чувство, что переносимые страдания имеют определенный смысл и цель. Если воспользоваться религиозной терминологией, такая ситуация ближе к концепции чистилища, нежели ада. Кроме того, в данном случае человек не обязательно является беспомощной жертвой. Он -- наблюдатель, способный настолько отождествляться сразу с обеими сторонами, что едва различает, кто же он агрессор или жертва. В то время как переживание безысходности является истинным страданием, ощущение коллизии между смертью и возрождением представляет собой пограничное чувство между агонией и экстазом, а также смешение обоих.

Переживание смерти и возрождения

Данная эмпирическая матрица соответствует третьей клинической стадии родов. Мучительность родовых схваток достигает апогея, продвижение по родовому каналу закончено, и за ним следует мгновенное облегчение и расслабление. С перерезанием пуповины заканчивается процесс физического отделения от матери, и у ребенка начинается новая стадия существования—уже в качестве анатомически независимой личности.

Переживание смерти и возрождения представляет собой окончание и разрешение их борьбы. Страдания и мука достигают высшей точки в ощущении полного уничтожения на всех уровнях физическом, эмоциональном, интеллектуальном, моральном и трансцендентальном. Обычно такое состояние обозначают, как «смерть эго». Судя по всему, оно включает в себя мгновенное разрушение всех предшествующих переживанию установок личности. Само переживание полного уничтожения часто сопровождается видениями слепящего белого или золотого света, а так же чувством освобождения от гнета и ощущением разлитости. Мир воспринимается, как нечто невыразимо прекрасное и сияющее. Человек ощущает себя очищенным и омытым и склонен рассуждать об искуплении, спасении и единении с Богом.

Перинатальные переживания играют весьма важную роль в психоделической терапии умирающих. Как правило, эпизоды, включающие в себя прохождение процесса смерти-возрождения, характерны для сеансов с применением больших доз галлюциногена. Лишь изредка индивид в подобных условиях не воспринимает никаких перинатальных образов, а все ЛСД переживания разворачиваются в психодинамической сфере либо состоят исключительно из трансперсональных феноменов.

Столкновение с переживанием смерти-возрождения в ходе психоделического сеанса весьма глубоко воздействует на представления человека о природе смерти и умирания. Обычно оно настолько реалистично, что, с точки зрения личного опыта, воспринимается как идентичное действительной биологической кончине. Люди выходят из сеансов, в ходе которых у них возникали переживания перинатального типа, с глубокой уверенностью, что они соприкоснулись с

величайшим кризисом человеческой жизни и обрели глубокое понимание сущности умирания и смерти. В бу душем это становится как бы фундаментом для встречи с реальной смертью. Такие люди открыли для себя важность смирения, капитуляции и принятия неизбежного. Поскольку за переживанием смерти это всегда следует чувство возрождения, то любое

сопротивление естественному ходу данного переживания знаменует продление страданий. Одновременно индивиды, прошедшие сквозь страдания смерти-возрождения во время психоделических сеансов, как правило, легко принимают возможность существования сознания независимо от плоти, в том числе и после наступления клинической смерти. Подобное прозрение может в корне отличаться и даже противоречить предшествующим религиозным и философским убеждениям. Те, кто ранее был убежден, что смерть является последним поражением и означает прекращение любой формы жизни, открывают для себя различные альтернативы такой материалистической и прагматической точке зрения. Люди приходят к пониманию ничтожности доказательств любой влиятельной концепции на этот счет и зачастую начинают рассматривать смерть и умирание, как космическое путешествие в неизведанное.

Характерное изменение шкалы ценностей и отношений индивида со временем в результате переживания смерти-возрождения и чувства космического всеединства также способны стать важными факторами перемен в жизни умирающего. Нетрудно представить, насколько человек, чьи планы и амбиции разрушены смертельным заболеванием, может выиграть от бесстрастного отношения к земным достижениям и благам. Подобным же образом усиление ощущения пребывания «здесь и сейчас», наряду со снижением роли прошлого и будущего, дает умирающему возможность прожить каждый из оставшихся дней наиболее полноценным образом -- в относительной свободе от забот о прерванной работе и вне тревоги о грядущем.

Отрывки из сеанса ЛСД-терапии Габриэлы -- 42-летней служащей системы социального обеспечения, страдающей от сильно разросшейся неоперабельной раковой опухоли в области гениталий, могут быть использованы в качестве примера психоделического переживания с преобладанием перинатальной проблематики. В анамнезе у Габриэлы были застарелая невротическая и пограничная психотическая симптоматика. В течение ряда лет больная подвергалась интенсивной психотерапии у гипнотизера с психоаналитической подготовкой, который направил ее в Мэриленд-ский центр психиатрических исследований, в основном, из-за возникшей в ходе лечения реакции на рак.

Существовала, однако, и дополнительная проблема: отсутствие успеха в лечении основного заболевания, а также трудности, возникшие в отношениях с врачом и связанные с «переносом»*.

Утром перед сеансом Габриэла испытывала значительную тревогу и страх. Через тридцать минут после введения 300 микрограммов ЛСД она ощутила во всем теле сильный сексуальный позыв и начала мягко изгибаться в такт восточной музыке, игравшей в это время. У нее возникло непреодолимое желание трогать себя, и она ласкала различные части тела. С нарастанием чувственных ощущений движения ее тела все больше становились похожими на змеиные, пока, наконец, она не идентифицировала себя с огромным питоном, медленно извивающимся под музыку. По мере того как музыка становилась все более неземной, в ее переживания вошел и постепенно завладел ими мотив смерти. Габриэла видела многочисленные образы больных и умирающих, похоронные обряды, процессии и кладбище. С болью она

ощутила присутствие смерти в жизни человека и разрыдалась. Затем перед ее взором предстало лицо психоаналитика. Искаженное и гротескное, оно медленно трансформировалось в облик матери.

В ходе таких превращений Габриэла начала ощущать интенсивные родовые схватки. Она подняла колени и начала выгибать их вперед, словно рожала. Ощущение агонии и смерти тесно связывалось с этой борьбой -- за возможность родиться и родить. В какой-то момент усилие разродиться и быть рожденной показало связь с болезнью: Габриэла ощутила, что пытается отторгнуть опухоль от тела. Ей представлялось, что завершение родов в действительности окажет исцеляющее воздействие на рак.

Затем Габриэла поняла, что родилась. Однако создавшееся положение было далеко от удовлетворительного. Она обнаружила себя лежащей между огромными женскими бедрами и покрытой дурно пахнущей грязью. В течение продолжительного периода она ощущала себя валяющейся в фекалиях и делала неоднократные попытки прочистить рот, который казался заполненным экскрементами. Габриэлу переполняла тошнота, и она безуспешно пыталась вызвать рвоту. Борьба с желанием сдаться и отдаться на волю событий продолжалась. Она выразилась в отчаянном позыве

- Термин, используемый в методике психоанализа, заключающийся в намеренном развитии эмоционального отношения к врачу со стороны пациента.—

Прим: перев.

мочиться, испражняться и одновременно в сопротивлении этому. Затем Габриэла пережила ряд яростных военных сцен, перемежающихся эпизодами родов. Она ощущала в себе истечение токов агрессии. В какой-то момент она ухватилась за пытающегося помочь ей Станислава и разорвала его рубашку, обнажив плечи.

На следующий день Габриэла чувствовала себя усталой, и ей было физически неуютно. Лишь через три дня после сеанса наступило состояние мира, спокойствия, и она испытала позитивные чувства в отношении переживания. «Временами оно было трудным и ужасным, но оно того стоило. Я много узнала о себе. Я не чувствую особой радости или экзальтации, но, кажется, во мне возникло новое ощущение спокойствия. Я чувствую, что что бы ни произошло в ходе сеанса, -- это глубоко связано со мной».

Из-за серьезных эмоциональных проблем, предшествовавших возникновению ракового заболевания, улучшение состояния Габриэлы не было столь разительным, как у некоторых других пациентов. Всего в течение нескольких месяцев она прошла через шесть сеансов ЛСД-терапии.

Трудности в отношениях с психоаналитиком были успешно преодолены и значительная часть невротической симптоматики весьма снижена. Однако в целом клиническая картина ее основного заболевания и отношение к смерти остались далеки от идеальных. Несмотря на то, что на некоторое время ее чрезмерная опухоль, казалось, уменьшалась, Габриэла умерла спустя несколько месяцев от закупорки кишечника вследствие непроходимости кала.

Трансперсональные переживания в ходе сеансов ЛСД-терапии

Общей чертой данной разнообразной и колоритной группы переживаний является ощущение индивида, что его сознание расширилось за пределы обычных рамок эго и превзошло ограничения, налагаемые временем и пространством. В

обычном состоянии сознания люди видят себя существующими в пределах физического тела (образ тела), и принятие ими окружающего мира ограничено физически зафиксированным диапазоном органов восприятия. Как внутреннее восприятие (интероцепция), так и восприятие окружения (экстероцепция) заключены в обычные пространственно-временные рамки. При нормальных обстоятельствах люди четко

осознают ситуацию, в которой находятся, и свое непосредственное окружение. Они способны вспоминать прошлое и представлять или воображать будущее. При трансперсональных переживаниях, возникающих в ходе психоделических сеансов, одно или несколько перечисленных выше ограничений, судя по всему, снимаются.

Многие испытывают ослабление привычных тенет личности, их сознание и самоощущение, видимо, раздвигаются, включают и затрагивают других, а также иные элементы внешнего мира. Люди могут сохранять восприятие себя, но в другом пространственно-временном континууме либо в ином контексте. В некоторых случаях они переживают полную потерю своей личности и испытывают глубинную идентификацию с сознанием другого лица, животного или даже неодушевленного предмета. Наконец, в сравнительно многочисленной группе трансперсональных переживаний сознание, видимо, способно затрагивать элементы, полностью чуждые привычной личности, которые не могут рассматриваться просто как производные от переживаний в трехмерном мире.

Немалое число переживаний, из относящихся к данной категории, можно истолковать как регрессии во времени и, значит, как исследование собственного биологического или духовного прошлого. В ходе психоделических сеансов совсем нередки переживания вполне конкретных и реалистических эпизодов, определяемых, как воспоминания на уровне фетуса и эмбриона. Многие испытуемые описывали яркие эпизоды, воспринятые на клеточном уровне сознания, видимо, отражавшие их существование в форме спермы или яйцеклетки в момент зачатия. Порой подобная регрессия уходила еще дальше, и индивид испытывал уверенность, что переживает воспоминания собственных предков или даже спускается до уровня расового или коллективного бессознательного. Иногда лица, принимавшие ЛСД, описывали переживания, в ходе которых они идентифицировали себя с различными животными в эволюционной родословной либо четко ощущали, что переживают воспоминания о существовании в предыдущем воплощении.

Некоторые трансперсональные феномены включают в себя снятие скорее пространственных, нежели временных барьеров. Сюда относятся переживания сознания другой личности (двойная личность), группы лиц или всего человечества в целом. Аналогичным образом можно преодолеть рамки специфически человеческих

переживаний и настроиться на то, что, судя по всему, является сознанием животных, растений или даже неодушевленных предметов. В крайних случаях возможно переживание сознания всех существ, целой планеты либо всего материального мира.

Другой феномен, относящийся к преодолению обычных пространственных ограничений, -- это сознание конкретных частей тела: различных органов, тканей или даже отдельных клеток. Важной составной частью трансперсональных переживаний, включающих в себя преодоление времени и/или пространства, являются феномены сверхчувствительного восприятия, типа процессов выхода из тела, телепатии, предчувствий, ясновидения и яснослышания, а также путешествий в пространстве и во времени.

В многочисленной группе трансперсональных переживаний расширение сознания, видимо, выходит за пределы мира феноменов и пространственно-временного континуума, какими мы их себе представляем. Весьма обычными, к примеру, являются встречи с душами умерших или со сверхчеловеческими духовными сущностями. Испытуемые описывали многочисленные

видения архетипов, персонифицированных божеств и демонов или даже сложных мифологических сцен. Интуитивное понимание универсальных символов, пробуждение Кундалини и активизация различных чакр—дополнительные примеры явлений, относящихся к данной категории. В крайней форме подобных переживаний индивидуальное сознание, видимо, стремится объять всеобщность существования и слиться с бытием вселенского сознания. Высшей точкой здесь является ощущение себя как Ничто, таинственная исконная пустота и «ничегошность», содержащая в зародышевой форме все существование.

Активизация и раскрытие трансперсональной области в подсознании умирающих может иметь далеко идущие последствия для их представлений о смерти, отношения к грозящей ситуации, а также способности принять факт физической смертности. Различные типы трансперсональных переживаний имеют особое, личное значение для людей, соприкасающихся со смертью. В тот момент, когда данные переживания достигают уровня осознания и интегрируются психикой индивида, как правило, происходит резкое переосмысление его взглядов на параметры человеческого

сознания, фундаментальные законы психики и природу человека. Те, кто считает себя ничтожной и брэнной пылинкой в безмерном космосе, начинают допускать возможность сопоставимости параметров их собственной жизни с макро- и микрокосмом. При подобном подходе сознание выступает в качестве ведущей характеристики существования, предшествующей материи и главенствующей над ней, а не являющейся продуктом физиологических процессов, происходящих в мозгу. Представляется вполне вероятным, что сознание и самосознание в значительной степени независимы от грубой материи тела и мозга и продолжают свое существование после момента физической кончины. Эта альтернатива испытана способом, столь же сложным, четким и доказательным, как и восприятие реальности в обычном состоянии сознания. Трансцендентальное воздействие подобных переживаний обычно бывает сильнее для тех, кто до своего вступления в трансперсональные сферы пережил смерть и возрождение эго. Память о том, что сознание возродилось незатронутым из того, что представлялось окончательным уничтожением, образует мощный эмоциональный и обучающий блок, способствующий пониманию процесса действительной смерти.

Возможность полноценного сознательного восстановления сцен из жизни далеких человеческих и даже животных предков, наряду с четким переживанием сложных расовых и коллективных воспоминаний могут привести к появлению стойкого ощущения, что время является относительной и произвольной концепцией, которая может быть превзойдена. Существование переживаний двойного и группового сознания, а также отождествление с растениями, животными или сознанием неорганической материи, предполагают, что пространственные рамки, ограничивающие людей в пределах их физических тел, не действуют в области духа. В ходе психоделических сеансов все элементы Вселенной в ее нынешней и когда-либо существовавшей формах могут быть сознательно пережиты индивидом.

Не удивительно, что на основании подобного рода предположений лица, принимавшие ЛСД, часто приходят к выводу об отсутствии истинных границ между ними и остальным миром. Им все представляется частью единого поля космической энергии, и их собственные границы идентичны границам самого существования. С этой точки зрения различие между обычным и священным исчезает, а человек, который в сущности и есть весь мир, --

освящается. Мир представляется как вечно разыгрываемая драма, состоящая из бесконечных приключений сознания, в духе индуистского понятия лила, то есть божественная игра. На фоне подобной бесконечно сложной и вечной космической драмы факт неизбежной индивидуальной гибели, видимо, теряет весь свой трагизм.

В данной ситуации исчезает привычное восприятие смерти как конца всего, как крайней формы катастрофы. Отныне кончина понимается как движение в сфере сознания, переход на другой уровень или в иную форму жизни. Для испытавших космическое и метакосмическое Ничто само существование может показаться относительным. Подобно тому, как это принято в буддизме, они способны воспринимать форму как пустоту и пустоту как форму и в состоянии наблюдать разворачивание личных судеб с глубокой вовлеченностью и одновременно с полнейшим философским и духовным бесстрашием. Такое отношение к событиям в мире феноменов сравнивалось лицами, принимавшими ЛСД, с присутствием на необычном спектакле или с просмотром фильма. Этот подход дает человеку возможность полноценно участвовать во всех эмпирических особенностях жизненной драмы с ее бесчисленными нюансами. Однако, когда эмоциональное воздействие ситуации становится непреодолимым, есть возможность перейти на точку зрения «как бы» — к высокой степени абстрагирования, при котором последовательность и содержание событий не являются окончательно реальными. Существует разительное сходство между подобным подходом к миру феноменов, каким мы его знаем в повседневной жизни, и индуистской концепцией майи, согласно которой объективная реальность является особой формой метафизической иллюзии или даже бреда.

Другая категория трансперсонального постижения, имеющая самое прямое отношение к умирающим, -- открытие существования закона кармы и инкарнационных переживаний. Иногда это происходит в самой общей форме, например, когда люди видят развитие жизни в категориях бесконечных циклов смертей и возрождений, управляемых законом кармы. При других обстоятельствах такие переживания являются более конкретными и изображают цепь последовательных воплощений. Люди могут столкнуться с вероятностью того, что они жили уже множество раз до нынешнего воплощения и что их карма потребует воплощений в будущем. Порой обе возможности сливаются в одно сложное, многомерное переживание, и человек оказывается в состоянии увидеть развитие собственной кармической монады в гораздо более широких рамках циклов смертей и возрождений.

Вне зависимости от того, какую конкретно форму примут подобные проникновения в природу перевоплощений и кармы, они, судя по всему, оказывают глубокое воздействие на умирающего. И, как правило, имеют следствием не столько возникновение твердого убеждения в существовании закона кармы и перевоплощений, сколько допущение о возможности такого положения вещей, как вполне вероятной альтернативы нигилистическим и пессимистическим концепциям Запада. Даже при таком подходе перспектива продолжения жизни в

иной форме оказывает весьма освобождающее воздействие на индивида и может значительно уменьшить отчаяние и страх смерти.

Еще одно из переживаний, описанных в разделе трансперсональных переживаний, заслуживает упоминания в данном контексте. Явления выхода из тела и внетелесных передвижений способны значительно укрепить мнение человека о том, что сознание способно существовать независимо от физического тела и неподвластно физической смерти. Кроме того, подобные переживания могут иметь для умирающего огромное практическое значение. Так, в нескольких случаях пациенты, прошедшие через сеансы психоделической терапии, позже испытывали краткие эпизоды глубокой агонии, потери сознания или даже клинической смерти, а затем были возвращены к жизни. Они не только описывали четкие соответствия между реальным переживанием умирания и сеансами ЛСД-терапии, но и сообщали, что знание, полученное под воздействием ЛСД о том, как следует прекращать сопротивление и выходить из тела, оказалось бесценным и помогло значительно смягчить происходящее.

Вероятность проявления трансперсональных феноменов в сеансах ЛСД-терапии повышается с количеством сеансов и дозы препарата. В ходе проведения психоделической терапии в Праге, когда мы, как правило, прибегали к его повторным введениям, сеансы с чисто трансперсональным содержанием были довольно частыми. В программе психоделической терапии раковых больных «Спринг Гроув» число сеансов, приходящихся на одного пациента, было невелико.

Хотя эпизоды с трансперсональным содержанием появлялись регулярно, в них обычно содержались психодинамические и

перинатальные компоненты. Нижеследующие отрывки взяты из курса ЛСД-терапии Катерины, 62-летней предпринимательницы, страдавшей от рака груди и карциномы кишечника с метастазами в печени. Примененная доза равнялась 400 микрограммам.

Переживания Катерины начались с сильного чувства тошноты, но, видимо, это относилось не к физическому плану, -- в ощущении присутствовал четко выраженный духовный подтекст. Затем все оборвалось, и после непродолжительного периода спокойствия Катерина начала любоваться прекрасными изумрудами и опалами мягких зеленых и голубоватых оттенков. Самоцветы вращались и сыпались откуда-то сверху. Их озарял великолепный луч света. Он сверкал и казалось исходил из Катерины. Судя по всему, самоцветы и драгоценности были не просто прекрасными вещами, а имели гораздо более глубокое значение. Изливающийся из них зеленый свет обладал духовной природой и освобождал Катерину от печали.

Затем красота исчезла, и Катерина начала обзирать различные стороны своей жизни. По мере освобождения от разочарований детства, путаницы и неразберихи в сексуальной жизни, неудач брака и унижений, которым она подверглась, будучи еврейкой, по ее щекам начали течь слезы. В ходе этого очищающего и отмывающего обзора жизни большая часть ее язвительности трансформировалась в юмор. У Катерины даже появилось чувство, что все пережитое в жизни, было истинным ощущением любви.

Позже в ходе сеанса музыка звучала все громче, словно циклон, вращающийся с неопишуемой скоростью, или смерч, раздирающий ее внутренности. Музыка

нарастала и становилась дикой и гневной. Она захватила Катерину, угрожая выбросить ее в пространство, где от нее ничего не останется.

Катерина боролась со всасывающей силой этого вихря и ощущала, что, если позволит втянуть себя в центр, то с нее будет содрана плоть, кости -- абсолютно все. Затем ей представилось, что происходит какая-то жестокая битва, ведущаяся самым примитивным оружием, типа мечей, кинжалов, алебард и арбалетов. Катерина была глубоко поглощена этим сражением: она яростно рубилась, и ей, в свою очередь, наносили раны. Во время побоища она почувствовала, как музыка поддерживает ее. Два музыкальных рефрена поднимали и проталкивали ее вперед. Давление было невыносимым, она боялась, что в любой момент может вспыхнуть и взорваться. Словно вот-вот разорвется гигантская атомная бомба, своими размерами

превосходящая все известное на Земле, и уничтожит Вселенную. Катерине казалось, что у нее очень хрупкое, как бы сделанное из самого дорогого фарфора лицо, и она слышала, как крошились в голове тонкие косточки. Судя по всему, череп раскололся на тысячу кусков, и оттуда, где он лопнул, на лицо лилась кровь. Катерина казалась себе маленьким, беспомощным младенцем, испытывающим удушье в процессе родов и сражающимся за возможность родиться. В этом переживании присутствовало то, что она назвала «брезжащим восстановлением единства». Кульминация была достигнута в видении гигантского колеса, уходящего в беспредельность. По его краю, на бесконечном ободе, располагались все религии мира, посылая сияющие лучи в центр и наружу. Они были представлены различными символами и тайными надписями. Катерина стояла посередине колеса, загнанная прямо в центр, атакованная, искушаемая и разрываема всеми этими религиями. Они «жаждали» ее и боролись между собой за нее, протягивая все лучшее, что могли предложить. Каждый раз, когда Катерина была готова уступить какой-либо из них, она обнаруживала их недостатки, слабости и меняла решение. Затем колесо ускорило вращение—все быстрее и быстрее, пока Катерина не перестала различать что-либо. Она была полностью обездвижена, абсолютно неподвижна в центре времени и пространства, и колесо, наполненное столькими верованиями, сплавило их в одно. Все было залито теплым, мягким, золотым светом. Катерина парила и купалась в нем, ощущая себя убаюкиваемой и утешаемой. Такое сливающее все воедино божественное видение было, видимо, то, к чему она стремилась и ждала всю свою жизнь. Оставался лишь последний маленький шаг к полному растворению и единству. Когда же Катерина уже была готова слиться с божественным светом, она поняла: Божество—всегда мужчина, и полностью сдаться ему и слиться с ним она не может.

Ничего драматичного в сеансе после этой кульминации не произошло, Катерина была погружена в теплое золотое сияние и ощущала себя любящей и любимой. Когда мы дали ей землянику со свежевзбитым кремом, для нее это явилось чуть ли не экстатическим переживанием: «Это было самое потрясающее блюдо, которое я когда-либо ела в жизни. Оно было чувственным и на вкус невероятно своеобразным. Джоан, иногда я не могу приять, являешься ли ты моей матерью, сестрой или дочерью. Ты являешься для меня столь многим».

Позднее вечером Катерина чувствовала огромную благодарность за переживание и космические озарения, которые она расценивала, как особую милость и привилегию. Судя по всему, у нее было еще два переживания, имевшие характер воспоминаний о прошлых воплощениях. В одном из них она идентифицировала себя с греческим ученым, находящимся в плену у богатого

римлянина в качестве учителя, наставника его детей. Хотя он и знал, что является существом подвластным, но чувствовал себя выше ситуации и внутренне свободным. Во втором Катерина была собою, но с выбритой головой и одетой в шафрановые одежды, подобно восточному монаху.

Катерина восприняла сеанс, как очень важное событие своей жизни. До него она находилась в глубокой депрессии и предприняла серьезные попытки достать сильнодействующий яд. Ее одержимость мыслями о самоубийстве исчезла полностью. Катерина чувствовала себя так, словно в ее жизни открылась новая глава:

«Все эти годы я существовала. В прошлую пятницу я начала жить. Я действительно ощущаю себя новой личностью с совершенно изменившимся сознанием. Даже мое тело чувствует себя по-другому. У меня нет болей».

5. ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ: ПСИХОДЕЛИЧЕСКИЕ БИОГРАФИИ

В предыдущих главах мы описали принципы психоделической терапии умирающих и суммировали наши наблюдения в данной области. Представляется необходимым дополнить эту общую информацию историями отдельных пациентов, которые на более конкретном и личностном уровне позволяют заглянуть в суть психоделической терапии. Мы отобрали тех, у кого лечение сопровождалось полным или частичным успехом, и каждая история является иллюстрацией определенных важных аспектов психоделической терапии у раковых больных.

Положение Мэтью требовало лишь минимальной работы с семьей: будучи терапевтом, он и его ближайшие родственники полностью отдавали себе отчет в стоящих перед ним сложностях. Общение в этой семье было открытым и честным. Основной проблемой пациента в столкновении со смертью и ее принятии была прагматическая и атеистическая ориентация. Опыт Мэтью показывает, что элементы мистического сознания могут возникать в ходе психоделических процедур у хорошо образованных, скептически настроенных и ориентированных на науку личностей.

Тэд во многих отношениях находился на противоположном конце спектра. Уровень его образования был довольно ограничен, и в целом он разделял религиозный взгляд на мир. Отношения в семье были крайне запутанными и сложными, что потребовало проведения серьезной психологической работы.

Джесс был практически неграмотным человеком, который в ходе психоделических процедур открыл и усвоил сложную метафизическую систему, включающую веру в реинкарнацию. Психологическая сила новой духовной ориентации была столь велика, что позволила ему преодолеть избыточный страх смерти и отрешиться от безнадежного цепляния за жизнь.

Сюзанне психоделическая терапия серьезно помогла, но главная проблема -- мучительные боли -- так и не была решена. Ей, однако, удалось преодолеть страх перед паллиативной операцией, принесшей ожидаемое облегчение. Джон, напротив, может быть приведен как пример присутствия элемента непредсказуемости в психоделической терапии болевых ощущений. После безуспешной, по первоначальным представлениям, процедуры невыносимая боль полностью исчезла на несколько месяцев.

История Джоанны является иллюстрацией потенциальных возможностей психоделической терапии в самом ярком виде. В результате трех ЛСД-процедур она испытала глубокую духовную трансформацию, полностью изменившую характер

последних дней ее жизни. То, как она улаживала житейские дела и решала практические вопросы, связанные с собственной кончиной, постоянно вызывало у родных и близких чувства благоговения и удивления. Кроме того, ее муж тоже прошел психоделические процедуры в рамках нашей программы ЛСД-обучения. Это помогло ему не только лучше понять, как умирала Джоанна, но и справиться с некоторыми своими ощущениями, связанными со смертью и раковыми заболеваниями.

МЭТЬЮ

Мэтью -- 42-летний специалист по внутренним болезням страдал от неоперабельной формы рака поджелудочной железы. Он хорошо знал нашу программу, так как несколькими годами ранее направил к нам одного из своих онкологических пациентов для прохождения психоделической терапии, оказавшейся весьма успешной. После того, как жена Мэтью описала по телефону его состояние как критическое, мы немедленно откликнулись на просьбу о прохождении ЛСД-терапии и приехали к ним в тот же день.

Мы нашли Мэтью в состоянии чрезвычайной слабости, тревоги и полным отчаяния. Его положение ухудшалось множеством неприятных симптомов и ощущений, вроде тошноты, рвоты, метеоризма, отечности, нарастающей потери аппетита и веса. Мэтью полностью сознавал свое положение не только в смысле диагноза и прогноза, но и с точки зрения стадии развития раковой опухоли. Он регулярно получал результаты лабораторных анализов, курируя собственный случай, и наблюдал за прогрессирующим ухудшением

физиологических функций. Он даже диагностировал у себя незначительную легочную эмболию, просмотренную лечащим врачом.

Мэтью, казалось, полностью погрузился в происшедшее с ним. Его здоровье всегда было великолепным, а жизненный путь - успешным. В момент заболевания у него была красивая жена, счастливый брак, трое детей и процветающая медицинская практика. В эмоциональном, философском и духовном отношении он не был готов к такому резкому повороту судьбы. Религия никогда не означала для него многого, и весь его подход к жизни характеризовался высокой степенью рационализма и прагматизма.

По мере нарастания страданий Мэтью все больше поражался абсурдности своего заболевания, спрашивая, почему и как это произошло. Его отношение к болезни было гораздо терпимее, пока—за две недели до нашего первого визита - он неожиданно не испытал сильную боль, продолжавшуюся несколько дней. Хотя ее удалось снять морфином, вызванные ею глубокая депрессия и тревога не прошли. Попытка снять последнюю с помощью хлор-промазина оказалась крайне неудачной и лишь усилила депрессию, чувства поражения и безнадежности. Степень физического и эмоционального дистресса, испытываемого Мэтью, была столь велика, что он воспринимал каждый день, как невыносимую пытку. Он умолял нас сократить подготовку до абсолютного минимума и начать процедуру как можно скорее. Мы провели подготовительную работу за два дня, в течение которых на протяжении многих часов беседовали с Мэтью, его женой, детьми и родителями. Хотя срок был относительно небольшим, нам посчастливилось установить близкие отношения со всеми ними, и мы получили необходимые данные о прошлом и нынешнем положении Мэтью.

Несмотря на серьезность состояния Мэтью, контакт между ним и его женой был очень хорошим. Это был один из редких случаев честного и открытого общения, с которыми мы встречались в нашей работе. Единственное затруднение,

вставшее перед супругами до встречи с нами, касалось отношения Мэтью к области интимного. Дебора инстинктивно стремилась сблизиться с ним и физически быть рядом. Из-за отсутствия ласки в детстве, Мэтью не привык к подобному подходу, расценивая физическую ласку, как прелюдию к половому акту. В связи с тяжелым соматическим состоянием он был уже не в состоянии функционировать в половом отношении и потому воспринимал близость Деборы как болезненное

напоминание о собственной неполноценности, и стремился уклониться от нее. Более того, он считал своим долгом самостоятельно справиться с ситуацией и расценивал такую поддержку, как инфантилизирующую его и не достойную взрослого мужчины. В этих условиях наиболее важным утешением для Мэтью стала музыка. Он сам музицировал и в прошлом пытался писать музыкальные сочинения. Слушая классическую музыку, он иногда настолько увлекался, что забывал о серьезности своего положения.

Несмотря на относительную краткость нашего контакта, мы были столь уверены в отношениях с Мэтью и в ситуации внутри семьи, что решили не откладывать процедуру. По его просьбе мы получили специальное разрешение провести сеанс в домашних условиях, а не в больничной палате. Мэтью проявил большой интерес к обсуждению спектра переживаний, имеющих место во время ЛСД-процедуры, но был скептически настроен в отношении религиозных аспектов. Мы предложили ему отнестись к сеансу, как к научному эксперименту и попытаться, насколько это удастся, проявить непредвзятость и отложить выводы до окончания опыта.

В день процедуры Мэтью получил 200 микрограммов ЛСД. Препарат был введен внутримышечно, так как мы не были уверены в поглощающих способностях его желудочно-кишечного тракта. Скрытый период, видимо, был продолжительнее обычного. Более часа Мэтью казался абсолютно нормальным. Затем его поведение стало необычным, но он продолжал отрицать ощущение чего-либо. Он лежал на матрасе, слушая через наушники классическую музыку. Временами ворочался и метался, а иногда испытывал трудности с дыханием. Тот факт, что в его случае визуальные параметры действия препарата практически отсутствовали, затруднил для Мэтью ясное осознание начала переживания, вызванного ЛСД. Вскоре, однако, не осталось сомнений, что его психика находится в измененном состоянии. Он начал проявлять восторженность по поводу качества музыки, настойчиво просил нас слушать внимательно и сказать, слышали ли мы когда-либо нечто столь фантастическое. Музыка звучала для него божественно, и он растворялся в ней, сливаясь с ее течением.

Весьма рано в ходе процедуры Мэтью испытал острую нужду в душевном тепле и потянулся к Джоан (соавтору книги). Она мгновенно откликнулась, держа и укачивая его более четырех

часов. В таком положении он продолжал слушать музыку с экстатическим выражением лица. Его черты показывали необычную смесь детской благодности и мистического восторга. Он произносил, казалось, бессвязные предложения, которые звучали одно за другим, наподобие цитат из буддийских текстов и описаний еврейских и христианских мистиков: «Один мир и одна Вселенная... все едино... ничто и все... все и ничто... ничто есть все... пусть случится, когда придет время... это не имеет никакого значения... болезнь... рана... это либо реальность, либо нет... низшие формы и высшие... блистающие границы владений его величества... итак, я бессмертен... это истинно!...»

Дебора, время от времени подходившая к двери гостиной, где происходила процедура, не могла поверить, что данные заявления исходили от ее прагматичного мужа. В начале шестого часа она вошла и сменила Джоан в уходе за Мэтью. Он по-прежнему был с защитной повязкой на глазах, в наушниках и едва ли заметил перемену. Они провели долгое время в молчаливом объятии. Затем Мэтью снял повязку и выпил стакан апельсинового сока. Глядя на Дебору, он был захлестнут чувством огромной любви и близости.

В период окончания процедуры Мэтью испытал сильный физический дискомфорт. Он ощущал себя связанным и делал отчаянные попытки опорожнить желудок, чувствуя, что это было единственной преградой на пути возврата в благостное состояние. Он полагал, что если ему удастся опорожниться, то он «обретет весь мир». Запор, однако, был столь тяжел, что пришлось прибегнуть к клизме, чтобы помочь ему.

В тот же день позже Мэтью захотел принять ванну. Сидя в ней почти в течение часа, он слушал музыку и наслаждался, пока его купали. Затем он провел вечер, продолжая слушать музыку и находя совершенно новые измерения в вещах, которые он довольно хорошо знал. Ощущение боли в кишечнике было единственным темным пятном на его прекрасном во всех других отношениях самочувствии.

К нашему удивлению, Мэтью оказался, судя по всему, не в состоянии реконструировать последовательность ЛСД-переживания и плохо помнил о содержании. Степень провала в памяти была весьма необычной: большинство людей ясно помнят основные события переживания. Все, что Мэтью смог передать, -- это общее ощущение дня. Он чувствовал, что переживание было неправдоподобно прекрасно, он никогда в жизни не испытывал ничего похожего. Это было «заклучение в теплом коконе, окруженном бес-

конечной любовью, чувство беспомощности и одновременно счастья и безопасности». Наиболее сильным переживанием было пребывание на матрасе с Деборой, их объятия и чувство растворения в ней. Рассказ Мэтью об этом переживании произвел на обоих впечатление, и они заплакали. Перед нашим уходом в тот вечер Мэтью так суммировал впечатления от процедуры:

«Независимо от того, поможет это мне или нет, я хочу, чтобы вы знали:

я очень благодарен за то, что произошло сегодня. Это действительно самый прекрасный и плодотворный день в моей жизни. Я не вижу, каким образом это может причинить какой-либо вред...»

Через два дня после процедуры, Мэтью пришлось снова госпитализировать по поводу полной непроходимости кишечника. Это явилось суровым напоминанием о быстром развитии болезни, и Мэтью начал снова уходить в депрессию. Так как в больнице он пребывал в отдельной палате, мы установили в ней проигрыватель, чтобы он мог находиться под воздействием музыки; принесли пластинки, которые проигрывались во время процедуры. Мы уже знали, что музыка, связанная с необычными состояниями психики, обладает особой способностью пробуждать вновь те же состояния. В ходе специальной процедуры Джоан применила технику расслабления вкупе с внушением. Она напомнила о стоящем перед ним выборе: либо концентрироваться на болезни и физическом страдании, либо восстановить связь с переживаниями ЛСД-процедуры. Спустя приблизительно двадцать минут, психика Мэтью успокоилась. С помощью Деборы и музыки он смог сохранить это спокойствие в течение нескольких оставшихся ему дней. Дебора ежедневно проводила с ним много часов. Соппротивление Мэтью близости, видимо, было полностью снято в ходе ЛСД-процедуры, и он невероятно

наслаждался телесной близостью. Мэтью и Дебора, независимо друг от друга, информировали нас, что это был наиболее значительный период в их браке.

Мы планировали на два дня поездку в Хартфорд и перед отъездом из Балтимора посетили Мэтью в больнице. Его физическое состояние быстро ухудшалось, и мы сознавали, что это, возможно, последняя встреча. Он явно разделял такие опасения. В конце посещения он сказал: «Бессмысленно продолжать борьбу, если наступило время уходить... Не печальтесь, все в порядке...» Во время нашего пребывания в отеле на окраине Хартфорда,

Джоан проснулась в три часа утра от сновидения о Мэтью, в котором он явился к ней, улыбаясь и повторяя свои последние слова: «Все в порядке...» У Джоан было четкое ощущение, будто Мэтью только что скончался. Когда позже в тот же день мы позвонили в

больницу, лечащий врач сообщил, что Мэтью умер в три часа утра.

Мы побывали на похоронах Мэтью и поминальной службе, а также сохраняли связь с семьей в течение периода траура. Ее члены пришли в себя на удивление быстро, учитывая тесные узы, существовавшие в семье. Это навело нас на предположение, что тяжесть утраты не обязательно является наиболее важным фактором, определяющим природу печали. То, что мы наблюдали, ясно указывало: чувство значимого участия в процессе умирания может снять большую долю отчаяния у оставшихся в живых.

тэд

Тэд был 26-летним негром, страдающим неоперабельной формой рака толстой кишки; он был женат и имел троих детей. Наша исследовательская группа встретила с ним в конце 1971 года в амбулаторной клинике Синайской больницы, когда решался вопрос о включении его в программу исследований с применением ДПТ. В то время он жаловался, в основном, на почти непрекращающиеся невыносимые боли в области живота. Кроме того, он находился в глубокой депрессии, был раздражителен, тревожен и испытывал значительные затруднения в контактах с людьми, особенно с женой Лили, отношения с которой были крайне неудовлетворительными и сложными. Между супругами существовало чувство глубокого отчуждения. Периоды упорного молчания сменялись резкими перебранками с взаимными обвинениями, преимущественно в безразличии.

За шесть лет до этого, когда Тэду впервые диагностировали заболевание и ему пришлось подвергнуться операции по удалению части прямой кишки, лечащий врач сообщил Лили о крайней серьезности положения и определил предполагаемый срок жизни Тэда в несколько недель. Ей настойчиво посоветовали не говорить мужу правду, так как это могло вызвать бурную реакцию вплоть до самоубийства. Воля Тэда к жизни и сопротивление его организма оказались поразительно сильными, в результате чего срок

жизни превзошел все ожидания. В течение всех этих месяцев и лет Лили настойчиво избегала каких бы то ни было намеков на истинный диагноз и ожидающее Тэда будущее. В итоге естественный характер взаимоотношений нарушился, они становились все более искусственными, натянутыми и болезненными. У Лили были внебрачные связи, она забеременела от другого и ей пришлось сделать аборт. Тэд, несмотря на тяжелое состояние здоровья и факт удаления части толстой кишки, был в интимных отношениях с другой женщиной, которая забеременела.

После краткого интервью Тэда включили в программу исследований, но - по результатам произвольной выборки, предусмотренной планом работы, -- в

контрольную группу. После окончания периода наблюдения за этой группой, больным была предоставлена возможность пройти психоделическую терапию вне рамок проекта. Тэд и Лили выразили свою заинтересованность в курсе психотерапии, включающем в себя применение больших доз ЛСД. В частной беседе Лили выдвинула условие своего согласия на процедуру. Она настаивала, чтобы истинный диагноз и прогноз заболевания не сообщались Тэду и не обсуждались с ним во время процедуры. Согласно нашему опыту, иногда пациенты, с которыми нельзя было открыто обсуждать их положение, самостоятельно узнавали правду во время курса психоделической терапии. Учитывая твердую позицию Лили по этому вопросу, мы решили принять Тэда, соглашаясь с указанным выше ограничением, и начали терапевтическую работу.

В ходе подготовки мы кратко рассмотрели бурную историю личной жизни Тэда. Все его детство прошло под знаком серьезных эмоциональных лишений и неприкрытого жестокого физического обращения. Он осиротел в три года и несколько лет провел в различных приютах, пока, в конце концов, не стал приемным в доме своих дяди и тети. Здесь он чувствовал себя никому не нужным и подвергался жестокому физическому обращению. В детстве и отрочестве Тэд вел умеренно асоциальный образ жизни, принимал участие в драках между уличными бандами подростков и любил жестокие развлечения. Позднее с удовольствием участвовал в войне, где агрессивные черты его личности нашли социально приемлемое выражение. В браке был крайне ревнив, но сам испытывал сильную тягу к внебрачным связям.

Первый сеанс ЛСД-терапии

В ходе сеанса Тэд получил 300 микрограммов ЛСД. В самом начале действия препарата он растерялся: это был первый сеанс, и он еще не ознакомился с характером воздействия ЛСД. Тэд чувствовал, что ему не на что опереться, и не понимал происходящего. Он сравнивал переживаемое с парением на облаке. Затем начал размышлять о семье, нынешней жизни, и перед его глазами возникли лица детей. Вскоре картина изменилась, и Тэд с Лили уже как бы принимали участие в телевизионном шоу, что-то вроде «Такова ваша жизнь», в котором участвовали и их дети. Затем переживание углубилось. Тэд обнаружил себя находящимся в огромном госпитале. Он лежал в операционной, окруженный хирургическими инструментами, капельницами, шприцами, приборами для поддержания жизни, рентгеновскими аппаратами, там были санитары и медицинские сестры. Его оперировали. Он не был уверен, было ли это новым переживанием одной из прошлых хирургических операций или абсолютно воображаемой картиной. Он чувствовал, что умирает, и видел множество людей, также переживающих смерть: солдат, убиваемых в бою; детей и взрослых, умирающих от эпидемий; различных людей, гибнущих от несчастных случаев. Однако каким-то образом он мог видеть происходящее и за пределами смерти. Никто, из находящихся в этих ситуациях, на самом деле не умирал; они просто меняли форму существования. Перед его глазами разворачивался вечный круговорот жизни и смерти. Ничто на самом деле не уничтожалось, и все находилось в вечном движении и изменении.

Затем он почувствовал себя перенесенным в детство и начал переживать различные случаи физического и психического насилия, происходившие с ним в доме родственников. Переживания были такими яркими, что он утратил связь с реальностью. Станислав (соавтор книги) превратился в дядю, а Илсе (ассистент врача) -- в тетю. Тэд чувствовал к ним крайнее недоверие, и ему казалось, что он попал в ловушку, загнан в угол, задыхается. В состоянии страха и

паники он несколько раз пытался встать и выйти из комнаты, иногда весьма напористо и агрессивно. Илсе в то время находилась на второй половине беременности, и ее состояние, видимо, притягивало Тэда, как магнит. Большая часть его агрессивности сфокусировалась на ее увеличенном животе. Иногда он пытался удалить ее из комнаты, говоря: «Леди, Вам лучше уйти

отсюда, здесь для Вас слишком опасно». Илей, у которой приблизительно год назад был выкидыш на шестом месяце беременности, естественно, не могла оставаться равнодушной к этим угрозам и ушла в дальний угол процедурной. Недоверие Тэда возрастало до критического уровня. Как мы позднее обнаружили, на данное переживание оказывали воздействие еще два фактора. Из подсознания поднимались воспоминания о совершенных им во время войны беспорядочных убийствах, и он считал, что мы промываем ему мозги с целью добиться признаний.

На глубочайшем уровне он воспринимал Станислава как дьявола, искушающего и пытающегося выкрасть душу. В самый пиковый момент сеанса, когда параноидальное состояние Тэда достигло апогея, в здании раздался пронзительный вой сирены. Он звучал в течение трех минут, объявляя пожарную тревогу. Пожарный инспектор со своим помощником показались в дверях и настойчиво предложили всем немедленно покинуть помещение. Следя одним глазом за Тэдом, недоверие которого было усилено странной сценой, а другим за Илей, чья безопасность находилась под угрозой, Станислав попытался растолковать пришедшим (они ведь выполняли свой долг) особый характер ситуации. Вне всяких сомнений, это был самый трудный эпизод за весь период нашей психоделической практики, и некоторое время сеанс Тэда представлялся полной неудачей. Однако к нашему удивлению на заключительной фазе все проблемы были переработаны и разрешены. Тэд смог выйти в экстатическое, парящее состояние, при котором отсутствовала боль. Он чувствовал, что избавился от многих вопросов, тяготевших над ним годами. Его восторг в связи с ЛСД-переживаниями был безграничен, и еще до окончания сеанса он начал договариваться о следующем. Но результат первого был настолько силен, что проведение в ближайшем будущем нового не представлялось необходимым или желательным. Боли Тэда снизились до такого уровня, что он перестал принимать анальгетики и наркотики. До сеанса он был прикован к постели, а теперь в течение нескольких месяцев мог заниматься общественной работой. Кроме того, он сделал множество домашних дел.

Через пять месяцев, в конце ноября, клиническое состояние Тэда стало резко ухудшаться. Он погружался в депрессию и слабел. Боли вернулись и стали невыносимыми. Лили позвонила нам с просьбой о помощи. Илей, бывшая помощником врача во время первого сеанса, к тому времени прервала свою работу в центре.

Она успела родить и находилась дома, ухаживая за ребенком. Занять ее место в работе с Тэдом согласилась Джоан. В качестве подготовки ко второму сеансу мы провели несколько долгих бесед. Кроме того, Джоан, Лили и Тэд часто разговаривали по телефону. Большую часть времени мы разбирали предыдущую ситуацию, состояние Тэда и типологию его взаимоотношений с другими членами семьи. В ходе этих бесед стала очевидной любовь и искренняя забота Лили о Тэде. Однако отчуждение между ними в значительной степени сохранялось. Нам представлялось, что запутанность и хаотичность их взаимоотношений были прямым результатом невозможности открыто обсуждать болезнь, истинный диагноз и ожидающее Тэда будущее. На этот раз Лили согласилась, что ситуация должна быть прояснена. Она устала от игры в прятки.

Из частной беседы с Тэдом мы узнали, что он с самого начала подозревал о своем диагнозе, так как еще в больнице слышал из-за двери разговор двух молодых врачей, обсуждавших его состояние. Позднее он нашел подтверждение своим подозрениям в какой-то медицинской книге, прочитав, что единственным показанием для одного из принимаемых им лекарств является рак. Поскольку Лили не обсуждала с ним этот диагноз, Тэд пришел к выводу, что ей ничего не сказали. Он решил скрыть правду, считая, что Лили бросит его, узнав, что у него рак, и добавил: «Кому захочется жить с человеком, больным раком?». Во время довольно бурной сцены мы подтолкнули супругов поделиться «секретами». После первоначальной резкой реакции и взаимных обвинений в нечестности, и Лили, и Тэд крайне обрадовались новому откровенному положению вещей: Лили— поскольку ей не надо было больше лгать и притворяться, Тэд—так как он, к своему удивлению, узнал, что она, зная о характере заболевания, тем не менее оставалась с ним все шесть лет.

Другой важной областью обсуждений были интимные и сексуальные отношения между супругами. В последние месяцы Тэд был неспособен к половым отношениям, что обескураживало и ущемляло его. В какой-то момент он горько посетовал:

«На что я гожусь? Я не могу ни двигаться, ни ходить на работу, ни обеспечивать семью, ни сексуально удовлетворять Лили». С момента неудачи в половых отношениях он начал избегать любых форм физической близости. Мы обсудили его импотенцию и показали, что она является естественным следствием процесса заболевания, не

имеющим отношения ни к его мужским, ни к человеческим качествам. Мы также поощрили для выражения взаимных чувств вне-генитальные формы физической близости.

Некоторое время ушло на проработку и снятие преград во взаимоотношениях Тэда с детьми. Ему хотелось чувствовать себя сильным, независимым отцом, на помощь которого они могут рассчитывать. Состояние же беспомощности и зависимости от них было для него болезненным и неприемлемым. Тэд не желал видеть детей около себя и часто гнал их из комнаты, как только они появлялись. Мы попытались показать ему важность нынешней ситуации для будущих представлений детей о смерти и отношения к ней. В конце концов, он понял, что умирающий может стать источником неоценимых сведений и что он в состоянии обучить детей весьма редким и необычным вещам. Он также смог принять факт помощи с их стороны, не чувствуя себя униженным, рассматривая это, как серьезную возможность для них обрести чувство уверенности и силы.

Незадолго до второго сеанса ЛСД-терапии, мы обсудили с Тэдом проблемы, ключевые для достижения успеха. Особенно остановились на необходимости довести опыт до конца, независимо от характера переживания, а также на вопросах, связанных со взаимным доверием. Последнее представлялось очень важным из-за параноидальной реакции, имевшей место во время первого сеанса,

Второй сеанс ЛСД-терапии

В ходе этого сеанса мы применили ту же дозу, что и в первом: 300 микрограммов ЛСД. Последовавшее переживание было необычайно плавным и почти полной противоположностью первому. Тэд смог пользоваться повязкой для глаз и наушниками в течение всего сеанса и испытал крайне мало затруднительных переживаний. В общем, сеанс доставил ему гораздо большее удовольствие. Но Тэд значительно хуже запомнил его содержание, что отчасти объясняется менее выраженной образностью и основным акцентом на эмоциональные переживания и мыслительный процесс.

Действие препарата начало сказываться через 25 минут после введения. Мы провели это время в компании Лили, прослушивая пленку, которую Тэд записал вечером за день до сеанса.

Первым переживанием в ходе процедуры было видение переправы через реку, имеющее, видимо, глубокое символическое значение, подобно путешествию в другой мир. Затем некоторое время Тэд наслаждался музыкой и воспринимал себя играющим на виброфоне в оркестре. Потом картина стала гораздо драматичнее. Больной снова осознал существование повторяющихся жизненных циклов, какими он их видел в ходе первого сеанса. На этот раз, однако, упор делался на взаимопомощь людей. Тэд вновь увидел картины смерти, связанные с людьми и животными, например, внутреннее помещение бойни, заполненное сотнями убиваемых свиней. Он также видел различные намеки и картины, связанные с болезнью, ощутил все ткани и клетки тела и почувствовал, как они разлагаются и гибнут. В какой-то момент он увидел свою семью, как корзину, наполненную прекрасными яблоками. Единственным гнилым среди них был он.

Окруженный подобными видениями, Тэд начал воспринимать картины народов различных рас и вероисповеданий. Некоторое время он был обеспокоен, так как отчаянно пытался найти Бога, а бесконечная вереница мирских образов, казалось, уводила и сбивала с толку. Однако по мере развития видения обрели целостность, и Тэд начал постигать пронизывающее все единство. Он проникся убеждением, что умер, и Бог предстал перед ним, как блистающий источник света, успокаивая и уверяя, что все будет хорошо. Тэд был потрясен открытием, что за видимым хаосом и сложностью мира стоит один только Бог. Он вопрошал о смысле своего заболевания и испытываемых мук. Почему Бог навел на него эту кажущуюся бессмысленной и абсурдной пытку? В какой-то момент ему показалось, что он почти нашел ответ.

Остаток сеанса прошел в приятных переживаниях. Тэд видел кристаллы, бриллианты, драгоценности, изысканно разукрашенные кубки, разноцветные чаши и необычайное сияние. Он ощутил всплеск чувства любви не только к Лили и детям, но и к нам двоим. В какой-то момент он наблюдал сцену, в которой все мы четверо (включая и Лили, на самом деле в тот момент отсутствующую) дружески сидели у камина, наслаждаясь прекрасной едой и вообще хорошо проводя время. Наконец, волнующие видения закончились. Тэд ощущал тепло и цельность. Он был расслаблен и чувствовал себя свободным. Боль, видимо, прошла, а подвижность тела и ног значительно возросла. Повысился также аппетит, и он с удовольствием съел вместе с Лили обильный обед. Ему не

спалось до четырех часов утра; он снова и снова прокручивал в памяти впечатления и переживания дня.

Перемена, происшедшая в Тэде после сеанса, была столь разительна, что Лили чувствовала себя сбитой с толку. Он стал необычайно мирным, безмятежным, сосредоточенным и всегда пребывал в хорошем расположении духа. Лили так отозвалась о новой ситуации: «Я не могу ничего понять: ведь при смерти находится он, а мучаюсь от этого только я. Все выглядит так, будто Тэд что-то для себя разрешил и внутренне принял создавшееся положение... Будто он нашел ответ. Он, но не я. Для меня все по-прежнему тяжело и болезненно». Тэд же следующим образом суммировал свои чувства после сеанса:

«Что-то изменилось... я чувствую внутри больше спокойствия... мне кажется, я мог бы после смерти попасть на небеса... я был там...»

Хотя душевное равновесие Тэда было устойчивым, его физическое состояние неумолимо ухудшалось. Из-за сложностей с мочеиспусканием в мочевого пузыря ввели катетер, оканчивающийся пластиковым мешочком, прикрепленным к бедру. Это усугубило прежние трудности, обусловленные удалением части толстой кишки, и еще более осложнило повседневное существование. Большую часть времени он проводил в постели; визиты в больницу становились для него все более изматывающими. Хотя уровень болей в результате сеанса снизился, они полностью не исчезли. Болевые приступы особенно легко вызывались физическими движениями.

Другой бедой Тэда было одиночество и скука. Пока Лили находилась на работе, а дети в школе, он проводил дома один долгие часы и особенно остро сознавал бессмысленность жизни. Мы попросили его записывать для нас на магнитофон различные идеи, ощущения, размышления. Подобная деятельность пришлась по душе Тэду, который принялся снабжать нас пленками с записями посланий к Лили, детям и нам. Он гордился сознанием того, что из-за своего особого положения мог многое рассказать другим об одном из важнейших вопросов жизни. Он также понимал, что принадлежит к тем немногочисленным умирающим, которые заняты в новой исследовательской программе, и это было для него очень важно.

Примерно тогда же к нам обратились из Британской радиовещательной корпорации (Би-Би-Си) с предложением заснять процесс психоделической терапии больного раком. Они слышали о

наших исследованиях и хотели включить отчет о них в специальную программу, посвященную проблемам умирания и смерти. Из-за резко отрицательного опыта общения со средствами массовой информации в прошлом мы откликнулись не очень охотно. Однако в ходе переговоров со съемочной группой Би-Би-Си стало ясно, что эти люди сумеют провести съемку тактично и достойно. С некоторыми колебаниями мы обратились к Тэду, показавшемуся нам естественным кандидатом, и рассказали о сделанном предложении. Он был взволнован и воодушевлен, рассматривая его как возможность придать смысл своему во всех других отношениях безнадежному положению. Все это произвело на него такое животворное действие, что, когда съемочная группа подъехала к дому, ожидая найти прикованного к постели больного, они наткнулась на полностью одетого Тэда, протирающего машину на заднем дворе.

Мы старались организовать съемку третьего сеанса Тэда наиболее щадящим образом. Лишь присутствие в процедурной оператора, наличие осветительных ламп и проводов отличало его от предыдущих. Благодаря контролю с помощью кабельного телевизора запись звука и прочие операции можно было проводить на расстоянии и извне комнаты. Согласно договоренности со съемочной группой, интересы Тэда стояли на первом месте и в случае серьезных помех нормальному ходу сеанса мы могли в любой момент прервать съемку независимо от финансовых потерь.

Третий сеанс ЛСД-терапии

В таких условиях Тэд получил третью дозу ЛСД. Характер данного сеанса объединяет элементы, присущие первому и второму этапам лечения. В самом начале Тэд испытал мощное религиозное переживание. Ему казалось, что он находится в огромном соборе, украшенном прекрасными витражами. Храм наполняло присутствие Бога, и Тэд пережил опыт общения с Ним. Он вновь видел жизнь, как бесконечную последовательность циклов, в которых возникновение, бытие и уничтожение являлись лишь главами одной и той же великой книги. Это не было простым повторением переживаний первых двух сеансов. Тэд мог уловить новые измерения и отдельные аспекты, ранее оставшиеся скрытыми от него. Затем в переживании начало доминировать чувство недоверия, подобно тому, как

это происходило первый раз, хотя и в гораздо более мягкой форме. Он избавился от ряда отрицательных

переживаний, связанных с женщинами, и исторг из себя сильную враждебность к женщинам, встречавшимся на его жизненном пути: тетке, нескольким подружкам, а особенно—к Лили. Как только воспоминания об ее изменах и беременности вместе с памятью о лживом поведении, связанном с болезнью, всплыли в его сознании, Тэд ощутил сильнейшую горечь, негодование и возбуждение. Он сдернул повязку, и по мере того как, смотрел на Джоан, она начала на глазах меняться, превращаясь сначала в Лили, а затем в олицетворение и персонификацию женского коварства. В ходе превращения и с его помощью Тэду удалось вывести большую часть своего глубоко спрятанного раздражения. После этого драматического эпизода и восстановления доверия, он смог вновь слиться с положительными ощущениями, характерными для первой части сеанса. Когда позднее к нам присоединилась Лили, Тэд фактически уже чувствовал, что пройдя сквозь направленный на нее эмоциональный взрыв, его чувства к Лили стали гораздо глубже, чем когда-либо раньше. Он ощущал, как недоверие и сознание уязвимости в связывающих их отношениях улечиваются, а вместо них поднимаются тепло и любовь. Мы закончили день семейным обедом. Тэд вышел из сеанса в очень хорошем состоянии и весьма наслаждался едой. После обеда мы отвезли Лили и Тэда домой и провели некоторое время у его кровати, обсуждая ЛСД-переживание и события дня.

Третий сеанс усилил духовный взгляд Тэда на жизнь, болезнь и смерть. Пленки, наговариваемые им, были полны утверждений, напоминающих буддийскую философию и индийскую космологию. Он рассуждал о циклах рождения и смерти, причинах страдания, необходимости отрешенного взгляда на мир. Чувство страха почти исчезло, несмотря на быстро ухудшающееся состояние.

Вскоре после третьего сеанса мочеточник единственной оставшейся почки закупорился, и у Тэда начали развиваться признаки уремии. Хотя состояние было облегчено паллиативной операцией (см. детальное описание этого эпизода на стр. 197), тело Тэда, истерзанное хронической болезнью и ослабленное длительной интоксикацией шлаками, начало проявлять признаки глубокого отравления. Он быстро терял вес и на глазах угасал.

Мы уехали из Балтимора через месяц после последнего сеанса Тэда. Перед отъездом зашли к нему, и было ясно, что видимся в последний раз. В конце визита мы помолчали несколько минут,

глядя друг на друга. Тэд прервал молчание: «Мое тело получило это, мое тело насквозь проедено раком, для меня настало время уходить... Но мое сознание незамутнено... Я теперь не боюсь... Я собираюсь совершить это... Спасибо за всю вашу помощь...»

Позже мы узнали, что Тэд скончался через несколько недель после нашего последнего визита. Трубка, с помощью которой прочищался мочеточник, засорилась, и Тэда пришлось вновь госпитализировать. Лили много времени проводила с ним в больничной палате. В последний день жизни Тэд отослал жену домой, настоятельно прося ее принести чистую пижаму. Лили покинула больницу, чтобы выполнить просьбу. Медсестра, вошедшая в палату Тэда несколько минут спустя, увидела его тихо отдыхающим, откинувшись на подушки. Подойдя ближе, она увидела, что Тэд не дышит.

ДЖЕСС

Джесс был направлен к нам в тяжелом физическом и душевном состоянии. В возрасте 32 лет ему уже была произведена частичная резекция верхней губы из-за шелушащейся карциномы. Тринадцать лет спустя, он вновь попал в больницу из-за неконтролируемого развития рака того же типа. Большие, видимые глазом разрастания соединительной ткани находились на левой части шеи, справа на лице и вокруг лба. Он жаловался на острые боли, сильную слабость, быструю утомляемость, кашель и затруднения при глотании. Все это соединялось с глубокой депрессией, эмоциональной неустойчивостью, непреодолимым желанием плакать и жадной тягой к жизни. Джесс страдал также от неэстетичных сторон своей болезни: изменения формы лица и шеи, запаха бинтов, пропитанных тканевой жидкостью, вытекающей из накожных язв. Злокачественная опухоль развивалась довольно быстро, несмотря на применение химио- и лучевой терапии. Поскольку этот процесс уже никак нельзя было остановить, Джесса приняли в программу ДПТ-терапии, чтобы ослабить душевные и физические страдания.

В ходе подготовки к психоделическому сеансу Джесс рассказал нам свою сложную жизнь. Он был одним из 16 братьев и сестер, осиротевших после гибели родителей в автомобильной катастрофе; Когда это случилось, ему было 5 лет.

До 14 лет он

воспитывался в сиротском приюте, после чего начал работать и обрел независимость. Он несколько раз менял места работы, но из-за плохого образования нигде не мог хорошо устроиться. Его первой работой было место разнорабочего на ферме, затем он переехал в Балтимор и работал там плотником, водопроводчиком и кровельщиком.

Джессу всегда не везло с женщинами. После нескольких поверхностных связей, он женился на женщине, воспитанной в строгой католической традиции и только начавшей освобождаться от сковывающего прошлого. Брак оказался непрочным и распался примерно через год, когда жена вступила в связь с другим. Джесс, узнав об этом, устроил драку с соперником. Жена демонстративно ушла, и больше они не виделись.

В течение 15 лет до встречи с нами у Джесса были довольно устойчивые отношения с вдовой, значительно старше его. Их дружба имела и сексуальный аспект, однако все прекратилось за год до ДПТ-терапии. Вдова вместе с сестрой самоотверженно заботились о Джессе, деля с ним маленькую квартирку и практически служа ему круглосуточными сиделками. Джесс, будучи убежденным католиком, испытывал из-за этой связи глубокое чувство вины. Он верил, что брак, заключенный в церкви, связывает людей вечными узами, которые не разрывает ни разлука, ни даже физическая смерть. Он считал, что его обязанности по отношению к жене оставались прежними, независимо от ее ухода.

В ходе подготовки к сеансу ДПТ-терапии Джесс выразил непреодолимый страх перед смертью. Когда он думал о ней, перед ним вставали две возможности, и каждая была по-своему пугающей. Согласно первой, смерть представлялась абсолютным концом всему, шагом во тьму и в ничто, где все исчезает. Альтернативой была христианская концепция, с которой он знаком с детства в связи со строгим католическим воспитанием. Она гласила, что душа и индивидуальность не погибают со смертью, а существуют вечно, и качество этой посмертной жизни зависит от поведения человека на земле. Такая перспектива не воодушевляла Джесса. С одной стороны, она была не очень-то убедительной, с другой, -- если она все же была верной—он видел себя навечно проклятым, обреченным на муки ада за то, что прожил

жизнь во грехе. В результате Джесс отчаянно цеплялся за жизнь и был полон глубокой тревогой.

В день сеанса Джесс проявил почти детский страх. Ему было введено внутримышечно 90 миллиграммов ДПТ, и пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить его надеть повязку на глаза и наушники. Начало сеанса было отмечено яростным сопротивлением воздействию препарата. Казалось, Джесс держался за реальность с той же страстной решимостью, с какой цеплялся за жизнь. Борьба против переживания отмечалась сильными физическими страданиями: он кашлял, его тошнило и, наконец, началась повторяющаяся рвота. Джесс был захлестнут воздействием того, что вырывалось из его собственного подсознания. Музыка звучала резко, громко, искаженно, и он воспринимал ее как нападение на себя. Он чувствовал, что умрет, если поддастся переживанию. Несколько раз Джесс выразил глубокое сожаление о том, что принял препарат.

За время героической борьбы невероятное количество образов и картин прошло перед его глазами. Он был в них и наблюдателем, и участником. Рвота сопровождалась видением гигантских, пугающих созданий различного вида, нападающих и пытающихся его уничтожить. Он видел тысячи агрессивных и разрушительных батальных сцен, а также другие ситуации, в которых «люди погибали и избавлялись от себя». Был долгий эпизод, во время которого Джесс видел многочисленные свалки, заполненные трупами, тушами, скелетами, гниющими отбросами, мусорными баками, и все это воняло. Его собственное тело валялось там же, завернутое в вонючие бинты, изъеденное раком, кожа вся полопалась, из нее текло, и она была сплошь покрыта злокачественными язвами. Затем из ниоткуда появился огненный шар, втянувший все месиво и весь мусор в очищающее пламя и поглотивший их. В результате тело и кости Джесса были уничтожены, но душа сохранилась. Он увидел себя на Страшном Суде, где Бог (Иегова) взвешивал его праведные и грешные поступки. В этот, как Джесс-су представлялось, час последней расплаты в памяти вспыхивало бесчисленное количество воспоминаний из всех периодов жизни. Наконец, совершенное им добро перевесило грехи и проступки. Будто распахнулись тюремные ворота, и он стал свободен. Тут же послышалась божественная музыка, пение ангелов, и Джесс начал постигать смысл переживания. Нижеследующее обращение пришло к нему сверхъестественным, внечувственным образом и пронизало все его существо: «Когда ты умрешь, твое тело будет уничтожено, но ты будешь спасен.

Душа будет с тобой вечно. Ты

вновь вернешься на землю, и вновь будешь жить, но не знаешь, чем станешь на будущей земле».

В результате этого переживания боли у Джесса ослабели, а депрессия и тревога исчезли. Он вышел из сеанса с глубокой верой в возможность перевоплощения, то есть с концепцией, чуждой его собственной религиозной традиции, и которую его сознание сотворило при данных необычных обстоятельствах. Было очень трогательно наблюдать, как Джесс борется с ограниченностью своей эрудиции, чтобы воспринять характер и суть переживания. Он не знал, что, говоря о перерождениях, описывал концепцию, являющуюся стеновым хребтом религиозной и философской мысли Востока, а также составной частью многих других культурных традиций. Он был некатегоричен в формулировках и буквально оправдывался, когда говорил о своем новом убеждении, боясь, что сомнение в традиционных

христианских ценностях может быть воспринято как симптом психического расстройства.

По-видимому, у Джесса развилось новое отношение к неизбежности смерти, и он по-иному подошел к признанию положения, в котором находился. Перспектива грядущего рождения освобождала его от цепляния за тело, уничтожаемое раком. Теперь он рассматривал тело как тяжесть и несправедливое усложнение жизни своей верной подруги и ее сестры, взваливших на себя обязанности по поддержанию его функционирования. Джесс мирно скончался спустя пять дней—возможно, чуть раньше, чем следовало, — капитулировав в борьбе с неизбежностью смерти, будто торопясь получить новое тело на «будущей земле».

СЮЗАННА

Сюзанну прислал к нам ее лечащий врач из отделения гинекологии Синайской больницы. Она была привлекательной, тонко чувствующей и умной женщиной, разведенной, матерью троих детей. В момент нашей первой встречи ей было 32 года, и она занималась изучением психологии. Сюзанна была госпитализирована по поводу застарелого рака в области гинекологии с множественными метастазами в тазовой области. Несмотря на полное удаление матки и последующий курс интенсивного облучения, новообразования затронули нервные центры, расположенные вдоль спинного хребта, что причиняло невыносимые боли, лишь частично смягчаемые морфином. Лечащий хирург предложил провести хордотомию, то есть операцию на спинном мозге, состоящую из перерезания некоторых нервных пучков, ответственных за передачу болевых импульсов. Сюзанна стояла перед серьезной проблемой: она отчаянно жаждала уменьшить боль, но в то же время не могла решиться на рискованную операцию, последствием которой могли стать паралич ног и недержание мочи. Она впала в глубокую депрессию, вплоть до серьезных размышлений о самоубийстве; чувствовала себя абсолютно опустошенной, не проявляла ни к чему интереса и ничем не могла заниматься. Сюзанна охотно откликнулась на предложение о проведении психоделической терапии, особенно, когда узнала, что иногда ее следствием было смягчение неустраняемых болей, вызванных раковыми заболеваниями.

В ходе подготовительного периода мы ознакомились с волнующей жизненной историей Сюзанны. Особенное впечатление на нас произвело то, что она была полностью лишена детства. Ее мать была красивой, но эмоционально неустойчивой женщиной, чье легкое поведение порой принимало форму проституции. Она была замужем пять раз и имела массу поклонников. Сюзанна проводила детство, в основном, в одиночестве. Мать не заботилась даже об элементарных вещах. Сюзанна вспоминала, что часто голодала, иногда выпрашивала еду у соседей, иногда выискивала остатки пищи на помойках. Ее чувства в отношении матери были очевидны: она описывала ее как лживую и властную женщину, пагубно влиявшую на нее. Аскетические и строгие порядки школы-интерната, в которую определили Сюзанну, показались ей более приятными, чем то, что было дома. Приступы глубокой депрессии, сопровождавшиеся картинками самоубийства, паническая боязнь темноты и ужасные ночные кошмары, характерные для периода детства, дополняют картину эмоциональных проблем Сюзанны того времени.

Юность и взрослые годы также прошли под знаком трудностей и проблем. У нее было всего несколько поверхностных связей до встречи с будущим супругом.

Их отношения, вначале волнующие и полноценные, резко ухудшились после вступления в брак. Сюзанна подвергалась эмоциональным, а позднее и физическим надругательствам со стороны мужа и к моменту развода была вынуждена лечь в психиатрическую больницу. Вследствие ее душевной неустойчивости детей передали отцу. Сюзанна редко их видела и отчаянно тосковала по ним.

Вскоре после развода она стала жить с Майклом, безработным художником. Материально их поддерживала ее мать, которая, как рассказывала Сюзанна, к этому времени стала пытаться искупить свою вину за пренебрежение к дочери в детстве и, кроме того, использовала деньги, как средство воздействия на них. Сюзанна прилагала значительные усилия, чтобы освободиться от тесных двойственных отношений, связывающих ее с матерью, и «перерезать пуповину».

Беды Сюзанны в области гинекологии начались во время поездки в Мексику. Она заразилась дизентерией; начались маточные кровотечения. По возвращении она сделала анализ Папа и ей провели цервикальную биопсию. Результат был утвердительный. Она переживала создавшееся положение со страхом, была угнетена и горько плакала в течение многих дней. Иногда у нее возникали приступы ярости: она чувствовала, что жизнь сыграла с ней дурную шутку. Появилась сильная тяга к самоубийству. Единственное, что удерживало, -- это ощущение какого-то неуловимого и глубокого смысла в происходящем. Сюзанна связывала возникновение этого ощущения с необычным религиозным переживанием, спонтанно случившимся у нее после операции по Удалению матки. Она ощутила выход из тела и полет над Сан-Франциско, озаренном тысячью огней. Вся физическая боль и душевные мучения испарились, она ощущала экстаз и трансцендентальную благость. В течение приблизительно недели после переживания у Сюзанны сохранялась способность произвольно покидать тело и ощущать сходные переживания, но она побоялась продолжать эти эксперименты.

Первый сеанс ДПТ-терапии

Первый сеанс Сюзанны прошел трудно и драматично. Вскоре после впрыскивания 120 миллиграммов ДПТ она почувствовала, как все завертелось, и она оказалась втянутой в бесконечную борьбу, подавляющую и абсолютно непонятную. Сюзанна была необычайно напряжена и судорожно хватала ртом воздух. Все ее тело сотрясалось, бедра дрожали. Основным ощущением было чувство сильной боли и разбитости. Она пыталась оборвать переживание, но усилия, судя по всему, были безнадежными. Волны

дурноты пронизывали ее существо и, наконец, нашли выход в неудержимой рвоте, имевшей мощное очистительное действие.

Во время этой фазы мы пытались помочь Сюзанне, но наш контакт был очень ограниченным. Она была полностью поглощена происходящим. Позже она описала свои отчаянные усилия, как попытку прорваться сквозь огромную пирамидальную массу блестящего черного материала, походившего на гору из антрацита с рваными краями. Она ощущала, как выгрызает и проедает себе путь сквозь эту массу, раздирая ее пальцами. Когда она, в конце концов, вырвалась наружу, то увидела плавающие формы розовых и золотых оттенков. Сюзанна чувствовала, что розовое символизирует боль, а золотое - добро. Затем переживание ввергло ее в мир бесчисленных красок, а после этого -- в картины закручивающихся галактик. Позже Сюзанна интерпретировала черную гору, из которой она вырвалась, как символ смерти.

В результате сеанса душевное состояние Сюзанны значительно улучшилось. Ее депрессия абсолютно прошла, страхи ослабели, и она ощущала прилив бодрости и сил. Однако не произошло улучшения в той области, где мы ждали его больше всего:

мучительные боли остались. Так как единственной альтернативой была хирургическая операция на нервном стволе, то мы назначили второй сеанс ДПТ-терапии вскоре после первого, чтобы дать Сюзанне еще один шанс.

Второй сеанс ДПТ-терапии

В ходе второго сеанса Сюзанне была внутримышечно введена та же доза ДПТ -- 120 миллиграммов. Через несколько минут после впрыскивания у нее появилось чувство тошноты. На этот раз она четко связала это ощущение с беременностью. Сюзанна воспринимала себя беременной и одновременно плодом в матке. У нее усилилось слюноотделение, и она ощущала слюну как амниотическую жидкость. Внезапно перед ней возникло пятно от разбрызганной крови. Через мгновение все, казалось, было залито кровавыми потоками. Она начала переживать ряд различных смертей и рождений, необычную смесь агонии смерти и экстаза рождения. Она металась между ощущением загнанности в угол и отчаянными попытками вырваться и освободиться, между муками метафизического одиночества и стремлением к воссоединению, между гневом, убийственной яростью и чувством страстной

любви. Сюзанна ощущала глубокую связь между собой и всеми когда-либо рожавшими женщинами, между собой и всеми когда-либо рожденными детьми. Затем она ощутила себя каждым из них по очереди. Посредством рождения и смерти она как бы оказалась

рыдающими от боли. Она рыдала вместе с ними и одновременно была ими, испытывая экстаз от этого единства в агонизирующей боли. Несколько раз Сюзанна наскакивала на нечто, подобное воспоминаниям из прошлых рождений. В одном из них она была африканкой, бегущей со своими соплеменниками по выжженной солнцем равнине. В конце эпизода ее убивали брошенным в спину копьем, которое глубоко пронзило ее. Она потеряла сознание и скончалась. В другой картине она родила ребенка в средневековой Англии. Позже Сюзанна превратилась в летящую в небесах птицу, которую сбили стрелой, и она упала на землю, сломав крыло. Наконец, все сменяющие друг друга картины рождений и смертей, по-видимому, слились в мощный суммарный образ: Сюзанна стала матерью всех людей, когда-либо убитых в войнах в течение всей истории человечества. Преображаясь во всех этих матерей и детей, она ощущала, как растет в себе и пытается дать жизнь самой себе. В заключительной смене рождения и смерти ее взрослое «Я» умерло, а вместо него родилась новая, детская сущность. Затем она стала мельчайшей пылинкой, затерянной в пространстве, в беспредельном космосе, заполненном прекрасными звездами.

Позже в ходе сеанса, уже приходя в себя, Сюзанна вспомнила различные периоды своей жизни. Ощутила себя младенцем, плачущим в колыбели, освободилась от ночных кошмаров, мучивших ее в детстве, из-за которых ей приходилось спать при свете. Видела драку отца с матерью. Она была в состоянии вновь пережить эти события и переоценить их, исходя из обретенного нового универсального проникновения в суть вещей. Затем она ощутила глубокую любовь к Майклу и желание увидеть его на процедуре.

Второй сеанс ДПТ-терапии не принес ожидаемого облегчения болей Сюзанны. В последующие дни физические страдания ее были мучительны, как и раньше. Однако во всех других отношениях она выиграла от переживания. Депрессия

полностью прошла, и Сюзанна прямо-таки излучала энергию и уверенность. Она приняла решение продолжать изучение психологии настолько

активно, насколько позволит ее состояние. Она также решила проблему предстоящей хордотомии, несмотря на опасность паралича и недержания мочи, лишь бы избавиться от боли. Сюзанна выразила это отношение в следующих словах: «Меня не волнует, стану ли я парализованной до самой шеи, который будет мочиться по всему Балтимору. Мне нужно ясное, свободное от боли сознание».

Операция была проведена вскоре после сеанса и с ошеломляющим результатом: боль полностью прекратилась. Хирургу удалось перерезать только лишь болевые нейроны—все произошло без малейшего ущерба для двигательных функций.

Наиболее удивительным следствием сеанса было изменение представлений и отношения Сюзанны к смерти. Она стала допускать возможность, что после кончины часть энергии, составляющая человеческое существо, продолжает существовать в сознательной форме. Вместо характерных для нее ранее представлений о смерти, как абсолютной тьме, пустоте, «ничто», Сюзанна начала думать о ней в категориях циклов и переходов. В этом контексте для нее стала вполне допустимой концепция реинкарнации.

Сюзанна могла продолжать существовать, не думая о раке, живя одним конкретным днем и сосредоточиваясь на его проблемах. Говоря ее же словами:

«Именно так все должны жить, независимо от того, здоровы они или больны. Никому из нас неведом день и час встречи со смертью». Некоторое время казалось, что ее новая позиция победит болезнь. Пробная лапоротомия, проведенная через несколько недель после хордотомии, показала, что опухоль уменьшается. Это усилило оптимизм Сюзанны и в течение нескольких месяцев она жила, как если бы у нее никогда не было раковой опухоли. «Я об этом абсолютно не думаю», -- говорила она. За это время Сюзанна подала заявление на стипендию для проведения научной работы и была полна решимости завершить изучение психологии. Предварительное название ее диссертации было «Воздействие психоделической терапии на пациентов, страдающих раковыми заболеваниями».

Затем боль вернулась. Сначала постепенно, а позже внезапно возросла и стала невыносимой. Она зарождалась в сохранившейся опухоли и отдавалась в тазовую область и ноги. Новое хирургическое вмешательство приносило лишь минимальное облегчение. Сюзанна продолжала терять вес, у нее развились сильные побочные действия от химиотерапии, которая приносила лишь минимальное облегчение. Опухоль проросла в почки и нанесла смертельные повреждения. И все время, пока продолжалось болезненное угасание, Сюзанна сумела сохранить полученное в ходе сеансов ДПТ-терапии интуитивное понимание того, что есть, возможно, некоторая форма существования за пределами физической смерти, что «на другой стороне антрацитового горы горит свет».

ДЖОН

Когда мы впервые встретились с Джоном во время обхода онкологического отделения, он находился в глубокой депрессии и был полностью поглощен болевыми ощущениями. В течение нескольких недель он был прикован к постели и не мог подняться, даже чтобы воспользоваться туалетом. Он редко притрагивался к еде, не хотел слушать радио, читать книги, газеты и его не занимал новый цветной телевизор, специально для него купленный тестем. Единственным достойным

обсуждения вопросом он считал свои страдания и физический дистресс. Джон жаловался, что в любом положении испытывает невыносимые боли, усиливающиеся от малейшего движения. Он боялся даже пошевелить пальцем, не разрешал притрагиваться к себе и был буквально обездвижен физической мукой, в которой постоянно пребывал и которая приковывала все его внимание.

Годом раньше врачи Синайской больницы обнаружили у Джона злокачественную опухоль в правой почке, развивающуюся из надпочечника (гипернефромы). Операция по удалению почки (нефрэктомия) была проведена немедленно, но было уже поздно. Опухоль дала метастазы, и в последующие месяцы у Джона обнаружили все возрастающие признаки новообразований. К моменту нашей первой встречи опухоль проросла до позвоночника и вызывала серьезные неврологические расстройства.

Джону было 36 лет, он был женат, имел троих детей. Оба супруга оценивали свой брак выше среднего. У них иногда возникали споры по поводу воспитания детей, но в отношениях превалировало чувство глубокой преданности, понимания и тепла. Его жена Марта ежедневно приходила в больницу к 10 часам утра и оставалась до вечера, несмотря на то, что муж очень мало разговаривал с нею и не проявлял ни малейшей заинтересованности в семейных делах. Он либо жаловался на невыносимые боли, либо находился под действием обезболивающих наркотиков и дремал.

Марта всегда приносила с собой в больницу какую-то работу и обычно тихо сидела в кресле и была под рукой на случай, если Джону что-либо понадобится.

Марте сообщили диагноз Джона вскоре после того, как он был поставлен, и она, судя по всему, отнеслась к беде с большим мужеством. Марта скрывала диагноз и прогноз болезни от супруга в течение многих месяцев, пока, наконец, больше не смогла этого делать. Незадолго до нашей встречи с ним, она решила сказать ему правду. Теперь Джон знал, что болен раком, но его отношение к будущему колебалось между пессимизмом и оптимизмом. Несколько раз он упоминал о смерти и даже проинструктировал Марту провести скромные похороны, чтобы сэкономить деньги для детей. В другой раз начал обсуждать долгосрочные планы, связанные с работой и поездкой за границу на отдых, в которую они все отправятся после того, как он станет лучше себя чувствовать. Вскоре Марта сказала Джону о своем намерении откровенно поговорить о болезни с его матерью. Она, однако, не сообщила ему, что сказала той правду, так как «он расстроился бы, зная насколько это ранит мать».

Джон оказался весьма трудным пациентом для психоделической терапии, при которой психологическая подготовка и хорошее взаимодействие с больным считаются крайне важными для достижения успеха. С ним было очень сложно установить контакт. Он либо был занят болезнью и болями, либо находился в таком затуманенном сознании из-за приема наркотиков и снотворного, что сколько-нибудь сосредоточенная беседа с ним, в принципе, была невозможна. Джон не хотел говорить ни о своем положении, ни о прошлом, ни о психологических аспектах психоделической терапии, так как не видел прямой и непосредственной связи между этими темами и своей физической болью. Таким образом, подготовку пришлось свести к абсолютному минимуму, а некоторые из основных данных получить от его жены.

Мы весьма сомневались, стоит ли проводить сеанс в таких условиях, поскольку не думали, что с больным установлены достаточная связь, доверие и взаимопонимание, которые считали важным для успеха этого вида терапии. Наконец, под влиянием требований Марты и настойчивых напоминаний

отчаявшегося Джона провести с ним обещанное лечение, если был хоть какой-то шанс уменьшить боли, мы решили действовать.

Утром в день проведения процедуры Джону ввели внутримышечно 60 миллиграммов ДПТ. Когда препарат начал действовать, его уговорили надеть повязку и наушники. Он согласился после некоторых сомнениях, подчеркнув несколько раз, будто все, что может теперь вынести—это мягкая, приятная и ненавязчивая музыка. Такое отношение к процедуре было очевидным и до ее начала: Джон желал отдохнуть в темноте и абсолютной тишине. Визуальные, акустические и тактильные ощущения любого вида, видимо, вызывали усиление болей. На ранних фазах сеанса Джон жаловался на дискомфорт, ощущение жара и неприятность музыки. Его поташнивало и несколько раз вырвало. В целом его переживания казались весьма неинтересными и пустыми. Большую часть времени он провел, борясь с действием препарата и прилагая значительные усилия с целью удержать контроль. Ему было необычайно трудно сдаться и предстать лицом к лицу с тем, что выходило из подсознания.

Содержание данного сеанса ДПТ-терапии было довольно поверхностным и носило, в основном, психодинамический характер. Джон вспомнил различные периоды жизни и вновь пережил несколько травмирующих ситуаций. Одной из них был несчастный случай на железной дороге, который он видел в раннем детстве. Другой стало воспоминание о травме трехлетней сестры, сломавшей ногу, когда ее санки врезались в дерево. Было переживание, связанное с военными сценами, исполненными агрессии, позволившее Джону избавиться от некоторых воспоминаний периода службы в армии. В ходе сеанса перед Джоном возникали видения бушующего океана, тонущих кораблей и людей. Затем он уловил воспоминание об опасном эпизоде, случившемся в заливе Че-запик, когда вместе с одним из ближайших родственников отправился кататься на лодке, чуть не врезавшейся в японское грузовое судно. Во второй половине сеанса Джон все более уставал и, наконец, настоял на том, чтобы снять повязку и наушники. Переживание не содержало ни катарсиса, ни прорыва. Лекарство просто прекратило свое действие, и у всех нас осталось ощущение неудовлетворенности и провала.

Единственное, что оправдывало для Джона проведение сеанса, было воспоминание о кратком переживании, в ходе которого он видел большущий кувшин, наполненный холодным чаем. Образ представился ему очень точным и относящимся к какой-то важной ситуации или проблеме периода детства. Во время наших

бесед по окончании сеанса он снова и снова возвращался к этому образу. Хотя Джон так и не разгадал значение видения, воспоминание неизменно волновало его. Когда мы посетили Джона в больнице на следующий день, он лежал в кровати, ослабевший, чрезвычайно уставший и почти не разговаривал, что убедило нас в неудаче сеанса. Однако на следующий день положение радикальным образом изменилось. Состояние Джона резко улучшилось, настроение исправилось, он улыбался людям, начал общаться с семьей и медперсоналом. Разговаривая с женой, он проявлял интерес к семье и детям, чего не делал в течение месяцев. Он попросил радио и слушал спокойную музыку, новый цветной телевизор теперь работал по много часов в день.

Ко всеобщему удивлению, боли у Джона совершенно прекратились. Теперь он был в состоянии самостоятельно ходить в туалет и даже совершал короткие прогулки по больничному коридору. Прекратились разговоры о болезни и страданиях, он с интересом обсуждал политические, общественные и семейные дела. Как утверждала

Марта, Джон полностью изменился, стал «абсолютно другим человеком». Он нередко смеялся, шутил и проявлял интерес ко многому. Джон перестал принимать все препараты и совсем не испытывал боли, которая вернулась лишь два с лишним месяца спустя, незадолго до его смерти. Любопытный дополнительный штрих мы обнаружили приблизительно через 10 дней после сеанса, когда анализировали ответы Джона на «Вопросник о психоделических переживаниях». Оказывается, он утвердительно ответил на позицию «видения религиозных персонажей (Иисуса, Будды, Магомета, Шри Рамана Махариши и так далее)» и оценил ее в пять баллов по шкале с диапазоном оценок от нуля до пяти. Такой ответ явился сюрпризом: ведь когда мы четко спросили его после сеанса, были ли у него какие-либо религиозные переживания во время процедуры, Джон ответил отрицательно. Когда же мы попросили пояснить расхождение, он ответил: «В какой-то момент я увидел огромные бронзовые и золотые статуи этих восточных... как их там... будд. Под ними были какие-то надписи, но все на латыни. Я не знаю латыни и ничего не мог прочесть. Потому я и не сказал о них».

Этот случай оказался самым ярким примером воздействия психоделической терапии на неустранимые боли, с которыми мы сталкивались в ходе всего исследования. Несоответствие между содержанием и характером протекания сеанса, с одной стороны, и

терапевтическим результатом, с другой, является хорошея иллюстрацией непредсказуемого характера воздействия психоделической терапии на боль.

ДЖОАННА

К моменту, когда Джоанна решила участвовать в нашем исследовании перспективности ЛСД-терапии, она была 40-летней домашней хозяйкой и матерью четверых детей. Двое из них -- 17-летняя дочь и 8-летний сын -- от первого брака. Она также воспитывала приемного сына 9 лет и его сверстника, сына нынешнего мужа от первого брака. Кроме того, она занималась различной деятельностью, включая групповые встречи для обсуждения всевозможных проблем и балетные классы. Раковое заболевание было диагностировано в августе 1971 года после долгого периода легких и преходящих желудочно-кишечных расстройств. Врач, к которому обратилась Джоанна, сначала определил язву желудка. Не добившись излечения за шесть недель, он рекомендовал хирургическое вмешательство. Хирург обнаружил опухоль и провел почти полную резекцию желудка. Он установил находящееся в начальной стадии, но быстро развивающееся новообразование, однако не обнаружил обширных метастазов. Лабораторное исследование вырезанных желудочных тканей выявило наличие прорастающей анаплазматической карциномы.

О диагнозе Джоанне сообщили в несколько приемов. Сначала она узнала о язве желудка, затем—что это была опухоль, но без уточнения характера.

Потом лечащий врач сообщил, что опухоль оказалась злокачественной и, наконец, что ее развитие зашло слишком далеко, чтобы оперировать. У Джоанны, таким образом, было некоторое время для постепенной подготовки к осознанию диагноза со всеми вытекающими из него последствиями. Сначала у нее возникла тяжелая тревожно-депрессивная реакция. Затем чувства безнадежности и беспомощности уступили место отрешенности и уходу. В то же время Джоанна решила, что не желает проводить остаток дней в ожидании смерти, а хочет что-то предпринять с целью повлиять на лечебный процесс, не считаясь с ничтожной вероятностью успеха в результате таких усилий. После того как врачи заявили ей о своем бессилии, Джоанна провела некоторое время в поисках целителей и других нетрадиционных

источников помощи. В это время она услышала о программе клиники «Спринг Гроув» для лиц, страдающих от раковых заболеваний, и условилась с нами о встрече, чтобы посмотреть место, поговорить с людьми, занятыми в проекте, и получить более конкретную информацию о лечебной программе. Мы объяснили характер психоделической терапии, описав и ее терапевтические возможности, и недостатки. Упомянули и о том, что, как следует из нашего опыта, данный вид терапии может оказать весьма благотворное воздействие на физическую боль, а также на душевные страдания, сопутствующие болезни. Мы также вкратце рассказали об изменениях представлений о смерти и отношении к ней, которые наблюдали в результате успешно проведенных сеансов ЛСД-терапии. Объяснили, что не располагаем точными данными о характере влияния психоделической терапии на процесс развития собственно раковой опухоли; однако не исключаем возможности и благоприятных изменений в состоянии больного в результате воздействия на опухоль нашими средствами. На первую беседу Джоанна пришла в сопровождении мужа Дика. Будучи педагогом, он, естественно, настороженно относился к вероятным негативным последствиям приема ЛСД. Нам пришлось потратить некоторое время на объяснение того, что при благоразумном применении препарата соотношение между позитивными последствиями и возможным риском несравненно лучше, чем при самостоятельном бесконтрольном экспериментировании. После разъяснения вопроса, и Джоанна, и Дик с энтузиазмом приняли участие в программе исследований ЛСД-терапии.

Подготовка Джоанны к первому сеансу состояла из нескольких индивидуальных бесед без применения препарата и одной встречи в присутствии Дика. В это время Джоанна была подавлена и тревожна. Она чувствовала резкое ослабление вкуса к жизни и отсутствие интереса к предметам и деятельности, приносившим до заболевания много радости. За время болезни она стала очень напряженной и раздражительной, уровень выносливости по отношению к удручающим событиям был «постоянно низким». Во время первых бесед ее физические страдания все еще были терпимыми. Она ощущала постоянный дискомфорт в желу-дочно-кишечной области, но боли не достигли той силы, при которой сделали бы жизнь невыносимой. Джоанна чувствовала, что в целом ее проблема заключалась скорее в постоянном страхе перед будущим, нежели в страдании от того, что есть. Женщина полностью сознавала свое положение и будущее, вытекавшее из диагноза и

прогноза болезни. Она довольно свободно, четко и недвусмысленно могла обсуждать болезнь. Однако в повседневной жизни, видимо, в значительной степени проявлялось самоограничение, под которым ясно проступал страх смерти и постоянная озабоченность конечной судьбой. Основным стремлением Джоанны было желание прийти к достойному и честному завершению отношений с Диком и детьми. Она хотела оставить их твердыми, преисполненными добрых чувств, а не вины, раздражения, горечи или неестественного горя; хотела покинуть их тогда, когда они могли бы продолжать жить каждый своей жизнью, не неся на себе тяжесть ее смерти.

Джоанна поняла необходимость исследовать историю жизни перед сеансом ЛСД, чтобы добиться максимальной ясности в понимании стереотипов поведения и конфликтов, сопровождавших ее жизненный путь от рождения до последнего периода. Она занималась этим с необычайной заинтересованностью и высокой степенью мотивации, написав детальную автобиографию, послужившую основой для наших последующих обсуждений наиболее важных сторон ее жизни.

На детство Джоанны оказала очень сильное воздействие эмоционально неуравновешенная мать, страдавшая от глубоких депрессий и лечившаяся

электрошоками во время пребывания в многочисленных психиатрических заведениях. Джоанна не была с ней сколько-нибудь близка; их отношения были неустойчивыми и беспорядочными. Гораздо лучше Джоанна чувствовала себя с отцом, способным тепло отнестись к ней и оказать поддержку. Позднее, однако, она поняла, что в их отношениях присутствует чувственный момент. Это стало источником страха и чувства вины из-за существовавших у нее вследствие католического воспитания твердых табу, касавшихся сексуальности. Отношения между родителями носили дисгармоничный характер, сопровождались постоянными перебранками, драками и завершились разводом.

Джоанна описала себя в ранние годы, как «умеренно замкнутого и заброшенного ребенка с богатой фантазией». У нее было лишь несколько друзей, и она слабо контактировала со сверстниками, не входившими в небольшой круг.

Из четырех братьев и сестер у Джоанны были тесные отношения и союз с младшим братом и сильное соперничество с сестрой. К моменту психоделической терапии Джоанна чувствовала себя абсолютно чужой братьям и сестрам.

Пребывание в приходской школе, где преподавание велось исключительно силами монахинь, укрепило пуританские установки, свойственные Джоанне, что привело к осложнениям в половом развитии. В юности она вообще испытывала затруднения в общении с людьми из-за тревожности, незащищенности и чувства неполноценности. Когда же дело касалось потенциальных сексуальных партнеров, коммуникативные трудности резко возрастали. Мир романтических мечтаний Джоанны резко контрастировал с ее реальной жизнью. Немногочисленные связи были короткими и поверхностными. Она не вступала в половые отношения до первого замужества. Брак был переполнен сложностями и конфликтами, особенно из-за ревности и собственнических установок со стороны обоих супругов. Позже муж, поначалу придерживавшийся строгих правил, отрицавший добрачные связи и исповедовавший моногамию, стал интересоваться другими женщинами и, наконец, завел несколько любовниц. Его отношения с одной из его учениц закончились беременностью последней, что явилось удобным поводом для разъезда супругов и последующего развода.

Вскоре после развода с первым мужем Джоанна вступила в брак с Диком. Второе замужество было гораздо удачнее первого, но тоже несвободно от сложностей. В ходе беседы мы попытались установить источники затруднений во взаимоотношениях и помочь общению супругов. Джоанна, когда ее спросили о наиболее беспокоящей стороне брака, указала на склонность Дика импульсивно на все реагировать, а также на его чувства собственника в отношении жены.

Дик же казалось, что Джоанна с некоторым безразличием воспринимает их отношения и семейную жизнь. Его весьма беспокоила сильно выраженная независимость жены, которую он воспринимал, как угрозу. По мере того как мы разбирали различные виды порочных кругов, складывавшихся в повседневных отношениях супругов, оба они отыскивали в детских переживаниях интересные прецеденты и возможные причины своих страхов, ощущения незащищенности и специфических идиосинкразии. Результатом бесед явилось общее решение искать новые способы более результативного общения на различных уровнях. Супруги пришли к выводу, что попытаются полноценно прожить каждый из оставшихся Джоанне дней жизни—сутки за сутками, не

позволяя при этом прошлым стереотипам и опасениям за будущее замутить их ежедневные отношения. Мы все чувствовали, что ситуация созрела для первого психоделического сеанса Джоанны.

Первый сеанс ЛСД-терапии

В девять часов утра Джоанне ввели 300 миллиграммов ЛСД. Препарат был введен внутримышечно, так как мы опасались за всасывающую способность желудочно-кишечной системы, значительно пострадавшей в результате резекции части желудка и процесса развития раковой опухоли. Джоанна начала сеанс со значительными опасениями и держала нас за руки. Минут через двадцать после впрыскивания она ощутила как бы парение и внутренний трепет. По мере прослушивания второго концерта Брамса для фортепиано она почувствовала себя находящейся в гигантском зале футуристического аэропорта, предназначенного для сверхзвуковых самолетов, в ожидании отлета. Зал был заполнен необычайно модно одетыми пассажирами. Странное чувство возбуждения и ожидания, казалось, царило в этой необычной толпе. Внезапно Джоанна услышала громкий голос, говоривший через систему вещания аэропорта: «Событие, которое вам предстоит пережить, -- это Вы Сами... С некоторыми, как вы можете заметить, это уже происходит...» Когда она оглянулась на спутников, то увидела странные перемены в их облике. Тела изгибались, принимая необычные позы по мере отправления в путешествие во «внутренние миры». Тогда же Джоанна обратила внимание на сильный гудящий звук, походивший на радиосигнал, который поддерживал и успокаивал ее. Звук ободрял и направлял сквозь переживание. Происходящее было подобно тому, как если бы мозг очень медленно сторал, обнаруживая свое содержание в сменявшихся одна другую картинах. С необычайной ясностью возник образ отца, а их отношения были проанализированы и исследованы с точностью хирургической операции. Джоанна постигла, что он искал в ней кого-то или что-то, чем она не могла быть. Она поняла, что ей следует быть самой собою, даже если это разочарует отца. Она убедилась в существовании сложного хитросплетения потребностей в ней других людей: мужа, детей, друзей. Джоанна выразила это так: «Я просто не могу быть всем этим для всех них—я должна оставаться собой». И Джоанна поняла, что

потребности других затрудняют для нее признание реальности неизбежной смерти и капитуляцию перед ней.

Путешествие во внутренние миры уводило все дальше, и Джоанна начала сталкиваться с различными ужасными чудовищами: демонами и «тощими, голодными сюрреалистическими созданиями, разукрашенными в немыслимые цвета, наподобие переливающегося дымчато-зеленого». Это походило на то, как если бы все демонические личины азиатского искусства были вызваны к жизни и исполняли в ее голове дикий танец. Как только она начинала тянуться к ним, в их круг, они все больше и больше блекли, а картина изменялась на иную, обычно вполне приятную. В какой-то момент, глядя на некие скользкие злобные создания, Джоанна сказала себе: «Эге, да ведь это тоже я... ничего себе!..» Столкновение с демонами сопровождалось сильными затруднениями с дыханием, несколько раз Джоанна комментировала: «Мне хотелось бы быть в состоянии еще дышать». Эта трудная фаза прошла достаточно быстро. Преодолев борьбу с демонами, Джоанна почувствовала, как она «начала искриться фантастической энергией», протекающей сквозь нее. Энергия была такого уровня, что никто в мире не мог бы обладать и эффективно управлять ею; она была соразмерна всей Вселенной. Джоанна поняла, что, обладая таким количеством энергии, в повседневности ее приходится сдерживать, неправильно использовать и, отказываясь от нее, направлять на

других. Она на секунду увидела себя на разных этапах жизненного пути, исполняющей различные роли -- дочери, возлюбленной, молодой жены, матери, артистки—и поняла: они не могли полноценно функционировать, так как были негодными сосудами для ее энергии. Наиболее важным аспектом подобных постижений была их необходимость для понимания смысла смерти. Джоанна видела величественное развитие космического замысла в бесконечных подробностях и следствиях. Каждая личность представляла собой нить в прекрасной ткани жизни и играла определенную роль. А все вместе роли были одинаково важны для центральной энергетической сердцевины Вселенной. Никто не был значительнее других. После смерти энергия претерпевала трансформацию, и роли перераспределялись. Свою Джоанна увидела в данный момент в том, чтобы быть раковой больной, и почувствовала себя в силах принять ее. Женщина представила ход перевоплощений в символической форме в виде Земли, испещренной ведущими в разные стороны тропами: что-то наподобие ходов муравейника. «До этой жизни было множество других, и множество других еще последует. Цель -- испытать и исследовать все предначертанное тебе космическим сценарием. Смерть -- всего лишь эпизод, одно преходящее переживание в величественной вечной драме».

По-видимому, в результате таких провидений у Джоанны развилось позитивное отношение к жизни в целом и принятие всего происходящего, как единственно верного. Она несколько раз с энтузиазмом упоминала о необычайном космическом остроумии и юморе, вплетенных в ткань существования.

В ходе сеанса у Джоанны были видения картин, скульптур, ручных изделий и памятников архитектуры, принадлежащих различным культурам: Древнему Египту, Греции, Риму, Персии, разным индейским племенам, а также доколумбовым культурам Перу и Центральной Америки. Видения сопровождалось тонким пониманием многих вопросов природы человеческого бытия. В результате богатства переживаний Джоанна обнаружила, что параметры ее существования шире, нежели она считала. Она так комментировала открытие: «Существует масса вещей, имеющих ко мне отношение, гораздо больше, чем я могла предполагать. Существуют формы, цвета, структуры, которые невозможно, просто невозможно описать...» Что бы она ни воспринимала из производимого миром -- создание враждующих стран, междоусобные войны, расовую ненависть, мятежи, прогнившие политические системы, технологию, отравляющую окружающую среду, -- она видела все как бы создаваемым ею самой. Она переносила на других то, что подавляла в себе. Джоанна также ощутила соприкосновение с тем, что могла обозначить, как чистое бытие, и поняла: оно не может быть постигнуто и не нуждается в оправдании. Одновременно пришла уверенность, что ее единственная задача -- освободить собственную энергию, а не «сидеть на ней», как было всегда. Течение жизни символизировалось многими прекрасными образами: рыб, травы, уносимой потоком, чудесных танцевальных сцен. Некоторые из картин были как бы волшебными и вечными, другие -- земными. Когда это происходило, Джоанна чувствовала животворность в области гениталий и во всем организме. Все тело трепетало от возбуждения и восторга. Переживая эти стадии, она свернулась калачиком, приняв удобную позу плода.

После пятичасового сеанса Джоанна решила снять повязку, сесть и восстановить связь с окружающим миром. Она сидела на

кушетке, глубоко спокойная и расслабленная, вслушиваясь в музыку для дзен-медитаций и разглядывая бутон розы, стоявшие на столе. Иногда она закрывала глаза и возвращалась во внутренний мир. Ее лицо сияло, на нем было написано

выражение тихой благости, встречаемое в буддийских скульптурах. Она наблюдала некое слияние, долгое время присутствовавшее в ее зрительном поле и принимавшее различные формы: страдающего еврея, персидского шаха, голодного пакистанского беженца, маленького мальчика, подглядывающего через незатейливую деревянную изгородь. В течение долгого времени Джоанна не испытывала ничего, кроме приятного тепла от лелеющего ее золотого сияния, подобного трансцендентальному дождю из жидкого золота. Кисти винограда, лежащие на столе, выглядели настолько прекрасными, что Джоанна решила взять несколько из них домой в качестве сувенира. Вкус же виноградин был подобен амброзии.

Во второй половине дня в процедурную комнату пришел Дик. Едва он вошел, как они с Джоанной бросились друг к другу и оставались в объятиях около двадцати минут. Дик ощущал невероятную энергию, исходившую от Джоанны, и говорил, что чувствовал почти осязаемое энергетическое поле, окружавшее ее тело. Мы оставили супругов наедине на два часа, в течение которых Джоанна поделилась с мужем переживаниями. Одним из самых ярких воспоминаний от сеанса был душ, который они принимали вместе с Диком. Джоанна чувствовала необычное притяжение к его телу и внезапно открыла, как следует его массировать. Позже мы все приняли участие в обеде. Хотя еда была из китайского ресторанчика, торгующего, в основном, на вынос, и по качеству весьма средней, Джоанна заявила, что никогда в жизни не пробовала ничего более вкусного. Она не могла припомнить, чтобы еще когда-либо была столь довольна едой или собой.

Остаток вечера супруги тихо провели вместе, лежа на кушетке и слушая стереофоническую музыку. На Дика произвели сильное впечатление мудрость и откровенность жены. Он был убежден, что Джоанна выражала истинные уровни космической мудрости, закрытые для него. Его восхищали согласованность ее рассказа, а также стихийная уверенность и авторитет, с какими жена говорила о пережитом. Дик заключил, что пребывание с Джоанной стало для него теперь истинным удовольствием. Она демонстрировала высокий уровень душевного подъема, лучезарное настроение и была совершенно безмятежна. Резко усилилась

способность наслаждаться музыкой, едой, красками, а также получать удовольствие от душа. Это было настолько заразительное переживание, что Дик самому захотелось пройти психоделический сеанс. Он решил рассмотреть возможность участия в тренировочной программе, состоящей из ЛСД-сеансов, которая проводилась для специалистов в нашем центре*.

Хотя Джоанна чувствовала себя очень хорошо и испытывала сонливость, в этот вечер она долго не ложилась, а ночью несколько раз просыпалась. Ей приснилось, что она работает в библиотеке и слышит, как кто-то кому-то говорит: «Все, связанное с дзеном, -- чепуха!». Она улыбнулась про себя, сознавая: дзен слишком прост, чтобы иметь для них смысл.

Чувства Джоанны, испытываемые в течение последующих дней, нашли отражение в отчете. «На следующее утро я чувствовала себя посвежевшей, отдохнувшей и пребывающей в гармонии с миром. Дик поставил пластинку с Бранденбургским концертом Баха; музыка показалась мне совершенной. На улице стояла ясная, безоблачная и прекрасная погода. Я видела то, чего никогда не замечала, идя по дороге домой. Деревья, трава, краски, небо -- все было чистым наслаждением».

В течение приблизительно двух месяцев после первого сеанса ЛСД-терапии Джоанна ощущала себя умиротворенной, воодушевленной и была настроена оптимистично. Психоделический опыт, видимо, открыл для нее новые сферы мистических и

космических чувств. Религиозный элемент, присутствовавший в переживаниях во время сеанса, превозмог тесные рамки традиционного католического канона, в котором она была воспитана. Теперь Джоанна была способна воспринимать более широкий подход, свойственный индуизму и буддизму.

- Важным аспектом тренировочных ЛСД-сеансов Дика был тот, в котором рассматривалось отношение к раку и смерти. Джоанна была третьей значимой женщиной в его жизни, погибшей от ракового заболевания: в прошлом от той же болезни медленно скончались мать и первая жена. Дик понимал, что его подсознательное отношение к ним варьировалось от гнева («Вы мне так нужны, я так завишу от вас, как же вы могли поступить подобным образом?») до чувства вины и ответственности за их болезнь («Я—то, что объединяет судьбы всех трех женщин; не являюсь ли я причиной их болезни?»). Сеансы ЛСД-терапии оказались весьма продуктивными для разрешения этих глубоких конфликтов.

На протяжении недели после сеанса Джоанна ощущала себя настолько переполненной энергией, что это сбивало с толку, лечащих врачей. Они видели, насколько энергетические ресурсы пациентки не соответствуют серьезности клинического состояния и недвусмысленно выражали удивление способностью Джоанны самостоятельно передвигаться и водить машину. Врачи в один голос выразили сомнение, что ей удастся провести отдых следующим летом в Калифорнии (это уже планировалось семьей). Джоанна же была вполне уверена в своих силах и считала, что у нее все выйдет. Развитие событий подтвердило ее правоту: отдых, проведенный в Калифорнии, оказался очень значимым и полезным для всей семьи.

Такой весьма положительный ход событий резко нарушился в середине января, когда Джоанна посетила своего лечащего врача по поводу продолжительных отрыжек и рвоты. Он обнаружил новообразование в области селезенки, которое диагностировал, как разрастание метастазов. Джоанна сильно расстроилась, когда врач не предложил конкретного лечения. Она чувствовала, что доктора махнули на нее рукой. Тогда и Джоанна, и Дик твердо решили, что необходимо провести новый сеанс психо-делической терапии. Джоанна весьма оптимистично относилась к его возможному влиянию на эмоциональное состояние, а также на углубление философских и духовных прозрений. Она также лелеяла надежду, что, возможно, окажется в состоянии управлять психосоматическим компонентом, присутствовавшим, по ее представлениям, в этиологии раковых заболеваний. Дик был уверен, что на этот раз он сможет гораздо адекватнее реагировать на воздействие, которое сеанс окажет на супругу, а может быть, и на его собственное эмоциональное состояние.

Второй сеанс ЛСД-терапии

Второй сеанс ЛСД-терапии состоялся в феврале 1972 года. Поскольку полученная в первый раз доза в 300 микрограммов оказала сильное воздействие, мы ввели Джоанне то же самое количество. Ниже следует ее отчет о переживаниях, в котором суммированы наиболее существенные события.

«Этот сеанс был для меня суровым. Он почти во всех отношениях оказался противоположным первому: скорее черно-белый, нежели цветной, скорее личного характера, нежели космического,

скорее грустный, чем радостный. Вначале был короткий период, когда я вновь ощутила себя в том же беспредельном месте или пространстве, где чувствовала, что Вселенная находится в каждом из нас, и наша жизнь и смерть имеют смысл. Затем переживание сузилось и приобрело более личный характер. Смерть была предметом моего путешествия. Я пережила несколько сцен похорон, происходящих в пышно разукрашенном или обычном церковном окружении, иногда на кладбище, иногда внутри церковного здания, где пел многоголосный хор. В течение нескольких часов я часто плакала. Я также задавала множество вопросов и отвечала на них. Вопросы, однако, сводились к вечным «проклятым вопросам», и все начинало казаться странным. Вначале я помнила свою мысль:

«Все, что уродливо, на самом деле—прекрасно». С течением времени другие противоположности приходили мне на ум: добро и зло, победа и поражение, мудрость и невежество, жизнь и смерть.

Мне кажется, я вновь пережила детство, но не какие-то определенные моменты, а просто чувствовала его тон, и довольно грустный. Во многом это относилось к очень ранним переживаниям разочарований и лишений, недоедания и голода. В мозгу вспыхнула мысль о возможно существующей связи между этими переживаниями и язвой желудка, переродившейся в рак. Мне помнится ощущение пребывания на улице под дождем, кажется, в течение долгого времени. Я вспоминаю, как администратор прогнал меня и братьев с какого-то не то шоу, не то циркового представления, и грустные, мы шли не очень-то понимая куда. Скрытый намек на мое нынешнее состояние очевиден: отторжение от дальнейшего участия в зрелище жизни и предстояние лицом к лицу с неопределенностью смерти.

В течение, как мне казалось, долгого времени я воспринимала свою нынешнюю семью и, как бы готовила всех к моей смерти. Там была сцена, в которой я, наконец, после долгой самоподготовки, все им сказала. В последовательно сменяющемся ряду эпизодов я попрощалась с детьми, мужем, отцом, другими родственниками, а также с друзьями и знакомыми. Я проделывала все строго индивидуально, учитывая личность и степень чувствительности каждого. Попилились слезы, но затем пришло тепло и утешение. В заключение все собрались вокруг меня, чтобы заботиться обо мне. Помню, как они расставляли горячую и вкусную еду. Затем я провела некоторое время, прощаясь со всеми по очереди и

понимая, что среди них были внимательные люди, которые собирались позаботиться об остающихся. Попрощавшись с ними, я почувствовала, что какая-то часть меня будет продолжать жить в них.

Перед концом путешествия была, доставившая мне большое удовольствие, радостная и теплая сцена, которую я лишь наблюдала. Там были взрослые и дети, возившиеся на улице в снегу. Я чувствовала, что это происходило где-то далеко на севере. Все были закутаны в теплые одежды и разгорячены, несмотря на холод и снег. Взрослые радовались детям и заботились о них. Звучал смех, шла игра и общая атмосфера была веселой и дружелюбной. Затем, помню, я увидела целый ряд ботинок и поняла, что детские ноги обуты, им тепло.

Вечером после сеанса я чувствовала себя в определенном смысле хорошо: была рада видеть Дика и охотно говорила с ним, но всю остальную часть вечера я рыдала. Я понимала, что трезво видела себя и свое положение, что теперь лучше с ним справлюсь, но все же мне было очень грустно. Я также ощущала некую незавершенность. Мне казалось, что, возможно, я могла бы пропутешествовать еще несколько часов, и тогда, быть может, перешла бы от горечи к радости».

Второй сеанс оказался очень благотворным для Джоанны. Она примирилась со своим положением и решила провести оставшиеся дни в духовном поиске. После отдыха вместе с семьей на западном побережье, она решила распрощаться с мужем и детьми. Джоанна считала, что эта разлука спасет их от тяжелой необходимости видеть прогрессирующее ухудшение состояния и позволит запомнить ее полной сил и энергии. В Калифорнии Джоанна находилась в тесном контакте с отцом, который сам интересовался духовным развитием: он ввел ее в группу, изучающую веданту.

Летом Джоанна захотела пройти еще одно ЛСД-переживание. Она написала нам, спрашивая о возможности организации третьего сеанса в Калифорнии. Мы рекомендовали доктора Сиднея Коэна, обладавшего обширным опытом в области психоделической терапии больных раковыми заболеваниями. Ниже следует отчет Джоанны о третьем сеансе ЛСД, проведенном под наблюдением д-ра Коэна. Доза была 400 микрограммов.

Третий сеанс ЛСД-терапии

«Моей первой реакцией после начала действия препарата было ощущение все большего и большего холода. Казалось, как ни укрывайся, ничто не ослабит этот пронизывающий до самых костей колкий, неослабевающий холод. Позже трудно было поверить, что на меня пришлось навалить такую гору теплых одеял, так как в то время казалось: ничто не в состоянии осилить холод. Я попросила горячего чая, который посасывала через соломинку.

Затем в какой-то момент я погрузилась в очень яркое переживание, все еще продолжая держать чашку с горячим чаем. Чашка превратилась во Вселенную, и все было абсолютно четким и реальным. Зеленовато-коричневый цвет чая растворился в закручивающемся водовороте. Не осталось никаких вопросов. Жизнь, смерть, смысл—все было здесь. Я всегда была здесь, все мы были здесь. Все было единым. Страх не существовал. Смерть, жизнь—все одно и то же. Свивающаяся кольцообразность всего. Главное сильное желание -- постичь мир, находящийся во всем. В слезе, скользящей по моей щеке, в чашке -- во всем! Что за гармония, -- думала я, -- таится за видимым хаосом. Мне не хотелось потерять видение, и я мечтала разделить со всеми это знание. Тогда не сможет больше существовать разлад. Я чувствовала, что д-р Коэн сознает это вместе со мной. Затем вошел отец, и я попыталась поделиться с ним, чем могла из только что испытанного яркого переживания, стараясь выразить невыразимое. Что не существует страха и нечего бояться. Мы всегда находимся там, куда направляемся. Достаточно просто быть. Нет нужды беспокоиться, задавать вопросы, искать причины. Просто—быть. Я сказала ему о важности всех нас для поддержания движения в повседневном мире.

Я выпила горячий бульон и чай, стремясь к питанию и теплу. После перерыва вновь ушла в себя. На этот раз воспринимала унылые и грустные сцены из очень раннего периода жизни, с которыми уже была знакома по предыдущим сеансам. Картины приняли форму маленьких скелетоподобных существ, парящих в пустоте, ищущих, но не находящихся пищи. Пустота—но не свершение. Тощие птицы в поисках еды в пустом гнезде. Какое-то ощущение себя и братьев одиночками, ищущими и не имеющими куда приткнуться.

В какой-то момент я погрузилась в грусть. Грусть как основную тему, тянущуюся из раннего детства через всю мою жизнь. Я осознала нарастающее усилие скрыть ее, проявить то, что людям, видимо, хотелось видеть во мне («улыбайся», «выгляди живой», «перестань грезить»).

Позднее, в ходе этого же сеанса, у меня возникло чувство, что некоторые избранные ощущают печаль, присущую миру. Если я одна из них, что ж, прекрасно. Я думала о всех детях, тянущихся к матерям, которых нет. Думала об остановках Христа на крестном пути и почувствовала Его страдания или, быть может, ту печаль, которую Ему пришлось испытать. Я поняла, что карма других людей—ощущать довольство, или силу, или красоту—что угодно. Почему бы радостно не принять печаль?

В другой момент я лежала на подушках, на мне было много шерстяных кашне, и было тепло, уютно. Я хотела быть рожденной не как личность, а, может, как радуга, яркая, красная, желтая, мягкая, прекрасная... Днем в какой-то момент я почувствовала центральное положение своего желудка. Мне явилось множество картин, где люди наслаждались едой, вспомнилась моя предшествующая тяга к чаю и бульону, и всегда, всегда что-то поступает ко мне в желудок... Я поняла, что сознаю это в своей повседневной жизни, постоянно стремясь как бы получить грудь, то есть заменяющую ее ложку, соломинку, сигарету. И никогда не считаю, что полученного достаточно.

Я осознала, что вновь стала ребенком: зависимым, но зато обладающим матерью (второй женой отца), заботящейся обо мне, которой хочется и нравится заботиться обо мне. Мне доставляло удовольствие получать то, чего я была лишена в детстве. Я переживала мгновенья радости от запаха и осязания плодов: прекрасного манго, груши, персика, винограда. Глядя на них, я видела движение клеток. Гораздо позже начала наслаждаться бутонем розы: бархатистым, благоухающим и прекрасным.

К концу дня я неожиданно поняла, что нашла способ узаконить свою вековечную грусть: для этого просто нужно стать смертельно больной. Ирония заключалась в том, что я обрадовалась и ощутила облегчение от такого открытия. Мне хотелось проникнуть в источник моей грусти. Я видела, что с самого начала матери нечего было дать мне; что на деле она ждала, чтобы я дала что-то ей. У меня действительно было больше чего дать ей, чем у нее— мне, но я ощутила это, как тяжкую ношу.

Я долго беседовала с отцом о печали, не понимая, что плохого в ней и почему она так нелюбима людьми. Я писала ему, как много растратила энергии, притворяясь довольной и счастливой или улыбаясь. Я говорила о красе печали: сладкая печаль, печальная сладость. О разрешении—и себе, и другим - быть печальными, когда та приходит. Печаль, возможно, не так популярна, как радость, непосредственность или веселье. Играя в них, я растратила огромную энергию. Теперь же я -- просто есть: не есть то или это, но просто есть. Иногда это грустно, часто покойно, иногда чувствуешь гнев или раздражение, иногда - большое тепло и радость. Я теперь не грущу о том, что мне придется умереть. У меня гораздо больше приятных ощущений, нежели когда-либо раньше. Все тягостные надобности быть кем-то другим сняты. Я чувствую себя свободной от фальши и притворства. Мою жизнь пронизывают различные духовные переживания».

Член нашей группы, посетивший Джоанну в Калифорнии незадолго до ее смерти, привез волнующее описание ее повседневной жизни в оставшиеся дни. Она сохраняла интерес к духовному поиску и проводила несколько часов в день в медитации. Несмотря на быстро ухудшающееся физическое состояние, она, по-видимому, пребывала в душевном равновесии и хорошем расположении духа. Весьма примечательной была ее решимость не упустить ни малейшей возможности полноценно воспринимать мир до тех пор, пока это возможно. Джоанна настаивала, чтобы ей подавали ту же еду, что и другим, хотя к этому времени проходимость желудка была полностью заблокирована, и она не могла ничего глотать. Джоанна медленно жевала еду, смаковала ее, а затем сплевывала в ведро. В

последний вечер жизни она была полностью поглощена созерцанием заходящего солнца. «Какой великолепный закат», -- были последние перед уходом в спальню слова. Той ночью она тихо скончалась во сне.

После смерти Джоанны ее родные и близкие, живущие на восточном побережье, получили приглашение присутствовать на поминках; приглашения, которые она еще при жизни написала каждому лично. Когда в назначенное время все собрались, то были поражены, услышав обращенный к ним с магнитофонной ленты голос Джоанны. Это было нечто больше, чем необычное и волнующее прощание. Как рассказывают участники, содержание и тон речи оказали мощное умиротворяющее действие на тех, кто с чувством глубокого горя пришел сюда.

6. ПСИХОДЕЛИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ ПРОЦЕССА СМЕРТИ

Начиная работать с умирающими от рака пациентами, в простоте душевной мы полагали, что, в отличие от случаев с душевнобольными, нам придется вводить ЛСД, в основном, относительно «нормальным» людям, страдающим от тяжелой болезни и с развитой, понятной и полностью мотивированной реакцией на создавшееся положение. Эта иллюзия быстро рассеялась, так как многие из больных продемонстрировали широкий диапазон серьезных психологических затруднений и эмоциональных проблем, предшествовавших возникновению и диагностированию их заболевания. Как оказалось, в нескольких случаях характер этих проблем был таков, что почти предполагал патогенную зависимость. В целом же число депрессивных состояний, ярко выраженного негативного отношения к жизни и саморазрушительных и суицидальных наклонностей у данных пациентов нам представляется более высоким, чем можно было ожидать, исходя из того, что они представляют среднестатистическую выборку населения. Хотя приведенное выше мнение базируется только на впечатлениях от лечебной работы и не подвергалось исследованию в контролируемых условиях на основе принципа систематичности, мы явились свидетелями поразительно частых случаев, когда больной постоянно испытывал острое чувство вины, ненависть к самому себе и стремление к самонаказанию за годы или десятилетия до проявления клинической картины рака. Нередко в ходе сеансов ЛСД-терапии эти пациенты видели прямую связь между подобными тенденциями в себе и возникновением злокачественной опухоли. Менее часто, но и нередко проявлялась склонность истолковывать уже существующую болезнь как наказание. Наблюдалось также большое число людей, страдавших в детстве от эмоциональных или физических лишений. Иногда в ранние годы эти

люди прямо подвергались жестокому физическому обращению. Одним из постоянно возникающих у них в ходе сеансов ЛСД-терапии состояний было изживание остро болезненных эпизодов, связанных с тревогой, одиночеством, голодом и жестоким обращением. Иногда умирающие воспринимали эту заброшенность в детстве как возможную причину своего заболевания.

Мы часто отмечали, что область, в первую очередь пораженная раком, была объектом повышенного внимания пациента в течение многих лет до развития опухоли. Иногда нам удавалось проследить существование, начиная с детства или даже раннего младенчества, разнообразной психосоматической симптоматики в органе, позже подвергшемся раковому заболеванию. В ходе подготовительной

работы или психоделической терапии мы выявили существование важных психотравмирующих обстоятельств, связанных с такими областями тела у значительного числа больных. Некоторые из них указывали, что место, где находилась злокачественная опухоль, всегда являлось самым слабым и уязвимым звеном в системе психосоматических процессов, а также, что орган или область, пораженные раком, специфически реагировали на различного рода эмоциональные стрессы в их жизни. Так, нередко обнаруживалось, что у женщин развитию злокачественного новообразования в области, связанной с гинекологией, предшествовали острая психотравматизация и конфликты на сексуальной почве. Подобным же образом выраженная психопатология, включающая в тему бреда область рта, прием пищи, пищеварение и т.д., в

нескольких случаях предшествовала возникновению рака желудка. В одном случае промежуточной фазой между гастритом, возникшим на нервной почве, и появлением карциномы стала язва желудка. Мы также сталкивались с фактами продолжительных нарушений в сфере гастроэнтерологии, предшествующих развитию рака поджелудочной железы, и со случаями, когда серьезные и продолжительные расстройства в анальной области были предвестниками злокачественного перерождения в толстой кишке. Хотя эти наблюдения не систематизированы и не подкреплены солидными статистическими выкладками, они - в ходе проведения глубинной психологической работы с пациентами в рамках психотерапии с применением ЛСД -- показали нам настолько поразительными, что в будущем требуют проведения более систематического исследования.

-
- В этой связи уместно упомянуть статью Карла и Стефании Саймонтон, в которой они обозревают медицинскую литературу, касающуюся различных аспектов взаимоотношений эмоциональных факторов и злокачественных заболеваний. По их данным, более чем в двухстах проанализированных работах выражено общее согласие с тем, что между этими двумя явлениями есть связь. Вопрос, таким образом, заключается не в том, существует ли она, а в выяснении ее степени и практического смысла. Личностные данные людей, страдающих раковыми заболеваниями, и наиболее вероятные факторы предрасположенности к ним авторы упомянутой статьи сводят к следующим: 1) выраженная склонность таить обиду и заметная неспособность к прощению; 2) тенденция к самосожалению; 3) слабая способность к развитию и поддержанию долгих и значимых отношений; 4) крайне низкая самооценка. Саймонтоны предполагают, что, возможно, в основе всех перечисленных характеристик лежит общая единая матрица, проявляющаяся в течение всей жизни: фундаментальное отрицание. Согласно их данным, эта матрица максимально проявляется из-за утраты горячо любимого объекта за 6-18 месяцев до диагностирования заболевания. Люди прямо подвергались жестокому физическому обращению. Одним из постоянно возникающих у них в ходе сеансов ЛСД-терапии состояний было изживание остро болезненных эпизодов, связанных с тревогой, одиночеством, голодом и жестоким обращением. Иногда умирающие воспринимали эту заброшенность в детстве как возможную причину своего заболевания.

Что же касается собственно сеанса психоделической терапии, то, судя по всему, многие из умирающих от рака обладали мощной психологической защитой и испытывали значительные трудности с принятием переживания и пребыванием в нем. Такие пациенты часто не проявляли желания глубоко заглянуть в свое

подсознание и, как правило, могли снять психологическое сопротивление в ходе сеансов лишь в случае установления хорошего лечебного контакта. Хотя проблема капитуляции перед переживанием вставала весьма часто, были, конечно, и заметные исключения.

Характер психоделических сеансов у умирающих от раковых заболеваний принципиально не отличался от того, что мы наблюдали, работая с различными категориями душевнобольных, типа страдающих невротами, алкоголизмом, наркоманией, либо от того, что происходило с «нормальными» добровольцами, проходившими через данные сеансы с целью обучения. Переживания умирающих и лиц иных категорий простирались в широком диапазоне от абстрактных и эстетических эпизодов, повторного переживания травматических и позитивных воспоминаний детства, а также эпизодов смерти и возрождения до глубинных архетипических и трансцендентных форм сознания. Несмотря на подобное сходство, сеансы больных раком все же обладали специфическими характеристиками, отличавшими их от переживаний людей, относящихся к другим группам.

Как этого и можно было ожидать, у первых в целом чаще возникала неприятная соматическая симптоматика, и они больше других были озабочены своим физическим существованием. Различного рода психосоматические проявления типа тошноты, рвоты, тремора, нарушения сердечного ритма и затруднении с дыханием характерны для психоделической терапии, независимо от того, кто подвергается ей. Особенно часто они возникают в самом начале действия препарата и в моменты пиковых переживаний. Появление интенсивной физической симптоматики может указать на выход глубоко личной и важной информации из подсознания и, как правило, соответствует попыткам человека прорваться сквозь привычное сопротивление и защитные механизмы. Кроме этих психосоматических симптомов, в ходе сеансов у раковых больных возникают различные физиологические проблемы, прямо связанные со злокачественными новообразованиями и отражающие вызываемые ими специфические нарушения в организме. Наиболее частыми затруднениями подобного рода являются тошнота и рвота у пациентов с раком желудка или непроходимостью кишечника, а также недержание мочи и дефекация у лиц, страдающих от рака в области таза или метастазов в спинном мозгу. Те, у кого рак уже серьезно развился, утомляются от сеансов психоделической терапии гораздо сильнее, нежели другие категории людей, с которыми нам приходилось работать. После особенно продолжительных сеансов, многие пациенты чувствовали себя уставшими не только вечером того же дня, но и на следующий день. Поэтому положительное воздействие ЛСД-терапии часто оставалось скрытым от медицинского персонала различной степенью физического и эмоционального истощения до второго дня после применения препарата.

Среди переживаний, характерных исключительно для раковых больных, были, конечно, эпизоды, прямо связанные с болезнью. В нескольких случаях пациенты, с которыми прежде диагноз и прогноз заболевания не обсуждались из-за сильного сопротивления со стороны больного или его близких родственников, приходили к верным выводам уже в ходе сеанса. Многие из тех, с кем мы работали, испытали непосредственное переживание болезни либо путем визуализации самой злокачественной опухоли, либо интуитивно воспринимая процесс ее развития. Часто возникали образы пораженного раком участка тела, его анатомические

и топографические характеристики, а также картина «питания» опухоли по сосудам.

Случалось, лица, ясно убедившиеся в своей болезни, спонтанно предпринимали попытки самоисцеления. Обычно они следовали голосу интуиции в том, какую форму должно принять такое лечебное вмешательство. Иногда они пытались снять психологические и физические блоки с пораженных участков тела. В других случаях осознавали разрушительные силы, предположительно лежавшие в основе развития злокачественного новообразования, и пытались обезвредить их. Еще одним подходом, испробованным раковыми пациентами в ходе сеанса психоделической терапии, была попытка создать поле целебной энергии, окутывающее пораженный орган или все тело. Порой такое поле описывалось, как зеленый или голубой свет. Иные способы, возникающие в подобной ситуации, включали в себя четкую визуализацию новообразования с последующей попыткой пережать артерии, снабжающие его кровью, либо попытку активизировать защитные силы организма и повысить приток антител к опухоли*. Вследствие деликатности характера процедуры психоделической терапии и недостаточности знаний о природе рака, мы не пытались специально программировать подобное лечебное экспериментирование, но и не запрещали его, коль скоро оно проявлялось спонтанно.

Некоторые виды переживаний, регулярно появляющиеся у других категорий испытуемых, у умирающих возникали, видимо, чаще, а переживались с большей степенью эмоциональной вовлеченности. Так, например, в свете их состояния вполне понятно акцентирование переживаний, связанных со смертью и поиском смысла человеческого существования. Часто в ходе сеансов появлялась тема отношений с различными членами семьи, близкими друзьями и знакомыми.

Одновременно предпринимались усилия с целью «закрывать счета» и достичь большего понимания смысла этих отношений. Умирающие нередко обзревали все поле своей текущей деятельности в обществе и все, что происходило с ними

-
- Эти усилия поразительно напоминают терапевтический подход, разработанный К. и С. Саймонтоном, которые в дополнение к специфически противораковому лечению, руководят медитационными группами, где обучают больных раком технике расслабления и визуализации, направленной на усиление защитных сил организма.

в прошлом, желая таким образом завершить картину жизни в свете неизбежности кончины. Судя по всему, в их психоделических переживаниях чаще, чем в ходе типового сеанса, возникали элементы сжатого проигрывания и переоценки истории всей жизни с момента рождения.

Другим частым переживанием являлось четкое ощущение встречи с духовными сущностями различных умерших родственников и ободряющий телепатический контакт с ними. Подобные переживания были необычайно яркие и убедительны. Нередко они способствовали укреплению точки зрения, что возможна какая-то форма существования после физической кончины. В некоторых случаях они помогли внести элемент радостного ожидания и непосредственного знания в пугающую прежде концепцию умирания и смерти. Таким образом, психоделическая процедура может привести к возникновению ситуации, естественно реализующейся во многих культурах вне западного мира, где глубокая вера в духовное существование предков является могучим средством облегчения процесса кончины.

Обсуждая результаты психотерапии раковых больных с применением ЛСД, мы имеем дело со сложным процессом, объединяющим химические и психологические факторы. Представляется интересным рассмотреть вклад того и другого в

конечный терапевтический итог. Вне рамок специально спланированного исследования трудно окончательно решить, в какой степени результаты могут являться следствием эффекта прямого фармакологического воздействия ЛСД как такового, а в какой -- психотерапии, предшествующей, сопровождающей и следующей за введением препарата. В условиях отсутствия статистических данных широкомасштабного контрольного исследования, все представленные здесь выводы будут носить предварительный характер и основываться на клинических наблюдениях и впечатлениях. Существуют сведения, указывающие на эффективность как внелекарственной терапии, так и химиотерапии с использованием ЛСД для умирающих раковых больных. Элизабет Кюблер-Росс, Цецилия Сандерс, Карл и Стефания Саймонтон и другие сообщили о заметном прогрессе в области психотерапии умирающих без использования психоделических препаратов. Больничные священники помогли пациентам и их семьям в налаживании максимально полноценной жизни в условиях надвигающейся и неминуемой смерти. С другой стороны, Эрик Каст получал положительные результаты

в ходе преимущественно химиотерапевтического подхода, при котором межличностное взаимодействие было сведено к минимуму*

Определение удельного веса фармакологического и психологического факторов в психоделической терапии является более или менее академическим вопросом. Психотерапевтическая работа и действие препарата взаимозависимы. Они дополняют и усиливают действие друг друга, а также создают новый процесс лечения, качественно отличающийся от каждой из своих составных частей. История применения галлюциногенов и исследований ЛСД указывают, что психотерапевтический контакт максимально увеличивает положительные стороны лечения и сводит к минимуму риск от введения препарата. Однако то, что Каст получил явно положительные результаты без психотерапевтического воздействия, четко указывает, что не следует недооценивать потенциальное анальгетическое и терапевтическое значение ЛСД.

Теперь мы сосредоточимся на терапевтических изменениях, наблюдаемых у раковых больных в результате психоделической терапии, и обсудим психоделические и физиологические механизмы, возможно, срабатывающие при этом. Поскольку такие изменения происходят в различных областях, их следует рассматривать отдельно. Наиболее важные результаты наблюдались в следующих пяти областях: 1) аффективная патология типа депрессии, суицидальных тенденций, напряженности, тревожности, бессонницы и интраверсии; 2) физическая боль и дистресс; 3) страх смерти, философская концепция смерти, отношение к умиранию;

отношение ко времени и фундаментальная шкала ценностей;

- Вследствие различий, касающихся уровня дозировки, лечебной концепции, целей, а также методики и условий работы, результаты, полученные в ходе исследований «Спринг Гроув», весьма сложно сравнивать с результатами, полученными Э. Кастом. В своих экспериментах он обычно применял 100 микрограммов ЛСД, как правило, не предупреждал пациентов о введении препарата и нередко прерывал сеансы при помощи хлорпромазина в случае появления малейших признаков дистресса. Мы же вводили ЛСД в гораздо более высоких дозах (200-600 микрограммов) после тщательной подготовки и в условиях интенсивной психотерапии. Нашей целью было облегчить не

только физические, но и эмоциональные страдания и, говоря конкретнее, уменьшить страх пациентов перед смертью. Несмотря на то, что глубокое позитивное трансперсональное переживание считалось наиболее желаемой целью, больные активно поощрялись проходить через эмоционально трудные переживания, если таковые возникали в ходе сеанса.

5) печаль и горе остающихся в живых членов семьи и их способность справиться с потерей.

Наш предыдущий клинический опыт, полученный в ходе работы с различными категориями душевнобольных, наряду с данными научной литературы, посвященной ЛСД, указывают на способность психоделической терапии оказывать положительное воздействие на разнообразные симптомы и проблемы, касающиеся эмоциональной сферы. Врачи, использующие ЛСД, фактически пришли к согласию, что депрессия, напряженность и беспочвенная тревожность -- признаки, характерные для людей, страдающих от раковых заболеваний, -- относятся к симптомам, наиболее легко поддающимся психотерапии с использованием ЛСД. Опыт С. Грофа, основанный на его предыдущей работе в Европе, предполагает, что переживание смерти эго в ходе сеансов психоделической терапии является наиболее мощным противодействием суицидальным тенденциям. Поэтому улучшения, достигнутые в данной области, не были особенно неожиданными для исследователей. Единственной новостью явилось то, что перечисленные выше симптомы поддаются ЛСД-терапии, даже если носят реактивный характер и представляются вполне понятным следствием одной из наиболее сложных жизненных ситуаций. Этот аспект отличает данную симптоматику от имевшей место у душевнобольных, где эмоциональная патология может быть прослежена вплоть до раннего детства, и индивид часто сам является причиной усложнения собственной жизни.

Не просто объяснить часто драматичные перемены в симптомах и структуре личности, происходящие в результате психоделической терапии. Подготовительный период, в ходе которого начинаются изменения, занимает несколько дней, сама же трансформация происходит во время сеанса после приема препарата, хотя окончательная проработка подобного переживания может занять дни или недели. Вполне понятно, что этот процесс весьма сложен и не сводится к одному общему знаменателю. Мы можем вкратце обозреть то, что нам известно о подспудных движущих силах и обрисовать некоторые из участвующих факторов.

Судя по всему, психотерапия с применением ЛСД включает в себя удачную комбинацию нескольких механизмов, действующих и при обычном психотерапевтическом подходе. Однако вследствие катализирующего эффекта препарата, воздействие всех этих механизмов значительно возрастает. Из числа хорошо

известных лечебных факторов, играющих важную роль в психотерапии с использованием ЛСД, наиболее значительными являются воспоминание и вторичное переживание травмирующих событий детства, активизация эмоциональной и интеллектуальной интуиции, корригирующие эмоциональные переживания, усиление явлений переноса между врачом и пациентом.

Большое число поразительных перемен, происходящих в результате проведения сеансов ЛСД-терапии, с преимущественно психодинамическим содержанием может быть объяснено как перемещение и взаимодействие особых групп памяти: систем конденсированного опыта (СКО) *. Данные психотерапии, проводимой с использованием ЛСД, указывают, что эмоционально важные события

жизни индивида отпечатываются на матрицах памяти, образуя специфические группы, аккумулирующие опыт. Функциональная структура данных групп такова, что относящиеся к различным периодам жизни воспоминания, в которых действуют похожие факторы либо факторы, наполненные сходным эмоциональным содержанием, оказываются сгруппированными в тесно переплетающиеся объединения.

Соответственно характеру эмоционального наполнения, мы можем различить негативные СКО, суммирующие конкретные психотравмирующие и неприятные воспоминания, а также позитивные СКО, соотносящиеся с приятными сторонами жизни человека. Те, кто настроен на связь с первой, воспринимают себя и мир с пессимистической точки зрения. Они испытывают подавленность, тревожность либо какую-то другую форму эмоционального дистресса (зависящую от характера и содержания действующей СКО). Те же, кто находится под влиянием позитивной СКО, пребывают в состоянии эмоционального благополучия, функционируют оптимальным образом и способны наслаждаться собой и миром. Изменения в функциях воздействия СКО могут происходить вследствие различного рода физиологических или биохимических процессов, протекающих в организме, либо как реакция на разные внешние воздействия психологического или органического характера. Сеансы ЛСД-терапии, видимо, являются глубинным вмешательством в функционирование СКО.

Внезапные улучшения лечебного порядка в ходе ЛСД-терапии могут быть объяснены, как переход от доминирования в психике негативной СКО к состоянию, при котором человек оказывается под воздействием позитивной группы воспоминаний. Такая перемена не обязательно означает, что весь подсознательный материал, лежащий в основе патологического состояния, был проработан или—для данной ситуации—в какой-то степени разрешен. Нет, она просто указывает на переход от одной системы к другой. Подобный случай может обозначаться как трансмодуляция СКО.

- Концепция СКО и их функционирование были детально описаны в книге С. Грофа «Области человеческого бессознательного: данные исследований ЛСД»

Данный переход от одной действующей системы к другой не обязательно влечет за собой улучшение клинического состояния пациента. Существует вероятность того, что плохо разрешенный сеанс ЛСД-терапии приведет к замене позитивной системы негативной. Эта ситуация характеризуется неожиданным проявлением психопатологической симптоматики, которая не наблюдалась до применения препарата. Возможен также переход от одной негативной СКО к другой, тоже негативной, но с иным содержанием. Внешне подобное интрапсихическое событие выражается в изменении клинических синдромов в психопатологии человека.

Хотя обсуждаемые выше механизмы способны быть причиной существенного смягчения эмоциональной симптоматики в ходе психоделической терапии, они, безусловно, не могут служить адекватным объяснением всех случаев резкого улучшения. Большинство действительно поразительных результатов, достигнутых в данной области, наблюдалось в сеансах ЛСД-терапии, когда наиболее ярко оживлялись перинатальные переживания. У людей, прошедших смерть и возрождение это, вслед за которыми наступало переживание единства, симптоматика, существовавшая до сеанса, резко уменьшалась или даже полностью исчезала. Подобное улучшение состояния после однократного применения препарата может длиться дни, недели и даже месяцы, в зависимости от многих факторов. Судя по всему, этот глубинный опыт, обычно называемый пиковым психоделическим переживанием, может оказаться новым мощным средством для

достижения серьезных целебных изменений, а также возможно его использование для трансформации личности.

Данный, только что названный аспект психотерапии умирающих с использованием ЛСД, связанный с терапевтическим изменением личности, скорее относится к явлениям межличностной, чем интрапсихической природы. Определенные стороны такого улучшения эмоционального статуса больного прямо связаны с психотерапевтической работой, проводимой с членами семьи и ближайшим социальным окружением. Налаживание запутанных связей, преодоление защитных блоков, раскрытие путей для прямого и честного общения уже само по себе является важным фактором перемен. Подобная работа наверняка окажет положительное воздействие на чувства безнадежности, отчуждения и замешательства, столь часто испытываемые людьми, стоящими на пороге смерти.

Труднее поддается объяснению часто наблюдаемое поразительное воздействие психотерапии с использованием ЛСД или ДПТ на острую физическую боль. После единичного сеанса пси-ходелической терапии невыносимая боль нередко значительно уменьшалась, а то и полностью исчезала, иногда даже у тех пациентов, на которых не действовали высокие дозы сильнодействующих наркотиков. Это потенциально важное явление весьма сложно, загадочно и представляет трудную в теоретическом отношении проблему. Объяснение такого рода воздействия ЛСД на физическую боль во всех его аспектах вполне могло бы способствовать кардинальному изменению наших представлений о природе боли.

Действие ЛСД на болевые ощущения не может быть истолковано в рамках только фармакологических характеристик. Его проявление нельзя предсказать с достаточной степенью точности и устойчивости, а потому препарат не стоит рассматривать как фармакологическое обезболивание. Не существует также прямой зависимости между количеством ЛСД и вызываемым им действием:

значительное снижение боли происходило иногда после сеансов с применением относительно малых доз, в то время как высокие дозы не приносили сколько-нибудь заметного обезболивающего эффекта. Случалось, что у некоторых раковых больных обезболивающее действие проявлялось после одних сеансов и отсутствовало после других, хотя дозы препарата были одинаковы в обоих случаях. Кроме того, иногда боли отсутствовали в течение недель и даже месяцев после единичного введения препарата. Это со

всей определенностью предполагает присутствие психологического компонента в обезболивающем действии ЛСД.

Перемены в восприятии боли после проведения сеансов ЛСД-терапии не всегда заключаются только в снижении ее уровня. Трансформация такого восприятия проходит по нескольким определенным схемам. Некоторые пациенты сообщают, что непосредственно за сеансом или вскоре после него боль значительно смягчалась, а иногда полностью исчезала. Другие отмечали, что она продолжала присутствовать, но менялось отношение к ней: возникал гораздо более высокий уровень болевого порога либо внимание больше не столь прочно привязывалось к ней, и они могли концентрироваться на других предметах. Иногда умирающие сообщали о весьма необычных переменах в восприятии боли и отношении к ней. У них возникала способность переоценить эмоциональный подтекст боли и найти в ней философское значение, качество трансцендентального опыта, религиозное значение и кар-мический смысл. Для одной из таких пациенток -- Сюзанны (см. стр. 97 и далее) -- сеанс психоделической терапии оказался весьма плодотворным в смысле

уменьшения глубины ее депрессии и страха перед смертью, но не смог оказать влияния на изматывающую боль, концентрирующую на себе все ее внимание. Он, однако, повлиял на твердое решение Сюзанны подвергнуться паллиативной хирургической операции, к которой прежде она относилась со страхом. Ее опыт ясно указывает на возможность отделить влияние психоделической терапии на острую физическую боль от эмоционального состояния и воздействия на него.

В ходе некоторых сеансов ЛСД-терапии раковые больные обнаружили возможность и способы менять отношение к боли, что позволяло им преодолеть ее либо во время этих сеансов, либо при ее более позднем возникновении. Некоторые из подобных достижений оказались настолько действенны, что мы приняли их на вооружение и обучали других пользоваться ими в процессе подготовки к применению ЛСД. Часто оказывалось весьма полезным переключать внимание с болевых ощущений на звучание музыки, полностью отдаваться смене образов и переживаний по мере их развертывания в ходе сеанса, иными словами, стимулировать больного быть полностью поглощенным данным моментом и местом.

Другим полезным подходом к воздействию на боль оказалось то, что на первый взгляд представляется своей противоположностью: концентрация внимания на боли с чувством принятия

ее. Это поведение обычно приводит к временному усилению неприятных ощущений до такой степени, что человек быстро достигает предела способности ощущать боль и превосходит его. Столь парадоксальным образом, принимая боль, отдаваясь ей, «уходя в нее и с ней», можно одновременно эмпирически преодолеть ее. В целом, наихудшим вариантом, видимо, является потворство состоянию, когда боль завладевает вниманием, а человек противится и борется с ней.

После сеансов для пациентов оказалось весьма полезным вызывать образы и целые эпизоды из психоделического переживания, для которых были характерны глубоко положительные эмоции и свобода от боли. Подобной работе можно помогать, прослушивая музыку, игравшую, когда возникали эти эпизоды. Иногда та же цель достигается путем четкого внушения в результате легкого гипнотического транса: выйти за пределы страдания и боли.

Хотя важность психологического компонента в механизме снятия боли, производимом с помощью ЛСД, бесспорна, особенности феномена все еще неясны. Мы не сумели установить какую-либо связь между характером сеанса ЛСД-терапии или его содержанием со степенью либо способом прекращения боли. Изменения в ее восприятии иногда наблюдались после неудачных в иных отношениях сеансов, в ходе которых проблемы разрешались в малой степени и которые не произвели особо благоприятного воздействия на остальные стороны болезненного состояния пациента. С другой стороны, в случаях, подобных случаю с Сюзанной, мы наблюдали сеансы с полной трансформацией сознания пациента, но без воздействия на интенсивность физической боли. Корреляция между глубиной подсознания, достигнутой во время сеанса, и воздействием на болевые ощущения, видимо, минимальна. Снятие боли наблюдалось после сеансов всех типов, но мы сталкивались с некоторым количеством пациентов, у которых, судя по всему, они не оказывали никакого воздействия на боль. Несколько странная природа данного феномена может быть проиллюстрирована ситуацией с Джоном (см. стр. 103 и далее). Он являет собой, видимо, наиболее характерный пример поразительного влияния психоделических препаратов на ощущение боли, несмотря на то, что вначале их применение представлялось неудачным.

Как уже подчеркивалось в статьях Эрика Каста и В. Дж. Кол-линза, неспецифическая боль является составным феноменом, имеющим нейрофизиологический компонент, находящий выражение в болевом ощущении, и психологический компонент, заключающийся в эмоциональном восприятии боли.

Судя по всему, психоделическая терапия воздействует на боль, влияя, в основном, на последний компонент, интерпретирующий существующую нейрофизиологическую стимуляцию и распоряжающийся ею, а не путем блокирования или снижения уровня нервных импульсов, передающих болевые ощущения. Многочисленные наблюдения, полученные в ходе исследований ЛСД, видимо, указывают на то, что различного рода физически болезненные происшествия, имеющие место в жизни индивида, откладываются в памяти рядом с аналогичными переживаниями и находятся в тесной связи с ними. Образующиеся в результате такого процесса группы воспоминаний затем функционально связываются с переживаниями перина-тальной стадии. В результате эпизоды боли и физического страдания, связанные с операциями, ранами, заболеваниями или жестоким обращением, обычно находят выражение в ходе сеансов ЛСД-терапии в контексте родовых переживаний. Если в жизни человека происходит событие, причинившее ему реальную физическую боль во время болезни, несчастного случая или хирургического вмешательства, то данное событие, судя по всему, пробуждает конкретные группы воспоминаний, связанные с физическим страданием и угрозой целостности тела либо жизни. Характер и содержание предшествующего опыта, связанного с болью, в дальнейшем будет определять и насыщать имеющее место ее восприятие, а также реакцию индивида на нее. В случае, когда мы имеем дело с пациентами, страдающими от хронических и прогрессирующих заболеваний, особенно признанных неизлечимыми, мы наблюдаем тенденцию создавать в воображении и проецировать в будущее довольно-таки конкретный график продолжения и нарастания боли. Каст в своей основополагающей статье «Боль и ЛСД-25», опубликованной в 1964 году в книге «ЛСД-25: препарат, расширяющий сознание», первым привлек внимание к мысли о том, что подавление подобного ожидания может являться важным механизмом, ответственным, по крайней мере, за часть обезболивающего действия ЛСД. Он ясно указал, что оперирование символами и ожидание будущего—столь жизненно важное при обычных условиях существования—в тяжелых ситуациях может

увеличивать страдания.

В соответствии со всем изложенным выше, переживание боли в целом включает в себя не только прямую нейрофизиологи-ческую реакцию на нарушение целостности тканей, но и прошлую запрограммированность человека относительно событий, несущих боль, а также опасение страданий в будущем. Одним из важных результатов действия ЛСД является освобождение травмирующих воспоминаний от заключенного в них эмоционального заряда, позволяющее индивиду таким путем избавиться от этого груза и сосредоточиться на настоящем. Подобный процесс, как правило, сопровождается соизмеримым уменьшением эмоциональной вовлеченности в конструирование будущего. Возникающая в результате ориентация на пребывание «здесь и сейчас» может стать весомой составной частью изменения восприятия боли человеком.

Другой аспект обезболивающего действия ЛСД, видимо, связан с тем мощным и властным действием, которое физическая боль обычно оказывает на широту внимания пациента. Интенсивная боль, как и можно было ожидать, имеет тенденцию завладеть вниманием вплоть до исключения из него ряда других сенсорных раздражителей. Для многих больных в подобной ситуации трудно или вообще невозможно разговаривать, читать, смотреть телевизионные передачи, а

также продолжать любимые в прошлом занятия, то есть делать то, что могло бы хоть немного скрасить их положение. В крайних случаях пациенты даже утрачивают интерес к важным событиям в жизни ближайших членов семьи. ЛСД— вследствие присущего ему свойства расширять сознание -- может пробить подобный эмоциональный барьер, обогатив сферу ощущений. С необычайной интенсивностью область внимания заполняется материалом, исходящим из подсознания индивида, а также от органов чувств, преимущественно от зрения.

Визуализация поразительных сочетаний цвета и форм, звук и необычайные ощущения наполняют сознание пациента, который прежде воспринимал в основном лишь изматывающую монотонность боли. Переживание, возникшее в результате приема ЛСД, открывает путь различным важным воспоминаниям из личной жизни человека, а также из скрытых в нем трансперсональных источников. Выйдя из сеанса, достигшего кульминационного разрешения; индивид может вновь ощутить все богатство сенсорного восприятия: красоту природы, звуки музыки, вкус еды, прелесть

человеческих взаимоотношений. Подобное расширение внимания и эмоциональный интерес могут сохраняться в течение дней или недель после успешного сеанса ЛСД-терапии.

Иногда после проведения психоделического сеанса индивид оказывается в состоянии изменить направление внимания, переводя его с боли и физического дискомфорта в другую область. У некоторых пациентов развивается глубокий интерес к чтению книг по мистике, йоге, буддизму, либо касающихся необычных состояний сознания, и они читают с большим энтузиазмом. Другие, благодаря прозрениям, имевшим место в ходе сеансов ЛСД-терапии, постигают, как им лучше распорядиться оставшимися днями. Так, например, одна женщина решила, что ее смерть явится мощным импульсом для сближения враждующих родственников, и она посвятила этому последние недели жизни.

Влияние, оказываемое психоделической терапией на боль, вызванную раковыми заболеваниями, во всех своих хитросплетениях не поддается объяснению в рамках традиционных нейрофи-зиологических теорий. Рональд Мелзек, профессор психологии из Монреальского университета им. Мак-Гилла, собрал большое число лабораторных и клинических данных, равным образом представляющих серьезный вызов нынешней концепции боли*. В своей книге «Загадка боли», опубликованной в 1973 году, Мелзек предлагает радикально пересмотреть существующий в медицине взгляд на данную область. Поскольку его труд, судя по всему, частично проливает свет на наши открытия в области психоделической терапии раковых больных, мы предпримем краткий обзор наиболее важных построений ученого. Согласно Мелзе-ку, как с теоретической, так и с практической точек зрения необходимо различать три важных компонента боли; Первичен исключительно ее сенсорный аспект. Он передается посредством специфических сенсорных каналов (спиноталамическая система передачи импульса) и включает в себя информацию, получаемую от органов восприятия о расположении, силе и пространственно-временных характеристиках отрицательного раздражителя. Вторичны эмоциональный и мотивационный аспекты, возбуждаемые ретикулярной формацией ствола мозга, а также нервными образованиями в отдельных органах. Они придают ощущению боли четко выраженную отрицательную эмоциональную окраску, пробуждают импульс отталкивания с целью избежать пролонгирования воздействия раздражителя, а также вызывают желание искать облегчение от боли. Третий компонент -- познавательный и оценочный аспекты боли, являющиеся корковой надстройкой к

переживанию в целом. Сюда относятся тип и уровень образования, история жизни индивида, значение, придаваемое им ситуации, вызывающей боль, внушаемость, а также его душевное состояние в данный момент. Эти три компонента боли, наряду со степенью их участия в ее ощущении, могут подвергаться выборочному воздействию разнообразных факторов.

- Важнейшими наблюдениями из числа проанализированных Мелзеком являются: врожденная нечувствительность, к болевым раздражителям и ее противоположность -- спонтанная боль психогенной природы, возникающая без определенной внешней причины; своеобразные характеристики некоторых болевых синдромов, наподобие болей в удаленных членах и различного рода невралгий; высокий процент неудач радикальных хирургических вмешательств, направленных на снижение боли, наряду с поразительным успехом некоторых других процедур; и более всего—обезболивающее и анестезирующее действие акупунктуры.

В 1965 году Мелзек и Уолл создали так называемую контрольно-пропускную теорию боли, которая, видимо, объясняет многие ее стороны, кажущиеся загадочными. Они теоретически обосновали существование невральное механизма в дорзальных рогах спинного мозга (возможно, в так называемой желатинной субстанции), который действует наподобие ворот. Этот контрольно-пропускной механизм может повышать или понижать приток нервных импульсов от периферийных волокон к центральной нервной системе. Степень, с которой данные ворота усиливают или подавляют передачу сенсорных импульсов, определяется уровнем активности толстых и тонких волокон, а также командами мозга. Соматические сигналы, исходящие от любых частей тела, вместе с сигналами от зрительной и слуховой систем способны оказывать модулирующее воздействие на передачу импульсов через контрольно-пропускной механизм. Таким образом, наличие или отсутствие боли определяются равновесием между сенсорными и центральными сигналами, направленными на «контрольно-пропускную» систему. Когда количество информации, проходящее через нее, превышает критический уровень, она приводит в действие неврологические зоны, ответственные за ощущение боли, а также за реакцию на нее.

Судя по всему, теория Мелзека и Уолда представляет собой правдоподобную теоретическую схему, позволяющую лучше понять и заглянуть вглубь кажущегося непредсказуемым воздействия психоделической терапии на ощущение боли раковыми больными. Разнообразие полученных результатов, видимо, отражает функциональное взаимодействие между многоплановой природой психоделических переживаний и сложностью нейрофизиологических структур и механизмов, лежащих в основе феномена боли. Следовательно, клинические данные, касающиеся воздействия ЛСД и ДПТ на боль, могут рассматриваться в качестве важного дополнительного источника данных, доказывающего верность «контрольно-пропускной» теории боли.

Мы попытаемся объяснить кажущееся несоответствие того факта, что облегчение боли в ходе выполнения программы исследований ЛСД «Спринг Гроув» не отразилось в адекватно значимом снижении уровня потребления наркотиков. Здесь при оценке ситуации нужно учитывать, по меньшей мере, четыре фактора.

Во-первых, не предпринималось никакой попытки понизить уровень потребления наркотиков. Никто не обращался ни к пациентам, ни к медсестрам с просьбой попытаться изменить режим выдачи и приема препаратов. Их потребление

отражало спонтанное взаимодействие между требованиями пациентов и реакцией врачей. Таким образом, один из элементов этих парадоксальных данных просто отражает наличие инерции со стороны как пациентов, так и медперсонала. В некоторых случаях выдача наркотиков, возможно, продолжалась, даже если потребность в них снизилась. Во-вторых, большинство больных в дополнение к наркотикам получало разнообразные психотропные средства вроде малых транквилизаторов, ненаркотических анальгетиков, снотворных. Перемены в потреблении данных препаратов не принимались во внимание и не подвергались систематической регистрации в рамках нашего исследования. Это особенно важно в случае с производными фенотиазина и малых транквилизаторов, которые мы отменяли за неделю до сеанса, чтобы их воздействие не смешивалось с воздействием ЛСД. В-третьих, у многих пациентов даже массивное применение наркотиков не снимало полностью боли в Период до проведения ЛСД-терапии. Фактически недостаточная реакция на их введение и непроходящие острые боли были одним из основных критериев отбора больных в программу исследований. У некоторых из них уровень потребления наркотиков не упал

после сеанса ЛСД-терапии, но прежнее количество препаратов стало эффективно контролировать боли и сделало жизнь более сносной. И наконец, возможно, что видимое несоответствие между ощущением боли и тяги к наркотикам отражает также факт не просто привычки, а настоящей симптоматической наркомании у лиц, получавших массивные дозы препаратов в течение многих месяцев до проведения сеанса.

Важным аспектом перемен, происшедших вследствие проведения психоделической терапии умирающих от рака, было видоизменение и зачастую резкая трансформация их концепций смерти, а также отношения больных к грозящей им ситуации. Во время введения ЛСД душевнобольным или здоровым людям мы часто слышали замечания, касающиеся их ощущений в отношении смерти. Те, кто пережил эпизоды смерти и возрождения в ходе психоделических сеансов, часто описывали весьма радикальную перемену в своем отношении к кончине.

Глубокие переживания космического единства и некоторых других трансперсональных форм сознания, судя по всему, делают факт физической смерти менее значимым*. То, что подобные переживания могут оказывать серьезное трансформирующее воздействие на тех, для кого перспектива физической смерти является делом месяцев, недель или дней, заслуживает самого серьезного отношения к данному опыту. Такие переживания развиваются в сложном психологическом, философском, мифологическом и духовном контексте

-
- Полученные в ходе психоделической терапии умирающих от рака наблюдения, касающиеся ослабления страха смерти, косвенным образом подтверждаются сведениями, полученными Чарльзом А. Гарфилдом. В своей докторской диссертации, защищенной в 1974 году, он исследует связь между долговременными систематическими экспериментами по изменению уровней сознания и страха, связанными со смертью, у 150 выбранных мужчин. Используя сочетание строго объективных интервью, психометрическое тестирование и психофизиологические замеры, Гарфилд изучил различия в сознательном и подсознательном страхе смерти среди членов пяти субкультур: студентов старших курсов факультетов философии; студентов старших курсов теологических факультетов; лиц, употребляющих психоделические препараты; лиц, занимающихся дзен-медитацией; урожденных американцев, последователей

тибетского буддизма. В ходе данного исследования группы, имевшие широкий опыт по изменению уровня сознания (лица, употребляющие психоделические препараты, занимающиеся дзен-медитацией и изучающие тибетский буддизм), показали значительно более низкий уровень страха, связанного со смертью, нежели группы студентов.

и представляются чем-то большим, нежели минутные самообольщения, происходящие вследствие нарушения функционирования мозга.

Рассуждая в упомянутой выше статье о случаях изменения отношения к смерти, Каст выдвигает предположение, что некий механизм должен оберегать умирающих от опустошающего осознания безнадежности их положения. Согласно его наблюдениям, «отчаянное» положение таких лиц, однако, лишь количественно отличается от положения каждого, кто может предполагать наступление смерти в любой момент с некоторой долей вероятности, а ее приход в принципе -- с абсолютной уверенностью. Таким образом, Каст полагает, что механизмы, ежедневно охраняющие нас от осознания факта нашей смертности, у умирающих действуют с повышенной активностью. Он считает, что ужас, испытываемый «безнадежными» больными, а также здоровыми людьми в моменты раздумий о смерти, коренится в страхе потерять контроль над своим телом и окружением. Принятие факта и неизбежное подчинение такому ходу вещей, имеющее место во время и после введения ЛСД, по мнению Каста, указывают на то, что препарат, возможно, смягчает удар, который неизбежная кончина наносит детским фантазиям о всемогуществе.

Кроме того, Каст подчеркивает важность уменьшения значения ожидания как важного фактора, облегчающего ощущение боли и снижающего страх смерти. При обычных обстоятельствах ожидание представляет собой весьма важный механизм, полезный для ориентации, самозащиты и добывания пищи. Согласно ученому, оно, однако, ничего не предлагает для благосостояния умирающего, и может лишь обострить чувство беспомощности. Ожидание является надстройкой над способностью значимо употреблять слова, образовывать символы и оперировать ими. Каст рассматривает ослабление силы воздействия слов и вытекающую из этого факта утрату, способности ожидать чего-то, вместе с усилением сиюминутного, сенсорного восприятия жизни в качестве наиболее важных факторов, меняющих отношение умирающих к смерти.

Приведенные выше объяснения, безусловно, указывая на важные стороны действия ЛСД, не объясняют всех серьезных перемен, наблюдаемых у многих смертельно больных, проходящих курс психоделической терапии. В отличие от изменений в ощущении боли, которое может случиться после любого вида

переживания, вызванного ЛСД, изменение отношения к смерти и умиранию, судя по всему, связано со специфическим содержанием сеанса. Согласно нашему опыту, резкие перемены в представлениях о смерти и отношении к ней случаются лишь после сеансов приема препарата, сопровождавшихся перинатальными либо трансперсональными переживаниями. У тех, кто пережил феномен смерти это с последующим переживанием возрождения и космического единства, видимо, проявляются радикальные и устойчивые изменения в фундаментальных взглядах на человеческую природу и ее отношения с миром. Кончина, вместо того, чтобы быть абсолютным концом всего, неожиданно предстает в качестве перехода в иную форму жизни. Идея возможного продолжения существования сознания за пределами смерти тела представляется гораздо более вероятной, нежели противоположная ей. У умирающих, переживших трансцендентальный опыт,

развивается глубокая вера в конечное единство всего живого. Они нередко воспринимают себя как его составную часть, не исключая заболевания и часто горькую долю, ожидающую их.

Яркие случаи столкновения в ходе переживаний с элементами глубоких слоев подсознания в форме перинатальных или трансперсональных феноменов дали умирающим возможность соприкоснуться в весьма осязаемой и убедительной форме с духовными и психическими параметрами, ранее находившимися за пределами их концептуалистики. В результате психоделического опыта эти лица обрели осознанную уверенность в своей связи с миром архетипов, а также в существовании родовых, расовых, коллективных, филогенетических и кармических элементов в собственном подсознании. Резкая граница между «эго» и «не-эго» проявила тенденцию к исчезновению, а привычное различие между внутренним миром сознания человека и внешней реальностью стало гораздо менее осязаемым. Раскрытие безбрежной космической панорамы создало новые критерии такого масштаба, что факт индивидуальной брэнности, вероятно, теряет свое пугающее воздействие.

На данном этапе дебаты о том, имеют ли изменения, происходящие в сознании в ходе психоделических сеансов, какой-либо онтологический смысл, позволяя глубоко проникать в природу человеческого существования и мира, являются чисто академическими. Каким бы ни был окончательный ответ на этот вопрос космические видения, пережитые в ходе психоделических сеансов, представляются умирающим совершенно реальными. Они позволяют им сделать свое, во всех других смыслах мрачное положение, гораздо более сносным*

Поразительные изменения в иерархии жизненных ценностей в результате таких сеансов, как правило, непосредственно связаны с прозрениями, возникающими в связи с перинатальными и трансперсональными переживаниями.

Психологическое принятие факта брэнности и смерти проявляется в понимании абсурдности и тщетности непомерных амбиций, привязанности к деньгам, положению, славе, власти или гонке за преходящими ценностями. Такое понимание облегчает осознание крушения своей профессиональной карьеры и неизбежности утраты всего земного достояния. Отношение ко времени также типично изменяется: значение прошлого и будущего падает в сравнении со значением переживаемого мгновенья. В психике проявляется тенденция к сдвигу от оперирования крупномасштабными периодами времени к существованию по принципу «жить сегодняшним днем». Все это касается повышения способности наслаждаться жизнью и получать удовольствие от простых вещей. Отмечается также явный рост интереса к религиозной проблематике, связанной, скорее, с космической духовностью, нежели с представлениями, обусловленными каким-то определенным вероисповеданием. С другой стороны, наблюдалось много случаев, когда издавна присущий умирающему взгляд на мир углублялся и обретал дополнительные параметры.

Важность психоделической терапии умирающих превосходит своим значением узкие рамки простой помощи больному. Время смерти является критическим в любой семье. Хотя большая часть страданий приходится на долю умирающего, перспектива неизбежной разлуки оказывает глубокое эмоциональное воздействие на многих других вовлеченных в этот круг людей. Близкие родственники и друзья зачастую остро реагируют на создавшееся положение; кроме того, многим из них придется долго избавляться от

неблагоприятных последствий. Практикующим психиатрам хорошо известно, что смерть родителей и других близких родственников играет существенную роль в развитии многих эмоциональных расстройств. Такое событие может стать исходной психотравмой для подобного рода расстройств в случае, если оно произошло в детстве; позже оно также может спровоцировать проявление различного рода симптомов.

- В данном контексте следует отметить, что все возрастающее число ученых, похоже, находит глубокие параллели между мистическим взглядом на жизнь и революционными открытиями науки XX века, особенно в области физики. Дополнительная информация по этому поводу содержится, например, в книгах Фрильофа Капры *Дао физики» и Боба Тоубена *Пространство-время и далее».

Судя по всему, характер периода траура и переживания утраты тесно связаны со степенью и природой конфликтов во взаимоотношениях умирающего с остающимися жить. Свыкание со смертью члена семьи может стать более трудным процессом, если родственники испытывают двойственные чувства касательно правильности своего поведения по отношению к уходящему. Отсутствие возможности выразить ему сочувствие, высказать благодарность за прошлое либо найти способ попроситься, приводит к тому, что оставшиеся в живых испытывают чувство неудовлетворения, горечи и зачастую глубокой вины. Если же врач в состоянии включиться в существующие отношения и побудить возникновение эффективного эмоционального взаимного общения, процесс кончины и смерть могут стать событием, наполненным глубоким смыслом для всех, связанных с ним. Оно может привести к возникновению ощущения соприкосновения с вечно-действующими силами Вселенной, которым подчиняются все живущие. При таких условиях люди почти не испытывают вины за человеческое страдание и смерть, отчего период горя и траура, видимо, значительно сокращается. Кроме того, участие в происходящем вместе с умирающим может повлиять на представления о смерти остающихся в живых детей и даже взрослых и помочь им сформировать образ собственной смерти, а также, возможно, благотворно повлиять на их поведение, когда придет время последнего перехода. Соответствующее терапевтическое вмешательство часто позволяет облегчить муки умирающего и в то же время помочь тем, кому предстоит жить дальше и свыкаться с травмой.

Психоделическая терапия не является химиотерапией, равно как и волшебной медициной. Здесь решающее значение имеют стиль человеческого поведения, деликатное психотерапевтическое управление умирающим, индивидуальная работа с семьей, а также оптимизм врача, становящиеся могучим фактором при многих формах психотерапии. Драматичные переживания, происходящие в ходе психоделических сеансов, вызванные ими благотворные перемены в чувствах, отношении и поведении пациента—всего этого более чем достаточно, чтобы поддерживать воодушевление врача на высоком уровне, даже перед лицом зачастую суровой действительности.

Но одних энтузиазма и оптимизма недостаточно для проведения программы психотерапии с использованием ЛСД. Тех, кто, возможно, попытается повторить программу «Спринг Гроув» либо ее модифицированный вариант собственного изобретения, следует предупредить о необходимости специальной подготовки.

Согласно нашему опыту, ее оптимальный метод включает в себя не только знакомство с существующей литературой, просмотр видеозаписей сеансов приема ЛСД и личное присутствие на таких сеансах, проводимых под руководством опытного врача, но и участие будущего врача в тренировочных психоделических

сеансах. Так, в рамках тренировочной ЛСД-программы для профессионалов, проводимой в больнице «Спринг Гроув», психиатры и психологи имели возможность лично пережить вызванные препаратом измененные состояния сознания и оценить параметры переживания, возникающие вследствие приема ЛСД. Такое непосредственное знание совершенно необходимо для эффективного и тонкого проведения психотерапии с использованием ЛСД. Как уже часто подчеркивалось, психоделические состояния, судя по всему, не поддаются адекватному описанию, и потому их невозможно серьезно постичь путем чтения книг и статей в научных журналах.

Другим важным аспектом личного участия в тренировочных сеансах ЛСД является необходимость дать будущему наблюдателю возможность столкнуться с собственным страхом смерти и другими эмоциональными проблемами, которые возникнут у него позже, при работе с умирающими, и проработать их.

Самообладание и сосредоточенность врача при соприкосновении с подобным материалом являются едва ли не важнейшими факторами, влияющими на успешность психотерапии с использованием ЛСД. В ходе работы в Пражском научно-исследовательском институте психиатрии, а также в Мэрилендском центре психиатрических исследований, расположенном в Балтиморе, С. Гроф собрал много доказательств того, что для успеха работы необычайно полезно, когда медицинский персонал группы из числа лиц, контактирующих либо работающих с проходящими курс психоделической

терапии, могут лично испытать состояния, вызываемые приемом ЛСД.

На основании своего лечебного опыта, мы полагаем, что при соответствующем обучении, сходном с описанными выше, психотерапия с применением ЛСД может стать относительно безопасным и многообещающим направлением в области, состояние дел в которой до недавнего времени было малоутешительным. Хотя лица, специальностью которых является оказание помощи, наряду с общественностью обратили внимание на необходимость срочного содействия умирающим, в настоящее время в этой сфере существует мало эффективных программ. Большинство умирающих все еще находятся в крайне печальном положении, так описанном Олдосом Хаксли в «Острове»: «Нарастающая боль, нарастающая тревога, нарастающее потребление морфина, нарастающая требовательность, сопровождаемые полнейшим разрушением личности и невозможностью умереть с достоинством».

7. СОЗНАНИЕ И ПОРОГ СМЕРТИ

Люди, соприкоснувшиеся со смертью в ходе психоделических сеансов, часто сообщают, что испытанные ими переживания были в высшей степени реалистичны и убедительны: они неотличимы от действительного умирания. В воспоминаниях, романах, поэтических произведениях существует множество описаний изменения сознания у лиц, находящихся в критическом положении с угрозой для жизни или переживших клиническую смерть.

Однако психиатры и психологи относились к ним с поразительным пренебрежением. Существует лишь ограниченное число исследований, систематически изучавших эту интереснейшую область. Мы вкратце суммируем проделанную работу, проиллюстрируем ее личными отчетами людей, спасшихся от смерти, и соотнесем с нашими наблюдениями, полученными в ходе изучения действия психоделиков.

Первое исследование в этой области было проведено не психиатром и не психологом. основополагающую работу выполнил в Швейцарии цюрихский профессор

геологии Альберт Хейм, который прославился исследованиями Альп, а также книгой, посвященной процессам горообразования. Пережив несколько несчастных случаев, едва не окончившихся трагически, Хейм заинтересовался субъективными переживаниями умирания. В течение нескольких десятилетий он собирал наблюдения и отчеты людей, прошедших через ситуации, угрожавшие их жизни: солдат, раненых в бою; каменщиков и кровельщиков, падавших с высоты;

рабочих, переживших катастрофы во время строительства в горах и несчастные случаи на железной дороге, а также одного почти утонувшего рыбака. Однако наиболее важная часть исследования Хейма базируется на многочисленных отчетах альпийских скалолазов, сорвавшихся с гор, но спасенных, среди которых были и

трое его коллег*.

Хейм пришел к выводу о поразительном сходстве субъективных переживании состояния, близкого к смерти, приблизительно у 95% жертв. Незначительные различия отмечены лишь в деталях. Судя по всему, практически не имело значения, откуда—со скалы или с ледника—и куда—в ущелье или водопад -- падал человек. Даже субъективные ощущения людей, попавших под колеса повозки, ставших жертвой производственной аварии, угодивших под пулю на поле сражения или почти утонувших были подобны в своей основе. Практически у всех лиц, соприкоснувшихся со смертью, развивалось похожее ментальное состояние. Они не испытывали боли, отчаяния, горя или всепоглощающей тревоги, обычно поражающих людей в минуты менее острой опасности, прямо не угрожающей жизни. Напротив, сначала усиливалась активность сознания, повышая интенсивность и скорость мышления в сотни раз. Затем приходило ощущение спокойствия и принятия ситуации на глубинном уровне. Восприятие событий и предвидение их результата были необычайно ясными. Судя по всему, не наблюдалось ни дезориентации, ни замешательства. Течение времени резко замедлялось, и люди действовали с поразительной быстротой на основе четкой и реалистичной оценки ситуации. Все это часто сопровождалось неожиданным мысленным проигрыванием всей прошлой жизни жертвы. Наконец, человек, находящийся в условиях, угрожающих его жизни, слышал божественную музыку неземной красоты. В качестве примера описания подобных ситуаций, собранных Хеймом, мы приведем два свидетельства из числа включенных в его незаурядную статью. Ниже следует отчет самого Хейма о происшедшем с ним несчастном случае во время занятий альпинизмом в Швейцарских Альпах, когда, поскользнувшись, он упал с двадцатиметровой высоты в снежный вал у основания скалы.

Начав падать, я сразу же понял, что грохнусь о скалу, и представил силу предстоящего удара. В попытке затормозить движение я цеплялся скрюченными пальцами за снег. Ногти покрылись кровью, но я не

- Впервые Хейм выступил со своими открытиями перед секцией «Уто» Швейцарского альпийского клуба 26 февраля 1882 г. Позже его доклад был опубликован под названием «Замечания по поводу падений, опасных для жизни» в ежегоднике Швейцарского альпийского клуба.

чувствовал боли. Я ясно слышал удары головы и спины по всем выступам скалы и глухой удар снизу. Но боль я почувствовал несколько часов спустя. Ранее упомянутый поток мыслей начался во время падения. То, что я ощутил за пять-десять секунд, невозможно описать и за десятикратно превышающее этот срок время. Все мои мысли и соображения были абсолютно логичными и четкими. Они ни в коем случае не походили на неудерживаемые памятью сновидения.

Прежде всего я оценил перспективу и сказал себе: «Та часть скалы, на которую меня вскоре швырнет, уходит вниз отвесной стеной, поскольку я не могу увидеть подножья. Очень важно, лежит ли у подножья снег. Если да, то снег, стаявший со стены, окружает основание скалы валом. Если я упаду на этот снежный вал, то, возможно, выживу, в противном случае - ударюсь о камни и при падении с такой скоростью смерть неминуема. Если в момент удара я не погибну и не потеряю сознание, то должен тут же достать маленькую фляжку с искусным спиртом и капнуть несколько капель на язык. Мне не следует избавляться от альпенштока: может быть он еще пригодится». Поэтому я крепко держал его в руке. Я подумал, хорошо бы снять и отбросить очки, чтоб уберечь глаза от осколков, но меня так быстро вращало, что я не мог набрать силы поднять для этого руки. Затем последовал ряд мыслей и соображений, касавшихся оставшихся позади. Я сказал себе, что как только приземлюсь, следует, независимо от тяжести полученных ран, тут же позвать спутников, чтобы успокоить их и сказать, что со мной все в порядке. Тогда брат и трое друзей вполне смогут прийти в себя, чтобы осуществить довольно трудный спуск ко мне. Следующей мыслью было, что я не смогу прочитать первую университетскую лекцию, которая уже была объявлена и должна была состояться спустя пять дней. Я представлял, как весть о моей гибели достигнет любимых мною людей, и утешал их в мыслях. Затем я увидел всю прошлую жизнь в виде многочисленных картин, как бы разыгрывающихся на сцене на некотором расстоянии. Я был главным героем представления. Все было преобразено как бы райским светом и было прекрасно и свободно от горя, тревоги, боли. Память о весьма трагичных событиях, пережитых в прошлом, была четкой, но лишенной шемящей печали, а мое сердце -- свободно от противоречий, борьбы. Противоречия переродились в любовь. Приподнятые и гармоничные мысли соединяли отдельные образы и царили над ними. Подобно великолепной музыке, божественное спокойствие окутало душу. Прекрасные голубые небеса, разукрашенные изысканными крошечными розовыми и фиалковыми облачками, на вечные времена раскрывались вокруг меня. Мягко и безболезненно я погрузился в них и увидел, что теперь нахожусь в свободном падении и подо мною -- снежное поле. Объективные наблюдения, мысли и субъективные чувства развертывались одновременно. Затем я ощутил тупой удар, и паденье закончилось.

Другой пример, взятый из статьи Хепма, является, по его словам, классическим образцом субъективных переживаний, происходящих во время неожиданных падений в результате несчастного случая. Это отчет студента теологии, ставшего в 1891 году жертвой

железнодорожной катастрофы, когда рухнул Моншен-стейнский мост.

Когда мы подъезжали к мосту через Вире, я неожиданно ощутил резкий рывок. В тот же момент поезд внезапно прервал свой бег. Инерция движения отбросила пассажиров прямо к потолку. Я оглянулся, не в состоянии понять, что случилось. Из-за оглушительного металлического хруста, доносившегося от головы поезда, я предположил, что произошло столкновение. Открыв дверь, попытался выйти, но увидел, что следующий за нами вагон задрался вверх и грозил рухнуть на меня. Тогда я вернулся на место и собрался крикнуть соседу, находившемуся у окна: «Отойдите от окна!». Я закрыл рот, сильно прикусив язык: в кратчайшее время последовало самое кошмарное падение, какое можно представить. Машинально я вцепился в сидение. Руки и ноги функционировали нормально, как бы инстинктивно заботясь о себе и со скоростью молнии парировали на рефлекторном уровне все доски, жерди и скамейки, сокрушаемые вокруг и валяющиеся на меня. В это время через мой мозг самым четким образом проносился поток мыслей. Они говорили: «Следующий удар убьет меня». Цепь картин быстро проносилась перед глазами, представляя все, любимое мною, и то прекрасное, что я когда-либо испытал. В перерывах между картинками звучала могучая мелодия прелюда, который я слышал утром: «Бог всемогущ. Небеса и Земля покоятся в Его руке;

мы должны склониться перед Его волей». С этой мыслью в душе, находясь в центре происходящего ужасного смятения, я был захлестнут чувством бесконечного покоя. Вагон тряхнуло еще дважды, а затем головная часть неожиданно под прямым углом врезалась в Бирс, а задняя, где я находился, раскачивалась из стороны в сторону, то свешиваясь над ограждением, то вновь наклоняясь к реке. Вагон был разбит вдребезги. Я лежал, зажатый со всех сторон, засыпанный грудой досок и скамеек и ждал, когда на мою голову обрушится следующий вагон. Но неожиданно наступила тишина. Грохот стих. Кровь капала со лба, но я не ощущал боли. Потеря крови вызвала головокружение. После непродолжительного барахтанья, я выбрался из-под груды обломков, вылез через окно. Только тут я впервые понял кошмарный масштаб происшедшей катастрофы.

Хейм завершает свою статью утверждением, что смерть от падения с субъективной точки зрения приятна. Погибшие в горах в последние мгновенья жизни обзревала свое прошлое, пребывая в преображенном состоянии.

Возвысившись над телесной болью, они находились во власти благородных глубоких мыслей, величественной музыки и с ощущением покоя и примирения. Они падали в прекрасные голубые или розовые небеса, а затем все неожиданно останавливалось. Согласно Хейму, смертельные падения гораздо более «ужасны и жестоки» для оставшихся в живых, нежели для жертв. Несравненно болезненней -- как с точки зрения

испытываемых в тот момент чувств, так и во время последующих воспоминаний— видеть падающим кого-то другого, нежели падать самому. Часто свидетели таких происшествий бывали столь глубоко потрясены и парализованы ужасом, что оставались надолго травмированы событием, в то время как жертва, если ей удавалось избежать тяжелых повреждений, выходила из происшествия свободной от тревоги и боли. Хейм иллюстрирует данное положение собственным опытом, когда ему пришлось наблюдать падение коровы. Это воспоминание до сих пор болезненно для него, а собственное несчастье сохранено в памяти, как могучее и даже экстатическое преображение, -- лишенное боли и муки, -- точно так же, как оно переживалось на самом деле.

Интерес к конкретным аспектам умирания, продемонстрированный некоторыми исследователями конца XIX -- начала XX веков имеет две различные побудительные причины. Одну группу наблюдателей, искавших психологические признаки надвигающейся смерти, интересовали субъективные переживания умирающих с точки зрения предчувствий. В то время их видения привлекли пристальное внимание, так как считались весьма зловещими предзнаменованиями. Книга Эдуарда Кларка «Видения: исследование ложных прозрений», написанная, когда автор сам умирал, стала классическим трудом в своей области. В ней содержится множество описаний околосмертных переживаний, и она является бесценным источником данных для любого серьезного исследователя.

Ко второй группе принадлежали профессионалы, побудительной причиной которых был интерес к парапсихологии. Они изучали феноменологический аспект процесса смерти и искали признаки существования жизни после физической кончины. За редким исключением эти исследователи души обращали мало внимания на поведение и переживания самих умирающих. Скорее, их интересовала область относящихся к чьей-то смерти и совпадающих с ней сверхчувственных и визионерских ощущений у других, особенно родных и друзей. Интерес же к фактическим переживаниям умирающих был весьма ограничен и концентрировался, в основном, вокруг идеи происшествий по типу «Пик в Дарьене», выдвинутой в 1877 году мисс Ф. П. Кобби, а затем поддержанной и развитой Джеймсом Хислопом, Уильямом Барреттом и Хорнел-лом Хартом, соответственно, в 1908, 1926 и 1929 годах. Данная

концепция базируется на вере в то, что духи умерших родственников приходят помочь умирающим, облегчить им переход в иной мир и увести их туда с собой. Согласно этому взгляду, уходящие часто видят умерших в виде призраков, появляющихся около одра болезни. Подобные вещи происходят с людьми, находящимися в трезвом рассудке, при отсутствии бреда и сохраняющих ориентацию и сознание положения вещей. Следовательно, их видения не могут быть объяснены просто психопатологией. Концепция «Пика в Дарьене» предполагает, что к умирающим приходят только уже скончавшиеся люди. Особенно веским доказательством считалась также ситуация, когда они видели призрак лица, о смерти которого не знали.

Гораздо больший интерес для нас представляет исследование наблюдений лечащих врачей и медицинских сестер, ухаживающих за умирающими. Оно было выполнено Карлисом Осисом и его сотрудниками, а результаты опубликованы в 1961 году. Вместо того, чтобы заниматься проверкой одной конкретной гипотезы, Осис решил просмотреть широкий диапазон явлений, характерных для умирающих, и выделить их типологию. Работа базировалась на обзоре и детальном анализе опросников, разосланных в количестве десяти тысяч, из которых 640 вернулись назад. В них затрагивались различные аспекты наблюдений, сделанных у постели пациентов. Половина опросников рассылалась лечащим врачам, другая -- медицинским сестрам. Согласно заявлениям лиц, возвративших их, они располагали в общей сложности опытом 35540 наблюдений за процессом кончины.

Осис обнаружил, что около десяти процентов умирающих, видимо, были в сознании за час до смерти. Удивительно, но, согласно сообщениям врачей и медсестер, пациенты испытывали, в основном, отнюдь не страх. Указывалось, что чаще наблюдались ощущения дискомфорта, боли и даже безразличия. Было установлено, что примерно у одного из двадцати больных присутствовали признаки душевного подъема. Неожиданным стало сделанное в рамках данного исследования открытие, что нередко имеют место видения преимущественно с

нечеловеческим содержанием. Они встречались приблизительно в десять раз чаще, чем у аналогичной группы здоровых людей. Некоторые из видений более или менее соответствовали традиционным религиозным концепциям и представляли небеса, рай или Вечный Град; другие носили черты их мирских образов невыразимой красоты, вроде пейзажей с

великолепной растительностью и экзотическими птицами. Согласно авторам, для большинства переживаний были характерны яркие цвета, и они весьма походили на психоделические переживания, вызываемые мескалином или ЛСД. Реже наблюдались ужасающие видения чертей или ада либо иные, тоже пугающие, например, погребение живьем.

Главный акцент в этом исследовании делался на галлюцинациях умирающих, в которых участвовали люди. Осис смог подтвердить гипотезы Барретта и Хислопа о том, что пациенты в галлюцинациях видят, в основном, призраки покойников, часто желающих помочь переходу умирающего в загробный мир. Он также подтвердил, что эти галлюцинации носят характер привидений, так как их подавляющее число воспринималось больными в состоянии ясного сознания. Работа мозга не искажалась седативными или другими препаратами, высокой температурой тела, и лишь незначительное число пациентов страдало от заболеваний, способных провоцировать видения (травмы мозга, черепно-мозговые нарушения, душевная болезнь и уремия). Большинство умирающих находилось в сознании, ясно понимая происходящее и правильно реагируя на окружающую обстановку. Исследование также показало, что характерные черты подобных галлюцинаций относительно не зависят от физиологических, культурных и личностных факторов. Истоки переживаний данного вида, судя по всему, находились за пределами личностных и половых различий, физиологических факторов, типа медицинского диагноза и вида заболевания, а также уровня образования и религиозного воспитания. Галлюцинации с покойниками чаще всего включали самых близких родственников умирающих; иногда же в видениях появлялись не родственники, обычно это были живущие.

Автобиографические воспоминания, а также описания, встречающиеся в художественной литературе и поэзии, судя по всему, подтверждают тот факт, что лица, подвергающиеся серьезной опасности, и те, кто фактически соприкасается со смертью, обычно переживают эпизоды необычных состояний сознания. Такие переживания качественно отличаются от нашего обыденного сознания и нелегко поддаются словесным описаниям. Поэтому, если мы хотим ощутить аромат и параметры подобного рода переживаний, необходимо обращаться к отчетам лиц, обладающих даром интроспекции и хорошим слогом. Один из лучших отчетов такого типа мы находим в автобиографии Карла Густава Юнга «Вос-

поминания, сновидения, размышления». В начале 1944 года Юнг сломал ногу и вслед за этим несчастным случаем пережил сердечный приступ. Находясь на краю смерти и держась на кислороде и камфарных инъекциях, он пережил ряд глубоких визионерских видений. Ниже следует сокращенная версия его детального описания этого состояния.

Мне казалось, что я находился в космическом пространстве. Далеко внизу я видел земной шар, качающийся в восхитительно голубом свете. Я различал синюю морскую поверхность и континенты. Далеко под моими ногами лежал Цейлон, а на некотором расстоянии впереди находился Индийский субконтинент.

Поле зрения охватывало не всю Землю, но ее шарообразность была ясно

различима, и контуры светились серебристым мерцанием, пробивавшимся сквозь прекрасный голубой свет. Во многих местах земной шар казался расцветенным или покрытым темно-зелеными пятнами, наподобие окислившегося серебра. Далеко слева виднелось широкое пространство -- красновато-желтая Аравийская пустыня; это выглядело так, словно серебро земли приняло там красновато-золотой оттенок. Далее располагалось Красное море, а еще дальше, как бы в верхней левой части карты, я едва мог различить кусок Средиземного моря. Мой взгляд был направлен, в основном, туда. Все прочее казалось нечетким. Я мог также видеть покрытые снегом Гималаи, но в том направлении было облачно или подернуто дымкой. Направо я вообще не глядел. Я знал, что нахожусь на грани ухода с Земли.

Позже я установил, на какой высоте следует находиться, чтобы обозревать такую картину: приблизительно тысяча миль! Вид Земли с такой высоты был самой величественной картиной, которую я когда-либо видел.

После созерцания ее в течение некоторого времени, я развернулся. До этого я был повернут спиной к Индийскому океану и лицом к северу. Затем, судя по всему, я повернулся к югу. Нечто новое попало в поле моего зрения. На некотором расстоянии я увидел висящий в пространстве огромный темный каменный блок, подобный метеориту. Он был размером почти с мой дом или даже больше. Он парил в пространстве, как и я сам.

Ранее я уже встречал подобные камни на побережье Бенгальского залива.

Это -- куски коричневатого гранита, и в некоторых из них вырублены храмы. Мой камень был одним таким гигантским темным блоком. Вход вел в небольшой вестибюль. Направо от входа на каменной скамье в позе Лотоса молча сидел черный индус. На нем была белая мантия, и я знал, что он ждал меня. К вестибюлю вели две ступени и внутри налево были ворота в храм. Бесчисленные крошечные ниши, в каждой из которых выдолблена впадина, напоминающая блюдце и заполненная кокосовым маслом с плавающим в нем маленьким горящим фитилем, озаряли дверь кольцом сияющих языков пламени. Я действительно когда-то видел такое во время посещения Храма Священного Зуба в Канди на Цейлоне, ворота были окружены несколькими рядами горящих масляных светильников подобного типа.

Когда я подошел к ступеням, ведущим ко входу в камень, произошло нечто странное: я ощутил, как все стало сползать с меня—все, к чему стремился, чего желал, о чем думал, вся фантазмагория земного существования была с меня снята, -- весьма болезненный процесс... Однако кое-что осталось. Я теперь как бы нес с собой все, что когда-либо пережил или совершил, все, что в прошлом произошло вокруг меня. Я мог бы также сказать: все это было со мной, и я был им или, так сказать, состоял из всего этого. Я состоял из собственной истории и твердо чувствовал: это то, чем я являюсь. «Я есмь сей узел всего, что произошло и было совершено».

В случае с Юнгом визионерский характер и мистическая природа описания может быть истолкована, как следствие выдающейся личности и профессиональных интересов. Другой пример исходит от человека, чей характер и профессия были весьма отличны от характера и профессии Юнга, -- немецкого актера Курта Юргенса, пережившего клиническую смерть во время сложной хирургической операции, проведенной д-ром Майклом Де Бакеем в Хьюстоне, штат Техас. Для замены изношенной аорты пластиковой трубкой, хирургу пришлось остановить сердце. В ходе операции Курт Юргенс был мертв в течение нескольких минут. Ниже следует его описание необычных переживаний, имевших место в этот период, взятое из книги Жана-Батиста Делякера «Отблески запредельного».

Чувство благополучия, охватившее меня вскоре после введения пентотала, длилось недолго. Вскоре из подсознания стало подниматься ощущение, что жизнь угасает. Сейчас я люблю говорить, что оно пришло в тот момент, когда сердце прекратило биться. Ощущение, что жизнь вытекает из меня, пробудило грозное чувство трепета. Более всего я жаждал удержать ее и был, однако, не в состоянии это сделать. До того я все время смотрел в огромный стеклянный купол, расположенный над операционным столом. Теперь купол начал меняться. Внезапно он заблестал красным цветом. Я видел искривленные лица, глядящие на меня и гримасничающие. Охваченный страхом, я пытался держаться прямо и защититься от этих бледных призраков, придвигавшихся все ближе... Затем все выглядело так, словно стеклянный купол превратился в прозрачный свод, медленно опускающийся и накрывающий меня. Теперь лил огненный дождь, но, хотя капли были ненормально большими, ни одна не задела меня. Они падали и разбрызгивались около, а из них вырастали угрожающие языки пламени, лижущие все вокруг. Я больше не мог избегать жуткой правды: без сомнений, лица, наполнившие этот огненный мир, были лицами проклятых. Меня охватило отчаяние, чувство невыразимого одиночества и оставленности. Ужас был столь велик, что он душил меня, и я, казалось, почти задохнулся.

Безусловно, я был в самом аду, и яркие языки пламени могли настичь меня в любую минуту. В этот момент внезапно материализовался черный человеческий силуэт, фигура начала приближаться. Вначале я нечетко различал ее среди языков пламени и облаков красноватого дыма, но она быстро прояснилась. Это была женщина в черной вуали, стройная, с безгубым ртом, и от выражения ее глаз по спине побежали ледяные мурашки. Когда она встала лицом к лицу со мной, все, что я мог видеть, были две черные, пустые дыры. Но из этих дыр существо все равно глядело на меня. Фигура протянула руки, и, притягиваемый необоримой силой, я следовал за ней. Ледяное дыхание коснулось меня, и я вступил в мир, заполненный слабыми звуками причитаний, хотя вокруг не было ни души.

И только тогда, только там я спросил фигуру: кто же она? Голос ответил:

«Я—смерть». Я собрал всю свою силу и подумал: «Я больше не буду следовать за ней, ведь я хочу жить». Выдал ли я эту мысль? В любом случае она придвинулась и опустила руки на мою голую грудь, чтобы я вновь попал под действие ее магнетизма. Я ощущал на коже ледяные руки женщины, и ее пустые глазницы неподвижно уставились на меня.

Я вновь сконцентрировал все мысли на живом, чтобы избежать смерти в этом женском обличье. Перед тем, как войти в операционную, я обнял жену. Теперь ее призрак явился, чтобы вывести меня из ада и вернуть к земному существованию.

Когда Симона (жена) появилась на сцене, женщина в темном покрывале с ужасной улыбкой на безгубом лице без звука отступила. Смерть ничего не могла противопоставить Симоне, сияющей молодостью и жизнью. Я ощущал лишь свежесть и нежность, пока она вела меня обратно тем же путем, который я только что прошел под действием чар темной фигуры. Постепенно, шаг за шагом, мы покинули страшный мир теней и приблизились к яркому свету. Это сияние вело нас дальше и, наконец, стало таким ослепительным, что начало жечь глаза и пришлось их закрыть.

Затем внезапно возникла сильная тупая боль, угрожающая разорвать грудную клетку. Я сжимал руку Симоны все крепче и крепче, после чего неожиданно пришел в себя. Я обнаружил Симону, сидящую на кровати в белой одежде медсестры. У меня едва хватило сил слабо улыбнуться. Все, что я мог сделать, это выдавить одно

слово: «Спасибо». Им я завершил страшное, но все же зачаровывающее путешествие в запредельный мир, путешествие, которое я никогда не забуду, пока живу.

Дополнительные описания переживания близости к смерти и субъективных ощущений, сопутствующих клинической смерти, были собраны Джессом Е. Вейссом в книге, озаглавленной «Прихожая». Выдающимися примерами художественных описаний являются повесть «Смерть Ивана Ильича» и сцена смерти Андрея Волконского из «Войны и мира» Льва Николаевича Толстого, «Низвержение в Мальстрем» Эдгара Аллана По, «Случай на

мосту через Совиный ручей» Амброза Бирса и «Неистовые годы» Кеарса Кросби.

В прошлом усилия постичь действие механизма переживания, связанных со смертью, и сформулировать теоретическое обоснование для их интерпретации предпринимались даже еще реже, чем проведение описательных и феноменологических исследований. Эдуард Кларк в своей упоминавшейся выше книге нашел удовлетворительное объяснение изменения сознания, наблюдаемого у умирающих, относя их без разбора на счет нарушений в работе мозга. Другие ссылались на более конкретный механизм церебральной аноксии и указывали на схожесть между переживанием, происходящим при приближении смерти, и различными ненормальными явлениями, наблюдаемыми на больших высотах, во время анестезии, при проведении экспериментов в камерах с пониженным содержанием кислорода, а также других ситуациях, когда имеет место гипоксия. Карлис Осис (1961) и Руссел Нойес (1971) обнаружили интересные параллели между визионерскими переживаниями умирающих и состояниями, вызываемыми психоделическими препаратами. Последнее наблюдение, хотя и имеет огромное теоретическое значение, не способствует нашему пониманию процесса кончины. Психоделические переживания сами по себе—явление весьма сложное, до сих пор не нашедшее адекватного объяснения и представляющее серьезный вызов нынешнему уровню теоретического мышления (мы вернемся к этой важной проблеме в последующих главах).

Поскольку все приведенные выше объяснения относятся в лучшем случае к одному аспекту явлений, возникающих при приближении к смерти, -- физиологическому или биохимическому механизму таких переживаний, -- они ничего не говорят ни об их конкретном содержании, ни о глубоком психологическом значении.

В двух психоаналитических исследованиях были предприняты серьезные попытки применить фундаментальные психоаналитические концепции к изучению переживаний, связанных со смертью. В первой из этих работ Оскар Пфистер в качестве основы для своих рассуждений использовал описанное ранее в этой главе исследование Альберта Хейма. В дополнение к данным Хейма, собиравшимся им в течение 25 лет после собственного почти фатального падения, в распоряжении Пфистера находилось письмо, написанное Хеймом, в котором тот излагал много деталей своего переживания, не упомянутых в самой статье. Богатые данные, полученные Пфистером от Хейма, позволили ему хорошо ознакомиться с общим характером переживаний близости к смерти. Однако для проявления более глубокой психодинамической оценки и интерпретации данных феноменов, ему требовались свободные ассоциации по поводу конкретного содержания переживания лица, прошедшего через подобный опыт. Проведение такого анализа стало возможным на основе информации, добровольно предоставленной обычным дорожным попутчиком. Этот человек чуть не был убит в траншее во время войны за 13 лет до встречи с Пфистером. Он смог описать свои фантазии, относившиеся к ситуации, и предоставить свободные ассоциации, касающиеся их содержания. На

основе этого материала Пфистер сделал гипотетические выводы о психодинамических механизмах шоковых мыслей и фантазий индивида, возникающих в момент смертельной опасности.

3. Фрейд в своей работе «По ту сторону принципа удовольствия» выдвинул идею о том, что живой организм был бы уничтожен полным энергией внешним миром, если бы не был снабжен специальным защитным механизмом, действующим, как барьер для раздражителей. Пфистер счел эту концепцию весьма полезной для понимания механики переживаний, возникающих в момент сближения со смертью. Согласно его точке зрения, шоковые фантазии спасают человека от избыточной эмоциональной травмы и действуют, как защитный механизм, оберегающий индивида от потери бодрствующего сознания и ухода в сон или обморок. Следовательно, такой механизм подобен сновидению, охраняющему сон. Когда угроза слаба, человек отреагирует, утратив способность говорить и двигаться. Однако крайняя опасность приводит к высокой степени активности, к стимулированию мышления. На данной стадии проявляются несколько защитных механизмов. Один -- это иллюзия, что с опасностью можно эффективно справиться, другой -- способность регистрировать все возникающие ощущения.

Хотя в данной ситуации довольно часто наблюдается отрыв от реальности, он, видимо, имеет защитную функцию, так как приводит к отрицанию ситуации или ее отношения к субъекту. Когда реально бороться с опасностью больше нет смысла, ориентация на реальность выключается, и подавленные фантазии вступают в действие. Некоторые из воспоминаний, являющихся частью нередко возникающего проигрывания жизни, -- суть воспоминания комфортизирующего характера, указывающие на опасные, но

благополучно разрешившиеся события в прошлом, либо являющиеся свободными фантазиями. Переживания типа *deja vu** или уход в представления о будущем также могут рассматриваться, как отрицание особой серьезности действительной ситуации. Крайней формой, безусловно, является бегство в трансперсональное переживание небес или рая, что, согласно психоаналитическим концепциям, является регрессией в океаническую благость перинатального существования. Пфистер, таким образом, рассматривает переживания, возникающие при соприкосновении со смертью, в качестве проявления «блестящей победы, одерживаемой направляемым желанием умом над пугающими фактами, победы иллюзии над реальностью». Еще один из пунктов его работы заслуживает упоминания в данном контексте. Автор указывает на то, что его концепция защитной роли шоковых переживаний затрагивает интересные вопросы, касающиеся природы сознания. Раз последнее содержит знание об опасности, но мешает пониманию такого факта, не означает ли это, что сознание несет в себе бессознательное?

Другое психоаналитическое исследование процесса умирания, относящееся к обсуждаемым здесь вопросам, было опубликовано Р.С. Гюнтером, который использовал уникальную возможность проанализировать содержание переживания, возникшего в момент соприкосновения со смертью медицинской сестры, долгое время проходившей у него курс психоаналитической терапии. Он провел регулярные психоаналитические сеансы с ней за два часа до несчастного случая и спустя 22 часа после него. Подобные обстоятельства позволили вовремя зафиксировать ее видения и память о пережитом, а также свободные ассоциации в связи с ним. Его пациентом являлась физически здоровая женщина 34-х лет, мать троих детей. К моменту несчастного случая у нее отсутствовали признаки патологической депрессии, и не было причин предполагать суицидальные наклонности. Она подвергалась психоаналитическому лечению в связи с

проблемами межличностных отношений, возникшими у нее с мужем.

-
- Ошибочное воспроизведение в памяти: кажется, что переживаемое теперь, в прошлом уже когда-то было.—Прим. перев.

Несчастный случай, едва не закончившийся смертью, был неожиданным и развивался стремительно. Зубной врач сделал ей снимок больного зуба и установил развитие абсцесса у корня, после чего прописал аспирин с кодеином и пенициллин. Медсестра приняла таблетку антибиотика во время поездки с мужем домой на автомобиле в час пик. Спустя двадцать минут в результате аллергической реакции на пенициллин у нее развился отек гортани, сопровождавшийся резким удушьем и последующей потерей сознания. Ей сделали инъекцию адреналина, и она была доставлена скорой помощью в ближайшую больницу, где ей дали кислород, дополнительно ввели адреналин, а также кортикостероиды. Спустя короткое время она полностью выздоровела и на следующий день могла обсудить свои переживания в ходе психоаналитической беседы. Ниже следует описание Гюнтером ее отчета:

Ранее она никогда не страдала от аллергических реакции, не отмечались подобные случаи и в семье. Но, будучи медсестрой, она знала о возможности возникновения такой реакции на пенициллин и, принимая таблетку, подумала, что и у нее не исключено подобное. Когда в машине стали возникать трудности с дыханием, она поняла, что происходит, и ощутила отчаянный страх, который, однако, вскоре прошел. Позже она сказала, что больше никогда уже не будет бояться смерти. Она почувствовала глубокую симпатию к мужу. Затем ощутила чувство вины за то, что ему сейчас придется испытать.

Ей было стыдно. Сейчас ей кажется, что отчасти это была месть, которую она не могла контролировать. Она вспомнила «последнюю яростную попытку», когда отчаянно боролась со смертью, но не испытывала страха, а потом сдалась, сознавая, что желает ее наступления.

Затем перед нею промелькнуло в быстро сменяющей друг друга последовательности множество сцен из жизни. Сейчас кажется, что они начались с 5-летнего возраста. Запомнилось впечатление насыщенности цвета. Она видела любимую в детстве куклу и поразились Яркой голубизне ее глаз. Был также эпизод, когда она каталась на ярко-красном велосипеде на такой же яркой зеленой лужайке. Она была уверена, что образы охватывали не всю жизнь, а только некоторые моменты детства, и подчеркнула, что все они были проникнуты чувством экстатического счастья.

Следующее воспоминание касалось состояния «благодости» и «экстаза». Перед ней предстал Тадж Махал, глубоко завладевший вниманием, создав ощущение идиллии. Это было зрелище, которое она, должно быть, видела несколько раз: в обычном ракурсе, как бы стоя перед прудом с лилиями около дворца. Все было в цвете—и пруд, и плавающие листья кувшинок, голубые и зеленые, а минареты и купол -- чрезвычайно приятного золотого и кремового цвета. Затем она ощутила, как ее пытаются разбудить, и почувствовала недовольство и раздражение. Хотелось, чтобы ее оставили в покое вместе с чудным видением

Тадж Махала. Но тут она ощутила на лице кислородную маску и осознала, что ей делают внутривенное вливание. Она неохотно пришла в себя, и обнаружила, что находится в реанимационном отделении больницы для амбулаторных больных.

Анализируя переживание пациентки, Гюнтер поразился сходству рассказа с тем, что было опубликовано Пфистером. В обеих историях осознание наступления смерти сопровождалось краткой реакцией страха, отрицанием угрозы и последующим обозрением необычайно счастливых и экстатических сцен из предыдущей жизни пациента. На основании своих наблюдений Гюнтер предполагает, что следует различать смерть, как состояние, и смерть, как переживание умирания. В то время, как кончина имеет много структурных особенностей, характерных для данного лица, процесс ее неожиданного приближения может проходить некие определенные и предсказуемые стадии. Содержание этих переживаний насыщается сложившимися личными матрицами. Гюнтер рассматривает обзор жизни, имевший место у его пациентки, как реакцию отрицания ситуации, угрожавшей ее жизни. Приятный характер видений, возникших в результате уходящих в детство радостных и защитных воспоминаний, по сути дела, скрывал неприятный аффект. В интерпретации Гюнтера Тадж Махал имел для нее глубоко личное психодинамическое значение. В дополнение к своей роли отрицания и попраiania смертельной опасности он также отражал ее направляемые желанием фантазии, касавшиеся мужа, поскольку Тадж Махал является мавзолеем, построенным любящим супругом в память об обожаемой жене. На более глубоком уровне регрессии, согласно мнению Гюнтера, пруд и купол намекали на фантазии, связанные с образами матки и груди.

Недавнее возрождение научного интереса к переживаниям, связанным со смертью, тесно соприкасается с работой и мыслями д-ра Руссела Нойеса, профессора психиатрии Университета штата Айова. В ряде статей Нойес подверг обсуждению отчеты о переживаниях, написанные людьми, соприкоснувшимися со смертью, и проанализировал их с психиатрической и психологической точек зрения. Он обнаружил бросающееся в глаза сходство, типологическое единство и характерную последовательность эпизодов, лежащих в основе этих, на первый взгляд, разнообразных отчетов. Согласно Нойесу, описания переживаний состояния близости

к смерти и самой смерти распадаются на три последовательные стадии: сопротивление, обзор жизни, трансцендентность. Хотя сила, с которой эти конкретные стадии проявились в том или ином описании, может значительно различаться и, несмотря на то, что в отдельном случае одна из них может и отсутствовать, все же неизменность и постоянство их проявления таково, что дает право на подобную градацию.

Начальная стадия -- сопротивление -- включает в себя осознание опасности с последующим чувством страха в отношении нее либо борьбы с ней и, наконец, признание неизбежности смерти. Понимание факта неотвратимости кончины пробуждает короткую, хотя и отчаянную борьбу с ней, часто сопровождаемую выраженной тревогой. Человек мечется между стремлением к активному господству над ситуацией и тягой к пассивному уходу. Как правило, пока сохраняется хоть малейший шанс на выживание, осознание опасной ситуации и активное отношение к ней весьма велики. При подобных условиях наличие энергии, необходимой для физической и умственной деятельности, может резко возрастать. Дезорганизующее чувство паники снимается, но способно возникнуть с новой силой, как только минует непосредственная опасность. Необыкновенное усиление умственной деятельности,

возникающее у лиц, подвергающихся угрозе смерти или тяжкого увечья, часто находит выражение в полностью осознанной, длительной и сложной череде мыслей и даже в эффективной деятельности по спасению собственной жизни. Последнее хорошо иллюстрируется отчетом Альберта Хейма о происшедшем с ним несчастном случае, когда такая активизация умственной деятельности спасла его от серьезного физического увечья:

Летом 1881 года я упал между передними и задними колесами фургона, едущего из Аосты в Сен-Реми. На секунду мне удалось уцепиться за край фургона. Следующие мысли пробежали в мозгу: «Я не в состоянии удержаться до того момента, когда лошади остановятся; мне придется упасть. Если просто свалюсь, то упаду на спину и колесо переедет ноги. В таком случае мне, как минимум, обеспечено раздробление коленных чашечек или большой берцовой кости. Колеса скорее раздробят кости, чем давление со стороны мостовой. Если мне удастся повернуться на левый бок, то, возможно, смогу убрать левую ногу; с другой стороны, поворот направо, учитывая размеры фургона, приведет к тому, что будут переломаны обе ноги». Я четко знаю, что позволил себе упасть лишь после обдумывания этих абсолютно верных соображений, пронесшихся в голове с быстротой молнии и отпечатавшихся в мозгу. Таким образом, движением руки я повернул себя влево, резко вывернул левую ногу и одновременно с максимальной силой

напряг мышцы ног. Колесо проехало по левому бедру, и я отделался легким кровоподтеком.

Лица, переживающие процесс соприкосновения с кончиной, постепенно ощущают, что воля к жизни как бы придает им силы, и они страшатся, что, сдавшись, -- умрут. В момент капитуляции страх исчезает, и человек, находящийся под угрозой смерти, начинает ощущать безмятежность и уравновешенность. Когда конец становится неизбежен, его наступление встречается с чувством внутреннего покоя.

Как правило, стадия обзора жизни следует непосредственно за сдвигом от попыток активного господства над ситуацией к пассивному уходу. Этот процесс сопровождается отщеплением сознания от телесной формы, что служит источником переживаний существования вне тела. Люди могут фактически наблюдать, как их тела приближаются к гибели, но сама гибель не признается реальной; так они переходят на позиции посторонних наблюдателей, бесстрастно следя за развивающимися событиями. Обзор жизни, обычно происходящий тогда же, принимает форму панорамы воспоминаний, сменяющих друг друга в быстрой последовательности и как бы охватывающих все прошлое индивида. Иногда развертывание такой картины жизни направлено в прошлое от момента несчастного случая, назад к детству, иногда наоборот, повторяя имевшую место в реальности хронологическую последовательность событий. Все это, как правило, сопровождается ощущением положительных эмоций, реже—негативным и болезненным чувством. Изредка обзор жизни принимает голографическую, а не векторную форму. В таком случае важные воспоминания, относящиеся к различным периодам жизни, возникают одновременно—как части единого континуума.

Данная стадия -- обзор жизни—может быть проиллюстрирована отрывком из письма, написанного адмиралом Бьюфортом, в котором он описывает несчастный случай, когда чуть не утонул. (Отрывок взят из опубликованной в 1887 году книги В. Мунка «Эвтаназия или медицинское вмешательство и помощь в облегчении смерти».) Когда Бьюфорт был еще курсантом второго курса военно-морского училища и находился на борту корабля в Портсмутской гавани, он упал в воду. Не умея плавать,

он быстро утомился и на непродолжительное время погрузился под воду, перед тем как его спасли.

Всякая надежда пропала, напряжение полностью спало и абсолютное спокойствие сменило предшествующие бурные чувства. Его можно было бы назвать апатией, но уж, конечно, не смирением, ибо утонуть больше не казалось мне злом. Я перестал думать о спасении и не чувствовал никакой физической боли. Напротив, мои ощущения были скорее приятного свойства, частично напоминая то дремотное, но исполненное удовлетворения чувство, которое предшествует сну от усталости. Хотя чувства были притуплены, этого нельзя сказать о сознании. Его активность, казалось, возросла до степени, не поддающейся никакому описанию, так как мысль проносилась за мыслью со скоростью не только неопишуемой, но, возможно, и непостижимой для любого, не побывавшего в аналогичной ситуации. Даже сейчас я могу восстановить тогдашний ход своих мыслей с большой степенью точности: только что произошедшее событие;

неосмотрительность, явившаяся его причиной, суматоха, наверняка последовавшая за этим; впечатление, которое известие о происшествии произведет на сильно любящего меня отца; а также тысяча других обстоятельств, поминутно связывающихся с домом, -- все это было первой порцией возникающих мыслей. Затем они охватили более широкий диапазон: наш последний поход, предыдущее плавание и кораблекрушение, школа, успехи, которых я в ней добился, а также бессмысленно потраченное время. Вспомнились даже мальчишеские занятия и похождения. Таким образом, каждое событие из прошлого, казалось, возникало в моих воспоминаниях в порядке, обратном хронологическому. Но то не было простым перечислением событий, как вышло в данном описании, нет, -- это были картины событий, обнимавшие каждую минуту и мельчайшую черточку пережитого. Короче говоря, все время моего существования предстало наподобие панорамы, и каждое действие, совершаемое в ней, судя по всему, оценивалось, как верное или неверное либо становилось объектом размышления о его причинах и последствиях. Действительно, много тривиальных, давно забытых событий предстали перед моим внутренним взором, как если бы они произошли лишь вчера.

Согласно Нойесу, такой возврат к воспоминаниям о прошедшем может являться следствием резкой утраты сознанием возможности ориентироваться в будущем. Стареющие люди, приближаясь к концу жизненного пути, проявляют склонность меньше задумываться над будущим и больше вспоминать прошлое. Подобным же образом те, кому неожиданно угрожает прекращение жизни, могут испытывать резкий рост внимания сознания к прошлому. Такая узкая фокусировка жизненной энергии на событиях прошлого может соотноситься с интенсивностью и яркостью возникающих воспоминаний о давно прошедшем.

Нойес указал на экзистенциальную важность подобного заключительного обзора жизни и подчеркнул значимость того

уникального взгляда на жизнь, к которому он приводит. К моменту смерти существование индивида становится завершенной и неизменной структурой. Во все времена смерть рассматривалась, как вершина жизненного пути именно по этой причине. Она давала последнюю возможность обрести или защитить те цели, которые мыслились как высшие. Умиравшие, переживающие этот заключительный обзор, страстно утверждают трансцендентное значение факта своего

существования и включают его в мировой порядок, смысл которого они постигают. Все это может рассматриваться в качестве могучего утверждения духовных устремлений умирающего. Часто случалось так, что визионерские переживания отдельных людей были настолько приятными, что ощутившие их испытывали сильное желание умереть и так навеки остаться в запредельных мирах. Зачастую они выказывали обиду и даже враждебность за то, что их «оживили» и вернули в повседневную реальность.

Как правило, стадия трансцендентности естественным образом вытекает из происшедшего обзора жизни. Лица, обозревающие свое существование с точки зрения содержащегося в нем добра и зла, могут воспринимать его со все возрастающим отдалением. Они способны достичь положения, при котором их жизнь видится как единое целое, и одновременно в ней различима каждая деталь. В конце концов, преодолевается и это ограничение, и умирающий испытывает то, что обозначается, как мистическое, трансцендентальное, космическое сознание, - то, что Абрахам Мэслоу назвал «пиковым переживанием». Иногда обзора жизни не происходит, и человек, неожиданно столкнувшийся с перспективой скорой смерти, прямо переходит к стадии преодоления. В качестве примера можно привести опыт смерти, обретенный Виктором Соловым, получивший широкую известность после его появления в качестве гостя в программе Уолтера Кронкайта*. После утренней пробежки 23 марта 1974 года у Солова случился сердечный приступ с последующей остановкой сердца. Сердцебиение было восстановлено спустя 23 минуты после ряда счастливых совпадений. Солов описал свои переживания в статье, помещенной в

-
- Уолтер Кронкайт -- ведущий (до 1981 года) самой популярной передачи новостей на американском телевидении.—Прим. перев.

журнале Readers Digest. Ниже следует сокращенное изложение его отчета:

Для меня момент перехода от жизни к смерти—ибо как еще можно назвать это? -- был прост. Не было времени на страх, боль или размышления. Не было возможности «увидеть перед глазами всю свою жизнь», как то описывали другие. Последнее впечатление, которое я могу вспомнить, длилось долю мгновения. Я продвигался с высокой скоростью к ярко светящейся сетчатой структуре. Узлы и нити в местах пересечения светящихся линий вибрировали, испуская колоссальную холодную энергию. Решетка представлялась барьером, который остановит дальнейшее продвижение. Мне не хотелось проходить сквозь нее. На краткое мгновение моя скорость, казалось, снизилась. Затем я был в решетке. В момент моего соприкосновения с ней, вибрирующее сияние усилилось до степени ослепляющей яркости, которая одновременно опустошила, вобрала в себя и изменила меня. Не было боли. Ощущение не было ни приятным, ни неприятным, но оно поглощало полностью. Суть всего изменилась. Начиная с этого момента, переживания лишь приблизительно поддаются описанию словами.

Решетка была чем-то наподобие трансформатора, то есть энергетического преобразователя, транспортирующего меня из оформленного состояния в бесформенное, за пределы времени и пространства. Отныне я находился не в каком-то месте или даже измерения, а, скорее, в состоянии бытия. Это новое «Я» было не тем, которое я знал, но -- его очищенной сущностью и в то же время смутно знакомым, чем-то, что я всегда ощущал похороненным под надстройкой личных страхов, надежд, желаний и устремлений. Это «Я» не было связано с эго. Оно было конечным, неизменным, неделимым, неразрушимым чистым духом, и одновременно, будучи абсолютно уникальным и индивидуальным, наподобие отпечатка пальца, --

частью некоего бесконечного гармоничного и организованного целого. Я уже был там прежде.

Уолтер Панке, написавший в 1966 году сравнительное исследование трансцендентальных переживаний мистиков и религиозных учителей на протяжении веков, модифицировал критерии Уильяма Джеймса и Уолтера Стейса и определил основные признаки этих феноменов. Его мистические категории отражают наиболее важные общие черты трансцендентальных состояний. Чувство единства или связи с другими людьми, природой и всем миром является необходимым условием космического сознания. Невыразимость -- другая важная характерная черта. Это качество переживания может вытекать из его уникальности, интенсивности сопутствующих эмоций либо из недостаточности средств нашего языка для его описания. Следующим значимым аспектом мистических переживаний является их превосходство над временем и пространством. Последнее приводит к возникновению чувства, что индивид, испытывающий данное состояние, находится вне обычных пространственно-временных ограничений, за пределами прошлого и будущего, в вечности и безграничности либо в совершенно ином измерении.

Духовный характер - еще один важный признак таких переживаний. Люди обычно убеждены, что находятся в контакте с высшим знанием о реальности и природе существования. Переживания трансцендентности всегда сопровождаются возникновением ярко выраженных позитивных чувств. Их диапазон: от спокойствия, безмятежности и равновесия до экстатического восторга, подобно сексуальному оргазму космических масштабов. Описания мистических переживаний также характеризуются их удивительной парадоксальностью. Многие из сообщений о подобных состояниях, судя по всему, противоречат друг другу и нарушают основные законы аристотелевой логики. Еще один аспект данных переживаний заслуживает специального упоминания. Это -- чувство объективности и реальности. Человек, соприкоснувшийся с космическим сознанием, как правило, не испытывает сомнений в том, что имеет дело с безусловной и высшей реальностью, которая в определенном смысле более реальна, чем воспринимаемый нами в привычном состоянии сознания мир явлений.

Трансцендентальные переживания, имеющие место в состояниях, близких к кончине, а также связанные с клинической смертью, обладают всеми признаками, описанными Панке. Нойес добавил еще один--утрату контроля, когда человек перестает цепляться за реальность и подчиняется пассивности. Такая капитуляция обычно сопровождается чувством необычайного спокойствия либо экстаза, как это происходит на второй стадии. Аналогичные переживания необычных состояний сознания могут сопровождаться изменениями восприятия, выражающимися порой в виде яркой образности.

Важным дополнением к исследованиям Нойеса являются поразительные научные данные, собранные Давидом Роузенем, психиатром Лынглипортерского психоневрологического института Сан-Франциско. Розен наблюдал шесть из восьми лиц, оставшихся в живых после совершения попытки самоубийства путем прыжка с моста «Золотые ворота», и один из двух выживших после аналогичного прыжка с моста «Залив Сан-Франциско». В своем исследовании, выполненном в 1975 году, он попытался собрать информацию, которая могла оказаться полезной в попытках объяснить магическое притяжение моста «Золотые ворота» для потенциальных

самоубийц*. Одновременно он зафиксировал и проанализировал характер субъективных переживаний, возникающих во время таких прыжков, а также

долговременное воздействие данного события на жизни спасенных людей. Все они во время и после прыжка переживали мистические состояния сознания, характеризующиеся утратой чувства пространства и времени, а также ощущением духовного возрождения и единства с другими людьми, всем миром и Богом. Вследствие личного соприкосновения со смертью некоторые из них пережили глубокое религиозное обращение, другие же описали укрепление в себе присущих им и ранее религиозных взглядов. Один из выживших вообще отрицал наличие у себя суицидальных намерений. Он воспринимал мост «Золотые ворота», как «золотые двери», сквозь которые он уйдет из материального мира в иную духовную область. Он заявил, что его прыжок являлся исполнением духовной потребности и был скорее проблемой парапсихологии, нежели психологии или психопатологий.

Отчеты о своих переживаниях, написанные оставшимися в живых, весьма схожи с материалами, собранными Хеймом, и сообщениями о переживаниях соприкосновения со смертью из других источников. Основное отличие заключено в том, что акцент делается на стадии трансцендентных переживаний при полном отсутствии элемента борьбы и сопротивления; переживание воспоминаний о событиях прошлого и обзор жизни также отсутствуют либо сокращены. Розен связывает эти различия с насильственным преднамеренным характером самоубийства по сравнению с неожиданным и непреднамеренным таковым несчастных случаев. Лица, планирующие самоубийство, уже пережили и сопротивление акту прерывания жизни, и, частично, -- обзор своей жизни— еще на стадии принятия решения о самоубийстве.

Вскоре после завершения данной книги, опубликовал свое исследование «Жизнь после жизни» Раймонд А. Моуди. Его наблюдения столь важны для нашего обсуждения, что мы опишем их несколько

подробнее. Образование Моуди в области психологии и медицины, его личные беседы с лицами, прикоснувшимися к смерти, вместе с его объективным подходом к проблеме, лишенным стремления произвести сенсацию, -- все это делает книгу особым вкладом в изучение опыта соприкосновения с кончиной. Автор собрал данные о 150 лицах, и его наблюдения распадаются на три различные категории: 1) некоторые из переживаний людей, которые были возвращены к жизни после того, как их сочли умершими, они были признаны и объявлены таковыми лечащими врачами; 2) отчеты лиц, которые во время несчастных случаев, тяжких ранений или заболеваний были на грани физической смерти; 3) отчеты людей, передававших свои переживания на пороге и в момент наступления смерти лицам, пребывающим у их смертного одра.

-
- Зарегистрировано более 580 самоубийств, совершенных путем прыжка с моста «Золотые ворота» от момента его открытия в 1937 году, что делает его местом максимального числа самоубийств, не считая Японии. (Данное примечание написано авторами до событий в Джонстауне (Гайане) в 1978 году).—Прим. перев..

Моуди лично и подробнейшим образом опросил более пятидесяти человек, относящихся к первым двум категориям, и обнаружил далеко идущее сходство в их индивидуальных рассказах. Ему удалось выделить в переживаниях, связанных со смертью, несколько основных черт, повторявшихся с удивительным постоянством. Многие из них, судя по всему, являются характеристиками, с которыми мы уже сталкивались, обсуждая перинатальные и трансперсональные явления, возникающие в ходе психоделических сеансов.

Большая часть описаний содержала в себе сожаления о невыразимости переживания и о неспособности нашего языка передать его особую природу.

Умиравшие часто рассказывали, что во время коматозного состояния либо после клинической смерти они слышали отдельные фразы и даже полностью воспринимали разговоры об их состоянии, которые вели доктора, медсестры и родственники (иногда правильность их восприятия удостоверялась последующим расследованием). Нередко имели место ощущения мира и спокойствия, подчас несущие на себе оттенок потусторонности. Многие умирающие сообщали о восприятии странных звуков, похожих на описанные в «Тибетской книге мертвых», и на те, которые имеют место в перинатальных фазах переживаний во время ЛСД-сеансов. Некоторые из этих звуков были явно неприятного свойства, наподобие громких щелчков, рева, звона, жужжания, свиста и хлопков. Другие включали в себя прекрасный перезвон колокольцев, успокаивающие звуки или даже волшебную музыку. Необычайно часто встречались описания прохода сквозь темное

закрытое пространство, обозначаемое как воронка, пещера, туннель, цилиндр, долина, желоб или сточная труба*.

Переживание явления выхода из тела—еще одна общая черта опыта соприкосновения со смертью—может принимать разнообразные формы. Некоторые описывают восприятие себя, как бесформенного облака, энергетической структуры либо чистого сознания. Другие четко ощущают свое тело, которое, однако, прозрачно, невидимо и неслышно для обитателей в мире феноменов. Иногда возникает чувство страха, замешательства и желания вернуться в физическое тело, порой, напротив, появляются экстатические ощущения отсутствия времени, веса, ощущения мира, покоя, ясности. Некоторые на этой стадии проявляют беспокойство о судьбе своих физических тел, другие совершенно к ним равнодушны. Не воспринимаются запахи, ароматы, температура, отсутствует мышечное чувство. Зрение же и слух, судя по всему, резко усиливаются, достигая почти безграничного уровня. Сходство между этими переживаниями и описаниями тибетского состояния бардо просто поразительно.

Многие умирающие сообщают о встречах с другими существами—покойными родственниками и друзьями, «духами-хранителями» или духовными руководителями. Особенно часто, судя по всему, происходит видение встречи со «Светящимся существом», которое является источником неземного сияния, лучистым и сверкающим, но обладающим и определенными личностными характеристиками, такими, как любовь, теплота, сострадание и чувство юмора. Общение с этим Существом происходит без слов путем непосредственной передачи мысли. В рамках данной встречи или вне ее умирающий может пережить частичный или полный обзор своей жизни, почти всегда протекающий в ярких цветах и включающий в себя трехмерные движущиеся формы. Смысл данного переживания, видимо, заключен в понимании того, что постижение любви к другим и обретение высшего знания являются максимальными ценностями человеческой жизни. Во многих сообщениях описывалось достижение границы или предела и -- возвращение. Такая граница носит чисто абстрактный характер либо символически выражена в виде водной преграды, седого тумана, двери или врат, изгороди или линии.

-
- Хотя Моуди специально и не говорит об этом, в описаниях можно найти много косвенных намеков на процесс родов: скольжение вниз головой вперед, концентрические круги туннеля, отсутствие воздуха в закрытом пространстве, трудности с дыханием, скаталогические элементы и т.д.

Отношение к возвращению, видимо, меняется в процессе умирания. В течение нескольких первых мгновений после наступления смерти, люди испытывают отчаянное желание вернуться в тело и сожалеют о своей кончине. После некоторого продвижения и, особенно, после встречи со «Светящимся существом» прежнее намерение может уступить место нежеланию возвращаться. Некоторые не знают, как они вернулись, связывая это порой с собственным решением поступить таким образом. Другие чувствуют, что были либо посланы обратно «Светящимся существом», либо возвращены чувством любви, желаниями и молитвами других, независимо от их собственных намерений.

Моуди уделяет особое внимание тем трудностям, которые люди, соприкоснувшись со смертью, испытывают при попытках рассказать об этом особом событии, ими самими воспринимаемым, как глубокое, реальное и важное. Автор указывает на то, что такие трудности, равно как и неспособность иных людей понять их—нередко вместе с проявляемым снисходительным или даже насмешливым отношением - вот причина того, что мы так мало слышали об этих довольно часто происходящих случаях. Лучшее всего это может быть проиллюстрировано тем фактом, что на протяжении всего исследования лишь в одном случае врач обнаружил хоть какое-то знакомство с околосмертными переживаниями!

У людей, выживших после ситуации, грозившей им смертью, либо перенесших клиническую смерть, в результате случившегося развивались новые представления о ее природе. Многие утрачивали страх перед ней. У них развивалось позитивное отношение к ней, отнюдь не связанное с желанием умереть или суицидальными наклонностями. Их сомнения, касающиеся возможности посмертного существования, рассеивались, и продолжение жизни сознания за пределами физической кончины становилось экспериментально доказанным фактом*.

-
- Несмотря на большое сходство между находками Моуди и нашими наблюдениями, существует одно фундаментальное различие, заслуживающее спе-

Одним из важнейших аспектов исследования Моуди является предпринятое обсуждение воздействия опыта прикосновения к смерти на жизнь испытавших этот опыт людей. Они ощутили, что она расширилась и углубилась. У них проявился серьезный интерес к глубочайшим философским и духовным вопросам, и для них начала действовать совершенно иная, чем прежде, шкала ценностей. Существование внезапно оказалось гораздо ценнее, и значительно больший акцент стал делаться на полноценное переживание текущего момента, на то, что происходит «здесь и сейчас». Наблюдались также серьезные изменения в представлениях об относительности ценности физического тела и ума. Реже это сопровождалось развитием парапсихологических способностей.

Данный материал полностью соответствует выводам Уолтера Панке о последовательности мистических переживаний, происходящих спонтанно или в ходе занятий религиозной практикой, без пребывания в ситуации, несущей в себе угрозу жизни. Одна из выделенных им категорий, описывающих мистическое сознание, включала в себя устойчивые, позитивные перемены в чувствах, взаимоотношениях и поведении, следующих за переживанием подобного рода.

Характер таких перемен, судя по всему, совпадал с описанным Моуди. Рассел Нойес пришел к аналогичным выводам в проведенном им исследовании большого числа переживаний смерти и состояний, возникающих в момент приближения к

ней. Роузен, изучая жизни лиц, выживших после попытки самоубийства, также обнаружил наличие устойчивых благотворных перемен в их эмоциональном настрое, мышлении и поведении. Наиболее разительной стороной данной трансформации было могучее пробуждение духовных чувств, выливающихся в религиозное обращение, либо усиление ранее существовавших религиозных установок. Чувство духовного возрождения связывалось с новым способом восприятия мира и жизни в нем. Самым значительным,

циального упоминания. Моуди подчеркивает отсутствие мифологического элемента в этих новых представлениях о смерти, а также отсутствие того, что он называет «шутковские небеса с жемчужными воротами, золотыми улицами, крылатыми, играющими на арфах ангелами, или ад—с языками пламени и чертями с вилами». Согласно нашему опыту, конкретные архе-типические образы богов и дьяволов возникали столь же часто, как и божественные или демонические сущности, лишенные форм.

имеющим практическое значение последствием этого было ослабление склонности к самоуничтожению, повышение уровня жизненной силы и исполненное радости утверждение факта человеческого существования. Один из выживших так описал это.

Я был сызнова наполнен надеждой и чувством цели в том, чтобы быть живым. Это находится за пределами понимания большинства людей. Я высоко ценю чудо жизни -- такое, например, как видеть полет птиц. Все наполняется гораздо большим смыслом, если тебе доведется соприкоснуться с утратой этого. Я испытал чувство связи со всем сущим и единства со всеми людьми. После пережитого мною духовного возрождения, я также ощущаю боль каждого. Выживание укрепило мою веру и сознание цели в жизни. Все было ясно и сияло, и я теперь уверен в своей связи с Создателем.

Временные или же устойчивые изменения подобного рода случаются весьма часто у людей, переживших близкое соприкосновение со смертью -- либо на личном опыте, будь то несчастный случай, попытка самоубийства, серьезная болезнь или хирургическая операция, -- либо в символической форме, в ходе психо-делического сеанса, спонтанного мистического переживания, острого психотического эпизода, или в ходе обряда перехода. Этот феномен представляется исполненным такого фундаментального практического и теоретического значения, что станет объектом детального рассмотрения в последующих главах.

8. ПОСМЕРТНЫЙ ПУТЬ ДУШИ: МИФ И НАУКА

В предыдущих главах мы детально обсудили переживания смерти и трансперсональные явления, возникающие в ходе психоделических сеансов. Показали их сходство с переживаниями в момент действительного наступления клинической смерти, а также в разных ситуациях, чреватых летальным исходом. Теперь мы воспользуемся этими наблюдениями, чтобы исследовать спорные

проблемы существования сознания по ту сторону смерти, жизни после смерти и загробного путешествия души. Глубокая убежденность в наличии потустороннего мира несомненно облегчает процесс умирания, хотя само по себе это наличие не является достаточным обоснованием справедливости данных концепций в глазах большинства жителей Запада, постоянно устремленных к знаниям и правде. Основным критерий для принятия или отбрасывания той или иной идеи в нашей культуре -- соответствие этой идеи научным данным и сегодняшнему уровню знания.

В современной литературе по психологии и психиатрии концепции посмертного существования и загробного путешествия души рассматривались, в основном, как проявление примитивного магического мышления или как выражение неспособности признать факт бренности и смерти. До недавнего времени подобные описания странствий души едва ли вообще воспринимались, как реальность, за которой может стоять определенный опыт, а не как фантазии, продуцируемые желанием. В настоящее время мы начинаем понимать, что западная наука несколько поспешила с вынесением обвинительного приговора древним системам мышления. Если тщательно и непредвзято исследовать отчеты, описывающие субъективные переживания состояния клинической смерти, то можно убедиться, что они содержат обширные доказательства того, что различные эсхатологические мифологии представляют

собой реальную картографию необычных состояния сознания, испытанных умирающими. В результате проводимых в течение двух последних десятилетий психоделических исследований были получены важные феноменологические и нейрофизиологические данные. Они указывают на то, что переживания, происходящие перед, во время и после смерти и в которых присутствуют сложные мифологические, религиозные и мистические эпизоды, вполне могут представлять собой медицинскую реальность. Ниже мы попытаемся объединить древние знания и мифологию дописьменных культур с новейшими сведениями клинических и лабораторных исследований и предложить новый подход к пониманию переживаний, связанных со смертью.

В различных культурах концепция загробного существования имеет множество конкретных форм. Но лежащая в ее основе фундаментальная идея остается одной и той же: смерть не является абсолютным концом человеческого существования, а жизнь или сознание в том или ином виде будет продолжать существовать после физической кончины тела. Иногда образ потустороннего мира носит вполне конкретный, реальный характер, не слишком-то отличающийся от земного.

Чаще, однако, запредельные области обладают особыми чертами, не характерными для всего известного на земле. Вне зависимости от степени знакомства с реалиями той сферы, куда попадает душа, ее путь в загробный мир часто рассматривается, как сложный процесс перехода и метаморфоз, - через многие уровни и области.

Сравнительное изучение концепций потусторонней жизни и загробного пути души выявляет поразительные совпадения между культурами и этническими группами, географически и исторически разделенными. Повторение определенных мотивов весьма примечательно. Идея существования конечного приюта всех праведных по ту сторону жизни—в раю или на небесах—возникает во многих вариациях. Так, в христианской традиции существует два разных представления о Небе. Первое отражает теологическую и метафизическую концепцию небес как царства, в котором ангельские чины и святые наслаждаются присутствием Бога, созерцая Его бытие. Символика, связанная с данной концепцией, объединяет

еврейский образ этого царства с древнегреческими представлениями о концентрических небесных сферах и о духовном пути. Представления же о рае или Саде Любви базируются на мифе о Золотом веке и на образе Эдемского сада. И здесь

символика включает в себя некое географическое местоположение, элементы девственной природы, золотые стены и дороги, вымощенные изумрудами.

Коран обещает правоверным раю, отражающий вкусы мужской части арабского населения. Он представляет собой прекрасный оазис с садами, реками и цветущими деревьями. Мужчины одеты там в шелковые одежды и возлежат на кушетках, наслаждаясь фруктами и вином. Многочисленные толпы черноглазых гурий услаждают правоверных мусульман. Удовлетворив сексуальные желания своих повелителей, они вновь обретают девственность. Античные греки верили в существование островов Блаженных и Елисейских полей, находящихся по ту сторону Атлантического океана, на краю земли. Там прекрасный климат, не бывает дождя, снега или сильного ветра, а плодородная почва трижды в год рождает фрукты, сладостью подобные меду. Орфики, считавшие, что спасение заключается в освобождении от материи и земных оков, рассматривали Елисейские поля, как место радости и отдыха для чистых духов. Вначале эти поля покоились в подземном мире, заполненном странным сиянием, а затем в верхних областях неба.

Ацтеки различали три разных рая, куда устремлялись души после смерти. Первым и самым низким из них был Тлалокан -- страна воды и тумана, место изобилия, благословенности и покоя. Счастье, испытываемое там, было весьма похоже на земное. Мертвые пели песни, играли в чехарду и ловили бабочек. Деревья сгибались под тяжестью фруктов, на земле обильно росли маис, тыква, зеленый перец, помидоры, бобы и цветы. Тлилан-Тлапал-лан был раем для посвященных, последователей Кецалькоатля -- бога-короля, символизирующего воскресение. Этот рай характеризовался, как страна бесплотности, предназначенная для научившихся жить вне своего физического тела и не привязанных к нему. Высшим раем являлся Тонатлиухкван или Дом Солнца. Судя по всему, здесь обитали лица, достигшие полного озарения. Привилегированные, избранные ежедневными спутниками Солнца, жили полной наслаждения жизнью.

В нордической традиции доступ в Валгаллу завоевывался воинской отвагой. Днем воины состязались в единоборстве, а ночью пировали, запивая свинину медом. Индийская мифология насыщена образами небес и райских мест. Согласно древней ведической

традиции. Яма, вождь мертвых, правил в царстве света, расположенном на внешнем небе. Пребывание там всех умерших героев было безболезненным и беззаботным. Они наслаждались музыкой, исполнением сексуальных желаний и чувственными радостями. В индуизме заоблачные мифы являются областями красоты и радости, населены разнообразными божествами. Доступ сюда обретался соответствующим образом жизни и правильным выполнением ритуалов. Буддийские концепции, касающиеся места отдохновения души, во многом базируются на индийской мифологии. В буддизме махаяны имеется строго разработанная иерархия райских областей, населенных божествами и духовными существами. Однако не эти небеса являются конечной целью буддийской религии и философии; они представляют собой временные места отдыха для тех, кто еще не готов отбросить свои желания, привязанности и достичь полного освобождения от оков личности.

Образ рая, как места обитания мертвых, существует во многих местных* туземных культурах. Так, например, некоторые племена североамериканских индейцев, типа

аджибуев, чокто и сиу, верят, что покойники живут там, где заходит солнце или происходит удачная охота. Некоторые из эскимосских племен видят своих усопших в лучах северного сияния, радостно играющих с головой кита. В мифологической картине мира африканской народности тумбука, населяющей Малави, существует область духов, расположенная в подземном мире, где умершие вечно остаются молодыми и никогда не бывают несчастными или голодными.

Так же повсеместны представления об аде или чистилище, то есть месте, где усопшие будут подвергнуты бесчеловечным пыткам. В еврейской традиции мертвецы идут в Шеол, являющийся колоссальной ямой или городом, окруженным стенами, «страной забвения», «страной молчания». Там они живут в темноте и невежестве, окутанные пылью, покрытые червями и забытые Иеговой. Геенна— это глубокая долина, заполненная полыхающим огнем, где грешники мучаются в пламени. Христианская картина ада включает в себя иерархию злых чертей, подвергающих проклятых пыткам физической болью, удушением и жарой. Ад расположен глубоко под землей. Входы в него находятся в темных лесах,

- Имеются в виду североамериканские.—Прим. перев.

вулканах, туда ведет также разинутая пасть Левиафана. В Апокалипсисе упоминается озеро, горящее огнем и серой -- последнее местопребывание «боязливых и неверных, скверных и убийц, любодеев и чародеев, идолослужителей и всех лжецов». Реже в качестве орудий пытки описываются холод и лед, что соответствует средневековым представлениям о холодном аде, а также последним кругам ада Данте. Пронизывающий холод также характерен для Нифльхейма, нордического подземного мира, управляемого свирепой и безжалостной богиней Хель. Картина ада в исламе весьма соответствует аналогичным образам иудео-христианской традиции, из которой она и возникла.

Греческий подземный мир Аид являлся областью безотрадной тьмы. Гомер описывал его, как «ужасную обитель запустенья, которой страшатся сами боги». Аид расположен либо глубоко под землей, либо на крайнем западе. Главная река подземного царства—Стикс, через которую Харон перевозит мертвых. Те же, кто лично оскорбил Зевса, заключались в бездонную пропасть—Тартар, где подвергались ужасающим мучениям. Страдания Прометея, Сизифа, Тантала и Иксиона были поистине титаническими. В персидском зороастризме ад расположен на крайнем севере, в глубинах земли. Это мрачное место, грязное, вонючее и кишашее демонами. Там души проклятых, «последователей лжи» должны пребывать после смерти в мучениях и горе, пока не будет уничтожен сам Ариман, Владыка Мрака. Подземный мир ацтеков -- Миктлан являлся царством абсолютной тьмы, управляемым ужасным владыкой мертвых Миктлантекутли. Его лицо закрывалось маской, в форме человеческого черепа; черные курчавые волосы были усеяны глазами, подобными звездам, а из уха торчала человеческая кость. В ацтекской традиции судьба индивида после кончины предопределялась не его поведением, а занимаемым положением и характером смерти. Те из умерших, которые не попадали ни в один из видов рая, подвергались в Миктлане ряду магических судилищ. Они должны были пройти через девять видов ада перед достижением последнего прибежища. Эти разновидности ада не следует рассматривать, как места, куда грешники попадали для наказания. Они считались необходимым промежуточным этапом в цикле творения. Сам космический процесс предопределял погружение всех созданий в материю и затем возвращение к свету и творцу.

В индуизме и буддизме существуют многочисленные виды ада. Подобно таковым раю, они являются не областями, где умершие остаются навеки, а просто переходными стадиями в цикле рождения, смерти и возрождения. пытки, переживаемые в этих преисподнях, по крайней мере, столь же многообразные, дьявольские и изобретательные, как и описанные в других традициях.

Еще одной повторяющейся темой в эсхатологической мифологии является Суд над мертвыми. Христианское искусство изобилует образами дьяволов и ангелов, сражающихся за душу умершего, а также изображениями Страшного Суда с праведниками, поднимающимися в небеса, и проклятыми, опускающимися в пасть ада. В исламе два ангела—Мункар и Накир -- приходят испытать и допросить усопшего. Те, кого сочтут правыми, освежаются воздухом и благовониями, для них открываются врата рая. Порочные облакаются в одежды ада, и перед ними распахиваются двери преисподней. Их охватывают жара и тлетворные испарения;

могила закрывается над ними, круша ребра. Они обречены пребывать там в муках вплоть до дня воскресения из мертвых. Мусульманская традиция описывает также Сират - мост над преисподней «тоньше волоса и острее клинка», по которому должны пройти все отошедшие. Верные способны удержать равновесие и успешно миновать его. Неверные поскользнутся и упадут в адскую бездну. Переход по мосту играет важную роль также и в зороастризме. Божество по имени «праведный Рашну» взвешивает дурные и праведные дела умерших. После этого душа умершего проходит особые испытания: она должна попытаться пересечь Син-вато Парату или «Мост Разделения». Праведные легко переходят по мосту к вечному блаженству, а грешников хватает демон Визарш.

Самые ранние описания Суда над Мертвыми Обнаружены в погребальных текстах, известных как «Египетская книга мертвых», датированная приблизительно 2400 годом до н.э. Сцена суда, психостасис, происходит в Зале Двух Истин или Зале Маат. Сердце умершего помещают на чашу точнейших весов, на другую кладут перо богини Маат, символ истины и справедливости. Весами управляет бог Анубис с головой шакала, а рядом бог мудрости и небесный писец Тот с головой ибиса записывает, подобно бесстрастному судье, приговор.

Трехчленное чудовище Аметет (крокодил—лев—гиппопотам), Пожиратель Душ, стоит здесь же, готовый проглотить осужденного. Праведных Гор представляет 0':н-рису,

допускающему их к благам своего царства.

В тибетском варианте сцены суда держатель истины и справедливости называется Дхарма Раджа, «Царь Истины» либо Яма Раджа, «Царь Мертвых». На нем висят людские черепа, человеческая кожа и змея; в правой руке меч разделения, а в левой—зеркало кармы. Оно отражает каждый добрый или злой поступок усопшего, символизируемый белыми и черными камнями, помещенными на разные чаши весов. Из суда ведут шесть карми-ческих путей, каждый—в свою локу, область, где умерший будет рожден заново в зависимости от добродетелей и проступков. Обычными наказаниями в различных преисподнях нижнего мира являются пытки жарой и холодом, разрубание на куски, накаливание на Древо с Шипами, заливание расплавленного металла в отверстия тела или заключение в страшный ад Авичи, где виновные в страшных грехах подвергаются наказаниям в течение неисчислимых лет.

Судьба, ожидающая умерших, часто выражается в категориях дороги, пути, конкретной последовательности событий. Некоторые из этих описаний кажутся несколько наивными, тогда как другие представляют собой усложненную и

изошренную картографию необычных субъективных переживаний. Индейцы племени

гуарайо, живущие в Боливии, верят, что после смерти душа должна сделать выбор между двумя дорогами. Одна из них—широкая и удобная, а другая— узкая и опасная. Душе следует удержаться от искушения и, не прельстившись легким путем, выбрать трудный. Ей приходится пересечь две реки, одну на спине гигантского аллигатора, Другую - на стволе дерева. Во время путешествия душу подстерегают и другие опасности. Ей надо пробираться через темную местность при свете горящей соломинки и пройти между двумя сталкивающимися скалами. После успешного преодоления всех опасностей, душа достигает прекрасной страны, где цветут деревья, поют птицы и где она вечно будет пребывать в счастье.

Согласно традиционным представлениям индейцев племени уичоли, живущих в Мексике, -- в том виде, в каком эта традиция устно передается из поколения в поколение и запечатлена на красочных тканевых рисунках, называемых неарикас, -- путь души в мир духов схож с описанным выше, хотя и более сложен. Первая часть пути проходит по прямой дороге, но около места, называемого «Место Черных Скал», находится развилка. Здесь индеец уичоли, у

которого чистое сердце, избирает правую тропу, а совершивший кровосмешение либо имевший сексуальную связь с испанцем или испанкой, должен отправляться налево. На левой дороге согрешившие индейцы уичоли переживают ряд жутких испытаний. Они протыкаются огромной колючкой, их избивают души людей, с которыми они предавались во время жизни запретным наслаждениям, их сжигает очищающий огонь, дробят сталкивающиеся скалы, они принуждены пить горячую, дурно пахнущую воду, кишашую червями и наполненную грязью. Затем им позволено вернуться к развилке у «Черных Скал» и продолжить свое путешествие по правой тропе, которая приведет к предкам. На этой части пути они должны символически ублажить собаку и ворону, двух животных, с которыми уичоли традиционно плохо обращаются. Потом души встретят опоссума и должны доказать ему, что не ели его мясо -- священное для уичолей. Затем они столкнутся с гусеницей, символизирующей первый сексуальный опыт. У дикого фигового дерева души избавятся от гнета сексуальных органов, получив взамен плоды дерева. После крупного празднества с фигами, майсовым пивом и пейотом, все души объединятся и затанцуют вокруг Татевари («Наш Дед-Огонь»).

Концепция посмертного путешествия уичолей имеет кое-что общее с описаниями древних ацтеков. Согласно ацтекской религии, мертвые проходили ряд испытаний: они должны были переправиться через глубокую реку, охраняемую желтой собакой, пройти между двумя сталкивающимися горами, перебраться через обсидиановую гору, попасть под воздействие ледяного ветра, быть пронзенными острыми стрелами и подвергнуться нападению диких зверей, пожирающих человеческие сердца. Ацтеки прибегали к сложным обрядам, чтобы облегчить посмертные путешествия своих покойных.

Две культуры в истории человечества проявили особое внимание и выказали особое знание, касающееся процесса умирания:

египетская и тибетская. Их священнослужители исполняли непростые ритуалы для облегчения последнего перехода и разработали сложнейшие карты, служащие инструкциями в посмертном путешествии души. В письменной форме данные руководства стали известны на Западе под названиями «Египетская книга мер-

твых»* и «Тибетская книга мертвых». Эти два священных текста являются документами, имеющими самое непосредственное отношение к теме данной главы.

«Египетская книга мертвых»—заглавие собрания погребальных текстов, которые древние египетские писцы составляли на благо знатного покойника. Они состоят из заговоров, заклинаний, гимнов, плачей, магических формул и молитв. «Книга мертвых» была следствием длительного развития религиозных верований и ритуальной практики. Многие из ее частей могут быть прослежены до ранних собраний погребальных текстов, высеченных иероглифами на внутренних стенах некоторых пирамид, расположенных в Сахаре («тексты пирамид»), а позже -- на стенках деревянных гробов («тексты саркофагов»). Первые возникли между 2350 и 2175 годами до н.э. и являются наиболее древними памятниками письменности не только Египта, но всей истории человечества. Однако содержащийся в них материал указывает на еще более древние источники.

От первой до последней строки в текстах проявляется непоколебимая вера египтян в воскресение и бессмертие души. Однако египтологи указали на наличие явного противоречия в этом неоднородном материале. С одной стороны, значительно акцентирована роль бога Солнца и его божественного окружения.

Предположительно, данные тексты предоставляли магические средства, способствующие пути умерших на небо, где они будут вечно наслаждаться благословенной загробной жизнью, сопровождая бога Солнца на солнечной барке.

Но тексты пронизывает и другая, более старая традиция, связанная с древним богом погребения Осирисом**. Мертвец, которого обычно отождествляли с

- Название «Египетская книга мертвых» обманчиво. Тексты, входящие в нее, не составляют всеобъемлющей и связной работы и не принадлежат к одной исторической эпохе, охватывая несколько тысячелетий. Данное заглавие фактически представляет собой перевод названия, даваемого египетскими грабителями свиткам исписанного папируса, который они находили рядом с мумиями: *Китаб аль майитун», что означает «Книга мертвых людей». Древнеегипетское же заглавие было *Перт эм хру», переводимое как «проявление света» либо «наступление дня».

** Осирис, один из четырех божественных отпрысков египетского пантеона, был убит и расчленен своим злым братом Сетом. Его сестра Нефтида вместе с другой сестрой, а также женой Исидой нашли разбросанные в дельте Нила

этим богом, мог быть снова пробужден к жизни. Таким образом, сюда включены ритуалы, исполняемые в процессе бальзамирования и погребения, а также гимны, заклинания, мифы, молитвы и магические заговоры.

Согласно египетской мифологии, бог Солнца Атум-Ра днем проплывает в ладье по небу. В час заката солнечная ладья проходит через горную цепь на западе и ночью продолжает путь через Туат, потусторонний мир и обитель мертвых. Область Туат, называемая Секхет Аару, Тростниковые поля, является царством Осириса, где он живет со своим окружением. Сюда допускались только те, кто благополучно прошел через судилище в Зале Маат (см. стр. 179). Туат подразделялся на двенадцать областей по числу часов, которые солнечная барка проводила в потустороннем мире ночью. Перед входом в каждую из них находились врата, охраняемые тремя божествами-стражами и представляющие особые опасности для обитателей солнечной ладьи. Спутникам бога Солнца приходилось пробиваться сквозь места, озаряемые огнем, где жара, клубы дыма и ядовитых испарений обжигали ноздри и рты. Ужасные существа, фантастические создания и чудовищные змеи подстерегали их по пути.

Самой страшной из опасностей был брат Осириса Сет в образе Аапепа, гигантского змея, пытающегося пожрать солнечный диск. Ежедневно Афу-Ра завершает путешествие через Туат, преодолевает все опасности, с помощью богини-кошки Бастет убивает Аапепа и поднимается над восточными горами, даруя тепло, свет и жизнь. Египтяне полагали, что души умерших проходят через ту же борьбу и превращения, что и Афу-Ра.

«Бардо Твдоль»* или «Тибетская книга мертвых» относится к гораздо более позднему времени, чем ее египетский аналог и, судя по всему, обладает большей логичностью и согласованностью. Впервые она была записана в восьмом веке н.э. Великим

части тела, собрали их в сыромятную кожу и воскресили Осириса с помощью его сына Гора. В последовавшей затем яростной битве Гор убил Сета и отомстил за отца. Легенда о смерти и воскресении Осириса является ключом для понимания его роли в древнеегипетской мифологии, связанной со смертью, и в мистериях смерти-возрождения. * «Бардо Тедоль» дословно означает «Освобождение, достигаемое слушанием о посмертной стадии существования».

Гуру Падмасамбхавой, принесшим в Тибет тантрический буддизм. Однако она включает в себя куски значительно более древней устной традиции. «Бардо Тедоль» является руководством для умирающих и умерших, наставлением, помогающим отправившимся в путь определять различные фазы промежуточного состояния между смертью и новым рождением и достичь освобождения. Всего тибетцы различают шесть так называемых промежуточных состояний или бардо. Первым является естественное бардо—период внутриутробного существования. Вторым—бардо, в котором пребывают во время сна. Третье бардо достигается в состоянии экстатического равновесия во время глубокой медитации. Оставшиеся три бардо, детально описанные в «Тибетской книге мертвых», связаны со смертью и новым рождением: бардо момента смерти; бардо, когда в состоянии, подобном сну, наступающему за смертью, переживаются кармические иллюзии; и, наконец, бардо процесса возвращения в существование в сансаре путем устремления к новому рождению.

Первая часть «Бардо Тедоль» -- «Чикай Бардо» -- описывает события, происходящие на психическом плане в момент смерти. Три главных признака возвещают о наступлении смерти: телесное чувство давления («земля погружается в воду»), превращение сковывающего холода в лихорадочную жару («вода погружается в огонь») и возникновение ощущения, словно тело разрывается на мельчайшие частицы («огонь Погружается в воздух»). В момент кончины умирающие видят «Изначальный ясный свет» или «Чистую реальность». Если они не охвачены всепоглощающим напряжением, то могут мгновенно достичь освобождения. Если же замешкаются, -- позже им снова представится подобная возможность, в тот момент, когда над ними засияет второй источник ясного света. Упустив и эту возможность, они должны будут проходить через трудную для понимания последовательность духовных событий, в ходе которых их сознание постепенно все более отдаляется от освобождающей истины по мере приближения к новому рождению.

В «Чениид бардо» или «Бардо испытания реальности» описывается обозрение умершими целых пантеонов мирных божеств, озаренных разноцветным сиянием, стражей дверей, яростных божеств, хранителей знания и йогини четырех центральных точек. Одновременно с поглощающим все внимание умершего

присутствием данных божеств он воспринимает тусклые разноцветные

источники света, указывающие на отдельные локи или миры, в которых может произойти новое рождение: мир богов (девалока), мир титанов (асуралока), мир людей (манакалока), мир животных (тирьякалока), мир голодных привидений (преталока), мир преисподней (наракалока). Притяжение к этим тусклым источникам света способно помешать духовному освобождению и указать на склонность к повторному рождению.

Если человек упустил возможность достичь освобождения во время пребывания в двух первых бардо, он переходит в состояние, описываемое в части книги, озаглавленной «Сидпа Бардо» или «Бардо стремления к повторному рождению». Находящихся на этой ступени умерших предупреждают, чтобы они не желали чудесных кармических способностей, которыми они, как им представляется, обладают в этот момент, и не привязывались к ним. Их тонкие тела, не отягощенные грубой материей, наделены способностью беспрепятственно передвигаться и проходить сквозь плотные предметы. Они могут появляться и исчезать по желанию, менять свои размеры, форму, умножаться и мгновенно переноситься в любое место.

Чувство счастья или горечи, испытываемые в «Сидпа бардо», зависит от кармы умершего. Люди с грузом дурной кармы будут мучиться в данном типе бардо от страха: ужасающих криков, видений людоедов-ракшасов, бряцающих оружием, хищных тварей и разъяренных стихийных сил природы вроде сталкивающихся и крошащихся скал, разбушевавшегося, захлестывающего все моря, гудящего пламени, зловещих расщелин и пропастей. Те же, кто стяжал кармические добродетели, будут наслаждаться различными удовольствиями, а лица с нейтральной кармой столкнутся с бесцветной тупостью и однообразием. Важной частью этого вида бардо является сцена Суда (см. стр. 180), когда Царь или Судья Мертвых Яма Раджа с помощью кармического зеркала обзирает все поступки умерших и определяет им соответствующую участь.

Во время пребывания в «Сидпа бардо» человек тщетно будет пытаться вновь войти в свое мертвое тело, он найдет его разложившимся или кремированным, захороненным, замерзшим, утонувшим, сожраным хищниками или птицами. В данный момент индивиду важно понять, что все это - лишь бред, производное сознания и, в сущности, ничто. Если этого не произойдет, неизбежно повторное рождение и, возможно, потребуется бесчисленное количество эпох, чтобы все же выйти из трясины бедствия. Когда

перед умершими возникает заря огней шести лок, можно предпринять попытку закрыть врата чрева. «Бардо Тедоль» предлагает несколько способов достижения такой цели: умолять своего бога-покровителя; попытаться постичь, что все возникающее -- на самом деле не что иное, как иллюзия, начать медитацию, обращенную к ясному свету; сосредоточиться на цепи добрых дел и положительной карме; избегать влечения к видениям совокупляющихся мужчин и женщин; стремиться к отрешенности от подчинения двойственным эдиповым связям с будущими родителями. Если освобождение не произошло, человек при помощи ярких иллюзий будет неотвратимо направляться к новому рождению. На этом этапе начинают возникать различного рода признаки, указывающие на характер локй, возможного места рождения. При соответствующем направлении своих действий индивид, уже упустивший массу возможностей достичь освобождения в трех бардо, все же в состоянии повлиять на выбор чрева, в котором ему предстоит родиться.

У египетской и тибетской «Книги мертвых» были аналоги в нашей собственной культурной традиции, что мало кому известно. К концу

средневековья работы, обозначаемые общим названием «Ars Moriendi», то есть «Искусство смерти», принадлежали к самой распространенной литературной форме во многих европейских странах, особенно в Австрии, Германии, Франции и Италии. Подобный активный интерес к проблемам смерти во многом являлся следствием общей неустойчивости жизни в средние века. Уровень смертности был избыточен: люди тысячами погибали во всевозможных войнах, во время путешествий, от массового голода, эпидемий и антисанитарных условий жизни. Гибель четверти, трети или даже половины всего населения от вспышек чумы не была в то время редкостью. Люди постоянно сталкивались со смертью своих близких, друзей, соседей, и зловещий звук колоколов, возвещавших о кончине, слышался по-прежнему непрерывно. Погребальные шествия и процессии были повседневной реальностью. Массовые погребения, сжигание трупов, публичные казни наряду с сожжениями еретиков и подозреваемых в ведовстве проводились с широким размахом. Разложение и распад, далеко зашедшие и охватившие социальные, политические и религиозные структуры европейских стран, также способствовали развитию эсхатологической литературы. И схоластическая, и мистическая традиции отдали дань этому жанру. Многие выдающиеся теологи считали тему достаточно важной, чтобы посвящать ей время и силы.

В целом литература, относящаяся к «Ars Moriendi», распадается на две большие группы: первая занимается, в основном, вопросами значения смерти в нашей жизни; вторая—более конкретно сосредоточена на вопросах, связанных с переживанием реальной физической кончины, приготовлениями к ней и на уходе за умирающим.

Произведения первой группы правильнее было бы называть «Ars Vivendi» или «Искусство истинной жизни». Повторяющейся темой во многих произведениях этого типа является размышление о смерти, ведущее к презрению по отношению к миру. Ключевая проблема человеческого существования наилучшим образом выражена в латинском изречении «mors certa, hora incerta», то есть «самое определенное в жизни -- смерть, самое неопределенное -- ее час». Поэтому каждое мгновение следует жить так, словно оно—последнее. Страх смерти—начало всякой мудрости, он вносит в жизнь человека постоянную настороженность и стремление избежать поведения, способного привести к плохим результатам. Нам следует заботиться о том, чтобы жить не как можно дольше, а как можно правильнее. Произведения, осуждающие мир, в символических образах, с помощью притч и метафор описывают бренность и ничтожность всех земных целей. Особо излюбленными мишенями литературы «contemptus mundi*» являлись сильные мира сего. В них часто возникали и чины церковной иерархии: епископ, кардинал, папа; и мирские властители: судья, герцог, король, император. Тот факт, что даже такие выдающиеся личности подчиняются той же неизбежной жизненной схеме, как и все прочие, часто использовался в качестве решающего доказательства правильности изречения Соломона: «Суета сует, -- все суета*. Сильнейшим доводом для презрения к миру было раздумье над уродством смерти и натуралистическое описание человеческого тела, находящегося на различных стадиях гниения и биологического разложения*. Не стоит стремиться к земным

• Данные, полученные в ходе исследований, проводимых с использованием ЛСД, проливают совершенно новый свет на средневековую поглощенность

радостям, власти, богатству, ибо все это обернется горечью в час кончины. Взамен следует сконцентрироваться на трансцендентальной действительности.

Тема смерти, столь мощно прозвучавшая в художественной прозе, посвященной раздумьям над кончиной и презрению к миру, нашла выражение в поэзии в виде многочисленных стихов на тему «Memento top», напоминающих людям об их бренности. Особенно интересными были полемические стихи (Streitgedich-te), представлявшие философские и религиозные вопросы жизни и смерти в виде диалогов, ведущихся с различных точек зрения между человеком и смертью, миром и человеком, жизнью и смертью, душой и телом, умирающим и дьяволом. В стихах на тему «Vado mori», то есть «Я иду к своей смерти», умирающие представители различных социальных групп или символические персонификации разных человеческих качеств делились своими чувствами и размышлениями. Такие стихи во многих отношениях являются предшественниками текстов, которые использовались во время «танцев смерти» (dances macabres, Totentanze). Эти «танцы смерти», распространившиеся во многих европейских странах в масштабах эпидемии, были самым впечатляющим выражением озабоченности тематикой смерти из-за странной силы их психологического воздействия, преодолевающего барьеры пола, возраста и социального положения.

Вторая группа средневековых работ, связанных со смертью, включает в себя тексты, посвященные реальным переживаниям умирающих, а также искусству руководства и помощи отходящим на их последнем пути. Это и есть литература на тему «Ars Mori-endi» или «Искусство смерти» в более узком смысле. Ее истоки

проблемами смерти и отрицательными сторонами существования, прежде обычно рассматривавшиеся в контексте социальной патологии, как проявление в целом пессимистических воззрений, враждебных жизни. С этой точки зрения интересно отметить сильнейшее сходство между основными темами литературы, размышлявшей о смерти и осуждавшей мир, с феноменологией кризиса существования, связанного с ситуацией отсутствия выхода на перинатальном уровне (см. стр. 63). Согласно результатам клинических исследований, полученных в ходе психотерапии с использованием ЛСД, глубокое личное столкновение с наиболее пугающими и отвратительными сторонами человеческого существования не только открывает дверь в духовные миры, но фактически может привести к качественно новому способу существования в мире.

прослеживаются вплоть до конца XIV века, когда уровень смертности достиг критических размеров, а священники физически не могли лично посещать всех больных, чтобы подготовить их к смерти. В результате многие умирали без духовной помощи «во скопище своих грехов». В таких условиях обеспокоенными представителями церкви заинтересовались вопросом подготовки живых к кончине. Обучением искусству проповеди и всему, что следовало знать о смерти и последних делах человека, занялись, в основном, францисканцы и доминиканцы.

«Ars Moriendi» было первоначально составлено в качестве пастырского наставления молодым священникам с целью их подготовки для работы с умирающими. Позже, когда число священнослужителей все же оказалось недостаточным, тексты были переведены на народный язык, чтобы сделать их доступными мирянам.

Хотя, на первый взгляд, число этих руководств по проблемам, связанным со смертью, представляется поистине необозримым, многие из них, в сущности, являются незначительно различающимися переводами либо вариантами нескольких первоначальных источников. Представляется возможным вычленив из работ по «Ars Moriendi» несколько основных ходов мысли, а также определенные

повторяющиеся темы. Некоторые из них имели более формальный характер, представляли собой относительно устоявшуюся систему определенных вопросов, адресованных умирающим, на которые требовалось дать «правильные» ответы; стандартный набор конкретных указаний и увещаний, образцы молитв к Богу, Христу, Марии и архангелу Михаилу. Этот аспект заботы об умирающих самым прямым образом вытекал из ортодоксальных учений, и традиционные христианские представления оказали на него непосредственное воздействие. Однако другие части текстов были связаны с фактическими переживаниями в процессе умирания, хотя и расцвечивались христианской символикой. Из описанных там переживаний особого внимания заслуживают явления, обычно определяемые, как нападение Сатаны. Они возникали в особых состояниях сознания, испытываемых умирающим в последние часы жизни. Церковные власти объясняли их, как следствие попытки дьявола совратить души с пути на небо, вмешавшись в столь важный и критический момент. В большинстве наставлений разбираются пять видов нападения дьявола: серьезные сомнения относительно веры; отчаянье и мучительные угрызения совести; нетерпение и раздражительность вследствие страданий;

высокомерие, тщеславие, гордыня; жадность, алчность и прочие земные заботы и привязанности. В некоторых текстах нежелание смириться с приходом смерти добавляется к пяти перечисленным выше. Данным козням дьявола противостоят Божественные воздействия, заранее дающие умирающему возможность ощутить вкус рая, ощущение предстания перед Высшим Судом, чувство получения помощи свыше и обещание спасения*.

Еще один важный аспект литературы «Ars Moriendi»—наличие точных указаний уходящему и лицам, поддерживающим его, как себя вести в последние часы. Большинство средневековых наставлений по смерти согласны в том, что подготовка умирающего в решающей степени зависит от создания нужного состояния духа и правильного отношения к кончине. Весьма важно не подавать пустых надежд в отношении выздоровления. Напротив, следует всячески помогать отходящему посмотреть прямо в лицо смерти и принять ее. Неприкрытое признание ее наступления считалось абсолютно необходимым, и избегание его числилось одной из главных опасностей для человека. В некоторых наставлениях ясно сказано: у наставляющих вызывает меньше возражений и, с их точки зрения, умирающему будет причинено менее вреда, если помогающие ему в последние часы, вызовут— пусть и ненужное -- чувство страха за жизнь. Это лучше, чем позволить отгородиться от реальности и в результате умереть неподготовленным.

-
- Более пристальное исследование этих описаний выявляет, что данная феноменология процесса умирания обладает всеми основными чертами ранее разбиравшихся здесь перинатальных переживаний. Беспомощность, отчаянье, чувство вины, ощущение неполноценности типичны для матрицы «отсутствие выхода». Раздражительность, агрессивность, импульсивность, жадность, чувство собственности, похоть, наряду с элементами Суда относятся к борьбе смерти-возрождения. Цепляние за земные достижения и личную гордыню, а также нежелание подчиниться процессу наступления смерти являются труднейшими психологическими препятствиями для наступления смерти эго и переживания возрождения. Видения божественного, ощущения благословения, искупления, спасения, а также иные элементы связи с высшими мирами в таком случае суть признаки завершения родового процесса. Эти далеко идущие параллели указывают на то, что многие из

описаний в наставлениях для умирающих следует считать скорее картографией, базирующейся на опыте, чем произвольными символическими построениями.

Египетская и тибетская «Книги мертвых», наряду с литературой «Ars Moriendi», неизбежно подвергались воздействию соответствующего культурного и религиозного круга, а также особым требованиям своего исторического времени и места. Однако для широко мыслящего исследователя эти работы явятся уникальным источником информации о человеческой психике и сознании. Многие из описаний необычных состояний, переживаемых умирающими, и некоторые из положений, добытых опытным путем и постулируемых в подобной литературе с недавних пор начали получать неожиданное подтверждение в ходе современных клинических и лабораторных исследований. Возможно, что в не слишком отдаленном будущем эти постулаты будут заново сформулированы в сегодняшней терминологии.

Описания духовных путешествий, как в корневых мифологических представлениях, так и в изощренных интерпретациях, типа встречаемых в тантрическом буддизме, в прошлом весьма редко привлекали внимание западных ученых. На ситуацию сколько-нибудь заметно не повлияло даже то обстоятельство, что субъективные описания смерти или переживания близких к ней состояний, наряду с наблюдениями врачей и медсестер, полученными у постелей умирающих в нескольких существующих исследованиях, были во многом схожи с древними исконными описаниями феноменологии смерти. Нам следует упомянуть, по крайней мере, два важных исключения: Карла Густава Юнга, который в результате своих обширных работ в области сравнительной мифологии, необычайно развитой интуиции и собственного переживания соприкосновения со смертью признал выдающуюся ценность «Бардо Тедоль», и аналогичных текстов, описывающих посмертный опыт для понимания человеческого сознания. А Олдос Хаксли в книге «Рай и ад», основываясь на данных собственных психоделических переживаний, выдвинул предположение, что такие представления, как рай и ад, являют собой субъективную реальность и могут быть пережиты весьма конкретным и убедительным образом при необычных состояниях сознания, вызванных либо препаратами, либо различными эффективными методиками, не включающими в себя их принятие.

Клинические исследования ЛСД дали нам обильные доказательства, подтверждающие идею Хаксли. Лица, неискушенные в антропологии и мифологии, без всякого программирования переживали образы, эпизоды и даже целые тематические последовательности, отмеченные поразительным сходством с описаниями загробного

пути души, а также мистерий смерти-возрождения, существующих в различных культурах. Психоделические препараты позволили развить новое понимание переживаний, имеющих место во время клинической смерти, и движущих сил символического процесса смерти-возрождения, происходящего в ходе обрядов посвящения в шаманы, ритуалов перехода, храмовых мистерий и некоторых шизофренических эпизодов. Углубленный феноменологический анализ показывает, что расширенная карта человеческого подсознания, извлеченная в результате проведения исследований ЛСД, действительно применима ко всем этим ситуациям.

Некоторые из переживаний людей, приблизившихся к смерти, носят чисто абстрактный и эстетический характер. Карлис Осис показал в своем исследовании, что видения прекрасных цветовых образов и орнаментальных схем являются весьма обычными у таких лиц. В переживаниях умирающих также часто присутствует психодинамический уровень подсознания. Они довольно регулярно с

различной степенью интенсивности испытывают возрастную регрессию и вновь переживают важные эпизоды из прошлой жизни либо обзеревают всю жизнь в целом. Иногда умирающим приходится прорабатывать проблемы с различного рода ин-трапсихическими или межличностными конфликтами, освобождаясь от эмоциональных привязанностей. Многие важные явления, связанные с процессом кончины, судя по всему, зарождаются на перинатальном уровне. Переживания космического единства, пребывания на небесах, в раю возникают в тесной связи с ощущениями зародыша на перинатальной стадии существования. Встреча с различными образами ада совпадает с ситуацией «отсутствия выхода», относящейся к первой клинической стадии родов. Концепция чистилища, видимо, возникает во время протекания борьбы по типу переживания смерти-возрождения, связанного с прохождением сквозь родовый канал на второй стадии родов. В таком контексте некоторые люди проходят сквозь потрясающие переживания по типу «Суда над Мертвыми». Типичные сцены спасения и избавления кажутся совпадающими с моментом биологических родов. Так тема нисхождения в подземный мир и последующий выход из него, столь характерная для эсхатологической мифологии—в рамках данной методики, -- соотносится с

процесса) и сдвигом от борьбы смерти-рождения или возрождения к переживанию по типу смерти-возрождения (завершение родов). Многие дополнительные аспекты странствий души после смерти связаны с трансперсональными явлениями типа столкновений с различными добрыми и злыми божествами, сражений с демонами, встреч с предками, отождествления с разными животными, сверхчувственного восприятия, астральных выходов и, особенно, повторения того, что представляется памятью о прошлых воплощениях.

Одна важная сторона наблюдений, полученных в ходе психоделических исследований, заслуживает особого упоминания. В переживаниях, вызванных приемом ЛСД и ДПТ, не только присутствовали сюжеты, идентичные обнаруживаемым в эсхатологической мифологии, обрядах перехода, а также мистериях смерти-возрождения, но эти сюжеты часто переживались в формах специфической символики, характерной для данной конкретной культуры. Так, например, восприятие небес, преисподней или судилище мертвых у европейцев или американцев совсем не обязательно соответствовало канонам иудео-христианской культурной традиции, как можно было ожидать. Случалось, что неискушенные люди детально описывали сюжеты из индуистской, буддийской и джайнистской мифологий или же многоплановые сцены из малоизвестной «Египетской книги мертвых», отображающие сражение команды Солнечной барки с врагами во тьме Туат. Аналогии с некоторыми из переживаний, описанными в тибетской «Бардо Те-доль», оказались настолько поразительны, что в середине шестидесятых годов Лири, Мецнер и Алперт рекомендовали этот священный текст для использования в качестве руководства в ходе психоделических сеансов. Эпизоды, связанные со смертью-возрождением, могут переживаться некоторыми лицами в контексте библейских представлений, как отождествление с крестными муками, смертью и воскресением Христа. Однако другие на данной стадии отождествятся с Осирисом, Дионисом или людьми, приносимыми в жертву солнечному божеству ацтеков Вицлипуцли. Заключительный удар, вызывающий смерть эго, может восприниматься, как наносимый ужасающей богиней Кали, Шивой-разрушителем, вакханками или древнеегипетским Сетом. Символика соответствующего культурного контекста, возникающая в переживаниях, бывает

весьма конкретной и детализированной. Зачастую природа и истоки возникшей информации остаются загадкой, несмотря на наши усилия выяснить их.

Последовать примеру Юнга и определить все эти феномены, как архетипы, означает просто

наклеить на них удобный ярлык, что не решает проблемы.

В нижеследующем материале мы проиллюстрируем параллели, существующие между состояниями, вызванными ЛСД и субъективным опытом настоящего соприкосновения со смертью, пользуясь описаниями двух случаев из жизни тех, кто пережил обе ситуации. Они показывают существование не только феноменологического сходства между символической и физической встречей со смертью, но и то, что опыт смерти в ходе психо-делических переживаний способен изменить отношение и подход индивида к действительной угрозе жизни. Первый пример -- история Беверли, молодой студентки, с которой мы встретились в ходе проводимого нами семинара на тему «ЛСД и соприкосновение человека со смертью». Она рассказала ее в ходе обсуждения в группе и записала ее для нас, разрешив использовать в этой книге. История представляет особый интерес, поскольку Беверли приняла ЛСД по собственной инициативе вне рамок лечебной работы. Далее следует отрывок из письма Беверли:

Вот отчет о переживании мною состояний смерти-воскресения, который вы просили в Институте Наропы. Я попытаюсь описать все самым подробным образом, надеюсь, однако, не затянуть и не быть чересчур скучной.

В августе 1969 года я приняла таблетку «веселой» кислоты. Прежде я читала много книг по философии, религии и метафизике, и это, возможно, несколько повлияло на то, что переживание носило скорее «всемирный», нежели «психоделический» характер, обычный для моих предыдущих опытов приема ЛСД. Толчком к началу переживания стала концентрация на мандале, пространство около центра которой было заполнено линиями, а в самом центре находилась надпись: «Это здесь*». Как и можно представить, находясь под действием кислоты, я начала воспринимать этот образ, как врата к разнообразным ключевым откровениям. Всю свою жизнь я беспрестанно стремилась к чему-то, что все время находилось здесь же, прямо перед глазами. Я как бы подшучивала над собой и это казалось смешным и одновременно приносило облегчение.

Затем я видела образы божественных или небесных существ и явно ощущала их присутствие. Они как бы говорили: «Послушай, дай нам показать тебе, что все это означает». Одновременно они манили меня все дальше и дальше, открывая тайны Вселенной, которая тут же непрерывно разворачивалась передо мной. В то же время эти существа были как бы основой внутренней природы всех вещей, существуя внутри и за пределами всего одновременно. Мне казалось, я вспоминаю что-то, что уже знала еще до рождения, но забыла, приняв физический и ментальный миры за единственную реальность. Данная часть переживания была весьма стимулирующей, но затем явилась мысль:

«Что ж, если это верно в отношении к Жизни, то как же быть со Смертью?»

Приблизительно в то же время мы решили покинуть жилище моего приятеля, где прошла первая часть переживания, поскольку там же находились его родители, и поэтому возникало навязчивое беспокойство. Мы отправились на автобусную станцию и сели в машину, отправляющуюся в Филадельфию. Когда мы были уже в автобусе, разразилась гроза, а погода была очень жаркой и влажной. Казалось, я находилась на каком-то материке среди хаоса и разрушения; земля

тряслась под ногами; на нее один за другим обрушивались водяные валы. Постепенно начало доминировать ощущение, что все, включая меня, должны погибнуть. Но удивительно -- в этом чувстве была какая-то глубокая красота. Автобус въехал на мост, и я почему-то решила, что гибель придет, когда он достигнет середины. Ситуация казалась безвыходной, но устраивать сцену было бы слишком рискованно. Однако каким-то образом я все-таки сознавала, что все это может явиться следствием ранее принятого ЛСД, хотя одновременно страхи не представлялись чем-то оторванным от действительности. Я помню, что сдалась и позволила переживаниям продолжаться, вне зависимости от того, погибну я вскоре или нет, так как в тот момент все же не была убеждена в беспочвенности своих страхов. В мозгу начали возникать картины рушащегося моста, автобуса, погружающегося на дно реки, и я видела свое тело утонувшим, а душу -- вылетевшей из него. В это время автобус благополучно пересек мост, дождь чудесным образом прекратился, и появилось солнце. Все выглядело чистым и искрящимся. Я чувствовала себя заново рожденной, и в определенном смысле так оно и было, -- ведь переживание произвело серьезное воздействие на мое сознание и жизненную цель.

Два года спустя я попала в автомобильную аварию. Меня выбросило из машины, а она каким-то образом пошла юзом, и колесо наехало мне на спину. Помню, что когда его давление стало невыносимо, я думала о том, что не стоит беспокоиться о смерти. Мне кажется, во многом это -- следствие опыта, обретенного из-за приема ЛСД и показавшего мне, что сознание или жизнь продолжают существовать и после кончины. Все это значительно смягчило испытываемый страх, и я просто как бы расслабилась, позволив событиям идти своим чередом, поскольку ситуация была безвыходной. В момент капитуляции я ощутила, как жизненная сила покидала тело, начиная со ступней и поднимаясь вверх через все члены, вытекала в области головы. Затем основа «бытийности» оказалась как бы в области чистого блага и полной Свободы. Не было ни разума, ни мыслей, ни чувств, и я вновь ощутила себя находящейся дома в Истинной Реальности. Простое понимание и чистое Бытие.

Кажется, во всем присутствовало бесчисленное количество ретроспективных образов, направленных из прошлого в настоящее, которые обозревались отстраненно, но весьма активно. Эти идущие из прошлого картины, в основном, касались людей, с которыми у меня были сильные семейные, любовные и дружеские связи. Утрата контакта или прекращение встреч со многими из них оставили у меня смешанные или неясные чувства. По мере продолжения появления образов, стали возникать люди, с которыми меня связывали все более и более тесные

узы, пока, наконец, не возникли последние два видения, связанные с моей семьей и с тем, кто был моей «первой любовью», к кому я продолжала испытывать сильные чувства, хотя уже три года не видела его, и жил он за три тысячи миль от меня. Мне помнится, он сидел в комнате в доме друга с какими-то людьми, которых я прежде не встречала, и я испытывала добрые чувства, ибо мне было ясно: он счастлив. Судя по всему, в переживании присутствовала забота о благополучии других. Позже я позвонила ему и проверила правильность того, что видела. Все точно соответствовало.

Когда я снова открыла глаза, то склонившийся надо мной полицейский выглядел ангелом. Понимая, что из-за спины не могу двигаться, я решила, что лучше всего вновь потерять сознание. Затем я помню, как лежу в реанимационной и поворачиваюсь, чтобы взглянуть на часы, висящие на стене: они показывали ровно два. Это немедленно пробудило память о пережитом. Я

испытала непреодолимое желание

Сать всем, что когда умираешь, все обстоит хорошо, и я начала о карме и других подобных вещах, вызвав у доктора мысль, что брежу. Помню также возникшую мысль, что если в результате аварии придется остаться парализованной, то и в такой форме пребывания на земле я имею колоссальное количество возможностей обрести новое знание, которое позволит мне развиваться в течение всей жизни.

Тэд, один из умирающих раковых больных, участвовавших в нашей программе психоделической терапии (см. стр. 84 и далее), также прошел через состояние клинической смерти в ходе хирургической операции, а затем был возвращен к жизни.

На поздней стадии болезни у Тэда неожиданно развилась тяжелая уремия.

За несколько лет до того ему удалили одну почку из-за злокачественного новообразования в ней. В данном случае мочеточник оставшейся почки закупорился из-за инфекции. У Тэда стали развиваться признаки самоотравления. Хирурги медлили с операцией, видимо, сомневаясь в самой необходимости ее, что продлило бы жизнь пациента в лучшем случае на несколько недель.

Состояние Тэда ухудшалось, и через восемь дней его жчна Лили срочно позвонила нам в пять утра. Ночью Тэд видел во сне Станислава и сейчас хотел обсудить с ним вопрос, представлявшийся ему крайне важным. Час спустя мы прибыли в больницу. К тому моменту Тэд впал в коматозное состояние. Его окружало несколько родственников, пытавшихся заговорить с ним, однако в ответ изредка раздавалось лишь нечленораздельное мычание. Было ясно, что смерть Тэда неотвратима. Пока Станислав успокаивал Лили и родных, пытаюсь примирить их с происходящим,

Джоан устроилась у постели Тэда и начала мягко говорить с ним, используя собственный вариант указаний из «Бардо Тедоль». По сути, она предлагала ему двигаться в направлении источника света и слиться с ним, не страшась его сияния. Когда все находящиеся в комнате, казалось, уже примирились со смертью Тэда, случилось неожиданное. В последний момент бригада хирургов решила все же провести операцию. Без всякого предупреждения два санитары вошли в палату, переложили Тэда на каталку и отвезли в операционную. Оставшиеся в палате были шокированы тем, что казалось грубым вмешательством в глубоко интимную и особую ситуацию.

В ходе операции Тэд дважды пережил остановку сердца, приведшую к состоянию клинической смерти, и оба раза его оживили. Когда днем мы посетили его в реанимационном отделении, он только-только отходил от наркоза. Тэд взглянул на Джоан и огорошил ее неожиданным, хотя и совершенно верным замечанием: «Вы переоделись!» Не в состоянии поверить, что кто-либо, будучи в коматозном состоянии, может правильно заметить и запомнить такую мелочь, мы начали расспрашивать Тэда о характере его переживаний утром этого дня. Стало ясно, что он верно осознавал, кто присутствует в палате, их действия и разговоры. В какой-то момент он даже заметил стекающие по лицу Джоан слезы. Одновременно он проходил через ряд необычных переживаний, развивавшихся, вероятно, по меньшей мере на трех уровнях. Он слушал голос Джоан и действовал в соответствии с ее указаниями. Начальную тьму сменил яркий свет. Тэд смог приблизиться и слиться с ним. По его словам, то, что он почувствовал в момент соприкосновения со светом, было ощущением святости и глубокого покоя. Однако одновременно он видел, как на потолке демонстрируется фильм, содержащий четкое и яркое проигрывание всего плохого, что он совершил в жизни. Тэд видел целую галерею лиц людей, убитых им

во время войны, и подростков, которых он, когда-то юный хулиган, избил. Ему пришлось испытать муки и боль всех людей, которым он причинил страдание.

Пока это происходило, он ясно ощущал присутствие Бога, наблюдающего за ним и оценивающего его жизнь. В тот день перед нашим уходом Тэд особо подчеркнул, что он очень доволен своим опытом трех сеансов ЛСД-терапии. Переживание настоящей кончины оказалось для него весьма схожим с имевшим место под действием психоделика, и он расценил это, как отличное обучение и подготовку. «Без сеансов происходившее заставляло бы меня, но

поскольку я был знаком с такими переживаниями, я абсолютно не испугался».

Опыт Тэда—это нечто большее, чем просто демонстрация формального сходства между кончиной и феноменологией состояний, вызванных ЛСД. Тэд действительно пережил оба состояния и потому мог сравнивать на основании собственных субъективных ощущений. Его четкое заявление о глубоком сходстве между переживанием процесса смерти и переживанием, возникающим под действием ЛСД, подтвердило наши собственные заключения, основанные на данных клинических наблюдений и полученных в ходе проведения психоделической терапии, на изучении антропологической и мифологической литературы, на анализе отчетов лиц, переживших состояние клинической смерти, и на наблюдении нескольких аналогичных случаев.

Подобный материал предусматривает, что человеческое подсознание является хранилищем самых разнообразных перинатальных и трансперсональных переживаний, образующих основные элементы странствий души. Методики и обстоятельства, воздействуя которыми, можно активизировать данные матрицы и превратить их содержание -- обычно хранящееся в латентном состоянии -- в яркое осознанное переживание, включают в себя: психоделики, сенсорную утрату или, наоборот, перегрузку, акустическое или световое стимулирование, гипноз, монотонное пение и ритмические танцы, лишение сна, пост, различные техники медитации и духовную практику. Иногда аналогичное действие может быть вызвано некоторыми патологическими состояниями. Последнее верно для тяжелого эмоционального и физического стресса, изнуряющих заболеваний, отравлений, а также некоторых видов травм и несчастных случаев. По причинам, которые на настоящей стадии исследований не вскрыты, перинатальные и трансперсональные уровни подсознания могут быть приведены в действие вследствие естественно возникших психозов, особенно при шизофрении и нарушениях маниакальной-депрессивного типа.

Структуры, содержащиеся в подсознании умирающих, могут приводиться в действие различными механизмами. Конкретные возбудители в каждом случае будут зависеть от личности индивида, его психического и физического статуса, типа заболевания и того, какие именно органы затронуты. Исследования Хейма, Ной-еса, Роузена и других продемонстрировали, что неожиданно

произошедшее соприкосновение со смертью может привести к необычным субъективным переживаниям, даже если сам организм остался незатронутым. В таком случае единственно возможным механизмом может являться психологическая регрессия, происходящая под влиянием тяжелого эмоционального стресса или шока. Возможно, несколько смягченный вариант того же механизма действует и у лиц, стоящих перед менее непосредственной угрозой жизни. Однако у умирающих происходит ряд глубоких органических изменений, большинство которых может действовать в качестве возбудителей подсознательных матриц. Многие заболевания нарушают нормальный сон и питание, а потому оказываются

связанными с различными степенями голодания и лишения сна. Скопление в организме токсичных продуктов распада часто является причиной глубоких психологических изменений. Это особенно ярко проявляется в случае заболевания гепатитом и болезней почек, поскольку печень играет важную роль в процессе очистки организма от различных вредных веществ, а почки выводят продукты распада из организма. Самые глубокие изменения в психике имеют место, когда прогрессирующее заболевание почек сопровождается последующей уремией. Высокая степень самоотравления также может стать следствием нарушений, связанных с распадом тканей тела, как это имеет место при раковых заболеваниях, а также атрофии и перерождениях различной этиологии. Процесс возникновения психологических изменений вследствие физической болезни наиболее очевиден, когда патологический процесс поражает мозг, что имеет место при менингите, энцефалите, травмах головы, опухолях мозга и других видах его органического повреждения.

Аноксия* или недостаточное снабжение кислородом тканей тела, представляется явлением крайне важным с точки зрения определения возбудителей матриц, скрытых в подсознании. У умирающих аноксия наблюдается очень часто. Она может возникать при поражениях легких, ведущих к снижению потребления кислорода (эмфизема, легочные опухоли, пневмония, туберкулез

-
- Здесь и ниже авторы постоянно употребляют термин аноксия, что в данном случае не совсем верно; надо - гипоксия, поскольку имеет место не полное отсутствие, а лишь частичное понижение содержания кислорода в тканях. -- Прим. перев.

и другое); при недостаточном поступлении кислорода к внутренним органам, что имеет место при анемии, сердечной недостаточности либо при нарушениях ферментного переноса кислорода внутри клеток. Из многих различных источников хорошо известно, что ограничение поступления кислорода либо избыток углекислого газа приводят к возникновению ненормальных состояний психики. Опыты с камерами, в которых искусственно вызывалась аноксия, показали, что недостаток кислорода может возбуждать необычные переживания, весьма сходные с вызываемыми в результате приема ЛСД. Р. А. Мак-Фарланд показал, что психосоматическая реакция на аноксию прямо связана с личностными характеристиками испытуемого. У невротиков в данных условиях гораздо ниже уровень толерантности, у них проявляется тенденция к весьма быстрой реакции, сопровождаемой тяжелой психосоматической симптоматикой. Результаты наблюдений говорят о далеко идущих параллелях с результатами исследований ЛСД.

Так называемая «смесь Медуны», содержащая 70% кислорода и 30% углекислого газа способна после непродолжительного периода вдыхания вызывать целый ряд переживаний, известных из исследований ЛСД*. Сходство столь сильно, что данная смесь может применяться в качестве средства прогнозирования перед введением препарата. Характер реакции человека на двуокись углерода предсказывает его реакцию и на ЛСД. Смесь можно использовать перед проведением сеанса, чтобы ознакомить индивида с необычными состояниями сознания, переживаемыми в ходе или до его окончания; она может также способствовать доработке проблем, решение которых не увенчалось успехом в ходе самого сеанса. На протяжении веков, действия связанные с ограничением поступления кислорода в организм широко использовались для вызывания необычных переживаний. Так, определенные

исконные ритуалы использовали удушение при помощи механических средств, доведения до полуутопленного состояния либо путем вдыхания дыма. Согласно некоторым источникам, первоначальная форма крещения включала в себя ситуацию доведения до

- В своей монографии, опубликованной в 1950 году, Медуна рекомендовал повторное вдыхание данной смеси в качестве средства для лечения душевных расстройств.

полуутопленного состояния, что приводило к глубокому переживанию смерти и воскресения. Пранаяма -- основанная на науке о дыхании индийская духовная практика, использует смену периодов гипервентиляции с длительными задержками дыхания, чтобы вызвать духовные переживания. Другие индийские методики включают в себя перекрытие гортани, определенным образом откидывая язык назад; пережимание сонной артерии; длительное пребывание на ногах, обеспечивающее продолжительный отток крови от головы и вызываемую в результате аноксию мозга. Даосы проповедуют некую методику дыхания в ходе медитации, при которой вдох столь слаб и незаметен, что маленькое перышко, помещаемое перед ноздрями, остается неподвижным.

Возможно, сходство между переживаниями, возникающими в результате приема ЛСД и субъективными ощущениями, сопутствующими аноксии, есть нечто большее, чем случайность. Было выдвинуто множество гипотез с целью объяснить фармакологическое и биохимическое действие ЛСД. Существуют лабораторные данные, подтверждающие, что препарат может влиять на передачу кислорода на уровне ферментов. Абрамсон и Эванс, изучавшие действие ЛСД на сиамских бойцовых рыбках (*Betta splendens*), описывают широкий спектр специфических вегетативных, моторных и поведенческих реакций на его введение. Рыбы реагировали повышением уровня пигментации, принятием карикатурных поз и странными телодвижениями. В отдельном исследовании Вейс, Абрамсон и Бэйрон достигли схожих результатов, используя два ингибитора процесса потребления кислорода тканями, а именно -- цианистый калий и азотистый натрий в несмертельной концентрации. Некоторые из подобных явлений достигались при помощи аноксии и асфиксии. Хотя лабораторные исследования, касающиеся подобного, ингибиторного, действия ЛСД на снабжение тканей кислородом, принесли противоречивые результаты, возможность существования подобного действия крайне интересна с точки зрения предпринятого здесь обсуждения.

Мы уже упомянули, что аноксия -- довольно частое явление среди умирающих. В исследовании, выполненном Карлисом Оси-сом по данным наблюдений врачей и медсестер у постелей умирающих в качестве возможной причины появления видений, привидений и других необычных переживаний чаще всего упоминалась именно она. Если недостаток кислорода и избыток углекислого газа способны вызывать действие, сходное с таковым ЛСД, то

сочетание этих двух факторов могло бы являться причиной некоторых необычных переживаний, сопровождающих и следующих за клинической смертью. Там, где причиной является остановка сердца, ткани тела могут существовать еще некоторое время, потребляя кислород, уже находящийся в крови и превращая его в углекислый газ. Что же касается клеток мозга, то требуется несколько минут, прежде чем ишемия вызовет необратимые изменения. Если же мы считаем, что человеческое сознание в широком смысле связано с подкорковыми областями центральной нервной системы, то данный период может быть даже продолжительнее, поскольку клеточный компонент в более древних структурах

мозга менее чувствителен к недостатку кислорода и способен выдержать большой срок.

При данных обстоятельствах умерший может переживать различные необычные состояния сознания, сходные с вызываемыми ЛСД или «смесью Медуны». Активизация психодинамических, перинатальных и трансперсональных матриц в подсознании будет приводить к переживаниям типа обзора жизненного пути, божественного суда, ада, чистилища или других компонентов посмертных странствий души, как это изображается в различных традициях. Восприятие времени человеком, находящимся в необычном состоянии сознания, весьма отлично от нашего, векторного. За несколько минут объективного времени лица, находящиеся под действием ЛСД субъективно способны прожить целые жизни, века, тысячелетия и даже эпохи. Умиравшие могут вновь пережить всю свою жизнь в течение нескольких секунд, а за минуты нашего времени -- целое космическое путешествие. При подобных обстоятельствах один час порой воспринимается, как секунда, а доля секунды оборачивается вечностью.

Наиболее очевидным возражением на концепцию «духовных странствий души после смерти» является возможность мгновенной и постоянной утраты сознания в момент наступления клинической смерти, утраты, аналогичной происходящей под действием общего наркоза или в результате сотрясения мозга. Субъективные описания лиц, переживших клиническую смерть, указывают на то, что, быть может, существует не только и не одна такая альтернатива. Некоторые люди, пережившие состояние физиологической кончины, ничего не помнят об этом, в то время как другие описывают самые фантастические переживания. Иногда те, у кого клиническая смерть наступала не раз, не сохранили никаких

субъективных переживаний, сопутствующих одним таким случаям, но сохранили богатые воспоминания о переживаниях во время других. Поскольку происходящее в момент кончины часто считается чем-то подобным потере сознания под действием общего наркоза, мы упомянем несколько наблюдений, связанных с данной областью, чтобы продемонстрировать сложность всей совокупности проблем. В случае применения диссоциативного наркоза, вызываемого действием кетамин, люди испытывают широкий спектр различных необычных состояний сознания, оставаясь в то же время лишеными чувств для постороннего наблюдателя. Хирургические операции, проводимые в этих условиях, возможны не потому, что сознание погашено, а потому, что оно резко изменило направление внимания. В ходе проводимых нами исследований психоделических потенциалов ЛСД испытуемые иногда пережили все ощущения от хирургических операций, проводимых под глубоким наркозом обычного типа. Во время других экспериментов пациенты были в состоянии под гипнотическим воздействием восстановить разговоры хирургической бригады в ходе операции, проводимой под действием общего наркоза (Кеннет Годфри).

Поскольку имеются более чем достаточные основания полагать, что переживания, связанные с наступлением смерти, являются сложным и многогранным процессом, усилия, затрачиваемые в архаичных и исконных культурах на данную проблему, могут, безусловно, осознаваться нами по-новому. В свете психологических аспектов этого явления имеет смысл изучить процесс наступления смерти максимально тщательно, подробно ознакомиться с картографией загробных странствий и пройти соответствующее обучение необычным состояниям сознания, вызываемым данным процессом. Многие культуры, не относящиеся к современной западной цивилизации, предоставляют человеку возможность ознакомиться с широким кругом неординарных реалий. В других культурах переживание смерти регулярно возобновляется в рамках обрядов

перехода. В окружающем нас мире смерть приходит к большинству людей неожиданно и застает их совершенно неподготовленными.

Методы, с помощью которых можно пережить глубокие эпизоды психологической смерти и возрождения, а также различные трансперсональные явления, могли бы служить и чему-то более

значительному, нежели обучению и подготовке к умиранию и кончине. Есть указания, что подобного рода переживания необычных состояния сознания по существу влияют на то, как индивид будет переживать собственную биологическую смерть. Мы считаем, что борьба и агония, наблюдаемые у некоторых лиц в момент ее наступления, являются следствием выхода из подсознания -- в результате физиологических и биохимических изменений в организме - болезненных воспоминаний, не подвергшиеся разрешению, а также глубоко впечатавшейся памяти о страданиях, испытанных во время родов, которая не была своевременно проработана и сознательно освоена.

Одно важное наблюдение, полученное при проведении психотерапии с использованием ЛСД, подкрепляет такую возможность. У лиц, проходящих сквозь ряд ЛСД-сеансов, более ранние ЛСД-переживания обычно содержат массу психодинамического материала и яркие эпизоды перинатального типа. В случае продолжения сеансов данные области могут оказаться полностью исчерпанными, и все последующие ощущения будут носить трансперсональный, религиозный и мистический характер. Когда в рамках проведения ЛСД-терапии таким лицам дают дышать «смесью Ме-дуны», их реакция на углекислый газ меняется в зависимости от стадии, уже достигнутой под воздействием ЛСД. Во время перерыва между первоначальными ЛСД-сеансами, данная смесь будет провоцировать видения абстрактных геометрических мозаик и -- повторные переживания воспоминаний детства. Та же смесь газов позднее, в ходе проработки пациентами перинатального материала, вызовет видения эпизодов борьбы смерти и возрождения. На продвинутых стадиях лечения ЛСД, когда содержание сеансов заполнено преимущественно трансперсональными переживаниями, вдыхание «смеси Медуны» также приведет к появлению трансперсональных явлений: различного рода мистических и религиозных состояний, архетипичных компонентов и даже переживаний прошлых воплощений. Эти наблюдения, судя по всему, подтверждают точку зрения столь ярко и сжато выраженную в XVII веке австрийским монахом—августинцем Авраамом а Санкт Клара*: «Тот, кто умирает до того как умрет, не умрет умирая».

- Настоящее имя—Иоганн Ульрих Мегерле (1644-1709).—Прим. перев.

Как мы уже упоминали, необычные состояния сознания, сходные с вызываемыми ЛСД, спонтанно происходят у многих умирающих по причинам физиологического, биохимического и психологического характера. Обычно подобные состояния рассматриваются, как возникновение психиатрических затруднений, и, по сложившейся традиции, разрешаются путем введения транквилизаторов. Согласно нашему опыту, чуткий психолог или психиатр в состоянии использовать, по крайней мере, часть подобного рода переживаний конструктивным образом, аналогично тому, как это совершается в ходе психоделического переживания, вызванного ЛСД. При наличии должной поддержки и руководства такие эпизоды могут оказаться весьма благотворными для умирающего. Такой подход неизбежно влечет за собой значительные сдвиги в

системе ценностей: от настойчивых усилий по механическому продлению жизни— к заботе о том, каким будет наступление смерти.

Здесь также следует сказать несколько слов о тех новых взаимоотношениях между религией и наукой, которые, судя по всему, складываются в результате изучения необычных состояний сознания. Общепринятым считается мнение, что развитие науки и новые открытия скомпрометировали религиозные представления. Основные концепции и предпосылки религии, если рассматривать их буквально, кажутся искусственному и научно-мыслящему человеку наивными и абсурдными.

Астрономы направили на небо гигантские телескопы и «прочесали» обширные области космоса. Там больше не осталось неисследованного места, куда можно было бы поместить небесные сферы, иерархию ангелов или Бога. Геологические и геофизические данные о структуре и составе земной поверхности и коры сменили образы кишаших чертями и залитых огнем подземных царств. Однако именно то, что подверглось критике и развенчалось современной наукой, было примитивными и наивными верованиями -- что фундаментальные религиозные концепции объективно существуют в трехмерной физической Вселенной, -- так, как мы воспринимаем ее в обычном состоянии сознания. Результаты исследований ЛСД ясно указывают, что при переживании различных особых состояний сознания райская благодать, ужасы ада, экстатические переживания, спасение—все это может ощущаться со степенью четкости и достоверности, которые не уступают, а порой даже превосходят наше повседневное восприятие. Матрицы таких состояний, а также ряд

других религиозных и мистических феноменов представляются неотъемлемой частью человеческой личности. Признание факта существования этих измерений и их исследование является неременным условием для более глубокого понимания природы человека.

9. СМЕРТЬ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРИ РИТУАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В предыдущих главах мы описали различные наблюдения, сделанные как в ходе клинических исследований, так и во время определенных экстремальных ситуаций, происходящих в повседневной жизни. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что серьезное соприкосновение со смертью может сильно изменить представления о ней и отношение к ней. Видимо, такие изменения происходят независимо от того, является ли данное соприкосновение чисто символическим или же происходит в действительности, например, в результате серьезных несчастных случаев либо в ходе событий, приводящих к реальной клинической смерти. Примером первого могут служить спонтанные мистические переживания в ходе психоделических сеансов и переживания смерти-возрождения. Кроме изменения отношения к бренности человеческого существования, подобные происшествия способны глубоко преобразить того, с кем они случились.

Согласно различным мистическим школам, люди, пережившие смерть или смертельную опасность и возвратившиеся к жизни, называются дважды рожденными, озаренными, посвященными.

В большинстве доиндустриальных обществ и древних цивилизаций существовали сильнодействующие ритуалы, имеющие целью преобразить и освятить

отдельных лиц, группы людей или даже целые культуры. Эти трансформирующие события, называемые антропологами «обрядами перехода», крайне важны для обсуждения символического переживания смерти и возрождения. Целью обрядов перехода является создание условий для полного перестроения личности.

Данный процесс включает в себя не только изменяющиеся психологические или социальные компоненты, но и основные философские и духовные параметры человеческого существования. Эти обряды совершаются во время важных изменений в жизни человека или целой культуры. В рамках личной и

биологической истории они зачастую совпадают с важнейшими психологическими изменениями и могут иметь место в момент рождения, достижения половой зрелости, первого уровня взрослости (совершеннолетие, вступление в брак, рождение ребенка), второго уровня взрослости и наступления смерти. В каждый такой момент жизни организм, психика, социальное положение и основные обязанности индивида претерпевают определенные изменения*. Обряды перехода могут также совершаться в рамках посвящения в шаманы, в герои или в члены священного общества, в ходе календарных празднеств обновления природы, передвижений из одного места в другое и ритуалов исцеления. Во всех таких ситуациях человек или социальная группа оставляют один стиль поведения и по окончании переходного периода вступают в другие и абсолютно новые условия существования. Ниже мы опишем некоторые стороны подобных трансформирующих событий, начиная с классических образцов обрядов перехода, в ходе которых индивид меняет один период жизни на другой.

Арнольд ван Геннеп, автор раннего исследования данных обрядов, описал их, как три последовательные стадии: отделение, переходный период, воплощение. На стадии отделения человек выводится из привычных ему социальных связей. Неофит должен быть полностью изолирован или пребывать вместе с находящимися в аналогичной ситуации сверстниками. Период отделения может сопровождаться печалью об утрате прежнего стиля жизни. Во время его прохождения важную роль играет чувство страха перед неизвестным, неожиданным, который может быть спроецирован на непривычность этого неведомого мира. Именно страх

-
- Если бросить взгляд на европейскую культуру с точки зрения жизненных периодов, то мы увидим, что время основных переходов из одного в другой, как правило, оценивается отрицательно. Это, безусловно, верно в отношении периода достижения половой зрелости, средних лет, пожилого возраста, и, конечно, кончины. Даже рождение в некотором смысле подвержено негативной оценке в рамках нашей культуры, так как роженица традиционно рассматривается как «больная» и в этом качестве направляется для родов в больницу. Другой, едва воспринимаемой в нашей культуре категорией людей являются больные, особенно «смертельно больные». Они находятся между жизнью и смертью, и больше не являются социально полезной частью общества; именно поэтому умирающие обычно считаются социальным и экономическим балластом.

часто побуждает неофита покинуть пределы цепляющегося за предсказуемость жизни это. В ходе процесса отделения у человека нередко развивается глубокое чувство общности. Особое положение изоляции вкупе с

ожиданиями и страхом приводят к объединению посвящаемых общностью предстоящего переживания.

По мере изучения неопитом мифологии и космологии данной культуры начинается его подготовка к более активным аспектам обряда перехода. Программа напряженного и часто устрашающего переходного периода, предстоящего взыскующему, передается ему либо в форме мифов, повествований, песен, танцев, либо непосредственно в терминах конкретного описания той области испытания, через которую предстоит пройти. Данное направление процесса обучения весьма важно для результата посвящения. Неопит поймет, что эта область, пусть странная и, возможно, даже зловещая, кем-то уже была преодолена, да и впредь ее неоднократно будут осваивать другие, -- не только давно ушедшие священные предки, но и грядущие поколения. Осознание такого факта может ободрить посвящаемого и дать ему дополнительный импульс войти в древнейший ход событий.

На второй стадии, именуемой ван Геннепом переходной, неопит переходит от интеллектуального обучения к непосредственному соприкосновению с плотью мифов. Эту стадию следует рассматривать как с точки зрения внешних символов и действий, обрамляющих прохождение испытания, так и с позиции переживаемых субъективных впечатлений. Именно в течение переходной фазы данная культура использует всевозможные методы для расширения сознания посвящаемого путем снижения или полного снятия психологических барьеров, отделяющих сверхъестественный мир от обыденного. Подобного рода методики включают в себя лишение сна, пост, изнурение плоти, активное воздействие на слух и зрение, социальную изоляцию, гиперактивацию, коллективное воздействие, внушение и, в некоторых случаях, галлюциногены. Объединяя символическое действие, разыгрываемое внутри, и внешние культурологические символы, обрамляющие данное событие, неопит испытывает, а, в конце концов, глубочайшим образом постигает суть всех обрядов перехода: можно прорваться сквозь хаос пограничных состояний и муки смерти, пройти через переживание полнейшего уничтожения и выйти из этого процесса обновленным и возрожденным.

Обучающее воздействие такого переживания весьма глубоко, оно затрагивает не

только интеллект, но всю психобиологическую структуру организма. Между событиями внешнего мира и компонентами непосредственного окружения, с одной стороны, и внутренним опытом человека, с другой, происходит диалектическое взаимодействие. Подобное смешение осознаваемого содержания подсознания с культурологической символикой, относящейся к обновлению, приводит к образованию у индивида глубочайшей сообразности и внутренней согласованности.

Третьей стадией в триаде ван Геннепа является стадия воплощения. Она включает в себя возвращение человека к его непосредственному социальному окружению. Однако посвященный отличается от недавнего неопита. Покинувший место посвящения обладает новой концептуалистикой, измененными взглядами на мир, иным статусом и кругом обязанностей, вступая в жизнь на другом, более высоком уровне. Тщательный анализ внешней и внутренней символики, возникающей в ходе обрядов перехода, показывает, что их существеннейшие компоненты тождественны ранее описанным феноменам перинатального типа. Сходство феноменологии обряда перехода и ЛСД-переживания, связанного со смертью и возрождением, имеет далеко идущий характер. Символика обоих явлений концентрируется вокруг одной и той же специфической смеси рождения, секса и

смерти. Хижина, в которой содержатся те, кому предстоит пройти посвящение, часто называется «влагалищем», «чревом» *. Нередко это же место называется могилкой. В отдельных культурах одно и то же слово обозначает беременность, похороны и посвящение. С другой стороны, могилы часто сооружаются в форме чрева, и покойников погребают, придав им позу плода. К беременной могут относиться, как к умершей и считать ее заново рожденной во время родов.

Как во время обрядов перехода, так и в ходе психоделических сеансов с перинатальным содержанием, символика духовной смерти и возрождения может переплетаться с определенными биологическими элементами. Посвящаемые зачастую раздеваются донага, им сбивают все волосы на теле, а на голову льют кровь жертвенных животных. В этих ритуалах нетрудно разглядеть

- В новогвинейской культуре иатмулов, исследованной Грегори Бэйтсоном, вход в хижину посвящений носит название «клиторных врат».

сближение с положением новорожденного*. Более того, использование испражнений и других отталкивающих субстратов напоминает скатологические аспекты биологических родов. Наконец, элементы пытки и физического страдания, болезненного отделения и борьбы за выживание, присутствующие во многих обрядах перехода, несут отпечаток близкого сходства с аналогичными процессами, являющимися частью перинатальных переживаний в психоделических сеансах. Иногда соприкосновение со смертью организуется столь реалистично, что ритуальные действия заключают в себе риск серьезной физической травмы или опасность настоящей биологической гибели.

Символики внутренних переживаний и внешних изображений могут объединяться в ходе ритуальных действий взаимоусиливающим образом, приводя как к колоссальному личному, так и к коллективному переживанию. Именно в ходе подобных обрядов преобразования границы личности раздвигаются до степени включения в себя не только социальной среды, но и сверхъестественных сфер, а также сакральных существ, населяющих запредельные миры. Область данных переживаний имеет многочисленные параллели с трансперсональными явлениями, описанными в одной из предыдущих глав. Введение человека в духовную историю его культуры, в некую космогонию, повторяемую в рамках каждого посвящения, приводит неопита к соприкосновению с древнейшей сакральной традицией и пониманию непосредственного отношения этой традиции к его психике. Именно обновление сакральной природы индивида и его контакт с важнейшим творческим импульсом космоса наполняет существование новым смыслом.

- Обряд посвящения, исполняемый в связи с обрезанием, у некоторых народностей банту в Африке, может служить ярким примером, во-первых, глубокой связи, существующей между символической смертью-возрождением и действительным биологическим рождением; во-вторых, примером соприкосновения и пересечения символики рождения, секса и смерти. Мальчик, которому предстоит обрезание, является объектом церемонии, называемой «рождением заново». Его отец приносит в жертву барана, а три дня спустя завертывает ребенка в желудочный пузырь и кожу животного. Перед этим мальчик должен забраться в постель матери и плакать, как новорожденный. Он остается завернутым в шкуру барана в течение трех дней, на четвертый его родители совершают ритуальное совокупление. В этой культуре мертвых хоронят завернутыми в баранью шкуру, придав им позу плода. (Eliade, 1958).

Одновременно этот же процесс придает аналогичный характер смерти человека.

Сходство между обрядами перехода и перинатальными явлениями может рассматриваться не только в пределах их специфического содержания, но и с точки зрения общей структуры и действующих там схем. Существует четкая параллель между выделенной ван Геннепом стадией отделения и переживания одиночества, изоляции и отчуждения, столь характерными для матрицы «отсутствие выхода», действующей на перинатальном уровне. Переживаемое в данном контексте ощущение хаотизации еще больше подчеркивает сходство. В таком случае выделяемая ван Геннепом стадия процесса перехода соответствует переживанию борьбы смерти и возрождения и последующему преодолению. И, наконец, стадия воплощения обладает аналогией в перинатальной сфере, заключающейся в следующем за смертью эго возрождением, что отражает объединение матери и ребенка на новом уровне. Следовательно, мы можем рассматривать обряды перехода в качестве структурированных событий, в рамках которых индивид сталкивается, переживает и исторгает значительные энергии, глубоко в подсознании связанные с этими матрицами. Представляется допустимым, что, с точки зрения природы действующих психологических сил, их стихийное и неконтролируемое проявление, а также деятельность под влиянием таких энергий могли бы быть разрушительны для окружающей социальной среды. Здесь интересно упомянуть мнение Арнольда ван Геннепа, Маргарет Мид, Мирча Элиаде и других выдающихся антропологов, согласно которому отсутствие обрядов перехода, возможно, способствует усилению социальной психопатологии, наблюдаемой в современном обществе. Многие импульсы, изначально разрушительного и асоциального характера, вместо того, чтобы разряжаться в санкционированном обществе порядке - через безопасный и структурированный сакральный контекст, -- незаметно пронизывают нашу повседневную жизнь и проявляют себя в ряде личных и общественных проблем.

Другой важной областью, затрагивающей все важные эмпирические компоненты, описанные в рамках традиционных обрядов перехода, является посвящение в шаманы. Посвятительные действия сибирских и урало-алтайских шаманов весьма насыщены и драматичны. Суть переживаний, связанных с путешествием шамана, опять-таки заключена в соприкосновении со смертью на глубинном уровне, происходящим по типу ритуального уничтожения и воскресения или возрождения. Посвятительные сновидения, а также видения включают в себя, с одной стороны, нисхождение в нижний мир, страдание и смерть; с другой, -- восхождение на небеса, сопровождаемое воскресением. Сибирские шаманы утверждают, что во время посвятельной болезни они пребывают мертвыми от трех до семи дней в своих жилищах (юртах) либо в уединенном месте. В это время демоны и духи предков ведут их в подземный мир, подвергая там различного рода мучениям. Заметим вскользь, что различные шаманы, а также племена по-разному описывают детали испытаний. Но во всех этих описаниях присутствует общая атмосфера ужаса и нечеловеческого страдания. Попытки включают в себя расчленение, использование всех жидкостей тела, соскабливание плоти с костей, вырывание глаз из глазниц либо иные ужасающие действия. После превращения начинающего шамана в скелет с отполированными костями, куски его тела обычно распределяются среди духов различных болезней. Затем кости покрываются новой плотью, и кандидат в шаманы может получить даже новую кровь. Воскреснув в подобном преображенном состоянии, он получает от разного рода полубожественных существ в человеческом и животном образах знание и силу

целительства. Следующей важной ступенью путешествия шамана является восхождение для посвящения в небесные области при помощи столба, березы или же путем магического полета.

Согласно Мирче Элиаде, известному специалисту по шаманизму, шаманы внесли большой вклад в сумму знаний о смерти и «погребальной географии». Они также являются авторами многих тем, касающихся мифологии смерти. Чаще всего страна, которую видит шаман, и персонажи, с которыми он встречается, описываются им до мельчайших подробностей во время и после транса. Посредством повторяющихся магических путешествий шамана, неизвестный и вызывающий страх мир смерти обретает форму и структуру и постепенно становится все более знакомым и приемлемым, а сама кончина, в основном, рассматривается, как обряд перехода к духовной форме бытия.

Посвятительная смерть неизменно сопровождается воскресением и разрешением основной трудности шамана: он должен всегда хорошо ориентироваться как в «объективной реальности», так и в различных областях сверхестественного мира. В подобного рода мистических посвящениях, шаман должен придавать

религиозное значение претерпеваемым им символическим страданиям и воспринимать переживаемое, как тяжелые испытания, имеющие глубокий смысл. После посвящения шаманы обладают способностью посещать мир духов и общаться с ними, становясь в чем-то подобными им: они могут покинуть тело и по желанию путешествовать в космическом мире. Опытные шаманы являются для своего народа целителями, провидцами, жрецами, поэтами и проводниками душ в загробный мир. Они выполняют лечебные церемонии, управляют принесением племенем ритуальных жертв, а также играют роль спутника для душ умерших на их пути в иной мир.

Хотя шаманизм народов, населяющих Сибирь, Урал и Алтай, в прошлом привлек основное внимание антропологов и этнографов, аналогичные практики и переживания, включая ритуальную болезнь, с некоторыми видоизменениями существуют среди народов Юго-Восточной Азии, Австралии, Океании, Африки, а также среди индейцев Северной и Южной Америк.

Следующее ниже описание посвящения авам -- самоедского шамана, сделанное А. А. Поповым, может служить иллюстрацией переживаний, которые открывают путь к деятельности в качестве шамана.

Будущий шаман, заболевший оспой, оставался бесчувственным в течение трех дней и настолько походил на мертвеца, что на третий день чуть не был похоронен. Сам же он наблюдал, как спускается в ад и после многих приключений прибывает на остров, в центре которого растет молодая береза, достигающая небес. Это было Древо Хозяина Земли, и Хозяин дал ему ветвь этого дерева, чтобы шаман сделал себе бубен. Затем он подошел к горе. Проходя открытое пространство, он повстречался с нагим человеком, раздувающим с помощью мехов сильнейший огонь, на котором стоял котел. Человек с помощью крючка поймал шамана, отрубил ему голову, искрошил его тело и сунул все в котел. Затем в течении трех лет он кипятил тело, после чего выковал для него голову. Наконец, он выловил кости, плывущие по реке, соединил их и покрыл плотью. В ходе своих приключений в Другом Мире, будущий шаман повстречал несколько полубожественных персонажей в человеческом и животном образе, каждый из которых открыл ему учение и обучил секретам целительства. Когда он пришел в себя в юрте, окруженный родственниками, он уже был посвященным и мог начать шаманить.

Мифология, являющаяся хранилищем сакральной истории культуры, также указывает на непосредственное значение и универсальный характер опыта смерти и возрождения. Многие древние и современные культуры обладают живописными историями, рассказывающими о героях, спускавшихся в мир мертвых и преодолев немыслимые препоны, вернувшихся на землю наделенные сверхъестественными способностями. Столь же часты упоминания о богах, полубогах или героях, умерших или убитых, а затем возвращенных к жизни для новой роли, омоложенными или ставшими бессмертными вследствие переживания уничтожения. В менее отчетливом виде та же тема выражается в образе героя, заглываемого и перевариваемого колоссальным чудовищем, а впоследствии либо извергнутым им назад, либо совершившим чудесный побег.

Во многих частях света эти мифологические темы явились концептуальной основой для священных мистерий, в ходе которых неопиты испытывают в ритуализированной форме смерть и возрождение. Вавилонские и ассирийские обряды, связанные с Таммузом и Иштар, вращаются вокруг одной из самых ранних аллегорий умирающего бога, относясь, возможно, к 4000 году до н.э. Миф, лежащий в основе ритуального действия, -- это история Матери Богини Иштар и ее нисхождения в подземный мир в поисках священного эликсира, который единственный мог бы вернуть к жизни ее мертвого сына и мужа Таммуза. Она сама была заключена в дом мрака хтонической богиней Эрешнигаль, царицей подземного мира, и подверглась различным заболеваниям. В отместку она, будучи богиней плодородия, остановила созревание урожая и всякий рост на земле. В конце концов, благодаря вмешательству других богов, напуганных произошедшим, Иштар была исцелена с помощью живой воды и вызволена из подземного мира. Согласно эзотерическому толкованию, миф об Иштар представляет собой заключение сознания в материю и его освобождение путем животворного и освобождающего действия тайного учения. В храмах Исиды и Осириса в Древнем Египте кандидат в посвященные под руководством иерофантов проходил через ряд тяжелых испытаний с целью преодолеть страх смерти и обрести доступ к эзотерическому знанию о природе Вселенной и человеку. Мифологической основой для ритуала трансформации служила история убийства и расчленения Осириса братом Сетом и последующего воскресения после мифического действия, выполненного его сестрой Нефтис вместе с женой и сестрой Осириса Исидой.

Древняя Греция изобиловала мистериальными религиями и священными обрядами. Элевсинские мистерии, проводившиеся

каждые пять лет в Аттике, основывались на эзотерическом толковании мифа о Деметре и ее дочери Персефоне. Похищенная хтоническим богом Плутоном Персефона была вынуждена каждый год проводить шесть месяцев в подземном мире. Этот миф, рассматриваемый как аллегория, касающаяся сезонных циклов природы, стал для посвященных в Элевсинские мистерии символом духовных битв души.

Орфический культ основывался на легенде об обожествленном фракийском певце Орфее, предпринявшем неудачную попытку освободить свою возлюбленную Эвридику из тьмы подземного мира. Он сам трагически погиб, будучи разорван в клочья кикони-анскими женщинами за вмешательство в вакханалию. Согласно легенде, его оторванная голова, выброшенная в Гебр, продолжала петь и предсказывать будущее. Вакхические и дионисийские обряды концентрировались

вокруг истории молодого Вакха, расчлененного Титанами, а затем воскрешенного Афиной Палладой после того, как та спасла его сердце. В дионисийских обрядах их участники стремились к отождествлению с убитым и воскресающим богом, достигая этого с помощью употребления пьянящих напитков, ритмических танцев, пожирания сырого мяса животных. Самофракийские мистерии корибантов или кабиров были тесно связаны дионисийскими празднествами. Ритуальная драма представляла убийство Кадмилла тремя его братьями.

Фригийские мистерии справлялись во имя бога Атиса, оскотившего себя под сосной, умершего и воскрешенного великой матерью Кибеллой*.

Ритуальная процедура, практиковавшаяся во Фригии, включала в себя сакральный прием пищи, во время которого неофит ел из барабана и пил из цимбал. Потом он натирался кровью быка;

посвящаемого поили исключительно молоком. Мистерии Адониса ежегодно справлялись во многих частях Египта, Финикии и Вавилона. Согласно легенде, Адонис родился из миррового дерева, в которое боги превратили его мать Смирну. Его рождению помогал дикий вепрь, ставший таким образом повитухой Адониса;

- Согласно некоторым исследователям мифологии, данная легенда содержит языческие корни христианской традиции, связанной с рождественским деревом,

однако он же принес ему смерть. Адонис скончался после того, как его смертельно ранил, пронзив клыками, этот зверь. В ходе мистерий Адониса, неофит проходил через символическую смерть бога и воскресал с помощью жрецов. Он вступал в благословенное состояние возрождения и искупления, ставшее возможным в результате страдания Адониса.

В нордической традиции убиваемым и воскресающим богом был любимый сын Одина—Бальдр. Согласно мифу, он был молод и прекрасен, а также являлся единственным миролюбивым божеством Валгаллы. Обманщик Локи, персонифицированное зло, подсунил слепому богу судьбы Хеду оловянную стрелу, единственное оружие, могущее причинить вред Бальдру, которой тот и был сражен. После многих усилий убитые горем боги нашли способ воскресить своего любимца. В процессе мистерий Одина неофит выпивал освященный мед из кубка, сделанного из человеческого черепа. Подобно Бальдру, посвящаемый проходил через тяжелые сакральные испытания в девяти подземных палатах и, в конце концов, мог открыть тайну Одина, наиболее хранимую из тайн природы и человеческой души. В друидических мистериях Британии, граница между символической и физиологической смертью была весьма зыбкой. После помещения испытуемого заживо в гроб, последний укладывали в открытую лодку и сталкивали в море, изображая таким образом смерть бога Солнца. В этом необычном и тяжелом испытании гибли многие посвящаемые. К тем же, кто переживал этот суровый ритуал, относились как к заново рожденным.

Приведенные выше примеры, безусловно, не исчерпывают описание мистериальных религий. Схожие ритуальные действия, акцентированные на смерти и возрождении, существовали также в различных видах в митраизме, в герметической традиции, в Индии, на Тибете, среди африканских племен, в доколумбовых и современных обществах американских индейцев, а также во многих других культурах мира. Подобные ритуалы практиковались также в ходе посвящения в разные секретные общества всех времен.

Несколько конкретных примеров событий, происходящих во время мистерий

смерти и возрождения покажут, насколько сильно они напоминают феноменологию психоделических сеансов с перинатальным содержанием. Эдуард Шюре в «Великих посвященных» приводит яркую реконструкцию процесса посвящения в

египетские мистерии Иисиды и Осириса. Согласно Шюре, суровые ритуальные испытания начинались с прохождения по узкому коридору тайного убежища, освещаемому факелами. С обеих сторон этого зловещего помещения располагались устрашающие статуи с человеческими телами и звериными головами. В конце коридора находилась мумия и человеческий скелет, охраняющие дыру в стене. Неофиту вручался небольшой зажженный светильник, и он проникал в это отверстие, которое было столь узко, что приходилось карабкаться на четвереньках. Затем дверь за ним затворялась, и дальнейший путь пролегал в темноте. В конце прохода находилась дыра наподобие ствола шахты, ведущая к лестнице, исчезающей в вертикальном отверстии. Спустившись к нижней из перекладин, неофит обнаруживал, что висит над ужасающей бездной. Тревожно размышляя о своем весьма затруднительном положении -- о невозможности вернуться наверх и о таинственной черноте внизу, -- он замечал справа расщелину и ступени. Он избегал пропасти; спиральная, высеченная в скале лестница вела его в огромный зал, расписанный символическими фресками, а пастофор, хранитель священных символов, объяснял ему значение изображений.

Следующая фаза испытания начиналась в длинном узком коридоре, в конце которого светилась раскаленная докрасна печь. Дверь за неофитом захлопывалась, и перед ним вставала задача пройти сквозь огонь. Обретя достаточно мужества и приблизившись к пылающему горнилу, он видел, что это -- оптическая иллюзия, создаваемая горящими чередующимися смолистыми поленьями, положенными на железную решетку. Путь, пролегающий между поленьями, позволял быстро миновать их.

Затем следовало испытание водой. Посвящаемый сталкивался в бассейн, наполненный черной, стоячей водой, после чего два помощника вытаскивали его в слабо освещенный грот. Здесь его купали, досуха вытирали и умащали изысканными благовониями.

Отдыхая, он слушал игру арф и флейт. Нубийка, одетая в темнокрасное одеяние и украшенная прекрасными драгоценностями, приближалась к нему, символизируя самую женскую чувственность. Если он уступал искушению и не выдерживал испытания, то на всю жизнь оставался рабом в храме. Если же успешно проходил эту последнюю стадию, его с триумфом препровождали в святилище Иисиды, где он должен был принести обет молчания и покорности перед колоссальной статуей богини.

В «Обелиске франкмасонства» Джон Е. Вейсс приводит описание Элевсинских мистерий древней Греции. Он изображает обстановку начала мистерии, как пронизанную чувством абсолютного хаоса и ужаса, сопровождаемую слепящими вспышками света и оглушающими раскатами грома. Согласно рисуемой им картине, помещение словно трясется и охвачено огнем; отвратительные приведения скользят по воздуху, вопя и стоня; всюду слышны пугающие звуки и завывания. На фоне этих inferнальных сцен появляются таинственные призраки, представляющие посланников различных яростных божеств: Мучения, Безумия, Голода, Болезни и Смерти. В то время как трепещущие новообращенные продвигаются среди ужасающего представления, отражающего страдания этой жизни, а также муки, испытываемые в Тартаре, они слышат торжественный голос иерофанта, демонстрирующего и объясняющего символы высшей божественности. Внезапно все меняется, и вместо ужасных образов появляются ясный свет и

различные знаки блаженства. Таким образом, община посвященных в Элевсинские мистерии пережила в короткое время и на ограниченном пространстве «беды Земли, мучения Тартара и счастье Элизиума».

В приведенном Шюре описании посвящения в мистерии Иисиды и Осириса сходство между различными фазами этого испытания и эпизодами психоделического переживания смерти и возрождения особенно поразительно. Оно включает в себя испытания смертью, огнем, испорченной водой и сексуальным искушением. Все это четко соответствует перинатальной матрице «отсутствие выхода», а определенные стороны борьбы смерти и воскресения включают огонь, скатологические моменты и сексуальное возбуждение. Приводимое Вейссом описание Элевсинских посвящений вполне могло бы быть описанием ЛСД-сеанса с акцентированным перинатальным уровнем. Как соприкосновение с наиболее пугающими сторонами человеческого существования, так и резкий переход от крайней степени мучений и страданий к трансцендентальному блаженству относятся к числу наиболее часто возникающих в ходе психоделической терапии.

Повсеместное историческое и географическое распространение трансформирующих ритуалов, концентрирующихся на проблеме смерти и возрождения, и их психологическое значение для отдельных людей, групп и целых культур предполагает, что они должны отражать фундаментальные потребности, коренящиеся в человеческой природе. Таким образом, изучение этих ритуалов и

углубленное понимание процесса смерти-возрождения представляет большой теоретический и практический интерес. Исследования, проводимые в этой области, были связаны со специфическими проблемами. Основные данные о характере таких обрядов, как правило, считались священными, содержались в секрете и передавались немногочисленным посвященным. Если что-то и открывалось окружающим, то обычно в виде различного рода иносказаний и шифров. Реконструкция действительного протекания ритуалов на основании исторических описаний или археологических находок представляется делом довольно трудным, а точность восстановления—весьма проблематичной.

Антропологи, изучающие виды ритуалов, практикуемых в различных современных культурах, сталкиваются с довольно сложной задачей получения доступа к сути таких действий. Поскольку большинство подобных исследований проводилось в культурах, относящихся к незападному миру, это еще больше усложнило положение, вследствие существующих культурных и лингвистических барьеров. За некоторыми исключениями, антропологические исследования сосредоточивались, в основном, на внешних сторонах обрядов перехода, -- они легче поддаются наблюдению, -- а не на субъективных переживаниях участников*.

Судя по всему, психоделические исследования предлагают уникальный подход для изучения процесса ритуальной трансформации в будущем. Аналогии между ЛСД-сеансами и ритуальным процессом смерти и возрождения настолько поразительны, что первые могут применяться для экспериментального моделирования вторых. Используя людей, относящихся к нашей культуре, чьи биографии известны и которые согласны поделиться своим опытом в человеческой природе. Таким образом, изучение этих ритуалов и

углубленное понимание процесса смерти-возрождения представляет большой теоретический и практический интерес. Исследования, проводимые в этой области,

были связаны со специфическими проблемами. Основные данные о характере таких обрядов, как правило, считались священными, содержались в секрете и передавались немногочисленным посвященным. Если что-то и открывалось окружающим, то обычно в виде различного рода иносказаний и шифров. Реконструкция действительного протекания ритуалов на основании исторических описаний или археологических находок представляется делом довольно трудным, а точность восстановления—весьма проблематичной.

- В последние годы многие исследователи указывали на то, что субъективные аспекты ритуальных событий представляют важный ключ к пониманию

трансформирующего процесса. Они защищают точку зрения, согласно которой антропологам следует не только собирать данные самонаблюдения других людей, но и прямо участвовать в процедурах, обретая непосредственное знание о действии употребляемых препаратов и безлекарственных методик. Данное направление получило название «визионерской антропологии». Представителями подобного подхода являются Карлос Кастанеда, Майкл Харнер, Барбара Мейерхофф, Марлен Добкин де Риос, Джоан Хэлифакс и Ричард Кац.

Антропологи, изучающие виды ритуалов, практикуемых в различных современных культурах, сталкиваются с довольно сложной задачей получения доступа к сути таких действ. Поскольку большинство подобных исследований проводилось в культурах, относящихся к незападному миру, это еще больше усложнило положение, вследствие существующих культурных и лингвистических барьеров. За некоторыми исключениями, антропологические исследования сосредоточивались, в основном, на внешних сторонах обрядов перехода, -- они легче поддаются наблюдению, -- а не на субъективных переживаниях участников*.

Судя по всему, психоделические исследования предлагают уникальный поход для изучения процесса ритуальной трансформации в будущем. Аналогии между ЛСД-сеансами и ритуальным процессом смерти и возрождения настолько поразительны, что первые могут применяться для экспериментального моделирования вторых. Используя людей, относящихся к нашей культуре, чьи биографии известны и которые согласны поделиться своими переживаниями, исследователь может преодолеть некоторые трудности,

присущие как историческому научному подходу, так и полевым исследованиям антропологов. Углубленное понимание процесса трансформации, основывающееся на объединении исторических, антропологических и экспериментальных данных, могло бы иметь важные последствия для самых различных областей, включая психиатрию, искусство, философию, религию и образование.

- В последние годы многие исследователи указывали на то, что субъективные аспекты ритуальных событий представляют важный ключ к пониманию

трансформирующего процесса. Они защищают точку зрения, согласно которой антропологам следует не только собирать данные самонаблюдения других людей, но и прямо участвовать в процедурах, обретая непосредственное знание о действии употребляемых препаратов и безлекарственных методик. Данное направление получило название «визионерской антропологии». Представителями подобного подхода являются Карлос Кастанеда, Майкл Харнер, Барбара Мейерхофф, Марлен Добкин де Риос, Джоан Хэлифакс и Ричард Кац.

10. ДИАЛЕКТИКА ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Тема смерти играет ведущую роль в религии, мифологии и искусстве многих культур, не относящихся к западной цивилизации. И потому вызывает удивление, насколько мало внимания западные психологи, психиатры и философы уделяют ей в своих теоретических построениях. Однако существовало несколько серьезных исключений, наиболее интересным из которых является Зигмунд Фрейд, чьи взгляды, касавшиеся психологических аспектов смерти, претерпели резкие изменения на разных этапах его работы над теорией психоанализа. В своих ранних трудах Фрейд делал акцент почти исключительно на сексуальность. Смерть играла относительно малую роль и не находила отдельного выражения в рисуемой им картине человеческого подсознания. Страх смерти интерпретировался как производное от тревожности, связанной с разлукой, или страхом кастрации, и коренился, с его точки зрения, в предэдиповых и эдиповых стадиях развития либидо. Большинство последователей Фрейда приняли данный подход, внося в него свои изменения и дополнения. Отто Феникел, суммируя данные психоаналитической литературы, выразил сомнение в существовании такого феномена, как нормальный страх смерти. С его точки зрения, сама идея собственной смертности является субъективно бессмысленной, и потому этот страх просто скрывает другие подсознательные идеи. Случается, что последние по своему характеру относятся к либидо, и тогда их можно понять через историю пациента. Чаще же определенные воспоминания детства трансформировали страх утраты любви или кастрации в страх смерти. Кроме того, идея смерти может отражать боязнь наказания за ее пожелание, либо страх перед собственным возбуждением, особенно перед сексуальным оргазмом.

Сам Фрейд в результате клинических наблюдений довольно-таки решительно изменил взгляды на смерть. Указания на подобную перемену можно обнаружить в его теоретических построениях, выполненных между 1913 и 1920 годами и, особенно, в его анализе пьесы Шекспира «Венецианский купец» (Тема трех ларцов), а также в эссе, озаглавленном «Мысли на случай о войне и смерти». В этих работах он выказал явную тенденцию к пересмотру раннего тезиса о том, что понятие «смерть как таковая» не присутствует в человеческом сознании.

В 1920 году Фрейд свел воедино свои различные взгляды на смерть и придал им законченный вид, сформулировав обширную биопсихологическую теорию человеческой личности. В работе «По ту сторону принципа удовольствия» он постулировал существование двух типов инстинкта: служащего сохранению жизни и стремящегося вернуть ее туда, откуда она произошла. Фрейд видел существование глубоких взаимоотношений между названными группами инстинктивных сил, а также наличие двух противоположных тенденций в физиологических процессах человеческого организма -- анаболизма и катаболизма. Процессами анаболизма называются те, которые способствуют росту, развитию и запасу питательных веществ. Процессы же катаболизма связаны с

потреблением запасов и расходом энергии. Фрейд также связал два этих вида деятельности с двумя типами клеток в человеческом организме: половыми -- потенциально вечными, и образующими тело, которые неизбежно погибают. Раньше практически все проявления агрессивности он оценивал, как форму сексуальности, и определял, как садистские по существу. В новой концепции Фрейд соотнес их с инстинктом смерти. Согласно данной точке зрения, такой инстинкт действует в человеческом организме с самого начала, постепенно превращая его в неорганическую систему. Разрушительная сила может и должна быть частично отвлечена от своей основной цели и переключена на другие организмы. Судя по всему, для инстинкта смерти не важно, действует ли он по отношению к объектам внешнего мира или против самого организма, но важно достижение главной цели— разрушения.

Поздние замечания, касающиеся роли инстинкта смерти, появляются в последней значительной работе Фрейда «Очерк психоанализа» (1938). В ней коренная дихотомия между двумя могучими силами: инстинктом любви (Эросом) и инстинктом

смерти (Танатосом) становится треугольным камнем понимания Фрейдом ментальных процессов. Данная концепция была для него ведущей в последние годы жизни. Эта важнейшая ревизия психоаналитической теории не вызвала большого энтузиазма со стороны его последователей и не была полностью включена в основное русло психоанализа. Рудольф Брун, выполнивший обширный статистический обзор работ, связанных с теорией Фрейда, предполагающей существование инстинкта смерти, обнаружил, что большинство из таких работ явно враждебны этой концепции учителя. Многие авторы расценивали интерес Фрейда к проблемам, связанным со смертью, и введение Танатоса в теорию влечений, как чужеродное образование в его психологической концептуалистике. Были также упоминания о том, что основой для столь неожиданного аспекта мышления Фрейда явились, возможно, личные факторы. Некоторые из авторов интерпретировали его поздние идеи, как вытекающие из его собственной озабоченности смертью, как реакцию на начавшееся раковое заболевание и гибель близких членов семьи. В своем упомянутом выше обзоре Брун предположил, что на возникновение теории Фрейда о существовании инстинкта смерти, вероятно, глубоко повлияла его реакция на первую мировую войну.

В своем эссе «О психологии бессознательного» Карл Густав Юнг возразил против концепции Фрейда о существовании двух основных инстинктов—Эроса и Танатоса. Юнг также не согласился с тезисом о том, что целью Эроса является создание возможно большего числа связей и сохранение их, а целью Танатоса -- их разрыв и, таким образом, уничтожение. Юнг аргументировал это тем, что подобный выбор противоположностей отражает точку зрения сознания, а не движущие силы подсознания. Согласно Юнгу, логической противоположностью любви является ненависть, а Эроса—Фобос (страх). Однако психологическая противоположность любви есть воля к власти, сила, доминирующая в теориях Альфреда Адлера*. Там, где царит любовь, нет воли

-
- На жизнь и деятельность Адлера, согласно его собственным словам, повлияло пережитое им соприкосновение со смертью. В пятилетнем возрасте он заболел тяжелым воспалением легких, и лечащий врач нашел его состояние безнадежным. Выздоровев, он решил изучать медицину, чтобы быть во всеоружии для борьбы со смертью. Хотя Адлер явно и не ввел страх смерти в

к власти, а там, где воля безмерна, нет любви. Таким образом, то, что заставило Фрейда назвать в качестве противоположности Эросу разрушительный инстинкт или инстинкт смерти было, с одной стороны, уступкой интеллектуальной логике, а с другой, -- психологическим предубеждением. Согласно Юнгу, Эрос не эквивалентен жизни, но для того, кто думает так, противоположностью Эроса, конечно же, будет смерть. Все мы ощущаем—то, что противостоит нашим высшим жизненным принципам, должно быть разрушительным и дурным, -- и, будучи не в состоянии соотнести это ни с какой позитивной жизненной силой, мы избегаем и боимся его.

Особый вклад Юнга в танатологию состоит в его глубочайшей уверенности в том, насколько могуче в подсознании представлены мотивы, связанные со смертью. Он и его последователи привлекли внимание западной психологии к величайшему значению всех символических вариаций темы смерти и возрождения в нашем наследии архетипов. И все это было проиллюстрировано многочисленными примерами, взятыми из различных культур и исторических эпох -- от мифологии австралийских аборигенов до алхимии.

Проблемы, связанные со смертью, играли также важную роль в разработанной Юнгом психологии развития индивидуальности. Он рассматривал сексуальность в качестве доминирующей силы первой половины жизни, а проблему биологического дряхления и приближения к смерти—как основную во второй ее половине. В нормальных условиях озабоченность проблемой смерти возникает в более поздние десятилетия жизненного пути, проявление же ее на ранних этапах обычно связано с психопатологией. Становление индивидуальности, описанное Юнгом, приводит к психологической полноценности личности и включает в себя разрешение проблемы смерти. Вопрос смерти занимает также важное место в теориях экзистенциалистов, особенно в философии Мартина Хайдеггера. В выполненной им работе «Бытие и время» (Sein und Zeit) анализе существования кончина играет ключевую роль. Со

свою теорию, его деятельность на протяжении всей жизни стимулировалась опытом пережитой угрозы жизни. Основной акцент в разработанной Адлером терапии делается на смелость и способность открыто смотреть на опасные стороны жизни. (Bottome, 1939).

Согласно Хайдеггеру, сознание собственной бренности, ничтожности и смерти неуловимо присутствует в каждом миге человеческой жизни еще до действительного наступления биологического конца или соприкосновения с ним. Не имеет значения, обладает ли индивид фактическим знанием смерти, ожидает ли он ее приход или сознательно задумывается о бренности существования. Экзистенциальный анализ подтверждает, что жизнь—это «бытие, обращенное к смерти» (Бытие и время). Всякое онтологическое теоретизирование должно учитывать всю совокупность существования и, следовательно, тот факт, что часть его еще не проявилась, включая и самый конец. Осознание смерти является постоянным источником напряженности и экзистенциальной тревоги в организме, но оно также образует фон, на котором само бытие и время приобретают более глубокий смысл.

Важно отметить, что Хайдеггер следовал указаниям своего учителя Эдмунда Гуссерля, о том что философу следует переключить внимание с окружающего мира на мир внутренний. Таким образом, самоуглубление -- это существенная необходимость для нашего постижения мира и размышлений о нем. Хайдеггер

заявляет, что ему удалось описать фундаментальные переживания, лежащие в основе повседневного восприятия мира и все же находящиеся вне сферы действия традиционного научного метода. Судя по всему, именно в результате подобного подхода его взгляды оказались столь близки прозрениям, достигнутым в различных необычных состояниях сознания*.

В последнее десятилетие наблюдался резкий рост интереса к роли, которую смерть играет в человеческом подсознании. Во многом это было связано с клиническими и лабораторными исследованиями разного рода необычных состояний сознания. В настоящее время используют психоделики, сильнодействующие методики изменения сознания, не включающие в себя применение препаратов, а также некоторые эмпирические техники индивидуальной и групповой психотерапии; стало возможным активизировать те

уровни подсознания, которые в прошлом редко удавалось непосредственно наблюдать*. Определенные явления, которые при их возникновении у лиц, страдающих шизофренией, привычно рассматривались как нарушения, вызванные психотическим процессом, ныне стойко вызываются у обычных добровольцев при помощи вышеописанных методов. Исследователи работы органов восприятия, изучавшие данные состояния с феноменологической точки зрения, не могут пренебречь той важной ролью, которую переживания смерти (и рождения) играют в этом контексте. Данные этой области исследований в самом широком смысле подтверждают мнение Фрейда, Юнга и некоторых философов-экзистенциалистов, выразивших их каждый по-своему, о том, что смерть играет важнейшую роль в человеческом подсознании.

- Мы уже упоминали при обсуждении перинатальных переживаний, что взгляд на мир, присущий экзистенциалистам, господствует в мышлении и чувствах людей, находящихся под воздействием матрицы «отсутствия выхода» и не способных найти единственное существующее решение, лежащее, видимо, в трансцендентности. Атеизм, присущий философам-экзистенциалистам, подтверждает такую связь.

Последовательное переживание агонии, кончины и возрождения -- одно из наиболее частых явлений в психоделических сеансах. Они возникают довольно неожиданно вне какого-либо специального программирования, иногда даже к вящему удивлению неопытного и неинформированного человека. Нередко переживания подобного рода представляют ключевую часть психоделического сеанса, что может служить иллюстрацией не только существования в подсознании матриц такого переживания, но и выявляет значительную потребность и стремление человеческих существ экстерриторизировать данный глубинный материал. Это, видимо, объясняет повсеместный характер различных ритуалов смерти-возрождения и значение, придаваемое им посвященными, религиозными группами и целыми культурами.

- Драматичные переживания смерти и воскресения могут наблюдаться в группах активного исследования и групповой психотерапии, при проведении сеансов длительного воздействия, при гештальттерапии, биоэнергетическом подходе, базисной терапии, а также при гипнозе. Они могут иногда возникать при проведении лабораторных исследований, включающих в себя сенсорную депривацию, сенсорную перегрузку, саморегулирование биологических функций, и различного рода кинестетические устройства. Многие западные последователи восточных духовных практик, типа дзэн-буддизма, ваджраяны,

кундалини-йоги, переживали глубокие состояния подобного рода в результате своих занятий. Роберт Мастерс и Джин Хьюстон в книге «Игры ума» описали несколько весьма действенных упражнений, включающих элементы проигрывания смерти-возрождения.

Параллели между ЛСД-сеансами и эзотерическими действиями, сосредоточенными на опыте смерти, носят не только феноменологический характер. Физиологические, психологические, философские и духовные переживания хорошо разрешившихся ЛСД-сеансов также похожи на описания трансформаций посвященных и неопитов всех времен, которые соприкоснулись со смертью и возвратились к жизни. Согласно нашим данным, люди, пережившие смерть и возрождение в ходе сеансов, выказывали специфические изменения в самовосприятии и в восприятии мира, в присущей им шкале ценностей, принципах поведения и общих воззрениях. Те, кто до переживания испытывал в различной степени всевозможные виды эмоционального и психодинамического дискомфорта, как правило, ощущают значительное облегчение. Депрессивность исчезает, уровень тревоги и напряженность снижаются, чувство вины снимается, а самовосприятие и самооценка значительно улучшаются. Люди говорят, что ощущают себя как бы заново родившимися и очищенными. Предшествующее ощущение

отчуждения сменяется чувством полной гармонии с природой. А во внутренней жизни начинают преобладать глубокая ясность и радость. Все это обычно сопровождается повышением вкуса к жизни в целом и чувством физического здоровья и хорошего физиологического функционирования.

Некоторые говорят, что переживание смерти-возрождения как бы сняло с их чувств тонкую пленку, мешавшую полноценно осознавать реальность. Образы, воспринимаемые органами чувств в этом состоянии, -- свежие и яркие, почти ошеломляющие, люди чувствуют, что до переживания возрождения они никогда по-настоящему не воспринимали цвета, не чувствовали все разнообразие запахов и ароматов, не ощущали тысячи оттенков вкуса в пище, вообще не знали потенциальных возможностей восприятия, скрытых в их теле. Сексуальная жизнь может стать свободнее, и потенция у мужчин» наряду со способностью к оргазму у обоих полов, часто значительно повышается. Многие начинают глубоко интересоваться природой, обнаруживая у себя способность экстатического восприятия ее красоты, зачастую впервые за всю свою жизнь. То же самое происходит в отношении искусства, особенно музыки; нередко в результате психоделического переживания подобного типа у людей, не интересовавшихся музыкой, развивается ярко выраженная тяга к ней, другие же находят совершенно новые способы наслаждаться ею. Агрессивные импульсы и чувства обычно резко снижаются, значительно возрастает терпимость

в межличностных отношениях и к иным точкам зрения. Люди испытывают новые для них эмоции -- сочувствие и тепло по отношению к другим; они воспринимают, мир, как поразительное и в основе своей благоприятное место. Все в нем кажется совершенным, точно таким, каким должно быть.

Почти всегда происходит определенная переориентация в отношении времени. Реже вспоминаются травмирующие стороны прошлого, будущее принимается более спокойно, отсутствует ажиотаж, и все это сопровождается усилением эмоционального акцента на пребывание здесь и сейчас. Отношения между явлениями, считающимися тривиальными, и теми, что рассматриваются, как жизненно важные, резко меняются. Люди обнаруживают смысл и красоту в

предметах повседневного окружения. Граница между чудесным и банальным исчезает. Ценности, к которым ранее человек стремился с ярко выраженной настойчивостью, затрачивая на их достижение массу сил и энергии, представляются теперь неважными. Избыточное стремление к власти, положению, материальным приобретениям начинает казаться ребячеством и признаком духовной слепоты. Самая глубокая мудрость обнаруживается в житейской простоте. Уменьшение нереальных амбиций зачастую сопровождается возросшей способностью к смирению.

...

Другим частым изменением, возникающим после полноценного и хорошо усвоенного опыта смерти-возрождения, является значительный рост интереса к философии, религии и мистике. Новые духовные чувства обычно носят космический либо пантеистический характер. Индивид обретает способность видеть много новых духовных измерений в человеческой жизни и чувствовать присутствие духовной творческой силы за явлениями повседневной реальности. Многие также испытали пробуждение сильного интереса к восточным или древним религиям и философиям. У некоторых этот интерес принял чисто интеллектуальную форму, у других—связался с глубокой вовлеченностью в систематические занятия духовной практикой. Часто люди обнаруживали у себя новую способность понимать универсальные религиозные символы и метафоры, используемые в святых писаниях и других сакральных текстах, а также определенные сложные философские эссе. Если переживание смерти и возрождения сопровождается переживанием космического единства, люди обычно начинают воспринимать себя и мир в виде духовной энергии, участвующей в божественной игре, а обыденную реальность, -- как священную в своей основе.

Подобные превращения обычно ярко выражены в течение нескольких дней или недель после глубокого и хорошо прошедшего ЛСД-сеанса, включавшего в себя опыт смерти-возрождения. Изменения, как правило, столь разительны, что врачи, проводящие эти сеансы, называют их на профессиональном жаргоне «психо-делический отсвет». Раньше или позже они ослабевают. Под влиянием давления и требований со стороны социального окружения многие более или менее утрачивают связь со своими космическими переживаниями. Однако обретенное в результате постижение философских и духовных параметров окружающей нас реальности имеет тенденцию присутствовать неопределенно долго. Проявляя волю, можно использовать глубокие знания, полученные в итоге переживания смерти-возрождения, как руководство для изменения всей своей жизни. Некоторые люди могут таким путем создать для самих себя положение, при котором для них потенциально доступны, чаще всего не только прозрения, связанные со знанием, но и новые духовные ощущения.

Было бы опасным свехупрощением представлять процесс смерти-возрождения лишь с одной стороны, делая акцент на его потенциальной пользе и ничего не говоря о серьезных опасностях, существующих в данной области. Сеансы ЛСД, в которых активизирован перинатальный материал, не только способствуют глубоким позитивным изменениям, но и являются потенциальным источником наиболее частых затруднений, происходящих в ходе ЛСД-процедуры. Плохо прошедшие сеансы, содержавшие перина-тальные компоненты, могут привести к глубоким заторможенным и ажитированным депрессиям с суицидальными тенденциями, разрушительным и саморазрушительным побуждениям,

параноидаль-ным состояниям или претенциозным и мессианским проявлениям. Намеки на некоторые из этих опасностей часто обнаруживаются в связи с происходящим в рамках различных обрядов перехода процессом трансформации.

Согласно мистической литературе, устной традиции коренных культур, различного рода мифологическим описаниям, беспечному и неопытному искателю или духовному авантюристу, грозит опасность физических болезней, безумия и даже смерти. Надлежащие приготовления, поддержка и

руководство абсолютно необходимы для вступающего в эти области человеческого сознания*.

У душевнобольных лечебное действие, вызываемое опытом смерти и возрождения настолько важно, что мы остановимся на этой теме подробнее. Видимо, в перинатальных матрицах коренятся глубинные истоки самых явных сторон многих психопатологических синдромов. Такие ключевые симптомы, как тревога, агрессивность, подавленность, напряженность, чувство вины, наряду с ощущениями типа чувства беспомощности и неполноценности, судя по всему, содержатся в переживаниях перинатального уровня. Аналогично, часто можно проследить озабоченность различными физиологическими функциями или биологическими субстратами, ипохондрические переживания и широкий круг психосоматической симптоматики вплоть до компонентов, входящих в процесс смерти-возрождения. Это верно в отношении обычных головных болей и мигреней, невротического ощущения нехватки кислорода и удушья, нарушений сердечной деятельности, тошноты и рвоты, различных видов двигательных нарушений и мышечной напряженности, болей и тремора.

Довольно часто в ходе психолитической терапии с использованием ЛСД случалось, что пациенты выходили за пределы психодинамического уровня, однако не разрешали многие из своих психопатологических симптомов до тех пор, пока не прорабатывали материал, связанный с перинатальными матрицами.

Чтобы достичь длительного разрешения, а не временной ремиссии клаустрофобии или заторможенной депрессии, представлялось необходимым пройти через матрицу «отсутствия выхода». Часто острые суицидальные устремления полностью исчезали после того, как пациенты прорабатывали и усваивали перинатальный материал. Несколько человек, прошедших сквозь процесс смерти-возрождения, независимо друг от друга заявили, что их бывшие суицидальные наклонности на деле были непонятным стремлением к

-
- Полезные, а также отрицательные стороны действия ЛСД-сеансов, включающих в себя активизирование перинатальных матриц, были подробно описаны Станиславом Грофом в книге «Области человеческого бессознательного». Практическое руководство с целью добиться максимума пользы и свести к минимуму риск, скрытый в психоделическом процессе переживания смерти-возрождения, в общих чертах будут изложены в следующей книге.

преодолению эго. Поскольку в то время такое понимание у них отсутствовало, они избрали в объективной реальности ситуацию весьма схожую со смертью эго, а именно: физическое самоуничтожение. Переживание психологической смерти и возрождения обычно уничтожает или резко ослабляет суицидальные побуждения и мысли. Мощные агрессивные и саморазрушительные позывы были сняты в ходе многих драматических эпизодов переживания процесса смерти-возрождения. Кроме

того, после смерти эго, человеческое существование часто воспринимается на более широком фоне. Какими бы сложными ни казались, с объективной точки зрения, жизненная ситуация и создавшиеся обстоятельства, самоубийство больше не представляется решением проблемы.

В нашей работе с алкоголиками и наркоманами, употреблявшими героин, наблюдаемая картина походила на то, что происходило у лиц с суицидальными наклонностями. Лежащие в основе этих состояний побудительные причины, подобны, и с определенной точки зрения, алкоголизм и наркомания являются формами замедленного самоубийства.

У тех, кто принимал ЛСД и пережил глубокое чувство космического единства, зачастую развивалось негативное отношение к состояниям сознания, вызываемого опьянением или наркотиками. В ходе исследования «Спринг Гроув», в котором число ЛСД-сеансов было ограниченным, среди алкоголиков и наркоманов, принимавших героин, четко проявилась тенденция к отходу от своей привычки в результате одного сеанса, проводимого с применением высокой дозы препарата. В более свободных лечебных условиях, существовавших в Пражском научно-исследовательском институте психиатрии, где было возможно проведение серий ЛСД-сеансов, полная проработка перинатального материала в нескольких случаях приводила к устойчивому воздержанию и глубокой перестройке личности у алкоголиков и наркоманов.

Прозрения этих пациентов, касавшиеся природы их привычек, подобны прозрениям, имевшим место у лиц с суицидальными наклонностями. Пережив в ходе сеансов чувство космического единства, они осознали, что то, к чему они стремились, было трансцендентностью, а не наркотическим дурманом. Они увидели определенное искусственное сходство и взаимопересечение одурманивания, вызываемого алкоголем или героином, с ощущением единства, активизированным ЛСД, и начинали понимать, что их стремление к вину и наркотикам основывалось на смешении этих двух

состояний. Компоненты, видимо, общие для этих двух состояний, -- уменьшение или исчезновение различных болезненных эмоций и ощущений, равнодушие к прошлому и будущему и нерасчлененное состояние сознания.

Однако, с другой стороны, многие существенные характеристики состояния единства не являются частью переживаний, вызываемых алкоголем или наркотиками. Вместо состояния космического сознания во всей его бесконечности наркотики и алкоголь создают карикатуру, достаточно похожую, чтобы обмануть и склонить к их регулярному злоупотреблению вкусивших их. Повторяющийся прием приводит к биологической привязанности к препарату и наносит употребляющему его физический, эмоциональный и социальный ущерб.

После опыта смерти это злоупотребление алкоголем или наркотиками, а также суицидальные тенденции воспринимаются как трагическая ошибка, являющаяся следствием неузнанной, неправильно истолкованной духовной тяги к трансцендентности. Наличие сильных чувств подобного рода, сколь невероятным это не показалось бы знакомым со стилем жизни и поведения наркоманов и алкоголиков, может быть проиллюстрировано статистическими данными, полученными во время психоделической терапии. В ходе проводимых в клинике «Спринг Гроув» исследований алкоголики и наркоманы показали самый высокий процент мистических переживаний из всех изучавшихся групп, включая невротиков, специалистов по психогигиене и умирающих.

Символическая встреча со смертью также оказывает значительное воздействие на агрессивность и садомазохизм. Активизация разрушительного потенциала личности является одним из важнейших аспектов борьбы смерти и возрождения. Сцены насилия и массового уничтожения, наряду с образами садомазохистских оргий, являются постоянными элементами перинатальных разверток. В них собирается и разряжается огромное количество разрушительной энергии, и в результате резко снижаются агрессивные чувства и побуждения. Переживание же возрождения, как правило, сопровождается любовью, состраданием и уважением к жизни.

Проявления острых психотических состояний часто напоминают переживания в ходе различных трансформирующих событий ритуального характера, которые мы уже описывали выше. Многие шизофреники проходят через суровые испытания, включающие в себя крайние степени физических и ментальных страданий, глубокое сознание абсурдности бытия, многочисленные картины смерти,

уничтожения мира и даже космических катастроф. Адские пытки и столкновения с демонами иногда сменяются переживаниями возрождения и воссоздания мира:

Аналогично, разрушительные и саморазрушительные побуждения, озабоченность биологическими субстратами и скатологические интересы наряду с концентрацией на триаде смерть-рождение-секс -- весьма частые явления у этих людей.

Видимо, важной составной частью шизофренического процесса является активизация перинатального уровня подсознания внутренними и внешними факторами неизвестного характера. В то время как в ходе ритуалов и в рамках пси-ходелической терапии глубинное содержание подсознания намеренно активизируется с духовными или лечебными целями в организованном и защищенном окружении, у больных шизофренией все это происходит стихийно, чаще всего принося им вред. Новое понимание процесса шизофрении недавно привело к терапевтическим усилиям, нацеленным на проведение этих людей через их переживания до конечной, объединяющей частные проявления стадии, вместо того, чтобы подавлять и пытаться держать под контролем психотическую симптоматику*.

Материал, полученный в ходе клинических исследований психоделиков, антропологические и исторические данные, касающиеся обрядов перехода, а также изучение протекания шизофрении доказывают важность смерти для человеческой психологии и психопатологии. Причина психологического значения проблемы смерти кроется не в осознании интеллектом факта бренности и знании о неизбежности кончины, а в существовании значимых хранилищ переживаний смерти в нашем подсознании. Как субъективное, так и объективное исследование данных областей осложняется тем, что при нормальных условиях перинатальные

-
- Заинтересованный читатель найдет дополнительную информацию о параллелях, существующих между шизофренией и процессом посвящения, а также о новых подходах к этому заболеванию в книгах и статьях Р.-Д. Лэйнга, Джона Перри, Мориса Раппопорта и Джулиана Силвермэна. Применение опыта, полученного в ходе исследований ЛСД, для понимания шизофрении, наряду с описанием некоторых первоначальных экспериментов по проведению психоделической терапии пациентов, находящихся в психотическом состоянии, будут подвергнуты обсуждению в будущей книге.

энергии ограждены крепкими барьерами, охраняющими эго от их прямого воздействия.

Лицо, испытавшее смерть и возрождение в ходе сеанса, ретроспективно понимает, что сознание смерти постоянно существовало в нем в течение всей предыдущей жизни в смягченной форме или же в форме многих ее производных. При нормальных обстоятельствах подсознательная уверенность в смерти незримо присутствует во всевозможных человеческих отношениях и поведении. Когда же система барьеров, обычно ограждающая эго от перинатального уровня, начинает распадаться или частично нарушается, эти компоненты проникают в сознание и пробуждают различные невротические и психосоматические реакции. Полный развал оградительной системы проявляется в психотических эпизодах, в ходе которых содержание перинатальных матриц целиком поглощает эго и становится для индивида эмпирическим миром.

Одним из наиболее распространенных способов защиты себя от болезненного воздействия перинатальных компонентов является то, что лица, принимавшие ЛСД, обозначают как «механистический» подход к существованию. Проживающие жизнь подобным образом, испытывают глубокое чувство недовольства собой и ситуацией, в которой находятся, в результате основная часть их размышлений направлена на прошлое и будущее. Они постоянно пережевывают прошлое, сожалея о принятых когда-то решениях, мечтая о том, что могло бы быть, поступи они лучшим образом, либо подвергая свои действия моральной оценке. Их неудовлетворенность настоящим приводит к возникновению компенсаторных фантазий, в которых осуществляется желаемое или они строят преувеличенные планы, касающиеся будущих успехов. Вне зависимости от достижения того, что должно было принести удовлетворение, испытываемая ими горечь и ощущение неисполнения желаемого остаются и требуют разработки новых честолюбивых целей и планов. Такая постоянная ориентация на будущие достижения названа философами-экзистенциалистами «автопроецированием». Подобный цикл никогда не завершается и лишь увековечивает неудовлетворение, ибо люди, подпадающие под эту категорию, неверно понимают природу своих потребностей и концентрируются на внешних заместителях, будь то деньги, положение, слава или сексуальные достижения. Можно всю жизнь провести подобным образом, стремясь к различным видам деятельности, которые, однако, по завершении никогда не приносят ожидаемого

удовлетворения. Зачастую такая ситуация сопровождается ощущением бессмысленности бытия и неспособности наслаждаться плодами своего труда. Человек, попавший в порочный круг подобного рода, как правило, страдает от острого сознания краткости человеческой жизни в свете всего, что можно было бы испытать и следовало бы сделать.

Тот, кто прошел сквозь психологическую смерть и возрождение, понимает, что позитивное отношение к жизни и глубокое ощущение смысла своего существования не зависят от сложных внешних обстоятельств. Они представляют собой изначальное состояние организма и способ пребывать в мире, не зависящий, за исключением некоторых крайних случаев, от материальных обстоятельств жизни. Когда присутствует это фундаментальное принятие жизни, то даже самые скромные условия существования могут восприниматься как стоящие. Когда же его нет, никакие успехи во внешнем мире не могут даровать его. Оно возникает в ходе глубокого самоисследования и внутренней трансформации.

Хотя проявление феномена смерти-возрождения вероятнее всего в специально спланированных и организованных структурах, типа обрядов перехода или

психоделической терапии, глубокие переживания этого феномена порой могут происходить спонтанно либо вследствие тривиальных событий повседневности. То, что глубокие эпизоды смерти-возрождения способны иметь место вне рамок их специального программирования и без применения мощной техники, нацеленной на смену уровня сознания, указывает в гораздо большей степени, нежели наши собственные наблюдения, на существование матриц в человеческом подсознании, порождающих подобные явления. Поскольку спонтанное переживание смерти и возрождения имеет столь непосредственное отношение к нашему обсуждению, мы приведем в виде примера описание происшествия, имевшего место в жизни одного хорошо известного психолога. Событие, ретроспективно описываемое им, произошло, когда ему был двадцать один год. Оно оказало мощное и длительное воздействие на его личную жизнь и профессиональную деятельность.

Все началось, когда я был на вечеринке в Сан-Франциско. Женщина, с которой я встретился в тот вечер, предложила покататься. Когда мы подъезжали к мосту «Золотые ворота», она упомянула о том, что мы едем на «Мерседесе» с убирающимся верхом. Женщина сказала, что иногда, пересекая мост, она убирает верх машины, откидывается на

сиденье и смотрит в небо. Она уже чуть не погубила себя этим. Когда мы подъехали к мосту, она убрала верх и предложила мне откинуться назад на сиденье и смотреть в небо на звезды. Я еще помню, как краем глаза видел тросы, поднимающиеся к первым опорным стойкам моста. Я смотрел на каждую стойку; вертикали были ярко освещены и выглядели золотыми нитями, поднимающимися к звездам. Когда мы подъехали к первой стойке, я окинул ее взглядом, и внезапно у меня возникло ощущение, что что-то тянет меня за лицо, рот, вытягивая до уровня стоек моста. Я ощутил как бы мгновенное расширение во все стороны. Помню также, что, приблизившись к следующему ряду стоек, я ощутил сдавливание, словно что-то втягивало меня обратно в тело, как джина в бутылку. Чувство легкости и полета было чарующим переживанием. Затем я осознал, что сижу в машине и смотрю через убранную крышу наверх. Когда мы подъехали ко второй опорной стойке, я почувствовал сильнейший порыв веселья, легкости и снова мог краем глаза видеть тросы, сходящиеся ко второй стойке моста. Меня снова стало тащить наружу, и на этот раз возникло четкое чувство, что я действительно вытягивался из тела. Я ощущал, как поднимаюсь все выше и выше, пока, наконец, не смог смотреть с вершины моста на двигавшиеся внизу подо мной машины. Мне казалось, что движение вверх все ускоряется и продолжается уже за пределами стоек моста. Я начал спрашивать себя, что же здесь происходит, что я делаю, что случилось. Я мгновенно получил ответы, а затем у меня возникло ощущение все возрастающей экзальтации, расширения во все стороны и ответов, приходящих еще до формулирования вопросов. Я продолжал ощущать экзальтацию и расширение до того мига, когда почувствовал беззвучный белый взрыв, вот я уже расширялся во все стороны в виде чего-то, подобного мягкому белому свету. Я чувствовал, что достиг бесконечности, и знал все, что можно было знать, и на все вопросы был ответ.

Вот что я пережил. То, что я собираюсь изложить ниже, было позднее передано мне спутницей. Она рассказала: когда мы подъехали к первой опорной стойке, я застонал, и она оглянулась. Когда подъехали ко второй, я неожиданно вскрикнул. Она сказала, что было криком не боли, а экзальтации. На моем лице было замороженное выражение, и тело очень напряжено. Другой частью переживаемого в тот момент было ощущение, что, пребывая в ясном пространстве, заполненном белым светом, мне почудилось какое-то замедление, что-то вроде космического монотонного звучания. В машине же в тот момент, видимо, происходило следующее:

когда я закричал, женщина обернулась, сбросила газ, и мотор стих. Мне показалось тогда, что я умер. Я был полностью, абсолютно и совершенно убежден, что умер, что это случилось в мгновение ока, что произошла автомобильная катастрофа, а я мертв—ведь все в моей христианской традиции утверждало: ты видишь Бога лишь тогда, когда умер. В тот миг я ощущал и каким-то образом знал, что нахожусь в присутствии Бога, потому и пришел к выводу, что я должен быть мертв.

Неожиданно в момент мысли о смерти я сильно испугался. Помню это сжимающее чувство страха. Я ощущал себя как бы джинном, всасываемым в малюсенькую холодную бутылочку. Я почувствовал себя

стягивающимся, пока не стал твердым, холодным, тяжелым и подобным мрамору, а затем обнаружил, что вновь нахожусь в теле, очень даже в теле, ощущая боль в суставах, холод и зажатость. Я посмотрел на спутницу, которая сидела за рулем, и, казалось, между нами пролегали мили пути. Размеры машины казались колоссальными, и женщина превратилась в какую-то каменную, серую, холодную фигуру, весьма похожую на труп. Все вокруг виделось неодошевленным, мертвым и холодным. В этот момент я подумал, что скончался, что произошла очень тяжелая автомобильная авария и что я резко перешел в посмертное состояние. Я думал: чтобы убедиться в своей смерти, мне пришлось бы испытать падение машины с моста, хруст металла, который будет рвать мою плоть. Внезапно осознав, что совершать всего этого в страхе и терзаниях мне будет не нужно, я почувствовал, как вновь возношусь в белое сияние, ощущая покой и экстаз. В этот момент, как сказала позже спутница, я начал рыдать, повторяя:

«Почему—я?». Не -- «Почему я умер?», а - «Почему мне, почему мне дано было все это пережить?».

Изучение смерти имеет ключевое значение для осознания психических процессов. Нет никаких сомнений в том, что истинное понимание религии, мистики, шаманизма, обрядов, перехода или мифологии было невозможно без близкого знакомства с переживанием смерти и процессом смерти-возрождения. Эти сведения важны для углубленного понимания природы душевных расстройств, особенно шизофрении. Игнорирование перинатального и трансперсонального уровней подсознания неизбежно приводит к искусственным и искаженным представлениям о строении человеческого сознания, к фрагментарному пониманию характера эмоциональных расстройств, к ограничению возможностей лечебной практики.

Понимание психологического смысла смерти не должно сопровождаться негативными ассоциациями. Серьезное символическое соприкосновение с ней в хорошо организованных и обеспечивающих поддержку условиях может привести к весьма полезным результатам и служить средством преодоления как негативных представлений о кончине, так и связанного с нею страха. Такое соприкосновение может привести к лучшему эмоциональному и физическому функционированию, большей степени самореализации, а также к более удовлетворительному и гармоничному приспособлению к процессу жизни.

Смерть и жизнь, обычно рассматриваемые как несовместимые противоположности, представляются на деле взаимозависимыми. Полноценное существование, наполненное сознанием каждого мига жизни, ведет к принятию смерти и примирению с

ней. С другой стороны, подобный подход к человеческому существованию требует, чтобы мы смирились с нашей смертностью и брэнностью бытия. Данное положение представляется сутью древних мистерий, различных видов духовной практики и ритуалов перехода.

Раввин Гершель Лимон, участвовавший в нашей обучающей психоделической программе на основе ЛСД, так выразил свое исключительное проникновение в существо этих диалектических взаимоотношений жизни и смерти. Во время выхода из ЛСД-сеанса, в котором он пережил сокрушительное столкновение со смертью с последовавшим чувством духовного возрождения, ему вспомнилось известное изречение, высказанное пятьсот лет назад Леонардо да Винчи. В час наступления кончины Леонардо подвел итог своему отношению к той богатой и плодотворной жизни, которую он прожил, сказав: «Я думал, что я живу, но я только готовился умереть». Рабби Лимон, описывая пережитую им во время ЛСД-сеанса борьбу смерти и возрождения, так перефразировал слова Леонардо:

«Я думал, что я умираю, но я только готовился жить».

Библиография I

Abramson, H.A., and Evas, L.T. «LSD-25: II. Psychological Effect on the Siamese Fighting Fish». *Science* 120 (1954): 990.

Arendsen-Hein, G.W. «Dimensions in Psychotherapy» in *The Use of LSD in Psychotherapy and Alcoholism*, edited by H.A.

Abramson. New York: Bobbs-Merrill, 1967.

Barrett, W. *Death-Bed Visions*. London: Methuen, 1926.

Bateson, G. *Naven*. 2nd ed» Stanford, California: Stanford University Press, 1958.

Bierce, A. «An Occurrence at Owl Creek Bridge». In *Great Modern American Stories, An Anthology*, edited by W.D.Howells. New York: VSS Information Corp., 1972.

Bonny, H., and Pahnke, W.N. «The Use of Music in Psychedelic (LSD) Psychotherapy». *J.Music Therapy* 9 (1972): 64.

Bottome, P. *Alfred Adier, A Biogragpy*. New York: Putnam Press, 1939.

Brun, R. «Ueber Freuds Hypothese vom Todestrieb». *Psyche* 7 (1953): 81.

Budge, E.A. *Wallis: The Egyptian Heaven and Hell*. La Salle, 111.: Open Court, 1974.

-----, *The Book of Dead*. New Hyde Park, N.Y.: University Books, 1960.

Capra, F. *The Tao of Physics*. Berkeley, Calif.: Shambhala, 1975.

Champdor, A. *The Book of the Dead: From the Ani. Hunefer, and Anhai Papyri in the British Museum*. New York: Qarrett Publications. 1966.

Clark, E.H. *Visions; A Study of False Sight*. Cambridge, Mass.: The Riverside

Press; Boston, Houghton, Osgood & Co., 1878.

Cobbe, F.P. «The Peak in Darien: The Riddle of Death». *Littell's Living Age and*

New Quarterly Review 134 (1877): 374.

Cohen, S. «LSD and the Anguish of Dying». *Harper's Magazine* 231 (1965): 69,

77.

Crosby, C. *The Passionate Years*. New York: Dial Pres, 1953.

Delacour, J.B. *Glimpses of the Beyond*. New York: Delacorte Press, 1974.

Eissler, K.R. *The Psychiatrist and the Dying Patient*. New York:

International

Universities Press, 1955.

Eliade, M. Rites and Symbols of Initiation: The Mysteries of Death and Rebirth.

New York: Harper and Row, 1958.

----- **Myths, Dreams, and Mysteries. New York: Harper and Row, 1960.**

----- **Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy. Bollingen Series, vol. 76.**

New York: Pantheon Books, 1964.

Evans-Wenz, W.E. The Tibetan book of the Dead. London: Oxford University Press. 1957.

Feifel, H» ed. The Meaning of Death. New York: McGraw-Hill, 1959.

Fenichel, O. The Psychoanalytic Theory of Neurosis. New York: Norton & Co., Inc., 1945.

Fisher, O. «Psychotherapy for the Dying: Principles and Illustrative Cases with

Special Reference to the Use of LSD». Omega 1 (1970): 3.

Fremantle, F., and Rinpoche, Chogyam Trungpa. The Tibetan Book of the Dead. Berkeley, Calif., and London: Shambhala, 1975.

Freud, S. «The Theme of the Three Caskets». In Collected Papers 4. London:

Hogarth Press, 1925.

----- **«Thoughts for the Times on War and Death». In Collected Papers 4. London: Hogarth Press, 1925.**

----- **Beyond the Pleasure Principle. Edited and translated by James Strachey. New York: W.W. Norton, 1975.**

----- **An Outline of Psychoanalyse. New York: Norton Press, 1949. Qardfield, C.A. Psychothanatological Concomitants of Altered State Experiences: An Investigation of the Relationship between Consciousness Alteration and Fear of Death. Ph.D. dissertation. University of California, 1974.**

Gennep, A. van. Rites of Passage. Translated by Monika B.Vizedon and Gabrielle LCaffee. Chicago: University of Chicago, 1961.

Godfrey, K. Personal communication.

Grot, S., Pahnke, W.N., Kurland, A.A., and Goodman, L.E. «LSD-Assisted Psychotherapy in Patients with Terminal Cancer». A presentation at the Fifth Symposium of the Foundation of Thanatology, New York City, November, 1971.

----- **«LSD and the Human Encounter with Death». Voices 8 (1972): 64.**

----- **Realms of the Human Unconscious: Observations from LSD Research.**

New York: E.P. Dutton, 1976.

Hart, H. The Engima of Survival. Springfield, Ill.: Charles Thomas, 1959. Heidegger, M. Sein und ZeU. Halle. East Germany: Max Niemager, 1927.

Heim, A. «Notizen ueber den Tod durch Abstuszu»^ Jaburch des Schweizer Alpenklub 27 (1892): 327.

Hunter, R.C.A. «On the Experience of Nearly Dying». Amer. I. Psychiat. 124 (1967):84.

Huxley, A. Island. New York:Bantam, 1963.

----- **The Doors of Perception and Heaven and Hell. New York:**

Hauper and Row, 1963.
 -----, «Visionary Experience». Lecture from a series of Talks entitled «The Human Situation», Los Alamos, 1962. Available as a record, copyright L. Huxley, A.-102.
 -----, **Brave New World. Bantam Modern Classic. New York: Harper and Row, 1968.**
Huxley. L.A. This Timeless Moment. New York: Fan-ar, Straus & Giroux, 1968.
Hyslop, J.H. Psychical Research and the Resurrection: Small, Maynard and Co., 1908.
James, W. The Varieties of Religious Experience. New York: Longmans Green & Co., 1929.
Jung, C.G. «Two Essays on Analytical Psychology», Collected University Press,
 -----, **Memories, Dreams, Reflections. New York: Pantheon, 1961.**
Kast, E.C. «The Analgesic Action of Lysergic Acid Compared with Dihydromorphi-none and Meperidine». Bull. Drug Addition Narcotics, App. 27 (1963): 3517.
 -----, «Pain and LSD-25: A Theory of Attenuation of Anticipation». In **LSD-25: The Consciousness-Expanding Drug. Edited by D.Solomon. New York: Putnam Press, 1964.**
 -----, and **Collins. V.J. «A Study of Lysergic Acid Diethylamide as an Analgesic Agent». Anaesth. Analg. Curr. Res. 43 (1964): 285.**
 -----, «LSD and the Dying Patient». **Chicago Med. Sch. Quart. 26 (1966): 80.**
Kubler-Ross, E. On Death and Dying. London: Collier-Macmillan Ltd., 1969.
 -----, **Questions and Answers about Dying and Death. New York: macmillan, 1974. /**
Kurland, A.A., Pahnke, W.N., Unger, S., Savage, C., and Oodman, L.E. «Psychedelic Psychotherapy (LSD) in the Treatment of the Patient with a Malignancy». Ex-cerpta Medica International Congress Series No. 180. The Present Status of Psychot-ropic Drugs ISO. Proceedings of the Sixth International Congress of the CINP in Tar-ragona, Spain (April 1968): 432.
 -----, **Savage, C., Pahnke, W.N., Grot, S. and Olsson, J. «LSD in the Treatment of Alcoholics». Pharmakopsychiatrie, Neuropsychopharmakologie 4 (1971): 83.**
Laing, R. The Politics of Experience. New York: Ballantine Books, 1976.
Leary, T., Metzner, R., anf Alpert, R. The Psychedelic Experience: A Manual Based on the Tibetan Book of the Dead. New Hyde Park, N.Y.: University Books, 1964.
Maslow, A. Toward a Psychology of Being. Princeton, N.J.: Van Nostrand, 1962.
 -----, «A Theory of Metamotivation: The Biological Rooting of the Value-Life». In **Readings in Humanistic Psychology, edited by A. Sutich and M.A. Vich. New York: The Free Press, 1969.**

- Masres, R. Houston, J. **Mind Games: The Guide to Inner Space.** New York: Viking Press, 1972.
- McCabe, O.L. **An Empirical Investigation of the Effects of Chemically (LSD-25) Induced ^Psychedelic Experiences» on Selected Measures of Personality.** Baltimore: Dissertation Monograph, 1968.
- McFarland, R.A. **Fatigue and Stress Symposium, January 1952, Operations Research Office Technological Memorandum, ORO-T-185.**
- Mead, M. **«Ritual and the Conscious Creation on New Rituals».** Prefatory statement prepared for the participants of the Fiofty-Ninth Burg Wartenstein Symposium on Ritual: Reconciliation in Change, sponsored by the Wenner-Gren Foundation. Gloggnitz, Austria, July 1973.
- Meduna, L.J. **Carbon Dioxide Therapy.** Springfield, III.:Charles C. Thomas, 1950.
- Melzack, R.. and Wall, P.D. **«Pain Mechanisms: a New Theory».** Science 150 (1965): 971.
 ----- The Puzzle of Pain. New York: Basic Books. 1973.
- Moody, R.A. **Life After Life,** Atlanta, Ga: Mockingbird Books, 1975.
- Munk, W. **Euthanasia or Medical Treatment in Aid of an Easy Death.** New York: Longmans, Green & Co., 1887.
- Noyes, R. **«Dyingand Mystical Consciuousness».** LThanatol 1 (1971): 25.
 -. **«The Experience of Dying».** Psychiatry 35 (1972): 174.
 -----, and Kletti, R. **«The Experience of Dying from Falls».** Omega 3 (1972):
- Origenes Adamantus (Father Origen): **De Principiis -- On First Principles.** Translated by G.W. Buterworth. Gloucester, Mass.: Peter Smith, 1973.
- Osis K. **Deathbed Observations by Physicians and Nurses.** New York: Parapsychology Foundation, 1961.
- Pahnke, W.N., and Richards, W.A. **-Implications of LSD and Experimental Mysticism».** J.Religion & Health 5 (1966): 175.
 ----- **«The Psychedelic Mystical Experience in the Human Encounter with Death» An Ingersoll Lecture.** Harvard Theol. Rev. 62 (1969): 1.
 -----; Kurland, A.A., Richard, W.E., and Goodman, L.E. **«LSD-Assisted Psychotherapy with Terminal Cancer Patients».** In **Psychedelic Drugs.** Edited by R.E. Hicks and P.J. Fink. New York: Orune and Stratton, 1969.
 -----, Kurland, A.A., Unger S., Savage, C., and Grof, S. **«The Experimental Use of Psychedelic (LSD) Psychotherapy».** JAMA 212 (1970): 1856.
 -----, Kurland, A.A., Unger S., Savage, C., Wolf, S., and Goodman. L.E. **«Psychedelic Therapy (Utilising LSD) with Terminal Cancer Patients».** /. **Psychedelic Drugs 3 (1970): 63.**
- Perry, J.W. **The Far Side of Madness.** Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1974.
- Pifister, 0. **«Schockdenken und Schockphantasien bei hochster Todesgefahr».** Ztschr. fur Psychoanalyse 16 (1930): 430.

Poe, E.A. «A Descent into the Maelstrom». In *The Complete Tales and Poems of Edgar Allan Poe*. New York: Modern Library, 1938.

Popov, A.A. *Tavgijcy: Materialy po etnografii avamskich i vedeevskich tar-gicev*. Moscow and Leningrad: Trudy instituta antropologii i etnigrafii, 1, 5, 1936.

Rainer, R. *Ars Moriendi: Von der Kunst des heilsamen Lebens und Sterbens*. Koeln-Graz: Boehlau Verlag, 1957.

Rappaport, M., Hopkins, K., Hall, K., De Belleza, T., and Silverman, J. *Selective Drug Utilization in the Management of Psychosis*. NIMH Grant Report. MH-16445, March 1974.

Richards, W.A. «Counseling, Peak Experiences and the Human Encounter with Death. An Empirical Study of the Efficacy of DPT-Assisted Counseling in Enhancing the Quality of Life of Persons with Terminal Cancer and Their Closest Family Members». Ph.D. dissertation, School of Education, Catholic University of America. Washington, D.C., 1975.

Richards, W.E., Grof, S., Goodman, L.E., and Kurland, A.A. «LSD-Assisted Psychotherapy and the Human Encounter with Death». *J. Transpersonal Psychol.* 4 (1972):

121

Rosen, D. «Suicide Survivors; A Follow-Up Study of Persons Who Survived Jumping from the Golden and San Francisco-Oakland Bay Bridges». *West. J. Med.* 122 (1975): 289.

Saunders, C.M. «The Treatment of Intractable Pain in Terminal Cancer». *Proc. Roy. Soc. Med.* 56 (1961): 195.

-----, *The Management of Terminal Illness*. London: Hospital Medicine Publications, 1967.

-----, «The Need for In-Patient Care for the Patient with Terminal Cancer».

Middlesex Hospital Journal 72 (1973), no. 3.

Savage, C., McCabe, O.L., and Kurland, A.A. «Psychedelic Therapy of the Narcotic Addict». In *The Drug Abuse Controversy*. Edited by C. Brown and C. Savage. Baltimore: National Education Consultants, 1972.

Schure, E. *The Great Initiates*. West Nyack, N.Y.: St. George Books, 1961.

Sherwood, J.N., Stolaroff, M.J., and Harman, W.W. «The Psychedelic Experience:

A New Concept in Psychotherapy». *J. Neuropsychiat.* 3 (1962): 370.

Silverman, J. «Shamans and Acute Schizophrenia». *Amer. Anthropol.* 69 (1967):

-----, «Acute Schizophrenia: Disease or Dis-Ease». In *Readings in Psychology Today*. San Francisco: CRM Books, 1972.

Simontom, C.O., and Simontom, S.S. «Belief Systems and Management of the Emotional Aspects of Malignancy». *J. Transpersonal Psychol.* 7 (1975): 29.

-----, «The Role of the Mind in Cancer Therapy». Lecture at symposium entitled *Dimensions of Healing at the UCLA*, October 1974.

Станислав Гроф

Джоан Хэлифакс

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

Серия «ТЕКСТЫ Трансперсональной Психологии»

**Научный редактор серии Владимир Майков
Директор издательства Михаил Бурняшев
Издательство АО «AirLand» Киев, (044) 228-00-25, (044) 224-19-77
Издательство Трансперсонального Института 113519, Москва, ул.**

Чертановская, 29-2-62 Лицензия ЛР 063369 от 20.05.1994 г.

**Сдано в печать 04.04.96. Печать офсетная. Бумага офсетная. Формат 60x88/16.
Объем 16 п. л. Тираж 5 000 экз. Заказ N 53.**

Отпечатано в АООТ «Оригинал». 101898, Москва, Хохловский пер., 7.

Станислав Гроф

Области человеческого бессознательного: Данные исследований ЛСД

Джоан и моим родителям

От автора

Я хотел бы воспользоваться возможностью выразить глубокую признательность по крайней мере некоторым из моих наставников и друзей, к которым я испытываю благодарность за неоценимую помощь или руководство на различных стадиях исследовательской работы, приведшей в результате к публикации этой книги. Впервые я познакомился с ЛСД в 1955 году в отделении д-ра Георга Рубичека, профессора отдела психиатрии медицинской школы Карпова университета в Праге. Д-р Рубичек положил в свое время начало применению этого препарата в чехословацкой психиатрии. На протяжении двух последних лет моего обучения медицине я стажировался в психиатрической больнице, где получил возможность вести наблюдения и беседовать с некоторыми участниками первых экспериментов с ЛСД, проводимых Рубичеком. В его отделении и под его контролем я прошел в 1956 году свой первый ЛСД-сеанс. То, что я испытал, углубило и усилило мой интерес к психоделикам до такой степени, что это стало делом моей жизни.

В первые годы собственных исследований я получил неоценимую помощь от д-ра Милаша Войцеховского. В то время он возглавлял междисциплинарную группу, в которой я занимался вопросами связи между действием различных психоделиков и симптоматологией шизофрении. После нескольких лет волнующей и плодотворной работы в этой группе мой интерес к подходу «смоделированного психоза» сменился диагностическим и терапевтическим экспериментированием с психоделиками. И хотя профессиональное сотрудничество было относительно недолгим, наши дружеские отношения не прервались даже после концептуального расхождения. Я глубоко признателен д-ру Войцеховскому за приобретенные под его руководством знания, за уроки научного мышления и методологии.

Очень многим я обязан д-ру Любомиру Ганцличеку, директору Научно-исследовательского института психиатрии в Праге, где я проделал большую часть своей работы. Исследование ЛСД было бы невозможно осуществить без его редкой ментальной открытости, без понимания и поддержки на протяжении нескольких лет моих нетрадиционных изысканий. Я хочу также поблагодарить двух моих бывших коллег из того же института — д-ра Юлию Сobotкебич и д-ра Зденека Дитриха. Они участвовали в проведении исследований ЛСД в Праге, в которых я был ведущим исследователем. Во время наших ежедневных обсуждений они с готовностью делились со мной результатами проводимых ими ЛСД-сеансов и предоставляли в мое распоряжение свои записи. Описанные в этой книге теоретические концепции отчасти базируются на их клиническом материале, но в целом они развивались независимо от концепций и подходов этих коллег; идеи, выраженные в

данной книге, полностью лежат на моей ответственности. Я признателен д-ру Томашу Досталю, чье внимание, ободрение и дружеская помощь были так важны для меня, когда в относительной изоляции от большинства моих коллег-профессионалов я изучал территории человеческого ума, еще не нанесенные на карту.

Кроме того, я хотел бы отметить медицинский персонал нашего отдела в Научно-исследовательском институте психиатрии в Праге, медсестер и нянечек, которые на протяжении целого ряда лет оказывали мне неоценимую помощь. Они проявили глубокий интерес к проблеме, добровольно участвуя в тренировочных ЛСД-сеансах, с тем чтобы понять переживания наших пациентов под воздействием препарата и прочувствовать его терапевтические свойства. В повседневной работе они терпеливо принимали все, что было связано с нередко возникающими драматическими обстоятельствами новой экспериментальной терапевтической программы, и с неослабевающим энтузиазмом и преданностью исполняли все дополнительные обязанности.

Решающим фактором в написании этой книги явилось мое двухлетнее участие в исследованиях, проводившихся в Соединенных Штатах с 1967 по 1969 год. Оно дало мне и время, и необходимый умственный настрой для подготовки первого варианта рукописи, суммирующей мой опыт работы с ЛСД. Я особенно признателен Фонду исследований в области психиатрии в Нью-Хэйвене (штат Коннектикут), великодушная финансовая поддержка которого сделала возможным мое пребывание в Соединенных Штатах. Я хотел бы также выразить глубокую благодарность д-ру Джоэлю Элкису, профессору и главе отделения психиатрии и изучения поведения медицинской школы университета имени Джона Хопкинса в Балтиморе (Мэриленд). Д-р Элкис направил мне приглашение на работу в клинической и исследовательской программах и оказал мне неоценимую помощь во время моего пребывания.

Особых слов благодарности заслуживает д-р Альберт А. Курлэнд, директор Мэрилендского центра психиатрических исследований и специальный уполномоченный по исследованиям департамента психогигиены штата Мэриленд. Именно благодаря содействию д-ра Курлэнда я смог заниматься исследованиями ЛСД с самого приезда до настоящего времени. Мне хотелось бы упомянуть членов Мэрилендского центра психиатрических исследований и их семьи. Дружеская атмосфера взаимного уважения и понимания, поддерживаемая ими не только в Центре, но и во время многих совместно проведенных вечеров и уик-эндов, в значительной степени помогла мне войти в новую для меня жизнь.

Эта книга, вероятно, не была бы написана и опубликована без одобрения и поддержки со стороны многих моих американских друзей, которые вселили в меня уверенность относительно важности предлагаемой мной информации. Особая благодарность Хьюстону Смитту, Джозефу Кемпбеллу, Уолтеру Кларку, Маргарет Мид, Алану Уоттсу, Лауре Хаксли. Энтони Сутичу, Гэби и Соне Маргулис и, в особенности, Абрахаму Мэслоу.

Я глубоко признателен Институту Эсалена в Биг-Суре (штат Калифорния) и его филиалам в других частях Соединенных Штатов и в Канаде за предоставленную мне возможность читать лекции, проводить семинары и практические занятия. Кроме того, институт Эсален создал для меня и моей жены прекрасные условия для работы над готовящейся серией книг. В этом отношении я также многим обязан Роберту и Леоноре Шварц. Благодаря их великодушию мы с женой смогли на время освободиться от административных обязанностей и сконцентрировать наши усилия на работе над будущим изданием. Хочется от души поблагодарить Майкла Мерфи, Ричарда Прайса, Джулиан Сильверман, Эндрю Гагарина и Ричарда Гроссмана — всех наших близких друзей, которые наряду со Шварцами создали идеальные условия для нашей творческой деятельности.

Мой брат, д-р Поул Граф, сделал многосторонний вклад в эту книгу. Его образование в области экспериментальной психиатрии дало ему необходимую квалификацию и знания, а характер наших отношений на протяжении жизни позволил ему быть моим наиболее стойким сторонником и самым искренним, самым непреклонным критиком.

Трудно подобрать подходящие слова благодарности и признательности моей жене, д-ру Джоан Халифакс-Граф за вклад, внесенный в эту книгу. Ее антропологическое образование и личное чутье добавили много новых и важных сторон к моему исследованию; она, как мой сотрудник по терапии, принимала участие в исследовательском проекте, использующем ЛСД-психотерапию в качестве вспомогательной для пациентов, умирающих от рака. В нашем доме она создала атмосферу, способствующую интеллектуальному взаимообогащению и продуктивной авторской работе. Ее энтузиазм, энергия и глубокая эмоциональная отдача всегда были мощным целительным средством в периоды моего творческого спада. Ее постоянная поддержка и помощь явились необходимыми составляющими в завершении этой книги.

Те же, кто сыграл наиболее важную роль в развитии концепций, изложенных в этой книге, и кто принес наибольшую личную жертву, должны остаться анонимными. Это сотни пациентов и добровольцев, ставших частью этого исследования. Они нашли в себе достаточно веры и мужества для повторных путешествий в неведомое и поделились со мной своими переживаниями. Я глубоко признателен им за участие в этом поиске и за их уникальный индивидуальный вклад, сделавший возможным появление этой книги.

Биг-Сур,
Калифорния,
декабрь 1973 года

От редактора

Эта книга, ныне становящаяся доступной широкому кругу читателей, долгое время входила в первую десятку бестселлеров психологического самиздата, наряду с книгами Карлоса Кастанеды, Джона Липли, Рам Дасса, Бхаваган Шри Раджниша. Я познакомился с переводом книги осенью 1980 года, когда после серии таинственных переговоров был представлен переводчикам — супругам Виталию Николаевичу Михейкину и Елене Ивановне Антоновой. Осторожное введение новых людей в «контекст» — неофициальную группу подвижников самопознания, объединявшую художников, психологов, переводчиков, режиссеров, архитекторов, безработных электронщиков — было необходимой мерой: тогда, в 1980-м, могли посадить даже за невинное занятие хатхайгой.

Я хорошо помню пьянящую радость, возникшую после прочтения книги, от внезапно раскрывшейся перспективы свободы, от возможности вырваться из всех клеток, разомкнуть все капканы. Замки, скрепляющие оковы, прочно защелкивались травмой рождения и глухой беспамятностью детства, но к ним были ключи!

«Контекст» — община путников, объединенная вокруг Виталия, «неистового искателя», как я называл его про себя, или просто «Деда», как любовно называли мы его между собой, — собирался еженедельно на «марафоны самопознания». Эти годы были для нас лучшей школой трансперсональной психологии в жизни.

Виталий не дождал до сегодняшних дней, когда трансперсональная психология становится университетским предметом, когда выходят на русском языке ее классические тексты, но он успел встретиться с авторами переведенных им книг — Лилли и Грофом — и видел, как сотни людей просили автографы, протягивая им зачитанные ксерокопии переводов.

Пусть данный том «текстов трансперсональной психологии» немного напомнит нам о тех почти неизвестных подвижниках, которые стремились не к славе и выживанию, а служили мостом и опорой для прежних и нынешних искателей.

Владимир Майков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — первая из серии книг, в которых я намерен собрать и обобщить материалы моих семнадцатилетних наблюдений и в доступной форме изложить опыт работы с ЛСД и другими психоделиками.

Способность этих веществ обострять восприятие искусства и религии, их значение для диагностики личности и лечения эмоциональных расстройств, для изучения шизофрении, для изменения предсмертных переживаний — все это составляло мой главный профессиональный интерес на протяжении многих лет и заняло большую часть времени моих психиатрических исследований.

В 1965 году меня пригласили принять участие в Международной конференции по ЛСД-психотерапии в Амитвилле (Лонг-Айленд), и я написал статью о моем почти десятилетнем опыте исследования ЛСД в Праге. После этой конференции, во время лекционного турне по Соединенным Штатам, мне вручили приглашение Фонда исследований в области психиатрии в Нью-Хэвене (штат Коннектикут). По возвращении в Прагу я получил письмо от д-ра Джоэля Элкиса, руководителя отделения психиатрии и изучения поведения медицинской школы университета имени Джона Хопкинса в Балтиморе, приглашавшего меня приехать в Балтимор и продолжить работу с ЛСД в качестве сотрудника клиники Генри Фиппса и Исследовательского центра государственной больницы в Спринг Гроув.

Когда мне представилась эта уникальная возможность, я был серьезно занят исследовательской работой в Праге, где были собраны подробные отчеты о нескольких сотнях ЛСД-сеансов. Я занимался обработкой данных, пытаюсь сформулировать теорию для понимания поразительных наблюдений, полученных в ходе этих сеансов. К тому времени я уже закончил первые наброски теоретической модели, которая, как мне казалось, содержала большую часть фактов, обнаруженных при исследовании ЛСД.

Эта модель позволила выдвинуть несколько гипотез, которые можно было бы подвергнуть более строгой проверке. Помимо этого, меня буквально захватили возможности, которые, по всей видимости, открывала ЛСД-психотерапия для облегчения эмоциональных страданий раковых больных, оказавшихся перед лицом неизбежной смерти. На основе некоторых предварительных наблюдений я разработал план систематических исследований в этой области.

Великодушное предложение д-ра Элкиса было слишком заманчивым, чтобы отказываться от него. Я решил им воспользоваться и запросил у чешских властей разрешения поехать на год в Соединенные Штаты. После определенных административных трудностей такое разрешение было получено. Когда в марте 1967 года я приземлился в аэропорту Кеннеди, более половины моего сорокафунтового багажа составляли записи, касающиеся исследований ЛСД, проведенных мною в Пражском научно-исследовательском институте психиатрии. Я намеревался завершить анализ полученных мною данных и провести контрольные клинические исследования эффективности техники ЛСД-психотерапии, которую я разработал за долгие годы терапевтического экспериментирования. Кроме этого, моей тайной надеждой было проведение по меньшей мере еще одного теоретического исследования по проверке некоторых аспектов моей новой теоретической модели.

Когда я прибыл в Соединенные Штаты, то выяснилось, что мои планы, мягко говоря, нереальны. Я был поражен ситуацией вокруг психоделиков, сложившейся в этой стране со времени моего первого визита в 1965 году. Когда я покидал Чехословакию, ЛСД легально производилась там ведущей фармакологической компанией с разрешения правительства. Она числилась в официальной фармакопее в качестве терапевтического средства со специфическими показаниями и противопоказаниями наряду с такими пользовавшимися доброй репутацией лекарствами, как пенициллин, инсулин и препараты наперстянки. ЛСД, как экспериментальный и терапевтический препарат, была легко доступна квалифицированному персоналу, а ее распространение находилось под

контролем. В ходе специальной подготовки каждому ЛСД-терапевту нужно было более или менее точно следовать психоаналитической модели. Подготовка включала в себя как минимум пять тренировочных ЛСД-сеансов для врача и проведение им по крайней мере 30 сеансов с отобранными пациентами под наблюдением опытного ЛСД-терапевта. Широкая публика почти ничего не знала о психоделиках, поскольку отчеты об исследованиях подобных препаратов публиковались почти исключительно в научных журналах. Ко времени моего отъезда не существовало ни черного рынка психоделиков, ни их немедицинского применения. Все желающие подвергнуть себя эксперименту имели возможность в медицинских условиях при поддержке профессионала пройти ЛСД-сеанс.

Положение, сложившееся в США, резко контрастировало с вышеописанным. Психоделики начали вызывать всеобщий интерес. На черном рынке ЛСД мог приобрести каждый, независимо от возраста. Экспериментирование на самом себе процветало во всех университетских городках, а многие крупные города имели свои районы с отчетливо выраженными наркотическими субкультурами. Несчастные случаи, связанные с употреблением психоделиков, делались достоянием газет. Почти ежедневно можно было прочитать сенсационные сообщения о психотических срывах, нанесенных себе увечьях, самоубийствах и убийствах, приписываемых воздействию ЛСД. В то же время психоделическое движение оказывало серьезное влияние на современную культуру: музыку, живопись, поэзию, дизайн, прикладное искусство, моду, фильмы, театр и телепостановки.

Меры, предпринятые с целью пресечения опасного экспериментирования на себе в немедицинских условиях, оказались весьма неэффективными и имели нежелательные прямые и косвенные последствия для научных исследований. Лишь горстка проектов выжила в столь сложных условиях. В результате исследования ЛСД были сведены до минимума, и, что парадоксально, поток новой научной информации резко сократился как раз в то время, когда она была крайне необходима: ЛСД и другие психоделики стали серьезной национальной проблемой. Так что, нетрудно себе представить, насколько «эффективными» могут быть меры, предпринятые без ясного понимания природы этой проблемы.

Информация, касающаяся психоделиков и распространявшаяся прессой и различными агентствами, была большей частью поверхностной, неточной и односторонней. Эту ситуацию можно объяснить незнанием и обычной предубежденностью, а также желанием пресечь энтузиазм непрофессионалов, изыскания которых процветали, несмотря на репрессивные меры со стороны закона. Такая искаженная информация вследствие ее несбалансированности, несоразмерности и часто явной некорректности с недоверием воспринималась молодыми людьми. Большинство молодежи продолжало игнорировать реальную опасность, связанную с употреблением психоделиков.

В подобных условиях престиж профессионалов-психиатров резко падал, особенно в молодежной среде и у представителей контркультуры. Многих специалистов приглашали лишь в качестве экспертов для разбора критических ситуаций в надежде на их вмешательство в случае несчастий на психоделической сцене. Но из-за недостатка научных данных у них не было ни необходимой подготовки, ни опыта в этой области, — они не могли четко объяснить действия психоделиков.

Ситуация, с которой я столкнулся в 1967 году, практически не изменилась и в последующие годы. В одних лишь Соединенных Штатах сотни тысяч людей экспериментировали с ЛСД и другими психоделиками. Многие принимали их многократно. Эксперименты на себе сопровождались необычными переживаниями и вели к глубоким изменениям в структуре личности, иерархии ценностей и взглядах на мир. Феномены, наблюдаемые в психоделических сеансах, являются проявлением глубинных областей бессознательного, еще непознанных современной наукой. Поэтому применение существующей теории и практики в вопросах, связанных с употреблением психоделиков, пока что является весьма неэффективным.

По приезду я выступал с лекциями в университетах, психиатрических больницах, исследовательских институтах, центрах роста, колледжах и церковных общинах Соединенных Штатов, Канады и Европы. Во время лекционных турне я обнаружил, что все эти столь разнородные аудитории проявляли одинаково живой интерес к представляемым мною данным. Нередко ко мне подходили люди, искавшие более подробной информации и литературы или просившие о перепечатке статей, из которых они смогли бы больше узнать о проблемах, связанных с ЛСД. Многие из этих людей были психиатрами, психологами, работниками психиатрических лечебниц, социологами, имевшими дело с пациентами, потреблявшими психоделические вещества. Они хотели как можно больше узнать об ЛСД, чтобы понять мир своих пациентов, установить с ними более тесный контакт и, по возможности, помочь им. Просьбы о частной информации я, получал и со стороны многих отчаявшихся родителей, которые испытывали необходимость в наведении моста в отношениях со своими детьми. Подобным же образом ряд учителей и адвокатов, озадаченных состоянием своих учеников и клиентов и потерявших с ними всякий контакт, выражали горячую заинтересованность в получении непредвзятой информации относительно ЛСД.

Представители церкви также демонстрировали потребность и искреннее желание проникнуть в природу религиозных и мистических переживаний, вызванных психоделиками. Они надеялись, что такое понимание, помимо его философского и духовного значения, поможет им стать более отзывчивыми исповедниками в своих общинах, часто озабоченных проблемами наркотиков. Иногда ко мне обращались и адвокаты, имевшие серьезные сомнения относительно адекватности и эффективности существующих законов о наркотиках и стремившиеся приобрести более ясное понимание этих проблем. Специалисты в самых разных областях расспрашивали меня о специфических деталях моих наблюдений, поскольку полагали, что эти данные смогут найти приложение, скажем, в теории личности, психологии религии, психотерапии, генетике, психологии и психопатологии искусства, антропологии, изучении мифологии, образовании, психосоматической медицине, практике акушерства и т.д.

И наконец, последнее (в перечне, но не по важности). Большинство требований о более систематической и доступной информации пришло от людей, имевших опыт употребления ЛСД и искавших прояснения проблем, с которыми они столкнулись. Я обнаружил необычно живой интерес у представителей молодого поколения, особенно у студентов.

Когда я приехал в Соединенные Штаты, мой первоначальный план состоял в завершении анализа исследовательских данных, полученных в Праге, и проведении контрольных опытов, которые должны были бы проверить некоторые разработанные мною новые концепции. Я рассматривал десятилетние исследования ЛСД в Праге как непрерывный поиск верного пути. Такой период для ориентации в новой области может показаться слишком длительным. Однако следует принять во внимание, что задача состояла по крайней мере в том, чтобы составить первые карты неизвестных еще науке и необозначенных территорий человеческого ума.

Мое решение написать серию книг на этой стадии исследования было продиктовано целым рядом обстоятельств. Во-первых, я понял, что невозможно будет повторить мои европейские исследования в более благоприятных условиях, так как истерия в отношении наркотиков быстро возрастала и появлялись тревожные сообщения о возможных генетических нарушениях, связанных с применением ЛСД. Другим важным фактором было возникновение серьезных осложнений у людей, самостоятельно экспериментировавших с ЛСД. Не оставалось сомнений, что для правильного подхода к таким проблемам необходимо располагать более широкой клинической информацией об ЛСД и иметь точное представление о ее действии. Большой интерес, проявленный психиатрами и специалистами в смежных областях, указывал на настоятельную потребность в такой информации. Помимо всего этого, некоторые типичные для психоделических сеансов переживания все чаще наблюдались и описывались в контексте новых психотерапевтических техник и экспериментальных лабораторных процедур. Среди них можно назвать биоэнергетику, сеансы-марафоны, группы проработки конфликтов, гештальт-терапию, биообратную связь, сенсорную изоляцию и сенсорную перегрузку.

Совершенно очевидно, что карты сознания, составленные с помощью такого сильнодействующего средства, как ЛСД, могли бы оказаться полезными для систематизации и интегрирования данных этих смежных областей. Окончательное решение написания этой серии книг основывается на убеждении, что полученные в ЛСД-сеансах данные даже в их настоящем виде имеют огромное теоретическое значение и представляют собой серьезный вызов существующим концепциям современной науки. Я полагаю, что их нужно сделать доступным исследователям в различных научных дисциплинах. Для этой цели я постарался представить данные, в основном опираясь на фактические клинические наблюдения и истории болезни. В такой форме они могут, как я надеюсь, дать стимул и основу для размышлений специалистам и тем читателям, которые не примут предложенную мною теоретическую модель для объяснения наблюдаемых явлений.

После долгих размышлений я решил опубликовать открытия, сделанные во время исследований с помощью ЛСД, в пяти отдельных книгах. В этой книге, первой из намеченной серии, я собрал основную информацию об ЛСД и коротко охарактеризовал различные стадии моего собственного изучения психоделиков — главным образом сконцентрировался на «картографии внутреннего пространства», или на феноменологическом описании различных уровней и типов переживаний, проявившихся в ходе психоделических сеансов. Во второй книге, названной «Человек перед лицом смерти» и написанной в соавторстве с моей женой, д-ром Джоан Хэлифакс-Граф, будет описано применение психоделической терапии в последней стадии раковых заболеваний и рассмотрена проблема умирания и смерти с исторической, межкультурной, клинической, философской и духовной точек зрения. Третья книга будет посвящена практическим аспектам ЛСД-психотерапии — таким, как подготовка пациента, техника проведения сеансов, показания и противопоказания, терапевтические результаты и проблемы побочных эффектов и осложнений. Четвертая книга затронет некоторые эвристические аспекты ЛСД-исследований и их применение в теории личности, этиологии эмоциональных нарушений, практике психотерапии и изучении человеческой культуры. Последняя книга серии будет посвящена философским и духовным измерениям ЛСД-переживаний с особым акцентом на онтологическую и космологическую темы. В ней будет детально описана удивительно последовательная метафизическая система, которая четко вырисовывается при экспериментировании с психоделическими веществами.

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ЛСД

Более четверти века прошло с тех пор, как швейцарский химик Альберт Хофман случайно обнаружил мощные психоактивные свойства диэтиламида d-лизергиновой кислоты, более известной как ЛСД-25 [17]. Вскоре это вещество стало объектом противоречивых суждений, которые со временем достигли беспрецедентных масштабов. Представляется полезным начать дискуссию об ЛСД с краткого обзора ее истории.

Открытие свойств ЛСД стало сенсацией в научных кругах и явилось стимулом для исследований в ряде других дисциплин. Многие ранние статьи указывали на сходство вызванного ЛСД состояния «экспериментального», или «смоделированного», психоза и спонтанно возникающих психозов, особенно шизофрении. Возможность моделирования симптомов шизофрении у психически здоровых людей в лабораторных условиях и проведение сложных тестов и исследований до, в течение и после переживания «смоделированного психоза» дают, казалось, желанный ключ к пониманию наиболее таинственного заболевания в психиатрии. Как препарат, обеспечивающий краткое обратимое вхождение в мир шизофреника, ЛСД рекомендовалась в качестве не имеющего себе равных инструмента для обучения психиатров, психологов, студентов медицинских вузов и персонала психиатрических лечебниц. В этом контексте неоднократно утверждалось, что даже одно ЛСД-переживание может значительно увеличить способность испытуемого понять мир психотика, подойти к нему с большим пониманием и более эффективно проводить его лечение.

Противоречия в отношении ЛСД начали возникать, когда концепция «смоделированного психоза» подверглась серьезной критике со стороны многих феноменологически и психоаналитически ориентированных психиатров и в итоге была отвергнута многими клиническими исследователями. Выяснилось, что, вопреки некоторому поверхностному сходству, имеют место фундаментальные различия этих двух состояний. Надежда на то, что исследование с помощью ЛСД приведет в результате к простому тестируемому разрешению загадки шизофрении, постепенно угасла и в конце концов сошла на нет.

Многочисленные статьи указывали на присущий ЛСД невообразимый терапевтический потенциал, чем вскоре затмили «психотомиметический» акцент (моделирование психоза) в изучении ЛСД. Согласно многим клиническим исследованиям, оказалось, что психотерапия с помощью ЛСД позволяет значительно сократить время выздоровления. Кроме того, терапевтический эффект отмечался у различных категорий пациентов, которых считали практически неизлечимыми или нереагирующими на обычное лечение, например, таких, как хронические алкоголики, наркоманы, криминальные психопаты с сексуальными отклонениями и острые невротики. Эти утверждения не остались незамеченными. Многие клиницисты, зная, как трудно изменить глубоко укоренившиеся психопатологические симптомы, не говоря уже о личностной структуре, отнеслись с подозрением к драматическим изменениям у пациентов, происходившим в течение недель или дней. Критики этих сообщений указывали на отсутствие контрольных исследований, демонстрирующих полезность ЛСД-психотерапии. Но подобные же возражения возникли в это время и в отношении психоанализа и других видов широко распространенной и практикуемой без применения препаратов психотерапии. Большая часть критики касалась главным образом методологии, и ни один из скептиков не ставил под вопрос безопасность этого подхода. Опубликованная в этой связи в 1960 году статья **Сиднея Коуэна** указывала на то, что риск, связанный с ответственным и профессиональным использованием ЛСД, для здоровых людей был минимальным [2]. Он несколько увеличивался при приеме ЛСД психически больными, но в общем ЛСД-психотерапия оказалась намного безопаснее многих других обычно используемых в психиатрической терапии процедур, таких, как электрошок, лечение инсулиновой комой и психохирurgia. В целом же в начале 60-х годов казалось, что ЛСД занимает прочное положение в психиатрии как важный инструмент для проведения фундаментальных исследований, терапевтических экспериментов и психиатрического обучения.

Кроме того, были по крайней мере две области, в которых использование ЛСД открывало новые перспективы и предоставляло интересные возможности. Многие принимавшие ЛСД испытывали во время сеансов необычные эстетические переживания и интуитивное проникновение в природу творческого процесса. У них зачастую развивалось новое понимание искусства, особенно современных движений в искусстве. У художников, скульпторов и музыкантов под влиянием ЛСД обнаруживались редкие способности. Они создавали очень интересные и необычные для их манеры исполнения работы. Стало очевидным, что эксперименты с ЛСД найдут важное применение в психологии и психопатологии искусства.

Другой областью, в которой использование ЛСД оказалось революционным, явилась психология религии. Было замечено, что некоторые ЛСД-сеансы принимали форму глубоких религиозных или мистических переживаний, похожих на священные писания великих мировых религий и свидетельства святых, пророков и религиозных учителей всех времен. Возможность инициирования таких переживаний химическими средствами привела к интересной, но весьма противоречивой дискуссии вокруг темы «химического», или «мгновенного» мистицизма и духовной ценности этих феноменов. Дебаты ученых-бихевиористов, философов и теологов велись между крайними точками зрения. Многие экспериментаторы полагали, что проведенные на психоделических сеансах наблюдения позволят вынести религиозные феномены из сферы тайного, воспроизвести их в лаборатории, изучить и в конечном итоге объяснить научно. В конце концов, не должно остаться ничего тайного в отношении религии: она должна получить свое объяснение в терминах психологии мозга и биохимии. Некоторые теологи рассматривали ЛСД и другие психоделики как нечто таинственное, а сеансы — как таинства, поскольку с их помощью испытываемый приводится в соприкосновение с трансцендентальной реальностью.

Противоположной тенденцией явилось отрицание того, что ЛСД-переживания были подлинными религиозными феноменами, сравнимыми с теми, что нисходят, как «благодать Божья», или же являются результатом дисциплины, отречения, поклонения или аскетизма; в этих рамках явная легкость, с которой эти же феномены могут быть вызваны химическим путем, полностью отрицает их духовную ценность.

В середине 60-х годов, когда ЛСД стала широко доступной на черном рынке, а «уличная кислота» принималась массами молодых людей, экспериментировавших на себе, противоречия вокруг ЛСД вступили в новую фазу. Возникшая ситуация оказалась теперь совсем другой по сравнению с довольно пассивной, но в основном научной и академической атмосферой предыдущих лет. Трезвые, веские аргументы почти полностью уступили место эмоциональным конфликтам между двумя непримиримыми группами. С одной стороны, прозелиты ЛСД провозгласили эру новой религии, мессия которой принял форму химического вещества. Для них ЛСД явилась панацеей для отчаянно больного человечества, предлагающей единственную альтернативу массовому уничтожению в ядерной катастрофе. Рекомендовалось всем без исключения принимать ЛСД настолько часто, насколько это возможно, и при любых обстоятельствах; риск отрицался или недооценивался, а если допускался, то его считали приемлемым в свете конечной цели. С другой стороны, среди публики возникала атмосфера, близкая к массовой истерии. Люди были напуганы этим новым движением и неистово восставали против него. Почти ежедневно жадные до сенсаций журналисты печатали репортажи, переполненные описаниями всевозможных ужасов, вызванных бесконтрольным приемом и самоэкспериментированием: люди «выходили» из окон верхних этажей, пытаясь войти в заходящее солнце, гибли при попытке остановить автомобили своим телом, теряли зрение, часами глядя на солнце, калечили себя, вырезая жир из тела кухонным ножом, убивали любовников, любовниц, тещ или кончали психотическими состояниями в закрытых отделениях государственных психиатрических лечебниц. Такие сообщения создавали представление об ЛСД, как о дьявольском снадобье и давали достаточное основание для реакции, подобной охоте на ведьм, со стороны родителей, учителей, министров, политических деятелей и полицейских. К несчастью, многие здравомыслящие психиатры-профессионалы до некоторой степени тоже становились сторонниками подобного подхода. И хотя им были доступны отчеты о научных экспериментах с ЛСД, проводившихся в течение 20 лет, они допустили, чтобы их представление об этом препарате формировалось газетными заголовками.

Взаимосвязь между наркотиками и движением «хиппи» и контркультурная революция придали уже существующим проблемам важный социально-политический оттенок. Ситуацию еще более обострили противоречивые отчеты о связи ЛСД с хромосомными и генетическими отклонениями, с лейкемией и раком. Таким образом, взгляд на ЛСД охватил широкий диапазон — от того, что ЛСД является духовной, эмоциональной и социальной панацеей для человечества и мощным оружием в излечении серьезных ментальных и психосоматических заболеваний, до того, что это злейший враг, который, вызывая серьезные изменения мозга, физические и ментальные нарушения, угрожает здоровью будущих поколений. Чтобы завершить столь противоречивую картину, следует добавить, что это вещество серьезно рассматривалось как эффективный помощник в технике «промывания мозгов» и как мощное средство для ведения химической войны.

Атмосфера истерии наряду с отсутствием серьезного изучения очень затруднила научное понимание важности многих феноменов, составляющих эту проблему. Непрофессиональные экспериментаторы с ЛСД часто вступали в такие области переживаний, которые всерьез ставили в тупик практикующих психиатров и психологов. С одной стороны, ЛСД-переживания не отвечали ни одной из существующих теорий, а с другой — многие серьезные клиницисты понимали, что ограничиваться навешиванием на ЛСД-переживания ярлыка психотических было бы неверно, поскольку это не соответствует действительности. Кроме того, многие в результате такого экспериментирования прошли через драматические изменения личности, включающие перемену в иерархии ценностей, смену религиозных и философских убеждений, стиля жизни. Не имея возможности объяснить механизмы происходящего, профессионалы, оказавшиеся случайными свидетелями таких трансформаций, сочли их непостижимыми.

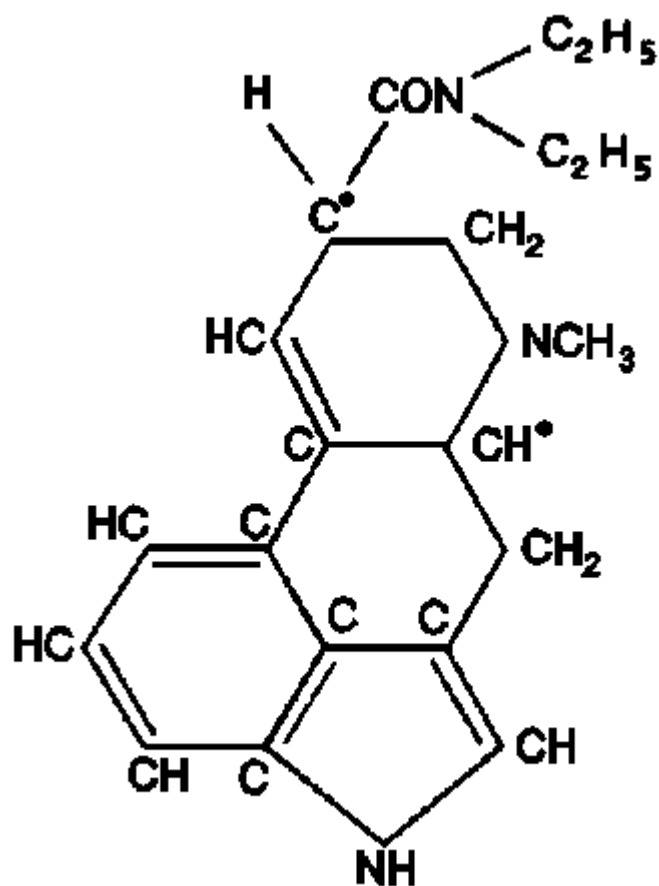
Даже немногочисленные отрицательные случаи, сопровождавшие применение ЛСД, такие, как психические срывы или попытки самоубийства, могут обеспечить нас важными данными относительно динамики этих феноменов при условии научного, а не эмоционального подхода.

Если внимательно рассмотреть природу и масштабы противоречий ЛСД, то станет очевидным тот факт, что они отражают нечто более фундаментальное, чем фармакологическое действие одного лишь химического вещества. И хотя все дискуссии ведутся вокруг ЛСД, эмоциональный накал они приобретают от других затрагиваемых при этом тем. За несколько десятилетий исследования ЛСД дали много свидетельств относительно природы общего знаменателя, ответственного за такую ситуацию. Как будет показано в следующих главах, тщательный анализ данных ЛСД-переживаний указывает на то, что **это вещество является неспецифическим усилителем ментальных процессов**, выносящих на поверхность сознания различные элементы из глубин бессознательного. То, что мы видим в ЛСД-переживаниях и в различных окружающих их ситуациях, оказывается в своей основе экстериоризацией и усилением конфликтов, внутренне присущих человеческой природе и цивилизации. Если подходить с этой точки зрения, то ЛСД-феномены являются чрезвычайно интересным материалом для глубокого понимания ума, природы человека и человеческого общества.

ЛСД и ее действие на человека

В последние годы сведения о ЛСД получили широкое распространение. Информация поступала к публике из ежедневной прессы, из статей в различных журналах, книг, популярных брошюр о вреде наркотиков, радиопередач, телевизионных программ и фильмов, передавалась по слухам. Однако большая часть этой информации была несистематической и строилась на предубеждениях или искажалась в угоду коммерческим и политическим интересам. Поэтому, чтобы заложить основу для дальнейших дискуссий, я хотел бы сделать краткий общий обзор данных об ЛСД. Такое введение может быть полезным для лучшего понимания некоторых особенностей динамики ЛСД-переживаний, составляющих главную тему этого исследования.

ЛСД-25, или диэтиламид d-лизергиновой кислоты, — полусинтетическое химическое вещество. Его естественным компонентом является лизергиновая кислота — основа главных алкалоидов спорыньи, а диэтиламидовая группа присоединяется лабораторным путем. Согласно Столпу, Хофману и Трокслеру [18], она имеет следующую химическую формулу:

ЛСД, как таковая, не найдена ни в одном из известных органических веществ, хотя, как ожидается, естественное возникновение ЛСД возможно в мозге животных, зараженных токсиплазмозом [19]. Синтез других амидов лизергиновой кислоты демонстрировался в погруженных под воду грибах (*Claviceps paspali*) [1]. Аналогичные амиды были также найдены в семенах выюнка пурпурного (*Rivea corymbosa*), которые в течение столетий использовались в Мексике в ритуальных целях в виде притираний и настоек, называемых *ololiuhqui* [3].

Небезынтересно узнать, что впервые ЛСД была синтезирована в лабораториях швейцарской фирмы «Сандоз» в 1938 году Столпом и Хофманом как лекарство, особенно полезное в акушерстве и гинекологии, а также при лечении мигрени. Она была подвергнута обычным лабораторным испытаниям на животных, ее сочли неперспективной, и изучение было прекращено. Галлюциногенные свойства ЛСД были обнаружены Альбертом Хофманом примерно пять лет спустя, в апреле 1943 года [17]. Изучая результаты исследований этого вещества, Хофман пришел к заключению, что данные указывают на возможность интересного стимулирующего действия на центральную нервную систему. Синтезируя новый образец ЛСД для дальнейшего изучения, он случайно отравился при очистке осажденных продуктов и испытал весьма драматические психологические изменения. Он сделал гипотетическое предположение о связи между своим ненормальным ментальным состоянием и веществом, с которым работал. Позднее, чтобы проверить свою догадку, Хофман намеренно ввел себе 250 микрограмм ЛСД. Его реакция на эту дозу была очень близкой к первому переживанию, но еще более интенсивной и драматичной. Минимальное количество ЛСД изменило ментальное функционирование Хофмана на несколько часов. Он провел это время в фантастическом мире интенсивных эмоций, сверкающего цвета и волнообразно движущихся форм. Затем Хофман описал этот необычный эксперимент Столпу, и тот настолько заинтересовался, что сразу организовал первое научное изучение ЛСД с добровольцами и пациентами в Цюрихской психиатрической клинике [17]. Результаты его наблюдений были опубликованы в 1947 году. Они вызвали огромный интерес и явились

стимулом для проведения дальнейших исследований в других странах. В их ходе подтвердилась гипотеза Столла об ЛСД как о самом мощном из известных психоактивных препаратов. В чрезвычайно малых дозах, начиная от 10 до 20 микрограмм (1 микрограмм равен одной миллионной грамма) ЛСД может вызывать очень глубокие и разнообразные изменения, длящиеся несколько часов. Таким образом, ее воздействие оказалось приблизительно в пять тысяч раз сильнее известного тогда мескалина и в сто пятьдесят раз сильнее открытого позже псилоцибина.

В дальнейших исследованиях было установлено, что ЛСД можно принимать любым известным способом. Ее можно глотать, вводить в ткани, в вену или прямо в цереброспинальную жидкость, в канал позвоночника. Диапазон безопасного применения ЛСД оказался необычайно широк. Изучение на животных острой и хронической токсичности показало, что ЛСД имеет низкий уровень токсичности и большой диапазон безопасности. В клинических опытах дозы, вводимые без каких-либо видимых биологических побочных эффектов, колебались от 10 до 2000 микрограмм.

Начало реакции на ЛСД наступает после латентного периода, продолжительность которого варьируется от десяти минут до трех часов, в зависимости от индивидуальных особенностей, а также способа приема, дозы, степени психологического сопротивления и других переменных. Этого латентного периода не наблюдается, когда ЛСД вводится прямо в цереброспинальную жидкость. В этом случае она действует почти немедленно. Действие ЛСД может продолжаться от 1 до 12 часов. Наиболее важными факторами, определяющими его продолжительность, являются личность испытуемого, природа и динамика вызванного к активности бессознательного материала и принятая доза. Задержанные реакции, иногда возникающие при работе с ЛСД, могут продолжаться от нескольких дней до нескольких недель. Интенсивность ЛСД-переживания может быть ослаблена при открывании глаз и движении, усилена в полулежачем положении с использованием глазной повязки и прослушиванием стереофонической музыки. ЛСД-феномены охватывают чрезвычайно широкий диапазон — почти все области психического и физического функционирования. Здесь мы лишь коротко остановимся на них.

Физические симптомы являются типичной реакцией на ЛСД. Большинство из них можно объяснить стимулированием вегетативных (автономных), двигательных и чувствительных нервов. Вегетативные проявления могут быть симпатической, парасимпатической или той и другой природы. Симпатические действия включают учащение пульса, увеличение кровяного давления, расширение зрачков, затемнение поля зрения и проблемы с фокусировкой, выделение густой слюны, повышенное потоотделение, подъем волос на теле, сокращение периферических артерий, ведущее к чувству озноба и посинению рук и ног. К парасимпатическому действию относится замедление пульса, снижение кровяного давления, повышенное слюноотделение, слезоточивость, понос, тошнота и рвота. Нередки симптомы более общего порядка — такие, как чувство недомогания, ощущение простуды, утомление и перемежающиеся жар и озноб. Наиболее общие моторные феномены включают в себя увеличение мышечного напряжения, разнообразный тремор, подергивания и судороги или сложные скручивающие движения. Хотя вышеприведенные явления наиболее распространены, некоторые субъекты могут испытывать всеобщее и полное расслабление всех мышц тела. Помимо вегетативных и двигательных проявлений, у принявших ЛСД наблюдается ряд изменений нейрологических рефлексов. Симптомы, связанные с активизацией чувствительных нервов, включают в себя головную боль, боли в других частях тела, чувство тяжести в конечностях, разнообразные странные ощущения, в том числе сексуальные.

Изменения восприятия встречаются почти во всех случаях. Это постоянная характеристика реакции на ЛСД. Они могут происходить в любой сенсорной области, но преимущественно относятся к визуальной. Они занимают диапазон от элементарных видений вспышек света, геометрических фигур и иллюзорных трансформаций окружающих предметов до сложных образов, включающих группы людей, различных животных и специфических ландшафтов. Реже феномены изменения восприятия встречаются в области акустики. Типичной является сверхчувствительность к звукам, затруднения в дифференцировании различных звуковых стимулов, акустические иллюзии

и псевдогаллюцинации. У нормальных и психически больных людей довольно часты обонятельные и вкусовые изменения. Они преобладают у людей с врожденной слепотой, которые обычно не испытывают оптических феноменов после приема ЛСД. В общем случае запах и вкус заторможены в кульминационные периоды сеансов, но резко обостряются в завершающий период сеансов при условии хорошего разрешения пережитого материала. Обонятельные и вкусовые иллюзии или псевдогаллюцинации часто встречаются при глубокой регрессии в раннее детство. Искажения восприятия в тактильной области включают как уменьшение, так и увеличение чувствительности в различных частях тела. Необычные ощущения всех видов также довольно часты в ЛСД-сеансах. Особенно интересны сложные и часто причудливые изменения в представлениях о теле.

Искажения в восприятии времени и пространства являются одним из наиболее поразительных и постоянно присутствующих аспектов ЛСД-сеансов. Восприятие времени, как правило, изменяется. Короткие временные интервалы обычно переживаются, как более длительные, хотя иногда происходит обратное. В крайних случаях минуты могут переживаться как века и тысячелетия и наоборот: продолжительные эпизоды сеанса воспринимаются как длившиеся лишь несколько секунд. Иногда время меняется не только количественно, но и качественно. Оно может полностью остановиться, так что последовательная природа событий исчезает, прошлое, настоящее и будущее переживаются как бы наложенными одно на другое. Особая категория изменения времени — это переживание регрессии в различные периоды индивидуальной истории.

Восприятие пространства также меняется определенным образом: расстояния кажутся больше или меньше, чем на самом деле; объекты воспринимаются более крупными или мелкими; пространство может показаться сжатым по вертикали или горизонтали. Человек может испытывать чувство потери перспективы или переживать флуктуацию плотности пространства, его разряжение или сгущение. Испытуемые могут создавать также любое количество субъективных пространств и индивидуальных микромиров, автономных и несвязанных с нашим временно-пространственным континуумом. Переживания растворения в пространстве случаются довольно часто и могут вводить испытуемого в экстаз или ассоциироваться со страхом смерти и уничтожения. Крайняя точка в переживании измененного времени и пространства — это осознание вечности и бесконечности.

Изменение эмоционального состояния — первая реакция, которая представляет собой довольно регулярную постоянную характеристику ЛСД-сеансов. Первые исследователи препарата обратили внимание на эйфорию, весьма типичную на сеансах со средними дозами у здоровых испытуемых. Она может принимать различные формы: оживленное приподнятое настроение, сопровождаемое немотивированным смехом, переполняющая радость, глубокое чувство покоя, безмятежности и раскованности, оргастический экстаз, гедоническое удовольствие или чувственное удовлетворение. У психически больных при принятии более высоких доз значительно возрастает склонность к отрицательным эмоциям. Во время сеанса может преобладать тревога, завершающаяся полной паникой и глубоким страхом смерти. Депрессия может принять форму спокойной печали, меланхолии без слез или перемежающегося отчаяния с довольно драматическими проявлениями. В некоторых сеансах наблюдалось появление мыслей о самоубийстве и даже попытки самоубийства, что вело к необходимости строгого контроля за пациентом. Неполноценность на грани муки и чувства вины особенно часто наблюдались в терапевтических сеансах с психически больными. Обычные явления — склонность к аффектам или, наоборот, к апатии. В других сеансах наиболее типичными были мучительная амбивалентность и нерешительность. Часто проявляются агрессивные чувства, но, как правило, агрессивность не носит неконтролируемого и разрушительного характера и не представляет серьезной проблемы. Есть, конечно, и исключения из этого общего правила.

Изменения мышления, интеллекта и памяти довольно отчетливы, хотя и не всегда проявляются при психологическом тестировании. В некоторых типах ЛСД-переживаний мысленные процессы ускоряются, в других — замедляются. Логическое и абстрактное

мышление возможно, но на передний план выступает мышление алогичное, подобное сновидческому, со свободной ассоциацией визуальных образов. Время от времени оно может вести к неожиданному упрощению и разрешению определенных проблем, что не слишком отличается от вдохновения артиста или творческого озарения ученого. Такая фундаментальная интуитивная пронизательность иногда может удивительным образом интегрировать информацию из совершенно разных областей. Однако часто наблюдается и искаженное восприятие событий, их иллюзорная интерпретация в виде мании преследования, мании величия или бреда отношений (Человек, одержимый какой-либо манией или бредом отношений, пытается интерпретировать случайные события или нейтральные замечания как имеющие глубокое значение и прямое отношение к себе.). Во всяком случае, не следует доверять практическим суждениям или серьезности решений, принятых под влиянием ЛСД.

Исследование во время сеансов интеллекта и памяти при помощи стандартных психологических тестов обычно обнаруживает некоторые отклонения от нормы. Однако интерпретировать эти результаты трудно: пока что неясно, являются ли они следствием регрессии интеллектуальных функций к более раннему уровню развития, следствием интоксикации мозга или утраты интереса испытуемого и отсутствия мотивации в результате поглощенности необычными внутренними переживаниями.

Что касается памяти о самом ЛСД-переживании, то остается, как правило, более или менее ясное воспоминание обо всем, что было отчетливо воспринято и пережито во время сеанса. Амнезия возникает довольно редко, если не использовались высокие дозы или же если переживавшийся материал не был чрезмерно эмоционально заряжен. Иногда ЛСД-переживание может оказаться настолько сложным, что испытуемый не в состоянии различить все его стороны даже во время сеанса. В этом случае запоминается общая атмосфера, а не отдельные детали.

Психомоторные изменения обычно весьма разнообразны и не укладываются в какое-то одно направление. Некоторые указывают на заторможенность при отсутствии спонтанности и инициативы. Другие — на психомоторное возбуждение, иногда с элементами неадекватного поведения, такими, как немотивированный смех, безличная агрессия, театральность или действие под влиянием случайных импульсов.

Изменение сознания носит специфический характер. Как правило, не бывает признаков его изменения в сторону сонливости, ступора и комы. В целом не наблюдается также ни замешательства, ни дезориентации в отношении идентичности личности, времени или места сеанса, которые обычно можно наблюдать при приеме препаратов, вызывающих бред, — таких, как атропин, скополамин или бенактицин. После инъекции ЛСД сознание проявляет признаки характерной качественной трансформации, подобно тому, как это происходит во сне. Оно может превзойти свои обычные пределы и включает в себя элементы глубокого бессознательного, недоступные при обычных обстоятельствах. Часто это называют «расширением сознания».

Сексуальность может проявляться по-разному. Иногда она настолько заторможена, что кажется, для испытуемого нет ничего более чуждого, чем секс. Но иногда значительная часть сеанса проходит с преобладанием интенсивных сексуальных ощущений и представлений. Сексуальные переживания в ЛСД-сеансах носят порой весьма необычный характер: они могут включать в себя элементы садизма, извращения или принимают форму сатанинского, океанического или тантрического секса. В заключительной части сеансов с благополучным исходом способность к оргазму значительно возрастает как у мужчин, так и у женщин. Половое общение в день сеанса становится наиболее сильным переживанием подобного рода в жизни человека.

Переживание искусства зачастую становится важнейшим аспектом ЛСД-сеанса. Уникальное восприятие цвета и формы, как и переполняющее впечатление от музыки, часто ведет к новому пониманию искусства и его направлений. Эта способность к переживанию необычных аспектов искусства может сохраниться после одного-единственного сеанса на неопределенный промежуток времени. Иногда значительный

рост творческих способностей может наблюдаться как во время, так и после ЛСД-сеанса, но это не общее правило.

Религиозные и мистические переживания представляют собой наиболее интересную категорию ЛСД-феноменов. Оказывается, что их появление напрямую связано с дозой препарата и числом пройденных сеансов. Им могут способствовать специальная подготовка, предпрограммирование и искусственное создание ситуации (Выражение «предпрограммирование и ситуация» (set and setting) — технический термин, относящийся к сложному нефармакологическому фактору, имеющему место в ЛСД-реакциях. «Предпрограммирование» включает психологические ожидания субъекта, концепцию врача, ведущего сеанс, относительно природы ЛСД-переживаний, цели, подготовку и программирование сеанса. «Ситуация» относится к настоящему окружению, как физическому, так и межличностному, к конкретным обстоятельствам приема препарата.) при помощи приемов психоделической терапии (Термин «психоделический» (psychodelic) был введен Хэмфри Осмондом, одним из первых ведущих исследователей ЛСД. Буквально он означает: «проявление ума,» «раскрытие психики»). Переживание смерти и рождения, единения со Вселенной или с Богом, столкновение с демоническими явлениями или переживание «прошлых воплощений», наблюдаемые в ЛСД-сеансах, оказываются феноменологически неотличимыми от подобных переживаний, описанных в священных писаниях великих религий мира и тайных мистических текстах древних цивилизаций.

Уже в первые годы экспериментирования с ЛСД возник вопрос: каким образом один и тот же препарат может вызывать столь широкий диапазон переживаний, возникающих в различных комбинациях и, по-видимому, на одном и том же материале? Было очевидно, что потребуются долгосрочные систематические исследования ЛСД с большим числом испытуемых, прежде чем станет возможной разработка типологии переживаний и порядка их следования, а также соотнесение их друг с другом и с личностью субъекта, определение принципов, лежащих в основе этой, на первый взгляд, хаотической ситуации. Представленное в настоящей книге исследование ставило своей целью получить необходимое количество экспериментальных данных, подвергнуть их тщательному анализу и разработать новые теоретические структуры для наблюдения клинической действительности.

Эмпирические основы новой теоретической структуры

Концепции, предложенные в этой книге, базируются на моих собственных клинических исследованиях ЛСД, охватывающих 17-летний период. На всем его протяжении я исследовал препарат на различных категориях испытуемых и при разном уровне дозировки; предпрограммирование и ситуация сеанса варьировались в значительной степени. Мое понимание ЛСД и мои концепции относительно способа ее терапевтического использования претерпели серьезные изменения за годы клинических экспериментов. Опишу вкратце стадии этого развития.

Как я уже упоминал, рассматривая полемику вокруг ЛСД, первые годы ее исследования характеризовались подходом, называемым «смоделированным психозом». Случайное открытие ЛСД и первые научные эксперименты показали, что ничтожные количества этого вещества могут вызывать серьезные изменения в психике человека. В то время многие исследователи считали, что ЛСД способна провоцировать симптомы шизофрении, и полагали, что изучение ЛСД может дать ключ к пониманию этой болезни как биохимического в своей основе отклонения. Предполагалось, что человеческий организм вследствие метаболической ошибки может производить ничтожные количества ЛСД или подобных ей психоактивных веществ. А если это так, то шизофрения действительно могла бы оказаться проявлением ненормального функционирования мозга, отражающим общую самоинтоксикацию организма.

Эта соблазнительная теория оказала сильное влияние на ранние исследования галлюциногенов в Чехословакии. В 1956 году я присоединился к группе исследователей,

предпринявших многофакторное сравнительное исследование различных психоделиков. Группа состояла из психиатров, психологов, терапевтов и биохимиков; экспериментальный проект проводился в целом несколькими исследовательскими институтами в Праге под руководством д-ра Милаша Войцеховского. Основная идея состояла в том, чтобы вводить различные психоактивные препараты здоровым добровольцам, используя стандартный набор средств контроля и регулярного лабораторного тестирования для оценки действия этих веществ: Подбор тестов определялся тем, насколько они отражают изменения различных клинических, физиологических, психологических и биохимических параметров. Целью этой части исследовательской работы являлось обнаружение сходства и различий между действием психоделиков, таких, как ЛСД, мескалин, псилоцибин, диметил— и диэтилтриптамин, адреналиновые производные адренохрома и адренолютин. Другие исследователи с помощью тех же лабораторных тестов изучали группу больных шизофренией, с тем чтобы оценить сходства и различия между клинической картиной «смоделированного психоза» и симптоматологией шизофрении. Вскоре выяснилось, что за исключением адренохрома и адренолютина все исследуемые психоделики обнаруживают больше сходств, чем различий. И все же нам не удалось выявить никаких значительных параллелей между феноменологией состояний, вызванных этими веществами, и симптоматологией шизофрении. Когда мы пришли к этому заключению, в Европе и Соединенных Штатах было уже несколько групп, имевших серьезные возражения против теории отождествления состояния при интоксикации ЛСД с шизофренией.

Отказавшись и в теории, и на практике от подхода «смоделированного психоза», я нашел, что не менее трудно согласиться с мнением оппонентов, считавших вызванное ЛСД состояние обычной неспецифической реакцией мозга на вредное химическое вещество, так называемым «токсическим психозом». К этому времени я обнаружил значительно большее количество серьезных отличий в реакции различных людей на ЛСД, в которых отражались их основные личностные характеристики. Выявление этого факта стало важной вехой в моих наблюдениях и определило следующую стадию поисков.

Наиболее впечатляющий и непонятный аспект ЛСД-сеансов, наблюдаемый мною в первые годы работы, заключался в огромной варьированности результатов: используя одну и ту же дозу одного и того же препарата в относительно постоянных условиях, мы получали широкий диапазон индивидуальных реакций у разных людей. Доступная в то время литература по ЛСД указывала на то, что существует стандартный общий паттерн ЛСД-реакции. Классическое описание включало в себя латентный период от 30 до 50 минут, затем так называемую «автономную» или «вегетативную фазу» с различными физическими ощущениями, большей частью неприятными, и наконец, «психотическую фазу». Бросающиеся в глаза изменения восприятия в зрительной области, такие, как интенсификация восприятия цвета, возникновение абстрактных образов, иллюзий и псевдогаллюцинаций, рассматривались как наиболее характерные для ЛСД-состояний. В моих же исследованиях этот классический паттерн мог наблюдаться лишь у некоторых испытуемых. Иногда теория сменяющих друг друга «вегетативной» и «психотической» фаз оказывалась вовсе неприменимой — вегетативные симптомы либо полностью отсутствовали, либо преобладали на протяжении всего сеанса, или же возникали и исчезали в течение испытания. У некоторых индивидов вовсе не отмечалось оптических изменений, и ЛСД-сеанс принимал форму, весьма отличную от предписанной «оргии видений». Встречались испытуемые, переживавшие весь сеанс лишь как период крайнего физического дискомфорта или даже телесного недомогания. У нескольких человек сеанс характеризовался сильнейшим эротическим возбуждением и сексуальным напряжением, сопровождавшимся чувством оргастического облегчения; не было никаких других изменений восприятия. При выяснении природы ЛСД-реакций эти испытуемые высказали убеждение, что препарат является самым сильным из стимуляторов сексуальных чувств. У других наблюдалась реакция, которая, казалось, подтверждала гипотезу «смоделированного психоза»: они испытывали эпизоды крайней тревоги или гомосексуальной паники, проявляли признаки мании величия или бреда отношений и интерпретировали эксперимент в параноидальных терминах. Нередко весь сеанс или часть его принимали форму глубокого психологического самоисследования. У испытуемых в разные периоды жизни возникали трудные ситуации, и теперь они вновь переживали

травмировавшие их когда-то события и достигали полного понимания основных процессов своей психодинамики. Несколько человек, находясь в той же обстановке, испытывали глубокое переживание мистического или религиозного характера, включавшее в себя элементы смерти и рождения, космического единения или связи с Богом. Помимо всего этого, при повторном приеме препарата становится очевидным, что существует также уникальная варьируемость всякого индивидуального опыта и что для каждого индивида многообразие вариантов не менее поразительно, чем их отличие у разных лиц.

По мере возрастания числа наблюдаемых мною сеансов я все отчетливее сознавал, что многие ЛСД-феномены имеют глубокое психодинамическое значение и могут быть интерпретированы при помощи психологических терминов. Следующим логическим шагом была попытка исследовать возможность появления общих принципов или, по меньшей мере, некоторой закономерности, связанной с содержанием, характером и ходом ЛСД-сеанса. В то время представлялось возможным, что в случае, когда сеанс проводится с психически больным, феноменология ЛСД-переживания может быть соотнесена с его личностной структурой и связана с клиническим диагнозом. Две другие переменные, которые следовало принять во внимание, — это биографические данные прошлых и настоящих жизненных ситуаций. У меня складывалось общее представление о подходе к проблеме, но я еще не знал, как его развить, не затрачивая слишком много сил и времени.

Вскоре представилась уникальная возможность сделать это без затрат на дорогостоящий исследовательский проект. В это время я работал в Пражском научно-исследовательском институте психиатрии, в отделении изучения психогенных нарушений. Наша задача состояла в изучении проблемы неадапбельности межличностных взаимодействий у невротиков в различные периоды их жизни. Это требовало детального изучения жизненной истории каждого пациента, так же как и обстоятельств его текущей ситуации. Сотни часов были потрачены на изучение отдельных случаев и на терапевтические беседы с этими пациентами, с их родными и близкими, с супругами, невестами и женихами, друзьями, начальниками и сотрудниками. Продолжающиеся транзакционные групповые сеансы с этими пациентами представляли дополнительный источник ценных данных их межличностного поведения и привычных взаимодействий. Когда изучение завершилось, работа продолжилась с группой, состоящей из 72 человек с различными психогенными нарушениями, большей частью с навязчивыми хроническими неврозами и психосоматическими заболеваниями, о которых у нас имелась обширная подробная информация. Наметилась идеальная возможность для изучения проблемы психодинамических и ситуационных детерминант ЛСД-реакции. Подписав соглашение, эти пациенты принимали от 100 до 200 микрограмм ЛСД в условиях поддерживающего, но неструктурированного окружения. Терапевт присутствовал на этих сеансах в течение всего периода (6-8 часов). В последующие дни пациент и врач обсуждали в деталях имевшее место переживание. О каждом пациенте велись машинописные отчеты. Эти записи включали совокупность информации, полученной до сеанса, детальные отчеты терапевта и пациента о самом ЛСД-переживании и описание всех важнейших изменений, наблюдаемых непосредственно после сеанса и позднее.

Анализ этих записей явно указывает на то, что ЛСД-реакция взаимосвязана с характеристиками личности. Вместо того чтобы вызывать неспецифический «токсический психоз», ЛСД оказалась мощным катализатором ментальных процессов, активизирующих бессознательный материал на разных глубинных уровнях личности. О многих феноменах этих сеансов можно говорить на языке психологии и психодинамики. Для этих феноменов характерна структура, неотличимая от структуры снов. Во время детального внимательного исследования выяснилось, что ЛСД может стать незаменимым инструментом в диагностике личности, когда уже стали понятны характерные для нее действия и символический язык.

Я попытался также определить, могут ли эти сеансы, в которых отсутствовала конкретная терапевтическая цель, оказывать воздействие на клинические симптомы пациента. Я отметил, что лишь трое из 72 пациентов продемонстрировали наглядное стабильное улучшение клинического состояния после одного ЛСД-сеанса. У многих можно было

наблюдать разные степени улучшения, однако эти благоприятные результаты оказались лишь временными, и через несколько дней или недель у пациентов вернулись прежние симптомы и черты поведения. У нескольких же человек, наоборот, обозначилось усиление психопатологии с временным ухудшением клинического состояния. Остальные пациенты имели лишь незначительное и временное изменение в день после сеанса, которое включало улучшение самочувствия, остаточные ощущения слабости, сонливости, рассеянности или же чувство необычайного спокойствия и релаксации. В целом в этой группе не наблюдалось существенной разницы в состоянии до и после сеанса.

Для нескольких пациентов, вошедших в эту группу, ЛСД-процедура не ограничилась одним приемом, им были назначены дополнительные сеансы. Отчасти это произошло по их собственной просьбе: им либо понравилось переживание, либо они нашли его полезным для себя; отчасти потому, что терапевт обнаружил нечто, стоящее дальнейшего исследования. Случилось так, что по той или иной причине несколько индивидуумов на протяжении последующих месяцев прошли через 6-8 ЛСД-сеансов. Анализ отчетов об этих серийных сеансах привел к открытию весьма интересных фактов, что явилось решающим шагом на пути более глубокого понимания ЛСД-переживаний и указало направление дальнейших исследований. Когда я изучил материал нескольких последовательных ЛСД-сеансов у одного и того же человека, то стало очевидно, что между ними существует определенная взаимосвязь. Это было последовательное раскрытие все более и более глубоких слоев бессознательного. Общим явилось то, что идентичные или весьма схожие группы видений, эмоций и телесных ощущений проходили в ряде следующих друг за другом ЛСД-сеансов. Часто у пациентов было чувство, что они снова и снова возвращались в специфические области переживания и каждый раз могли входить в них глубже и глубже. Через несколько сеансов такие группы видений преобразовывались в комплекс воспоминаний о травматических событиях. Когда они переживались повторно и сливались в единое целое, повторявшиеся ранее феномены никогда больше не возвращались в последующих сеансах и замещались другими. Вскоре стало ясно, что это наблюдение может занять важное место в практике и теории динамической психотерапии. Применение повторных ЛСД-сеансов для ограниченного числа субъектов оказалось неожиданно более результативным, чем изучение одного сеанса у большой группы испытуемых.

Эта последовательность наблюдений явилась той почвой, на которой я взрастил, независимо от других европейских психиатров, концепцию терапевтической серии ЛСД-сеансов, называемую обычно психолитической терапией (Термин «психолитическая терапия» был предложен Рональдом А. Сандисоном — английским терапевтом юнгианской ориентации и пионером клинического изучения ЛСД. Корень *lysis* подразумевает растворение напряжений и конфликтов, существующих в человеческой психике, или освобождение от них.). На основе этого открытия мы начали новое экспериментальное исследование, направленное на сей раз на систематическое изучение терапевтических возможностей серии ЛСД-сеансов в рамках психоаналитически ориентированной терапии. Основная идея этого подхода состояла в том, что последующие сеансы могут помочь пациенту постепенно стать лицом к лицу с различными уровнями своего бессознательного и разрешить глубокие конфликты, лежащие в основе его психопатологических симптомов.

При выборе потенциальных кандидатов для ЛСД-сеансов мы руководствовались несколькими принципами. Во-первых, добивались того, чтобы в группе испытуемых были представлены все основные диагностические категории — от депрессивных нарушений, психоневрозов и психосоматических заболеваний до психических расстройств и пограничных случаев, таких, как явно выраженный маниакально-депрессивный психоз, бред навязчивых идей и шизофрения. Причиной этому послужило то, что необходимо было не только обнаружить специфические различия в реакции пациентов на психотерапию при различных эмоциональных расстройствах, но и определить характеристики их реакций на ЛСД и характер сеанса. Во-вторых, все отобранные для этого исследования пациенты имели интеллект выше среднего, изморенный как по результатам выполнения ими психологических тестов, так и по образовательному уровню. Это было важным требованием, поскольку ЛСД-переживания довольно трудно вербализовать. Чтобы получить в исследовании высококачественные данные, предстояло

выбрать пациентов, наделенных даром самонаблюдения и достаточно высоким уровнем интеллекта. В-третьих, имелась тенденция в сторону неясного клинического прогноза. Большинство пациентов имели серьезные устойчивые нарушения в эмоциональной сфере, длившиеся уже много лет и, как правило, не поддающиеся излечению обычными методами. Это, казалось, давало моральное право на то, чтобы подвергать их экспериментальной процедуре, включающей повторные приемы нового и недостаточно изученного мощного психоактивного препарата.

Прежде чем начать ЛСД-лечение, каждый пациент прошел психотерапию без лекарств, длившуюся несколько недель. За это время врач вместе с пациентом исследовал его прошлое и пытался помочь ему понять природу его проблем, а также связь его симптомов с жизненной ситуацией. Не менее важной целью этого периода было установление доверительных отношений. С самого начала подготовки пациентов к эксперименту стало ясно, что элемент доверия является самой важной переменной для успешного завершения ЛСД-терапии. По достижении целей подготовительного периода с пациентами была начата серия ЛСД-сеансов. Интервалы между сеансами варьировались от одной до двух недель. Обычная процедура включала в себя начальный прием от 100 микрограмм препарата с увеличением дозы в каждом последующем сеансе — до тех пор, пока не приходили к оптимальному результату. Критерием оптимальности дозы являлась адекватная глубина самоисследования, степень преодолеваемости важнейших психологических защитных механизмов, появление значительного количества бессознательного материала и в то же время способность к поддержанию хорошего терапевтического контакта. Когда такая доза устанавливалась для конкретного пациента, то в последующих сеансах она повторялась до тех пор, пока не возникала необходимость в ее увеличении или снижении. Средняя доза в моих терапевтических экспериментах составляла около 200 микрограмм, но временами она доходила до 400 или 500. В целом она была низкой у истерических пациентов, весьма чувствительных к действию ЛСД, и довольно высокой у невротиков, чрезмерное психологическое сопротивление которых представляло собой другую крайность. Общее число сеансов для одного пациента колебалось от 40 до 100.

Во время каждого из сеансов серии врач проводил по несколько часов с пациентом, оказывая ему моральную поддержку и обеспечивая необходимые меры защиты, профессиональную помощь и руководство. На начальной стадии этого исследования подход ко всем ситуациям был весьма близок к подходам психоаналитически ориентированной психотерапии. По существу, в ЛСД-сеансах он был похож на методы Фриды Фромм-Рейхман в психотерапии психотиков. Позднее, когда мы более обстоятельно познакомились с ЛСД-состояниями и стали более чувствительны к их специфическим характеристикам, у нас появился целый ряд модификаций первоначальных приемов. Наиболее важными из них были использование физического контакта, введение разнообразной эмпирической техники, прослушивание стереофонической музыки и, самое главное, серьезное внимание к терапевтическому потенциалу мистической и религиозной сферы ЛСД-переживаний. В результате сложился уникальный метод лечения, претерпевший значительные изменения по сравнению со своей первоначальной психоаналитической моделью.

Когда прекращалось основное действие препарата, врач обсуждал с пациентом наиболее важные события дня и помогал ему собрать воедино результаты сеанса. Затем пациента оставляли в компании людей, прошедших, как и он, ЛСД-сеансы. При этом опытные медсестры, остававшиеся с ними, знали характер ЛСД-переживания, поскольку сами проходили тренировочные сеансы. В экспериментальной палате существовало четко выраженное правило: человек, принимавший ЛСД, не должен оставаться без надзора в течение последующих двадцати четырех часов.

Между сеансами врач встречался с пациентом для обсуждения и анализа предшествующего сеанса и проработки проблем переноса, если таковые возникали. Помимо терапевтической функции, обсуждение являлось источником ценных исследовательских данных. Врач и пациент вели детальные отчеты как о переживаниях во время сеансов, так и о событиях, имевших место в промежуточные, свободные от приема ЛСД периоды. Основная цель заключалась в том, чтобы идентифицировать

типичные паттерны и характерные цепочки переживаний и связать их с личностью пациента, клиническими проблемами и прогрессом в лечении. В центре внимания исследователя были не только переменные, определяющие содержание и ход сеансов, но и динамические законы, лежащие в основе изменений, происходивших после сеансов, будь то очевидное клиническое улучшение или загадочные отрицательные последствия, такие, как замедленная реакция, «обратные вспышки» и прочее. По завершении психолитической серии отдельного пациента собранный материал подвергался ретроспективному анализу. При этом все усилия направлялись на понимание того, что же происходило в течение лечебной процедуры, и поиск правильного теоретического объяснения. В ходе моей работы в научно-исследовательском институте психиатрии через серию ЛСД-сеансов прошло 52 пациента. Хотя весь исследовательский проект осуществлялся под моим руководством, два других психиатра, д-р Юлия Сobotкевич и д-р Зденек Дитрих, занимались лечением примерно трети этих больных. Материалы психолитической терапии явились важнейшим источником данных, на которые я опирался в допущениях и теоретических построениях, изложенных в данной книге.

С 1967 по 1973 годы, после моего приезда в Америку, я продолжал это исследование в Спринг Гроув, в Балтиморе. Там я присоединился к группе психиатров и психологов, проводивших контролируемое изучение ЛСД-психотерапии. Эта работа началась несколькими годами раньше в исследовательском центре государственной больницы в Спринг Гроув, а позднее была переведена во вновь построенный Мэрилендский центр психиатрических исследований. Терапевтическое применение ЛСД в этих исследованиях в значительной степени отличалось от психолитического лечения, описанного выше. Вместо постепенного раскрытия различных слоев бессознательного, как это наблюдалось в моем «европейском» подходе, здесь ставилось целью вызвать глубокие религиозные и мистические переживания, часто минуя конфликтные области психодинамического уровня опыта. Клинические данные свидетельствовали о том, что эти переживания обладают уникальным терапевтическим потенциалом при лечении различных эмоциональных расстройств. Изменения зачастую бывали столь наглядными, что буквально взывали к необходимости систематических исследований. Дозы, применявшиеся при этом подходе, были довольно высоки, где-то между 300 и 500 микрограммами. Пациентам рекомендовалось большую часть сеанса находиться в полулежачем положении с закрытыми повязкой глазами и слушать через наушники специально подобранную стереофоническую музыку. Терапевт или прошедшая специальную подготовку сестра (или помощник врача) — очень важно, чтобы в такой бригаде были представлены оба пола, — оставались с пациентом на протяжении действия препарата, иногда по 16 часов. Согласно программе исследований и в силу других особых обстоятельств, общее число сеансов было ограничено тремя. Во время подготовительного периода длившегося обычно от пятнадцати до двадцати пяти часов, до принятия ЛСД, врач изучал прошлое пациента, помогал ему осмыслить симптомы заболевания и обсуждал с ним его философскую и духовную ориентацию. Он давал пациенту основную информацию о действии ЛСД и логическое обоснование лечения. Проводилось также несколько бесед в послесеансовый период, на которых детально обсуждался письменный отчет об ЛСД-переживании. Главной их целью было помочь испытуемому объединить ЛСД-переживания и события его повседневной жизни в одно целое. В отличие от психолитического лечения, описанного раньше, эта форма психотерапии с помощью ЛСД обычно называлась психоделической терапией. В Спринг Гроув мы задались целью систематически изучить эффективность этого вида лечения для алкоголиков, невротиков, наркоманов и раковых больных терминальной стадии.

Мой клинический опыт работы с ЛСД базируется на более чем 2500 ЛСД-сеансах, которые я либо провел полностью, либо присутствовал на них более 5 часов. Кроме того, я имел доступ к записям более чем 1300 сеансов, проведенных несколькими моими коллегами в Чехословакии и Соединенных Штатах. Большинство из прошедших сеансы были больными с разнообразными нарушениями — такими, как острый психоневроз, психосоматические заболевания, пограничные психозы, различные формы шизофрении, половые отклонения, алкоголизм и наркомания. Другая значительная категория состояла из здоровых добровольцев — психиатров, психологов, студентов и медицинского персонала, проходивших ЛСД-сеансы ради профессиональной подготовки, а также художников,

скульпторов и музыкантов, ищущих творческого вдохновения; философов и ученых, которых интересовало интуитивное озарение, возникавшее во время сеансов; теологов и священнослужителей, желавших исследовать мистические и религиозные области психоделических переживаний. Небольшое число сеансов было проведено с больными, находившимися в терминальной стадии перед лицом неминуемой смерти, - в частности, с раковыми больными. Тот факт, что в своих семнадцатилетних исследованиях я предписывал ЛСД-терапию множеству самых разных людей в разных ситуациях и с разнообразными предпосылками, заставил меня осознать всю сложность ЛСД-переживаний и главные их составляющие. Это помогло мне придать определенную форму своим идеям, касающимся природы действия ЛСД, и развить общую теорию ЛСД-психотерапии и человеческого бессознательного.

Эвристическая ценность исследования ЛСД

Прежде чем перейти к обсуждению практического применения исследований ЛСД, необходимо продемонстрировать эвристическую ценность этого препарата как инструмента изучения человеческого бессознательного и правомерность общих заключений, полученных при работе с ним. Многие специалисты склонны относить ЛСД-переживания к проявлениям токсического изменения функционирования мозга (так называемый «токсический психоз»), что имеет мало общего с пониманием функционирования человеческого сознания в естественных условиях. Это довольно серьезное возражение, заслуживающее особого внимания и более тщательного рассмотрения. Главный вопрос, на котором в этом контексте следует заострить внимание, состоит в следующем: существует ли инвариантное, постоянное и стандартное действие ЛСД, целиком фармакологическое по природе, не связанное со структурой личности испытуемого и характерное для любого человека, принявшего достаточную дозу этого препарата.

Феномены, имеющие место в течение ЛСД-сеанса, охватывают широкий диапазон. Едва ли найдется какое-либо перцептуально-эмоциональное или психосоматическое проявление, которое не наблюдалось бы и не было бы описано, как часть ЛСД-переживания. Крайнее многообразие и индивидуальная варьируемость ЛСД-состояния дополняется поразительной внутрииндивидуальной изменчивостью. Если один и тот же человек повторно проходит ЛСД-сеансы, то каждый последующий сеанс, как правило, весьма отличен от других как по своему содержанию, общему характеру, так и по протеканию. Такое разнообразие само по себе является серьезным возражением против идеи о том, что реакция на ЛСД определяется химическими и физиологическими особенностями организма. Соотношение, в котором различные экстрафармакологические факторы составляют ЛСД-переживание, само по себе интересно и теоретически важно.

Поиск типичных и обязательных фармакологических действий ЛСД был важным аспектом моей исследовательской работы. Результат такого поиска был удивительным: после анализа более чем трех тысяч восьмиста записей ЛСД-сеансов я не обнаружил ни одного симптома, который был бы постоянным их компонентом и который можно было бы действительно считать инвариантным. Обычно изменения зрительного восприятия являются типичным проявлением ЛСД-состояния, и поэтому они были серьезными претендентами на фармакологический инвариант. Несмотря на то что они проявляются в наших записях довольно часто, отмечался ряд сеансов с высокой дозировкой, в которых совсем не наблюдалось изменений в зрительном восприятии, хотя в некоторых из этих сеансов дозировка достигала 500 микрограмм. Несколько ЛСД-сеансов, лишенных каких-либо визуальных феноменов, имели форму интенсивных сексуальных переживаний; другие характеризовались значительной соматизацией, проявляющейся в самых различных частях тела, чувством общего физического недомогания или переживанием скручивающих болей. Некоторые примеры сеансов без оптических изменений в восприятии наблюдались на продвинутых стадиях психолитического лечения и на некоторых психоделических сеансах. Они включали в себя либо примитивный биологический комплекс переживаний, описанный разными испытуемыми как повторное переживание их собственного рождения, либо трансцендентальные переживания,

наделенные парадоксальным качеством «отсутствия всякого содержания и в то же время все-вмещаемости».

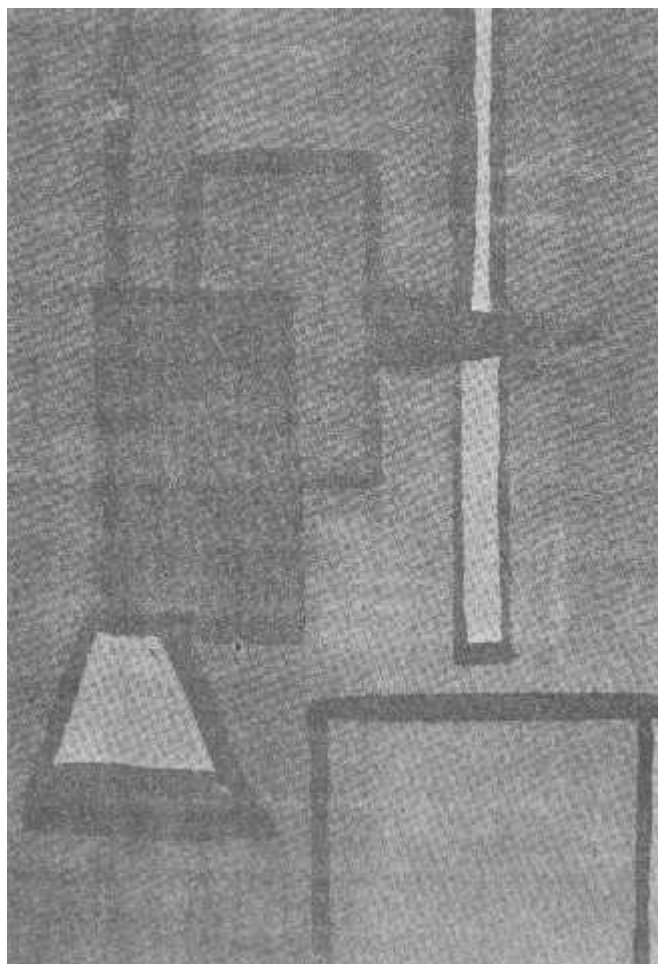
Физические проявления в ЛСД-сеансах заслуживают особого внимания, поскольку в первых отчетах они рассматривались просто как фармакологические действия, связанные с непосредственной активизацией центров мозга. Осторожное, тщательное наблюдение большого числа сеансов и анализ записей не подтвердили эту точку зрения. Спектр так называемых «вегетативных симптомов» весьма широк и выходит за пределы действия любого известного препарата за исключением некоторых других психоделиков. Как ни странно, эти симптомы включают как симпатические, так и парасимпатические явления и возникают группами, состоящими из комбинации как тех, так и других. Сопутствующие физические реакции на ЛСД значительно изменяются от сеанса к сеансу. Они практически не зависят от принятой дозы. Прямой взаимосвязи между дозой и ее действием не наблюдается. Во многих сеансах с высокой дозой физические проявления полностью отсутствовали или же случались с перерывами и были тесно связаны с трудным и сильно защищенным материалом бессознательного. Другим аспектом этих симптомов, который можно здесь упомянуть, является их необычная чувствительность к различным психологическим факторам. Зачастую они могут видоизменяться или даже прекращаться в результате различных внешних воздействий или специфического психотерапевтического вмешательства. Одна из физических черт реакции на ЛСД заслуживает особого упоминания — это расширение зрачков (мидриаз). Оно настолько обычно, что многие исследователи и врачи используют его в качестве показателя того, что человек все еще находится под влиянием препарата. Долгое время и я в своих исследованиях готов был считать мидриаз стандартным проявлением фармакологического действия ЛСД. Однако позднее я наблюдал несколько ЛСД-сеансов, в которых зрачки испытуемого были суженными или же попеременно максимально сужались и расширялись. Аналогичной была и ситуация с вегетативными симптомами в области грубых физических проявлений — таких, как мышечный тонус, тремор, подергивания, активность при припадках и различные скручивающие движения. Но ни один из этих симптомов не был стандартным и достаточно предсказуемым, чтобы его можно было рассматривать как специфическое фармакологическое действие ЛСД. Это не означает, что данный препарат сам по себе не имеет какого-то специфического физиологического действия. Его легко можно продемонстрировать на экспериментах с животными, где применялись несравненно более высокие дозы. Мой опыт, однако, указывает на то, что при дозах, обычно применяемых в экспериментах с людьми и в психотерапевтической практике, физические проявления не являются результатом прямого фармакологического стимулирования центральной нервной системы. Они отражают химическую активизацию психодинамических матриц бессознательного и имеют структуру, схожую с телесными проявлениями при истерической конверсии, органа-невротических явлениях или симптомах психосоматических нарушений.

Столь же непредсказуемой, как и содержание ЛСД-реакции, является ее интенсивность: индивидуальные реакции на один и тот же уровень дозировки весьма различны. Результаты моих исследований говорят о том, что степень чувствительности или сопротивляемости организма данному препарату зависит скорее от сложных психологических факторов, чем от переменных конституциональной биологической или метаболической природы. Люди, которым в повседневной жизни необходимо поддерживать полный самоконтроль и которые имеют трудности с расслаблением и «отпусканьем себя», иногда могут противостоять довольно высоким дозам ЛСД (300-500 микрограмм) и не проявлять при этом изменений, которые можно было бы зафиксировать. Иногда человек способен устоять перед значительной дозой ЛСД, если он по каким-либо причинам ставит это для себя задачей. Например, хочет бросить вызов врачу, вступить с ним в противоборство, показать себе и своим товарищам по процедуре собственную «силу». Однако здесь могут скрываться и более существенные подсознательные мотивы. Другими причинами высокой сопротивляемости действию препарата могут оказаться недостаточная подготовка, получение нечеткой инструкции, неуверенность, отсутствие полного согласия на сотрудничество или же недостаточно доверительные отношения с терапевтом. В этом случае действие ЛСД не будет эффективным до тех пор, пока мотивы сопротивления не будут подвергнуты тщательному анализу и поняты до конца. Внезапная

замкнутость или сдерживание эмоций в любой из периодов сеанса и при любой дозировке могут быть восприняты как неожиданное проявление самозащиты против возникновения неприятного травмирующего материала. Среди психически больных действию ЛСД особенно интенсивно сопротивляются острые невротики.

В моем исследовании было обычным наблюдение факта, что такие пациенты могут выдержать дозы более чем 500 микрограмм ЛСД и демонстрировать лишь незначительные признаки изменения в физической или психологической областях. В крайних случаях может потребоваться несколько дюжин ЛСД-сеансов с большими дозами, прежде чем психологическая сопротивляемость у этих людей будет снижена до уровня, когда у них начинаются проявления регрессии в детство и они начинают осознавать бессознательный материал, который необходимо проработать. Необычайно сильную сопротивляемость со стороны невротиков можно проиллюстрировать следующим клиническим примером.

Эрсину, двадцатидвухлетнему студенту, было рекомендовано пройти ЛСД-сеансы после четырехлетнего безрезультатного лечения острого невроза навязчивых состояний. На протяжении не скольких лет он развил довольно сложную систему навязчивых мыслей и оказался настолько захвачен ими, что они парализовали всю его прочую активность.

Эта картина отражает неожиданную мобилизацию психологической защиты против возникновения травматического бессознательного материала в ЛСД-сеансе. Испытуемый чувствует себя абсолютно трезвым, и окружение представляется более реальным, чем обычно. Предметы в комнате резко отделены друг от друга и имеют чёткие границы.

Он вообразил себе весьма сложную геометрическую структуру с двумя координатными осями и расположил внутри нее проблемы, с которыми сталкивался в повседневной жизни, и все свои обязанности. Иногда он проводил по многу часов в отчаянных попытках отыскать «правильное» расположение некоторых аспектов своего существования, но всегда безуспешно. Перед госпитализацией он почувствовал, что центр его воображаемой координатной системы сдвигается влево. Это необычайно его расстроило и вызвало состояние напряженности, страха, тревоги, опасности и депрессии. Помимо этого, Эрвин мучился от различных психосоматических симптомов и у него наблюдалась тенденция интерпретировать их ипохондрически. После нескольких госпитализаций и неудачного лечения транквилизаторами, антидепрессантами и психотерапией без лекарств, он был направлен на психолитическое лечение. Эрвин продемонстрировал невероятную сопротивляемость действию ЛСД. После двухнедельной психологической подготовки начались регулярные сеансы с недельным интервалом, и каждый раз из-за незначительной реакции на препарат дозу увеличивали на 50 микрограмм. В конце концов ему ввели 1500 микрограмм внутримышечно в надежде преодолеть этим его сопротивление препарату. Между вторым и третьим часом сеанса, когда действие ЛСД обычно достигает своей кульминации, Эрвину стало скучно, и он почувствовал некоторый голод. По его описанию, так же как и по внешним проявлениям, не произошло ничего необычного. Он оказался настолько вменяемым и настолько контролировал себя, что ему позволили пойти вместе с врачом на кухню, где он отрезал кусок хлеба, открыл банку с паштетом и закусил. Поев, он захотел пойти в комнату отдыха и сыграть в шахматы, поскольку почувствовал необходимость несколько отвлечься от лишнего каких бы то ни было событий монотонного терапевтического эксперимента. Потребовалось 38 сеансов с высокими дозами, прежде чем защитная система Эрвина была понижена до уровня, когда у пациента начинается регрессия в детство и повторное переживание некогда травмировавших его событий.

После ряда подобных наблюдений стало очевидно, что высокую психологическую сопротивляемость ЛСД невозможно преодолеть только увеличением дозировки: ее следует смягчать в течение целой серии сеансов. Как оказалось, между дозами ЛСД в 400 и 500 микрограмм существует точка насыщения, и если у пациента нет адекватной реакции на эту дозу, то последующее увеличение дозы не меняет ситуации.

После демонстрации факта явного инвариантного действия ЛСД при разных дозировках, обычно применяемых в экспериментальной и клинической работе, мы можем задать вопрос: в чем же, по существу, состоит действие ЛСД? Согласно моему опыту, оно довольно неспецифично и может быть описано только в весьма общих терминах. В подавляющем большинстве сеансов преобладает тенденция в сторону изменений восприятия в различных сенсорных модальностях. Сознание обычно изменяется качественно и приобретает сновидческие свойства. Эмоциональная реактивность почти всегда значительно увеличена, и аффективные факторы играют важную роль в качестве определителей ЛСД-реакции. Поразительным аспектом действия ЛСД является заметная интенсификация всех ментальных и нейронных процессов в целом, что приводит к различным по характеру и происхождению явлениям. Существующие и недавно приобретенные психогенные симптомы — так же, как и те, которые были свойственны индивиду с детства или в несколько более поздние периоды его жизни, приобретают конкретную форму, усиливаются и заново переживаются во время ЛСД-сеансов. Травматические или положительные переживания из прошлого, связанные с сильными эмоциями, активизируются, поднимаются из бессознательного и переживаются вновь в сложном комплексе. Различные динамические матрицы на разных уровнях индивидуального и коллективного бессознательного могут быть вынесены на поверхность и пережиты сознательно. Иногда могут усилиться явления нейрологического порядка. Как правило, это боли, связанные с артритом, смещением позвоночных дисков, воспалительными процессами или послеоперационными или послетравматическими изменениями. Особенно часты повторные переживания ощущений, связанных с прошлыми

повреждениями и операциями. С теоретической точки зрения интересно отметить, что испытуемые способны переживать вновь даже боль и другие ощущения, связанные с ранее перенесенными операциями, проводившимися под глубоким общим наркозом. Свойство ЛСД усиливать различные нейробиологические процессы настолько поразительно, что некоторые чехословацкие нейробиологи с успехом использовали его в качестве диагностического инструмента при обнаружении скрытого паралича и других тонких органических повреждений центральной нервной системы. Отрицательный аспект вышеупомянутого свойства ЛСД заключается в том, что она может активизировать приступы эпилепсии не только у страдающих от этой болезни, но и у людей, имеющих к ней скрытое предрасположение.

В целом я не обнаружил при анализе имевшихся в моем распоряжении данных какого-либо определенного фармакологического действия ЛСД на человека, которое было бы постоянным и инвариантным и могло бы рассматриваться в качестве специфического. Сейчас я расцениваю ЛСД как мощный неспецифический усилитель или катализатор биохимических и физиологических процессов, происходящих в мозге. Надо полагать, ЛСД создает ситуацию недифференцированной активизации, способствующей всплыванию у испытуемого бессознательного материала с различных уровней психики. Таким образом, богатство, а также необычная межличностная и внутрииндивидуальная варьированность ЛСД-переживаний может быть объяснена только наличием нефармакологических факторов — таких, как личность субъекта и структура его бессознательного, личность терапевта и ассистентов, участвующих в сеансе, предпрограммирование и ситуация в целом, во всей ее сложности. Способность ЛСД и некоторых других психоделиков облекать в форму невидимые иначе явления и процессы и делать их объектом научного изучения наделяет эти вещества уникальным диагностическим потенциалом и позволяет использовать их в качестве инструмента для исследования человеческого сознания. Не будет преувеличением сравнить их потенциальное значение для психиатрии и психологии с микроскопом в медицине и телескопом в астрономии.

В следующих главах я попытался нарисовать карту человеческого бессознательного, как оно проявлялось в ЛСД-сеансах у моих пациентов и испытуемых. Меня весьма воодушевил тот факт, что в различных областях культуры есть многочисленные подтверждения того, что карты сознания, обозначившиеся во время моей работы с ЛСД, полностью совместимы, а иногда и параллельны другим существующим системам. Примеры этого можно найти в аналитической психологии Карла Густава Юнга, психосинтезе Альберта Ассаджиоли, в работах о кульминационных переживаниях, а также в религиозных и мистических школах различных культур и времен. Многие из этих систем базируются не на использовании психоделических средств, а на различных мощных немедикаментозных техниках изменения сознания. Такая параллель между ЛСД-переживаниями и разнообразием явлений, проявляющихся без применения психоделиков, еще раз подтверждает неспецифическое и катализирующее действие ЛСД.

Описание новой модели бессознательного, базирующееся на ЛСД-исследованиях, задача не из легких. Эта модель отражает многомерный и многоуровневый континуум перекрывающихся и взаимодействующих между собой явлений. Для облегчения понимания она разделена на части, а ее наиболее существенные элементы выделены из общего контекста. Всякая попытка передать эту модель в линейной форме неизбежно приводит к излишнему упрощению и искусственности. Целиком осознавая трудности и ограничения такого описания, мы можем очертить четыре основных уровня, или типа, ЛСД-переживаний и соответствующих им областей человеческого бессознательного:

- 1) Абстрактные и эстетические переживания;
- 2) Психодинамические переживания;
- 3) Перинатальные переживания;
- 4) Трансперсональные переживания.

Абстрактные и эстетические переживания в ЛСД-сеансах

Явления, описанные в этой главе, обычно возникают в начале ЛСД-сеанса при использовании малых и средних доз или же в начале и конце первых сеансов с большой дозой. Оказалось, что по мере возрастания числа приемов ЛСД сфера действия этих переживаний сужается, а их важность сходит на нет. Они редко наблюдаются в более поздних сеансах одной и той же серии. В связи с определенными специфическими различиями между явлениями, наблюдаемыми с закрытыми или открытыми глазами, полезно описать каждую из этих двух групп отдельно. Когда испытуемый закрывает глаза, первое изменение, указывающее на начало действия ЛСД, — оживление визуального поля и усиление энтоптических (внутриглазных) явлений. Они включают в себя видение необычных цветных пятен, которые изменяют свою форму и периодически переходят в дополнительные цвета. Типичным примером абстрактного ЛСД-переживания являются послеобразы.

Когда испытуемый долгое время смотрит на какой-то из окружающих его предметов, а затем закрывает глаза, то в течение нескольких минут световые контрасты и даже отчетливый образ этого предмета может оставаться перед внутренним взором. Такие послеобразы, как правило, весьма динамичны: они периодически возникают и исчезают и изменяются по цветности, приобретая дополнительные цвета. Особенно яркое зрелище возникает в том случае, если первичное восприятие богато контрастами. Это может быть, например, восприятие солнца, люстры с яркими лампочками, оконного проема на фоне неба. Иногда насыщенная цветом динамическая мозаика энтоптического поля может восприниматься как неясные, быстро меняющиеся образы фантастических и экзотических ландшафтов, к примеру, видение таинственных джунглей, буйных бамбуковых зарослей тропических островов, сибирской тайги или подводных скоплений водорослей и коралловых рифов.

Весьма часто в визуальном поле преобладают абстрактные геометрические или архитектурные построения, которые лежат в основе всех динамических цветовых изменений. Испытуемые, переживавшие эти элементы, часто описывали их как интерьеры гигантских дворцов, нефы невыразимо прекрасных готических соборов, купола монументальных мечетей или арабески. Иногда эти видения сравнивали с картинами абстракционистов — таких, как Пит Мондриан или Василий Кандинский. В других случаях говорилось о феноменальных калейдоскопических дисплеях, волшебных искрящихся фонтанах и фейерверках. Как правило, люди бывают очарованы и целиком поглощены этими переживаниями. Зачастую они спонтанно начинают производить действия, усиливающие эти явления, — такие, например, как спастические сжатия глазных мышц, увеличивающие внутриглазное давление, надавливание на глазное яблоко, гипервентиляцию или задержку дыхания.

При открытых глазах цвета, как правило, бывают очень яркими, проникающими, взрывными; световые и цветовые контрасты усиливаются и углубляются, фиксация глаз затруднена, а контуры воспринимаемых объектов расплывчаты. Все представляется в волнообразном движении, неодушевленные предметы часто воспринимаются как наполненные жизнью. Весьма характерным изменением является восприятие человеческих лиц, животных и предметов в виде переплетения орнаментов и геометрических фигур. Многие из тех, кто испытал подобные изменения в восприятии, описывали его близким к видению таких художников, как Жорж Сера и Винсент ван Гог, признавая, что ЛСД-сеансы помогли им глубоко понять мир этих художников, проникнуться к ним симпатией и понять их искусство. Столь же часты ссылки на художников школы фовизма (например, на Анри Матисса) и на использование ими декоративного дизайна в портретах и натюрмортах. В этой связи упоминались также Густав Климт и другие художники венского «Раскола» (Густав Климт (1862-1918) — австрийский художник, основатель и президент венской группы «Раскол». Наиболее известен своими монументальными фресками, на которых плоскостные изображения человеческих фигур переплетаются со сложным декоративным орнаментом.), комбинируя в своих работах образные темы с мозаикой и орнаментальными элементами. Иногда в своем переживании испытуемые находили сходство со знаменитой серией рисунков кошек Луиса Узина — последовательным усилением распада реальности на геометрические формы и фигуры, вплоть до полной дезинтеграции форм и цвета. Все

эти изменения еще более наглядны, когда испытуемый фокусирует и фиксирует глаза на отдельном фрагменте окружения. Визуальное поле в таком случае все больше и больше затуманивается и суживается. Воспринимаемая область теряет свое пространственное и логическое соотношение с окружением и становится автономно переживаемым микрокосмом. Послеобразы возникают не только при закрытых глазах, их устойчивые формы могут влиять на богатство эстетического переживания и при открытых. Это происходит наиболее явно, когда испытуемый наблюдает свою руку с вытянутыми пальцами, медленно двигающуюся перед его лицом. Благодаря устойчивости послеобразов он может видеть различные стадии этого движения одновременно. Эффект в целом напоминает наложение фотографических отпечатков, сделанных через короткие промежутки времени, или стробоскопический эффект.

Вероятно, наиболее интересными изменениями восприятия в этой группе являются оптические иллюзии. Различные объекты окружения могут терять свою привычную форму: испытуемому кажется, что они пульсируют и пребывают в состоянии странной нестабильности и текучести. Во время этого процесса они часто представляются непропорциональными, искаженными и трансформированными. Собственное тело и фигуры других людей, присутствующих на сеансе, претерпевают гротескные изменения: некоторые части тела кажутся миниатюрными, другие — увеличенными или растянутыми. Подобные же причудливые изменения в восприятии могут произойти и с неодушевленными предметами. В результате этого процесса восприятие окружающей обстановки может измениться таким образом, что она начинает поразительно напоминать картины знаменитых кубистов — таких, как Пабло Пикассо, Жорж Брак, Луис Уэйн (1860-1939) — английский художник, переживший на пороге зрелости психотический срыв. Связанные с этим резкие изменения в восприятии он четко проиллюстрировал в серии рисунков кошек, где показана вся последовательность перехода от реалистического изображения этих животных к геометрическим и абстрактным картинкам, очень слабо напоминающим реальность Фернан Луже или Марсель Дюшан. Фантазия, как важный творческий элемент, становится при этом значительно богаче и способствует изменениям восприятия. Аморфные поверхности, текстура объектов, пятна на полу и на стенах могут выглядеть как фантастические животные, гротескные лица или экзотические ландшафты. Оптическая сторона эстетических ЛСД-сеансов может быть настолько ошеломляющей и богатой, что ее называют «оргией видения».

Визуальный аспект эстетического ЛСД-переживания часто дополняется подобными изменениями в акустической области. Типичной является сверхчувствительность к звукам: люди слышат шумы, которые при обычных обстоятельствах для них неразличимы или вообще находятся за порогом их восприятия. Одновременно нарушается способность ясно различать звуки, что в результате ведет к акустическим иллюзиям: монотонные акустические стимулы, такие, как шум вытекающей воды или различных электрических приборов, могут обманчиво трансформироваться в прекрасную музыку. Сенсорные сигналы вызывают иногда реакцию в несоответствующих им органах чувств. Например, под влиянием ЛСД человек может «видеть музыку» или «ощущать на вкус цвета». Импульсы, приходящие в одну сенсорную область, вызывают очень ясную и отчетливую реакцию других чувств. Это обычно называют синестезией.

Порой наблюдаются лишь незначительные изменения восприятия окружающего, но они интерпретируются необычным эмоциональным путем. Пространство вокруг может представляться невыразимо прекрасным, чувственным, привлекательным или же комическим; очень часто оно описывается как обладающее магическим или сказочным качеством. Подобным же образом может изменяться и звуковое восприятие. Нередко испытуемые открывают в музыке такие сферы, которые они были неспособны воспринимать раньше. Во время сеансов оказывается возможным слушать музыку всем своим существом при совершенно новом подходе. Часто складывается впечатление, что музыка резонирует в различных частях тела и включает мощные эмоции. Одно из самых общих заявлений в отчетах испытуемых о том, что в день сеанса они впервые в жизни услышали музыку по-настоящему.

Рисунки из ЛСД-сеанса с преобладанием эстетических переживаний. Иллюзорная трансформация угла терапевтической комнаты. Воздух кажется полным странных вибраций и магических течений; складки полотенца, висящего на стене, воспринимаются в виде эльфа.

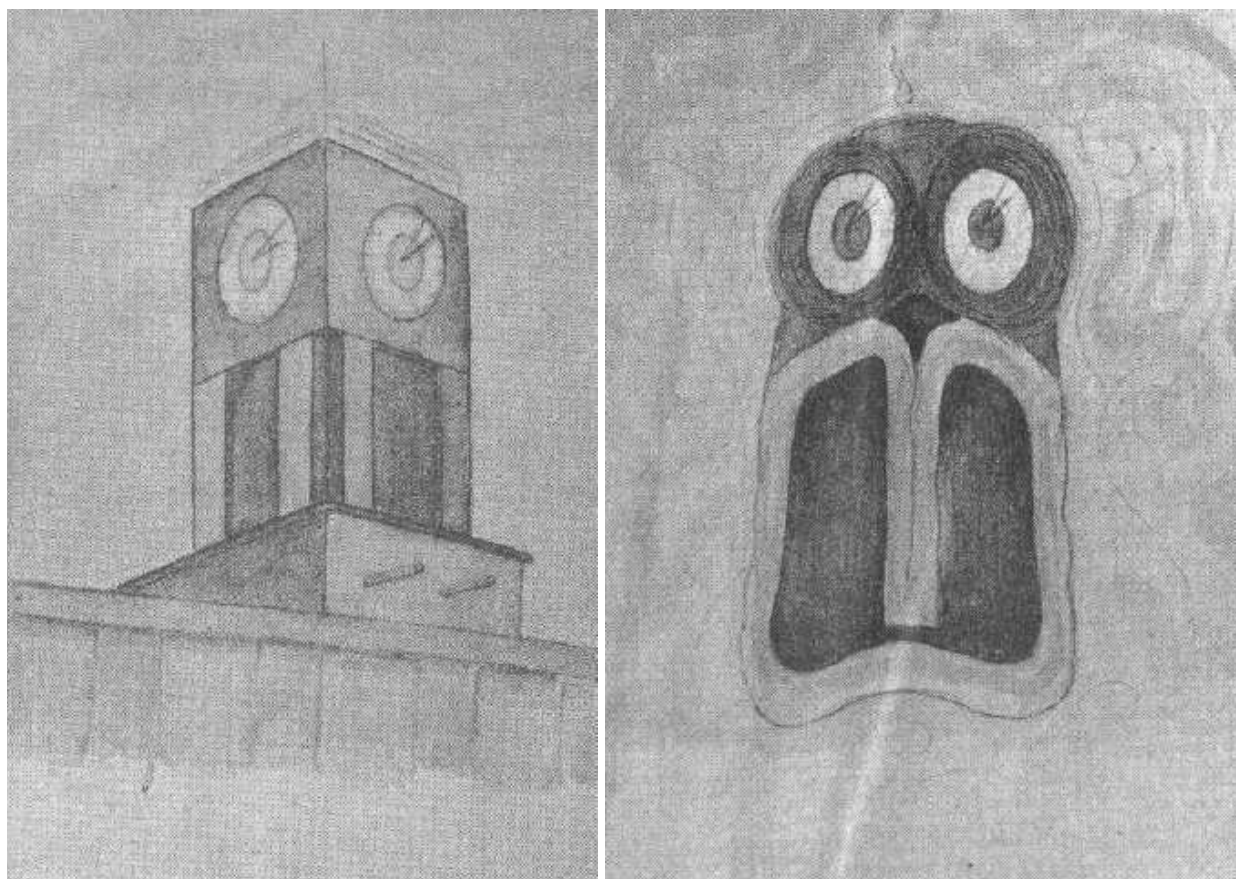
Эстетические переживания, как выясняется, представляют собой наиболее поверхностный уровень ЛСД-переживаний. Они не раскрывают бессознательное субъекта и не имеют никакого психодинамического значения. Наиболее значительные аспекты этих переживаний можно объяснить в физиологических терминах как результат химической стимуляции сенсорных органов, отражающих их внутреннюю структуру и функциональные характеристики. В этой связи интересно упомянуть, что некоторые явления из этой группы, можно вызывать при помощи различных физических средств. Так, геометрические и другие простейшие видения могут быть вызваны электрической стимуляцией оптических проводящих путей, механическим давлением на глазное яблоко или при освещении интенсивным стробоскопическим светом. Некоторые испытуемые подчеркивали также сходство этих переживаний с искажениями сигналов в неисправных электронных устройствах типа телевизора и радиоприемника.

Иногда геометрические образы и орнаменты или элементарные акустические иллюзии во время ЛСД-сеансов приобретали некоторые специфические эмоциональные побочные значения. Испытуемый, к примеру, мог почувствовать, что абстрактные конфигурации намекают на мягкий, теплый мир чувств удовлетворенного ребенка. Они могут переживаться также и как отвратительные и отталкивающие, опасные и агрессивные, чувственные и соблазнительные или сладострастные и непристойные. Такая ситуация представляет собой переход от абстрактного к психодинамическому уровню ЛСД-

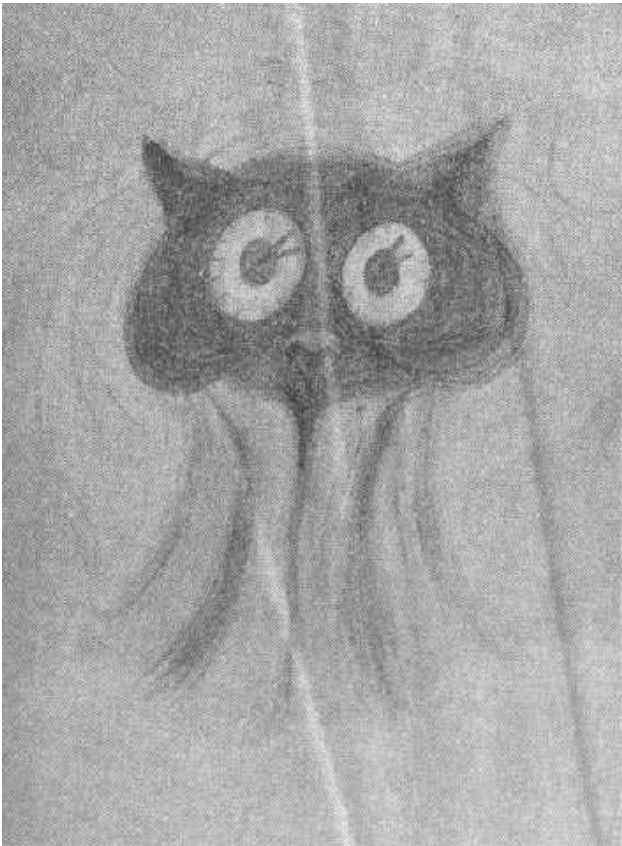
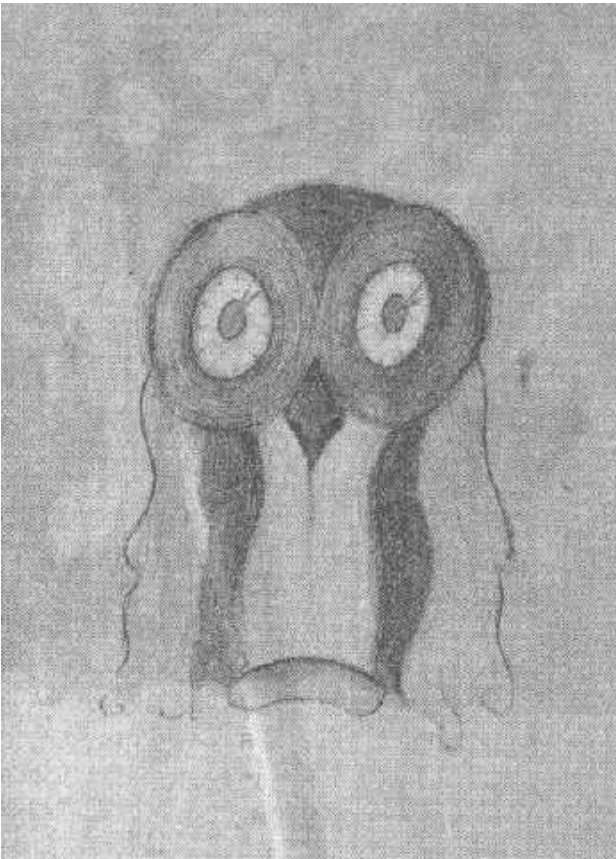
переживаний. Эмоции, видоизменяющие и окрашивающие абстрактные образы, принадлежат в таких случаях к биографическому материалу испытуемого. Иногда абстрактные и изобразительные элементы собираются в сложные картины. Переходный характер этого феномена особенно очевиден. В качестве иллюстрации можно использовать следующий пример из ЛСД-сеанса психиатра, принимавшего участие в программе обучения:

«Я глубоко запутался в абстрактном мире вращающихся геометрических фигур и роскошных расцветок, более ярких и светящихся, чем что бы то ни было прежде в моей жизни.

Я был очарован и загипнотизирован этим невыразимым калейдоскопическим спектаклем. В какой-то момент геометрические структуры стабилизировались и образовали форму довольно сложного, витиеватого обрамления большого зеркала в стиле барокко. Оно представляло собой сплетение ветвей с роскошном листвам, вырезанных на дереве. Зеркало было разделено на пять или шесть отделений неправильной формы, образованных боковыми ответвлениями обрамления.

Серия рисунков автора после первых ЛСД-сеансов демонстрирует последовательную иллюзорную трансформацию башенных часов, имевшую место в заключительный период этого сеанса. Первый рисунок сделан в том виде, в котором башня воспринимается в обычном состоянии сознания; последующие отражают оптическое искажение того же объекта под влиянием 100 микрограмм ЛСД.

Интересная оптическая иллюзия из сеанса с богатой сексуальной символикой. Наблюдавший собственную ладонь пациент видел, как она трансформируется в сменяющие одна другую группы обнаженных женских тел. По этому феномену можно проследить проблематику, связанную с чрезмерной мастурбацией.

К моему огромному удивлению, когда я заглянул в эти отделения, перед моими глазами начали разворачиваться различные интересные сцены. Персонажи этих сцен были в значительной степени стилизованы и несколько похожи на кукол. Общая атмосфера была довольно забавной и комичной, но с определенным подтекстом секретности и лицемерия. Неожиданно я понял, что наблюдаю символическую сатиру на свое детство в маленьком провинциальном городке, в мире «мелкой буржуазии». Он был населен характерными фигурами, представлявшими «сливки» общества. Взрослые, встречавшиеся вместе, оказывались совершенно несостоятельными в своем поведении и суждениях относительно других людей. Они не отказывали себе в мелких сплетнях, разыгрывая бесконечные нелепые и лицемерные социальные игры, и обменивались маленькими «секретами» сексуального порядка («так, чтобы не услышали и не узнали дети»). Себя самого я переживал как участника и наблюдателя этого гротескного спектакля, довольно любопытного и волнующего, но часто вызывающего смущение. К моему удивлению, все эмоции того периода моей жизни всплыли из глубин бессознательного, вновь ожили и стали реальными».

Психодинамические переживания в ЛСД-сеансах

Переживания, относящиеся к этой категории, происходят из области индивидуального бессознательного и сфер личности, доступных в обычном состоянии сознания. Они относятся к важнейшим воспоминаниям, эмоциональным проблемам, неразрешенным конфликтам и подавленному материалу различных периодов жизни человека. Большинство явлений, происходящих на этом уровне, может быть проинтерпретировано и

понято в психодинамических терминах. При расшифровке они требуют знания основных принципов динамики бессознательного, данных Фрейдом, и особенно механизмов, ответственных за сны, а также знакомства с определенными специфическими характеристиками ЛСД-состояний и их символическим языком. Простые психодинамические переживания имеют форму повторного проживания эмоционально интенсивных (травмирующих или благоприятных) событий младенчества, детства и более поздних периодов жизни и пересмотр отношения к ним. Более сложные переживания представляют собой воплощение фантазий, драматизацию наполненных желаниями грез наяву, мечтаний, взятых из кинофильмов, и сложную смесь фантазии и реальности. Помимо этого, психодинамический уровень включает в себя разнообразие опыта, который содержит в себе важный бессознательный материал, появляющийся в скрытой форме символической маски, защитных искажений и метафорических намеков.

Психодинамические переживания особенно часто возникают в ходе психолитической терапии у психически больных и в неконтролируемых ЛСД-сеансах у людей, имеющих серьезные эмоциональные проблемы. Значительно реже они встречаются в сеансах эмоционально устойчивых лиц, чье детство было относительно спокойным. При психолитической терапии психодинамические переживания могут преобладать на нескольких начальных сеансах, следующих друг за другом, прежде чем будет разрешен и интегрирован лежащий в их основе бессознательный материал и пациент сможет перейти на следующий уровень. В психоделической терапии такой биографический материал прорабатывается в начальный и заключительный периоды сеанса. Иногда психодинамические переживания могут преобладать на всем протяжении сеанса с высокой дозой, хотя и предпрограммирование, и ситуация в целом при этой форме ЛСД-терапии способствуют переживаниям на более глубоких уровнях бессознательного. Они будут описаны позднее (перинатальные и трансперсональные феномены).

Феноменология психодинамических переживаний в ЛСД-сеансах в значительной степени согласуется с основными концепциями классического психоанализа. Если бы психодинамические сеансы были единственным видом ЛСД-переживаний, их можно было бы рассматривать как лабораторное доказательство главных фрейдовских предпосылок. Психосексуальная динамика и фундаментальные конфликты человеческой психики, как они описаны у Фрейда, с необычайной ясностью и жизненностью проявляются даже в сеансах наивных новичков, никогда не подвергавшихся психоанализу, не знакомых с психоаналитической литературой и не испытавших на себе тех или иных прямых или косвенных воздействий данного направления (Это утверждение может показаться необидительным американскому читателю, который буквально затоплен психоаналитической информацией. Поэтому следует подчеркнуть, что вследствие особых обстоятельств чешские испытуемые подвергались минимальному воздействию психоаналитических идей. Во время немецкой оккупации Чехословакии в 1939 году психоаналитические книги были изъяты из библиотек и сожжены нацистами, поскольку работы Фрейда рассматривались как опасный инструмент «заражения еврейскими, большевистскими и франкмасонскими идеями». После коммунистического восстания в 1948 году психоаналитическая литература, возвращенная сразу после войны в библиотеки, была переведена в особые отделы, где доступ к ней имели только те, кто занимался критикой психоаналитической доктрины. Она рассматривалась в качестве «продукта капиталистической, буржуазной и реакционной пропаганды». В эти бурные годы мемориальная табличка на доме в Приборе (Фрейберг, Моравия), где родился Фрейд, дважды снималась и возвращалась на свое место. Только один психоаналитик пережил вторую мировую войну в Чехословакии, доказывая непрерывность психоаналитического обучения и образования.). Под влиянием ЛСД эти лица переживают регрессию в детство и даже раннее младенчество, оживляют в памяти различные психосексуальные травмы и комплексы ощущений, относящихся к инфантильной сексуальности, и встают перед лицом конфликтов, включающих активность различных либидозных зон. Они должны встретиться лицом к лицу с некоторыми из основных психологических проблем, описанными в психоанализе, — такими, как комплексы Эдипа и Электры, страх кастрации и зависть к пенису — и проработать их.

Но, несмотря на это соответствие, теория Фрейда не в состоянии объяснить некоторые психодинамические явления в ЛСД-сеансах. Для более полного понимания этих сеансов и того воздействия, которое они оказывают на клиническое состояние пациента, а также на понимание структуры его личности, в психоаналитический образ мышления следует ввести новый принцип. ЛСД-феномены на этом уровне можно понять, а временами и предсказать, если мы мыслим в терминах специфических сгущений памяти, для которых я использовал термин «СКО» (системы конденсированного опыта) (Наличие управляющих систем как важного звена для понимания динамики психолитической ЛСД-терапии было независимо открыто и описано Х. Лейнером [11]. Он назвал их «трансфеноменальными динамическими управляющими системами» (ТДУС). Однако, несмотря на многочисленные сходства между концепциями СКО и ТДУС нужно сохранять и дистанцию ввиду специфических смысловых нагрузок, связанных с концепцией СКО в данном тексте.). Это понятие возникло из анализа феноменологии серии ЛСД-сеансов на ранней стадии моих исследований в Праге. Оно оказалось весьма полезным для понимания психодинамических переживаний, вызванных с помощью психоделиков у психически больных на начальной стадии психолитической терапии.

Системы конденсированного опыта (СКО)

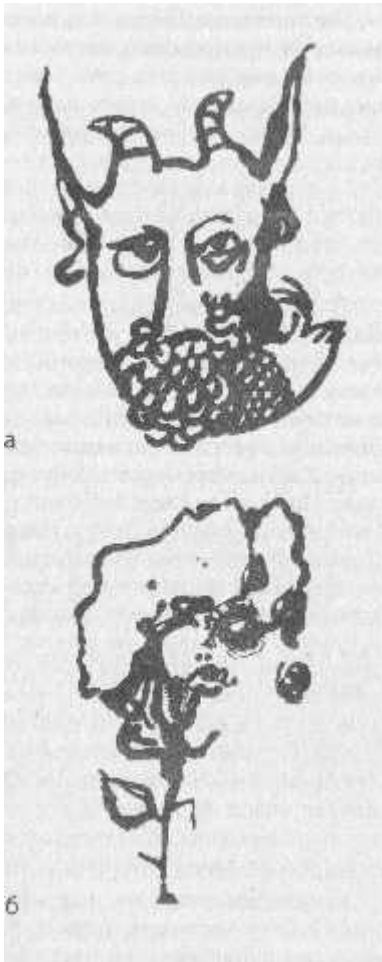
Система конденсированного опыта может быть определена как особое сгущение воспоминаний, состоящее из конденсированного опыта (и связанных с ним фантазий) различных жизненных периодов человека. Воспоминания, принадлежащие к отдельной системе конденсированного опыта, имеют похожую основную тему или содержат подобные элементы и связаны с сильным эмоциональным зарядом одного и того же качества. Наиболее глубокие слои этой системы представлены живыми и красочными воспоминаниями из младенческого и детского периодов. Более поверхностные слои такой системы включают память о более поздних периодах, вплоть до настоящего времени. Каждая СКО имеет основную тему, проникающую через все слои и представляющую собой их общий знаменатель. Природа этих тем варьируется в значительной степени от одной СКО к другой. Различные слои одной системы могут, например, содержать все воспоминания о столкновениях индивида с унижительными ситуациями, разрушившими его уважение к себе. В других случаях общим элементом может оказаться тревога, переживаемая в отношении шокирующих и пугающих событий, чувство клаустрофобии или удушья, вызванное различными безвыходными ситуациями, где нет возможности ответить и защитить себя или бежать, а также интенсивное ощущение вины и внутренней неправоты, вызываемое множеством отдельных ситуаций. Переживание эмоциональной депривации и отверженности в различные периоды жизни — еще один мотив многих СКО. Столь же часто встречаются темы, изображающие секс опасным и отталкивающим, или темы, включающие в себя агрессию и насилие. Особенно важными являются СКО, представляющие и конденсирующие опыт столкновения человека с ситуациями, ставящими под угрозу его жизнь, здоровье и целостность тела. Чрезвычайно большой эмоциональный заряд, которым наделена СКО (о чем часто свидетельствует мощнейшая реакция, сопровождающая раскрытие этих систем на сеансе с ЛСД), оказывается суммой эмоций, принадлежащих ко всем воспоминаниям, составляющим СКО определенного вида.

Индивидуальные системы конденсированного опыта имеют фиксированные отношения с определенными защитными механизмами и связаны со специфическими клиническими симптомами. Детальная взаимозависимость между индивидуальными частями и аспектами СКО в большинстве случаев не противоречит фрейдистскому образу мышления; новым элементом с теоретической точки зрения является понятие организующей динамической системы, объединяющей компоненты в отдельную функциональную единицу. Структура личности обычно содержит значительное количество СКО. Их число, характер, размеры и интенсивность в немалой степени варьируются от одного индивида к другому.

В соответствии с основным качеством эмоционального заряда мы можем различать отрицательные СКО (конденсирующие неприятные эмоциональные переживания) и положительные (конденсирующие приятные эмоциональные переживания и положительные аспекты прошлой жизни индивида). Хотя и имеет место определенная

взаимозависимость и перекрывание, отдельные СКО могут функционировать относительно независимо. В сложном взаимодействии с окружением они избирательно влияют на восприятие человеком самого себя и мира, на его чувства, способность формировать идеи и даже на многие соматические процессы. Далее понятие системы конденсированного опыта иллюстрируется несколькими клиническими примерами из психолитической терапии. Все эти примеры включают в себя отрицательные СКО, которые встречаются в практике психолитического лечения значительно чаще, чем положительные, и несут в себе большее разнообразие проявлений.

Петр, тридцатисемилетний репетитор, с перерывами госпитализировался и лечился в нашем отделении на протяжении двух лет, предшествовавших началу психолитической терапии. Интенсивная психотерапия и фармакотерапия принесли лишь поверхностное и временное излечение его серьезной психопатологии. Его главными проблемами в это время являлись симптомы, включавшие в себя комбинацию элементов невроза навязчивых состояний и мазохизма. Он почти непрерывно ощущал принуждение найти человека с определенными физиогномическими чертами, предпочтительнее, чтобы тот был одет в черное. Его основным намерением было установить контакт с этим человеком, рассказать ему историю своей жизни и в конце концов открыть ему свое глубокое желание быть запертым в темном подвале, связанным и подвергнутому различным дьявольским физическим и психическим пыткам. Будучи неспособным концентрироваться на чем-то другом, он бродил по улицам, заходя в парки, туалеты, вокзалы и пивные, пытаясь найти подходящего человека. Несколько раз ему «везло», он смог убедить или подкупить выбранных им людей для выполнения того, о чем он просил. Когда это случалось, он утрачивал чувство мазохистского удовольствия, а вместо этого испытывал ужас и ненависть в отношении пыток. Обладая особым даром отыскивать людей с заметными садистскими чертами личности, он оказывался в ситуациях, когда его дважды чуть не убили, несколько раз серьезно ранили, а в одном случае связали и ограбили. Помимо этой проблемы, пациент страдал от депрессий, толкавших его на самоубийство, от напряжений и тревог, импотенции и нередких припадков эпилепсии.

Два рисунка, сделанные пациентом с диагнозом невроза навязчивости во время психодинамического ЛСД-сеанса, на котором он исследовал отсутствие у себя уверенности, свою подчиненность и свою роль мужа под каблуком у жены.

Рисунок (а) является символическим представлением его концепции мужской роли.

Совокупный образ наделен рогами быка и ушами осла: эти два животных часто используются как символы глупости. Борода, стилизованная в рыбу, предполагая неспособность мужчины утвердить себя вербально в конфронтации с женщиной. В целом же композиция приобретает форму дьявола и выявляет скрытую агрессию пациента.

Рисунок (б) отражает концепцию пациента относительно женской роли.

Красота как существенная характеристика женственности символизируется розой. Острые шипы с капающей кровью и разные опасные твари в околорозетнике, такие, как скорпион, змея и и сколопендра, указывают на опасность, скрытую в этой красоте.

Ретроспективный анализ показал, что главные симптомы возникли на принудительных работах в Германии во время второй мировой войны, когда два нацистских офицера, угрожая оружием, заставили его участвовать в их гомосексуальной практике. Когда война окончилась, он обнаружил, что это испытание утвердило в нем предрасположение к пассивной гомосексуальной роли в сексуальном взаимодействии. Несколько лет спустя он развил типичный фетишизм к черной мужской одежде. Постепенно это перешло в описанное выше мазохистическое стремление, которое и привело его к необходимости лечения.

В серии из пятнадцати психолитических сеансов постепенно была выявлена весьма интересная и важная СКО. Ее поверхностные слои состояли из воспоминаний Петра о травмирующих столкновениях с партнерами-садистами. В нескольких случаях люди, с которыми он контактировал, действительно связывали его веревками, запирали в подвале без воды и пищи, душили и пороли его. Один из партнеров-садистов связал его в лесу, ударил по голове большим камнем и сбежал с его бумажником. Другой подобный субъект обещал Петру запереть его в подвале, который, как предполагалось, был в его лесном домике. Когда они вместе ехали туда, Петр удивился при виде странно выглядящего объемистого рюкзака своего компаньона. Когда последний вышел из купе в туалет, Петр залез на скамью и исследовал содержимое подозрительного багажа. Он обнаружил там полный набор орудий убийства, включая ружье, огромный нож мясника, хирургическую пилу, используемую при ампутациях, и остро отточенный топор. В панике Петр выпрыгнул из движущегося поезда и получил серьезные повреждения. Однако он был убежден, что этот маневр спас ему жизнь. И эти, и другие драматические эпизоды всплыли в ранних ЛСД-

сеансах. Садистские темы были представлены также разнообразием символических форм.

Более глубокие слои той же системы состояли из переживаний Петра во времена третьего рейха. На ЛСД-сеансе, проходившем под влиянием этой части СКО, он вновь детально пережил свои испытания с нацистскими офицерами-гомосексуалистами, включая все те сложные чувства, которые пробудили в нем эти эпизоды. Кроме того, всплыло множество других воспоминаний военных лет, отражавших атмосферу нацистской тирании. У него были видения знамен со свастикой, помпезных эсэсовских военных парадов, гигантских залов в рейхстаге и зловещих эмблем с орлами, а также истощенных узников концентрационных лагерей, облав гестапо и жертв, выстроенных перед газовыми камерами.

Внутренние переживания той же самой системы относились к детству Петра. На более поздних сеансах он регрессировал в детство и пережил заново те наказания, которым подвергался со стороны родителей. Оказалось, что мать часто запирала его на длительный срок в темном подвале, оставляя без еды, а способ наказания со стороны его деспота-отца состоял в весьма жестокой порке кожаными ремнями. В этом месте пациент понял, что его мазохистические желания были копией совокупных родительских наказаний.

В период оживления этих воспоминаний наблюдались удивительные колебания главной проблемы пациента вместо ее исчезновения. В конце концов Петр вновь пережил агонию своей родовой травмы во всей полноте ее биологической жестокости. Согласно его более позднему комментарию, она включала в себя элементы, ожидавшиеся им от садистского лечения, которого он столь отчаянно добивался: темное закрытое пространство, ограничение всех телесных движений и подверженность крайним физическим и психическим мучениям. В конечном итоге повторное переживание биологического рождения разрешило его сложную симптоматику.

Переживание родовой травмы лежит за пределами области психодинамики, как она обычно понимается в традиционной психотерапии. Ее описание было включено в вышеприведенный случай ради логической завершенности — этот феномен принадлежит к следующему уровню ЛСД-переживания, который будет рассматриваться в следующей главе.

Сравнение предыдущего клинического примера с последующим должно подтвердить тот факт, что, вопреки существенным различиям в содержании, формальные динамические структуры очень схожи между собой. Оказывается, что в каждом отдельном случае подобные травматические события различных периодов жизни запоминаются в тесной связи с самым давним переживанием такой серии, которое и представляет первичную травму. Событие наибольшей давности, формирующее прототипический паттерн, составляет ядро СКО — «центральное переживание» системы. Совокупность более поздних воспоминаний организуется вокруг этого ядра, а вся СКО в целом обычно относится к отдельному аспекту биологического рождения (см. обсуждение перинатальных матриц, гл. 4).

Рената, тридцати двух лет, домашняя хозяйка, была повторно госпитализирована в психиатрический институт с острой канцерофобией, неврозом навязчивости, глубокими депрессивными проявлениями на грани самоубийства, тенденциями нанести себе увечья и пограничными психотическими симптомами. Хотя она страдала от разных невротических проблем с самого детства, основные симптомы возникли у нее за несколько лет до ее лечения с помощью ЛСД, после того как гинеколог сообщил ей, что у нее изъязвление шейки матки. С того времени ее мучил невыносимый

страх перед возможностью возникновения рака, перемежавшийся с ипохондрическими подозрениями и даже уверенностью в том, что у нее действительно рак. Она ходила по амбулаторным клиникам и больницам, требуя невообразимых клинических исследований с такой настойчивостью и постоянством, что стала представлять собой угрозу медицинскому персоналу. На протяжении нескольких лет ее подозрения в отношении рака оставались неизменными, но она предполагала, что местоположение патологических процессов переместилось от половых органов в мозг, затем в ротовую полость, бронхи и легкие и далее в желудок и позвоночный столб. Страхи часто доводили ее до болезненных, опасных вмешательств и манипуляций. Так, когда у нее возникло подозрение, что новообразования могут появиться на слизистой оболочке во рту, она брала ножницы и отрезала кусочки языка или десен, пытаясь удалить «метастазы». Несколько раз это вело к неуправляемому кровотечению, приводившему к вмешательству скорой помощи. В других случаях она умудрялась со свойственными ей озабоченностью и настойчивостью уговорить врачей на проведение ненужного, самопредписанного вмешательства и диагностических процедур. В период, когда она предполагала, что ее легкие поражены раком, она настояла на четырех процедурах непоказанной бронхоскопии (довольно болезненная процедура, во время которой в трахеобронхиальные пути вводится длинная металлическая трубка со встроенной в нее оптической системой).

У Ренаты были серьезные проблемы и в сексуальной жизни. Ей было очень трудно вступить в интимные отношения, и ее опыт с мужчинами был болезненным и приводил ее в замешательство. Преобладали случаи скотского сексуального обращения с ней и попытки изнасилования. Она никогда не испытывала оргазма во время сексуального акта. Сексуальное возбуждение было проникнуто чувством паники, интенсивного страха смерти, а позднее усиливало ее канцерофобию. И наоборот, крайняя тревога, подобная той, что имела место при воздушных налетах в военное время, рискованные ситуации автомобильных гонок и пугающие сцены в фильмах ужасов стимулировали ее сексуальное влечение.

Во время психолитической терапии была вскрыта, пережита повторно и интегрирована в ряде последовательных ЛСД-сеансов) очень сильная и важная СКО, интимно связанная с ее главными психопатологическими проблемами. Основной темой этой СКО являлась идентификация мужского начала как жестокого, садистского и чрезвычайно опасного. В этом контексте прочитывалась глубокая бессознательная связь между сексом и угрозой для жизни, неизлечимыми болезнями (такими, как рак, венерические заболевания и проказа) и смертью.

Самыми поверхностными слоями этой СКО являлись воспоминания о недавних болезненных переживаниях, имевших место в ее семейной и профессиональной жизни. Она была замужем за довольно слабым человеком, очень стеснительным, заторможенным и сексуально неопытным, рядом с которым она чувствовала свое интеллектуальное превосходство. В этих условиях она не находила обстоятельства угрожающими и чувствовала, что держит ситуацию под контролем. Сексуальная жизнь супружеской пары была весьма неустойчивой и полной конфликтов. В свое время потребовалось несколько месяцев, прежде чем они вступили в брачные отношения, а следовавшие за этим сексуальные контакты между Ренатой и ее мужем были нечастыми и нерегулярными. Через несколько лет после женитьбы она совсем отказалась от сексуальных отношений, что совпало с обнаружением изъязвления шейки матки. Муж, не находя выхода своей фрустрированной сексуальности, начал проявлять возрастающее нетерпение в этой ненормальной ситуации. Он досаждал Ренате, а столкнувшись с ее решительным сопротивлением, начал оскорблять ее физически и в конце

концов совершил несколько попыток изнасилования. Одновременно похожие события случались с Ренатой и на службе. Несколько ее сотрудников, независимо друг от друга, начали странный флирт с нею. Последовавший в результате ряд сексуальных домогательств напугал ее, озадачил и вызвал раздражение. Память о нападениях со стороны мужа и сослуживцев сформировала наиболее доступные слои этой СКО.

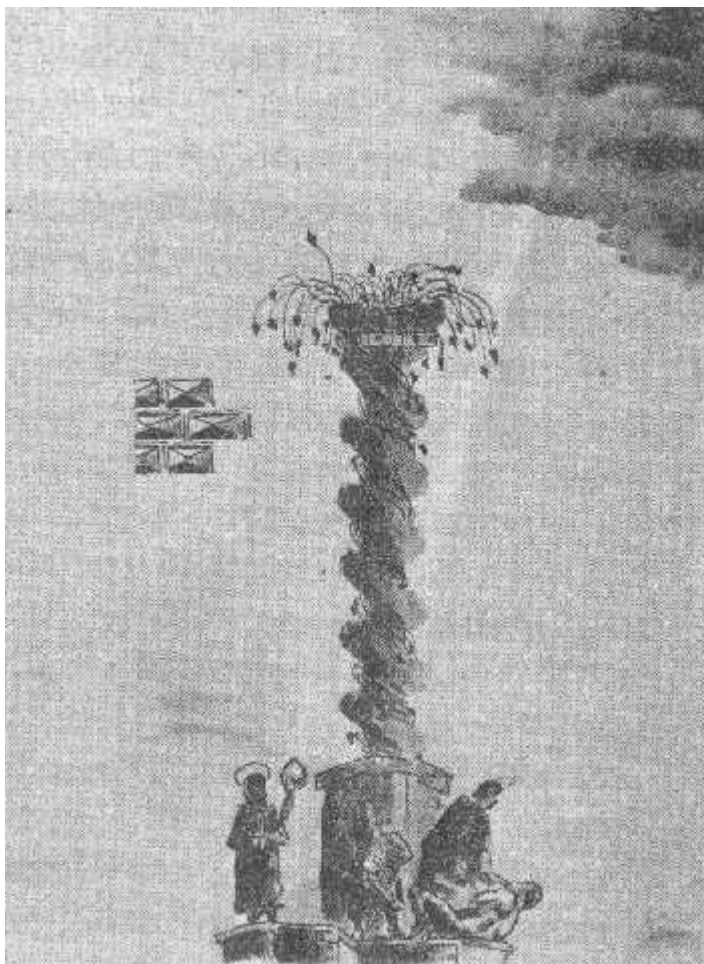
Более глубокие слои той же системы были связаны с ее девическими и несколько более поздними переживаниями. В этот период у нее было несколько случаев эротических взаимоотношений, строившихся по одной и той же жесткой схеме. Всякий раз возникала сильная эмоциональная привязанность к мужчине. Рената имела склонность идеализировать своих партнеров, ей нравились долгие прогулки, разговоры на отвлеченные темы и обмен поверхностными, ни к чему не обязывающими выражениями симпатии. Однако, если молодой человек проявлял даже самое невинное сексуальное желание, выражавшееся в прикосновении, объятиях или поцелуе, ее охватывал ужас. Когда это происходило, ей казалось, что ее друг буквально изменяется физически, а черты его лица принимают животное выражение. Каждый раз в таких ситуациях она убегала в панической тревоге и никогда больше не хотела видеться с этим человеком. Эпизоды подобного рода снова и снова всплывали во время ЛСД-сеансов вместе с деталями физического окружения, включая телесные ощущения и эмоции.

После долгой борьбы и эмоциональных мучений Рената в конце концов преодолела свое невероятное сопротивление, справилась с собственными защитными механизмами и встала лицом к лицу с центральным переживанием системы. Это происходило на протяжении многих последовательных сеансов некоторым «мозаичным» образом: различные фрагменты и грани ее сложной истории вставали в ее памяти по отдельности и лишь затем собирались воедино в одно осмысленное целое. Согласно окончательной реконструкции, ядро переживаний состояло из следующих событий. Когда Ренате было семь или восемь лет, мать ушла из дому в субботу вечером, чтобы вместе с родственницей пойти в театр. Рената осталась дома со своим отчимом, которого она очень любила. Во время игр они входили в тесное физическое соприкосновение. Отчим женился на матери Ренаты поздно (пятидесяти пяти лет), после того как оставил полную риска и приключений жизнь человека, много поездившего по свету. Между ними была большая разница в возрасте. Согласно воспоминаниям, всплывшим во время ЛСД-сеанса, в тот критический день отчим находился в ванной комнате, где должен был зарезать гуся к праздничному обеду. Во время этой кровавой процедуры в нем проснулись садистские наклонности, и он возбудился сексуально. Позвав Ренату к себе в ванную, отчим начал вести себя довольно странно. Он раздел ее, трогал и сосал различные части ее тела, стимулировал руками ее гениталии и дефлорировал ее пальцем. Потом он растегнул брюки и вложил ей в рот свой пенис. Попросил ее сосать и лизать его, обещая, что тот вырастет и станет твердым. Рената предполагает, что в результате она стала свидетельницей извержения семени, что окончательно смутило ее. Важным аспектом этой сцены явилось изменение облика отчима. Он выглядел совсем не таким, каким она привыкла его видеть: глаза приобрели лихорадочный блеск, а лицо как будто приобрело животное выражение. Некоторые элементы этого центрального переживания прослеживались до более раннего эпизода, имевшего место, когда ей было четыре года. Они с отчимом играли в кровати, и тот переместил ее к своей тазовой области, где она обнаружила пенис в состоянии эрекции.

Согласно всплывшим воспоминаниям, это травмирующее событие имело сложное продолжение. Предполагается, что отчим затащил Ренату в подвал,

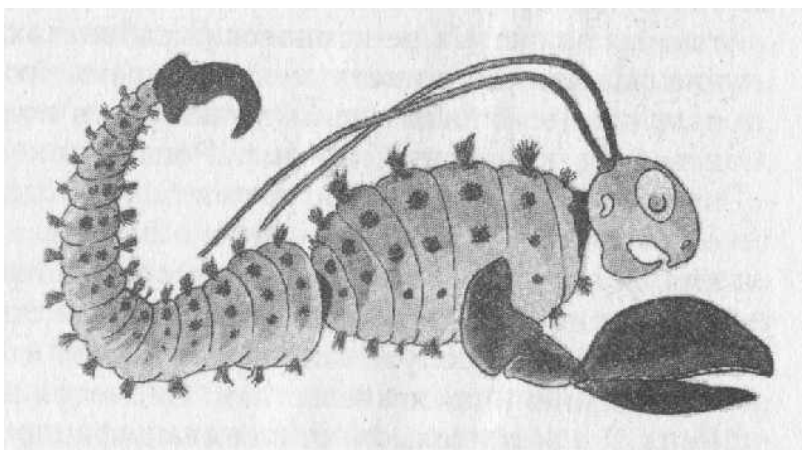
бил ее и угрожал, заставляя держать в тайне сцену в ванной. Он заставил ее поклясться, что она не расскажет матери о случившемся. Наказание в случае нарушения клятвы должно было состоять в том, что ее навсегда заперут в темный подвал, отрежут язык или убьют.

Когда описанная СКО была редуцирована и повторно пережита в серии сеансов ЛСД, Рената сначала должна была проработать недавние болезненные сцены со своим мужем и сослуживцами, затем эпизоды с несколькими своими юными поклонниками и, в конце концов, различные аспекты самого ядра переживаний. Основная тема СКО также была представлена на ЛСД-сеансах в многообразии символических метафор и намеков на книги, фильмы, картины и мифы, связанных с насилием, изнасилованием, сексом и смертью, сексуальными убийствами, оскорблениями детей, беременностью и венерическими болезнями. Когда травмирующее переживание было восстановлено и интегрировано, Рената поняла, насколько глубокая связь существовала между ее невротической симптоматикой, иррациональным поведением и ядром переживаний. Она отыскала параллели между своей канцерофобией и детской концепцией беременности, которую ожидала и боялась после сцены в ванной. Ипохондрические ощущения в различных органах, которые она интерпретировала как рак, оказалось возможным проследить до ощущений, связанных с манипуляциями ее отчима. Раздевание и прощупывание во время физического обследования, манипуляции пальцами в области гениталий во время гинекологических проверок, исследования в темных закрытых рентгеновских кабинетах и намеренное введение фаллического инструмента во время бронхоскопии — все это включает элементы сцены в ванной и в подвале в более или менее замаскированной форме. Рената поняла также, насколько важную роль она сама играла в более поздних травмировавших ее столкновениях с мужчинами. Это была необычная комбинация флирта и соблазнительного поведения с сопротивлением и отверженцем, которая оказывала мощный стимулирующий эффект на ее мужа и сослуживцев и в конечном итоге толкала их к преследованию и посягательствам. Несмотря на то, что симптомы у Ренаты в значительной степени модифицировались и смягчились, они не исчезли после оживления переживаний СКО и ее ядра. Подобно Петру в предыдущем примере, Рената обнаружила более глубокий источник своей психопатологии в лежащих в ее основании разрушительных энергиях, связанных с травмой рождения. Основные аспекты ее симптомов — паническая тревога, боязнь телесных повреждений, агрессия, направленная внутрь и наружу, трудности с дыханием (которые она испытывала в связи с ее «раком легких» и во время бронхоскопии), многие странные соматические ощущения, а также смешение сексуальных и агрессивных чувств, секса и смерти — являются общей частью переживания при рождении. Когда Рената смогла проникнуть в этот слой, она обнаружила, что детальное содержание и динамика ее канцерофобии, появившейся позднее как непосредственная производная ее столкновения с отчимом, были также весьма логичны и объяснимы в связи с событиями на перинатальном уровне.

Картина символического видения, показывающая тесную связь между сексом и смертью в бессознательном Ренаты. Она изображает знаменитую колонну в Праге, воздвигнутую в качестве магической защиты против эпидемии чумы. Здесь она обвита струящимися сперматозоидами. Пациентка интерпретирует чуму, так же как и проказу, рак и венерические болезни, как наказание за сексуальные действия.

Видение фантастического животного в одном из ЛСД-сеансов Ренаты как символическое представление ее канцерофобии. Анализ показывает, что это был сложный образ с интересной структурой; все его живописные детали были в действительности обусловлены символическими ссылками на травматические переживания Ренаты со своим отцом, определяющие психогенез этого симптома.

Последний клинический пример указывает на то, что СКО вовсе не обязательно состоят только из воспоминаний о травмах, пережитых в межличностных отношениях и ситуациях, связанных с людьми. Иногда в СКО могут оказаться включенными и играть весьма важную роль травмирующие события, связанные с животными и другими объектами, повреждения и раны, причиненные самому себе, а также болезни и другие ситуации, угрожавшие жизни и целостности организма.

Ричард, студент двадцати шести лет, страдал на протяжении ряда лет от острой непрекращающейся депрессии, приведшей к шести попыткам самоубийства. В одной из них он принял крысиный яд, который, согласно его словам, отражал его чувства к себе и весьма низкую самооценку. Вдобавок у него бывали частые приступы интенсивной неоправданной тревоги, мучительных головных болей, сердечных недомоганий и острой

бессонницы. Сам пациент связывал большинство своих недугов с нарушениями его сексуальной жизни. Хотя у него было много дружеских встреч с женщинами, сексуальные отношения не складывались, и он не мог создать ситуации, способствующей половому сношению. Он пытался снизить свое чрезмерное сексуальное напряжение с помощью интенсивной мастурбации, но за этим неизменно следовало глубокое чувство вины. Через нерегулярные промежутки времени он оказывался вовлеченным в гомосексуальные отношения, в которых всегда играл пассивную роль. Здесь ему удавалось достигать временного удовлетворения, но следующие затем чувство вины и угрызения совести оказывались еще сильнее тех, что были связаны с мастурбацией. В состоянии крайнего отчаяния, вызванного неспособностью взять под контроль свои сексуальные желания, он попытался кастрировать себя, приняв большую дозу эстрагонных гормонов. Психолитическое лечение он начал после долгого безуспешного лечения рядом обычных методов.

Одна из наиболее важных СКО, вскрытых во время ЛСД-терапии у Ричарда, оказалась связанной с его пассивностью, беспомощностью и ролью жертвы. У него была тенденция играть эту роль в самых разных жизненных ситуациях. Главной темой этой системы было столкновение с подавляющей внешней силой, которая надвигалась на него и угрожала ему, не оставляя ни малейшего шанса защититься или бежать прочь. Самые поверхностные слои этой СКО относились к недавним травмирующим событиям его жизни. Ричард был исключен из университета после ряда неприятностей политического характера во время так называемого «культа личности Сталина». На начальных ЛСД-сеансах в нем ожили эти события, и он пережил чувство отчаяния в связи с несправедливостью и беспомощностью человека, стоящего перед лицом мощных и разрушительных сил социальной и политической природы, действующих при тоталитарном режиме.

Более глубокий слой той же системы содержал конденсированный опыт, связанный с переживаниями Ричарда в связи с его жестоким деспотичным и авторитарным отцом, хроническим алкоголиком, подвергавшим сына и жену физическим наказаниям. Во время ЛСД-сеансов Ричард довольно полно и реалистично восстановил многие из таких эпизодов. Один из самых тяжелых случаев привел в результате к серьезным физическим повреждениям в состоянии опьянения отец ударил мальчика так сильно, что тот вышиб своим телом оконное стекло. Ричард получил много порезов и истекал кровью. Ему понадобилась срочная медицинская помощь в местной больнице, где дежурный хирург зашил его раны. Этот эпизод, так же как и многие другие, был повторно пережит с удивительной живостью и сопровождался сильнейшими эмоциями.

Кроме этих переживаний, Ричард прошел через множество символических конфликтных сцен, связанных с отцом. В одной из них он как бы превратился в карпа, плававшего в пруду, а отец — в рыбака с длинной удочкой. Ричард, как карп, был пойман, извлечен из пруда и умерщвлен мощным ударом кулака.

Следующий слой СКО состоял из нескольких болезненных воспоминаний детства. Первое из них произошло предположительно в то время, когда Ричарду было семь лет. Однажды он попытался исследовать домашний радиоприемник и получил сильный удар током. Второе относилось к серьезному детскому заболеванию. Вспоминая это событие, он почувствовал себя закутанным в одеяла и задыхающимся от дифтерийных псевдомембран, забивших его горло. Другое такое воспоминание включало ситуацию, когда он тонул в ванночке, поскольку купавшая его мать отлучилась ненадолго на кухню присмотреть за плитой.

Ядро переживаний этой системы оказалось весьма необычным и интересным. Несмотря на весь ужас, который переживал Ричард, пытаясь восстановить свое давнишнее состояние, этот эпизод не был лишен определенного ситуационного юмора. В течение какого-то периода перед полным восстановлением инцидента во время ЛСД-сеансов в памяти Ричарда начали возникать отдельные элементы деревенской жизни в различных сенсорных модальностях. Он видел косы, серпы и грабли, созревший хлеб, мягко колышущийся на ветру, пасущихся коров и лошадей, полевые цветы на фоне голубого неба, ломти хлеба и молоко — типичная еда фермера, работающего на поле. Все это сопровождалось характерными звуками крестьянской жизни — перезвоном, перестуком, мычанием, блеянием, лаем, криком. Он чувствовал, как легкий ветерок пробегает над полем, ощущал запах созревших колосьев, свежее испеченного хлеба, травы и полевых цветов. Сопутствующие же этим, казалось бы, идиллическим переживаниям эмоции совсем не соответствовали им: они включали чувства тревоги, депрессии и беспомощности. На одном из этих сеансов Ричард неожиданно регрессировал далеко в младенчество и вспомнил себя годовалым ребенком, завернутым в одеяло и лежащим в траве на краю поля, пока взрослые убирали урожай. Он увидел корову, приближающуюся к нему. Она щипала траву в непосредственной близости от его головы, а затем несколько раз лизнула его в лицо своим шершавым языком. При оживлении этого эпизода голова коровы представлялась ему настолько огромной, что заполняла всю комнату, в которой проходил сеанс. Ричард обнаружил себя беспомощно взирающим на чудовищную коровью морду, с которой стекала слюна, и почувствовал, как эта слюна заливает ему лицо. Пережив счастливый конец ситуации, когда взрослые обнаружили случившееся и избавили его от коровьей нежности, Ричард почувствовал огромное облегчение и прилив жизненных сил. Он хохотал целых пять минут и обрел способность шутить над этим столь потрясшим его случаем.

На более позднем сеансе Ричард обнаружил глубокую функциональную связь между основной темой этой СКО и испытаниями, связанными с его биологическим рождением. Молодой человек пришел к заключению, что родовая травма явилась фундаментальным прототипом всех тех ситуаций, в которых он чувствовал себя совершенно беспомощным, отданным на милость внешних разрушительных сил. После переживания повторного рождения в ЛСД-сеансах у Ричарда начались длительные положительные экстатические чувства. Они ознаменовали радикальное улучшение его клинического состояния. Полностью исчезли депрессия, тревога и психосоматические симптомы, он почувствовал себя преисполненным активности и оптимизма. Его представление о себе значительно улучшилось, он оказался способен на эротические отношения с женщиной и имел первое в своей жизни гетеросексуальное половое сношение.

СКО, подобные трем описанным в вышеприведенных примерах, можно обнаружить у многих психически больных, подвергающихся психолитической терапии. Поскольку эти системы оказываются весьма важными для понимания психодинамических переживаний в ЛСД-сеансах, представляется уместным более детально обсудить проблемы их возникновения, динамики и проявления во время действия ЛСД.

Происхождение и динамика СКО

Оживление переживаний, составляющих различные уровни СКО, — одно из наиболее частых и постоянно наблюдаемых явлений у пациентов в ЛСД-психотерапии. Это повторное переживание весьма живо, реалистичной многообразно; оно характеризуется разными убедительными признаками регрессии субъекта в те времена, когда он впервые переживал данное событие. Один из наиболее, важных аспектов этой регрессии состоит в том, что ощущение своего тела всегда соответствует возрасту, в который регрессировал

субъект. Так, восстановление воспоминаний раннего младенчества включает чувство диспропорции между размером головы и остальным телом. При оживлении воспоминаний детства с сексуальным оттенком испытуемые с удивлением заявляют, что их пенис до смешного маленький, или же они могут ощущать, что на лобке нет волос, а молочные железы неразвиты. Весьма распространено наивное восприятие мира, отсутствие концептуальных рамок и переживание эмоций, типичных для возраста, в который регрессировал субъект. В этой связи можно упомянуть и более объективные признаки, такие, как отдельные аспекты рисунков, выполненных в периоды регрессии, или наличие нейрологических рефлексов, свойственных ранним стадиям развития (рефлекс Бабинского, рефлекс сосания или так называемые осевые рефлекссы). Важнейшие эмоциональные переживания оживляются вместе со всеми физиологическими, сенсорными, эмоциональными и психическими характеристиками первичной реакции, а часто и с детальным реалистическим воспроизведением сопутствующих ситуаций.

Некоторые пациенты в психолитической терапии способны испытать глубокую возрастную регрессию буквально на первом же ЛСД-сеансе при относительно небольшой дозе. Такой легкий доступ к воспоминаниям детства предполагается наиболее характерным для истериков. В более общем случае необходимо провести несколько сеансов со средней дозой, прежде чем начнет наблюдаться более глубокая регрессия к детству. В исключительных случаях для наступления ощутимой регрессии и оживления памяти детства требуется значительное число воздействий. Такая сопротивляемость регрессирующему действию ЛСД особенно типична для пациентов с острым неврозом навязчивых состояний.

Список характерных травмирующих переживаний, испытываемых как ядро переживаний отрицательных СКО, охватывает широкий диапазон ситуаций, связанных с безопасностью и удовлетворением нужд ребенка. Наиболее старые ядра переживаний относятся к самым ранним стадиям младенчества, к периоду кормления грудью. Самым частым является оживление оральных (ротовых) фрустраций, связанных с жестким графиком кормления, с нехваткой молока, с напряжениями, тревогой, нервозностью, недостатком любви со стороны матери и с ее неспособностью создать эмоционально теплую, мирную и предохраняющую атмосферу. Столь же часто отмечаются и такие травмирующие переживания детства, как холод и другие неприятные ощущения, болезненные медицинские вмешательства, физические страдания во время болезней, насильственные процедуры или необходимость приема вызывающих отвращение жидкостей (рыбьего жира, различных медикаментов, сильных дезинфицирующих средств), угрожающие звуки, бомбардировка непереносимым потоком импульсов, которые ребенок не в состоянии интегрировать, грубое лечение и эмоциональная изоляция. Иногда пациенты отмечали переживания, связанные с тем, что их роняли дети постарше или взрослые. Типичную группу неприятных переживаний составляют травмы, связанные с отнятием от груди и с искусственным кормлением, ассоциирующимся с твердостью и холодом ложки, скверным вкусом пищи или тем, что она слишком горяча, с небрежностью кормящего. У нескольких пациентов всплыли проблемы, связанные с зубной болью, когда попытки кусать и жевать сопровождались болезненными ощущениями.

Особую важность представляют события, угрожающие жизни ребенка вследствие ограничения его дыхательной деятельности. Чаще всего при этом встречаются воспоминания об удушье в результате попадания жидкости или твердых тел в дыхательные пути, об эпизодах, когда испытуемые тонули в ванне во время купания, о случаях дифтерии, удушливого кашля, пневмонии, о помехах от аденоидов, ограничивающих дыхание, об угрозе придавливания грудью или телом спящей матери.

Переживания периода между младенчеством и детством также часто оказываются важной частью негативных СКО. Это проблемы, связанные с уринацией и дефекацией, и конфликты с родительским авторитетом по поводу приучения к туалету. Среди других важных воспоминаний, весьма часто отмечаемых испытуемыми как травмирующие, случаи наблюдения половых сношений взрослых (особенно родителей — это первичные сцены с точки зрения Фрейда), обнаружение анатомических различий полов, связанное со страхом кастрации или завистью к пенису, сексуальные взаимодействия со сверстниками,

сексуальный соблазн со стороны взрослых, ведущий к преждевременному сексуальному пробуждению, и наблюдение родов у людей и животных. Наиболее серьезными переживаниями этой категории являются переживания, связанные с мастурбационными манипуляциями при неоправданном страхе и чувстве вины или же при наказании за это со стороны взрослых.

Травмирующие воспоминания более поздних периодов жизни, находящиеся в тесной связи с ядром переживаний, весьма многочисленны и охватывают довольно широкий диапазон. В этом контексте мне хотелось бы упомянуть лишь о наиболее частых из них. Эмоциональная неприязнь самых разных видов, а также события, вызывающие шок и ужас, грубое лечение, ведущее в результате к физическим и психическим страданиям, наиболее типичны для этой группы. Столь же общим является заметное предпочтение родителями одних детей другим и соперничество между братьями и сестрами, чрезмерное использование отрицательных приемов в воспитании детей — таких, как постоянные придирки, провокация чувства вины, сравнение с другими, унижение, высмеивание и недооценка со стороны родителей, братьев и сестер, ровесников, учителей и одноклассников. Другие частые ситуации характеризуются сложными семейными взаимоотношениями, ненадежным поведением взрослых родственников, включая сюда пренебрежение, предательство, ложь и нарушение обещаний, а также наблюдение сцен, расшатывающих родительский авторитет и порождающих чувство неуверенности.

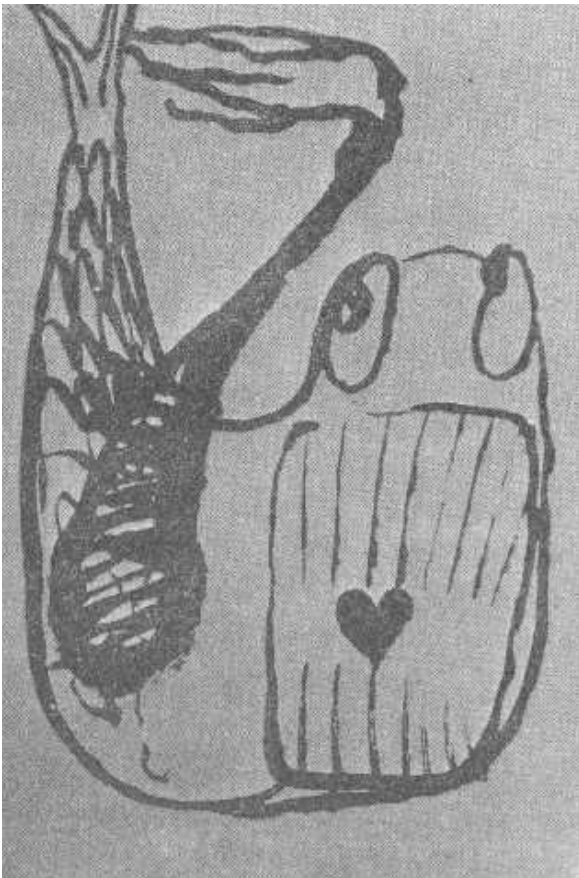
События отрочества очень редко становятся типичными ядрами переживаний. Если же это случается, они обычно имеют форму подавленных стрессовых ситуаций в сексуальной сфере — таких, как изнасилование, совращение отчимом или мачехой и даже родителями и наблюдение жестоких и отвратительных сексуальных сцен. Обычно же воспоминания более поздних периодов жизни можно обнаружить в поверхностных слоях СКО, имеющих ядро переживаний в раннем детстве.

Перечень приятных детских воспоминаний, составляющих ядро переживаний положительной СКО, значительно проще, чем перечень воспоминаний травмирующих. Он включает эпизоды безопасности и удовлетворения, такие, как переживание «хорошей груди» и других видов либидозного и «ощущательного» удовольствия, чувства, что тебя принимают, любят и ценят, интереса и тяги к приключениям, к обычному нормальному окружению, к животным и к играм со сверстниками.

Аутентичность и объективность детских воспоминаний в том виде, как они всплывают в ЛСД-сеансах, остается открытым вопросом. С первых же наблюдений за переживаниями этого вида я воспринимал их как довольно интересную теоретическую проблему и старался использовать все доступные средства, чтобы в каждом отдельном случае провести объективную проверку. Конечно, обстоятельства не всегда способствовали этому. Иногда я наталкивался на довольно скудные воспоминания со стороны свидетелей (родителей, старших сестер и братьев, знакомых, домашних докторов, учителей, прислуги и т.д.) и на отсутствие записей. В других случаях свидетели, которые могли бы помочь делу, были уже мертвы или же недостижимы. Нередки были и такие случаи, когда эмоциональная природа проблемы делала проверку невозможной. Это было особенно ясно в отношении ситуаций, в которых, как предполагалось, свидетель сам являлся участником пережитых событий, и для того, чтобы подтвердить воспоминание, он должен был бы допустить, что вел себя тогда нежелательным или неприемлемым образом. Иногда, впрочем, необычная природа воспоминания и особые обстоятельства давали возможность получить ценные данные и добиться некоторого проникновения в проблему их аутентичности.

Глубокая регрессия в младенческое состояние с оживлением памяти о страдании и неприятных переживаниях, связанных с уходом. Символический образ «плохой» матери.

Рисунок, представляющий амбивалентное чувство, переживаемое пациентом, регрессировавшим в своем ЛСД-сеансе до раннего орального уровня. Такая задействованность воспринимается как разрушение объекта (здесь это символизируется огромными зубами) и любовный союз (символизируется сердцем).

В этих отдельных случаях расспросы живых свидетелей, а также другие способы ведения исследований часто обнаруживали поразительную точность некоторых из этих воспоминаний. Стало очевидным, что события раннего детства и даже младенчества могут быть восстановлены в ЛСД-сеансах с невероятной точностью, в самых мельчайших деталях. В этом можно было бы усомниться в том случае, если бы пациент брал инициативу на себя и собирал необходимые доказательства самостоятельно. При таких обстоятельствах не исключалось бы искажение данных. Однако большинство наиболее важных доказательств в пользу точности воспоминаний имело место в ситуациях, где исследование проводилось профессионалами, которые, ради того чтобы избежать искажения информации, всячески противостояли суггестивному влиянию со стороны как пациентов, так и свидетелей. Проблемы и противоречия, с которыми встретились исследователи этой области, можно лучше всего продемонстрировать на нескольких клинических примерах. Они были отобраны из десятков подобных им записей, собранных за десятилетие психолитической работы в Праге.

Дана, пациентка с довольно острой и сложной невротической симптоматикой, вспомнила в ЛСД-сеансах один из травмировавших ее эпизодов своего младенчества, который она отнесла приблизительно к концу первого года жизни. Она в деталях описала интерьер комнаты, где случилось это событие, вплоть до таких моментов, что оказалась в состоянии точно воспроизвести в рисунке узор на занавеси кровати и на скатерти. Мать Даны, независимо от дочери, попросили описать комнату, о которой шла речь. Будучи ознакомлена с материалом пациентки, она крайне удивилась точности описания травмирующего события, а также физического окружения в тот момент. Подобно многим другим родителям, столкнувшимся с оживлением таких событий в памяти, она сочла поразительной и пугающей саму мысль, что ее дочь имеет доступ к обстоятельствам своего раннего детства. Это вызвало в ней сильное чувство вины и привело к извинениям с ее стороны. Она не могла понять механизма доступа к столь равным воспоминаниям. Описание комнаты было фотографически точным даже в самых мелких деталях, аутентичность описания была вне всяких сомнений из-за необычности мебели и некоторых других предметов интерьера. В комнате было зеркало непривычного вида, распятие на стене, нетривиальное по исполнению, а вышивка и отделка отличались специфическими чертами. В этом случае явно не было возможности передать эту информацию какими-либо средствами. До того как пациентке исполнилось два года, семья переехала в другое место, а дом вскоре был признан негодным и снесён. Внутреннее убранство комнаты не использовалось в их дальнейшей жизни: мать Даны раздала многие вещи. Не было ни фотографии комнаты, ни каких-либо ее описаний, и мать не помнит, упоминалось ли о каком-либо из предметов обстановки в присутствии дочери.

Второй пример касается более спорного воспоминания. В этом случае удивительно не время, а содержание. Природа оживленного материала настолько необычна, невероятна, что врач считал это переживание чистой фантазией до тех пор, пока отчет о нем не пополнился дополнительными наблюдениями.

Ева, пациентка, проходящая психолитическую терапию в связи с многочисленными невротическими симптомами преимущественно истерического характера, пережила в одном из ЛСД-сеансов весьма необычное и драматическое событие из своего детства. Она относит его к периоду, когда ей было 10 лет. Реконструкция имевшей место последовательности событий была следующей: в это время они с братом, бывшим на год моложе нее, очень заинтересовались сексуальными вопросами и однажды обсуждали темы зачатия, беременности и родов, а также загадочную проблему, как мужчина и женщина участвуют в процессе воспроизведения. Поскольку предварительные изыскания, как оказалось, не привели к какому-либо удовлетворительному результату, они решили

обратиться за информацией к отцу. Выслушав их, отец решил, что лучший способ просветить детей — это преподать им практический урок. Он позвал в комнату жену и заставил ее раздеться. Вопреки ее возражениям и сопротивлению, он продемонстрировал сексуальное взаимодействие на глазах у детей. Во время акта отец воспользовался презервативом и объяснил им его назначение и применение. После сокоупления он открыл дверцу печки и бросил кондом в огонь.

Переживание этого события сопровождалось значительным эмоциональным облегчением. После проработки этого переживания Ева поняла, что, по-видимому, именно это воспоминание объясняет многие ее психопатологические симптомы и бросает новый свет на ее иррациональное поведение, особенно в сексуальных ситуациях. Прояснилась для нее и навязчивая озабоченность печкой: она не раз ощущала сильное желание сидеть перед ней, смотреть на огонь и ворошить палкой угли, будто стараясь отыскать что-то.

Это событие казалось совершенно неправдоподобным, несмотря тот факт, что отец Евы был эмоционально неустойчивым человеком — хроническим алкоголиком со многими психопатическими и садомазохистскими чертами поведения. Иногда его жене и детям приходилось убегать из дому или запирались на чердаке, так как он преследовал их с ножом или топором, угрожая убить. Эти сцены не оставались семейной тайной: они были настолько явными и шумными, что втянутыми в них оказывались и соседи. Их ужасало также его садистское обращение с животными, особенно с кошками. Он устраивал специальные капканы для кошек и, поймав очередную жертву, прибивал ее на дверях хлева, оставляя умирать на палящем солнце. Хотя это и подтверждало наличие серьезной психопатологии у отца, идея представления родительских половых сношений как средства сексуального просвещения детей казалась слишком неправдоподобной. Понимание того, что дикие сексуальные фантазии являются обычным явлением у истерических пациентов, лишь прибавляло сомнения относительно аутентичности данного переживания.

Два года спустя отец Евы покончил самоубийством во время очередного запоя. Ее младший брат был первым, кто обнаружил труп, и должен был с помощью соседей вынести тело отца из дома. Он реагировал на это событие резким психическим срывом — ощутил панический страх, начал видеть и слышать дух мертвого родителя. Как и при жизни, тот продолжал его преследовать, угрожая расправой. Толкаемый нечеловеческим страхом, брат Евы убежал из дому и много дней провел в южной части страны, ночуя в лесу. Там его обнаружили, опознали и отправили в больницу. В конце концов ему предложили нашу исследовательскую программу и провели психолитическую терапию. Во время одного из сеансов, к крайнему удивлению психотерапевта, он до мельчайших подробностей вспомнил тот же случай, что и его сестра, выздоровевшая двумя годами раньше. Оба отчета были удивительно похожими во всех деталях и относились к одному и тому же временному периоду. Вся доступная информация указывала на то, что инцидент был подавлен как у сестры, так и у брата и что они никогда не обсуждали его до лечения. Ева не делилась своим переживанием с братом, так что другого обмена информацией о ее лечении быть не могло.

Большинство переживаний, которые испытываемые принимают как происшедшее в действительности, а не только как символ или продукт их фантазии, обычно представляются правдоподобными или, по крайней мере, возможными для стороннего наблюдателя. Когда такие переживаний становятся известными, они помогают прояснить симптомы пациента и объяснить некоторые иррациональные, на первый взгляд, элементы его поведения. Оживление этих событий сопровождается также очевидными изменениями в его клиническом состоянии. По-видимому, каждый из восстановленных эпизодов вносит

недостающее звено в понимание динамики психопатологических симптомов пациента. Полнота всплывшего бессознательного материала формирует затем достаточно законченный гештальт, более или менее удовлетворительную мозаику с весьма логической и понятной структурой. Это близко к феномену, который Фрейд когда-то описал как «принцип картинки-загадки» (головоломка, в которой нужно сложить мелкие кусочки, чтобы получилась законченная картинка) при обсуждении логической связи материала, полученного при психоанализе невротических пациентов [6].

В исключительных случаях восстановленные переживания кажутся настолько необычными и обладают столькими невероятными чертами, что трудно поверить в их подлинность. Согласно моему собственному опыту, испытуемый обычно разделяет с терапевтом сомнения относительно аутентичности таких событий.

Одним из наиболее поразительных примеров этого вида были наблюдения, проведенные во время психолитического лечения Георгия, пациента с характерным неврозом, привыкшего к ряду обезболивающих, психостимулирующих и снотворных препаратов. Отклонения в поведении ставили его на грань психоза, его неоднократно привозили в больницу после передозировки различных лекарств. Во многих ЛСД-сеансах Георгий отмечал оживление шести разных сцен из детства, в которых он оказывался свидетелем садистских убийств маленьких девочек, совершенных его отцом. Эти сцены включали в каждом конкретном случае различные сложные виды сексуальных извращений, вплоть до изнасилования с последующим зверским убийством. Он мог описать детали окружения, в котором происходили убийства, и подробности криминальных действий. Помимо этого, он оживил многие сцены, изображавшие все виды кровосмесительных и извращенных действий между членами его семьи, ближайшими родственниками, знакомыми и прислужгой. В некоторых из них он был только наблюдателем, в других — жертвой. Хотя представлялось невероятным, чтобы эти переживания действительно имели место, формальные аспекты и механика такого восстановления, так же как и сопровождавшие их эмоциональные и моторные реакции, были неотличимы от обычных повторных переживаний, аутентичных в случаях других пациентов. И последствия этих переживаний для клинического состояния Георгия были такими же, как и при реальных воспоминаниях.

Отношение самого Георгия к этим переживаниям долгое время колебалось между принятием возможности, что его отец был убийцей-садистом, и восприятием «воспоминаний» как продукта своей собственной фантазии. Когда же в конечном итоге он столкнулся в своих сеансах с жестокостью биологических родов, он принял весьма критическую позицию относительно правдивости этих событий и предложил альтернативную психодинамическую интерпретацию. Его окончательное заключение состояло в том, что эти «переживания», вероятно, явились продуктом его отчаянного сопротивления повторному прохождению родового опыта и способом стимулирования реакции, задерживающей его проявление. В ужасных сценах убийства взрослый мужчина (его отец) убивал маленьких девочек. В родовом переживании, которое он отказывался видеть, взрослая женщина (его мать) убивала маленького мальчика (Георгия). Жестокий и кровавый характер рождения поддерживался и копировался в фантазиях убийства. Как результат эффективной защиты против опыта реальной угрозы родовой травмы были изменены пол главного героя и роль Георгия — жертва стала наблюдателем. Здесь Георгий понял, что содержание «воспоминаний» удовлетворяло также и его потребность мстить всему женскому роду за агонию рождения. Он чувствовал, что подобные психодинамические механизмы и мотивирующие силы могут действовать и в случаях реальных садистских убийств.

Неоднократно столкнувшись с наблюдениями подобного рода, я понял, что имею дело с современным вариантом старой проблемы объективной реальности воспоминаний, всплывающих во время психоанализа. Фрейд в своих ранних исследованиях обнаружил, что каждый из его истерических пациентов рассказывал историю сексуального совращения в детстве. Он допустил, что такая травма представляет главный этиологический фактор в развитии истерического невроза. Когда позднее он собрал достаточное число свидетельств, указывающих на то, что некоторые из утверждаемых совращений или изнасилований происходили лишь в фантазии его пациентов, в первое время он был настолько обескуражен, что почти оставил дальнейшие психоаналитические поиски. Он разрешил эту проблему, когда понял, что для пациента эти явления обладают психической реальностью безотносительно к их объективно-исторической реальности. Мы можем последовать примеру Фрейда в отношении восстановления переживаний в ЛСД-сеансах. Будь они реальными воспоминаниями или живыми фантазиями, извлеченными из источников и созданными механизмами, недостаточно понимаемыми в настоящее время, они оказываются весьма релевантными с точки зрения психопатологии пациента и динамики ЛСД-психотерапии.

Оживление детских переживаний, сопровождаемое мощным эмоциональным отреагированием, — частое и регулярное явление в ЛСД-психотерапии, которое отмечают многие психотерапевты в разных частях света. Хотя окончательно восстановленное в памяти переживание обычно имеет форму единственного травмирующего события, которое субъект относит к детству или младенчеству, систематическое исследование ряда последовательных сеансов показывает, что ситуация намного сложнее. Есть несколько клинических фактов, поддерживающих, как сказано выше, концепцию СКО, согласно которой детские воспоминания представляют собой ядра или более глубокие уровни сложных сгущений воспоминаний, действующих в качестве управляющих динамических систем.

Во-первых, это интенсивность эмоционального заряда, на который должна последовать реакция, прежде чем можно будет полностью оживить индивидуальные детские воспоминания. Количество высвобожденных эмоций оказывается непропорциональным серьезности имевших место травматических событий. Даже если принять во внимание биологическую, физиологическую и психологическую специфику ранних стадий развития и высокую уязвимость детской психики, то все равно явно прослеживается значительное расхождение между «причиной» и «следствием». Поэтому есть смысл рассматривать эмоциональный заряд как суммарный продукт, сложившийся в результате ряда подобных травматических ситуаций в различные периоды жизни.

Во-вторых, повторное переживание травмирующих событий детства часто сопровождается далеко идущими изменениями клинической симптоматики, поведенческих паттернов, ценностей и позиций. Мощное трансформирующее действие переживания таких воспоминаний и их интеграция предполагают, что имеется более общий динамический принцип.

Третья, и самая важная, причина мышления в терминах СКО, а не отдельных воспоминаний базируется на контент-анализе последовательного ряда сеансов психолитической серии. До того как испытуемый сможет оживить травмирующее воспоминание раннего детства (ядро переживаний), он должен встать лицом к лицу со многими ситуациями более позднего периода жизни и проработать те из них, где наблюдается та же или похожая тема и включены те же самые основные элементы. Все эти травматические ситуации из различных жизненных периодов связаны с эмоциями одного и того же качества и с идентичными защитными механизмами. Их оживление сопровождается тем же самым набором соматических симптомов — таких, как головная боль, тошнота, рвота, боли в различных частях тела, удушье, мышечные спазмы, дрожь. Одно или несколько физических проявлений подобного рода могут происходить как постоянные и повторяющиеся явления, сопровождающие содержание различных слоев отдельной СКО. В этой связи следует упомянуть интересное наблюдение из психолитической терапии. У некоторых лиц определенные органы тела при ЛСД-процедуре играют весьма специфическую роль. По некоторым причинам, еще не до конца

понятым, оказывается, что эти органы привлекают и накапливают напряжения, возникающие в организме, в ответ на ряд травматических ситуаций, имевших место на различных стадиях индивидуального развития. В курсе психолитической терапии имеет место обратный процесс, а именно последовательный разряд, снятие напряжений различного происхождения с этих пораженных органов. Чаще всего в этот процесс вовлекаются такие части тела, как мышцы, сердечно-сосудистая система, кишечник и мочеполовой аппарат.

Как уже упоминалось выше, СКО имеют фундаментальное значение для понимания ЛСД-сеансов с психодинамическим содержанием. Кроме того, по причине неспецифического действия ЛСД знание этих систем, полученное при исследовании этого препарата, непосредственно применимо к динамике бессознательного при безлекарственной терапии и при функционировании человеческой личности в здоровом состоянии и в случае болезни. Поэтому следует воспользоваться материалом, полученным при ЛСД-психотерапии, попытаться осмыслить происхождение этих систем и реконструировать их динамику.

Наиболее важной частью СКО является ядро переживаний. Это первое переживание особого вида, зарегистрированное мозгом и заложившее фундамент отдельной СКО. Таким образом, ядро воспоминаний представляет собой прототип, матричный образец для записи последующих событий подобного рода в память. Не так просто объяснить, почему определенные виды событий имеют настолько мощное травмирующее действие на Ребенка, что они влияют на психодинамическое развитие индивида на протяжении многих лет и десятилетий. Психоналитики обычно предполагали в этой связи некоторые конституциональные или наследственные факторы неизвестной природы. Исследование ЛСД, видимо, указывает на то, что эта специфическая чувствительность может иметь важные детерминанты в глубоких слоях бессознательного, в функциональных врожденных динамических матрицах, трансперсональных по своей природе. Некоторые из этих факторов, будучи вынесенными в сознание при ЛСД-психотерапии, имеют форму родовой, расовой или филогенетической памяти, архетипических структур или даже переживаний прошлых воплощений. Другим важным фактором могло бы явиться динамическое сходство между отдельными травмирующими инцидентами в детстве и определенной гранью родовой травмы. Обсуждение трансперсональных и перинатальных факторов было бы преждевременным, если не описать сначала соответствующие уровни бессознательного в контексте ЛСД-психотерапии. Мы вернемся к некоторым из этих вопросов в последующих главах.

В этом контексте ограничим наше рассмотрение факторами, действующими на психодинамическом уровне. С этой точки зрения, важной переменной могло бы стать наличие определенных критических периодов в развитии ребенка, сравнимых с подобными периодами у животных, обнаруженных с помощью этологических экспериментов. В отдельный критический период ребенок может оказаться особенно уязвимым к переживаниям особого рода, которые могли бы иметь на него очень малое влияние (или вообще никакого) как на более ранних, так и на более поздних стадиях развития.

Фактором наибольшей важности оказывается эмоциональная атмосфера в семье и межличностные отношения ее членов. Одно-единственное событие может иметь огромное патогенное значение, когда оно случается на фоне особо неблагоприятной семейной обстановки. Однако оказывается, что и ежедневные патогенные взаимодействия с одним из членов семейства, длящиеся в течение месяцев и лет, могут непрерывно регистрироваться в памяти, собираться в конденсированном виде и образовывать в конечном итоге патологический фокус, сравнимый с фокусом, возникшим в результате макротравмы. В последнем случае ядро переживаний, вскрытое в ЛСД-сеансе, представляет вид переживания, несущего в себе сумму подобных событий. Интересно, что сами пациенты могут идентифицировать основополагающее качество таких переживаний в случаях, когда они возникают на ЛСД-сеансах в форме якобы единственного травмирующего события.

Вследствие комбинации вышеприведенных факторов (а возможно, и других неизвестных в настоящее время переменных), определенное событие жизни ребенка становится ядром СКО. Когда ядро переживаний впечатано (импринтинг состоялся), оно начинает работать как матрица памяти, а более поздние аналогичные переживания записываются в тесной связи с первоначальным событием. Повторяющееся наложение следующих слоев может привести в результате к специфическому динамическому сгустку воспоминаний, который я называю системой конденсированного опыта (СКО). Очевидно, формирование периферийных слоев СКО может происходить в силу двух динамических механизмов. Иногда пополнение новыми воспоминаниями происходит, так сказать, механическим путем. Жизнь приносит массу эмоциональных переживаний, и некоторые из них так или иначе напоминают ядро переживаний. Благодаря аналитической и синтетической работе памяти эти переживания включаются в СКО на основе идентичных компонентов или общего сходства. Детальный анализ отчетов, сделанных во время психолитической терапии, предполагает, однако, действие значительно более важного динамического механизма. На самых ранних стадиях развития ребенок является более или менее пассивной жертвой окружения и обычно не играет активной роли в ядре переживаний, которую следовало бы рассмотреть. Позднее эта ситуация меняется, и индивид постепенно сам становится все более определяющим фактором в формировании своих межличностных отношений и жизненного опыта в целом. Однако когда фундамент СКО заложен, он явно начинает влиять на субъекта в плане его восприятия окружения, переживания мира, в плане его позиций и поведения. Под влиянием ядра переживаний он развивает устойчивые специфические ожидания и общие опасения в отношении определенной категории людей и определенных ситуаций. Они проистекают из общего паттерна ядра переживаний и могут быть логически выведены из его особого содержания.

Например, в результате раннего травмирующего события или повторявшегося отрицательного опыта у ребенка может укорениться мысль, что людям вообще нельзя верить. В связи с этим он постоянно пребывает на чеку и в каждом новом человеке видит потенциального врага или агрессора. Другой вид травмирующего переживания может привести к убеждению, что эмоциональная вовлеченность несет с собой значительный риск разочарования и эмоциональной боли, что это слабость, от которой нужно избавиться любой ценой. Подобно этому, особое детское переживание может заставить индивида чувствовать, что сексуальный опыт опасен, унижителен, и отвратителен. Иногда эти убеждения могут достигать высокой степени обобщения. По причине поредекетмпсп детского отрицательного опыта человек может считать всех женщин слабыми и ненадежными, капризными и иррациональными, не отличающимися постоянством или же сладострастными и соблазнительными. Аналогично этому, женщина может видеть всех мужчин в целом жестокими и садистски настроенными, ведомыми в сексуальной жизни низкими инстинктивными импульсами или неразборчивыми и неверными по самой своей сути. Априорное ожидание приводит к специфическому неадаптированному поведению субъекта в отношении к новым знакомым определенной категории. Такое поведение будет определяться модальностью, продиктованной природой соответствующего ядра переживаний СКО. Испытуемый воспринимает таких людей как символических представителей группы, к которой их причислило его бессознательное, и ведет себя с ними соответствующим образом. В результате он не в состоянии действенным образом создать новые межперсональные отношения, ведущие к реалистическому и удовлетворительному взаимодействию и адаптироваться к ним. Принятие новых лиц в свой межличностный мир требует умения временно занять относительно нейтральную выжидательную позицию, пока взаимный контакт и межличностное взаимодействие с ними не обеспечат достаточную информационную обратную связь, которая приведет к реалистическому суждению.

Тогда с увеличением объема конкретной информации характер развивающихся отношений склоняется в положительную или отрицательную сторону — в зависимости от реального опыта общения с данным партнером. У того, кто владеет таким подходом в новых жизненных ситуациях, есть несомненный шанс иметь дело с другими людьми не только в смысле того, кем он их представляет, но и в том смысле, кто они есть на самом деле. Человек, встречи которого с новыми людьми омрачены сильным влиянием отрицательных СКО, вступает в новые отношения с глубокой предвзятостью. Вследствие взаимного

характера человеческих отношений поведенческие паттерны, основывающиеся на сильных априорных позициях, пробуждают в межперсональном и социальном окружении дополнительную ответную реакцию. Возникающий в результате сгусток опыта является собой приблизительный отпечаток начальной ситуации ядра переживаний.

Это можно продемонстрировать на примерах, описанных раньше. Под влиянием сильной СКО Петр активно искал садистов определенного типа и инициировал взаимодействие с ними. Таким образом, он являлся орудием в создании ситуаций, которые повторяли первичные травмирующие события его детства, составлявших ядро переживаний той же системы. Рената, очевидно, была преимущественно пассивной жертвой в травматической ситуации формирования ядра: хотя она и могла способствовать этой ситуации своей детской кокетливостью и соблазнительностью, но главную роль в установлении паттерна сыграл ее отчим. Однако в последующей жизни она бессознательно строила свои отношения с мужчинами согласно старому паттерну и играла весьма активную и важную роль в многочисленных последующих его повторениях.

Необычное накопление случаев сексуальных нападений и попыток изнасилования, безусловно, выходит за пределы любой статистической вероятности и в значительной степени указывает на то, что вклад сексуальных травм в эти сцены был существенным. В случае Ричарда мощная СКО, описанная выше, не только блокировала его активность и способность утвердить и защитить себя действенным способом, но и привела к такому поведению, которое вызвало враждебность внешнего мира. Так, во время учебы в университете он привлек внимание властей своей позицией и стал, что называется, козлом отпущения в ситуации, когда многие из его коллег, в целом разделявшие его политические взгляды, умудрились выжить, не присоединяясь к системе, не сотрудничая с ней и не прибегая к компромиссу с собой.

Таким образом, ядро переживаний сопровождается в более поздние периоды жизни многими случайными или спровоцированными самим человеком ситуациями подобного же рода. Итак, непрерывная активизация и подкрепление первичного патогенного сгустка опыта многими другими взаимодействиями в более поздние периоды жизни могут, вероятно, объяснить интенсивность эмоционального заряда, связанного с индивидуальной СКО. Этот механизм может быть ответственным за значительное влияние этих систем на поведение человека и за нередко драматические терапевтические эффекты, сопровождающие их редукцию, отреагирование и интеграцию.

Принцип суммирования эмоциональных зарядов, связанных с различными слоями СКО, — это только одно из объяснений огромного количества аффективной энергии, которая обычно должна разрядиться, прежде чем ядро переживаний будет изжито и система или истощится, или интегрируется. Другой мощный источник энергии может быть обнаружен в перинатальных матрицах, лежащих в основе СКО. Сходство между родовым переживанием и определенными травматическими событиями более позднего периода жизни предполагает возможность разряда глубоких эмоциональных и инстинктивных энергий, связанных с этой наиболее фундаментальной травмой человеческой жизни, в то время когда СКО проявляется в ЛСД-сеансе (см. главу «Перинатальные переживания в сеансах ЛСД»).

Постепенный рост СКО, который можно объяснить механизмом «положительной обратной связи» (Термин «положительная обратная связь» используется здесь в кибернетическом смысле, а не так, как его часто применяют в индивидуальной или групповой психотерапии. Межличностная обратная связь, которую индивид получает в ситуациях общения, подверженных влиянию устойчивой СКО, не исправляет норму, а создает тенденцию к уклонению от нее и к первоначальному сбою.), отвечает за скрытый «инкубационный» период между первичными травмирующими событиями и будущим невротическим или даже психотическим расстройством. Психопатологические симптомы проявляются, как правило, к тому времени, когда СКО достигает определенной критической величины и травматические повторения затрагивают жизненно важные области пациента, мешая удовлетворению его основных потребностей. Понятие СКО находится в полном соответствии с многочисленными наблюдениями, полученными в ходе

психолитической терапии психически больных. Детальный анализ динамики их симптомов обнаруживает глубокие параллели между содержанием ядра переживаний, их СКО и паттернами их межличностного взаимодействия в момент начала проявления клинической симптоматологии. Во многих случаях многочисленные повторения основных тем одной или нескольких СКО в важнейших областях межличностных отношений непосредственно предшествуют первым проявлениям эмоционального или психосоматического расстройства. Помимо этого, сами симптомы часто можно расшифровать как символическое вхождение в силу ядра переживаний. Это хорошо видно из случая Ренаты. Начало ее канцерофобии совпало с попыткой мужа изнасиловать ее и с атаками со стороны сотрудников, а также с гинекологическим обследованием, обнаружившим у нее изъязвление шейки матки. Как было описано ранее, канцерофобия и весьма показательное поведение этой пациентки были символически связаны с ядром переживаний.

Проявление СКО в ЛСД-сеансах

Активизация сильной негативной СКО в ЛСД-сеансе и ее появление в поле переживания имеют типичные последствия, сказывающиеся как на содержании, так и на ходе всего сеанса. Предшествовавшее этому последовательное течение образов, эмоций, мыслей и телесных ощущений неожиданно нарушается, а их внутренняя согласованность и взаимное соответствие распадается. Это сопровождается некоторыми характерными явлениями, которые можно рассматривать в качестве предвестников возникновения СКО.

Образы, переживаемые в этом состоянии, становятся бессвязными, запутанными и фрагментарными. Пациенты часто сравнивают их с наводнением или водоворотом. Они называют такие переживания «сенсорной кашей», «каруселью» или просто «хаосом». Однако в этой аморфной смеси можно различить фрагменты человеческих тел и тел животных, фрагменты ландшафта, предметы мебели, детские игрушки и прочие предметы обихода. Это состояние часто сравнивают с бредом или же с диким горячечным кошмаром. Позднее, когда ядро переживаний повторно пережито, а его содержание ясно осознано, некоторые из сенсорных фрагментов можно ретроспективно идентифицировать как элементы первичных травматических воспоминаний детства, а другие — как символические и метафорические вариации на эту тему.

Другим типичным показателем возникновения СКО является несоответствие между содержанием переживания и эмоциональной реакцией на него. Многие аспекты ЛСД-переживания кажутся вначале совершенно абсурдными и непостижимыми и могут быть поняты лишь ретроспективно, после того, как стала известна вся система. Так, видение тривиальных объектов, таких, например, как таз, кувшин, кресло, невинная кукла или прелестная вышивка, может ассоциироваться с панической тревогой, агрессивным взрывом, сексуальным возбуждением, глубочайшей депрессией или отвращением, сопровождаемым тяжелой тошнотой и рвотой. Проработка переживания обычно показывает, что эта, казалось бы, абсурдная и парадоксальная связь обладает своей собственной внутренней логикой. Когда ядро переживаний доступно полностью, выясняется, что качество эмоциональных реакций находится в соответствии с характером первоначальной травмы. Связь между аффектом и различными незначительными предметами отражает тот факт, что последние составляют неотделимую часть обстановки, в которой имело место драматичное событие.

Немотивированные и необъяснимые качества эмоциональных состояний огромной интенсивности — тоже индикаторы оболочки СКО. Паническая тревога, тяжелая депрессия, часто сопровождаемая мыслями о самоубийстве; чувство изоляции и одиночества; глубокое отвращение; не поддающееся рассудку иррациональное чувство вины или неполноценности; инфантильность; чувство моральной или физической испорченности; сильное сексуальное возбуждение; едкое, полное ненависти к себе или общее агрессивное напряжение — все эмоции подобного рода, непостижимые вначале, можно позднее осознать как логические составные части, относящиеся к системам конденсированного опыта.

Два рисунка, представляющие видения, сопровождающие возникновение детского воспоминания на ЛСД-сеансе психодинамического типа.

Хаотическая мозаика состоит из элементов первоначального травматического события и различных символических вариаций его главной темы.

Драматичные телесные и моторные проявления часто предваряют появление СКО. Некоторые из этих соматических симптомов предполагают сильную активацию автономной нервной системы. Среди них тошнота и рвота, затруднения с дыханием, различные сердечно-сосудистые осложнения, обильное выделение слюны или пота и неожиданный понос. Частыми являются ощущения интенсивной боли в различных частях тела — таких, как голова, мышцы шеи, желудок, кишечник, мочевого пузыря, матки или яички. Типичные моторные проявления, принадлежащие к этой категории, включают общее или локализованное мышечное напряжение, дрожь, судороги, конвульсии, сложные скручивающие движения, кататоническое возбуждение или ступор. Оказывается, что повторяющиеся и стереотипные движения, и особенно вербальные проявления (вербигерации, повторения бессмысленных слов), имеют большую индикативную ценность. До того как в сознании начинают возникать элементы сильной СКО, пациент может непрерывно повторять одни и те же слова или предложения. Это повторение обычно напоминает эффект закольцеванной магнитофонной ленты. Вышеприведенный перечень включает все те соматические симптомы, которые наблюдаются в различных случаях, сопутствовавших возникновению травматических переживаний. На практике, они никогда не встречаются одновременно, если проявляется одна отдельная СКО. Иногда часть из них возникает как индикатор.

То, что все эти феномены, будучи показателями появления СКО, крайне интенсивно переживаются в сеансах, когда испытуемые оживляют воспоминание родовой травмы, оказывается не случайным. Весьма вероятно, что комплекс ощущений и иннерваций, связанный с процессом родов, является глубочайшей матрицей их проявления.

На тот период времени, когда элементы СКО всплывают в сознании и преобладают в поле переживания, эта система выполняет управляющие функции и определяет природу и содержание ЛСД-сеансов. Восприятие себя и окружения искажается и трансформируется в сторону главного мотива и специфических компонентов всплывающей СКО. Иллюзорные трансформации лиц, присутствующих на сеансе, часто указывают на прототипы оживляемых переживаний, а специфические изменения помещения, где проводится терапия, или физического окружения, указывают на обстановку, в которой произошел инцидент. Они могут представлять символические вариации на общую тему личности и последовательность имевших место событий. Однако руководящая функция не ограничивается только изменениями в восприятии. Общая эмоциональная атмосфера и особые оттенки настроения, характер и содержание мыслительных процессов, реакция на окружение и особенности поведения подвергаются характерному воздействию. То, что

функция активизированной СКО является определяющей для содержания ЛСД-сеанса, можно продемонстрировать на примере ранее обсуждавшегося материала.

Когда Петр прорабатывал самые поверхностные слои описанной СКО, он видел терапевта, последовательно трансформировавшегося в его прошлых партнеров-садистов или же в фигуры, символизирующие агрессию, — палача, убийцы, средневекового экзекутора, инквизитора или же ковбоя с лассо. Он воспринимал автоматическую ручку терапевта как кинжал и ожидал нападения. Заметив на столе нож с рукоятью из оленьего рога, он немедленно «увидел», как терапевт превратился в свирепого разбойника. В нескольких случаях он хотел пострадать «за доктора», воздерживаясь от урикации. В этот период комната и вид из окон иллюзорно трансформировались в разные виды обстановки, где имели место действия, совершавшиеся когда-то с его партнерами-садистами. Когда дело дошло до более глубоких слоев СКО, связанных со второй мировой войной, терапевт начал принимать облик Гитлера и других нацистских вождей, охранников концентрационного лагеря, эсэсовцев и гестаповских офицеров. Вместо обычных шумов Петр слышал тяжелую поступь солдат в коридоре, фашистские марши и национальный гимн нацистской Германии. Комната, где проводилось лечение, последовательно трансформировалась в зал рейхстага с орлом и свастикой, в барак концентрационного лагеря, в тюрьму с тяжелыми решетками на окнах и даже в камеру смертников. Когда в этих сеансах начинало проступать ядро переживаний из детства, терапевт воспринимался уже в виде наказующих родителей. Петр пытался разыгрывать с ним различные поведенческие стереотипы, характерные для его давнишних отношений с отцом и матерью. Терапевтический кабинет превращался в различные части дома его детства, главным образом в темный подвал, куда его часто запирала мать.

Сходная динамика на сеансах с ЛСД наблюдалась и у Ренаты. Когда она работала над самыми поверхностными слоями описанной СКО, лицо терапевта в нескольких случаях трансформировалось в лицо ее мужа. Она подозревала, что он, подобно ее мужу, затаил агрессивный умысел против нее и собирается всерьез применить физическую силу. Иногда лицо терапевта представлялось ей похотливым лицом развратника, и она ожидала с его стороны сексуального нападения.

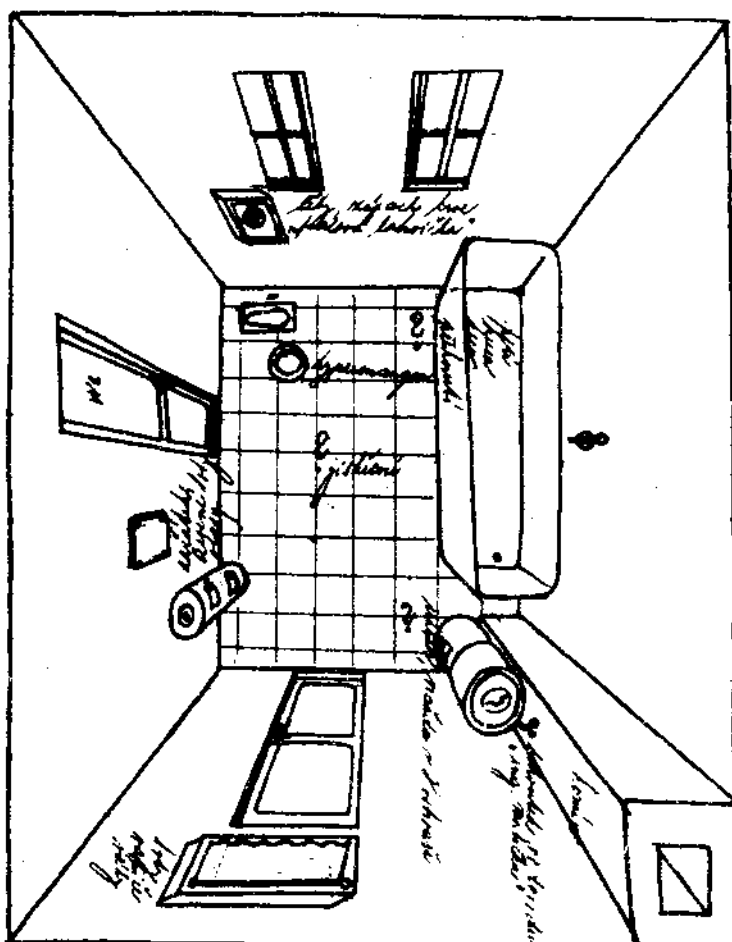
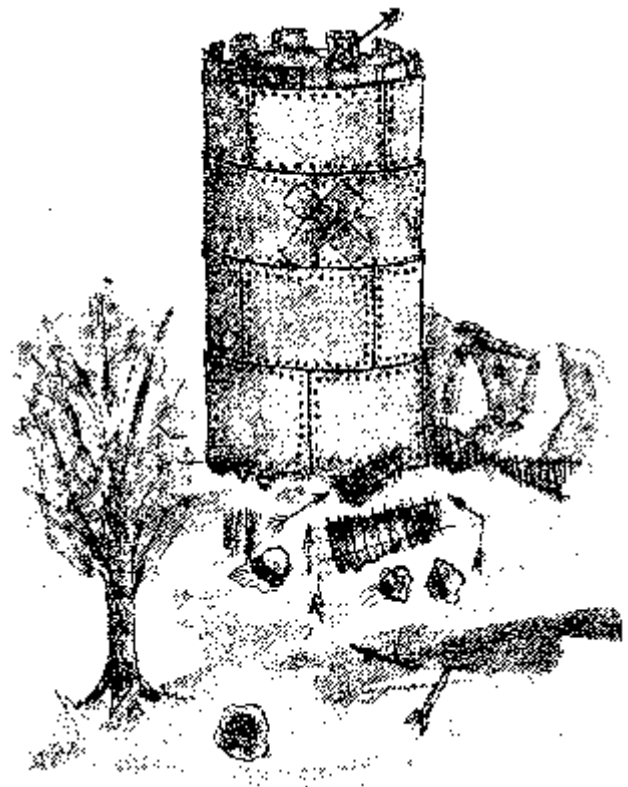
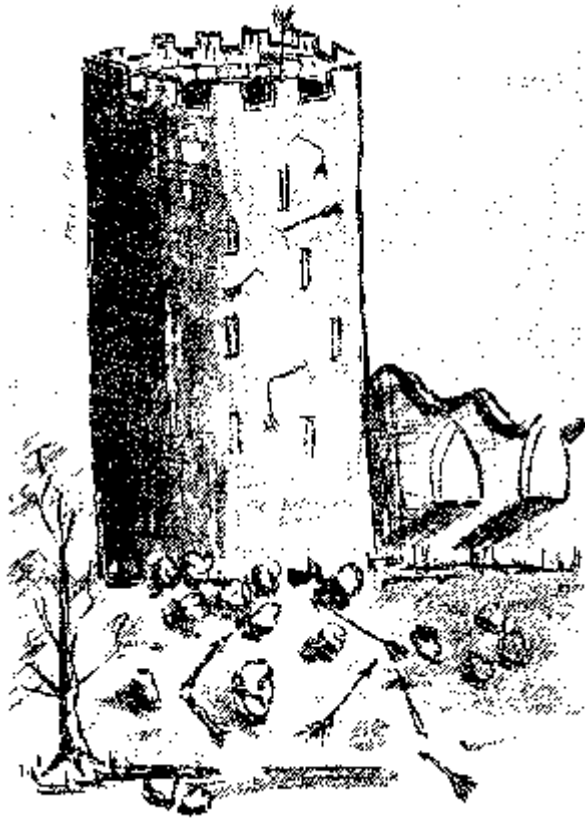

Рисунок Ренаты, показывающий вид сверху той ванной комнаты, где произошло травматическое событие.

При переносе отношения она демонстрировала позицию, типичную для ее супружеской ситуации. Когда она восстановила слой, относящийся ко времени ее юности, терапевт последовательно становился то одним, то другим ее поклонником. Окружение воспринималось то как публичный парк, то как школа-интернат, то как отдельные места за городом, где она встречалась с этими ребятами. Ко времени, когда ядро переживаний ее СКО было вскрыто, в облике терапевта проявились черты ее отчима — его выражение лица и огромные волосатые руки, покрытые веснушками. И одет он был в пиджак, рубашку и галстук, какие обычно носил ее отчим. В другой раз врач оказался знаменитым чешским садистом-убийцей детей. Элементы ядра переживаний оказывали столь же сильное влияние и на отношение переноса. Рената попеременно испытывала паническую тревогу в ожидании агрессивного сексуального нападения со стороны терапевта и резко выраженный сексуальный импульс с тенденцией атаковать его. В ее сексуальных устремлениях имел место сильный оральный акцент, и она была захвачена идеей фелляции (fellatio). Большую часть прочих феноменов в этих сеансах можно истолковать как символические представления или намеки на ядро переживаний. Временами отчим возникал в виде опасного животного, вроде питона или гигантского ящера. Было также множество сцен сексуального надругательства над детьми, видений, связанных с фильмами, пьесами и книгами по этой тематике, вроде «Виа Мала» Джона Книттеля или «Залого» Фридриха Дюрренмата. Другим интересным феноменом во время этих сеансов было повторяющееся видение башни — в разных стадиях коллапса и разрушения. Опираясь на описания Ренаты, можно сказать, что образы башни были индикатором прогресса в лечении. Помимо многоуровневого и сверхважного символического значения, они отражали также постепенные изменения в защитной системе пациентки и степени ее сопротивляемости тому, чтобы встать лицом к лицу с ядром

переживаний. Вследствие своего ценного иллюстративного характера, рисунки, отображающие эти видения полностью приводятся в книге.

Серия рисунков, иллюстрирующая прогресс лечения Ренаты с помощью ЛСД и различные стадии проработки травмирующего материала из ее детства.

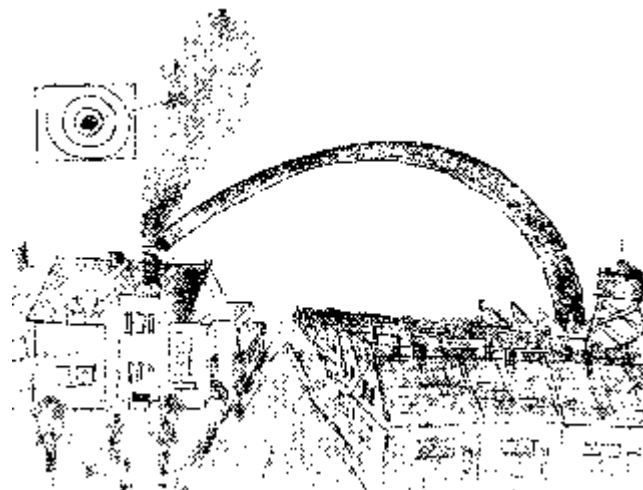

а) Видение Ренатой башни в одном из ее первых ЛСД-сеансов, когда она впервые подошла к событию в ванной комнате.

Стены башни представляют собой ее защитные механизмы, препятствующие идентификации травмировавшего события. Как указывает надпись, башня построена из тревоги, событие в ванной заключено внутри башни, а стрелы представляют атаки ЛСД.

б) Видение той же башни на более позднем сеансе.

Атаки уже значительно повредили стены, но башня укреплена железными листами. Одно место, где стрела проникла внутрь башни, покрыто пересекающимися полосами скрепляющего биндажа. (Это двойственный символ, поскольку он одновременно обозначает часть первоначальной травматической сцены — красный крест на маленьком ящике аптечки первой помощи, висящем на стене в ванной комнате.)

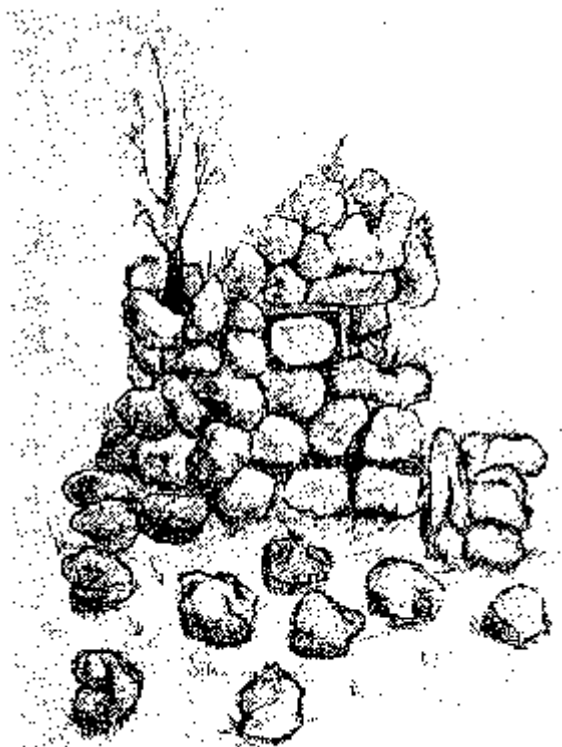

в) Картина, возникшая у Ренаты сразу же после глубокого проникновения в оживленное травматическое воспоминание.

г) Визуализация последовала немедленно после переживания, отображённого на рис. (в).

Башня разрушается; кровь, текущая из-под обломков и щелей между камнями, связана с убитым гусем и кровотечением в результате дефлорации Ренаты ее отчимом.

В левой части — дом, где жила семья, с ванной в мансарде. Высокая труба фабрики наклоняется через улицу и касается маленькой трубы дома. В том же визуальном поле — мишень с пораженной «десяткой» («Вот оно, мы попали!») Рената самостоятельно обнаружила сексуальный символизм этой картины.

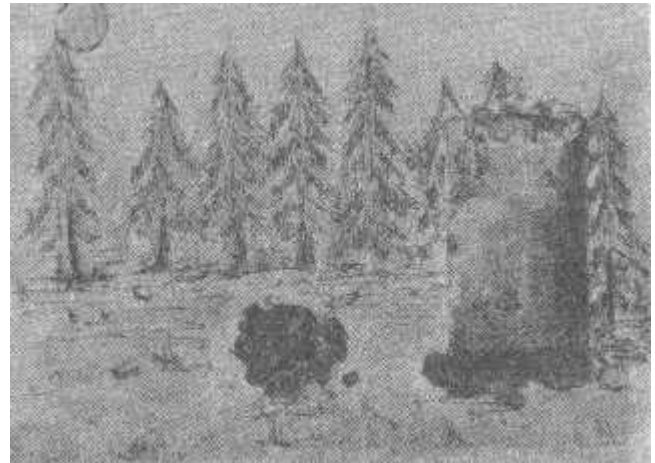

д) В одном из следующих сеансов башня возникла как руины.

Трава и деревья, растущие на руинах, представляют ожидания новой жизни. Мемориальная доска выполняет одновременно функцию телевизионного экрана, на котором события в ванной комнате можно видеть более отчетливо.

е) Полное повторное переживание травматического события, приведшего в результате к временной дезинтеграции Эго.

Это символизировалось видением гигантского взрыва, в котором и башня, и Рената оказались разорванными на куски.

ж) Эта картина представляет сцену, которая немедленно последовала за полным разрушением.

з) На этой картине одного из последующих ЛСД-сеансов осталось только несколько камней от прежней башни.

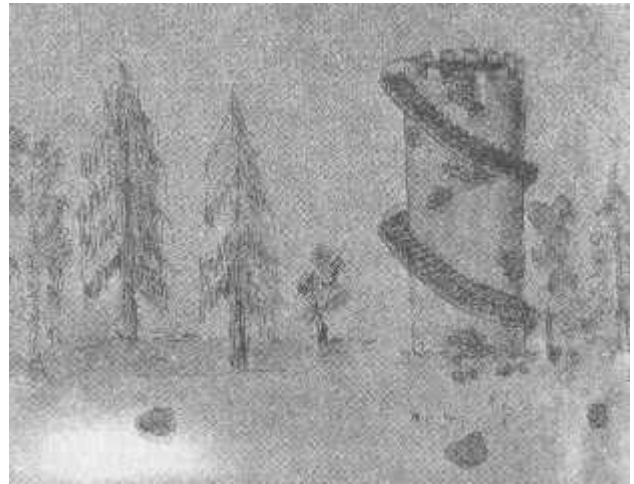
Появляется терапевт, бережно собирает куски тела Ренаты и складывает их вместе. Когда он держит ее на руках, появляется большая радуга как символ надежды и оптимизма в будущем.

Они образуют круг и окружены костром. Появилась новая, значительно меньшая башня, символизирующая восстановление защитных механизмов на более низком уровне.

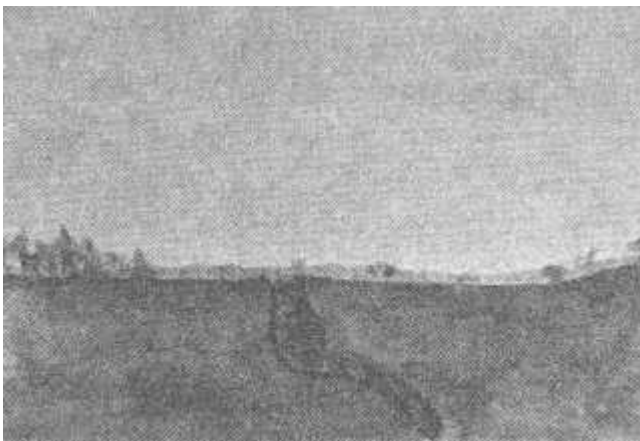
и) Переживание, последовавшее вслед за изображенным на предыдущей картинке.

Рената у костра в образе людоедки, сварившей и пожирающей терапевта. Облизывание его берцовой кости имеет символическое значение и указывает на сосание пениса в первичной сцене. Удивленная своим бесстыдством. Рената нарисовала для сравнения сцену, символизирующую ее отношение к терапевту за год до этого сеанса.

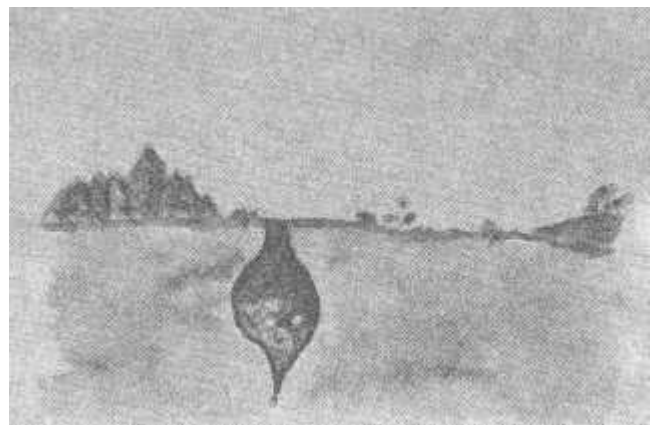
к) Картина, показывающая дальнейшее развитие и модификацию маленькой башни: на ней появилась витая лестница, и она превратилась в наблюдательную башню.

С ее вершины Рената может теперь гораздо лучше видеть, что же произошло в ванной. В то же время она может воспринимать вещи в лучшей перспективе, поскольку ее горизонт значительно расширился.

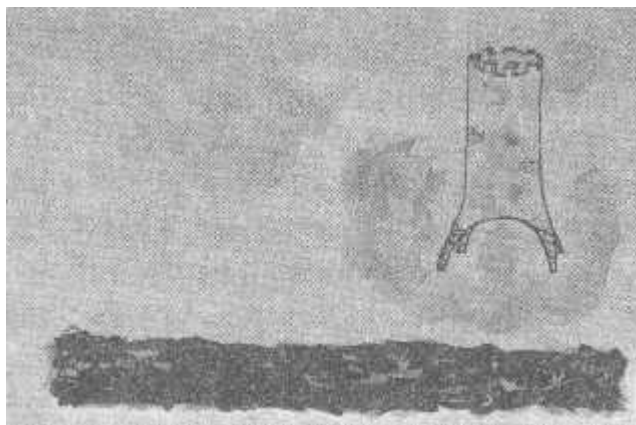

л) Во время одного из последующих сеансов на месте первоначальной башни появляется нора в земле.

Ее возникновение совпадает с процессом трансформации в либидозные чувства и с обнаружением Ренатой своей женственности.

м) В более поздней визуализации углубление в земле оказывается более глубоким и широким: солдатский шлем внутри символизирует замужество Ренаты и некоторые прошлые травмирующие переживания.

н) Картина, показывающая дальнейшее развитие норы: она превратилась теперь во вращающееся спиральное образование («шуруп»), еще глубже проникающее в землю Рената сама осознала сексуальное значение этой визуализации.

о) Это последняя из визуализаций «башенной серии».

Первоначальная твердая структура рассеялась как фата-моргана, мираж в горячей пустыне. Обжигающий жар символизирует освобожденное либидо Ренаты; низ башни (Эйфелева башня в Париже) предполагает орально-генитальный контакт (французская любовь), который в этот момент доминирует в фантазиях и мечтах Ренаты.

При проработке сложившихся в последние годы своей жизни слоев СКО Ричард имел дело с политическими преследованиями. В связи с этим красное кресло, стоявшее в комнате, преобразалось в ненасытного ужасного монстра с разинутой пастью, собирающегося на него наброситься. Оно символизировало для Ричарда красный террор, жертвой которого он стал. Картина на стене превращалась в нацистский пропагандистский плакат, распространенный в годы войны в Чехословакии и предупреждавший о советской угрозе. На нем огромная красная лапа опускалась на Пражский замок. Под ней стояла надпись: «Если она схватит тебя, ты погибнешь!» Главная проблема переноса заключалась в том, что Ричард подозревал терапевта в принадлежности к коммунистической партии и мучился сомнениями по поводу того, можно ли ему доверять. Прежде чем вспомнить переживание, связанное с поражением электрическим током, Ричард увидел терапевта в образе огромного робота из научной фантастики, являвшего собой сложную систему из конденсаторов, трансформаторов, соленоидов, реле и кабелей. Электрические разряды, указывавшие на высокое напряжение, вспыхивали на лице робота, а мигающий красный цвет на голове оповещал о непосредственной опасности. Ричард испугался электрического разряда, который мог эманировать из тела терапевта и поразить его. Он испытывал также интенсивный страх при виде электрических лампочек, розеток, вилок и разнообразных электрических приспособлений в помещении. В сеансах, когда Ричард работал с травматическими переживаниями, связанными с отцом, он подозревал, что врач пьян. При этом он наблюдал его превращение в различные персонажи, включая хронических алкоголиков и бродяг, а в конце концов — в образ его собственного отца-пропойцы. Он ожидал со стороны терапевта пренебрежения, жестокости и недостатка внимания. На подходах к ядру переживаний Ричард воспринимал психотерапевта как фермера: обстановка приобрела сельский вид, а звуки и запахи напомнили ему жаркий летний день в поле.

В этой связи следует упомянуть другое интересное наблюдение, касающееся проявления СКО в ЛСД-сеансах. Всякий раз, когда травматическое событие включает межличностную ситуацию, испытуемый, переживая ее под влиянием ЛСД, по-видимому, должен пройти и испытать всех задействованных в ней персонажей. Так, в случае, если основная тема представляет собой агрессивное нападение на него, он должен пережить как роль жертвы, включая все эмоциональные и физические чувства, так и роль агрессора (Эта ситуация является яркой психодраматической аналогией того, что Анна Фрейд в своей работе «Эго и механизмы защиты» определяет как идентификацию с агрессором.). Если данному лицу пришлось быть наблюдателем такой сцены, то в итоге он должен пережить все три роли. К примеру, полное переживание типичной фрейдовской «первичной сцены», т.е. ситуации детского свидетельства полового акта родителей, включает в себя последовательное отождествление пациента с ролью агрессивного самца, подвергающейся преследованию самки и наблюдателя.

Динамическое взаимодействие между СКО и стимулами среды

Детальное изучение содержания и динамики индивидуальных ЛСД-сеансов, составляющих психолитическую серию, а также развернутый анализ изменений в клинической симптоматике пациента и жизненной ситуации в промежутках между сеансами, открывает весьма сложные взаимодействия между СКО и факторами окружения. Эти наблюдения столь важны, что заслуживают особого внимания. Выше описывается, как СКО, активизированная во время ЛСД-сеанса, определяет природу переживания пациента и способ восприятия им окружения. Это часто выливается в стремление экстерниоризировать содержание отдельного слоя СКО, разыграть его в ситуации лечения и оформить действительное окружение во время сеанса в соответствии с основной темой. Если проанализировать динамику этого феномена, мы обнаружим весьма интересный механизм, лежащий в его основе. Ясно, что бывает крайне неприятно убедиться в глубоком несоответствии своих внутренних чувств и ощущений событиям внешнего мира. По-видимому, гораздо проще переживать различные отрицательные эмоции как соответствующие реакции на действительные внешние обстоятельства, существующие в настоящее время в объективной реальности, чем воспринимать их как непостижимые и необъяснимые элементы, приходящие изнутри. Человек под влиянием ЛСД, мучимый во время сеанса необъяснимым чувством вины, может в связи с этим пытаться наброситься на терапевта, оскорблять его, вести себя так, как он сам в нормальном состоянии считал бы крайне неприемлемым, или же нарушать основные правила терапии. Тогда чувство вины можно привязать к тому, что случается здесь и теперь и что может казаться полностью соответствующим ситуации. Подобным образом чувства тревоги и сознание серьезной угрозы, возникающие в бессознательном, могут в результате привести к маневрам, имеющим целью спровоцировать враждебность со стороны терапевта. Тогда непонятные чувства тревоги принимают форму конкретных и знакомых страхов, таких, как страх потерять поддержку со стороны терапевта или продолжить лечение. Поскольку эти искусственно созданные ситуации обычно менее релевантны, чем исходные травмирующие события, тенденция экстерниоризировать СКО может представлять собой весьма эффективный защитный механизм против проявления бессознательного материала. Эта тенденция видна на примере случая из психолитической терапии Ренаты, история болезни которой была представлена ранее.

В нескольких следовавших один за другим сеансах Рената настаивала на том, чтобы оставлять комнату терапии всякий раз, когда она чувствовала тошноту и боялась, что ее вырвет. Она просила об этом, несмотря на то что для таких случаев рядом с кушеткой стоял специальный сосуд. Терапевт скоро понял, что поведение пациентки свидетельствует о несколько необычном защитном механизме, и побеседовал с ней об этом. Рената объяснила, что делала это ради сохранения доброго к себе отношения с его стороны, что было немаловажно для продолжения лечения. Ей казалось, что терапевт преисполнился бы чувством отвращения, если бы оказался свидетелем столь «отталкивающего» зрелища, как рвота. Пришлось ее

убеждать, что это довольно распространенное явление во время сеансов и что терапевт, помогая многим пациентам в подобных случаях, не испытывает на этот счет особых эмоций. Было подчеркнуто, что для нее важно встретиться лицом к лицу с этой ситуацией и что отреагирование путем рвоты под влиянием ЛСД часто имеет важные терапевтические последствия. В результате прием, применявшийся до того Ренатой, был квалифицирован как сопротивление и бессознательный «саботаж» продвижению в лечении. Уже на следующем сеансе пациентка оказалась способной не препятствовать рвоте в комнате терапии благодаря ободрению со стороны терапевта и положительной обратной связи с ним. Это сопровождалось полным оживлением в памяти унижительной сцены из ее детства, когда она почувствовала себя очень плохо во время поездки в автобусе. Ее сильно вырвало, при этом она испачкала одежду ближайшего соседа. Это сильно смутило и расстроило мать, устроившую целую драму по этому случаю, и она позднее часто напоминала ей об этом «позорном и шокирующем» событии и ее «недостойном» поведении.

Тенденция экстериоризировать бессознательный материал может стать необычайно сильной и создавать трудные для терапевта ситуации. Поскольку пациенты часто прилагают огромные усилия, заставляя его играть различные роли, соответствующие теме СКО, эти ситуации могут представлять собой реальный вызов с точки зрения динамики переноса и контрпереноса. Для успешного продолжения лечения чрезвычайно важно, чтобы терапевт не дал вовлечь себя в роли, копирующие травматические элементы исходных ситуаций. Перед ним встает трудная задача: глубоко войти в процесс, оказывая искреннюю человеческую поддержку пациенту и вместе с тем не забывая о своей истинной роли, что позволяет ему быть в достаточной степени отстраненным, чтобы опознать маневры экстериоризации, интерпретировать их и подойти к пациенту так, чтобы благоприятствовать корректирующему эмоциональному переживанию.

Вышеописанный механизм имеет и другую, столь же неотъемлемую сторону, а именно тенденцию внешних стимулов активизировать соответствующие СКО и способствовать их проявлению в сеансе. Это происходит в тех случаях, когда специфические внешние влияния, такие, как элементы физической обстановки, межличностная среда или терапевтическая ситуация, напоминают первичные травмирующие сцены или содержат идентичные компоненты. Это оказывается ключом к пониманию различных нефармакологических факторов чрезвычайной важности в динамике ЛСД-сеансов. Физическая и межличностная обстановка, поведение терапевта и других присутствующих на сеансе лиц и даже различные случайные происшествия во время сеанса могут иметь далеко идущие последствия для его содержания, течения и завершения. Активизация СКО специфическими внешними стимулами, неожиданно включившимися в терапевтическую ситуацию, может быть продемонстрирована на примере исхода ЛСД-сеанса у Петра, случай болезни которого был приведен выше.

Одним из важнейших ядер переживания, которое Петр вскрыл в своей ЛСД-терапии, была память о том, как мать запирала его в темном подвале, лишая пищи. Оживление этой памяти произошло совершенно случайно из-за сердитого лая пробежавшей мимо открытого окна собаки. Анализ этого события указал на интересное соотношение между внешними стимулами и пробужденным воспоминанием. Петр вспомнил, что подвал, который мать использовала для наказания, имел маленькое оконце, выходящее на соседский двор. Когда Петра сажали в подвал, немецкая овчарка, привязанная у будки, лаяла почти беспрерывно.

При ЛСД-терапии часто наблюдается явно неподходящая и весьма преувеличенная реакция на различные стимулы внешней среды. Такое сверхреагирование является специфическим и выборочным, и его можно понимать в терминах динамики управляющей СКО. Так, пациенты часто бывают особенно чувствительны к тому, что они обычно считают неинтересным, холодным и «профессиональным» лечением, когда пребывают под влиянием сгустка воспоминаний, включающих эмоциональную депривацию,

отверженность или пренебрежение со стороны родителей или других людей, имевших к ним отношение в детстве. Работая над проблемами соперничества с ровесниками, пациенты пытаются монополизировать внимание терапевта, хотя бы быть единственными у него или, по крайней мере, стать его любимцами. Им трудно принять тот факт, что у терапевта есть и другие пациенты. Они могут крайне раздражаться при виде знаков внимания, оказываемых кому-то еще. Те из них, кто в других случаях не возражает против того, чтобы остаться одному во время сеанса, и даже хочет этого, не выносят, когда терапевт по какой-то причине выходит из комнаты, где проходит сеанс, и у них начинают всплывать воспоминания, связанные с одиночеством в детстве.

В этой связи следует отметить и еще один динамический механизм. Он имеет важнейшее значение для понимания различных осложнений ЛСД-терапии, в особенности таких, как задержанные реакции и так называемые «обратные вспышки» (обратные кадры). Когда во время ЛСД-сеанса СКО активизируется, но не завершается оживлением и повторным переживанием ядра переживаний, пациент может оставаться под ее влиянием неопределенный период времени после сеанса. В этом случае двустороннее динамическое взаимодействие, описанное ранее, может наблюдаться и вне контекста сеанса. Такое лицо переживает усиление клинических симптомов, относящихся к этой системе, и воспринимает реальность искаженной некоторым специфическим образом. Помимо этого, испытуемый может иметь тенденцию экстерниоризировать основную тему системы или ее элементы в различных областях своей повседневной жизни. Он может необычайно сильно реагировать на определенные ситуации и быть сверхчувствительным к отдельным обстоятельствам. В его поведении можно увидеть сложные психологические маневры, направленные на провокацию специфической ответной реакции у партнера по общению. В результате ситуация может стать слепком травматического события, которое осталось подавленным и не разрешенным в предыдущем сеансе. Наблюдение такой динамической взаимозависимости ведет к формулировке гипотезы относительно происхождения и динамики СКО, описанной ранее. Эта зависимость была важна для узнавания самоподкрепляющего характера этих систем и концепции наложения новых слоев в различные периоды жизни индивида посредством механизма «самоисполняющегося пророчества».

До сих пор в нашем обсуждении мы особо выделяли негативные СКО. Следует заметить, что подобную динамику можно встретить и в случае позитивных СКО, чему находится важное применение в технике ЛСД-психотерапии и в интеграции терапевтических изменений. Введение положительных элементов в программу и обстановку ЛСД-сеанса может помочь проявлению положительной СКО. Это может служить теоретическим объяснением и оправданием важности таких переменных, как фактор доверия в отношениях с терапевтом, подкрепляемый эстетически приятной, безопасной и комфортной обстановкой, умиротворяющей музыкой к концу сеанса, использованием телесного контакта, переходом к прекрасному естественному окружению. Эти элементы — частые компоненты спонтанно возникающих положительных СКО, и при введении их в ЛСД-сеансы, они помогают появлению положительных переживаний. Человек, пребывающий под влиянием положительной СКО в заключительный период сеанса, в последующие дни обычно излучает чувство оптимизма и воспринимает мир и других людей как преимущественно хороших и дружелюбных. Этот новый, более открытый и искренний подход к людям в социальных связях обычно пробуждает ответный отклик такого же характера и создает основу для постепенного положительного пересмотра межличностных отношений.

Последовательные психодинамические ЛСД-сеансы можно рассматривать как процесс постепенного раскрытия, отреагирования и интеграции различных уровней отрицательной СКО и открытия путей влияния положительных СКО. Возникновение СКО оказывает влияние на все аспекты переживания. Элементы отдельного СКО-сгущения продолжают появляться в сеансах до тех пор, пока наиболее старое воспоминание не будет пережито заново и интегрировано. Когда это происходит, система теряет свою управляющую функцию, и ее производные уже больше никогда не появляются в последующих сеансах. После этого другая система занимает ее место и преобладает в поле переживания. Часто

различные уровни двух или более СКО сменяют друг друга в своих управляющих функциях в отдельном сеансе или последовательности сеансов.

ЛСД-сеансы вызывают глубокие изменения в динамике и взаимодействии различных СКО и инициируют явные сдвиги в их селективном влиянии на Эго субъекта. Понимание этого процесса чрезвычайно важно для психотерапевтической работы с ЛСД на психодинамическом уровне. Применение этой концепции при клиническом использовании ЛСД будет рассмотрено в следующей книге, где акцент будет сделан преимущественно на практике ЛСД-психотерапии. Здесь же о «клинике» речь пойдет лишь вкратце.

Как уже упоминалось, индивидуальные ЛСД-сеансы могут привести к активизации отдельной СКО. Если бессознательный материал не был проработан, пациент может остаться под влиянием этой системы и после сеанса — вопреки тому факту, что действие препарата уже прекратилось. В других случаях разрешение СКО может оказаться неполным и привести лишь к ненадежному эмоциональному равновесию. При подобных обстоятельствах различные факторы, ослабляющие защитную систему, такие, как недостаток сна, истощение, голод, алкоголь, марихуана или физическая болезнь, позднее могут поколебать это равновесие и вызвать временное повторное появление неразрешенного бессознательного материала. Этот баланс может быть нарушен и эмоциональным стрессом, особенно в случаях проблем, аналогичных по природе оставшимся неразрешенными в последнем сеансе. Это создает механизм задержанного повторного возникновения переживаний, подобных возникающим при приеме ЛСД и называемых в просторечии «обратными вспышками». Если же, напротив, оживление важной СКО к концу сеанса завершилось и не проявили себя другие негативные системы, то завершающий период принимает форму высокоположительного, свободного от напряжений переживания. Когда это происходит в сеансе несколько раньше, положительная СКО в поле переживания может оказаться в доминирующем положении и индивид будет оживлять серию положительных воспоминаний из своей жизни. В двух последних случаях интервал между сеансами обычно характеризуется поразительным клиническим улучшением. На некоторых сеансах можно наблюдать «трансмодуляцию СКО», т.е. сдвиг от доминирования одной системы над другими. В результате это может привести к замечательному качественному изменению клинической симптоматики; иногда эта трансформация принимает настолько наглядную форму, что пациент может быть переведен в совершенно иную диагностическую категорию.

Период времени, необходимый для разрешения различных СКО колеблется в широчайших пределах как для каждого отдельного случая, так и для разных индивидов в случае похожих систем. Иногда менее важная и довольно ограниченная СКО может быть редуцирована, повторно пережита и интегрирована за один сеанс. Обычно же этот процесс занимает большее число сеансов, особенно у тяжело больных. В исключительных случаях очень сильная, широкая и разветвленная система может управлять полем переживаний в течение 15 или 20 последовательных сеансов. Сравнительная варьированность имеет место и в отношении общего психодинамического материала, который нужно пережить и интегрировать в серии ЛСД-сеансов. У некоторых пациентов в целом ряде последовательных сеансов превалируют фрейдовские проблемы, другие относительно быстро переходят к более глубоким слоям бессознательного. И тем не менее, какое бы время или количество сеансов ни потребовалось для такого развития, рано или поздно элементы индивидуального бессознательного имеют тенденцию исчезать из ЛСД-переживания, и каждый индивид, прошедший психолитическую терапию, вступает в области перинатальных и трансперсональных феноменов, которые будут описаны в последующих главах.

Перинатальные переживания в ЛСД-сеансах

Основные характеристики перинатальных переживаний и их главный смысл сосредоточены на проблемах биологического рождения, физической боли и агонии старения, болезни и дряхления, а также умирания и смерти. Потрясающее столкновение с этими критическими аспектами человеческого существования и глубокое понимание

бренности и непостоянства биологического существования человека и человеческой жизни в целом неизбежно сопровождается несущим мучения экзистенциальным кризисом. Благодаря этим переживаниям, индивид приходит к пониманию, что, независимо от того, что он делает в этой жизни, ему не дано избежать неизбежного: он должен будет покинуть этот мир, оставив все, что накопил и чего достиг, к чему эмоционально привязан. Сходство между рождением и смертью, поражающее понимание того, что начало жизни есть то же самое, что и ее конец, — главная философская тема, сопровождающая перинатальные переживания. Другим важным следствием потрясающего эмоционального и физического столкновения со смертью является открытие областей духовных и религиозных переживаний, которые оказываются внутренней частью человеческой личности и не зависят от культурных и религиозных основ ее индивидуальности и любого вида программирования. Я убедился, что каждый, кто достиг этих уровней, начинает отчетливо видеть уместность духовных и религиозных сфер в универсальной схеме вещей. Даже твердокаменные материалисты, позитивистски ориентированные ученые, скептики и циники, бескомпромиссные атеисты, вроде философов-марксистов, неожиданно начинают интересоваться духовными поисками, после того как встанут лицом к лицу с этими переживаниями в себе.

Чтобы избежать непонимания, необходимо подчеркнуть, что столкновение со смертью на перинатальном уровне принимает форму глубокого непосредственного переживания предсмертной агонии во всей сложности ее эмоциональных, философских и духовных, а также явственно физиологических аспектов. Осознание умирания и смерти в этих ситуациях передается не только символическими средствами. Специфическое эсхатологическое содержание мыслительных процессов и видение умирающих людей, разлагающихся трупов, гробов, кладбищ, катафалков, похоронных кортежей возникают в качестве характерных сопутствующих обстоятельств и иллюстраций этого переживания смерти. Однако самой его основой является действительное чувство безусловного биологического кризиса, которое часто смешивается с действительным умиранием. Нередко бывает так, что человек, вовлеченный в подобное переживание, теряет критическое отношение к тому, что находится на психоделическом сеансе, и твердо верит, что стоит лицом к лицу с неминуемой смертью.

Свидетельства серьезного кризиса, имеют не только субъективный характер. Эпизоды умирания и рождения (или повторного рождения) часто весьма драматичны и имеют много биологических проявлений, очевидных даже для внешнего наблюдателя. Человек с искаженным от страдания лицом может часами испытывать мучительные боли, хватая воздух ртом и разряжая огромное количество мышечного напряжения в судорогах, дрожи и сложных скручивающих движениях. Цвет лица при этом может изменяться от багрового до смертельно-бледного, пульс сильно ускоряться и становиться нитеподобным, частота дыхания меняться в широких пределах, слюна густеть. Довольно часто имеет место тошнота с сильной рвотой.

Оказывается, эти переживания некоторым, не совсем ясным на настоящей стадии исследования образом связаны с обстоятельствами биологического рождения. Зачастую испытуемый относится к ним как к вполне определенным переживаниям своей родовой травмы. Те же, кто не проводит этой аналогии, а истолковывает свою встречу со смертью и переживания смерти-рождения в рамках чисто философских и духовных, демонстрируют набор описанных ранее физических симптомов, которые интерпретируются как производные биологического рождения. Для этих испытуемых характерны также позы и сложная последовательность движений, удивительно похожие на те, что совершаются ребенком на разных стадиях рождения. Помимо этого, они часто сообщают о видении эмбриона, плода и новорожденного или идентификации с ними. Столь же общими являются и различные аутентичные неонатальные чувства и поведение, а также видение женских гениталий и грудей.

КАРТИНКА НЕДОСТУПНА

Переживание удушья и одышки на ЛСД-сеансе, в котором пациент проживает родовую травму.

Картина, рисующая ужасы родовой травмы, пережитые в символической форме на ЛСД-сеансе. Беспомощный и слабый зародыш висит на своей пуповине у вершины огромного купола, разрушительные силы в матке символизируются огромными когтями и клювами птицеподобных монстров.

В связи с этими наблюдениями и другими клиническими свидетельствами я обозначил вышеприведенные феномены как **перинатальные переживания**. Все еще остается неустановленной причинная связь между действительным биологическим рождением и матрицами бессознательного для этих переживаний. Однако представляется уместным назвать этот уровень бессознательного «ранкианским». С некоторыми изменениями теоретическая модель Отто Ранка (Венский психиатр Отто Ранк, отошедший от основного потока ортодоксального психоанализа, подчеркивал в своей книге «Травма рождения» (1927) основополагающее значение перинатальных переживаний.) полезна для понимания рассматриваемых феноменов.

Перинатальные переживания являются выражением более глубокого уровня бессознательного, который явно лежит за пределами досягаемости классической фрейдовской техники. Явления, принадлежащие к этой категории, не описывались в психоаналитической литературе и не рассматривались в теориях аналитиков-фрейдистов. Более того, классический фрейдовский анализ не дает объяснений таким переживаниям и не предлагает адекватной теоретической модели для их интерпретации. В психолитической терапии с применением ЛСД у психически больных эти уровни обычно

достигаются после значительного числа сеансов психодинамического характера. У лиц без серьезных эмоциональных проблем перинатальная феноменология обычно возникает раньше.

В психоделической терапии, где применяются высокие дозы ЛСД, а сеансы отличаются большой глубиной, перинатальные элементы часто наблюдаются уже на первой или на второй сессиях. Это имеет место и в случаях здоровых добровольцев, людей умирающих от рака и психически больных. По не совсем ясным до сих пор причинам оказывается, что алкоголики и наркоманы имеют более простой доступ в перинатальную область бессознательного, чем индивиды с психоневротическими проблемами, особенно со значительным компонентом навязчивых состояний в их клинической симптоматике.

Психотерапия с помощью ЛСД — не единственная ситуация, которая может способствовать проявлению перинатальных переживаний. Иногда этот уровень бессознательного может быть задействован как внутренними, так и внешними силами организма. Однако происходящие при этом процессы еще недостаточно поняты современной психиатрией. Клиницисты могут наблюдать перинатальные элементы в разнообразных психотических состояниях, особенно при навязчивых состояниях и шизофрении. Но примеры перинатальных переживаний могут быть найдены и вне рамок психопатологии. Подобные переживания наблюдались и описаны психотерапевтами различной ориентации, использующими технику выражения переживаний как у нормальных людей, так и у невротиков (Эти способы включают биоэнергетику, подходы, основывающиеся на традиции Райха, гештальт-терапию, конфликтные группы, сеансы марафона и голый марафон Поля Биндрима.). Многочисленные дополнительные примеры можно найти и в антропологической и этнографической литературе. С незапамятных времен во многих древних и так называемых примитивных культурах существовали мощные ритуалы, которые, как выясняется, способствовали возникновению таких переживаний как у отдельных индивидов, так и у целых групп. Подобные процедуры обычно проводились либо в особых случаях (таких, как ритуалы инициации или посвящения), либо как предмет ежедневной практики в экстатических религиях. Техника, наработанная в этих культурах, охватывает широкий диапазон методов — от использования психоактивных веществ растительного и животного происхождения, трансовых танцев, голодания, шока, физических пыток и лишения сна до детально проработанных духовных практик, подобных тем, что развиты в индуистской и буддистской традициях.

Перинатальные переживания представляют собой весьма важный перекресток между индивидуальной и трансперсональной психологией или же между психологией и психопатологией с одной стороны и религией — с другой. Если мы относим их к индивидуальному рождению, то они должны, по-видимому, принадлежать к структурам индивидуальной психологии. Однако некоторые другие аспекты придают им весьма определенный трансперсональный оттенок. Интенсивность этих переживаний превосходит все, что обычно рассматривается как предел выносливости индивида. Часто они сопровождаются идентификацией с другими личностями или с борющимся и страдающим человечеством. Более того, другие виды явно трансперсональных переживаний — таких, как эволюционная память, элементы коллективного бессознательного и некоторые архетипы Юнга, — нередко составляют неотъемлемую часть перинатальных матриц. ЛСД-сеанс на этой стадии обычно имеет довольно сложный характер, включая комбинацию отчетливо субъективных переживаний с явными трансперсональными элементами.

В этой связи представляется уместным упомянуть категорию переживаний, которые представляют собой переходную форму между фрейдовским психодинамическим уровнем и ранкианскими уровнями. Это — повторное переживание травматических событий из жизни индивида, которые носят скорее физический, чем чисто психологический характер. В типичном случае они включают в себя угрозу выживания или телесной целостности, вроде серьезных операций или болезненных и опасных ранений, тяжелых болезней, особенно связанных с затруднениями в дыхании (дифтерия, коклюш, пневмония), случаи угрозы утонуть и эпизоды жестких физических пыток (помещение в карцер концлагеря, операция «промывания мозгов» и техника допросов, применявшаяся нацистами, а также

плохое обращение в детстве). Эти воспоминания определенно индивидуальны по природе, однако тематически они тесно связаны с перинатальными переживаниями. Иногда оживление памяти о физических травмах, как и о более поверхностных гранях родовой агонии, происходит одновременно с перинатальными явлениями. Наблюдения, полученные при ЛСД-психотерапии, показывают, что память соматической травматизации играет существенную роль в психогенезе различных эмоциональных нарушений, особенно в случаях депрессии и садомазохизма. Однако эта концепция все еще не признана и не исследована сегодняшними школами динамической психотерапии.

Элементы обширного и сложного содержания, возникающие на ЛСД-сеансах и отражающие этот уровень бессознательного, можно представить в виде четырех типичных групп, матриц или паттернов переживания. Пытаясь найти простое, логичное и естественное объяснение этому факту, я был поражен глубокими параллелями между этими паттернами и клиническими стадиями прохождения родов. Ввести такую связь четырех категорий явлений с последовательными стадиями биологического рождения и с переживаниями ребенка в перинатальный период оказалось весьма полезным принципом как в теоретических рассуждениях, так и в практике ЛСД-психотерапии. Поэтому для краткости я называю четыре основные матрицы переживаний ранкианского уровня *Базовыми Перинатальными Матрицами (БПМ-I — IV)*. Следует еще раз подчеркнуть, что на настоящей стадии знания это нужно рассматривать как весьма полезную модель, не обязательно включающую в себя причинную связь.

Базовые перинатальные матрицы являются гипотетическими динамическими управляющими системами, функционирующими на ранкианском уровне бессознательного подобно тому, как СКО действуют на фрейдовском психодинамическом уровне. Они имеют свое собственное специфическое содержание, а именно перинатальные явления. Последнее имеет две важные грани, два компонента: биологический и духовный. Биологический аспект перинатальных переживаний состоит из конкретных и довольно реалистических переживаний, связанных с индивидуальными стадиями биологических родов. Вероятно, каждая стадия биологического рождения имеет специфическую дополнительную духовную составляющую. Для безмятежного внутриутробного существования — это переживание космического единства; начало родов параллельно переживанию чувства всеобъемлющего поглощения; первая клиническая стадия родов, сжатие в закрытой маточной системе, соответствует переживанию «нет выхода» или аду; проталкивание через родовой канал во второй клинической стадии родов имеет свой духовный аналог в борьбе между смертью и повторным рождением; метафизическим эквивалентом завершения родового процесса и событий третьей клинической стадии родов является переживание смерти Эго и повторного рождения. Помимо этого специфического содержания, следует отметить, что перинатальные матрицы функционируют как организующий принцип для материала других уровней бессознательного, а именно для СКО, а также для некоторых видов трансперсональных переживаний (Определение и детальное описание трансперсональных переживаний будут приведены в следующей главе.), которые иногда появляются одновременно с перинатальными — такими, как архетип Ужасной Матери или Великой Матери, отождествление с животными, или филогенетические переживания.

Индивидуальные перинатальные матрицы имеют фиксированные связи с определенными типичными категориями воспоминаний из жизни человека; они связаны также со специфическими аспектами активности фрейдовских эрогенных зон, специфическими психопатологическими синдромами и психиатрическими нарушениями (см. сводную таблицу на нее.). Глубокая параллель между физиологической активностью на разных стадиях биологических родов и паттернами активности в различных эрогенных зонах, в особенности при генитальном оргазме, оказывается, имеет большое теоретическое значение. Это позволяет перенести этиологическое ударение в психогенезе эмоциональных нарушений с сексуальности на перинатальные матрицы, не отвергая и не отрицая ценности многих основных фрейдовских принципов. Даже в столь широких рамках психоаналитические наблюдения и понятия остаются полезными для понимания явлений, происходящих на психодинамическом уровне, и их взаимоотношений.

Далее мы рассмотрим биологическое и родовспомогательное основание индивидуальных перинатальных матриц, их содержание в плане переживаний, их функции в качестве организующих принципов для других типов опыта и их специфическое отношение к физиологическим проявлениям во фрейдовских эrogenных зонах. Перинатальные матрицы будут рассматриваться в той последовательности, в которой во время родов следуют одна за другой стадии биологического рождения.

Перинатальная матрица I.

Изначальное единство с матерью (внутриутробное переживание до начала родов)

Эта матрица относится к первоначальному состоянию внутриутробного существования, во время которого ребенок и мать составляют симбиотический союз. Если нет какого-либо вредного воздействия, условия для ребенка оптимальны, учитывая безопасность, защиту, подходящее окружение и удовлетворение всех потребностей. Это, конечно, не всегда так. Существует широкий спектр — от беременности, в которой эти оптимальные условия нарушаются лишь изредка и на короткое время (например, несерьезные заболевания, нарушения в питании, случайный прием алкоголя или редкое курение, временное пребывание в очень шумной атмосфере, гинекологическое обследование, сексуальные отношения в последние месяцы беременности), до беременности, когда нормальных условий почти нет (например, в случаях серьезных инфекций, эндокринных и метаболических нарушений у матери, острых токсикозов, хронических тревог, напряжения и эмоционального стресса; при работе в неблагоприятных условиях с чрезмерным шумом и вибрациями; в случаях приема наркотиков и хронического пьянства, повторяющегося жестокого обращения с матерью, попыток искусственного аборта). Хотя такие осложнения беременности обычно рассматриваются в связи с будущим развитием ребенка только как источник возможных соматических повреждений, наблюдения при ЛСД-психотерапии обнаруживают, что ребенок может также переживать эти вредные влияния на примитивном субъективном уровне. Если это так, то можно ввести различие «хорошей» и «плохой» матки, подобно тому как психоаналитики предполагают случаи «хорошей» и «плохой» груди. Сумма ненарушенных внутриутробных переживаний во время беременности могла бы играть важную роль в отношении будущей стабильности личности, сравнимую с положительным опытом в период кормления.

Ненарушенные внутриутробные переживания лишь в редких случаях описываются индивидами на ранних ЛСД-сеансах, но часты и на более поздних сеансах. Некоторые сообщают о весьма сложных реалистических воспоминаниях начальной эмбриональной стадии. Они ощущают себя очень маленькими, с типичными диспропорциями головы и тела, могут чувствовать околоплодную жидкость, а иногда даже пуповину. Эти переживания ассоциируются с блаженным, недифференцированным океаническим состоянием сознания. Часто конкретные биологические элементы опускаются, и активизация этой матрицы проявляется в **переживании космического единства**.

Его основными характеристиками являются выход за пределы дихотомии субъекта и объекта, чрезвычайно сильная положительность (мир, спокойствие, радость, безмятежность и блаженство), особое чувство сокровенности, трансцендирование времени и пространства, переживание чистого бытия и богатство проникновения в космическую релевантность (уместность всего в космосе). Часто испытываемые говорят о вневременности настоящего момента и утверждают, что они прикасаются к бесконечности. Они указывают на невыразимость и подчеркивают ошибочность лингвистических символов и структуры нашего языка в передаче природы этого события и его значения. Описание космического единства обычно полно парадоксов, нарушающих основные законы и само существо аристотелевой логики. Человек может, например, говорить об этом опыте как о лишенном содержания и, тем не менее, содержащем все. Все, что он может каким бы то ни было образом постичь, оказывается уже включенным в него. Он ссылается на полную утрату своего Эго и в то же время утверждает, что его сознание расширилось и объемлет всю

Вселенную. Он испытывает благоговение и смирение, свою незначительность и в то же время переживает себя наделенным космическими размерами и испытывает чувство огромного расширения достигающего иногда чувства отождествленности с Богом. Он может воспринимать себя и остальной мир как существующий и несуществующий в одно и то же время, формы материальных объектов как пустые, а пустоту как обладающую формой. Человек в этом состоянии чувствует, что получил доступ к прямому знанию через озарение и мудрость относительно вещей фундаментального и универсального значения. Обычно речь не идет о конкретной информации, о специальных технических деталях, которые могли бы быть использованы прагматически. Скорее это сложный инсайт откровения в сущность бытия и экзистенции (Некоторые искушенные люди обращались в этом контексте к Упанишадам и знаменитой цитате: «Познание Того, знание которого дает познание всего»). Этот инсайт обычно сопровождается чувством уверенности, что такое знание безусловно более реально и значимо, чем наши концепции и восприятия относительно мира, которые мы разделяем в обычном состоянии сознания.

Переживание свободного от напряжения, разлитого экстаза можно понять на примере чувства космического единства, называемого «океаническим экстазом» (по контрасту с «вулканическим экстазом», который описывается ниже в связи с БПМ-III). У человека с закрытыми глазами оно происходит как независимое сложное переживание. С открытыми глазами тот же самый индивид переживает чувство слияния с окружением и единства с воспринимаемыми объектами. Мир представляется как место невыразимого сияния и красоты. Элемент размышления и потребность в рациональном анализе значительно снижаются, и Вселенная становится «тайной, которую следует пережить, а не загадкой, которую нужно разгадать». В этом состоянии человеку трудно видеть какие-либо негативные аспекты в мире и в самой структуре мироздания. Все оказывается совершенным, все есть так, как оно должно быть (Эта позиция в отношении Вселенной не ведет в результате к бездействию и пассивному принятию status quo. Она сравнима с творческим стилем жизни, стремлением к самоактуализации и различным реформаторским тенденциям. Это можно проиллюстрировать цитатой из лекции Баба Рам Даса: «Мир есть абсолютное совершенство, включая неудовлетворение им и ваши усилия изменить его»). В этот момент мир представляется благоприятным местом, где с полным доверием и чувством совершенной безопасности можно принять пассивно-зависимую позицию, подобную положению ребенка. Для человека в этом состоянии ума зло кажется не имеющим значения, неважным, эфемерным или несущественным. Как мы увидим позже, это селективное восприятие Вселенной находится в грубом контрасте с тем, которое типично для человека, переживающего элементы БПМ-II.

Чувство космического единства, описываемое испытуемыми, оказывается если не полностью идентичным, то весьма похожим на трансцендентальные переживания, описываемые категориями мистики Уолтера Панке, или на те, для которых Абрахам Мэслоу предложил термин «пиковые переживания». На психоделических сеансах эти феномены действуют в качестве важного входа в разнообразие трансперсональных переживаний, что будет подробно обсуждаться в следующей главе. При переживании паттерна опыта космического единства трансцендирование времени и пространства может принять довольно конкретную форму, что можно проиллюстрировать рядом специфических образов. Человек может переживать последовательность видений, позволяющих интерпретировать опыт в терминах регрессии в историческом времени. Это включает разнообразие эмбриональных ощущений, память предков, элементы коллективного бессознательного и эволюционный опыт, сопровождаемый филогенетическими «обратными кадрами» и дарвинским прозрением. Соответствующий выход за пределы обычного пространственного ограничения можно проиллюстрировать на примерах идентификации с другими лицами и группами лиц, с животными, растениями и даже неорганическим веществом. Важной вариацией этого переживания является субъективное отождествление с физической Вселенной, как мы ее знаем, с ее галактиками, солнечными системами и мириадами отдельных звезд. Видения различных божеств и архетипы Юнга — еще одна характерная последовательность в переживании космического единства.

Нарушения внутриутробной жизни, оказывается, имеют специфическую феноменологию в ЛСД-сеансах. Как и в случае ненарушенной внутриутробной жизни, люди обычно приводят весьма реалистические описания своего существования в качестве плода. Они могут испытывать чувства, аналогичные опыту эмбриона в матке, иметь специфические ощущения эмбриона и переживать различные степени и формы внутриутробного страдания. Иногда, благодаря свидетельствам старших, можно идентифицировать виды вмешательства, такие, как «соперничество» с близнецом, физическая болезнь матери, ее эмоциональное потрясение в виде сильнейшей тревоги или агрессии, попытка аборта и другие различные вредные воздействия. Эти эпизоды страдания обычно перемежаются с положительными переживаниями, описанными ранее.

Помимо таких реалистических переживаний, есть и другие проявления внутриутробного дискомфорта. Видение звездного неба может неожиданно затянуться безобразной пленкой. Эти явные визуальные нарушения, подобные искажениям на телевизионном экране, сопровождаются различными неприятными соматическими симптомами. Наиболее частые из них — физические признаки, напоминающие приступы гриппа, такие, как чувства слабости, головной боли, озноба, дрожи и локальные подергивания малых мышц. Столь же часто появляются симптомы пищевого отравления типа «похмелья» — тошнота, отвращение, диспепсия, усиление перистальтики и газы в кишечнике. Типичные явления, сопутствующие этим эпизодам, включают специфический неприятный вкус во рту, который обычно описывается как наделенный определенным биологическим качеством («старый» бульон, разлагающаяся кровь, аммоний) совместно с неорганической примесью (металлический привкус, йодистый, железный или просто «ядовитый»).

Эти соматические симптомы диаметрально противоположны симптомам, которые сопровождают переживание родов. Обычно отсутствуют объективные признаки удушья и драматические поведенческие проявления вроде причудливых поз, скручивающих движений, сильной тряски или спазматических сокращений больших групп мышц. Человек не испытывает внешнего сдавливания и сжатия головы и тела. Все симптомы тоньше и переживаются в ясном сознании, тогда как во время сеансов, когда оживляется переживание рождения, испытываемый поглощен борьбой жизни и смерти. В эпизодах переживания внутриутробного страдания действие ЛСД может ограничиваться лишь этой физической симптоматикой, и изменения в восприятии могут полностью отсутствовать. Человек может жаловаться, что доза ЛСД слишком мала или что препарат неэффективен. Однако, когда эпизод страдания проработан и интегрирован, изменяется характер сеанса и следует интенсивное переживание космического единства.

Есть некоторые свидетельства, что видения различных демонов и ужасных божеств, которые проявляются во время этих сеансов и, как представляется, отделяют испытуемого от полного блаженства Вселенной, тесно связаны с нарушениями во время беременности и кризисами развития эмбриона. Подобно божествам, имеющим отношение к положительным внутриутробным переживаниям, они могут принимать форму демонов, известных в различных культурах, или могут быть идентифицированы как архетипы. Помимо столкновений с демонами и эпизодов физического страдания, некоторые индивиды переживают также различные эпизоды, которые обозначают как воспоминание прошлых воплощений. Характер этих переживаний можно проиллюстрировать продвинутым сеансом психолитической серии профессионала, принимавшего участие в программе ЛСД-обучения.

Во время сеанса, в котором он попеременно переживал эпизоды «хорошей» и «плохой» матки, он понял, что обнаружил путь к пониманию демонов различных культур, в особенности Индии и Тибета. Он вдруг увидел поразительную связь между состоянием ума Будды, сидящего в глубокой медитации, и состоянием эмбриона в хорошей матке. Демоны, окружающие исполненную глубокого покоя фигуру Будды на многих индийских и тибетских религиозных изображениях представляли, как ему казалось, различные формы нарушений внутриутробного существования. Испытуемый мог различать среди них кровавых, открыто агрессивных и свирепых, символизирующих опасности физического рождения. Другие, коварные и

скрытые, представляли собой вредные влияния внутриутробной жизни. На другом уровне он одновременно переживал эпизоды, которые представлялись воспоминаниями прошлых воплощений. Казалось, что элементы дурной кармы входили в его теперешнюю жизнь в форме нарушений его эмбрионального существования и как негативные переживания младенчества и детства. Он видел опыт «плохой матки» и «плохой груди» как точки трансформации между областью кармического закона и феноменальным миром, управляемым естественными законами, как мы их знаем.

Люди, переживавшие во время ЛСД-сеансов эпизоды внутриутробных страданий, часто описывали перцептуальные и концептуальные искажения, которые удивительно напоминали мир шизофреника. Те же из них, у кого были родственники или знакомые, действительно больные шизофренией или страдающие параноидальными расстройствами, могли в такие моменты почувствовать свою полную идентичность с этими личностями и прийти к более глубокому психологическому пониманию их проблем. Многочисленные психиатры и психологи, принимающие участие в ЛСД-обучении рассказывают, что они вспоминают и буквально визуализируют своих психически больных, способны настроиться на их мир и понять их. Результаты наблюдений на таких сеансах дают возможность предположить, что ненарушенные внутриутробные переживания тесно связаны с религиозными и мистическими переживаниями. И наоборот, субъективные составляющие нарушений внутриутробной жизни могут оказаться источником шизофренических переживаний и параноидальных состояний. Близость этих состояний и простой переход от одного из них к другому могли бы объяснить опасную временами грань между шизофренией и духовным просветлением, а также спонтанные случаи религиозного и мистического опыта у некоторых острых психотиков.

Что касается механизмов памяти, **положительные аспекты БПМ-I** представляют собой основу для записи всех более поздних жизненных ситуаций, в которых индивид раскрепощен, относительно свободен от нужд и не затронут какими-либо болезненными и неприятными воздействиями. Оживление воспоминаний, отмеченных чувством удовлетворения, безопасности и другими сильными положительными эмоциями, происходит в ЛСД-сеансах в тесной связи с экстатическими чувствами БПМ-I — либо одновременно, либо перемежаясь с ними. Положительная СКО, связанная с этой матрицей, включает в себя счастливые периоды младенчества и детства — такие, как удовлетворение основных потребностей, беззаботные и радостные игры с ровесниками или гармоничные эпизоды жизни в семье. Воспоминания более поздних периодов жизни, возникающих в этом контексте, включают особенно приятные любовные отношения с эмоциональным и сексуальным удовлетворением. Столь же важными являются воспоминания о встрече с естественной красотой: рассветами и закатами, спокойной гладью моря или озера, многоцветной флорой и фауной, коралловыми рифами и другими сферами подводного мира, голубым или усыпанным звездами небом, с тропическими островами, буйной сочной растительностью джунглей, высокими горами, романтическими реками, лесными ландшафтами и с освещенными сталагмитовыми пещерами. Созданные человеком творения высочайшей эстетической ценности также играют важную роль в этом контексте. Образы, связанные с произведениями искусства — картинами, скульптурами, археологическими памятниками, ювелирными изделиями, бриллиантами, а также с видениями храмов, дворцов и замков регулярно возникают в тесной взаимосвязи с экстатическими чувствами этой перинатальной матрицы. Особенно значительными оказываются ассоциации с определенной музыкой и танцами. Это же верно и в отношении плавания и купания в горных потоках, водопадах, больших чистых реках и озерах или в океане.

Ассоциации с **отрицательными аспектами БПМ-I** это негативное зеркальное отражение вышеописанной ситуации. Воспоминания, принадлежащие к этой категории, включают в себя ненормальные отношения в семье испытуемого, детские дисфункции и болезни; переполненные промышленными предприятиями города и другие неприглядные сцены; загрязнение воздуха, озер и рек; безвкусные и извращенные образцы искусства.

Что касается фрейдовских эрогенных зон для положительных аспектов БПМ-I, то я, с одной стороны, нахожу соответствие в биологическом и психологическом состоянии, при котором ни в одной из них нет напряжения, а все частичные стремления удовлетворены. С другой — поверхностное и частичное удовлетворение потребностей, ощущаемое в этих зонах (насыщение голода, ослабление напряжения уриной, дефекацией, сексуальным оргазмом или родами), может приближать к свободному от напряжения экстастическому переживанию, описанному выше.

Следующее описание обучающего ЛСД-сеанса психиатра может оказаться полезной иллюстрацией психоделического переживания, ведомого положительными и отрицательными аспектами БПМ-I.

Несмотря на относительно высокую дозу ЛСД (300 микрограмм), скрытый период оказался чрезвычайно длинным. Первых признаков пришлось ждать целый час после приема препарата, но даже потом, по крайней мере еще час, они были незначительными. Я не испытывал каких-либо серьезных перцептуальных и эмоциональных изменений, за исключением комплекса физических симптомов, напоминающих начало простуды. Он состоял из чувства общего недомогания, холодного озноба и странного неприятного вкуса во рту, незначительной тошноты и неприятных ощущений в кишечнике. Волны легких судорог и дрожи временами проходили по мышцам моего тела, а кожа покрывалась капельками пота.

Через два часа после принятия препарата я почувствовал нетерпение. Я не мог поверить, что высокая доза ЛСД, которая на предыдущем сеансе вызвала драматические изменения (до такой степени, что временами я опасался, что мой рассудок и даже моя жизнь под угрозой), на этот раз привела к такой слабой реакции. Я решил закрыть глаза и посмотреть, что же происходит. В этот момент переживание углубилось, и я понял, что то, что с открытыми глазами представлялось взрослому как вирусная болезнь, теперь стало реалистической ситуацией страданий плода во время его внутриутробного существования от какого-то непонятного токсического воздействия. Я почувствовал себя значительно уменьшенным в размерах, а моя голова была значительно больше относительно тела и конечностей. Я находился в подвешенном состоянии в жидкой среде, и какие-то вредные химикалии проникали в мое тело через пупочную область. Используя некоторые неизвестные рецепторы, я определил эти влияния как вредные и враждебные моему организму. Я мог также по вкусу воспринимать вредное качество входящих веществ. Ощущение, как казалось, состояло из вкуса смеси йода с разлагающейся кровью или со старым бульоном.

Когда это происходило, я осознавал, что эти токсические «приступы» имели какую-то связь с состоянием и деятельностью материнского организма. Иногда я мог различить влияния, которые вызывались приемом алкоголя, неподходящей пищей или курением; в другой раз я воспринимал это как химические медиаторы эмоций моей матери — тревоги, нервозности, гнева, противоречивых чувств относительно беременности и даже сексуального возбуждения. Идея о проницательности сознания, существующего у плода, и возможность субъективного осознания всех нюансов его взаимодействия с матерью явно противоречили моим укрепившимся концепциям, основанным на изучении медицины. Реальность и конкретный характер этих переживаний, так же как и их весьма убедительное качество, вызывали во мне как в «ученом» в течение некоторого времени весьма серьезный конфликт. Затем неожиданно пришло решение этой проблемы; мне стало ясно, что более уместно было бы признать необходимость пересмотра научных допущений — что не раз случалось в истории человечества — чем подвергать сомнению подлинность моего собственного переживания.

Когда я сумел оставить мое аналитическое мышление и принять переживание таким, каково оно есть, характер сеанса резко изменился. Состояние болезненности и дискомфорта исчезло, и я начал испытывать постепенно нарастающий экстаз, сопровождавшийся прояснением и высветлением моего визуального поля. Это было похоже на то, как если бы были сорваны и отброшены многочисленные слои грязной паутины или как если бы слабое и расплывчатое изображение на кино- или телеэкране было сфокусировано и исправлено неким невидимым космическим техником. Сцена открылась, и мощный поток света и энергии охватил меня и устремился тонкими вибрациями сквозь все мое существо. На одном уровне я все еще был эмбрионом, переживающим высшее совершенство и блаженство благополучной матки, или новорожденным, сливающимся с кормящей и дающей жизнь грудью. На другом — я стал всей Вселенной. Я был свидетелем представления макрокосма с бесчисленными пульсирующими и вибрирующими галактиками и одновременно был самым макрокосмом. Лучистые, захватывающие дух космические перспективы перемежались с переживаниями не менее прекрасного микрокосма — от пляски атомов и молекул до возникновения жизни и биохимического мира отдельных клеток.

Впервые я переживал Вселенную такой, какова она есть в действительности, — непостижимой тайной, божественной игрой энергии. Все во Вселенной оказалось сознательным. После того как я допустил возможность сознания у эмбриона, я пришел к еще более удивительному открытию: сознание пропитывает собой всю Вселенную. Мой разум — разум ученого — подвергся при этом тяжкому испытанию, пока я не понял, что, хотя многие из этих переживаний были несовместимы со здравым смыслом, они все же имеют отношение к науке. Это открытие было, конечно, не более поразительным, чем скрытый смысл теории относительности Эйнштейна, квантовой механики, различных астрономических концепций и современных теорий космогенеза. Пантеистические религии, философия Спинозы, учение Будды, индийская концепция Атмана-Брахмана, майя и лилла — все это неожиданно наполнилось жизнью и осветилось новым смыслом. Это невероятно богатое и сложное переживание длилось, казалось, целую вечность. Я колебался между состоянием страдающего, больного эмбриона и блаженством безмятежного внутриутробного существования. Временами вредные влияния принимали форму демонов из мира волшебных сказок. Я понял наконец, почему детская психика настолько очаровывается разными сказками и их персонажами. Некоторые из этих инсайтов несли несравненно более высокую ценность. Стремление снова восстановить состояние тотального совершенства, пережитое однажды в материнской утробе, оказывается первичной мотивирующей силой у каждого человека. Этот принцип, очевидно, лежит в основе неизбежного счастливого завершения сказок, а также мечты революционеров о будущей Утопии, потребности артиста в одобрении публики или амбициозной гонки за богатством, высоким положением и славой. Мне стало ясно, что здесь лежит ответ на извечную человеческую дилемму. Я понял, что ненасытную жажду и нужду не удовлетворишь никаким достижением и успехом во внешнем мире. Единственным решением остается восстановление связи со своим собственным умом, своим собственным бессознательным. И я неожиданно осознал послание духовных учителей: **единственная революция**, способная принести желанные плоды, — это внутренняя трансформация каждого человеческого существа.

Во время того, что, очевидно, было эпизодами переживания положительной памяти эмбрионального существования, я испытывал чувства основополагающей идентичности и единства со Вселенной. Это было Дао, Запредельность, которая Внутри, **Там твам аси** (Ты есть То) из Упанишад. Я потерял ощущение индивидуальности. Мое Эго растворилось, и я стал

всем существованием. Временами это переживание было неосязаемым и лишенным всякого содержания, временами сопровождалось прекрасными видениями — архетипическими образами рая, изначальным рогом изобилия, картинами золотого века или девственной природы. Я становился рыбой, плавающей в кристально чистой воде, бабочками, порхавшими над горными лугами, и чайками, парившими над морем. Я был океаном, различными животными, растениями, облаками — иногда всеми ими в одно и то же время.

Один раз ощущение пребывания в «благополучной матке» открылось, очевидно, не в пространстве, а во времени. К моему крайнему изумлению, я вспомнил свое собственное зачатие и различные стадии своего эмбрионального развития. Переживая все сложности эмбриогенеза в деталях, превосходящих лучшие медицинские книги, я вдруг перенесся в еще более отдаленное прошлое, визуализируя филогенетические следы из жизни своих животных предков. Ученый во мне был поражен другой загадкой: может ли генетический код при определенных обстоятельствах быть транслирован в сознательное переживание? Я решил подумать над этой проблемой позже, а сейчас отдался увлекательной игре тайн природы.

После полудня не произошло ничего конкретного, а большую часть вечера я провел в ощущении своего единства с природой и Вселенной, купаясь в золотом свете, который постепенно утрачивал свою интенсивность. Не без сопротивления я расстался с этим переживанием и вернулся к своему обычному состоянию сознания. Я чувствовал, что в день сеанса со мной случилось нечто чрезвычайно важное и что я уже никогда не буду прежним. Я достиг нового чувства гармонии, самопринятия и глобального понимания существования, которое трудно поддается определению. Долгое время я чувствовал себя так, будто я состою из чистой энергии и чистых духовных вибраций, совершенно не сознавая своего физического состояния. Поздно вечером мое сознание постепенно вернулось в обиталище, оказавшееся моим исцеленным, здоровым и в совершенстве функционирующим телом.

Перинатальная матрица II.

Антагонизм с матерью (схватки в закрытой матке)

Вторая перинатальная матрица относится к первой клинической стадии родов. Внутриутробное существование, близкое в нормальных условиях к идеалу, подходит к концу. Мир плода нарушен, вначале коварно — посредством химических воздействий, позднее грубым механическим путем — периодическими схватками. Это создает ситуацию полной неопределенности и угрозы для жизни с различными признаками телесного дискомфорта. На этой стадии маточные схватки затрагивают плод, но шейка матки еще закрыта, и пути наружу нет. Мать и ребенок становятся источником боли друг для друга и вступают в биологический конфликт.

Существуют значительные расхождения в продолжительности схваток (так же, как и продолжительности всего процесса родов). Можно предположить, что это переживание намного опустошительнее в случае патологических родов с большей продолжительностью, вызванной слишком узким тазом, ненормальным положением плода, недостаточной интенсивностью схваток, чрезмерными размерами плода и другими видами осложнений. Однако ясно, что страх и замешательство неопытной матери, отчетливо негативное или в сильной степени двойственное отношение матери к неродившемуся ребенку или к самому процессу родов может сделать эту стадию еще более трудной (как для матери, так и для ребенка). Все это может влиять на физиологическую взаимосвязь между родовыми схватками и открытием шейки матки (В этой связи интересно отметить, что многие

женщины из моих пациентов, проживших заново роды в ЛСД-сеансах, интуитивно поняли, насколько их негативные чувства и отношения сказываются на родовом процессе.).

Элементы БПМ-II могут встречаться в ЛСД-сеансах в чистой биологической форме как реалистическая память об этой стадии родового процесса. Но более часто активизация данной матрицы ведет к довольно характерному духовному переживанию безысходности, или «ада». Человек ощущает себя запертым в замкнутом мире и испытывает невероятные физические и психологические муки из-за этого. Описываемое переживание характеризуется поразительным затемнением визуального поля и зловещими цветами. Подобная ситуация совершенно невыносима, она представляется бесконечной и безнадежной: бежать некуда ни во времени, ни в пространстве. Часто возникает ощущение, что даже самоубийство не прекратит ее и не принесет облегчения.

Характерные элементы этой схемы опыта могут переживаться на нескольких различных уровнях, которые могут проявляться отдельно, одновременно или попеременно. Самые глубокие уровни переживаний связаны с различными понятиями ада, с ситуациями невыносимого физического, психологического и метафизического страдания, которому никогда не будет конца, как это описано различными религиями. На более поверхностном уровне той же самой схемы опыта испытуемый захвачен ситуацией в этом мире и воспринимает ее с весьма ограниченной отрицательной, предвзятой позиции.

Рисунок, отображающий переживание глубокой депрессии, безнадежности и отчаяния во время ЛСД-сеанса.

Он выборочно осознает лишь безобразные, злые и безнадежные аспекты существования. На этой стадии наша планета воспринимается как место апокалипсиса, полное ужаса, страданий, войн, эпидемий, несчастных случаев и природных катаклизмов. Индивид неспособен обнаружить или оценить какие-либо положительные аспекты Вселенной или

человеческой природы, приятные стороны жизни, естественную красоту или же совершенство художественных творений. Для этой ситуации типична эмпатия и самоотжествление с гонимыми, отверженными, притесненными. Человек может чувствовать себя всеми теми солдатами, что когда-либо погибли на полях сражений, всеми жертвами испанской инквизиции, узниками концентрационных лагерей, больными, умирающими от неизлечимых болезней, дряхлыми, теряющими память стариками, матерями и детьми, умирающими во время родов, обитателями психиатрических лечебниц, лишенными надежды когда-нибудь оттуда выбраться. Другая типичная категория видений, относящихся к этой перинатальной матрице, включает в себя дегуманизированный, гротескный мир автоматов, роботов, механических устройств, атмосферу человеческих монстров и аномалий, демонстрируемых в цирке, или же лишенный смысла марионеточный мир кабаков и притонов.

Для личности, настроившейся в своих переживаниях на элементы БПМ-II, человеческая жизнь кажется лишенной всякого смысла. Существование представляется не только нелепым, но и уродливым и абсурдным, а поиск любого смысла в жизни — совершенно пустым и заранее обреченным на неудачу. Люди брошены в этот мир без какой-либо возможности выбора, где, когда и от кого им родиться. Единственным надежным в жизни оказывается тот факт, что она не бесконечна. Факт человеческой смертности и непостоянства всех вещей висит постоянно над нами как дамоклов меч в каждую минуту наших жизней и уничтожает всякую надежду на то, что хоть что-то имеет значение.

Те, кто пережил встречу со смертью в рамках БПМ-II, часто проводят аналогию между агонией рождения и смерти, что еще больше усиливает чувство безнадежности. В такой ситуации человек чувствует себя умирающим в настоящий момент и глубоко вовлекается в эсхатологическое настроение. В то же время он может ощущать, что его настоящая агония идентична страданию, которое он переживал при своем биологическом рождении. Он может увидеть себя в будущем, в самом конце своей жизни, и обнаружить, что те же самые чувства присущи и смертной агонии. Мы страдаем, когда рождаемся, и умираем в страдании: агония рождения идентична агонии смерти. Что бы мы ни пытались делать в промежутке между ними, это не может изменить того факта, что все мы равны в смерти и обнаруживаем себя в той же ситуации, перед которой стояли лицом к лицу при появлении на свет. Мы вступили в этот мир совершенно беспомощными, ничего при себе не имея, такими же мы и покинем его.

Этот экзистенциальный кризис иллюстрируется обычно разнообразием видений, рисующих бессмысленность жизни и абсурдность каких бы то ни было усилий, чтобы изменить этот факт. Такие видения могут показывать жизнь и смерть могущественных королей и диктаторов, тех, кто достиг высшей власти или стал обладателем немислимых богатств. Тайный и явный смысл здесь тот, что в смерти эти люди ничем не отличаются от простых смертных. Тем, кто оказался перед лицом столь глубокого экзистенциального кризиса, это переживание часто помогает глубоко понять смысл выражений «*memento mori*», «*vanitas vanitatum*», или «ты прах, и в прах вернешься».

А понимание этого ведет к новому осмыслению и оценке философии экзистенциалистов — таких, как Мартин Хайдеггер, Серен Кьеркегор, Альбер Камю и Жан-Поль Сартр. Экзистенциалисты, по-видимому были настроены на этот комплекс переживаний, будучи не в состоянии отыскать единственное возможное решение, выражаемое понятием «трансценденция». Испытуемые часто обращаются к пьесе Сартра «Нет выхода» как к блестящему описанию чувств, пережитых ими при исследовании своей жизни и своих межличностных отношений под влиянием стереотипа «нет выхода» в БПМ-II. Некоторые ссылались также на «Путешествие к концу ночи» Целина как на яркий пример умышленного фокусирования на негативных аспектах человеческого существования.

Мучительное чувство обособленности, отчуждения, метафизического одиночества, беспомощности, безнадежности, неполноценности и вины представляют собой стандартные компоненты БПМ-II. Смотрит ли человек на свою настоящую жизненную ситуацию и поведение или исследует свое прошлое, обстоятельства и события всей его жизни одинаково указывают то, что он — совершенно никчемное и скверное существо.

Чувство вины по своей интенсивности обычно выходит за рамки событий, к которым индивид его привязывает. Оно кажется наделенным первичным качеством, присущим человеческой природе и может достигнуть метафизических размеров библейского первородного греха. Другим важным аспектом ситуации «нет выхода» является чувство сквозного безумия: как правило, люди чувствуют, что утратили всякий психический контроль и стали настоящими психотиками или что они окончательно осознали абсурдность бытия и уже никогда не смогут вернуться к щадящему самообману, который является необходимой предпосылкой нормальности.

Символические образы, сопровождающие переживания БПМ-II, охватывают довольно широкий диапазон. Наиболее общими являются видения «ада» в том виде, как он описывается и изображается в различных религиях; это и традиционные христианские представления об аде, и подземный мир древних греков, и соответствующие элементы индуистской и буддистской традиций. Особенно часты ссылки на знаменитые фигуры греческой хтонической мифологии: Сизиф, обреченный вечно вкатывать огромный валун на вершину горы, Иксион, привязанный к вращающемуся колесу, Тантал, мучимый невыносимой жаждой и голодом, Прометей, прикованный к скале и терзаемый орлом, пожирающим его печень. Греческая трагедия с ее безжалостным и необратимым ходом, с виной, передающейся от поколения к поколению, и с неотвратимой судьбой, вероятно, тесно связана с этой областью и является важным источником символических иллюстраций. Столь же общим является образ Эриний, символизирующих гложущую вину и угрызения совести.

Библейские темы, возникающие в этом контексте, включают историю изгнания Адама и Евы из рая, видения Христа в Гефсиманском саду, и в особенности его осмеяние и унижение, его страдание, когда он нес крест, и его биологическую и психологическую агонию во время самого распятия («Отец, почему ты оставил меня?»). Концепция темной ночи Души, которую описал св. Иоанн Делякрус, также иногда упоминалась в этом контексте. Другой интересный источник символических образов — история жизни Будды, значение его Четырех Чрезвычайных Прозрений (Так называемые Четыре Чрезвычайных Прозрения предопределили решение Будды оставить семью и свою роскошную жизнь во дворце и стимулировали его поиски просветления. Во время своих прогулок в окрестностях города он последовательно увидел четыре сцены, которые произвели на него неизгладимое впечатление: первая из них — сгорбленный старик, дряхлый, с выпавшими зубами и седыми волосами; вторая сцена — человек, лежащий у дороги, мучимый неизлечимой болезнью; в третьем случае он увидел труп; и, наконец, он увидел монаха с бритой головой и в оранжевом одеянии. Интересно отметить, что именно жестокость встречи с явлениями дряхлости, болезни и смерти (БПМ II) на ЛСД-сеансах оказывается толчком в переключении внимания с мирских амбиций на духовные поиски.) и акцент на страдании, как это выражено в его Четырех Благородных Истинах.

Иногда во время ЛСД-сеансов в рамках БПМ-II возникают ситуации и персонажи мировой литературы и специфические образы великих художников. Наиболее частыми из них являются ссылки на описание ада в «Божественной комедии» Данте, на сцены из книг Эмиля Золя, описывающие темные и отталкивающие аспекты человеческой природы, и на произведения Федора Достоевского с их эмоциональными страданиями, атмосферой безумия и сценами бессмысленной жестокости. Уместно упомянуть здесь и мрачные рассказы Эдгара Аллана По о нечеловеческих пытках и ужасе. В этом контексте возникают кошмары и причудливые существа Иеронима Босха, мрачный мир скелетов Джеймса Энсора с его болезненными видениями карнавалов, образы ужасов войны Франсиско Гойи, апокалиптических видений Сальвадора Дали и других сюрреалистов, многочисленные представления ада и Страшного суда.

Человек, оказавшийся в западне ситуации «нет выхода», ясно видит бессмысленность человеческого существования, однако изо всех сил пытается найти смысл жизни. Эта борьба часто совпадает тем, что переживается как попытка плода выйти из закрытой матки и спасти свою жизнь. Невозможная задача отыскать в жизни смысл может оказаться в этом контексте необходимым условием рождения и прекращения невыносимой ситуации «нет выхода».

Интересно отметить связь переживаний второй перинатальной матрицы с самым началом и первыми стадиями родов. Эта ситуация переживается во время ЛСД-сеанса как все более глубокое осознание неизбежной опасности жизни или как **космическое поглощение**. Имеет место интенсивная тревога, но источник ее не удается идентифицировать. Атмосфера нависшей угрозы может привести к параноидальной настроенности. Нередко испытуемый интерпретирует эти тревожные чувства как результат враждебного влияния различных тайных организаций или инопланетян, как следствие отравления, радиационного облучения или воздействия токсических газов. Усиление этого переживания ведет к видению безлунных пучин, космических водоворотов, неумолимо засасывающих в свой центр. Часто вариацией переживания этого поглощения является заглатывание и пленение ужасающим монстром, напоминающим гигантского дракона, питона, осьминога или паука. Менее драматическим переживанием подобного рода является, по-видимому, спуск в подземный мир и столкновение с различными монстropодобными существами.

Среди типичных физических симптомов, связанных с переживаниями БПМ-II, следует указать ощущение очень сильного давления на голову и тело, звон в ушах (как при нырянии на большую глубину), мучительные боли в различных частях тела, затруднения с дыханием, острые сердечные приступы и резкие перепады температуры.

В качестве матрицы памяти БПМ-II представляет собой основу для записи всех неприятных жизненных ситуаций, в которых непреодолимая разрушительная сила давит на пассивного и беспомощного человека. Наиболее типичными и частыми примерами в этом отношении являются ситуации с угрозой выживанию и целостности тела. Так, в этом контексте довольно регулярно всплывают воспоминания ощущений, связанные с различными операциями, такими, как удаление аппендикса или желез, ампутация конечностей и сложные случаи удаления зубов, или же имеет место полное оживление в памяти всех обстоятельств таких процедур. То же самое происходит и в случае болезней, ранений и несчастных случаев, чрезмерных мышечных растяжений, при истощении, переживаний тюремного заключения и жестоких методов допросов, особенно включающих длительное лишение пищи и воды. Ранее уже упоминалось, что болезни и ситуации, вызывающие удушье, очевидно, имеют особое значение с этой точки зрения. У лиц, испытавших на себе тяготы военного времени (осады, воздушные налеты, плен) или побывавших в клаустрофобических ситуациях (угольные шахты, обвалившиеся дома, подводное плавание), воспоминание таких событий в ЛСД-сеансах также происходит в тесной связи с элементами БПМ-II.

На каком-то более тонком уровне эта категория включает также воспоминания о беспомощности человека в случае психологических фрустраций, таких, как чувство заброшенности, эмоциональная отверженность или изоляция, угрожающие события и ситуации подавления в замкнутой семье.

Для фрейдовских эрогенных зон эта матрица, очевидно, связана с состоянием неприятного напряжения во всех зонах. На оральном уровне — это голод, жажда и болезненные стимулы; на анальном — задержка дефекации; на уретральном — задержка мочеиспускания. Соответствующие феномены на генитальном уровне — это сексуальная фрустрация и интенсивные напряжения, а также боль, переживаемая матерью на первой стадии родов. Если всю поверхность кожи мы рассматриваем как эрогенную зону, то сюда можно включить также физическую боль и неприятные ощущения в различных частях тела.

Приведенный ниже сеанс обучения молодого социолога проходил преимущественно под влиянием элементов БПМ-II и может быть использован как прекрасный пример феноменологии этой матрицы.

В этом сеансе действие препарата, как казалось, не начиналось долгое время. Испытав некоторое нетерпение, я ощутил тревогу, а затем почувствовал недомогание. Эта окутавшая меня болезненность вначале была едва различимой. Мало-помалу начало проявляться слабое чувство

тошноты и напряжения, усилившееся вскоре до такой степени, что я испытывал его как бы всеми своими клетками. В действительности трудно описать это переживание: таким всеохватывающим оно было. Казалось, что каждую клетку моего тела сверлит бур дантиста. Было ощущение надвигавшегося бедствия, опасности и мучительной боли. Хотя никаких образов не было, я начал думать о Петронии, Сенеке, Сартре и других философах, полагавших, что самоубийство — единственная осмысленная смерть. У меня возникло желание лечь в ванну с теплой водой и вскрыть себе вены. Сейчас я не сомневаюсь, что будь у меня необходимые средства, я бы убил себя тогда. Я полностью был погружен в ситуацию, из которой не было никакого выхода, кроме смерти. Перспектива нести переполненное болью тело через дни, годы, десятилетия казалась мне безумием. Для чего жить? Зачем принимать участие в чем-то столь тщетном и бесполезном, как жизнь? Лишь для того, чтобы встретить в агонии смерть? Это состояние длилось часами. Я думал, что никогда не смогу из него выйти, и тем не менее в этом состоянии было что-то странное. Я узнал его как нечто уже знакомое. Это было состояние, которое я переживал прежде, но в иных формах. В основе этих переживаний явно лежала некая матрица, влиявшая на мое видение мира и мой способ существования. Прожить ее всю лишь за несколько часов, пройти через ад, из которого нет спасения, было для меня важным уроком. К концу этого переживания я знал, что не хочу больше находиться в гуще страданий человечества, но был ли у меня выбор? Я чувствовал, что должен что-то сделать, должен бежать, но куда? Неожиданно я понял, что выбора у меня нет! Меня проталкивали сквозь невероятные страдания, и делалось это для меня! Я не мог ничего изменить. Тогда я задумался о карме и попытался разгадать, что же в моем прошлом ответственно за заключение меня в это ужасное место. Но анализ не дал никакого ответа. Я почувствовал, что пойман в клетку, из которой нет никакого выхода. Я завяз, и моя судьба теперь в том, чтобы быть существом, пойманным на колесе страдания, а не живым творением. Я ненавидел свою пойманность в страдания. Но чем упорнее я отказывался принять такую судьбу, тем труднее она становилась для меня. В этой ситуации я походил на узников концентрационного лагеря. И чем сильнее я старался выбраться оттуда, тем больше меня били; чем больше я боролся за свою свободу, тем туже стягивались оковы. И все же где-то глубоко внутри я знал, что должен бороться, должен бежать. Знал, что смогу это сделать, но как? Муки длились часами и не оставляли меня даже в последней части сеанса. Находясь уже почти в нормальном состоянии, я все еще чувствовал мучительные терзания. Я значительно лучше узнал страдания, просачивавшиеся из моего бессознательного, влияющие на мою повседневную жизнь. Все они проявили себя как уже знакомые враги. И я не знаю, когда закончится эта битва...

Перинатальная матрица III.

Синергизм с матерью (проталкивание через родовой канал)

Эта матрица связана со второй клинической стадией родов. Схватки продолжаются, но шейка матки уже широко открыта, и постепенно начинается трудный и сложный процесс проталкивания плода через родовой канал. Для ребенка это означает серьезнейшую борьбу за выживание с сокрушающим механическим давлением и нередко с удушьем. Но система уже не закрыта, и возникает перспектива прекращения невыносимой ситуации. Усилия и интересы ребенка и матери совпадают. Их совместное интенсивное стремление имеет своей целью прекратить это в основном болезненное состояние. В конце этой стадии ребенок может войти в контакт с различными видами биологического материала — такими, как кровь, слизь, моча и кал (В родах, проходящих вне стен медицинского учреждения, без использования клизмы и катетеризации, присутствие кала и мочи — весьма обычное явление. А в родах первых десятилетий этого века латинское изречение

«мы рождаемся среди мочи и кала» выражало скорее клиническую реальность, нежели философскую метафору.).

Переживания этой перинатальной матрицы довольно сложны. Они включают в себя разнообразные феномены на различных уровнях, которые составляют довольно типичный ряд. В ЛСД-сеансе они переживаются либо в виде оживающих фрагментов воспоминаний биологического рождения, имевшего место в действительности, либо в символической форме борьбы рождения и смерти, или как то и другое вместе. БПМ-III укладывается в четыре определенных аспекта переживания, а именно в титанический, садомазохистский, сексуальный и скатологический. Важно подчеркнуть, что, несмотря на такое феноменологическое разнообразие, тема, лежащая в основе переживаний БПМ-III, — столкновение со смертью. Но оно принимает форму, отличную от представленной в БПМ-II.

Наиболее важной характеристикой этого паттерна является атмосфера **титанической борьбы**, которая зачастую достигает *катастрофических размеров*. Интенсивность болезненного напряжения доходит порой до степени, превышающей все, что может выдержать человек. Испытуемый переживает огромную концентрацию энергии и ее взрывное высвобождение и описывает ощущение мощных потоков энергии, струящихся во всем его теле. Видения, обычно сопровождающие эти переживания, представляют собой сцены природных катаклизмов — таких, как извержения вулканов, опустошительные землетрясения, свирепые ураганы, циклоны, торнадо, магнитные бури, гигантские кометы и метеоры, рождение новых звезд и прочее. Столь же часты представления подобных событий, связанных с человеческой деятельностью, в особенности с новейшей технологией: взрывы атомных бомб, термоядерные реакции, деятельность гигантских заводов и гидростанций, высоковольтные кабели, электрические конденсаторы со вспышками разрядов, старт ракет и космических кораблей, залпы орудий, массированные воздушные налеты и другие разрушительные военные действия. Некоторые описывают крупные катастрофы и сцены разрушения — такие, как гибель Атлантиды, разрушение Помпеи и Геркуланума, уничтожение Содомы и Гоморры, библейский Армагеддон и даже нашествия инопланетян, подобные марсианскому нашествию, описанному в книге Герберта Уэллса «Война миров». Менее часты образы, включающие разрушения, производимые стихией воды, а не огня. Здесь человек испытывает огромную мощь разливающихся рек, океанских штормов, приливных волн и водопадов и, конечно же, атмосферу библейского потопа.

Один из аспектов переживания, связанного с БПМ-III, заслуживает особого внимания, а именно тот факт, что имеющие место страдания и напряжение превосходят все, что, как полагал испытуемый, может выдержать человек. Когда они достигают абсолютного предела, ситуация теряет качество страдания и агонии: переживание сменяется буйным экстатическим восторгом космических размеров, который можно назвать «вулканическим экстазом». По контрасту с безмятежным гармоническим «океаническим экстазом», типичным для первой перинатальной матрицы, «вулканический» тип экстаза включает в себя огромное взрывное напряжение со многими агрессивными и разрушительными элементами. Обычно в своих переживаниях испытуемые переходят от тревоги и страдания жертвы к способности отождествляться с яростью стихийных сил и радоваться разрушительным энергиям. В состоянии «вулканического экстаза» различные полярные ощущения и эмоции сплавляются в единый недифференцируемый комплекс, который, очевидно, содержит в себе крайности всех возможных сфер человеческого переживания. Боль и интенсивное страдание невозможно отличить от мучительного удовольствия, обжигающий жар от ледящего холода, жестокую агрессию от страстной любви, жизненную тревогу от религиозного восторга и агонию смерти от экстаза рождения.

Садомазохистский аспект — постоянная, бросающаяся в глаза черта опыта, связанного с третьей перинатальной матрицей. Последовательность сцен, сопровождавшихся огромными разрядами разрушающих и саморазрушающих импульсов и энергий, может быть настолько интенсивной, что испытуемые называют их «садомазохистскими оргиями». Они включают в себя пытки и жестокости всех видов, зверские убийства и массовые экзекуции, жестокие сражения и революции, карательные экспедиции, подобные походам

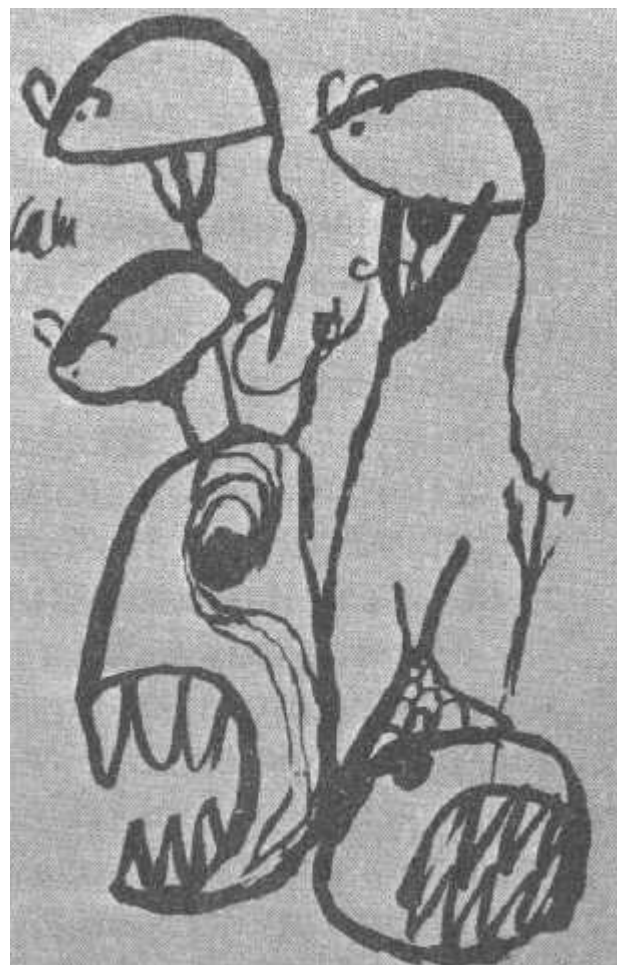
крестоносцев или завоеванию Мексики и Перу, нанесение увечий и самоувечья религиозных фанатиков, как это имеет место в различных сектах флагеллантов или русских скопцов (Скопцы — русская секта, члены которой наносили себе увечья, особенно путем самокастрации.), кровавые ритуальные жертвы и самопожертвования, камикадзе, различные виды кровавого самоубийства или бессмысленные убийства животных. У испытуемых появляется тенденция отождествлять себя с безжалостными диктаторами, тиранами и жестокими военачальниками, ответственными за смерть многих тысяч и миллионов людей, с такими, как император Нерон, Чингисхан, Франсиско Писарро, Фернандо Кортес, Гитлер или Сталин. Другие личности, известные своими садистскими извращениями, также иногда возникают в таком контексте: Чезаре Борджиа, Влад Телес из Трансильвании («граф Дракула» (Влад Телес, или воевода Дракула, в XV веке управлял маленькой провинцией Валахия. Его кличка Телес буквально обозначает: «сажать на кол», т.е. сажать на кол подвергнутые наказанию жертвы. Согласно некоторым источникам, он ответственен за уничтожение более ста тысяч людей. Ирландский писатель Брэм Стокер использовал его в качестве прототипа в своем романе «Дракула».), Елизавета Катори (Елизавета Батори — венгерская графиня XVI века, занимавшаяся пытками молодых девушек, а затем убивавшая их так, чтобы искупаться в их крови. Она была известна также тем, что широко применяла орудия пыток, изготовленные из железа.), а также знаменитые современные убийцы, погубившие много людей. Испытуемые, настроенные на БПМ-III, чувствуют, что не только могут понять мотивацию таких отклонений, но и сами таят в подсознании силы такой же природы и интенсивности, а при определенных обстоятельствах могли бы совершить те же злодеяния. Они с готовностью принимают любую из ролей в сложных садомазохистических сценах — таких, как групповая жертва христиан в древнем Риме через распятие на крестах или предание их на растерзание диким животным на арене, ацтекские гекатомбы, в которых десятки тысяч людей подвергались ритуальному убийству всего за один день, сожжение еретиков в массовых аутодафе святой инквизицией или холодные, умышленные зверства нацистов. Борьба за власть при королевских дворах и в политических кругах всех времен с ее атмосферой «плаща и кинжала» — еще один символический ряд этого вида.

Если два вышеприведенных аспекта БПМ-III, а именно титанический и садомазохистский, переживаются в смягченной форме, это ведет к видениям и переживаниям рискованных приключений. Наиболее типичными являются охота на больших и опасных животных, борьба с чудовищными удавами, столкновения аквалангистов с акулами, осьминогами и другими обитателями морских пучин, древние бои гладиаторов, завоевание новых земель и сражения конкистадоров с туземцами, освоение космического пространства и приключения из научной фантастики, а также акробатические полеты, парашютизм, рискованные мотогонки, бокс и другие опасные виды спорта.

Символический автопортрет, выполненный пациентом после одного из ЛСД-сеансов, характеризующийся агрессией, направленной как вовне, так и внутрь. Стилизованная сова сжимает своей правой лапой беспомощную мышь, левая лапа трансформирована в пушку и направлена в висок собственной головы хищника. Старинный автомобиль наверху — связь безрассудного вождения автомобиля с этим видом агрессии.

Другим важным аспектом третьей перинатальной матрицы является чрезмерное сексуальное возбуждение (То, что чрезмерное сексуальное напряжение и возбуждение являются важным и стандартным компонентом родового опыта, — интересная теоретическая проблема. Наблюдения, сделанные в ЛСД-сеансах, так же как и в некоторых других областях, явно указывают на биологическую основу этой взаимосвязи. Тот факт, что удушье и ишемия ведут в результате к интенсивной сексуальной стимуляции, наблюдался у приговоренных к повешению (нередки случаи эрекции и даже эякуляции у мужчин, умиравших на виселице), а также у пытавшихся покончить с собой через повешение. Тонкая взаимосвязь между физическим страданием и сексуальным возбуждением хорошо известна из психопатологии. В садомазохизме вызванная или переживаемая боль является необходимой предпосылкой для сексуального удовлетворения. Наблюдения, полученные в военных ситуациях, где пленные и узники концентрационных лагерей подвергались жестоким пыткам, заставляют предположить, что способность выйти за пределы чрезмерного страдания и войти в область удовольствия и даже экстаза внутренне присуща человеческой природе.).

Четыре рисунка, представляющие необузданную агрессию с тягой к убийству, которая является частым переживанием в перинатальных ЛСД-

сеансах.

По описаниям людей, проходивших сеанс, их ощущения напоминают первую часть сексуального оргазма, отличающегося прогрессивным увеличением инстинктивного напряжения. В данном случае, однако, оно несравненно более интенсивно и, очевидно, захватывает весь организм, а не только ограниченную генитальную область. Иногда испытуемые проводят часы в сексуальном экстазе, выражая свои чувства в оргастических движениях. Сопровождающие образы отражают бесконечное разнообразие диких оргий во всех вариациях сексуального опыта. Люди могут отождествлять себя с владельцами гаремов, с участниками фаллических поклонений или необузданных ритуалов плодородия, с проститутками и сводниками или с историческими личностями и художественными персонажами, ставшими общими сексуальными символами — такими, как Дон Жуан, Джакомо Казанова, Распутин, Мария Магдалина, Мария Терезия и Поппее. Испытуемые могут переживать сцены из Соха, Пляс Пигаль и других городских районов, известных своими публичными домами и ночными клубами, участвовать в самых откровенных стриптизах и групповых оргиях, в вавилонских религиозных церемониях, включающих в себя неразборчивый беспорядочный секс, или становятся свидетелями и участниками примитивных ритуалов с чувственными ритмическими танцами и сильным сексуальным оттенком.

Общим элементом таких сеансов является атмосфера красочного, динамического и чувственного карнавала с характерным смешением возбуждающих, радостных элементов с причудливыми, гротескными и жуткими. В других случаях высвобождение подавленных сексуальных и агрессивных импульсов формирует иной вид сходства между ЛСД-переживаниями этого типа и атмосферой карнавалов в Рио-де-Жанейро, Маисе, Тринидаде или на Марли-Грас в Новом Орлеане, на который испытуемые столь часто ссылаются в этом контексте.

Скатологический аспект БПМ-III, очевидно, принадлежит к последней стадии борьбы рождения и смерти и часто предваряет переживания рождения или «повторного рождения». Его существенной характеристикой будет непосредственный контакт с различными видами биологического материала, идентифицируемыми как слизь, пот, продукты разложения, менструальная кровь, моча и кал. Помимо визуальных и тактильных ощущений, такие переживания включают довольно реалистические обонятельные и вкусовые ощущения. У испытуемых могут быть довольно аутентичные чувства поедания кала, питья крови или мочи или сосания гниющих ран. Также нередки фантазии или живые переживания канилингуса (орально-генитального контакта), совершаемого в условиях, далеких от гигиенических. Вначале у испытуемого возникает сильная негативная реакция в отношении этих биологических материалов: он находит его отвратительным и отталкивающим. Однако не исключено, что это отношение позднее меняется на пассивное принятие или даже на странное примитивное удовольствие (Эти переживания, очевидно, близко связаны с некоторыми редкими сексуальными извращениями, такими, как копрофилия (очарованность фекалиями и другими материалами, считающимися обычно отвратительными), копрофагия (поедание фекалий вне пределов или же в пределах сексуального взаимодействия) и уролагния (питье мочи). Наблюдения во время сеансов с ЛСД добавляют новое измерение для понимания этих аномалий. Глубочайшей мотивационной силой этих отклонений оказывается связь между прекращением мучений во время родов и контактом с такими биологическими материалами).

Иногда скатологические элементы возникают в символической живописной форме вроде тонн отбросов, источающих отвратительный запах, куч разлагающейся падали или гниющей рыбы, разлагающихся человеческих трупов и останков животных, запущенных свинарников с кучами навоза и застоявшейся мочой, гигантских переполненных сточных ям, клоак городских очистных сооружений. Мифологическая символика в этом контексте, включает в себя такие образы, как Геркулес, чистящий конюшни царя Авгия, Гарпии, пачкающие пищу беспомощного слепого Финея, и ацтекская богиня деторождения и плотского вождения Тласольтеотль, Пожирательница отбросов, которая, по поверью, вычищала грехи человечества.

В этой связи заслуживает упоминания одно из важных переживаний, связанных с третьей перинатальной матрицей. Это встреча с поглощающим огнем, который воспринимается как наделенный очищающим качеством. Индивид, который в предшествующих переживаниях столкнулся со всеми безобразными, отвратительными, вселяющими ужас аспектами своей деградирующей личности, видит, как его бросают в огонь или как он сам добровольно проходит сквозь него. Огонь, как оказывается, разрушает все нечистое и испорченное в человеке и готовит его к обновляющему и омолаживающему переживанию возрождения. Испытуемые с высоким культурным уровнем ссылаются в этом контексте на средневековую практику изгнания злых сил путем принесения в жертву еретиков и лиц, обвиненных в колдовстве, на жертвенное самосожжение буддийских монахов и на испытание огнем, которое было частью ритуала посвящения в герметическую традицию. Такие лица сообщали, что они достигли глубокого проникновения в эти явления и пришли к новому пониманию символизма некоторых произведений искусства (омолаживающий огонь, поддерживающий вечную юность жрицы в романе Райдера Хаггарда «Она», и принесение в жертву Зигфрида и Брунгильды в финале «Сумерек богов» Рихарда Вагнера). Адекватным символом, связанным с идеей очистительного огня, является легендарная птица Феникс, вьющая себе гнездо в огне и умирающая в пламени; пламя же способствует появлению из яйца в горящем гнезде нового Феникса.

Религиозная символика БПМ-III, как правило, связывается с теми религиями, где применяются и прославляются кровавые жертвы как важная часть церемоний. Довольно часты ссылки, на ужасного карающего ветхозаветного Бога Иегову, на историю Авраама и Исаака, библейский потоп, египетские пытки и разрушение Содома и Гоморры. В этом контексте могут возникать видения Моисея и неопалимой куницы. Десять заповедей представляют, надо полагать, специфический заслон на пути всех негативных аспектов и соблазнов человека, что столь ясно проявляется в БПМ-III. Элементы Нового завета, в частности, включают в себя символику Тайной вечери и трансцендентные аспекты распятия и страдания Христа, а также положительные аспекты Страшного суда. Концепция чистилища в различных культурных модификациях также принадлежит к этой категории. Особенно часты образы из культур доколумбовой Мезоамерики с их жертвами и самопожертвованиями, подобные тем, что обнаружены в церемониях ацтеков, майя или ольмекков. Очевидно, ритуальный каннибализм также уходит своими корнями в эту матрицу опыта. Иногда испытуемые описывали подробные сцены поклонения жаждущим крови божествам, напоминающим Кали, Молоха, Прокату, Астарту, Училопотчли или Лилит. Двусмысленный символ сфинкса, который, очевидно, представляет разрушительный женский элемент, так же как и трансцендирование животного аспекта в человеке, заслуживает здесь особого внимания. Видения религиозных церемоний, включающих сексуальность, сексуальное возбуждение и первобытные ритмические танцы от вакханалий древних греков до ритуалов туземных племен — довольно частые символические иллюстрации борьбы второго рождения. Некоторые описывали переживания, сильно напоминавшие переживания, предшествовавшие просветлению Будды, в особенности усилия «мага мировой иллюзии» Кама-Мары (Желания-Смерти) лишить мужества Будду в его духовном поиске, отвлечь его, используя сексуальный соблазн и угрозы смерти.

Одним из заслуживающих внимания наблюдений является релевантность БПМ-III для понимания феномена, являющегося частью сатанинской мессы и ритуалов черного шабаша. В этой связи секс (обычно в форме групповой оргии) комбинируется с крайними садомазохистскими элементами, включая человеческую или животную жертву, ритуальную дефлорацию и психологические или физические пытки. Часто акцент делается на биологические материалы, такие, как кровь, менструальные выделения, выкидыши или внутренности. Окружение, как правило, мрачное и ужасное, а атмосфера в целом изобилует богохульством, ужасом и смертью. Странная смесь секса, смерти и скатологии — довольно обычное явление, как свидетельствуют примеры совершения сексуальных актов среди внутренностей выпотрошенных животных или на кладбище в открытой могиле. Комбинация извращенного секса, садомазохизма, скатологии и акцента на смерти с элементами богохульства, обратного религиозного символизма и квазирелигиозной атмосферы являются характеристикой БПМ-III. Субъекты, настроенные на эту матрицу, часто сообщают о переживаниях участия в Вальпургиевой ночи, в черной

messe или в сатанинской сексуальной практике. В результате это ведет к глубокому пониманию психологии инквизиторов и охотников за ведьмами. Эти переживания, очевидно, предполагают далеко идущее сходство между состоянием ума у людей, действительно практикующих черную магию, ну их фанатичных преследователей. Поведение представителей обеих этих групп выдает влияние третьей перинатальной матрицы.

В ЛСД-сеансах элементы, типичные для БПМ-III, часто перемешаны с образами, взятыми из известных полотен или произведений различных писателей и философов. Особенно часты ссылки на тематически связанные с этими явлениями картины реалистов и сюрреалистов, на наброски дьявольских военных машин Леонардо да Винчи и его причудливые человеческие карикатуры, а также на мир тучных и чувственных мифологических фигур Рубенса, предающихся обильным пирам и вакхическим оргиям. Многие из работ Винсента ван Гога также содержат смягченные элементы «вулканического экстаза». Они представлены на его холстах в виде высоких кипарисов, стремящихся к сияющему солнцу, полей созревшего хлеба и общей атмосферой, исполненной динамических вибраций. Готика особенно отвечает третьей перинатальной матрице — как мужественными, возвышенными формами своей архитектуры, которые явно отражают интенсивное духовное стремление, так и стройными аскетическими фигурами Эль Грека, которые кажутся устремленными в небо. Также часто упоминаются призраки из Чистилища, представленные Данте Алигьери в его «Божественной комедии», эзотерический символизм второго тома «Фауста» Гете, некоторые рассказы Эдгара По и главные темы опер Рихарда Вагнера «Тангейзер», «Парсифаль» и «Кольцо нибелунга». В этом отношении переживание «вулканического экстаза», очевидно, связано с концепцией Фридриха Ницше о дионисийской стихии в человеке. Ссылки на знаменитые приключенческие средневековые романы, так же как и на научно-фантастическую литературу, настолько многочисленны в этом контексте, что детальное их рассмотрение вывело бы нас за пределы настоящего обсуждения.

Переживания БПМ-III часто сопровождаются удивительным проникновением в человеческую природу, общество и культуру. Они проливают новый свет на феномены насилия, войны и революции, на психологию секса, на различные аспекты мировых религий и на течения в искусстве. В этой связи испытуемый начинает тщательно изучать ту систему ценностей, которая до этого времени преобладала в его жизни. Он пересматривает разумность сложных схем власти в сравнении с простым и спокойным существованием, важность любви и межличностных отношений в противовес профессиональным амбициям, ставящим своей целью общественное положение, славу и собственность, и стремление к случайным и беспорядочным сексуальным связям вместо культивирования одного осмысленного отношения любви. Именно в контексте этой перинатальной матрицы иерархия ценностей явно претерпевает наиболее глубокую трансформацию и перестройку.

Типичный набор телесных проявлений, обычно сопровождающих БПМ-III, явно подтверждает связь этой матрицы с биологической родовой травмой. Сюда нужно включить ощущение очень сильного давления на голову и на все тело, чувство удушья и сжатия, мучительные боли в различных частях организма, серьезные сердечные нарушения, перемежающиеся приступы жара и холода, чрезмерную потливость, тошноту и резкую рвоту, бурление в кишечнике, позывы к мочеиспусканию, сопровождаемые трудностями управления сфинктером, и общее мышечное напряжение, разряжаемое путем различных подергиваний, дрожи, судорог и сложных скручивающих движений.

В качестве матрицы памяти БПМ-III может быть связана с воспоминаниями о военных атаках и революциях, с охотой на диких животных, рискованными автогонками, прыжками с парашютом и нырянием с вышки, боксерскими боями и единоборством с сильным противником. Другой типичной группой воспоминаний, всплывающих в этом контексте, являются переживания, связанные с посещением ночных клубов, со всевозможными развлекательными аттракционами, пьянками и беспорядочным сексом, красочными карнавалами и другими мероприятиями, носящими чувственный характер. Первичные сцены детства, включающие садистскую интерпретацию сексуальных отношений и

переживания совращения, взрослыми, а также изнасилование явно принадлежат к той же самой категории. Часто отмечается и тот факт, что женщина, оживляющая в памяти свое собственное рождение, обычно на более поверхностном уровне снова переживает и рождение своих детей. И то и другое переживание обычно всплывают одновременно, так что эти женщины не могут определить, рожают ли они или рождаются сами.

Что касается фрейдовских эрогенных зон, БПМ-III связана с такого рода активностью, которая ведет к внезапному облегчению и релаксации, которые наступают после длительного напряжения. На оральном уровне это акт жевания и глотания (а также прекращение неприятных ощущений в желудке после рвоты); на анальном и уретральном — это процесс дефекации и уринации после продолжительной задержки. На генитальном уровне мы можем обнаружить удивительные параллели между этой матрицей и первой стадией сексуального оргазма, а также процессом родов. Статоакустический эротизм, вроде интенсивного раскачивания и прыжков у детей, гимнастика и акробатика также явно связаны с БПМ-III.

По крайней мере некоторая часть агрессии во всех эрогенных зонах может быть объяснена через БПМ-III. Оральную агрессию со стискиванием жевательных мышц возможно проследить вплоть до фрустрации переживаний ребенка в родовом канале, где его челюсти сжимаются внешним давлением. Можно продемонстрировать и существование тесной взаимосвязи между этой матрицей и анальной, уретральной и фаллической агрессией. Рефлекторная уринация — и даже дефекация — как у матери, так и у ребенка во время родов явно предполагает глубокую вовлеченность этих функций. Комбинация либидозных чувств и болезненных телесных ощущений с крайней агрессивностью в этой фазе, очевидно, является главным корнем более поздних мазохистских и садистских наклонностей.

Хотя феноменология БПМ-III слишком сложна и разветвлена для того, чтобы полностью проявиться в одном ЛСД-сеансе, следующий отчет о сеансе обучения клинического психолога и психотерапевта будет содержать достаточное количество существенных характеристик данной перинатальной матрицы, что позволяет использовать его в качестве хорошего примера в этом контексте.

Первое, что всплыло во время сеанса, — это чувство важности отношений с Джоан (сотрудницей по психотерапии), сильная и какая-то странная любовь к ней. Я почувствовал, что большая часть этой любви ощущается как единство с ней, и у меня возникло состояние ожидания чего-то очень значительного и пугающего. Скоро выяснилось, что это родовое переживание, а Стэн и Джоан — мои родители. Я знал, впрочем, что это не биологические, а новые родители, приведшие меня к переживанию второго рождения; знал, что Джоан дала мне это рождение. Но единство с ней вело к тому, что я тоже дал ей рождение и что мы фактически родили друг друга.

У меня возникло сильное чувство, что я коснулся одного из основополагающих космических процессов. Но оставалась странная проблема: я — мужчина и, следовательно, никогда не смогу дать биологическое рождение ребенку, однако, каким-то образом я нарушал цикл. Затем это чувство исчезло, и ко мне пришло переживание какого-то древнего женского архетипа — архетипа Рожаящей Матери. Довольно долго роль матери была мне как-то яснее, чем роль ребенка. Я чувствовал себя заполненным своим ребенком, который одновременно был и мной и Джоан. Я пребывал в абсолютной фрустрации из-за своей неспособности родить, открыться и отпустить. Я был матерью без вагины, матерью без родового канала, матерью, не знающей, как позволить жизни, бывшейся внутри меня, появиться на свет. Я мучительно боролся за то, чтобы найти способ отпустить, дать выйти, родить, но так и не добился успеха.

Повторное переживание рождения привело меня в полное замешательство. Никогда в жизни я не видел ни родового канала, ни родов, ни разрешения

от бремени. Меня толкало и крушило, я находился в среде, казавшейся мне грязью и слизью. Она окружала меня со всех сторон, забила мне рот, стеснила дыхание. Я старался снова и снова выплюнуть слизь, избежать удушья и в конце концов с тяжелым стоном умудрился очистить нос и рот, после чего начал дышать. Это принесло мне огромное облегчение. Другим аспектом родового переживания явилось замешательство по поводу того, что гениталии и бедра женщины служат местом секса и любви, и одновременно с этим там же рождается кошмар рождения и грязи.

Было много образов палача и жертвы как одного и того же лица, чаще всего, как матери и ребенка. В какой-то момент я испытал ужасы Бухенвальда и увидел в Стэне нациста. У меня не было к нему ненависти, лишь глубокое чувство, что он — нацист — и я — еврей — были одной и той же личностью, и что я настолько же палач и убийца, насколько и жертва; я мог чувствовать себя в равной степени как нацистом, так и евреем.

В другой раз я ощутил себя опасным для окружающих и предупредил Джоан быть со мной поосторожнее. Я почувствовал, как мои зубы становятся опасными ядовитыми клыками, и знал, что обращаюсь в вампира. Я обнаружил себя в полете темной ночью на огромных крыльях летучей мыши с обнаженными угрожающими клыками и выпущенными отравленными когтями. Я почувствовал себя одним из колдунов на ведьмовском шабаше, оседлавшим ночной воздух... несущимся по ночному небу, усыпанному звездами, но без луны. Я был опасным злом, наполненным колдовской силой. Однако что-то положило этому конец. Я думаю, это было перемена в музыке. Сцена сменилась, и я погрузился в экстатическое, затопляющее сверкающее свечение. Следующая часть переживания была на протяжении длительного времени в высшей степени эротической. Я прошел целый ряд сексуальных оргий и фантазий, в которых сам исполнял все роли, а Джоан и Стэн иногда принимали участие, иногда нет. Стало ясно, что между сексом и процессом рождения нет никакого различия и что скользящие движения в сексе были идентичны скользящим движениям в родах. Я с легкостью усвоил, что всякий раз, когда женщина сжимает меня, я должен просто уступить и скользить, куда бы она меня ни толкала. Если я не боролся и не сопротивлялся, сжатие оказывалось чрезвычайно приятным. Иногда я настораживался: а что, если там тупик и нет никакого выхода и я должен буду задохнуться? Но каждый раз меня что-то подталкивало, мое тело изгибалось (меняло форму), я отпускал себя и легко скользил туда, куда меня посылали. Тело мое было покрыто той же слизью, что и раньше, во время сеанса, но она уже не вызывала ни малейшего отвращения. Она даже казалась теперь божественным умащиванием, которое так хорошо помогало движению в предлагаемую сторону. Снова и снова возникало переживание, что «все — к лучшему» («одно к одному»), что «это невероятно просто», что все годы борьбы, боли, стремления понять, продумать что-то — все это было абсурдом, и что это всегда было прямо здесь, передо мной, что все это так просто. Вы просто отпускаете себя, а жизнь сжимает и подталкивает вас, смягчает и направляет вас в соответствии со своими законами. Удивительно, фантастично! Что за странная шутка, почему меня так долго дурачили сложности жизни! Снова и снова приходило это переживание, и я смеялся от небывалой радости.

Перинатальная матрица IV.

Отделение от матери (прекращение симбиотического союза с матерью и формирование нового типа отношений)

Эта матрица относится к третьей клинической стадии родов. Мучительные переживания достигают своей кульминации, проталкивание через родовой канал подходит к концу и вот крайнее напряжение и страдание сменяются неожиданным облегчением и релаксацией. Завершается период задержки дыхания и, как правило, недостаточного снабжения кислородом. Ребенок совершает свой первый глубокий вдох, и его дыхательные пути раскрываются. Пуповину перерезают, и кровь, которая до этого циркулировала по сосудам пуповины, направляется в легочную область. Физическое отделение от матери завершилось, и ребенок начинает свое существование в качестве анатомически независимого существа. После того как снова устанавливается физиологический баланс, новая ситуация оказывается несравненно лучше, чем две предшествовавшие, но в некоторых — весьма важных — аспектах она хуже, чем первоначальное ненарушенное первичное единство с матерью. Биологические нужды ребенка не удовлетворяются на непрерывной основе, нет и постоянной защиты от перепадов температуры, раздражающих шумов, изменения интенсивности света, от неприятных тактильных ощущений. Степень приближения переживания в постнатальный период (БПМ-IV) к перинатальным переживаниям (БПМ-I) в значительной мере зависит от качества материнского ухода.

Подобно другим матрицам БПМ-IV имеет биологическую и духовную грани. Ее активизация во время ЛСД-сеанса может привести к конкретному реалистическому повторному переживанию обстоятельств биологического рождения. Иногда оно может включать в себя удивительные и совершенно специфические детали, которые временами удается проверить методом независимого опроса свидетелей. Наиболее частыми являются ссылки на запах применявшихся анестезирующих препаратов, на звуки хирургических инструментов и другие шумы, на степень освещенности комнаты или окружения и нередко на особенности протекания родов (предлежание ребенка, обвитое пуповиной, использование хирургических щипцов, действия, связанные с оживлением).

Проявление БПМ-IV на символическом и духовном уровнях состоит в **переживании смерти-возрождения**. Оно является прекращением и разрешением борьбы смерти-возрождения. Страдания и агония достигают кульминации в переживании тотального уничтожения на всех уровнях — физическом, эмоциональном, интеллектуальном, этическом и трансцендентальном. Человек переживает окончательное биологическое разрушение, эмоциональный разгром, интеллектуальное ниспровержение и крайнее моральное унижение. Обычно это иллюстрируется быстрой последовательностью образов, связанных с событиями его прошлого и настоящего. Он чувствует себя абсолютной ошибкой в жизни с любой позиции. Кажется, что весь его мир коллапсирует и он утрачивает все ранее значимые точки отсчета. Это переживание обычно называют **смертью Эго**. После того как человек пережил до самых глубин тотальное уничтожение и «ударился о космическое дно», он зачастую бывает поражен видением слепящего белого или золотого света и чувством облегчения и расширения пространства. Общей атмосферой становится атмосфера освобождения, искупления, спасения, любви и всепрощения. Человек чувствует себя очищенным и освобожденным от чувства вины, как если бы он снял с себя невероятное количество грязи, вины, агрессии и тревоги. Его переполняет любовь к ближним, он ощущает огромную ценность теплых человеческих отношений, солидарности и дружбы. Такие чувства сопровождаются смирением и желанием оказать помощь, совершать добрые дела. Неразумные амбиции, жажда денег, общественного положения, престижа или власти кажутся в этом состоянии абсурдными: трудно поверить, что эти ценности представлялись ему крайне важными и что он так усердно их домогался.

Из этого описания должно стать очевидным существование перекрывающихся элементов между БПМ-I и БПМ-IV. Дело в том, что переживание биологического рождения и духовного возрождения часто сопровождается чувством космического единства. В этом контексте трансцендентальные элементы сплавляются в единый комплекс с переживаниями «хорошей матки» и «хорошей груди» и приятными детскими воспоминаниями. Восприятие естественной красоты значительно усиливается, а простой, бесхитростный образ жизни в тесном контакте с природой представляется наиболее желательным. Глубина и мудрость учений, проповедующих или поддерживающих такую

жизненную ориентацию, — будь то философия Руссо, учения даосизма или дзен-буддизма — оказываются очевидными и бесспорными.

В этом состоянии все сенсорные пути широко открыты, чувства обостряются, человек радуется всем нюансам восприятия, открывающим новый мир. Восприятие окружения приобретает определенное качество первозданности и новизны; каждый сенсорный стимул, будь он визуальным, акустическим, обонятельным, вкусовым или тактильным, оказывается совершенно свежим, новым и вместе с тем необычайно волнующим. Испытуемые сообщают об **ИСТИННОМ** видении мира впервые в своей жизни, об открытии новых путей слушания музыки и о бесконечном удовольствии в запахах и вкусе.

Индивид, настроенный на эту область опыта, обычно обнаруживает внутри себя истинные положительные ценности, такие, как чувство справедливости, тонкое восприятие красоты, чувство любви, уважение к себе и к другим. Эти ценности, так же как стремление к ним и соответствующее им поведение, оказываются на данном уровне внутренней частью личности. Их нельзя интерпретировать в психоаналитических терминах как формации реагирования на противоположные тенденции или как сублимацию примитивных, инстинктивных побуждений. Индивид переживает их без какого-либо конфликта, как естественную логическую и интегральную часть более высокого универсального порядка. В этой связи интересно указать на удивительные параллели с концепцией метачценностей и метамотиваций Абрахама Мэслоу, явившейся результатом наблюдения за лицами, у которых в повседневной жизни имели место спонтанные «пиковые переживания» [14].

У испытуемого, завершившего ряд переживание смерти-возрождения и стабилизировавшегося под влиянием БПМ-IV, чувство радости и разрешения проблематики сопровождается глубокой эмоциональной раскрепощенностью, безмятежностью и спокойствием. Иногда можно наблюдать акцентирование чувства освобождения и личного триумфа и их искажения до такой степени, что они становятся карикатурой. Поведение человека в этом состоянии приобретает качество вынужденности и маниакальности: он не может сидеть или лежать спокойно, бегаёт, вслух восхищается безграничной красотой и значимостью своего переживания, хочет отпраздновать это событие и строит грандиозные планы изменения мира. Эта ситуация указывает на то, что переживание второго рождения еще не завершилось полностью. Такой индивид в своем переживании уже настроился на БПМ-IV, но все еще находится под влиянием не нашедших своего разрешения элементов БПМ-III, в особенности тревоги и агрессии. После того как эти остаточные отрицательные чувства проработаны и интегрированы, переживание возрождения возникает в чистой форме.

Положительная атмосфера БПМ-IV может также неожиданно прерываться специфическим комплексом неприятных симптомов. Он включает в себя острые проникающие боли в пупочной области, которые обычно проецируются на мочевой пузырь, пенис и яички или же на матку. Боли сопровождаются затруднением дыхания, мучительными страданиями и крайне болезненным состоянием, ощущением серьезных изменений в теле, сильным страхом смерти и кастрации. Этот страх может быть связан с оживлением памяти о событиях, включающих угрозу кастрации или же так проинтерпретированных. Наиболее частой из них является процедура обрезания; у тех, кто не подвергался этой процедуре, такую роль играет память о хирургическом вмешательстве на пенисе (например, об операции фимоза и т.п.). Женщины в этом контексте могут переживать ощущения, связанные с расширением шейки матки, искусственными абортами, осложненными инфекциями, острыми циститами и другими гинекологическими заболеваниями. Весь эпизод, обычно непродолжительный, определяется некоторыми испытуемыми как оживление памяти о кризисе, связанном с перерезанием пуповины. Его можно отличить от похожих переживаний, связанных с предыдущей стадией (БПМ-III), по полному отсутствию внешнего давления и по тому факту, что боли концентрируются в области живота. Наблюдения, сделанные во время ЛСД-сеансов, указывают на то, что это переживание представляет собой глубокий источник страха кастрации.

Религиозная и мифологическая символика четвертой перинатальной матрицы богата и разнообразна. Подобно другим матрицам, она находит отражение в различных культурных

традициях. Переживание смерти Эго часто связывается и с образами различных ужасных и разрушающих божеств, упоминавшихся выше. Человек может переживать себя отданным в жертву богине Кали. Испытывая смертные муки, он должен предстать перед ее ужасающим образом, услышать холодный стук черепов ее ожерелья, целовать и лизать ее окровавленную вагину. Он может также отождествиться с ребенком, которого мать бросает в пожирающее пламя, бушующее внутри гигантской статуи Молоха. В нескольких случаях окончательное разрушение переживалось под могучей, сокрушающей поступью Шивы Разрушителя, совершающего свой вдохновенный танец по пылающей земле. Еще одним частым символом смерти Эго являлось переживание себя как жертвы ацтекскому богу Солнца — Уицилопочтли. В этом случае индивид ощущает, как жрец вспарывает ему грудь обсидиановым ножом и вырывает из нее еще живое сердце. Сцена возрождения часто символизируется отождествлением с особыми божествами — такими, как мезоамериканский бог Кетцалькоатль, являющийся в форме оперенного змея, или египетский бог Озирис, убитый и расчлененный на куски его злым братом Сетом и вновь собранный его женой и сестрой Изидой. Иногда другие божества, символизирующие смерть и воскресение, — Дионис, Орфей, Персефона и Адонис — возникают в аналогичном контексте.

Вероятно, наиболее общим символическим построением для этого переживания является смерть Христа на кресте и его воскресение, мистерия Благой Пятницы и снятие покрывала со Святого Грааля. Все это некоторым образом связано с интуитивным пониманием фундаментального смысла и значимости этого символизма как глубочайшего ядра христианской веры. В результате этого переживания даже те, кто до этого резко противился христианству, искренне оценили важность этого духовного послания. Перинатальные корни христианства явственно раскрываются в его одновременном акценте на муках и смерти (Христос на кресте), на опасностях, подстерегающих новорожденного (убийство Иродом детей), и на материнской заботе и защите (Дева Мария с младенцем Иисусом).

Индивид, прошедший все испытания и превратности родовых мук и радующийся переживанию второго рождения, преисполнен энтузиазма, сопровождающегося, как правило, образами сверхчеловеческих подвигов или окончательной победы над различными мифологическими монстрами: Геркулес, будучи ребенком, побеждающий гигантских змей, или, уже взрослым, совершающий великие подвиги; Святой Георгий, поражающий дракона; Тезей, побеждающий Минотавра; Митра, убивающий быка в священной пещере, или Персей, перехитривший и уничтоживший Медузу. Другие вызывающие ужас существа, возникающие в этом контексте, напоминают Сфинкс, Гидру, Химеру, Ехидну, Тифона и прочих представителей мифологического «зверинца». Переживание возрождения включает в себя также победу сил добра и света над силами зла и тьмы. Этот аспект можно проиллюстрировать образами, подобными ведическому богу Индре, который разит своим мечущим молнии жезлом полчища демонов тьмы, нордическому богу Тору, поражающему волшебным молотом опасных великанов, или победе армий Ахуры Мазда над армиями Аримана, описанной в древнеперсидской Зонд Авесте.

Освобождающий аспект второго рождения и утверждение положительных сил Вселенной часто выражаются в видениях струящегося, ослепительного света, имеющего сверхъестественное качество и, по-видимому, исходящего из божественного источника. Иногда вместо чистого света может видеться просвечивающий небесно-голубой туман, прекрасные радужные спектры или игра тонких неуловимых узоров, напоминающих петушиные перья. Весьма характерны для этой стадии лишённые формы представления о Боге, воспринимаемом как чистая духовная энергия, как трансцендентальное и космическое Солнце. Особый вид этого переживания возникает при соединении Атмана и Брахмана, как это описано в сакральных индийских текстах. В этом случае индивид чувствует, что переживает само божественное ядро своего существа. Его индивидуальное «Я» (Атман) утрачивает свою видимую отдельную идентичность и соединяется с тем, что воспринимается как его божественный источник, универсальное «Я» (Брахман). В результате это приводит к чувству немедленного контакта или идентичности с Запредельным «Внутри», с Богом (Tapn швам иен, или «Ты есть То», из Упанишад).

Довольно часто возникают также персонифицированные образы Бога, как они представлены в традиционном христианстве, вроде благосклонного мудрого старца, сидящего на богато украшенном троне и окруженного серафимами и херувимами в сияющей славе. Некоторые в этот момент переживают единство с архетипической матерью. Великой Матерью, или — в более специфическом варианте — с Божественной Изидой древних египтян. Другим представлением той же темы является символика вхождения в Валгаллу или присутствия на пиру греческих богов на Олимпе и наслаждения вкусом нектара и амброзии.

Символика, связанная с БПМ-IV, может быть представлена картинами свержения тирана, поражения тоталитарного режима, конца длительной изнуряющей войны, спасения во время природных катаклизмов или завершения опасной, критической ситуации. Весьма типичными для этой перинатальной матрицы являются видения гигантских залов с богато украшенными колоннами, огромными статуями из белого мрамора и хрустальными люстрами.

Символические образы, связанные с природой, заслуживают того, чтобы на них остановиться подробнее. Прежде чем рассмотреть существенные элементы, встречающиеся в контексте БПМ-IV, полезно сделать несколько общих замечаний. Существуют весьма характерные и устойчивые ассоциации между индивидуальными перинатальными матрицами и космобиологическими циклами, сезонами года и определенными аспектами естественных феноменов. Так, образы, связанные с БПМ-II, как правило, включают в себя пустынные зимние пейзажи, сухие негостеприимные пустыни, лунную поверхность и другое враждебное жизни окружение, черные и опасно выглядящие пещеры, коварные болота, начало бурь и океанских штормов, сопровождаемое увеличением атмосферного давления и потемнением неба, затмение и заход солнца. БПМ-III связана с образами, указывающими на буйство стихийных сил в природе, — такими, как извержение вулканов, ураганы, электромагнитные бури и океанские штормы, землетрясения и космические катастрофы, а также картины опасных джунглей и подводного мира, кишящих хищниками. В ряду символики, характерной для БПМ-IV, очерчиваются отдельные ситуации, следующие за периодами природных катаклизмов и кризисов, — вроде весенних пейзажей с тающим снегом или трескающимся на реках льдом, ласкающих глаз полян и идиллических пастбищ с пастушками, играющими на свирелях, деревьев, покрытых свежей листвой, спокойной и умиротворенной атмосферы после бури и чудесной радуги в небе, прозрачного рассвета после холодной ночи и глубокого моря, успокоившегося после сильного шторма (Взрывное освобождение от эмоционально и физически подавляющих и ограничивающих сил (освобождение от «характерной бранно) часто символически выражается как ломка айсбергов или таяние снегов и в результате — мощный поток освобожденной воды.). Особенно характерными и подходящими символами БПМ-IV оказываются высокие, покрытые снегом горные вершины, касающиеся голубого неба, с которого струится яркий солнечный свет, — духовные достижения второго рождения часто представляются как подъем на крутой пик. Невинный мир только что родившихся животных, вылупившихся птенцов и родителей, кормящих свое потомство, возникает в этом контексте столь же часто. Чтобы закончить серию параллелей между перинатальными матрицами и явлениями в природе, следует добавить, что образы, типичные для БПМ-I, представляют отдельные сцены, в которых естественная красота сочетается с безопасностью, изобилием и щедростью.

Телесные ощущения, типичные для БПМ-IV, — это длительная задержка дыхания, удушье и усиление мышечного напряжения, сопровождающееся неожиданным вдохом, облегчением, релаксацией и прекрасным физическим самочувствием.

Что касается памяти, БПМ-IV представляет собой матрицу для записи ситуаций, характеризующихся чувством ухода от опасности. В этом контексте испытуемые могут переживать воспоминания послевоенных и послереволюционных периодов, с особым ударением на радостном праздновании, а также периодов после воздушных налетов, несчастных случаев, операций, серьезных болезней и ситуаций, где существовала реальная угроза утонуть. Другая типичная группа воспоминаний включает в себя

различные трудные жизненные ситуации, которые человек разрешил благодаря своим собственным усилиям. Все серьезные успехи, которых он достиг в жизни, могут возникнуть в связи с этой матрицей как быстро сменяющие друг друга кинокадры.

В отношении фрейдовских эрогенных зон эта матрица на всех эволюционных уровнях отвечает состоянию удовлетворенности, сопровождающему активность, благодаря которой разрядилось или снизилось напряжение. На оральном уровне — это утоление жажды и голода (или прекращение сильной тошноты после рвоты), удовольствие от сосания или от разжевывания пищи; на анальном уровне — чувство удовлетворения, сопровождающее дефекацию, а на уретральном — облегчение, вызванное опорожнением мочевого пузыря. Соответствующим феноменом на генитальном уровне является релаксация, наступающая сразу после оргазма; у женщин это также удовольствие, связанное с деторождением.

Переход от БПМ-III к БПМ-IV и феноменологию четвертой перинатальной матрицы можно хорошо проиллюстрировать следующей выдержкой из тренировочного сеанса священника.

Музыка зазвучала искаженно, темп как бы переменялся на очень быстрый. Крепндо было похоже на острый колющий удар копья снизу вверх. В этот момент у меня началось серьезное замешательство. Я все еще сознавал свою идентичность и то, что лежу на кушетке в терапевтической комнате. Волны жара начали прокатываться по моему телу, и я смутно осознал, что покрываюсь потом. Дрожь еще продолжалась, и в этот момент я начал чувствовать легкую тошноту. Затем неожиданно я оказался захваченным своей бурной симфонией. Это было так, будто сначала я сидел на санках, которые постепенно тащило к обрыву, и терял над ситуацией контроль, будучи не в состоянии остановить падение вниз, которое, как я осознавал, было неминуемым. Здесь, возможно, поможет аналогия. Это было похоже на то, как если бы я проглотил динамитную шашку с уже зажженным шнуром. До шнура уже не добраться и динамит должен вот-вот взорваться, а я ничего не могу с этим поделать. Последнее, что я слышал, до того как санки начали скользить вниз, была музыка, звучащая точно через тысячи наушников. Голова стала огромной, у меня были тысячи ушей, на каждом — отдельный наушник, и каждый передавал свою музыку. Это было самое большое замешательство, когда-либо испытанное мною в жизни. Я осознавал, что нахожусь на кушетке; я умирал прямо здесь и не мог **ничего** с этим поделать. При каждой попытке остановить переживание я впадал в панику и меня охватывал ужас. Единственное, что мне оставалось, — идти к этому. Ко мне пришли слова: «Доверься и подчинись», «слушай и повинуйся», «прими и повинуйся», — и словно после вспышки я почувствовал, что уже не лежу на кушетке и не обладаю моей настоящей идентичностью. Началось несколько сцен. Казалось, что все они происходили сразу, но позвольте мне расставить их по порядку, чтобы попытаться увидеть в них какой-либо смысл.

Первая сцена представляла падение в болото, наполненное отвратительными существами. Эти существа надвигались на меня, но не могли до меня добраться. Вдруг болото превратилось в венецианский канал прямо под Мостом вздохов. Моя жена, дети стояли на мосту, глядя вниз на меня в этом болоте. На их лицах не было никакого выражения, они просто стояли и смотрели.

Лучший способ описать эти санки и потерю контроля — это сравнить его с хождением по скользкой, очень скользкой поверхности. Все состоит из поверхностей, и в конце концов, все они должны были бы стать скользкими, и не было ничего, за что можно было бы держаться. Вы скользите и скользите и погружаетесь все дальше и дальше в забвение. Эпизод, в конце концов завершившийся моей смертью, был чрезвычайно ужасной сценой на площади средневекового города. Площадь окружали фасады готических

соборов, и из ниш со статуями, из отверстий водосточных труб, выполненных в виде пастей диковинных животных, возникали существа звериного облика, какие-то чудища, звере-человеческие монстры — фигуры, которые изображены на картинах Иеронима Босха, — спускались с соборов на площадь и надвигались на меня. По мере того как эти животные, люди, демоны давили на меня на площади перед готическими соборами, я начал испытывать интенсивные муки, панику и ужас. В голове от виска к виску протянулась какая-то линия давления, и я умирал. Я был в этом совершенно уверен: я умирал, и я умер. Моя смерть свершилась, когда давление переполнило меня, и я был выброшен в другой мир.

Оказалось так, что этот внешний мир был продолжением смертей на совершенно ином уровне. Теперь паника и ужас отошли; все, что осталось, — это мучение и боль моего участия в смерти всех людей. Я начал испытывать страсти Господа нашего Иисуса Христа. Я был Христом, но Христом был каждый, и все люди умирали по мере свершения нашего пути в похоронной процессии к Голгофе. В это время в моем переживании уже не было никакого замешательства, видения были совершенно ясными. Боль была сильной, а печаль просто невыносимой. Именно в этот момент с лица Бога начали течь кровавые слезы. Я не видел лика Божества, текли его слезы, и они затопили весь мир — сам Бог участвовал в страдании и смерти всех людей. Тоска этого момента была все еще настолько интенсивна, что мне об этом трудно говорить. Мы двигались к Голгофе в муках больших, чем все, когда-либо мною испытанное. Я был распят с Христом и всеми людьми на кресте. Я был Христом, был распят и умер.

Когда все люди умерли на кресте, началась такая небесная музыка, какой я еще никогда не слышал за всю свою жизнь: она была невыразимой, прекрасной. Это были голоса поющих ангелов, и мы начали медленно подниматься. Это было подобно новому рождению; смерть на кресте свершилась, и был свистящий звук ветра, устремлявшегося от креста в другой мир. Началось постепенное восхождение всех людей. Это были огромные процессии в гигантских храмах — свечи и свет, золото и ладан, все поднималось вверх. В это время у меня не было чувства моего личного существования. Я присутствовал во всех процессиях, и все процессии были во мне; я был каждым из людей, и все люди начали подниматься. Благоговение и великолепие этого восхождения не поддаются никакому описанию. Мы поднимались к свету все выше и выше, сквозь величественные белые мраморные колонны. Мы оставили позади голубое, зеленое, красное и пурпурное, оставили золото соборов и царские одежды некоторых людей. Мы поднялись в белизну; колонны, между которыми мы поднимались, были белыми и чистыми. Музыка неслась вверх, все пели, а затем возникло видение.

Видение оставило совершенно иное чувство, отличное от всего остального, пережитого за ЛСД-сеанс. Оно все еще ощущается как видение — как если бы видение действительно было мне дано — настолько оно было реальным. Одевание воскресшего нашего Господа коснулось меня. Но вы должны понять: оно коснулось не **меня**, оно коснулось всех, и, касаясь всех, оно коснулось меня. Когда оно коснулось, случилось сразу несколько вещей, как это уже несколько раз было во время этого переживания. Мы все стали очень маленькими — маленькими, как клетки, как атомы. Мы стали совсем смиренными и склонились. Я был наполнен миром и чувством радости и любви; я безмерно любил Бога. В ходе этих событий прикосновение одеяния было подобно высоковольтному проводу. Все взорвалось, и этот взрыв вынес нас в более высокое пространство — в средоточие абсолютного света. Было безмолвие; музыки не было; был чистый свет. Это было похоже на пребывание в самом центре энергетического источника. Это было подобно

пробыванию в Боге — не просто в присутствии Бога, но в Боге — и это было соучастие в Боге.

Это длилось недолго (хотя время ничего не значило в течение этого переживания). То не было опусканием в мир, который был известен прежде. Это было нисхождение в мир очень большой, великой красоты. Во время пения хора, во время славословий и осанны иногда можно было слышать голос оракула: «Не желай ничего, не желай ничего!» Я все еще могу слышать этот голос. За ним следовал другой голос, говоривший: «Не ищи ничего, не ищи ничего».

Во время этой центральной части сеанса возник еще целый ряд видений, и мне хотелось бы разделить их с вами. Одно из главных моих видений состояло в том, что я смотрел вниз сквозь землю до самых оснований Вселенной. Я опустился в глубины и обнаружил тайну, что хвала Господу возносится и из глубины, так же как и с высот. И в глубинах Вселенной можно увидеть свет. В глубинах Вселенной есть много клеток заключения. Когда я проходил через эти клетки, двери их отворялись и заключенные выходили наружу, славя Господа.

Другим мощным видением в этом сеансе явилась фигура, входящая в широкую прекрасную реку, протекавшую в глубокой долине. На речной поверхности цвели лотосы, а река текла спокойно и мягко. Долина была окружена очень высокими горами с множеством потоков, сбегаящих на дно долины. В этой сцене возник голос: «Река Жизни течет к устам Господа». Я очень хотел быть в реке и все же не мог сказать, входил ли я в реку или же сам был рекой. Река двигалась, и по мере ее движения к устам Бога мириады разных созданий, людей и животных — все творение Господне — нисходило в потоки и вливалось в основное течение Реки Жизни.

Когда моя симфония близилась к концу, я почувствовал, что поднимаюсь, и снова оказался в комнате, где проходил сеанс. Я все еще был переполнен благоговением, смирением, миром, благодатью и радостью. У меня оставалось отчетливое ощущение пребывания с Богом в энергетическом центре Вселенной. У меня все еще присутствует сильное чувство, что все люди — одно, и Река Жизни втекает в Бога, и что между людьми — друзьями или врагами, черными и белыми, мужчинами и женщинами — нет различия, что все мы суть одно.

Значение базовых перинатальных матриц в ЛСД-психотерапии

Для удобства описания базовые перинатальные матрицы расположены здесь в порядке следования стадий родов. Однако необходимо подчеркнуть, что во время ЛСД-терапии или в индивидуальных ЛСД-сеансах этот естественный хронологический порядок никогда не соблюдается. Перинатальные матрицы наблюдаются в различных сочетаниях и в разной последовательности, что указывает на значительную межиндивидуальную и внутрииндивидуальную изменчивость. Многообразные и многоуровневые конфигурации, раскрывающиеся в этом процессе, являются производными от множества переменных. Наиболее очевидные из них — это личность субъекта и специфические аспекты его прошлой истории, вид клинической симптоматики, обстоятельства его теперешней жизненной ситуации, личность психотерапевта или ассистента, а также установки перед сеансом и обстоятельства самого сеанса. В психолитической терапии больных с серьезными расстройствами, особенно психоневротиков, для проработки всех слоев травматических переживаний их индивидуальной жизненной истории может потребоваться длительное время и большое число сеансов. После прохождения психодинамического уровня и возникновения в сеансе перинатальных элементов такие пациенты обычно прежде всего встают перед ситуацией «нет выхода» (БПМ-II). С ростом

числа сеансов на передний план выступают явления, связанные с борьбой смерти-возрождения (БПМ-II). Иногда в этих контекстах имеют место короткие эпизоды возрождения (БПМ-IV) и космического единства (БПМ-I). В конце концов, когда *смерть Эго* и *второе рождение* пережиты в чистой и окончательной форме, открываются пути к элемента первой перинатальной матрицы и к различным явно трансперсональным динамическим структурам. Вслед за этим явления, связанные с биологическим рождением (БПМ-II, БПМ-III и БПМ-IV) обычно исчезают из сеансов и в дальнейшем уже не появляются. Все последующие сеансы почти исключительно состоят из трансперсональных переживаний и имеют определенный религиозный и мистический акцент.

У индивидов с меньшими эмоциональными расстройствами и у «нормальных» испытуемых положительные экстатические переживания, связанные с БПМ-IV и БПМ-I, могут возникнуть в начальных сеансах серии, особенно при использовании больших доз. В этих случаях первые часы сеансов обычно проходят при доминировании БПМ-II и БПМ-III, а оставшиеся две матрицы (БПМ-IV и БПМ-I) встречаются на заключительной стадии. В психоделической терапии перинатальные уровни часто достигаются в первых сеансах здоровыми испытуемыми, пациентами, которые знают о неизбежной скорой смерти от неизлечимых болезней, и большинством категорий психически больных. Очевидно, используя более высокие дозы, специальную подготовку и терапевтические приемы, повязки на глаза и стереофоническую музыку, можно ускорить появление и способствовать возникновению переживаний второго рождения и космического единства.

Концепция базовых перинатальных матриц весьма полезна для понимания динамики ЛСД-сеансов, включающих феномены смерти-возрождения, и для последующих интервалов между сеансами. Управляющая функция этих матриц сравнима с ролью систем СКО на психодинамическом уровне. Специальное клиническое применение этой концепции будет детально рассмотрено в отдельной книге, где внимание главным образом будет сосредоточено на практических аспектах ЛСД-психотерапии. В этом же контексте они обрисованы лишь в общих чертах. Активизация отдельной перинатальной матрицы влияет на восприятие субъектом людей, присутствующих на его сеансе, а также его непосредственного физического окружения. Его восприятие также определяется специфическим содержанием этой матрицы. События, происходящие в заключительный период сеанса, оказывают важнейшее воздействие на его исход и влияют на состояние человека в последующий период времени. Если испытуемый находится под сильным влиянием одной из перинатальных матриц ко времени, когда фармакологическое действие препарата прекращается, он может испытывать влияние этой матрицы в смягченной форме на протяжении дней, недель и месяцев после окончания сеанса. Эти последствия совершенно определены и характерны для каждой из четырех перинатальных матриц.

Когда заключительный период ЛСД-сеанса управляется БПМ-II и состояние испытуемого стабилизируется под ее влиянием, последующий интервал характеризуется глубокой депрессией. В этой ситуации человека одолевают разнообразные неприятные чувства. Тревога, вина, чувство неполноценности и стыд доминируют в его мыслях о прошлом. Его настоящая жизнь кажется ему невыносимой и переполненной неразрешимыми проблемами, а будущее представляется совершенно безнадежным. Жизнь лишена всякого смысла, наблюдается абсолютная неспособность чему-то радоваться. Мир воспринимается угрожающим, зловещим и бесцветным. Человек чувствует себя так, будто все против него. Нередко возникает мысль покончить с собой. Она обычно принимают форму желания заснуть, впасть в забытие и никогда больше не просыпаться, не приходить в себя. Люди в этом состоянии обычно мечтают принять сверхдозы снотворного или наркотиков, напиться до смерти, отравить себя газом, броситься в глубокую воду или замерзнуть на снегу (самоубийство I типа). Типичные физические симптомы, сопровождающие это состояние, следующие: головные боли, давление в груди, затруднения с дыханием, различные сердечные осложнения, звон в ушах, запоры, потеря аппетита, отсутствие интереса к сексу. Довольно обычны чувства усталости и потери сил, сонливости и дремоты, тенденция проводить весь день в постели в затемненной комнате.

Стабилизация ЛСД-сеанса под влиянием БПМ-III ведет в результате к чувству интенсивного агрессивного напряжения, связанного часто с сильными, но неясными опасениями и ожиданием катастрофы. Люди в этом состоянии часто сравнивают себя с бомбой замедленного действия, готовой взорваться в любую минуту. Они колеблются между разрушительными и саморазрушительными импульсами и боятся причинить вред себе и другим. Типичной является высокая степень раздражительности и сильная тенденция к провокации жестоких конфликтов. Мир воспринимается как враждебное и непредсказуемое место, где всегда надо быть начеку, в готовности бороться за выживание. Болезненное осознание своих действительных и воображаемых препятствий и ограничений соединяется с болезненной амбицией и усилиями показать себя. По контрасту со скрытой депрессией без слез, связанной с БПМ-II, проявления в этом случае напоминают тревожную депрессию, сопровождаемую эмоциональной несдержанностью и психомоторным возбуждением. Мысли о самоубийстве весьма часты и сопровождаются совершенно отличным от описанного для БПМ-II паттерном. Испытуемые в этом состоянии размышляют над видами кровавых и жестоких самоубийств: броситься под поезд, выпрыгнуть из окна или со скалы, сделать харакири, застрелиться (самоубийство II типа). Типичные физические симптомы, связанные с этим синдромом, включают в себя интенсивное мышечное напряжение, часто выражающееся в дрожи, подергиваниях и судорогах, головные боли, боли в различных других частях тела, тошноту, время от времени прерываемую рвотой, усиление активности кишечника, частую уринацию и обильное потение. Характерным проявлением в сексуальной области является чрезмерное усиление либидозного импульса, при котором не наступает удовлетворения даже при повторных оргазмах. У мужчин эта интенсификация сексуального напряжения иногда оказывается связанной с импотенцией и преждевременной эякуляцией, у женщин — с предменструальными эмоциональными нарушениями, дисменорреей и болезненными генитальными спазмами во время сношения (вагинизм).

Те люди, чьи ЛСД-сеансы завершаются под влиянием БПМ-IV, являют собой совсем другую картину. Самым замечательным аспектом этого состояния является явное, часто драматическое снижение или даже исчезновение имевших место психопатологических симптомов и разрешение ряда проблем разного вида. Они чувствуют, что оставили свое прошлое позади и способны открыть новую главу своей жизни. Несущее радость чувство свободы от тревог, депрессии и вины связано с глубокой физической релаксацией и ощущением совершенного функционирования всех физиологических систем. Жизнь представляется простой и наполненной, и человек ощущает необычное богатство восприятий и переживает интенсивную радость.

Что касается БПМ-I, то испытуемый может стабилизироваться под влиянием ее позитивных и негативных аспектов. В первом случае интервал после сеанса несколько похож на описанный для БПМ-IV. Однако все возникающие чувства намного глубже и переживаются в религиозном и мистическом обрамлении. Люди обнаруживают новые стороны Вселенной, переживают сильные чувства, чувствуют себя интегральной частью творения и проявляют тенденцию рассматривать обычные вещи повседневной жизни — пищу, прогулки на природе, игры с детьми или сексуальные отношения — как сакральные. Переживание космического единения обладает необычным терапевтическим потенциалом и может иметь длительные благоприятные последствия для человека. Если после ЛСД-сеанса он остается под влиянием негативных аспектов БПМ-I, ему доведется пережить различные формы и степени эмоционального и телесного неблагополучия. Эти трудности, как правило, интерпретируются в метафизическом оформлении, в оккультных, мистических или религиозных терминах. Эти неприятные состояния приписываются враждебным силам судьбы, «плохой карме», неблагоприятным астрологическим и космобиологическим влияниям или различным злым духам. В крайних случаях эти состояния могут достигать степени психоза. После того как человек проработал и интегрировал переживание, он рассматривает свои предшествующие интерпретации как гипотетические и метафорические.

БАЗОВЫЕ ПЕРИНАТАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ

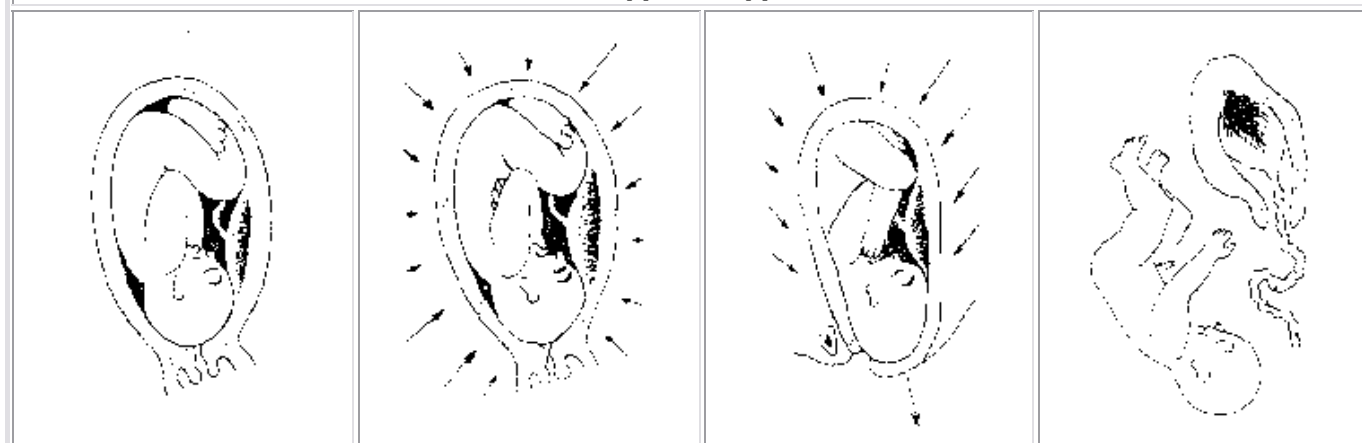
БПМ-I	БПМ-II	БПМ-III	БПМ-IV
РОДСТВЕННЫЕ ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ СИНДРОМЫ			
<p>Шизофренические психозы (параноидальная симптоматика, чувства мистического союза, столкновение с метафизическими силами зла); ипохондрия (основанная на странных и необычных телесных ощущениях); истерические галлюцинации и смешение грёз с реальностью.</p>	<p>Шизофренические психозы (адские муки, переживания бессмысленного «картонного» мира); тяжелая заторможенная «эндогенная» депрессия; иррациональные чувства неполноценности и вины; ипохондрия (вызванная болезненными телесными ощущениями); алкоголизм и наркомания, псориаз, язва желудка.</p>	<p>Шизофренические психозы (элементы садомазохизма и скатологии, членовредительство, патологическое сексуальное поведение); тревожная депрессия, сексуальные отклонения (садомазохизм, мужской гомосексуализм, уролагния и копрофагия); невроз навязчивых состояний; психогенная астма, тики и заикание; конверсивная и тревожная истерия; фригидность и импотенция; неврастения; травматические неврозы; вегетативные неврозы; мигрень; энурез и энкопрез.</p>	<p>Шизофренические психозы (опыт смерти-возрождения, мессианский бред, элементы разрушения и воссоздания мира, спасение и искупление, идентификация с Христом); маниакальная симптоматика; женский гомосексуализм, эксгибиционизм.</p>
СООТВЕТСТВУЮЩАЯ АКТИВНОСТЬ В ЭРОГЕННЫХ ЗОНАХ ПО ФРЕЙДУ			
<p>Удовлетворение либидо во всех эрогенных зонах; либидозное чувство во время раскачивания и купания; частичное ощущение этого состояния после орального, анального, уретрального или генитального удовлетворения и после деторождения.</p>	<p>Оральная фрустрация (жажда, голод, болезненные раздражения), задержка кала и мочи; сексуальная фрустрация; ощущения холода, боли и другие неприятные чувства.</p>	<p>Жевание и глотание пищи, оральная агрессия и разрушение объекта; дефекация и мочеиспускание; анальная и уретральная агрессия; оргазм; деторождение; статоакустический эротизм (тряска, гимнастика, прыжки в воду, парашютный спорт).</p>	<p>Насыщение после голода и утоление жажды; удовольствие от сосания; либидозные чувства после дефекации, мочеиспускания, сексуального оргазма или родов.</p>
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ НА СЕАНСАХ С ЛСД			
<p>Безмятежная внутриутробная жизнь: реалистичные воспоминания об ощущениях «хорошей матки»; «океанический» тип экстаза; природа в своем наилучшем проявлении («Мать-природа»); опыт космического единства; видения Рая и Небес.</p>	<p>Нарушения внутриутробной жизни: реалистичные воспоминания о «плохой матке» (критические состояния плода, болезни, эмоциональные срывы у матери, ситуация близнецов, попытки аборта), параноидальное мышление, неприятные телесные ощущения («похмелье», дрожь и слабые спазмы, неприятный вкус, отвращение, ощущение отравленности); встреча с демоническими существами и другими метафизическими силами зла.</p>	<p>Космическое поглощение: безмерные телесные и душевные муки; невыносимая и безысходная ситуация, которой не видится конца; чувство загнанности в ловушку или клетку «нет выхода»; разнообразные видения ада; мучительное чувство вины и неполноценности; апокалиптическое видение мира (ужасы войн и концлагерей, террор инквизиции, опасные эпидемии, болезни, запустение, смерть и т.п.); бессмысленность и абсурдность человеческого существования, «картонный мир», атмосфера искусственности и никчемности; зловещие темные цвета и неприятные телесные ощущения (ощущение гнета и давления, сердечная недостаточность, жар и озноб, потливость, затрудненное дыхание). Усиление страданий до космических размеров; грань между болью и</p>	<p>Огромное понижение давления; расширение пространства; «иллюминативный» тип экстаза, видения гигантских помещений; яркий свет и прекрасные цвета (небесно-голубой, золотистый, радужный, яркий, как павлиний хвост); чувство повторного рождения и спасения; осознание простого способа жизни; улучшение сенсорного восприятия; братские чувства; гуманитарные и благотворительные тенденции; отдельные маниакальные действия и мания величия; переход к элементам БПМ-1; приятные ощущения, иногда прерывающиеся пупочными спазмами (острая боль в пупке, сбой дыхания, страх смерти и кастрации, изменения в теле), но без внешнего сдавливания.</p>

		<p>удовольствием; «вулканический» тип экстаза; яркие цвета; взрывы и фейерверки; садомазохистские оргии; убийства и кровавые жертвоприношения, активное участие в жестоких битвах; атмосфера безумного авантюризма и опасных приключений; сильные сексуальные оргастические чувства; сцены гаремов и карнавалов; опыт смерти и возрождения; культы кровавых жертвоприношений (муки Христа и смерть на кресте, ацтеки, Дионисий и т.п.); мощные телесные ощущения (сдавливание и боль, удушье, мышечное напряжение, судороги и подергивания при расслаблении, тошнота и рвота, жар и озноб, потливость, сердечная недостаточность, трудности контроля сфинктеров, звон в ушах).</p>	
--	--	--	--

АССОЦИАТИВНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ПОСТНАТАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

<p>Ситуации, в которых удовлетворяются насущные потребности: например, счастливые дни младенчества и детства (заботливый материнский уход, игра со сверстниками, семейное согласие и т.д.), взаимная любовь и влюбленность; путешествия и отдых в красивой местности; приобщение к предметам искусства высокой эстетической ценности, купание в океане, чистых озерах и т.п.</p>	<p>Ситуации, угрожающие жизни и целостности тела (военный опыт, несчастные случаи, травмы, операции, тяжелые болезни, утопание, удушье, тюремное заключение, «промывание мозгов», жестокие допросы, оскорбления и т.д.); тяжелые психологические травмы (заброшенность, опасные ситуации, эмоциональная депривация, тягостная семейная атмосфера, насмешки, унижения и т.п.)</p>	<p>Сражения, битвы и приключения (атаки и штурмы в сражениях и революциях, испытания военной службы, тяжелые воздушные бои, океанские штормы, опасная езда на автомобиле, драки); высокочувственные воспоминания (карнавалы, увеселительные заведения и ночные клубы, загородные прогулки, сексуальные оргии и т.д.); наблюдение в детстве за сексуальной активностью взрослых, опыт совращения или изнасилования; у женщин — деторождение.</p>	<p>Счастливое избавление от опасности (конец войны или революции, спасение после несчастного случая или операции); преодоление сложных препятствий решительными действиями; случаи напряжения и упорной борьбы, завершившиеся выдающимся успехом, картины природы (начало весны, прекращение океанского шторма, восход солнца и т.п.).</p>
--	--	---	--

СТАДИИ РОДОВ

Трансперсональные переживания в ЛСД-сеансах

На ранних сеансах психолитической терапии трансперсональные переживания отмечаются лишь изредка. Они становятся довольно обычным явлением в продвинутых сеансах, после того как испытуемый проработает и интегрирует материал на психодинамическом и перинатальном уровнях. После финального переживания смерти Эго и второго рождения трансперсональные феномены преобладают во всех последующих сеансах этого человека. Иногда при психоделической терапии трансперсональные переживания возникают в кульминационных моментах первого сеанса с высокой дозой.

Поскольку трансперсональные переживания представляют собой относительно новую концепцию в психологии, детальное рассмотрение этих переживаний будет предварено попыткой определить их. Общим знаменателем этой довольно богатой и разветвленной группы феноменов является чувство испытуемого, что его сознание расширяется за обычные границы Эго и за пределы пространства и времени. В «нормальном» состоянии сознания человек воспринимает себя существующим в границах своего физического тела, которое четко отделяет его от остального мира. Он ясно осознает пространство, которое занимает как физическая сущность. Обычно это называют представлением своего собственного тела. Восприятие окружения физически ограничено определенной сферой действия органов чувств. Как внутреннее восприятие, так и внешнее являются предметом специфических пространственно-временных ограничений. Как правило, человек может **переживать** только те вещи, которые происходят в настоящий момент и в его теперешнем местонахождении. Он может **вспомнить** то, что случилось в другом месте и в другое время, и фантазировать или ожидать событий, которые произойдут в будущем. Основной характеристикой трансперсональных переживаний является то, что одно или несколько из этих ограничений оказываются превзойденными (трансцендированными). В одних случаях испытуемый переживает ослабление своих обычных Эго-ограничений, а его сознание и самосознание, как оказывается, расширяются и охватывают другие индивидуальности и элементы внешнего мира. В других случаях он продолжает переживать свою собственную идентичность, но в иной форме, в ином времени и пространстве или в ином контексте. Бывают случаи, когда человек переживает полную потерю своей собственной идентичности и полностью отождествляется с сознанием другого существа или сущности. И наконец, довольно обширная категория трансперсональных переживаний включает явления, когда сознание, по-видимому, охватывает элементы, которые не имеют какой-либо связи с обычной Эго-идентичностью и поэтому не могут рассматриваться в качестве простой производной опыта в трехмерном мире.

На основании вышесказанного трансперсональные переживания можно определить как «переживания, включающие в себя расширение или распространение сознания за пределы обычных границ Эго и за ограничения времени и/или пространства». Трансперсональные переживания перекрывают настолько широкий диапазон явлений и настолько многообразны и многогранны, что чрезвычайно трудно отыскать подходящий принцип их классификации и предложить простую и понятную систему для их систематического описания. К данной проблеме можно подойти с многих позиций, каждая из которых могла бы привести к интересным альтернативам. Поэтому я решил использовать систему классификации, основывающуюся на включенности в содержание отдельного трансперсонального переживания элементов трехмерного феноменального мира («объективной реальности»), каким мы его воспринимаем в нашем обычном состоянии. Некоторые трансперсональные переживания включают в себя явления, существование которых воспринимается главным образом на основе общезначимых оценок, эмпирической очевидности или научных исследований. Это верно, например, для эмбриональных переживаний, в случаях филогенетической памяти и памяти предков или элементов коллективного бессознательного. Удивительно и необычно не содержание переживания (факт эмбрионального развития, генетической непрерывности от человеческих и животных предков или принадлежности к определенной расовой и

культурной группе), а существование этих элементов в человеческом бессознательном и возможность их сознательного проживания вполне реалистичным образом. Категория трансперсональных переживаний этого вида может далее подразделяться в зависимости от того, можно или невозможно понять расширение сознания в терминах изменения размерностей времени и пространства.

Существует также группа феноменов экстрасенсорного восприятия (ЭСВ), которые можно классифицировать как трансперсональные переживания, содержание которых может быть понято в рамках «объективной реальности». В случаях предвидения, ясновидения и яснослышания, «путешествия во времени», внетелесного опыта, ясновидящих путешествий, «пространственных путешествий» и телепатии необычным снова будет не содержание переживаний, а способ получения определенной информации или восприятия определенных ситуаций, который, согласно общепринятым научным парадигмам, лежит за пределами досягаемости органов чувств.

Вторая широкая категория трансперсональных переживаний должна в таком случае включать в себя феномены, не являющиеся частью «объективной реальности», как ее понимают на Западе. Это было бы применимо к таким переживаниям, как связь с духами умерших человеческих существ или со сверхчеловеческими духовными сущностями, встреча или отождествление с различными божествами, архетипические переживания и т.д.

Нижеследующая классификация основывается на только что предложенных принципах:

I Расширение переживания в рамках «объективной реальности»

A. ВРЕМЕННОЕ РАСШИРЕНИЕ СОЗНАНИЯ

Переживания эмбриона и плода

Наследственные переживания

Коллективные и расовые переживания

Филогенетические (эволюционные) переживания

Переживания прошлых воплощений

Предвидение, ясновидение, яснослышание и «путешествия во времени»

Б. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСШИРЕНИЕ СОЗНАНИЯ

Выход за пределы «Я» в межличностных отношениях и переживание единства диады

Отождествление с другими лицами

Отождествление с группой и групповое сознание

Отождествление с животными

Отождествление с растениями

Единство с жизнью и со всем творением

Сознание неорганической материи

Планетарное сознание

Экстрапланетарное сознание

Внетелесные переживания, ясновидящие и яснослышающие путешествия, «путешествия в пространстве» и телепатия

В. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ СЖАТИЕ СОЗНАНИЯ

Сознание органа, ткани и клетки

II Расширение переживаний за пределы «объективной реальности»

Спиритические и медиумические переживания

Переживания встреч со сверхчеловеческими духовными сущностями
Переживания других вселенных и встреч с их обитателями
Архетипические переживания и сложные мифологические эпизоды
Переживания встреч с различными божествами
Интуитивное понимание универсальных символов
Активизация чакр и подъем змеиной силы (Кундалини)
Сознание Универсального Ума
Сверхкосмическая и метакосмическая пустота
Значение трансперсональных переживаний в ЛСД-психотерапии
Трансперсональные переживания и современная психиатрия

Необходимо иметь в виду, что трансперсональные переживания, особенно в психоделических сеансах, не всегда происходят в чистой форме. Ранее упоминалось, что, например, перинатальные явления часто сопровождаются определенным видом трансперсональных переживаний, таких, как отождествление с другими личностями, групповая идентификация, некоторые архетипические переживания или встреча с различными божествами. Подобным же образом эмбриональные переживания могут происходить одновременно с филогенетическими воспоминаниями и переживаниями космического единства. Эти ассоциации довольно постоянны, и они отражают глубокую взаимозависимость различных психоделических феноменов, а также многоуровневую природу ЛСД-переживания.

Ниже будет кратко описано каждое из упомянутых трансперсональных переживаний, а некоторые из них будут проиллюстрированы типичными клиническими примерами.

Переживания эмбриона и плода

Первыми трансперсональными феноменами, которые я наблюдал и выделил в ходе ранней психоделической терапии, были эмбриональные переживания и опыт на уровне плода. Их наличие бросает серьезный вызов существующим научным парадигмам, хотя они, конечно, наименее спорны среди прочих трансперсональных феноменов, возникающих на ЛСД-сеансах. Мы уже кратко упоминали о некоторых аспектах этих переживаний в связи с БПМ-I, поскольку они часто возникают в контексте перинатального раскрытия. В психоделических и продвинутых психоделических сеансах живые конкретные эпизоды, которые, как оказывается, являются воспоминаниями о специфических событиях внутриутробного развития человека, — явление довольно распространенное. Многие из них включают в себя примеры психических травм в результате различных вредных и беспокоящих воздействий механической, физической, биологической и биохимической природы. Те, кто описывает эти повторные переживания, убеждены, что плод способен субъективно переживать не только грубые нарушения его существования, такие, как попытки аборта, проникающие громкие звуки, интенсивные вибрации и механические сотрясения, но и недомогания, связанные с соматическим состоянием матери, когда она больна, устала или пьяна. Еще более удивительными являются многочисленные независимые заявления, что плод осознает или разделяет аффективные состояния матери. В этой связи сообщалось о соучастии плода в материнских приступах тревоги, эмоциональных шоках, взрывах агрессии или ненависти, депрессивных настроениях, сексуальном возбуждении, а также в ее чувствах релаксации, удовлетворения, любви и счастья. Другим интересным аспектом этой категории феноменов служат отчеты об обмене мыслями между матерью и ребенком в матке, который принимает форму телепатической коммуникации. Переживая различные внутриутробные состояния, многие испытуемые чувствуют, что во время их пребывания в утробе матери эта многоуровневая коммуникация заставила их остро осознавать, желаемы ли они и любимы или нежеланны и ненавидимы. В лечении многих психических больных эта тема становилась одной из важнейших, и им приходилось проводить многие часы сеансов, прорабатывая ее. Столь

же трудной и сложной задачей для испытуемых-близнецов является длительная и тонкая проработка темы деления матки с товарищем и соперником. Однако беды плода — не единственное содержание внутриутробных переживаний. Не менее часты эпизоды положительных океанических чувств и блаженного единства с матерью, сопровождаемого благодатным обменом физическими, эмоциональными и духовными энергиями, а также успокаивающими мыслями и интуитивными догадками трансцендентальной природы.

Как и в случаях оживления детских и родовых воспоминаний, подлинность восстановленных внутриутробных событий остается открытым вопросом. Поэтому более приемлемым представляется отношение к ним как к переживаниям, а не как к воспоминаниям. Однако следует подчеркнуть, что я старался оставаться совершенно беспристрастным относительно этих феноменов. Всякий раз, когда это было возможно, я предпринимал попытки объективной проверки таких эпизодов, не принимая во внимание, насколько абсурдными они могли показаться моим коллегам. Эта задача оказывалась еще более трудной, чем в случае детских воспоминаний. Однако в нескольких случаях я, пользуясь независимым опросом матери и других лиц, имевших к этому отношение, сумел получить удивительные подтверждения. Следует подчеркнуть, что во избежание любого искажения данных, это было сделано со всей необходимой тщательностью. Другим интересным аспектом этих переживаний — и совершенно необычным с моей точки зрения — было то, что испытуемые во время беседы на эту тему обнаруживали познания в эмбриологии и физиологии беременности, которые значительно превышали их прежнюю осведомленность в этой области. Нередко они точно описывали характеристики сердечных ритмов матери и ребенка, природу различных акустических феноменов в брюшной полости, специфические детали положения, физических черт и поведения плода, процесс плацентарной циркуляции и даже детали обмена между материнской кровью и кровью плода в плацентарных ворсинках. Иногда описания беременности, появившиеся в их отчетах, отражали полное проникновение в суть процесса и участие в нем на уровне физиологии ткани, клеточного обмена и биохимических реакций. Психиатры, психологи, биологи и другие специалисты, проходившие программу обучения работы с ЛСД, выражали удивление по поводу того, насколько убедительными и подлинными оказывались эти переживания. Они подчеркивали, что переживания такого рода наблюдались в их сеансах вопреки тому, что раньше они не допускали возможности пренатальных воспоминаний. Более того, сам факт существования таких феноменов противоречил их научным убеждениям до сеанса.

Иногда в переживаниях внутриутробного существования возникают очень ранние стадии эмбрионального развития. В этом случае ударение делается не на отношениях матери и плода или реакции плода на внешние воздействия, а на росте тканей, дифференциации различных органов и биохимических процессах, вовлеченных в быстрый рост. Проблески интуиции, переживаемые на этом уровне, относятся к наследственности, духовным и космическим факторам, совместно определяющим развитие эмбриона. Они включают осознание генетических влияний, космобиологических и астрофизических энергетических полей, метафизических сил, архетипических сгустков и действия кармических законов.

Из вышеизложенного следует, что переживания на уровне эмбриона и плода возникают в непосредственной связи с другими видами трансперсональных явлений. Положительные внутриутробные переживания могут быть связаны с чувствами космического единства, образами различных благожелательных божеств и благоприятных архетипов, в особенности таких, как Великая Мать или Мать-природа. Эпизоды эмбриональных кризисов и кризисов в развитии плода сопровождаются травмирующими образами их предков, видениями демонов и злых божеств, негативными архетипическими проявлениями и негативным опытом прошлых воплощений («плохая карма»). Помимо этого, как предполагалось ранее, элементы тканевого и клеточного сознания весьма часто наблюдаются в таком контексте. Другим типичным явлением, сопровождающим эмбриональные переживания и переживания плода, является филогенетическая (эволюционная) память. Такая связь возникает даже у людей неискушенных, ничего не знающих о биогенетическом законе Эрнста Геккеля, согласно которому плод повторяет в своем эмбриональном развитии (онтогенезе) историю своего вида (филогенез) в сконцентрированном виде.

Ниже приводится пример, иллюстрирующий природу внутриутробных переживаний. Это одно из нескольких наблюдений, в котором попытка объективной проверки принесла положительные результаты. Здесь представлена часть из переживаний продвинутого ЛСД-сеанса Ричарда, случай которого обсуждался ранее в связи с СКО-системами.

В одном из сеансов психолитической серии Ричард описал, по предположению, довольно подлинное внутриутробное переживание. Он чувствовал себя погруженным в околоплодную жидкость и прикрепленным к плаценте пуповиной. Он осознавал процесс питания его организма через пуповину и испытывал чудесное чувство симбиотического единства со своей матерью. Между ними существовала непрерывная связь. Жизнетворная жидкость, кровь, казалось, создавала магическое звено между ним и матерью. Он слышал два вида сердечных биений с различной частотой, сливавшихся воедино. Это сопровождалось глухими бурными звуками, которые он после некоторого колебания определил как порождаемые газом и жидкостью при перистальтическом движении кишечника, расположенного рядом с маткой. Он целиком сознавал свое тело и обнаружил, что оно весьма отличается от пропорций взрослого человека: голова была слишком большой в сравнении с размерами туловища и конечностей. Опираясь на ключ, который он не смог идентифицировать и объяснить, Ричард продиагностировал себя как довольно зрелый плод незадолго до родов.

В этом состоянии он неожиданно услышал странные звуки из внешнего мира. Они имели весьма необычный тембр, как если бы звучали в большом зале или проходили через слой воды. Возникший в результате эффект напомнил ему звук, который воспроизводится с помощью электронных средств современной звукозаписи. В конце концов он пришел к выводу, что абдоминальная стенка и околоплодная жидкость были причиной искажения и что внешние звуки достигают плод именно в такой форме. Он пытался определить, что же было источником звуков. Через какое-то время он смог распознать голоса смеющихся и кричащих людей и звуки, напоминавшие карнавальные трубы. Появилась мысль, что это, должно быть, праздник, проходивший ежегодно в его родной деревне накануне его дня рождения. Собрав вместе эти части информации, он пришел к заключению, что его мать, вероятно, посетила этот праздник незадолго до начала родов.

Когда мать Ричарда, ничего не знавшую об ЛСД-переживании сына, спросили о его появлении на свет, она совершенно независимо, без всяких подсказок вспомнила среди прочего следующий эпизод. В довольно однообразной деревенской жизни ежегодный праздник был редким развлечением. Хотя до родов оставалось совсем немного, она ни за что на свете не хотела пропустить эту возможность повеселиться. Вопреки серьезным возражениям и предупреждениям со стороны своей матери и бабки, она отправилась на праздник. Согласно мнению ее родственников, шумное окружение и веселый настрой женщины ускорили роды Ричарда. Сам Ричард отрицал, чтобы он когда-либо слышал этот рассказ, а мать не помнила, чтобы она рассказывала ему об этом.

Наследственные переживания

Эта категория трансперсональных переживаний характеризуется регрессией в историческое время, к периодам, предшествовавшим зачатию испытуемого и его эмбриональному развитию. Человек чувствует, что его память выходит за свои обычные пределы и что он входит в соприкосновение с информацией, относящейся к жизни его биологических предков. Такие переживания часто связаны с относительно недавней историей, непосредственными предками как с материнской, так и с отцовской стороны, то есть со своими родителями или их родителями. Однако в крайней форме они могут охватывать много поколений и даже века. В общем содержание таких феноменов никогда

не противоречит национальной принадлежности индивида и истории культур. Еврей может, например, переживать эпизоды родовой жизни в Израиле в библейские времена и установить глубокую связь со своим историческим, религиозным и культурным наследием. Скандинав может оказаться свидетелем различных сцен из жизни викингов с весьма живыми специфическими деталями, касающимися одежды, оружия, украшений и средств мореплавания. Афроамериканец вспоминает сцены из жизни своих африканских предков, включая как повседневную деревенскую жизнь, так и роскошные празднества и ритуалы; в другой раз он может оживить в памяти травматические события из ранней истории рабства. Такие переживания обычно связываются с интересными психологическими прозрениями: человек может связать эти архаические элементы со своей теперешней личностью и осознать их влияние на его повседневное поведение.

Наследственные переживания сложны и многообразны. Иногда они включают в себя действительные переживания коротких эпизодов из жизни предков или целых сцен, особенно насыщенных конкретными деталями. В других случаях испытуемый настраивается на личность определенного предка до такой степени, что имеет место полное физическое, эмоциональное и интеллектуальное отождествление с ним. Иногда наследственные переживания носят более общий характер. Они могут принимать форму сложных чувств относительно психологической атмосферы и межличностных отношений в семьях, кланах и родах и представляют собой интуитивные прозрения относительно культурологических установок, систем верований, семейных привычек, традиций, суеверий и предрассудков. Некоторые испытуемые отмечали в этом контексте, что после таких переживаний они пришли к новому пониманию некоторых своих личных проблем и конфликтов. Они могли проследить их до моментов возникновения несовместимости и несоответствия между их материнскими и отцовскими линиями и понять, что то, что они рассматривали как изначально внутреннюю проблему психики, оказывалось в действительности впечатанным и опустившимся вглубь бессознательного конфликтом между поколениями их умерших родственников.

Имеются две важные характеристики наследственных переживаний, отличающие их от коллективного и расового опыта. Лица, с которыми отождествляет себя человек, всегда принадлежат к его культурной группе или его предполагаемой биологической линии. Другой характеристикой наследственных переживаний является убежденность испытуемого в том, что он столкнулся с событиями, составляющими часть его собственной линии развития, как если бы он читал собственный генетический код.

Один из аспектов наследственных переживаний заслуживает особого внимания. Тщательное и непредвзятое изучение данных переживаний может иногда обнаружить, что они передают специфическую информацию, которая не могла быть известна испытуемому до сеанса. Механизм, работающий в этом случае, совершенно неясен, и нет возможности объяснить все необычные совпадения такого рода, наблюдаемые во время работы с ЛСД. Характер этой проблемы можно проиллюстрировать на следующем типичном примере.

Надя, пятидесятилетний психолог, пережила во время своего тренировочного ЛСД-сеанса реалистическую идентификацию со своей матерью и вспомнила сцену, которая, как она считала, относилась к детству ее матери. Вот ее отчет о пережитом событии:

«К моему величайшему удивлению, идентичность моего Эго неожиданно изменилась. Я стала моей матерью в возрасте трех или четырех лет; должно быть, это было в 1902 году. На мне накрахмаленное аляповатое платье до щиколоток. Я испытываю тревогу и одиночество, глаза мои широко раскрыты, как у испуганного животного. Я закрываю рот рукой, болезненно осознавая, что только что случилось нечто ужасное. Я сказала что-то очень плохое, меня отругали, и кто-то грубо шлепнул меня по губам. Из своего укрытия мне видна сцена с множеством родственников — теть и дядь, сидящих на крыльце дома в одежде, характерной для того времени. Все

заняты разговорами, забыв обо мне. Я чувствую, что совершила оплошность и потрясена требованиями взрослых: быть хорошей, прилично вести себя, правильно говорить и не быть грязнулей — кажется совершенно невозможным удовлетворить всему этому. Я чувствую себя отверженной, пристыженной и виноватой».

Движимая профессиональным интересом, Надя обратилась к матери, чтобы узнать подробности ее детства, которые они никогда прежде не обсуждали. Не желая сообщать ей, что она принимала участие в ЛСД-сеансе, чего мать не одобрила бы, она объяснила ей, что видела ее во сне совсем маленькой и хочет знать, так ли было все, как ей привиделось. Как только она начала рассказ, мать прервала ее и закончила в полном соответствии с пережитым Надей. Она добавила много деталей, которые логически дополняли эпизод, пережитый во время ЛСД-сеанса. Она призналась Наде, насколько требовательной и безжалостной была к ней ее мать, рассказала о чрезмерных требованиях относительно чистоты и должного поведения. Это отражалось в любимом афоризме ее матери: «Дети должны быть видны, но не слышны». Затем Надина мать подчеркнула, насколько одинокой она себя чувствовала и как все свое детство хотела иметь подруг, будучи единственной девочкой в семье среди двух более старших братьев. Ее описание дома полностью соответствовало Надиному ЛСД-переживанию, включая большое крыльцо и ведущие к нему ступеньки. Она упомянула также и платья с крахмальными фартуками, которые носили во времена ее детства. Согласно рассказу матери, Надина бабушка обычно приглашала множество родственников на воскресные семейные обеды.

Исследователь трансперсональных феноменов, наблюдаемых во время ЛСД-сеансов, должен быть готов ко многим поразительным наблюдениям и совпадениям, которые могут оказаться серьезной проверкой существующих научных положений и вызвать сомнения относительно ценности некоторых общепризнанных точек зрения. Следующий пример — одно из наиболее необычных совпадений, с которыми я встретился в своей работе с ЛСД. Описанные явления допускают двойственное толкование, поскольку они имеют сложную характеристику родовых переживаний и опыта прошлых воплощений. Этот пример наглядно показывает сложность этой области исследований. Он взят из сеанса психолитической терапии Ренаты (см. выше).

В продвинутой стадии психолитической терапии Ренаты наблюдался ряд необычных и непредсказуемых событий. Четыре следовавшие один за другим сеансы состояли исключительно из сцен определенного исторического периода. Она пережила ряд эпизодов, происходивших в Праге в XVII столетии. Это время было критическим периодом чешской истории; после катастрофической битвы у Белой Горы в 1621 году, которая знаменовала начало Тридцатилетней войны в Европе, страна перестала существовать как независимое королевство и подпала под гегемонию династии Габсбургов. Пытаясь подавить чувство национальной гордости и ослабить силы сопротивления, Габсбурги направили в страну наемников, чтобы захватить наиболее именитых аристократов. Двадцать семь наиболее выдающихся представителей аристократии были приговорены к публичной казни на эшафоте, воздвигнутом на площади Старой башни в Праге.

Во время этих «исторических» сеансов у Ренаты возникали интуитивные догадки и отдельные образы, связанные с архитектурой переживаемого периода, типичными костюмами, оружием и повседневной утварью. Она сумела также описать сложные отношения, существовавшие в то время между королевской семьей и вассалами. Рената никогда специально не изучала этот исторический период. Для подтверждения содержащейся в отчете информации пришлось обратиться к специальным источникам. Многие из ее переживаний были связаны с различными периодами жизни

молодого аристократа — одного из 27 приговоренных Габсбургами к казни. В драматической сцене, сопровождавшейся интенсивными эмоциями, Рената детально пережила его казнь, включая предсмертные муки и агонию. Во многих случаях Рената переживала полное отождествление с этим лицом. Ей было не совсем ясно, как эти исторические сцены связаны с ее настоящей личностью и что они для нее значат. В конце концов ей пришлось, вопреки собственным убеждениям, прийти к выводу, что эти переживания явились оживлением в памяти событий, имевших место в жизни одного из ее предков.

Будучи близким свидетелем этой личной драмы, я разделял смущение и замешательство Ренаты. Пытаясь разрешить загадку, я воспользовался двумя различными подходами. С одной стороны, я потратил много времени, пытаюсь проверить исторические данные, имевшие отношение к этому случаю, и был весьма впечатлен их точностью. С другой стороны, я старался придерживаться психоаналитического подхода к содержанию рассказов Ренаты в надежде, что смогу понять их в психодинамических терминах как символическую маску ее детских переживаний или элементов ее теперешней жизненной ситуации. Несмотря на мои старания, пережитые сцены не имели смысла с этой точки зрения, и я в конце концов сдался перед лицом этой проблемы, когда ЛСД-переживания Ренаты переместились в другую область. Занявшись более важными задачами, я перестал думать об этом.

Двумя годами позже, когда я уже был в Соединенных Штатах, я получил длинное письмо от Ренаты со следующим необычным вступлением: «Уважаемый доктор Гроф, вы, вероятно, подумаете, что я совсем сошла с ума, когда познакомитесь с результатами моего недавнего личного поиска». В следовавшем после этого тексте Рената описывала, как она случайно встретила своего отца, которого не видела со времени развода ее родителей, когда ей было три года. После короткого разговора отец пригласил ее на обед, где присутствовали его вторая жена и их дети. После обеда он сказал ей, что хочет познакомить ее со своим любимым хобби, которое ее, возможно, заинтересует. Во время второй мировой войны нацисты требовали, чтобы каждая семья представила германским властям генеалогическое дерево, показывающее отсутствие предков еврейского происхождения в последние пять поколений. Готовя родословную в силу острой необходимости, отец Ренаты очень увлекся этими изысканиями. После того как он закончил требуемую родословную пяти поколений для властей, он продолжил это занятие уже из личного интереса, прослеживая историю своей семьи по записям о рождении в церковных архивах нескольких европейских стран. После обеда отец с законной гордостью показал тщательно составленное разветвленное генеалогическое дерево своей семьи, указывавшее на то, что они были потомками некоего аристократа, казненного после битвы у Белой Горы. Описав этот эпизод в письме, Рената выразила убежденность в том, что сильно заряженные воспоминания могут быть впечатаны в генетический код и передаваться потомкам из поколения в поколение. Информация, полученная ею от отца, лишь подтвердила ее подозрения, базировавшиеся на убедительном характере пережитых воспоминаний.

Справившись с изумлением по поводу этого самого необычного из всех совпадений, я обнаружил довольно серьезную логическую несостоятельность в отчете Ренаты. Одним из переживаний в ее «историческом» сеансе было оживление воспоминания о предсмертных муках во время казни ее предка. Физическая смерть, конечно же, прекращает биологическую линию наследственности: мертвый не может породить и «генетически» передать память о своей смерти будущим поколениям.

Прежде чем полностью отбросить информацию, содержащуюся в письме Ренаты и свидетельствующую о существовании наследственной памяти, серьезного рассмотрения заслуживают несколько фактов. Никто из остальных чешских пациентов, общее число сеансов у которых перевалило за две тысячи, никогда не упоминал об этом историческом периоде. В случае же Ренаты четыре следующих один за другом сеанса почти исключительно содержали исторические сцены из этого времени. Необычное совпадение этих переживаний с результатами независимых генеалогических изысканий ее отца создает довольно трудную проблему интерпретации этого клинического наблюдения в рамках традиционно принятых парадигм.

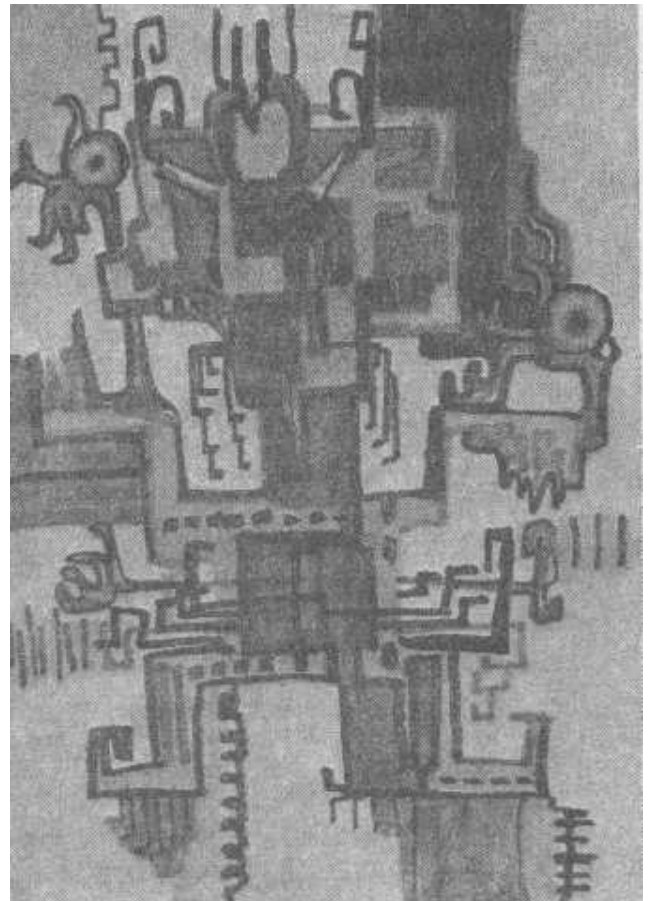
Коллективные и расовые переживания

Эта категория трансперсональных феноменов связана с теорией Карла Густава Юнга о расовом и коллективном бессознательном. Спонтанное возникновение таких переживаний у обычных людей, не подвергшихся воздействию юнговских идей, может рассматриваться как важное свидетельство и экспериментальное подтверждение одного из наиболее противоречивых аспектов аналитической психологии Юнга. Люди, настроенные на эти области бессознательного, могут переживать короткие эпизоды или длительные, насыщенные подробностями сцены, имевшие место в различных странах и в разные эпохи и описывать различные исторические или современные культуры. Эти сцены испытуемый может переживать в роли наблюдателя, но чаще он отождествляет себя с одним или несколькими представителями культуры. Это, как правило, связано с глобальным, а также детальным интуитивным вхождением в социальную структуру, религиозную космологию, формы поклонения, моральный кодекс, специфические характеристики искусства, технологическое развитие и многие другие аспекты этих культур.

Коллективные и расовые переживания могут относиться к любой стране, любому историческому периоду и любой культурной традиции, хотя очевидно, что предпочтение оказывается высокоразвитым цивилизациям. Удивительно часто встречаются сцены, имеющие отношение к Египту, Древней Греции, Индии, Тибету, Китаю, Японии, доколумбовой Мексике и Перу. Выбор культур и их специфических аспектов явно не зависит ни от этнической принадлежности испытуемого, ни от места рождения, ни от культурной традиции, ни даже от полученного воспитания, образования и интересов. Поэтому англосакс может переживать полное отождествление с различными периодами истории афроамериканцев или североамериканских индейцев и в результате обнаруживает в себе новое понимание и осознание расовых проблем. Лицо еврейского происхождения может настроиться на культурную сферу Дальнего Востока и вспомнить сцены из раннего Китая и Японии, усиливающие его понимание и способствующие более тонкому восприятию буддийской и даосской философии, японской музыки, военного искусства и других аспектов этих восточных традиций. Подобным же образом индивид славянского происхождения может участвовать в азиатских сражениях орд Чингисхана, отождествляться с африканскими бушменами или австралийскими аборигенами или стать участником-наблюдателем сакральных церемоний в тех доколумбовых культурах Центральной Америки, где религиозный культ включал кровавые жертвоприношения и жертвенные самоубийства.

Рисунки с продвинутого ЛСД-сеанса, в ходе которого открылся архетипический материал и элементы расового коллективного бессознательного. Их автор никогда не занимался древними культурами и не сумел бы отнести свои рисунки ни к одной из известных культурных традиций.

Информация, получаемая благодаря таким переживаниям, обычно совершенно достоверна, что можно проверить в консультациях с археологами и антропологами. Часто она охватывает особые эзотерические детали. Во многих случаях степень компетентности испытуемого в вопросах истории или этнографии, проявленная во время сеансов, совершенно не соотносится с действительным его образованием и уровнем информированности в этих областях науки. Иногда испытуемые, не обладающие никакими познаниями, описывали детали египетских похоронных церемоний, включая форму и значение различных амулетов и камер в гробницах, цвет похоронных конусов, технологию бальзамирования и мумификации и сцены последующих похоронных процедур. Один из них в ЛСД-сеансе переживал себя древнеегипетским бальзамировщиком и смог описать размер и качество бинтов для мумии, материал для

покрывала, форму и символизм четырех канопических кувшинов и соответствующих канонических бюстов («Канопические кувшины» — наименование четырех кувшинов, в которые складывали внутренности умершего. Каждый из кувшинов посвящался одному из четырех божеств Египетского подземного мира, был связан с одной из сторон света и имел облик соответствующего божества, которому он посвящался. Кувшин с крышкой в виде человеческой головы (юг) содержал желудок и крупные кишки; с головой собаки (север) — мелкие кишки; с головой шакала (восток) — легкие и сердце; с головой сокола (запад) — печень и желчный пузырь. Обшивка, или ящик для кувшина, изготавливалась из дерева и покрывалась черной краской.). Другие достигали интуитивного понимания функций различных египетских богов, связанного с ними символизма и эзотерического значения пирамид и сфинкса. В одном случае испытуемый, имевший переживания сцен из жизни старого перса, мог описать не только природу той религии и тех похоронных обычаев, но и особые технологические детали зороастрийских дахмасов (башен молчания), в которых мертвых отдавали на пожирание стервятникам, чтобы они не загрязняли сакральных элементов земли и огня. В других случаях испытуемые имели интересные прозрения в индуизме и буддизме и проявляли глубокое понимание их религиозных практик, а также символизма картин и скульптур этих традиций. Можно было бы привести много других примеров из разных культур. Иногда такие переживания с целью выразить или проиллюстрировать их содержание сопровождалось символическими жестами или сложными и проработанными последовательностями движений. Нередко в связи со специфическими ЛСД-переживаниями некоторые из испытуемых обнаруживали знание многих символических жестов (мудр) или спонтанно принимали совершенно необычные позы (асаны), известные из хатха-йоги. В нескольких случаях люди, отождествлявшиеся с представителями определенной культуры, чувствовали сильную потребность в танце. Без какой-либо предварительной подготовки или специального знакомства с этими культурами они были способны исполнить сложные танцевальные движения. Примеры такого поведения, наблюдаемого на ЛСД-сеансах, охватывают диапазон от бушменского трансового танца кунг и других ритуальных танцев Африки, средневосточного танца живота и кружений, подобных суфийской традиции дервишей, до индонезийских форм, практикуемых на Лае или Вали, и символических танцев индийских школ Катакали или Манипури (Танцы Катакали исполняются вдоль Малабарского берега. Они отражают темы, взятые из индийских мифологических источников, таких, как великий эпос Махабхарата и Рамаяна или более поздние — Пураны. Актеры в соответствующих одеяниях изъясняются с помощью мимики и жеста. Танцы Манипури практикуются в маленьком королевстве Манипур в Ассаме. Они отличаются богатым символическим языком, используемым при передаче эпизодов из жизни бога Кришны и его возлюбленной Радхи.).

Коллективные и расовые переживания могут происходить в сочетании с другими видами трансперсональных феноменов, описанных ниже в этой главе. Как предполагалось в предыдущем рассмотрении, они часто включают в себя полное отождествление с отдельными представителями различных культур или с элементами группового сознания. В своей крайней форме они могут охватывать сознание целой расы или всего человечества. Такое расширение индивидуального сознания в переживании до сознания всего человечества может приближаться к юнговскому архетипу Космического Человека. Некоторые из этих феноменов имеют оттенок ясновидения и яснослышания, ясновидящих путешествий, или путешествий в пространстве и времени. Важной характеристикой коллективных и расовых воспоминаний является переживание их испытуемыми на уровне интуитивного проникновения в разнообразие культурных групп в человеческой расе, в примеры из истории человечества или в проявление космической драмы и божественной игры (лилы). В такой ситуации у испытуемого нет ощущения, что он изучает свою собственную биологическую историю — качество, существенное для наследственных переживаний — или что он восстанавливает сцены из своих предшествовавших жизней, что характерно для переживаний прошлых воплощений.

Филогенетические (эволюционные) переживания

Этот тип переживаний включает в себя полное и совершенно реалистическое отождествление с животными на различных уровнях филогенетического развития. Как и в

случае наследственных переживаний, оно сопровождается чувством регрессии в историю. У человека возникает очень живое, убедительное чувство, что животные, с которыми он отождествляет себя, являются частью филогенетической истории и что он таким образом исследует эволюцию видов в природе. Объектами отождествления становятся млекопитающие, птицы, рептилии, амфибии и различные виды рыб, а иногда — менее дифференцированные формы жизни, такие, как насекомые, гастроподы (различные виды улиток), брахиоподы (ракообразные), кефалоподы (спруты и осьминоги), морские анемоны и медузы. Процесс субъективного отождествления, имеющий место в филогенетических переживаниях, довольно сложен и аутентичен. Он может включать в себя ощущение размеров, чувство тела, разнообразие физиологических ощущений, особые эмоции и инстинктивные движения, а также необычное восприятие окружения.

Эволюционные воспоминания имеют особые характеристики в плане переживания, что делает их феноменами *sui generis*. Они весьма отличны от обычных воспоминаний и зачастую явно выходят за пределы человеческой фантазии и воображения. Индивид может, например, отчетливо осознавать, что чувствует змея, будучи голодной, или черепаха, когда она сексуально возбуждена, или колибри, кормящая своих птенцов, или акула, дышащая жабрами. Некоторые сообщали, что они переживали чувство самозабвения и целеустремленности, движущее лососем на его героическом пути против течения реки, ощущения паука, плетущего свою паутину, или таинственный процесс последовательного превращения яйца в гусеницу, куколку и наконец в бабочку.

Отождествление с другими позвоночными может временами сопровождаться физическими проявлениями, доступными объективному наблюдению. Такие переживания могут сопровождаться необычной иннервацией скелетной мускулатуры, изменениями в нейрологических паттернах и моторной активностью, не наблюдаемой у человека при нормальных обстоятельствах. По-видимому, они связаны с выборочной активизацией и автоматическим функционированием так называемой эстрапирамидальной системы и другими архаическими нейронными путями.

Нередко испытуемые, описывающие эволюционные переживания, проявляют поразительную осведомленность относительно животных, с которыми они идентифицировались. Они точно описывают их физические характеристики, привычки и поведенческие паттерны, что далеко превосходит их действительные познания в области естественных наук. Иногда точно описываются брачные танцы, сложные репродуктивные циклы, техника строительства гнезд, паттерны агрессии и защиты и многие другие зоологические и этологические факты, пережитые во время сеанса. Для иллюстрации переживаний этой категории воспользуемся примером из продвинутого сеанса Ренаты.

В какой-то момент сеанса Рената почувствовала свое полное отождествление с самкой одной из огромных рептилий, вымерших миллионы лет назад. Она чувствовала себя сонной и ленивой во время отдыха на песке у большого озера и блаженно грелась на солнце. Во время этого переживания она открыла глаза и взглянула на врача, который, как ей оказалось, трансформировался в приятного самца того же биологического вида. Ее лень мгновенно улетучилась, и она начала испытывать сильное сексуальное возбуждение и влечение. Согласно ее описанию, это чувство не имело ничего общего с человеческим эротическим и сексуальным возбуждением, это был особый и уникальный интерес рептилии и притяжение к противоположному полу. Представление о гениталиях и других частях тела, которые могли бы заинтересовать ее у человеческого партнера, полностью отсутствовало. Она была совершенно очарована ступенчатыми фасетками, которые ей «виделись» на голове терапевта. Один из участков по-видимому, имел такую форму и такой цвет, которые она нашла неотразимыми. Они, казалось, излучали мощные сексуальные вибрации.

Поскольку определенные характеристики этого переживания были необычайно конкретными, я решил проконсультироваться у моего хорошего

приятеля — палеонтолога, специалиста по зоологии, хорошо знакомого с поведением животных. Как я и ожидал, у него не оказалось этологической информации относительно привычек спаривания допотопных рептилий. Однако он предложил мне выдержки из работ по зоологии, указывавшие на то, что у современных рептилий определенные окрашенные участки на голове играют важную роль, вызывая сексуальное возбуждение.

Переживания прошлых воплощений

Это, вероятно, наиболее интересная и загадочная категория трансперсональных переживаний.

Они состоят из фрагментов сцен, индивидуальных событий личного характера или законченных, довольно ясных и логических последовательных эпизодов, происходивших в другой исторический период и в других пространствах. В этом они напоминают элементы расового и коллективного бессознательного и некоторые наследственные переживания. Однако всплывающие во время сеанса события весьма драматичны и обычно сопровождаются интенсивными эмоциями определенного положительного или отрицательного свойства. Существенной характеристикой этих феноменов является то, что можно было бы назвать «качеством переживания прошлых воплощений». Индивид, принимающий участие в этих драматических эпизодах, сохраняет идентичность Эго, хотя и переживает себя в другой форме, другом месте и времени и в другом контексте. Он чувствует себя той же индивидуальной сущностью, что и в реальности. У него сохраняется острое ощущение встречи с **воспоминанием**, ощущение повторного переживания того, что он уже видел и пережил. Это очень специфическое ощущение, и человек чувствует и вне всяких сомнений «знает», что это переживание никоим образом не связано с его теперешней жизнью и является проявлением одного из его прошлых воплощений.

Эти переживания нередки в продвинутых психолитических сеансах, а иногда могут наблюдаться и в первой психоделической сессии с высокой дозой. Знакомство с теорией перевоплощения и вера в нее совсем не обязательны для возникновения таких переживаний. Их появление можно наблюдать на сеансах ученых, которые до этого считали саму идею нелепым суеверием неграмотных и необразованных людей или примитивным культурологическим заблуждением, разделяемым определенными группами индийских фанатиков. Нескольким людям, незнакомым с этой теорией, довелось не только пережить свои прошлые воплощения, но и испытать сложное и детальное интуитивное вхождение в эту область, что поразительно напоминало переживания, упомянутые в различных религиозных и оккультных писаниях. Так, малообразованный рабочий на последней стадии ракового заболевания отчетливо испытал во время своего ЛСД-сеанса полное проникновение в механику прошлых воплощений и действие кармического закона. Он никогда не увлекался чтением и утверждал, что никогда ни с кем не обсуждал эту тему. Поначалу он очень сомневался относительно того, делиться ли своими переживаниями с терапевтом, настолько они показались ему странными и чуждыми. Обсуждая содержание сеанса, он мялся и извинялся, опасаясь, что терапевт примет его за выжившего из ума. Открытие этой трансперсональной области в своем бессознательном помогло ему прямо взглянуть в лицо мрачной действительности и в конечном итоге встретить смерть спокойно и уравновешенно.

Обычно в переживаниях прошлых воплощений участвуют одно или несколько других лиц. Животные как партнеры, редко появляются в таких эпизодах. Если же это происходит, испытуемый чувствует, что получил «кармическое впечатывание» («кармический импринтинг») в сценах, когда его терзал тигр, кусала ядовитая змея, затапывал до смерти дикий слон или поднимал на рога разъяренный бык. Иногда человек, переживающий эпизоды прошлой жизни, остается в них единственным героем. Он может восстановить в памяти горечь, ненависть или зависть, которые, по-видимому, связаны с тяжелой болезнью или со ставшим причиной его увечья несчастным случаем в предыдущем воплощении. Испытуемые также вновь переживают страх и агонию смерти,

настигшей их под оползнем, медленной смерти в болоте или зыбучих песках, гибели во время вулканического извержения и при других катастрофах.

Кармические переживания распадаются на две категории, определяемые качеством вовлеченных эмоций. Некоторые из них отражают высокоэмоциональные положительные связи с Другим лицом. Наиболее частыми являются полное взаимопонимание, взаимовыручка, любовная связь, преданная дружба или духовное участие. Вторая группа состоит из сцен с сильными отрицательными эмоциями. Переживания, принадлежащие к этой группе, бросают испытуемых в ситуации прошлых жизней, отличающиеся невыносимой физической болью, горечью, гневом и злобной агрессией, нечеловеческим ужасом и мучительной страстью, безумной завистью или патологической жадностью и алчностью. Многие из тех, кто описывает подобные феномены, чувствуют, что все вышеперечисленные отрицательные эмоции, усилившись сверх предела, становятся очень сходными между собой. Таким образом, существует универсальный эмоциональный паттерн, представляющий собой общий знаменатель всех этих эмоций. Это — состояние высокого эмоционального и биологического возбуждения, в котором все аффективные модальности собираются в «тигель» качеств нечеловеческого и бесчеловечного опыта и сходятся в точку, где звериные аспекты человека достигают метафизического масштаба. Какое-то время с соответствующей литературой люди приравнивают это недифференцированное возбуждение к понятиям *trnsna* или *tanha*, жажде плоти и крови, которая, согласно буддийским учениям, есть сила, приводящая в движение цикл рождений и смертей и ответственная за всякое страдание. Именно это переживание неспецифической аффективной активизации впечатывается как незаконченный **гештальт**, который в последующих жизнях требует повторения и разрешения. Такая кармическая фиксация, переживаемая во время ЛСД-сеанса, не может быть проработана только лишь полным повторным переживанием всех болезненных эмоций, связанных с разрушительной кармической сценой. Для достижения удовлетворительного результата переживающий должен выйти за пределы события эмоционально, этически и духовно, подняться над ним и в конце концов простить и обрести прощение. Испытуемые неоднократно заявляли, что по их ощущениям, нет разницы, были ли они источником зла или жертвой в отрицательной кармической ситуации. Как оказалось, впечатывается двоичный травматический паттерн. На глубоком уровне эмоциональное состояние садиста-мучителя аналогично состоянию испытывающего мучения, и яростный порыв убийцы сплавляется с мукой умирающей жертвы. Неспособность простить и переступить через свое страдание, оказывается, столь же способствует «кармическому впечатыванию», как и активно совершаемая несправедливость и насилие.

Переживания прошлых воплощений в ЛСД-сеансах иногда предваряются интуитивными прозрениями, которые ставят человека перед фактом перевоплощения, заставляют его принять ответственность за свои прошлые действия и понять закон кармы как важную часть космического порядка, обязательного для всех чувствующих существ. Помимо этой общей информации, такие прозрения могут охватывать детали процесса повторного рождения и необходимые предварительные условия кармического освобождения. Согласно отчетам испытуемых, законы перевоплощения близко связаны с наследственными и генетическими линиями человека, но в действительности независимы от них. Во время зачатия индивидуальной духовной сущности происходит воплощение в таком физическом теле, которое соответствует ее кармическому прошлому (называемому в мистической литературе записью в **акаша-хронике**). Этот выбор телесности обходит законы наследственности и генетики.

Разрешение во время сеанса кармического переплетения и освобождение от его связей вызывают ощущение огромного свершения и триумфа. Часто человек чувствует, что он ждал этого события и работал в течение веков, чтобы приблизиться к нему, и что, даже если он ничего более не достиг в этой жизни, она все равно плодотворна и успешна, поскольку в ней в конце концов были разрушены кармические связи. Разрешение одного-единственного кармического узла может таким образом привести к чувству неопишуемого блаженства. Значимость и уместность такого события, по-видимому, диктуется космическими причинами и лежит за пределами постижения переживающего. В нескольких случаях оно сопровождалось переживанием гигантского «кармического

урагана или циклона», несущегося через века и рвущего кармические цепи, связанные со сценами из различных жизней. Такие сцены можно считать вторичными производными и повторением «первичного впечатывания», нашедшего свое разрешение в сеансе. Эти феноменологические события имеют определенное сходство с некоторыми субъективными переживаниями, которые сопровождали усилия Будды в поисках просветления.

Наверное, пока еще не пришло время обсуждать проблему происхождения этих переживаний и их онтологическую подлинность. Однако нет сомнений, что они представляют собой тот же самый феномен, который на протяжении веков описывался во многих религиозных, философских и мистических школах, а также известен в космологии некоторых африканских и американских культур, в орфическом культе, в философии Платона, у ранних христианских мыслителей и в главных религиях Индии — прежде всего в индуизме, буддизме и джайнизме.

Предвидение, ясновидение, яснослышание и «путешествия во времени»

Наиболее характерными феноменами экстрасенсорного восприятия (ЭСВ) в этой группе являются выход за пределы обычных временных ограничений и, как результат, расширение сознания во времени. Иногда, особенно в продвинутых сеансах психолитической серии, испытуемые сообщают о предвидении событий будущего. Временами они становятся свидетелями сложных и детальных сцен таких событий в форме живых ясновидческих сцен и могут даже слышать их акустическое сопровождение — от обычных звуков повседневной жизни, музыкальных фраз, отдельных слов и целых предложений до звуков, производимых различными двигателями, и разнообразных предупреждающих сигналов (пожарных машин, машин «скорой помощи»). Некоторые из этих переживаний в различной степени совпадают с действительными событиями, случающимися позднее. Объективная проверка в этой области может оказаться особенно трудной. Если такие случаи не записаны и строго не документированы во время ЛСД-сеанса, то возникает серьезная опасность искажения данных. Свободная интерпретация событий, искажение памяти и вероятность феномена *deja vu* при восприятии этих случаев — вот лишь некоторые из возможных ловушек. Для феноменов ЭСВ на ЛСД-сеансах следует сделать одно общее замечание. Объективная лабораторная проверка показала, что увеличение экстрасенсорных способностей не является постоянным и стандартным аспектом действия ЛСД. Однако состояния, ведущие к различным паранормальным феноменам и характеризующиеся необычно высоким процентом ЭСВ, входят в состав многих ментальных состояний, которые могут возникать под воздействием этого препарата.

Другим интересным элементом в данной категории является переживание «путешествия во времени». В этом случае испытуемый убежден, что может выйти за пределы временных ограничений по своей воле и переместиться в любое другое время способом, напоминающим перемещение в машине времени из научной фантастики. Человек чувствует причинную связь между своим преднамеренным выбором этого временного периода и вытекающими из него субъективными переживаниями. Обычно такой выбор сочетается с подобным выбором места переживаемых событий. Чувство испытуемого, что он совершает свободный выбор, отличает эти переживания от спонтанных, стихийных и неконтролируемых переживаний эпизодов детства, наследственного опыта или каких-то аспектов коллективного и расового бессознательного.

Выход за пределы «Я» в межличностных отношениях и переживание единства диады

Этот тип трансперсональных феноменов характеризуется выходом за обычные пространственные пределы сознания. Испытуемый переживает различную степень

освобождения и утраты границ своего Эго и слияния с другой личностью в состоянии союза и единства. Одновременно с этим человек всегда сохраняет осознание своей собственной идентичности, своего «Я». В ЛСД-сеансе это единство двух может переживаться в отношении психотерапевта, его ассистентов, членов семьи или других лиц. Оно может возникнуть полностью во внутреннем пространстве испытуемого на чисто субъективном уровне и совершенно не зависеть от лиц, действительно присутствующих на сеансе. Типичными примерами этой категории являются симбиотический союз между матерью и ребенком, слияние с сексуальным партнером (при половом соединении или же без него) и ощущение единства с духовным учителем в отношениях «гуру-ученик». Переживание единства диады сопровождается глубоким чувством любви и святости таких отношений.

Отождествление с другими лицами

В отличие от предыдущей трансперсональной группы, здесь испытуемый чувствует полное отождествление с другой личностью и в значительной степени утрачивает осознание своей собственной индивидуальности. Это отождествление всеобъемлюще. Оно включает в себя представление о теле, эмоциональные реакции и отношения, психологические характеристики, выражение лица, типичные жесты и манеры, позы, движения и даже интонацию голоса. Есть много разных форм и уровней этого переживания. Так, восстановление в памяти травмирующих событий детства с несколькими участниками часто происходит с одновременным или перемежающимся отождествлением себя со всеми Действующими лицами. Это может придать трансперсональный оттенок другим переживаниям, которые в иных случаях рассматривались бы как сугубо личные. Здесь же испытуемый совершенно независимо может отождествиться со своими детьми, родителями и другими близкими родственниками, с друзьями, знакомыми и учителями. Иногда этот процесс включает известных политиков, ученых и художников или типичных представителей различных профессиональных, этнических и расовых групп. Столь же часты отождествления со знаменитыми историческими фигурами или духовными учителями. Перечень лиц, возникающих при подобных переживаниях на сеансах, был бы слишком длинным. Упомянем лишь несколько знаменитых персонажей, появляющихся чаще других. Это Альберт Эйнштейн, Рихард Вагнер, Людвиг ван Бетховен, Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонаротти, Галилео Галилей, Франц Кафка, Чингисхан, император Нерон, Адольф Гитлер, Иосиф Сталин, Авраам Линкольн, Джон Ф. Кеннеди, св. Франциск Ассизский, св. Тереза, Иисус Христос, Будда, Шри Рамана Махариши.

Отождествление с группой и групповое сознание

Эта категория характеризуется дальнейшим расширением сознания в пространстве. Вместо идентификации с отдельными лицами испытуемый проявляет глобальное осознание целой группы людей. Фактором, объединяющим и характеризующим членов такой группы, может быть принадлежность к определенной расе, национальности, культурное наследие, религия, профессия, разделяемая этими людьми идеология или их общая судьба. Таким образом, можно переживать роль евреев, гонимых в течение столетий, преследуемых и мучимых римлянами христиан, жертв испанской инквизиции или узников нацистских концентрационных лагерей. Можно ощутить религиозный порыв мусульман во время их паломничества в Мекку, чувства, владеющие индусами при омовении в Ганге, или фанатизм крайних религиозных сект, таких, как флагелланты, «держатели змей» или русские скопцы. В ЛСД-сеансе можно пережить тотальность страдания всех солдат, погибших на полях сражений с самого начала истории, революционный пафос всех коммунистов мира, одержимых идеей свергнуть все капиталистические режимы, или доброту всех матерей, любящих своих детей и заботящихся о них. В этих переживаниях можно отождествиться с целым социальным классом или кастой и даже с населением целой страны. В предельном варианте отождествления с группой испытуемый может пережить расширение своего сознания до охвата каждого члена человеческой расы — буквально всего человечества.

Отождествление с животными

Эти часто возникающие феномены во многих отношениях подобны ранее описанным филогенетическим переживаниям. Отождествление с различными животными одинаково аутентичны и реалистичны. В обеих группах может содержаться интересная и точная информация по зоологии, этологии и психологии животных. Основное различие между ними состоит в том, что простое отождествление с животным не сопровождается психологической регрессией во времени и осознанием себя в качестве исследователя эволюционных линий филогенетического развития.

Важно отличать истинное отождествление с животными от значительно более поверхностной трансформации в животное. Трансформация относится к психодинамическому уровню бессознательного и имеет символическое значение и динамическую структуру, не отличимую от подобной в сновидениях. Человек обычно распознает ее как скрытое послание относительно его личностных характеристик или его жизненной ситуации и потому остается открытым для психоаналитического подхода. Символическую стилизацию под хищника — такого, как тигр, лев или черная пантера, можно расшифровать как выражение сильной агрессивности пациента. Трансформация в обезьяну может представлять полиморфно-извращенные тенденции и несдерживаемое потакание генитальным и прегенитальным удовольствиям. Сильное сексуальное влечение может ассоциироваться с жеребцом или быком. Если же оно содержит сильный компонент похоти и неразборчивости, его можно идентифицировать с диким кабаном. Черта мужского тщеславия и сексуально окрашенного эксгибиционизма может быть выставлена на осмеяние символическим представлением индивида в виде петуха, кукарекающего на навозной куче. Символ осла или вола связан с глупостью, мул указывает на упрямство, а свинья может олицетворять небрежность, неряшливость и моральные изъяны.

А настоящее отождествление с животным — это ярко выраженное трансперсональное переживание. Это феномен *suī generis*, он не может быть производным от другого материала бессознательного и интерпретироваться символически. С животными связаны три вида ЛСД-переживаний: символические трансформации в животных, отождествление с животными и филогенетические воспоминания. Каждый из них наделен своими специфическими чертами. Люди, встретившиеся со всеми тремя видами переживания, легко отличают одно от другого.

Отождествление с растениями

Примеры переживания сознания различных растительных форм наблюдаются значительно реже описанных выше. Испытуемый, настроившийся на эту сферу, испытывает неповторимое чувство свидетельства и сознательного участия в основных физиологических процессах растений. Он может ощутить себя вызванным к жизни семенем, листом в процессе фотосинтеза, корнем, тянущимся в поисках воды и пищи. В других случаях возможно отождествление с росянкой или другими плотоядными растениями, с планктоном в океане, возможен опыт опыления или клеточного деления при росте растений. Некоторые испытуемые упоминают о своих свидетельствах ботанических процессов на молекулярном уровне. Они осознают биохимический синтез, лежащий в основе производства ауксинов (веществ роста), растительных пигментов, масел, сахара, ароматических веществ и различных алкалоидов.

Переживание растительного сознания представляет собой интересную категорию трансперсональных феноменов. Не важно, насколько фантастичным и абсурдным может показаться их содержание здравому смыслу, их нелегко отбросить как простую фантазию. Они случаются независимо друг от друга у различных индивидов на продвинутых стадиях лечения и наделены специфическим оттенком переживания, который почти невозможно передать словами. Нелегко идентифицировать их источник в бессознательном или дать им объяснение, исходя из более привычного бессознательного материала. Столь же неясна и причина, по которой возникают эти переживания.

Элементы растительного сознания могут сопровождаться формированием и восприятием философских и духовных идей и интуиций. Например, некоторые размышляли над чистотой растительного существования, лишённого всякой эгоистичности, и видели растительную жизнь в качестве модели идеального человеческого поведения. В отличие от животных и человека большинство растений никого не убивают и не живут за счет других организмов. Растения находятся в непосредственном контакте со всеми четырьмя стихиями: землей, водой, воздухом и огнем (солнцем), а их способность трансформировать космическую энергию абсолютно незаменима для жизни на нашей планете. Растения не обременены вопросами «для чего?» и «почему?», они не испытывают озабоченности будущим. Они скорее представляют чистое бытие здесь и теперь — идеал многих мистических и религиозных школ. Никакой эксплуатации, никакого вреда другим организмам, большинство из них сами служат источником пищи и несут в жизнь красоту и радость. Несколько человек, имевших переживания растительного сознания, почувствовали, что теперь понимают значимость научных исследований, касающихся чувствительности растений, — таких, как работы Джагадиша Чандры Боуза в Калькутте и Дарджилинге или недавние эксперименты, проведенные Кливом Бакстером.

Отождествление себя с огромными деревьями-долгожителями — такими, например, как секвойя и красное дерево, — переживалось в сеансах как вневременное и центрированное сознание, не затрагиваемое суетой и смятением внешнего мира. Другие интуитивные прозрения, связанные с подобными переживаниями, относились к мистическому и религиозному ореолу вокруг некоторых растений. Наиболее уместными примерами здесь будут символы лотоса в буддизме и зерна в космологии североамериканских индейцев, обожествление сомы древними ариями, использование омелы в ритуалах друидов и сверх всего этого — религии и культы, построенные вокруг психоделических растений, например, вокруг пейота и мексиканских священных грибов. Во многих случаях такие переживания имели чисто практические следствия: очарование чистотой растительного мира (вместе с отрицанием страдания в перинатальных сеансах) вело к признанию ценности вегетарианской диеты.

Единство с жизнью и со всем творением

Иногда испытываемые могут чувствовать, что их сознание расширилось настолько, что оно способно охватить всю полноту жизни на планете — все человечество, всю флору и фауну, от одноклеточных организмов до высокодифференцированных видов. Человек может отождествиться с филогенетической эволюцией жизни во всей ее сложности и достичь интуитивного понимания всех лежащих в ее основе биологических законов. Он может исследовать факторы, влияющие на возникновение новых видов, или факторы, ответственные за их исчезновение, и видеть действие дарвиновских и ламарковских законов, определяющих «выживание наиболее приспособленных». Подобные интуитивные прозрения можно пережить и в отношении взаимодействия между различными формами жизни во всем многообразии их синергии и антагонизма в рамках планетарной экологии. Сознание всей живой материи может быть связано и с исследованием противоречий и конфликтов, внутренне присущих жизни, и с попытками оценить относительную мощь сил, сохраняющих жизнь (в противоположность саморазрушительным) и с оценкой жизнеспособности всего живого как космического феномена. Переживания такого рода могут в результате привести к более глубокому пониманию экологических проблем, связанных с ускоренным технологическим развитием и интенсивной индустриализацией.

Сознание неорганической материи

Расширение сознания во время ЛСД-сеансов не ограничивается миром биологии. Эти переживания включают макроскопические и микроскопические феномены неорганической природы. Испытуемые не раз сообщали, что переживают океаническое сознание, отличающееся своей безвременностью, текучестью, всеохватывающим качеством и умиротворенностью, парадоксальным сочетанием неизменности и динамических перемен.

В других случаях они идентифицировали себя как «сознание огня» с его подвижностью, непостоянством, склонностью создавать и разрушать формы, с его потенциалом очищения. Довольно общим является осознание сил, высвобожденных в природных катастрофах. Разрушительные и созидательные (горообразующие) вулканические извержения, динамическое напряжение и перемещение толщи земной коры при землетрясениях, сила воздушных течений во время бурь — вот лишь несколько наиболее ярких примеров. Современное технологическое разнообразие также находит отражение в сеансах. Можно исследовать сознание компьютера или отождествиться с реактивным самолетом, спутником и другими современными изобретениями. Многие испытуемые переживали сознание определенных материалов. Наиболее часто это был алмаз, гранит, золото и сталь. Подобные переживания могут касаться даже микромира и описывать динамическую структуру атомов, природу электромагнитных сил, мир межатомных связей или броуновский «танец» молекул.

В свете этих переживаний испытуемые часто допускают возможность того, что сознание есть основной космический феномен, организующий энергию и существующий во всей Вселенной. В этом контексте человеческое сознание оказывается лишь одной из многих его разновидностей. Эпизоды опыта в сознании неорганической материи могут сопровождаться различными интуитивными прозрениями религиозного и философского характера. Они могут нести новое понимание анимизма и пантеизма, параллелей между духовным состоянием и материальными субстанциями, как это описано в алхимических текстах, в доктрине Эмпедокла о четырех элементах, или понимание значения, которое имеет вода в даосских учениях. Человеку, погружавшемуся сознанием в гранит или в вулканические процессы, легко понять, почему индусы видят Гималаи как образ раскинувшегося Шивы или почему гавайцы поклоняются скрытым в вулканических извержениях силам в образе богини Пеле. Опыт сознания, стабильного, неизменного и долговечного вещества воспринимается как высокодуховное состояние, включающее элемент святости. Некоторые лица, пережившие интуитивное восприятие Гималаев, как их понимают индусы, гранитных египетских изваяний или золотых статуй доколумбовой Америки, утверждают, что все эти творения — не метафоры божеств и не их образы. Они *действительно были* богами. Поклонению подлежало неизменное, вечное и недифференцированное сознание этих материалов, ибо оно явно отличалось от изменчивого, намеренно фокусируемого и хаотичного состояния сознания, присущего человеческим существам.

Планетарное сознание

Этот редкий феномен обычно наблюдается в продвинутых ЛСД-сеансах. В этом переживании сознание субъекта как бы охватывает все аспекты нашей планеты, включая ее геологическую субстанцию, неорганические материалы на ее поверхности и совокупность всех жизненных форм. С этой точки зрения Земля оказывается сложным космическим организмом с различными аспектами геологической, биологической, культурной и технологической эволюции, которые рассматриваются как попытка достичь более высокого уровня интеграции и самореализации.

Экстрапланетарное сознание

Речь идет здесь о переживании явлений, связанных с небесными телами и с астрономическими событиями в нашей солнечной системе или же вне ее. В связи с этим отчеты разных испытуемых упоминают условия на поверхности Луны, термоядерные процессы внутри Солнца, необычные физические условия на разных планетах, взрывающиеся сверхновые, квазары и пульсары и сжатие огромных звезд, ведущее в конечном итоге к появлению «черных дыр» во Вселенной. Особый вид переживания, входящий в эту категорию, — это сознание межзвездного пространства, описанное в нескольких случаях различными лицами. Оно характеризуется чувством безграничности и вечности, спокойствия и безмятежности, чистоты и единства всех противоположностей. Оно, по-видимому, имеет свое духовное дополнение в переживании пустоты, описанном далее в этой главе.

Лица, знакомые с математикой и физикой, иногда сообщают, что многие из понятий этих дисциплин, которые ускользают от рационального понимания, могут стать более постижимыми и даже могут быть пережиты в измененных состояниях сознания. Способствующие постижению непознанного интуитивные прозрения охватывают такие теоретические системы, как неевклидова геометрия, римановская геометрия n-мерного пространства, пространство-время Минковского, а также специальную и общую теории относительности Эйнштейна. Относительность времени и пространства, кривизна пространства, идея бесконечной, но замкнутой на себя Вселенной, взаимопереход материи и энергии, различные порядки и, степени бесконечности, нули различных величин — все эти трудные построения современной физики и математики иногда понимались и фактически субъективно переживались в психоделических сеансах.

Внетелесный опыт, ясновидящие и яснослышащие путешествия, «путешествие в пространстве» и телепатия

Эта группа ЭСВ может быть понята в терминах расширения сознания за обычные пространственные пределы. Ощущение выхода из своего тела — частое явление на ЛСД-сеансах. Некоторые люди ощущали себя полностью отделенными от своего физического тела, парящими над ним или наблюдавшими его из другой части комнаты. Иногда испытуемый утрачивал осознание физического окружения во время сеанса, и тогда его сознание перемещалось в различные области опыта и субъективные реальности, кажущиеся независимыми от материальной реальности. Менее часто это переживание принимало форму ясновидящего и яснослышащего путешествия, в котором индивид чувствовал себя переносимым в другие места в физическом мире и был способен детально описать ситуацию, с которой он сталкивался. Попытки проверить такое экстрасенсорное восприятие приносили порой очень интересные результаты.

Испытуемый переживал иногда такое чувство, будто он может активно контролировать подобные процессы, выходить за обычные пространственные пределы и переноситься в любое произвольно выбранное место. Ниже приведен пример такого «путешествия в пространстве», взятый из тренировочной сессии психиатра. Он иллюстрирует природу этих феноменов и показывает те трудности, которые могут возникнуть в том случае, если индивид попытается экспериментировать на границе двух реальностей и подвергнет свое переживание жесткой проверке.

«Первые три часа моего ЛСД-сеанса были прожиты в фантастической битве сил Света и Тьмы.

Это явилось прекрасной иллюстрацией к тому месту древнеперсидской Авесты, где описывается битва между армиями Ахура Мазды и Аримана. Я сражался на всех возможных уровнях — в клетках и тканях моего тела, на поверхности нашей планеты на протяжении всей ее истории, и в космическом пространстве, и на метафизическом, трансцендентальном уровне. Временами меня охватывала чувство, даже уверенность в том, что битва, которой я стал свидетелем и которую переживал сам, как-то связана с отношениями между духом и материей, особенно с «пойманностью» духа в материи.

После битвы я оказался в довольно необычном состоянии ума я испытывал смесь безмятежности и блаженства с наивной и примитивной верой в духе ранних христиан. Это был мир, в котором чудеса были возможны, приемлемы и понятны. Я был занят проблемами времени и пространства, а также неразрешенными парадоксами бесконечности и вечности, которые ставят в тупик наш рассудок в обычном состоянии сознания. Недоумевал, как можно было позволить, чтобы мне до такой степени «прочистили мозги», что я принял примитивную теорию линейного и необратимого времени и трехмерного пространства как законную и существующую в объективной реальности. Мне стало совершенно очевидно, что в области духа нет

никаких пределов, а время и пространство — лишь произвольные построения ума. Можно создать намеренно любое число пространств с различным порядком бесконечностей и пережить их. Как оказалось, одна секунда и вечность свободно взаимозаменяемы. Я задумался над высшей математикой и увидел глубокие параллели между различными математическими понятиями и измененными состояниями сознания.

В этой ситуации меня вдруг осенила мысль, что незачем связывать себя ограничениями пространства и времени и что можно путешествовать в пространственно-временном континууме совершенно произвольно и без всяких ограничений. Это чувство было настолько убедительным и сильным, что мне захотелось проверить его экспериментально. Я решил переместиться в свой родной город, находившийся в тысячах миль от места моего пребывания. После визуализации направления и расстояния я привел себя в движение и попытался полететь через пространство к месту назначения. Это усилие привело в результате к переживанию полета с огромной скоростью, но, к моему огорчению, ничего не получилось. Я прекратил этим заниматься и пересмотрел ситуацию: было непонятно, почему опыт не удастся при моей полной убежденности, что такое пространственное перемещение возможно. И тут я понял, что все еще пребываю под влиянием своих старых теории времени и пространства, Я продолжал думать на языке направлений и расстояний и подходил к задаче в соответствии с ними. Неожиданно мне пришло на ум, что следовало бы заставить себя поверить, что место сеанса было фактически идентичным с местом назначения. Когда я подошел к задаче таким образом, я пережил особое и странное ощущение. Я обнаружил себя в странном месте, переполненном лампами, проводами, резисторами и конденсаторами. После некоторого замешательства я понял, что попал в телевизор, расположенный в углу одной из комнат дома, где прошло мое детство. Я попытался воспользоваться громкоговорителями для слышания, а трубкой для видения. Неожиданно мне стало ясно, что это переживание явилось символическим выражением, иронией по отношению к тому, что я все еще придерживаюсь своих старых представлений относительно пространства и материи. Единственный способ передачи образов на большие расстояния, постижимый и приемлемый для меня, основывался на использовании электромагнитных волн — как в телевизионной передаче. Такая передача, конечно, ограничена скоростью этих волн. В тот момент, когда я понял и твердо поверил, что могу действовать в области свободного духа и не должен ограничиваться даже скоростью света или других видов электромагнитных волн, переживание быстро изменилось. Я прорвался через телевизионный экран и обнаружил, что брожу по дому моих родителей. Я не чувствовал какого-либо действия препарата в этот момент, переживание было таким же трезвым и реальным, как любое другое переживание в моей жизни. Я подошел к окну и посмотрел на часы на углу улицы. Они показывали разницу в пять часов по сравнению с временем зоны, где проходил эксперимент. Вопреки факту, что это различие отражало действительную разницу времени между двумя зонами, я не нашел это убедительным свидетельством. Я знал временную разницу интеллектуально, и мой ум мог легко сфабриковать это переживание.

Я почувствовал, что нуждаюсь в более убедительном доказательстве «объективной реальности» моего переживания в обычном смысле. В конце концов я решил провести тест: взять картину со стены и позднее проверить через своих родителей, не случилось ли чего-нибудь необычного в их квартире в это время. Я подошел к картине, но, прежде чем смог дотронуться до рамы, меня охватило чрезвычайно неприятное чувство, что это в высшей степени рискованное и опасное предприятие. Я неожиданно почувствовал сверхъестественное влияние злых сил и прикосновение чего-то «черномагического» — казалось, что я ставлю на карту свою душу. Я остановился и начал анализировать, что же произошло. Образы из

различных знаменитых на весь мир казино начала вспыхивать перед моими глазами — Монте-Карло, Лидс, Лас-Вегас, Рено... Я увидел шар рулетки, летящий с бешеной скоростью по спирали, механические движения игровых автоматов, игральную кость, прыгающую на зеленом сукне во время азартной игры в кости, сцену с игроками в баккара и мигающий свет панелей игровых автоматов. За этим последовали сцены секретных совещаний государственных деятелей, политиков, армейских чинов и прочих высокопоставленных лиц. Я понял, что еще не вышел из своего эгоцентризма и не смог бы противостоять искушениям властью. Возможность выйти за пределы времени и пространства оказалась пьянящей и опасно соблазнительной. Если бы я имел контроль над временем и пространством, мне бы оказались доступны неограниченные денежные суммы и все то, что дают деньги. В таких обстоятельствах оставалось лишь отправиться в ближайшее казино, на фондовую биржу или в лотерейную контору. Никаких секретов не существует для того, кто контролирует время и пространство. Он может подслушать важнейшие беседы политических лидеров и иметь доступ к важнейшим секретным исследованиям. Это открыло бы невообразимые возможности для контроля за ходом мировых событий.

Я начал осознавать всю рискованность моего эксперимента. Вспомнил отрывки из разных книг, предупреждавших об опасностях игры с этими силами до тех пор, пока не выйдешь за пределы ограничений Эго и достигнешь духовной зрелости. Но было и нечто, более относящееся к делу. Я обнаружил, что испытываю двоякое чувство относительно исхода своей проверки. С одной стороны, представлялось чрезвычайно соблазнительным использовать способность освободить себя от временной и пространственной зависимости. С другой — было совершенно очевидно, что нечто подобное этому имело далеко идущие и серьезные последствия и не могло рассматриваться как изолированный эксперимент произвольного контроля пространства. Если бы я смог получить подтверждение, что можно манипулировать физическим окружением с расстояния в несколько тысяч миль, вся моя вселенная рухнула бы и коллапсировала в результате одного этого эксперимента, и я оказался бы в состоянии полного метафизического замешательства. Мир, как я его знал, уже не существовал бы более. Я потерял бы все карты, на которые опирался и с которыми чувствовал себя уверенным. Я не знал бы, кем, где и когда я был, и потерялся бы в этой пугающей вселенной, законы которой были бы мне незнакомыми и чуждыми.

Я не смог заставить себя пройти через намеченный эксперимент и решил оставить проблему объективности и реальности неразрешенной. Это давало мне возможность играть с идеей, что я покорию пространство и время, и вместе с тем это позволяло мне, в случае если вся эта история станет слишком угрожающей, рассматривать весь эпизод как одно из многих курьезных самообманов вследствие интоксикации моего мозга мощным психоделическим препаратом. В тот самый миг, когда я отказался от эксперимента, я снова обнаружил себя в комнате, где проходил сеанс.

Я никогда не смогу себе простить, что упустил возможность завершить такой уникальный и фантастический эксперимент. Память о метафизическом ужасе, возникшем во время этой проверки, заставляет меня во многом усомниться, однако буду ли я мужественнее, если получу подобный шанс в будущем?»

Иногда в психоделических сеансах можно наблюдать телепатические переживания. Чувство уверенности испытуемого, что он может читать мысли людей, присутствующих на сеансе, или настроившись на людей в других частях мира, чаще является самообманом, чем объективно проверяемым фактом. Помимо грубых искажений и ложных интерпретаций, есть, однако, и ситуации, отчетливо указывающие на настоящую экстрасенсорную чувствительность. Согласно этому, испытуемый может необычайно точно

осознавать эмоции и мысленный настрой людей, присутствующих на сеансе, даже не видя их. Два индивида, проходящие сеанс одновременно, могут разделять многие идеи или параллельные переживания без явной вербальной коммуникации и обмена. В исключительных случаях заявление испытуемого о телепатическом контакте на отдаленном расстоянии может найти поддержку в объективном свидетельстве, полученном путем независимого исследования.

Сознание органа, ткани, и клетки

В этом типе переживаний сознание индивида ограничивается более узкой областью, чем обычное осознание тела. В большинстве случаев оно включает части тела и физиологические процессы, которые при нормальных обстоятельствах недоступны осознанию. Такие феномены сочетают в себе пространственное сужение сознания с его функциональным расширением. Испытуемые в таком состоянии ощущают настроенность на сознание различных органов и тканей своего тела. Они могут оказаться свидетелями работы сердечной мышцы, открытия и закрытия сердечных клапанов. Возможно также наблюдение за функционированием печени, производством и накоплением желчи, за пищеварительными процессами, за функциями желудочно-кишечного тракта или любого другого органа. В этом состоянии сознание часто регрессирует вплоть до клеточного уровня или даже до субклеточных процессов. Иногда испытуемые утверждают, что они переживали себя в качестве нейронов в их собственном мозгу, белых и красных кровяных шариков, эпителия матки или зародышевых клеток. Нередко сообщается о переживаниях идентификации себя с яйцеклеткой и спермой во время зачатия. Другим интересным феноменом является сознательное исследование клеточного ядра и генов в хромосомах; это может сочетаться с ощущением чтения собственного кода ДНК. Как и в случае других трансперсональных переживаний, эпизоды сознания органа, ткани и клетки могут ассоциироваться со многими конкретными догадками. Различные детали, касающиеся анатомии, гистологии, физиологии и химии тела, обнаруженные в отчетах, часто раскрывают уровень информированности испытуемого, которого у него не могло быть до сеанса. Некоторые из феноменов данной категории очень напоминают сцены из фильма «Фантастическое путешествие». Ссылки на него можно нередко найти в описаниях переживаний такого рода после приема ЛСД.

Следующий отрывок из тренировочного ЛСД-сеанса одного психиатра содержит несколько хороших примеров переживания клеточного и тканевого сознания.

Самые интересные эпизоды этого сеанса еще только начинались. Мое сознание становилось все менее и менее дифференцированным, и я начал испытывать странное возбуждение, не похожее ни на что, прежде встречаемое в жизни. Средняя часть моей спины генерировала ритмические импульсы, и у меня сложилось чувство, что меня толкают сквозь пространство и время к какому-то неведомой цели. У меня было весьма смутное осознание конечного места назначения, но миссия казалась одной из важнейших. Через некоторое время, к моему крайнему изумлению, я оказался способен опознать себя как сперматозоид, а взрывные регулярные импульсы генерировались биологическим задатчиком ритма и передавались к длинным жгутикам, которые постоянно вибрировали. Я был захвачен лихорадочной гонкой к источнику некоторого химического послания, наделенного таким соблазном, которому невозможно было противостоять. Тогда я понял, что цель состояла в том, чтобы достигнуть яйца, проникнуть в него и оплодотворить. Вопреки факту, что вся сцена в целом показалась бы абсурдной и смехотворной моему трезвому научному уму, я не смог устоять перед соблазном участвовать в этой гонке со всей серьезностью и с полной затратой сил.

Переживая себя в качестве сперматозоида, вступившего в конкурентную борьбу за яйцо, я осознавал и все происходившие процессы. То, что происходило, имело основные характеристики физиологического события,

как его изучают в медицинских школах; было, однако, много дополнительных размерностей, далеко превосходящих все то, что можно было бы нафантазировать, будучи в обычном состоянии ума. Сознание сперматозоида было целым автономным микрокосмом, своей собственной вселенной. Имело место ясное осознание биохимических процессов в нуклеоплазме. В атмосфере ядра я мог распознать структуру хромосом, отдельных генов и молекул ДНК. Я мог воспринимать их физико-химическую конфигурацию как одновременное присутствие родовой памяти предшествующих филогенетических форм, нуклеарных форм исторических событий, мифов и архетипических образов. Генетика, биохимия, мифология и история, казалось, неразделимо сплелись и были просто различными аспектами одного и того же феномена. Микромир сперматозоида подвергался влиянию и управлялся некоторыми силами, изменяющими и определяющими исход гонки. Они, по-видимому, имели форму кармических, космобиологических и астрологических силовых полей.

Возбуждение этой гонки нарастало с каждой секундой, и горячечный темп, казалось, возрос до такой степени, что напоминал полет космического корабля, достигающего скорости света. Затем наступила кульминация в форме триумфального внедрения и экстатического слияния с яйцом. Во время этой гонки сперматозоидов мое сознание попеременно становилось сознанием спермы, стремящейся к своему назначению, и сознанием яйца со смутным, но сильным ожиданием огромного события. Во время зачатия эти две расщепленные единицы сознания соединились, и я стал одновременно обеими половыми клетками. Довольно странно, но обе стороны, по-видимому, интерпретировали одно и то же событие как индивидуальный успех, а равно и общий триумф. Обе они выполнили свою миссию: сперма — проникновение и внедрение, яйцо — присоединение. Это был единый акт, включающий двух участников и ведущий в результате к удовлетворению обеих сторон. Я понял, что это — идеальная модель не только для соединения мужского и женского в сексуальном взаимодействии, но и в общем для межличностных ситуаций. Задача, по-видимому, состоит в том, чтобы организовать обстоятельства таким образом, чтобы все участники интерпретировали исход как свой личный успех. Одновременно я увидел, каким образом сложность и многообразие существующих интерпретирующих конструкций сделали возможным нечто, подобное этому.

После слияния зародышевых клеток переживание продолжалось все в том же горячечном темпе, заданном гонкой сперматозоидов. В спрессованном и ускоренном виде я пережил эмбриогенез, следующий за зачатием. Снова имело место полное осознание биохимических процессов, клеточного деления и роста тканей. Нужно было выполнить многочисленные задачи и пройти критические периоды. Я стал свидетелем дифференциации тканей и формирования новых органов. Сам стал жаберными дугами, пульсирующим сердцем плода, колоннами клеток печени, слизистыми кишечными стенками. Эмбриональное развитие сопровождалось огромным освобождением энергии и света. Я чувствовал, что этот слепящий золотой свет имеет какое-то отношение к биохимической энергии, включенной в стремительный рост клеток и тканей. Наконец, я испытал совершенно определенное чувство завершения внутриутробного развития. Это снова переживалось как огромное свершение — индивидуальный успех и триумф творческих сил природы.

Даже вернувшись в свое обычное состояние сознания, я сохранил ощущение, что это переживание окажет серьезное воздействие на мою самооценку. Не имело значения, какой оборот примет моя жизнь, я уже достиг двух несомненных успехов: выиграв гонку сперматозоидов в состязании миллионов и с успехом завершил задачу эмбриогенеза. Хотя мой

рассудок и толкал меня к снисходительной улыбке, когда я размышлял над этой идеей, стоявшие за ней эмоции были сильными и убедительными.

Спиритические и медиумические переживания

Эти редкие переживания очень напоминают феномены, известные по спиритическим сеансам и оккультной литературе. Испытуемый может, например, неожиданно войти в состояние, аналогичное медиумическому трансу.

Рисунок, отражающий «спиритическое» переживание Даны в одном из ее ЛСД-сеансов.

Испытуемая оживила воспоминание о смертельной агонии своего отца, свидетелем которой она стала в детстве. После свидетельства она пережила полное отождествление со своим отцом в этой ситуации. Пройдя через момент смерти, Дана обнаружила себя в жуткой вселенной, наполненной флюоресцирующим эфиром.

Души умерших людей пребывали во взвешенном состоянии в пространстве и коммуницировали с ней телепатически. Взглянув на свою руку, она увидела на ней наложенную астральную руку своего мертвого отца.

Выражение его лица поразительным образом меняется, весь облик и жесты становятся неузнаваемыми, явственно меняется голос. Он может говорить на незнакомом языке, писать автоматические тексты и чертить неясные иероглифические знаки или рисовать странные картинки и неразборчивые каракули. Другие переживания этой категории могут принять форму столкновения с астральными телами и духами умерших, а также экстрасенсорной коммуникации с ними. Некоторые из этих феноменов имеют характеристики одержимости злым духом, как это описано во многих средневековых источниках и антропологических исследованиях по религиозной практике и верованиям различных культур.

Следующий эпизод из продвинутого ЛСД-сеанса психолитической серии в пражском научно-исследовательском институте психиатрии служит примером поразительно глубокого спиритического переживания. Оно наблюдалось в курсе терапии невротички Даны, о которой упоминалось ранее.

В одном из своих сеансов Дана вспомнила чрезвычайно болезненный травматический эпизод из своего детства. Ее отец много лет провел в психиатрической больнице в остром психотическом состоянии. Когда ей

было десять лет, у него произошло кровоизлияние в мозг и его выписали из больницы умирать дома. Дана оказалась свидетелем ухудшения состояния отца и находилась у его постели во время предсмертной агонии. В ЛСД-сеансе она буквально регрессировала до этой ситуации и превратилась в маленькую испуганную девочку, наблюдающую ужасную сцену наступления смерти. Сначала она видела смертельную агонию отца, а потом начала переживать агонию сама. При полном отождествлении со своим отцом Дана достигла момента его физической смерти. Когда она перешагнула границу жизни и смерти в этом своеобразном диадном единстве, то оказалась в состоянии неконтролируемой паники. С ней невозможно было поддерживать связь по крайней мере в течение двух часов. Когда контакт был восстановлен, она сумела ретроспективно описать свое переживание: «Когда мы пересекли порог жизни и смерти, я оказалась в сверхъестественном страшном мире. Он был наполнен флюоресцирующим эфиром странной мрачной природы. Не было возможности узнать, было ли это пространство как-либо ограничено или же оно было бесконечным. Бесчисленные души умерших людей пребывали во взвешенном состоянии в светящемся эфире; в атмосфере особого бедственного положения и лихорадочного возбуждения они направляли мне бессловесные просьбы по каким-то неведомым экстрасенсорным каналам. Они выглядели необычайно требовательными, казалось, они чего-то хотят от меня. В целом атмосфера напоминала описание подземного мира, которое я читала у древних греков. Но объективность и реальность ситуации превосходили всякое воображение. Это было состояние совершенного и в высшей степени метафизического ужаса, которое я не в силах описать. Мой отец находился в этом мире как астральное тело. Поскольку я вошла в этот мир в союзе с ним, его астральное тело было наложено на мое. Я не в состоянии вам (терапевту) это передать, да, наверное, это и не имеет смысла. Уверена, что вы знаете об этом мире столь же мало, как и я до того опыта, и поэтому вы ничем не смогли бы мне помочь. Во всяком случае, это было самое страшное переживание моей жизни. Ни в одном из предыдущих сеансов я не сталкивалась ни с чем, что бы хотя бы отдаленно напоминало это».

Переживания встреч со сверхчеловеческими духовными сущностями

Древняя тема встречи и взаимодействия с духовными проводниками, учителями, хранителями является одним из наиболее ценных и благодарных трансперсональных переживаний в ЛСД-сеансах. Испытуемый воспринимает эти существа как сверхчеловеческие, духовные сущности с более высоких планов сознания или более высоких энергетических уровней. Только в исключительных случаях это переживание сопровождается видимым образом или коммуникацией в вербальной форме. Обычно человек только ощущает их присутствие и получает послания, инструкции и объяснения по разным экстрасенсорным каналам. Иногда духовные гиды являются как источник света и энергии в сопровождении вибраций высокой частоты. Как правило, идентичность испытуемого сохраняется, и он не отождествляется с этими сущностями, но возможны случаи слияния разной степени или даже полного отождествления с ними.

Духовные проводники появляются в сеансах в различных ипостасях, иногда они дают объяснения по поводу случившегося или советуют относительно желаемого подхода к ЛСД-переживанию. В других случаях они сопровождают индивида в разнообразных трудных испытаниях, подобно Вергилию в «Божественной комедии» Данте, оказывают ему интеллектуальную и духовную поддержку или даже создают щит из положительной энергии, предохраняющей его от разрушительных влияний злых сущностей. Такие гиды могут также давать особые советы и предлагать что-то относительно настоящем жизненной ситуации или общей направленности его жизни. Иногда эти духовные помощники остаются неузнанными, в других случаях испытуемый определяет их как различные аспекты своего высшего «Я» или же как развоплощенных религиозных

учителей и просветленных существ, подобных Шри Рамана Махариши, Рамакришне, Шри Ауробиндо, Ганди или Иисусу Христу.

Феноменология этой категории переживаний живо и наглядно описана Джоном К. Лилли в его книге «Центр циклона». В этом повествовании автор рассказывает об очень значимых для него встречах с двумя гидами с более высокого плана сознания, которые играли важную роль в различные критические периоды его духовного поиска.

Переживания других вселенных и встреч с их обитателями

Странные и чуждые миры, которые испытуемый открывает и исследует в этом виде переживаний, по-видимому, наделены своей собственной реальностью за пределами нашего космоса. Надо полагать, что они существуют в других измерениях во вселенной, сосуществующей с нашей. Индивид может столкнуться с существами причудливой физической формы, действующими на основании каких-то непостижимых законов и имеющих совершенно отличные от наших метаболические и физиологические процессы. Они явно воспринимаются как разумные существа, но их ментальные и эмоциональные характеристики не напоминают что-либо известное человеку. В нескольких случаях испытуемые сообщали о контактах или встречах с летающими тарелками и неопознанными объектами. Иногда их видят прибывающими к нам из отдаленных частей нашей Вселенной или как астральные экспедиции из других измерений и параллельных миров. Эти чуждые вселенные, переживаемые в ЛСД-сеансах, могут быть значительно меньше или бесконечно больше, чем наша, и могут управляться неизвестными нам энергиями. Пройдя через такие экстраординарные космические приключения, некоторые нашли в них сходство с научно-фантастическими романами.

Одни ссылались на «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта, другие сравнивали их с различными эпизодами американской телевизионной серии «Звездный путь».

Архетипические переживания и сложные мифологические эпизоды

Важной группой трансперсональных переживаний в ЛСД-сеансах являются феномены, для которых Юнг использовал термины первообраза, доминанты коллективного бессознательного, или архетипа. Они неоднократно возникают как в сеансах людей, знакомых с этими понятиями, так и тех, кто не испытывал прежде воздействия идей Юнга. Термин «архетип» в широком смысле может использоваться для обозначения всех статических образований и конфигураций, а также динамических событий в психике, обладающих универсальным трансиндивидуальным качеством. Такое описание и определение архетипов вполне применимо ко многим категориям опыта, описанным в этой главе. Здесь мы обсудим лишь те группы трансперсональных переживаний архетипического характера, в которых представлены общие биологические, психологические и социальные типы и роли.

Испытуемые могут, например, переживать полное отождествление с архетипами Мученика, Странника, Отверженного, Просветленного Проводника, Тирана, Дурака, Доброго Самаритянина, Мудрого Старца, Злого Искусителя, Аскета или Отшельника. Эти переживания тесно связаны, но не идентичны с теми переживаниями группового сознания, когда испытуемый чувствует одновременное отождествление со всеми членами группы. Архетипические же переживания представляют собой **персонифицированные концепции** исполняемых ролей (т.е. все конкретные евреи в сравнении с Евреем). Архетипические явления этого вида могут отражать различные уровни абстракции и различные степени обобщения. В случае некоторых наиболее универсальных архетипов может произойти отождествление с Матерью, Отцом, Ребенком, Женщиной, Мужчиной или Любовником/Любовницей. Многие в высшей степени универсальные роли переживаются как сокровенные и священные, как это можно видеть на примере архетипов Великой

Матери, Ужасной Матери, Матери-Земли, Матери-Природы, Великого Гермафродита или Космического Человека. В архетипах также представлены определенные аспекты личности испытуемого (такие, как Тень, Анимус и Анима, Персона), которые часто встречаются в продвинутых ЛСД-сеансах. Образы Золотого века и Темного века, а также видения потока всех следующих друг за другом индуистских «юг» (эпох) можно отметить в качестве примера богатых, обширных и общих архетипов.

Иногда вместо переживания индивидуальных и статических архетипических образов, описанных выше, испытуемые участвуют в событиях сказочного, легендарного и мифологического характера. Некоторые из них имеют простой и обычный сюжет, что-нибудь про злую свекровь или бедную падчерицу, хорошего или плохого брата, про великую любовь, подвергающуюся превратностям судьбы или интриг. Другие из переживаемых событий значительно более специфичны и необычны, к ним принадлежит тема вечного проклятия в историях о Тантале, Сизифе, Прометее, Агасфере или Летучем голландце, тема рождения или смерти героя, тема человеческих амбиций и жажды знания, как она выражена в легендах о Делале и Икаре или о Фаусте, в мифах о супергерое, совершающем труднейшие подвиги или спасающем и освобождающем заточенную, подвергающуюся опасности женщину. Нередко лица без специального образования могли поведать истории, весьма напоминающие древние мифы Месопотамии, Индии, Египта, Греции, Центральной Америки и других цивилизаций. Эти наблюдения сходны с идеями Юнга о возникновении в детских сновидениях относительно неизвестных, но явно архетипических тем, а также проявляющейся симптоматики у некоторых шизофреников.

Переживание встреч с различными божествами

Эта категория опыта тесно связана с предыдущей. В строго юнгианском смысле, встречи с различными божествами и/или отождествление с ними следовало бы рассматривать как архетипические переживания. Однако согласившиеся на ЛСД-сеанс специалисты, знакомые с теориями Юнга, ясно различали видения архетипов в форме обобщенных ролей и универсальных прототипов от переживаний, включающих конкретные божества, связанные со специфическими культурами. Иногда испытуемые узнают богов и демонов, встречи с которыми они пережили во время сеанса, и могут назвать их по именам и отнести к соответствующим культурным областям. В других случаях они могут дать детальные описания своих видений или даже нарисовать их и определить культуру их происхождения. Тогда дело психотерапевта — получить необходимую информацию и оценить степень точности столь глубокого постижения. Порой могут складываться и такие ситуации, когда вопреки совместным усилиям испытуемого и терапевта прояснить природу переживаний не удастся.

Почти все божества, возникающие во время ЛСД-сеансов, подразделяются на две категории: в первую попадают те, которые ассоциируются с силами света и добра; вторая охватывает божества тьмы и зла. Типичными представителями счастливых и благожелательных божеств выступают Изиды и Озирис, Ахура Мазда, Аполлон, Бодхисаттва и Кришна, а примерами угрожающих — Сет, Гад, Ариман., Кали, Молох, Астарта, Уцилопочтли, Сатана. В серии ЛСД-сеансов видения божеств впервые возникают на перинатальной фазе. В этом контексте их образы представляют темные силы, связанные с родовой агонией (БПМ-II и БПМ-III), тогда как добрые божества сопровождают экстатические переживания (БПМ-I и БПМ-IV). Позднее образы божеств возникают независимо — либо в форме статических видений, либо как часть мифологических эпизодов, упомянутых в предыдущем разделе. Иногда испытуемые становятся свидетелями целых космологических драм, подобных битве между силами Аримана и Ахуры Мазды, войне богов и титанов, падению Люцифера и других ангелов, различных версий Сотворения мира. Библейского потопы и Страшного суда или Армагеддона.

Испытуемые, переживающие столкновение с различными добрыми и злыми божествами, выражают очень сильные эмоции в диапазоне от экстатического восторга и небесного

блаженства до метафизического ужаса и сумасшествия. Однако у большинства индивидов нет ощущения того, что они сталкиваются с Верховным Существом или с первичной силой в этой Вселенной.

Интуитивное понимание универсальных символов

Визуализация различных универсальных символов составляет важную часть ЛСД-сеансов. Они могут возникать независимо или вместе с другими трансперсональными феноменами. Постигание универсальных символов сопровождается интуитивным пониманием различных слоев их эзотерического значения. У многих лиц, проходивших ЛСД-лечение, были видения сложных геометрических композиций, сильно напоминавших восточные мандалы. Некоторые испытуемые оказывались способными даже нарисовать их и детально объяснить смысл различных аспектов их построения. Это случалось даже с теми, кто не был знаком с восточной и мистической литературой и не мог интерпретировать универсальные символы в соответствии с эзотерическими текстами. Наиболее часто в сеансах наблюдаются символы креста, шестиконечной звезды Давида, индо-иранской свастики, древнего египетского знака инк (нильский крест, символизирующий жизнь), а также цветок лотоса, даосский *инь-янь*, индийский сакральный фаллос (лингам Шивы), алмаз и другие драгоценные камни, буддийское Колесо смерти и возрождения и круг (часто возникающий в виде архетипического гигантского змея Уробороса, пожирающего свой хвост).

Мы неоднократно упоминали, что в результате ЛСД-сеансов некоторые лица развивали интуитивное понимание целых систем эзотерической мысли. Так, люди, не знакомые с каббалой, испытывали переживания, описанные в книгах Загар и Сефер Иецира, и демонстрировали удивительную осведомленность в каббалистических символах. Другие спонтанно оперировали с трансцендентальными значениями цифр и делали заключения, параллельные пифагорейской алгебре или нумерологии. Люди, недавно с недоверием и скепсисом относившиеся к астрологии и алхимии, вдруг находили глубокий смысл в этих системах и начинали понимать их метафизическую значимость. Такое же новое понимание наблюдалось и в отношении к различным древним формам предсказания — таким, как И Цзин и Таро.

Активизация чакр и подъем змеиной силы (Кундалини)

Многие переживания трансперсональных ЛСД-сеансов удивительно напоминают признаки активизации и открытия чакр, описанные различными школами Кундалини-йоги (Чакры (санскр. «колеса») являются гипотетическими центрами излучения первичной энергии (прайм) и грубо соответствуют определенным уровням позвоночного столба и определенным органам.

Большинство систем различает семь чакр:

- 1) корневая чакра (муладхара);
- 2) половая чакра (свадхистана);
- 3) пупочная чакра (манипура);
- 4) сердечная чакра (анахата);
- 5) горловая чакра (вишудха);
- 6) чакра в межбровье (аджна) и
- 7) венечная чакра (сахасрара).

Поток праны осуществляется через один центральный проход (сушумну) и два боковых канала (иду и пингалу).). Эти параллели существуют не только для переживаний положительного характера. Феноменология и следствия плохо проведенных или плохо интегрированных ЛСД-сеансов весьма схожи с осложнениями, возникающими в ходе практики Кундалини-йоги без должного наблюдения и при отсутствии опыта (Голи Кришна, описывающий историю своего духовного поиска в книге «Кундалини:

эволюционная энергия в человеке», дает многочисленные примеры обратной стороны экспериментирования подобного рода.). Лица, знакомые с индийской философией и религией, часто ссылаются на Змеиную Силу, чакры и на различные виды тантрической практики. Однако интеллектуальное знание — не обязательное условие для этих переживаний. Подобный опыт встречается у совершенно неискушенных людей, которые способны удивительно детально описать весьма похожие эпизоды переживания, а иногда даже и соответствующие им теоретические системы без использования, конечно, специфических санскритских терминов. В общем, система чакр, по-видимому, обеспечивает нас весьма полезной картой сознания, помогающей пониманию, обозначению и переводу на понятийный язык многих необычных переживаний во время ЛСД-сеансов. Детальное обсуждение этих интересных параллелей выходит за рамки этой главы, и мы оставляем его до будущих публикаций.

Весьма редкое экстраординарное переживание, которое может быть испытано в продвинутых сеансах ЛСД, — подъем Кундалини по сакральной части позвоночного столба и восходящий поток духовной энергии с последующей активизацией всех чакр. В своей полной форме этот процесс ведет к глубокому трансцендентальному переживанию экстатического и объединяющего характера, связанного с верхней чакрой, тысячелепестковым лотосом.

В этой связи мне хотелось бы упомянуть очень интересную дискуссию, последовавшую после моего доклада, посвященного параллельности ЛСД-переживания и опыта индийских религий, прочитанного на первой Международной конференции по научной йоге в Пью-Дели (Индия) в декабре 1972 года. Аудитория, состоявшая более чем из двухсот лиц, представляла много различных духовных ориентаций, существующих в современной Индии, включая несколько групп тибетских буддистов, бежавших из Тибета после китайского вторжения. Участвовавшие в дискуссии пришли к согласию относительно того, что из всех систем йоги Кундалини более всего напоминает ЛСД-психотерапию. И та и другая техника способствует мгновенному и мощному высвобождению энергии, порождает глубокие, драматические переживания и может принести впечатляющие результаты в относительно короткий период времени. С другой стороны, они несут с собой огромный риск и могут быть чрезвычайно опасны, если не проводятся под тщательным наблюдением и ответственным руководством.

Сознание Универсального Ума

Это одно из наиболее глубоких и всеобъемлющих переживаний, наблюдаемых в ЛСД-сеансах. Человек, отождествляющийся с сознанием Универсального Ума, ощущает, что собственным опытом охватывает всю полноту существования. Он чувствует, что достиг реальности, лежащей в основании всех реальностей, и стоит лицом к лицу с высшим и безусловным принципом, который представляет все Бытие. Иллюзии материи, пространства и времени, а также бесконечное число других субъективных реальностей целиком и полностью превзойдены, трансцендированы и в конце концов сведены к этому одному виду сознания, которое и есть их общий источник и знаменатель. Это переживание безгранично, непостижимо и невыразимо; это — само существование. Вербальная коммуникация и символическая структура нашего повседневного языка кажется до смешного неадекватной, чтобы ухватить разумом и передать его природу и качество. Переживание феноменального мира и того, что мы обычно называем обычным состоянием сознания, оказывается в этом контексте лишь весьма ограниченным идиосинкратическим и частным аспектом всеобщего сознания Универсального Ума. Этот принцип целиком и полностью лежит за пределами рационального постижения и, тем не менее, даже короткое эмпирическое пребывание в этом состоянии сознания удовлетворяет интеллектуальные, философские и духовные искания индивида. Все когда-либо поставленные вопросы находят свои ответы, и нет необходимости спрашивать о чем бы то ни было дальше.

Лучшим приближением к пониманию природы этого переживания является описание этого состояния в терминах понятия *Сатчитананда*, появляющегося в индийских религиозных и

философских писаниях. Это санскритское слово состоит из трех отдельных корней: *сат* означает «существование», или «бытие»; *чит* — «осознание», «интеллект»; *ананда* — «блаженство». Лишенный формы и размерностей, неосязаемый органами чувств принцип, воспринимаемый как Универсальный Ум, характеризуется бесконечным существованием, бесконечным осознанием и знанием и бесконечным блаженством. Однако любые описания и определения по необходимости осуществляются с помощью слов, которые мы связываем с феноменами трехмерного мира. Поэтому они не способны передать сущность этого безусловного трансцендентального принципа. Обсуждая переживания такого характера, испытуемые часто отмечают тот факт, что язык поэтов, хотя все еще в значительной степени и несовершенный, кажется более подходящим и адекватным средством для этой цели. Можно понять, почему столь многие визионеры, пророки и религиозные учителя обращались к поэзии, притчам и метафорам, чтобы разделить с другими свои трансцендентальные видения.

Переживание сознания Универсального Ума тесно связано с сознанием космического единства, описанного ранее, но не идентично ему. Ему сопутствует интуитивное проникновение в процесс творения феноменального мира, как мы его знаем, и в буддийскую концепцию Колеса смерти и возрождения. Это может повести в результате к временному или длительному чувству, что человек достиг глобального нерационального и трансрационального понимания базовых онтологических и космологических проблем, сопровождающих существование.

Сверхкосмическая и метакосмическая пустота

Последний и наиболее парадоксальный трансперсональный феномен, который следует обсудить в этом контексте, — это переживание сверхкосмической и метакосмической Пустоты, первоначальной пустоты, первоначального ничто и первоначального молчания, являющихся безусловным источником и колыбелью всего существования и «несотворенным и невыразимым Высшим». Термин «сверх-метакосмическая», используемый в этом контексте, подразумевает, что Пустота выходит за пределы и одновременно лежит в основании феноменального мира. Она за пределами времени и пространства, за формой или любой определяемой эмпирическим путем дифференциацией и за полярностями, такими, как добро и зло, свет и тьма, стабильность и движение, агония и экстаз. Пустота включает в себя также и выход за пределы нашего обычного понятия причинности. Иногда испытуемые сообщают, что были свидетелями возникновения *Сатчитананды* из Пустоты, как ее первого воплощения в форму, или же наоборот, возвращения *Сатчитананды* в Пустоту и ее исчезновения. Этот феномен не связан с безнадежным чувством абсурдности, которое испытываешь в обычных состояниях сознания, рассматривая возможность возникновения чего-то из ничего или полного, бесследного исчезновения. Аналогично, на этом уровне не ставится под вопрос и тот факт, что что-то случается без всякого прецедента, без достаточной причины или начального импульса. Неважно, насколько это могло казаться парадоксальным.

Пустота и Универсальный Ум воспринимаются как идентичные и свободно переходящие одно в другое. Они являются разными аспектами одного и того же феномена. Пустота оказывается наполненной (чреватой) формой, а тонкие формы Универсального Ума переживаются как абсолютно пустые.

Значение трансперсональных переживаний в ЛСД-психотерапии

Понимание динамики трансперсональных переживаний является важной частью ЛСД-психотерапии, поскольку определенные феномены влекут за собой специфические последствия в интервалах между сеансами. Этот механизм аналогичен описанному для СКО на психодинамическом уровне или БПМ на перинатальном уровне. После ЛСД-сеанса, включавшего трансперсональные элементы, человек по-видимому остается под влиянием динамической структуры, преобладающей в заключительный период данного сеанса.

Например, после ЛСД-переживания, в котором индивид не разрешил эпизодов острых эмбриональных кризисов, он днями и месяцами может испытывать различную сложную симптоматику. Характер проблем зависит от специфических нарушений во время развития плода. Это может быть паническая тревога, параноидальные чувства или, если проблемой являлась попытка аборта, ожиданием ужасных несчастий или — в случае токсических влияний во время беременности — тошнота, желудочно-кишечные расстройства и ощущение отравления. В исключительных случаях испытуемый может продолжать переживать элементы симбиотического союза с матерью, проецируемые на терапевта (или персонал). Границы его ослаблены и случайны, и для него может оказаться трудным отличить собственные чувства и мысли от чувств и мыслей психотерапевта. Человек может сформировать ложное заключение, что он может читать мысли терапевта и что последний, в свою очередь, имеет доступ к его мыслям. Он может подозревать, что терапевт пытается влиять на него телепатически или путем гипноза. Эпизоды такого вида часты при психолитической терапии шизофреников, что будет подробно описано в моей будущей книге по практическим аспектам ЛСД-психотерапии. И наоборот, если испытуемый выходит из сеанса, в котором он сонастроился с чувством «океанического блаженства», связанного с ненарушенным эмбриональным существованием, интервал после сеанса обычно характеризуется релаксацией, радостью и безмятежностью. В такой ситуации человек будет воспринимать мир как безопасное и дружественное место. В случае филогенетических воспоминаний и отождествления с животными в различные периоды времени, следующие непосредственно за действием ЛСД, о себе могут напоминать необычные и часто причудливые анатомические и физиологические чувства и ощущения, составлявшие неотъемлемую часть этих феноменов во время ЛСД-сеанса.

Переживания прошлых воплощений, активизированные и неразрешенные в ЛСД-сеансе, могут оказывать довольно сильное действие после него. Специфическое содержание кармического паттерна часто оказывает влияние на восприятие человеком самого себя, своей теперешней жизненной ситуации и своих социальных связей. Оно также изменяет его поведение в направлении, заданном содержанием переживания прошлого воплощения. И наоборот, разрешение кармического гештальта в ЛСД-сеансе может повлечь за собой изменения, благоприятные для человека и его межличностных отношений. Временами после такого повторного переживания межличностные и ситуационные проблемы удивительным образом упрощаются, облегчаются и проясняются. В некоторых случаях такие изменения включают обстоятельства, в которых человек не принимает ни прямого, ни косвенного участия и поэтому не может оказать прямого влияния своим новым состоянием ума. Так, в жизни и поведении других людей, являющихся, по свидетельству испытуемого, частью отдельного кармического паттерна, проработанного во время ЛСД-сеанса, происходят различные специфические изменения. Такие люди не присутствовали на сеансе и не осознавали его, иногда они даже не являлись частью непосредственной жизненной ситуации человека. Они находились достаточно далеко, и у испытуемого не было видимого контакта с ними. Время специфического изменения в их жизни точно совпадало с проявлением, раскрытием и разрешением кармического паттерна в ЛСД-сеансе. Эти необычные совпадения, наблюдаемые в работе с ЛСД, включающей переживания прошлых воплощений, очевидно, указывают на то, что события в сеансах являются частью более широкого паттерна, масштаб которого выходит за пределы энергетического поля человека. В этой связи приходит мысль о понятии синхронности, введенном Юнгом. Оказывается, что подход Юнга может быть полезен во многих случаях трансперсональных феноменов, где приложение принципа причинности при поиске удовлетворительных ответов явно терпит неудачу. В этом контексте следует упомянуть еще одно наблюдение. Испытуемый, переживший активизацию сильного кармического паттерна без его окончательного разрешения, может выйти из сеанса с остро болезненным осознанием своей вовлеченности в переживаемые события. У него может возникнуть чувство, будто он раздавлен бременем «плохой кармы» и захвачен желанием исправить тяжелые последствия своих прошлых поступков. Другие виды трансперсональных феноменов тоже оказывают влияние на состояние испытуемого в периоды между сеансами.

Переживание единства двух может происходить в форме глубокой симпатии, эмпатии, любви и понимания. Наиболее выдающиеся примеры этого явления наблюдаются между

супругами и сексуальными партнерами, интимная жизнь которых после такого переживания трансформируется в направлении «океанического» и «тантрического» секса.

Подобная же ситуация может наблюдаться и в случае архетипических переживаний. Когда в заключительной части сеанса преобладает сильный архетип, его влияние на испытуемого может продолжаться и после того, как действие препарата прекратилось. Восприятие испытуемым самого себя, своего поведения и своего окружения может подвергаться влиянию специфического содержания архетипа. Если такая архетипическая структура имеет форму специфического божества, демона или другой сущности, возникающее в результате состояние может оказаться неотличимым от одержимости. В этом случае человек может чувствовать, что эта сущность завладела его мыслями, эмоциями и поведением.

Многие трансперсональные переживания сильно влияют на индивидуальные жизненные ценности, отношения и интересы. Так, переживание расового и коллективного бессознательного может вызвать чувствительность к нуждам и проблемам другой культуры и породить чувство глубокого притяжения ее религии, искусства и жизненной философии. Элементы животного и растительного сознания могут взрастить любовь человека к природе и сделать его более отзывчивым к экологическим проблемам. Глубокие трансцендентальные переживания, такие, как пробуждение Кундалини, сознание Универсального Ума или Пустоты, помимо весьма благоприятного действия на физическое и эмоциональное самочувствие человека, являются обычно главными стимулами для появления у него острого интереса к религиозным, мистическим и философским темам и сильной потребности ввести в свой образ жизни духовное измерение.

Трансперсональные переживания и современная психиатрия

Определив трансперсональные переживания и обсудив наиболее важные примеры их проявления в ЛСД-сеансах, я хочу сделать несколько общих замечаний об их месте в современной психиатрии и психотерапии. Ситуация, складывающаяся в отношении этих феноменов, весьма напоминает ситуацию с Перинатальными переживаниями. Конечно же, бихевиористы и профессиональные психотерапевты не впервые сталкиваются с трансперсональными переживаниями, и использование психоделических веществ — не единственный способ их наблюдения. Многие из этих переживаний были известны на протяжении столетий и тысячелетий. Их описания можно найти в священных писаниях всех великих религий мира, а также в письменных документах бесчисленных более мелких сект, фракций и религиозных движений. Они играют также критическую роль в видениях отдельных святых, мистиков и религиозных учителей. Этнологи и антропологи наблюдали и описывали их в туземных священных ритуалах, экстатических и мистериальных религиях, подлинных исцеляющих практиках и ритуалах перехода различных культур. Психиатры и психологи наблюдали трансперсональные феномены, не идентифицируя и не называя их этим термином, в своей повседневной практике у многих психически больных, особенно у шизофреников. Историки, религиозные деятели, антропологи и практикующие психиатры и психологи знали о существовании многообразия древних и современных технических приемов, способствующих возникновению трансперсональных переживаний. Это те же самые процедуры, ведущие к возникновению перинатальных переживаний, которые упоминались ранее.

Вопреки частому возникновению этих феноменов и их очевидной причастности ко многим областям человеческой жизни, в прошлом предпринималось удивительно мало попыток по введению их в теорию и практику современной психиатрии и психологии. Отношение большинства профессионалов к этим феноменам колеблется между несколькими не похожими друг на друга подходами. Некоторые профессионалы лишь косвенно знакомы с различными трансперсональными переживаниями и в общем-то игнорируют их. Они полагают, что такие феномены не имеют большой практической или теоретической

ценности, и обращают внимание на другие области психологии и психопатологии, которые считают важными для понимания человеческого ума в нормальном и больном состояниях.

Для другой большой группы профессионалов трансперсональные феномены явно слишком причудливы, чтобы их рассматривать в рамках вариаций нормального психического функционирования. Любое проявление такого рода с готовностью обозначается как психотическое состояние, будь оно у шизофреника, у нормального человека после инъекции психоделика, у человека, прошедшего несколько часов в ванне с сенсорной изоляцией, у ученика Дзен во время сосенна или у мистика, духовного учителя уровня Шри Рамана Махариши, Шри Ауробиндо или Иисуса. С этой точки зрения нет причин изучать природу и динамику этих феноменов и нельзя ожидать главных эвристических прорывов от такого предприятия. Этот подход с неизбежностью включает оценочное суждение, а именно допущение, что трансперсональные феномены несовместимы с «нормальным психическим функционированием» и поэтому должны подавляться. Когда наука откроет секрет эффективного лечения психоза, станет возможным глобально устранить все подобные симптомы психической дисфункции подобно тому, как это произошло с малярией. Практическим следствием такого вида рассуждения явилась тенденция использовать транквилизаторы при лечении всех лиц, имеющих трансперсональные переживания. Логически обоснованным в этом случае является контроль симптомов, если причина патологического процесса сама по себе все еще бросает вызов науке.

Однако другая группа профессионалов проявляет определенный интерес к различным аспектам трансперсональной области и предпринимает серьезные попытки теоретического объяснения и построения концепции. Но они не признают уникальность этой категории или специфический характер подобного рода феноменов. В их подходе трансперсональные переживания объясняются в терминах старых и широко принятых парадигм и в большинстве случаев сводятся к биографически определенным психодинамическим явлениям. Так, внутриутробные переживания (а также перинатальные элементы), возникающие в снах и свободных ассоциациях многих пациентов, рассматриваются обычно только как фантазии. Различные религиозные мысли и чувства объясняются как следствие неразрешенных конфликтов с родительским авторитетом. Переживание космического единства интерпретируется как указание на первичный инфантильный нарциссизм. Некоторые архетипические образы рассматриваются как символическая маскировка фигур матери и отца, а переживания прошлых воплощений рассматриваются как реагирование на собственный страх непостоянства и смерти или как желаемая компенсаторная фантазия, отражающая неудовлетворенность испытываемого различными аспектами настоящего существования.

Лишь несколько выдающихся профессионалов продемонстрировали истинный интерес и принятие трансперсональных феноменов как самостоятельно значимого опыта. Они познали их эвристическую ценность и релевантность для нового понимания бессознательного, человеческого потенциала и природы человека. Среди них У. Джеймс, Р. Ассаджиоли, К.Г. Юнг и А. Мэсло заслуживают особого внимания.

Научный и общий интерес к психоделикам, вызванный их открытием, заставил по-новому взглянуть на проблему трансперсональных переживаний. Наблюдения пациентов и добровольцев, а также людей, ставящих эксперименты на самих себе, сделанные на ЛСД-сеансах, ясно указывают на ограничения старых подходов к пониманию трансперсональных областей. Помимо этого, большое число профессионалов имело шанс пережить трансперсональные феномены в своих собственных тренировочных сеансах и узнать их необычную и специфическую природу. Этот обобщенный опыт был одним из главных эвристических потоков, влившихся в трансперсональную психологию как новую и отдельную дисциплину.

На протяжении многих лет исследований ЛСД я провел тысячи часов, наблюдая и анализируя трансперсональные явления как в сеансах других, так и в своих собственных. В настоящее время у меня почти не осталось сомнений, что сами по себе они представляют феномены, возникающие в глубине бессознательного, в областях, не

узнанных и не познанных классическим фрейдовским психоанализом. Я убежден, что их невозможно свести к психодинамическому уровню и адекватно объяснить в пределах фрейдовских концептуальных рамок. В этом контексте мне часто приходилось слышать возражения по поводу материала, возникающего в ЛСД-сеансах, который заслуживает специального внимания. Некоторые профессионалы, имевшие доступ к материалу по ЛСД-психотерапии, высказывают мнение, что различия в переживаниях субъектов можно объяснить высокой суггестивностью ЛСД-состояния и прямым или косвенным внушением идей терапевта. Согласно этой точке зрения, психоаналитически ориентированный психотерапевт пытается получить от своих пациентов описание фрейдовских переживаний, тогда как терапевт с юнгианской ориентацией видит большей частью архетипический материал. Нет сомнений, что терапевт является важным фактором в ЛСД-психотерапии и что он может способствовать определенному виду переживаний. Верно также и то, что в общем возможна интерпретация одного и того же содержания как во фрейдовских, так и в юнгианских терминах. Но я уверен, что психодинамические и трансперсональные уровни обладают своими собственными характеристиками, существуют независимо и не могут быть сведены один к другому. Если психотерапевты фрейдовский и юнгианский ориентации по-разному интерпретируют одно и то же переживание, каждый в своих собственных терминах, один из них неизбежно терпит неудачу в глазах своего коллеги. Один из интерпретаторов с высокой степенью вероятности отверг или не осознал определенные феноменологические и эмпирические характеристики переживания и/или проигнорировал контекст, в котором оно имело место. Тщательный анализ, принимающий во внимание все эти факторы, всегда дает возможность идентифицировать природу определенного феномена и уровень бессознательного, на котором он возникает.

Можно воспользоваться историей моих собственных исследований ЛСД в качестве аргумента против того, что специфические различия в ЛСД-переживаниях обязаны своим возникновением внушению идей со стороны терапевта. Я начал свои собственные клинические эксперименты с ЛСД как член пражской психоаналитической группы и убежденный последователь Фрейда. Мое априорное неверие в концепции Ранка еще более усилилось после того, как я узнал в медицинской школе о миелинизации церебрального кортекса (Частое возражение против существования внутриутробной и родовой памяти состоит в ссылке на незрелость мозга новорожденного и незавершенность миелинизации кортикальных нейронов.). Хотя я и находил работы Юнга неисчерпаемым источником приводящей в восхищение информации о человеческой культуре, я разделял точку зрения многих фрейдистов, что его концепции были проявлением мифомании с минимальным отношением всего этого к науке. В психолитических ЛСД-сеансах все мои пациенты рано или поздно выходили за узкие психодинамические рамки и переходили в перинатальные и трансперсональные области. Это случалось вопреки моему интенсивному стремлению и потребности понимать события на сеансах в терминах психодинамики. Именно ежедневное наблюдение трансперсональных переживаний в течение многих лет заставило меня в конце концов расширить теоретические рамки. В этом процессе я признал не только теоретическую уместность трансперсональной области, но и ее непосредственную клиническую важность. О широкой применимости ЛСД-исследований говорится в моей недавней статье «Теоретическая и эмпирическая основа трансперсональной психологии и психиатрии: наблюдения из ЛСД-сеансов». Эта сфера будет детально представлена в следующей книге.

Я заканчиваю эту часть коротким клиническим примером, иллюстрирующим некоторые из вышеприведенных точек зрения.

Несколько лет назад меня пригласили в качестве консультанта к пациенту, помещенному в больницу в результате нервного срыва, вызванного ЛСД. Он держался на высоких дозах меллерила и регулярно встречался с психоаналитиком. Несмотря на то что медицинский персонал уделял ему очень много внимания, существенного прогресса не наблюдалось на протяжении шести месяцев с момента его помещения в больницу. Пациент рассказал мне, что обсуждал с терапевтом содержание своих 25-ти ЛСД-сеансов, проведенных им самостоятельно, и некоторые переживания,

возникавшие у него в повседневной жизни после сеанса, приведшего к психическому срыву. Он жаловался, что терапевт не понимал природы феноменов, которые они обсуждали, и не знал в действительности того, о чем он (пациент) говорил. Испытуемый не чувствовал уважения к этому терапевту и полагал, что тот несведущ и что между ними не сложилось рабочих отношений. Общее впечатление пациента относительно терапевтической процедуры описывалось примером, в котором «кто-то совершенно слепой пытается вести одноглазого, имеющего серьезные проблемы с восприятием окружения своим единственным глазом». Он чувствовал, что оказался потерян и потерпел полную неудачу, исследуя области ума, о которых терапевт ничего не знал и даже не верил в их существование.

Короткая беседа показала, что в своих прежних сеансах пациент имел много эстетических и психодинамических переживаний, но его более близкие к настоящему времени сеансы проходили с преобладанием перинатальных и трансперсональных элементов. Проблема, вызвавшая этот психотический эпизод, состояла, по-видимому, в его неспособности встретиться лицом к лицу со смертью Эго. Во время терапевтических бесед его терапевт постоянно стремился проинтерпретировать многие мистические, религиозные и архетипические феномены из ЛСД-сеансов пациента во фрейдистских терминах. Там, где это оказывалось невозможным, он обозначал их просто как психотические, что, естественно, исключало их из дальнейшего рассмотрения.

Многие часы бесед с терапевтом вращались вокруг видения, которое пациент имел в своем последнем сеансе. Он обращался к нему, как к сцене поклонения Космическому Фаллосу. Она проявилась в типично юнговском обрамлении, была связана со множеством архетипических переживаний и имела определенный религиозный и мистический акцент. Чтобы обойтись без длинного и сложного описания, я лишь упомяну, что рассматривавшееся символическое видение оказывается тесно связанным с индуистской концепцией лингама Шивы. Аналитик неоднократно пытался убедить пациента, что его видение ясно указывает на то, что он пережил травму, увидев когда-то в детстве пенис взрослого человека; он пытался внушить пациенту, что тот, должно быть, видел обнаженным своего отца и что в ЛСД-сеансе это переживание трансформировалось в образ Космического Фаллоса. Когда же пациент не принимал такой интерпретации, терапевт проводил много часов в безуспешных попытках анализа его мнимого сопротивления. Когда во время нашей беседы я опознал и принял трансперсональную природу этого символа и обсудил его в надлежащем контексте, у пациента вскоре развилось положительное отношение, он оказался заинтересованным в терапевтической работе и сотрудничестве. Он согласился подвергнуться ЛСД-сеансу с предварительной тщательной подготовкой и надлежащим контролем, чтобы проработать лежащую в основании проблему. После этого сеанса его клиническая симптоматология улучшилась до такой степени, что его выписали из больницы.

Многомерная и многоуровневая природа ЛСД-переживаний

В предшествовавших главах феноменология ЛСД-переживаний для удобства описания разбивалась на темы, а обсуждение концентрировалось на отдельных уровнях бессознательного и индивидуальных переживаниях, возникающих во время сеансов. Теперь необходимо вновь подчеркнуть сложный и многомерный характер ЛСД-переживаний, описать их некоторые общие характеристики и подойти к ним более целостно. В практических и теоретических целях важно понять, каким образом различные уровни бессознательного, всплывающие на поверхность во время сеанса, связаны с

личностью испытуемого, с его настоящей жизненной ситуацией и его психологическими проблемами, и общий контекст, в котором данный сеанс имеет место. Необходимо принимать во внимание все переменные, определяющие характер и протекание ЛСД-переживания, а также главные источники прорабатываемого им материала.

Содержание ЛСД-сеансов всегда определяется личностью испытуемого и отображает в конденсированной символической форме психофизиологические, эмоциональные, интеллектуальные, философские и духовные проблемы, наиболее остро вставшие перед ним ко времени сеанса. Это особенно характерно для сеансов психодинамической природы, где ЛСД-переживания в той или иной степени связаны с обстоятельствами настоящей жизненной ситуации человека и событиями его прошлого. Но эту же специфику можно продемонстрировать и для различных аспектов перинатальных переживаний и даже трансперсональных феноменов. Это верно не только для расовой памяти и памяти предков, но и для архетипической динамики и сцен прошлых воплощений. Все это, по-видимому, имеет непосредственное отношение к человеку как к сложной психобиологической и социальной сущности и исполнено значения в связи с его жизненной ситуацией. Есть некоторые исключения из этого правила: определенные трансперсональные феномены продвинутых сеансов, такие, как переживания Универсального Ума или Пустоты, достигают настолько высокой степени обобщения, что становятся применимыми к проблемам человека в широкой и неспецифической форме философского и духовного руководства.

Материал с сильным эмоциональным зарядом влияет на выбор бессознательных элементов, проявляющихся в отдельном ЛСД-сеансе. Препарат активизирует, выводит в сознание и проявляет бессознательные элементы, связанные на момент сеанса с наиболее интенсивным отрицательным или положительным зарядом. Эта особая связь ЛСД-переживаний с сильно эмоционально заряженными динамическими структурами имеет большое диагностическое и терапевтическое значение. Благодаря этой необычной способности ЛСД-переживания могут использоваться как «внутренний радар», который сканирует бессознательное, усиливает области высокого аффективного напряжения и выносит их поверхность. Это помогает пациенту и терапевту отделить наиболее значимый материал от тривиального, установить правильную иерархию приоритетов и определить области первоочередной важности в предстоящей работе. Таким образом, феноменология ЛСД-сеансов отражает ключевые проблемы человека и вскрывает корни и источники его эмоциональных затруднений на психодинамическом, перинатальном и трансперсональном уровнях. Иногда это становится очевидным сразу, без дополнительной работы по выяснению и интерпретации переживаний. В других случаях бывает необходимо прибегнуть к использованию свободных ассоциаций или объясняющих комментариев, так же как и при психоаналитической интерпретации снов. Используя этот подход в сеансе или при последующем анализе исследуемого материала, можно расшифровать и весьма сложные структуры символического языка ЛСД-переживаний. Ассоциации, возникающие у испытуемого в связи с различными аспектами его сеанса, в течение очень короткого времени могут привести к проявлению важного бессознательного материала. Фрейд однажды сказал, что сны — это королевская дорога к изучению бессознательного, что еще более верно по отношению к ЛСД-переживаниям.

Необычное свойство ЛСД выявлять особо важные эмоциональные темы можно проиллюстрировать на примере Отто, у которого феноменология сеанса с высокой дозой ограничивалась лишь одним-единственным переживанием.

ОТТО, техник, тридцати одного года, шизофреник со множеством необычных интересов. Он был направлен в наше отделение в связи с острыми депрессиями, чрезмерным потреблением алкоголя, приступами тревоги и тенденцией к причудливым построениям. Его первому ЛСД-сеансу предшествовал длительный период приема ниамиды, антидепрессанта из группы ингибиторов моноаминоксидазы; прием был прекращен за три дня до сеанса. Как мы обнаружили позднее, длительное употребление ниамиды в значительной степени увеличивает сопротивление к действию ЛСД и делает человека почти полностью не чувствительным к ней. У Отто было лишь одно

короткое переживание на протяжении всего сеанса, хотя доза последовательно увеличивалась до 350 микрограмм. Несмотря на то что сеанс в целом разочаровал нас, последовавший после него анализ переживания принес весьма интересные результаты.

Во время подготовки к сеансу Отто несколько раз говорил о двух повторяющихся у него снах, вызывающих сильную тревогу. В первом сне его преследовали и подвергали наказанию за убийство (он отрубил кому-то голову). Отто подозревал, что жертвой был его отец. Во втором сне какой-то человек приближался к нему и начинал трогать его гениталии. Вначале незнакомец просто легонько постукивал его по пенису. Позднее он начинал скручивать и сдавливать ему мошонку. Отто боялся, что эти сны могли быть признаками его скрытых сексуальных отклонений, и просил проверить его на предмет возможной гомосексуальности.

Как уже отмечалось выше, Отто почти не отреагировал на весьма высокую дозу ЛСД. Единственным изменением восприятия, отмеченным им за весь сеанс, было весьма живое, конкретное и реалистичное чувство, что его руки трансформировались в руки его отца. По причине, которую он вначале не понял, он нашел это переживание чрезвычайно пугающим и ощутил глубокую потребность понять природу и источник своих страхов. Его попросили сконцентрироваться на феномене трансформации его рук и сообщить о своих ассоциациях. После долгого колебания, сопровождавшегося сильными эмоциями, Отто болезненно и нехотя описал мучившую его на протяжении многих лет проблему инцеста, связанную с его матерью. После смерти отца эта тема стала доминирующей в жизни Отто. Согласно его описаниям, поведение матери по отношению к нему было крайне соблазнительным и сексуально-вызывающим. Она настаивала на том, чтобы они спали в одной постели, использовала каждую возможность более тесного контакта и систематически блокировала его попытки жениться. Она также неоднократно предлагала жить вместе всю оставшуюся жизнь и обещала заботиться о его маленьком незаконнорожденном ребенке. По мере дальнейшего обсуждения переживания оказалось, что единственный симптом, проявившийся во время ЛСД-сеанса, в конденсированной форме выражал многие глубокие конфликты, связанные с агрессией, сексом и инцестом. Руки играли главную роль в сексуальных отношениях, которые никогда не должны достигать полового соединения. Трансформация рук Отто в руки отца выражала его желание заменить отца в сексуальных отношениях. Она представляла мост к его матери, узаконивая подход к ней как к эротическому объекту и в то же время уважая табу на инцест. Руки были важным компонентом обоих снов. Эта связь обнаруживала яркую двойственность отношения Отто к отцу как к определяющему фактору его ЛСД-переживания. Эти чувства охватывали диапазон от потребности во внимании особого рода со стороны отца (поглаживание пениса) до импульсов совершения жестокого убийства (отцеубийство путем обезглавливания) и страха кастрации с элементами самонаказания (сдавливание мошонки). Чрезмерная и нагруженная чувством вины мастурбация Отто представляла звено между темами снов и трансформацией рук в ЛСД-сеансе. В этом месте Отто неожиданно осознал некоторые свои необычные привычки, как, например, коллекционирование редких и экзотических предметов. В течение многих лет он собрал довольно необычный музей, занимавший несколько комнат большого сарая. На его темных стенах была собрана неповторимая комбинация архаических ручных органчиков, клавишных музыкальных инструментов и различных музыкальных машин, двигавшихся фигур и других замысловатых автоматов. Черепа и скелеты красовались на черном бархатном фоне. Однако верхом этого паноптикума являлась коллекция восковых имитаций, выставленных на черных полках в сумеречной атмосфере. Наиболее важными предметами этого маленького частного музея типа мадам Тюссо были восковые головы

знаменитых убийц вместе с образцами кистей рук, поврежденных медным купоросом, обожженных молниями или искалеченных пытками испанской инквизиции. Другие модели демонстрировали гениталии, обезображенные сифилисом, мягким шанкром или раком. Помимо всех этих ассоциаций, Отто вспомнил, что на протяжении всего своего детства его отец всегда делал сильный акцент на руках и на непреложной необходимости держать их опрятными, чистыми и в хорошей форме. Материал, вскрытый во время этой беседы, в значительной степени помог Отто понять себя и был весьма полезен в последующем лечении.

Теперь следует обратить внимание еще на один аспект ЛСД-переживаний, а именно на их исключительную сложность и множество переменных и детерминант, играющих важную роль. Знание и осознание этих элементов существенно для любого терапевта, ведущего сеанс. Настоящая картина того, что происходит на сеансах, весьма далека от первоначальных концепций исследователей, рассматривавших ЛСД-переживание как результат простого взаимодействия между препаратом и физиологическими процессами в мозге. Наблюдения, полученные за несколько десятилетий исследования ЛСД, показали, что для более полного понимания ЛСД-состояний, помимо основного фармакологического действия вещества, необходимо принимать во внимание и многочисленные нефармакологические (или экстрафармакологические) факторы. Ниже мы кратко рассмотрим наиболее важные для работы терапевта области, поскольку в различных комбинациях они действуют как потенциальные источники ЛСД-переживаний и изменяющие их факторы.

Стимулы из окружающей, среды и элементы внешних обстоятельств

Окружающая обстановка является весьма важной переменной, которая может оказать сильное влияние на характер ЛСД-переживания. Сеансы значительно отличаются друг от друга в зависимости от того, проходят они в лабораторных условиях, в уютной домашней обстановке, в стерильной медицинской среде или же на природе. Каждый из вариантов способен повысить активность испытуемого и способствовать выявлению совершенно различных матриц из его бессознательного.

Существенный вклад в характер и протекание ЛСД-сеанса иногда могут также вносить различные внешние стимулы. Так, картина на стене или иллюстрация в книге, фотография близких родственников, цвет мебели, сцена, вскользь увиденная из окна, или взгляд, брошенный на унитаз во время физиологического перерыва в сеансе, могут вызвать весьма специфическую последовательность переживаний. Столь же сильными являются и акустические стимулы — такие, как определенные отрывки музыки или звонок телефона в помещении, где происходит сеанс, пение птицы или лай собаки, звук реактивного самолета или сирена «скорой помощи», монотонное гудение электроприборов или лабораторных установок. Весьма мощным стимулом этой категории может быть отдельно сказанное слово или более длинный разговор с терапевтом, фраза, случайно услышанная во время сеанса. Определенное воздействие могут оказывать разнообразные телесные ощущения. Боль от укола, давление пояса или тугого воротника, держание за руку, другие формы физического контакта, температура в комнате или движение воздуха — все это может стать важной детерминантой ЛСД-переживания. То же самое верно и для вкусовых и обонятельных стимулов, различные запахи и отдельные ароматы также могут оказывать довольно сильное влияние на испытуемого. Не менее существенны и некоторые внутренние стимулы — такие, как голод, жажда, желание урикации или дефекации способные вызвать специфические переживания.

Еще более важными являются различные стимулы межличностного характера: взгляд, одежда, характер поведения и т.д. Во взаимодействии друг с другом они могут стать решающими факторами в ЛСД-переживании.

Личность терапевта и терапевтическая ситуация

Личность терапевта, ведущего сеанс, его концепция сеанса и особенности подхода к нему, а также характер взаимодействия с испытуемым составляют важнейшие переменные, определяющие характер ЛСД-переживаний. Помимо терапевтического подхода и проблем переноса, многие другие факторы, связанные с лечением, могут быть важными источниками материала для сеанса. Общая атмосфера в терапевтических палатах, характер отношений пациента с другими лицами, проходящими курс лечения, и медперсоналом, специфика недавних ситуационных факторов и обмен информацией между пациентами — все это потенциальный источник для формирования определенных аспектов ЛСД-переживаний. Обстоятельства жизненной ситуации человека на момент его сеанса являются фактором, значение которого невозможно переоценить. Наиболее частым источником материала для проживания во время ЛСД-сеанса из этой категории являются сильно эмоционально заряженные и нагруженные конфликтом отношения, особенно отношения зависимости и амбивалентные ситуации. У некоторых людей этим фактором могут выступать конфликтные отношения с членами семьи и родственниками, у других — эротические, сексуальные или семейные отношения или всевозможные проблемы с детьми. Текущие конфликты с рабочими и начальством, сотрудниками и подчиненными и прочие трудности, связанные с работой, являются другой общей темой этой группы. Иногда это могут быть экономические, юридические или политические проблемы.

Прошлая жизненная история

Есть весьма широкая категория, покрывающая довольно значительный временной промежуток и охватывающая многообразие важных событий и проблем детства, школьных лет, отрочества, юности и зрелого возраста. Некоторые из них — травмирующие, другие отражают прошлые положительные переживания с родителями, друзьями или сексуальными партнерами, периоды личного успеха и счастья, встречи с красотой природы и творениями искусства высокой эстетической ценности.

Раннее детство и младенчество

Эта группа включает биографические события ранней стадии развития. Они носят основополагающий характер и связаны с сильным отрицательным и положительным эмоциональным зарядом. Большинство из них связано с неудовлетворением примитивных инстинктивных потребностей ребенка. Эта категория детально обсуждалась ранее в контексте ядра переживаний СКО.

Биологическое рождение и перинатальный период

Многие испытуемые обращались к обстоятельствам своего биологического рождения как к источнику переживаний сильного страдания, с одной стороны, и экстатических переживаний — с другой. Разнообразие физических, эмоциональных и физиологических составляющих процесса рождения обсуждалось в главе о перинатальных явлениях. Теперь остается установить, являются ли элементы этой и следующей за ней категории переживаний символическим продуктом бессознательного или отражают события, когда-то имевшие место в объективной реальности.

Существование на уровне плода и эмбриона

Эта область становится особенно значимой на продвинутых стадиях ЛСД-психотерапии. Повторное проживание событий различных периодов внутриутробного развития плода включает эмбриональный кризис, благоприятные аспекты существования плода и фактические иллюстрации эмбриональных процессов.

Трансиндивидуальные

(трансперсональные и трансчеловеческие) источники

Как мы уже убедились, многое из материала, получаемого в ходе ЛСД-сеансов, не удается объяснить биографическими данными и биофизиологической историей человека. В настоящее время это по-прежнему остается загадкой, и у нас нет удовлетворительных объяснений этим феноменам. Когда такой материал возникает в ЛСД-сеансах, он имеет форму филогенетических сцен или эпизодов из жизни предков, форму отождествления с другими людьми, животными, неорганическим веществом или предстает в виде архетипических образов, коллективной и расовой памяти и переживаний прошлых воплощений. Когда испытуемый описывает переживание сознания отдельных органов, тканей и клеток собственного тела с медицинской точки зрения, то можно сослаться на доиндивидуальные источники.

Для того чтобы проиллюстрировать сложный и многомерный динамический характер ЛСД-переживаний, дополним вышеприведенный сводный обзор индивидуальных уровней и источников материала конкретными клиническими примерами. Хотя каждый из примеров и преследует цель выделить материал какого-то одного уровня, в них всегда присутствуют элементы из других уровней. Это перекрещивание уровней является типичной и существенной чертой ЛСД-переживаний.

В первые годы экспериментов с ЛСД, когда природа и сложность реакций на препарат были еще недостаточно изучены, а условия проведения сеансов оставались далекими от оптимальных, мы много узнали о влиянии **ситуационных стимулов и стимулов окружающей среды**. Опишу здесь одно из наиболее сильных внешних вмешательств в ЛСД-сеанс, свидетелем которого мне довелось быть.

Одна из терапевтических комнат в Пражском научно-исследовательском институте психиатрии ко времени ее использования в качестве помещения для ЛСД-терапии была оборудована односторонним полупрозрачным зеркалом. Перед началом одного из сеансов в наше отделение проникли двое нетерпеливых и не очень деликатных студентов-психологов. Когда я проводил сеанс с Армидой — молодой девушкой с пограничной симптоматологией психоза, они без моего разрешения и без согласия пациентки решили понаблюдать за происходящим через односторонний экран. Не подозревая о том, что правильное его использование требует затемнения в комнате наблюдателей, они оставили свет, открыв обратную часть зеркала. В результате их образы, похожие на привидения, возникли на экране в терапевтической комнате. Армида, увидев их, отреагировала вспышкой паники и страшной ярости. Более часа она визжала, билась и каталась по полу. В течение всего этого времени я не имел с ней никакого контакта. Лишь после того как девушка успокоилась, она смогла объяснить, что же произошло. Когда она взглянула на экран, все окружающее внезапно превратилось в пугающий лес. Похожие на привидения фигуры студентов трансформировались в двух агрессивно настроенных молодых людей, по вине которых в возрасте семнадцати лет она пережила тяжело травмировавшее ее событие. В момент крайнего возбуждения и неспособности к коммуникации, она оказалась полностью втянутой в повторное проживание этого случая. Согласно ее описанию, эти два негодяя воспользовались ее наивностью, заманили в лес и изнасиловали ее, несмотря на отчаянное сопротивление. В результате этого случая Армида заразилась гонореей, которая приобрела хронический характер и доставила ей множество неприятных гинекологических хлопот. Биологические и эмоциональные последствия этого случая вошли в число проблем ее сексуальной жизни.

Таким образом, действительные обстоятельства сеанса явились мощным драматическим внешним стимулом и трансформировались в направлении давнего травматического переживания, включив, в свою очередь, его повторное проживание.

*Важность **терапевтического отношения** как основного определяющего фактора содержания ЛСД-сеанса можно убедительно продемонстрировать на примере первого сеанса Шарлотты, двадцатитрехлетней медицинской сестры. За несколько лет до ЛСД-терапии она была помещена в закрытое отделение государственной психиатрической лечебницы в состоянии ступора, с диагнозом шизофрения. После выписки она в течение нескольких лет проходила систематический курс психотерапии, что предшествовало ее первому ЛСД-переживанию. На протяжении этого времени она последовательно проявляла симптомы невроза навязчивости и конверсию, а также тревожную истерию. Важным фактом ее биографии были холодные взаимоотношения в семье без понимания ее потребностей и буквально полное отсутствие эмоциональной поддержки со стороны ее родителей. Атмосфера в доме определялась непомерными религиозными требованиями и была особенно нетерпимой по отношению к сексуальным проявлениям любого рода. Шарлотта находилась в полной изоляции, и терапевт был ее единственной эмоциональной опорой. Во время сеанса у пациентки весьма резко проявился эффект переноса, и ее захватила идея сломать искусственные и профессиональные рамки терапевтического отношения, изменить их на эротические и включить в свою жизнь. Эта проблема серьезно повлияла на содержание и характер ее первого ЛСД-сеанса.*

В начале сеанса Шарлотта осознала силу своей эмоциональной привязанности к терапевту и спросила, интересуется он ею только как пациенткой или же имеют место и «реальные, человеческие интересы». Она не выносила мысли о том, что у него были и другие пациентки и что он не всецело принадлежит ей. Сам же факт пребывания ее в роли испытуемой казался вполне приемлемым. Неожиданно она взглянула на свое тело и с особой улыбкой бросила замечание: «У меня такое чувство, будто на мне ничего нет... я имею в виду, во мне ничего нет; по крайней мере того, чем вы могли бы заинтересоваться. Я ничего для вас не значу». Некоторое время спустя тенденция, проявившаяся во фрейдовской языковой оговорке, полностью вскрылась. Шарлотта видела себя прекрасной обнаженной моделью, а терапевт превратился в легкомысленного художника, представителя богемы. Терапевтическая комната стала уютной мастерской на Монмартре. В этот момент все казалось прекрасным, и Шарлотта чувствовала себя совершенно счастливой. Эта короткая романтическая интерлюдия была грубо прервана видением чертей и адского пламени на стенах. Когда Шарлотта взглянула на терапевта, она вообразила, что у него вырастает язык, а лицо темнеет. Тогда она начала воспринимать его как дьявола с ужасными глазами и маленькими рожками на лбу.

Позднее Шарлотта во время галлюцинации увидела восхитительно красивую женщину в черной маске, которая олицетворяла собой ее желание быть привлекательной, неотразимой и недоступной одновременно, так чтобы ни один мужчина не мог ей противостоять. Когда она бросила на терапевта дразнящий взгляд и он не ответил на ее пламенный призыв, она увидела стену, с которой на нее смотрели лица тупиц. Чтобы быть уверенной, что ее поняли на этот раз, она извинилась за свои видения, подчеркивая, что они были произвольными и не должны рассматриваться лично. Далее вся комната наполнилась различными эмблемами и родовыми гербами аристократов, составленными из разнообразных любовных символов — таких, как целующиеся голубки, сердца, обнимающиеся пары и слившиеся воедино стилизованные мужские и женские гениталии.

Спустя еще некоторое время Шарлотта визуализировала различные образы персонифицированных сов в очках, сидящих в лаборатории, затянутой паутиной и наполненной древними фолиантами в кожаных переплетах. Они выглядели смешными и абсурдными, подобно карикатуре на ученых. Когда она взглянула на терапевта, то не могла удержаться от смеха, так как он тоже трансформировался в одну из этих «ученых» птиц. Видение этого птичьего двора длилось не долго. Вскоре терапевтическая превратилась в космическую лабораторию, где все представлялось холодным и искусственным. В этой сцене преобладали поверхности из металла и пластика и длинные кабели. (Человек, до которого что-либо сказанное доходит очень медленно, сравнивается в чешской идиоме с личностью, наделенной «длинными проводами».) Терапевт оказался облаченным в защитный скафандр космонавта, «предохраняющий от любых изменений температуры и внешних влияний». В следующей сцене терапевт трансформировался в носатого детектива с трубкой, похожего на Шерлока Холмса. Комната была наполнена табачным дымом. Шарлотта заметила, что скоро нельзя будет ничего увидеть, и радовалась такой перспективе. Не встретив ни какого отклика, она увидела бестолково глядящих на нее ослов с большими ушами. Она вновь подчеркнула, что не вызывала этих видений преднамеренно и что за них не перед кем извиняться. Последней трансформацией терапевта в этом сеансе стало его превращение в провинциального цирюльника, одетого в грязный белый халат.

Все вышеупомянутые феномены связаны с проблемой переноса у пациентки и имеют ярко выраженный двойственный характер. Ощущение Шарлотты, будто на ней ничего нет, — это, в целом, ее желание превратить терапевтическую ситуацию в эротическую и в то же время ее озабоченность тем, что она недостаточно привлекательна чтобы заинтересовать своего терапевта. Следующая сцена — желаемая эротизация. Вместо терапевта и его пациентки появляется уютная мастерская с художником и обнаженной моделью. Картины сексуализированных гербов — еще одна вариация той же темы. Сцены с дьяволом имеют сложный амбивалентный смысл. В связи со строгим религиозным воспитанием Шарлотты они символизируют наказание за запретные желания. С другой стороны, в них выражается развитие инстинктивных тенденций сексуальной и агрессивной природы (дьявол как соблазнитель). Видение сов — ироническая реакция на поведение терапевта, не ответившего на ее скрытые маневры по соблазнению и поддерживавшего все время объективную, «научную», позицию. Согласно ассоциациям Шарлотты, переживание, включающее космическую лабораторию, отражает ее восприятие холодности и неприступности терапевта и некое подобие тех защитных приемов, которые он использовал против ее кокетства. Полет астронавта к звездам символизирует фантазии Шарлотты относительно будущей научной карьеры ее врача. Многие из видений сеанса выражают также недовольство Шарлотты, иронию и критику непонимания ее желаний со стороны терапевта. Это включает видение ослов, сов и длинных кабелей в лаборатории. Трансформация терапевта в цирюльника представляет собой еще одну атаку на него и бросает вызов «белому халату» — общему символу медицинской профессии. Детальное обсуждение сеанса и тщательная его проработка оказались весьма полезными в идентификации и разрешении проблем переноса, отчетливо в нем проявившихся.

Иногда даже единственный образ в ЛСД-сеансе, будучи глубоко проанализированным, может стать важным источником информации для разрешения проблемы переноса. В качестве иллюстрации мы можем воспользоваться описанием короткого переживания из второго сеанса Шарлотты. Этот пример показывает также внутреннюю динамическую структуру ЛСД-переживания на психодинамическом уровне.

В какой-то момент Шарлотта открыла глаза и увидела клочок ваты на ковре, превратившийся в смешную мышку с необычайно большими ушами. Она была одета как пилот и сидела верхом на вертолете. Последующий анализ с использованием ассоциаций показал автосимволический характер этого образа. Мышь представляла Шарлотту и сложность ее чувств в отношении сеанса и ситуации переноса. Ранее, во время сеанса, Шарлотта использовала несколько маневров, чтобы вовлечь терапевта в свою игру. Он реагировал с помощью определенных терапевтических контрмер. Ей не понравилась его реакция. Она вдруг подумала, что это напоминает ей игру кошки с мышкой. После этого мелькнула мысль о новизне ЛСД-терапии, и Шарлотта почувствовала себя лабораторным животным, на котором испытывают новый препарат. Во время ее обучения на медицинских курсах она часто видела подопытных мышей. Размышляя над этой идеей, Шарлотта начала интенсивно потеть... (Чешская идиома, используемая в таком случае, — «потеть словно мышь».) Ко времени, когда вата превратилась в мышку-пилота, идея о мышке как символе была таким образом уже сильно обусловлена несколькими независимыми направлениями мысли. До иллюзорной трансформации Шарлотта смотрела на клочок ваты и ассоциировала его со своей низкой самооценкой: «Я чувствовала себя очень странно, как если бы была абсолютным нулем, ничем, подобно обрывку ваты, валявшемуся на полу». В нашей беседе после сеанса Шарлотта поделилась интересными ассоциациями, связанными у нее с вертолетом. Два направления, характеризующие его полет, а именно вверх и вперед, символизировали для нее траекторию успешной жизненной карьеры: вертолет представлял собой терапевта, от которого она ожидала помощи в реализации своей цели. Этот сложный образ отражал двойственность Шарлотты в отношении переноса. С одной стороны, она чувствовала свою неадекватность и ожидала помощи и поддержки, с другой — хотела манипулировать и держать ситуацию под контролем. Это выразилось в роли мышке, которая была пассажиром вертолета и одновременно выполняла функции пилота.

Символ мышке-вертолета основывался на действительных элементах лечебной ситуации — таких, как клочок ваты на полу, проверка нового препарата и чрезмерное потение. В то же самое время он отражал в терапевтическом отношении истинные чувства и проблемы Шарлотты. Позднее удалось отследить несколько связей с важными детскими воспоминаниями, особенно с ее страхами перед грозой и сильным ветром.

Вышеприведенный клинический пример можно использовать для демонстрации одного общего принципа, заслуживающего особого внимания. Свободные ассоциации с автосимволическим образом Шарлотты ясно указывают на то, что элементы индивидуального переживания в психодинамических ЛСД-сеансах являются сенсорными или моторными экстериоризациями важных «узловых пунктов» динамики бессознательного. Эти точки занимают «перекрестки» нескольких ассоциативных цепей, связанных с областями сильно эмоционально заряженного бессознательного материала. Детальный анализ показывает, что именно элементы, проявляющиеся в сеансе («мышка» и «вертолет» в случае Шарлотты), способствуют спрессованному выражению большинства актуальных эмоциональных тем. Затем они входят в итоговое проявление переживания по типу «часть вместо целого». Другими словами, каждая из тем представлена частичным компонентом, объединяющим их все. Часто обнаруживается, что один и тот же образ или элемент выражает несколько значительных и, как правило, конфликтующих тем и тенденций испытуемого, и в то же время он осмысленно связан и с различными аспектами окружения.

Важность **настоящей жизненной ситуации** для содержания и протекания ЛСД-переживаний может быть показана на примере сеанса Петра, основные биографические данные которого были приведены ранее.

На протяжении всего своего детства Петр страдал от острой эмоциональной депривации. В результате, став взрослым, он жаждал женского расположения и материнской любви. В одном из его первых психолитических сеансов возник продолжительный необычный эпизод, отмеченный радостными рождественскими сценами, перемежающимися с мрачными видениями похорон. Выглянув из окна, Петр увидел сказочный зимний ландшафт (сеанс проходил в солнечный ноябрьский день, по крайней мере, за месяц до выпадения снега), а терапевтическая комната приобрела «рождественский вид». Он видел и ощущал вкус своих любимых блюд, которые в далеком детстве подавались на Рождество, слышал перезвон колоколов и звуки рождественских хоралов, видел сцены, рисующие традиционные святочные обряды, совершаемые в его родной деревне. Терапевт превратился в чудесную, богато украшенную и освещенную елку с различными детскими игрушками, висевшими на ее ветвях.

Во время сменяющих эти эпизоды траурных сцен атмосфера становилась гнетущей и тяжелой. В пятне на стене Петр увидел похоронный кортеж со множеством людей, одетых в черное и следующих за гробом. Обычные звуки из окружения, воспринимавшиеся им ранее как звон рождественских колоколов, казались теперь звучанием похоронного колокола. Матовая лампа превратилась в огромный зловещий фосфоресцирующий череп. Второй присутствовавший на сеансе психиатр выглядел так, словно он умирал от серьезной болезни. Казалось, что лицо и руки у него трупного цвета. В конце концов он трансформировался в скелет с косой — традиционный символ Смерти.

Этот эпизод был довольно неясен, пока его не проанализировали с помощью ассоциаций Петра. На протяжении всей своей жизни его влекли женщины-матери. Он пытался добиться любви, которой был лишен в отношениях с родной матерью. Ко времени сеанса ей было восемьдесят лет, и Петр ждал ее смерти со дня на день. ЛСД-сеанс проходил за шесть недель до рождественских отпусков. Он намеревался посетить мать и побыть с ней некоторое время. Петр думал об этом визите как о последнем шансе увидеть ее в живых. В своих фантазиях он предполагал, что на этот раз мать тепло обнимет его, поцелует и позволит положить голову ей на колени. Так что, идея неминуемой смерти матери была тесно связана с рождественской атмосферой и темой блаженного объединения.

В приведенном эпизоде материал отражает проблемы текущей жизненной ситуации Петра, но позднее удалось проследить и более глубокие корни этой темы — в базовых перинатальных матрицах. Неизбежность смерти и мотивы похорон связаны с БПМ-II, а элемент союза с матерью — с БПМ-I.

Природа отдельного переживания в ЛСД-сеансе может определяться материалом из различных периодов жизни человека. Это может быть проиллюстрировано следующим клиническим примером.

Павел, тридцатидвухлетний химик, был направлен в наше отделение после неудачной попытки самоубийства с диагнозом «острое расстройство психической деятельности, наркомания и алкоголизм». У него развилось привыкание к фенметразину — препарату с психостимулирующими свойствами, снижающему аппетит. В прошлом он начал увеличивать предписанную ему дозу (25 миллиграмм по три раза в день), пока средняя суточная доза не достигла 1500 миллиграмм. Одновременно с этим у него появились симптомы острого параноидального психоза с панической тревогой, многочисленными акустическими галлюцинациями и манией преследования. После нескольких дней, проведенных в мире Кафки, бегства

и укрытия от воображаемых преследователей он попытался покончить с собой и был помещен в наш институт.

В одном из ЛСД-сеансов у Павла возникло ощущение, что его тело стремительно «сморщивается», становится все более и более истощенным. Используя технику свободной ассоциации, мы смогли восстановить смысловое и эмоциональное содержание этого переживания. Некоторые из ассоциаций привели нас к событиям, которые предшествовали привыканию Павла к препатату. За длительный период малоподвижности, связанный с травмой ноги, Павел сильно располнел, что приводило его в отчаяние. Желание быстро согнать вес явилось главной причиной обращения к фенметразину. И действительно, вскоре он начал резко терять вес.

Другая цепь ассоциаций связывала это переживание с чувствами Павла к своему отцу. Павел родился от смешанного брака. Во время второй мировой войны его отец, еврей по национальности, провел несколько лет в нацистском лагере, а его самого постоянно преследовали и унижали. Он много раз наблюдал транспортировку голодающих узников в вагонах для скота и всегда думал о своем отце, о концентрационных лагерях, о трагической судьбе евреев. С этим чрезвычайно болезненным и травмирующим периодом его жизни оказалось тесно связано переживание истощения во время ЛСД-сеанса.

Использование свободных ассоциаций выявило также тот факт, что Павел всю силу своей души вкладывал в культивирование собственного интеллекта. Его жизнь проходила под вечным страхом старости, дряхлости и смерти, и блестящий ум оставался главным активом и основным компенсирующим инструментом. Он постоянно ощущал неутолимый интеллектуальный голод и мучился от сознания, что слишком быстро стареет. Один из самых ужасных его кошмаров был связан с неспособностью удовлетворить свои амбиции, с недостатком времени для достижения всех своих целей. Переживая истощение в ЛСД-сеансе, он несколько раз испытывал такое чувство, будто он стремительно стареет и превращается в дряхлого старика. Наиболее пугающим аспектом этого переживания явилось понимание утраты интеллекта и наступление старческого маразма. Таким образом, переживание истощения стало выражением наиболее значительных страхов его жизни. Последующие сеансы показали, что переживание истощения («сморщивания») кроме того включает в себя элемент возрастной регрессии к основному травматическому воспоминанию из его раннего детства.

Переживание Павла можно было бы использовать в качестве еще одной иллюстрации по экстернизации узловых моментов бессознательной динамики в ЛСД-сеансах. В этом случае оказывается, что одна-единственная тема переживания (похудение) представляет и выражает много значимых травматических областей и периодов его жизни.

Следующий пример включает в себя переживания из более продвинутой сессии психолитической серии. Наиболее очевидными источниками ее содержания являются {шрифт выделенный}травмирующие переживания детства,{шрифт обычный} но в значительной степени присутствуют и **перинатальные элементы (БПМ-III)**.

Дана, тридцативосьмилетняя преподавательница высшей школы с докторской степенью по философии, много лет страдала осложненным неврозом. Ее симптомы включали в себя депрессию на грани самоубийства, приступы беспричинной тревоги, припадки истерии и различные психосоматические проявления. Однако наиболее трудной проблемой было ее отношение к дочери, полное навязчивых страхов. В течение восьми лет, с самого рождения девочки. Дана временами испытывала сильное желание причинить ей вред — ударить ножом, выбросить из окна или задушить. Это

желание перемежалось с паническим страхом, что с ребенком должно случиться что-то плохое. Каждая простуда воспринималась как возможный симптом фатальной болезни. Детские бутылочки, пластиковые соски всегда казались недостаточно чистыми, что не исключено присутствие опасных бактерий, а всякое пребывание вне дома рассматривалось как чрезвычайно опасное. Помимо этого, Дана, как личность высоких моральных устоев, мучилась тяжким чувством вины и самобичевания из-за желания причинить зло своей собственной дочери.

В одном из ЛСД-сеансов у Даны преобладали святотатственные искажения религиозных тем. Наиболее священные элементы были загрязнены «непристойной» животной биологией. К примеру, она видела сцены распятия, в которых лицо Христа искажалось, пальцы его превращались в окровавленные когти, и он мочился с креста; грязные шелудивые крысы бегали по Голгофе, оскверняя святое место слюной, калом и мочой. После нескольких часов таких переживаний она вспомнила о травматическом событии своего отрочества. Ее приятель, студент-богослов, казавшийся на первый взгляд набожным и «морально устойчивым» человеком, обошелся с ней неподобающим образом, проявив сексуальную несдержанность. Это было первым конкретным примером из ее жизни, включавшим в себя смешение религии и «непристойной» биологии. Позднее, после снятия сильного сопротивления, в сеансе преобладали травматические детские воспоминания. Когда ей было десять лет, у ее психически больного отца произошло кровоизлияние в мозг, и его оставили дома вопреки быстрому ухудшению физического и психического состояния. Во время сеанса Дана вновь пережила многие из сцен, свидетельницей которых ей пришлось быть, будучи ребенком. Она не раз наблюдала, как отец пренебрегает основными правилами гигиены. Утративший в результате психотического процесса и органического повреждения мозга почти все приспособления защиты, он зачастую совершал различные физиологические отправления в ее присутствии. Отец был религиозным фанатиком. В каждой комнате были иконы, маленькие алтари и различные предметы литургии. Многие из сцен, ожившие у Даны во время ЛСД-сеанса, содержали безобразное поведение отца, не соответствующее окружающей обстановке. Это явилось важным источником смешения религии и «непристойной» биологии в сеансе.

Серия рисунков, отражающих уродливое, святотатственное искажение большинства религиозных тем и их загрязнение «непристойной» биологией. Пациентка оказалась затопленной подобными образами в ЛСД-сеансе, в котором она прорабатывала особые травматические детские переживания и элементы родовой травмы.

Картина, изображающая разрешение проблем, демонстрируемых на предыдущем рисунке. Духовные элементы, символизируемые Иисусом, поднялись над биологией (желудок, кишечник, гениталии, мочевой пузырь, человеческий эмбрион) и отделились от нее. Руки пациентки достигают Черного Солнца, «внутренней реальности», пребывающей даже «за пределами Христа».

Самые глубокие корни такого слияния религиозных чувств и «непристойной» биологии были позднее найдены в переживаниях, связанных с БПМ-III. На перинатальном уровне чувства отождествления с Христом и его страданием и элемент духовной смерти и возрождения сопровождался повторным биологическим проживанием родовой травмы с акцентом на ее жестокость, «животность» и непристойность. Одновременно со своим рождением Дана пережила рождение своей дочери. Она обнаружила источник агрессии к своему ребенку в чувствах, которые испытывала на ранних стадиях родов, в то время, когда шейка матки еще закрыта, а мать и ребенок причиняют друг другу боль. После полного

проживания и интегрирования этого воспоминания. Дана впервые в своей жизни смогла испытать по-настоящему материнское чувство, свободное от агрессии, вины и тревоги.

К концу ЛСД-сеанса Дана имела видение очищенного, светящегося Иисуса. Это было связано с истинно христианскими чувствами и новым интуитивным пониманием послания Христа. Одновременно с этим она почувствовала, что что-то есть я за Христом, поразила это символом Черного Солнца. Описание Даней этого трансцендентального символа во многом напоминало концепцию Атмана в индуизме.

Последний пример является описанием продвинутого ЛСД-сеанса Михаила, девятнадцатилетнего студента, шизофреника, самого молодого из наших пациентов. Он был братом Евы, пациентки-невротички, также проходившей курс ЛСД-терапии. История брата и сестры кратко была представлена ранее, в разделе, где речь шла об аутентичности оживленных детских воспоминаний. Вопреки серьезной клинической симптоматиологии, Михаил показал пример стремительного терапевтического прогресса. Он относительно быстро прошел психодинамическую и перинатальные стадии своего лечения и приблизился к трансперсональным уровням. Нижеследующий эпизод взят из его 32-го сеанса, который прошел незадолго до завершения лечения.

Сеанс начался с чувства «чистого напряжения», поднимавшегося все выше и выше. Когда напряжение было пройдено, Михаил испытал чувство заполняющего космического экстаза. Казалось, Вселенная залита сияющими лучами, исходящими от неведомого сверхъестественного источника. Все было наполнено безмятежно стью, любовью и миром, вокруг царила атмосфера «абсолютной победы, окончательного освобождения и свободы в душе». Затем сцена сменилась бесконечным зеленовато-голубым океаном — изначальной колыбелью всего живого. Михаил почувствовал, что он вернулся к Истоку: он мягко плавал в этой питательной умиротворяющей жидкости, а его тело и душа, казалось, растворялись и исчезали в ней. Переживание имело определенный индийский оттенок. Он спросил терапевта, не это ли состояние единения индивидуального «Я» со Вселенной описывается в индийских религиозных писаниях. Ему привиделись сцены поклонения индусов, траурные церемонии на берегах Ганга, индийские йоги, практикующие среди гималайского величия. Без всякого предварительного знания хатха-йоги Михаил интуитивно принял несколько классических поз (асан), поскольку они казались ему наиболее подходящими для его состояния ума в тот момент.

Это экстатическое состояние неожиданно прервалось, и чувстве гармонии нарушилось. Вода в океане стала амниотической жидкостью, и Михаил начал воспринимать себя в качестве плода в матке. Некоторые враждебные влияния угрожали его существованию. У него появился странный, неприятный вкус во рту, он чувствовал яд, струящийся через его тело, глубокое напряжение и тревогу а различные группы мышц дрожали и подергивались. Эти симптомы сопровождалась ужасными видениями демонов и других злых духов. Они напоминали изображения на религиозных картинах и скульптурах различных культур. Когда этот эпизод сильного недомогания прошел, Михаил повторно пережил свое собственное эмбриональное развитие — от слияния сперматозоида и яйцеклетки через миллионы клеточных делений и процесс дифференциации до сформировавшегося плода. Это сопровождалось огромным высвобождением энергии и сияющего света. Последовательности эмбрионального развития переплеталась с филогенетическими переживаниями, демонстрировавшими трансформацию животных видов в течение эволюции жизни.

К концу сеанса Михаил вернулся к чувству слияния с океаном и растворения в нем, перемежавшимся с отождествлением со всей Вселенной. На этом

общем фоне у него были многочисленные видения Древнего Египта с пирамидами, гробницами фараонов, величественными гранитными скульптурами различных божеств и мифа логических фигур. Экстатические видения продолжались до поздней ночи. Последнее видение в сеансе было триумфальным шее твием египетской принцессы с ее многочисленной свитой по Нилу.

На следующий день Михаил пребывал в самом спокойном радостном и самом уравновешенном эмоциональном состоянии из всех, когда-либо пережитых им в его жизни. После этого сеанса его психотические симптомы никогда более не возвращались. Через несколько лет он женился и уехал из Чехословакии. Он был способен взять на себя полную ответственность за свою семью и с успехом преодолеть все лишения, связанные с жизнью эмигранта.

Мы закончим это обсуждение многоуровневой и многомерной природы ЛСД-переживания несколькими замечаниями, имеющими непосредственное отношение к применению этого препарата для диагностики личности и для лечения эмоциональных нарушений. Клиническое применение теоретических принципов, изложенных в этой книге, будет подробно обсуждаться в следующем издании, где основное внимание акцентируется на практических аспектах ЛСД-психотерапии.

Многие из использованных в данной главе примеров отчетливо указывают на тот факт, что ЛСД активизирует эмоционально значимый материал в различных областях и на различных уровнях личности. Возникающая в результате этого многократная обусловленность проявляющегося материала — одна из основных черт ЛСД-переживаний. Общим наблюдением для ЛСД-терапии является то, что пациенты дают несколько согласованных, взаимно перекрывающихся и логически состоятельных интерпретаций одного символического переживания. Однако в случае сложных эпизодов один из уровней обычно находится в центре поля переживания и «острия луча» сознания. Пока разворачивается основная тема, значимость дополнительных уровней может сокращаться и косвенно проявляться на периферии потока восприятия. Они раскрываются после сеанса с помощью систематического анализа при использовании свободных ассоциаций пациента или спонтанно возникают в последующих ЛСД-сеансах. Переменные, определяющие интенсивность главного уровня, следующие: личность испытуемого, влияние терапевта, доза ЛСД, интенсивность эмоционального заряда, связанного с материалом переживания, степень сопротивления и сила защитной системы, предпрограммирование и окружающие условия и число предшествовавших ЛСД-сеансов. Последний фактор заслуживает специального объяснения в связи с его значением для понимания природы ЛСД-переживаний, внутри— и межличностной варьированности содержания сеансов и динамики ЛСД-психотерапии.

Различные люди находятся в весьма различных ситуациях ко времени их первого ЛСД-сеанса. Некоторые из них (серьезно борются против бессознательного материала любого уровня, другие имеют легкий доступ не только к психодинамическим феноменам, но и к перинатальным и даже трансперсональным переживаниям. Основной фокус переживания серии ЛСД-сеансов имеет тенденцию смешаться от абстрактных и психодинамических переживаний к проблемам смерти и возрождения и в конце концов к различным трансперсональным феноменам. В продвинутых ЛСД-сеансах обычно преобладают мистические и религиозные темы, и все они трансперсональны по своей природе. Элементы, проработанные в ранних сеансах, не возникают на этой стадии. В серии ЛСД-сеансов эти последовательные сдвиги фокуса с одного уровня индивидуального бессознательного на другой сопровождаются соответствующими изменениями структуры личности, эмоциональных установок, ценностей, отношений, систем верований и убеждений, а часто и всего взгляда на мир. Понимание этого процесса и его специфической динамики создает основу для тонкого руководства терапевтическим потенциалом ЛСД-процедуры и его оптимального использования.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я предлагаю эту книгу моим коллегам по профессии и широкой публике с некоторым чувством смятения и колебания. Я прекрасно понимаю, насколько необычными могут показаться некоторые разделы читателю, не имевшему непосредственного опыта работы с психоделиками или не пережившему какого-либо опыта измененного состояния сознания. По своему личному опыту я знаю, насколько трудно всерьез рассматривать и понимать скрытый смысл некоторых экстраординарных наблюдений, имевших место во время ЛСД-сеансов. Я сопротивлялся наплыву все новых и новых данных, способных совершить революцию в науке и получаемых в результате повседневной клинической работы, и пытался объяснить их в пределах принятых теоретических рамок, пока моя тенденция защитить традиционные пути мышления не была сломлена и подавлена обилием неоспоримых клинических фактов. Всякий раз нарушение мною традиций, общепринятого мышления и допущений, разделяемых многими людьми, происходило перед лицом весьма убедительных фактов, в свете которых старые концепции становились неполными, неудовлетворительными, неправдоподобными и несостоятельными. Мне хотелось бы подчеркнуть, что я не потакал иконоборческому удовольствию, противопоставляя его существующим концепциям и теориям. Напротив, будучи довольно консервативным по природе, я испытывал серьезный дискомфорт, когда общепринятые системы оказывались неадекватными. Когда я болезненно ощущал отсутствие какого-либо осмысленного направления, я долгое время мучился от довольно неприятного концептуального хаоса. Это продолжалось до тех пор, пока я не расширил теоретические рамки настолько, что смог навести порядок в исследовательских данных и упростить интеграцию и синтез наиболее важных наблюдений.

В поисках подходящей формы передачи того, что я обнаружил, я отверг казавшуюся мне соблазнительной альтернативу подвергнуть цензуре или игнорировать наиболее необычные наблюдения, с тем чтобы избежать неодобрения и грубой критики. Помимо личной и профессиональной нечестности, такой подход ликвидировал бы и саму цель, ради которой писалась эта книга. Представлялось важным поделиться данными в их истинной форме, включая и тот вызов, который они бросают нашему здравому смыслу и способу научного мышления. Поэтому я решил пойти на риск, не боясь подвергнуться нападкам и резкой критике и показаться смешным ради цельности и точности изложения.

Я не думаю, что читателю будет легко принять идеи, выраженные в этой книге. Вполне логично предположить, что скептицизм других в отношении этих данных будет не менее острым, чем тот, который я испытал сам. Наиболее убедительное подтверждение или отрицание представленного материала должно прийти со стороны подобных же исследований, проводимых другими. Теоретически, исследование, описанное в этой книге, конечно же, может быть повторено, хотя настоящая политическая и административная ситуация относительно исследования психоделиков делает такую задачу довольно трудной. Косвенно ценность представленных концепций может быть проверена в ситуации бесконтрольного эксперимента, имеющего место в широком масштабе в современных Соединенных Штатах, то есть безнадзорного использования психоделиков. Лица, принимавшие ЛСД, и те из психиатров-профессионалов, которые работали с такими людьми, будут способны судить, до какой степени представленная картография бессознательного совпадает с их собственным опытом. Другой — окольный — путь к проверке новых теорий состоит в применении их к различным состояниям, в которых активизация бессознательного материала вызывается мощными нефармакологическими методами и техниками. Многочисленные примеры можно обнаружить в религиозных текстах, писаниях мистиков и в книгах и журналах по антропологии, а также в современной литературе по психотерапевтическим техникам, при помощи которых можно вызывать определенные переживания, и лабораторные процедуры по изменению состояний психики.

Значение ЛСД-наблюдений выходит за рамки психиатрии и психологии и распространяется на многие другие научные дисциплины. Описание и оценка всех применений и всех следствий уже открытого в их целостности лежит далеко за пределами

способностей одного лица. Детальное изучение психоделических феноменов потребовало бы длительного систематического сотрудничества групп специалистов в области психологии, психиатрии, нейрофизиологии, нейрофармакологии, этноботаники, современной физики, зоологии, этологии, генетики, терапии, акушерства, гинекологии, антропологии, истории искусства, теологии, философии и сравнительного изучения религии и мифологии.

В настоящее время будущее исследований психоделиков стоит под вопросом, и не ясно, будет ли возможность повторить серии ЛСД-сеансов, описанные в этой книге. Несомненно одно: пройдет немало времени, прежде чем они будут завершены и принесут новые данные. Мне же тем временем хотелось бы предложить для детального анализа материал, на котором базируется данная книга, серьезному исследователю, который найдет его интересным с точки зрения своей дисциплины. Буду крайне признателен за критические отзывы и советы со стороны специалистов в любой области, если это поможет внести большую ясность в полученные данные.

Библиография

- [1] Arcamone F. «Production of Lysergic Acid Derivatives by a Strain of *Claviceps Paspali* Stevens and Hall in Submerged Culture» //Nature. 187 (1960): 238.
- [2] Cohen S. «Side Effects and Complications» //Journal of the Nervous and Mental Diseases. (1960): 30.
- [3] Fanchamps A. «Des drogues magiques des Azteques a la therapie psycholytique» //Acta Psychotherapeutica 10 (1962): 372.
- [4] Freud A. The Ego and the Mechanisms of Defense. London: Hogarth Press. 1937.
- [5] Freud S. «From the History of an Infantile Neurosis» //Collected papers. Vol. 3. London: Institute of Psychoanalysis and Hogarth Press, 1924.
- [6] Freud S. «The Aetiology of Hysteria» Collected papers. Vol. 1. London: Institute of Psychoanalysis and Hogarth Press, 1924.
- [7] Gopi Krishna. Klindalini: The Evolutionary Energy in Man. Berkeley, Calif,: Shambala Publications, 1970.
- [8] Grof S. «Theoretical and Empirical Basis of Transpersonal Psychology and Psychotherapy: Observations from LSD Research» // Journal of Trans personal Psychology. 5 (1973): 15.
- [9] Grof S. and Dvirych Z. «Blocking of the LSD Reaction by Premedication with Niamid» //Activitas nervosa superior. 7 (1965): 306.
- [10] Jung C. G. «Synchronicity: An Acausal Connecting Principle» //Collected works. Vol. 8. Princeton, N.J.: Bollingen Series. Princeton University Press, 1960.
- [11] Leuner H. Die experitnentelle Psychose. Berlin, Gottingen, Heiddelberg: Springer Verlag, 1962.
- [12] Liny J. C. The Center of the Cyclone. New York: The Julian Press, Inc., 1972.
- [13] Maslow A. H. Toward a Psychology of Being. Princeton, N.J.: D. van Nostrand Co., Inc., 1962.
- [14] Maslow A. H. «A Theory of Metamotivation: The Biological Rooting of the Value Life». In: Readings in Hurnanistic Psychology, edited by A.J. Sutich and M. A. Vich. New York: The Free Press, Ltd., 1969.
- [15] Pahnke W. N. and Richards. W. E. «Implications of LSD and Experimental Mysticism» //Journal of Religion and Health. 5 (1966): 175.
- [16] Rank O. The Trauma of Birth. New York: Harcourt Brace, 1929.
- [17] Stall W. A. «LSD, ein Phantastikum aus der Mutterkorngruppe» //SchweizerArchiv furNelirologie and Psychiatric. 60 (1947): 279.
- [18] Stall A., Hafmann A. and Proxler F. «Ueber die Isomerie van Lysergsaure und Isolysergsaure» //Helvetica Chimica Acta. 32 (1949): 506.

[19] Varella G., Vazquez A. and Toroella J. «Probable existencia de la LSD-25 en la infeccion por Taxoplasma» // Revista del Institute de salud y Entermedades tropicas (Mexico). 16 (1956): 29.

Станислав Гроф, Эрвин Ласло, Питер Рассел Революция сознания: Трансатлантический диалог

Stanislav Grof, Ervin Laszlo, Peter Russell
THE CONSCIOUSNESS REVOLUTION

A Transatlantic dialogue
1999

Под редакцией Эрвина Ласло

Предисловие Кена Уилбера

Послесловие Иегуди Менухина

Серийное оформление Александра Кудрявцева

Перевод с английского Марка Драчинского

Научный редактор кандидат философских наук Владимир Майков

Подписано в печать 24.02.04. Формат 84x108'/з2. Усл. печ. л. 13,44. Тираж 5 000 экз. Заказ № 2236.

Гроф С.

Г86 Революция сознания: Трансатлантический диалог/С. Гроф, Э. Ласло, П. Рассел; Пер. с англ. М. Драчинского. — М.: ООО "Издательство АСТ" и др., 2004. — 248, [8] с. — (Philosophy). ISBN 5-17-022717-5

Насколько велика вероятность осуществления сценария "конца света"? Можем ли мы изменить и развить свое сознание настолько, чтобы суметь спасти чреватый кризисами мир "снаружи" вокруг нас и преодолеть кризисы, осаждавшие наши умы "внутри"? Трое крупнейших ученых размышляют в этой книге о шансах на установление мира во всем мире. Как выясняется в ходе их бесед, даже если речь идет о кризисе, о трансформации, о целях и ценностях, о мировоззрениях, о понимании себя и других, об искусстве, науке, религии и духовности, ключевым моментом, лежащим в основе практически всего остального, является состояние нашего сознания.

УДК 316.89 ББК 87.6

© Stanislav Grof, Ervin Laszlo and Peter Russell, 1999 © Институт трансперсональной психологии, 2004 © Издательство К. Кравчука, 2004 © Оформление. ООО "Издательство АСТ", 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Кен Уилбер).....	7
Вступление (Эрвин Ласло)	11
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ: УТРО	
МИР В ТРАНСФОРМАЦИИ	14
Приступая к теме: шансы на трансформацию	14
Смерть и возрождение: вымирание и обновление	30
Революция в сознании?.....	43
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ: ПОЛДЕНЬ	
ИЗМЕРЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ	52
Сдвиг сознания в обществе, сдвиг парадигмы в науке .	52
Роль духовности	65
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ: ВЕЧЕР	
ОТ ПРОЗРЕНИЯ К ДЕЙСТВИЮ	83
Исцелить себя и исцелить мир.....	83
Синхроничность и любопытные связи	89
ВТОРОЙ ДЕНЬ: УТРО	

ЛИЧНЫЙ КОНТЕКСТ	96
Изменение в ценностях.....	96
О жизненных целях.....	110
Сценарий конца света и выход за его пределы.....	124
ВТОРОЙ ДЕНЬ: ПОЛДЕНЬ	
МИР И ЛИЧНОСТЬ	141
О рождении и развитии — вращение в новый мир ...	141
Новая карта реальности?.....	155
О потенциале искусства и ответственности артистов ...	172
Пересмотренные ценности и этика.....	186
ВТОРОЙ ДЕНЬ: ВЕЧЕР	
ПРЕДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:	
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ	198
Карма.....	198
Сознание	211
Послесловие — дальнейшие размышления	
<i>(Иегуди Менухин)</i>	226
Литература.....	236

ПРЕДИСЛОВИЕ

“Революция сознания” — это необычная дискуссия между тремя великолепными умами нашего времени, живыми в своем взаимообмене, сострадательными в своем охвате, блистательными в своем громком призыве к пробуждению нашей совести и сознания.

Станислав Гроф — один из величайших психологов нашего и любого времени, каким его, несомненно, признает история. Его многочисленные книги — “Области человеческого бессознательного”, “За пределами мозга”, “Космическая игра” и другие — уже снискали ему заслуженную славу. В своих многочисленных друзьях и коллегах он вызывает не только глубочайшее уважение, но и подлинное восхищение. Это настоящий первооткрыватель в современном освоении обширных и, по-видимому, безграничных областей сознания; начертанные им карты этого невероятного ландшафта освещают его с точностью и страстью, равных которым в наши дни нет.

Питер Рассел — блистательный теоретик, вносящий поразительный творческий импульс в любую затрагиваемую им тему. В своих книгах, таких как “Пробуждающаяся земля”, “Глобальный мозг” и “Белая дыра во времени”, Питер снова и снова возвращается к вопросу, который может оказаться для грядущего тысячелетия судьбоносным: как именно изменения в сознании воздействуют на трансформацию мира в целом? Если наш завтрашний день может быть приятнее, чем сегодняшней, то что для этого мы — в том числе, и вы, и я — должны изменить в себе прямо сейчас? Или, быть может, время уже упущено? Что же тогда делать? Питер бьется над этими взыскующими вопросами, проявляя не только пронцательный интеллект, но и подлинно сострадательное сердце, что сказывается на каждой написанной им странице.

Эрвина Ласло можно назвать гением системного мышления. В его книгах, слишком многочисленных, чтобы их можно было перечислить, —

мои любимые это “Системный взгляд на мир”, “Эволюция: великий синтез”, “Выбор”, “Шепчущий водоем” и “Третье тысячелетие” — Эрвин Ласло, возможно, яснее, чем кто-либо еще из ныне живущих, выразил тот ошеломляющий и в то же время столь часто незамечаемый факт, что мы живем в безнадежно взаимозависимой вселенной, где каждое отдельное явление почти чудесным образом связано с любым другим. Делом его жизни, которому он отдается уже четыре десятилетия, является четкий и последовательный призыв признать эту невероятно переплетенную вязь, представляющую собой наш мир, нашу жизнь, наши надежды и сны. Поднимаясь к целостному видению, он помог бесчисленному числу людей вырваться из узких тенет удручающей фрагментарности, вот уже три столетия преследующих современный мир. Именно Эрвин Ласло, следуя предложению Уве Моравеца из Университета международного мира в Берлине, стал составителем книги, которую вы сейчас держите в руках. Эти три человека встречались в течение нескольких дней, чтобы, как рассказывает Эрвин, “поработать о шансах на установление мира во всем мире”. В результате же оказалось, — продолжает он, — что разговор идет о кризисе, о трансформации, о целях и ценностях, о мировоззрениях, о понимании себя и других, об искусстве, науке, религии и духовности. Более всего мы говорили о сознании, очень быстро обнаружив, что ключевым моментом, лежащим в основе практически всего остального, как раз и является состояние нашего сознания”.

Так началась их беседа. Читая последующие страницы, вы сможете следить за развитием этого захватывающего разговора по мере того, как он разворачивается, тема за темой: разумеется, трансформация сознания важна, но важны и многие другие факторы — от методов воспитания детей до экономики и политических институтов. Каким же оказался итог этой встречи? Возможно, Питер скажет об этом лучше: “Мы все собираем по кусочку мозаику, которая позволит нам сделать свою жизнь более осмысленной, счастливой и здоровой, наполнить ее большей взаимной заботой. Ценно каждое, даже самое крошечное, звено мозаики. Порой именно оно может внезапно объединить все остальные ее части, приведя к прорыву или духовному пробуждению. Если бы мы полагали, что наша задача — менять других, это означало бы, что мы упускаем главное. Мы считали бы себя какими-то особенными, имеющими право командовать и контролировать ситуацию. Все мы — части одного и того же рисунка. Каждый из нас должен задать себе главный вопрос: как я могу привести свою собственную жизнь в большее соответствие с этим рисунком? Что я должен сделать, чтобы моя крошечная, стотысячная доля была способна хоть в какой-то мере ускорить этот позитивный сдвиг?”

По моему мнению, Станислав Гроф, Питер Рассел и Эрвин Ласло проделали в настоящей книге, как и во многих других своих книгах, работу нескольких жизней по ускорению этого экстраординарного сдвига.

Кен Уилбер

ВСТУПЛЕНИЕ

Летом 1996 года Стэн Гроф, Пит Рассел и я провели совместно два очень интенсивных дня. Первый — на террасе дома Стэна в роше возле Милл-Вэлли в Калифорнии, второй — на плавучем домике Пита в гавани Сосалито. Перед нами были — магнитофон и широкий ассортимент тем, на которые мы стремились пролить свет, как ради самих себя, так и ради других. Уве Моравец из берлинского Университета международного мира обратился к нам с просьбой поразмышлять о шансах на установление мира во всем мире. В результате же оказалось, что разговор идет о кризисе, о трансформации, о целях и ценностях, о мировоззрениях, о понимании себя и других, об искусстве, науке, религии и духовности. Более всего мы говорили о сознании, очень быстро обнаружив, что ключевым моментом, лежащим в основе практически всего остального, как раз и является состояние нашего сознания. Можем ли мы изменить и развить свое сознание настолько, чтобы суметь спасти чреватый кризисами мир “снаружи” вокруг нас и преодолеть кризисы, осаждающие наши умы “внутри”? После того, как вопрос был сформулирован таким образом, нам пришлось перейти к дискуссии о взаимосвязанности внешнего и внутреннего. Это, в свою очередь, породило вопросы о природе ума и мира и о том, что мы начинаем узнавать о них. Затем, вернувшись к вопросу об окружающем нас мире, мы задались вопросом, каким образом мы можем на деле с эффективностью использовать то, что уже начало возникать и стало называться нашей новой картой реальности.

Моя собственная роль в диалоге была двойной: будучи участником дискуссии, я в то же время был назначен на роль ее модератора, поэтому моей задачей было следить за тем, чтобы разговор оставался в предписанной ему колее, фокусируясь на проблемах, имеющих отношение к достижению мира во всем мире. Поначалу я полагал, что для того, чтобы не давать разговору уходить от этих тем, мне придется формулировать конкретные вопросы, но вскоре обнаружилось, что никакой необходимости в этом нет. Диалог, будучи начат, далее развивался сам по себе, напоминая самовозгорающееся пламя.

Моей главной заботой оказалось нечто противоположное — мы слишком часто соглашались друг с другом, в то время как диалог, по идее, должен быть взаимной игрой контрастирующих взглядов. По счастью, контраст все-таки имел место, но не столько в горизонтальной плоскости разнящихся концепций и точек зрения, сколько в вертикальной, где самые серьезные вопросы освещаются под разными углами зрения, что позволило нам пробиться ближе к их корням и истокам.

Затем, когда я уже редактировал запись нашей беседы, моя задача состояла в том, чтобы он принял удобочитаемую форму. Это было нетрудно. Каждый из нас

самостоятельно поработал над дословной записью своего собственного вклада в дискуссию и скопировал на диск отредактированную им версию. Таким образом, читатель может быть уверен, что то, что предлагается ему в печатной форме, совпадает с тем, что каждый из нас на самом деле хотел высказать. Собрав выправленные материалы, я

просто позаботился о связности и последовательности изложения, указав на основные обсуждавшиеся нами темы.

Мы надеемся, что читатель, следуя развитию нашей дискуссии в ходе этих двух незабываемых дней в Калифорнии, хотя бы в какой-то мере сможет ощутить владевшие нами возбуждение и страсть и, размышляя о сказанном нами, обретет собственные прозрения.

Мне остается поблагодарить Уве Моравеца и его коллег по Университету мира в Берлине за то, что они свели нас троих вместе. Все мы благодарны Кристине Гроф за гостеприимство, с которым она приняла нас в их со Стэном доме. Обстановка в эти два дня была идеальной, и, если высказанные за это время идеи имеют хоть какую-то ценность, то этому, безусловно, в первую очередь способствовали замечательные условия, в которых мы могли ими обмениваться.

Эрвин Ласло

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ УТРО

Мир в трансформации

Приступая к теме: шансы на трансформацию

Л а с л о : Весьма актуален следующий вопрос: можно ли продолжать сегодняшний образ жизни, не провоцируя при этом аварийных ситуаций и кризисов и не ставя под угрозу благополучие всего мира? Озабоченность этим вопросом находит свое выражение хотя бы в том, как часто используется в наши дни слово “жизнеспособность”.

Все говорят о жизнеспособности, но не все понимают, что именно поставлено на карту. Это нечто новое и неожиданное в истории человеческого рода — вести такой образ жизни, который не позволяет нам продолжать жить. Напрашивается неизбежный вывод: мы должны измениться. Боюсь, что вопрос уже идет не о том, *следует ли нам меняться*, а том, *как быстро и как*

качественно мы изменимся. Поэтому вместо того чтобы обсуждать темы, которые обычно обсуждают все умные люди, — как много следует срубить или не срубить деревьев, и т.п. — мы должны честно обратиться к этому фундаментальному вопросу. Полагаю, что в первую очередь нам надо спросить себя, *где мы находимся, кто мы такие и как мы смотрим на мир и на себя*.

Возможно, мы приближаемся к величайшему водоразделу в истории. До сих пор человечество анализировало смысл великих водоразделов лишь после того, как они оставались позади. Но поступать так сегодня слишком рискованно. Необходимо тщательно разобраться в том, что нам уготовано, и осознанно стремиться к улучшению своих шансов. Для решения этой грандиозной задачи требуется пролить какой-то свет на ряд факторов, определяющих нынешние эпохальные перемены.

Позвольте начать со следующего высказывания: для того чтобы выжить и продолжить свое развитие, не обрекая себя на вымирание, мы должны пересмотреть свои представления о вселенной, о человеке и об идеях прогресса и развития.

Р а с с е л: Вы говорите о вымирании, но что же именно стоит перед такой угрозой? Я не думаю, что на этой планете погибнет вся жизнь. Жизнь очень вынослива. Несмотря на то, что в прошлом вымирали ведущие биологические виды, жизни в целом всегда удавалось сохраниться. Возможно, если бы не глобальный катаклизм, стерший с лица земли шестьдесят пять миллионов лет назад динозавров и восемьдесят пять процентов других видов, эволюция не привела бы к возникновению человечества. Не исключено, что деятельность людей приведет к вымиранию других крупных видов. Если это действительно так, то это будет первый случай, когда причиной подобного вымирания оказывается образ жизни одного из собственных видов планеты. Разумеется, это будет беспрецедентным событием, однако и в этом случае жизнь сумеет сохраниться. При таком сценарии тем видом, к исчезновению которого приведут наши действия, будем, скорее всего, мы сами, однако мы не уничтожим всю жизнь на планете.

При самом наихудшем сценарии мы уничтожим озоновый слой. Тогда жизнь на суше станет невозможной. Ультрафиолетовая радиация так же опасна для насекомых, цветущих растений и микроорганизмов, как и для человека. Но в море жизнь сохранится; она существовала там за миллиарды лет до формирования озонового слоя. А впоследствии, когда озоновый слой восстановится, не исключено, что живые существа вновь заселят и сушу.

Впрочем, я не думаю, что это самый вероятный из сценариев. Гораздо более вероятно, что серия крупных экономических и экологических катастроф приведет к падению западной цивилизации. Но это не будет концом человечества. Некоторые изолированные туземные народы смогут выжить и в конечном счете создать новую цивилизацию — будем надеяться, более мудрую, чем наша. Впрочем, и падение западной цивилизации не означает физического конца для всех нас. Ведь крушение советской системы не привело к гибели жителей этих стран. Разумеется, там произошли далеко идущие перемены и для многих наступили трудные времена. Однако люди в большинстве своем все еще живы.

Все это, возможно, звучит довольно пессимистично, и тем не менее в отношении человеческих способностей и того, чего мы можем добиться в качестве индивидуумов перед лицом бедствия, я настроен оптимистически. Возможно, нам предстоят трудные в материальном отношении времена, но в то же время я верю, что мы стоим на пороге великих изменений в сфере сознания.

Л а с л о : К сожалению, возможность исчезновения целых видов всегда существует. Западная цивилизация в своей недальновидности может привести к всеобщему катаклизму. У нас столько оружия и столько разрушительной силы, что мы вполне способны уничтожить если не всю жизнь на Земле, то все *высшие* формы жизни. Для ее восстановления могут потребоваться тысячи, а при наихудшем сценарии — даже миллионы лет. Но, конечно, жизнь на Земле все равно будет продолжаться — если не произойдет космическая катастрофа, — и Земля просуществует еще миллиарды лет.

Однако давайте обратимся к более конкретному примеру. В настоящее время избытков продовольствия в США хватает примерно на сорок дней, не больше. Если в отсталых странах случится крупный неурожай, импорт продовольствия станет невозможен ни за какие деньги. В случае серьезного сбоя с продуктами в Африке или Азии этого избытка хватит ненадолго.

И что же тогда произойдет? Что будет, если возможностей планеты Земля хватит лишь на то, чтобы прокормить пять или четыре миллиарда человек, а не шесть миллиардов? Что случится после того, когда "лишние" люди окажутся ниже уровня выживаемости? В подобной ситуации могут разразиться разрушительные конфликты, вспыхнуть опустошительные эпидемии, произойти массовые переселения. Содрогнется вся мировая система. Не очень-то хочется долго обсуждать вариант Страшного Суда, однако необходимо осознавать, что мы стоим перед угрозой весьма серьезных потрясений. Отсюда следует необходимость изменения западного способа смотреть на вещи.

Я недавно вернулся из Азии, где в очередной раз убедился в том, сколь мизерны там шансы у нуждающихся людей на какие-либо изменения в их жизни. Они с трудом умудряются сводить концы с концами. Большая часть человечества живет слишком близко к уровню выживания, и этот факт тоже подтачивает системы жизнеобеспечения.

Куда ни глянь, везде та или иная проблема, куда ни посмотри, везде необходимо как-то адаптироваться. Все это означает необходимость изменения ведущего модуса сознания. Это корень проблемы. Мы должны начать думать иначе, чувствовать иначе и по-другому относиться друг к другу и к природе. В противном случае нам не справиться с угрожающей нам опасностью. В наше время мы все находимся в одной лодке. Думаете ли вы, что у нас есть способность измениться? Есть ли реальный шанс на радикальное изменение в сознании?

Г р о ф : Я уже более сорока лет занимаюсь исследованием необычных состояний сознания, вызванных психоделическими препаратами или мощными экспериментальными формами психотерапии, а также теми, которые возникают самопроизвольно. За это время я был свидетелем огромного множества примеров глубокой трансформации индивидуального сознания. Среди наблюдаемых при этом изменений — значительное снижение агрессивности и общее повышение сострадания и терпимости. По мере того, как растет способность наслаждаться жизнью, наблюдается значительное снижение ненасытного стремления к преследованию линейных целей — стремления, оказывающего, судя по всему, магическое воздействие на людей в западном индустриальном мире и во всем нашем обществе. Я говорю об убежденности в том, что "больше" означает "лучше", что неограниченный рост, удвоение или утроение валового национального продукта способно осчастливить всех нас. Другим важным аспектом этой трансформации является духовный кризис универсальной и несектантской природы, характеризующийся осознанием единства всего мироздания и глубокой связи с другими людьми, другими видами, природой и целым космосом.

Поэтому у меня нет никаких сомнений в возможности глубокой трансформации на личном уровне, а также в том, что она увеличит наши

шансы на выживание, если будет происходить в крупных масштабах. Естественно, остается открытым вопрос, произойдет ли трансформация такого рода в достаточно крупном сегменте населения за достаточно короткое время, чтобы привести к существенным переменам. Перефразирую этот вопрос в практической плоскости: можно ли ускорить подобное изменение, и если да, то с помощью какой стратегии и какие побочные явления будут с ней сопряжены? Так или иначе, но в самой по себе человеческой личности уже имеются встроенные механизмы, способные стать промежуточным звеном на пути к глубокой и благотворной трансформации.

Л а с л о : В настоящее время мы видим, что в мышлении людей происходят изменения, предвещающие подлинную революцию в сознании. Что вы по этому поводу думаете? Связано ли это с тем фактом, что нам угрожает опасность, или же это случайность, простое совпадение?

Р а с с е л : Я считаю, что связь есть. Но, скорее, не угроза является причиной трансформации, а обе они проистекают из одного и того же источника — свойственного нашей культуре материалистического сознания. Это коренная причина глобального кризиса. Наша деловая этика, наша политика, даже наш индивидуальный стиль жизни — все это лишь симптомы более глубокой проблемы. Вся наша цивилизация нежизнеспособна, и причина этого в нежизнеспособности нашей ценностной системы, самого нашего сознания, которое определяет наше отношение к миру.

Нас приучили верить, что чем больше у нас вещей, чем больше мы производим, чем больше у нас контроля над природой — тем мы счастливее. Именно это и приводит к тому, что мы так склонны всё эксплуатировать, так много потреблять, не заботясь о других частях планеты и даже о других представителях своего собственного вида. Нежизнеспособна сама эта разновидность сознания.

Сегодня лишь десять процентов населения мира принадлежит к обеспеченному классу, у представителей которого после приобретения еды, одежды, крыши над головой и других материально необходимых вещей еще остается достаточно денег на различные излишества. Однако эти десять процентов потребляют более трех четвертей всех ресурсов планеты. До массового сознания постепенно доходит факт нежизнеспособности такого порядка вещей. Невозможно обеспечить подобный стиль жизни всему человеческому роду, тем более что численность его постоянно растет.

Положительная же сторона состоит в том, что целесообразность этой материальной культуры и лежащего в ее основе материалистического сознания все чаще вызывает серьезные сомнения. Всё больше людей здесь, на Западе, где люди ведут самый расточительный образ жизни, начинают признавать, что такой подход несостоятелен, что он не дает нам того, к чему мы на самом деле стремимся. Наша система может быть очень хороша для удовлетворении наших физических потребностей. Мы можем покупать еду в супермаркете, путешествовать куда захочется, носить модную одежду, жить в роскошных домах. Однако она не отвечает нашим более глубоким, внутренним, духовным потребностям.

Несмотря на все свои материальные возможности, люди чувствуют себя такими же подавленными, незащищенными и нелюбимыми, как и прежде.

Г р о ф : В определенном смысле сам факт насыщения и перенасыщения в сфере базовых материальных потребностей и породил кризис смысла и духовных потребностей в обществе. Долгое время мы находились в плену иллюзии и ложной надежды на то, что рост материальной обеспеченности сам по себе способен основополагающим образом изменить качество жизни, принося нам благополучие, удовлетворение и счастье. Богатство западных индустриальных стран на сегодняшний день невероятно, особенно в определенных слоях общества. Многие семьи наслаждаются подлинным изобилием — большой дом, два набитых едой холодильника, три или четыре машины в гараже, возможность поехать в отпуск в любое место в мире. Но ничего из этого не принесло людям удовлетворения — налицо рост числа эмоциональных расстройств, злоупотребление наркотиками и алкоголизм, преступность, терроризм и насилие в семье. Наблюдается повсеместная утрата смысла, ценностей и перспективы, отчуждение от природы и общая саморазрушительная тенденция. Осознание краха философии мейнстрима ознаменовало в жизни многих людей поворотный пункт. Они начинают интересоваться альтернативой и обретают ее в духовном поиске.

Л а с л о : Такое впечатление, словно что-то в коллективной психике человечества включает предупреждающий сигнал, служащий стимулом к изменению.

Р а с с е л : Нечто подобное пережил Будда до того, как стал Буддой. Он родился в очень богатой семье, был принцем, у него было все, в чем он только мог нуждаться, — замечательная еда, всевозможная роскошь, украшения, танцующие девушки. Но он осознал, что обладание всеми этими богатствами неспособно положить конец страданию. Он видел, что страдание присутствует в его собственной семье, среди его придворных, в городе за пределами дворца. Поэтому он решил посвятить свою жизнь поиску способа прекращения страдания.

Сегодня мы переживаем похожий процесс. С учетом современных удобств, которыми мы пользуемся, большинство из нас еще состоятельнее, чем Будда, когда он был принцем. И так же, как и он, мы начинаем осознавать, что все это благополучие не только не прекращает страдания, но иногда даже усугубляет его. В обществе широко распространена озабоченность смыслом жизни. Кто мы? Почему мы существуем? Чего именно мы на самом деле хотим? Речь идет не об отдельных людях — миллионы пытаются найти за пределами материальной цивилизации более глубокий смысл, внутренний мир и способ удовлетворения духовного голода.

Л а с л о : Есть признаки надежды. Если бы все люди верили, что их счастье обусловлено только существующими материальными стандартами и улучшением качества жизни по линии обычного прогресса, предусматривающего обладание все большим и большим числом вещей, то в конце этого туннеля не было бы никакого света. Но это не так. Если характер мышления людей претерпевает подлинные

перемены, значит, можно рассчитывать на то, что постепенно формируется новая, более адаптированная к природе культура.

Г р о ф : В своей работе мне приходилось иметь дело с людьми, которые в течение многих десятилетий интенсивных и непрекращающихся усилий преследовали свою цель, а затем, наконец достигнув ее, впадали в глубочайшую депрессию, поскольку все это время ожидали получить от своей цели нечто такое, чего она дать никак не могла. Джозеф Кэмпбелл говорил об этой ситуации: "это все равно, что добраться до вершины лестницы и обнаружить, что она приставлена не к той стене".

Такая одержимость всевозможными линейными устремлениями весьма характерна для нас — как на индивидуальном уровне, так и для всей западной цивилизации в целом. Это погоня за миражом счастья, которое всегда мыслится как нечто, находящееся где-то в будущем. Ничто не удовлетворяет нас таким, как оно есть. Мы чувствуем, что что-то должно измениться: хотим иначе выглядеть, иметь больше денег, власти, положения или славы, хотим найти другого партнера. Мы не живем полностью в настоящем и воспринимаем свою жизнь как некую подготовку к лучшему будущему. Это модель постоянной ненасытности, никак не зависящей от наших конкретных достижений. Видя вокруг себя примеры людей, достигших всего того, что, как нам кажется, может нас осчастливить, — таких, как Аристотель Онассис, Говард Хьюз и многие другие, — мы начинаем понимать, что для них это не сработало, но так и не учимся на их примере, продолжая верить, что в нашем случае все было бы по-другому.

С другой стороны, я неоднократно встречал людей, которые оказались способны обнаружить психологические корни этой модели и сумели либо избавиться от нее, либо уменьшить ее влияние на ход их жизни. Как правило, они осознавали, что такое отношение к жизни тесно связано с присутствием в их бессознательном незавершенного гештальта травмы биологического рождения. Хотя мы и сумели родиться на этот свет, мы так по-настоящему и не усвоили и не интегрировали тот факт, что нам удалось избавиться от мертвой хватки сжимающего родового канала. Память об этом все еще живет в нашем бессознательном. Это впечатанное в нас знание впоследствии играет роль трафарета, через который мы видим мир и свое место в нем. Подобно младенцу, борющемуся с тисками родового канала, мы не можем наслаждаться существующей ситуацией и ищем решение в будущем. Нам всегда кажется, что оно где-то впереди.

Экзистенциалисты называют такую жизненную стратегию автопроекцией: мы воображаем себя в некой, лучшей, чем сейчас, ситуации в будущем, и начинаем преследовать этот мираж. Такая стратегия проигрышна, независимо от того, достигаем мы конкретной цели или

нет, поскольку она никогда не приносит нам того, чего мы от нее ожидаем. Она ведет к неподлинному способу существования, неспособному дать истинное удовлетворение, к существованию, которое иногда называют "крысиными гонками" или "конвейером". Единственный выход — обратиться внутрь себя и завершить эту модель с помощью экспериментальной работы в процессе психодуховного возрождения.

Полное удовлетворение в конечном счете наступает благодаря переживанию духовного измерения существования и своей собственной божественности, а не преследованию материальных целей какого бы то ни было масштаба. Когда люди правильно распознают психодуховные корни этой модели ненасытной жадности, они начинают понимать необходимость обращения внутрь себя и переживания внутреннего преобразования.

Л а с л о : Находится ли такое осознание на подъеме?

Г р о ф : Впечатление, несомненно, именно такое. Я чувствую, что это как-то связано с тем фактом, что все больше и больше людей приходят к выводу, что автопроекция представляет собой обанкротившуюся, неработающую стратегию, поскольку они лично убедились в том, что материальный успех не приносит удовлетворения, либо, наоборот, из-за того, что непрерывное преследование ими внешних целей породило непреодолимые трудности. Так или иначе, ситуация отбрасывает их внутрь, в их собственный внутренний мир, и у них начинается процесс трансформации. Свою долю в этот процесс может внести и крах стратегии неограниченного роста в мировом масштабе. К сожалению, психиатры часто диагностируют многих из тех, кто переживает такого рода радикальную трансформацию, как людей, страдающих психозом, и сажают их на седативные медикаменты. Мы с моей женой Кристиной верим, что среди людей, в настоящее время находящихся на излечении от психозов, есть весьма многочисленная группа тех, кто в действительности проходит сложную психодуховную трансформацию, нуждаясь в том, что мы называем "духовной скорой помощью".

Р а с с е л : В определенном смысле вся наша культура нуждается в духовной скорой помощи. Во многих отношениях корни этой ситуации уходят к шестидесятым годам, когда многочисленные представители общества бросили вызов главенствующему мировоззрению, разглядев новый способ поведения и общения с людьми и миром, не основанный на старой материалистической парадигме.

Сегодня многое из того, что происходило тогда, может показаться проявлением наивности, однако прозрения тех лет глубоко затронули всю нашу культуру. К примеру, медитация считалась раньше чем-то чужеродным. В наши дни те или иные виды медитации практикуются повсеместно, ей обучают даже в некоторых корпорациях. Она стала общепризнанной и уважаемой формой деятельности. То же самое произошло и с йогой. В шестидесятые годы йогу изучал только авангард; сейчас ее практикуют миллионы людей.

Другой пример — психотерапия. В прошлом посещение психотерапевта автоматически воспринималось как признак того, что у вас серьезные психологические нарушения, что у вас далеко не всё в порядке. В сегодняшней Калифорнии считается, что у вас не всё в порядке, если вы не ходите к психотерапевту. Даже те, кого мы считаем психологически здоровыми, осознают, что они не реализуют весь свой потенциал, признавая, что без посторонней помощи им, вероятно, не удастся обнаружить ограничивающие их скрытые психологические комплексы и мыслительные модели.

Тридцать лет назад мало кто интересовался саморазвитием. В наши дни интерес к нему стал достоянием мейнстрима. В шестидесятые годы, когда я был студентом в Кембридже, в самом большом книжном магазине в Британии была лишь одна полка с книгами по эзотерическим темам и духовным учениям. Сегодня в любом городе вы найдете как минимум один магазин, а чаще — с полдюжины магазинов, полностью посвященных книгам по исследованию сознания и метафизическим вопросам.

Рост интереса к этим вопросам отражается и в списке бестселлеров. В последние годы книги по саморазвитию, по вопросам духовности и исследования сознания составляют около 50 процентов, а порой и больше, из числа наиболее продаваемых книг. Это то, что люди читают, то, что их интересует. Сходные тенденции наблюдаются в кино, телевидении, в журналах, даже в Интернете.

Л а с л о : Из сказанного следует вывод, который всегда занимал мое воображение и продолжает занимать его все больше и больше. Речь идет о том, что мы, как индивиды, возможно, не являемся пленниками своего черепа, запертыми в собственной коже. Что все мы какими-то интимными узлами связаны друг с другом, а быть может, и со всеми другими проявлениями жизни на планете. Поэтому в ситуации, когда всем нам угрожает реальная опасность — а сейчас сложилась именно такая ситуация, — что-то проникает в умы людей, пусть даже большинство этого и не осознаёт, и включает предупреждающие сигналы, порождая стремление к изменениям. Полагаю, не будет преувеличением предположение о существовании всеобщего разума человечества, чего-то вроде ноосферы, коллективного бессознательного, действующего внутри и вокруг нас. В эти дни оно начинает проявляться в сознании отдельных людей. Возможно, существуют силы, действие которых простирается за пределы обычных экономических, политических и общественных факторов. Это важно для нашего выживания; если бы действовали одни лишь обычные факторы, ситуация выглядела бы практически безнадежной: их никак не хватит для того, чтобы мы изменились вовремя.

Мы уже и так значительно отстаем. Для предупреждения завтрашнего кризиса нам необходимо было бы измениться еще вчера. Однако если в нашем коллективном бессознательном есть нечто способное проникать в сознание индивидов, то ситуация выглядит более обнадеживающей.

Г р о ф : Не могу не согласиться с этим. События в мире не всегда развиваются по линейной логической схеме. Мы с вами оба, Эрвин, родом из Восточной Европы, и политическое развитие там живо интересует нас. Думаю, вы согласны с тем, что если бы кто-то за неделю до падения Берлинской стены сказал нам, что это произойдет, мы бы со смехом отмахнулись от такого прогноза, как от нелепой фантазии. Столь же неправдоподобно прозвучало бы заявление, что после сорока лет советского тоталитаризма и политического деспотизма Горбачев просто потеряет интерес к Венгрии, Чехословакии, Польше и другим союзным странам и предоставит им свободу. И уж тем более нелегко было предвидеть, что сам Советский Союз буквально в одночасье распадется и прекратит свое существование в качестве мировой державы. О предсказании подобных событий на основе обычной экстраполяции

прошлого опыта не могло быть и речи. Тут должны были сработать какие-то иные факторы.

Л а с л о : О том, что такие процессы происходят нелинейно, скачкообразно, могло подсказать нам знание того, как трансформируются сложные системы. Отдельные детали великих трансформаций непредсказуемы. Можно лишь ожидать от них неких радикальных новшеств. Но возможны ли такие же революционные перемены в процессах, проистекающих в нашем уме? Произойдет ли в ближайшие годы столь же далеко идущая и бесспорная трансформация и в нашем сознании, несмотря на то, что на сегодняшний день можно наблюдать лишь едва заметные ее симптомы? Возможно ли, что мы находимся на пороге великой революции в сознании?

Р а с с е л : Безусловно, возможно. Если интерес к личностному развитию будет продолжать расти такими же темпами, и если этот интерес найдет свое выражение в изменении сознания, то мы станем свидетелями процесса позитивной обратной связи, ведущей к экспоненциальному ускорению внутренней осознанности. Чем больше пробуждается людей, чем шире распространяется знание о факторах, культивирующих внутреннюю осознанность, — тем благоприятнее становится социальная среда для дальнейшего пробуждения, поощряя к пробуждению все большее число людей. В результате вероятность изменения в сознании растет, и само изменение становится более легким. Такое развитие может спровоцировать коллективный скачок в сознании.

Смерть и возрождение: вымирание и обновление

Р а с с е л : Однако, помимо возможной революции в сознании, есть и много других возможных сценариев. Мы только что говорили о том, что живем в непредсказуемые времена. Темп перемен столь высок, а мир настолько сложен, что никто не возьмется предсказать, каким он будет через десять или даже через пять лет. Несомненно лишь одно — нас ожидает много внезапных перемен. Некоторые из них могут оказаться катаклизмами, некоторые — крупными политическими переворотами, иные — значительными сдвигами в сознании. Не думаю, что в наших силах точно прогнозировать, *что именно и как* будет происходить. Мы должны быть готовы к любым, самым неожиданным событиям. Может произойти все, что угодно.

Л а с л о : Или не произойти ничего. Это было бы хуже.

Р а с с е л : Такого не будет.

Л а с л о : Я имею в виду, что, когда перемена произойдет, нас уже не будет.

Р а с с е л : Нас, возможно, не будет. И страх, вызываемый такой возможностью, весьма реален. Он сам по себе требует пристального внимания, поскольку очевидным образом связан со страхом смерти.

Наша личная смерть — единственное, в чем мы можем быть уверены в своей жизни. Понимание этого и есть та цена, которую мы платим за способность осознавать свою индивидуальность и смотреть в будущее. Смерть является единственной неизбежностью; тем не менее

большинство из нас проживает свою жизнь так, словно этого никогда не случится. Мы стараемся не думать о смерти, живя в отрицании того единственного, что невозможно отрицать.

Это происходит и на коллективном уровне. Мы боимся конца своего мира, конца своей цивилизации. Но и смерть цивилизации, по-видимому, тоже неизбежна. Ведь ни одна из цивилизаций прошлого не длилась вечно. Почему наша должна отличаться от них? И врачи, и духовные учителя говорят нам, что принять свою личную смертность и даже приветствовать ее — один из самых здоровых шагов, которые мы способны предпринять. Возможно, нам необходимо сделать то же самое и на коллективном уровне — принять и даже приветствовать конец мира в том виде, в каком мы его знаем.

Обычно мы поступаем прямо противоположным образом, отрицая это, пытаясь с этим бороться. Мы не желаем, чтобы это произошло, вероятно, потому что не хотим лишиться своего удобного стиля жизни, к которому мы так привязаны. Но в конце концов, нам, возможно, все-таки придется это принять. И тогда такое принятие может стать пусковым механизмом, открывающим новые возможности, новый, более богатый, более духовный способ видеть жизнь.

Л а с л о : Я все-таки верю, что человечество, как вид, способно трансформироваться и возродиться.

Р а с с е л : В принципе, это так. Но мне представляется, что мы должны допустить и такую возможность, что уже слишком поздно, что время упущено.

Л а с л о : Во мне тоже все время растет такое ощущение. Возможно, мы действительно упускаем время.

Р а с с е л : Необходимо допустить такую возможность. В ее вытеснении таится великая опасность.

Г р о ф : На основании опыта и наблюдений в своей работе я склонен рассматривать смерть в более широком контексте, в духовной перспективе. В необычных состояниях сознания психологическая встреча со смертью представляет собой ключевой элемент психодуховной трансформации. Когда смерть переживается символически во внутреннем самоисследовании, она способствует духовному открытию, мистическому опыту. Встреча с актуальной биологической смертью может использоваться для этой же цели. Например, в тантрической традиции Тибета и Индии человек должен проводить какое-то время в присутствии умирающих людей и на кладбищах для переживания контакта с мертвецами.

Для опыта смерти во внутреннем переживании характерно то, что на самом деле биологической кончины индивида не происходит. Скорее это можно называть смертью эго. Мы открываем для себя, что наше существо не сводится к тому, что Алан Уотте назвал "эго, заключенное в кожу". Наша новая идентичность становится гораздо шире — мы отождествляемся с другими людьми, с животными, с природой, с космосом в целом. Иными словами, в нас развивается духовная или надличностная самость. Это естественным образом ведет к более широкой расовой, культурной, политической и религиозной терпимости и

повышенной экологической осознанности. Такие изменения могут приобрести огромное значение в нынешнем глобальном кризисе.

Нечто подобное происходит и с людьми, переживающими околосмертный опыт (ОСО). Как правило, они выходят из него глубоко преобразованными, с новым набором ценностей и новой жизненной стратегией. Теперь жизнь представляется им чем-то драгоценным, и они не хотят терять ни единой ее минуты. Они больше не желают тратить время на автопроекцию. Это означает, что они действительно живут в настоящем — здесь и сейчас.

Размышляя о прошлом, мы понимаем, что все то время, которое мы потратили на преследование иллюзорного удовлетворения в будущем, было потрачено впустую. Перед лицом близкой смерти лишь то время нашей жизни, которое нам удалось прожить, полностью пребывая в настоящем, оказывается не растроченным зря. Это великий урок, который преподает людям встреча со смертью — как с реальным, биологическим концом, так и с символическим ее переживанием в ходе медитаций, психоделических сессий, холотропного дыхания или самопроизвольных психодуховных кризисов.

Р а с с е л : У меня недавно было переживание, связанное со смертью близкой подруги. Она скончалась несколько недель назад. Я узнал о том, что у нее рак, более чем за год до этого, и был подготовлен к ее смерти. Тем не менее, когда она ушла, первой моей реакцией было ощущение, что мне и самому необходимо умереть. Сначала я никак не мог понять природу этого чувства, однако, позволив ему развернуться в себе, я постепенно осознал, что испытываю потребность в смерти на уровне эго для того, чтобы моя жизнь стала полнее.

Несколько недель спустя я разговаривал с ее возлюбленным, и оказалось, что он пережил сходный опыт, но намного глубже, чем я. Он сказал, что когда она умерла, он тоже умер. Осознание неизбежности смерти и ее значимости оказало на него столь глубокое воздействие, что после этого он заново ожил. "Я не собираюсь больше терять не единого мгновения своей жизни, — сказал он. — Я не буду больше отказывать себе в возможности прожить жизнь по-настоящему". В каком-то смысле, некая его часть умерла, а другая возродилась через опыт потери любимой. Это было очень мощное и трогательное переживание.

Л а с л о : Недавно, когда я был в Индии, в Ауровилле, у меня тоже было глубокое личное переживание. Как-то раз мне никак не удавалось заснуть на протяжении всей ночи, и я не понимал, что мне мешает. Наутро я получил известие о смерти своей матери. День спустя я поехал в Дхарамсалу, чтобы повидаться с Далай-ламой. Я провел там три дня, включая тот, который тибетцы считают особенно важным днем после смерти человека. Именно в этот день сознание покойного начинает свой переход. Находясь в обществе тибетских лам, я осознал, что это не конец. Есть непрерывность существования. Это было очень глубокое переживание, и, если бы оно посетило меня в западной обстановке, я пережил бы его совершенно иначе. Оно навсегда осталось со мной, проявляясь самыми разными способами. Чувство потери все еще есть, но есть и ощущение, что это не абсолютная потеря, не конец, а трансформация.

Г р о ф : Это очень похоже на тот вид осознанности, который люди выносят из мощного трансформирующего переживания: смерть — не финал и не абсолютный конец существования, это важный переход в иную форму бытия.

Л а с л о : На Востоке знание о жизни, смерти и возрождении передавалось в течение тысячелетий. Теперь и мы на Западе заново открываем его.

Г р о ф : Действительно, многое из этого было известно веками или даже тысячелетиями в самых разных частях света. Около сорока лет назад я приступил к психоделическим исследованиям, будучи вооружен фрейдистским психоанализом, представляющим собой весьма узкую и поверхностную модель психики. В сериях ЛСД-сеансов все, с кем я работал, рано или поздно выходило за фрейдистские рамки, ограниченные постнатальной биографией и личным бессознательным. Они испытывали широкий спектр переживаний, не значащихся в картах теорий Фрейда и западной психиатрии. Я три года терпеливо записывал эти переживания, полагая, что создаю новую картографию человеческой психики. Согласно моему тогдашнему пониманию, это оказалось возможным благодаря открытию такого мощного исследовательского инструмента, как ЛСД. Однако, доведя карту до такого состояния, когда она уже включала в себя самые важные области опыта, наблюдаемого мною в психоделических сеансах, я понял, что эта новая карта отнюдь не нова, что она представляет собой лишь заново открытую, очень древнюю карту.

Многие переживания, включенные в мою картографию, описаны в антропологической литературе о шаманизме, самом древнем целительском искусстве и религии человечества. В шаманизме неординарные состояния сознания играют критически важную роль — как в кризисе посвящения, через который проходят в начале своей деятельности многие шаманы-новички, так и в целительских обрядах. Похожие переживания известны также из "ритуалов перехода" — важных обрядов, впервые описанных в книге голландского антрополога Арнольда Ван Геннепа.

Ритуалы перехода проводятся в туземных культурах в периоды критических биологических и общественных переходов, таких как рождение ребенка, обрезание, половое созревание, брак, менопауза, старение и умирание. В этих переходах туземцы использовали методы индуцирования неординарных состояний ("технологии сакрального"), сходные с шаманскими, — барабанный бой, звук трещоток, танец, пение, социальную и сенсорную изоляцию, пост, лишение сна, физическую боль и психоделические растения. Как правило, у проходящих обряд посвящения бывали глубокие переживания психодуховной смерти и возрождения.

Многие переживания, попавшие в мою расширенную картографию психики, можно найти и в литературе о древних мистериях смерти и возрождения, широко распространенных в древнем мире — от Средиземноморья до американского континента. Все они основаны на мифологиях, описывающих смерть и возрождение богов, полубогов и легендарных героев, как истории об Инанне и Таммузе, Изиде и

Осирисе, Дионисе, Аттисе, Адонисе, Кецалькоатле и героях-близнецах майя. Во время мистерий у посвященных, проходивших различные процедуры по изменению состояния сознания, бывали мощные переживания смерти и возрождения.

Наиболее известными из этих ритуалов были элевсинские мистерии, проводившиеся каждые пять лет на протяжении почти двух тысячелетий в Элевсине, близ Афин. Захватывающе интересные исследования Гордона Уоссона (который привез в Европу мексиканские волшебные грибы), Альберта Хоффмана (открывателя ЛСД) и Карла Рука (греческого ученого) показали, что важную роль в элевсинских мистериях играло священное зелье *кикеон*, сакральное психоделическое средство, приготавливавшееся из спорыньи и сходное по своему воздействию с ЛСД. Посетив с Кристиной Элевсин, мы узнали там, что число людей, каждые пять лет проходивших посвящение в главном зале (*телестрион*), превышало три тысячи. Очевидно, контакт с этими переживаниями оказал экстраординарное влияние на древнегреческую культуру, а через нее — и на европейскую культуру в целом. Однако этот факт до сих пор не признан историками.

Список участников древнегреческих мистерий читается как своего рода сборник "Кто есть кто в античном мире". Он включает в себя имена философов Платона, Аристотеля и Эпиктета, поэта Пиндара, драматургов Еврипида и Эсхила, военачальника Алкивиада и римского оратора Цицерона. Зная все это, я считаю очевидным, что данные, полученные нами в ходе исследования измененных состояний сознания, на самом деле представляют собой заново открытые древнее знание и мудрость. Мы лишь сформулировали их в современных терминах.

Р а с с е л : Да, мы вновь открываем мудрость, которая уже многократно открывалась в разных культурах. Ведь мы исследуем природу человеческого ума, а по сути своей на протяжении человеческой истории она не претерпела значительных изменений. Сильно изменились лишь наши осознанные представления, наше понимание мира, убеждения, ценности. Пожалуй, в этой области действительно произошли значимые перемены. Но способы, которыми наш ум попадает в ловушку страхов, привязанностей и желаний, изменились очень мало. Суть динамики ума сегодня такая же, какой она была и два с половиной тысячелетия назад. Поэтому для нас все еще так ценно чтение Платона или Упанишад.

В ходе человеческой истории всегда находились люди, признававшие существование огромных, непознанных возможностей человеческого сознания. Многие из них открывали для себя новое измерение осознанности, ведущее к большему ощущению внутреннего мира и к более богатым и гармоничным взаимоотношениям с окружающим миром. Такими были святые, мудрецы и шаманы, которых знает любая культура. Многие из них старались помочь и другим пробудиться для этого более свободного измерения сознания и разработали различные техники и практики, направленные на освобождение - ума от многочисленных ограничений. Все они так или иначе искали способы помочь людям перешагнуть через эгоистичный способ осознания.

Л а с л о : Может ли распространение этих новых прозрений и техник в западном мире оказать заметное воздействие на то, что мы делаем, на то, как мы относимся друг к другу и к природе?

Г р о ф : Я, несомненно, верю в то, что это способно произвести самое глубокое воздействие на наше мировоззрение и привести к изменению нашего отношения к жизни. Если мы сравним мировоззрения западной индустриальной цивилизации с теми, которые существуют в древних и туземных культурах, мы обнаружим значительное различие. Некоторые аспекты этого различия касаются отношения к смерти и к нашему познанию материального мира. В частности, западная наука совершила множество открытий в самом широком спектре областей — от астрофизики до мира квантов. Древние и туземные культуры ничего об этом не знали. Однако это нечто вполне естественное, связанное с течением времени и с прогрессом. Этого вполне следует ожидать.

Но есть и другой аспект отличия — экстраординарный и удивительный — и касается он фундаментального расхождения, касающегося вопроса о присутствии или отсутствии духовного измерения во вселенной. Для западной науки мир представляет собой по сути своей материальную систему, которая сотворила себя сама. Этот мир постигаем, по крайней мере — принципиально, его можно полностью понять на основе естественных законов. Жизнь, сознание и разум рассматриваются наукой как более или менее случайные, побочные продукты материи. Полностью отлична от этого характерная для древних и туземных культур концепция одушевленной вселенной, обладающей многими различными измерениями, в том числе и духовным. Все эти измерения являются разными аспектами реальности.

Обычно различие между двумя мировоззрениями объяснялось тем, что западная наука стоит гораздо выше примитивных суеверий. Любое представление о духовности материалистические ученые считают проявлением недостаточного знания, предрассудка, фантазий, стремления принять желаемое за действительное, примитивного магического мышления, проецированием инфантильных образов на небо мироздания, а то и просто симптомом тяжелого душевного недуга. Однако более пристальное изучение вопроса приводит нас к выводу, что дело отнюдь не в этом. В результате сорокалетних исследований сферы сознания я убежден, что подлинной причиной различия являются наивность и невежество западной индустриальной цивилизации в отношении неординарных состояний сознания. Все древние и туземные культуры относились к измененным состояниям сознания с величайшим почтением. Они тщательно разрабатывали безопасные и эффективные способы их индуцирования и применения в самых разных целях — и в качестве основного связующего звена в ритуальной и духовной жизни, и для диагностирования и исцеления заболеваний, и для развития интуиции и сверхчувственного восприятия, и для артистического вдохновения.

Р а с с е л : Ранее я уже говорил, что корни нынешнего интереса к сфере сознания прослеживаются уже в шестидесятые годы. Любопытно отметить, что в значительной степени эта смена интересов была вызвана именно необычными состояниями сознания. В тот период впервые в

нашей истории психоделики использовались в самых широких масштабах, в результате чего многие люди пережили особые состояния, о которых мы говорим. Воздействие их было чрезвычайно глубоким. Многие после таких переживаний стали совсем другими людьми. И это влияние никуда не ушло.

Помню, однажды, в начале восьмидесятых, Тимоти Лири спросили, куда делись дети цветов. Он ответил, что они ушли в семена. А ведь так оно и есть. На сегодняшний день этим людям за сорок и за пятьдесят. Лишь немногие полностью выпали из общества, в большинстве же своем они вновь интегрировались в нем, создали семьи, родили детей, сделали карьеру. Некоторые занимают сегодня весьма уважаемые и влиятельные позиции. Я лично знаю таких, кто руководит крупными корпорациями, некоторые стали ведущими фигурами в шоу-бизнесе, другие занимают важные посты в сферах образования, управления и здравоохранении. И для многих видения и прозрения, которые они обрели в шестидесятые годы, все еще сохраняют свою ценность. Некоторые ненавязчиво используют свое нынешнее влияние для того, чтобы их видение постепенно просачивалось в общество.

Еще одна интересная особенность последних лет — растущий интерес к сознанию среди ученых. В прошлом наука оставляла вопросы сознания без внимания, имея на это вполне веские основания. Сознание невозможно измерить, как другие явления и объекты; его нельзя документировать, его не так-то просто даже определить. Да и физический мир, как кажется, прекрасно продолжает функционировать в сознании без необходимости. Поэтому особого стимула изучать этот предмет не было. Но сегодня все меняется — в какой-то мере благодаря растущему знанию о работе мозга, и вопрос о сознании постепенно снова оказывается в фокусе внимания. Ученые и философы начинают интересоваться: а что же такое сознание? Как оно соотносится с деятельностью мозга? Как оно эволюционировало? И откуда оно берется? В последние несколько лет этой теме был посвящен целый ряд международных научных конференций. Ею занимается новое научное издание "Журнал исследования сознания".

Итак, отчасти такая открытость к вопросу изучения сознания вызвана развитием науки, однако я полагаю, что в значительной степени она явилась и результатом того, что уже у очень многих людей есть опыт измененных состояний сознания. Каким бы ни было воздействие этих переживаний, одно несомненно — они производят революцию в отношении человека к сознанию. Как вы сказали, Стэн, человек, пройдя через глубокое переживание такого рода, не может не прийти к выводу о том, что в наших представлениях о разуме имеются и серьезные провалы.

Думаю, вокруг нас распространяется глубокая революция в человеческом видении реальности. Хватка старых материалистических моделей ослабевает, и каждый из нас постепенно вносит свой вклад в новое понимание. Судя по направлению развития, в котором мы движемся, новая модель будет признавать разум и сознание в качестве фундаментального аспекта реальности.

Л а с л о: Это изменение происходит, несмотря на незнание или даже нежелание ученых мейнстрима. Порой человек меняется помимо своей воли, не ведая причины перемен. В этой связи мне вспоминается переживание, которое было у меня лет шесть — семь назад. Мне пришла в голову некая мысль, которая показалась мне всего лишь мимолетной, хотя, быть может, и интересной для исследования идеей. В результате я написал небольшое эссе, которое было опубликовано только на итальянском языке под названием “Гипотеза пси-поля”. Затем я о ней было забыл, однако другие люди не дали мне это сделать. Даже спустя несколько лет после выхода книги мне продолжали звонить из-за нее, ссылаться на нее, исследовать ее. В конце концов я задумался над тем, не имеет ли то мое давнее исследование значения, которое сам я проглядел. Заметьте, я до сих пор так и не сумел избавиться от мыслей на эту тему... Напротив, эта идея неожиданно захватила меня вновь, и в настоящее время я над ней работаю, все больше склоняясь к тому, что в космосе действительно есть что-то похожее на мое гипотетическое пси-поле — некое тонкое информационное поле взаимных связей.

Такие интуитивные догадки осознаются не до конца. Я сам точно не знаю, почему вдруг увлекся этой концепцией: прежде в моем уме не было ничего такого, что подготовило бы меня к этому.

У меня такое впечатление, что подобного рода события в сегодняшнем мире случаются все чаще и чаще, словно людей что-то толкает в сторону определенных исследований. Может быть, это также и знак времени, результат того, что мы живем в особенно нестабильную и переменчивую историческую эпоху. Но являются ли эти изменения достаточно быстрыми? Могут ли они произвести достаточно мощное воздействие? Разумеется, они не в полной мере предсказуемы. Но есть ли у нас основания для разумного оптимизма относительно возможных последствий этих перемен?

Революция в сознании?

Р а с с е л: Позвольте мне рассказать об одном происшествии, которое случилось со мной около четырех лет назад и сильнейшим образом повлияло как на меня самого, так и на мою работу. Я совершал лекционное турне по Соединенным Штатам, посвященное презентации моей книги “Белая дыра во времени”. В целом речь на моих лекциях шла о тех же вопросах, которые мы обсуждаем здесь. Я выдвинул предположение, что переживаемый человечеством глобальный кризис в основе своей является кризисом сознания, и если мы желаем уберечь мир, от нас требуется нечто большее, чем спасение дождевых лесов, борьба с загрязнением окружающей среды, с выделением вредных углеводородных газов и уничтожением озонового слоя. Нам необходимо освободиться от эгоцентрического, материалистического модуса сознания, порождающего все эти проблемы. В противном случае окажется, что мы противостоям внешним симптомам недомогания, а не ее первопрочине, и замечаем более существенную проблему под ковер.

В какой-то момент я почувствовал, что в том, что я говорю, есть какой-то изъян, некий диссонанс между моими словами и тем, что я на самом деле думаю. Я понял, что говорю не то, во что в действительности верю, а то, во что верил в прошлом. Однако мои взгляды успели постепенно измениться, и я осознал, что на сегодняшний день чувствую иначе, чем прежде. Я обращался к людям, исходя из собственных убеждений, и понимание этого было для меня комфортно.

Это пришло мне в голову однажды в Далласе, где я вел радиопрограмму, куда люди звонили со своими вопросами и комментариями. К своему удивлению, я неожиданно заметил, что большинство звонящих отрицают сам факт существования какого-то кризиса окружающей среды. Некоторые признавали, что кризис есть, но не считали, что он как-то касается их самих, и что они

должны нести ответственность за него. У них было твердое убеждение, что все эти разговоры о парниковом эффекте и заботе об озоновом слое являются всего лишь разновидностью левацкого заговора. Если и есть какие-то экологические проблемы, то они не здесь, не в США. Не было и речи о том, что эти люди согласятся как-либо изменить свою жизнь. Они не были готовы выслушивать тех, кто ставит под сомнение целесообразность американского стиля жизни.

Это заставило меня понять, что те немногие, с кем у меня есть подлинная коммуникация, и без того уже являются моими единомышленниками, что я обращаюсь с проповедями к уже обращенным. Конечно, в этом тоже есть своя ценность: все мы нуждаемся в том, чтобы время от времени кто-то вдохновлял нас и подкреплял наши глубокие убеждения. Тем не менее это не могло произвести значительного влияния на подавляющее большинство, которое в настоящее время нисколько не заинтересовано в изменении своего сознания.

Моей первой реакцией на такое понимание были ощущение безнадежности и депрессия, и это заставило меня понять еще целый ряд моментов, которые прежде не привлекали моего внимания. Предположим, нам удастся заинтересовать большую часть людей, и они захотят измениться. Как быстро, спросил я себя, может меняться сознание? Возьмем, к примеру, меня самого. Я — человек, который уже около тридцати лет практикует медитацию и различными способами исследует сознание. Разумеется, я лично извлек из этого немалую пользу и во многих отношениях изменился; и тем не менее я все еще далеко не просветлен, все еще нахожусь в плену своих старых привычек мышления, мой эго-разум большую часть времени все еще находится у руля, и я до сих пор далеко не образец для подражания. После всех этих лет мне предстоит еще очень длинный путь, а ведь я осознанно работал над своим внутренним ростом. Если это столь медленный процесс, то каковы же шансы у тех, кто даже сознательно не пытается двигаться в этом направлении? Есть ли хоть какие-то основания для надежды, что человечество вовремя пробудится?

Тогда я подумал: допустим, по какому-то волшебству все пробудились бы прямо сейчас. Стало бы это концом наших проблем? Предположим, на Землю сегодня высадились инопланетяне и изменили наше сознание,

или новый Будда выступил по телевидению, и все мы тут же прониклись его словами. Так вот, даже если мы все вдруг пробудимся и станем просветленными существами, кризис не исчезнет в одночасье. Для того чтобы остановить запущенные нами процессы — истощение ресурсов, демографический взрыв, уничтожение дождевых лесов, парниковый эффект, — потребуется много времени.

Нетрудно понять, что эта мысль лишь усугубила мою подавленность. И тут я вспомнил, как разрабатывал для нефтяной компании "Шелл" возможные будущие сценарии мирового развития. В "Шелл" работает группа футурологов, занимающаяся разработкой прогнозов на тридцать лет вперед и картографированием возможных сценариев. Цель этих исследователей не предсказание будущего — они знают, что это невозможно, — а создание диапазона сценариев, которые необходимо принимать во внимание при принятии важнейших решений. Если, к примеру, вы намерены основать в Венесуэле новый нефтеочистительный комбинат, вы понимаете, что

это весьма долгосрочное решение, поэтому вам интересно прикинуть, как оно может сказаться в контексте различных экономических, политических, социальных и экологических сценариев. Вы хотите быть уверены, что прикрыли все тылы.

Я понял, что все мое внимание отдано лишь одному из этих сценариев: "мы можем спасти мир, если изменим свое сознание". Назовем это сценарием А. Я полностью вытеснял из сферы своего рассмотрения сценарий Б, согласно которому уже слишком поздно, сдвиг в мыслительных парадигмах уже ничего не спасет, и ничего с этим поделать нельзя. Это весьма неприятный вариант, и, разумеется, именно поэтому я не допускал его до своего осознания. Однако, каким бы он ни был дискомфортным, очевидно, что он очень важен и достоин изучения.

И я решил: ну ладно, давайте посмотрим на эту возможность. Итак, каким будет мир в сценарии Б? Очевидно, что в нем есть масса всевозможных вариантов, но все их объединяет одно: будет много боли и страдания. Боль бывает психологическая — жизнь может стать по-настоящему трудной, когда людям приходится отказываться от того, к чему они привыкли, когда они лишаются привычного комфорта. Бывает также физическая боль. Как знать, что произойдет, если истощатся запасы продовольствия, а ведь вы, Эрвин, говорили нам, что считаете это вполне возможным.

Что же сможет помочь в этих обстоятельствах, спросил я себя. Мне представлялось совершенно очевидным, что по крайней мере одно будет очень важным — забота, сострадание, сообщество. Я вспомнил свою югославскую знакомую из Загреба, которая пережила там войну, общественный хаос, опустошительные бомбежки. Я спросил, как ей удалось пройти через все это, и она объяснила, что жизнь в таких условиях была терпимой только благодаря тому, что она имела возможность встретиться с друзьями, выпить с ними чаю и получить какое-то человеческое участие.

Как развить участие и сострадание? Этот вопрос снова привел меня к самой сути буддизма. Как отпустить свои привязанности, желания, страхи и весь остальной "материал", который держит нас взаперти в

наших личных мирах, заставляет заботиться только о собственном благополучии? И тут меня неожиданно осенило. К своему изумлению я понял, что это по сути тот же самый путь, который я отстаивал в случае со сценарием А. Если мы стремимся исцелить планету и спасти самих себя через изменение собственного сознания, мы должны избавиться от своего эгоцентризма, от своей привязанности к вещам. Оказывается, сценарий Б предугадывает то же самое направление. Для того чтобы выжить в трудные времена, нам необходимо освободиться от привязанностей и сосредоточения на собственных интересах, стать более любящими, более участливыми существами. По какому бы сценарию ни стали разворачиваться события, путь один и тот же — необходимо внутреннее пробуждение.

Это озарение освободило меня. Если при любом сценарии мы должны проделать одну и ту же работу, то уже не так критически важно, какой именно осуществится сценарий. Теперь для меня это уже не вопрос повышения осознанности ради некой конкретной цели — спасения мира или продолжения существования в ситуации крушения. Повышение осознанности оказалось важно само по себе, в любом случае. Теперь я был свободен продолжать следовать своему пути, но уже без привязанности к определенному исходу. Для меня это было значительным сдвигом.

Л а с л о : В худшем из сценариев, несомненно, потребуется очень значительное изменение в сознание и гораздо больше сострадательности — просто для того, чтобы выжить. Считаете ли вы, что такая “революция в сознании” произойдет в мире сама по себе?

Р а с с е л : Обретение подлинного сострадания требует большой внутренней работы. Иногда развитию сострадательности могут способствовать лишения, но это не всегда так. Все зависит от степени открытости и готовности каждого конкретного человека. Поэтому мы все еще должны фокусироваться на внутренней работе, на освобождении своего ума от страха и отживших убеждений, от мертвой хватки своего эго-разума. Нам все еще необходимо развивать больше внутренней устойчивости и освобождаться от своих материальных привязанностей. Чем больше мы занимаемся этим сейчас, тем более гибкими и сострадательными мы, вероятнее всего, будем, когда возникнет необходимость.

Поворотным пунктом для меня стало понимание того, что при любом развитии событий потребуется та же самая внутренняя работа, что я должен заниматься ею в первую очередь для самого себя. Изменение сознания ценно само по себе. Возможно, благодаря этому мы избежим каких-то катаклизмов, возможно — нет. Но это все равно абсолютно необходимо.

Г р о ф : В древних и традиционных культурах люди регулярно проходили через измененные, необычные сознания в различных социально санкционированных ритуалах. Они переживали отождествление и глубокую связь с другими людьми, с животными, с природой и целым космосом. У них были мощные по своему воздействию встречи с архетипическими существами и посещение различных мифологических областей. Неудивительно, что им приходилось

интегрировать эти переживания и наблюдения в своем видении мира. Мировоззрение традиционных культур представляет собой синтез того, что люди переживали в повседневной жизни через свои обычные органы чувств, и того, с чем они сталкивались в визионерских состояниях.

В сущности, с нашими современниками, имеющими возможность переживать необычные состояния сознания, происходит то же самое. Я не встречал ни единого человека, неважно, с каким уровнем образования, коэффициентом интеллекта и профессией, который, пройдя через мощные надличностные переживания, все еще подписывался бы под материалистическим монизмом западной науки. Я являюсь президентом-учредителем Международной трансперсональной ассоциации. До сих пор мы уже провели пятнадцать международных конференций со звездным списком участников, ученых с впечатляющими заслугами. Все они, пройдя через опыт измененных состояний или изучая его у других, приходили к выводу о серьезной недостаточности ньютоновско-картезианского мировоззрения. Рано или поздно все они подошли к более широкой альтернативе видения космоса, объединяющего современную науку с перспективами, сходными с теми, которые характерны для мистических традиций, восточных духовных философских учений и даже для туземных культур. Их новое мировоззрение предусматривает одушевленную вселенную, пронизанную абсолютным сознанием и высшим космическим разумом. Я верю, что нечто такое же произойдет со всей нашей культурой, если необычные состояния сознания станут широко доступны.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПОЛДЕНЬ

Измерения трансформации

Сдвиг сознания в обществе, сдвиг парадигмы в науке

Л а с л о : Как с очевидностью вытекает из всего, сказанного нами этим утром, все мы единодушны в том, что необходимы фундаментальные перемены в сознании и что, по некоторым признакам, такие перемены уже происходят. Не следует ли нам, в свете определенных аспектов этого процесса, задаться вопросом о том, каково главное различие между тем видом сознания, которое необходимо, и тем, что все еще главенствует на сегодняшний день?

Г р о ф : В нынешнем кризисе я вижу два элемента, требующих радикального изменения в сознании. Один из них свойственен человеческой природе с незапамятных времен, второй является продуктом современной эпохи.

В человеческой истории всегда доминировали необузданное насилие, "злая агрессия" — по определению Эриха Фромма — и ненасытная жадность и стяжательство, постоянное желание иметь все больше и больше. На протяжении столетий мы наблюдаем расовую, культурную, политическую и религиозную нетерпимость, время от времени взрывающуюся в войнах и кровавых революциях, нашествиях, завоеваниях и господстве.

В наши дни эта ситуация усугубляется вкладом материалистической науки и ее глубокого идеологического воздействия. Господствующее научное мировоззрение в некотором смысле поддерживает жизненную стратегию, основанную на индивидуализме и соревновательности, а не на синергии и сотрудничестве. В контексте дарвинистского и фрейдистского мышления вполне естественно, законно и приемлемо преследование эгоистических целей за чужой счет. Это отражает нашу истинную природу, основанную на примитивных инстинктах, и полностью согласуется с дарвинистским принципом: "выживает сильнейший". Налицо также далеко идущие экологические последствия действия старой парадигмы, то отношение к природе, о котором говорил Пит и которое впервые сформулировал Френсис Бэкон. Это беспощадная эксплуатация природы, расхищение необновляемых ресурсов, глобальное загрязнение среды. Поэтому нам необходимы новые стратегии, которые сделают возможной трансформацию таких деструктивных человеческих тенденций, как злобная агрессия и ненасытная жадность, а также всесторонний пересмотр существующей системы ценностей и научного мировоззрения. В нашей культуре, для которой характерно непомерное, зачастую необоснованное и нереалистичное почитание науки, нельзя переоценивать значение смены парадигмы.

Л а с л о : Стэн, вы говорите о нынешнем почитании науки, упомянув в то же время господство картезианского, бэconiанского и ньютоновского взглядов. Мне кажется, что мы питаем пиетет к полностью отжившей науке.

Г р о ф : Да, проблема именно в этом.

Л а с л о : Одна из трудностей в развитии и распространении нового сознания заключается в его неизбежном противостоянии доминирующему мировоззрению, поскольку речь идет о воззрении научно-технического истеблишмента. Поэтому необходимо также обновление наших представлений о том, что на самом деле сообщают нам науки. Ведь по сути общество в целом отстает от ведущего края научной мысли.

Г р о ф : Именно это я и хотел сказать. Prestиж науки необычайно высок, но то, что большинство людей подразумевают под наукой, является ньютоновско-картезианской парадигмой, центральное место в которой занимает монистический материализм. Такой способ мышления порождает для нас ужасные последствия — как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Поэтому так важно, чтобы глубокая внутренняя трансформация сочеталась с пересмотром устаревшего научного мировоззрения. В связи с этим, Эрвин, я считаю, что работа, которую вы ведете, чрезвычайно важна для нашего будущего. Помимо того, что она предлагает блистательный синтез таких уже существующих общих концептуальных теорий, как концепции Дэвида Бома, Руперта Шелдрейка и Ильи Пригожина, она делает возможным преодоление разрыва между наукой и духовностью. Наука с отчетливо антидуховной установкой в обществе, где она пользуется громадным уважением и авторитетом, заметно сдерживает интерес людей к духовному поиску.

Л а с л о : Мы исходим из того, что наука является открытым мероприятием, что она всегда готова измениться с учетом новых данных.

Но многие исследователи проявляют невероятный консерватизм, по сути они столь же консервативны, как остальные их коллеги в академическом мире. Поэтому это непростая задача — убедить ученых взять на себя ответственность за передачу знаний, имеющих для людей подлинный смысл и в то же время открывающих новые перспективы. В традиционной, консервативной и жесткой науке нет ничего осмысленного, есть лишь математика и считывание показаний приборов. Людей не беспокоит смысл этих показаний, коль скоро уравнения работают и регулярно сверяются с показаниями и результатами наблюдений. Такой подход не только устарел, он опасен. К счастью, консерватизм не сказывается на творческом и новаторском крае науки, где и происходит большинство прорывов. Там мы видим открытость по отношению к новым идеям, новым мировоззрениям и даже новой духовности.

Г р о ф : Мне представляется крайне увлекательным сравнение состояния современной психологии и психиатрии с тем, что произошло на ведущем крае физики в первые десятилетия этого века. Как мало времени потребовалось физикам, чтобы совершить радикальнейший концептуальный скачок от ньютоновской физики к эйнштейновской теории относительности, а затем — к квантовой механике! Для сравнения: на сегодняшний день уже накопилось огромное количество данных, иллюстрирующих неадекватность и непригодность нынешнего научного понимания сознания и человеческого разума. Такие свидетельства поступают из сравнительного религиоведения, антропологии, экспериментальной психиатрии, экспериментальной психотерапии, парапсихологии, танатологии и других областей науки. И тем не менее, наука мейнстрима полностью игнорирует все эти данные. Очень наглядно можно убедиться в этом на примере танатологии. Мы многократно проводили наблюдения, предполагающие, что люди в околосмертных ситуациях часто обладают способностью воспринимать окружающий мир без посредничества органов чувств — они сверху наблюдают за процедурой реанимации своего тела, оказываются свидетелями происходящего в других помещениях здания или даже путешествуют в бестелесном состоянии в различные удаленные места. Это — так называемые "повторимые внетелесные переживания". Широкая публика тоже знает об этом явлении, благодаря популярным книгам, ток-шоу и даже голливудским фильмам. Кен Ринг в Своем недавно опубликованном исследовании продемонстрировал, что такие переживания бывают даже у людей с врожденной слепотой. Казалось бы, одного лишь этого наблюдения должно было хватить для того, чтобы развенчать миф о том, что сознание является продуктом нейрофизиологических процессов в мозге, и привести к радикальному пересмотру существующей парадигмы. Многочисленные похожие наблюдения имеются также в трансперсональной психологии и в современном исследовании сознания.

Р а с с е л : Когда к таким фактам начнут относиться более серьезно, мы несомненно станем свидетелями грандиозной смены парадигм в науке. Она может оказаться самым значительным сдвигом, когда-либо имевшим место в западном мышлении. Не исключено, что мы уже находимся на его ранней стадии. Томас Кун, который около тридцати лет назад

впервые ввел идею парадигмы, показал, что смена парадигм происходит несколькими стадиями. Сначала идет стадия открытия аномальных данных, не укладывающихся в существующие модели реальности. Поскольку сама модель еще никем не подвергается сомнению, аномалии игнорируются или даже отрицаются. Затем, поскольку число таких данных становится настолько велико, что игнорировать их уже нелегко, существующая модель модифицируется в попытке приспособить к ней необычные наблюдения. В классическом примере коперниковской эволюции такой аномалией было движение планет, не соответствующее представлению, согласно которому они должны двигаться вокруг Земли по круговым орбитам. Средневековые астрономы пытались объяснить эти несоответствия, добавив к круговым орбитам так называемые эпициклы, то есть кривые¹ которые описывают окружности, вращающиеся вокруг других окружностей. Однако этого оказалось недостаточно для того, чтобы объяснить результаты наблюдений, и тогда ученые добавили эпициклы к эпициклам — окружности, вращающиеся вокруг окружностей, которые, в свою очередь, тоже вращаются вокруг окружностей. В результате сложилась весьма громоздкая модель. Тем не менее, достоверность базового мировоззрения все еще не вызвала сомнений.

В том, что касается явлений сознания, мы находимся сейчас на такой же стадии. Для западной науки сознание является великой аномалией. В научной модели реальности человеческое сознание невозможно вывести из чего-то другого, и ничего ее не может объяснить. Однако сознание — единственное, в существовании чего мы можем быть полностью уверены. Именно о нем сделал Декарт свое знаменитое высказывание: *cogito ergo sum* (Мыслю — значит, существую (лат.)): я могу усомниться в точности своего восприятия, могу усомниться в своих мыслях, в своих чувствах, однако есть нечто, в чем я не могу усомниться, — это сам факт, что я воспринимаю, мыслю и чувствую, что у меня есть сознание. Таким образом, ученые находятся сегодня в странной ситуации. Постоянно получая подтверждения факта своего сознания, они, тем не менее, не имеют никакой возможности его объяснить.

В прошлом наука просто закрывала глаза на этот вопрос. Казалось, нет необходимости принимать в расчет сознание, ведь они изучали не разум, а физический мир. Сегодняшняя наука столкнулась с ситуацией, в которой она уже не может продолжать просто игнорировать вопрос о сознании. Теперь, что типично для второй стадии смены парадигм, предпринимаются усилия как-то растянуть общепринятую схему, чтобы эта аномалия могла уложиться в ней. Некоторые ученые с надеждой смотрят на квантовую физику, другие — на теорию информации, третьи — на нейропсихологию. Все они всё еще пытаются объяснить сознание, оставаясь внутри существующей парадигмы пространства-времени-материи. То обстоятельство, что они никак не могут добиться какого-либо значимого продвижения, подсказывает мне, что, скорее всего, они находятся на ложном пути. Необходима принципиально новая модель реальности, в которой сознание является столь же фундаментальным аспектом реальности, как пространство, время и материя, а может быть — еще более фундаментальным.

Это третья стадия куновского процесса — создание радикально новой модели, объясняющей аномальные явления. Мы туда еще не пришли. Нам уже ясно, что старая парадигма не работает. Для нас очевидны ее трещины и слабые места. Однако лишь очень немногие дерзают выходить в своем мышлении за пределы той клетки, которой является модель пространства-времени-материи. Но для появления новой модели потребуется именно это. На сегодняшний день наука все еще находится в цепком плену у старой схемы.

Л а с л о : Мы держимся за устаревшую парадигму, относясь к ней как к реальности, а не модели. Мы — то есть большинство ученых, а также людей, взирающих на науку как на источник истины, — свято верим в то, что наши представления о реальности и есть сама реальность.

Р а с с е л: Да. Так всегда происходит с парадигмами. Люди верят, что их модель является реальностью, а не ее описанием.

Г р о ф : Грегори Бейтсон писал и говорил о том, что люди путают карту территории с самой территорией. По его словам, это все равно что прийти в ресторан и съесть вместо обеда меню.

Л а с л о : По счастью, даже в августейшем мире науки происходят тонкие изменения, последствия которых значительны и в целом непредсказуемы. Даже карта, которую принимали за реальность в течение трехсот лет, может в конце концов оказаться выброшенной на обочину. Именно это произошло в первом десятилетии нынешнего века, когда эйнштейновская теория относительности пришла на смену классической ньютоновской механике. Но почему произошло именно это? Ведь физики всегда могли объяснить определенные теории на основе совершенно иных теорий. Все на свете имеет всегда больше, чем только одно объяснение.

Г р о ф : Действительно, почему была принята именно эйнштейновская интерпретация результатов исследования перигелия Меркурия во время солнечного затмения? Ведь и она не давала абсолютно точных прогнозов, она всего лишь была ближе к реальным результатам опыта, чем то, что можно было вывести из ньютоновской модели.

Л а с л о : Даже на основе ньютоновской физики можно было предсказать практически те же данные, если бы взяли на вооружение баллистическую теорию света. Предположим, что свет, будучи потоком фотонов, имеет массу. В таком случае, в силу закона гравитации фотоны должны притягиваться к массе Солнца и других небесных тел. Получилась бы такая же искривленная траектория, как та, которую выводят на основании предположения об искривлении пространства или пространства-времени.

Г р о ф : Так почему же была принята теория Эйнштейна, а не Ньютона?

Л а с л о : В конечном счете, представляется, что это произошло благодаря чему-то, что является для науки почти эстетическим фактором, а именно — простоте и стройности. Здесь речь идет о простоте и стройности математического аппарата физической теории. В пространственной теории относительности, впервые выдвинутой Эйнштейном, уравнения движения остаются инвариантными даже в случае ускорения движения. Благодаря знаменитым “релятивистским инвариантам”, уравнения выводятся с неизменным постоянством и

стройностью. Когда на стыке столетий наука столкнулась со странными явлениями, в том числе с излучением черного тела, физикам для спасения достоверности своих теорий не пришлось добавлять допущений с натяжками и изобретать новые постулаты.

За несколько столетий до этого похожий подвиг совершил Коперник своей гелиоцентрической теорией. Он отказался от эпициклов, добавленных к эпициклам, которые нужны были астрономам, чтобы сохранить достоверность старой геоцентрической астрономии. Коперник был убежден, что природа любит простоту. Разумеется, ученые и сами любят ее в своих теориях, которые и без того слишком сложны, чтобы усложнять их сверх необходимости. Это одно из самых важных соображений, играющих роль при принятии новых теорий в современной науке.

Р а с с е л : Меня всегда очаровывали аспекты простоты и инвариантности устройства вселенной. Я начинал свою научную деятельность математиком. К этой дисциплине меня привлекла ее простота и красота. Для меня явилось настоящим откровением то, что существует одно-единственное базовое уравнение, лежащее в основе механики всего физического мира. Все сводится к той или иной форме эйлеровского уравнения, или к тому, что на более доступном языке называется волновым уравнением. Это очень простая, но чрезвычайно мощная формула. Она применима и к колебанию маятника, и к динамике внутриатомных процессов, и к распространению света, и к движению планет. Она поразительно проста и поразительно красива. Если бы в тот период меня спросили, есть ли бог, я бы ответил, что бог — в математике.

Но еще удивительнее тот факт, что математика, представляющая собой порождение человеческого разума, имеет какую-то связь с физической реальностью.

Г р о ф : Эту способность математики моделировать явления в материальном мире можно было использовать в качестве главного аргумента против картезианского раскола между *res cogitans* и *res extensa* — между разумом и материей. Как, при наличии такого раскола, система, являющаяся продуктом психики, может точно и аккуратно предсказывать явления в совершенно иной сфере?

Л а с л о : Ученые склонны рассматривать единое множество явлений, пытаясь объяснить его с помощью наиболее простого и красивого математического аппарата. Однако простота и красота математики меняется по мере того, как меняется изучаемый диапазон явлений. Для одновременного описания явлений и физического, и биологического мира будет использовано не то же самое множество концепций, как в случае изучения только одного из этих миров. Если добавить к этому еще и мир человеческой психики с учетом самых эзотерических сфер опыта — таких, как, например, надличностные и околосмертные переживания, о которых мы говорили ранее, то наша концептуальная система снова изменится, поскольку нам придется искать еще более общее объяснение. Возможно, в ближайшем будущем появится красивая и точная базовая математика, охватывающая более широкий пласт

действительности — пласт, который включит, наряду с миром живой природы и с физической вселенной, и человеческое сознание.

Р а с с е л : Да, я думаю, что именно в этом направлении мы и движемся — новая парадигма может сложиться в самое ближайшее время. Для этого нужно лишь, чтобы кто-то собрал все части мозаики каким-то совершенно новым образом и создал теоретическую модель, способную привлечь во внимание как мир мысли, так и мир материи. Я нахожу эту тему чрезвычайно захватывающей; именно она находится в фокусе моей работы в последние несколько лет. В настоящее время сознание представляется нам чем-то, возникающим из пространства, времени и материи, чем-то, являющимся результатом физической деятельности нервной системы. Но то, к чему мы идем, буквально противоположно этому представлению. Я уверен, что рано или поздно нам придется принять, что сознание абсолютно фундаментально для вселенной, что оно не возникает из материи. В каком-то смысле такой подход отнюдь не нов. Ведь именно это утверждают многие направления древней традиционной мудрости. К примеру, почти вся индийская философия исходит из постулата, согласно которому сознание является чем-то фундаментальным. Наука пока отмахивается от таких идей, но в конце концов ей придется согласиться с тем, что такая возможность все-таки допустима.

Л а с л о ; Мы движемся к новой культуре, частями которой могут быть и наука, и древняя мудрость, интегрировавшись в ней новым образом. А в идеале это будет не заново открытое прошлое, а новый синтез.

Г р о ф : Да, то, к чему мы движемся, это не просто регрессия и возврат к старым идеям; это движение вперед по спирали, когда старые элементы возникают вновь на более высоком уровне как часть творческого синтеза древней мудрости и современной науки.

Р а с с е л : Мне импонирует эта идея спирали; она содержит в себе и идею возвращения туда, где мы уже были, и в то же время предполагает добавление чего-то иного. Я не думаю, что мы станем свидетелями простого возвращения к древним традициям. Они соответствовали своим временам, но мы живем в ином мире, в ином общественном климате и с иным пониманием космоса. Нам сейчас необходима современная мудрость, соответствующая нашему времени. Суть та же самая — то, что Олдос Хаксли назвал Вечной Философией, та же основополагающая мудрость, вновь и вновь открываемая в разных культурах и разные времена. Однако ее конкретное выражение значительно варьируется в зависимости от культуры. Нам нужна сегодня ее формулировка в современных терминах, доступная пониманию обычных людей и актуальная для сегодняшней жизни.

Думаю, что именно это и является содержанием революции в сознании. Мы заново открываем вечную мудрость для самих себя, в современных терминах, и превращаем ее в актуальную для того мира, в котором господствуют наука и здравый смысл.

Роль духовности

Г р о ф : Давайте опять вернемся к вопросу о задаче синтеза мистического и научного мировоззрений. В академических кругах распространено ощущение, что наука со своим материалистическим монизмом раз и навсегда развенчала и дискредитировала всю духовность и религиозность — от примитивных племенных верований до великих мистических традиций. Я полагаю, что такой подход отражает не только фундаментальное непонимание природы и функции науки, но и неумение отличить духовность от религии. Мне это представляется весьма серьезной проблемой. Не думаю, что примирение между наукой и духовностью возможно без внесения ясности в этот вопрос.

Л а с л о : В таком случае как бы вы определили духовность — чем именно она отличается от религии?

Г р о ф : Духовность — личное дело каждого, касающееся его взаимоотношений с космосом. Религия же представляет собой организованную деятельность, требующую специальных мест и особой иерархической системы назначенных посредников. В идеале религия должна обеспечивать верующих необходимыми средствами и поддержкой для духовных переживаний. Однако на деле это очень часто отнюдь не так! Именно личные духовные переживания представляют серьезную угрозу для организованных религий, поскольку они освобождают людей от зависимости от организации и системы верований. Мистики не нуждаются в посредничестве, у них есть прямой путь к божественному, поскольку духовность зиждется на непосредственных переживаниях радикально иного взгляда на реальность консенсуса или иных, обычно сокрытых, измерений реальности. Эти переживания происходят в измененных состояниях сознания. Изучение таких переживаний составляет предмет трансперсональной психологии. Эта сфера явлений требует самого серьезного исследования, результаты которого должны быть включены во всеобъемлющее научное мировоззрение будущего.

Все великие религии начинались с визионерских состояний и надличностных переживаний их создателей — с переживания просветления Будды под деревом Бодхи, чудесного путешествия Мухаммеда или явления Иеговы Моисею в горящем и несгорающем кусте. Библия полна описаний таких переживаний — огненная колесница, явившаяся Иезекиилу, искушение Христа дьяволом, ослепительная встреча Савла с Иисусом на пути в Дамаск или апокалиптическое откровение святого Иоанна в его пещере на острове Патмос.

Однако, когда возникают организованные религии, верующие узнают об этих переживаниях из проповедей и священных писаний. Непосредственный доступ к божественному уже недоступен и зачастую неприемлем. Если у кого-то в любой из сегодняшних церквей возникают подлинные мистические, переживания, обычный священник скорее всего направит такого человека к психиатру. Когда религия организована, непосредственные надличностные переживания происходят большей частью лишь в ее мистических ответвлениях или монашеских орденах,

где все еще практикуется подлинная духовная практика — медитация, пост, молитвы и т. д.

Есть основополагающее различие между религией и мистицизмом. Бывает религия без духовности и духовность без религии. Организованной религии необходимо убеждать людей в том, что они ради правильных взаимоотношений с божественным обязаны регулярно приходить в конкретное место и взаимодействовать с системой. А для мистиков роль храма играют природа и их собственное тело. У них прямая связь с божественным, которая не нуждается ни в каких посредниках, особенно в таких, которые не имеют личного опыта переживаний и являются не чем иным, как назначенными чиновниками. Пользу мистикам могут принести не они, а сообщества искателей и учителей, еще более продвинутых на пути, чем они сами.

Аутентичные духовные системы основаны на столетиях систематического исследования психики с использованием тщательно разработанных технологий изменения сознания. Они представляют собой результат процесса, во многих отношениях напоминающего научный метод.

Л а с л о : Философу Альфреду Норту Уайтхеду принадлежит одно примечательное наблюдение. По его словам, наука, как и культура, развивается благодаря великому уму, который по-новому и в более широком контексте высвечивает некую конкретную область опыта и исследования. Идеи такого человека в целом адекватны, но зачастую непоследовательны в деталях. Затем приходят продолжатели, которые вносят в эти идеи последовательность, но сами в процессе этой работы упускают из виду первоначальное прозрение. Оно становится стерильным, превращаясь в обычную догму. Догма, в свою очередь, со временем претерпевает крах, после чего является новый первооткрыватель с другим творческим прозрением, и процесс начинается заново. То же самое происходит и с религиями.

Р а с с е л : Это неизбежно должно происходить. Религии, как мы сказали, всегда начинали с индивидов или небольших групп, имевших глубокое личное переживание освобождения. Тем или иным образом они пробудились к истине, после чего стремились передать свое понимание другим. Как правило, именно так первоначально возникали духовные учения.

К сожалению, однако, те, кто получает учение, никогда не находятся в том же состоянии сознания, в котором оно передается. Учитель говорит, находясь в просветленном состоянии, в то время как ученик старается понять его из своего, менее просветленного состояния сознания, и при такой передаче неизбежно что-то теряется. Пока учитель еще жив, он, возможно, старается исправлять ошибки учеников, заботясь о правильном его понимании. Но после смерти учителя в учениях, по мере их передачи от одного человека к другому, каждый раз что-то теряется, недопонимается, или добавляется что-то, чего в нем не было первоначально. Это немного напоминает игру в испорченный телефон, когда сообщение передается по кругу, каждый раз немного искажаясь, и, возвращаясь к исходной точке, оно может полностью отличаться от оригинала.

То же самое происходит с духовными учениями, но в гораздо более крупном масштабе. Сообщение передается не просто от одного человека к другому, но от одного поколения к другому, от одной культуры к другой, и часто переводится с одного языка на другой. Всякий раз какие-то частицы теряются, какие-то добавляются, и доходящая до нас версия может иметь уже лишь самое отдаленное сходство с оригинальным учением. Я называю этот процесс "разложением истины". Именно по этой причине великие духовные традиции так сильно отличаются друг от друга, несмотря на то, что начинались они с очень сходных переживаний. Мы должны вновь искать эту их общую сердцевину и не беспокоиться о различиях.

Поэтому важно не просто пытаться воскрешать древние духовные традиции. В этом случае мы неизбежно воскресим искаженную версию оригинала. Наша задача — вновь добраться до самих истоков, до живого источника, проистекающего из личного опыта, а не из доктрины или догмы, и пережить этот опыт в своей собственной жизни.

Л а с л о : Мистические традиции присутствовали уже в досократовских греческих школах, хотя их прозрения еще не были сформулированы на языке, подходящем для общественного распространения. К тому времени, когда появились формулировки, они уже представляли собой компромисс, который общество было способно потреблять. Сущность учений узнают не из книг и не от других людей, ее проживают. Неудивительно, что в дошедших до нас традициях мы получаем не живой дух, а одни сухие кости.

Г р о ф : Сегодня нам нужно больше духовности, а не больше религии. Организованные религии в их нынешней форме являются частью проблемы, а не ее решения. Во многих частях света основным источником насилия служат религиозные конфликты.

Р а с с е л : Мы должны помнить, что организованная религия не отражает просветленного состояния сознания. Ее цели могут быть похвальны, но люди, которые ее проповедают или защищают, обычно так же непросветленны, как и все остальные. Как ни печально, но они зачастую представляют собой еще одно проявление болезни общества.

Все это вновь приводит нас к вопросу об автоцентризме. Как таковой, на биологическом уровне он вполне оправдан, мы должны быть автоцентричны, чтобы заботиться о своем питании и уберечься от вреда. Для нашего физического выживания некий базовый уровень автоцентризма необходим. Но мы придерживаемся того же ориентированного на самих себя модуса мышления и в тех сферах, в которых он совершенно несостоятелен. Можно сказать, что мы забываем при этом, в чем же на самом деле состоят наши интересы.

В конечном счете все хотят быть в ладу с собой, чувствовать себя хорошо. Общество говорит нам, что мы получаем это внутреннее переживание благодаря своим действиям и своим переживаниям во внешнем мире. Такая установка ведет к внутреннему автоцентризму. Мы думаем: что я могу взять себе, что я могу сделать, чтобы

быть счастливым, каким видят меня другие, какую систему убеждений мне взять на вооружение?

Такая установка не только во многом определяет наш материализм. Он же служит причиной того, что мы попадаем в плен религии. Каждый вправе верить, что то или иное учение спасет его, что если он будет следовать тому или иному пути, ему будет хорошо. А затем мы очень привязываемся к своему конкретному верованию и делаем все, чтобы защитить выбранный нами путь. Так религия очень легко в конечном счете становится автоцентричной. И в этом есть некая ирония, поскольку первоначально религия ставила целью именование освобождение людей от их автоцентризма.

Л а с л о : Религия — также общественное явление, связанное с коллективной самоидентификацией. Мы нуждаемся в принадлежности к сообществу, к социальной, культурной или религиозной группе или конгрегации. Эта потребность удовлетворяется в наши дни иначе, чем в средние века, когда религиозная конгрегация была основным сообществом, к которому мог принадлежать человек, по крайней мере в Европе. Теперь у нас есть национальные и региональные сообщества, а внутри них — самые разные уровни, вплоть до квартальных этнических обществ. Принадлежность к религиозной группе или конгрегации обеспечивает ощущение идентичности только ограниченному количеству людей. И уж совсем мало общего такая принадлежность имеет с обретением доступа к некой конечной истине. Как правило, пропагандируемые в этих сообществах доктрины лишь проводят границу между членами группы и всеми остальными — обычными верующими и “еретиками”.

Г р о ф : Как правило, роль организованной религии сводится к тому, что она объединяет людей в группу, фокусируясь на конкретных архетипических фигурах и темах и декларируя их уникальность. Это обычно ставит группу в ситуацию конфликта с другими группами, избравшими иные формы представления божественного и общения с ним — христиане против евреев, индусы против мусульман, сикхи против индусов и т.д. Зачастую организованная религия не очень успешно справляется даже с задачей сплочения своих собственных последователей, в своем собственном шатре. Ярким примером этому явилось христианство, внутри которого вспыхнула ожесточенная борьба между католиками и протестантами, приведшая ко многим кровопролитиям и страданиям.

Совсем иная ситуация с духовными переживаниями. Они обеспечивают непосредственный доступ к священным измерениям существования, открывают единство, лежащее в основе кажущегося столь разделенным мира, божественную природу мироздания и нашу собственную божественность. Они уводят нас за пределы сектантского шовинизма организованной религии и ведут к универсальному, всеобъемлющему и объединяющему видению реальности и человечества. Организованные религии в их нынешней форме зачастую порождают раздоры и способствуют усугублению глобального кризиса. Но религия, основанная на подлинной мистической перспективе, могла бы по-настоящему изменить мир.

Л а с л о : Несколько дней назад, во время симпозиума, проводившегося в Берлине Университетом международного мира, Далай-лама сказал мне:

“Никогда не

пытаться обращать людей в какую бы то ни было религию”. Сам он не пытается склонить кого-либо к тибетскому буддизму. Подлинной целью является не обращение в свою веру, подлинная цель — это дух, лежащий в основе религии и выражающийся в любви, солидарности, сострадании. Он дал мне совет никогда не питать ожиданий, что какая-то одна религия даст ответы на все вопросы. Главное — это дух религии, а не слово доктрины.

Бывает, что прозрение воплощается в жизнь. Например, основатели Ауровилля, экспериментальной духовной общины в Индии, приняли решение, что в общине не должно быть никакой религии. Вам говорят там прямым текстом, что религиозных доктрин, так же как и религиозных обрядов, следует избегать. Община существует лишь для глубокой духовности в повседневной жизни, для усиленной индивидуальной и коллективной медитации. По словам Шри Ауробиндо, когда религия становится институализированной, она разделяет в большей степени, нежели объединяет.

Р а с с е л : Об этом говорили многие духовные наставники, предостерегая последователей от превращения их учений в религию. Будда учил своих учеников не принимать его слова на веру только потому, что он их произнес. Они должны были принимать его слова лишь тогда, когда те соответствовали их личному переживанию. В более недавние времена Рудольф Штейнер утверждал, что, если бы он мог вернуться через столетие, он, вероятно, пришел бы в ужас от того, что сделали люди с его учениями. Духовная мудрость универсальна; однако, по мере передачи от человека к человеку, прозрение любого учителя постепенно обрастает доктринами и догмами, порождая нечто весьма отличное от первоначального учения. Я уверен, что если бы вы, Эрвин, снова посетили Ауровилль, через двести или триста лет, вы бы обнаружили возникшую там новую религию.

Сегодня мы являемся свидетелями зарождения новой духовности. У нее нет пока названия и конкретной формы, у нее нет лидеров. Но налицо возникающая новая перспектива, очень хорошо согласующаяся к Вечной Философией, на которую указывал Олдос Хаксли. Многие заново открывают вечную мудрость человеческого сознания и осуществляют ее в своей собственной жизни.

Это чем-то похоже на то, что происходило с Буддой и его поисками внутреннего освобождения. Уйдя в лес, Будда провел шесть лет, посещая различных учителей, упражняясь во множестве различных практик и техник, пока не пережил окончательное пробуждение к истине о том, как можно освободить разум от страдания. Сегодня мы переживаем сходный процесс. Но теперь в поиске находится не единственный человек: нас миллионы, мы все вместе в этом путешествии, и все мы чему-то учимся друг у друга. Чем больше мы узнаем, тем больше мы приближаемся к той же самой истине, оттачивая свое понимание духовного развития. Я наблюдаю это в книгах, написанных разным людьми, в их выступлениях. Мы всё чаще говорим

об одном и том же. Возможно, со временем это возрождение тоже превратится в очередную окаменевшую религию, но сегодня, в конце двадцатого столетия, оно, живое и вибрирующее, допытывается этой универсальной истины, являющейся сердцевиной всех религий. Поэтому я считаю наше время таким захватывающе интересным. Мы переживаем новый духовный ренессанс, но в отличие от предшествующих движений возрождения, у этого нет лидера; впервые мы заново открываем истину коллективно.

Г р о ф : Мне хотелось бы упомянуть в этой связи одно, на мой взгляд поразительное, наблюдение, связанное с изучением измененных состояний сознания. Как в работе с психоделиками, так и в холотропной дыхательной технике, использующей ускоренное дыхание и специально подобранную музыку, мы неоднократно убеждались в том, что переживания обеспечивают доступ к целому спектру мировой мифологии, к архетипическим фигурам и областям всех человеческих культур. Эти переживания трансцендировали расовые, культурные, географические и исторические границы. Похоже, что для того чтобы оказаться в этих переживаниях в мире некой конкретной мифологии, совершенно не обязательно иметь предварительное интеллектуальное знание о ней. Складывается впечатление, что у современных людей есть доступ к любой области коллективного бессознательного. Это, по сути, подтверждает наблюдения, которые много десятилетий назад вдохновили К.Г. Юнга на его формулировку концепции коллективного бессознательного.

У людей, с которыми мы работали в Европе, Северной и Южной Америке и Австралии, часто бывали переживания, связанные с индийской, японской, китайской, тибетской или египетской мифологией. И наоборот, мы видели во время наших поездок в Индию и Японию, что люди с индуистским, буддистским или синтоистским воспитанием зачастую сталкиваются в своих переживаниях с явно христианскими мотивами. В течение этих поездок у меня самого в моих собственных видениях возникал индуистский, буддистский, христианский, мусульманский, синтоистский и зороастрийский религиозный символизм, так же как и темы из культур туземной Африки, Америки и Австралии.

Это весьма примечательно. Многие человеческие группы использовали в прошлом мощные процедуры изменения сознания, в том числе и те, которые применяем мы сами, — психоделические вещества, музыку и различные дыхательные упражнения. Тем не менее, их доступ к коллективному бессознательному был, судя по всему, гораздо более конкретным, ограниченным их собственными культурными архетипами. В "Тибетской Книге Мертвых" не найти упоминаний о Духе Оленя, играющем очень важную роль в мифологии и религии индейцев уичолли из Мексики, а в Библии или "Книге мормонов" не упоминаются дхьянибудцы. Похоже, что наблюдаемая нами проницаемость коллективного бессознательного представляет собой новое явление, характерное именно для наших дней. Если бы коллективное бессознательное было в такой же степени доступно и в прошлом, мы не имели бы сейчас дело с различными мифологиями, связанными с разными человеческими сообществами и их религиями. По-видимому, в

прошлые времена доступ к архетипам был в значительной степени культурно-ориентированным.

Следует отметить, что похожие процессы происходят сегодня и во внешнем мире. В прошлом человечество было гораздо более раздробленным, а его различные сообщества — существенно более удаленными и изолированными друг от друга. К примеру, до пятнадцатого века у европейцев не было ни малейшего представления о существовании Нового Света, а до середины этого столетия контакты Тибета со всем остальным миром были

крайне ограниченными. Сегодня же мы способны всего за несколько часов добраться самолетом практически до любого места в мире, идет обильный взаимообмен книгами и фильмами. И самое главное, что все части планеты соединяются друг с другом коротковолновыми радиопрограммами, спутниковым телевидением, телефонной сетью и Интернетом.

Мы быстро движемся от разделенного и раздробленного мира к единой мировой деревне. И важной частью этого процесса является неограниченный доступ к архетипической территории коллективного бессознательного. Я надеюсь и верю, что это обеспечит основу для становления универсальной религии будущего. Согласно моему представлению об этой религии, она создаст поддерживающий контекст для духовных переживаний и выработает средства их наведения — “технологии священного”, — однако при этом она не будет стремиться диктовать людям конкретные архетипические рамки, которые тем следует избрать для входа в область трансцендентного божественного.

Я верю, что если организованным религиям суждено стать конструктивной силой в нашем глобальном будущем, им придется сделать свои специфические архетипы проницаемыми и признать их *относительность*. Это породит атмосферу терпимости к иным системам, избравшим иную символическую форму поклонения божественному, и вновь соединит религии с их мистическими корнями и с их общим знаменателем — благоговением перед божественным Абсолютом, трансцендирующим все формы.

Джозеф Кэмпбелл часто цитировал высказывание графа Дуркхейма о функции конкретных архетипических форм или “божеств”. Для того чтобы быть полезным в подлинном духовном поиске, божество должно быть прозрачным по отношению к трансцендентному. Оно должно служить вратами к Высшему, а не выдавать себя за него, быть посредником в доступе к Абсолюту, одним из ведущих к нему путей, а не превращаться в объект поклонения. Жесткость и непроницаемость конкретных архетипов ведет к идолопоклонничеству — разделяющей, разрушительной и опасной силе.

Р а с с е л : Это еще один аспект перехода от представления о божествах и богах как о существах, находящихся “где-то там”, вовне, отдельных от нас, к видению их в качестве аспектов нашей собственной психики. Мы всё больше убеждаемся в том, что внутреннее пробуждение направлено не на выполнение ритуалов для служения какому-то внешнему существу, а на работу с нашим собственным умом, и задаемся вопросом: как мне

освободить свой ум от тенет, которыми он оплетен, как открыться переживаниям, о которых идет речь?

Г р о ф : В связи со всем тем, что я говорил об обнаружении коллективного бессознательного, у меня есть настойчивое ощущение, что религия будущего будет носить эмпирический характер, что она будет почитать духовный поиск и уважать специфические формы, которые этот поиск обретает для каждого отдельного человека. Хочется надеяться, что эта религия не превратится в организацию, проповедующую конкретные догмы и объекты поклонения, что она будет сообществом искателей, поддерживающих друг друга в духовном поиске и осознающих, что каждый из них исследует конкретный участок великой ткани вселенской мистерии. Осознание единства, лежащего в основе всего существования, и ощущение глубокой связи с другими людьми, природой и космосом будет самой важной характеристикой этой конфессии.

Р а с с е л : Да, и любые учения, способные ассоциироваться в этой новой духовности, будут, подобно буддизму, посвящены нашей собственной психике. Это будет современное учение, работающее с такими вопросами, как исследование становления эго, возникновение нашего чувства интенсивности, зарождение бессознательных страхов, наша интерпретация — верная или неверная — своих переживаний и способы освобождения ума от этих пут. Это будут психологические учения, а не догмы о божествах и иных подобных им сущностях.

Г р о ф : У нас были очень интересные переживания на конференции, которую проводила в 1985 году в Киото Международная трансперсональная ассоциация (МТА). МТА является организацией, стремящейся к интеграции духовности с наукой и растворению расовых, культурных, политических и религиозных границ в мире. Во время конференции мы узнали о серьезном конфликте, происшедшем между американскими и японскими бизнесменами. По телевидению показывали переговоры по его разрешению.

Среди участников конференции был японский юнгианский психолог Хаяо Каваи, который провел несколько лет в Цюрихе и хорошо был знаком с западным менталитетом, так же, разумеется, как и с японским. При просмотре телевизионной программы он, посмеиваясь, заявил: "Им кажется, что если у них есть переводчик, то они на самом деле общаются и понимают друг друга. Но это отнюдь не так. У них совершенно разные ракурсы". Мы попросили его разъяснить свои слова, и он сделал это, используя юнгианский подход.

Эти люди происходят из совершенно разных архетипических территорий, поэтому их метафизические предпосылки очень отличны друг от друга. Восток опирается на модель космоса с пустым центром. Мироздание возникло из Пустоты как тотальный гештальт, в котором все взаимосвязано, все имеет свое место и все является одинаково важной частью целого. На Западе вы держитесь за совершенно иную, космогенетическую модель, в центре которой пребывает источник власти. Это Бог, "большой босс", сотворивший вселенную. Из этой центральной электростанции исходит иерархическая система с постепенно уменьшающейся значимостью. В мире архетипов у вас

имеются разные уровни небожителей — самые высокие серафимы и херувимы, затем — персонификации власти, престолов, добродетелей и т.д., затем архангелы и, наконец, обычные ангелы. В природе тоже есть иерархия — низшие организмы, высшие организмы и, наконец, человек, как венец творения.

Хаяо Каваи объяснил далее, что в диалоге между Востоком и Западом это различие в базовых метафизических допущениях окрашивает любую высказанную мысль. Это все равно, что дискуссия между ньютоновским и эйнштейновским физиками. Оба используют одни и те же понятия — “материя”, “энергия”, “время” и “пространство”, — однако значения у этих слов совершенно иные для обеих групп. Мы сочли эту идею очень интересной. Вслед за Каваи другие участники тоже внесли свою лепту в иллюстрирование культурных сравнений. Андре Патсалидес, психолог из Бельгии, урожденный сириец, выступил с лекцией о различиях между арабским и западным умом. Каран Сингх, индийский ученый и бывший регент штата Джамму и Кашмир, провел сравнение индийского и западного способов мышления. Кредо Мутва, антрополог-зулус и знахарь, рассказал о мировосприятии африканцев в сравнении с англо-американским.

Было очень увлекательно наблюдать за тем, как эта дискуссия порождает совершенно новую перспективу. Мы чувствовали, что нас объединяет принадлежность к человечеству, все то, что у нас различное и общее, мы увидели расовые, культурные и религиозные различия как проявления и вариации нашей общей человечности. Они выглядели разнообразными проявлениями невероятного творческого потенциала космического разума, возникающего из лежащей в его основе недифференцированной матрицы. В то же время, в этих различиях было для нас что-то возбуждающее и интересное, чему можно поучиться, чем можно обогатиться. Мы смогли освободиться от своих идиосинкразических культурных программ и заблуждений, согласно которым наш собственный взгляд на реальность и наш способ поведения — лучшие или единственно верные. Их произвольность и относительность стали для нас слишком очевидными.

Л а с л о : Тейяр де Шарден говорил о процессе растущей интенсификации или конкретизации в связи с увеличением численности людей и порождаемой ими информации. Может быть, как вы предсказываете, Пит, шесть миллиардов человек создадут что-то вроде глобального мозга. Я верю, что в основе этого мозга лежит и духовное измерение. Мы не осознаём нити, которыми оно нас связывает, но можем достучаться до этого измерения на более глубоких уровнях. Возможно, где-то ниже видимой поверхности наращивается коллективное поле сознания, становящееся доступным для людей в измененном состоянии сознания — в том состоянии, которое исследует Стэн и потенциальные возможности которого мы обсуждаем.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЕЧЕР

От прозрения к действию

Исцелить себя и исцелить мир

Л а с л о : Темы, которые мы обсуждали сегодня днем, указывают на то, что основной предпосылкой мирного и сотрудничающего сознания является лучшее взаимопонимание людей и культур. Хотим ли мы этим сказать, что новая духовность представляет собой также и способ установления межкультурного взаимопонимания? Научатся ли люди, благодаря духовности, сосуществовать и даже более того — исцелять раны общества и мира?

Г р о ф : Потенциальная возможность этого, безусловно, существует. Надличностные переживания, в которых мы переживаем отождествление с другими, могут способствовать расширению восприятия. Я неоднократно был свидетелем этого. Вопрос лишь в том, может ли это произойти вовремя и в достаточно широком масштабе, чтобы произвести существенные перемены.

Л а с л о : Обитатели Ауровилля, экспериментальной духовно-ориентированной общины в Индии, убеждены в том, что если группа людей интенсивно концентрируется на каком-то определенном виде сознания, то это воздействует и на других. Верите ли вы, что взаимопроникновение надличностного сознания является реально действующим и многообещающим фактором? Что это проникновение в большей степени, нежели последовательное приобщение людей к новому сознанию, способно значительно изменить нынешний мир?

Гроф : Я думаю, это возможно! В Индии верят, что йогины, медитирующие в гималайских пещерах, могут производить позитивное влияние на положение в мире в целом. Об этом же говорит и более современная идея Шелдрейка о морфическом резонансе. К сожалению, концепция сотой обезьяны, служившая столь вдохновляющей и неотразимой иллюстрацией этого механизма, оказалась вымыслом, а не научным фактом. Когда о ней услышали впервые, она породила немало воодушевления, но в конечном счете Лайелл Уотсон признался, что придумал ее.

Р а с с е л : В действительности не все было его вымыслом. Эксперименты на самом деле проводились, однако результаты были не такими впечатляющими, как он их представил; ничего особо примечательного в них не происходило.

В этой истории с сотой обезьяной я нахожу гораздо более интересным то, как все на нее набросились. Людям так сильно хотелось в это поверить, что лишь очень немногие усомнились в ней или потребовали проведения дополнительной проверки результатов первоначальных исследований. И это особенно удивительно, учитывая, что речь шла о весьма необычном явлении. То же самое происходит и с идеями Шелдрейка о "заразительности" научения, о том, что чем больше людей овладевают каким-то навыком, тем легче другим научиться ему, даже если эти другие живут на другой стороне планеты. Это тоже весьма

необычное утверждение, и тем не менее, как я вижу, очень многие принимают эту теорию, не задавая никаких вопросов.

Интересно, почему это так. Ведь не всякая неконвенциональная мысль вызывает такое же массовое доверие. Я полагаю, в глубине души люди чувствуют, что подобные процессы действительно имеют место. Есть некое потайное, внутреннее знание о том, что каким-то неизвестным образом сознание одного человека воздействует на сознание другого. Мы ощущаем, что какая-то трансперсональная диффузия действительно происходит, и когда кто-то выступает с теориями или экспериментами, которые, как кажется, поддерживают такую возможность, у нас сразу возникает впечатление, что наконец появилось доказательство, которого мы ждали.

Г р о ф : Я хотел бы упомянуть о наблюдении, которое можно считать косвенным доказательством. В нашей работе мы снова и снова сталкиваемся с тем, что людям, заново переживающим свое биологическое рождение, открывается доступ в коллективном бессознательном к образам и опыту невообразимого насилия, жестокости и кровопролития. Люди переживают зверства, совершавшиеся на протяжении веков, эпизоды из войн, революций, пыточные камеры инквизиции и концентрационные лагеря. Когда процесс самоисследования достигает этого уровня, переживание становится надличностным: история индивида сливается с историей рода. Люди, начинавшие этот процесс в качестве личной терапии, на этом этапе зачастую чувствуют, что они исцеляют не только самих себя, но и все поле видového сознания. Словно в коллективном бессознательном сохранилась вся грязь, весь неувоенный материал минувших столетий, и полное выведение его для проработки на поверхность индивидуального осознания в действительности привело к коллективному очищению и исцелению.

Глубина и интенсивность таких переживаний выходит далеко за пределы того, что можно считать личным и индивидуальным, — люди чувствуют, что они стали едины со страдающим человечеством. Некоторые усматривают связь с соответствующими архетипами в духовной литературе, такими, как Иисус, страдающий за грехи всего человечества, или бодхисаттвы, отказывающийся от личного освобождения и добровольно берущий на себя задачу освобождения страдающих существ.

В свете сказанного мне кажется уместным задать вопрос о взаимосвязи между внутренней работой и целенаправленной деятельностью во внешнем мире. Какова оптимальная стратегия по достижению перемен во внешней ситуации? Я уже упоминал йогов, которые, предположительно, способствуют разрешению мировых проблем, не выходя из своих пещер. Много лет назад на ежегодной конференции Ассоциации трансперсональной

психологии (АТП) в Асиломаре, штат Калифорния, состоялась очень интересная дискуссия по этому вопросу между Рамом Дассом и Дэниэлом Эллсбергом. Рам Дасс систематически занимался духовной практикой, у него был ряд мощных надличностных переживаний, на основании которых он пришел к выводу, что важнейшее, что можно сделать для

изменения мировой ситуации к лучшему, это последовательная внутренняя работа, ведущая к глубинной психодуховной трансформации. Если бы каждый занимался ею, мир бы изменился, и прекратились бы многие виды деятельности, ухудшающие ситуацию.

Дениэл Эллсберг, активист и пацифист, некогда предавший гласности документы Пентагона с секретными планами американских военных кругов, придерживался иного мнения. Он с самого начала был убежден, что мир могут изменить лишь решительные внешние виды деятельности — политический протест, демонстрация, бойкот и другие подобные стратегии. Он был уверен, что участие в демонстрациях, из-за которого можно оказаться за решеткой, поступки, которым на следующее утро посвящены газетные заголовки, и т.п. — это лучшее, что он может делать ради ускорения позитивных перемен.

Таким образом, они приступили к дискуссии с диаметрально противоположных позиций. Однако по мере углубления и вникания в обсуждаемый вопрос, каждый из них постепенно проявлял все большую открытость к видению своего собеседника. Рам Дасс признал, что проработав собственные предубеждения и определив свою позицию через внутреннюю работу, мы должны осуществить свои прозрения во внешнем мире. На сегодняшний день он ведет активную деятельность, посвящая значительную часть своего времени и энергии экологическим и иным проектам.

Со своей стороны, Дениэл Эллсберг понял, что для активистов, стремящихся к эффективной деятельности, важна регулярная внутренняя работа, в которой они могут добиться ясного осознания своих мотивов, четкой фокусировки своих намерений и освобождения от проекций собственных неразрешенных подсознательных желаний.

Р а с с е л : Определенно существует возможность, что человек, выполняющий внутреннюю работу, способен непосредственно влиять на сознание других. Я из собственного опыта знаю, что, когда я медитирую вместе с группой людей в одной комнате, что-то происходит. Меняется качество моей собственной медитации, она становится заметно глубже и яснее. Я это точно знаю и не могу объяснить это иначе, чем предположив, что существует какое-то взаимное воздействие участников медитации.

Есть свидетельства того, что этот эффект выходит далеко за рамки помещения, в котором люди занимаются медитацией. Исследователи, изучающие воздействие трансцендентальной медитации, обнаружили, что крупные группы совместно медитирующих людей очевидным образом воздействуют на жителей района, где они практикуют медитацию. В этом опыте группы, насчитывающие каждая по пять тысяч человек, занимались в городе совместной медитацией в течение нескольких недель. При изучении разнообразной городской статистики за период эксперимента было зафиксировано резкое уменьшение уровня преступности, количества несчастных случаев и госпитализаций. Звучит это поразительно, но я не думаю, что результаты были "состряпаны". Критики указывали на то, что в ходе проведения эксперимента исследователи не контролировали тот или иной параметр. Тогда эксперимент с трансцендентальной

медитацией был повторен, на сей раз с лучшим уровнем контроля, однако результаты оказались такими же. Все это более чем примечательно.

Л а с л о : Связь между внутренним и внешним миром представляется очень обнадеживающей перспективой. Подобного рода эксперименты проводились на моих глазах в Милане. Там к голове каждого добровольного испытуемого подключали электроды, чтобы следить за волновой активностью его мозга. Оказалось, что когда испытуемые входят в медитативное состояние, волновые характеристики двух полушарий их мозга синхронизируются сами собой.

Еще более любопытно, что такой же эффект наблюдается у двух и более совместно медитирующих людей. Практически у всех мозговые характеристики синхронизируются, образуя почти идентичный паттерн, несмотря на то, что участники группы лишены возможности сенсорного контакта друг с другом. Мне доводилось видеть 98-процентную синхронизацию уже через пяти-шесть минут после начала совместной медитации двенадцати опытных участников.

Синхронистичность и любопытные связи

Г р о ф : Синхронизация возбуждает мое воображение не так сильно, как синхронистичность — явление, целиком относящееся к психологической сфере. В наших дыхательных сессиях у людей очень часто бывают совершенно одинаковые или идеально дополняющие друг друга переживания, несмотря на отсутствие между ними общения через обычные каналы. Нередко люди видят друг друга в своих переживаниях, а после сессии рисуют практически идентичные мандалы.

Р а с с е л : Я не думаю, что эти синхронизмы происходят совершенно случайно. Я замечал, что синхро-нистичность проявляется чаще в тех случаях, когда я пребываю в чистом, уравновешенном состоянии сознания. К примеру, сразу после многодневных занятий уединенной медитацией синхронизмы происходят со мной буквально один за другим. Ощущение при этом такое, словно весь космос на моей стороне — все ладится, все идет самым замечательным образом, намного лучше, чем я сам планировал или ожидал. И наоборот, когда я в стрессе, когда утомлен и нахожусь в напряженном, озабоченном состоянии ума, синхронистичность в моей жизни случается очень редко. Напрашивается предположение о том, что взаимосвязанность разнородных событий отражает мое собственное состояние сознания. Если это так, то отсюда следует очень интересный вывод о том, что, действуя в направлении собственного внутреннего благополучия, я каким-то образом могу влиять на частоту проявлений синхронистичности.

Признание и понимание этой взаимосвязанности — непростая задача для господствующей научной парадигмы. Однако я слишком часто переживал ее, чтобы убедиться в том, что явление на самом деле существует, а значит — что-то не в порядке с самой парадигмой.

Л а с л о : Мы должны понять, во-первых, что синхронистичные явления и переживания действительно происходят, а во-вторых, что это случается независимо от каких-либо классических причинно-

следственных связей. Впрочем, я все же задаюсь вопросом, а не существует ли какая-то разновидность связи, которую мы не обнаруживаем потому, что ищем ее в рамках старой парадигмы? Может быть, мы должны рассматривать отдельного человека как часть более обширной целостности? И трансформацию, возможно, претерпевает именно эта целостность, в то время как отдельные личности ищут на ощупь какого-то понимания происходящего с ними самими, их сообществами и цивилизациями. Поэтому, покуда поиск объяснений ведется в индивидуальных умах, мы и получаем все эти парадоксальные, кажущиеся эзотерическими данные, между тем как объяснение может лежать на совершенно ином уровне целостности.

Важно, однако, внести ясность, о каких именно проявлениях синхронистичности — или совпадений — мы говорим: о тех, которые происходят с сознанием разных людей, или же о тех, которые касаются сознания в той же степени, что и материальной действительности?

Г р о ф : Интересующие меня необычные совпадения делятся на две разновидности. — К первой относятся очень маловероятные события или их сочетания. Эта разновидность впервые была описана австрийским ученым Каммерером, который был выведен Артуром Кестлером в его книге "Случай с акушерской жабой". Явления синхронистичности неоднократно происходили с Каммерером, поражая его воображение. К примеру, один и тот же день он дважды столкнулся с одним и тем же номером — на трамвайном билете и на билете на вечернее представление в театре. К тому же он получил этот билет от знакомого в тот же день, что и интересовавший его телефонный номер.

К.Г. Юнг ссылается на наблюдения Каммерера в своей статье "Синхронистичность, или непричинный связующий принцип", где он приводит пример еще более поразительной истории о некоем мсье Дешане и редком виде пудинга с изюмом. В первый раз мсье Дешану этот пудинг преподнес в качестве подарка на день рождения его друг, мсье де Фонжибу. Во второй раз Дешан увидел, название этого пудинга в парижском ресторане и, заказав его, узнал, что последний кусок пудинга только что был заказан в другой части ресторана не кем иным, как все тем же мсье де Фонжибу. Тот совершенно случайно зашел именно в этот ресторан во время своей незапланированной поездки в Париж.

Спустя много лет состоялась третья встреча мсье Дешана с тем же самым пудингом. Его подавали на вечеринке, где Дешан был среди гостей. Ему тут же пришло в голову, что для полноты картины недостает только его приятеля де Фонжибу. В этот момент неожиданно зазвонил дверной колокольчик. На пороге оказался смущенный и сконфуженный де Фонжибу. Оказалось, что он попал в этот дом по ошибке: кто-то случайно дал ему неверный адрес.

Мне трудно считать экстраординарные совпадения такого рода обычным течением событий — они астрономически невероятны. Я гораздо больше склонен усматривать в них деятельность некоего космического насмешника, пишущего сценарий реальности.

Вторая разновидность синхронистичности еще более примечательна. К ней относятся ситуации, одна часть которых является внутренним

психическим переживанием, а другая — событием в реальности консенсуса, то есть в материальном мире. Знаменитый пример таких совпадений — история Юнга с золотым майским жуком, ударившимся об окно его кабинета в тот самый момент, когда он анализировал сон своего пациента, в котором фигурировал очень похожий на этого жука египетский скарабей. Джозеф Кэмпбелл описывает похожий случай из собственной жизни, происшедший в тот период, когда он писал книгу “Путь животных сил”. Кэмпбелл жил тогда в Манхеттене, на четырнадцатом этаже высотного дома. В его рабочем кабинете было два ряда окон, один выходил на Шестую авеню, другой — на реку Гудзон. Поскольку вид на Шестую авеню не казался ему интересным, он почти никогда не открывал окна первого ряда. Кэмпбелл писал главу о мифологии африканских бушменов в Калахари, важную роль в которой играет образ богомола. На столе перед ним лежали посвященные богомолам статьи и изображения. Неожиданно, посреди работы, Кэмпбелл почувствовал беспричинное желание открыть одно из тех окон, которые обычно держал закрытыми. Поступив таким образом, он увидел там, на четырнадцатом этаже манхеттене кого небоскреба, карабкающегося по стене богомола. Какова вероятность того, что подобное совпадение произойдет случайно?

По моим наблюдениям, частота проявлений синхронистичности резко возрастает в жизни людей, переживших психодуховную трансформацию через смерть и возрождение эго. Обычно такое переживание приводит к глубоким переменам в системе ценностей и общей жизненной стратегии человека. Люди в большей степени с наслаждением живут в настоящем моменте и меньше интересуются неотступным преследованием конкретных целей. Их жизнь перестает напоминать матч по борьбе или боксу, становясь скорее похожей на боевые искусства. Впрочем, еще более подходящей метафорой является серфинг. В этом виде спорта вы не принимаете самостоятельного решения, куда вам двигаться. Вам необходимо оседлать волну. Люди, о которых я говорю, вместо того чтобы пробивать себе дорогу к будущей цели, борясь с врагами и устраняя препятствия, чувствуют, куда ведет энергия и как они могут наилучшим образом ей соответствовать. Они просто идут с потоком. Это очень похоже на *вувей* в даосизме — принцип творческого покоя, или действия посредством пребывания.

Жизнь таких людей становится все более свободной от усилий и вместе с тем, странным образом, все более творческой, продуктивной и вознаграждающей. И с ними происходят синхронистичные события, поддерживающие и ускоряющие все, что они предпринимают. В то же время, что бы они ни делали, это служит не только их собственным индивидуальным интересам, но и благу более широкого сообщества. Возникает ощущение глубокой связи с другими людьми, потребность в служении, сотрудничестве и синергии. Вы все более начинаете ценить различия, у вас возрастает терпимость и чувство принадлежности к человеческому роду, природе, космосу, а также значительно возрастает экологическая осознанность и чувствительность.

Л а с л о : Когда происходят одновременные, внешне никак не связанные друг с другом события в нашем собственном сознании или даже в сознаниях знакомых нам людей, мы всегда можем попытаться объяснить их ссылками на свойства памяти и причудливый характер ассоциаций нашего мышления. Но все эти объяснения разом отпадают, когда речь идет о событиях такого рода, происходящих вне человеческого черепа, в физическом мире. Вот где лежит необъятная и захватывающе увлекательная сфера для современного исследования способностей разума и сознания.

ВТОРОЙ ДЕНЬ УТРО

Личный контекст

Изменение в ценностях

Л а с л о : Вчера мы говорили о том, что, судя по всему, кризис в мире неминуем, однако есть и признаки трансформации в сознании, способствующей возможностям преодоления кризиса. Такая трансформация уже происходит и в "объективном" мире вне нас, и в нашем "субъективном" мире, для которого очень важную роль играют ценности. Каковы же природа и направление происходящей в обществе смены ценностей? Мне представляется, что этот вопрос имеет критически важное значение, поскольку он затрагивает всех нас и индивидуально, и коллективно.

Р а с с е л : Я интерпретирую нынешний ценностный сдвиг в терминах ослабления привязанностей эго.

В основном ценностями для нас является все то, что мы считаем важным в своей жизни. В западном обществе многие ценности носят автоцентрический характер, характер заботы о самих себе. Что думают обо мне другие люди? Получаю ли я то, что мне необходимо? Насколько я защищен? Есть ли у меня деньги, вещи и переживания, которые могут меня осчастливить? В достаточной ли степени мой мир находится под моим контролем? Это примеры вопросов, которые для нас важны, которые имеют для нас ценность и в столь значительной степени обуславливают наше поведение.

Когда автоцентризм ослабляет свою хватку — а это может произойти в результате глубокой духовной трансформации, о которой вчера говорил Стэн, или же просто потому, что мы становимся более зрелыми и мудрыми, — изменяется как раз то, что мы считаем важным, то есть происходит сдвиг в системе ценностей. Более глубокие уровни нашей самости в своей идентичности в меньшей степени зависят от внешних объектов, поэтому когда значительное число людей войдут в контакт с этими своими уровнями, то произойдет, по всей видимости, и общая переориентация общественных ценностей.

Дж а с л о : Достаточно ли сильны изменения в системе ценностей отдельных людей, чтобы привести к модификации наших социальных институтов и общепринятых поведенческих кодов? Это очень важный вопрос, поскольку в своих социальных и профессиональных ролях мы ведем себя в соответствии с чужими ожиданиями. Что же происходит в

этом отношении, если у вас было преобразующее переживание, ведущее к новым прозрениям и революции в вашем сознании? Продолжаете ли вы играть те же социальные роли, что и прежде? Ведете ли вы себя, как прежде? Или, быть может, в большинстве случаев люди, прошедшие такие переживания, и вести себя начинают иначе?

Г р о ф : За прошедшие годы я многократно был свидетелем того, как переживания не только меняли людей, но и оказывали глубочайшее воздействие на ход их повседневной жизни. Зачастую при этом они не оставляли свою работу и не отказывались от своей жизненной ситуации в целом. Ведь люди определенных профессий — врачи, юристы, учителя и т.д. — легко могут продолжать заниматься тем же, чем они занимались и раньше, но делать это с позиций иного модуса сознания, по-другому, с измененным фокусом. Однако бывают и такие виды занятости, которые очевидно несовместимы с новым способом видения реальности, и в этом случае продолжать вести старый образ жизни невозможно.

Наглядный пример тому — один мой знакомый физик, написавший диссертацию о воздействии магнитного поля Земли на траекторию снарядов. Его диссертация была засекречена, после чего ему предложили работу в Пентагоне. Как он впоследствии рассказывал мне, он и его коллеги работали над очень конкретной задачей: как оптимальным образом распределить элементы ракеты с большим числом боеголовок, чтобы полностью “вычистить” территорию в сто квадратных миль. В ходе работы над математической стороной этой задачи он внезапно осознал, что имеет дело не просто с абстрактной задачей, что на самом деле речь идет не о ста квадратных милях, а о человеческих жизнях, о детях, семьях, школах, больницах... Он понял, что до этого момента на

самом деле не отдавал себе отчета в том, к чему может привести его деятельность. Он поднялся сам не свой и покинул рабочее место, куда больше так и не вернулся. Позже он занялся телесно-ориентированной терапией, стал целителем, сильно заинтересовался вопросами духовности.

Л а с л о : Мне тоже известны примеры откровений, полностью менявших жизнь людей. Недавно я познакомился с одним человеком, имя которого в прошлые годы было хорошо известно в Германии. В весьма молодом возрасте, будучи мясником, он подписал контракт со штабом американских оккупационных сил в Германии. По этому контракту он поставлял сосиски для войсковых кухонь и вскоре очень разбогател. В последующие годы он основал крупный мясоперерабатывающий комбинат, специализирующийся на производстве разных видов сосисок. Он стал очень богатым человеком, ему принадлежали огромные бойни, на него работали тысячи людей.

Однажды он поехал в отпуск в Сахару, где провел две недели в пустыне, ведя почти бедуинский образ жизни. Там, совершенно неожиданно для него, ему пришло в голову, что то, чем он занимается, ужасно для животных и совсем не так уж хорошо для людей. Его пронзило острое ощущение зря проживаемой жизни. Он осознал, что должен прекратить забивать животных. Вернувшись домой, он продал все принадлежащие ему фирмы и создал организацию, занимающуюся экологическими про-

ектами. Можно предположить, что его "просветление" каким-то образом было вызвано измененным состоянием сознания во время пребывания в пустыне.

Такое может происходить на индивидуальном уровне, но для того чтобы изменилось общество в целом, необходимо, чтобы это происходило со многими индивидами. Как может большое количество людей получить столь значительные по своему смыслу переживания, чтобы полностью изменилась их жизнь? Возможно ли это вообще?... И что мы можем сделать, чтобы способствовать этому?

Г р о ф : На сегодняшний день в нашем распоряжении имеется множество древних и современных методов, могущих ускорить такую трансформацию. Судя по всему, неуклонно растет интерес в обществе к следованию по такому пути. Нередко такая трансформация происходит самопроизвольно. Кен Ринг описывает случай с мафиози, который радикально переменялся после ОСП — около смертного переживания. Кен говорил о "переживаниях омеги", имея в виду идею Тейяра де Шардена о точке омега, к которой человечество следует в своей эволюции. В разряд этих переживаний он включил, помимо ОСП, спонтанные мистические состояния, психоделические переживания, переживания людей, побывавших в контакте с НЛО, а также такие самопроизвольные психодуховные кризисы, или ситуации "духовной скорой помощи", как пробуждение кундалини.

Р а с с е л : Примером, наглядно иллюстрирующим изменение в сознании многих людей, является отношение нашего общества к потреблению в пищу мяса. Всего двадцать лет назад вегетарианство воспринималась как необычная и весьма эксцентричная причуда. Сегодня оно стало настолько распространенным явлением, что большинство ресторанов предлагает клиентам в своих меню качественные вегетарианские варианты. Эта перемена в общественном сознании была вызвана целым рядом факторов. Некоторые стали вегетарианцами по соображениям здорового питания; другие — из-за заботы об экологических последствиях мясообрабатывающей индустрии; третьих приводит в ужас массовое убийство живых существ, и они не хотят принимать участие в этой жестокости; четвертые просто неспособны заставить себя взять в рот нечто, что сами неспособны убить. Общий результат — массовый сдвиг в сторону той или иной степени воздержания от употребления мясного — заметьте, не полное вегетарианство, а скорее предпочтение более сбалансированной диеты. Такая смена ценностей стала возможна потому, что размышления многих людей о мире и их понимание его стали глубже.

Г р о ф : Эрвин, вы спросили меня, как мы можем способствовать значительной трансформации большого числа людей. В некотором роде это уже происходит в самых разных аспектах. Множество различных переживаний способны ускорить трансформацию и эволюцию сознания. Например, уже упоминавшиеся мною переживания омеги, по терминологии Кена Ринга. Все они оказывают глубокое воздействие на структуру личности, на ее мировоззрение, иерархию ценностей и жизненную стратегию. Все они как-то связаны с постижением разрушительного и саморазрушительного характера курса,

которому следует наше общество. Бывает, что в переживаниях буквально возникают видения общественных и природных катаклизмов и катастроф, которые произойдут с нами, если мы не изменимся. Естественным результатом переживаний омеги являются чувство всепланетного гражданства, глубокая экологическая осознанность в отношении универсальной духовности всеобъемлющей природы, идущей на смену сектантству и нетерпимости нынешних религий мейнстрима. Мне представляется очень важным для нашего будущего, чтобы знания о "технологиях священного" стали доступны людям в самом широком масштабе через средства массовой информации. Очень важно также позаботиться о создании систем поддержки для лиц, переживающих спонтанные преобразующие кризисы.

Л а с л о : Разрешите мне, однако, вернуться к вопросу, который не прекращает занимать меня: откуда все-таки берутся эти необычные переживания? Являются ли они исключительно индивидуальными, свойственны ли они всему человечеству или, быть может, волна переживаний, характерная для нашего времени, спровоцирована чем-то, что находится за пределами человечества?

Г р о ф : В духовных переживаниях у людей обычно возникает чувство, что они подсоединяются к некоему внеличному источнику — высшей силе или высшему сознанию. Оно может принимать форму архетипического существа или вообще полностью выходить за пределы формы. Когда происходит последнее, оно воспринимается как Космическое Сознание, Универсальный Разум, Дао — тут можно использовать и любое другое имя, которым вы пожелаете назвать недифференцированную божественность. В переживаниях контактов с НЛО этот источник представляется вземным разумом, существом или существами из другой части вселенной.

Разумеется, всегда остается открытым вопрос о том, что означает внутриспсихическое и что находится вне психики. С точки зрения более широкой трансперсональной перспективы, то, что воспринимается как божественное, по сути является более высоким аспектом нас самих, а вземные переживания происходят, вероятно, из коллективного бессознательного. Так же, как в индуистской концепции Атмана-Брахмана индивидуальная психика в конечном счете соизмерима со всем сущим.

Р а с с е л : Я порой задумываюсь над тем, насколько вообще важен вопрос о разнице между тем, что происходит внутри нас, и тем, что зарождается "там", снаружи. Может быть, любое различие между "там, вовне" и "здесь, внутри" — иллюзорно, а важна лишь ценность самого переживания. Духовные переживания практически всегда являются очень сильными и волгнущими, и во многих случаях они меняют жизнь людей к лучшему.

Г р о ф : С уверенностью можно лишь констатировать, что все эти переживания воспринимаются как возникающие из источника, за пределами того, что люди обычно считают своей личной идентичностью, своим "заключенным в кожу эго". Кроме того, они обладают способностью самым радикальным образом выводить

ограниченное человеческое самовосприятие далеко за пределы привычных границ.

Л а с л о : Не исключено, что противопоставление того, кем являюсь я, и того, что не является мной, вообще не представляет собой наиболее удачную постановку вопроса. Возможно, в каждом из нас есть частица того, что пребывает за нашими пределами. **Г р о ф :** Безусловно, именно в этом состоит базовый принцип многих эзотерических систем: человек это микрокосм, отражающий макрокосм, это микрокосм, имеющий доступ к информации о целом. Внизу то же, что и наверху. Внутри то же, что и вовне.

Этот принцип мы обнаруживаем в самых разных системах — в древней джайнской концепции *джив*, в Хва Йень, в буддизме Аватамсаки, в Тантре, в Каббале, в герметической традиции. В новые времена сходная идея присутствует в монадологии Лейбница, в голографиче-ской модели вселенной, в процессуальном мышлении Уайтхеда и, разумеется, Эрвин, в вашей собственной концептуальной системе. Все эти модели, древние и современные, предлагают радикально отличную альтернативу жесткой и ригидной дихотомии между внутренним и внешним, между индивидом и космосом.

Л а с л о : Да, согласно моей точке зрения, человек является не отдельным существом, а интегральной частью окружающего его мира. Для Запада эта мысль нова, ведь само открытие ценности индивидуума принадлежит западному Ренессансу. С тех пор индивидуальность отдельного человека ценится именно за ее уникальность, за то, что, благодаря ей, он — отличие от всех остальных людей и всего остального мира. В сегодняшней культуре мы все еще склонны ставить уникального индивида на более высокую ступень развития, чем коллективно-ориентированную личность.

Однако в последнее время наблюдается постепенный возврат к пониманию того, что индивид не полностью отделен, что он является частью более крупной, более всеобъемлющей общности людей с ее экологией и антуражем. Разумеется, такое понимание сопряжено со страхом, что индивид является всего лишь болтиком в механизме, нейроном в глобальном мозге.

Р а с с е л : Совсем необязательно рассматривать растущее чувство индивидуальности как нечто негативное. Это важная часть процесса нашего эволюционного развития; без этого наша цивилизация выглядела бы совершенно иначе. На сегодняшний день важно уравновесить это чувство осознанием того, что мы являемся также частью более крупного целого. Так мы сможем развивать степень своего взаимного сотрудничества и согласованности в направлении более обширной и всеобъемлющей осознанности, не пытаясь при этом свести на нет одно из величайших достижений эволюции.

В действительности нам необходимо не сдерживать свою индивидуальность, а, напротив, лелеять ее, доводя до полного роста. Та самоидентификация, которая господствует в нашей культуре, проистекает скорее из ограниченного чувства самости. Многие выводят свою идентичность из того, чем они обладают и чем занимаются, из того, какими видят их другие, из своего социального статуса, из выполняемых

ими ролей, из своей работы, из убеждений, которых они придерживаются, даже из машины, которую они водят. В таком положении есть множество изъянов. Идентичности, зависящей от того, чем мы владеем и что делаем в мире, постоянно грозит опасность. Если что-то из этого меняется, или даже нам только кажется, что что-то меняется, наше самоотождествление оказывается под угрозой, и мы зачастую совершаем определенные поступки и произносим определенные слова не потому, что это действительно то, что уместно совершать и говорить, а потому что испытываем потребность в подкреплении своей самости.

Парадоксальным образом, именно эта ситуация заставляет нас подавлять свою подлинную идентичность. Мы делаем это, чтобы соответствовать общественным нормам и получать признание и оправдание, необходимые нам для хорошего самочувствия. Вместо того чтобы хранить верность собственной самости, люди слишком часто конструируют абсолютно искусственный образ себя и совершают в результате множество поступков, ни в малейшей степени не отдавая себе отчета в том, правильные они или нет.

Л а с л о : Полностью согласен с вами. Проблемой является не индивидуальность как таковая, а изолированная индивидуальность, воспринимаемая как отдельная, даже отрезанная от общества и природы.

Р а с с е л : Именно эта разновидность слепой индивидуальности и представляет собой проблему. Необходимо искать способы помочь людям внутренне раскрепоститься, свободно думать о самих себе, входить в контакт со своей собственной глубокой мудростью и давать ей свободное выражение в своей жизни.

Такой вид индивидуальности, находясь на более высоком витке эволюции, не вступает в конфликт с сотрудничеством с обществом. Напротив, он способен лишь усилить его. Преодолев границы искусственно выстроенного чувства самости, вы в значительной степени преодолеваете ту разновидность заботы о себе, которая препятствует подлинному состраданию, вы лучше видите и чувствуете чужие потребности.

Г р о ф : Мировоззрение, господствующее в западной индустриальной цивилизации, не служит хорошей службы ни коллективу, ни индивидуальности. Его кредо — заблуждение. Оно проповедует способ бытия и жизненную стратегию, которые в конечном счете неэффективны, разрушительны и не приносят удовлетворения. Оно внушает нам, что для счастья достаточно победы в соревновании за деньги, за материальные приобретения, за социальное положение, власть и славу. Как мы уже увидели в ходе этого разговора, все это совершенно неверно. В этом отношении западная цивилизация находится в плену величайшего заблуждения. Люди, следующие этой стратегии, гонятся за миражом. Она обречена на поражение, независимо от того, достигается ли поставленная цель, поскольку она совершенно неспособна принести удовлетворение и чувство свершения.

Кен Уилбер в своей книге "Проект Атман" высказывает интересные мысли на этот счет. Он подробно описывает конкретные результаты основополагающей идеи Вечной Философии, согласно которой наша

истинная природа божественна и в конечном счете мы идентичны с космическим творческим принципом. Несмотря на то, что процесс творения отделяет и отчуждает нас от нашей божественной идентичности, само осознание нашей связи с ним, утверждает Уилбер, никогда полностью не теряется. Глубочайшей мотивирующей силой в человеческой психике на всех уровнях нашего развития является тоска по возврату к переживанию своей божественности. Разумеется, эта цель недостижима до тех пор, пока мы продолжаем верить, что являемся действующим в материальном мире телом-эго. Для ее достижения мы должны стать всем тем, что мы есть. **Л а с л о :** Вы можете поподробнее раскрыть эту мысль, Стэн?

Г р о ф : Этот момент хорошо иллюстрирует известная история об Александре Великом. Это, безусловно, пример человека, чьи мирские достижения трудно поставить под сомнение. О его успехах в достижении божественного статуса в материальном мире мог бы мечтать каждый, зачастую его так и называли — Александр Божественный. А история такова: после целой серии блистательных военных побед, сделавших его правителем обширнейших территорий от его родной Македонии до границ Индии, Александр вторгся и в Индию. Там он узнал о некоем йогине, обладающем необычными способностями, или *сиддхи*, в том числе — способностью предвидеть будущее.

Александр отправился в пещеру к этому йогину, чтобы спросить его о том, что уготовано ему самому. Тот был глубоко погружен в свою духовную практику, однако Александр нетерпеливо прервал его медитацию, спросив, действительно ли он умеет видеть будущее, Йогин молча кивнул головой и возобновил медитацию. Александр вновь прервал его, задав ему еще один безотлагательный вопрос: "Можешь ли ты сказать мне, удастся ли мне завоевать Индию?". Йогин немного поразмышлял, затем медленно открыл глаза, окинул Александра долгим сострадательным взглядом и мягко сказал: "В конечном счете тебе понадобится лишь кусок земли длиной в шесть локтей".

Трудно найти более пронзительный пример человеческой дилеммы между отчаянным усилием обрести реализацию собственной божественности материальными средствами и ограничениями, которые наклады-

вает на нас наше отождествление с телом-эго. **Достичь полного осуществления своего потенциала в качестве божественных существ можно лишь посредством внутреннего переживания.** Это требует смерти и преодоления нашей отдельной самости, кончины нашей идентификации в качестве "эго, заключенного в кожу". По причине своего страха перед исчезновением эго, мы вынуждены предлагать Атману всевозможные подмены и суррогаты. Их содержание всегда зависит от конкретной жизненной стадии и меняется по мере их прохождения.

Для эмбриона и для новорожденного заменителем Атмана является блаженное переживание хорошей матки или хорошей груди. Для ребенка это — удовлетворение элементарных физиологических потребностей и чувство безопасности. К тому времени, когда мы достигаем взрослости, проект Атман разрастается, достигая огромной

сложности. Теперь уже есть широчайший спектр суррогатов Атмана, они включают, помимо пищи и секса, деньги, славу, власть, внешность, знания и многое другое. Но в то же время мы не перестаем чувствовать, что в самом глубочайшем смысле мы идентичны с творческим принципом, с всецелостью творения. Поэтому суррогаты любой сложности и любого масштаба всегда остаются неудовлетворительными. Конечное удовлетворение нашей неутолимой жажды лежит во внутреннем мире, а не в преследовании каких бы то ни было мирских достижений. **Лишь переживание собственной божественности в необычном состоянии сознания способно удовлетворить наши глубочайшие нужды.**

О жизненных целях

Л а с л о : Предлагаю перейти к обсуждению более земного, но не менее важного вопроса о чрезвычайно распространенном в современном мире ощущении общей потери смысла. Большинство людей сами не знают, что именно важно для них в жизни. Может быть, нам удастся пролить свет и на этот вопрос?

Позвольте для начала спросить следующее: что именно является важным в том, чем мы занимаемся прямо сейчас, то есть в диалоге? Мне представляется, что ключевым моментом любого диалога, более важным, чем любые техники по индуцированию в людях определенного умонастроения, является необходимость позаботиться о том, чтобы все участники знали, о чем говорят остальные. Без этого диалог не является диалогом. Они должны также признавать важность обсуждения того, о чем идет речь, — признавать необходимость понять нечто, что еще не получило должного понимания. Необходимо, чтобы каждому участнику было важнее выслушать чужую точку зрения, нежели отстаивать свою. Если вы способны преодолеть потребность в утверждении своего эго и понять, что диалог это средство достижения чего-то нового, вы проявите больше открытости, больше готовности отложить в сторону мелочную озабоченность тем, "кому в конечном счете все это на руку", и сконцентрироваться на предмете обсуждения.

Р а с с е л : Этот подход применим ко всей нашей жизни. Что, на самом деле, важно в моей жизни? Сама постановка вопроса — "Чего я в действительности хочу?" — может оказаться поучительным упражнением.

В первую очередь, конечно, чаще всего приходят на ум ответы, обусловленные нашим биографическим и социальным опытом. Кроме того, им свойственна ограниченность нашим представлением о возможном и невозможном. Но если продолжать задавать этот вопрос снова и снова, каждый раз проникая все глубже, размышляя на тему: "Почему я этого хочу?", то многие в результате приходят к очень похожим выводам. Оказывается, в конечном счете мы все стремимся чувствовать внутренний комфорт, ощущение внутреннего мира, свободу от страдания. Нам только кажется, что мы хотим чего-то внешнего — денег, продвижения по службе, улучшения взаимоотношений, отпуска, — но все это не служит нашей подлинной цели. В пределе мы все жела-

ем улучшить свое состояние сознания. Это не означает, что надо бросить работу и приняться за внутренние поиски. Однако важно сохранять осознание того, что ни работа, ни деньги не являются целями сами по себе, это лишь средства для достижения более глубокой, духовной цели.

Л а с л о : Работа, выполняемая человеком, может находиться на разных уровнях осмысленности. На самом низком уровне человек работает только ради получения платы, и ему совершенно неважно, чем именно заниматься. Разумеется, существуют некоторые виды деятельности, которые необходимо совершать, несмотря на то, что они полностью лишены какой-либо осмысленности. Будем надеяться, что когда-нибудь часть таких работ будут выполнять машины, и люди освободятся для совершения более осмысленных действий.

Ко второму уровню относятся виды деятельности, которые мы выполняем, потому что для нас это интересно и увлекательно. Обычно такого рода деятельностью является хобби. Особенно хорошо, когда человек, занимаясь своим хобби, тем самым еще и зарабатывает деньги. Но и это еще не самый высокий уровень, поскольку он не поднимается выше развлечения и приятного времяпрепровождения.

На следующем уровне человек задается вопросом, является ли его работа по-настоящему осмысленной, служит ли она какой-то цели, ведет ли она к личной реализации. Если ему удастся найти ответы на эти вопросы, или если он может заниматься чем-то, что приносит ему и доход, и удовлетворение, и чувство свершения, то, значит, ему очень повезло. Разумеется, достижение целей самого высокого уровня, как правило, нелегко. Иногда они требуют жертв. Пример тому — мученики. Не думаю, что они стали бы добровольно жертвовать собой, если бы не были убеждены в важности своих целей. Или великие артисты, живущие на чердаках, жертвуя материальным благополучием ради своего искусства. Уровень, которого достигает человек, зависит от того, насколько он амбициозен. Обычно, если только его экономическая ситуация не находится ниже всяких допустимых норм, ему требуется подняться выше первого уровня. Когда он выполняет работу только ради заработка, он забывает ее, как только она завершена. Закрывая дверь офиса или магазина, он тут же выбрасывает ее из головы и начинает смотреть по сторонам, думая о том, как потратить заработанные деньги. Мне кажется, что самое лучшее — уметь сочетать свою частную жизнь и общественную деятельность увлекательным и осмысленным образом. В этом случае удастся достигать свершений, сохраняя гармонию тела и души. Важно не бояться следовать своим наклонностям, придерживаясь ощущения, что вы идете именно к тому, что вы действительно хотите совершить в своей жизни.

Правда, в жизни многих людей на Западе — хотя, конечно, не всех — есть определенная ловушка: это свойственный им скептицизм в отношении их собственного желания или даже самой их способности действовать во благо общества и жить в ладу с природой. Многие придерживаются такой точки зрения, что весь этот разговор о целях и смысле есть лишь самообман, и вообще, дескать, люди работают потому, что им нужны деньги. Все, от посыльного и дворника до президента крупной компании и президента государства, просто зарабатывают

деньги и, если могут, становятся богаче. Такой вид мышления игнорирует все, связанное с осмысленной работой и свершениями сверх ежемесячной платежной ведомости.

Р а с с е л : В этой связи напрашивается вопрос о том, почему люди так привязаны к деньгам. Сами по себе деньги не делают нас счастливыми; обладание грудой зеленой бумаги, кусков желтого металла или отпечатанных на банковском бланке цифр счастья не приносит. Ценность денег в том, что мы можем на них приобретать. Их можно использовать для того, чтобы покупать разнообразные предметы, которые, как нам кажется, сделают нас более довольными, более защищенными и более уравновешенными. Значит, мы опять возвращаемся к выводу, что внутренние чувства и переживания человека находятся в зависимости от того, чем он обладает и что он делает во внешнем мире, от доступных ему видов переживаний. Мы думаем, что чем больше у нас будет денег, тем мы будем счастливее. Но на самом деле между финансовым благополучием и счастьем очень низкая корреляция. Я знаю весьма обеспеченных и в то же время подавленных и беспокойных людей, отнюдь не чувствующих себя в безопасности. Но у меня же есть и друзья, являющиеся по западным меркам бедными людьми, с трудом сводящими концы с концами и живущими на случайные заработки, однако именно — самые счастливые, доброжелательные и любящие люди, которых я знаю.

Л а с л о : Они вырвались из-под власти всех этих свойственных обществу потребления стимулов и ловушек накопительства, всех этих убеждений, согласно которым, если у вас есть деньги, вы можете купить то, что даст вам покой, статус и престиж, и что чем больше вам принадлежит вещей, тем вы лучше.

Недавно в Индии я видел рекламу — кажется, холодильника, — в которой рекламируемый продукт открытым текстом назывался "гордостью владельца, предметом зависти соседа". Дескать, если вы купите его, вы будете гордиться, а ваш сосед — завидовать. И это сообщение считается основным стимулом для совершения покупки. Согласно этому виду заблуждения, вы, как человек, лучше, если можете купить более дорогую вещь. В этом случае вы будете горды собой, а ваши соседи будут вам завидовать.

Р а с с е л : Достаточно взглянуть на любую рекламу любого продукта или услуги, чтобы убедиться, что за всем этим стоит такое сообщение: купи это — и будешь чувствовать себя лучше. Такой призыв апеллирует к вере в то, что наша внутренняя гармония находится в зависимости от того, что мы делаем или чем обладаем. Именно эта вера и держит нас в зависимости, которую реклама старается всеми силами упрочить.

Г р о ф : Психология рекламы представляется мне крайне интересным явлением. Всем известно, как часто работники рекламы ради продажи своих продуктов эксплуатируют человеческую гордость, жадность, сексуальность. Использование сексуальности распознать легче — по крайней мере тем из потребителей, у которых более высокий уровень образованности и знакомства с фрейдовским психоанализом, способным заметить не только открытое использование темы секса в целях

продвижения товаров или услуг, но и более тонкий, скрытый сексуальный символизм.

Кристина в своем исследовании взаимосвязи между наркотической зависимостью и духовностью обнаружила, что рекламная индустрия все чаще пытается соблазнять потребителей, прибегая к духовной символике. У Кристины уже накопилась солидная коллекция образцов рекламы, в которых различные продукты привязываются к образам золота, драгоценных камней, божественного света, звездного неба, радуг, павлиньих перьев, горных пиков и к другим символам, которые широко используются в различных духовных традициях. Все это достаточно ясно иллюстрирует тот факт, что гонка за материальными благами и рыночным рогом изобилия является для западной индустриальной цивилизации суррогатом давно утраченной духовности.

Р а с с е л : Очень важной особенностью революции сознания, о которой мы говорим, является постепенное пробуждение людей к распознаванию лежащей глубоко в каждом из нас истины: нет, это не так, я могу самостоятельно определять свои чувства, я не обязан быть жертвой внешних обстоятельств. Люди находят в себе мужество посмотреть в лицо этой внутренней истине. И в чем большей степени мы это делаем для себя, тем больше мы даем силы и другим для того, чтобы они могли отстаивать то, что чувствуют правильным. Пробуждение и есть избавление от своей привязанности к материальному миру.

Л а с л о : Если бы таким образом пробудились многие, то не было бы этих реклам. По крайней мере, их не было бы в таком количестве. Это порочный круг, своего рода циклический механизм. Люди нуждаются в чем-то, поэтому они приобретают определенные продукты или услуги, затем их убеждают в том, что они совершили замечательный поступок, и поэтому они покупают снова то же самое или что-то похожее, независимо от того, нужно ли это им на самом деле. Воздействие этого цикла можно преодолеть в том случае, когда люди начинают понимать, что неограниченные приобретения, не соответствующие их подлинным потребностям, не делают их ни лучше, ни счастливее.

Тождественность материального стандарта качеству жизни — ложна. Можно иметь замечательное качество жизни при относительно низком материальном стандарте. Можно вести очень высококачественное существование, не тратя кучу денег и не потребляя неумеренное количество энергии и ресурсов. Речь идет о выборе стиля жизни, и сюда входит все — от выбора профессии и мебели до выбора друзей. Вы можете вести простую и качественную жизнь или жить дорого, хвастливо и напоказ. Всегда есть выбор.

В западном мире мы живем в агрессивной и соревновательной культуре. Однако в том же самом западном мире, как уже говорилось, есть и свой передовой край, свой авангард, есть те, кто все больше входят в контакт с собой и со всем миром через трансформирующие переживания. Большинство людей пока не имеет опыта такого переживания, большинство ведет банальное существование, предаваясь непрекращающемуся соревнованию друг с другом в рамках непреодолимых систем, стараясь не потерять работу, удержаться на плаву. Люди главным образом питаются информацией из СМИ, рекламы и

общественной образовательной системы. Большинству все еще трудно подняться выше этого уровня.

Конечно, в традиционных обществах люди, как правило, находятся в более тесном контакте с разворачивающейся вокруг них реальностью. Но многие уже и там устремлены к прогрессу по западному образцу. А это означает, что из шести миллиардов человек в сегодняшнем мире лишь несколько миллионов готовы встать на путь, ведущий к трансформирующим переживаниям. Огромная масса все еще шагает под бой иного барабана.

Если новое сознание не сумеет достичь сознания значительного количества наших современников, ситуация сложится очень тяжелая. Совершенно недостаточно перемен в сознании нескольких человек в Калифорнии; если жители Китая не пойдут по пути трансформации, то они будут имитировать то, что по их представлениям является западными ценностями, и повторять наши ошибки. А если при этом не будет меняться сознание западного мейнстрима, то это будет лишь еще больше убеждать китайцев в состоятельности их убеждений. Мы должны не только проповедовать другим; мы и сами должны жить в соответствии с тем, что проповедуем. Поэтому, я думаю, эволюция сознания во всем мире абсолютно необходима.

Г р о ф : Несколько лет назад президент Чехии Вацлав Гавел выступил с интересной речью в Стэнфордском университете на церемонии вручения ему премии Джексона Х. Ралстона. Он подверг критике форму, которую западная демократия приняла за несколько последних десятилетий. Хотя первоначально она основывалась на глубоких духовных принципах, отмечал Гавел, с тех пор она выродилась в своего рода стратегию потребительства. Влияние западного мира на развивающиеся страны выражается в основном в экспорте технологии и товаров потребления. Очень часто это происходит ценой подавления и уничтожения аутентичной ритуальной и духовной жизни этих стран и подмены ее материализмом и атеизмом. Во многих случаях демократические страны использовали ради удовлетворения своих интересов аморальные и антидемократические средства. Гавел подчеркнул, что такая форма "демократии", лишенная возвышенных духовных принципов, никак не может больше быть надеждой для нашего страждущего мира.

Л а с л о : Люди в менее индустриализированных частях света жаждут учиться на нашем примере так называемому правильному стилю жизни, узнавать от нас, что такое хорошо жить, и зачастую получают совершенно неверные знаки.

Г р о ф : Современная технология способна предлагать людям в традиционных обществах невероятные со-
блазны. Она демонстрирует множество приспособлений и увлекательных игрушек, могущих сделать жизнь более комфортабельной и легкой — по крайней мере, на поверхностном уровне. В то же время на культурную жизнь в так называемых "развивающихся" странах она оказывает поистине разрушительное воздействие. Везде, куда ввозится западная технология, она стремится уничтожить традиционные ценности, ритуальную и духовную жизнь, творческие достижения в ремеслах и искусствах.

Р а с с е л : Самая опасная статья нашего экспорта — это наши ценности. С помощью товаров мы соблазняем жителей развивающихся стран покупать, а с помощью средств информации — особенно телевидения — поощряем их усваивать нашу автоцентрическую систему ценностей. Именно такая установка сознания и породила нашу коллективную невменяемость.

Поэтому я думаю, главная наша цель не в том, чтобы влиять на остальную часть мира, а в том, чтобы способствовать сдвигу в сознании людей на Западе. Здесь это особенно необходимо. И именно здесь мы можем явить собой пример для остального мира.

Г р о ф : Полностью с вами согласен. Экспортирование в развивающиеся страны нашей системы ценностей и нашего стиля жизни в их нынешней форме представляет собой рецепт глобального самоубийства. Подумайте о численности населения в Китае, в Индии, в Африке и в Южной Америке! Вместо этого мы должны больше интересоваться ростом числа тех, кто уже стал меняться, в нашем собственном обществе. Нам должно быть важно, чтобы они стали большинством.

Л а с л о : В нашей собственной части мира уже идет революция в сознании людей. Но все еще остается это сверлящее сомнение: достаточно ли быстро она развивается?

Р а с с е л : Думаю, что нет. Поэтому мы должны постоянно думать о том, что мы можем сделать для ускорения перемен. Я часто слышу, как люди говорят, что другие должны меняться — этот политик должен измениться, эти деятели бизнеса должны измениться, или эти обычные люди на улице должны измениться. Но, перекладывая бремя изменения на других, мы пренебрегаем самими собою. Легко говорить о том, что “им” надо измениться, однако не стоит забывать, что каждый из нас тоже один из них. Я — один из миллиардов людей, которые нуждаются в повышении своего уровня сознания. Более того, я единственная личность на этой планете, за которую я в состоянии отвечать в полной мере. Никто, кроме меня, не изменит меня. Поэтому главный вопрос состоит в том, что я могу предпринять, чтобы ускорить темпы своей собственной эволюции? Что еще я могу сделать ради изменения своего собственного сознания?

Это означает не то, что моя ответственность заканчивается на мне, но то, что она должна *начинаться* с меня самого. Ответственность каждого человека распространяется на то, что я называю его сферой влияния. Наша сфера влияния — это все те люди, с которыми мы тем или иным образом взаимодействуем. Она может включать нашу семью, людей, с которыми мы работаем, наших соседей, тех, с кем мы находимся в социальном контакте. Для нас троих, поскольку мы все писатели и взаимодействуем с другими людьми на более широкой

арене, эта сфера включает и тех, кто читает наши книги, приходит на наши выступления и семинары, слушает нас по радио и по телевидению. Однако она не включает всех обитателей планеты. Например, в мою сферу влияния не попадают президенты большинства крупнейших стран мира, разве что они прочтут какие-нибудь мои книги.

Поэтому, в связи с вопросом о том, что мы можем предпринять для того, чтобы помочь другим меняться, я полагаю, что мы должны начать

ориентироваться на тех, кто находится в нашей сфере влияния. Итак, вопрос в том, что я могу предпринять, чтобы помочь именно этим людям в их личном внутреннем путешествии.

Г р о ф : Вне всякого сомнения, крайне важно начать с самих себя. Слишком легко подпасть под власть иллюзии, что мы уже прибыли в пункт назначения, и теперь нас может заботить лишь изменение остального мира. Однако вопрос, на котором настаивает Эрвин, — как мы можем наиболее оптимальным образом ускорить трансформацию в окружающем нас мире? — тоже требует ответа.

Мы уже говорили о важности смены парадигм, пересмотра ряда основополагающих аспектов мировоззрения западной индустриальной цивилизации и превращения существующих технологий трансформации в более известные и доступные. Я полагаю, что столь же важная задача — обнаружение оптимальных возможностей поддержать те изменения, которые уже происходят. Ранее я упоминал о том, что мы с Кристиной интересуемся спонтанными переживаниями необычных состояний сознания — мистическим опытом и психодуховными кризисами. К ним относятся, в частности, такие явления, как пробуждение кундалини, последовательность смерти-возрождения, временное растворение границ и переживание космического единства, драматические случаи психического самораскрытия, опыт прошлых жизней и тому подобные переживания. Современная психиатрия привычно вешает на них ярлыки психозов, считает их симптомами душевной болезни. По нашему мнению, в действительности это — кризисы трансформации. Если предоставить им правильное понимание и уход, они могут стать исцеляющими, преобразующими и даже эволюционными процессами изменения.

Еще один злободневный вопрос — алкоголизм и наркозависимость. Как вы знаете, в настоящее время мы переживаем настоящую эпидемию этой проблемы. Исследователи надличностных областей все чаще склоняются к тому, что наркомания является выражением неудовлетворенного стремления к духовности и происходит из неверно понимаемого и идущего в неправильном направлении поиска трансценденции. Люди с сильной потребностью в духовности, которые не в состоянии обрести путь, действительно к ней ведущий, очень легко впадают в наркотическую зависимость. Таким образом она становится несчастливым суррогатом духовности. Как нам известно, единственные программы, имеющие какие-то шансы на успех в преодолении таких зависимостей — это те, которые ориентируются на духовную перспективу.

Сохранилась переписка Билла Уилсона, одного из основателей организации Анонимных Алкоголиков, с К.Г. Юнгом. Уилсон утверждает, что подлинным отцом идеи двенадцатиступенчатых программ является Юнг. Он ссылается на историю, в которой Юнг отказался продолжать терапию. При временном улучшении состояния его пациента он сказал ему, что единственным шансом на исцеление для него является вступление в духовную общину и надежда на духовный опыт. Пациент вступил в Оксфордскую Группу, где у него действительно было сильное трансформирующее переживание. Именно этот случай и вдохновил Билла Уилсона выступить с программой Анонимных Алкоголиков.

Юнг исходил из предположения, что тяга пациента к алкоголю на более глубоком уровне является его стремлением к трансценденции или, выражаясь средневековыми терминами, к Богу. Правильной формулой было, следовательно, *spiritus contra spiritum* — противопоставить разрушительному действию алкоголя духовный поиск. Вероятно, в более широком масштабе правильная стратегия лечения алкоголизма и наркомании способна внести свой вклад в психодуховную трансформацию человечества.

Р а с с е л : Мы должны задаться вопросом, почему люди с самого начала обращаются к той или иной форме наркомании. Слишком легко сетовать на доступность наркотиков, но это ведь не объясняет то, почему люди их применяют. Наркозависимость является симптомом более глубокого недостатка в нашем обществе. Если человек ради внутреннего облегчения обращается к наркотику, это признак того, что его нынешняя жизнь не дает ему того удовлетворения, которое он ищет. Это голод по чему-то иному: по более глубокому смыслу, по внутреннему миру, по свершению, по облегчению от стресса. Однако, поскольку наше общество не обеспечивает средств для утоления этого голода, люди обращаются калкоголю, героину и т.п. как к временному способу облегчить свою потребность.

Г р о ф : В определенном смысле алкоголик и наркоман являются лишь внешней формой среднего западного человека, карикатурой на него, подменяющей поиск трансценденции широким ассортиментом материальных суррогатов и разнообразными видами зависимости.

Л а с л о : Для некоторых предметом зависимости является алкоголь, для других — секс, для третьих — быстрая езда или модный стиль жизни. В конечном счете многие начинают искать нечто другое, что могло бы принести им чувство удовлетворения, поскольку все эти вещи сделать это неспособны.

Сценарий конца света и выход за его пределы

Л а с л о : Многие из того, что мы здесь говорили, рисует одновременно, весьма мрачную картину жизни в современных обществах и перспективы ее улучшения. В то же время многие обеспеченные люди в западных и в равняющихся на Запад странах чувствуют пресыщенность, осознав, что в действительности им не нужны материальные ценности сверх того, что у них уже есть; им не приходится беспокоиться о хлебе насущном, у них есть весь основной ассортимент потребительских товаров. Многие такие люди находятся в процессе поиска чего-то иного. Зачастую это находит выражение в алко-

голизме и наркомании, а в последнее время — и в побеге в виртуальную реальность. Но этот же процесс может принять и иные формы — интерес к эзотерике, поиск духовного наставничества со стороны гуру, медиумов или бестелесных духов. Что же касается тех, кто не находится в ситуации такого материального благополучия, то они скорее склонны к поиску материальных вещей, на этой стадии они в меньшей степени способны на трансформационные переживания и развитие более высокого типа сознания.

Итак, когда человеку обеспечен определенный уровень материального благополучия, он склонен пробовать новые переживания. В худшем случае речь идет об употреблении алкоголя и наркотиков, в лучшем, если человек достаточно мудр, — о трансформации сознания. Однако остальные — те, кто не достиг такого уровня обеспеченности, — стремятся лишь к более высокой степени владения материальными благами, а это означает, что подавляющее большинство человечества находится практически в безнадежной ситуации. Современная экономическая и технологическая инфраструктура не располагает необходимыми ресурсами для того, чтобы обеспечить всем без исключения жизнь на уровне достигнутого в индустриальном мире материального стандарта. Однако развивать сознание должны все; совершенно недостаточно, чтобы этим занимались только жители благополучных стран. Если все остальные будут лишь подражать западному материалистическому стилю жизни, мы все окажемся в беде.

Р а с с е л : Возможно, нам следует оказать им помощь, используя эту стадию их развития. Материализм и преклонение перед деньгами может оказаться для общества фазой развития. Примерно двести лет назад западные страны встали на этот путь в результате промышленной революции. На сегодняшний день мы начинаем пробуждаться к пониманию того, что у нас уже есть практически все нам необходимое, поэтому у нас нет больше потребности продолжать следовать этому пути. Более того, это может оказаться для нас самоубийством. Итак, мы подходим к новой стадии. Возможно, наша задача как раз в том, чтобы помочь развивающимся странам пройти через материалистическую стадию как можно быстрее.

Л а с л о : Проблема в том, что, учитывая проблемы экологии и ресурсов этой планеты, на то, чтобы каждый отдельный человек и каждое отдельное общество успели пройти через все те стадии развития, которые прошли мы, просто нет времени.

Р а с с е л : Я согласен. Именно по этой причине мы и должны помочь им ускорить темпы эволюции. Возможно, они смогут пройти материалистическую стадию всего за пару десятков лет, а не за пару столетий. Налицо признаки того, что такое ускорение возможно. Пример тому — скорость, с которой развивающиеся страны движутся из эры агрокультурной в эру индустриальную, и еще дальше — в эру информационную. Индия осуществила свою промышленную эволюцию за каких-то двадцать лет или около того, Китай прямо сейчас совершает скачок от сельскохозяйственного уклада к информационному обществу.

В отличие от Запада, который учился всему с нуля, эти страны используют развитые нами технологии и навыки. Им не надо заново изобретать паровые двигатели,

аэропланы и компьютеры; мы это уже сделали, и теперь они учатся на нашем опыте. Мы можем также помочь им разглядеть, что, помимо погони за материальными благами, в жизни есть еще что-то. Может быть, мы способны помочь им быстрее выйти за пределы этой фазы развития.

Л а с л о : Или даже перескочить через некоторые из этих фаз. Есть немалая опасность в стадии энергоемких и расточительных стилей жизни и способов производства, которые мы развили на Западе. Если разви-

вающиеся страны не поторопятся с преодолением этой стадии, то, даже с учетом инфраструктур следующей стадии, это может привести к перерасходу ресурсов планеты и необратимому загрязнению ее окружающей среды.

Г р о ф : Мы определяем будущие направления развития теми технологическими идеями, которые мы вынашиваем в настоящий момент. Перспектива могла бы измениться самым радикальным образом, если бы мы сумели переориентироваться на другие источники энергии, главным образом — солнечной. Насколько мне известно, уже сейчас можно водить машины и пилотировать самолеты, используя вместо бензина водород.

Л а с л о : Да, несомненно, мы могли бы перейти на вождение машин с применением жидкого водорода. Я сам видел недавно БМВ, которая выглядела и вела себя точно так же, как обычный автомобиль, за исключением того, что у нее есть изолированные топливные трубы и отдельная цистерна сзади. Из выхлопной трубы выпускается тонкий пар, конденсирующийся затем в чистую воду. Однако разработчики этого автомобиля сказали мне, что для внедрения его в широкомасштабное использование потребуется пятьдесят лет — именно столько времени, по их расчетам, необходимо для того чтобы жидкий водород стал так же доступен на автотрассах, как сегодня бензин. У меня не было ощущения, что они понимают, что к тому времени, даже если эта новая технология уже будет использоваться повсеместно, будет слишком поздно: мы уже слишком загрязним воздух и породим слишком большое число кризисов. А ведь многих из них можно избежать своевременным переходом к возобновляемым технологиям использования чистой энергии.

Г р о ф : Ходят слухи, что разработки в сфере применения альтернативных видов энергии намеренно срываются нефтяными компаниями, которые уже приобрели целый ряд многообещающих патентов и запрятали их в свои сейфы. Трудно оценить, что могло бы получиться, если бы этим проектам были предоставлены первый приоритет и серьезная поддержка. В этом случае без особых усилий можно было бы разработать рентабельные способы использования солнечной энергии для превращения воды в водород и кислород, а также безопасные методы хранения этих видов топлива.

Л а с л о : В нашем распоряжении, безусловно, уже имеется немало практических решений, и можно было бы разработать и множество других, однако, судя по всему, нам не хватает воли для их использования и развития.

Г р о ф : Именно это я и имею в виду. Немыслимые затраты, с которыми связана патологическая гонка вооружения в глобальном масштабе, в сочетании с привычными для нас линейными стратегиями, такими как расхищение возобновляемых ресурсов и превращение их в отходы, — все это в крайней степени усугубляет ситуацию. Будь у нас иная система ценностей и иные приоритеты, все могло бы сложиться по-другому. Например, если бы мы прибегали к циклическим стратегиям, как это происходит в природе, Земля могла бы прокормить большее число населения с меньшим количеством трудностей. Способности нашей

планеты и ее солнца обеспечивать пищу огромны; к примеру, мы могли бы собирать водоросли в Саргассовом море и перерабатывать их в широкий ассортимент пищевых продуктов.

Л а с л о : Меня беспокоит вопрос о том, существует ли реалистический шанс на то, что вид сознания, необходимый для такого преобразования, может распространиться достаточно широко, чтобы изменить ведущие тенденции экономического, политического и общественного развития в мире.

Р а с с е л : Иными словами, вы спрашиваете, можем ли мы реформировать общество.

Л а с л о : Или может ли наше общество реформироваться само...

Рассел: Я не уверен, что оно на это способно. Не исключено, что оно уже упустило такую возможность. Я говорил ранее, что мы, возможно, переживем крушение западной цивилизации. Ни одна из прошлых цивилизаций не длилась вечно. Почему наша должна отличаться от них? Скорее, есть все основания полагать обратное. Она уже доказала свою нежизнеспособность в долгосрочной перспективе, и теперь мы постепенно подходим к тому, чтобы оказаться перед лицом этого факта.

С планетарной точки зрения это безумная и хищная цивилизация. Вряд ли нам удалось бы доказать, что мы производим благотворное воздействие на биосферу. Если бы каждый из видов на планете получил один голос и состоялось всеобщее голосование по вопросу, следует ли допустить продолжение существования западной цивилизации, — я подозреваю, что все виды, за исключением, быть может, тараканов и крыс, проголосовали бы против нас. Результатом такого референдума было бы 99.9 процентов голосов "против": западная цивилизация нехороша для планеты Земля, она должна погибнуть.

Л а с л о : Под гибелью вы, вероятно, подразумеваете, что люди, живущие сейчас в западной цивилизации, прекратили бы мыслить и действовать так, как они это делают в настоящее время, и выработали бы нечто иное.

Р а с с е л : Конечно. Я вовсе не имею в виду, что мы должны умереть физически. Умереть должен наш нынешний способ бытия. Должна вырасти новая цивилизация.

Л а с л о : Из самой западной цивилизации или вместо нее?

Р а с с е л : Когда что-то гибнет, рождается нечто новое...

Г р о ф : Подобно Фениксу.

Р а с с е л : Да. Думаю, нам не избежать катаклизма в той или иной форме. Уже поздно. Мы зашли слишком далеко, а для реформ необходимо слишком много времени. Мы находимся в ситуации манекена, который используют при тестировании устойчивости автомобилей в авариях. Машина мчится прямо на стену. В замедленной съемке видно, как сминается ее передняя часть, а сидящий внутри манекен говорит: "Похоже, я сейчас во что-то врежусь. Надо бы что-то предпринять. Может, мне выйти? Или лучше перевести машину на задний ход?"

Но для всего этого уже нет времени. Мы пожинаем сейчас плоды многих лет неправильного мышления. В одночасье теперь этого уже не изменить. Сейчас нам надо задуматься о том, как нам проложить себе

путь через то, что наверняка станет самым бедственным периодом в человеческой истории. Нас ждут нелегкие времена. Нам будет очень и очень трудно. Однако вряд ли на сегодняшний день осталась хоть какая-то возможность избежать этого.

Г р о ф : Много лет назад в Москве я долго обсуждал вопросы экологии со своим другом Василием На-лимовым, блестящим ученым, который провел восемнадцать лет в сталинских лагерях в Сибири. Я нахожу время, проведенное в его обществе, захватывающе интересным. Ядерная проблема не была его первоочередной заботой. Он предвидел возможность того, что Со-единенные Штаты и Россия сумеют достичь мирного соглашения и демонтировать ядерные бомбы. Более всего его беспокоила химия. Он считал, что многие аспекты нашей жизни находятся в критической зависимости от химической индустрии, и не верил, что мы сможем предотвратить такое явление, как выпадение ядерных осадков, которые необратимо погубят наши реки, моря, почву и воздух. Он опасался, что время для этого уже упущено.

Л а с л о : Это глобальная проблема: мы нарушаем химический баланс на уровне всей биосферы.

Г р о ф : И делаем это самыми разными способами, однако Василий считал, что самую большую опасность представляет химическое загрязнение. Масштабы его гигантские, а обратить его последствия вспять крайне трудно.

Л а с л о : Как мы говорили, жизнь в любом случае будет продолжаться, возникнут новые мутации и разовьются новые виды. Однако виды с относительно коротким репродуктивным циклом будут мутировать и приспособляться к изменяющимся условиям быстрее нас. Мы окажемся на медленной стороне эволюции.

Г р о ф : Много лет назад мое воображение поразили фильм "Хроники Хелстедта". Высказанная вами мысль была его лейтмотивом: если мы причиним серьезный вред окружающей среде, Землю унаследуют насекомые с их короткими репродуктивными циклами и огромной приспособляемостью.

Р а с с е л : Есть еще один сценарий конца света — не экологическая катастрофа, а эпидемия. Мы слишком ослабили свою естественную сопротивляемость болезням. Наша иммунная система подорвана потреблением полуфабрикатов, наркотиками, неумеренным приемом антибиотиков, химическим загрязнением и другими факторами. В то же самое время растет сопротивляемость бактерий к разрабатываемым нами лекарствам. И приспособляются они быстрее, чем мы открываем новые антибиотики. Некоторые бактерии уже способны сопротивляться практически всем существующим антибиотикам, и когда наш арсенал полностью исчерпается, мы мало что сможем сделать, чтобы остановить их нашествие.

К тому же в созданных нами жизненных условиях болезни способны распространяться чрезвычайно быстро. Если сегодня в Сан-Паулу разразится новая эпидемия, в ту же ночь ее кто-нибудь доставит самолетом в Нью-Йорк, а через несколько дней будут заражены все крупные урбанистические зоны мира. Возникни новое заболевание, которое к тому же окажется очень заразным, оно сможет в кратчайшие

сроки поразить все человечество. Даже если эпидемия не уничтожит всех людей, каждый десятый наверняка погибнет. Впрочем, с планетарной точки зрения, это может оказаться не так уж и плохо. Природа зачастую прибегает к эпидемиям для того, чтобы справиться с видами, вышедшими из-под контроля.

Л а с л о : Именно так природа решает эту проблему. Вид, ставший сам по себе эпидемией, разросшейся раковой опухолью, достигает критического порога, после чего прекращается его воспроизводство, или же он совершает коллективное самоубийство, подобно леммингам. Человечество научилось применять так много краткосрочных корректирующих мер, что естественные способы адаптации сработать не могут. Если мы близоруки, мы одеваем очки, если мы не можем достаточно быстро куда-то добраться, мы используем автомобили, поезда и самолеты, и т.д. Мы готовы обречь себя на экологическую катастрофу в долгосрочной перспективе, лишь бы не отказываться от временных облегчающих мер, надеясь при этом, что проблема решена.

Г р о ф : Разумеется, причин для оптимизма не слишком много, однако иногда события развиваются самым неожиданным образом. Все обсуждаемые нами мрачные сценарии основаны на экстраполяции нынешнего направления развития. И мне снова приходит на ум то, что произошло с Берлинской стеной и Советским Союзом. Происшедшие перемены были позитивны, и при этом совершенно неожиданны и непредсказуемы. Возможно, существуют какие-то скрытые факторы, действующие в иных направлениях. К примеру, уже есть разновидности бактерий, питающиеся отходами нефти. Не исключено, что нас ждут явления в духе научной фантастики, которые мы не в состоянии предвидеть, — новые штаммы бактерий, использующих в пищу пластик; растения, восстанавливающие природный баланс и устраняющие загрязнение окружающей среды; генетические мутации, поощряющие терпимость и синергию, и т.д.

Л а с л о : Ну, как уже говорилось ранее, если пути развития человечества будут определяться слепой случайностью, то наши шансы окажутся весьма невысоки-

ми. Биологам хорошо известно, что в случайных мутациях карты обычно выпадают не в выигрышных комбинациях. Реальная вероятность выживания может быть обусловлена чем-то отличным от серии случайных попаданий и промахов, обычно определяющих эволюцию биологических видов. Возможно, такой фактор уже действует и в случае нашего вида. Он вполне может иметь не биологический, а культурный характер. Его воздействие можно видеть в революции в сознании и в нарастающем в разных частях мира сдвиге в системе ценностей. Однако, возможно, сами по себе эти процессы не разворачиваются достаточно быстро. Поэтому нам необходимо накопить силу трансформирующих переживаний, способных ускорить эволюцию нашего собственного сознания, а посредством ее — и эволюцию наших ценностей, нашей этики и нашего поведения.

Г р о ф : Я хотел бы упомянуть одно наблюдение, которое я нахожу интересным и имеющим отношение к обсуждаемой теме. Люди, переживающие в необычных состояниях сознания опыт психодуховной

смерти и возрождения, обычно проходят через конкретные стадии, связанные с характерными темами. В этих переживаниях часто фигурируют сцены крайнего насилия, разнузданных сексуальных излишеств, включая самые разные извращения, сатанинские ритуалы и мессианские эпизоды. В процессе внутренней трансформации подобные элементы являются временными, в конечном счете они разрешаются в мощном духовном самораскрытии и преображении. В индивидуальной эмпирической работе самой большой опасностью является экстернализация процесса, проигрывание его разрушительным или саморазрушительным образом. В самом крайнем случае, это настоящее самоубийство вместо убийства эго, то есть переживания смерти эго и последующего возрождения.

Люди, переживающие такие эпизоды, часто замечают их сходство с тем, что происходит во внешнем мире, — с ростом преступности и насилия, с террором, сексуальным освобождением как в его позитивных, так и в извращенных формах, с растущим интересом к сатанинским практикам и плодящимся как грибы мессианским культам. Из этого сходства напрашивается предположение, что человечество в целом претерпевает похожий процесс трансформации. К сожалению, в целом он экстернализован. Если бы можно было интернализировать его, вместо того чтобы проигрывать вовне разрушительным и саморазрушительным образом, мы сумели бы подняться на более высокий уровень сознания.

Л а с л о : Это обнадеживающая возможность. Но как нам увеличить вероятность такого развития событий?

Р а с с е л : Позвольте мне упомянуть о двух моментах, кажущихся мне важными. Во-первых, необходимо распространять техники и технологии, помогающие нам достигать большего мира с собой. Бессмысленно добиваться мира во всем мире, если внутри себя мы все еще находимся в состоянии войны. Продолжая пребывать во власти внутренних страхов и враждебности, мы не сможем быть в ладу с миром. Можно ограничиться отговорками, но они не станут реальностью. Обретение внутреннего мира считается необходимым во всех духовных традициях. Оно станет еще важнее по мере того, как события в мире происходят на все более

высоких скоростях, каждый раз требуя принятия огромного числа решений. Истощая свою энергию, мы не будем способны на правильные решения, способные служить нам самим и другим. И вряд ли при этом мы будем здоровы.

Таким образом, один из критических моментов состоит в развитии способов, позволяющих людям пребывать в большем мире с собой. И нам отнюдь не придется развивать их с нуля. Многие такие техники уже разработаны в различных мировых духовных традициях. Нам необходимо исследовать их, выбрать наиболее эффективные для современного мира и сделать их как можно более доступными.

Второй ключевой момент касается человеческих взаимоотношений. Сущностью здоровых отношений является недвусмысленное проявление взаимной заботы. Однако мало кто из нас обучался этому в школе или колледже. Мы овладеваем этим искусством через процесс проб и ошибок, и зачастую это происходит к закату жизни. В отношениях между

двумя людьми — и дома, и на работе — каждый хочет чувствовать себя любимым и быть в ладу с собой. Но, как правило, устанавливается порочный круг, в котором никто из них не получает желаемого. Когда кто-то чувствует себя уязвленным, когда ему кажется, что его тем или иным образом осуждают, чаще всего он защищается, прибегая к какой-нибудь форме нападения. Зачастую этот переход к агрессивности бывает очень тонким — смена интонации, неуловимое изменение на языке тела. Иногда он сказывается в выборе слов, и тогда он заметнее. Скрытое намерение при этом всегда одно и то же: сделать так, чтобы другому стало хуже, чтобы он почувствовал себя уязвленным, чтобы он ощутил, что его осуждают, на него нападают. За исключением тех случаев, когда второй человек либо не осознаёт этой динамики, либо осознанно отказывается вступать в эту игру, он, как правило, реагирует точно таким же образом, посылая столь же враждебные сообщения первому, в результате чего оба чувствуют себя атакованными. Так возникает порочный круг. Хотя на поверхности все выглядит идиллично и мило, на глубине происходят взаимные нападения. Каждый хочет, чтобы его любили, каждый желает мира с собой, но каждый делает все, чтобы другой почувствовал себя виноватым и лишился внутреннего покоя.

Поэтому очень важно учить людей общаться так, чтобы не возникал этот порочный круг, а также вырываться из него, если он уже сложился. Основой любого здорового общения должен быть вопрос, обращенный к самому себе: как я должен вести себя, чтобы другой почувствовал себя любимым, чтобы он пребывал в ладу с собой? Когда я руководствовался этим вопросом в своих собственных взаимоотношениях, результат бывал просто волшебным.

Г р о ф : У нас с Кристиной был как-то исключительно интересный опыт в институте Эсален, в Биг-Суре, в Калифорнии. Мы организовали экспериментальную образовательную программу с ярко выраженным эмпирическим компонентом. Она представляла собой серию из тридцати месячных курсов, которые проходили дважды в году. Как правило, для каждого курса мы выбирали какую-нибудь интересную для нас тему, например: картография сознания, буддизм и западная психология, холистическая медицина и целительство, наркозависимость и мистический поиск, и т.д. На каждый месячный курс мы приглашали нескольких выдающихся учителей, являющихся экспертами по выбранному предмету. Кроме того, в ходе каждого курса мы проводили регулярные сеансы холотропного дыхания, гештальт-практики, юнгианской игры в песок, группового процесса, массажа, йоги, ритуалы, медитации, танцы самовыражения, путешествия в необитаемые места, и т.д. Широко использовались специально отобранные фильмы и видеозаписи.

Список гостей, приглашавшихся на эти курсы, был весьма широк: там были и пионеры новой парадигмы мышления, такие, как Фритьоф Капра, Руперт Шелдрейк, Карл Прибрам и Джозеф Кэмпбелл, и мексиканские и североамериканские шаманы, и физики, и спириты, и христианские монахи, и суфии, и мастера йоги, а также буддисты Тибета, дзена и випассаны. Это богатое сочетание интеллекта и опыта оказалось в высшей степени преобразующим для участников курсов.

Мы обнаружили, что в тех случаях, когда люди длительное время посвящают какой-то одной конкретной модальности, они в конце концов овладевают правилами игры, в результате чего снова вырастает их психологическая защита, и зачастую они преуспевают именно в том, чтобы нисколько не измениться. Но когда на людей с самых разных сторон, направлений и уровней обрушивается новая информация и новые эмпирические стратегии, в них происходит невероятное ускорение трансформационных процессов. В течение многих лет к нам продолжают поступать письма от людей, участвовавших в эса-ленских курсах. Обычно их авторы рассказывают в них, что месяц, проведенный в Эсалене, оказался в их жизни поворотным. Я верю, что похожая модель может доказать свою полезность в качестве инструмента трансформации и в более широком масштабе. **Л а с л о** : Мы возвращаемся к теме революции в сознании, ставшей лейтмотивом нашей беседы. Итак, возникает впечатление, что возможность выйти за пределы сценария конца света лежит в преобразующих переживаниях, в результате которых эволюционирует наше сознание, и мы начинаем иначе относиться друг к другу и к природе. У этой возможности много измерений и много последствий. Может быть, мы обсудим некоторые из них сегодня во второй половине дня.

ВТОРОЙ ДЕНЬ ПОЛДЕНЬ

Мир и личность

О рождении и развитии — вращение в новый мир

Л а с л о : В начале этого века Герберт Уэллс сказал, что облик будущего определится исходом гонки между ростом просвещения и надвигающейся катастрофой. Нечто похожее мы видим и сегодня в гонке между ростом нового сознания и грозящим нам катаклизмом. Такая ситуация значительным образом сказывается на просвещении. Как можно приспособить воспитание детей от самого рождения к миру, в котором мы живем? Как заставить истеблишмент системы просвещения осознать, что мы практически подошли к критической точке, к порогу в нашей коллективной эволюции, и что у нас есть потенциальные способности влиять на ход этой революции или по крайней мере на ее общее направление? В большей части мира истеблишмент системы образования отличается невероятным консерватизмом и инерцией.

Г р о ф : В сфере воспитания детей и просвещения можно сделать очень много всего, помимо внедрения технологий трансформации и усилий по изменению парадигм. Проводимые в последние десятилетия исследования сознания показали, что наши паттерны мышления, эмоциональной жизни и поведения программируются нашей собственной ранней историей — причем не только младенчеством и детством, что хорошо известно из фрейдистского психоанализа, но и обстоятельствами нашего биологического рождения и даже пренатальной стадией. Улучшение физической и эмоциональной гигиены периода беременности и изменение постнатальных практик могло бы оказать далеко идущее влияние на человечество.

Есть убедительные основания для того, чтобы полагать, что обстоятельства рождения играют важную роль в становлении будущих склонностей к насилию или саморазрушению, либо, напротив, к проявлению заботы и здоровым межличностным взаимоотношениям.

Французский акушер Мишель Одэн отстаивает в своей книге точку зрения, согласно которой этот перинатальный импринтинг способен ориентировать нашу эмоциональную жизнь в направлении любви или ненависти. Одэн иллюстрирует состоятельность такого предположения с помощью истории развития нашего биологического вида.

Процесс рождения имеет два разных аспекта, связанных с конкретными гормонами, и оба очень важны для выживания. Стрессовые переживания матери во время родов управляются главным образом адреналиновой системой. Механизмы адреналина и норадреналина сыграли важную роль и в эволюции всего нашего вида, будучи медиаторами агрессивных и защитных инстинктов роженицы в те времена, когда роды проходили в естественной среде. Благодаря им женщина сразу после родов могла быстро перейти к борьбе или к бегству, если этого требовала ситуация, например, нападение хищника. Однако необходимость в этом механизме отпала с тех пор, как созданы безопасные условия для родов. На сегодняшний день это эволюционный анахронизм.

Второй связанной с рождением задачей, равным образом важной с эволюционной точки зрения, является формирование связи между матерью и новорожденным. В этом процессе участвуют гормон окситоцин, ответственный за материнское поведение у животных и людей, и эндорфины, культивирующие привязанность и эмоциональную зависимость. Сходное воздействие оказывает гормон пролактин, играющий вспомогательную роль при кормлении грудью. Суматошная, шумная и хаотичная обстановка, царящая во многих больницах, вызывает ассоциации с опасностью, смертью, угрозой выживанию, порождая тревожность и без всякой необходимости запуская механизмы адреналиновой системы. Подобно ситуации в джунглях в доисторические времена, это провоцирует агрессивность, впечатывая в сознание картину потенциально опасного мира, и негативно влияет на процесс формирования связей между матерью и младенцем.

С другой стороны, тихая, безопасная и огражденная от вмешательств обстановка во время родов порождает атмосферу безопасности, способствующей формированию паттернов заботы и доверия. Она закладывает пред-посылки для заботливого поведения, проявлений любви, сотрудничества и синергии. Радикальное улучшение обстоятельств, при которых проходят роды, способно оказать чрезвычайно важное позитивное воздействие на эмоциональное и физическое благополучие человеческого вида в целом и смягчить патологические формы поведения, угрожающие в наши дни уничтожить саму основу жизни на планете. Было бы весьма уместно начать именно с этих изменений.

Р а с с е л : Стэн, ранее вы говорили о том, насколько важны влияния, оказываемые на нас в раннем детстве. Это еще одна сфера, в которой можно было бы инициировать глубокие изменения в человечестве. Тот

факт, что раннее детство оказывает сильнейшее воздействие на становление личности, известен уже столетие; он лежит в основе многих видов психотерапии. Мы можем не только помогать людям справляться с воздействием детских переживаний на их жизнь и освобождаться от некоторых нежелательных влияний этого рода, но и во многом изменить воспитание детей, с тем чтобы они становились психологически здоровыми взрослыми.

Так же как и идея родов в естественной обстановке, изменение подхода к воспитанию уже имеет своих сторонников. Некоторые мои друзья в конце шестидесятых и начале семидесятых применяли свои изменившиеся взгляды на этот вопрос к воспитанию собственных детей. В частности, они не наказывали их, когда те совершали ошибки, но старались помочь им достичь понимания; обеспечивали им возможность большей эмоциональной близости; общались с ними как с юными людьми, а не как с безмозглыми младенцами. Сегодня их дети стали уравновешенными и здоровыми в умственном отношении взрослыми людьми. У них есть собственные семьи, и они обращаются со своими детьми в том же духе и даже еще лучше, поскольку в целом у них гораздо больше понимания важности этих вопросов, чем у их родителей. Могу сказать, что речь идет о самых замечательных, светлых, добрых, заботливых и осознающих молодых людях, которых я когда-либо встречал.

Это пример того, как начинает разрываться порочный круг. Дети, вырастающие в несостоятельной семье, усваивают несостоятельную модель поведения и легко становятся несостоятельными родителями. Если учить людей воспитывать своих детей с большей заботой, этот круг можно разорвать, тем самым оказав на общество серьезное и долгосрочное воздействие. Порой мне кажется, что это, возможно, самое важное, что мы можем сделать для общества.

Г р о ф : Но образование является лишь частью проблемы. Недостаточно лишь знать, что надо сделать. Требуется нечто гораздо большее — суметь это сделать. А это предполагает подлинную эмоциональную трансформацию родителей.

Л а с л о : Этот порочный круг особенно сильно сказывается в формальном школьном обучении. Преподаватели учат детей тому, чему учили их самих, когда они были учениками, и что вызывает у них ощущение комфорта. Истеблишмент системы просвещения очень трудно довести до восприятия новых знаний. Этим должны были бы заниматься сами первопроходцы этих знаний, но они очень редко оказываются в положении, в котором могли бы стать влиятельными педагогами. Как правило, те, у кого возникают новаторские идеи, не слишком хорошо справляются с разъяснением и передачей этих идей. Очень важно, чтобы система просвещения стала намного более гибкой, чем сейчас, намного более открытой к усвоению новых и состоятельных идей, от кого бы они ни исходили.

Г р о ф : Это верно, наши институты просвещения ориентированы неправильным образом и обучают устаревшему мировоззрению, что поддерживает и усугубляет царящую в мире ситуацию. Вот вам пример: в том, как преподают историю, учеников никак не учат ценить духовные,

надличностные ценности. В качестве важных фигур им преподносят Чингисхана, Наполеона, Гитлера и Сталина. На школьных уроках истории нечасто услышишь о Будде. Огромный акцент делается на конфликте, борьбе и конкуренции, на том, кто выигрывает и кто проигрывает. Причем в целом больше всего совершенно необоснованного внимания получают негативные персонажи.

Р а с с е л : Да, очень многое из того, что мы здесь обсудили, не было бы с воодушевлением принято в системе просвещения, где принято смотреть на мистические переживания как на нечто совершенно оторванное от этого мира. Призыв к передаче школьникам знаний об измененных состояниях сознания, скорее всего, наткнулся бы на стену враждебности.

Г р о ф : При попытке обучать трансперсональным, подлинно духовным знаниям вы бы натолкнулись на сопротивление со стороны не только материалистически настроенных ученых, но и организованных религий.

Л а с л о : И тем не менее, сам факт, что мы можем провести подобную дискуссию, а затем и опубликовать ее, указывает на существование интереса к этим темам. Не исключено, что лет пять-десять тому назад у нас не было бы даже такой возможности.

Г р о ф : Я настроен оптимистично — по крайней мере, сдержанно оптимистично — особенно учитывая то, что какие-то мощные, хоть и не очевидные, факторы, возможно, действуют где-то за кулисами.

Л а с л о : О, в меня это вселяет по-настоящему большую надежду. Если такие факторы действительно есть, они будут проявляться все больше и больше!

Однако в настоящий момент меня заботит более непосредственный и срочный вопрос: как нам добраться не только до системы просвещения, но и до всей общественной информационной структуры, особенно до печатных и электронных средств массовой информации? В наши дни СМИ жаждут в первую очередь сенсационных сообщений, поскольку их особенно легко продать широкой публике. "Настоящими" новостями для них являются те, в которых содержится агрессия или катаклизм, или те, что проистекают из высказываний и поступков небольшого числа общественных фигур. Что же касается процессов, лежащих в основе мира и определяющих его форму, то они просто не достигают общественного сознания, поскольку деятели средств информации не считают, что они достойны быть освещенными в новостях. Разумеется, если сосредоточить свое внимание на положительных сторонах ситуации, можно указать на тот факт, что уже несколько лет существуют телевизионные программы и новостные сообщения, касающиеся проблем окружающей среды и ресурсов, демографии, развития и т.д. Подлинный рост осознанности, несомненно, имеет место, но темпы его слишком низки для того, чтобы привести к существенным и эффективным переменам.

Г р о ф : В нашей культуре СМИ обладают колоссальной силой в распространении информации и формировании общественного мнения. Я чувствую, что в этом отношении мы приближаемся к критическому поворотному пункту. Еще в недавнем прошлом они решительно и

единодушно дискредитировали и высмеивали все, что касалось "новой эры", понимая под этим практически любой вызов привычному для истеблишмента способу мышления и поведения — от предложенной Дэвидом Бомом голографической модели вселенной до марафонов нудистов, созерцания кристаллов и исследования магической силы пирамид. В последнее время ситуация стала значительным образом меняться. Все чаще в списке бестселлеров появляются книги на трансперсональные темы, быстро растет количество кассовых фильмов с трансперсональной направленностью. Издатели начинают осознавать, что людей очень волнуют эти вопросы, и поэтому на них можно делать деньги. Работников медиа изумляют растущие рейтинги таких трансперсонально-ориентированных программ, как диалоги Билла Мойера с Джозефом Кэмпбеллом. Рейтинги говорят на языке, который понятен деятелям средств информации и на который они охотно откликаются. А когда они начинают осознавать, что те или иные темы действительно живо интересуют многих людей, в обществе начинают происходить очень быстрые перемены.

Л а с л о : Но как можно запустить быстрое и своевременное разворачивание этого процесса?

Г р о ф : Огромные изменения уже произошли. К примеру, озабоченность проблемами окружающей среды и интерес к натуральным продуктам питания, которые еще совсем недавно воспринимались как смехотворные причуды хиппи, сейчас практически вошли в состав идеологии мейнстрима. И это произошло не оттого, что кто-то взял и составил блестящую стратегию оказания воздействия на общественное мнение и в отношении средств информации. К этому привели изменения, происходившие посредством самых различных механизмов в десятках, сотнях и тысячах людей, таких, как вы и я. Каждый из нас по отдельности — лишь песчинка в пустыне, но вместе мы оказываем существенное влияние.

Р а с с е л : Многие тысячи людей делают то, что, по их ощущению, является правильным. И правильных действий тоже много разных. Вот вы, Стэн, выполняете свою работу и чувствуете, что для вас правильно ею заниматься и стараться осуществлять ее наилучшим образом. Это же верно и в вашем случае, Эрвин, как и в моем собственном. Все мы вносим свой вклад по мере своих сил, и нас поддерживают сотни и тысячи других людей, также вносящих свой вклад, делающих то, что каждый из них считает для себя правильным. Критически важно понять, как каждый из нас мог бы выполнять то, чем он занимается, с большей эффективностью, большим воздействием на других. Чем эффективнее я справляюсь со своей собственной работой, тем больше она ускоряет изменения, происходящие в других людях. И чем эффективнее другие делают свою работу, тем в большей степени она влияет на меня.

Для меня, как писателя, одна из самых больших радостей — слышать от людей, что нечто, написанное в моих книгах, произвело на них глубокое воздействие, что это было для них чем-то вроде частички мозаики, попавшей на свое место. Я уверен, что вы, Стэн, чувствуете то же самое, получая обратную связь от людей, прошедших ваши дыхательные семинары. Мы все собираем по кусочку мозаику, которая позволит нам

сделать свою жизнь более осмысленной, счастливой и здоровой, наполнить ее большей взаимной заботой. Ценно каждое, даже самое крошечное, звено мозаики. Порой именно оно может внезапно объединить все остальные ее части, приведя к прорыву или духовному пробуждению.

Если бы мы полагали, что наша задача — менять других, это означало бы, что мы упускаем главное. Мы считали бы себя какими-то особенными, имеющими право командовать и контролировать ситуацию. Все мы — части одного и того же рисунка. Каждый из нас должен задать себе главный вопрос: как я могу привести свою собственную жизнь в большее соответствие с этим рисунком? Что я должен сделать, чтобы моя крошечная, стотысячная доля была способна хоть в какой-то мере ускорить этот позитивный сдвиг?

Л а с л о : Фактически, Пит, вы утверждаете, что если каждый из нас будет наилучшим образом справляться со своей частицей целого, то в результате мы получим мощный и действенный процесс.

Г р о ф : Я согласен с этим, но хотел бы добавить, что наблюдать ситуацию со стороны, полагаясь исключительно на внешнее воздействие, недостаточно. К этому необходимо подключить и внутреннюю работу. К.Г. Юнг, и не он один, подчеркивал необходимость дополнять любую нашу внешнюю деятельность систематическим самоисследованием и зондированием бессознательной области своей психики. Он говорил о потребности подсоединиться к более высокому аспекту себя, своей самости, подключаясь к мудрости коллективного бессознательного и доступным нам духовным ресурсам. Получаемые нами в этом процессе глубокая информация и энергия помогают выработать правильные жизненные стратегии в мире.

Л а с л о ; Как было сказано здесь вчера, то, что мы совершаем “внутри”, воздействует на “внешнее”. Однако, как мы уже отмечали, если бы люди больше ценили взаимосвязь между внутренним и внешним, они бы проявляли больше ответственности во внутренней работе, тем самым увеличивая свои шансы на успех в деятельности внешней.

Р а с с е л : Я, как и вы оба, Эрвин и Стэн, верю, что бывают чудеса. Но мы не можем *заставить* их случаться, мы можем лишь учиться *позволять* им происходить. Судя по всему, это можно делать, развивая правильное внутреннее устроение, правильное состояние сознания.

Ранее мы говорили о синхронистичности, и я высказал предположение о высокой степени соотносительности между внутренним состоянием и синхронистичными проявлениями во внешнем мире. Я не могу по своей воле вызывать синхронизмы — они по самой своей природе случайны и находятся за пределами моего контроля и влияния. Но я могу ввести себя в такое состояние сознания, которое позволяет им происходить.

Может быть, это верно и на коллективном уровне. Чем выше наш общий уровень сознания, тем больше возможность различных неожиданных чудес. Мы можем не иметь ни малейшего представления о том, какими именно они будут и когда именно произойдут, но, заботясь о своем внутреннем благополучии, мы сможем увеличивать шансы на их проявление.

Л а с л о : Ваши слова напомнили мне связанное с музыкой переживание, которое бывало у меня в мои юные годы. Когда вы исполняете музыкальное произведение — необязательно на публику, можно делать это и для самого себя, — если все идет правильно, то произведение разворачивается так, как оно должно разворачиваться, а не так, как вы этого сознательно хотите. Музыка спонтанно выстраивается в некий паттерн, и вам трудно избавиться от ощущения, что вы являетесь частью ее движения, что вы подключены к ней. Это изумительное чувство. Его невозможно вызывать по желанию, но можно делать что-то для того, чтобы подготовиться к нему. Потому что, если вы не подготовлены, этого не произойдет. Но когда это происходит, вам надо “оставаться в потоке силы”. Возможно, такая сила действительно существует и мы должны учиться двигаться вместе с ее течением. Можно ли научить людей этому?

Р а с с е л : Думаю, да. Я знаю из собственного опыта, что именно мешает мне быть в ладу с силой, как бы мы ее ни называли. Это мое собственное сопротивление, моя зажатость, проистекающая из моих страхов. Страх бывает полезен, когда что-то угрожает биологическому благополучию, но в современном западном мире мы избавились от большей части физических опасностей. На нас нечасто нападают дикие животные; нам редко приходится убегать, спасая свою жизнь. В большинстве случаев переживаемые нами страхи являются психологическими, причины которых — наша обусловленность своими концепциями и следы переживаний наших ранних лет. Мы боимся того, что другие могут подумать о нас, мы боимся лишиться ощущения безопасности, утратить контроль и т.д. Эти и им подобные страхи и мешают нам жить полной жизнью, быть в потоке. Глубоко внутри себя мы все время находимся начеку, на случай, что наше чувство психологического благополучия окажется под угрозой.

Нечто чрезвычайно важное, что мы можем сделать ради себя, это обнаружить эти страхи, увидеть их такими, какие они есть, и научиться жить без них. Я знаю из опыта, что чем отчетливее я вижу беспочвенность своих страхов, отсутствие у них реальной субстанции, тем реже они вмешиваются в мои взаимоотношения с внешним миром, мое общение с людьми, мое реагирование на их поступки. Чем больше я способен отпустить страх, тем полнее я могу жить, пребывая “в потоке”.

Г р о ф : Самым значительным препятствием этому виду открытости является история травматических переживаний, ведущих к формированию эмоциональных и физических блоков, к возникновению отделяющего нас от остального мира панциря, о котором говорил Райх. Есть способы растворять этот панцирь, освобождаясь от травматических отпечатков в своем сознании и становясь более открытым по отношению к другим людям, природе и космосу.

Л а с л о : Становятся ли люди, прошедшие через надличностные переживания, лучше в качестве членов сообщества?

Г р о ф : Не обязательно после одной сессии переживаний, хотя иногда случается и такое. Мне доводилось видеть, как жизнь человека полностью менялась после одного-единственного мощного психоделического или холотропного переживания. Но это, разумеется,

нельзя считать правилом. Вероятность позитивной трансформации значительно возрастает, когда индивид занят последовательным и систематическим личным поиском.

Л а с л о : Не хотите ли вы сказать, что людям необходимы целые серии надличностных переживаний, которые длятся неделями, месяцами или даже годами?

Г р о ф : Именно так. Я сам открыл существование трансперсональной сферы, благодаря своей клинической работе. И я неоднократно видел, что люди приступают к этому процессу как к терапии после того, как пережили ситуацию, связанную с эмоциональным и психосоматическим дискомфортом, но в результате последовательности сессий неожиданно открывают нуминозные измерения собственной психики. После этого их главной заботой в процессе становится уже философский и духовный поиск смысла, а не просто терапия. Зачастую поиск приводил их к полной переориентации отношения к себе, другим, природе и к жизни в целом.

Новая карта реальности?

Л а с л о : Сознание изменяется, способствуя появлению новых прозрений. В связи с этим я хотел бы предложить вам обоим обсудить вопрос, кажущийся мне особенно интересным и важным, — вопрос о нашем представлении о мире. На данном этапе оно выглядит весьма фрагментарным, полным расколотости и зазоров между разумом и телом, между внутренним и внешним, между человеком и миром...

Г р о ф : Эрвин, мне кажется, вы клоните к тому, что нам необходима исчерпывающая парадигма, способная интегрировать, свести воедино все наши расколотые представления.

Л а с л о : Мы уже говорили о смене парадигм в науке. Теперь мы можем пойти дальше. Что это за парадигма, возникновение которой мы можем ожидать? В какой парадигме мы на самом деле нуждаемся? Очевидно, новой парадигме придется интегрировать нашу нынешнюю фрагментированную карту реальности. Она должна вобрать в себя все знание, накопленное естественными науками, особенно новой физикой, и внести его в контекст гуманитарных и общественных наук. Подобный парадигматический сдвиг может оказаться критически необходимым, поскольку мы живем во времена нестабильные и чрезвычайно чувствительные к любой "флуктуации", к любым новым идеям, мировоззрениям и ценностям, какими бы незначительными они ни казались сами по себе. В такой ситуации может появиться и новый Гитлер и новый Мессия. Мы должны осознавать силу, лежащую как в самих идеях, так и в деятельности по их распространению, особенно если они соответствуют величайшим нуждам нашего времени. Речь идет о распространении парадигм, способных оказать позитивное воздействие на человечество и на мир в целом.

Г р о ф : Я усматриваю проблему в том, что базовые элементы и концептуальные строительные блоки старой парадигмы выглядят весьма логичными и очевидными, и для большинства людей они гораздо понятнее. Фундаментальные принципы ньютоновской механики легко

воспринимаются и кажутся согласующимися со здравым смыслом, поскольку они конгруэнтны нашему повседневному мировосприятию. Понимание же новой парадигмы, как следует ожидать, может потребовать разносторонней осведомленности в широком диапазоне дисциплин, включая высшую математику, квантовую физику и физику относительности. Кроме того, ее основополагающие принципы противоречат интуиции, по крайней мере пока мы находимся в обычном состоянии сознания.

Примером может служить ваша собственная работа, Эрвин. Вас отличает экстраординарное владение научными знаниями и способность творчески соотносить друг с другом данные из самых разных дисциплин. Но то, что вы пытаетесь объяснить, среднему читателю крайне трудно понять без обязательной предварительной подготовки. Вопрос в том, как перевести эти концепции на обычный язык и представить их таким образом, чтобы они могли обогатить среднего человека.

Л а с л о : В отношении способности новой парадигмы к распространению я настроен несколько более оптимистично, чем вы, Стэн. Мне она не представляется более сложной, чем старая: в основе своей она очень проста. Мы уже упоминали здесь Альфреда Норта Уайтхеда. Недавно один из его учеников и сам по себе тоже великий философ Стивен Пеппер написал книгу о "мировых гипотезах", где он показывает, что в общей сложности существует лишь с полдюжины основных мировых гипотез, то есть способов последовательно мыслить о себе и о мире. Та, которая зарождается в настоящее время, представляет собой гипотезу органичности, уподобляющую мир живому организму. Организмами являются не только отдельные люди, но и вся биосфера, и даже вся вселенная. Это весьма естественный способ мышления. Как только вы начинаете проникаться им, все становится на свое место. Я часто сталкивался с этим явлением: вы делаете некое открытие, которое на первый взгляд лишено всякого смысла, но как только вы меняете ракурс и смотрите на него под другим углом, оно внезапно оказывается частью более широкого контекста — того, который Грегори Бейтсон называл "объединяющим паттерном".

Органичная гипотеза выглядит новой, но в действительности это очень старая идея. Она лишь возвращается к нам в новом обличье — более конкретном и убедительном, подкрепленном современными науками. Однако понять ее совсем не трудно. Просто наше образование было основано не на этой идее, а на ньютоновском механистическом мировоззрении.

Г р о ф : И вы не видите проблемы в том, что ньютоновская картина мира в большей степени согласуется с повседневным восприятием действительности и выглядит очевидным и логичным способом мироописания?

Л а с л о : Оно кажется таковым лишь людям, воспитанным в западном или вестернизированном мире.

Г р о ф : Я неоднократно сталкивался с тем, что в мистических состояниях люди обретают непосредственный эмпирический доступ к альтернативному восприятию и пониманию мира. Надличностные

переживания способны пробуждать нас от того, что Вильям Блейк — не вполне справедливо по отношению к Ньютону — называл “сном Ньютона”. Тем не менее, у меня нет никакой уверенности в том, что новую органичную модель вселенной на самом деле можно, используя одни лишь интеллектуальные средства, довести до понимания людей, не имевших непосредственных переживаний, которые указали бы им такое направление. В особенности, когда они так глубоко запрограммированы гипотезой противоположного характера.

Если новые способы мышления удастся соотнести с присущим западной культуре мифологическим видением, ситуация, конечно, будет выглядеть иначе. Этим вопросом особенно сильно интересовался Джозеф Кэмпбелл. Изучая культуры прошлого, он пришел к выводу, что все они поддерживались и стимулировались мощными мифологическими видениями. Он пытался найти от-

вет на вопрос, возможно ли прямо сейчас идентифицировать доминирующий мир нашей культуры или же это будет сделано лишь тогда, когда она уже отойдет в прошлое. Что это за миф, в котором мы живем? — спрашивал Кэмпбелл. Можем ли мы его распознать? Можно ли как-то вынести на поверхность, чтобы можно было сознательно черпать из него вдохновение?

Р а с с е л : Ориентированный на механистичность западный ум при восприятии органичной модели сталкивается еще с одной проблемой, которая состоит в том, что она сопричастна, что она побуждает нас ощущать себя частью живой вселенной. Наши редукционистские модели и так называемый здравый смысл ведут нас в противоположном направлении, отделяя от целого.

Г р о ф : Многие культуры успешно существовали в сопричастной вселенной, воспринимая себя частью всего остального, которая связана со всем остальным. При этом их ритуалы перехода, мистерии и духовные практики обеспечивали доступ к надличностным переживаниям. В таких культурах переживания этого рода были несравнимо более доступными, чем в нашей.

Л а с л о : Источником проблемы являются наши фрагментарные институты и способы существования, не дающие доступа к интегрированным, холистическим, соучастным переживаниям. Подступающий к нам кризис станет преобразующим тиглем для западного образа восприятия себя и мира. Он продемонстрирует взаимосвязанность и взаимозависимость всего и утвердит новое мировоззрение. Однако вопрос вопросов в том, как донести до сознания широкой общественности это органичное мировосприятие без того, чтобы ей пришлось учиться ему трудным способом.

Р а с с е л : Большинство не желает посмотреть в упор на недостатки нынешней модели. Они не отпускают взлелеянные убеждения и поведенческие паттерны, если их не вынуждает к этому ситуация, но тогда может быть слишком поздно.

Нечто подобное происходит и на индивидуальном уровне. Врач может сказать человеку, ведущему нездоровый образ жизни, что он должен меньше курить, изменить питание, больше заниматься физическими упражнениями и т.п. Но люди, если они не видят никаких внешних

знаков неблагополучия, склонны игнорировать эти рекомендации. До тех пор, пока не происходит какая-нибудь неприятность, они не видят никакой необходимости в изменениях. Потом может случиться сердечный приступ, развиться рак или другое заболевание, и это заставит их прислушаться к тому, что им говорили в течение последних десяти лет. А пока жизнь наша комфортабельна, мы не желаем делать ничего из того, что кажется нам чересчур неудобным. Необходимость в переменах доходит до нас лишь тогда, когда все уже очень плохо. Поэтому, судя по всему, нам остается лишь уповать на то, что кризис разразится как можно раньше и что он будет достаточно мощным, чтобы пробудить нас, но недостаточно — для того чтобы нас уничтожить.

Л а с л о : Это трудно осуществить в реальном мире.

Р а с с е л : Я не утверждаю, что мы должны осуществить это. Я хотел лишь отметить, что обычно мы не

беремся за ум до тех пор, пока ситуация не станет слишком скверной. Разумеется, не каждому необходимо заболеть для того, чтобы начать меняться; есть и такие люди, которые прислушиваются к советам и меняются заблаговременно. Именно такое отношение мы и должны поощрять на глобальном уровне.

Л а с л о : Я согласен с вами. Но это лишь подчеркивает настоятельную потребность в новом взгляде на себя и на мир, то есть на новой карте реальности. Стэн, вы в своих книгах пишете о новой картографии сознания. Не следует ли из этого и новая картография космоса? Если в сознании есть поразительные аспекты, и если сознание связано с космосом, то вполне можно предположить наличие необычных аспектов и в космосе. Это должна быть картография, отличная от общепринятой.

Г р о ф : Новая, существенная расширенная карта психики, о которой я говорил и писал, в то же время является и новой картой реальности, поскольку две категории переживаний, которыми она обогащает традиционную картографию, рассматриваются в ней не как патологические нарушения, а как аутентичные аспекты существования как такового. Содержание переживаний, относящихся к первой из этих категорий, описывает привычный нам из повседневной жизни мир, но воспринимаемый с радикально иной точки зрения. Вместо того чтобы переживать его разнообразные элементы как объекты, мы становимся ими. И, как это ни странно, становясь ими, мы получаем доступ к новой и совершенно незнакомой ранее информации о них. Это радикально иной способ приобретения знаний о вселенной — мы не регистрируем различные качества внешних объектов посредством своего сенсорного аппарата с дальнейшим анализом и синтезом полученной информации, но становимся самими этими объектами.

Переживания второй категории еще более удивительны. В них фигурируют измерения реальности, существование которых отрицается западной индустриальной цивилизацией. Я говорю о мифологическом измерении существования, архетипических существах и областях, к которым древние и туземные культуры относились как к божественным. В момент переживания они столь же реальны или даже более реальны, чем наш повседневный опыт материального мира. И они тоже способны поставлять новую и точную, неизвестную прежде информацию.

Л а с л о : Складывается впечатление, что посредством таких переживаний мы обретаем совершенно иную картографию реальности.

Г р о ф : Совершенно верно. Ведь, в сущности, мы говорим о коллективном бессознательном Юнга или, как минимум, об одном из его важных аспектов. Другой интересный его аспект — это область, содержащая запись полной истории человечества. Взгляды Юнга на архетипические области не всегда отличаются ясностью. Первоначально он считал их чем-то изначально встроенным в "аппаратное обеспечение" мозга. Это в какой-то мере напоминает предрасположенность к инстинктивному поведению. В других случаях он ссылается на нее как на общее культурное наследие человечества. Еще позже Юнг стал рассматривать архетипы в качестве космических паттернов, превосходящих реальность консенсуса.

Данные, полученные при изучении неординарных состояний сознания, значительно подкрепляют третью точку зрения. Они дают основания предполагать, что область архетипов расположена между реальностью консенсуса и недифференцированным сознанием космического творческого принципа. К примеру, архетип Великой Матери-Богини подобен универсальному трафарету, находящему свое конкретное выражение в конкретных матерях.

В этой связи вспоминаются проходящие в наши дни философские дебаты между номиналистами и реалистами вокруг платоновской концепции идей. Номиналисты считают их абстрактным прообразом широкого диапазона конкретных объектов, и лишь последние для них являются реальными. Между тем, реалисты убеждены, что где-то на самом деле есть область, в которой платоновские идеи ведут реальное самостоятельное существование. Так или иначе, в измененных состояниях мир архетипов переживается весьма убедительным образом. Мы можем посещать множество различных архетипических областей, населенных мифологическими существами, точно так же, как материальный мир населен людьми, животными и растениями. Архетипические существа пребывают, по-видимому, на гораздо более высоких энергетических уровнях и окружены отчетливой аурой нуминозности. Представляется очевидным, что они принадлежат к более высокому порядку, однако влияют на события на нашем уровне. Поэтому древние и туземные культуры считали их богами. Такое отношение к архетипам очень легко понять.

Л а с л о : Стэн, могли бы вы привести примеры из более близких к нам времен?

Г р о ф : Много лет назад вышел очень интересный фильм о Ясоне, аргоннтах и поисках золотого руна. Сюжет его разворачивался на двух различных уровнях. На материальном уровне с Ясоном и его путниками случались разнообразные приключения. На другом уровне — в мире олимпийских богов — происходили свои события: конфликты, напряжения, любовные истории и т.п. Между уровнями существовала отчетливая взаимная связь. У каждого божества была своя сфера влияния на земле, свои любимцы и свои враги среди людей. События мира богов проецировались на материальный уровень, сталкивая человеческие персонажи с бурями, свирепыми животными и другими опасностями либо принося им различные подарки судьбы.

Сходная концепция лежит в основе представлений лучших представителей астрологии. Согласно их идеям, события, происходящие как в нашей психике, так и во внешнем мире, являются выражением архетипической динамики, которая, в свою очередь, соотносится с движением и положением планет. Поскольку планеты наблюдаемы, мы можем извлекать из этого наблюдения выводы о происходящем в мире архетипов, а также получать косвенную информацию о том, чего можно ожидать в материальной сфере. Эти связи по природе своей синхронистичны и не имеют ничего общего со случайностью. Поэтому материалистическим ученым, жестко ограниченным мышлением в терминах причины и следствия, так трудно допустить возможность, что в астрологии может быть какая-то ценность.

Л а с л о : Идеям Юнга присущ элемент, сходный с такими представлениями. Как хорошо известно, Юнг сформулировал свою концепцию архетипа в сотрудничестве с Вольфгангом Паули. Юнгу не давал покоя тот факт, что в то время как его собственное исследование человеческой психики ведет к встрече с такими "неприличными" объектами, как архетипы, исследование в области квантовой физики точно так же приводят к "неприличным" микрочастицам физической вселенной — к сущностям, которые, по всей видимости, полностью объяснить невозможно. Юнг пришел к заключению, что существование двух "неприличностей" вполне допускает возможность того, что в действительности речь идет не о двух различных явлениях, а об одном и том же. Согласно Юнгу, этим общим и единственным фактором, лежащим в основе всего и объединяющим мир физики и психологии, является *units mundus*, единый мир. Это значит, что области разума и материи — *psyche* и *physis* — являются дополняющими друг друга аспектами одной и той же трансцендентальной реальности всеохватного *units mundus*. Архетипы представляют собой фундаментальные динамические паттерны, разнообразные проявления которых характеризуют и ментальный, и психический процессы. В ментальной сфере они организуют образы и идеи; в физической — структуры и преобразования материи и энергии. Однако фундаментальная реальность — это *unus mundus*, не являющийся сам по себе ни психическим, ни физическим. Он лежит за пределами обеих этих сфер. В данном контексте нетрудно вспомнить выдвинутую в более поздние времена идею имплицитного порядка, также подразумевающую трансцендентную область за пределами пространства и времени, где все сведено воедино. Их разделяет лишь наше взаимодействие с эксплицитным порядком, который "разворачивается" в пространстве и времени.

Г р о ф : Сходные представления фигурируют и в процессуальной философии Уайтхеда, согласно которой все прошлое вселенной присутствует в каждом новом мгновении, в каждом конкретном "сейчас", как часть причинно-следственной действенности. Уайтхед находит место и для Бога, а также для иных так называемых вечных объектов. Читали ли вы недавно вышедшую книгу Рика Тарнаса "Страсть западного ума" (электронная версия выложена на сайте "Истина освободит вас" <http://MARSEX.narod.ru>)?

Л а с л о : Я читал. Рик описывает там историю европейской мысли, обсуждая взаимоотношения между двумя уровнями реальности: общеизвестной, эмпирической — и архетипической, платоновской, или высшей, реальности. Кстати, он показывает, что ход европейской истории систематически обнаруживает корреляцию с положением планет. Например, Уран всегда фигурирует в ситуациях, когда великие, прометеевские личности, вроде Ньютона, Декарта, Фрейда, Юнга или Дарвина, совершают прорывы.

Р а с с е л : Позволяет ли эта корреляция делать астрологические предсказания о времени свершения следующего прорыва?

Г р о ф : Она делает возможными архетипические прогнозы о качествах действующих энергий, но не конкретные предсказания. В таком прогнозировании остается место для определенной степени творчества и игры в пределах конкретной природы архетипов. Например, сейчас мы движемся в тройной связке с участием Урана, Нептуна и Юпитера. В астрологических терминах Уран, помимо прочего, соотносится с прорывами и революционными преобразованиями прометеевской природы.

Нептун связан с растворением границ и с мистическим сознанием. Юпитер, в свою очередь, расширяет и увеличивает все, что вступает с ним в контакт. Поэтру мы можем прогнозировать, например, что такая комбинация астрологических архетипических энергий выразится в крупномасштабной духовной революции океанической природы с растворением и трансценденцией границ. Первыми симптомами этого архетипического влияния были падение Берлинской стены, объединение Германии, освобождение Восточной Европы и распад советской сверхдержавы.

Все это сильно отличается от революционного процесса шестидесятых годов. Он тоже происходил во время тройной связки — но с Плутоном вместо Нептуна. Плутон выражает дионисийскую энергию, связанную с сексом, смертью и возрождением, он приводит в действие динамические силы. Революционный импульс тех лет характеризовался иным качеством и привел к кровавым столкновениям с полицией и властями.

Следует добавить, что Рик Тарнас написал также небольшую книжку "Прометей пробуждающий" о роли Урана в научных, артистических и общественных революциях. Там приводится, в частности, пример прорыва в духе Урана, когда за один год Эйнштейн написал три брошюры, которые полностью перевернули физику. Тарнас сравнивает этот период с другим, уже под влиянием Сатурна, когда Эйнштейн вел теоретические споры с Нильсом Бором и отстаивал весьма консервативное отношение к развитию квантовой физики. Подобный же урановский прорыв совершил Дарвин, когда на его судне "Бигль", достигшем Галапагосских островов, его посетило внезапное озарение об эволюции видов.

Л а с л о : В мире природы существуют связи, перед пониманием которых разум бессилён. Видимо, в природе действуют какие-то тонкие силы и энергии, о которых у нас нет пока эмпирического знания, хотя может быть знание символическое.

Г р о ф : Астрологическое мировоззрение само по себе не относится к конкретным силам; оно рассматривает реальность в терминах

синхронистичного порядка, а не причинных связей. Оно рассматривает космос как единую, высокоорганизованную и взаимосвязанную систему, отражающую некий грандиозный проект, разработанный высшим разумом.

Р а с с е л : В том, как астрология практикуется в наши дни, я не слишком разбираюсь, но мне интересны ее исторические корни, то, как древние видели этот мир. Мне выпала удача прожить многие годы в такой части Англии, куда не слишком доходит освещение от главных дорог и городов, и поэтому ночью там можно беспрепятственно наблюдать небо. В результате я стал хорошо понимать, как движутся планеты относительно положения звезд.

Могу сказать, что мое видение неба в основе своей совпадает с тем, которое было у людей тысячи лет назад, если не считать того факта, что их небеса были гораздо темнее, чем наши. Во время заката никакого искусственного освещения у них не было вообще, да и воздух был намного чище, чем сейчас, поэтому звезды, очевидно, выглядели куда ярче. К тому же у людей было больше времени и причин для того, чтобы смотреть на них, ведь их внимание не отвлекали телевидение, кино, компьютеры и даже книги. Половину их времени занимало одно лишь ночное небо — сверкающее и поглощающее все внимание.

Наблюдая движения планет, я заметил, что, похоже, и в моей собственной жизни все значимые события как-то соотносились с небесными конфигурациями. Одно такое событие произошло недавно, когда Луна находилась на полпути между Юпитером на одной стороне и Марсом с Венерой в связке — на другой, в то время как на востоке поднимался Сатурн. Не знаю, есть ли причинная связь между паттернами в небесах и моей жизнью; мне кажется, что эта связь скорее синхронистичная, непричинная, и тем не менее — осмысленная.

Интересно, откуда взялась астрология? Вероятно, древние время от времени смотрели на небо и видели, как планеты выстраиваются там, создавая любопытные конфигурации. Наблюдали ли и они соотношенность между небесными рисунками и событиями их собственной жизни? Если да, то вполне естественно, что они стали вычерчивать эти рисунки для того, чтобы предсказывать будущие конфигурации и связи.

Г р о ф : Мне трудно поверить в то, что астрология на самом деле развивалась путем постепенного накопления данных в результате индивидуальных астрономических наблюдений и попыток соотнести их с историческими событиями и личными переживаниями. Мне это представляется маловероятным. Подозреваю, что открытие пришло сразу, во всей своей тотальности, как просветляющее видение высшего порядка, связывающее движения планет с архетипами, а также внешними и внутренними событиями. В истории творчества есть много примеров таких откровений. Коль скоро мы уже говорим о небе и небесных телах — думали ли вы когда-нибудь о поразительном сочетании размеров Солнца и Луны и их расстояний до Земли, благодаря которому они кажутся нам примерно одинакового размера? Ведь именно это обстоятельство делает возможным такое зрелищное и незабываемое событие, как полное солнечное затмение. Доводилось ли вам это видеть?

На мое шестидесятилетие Кристина подарила мне круиз на Гавайские острова, даты которого были специально подобраны так, чтобы участники круиза смогли наблюдать полное затмение. Это было потрясающе!

Прежде я уже не раз видел частичные солнечные затмения, смотрел на Солнце через пленку или закопченную стеклянную пластинку и видел, что часть Солнца отсутствует, словно его откусили. Признаться, это не производит особенного впечатления. Полное солнечное затмение отнюдь не является еще одним шагом в том же континууме. Это совершенно отдельное, уникальное явление. Даже когда затмение достигает восьмидесяти процентов, у вас еще нет никакого представления о том, что вас ожидает. Но когда появляется так называемое "бриллиантовое кольцо" и затмение становится полным, вас словно швыряет в совершенно иную реальность. Я оказался неспособен отнестись к этому как к природному явлению, это была чистейшая магия. Было семь часов утра. Мы находились на теплоходе вместе с несколькими сотнями людей. Многие в ожидании затмения пили "кровавую Мэри" и проводили время на палубе в самых разных формах пустых развлечений. Но когда началось затмение, все были захвачены этим явлением.

Мы часто слышим, что древние и примитивные культуры так чувствительно реагировали на затмения

потому, что не знали природы происходящего. Но мы на этой палубе прекрасно понимали, что именно происходит, как, когда и почему, профессиональный астроном прочитал нам лекцию, тщательно подготовив нас к предстоящему событию. И тем не менее оно оказалось для нас потрясающим и невероятным.

Л а с л о : Мне кажется поразительным, что обычно люди не способны откликаться на достаточно часто происходящие природные явления. Например, на багровые закаты и потрясающий вид луны. Это фантастически прекрасные явления, однако люди их не замечают. Только подумайте: совершенно неожиданно наше Солнце словно проваливается за горизонт. Если смотреть на это таким образом, а не думать о том, что это всего лишь солнце и оно делает одно и то же ежедневно, нельзя не испытать изумления. Как могут люди так всецело быть поглощены своими делами, когда природа являет им столь величественные виды! Разумеется, люди искусства замечают их, но большинство людей — нет.

Г р о ф : В нашей психоделической работе мы часто наблюдали явление, которое мы называем "послесвечением". Мы встречаемся с ним и после мощных сессий холотропного дыхания. Оно может длиться несколько часов, дней или даже недель. Все это время восприятие мира резко изменено — обстановка кажется более живописной, цвета богаче и ярче, музыка звучит более чарующе, и заниматься любовью приятнее, чем обычно. Прикосновения, запахи и вкусы — все дарит массу живых ощущений, жизнь становится богатой и интересной. Блейк и впоследствии Олдос Хаксли говорили об этом явлении как об "очищении врат восприятия".

О потенциале искусства и ответственности артистов

Л а с л о : Мы заговорили сейчас о способности, характерной для людей искусства и других чувствительных и творческих людей. В этой связи возникает интригующий вопрос: может ли артист — поэт, живописец или музыкант — внести вклад в раскрытие того вида сенситивности, который так необходим сейчас для ускорения эволюции в сознании людей? Если это действительно так, то отсюда, как мне кажется, следует, что создание произведения искусства сопряжено с общественной и человеческой ответственностью. Разумеется, эта дилемма обсуждается уже многие столетия. С одной стороны, есть принцип "*l'art pour l'art*" — искусство ради самого себя, а с другой — соображение о том, что различные виды искусства способны делать для отдельного человека и даже ради человечества в целом.

Г р о ф : Последнее соображение безусловно предполагает ответственность артиста, однако не следует забывать, что для того чтобы оценить то, что может предложить артист, и поддерживать искусство в целом, требуется весьма определенная аудитория. Артист — лишь одна часть уравнения; другой его частью являются чувствительность и восприимчивость аудитории, и их необходимо культивировать. Меня очень тревожит то, как низко в этой стране ценится гуманитарная деятельность и особенно искусство. Это то, что первым приносится в жертву всякий раз, когда возникает нехватка денег. Необходимо изменить приоритеты в нашей системе просвещения в сторону большего развития и воспитания аудитории и взращивания индивидуальных творческих способностей.

Р а с с е л : В нашем обществе не учат ценить искусство или слушать музыку. Вам просто предлагают искусство, и оно либо вам нравится, либо нет. Вы не учитесь на тщательно продуманных курсах художественной оценки, которые помогли бы вам понимать то, что делают артисты, и осознавать важность их работы. Люди искусства вкладывают в свои творения сердце и душу, что-то, что имеет для них глубочайшее значение, но мы не умеем ни понять, ни оценить то, чем они пытаются с нами поделиться.

Л а с л о : Всегда есть отправитель, и есть получатель, даже если в конкретном опыте они могут быть в одном лице. Получатель, "воссоздающий" произведение искусства через собственное восприятие, в каком-то смысле тоже является артистом. Однако в современном мире существует тенденция отчуждать искусство и весь его мир от публики. Таким образом, искусство фактически хранится лишь для узкого круга избранных и посвященных.

Г р о ф : Эрвин, в своей книге "Творческий космос" вы цитируете высказывание композитора Шенберга о том, что подлинное произведение искусства предназначено не для всех, а такое произведение, которое действительно создано для всех и каждого, не является искусством.

Л а с л о : Действительно, Шенберг и многие другие артисты мыслили в терминах *l'art pour l'art*. Многие из них, хотя и не все, склонны к интровертности и не признают никаких обязательств, кроме как по отношению к своей деятельности. Они утверждают, что у искусства

собственные законы и что оно несет ответственность лишь по отношению к самому себе. Тем не менее, искусство является и элементом человеческой культуры и, как таковое, способно служить компонентой культурной трансформации. Я считаю, что сообщество артистов должно вносить в нее свой вклад, так же как и сообщество ученых и просветителей.

Р а с с е л : Артисты уже вносят свой вклад.

Л а с л о : Но относятся ли они к нему достаточно серьезно?

Р а с с е л : Полагаю, большинство артистов относятся к своей работе чрезвычайно серьезно. По какой еще причине столь многие из них избирают образ жизни, в котором так мало финансового вознаграждения?

Л а с л о : Я говорю о серьезном отношении не к тому, что они делают, а к их роли в решении грандиозных задач, о которых мы здесь говорим, к их потенциальной способности ускорить культурную эволюцию.

Р а с с е л : Я уверен, что некоторые относятся к этому вполне серьезно, но я также уверен и в том, что многие отнюдь не рассматривают свою работу в контексте изменения сознания на глобальном уровне. В целом же, как я полагаю, артисты очень серьезно относятся к своим обязательствам по отношению к собственной работе, и мне не кажется так уж важным, осуществляют ли они свою деятельность в контексте культурной трансформации. Важно, что они делают именно то, к чему испытывают сильное влечение. Таким образом, каждый по-своему способствует развитию сознания.

Л а с л о : В принципе, великое искусство, почти по определению, постигает и доносит до других какие-то формы прозрения, и это необязательно должны быть рациональные открытия, как в науке. Обычно это прозрения, для которых необходима художественная чувствительность. Благодаря ей артисты способны вытягивать свою "антенну" и воспринимать настроение и дух окружающего мира — его лейтмотив, а также значительные отклонения от него. Но артисты не только эмпирические исследователи, они и коммуникаторы. А это значит, что их ответственность выходит за рамки лишь их собственного внутреннего мира и распространяется и на более широкий мир, разделяемый другими. Их аудиторией потенциально является любое созревшее человеческое существо, поскольку — каждый человек способен извлекать пользу из эстетического видения, посредством которого люди искусства воспринимают свое время.

Г р о ф : Внимательный взгляд на историю человечества в целом и особенно на самые замечательные ее эпизоды убеждает в том, какую важную роль играют в ней визионерские состояния. Это верно не только в области искусства и религии, но также и в таких "жестких" науках, как химия, физика и даже математика. В своей замечательной книге "Высшее творчество" Уиллис Харман приводит множество примеров, иллюстрирующих это утверждение. Подлинное искусство не является продуктом человеческой деятельности в обычном смысле этого выражения, оно происходит из более глубоких духовных источников.

Р а с с е л : Утверждаете ли вы, что искусство происходит из трансцендентального уровня сознания?

Г р о ф : Да, по крайней мере лучшие его образцы. Именно поэтому артисты и способны создавать своим искусством мост, с помощью которого другие люди могут достичь трансцендентальных областей. Этот механизм напоминает тот, который используется в коанах дзена или в тибетских мандалах. Для создания коана или мандалы учитель должен находиться в особом состоянии сознания. А будучи созданными, они, в свою очередь, предоставляют доступ к этому состоянию и другим.

Л а с л о : Мне кажется, артистам важно начать осознавать потенциал своего искусства.

Р а с с е л : Зачем? Разве без этого они займутся чем-то другим? Если артист выражает свою душу, меняется ли что-то оттого, осознает он воздействие своей деятельности на других или нет? Он в любом случае будет стремиться к самовыражению.

Л а с л о : Я имею в виду не совсем эту сторону вопроса. Если артисты начнут осознавать, насколько в критической ситуации находятся они сами и их современники, и признавать способность искусства ускорить столь необходимую в наши дни эволюцию сознания, то из их гуманизма, чувства солидарности и ответственности вырастет новый вид искусства, более сконцентрированный и ориентированный на направления, благотворные для индивидуального и коллективного благополучия и развития.

Р а с с е л : Вот только будет ли это великое искусство?

Л а с л о : Это зависит от определения "великого". Я не призываю к искусству, создаваемому по команде "сверху", вроде социалистического реализма или пропагандистских плакатов. Я призываю к тому, чтобы сами артисты осознавали свою ответственность. Именно ее демонстрировали такие великие художники, как Бальзак, Дюренматт, Ионеско, Пикассо и другие. Многие артисты не идут дальше ответственности перед своим искусством, но сегодня этого мало. Как мы только что сказали, искусство является элементом культуры, культура — элементом человеческого сообщества, а человеческое сообщество нуждается в новом сознании. Таким образом, в том, что касается эволюции нынешнего сознания, общество нуждается в искусстве.

Р а с с е л : Это утверждение возвращает нас к одной из основных тем этого обсуждения. Изменения происходят в результате личного переживания — будь то определенные неординарные состояния сознания, лич-ный опыт или какие-либо другие факторы. Это верно для артиста в той же мере, как и для любого другого человека. Артисты, как и все остальные, вовлечены во внутренний процесс, ведущий к большей зрелости и мудрости. И по мере того, как они продвигаются вперед в своем собственном внутреннем путешествии, они делят свой прогресс с другими. Я думаю, мы должны положиться на них в том, что на своем пути они делают то, что кажется им самым правильным. Нашей задачей является наша собственная внутренняя работа, которую мы стараемся сделать наилучшим образом. Как я уже говорил, легко указывать другим на то, что им следует делать лучше, чем они делают сейчас, но мы должны помнить, что в чужих глазах и мы сами являемся "другими".

Г р о ф : В этом отношении я хотел бы в качестве примера ситуаций, обеспечивающих благоприятный контекст как для обмена информацией,

так и для переживаний, сослаться на семинары, которые проводит Международная Трансперсональная Ассоциация. Они регулярно проводятся в разных частях света, сводя вместе представителей самых разнообразных дисциплин, придерживающихся трансперсональной ориентации или по крайней мере питающих интерес к трансперсональной области. Среди участников семинаров есть психиатры, психологи, ученые, педагоги, священнослужители, духовные учителя, экономисты и даже политики. Пятидневная программа семинара включает в себя лекции, дискуссии, ритуалы, эмпирические сессии, дансинг и различные культурные мероприятия. В них принимают участие многие деятели искусств; кроме того, что они получают доступ к широкому диапазону трансперсональных идеи, из которых могут черпать вдохновения, у них появляется уникальная возможность получить мощные личные переживания. Никто никого не старается убедить в чем-то или наставить. Семинары осуществляются благодаря личной заинтересованности участников, а не рекламе.

Л а с л о : В искусстве общение тоже не должно основываться на наставлениях. В конце концов, артист — это человек, переживающий свою жизнь и вносящий в это переживание особенно обостренную чувствительность. Это естественно находит свое выражение в произведениях искусства, порождаемых его эстетическим опытом.

Моя идея заключается в том, что если у артиста действительно есть такая чувствительность, то он несет ответственность за ее воплощение в жизнь. Речь идет не только о его личном спасении или индивидуальном эго — на чашу весов поставлено также благополучие других людей и развитие общества.

Г р о ф : Искусство не обязано делать однозначные и всеобъемлющие высказывания для того, чтобы апеллировать к своему времени. Вспомните поразительный успех фильма "Звездные войны", в котором отнюдь не рассматривались актуальные вопросы нашей эпохи. Это была научная фантастика с глубоко архетипическими мотивами: борьба добра со злом, сообщество людей с высокими идеалами, защищающее свою свободу от посягательств со стороны империи зла, духовные ценности против дегуманизированного технократического общества, использование Силы... Все это происходит "когда-то, в некой отдельной галактике", и тем не менее, как нетрудно видеть, все это актуально и для нашей нынешней ситуации.

Л а с л о : Таких примеров немало. Например, серия фильмов о Планете Обезьян. Публика живо откликнулась на них, потому что они рассказывают о том, как над человеческим семейством в целом нависает угроза. Совершенно неожиданно наш биологический вид из-за собственной недалекости оказывается поработан другим. Через этот сюжет создатели фильма смогли передать ощущение принадлежности ко всему человечеству. Есть и другие захватывающие образцы научной фантастики, но я не вижу их непосредственной уместности по отношению к конкретным проблемам нашей планеты. Существуют темы, куда более актуальные и отнюдь не менее интересные, чем межпланетные путешествия.

Р а с с е л : Конкретный сюжет таких фильмов, как "Звездные войны", возможно, и не касается злободневных вопросов современности, но лежащие в их основе идеи весьма злободневны. Не только идея "Да будет с тобой Сила", но и многие другие: "гнев бесполезен", "ты должен преодолеть свои страхи". Эти идеи универсальны и актуальны для любых времен. Сходные серьезные сообщения, приложимые не только для персонажей в их вымышленной ситуации, но и для нас в нашем сегодняшнем дне, можно найти и во многих других удачных научно-фантастических фильмах. Возможно, это одна из причин их ошеломляющего успеха: в них сказывается глубокое постижение человеческой души.

Значимо и то, почему вообще такие идеи просачиваются в кинематограф. Люди, пишущие сценарии и ставящие фильмы, тоже являются человеческими существами, находящимися на своем личном пути самораскрытия. Когда они обнаруживают какую-то жизненную мудрость, они, естественно, стремятся сообщить ее остальному миру и стараются сделать это в таком формате, который в наибольшей степени способен донести их идеи до самой широкой аудитории. Этот вид коммуникации весьма тонок — если вы будете слишком явно проповедовать, люди не станут вас слушать. Сообщение должно быть оформлено правильным образом, и для этого требуется изрядное мастерство.

Однако, возвращаясь к вашему, Эрвин, вопросу о том, следует ли убеждать артистов, я думаю, что многие из них уже убеждены.

Л а с л о : Мой вопрос состоял в том, можно ли как-то убедить артистов настроить правильным образом свою чувствительность, вытянуть свои антенны и взять на себя сознательную ответственность по отношению к нашему времени.

Р а с с е л : В постановке вопроса таится допущение, что они пока этого не делают.

Л а с л о : Я не думаю, что никто из них этого не делает. Разумеется, некоторые делают. Но я совершенно уверен, что люди искусства могли бы делать намного больше, чем сейчас, и что число тех, кто берет на себя ответственность, может быть намного шире, чем теперь.

Р а с с е л : Я все-таки слышу в этих словах предположение, что мы неким образом лучше их или знаем больше, чем они.
Л а с л о : Такой вывод не является неизбежным. Как сказал Бернард Шоу, для того чтобы судить о качестве омлета, необязательно уметь снести яйцо. Мы в состоянии ценить художественную продукцию, не умея производить ее самостоятельно. Мы можем взглянуть на то, что предлагает нам искусство, и сказать: Боже мой, если бы такая творческая способность в большей степени была направлена на переживаемые нами проблемы, как это могло бы помочь людям яснее понимать свои неприятности и свои задачи, а также справляться с ними. В этом отношении есть что улучшать.

Г р о ф : Мы говорим о том, что могли бы и должны были бы делать различные группы — ученые, экономисты, политики, а также артисты, и о том, как можно ускорить их деятельность. Я верю, что многого можно достичь, просто способствуя обмену информацией и поощряя открытый

диалог как внутри каждой из этих групп, так и между ними. Кроме того, настоятельно необходимо системное мышление, сводящее мозаику разрозненных открытий и прозрений во всеобъемлющее целое.

Л а с л о : Возможно, существует не только научение, но и самообучение. Разве артисты не могли бы совместно обсудить свою роль в искусстве и цивилизации, в упадке нынешней фазы западной культуры и зарождении на ее месте чего-то нового? Это была бы величайшая задача, которую когда-либо решали люди искусства и не только они.

Г р о ф : Я действительно считаю, что очень многого можно было бы достичь с помощью той разнообразно-

сти диалога, которую рекомендовал Дэвид Бом. В нем приняли бы участие разные категории артистов, исследующих свою позицию по отношению к ситуации. Люди искусства стали бы более сознательными, стали бы лучше осознавать наши общие проблемы и в конечном счете определили бы собственный способ отношения к ним и выражения их в своем искусстве.

Р а с с е л : Думаю, что это ключевой момент. Как мы можем вдохновлять друг друга? Как можем служить друг для друга катализаторами?

Г р о ф : Согласно моему опыту, одним из таких мощных катализаторов является ответственная работа с неординарными состояниями сознания. В те годы, когда я проводил психоделическое исследование в Чехословакии, там не было жестких ограничений на профессиональное использование соответствующих препаратов. Многие артисты в Праге, услышав или прочитав про нашу работу, вступали с нами в контакт и просили провести с ними психоделические сессии. Мы соглашались, поскольку нам казался очень интересным вопрос о воздействии изменяющих сознание веществ на художественное выражение.

После своей эмиграции в США я в течение двадцати лет не мог посетить родную страну, поскольку мое пребывание в Америке расценивалось чешскими властями как противозаконное. По прошествии этого времени я наконец посетил Прагу, и там у меня появилась возможность побывать на выставках художников, которые некогда участвовали в психоделических сессиях по нашей программе. Картины располагались в хронологическом порядке, поэтому сразу можно было определить, когда именно у них были эти переживания. С того момента в их искусстве происходил квантовый скачок.

Мы сами никак не пытались повлиять на их искусство; они были заинтригованы нашей работой и спонтанно выражали свой интерес к ней, а затем по-своему использовали приобретенный опыт.

Л а с л о : Похожий опыт был у нас в Будапештском Клубе. Одним из наших творческих членов была английская леди Маргарет Смитуайт. У нее были белоснежные волосы и прекрасные голубые глаза. Много лет она работала с детьми, уча их медитировать. Сначала она показывала им, как входить в медитативное состояние, затем давала задание нарисовать картину безмятежного мира, в котором дети и все остальные прекрасно ладят друг с другом, мира, в котором они хотели бы жить. Она работала с ними примерно неделю, снова и снова проводя медитации и занятия по рисованию. В конце этой недели она наблюдала огромную разницу, которую претерпевали рисунки детей. Мы пригласили ее

провести такую неделю в одной из будапештских школ, а затем устроили выставку детских рисунков. Посетившие ее родители были потрясены. Сегодня у нас несколько сот таких рисунков, выполненных детьми, которые живут в разных частях света и принадлежат к разным культурам. Маргарет занималась медитацией и рисованием с детьми австралийских аборигенов, американских индейцев, с детьми людей, уцелевших в чернобыльской аварии, с детьми из самых разных мест — близких и далеких. Несмотря на то, что каждому ребенку и каждой культуре свойственно собственное видение, в картинах проявлялись общие архетипические элементы. А в эволюции картин явно прослеживалось огромное влияние опыта медитации. Еще одним членом Будапештского Клуба является Нато Фраска, художник, преподающий изобразительное искусство в римской Академии Изящных Искусств. В течение последних двадцати лет он дает своим студентам одно и то же задание: сделайте несколько автоматических набросков, находясь в легком медитативном состоянии; вообразите, что вы находитесь в материнской матке, просил он своих студентов, и позвольте своей руке двигаться по бумаге по собственной воле. На сегодняшний день у него набралось много тысяч таких набросков, которые он систематически анализирует. В результате Фраска разработал систему, позволяющую извлекать смысл из этих переплетений линий и пятен. Они сообщают ему сведения о том, когда именно произошло травматическое событие в период созревания в материнской утробе. (Добавлю, что травматическими для плода событиями считаются те периоды, когда он может быть отторгнут материнским организмом). Как обнаружили и вы, Стэн, оказывается, источник страха сохраняется в подсознании индивида в течение всей его жизни. Согласно опыту Нато, на набросках присутствие этого страха выражается в резких вертикальных линиях, словно падающих в пространство рисунка, что соответствует конкретным периодам созревания. Нато анализирует наброски и затем опрашивает мать студента, чтобы выяснить, на самом ли деле она переживала что-то необычное и травматическое в указанный период своей беременности. Более девяноста процентов опрошенных матерей подтверждают его интерпретацию.

Пересмотренные ценности и этика

Л а с л о : Теперь я предлагаю вернуться к вопросу о ценностях, поскольку в конечном счете он имеет огромное значение для нашей жизни и нашего будущего.

Г р о ф : Имеете ли вы в виду ценности, возникающие у людей в результате неординарных переживаний, или ценности вообще?

Л а с л о : И то, и другое. Но давайте сначала рассмотрим собственно природу ценностей. Существует традиция, по крайней мере в западных философских школах, считать ценности чисто субъективным явлением. Но что из этого следует? Каков статус ценностей? В этом случае они становятся игрой непостижимых личностных факторов, чисто субъективным капризом. Однако ценности — это нечто большее. Они

объективно участвуют в жизни мира, управляют поведением людей, служат фактором их взаимодействия. Ценности представляют собой и личное, и общественное явление, они влияют на ход эволюции сообщества и на то, как люди относятся к своему окружению. Но если ценности являются частью объективного мира, то их надо принимать всерьез, так же как мы принимаем всерьез здоровье, болезнь или любое другое явление, от которого зависят наша жизнь и благополучие.

Г р о ф : Это безусловно так. Я верю, что существует система наиболее существенных ценностей трансперсонального характера, которые выходят за пределы ценностей конкретных культур. Это этическая система, спонтанно зарождающаяся из глубоких мистических переживаний. Она содержит ценности, в отношении которых могут прийти к согласию люди из самых разных культур, если у них был опыт таких переживаний. Я неоднократно сталкивался с этим явлением в нашей работе. Один из родоначальников гуманистической психологии, Эйбрахам Маслоу, описывал его в связи с наблюдениями за людьми, имевшими опыт спонтанных мистических, или, согласно его терминологии, "пиковых переживаний". Маслоу называет эти ценности "мета-ценностями", а импульсы, заставляющие действовать в согласии с ними, — "мета-мотивациями".

Л а с л о : Говоря о надличностных ценностях, имеете ли вы в виду ценности, отличные от универсальных или транскультурных ценностей?

Г р о ф : Хороший вопрос. Предположительно, некоторые ценности могут быть одновременно и надличностными, и специфичными для определенных культур. Возможно, их лучше называть "универсальными" или "транскультурными". В частности, это относится к почитанию жизни как чего-то священного, к ощущению, что убийство является дурным действием, к состраданию к другим чувствующим существам и т.д.

Л а с л о : Что может служить-примером надличностной, или универсальной, ценности, которая присутствует в уме у большинство людей?

Р а с с е л : Думаю, Стэн только что привел такой пример: ощущение того, что убивать неправильно. Для нас эта ценность уже ассоциируется с более высоким состоянием сознания. Ведь вы не ждете, что святой станет оправдывать лишение людей жизни. Вы удивитесь даже если он будет выступать за убийство животных для нашего пропитания. Люди, чувствующие, что в убийстве нет ничего запретного, скорее всего рассуждают, исходя из непросветленного состояния, которым все еще правит эгоистический способ мышления: "мои потребности важнее всего". Любое оправдание лишения другого существа жизни всегда зиждется на некой автоцентричной системе ценностей. Когда люди учатся избавляться от своего эгоцентрического способа бытия, они естественным образом начинают больше почитать жизнь. Для них отказ от убийства уже не требует никакого рационального обоснования — просто убийство ощущается как нечто неправильное.

Л а с л о : В философии мейнстрима наша моральная ответственность распространяется лишь на людей. Мы ответственны за свое поведение по отношению к другим человеческим существам на том основании, что люди, дескать, обладают неким "внутренним" измерением — они

страдают, когда с ними плохо обращаются. Принципом "поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы другие поступали с тобой" философы сообщают нам, что мы должны принимать на себя ответственность в отношении других людей. Но в действительности это ограничение области моральной ответственности лишь человеческими существами весьма произвольно: оно слишком узко. Есть веские основания полагать, что внутреннее измерение — г разновидность чувствования или субъективности — имеется у всех форм жизни. Если мы в это верим, то область нашей моральной ответственности должна распространяться на все формы жизни в биосфере.

Р а с с е л : Давайте ненадолго вернемся на шаг назад и рассмотрим используемые нами термины. Для меня есть различие между ценностями и моралью. Ценности у каждого свои — это то, что мы "ценим", что считаем важным для себя. Они могут очень значительно варьироваться от человека к человеку. Кроме того, как мы уже говорили, по мере того как меняется способ мышления личности, меняются и ее ценности. Что же касается морали, то это, как я полагаю, свод кодов, разделяемых обществом и определяющих поведение личности. Это набор правил, которые связывают сообщество воедино и позволяют его членам сосуществовать друг с другом.

Многие из этих нравственных правил являются попытками сдерживать нашу автоцентричность, и все же они сами по себе не приходят из более высоких состояний сознания. В большинстве обществ существуют моральные предписания, запрещающие убийство, воровство и изнасилование, но это совсем необязательно происходит по причине того, что речь идет о глубоких ценностях. Обычно причина в том, что общество заинтересовано, чтобы его члены придерживались таких принципов. Нравственные правила нужны, чтобы люди могли сосуществовать, несмотря на свой эгоцентризм.

По мере повышения человеческой осознанности потребность в этих нравственных правилах уменьшается, и обществу в меньшей степени приходится навязывать свой набор ценностей. Чем больше у людей опыта переживаний, о которых говорит Стэн, тем меньше они обусловлены старым эгоцентрическим состоянием сознания. Они вступают в более тесный контакт со своими собственными глубочайшими ценностями и проживают их спонтанно. Их ценности происходят из их внутреннего мира, а не из социального кода.

Л а с л о : Тем не менее, потребность в ощущении нравственного сохраняется. Нам все еще необходима способность отличать моральные действия от аморальных.

Р а с с е л : Я не уверен, что такое различие может стать универсальным. Моральные предписания очень относительны и сильно варьируются в зависимости от конкретного общества. То, что аморально для одной группы людей, может оказаться вполне моральным для другой. Люди, пребывающие в контакте с собой и своими глубочайшими ценностями, естественно, будут действовать так, чтобы причинять другим как можно меньше вреда. Но не исключено, что в терминах того или иного конкретного набора кодов их действия все равно будут классифицированы как аморальные.

Л а с л о : Иными словами, вы утверждаете, что мораль зависит от ожиданий, принятых в данной конкретной культуре.

Р а с с е л : Совершенно верно.

Г р о ф : До тех пор, пока мы остаемся в сфере конкретных культур, мы находим этические ценности весьма идиосинкразическими, непоследовательными и капризными. То, что шокирует одну человеческую группу, вполне приемлемо и нормально для другой. То, что одно общество считает обязательным и неоспоримым императивом, вообще не находится в фокусе внимания другого

общества. Это верно и в отношении различных субкультур — социальных, религиозных и политических — в одной и той же культуре.

Рассмотрим в качестве примера отношение к сексуальности. Если нам удастся освободиться от оков своих собственных культурных предубеждений и взглянуть на вопрос с транскультурной, универсальной точки зрения, мы сразу убеждаемся в том, насколько относительно и произвольны любые ценностные суждения на эту тему. В Новой Каледонии в одном племени было принято убивать новорожденных близнецов, если один из них был мальчиком, а другой — девочкой, поскольку они, разделяя пространство одной и той же матки, нарушили табу на инцест. Зато в аристократических кругах древних обществ Египта и Перу брак между братом и сестрой был священной обязанностью. В некоторых культурах супружеская неверность карается смертью, но эскимосский обычай гостеприимства предписывает хозяину предлагать гостю-мужчине свою жену. В некоторых культурах обнаженное тело считается совершенно естественным для представителей обоих полов, в других женщины обязаны покрывать все свое тело, включая некоторые части лица. Для одних культур полигамия, как и полиандрия, считается совершенно естественным и понятным явлением. В то время как в одних культурах гомосексуализм воспринимается как богохульство, преступление, наказуемое смертной казнью, форма морального увечья или болезнь, в других он считается вполне нормальным и приемлемым, а порой — даже превосходящим гетеро-сексуальность.

Однако есть и постконвенциональная мораль, преодолевающая границы предписаний и ограничений, которые накладывает на нас наша культура. Это нечто со-всем иное, то, что личность переживает очень глубоко, почти на клеточном уровне, нечто, основанное на неотразимом личном опыте надличностной природы.

Л а с л о : Стэн, мне кажется, что необычайные переживания ваших пациентов, в которых они отождествляются даже с неживыми объектами, со всей планетой или со всем космосом, соотносятся с иной, неординарной ценностной системой.

До сих пор ценностные системы отличались высоким уровнем эгоистичности. Мы привыкли к высказыванию: "Я не хочу, чтобы меня обижали, поэтому я сам не обижаю других". В значительной степени на этом же основана и христианская мораль, и вообще любая западная мораль. В отличие от нее, буддистская система ценностей преодолевает ограничения эгоцентричной ориентации, поскольку ее заботой является все сущее. Люди, о которых вы рассказываете, тоже выходят в своих

переживаниях за рамки эгоистичных интересов и начинают ценить мир в целом таким, какой он есть. Вероятно, это происходит потому, что те, у кого есть опыт таких переживаний, ощущают мир как продолжение самих себя: они — часть мира, и мир — часть их. Поэтому они движутся к внесоциальным и даже внечело-веческим ценностям, лежащим далеко за пределами тех ценностей, которые обычно ассоциируются с моралью.

Г р о ф : Да, вы абсолютно правы! Это становится очевидным в результате систематической духовной практики с личными переживаниями, когда часто наблюдаются этическое развитие и эволюция человека. В этом процессе можно выделить несколько стадий. Сначала человек отказывается от определенных действий в силу примитивного страха быть схваченным и наказан-

ным. На следующем уровне его поведение уже диктуется глубоко усвоенной системой заповедей или предписаний. Это то, что Фрейд называет супер-эго. Следующая стадия связана с осознанием закона кармы. Человек начинает понимать, что конкретные поступки влекут за собой конкретные последствия. Высшая форма нравственности проявляется в эмпирическом признании единства, объемлющего все мироздание, ощущении идентичности с другими чувствующими существами и осознании собственной божественности. В такой психодуховной эволюции изменение нашей морали отражает изменение в нашем понимании себя, мира и собственного места и роли в этом мире.

Л а с л о : Расширяются ли ценностные горизонты людей во время таких переживаний? Что говорит об этом ваш опыт, Стэн? Растут ли при этом люди? Эволюционируют ли они?

Г р о ф : Да. В некоторых формах эмпатии все еще присутствует элемент отдельности, различие между мной, как наблюдателем, и другим, тем, кто страдает. Есть разница между этой обычной жалостью и искренним состраданием, которое порождается чувством единства и тождественности с другими.

Л а с л о : Последнее, вероятно, глубже, нежели рациональное понимание. Видимо, это интуитивное переживание своей сопричастности.

Р а с с е л : Я согласен с этим. Рассмотрим, к примеру, отказ от причинения страдания другим. Эту идею можно обнаружить в большинстве духовных традиций. По мере эволюции своего сознания люди начинают спонтанно тяготеть к ней. Вы знаете, что сами не хотите страдать, и теперь вы уже не желаете причинять страдание другим.

Это один из аспектов сострадания — сопереживать другому так же, как переживаем из-за самих себя, заботиться о другом, как если бы это был я сам. Эта способность возникает спонтанно, когда мы освобождаем свой ум от различных убеждений и концепций, отделяющих нас от других, и начинаем испытывать более глубокое сопереживание с ними.

Г р о ф : В необычных состояниях мы можем осознанно переживать отождествление со всем, что является частью мироздания, — с людьми, с животными, с растениями, с архетипическими существами. Возможно, для всего, что мы способны воспринимать как внешний объект, существует соответствующее субъективное переживание. Вы можете почувствовать, например, что стали секвойей. Вы ощущаете свое тело

как дерево вместе с его корнями, с процессами движения микроэлементов и воды в корневой системе, даже с переживанием фотосинтеза в хвое. Это не просто гипотетический пример, я рассказываю о том, что произошло с одним из тех, с кем я работал. Да и у меня самого бывало такое. Это что-то невероятное!

Л а с л о : Как по-вашему, до какой разделительной черты доходит подлинная способность переживать страдание, радость и другие эмоции? Ограничена ли возможность испытывать чувства и эмоции только человеком, или же на это способны и другие существа — животные, растения, может быть, вся биосфера?...

Рассел: Я не знаю насчет растений; вроде бы у них нет нервной системы, как у животных. И мне неизвестно, зависит ли способность к страданию от наличия нервной системы, означает ли ее отсутствие, что они не могут испытывать боль? Не знаю. Но я без колебаний опустил бы эту черту ниже уровня позвоночных. У меня нет сомнений в том, что касается насекомых. Мне бы не пришло в голову оторвать пауку конечности, потому что, как мне кажется, ему это причинит боль.

Л а с л о : Любопытно, не служит ли связь между листьями и ветками дерева с его стволом для фиксации каких-то ощущений, вроде боли. Возникает ли в растении некое качественное ощущение, когда отрывают его листья или ветви?

Рассел: Я на самом деле этого не знаю, ведь опираться я могу лишь на собственный опыт. Отрывание ног у паука я ощущаю как нечто неправильное, но сорвать лист с дерева могу без особых терзаний. Вероятно, я провожу некую умозрительную границу между пауком и деревом.

Л а с л о : Пожалуй, у меня это не так. Я склонен полагать, что даже атом кислорода, когда его бомбардируют лучами, "чувствует" нечто качественное, подобное самым элементарным формам боли.-

Г р о ф : Возможно, существует бесконечное разнообразие проявлений дискомфорта, связанных с процессами, которые протекают на всех уровнях бытия. Мы говорили здесь об Уайтхеде. Я считаю, что его открытия не покрывают сколь-либо полного диапазона надлично-стных переживаний. В частности, потому что он считает сознание самой последней стадией в процессе биологического сращения.

Р а с с е л : Пожалуй. Но, с другой стороны, разве Уйтхед не считал, что некая внутренняя жизнь — не обязательно сознание в той форме, в которой оно нам знакомо, а некий внутренний мир — простирается по всему эволюционному древу, достигая самых базовых элементов материи?

Л а с л о : В его воззрении есть место для так называемых "сообществ истинной сущности", имеющих собственное внутреннее измерение, и в их число входят даже молекулы.

Г р о ф : Он писал также, что каждая истинная сущность содержит в себе всю историю вселенной вплоть до настоящего момента. На обычном уровне восприятия мы, как правило, не осознаем всего, что составляет настоящий момент, все то, что втекает в его. Мы вполне могли бы воспользоваться его моделью, допустив, однако, что в измененных состояниях некоторые конкретные аспекты этой истории могут неожи-

данно всплыть наверх, становясь полностью осознаваемыми. Они могут проявляться как образы людей, животных, растений, неорганических объектов и даже архетипов, или, следуя терминологии Уайтхеда, "вечных объектов".

Л а с л о : В столь обширном диапазоне идентификации ценностная система человека способна стать менее эгоцентричной, менее ограниченной. Переживания

отождествления в подобных измененных состояниях сознания могли бы стать мощным социализирующим фактором в нашем мире.

Г р о ф : Да, так оно и есть.

ВТОРОЙ ДЕНЬ ВЕЧЕР

Предельные вопросы: Заключительные размышления

Карма

Л а с л о : Мы затронули целый ряд фундаментальных, возможно даже — предельных вопросов. Не стоит ли обратиться к некоторым из них снова? Что мы можем из них извлечь? Возьмем, к примеру, поразительные способности, возникающие в людях, когда они входят в измененные состояния сознания.

Г р о ф : Когда люди занимаются самоисследованием, используя необычные состояния сознания, нет необходимости преподавать им экологию или этику. В результате надличностных переживаний их система ценностей автоматически претерпевает изменение, и в них развивается глубокая экологическая осознанность, терпимость и сострадание. Сходное воздействие оказывает опыт психодуховной смерти и возрождения: ваше переживание идентичности начинает распространяться и на других существ. Опыт смерти эго ведет к значительному расширению самоидентификации.

У этого процесса бывают весьма важные практические последствия. Мы проводили программу психоделической терапии для онкологических больных на необратимой стадии заболевания, находящихся на пороге неминуемой смерти. Переживания такого типа помогали им преодолевать страх смерти и глубочайшим образом меняли все их внутренние установки, качество оставшихся дней жизни и само переживание умирания.

Р а с с е л : Ранее я говорил о своей недавно умершей близкой подруге. В последние дни с ней произошло нечто весьма примечательное: она приняла идею собственной смерти. До этого она целый год боролась с ней. Все время повторяла: я не готова уходить, мне еще рано, я не хочу, я не готова. Но за неделю перед смертью она вдруг заговорила по-другому. Как ты думаешь, — спрашивала она, — мне уже пора уйти? Или надо еще немного повременить? Она вдруг совершенно расслабилась, похоже было, что все страхи внезапно покинули ее. Это было удивительно.

Я иногда думаю о том, что рано или поздно мы все должны пройти через это. Я имею в виду не собственно умирание, а это отпусkanie страха смерти. В идеале оно должно стать частью нашего образования.

Желательно, чтобы нам помогли выйти за границы этого страха, и тогда мы сможем прожить остаток своей взрослой жизни без этой висящей на нашей шее гигантской, хоть и невидимой, тяжести. Если бы такое воплотилось в жизнь, мир бы очень изменился.

Г р о ф : Как я понимаю, древние мистерии смерти и возрождения и ритуалы перехода в туземных культурах как раз и помогали людям пережить умирание задолго до биологической смерти. Немецкий монах-августинец 17 века Абрахам из Санта-Клары сформулировал эту идею в очень лаконичной форме: тот, кто умрет до того, как умрет, не умрет, когда умрет. Когда у вас есть такой опыт, вы уже воспринимаете смерть не как конец того, кем вы являетесь, а как фантастическое путешествие, переход в иную форму и на иной уровень существования. Независимо от того, соответствует ли такое восприятие глубокой вселенской истине или представляет собой утешительное заблуждение, как считают некоторые материалистически настроенные критики трансперсональной психологии, оно, безусловно, способно преобразить человеческую жизнь.

Л а с л о : Некоторым прозрениям о смерти и возрождении уже тысячи лет, но они все еще не имеют себе равных по глубине. В "Тибетской книге мертвых" прекрасно то, что она дает наставления духу или душе человека после его смерти. С другой стороны, нам очень трудно принять идею о том, что возрождение является не освобождением, а узами. Дух умершего до самого последнего мгновения борется ради того, чтобы освободиться в нирване, а не родиться заново. На последней стадии этой борьбы предпринимается попытка запереть вход в лоно матери, которая, если попытка не увенчается успехом, его родит. Согласно нашей системе ценностей, было бы хорошо вновь родиться в условиях здоровья и материального благополучия.

Г р о ф : На этот счет есть различные мнения в разных духовных системах, в том числе и в разных направлениях в самом буддизме. Конечно, ранние буддисты Хинаяны не видели особой ценности в воплощенном существовании. Материальная сфера была для них трясиной смерти и повторного рождения, юдолью страданий. Они предлагали в качестве решения изжить "жажду плоти и крови", вырваться из воплощенного бытия и достичь нирваны. Санскритское слово "нирвана" происходит от того же корня, что "ветер" (*vatah*), и буквально означает "исчезновение". Однако более поздний буддизм Махаяны учит, что нирваны можно достичь в миру, устранив из нашей жизни три "яда": невежество, вожделение и агрессивность.

Некоторые духовные системы считают целью достижение единства с Богом, с недифференцированным божественным. Я писал об этом в своей последней книге "Космическая игра", посвященной философским и метафизическим прозрениям, сделанным в необычных состояниях. В таком определении цели есть своя серьезная трудность. Люди, действительно переживающие союз с божественным, понимают, что это не только цель и конечный пункт духовного путешествия, но и источник творения. Если бы это состояние было абсолютно самодостаточным и совершенно полным в своей изначальной недифференцированной форме, то мир никогда бы не был сотворен. Творение феноменальных

миров раздельности является, таким образом, неизбежным аспектом Бога, а, значит, в мире, в котором мы обитаем, есть нечто очень ценное. Едва ли существует удовлетворительное, окончательное решение этой дилеммы. Недифференцированное божественное нуждается в акте творения, а расколотые единицы сознания в этом мире страстно стремятся вернуться к первоначальному единству. Поэтому возникает следующий вопрос: можно ли как-то разумно приспособиться к этому динамическому напряжению в космической системе, и если да, то как? Очевидно, решение не состоит в том, чтобы отвергнуть телесное существование как низшее и лишенное ценности и попытаться вырваться из него. Любое удовлетворительное решение должно будет вобрать в себя и земное, и трансцендентальное измерение, и мир форм, и область бесформенного.

Материальная вселенная в том виде, в каком мы ее знаем, предлагает бесчисленные возможности для необычных приключений в сфере сознания. Лишь в физической форме и на материальном плане мы можем влюбляться, наслаждаться экстазом секса, растить детей, слушать музыку Бетховена или восхищаться картинами Рембрандта. Только на земле мы можем слушать пение соловья или вкушать вуаябез и другие деликатесы. Но когда мы полностью отождествляемся с телом-эго и свято верим в то, что материальный мир является единственной реальностью, мы не можем в полной мере наслаждаться своим участием в творении. Мы одержимы ощущением своей личной незначительности, непостоянства всего и неизбежности смерти.

Для того чтобы разрешить дилемму, необходимо обратиться внутрь себя. Когда мы в достаточной мере располагаем эмпирическим знанием надличностных аспектов существования, включая нашу собственную подлинную идентичность и наш космический статус, повседневная жизнь становится более легкой и вознаграждающей. По мере продолжения своего внутреннего поиска, мы рано или поздно открываем за пределами всех форм сущностную пустоту. Как утверждают буддистские учения, знание виртуальной природы феноменального мира и его пустотности способно помочь нам достичь свободы от страданий. Это предполагает также признание того факта, что вера в реальность отдельной личности, включая нашу собственную, в конечном счете является заблуждением.

Л а с л о : Идея кармы полна смысла и привлекательности. Это идея продолжающегося не только всю жизнь, но и после смерти, процесса роста и развития. Вы можете улучшать состояние каждой своей жизни до тех пор, пока не достигнете более высокого измерения. Это очень осмысленный взгляд на жизнь — и на смерть.

Г р о ф : Много лет назад меня пригласили в Вашингтон для участия в конференции, организованной по инициативе сенатора Клейборна Пелла. Ее темой была возможность продолжения сознательного существования после смерти.

Там собрались представители академического мира с впечатляющим списком заслуг, а также ряд выдающихся духовных учителей. Мы взялись за предложенную тему со всей серьезностью и научной строгостью. Руперт Шелдрейк выступил с докладом о возможности

сохранения памяти после смерти; Чарльз Тарт представил соответствующие данные парапсихологических исследований, а я вынес на обсуждение результаты наблюдений в области исследования сознания, которые поддерживали предположение о жизни после смерти. Взглядами своих религий на эту тему поделились тибетский лама Согьял Ринпоче и архиепископ Джон Спондж.

По общему впечатлению, которое сложилось в ходе этих выступлений, по обсуждаемому вопросу накопилось достаточно много материала, заслуживающего серьезного отношения и систематического исследования. Захватывающе интересны, к примеру, рассказы из жизни Тибета об использовании специальных тестов для проверки предположения о том, что тот или иной ребенок является перерождением конкретного ламы. Это же можно сказать и о допускающих фактологическую проверку рассказах о внетелесных переживаниях в околосмертных ситуациях.

Л а с л о : У меня был интересный обмен идеями с Ианом Стивенсоном об интерпретации феноменов реинкарнации. Я не считаю, что феномены так называемых воспоминаний о предыдущих жизнях следует интерпретировать исключительно как доказательство перевоплощения души. Их можно толковать и как проявление паранормального доступа к надличностной информации, которая, возможно, приходит к нам из разумов и переживаний других людей и лишь переживается как наши собственные, весьма необычные воспоминания.

Г р о ф : В любом случае вопросы реинкарнации и продолжения сознательного существования после смерти представляют не только теоретический интерес. Они имеют весьма серьезное практическое значение. То, как мы отвечаем для себя на эти вопросы, очень глубоко воздействует на наше поведение. На переживаемом нами глобальном кризисе это может сказаться самым значимым образом. Из представлений о том, что живем мы только один раз, следует, что если мы способны избежать мирского правосудия и возмездия за свои преступления и ошибки, то никакой иной ответственности за них мы брать на себя не должны.

Л а с л о : Люди борются за обладание всеми возможными привилегиями и удовольствиями в своей, как им кажется, одной-единственной жизни. Как говорит популярная реклама: "Живешь лишь раз". Такая установка усиливает потребительское отношение и гедонизм. Вы хотите получить лучшее, что только можно получить в этой жизни, поскольку это единственное, что она может дать.

Г р о ф : Наши убеждения в отношении реинкарнации оказывают на нас серьезное воздействие в нравственной сфере. Как сказал Платон: вера в то, что после смерти ничего нет, является "благом для порочных".

Р а с с е л : С другой стороны, общества, которые верят в ту или иную форму жизни после смерти, могут использовать эту веру для контроля и манипуляций. Дескать, если вы не придерживаетесь в своем нынешнем поведении нашего конкретного набора представлений о праведности, вы будете наказаны в будущем.

Г р о ф : Но концепция кармы не предполагает возмездия или наказания. Это вселенский закон, согласно которому наши действия

автоматически влекут за собой последствия. Мы можем познакомиться с ним, понять его и использовать это знание как ведущий принцип своего поведения. Это похоже на наше знание о том, что если подойти к огню слишком близко, он обожжет, ибо такова его природа, или что вещи падают, если не имеют опоры. Когда мы действуем в неведении этого закона, относясь к другим так, как будто они в фундаментальном смысле отличны от нас, мы всё глубже погружаемся в мир материи, иллюзии и страдания. В чем большей степени мы видим в них самих себя, тем дальше мы движемся к миру единства и духа.

Р а с с е л : Идея кармы в том виде, в каком она знакома нам сегодня, возможно, отличается от ее первоначального смысла. По всей видимости, сама идея сначала возникла из какого-то очень простого прозрения, как и многие другие духовные открытия, а затем модифицировалась и приукрашивалась по мере того, как ее передавали из поколения в поколение. Слово *карма* на санскрите буквально означает "действие", и, скорее всего, оно означало простое, но имеющее глубокий смысл, понимание того, что все мы обусловлены действием и его последствием. Мы действуем не в пустом пространстве; наши поступки неизбежно порождают в нашей среде волнение, которое воздействует затем и на нас самих, и на все остальное. В христианстве об этом говорят: "что посеешь, то и пожнешь". Для этого необязательно должна существовать некая вселенская система подсчета наших действий и воздаяния за них. Скорее, это общий принцип, действия которого мы не можем избежать.

Л а с л о : Первоначальное воззрение предусматривало и цикл перевоплощений. Что бы вы ни делали в этой жизни, она является лишь частью вашего существования, поскольку существование и было до нее, и будет после нее.

Г р о ф : В своей работе с необычными состояниями сознания я часто наблюдал характерный сдвиг в отношении людей нашей культуры к теме реинкарнации. Средний западный человек приходит на наши семинары, разделяя веру в одну-единственную жизнь. Идею перевоплощения он или она считает абсурдом. То, что продолжительность нашего существования ограничена периодом от зачатия до биологической смерти, представляется слишком очевидным. Я и есть мое тело, а сознание — продукт моего мозга. Гибель тела является абсолютным и бесспорным концом того, кем я являюсь, включая и мое сознание.

Однако переживания, связанные с памятью о прошлых жизнях, носят столь убедительный и всеохватный характер, что у людей обычно самым драматичным образом меняются убеждения. Мы вспоминаем нечто, что происходило в другом веке, в другой стране, и переживается это как бесспорно подлинное воспоминание (*deja vue, deja vecu* — прежде виденное, прежде пережитое). В ходе этого процесса мы часто осознаём некоторые свои эмоциональные и психосоматические проблемы как наследие прошлого опыта. Более того, когда ситуация, породившая проблему, проживается полностью, мы можем даже освободиться от нее. Подобные переживания могут обеспечить доступ к радикально новой информации об иных исторических периодах и цивилизациях.

В свете всего этого становится ясно, что у человека с надличностным опытом имеются веские основания для того, чтобы относиться к идее реинкарнации весьма серьезно и даже быть озабоченным чем-то еще более важным, чем события этой жизни. Как известно, травматические переживания младенчества и детства способны оказывать пагубное и искажающее влияние на последующие годы жизни; поиск таких событий составляет важную часть большинства видов конвенциональной психотерапии. Но вот — травматическое событие найдено, и неожиданно выясняется, что оно пагубным образом повлияло не на одну жизнь, а на целую серию последовательных воплощений. Осознав это, люди могут превратиться в своего рода "охотников на карму".

Что же произошло? Люди, которые прежде воспринимали себя сущностями, ограниченными во времени и пространстве, сочетаниями эго-тело, живущими всего один раз, внезапно преодолели в своем переживании границы линейного времени. Теперь они убеждены, что уже жили в прошлом и, судя по всему, будут снова воплощаться в будущем. Но для того чтобы прийти к такому убеждению, они должны быть уверены в том, что они существуют в пространстве отдельно от других людей. Потому что без действующих лиц не может быть никакой кармы.

По мере продолжения их поиска у них могут возникнуть другие виды переживаний, которые, в свою очередь, убедят их в том, что их ощущение своей отдельной сущности — иллюзорно, что они являются частью единого поля космического сознания, включающего все и всех. С этого момента они перестают верить в карму, поскольку начинают рассматривать и кармические сюжеты как продукт майи, вселенской иллюзии. Однако это новое неверие в карму радикально отличается от их первоначального скептицизма, так как теперь они знают, что человек бывает в разных состояниях сознания и что в некоторых из них идея перевоплощения воспринимается как абсурд, а другие убеждают его во всеобъемлющей значимости кармы. На вопрос о карме нет единого и недвусмысленного ответа. Все зависит от эволюционной стадии сознания, на которой вы находитесь.

Л а с л о : Выходит, что на самой высокой стадии, доступ к которой осуществляется в зависимости от уровня, достигнутого в течение жизни, могут существовать разные кармы. В определенном смысле, мы влияем на выбор собственной будущей жизни.

Г р о ф : В тибетской Ваджраяне есть истории о продвинутых ламах, которые способны полностью сохранять сознание при переходе через три бардо — промежуточных состояния, которые личность переживает между смертью и следующим воплощением. О некоторых сообщается, что они могут предсказать и даже решить по своей воле, когда, где и в каком теле они воплотятся в следующей жизни.

В связи с перевоплощениями есть один момент, который я пока не акцентировал в достаточной степени, а сейчас хотел бы это сделать. Самой существенной характеристикой переживания опыта прошлой жизни является полное ощущение достоверности этого воспоминания: я понимаю, что это со мной происходит не впервые, я помню, что когда-то на самом деле был этой личностью. Бывают и другие переживания, где

вы оказываетесь в других эпохах и других местах, но они лишены элемента такого личного воспоминания. К примеру, я могу отождествиться со священником-инком, с римским солдатом или пьяной мексиканкой, но не испытать чувства своей личной причастности к переживанию. Это лишь своего рода окно в юнгианское коллективное бессознательное.

Современная физика продемонстрировала, что в мире нет отдельных объектов, что вселенная представляет собой единую паутину субатомных процессов. И все же, в нашей повседневной жизни нам свойственное особое, собственническое отношение к своему индивидуальному существованию, к своему телу, к своему эго. Когда процесс самоисследования достигает коллективного бессознательного, все человеческие жизни, прожитые на протяжении истории человечества, становятся нашей жизнью. Как я уже уговорил, все они имеют лишь одно действующее лицо — Абсолютное Сознание, Брахман, Дао, можно воспользоваться любым из терминов, которым мы его называем. Однако в отношении некоторых из этих отдельных жизней мы испытываем такое же собственническое чувство, переживая их как "свои прошлые жизни". При этом мы еще не отпустили свое эго полностью, все еще держимся за остатки своей отдельной идентичности.

Л а с л о : Считаете ли вы переживания прошлой жизни доказательством того, что существует — скажем несколько упрощенно — узел сознания, который претерпевает физическую смерть и снова перевоплощается?

Г р о ф : Нет, не обязательно. Скажем, для индуистов учение о реинкарнации является не верой в обычном смысле этого слова — то есть необоснованным и неподтвержденным мнением, — а чрезвычайно прагма-

тическим вопросом. Это попытка обеспечить каким-то концептуальным оформлением широкий диапазон необычных переживаний и наблюдений. Однако даже в индуистской традиции вера в непрерывность некой отдельной единицы сознания, неоднократно перевоплощающейся жизнь за жизнью, была бы воспринята как весьма примитивная, низкого уровня, интерпретация фактов.

Согласно более утонченным учениям индуизма, есть лишь одноединственное существо, которое действительно перевоплощается, и это Брахман. До тех пор, пока в вашей истории есть более одного действующего лица, вы все еще пребываете под влиянием космической иллюзии, или майи. Существование представляет собой единое поле, и любые границы, которые мы переживаем внутри него, всегда относительны и в конечном счете могут быть преодолены. Мы можем переживать себя как отдельное тело-эго, отождествляться со всеми матерями в мире, со всем человечеством в целом, даже со всей биосферой. Но в окончательном смысле все эти границы произвольны и преодолимы.

Сознание

Л а с л о : То, как люди в современных обществах воспринимают себя, то представление, которое у них есть о человеческом существе как

таковом, претерпело значительное изменение — даже только в течение одного этого столетия. И тем не менее распространенный в обществе образ человека все еще не дотягивает до того, который был бы адекватен жизни на этой маленькой и взаимозависимой планете. Каков же именно сегодня образ человека? И, особенно интересно, каков превалирующий взгляд на природу его сознания? Ответы на эти вопросы могут играть решающую роль в поведении людей в конкретных обстоятельствах.

Р а с с е л : Наш образ себя уже меняется. Согласно прежнему взгляду, люди неким образом отличны от остальных созданий, мы особые, поскольку у нас есть сознание, а у других существ его нет. Такое умонастроение характерно не только для части научного мейнстрима, но и для классического христианства. Однако рано или поздно оно порождает трудные вопросы: что такого есть в человеческих существах, что делает их сознательными? Каким образом сознание возникает из неодушевленной материи?

Согласно новому подходу, обретающему все больше сторонников, различие между нами и другими существами состоит не в наличии сознания, а в *степени* его наличия.

К примеру, собаки, по-видимому, чувствуют боль. Если бы мы так не считали, им бы не вводили анестетики, когда их оперируют. Кроме того, похоже, что во сне они видят сновидения. Они умеют узнавать людей и места и действовать, преследуя конкретные цели. Заявление о том, что собака лишена сознания, что ее опыт не имеет внутренней составляющей, было бы так же смехотворно, как утверждение, что сознания нет у моего соседа, живущего через дорогу. Нас отличает от собак не само сознание, а то, что в нем происходит. Мы, люди, способны думать словами, рассуждать, постигать мир, в котором живем, можем думать о будущем и принимать

решения, и мы осознаём себя и сам тот факт, что у нас есть сознание.

То, что говорилось о собаках, верно и в отношении других млекопитающих — кошек, лошадей, дельфинов, — все они обладают внутренним переживанием мира. Я думаю, оно есть и у птиц, змей, лягушек, рыб. Все они позвоночные, у них есть мозг, позвоночник и органы чувств, принципиально схожие с нашими. Вопрос не в том, почему у нас есть сознание, а как далеко вниз по эволюционному древу распространяется осознанность.

Мне трудно решить, где провести эту черту. У насекомых есть простая нервная система. Почему бы и им не иметь сознание, пусть даже оно равняется лишь крошечной доле нашего? Может быть, нервная система не порождает сознание, а лишь усиливает его. Может быть, даже отдельная клетка обладает какой-то зачаточной формой сознания. Даже если по сравнению с богатством известных нам переживаний оно ничтожно, можно ли утверждать, что у нее нет вообще никакого сознания?

С этой точки зрения, сознание не эволюционирует, но является свойством, присущим жизни. Эволюционирует, как я сказал, лишь степень обладания сознанием.

Л а с л о : Именно это я и имел в виду, когда мы говорили о переживаниях боли и радости в контексте этики и морали. Я склонен

подозревать, что даже молекулы и атомы обладают какой-то формой внутреннего измерения, неким элементом, напоминая субъективное переживание. Эта мысль, конечно, не нова; она хорошо известна из истории философии — как на Востоке, так и на Западе. Однако можете ли вы поподробнее разъяснить идею универсального сознания, степень выраженности которого составляет субъект эволюции?

Р а с с е л : В понимании универсальной природы сознания полезной аналогией может послужить картина, написанная на холсте. Какова эта картина — зависит от красок, от качества кистей, от вдохновения художника. Но какая бы ни писалась на холсте картина, простая или сложная, холст — тот же, и он совершенно необходим. Без холста не было бы и картины. Точно так же обладание сознанием является необходимой предпосылкой любого переживания. Варьируются лишь образы, возникающие в сознании. Простейшие организмы переживают простейшие картины реальности. Существа с эволюционировавшими органами чувств могут более детально переживать мир в своем уме. Чем сложнее нервная система, тем глубже обработка сенсорных данных и целостнее картина реальности.

Главной причиной, по которой человеческое сознание разительно богаче, чем сознание других животных, является тот факт, что мы развили речевую способность. Используя слова, то есть в сущности — символы, мы можем сообщать друг другу различные аспекты своего опыта. Это означает, что мы умеем делиться друг с другом своими переживаниями. Собака обучается главным образом на собственном опыте, свое познание мира она вынуждена строить с самого нуля. Люди учатся не только на собственном опыте, но и на опыте других. В результате мы сформировали коллективный корпус знания, значительно превосходящий все, чего мог бы достичь в одиночку каждый отдельный индивид. Поэтому у нас есть образование. Мы стремимся передавать своё пони-

мание другим, чтобы они могли извлекать пользу из чужого опыта.

Вероятно, самым важным следствием развития языка является способность мыслить. Мы используем язык не только для общения друг с другом, мы пользуемся им и во внутреннем измерении, мысля словами. Из этого развилась способность рассуждать, думать о прошлом, воображать будущее, делать выбор, думать о своих переживаниях. Из этого возникло и самосознание: мы сознаем, что мы сознаем; мы осознаём тот факт, что у нас есть сознание.

Л а с л о : Способность осознавать свою способность осознавать — так называемое “рефлексивное сознание” — открывает тому, кто им обладает, воистину новое измерение.

Р а с с е л : Само-рефлексирующая природа нашего сознания открывает нас для восприятия божественного. Та или иная форма чувствительности, которую разделяют все чувствующие существа, близка к мистическим представлениям о Боге. На протяжении всей человеческой истории, в самых разных культурах, мистики неоднократно заявляли о единстве своей личной идентичности и Бога. В индуистской философии это находит свое отражение в концепции единства Атмана, то есть сущности нашего сознания, и Брахмана — сущности и источника

всего бытия. В христианской традиции именно это прозрение, судя по всему, стояло за фразой, как "Л есмь Бог", хотя для многих мистиков такие высказывания оканчивались неприятностями с церковью, считавшей их еретическими. Сегодняшняя наука не слишком много внимания обращает на эту универсальную природу сознания. Она все еще находится в плену старой модели, согласно которой пространство, время и материя составляют первичную реальность, а сознание каким-то образом возникает из них. Но по мере того как наука будет относиться к теме сознания все более серьезно, ей постепенно придется разработать иную парадигму, в которой сознание рассматривается как столь же первичное качество реальности, как пространство, время и материя. И тогда она откроется для нового понимания того, о чем тысячелетиями говорила религия. Это будет уже не классический Бог — этакий старик на небесах, — а представление о Боге, прекрасно согласующееся с научным пониманием мира. Именно тогда начнут происходить по-настоящему интересные перемены. Сейчас они еще не начались, но я верю, что мы к ним идем.

Г р о ф : Пит, многие представители основной части научно-материалистического мейнстрима категорически не согласились бы ни с чем из того, что вы говорите. Например, с тем, что способность к осознанности пронизывает все живое и все сущее, что наша глубочайшая сущность божественна. Я помню ряд экстремистских заявлений, сделанных после того, как Норберт Винер сформулировал основы кибернетики. Например, когда была сконструирована механическая лиса, способная преследовать кролика, не имея никакого субъективного представления о его существовании, было всерьез высказано предположение, что все животные на самом деле таковы, что они всего лишь механические системы, лишённые всякого субъективного осознания и ведомые лишь

сложными последовательностями стимулов и реакций. Отказать в сознании людям было труднее, ведь мы все переживаем его.

То, о чем вы говорите, не является всего лишь метафизическим теоретизированием или псевдофилософской спекуляцией. Материалистические критики не в состоянии принять в расчет факт наличия эмпирических свидетельств, подтверждающих этот постулат. Как я ранее говорил, в неординарных состояниях сознания очень часто переживается осознаваемое отождествление с другими формами жизни, включая вирусы, растения и даже различные неорганические аспекты космоса. Можно возразить, что все это не является прямым доказательством того, что все вокруг нас наделено сознанием. Но, в любом случае, существование подобных надличностных переживаний позволяет предположить такую возможность. Столь же неоспорима и наша способность переживать свою идентичность с божественным. Она неоднократно подтверждалась современными исследованиями сознания. Я не в состоянии вообразить какую-либо убедительную теорию, которая могла бы предложить трезвое материалистическое объяснение существования природы и содержания всех таких переживаний. Поэтому вопрос, к которому вы, Эрвин, несколько раз возвращались в ходе этих двух дней, — каково происхождение таких переживаний и их

соотнесенность с реальностью, — носит критический характер. Открывают ли они какую-то глубочайшую истину о природе реальности, или же это всего лишь фантазии и галлюцинации? Сорок лет исследования этих захватывающих феноменов убедили меня в том, что их следует воспринимать всерьез. Традиционная академическая наука описывает людей как животных и биологических мыслящих машин. Наши переживания и наблюдения в повседневном состоянии сознания заставляют нас считать себя ньютоновскими объектами из атомов, молекул, клеток, тканей и органов. Но надличностные переживания явно демонстрируют, что каждый из нас может также проявлять качества бесконечного поля сознания, выходящего за пределы пространства, времени и линейной причинности. Некая новая универсальная формула, в духе корпускулярно-волнового парадокса современной физики, возможно, будет описывать человека как существо парадоксальное, имеющее два дополняющих друг друга аспекта: с одной стороны, он способен проявлять качества ньютоновского объекта, с другой — характеристики бесконечного поля сознания. Каждое из этих описаний соответствует тому состоянию сознания, в котором ведется наблюдение.

Л а с л о : Любопытно, что в последние два года термин “сознание” стал использоваться для того, что обычно принято было называть “разумом”, либо просто чувствительностью или субъективностью, свойственной живым организмам. В большей части ранней литературы “сознание” приписывалось исключительно человеческому качеству самосознания. Если вы обладаете сознанием, значит, вы осознаете свои собственные мысли и ощущения. В этом контексте можно говорить только лишь о сугубо человеческом свойстве, поскольку вместилищем авторефлексивного сознания, судя по всему, является новая кора головного мозга, а она в достаточной степени развита лишь у человека, хотя, похоже, к этому идут в своей биологической эволюции и некоторые высшие приматы. Однако субъективность — не то же самое, что рефлексирующее сознание; это лишь способность ощущать что-либо. Я полагаю, что она есть у любой существующей и эволюционирующей в природе системы.

Как отметил Пит, в нашем способе приписывать способность к субъективности в природе нет четкой границы. Если вы считаете, что ваша собака обладает субъективностью, то вы должны признать ее и за вашей мышкой — и так далее, вниз по эволюционному древу. Тогда следует признать эту способность и у простейших живых организмов, а в таком случае — почему не у их составляющих, то есть макромолекул, молекул и атомов? Семена сознания должны присутствовать во вселенной, они должны быть повсюду.

Р а с с е л : Да, сознание — столь же фундаментальное качество вселенной, как материя, пространство и время.

Л а с л о : С течением времени и в ходе эволюции сознание становится все более конкретным. Замечательным достижением нашего биологического вида является тот факт, что наш мозг и наш организм развили вездесущие для природы семена сознания в способность авторефлексии. Это подобно добавлению устройства мониторинга, хоть и

не настроенного в соответствии с картографией мира за пределами тела, но обла- дающего тем не менее своей картой описания карты мира.

Р а с с е л : Именно это авторефлексирующее сознание и делает людей особенными. Не думаю, что такая способность есть у других существ. По крайней мере, собаки и кошки не рассуждают подобно нам. Может быть, это умеют делать дельфины и киты, но на данный момент мы очень мало знаем о том, что происходит в их умах.

Л а с л о : Согласен. Потому у нас и есть персональная идентичность, что, осознавая самих себя, мы способны воспринимать себя частью мира. Разумеется, мы способны и впадать в заблуждение, полагая себя отдельными от мира или находящимися в оппозиции к нему. Мы можем говорить: это — я, это моя кожа, в которой заключено это "я", а все остальное — не я. Мы можем считать все, что "не я", радикально отличным от того, что есть "я". Мы можем увязнуть в этой эгоцентрической ловушке и во всех связанных с ней ограничениях и запретах. Но можем ли мы, по большому счету, на самом деле знать что-либо, что не является нашим собственным умом и сознанием? В материалистическом воззрении авторефлексирующее эго становится радикально отделенным от мира.

Г р о ф : И все же люди, занимающиеся глубоким самоисследованием, используя необычные состояния сознания в медитации, эмпирической психотерапии или при ответственном употреблении психоделиков, способны развить четкий и единый взгляд на себя и реальность. Это же происходит в случае мощных спонтанных переживаний такого рода — духовных кризисов или околомертного опыта. Для этого нового подхода к жизни особенно характерны чувство глубочайшей связи с другими людьми, с другими видами и природой, озабоченность планетарным будущим и духовностью все-

ленной и всеобъемлющей природы. Другие важные его составляющие — поворот к обновляемым источникам энергии, потребность очищать окружающую среду и тенденция к возврату к естественным циклам. Иными словами — переориентация на такие виды деятельности, которые критически необходимы для жизнеспособного будущего.

Р а с с е л : Язык и мышление, возможно, дали нам чувство себя. Однако в большинстве своем мы лишь наполовину пробуждены, лишь наполовину осознаем, кем мы на самом деле являемся. Здесь есть свои помехи. Как уже упоминалось, мы обычно выводим свое чувство идентичности из того, что мы делаем, чем мы обладаем, как нас воспринимают другие и какова наша роль в мире. Такая идентичность — выведенная из чего-то, не самодостаточная — очень хрупка и всегда зависит от воли обстоятельств. Усилия по ее поддержанию и укреплению то и дело ввергают нас в различные виды неадекватного и разрушительного поведения. Духовные традиции во всем мире единодушно утверждают, что мы должны в большей степени пробудиться к более глубокой самоидентичности и распознать, кем мы являемся на самом деле. Лишь в этом случае мы обнаружим подлинную свободу.

Если придерживаться такой точки зрения, духовную практику можно считать способом преодоления ущербности языка, возможностью реализовать свой подлинный потенциал разумных существ.

Г р о ф : Ваши слова, Пит, вызвали во мне воспоминание о разговоре, который был у меня много лет назад с одним человеком. Это было сразу после психо-делической сессии, в которой ему пришлось глубоко пересмотреть взгляд на смысл своей жизни. Во время этого переживания он осознал, что многое из того, что он совершал в жизни, было лишено подлинности и не приносило ему удовлетворения и душевного мира. Его поведение в целом диктовалось его собственными неосуществленными мечтами, ожиданиями его родителей и попытками постоянно что-то доказывать им и себе. Он обнаружил также, насколько сильно программы его поведения были впечатаны в него его культурой, как много в нем было сформировано внешним давлением и обстоятельствами.

Делясь со мной, он сказал: "Знаете, мне кажется, самая главная задача в нашей жизни — открыть для себя сознание настурции". Я, разумеется, его не понял, поскольку он только что придумал этот термин — "сознание настурции", — и попросил разъяснить. "Это не обязательно должна быть именно настурция, — ответил он. — Может быть любой другой цветок или растение. Просто взгляните на них! Все они находятся в непосредственном контакте с землей, с солнцем, с дождем. Они просто делают свое дело. Настурция не стремится быть розой. Ее не волнует, как она окончит свои дни — в свадебном букете или в миске с салатом, съест ее кролик или наступит корова". Мы продолжали разг говор. Он сказал, что, как ему кажется, за всеми этими неадекватными программами, которые навязывают нам обстоятельства нашей жизни, стоит некий конкретный космический сценарий — свой для каждого из нас. Именно это понимание и явилось для него открытием "сознания настурции". Когда мы обнаруживаем, что это такое, и делаем это ведущим принципом для себя, жизнь становится творческой, удовлетворяющей и легкой. Джозеф Кэмпбелл говорил об этом как о "следовании своему блаженству".

Л а с л о : Когда появляется рефлекслирующее сознание, возникает способность придавать жизненному опыту смысл, и он не обязательно должен совпадать с материалистическим здравым смыслом в духе западной цивилизации. Полагаю, что собака или другое животное воспринимает внешние объекты непосредственно, не размышляя о них. Такой способ восприятия влияет на многое. Ошибки, совершаемые животными, исправляются естественным отбором. К примеру, если кролики регулярно будут принимать змею за палку, этот род кроликов быстро вымрет. Мы же, люди, то и дело заблуждаемся в своем восприятии себя и окружающей среды и отделяемся всего лишь компенсацией, которая не превращает ошибочного взгляда в правильный и к тому же затрудняет обнаружить ошибку. В результате у нас есть возможность иметь различные взгляды на себя и на мир. Некоторые из этих взглядов более функциональны в плане нашей выживаемости, чем другие.

Разумеется, за функциональностью стоит философский или метафизический вопрос о конечной истине. Способность задавать такой вопрос, не умея с уверенностью ответить на него, является чисто

человеческим испытанием. Вследствие того, что мы можем судить о мире лишь через призму своего восприятия и интерпретации, у нас есть доступ лишь к своим собственным картам мира, а не к реальности, как она есть. Однако совершенно очевидно, что некоторые мировоззрения и концепции не только больше способствуют выживанию и развитию, чем другие, но и с большей вероятностью соответствуют истине. И в наших же собственных интересах перейти к этим “лучшим” интерпретациям. Они дают нам самые последовательные и глубокие ответы на вечные вопросы, которые все мы рано или поздно задаем.

В то же время мы обнаружили, что возникновение сознания действительно является эволюционным шагом, приближающим нас к фундаментальным истинам о самих себе и о мире. Эти истины являются частью культурного наследия современного человечества, и тем не менее в ходе развития материалистической науки и основанной на ней технологической цивилизации, они систематически игнорировались или подавлялись. В настоящее время, когда перед наукой, так же как и перед обществом, стоит задача совершения следующего эволюционного скачка, перед нами открывается перспектива обнаружения и повторного открытия глубоких прозрений о жизни, космосе и сознании. В наши времена очень интересно жить, а также вступать в диалог и действовать. Однако время позднее, и наш собственный диалог нам пора заканчивать. Мы провели два захватывающих дня, охватив в своем обсуждении широчайший спектр тем — от личного развития до эволюции всего человечества. Начав с вопросов о шансах на достижение мира во всем мире, мы вновь и вновь возвращались к выводу о том, что эволюция нашего сознания является ключом к достижению мира и к нашему индивидуальному и коллективному выживанию и развитию. Несмотря на крайне серьезный характер затронутых нами проблем, мы не погрязли в пассивном пессимизме, а обнаружили на горизонте светлую точку: перемены, происходящие в эти дни в человеческих ценностях, в мышлении, в миро-

воззрении — иными словами, в сознании людей. Мы назвали этот процесс “революцией в сознании” и справедливо усмотрели в этом явлении позитивный знак нашего времени, признак того, как человечество, как культурный и биологический вид, отвечает на угрозы и задачи, стоящие перед ним в эти решающие и интригующие времена.

ПОСЛЕСЛОВИЕ – ДАЛЬНЕЙШИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Эрвин Ласло любезно попросил меня внести в эту весьма поучительную книгу свои размышления. Приступив к работе, я обнаружил, что мысли уносят меня к дням детства. “Революция в сознании” представляет собой запись обсуждений, которые вели в Сосалито и Сан-Франциско Эрвин Ласло, Питер Рассел и Станислав Гроф. Помню, что Сосалито находился на другом конце маршрута парома, который отправлялся с Маркет-стрит в Сан-Франциско. По выходным очередь к нему тянулась на несколько миль, и возможности попасть на паром приходилось ждать часами. В те относительно невинные времена десятки тысяч жителей Сан-Франциско, взяв в дорогу пакеты с едой, отправлялись в путь, чтобы исследовать

леса Мюир-Вудс и гору Тамалпейс. Забавный локомотив с вертикальными клапанами тянул за собой небольшой поезд с открытыми вагончиками. Когда дорога шла под уклон, поезд скользил по рельсам, ведомый лишь силой гравитации. Эти воспоминания, вместе с чтением книги "Революция в сознании", с особой силой всколыхнули во мне вопросы, которые мучают меня всю жизнь.

Я считаю, что мы по сути стали бессознательными. Изменить такое положение вещей не означает только лишь пуститься в путь с целью обретения новых измерений сознания. От нас фактически требуется отказ от возведенной нами вокруг себя брони эгоцентризма и возврат к почти бессознательному состоянию, в котором только и можно обнаружить встроенное в нас родство со Всем, частью которого мы являемся.

Если мы хотим предотвратить то, что многие из нас воспринимают как почти неотвратимое коллективное самоубийство, мы должны научиться позволить существующему во всех нас потенциалу проявлять себя. Рождаясь, мы вносим в свою жизнь память своего вида, генетическую структуру, универсальное осознание бесконечности и способность слушать самих себя. Мы учимся использовать свои органы чувств, развивая способность ценить и творить искусство и музыку; мы развиваемся интеллектуально, приобретая знания и навыки, и живем, выражая себя в меру своих возможностей. И, несмотря на все это, мы не знаем, как выразить обитающее внутри нас чувство бесконечного. Мы стремимся превратить его в нечто невероятно осязаемое, вещественное и мощное, чтобы обрести всецелый контроль над собой и своим миром. По-видимому, дать выразиться этому чувству вечности, не исказив при этом своих стремлений, можно лишь через художественное и творческое выражение, через творение бесконечно прекрасных произведений, доказывающих, что творчество способно искупить плотские и неочищенные проявления жизни. Я бы сказал, что без искусства и без смирения наше чувство бесконечного обречено выражаться лишь в непрерывном стремлении к бесконечной власти, к обладанию, к доминированию, к полному контролю. Когда господствует эго, наша жажда власти практически неограниченна, и отдельного человека мы можем рассматривать лишь в качестве "винтика в машине". Но за пределами эго в каждом из нас есть самость с ее знанием тайны живых клеток, с верой в возможность мистического союза со Всем.

Пусть даже эта вера бессознательна, мы тоскуем по возврату к божественному опыту. Он требует определенных жертв, и акты самопожертвования с целью умиловить богов были хорошо известны во многих "примитивных" обществах. Однако в нашем обществе Богом является Маммона — деньги и коммерция. И жертва, которую мы ей приносим, глобальна. Например, национализм поощряет в людях убеждение, что их долг — жертвовать собой и другими для защиты священных символов и принципов, что придает национализму

сакральную значимость. Чаще всего в жертву приносятся женщины и дети — это делается с той же устрашающей частотой, как в прошлом, хотя, возможно, в менее ритуалистической манере. В некоторых местах мусульманские дети верят, что высшей наградой является смерть, и сотни тысяч их, мобилизованные для роли замечательных, надежных убийц, идут (или ведомы) к своей гибели. Да, всем нам присущи божественный зов, послушание, идеалы, но все организовано для службы сознательному Дьяволу. Мы осознаем принцип универсального единства, но используем его в самых отвратительных, одержимых невежеством и узостью, самоубийственных целях.

Наша система правосудия, которая зиждется на наказании, а не на защите жертв и реабилитации и покаянии обидчиков, порочна в самой своей основе. В возмездии слишком мало шансов на перевоспитание или исправление. Законы, произвольным образом определяющие различные степени наказания, практически бесполезны — как и армия адвокатов, крючкотворствующих вокруг не поддающихся расшифровке правовых текстов, и судей, не имеющих никакого морального права судить каждый случай в меру собственных достоинств и недостатков. Со времен Нюрнберга предпринимались попытки создания всемирного суда, но на самом деле спасти жизни и улучшить свои шансы на защиту мировых цивилизаций и культур мы можем лишь превентивной деятельностью.

Наши природные ресурсы смогут поддерживать жизнедеятельность населения лишь до определенного предела. Даже при более развитой демократии с представительством преследуемых, слабых, больных, необразованных и уязвимых мы бы не смогли помешать более сильным и безжалостным захватывать пищу, землю, воду и другие ресурсы. У нас имеются обширные гуманитарные ресурсы — сострадание, вина, обязанность, этические кодексы и религии. Деньги представляют собой подлинно демократическую силу, поскольку доллар остается долларом, независимо от того, кому принадлежит рука, которая его держит, и, тем не менее, гнет денег так велик, что они способны покупать целые народы. Поэтому критически важно создание свободных от денег зон для поощрения активных и независимых взаимоотношений.

Есть большое сходство в методах убеждения, к которым прибегают реклама, политическая пропаганда и религия. Их поведение стало идентичным — манипулятивным и вводящим в заблуждение, чаще всего оно сводится к невыполнимым обещаниям. К примеру, и Китай, и США стремятся к накоплению мощи, необходимой для эксплуатации и контроля природных и человеческих ресурсов. Под давлением безжалостных обстоятельств такая ситуация может обернуться войной. Когда наши самые негативные наклонности получают теоретическое оправдание или благословляются некими идеалами, и когда нам не остается ничего иного, кроме как следовать им, мы оказываемся наедине со своей совестью.

Как вопреки, так и благодаря колоссальным достижениям медицины, психологии, сельского хозяйства, питания, технологии, средств

коммуникации и индустрии досуга, люди сведены до положения "электрических батареек". В результате мы можем стать легкими жертвами катаклизма, масштабы которого будут напоминать эпидемии прошлого. Катастрофу могут вызвать самые разные причины. По сути, она уже началась: банкротство, безработица, заболевания, голод, социальный хаос — все это существует на сегодняшний день и в США, и в менее обеспеченных странах. Если мы хотим выжить на индивидуальном и глобальном уровне, нам на самом деле необходима новая система ценностей.

Вопрос в том, способны ли мы извлечь все необходимые уроки и избрать наиболее гуманный путь, не породив при этом таких негативных последствий, как радиация, мстительность, разрушения или психологический ущерб? Перефразируя знаменитое высказывание Вудро Вильсона, можем ли мы сделать мир "безопасным для доброты", а не только "для демократии"? Хорошие ценности — это те, которые воздействуют позитивно на самое большое число людей, — поощрение, понимание, терпение, спокойное мужество — это ценности, заслуживающие доверия и мало подверженные коррозии и износу. Артисты, мечтатели и изобретатели играют ключевую роль в борьбе с предрассудками и насилием, особенно прививая идеи и ценности детям. К примеру, мой проект MUS-E, несущий музыку и искусство в европейские школы, продемонстрировал, как такое новшество может помочь изменить сознание.

Понятия, которые людям особенно трудно усвоить, это умеренность, чувство пропорции и понимание своих ограничений. Трудность состоит в расширении времени и пространства, необходимом для того, чтобы перейти от охоты на жертву к защите жертвы, от пребывания здесь и сейчас — к более широким измерениям, где сострадание преграждает путь жадности. Можем ли мы создать такую систему, которая поможет нам быть добрыми и смелыми, снисходительными и решительными, доверчивыми, но реалистами, мудрыми и щедрыми, а не неуёмными и эгоистичными? Можем ли мы позволить творческим, артистическим, эстетическим принципам руководить нашими ежедневными поступками и поведением? Можем ли мы прекратить пичкать своих детей предрассудками и страхом? Можем ли мы устранить насилие и жестокость из наших фильмов, книг, мыслей и стремлений, или же это наш способ готовиться к надвигающимся катастрофам?

Я верю в единство "внутреннего" и "внешнего". Как сказал великий немецкий философ Костантин Бруннер, все является степенью сознания. Из науки мы знаем, что радиация может распространяться в течение световых лет; возможно ли, что мы, как вибрирующий нейтрон, пронизываемся "сознанием"? Может быть, именно так мы можем добиться революции в сознании — порождая и поощряя новые установки и убеждения, постепенно просачивающиеся в наши мысли, в наши действия и в наши институты — медицинские, психологические, философские, научные, коммерческие, банковские, религиозные, художественные. Мы должны прожить свою жизнь, полностью

осознавая других людей, животных, потенциал нашего собственного ума, красоту искусства и радость истинного общения, в котором равное значение имеет время и место сообщения, тот, от кого оно исходит, и тот, кто его получает. Именно так распространяется творение в разные ситуации и обстоятельства. Одним из результатов этого процесса является обесценивание идеи оригинальности: мы видим, как определенные идеи и изобретения возникают одновременно в удаленных друг от друга местах. Меня поражает то, как часто "подобное притягивает подобное", как хорошее (или плохое) накапливается, достигая совместного коллективного эффекта. Особенно радуется, когда позитивный и благотворный взгляд на вещи начинает проникать в другие установки или просто распространяется на все сообщество. Бывают и противоположные примеры, например, когда мы оказываемся узниками собственной фракции, группы людей с узким, фундаменталистским кругозором, когда наш досуг узурпируется на основе разных деструктивных уловок, когда наши сны становятся кошмарами, лишенными внутреннего равновесия и покоя. Легко можно счесть террориста высоко мотивированным, экстатичным, бескорыстным мучеником, но если им руководит жажда мести, то он ничего не может дать ни себе, ни человечеству.

К счастью, мы идем к великим объединяющим принципам. Я верю в универсальную религию простых истин, соответствующую нашему времени. Главное направление научного исследования и его практических приложений сдвинулось от осязаемого к неосязаемому, от механического к электрическому, от силы угля к силе, заключенной в атоме. В медицине наше понимание охватывает сейчас разум и мозг; мы отчетливо осознаем прогресс от тела к разуму, а теперь и к живой клетке, к ее химии и электронике. Возникает некий общий смысл и цель жизни по мере того, как мы открываем его неизбежное возникновение в идеальных условиях. Мы начинаем понимать упорную волю жизни к существованию и в конечном счете — к переживанию божественного через рост сознания, коммуникации и признания хода жизни и смерти, непрерывности последовательности и непрерывности жизней и смертей.

Мне необходимо быть окруженным любовью и доверием, и я должен уметь помогать и наставлять в той же мере, в какой нуждаюсь в том, чтобы помогали мне и наставляли меня. Возможности учиться, оказывать помощь, приносить пользу — бесконечны. Мы должны почитать эту священную часть жизни, которую составляют мечты, размышления, медитация, постижение, молитва — все эти способы использования свободного времени, которые умирят эго и расширяют сознание. В том, что касается понимания другого человека и заботы о нем, эго тоже ограничено. Нужен более высокий уровень. Цель жизни — учиться, давать, получать удовлетворение, быть довольным, знать, делиться, находить удовлетворение в любви и благодарности других, в собственном понимании, в собственном здоровье, в способности творить и пребывать в атмосфере потребности друг в друге. Доверие, дружба,

изобилие, несдержанность и радость столь же необходимы для цивилизованного существования, как и юмор.

Способны ли мы начать двигаться вперед по-новому, в соответствии со “вспомогательной технологией”, ради себя самих и, особенно, ради “третьего мира”, как предлагает Э.Ф. Шумахер в своем прозрении “маленькое прекрасно”? Направление, которое мы должны избрать, очевидно; средства, понимание, даже руки, умы и сердца — все это уже есть. Чего же недостает? Нам надо отказаться от летаргии и дурной привычки, от менталитета козла отпущения, от предрассудков. Нам нужна определенная доля выдержки, а также добрая порция вдохновения. А еще нам надо как можно быстрее признать, какое глубокое удовлетворение мы испытываем, когда видим счастливых детей, когда по всему миру у нас есть друзья, которые нам доверяют, когда мы справляемся со своими страхами, когда нас захватывает радость творческого существования, когда мы узнаём новое, и какое воодушевление мы можем пережить, видя, сколь многого мы способны достичь для самих себя, благодаря самим себе, для других и для общего блага.

Иегуди Менухин

(выдающийся американский скрипач. — Прим. пер.)

ЛИТЕРАТУРА

Книги авторов

Stanislav Grof

Realms of the Human Unconscious: Observations from LSD Research, Viking Press, New York, 1975; Dutton, New York, 1976

The Human Encounter with Death, Dutton, New York, 1977 (with Joan Halifax)

LSD Psychotherapy, Hunter House, Pomona, CA, 1980

Beyond Death: Gates of Consciousness, Thames & Hudson, London, 1980 (with Christina Grof)

Ancient Wisdom and Modern Science, State University New York (SUNY) Press, Albany, NY, 1984 (ed.)

Beyond the Brain: Birth, Death, and Transcendence in Psychotherapy, SUNY Press, Albany, NY, 1985

The Adventure of Self-Discovery, SUNY Press, Albany, NY, 1987

Human Survival and Consciousness Evolution, SUNY Press, Albany, NY, 1988 (ed.)

Spiritual Emergency: When Personal Transformation Becomes a Crisis, Tarcher, Los Angeles, 1989, (ed. with Christina Grof)

The Stormy Search for the Self: A Guide to Personal Growth Through Transformational Crises, Tarcher, Los Angeles, 1991 (with Christina Grof)

The Holotropic Mind: The Three Levels of Consciousness and How They Shape our Lives, HarperSanFrancisco, CA, (with Hal Zina Bennett), 1994

Books of the Dead: Manuals for Living and Dying, Thames & Hudson, London, 1994

The Cosmic Game: Exploration of the Frontiers of Human Consciousness, SUNY Press, Albany, NY, 1998

Ervin Laszlo

Essential Society: An Ontological Reconstruction, Martinus Nijhoff, The Hague, 1963

Individual, Collectivism, and Political Power. Martinus Nijhoff, The Hague, 1963

Beyond Scepticism and Realism, Martinus Nijhoff, The Hague, 1966
System, Structure, and Experience, Gordon & Breach, New York and London, 1969

La Metaphysique de Whitehead, Martinus Nijhoff, The Hague, 1970

Introduction to Systems Philosophy, Gordon & Breach, New York and London, 1972

The Systems View of the World, George Braziller, New York, 1972; 2nd ed. Hampton Press, Crestkill, NJ, 1996

A Strategy for the Future, George Braziller, New York, 1974

Goals for Mankind: Report to the Club of Rome, Dutton, New York, 1977

The Inner Limits of Mankind, Pergamon Press, Oxford and New York, 1978; 2nd ed., Oneworld Publications, Oxford, 1989

Systems Science and World Order, Pergamon Press, Oxford, 1983

Evolution: The Grand Synthesis, Shambhala New Science, Boston and London, 1987; 2nd ed., Hampton Press, Crestkill, NJ, 1996

The Age of Bifurcation, Gordon & Breach, New York and London, 1991

The Creative Cosmos, Floris Books, Edinburgh, 1993
Vision 2020, Gordon & Breach, New York, 1994
The Choice, Putnam/Tarcher, Los Angeles, 1994

The Interconnected Universe, World Scientific, London and Singapore, 1995

The Whispering Pond, Element Books, Shaftesbury and Rockport, 1996; revised ed. 1998

The Insight Edge, Quorum Books, Westport, CA, 1997

Third Millennium: The Challenge and the Vision, Gaia Books, London, 1997

Peter Russell

The TM Technique: A Skeptics Guide, Routledge & Kegan Paul, London and Boston, 1976; Arkana, London, 1990

The Upanishads, Mandala and HarperSanFrancisco, 1990 (ed.)

The Brain Book: Know Your Own Mind and How to Use It, Routledge & Kegan Paul, London; Dutton, New York, 1979

Meditation, BBC Publications, London, 1979

The Awakening Earth, William Morrow, New York, 1993

The Global Brain, Tarcher, Los Angeles, 1983

The Creative Manager: Finding Inner Wisdom in Uncertain Times, Unwin. Hyman, London, 1989; Jossey-Bass, San Francisco, 1992

The White Hole in Time: Our Future Evolution and the Meaning of Now, Aquarian, London; HarperSanFrancisco, 1992
The Global Brain Awakens: Our Next Evolutionary Leap, Global Brain, Palo Alto, CA, 1995

Waking Up in Time: Surviving Ever-Accelerating Change, Origin Press, Novato, 1998

Дополнительная литература

Aron, Elaine and Arthur, *The Maharishi Effect: A Revolution through Meditation*, Stillpoint Publishing, Walpole, NH, 1984

Artigiani, Robert, in Ervin Laszlo, Robert Artigiani, Allan Combs, and Vilmos Csanyi, *Changing Visions: Human Cognitive Maps Past, Present, and Future*, Adamantine Press, London, 1996

Benor, Daniel J., *Healing Research: Holistic Energy Medicine and Spiritual Healing*, Helix Verlag, Munich, 1993

Bohm, David, *Wholeness and the Implicate Order*, Routledge & Kegan Paul, London, 1980

Capra, Fritjof and David Steindl-Rast, *Belonging to the Universe*, HarperSanFrancisco, 1983

Davies, P. C. W. and J. R. Brown (eds.). *The Ghost in the Atom*, Cambridge University Press, 1986

Davidson, John, *Subtle Energy*, C. W. Daniel, Saffron Walden, 1983

----- . *The Secret of the Creative Vacuum*, C. W. Daniel, Saffron Walden, 1989

Davies, Paul, *God and the New Physics*, Simon & Schuster, New York, 1983

----- . *The Mind of God*, Simon & Schuster, New York 1992

----- and John Gribbin, *The Matter Myth*, Simon & Schuster, New York, 1992

Day, William, *Genesis on Planet Earth*, Yale University Press, New Haven, 1984

Dossey, Larry, *Recovering the Soul: A Scientific and Spiritual Search*, Bantam, New York, 1989

----- . *Healing Words: The Power of Prayer and the Practice of Medicine*, HarperSanFrancisco, 1993

Eccles, John and Daniel N. Robinson, *The Wonder of Being Human*, Shambhala, London, 1985

Edelman, Gerald M., *Bright Air, Brilliant Fire: On the Matter of Mind*, Basic Books, New York, 1992

Eldredge, Niles, *Unfinished Synthesis. Biological Hierarchies and Modern Evolutionary Thought*, Oxford University Press, 1985

Time Frames: The Rethinking of Darwinian Evolution and the Theory of Punctuated Equilibria, Simon & Schuster, New York 1985

Franz, Marie-Louise von, *Psyche and Matter*, Shambhala, Boston and London, 1992

Gleick, James, *Chaos*, Viking, New York, 1987

Goodwin, Brian, "Development and Evolution," *Journal of Theoretical Biology*, 97, 1982

----- . "Organisms and Minds as Organic Forms," *Leonardo*, 22, 1, 1989

Gore, Al, *Earth in the Balance*, Houghton Mifflin, Boston, 1992

Grinberg-Zylverbaum, Jacobo M. Delaflor, M. E. Sanchez-Arellano, M. A. Guevara, and M. Perez, "Human Communication and the Electrophysiological Activity of the Brain," *Subtle Energies*, Vol. 3.3, 1993

Goswami, Amit, *The Self-Aware Universe*, Putnam, New York, 1993

Gray, J., "Consciousness on the Scientific Agenda," *Nature*, 358, 277, 1992

Grosso, Michael, *The Millennium Myth: Love and Death at the End of Time*, Quest, Wheaton, IL, 1995

Hansen, G. M., M. Schlitz and C Tart, "Summary of Remote Viewing Research," in Russell Targ and K. Harary, *The Mind Race, 1972-1982*, Villard, New York, 1984

Harman, Willis, *Higher Creativity: Liberating the Unconscious for Breakthrough Insight*, Tarcher, Los Angeles, 1984

Harris, Errol E., *Cosmos and Anthropolos*, Humanities Press, New York, 1991

Heisenberg, Werner, *Physics and Philosophy*, Harper & Row, New York, 1985

Herbert, Nick, *Elemental Mind*, Dutton, New York, 1993

Hiley, B. J., and David Peat, *Quantum Implications: Essays in Honour of David Bohm*. Routledge and Kegan Paul, London 1987

Ho, Mae Wan, *The Rainbow and the Worm: The Physics of Organisms*, World Scientific, Singapore and London, 1993

Honorton, C.R. Berger, M. Varvoglis, M. Quant., P. Derr, E. Schechter, and D. Ferrari, "Psi-Communication in the Ganzfeld: Experiments with an Automated Testing System and a Comparison with a Meta-Analysis of Earlier Studies," *Journal of Parapsychology*, 54, 1990

Hoyle, Fred, *The Intelligent Universe*, Michael Joseph, London, 1983

Hoyle, Fred, G. Burbidge and J. V. Narlikar, "A Quasi-Steady State Cosmology Model with Creation of Matter," *The Astrophysical Journal*, 410, 20 June 1993

Huxley, Aldous, *The Perennial Philosophy*, Harper & Row, New York, 1970

Jacob, Francois, *The Logic of Life: A History of Heredity*, Pantheon, New York, 1970

Jahn R. G., and B. J. Dunne, "On the Quantum Mechanics of Consciousness, with Application to Anomalous Phenomena," *Foundations of Physics*, 16, 8, 1986

Jung, Carl G., "Commentary on *The Secret of the Golden Flower*," in R. Wilhelm, *The Secret of the Golden Flower*, Harcourt, Brace & World, New York, 1962

Kauffman, Stuart, *The Origins of Order: Self-Organization and Selection in Evolution*, Oxford University Press, 1993

Keen, Sam, *Hymns to an Unknown God*, Bantam, New York, 1994

Krippner, S., W. Braud, I. L. Child, J. Palmer, K. R. Rao, M. Schlitz, R. A. White, and J. Utts, "Demonstration Research and Meta-Analysis in Parapsychology," *Journal of Parapsychology*, 57, 1993

Lorimer, David, *Whole In One: The Near-Death Experience and the Ethic of Inter connectedness*, Arkana, London, 1990

Loye, David (ed.), *The Evolutionary Outrider: The Impact of the Human Agent on Evolution. Essays Honoring Ervin Laszlo*, Fred Praeger, West-port, CN; Adamantine, London, 1998

McKenna, Terence, Rupert Sheldrake and Ralph Abraham, *Dialogues at the Edge of the West*, Bear & Co., Santa Fe, NM, 1992

Morin, Edgar and Anne Brigitte Kern, *Terre-Patrie*, Editions du Seuil, Paris, 1993

Moody, Jr. Raymond A., *The Light Beyond*, Bantam Books, New York, 1988
 ----- . *Life After Life*, Mockingbird Books, Covington, KY, 1975

Nelson, John E., *Healing the Split*, State University of New York Press, Albany, NY, 1994

Netherton, Morris and Nancy Shiffrin, *Past Lives Therapy*, William Morrow, New York, 1978

Pagels, Heinz, *The Cosmic Code*, Bantam Books, New York, 1990

Peat, F. David, *Einstein's Moon*, Contemporary Books, Chicago, 1990

Penrose, Roger, *The Emperor's New Mind*, Oxford University Press, New York, 1989

Persinger Michael A., and Stanley Krippner, "Dream ESP Experiments and Geomagnetic Activity," *The Journal of the American Society for Psychological Research*, 83, 1989

Polkinghorne, John, *Reason and Reality*, Trinity Press, Philadelphia, 1991
 ----- . *The Quantum World*, Longman, London, 1984

Pribram, Karl, *Brain and Perception: Holonomy and Structure in Figural Processing*, The MacEachran Lectures, Lawrence Erlbaum, Hillsdale, NJ, 1991

Prigogine, Ilya and Isabelle Stengers, *Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*, Bantam Books, New York, 1984

Ray, Paul H., "American Lives," *Noetics Sciences Review*, Spring 1996

Rein, Glen, "Modulation of Neurotransmitter Function by Quantum Fields," *Planetary Association for Clean Energy*, 6,4, 1993

Requardt, Manfred, "From 'Matter-Energy' to 'Irreducible Information Processing' — Arguments for a Paradigm Shift in Fundamental Physics," *Evolution of Information Processing Systems*, K. Haefner (ed.), Springer Verlag, New York and Berlin, 1992

Rosen, Joe, *The Capricious Cosmos*, MacMillan, New York, 1991

Saunders, Peter T., "Evolution without Natural Selection," *Journal of Theoretical Biology*, 1993

Schroeder, Gerald L., *Genesis and the Big Bang*, Bantam Books, New York, 1990

Sheldrake, Rupert, *A New Science of Life*, Blond & Briggs, London, 1981
 ----- . *The Presence of the Past*, Times Books, New York, 1988

Stapp, Henry- P., *Matter, Mind, and Quantum Mechanics*, Springer Verlag, New York, 1993

Stevenson, Ian, *Unlearned Language: New Studies in Xeno-glossy*, University Press of Virginia, Charlottesville, 1984
 ----- . *Children Who Remember Previous Lives*, University Press of Virginia, Charlottesville, 1987

Stewart, Ian, *Does God Play Dice?*, Blackwell, Cambridge, 1992

Talbot, Michael, *The Holographic Universe*, HarperCollins, New York, 1991

Targ, Russell and K. Harary, *The Mind Race*, Villard Books, New York, 1984

Taraas, Richard, *The Passion of the Western Mind*, Bal-lantine Books, New York, 1993

Tart, Charles, *States of Consciousness*, Dutton, New York, 1975

Tiller, William A., "Subtle Energies in Energy Medicine," *Frontier Perspectives*, 4, 2, Spring 1995

Trefil, James, *Reading the Mind of God*, Anchor Books, New York, 1989

Ullman, M., and S. Krippner, *Dream Studies and Telepathy: An Experimental Approach*, Parapsychology Foundation, New York, 1970

Varvoglis, Mario, "Goal-Directed and Observer-Dependent PK: An Evaluation of the Conformance-Behavior Model and the Observation Theories," *The Journal of the American Society for Psychical Research*, 80, 1986

Weinberg, Steven, *The First Three Minutes*, Basic Books, New York, 1988

-----, *Dreams of a Final Theory*, Pantheon Books, New York, 1992

White, John, *The Meeting of Science and Spirit*, Paragon House, New York, 1990

Wigner, Eugene, *The Scientist Speculates*, I. J. Good (ed.), Heinemann, London, 1961

Wilber, Ken, *The Atman Project: A Transpersonal View of Human Development*, Quest Books, Wheaton, 1980—. *One Taste: The Journals of Ken Wilber*, 1997. Shambhala, Boston, 1999

—. *Quantum Questions*, Shambhala, Boston, 1985 (ed.)

-----, *Sex, Ecology, Spirituality; The Spirit of Evolution*, Shambhala, Boston, 1995

Woolger, Roger, *Other Lives, Other Selves*, Doubleday, New York, 1987

Zohar, Danah, *The Quantum Self*, William Morrow, New York, 1990

Zukav, Gary, *The Dancing Wu Li Masters*, Bantam Books, New York, 1989

Занимается распространением трансперсональных знаний через обучающие семинары, конференции, постоянно действующие лаборатории и издательскую деятельность. Трансперсональные практики укоренены в трансперсональной психологии, в опыте мировых духовно-религиозных традиций, а также во внеконфессиональных древних и современных психотехнологиях трансценденции и экстаза (шаманизме, авангардном искусстве, науке и психотерапии).

ПРОГРАММЫ ИНСТИТУТА

- Семинары и конференции по трансперсональной психологии и холотрошному дыханию.
- Осенние и весенние декадни по трансперсональной психологии и психотерапии.
- Лаборатория осознаваемых сновидений и психотехнологий.

(095) 518-54-47, (095) 109-31-00 Интернет: www.transpersonal.ru
www.df.ru/~maikov

СЕМИНАРЫ ПО ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ХОЛОТРОПНОМУ ДЫХАНИЮ

Если вы хотите повысить уровень жизненной энергии, полнее использовать свои возможности, интересуетесь применением трансперсональной психологии в бизнесе, личностном росте, психотерапии, педагогике и т. д., посетите вводные 2-дневные семинары, которые проводятся Институтом в последние выходные каждого месяца.

Шестидневные семинары по *трансперсональной психологии и холотропному дыханию* — эффективному методу психотерапии и самопознания — предназначены для личностного роста и повышения квалификации психологов, психотерапевтов, психиатров, врачей, педагогов, а также всех интересующихся практическими применениями трансперсональной психологии.

Метод разработан американскими трансперсональными психологами Станиславом и Кристиной Гроф специально для **использования уникальных терапевтических возможностей необычных состояний сознания**. хосоматических и психических расстройств, но самая главная область его применения — глубинная работа над собой, где оно наиболее эффективно и может прекрасно дополняться традиционными подходами. Еще одна область применения холотропного дыхания — поиск нестандартных решений и творческих прорывов.

Вводная программа по *трансперсональной психологии и холотропному дыханию* состоит из трех шестидневных семинаров по следующим темам:

1. Введение в теорию и практику холотропного дыхания и трансперсональной психологии.
2. Голоса и языки переживаний и методы интеграции трансперсонального опыта.
3. Духовный кризис, экстремальные состояния и архитектура психопатологии.

В программе семинаров:

- история, теория и практика холотропной терапии и трансперсональной психологии, сущность психотерапии, принципы ассистирования в сессиях;
- голоса переживаний и языки переживаний, архетипические ситуации и язык мифа;
- методы интеграции необычных состояний сознания;
- сессии холотропного дыхания и ритуальные процессы.

(095) 518-54-47, (095) 109-31-00 Интернет: www.transpersonal.ru
www.df.ru/~maikov

ПРОСНИТЕСЬ В МИРЕ ОСОЗНАВАЕМЫХ СНОВИДЕНИЙ!

То, на что Кастанеда и тибетские йоги тратили годы, может стать реальным за считанные недели, благодаря новейшим технологическим разработкам Института осознаваемых сновидений. С помощью Курса осознаваемого сновидения и портативных приборов для обучения осознаваемому сновидению (NOVADREAMER), которые будут вашим личным тренером, вы сможете быстро стать мастером-сновидцем.

© (095) 518-54-47, (095) 109-31-00 Интернет: www.transpersonal.ru
www.df.ru/~maikov

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских

объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения

и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники,

энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Берт-рис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитое, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Аб-дуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии "Откровения ангелов-хранителей" Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский. **Издательская группа АСТ**

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21,7-й этаж

Справки по телефону: [095)215-01-01, факс215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АС вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Станислав Гроф ЗА ПРЕДЕЛАМИ МОЗГА

Предисловие к русскому изданию

Я очень рад представить читателям русский перевод моей книги "За пределами мозга". Побывав в СССР трижды, я сохранил много тёплых воспоминаний об этих путешествиях и встречах с друзьями и коллегами. Мой первый визит в 1961 году был туристическим; я восхищался красотой исторических мест Киева, Ленинграда и Москвы. Второй визит проходил в рамках программы профессионального обмена между Чехословакией и Советским Союзом. Тогда я получил возможность провести несколько недель в Психоневрологическом институте им. В. М. Бехтерева в Ленинграде, посетить некоторые психиатрические клиники и исследовательские центры в Москве, а также принять участие в программе экспериментального изучения неврозов у обезьян в Сухуми. В Ленинграде я выступил с докладом о терапевтическом потенциале необычных состояний сознания перед несколькими сотнями советских психологов и психиатров и был очень тронут тёплым приёмом.

Третий визит состоялся в апреле 1989 года. Мы с моей женой Кристиной побывали в Москве по приглашению советского Министерства здравоохранения для чтения лекций и проведения практического семинара по холотропному дыханию – мощному методу самопознания и терапии, который мы разрабатывали и совершенствовали в Калифорнии на протяжении последних 15 лет. И опять нас принимали очень тепло и радушно. Хотя наш визит и не рекламировался, на встречу с нами люди приехали даже из столь удалённых мест, как Прибалтика, Ленинград, Киев, Армения, Грузия. Ещё одним волнующим знаком необычайного интереса к исследованиям сознания были многочисленные просьбы подписать русские переводы моих книг, которые распространились по стране в самиздатовских ксерокопиях.

Я очень взволнован тем, что ситуация изменилась до такой степени, что "За пределами мозга" – и надеюсь, вскоре другие мои книги будут изданы официально. Также надеюсь, что обсуждаемый в этих книгах материал окажется полезным русским читателям и будет стимулировать их интерес к исследованиям сознания и трансперсональной психологии.

*С наилучшими пожеланиями,
Станислав Гроф, доктор медицины,
Сан-Франциско, октябрь 1990 года.*

ОТ АВТОРА

*Посвящается Кристине, Полу
и моей матери Марии*

Эта книга явилась плодом интенсивных и систематических изысканий, продолжавшихся почти три десятилетия. На всех этапах этого долгого пути профессиональные и личные интересы переплетались настолько тесно, что стали нераздельным целым. Процесс научного исследования неизведанных территорий человеческой психики стал для меня в равной мере путешествием личной трансформации и самопознания.

Все эти годы я пользовался неоценимой помощью, вдохновением и одобрением со стороны многих значимых в моей жизни людей, в числе которых были мои учителя, мои друзья или коллеги, а некоторые сочетали в себе все эти роли. Здесь невозможно назвать всех поимённо. Но в нескольких случаях помощь была так велика, что требует особого упоминания.

Антрополог Энджелес Эрриен, исследовательница мистических традиций басков, стала мне верным другом и живым примером того, как в душе могут быть интегрированы женский и мужской аспекты и как "идти по мистической тропе своими ногами".

Энн и Джим Армстронги научили меня многому о природе подлинного медиумического дара и об эволюционном потенциале трансперсональных кризисов. Их бесстрашный энтузиазм в изучении человеческой психики является уникальным образцом совместного путешествия по неизведанным областям сознания.

Грэгори Бэйтсон, с которым я имел счастье провести много часов в интенсивном личном и интеллектуальном взаимодействии за те два с половиной года, когда мы оба трудились в Эсаленском институте в Калифорнии, стал мне добрым учителем и любимым другом. Его пронзительная критика механистического мышления в науке и выполненный им творческий синтез кибернетики, информатики и теории систем, психиатрии и антропологии оказали глубокое влияние на моё развитие.

Джозеф Кемпбэл, блестящий мыслитель, мастерский наставник и дорогой друг, преподавал мне бесценные уроки о первостепенной значимости мифологии для психиатрии и нашей повседневности. Равно глубоким было и его влияние на мою личную жизнь.

Ключевую роль в моём собственном интеллектуальном развитии и в научных поисках сыграла работа Фритьофа Капры. Именно его книга "Дао физики" убедила меня в том, что экстраординарные данные современных исследований сознания непременно будут когда-нибудь интегрированы в новом, всеобъемлющем научном мировоззрении. Наша многолетняя дружба и богатый обмен информацией в те времена, когда он писал "Поворотный пункт", очень помогли мне в работе над данной книгой.

Майкл и Сандра Харнеры, вошедшие в самый близкий круг моих друзей, одарили меня существенной поддержкой и возможностью поделиться нетрадиционными наблюдениями и информацией. Майкл, удачно сочетающий в себе роли уважаемого академика и преуспевающего "белого шамана", стал образцом для моей собственной жизни.

Свами Мукткнанда Парамахамса, почивший недавно духовный учитель и глава линии Сиддха-Йоги, с которым я много раз встречался на протяжении ряда лет, предоставил мне уникальную возможность наблюдать и испытать на себе могущественное влияние животворной мистической традиции.

Ральф Мечнер, в котором непревзойдённым образом соединяются солидная образованность, любознательный ум и дух авантюризма, стал моим близким другом и коллегой.

Руперт Шелдрейк сумел с необыкновенной ясностью и остротой обозначить те ограничения механистического мышления в естественных науках, о которых я сам думал многие годы. Его работа значительно помогла освободиться от смиренной рубашки убеждений, навязанных мне в ходе профессиональной подготовки.

Энтони Сутич и Абрахам Мэслоу, инициаторы двух новых направлений в психологии – гуманистического и трансперсонального, – стали для меня настоящим источником вдохновения. Они придали конкретную форму некоторым моим мечтам и надеждам относительно будущего психологии, и, конечно, мне никогда не забыть, что я был с ними рядом у истоков трансперсонального движения.

Теория процессов Артура Янга – одна из самых волнующих концепций среди всех, с которыми я когда-либо сталкивался. Чем глубже я вникаю в её смысл, тем более склонен в ней видеть научную метапарадигму будущего.

Открытие холистических принципов распахнуло для меня целый мир новых возможностей теоретического рассуждения и практических приложений. Особенную благодарность за это приношу Дэвиду Бому, Карлу Прибраму и Хьюго Зукерелли.

Клиническая работа с психоделиками сыграла решающую роль в пробуждении моего и по сей день сохраняющегося интереса к исследованиям сознания; именно здесь собраны самые важные данные из тех, что обсуждаются в книге. Это было бы невозможным без эпохальных открытий Альберта Хофмана. Я хотел бы выразить моё глубокое уважение к его трудам, оказавшим столь глубокое влияние на мою профессиональную и личную жизнь.

Стимулирующая атмосфера Эсаленского института и природная красота побережья Биг-Сура обеспечили уникальную обстановку для работы над книгой. Я хочу поблагодарить моих эсаленских друзей, Дика и Крис Прайс, Майкла и Далси Мерфи, Рика и Хэдер Тарнас за их многолетнюю поддержку. Рик вдобавок научил меня многому в отношении астрономических процессов и динамики архетипов. Кетлин О'Шонесси заслуживает особой признательности за преданную и чуткую помощь в подготовке рукописи.

Выражаю глубочайшую благодарность всем членам моей семьи – моей матери Марии, брату Полу и жене Кристине. Им первым доставалось на "американских горках" (интеллектуальных, философских и духовных) моих многолетних нетрадиционных изысканий. Кристина, самый близкий друг и товарищ по исследованиям, поделила со мной личную и профессиональную жизнь. Вместе мы разрабатывали и применяли на практике технику холотропной терапии, которая описана в этой книге. Из её драматичного личного путешествия я извлёк множество уроков, которые преподаются только самой жизнью. Кроме того, она была главным вдохновителем Службы духовной неотложной помощи – проекта, который мы вместе с ней начали в Биг-Суре, штат Калифорния.

ВВЕДЕНИЕ

На этих страницах я попытался сжать в один том результаты почти тридцатилетнего изучения неординарных состояний сознания, вызванных приёмом психоделических препаратов или применением различных нефармакологических методов. Эта книга – докумен-

тальное отображение моих усилий в организации и систематизации исследовательских данных, которые много лет каждодневно бросали вызов системе моих научных убеждений и здравому смыслу. Пытаясь справиться с лавиной смущающих данных, я неоднократно исправлял и перепроверял свои концептуальные схемы, залатывая их приемлемыми на тот случай гипотезами, – и всякий раз только для того, чтобы увидеть настоятельную необходимость ещё одной их переделки.

У меня самого ушли годы на то, чтобы принять материалы этой книги, поэтому я не жду от читателей лёгкого усвоения большей части представленной здесь информации. Для этого нужно приобрести соответствующий опыт – лично или в работе с другими людьми. Я надеюсь, что тогда им пригодятся эти свидетельства – как независимая аргументация ко многим спорным вопросам, с которыми они непременно столкнутся. Меня в течение многих лет побуждали и вдохновляли сообщения других исследователей, указывавшие, что я уже не одинок в своих поисках, как это было в самом начале.

Что касается читателей, у которых не было соответствующих переживаний, то среди них мне особенно важно заинтересовать тех, у кого нет предубеждений, кто способен использовать представленные факты как побуждение к самостоятельной работе для их подтверждения или опровержения. Я совсем не рассчитываю, что материалы этой книги будут приниматься на веру – техника, при помощи которой достигались обсуждаемые здесь переживания и наблюдения, описана с достаточной детальностью, и её можно воспроизвести. Использование психоделиков – самого могущественного инструмента среди всех видов этой техники – в настоящее время связано с затруднениями политического, юридического и административного характера. Однако возможны подходы и без применения психоделиков, они описаны в книге и доступны каждому, кто всерьёз заинтересуется продолжением исследований в этой области.

Эти данные пригодятся и тем исследователям, которые занимаются аналогичными или относящимися к той же сфере явлениями в контексте других дисциплин и используются другие методы. Наверное, ими заинтересуются антропологи, изучающие туземные культуры и шаманские практики, обряды инициации и церемонии целительства; танатологи, исследующие смерть и предсмертные переживания; практикующие терапевты, использующие различные мощные эмпирические техники психотерапии, работу с телом или неавторитарные формы гипноза; учёные, занимающиеся лабораторными исследованиями изменённых состояний сознания и использующие для этого сенсорную изоляцию и перегрузки, биообратную связь, холофоническое звучание и другую звуковую технику; психиатры-клиницисты, которые работают с пациентами, переживающими неординарные состояния сознания в острой форме; парапсихологи, исследующие экстрасенсорное восприятие, и физики, интересующиеся природой пространства и времени, применением квантово-релятивистской физики для понимания взаимоотношений материи и сознания.

По моим собственным трудностям в принятии новых наблюдений при отсутствии очевидных и постоянно повторяющихся результатов я могу взвешенно судить о том, что не стоит анализировать данные по исследованиям сознания, находясь в башне из слоновой кости старых систем убеждений. Из истории науки мы знаем о недалёковидности тех, кто отвергал новые наблюдения и свидетельства, только потому что они не согласовывались с существующим мировоззрением или принятой научной парадигмой. Нежелание современников Галилея взглянуть в телескоп (а ведь они уже знали, что на Луне не может быть кратеров!) служит лучшим тому примером.

Я уверен, что многие из проблем, обсуждаемых на этих страницах, чрезвычайно важны и представляют всеобщий интерес, так что книга может стать полезной для многих разумных людей, не занятых непосредственно исследованиями в любой из вышеупомянутых областей. Особенно уместны и важны для обычного читателя следующие темы: новое понимание реальности и природы человека; научное мировоззрение, включающее в себя мистические измерения существования; альтернативное понимание эмоциональных и психосоматических проблем, в том числе и некоторых психотических состояний; новая стратегия в терапии и самопознании; интуитивное видение современного глобального кризиса. Книга эта, ещё в рукописи, пригодилась многим людям, переживавшим эпизоды неординарных состояний сознания, она давала им новую концептуальную структуру и стратегию.

Когда в самом начале моих исследований психоделиков я пробовал поделиться с друзьями и коллегами новыми волнующими наблюдениями, мне был преподнесён важный урок. Стало до боли очевидным, что тому, кто честно, в обход внутренней цензуры сообщает о том, что испытал, встречает глубокое недоверие и подозрение, а кроме того, серьёзно рискует профессиональной репутацией и добрым именем. С той поры моя задача состояла не в

том, чтобы найти лучший способ отчётливо выразить новые реалии в их целостности, а в том, чтобы от ситуации к ситуации решать, насколько возможно и целесообразно сообщать о них, какие метафоры и какой язык употребить, как соотнести сообщаемые факты с принятым в научном сообществе знанием.

В течение первых десяти лет моих исследований психоделиков в Чехословакии лишь очень немногие из моих друзей и коллег оказались достаточно непредубеждёнными для восприятия всего спектра новых открытий, способными серьёзно оценить их научную и философскую значимость. И хотя в 1967 году, когда я покинул Чехословакию, было подготовлено уже более 40 проектов с применением психоделиков, многие из тех, кто был в них вовлечён, ограничились в своей клинической работе и концептуальной систематике уровнем биографических феноменов; они уходили от новых наблюдений или пытались объяснить их традиционно.

Когда я выступил с лекциями о своих европейских исследованиях в Соединённых Штатах, круг единомышленников-коллег быстро расширился. Моими новыми товарищами стали не только специалисты по психоделикам, но и антропологи, парапсихологи, нейрофизиологи и танатологи – все вместе мы начали решительную концептуальную борьбу за интеграцию результатов нетрадиционных (личных или профессиональных) поисков и исследований с философией современной науки. У многих из них тоже накопились неопубликованные и не подлежащие публикации факты и наблюдения, статьи и даже монографии, которые они не решались предложить коллегам, придерживающимся ньютоново-картезианской концепции, или широкой публике. После многих лет моей профессиональной изоляции, общение с этими людьми стало волнующим и ободряющим событием.

В конце 60-х годов я познакомился с небольшой группой специалистов, в которую входили Абрахам Мэслоу, Энтони Сутич и Джеймс Фейдиман, – они разделяли мою убеждённость, что пришло время нового психологического направления, которое сосредоточилось бы на изучении сознания и признавало значимость духовных измерений психики. После нескольких встреч, имевших целью прояснение новых концепций, мы решили назвать это направление "трансперсональной психологией". Вскоре был основан "Журнал трансперсональной психологии" и создана Ассоциация за трансперсональную психологию.

Обретенное чувство профессиональной общности в быстро растущей группе коллег-единомышленников с общим для всех пониманием психологии и психотерапии очень меня вдохновляло, но всё же не решило окончательно моей старой проблемы самоидентификации как учёного. Хотя трансперсональная психология обладала определённой внутренней связностью и стала в какой-то мере самодостаточной, она оставалась почти полностью изолированной от главного русла в науке. Как и моё собственное мировоззрение, трансперсональная психология была уязвима для обвинений в иррациональности и ненаучности, а значит – в несовместимости со здравым смыслом и современным научным мышлением.

Ситуация резко изменилась за первые десять лет существования Ассоциации за трансперсональную психологию. Стало ясно, что трансперсональная ориентация и трансперсональная перспектива далеко раздвигают узкие прежде границы психиатрии, психологии и психотерапии. За это время установились важные связи с революционными открытиями в других научных дисциплинах – в квантово-релятивистской физике, теориях систем и информации, изучении диссипативных структур, исследованиях мозга, парапсихологии, голографии и холономном мышлении [Сохраняя в нашем издании неверную, но уже закрепившуюся в науке транслитерацию терминов, производных от греч. *holos* ("целый, весь"), только для "голографии" и "голограммы", все другие термины мы даём в соответствии с устоявшимся в русской философской литературе написанием. Ср. "холизм, холистический" – *Прим. ред.*]. Совсем недавно к ним добавились новые концепции в биологии, эмбриологии, генетике, науке о поведении, а также развитие холофонной технологии.

Многие из первопроходцев новых путей мышления в науке на протяжении нескольких лет принимали участие как приглашённые преподаватели в четырёхнедельных экспериментальных учебных программах, которые мы с моей женой Кристиной проводили в Эсаленском институте (Биг-Сур, штат Калифорния). В этом контексте я получил возможность формально и неформально, но всегда приятно сотрудничать с такими специалистами, как Фрэнк Барр, Грегори Бейтсон, Джозеф Кемпбел, Фритьоф Капра, Дуэйн Элджин, Дэвид Финкелштейн, Элмер и Элис Грин, Майкл Харнер, Стенли Криппнер, Руперт Шелдрейк, Соул-Пол Сирак, Рассел Тарг, Чарльз Тарт, Артур Янг, и многими другими. Я мог также близко общаться и обмениваться информацией с пионерами трансперсональной психологии – в их числе Энеджелс Эрриен, Артур Хастингс, Джек Корнфилд, Ральф Метцнер, Джон Перри, Джун Сингер, Ричард Тарнас, Френсис Воон, Роджер Уолш и Кен Уилбер.

Богатые контакты с уникальными и творческими индивидуальностями на наших четырехнедельных семинарах стали основным источником вдохновения для Международной трансперсональной ассоциации (ИТА), которую я организовал в 1978 году совместно с Майклом Мэрфи и Ричардом Прайсом – основателями Эсаленского института. ИТА отличается от Ассоциации за трансперсональную психологию выраженной международной и междисциплинарной направленностью. В первые годы, когда я исполнял обязанности президента ИТА, у меня появилась возможность организовать большие международные конференции трансперсоналогов в Бостоне, Мельбурне и Бомбее. Ежегодные встречи ИТА привлекли многих замечательных докладчиков и обширную аудиторию, помогли выкристаллизовать теоретические обоснования и тем самым укрепили трансперсональное движение.

В настоящее время новое мышление в науке быстро набирает силу. Хотя поразительные индивидуальные разработки ещё не сведены воедино, последовательной и исчерпывающей научной парадигме, способной заменить механистическую модель Вселенной, пока нет, но к этой впечатляющей мозаике необычайно быстро добавляются всё новые и новые фрагменты. Я убеждён, что для будущего науки (а возможно и для всей нашей планеты) чрезвычайно важно, чтобы эти новые устремления завоевали признание научной общественности. Именно поэтому я не представляю материал в упрощённой и популярной версии (что, возможно, предпочли бы многие издатели, с которыми я вёл переговоры). Я испытываю сильную потребность представить данные своих исследований сознания в контексте революционных открытий – столь важных для моего личного и профессионального развития – в других дисциплинах. Поэтому представление моих собственных данных предваряет глава о возникающей парадигме, в которой суммированы результаты многих исследователей и мыслителей и тем самым подготовлен весь контекст книги.

Одно из самых глубоких влияний на моё мышление оказали холистические принципы, развитые в трудах Готфрида Вильгельма Лейбница, Жана-Батиста Фурье, Денниса Гаора, Дэвида Бома, Карла Прибрама и Хьюго Зукерелли. И признавая величие предложенных холистическим мышлением революционных альтернатив, противопоставивших себя механистической концепции "разума, содержащегося в мозге", я решил назвать эту книгу "За пределами мозга".

1. ПРИРОДА РЕАЛЬНОСТИ: ЗАРЯ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

В разных частях этой книги будут обсуждаться важные наблюдения из различных областей знания - те наблюдения, которые неспособны ни признать, ни объяснить механистическая наука и традиционные концептуальные системы психиатрии, психологии, антропологии и медицины. Некоторые из новых данных столь значительны, что указывают на необходимость радикальной ревизии современного понимания человеческой природы и даже природы реальности. Поэтому кажется уместным начать книгу с экскурса в философию науки и пересмотреть некоторые современные идеи о соотношении научных теорий и реальности.

Соппротивление наплыву новых революционных данных со стороны традиционно настроенных ученых основано по большей части на фундаментальном непонимании природы и функции научных теорий. В последние несколько десятилетий такие философы и историки науки, как Томас Кун (Kuhn, 1962), Карл Поппер (Popper, 1963, 1965), Филипп Франк (Frank, 1974) и Пол Фейерабенд (Feyerabend, 1978) привнесли достаточно ясности в эту область. Пионерские изыскания этих мыслителей заслуживают хотя бы краткого обзора.

Философия науки и роль парадигм

Со времен промышленной революции западная наука добилась поразительных успехов и стала мощной силой, формирующей жизни миллионов людей. Ее материалистическая и механистическая ориентация почти полностью заменила теологию и философию в качестве руководящих принципов человеческого существования и до невообразимой ранее степени преобразовала мир, в котором мы живем. Технологический триумф был столь заметен, что только в самое последнее время и лишь немногие засомневались в абсолютном праве науки определять общую жизненную стратегию. В учебниках по различным дисциплинам история науки описана преимущественно как линейное развитие с постепенным накоплением знаний о Вселенной, а кульминацией этого развития представлено современное положение дел. Поэтому важные для развития научного мышления фигуры выглядят сотрудниками, работавшими над общим для всех кругом проблем, руководствуясь одним и тем же набором

фиксированных правил, которые, кстати, только совсем недавно определены в качестве научных. Каждый период в истории научных идей и методов видится логической ступенью в постепенном приближении ко все более точному описанию Вселенной и к предельной истине о существовании.

Детальный анализ научной истории и философии показал чрезвычайно искаженную, романтизированную картину реального хода событий. Можно весьма убедительно доказать, что история науки далеко не прямолинейна и что, несмотря на технологические успехи, научные дисциплины вовсе не обязательно приближают нас к более точному описанию реальности. Самым видным представителем этой еретической точки зрения является физик и историк науки Томас Кун. Его интерес к развитию научных теорий и революций в науке вырос из размышлений над некоторыми фундаментальными различиями общественных и естественных наук. Он был потрясен количеством и степенью разногласий среди специалистов по общественным наукам относительно базисной природы вошедших в круг рассмотрения проблем и подходов к ним. Совсем иначе обстоят дела в естественных науках. Хотя занимающиеся астрономией, физикой и химией вряд ли обладают более четкими и точными решениями, чем психологи, антропологи и социологи, они не затевают почему-то серьезных споров по фундаментальным проблемам.

Исследовав глубже это очевидное несоответствие, Кун начал интенсивно изучать историю науки и спустя пятнадцать лет опубликовал работу "Структура научных революций" (Kuhn, 1962), которая потрясла основы старого мировоззрения.

В ходе исследований ему становилось все более очевидным, что в исторической перспективе развитие даже так называемых точных наук далеко от гладкости и однозначности. История науки ни в коей мере не является постепенным накоплением данных и формированием все более точных теорий. Вместо этого ясно видна ее цикличность со специфическими стадиями и характерной динамикой. Процесс этот закономерен, и происходящие изменения можно понять и даже предсказать: сделать это позволяет центральная в теории Куна концепция парадигмы.

В широком смысле парадигма может быть определена как набор убеждений, ценностей и техник, разделяемых членами данного научного сообщества. Некоторые из парадигм имеют философскую природу, они общи и всеохватны, другие парадигмы руководят научным мышлением в довольно специфических, ограниченных областях исследований. Отдельная парадигма может поэтому стать обязательной для всех естественных наук, другая - лишь для астрономии, физики, биологии или молекулярной биологии, еще одна - для таких высокоспециализированных и эзотерических областей, как вирусология или генная инженерия¹.

Парадигма столь же существенна для науки, как наблюдение и эксперимент; приверженность к специфическим парадигмам есть необходимая предпосылка любого серьезного научного дела. Реальность чрезвычайно сложна, и обращаться к ней в ее тотальности вообще невозможно. Наука не в состоянии наблюдать и учитывать все разнообразие конкретного явления, не может провести всевозможные эксперименты и выполнить все лабораторные и клинические анализы. Ученому приходится сводить проблему до рабочего объема, и его выбор направляется ведущей парадигмой данного времени. Таким образом, он непременно вносит в область изучения определенную систему убеждений.

Научные наблюдения сами по себе не диктуют единственных и однозначных решений, ни одна из парадигм никогда не объяснит всех имеющихся фактов, и для теоретического объяснения одних и тех же данных можно использовать многие парадигмы. Какой из аспектов сложного явления будет выбран и какой из возможных экспериментов будет начат или проведен первым, определяется многими факторами. Это случайности в предварительном исследовании, базовое образование и специальная подготовка персонала, опыт, накопленный в других областях, индивидуальные задатки, экономические и политические факторы, а также другие параметры. Наблюдения и эксперименты могут и должны значительно сокращать диапазон приемлемых научных решений - без этого наука стала бы научной фан-

¹ - В своей последней работе Томас Кун различает уже более специфические составляющие и элементы того, что изначально объединил под общим термином "парадигма". Например, он выделил символические обобщения (практику выражения определенных устойчивых связей в кратких уравнениях, таких как $f=ma$, $I=V/R$ или $E=mc^2$); доверие к частным моделям (планетарная модель атома, корпускулярная или волновая модели света, модель газа в виде крошечных бильярдных шаров материи, пребывающих в беспорядочном движении, и т. д.); общность ценностей (значение предсказания, проверяемость, воспроизводимость, логическая непротиворечивость, вероятность, наглядность или приемлемый допуск ошибки); образцы (примеры решения конкретной проблемы, в которых согласованные принципы применяются в различных областях).

тастикой. Тем не менее, они не могут сами по себе и сами для себя полностью подтвердить конкретную интерпретацию или систему убеждений. Таким образом, в принципе невозможно заниматься наукой без некоторого набора априорных убеждений, фундаментальных метафизических установок и ответов на вопрос о природе реальности и человеческого знания. Но следует четко помнить об относительной природе любой парадигмы - какой бы прогрессивной она ни была и как бы убедительно ни формулировалась. Не следует смешивать ее с истиной о реальности. Согласно Куну, парадигмы играют в истории науки решающую, сложную и неоднозначную роль. Из приведенных выше соображений ясно, что они безусловно существенны и необходимы для научного прогресса. Однако на определенных стадиях развития они действуют как концептуальная смирительная рубашка - тем, что покушаются на возможности новых открытий и исследования новых областей реальности. В истории науки прогрессивная и реакционная функции парадигм словно чередуются с некоторым предсказуемым ритмом.

Ранним стадиям наук, которые Кун описывает как "допарадигмальные периоды", свойственны концептуальный хаос и конкуренция большого числа расходящихся воззрений на природу. Ни одно из них нельзя сразу отбросить как неверное, так как все они приблизительно соответствуют наблюдениям и научным методам своего времени. Простая, элегантная и правдоподобная концептуализация данных, готовая объяснить большую часть имеющихся наблюдений и обещающая служить руководящей линией для будущих исследований, начинает в данной ситуации играть роль доминирующей парадигмы. Когда парадигму принимает большая часть научного сообщества, она становится обязательной точкой зрения. На этом этапе имеется опасность ошибочно увидеть в ней точное описание реальности, а не вспомогательную карту, удобное приближение и модель для организации существующих данных. Такое смешение карты с территорией характерно для истории науки. Ограниченное знание о природе, существовавшее на протяжении последовательных исторических периодов, представлялось научным деятелям тех времен исчерпывающей картиной реальности, в которой не хватает лишь деталей. Это наблюдение столь впечатляет, что историк легко мог бы представить развитие науки историей ошибок и идиосинкразий, а не систематическим накоплением информации и постепенным приближением к окончательной истине.

Как только парадигма принята, она становится мощным катализатором научного прогресса; Кун называет эту стадию "периодом нормальной науки". Большинство ученых все свое время занимается нормальной наукой, из-за чего эта отдельная сторона научной деятельности стала в прошлом синонимом науки вообще.

Нормальная наука основывается на допущении, что научное сообщество знает, что такое Вселенная. В главенствующей теории определено не только то, чем является мир, но и чем он не является; наряду с тем, что возможно, она определяет и то, что в принципе невозможно. Кун описал научные исследования как "напряженные и всепоглощающие усилия рассовать природу по концептуальным ящикам, заготовленным в профессиональном образовании". Пока существование парадигмы остается само собой разумеющимся, только те проблемы будут считаться законными, для которых можно предположить решение - это гарантирует быстрый успех нормальной науки. При таких обстоятельствах научное сообщество сдерживает и подавляет (часто дорогой ценой) всякую новизну, потому что новшества губительны для главного дела, которому оно предано.

Парадигмы, следовательно, несут в себе не только познавательный, но и нормативный смысл; в дополнение к тому, что они являются утверждениями о природе реальности, они также определяют разрешенное проблемное поле, устанавливают допустимые методы и набор стандартных решений. Под воздействием парадигмы все научные основания в какой-то отдельной области подвергаются коренному переопределению. Некоторые проблемы, представлявшиеся ранее ключевыми, могут быть объявлены несообразными или ненаучными, а иные - отнесены к другой дисциплине. Или же наоборот, какие-то вопросы, прежде не существовавшие или считавшиеся тривиальными, могут неожиданно оказаться предметами значительного научного интереса. Даже в тех областях, где старая парадигма сохраняет свою действенность, понимание проблем не остается тем же самым и требует нового обозначения и определения. Нормальная наука, основанная на новой парадигме, не только несовместна, но и несопоставима с практикой, которой управляла предыдущая парадигма.

Нормальная наука занимается по сути только решением задач; ее результаты в основном предопределены самой парадигмой, она производит мало нового. Главное внимание уделяется способу достижения результатов, а цель состоит в дальнейшем оттачивании ведущей парадигмы, что способствует увеличению сферы ее применения. Следовательно, нормаль-

ные исследования кумулятивны, так как ученые отбирают только те проблемы, которые могут быть решены при помощи уже существующих концептуальных и инструментальных средств. Кумулятивное приобретение фундаментально новых знаний при этих обстоятельствах не просто редкостью, а в принципе невероятно. Действительное открытие может произойти только в том случае, если не сбудутся предположения относительно природы, методов и средств исследования, основанные на существующей парадигме. Новые теории не возникнут без разрушения старых воззрений на природу.

Новая, радикальная теория никогда не будет дополнением или приращением к существующим знаниям. Она меняет основные правила, требует решительного пересмотра или переформулирования фундаментальных допущений прежней теории, проводит переоценку существующих фактов и наблюдений. По теории Куна, только в событиях подобного рода можно признать настоящую научную революцию. Она может произойти в каких-то ограниченных областях человеческого знания или может радикально повлиять на целый ряд дисциплин. Сдвиги от аристотелевской к ньютоновской физике или от ньютоновской к эйнштейновской, от геоцентрической системы Птолемея к астрономии Коперника и Галилея, или от теории флогистона к химии Лавуазье - замечательные примеры изменений этого рода. В каждом из этих случаев потребовался отказ от широко принятой и достойной научной теории в пользу другой, в принципе с ней несовместимой. Каждый из этих сдвигов вылился в решительное переопределение проблем, доступных и значимых для научного исследования. Кроме того, они заново определили то, что допустимо считать проблемой, а что - стандартами законного ее решения. Этот процесс приводил к коренному преобразованию научного воображения; мы не преувеличим, если скажем, что под его воздействием менялось само восприятие мира.

Томас Кун отметил, что всякая научная революция предваряется и предвещается периодом концептуального хаоса, когда нормальная практика науки постепенно переходит в то, что он называет "экстраординарной наукой". Раньше или позже повседневная практика нормальной науки обязательно приведет к открытию аномалий. Во многих случаях некоторые приборы перестанут работать так, как предсказывает парадигма, в ряде наблюдений обнаружится то, что никак не вписать в существующую систему убеждений, или же проблема, которую нужно решить, не будет поддаваться настойчивым усилиям выдающихся специалистов.

Пока научное сообщество остается под чарами парадигмы, одних аномалий будет недостаточно, чтобы засомневаться в обоснованности базовых допущений. Поначалу неожиданные результаты будут называться "плохими исследованиями", поскольку диапазон возможных результатов четко определен парадигмой. Когда результаты подтверждаются повторными экспериментами, это может привести к кризису в данной области. Однако даже тогда ученые не откажутся от парадигмы, которая привела их к кризису. Научная теория, однажды получившая статус парадигмы, до тех пор будет в ходу, пока ей не найдется жизнеспособной альтернативы.

Несовместимости постулатов парадигмы и наблюдений еще недостаточно. В течение некоторого времени расхождение будет рассматриваться как проблема, которая в конце концов разрешится за счет модификаций и прояснений. И все же после периода утомительных и бесполезных усилий аномалия вдруг выходит за рамки еще одной загадки, и данная дисциплина вступает в период экстраординарной науки. Лучшие умы в этой области концентрируют свое внимание на проблеме. Критерии исследования начинают слабеть, экспериментаторы становятся менее предубежденными и готовыми рассматривать дерзкие альтернативы. Растет число конкурирующих обоснований, причем они все больше расходятся по смыслу.

Неудовлетворенность существующей парадигмой возрастает и выражается все более недвусмысленно. Ученые готовы обратиться за помощью к философам и обсуждать с ними фундаментальные установки - о чем и речи не могло быть в период нормальных изысканий. До и во время научных революций происходят также горячие дебаты о законности методов, проблем и стандартов. В этих обстоятельствах, с развитием кризиса возрастает профессиональная неуверенность. Несостоятельность старых правил ведет к интенсивным поискам новых.

Во время переходного периода проблемы можно решать как при помощи старой, так и при помощи новой парадигмы. Это неудивительно - философы науки не раз доказывали, что конкретный набор данных всегда можно интерпретировать в рамках нескольких теоретических построений. Научные революции - это те некумулятивные эпизоды в науке, когда старая парадигма полностью или частично заменяется новой, с ней несовместимой. Выбор

между двумя конкурирующими парадигмами нельзя сделать на основе оценочных процедур нормальной науки. Последняя является прямой наследницей старой парадигмы, и ее судьба решающим образом зависит от исхода этого соревнования. Поэтому парадигма становится жестким предписанием по необходимости - она в состоянии к чему-то склонить, но не способна убедить ни логическими, ни даже вероятностными аргументами. Перед двумя конкурирующими школами встает серьезная проблема коммуникации. Они оперируют разными базовыми постулатами о природе реальности и по-разному определяют элементарные понятия.

Вследствие этого, они не могут прийти к согласию даже в том, какие проблемы считать важными, какова их природа и что собой представляет их возможное решение. Научные критерии разнятся, аргументы зависят от парадигмы, а осмысленная конфронтация невозможна без взаимной интерпретации понятий. В рамках новой парадигмы старые термины обретают совсем иные определения и новый смысл; в результате они скорее всего и соотноситься будут совершенно иначе. Коммуникация через концептуальную перегородку будет заведомо неполной и приведет к путанице. В качестве характерного примера можно привести полное различие по смыслу таких понятий, как материя, пространство и время в ньютоновской и эйнштейновской моделях. Рано или поздно, ценностные суждения тоже вступят в действие, поскольку разные парадигмы расходятся в том, какие проблемы решать, а какие оставлять без ответа. Критерии же для экспертизы по этой ситуации находятся целиком вне круга нормальной науки.

Ученый, занятый нормальной наукой, становится решателем задач. Парадигма для него - то, что само собой разумеется, и ему совсем не интересно проверять ее надежность. На самом деле он существенно укрепляет ее фундаментальные допущения. Этому в частности есть такие вполне понятные объяснения, как энергия и время, затраченные в прошлом на обучение, или академическое признание, тесно связанное с разработкой данной парадигмы. Однако корни затруднения уходят гораздо глубже, за пределы человеческих ошибок и эмоциональных привнесений.

Они затрагивают саму природу парадигм и их роль в науке. Важная часть этого сопротивления - уверенность в том, что текущая парадигма верно представляет реальность, и в том, что она в конце концов справится со всеми своими проблемами. Таким образом, сопротивление новой парадигме является, в конечном счете, той самой предрасположенностью, которая делает возможным существование нормальной науки. Ученый, занимающийся нормальной наукой, напоминает шахматиста, чья активность и способность к решению задач жестко зависят от набора правил. Суть игры состоит в отыскании оптимальных решений в контексте этих априорных правил, и в подобных обстоятельствах было бы абсурдным в них сомневаться - а уж тем более их изменять. В обоих примерах правила игры разумеются сами собой; они представляют необходимый набор предпосылок для деятельности по решению задач. Новизна же ради новизны в науке не желательна, в отличие от других областей творчества.

Таким образом, до проверки парадигмы дело доходит, только в том случае, когда при постоянных неудачах решить важную задачу возникает кризис, порождающий конкуренцию двух парадигм. Новой парадигме предстоит пройти испытание по определенным критериям качества. Она должна предложить решение каких-то ключевых проблем в тех областях, где старая парадигма оказалась несостоятельной. Кроме того, после парадигмальной смены должна быть сохранена такая же способность к решению задач, какая была у уходящей парадигмы. Для нового подхода важна также готовность к решению дополнительных проблем в новых областях. И, тем не менее, в научных революциях наряду с выигрышами всегда есть и потери. Их обычно скрывают, принимая негласно - до той поры, пока прогресс гарантирован.

Так, ньютоновская механика, в отличие от аристотелевской и картезианской динамики, не объяснила природу сил притяжения между частицами материи, а просто допустила гравитацию. Этот вопрос был позднее адресован общей теории относительности и только в ней получил разрешение. Оппоненты Ньютона считали его приверженность к врожденным силам возвратом к средневековью. Точно так же, теория Лавуазье не смогла ответить на вопрос, почему самые разные металлы столь похожи - вопрос, с которым успешно справлялась теория флогистона. И только в двадцатом веке наука снова смогла взяться за эту тему. Оппоненты Лавуазье возражали также против отказа от "химических принципов" в пользу лабораторных элементов, считая это регрессом от обоснования к простому наименованию. В другом подобном случае, Эйнштейн и другие физики противились главенствовавшей вероятностной интерпретации квантовой физики.

Новая парадигма не принимается постепенно, под неумолимым воздействием очевидности и логики. Смена происходит мгновенно, она похожа на психологическое превращение или на сдвиг в восприятии фигуры и заднего плана, и оно подчиняется закону "все или ничего". Ученые, избирающие для себя новую парадигму, говорят о том, что их "осенило", о неожиданном решении или о вспышке проясняющей интуиции. Почему так происходит, пока не совсем понятно. В дополнение к способности парадигмы исправить кризисную ситуацию, к которой привела старая парадигма, Кун упоминает в качестве причин иррациональные мотивы, биографически предопределенную идиосинкразию, исходную репутацию или национальность основоположника и другие причины. Кроме того, важную роль могут играть и эстетические качества парадигмы - такие, как элегантность, простота и красота.

В науке существовала тенденция рассматривать последствия смены парадигмы с точки зрения нового толкования имеющихся данных. Согласно этому взгляду, наблюдения однозначно определяются природой объективного мира и аппарата восприятия. Однако, такая позиция сама зависит от парадигмы - это одно из основных допущений картезианского подхода к миру. Необработанные данные наблюдения далеки от того, чтобы представлять чистое восприятие; а стимулы не следует путать с их восприятием или ощущением. Восприятие обусловлено опытом, образованием, языком и культурой. При определенных обстоятельствах одни и те же стимулы могут привести к различным ощущениям, а различные стимулы - к одинаковым. Для первого из этих положений примером могут служить двусмысленные картины, вызывающие радикальное переключение гештальта восприятия. Самые известные из них те, что могут быть восприняты двумя различными способами - т.е. как утка или кролик, как античная ваза или два человеческих профиля. Хорошим примером второго положения служит человек с дефектом зрения, который учится при помощи сложных линз корректировать изображение мира. Нет нейтрального языка наблюдения, который строился бы только по отпечаткам на глазной сетчатке. В понимании природы стимулов, сенсорных органов и их взаимодействия отражается существующая теория восприятия и человеческого разума.

Ученый, принимающий новую парадигму, не интерпретирует реальность поновому, скорее он похож на человека в новых очках. Он видит те же самые объекты и находит их совершенно преобразенными по сути и во многих деталях, при этом будет убежден, что они таковы на самом деле.

Мы не преувеличим, говоря, что со сменой парадигмы мир ученых меняется тоже. Они используют новые инструменты, ищут в других местах, наблюдают другие объекты и постигают даже знакомое в совершенно ином свете. Согласно Куну, этот радикальный сдвиг восприятия можно сравнить с неожиданным перемещением на другую планету. Научный факт нельзя отделить от парадигмы с абсолютной четкостью. Мир ученых изменяется качественно и количественно за счет новых разработок - либо факта, либо теории.

Сторонники революционной парадигмы обычно не интерпретируют концептуальный сдвиг как новое, но относительное, в конечном счете, восприятие реальности. А если это все-таки происходит, возникает тенденция отбросить старое, как неправильное и приветствовать новое, как точную систему описания. Однако, в строгом смысле, ни одна из старых теорий не была действительно плохой, пока применялась только к тем явлениям, которые могла адекватно объяснить. Неправильным было обобщение результатов на другие области науки. Таким образом, в соответствии с теорией Куна, старые теории можно сохранить и оставить как верные в том случае, когда диапазон их применения ограничен только такими явлениями и такой точностью наблюдения, когда уже можно говорить об экспериментальной очевидности. Это значит, что ученому нельзя говорить "научно" и авторитетно о каком-либо явлении, которое еще не наблюдалось. Строго говоря, непозволительно полагаться на парадигму, когда исследование только открывает новую область или ищет такой степени точности, для которой в теории нет прецедента. С этой точки зрения даже для теории флогистона не нашлось бы опровержения, не будь она обобщена за пределы той области явлений, которые ею объясняются.

После сдвига парадигмы старую теорию можно понимать в некотором смысле как частный случай новой, но для этого ее нужно сформулировать иначе и преобразовать. Ревизию следует предпринять хотя бы для того, чтобы ученый мог использовать преимущества ретроспективного взгляда; ревизия также подразумевает изменение смысла фундаментальных концепций.

Таким образом, ньютоновская механика может толковаться как специальный случай эйнштейновской теории относительности, и для нее можно предложить разумное объяснение в диапазоне ее применимости. Однако такие основополагающие концепции, как про-

странство, время и масса, коренным образом изменились и теперь несоизмеримы. Ньютоновская механика сохраняет свою действенность, пока не претендует на применение в области больших скоростей или на неограниченную точность своих описаний и прогнозов. Все исторически значимые теории так или иначе показали свое соответствие наблюдаемым фактам. Правда, ни на одном из уровней развития науки нет решительного ответа на вопрос: согласуется ли какая-то отдельная теория с фактами, и до какой степени согласуется. Тем не менее, полезно сравнить две парадигмы и спросить, какая из них лучше отражает наблюдаемые явления. В любом случае парадигмы всегда следует рассматривать только как модели, а не как окончательные описания реальности.

Новая парадигма редко принимается легко, поскольку это зависит от различных факторов эмоционального, политического и административного свойства, а не является просто делом логического доказательства. В зависимости от природы и горизонта парадигмы, а также от других обстоятельств могут потребоваться усилия не одного поколения, прежде чем новый взгляд на мир установится в научном сообществе. Высказывания двух великих ученых показательны в этом отношении. Первое - заключительный пассаж из "Происхождения видов" Чарльза Дарвина (Darwin, 1859): "Хотя я полностью убежден в истинности воззрений, представленных в этом томе,.. я ни в коей мере не надеюсь убедить опытных натуралистов, в чьих умах запасено множество фактов, которые на протяжении долгого времени понимались с точки зрения, абсолютно противоположной моей... Но я смотрю в будущее с надеждой на молодых натуралистов, которые смогут взглянуть на обе стороны вопроса беспристрастно". Еще более убедителен комментарий Макса Планка из его "Научной автобиографии" (Plank, 1968): "...новая научная истина не убеждает оппонентов, не заставляет их прозреть, побеждает она потому, что ее оппоненты в конце концов умирают и вырастает новое, знакомое с ней поколение".

Как только новая парадигма принята и ассимилирована, ее основные положения включаются в учебники. Поскольку они становятся источниками авторитета и опорой педагогики, их приходится переписывать после каждой научной революции. По самой своей природе эти положения будут искажать не только специфику, но и саму суть той революции, которая их породила. Наука описывается как серия индивидуальных открытий и изобретений, которые в совокупности представляют современное тело знания. И выходит так, что с самого начала ученые пытались достичь цели, предписанные самой последней парадигмой. В исторических обзорах авторы склонны раскрывать только те аспекты работы отдельных ученых, в которых можно увидеть вклад в современное мировоззрение. Так, обсуждая ньютоновскую механику, они не упоминали ни той роли, которую Ньютон отводил Богу, ни глубокого интереса к астрологии и алхимии, которые интегрировали всю его философию. Аналогично, нигде не упоминается о том, что декартовский дуализм ума и тела подразумевает существование Бога. В учебниках не принято упоминать, что многие из основателей современной физики - Эйнштейн, Бом, Гейзенберг, Шредингер, Бор и Оппенгеймер - не только считали свои работы вполне совместимыми с мистическим мировоззрением, но в каком-то смысле открывали мистические области своими научными занятиями. Как только учебники переписаны, наука снова оказывается линейным и кумулятивным предприятием, а история науки излагается как постепенное приращение знаний. Доля человеческих ошибок и идиосинкразии всегда умалялась, а циклическая динамика парадигм с ее периодическими сдвигами затемнялась.

Подготавливалось поле для спокойной практики нормальной науки, до тех пор пока следующее накопление наблюдений не вызовет к жизни новую парадигму. Еще один философ, чья работа имеет непосредственное отношение к теме - Филипп Франк. В своей ключевой книге "Философия науки" (Frank, 1974) он дает пронизательный детальный анализ взаимоотношений между наблюдаемыми фактами и научными теориями. Ему удалось развеять миф о том, что научные теории можно логически выводить из наличных фактов и что они однозначно зависят от наблюдений феноменального мира. Используя в качестве исторических примеров геометрические теории Евклида, Римана и Лобачевского, ньютоновскую механику, эйнштейновскую теорию относительности и квантовую физику, он пришел к замечательным догадкам о природе и динамике научных теорий.

В соответствии с теорией Франка каждая научная система базируется на небольшом числе основных утверждений о реальности или аксиом, которые считаются самоочевидными. Истинность аксиом определяется не рассуждением, а непосредственной интуицией; они произведены имажинативными способностями ума, а не логикой². Применяя строгие логи-

² - Примерами этому служат исходные аксиомы евклидовой геометрии (только одна прямая соединяет две точки; две параллельные линии никогда не пересекаются), постулат Ньютона о сохранении

ческие процедуры, можно извлечь из аксиом систему других утверждений или теорем. Возникнет чисто логическая по природе теоретическая система - она подтверждает саму себя, и ее истинность по существу не зависит от физических случайностей, происходящих в мире. Чтобы оценить степень практической применимости и соответствия такой системы, следует проверить ее отношение к эмпирическим наблюдениям. Для этого элементы теории должны быть описаны с помощью "операциональных определений" в бриджменовском смысле³. Только тогда можно определить пределы применимости теоретической системы к материальной реальности.

Внутренняя логическая истинность евклидовой геометрии или ньютоновской механики вовсе не разрушилась, когда выяснилось, что их применение в физической реальности имеет специфические ограничения. По Франку, все гипотезы по существу спекулятивны. Различие между чисто философской гипотезой и гипотезой научной состоит в том, что последнюю можно проверить. Теперь уже неважно, чтобы научная теория взывала к здравому смыслу (это требование было отвергнуто Галилео Галилеем). Она может быть сколь угодно фантастичной и абсурдной, пока поддается проверке на уровне повседневного опыта. И напротив, прямое утверждение о природе Вселенной, которое нельзя проверить экспериментально, является чисто метафизической спекуляцией, а не научной теорией. Такие утверждения, как "Все существующее по природе материально, и духовного мира нет" или "Сознание есть продукт материи", принадлежат, конечно, к этой категории, независимо от того, насколько самоочевидными они могут показаться носителю здравого смысла или механически ориентированному ученому.

Наиболее радикально научную методологию в ее современных формах критикует Пол Фейерабенд. В ошеломляющей книге "Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания" (Feysabend, 1978) он решительно заявляет, что наука не управляется и не может управляться системой жестких, неизменных и абсолютных принципов. В истории немало очевидных примеров тому, что наука является по существу анархическим предприятием. Поправление основных гносеологических правил было не случайным событием - это было необходимо для научного прогресса. Самые успешные научные изыскания никогда не следовали рациональному методу. В истории науки вообще и во время великих революций в частности более решительное применение канонов текущего научного метода не ускоряло бы развитие, а приводило бы к застою. Коперниканская революция и другие коренные разработки в современной науке выжили только потому, что правила благоразумия в прошлом часто нарушались.

Так называемое условие соответствия, требующее от новых гипотез согласованности с принятыми ранее, неразумно и непродуктивно. Оно отклоняет гипотезу не из-за несогласия с фактами, а из-за конфликта с господствующей теорией. В результате, это условие защищает и сохраняет ту теорию, которая древнее, а не ту, которая лучше. Гипотезы, противоречащие хорошо обоснованным теориям, дают нам факты, которые нельзя получить никаким другим путем. Факты и теории связаны более тесно, чем это признает традиционная наука, и до некоторых фактов не добраться иначе, как при помощи альтернатив установившимся теориям.

При обсуждении гипотез чрезвычайно важно использовать весь набор адекватных, но взаимонесовместных теорий. Перебор альтернатив центральному воззрению составляет существенную часть эмпирического метода. И мало сравнить теории с наблюдениями и фактами. Данные, полученные в контексте отдельной концептуальной системы, не могут быть независимыми от базовых теоретических и философских допущений этой системы. В подлинно научном сравнении двух теорий "факты" и "наблюдения" должны трактоваться в контексте проверяемой теории. Поскольку факты, наблюдения и даже оценочные критерии "связаны парадигмой", то наиболее важные формальные свойства теории обнаруживаются по контрасту, а не аналитически. Если ученый захочет максимально увеличить эмпирическое содержание взглядов, которых он придерживается, обязательной для него станет плюралистическая методология - нужно вводить конкурирующие теории и сравнивать идеи с идеями, а не с экспериментальными данными.

материи или его законы движения, а также принципы постоянства и относительности, выдвинутые Эйнштейном.

³ - По мнению Франка, цель науки состоит в установлении системы связей между символами и рабочими определениями этих символов - причём таким образом, чтобы логические заключения, сделанные на основе этих утверждений, становились утверждениями о наблюдаемых фактах, которые подтверждаются актуальным чувственным восприятием

Нет такой идеи или такой системы мышления, пусть самой древней или явно абсурдной, которая не была бы способна улучшить наше познание. К примеру, *древние духовные системы и первобытные мифы кажутся странными и бессмысленными только потому, что их научное содержание либо неизвестно, либо искажено антропологами и филологами, не владеющими простейшими физическими, медицинскими или астрономическими знаниями.* В науке разум не может быть универсальным, а иррациональное никак не исключить полностью. Не существует единственной интересной теории, которая соглашалась бы со всеми фактами в своей области. Мы обнаруживаем, что ни одна теория не в состоянии воспроизвести некоторые количественные результаты, и что все они на удивление некомпетентны качественно.

Все методологии, даже самые очевидные, имеют собственные пределы. Новые теории первоначально ограничены сравнительно узким диапазоном фактов и медленно распространяются на другие области. Форма этого расширения редко определяется элементами, составлявшими содержание теорий старых. Возникающий концептуальный аппарат новой теории вскоре начинает обозначать собственные проблемы и проблемные области. Многие из вопросов, фактов и наблюдений, имеющие смысл только в оставленном уже контексте, неожиданно оказываются глупыми и неуместными: они забываются или отбрасываются. И наоборот, совершенно новые темы проявляются как проблемы чрезвычайной важности.

Наше обсуждение научных революций, динамики парадигм и функционирования научных теорий может, наверное, оставить у читателя впечатление, что данная работа имеет отношение главным образом к истории науки. Легко предположить, что последний серьезный концептуальный переворот произошел в первые десятилетия нашего века, а следующая научная революция произойдет когда-нибудь в отдаленном будущем. Вовсе нет, главная вещь этой книги в том, что западная наука приближается к сдвигу парадигмы невиданных размеров, из-за которого изменятся наши понятия о реальности и человеческой природе, который соединит наконец концептуальным мостом древнюю мудрость и современную науку, примирит восточную духовность с западным прагматизмом.

Ньютоно-картезианское зачатие механистической науки

В течение последних трех столетий в западной науке господствовала ньютоно-картезианская парадигма - система мышления, основанная на трудах британского естествоиспытателя Исаака Ньютона и французского философа Рене Декарта⁴. Используя эту модель, физика добилась удивительного прогресса и завоевала себе солидную репутацию среди всех прочих дисциплин. Ее уверенная опора на математику, эффективность в решении проблем и успешные практические приложения в различных областях повседневной жизни сделали тогда стандартом для всей науки. Умение увязывать базисные концепции и открытия с механистической моделью Вселенной, разработанной в физике Ньютона, стало важным критерием научной узаконенности в более сложных и менее разработанных областях - таких, как биология, медицина, психология, психиатрия, антропология и социология. Поначалу приверженность механистическому взгляду дала весьма позитивный толчок научному прогрессу этих наук. Однако, в ходе дальнейшего развития концептуальные схемы, выведенные из ньютоно-картезианской парадигмы, утратили свою революционную силу и стали серьезным препятствием для изысканий и прогресса в науке.

С начала двадцатого века, претерпев глубокие и радикальные изменения, физика преодолела механистическую точку зрения на мир и все базисные допущения ньютоно-картезианской парадигмы. В этой экстраординарной трансформации она становилась все сложнее, эзотеричнее и непостижимее для большинства ученых, работавших в других областях. Таким дисциплинам, как медицина, психология и психиатрия, не удалось приспособиться к этим быстрым переменам и укоренить их в своем способе мышления. Мировоззрение, уже давно устаревшее для современной физики, по-прежнему считаться научным во многих других областях - в ущерб будущему прогрессу. Наблюдения и факты, противоречащие механистической модели Вселенной, чаще всего отбрасываются или замалчиваются, а исследовательские проекты, не относящиеся к доминирующей парадигме, лишаются финансирования. Самые яркие тому примеры - психология, альтернативные подходы в меди-

⁴ - Последующее обсуждение ньютоно-картезианской парадигмы до некоторой степени повторяет формулировки, использованные Фритъфом Капрой в его книгах "Дао физики" (Сарга, 1975) и "Поворотный пункт" (Сарга, 1982). Я глубоко признателен ему за влияние, которое он оказал на мои размышления по этим вопросам.

цине, исследования психоделиков, танатология и некоторые области полевых антропологических исследований.

За последние два десятилетия антиэволюционная и антипродуктивная природа старой парадигмы становилась все более очевидной особенно в научных дисциплинах, изучающих человека. В психологии, психиатрии и антропологии концептуальный "пурианизм" достиг такой степени, что эти дисциплины оказались перед лицом глубокого кризиса, сравнимого по размаху с кризисом физики во времена эксперимента Майкельсона - Морли.

Возникла насущная необходимость в фундаментальном сдвиге парадигмы, который позволил бы вместить и воспринять постоянно увеличивающийся наплыв революционных фактов из самых разных областей, которые никак не соответствуют старым моделям. Многие исследователи полагают, что с новой парадигмой можно будет заполнить брешь, отделяющую наши традиционные психологию и психиатрию от глубокой мудрости древних и восточных систем мышления. Перед детальным обсуждением причин грядущей научной революции и ее возможных направлений, кажется уместным описать характерные черты старой парадигмы, адекватность которых в настоящее время весьма сомнительна.

Механистическая Вселенная Ньютона - это Вселенная твердой материи, состоящей из атомов⁵, маленьких и неделимых частиц, фундаментальных строительных блоков. Они пассивны и неизменны, их масса и форма всегда постоянны. Самым важным вкладом Ньютона в модель греческих атомистов (во всем остальном схожую с его моделью) было точное определение силы, действующей между частицами. Он назвал ее силой тяготения и установил, что она прямо пропорциональна взаимодействующим массам и обратно пропорциональна квадрату расстояния. В ньютоновской системе тяготение - довольно таинственная сущность. Оно представляется неотъемлемым атрибутом тех самых тел, на которые действует: это действие осуществляется мгновенно, независимо от расстояния.

Другой существенной характеристикой ньютоновского мира является трехмерное пространство классической евклидовой геометрии, которое абсолютно, постоянно и всегда пребывает в покое. Различие между материей и пустым пространством ясное и недвусмысленное. Подобным образом, время абсолютно, автономно и независимо от материального мира; оно представляется однородным и неизменным потоком из прошлого через настоящее в будущее. В соответствии с теорией Ньютона все физические процессы можно свести к перемещению материальных точек под действием силы тяжести, действующей между ними и вызывающей их взаимное притяжение. Ньютон смог описать динамику этих сил при помощи нового, специально разработанного математического подхода - дифференциального исчисления.

Итоговым образом такой Вселенной является гигантский и полностью детерминированный часовой механизм. Частицы движутся в соответствии с вечными и неизменными законами, а события и процессы в материальном мире являют собой цепь взаимозависимых причин и следствий. В силу этого возможно, хотя бы в принципе, точно реконструировать любую прошлую ситуацию во Вселенной или предсказать будущее с абсолютной определенностью. Практически этого никогда не происходит, поскольку мы не в состоянии получить детальную информацию обо всех сложных переменных, входящих в данную ситуацию. Теоретическую вероятность подобного предприятия никто серьезно не исследовал. Как и основное метафизическое допущение, оно представляет существенный элемент механистического взгляда на мир. Илья Пригожин (Prigogine, 1980) назвал эту веру в безграничную предсказуемость "основополагающим мифом классической науки".

Равное по важности влияние на философию и историю науки последних двух столетий оказал один из величайших французских философов Рене Декарт. Его наиболее значительным вкладом в ведущую парадигму была предельно заостренная концепция абсолютной дуальности ума (*res cogitans*) и материи (*res extensa*), следствием которой стало убеждение, что материальный мир можно описать объективно, без отсылки к человеку-наблюдателю. Эта концепция послужила инструментом для быстрого развития естественных наук и технологии, но одним из крайне нежелательных результатов ее победы явилось серьезное пренебрежение холистическим подходом к пониманию человека, общества и жизни на планете. В каком-то смысле картезианское наследие оказалось еще менее податливым элементом западной науки, чем ньютоновский механицизм. Даже Альберт Эйнштейн - гений, подорвавший основания ньютоновской физики, сформулировавший теорию относительности и заложивший основы квантовой теории - не смогло конца освободиться от чар картезианского дуализма (Сарга, 1982).

⁵ - Греческое слово *atomos* происходит от глагола *temnein*, который означает "резать"; с отрицательной приставкой *a-* оно значит "неделимый" - то, что нельзя дальше рассечь

Всякий раз используя термин "ньютоно-картезианская парадигма", мы должны помнить, что западная механистическая наука искажила и извратила наследие обоих великих мыслителей. И для Ньютона, и для Декарта понятие о Боге было существенным элементом философии и мировоззрения. Ньютон был глубоко духовной личностью, серьезно интересовался астрологией, оккультизмом и алхимией. По словам его биографа Джона Мэйнарда Кейнса (Keynes, 1951), он был последним из великих магов, а не первым великим ученым. Ньютон верил, что Вселенная материальна по природе, но не думал, что ее происхождение может быть объяснено материальными причинами. Для него, Бог - это тот, кто изначально создал материальные частицы, силы между ними и законы, управляющие их движением. Однажды сотворенная Вселенная будет впредь функционировать как машина, а значит, ее можно описать и понять в этих терминах. Декарт тоже верил, что мир существует объективно и независимо от человека-наблюдателя. Однако для него эта объективность основана на том, что мир постоянно воспринимается Богом.

Западная наука поступила с Ньютоном и Декартом так же, как Маркс и Энгельс с Гегелем. Формулируя принципы диалектического и исторического материализма, они препарировали гегелевскую феноменологию мирового духа и оставили его диалектику, но заменили дух материей. Аналогичным образом, концептуальное мышление во многих дисциплинах предлагает прямую логическую вытяжку из ньютоно-картезианской модели, но образ божественного разума, который был сердцевинной рассуждений этих двух великих людей, из новой картины исчез. Следующий за всем этим систематический и радикальный философский материализм стал новым идеологическим основанием современного научного мировоззрения. Во всех своих бесчисленных ответвлениях и приложениях ньютоно-картезианская модель оказалась чрезвычайно успешной в самых различных областях. Она предложила всестороннее объяснение фундаментальной механики солнечной системы и была с успехом использована для понимания непрерывного движения жидкости, вибрации упругих тел и термодинамики. Она стала основой и движущей силой замечательного прогресса естественных наук в XVIII и XIX веках.

Дисциплины, смоделированные по Ньютону и Декарту, в деталях разработали картину Вселенной в виде комплекса механических систем, огромного агрегата из пассивной и инертной материи, развивающегося без участия сознания или созидательной разумности. От "большого взрыва" через изначальное расширение галактик до рождения солнечной системы и ранних геофизических процессов, создавших нашу планету, космическая эволюция якобы управлялась исключительно слепыми механическими силами.

По этой модели, жизнь зародилась в первозданном океане случайно, в результате беспорядочных химических реакций. Точно так же клеточная организация органической материи и эволюция к высшим формам жизни возникли механически, без участия разумного принципа, в результате случайных генетических мутаций и естественного отбора, обеспечивающего выживание более приспособленных. И в конце концов это привело к разветвлению филогенетической системы иерархически организованных видов со все возрастающим уровнем сложности.

Затем, по дарвиновской генеалогии когда-то очень давно, произошло эффектное (и до сих пор необъяснимое) событие: бессознательная и инертная материя стала осознавать себя и окружающий мир. Хотя механизм этого чудесного события находится в полном противоречии даже с наименее строгими научными рассуждениями, правильность этого метафизического предположения считается сама собой разумеющейся, а решение проблемы молчаливо переадресовывается к будущим исследованиям.

Исследователи не пришли к согласию даже в том, на какой эволюционной стадии возникло сознание. Однако убеждение, что сознательность присуща только живым организмам и что она требует высокоразвитой центральной нервной системы, составляет основной постулат материалистического и механистического мировоззрения. Сознание рассматривается как продукт высокоорганизованной материи (центральной нервной системы) и как эпифеномен физиологических процессов в головном мозге⁶.

Вера в то, что сознание производится головным мозгом, разумеется, не совсем произвольна. Она основывается на большом числе наблюдений в клинической и экспериментальной неврологии и психиатрии, которые указывают на тесную связь между различными аспектами сознания и физиологическими или патологическими процессами в головном моз-

⁶ - Эту концепцию в наиболее сжатом виде выразили "вульгарные материалисты". Они отказывались признавать, что сознание чем-либо отличается от других физиологических функций, и утверждали, что мозг вырабатывает сознание точно так же, как почки - мочу.

ге - такими, как травмы, опухоли или инфекции. Например, контузия мозга или кислородная недостаточность могут привести к потере сознания.

Опухоль или травма височной доли влекут за собой иные искажения сознательных процессов, отличающиеся от тех, что вызваны префронтальными поражениями. Инфекционные заболевания мозга или применение некоторых лекарственных средств с психоактивными свойствами (снотворных, стимуляторов или психоделиков) тоже способствуют характерным изменениям сознания. В некоторых случаях изменения сознания из-за неврологических расстройств настолько специфичны, что могут помочь в коррекции диагноза. Больше того, успешное нейрохирургическое или иное медицинское вмешательство может вызвать отчетливое клиническое улучшение.

Эти наблюдения без всякого сомнения демонстрируют существование тесной связи между сознанием и головным мозгом, однако, не обязательно доказывают, что сознание является продуктом мозга. Логика этого полученного механистической наукой вывода весьма сомнительна, и, разумеется, можно себе представить теоретические системы, которые объясняли бы имеющиеся данные совершенно иначе. Иллюстрацией может послужить такой простой пример, как телевизор. Качество изображения и звука строго зависит от правильной работы всех компонентов, а неисправность или поломка какого-то из них приведет к весьма специфическим искажениям.

Телевизионный механик может найти неисправный компонент по характеру искажения и устранить поломку, заменив или отремонтировав нужные детали. Никто из нас не увидит в этом научного доказательства того, что программа должна генерироваться в телевизоре, поскольку телевизор - искусственная система, и ее функции хорошо известны. А ведь как раз такой по типу вывод получен механистической наукой в отношении мозга и сознания. В этой связи интересно, что Уайлдер Пенфилд (нейрохирург с мировым именем, проводивший потрясающие исследования головного мозга и сделавший значительный вклад в современную нейрофизиологию) в книге "Тайна сознания" (Penfield, 1976), подводящей итог работе, которой посвящена вся его жизнь, выразил глубокое сомнение в том, что сознание является продуктом мозга и его можно объяснить в терминах церебральной анатомии и физиологии.

В материалистической науке индивидуальные организмы являются по сути отдельными системами, способными общаться с внешним миром и между собой только через органы чувств; все эти коммуникации происходят в известных формах энергии. Ментальные процессы объясняются с точки зрения реакции организма на окружающую среду и творческой обработки сенсорной информации, полученной раньше и хранящейся в мозге в форме энграмм. Здесь материалистическая психология использует кредо английской эмпирической школы, кратко выраженное Джоном Локком (Locke, 1823): "Nihil est in intellectum quod non prius fuerit in sensu" ("в разуме нет ничего, чего не было бы раньше в чувствах").

В силу линейности времени прошлые события безвозвратно теряются, если не записываются специфическими системами памяти. Значит, воспоминания любого вида требуют специального материального субстрата - клеток центральной нервной системы или физико-химического генетического кода. Воспоминания о событиях жизни индивида сохраняются в банках памяти центральной нервной системы. Психиатрия уже признала клиническую очевидность того, что люди способны не только сознательно восстанавливать эти воспоминания, но и при определенных обстоятельствах актуально проживать их заново, в живой и насыщенной форме. Единственным, насколько это известно, субстратом для передачи наследственной и филогенетической информации является физико-химический код молекул ДНК и РНК. Современная медицинская модель признает возможность такой передачи для информации, относящейся к механике эмбрионального развития, конституциональным факторам, наследственной предрасположенности, унаследованным от родителей характеристикам или дарованиям и другим аналогичным явлениям, но уверенно отвергает передачу сложных воспоминаний о специфических событиях, предшествовавших зачатию индивида.

Под влиянием модели Фрейда в ведущих направлениях психиатрии и психотерапии закрепилось понятие о новорожденном как о *tabula rasa* (пустой, чистой доске), а о его развитии - как полностью определяемом последовательностью детских переживаний. Современная медицинская теория отрицает возможность того, что опыт биологического рождения записан в памяти ребенка; и обычный довод в медицинских учебниках - недоразвитость коры головного мозга у новорожденного (не закончена миелинизация оболочки церебральных нейронов). В эволюционных умозрениях психиатров и психологов пренатальным влияниям подвержены лишь наследственность, слабые, неясные конституциональные факторы, физические дефекты организма и, возможно, различия в относительной силе различных инстинктов.

В материалистической психологии доступ к любой новой информации возможен только по прямому сенсорному каналу при помощи перестановки старых данных или совмещения их с новыми. Даже такие явления, как разум, искусство, религия, этика и наука сама по себе, в механистической науке объясняются как продукты материальных процессов в мозге. Вероятность того, что человеческая разумность развилась из химического или первобытного океана благодаря всего-навсего случайной последовательности механических процессов, кто-то недавно очень удачно сравнил с вероятностью того, что ураган, пронесшийся сквозь гигантскую помойку, случайно соберет "Боинг-747". И в этом невероятном допущении заложено метафизическое положение, недоказуемое существующими научными методами. Весьма далекое от научного образца информационного процесса (как яростно утверждают его сторонники), оно при современном состоянии знаний вряд ли представляет собой большее, чем один из ведущих мифов западной науки.

Десятилетиями механистическая наука упражнялась в защите своих систем убеждений, обзывая любое серьезное отклонение от перцептуального и концептуального соответствия ньютоно-картезианской модели "психозом", а все исследования, накапливающие несовместимые с ней данные - "плохой наукой". И судя по всему, самый непосредственный вред эта стратегия нанесла теории и практике психиатрии. Современная психиатрическая теория не способна адекватно учесть широкий диапазон явлений, выходящих за рамки биографических реалий бессознательного, таких как перинатальные и трансперсональные переживания, детально обсуждаемые на страницах этой книги.

Поскольку для подлинного понимания почти всех проблем, с которыми имеет дело психиатрия, глубокое знание трансбиографических областей опыта ничем не заменимо, эта ситуация имеет серьезные последствия. В частности, более глубокое понимание психотических процессов фактически невозможно без признания трансперсональных измерений души. А существующие объяснения либо предлагают поверхностные и неубедительные психодинамические интерпретации, которые сводят данные проблемы к биографическим факторам раннего детства, либо постулируют неизвестные биохимические факторы, якобы объясняющие искажения "объективной реальности" вместе с другими странными и непостижимыми проявлениями.

И, судя по всему, самый непосредственный вред эта стратегия нанесла теории и практике психиатрии. Современная психиатрическая теория не способна адекватно учесть широкий диапазон явлений, выходящих за рамки биографических реалий бессознательного - таких как перинатальные и трансперсональные переживания, детально обсуждаемые на страницах этой книги.

Поскольку для подлинного понимания почти всех проблем, с которыми имеет дело психиатрия, глубокое знание трансбиографических областей опыта ничем не заменимо, эта ситуация имеет серьезные последствия. В частности, более глубокое понимание психотических процессов фактически невозможно без признания трансперсональных измерений души. А существующие объяснения либо предлагают поверхностные и неубедительные психодинамические интерпретации, которые сводят данные проблемы к биографическим факторам раннего детства, либо постулируют неизвестные биохимические факторы, якобы объясняющие искажения "объективной реальности" вместе с другими странными и непостижимыми проявлениями.

Объяснительная слабость старой парадигмы еще более очевидна в отношении таких важных социокультурных явлений как шаманизм, религия, мистицизм, ритуалы перехода, древние мистерии и церемонии целительства в различных доиндустриальных культурах. В нынешней тенденции низвести мистические переживания и духовную жизнь до культурно приемлемых квазипсихотических состояний, до примитивного суеверия или неразрешенных детских конфликтов и зависимостей, ясно видно серьезное непонимание их истинной природы. Попытку Фрейда приравнять религию к неврозам навязчивых состояний можно считать адекватной в лучшем случае по отношению к одному лишь аспекту религии - к исполнению ритуалов. Он оставил без внимания ключевое для развития всех великих религий значение самостоятельного визионерского опыта альтернативных реальностей. Столь же сомнительны бесчисленные теории, вдохновленные психоанализом, которые пытаются объяснить исторические события апокалиптического размаха (войны, кровавые революции, геноцид и тоталитарные системы), как результат детских травм и других событий из биографии исторических личностей.

Недостаток приемлемых объяснений у старых моделей представляет только одну сторону их негативной роли в психиатрии. Кроме этого, они оказывают сильнейшее противодействие непредвзятому освоению новых наблюдений и областей, как только оно оказывается

несовместимым с их базисными предположениями о реальности. Иллюстрацией тому может служить нежелание ведущих психологов и психиатров принять лавину данных, приходящих из многочисленных источников - из практики юнгианского анализа и новых видов эмпирической психотерапии, из исследований опыта смерти и предсмертных феноменов, изучения психоделиков, современных парапсихологических штудий и отчетов "антропологов-визионеров".

Особенно пагубна жесткая приверженность к ньютоно-картезианской парадигме для практики психиатрии и психотерапии. Именно она ответственна за неправильное применение медицинских моделей в тех областях психиатрии, которые имеют дело не с заболеваниями, а с проблемами образа жизни. Сотворенный западной наукой образ вселенной является прагматически полезной конструкцией, помогающей организовывать наблюдения и получать данные. Однако его слишком часто путают с точным и всесторонним описанием реальности. В результате этой гносеологической ошибки перцептуальное и когнитивное соответствие с ньютоно-картезианским мировоззрением считается обязательным для нормальной психики. Серьезные отклонения от такого "правильного восприятия реальности" рассматриваются поэтому, как знаки серьезной психопатологии, отражающие расстройство или повреждение органов чувств и центральной нервной системы, общее нездоровье или болезнь. В этом контексте необычные состояния сознания обычно считаются (с некоторыми исключениями) симптомами умственного расстройства. Сам термин "измененные состояния сознания" ясно предполагает, что они представляют собой искаженные или неполноценные версии правильного восприятия "объективной реальности". В таких обстоятельствах было бы абсурдным полагать, что измененные состояния сознания имеют какую-либо онтологическую или гносеологическую релевантность. И равным образом вряд ли можно поверить, что эти необычные формы разумности, по существу патологичные, несут в себе хоть какой-то подлинный терапевтический потенциал. Поэтому главной ориентацией в психиатрической терапии становится устранение любых симптомов и любых необычных явлений, а вслед за тем возвращение индивида в мир согласованных восприятий и переживаний.

Теоретический вызов из области современных исследований сознания.

На протяжении всей истории современной науки поколения исследователей с энтузиазмом осваивали направления, предложенные ньютоно-картезианской парадигмой, отбрасывая те концепции и наблюдения, которые ставили под сомнение базисные философские предпосылки, разделяемые научным сообществом. Почти все ученые были столь основательно запрограммированы своим образованием, столь впечатлены и увлечены практическими успехами, что восприняли свои модели буквально - как точное и исчерпывающее описание реальности.

В этой атмосфере бесчисленные наблюдения из самых разных областей систематически отвергались, подавлялись или даже высмеивались на том основании, что они несовместимы с механистическим и редукционистским мышлением, которое для многих стало синонимом научного подхода. Долгое время успехи этих начинаний были настолько поразительными, что заслонили практические и теоретические неудачи. Но в атмосфере быстро развивающегося кризиса, который сопровождался стремительным научным прогрессом, становилось все труднее удерживать эту позицию.

Совершенно ясно, что старые научные модели не в состоянии представить удовлетворительные решения гуманитарных проблем, с которыми мы столкнулись в индивидуальном, социальном, интернациональном и глобальном масштабе. Многие выдающиеся ученые выражали растущее подозрение, что механистическое мировоззрение западной науки на самом деле существенно способствовало нынешнему кризису, если вообще не породило его.

Парадигма - это всегда больше, чем просто полезная теоретическая модель в науке, косвенным влиянием ее философии на личности и общество в действительности очерчивается мир. И приходится сожалеть, что ньютоно-картезианская наука создала весьма негативный образ человека - какой-то биологической машины, приводимой в движение инстинктивными импульсами звериной природы. В этом образе нет починного признания высших ценностей, таких как духовная пробужденность, чувство любви, эстетические потребности или стремление к справедливости. Все они рассматриваются как производные основных инстинктов или как компромиссы, по сути чуждые человеческой природе. Взамен им подчеркиваются индивидуализм, эгоистичность, конкурентность и принцип "выживания наиболее

приспособленных" - все это признается естественными и, по существу, здоровыми тенденциями.

Материалистическая наука, ослепленная своей моделью мира, как конгломерата механистически взаимодействующих отдельных единиц, не в состоянии признать ценность и жизненную важность кооперации, синергии и экологической зависимости. Головокружительные технические достижения этой науки, которая действительно обладает всеми возможностями для решения большей части материальных проблем, волнующих человечество, привели к обратным результатам. Ее успехи сотворили мир, наивысший триумф которого - атомная энергетика, космическая ракетная техника, кибернетика, лазер, компьютеры и другие электронные приспособления, чудеса современной химии и бактериологии - обернулся смертельной опасностью и живым кошмаром. В результате перед нами мир, разорванный на части политикой и идеологией, живущий под угрозой экологических кризисов, промышленного загрязнения, ядерной войны. Видя такое положение дел, все большее число людей начинает сомневаться в истинной пользе того стремительного технологического прогресса, который не обуздывают, не контролируют эмоционально зрелые личности и виды, достаточно развитые, чтобы конструктивно обращаться с ими же созданными мощными орудиями. По мере ухудшения экономической, социополитической и экологической ситуации, многим становится ясно, что пора оставить стратегию односторонней манипуляции и контроля над материальным миром, обратиться за ответами к самим себе. Растет интерес к развитию сознания, как к возможности избежать глобального краха. Это проявляется во все большей популярности медитации, других древних и восточных духовных практик, эмпирической психотерапии, а также клинических и лабораторных исследований сознания. В этих занятиях по-новому освещается тот факт, что традиционные парадигмы не в состоянии учесть и воспринять огромное число серьезных наблюдений из различных областей и источников, которые ставят под сомнение старые взгляды.

В совокупности эти данные чрезвычайно важны, они указывают на настоятельную необходимость основательно пересмотреть наши фундаментальные понятия о природе человека и природе реальности. Многие непредубежденные ученые и специалисты по психическому здоровью осознали глубокую пропасть, отделяющую современную психологию и психиатрию от великих древних или восточных духовных традиций - таких, как различные формы йоги, кашмирский шиваизм, тибетская ваджраяна, дзен-буддизм, даосизм, суфизм, каббала или алхимия. Накопленное в этих системах за века или даже тысячелетия богатство глубинного знания о человеческой душе и сознании не получило адекватного признания в западной науке, не воспринималось ею и не изучалось.

Точно так же антропологи, проводящие полевые исследования незападных культур, десятилетиями сообщали о различных феноменах, для которых в традиционных концептуальных структурах находились только поверхностные и неубедительные объяснения (если вообще находились). Хотя многие экстраординарные общекультурные наблюдения были неоднократно описаны в обстоятельных статьях, их чаще всего не принимали во внимание или интерпретировали в терминах примитивных верований, предрассудков, индивидуальной или групповой психопатологии. Можно в этой связи упомянуть шаманскую практику, состояние транса, огнехождение, первобытные ритуалы, духовные практики целительства или развитие различных паранормальных способностей у индивидов и у целых социальных групп. Эта ситуация сложнее, чем может показаться на первый взгляд. В неформальном и доверительном общении с антропологами я убедился, что многие из них решили не делиться некоторыми аспектами своего полевого опыта из-за опасения насмешек или остракизма со стороны ньютоно-картезианских коллег, из-за риска для профессиональной репутации.

Примеры концептуальной неадекватности старой парадигмы не ограничиваются данными из экзотических культур. Столь же серьезные нарекания она вызывает со стороны западных клинических и лабораторных исследований. Эксперименты с гипнозом, сенсорной изоляцией и перегрузкой, сознательный контроль внутренних состояний, биообратная связь и акупунктура высветили многое в древних и восточных практиках и, вместе с тем, обнаружили больше концептуальных проблем, чем удовлетворительных решений. Исследования психоделиков на свой лад прояснили некоторые ранее непонятные исторические и антропологические данные о шаманизме, культовых мистериях, ритуалах перехода, церемониях целительства и паранормальных явлениях, включающие использование священных растений.

Однако, подтвердив большинство древних, туземных и восточных знаний о сознании, эти исследования в то же самое время подорвали некоторые базисные философские допущения механистической науки. Ниже мы еще вернемся к обсуждению того, как эксперименты с

психоделиками разбили вдребезги привычное понимание психотерапии, традиционные модели психики, образ человеческой природы и даже фундаментальные верования о природе реальности. Данные психоделических исследований отнюдь не ограничиваются использованием психоактивных субстанций; по существу, те же переживания наблюдаются в современных видах психотерапии и телесной терапии, не использующих психоделики - например, в юнгианском анализе, психосинтезе, различных нео-райхианских подходах, гештальтной практике, модифицированных формах первичной терапии, а также, в управляемом воображении с использованием музыки, рольфинге, различных техниках "второго" рождения, возвращении к прошлой жизни и модернизированной сайентологии. Широкий спектр переживаний, практически совпадающих со спектром психоделического опыта, предлагает разработанная мной вместе с моей женой Кристиной техника холономной интеграции (холотропная терапия) - немедикаментозный подход, сочетающий контроль над дыханием, побуждающую музыку и сфокусированную работу с телом. Эта техника описана в седьмой главе.

Другим важным источником информации, оспаривающим принятые ныне парадигмы механистической науки, стали современные парапсихологические исследования. Сейчас все труднее игнорировать и априорно отрицать данные многих методологически верных и тщательно проведенных экспериментов только из-за того, что они несовместимы с традиционной системой убеждений. Уважаемые ученые: Джозеф Бэнкс Раин, Гарднер Мерфи, Джулс Эйзенбад, Стенли Криппнер, Чарлз Тарт, Элмер и Элис Грин, Артур Хастингс, Рассел Тарг и Хэрролд Патхоф - собрали свидетельства о телепатии, ясновидении, астральных проекциях, видении на расстоянии, психодиагностике, психическом целительстве, психокинезе, которые могли бы дать важные ключи к новому пониманию реальности. Интересно, что многие врачи, знакомые с квантово-релятивистской физикой, обычно проявляют гораздо более серьезный интерес к паранормальным феноменам, чем традиционно мыслящие психиатры и психологи. Следует также упомянуть здесь удивительные данные из области танатологии, указывающие (кроме всего прочего) на то, что клинически мертвый человек часто способен точно воспринимать окружающую ситуацию с выигрышной точки зрения, невозможной для него раньше даже в полном сознании.

Вместо исчерпывающего и всеохватного обсуждения всех этих тем, я хочу далее сосредоточиться на наблюдениях, полученных во время моих психоделических исследований, в частности, ЛСД-терапии. Я выбрал этот подход после некоторого колебания и по нескольким важным причинам. Почти все специалисты, изучавшие действие психоделиков, пришли к заключению, что их лучше всего рассматривать как ускорители или катализаторы ментальных процессов. Вместо того, чтобы вызывать типичное медикаментозное состояние, они, видимо, активизируют предшествующие матрицы или потенциалы человеческого ума. Под действием этих препаратов человек переживает не "токсический психоз", по существу никак не связанный с функциями психики в нормальном состоянии, а фантастическое внутреннее путешествие в собственное бессознательное и сверхсознательное. Эти препараты, таким образом, раскрывают и делают доступным непосредственному восприятию широкий диапазон обычно скрытых явлений, относящихся к неотъемлемым способностям человеческого ума и играющим важную роль в нормальной психической деятельности.

Поскольку психоделический спектр охватывает весь диапазон человеческих переживаний, он включает и все упоминавшиеся ранее феномены немедикаментозных контекстов - церемоний туземцев, различных духовных практик, эмпирической психотерапии, современных лабораторных экспериментов, парапсихологических исследований и биологически экстремальных или предсмертных ситуаций. В то же время усиливающие и катализирующие свойства психоделиков позволяют добиваться необычных состояний сознания экстраординарной интенсивности и ясности в контролируемых условиях и с высоким постоянством. Этот факт дает исследователю значительные преимущества и делает психоделические явления особенно предпочтительными для систематического изучения. Важнейшей и наиболее очевидной причиной того, что наше обсуждение ограничится сферой психоделических исследований, является мой многолетний научный интерес к этому предмету. После нескольких тысяч сеансов с ЛСД и другими изменяющими сознание препаратами, в которых мне довелось испытать многие психоделические состояния, я приобрел ту степень компетентности, которой у меня не достает в отношении других разновидностей опыта. С 1954 года, после первого знакомства с психоделиками, я в качестве гида провел более 3000 ЛСД-сеансов и просмотрел отчеты о более 2000 сеансов, проведенных моими коллегами в Чехословакии и Соединенных Штатах. Эксперименты проводились с "нормальными" добровольцами, психиатрическими пациентами и людьми, умирающими от рака. Через эти сеансы проходили, кроме того, психиатры, психологи, специалисты других отраслей знания, ар-

тисты, философы, теологи, студенты и младший медицинский персонал психиатрических отделений. Среди пациентов с эмоциональными расстройствами были представители различных диагностических категорий, в том числе индивиды с различными формами депрессии, психоневротики, алкоголики, наркоманы, лица с сексуальными отклонениями, с психосоматическими расстройствами и с пограничными психозами, шизофреники. Два основных подхода, применявшиеся в этой работе - психолитическая и психоделическая терапия - подробно описаны в другой моей книге (Grof, 1980).

За годы клинической работы с психоделиками мне становилось все более очевидным, что ни природу переживаний на ЛСД-сеансах, ни многочисленные наблюдения в ходе психоделической терапии невозможно адекватно объяснить в терминах ньютоно-картезианской парадигмы, механистического подхода к Вселенной и особенно - в контексте существующих нейрофизиологических моделей мозга. После долгих лет теоретических поисков и заблуждений я пришел к выводу, что данные опытов с ЛСД требуют радикального пересмотра парадигм, существующих в психологии, психиатрии, медицине и, возможно, в науке вообще. Сегодня у меня почти не осталось сомнений в том, что современное понимание Вселенной, природы, реальности и человека является поверхностным, неверным и неполным⁷.

Я позволю себе кратко остановиться на наиболее важных наблюдениях из ЛСД-психотерапии, которые считаю серьезным вызовом современной психиатрической теории, существующим медицинским убеждениям и основанной на воззрениях Ньютона и Декарта механистической модели Вселенной. Некоторые из этих наблюдений относятся к определенным формальным характеристикам психоделических состояний, другие - к их содержанию, а какие-то - к необычным связям между ними и структурой внешней реальности. Здесь я хочу еще раз подчеркнуть, что *последующее обсуждение затрагивает не только психоделические состояния, но и различные неординарные состояния сознания, возникающие спонтанно или вызванные немедикаментозными средствами*. Таким образом, вся эта тематика значима для понимания человеческого разума и в его здоровых, и в болезненных проявлениях.

Позвольте мне начать с краткого описания *формальных характеристик неординарных состояний сознания*. В психоделических сеансах и при других видах необычных переживаний можно испытать драматичные эпизоды самого разного рода, причем с живостью, реальностью и интенсивностью, сравнимыми с обычным восприятием материального мира или превосходящими его. Хотя зрительный аспект этих эпизодов стоит, пожалуй, на первом месте, надо сказать, что вполне реалистичные переживания могут быть и во всех других сенсорных областях. Иногда отдельные мощные звуки, голоса людей или животных, целые музыкальные последовательности, интенсивная физическая боль и другие соматические ощущения или отчетливые вкус и запах могут доминировать в переживании или играть в нем важную роль. Способность к формированию понятий может подвергаться при этом сильному воздействию, а интеллект может создавать интерпретации действительности, не свойственные данному человеку в обычном состоянии сознания. Описание существенных эмпирических элементов необычных состояний сознания было бы не полным без упоминания целого диапазона мощных эмоций, которые являются их стандартными компонентами.

У многих психоделических переживаний есть одно общее качество, присущее и повседневной жизни с ее последовательными событиями, происходящими в трехмерном пространстве и линейном времени. Однако, так же типичны и доступны дополнительные измерения и эмпирические альтернативы. Психоделическое состояние несет в себе многоуровневое и многомерное качество, и ньютоно-картезианские последовательности внутренних событий кажутся произвольными вставками в сложном континууме беспредельных возможностей. В то же время, они обладают всеми характеристиками, которые мы ассоциируем с восприятием материального мира "объективной реальности". Хотя участники ЛСД-сеансов часто говорят об образах, у этих образов нет качества застывших фотографий. Они находятся в постоянном динамическом движении и обычно передают некие драматические события и действия. Но и термин "внутреннее кино", который так часто возникает в отчетах об ЛСД-сеансах, не вполне верно описывает их природу. В кинематографии трехмерность сцены искусственно имитируется движением камеры. Восприятие пространства должно вычитываться из двухмерного показа, и, в конечном итоге, оно зависит от интерпретации зрителя.

А психоделические видения действительно трехмерны и обладают всеми качествами обыденного восприятия (по меньшей мере, могут их иметь При некоторых типах ЛСД-

⁷ - Аналогичную позицию недавно выразил Р. Д. Лэинг в ясной и основательно документированной книге "Голос переживания" (Laing, 1982).

переживаний). Они кажутся происходящими в определенном месте и могут восприниматься с различных направлений и углов при достаточно четком параллаксе. Возможны укрупнение изображения и выборочный фокус на различных уровнях и планах эмпирического континуума, восприятие или реконструкция тонкого строения, зрение через прозрачную среду представляемых объектов - таких, как клетка, тело эмбриона, части растения или драгоценного камня. Произвольный сдвиг фокуса является только одним из механизмов стирания и прояснения образов. Картины также могут проясняться, когда устранены искажения, вызванные страхом, защитой и сопротивлением, или когда содержанию позволено развиваться в континууме линейного времени.

Важной характеристикой психоделического переживания является трансцендирование пространства и времени, когда линейный континуум между микрокосмическим миром и макрокосмом, который кажется абсолютно обязательным в обычном состоянии сознания, как бы не принимается во внимание. Размер воспринимаемых объектов покрывает весь возможный диапазон - от атомов, молекул и отдельных клеток до гигантских небесных тел, солнечных систем и галактик. Явления из "зоны средних измерений", непосредственно ощущаемые нашими органами восприятия, оказываются в том же эмпирическом континууме, что и те, для восприятия которых обычно требуется такая сложная технология, как микроскопы и телескопы. С эмпирической точки зрения, различие между микрокосмом и макрокосмом произвольно: они могут сосуществовать в одном и том же переживании и взаимозаменяться. Участник ЛСД-сеанса может ощущать себя единичной клеткой, эмбрионом и галактикой, и эти три состояния могут возникнуть одновременно или поочередно из-за простого сдвига фокуса.

Подобным же образом в необычных состояниях сознания трансцендируется линейность временных последовательностей. В одно и то же время могут возникать сцены из разных исторических контекстов, они могут выглядеть значимо связанными между собой по эмпирическим характеристикам. Так, травматические переживания из детства, болезненный эпизод биологического рождения и то, что представляется памятью трагических событий из предыдущих воплощений, могут возникнуть одновременно как части одной сложной эмпирической картины. И снова у человека есть выбор избирательного фокусирования; он может остановиться на любой из этих сцен. Переживать их все одновременно или воспринимать попеременно, открывая для себя смысловые связи между ними. Линейный временной интервал, господствующий в повседневном опыте, не имеет здесь значения, и события из различных исторических контекстов появляются группами, если в них присутствует один и тот же тип сильной эмоции или интенсивного телесного ощущения. Психоделические состояния предлагают множество эмпирических альтернатив линейному времени и трехмерному пространству, которые характеризуют наше повседневное существование. События из недавнего и отдаленного прошлого или из будущего могут переживаться в неординарных состояниях с такой живостью и такой сложностью, которые повседневное сознание способно фиксировать только в настоящем моменте. В каких-то психоделических переживаниях время кажется замедленным или необычайно ускоренным, в других течет в обратную сторону или полностью трансцендируется и прекращает течение. Оно может выглядеть идущим по кругу или кругообразно и линейно сразу, может следовать по спиральной траектории или по своеобразным рисункам отклонения и искажения. Довольно часто время трансцендируется как самостоятельное измерение и приобретает пространственные характеристики: прошлое, настоящее и будущее накладываются одно на другое и сосуществуют в настоящем моменте. Иногда люди под действием ЛСД переживают различные формы путешествия во времени - возвращаясь в исторические времена, проходя через временные петли или выскакивая из временного измерения вообще и вновь попадая в другую точку истории.

Восприятие пространства может претерпевать аналогичные изменения: необычные состояния сознания ясно демонстрируют узость и ограниченность пространства трех координат. Люди под действием ЛСД часто рассказывают, что ощущают пространство и вселенную искривленными, замкнутыми на себя, что они способны воспринимать миры, имеющие четыре, пять или больше измерений. Другие чувствуют себя безразмерной точкой сознания. Возможно увидеть пространство как произвольную конструкцию, как проекцию ума, не имеющую объективного существования вообще. При определенных обстоятельствах любое число взаимопроникающих вселенных различных порядков может быть увидено в голографическом сосуществовании. Как и в случае путешествия во времени, можно пережить ментальное пространственное путешествие с линейным переносом в другое место, прямое и немедленное перемещение через пространственную петлю или полный выход из пространственного измерения и появление в другом месте.

Еще одной важной характеристикой психоделических состояний является трансценденция различия между материей, энергией и сознанием. Внутренние видения могут быть настолько реалистичными, что станут успешной имитацией явлений материального мира, и наоборот, то, что в повседневной жизни представляется твердым и осязаемым "материалом", может рассыпаться в паттерны энергии, в космический танец вибраций или в игру сознания. Вместо мира отдельных индивидов и объектов может появиться недифференцированное вместилище энергетических паттернов или сознание, в котором различные виды и уровни разграничений условны и произвольны. Тот, кто изначально видит в материи основу существования, а в разуме - ее производное, способен впервые открыть для себя, что сознание есть независимый принцип в смысле психофизического дуализма, и, в конечном счете, принять его за единственную реальность. В универсальных и всеохватывающих состояниях ума трансцендируется сама дихотомия между существованием и несуществованием; форма и пустота предстают эквивалентными и взаимозаменяемыми.

Очень интересным и важным аспектом психоделических состояний является возникновение комплексных переживаний с конденсированным или составным содержанием. В ходе ЛСД-психотерапии некоторые переживания можно было расшифровать как многозначные символические образования, в которых, связанные эмоционально и тематически элементы из самых разных областей, сочетались наиболее созидательным способом⁸. Имеется четкая параллель между этими динамическими структурами и образами сновидений, как их анализировал Зигмунд Фрейд (Freud, 1953). Другие сложные переживания оказываются гораздо более однородными: вместо того, чтобы отражать множество тем и уровней смысла (включая и противоречивые по природе), такие явления представляют множественность содержания в унифицированной форме за счет суммирования различных элементов. Переживания дуального единства с другой личностью (то есть ощущение собственной тождественности и одновременно единения, нераздельности с другой личностью), сознания группы индивидов, всего населения страны (Индии, царской России, нацистской Германии) или всего человечества принадлежат именно к этой категории. Также следует упомянуть архетипические переживания Великой и Ужасной Матери, Мужчины, Женщины, Отца, Любовника, Космического человека или всеобщности Жизни, как космического явления. Тенденция создавать составные образы проявляется не только во внутреннем контексте психоделического опыта. Она ответственна за еще один распространенный феномен - иллюзорную трансформацию физического окружения или людей, присутствующих на психоделическом сеансе, при высвобождении бессознательного материала у человека, испытывающего действие ЛСД с открытыми глазами. И в этом случае переживания представляют собой сложные напластования, в которых восприятие внешнего мира сочетается с проекцией элементов, образующихся в бессознательном. Терапевт может одновременно восприниматься и в обычном облике и в роли родителя, палача, архетипического существа или персонажа из какого-то предыдущего воплощения. Помещение, где происходит сеанс, может иллюзорно трансформироваться в детскую спальню, разрешающуюся родами матку, тюрьму, камеру смертников, публичный дом, хижину туземца и т.д., в то же время сохраняя на другом уровне свой обычный вид.

Последней стоящей упоминания характеристикой необычных состояний сознания является трансценденция различия между Эго и элементами внешнего мира или, говоря обобщенно, между частью и целым. В ЛСД-сеансе возможно переживание себя кем-то или чем-то другим - либо с сохранением исходной идентичности, либо без таковой. Переживание себя в качестве бесконечно малой частицы вселенной вовсе не кажется несовместимым с ощущением себя в то же самое время любой другой ее частью или же тотальностью всего существующего. Принявший ЛСД может переживать одновременно или попеременно различные формы идентичности. Одна крайность - полное отождествление с отдельным, ограниченным и от всего отчужденным биологическим существом, обитающим в материальном теле или действительно являющимся этим телом. Индивид отличен от всего остального и представляет собой только бесконечно малую и, в конечном счете, ничтожную частицу целого. Другой крайностью является полная эмпирическая идентификация с недифференцированным сознанием Универсального Разума или Пустоты и, таким образом, со всей космической сетью и с тотальностью существования. Этот опыт обладает парадоксальным свойством: он бессодержателен и одновременно вседержателен; ничто не существует в нем в конкретной форме, но, в то же время, все существующее кажется представленным или предстает в потенциальной, зародышевой форме.

⁸ - Хорошим примером такого опыта является видение Шарлотты, которое я проанализировал в книге "Области бессознательного: результаты исследований ЛСД. (Grof, 1975. P. 227).

Содержание неординарных переживаний несет в себе еще более острый вызов ньютоно-картезианской парадигме, чем их формальные характеристики. Любой непредубежденный терапевт, который примет участие в нескольких психоделических сеансах, столкнется с лавиной фактов, никак не соотносимых с существующими научными структурами. Во многих случаях объяснений нет не только из-за недостатка информации о возможных причинных связях - они теоретически невозможны, если придерживаться постулатов механистической науки. Работая с ЛСД, я уже давно решил, что нельзя игнорировать постоянный приток удивительных данных на том только основании, что они несовместимы с базисными допущениями современной науки. Пришлось также покончить с самообманом насчет того, что существуют некие разумные объяснения этим данным, несмотря на мою неспособность представить эти объяснения в самых безудержных фантазиях. Я открылся навстречу тому, что наше современное научное мировоззрение может оказаться поверхностным, неточным и неадекватным, как многие его исторические предшественники. С этого момента я начал тщательно регистрировать все озадачивающие и спорные наблюдения без вынесения суждений и попытки их объяснить. И только отбросив зависимость от старых концепций и став просто причастным наблюдателем процесса, я постепенно узнал, что как в древней и восточной философии, так и в современной западной науке есть серьезные модели с волнующими и многообещающими теоретическими альтернативами.

В своих книгах я детально описал самые важные наблюдения из исследований ЛСД, представляющие решительный вызов механистическому мировоззрению. В этой главе я только кратко изложу наиболее интересные находки и отошлю заинтересованных читателей к первоисточникам⁹.

Анализируя содержание ЛСД-явлений, я счел полезным различить четыре основных типа психоделических переживаний. Самые поверхностные из них (в смысле их легкодоступности для среднего человека) это *абстрактные или эстетические* переживания. В них нет особого символического содержания, связанного с личностью, и их можно объяснить на языке анатомии и физиологии органов чувств, как это делается в медицинских учебниках. Я не обнаружил на этом уровне психоделических состояний ничего, что отрицало бы их интерпретацию на строгом ньютоно-картезианском языке.

Следующий уровень психоделических переживаний - *психодинамический* или *биографический*. Он включает комплекс вновь проживаемых эмоционально значимых воспоминаний из разных периодов жизни индивида и символические переживания, которые можно расшифровать как вариации или рекомбинации биографических элементов - схожие с образами сновидений, как их описывают психоаналитики. Фрейдовская теоретическая схема оказалась чрезвычайно полезной в работе с явлениями на этом уровне; большая часть этих переживаний оставляет ньютоно-картезианскую модель нетронутой. И это не удивительно, поскольку сам Фрейд достаточно явно использовал принципы ньютоновской механики, когда формулировал концептуальную схему психоанализа. По-настоящему же удивляет возможность в некоторых случаях оживить воспоминания первых дней или недель жизни с почти фотографической точностью. Кроме того, чрезвычайно важными оказались воспоминания о тяжелых телесных травмах, когда человек тонул, ушибался, попадал в аварии, переносил операции и болезни. Судя по всему, они важнее памяти психологических травм, на которых сосредоточились сейчас психологи и психиатры. Воспоминания о телесных травмах играют, видимо, непосредственную роль в развитии эмоциональных и психосоматических расстройств. Это верно даже для воспоминаний о переживаниях, связанных с операциями, которые проходили под общим наркозом. Однако, какой бы удивительной новизной для медицины и психиатрии не становились некоторые из этих находок, они имеют весьма малое значение в качестве указаний на необходимость сдвига ведущей парадигмы.

Более серьезные концептуальные проблемы связаны с третьим типом психоделических переживаний, которые я назвал *перинатальными*¹⁰. Клинические наблюдения из ЛСД-психотерапии наводят на мысль, что человеческое бессознательное содержит хранилища или матрицы, активизация которых ведет к повторному проживанию биологического рождения и к серьезной конфронтации со смертью. Этот процесс смерти и нового рождения свя-

⁹ - Подробное описание различных типов психоделического опыта с клиническими примерами можно найти в моей книге "Области бессознательного" (Grof, 1975). В сжатой форме этот материал изложен в главе второй настоящей книги.

¹⁰ - Термин "перинатальный" - это сложное слово греческо-латинского происхождения; приставка peri- буквально означает "вокруг" или "близко", а natalis переводится как "имеющее отношение к родам". Этот термин определяет события, которые непосредственно предшествуют биологическому рождению, связаны с ним или следуют сразу за ним

зан, как правило, с открытием внутренних духовных областей в человеческом сознании, независимых от расового, культурного и образовательного фона. Данный тип психоделического опыта ставит важные теоретические проблемы.

В перинатальном опыте принявшие ЛСД могут заново пережить элементы своего биологического рождения во всей их сложности и иногда субъективно подтверждаемыми деталями. Когда условия тому способствовали, я мог убедиться в точности многих подобных отчетов; часто люди до сеанса не знали обстоятельств своего рождения. Им удавалось вспомнить особенности и аномалии утробного положения, детальную механику родов, характер родовспомогательного вмешательства и послеродового ухода. Переживания, связанные с ягодичным предлежанием, предлежащей плацентой, пупочным канатиком, обвитым вокруг шеи, применением касторового масла, использованием щипцов, разными акушерскими приемами, анестезией и реанимационными процедурами - вот лишь несколько примеров явлений, наблюдаемых в перинатальных психоделических переживаниях.

По-видимому, память об этих событиях распространяется на ткани и клетки тела. Процесс повторного проживания родовой травмы может ассоциироваться с психосоматическим воссозданием всех соответствующих физиологических симптомов - таких как ускорение пульса, асфиксия с заметным изменением цвета кожи, гиперсекреция слюны или слезы, чрезмерное мышечное напряжение с энергетической разрядкой, специфические позы и движения, появление гематом и следов родовых повреждений. Имеются также указания, что переживание рождения в ЛСД-сеансах ассоциируется с биологическими изменениями в теле, копирующими ситуацию действительных родов, пример тому, низкое кислородное насыщение крови, биохимические знаки стресса и специфические характеристики углеводного обмена. Такое комплексное восстановление ситуации рождения, распространяющееся и на внутриклеточные процессы, на цепочки биохимических реакций, представляется трудной задачей для традиционных научных моделей.

Еще сложнее объяснить другие аспекты процесса смерти-возрождения, в первую очередь символические образы, которые сопровождают умирание и рождение, даже если соответствующие мифологические темы неизвестны индивиду. Они принадлежат многим различным культурам. Иногда сюда входят не только хорошо знакомые символы смерти-возрождения из иудео-христианской традиции (поругание и пытки Христа, смерть на кресте и воскрешение), но и детали легенды об Изиде и Озирисе, мифов о Дионисе, Адонисе, Аттисе, Орфее, Митре или нордическом боге Бальдуре, их малоизвестных вариантов из доколумбовых культур Америки. Богатство информации, высвобождающейся в этом процессе у некоторых людей под действием ЛСД, поистине поразительно.

Наиболее серьезный вызов ньютоно-картезианской механистической модели Вселенной исходит от последней категории психоделических явлений - целого спектра переживаний, для которых я подобрал термин *трансперсональные*. Общим знаменателем этой богатой и разветвленной группы необычных переживаний является ощущение индивида, что его сознание расширилось за пределы Эго и трансцендировало границы времени и пространства.

Многие из переживаний этой категории можно интерпретировать как историческую регрессию в биологическое, культурное или духовное прошлое. Довольно часто в психоделических сеансах доводится испытать достаточно конкретные и реальные эпизоды жизни плода и эмбриона. Многие сообщают о ярких фрагментах опыта на клеточном уровне сознания, что по-видимому отражает их существование в форме спермы или яйцеклетки во время зачатия. Иногда регрессия идет еще дальше, и у индивида возникает убедительное чувство повторного проживания эпизодов из жизни биологических предков или даже погружения в общий фонд коллективной и расовой памяти. Иногда люди под действием ЛСД сообщают о переживаниях, в которых они отождествляются с различными животными или у них возникает отчетливое чувство оживления воспоминаний их существования в предыдущем воплощении.

Некоторые другие трансперсональные явления включают трансценденцию пространства, а не времени. Сюда относится опыт сознания другого человека, группы людей или всего человечества. Возможен даже выход за пределы специфически человеческого опыта с подстройкой к тому, что кажется сознанием животных, растений или неодушевленных объектов. В крайних случаях, возможно побывать в сознании всего творения, всей планеты или всей материальной Вселенной. Те, кому довелось столкнуться с трансперсональными переживаниями в психоделических сеансах, часто получают доступ к детальной и, можно сказать, эзотерической информации о соответствующих аспектах материального мира, которая далеко превосходит их общую образовательную подготовку и специфические знания в данной области.

Так, сообщения людей, переживших под действием ЛСД эпизоды эмбрионального существования, момент оплодотворения и фрагменты сознания клетки, ткани и органа, содержали медицински точные сведения об анатомических, физиологических и биологических аспектах происходивших процессов. Подобным образом наследственный опыт, элементы коллективного и расового бессознательного (в юнговском смысле) и "воспоминания прошлых воплощений" часто содержат примечательные детали исторических событий, костюмов, архитектуры, оружия, искусства или религиозной практики древних культур. Те, кто под действием ЛСД пережил психогенетические воспоминания или приобщился к сознанию животных форм, не только нашли этот опыт необычайно достоверным и убедительным, но интуитивно вжились в психологию различных животных, их поведение, специфические привычки, циклы воспроизведения и любовные танцы.

Многие из принимавших ЛСД независимо друг от друга сообщали о своих интуитивных догадках, что сознание не является продуктом центральной нервной системы и что оно как таковое присуще не только людям и высшим позвоночным. Они видели в этом первостепенную характеристику существования, которую нельзя свести к чему-то еще или откуда-то еще извлечь. У тех, кто сообщил об эпизодах сознательного отождествления с растениями или частями растений, были необыкновенные постижения таких ботанических процессов, как прорастание семян, фотосинтез листьев, опыление или обмен воды и солей в корневой системе. Также распространено чувство отождествления с сознанием неорганических материалов или процессов - таких, как золото, гранит, вода, огонь, молния, смерч, вулканическая активность, или даже отдельные атомы и молекулы. Как и выше упомянутые явления, эти переживания могут ассоциироваться с удивительно точными интуитивными догадками.

Другая важная группа трансперсональных переживаний включает телепатию, психодиагностику, ясновидение и яснослышание, предвидение, психометрию, опыт выхода из тела, видение на расстоянии и другие паранормальные феномены. Для некоторых из них характерна трансценденция обычных временных ограничений, для других - трансценденция пространственных барьеров или сочетание того и другого. Поскольку многие другие типы трансперсональных явлений тоже часто подразумевают доступ к новой информации через экстрасенсорные каналы, четкая граница между психологией и парапсихологией, при условии признания трансперсонального опыта, исчезает или становится довольно произвольной. Существование трансперсональных переживаний попирает самые фундаментальные положения и принципы механистической науки. С этими переживаниями появляются такие абсурдные на первый взгляд понятия, как относительность и произвольность всех физических границ, нелокальные связи во Вселенной, коммуникация посредством неизвестных средств и каналов, память без материального субстрата, нелинейность времени или сознание, ассоциируемое со всеми формами жизни (включая одноклеточные организмы и растения) и даже с неорганической материей.

Трансперсональный опыт иногда включает события из микрокосма и макрокосма, из областей, недостижимых непосредственно человеческими органами чувств, или из периодов - исторически предшествовавших появлению Солнечной системы, Земли, живых организмов, нервной системы вида *Homo sapiens*. Эти переживания ясно указывают, что каким-то необъяснимым пока образом каждый из нас имеет информацию обо всей Вселенной, обо всем существующем, каждый имеет потенциальный эмпирический доступ ко всем ее частям и в некотором смысле является одновременно всей космической сетью и бесконечно малой ее частью, отдельной и незначительной биологической сущностью.

Содержание обсуждавшегося до сих пор опыта включает в себя элементы феноменального мира. Хотя сами по себе эти переживания дискредитируют идею о том, что Вселенная состоит исключительно из объективно существующих материальных объектов, отделенных один от другого, их содержание не выходит за рамки того, что западный мир считает "объективной реальностью", воспринимаемой в обычном состоянии сознания. Принято считать, что у нас сложная родословная человеческих и животных предков, что мы являемся частью специфического расового и культурного наследия, что мы претерпели сложное биологическое развитие от слияния двух зародышевых клеток до высоко дифференцированного мезозойского организма. Мы живем в мире, в котором помимо нас есть бесчисленное число иных элементов: людей, животных, растений или неодушевленных объектов. Мы принимаем все это на основании прямого сенсорного опыта, согласованного подтверждения, эмпирической очевидности и научных исследований. В трансперсональных переживаниях с регрессией в историческое прошлое¹¹ или с преодолением пространственных барьеров удивля-

¹¹ - Случайные видения исторического развития, вспышки предвидения и комплексное ясновидение будущего представляют особую проблему в этом контексте.

ет поэтому не содержание, а сама возможность непосредственного переживания разнообразных аспектов внешнего феноменального мира и сознательного отождествления с ними. При нормальных обстоятельствах мы считали бы их целиком посторонними и эмпирически недоступными. Столь же удивительно найти сознание там, где мы его не искали - у низших животных, растений, в неживой природе. И снова, в классическом экстрасенсорном восприятии необычным и удивительным будет не содержание опыта, а сам способ получения конкретной информации о других людях или восприятие ситуации, которая согласно здравому смыслу и существующим научным парадигмам, должна быть для нас недостижимой.

Теоретическая новизна этих наблюдений, достаточно впечатляющая сама по себе, еще более выигрывает оттого, что в психоделических сеансах трансперсональный опыт точно отражает материальный мир и возникает в том же самом континууме, тесно переплетаясь с другими видами опыта, содержание которого не согласуется с мировоззрением, господствующим в западной цивилизации. Мы можем упомянуть здесь юнговские архетипы - божеств, демонов, полубогов, супергероев и комплексные мифологические, легендарные и сказочные эпизоды. Даже эти переживания могут ассоциироваться с точной информацией о фольклоре, религиозном символизме и мифической структуре различных культур мира, с которыми индивид не был знаком, которыми не интересовался до ЛСД-сеансов. Наиболее общие и обычные переживания этого типа включают в себя отождествление с космическим сознанием, Вселенским Разумом или с Пустотой.

В таком трансперсональном опыте можно получить точную информацию о различных, ранее неизвестных аспектах Вселенной, что само по себе требует фундаментального пересмотра наших понятий о природе реальности, о взаимоотношении сознания и материи. Столь же мощный вызов несет в себе открытие архетипических и мифологических областей и сущностей, которые обладают, по-видимому, собственным существованием и не могут быть объяснены как производные материального мира. Существуют, кроме того, дополнительные, достаточно впечатляющие наблюдения, которые новая парадигма должна объяснить или хотя бы принять во внимание.

Во многих случаях трансперсональный опыт психоделических сеансов как бы вплетается в ткань событий материального мира. Такое *динамическое взаимодействие внутреннего опыта и феноменального мира* подсказывает, что каким-то образом в переплетениях психоделического процесса происходят трансценденция физических границ индивида. Детальное обсуждение и анализ этого захватывающего феномена следует оставить для дальнейших публикаций, поскольку нужно тщательно изучить подобные случаи. Здесь же достаточно будет краткого описания их общих характеристик и нескольких специфических примеров.

Причиной подъема определенных трансперсональных тем из бессознательного во время психоделических сеансов часто являются невероятные по степени своего влияния внешние события, как бы связанные весьма специфическим и значимым образом с внутренней темой. Жизнь индивида в это время становится потрясающим собранием самых необычных совпадений; он может временно попасть в мир, управляемый не простой линейной причинностью, а синхроничностью, по терминологии Карла Густава Юнга (Jung, 1960).

Бывало, что в жизни людей, которые на сеансах ЛСД-терапии приблизились к переживаниям смерти Эго, начинали нарастать различные опасные события и обстоятельства. И наоборот, они рассеивались почти магически, как только этот процесс завершался. Можно подумать, что эти люди должны по каким-то причинам пройти опыт полного уничтожения, но у них есть выбор сделать это на символическом плане, во внутреннем мире, или же столкнуться с этим в реальности.

Когда юнговский архетип всплывает в сознании индивида на сеансе психоделической терапии, его основная тема тоже может стать явной и начать разворачиваться в повседневности. Так, например, в то время, когда на сеансах доводится столкнуться с проблемами, относящимися к Анимусу, Аниме или Ужасной Матери, идеальные представители этих архетипических образов будут встречаться в повседневной жизни. Когда в ЛСД-сеансах главенствуют элементы коллективного и расового бессознательного или мифологические темы, связанные с какой-либо культурой, человек может чувствовать в повседневности пугающий наплыв элементов, относящихся именно к той географической или культурной области: появление членов той этнической группы, неожиданные письма или приглашения посетить ту страну, скопление актуальных для него тем в книгах, кинофильмах или в телевизионных программах, транслируемых в это время.

Другие интересные наблюдения подобного рода были сделаны в опыте прошлых воплощений. Некоторые люди под действием ЛСД неожиданно испытывали яркие и сложные эпизоды из других культур и других исторических периодов, имевшие качество воспомина-

ний и обычно интерпретируемые как заново прожитые эпизоды из предыдущих жизней. По мере развертывания этих переживаний испытывающий обычно идентифицирует определенных лиц в их настоящей жизни в качестве важных протагонистов из кармических ситуаций. В этом случае межличностные напряжения, проблемы и конфликты с этими лицами часто узнаются и интерпретируются как прямые следствия деструктивных кармических паттернов. Повторное проживание и разрешение подобных кармических воспоминаний чаще всего ассоциируется у ЛСД-пациента с глубоким облегчением, освобождением от тягостных "кармических завязок", всепоглощающим блаженством и завершенностью.

Тщательная проверка динамики межличностных структур, которые предположительно были следствиями разрешившихся кармических паттернов, часто приводит к удивительным результатам. Чувства, установки и поведение людей, в которых индивид под действием ЛСД увидел действующих лиц его прошлых воплощений, имеют тенденцию изменяться в специфическом направлении, совпадающем с курсом событий психоделических сеансов. Важно подчеркнуть, что эти изменения происходят совершенно независимо и не могут быть объяснены в терминах общепринятого линейного понимания причинности. Причастные к ним лица могут находиться за сотни и тысячи миль во время психоделического сеанса. Эти изменения могут произойти даже в отсутствие физической коммуникации с причастными лицами. Их чувства и отношения совершенно независимо подвергаются влиянию факторов, которые никоим образом не связаны с переживаниями человека под действием ЛСД, и все же специфические изменения у них очевидно следуют общему паттерну и происходят почти в одно и то же время, с разницей в несколько минут.

Подобные случаи экстраординарной синхроничности довольно часто ассоциируются с разнообразными феноменами другого рода. Существует поразительная параллель между событиями подобного рода и основными посылами теоремы Белла в современной физике (Bell, 1966), которые мы обсудим позже. Такие наблюдения вовсе не типичны для психоделических состояний только, они встречаются в контексте юнгианского анализа, в разных формах эмпирической психотерапии, в ходе медитативной практики и во время спонтанных выбросов трансперсональных элементов в повседневное сознание.

После описания наиболее ярких наблюдений из психоделических исследований, бросающих вызов здравому смыслу и существующим научным парадигмам, интересно исследовать *изменения в мировоззрении* у людей, которые сами испытали перинатальные и трансперинатальные явления. Особенно интересно будет рассмотреть драматические изменения научного мировоззрения на протяжении этого столетия (об этом - в следующем разделе книги).

Пока люди под действием ЛСД сталкиваются с феноменами преимущественно биографической природы, им не приходится встречаться с серьезными концептуальными сомнениями. Однако приступая к систематическому изучению травмирующего прошлого, они чаще всего понимают, что определенные аспекты их жизни неподлинны, что это лишь слепое, автоматическое повторение неотрегулированных привычных схем, установившихся в раннем детстве. Повторное проживание специфических травмирующих воспоминаний, лежащих в основе подобных паттернов, будет нести освобождающий эффект и позволит воспринять и четче дифференцировать взаимоотношения и ситуации, причинявшие прежде боль, и должным образом их отрегулировать. Типичными примерами таких ситуаций могут служить неадекватное отношение к авторитету из-за травматичного опыта с доминирующими родителями, внесение элементов соперничества между единоутробными детьми в отношения со сверстниками или искажение сексуальных взаимоотношений из-за привычек, установившихся в отношениях с родителем противоположного пола.

Как только принявшие ЛСД входят в перинатальную область и сталкиваются с двойным опытом рождения и смерти, они обычно осознают, что искаженность и неподлинность их жизни не ограничиваются какой-то ее частью или областью. Они неожиданно видят всю картину реальности и общую стратегию существования лживой и ненастоящей. Многие отношения и модели поведения, которые прежде воспринимались как естественные и были приняты без сомнений, теперь оказываются иррациональными и абсурдными. Становится ясно, что они вызваны страхом смерти и неразрешившейся травмой рождения. В этом контексте лихорадочный образ жизни, охотничьи амбиции, тяга к соревнованию, необходимость самоутвердиться, а также неспособность радоваться выглядят совсем необязательными ночными кошмарами, от которых вполне возможно пробудиться. Те, кто завершает процесс смерти-возрождения, подключаются к истинным духовным источникам и понимают, что корнями механистического и материалистического мировоззрения является страх - страх перед рождением и страх перед смертью. Вслед за смертью Эго обычно значительно

возрастает способность радоваться жизни. Прошлое и будущее представляются относительно менее важными, чем настоящий момент, и волнение от самого процесса жизни заменяет принужденную погоню за достижением целей. Человек начинает воспринимать мир как паттерны энергии, а не как твердую материю, и его границы с остальным миром становятся более подвижными. Хотя духовность теперь воспринимается как значительная сила во Вселенной, феноменальный мир все еще видится объективно реальным. Время по-прежнему линейно, пространство остается эвклидовым, а принцип причинности - несомненным, хотя корни многих проблем теперь с очевидностью обнаруживаются в процессе рождения, а не в раннем детстве.

Самые глубокие и фундаментальные изменения в понимании природы реальности происходят в связи с разного рода трансиндивидуальными переживаниями. Поскольку процесс ЛСД-терапии распространяется и на трансперсональные области, пределы линейной причинности растягиваются до бесконечности. Не только биологическое рождение, но и самые разные аспекты и стадии эмбрионального развития, даже обстоятельства зачатия и имплантации представляются правдоподобными источниками важных влияний на психологическую жизнь индивида. Для уразумения эмпирического мира в мышление индивида должны теперь включаться элементы наследственной, расовой и психогенетической памяти, сознательный разум молекулы ДНК и метафизика генетического кода, динамика архетипических структур и факт перевоплощения по закону кармы.

Если твердо придерживаться старой медицинской модели, по которой для памяти необходим материальный субстрат, то ядро отдельной клетки (сперматозоида или яйцеклетки) должно содержать не только информацию об анатомии, психологии и биохимии тела, конституциональных факторах, наследственной предрасположенности к болезням и родительских характеристиках (т. е. обо всем, что перечислено в медицинских учебниках), но также комплексные воспоминания из жизни наших человеческих и животных предков вместе с детальными данными обо всех культурах мира. Так как в переживаниях под действием ЛСД присутствует сознание растений и неорганической материи, вплоть до ее молекулярной, атомной и субатомной структур, а также космогенетические события и геологическая история, приходится в конечном счете заключить, что вся вселенная каким-то образом закодирована в сперматозоиде и яйцеклетке.

В этом пункте мистические альтернативы механистическому мировоззрению выглядят гораздо более приемлемыми и разумными. В то же время разнообразные трансперсональные переживания будут, вероятно, подтачивать веру в принудительность линейного времени и трехмерность пространства, предлагая большое число эмпирических альтернатив. Тенденция материи к дезинтеграции имеет результатом не только игру энергетических паттернов, но и космический вакуум. Форма и пустота становятся связанными и, в конечном итоге, взаимозаменяемыми понятиями. После того, как индивид столкнулся с какой-то значительной областью трансперсонального опыта, ньютоново-картезианское мировоззрение становится несостоятельным в качестве серьезной философской концепции и воспринимается как прагматически полезная, но упрощенная, поверхностная и произвольная система организации повседневного опыта.

Хотя практическое мышление отдельного человека в его обыденной жизни все еще определяется терминами твердой материи, трехмерного пространства, времени, направленного в одну сторону, и линейной причинности, философское понимание существования становится уже значительно более сложным и искушенным, оно приближается к образцам, открытым великими мистическими традициями мира. Вселенная предстает бесконечной сетью путешествий в сознании, а думающий индивид выходит за границы дихотомии испытывающего и испытываемого, формы и пустоты, времени и безвременья, детерминизма и свободной воли, существования и несуществования.

Новое понимание реальности, существования и человеческой природы

Наблюдения, описанные в предыдущем разделе, особенно те, что относятся к трансперсональным переживаниям, явно не совместимы с базисными положениями механистической науки. Они столь состоятельны и поступают из столь многочисленных источников, что отрицать их существование уже невозможно. Трудно также предположить, что они могли бы быть ассимилированы современной наукой за счет какого-то небольшого или даже серьезного урегулирования концепций ведущей парадигмы.

Единственным решением является, по-видимому, фундаментальный и резкий пересмотр парадигмы, масштабный и далеко ведущий сдвиг. В некотором смысле, такое развитие

вполне логично и не должно восприниматься как неожиданность. Научное мышление в современной медицине, психиатрии, психологии и антропологии представляет собой прямое продолжение ньютоно-картезианской модели Вселенной, созданной в XVIII столетии. Поскольку в физике XX века трансцендированы все основные допущения этого воззрения на реальность, вполне естественно рано или поздно ожидать глубоких изменений во всех дисциплинах, являющихся ее непосредственными производными.

Можно без особых усилий показать, что материалы ЛСД-психотерапии, загадочные и необъяснимые с точки зрения механистической науки, представляют гораздо меньшие трудности, если подходить к ним в духе квантово-релятивистской физики, теории систем и информации, кибернетики или недавних открытий в нейропсихологии и биологии. Современные исследования сознания поставляют многочисленные свидетельства, поддерживающие мировоззрение великих мистических традиций. В то же время революционное развитие других научных дисциплин в корне подрывает и дискредитирует механистическое видение мира, сужает разрыв между наукой и мистицизмом, казавшийся в прошлом абсолютным и непреодолимым. Интересно, что многие великие ученые, произведшие революцию в современной физике - Альберт Эйнштейн, Нильс Бор, Эрвин Шредингер, Вернер Гейзенберг, Роберт Оппенгеймер и Давид Бом - находили свое научное мышление вполне совместимым с духовностью, с мистическим мировоззрением. В последние годы все большее сближение науки и мистицизма обсуждается во многих книгах и статьях¹².

Чтобы продемонстрировать совместимость и взаимодополнительность мировоззрения, возникшего в квантово-релятивистской физике, и наблюдений, полученных в ходе исследований сознания, я дам краткий обзор концептуальной революции в физике XX века по ее исчерпывающему представлению в книге Фритьофа Капры "Дао физики" (Сарга, 1975). Прежде всего, обратим внимание на интересную параллель - возможно, не просто по совпадению, а по глубокому смыслу. Ньютоно-картезианская модель была адекватной и даже весьма успешной до тех пор, пока физики исследовали явления в мире повседневного опыта, или в "зоне средних измерений". Как только они начали совершать экскурсии за пределы обычного восприятия в микромир субатомных процессов и в макромир астрофизики, ньютоно-картезианская модель стала непригодной, возникла необходимость ее трансценденции. Аналогично этому, глубокие концептуальные и метафизические изменения автоматически происходят с ЛСД-пациентами, с теми, кто занимается медитацией, и с другими исследователями внутренних пространств, как только они эмпирически достигают трансперсональных областей. У науки, которая принимает в расчет свидетельства необычных состояний сознания, нет другого выбора, кроме как освободить себя от узких рамок ньютоно-картезианской модели.

Революционные перемены в физике, ознаменовавшие конец ньютоновской модели, начались в XIX веке знаменитыми экспериментами Фарадея и теоретическими работами Максвелла по электромагнитным явлениям. Усилиями этих двух естествоиспытателей возникло новое понятие силового поля, заменившее ньютоновское понятие силы. В отличие от ньютоновских сил, силовые поля можно исследовать вне связи с материальными телами. Это было первым значительным отклонением от ньютоновской физики, оно привело к открытию того, что свет - это быстро изменяющееся электромагнитное поле, волнами распространяющееся в пространстве. В основанной на этом открытии общей теории электромагнитных колебаний удалось свести различия между радиоволнами, видимым светом, рентгеновскими лучами и космическим излучением к разнице в частоте; все эти явления объединились под названием "электромагнитные поля".

Однако, еще долгие годы электродинамика оставалась под заклятием ньютонианского мышления. Электромагнитные волны считались вибрациями очень легкой субстанции, называемой "эфиром". Эксперимент Майкельсона-Морли опроверг существование эфира, а Альберт Эйнштейн первым ясно высказался за то, что электромагнитные поля существуют сами по себе и способны распространяться в пустом пространстве. Первые десятилетия нашего столетия принесли неожиданные открытия в физике, потрясшие самые основы ньютоновской модели вселенной. Краеугольным камнем этого развития стали две статьи, опубликованные Эйнштейном в 1905 году. В первой он сформулировал принципы своей специ-

¹² - Среди них, например, "Дао физики" (Сарга, 1975) и "Поворотный пункт" (Сарга, 1982) Фритьофа Капры; "Медиум, мистик и физик" Лоренса Ле-Шана (LeShan, 1974); "Рефлексивная Вселенная" Артура Янга (Young, 1976) и его же "Геометрия смысла" (Young, 1976), "Мастера танца У-Ли" Гарри Зукава (Zukav, 1979), "Наука о разуме: азбука физики сознания" Ника Герберта (Herbert, 1979), "Квантовый скачок" Фреда Вольфа (Wolf, 1981) и "Выслеживание дикого маятника" Итцака Бентова (Bentov, 1977). Есть еще много других.

альной теории относительности, во второй предложил новую точку зрения на природу света - позднее физики дружно переработали ее в квантовую теорию атомных процессов. Теория относительности и новая теория атома опровергли все базисные концепции ньютоновской физики: абсолютность времени и пространства, незыблемость материальной природы пространства, дефиницию физических сил, строго детерминированную систему объяснения и идеальное объективное описание явлений, не учитывающее наблюдателя.

Согласно теории относительности, пространство не трехмерно, а время не линейно; ни то, ни другое не является отдельной сущностью. Они теснейшим образом переплетены и образуют четырехмерный "пространственно-временной" континуум. Поток времени не равномерен и не однороден, как в ньютоновской модели, он зависит от позиции наблюдателей и их скорости относительно наблюдаемого события. Более того, в общей теории относительности, сформулированной в 1915 году и окончательно еще не подтвержденной экспериментально, утверждается, что присутствие массивных объектов влияет на пространство-время. Вариации гравитационного поля в разных частях Вселенной оказывают искривляющее действие на пространство, что заставляет время течь в различном темпе.

Любые измерения в пространстве и времени относительны, больше того, сама структура пространства-времени зависит от распределения материи - поэтому различие между материей и пустым пространством исчезает. Ньютоновское понятие о твердых материальных телах, движущихся в пустом пространстве с евклидовыми характеристиками, теперь значимо только в "зоне средних измерений". В астрофизике и космологии понятие пустого пространства не имеет смысла, а развитие атомной и субатомной физики разрушило представление о твердой материи.

История субатомных исследований начинается на рубеже веков с открытия рентгеновских лучей и радиоактивных элементов. Опыты Резерфорда с альфа-частицами продемонстрировали, что атомы не являются твердыми и неделимыми единицами материи, а состоят из огромных пустот, в которых мелкие частицы - электроны - движутся вокруг ядер. При изучении атомарных процессов ученые столкнулись с несколькими парадоксами, возникшими всякий раз, когда они пытались объяснить новые данные в рамках традиционной физики. В 20-х годах интернациональная группа физиков, в которую входили Нильс Бор, Луи Де-Бройль, Вернер Гейзенберг, Эрвин Шредингер, Вольфганг Паули и Поль Дирак, добилась успеха в поисках математического описания субатомных процессов.

Концепция квантовой теории и ее философские приложения воспринимались непросто, несмотря на то, что математический ее аппарат адекватно отражал рассматривавшиеся процессы. "Планетная модель" рассматривала атом как пустое пространство с мельчайшими частицами материи, а квантовая физика показала, что даже эти частицы не вещественны. Выяснилось, что у субатомных частиц очень абстрактные характеристики и парадоксальная, двойственная природа. В зависимости от организации эксперимента они проявляют себя иногда как частицы, а иногда как волны. Такая же двойственность наблюдалась при исследованиях природы света. В некоторых экспериментах свет проявлял свойства электромагнитного поля, в других же представлял в форме отдельных квантов энергии, фотонов, не имеющих массы и всегда движущихся со скоростью света.

Тот факт, что один и тот же феномен проявляется и как частица, и как волна, конечно, нарушал аристотелевскую логику. Форма частицы подразумевает сущность, заключенную в малом объеме или в конечной области пространства, тогда как волна распространяется по огромным областям пространства. В квантовой физике эти два описания взаимоисключительны, но равно необходимы для полного понимания рассматриваемых явлений. Это нашло свое выражение в новом логическом приспособлении, которому Н. Бор (Bohr, 1934; 1958) дал название *принципа дополнительности*.

Этот новый упорядочивающий принцип не разрешает парадокс, а только вводит его в систему науки. В нем принимается логическое противоречие двух аспектов реальности, взаимоисключающих и в то же время одинаково необходимых для исчерпывающего описания явления. Согласно Бору, это противоречие является результатом неконтролируемого взаимодействия между объектом наблюдения и наблюдательными средствами. В области квантовых взаимодействий не может быть речи о причинности и полной объективности в обычном их понимании. То, как разрешилось в квантовой теории кажущееся противоречие между понятиями частицы и волны, поколебало самые основы механистической теории. На субатомном уровне материя не существует с определенностью в данном конкретном месте, а скорее "проявляет тенденцию к существованию", внутриатомные события не происходят с определенностью в определенное время определенным способом, а скорее "выказывают

тенденцию случаться". Эти тенденции могут быть выражены как математическая вероятность с характерными волновыми свойствами.

Волновую картину света или субатомных частиц не следует понимать буквально. Под волнами подразумеваются нетрехмерные конфигурации, а математические абстракции или "волны вероятности", отражающие вероятность обнаружения частицы в данное время и в данном месте. Квантовая физика таким образом предложила научную модель вселенной, резко контрастирующую с моделью классической физики. На субатомном уровне мир твердых материальных тел распался на сложную картину волн вероятности. Более того, тщательный анализ процесса наблюдения показал, что субатомные частицы не имеют смысла как отдельные сущности; их можно понять только как взаимосвязи между подготовкой эксперимента и последующими измерениями. Поэтому волны вероятности представляют собой в конечном счете не вероятности конкретных вещей, а вероятности взаимосвязей.

Исследование субатомного мира не закончилось открытием атомных ядер и электронов. Сначала атомная модель была расширена до трех "элементарных частиц" - протона, нейтрона и электрона. По мере совершенствования техники эксперимента и создания новых приборов число частиц продолжало расти, в настоящее время они исчисляются сотнями. В ходе экспериментов стало ясно, что завершенная теория субатомных явлений должна включать не только квантовую физику, но и теорию относительности, так как скорость частиц часто близка к скорости света. Согласно Эйнштейну, масса никак не связана с веществом, а является формой энергии; их соотношение выражено в его знаменитом уравнении: $E = mc^2$. Потрясающим следствием теории относительности явилось экспериментальное подтверждение того, что материальные частицы могут создаваться из чистой энергии и опять превращаться в чистую энергию при обратном процессе. Теория относительности коренным образом повлияла не только на концепцию частиц, но и на картину силовых взаимодействий между ними. Взаимное притяжение и отталкивание частиц при релятивистском описании рассматривается как обмен другими частицами. Следовательно, истоком силы и материи теперь считаются динамические паттерны, называемые частицами. Известные в настоящее время частицы не могут подвергаться дальнейшему делению. В физике высоких энергий, где используются процессы столкновения, материя может делиться многократно, но не на более мелкие части; осколки являются частицами, созданными из энергии процесса столкновения. Субатомные частицы являются, таким образом, разрушаемыми и неразрушаемыми одновременно.

Теория поля справилась с классическим различием материальных частиц и пустоты. Согласно теории гравитации Эйнштейна и теории квантовых полей, частицы неотделимы от пространства, которое их окружает. Они представляют собой не что иное, как сгущение непрерывного поля, присутствующего во всем пространстве. Теория поля предполагает, что частицы могут спонтанно возникать из пустоты и снова исчезать в ней.

Открытие динамического качества "физического вакуума" является одним из самых важных в современной физике. Вакуум находится в состоянии пустоты, ничтожности, и, тем не менее, потенциально он содержит все формы мира частиц¹³.

Обзор достижений современной физики будет неполон, если не упомянуть о радикальной школе мышления, имеющей особое значение для нашего дальнейшего обсуждения - о так называемом "шнурочном" (Bootstrap) подходе Джеффри Чу (Chew, 1968). Он разрабатывался специально только для одного типа субатомных частиц - адронов, но своими следствиями представляет всестороннее философское понимание природы.

Согласно "шнурочной философии", природу нельзя редуцировать к каким-либо фундаментальным сущностям вроде элементарных частиц или полей; она должна пониматься целиком в своей самодостаточности. В итоге, вселенная - это бесконечная сеть взаимосвязанных событий. Ни одно из свойств какой-либо части этой сети не является элементарным и фундаментальным; все они отражают свойства других ее частей. Вселенная не может рассматриваться - как это происходит в ньютоновской модели и производных от нее концепциях - в виде ансамбля сущностей, не поддающихся дальнейшему анализу и априорно данных.

"Шнурочная" философия природы не только отрицает существование базисных составляющих материи, она вообще не принимает никаких фундаментальных законов природы или обязательных принципов. Все теории естественных явлений, включая законы природы, считаются здесь созданиями человеческого разума. Они являются концептуальными схемами, представляющими более или менее адекватные приближения, и их не следует смешивать с точными описаниями реальности или с самой реальностью. История физики

¹³ - Эта концепция динамического вакуума удивительно сходна с понятием метакосмической и сверхкосмической пустоты, которое присутствует во многих системах "вечной философии".

двадцатого столетия - непростой процесс; он включает не только блестящие достижения, но и концептуальную путаницу, драматичные человеческие конфликты. Физикам потребовалось много времени, чтобы отказаться от базисных установок классической науки и согласованного взгляда на реальность. Новая физика повлекла за собой не только смену понятий материи, пространства, времени и линейной причинности, но и признание того, что парадоксы составляют существенный аспект новой модели Вселенной. Уже после того, как математический аппарат теории относительности и квантовой теории был завершен, принят и усвоен главным направлением науки, физики по-прежнему далеки от единодушия в вопросах философской интерпретации и метафизических приложений этой системы мышления. Только в отношении квантовой теории существует несколько интерпретаций ее математического аппарата (Jammer, 1974; Pagels, 1982).

Даже весьма образованные и передовые физики-теоретики в силу своего воспитания наделяют повседневную реальность теми свойствами, какие ей приписаны в классической физике. Многие из специалистов отказываются иметь дело с неразрешенными философскими вопросами квантовой теории и склоняются к строго *прагматическому подходу*. Они довольствуются тем, что математический аппарат квантовой теории точно предсказывает результаты экспериментов, и настаивают на том, что именно это и только это имеет значение.

Еще один важный подход к проблемам квантовой теории основан на *стохастической интерпретации*. В отношении событий феноменального мира физики применяют статистический подход, если им не известны все механические детали системы, которая должна быть изучена. Они называют эти неизвестные факторы "скрытыми переменными". Те, кто отдает предпочтение стохастической интерпретации квантовой теории, пытаются продемонстрировать, что она является по существу классической теорией вероятностных процессов и что радикальный отход от концептуальной структуры классической физики неоправдан и ошибочен. Многие вслед за Эйнштейном верят, что квантовая теория - это особый род статистической механики, дающий только средние значения измеряемых величин. На более глубоком уровне каждая отдельная система управляется детерминистскими законами, которые предстоит открыть в будущем при помощи более точных исследований. В классической физике скрытые переменные - это локальные механизмы. Джон Белл представил доказательство, что в квантовой физике такие скрытые переменные (если они существуют) должны быть нелокальными связями с общим пространством, действующими мгновенно.

Копенгагенская интерпретация, связанная с именами Н. Бора и В. Гейзенберга, до 1950 года являлась ведущей точкой зрения на квантовую теорию. В ней выделен принцип локальной причинности и подвергнута сомнению объективность существования микромира. В соответствии с этой точкой зрения не существует реальности, пока нет восприятия этой реальности. В зависимости от условий проведения эксперимента различные дополняющие аспекты будут становиться явными. Именно факт наблюдения нарушает неразрывную целостность мироздания и рождает парадоксы. Мгновенное переживание реальности вовсе не парадокс. Парадокс возникает, когда наблюдатель пытается построить историю своего восприятия. И происходит это потому, что нет четкой разделительной линии между нами и реальностью, которая существовала бы вне нас. Реальность конструируется ментальными актами и зависит от того, что и как мы выбираем для наблюдения.

Среди физиков-теоретиков были и те, кто пытался разрешить парадоксы квантовой физики за счет изменения основ научной теории. Некоторые сдвиги в математике и философии привели к идее, что причина несоответствий может лежать в логической подоплеке теории. Поиски в этом направлении привели к попыткам заменить язык обычной булевой логики *квантовой логикой*, в которой логический смысл слов "и" и "или" был изменен.

И наконец, самой фантастической интерпретацией квантовой теории стала *гипотеза множественности миров*, связанная с именами Хью Эверета, Джона А. Уилера и Нила Грэхема. В данном подходе снимаются несоответствия между общепринятыми интерпретациями и "коллапсом волновой функции", вызванным самим актом наблюдения. Это становится возможным, однако, лишь ценой коренного пересмотра наших наиболее фундаментальных положений относительно природы реальности. Гипотеза постулирует, что Вселенная в каждое мгновение расщепляется на бесконечное число вселенных. Благодаря этому множественному ветвлению актуально реализуются, хотя и в разных вселенных все возможности, предусмотренные математическим аппаратом квантовой теории. Реальность тогда есть бесконечность этих вселенных, существующих во всеобъемлющем "суперпространстве". Поскольку отдельные вселенные не сообщаются между собой, не может быть никаких противоречий.

Наиболее радикальными с точки зрения психологии, психиатрии и парапсихологии являются интерпретации, предполагающие *ключевую роль психики в квантовой реальности*. Авторы, мыслящие в этом направлении, предполагают, что ум или сознание реально влияют или даже создают материю. Здесь должны быть упомянуты работы Юджина Уигнера, Эдварда Уокера, Джека Сарфатти и Чарлза Мьюзеса.

Характер и объем этой книги не позволяют в деталях изложить удивительные и многообещающие перемены в картине Вселенной и реальности, предложенные квантово-релятивистской физикой. Заинтересованный читатель найдет более полную информацию в книгах специалистов в этой области. И все же еще один существенный пункт следует упомянуть. Эйнштейн, чьи работы положили начало развитию квантовой физики, до конца своей жизни упорно отказывался признать фундаментальную роль вероятности в природе. Он выразил свою позицию в знаменитом высказывании "Бог не играет в кости". Даже после нескольких дискуссий с лучшими представителями квантовой физики он сохранил убеждение, что когда-нибудь в будущем будет найдена детерминистская интерпретация в терминах "скрытых локальных переменных". Для того чтобы показать ошибочность боровской интерпретации квантовой теории, Эйнштейн придумал мысленный эксперимент, который позже стал известен как эксперимент Эйнштейна-Подольского-Розена (ЭПР). По иронии судьбы этот эксперимент несколькими десятилетиями позже послужил основанием для теоремы Белла, доказавшей, что картезианская концепция реальности несовместима с квантовой теорией (Bell, 1966; Сарга, 1982).

По упрощенной версии ЭПР-эксперимента два электрона вращаются в противоположных направлениях, так что их общий спин равен нулю. Их удаляют друг от друга, пока расстояние между ними не станет макроскопическим; затем их предполагаемые спины измеряются двумя независимыми наблюдателями. Квантовая теория предсказывает, что в системе из двух частиц с общим нулевым спином, спины относительно любой оси всегда будут скоррелированы, т.е. противоположны. Хотя до действительного измерения можно говорить о тенденции спина, как только измерение проведено, потенциальная возможность становится реальным фактом. Наблюдатель может выбрать любую ось измерения, и это моментально определит спин другой частицы, которая может находиться за тысячи миль от него. Согласно теории относительности, никакой сигнал не может распространяться быстрее скорости света, следовательно, эта ситуация в принципе невозможна. Мгновенную, нелокальную связь между такими частицами нельзя осуществить сигналом в эйнштейновском смысле; коммуникация такого рода выходит за рамки принятой концепции передачи информации. Теорема Белла поставила физиков перед неприятной дилеммой: предполагается одно из двух - либо мир не является объективно реальным, либо в нем действуют сверхсветовые связи. По утверждению Генри Стаппа, теорема Белла показала "глубокую истину, что Вселенная либо лишена всякой фундаментальной закономерности, либо фундаментально нераздельна" (Stapp, 1971).

Хотя квантово-релятивистская физика вызвала наиболее убедительную и радикальную критику механистического мировоззрения, важные решения были приняты благодаря результатам исследований в других областях. Резкими изменениями подобного рода научное мышление обязано развитию кибернетики, теории информации, теории систем и теории логических типов. Одним из главных представителей этого решительного поворота в современной науке стал Грэгори Бейтсон¹⁴. Он утверждает, что мышление на языке субстанции и дискретных обьедков является серьезной ошибкой в логической типологии. В повседневной жизни мы имеем дело не с объектами, а с их сенсорными преобразованиями или с сообщениями о различиях; в смысле теории Коржибского (Korzybski, 1933), мы имеем доступ к картам, а не к территории. Информация, различение, форма и паттерн, составляющие наше знание о мире, являются лишенными размерности сущностями, которые нельзя локализовать в пространстве или во времени. Информация течет в цепях, которые выходят за общепринятые границы индивидуальности и включают все окружающее. Этот способ научного мышления делает абсурдной попытку понять мир в терминах отдельных объектов и сущностей, рассматривать индивида, семью или род как дарвиновские сообщества в борьбе за выживание, проводить различие между умом и телом, или идентифицироваться с эготелесной единицей ("Эго, облаченное в кожу" у Алана Уотса). Как и в квантово-

¹⁴ - Наиболее важные аспекты критики механистической науки представлены в книгах Грегори Бейтсона "Ступени к экологии разума" (Bateson, 1972) и "Разум и природа: необходимое единство" (Bateson, 1979).

релятивистской физике акцент смещается от субстанции и объекта к форме, паттерну и процессу¹⁵.

Теория систем дала возможность сформулировать новое определение разума и умственной деятельности. Она показала, что любое устройство, состоящее из частей и компонентов, образующих достаточно сложные замкнутые казуальные цепи с соответствующими энергетическими связями, будет обладать ментальными характеристиками реагировать на различия, обрабатывать информацию и саморегулироваться. В этом смысле можно говорить о ментальных характеристиках клеток, тканей и органов тела, культурных групп и наций, экологических систем или даже всей планеты, как сделал Лавлок в своей теории Гейи (Lovelock, 1979). И когда мы говорим о большем разуме, объединяющем иерархию всех меньших, даже такой скептик, как Г. Бейтсон, должен признать, что такая концепция близка к понятию об имманентном Боге.

Глубокая критика основных концепций механистической науки содержится также в работах нобелевского лауреата Ильи Пригожина (Prigogine, 1980, 1984) и его коллег в Брюсселе и Остине (штат Техас). Традиционная наука рисует жизнь как специфический, редкий и в конечном итоге бесполезный процесс - как незначимую и случайную аномалию, донкихотскую битву против абсолютного диктата второго закона термодинамики. Эта мрачная картина Вселенной, где властвует всемогущая тенденция к возрастанию случайности и энтропии, где все движется к неизбежной тепловой смерти, теперь принадлежит прошлому науки. Ее опровержению послужили исследования Пригожина по так называемым диссипативным структурам в определенных химических реакциях¹⁶ и открытый им новый принцип, лежащий в их основе - "порядок через флуктуации". Дальнейшие исследования показали, что этому принципу подчинены не только химические процессы: он представляет собой базисный механизм развертывания эволюционных процессов во всех областях - от атомов до галактик, от отдельных клеток до человеческих существ и вплоть до обществ и культур.

На основании этих наблюдений появилась возможность сформулировать единую точку зрения на эволюцию, объединяющим принципом которой является не стабильное состояние, а динамические состояния неуравновешенных систем. Открытые системы на всех уровнях и во всех областях являются носителями всеобщей эволюции, которая гарантирует, что жизнь будет продолжать свое движение во все более новые динамические режимы сложности. С этой точки зрения, жизнь сама по себе предстает далеко выходящей за узкие рамки понятия органической жизни.

Всякий раз, когда какие-либо системы в любой области задыхаются от энтропийных отходов, они мутируют в направлении новых режимов. Одна и та же энергия и те же самые принципы обеспечивают эволюцию на всех уровнях, будь то материя, жизненные силы, информация или ментальные процессы. Микрокосм и макрокосм являются двумя аспектами одной-единой и объединяющей - эволюции. Жизнь уже не представляется явлением, развертывающемся в неодоушевленной Вселенной: сама Вселенная становится все более и более живой.

Хотя простейший из изучаемых уровней самоорганизации - это уровень диссипативных структур, образованных в самообновляющихся химических реакциях, применение этих принципов к биологическим, психологическим и социологическим явлениям нельзя назвать редукционистским мышлением. В отличие от редукционизма в механистической науке такие интерпретации основаны на фунозментальной гомологии, на родстве самоорганизующей динамики многих уровней.

С этой точки зрения, человек не выше других живых организмов; просто люди живут одновременно на большем числе уровней, чем формы жизни, появившиеся в начале эволю-

¹⁵ - Это концептуальное противоречие между механистической наукой и современными революционными разработками в точности повторяет старый конфликт между главными школами греческой философии. Представители ионийской школы в Милете Фалес, Анаксимандр, Анаксимен и другие считали основным вопросом философии следующее: "Из чего состоит мир?", "Каково исходное вещество?". В отличие от них, Платон и Пифагор полагали, что основным предметом философии являются форма мира, структура и порядок. Современная наука - явно неоплатоническая и неопифагорейская.

¹⁶ - "Диссипативные структуры" получили свое название из-за того, что они сохраняют постоянное производство энтропии и рассеивают нарастающую энтропию в обмене с окружающей средой. Наиболее известным примером является так называемая реакция Белоусова-Жаботинского, которая заключается в окислении малоновой кислоты броматом в растворе серной кислоты в присутствии ионов церия, железа и марганца.

ции. Здесь наука заново открыла ту истину "вечной философии", что эволюция человека является значимой составной частью вселенской эволюции. Люди - важные посредники этой эволюции, а не ее беспомощные объекты, они *сами и есть* эволюция.

Подобно квантово-релятивистской физике эта наука о становлении, сменяя старую науку о бытии, перенесла внимание с субстанции на процесс. Структура здесь - случайный продукт взаимодействующих процессов, который, по словам Эриха Янча, не более прочен, чем картина стоячей волны при слиянии двух рек или улыбка чеширского кота¹⁷.

Последним серьезным вызовом механистическому мышлению стала теория британского биолога и биохимика Руперта Шелдрэйка, изложенная в его революционной книге "Новая наука жизни" (Sheldrake, 1981). Шелдрэйк блестяще критикует ограниченность объяснительных возможностей механистической науки и ее неспособность справиться с ключевыми проблемами в области морфогенеза индивидуального развития и эволюции видов, генетики, инстинктивных и более сложных форм поведения. Механистическая наука имеет дело только с количественным аспектом явления, с тем, что Шелдрэйк называет "энергетической причинностью". Ей нечего сказать о качественном аспекте - о развитии форм или "формирующей причинности". По теории Шелдрэйка, живые организмы это не просто сложные биологические машины; жизнь не может быть сведена к химическим реакциям. Форма, развитие и поведение организмов определяются "морфогенетическими полями", которые в настоящее время не могут быть обнаружены, измерены или поняты физикой. Эти поля создаются формой и поведением живших в прошлом организмов того же вида посредством прямой связи сквозь пространство и время и обладают кумулятивными свойствами. Если у достаточного числа представителей вида развились какие-то организменные свойства или особые формы поведения, это автоматически передается другим особям, даже если между ними нет обычных форм контакта"¹⁸. Явление "морфического резонанса", как назвал его Шелдрэйк, относится не только к живым организмам, его можно увидеть в таких элементарных явлениях, как рост кристаллов.

Какой бы неправдоподобной и абсурдной не казалась эта теория механистически ориентированному уму, она проверяема, в отличие от базисных метафизических положений материалистического мировоззрения. Уже сейчас, на своем раннем этапе она подтверждается экспериментами на крысах и наблюдениями за обезьянами. Шелдрэйк вполне осознает, что его теория имеет далеко идущие приложения в психологии, и сам говорил о ее связи с юнговской концепцией коллективного бессознательного.

Обзор новых направлений в науке будет неполным, если не отметить работу Артура Янга (Young, 1976а, 1976в). Его *теория процессов* серьезно претендует на роль будущей научной метапарадигмы. Она организует и самым исчерпывающим образом объясняет данные из ряда дисциплин: геометрии, квантовой теории и теории относительности, химии, биологии, ботаники, зоологии, психологии и истории, объединяя их во всеобъемлющее космологическое видение. Модель Вселенной Янга имеет четыре уровня, определяемые степенями свободы и ограниченности, и семь последовательных ступеней: свет, ядерные частицы, атомы, молекулы, растения, животные и люди. Янгу удалось открыть фундаментальный паттерн вселенского процесса, повторяющийся вновь и вновь на различных уровнях эволюции в природе. Кроме широких возможностей объяснения явлений, эта концепция обладает возможностями их предсказания.

Подобно периодической системе Менделеева, она способна предсказывать естественные явления в их специфических аспектах. Приписывая решающую роль во Вселенной свету и целенаправленному влиянию квантов действия, Янг перекинул мост через пропасть, разделяющую науку, мифологию и "вечную философию". Его метапарадигма согласуется поэтому не только с лучшим в науке, но может также применяться к необъективным и неопределимым аспектам реальности далеко за ее установившимися пределами. О теории Янга не

¹⁷ - Книги Эрика Янча "Дизайн для эволюции" (Jantsch, 1975) и "Самоорганизующаяся Вселенная" (Jantsch, 1980) послужат прекрасным источником дополнительной информации о разработках, обсуждавшихся выше.

¹⁸ - Самым известным примером является анекдотичный случай, описанный Лайолом Уотсоном в книге "Нить жизни" (Watson, 1980) и получивший название "феномен сотой обезьяны". Когда молодая самка японской макаки (*Macaca fuscata*) на острове Кошима научилась совершенно новому виду деятельности (в прибрежных волнах она отмывала клубни сладкого картофеля от песка и мелких камешков), ее поведение переняли не только ближайшие сородичи, но и обезьяны, живущие на соседних островах, причем количество научившихся этому приему обезьян достигло определенной критической величины.

стоит рассуждать без солидных познаний в нескольких научных областях, так что заинтересованному читателю следует обратиться к оригинальной работе.

В настоящее время невозможно, как видно, объяснить все революционные открытия современной науки, обсужденные в этой главе, в связной и всесторонней новой парадигме. Однако все они имеют по-видимому кое-что общее, а именно, разделяемое их сторонниками глубокое убеждение, что механистический образ Вселенной, созданный ньютонокартезианской наукой, не может больше считаться точной и окончательно установленной моделью реальности. Понятие космоса как гигантской супермашины, собранной из бесчисленных отдельных объектов и существующей независимо от наблюдателя, уже устарело и отправлено в исторический архив науки. Исправленная модель показывает Вселенную единой и неделимой сетью событий и взаимосвязей; ее части представляют разные аспекты и паттерны одного интегрального процесса невообразимой сложности. Как предсказывал более пятидесяти лет назад Джеймс Джинс (Jeans, 1930), Вселенная современной физики больше похожа на систему мыслительных процессов, нежели на гигантский часовой механизм. По мере того, как ученые проникают все глубже в структуру материи и изучают многочисленные аспекты мировых процессов, понятие твердой субстанции постепенно исчезает из этой картины, оставляя им только архетипические паттерны, абстрактные математические формулы или универсальный порядок. Следовательно, не будет странным предположить, что связующим принципом в космической сети является сознание как первичный и нередуцируемый атрибут существования¹⁹.

После обзора некоторых ярких открытий современной науки вернемся к современным исследованиям сознания. По большей части они явно несовместимы с ньютонокартезианской парадигмой механистической науки, поэтому интересно будет рассмотреть их отношение к различным сторонам нового научного мировоззрения. Революционный потенциал данных, полученных в ходе современных исследований сознания, меняется, видимо, вместе с уровнем наблюдения. Так, переживания биографической природы не оказывают серьезного давления на установившиеся способы мышления и могут требовать лишь небольших поправок в существующих теориях. Перинатальный опыт требует более серьезных изменений в теории, но, вероятно, и его можно ассимилировать без радикального сдвига парадигмы. А вот существование трансперсональных переживаний наносит смертельный удар механистическому мышлению и требует изменений в самом базисе научного мировоззрения. Неизбежный резкий пересмотр особенно затронет те дисциплины, которые остались под закланием ньютонокартезианской парадигмы и до сих пор принимают принципы этой модели, созданной в XVII веке, за принципы науки.

Фритьоф Капра (Capra, 1975; 1982) и другие показали, что мировоззрение современной физики приближается к мистическому мировоззрению. В еще большей степени это относится к современным исследованиям сознания, поскольку они непосредственно имеют дело с состояниями сознания, как и мистические школы. Здесь нужно кое-что пояснить и уточнить. Конвергенция физики и мистицизма не означает их тождественности или даже возможности будущего их слияния. Склонность к такой интерпретации не раз подвергалась справедливой критике. Особенно пронизательно критиковал ее Кен Уилбер. В статье "Физика, мистицизм и новая холографическая парадигма" (Wilber, 1979) он указал, что "вечная философия" описывает бытие и сознание как иерархию уровней, от низших и самых фрагментарных областей до высших, тончайших и наиболее унитарных. Почти во всех мировоззрениях прослеживаются следующие главные уровни: 1) *физический* уровень неживой материи/энергии; 2) *биологический* уровень живой, чувствующей материи/энергии; 3) *психологический* уровень ума, Эго, логики; 4) *тонкий* уровень парапсихологических и архетипических явлений; 5) *причинный* уровень, характеризующийся бесформенным сиянием и совершенной трансценденцией; 6) *абсолютное сознание* и таковость всех уровней спектра.

С мистической точки зрения, каждый уровень спектра трансцендирует и включает все предыдущие, но не наоборот. Поскольку низшее, согласно "вечной философии", создано высшим (в процессе, называемом "инволюцией"), высшее не может быть объяснено из низшего. Каждый из нижележащих уровней имеет более ограниченный и контролируемый

¹⁹ - За последние годы физика быстро приблизилась к рубежу, за которым ей придется явным образом иметь дело с сознанием. Некоторые известные физики считают, что в будущем всеобъемлющая теория материи должна будет включать сознание как неотъемлемую и главную часть. Различные версии этой точки зрения были изложены Ю. Вигнером (Wigner, 1967), Д. Бомом (Bohm, 1980), Дж. Чу (Chew, 1968), Ф. Капрой (Capra, 1982), А. Янгом (Young, 1976b), С.-П. Сирагом и Н.Хербертом (Sirag, Herbert, 1979).

круг сознания, чем вышерасположенный. Элементы низших миров не в состоянии воспринимать высшие миры и не знают о их существовании, хотя те их пронизывают.

Мистика различает две формы интерпретации - горизонтальную, внутри каждого уровня, и вертикальную - между уровнями. Внутри каждого уровня существует холоархия - все элементы приблизительно равны по статусу и взаимопроницаемы. Неравенство и иерархия существуют между уровнями. Открытия физики подтвердили лишь небольшой фрагмент мистической точки зрения. Физики разрушили догму о первичности неразрушимой твердой материи, которая служила основанием механистического мировоззрения: в субатомных экспериментах материя дезинтегрируется в абстрактные паттерны и формы сознания. Физики также показали горизонтальное единство и взаимопроникновение на первом, физическом, уровне иерархии "вечной философии".

Теория информации и теория систем выявили схожую ситуацию на втором и третьем уровнях. Открытия в физике, химии или биологии ничего не могут сказать о более высоких уровнях мистической иерархии. В этом отношении научные достижения имеют лишь косвенную значимость. Разрушая механистическое мировоззрение, потешающееся над мистицизмом и духовностью, они тем самым создают благоприятную атмосферу для исследований сознания. И только открытия в научных дисциплинах, непосредственно изучающих сознание, могут обеспечить доступ к остальным уровням спектра, охватываемого "вечной философией". Имея это в виду, мы можем теперь рассмотреть отношения между результатами современных исследований сознания и последними достижениями в других научных областях.

Трансперсональные переживания распадаются на две главные категории. Первая включает явления, содержание которых непосредственно относится к элементам материального мира - к другим людям, животным, растениям и неодушевленным объектам или процессам. Во вторую попадают области опыта, находящиеся явно за пределами того, что считается на западе объективной реальностью. Сюда относятся, например, различные архетипические видения, мифологические сюжеты, переживания божественного и демонического влияния, встречи с развоплощенными или сверхчеловеческими существами, эмпирическое отождествление с Универсальным Разумом или Сверхкосмической Пустотой.

Первую категорию можно далее разделить на две подгруппы; принцип деления здесь - природа конвенциональных барьеров, подлежащих трансценденции. Для переживаний первой подгруппы это прежде всего пространственное разделение и состояние отделенности, для второй - ограничения линейного времени. Опыт такого рода представляет неодолимое препятствие для картезианско-ньютонической науки, которая видит материю твердой, границы и раздельность - абсолютными свойствами Вселенной, а время - линейным и необратимым. Это совсем не так с точки зрения современной науки, которая рисует Вселенную бесконечной и единой сетью взаимосвязей и считает все границы условными и легко меняемыми. Произошла трансценденция острого различия между объектом и пустым пространством, а значит, появилась возможность прямых субатомных связей, которые минуют каналы, принятые (или приемлемые) в механистической науке. Возможность существования сознания вне мозга человека и высших позвоночных также серьезно рассматривается в контексте современной физики. Некоторые физики верят, что следует включить сознание в будущую теорию материи и в размышления о физической Вселенной как наиважнейший фактор и связующий принцип космической сети. Если Вселенная представляет собой интегральную и единую сеть, и некоторые из ее составляющих очевидно сознательны, это, в некотором смысле, должно быть верно и для всей системы. Конечно, вполне допустимо, что различные части сознательны в разной степени и им свойственны разные формы осознания.

С этой точки зрения, любые разделения неделимой в предельном смысле космической сети будут неполными, условными и изменяемыми. Значит, нет причин, почему это не может быть так для эмпирических границ между единицами сознания. Не исключено, что при определенных обстоятельствах индивид может восстановить свою тождественность с космической сетью и сознательно пережить любой аспект ее существования. Точно так же, с этой моделью могут быть согласованы некоторые феномены экстрасенсорного восприятия (ЭСВ), основанные на трансценденции конвенциональных пространственных границ. Для телепатии, психодиагностики, видения на расстоянии или астральной проекции вопрос уже не в том, возможны ли такие явления, а в том, как описать барьер, не позволяющий им происходить в любое время. Другими словами, новая проблема такова: что создает видимость плотности, отдельности и индивидуальности в пустой по существу и нематериальной Вселенной, истинная природа которой - нераздельное единство?

Трансперсональные переживания, преодолевающие пространственные барьеры, вполне согласуются с теорией информации и теорией систем. Этот подход тоже дает картину мира, в котором границы произвольны, плотной материи не существует, а самую главную роль играет паттерн. Хотя проблема сознания не обсуждается здесь явно, допустимо говорить о ментальных процессах у клеток, органов, низших организмов, растений, экологических систем, социальных групп или всей планеты. Что касается переживаний, включающих трансценденцию временных барьеров, единственной интерпретацией механистической науки является запись событий прошлого на материальный субстрат центральной нервной системы, т.е. генетическое кодирование. Вероятно, такую точку зрения можно допустить с большой натяжкой в отношении некоторых переживаний прошлого - эмбрионального опыта, памяти предков, расовых и филогенетических переживаний. Но полным абсурдом в этом контексте стало бы рассмотрение переживаний, воспроизводящих исторические эпизоды, с которыми индивид не связан никакой биологической линией, например, элементов юнговского коллективного бессознательного из иных расовых культур или опыта прошлых воплощений. То же верно и для периодов времени до возникновения центральной нервной системы, жизни, планеты или Солнечной системы. Любые переживания будущих событий также необъяснимы, поскольку будущее еще не произошло.

Современная физика предлагает некоторые удивительные возможности объяснения, основанные на более широком понимании природы времени. Эйнштейновская теория относительности, заменившая трехмерное пространство и линейное время концепцией четырехмерного континуума пространства-времени, дает интересную возможность для понимания некоторых трансперсональных переживаний, касающихся других исторических периодов. Специальная теория относительности при определенных обстоятельствах допускает обратный ход времени. В современной физике все более привычным становится рассматривать время как двунаправленную - вперед и назад - сущность. Так, например, в физике высоких энергий при интерпретации пространственно-временных диаграмм (диаграмм Фейнмана) движение частиц во времени вперед равносильно движению соответствующих античастиц в обратном направлении. В размышлениях, представленных в работе "Геометродинамика" Джон Уилер устанавливает в физическом мире параллели тому, что происходит эмпирически при некоторых необычных состояниях сознания (Wheeler, 1962). Понятие Уилера о гиперпространстве теоретически допускает моментальные связи между элементами пространства без эйнштейновского ограничения скорости света. Экстраординарные изменения пространства-времени, материи и причинности, постулируемые теорией относительности в связи со сжатием звезд и черными дырами, также имеют свои параллели с переживаниями в необычных состояниях сознания.

Хотя в настоящее время невозможно прямым и понятным способом связать понятия современной физики с исследованиями сознания, эти параллели поразительны. Если учесть, в каких необычных концепциях нуждаются физики, чтобы объяснить результаты наблюдений на простейшем из всех уровней реальности, становится очевидной бессмысленность попыток механистической психологии отрицать явления, которые конфликтуют со скучным здравым смыслом или не прослеживаются вспять до таких заметных событий прошлого, как обрезание или приучение к туалету.

По контрасту с описанными выше явлениями категория трансперсональных переживаний, содержанию которых нет параллелей в материальной реальности, явно находится за пределами возможностей физики. Тем не менее фундаментальное различие между их статусом в ньютоно-картезианской парадигме и в современном мировоззрении все-таки есть. По механистической модели, Вселенная состоит из громадного числа материальных частиц и объектов. Существование нематериальных сущностей, не наблюдаемое, не улавливаемое обычными средствами и в обычном состоянии сознания, принципиально отрицается. Переживания, связанные с этими сущностями, неизбежно будут отнесены к миру измененных состояний сознания и галлюцинаций, а философски будут интерпретированы как искажения реальности, возникающие каким-то образом в сенсорном восприятии "объективно существующих элементов".

В современном мировоззрении даже материальные составляющие мира могут быть прослежены до абстрактных паттернов и до "динамического вакуума". В единой сети Вселенной любые структуры, формы и разграничения предельно произвольны, а форма и пустота - относительные понятия. Вселенная с такого рода свойствами в принципе не исключает возможность сущностей любой величины и с любыми характеристиками, в том числе мифологических и архетипических форм. В мире вибраций избирательная настройка на связ-

ные и всеохватывающие системы информации была успешно отработана для радио и телевидения.

Мы уже отмечали, что трансперсональные переживания часто имеют глубокую смысловую связь с паттернами событий во внешнем мире, которую не объяснить в терминах линейной причинности. Карл Густав Юнг (Jung, 1960) наблюдал в своей клинической работе много таких потрясающих совпадений; для их объяснения он постулировал существование акаузального связующего принципа, который он назвал *синхронность*. По его определению синхронность вступает в силу, когда "определенное психическое состояние имеет место одновременно с одним или несколькими внешними событиями, которые возникают как значимые параллели текущему субъективному состоянию". Синхронично связанные события явно соотносятся тематически, хотя между ними нет линейной причинной связи.

Многие из тех, кого считают психотиками, переживают поразительные моменты синхронности, но в ходе предвзятых собеседований, проводимых психиатрами-ортодоксами, все упоминания многозначительных совпадений стереотипно воспринимаются как иллюзорные. На самом деле несомненно, что помимо патологической интерпретации явно несвязанных событий существует и подлинная синхронность. Ситуации такого рода слишком поразительны и слишком распространены, чтобы на них можно было не обращать внимания. И поэтому весьма отрадно видеть, что современные физики согласились признать существование подобных явлений в тщательно контролируемом контексте их лабораторных экспериментов. Теорема Белла и эксперименты, связанные с ней, в этом отношении особенно интересны.

Параллели между мировоззрением современной физики и миром мистических и психоделических переживаний действительно обещают многое, и есть все основания верить, что сходство будет возрастать. Основное же отличие доводов, основанных на научном анализе внешнего мира, от возникающих в глубоком самоизучении, заключается в том, что для современного физика мир парадоксального и трансрационального может быть выражен только в абстрактных математических уравнениях, тогда как при необычных состояниях сознания он становится прямым и непосредственным опытом.

ЛСД-пациенты, искушенные в математике и физике, неоднократно сообщали, что во время психоделических сеансов они достигали вдохновенных прозрений в суть различных концепций и построений, которые невозможно представить или визуализировать в обычном состоянии сознания. Имеется в виду, например, римановская геометрия n -мерного пространства, пространство-время Минковского, неевклидова геометрия, коллапс законов природы в черной дыре, специальная и общая теории относительности. Искривление пространства и времени, бесконечная, но самозамкнутая Вселенная, взаимозаменяемость массы и энергии, различные порядки бесконечностей и нулей - все эти сложные понятия математики и физики были субъективно пережиты и качественно по-новому осмыслены некоторыми из пациентов. Оказалось даже возможным обнаружить прямые эмпирические корреляты для знаменитых уравнений Эйнштейна, основанных на преобразованиях Лоренца. Эти наблюдения настолько поразительны, что наводят на мысль о возможном будущем проекте, в котором выдающиеся физики будут иметь возможность испытать психоделические состояния для теоретического вдохновения и творческого решения проблем. Факт, что многие наблюдения в ходе глубокой эмпирической работы совместимы с достижениями современной физики, ясно демонстрирует ограниченность ньютонокартезианской модели, вместе с тем, он дает надежду на узаконивание новых подходов в глазах научного сообщества. Потенциальная значимость исследований сознания, использующих психоделические или немедикаментозные методы, выходит за рамки психологии и психиатрии. Сложность поля деятельности заставляла в прошлом две эти дисциплины для приобретения репутации точных наук искать прочную опору в физике, химии, биологии и медицине. Эти усилия, необходимые исторически и политически, совсем не считались с тем, что изучаемые психиатрией и психологией запутанные явления невозможно описать и объяснить во всей полноте концептуальными построениями наук, исследующих более простые и более фундаментальные аспекты реальности.

Достижения психологических исследований, конечно, не могут противоречить фундаментальным законам физики и химии. Однако у науки, изучающей уникальные и специфические явления сознания, должен быть и свой собственный вклад в понимание мира и свои подходы и системы описания, наиболее подходящие для ее задач. Поскольку в конечном итоге все научные дисциплины основываются на сенсорном восприятии и являются продуктами человеческого разума, кажется очевидным, что исследования сознания могут значительно содействовать изучению любой области физического мира. Нужно, наверно, от-

метить, что знания о многих явлениях, описанных в этой книге, появились столетиями или даже тысячелетиями раньше тех открытий современной физики, с которыми они теперь соотносятся. Их отрицали психиатры, им присваивали психопатологические наименования просто потому, что они не укладывались в ньютоно-картезианскую модель и противоречили ее основным постулатам.

Интересно с этой точки зрения взглянуть на постепенное схождение во взглядах современной физики, мистицизма и исследований сознания. Хотя параллели здесь весьма глубокие и поразительные, они носят по большей части формальный характер и объясняют лишь те трансперсональные переживания, когда индивид сознательно отождествляется с различными аспектами материальной Вселенной в прошлом, настоящем и будущем. А мистическая литература описывает целый спектр других областей реальности, ускользающих от традиционных подходов материалистической науки. Новая модель реальности, описанная квантово-релятивистской физикой, рассталась с концепцией плотной неразрушимой материи и отдельных объектов, показав Вселенную как сложную сеть событий и связей.

При предельном анализе следы материальной субстанции любого рода исчезают в первозданной пустоте динамического вакуума. Однако физики мало что могут сказать о разнообразии форм "космического танца" на других уровнях реальности. Эмпирические прозрения, имевшие место при необычных состояниях сознания, говорят о существовании неощутимого и непостижимого творческого разума, осознающего себя и проникающего сквозь все области реальности. В этом подходе отмечается, что высший принцип бытия и предельная реальность представляются чистым сознанием без какого-либо специфического содержания. Из него проистекает все в космосе; оно создает бесчисленные феноменальные миры для исследования, приключений, драмы, искусства и юмора. Этот аспект реальности - пусть он и лежит за пределами досягаемости для методов точной науки - может оказаться незаменимым для истинного понимания Вселенной и ее исчерпывающего описания.

Трудно вообразить, что теперь или когда-либо в будущем физики смогут в рамках своей дисциплины найти доступ к этой предельной тайне. Поэтому лишь повторением старой ошибки было бы заимствовать у физики новую парадигму и сделать ее обязательным базисом исследований сознания. Существенно, чтобы парадигма возникла из нужд нашей собственной дисциплины и пыталась прокладывать ходы к другим дисциплинам, а не подражала бы им. Значение достижений физики для изучения сознания заключается в уничтожении концептуальной смиренной рубашки ньютоно-картезианской науки, а не в предложении новой парадигмы. Здесь уместно оценить, что же следует из данных, полученных в квантово-релятивистской физике, в современных исследованиях сознания и в других областях науки двадцатого века, для понимания психики и человеческой природы. В прошлом механистическая наука собрала массу свидетельств того, что человека можно со значительной долей успеха понимать и изучать как отдельный материальный объект - по существу, как биологическую машину, собранную по частям, т. е. из телесных органов, тканей, клеток. При таком подходе сознание рассматривается как продукт физиологических процессов в мозге²⁰.

В свете представленных здесь результатов исследований сознания уже неприемлем образ человека, как исключительно биологической машины. В серьезном логическом конфликте с традиционной моделью, новые данные недвусмысленно поддерживают воззрение, которое отстаивали все мистические традиции во все века: при некоторых обстоятельствах человек может функционировать и как обширное поле сознания, трансцендирующее ограничения физического тела, ньютоновского пространства и времени, линейной причинности. Эта ситуация очень похожа на ту, с которой столкнулась современная физика при изучении субатомных процессов (парадокс волны-частицы в отношении света и материи). Согласно принципу дополнительности Бора, для исчерпывающего описания света и субатомных частиц нужно рассматривать волновую картину и картину частицы как два взаимодополняющих и равно необходимых аспекта одной реальности. Обе верны лишь отчасти, и каждая имеет ограниченную применимость. С каким из двух аспектов столкнется экспериментатор, зависит от него самого и от организации эксперимента. Принцип дополнительности относится исключительно к явлениям субатомного мира, его нельзя автоматически переносить в другие области исследований. Однако, он устанавливает важный прецедент для других дисциплин тем, что кодифицирует парадокс, вместо того чтобы пытаться разрешить его. По всей видимости, науки, изучающие человека - медицина, психиатрия, психология, парапси-

²⁰ - Клинические данные, на основании которых было сделано это предположение, и логические ошибки данной интерпретации уже обсуждались.

хология, антропология, танатология и другие - уже собрали достаточно противоречивых данных для подтверждения подобного принципа дополнительности.

Хотя это кажется абсурдным и невозможным с точки зрения классической логики, человеческая природа демонстрирует интересную двойственность. Иногда она приземляет себя до механистических интерпретаций, приравнивая человека к его телу и функциям организма. В других случаях она выявляет совершенно иной образ, предполагая, что человек может функционировать как безграничное поле сознания, трансцендирующее материю, пространство, время и линейную причинность. Для того, чтобы описать человека всесторонним и исчерпывающим способом мы должны принять парадоксальный факт, что *он есть одновременно и материальный объект*, т. е. биологическая машина, и *обширное поле сознания*.

В физике результаты субатомных экспериментов зависят от концепции и подхода экспериментатора; в каком-то смысле волновой вопрос приносит волновой ответ и за вопросом о частице следует ответ о частице. Возможно, в ситуациях, связанных с человеком, концепция исследователя о человеческой природе и организация эксперимента могут повлиять на его исход.

Можно было бы последовать примеру Н. Бора и удовлетвориться простым совмещением этих двух противоположных, но взаимодополняющих образов, которые оба верны лишь частично. Однако некоторые достижения в математике, физике, изучении мозга обнаружили существование новых механизмов, открывающих многообещающие перспективы. В будущем эти с виду несовместимые образы человеческой природы будут, вероятно, синтезированы и интегрированы элегантно и исчерпывающим способом. Способствующие такому синтезу данные приходят из области голографии, теории *холодвижения* (holomovement) Дэвида Бома и исследований мозга Карла Прибрама. Последующее изложение голографических принципов следует рассматривать не как очерк новой физической модели для исследований сознания, а как вспомогательную концепцию, открывающую новые возможности воображения и дальнейших раздумий. Мы не пытаемся утверждать, что мир - это голограмма, однако голография открывает и иллюстрирует существование некоторых новых принципов, причастных к созиданию ткани реальности.

Холономный подход: новые принципы и новые перспективы

За последние три десятилетия значительные наработки в области математики, лазерной технологии, голографии, квантово-релятивистской физики и в исследованиях мозга привели к открытию новых принципов, открывающих далеко идущие перспективы для современных исследований сознания и для науки в целом. Эти принципы были названы *холономными, голографическими* или *холограммными*, потому что они являют собой захватывающую альтернативу конвенциональному пониманию отношений целого и его частей. Их уникальную природу лучше всего можно продемонстрировать на процессе записи, воспроизведения и комбинирования информации техническими средствами оптической голографии.

Важно отметить, что еще преждевременно говорить о "холономной теории Вселенной и мозга", как это делалось в недавнем прошлом. В настоящее время мы имеем дело с мозаикой удивительных и важных данных и теорий из различных областей, еще не интегрированных в исчерпывающую концептуальную систему. И тем не менее, холономный подход - выделяющий интерференцию волновых паттернов, а не механические взаимодействия, и информацию, а не субстанцию - представляет собой многообещающий инструмент для нужд современного научного понимания волновой природы вселенной. Новые интуитивные прозрения затрагивают такие фундаментальные проблемы, как упорядочивающие и организующие принципы реальности и центральной нервной системы, распределение информации в космосе и в мозге, природа памяти, механизмы восприятия, взаимоотношение частей и целого. У современного холономного подхода к Вселенной есть исторические предшественники в древней индийской и китайской духовной философии, в монадологии великого немецкого философа и математика Готфрида Вильгельма фон Лейбница (Leibnitz, 1951).

Трансценденция конвенционального различия частей и целого, являющаяся главным достижением холономной модели, это сущностная характеристика самых разных систем вечной философии. Поэтический образ ожерелья ведического бога Индры - прекрасная иллюстрация этого принципа. В "Аватамсака-сутре" записано: "В небесах Индры есть, говорят, нить жемчуга, подобранная так, что если глянешь на одну жемчужину, то увидишь все остальные отраженными в ней. И точно так же каждая вещь в мире не есть просто она сама, а заключает в себе все другие вещи и на самом деле есть все остальное". Сэр Чарльз Блайт

(Bliot, 1969), цитируя этот отрывок, добавляет: "В каждой частице пыли присутствует бесчисленное множество Будд".

Сходный образ древнекитайской традиции можно найти в буддистской школе хуаянь²¹; это холистический взгляд на Вселенную, воплощающий одно из наиболее глубоких прозрений, когда-либо достигнутых человеческим разумом. Императрица Ву, которая оказалась не в состоянии одолеть сложности хуаяньской литературы, попросила Фа Цанга, одного из основателей школы, дать ей практическую и простую демонстрацию космической взаимозависимости. Фа Цанг сначала подвесил горящий светильник к потолку комнаты, уставленной зеркалами, чтобы показать отношение Единого к многому. Затем он поместил в центре комнаты маленький кристалл и, показав, что все окружающее отражается в нем, проиллюстрировал, как в Предельной Реальности бесконечно малое содержит бесконечно большое, а бесконечно большое - бесконечно малое. Проложив все это, Фа Цанг заметил, что, к сожалению, эта статичная модель неспособна отразить вековечное, многомерное движение во Вселенной и беспрепятственное взаимное проникновение Времени и Вечности, а также прошлого, настоящего и будущего (Franck, 1976).

В джайнской традиции холистический подход к миру представлен наиболее изощренным и проработанным образом. Согласно этой космологии, феноменальный мир представляет собой сложную систему заблудших частиц сознания (джив), захваченных материей на различных стадиях космического цикла. Эта система наделяет сознанием и дживами не только человеческую и животную формы, но также растения, неорганические объекты и процессы. Монады в философии Лейбница имеют много характеристик, сходных с дживами (Leibnitz, 1951); все знание о целокупной Вселенной можно вывести из информации, относящейся к одной-единственной монаде. Интересно, что именно Лейбниц изобрел математический аппарат, который теперь применяется в голографии.

Технику голографии можно использовать как мощную метафору нового подхода и яркую иллюстрацию его принципов. Поэтому уместно будет начать с описания ее базовых технологических аспектов. Голография - это трехмерная, безлинзовая фотография, способная воспроизводить необычайно реалистичные образы материальных объектов. Математические принципы этой революционной техники были разработаны английским ученым Дэнисом Гэбором в конце 40-х годов; в 1971 году Гэбор получил за свое открытие Нобелевскую премию. Голограммы и голографию невозможно понять в терминах геометрической оптики, в которой свет складывается из дискретных частиц, фотонов. Голографический метод основан на принципе суперпозиции и на паттернах интерференции, что предполагает волновое понимание света. Принципы геометрической оптики дают адекватное приближение для многих оптических инструментов, включая телескоп, микроскоп, фото- и кинокамеру. Они используют только свет, отраженный от объекта, и его интенсивность, но не его фазу. Запись интерференции световых паттернов в механической оптике не обеспечивается. А это как раз и является сущностью голографии, которая основана на интерференции чистого монохроматического и когерентного света (свет с одинаковой длиной волны и фазой). В технике голографии луч лазерного света расщепляется и взаимодействует с фотографируемым объектом; возникающая интерференционная картина фиксируется на фотографической пластине. Последующее освещение этой пластины лазерным лучом дает возможность воспроизвести трехмерное изображение исходного объекта.

Голографические изображения обладают многими характеристиками, которые делают их великолепной моделью психоделических феноменов и других переживаний в необычных состояниях сознания. Они позволяют демонстрировать многие формальные свойства видений под действием ЛСД, а также многие важные аспекты их содержания.

Воспроизводимые изображения трехмерны и выглядят весьма реалистично, что приближает или даже уравнивает их с образами восприятия повседневного материального мира. В отличие от современной кинематографии голографические изображения не просто создают видимость трехмерности. Они показывают подлинные пространственные характеристики, включая достоверный параллакс²². Голографические изображения дают возможность изби-

²¹ - Мудрецы школы хуайен (японская традиция кегон и санскритская аватамсака) рассматривают целое, охватывающее все вселенные, как один живой организм, который включает взаимозависимые и взаимопроникающие процессы становления и не-становления. Традиция хуайен выражает эту ситуацию в следующей формуле: "ОДНО ВО ВСЕМ; ВСЕ В ОДНОМ; ОДНО В ОДНОМ; ВСЕ ВО ВСЕМ".

²² - Это значит, что изучение голографического изображения под разными углами зрения раскрывает и обнаруживает ранее скрытые аспекты; этого не происходит с обычной фотографией или кинокадром, когда обзор их под другим углом просто искажает изображение.

рательной фокусировки на различных планах и позволяют воспринимать внутренние структуры через прозрачные среды. Изменяя фокусировку, можно выбирать глубину восприятия, размывать или прояснять различные части визуального поля.

Например, усовершенствованная техника голографии, использующая пленки с микроскопической зернистостью, позволяет получить голограмму живого листа и, меняя фокусировку, изучать по ней его клеточную структуру под микроскопом. Еще одно свойство голографии делает ее особенно пригодной для моделирования психоделических и мистических явлений - невероятная способность вмещать информацию; несколько сотен изображений может быть записано на эмульсионной пленке, где при обычном способе фотографии поместилась бы только одна картинка. Голография позволяет получить изображения двух людей или целой группы лиц при помощи последовательных экспозиций. На одной и той же пленке это можно сделать либо под тем же углом съемки, либо с небольшим смещением угла при каждой экспозиции. В последнем случае проявление полученной пленки даст совмещенное изображение пары или группы людей (например всех сотрудников института или всех членов футбольной команды). Занимая одно и то же пространство, этот образ будет представлять всех их сразу и никого в отдельности. Эти настоящие композиционные изображения представляют отличную модель для некоторых типов трансперсональных переживаний - таких, как архетипические образы Космического Человека, Женщины, Матери, Отца, Любownika, Трикстера, Дурака, Мученика, или обобщенные этнические и профессиональные видения, например, Еврея или Ученого.

Сходный механизм действует, видимо, в некоторых иллюзорных трансформациях личности или деталей окружения, часто наблюдаемых в ходе психоделических сеансов. Так, ассистент может видеться в его реальной форме и одновременно как отец, мать, палач, судья, дьявол, как все мужчины или все женщины. Помещение может представляться то в своем обычном виде, то как гарем, замок эпохи Возрождения, средневековая темница, камера смертников или шалаш на острове в Тихом океане.

Когда голографические изображения снимаются под разным углом, все индивидуальные изображения могут быть восстановлены последовательно и отдельно от других с одной и той же эмульсионной поверхности при повторении исходных условий экспозиции. Это иллюстрирует еще один аспект визионерских переживаний, а именно то, что бесчисленные образы будут разворачиваться в быстрой последовательности из одной и той же области опыта, появляясь и исчезая, словно по волшебству. Индивидуальные голографические изображения воспринимаются как реальные, но вместе с тем являются составными частями гораздо более обширной недифференцированной матрицы световых интерференционных паттернов, которые их и порождают. Этот факт можно использовать как изящную модель некоторых других аспектов трансперсонального опыта. Голографическое изображение можно снять так, что один и тот же образ будет занимать разные пространства, как при одновременной экспозиции двух людей или целой группы. В этом случае голограмма дает изображение как бы двух индивидов или даже группы лиц. И в то же время тому, кто знаком с принципами голографии, очевидно, что эти изображения можно увидеть как совершенно недифференцированные поля света, которые благодаря особой интерференционной картине создают иллюзию отдельных объектов. Относительность раздельности и единства чрезвычайно значима в мистических и психоделических переживаниях. Трудно найти более подходящее вспомогательное и обучающее средство для иллюстрации этих аспектов необычных состояний сознания (иначе непонятных и парадоксальных), чем голография.

Самые интересные свойства голограмм связаны, вероятно, с возможностями "запоминания" и воспроизведения информации. Оптическая голограмма имеет распределенную память, любая ее малая часть, объем которой позволяет вместить полную дифракционную картину, содержит информацию обо всем образе в целом. Уменьшение размеров части голограммы, используемой для воспроизведения образа, будет связано с некоторой потерей разрешающей способности или с возрастанием информационного шума, но основные характеристики целого сохраняются.

Голографическая техника позволяет также синтезировать новые образы несуществующих объектов, комбинируя различные входные изображения. Этот механизм можно сопоставить с многочисленными комбинациями и символическими вариациями бессознательного материала, которые наблюдаются в психоделических сеансах или в сновидениях. В этих вариациях можно увидеть тот факт, что каждый индивидуальный психологический гештальт - будь то видение, фантазия, психосоматический симптом или мысльформа - содержит огромный объем информации о личности. Так, например, свободные ассоциации и аналитическая работа по каждой, с виду незначительной, детали переживания может дать удивительные

тельное количество данных об индивиде. Феномен дистрибутивной памяти несет в себе наибольшую потенциальную значимость для понимания того факта, что у ЛСД-пациентов в некоторых особых состояниях сознания появляется доступ к информации практически о любом аспекте Вселенной. Голографический подход позволяет представить, как информация, опосредуемая мозгом, становится доступной каждой его клетке, как генетическая информация о целом организме содержится в каждой отдельной клетке тела.

В тех моделях Вселенной, где главное внимание отведено субстанции и количеству (как в той, которая создана механистической наукой), часть отличается от целого очевидным и абсолютным образом. В модели же, которая представляет Вселенную системой вибраций и опирается на информацию, а не на субстанцию, данное различие уже не действует.

Эту радикальную перемену, когда акцент смещается с субстанции на информацию, можно проиллюстрировать на примере человеческого тела. Хотя каждая соматическая клетка является простейшей частью целого тела, она через генетический код имеет доступ к любой информации о нем. Вполне допустимо, что таким же образом вся информация о Вселенной может быть воспроизведена в любой ее части. Демонстрация того, как элегантно может быть трансцендировано кажущееся непреодолимым различие между частью и целым является, вероятно, самым значительным вкладом голографической модели в теорию современных исследований сознания. Итак, параллели между голографией и психоделическими переживаниями замечательны, особенно если учесть, что эта технология осваивает еще начальные этапы; трудно даже предположить, насколько плодотворными могут оказаться ее достижения в ближайшем будущем. Хотя проблем, связанных с реализацией трехмерной голографической кинематографии и телевидения пока еще много, их разрешение безусловно находится в пределах возможностей современной технологии. Еще одно замечательное применение голографии, находящееся на начальной ступени, это распознавание букв, символов и паттернов, возможность трансляции с одного символического языка на другой.

Голограмма - уникальное концептуальное средство, чрезвычайно полезное для понимания принципа целостности. Она, впрочем, дает только статическую запись движения сложных электромагнитных полей; этим смазываются некоторые важные свойства и возможности голографии. В реальности движение световых волн (и другие вибрационные феномены) присутствует всюду, и, в принципе, оно сворачивает в себе всю Вселенную пространства и времени. Эти поля подчиняются законам квантовой механики, подразумевающим неразрывность и нелокальность. Таким образом, тотальность развертывания и свертывания далеко превосходит то, что открывает себя научному наблюдению.

Недавние революционные открытия аргентино-итальянского исследователя Хьюго Зукарелли распространили голографическую модель на мир акустики. С ранних лет Зукарелли заинтересовался проблемами, связанными со способностью разных организмов локализовать звуки при аудио-восприятии. После тщательного изучения и анализа механизмов, при помощи которых животные различных видов добиваются точной идентификации источников звука, он пришел к заключению, что существующие модели не учитывают важные характеристики человеческого акустического восприятия. Тот факт, что люди могут локализовать источник звука, не двигая головой и не меняя положения ушных раковин, ясно показывает, что механизмом, отвечающим за человеческие возможности в этой области является вовсе не различие в интенсивности входного сигнала в правом и левом ухе. Кроме того, даже люди, чей слух поврежден с одной стороны, могут локализовать источник звука.

Чтобы адекватно объяснить все характеристики пространственного слуха, приходится постулировать, что человеческое акустическое восприятие использует голографические принципы. Это означает, что человеческое ухо является не только приемником, но и передатчиком. Воспроизведя этот механизм при записи звука, Зукарелли развил технологию холофонического звучания. Холофонические записи обладают поразительными возможностями воспроизведения акустической реальности со всеми ее пространственными характеристиками - до такой степени, что без постоянного визуального контроля практически невозможно отличить записанное от реальных событий трехмерного мира. Вдобавок, при прослушивании холофонической записи событий, стимулирующих и другие чувства, может возникать синестезия, т.е. соответствующее восприятие в других сенсорных зонах.

Так, звук шелкающих рядом с головой ножниц вызовет реалистичное ощущение, что вам стригут волосы, шум электрического фена создаст ощущение потока горячего воздуха, обдувающего волосы; услышав, как кто-то зажигает спичку, вы явственно почувствуете запах серы, а шепот женщины вблизи уха заставит ощущать ее дыхание.

Холофоническое звучание, конечно, обещает глубокие теоретические и практические приложения во многих областях жизни, от переворота в понимании физиологии и патологии слуха до удивительных прорывов в области психиатрии, психологии и психотерапии, в средствах массовой информации, предпринимательстве, искусстве, религии, философии и многих других областях. Необычайные эффекты холофонической технологии позволяют в совершенно новом свете оценить то значение, которое придавалось звуку в различных традициях духовной философии, в мистических школах. Решающая роль космического звука ОМ в процессе сотворения Вселенной, обсуждаемая в древнеиндийских системах мышления; глубинная связь между различными акустическими вибрациями и индивидуальными чакрами в тантре и кундалини-йоге; мистические и магические свойства, приписываемые звукам еврейского и египетского алфавитов; использование звука, как технологии священнодействия в шаманизме и церемониях целительства у туземцев, как мощного средства для посредования переживаний других реальностей - вот лишь некоторые примеры первостепенной роли звука в истории религии. Открытие холофонического звучания стало, таким образом, важным вкладом в возникающую парадигму, связывающую современную науку с древней мудростью.

Какими бы захватывающими ни были возможности голографии и холофонии, не стоит, пожалуй, увлекаться их неразборчивым и слишком буквальным приложением к исследованиям сознания. В лучшем случае, голограммами и холофоническими записями можно только копировать важнейшие аспекты событий в материальном мире, тогда как спектр трансперсональных переживаний включает многие явления, несомненно порожденные психикой, а не просто копирующие существующие объекты и события или их производные и комбинации. Кроме того, переживания в необычных состояниях сознания обладают определенными характеристиками, которые нельзя в настоящее время прямо смоделировать в холономной технологии, хотя некоторые из них могут происходить в форме синестезии, вызванной холофоническим звучанием. Среди них переживания, связанные с температурными изменениями, физической болью, тактильными ощущениями, сексуальными чувствами, запахом, вкусом и различными эмоциональными качествами.

В оптической голографии сами изображения, создающее их световое поле и пленка, служащая генерирующей матрицей, существуют на одном и том же плане реальности, их можно одновременно воспринимать и осознать в обычном состоянии сознания. Точно так же, все элементы холофонической системы доступны нашим ощущениям и приборам в обыденном сознании.

Выдающийся физик-теоретик Дэвид Бом²³, работавший раньше вместе с Эйнштейном, автор фундаментальных текстов по теории относительности и квантовой механике, сформулировал революционную модель Вселенной, которая распространяет холономные принципы на те области, которые в настоящее время не являются предметом прямого наблюдения и научного исследования. Пытаясь разрешить тревожащие парадоксы современной физики, Бом воскресил теорию скрытых переменных, которую долгое время считали несостоятельной даже такие известные физики, как Гейзенберг и Фон Нейман. Получившаяся в результате картина реальности резко изменила наиболее фундаментальные философские положения западной науки. Бом описывает природу реальности вообще и сознания в частности как неразрывное и когерентное целое, вовлеченное в бесконечный процесс изменения - *холодвижение* (holomovement). Мир - это постоянный поток, и стабильные структуры любого рода - не более чем абстракция; любой доступный описанию объект, любая сущность или событие считаются производными от неопределимой и неизвестной всеобщности.

Явления, которые мы воспринимаем непосредственно нашими чувствами и при помощи научных инструментов - то есть весь мир, изучаемый механистической наукой - представляют лишь фрагмент реальности, *развернутый* или *эксплицитный (явный) порядок*. Это особая форма, источником и генерирующей матрицей которой является более фундаментальная всеобщность существования - *свернутый* или *имплицитный (неявный) порядок*, в нем эта форма содержится и из него возникает. В имплицитном порядке пространство и время уже не являются доминирующими факторами, детерминирующими отношения зависимости или независимости различных элементов. Различные аспекты существования значимо связаны с целым, они выполняют особые функции ради конечной цели, а не являются независимыми строительными блоками. Образ Вселенной напоминает, следовательно, живой организм, органы, ткани и клетки которого имеют смысл только в отношении к целому.

²³ - Теории Д. Бома изложены в ряде статей, опубликованных в специальных журналах, и в книге "Целостность и имплицитный порядок" (Bohm, 1980).

Теория Бома, первоначально задуманная лишь для решения неотложных проблем современной физики, имеет революционное значение для понимания не только физической реальности, но и явлений жизни, сознания, функций науки и познания в целом. По этой теории, жизнь нельзя понимать в терминах неодушевленной материи или как производную от нее. Фактически между ними невозможно провести четкую и абсолютную границу. И жизнь и неодушевленная материя имеют общее основание в холоддвижении, которое является их Первичным и универсальным источником. Неодушевленную материю следует рассматривать как относительно автономную подобность, в которой жизнь "имплицирована", но значимо не проявлена. В отличие от идеалистов и материалистов, Бом предполагает, что материю и сознание нельзя объяснить друг через друга или свести друг к другу.

И то и другое - абстракции имплицитного порядка, их общего основания, и представляют поэтому нераздельное единство. Очень похожим образом знание о реальности вообще и наука в частности - это абстракции одного всеобщего потока. Они являются не отражениями реальности и не ее непосредственными описаниями, а интегральной частью холоддвижения. У мышления есть два важных аспекта: функционируя само по себе, оно механично и черпает свою упорядоченность (обычно непригодную и нерелевантную) из памяти. Оно, однако, может исходить непосредственно из разумности - свободной, независимой и необусловленной стихии, рождающейся в холоддвижении. Восприятие и знание, включая научные теории, есть творческая деятельность, сравнимая с художественным процессом, а не объективное отражение независимо существующей реальности. Истинная реальность неизмерима, и подлинная интуиция видит в неизмеримости сущность бытия.

Характерная для механистической науки концептуальная фрагментация мира порождает серьезную дисгармонию и чревата опасными последствиями. У нее есть тенденция не только разделять то, что неделимо, но и объединять то, что несоединимо, создавая тем самым искусственные структуры - национальные, экономические, политические и религиозные. Заблуждаться относительно того, что различно, а что нет, значит заблуждаться относительно всего. Неизбежным результатом является эмоциональный, экономический, политический и экологический кризис. Бом полагает, что концептуальная фрагментарность поддерживается самой структурой нашего языка, выделяющей субъект, глагол и объект. И он предложил основы нового языка под названием "реомод", который не допускает обсуждения наблюдаемых фактов на языке отдельных существующих вещей статической по существу природы, а описывает мир в состоянии потока как динамический процесс.

Согласно Бому, ситуацию в западной науке можно описать на примере оптических линз. С изобретением линз стало возможным распространить научные исследования за пределы классического порядка, в область объектов, которые слишком малы, слишком велики, слишком далеки или движутся слишком быстро, чтобы их можно было воспринимать невооруженным глазом. Применение линз повысило осведомленность о различных частях объектов и об их взаимоотношениях. Этим еще более усилилась тенденция мыслить на языке анализа и синтеза.

Одним из наиболее важных достоинств голографии является ее способность помочь непосредственной перцептуальной интуиции относительно неделимой целостности - которая составляет самую сущность современного мировоззрения, возникшего в квантовой механике и теории относительности. Современные законы природы должны опираться прежде всего на эту неделимую целостность, в которой все включает в себя все остальное, как в случае голограммы, а не анализ отдельных частей, как в случае применения линз. Д.Бом пошел, вероятно, дальше других физиков, явно включив сознание в свои теоретические рассуждения. Фритьоф Капра счел теорию холоддвижения Бома (Bohm, 1980) и философию природы Чу (Chew, 1968) наиболее глубокими и творческими подходами к реальности. Он указывает на их глубокое сходство и рассматривает возможность того, что в будущем они сольются во всеобъемлющую теорию физических явлений. Обе видят Вселенную как динамическую сеть взаимосвязей, обе выделяют роль порядка, обе задействуют матрицы для представления изменений и трансформаций и обе используют топологию для описания категорий порядка. Трудно вообразить, каким образом идеи Бома относительно сознания, мышления и восприятия могли бы сочетаться с традиционными механистическими подходами к нейропсихологии и психологии. Однако некоторые недавние революционные достижения в исследованиях мозга существенно изменили ситуацию. Нейрохирург Карл Прибрам (Pribram, 1971, 1976, 1977, 1981) развил оригинальную модель мозга, которая постулирует, что некоторые важные аспекты его функций основаны на холографических принципах. Хотя модель вселенной Бома и модель мозга, данная Прибрамом, не были интегрированы во всестороннюю парадигму, вдохновляет то, что они обе разделяют холографический подход.

Прибрам, завоевавший за несколько десятилетий экспериментальной работы в нейрохирургии и электрофизиологии репутацию ведущего исследователя мозга, проследивает начало своей холографической модели в изысканиях своего учителя Карла Лешли. В бесчисленных экспериментах на крысах по проблеме локализации психологических и физиологических функций в различных участках мозга Лешли открыл, что воспоминания хранятся во всех частях коры, а их интенсивность зависит от общего числа ее активных клеток. В своей книге "Механизмы мозга и разум" (Lashley, 1929) Лешли выразил идею, что возбуждение миллионов нейронов мозга образует стабильные интерференционные паттерны, рассеянные по всей коре и представляющие базис для всей информации в системах восприятия и памяти. Прибрам, пытаясь разрешить концептуальные проблемы, возникшие в связи с экспериментами такого рода, заинтересовался некоторыми удивительными действиями оптических голограмм. Он понял, что модель, основанная на голографических принципах, может объяснить многие из кажущихся таинственными свойств мозга - огромный объем памяти, дистрибутивность памяти, способность сенсорных систем к воображению, проекцию образов из области памяти, некоторые важные аспекты ассоциативного воспоминания и т. д.

Работая в этом направлении, Прибрам пришел к заключению, что холографический процесс может послужить объяснительным средством, чрезвычайно действенным в нейропсихологии и психологии. В книге "Языки мозга" (Pribram, 1971) и в серии статей он сформулировал основные принципы того, что в дальнейшем получило название холографической модели мозга. Согласно его исследованиям, наиболее важными и многообещающими в этом смысле являются голограммы, которые выражаются в форме так называемых преобразований Фурье. По теореме Фурье, любой самый сложный паттерн может быть разложен в ряд регулярных волн. Применение обратного преобразования переводит волновой паттерн снова в изображение.

Холографическая гипотеза не противоречит локализации функций в различных системах мозга. Локализация функций по большей части зависит от связей между мозгом и периферийными структурами; именно они определяют, *что* кодируется. Холографическая гипотеза обращается к проблеме внутренней связности в каждой из систем, а эта связность определяет, *как* события становятся кодом. Другой интересный подход к проблеме локализации основывается на предположении Д. Гэбора о том, что область Фурье может разбиваться на информационные единицы, называемые *логонами*, при помощи операции "окно", которая ограничивает ширину диапазона. "Окно" может применяться таким образом, что обработка иногда происходит уже в холографической области, а в других случаях - в пространственно-временной области. Это позволяет по-новому взглянуть на то, почему функции мозга кажутся одновременно локализованными и распределенными.

Гипотеза Прибрама представляет мощную альтернативу двум моделям работы мозга, считавшимся до сих пор единственно возможными: теории поля и теории характерных соответствий. Обе эти теории *изоморфичны* - они постулируют, что форма представления в центральной нервной системе отражает основные характеристики стимулов. Согласно теории поля, сенсорные стимулы генерируют поля прямых потоков, которые имеют те же очертания, что и сами стимулы. Теория характерных соответствий полагает, что отдельная клетка или клеточный ансамбль откликается лишь на какую-то одну характеристику сенсорных стимулов. В холографической гипотезе нет линейного соответствия или идентичности между представлением в мозге и феноменальным переживанием, так же как нет линейного соответствия между структурой голограммы и изображением, полученным при правильном проецировании пленки.

Холографическая гипотеза не имеет целью описать всю физиологию мозга или все проблемы психологии. Однако ясно, что даже без этого она предлагает невероятные новые возможности для будущих исследований. Убедительные экспериментальные данные и точное математическое описание получены пока только для зрительной, слуховой и соматосенсорной систем.

Прибраму удалось связать свою топографическую гипотезу с важными аспектами анатомии и физиологии мозга (Pribram, 1977, 1981). Кроме стандартного преобразования нейронных импульсов между центральной нервной системой и периферийными рецепторами (эффекторами), он обратил внимание на медленно-волновые потенциалы, действующие между синапсами даже в отсутствии нервных импульсов. Это происходит либо в клетках с густыми разветвлениями дендритов и короткими аксонами, либо в клетках, где вообще нет аксонов. И если нейронные импульсы действуют как двоичные "да-нет", то медленные потенциалы изменяются постепенно, образуя непрерывные волны по связям между нейронами. Прибрам считает, что эта "параллельная обработка" играет решающую роль в холографиче-

ческом функционировании мозга. Взаимодействие двух систем приводит к волновым явлениям, которые подчинены холографическим принципам²⁴.

Медленно-волновые потенциалы очень слабы и чувствительны к различным влияниям. Это дает интересную основу для рассуждений о взаимодействии между сознанием и механизмами мозга и для теоретизирования по поводу психологических эффектов психоактивных препаратов и различных безлекарственных техник изменения сознания. С этой точки зрения особо интересна техника холономной интеграции, сочетающая гипервентиляцию, музыку и направленную работу с телом; она описана в главе седьмой. Подходы, связанные с низкочастотными волнами - медитация и биологическая обратная связь - также весьма интересны в этом контексте. Как уже было отмечено, теории Бома и Прибрама еще далеки от объединения и интеграции в исчерпывающую парадигму. Даже если такой синтез в будущем произойдет, итоговая концептуальная структура не сможет дать удовлетворительного объяснения всем явлениям, наблюдаемым в современных исследованиях сознания. Хотя и Прибрам, и Бом обращаются к проблемам, связанным с психологией, философией и религией, они черпают свои научные данные главным образом в области физики и биологии, тогда как многие психоделические и мистические состояния имеют дело непосредственно с нематериальными областями реальности.

И все же, нет сомнения, что холономная перспектива позволит сфокусировать серьезный научный интерес на многих подлинно трансперсональных явлениях, для которых грубые и неуклюжие механистические парадигмы не могут предложить ничего, кроме самонадеянного глумления. Новая концепция дает замечательные возможности тем, кто пытается связать новые данные исследований сознания с открытиями в других научных дисциплинах, а не игнорирует главное научное направление вообще, как это делают некоторые решительные приверженцы "вечной философии".

Я сам предпочитаю выдвигать в области исследований сознания такие модели, которые описывают прежде всего наблюдения из дисциплин, изучающих человеческий опыт - то есть психологии, антропологии, парапсихологии, танатологии, "вечной философии" и других. Эту работу могут вдохновлять совместимые, хорошо обоснованные достижения других дисциплин.

Поскольку полной интеграции еще нет даже при описании явлений одного уровня реальности в разных областях физики, бессмысленно ожидать совершенного концептуального синтеза систем, описывающих разные иерархические уровни. Однако, вполне возможно, что будут открыты некоторые универсальные принципы, применимые в различных областях, пусть они и будут принимать в каждой области различные специфические формы. Описанный Пригожиным "порядок через флуктуации" (Prigogine, 1980) и теория катастроф Рене Тома являются важными тому примерами.

Помня об этом, мы можем теперь приступить к обсуждению того, как соотносятся наблюдения исследователей сознания и холономный подход к универсуму и к мозгу. Концепция Бома об имплицитном и эксплицитном порядках и идея о том, что некоторые важные аспекты реальности недоступны опыту и изучению при обычных обстоятельствах, имеют прямую значимость для понимания необычных состояний сознания. Индивиды, испытывавшие различные необычные состояния сознания, и в их числе высокообразованные и искусные ученые разных специальностей, часто сообщают, что они входили в скрытые области реальности, которые кажутся аутентичными, в некотором смысле имплицитными для повседневной реальности и превышающими ее по порядку. А в содержание этой "неявной реальности" входят, кроме всего прочего, элементы коллективного бессознательного, исторических событий, архетипических и мифологических явлений, динамики прошлых воплощений²⁵.

В прошлом многие традиционно мыслящие психиатры и психологи интерпретировали проявления юнговских архетипов, как плоды воображения человеческого разума, абстрагированные или сконструированные им из данных реального сенсорного восприятия других людей, животных, объектов и событий материального мира. Конфликт между юнговской психологией и главным направлением механистической науки по поводу архетипов - это современный возврат к диспутам о платоновских идеях, что велось на протяжении веков между номиналистами и реалистами. Номиналисты утверждали, что платоновские идеи

²⁴ - Заинтересованный читатель найдет популярное объяснение новых путей исследования мозга в книге Поля Питча "Увертывающийся мозг: в поисках холографического разума" (Pietsch, 1981).

²⁵ - Здесь особенно интересна попытка, недавно предпринятая советским ученым В. В. Налимовым, сформулировать теорию бессознательного на основе семантики и теории вероятности. Он развил эту идею в книге "Области бессознательного: заколдованный рубеж" (Nalimov, 1982).

суть не что иное как "имена", абстрагированные от явлений материального мира, а реалисты - что идеи обладают собственным независимым существованием на другом уровне реальности. В расширенной версии холономной теории архетипы могут пониматься как феномены *sui generis* (в своем роде), как космические принципы, вплетенные в ткань имплицитного порядка.

Тот факт, что некоторые виды архетипических видений могут быть столь успешно смоделированы голографией, позволяет предположить глубокую связь между архетипической динамикой и действием холономных принципов. Это особенно верно для архетипических форм, представляющих обобщения биологических, психологических и социальных ролей - образов Великих и Ужасных Матери и Отца, Ребенка, Мученика, Космического Человека, Трикстера, Тирана, Анимуса, Анимы или Тени. Мир переживаний таких культурно окрашенных архетипов, как различные конкретные божества и демоны, полубоги, герои и мифологические темы можно интерпретировать как феномены неявного порядка, более специфично связанные с некоторыми аспектами порядка явного. В любом случае архетипические явления следует понимать как упорядочивающие принципы, стоящие над материальной реальностью и ей предшествующие, а не как ее производные.

Наиболее просто с холономной теорией связываются те трансперсональные явления, в которых есть элементы "объективной реальности" - т.е. отождествление с другими людьми, животными, растениями и неорганической реальностью в прошлом, настоящем и будущем. Здесь некоторые существенные характеристики холономного понимания мира - относительность границ, трансценденция аристотелевской дихотомии между частью и целым, свертка и распределение информации сразу по всей системе - дают объяснительную модель необычайных возможностей. Тот факт, что пространство и время свернуты в голографической области, следует далее сопоставить с наблюдением, что трансперсональные переживания подобного рода лишены обычных пространственных и временных ограничений.

В этом контексте представляется, что повседневный опыт материального мира, полностью согласующийся с ньютоно-картезианской моделью Вселенной, отражает избирательный и стабильный фокус на явный, развернутый аспект реальности. И, наоборот, трансцендентальные состояния в высшей степени недифференцированной, универсальной и всеохватывающей природы можно было бы интерпретировать как непосредственное переживание неявного порядка, или холодвижения во всей его всеобщности. Понятие имплицитного порядка должно быть гораздо шире, чем у Бома - это созидаящая матрица всех уровней, описанных "вечной философией", а не только тех, которые необходимы непосредственно для описаний явлений физического или биологического уровней.

В других видах трансперсональных переживаний - таких, как сакрализация повседневной жизни, проявление архетипа в обыденной реальности, виденье партнера как проявление Анимуса, Анимы или божества - можно увидеть переходные формы, сочетающие элементы явного и неявного порядков. Все приведенные выше примеры имеют общий знаменатель, неперемный при данном образе мышления, а именно: нужно признать, что сознание (хотя бы в принципе, если не всегда фактически) имеет доступ ко всем формам явного и неявного порядков.

Холономный подход предлагает потрясающие новые возможности, касающиеся некоторых экстремальных паранормальных явлений, постоянно освещаемых в духовной литературе и считающихся абсурдом в механистической науке. Психокинез, материализация и дематериализация, левитация и другие сверхнормальные способности (или сиддхи), демонстрирующие власть ума над материей, вполне заслуживают в этой связи научной переоценки. Если основные положения холономной теории о явном и неявном порядках отражают реальность с достаточной степенью точности, то вполне допустимо, что некоторые необычные состояния сознания могут опосредовать прямое переживание неявного порядка и даже вмешательство в него. Таким образом, можно видоизменять явления феноменального мира, влияя на порождающую их матрицу. Такого рода вмешательство будет совершенно непостижимым для механистической науки, поскольку оно минует обычную цепь линейной причинности и не связано с преобразованием энергии в рамках явного порядка, как он нам известен.

Очевидно, мы приближаемся ко времени сдвига главной парадигмы. Сейчас уже имеется богатая мозаика новых теоретических понятий с некоторыми общими характеристиками, а также факт радикального отхода от механистических моделей. Синтез и интеграция замечательных новых достижений науки будет сложной комплексной задачей, и пока приходится сомневаться, возможно ли все это вообще. В любом случае, всеобъемлющая парадигма будущего, способная воспринять и синтезировать все разнообразие данных квантово-

релятивистской физики, теории систем, исследований сознания, нейрофизиологии, а также древней и восточной духовной философии, шаманизма, первобытных ритуалов и целительской практики, должна включать взаимодополняющие дихотомии на трех различных уровнях: космоса, индивида и человеческого мозга.

Вселенная тогда предстала бы как в своем феноменальном, эксплицитном или развернутом аспекте, так и в трансцендентальном, имплицитном или свернутом аспекте. Соответствующей дополнительной на уровне человека будет образ ньютоново-картезианской биологической машины и неограниченного поля сознания. Такая же дихотомия будет отражена в двойственном аспекте человеческого мозга, сочетающем цифровое, компьютероподобное функционирование и параллельную обработку, управляемую холономными принципами. Хотя в настоящее время невозможно скрепить эти представления и создать внутренне состоятельную модель, даже в своих предварительных формах холономный подход дает небывалые возможности в противоречивом поле современных исследований сознания.

2. МНОГОМЕРНОСТЬ ПСИХИКИ: КАРТОГРАФИЯ ВНУТРЕННЕГО ПРОСТРАНСТВА

Одним из важнейших вкладов науки о сознании в складывающееся ныне научное мировоззрение стало совершенно новое представление о психике. Ее традиционная психиатрическая и психоаналитическая модель строго персоналистична и биографична, а современные исследования сознания открывают в ней новые уровни, сферы и измерения, показывают, что человеческая психика по своему существу соразмерна всей Вселенной и всему существующему. Подробное описание этой новой модели, не вмещающееся в рамки настоящей книги, можно найти в отдельной работе (Grof, 1975). Здесь я лишь кратко коснусь ее главных черт, особо подчеркивая их взаимосвязь с возникающей в науке парадигмой.

В сфере сознания нет четких пределов и разграничений, тем не менее полезно выделить четыре отдельных уровня или четыре области психики и соответствующего им опыта: 1) сенсорный барьер; 2) индивидуальное бессознательное; 3) уровень рождения и смерти и 4) трансперсональная область. Большинству людей вполне доступны переживания на всех четырех уровнях. Переживания эти можно наблюдать во время сеансов с психоделическими препаратами или в современных подходах экспериментальной психотерапии, где используется дыхание, музыка, танцы или работа с телом. Лабораторные методы изменения сознания - например, биологическая обратная связь, лишение сна, сенсорная изоляция или сенсорная перегрузка - и разнообразные кинестетические устройства тоже могут вызывать многие из этих явлений. Именно их переживанию способствуют самые разнообразные религиозные обряды древности, восточные духовные практики. Много случаев такого рода можно наблюдать во время спонтанных эпизодов неординарных состояний сознания. Весь спектр опыта, относящегося к этим четырем сферам, уже описан историками и антропологами по шаманским процедурам, первобытным ритуалам перехода-инициации и церемониям целительства, мистериям смерти-возрождения, трансовым танцам в экстатических религиях.

Сенсорный барьер и индивидуальное бессознательное

Всякая техника, дающая возможность эмпирически, т.е. опытным путем войти в сферу бессознательного, будет сначала активировать органы чувств. Поэтому для многих людей, использующих такие экспериментальные методы, глубокое самоисследование начинается с переживания самых разнообразных ощущений. По природе эти переживания более или менее отвлечены и лишены какого-либо персонального символического смысла; они могут быть приятными с эстетической точки зрения, но не ведут к более полному самоосознанию.

Изменения такого рода могут происходить в любой сенсорной зоне, хотя наиболее часты явления, относящиеся к зрительной области. Поле зрения за закрытыми веками оживает и делается красочным, человек может наблюдать разнообразные геометрические и архитектурные формы - быстро меняющиеся узоры калейдоскопа, конфигурации, подобные мандале, арабески, шпили готических соборов, купола мусульманских мечетей и сложные узоры, напоминающие прелестные средневековые миниатюры или восточные ковры. Видения такого рода могут возникать при глубоком самоисследовании в любой его форме, но особенно драматичны они после приема психоделических препаратов. Изменения в слуховой зоне могут проявляться как звон в ушах, пение сверчка, жужжание, колокольный звон или звуки высокой частоты. Это может сопровождаться необычными осязательными ощущениями в

разных частях тела. На этой стадии иногда появляются запахи и вкусовые ощущения, но намного реже.

Сенсорные переживания такого рода не имеют большого значения для самоисследования и самосознания. Именно они и представляют, надо полагать, тот барьер, который необходимо преодолеть, прежде чем начнется путешествие в бессознательную сферу психики. Некоторые аспекты такого чувственного опыта можно объяснить, исходя из определенных анатомических и физиологических характеристик органов чувств. Например, геометрические видения отражают скорее всего внутреннее строение глазной сетчатки и других частей зрительной системы.

Следующая сфера переживаний, доступ к которой легок, - область индивидуального бессознательного. Хотя относящиеся к этой категории явления достаточно интересны с теоретической и практической точек зрения, нет необходимости тратить много времени на их описание, так как почти все традиционные психотерапевтические подходы останавливаются как раз на этом уровне психики. Обширная, хотя и весьма противоречивая литература посвящена нюансам психодинамики в биографической области. Опыт, относящийся к этой категории, связан с несущими сильную эмоциональную нагрузку событиями и обстоятельствами жизни человека с момента рождения до настоящего времени. На этом уровне самоисследования все что угодно из жизни экспериментатора - какой-то неразрешенный конфликт, какое-то вытесненное из памяти и не интегрированное в ней травмирующее переживание или некий незавершенный психологический гештальт - может всплыть из бессознательного и стать содержанием текущего опыта.

Чтобы это произошло, требуется выполнение одного только условия: достаточно высокой эмоциональной значимости переживания. Именно в этом кроется огромное преимущество эмпирической психотерапии по сравнению с преимущественно вербальными подходами. Технические приемы, которые непосредственно активизируют бессознательное, выборочно усиливают наиболее релевантный эмоциональный материал и облегчают его выход на уровень сознания. Таким образом, они как бы создают некий внутренний радар, который сканирует систему и ищет содержимое с наиболее сильным эмоциональным зарядом. Это не только избавляет терапевта от необходимости отделять нужное от ненужного, но и предохраняет его от принятия тех решений, которые неизбежно будут нести на себе отпечаток его собственной концептуальной схемы и многих других факторов²⁶.

Вообще говоря, биографический материал, всплывающий в ходе работы с переживаниями, согласуется с теорией Фрейда или с одной из производных от нее теорий. Есть, впрочем, несколько серьезных различий. При глубокой эмпирической психотерапии биографический материал не вспоминается и не реконструируется - его можно реально пережить заново. Речь идет не только об эмоциональных переживаниях, но и о телесных ощущениях, об образительных элементах материала, а также о данных других органов чувств. Обычно это сопровождается полной возрастной регрессией до тех времен, когда произошло событие.

Другим важным отличием является то, что релевантные воспоминания и другие элементы биографии проявляются не по отдельности, а образуют динамические сочетания (констелляции), для которых я нашел термин "*системы конденсированного опыта*", сокращенно *СКО*. СКО - это динамическое сочетание воспоминаний (с сопутствующими им фантазиями) из различных периодов жизни человека, объединенных сильным эмоциональным зарядом одного и того же качества, интенсивных телесных ощущений одного и того же типа или же каких-то других общих для этих воспоминаний важных элементов. Сначала я осознал СКО как принципы, управляющие динамикой индивидуального бессознательного, и понял, что знание о них составляет суть понимания внутренних процессов на этом уровне. Однако позже стало ясно, что системы конденсированного опыта представляют общий принцип, действующий на всех уровнях психики, а не ограничивающийся только биографической сферой.

Биографические СКО связаны чаще всего с конкретными аспектами процесса рождения. Перинатальные же мотивы и их элементы относятся к эмпирическому материалу трансперсональной сферы. Нередко динамическая констелляция содержит материал нескольких био-

²⁶ - Перед терапевтом, использующим традиционные формы психотерапии, стоит важная задача отличить релевантный материал от не относящегося к делу, определить вид психологической защиты и найти интерпретацию. Трудность задачи в том, что она ограничена парадигмой. Релевантность не определяется общим согласием, все зависит от того, какого направления придерживается терапевт - школы Фрейда, Адлера, Ранка, Клейна, Салливана или какого-то другого течения динамической психотерапии. Если к этому добавить искажения из-за контрпереноса, преимущества эмпирического подхода станут очевидными.

графических периодов, биологического рождения и определенных областей трансперсональной сферы - например, воспоминания о прошлых воплощениях, отождествление с животными, мифологические события. Здесь эмпирическое сходство этих тем с различными уровнями психики намного важнее конвенциональных критериев ньютоно-картезианского мировоззрения, которые утверждают, например, что годы и столетия отделяют одно событие от другого, что обыкновенно опыт человека несопоставимо отличается от опыта животного, что элементы "объективной реальности" сочетаются с архетипическими и мифологическими.

В традиционной психологии, психиатрии и психотерапии внимание фокусируется исключительно на психологических травмах. Считается, что телесные травмы не оказывают непосредственного влияния на психологическое развитие человека и непричастны к развитию психопатологии. Это резко противоречит данным, полученным при глубокой эмпирической проработке, когда воспоминания о телесных травмах обретают первостепенное значение. В сеансах с психоделиками и в других мощных эмпирических подходах более чем обычно повторные переживания опасной для жизни болезни, травмы, операции или происшествия с утопанием, и они явно весомее, чем обычные психотравмы. Остаточные эмоции и телесные ощущения, возникшие при угрозе жизни или целостности организма, играют, по-видимому, значительную роль в развитии самых разных форм психопатологии - чего по-прежнему не признает академическая наука.

Так, если ребенок перенес тяжелую, опасную для жизни болезнь (например, дифтерит) и чуть не задохнулся, опыт смертельной угрозы и предельный телесный дискомфорт не будет считаться самой серьезной травмой. Представитель традиционной психологии сосредоточится на том, что ребенок, разлученный с матерью во время госпитализации, пережил эмоциональную депривацию. Эмпирические же исследования совершенно ясно показывают, что травма, сопряженная с опасностью для жизни, оставляет неизгладимый отпечаток и в большой степени влияет на развитие эмоциональных и психосоматических расстройств - депрессии, тревожности и фобий, садомазохистских склонностей, сексуальных нарушений, мигрени или астмы.

Переживания серьезной телесной травмы представляют естественный переход от биографического уровня к следующей сфере, стержнем которой является двойной феномен рождения и смерти. Этот опыт включает события жизни человека и поэтому биографичен по природе. И все же тот факт, что эти события привели человека на грань смерти и были сопряжены с чрезвычайно тяжелым состоянием и болью, объединяет их с родовой травмой. По понятным причинам, воспоминания о болезнях и травмах, сопряженных с затруднением дыхания - о пневмонии, дифтерите, коклюше или утопании, - имеют особое значение.

Столкновение с рождением и смертью: динамика перинатальных матриц

По мере углубления эмпирического самоисследования элемент эмоциональной и физической боли может достичь такой необыкновенной интенсивности, что это будет восприниматься как умирание. Боль может стать нестерпимой, и исследователь будет ощущать себя так, словно границы индивидуального страдания превзойдены и он переживает боль целой группы, всего человечества или даже всего живого. Для такого опыта типично отождествление с ранеными и умирающими солдатами, заключенными концентрационного лагеря или пленниками темницы, с гонимыми евреями или первыми христианами, с матерью и ребенком во время родов, с животным, которого настиг хищник. Переживания этого уровня обычно сопровождаются яркими физиологическими проявлениями, такими как удушье различной степени, учащенный пульс и сердцебиение, тошнота и рвота, изменение цвета кожи и температуры тела, спонтанные кожные высыпания или появление синяков, подергивания, дрожь, судороги и другие поразительные двигательные феномены.

Если на биографическом уровне с опасными для жизни ситуациями предстоит во время самоисследования встретиться только тем, кто в действительности пережил схватку со смертью, то на этом уровне бессознательного вопрос смерти универсален и всецело правит ходом переживания. Повторное переживание полученных травм, увечий или перенесенных операций будет скорее всего усиливаться и превращаться в опыт умирания, описанный выше.

Эмпирическое столкновение со смертью при такой глубине самоисследования будет во многих случаях органично переплетаться с разнообразными явлениями, связанными с процессом рождения. Те, кому доводится это пережить, не просто ощущают борьбу за рождение или разрешение от бремени, - многие сопутствующие физиологические изменения, происхо-

дящие в этот момент несут в себе знаки типичных событий при родах. Исследователи часто ощущают себя утробным плодом и способны переживать различные аспекты биологического рождения с очень специфическими и достоверными подробностями. Стихия смерти может быть представлена одновременной или чередующейся идентификацией со старыми, больными или умирающими людьми. Хотя полный спектр переживаний, происходящих на этом уровне, нельзя сводить к повторному проживанию биологического рождения, родовая травма составляет, видимо, самую суть процесса. Именно поэтому я называю эту сферу бессознательного *перинатальной*²⁷.

Связь биологического рождения с вышеописанным опытом умирания и нового рождения достаточно глубока и специфична. Это дает возможность использовать стадии биологических родов в построении концептуальной модели, которая помогает понять динамику бессознательного на перинатальном уровне. В опыте смерти-возрождения узнаются типичные темы: их основные характеристики можно логически вывести из определенных анатомических, физиологических и биохимических аспектов соответствующих стадий родов, с которыми они ассоциируются. Как будет показано ниже, суждения на основе модели родов обеспечивают уникальный способ по-новому проникнуть в динамическую архитектуру различных форм психопатологии и предлагают революционные терапевтические возможности.

Несмотря на тесную связь с рождением, перинатальный процесс выходит за рамки биологии и несет в себе важные философские и духовные измерения. Поэтому его нельзя интерпретировать в конкретизированной и упрощенной форме. Для человека, целиком погруженного в динамику этого уровня бессознательного (в качестве участника эксперимента или исследователя) рождение может выступать как всеобъясняющий принцип. Но, на мой взгляд, процесс рождения представляет собой очень удобную модель, применение которой ограничено явлениями особого уровня бессознательного. Если же процесс самоисследования переходит в области трансперсонального, от модели нужно отказываться и заменять ее другим подходом.

Некоторые характеристики процесса смерти-возрождения ясно показывают, что перинатальный опыт не сводится к биологическому рождению. В эмпирических событиях перинатальной природы отчетливо проступают эмоциональные и психосоматические аспекты. Они же, кстати, вызывают и личностную трансформацию. Глубинное столкновение в собственном опыте с рождением и смертью как правило сопровождается экзистенциальным кризисом невероятного размаха, во время которого человек самым серьезным образом задумывается о смысле существования, о своих фундаментальных ценностях и жизненных стратегиях. Этот кризис может разрешиться только через подключение к глубоким, подлинно духовным измерениям психики и стихии коллективного бессознательного.

Происходящая в результате трансформация личности сравнима, судя по описаниям, с изменениями, происходившими в древних храмовых таинствах, в ритуалах посвящения или первобытных ритуалах перехода. Перинатальный уровень бессознательного представляет поэтому важное пересечение индивидуального бессознательного с коллективным, традиционной психологии с мистицизмом или с трансперсональной психологией.

Переживания смерти и нового рождения, отражающие перинатальный уровень бессознательного, весьма разнообразны и сложны. Проявляется такой опыт в четырех типичных паттернах или констелляциях переживаний, которые глубоко соответствуют четырем клиническим стадиям биологического рождения. Для теории и практики глубинной эмпирической работы оказалось весьма полезным постулировать существование гипотетических динамических матриц, управляющих процессами, относящимися к перинатальному уровню бессознательного, и назвать их *базовыми перинатальными матрицами* (БПМ).

Помимо того, что эти матрицы несут свое собственное эмоциональное и психосоматическое содержание, они действуют еще и как принципы организации материала на других уровнях бессознательного. Элементы важных СКО биографического уровня, включающих физическое насилие и жестокое обращение, угрозы, разлуки, боль или удушье, тесно связаны со специфическими аспектами БПМ. Перинатальное развертывание часто ассоциируется и с разнообразными трансперсональными элементами - такими, как архетипические видения Великой Матери или Ужасной Богини-матери, Ада, Чистилища, Рая или Царства Небесного, мифологических и исторических сцен, идентификация с животными и опыт прошлых воплощений. Как и в различных слоях СКО, связующее звено здесь - одинаковое качество эмоций, телесных ощущений и схожие обстоятельства. Перинатальные матрицы также имеют особое отношение к различным аспектам активности во фрейдовских эроген-

²⁷ - Этимологию слова "перинатальный" см. в прим. 10

ных зонах - оральной, анальной, уретральной и фаллической. Ниже следует краткий обзор биологической основы отдельных БМП: их эмпирические характеристики, их функции в качестве принципов организации других видов опыта и их связи с эрогенными зонами. Сводка информации представлена в таблице.

Значение перинатального уровня бессознательного для нового понимания психопатологии и специфических связей между индивидуальными БПМ и различными эмоциональными расстройствами обсуждается в следующей главе.

Первая перинатальная матрица (БПМ-I)

Биологическая основа этой матрицы - опыт исходного симбиотического единства плода с материнским организмом во время внутриматочного существования. В периоды безмятежной жизни в матке условия для ребенка почти идеальны, однако некоторые физические, химические, биологические и психологические факторы способны серьезно их осложнить. При этом на поздних стадиях беременности ситуация скорее всего будет менее благоприятной - из-за крупных размеров ребенка, усиления механического сдавливания или функциональной недостаточности плаценты.

Приятные и неприятные воспоминания о пребывании внутри матки могут проявляться в конкретной биологической форме. К тому же, по логике глубинного опыта люди, настроенные на первую матрицу, способны переживать в полном объеме все связанные с нею видения и чувства. *Безмятежное внутриматочное состояние* может сопровождаться другими переживаниями, для которых тоже свойственно отсутствие границ и препятствий - например, океаническое сознание, водные формы жизни (кит, рыба медуза, анемон или водоросли) или пребывание в межзвездном пространстве. Картины природы в ее лучших проявлениях (Мать-природа), прекрасные, мирные и изобильные, также характерным и вполне логичным образом сопутствуют блаженному состоянию ребенка в утробе. Из архетипических образов коллективного бессознательного, которые доступны в этом состоянии, нужно выделить видения Царства Небесного или Рая в представлении различных мировых культур. Опыт первой матрицы включает также элементы космического единства или мистического союза.

Нарушения внутриматочной жизни ассоциируются с образами и переживаниями подводных опасностей, загрязненных потоков, зараженной или враждебной природной среды, подстерегающих демонов. На смену мистическому растворению границ приходит их психотическое искажение с параноидальными оттенками.

Позитивные аспекты БПМ-I тесно связаны с воспоминаниями о симбиотическом единстве на груди у матери, с позитивными СКО и с восстановлением в памяти ситуаций, связанных со спокойствием духа, удовлетворенностью, раскрепощенностью, прекрасными пейзажами. Имеются схожие выборочные связи с разными формами позитивного трансперсонального опыта. И, наоборот, негативные аспекты БПМ-I обычно ассоциируются с определенными негативными СКО и соответствующими негативными трансперсональными элементами.

Что касается фрейдовских эрогенных зон, позитивные аспекты БПМ-I совпадают с таким биологическим и психологическим состоянием, когда в этих областях нет напряжений и все частные влечения удовлетворены. Негативные аспекты БПМ-I имеют, по-видимому, специфическую связь с тошнотой и дисфункцией кишечника, сопровождающейся поносом.

Вторая перинатальная матрица (БПМ-II)

Этот эмпирический паттерн относится к самому началу биологического рождения, к его первой клинической стадии. Здесь исходное равновесие внутриматочного существования нарушается вначале тревожными химическими сигналами, а затем мышечными сокращениями. При полном развертывании этой стадии плод периодически сжимается маточными спазмами, шейка матки закрыта и выхода еще нет.

Как и в предыдущей матрице, эту биологическую ситуацию можно пережить снова вполне конкретным и реалистичным образом. Символическим спутником начала родов служит переживание *космической поглощенности*. Оно состоит в непреодолимых ощущениях возрастающей тревоги и в осознании надвигающейся смертельной опасности. Источник опасности ясно определить невозможно, и индивид склонен интерпретировать окружающий мир в свете параноидальных представлений. Очень характерны для этой стадии переживания трехмерной спирали, воронки или водоворота, неумолимо затягивающих в центр. Эквива-

лентом такого сокрушительного вихря является опыт, в котором человек чувствует, как его пожирает страшное чудовище -- например, гигантский дракон, левиафан, питон, крокодил или кит. Также часты переживания, связанные с нападением ужасного спрута или тарантула. В менее драматичном варианте то же испытание проявляется как спуск в опасное подполье, систему гротов или таинственный лабиринт. По-видимому, в мифологии этому соответствует начало путешествия героя; родственные религиозные темы - падение ангелов и изгнание из рая.

Некоторые из этих образов покажутся странными для аналитического ума, и все же в них обнаруживается логика глубинных переживаний. Так, водоворот символизирует серьезную опасность для организма, свободно плывущего в водной среде, и заставляет его беспорядочно двигаться. Сцена пожирания схожим образом превращает свободу в опасное для жизни стеснение, которое можно сравнить с протискиванием плода через тазовую полость. Спрут захватывает, сковывает и угрожает организмам, свободно плавающим в океане, а паук заманивает, хватает и уничтожает насекомых, прежде свободно порхавших в неограниченном воздушном пространстве.

Символическим выражением проявившейся полностью первой клинической стадии родов становится опыт *отсутствия выхода* или *ада*. Он включает чувство увязания или пойманности в кошмарном клаустрофобическом мире и переживание необычайных душевных и телесных мучений. Ситуация как правило представляется невыносимой, бесконечной и безнадежной. Человек теряет ощущение линейного времени и не видит ни конца этой пытки, ни какого-либо способа избежать ее. Следствием этого может стать эмпирическая идентификация с заключенными в темнице или концентрационном лагере, с обитателями сумасшедшего дома, с грешниками в аду или с архетипическими фигурами, символизирующими вечное проклятье, такими как Вечный Жид Агасфер, Летучий Голландец, Сизиф, Тантал или Прометей.

Находясь под влиянием этой матрицы, индивид избирательно слеп ко всему положительному в мире, в своем существовании. Среди стандартных компонентов этой матрицы - мучительные ощущения метафизического одиночества, беспомощность, безнадежность, неполноценность, экзистенциальное отчаяние и вина.

Что касается организационной функции, БМП-II притягивает СКО с воспоминаниями о ситуациях, в которых пассивная и беспомощная личность попадает во власть могучей разрушительной силы и становится ее жертвой без шансов на спасение. Здесь также наблюдается близость к трансперсональным мотивам аналогичного свойства.

В отношении фрейдовских эрогенных зон эта матрица связана, видимо, с состояниями неприятного напряжения и боли. На оральном уровне это голод, жажда, тошнота и болезненные раздражения рта; на анальном уровне - боль в прямой кишке и задержка кала; на уретральном уровне - боль в мочевом пузыре и задержка мочи. Соответствующими ощущениями генитального уровня будут сексуальная фрустрация и чрезмерное напряжение, спазмы матки и влагалища, боль в яичниках и болезненные сокращения, которые сопровождаются у женщин первую клиническую стадию родов.

Третья перинатальная матрица (БПМ-III)

Многие важные аспекты этой сложной матрицы переживаний можно понять по ее отношению ко второй клинической стадии биологических родов. На этой стадии сокращения матки продолжают, но в отличие от предыдущей стадии, шейка матки теперь раскрыта, и это позволяет плоду постепенно продвигаться по родовому каналу. Под этим кроется отчаянная борьба за выживание, сильнейшее механическое сдавливание, часто высокая степень гипоксии и удушья. На конечной стадии родов плод может испытывать непосредственный контакт с такими биологическими материалами, как кровь, слизь, околоплодная жидкость, моча и даже кал.

На эмпирическом плане эта схема несколько усложняется и разветвляется. Помимо истинных, реальных ощущений разных аспектов борьбы в родовом канале в нее включается большой набор явлений, следующих типичной тематической последовательности. Самыми важными из них будут элементы титанической битвы, садомазохистские переживания, сильное сексуальное возбуждение демонические эпизоды, скатологическая вовлеченность и столкновение с огнем. Все это происходит в контексте неуклонной *борьбы смерти-возрождения*.

Титанический аспект совершенно понятен, если учесть задействованные на этой стадии рождения чудовищные силы. Нежная головка ребенка втискивается в узкую тазовую по-

лость маточными сокращениями, сила давления которых колеблется от 50 до 100 фунтов. Встречаясь с этим аспектом БПМ-III, человек испытывает могучие потоки энергии, усиливающиеся до взрывоподобного извержения. Характерные здесь символические мотивы - неистовые силы природы (вулканы, электромагнитные бури, землетрясения, волны прилива или ураганы), яростные сцены войн и революций, технологические объекты высокой мощности (термоядерные реакторы, атомные бомбы и ракеты). В более мягкой форме этот эмпирический паттерн включает опасные приключения - охоту, схватки с дикими животными, увлекательные исследования, освоение новых земель. Соответствующие архетипические темы - картины Страшного суда, необыкновенные подвиги великих героев, мифологические битвы космического размаха с участием демонов и ангелов или богов и титанов.

Садомазохистские аспекты этой матрицы отражают смесь агрессии, которой плод подвержен со стороны женской репродуктивной системы, и его яростной биологической реакции на удушье, боль и тревогу. Частыми темами здесь являются кровавые жертвоприношения, самопожертвование, пытки, казни, убийства, садомазохизм и изнасилования.

Логика переживаний сексуальной составляющей процесса смерти-возрождения не так очевидна. Пояснить ее можно на примере широко известных данных о том, что удушье и нечеловеческие страдания вообще вызывают странную форму сильного сексуального возбуждения. Эротические мотивы на этом уровне характеризуются захватывающей интенсивностью полового влечения, механического и неизбирательного по своему качеству, порнографическому и девиантному по природе. В относящихся к этой категории переживаниях секс сочетается со смертью, опасностью, биологическим материалом, агрессией, побуждениями к самоуничтожению, физической болью и духовным началом (в приближении к БПМ-IV).

Тот факт, что на перинатальном уровне сексуальное возбуждение происходит в контексте смертельной угрозы, страха, агрессии и биологического материала, становится ключом к пониманию сексуальных отклонений и других форм сексопатологии. Эту взаимосвязь мы будем подробно обсуждать позже.

Элементы демонизма на этой стадии процесса смерти-возрождения представляют, пожалуй, особую трудность и для терапевтов, и для пациентов. Жуткие свойства такого материала могут вызвать полное нежелание иметь с ним дело. Наиболее обычна здесь тематика Шабаша ведьм (Вальпургиевой ночи), сатанинских оргий или ритуалов Черной мессы и искушения. Общим в опыте рождения на этой стадии и в ведьминском шабаше или Черной мессе является причудливое сочетание переживаний смерти, извращенной сексуальности, страха, агрессии, скатологии и искаженного духовного порыва.

Скатологическая сторона процесса смерти-возрождения имеет своей естественной биологической основой тот факт, что на последних стадиях родов ребенок может войти в тесный контакт с фекалиями и другими биологическими продуктами. Такие переживания обычно превосходят все то, что действительно мог испытывать новорожденный. Это ощущения барахтающегося в экскрементах, ползающего в отбросах или выгребных ямах, поедающего фекалии, пьющего кровь и мочу или же отвратительные картины разложения.

Элемент огня проявляется либо в своей обычной форме - как идентификация с жертвой, отданной на заклятие, -либо в архетипической форме очищающего огня (пирокатарсис), который разрушает все гнилое и отвратительное в человеке, готовя его к духовному возрождению. Этот элемент символизма рождения наиболее труден для понимания. Соответствующим ему биологическим компонентом может быть, наверное, кульминационная сверхстимуляция новорожденного беспорядочной "пальбой" периферических нейронов. Интересно, что аналогичный опыт выпадает на долю роженицы, у которой на этой стадии часто возникает ощущение, что ее влагалище охвачено огнем. Также следует отметить, что в процессе горения твердые вещества превращаются в энергию; переживанием огня сопровождается смерть Эго, после чего личность в философском плане отождествляет себя уже не с твердой материей, а с энергетическими паттернами.

Религиозный и мифологический символизм этой матрицы особенно тяготеет к тем системам, где прославляется жертвование и жертвенность. Часты сцены ритуалов жертвоприношения в доколумбовой Америке, видение распятия и отождествление себя с Христом, поклонение ужасным богиням Кали, Коатликуэ или Рангде. Уже упоминались в этом отношении сцены поклонения сатане и образы Вальпургиевой ночи. Другая группа образов связана с религиозными обрядами и церемониями, в которых секс сочетается с иступленным ритмическим танцем - например, фаллические культы, ритуалы, посвященные богине плодородия, или разнообразные ритуальные церемонии первобытных племен. Классическим

символом перехода от БПМ-III к БПМ-IV является легендарная птица Феникс, прежнее тело которой сгорает в огне, а новое восстает из пепла и взмывает к солнцу.

Ряд важных характеристик, присущих этому паттерну переживаний, отличают его от уже описанных паттернов состояния безвыходности. Здесь ситуация уже не кажется безнадежной, и сам переживающий не беспомощен. Он принимает активное участие в происходящем и чувствует, что страдание имеет определенную направленность и цель. В религиозном смысле ситуация будет больше напоминать чистилище, чем ад. К тому же роль индивида здесь не сводится исключительно к страданиям беспомощной жертвы. Он - активный наблюдатель и способен одновременно отождествлять себя с той и с другой стороной до такой степени, что иногда трудно бывает понять, агрессор он или жертва. В то время как безвыходная ситуация предполагает только страдания, опыт борьбы смерти-возрождения представляет собой границу между агонией и экстазом, иногда слияние того и другого. Вероятно, можно определить этот тип переживаний как "вулканический экстаз", по контрасту с "океаническим экстазом" космического единства.

Особые характеристики опыта связывают БПМ-III с СКО, сформировавшимся из воспоминаний о ярких чувственных и сексуальных переживаниях, о битвах и победах, об увлекательных, но рискованных приключениях, об изнасиловании и сексуальных оргиях или о случаях контакта с биологическими продуктами. Те же соотношения существуют и для трансперсонального опыта такого рода.

Что касается фрейдовских эрогенных зон, эта матрица связана с теми физиологическими механизмами, которые приносят внезапное облегчение и релаксацию после длительного напряжения. На оральном уровне это жевание и глотание пищи (или, наоборот, рвота); на анальном и уретральном уровне это дефекация и мочеиспускание; на генитальном уровне - восхождение к сексуальному оргазму и ощущения роженицы на второй стадии родов.

Четвертая перинатальная матрица (БПМ-IV)

Эта перинатальная матрица по смыслу связана с третьей клинической стадией родов, с непосредственным появлением на свет. В этой последней стадии мучительный процесс борьбы за рождение подходит к концу, продвижение по родовому каналу достигает кульминации, и за пиком боли, напряжения и сексуального возбуждения следует внезапное облегчение и релаксация. Ребенок родился и после долгого периода темноты впервые сталкивается с ярким светом дня (или операционной). После отсечения пуповины прекращается телесная связь с матерью, и ребенок вступает в новое существование как анатомически независимый индивид.

Как и в других матрицах, некоторые относящиеся к этой стадии переживания представляют точную имитацию реальных биологических событий, произошедших при рождении, а кроме того, - специальных акушерских приемов. По понятным причинам этот аспект БПМ-IV намного богаче, чем конкретные элементы, испытанные в контексте других матриц. Кроме того, специфические детали высвобождающегося материала бессознательного легко поддаются верификации. Речь идет о подробностях механизма рождения, об использовавшейся анестезии, о способе ручного и инструментального родовспоможения и о деталях послеродового опыта и ухода за новорожденным.

Символическим выражением последней стадии родов является *опыт смерти-возрождения*, в нем представлено окончание и разрешение борьбы смерти-возрождения. Парадоксально, что, находясь буквально на пороге освобождения, индивид ощущает приближение катастрофы огромного размаха. В эмпирических сеансах как раз этим часто вызывается твердое решение остановить поток переживаний. Если же переживания продолжают проходить от БПМ-III к БПМ-IV влечет за собой чувство полного уничтожения, аннигиляции на всех мыслимых уровнях-то есть физической гибели, эмоционального краха, интеллектуального поражения окончательного морального падения и вечного индивидуального проклятья трансцендентальной размерности. Такой опыт "гибели Эго" заключается, судя по всему, в мгновенном безжалостном уничтожении всех прежних опорных точек в жизни индивида. Переживаемый в своей окончательной и наиболее полной форме²⁸, он означает безвозвратный отказ от философского отождествления себя с тем, что Алан Уоттс обычно называл "Эго, облаченным в кожу".

²⁸ - Смерть Эго и новое рождение - не одноразовый опыт. В ходе систематического глубинного самоисследования бессознательное снова и снова представляет его в разных измерениях и с разными акцентами до тех пор, пока процесс не будет завершен.

За опытом полной аннигиляции и "прямого попадания на самое дно космоса" немедленно следует видение ослепительного белого или золотого света сверхъестественной яркости и красоты. Его можно сопоставить с изумительными явлениями архетипических божественных существ, с радугой или с замысловатым узором павлиньего хвоста. В этом случае также могут возникать видения пробуждения природы весной, освежающего действия грозы или бури. Человек испытывает глубокое чувство духовного освобождения, спасения и искупления грехов. Он как правило чувствует себя свободным от тревоги, депрессии и вины, испытывает очищение и необремененность. Это сопровождается потоком положительных эмоций в отношении самого себя, других или существования вообще. Мир кажется прекрасным и безопасным местом, а интерес к жизни отчетливо возрастает²⁹.

Символизм опыта смерти-возрождения может быть извлечен из многих областей коллективного подсознательного, так как любая крупная культура обладает соответствующими мифологическими формами. Смерть Эго будет испытываться в связи с самыми разными божествами-разрушителями - Молохом, Шивой, Уцилопочтли, Кали или Коатликуэ - или при полном отождествлении с Христом, Озирисом, Адонисом, Дионисом или другими жертвенными мифологическими существами. Богоявлением может стать совершенно абстрактный образ Бога в виде лучезарного источника света или более-менее персонифицированное представление разных религий. Так же обычен опыт встречи или единения с великими богинями-матерями - Девой Марией, Изидой, Лакшми, Парвати, Герой или Кибелой.

Среди соответствующих биографических элементов - воспоминания о личных успехах и окончании опасных ситуаций, о завершении войн и революций, о выживании после несчастного случая или выздоровлении после тяжелой болезни.

Что касается фрейдовских эрогенных зон, БПМ-IV на всех уровнях разветвления либидо связана с состоянием удовлетворения, которое наступает сразу же после активности, облегчающей неприятное напряжение, - после утоления голода, рвоты, дефекации, мочеиспускания, оргазма и деторождения.

За пределами мозга: области трансперсонального опыта

Многими своими чертами трансперсональный опыт вдребезги разбивает фундаментальные утверждения материалистической науки и механистического взгляда на мир. Хотя эти переживания имеют место в ходе самоисследования, их нельзя интерпретировать как всего лишь интрапсихические феномены в конвенциональном смысле. С одной стороны, этот опыт вместе с биографическими и перинатальными переживаниями формирует некий эмпирический континуум. С другой стороны, он часто и без вмешательства органов чувств открывает непосредственный доступ к источникам информации, явно выходящим за рамки конвенционального круга. Он может включать сознательный опыт других людей и представителей других видов животных, растительной жизни, элементы неорганической природы, микроскопическую и астрономическую области, недоступные без специальных приборов, исторический и доисторический опыт, знание будущего, отдаленных мест или других измерений существования.

На уровне воспоминательного анализа информация черпается из индивидуальной истории и потому безусловно биографична по своей природе. Перинатальный опыт по-видимому представляет пересечение персонального (личного) и трансперсонального, раздел между тем и другим; это отражено в его связи с рождением и смертью, началом и концом индивидуального существования.

Трансперсональные явления обнаруживают связь индивида с космосом - взаимоотношение, в настоящее время непостижимое. Можно предположить по этому поводу, что где-то в ходе перинатального развития происходит странный количественный скачок, словно по ленте Мебиуса, когда глубокое исследование индивидуального бессознательного становится эмпирическим путешествием по всей Вселенной включая то, что лучше всего назвать сверхсознательным умом.

Общим для этой группы разнообразных и разветвленных явлений будет ощущение, что испытывающее их сознание выступило за обычные пределы Эго и преодолело ограничения времени и пространства. В "нормальном", обычном состоянии сознания мы осознаем самих себя в границах своего физического тела (образа тела), и наше восприятие окружающего мира стеснено физически детерминированным диапазоном чувствительности внешних ре-

²⁹ - Это описание отражает идеальную ситуацию нормального и неосложненного рождения. Длительные и изматывающие роды, наложение щипцов или применение общей анестезии, какие-либо другие осложнения вызывают специфические эмпирические искажения в этой матрице.

цепторов. И наше внутреннее восприятие (интрацепция) и восприятие внешнего мира (экстрацепция) ограничены привычными временными и пространственными рамками. В обычных обстоятельствах мы отчетливо переживаем только настоящую ситуацию и воспринимаем лишь ближайшее окружение; мы вспоминаем прошлые события и ожидаем будущих или фантазируем о них.

В трансперсональных переживаниях происходит трансценденция некоторых из вышеупомянутых ограничений, иногда сразу нескольких. Многие принадлежащие к этой категории переживания интерпретируются испытывшими их как возвращение в исторические времена и исследование своего биологического и духовного прошлого. Довольно часто при глубинном эмпирическом самоизучении доводится испытать очень четкие и реальные эпизоды, опознаваемые как воспоминания плода и эмбриона. Многие сообщают о ярких событийных последовательностях на уровне клеточного сознания, что по-видимому отражает их прошлое существование в форме спермы или зрелой яйцеклетки во время зачатия. Иногда регрессия заходит еще дальше, и у человека появляется уверенное чувство повторного проживания воспоминаний из жизни предков или даже подключения к расовому или коллективному бессознательному. Были случаи, когда участники ЛСД-сеансов сообщали об опыте отождествления с животными предками в эволюционной родословной или отчетливого проживания заново эпизодов из своих прошлых воплощений.

Некоторые другие трансперсональные явления включают трансценденцию не временных, а пространственных барьеров. Сюда относится опыт слияния с другим человеком в состоянии двуединства (то есть чувство слияния с другим организмом в одно состояние без потери собственной самоидентичности) или опыт полного отождествления с ним или с ней, подстройка к сознанию целой группы лиц или расширение сознания до такой степени, что кажется, будто им охвачено все человечество. Сходным образом индивид может выйти за границы чисто человеческого опыта и подключиться к тому, что выглядит как сознание животных, растений или даже неодушевленных объектов и процессов. В предельном случае можно слиться с сознанием всего творения, всей планеты, всей материальной Вселенной. Еще одно явление, связанное с трансценденцией нормальных пространственных ограничений, - сознание отдельных частей тела, то есть различных органов, тканей, клеток. Важной категорией трансперсонального опыта с трансценденцией времени и/или пространства будут разнообразные явления экстрасенсорного восприятия - например, опыт существования вне тела, телепатия, предсказание будущего, ясновидение, перемещение во времени и пространстве.

В большой группе трансперсональных переживаний сознание словно расширяется за пределы феноменального мира и континуума времени-пространства, каким мы его воспринимаем в повседневной жизни. Обычные тому примеры - опыт встреч с душами умерших или со сверхчеловеческими духовными сущностями. После сеансов с ЛСД также бывают сообщения о бесчисленных видениях архетипических форм, конкретных божеств и демонов, сложных мифологических эпизодов. Среди других примеров из этой же категории - интуитивное понимание универсальных символов, переживание потока энергии "ци", как он описывается в китайской медицине и философии, или пробуждение Кундалини и активация чакр. В предельной форме индивидуальное сознание охватывает всю целостность существования и отождествляет себя с Универсальным Разумом или с Абсолютом. Высшей точкой всех переживаний будет очевидно Сверхкосмическая или Метакосмическая Пустота, загадочная предвечная ничтожность, которая сознает себя самое и содержит всю экзистенцию в зародышевой форме.

Итак, расширенная картография бессознательного имеет ключевое значение при любом серьезном подходе к таким явлениям, как психоделические состояния, шаманизм, религия, мистицизм, ритуалы перехода, мифология, парапсихология и шизофрения. И дело здесь не просто в академическом интересе - как будет показано ниже, картография предлагает глубокие и революционные приложения для понимания психопатологии и новые терапевтические пути, немислимые в традиционной психиатрии.

Спектр сознания

Картография внутреннего пространства, включающая биографический, перинатальный и трансперсональный уровни, дает интересное представление о современной неразберихе в мире глубинной психотерапии и о спорах между различными ее направлениями. Хотя во всей своей полноте такая картография не похожа ни на один из существующих подходов, отдельные ее уровни можно вполне адекватно описать в терминах различных современных

психологических систем или древних духовных философий. В самом начале психоделических исследований я обнаружил, что средний пациент во время курса психолитической терапии с применением ЛСД склонен переходить с фрейдистской стадии на стадию Ранка-Рейха-экзистенциалистов, а затем на юнгианскую стадию (Grof, 1970). Названия этих стадий отражают тот факт, что соответствующие концептуальные системы лучше любой другой структуры описывают явления, которые происходят на последовательных этапах терапии. Мне стало очевидно, что ни одна западная система психотерапии не годится для описания определенных явлений, происходящих на продвинутых стадиях терапии или на уровнях психоделического опыта. Здесь следует обращаться к античным или восточным духовным философам, таким как веданта, разные системы йоги, кашмирский шиваизм, буддизм махаяны, ваджраяна, даосизм, суфизм. И вместе с тем я убедился, что полный спектр человеческого опыта невозможно описать с помощью какой-то одной психологической системы и что каждый из главных уровней эволюции сознания требует самостоятельной структуры объяснения.

Ту же идею независимо развил Кен Уилбер; наиболее четко и обоснованно она представлена в его книгах "Спектр сознания" (Wilber, 1977), "Проект Атман" (Wilber, 1980), "Выше рая" (Wilber, 1981). В концепцию Уилбера о спектральной психологии заложена модель сознания, интегрально сочетающая достижения ведущих западных психологических школ с принципами того, что называется "вечной психологией", - т. е. такое понимание человеческого сознания, которое выражает основные прозрения "вечной философии" (*philosophia perennis*) на языке психологии. По Уилберу, огромные расхождения у психологических и психотерапевтических школ возникли не столько из-за интерпретаций и выводов о различиях в одной и той же совокупности проблем или о различиях в методологии, сколько из-за реального различия уровней спектра сознания, на которые они опираются. Главная ошибка этих разноречивых направлений заключается в том, что каждое из них склонно обобщать свой подход и применять его по всему спектру, тогда как подход этот годится для одного только отдельного уровня. Любой из серьезных подходов, принятых в западной психотерапии, более или менее "правильный", если применяется на своем уровне, и он чрезвычайно искажает картину, если некстати применяется в другом диапазоне. По-настоящему всеобъемлющая и интегрированная психология будущего станет использовать дополняющие инсайты, предложенные каждой из психологических школ.

Ключевым понятием в уилберовской модели спектра сознания является интуитивное постижение вечной философией личности человека как многопланового проявления единственного сознания, Универсального Разума. Каждый из уровней спектра сознания, составляющих многомерную природу человека, характеризуется специфическим и легко узнаваемым чувством индивидуальной идентичности. Чувство это охватывает широкий диапазон, начиная с высшей идентичности космического сознания, через несколько градаций или полос, кончая сильно упрощенной и суженной идентификацией с сознанием отдельного Эго.

Со времени выхода в свет "Спектра сознания" (1977) Уилбер усовершенствовал, исправил и доработал свою модель, а затем успешно применил ее в исследовании развития индивидуального сознания и человеческой истории. В книге "Проект Атман" (1980) он наметил трансперсональный взгляд на онтологию и космологию, объединив творчески принципы многих западных психологических школ с системами "вечной философии". Это всестороннее видение охватывает эволюцию сознания от материального мира и отдельного человека до нераздельной пары Атман-Брахман, а в обратном движении - от абсолюта до проявленных миров. Процесс эволюции сознания включает, таким образом, наружную дугу, т. е. движение от подсознания к самосознанию, и внутреннюю дугу, прогрессию от самосознания к сверхсознанию. Взгляды Уилбера на предмет и концепцию проекта Атман чрезвычайно важны для нашей книги и требуют поэтому особого рассмотрения.

Описание, которое дает Уилбер наружной дуге эволюции сознания, начинается со *стадии плеромы*, недифференцированного состояния сознания новорожденного, в котором нет времени, пространства и объектности, которое не знает разницы между самостью и материальным миром. Следующая *стадия уробороса* тесно связана с питательными функциями и предполагает первое, примитивное и незавершенное различие субъекта и материального мира. Это совпадает с ранним оральным периодом развития либидо. *Стадия тифона* характеризуется первой полной дифференциацией, которая создает органическую самость, или самость тела-эго с доминантой принципа удовольствия и инстинктивных побуждений и проявлений. Этот период включает анальную и фаллическую фазы развития либидо. С обретением языка, ментальных и концептуальных функций начинается *стадия речевого участия*. Здесь самость отличает себя от тела, становится ментальным и вербальным существом.

вом. Этот процесс затем продолжается на *ментально-эготической* стадии, относящейся к развитию линейного, абстрактного и понятийного мышления и к идентификации с представлением о самом себе. Ординарное развитие личности завершается на *стадии кентавра*, т. е. высоко упорядоченной интеграции Эго, тела, личности и тени.

Уровень кентавра это самый высокий уровень сознания, который признается и принимается всерьез западной механистической наукой. Западные психиатры и психологи либо отрицают существование любых более высоких состояний, либо навешивают на них ярлык патологии. В прошлом те, кого интересовало знание о высших состояниях сознания, должны были обращаться к великим мудрецам и мистикам Востока и Запада. За последнее десятилетие трансперсональная психология взяла на себя сложную задачу объединения мудрости "вечной философии" и психологии с концептуальными структурами западной науки. И серьезным вкладом в этот процесс стала работа Кена Уилбера.

Уилберовская модель эволюции сознания не заканчивается кентавром. В кентавре он видит переходную форму, ведущую к трансперсональным сферам бытия, которые так же далеки от эго-разума, как эго-разум далек от тифона. Первой из этих сфер эволюции сознания является *нижний тонкий уровень*, включающий астрально-медиумическую область. На этом уровне сознание, отделяя себя от разума и тела, способно превзойти обычные способности грубого телесного ума. Сюда относятся опыт "оставления тела", оккультные явления, аура, астральные путешествия, предвидение, телепатия, ясновидение, телекинез и связанные со всем этим явления. *Высший тонкий уровень* - это область подлинной религиозной интуиции, символического видения, постижения божественного света и звука, высших присутствий и архетипических форм.

За высшим тонким уровнем лежит *каузальная сфера*. Ее нижний уровень включает высочайшее божественное сознание, источник архетипических форм. В высшей каузальной сфере происходит коренная трансценденция всех форм, которые сливаются в безграничном сиянии Бесформенного Сознания. На *уровне предельного единства* сознание полностью пробуждается к своему изначальному состоянию, которое есть также таковость всего существования - грубого, тонкого и каузального. В этой точке весь мировой процесс проявляется от момента к моменту как собственное бытие носителя сознания, вне которого и прежде которого нет ничего. Форма неотлична от Пустоты, а обычное и исключительное, естественное и сверхъестественное суть одно и то же. Это предельное состояние, к нему тяготеет вся космическая эволюция.

По модели Уилбера космология подразумевает процесс, обратный вышеизложенному. Модель описывает, как феноменальные миры создаются из первоначального единства путем постепенной редукции и прогрессивного свертывания высших структур в низшие. В этом отношении Уилбер следует исключительно тексту "Тибетской книги мертвых" (по-тибетски "Бардо Тодоль"), в котором описывается посмертное продвижение сквозь промежуточные состояния, так называемые бардо.

Одной из самых оригинальных сторон работы Уилбера является его вывод об идентичных по сути (или по крайней мере схожих) принципах и механизмах, лежащих за кажущимся разнообразием многих стадий эволюции и инволюции сознания. Разработанные им понятия о глубинных и поверхностных структурах разных уровней сознания, о трансляции в противовес трансформации, о различных типах бессознательного (базисном, архаическом, погруженном, внедренном и эмерджентном), об эволюции и инволюции сознания, о наружной и внутренней дугах, о дезидентификации в противовес диссоциации, а также новое опеределение терминов "Эрос" и "Танатос" безусловно станут стандартом в трансперсональной психологии будущего.

Но наиболее фундаментальна и перспективна сама уилберовская концепция проекта Атман. Ему удалось самым убедительным образом показать, что мотивирующей силой на всех уровнях эволюции (кроме уровня изначального единства самого Атмана) является целенаправленное стремление человека к исходному космическому единству. Из-за врожденных ограничений этот процесс идет такими путями, которые приводят лишь к неудовлетворительным компромиссам, чем и объясняется неудача проекта, который ведет к отказу от ранее использованных уровней и к трансформации на следующей стадии. Каждый новый уровень высшего порядка становится еще одной подменой, пусть и более близкой к Реальному - до тех пор пока душа не укоренится в сверхсознании, а это единственное, чего она желала с самого начала.

Уилбер применил свою модель не только к индивидуальному развитию, но и к человеческой истории. В книге "Выше рая" (1981) он предложил не что иное как коренной пересмотр истории и антропологии. Сжатый объем не позволяет мне отдать должное его уни-

кальному вкладу в трансперсональную психологию, и заинтересованному читателю следует обратиться к книгам и статьям самого Уилбера. Однако я вкратце отмечу те области, в которых моя собственная работа и представленные здесь концепции отличаются от модели Уилбера при их обнадеживающем согласии во всем остальном.

Уилбер проделал громадную работу, синтезировав несовместимые, казалось бы, данные из множества научных областей и дисциплин. Его знание литературы поистине энциклопедично, аналитический ум работает пронизательно и систематично, ясность его логики удивительна. И потому некоторое недоумение вызывает то, что он не учел внушительного объема данных из древних и современных источников - данных, указывающих на первостепенную психологическую значимость перинатального опыта и родовой травмы. По моему мнению, знание перинатальной динамики незаменимо для любого серьезного подхода к таким проблемам, как религия, мистицизм, ритуалы перехода, шаманизм или психозы.

Уилберовское описание эволюции сознания начинается с недифференцированного плеромического сознания новорожденного и кончается предельным единением с Абсолютом. А инволюция сознания в близком соответствии изложенному в "Тибетской книге мертвых" описывается от предельного сознания незагрязненной и сияющей Дхармакайи, через три сферы бардо, к моменту зачатия. В этой тонко разработанной системе, которая во всех остальных областях уделяет деталям пристальное внимание, не нашлось места для всей сложности эмбрионального развития и последовательных стадий биологического рождения.

Еще одно крупное отличие моих данных от модели Уилбера касается феномена смерти. По Уилберу, понятие Танатоса относится к прекращению исключительного отождествления с отдельной структурой сознания, что дает возможность трансценденции этой структуры и движения к следующему уровню. У него нет различия между умиранием по отношению к какому-то уровню развития и опытом, связанным с биологической смертью. Такой подход резко противоречит наблюдениям, полученным в психоделической терапии и других формах глубокого эмпирического самоисследования, свидетельствующим о том, что воспоминания об угрожающих жизни событиях, в том числе о биологическом рождении, представляют категорию, имеющую особенное значение.

Этот материал ясно показывает, как важно отличать процесс перехода с одной стадии развития на другую от родовой травмы и других событий, ставящих под угрозу жизнь организма. Опыт таких событий принадлежит к другому логическому типу и лежит в стороне от процессов, которые Уилбер включает в описание Танатоса. Опасности здесь подвергается существование организма как индивидуальной сущности, независимо от уровня его развития. Так, угроза выживанию может проявиться на эмбриональной стадии существования, на любой стадии родов, в любом возрасте без связи с эволюцией сознания. Смертельная опасность в перинатальный период или в процессе рождения ребенка является, по всей видимости, инструментом для возникновения ощущения отдельности и изоляции, а не уничтожает его, как полагает Уилбер³⁰.

По моему мнению, без признания первостепенной значимости рождения и смерти представление о природе человека будет неполным и неудовлетворительным. Включение этих элементов придало бы модели Уилбера больше логичности и больше практической мощи. Без этого модель не способна принять в расчет важные клинические данные, а описание терапевтических приложений становится наименее убедительной частью его работы - так как клиницисты привыкли иметь дело с практическими проблемами психопатологии.

Наконец, я должен упомянуть о том внимании, которое уделяет Уилбер линейности и радикальному отличию феноменов "пред" от феноменов "транс" (пред-персональное в отличие от трансперсонального, или до-эготическое в отличие от пост-эготического). Хотя я в принципе с ним согласен, безусловность его суждений кажется мне чрезмерной. Психика обладает многомерной, холографической природой, и если использовать линейную модель для ее описания, то результаты будут искаженными и неточными. Это будет серьезной проблемой для любой попытки описать психику только рациональными и вербальными средствами.

Мои собственные данные подсказывают, что по мере того, как эволюция сознания переходит от стадии кентавра к тонким сферам и дальше, она теряет линейную траекторию и, в каком-то смысле, сворачивается внутри самой себя. В ходе этого процесса индивид возвращается к более ранним стадиям развития, но оценивает их со взрослой точки зрения. В то

³⁰ - В состоянии симбиотического слияния с материнским организмом нет дихотомии между объектом и субъектом до тех пор, пока нет постороннего вмешательства. Нарушение внутриутробного состояния или боль и утомление во время рождения по-видимому впервые создают ощущение различия между "мной, страдающим" и "другим, причиняющим боль".

же время он начинает осознавать определенные аспекты и качества этих стадий, которые неявно присутствовали, но не были узнаны при столкновении с ними в контексте линейного развития. Следовательно, различие между "пред" и "транс" парадоксально; они не идентичны, но и не совсем отличны одно от другого.

Если такого рода понимание применить к проблемам психопатологии, различие между эволюционным и патологическим состояниями будет больше выражаться в контексте, в методах подхода к ним и в способности интегрировать их в повседневную жизнь, чем в природе присущих им переживаний. Подробное обсуждение всех этих тем и некоторых других вопросов, встающих после прочтения увлекательной и вдохновляющей книги Уилбера, еще ждет специального представления.

БПМ-I	БПМ-II	БПМ-III	БПМ-IV
РОДСТВЕННЫЕ ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ СИНДРОМЫ			
Шизофренические психозы параноидальная симптоматика, чувства мистического союза, столкновение с метафизическими силами зла); ипохондрия (основанная на странных и необычных телесных ощущениях); истерические галлюцинации и смещение грез с реальностью	Шизофренические психозы (адские муки, переживания бессмысленного "картонного" мира); тяжелая заторможенная "эндогенная" депрессия; иррациональные чувства вины и неполноценности; ипохондрия (вызванная болезненными телесными ощущениями); алкоголизм и наркомания, псориаз, язва желудка	Шизофренические психозы (элементы садомазохизма и скатологии, членовредительство, патологическое сексуальное поведение); тревожная депрессия, сексуальные отклонения (садомазохизм, мужской гомосексуализм, уролагния и копрофагия); невроз навязчивых состояний; психогенная астма, тики и заикание: конверсивная и тревожная истерия; фригидность и импотенция; неврастения; травматические невротозы: вегетативные невротозы: мигрень; энурез и энкопрез	Шизофренические психозы (опыт смерти-возрождения, мессианский бред, элементы разрушения и воссоздания мира, спасение и искупление, идентификация с Христом): маниакальная симптоматика: женский гомосексуализм: эксгибиционизм
СООТВЕТСТВУЮЩАЯ АКТИВНОСТЬ В ЭРОГЕННЫХ ЗОНАХ ПО ФРЕЙДУ			
Удовлетворение либидо во всех эрогенных зонах; либидозное чувство во время раскачивания и купания; частичное ощущение этого состояния после орального, анального, уретрального или генитального удовлетворения и после деторождения	Оральная фрустрация (жажда, голод, болезненные раздражения), задержка кала и мочи; сексуальная фрустрация; ощущения холода, боли и другие неприятные чувства	Жевание и глотание пищи, оральная агрессия и разрушение объекта; дефекация и мочеиспускание; анальная и уретральная агрессия; оргазм; деторождение; статоакустический эротизм (тряска, гимнастика, прыжки в воду, парашютный спорт)	Насыщение голода и удовлетворение жажды; удовольствие от сосания; либидозные чувства после дефекации, мочеиспускания, сексуального оргазма или родов
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ НА СЕАНСАХ С ЛСД			
Безмятежная внутриматочная жизнь: реалистичные воспоминания об ощущениях "хорошей матки"; "океанический" тип	Космическое поглощение: безмерные телесные и душевные муки: невыносимая и безысходная ситуация, которой не видится конца; чув-	Усиление страданий до космических размеров; грань между болью и удовольствием: "вулканический тип экстаза; яркие цвета;	Огромное понижение давления: расширение пространства; "иллюмина тивный" тип экстаза, видения гигантских помещений: яркий свет и

<p>экстаза: природа в своем наилучшем проявлении ("Мать-природа"): опыт космического единства; видения Рая и Небес. Нарушения внутри-утробной жизни: реалистичные воспоминания о "плохой матке" (критические состояния плода, болезни, эмоциональные срывы у матери, ситуация близнецов, попытки аборта), паранояльное мышление, неприятные телесные ощущения ("похмелье", дрожь и слабые спазмы, неприятный вкус, отвращение, ощущение отравленности): встреча с демоническими существами и другими метафизическими силами зла</p>	<p>ство загнанности в ловушку или клетку (нет выхода); разнообразные видения ада; мучительное чувство вины и неполноценности; апокалиптическое видение мира (ужасы войн и концлагерей, террор инквизиции, опасные эпидемии, болезни, запустение, смерть и т. п.); бессмысленность и абсурдность человеческого существования, "картонный мир", атмосфера искусственности и ерунды: зловещие темные цвета и неприятные телесные проявления (ощущение гнета и давления, сердечная недостаточность, жар и озноб, потливость, затрудненное дыхание)</p>	<p>взрывы и фейерверки: садомазохистские оргии: убийства и кровавые жертвоприношения, активное участие в жестоких битвах; атмосфера безумного авантюризма и опасных приключений; сильные сексуальные чувства; сцены гаремов и карнавалов: опыт смерти и возрождения; культы кровавых жертвоприношений (муки Христа и крестная смерть, ацтеки, Дионисий и т.п.); мощные телесные проявления (сдавливание и боль, удушье, мышечное напряжение, судороги и подергивания при расслаблении, тошнота и рвота, жар и озноб, потливость, сердечная недостаточность, трудности контроля сфинктеров, звон в ушах)</p>	<p>прекрасные цвета (небесно-голубой, золотистый, радужный, яркий как павлиний хвост): чувство повторного рождения и спасения; осознание простого способа жизни; улучшение сенсорного восприятия; братские чувства: гуманитарные и благотворительные тенденции; иногда маниакальные действия и чувство величия; переход к элементам БПМ-1; приятные ощущения могут прерываться пупочными спазмами (острая боль в пупке, сбои дыхания, страх смерти и кастрации, смещения в теле), но без внешнего сдавливания</p>
---	--	---	---

АССОЦИАТИВНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ПОСТНАТАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

<p>Ситуации, в которых удовлетворяются насущные потребности - например, счастливые дни младенчества и детства(заботливый материнский уход, игра со сверстниками, семейное согласие и т.д.), взаимная любовь и влюбленность; путешествия и отдых в красивой местности; приобщение к предметам искусства высокой эстетической ценности; купание в океане и чистых озерах и т.п.</p>	<p>Ситуации, угрожающие жизни и целостности тела (военный опыт, несчастные случаи, травмы, операции, тяжелые болезни, утопление, удушье, тюремное заключение, "промывание мозгов", незаконные допросы, оскорбления и т.д.); тяжелые психологические травмы (отвергнутость, опасные ситуации, эмоциональная депривация, тягостная семейная атмосфера, насмешки, унижения и т.п.)</p>	<p>Сражения, битвы и приключения (атаки и штурмы в сражениях и революциях, испытания военной службы, тяжелые воздушные бои, океанские штормы, опасная езда на автомобиле, драки): высокочувствительные воспоминания (карнавалы, увеселительные заведения и ночные клубы, загородные прогулки, сексуальные оргии и т.д.); наблюдение в детстве за сексуальной активностью взрослых, опыт совращения или изнасилования; у женщин - деторождение</p>	<p>Счастливое избавление от опасности (конец войны или революции, спасение после несчастного случая или операции); преодоление сложных препятствий решительными действиями; случаи напряжения и упорной борьбы, завершившиеся выдающимся успехом, картины природы (начало весны, прекращение океанского шторма, восход солнца и т.п.)</p>
---	---	---	---

--	--	--	--

3. МИР ПСИХОТЕРАПИИ: НА ПУТИ К ИНТЕГРАЦИИ ПОДХОДОВ

По данным психоделических исследований и других форм эмпирического самоисследования можно теперь внести некоторую ясность в запутанный лабиринт противоречивых и конкурирующих систем психотерапии³¹ и несколько упростить его. Даже беглый взгляд на западную психологию обнаруживает фундаментальные разногласия и противоречия в том, что касается динамики человеческого ума, природы эмоциональных расстройств и психотерапевтической техники. Это относится не только к школам, которые возникли на базе таких заведомо несовместимых философских подходов, как бихевиоризм и психоанализ, но и к тем направлениям, основатели которых исходили из тех же или очень схожих посылок. Лучше всего это видно на примере сравнения классического психоанализа, сформулированного Зигмундом Фрейдом, и концепций Альфреда Адлера, Вильгельма Райха, Отто Ранка и Карла Густава Юнга; все они вначале были его поклонниками и преданными учениками.

Ситуация еще более усложнится, если учесть психологические системы, созданные духовными традициями Запада и Востока, среди которых нужно выделить различные формы йоги, дзен-буддизм, ви-пассану, ваджраяну, даосизм, суфизм, алхимию и каббалу. Существует огромный разрыв между большинством западных психотерапевтических школ и этими тонкими, изысканными теориями Ума, сформировавшимися в результате многовековых глубинных исследований сознания.

Данные о систематических изменениях содержания психоделических переживаний, связанных с различиями в дозировке или Увеличением числа последовательных сеансов, помогли устранить ряд наиболее острых противоречий довольно неожиданным путем. При проведении психотической терапии пациент на начальных сеансах с ЛСД обычно сталкивается с разнообразным биографическим материалом. В работе по анализу воспоминаний большую часть опытной информации можно было интерпретировать в терминах классического психоанализа. Иногда природа биографических переживаний была такова, что они также хорошо или еще лучше поддавались интерпретации с помощью теорий Адлера. Определенные аспекты динамики переноса (трансфера) во время психоделических сеансов и особенно в период, следующий непосредственно за переживаниями, вызванными приемом препарата, включают важные межличностные компоненты, которые можно понять и исследовать, пользуясь принципами Салливана.

Однако, как только испытуемые поднимались выше "фрейдистской" стадии, опыт, полученный во время сеансов, в основном затрагивал глубокие переживания, связанные со смертью и биологическим рождением. На этом этапе теория Фрейда становится бесполезной для понимания происходивших процессов. Определенные аспекты процесса смерти-возрождения, особенно значение смерти и кризис смысла, можно было интерпретировать уже с точки зрения экзистенциалистской философии и психотерапии. Безудержная энергетическая разрядка и последующее разрушение мышечной "брони", происходящие в менее выраженной форме на биографической стадии, достигают в ходе перинатальных процессов крайней интенсивности. В работе с такими аспектами психоделического опыта чрезвычайную пользу могут принести терапевтические приемы и концепции, разработанные Вильгельмом Райхом, после некоторой их модификации.

Ключевым элементом в сложной динамике процесса смерти-возрождения является переживание биологической родовой травмы. Ее значение для психологии и психотерапии впервые установил и подробно раскрыл Отто Ранк в своей работе "Травма рождения" (1929). Хотя представления Ранка о природе этой травмы не совсем совпадают с данными, полученными в исследованиях с психоделиками, многие из его формулировок и выводов могут иметь огромную ценность, когда речь идет о переживаниях на перинатальном уровне. По этой причине я иногда называю эту стадию психоделической терапии "ранкианской"; это, впрочем, не совсем точно отражает клиническую картину, поскольку процесс смерти-возрождения включает гораздо больше, чем просто переживание биологического рождения.

³¹ - Многие положения, обсуждаемые в этой главе, являются частью подготовительной статьи, написанной для Фритцфа Капры в то время, когда мы вместе с ним изучали взаимосвязь психологии и современной физики. Этим объясняется определенное концептуальное совпадение с двумя главами его книги "Поворотный пункт" (Сарга, 1982).

Юнгианская психология хорошо представляет смысл психологической смерти и повторного рождения и тщательно исследует эту тему в различных культурах. Подход юнгианцев чрезвычайно удобен при обработке конкретного содержания многих перинатальных переживаний, в особенности характерных мифологических тем и образов, которые часто встречаются в данном контексте. Однако у них, по-моему, упущена взаимосвязь этого паттерна с биологическим рождением индивида и значительным физиологическим диапазоном этого явления. Задействованность архетипических элементов в процессе смерти-возрождения отражает тот факт, что на уровне глубинного опыта встреча с феноменом смерти и нового рождения обычно вызывает духовное, мистическое раскрытие и высвобождает путь к трансперсональным сферам. Эта связь имеет свою аналогию в духовной жизни и ритуальной практике различных культур, существующих испокон веков. В качестве примера можно привести шаманские инициации, ритуалы перехода, бдения экстатических сект или древние мистерии смерти-возрождения. Иногда символический контекст, используемый в одной из этих систем, бывает более уместным для интерпретации и понимания конкретного перинатального опыта, чем эклектическая смесь из концепций Ранка, Райха, Юнга и экзистенциализма.

Как только психоделические сеансы переходят в трансперсональную сферу, за врата рождения и смерти, психология Юнга и, до некоторой степени, психосинтез Ассаджиоли будут единственными западными психологическими школами с подлинным пониманием происходящих процессов. На этой стадии опыт с ЛСД носит философский, духовный, мистический и мифологический характер. Исходя из традиций западной психологии и психиатрии, я склонен называть эту стадию психоделической терапии "юнгианской стадией", хотя сама психологическая система Юнга не охватывает многих явлений, происходящих в этом контексте. Психотерапию такого уровня трудно отличить от духовных и философских исканий космической самоидентичности. Различные формы "вечной философии", соответствующих религиозных и психологических систем служат прекрасными руководствами как для пациента, так и для терапевта, если эти определения еще уместны для двух лиц, ставших теперь соратниками в совместных поисках и путешествиях.

До сих пор основное внимание я уделял изменению содержания сеансов в зависимости от увеличения их числа. Однако аналогичных результатов можно достичь при увеличении дозы. Так, меньшая доза приводит к достижению биографического уровня, возможно, в сочетании с некоторым абстрактным чувственным опытом. Увеличенная доза обычно выводит на перинатальный уровень и дает человеку больше шансов войти в трансперсональные сферы. Здесь можно говорить скорее об уровнях психоделического опыта чем о стадиях трансформативного процесса. Такая взаимосвязь наблюдается только во время первых психоделических сеансов; испытатель, который тщательно проработал биографический материал и усвоил содержание перинатального опыта, на последующих сеансах будет иметь трансперсональные переживания даже при меньшей дозе. В этом случае дозировка будет влиять на яркость переживаний, а не на их тип.

По моему опыту, данные из контекста психоделической терапии в равной степени относятся и к тем подходам, где медикаменты не применяются. Менее эффективные техники могут способствовать исследованию биографической сферы, а более сильные могут дать человеку доступ к перинатальному процессу или ввести его в трансперсональные сферы. Точно так же, систематическое использование эмпирических техник обычно вызывает постепенный переход от биографической сферы через процесс смерти-возрождения на уровень трансперсонального самоисследования. Нет необходимости подчеркивать, что это наблюдение следует интерпретировать со статистической точки зрения; в индивидуальных случаях развитие необязательно линейно, оно находится в прямой зависимости от конкретных характеристик применяемой техники, ориентации терапевта, личности и предрасположенности пациента и от качества взаимоотношений между ними.

Отсюда понятно, что запутанная ситуация с конкурирующими направлениями западной психологии значительно упрощается, если учесть, что они имеют в виду отнюдь не одно и то же. Как было показано в связи со спектральной психологией, существуют разные сферы психики и различные уровни сознания, каждый из которых обладает конкретными характеристиками и подчиняется определенным законам. Феномены психики в целом невозможно свести к простому общему знаменателю, имеющему повсеместное применение и эффективность; и, конечно, их нельзя свести к нескольким базисным биологическим и физиологическим механизмам. К тому же, сфера сознания имеет не только много уровней, но и много измерений. По этой причине любая теория, основанная на ньютоно-декартовской модели мира и на линейных описаниях, обязательно будет неполной и внутренне непоследова-

тельной. Она, вероятно, будет также противоречить, даже не ведая о том, другим теориям, выделяющим иные фрагментарные аспекты реальности.

Итак, основная проблема западной психотерапии, заключается, судя по всему, в том, что по разным причинам отдельные исследователи сосредоточили свое внимание преимущественно на каком-то одном уровне сознания и обобщили результаты, распространив их на человеческую психику в целом. По этой причине они заблуждаются в главном, хотя могут получать полезные и довольно точные описания уровня, с которым работают, или одного из основных его аспектов. Поэтому, хотя многие из существующих систем можно использовать на определенных стадиях процесса эмпирического самоисследования, ни одна из них не будет достаточно всеобъемлющей и полной, чтобы служить исключительным средством исследования. Истинно эффективная психотерапия и самопознание требуют широкой теоретической базы, основанной на признании многоуровневой природы сознания и выводящей за рамки сектантского шовинизма современных подходов

В том, что следует ниже, мы конкретно разберем концепции ведущих психотерапевтических школ, основываясь на данных, полученных на сеансах глубинного погружения в опыт при помощи психоделических препаратов или же без них. После краткого описания каждой из этих систем я выделю ее основные теоретические и практические недостатки, противоречия с другими направлениями и те положения, которые нуждаются в пересмотре или исправлении для возможного включения системы во всеобъемлющую теорию психотерапии.

Зигмунд Фрейд и классический психоанализ

Открытие основных принципов глубинной психологии стало выдающимся достижением одного человека - австрийского психиатра Зигмунда Фрейда. Он разработал метод свободных ассоциаций, доказал существование сферы бессознательного и описал его динамику, определил основные механизмы развития психоневрозов и многих других эмоциональных расстройств, открыл младенческую сексуальность, описал методы толкования снов и явление переноса, разработал принципы психотерапевтического вмешательства. Поскольку Фрейд в одиночку изучал территории ума, ранее неизвестные западной науке, понятно, что его взгляды постоянно менялись по мере того, как он сталкивался с новыми проблемами.

Одно оставалось неизменным при всех этих переменах - неутомимое стремление Фрейда сделать психологию научной дисциплиной. Он приступил к работе с твердой уверенностью, что наука в конце концов внесет порядок в кажущиеся хаотичными психические процессы и объяснит их с точки зрения функций головного мозга. И даже после того как он понял, что задача объяснения психических явлений при помощи физиологических процессов практически невыполнима, и занялся чисто психологическими методами исследования, цель эта не исчезла. Он всегда понимал, что психоанализ нужно будет приспособлять к новым научным открытиям либо в рамках самой психологии, либо в рамках физики биологии или физиологии. Поэтому интересно проследить, какие из соображений Фрейда выдержали испытание новыми научными открытиями, а какие требуют фундаментального пересмотра. Необходимость такого пересмотра в какой-то мере связана с ограниченностью присущей ньютоно-картезианской парадигме, и с теми огромными переменами, которые произошли в философии и метафизике со времен Фрейда. Другие необходимые поправки в большей степени связаны с его собственными личностными ограничениями и культурной средой. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что Фрейд находился под глубоким влиянием своего учителя Эрнста Брюкке, основателя научного направления, известного под названием Медицинской школы Гельмгольца. Как думал Брюкке, все биологические организмы являются сложными системами атомов, которые подчинены строгим законам, в особенности принципу сохранения энергии Единственными активно действующими силами биологического организма он считал сугубо материальные физико-химические процессы, которые можно свести к силам притяжения и отталкивания. Конечной целью и идеалом этого направления было внедрение принципов ньютоновского научного мышления в другие области науки. Именно в духе учений школы Гельмгольца Фрейд дал свое описание физиологических процессов в соответствии с законами Ньютона. Четыре основополагающих принципа психоаналитического подхода - динамический, экономический, топографический и генетический - это точные аналоги основных концепций физики по Ньютону.

Динамический принцип. Согласно механике Ньютона, материальные частицы и предметы перемещаются под действием сил, отличных от материи; их взаимодействие регулируется особыми законами. Точно так же, в психоанализе все психические процессы объясняются с точки зрения взаимодействия и столкновения психологических сил. Они могут усиливать

или подавлять друг друга, противодействовать друг другу или создавать различные ком-промиссные образования. У них есть определенная направленность. то есть тяготение к двигательному (моторному) выражению или же от него. Наиболее мощно влияют на психическую динамику инстинктивные влечения. Ньютоновский принцип действия и противодействия был также применен Фрейдом показал глубокое влияние на его представления о противоположностях. И эта его склонность описывать различные аспекты психической функции как ряд противоположных явлений многими психоаналитиками воспринималась как серьезный концептуальный недостаток.

Экономический принцип. Количественный аспект ньютоновской механики стал основной причиной ее шумного успеха и научного престижа. Массу, силу, расстояние, скорость можно было измерить и выразить определенной величиной, а взаимосвязи и взаимодействия этих величин представить математическими уравнениями. Хотя Фрейд не мог даже приблизиться к жестким критериям физики, он часто подчеркивал значимость сохранения энергии в психологических процессах. Психическим отражениям инстинктивных влечений и силам, им противостоящим, он приписывал заряды определенного количества энергии, так называемый катексис. Распределение энергии между вводом, потреблением и выводом имело для него первостепенное значение. Задачей психического аппарата становилось предотвращение задержки этих энергий и поддержание общего количества возбуждения на наиболее низком уровне. Количество возбуждения рассматривалось как ведущая сила, лежащая в основе принципа удовольствия-боли, который играл важную роль в теории Фрейда.

Топографический или структурный принцип. Если в современной науке отдельные материальные явления феноменального мира рассматриваются как неразрывный, взаимосвязанный динамический процесс, то ньютонова механика занималась отдельными материальными частицами и предметами, которые занимают место в евклидовом пространстве и взаимодействуют в нем. Точно так же в топографических описаниях Фрейда тесно переплетенные динамические процессы выступают в виде специфических индивидуальных структур психического аппарата, которые взаимодействуют друг другом в психологическом пространстве, обладающем евклидовыми свойствами. Фрейд предупреждал, что такие понятия, как Ид (подсознание). Эго и Суперэго являются всего лишь абстракциями, что их нельзя брать буквально, и называл любые попытки связать их с конкретными структурами и функциями мозга "мифологией разума" (Gehirnmythologie). Однако, в его работах всем этим понятиям приданы ньютоновские характеристики материальных объектов - протяженность, вес, местоположение и движение. Они не могут занимать одно и то же пространство и поэтому не могут двигаться, не смещая друг друга. Они воздействуют друг на друга и вступают в противодействие; они могут быть подавлены, преодолены и уничтожены. Крайним проявлением такого подхода является концепция о количественной ограниченности либидо и даже любви. Согласно классическому анализу, любовь человека к другому человеку и любовь к самому себе находятся в противоречии и конкурируют между собой.

*Генетический или исторический принцип*³². Одним из самых характерных признаков ньютоновой механики является ее строгий детерминизм: столкновения частиц и предметов происходят в линейной цепи причин и следствий. Пространственно-временное описание событий и их причинно-следственное описание объединены и сведены в видимую траекторию. Исходные условия системы, таким образом, целиком определяют ее состояние во все последующие отрезки времени. Если все переменные известны, полное знание о текущем состоянии исследуемой системы должно в принципе позволить описать ее в любой момент прошлого и будущего. Идея о строго детерминированных психических процессах была одним из важнейших научных достижений Фрейда. Каждое психологическое событие рассматривалось как результат и, вместе с тем, причина других событий. Психогенетический подход в психоанализе стремится объяснить опыт и поведение индивида с точки зрения предшествующих онтогенетических стадий и способов адаптации. Полное представление о поведении в настоящем требует изучения прошлого, в особенности психосексуальных аспектов раннего детства. Таким образом, последующая жизнь человека в значительной степени определяется его опытом на последовательных стадиях развития либидо, разрешением неврозов в детстве и противоречиями, связанными с детской сексуальностью. Как и в ньютоновской механике, в классическом психоанализе используется понятие видимой траектории по отношению к инстинктивным влечениям, в число которых входит источник, импульс, цель и объект.

³² - Генетическая основа психоанализа относится к психогенезу, и ее не следует путать с наследственностью. Она имеет дело с эволюционной логикой, показывающей, как прошлые события определяют индивидуальную историю и как прошлое содержится в настоящем.

Еще одной важной характеристикой, сближающей психоанализе ньютоново-картезианской наукой, является идея объективного и независимого наблюдателя. Как и в ньютоновской физике, наблюдение за пациентом происходит без сколько-нибудь заметного вмешательства. В эго-психологии эта концепция подверглась значительному видоизменению, но классический психоанализ по-прежнему считает, что только первоначальные историко-психогенетические условия определяют жизненные обстоятельства пациента даже во время лечения.

Перечислив основные принципы, на которых построен психоанализ, мы теперь можем конкретно перейти к тому, в чем собственно выразился его вклад в науку. Можно указать на три тематические категории: теорию инстинктов, модель психического аппарата, принципы и методы психоаналитической терапии. Вообще говоря, Фрейд считал, что психологическая жизнь человека начинается после рождения; он называл новорожденного *tabula rasa* ("чистой доской"). Кое-где, правда, он упоминал о возможности неопределенных предрасположенностей организма или даже архаичных воспоминаний филогенетической природы. По его мнению, боязнь кастрации у маленького мальчика может быть последствием тех времен, когда в наказание пенис действительно отрезали, а некоторые тотемистические элементы психики могут сохранять следы исторической реалии жестокого отцеубийства объединившимися братьями. Определенные аспекты символики сновидений невозможно объяснить, исходя из жизненного опыта человека; надо полагать, они отражают архаичный язык психики. Но как бы то ни было, ради практических целей психическую динамику можно понять на основе фактов биографии, начиная с раннего детства.

Решающее значение в динамике психических процессов Фрейд придавал инстинктивным влечениям, в которых видел силы, соединяющие психику и соматику. В ранние годы разработки психоанализа он выдвинул предположение об исходном дуализме полового влечения (либидо) и несексуальных инстинктов Эго, связанных с самосохранением. Он считал, что именно психические конфликты, возникающие в результате столкновения этих инстинктов, являются причинами психоневрозов и ряда других психологических явлений. Из двух инстинктов Фрейд отдавал предпочтение либидо, уделяя ему больше внимания.

Фрейд обнаружил истоки сексуальности в раннем детстве и формулировал теорию сексуального развития (Freud, 1953a). По его мнению, психосексуальная деятельность начинается в период кормления грудью, когда рот младенца становится эрогенной зоной (оральная фаза). С приучением к туалету основное внимание перемещается вначале на ощущения, связанные с дефекацией (анальная фаза), а позднее на ощущения, связанные с мочеиспусканием (уретральная фаза). Наконец примерно в возрасте четырех лет эти прегенитальные частные влечения объединяются, начинает преобладать интерес к половым органам, т. е. к пенису или клитору (фаллическая фаза). Тогда же развивается комплекс Эдипа (или Электры у девочек), суть которого заключается в преимущественно положительном отношении к родителю противоположного пола и агрессивном поведении по отношению к родителю того же пола. В это время, по мнению Фрейда, решающую роль играет переоценка пениса и комплекс кастрации. Мальчик расстается с эдиповыми тенденциями из-за страха кастрации. Девочка, первоначально привязанная к матери, переносит свою любовь на отца, потому что она разочарована "кастрированной" матерью и надеется получить от отца пенис или ребенка.

Чрезмерное увлечение эротической активностью или, наоборот, мешающие ей фрустрация, конфликты или травмы могут вызвать задержку развития либидо на какой-то стадии. Такая задержка при неспособности разрешить эдипову ситуацию становится причиной психоневрозов, сексуальных извращений и других форм психопатологии. Фрейд и его последователи разработали подробную динамичную систему, в которой различные эмоциональные и психосоматические расстройства соотношены со специфическими особенностями развития либидо и созревания Эго. Фрейд также установил, что затруднения в межличностном общении напрямую связаны с индивидуальной эволюцией от младенческой стадии первичного нарциссизма, характеризующейся любовью к самому себе, до дифференцированного отношения к объектам, когда либидо переносится на других.

В своих ранних изысканиях факторов, управляющих психикой, Фрейд большое внимание уделял принципу удовольствия - врожденной склонности искать удовольствия и избегать боли. Боль и расстройства он связывал с избытком нервных раздражителей, а удовольствие - с разрядкой напряжения и уменьшением возбуждения. Противоположностью принципа удовольствия явился принцип реальности - приобретенная функция, отражающая требования внешнего мира и обуславливающая задержку или отсрочку немедленного удовольствия. В более поздних исследованиях Фрейд становилось все труднее согласовывать

клинические данные с той исключительной ролью, которую он отводил принципу удовольствия в психологических процессах.

Агрессивность он рассматривал вначале в контексте садизма, считая ее проявления на каждом уровне психосексуального развития результатом неполного удовлетворения инстинктивных побуждений. Поскольку в агрессивности есть и некоторые явно несексуальные стороны, он в течение некоторого времени определял ее как инстинкт Эго. Позднее несексуальная агрессивность и ненависть, отнесенные к инстинктам Эго, были отделены от садистских аспектов полового влечения, которые были явно связаны с половым инстинктом. Таким образом, сам садизм рассматривался как сплав секса и агрессивности, возникающий прежде всего как результат фрустрации желаний.

Но Фрейд пришлось столкнуться с еще более серьезной проблемой. Он понял, что во многих случаях агрессивные побуждения не служат цели самосохранения и поэтому не могут быть отнесены к инстинктам Эго. Это было совершенно очевидно в случаях склонности к саморазрушению у некоторых больных, страдающих депрессией, а также в случаях самоубийства и членовредительства, наблюдавшихся при определенных психических расстройствах, самоувечья, характерного для мазохистов", непреодолимой потребности в страдании, проявляемую человеческой психикой, периодического стремления к саморазрушительному поведению или болезненным последствиям, и наконец в склонности к беспричинной деструктивности, которая нередко наблюдается у детей.

В результате Фрейд решил выделить агрессивность как отдельный инстинкт с источником в скелетных мышцах, целью которого является разрушение. Это добавило последний штрих к совершенно отрицательному образу человеческой природы у психоаналитиков. Согласно этой точке зрения, психика не только управляется низкими инстинктами, но и содержит стремление к разрушению как необходимый и внутренне присущий ей элемент. Вспомним, что в ранних работах Фрейда агрессивность рассматривалась как реакция на фрустрацию и подавление полового влечения.

В поздних работах он выдвинул предположение о существовании двух категорий инстинктов: тех, что служат цели сохранения жизни, и тех, что противодействуют жизни и стремятся вернуть ее в неорганическое состояние. Он видел глубокую взаимосвязь этих двух групп инстинктов с двумя противоположными тенденциями в физиологических процессах организма - анаболизмом и катаболизмом. Анаболическими называются процессы, способствующие росту, развитию и накоплению питательных веществ-катаболические процессы связаны со сжиганием метаболических резервов и с расходом энергии.

Кроме того, Фрейд связывал эти побуждения с двумя группами клеток человеческого организма разного предназначения - это эмбриональные клетки, которые потенциально вечны, и обычные соматические клетки, которые смертны. Инстинкт смерти действует в организме с самого начала, постепенно превращая его в неорганическую систему. Эту разрушительную силу можно и нужно отвести частично от цели саморазрушения и направить против других организмов. Следовательно, нет функциональной разницы в том, направлен ли инстинкт смерти против объектов внешнего мира или против самого организма, пока он может достигать своей цели, то есть уничтожать.

Размышления Фрейда об инстинкте смерти подытожены в его последней большой книге "Очерк психоанализа" (Freud, 1964). В этой работе основополагающая дихотомия двух могущественных сил-инстинкта любви (Эроса) и инстинкта смерти (Танатоса) стала краеугольным камнем представлений о психических процессах. Эта концепция стала главной для Фрейда в последние годы его жизни. Такой крутой пересмотр психоаналитической теории не вызвал большого энтузиазма среди его последователей и не получил значительного развития в основном течении психоанализа. В обширном обзоре статей по идеям Фрейда об инстинкте смерти Рудольф Брун показал, что в большей их части эта концепция воспринималась явно неблагоприятно (Brim, 1953). Многие из авторов сочли, что интерес Фрейда к смерти и включение Танатоса в теорию инстинктов не имеют ничего общего с разработкой психологической системы. Неожиданный поворот в мышлении Фрейда объяснили снижением интеллектуальных способностей в пожилом возрасте и свойствами характера. Некоторые посчитали поздние идеи результатом собственной патологической озабоченности смертью из-за приводившего его в отчаяние заболевания раком и кончины близких членов семьи. В вышеупомянутом критическом исследовании Брун высказал предположение, что на теорию инстинкта смерти значительно повлияла реакция Фрейда на массовые убийства во время первой мировой войны.

Ранняя топографическая теория ума, описанная Фрейдом в начале столетия в работе "Толкование сновидений" (Freud, 1953b), разрабатывалась на основе анализа снов, дина-

мики психоневротических симптомов и психопатологии повседневной жизни. Речь в ней идет о трех областях психики, различающихся по взаимоотношениям с сознанием - это бессознательная, подсознательная и сознательная области. В бессознательном содержатся элементы, совершенно недоступные сознанию, они могут быть осознаны только через подсознание, которое контролирует их при помощи психологической цензуры. Бессознательное получает психическое отображение инстинктивных влечений, которые когда-то были сознательными, но неприемлемыми, а потому были изгнаны из сознания и подавлены. Вся деятельность бессознательного состоит в том, чтобы следовать принципу удовольствия - стремиться к разрядке и осуществлению желаний. С этой целью оно использует первично-процессуальное мышление, которое игнорирует логические связи, не имеет представления о времени, не ведает о негативных явлениях и легко позволяет сосуществовать противоречиям. Своей цели оно пытается достичь при помощи таких механизмов, как конденсация, замещение и символизация

Подсознательное содержит элементы, способные при определенных условиях всплывать в сознании. В момент рождения подсознания нет, оно развивается в детстве по мере эволюции Эго. Его цель - избежать неприятных ощущений и задерживать инстинктивную разрядку; для этого оно использует вторично-процессуальное мышление, управляемое логическим анализом и отражающее принцип реальности. Одна из важных функций подсознания состоит в осуществлении цензуры и подавлении инстинктивных желаний. Эта система - уже сознательная, она связана с органами восприятия, контролируемой двигательной активностью и с регуляцией количественного распределения психической энергии

Топографическая теория сразу столкнулась с серьезными трудностями. Стало очевидно, что защитные механизмы, нейтрализующие боль и неприятные ощущения, сами по себе первоначально не доступны для сознания; значит, механизм подавления не может быть приписан подсознанию. Далее, наличие бессознательной потребности в наказании противоречило утверждению, что нравственные механизмы, ответственные за подавление, выступают в союзе с силами подсознания. К тому же, в бессознательном явно проступают некоторые архаические элементы, которые никогда не могли быть осознаны, например первобытные представления филогенетического характера и определенные символы, которые не могли возникнуть в личном опыте.

В конце концов Фрейд заменил концепцию системного сознания и системного бессознательного знаменитой моделью динамического взаимодействия трех структурных компонентов психики: Ид, Эго и Суперэго. Здесь Ид (подсознание) представляет собой изначальный резервуар инстинктивных энергий, чуждых Эго и управляемых первичным процессом. Эго сохраняет первоначальную близость с сознанием и внешним миром, хотя выполняет и целый ряд бессознательных функций, нейтрализуя импульсы Ид с помощью специфических механизмов защиты³³. Кроме того, Эго контролирует системы органов восприятия и движения. Супер-эго - самый молодой структурный компонент ума, возникающий после разрешения эдипова комплекса. Один из его аспектов представляет идеал для Эго, в нем отражены попытки восстановить гипотетическое состояние самовлюбленного совершенства, существовавшее в раннем детстве, и положительные элементы отождествления с родителями. Другой аспект отражает интроекцию родительских запретов, закрепленных комплексом кастрации; это - совесть или "даймон". Характерно, что стремление к мужественности у мальчика и к женственности у девочки приводит к более устойчивому отождествлению с Суперэго родителя того же пола.

Действия Суперэго в основном бессознательны; Фрейд отмечал к тому же один из аспектов Суперэго, варварство и жестокость которого безошибочно указывает на корни в подсознании - Именно Суперэго он считал ответственным за склонность к чрезмерному самонаказанию и самоуничтожению, наблюдаемую у некоторых психиатрических больных. В более поздних разработках теории Фрейда главное внимание уделено той роли, которую играют в развитии Эго влечения и объективные привязанности, сформировавшиеся в доэдипов пери-

³³ - Механизмы защиты появляются в результате борьбы между давлением из бессознательного (Ид) и требованиями внешнего мира. Они показывают специфическую связь индивидуальных фаз развития либидо и фундаментальны для этиологии различных типов психопатологии. Среди самых важных механизмов защиты, описанных в психоаналитической литературе, вытеснение (подавление), подмена, реактивная формация, изоляция, отмена, рационализация, интеллектуализация, отрицание, регрессия, механизмы против фобий, воздержание и избегание, интроекция, отождествление, отыгрывание в действии, сублимация и творческая проработка. Лучшим источником дополнительной информации о механизмах защиты служит новаторская работа Анны Фрейд "Эго и механизмы защиты" (Freud, 1937).

од. В этих прегенитальных предшественниках Суперэго воплощены проекции садистских побуждений ребенка и его примитивные представления о справедливости, основанной на возмездии.

Фрейд пересмотрел модель ума в связи с новой теорией тревоги - симптома, который представляет фундаментальную проблему для динамической психиатрии. В первоначальной теории тревоги ее биологической основой считался половой инстинкт. При так называемых действительных неврозах (неврастении, ипохондрии и тревожных неврозах) тревога объяснялась неадекватным высвобождением энергии либидо в результате нарушения полового общения (воздержания или прерывания полового акта) и отсутствия необходимой психической проработки сексуальных напряжений.

При психоневрозах нарушение нормальной сексуальной функции объяснялось психологическими факторами. В этой связи тревога рассматривалась как продукт подавления либидо. Эта теория не принимала в расчет объективную тревожность, проявляющуюся в ответ на реальную опасность. Кроме того, она строилась на порочном круге в рассуждении: тревога объяснялась с точки зрения подавления полового влечения; а подавление, в свою очередь, рассматривалось как результат невыносимых переживаний, среди которых была, конечно, и тревога.

В новой теории Фрейд проводил различие между настоящей тревожностью и невротической, причем и та и другая возникают при угрозе организму. При настоящей тревоге угроза исходит от конкретного внешнего источника, при невротической источник неизвестен. В младенческом и детском возрасте она возникает в результате чрезмерного возбуждения инстинктов; позднее она появляется в ожидании опасности, а не как реакция на опасность. Тревожный сигнал мобилизует меры защиты - механизмы, направленные на то, чтобы избежать реальной или вымышленной внешней угрозы, или психологическую защиту, нейтрализующую повышенное возбуждение инстинктов. Таким образом, неврозы развиваются вследствие частичного отказа системы защиты; более тяжелое расстройство механизмов защиты приводит к заболеваниям психотического характера, которым свойственна значительная деформация Эго и восприятия реальности.

Психоаналитическая концепция лечения и практические терапевтические методы отражают столь же сильное влияние принципов ньютоново-картезианской механики, как и чистая теория Фрейда. Основные условия терапии, когда пациент лежит на кушетке, а невидимый беспристрастный врач сидит в изголовье, воплощают идеал "объективного наблюдателя". В этом отразилась глубоко укоренившаяся уверенность механистической науки в том, что можно делать научные наблюдения без вмешательства в исследуемый процесс и без взаимодействия с изучаемым предметом.

Прямое отражение декартовского разделения ума от тела обнаруживается в исключительном внимании психоаналитиков-практиков к психическим процессам. Физиологические проявления рассматриваются в психоанализе как отражение психологических событий или, наоборот, как пусковой механизм психологических реакций. Однако сам метод не предусматривает прямого физического вмешательства, а на любой телесный контакт с пациентом наложено фактически строгое табу. Некоторые из психоаналитиков даже воздерживаются от рукопожатия с ним из опасения какого-то взаимного влияния.

Разделение ума и тела в психоанализе Фрейда усугубляется жестким отсечением проблемы от среды ее возникновения - межличностной, социальной и космической. Психоаналитики обычно отказываются от общения с супругом (супругой) пациента или с членами его семьи и никак не вовлекают их в процесс лечения; большую часть социальных факторов заболевания они игнорируют. Никто из них не готов по-настоящему признать роль трансперсональных и духовных факторов в динамике эмоциональных расстройств. Динамической основой видимых явлений внешнего мира являются для них инстинктивные порывы, стремящиеся к разрядке, и различные противодействующие им и нейтрализующие их силы. Усилия психотерапевта направлены на устранение препятствий, которые не позволяют этим силам выразиться в более непосредственной форме. При анализе противодействия терапевт вынужден полагаться только на вербальные средства.

Перед терапевтом стоит задача воссоздать из данных конкретных проявлений группу сил, которая вызывает симптомы, придать этим силам новое направление в ходе терапевтического лечения и при помощи анализа переноса освободить изначально подавленные детские сексуальные стремления - превратить их в сексуальность взрослого человека и тем самым дать им возможность участвовать в развитии личности.

На психоаналитическом сеансе пациенту отведена пассивная, подчиненная и крайне невыгодная роль. Он лежит на кушетке и не видит терапевта, сидящего в изголовье, ожидает

ся, что у него возникнут свободные ассоциации и не будет вопросов. Психопсихолог полностью контролирует ситуацию и редко отвечает на вопросы; он может молчать или интерпретировать, а любое несогласие пациента склонен рассматривать как сопротивление³⁴. Интерпретация психопсихолога, основанная на теории Фрейда, явно или неявно управляет всем процессом, держит его в узких рамках, не оставляя возможности для исследования новых территорий. Предполагается, что терапевт будет безучастен, объективен, безразличен, невосприимчив и станет внимательно следить за любыми признаками "обратного переноса".

От пациента требуются только свободные ассоциации, предполагается, что только терапевт и его интерпретация способствует лечению. Терапевт считается зрелым здоровым специалистом, владеющим всеми необходимыми познаниями и терапевтическими приемами. Таким образом, медицинская модель оказывает явное и очень мощное влияние на отношения между психотерапевтом и пациентом, несмотря на то, что психоанализ - это психологический, а не медицинский подход к эмоциональным расстройствам.

Первостепенное внимание психоанализ уделяет реконструкции травматического события в прошлом и его повторению в динамике переноса в настоящем; следовательно, он основывается на строго детерминированной исторической модели. В представлении Фрейда, улучшение вполне механистично - основной расчет делается на высвобождение подавленной энергии и ее использование для конструктивных целей (сублимацию). Цель терапии, по недвусмысленному определению самого Фрейда, действительно весьма скромна, особенно с учетом невероятно больших затрат времени, денег и энергии: "превратить чрезмерные страдания невроза в нормальные, обыкновенные невзгоды повседневности".

Обзор базовых концепций классического психоанализа и его теоретических и практических характеристик дает нам основание для обсуждения ценности системы Фрейда в свете данных глубинной эмпирической психотерапии, в частности исследований при помощи ЛСД. Вообще говоря, психоанализ является почти идеальной концептуальной системой - до тех пор, пока сеансы сосредотачиваются на биографическом уровне бессознательного. Если бы опыт анализа воспоминаний был единственным, что принимается в расчет в этом контексте, ЛСД-психотерапия могла бы рассматриваться в качестве почти лабораторного метода подтверждения основных психоаналитических предпосылок.

Психосексуальная динамика и фундаментальные конфликты человеческой психики, в том виде, в каком их описывал Фрейд, необыкновенно ясно проявляются даже при работе с наивными людьми, которые никогда не встречались с психоанализом, не читали психоаналитических книги не подвергались ни открытому, ни скрытому внушению каких-либо идей. Под действием ЛСД они переживают опыт детства и даже раннего детства, возвращаются к психосексуальным травмам и сложным ощущениям, связанным с младенческой сексуальностью, сталкиваются с энергетическими конфликтами в различных эрогенных зонах. Им приходится прорабатывать фундаментальные психологические проблемы, описанные в психоанализе, например комплекс Эдипа или Электры, травму отнятия от груди, страх кастрации, зависть по поводу пениса и конфликты приучения к туалету. Сеансы с ЛСД подтверждают также разработанную Фрейдом динамическую картографию психоневрозов и психосоматических расстройств, их специфические связи с эрогенными зонами и стадиями развития Эго.

Для объяснения некоторых важных переживаний, часто встречающихся на биографическом уровне бессознательного, концептуальную систему Фрейда следует модифицировать двумя значительными поправками. Первая - это концепция динамических управляющих систем в психике, которые организуют эмоционально близкие воспоминания; я назвал их "системами конденсированного опыта", СКО (краткое описание их приведено в главе второй; в моей книге "Области бессознательного" (Grof, 1975) они обсуждены подробно). Вторая поправка связана с огромным значением физических травм (операций, болезней или повреждений), которые фрейдовской психологией не признаются. Воспоминания их играют важную роль в развитии различных эмоциональных и психосоматических симптомов и сами по себе и в качестве связующего звена при переходе к соответствующим элементам перинатального уровня.

Впрочем, эти небольшие проблемы легко поддаются коррекции. Фундаментальная ошибка психоанализа состоит в том, что главное внимание направляется на биологические события и индивидуальное бессознательное. Делается попытка распространить данные, полученные в одной поверхностной и очень узкой полосе сознания, на другие уровни сознания

³⁴ - Дхей Хейли провела блестящий юмористический анализ этой фрустрирующей ситуации в своей статье "Искусство психоанализа" (Haley, 1958).

и на человеческую психику вообще. Поэтому главным недостатком этой теории является то, что в ней нет подлинного признания перинатального и трансперсонального уровней бессознательного. Как считал Фрейд, этиологию и динамику эмоциональных расстройств можно почти целиком объяснить исходя из последовательности послеродовых событий.

Эмпирические методы терапии принесли ошеломительные результаты, показав, что не детские психотравмы являются первичными патогенными причинами - они лишь создают условия для высвобождения энергии и содержимого более глубоких слоев психики.

Типичные симптомы эмоциональных расстройств обладают сложной, многослойной и многомерной динамической структурой, и биографический уровень - только один элемент в сложной цепи. Корни проблемы почти во всех случаях надо искать на перинатальном и трансперсональном уровнях.

Включение перинатального уровня в картографию бессознательного имеет далеко идущие последствия для психоаналитической теории, проясняет многие из ее проблем, причем рассмотрение их переходит в совсем другую перспективу и это не обесценивает фрейдовского подхода в целом. Перенос акцента с зависящей от биографии сексуальной динамики на динамику базовых перинатальных матриц (БПМ) вполне возможен без отказа от большей части данных, полученных в психоанализе, - вследствие сходства у всех людей глубинного опыта, относящегося к биологическому рождению, оргазму и физиологической активности в эrogenных зонах (оральной, анальной, уретральной и фаллической). Динамические связи этих биологических функций графически представлены в таблице во второй главе.

Знание перинатальной динамики и ее включение в картографию бессознательного обеспечивает простую, изящную и действенную модель для объяснения многих явлений, которые были загадкой для Фрейда и его последователей. В области психопатологии они не сумели дать удовлетворительного объяснения садомазохизму, членовредительству, садистскому убийству и самоубийству. Не удалось решить проблему жестокой части Суперэго, которая представляется производной Ид. Концепция женской сексуальности и вообще женского начала, как ее понимал Фрейд, является безусловно самым слабым местом психоанализа и граничит со смехотворной глупостью. В ней недостает подлинного понимания женской психики и принципа всего женского, а женщина как таковая рассматривается как кастрированный мужчина. К тому же, психоанализ дает лишь поверхностные и неубедительные интерпретации всего спектра явлений, наблюдаемых у психиатрических пациентов; подробнее об этом мы скажем позже.

По поводу более широкого применения теории Фрейда к феноменам культуры можно сказать, что он не сумел найти убедительного объяснения таким антропологическим и историческим явлениям как шаманизм, ритуалы перехода, визионерский опыт, мистериальные религии, мистические традиции, войны, геноцид и вооруженные восстания. Ни одно из них нельзя понять правильно без использования концепции перинатального (и трансперсонального) уровня психики. Следует также упомянуть о недостаточной эффективности психоанализа как терапевтической процедуры, что является одним из серьезных недостатков этой изящной в других отношениях теории.

В ряде случаев гениальность Фрейда подводила его совсем близко к осознанию перинатального уровня бессознательного. Не раз он рассуждал о некоторых основных элементах этого уровня, а многие его формулировки касаются (пусть и неявно) проблем, тесно связанных с процессом смерти-возрождения. Фрейд первым высказался о том, что смертельный страх, ассоциируемый с родовой травмой, может служить скрытым источником и прототипом всех страхов в будущем. Однако, он не стал разрабатывать эту увлекательную идею дальше и не включил ее в психоанализ. Впоследствии он даже выступил против идей своего ученика Отто Ранка, опубликовавшего работу (Rank, 1929), в которой психоанализ коренным образом пересматривался на основе огромной значимости родовой травмы - решающего события в жизни человека. В трудах Фрейда и его последователей проводится на редкость четкое разграничение между интерпретацией и оценкой пренатальных, перинатальных и постнатальных событий. В отличие от информации о послеродовом периоде, которая обычно считалась возможным отражением фактически имевших место событий, материал свободных ассоциаций или сновидений, связанный с рождением или внутриутробной жизнью, постоянно назывался "фантазиями". Отошли от этого правила только Отто Ранк (Rank, 1929), Нандор Фодор (Fodor, 1949) и Литарт Пирболт (Peerbolte, 1975), признавшие и действительно понявшие перинатальную и пренатальную психическую динамику.

По мнению представителей классического и ортодоксального психоанализа, смерть не представлена в бессознательном. Страх смерти они объясняют то боязнью кастрации, то опасением потерять самоконтроль, то страхом перед мощным сексуальным оргазмом, то

желанием смерти другого человека, которое Суперэго неумолимо обращает на самого желающего (Fenichel, 1945). Фрейд не был вполне удовлетворен своим тезисом о том, что Ид не знает смерти, и ему все труднее становилось отрицать значимость смерти для психологии и психопатологии.

В последних работах он ввел в свою теорию инстинкт смерти Танатос - в качестве противовеса Эросу, или либидо, - инстинкт столь же значимый, что и сам Эрос. Подход Фрейда к смерти неточен в изображении той роли, которую она играет в перинатальной динамике; он был очень далек от понимания того, что в контексте смерти-возрождения смерть, секс и рождение образуют нерасторжимую триаду, что они тесно связаны со смертью Эго. Весьма поучительным, однако, оказалось признание Фрейдом психологического значения смерти; здесь, как и во многом другом, он далеко опередил своих последователей.

Модель, включающая перинатальную динамику, обладает серьезными преимуществами. Она не только дает более верную и всестороннюю интерпретацию многих психопатологических явлений и их динамического взаимодействия, но связывает их логическим и естественным образом с анатомическими, физиологическими и биохимическими аспектами процесса рождения. Выше я подробно покажу, как можно легко объяснить феномен садомазохизма на основе феноменологии БПМ-III с ее тесными связями секса, боли и агрессии. Сочетание сексуальности, агрессивности, тревоги и скатологии, являющееся еще одной важной характеристикой третьей перинатальной матрицы, составляет естественный контекст для выяснения причин других сексуальных извращений и нарушений. На этом уровне сексуальность и страх выступают как две стороны одного и того же процесса, и ни одну из них нельзя объяснить за счет другой. Это представляет в новом свете неудавшиеся попытки Фрейда объяснить страх подавлением либидо, а подавление, в свою очередь, страхом и другими негативными эмоциями.

Для БПМ-III также свойственно формирование чрезвычайно большого количества различных инстинктивных импульсов с одновременной блокировкой внешней двигательной реакции любого рода в контексте крайне тяжелых и болезненных ситуаций, представляющих угрозу для жизни. В этом видится естественный базис для глубочайших корней фрейдовского Суперэго - жестокого, грубого и примитивного. Его связанность с болью, мазохизмом, членовредительством, насилием и самоубийством (смертью Эго) вполне ясна и не оставляет никаких загадок и тайн, если ее рассматривать как интроекцию беспощадного воздействия родового канала.

Понятие *dentate vagina* (женских гениталий, способных убить или кастрировать), которое Фрейд считал продуктом примитивной младенческой фантазии, в контексте перинатальной динамики становится реалистичным представлением, основанным на конкретных воспоминаниях. В ходе родов бесчисленное количество детей было убито или сильно травмировано этим потенциально смертоносным органом. Связь "зубастого влагалища" (*dentate vagina*) со страхом кастрации вполне ясна, если проследить возникновение страха до настоящего источника - до памяти о перерезании пуповины. Тогда понятен парадокс страха кастрации у обоих полов, а также тот факт, что в свободных ассоциациях пациенты психоанализа отождествляют кастрацию со смертью, разлукой, уничтожением и потерей дыхания. Значит, образ зубастого влагалища представляет собой обобщение, основанное на правильном восприятии. Неадекватна форма обобщения, а не само восприятие.

Признание перинатального уровня бессознательного устраняет серьезный логический пробел в психоаналитической концепции, вообще говоря, непонятный, если учесть высокий интеллектуальный уровень представителей психоаналитического направления. По мнению самого Фрейда, его последователей и вдохновленных им теоретиков, самые ранние события, происходящие на этапе орального периода жизни новорожденного, будут оказывать глубокое воздействие на последующее психологическое развитие. Это признано всеми даже для влияний относительно тонких. Так, Гарри С. Салливан (Sullivan, 1955) считал, что младенец различает такие эмпирические нюансы в оральной эрогенной зоне, как "хороший", "плохой" и "неправильный" сосок³⁵. Как тогда тот же самый организм, знаток женского соска, мог несколькими днями или неделями раньше пропустить и не запомнить экстремальные условия родов: опасную для жизни гипоксию, предельное механическое сдавливание, мучительную боль и целый спектр других аварийных сигналов смертельной опасности? По дан-

³⁵ - По описанию Салливана "хороший сосок" дает молоко вместе с чувством комфорта и безопасности. "Плохой сосок" обеспечивает питанием, но в неприятной эмоциональной атмосфере, как в случае, когда мать обеспокоена, напряжена или не любит свое дитя. "Неправильный сосок" (скажем, собственный большой палец ребенка) воспринимается как сосок, но не дает ни молока, ни чувства безопасности.

ным психоделической терапии различные биологические и психологические нюансы кормления грудью имеют очень большое значение. А как можно понять из вышесказанного, значимость родовой травмы на несколько порядков выше. Прежде чем почувствовать голод или холод, заметить отсутствие матери или различить оттенки кормления, ребенок должен быть уверен в снабжении легких кислородом, без которого ему не жить.

Рождение и смерть - события фундаментальной значимости, определяющие весь остальной опыт. Это альфа и омега человеческого существования; психологическая система, которая их не учитывает, будет поверхностной, неполной и ограниченной. Неприменимость психоанализа ко многим областям психотического опыта, например при рассмотрении антропологических данных, явлений парапсихологии и серьезной социальной психопатологии (войн, революций, тоталитаризма и геноцида) объясняется как раз тем, что эти области в большой мере характеризуются перинатальной и трансперсональной динамикой, а потому явно недостижимы для классического фрейдовского анализа.

Такое описание психоанализа может не удовлетворить нынешних его сторонников, поскольку, ограничиваясь классическими концепциями Фрейда, они не учитывают последних достижений в этой области. Поэтому здесь уместно коснуться теории и практики эгопсихологии. Исходные ее принципы можно найти в трудах З. Фрейда и Анны Фрейд. В истекшие четыре десятилетия ее разрабатывали Хайнц Хартман, Эрнст Крис, Рудольф Левенштейн, Рене Спитц, Мэргерит Малер, Эдит Джекобсон, Отто Кернберг, Хайнц Кохут и другие (Blanck, Blanck, 1965). Благодаря их усилиям эго-психология обрела свою нынешнюю форму. Среди главных теоретических изменений, внесенных ею в психоанализ, следует выделить подробную разработку концепции объектных отношений, признание их главенствующей роли в развитии личности и акцент на проблемах человеческой адаптации, врожденного аппарата Эго, свободных от конфликтности зон психики, усредненного прогнозирования среды, нарциссизма и многое другое. Эгопсихология значительно расширяет круг психоаналитических интересов, включая в него нормальное развитие человека, с одной стороны, и тяжелую психопатологию, с другой. Эти изменения в теории нашли свое отражение в терапевтических методах. Технические нововведения - выстраивание Эго, смягчение побуждений, коррекция искажения и структуры позволили распространить психотерапевтическую работу на пациентов с неустойчивой силой Эго и пограничной психотической симптоматикой.

Как бы ни были важны эти разработки для психоанализа, они, подобно классическим концепциям Фрейда, резко ограничены узкой биографической ориентацией. Поскольку в них не учитываются перинатальный и трансперсональный уровни психики, они не в состоянии дать полного понимания психопатологии; вместо этого, происходит лишь совершенствование понятий, относящихся к одному слою психики, которого, конечно, недостаточно для ее полного понимания. Многие пограничные и психотические состояния уходят корнями в негативные аспекты перинатальных матриц или в трансперсональную сферу.

Кроме того, эго-психология не способна ни воспринять, ни использовать мощные механизмы самоисцеления и самоизменения личности, задействовать которые можно через контакт с трансперсональными сферами психики. В свете терапевтических стратегий, которые излагаются в настоящей книге, главной проблемой является не защита и выстраивание Эго при помощи изоэшеленных вербальных приемов, а создание опорной структуры, в рамках которой можно выйти за пределы Эго - Переживание смерти Эго и последующий опыт единения (а природа того и другого - симбиотически-биологическая и трансцендентальная) становятся источником новой силы и новой самоидентичности. Эго-психология так же далека от осознания подобных концепций и механизмов, как и классический анализ Фрейда.

Знаменитые отступники: Альфред Адлер, Вильгельм Райх и Отто Ранк

Эпохальные открытия Фрейда в области глубинной психологии привлекли небольшую группу блестящих исследователей и мыслителей, ставших членами его кружка в Вене. Из-за сложности и новизны предмета, а также из-за независимости суждений лучших учеников Фрейда в психоаналитическом направлении с самого начала появилось множество разногласий и расхождений. С годами некоторые из лучших последователей Фрейда сами отошли от этого направления или были вынуждены это сделать; так или иначе, они основали свои собственные школы психоанализа. Интересно, что Многие элементы излагаемой здесь концептуальной системы содержались в книгах этих знаменитых ревизионистов. Однако, они были представлены как взаимоисключающие положения и не укладывались в главное русло психоанализа или академической психологии. Я не стану здесь проследивать цепь собы-

тий в их исторической последовательности, а сразу перейду к обсуждению теоретических и практических отступлений от классического психоанализа в отношении того уровня сознания, который привлекал главное внимание каждого из отступников.

Как и психоанализ Фрейда, индивидуальная психология Альфреда Адлера (Adler, 1932) ограничивалась биографическим уровнем, но интересы ее были иными. В отличие от детерминистского подхода Фрейда, подход Адлера был чисто телеологическим и финалистическим. Фрейд изучал исторический и причинно-следственный аспекты происхождения неврозов и других психических заболеваний, а Адлера интересовал главным образом их результат и конечная цель. По его мнению, основным принципом любого невроза является мнимая цель стать "совершенным мужчиной". Половое влечение и склонность к сексуальным извращениям разных типов, которые выделял Фрейд, являются лишь вторичными проявлениями этого руководящего принципа. Преобладание сексуальных мотивов в невротических фантазиях - это просто жаргон, некий *modus dicendi* (манера выражения -лат.), обозначающий стремление к мужской стати. Такое стремление к превосходству, тотальности и совершенству указывает на глубинную потребность компенсировать всеобъемлющее чувство неполноценности и неадекватности.

В динамике неврозов индивидуальная психология Адлера огромную долю внимания уделяет "конституциональной неполноценности" некоторых органов или систем органов, имея в виду ее морфологический или функциональный характер. Стремление к превосходству и успеху имеет строго объективный паттерн. Оно основано на представлении человека о самом себе и на самоуважении, а методы, используемые для достижения цели, отражают условия его жизни, в особенности биологические задатки и окружение в раннем детстве. Выдвинутая Адлером концепция неполноценности шире, чем это кажется на первый взгляд; среди прочих составляющих она включает неуверенность и страх. И соответственно, стремление к превосходству в конечном счете является стремлением к совершенству и законченности: предполагает оно и поиски смысла жизни. Более глубоким, скрытым чувством, стоящим за комплексом неполноценности, является воспоминание о детской беспомощности, а в его основе - бессилие перед неотвратимой смертью. При помощи механизма гиперкомпенсации комплекс неполноценности может породить превосходное исполнительство, а в крайних случаях даже гениальность. Любимым примером Адлера был Демосфен, страдающий заиканием и тиком мальчик, который стал самым знаменитым оратором всех времен. В менее удачных случаях этот механизм будет вызывать невроз.

В отличие от фрейдистских представлений о человеке как фрагментарном существе, поведение которого определяется его прошлым, концепция Адлера изображает органичную, сильную личность, цель которой состоит в самореализации и выживании рода. Об индивиде и о его выживании следует думать в динамичной взаимосвязи с соматическим, психологическим и социальным процессами. Потребность человека вписываться в социальную среду и выделяться в ней образует паттерн активной адаптации. Подрастающий ребенок выбирает из своего сложного прошлого устойчивый и логически обоснованный стиль жизни. По мнению Адлера сознательные и бессознательные процессы не находятся в противоречии: они представляют два аспекта единой системы, служащие одной цели. События, которые не вписываются в нее, считаются незначительными и забываются. Мы не осознаем те мысли и чувства, которые серьезно противоречат нашим представлениям о самих себе. Вопрос не в том, что люди являются заложниками исторически взаимозависимых сил своего бессознательного, а в том, что они не осознают цели и ценности, которые приняли или создали сами.

Адлер уделяет большое внимание социальности чувств как важному критерию психического здоровья: здоровый образ жизни направлен на достижение компетентности и успеха в обществе через общественно полезную деятельность. Концепция нормального развития включает обособленный, последовательный, активный и созидательный образ жизни, стремление к субъективно определенной цели, врожденные общественные интересы и способность к социальному общению.

Предрасположенность к неврозу создается в детстве при слишком сильной опеке или заброшенности, или при наличии того и другого вместе. Это приводит к отрицательной самооценке, чувству беспомощности и созданию образа социальной среды, как исходно враждебного, тяжелого, чуждого, требовательного и вызывающего фрустрацию окружения. В результате неуверенный в себе индивид формирует управляемый, замкнутый и необщительный образ жизни, а не тот, который более соответствует здравому смыслу и открыт интересам общества. Адлер подробно рассмотрел различные формы и проявления "частной логики", т.е. логики людей, страдающих неврозами и психозами, наркоманов и преступников.

Вообще говоря, его всегда больше интересовали наблюдения и описания, касающиеся необычных личностей, а не диагностические категории и клинические классификации. По его мнению, человек, страдающий неврозом, не может справиться со своими проблемами и получать удовольствие от социального общения потому, что на основании опыта, полученного в детстве, у него сформировался частный комплексный план, в основе которого лежит защитная функция. В плане этом есть внутренняя связность, и он сопротивляется изменениям, потому что представляет единственную форму адаптации, которую человек сумел для себя создать. Индивид боится столкнуться с новым, побуждающим к пересмотру взглядов опытом и продолжает считать свои идиосинкразические и ошибочные представления о людях и окружающем мире правильными и в целом обоснованными. В то время как невротик страдает от чувства реальной или воображаемой неудачи, больной психозом не признает социальную реальность окончательным критерием; вместо этого он погружается в мир своих фантазий, компенсирующих чувство беспомощности и отчаяния, возникшее из-за неудач в реальном мире.

В своей терапевтической практике Адлер уделял большое внимание активной роли врача. Он разъяснял пациенту общественные законы, анализировал его цели и образ жизни, предлагал конкретные изменения, подбадривал, внушал надежду, восстанавливал уверенность в себе, помогал осознать свои силы и способности. Главное для успешного восстановления пациента он видел в том, чтобы его понимал терапевт; проникновение в свои собственные мотивы, намерения и цели не являлось необходимым условием терапевтических изменений. Фрейдовскую концепцию переноса Адлер считал ошибочной и вводящей в заблуждение, видел в ней дополнительное препятствие на пути к излечению. Он подчеркивал, что врач должен быть приветливым, надежным, заслуживающим доверия и постоянно заинтересованным в благополучии пациента.

Данные, полученные при работе с ЛСД и в других эмпирических подходах, по-новому высветили теоретические разногласия между Адлером и Фрейдом. В основном, расхождение базируется на ошибочной уверенности в том, что сложную совокупность психических процессов можно свести к нескольким простым основополагающим принципам. С этим краеугольным камнем механистической науки в настоящее время расстались даже физики - в том, что касается материального мира; примером этому служит "бутстрапная" философия Джеффри Чу (Chew, 1968). Человеческий разум настолько сложен, что можно создавать множество теорий, каждая из которых будет логичной, последовательной и отражающей некоторые серьезные данные, но в то же время, эти теории окажутся несовместимыми и фактически противоречивыми. Конкретнее, расхождение между психоанализом и индивидуальной психологией отражает непонимание того, что сознание имеет несколько уровней. В этом смысле обе системы несовершенны и поверхностны, так как обе работают исключительно на биографическом уровне и не признают перинатальную и трансперсональную сферы. Поэтому проекции различных элементов из этих забытых областей психики появляются в обеих системах в искаженной и неясной форме.

Противоречие между акцентами на сексуальном влечении или на воле к власти и мужском протесте кажется серьезным и непримиримым только до тех пор, пока представления о психике ограничиваются биографическим уровнем и исключают динамику перинатальных матриц. Как уже говорилось, сильное сексуальное возбуждение (включая оральный, анальный, уретральный и генитальный компоненты) и чувство беспомощности, чередующееся с попытками агрессивного самоутверждения, представляют неотъемлемые составляющие динамики БПМ-III. Хотя в процессе смерти-возрождения в перинатальном развертывании может наблюдаться временное усиление сексуального аспекта или аспекта власти, они неразрывно связаны. Исследование сексуальных характеристик мужчин, находящихся у власти (Janus, Bess and Saltus, 1977), описанное ниже, можно привести здесь в качестве убедительного примера.

Глубокие корни сексопатологии обнаруживаются в третьей перинатальной матрице, где сильный подъем либидо ассоциируется со смертельным страхом, болью, агрессией и столкновением с биологическими отходами. Ощущения неполноценности, неадекватности и недостаточного самоуважения можно найти за рамками биологической обусловленности раннего детства - в беспомощном и смертельно опасном состоянии рождения. Таким образом, в силу недостаточной глубины своих подходов Фрейд и Адлер избирательно выделяли только одну из двух категорий психологических сил, которые на более глубоком уровне составляют две стороны одного и того же процесса.

Осознание смерти, этой ключевой темы перинатального процесса, оказало сильное воздействие на мышление обоих исследователей. Фрейд в своих окончательных теоретических

построениях постулировал существование инстинкта смерти, который является в психике решающей силой. Ориентация на биологические факторы помешала ему увидеть возможность психологической трансценденции смерти, и он создал мрачный, пессимистический образ человеческого существования. Тема смерти играла важную роль и в его личной жизни - он страдал танатофобией в тяжелой форме. На жизнь и работу Адлера проблема смерти тоже оказала очень сильное влияние. В невозможности предотвратить или контролировать смерть он видел глубинную основу чувства неполноценности. В этой связи интересно, что Адлер знал: его собственное решение стать врачом - представителем профессии, которая пытается победить смерть, - было вызвано тем, что он чуть не умер в возрасте пяти лет. Вероятно, этот же фактор стал той призмой, в которой сфокусировались его теоретические воззрения.

С точки зрения наблюдений, полученных в глубинной эмпирической терапии, детерминированное стремление к достижению внешних целей и упорное желание добиться успеха в жизни не имеют большого значения для преодоления чувства неполноценности и недостаточного самоуважения, каков бы ни был практический результат этих устремлений. От чувства неполноценности нельзя избавиться, мобилизовав все силы на его сверхкомпенсацию; это возможно, только при встрече с ним в переживании лицом к лицу и полной отдаче ему. Тогда оно поглощается процессом смерти-возрождения Эго, а из осознания собственной космической идентичности рождается новый образ себя. Подлинное мужество состоит не в героических усилиях, направленных на достижение внешних целей, а в решимости пройти через ужасный опыт столкновения с самим собой. До тех пор, пока индивид не найдет свою истинную сущность в себе самом, любые попытки продать жизни смысл через манипуляции во внешнем мире и достижение внешних целей останутся бесплодным и в конечном счете обреченным на поражение донкихотством.

Другой известный отступник в истории психоанализа - австрийский психиатр и политический деятель Вильгельм Райх Поддерживая главный тезис Фрейда о первостепенной значимости сексуальных факторов в этиологии неврозов, он существенно изменил его тем, что выделил "сексуальную экономию" - баланс энергетической зарядки и разрядки, сексуального возбуждения и облегчения. По мнению Райха, именно подавление сексуальных побуждений вместе с сопутствующими характерологическими установками конституирует настоящий невроз, а клинические симптомы - это всего лишь внешние проявления. Первичные травмы и сексуальные импульсы удерживаются вне сознания при помощи сложных паттернов хронического мышечного напряжения "характеристической брони". Термин "бронирование" относится к функции защиты индивида от мучительных и опасных внутренних и внешних переживаний. Для Райха решающим фактором, способствующим незавершенному сексуальному оргазму и закупорке биоэнергии, является репрессивное влияние общества. Невротик поддерживает баланс сексуальных сил, связывая излишнюю энергию мышечным напряжением и ограничивая тем самым возбуждение У здорового человека нет подобных ограничений, его энергия не сдерживается мышечной броней и может высвободиться беспрепятственно.

Вклад Райха в терапию (Reich, 1949) имеет огромное значение и непреходящую ценность. Неудовлетворенность методами психоанализа привела его к созданию системы, которую он назвал "анализом характера", а позднее - "аналитической вегетотерапией характера". Это было радикальным отклонением от классического метода Фрейда, так как система подразумевала лечение неврозов с биофизических позиций и содержала физиологические элементы. Райх использовал гипервентиляцию, разнообразные физические упражнения и непосредственный телесный контакт для мобилизации сдавленных энергий и снятия блокировок. По его мнению, цель терапии состоит в восстановлении способности больного полностью подчиниться тем спонтанным и произвольным движениям, которые в норме сопровождают дыхательный процесс. Если это удастся, респираторные волны вызывают волнообразные движения тела, которые Райх называл "рефлексом оргазма". Он считал, что пациенты, которым удастся этого достичь в процессе терапии, способны потом целиком отдаваться сексуальной ситуации и получать всеобъемлющее удовлетворение. Полный оргазм разряжает всю избыточную энергию в организме, избавляя пациента от симптомов.

По мере развития теории и реализации своих идей Райх все больше противоречил самому себе. Рассматривая подавляющую роль общества как один из основных факторов эмоциональных расстройств, он сочетал новаторскую работу в психотерапии с радикальной политической деятельностью в коммунистической партии. В конце концов, это привело к разрыву и с сообществом психотерапевтов и с коммунистическим движением. После конфликта Райха с Фрейдом его имя было вычеркнуто из списка членов Международной психоана-

литической ассоциации. За публикацию свирепой критической статьи о массовой психологии фашизма его исключили из коммунистической партии. В последние годы Райх все больше убеждался в существовании изначальной космической энергии, которая является источником трех обширных сфер экзистенции, возникающих из нее в сложном процессе дифференциации: механической энергии, неорганической массы и живой материи (Reich, 1973). Эту энергию, которую Райх называл оргоном, можно увидеть, определить термическим и электроскопическим путем или при помощи счетчика Гейгера. Она отличается от электромагнитной энергии, одним из ее основных свойств является пульсация. По мнению Райха, в динамике оргона и во взаимоотношениях между "оргоновой энергией, не обладающей массой" и "оргоновой энергией, ставшей материей" - суть истинного понимания Вселенной, природы и человеческой психики. Поток оргона и его динамические наслоения могут объяснить такие несхожие явления, как рождение субатомных частиц, происхождение форм жизни, рост, движение, половую активность и процессы воспроизводства, психологические явления, шквалы, северное полярное сияние и образование галактик.

Райх сконструировал специальные аккумуляторы оргона-ящики, собирающие, как он утверждал, и накапливающие оргон для использования с терапевтической целью. Оргоновая терапия базируется на предположении, что телесное и психическое берут биоэнергетическое начало в пульсирующей системе удовольствия (кровь и вегетативный аппарат) - именно к этому общему источнику психологических и соматических функций она и обращена. Таким образом, оргоновая терапия не является ни психологическим, ни химико-физиологическим методом лечения; это биологический метод, занимающийся нарушениями пульсации в автономной системе. Постепенно внимание Райха перемещалось с оригинального и новаторского терапевтического эксперимента во все более далекие области; он начал заниматься физикой, биологией, клеточной биопатией, абиогенезом, метеорологией, астрономией и философией. Завершилась его бурная научная карьера трагически. Он сам использовал генераторы оргона и призывал к их использованию других, а так как они были запрещены Агентством по пищевым продуктам и лекарственным препаратам, возник серьезный конфликт с правительством США. После нескольких судебных разбирательств его дважды приговорили к тюремному заключению, и в конце концов он умер в тюрьме от сердечного приступа.

С точки зрения концепций, изложенных в нашей книге, главными заслугами Райха являются по-видимому исследования биоэнергетических процессов, а также психосоматическая корреляция генезиса эмоциональных расстройств и методов их лечения.

Он прекрасно знал о мощных энергетических потоках, лежащих в основе невротических симптомов, и понимал бесполезность одних лишь вербальных методов их лечения. Его представления о мышечной броне и о роли мускулатуры в развитии неврозов имеет непреходящее значение. Наблюдения во время сеансов с "ЛСД" подтверждают основные идеи Райха об энергостазисе и о задействованности мышечной и вегетативной систем в неврозах. Эмпирическая конфронтация пациента со своими психологическими проблемами обычно сопровождается сильной дрожью, судорогами, подергиваниями, долго сохраняющимися странными позами, гримасничанием, отдельными звуками, иногда рвотой. Совершенно ясно, что психологические аспекты этого процесса (его перцептуальные, эмоциональные и понятийные элементы) и ярко выраженные физиологические проявления тесно связаны между собой и представляют две стороны одного и того же явления. Главное различие между моим представлением и теорией Райха состоит в интерпретации этого процесса.

Райх настойчиво выделял постепенное накопление и закупорку сексуальной энергии в организме вследствие отрицательного влияния социума на достижение полного оргазма (Reich, 1961). В результате неполного ее разрядки, либидо раз за разом сдавливается и в конце концов находит девиантный канал для выхода в разнообразной психопатологии, от психоневрозов до садомазохизма. Поэтому для эффективного лечения требуется освободить запертую либидозную энергию, разрушить "телесную броню" и добиться полного оргазма. Наблюдения при помощи "ЛСД" ясно показывают, что скапливание этой энергии не является результатом хронического сексуального стазиса, из-за неполного оргазма. По большей части она представляет мощные силы перинатального уровня бессознательного Энергия, высвобождаемая во время терапии, лучше всего будет понятна как запоздалый выход чрезмерного нейронного возбуждения, вызванного стрессом, болью, страхом и удушьем в ходе биологических рождения. Глубочайшим основанием для появления "брони характера" является интроецированное динамическое столкновение потока нейронной сверхстимуляции при рождении и беспощадными тисками родового канала, не допускающими адекватной реакции и периферийной разрядки. Уничтожение брони в большой мере совпадает с завер-

шением процесса смерти-возрождения; однако некоторые ее элементы коренятся еще глубже, в трансперсональных сферах.

Перинатальную энергию можно действительно перепутать с зажатым либидо, потому что в БПМ-II есть существенный сексуальный компонент, а паттерн рождения во многом подобен сексуальному оргазму. Активированная перинатальная энергия ищет периферийной разрядки, а гениталии являются для этого одним из наиболее логичных и естественных каналов. По-видимому это и составляет основу порочного круга: агрессивность, страх и вина, связанные с третьей перинатальной матрицей, мешают полноценному оргазму, и наоборот, отсутствие или незавершенность оргазма блокируют важный предохранительный клапан выхода родовой энергии. Таким образом ситуация оказывается противоположной тому, что предполагал Райх. Дело вовсе не в том, что социальные и психологические факторы, препятствующие достижению полного оргазма, приводят к накоплению и стазису сексуальной энергии, а в том, что глубоко спрятанная перинатальная энергия препятствует полноценному оргазму и создает психологические и межличностные проблемы. Чтобы исправить ситуацию, эту мощную энергию необходимо разрядить в несексуальном терапевтическом контексте и понизить ее до такого уровня, когда пациент вместе с партнером смогут справиться с нею уже в сексуальном контексте. Многие обсуждаемые Райхом явления - начиная с садомазохизма и кончая массовой психологией фашизма - можно объяснить более адекватно, исходя из перинатальной динамики, а не из неполного оргазма и закупоренной сексуальной энергии.

Необычные и иногда беспорядочные рассуждения Райха по сути вполне соответствуют последним научным достижениям. В своих воззрениях на природу он заметно приблизился к представлению о мире, предложенному квантово-релятивистской физикой, стержнем которого является лежащее в основе всего единство, а фокусом - не субстанция и жесткая структура, но процесс и движение вместе с признанием активной роли наблюдателя (Reich, 1972). Идеи Райха о совместном происхождении неорганической материи, жизни, сознания и знания в чем-то напоминают философские рассуждения Д. Бома (Bohm, 1980). А его возражения против универсальной действенности принципа энтропии и второго закона термодинамики по сути сходны с результатами глубокой и тщательной работы Пригожина и его сотрудников (Prigogine, 1980).

В области психологии Райх близко подошел теоретически и практически к открытию перинатальной сферы бессознательного. В его исследовании мышечной брони, размышлениях об опасности внезапного сброса этой брони и в концепции тотального оргазма уже проступают важные черты перинатальной динамики. Однако он решительно отказывался признавать ее самый важный элемент а именно психологическую значимость опыта рождения и смерти. Это явствует из того, как яростно он защищал первостепенную роль генитальности и отрицал концепцию Ранка о родовой травме рассуждения Фрейда о смерти и идеи Абрахама о психологической потребности в наказании.

Во многих вопросах Райх колебался на самых подступах к трансперсональной сфере. Он явно был близок к космическому осознанию, что отразилось в его рассуждениях об оргоне. Подлинной религией он считал раскрепощенное океаническое слияние с динамикой вселенской оргоновой энергии. Впрочем, его понимание космической энергии резко контрастировало с "вечной философией" и было совершенно конкретным: во-первых, оргон можно, по мнению Райха, количественно измерить, во-вторых, у него есть определенные физические свойства. Райху так и не удалось по-настоящему понять и оценить великие религиозные философии мира. В своих яростных критических выступлениях, направленных против религиозности, он был склонен путать мистицизм с некоторыми поверхностными и искаженными версиями главенствующих религиозных учений. Поэтому в своей полемике он обрушился на слепую веру в дьяволов с копытами и хвостами, ангелов с крыльями, бесформенных серо-голубых призраков, страшных монстров, небеса и ад (Reich, 1972). Он опровергал все это как проекции неестественных, искаженных данных чувственного восприятия и, в конечном счете, как искаженное восприятие универсального потока оргоновой энергии. Еще Райх резко выступал против интереса Юнга к мистицизму и его склонности наделять психологию духовностью.

По мнению Райха, мистические наклонности отражают закрепощение и серьезную деформацию оргонной экономики. Поэтому мистические изыскания можно свести к неправильно понятым биологическим потребностям. Он писал: "Страх смерти и умирания - то же самое, что бессознательный оргазм, бессознательная тревога и пресловутый инстинкт смерти. Стремление к растворению, к небытию - это бессознательное стремление к оргазмическому облегчению" (Reich, 1961). "Бог-это репрезентация естественных жизненных сил,

биоэнергии человека, и нигде он не проявляется так ясно, как в сексуальном оргазме. Тогда дьявол - это репрезентация бронирования, которое приводит к извращению и деформации этих жизненных сил" (Reich, 1972). Райх утверждал (и это прямо противоречит данным психоделических исследований), что мистические переживания исчезают, если при терапии удается разрушить броню. По его мнению, "способность к оргазму столь же редка среди мистиков, как мистицизм редок у тех, кто способен к оргазму" (Reich, 1961).

Система психологии и психотерапии, разработанная Отто Ранком, в значительной степени расходится с основным направлением психоанализа Фрейда. Концепции Ранка вообще гуманистичны и волюнтаристичны, в то время как подход Фрейда имеет редуccionистский, механистический и детерминированный характер. Если же говорить конкретнее, основные различия состоят в том, что Ранк больше опирался на значение родовой травмы, чем на сексуальную динамику, отрицал решающую роль эдипова комплекса и видел в Эго автономное представительство воли, а не раба Ид (подсознания). Ранк предложил внести изменения в технику психоанализа, и они были столь же радикальны и решительны, как его теоретические выводы. Он предполагал, что вербальный подход имеет в психотерапии весьма ограниченное значение, и внимание следует перенести на непосредственный опыт. По его мнению, главная цель терапии - добиваться, чтобы пациент заново прожил родовую травму, без этого лечение нельзя считать завершенным³⁶.

Что касается значимости родовой травмы в психологии, то сам Фрейд первым обратил внимание на то, что она может быть прототипом и источником всех будущих тревоги беспокойства. Он рассматривал этот вопрос в ряде своих работ, но отказался принять крайние суждения Ранка по этому поводу. И еще одно серьезное различие в отношении родовой травмы у учителя и ученика: Фрейд выделял в качестве источника тревоги экстремальные физиологические трудности в процессе рождения, а Ранк связывал тревогу с отделением от материнской матки, т. е. от райского состояния, в котором все потребности удовлетворялись сразу и без приложения каких-либо усилий.

Ранк рассматривал родовую травму в качестве первопричины того, что разлука воспринимается как самое болезненное и пугающее человеческое переживание. По его мнению, во всех более поздних фрустрациях частичных влечений можно узнать производные этой первой травмы. Большинство событий, которые индивид переживает как травматические, обязано своей патогенностью сходству с биологическим рождением. Весь период детства можно рассматривать как ряд попыток отреагировать эту травму и психологически справиться с ней. Детскую сексуальность можно поэтому интерпретировать как желание ребенка вернуться в матку, тревогу по этому поводу и любопытство относительно того, откуда он появился на свет.

Но Ранк на этом не остановился; он посчитал, что вся ментальная жизнь человека зарождается в первичной тревоге и в первичном вытеснении, ускоренном родовой травмой. Центральный человеческий конфликт происходит из желания вернуться в матку и сопутствующего этому желанию страха. В результате любая смена приятной ситуации неприятной будет вызывать чувство тревоги. Ранк также предложил объяснение сновидений, отличающееся от интерпретации Фрейда. Состояние сна сходно с внутриматочной жизнью, а сновидения можно рассматривать как попытки заново пережить родовую травму и вернуться в пренатальную ситуацию. И они даже в большей степени, чем само состояние сна, представляют психологическое возвращение в матку. Анализ сновидений самым надежным образом подтверждает психологическое значение родовой травмы. Подобно этому, и эдипов комплекс - краеугольный камень теории Фрейда - перетолковывается с акцентом на родовой травме и желании вернуться в матку. В сердцевине мифа об Эдипе лежит тайна происхождения человека, которую Эдип пытается разгадать, возвращаясь в материнское чрево. Это происходит не только буквально, путем женитьбы на матери и полового акта с нею, но и символически, когда слепой герой исчезает в расщелине, ведущей в преисподнюю.

³⁶ - Биограф Фрейда Эрнест Джоунз (Jones, 1961) приводит забавное описание реакции Фрейда на публикацию Ранка "Травма рождения" (Rank, 1929). По Джоунзу, Фрейд испытал глубокий эмоциональный шок при чтении книги. Его глубоко обеспокоило, что открытия Ранка заслонят его собственный вклад в психологию. Несмотря на это, он вначале очень честно подошел к этому вопросу - отозвался об идеях Ранка как о "самом важном достижении со времени создания психоанализа" и предлагал обратить на них пристальное внимание. И вовсе не научным несогласием Фрейда было продиктовано изгнание Ранка из сообщества психоаналитиков, а его глубокой политической озабоченностью. Это было вызвано тревожными письмами из Берлина, в которых Фрейд предупреждал, что еретические воззрения Ранка могут вызвать необратимый раскол в психоаналитическом движении.

По психологической теории Ранка родовая травма и в сексуальности играет ключевую роль, основанную на глубоком, управляющем всей психикой желании индивида вернуться к внутриматочному существованию. Различия между полами можно по большей части объяснить тем, что женщина способна повторять репродуктивный процесс в собственном теле и находить свое бессмертие в деторождении, тогда как для мужчины секс символизирует смертность, и поэтому его сила лежит в несексуальной созидательности.

Анализируя общечеловеческую культуру, Ранк пришел к выводу, что травма рождения является мощной психологической силой, лежащей в основе религии, искусства и истории. Любая форма религии в пределе стремится к воссозданию исходной поддерживающей и защищающей первоситуации симбиотического союза в чреве матери. Глубочайшие корни искусства уходят в "аутопластическую имитацию" выростания и высвобождения из материнского чрева. Представляя реальность и одновременно отрицая ее, искусство является особенно мощным средством психологической адаптации к этой первичной травме. История человеческих жилищ, начиная с поисков примитивного крова и кончая сложными архитектурными сооружениями, отражает инстинктивные воспоминания о матке - о теплом, защищающем от опасностей убежище. Использование боевых средств и вооружения основано при самом тщательном рассмотрении на неукротимом стремлении проложить себе наконец дорогу в чрево матери.

ЛСД-психотерапия и другие формы глубинной эмпирической работы в значительной степени подтвердили главный тезис Ранка о первостепенном психологическом значении родовой травмы. Однако, для большего соответствия современным клиническим наблюдениям в ранкианский подход нужно внести существенные поправки. Теория Ранка выделяет разлуку с матерью и утрату матки в качестве основных травмирующих аспектов рождения. Суть травмы для него в том, что постнатальная ситуация куда менее благоприятна, чем перинатальная. Вне матки ребенок вынужден столкнуться с нерегулярностью питания, частым отсутствием матери, колебаниями температуры, шумом. Он должен самостоятельно дышать, глотать пищу и выводить отработанные вещества.

При работе с ЛСД ситуация оказывается еще более сложной. Рождение травмирует не потому, что ребенок от райского блаженства в чреве матери переходит к неблагоприятным условиям внешнего мира, а потому, что само прохождение через родовой канал связано с чрезвычайно высоким эмоциональным и физическим стрессом и невероятной болью. Этот факт подчеркивался в первоначальных рассуждениях Фрейда о рождении, но почти никак не отражен у Ранка. В каком-то смысле концепция Ранка о родовой травме применима к случаю, когда ребенок появился на свет при помощи кесарева сечения, а не путем физиологических родов.

Все же большинство психопатологических заболеваний коренится в динамике БПМ-II и БПМ-III, где отразился опыт тех часов, которые отделяют безмятежное состояние внутри матки от постнатального существования во внешнем мире. В процессе повторного проживания и интеграции родовой травмы индивид может стремиться к возврату в матку или, наоборот, к завершению рождения и выходу из родового канала - это зависит от стадии развертывания перинатального процесса. Тенденция к экстерииоризации и разряжению запертых во время битвы рождения чувств и энергий становится глубокой мотивационной силой, которая обуславливает широкий спектр человеческого поведения. Это главным образом относится к агрессивности и садомазохизму - к тем двум состояниям, для которых интерпретация Ранка выглядит особенно неубедительной. Системе Ранка так же недостает настоящего понимания трансперсональной сферы, как и у Фрейда, Адлера и Райха. Но, несмотря на все эти недостатки, установленная Ранком психологическая релевантность родовой травмы и ее многочисленных последствий была действительно выдающимся достижением, на несколько десятилетий предвосхитившим результаты исследований с применением ЛСД.

Интересно отметить, что некоторые другие исследователи-психоаналитики тоже признали значение различных аспектов родовой травмы. Нандор Фодор в своей новаторской работе "Поиски возлюбленного" подробно описал связь между различными аспектами рождения и многими психопатологическими симптомами (Fodor, 1949), и в этом описании есть глубокое сходство с результатами, полученными при использовании ЛСД. Литарт Пирболт выпустил в свет обширный труд "Пренатальная динамика" (Peerbolte, 1975), в котором подробно изложил свои уникальные догадки о психологической релевантности пренатального существования и опыта рождения. Этой теме было также уделено много внимания (хотя больше умозрительного, чем основанного на клинических результатах), в ряде оригинальных и увлекательных книг Фрэнсиса Мотта (Mott 1948; 1959).

Список знаменитых отступников психоанализа будет неполным без Карла Густава Юнга, одного из лучших учеников Фрейда и всеми признанного "наследного принца" психоанализа. Изменения, внесенные Юнгом, были наиболее радикальными, а вклад его действительно революционным. Мы нисколько не преувеличим, если скажем, что его работа продвинула психиатрию настолько же дальше теории Фрейда, насколько последняя обогнала свое время.

Аналитическая психология Юнга это не просто вариант или модификация психоанализа, она стала совершенно новой концепцией глубинной психологии и психотерапии. Юнг очень хорошо понимал, что его результаты невозможно привести в соответствие с ньютоно-картезианской философией, ибо они требуют решительного пересмотра фундаментальных философских взглядов западной науки. Он серьезно интересовался революционными разработками в области квантово-релятивистской физики и поддерживал плодотворные связи с некоторыми из ее основоположников.

В отличие от всех других теоретиков психоанализа Юнг обладал глубокими знаниями мистических традиций и с большим уважением относился к духовным аспектам психики и человеческого существования. Его идеи намного ближе излагаемой здесь концептуальной системе, чем концепции любой другой западной школы психотерапии. Юнг был первым психологом-трансперсоналистом, хотя сам себя так не называл. Его труды мы обсудим в разделе, посвященном трансперсональным подходам в психотерапии.

Будет логичным завершить это обозрение мира психотерапии упоминанием о еще одном выдающемся новаторе, тоже входившем когда-то во внутренний круг венской группы Фрейда, -о Шандоре Ференчи. Хотя его обычно не включают в число реформаторов психоанализа, его размышления выходят далеко за рамки традиционного подхода. Он поддержал в свое время Ранка и тем самым показал, что не является послушным и со всем согласным последователем Фрейда. В своей теоретической системе он серьезно рассмотрел не только перинатальные и пренатальные события, но и элементы филогенетического развития. Будучи одним из немногих учеников Фрейда, сразу принявших его концепцию Танатоса. Ференчи тоже ввел в свою концептуальную систему анализ смерти.

В замечательном очерке "Таласса" (Ferenczi, 1938) он описал всю сексуальную эволюцию как попытку вернуться в материнское чрево. По его мнению, во время полового акта взаимодействующие организмы соучаствуют в удовлетворении зародышевых клеток. У мужчин есть привилегия реально и непосредственно проникать в материнский организм, в то время как женщины занимают себя фантазиями или отождествляются со своими детьми в период своей беременности. Это суть "регрессивной тенденции Талассы", желания вернуться к изначальному водному существованию, от которого человек отказался в первобытные времена. Околоплодные воды представляют в предельном смысле воды океана, интроецированные в материнское чрево. Согласно этой точке зрения, в каждой клетке млекопитающих обитателей суши заложено глубоко мотивированное стремление изменить принятое когда-то решение отказаться от океанической жизни и выбрать новую форму существования. Иным, например, было решение, действительно принятое миллионы лет назад предками современных китов и дельфинов.

Однако, конечной целью всей жизни может быть достижение состояния, для которого характерно отсутствие чувствительности к раздражениям и, в конечном счете, инертность неорганической материи. Возможно, смерть и умирание не абсолютны, а семена жизни и регрессивные тенденции глубоко спрятаны даже в неорганической материи. И тогда можно представить весь органический и неорганический мир как систему, постоянно колеблющуюся между волей к жизни и волей к смерти, причем ни жизнь, ни смерть не могут получить абсолютного превосходства. Таким образом, Ференчи близко подошел к концепциям "вечной философии" и мистицизма, хотя его рассуждения были выражены на языке естественных наук.

Исторический обзор концептуальных разногласий на ранних этапах развития психоанализа представляет большой интерес с точки зрения идей, развиваемых в этой книге. Очевидно, что многие из концепций, которые на первый взгляд кажутся новыми, не имеющими аналогов в западной психологии, на самом деле в той или иной форме серьезно рассматривались и горячо обсуждались первыми последователями Фрейда. Главная задача книги состоит, следовательно, не в том, чтобы создать совершенно новую систему, а в том, чтобы переоценить различные подходы в свете результатов современных исследований сознания, интегрировать и синтезировать их в духе спектральной психологии.

К середине XX века психиатрия и психология в США находились под преобладающим влиянием двух теорий - психоанализа и бихевиоризма. Но все большее число известных клиницистов, исследователей и философов испытывало неудовлетворенность механистической направленностью этих школ. Внешним выражением этого недовольства стало возникновение экзистенциальной психотерапии во главе с Ролло Мэем (May, 1958) и развитие гуманистической психологии. Поскольку и экзистенциальная и гуманистическая психология первостепенное внимание отводят свободе и значимости индивидуальностей, в этих двух ориентациях проявлялось достаточное сходство. Оба направления весьма интересны для нашего обсуждения, так как являются связующим звеном между главенствующей академической психотерапией и воззрениями, которые представляет эта книга.

Экзистенциальная психотерапия уходит своими корнями в философию Серена Киркегора и феноменологию Эдмунда Гуссерля. Она подчеркивает, что каждый человек уникален и непостижим с точки зрения какой бы то ни было научной или философской системы. У человека есть свобода выбора, что делает его будущее непредсказуемым и тревожащим. Центральная тема экзистенциальной философии - неизбежность смерти. Наиболее отчетливое выражение этот факт нашел в книге Мартина Хайдеггера "Бытие и время" (Heidegger, 1927). По его описанию, заброшенные в недружественный мир люди отчаянно пытаются достичь каких-то целей, релевантность которых безжалостно уничтожается смертью. Можно попытаться не думать о своем конце и жить привычными поверхностными представлениями, однако это придает жизни качество неподлинности, неаутентичности. Единственный способ быть честным с самим собой - постоянно осознавать неизбежность собственной смерти.

Здесь невозможно обсудить большие, сложные и часто противоречивые сочинения философов и психотерапевтов-экзистенциалистов. Однако и без этого ясно, что их направленность тесно связана с перинатальной динамикой. Индивиды, испытывающие психологическое влияние БПМ-II, обычно глубоко переживают столкновение со смертью, вообще смертностью и брэнностью материального существования. Это сопровождается глубоким экзистенциальным кризисом - чувством бессмысленности и абсурдности жизни и отчаянными попытками найти все-таки смысл. С такой точки зрения вся жизнь человека в прошлом кажется неаутентичной - существованием "белки в колесе" или "тараканьими бегами" - и характеризуется тщетными попытками отрицать неотвратимость смерти. Таким образом экзистенциальная философия дает яркое и точное описание одного из аспектов перинатального уровня сознания³⁷. А главная ошибка экзистенциального подхода состоит в том, что он обобщает свои наблюдения, представляя их универсально значимыми прозрениями в природу человеческой ситуации. С позиции глубинного эмпирического подхода, экзистенциализм ограничен перинатальным уровнем сознания и теряет свою значимость в работе с опытом смерти и трансценденции Эго.

В экзистенциальном анализе Виктора Франкла, *логотерапии* (Frankl, 1956), основное внимание уделяется смыслу жизни. Хотя Франкл не признает перинатальную динамику и подразумеваемые ею родственные проблемы рождения и смерти, очень важно, что на развитие его терапевтической системы во многом подействовал тяжелый опыт пребывания в концентрационном лагере (Frankl 1962). Крайние страдания узников концлагерей - характерная перинатальная тема, тоже можно говорить и о поисках смысла. Однако, разрешение этих поисков, происходящее в контексте смерти-возрождения, сильно отличается от того, что предлагает Франкл. Вместо интеллектуального построения осмысленной цели жизни процесс подвигает к эмпирическому схватыванию философского и духовного пути бытия в мире, принимающего жизнь такой, как она есть.

В пределе невозможно оправдать жизнь и найти в ней смысл при помощи интеллектуального анализа и чистой логики. Необходимо попасть в такое состояние, когда эмоционально и физиологически осознаешь ценность жизни и ощущаешь радость от самого факта существования. В мучительных философских изысканиях смысла жизни следует видеть не закономерную философскую тематику, а некий симптом, показывающий, что динамический жизненный поток замутнен и заблокирован. Единственным эффективным решением проблемы будет не изобретение надуманных целей жизни, а глубокая внутренняя трансформация и сдвиг в сознании, восстанавливающий течение жизненной энергии. Человек, активно участвующий в процессе жизни и испытывающий живой и радостный интерес к нему, никогда

³⁷ - В этой связи следует отметить, что на философию и литературу Ж.-П. Сартра оказал глубокое влияние незавершенный сеанс с применением мескалина, прошедший под доминантой БПМ-II. Этот случай подробно исследован в специальной статье Томаса Ридлинжера (Riedlinger, 1982).

не задастся вопросом, есть ли в жизни смысл. В этом состоянии существование воспринимается как драгоценность и чудо, ценность его самоочевидна.

Недовольство механистической и упрощенной направленностью американской психологии и психотерапии нашло наилучшее выражение в разработке гуманистической и, позднее, трансперсональной психологии. Самым видным представителем и выразителем этой оппозиции стал Абрахам Мэслоу (Maslow, 1962; 1964; 1969). Его пронизательная критика психоанализа и бихевиоризма послужила мощным стимулом для развития всего направления и обеспечила основу для кристаллизации новых идей. Мэслоу отверг мрачный и пессимистический взгляд Фрейда на человечество, безнадежно задавленное базисными инстинктами. По Фрейду, такие явления, как любовь, постижение прекрасного или справедливость, являются либо сублимацией этих инстинктов, либо реакцией против них. Все высшие формы поведения рассматриваются как приобретенные индивидом или навязанные ему, а вовсе не как присущие человеческой природе. Мэслоу не согласился и с фрейдовским исключительным вниманием к невротикам и психотикам. Он считал, что установка не на лучшее, а на худшее в человечестве приводит к искаженной картине сути человека. Такой подход не учитывает человеческих упований, осуществимых надежд, богоподобных качеств.

Критика бихевиоризма была столь же пронизательной и резкой. Мэслоу считал ошибочным воззрение на людей как на сложных животных, слепо реагирующих на раздражители из внешней среды. Опора бихевиористов на эксперименты с животными весьма спорна и имеет поэтому малую ценность. Такие исследования могут дать информацию о характеристиках, которыми наделены и люди и животные, но бесполезны в изучении чисто человеческих свойств. Если рассматривать только животных, это будет означать пренебрежение теми аспектами и элементами общей картины, которые уникально гуманистичны, т.е. совестью, виной, идеализмом, духовностью, патриотизмом, искусством, наукой. Выраженный в бихевиоризме механистический подход можно в лучшем случае принять в качестве стратегии для некоторых видов исследования, но он слишком узок и ограничен, чтобы выдвигать его в качестве основополагающей или всеобъемлющей философии.

В то время как бихевиоризм занимается почти исключительно внешними воздействиями, а психоанализ - интроспективными данными, Мэслоу настаивает, что психология должна сочетать объективные наблюдения с интроспекцией, и подчеркивает, что источником информации для психологии человека должны быть человеческие данные. Особенная его заслуга в том, что он сосредоточился на психологически здоровых и самоактуализирующихся личностях, на "растущей верхушке" популяции. В многостороннем исследовании индивидов, испытавших спонтанные мистические состояния ("пиковые переживания") Мэслоу показал (Maslow, 1962), что в таком опыте нужно видеть не патологические, а скорее сверхъестественные явления, что эти явления связаны с тенденцией к самореализации. Другим его важным вкладом была концепция о "метаценностях" и "метамотивациях". Резко расходясь в этом вопросе с Фрейдом, Мэслоу считал, что люди обладают врожденной иерархией высших ценностей и потребностей и соответствующими стремлениями к их осуществлению (Maslow, 1969)

Идеи Мэслоу очень заметны среди главных формирующих влияний гуманистической психологии или, как он сам говорил, "третьей силы в психологии". Центральную значимость новое направление отводит людям как объектам исследования и человеческим целям как критериям ценности исследовательских результатов. Высоко ценными признаются личная свобода и умение индивида прогнозировать и контролировать свою собственную жизнь. Это прямо противоречит бихевиоризму, цель которого состоит в прогнозировании поведения других людей и в управлении им. Гуманистический подход холистичен, он изучает индивидуальность как единый организм, а не просто сумму отдельных составляющих.

Гуманистическая психотерапия базируется на положении, что люди стали слишком интеллектуалистичными и технократичными, отдалились от эмоций и ощущений. Терапевтические подходы разработаны в форме корректирующих эмпирических процедур, направленных на излечение от существующего отчуждения и дегуманизации. Основное внимание уделяется эмпирическим, невербальным и телесным средствам личностного изменения, которые способствуют не адаптации и урегулированию, а индивидуальному росту и самоактуализации. Гуманистическая психология предоставила широкую основу для развития новых видов терапии и восстановления тех старых методов, которые в какой-то мере преодолели ограничения и недостатки традиционной психотерапии.

В гуманистических подходах сделан решающий шаг в направлении к холистическому пониманию человеческой природы - особенно в сравнении с характерным для традиционной психологии и психиатрии односторонним акцентом либо на теле, либо на душе. Еще од-

на важная сторона гуманистической психотерапии - переход от внутриспсихической или внутриорганизменной ориентации к признанию межличностных отношений, семейных взаимосвязей, социальных структур и социокультурных влияний, а также привлечение экономических, экологических и политических факторов. Диапазон применения гуманистической терапии настолько широк, что здесь не хватит места на описание, можно лишь перечислить и кратко охарактеризовать наиболее важные методы.

На телесный аспект движения за человеческие возможности большое влияние оказал В. Райх, который первым использовал работу с телом для анализа неврозов характера. Лучший из нео-райхианских подходов - *биоэнергетика*, терапевтическая система, разработанная Александром Лоуэном и Джоном Пьерракосом (Lowen, 1976). В ней для воздействия на ментальную функцию используются энергетические процессы в теле и язык тела.

Биоэнергетический подход сочетает в себе психотерапию и большое количество упражнений, включая дыхание, позы, движения и прямое мануальное вмешательство.

Терапевтические задачи Лоуэна гораздо шире поставленных в свое время Райхом, единственной целью которого было сексуальное раскрепощение пациента. Сейчас упор делается на интеграцию Эго с телом и с его стремлением к удовольствию. Речь идет не только о сексуальности, но и о других основных функциях - о дыхании, движении, чувствовании и самовыражении. При помощи биоэнергетики можно соединиться с собственной "первой природой" - с состоянием бытия, свободным от сконструированных телесных и психологических предпочтений, которое тем и отличается от "второй природы", т. е. психологических установок и мышечной брони, навязанных индивиду и мешающих ему жить и любить.

Еще один нео-райхианский подход - "*Корневое напряжение*" (Radix Intensive) - разработан учеником Райха Чарлзом Келли и его женой Эрикой. В этой терапевтической технике тонкость индивидуальной работы с энергетикой усилена групповой динамикой. Супруги Келли используют широкий спектр методов, ориентированных на работу с телом, в том числе на некоторые оригинальные находки Райха, биоэнергетику, сенсорное осознание и другие. Главное внимание уделяется освобождению от мышечной брони, что дает выход сдерживавшимся с самого детства чувствам страха, гнева, стыда, боли или печали. По мере принятия и проработки этих негативных чувств пациент открывает в себе новую способность получать удовольствие, доверять и любить.

Если в неорайхианских подходах ярко выражен психотерапевтический компонент, то в некоторых других важных методах, направленных на раскрытие человеческого потенциала, на первый план выступает телесность. Это, конечно, относится к структурной интеграции Иды Рольф, упражнениям Фельденкрайса, психофизической интеграции и ментастике Милтона Трэйджера. Метод *структурной интеграции*, известный широкой публике под названием *рольфинга*, был разработан Идой Рольф как средство улучшения физической структуры тела, особенно в том, что касается его приспособленности к гравитационному полю. По мнению Рольф, человек, будучи существом двуногим, должен равномерно распределять свой вес вдоль центральной вертикальной оси. А большинство людей не придерживается идеального распределения, гарантирующего оптимальное функционирование скелетно-мышечной системы и всего организма. В результате перенапрягаются и укорачиваются фасции (соединительнотканые оболочки мышц) что приводит к ограничению подвижности, ухудшению кровообращения, хроническому мышечному напряжению, болям и к некоторым психологическим расстройствам соматического происхождения. Рольфинг предназначен для облегчения такого состояния, а именно для воссоздания правильной фасциальной структуры, перераспределения веса по телу и восстановления нормального движения. Для этого в стандартной серии сеансов специалист по рольфингу применяет мощное физическое воздействие.

Моше Фельденкрайс разработал программу регулярной коррекции и переучивания нервной системы с использованием последовательностей движений, в которых задействованы непривычные сочетания мышц (Feldenkrais, 1972). Так и называемые "фельденкрайсовскими", упражнения нацелены на расширение возможностей нейромышечной системы и ее привычных границ. Они снимают напряжение, повышают гибкость и диапазон движений, улучшают осанку и выпрямляют позвоночник, вырабатывают способы идеального движения, способствуют координации сгибательных и разгибательных мышц, углубляют дыхание и дают возможность осознанно выполнять эту телесную деятельность. Упражнения Фельденкрайса своей мягкостью и изяществом выгодно отличаются от системы рольфинга, в которой используется сильное надавливание и массаж и которая может быть очень болезненной, если обрабатываемая зона заблокирована.

Психофизическая интеграция Мильтона Трейджера - еще один элегантный и эффективный метод работы с телом, направленный на раскрытие человеческого потенциала (Trager, 1982). После регулярных последовательностей пассивного перекачивания, сотрясений и вибрации пациенты достигают состояния глубокого телесного и психологического раскрытия. Спектр техник, направленных на раскрытие человеческих возможностей, остается неполным, если не упомянуть различные формы *массажа*, приобретающего все большую популярность - начиная с чувственных его форм и кончая техниками, при помощи которых осуществляется сильное воздействие на телесную энергетику, например в популярном массаже.

Два новых вида эмпирической терапии заслуживают особого внимания, так как они тесно связаны с предметом моих исследований. Во-первых, это *гештальт-терапия*, разработанная Фрицем Перлзом и быстро ставшая одним из самых популярных подходов в этой области (Peris, 1976a, 1976b). На Перлза большое влияние оказали концепции Фрейда и Райха, экзистенциализм и особенно гештальт-психология. Немецкая школа гештальта опирается на тот принцип, что люди не воспринимают вещи несвязанными и изолированными, а организуют их в процессе восприятия в осмысленные целостности. В гештальт-терапии подчеркивается холистичность; эта техника личностной интеграции основана на идее о всей природе как едином и связанном гештальте. Внутри этого целого органические и неорганические элементы составляют непрерывные и постоянно меняющиеся паттерны согласованной активности.

Главное внимание гештальт-терапия уделяет не интерпретации проблем, а повторному проживанию конфликтов и травм здесь и теперь с внесением осознания во все телесные и эмоциональные процессы и завершением всех незаконченных в прошлом гештальтов. Пациента побуждают принять на себя полную ответственность за процесс и освободиться от всякой зависимости - от родителей, учителей, супруга и терапевта. Часто в гештальт-терапии используется индивидуальная работа в групповом контексте. Под особым контролем главные условия прогресса - дыхание и полное осознание собственных телесных и эмоциональных процессов. Терапевт уделяет большое внимание тому, какими способами пациент прерывает свой опыт. Он устанавливает эти тенденции и способствует свободному и полному переживанию и выражению развертывающихся психологических и физиологических процессов.

Еще одной эмпирической техникой, представляющей большой интерес в свете нашего обсуждения, является *первичная терапия*, разработанная Артуром Яновым (Janov, 1970, 1972a, 1972b). Истоки терапии были строго эмпиричными, эта система возникла благодаря нескольким случайным наблюдениям огромного облегчения и изменения фундаментальных установок у пациентов, позволившим себе издавать нечленораздельные, примитивные звуки. По теории, построенной Яновым на основе наблюдений за преднамеренно вызванными "примитивностями" ("primals"), как он это назвал, невроз - это символическое поведение, защищающее от чрезмерной психо-биологической боли, связанной с травмами детства.

Первичная боль относится к ранним событиям жизни, которые остались неотреагированными. Из-за этого эмоции и ощущения накапливаются в напряжениях или преобразуются в защитные механизмы. Помимо нескольких слоев первичной боли, связанной с различными периодами детства, Янов также признает боль, коренящуюся в памяти о травматическом рождении. Все виды первичной боли выводятся из сознания, потому что осознание ее означало бы невыносимые страдания. Такая боль препятствует аутентичности жизненно-го опыта и, по мнению Янова, мешает человеку "быть реальной личностью".

Лечение направлено на преодоление защитной реакции и на проработку первичной боли путем переживания в полном объеме как самой боли, так и воспоминаний о событиях, которые были ее причиной. Главным результатом этого терапевтического подхода является "первичный крик" - произвольный, сильный и глубокий звук, который в сжатой форме выражает реакцию пациента на прошлые травмы. Янов считает, что повторение первичного крика может постепенно, слой за слоем, снять боль, обратив вспять процесс последовательного наложения, который ее создал. По мнению Янова, первичная терапия разрушает "поддельную" психологическую систему, заставляющую человека пить, курить, принимать наркотики, или делать что-то принудительное или иррациональное в ответ на непереносимые внутренние страдания. Пациенты, прошедшие курс первичной терапии и ставшие "реальными" - т. е. свободными от тревоги, вины, депрессии, фобий, вредных привычек, - способны действовать, не испытывая навязчивой необходимости удовлетворять свои и чужие невротические потребности.

Поначалу Янов делал крайне уверенные заявления об эффективности первичной терапии, но они не выдержали проверку временем. Он утверждал, что гарантирует стопроцентный успех для своих пациентов, это видно из названия его первой книги - "Первичный крик: первичная терапия - средство от неврозов" (Janov, 1970). Сенсационное улучшение эмоциональных проблем сопровождалось якобы столь же потрясающими телесными изменениями. Говорилось об увеличении размера груди у плоскогрудых женщин, о росте волос у лысых прежде мужчин, об улучшении кровообращения, повышении периферийной температуры тела, повышении сексуального аппетита и способности к оргазму, улучшении игры в теннис. Хотя первичная терапия по-прежнему остается популярной формой лечения, результаты далеко не так блестящи, как это утверждалось тогда. Многие пациенты подвергаются первичной терапии в течение многих лет без сколько-нибудь заметного прогресса, а иногда наблюдается даже ухудшение клинической картины вместо ее улучшения. Некоторые терапевты, использовавшие методы первичной терапии, из-за серьезных расхождений как в теории, так и в практике расстались с Яновым и его организацией, находящейся в Лос-Анджелесе, и создали собственные независимые центры первичной терапии.

Движение за человеческие возможности объединяет также многие техники, в которых используется групповая динамика. Появление гуманистической психологии стало настоящим возрождением групповой терапии, и наряду с возобновленным интересом к психодраме, например, разрабатываются новые групповые техники: Т-группы, трансакционный анализ, группы встреч, сеансы марафона и марафона без одежды.

Интересно рассмотреть различные терапевтические методы этого направления с точки зрения наблюдений, почерпнутых в исследованиях с ЛСД. Подход серьезно подкрепляет критику академической психологии со стороны Мэслоу. Лишь на ранних стадиях лечения, когда индивид имеет дело с биографическими проблемами и с некоторыми аспектами перинатальной динамики, наблюдения действительно подтверждают представления Фрейда о природе человека, в которой доминируют инстинктивные влечения - сексуальность и агрессивность. Как только индивид выходит за рамки процесса смерти-возрождения и получает эмпирический доступ к сферам трансперсонального, он подсоединяется к системе высших ценностей, которые приблизительно соответствуют метаценностям Мэслоу (Maslow, 1969). Таким образом, безостановочное погружение в бессознательное вовсе не открывает, как это утверждают психоаналитики, все более отвратительные и адские пространства, а расширяется в космические сферы сверхсознания.

Точно так же, в сравнении с богатством различных эмпирических областей, лежащее в основе повседневного опыта (как здорового, так и невротического или психического) точка зрения бихевиоризма выглядит упрощенной и абсурдной. Вместо того чтобы, как бихевиоризм, сводить уникальность человеческой психики к простым неврологическим рефлексам крысы или голубя, эмпирические исследования обнаруживают за существованием этих животных измерения космического сознания. Вообще говоря, у всякого, кто серьезно знакомится с материалами, полученными на психоделических сеансах, не останется сомнений, что субъективные данные в изучении человеческой психики - самое главное.

Данные, полученные при проведении исследований с ЛСД, также ясно подтверждают основную тезис гуманистической психологии о единстве ума и тела. Мощные переживания, наблюдаемые на психоделических сеансах, всегда тесно связаны с психосоматическими процессами. Разрешение психологических проблем сопровождается как правило телесными проявлениями, и наоборот, устранению соматических блоков всегда сопутствуют соответствующие изменения в психике. Такая взаимосвязь очевидна при использовании методов раскрытия человеческого потенциала, ориентированных на работу с телом. Скажем, структурная интеграция в своей оригинальной форме, как ее разработала И. Рольф, являлась чисто телесной процедурой (Rolf, 1977). Однако, многие из ее последователей отмечали, что их клиенты иногда испытывают яркое эмоциональное облегчение и мощные переживания биографического, перинатального и даже трансперсонального характера. В результате некоторые терапевты решили объединить рольфинг с систематической психотерапевтической работой (Schutz and Turner, 1982). Аналогичные изменения произошли с упражнениями Фельденкрайса, ментастикой Трейджера, полярным массажем и даже акупунктурой.

Из всех терапевтических методов гуманистической психологии, вероятно, гештальт-практика Ф. Перлза ближе остальных подходит к системе, описанной в нашей книге. Основное внимание он уделяет не воспоминаниям и не интеллектуальному анализу, а полному спонтанному опыту со всеми его телесными, перцептуальными, эмоциональными и понятийными характеристиками. Хотя гештальт-терапия создавалась для решения проблем биографического плана, люди, систематически работающие с гештальтом, способны иногда

переживать перинатальный опыт и даже трансперсональные явления - память эмбриона, предков или расы. идентификацию с животными или встречу с архетипическими сущностями. Это может произойти даже при сидячем положении клиента и использовании вербальных средств биографической ориентации, которые в ходу у большинства гештальт-терапевтов. Важно подчеркнуть, что нет оснований отказываться от применения основных принципов гештальт-терапии в работе над перинатальными и трансперсональными вопросами, если они включены в концептуальные рамки терапевта. Некоторые специалисты, практикующие гештальт-терапию, например Ричард и Кристина Прайс, уже сделали шаг в этом направлении - позволили клиенту занимать полулежачее положение, ограничили вербальное общение в определенных ситуациях и предоставили ему неограниченную возможность входить в любые области опыта.

Следует отметить парадигму внутреннего и внешнего взрыва, от которой очень многое зависит в практике гештальта; хотя обычно эта парадигма имеет место в биографическом контексте, надо полагать, что она отражает более глубокую динамику перинатального уровня. Другим наблюдением, имеющим непосредственную связь с нашим обсуждением, является тот факт, что в ходе переживания сложных событий на психоделических сеансах люди часто спонтанно отождествляются (одновременно или поочередно) со всеми действующими лицами. Это именно то, к чему стремится гештальтная практика, осуществляя специальное руководство и структурные последовательные взаимодействия, особенно в работе со сновидениями и фантазиями. В основном, фундаментальные принципы гештальт-терапии очень сходны с идеями, изложенными в этой книге. Главные же отличия - акцент гештальт-терапии на биографическом уровне и непризнание ею перинатального и трансперсонального уровней бессознательного.

Первичная терапия Янова также заслуживает специального внимания. Его описание наслоений первичной боли в значительной степени соответствует моей концепции систем конденсированного опыта (СКО), которую я сначала наметил в препринте, изданном для Международного конгресса по ЛСД-психотерапии в Амстердаме (Grof, 1966), и подробно развил в книге "Области бессознательного" (Grof, 1975). Янов также признает значимость родовой травмы, хотя в его понимании она носит чисто биологический характер и гораздо уже концепции перинатальных матриц. Его методу недостает признания трансперсональных измерений психики. Поэтому главное затруднение, с которым ему приходится сталкиваться, состоит, наверное, в том, что используемая техника достаточно сильна и не только вводит пациента в перинатальную сферу, но вызывает трансперсональные явления - например воспоминания о прошлых воплощениях, архетипические сцены, состояния одержимости и мистический опыт. А теоретическая система Янова, будучи поверхностной, механистической и антидуховной, не объясняет в полном объеме тот опыт, для которого его метод служит пусковым механизмом, не говоря уже о том, чтобы как-то его оценивать. Все большее число последователей Янова через несколько месяцев интенсивной терапии сталкивается с неразрешимыми затруднениями и мучительным замешательством, из-за того что использование первичной терапии проталкивает клиентов в трансперсональные сферы, которые невозможно втиснуть в смиренную рубашку его теории. Внешне это проявилось в глубоком расколе школы первичной терапии и в создании групп, занятых поисками более открытых и свободных концептуальных рамок.

Перинатальные и трансперсональные переживания иногда наблюдались в группах встреч, на марафонных сеансах и особенно во время марафонов без одежды и водно-энергетических сеансов Пола Биндрима (Bindrim, n.d.). Достаточно часто такой опыт происходит на сеансах возрождения через дыхание Леонарда Орра (Orr 1977) и Элизабет Феер (Feher, 1980).

Во многих отношениях эмпирическая техника гуманистической психологии сходна с обосновываемым здесь подходом. Главное же отличие заключается в том, что у большинства специалистов применяющих эти методы, остается поверхностное и неполное представление о перинатальном уровне бессознательного, и часто они вообще не ведают о трансперсональных областях. Этот недостаток был устранен с развитием трансперсональной психологии - направления, которое всецело признает значимость духовного измерения в человеческой жизни.

Методы психотерапии с трансперсональной ориентацией

В 60-е годы с бурным развитием гуманистической психологии становилось все более очевидно, что в ее внутренних кругах возникает новая сила, для которой гуманистическая ус-

тановка на рост и самоактуализацию слишком узка и ограничена. Она опиралась на признание духовности и трансцендентальных потребностей как неотъемлемых аспектов человеческой природы и на право каждого индивида выбирать и менять свой "путь". Многие ведущие специалисты по гуманистической психологии выказывали растущий интерес к ряду ранее не попадавших в поле зрения психологических областей и тем - к мистическому опыту, трансценденции, экстазу, космическому сознанию, теории и практике медитации или к межличностной и межвидовой синергии (Sutich, 1976).

Кристаллизация и консолидация ранее изолированных тенденций в новом движении, в "четвертой силе", произошла главным образом благодаря усилиям двух людей - Энтони Сутича и Абрахама Мэслоу; оба они, кстати, сыграли важную роль и в истории гуманистической психологии. Хотя до конца 60-х годов трансперсональная психология не оформилась как отдельная дисциплина, трансперсональные тенденции в психологии существовали уже несколько десятилетий. Самыми видными представителями этого направления были К. Г. Юнг, Р. Ассаджиоли и А. Мэслоу. Также следует упомянуть в этом контексте очень интересные и спорные системы, разработанные Роном Хаббардом вне круга специалистов, - дианетику и сайентологию (Hubbard, 1950). Мощным рычагом для нового движения послужили клинические исследования с применением психоделических препаратов, в особенности ЛСД-психотерапия и ставшие возможными благодаря ей новые прозрения в человеческую психику.

Можно сказать, что *Карл Густав Юнг* был первым современным психологом; различия между юнговскими теориями и фрейдовским психоанализом показательны вообще как отличие современной психотерапии от классической. Фрейд и некоторые из его последователей добились радикального пересмотра западной психологии, но только Юнг сумел бросить вызов самой ее сути и философским основаниям - т. е. ньютоно-картезианскому мировоззрению. Как это ясно выразила Джун Сингер, он настаивал на "преимущество бессознательного над сознанием, таинственного над известным, мистического над научным, созидательного над производительным, религиозного над профаническим" (Singer, 1972).

Юнг уделял большое внимание бессознательному и его динамике, но его представления о нем радикально отличались от фрейдовских. Он рассматривал психику как комплементарное взаимодействие сознательного и бессознательного компонентов при непрерывном обмене энергией между ними. Для него бессознательное не было психобиологической свалкой отторгнутых инстинктивных тенденций, вытесненных воспоминаний и подсознательно ассимилированных запретов. Он считал его творческим, разумным принципом, связывающим индивида со всем человечеством, с природой и космосом. По Юнгу, бессознательное не только подвластно историческому детерминизму, у него есть и проективная, телеологическая функция.

Изучая специфическую динамику бессознательного, Юнг открыл функциональные единицы, для которых подобрал название *комплексов* (Jung, 1973a). Комплексы - это констелляции психических элементов (идей, мнений, отношений и убеждений) объединяющихся вокруг какого-то тематического ядра и ассоциирующихся с определенными чувствами. Юнгу удалось проследить комплексы от биологически детерминированных областей индивидуального бессознательного до изначальных мифопорождающих паттернов, которые он назвал *архетипами*. Он открыл, что в ядре каждого комплекса архетипические элементы тесно переплетаются с различными аспектами физической среды. Сначала он посчитал это знаком того, что проявляющийся архетип создает предрасположенность к поведению определенного типа. Позже, исследуя случаи необыкновенных совпадений, *синхронностей*, которые сопровождают этот процесс, он пришел к выводу, что архетипы должны каким-то образом влиять на саму ткань феноменального мира. Поскольку они представлялись связующим звеном между материей и психикой, он называл их *психоидами* (Jung, 1960a).

Юнговское представление о человеке это не образ биологической машины. Он признавал, что в процессе индивидуации человек может трансцендировать узкие границы Эго и личного бессознательного и соединиться с высшим "Я", соразмерным всему человечеству и всему космосу. Таким образом, Юнг может считаться первым представителем трансперсональной ориентации в психологии.

Тщательно проанализировав свою собственную сновидческую жизнь, сновидения своих пациентов, фантазии и иллюзии психотиков, Юнг выяснил, что в сновидениях обычно содержатся образы и мотивы, характерные не только для мест, разделенных большими расстояниями по всему миру, но и для различных периодов истории человечества. Он пришел к выводу, что помимо индивидуального бессознательного существует коллективное, расовое бессознательное, общее для всего человечества и являющееся проявлением созидатель-

ной космической силы. Сравнительную религию и всемирную мифологию можно поэтому рассматривать как уникальный источник информации о коллективных аспектах бессознательного. По Фрейду мифы можно интерпретировать с точки зрения характерных проблем и конфликтов детства, а в их универсальности отражена общность человеческого опыта. Юнг же считал, что такое объяснение неприемлемо; он часто наблюдал, что универсальные мифологические мотивы (мифологемы) встречались в опыте людей, у которых всякое знание такого рода вообще исключалось. Это навело его на мысль о мифопорождающих структурных элементах в бессознательной психике, которые служат источником не только фантазий и сновидений отдельных людей, но и мифологии народов. Таким образом, сновидения можно считать индивидуальными мифами, а мифы - коллективными сновидениями.

В течение всей своей жизни Фрейд интересовался религиозными и духовными вопросами. Будучи убежден, что вообще возможно рациональными средствами ухватить иррациональные процессы он был склонен интерпретировать религию с точки зрения неразрешенных конфликтов, возникших на инфантильной стадии психосексуального развития. В отличие от него. Юнг признавал иррациональное, парадоксальное и даже таинственное. У него самого было много случаев религиозного опыта, которые убедили его в реальности духовного измерения в универсальной схеме вещей. Основное предположение заключалось в том, что духовный элемент - это органичная и неотъемлемая часть психики. А подлинная духовность - один из аспектов коллективного бессознательного, и она не зависит ни от программирования в детстве, ни от культурной и образовательной подготовленности индивида. И если самоисследование и самоанализ достигают необходимой глубины, в сознании спонтанно появляются духовные элементы.

Юнг иначе, чем Фрейд, относился к основному понятию психоанализа - к либидо (Jung, 1956). Он видел в нем не строго биологическую силу, направленную к механической разрядке, но созидательную силу природы - космический принцип, сравнимый с *elan vital* (жизненным порывом). Истинная оценка духовности и понимание либидо как космической силы нашли свое отражение в уникальной концепции Юнга о функции символов. Для Фрейда символ был аналогом чего-то уже известного или аллюзией. В психоанализе один образ используется вместо какого-то другого, обычно имеющего запрещенное сексуальное значение. Юнг не согласился с таким употреблением термина "символ" и называл фрейдистские символы знаками. По его мнению, настоящий символ указывает вне себя, на более высокий уровень сознания. Это лучший из возможных способов обозначения того, что неизвестно - некоего архетипа, который нельзя выразить яснее или точнее.

Научный метод Юнга поистине делает его первым современным психологом. Подход Фрейда был чисто историческим и детерминированным, он интересовался рациональным объяснением всех психических явлений и искал их биологические корни по цепям линейной обусловленности. Юнг же сознавал, что линейная причинность не является единственным и обязательным связующим принципом в природе. Он ввел понятие акаузального связующего принципа - *синхронности*, - которое обозначает осмысленные совпадения событий, разделенных во времени и/или в пространстве (Jung, 1960a). Он очень интересовался достижениями современной физики и поддерживал контакты с выдающимися ее представителями³⁸. Готовность Юнга изучать область парадоксального, таинственного и невыразимого выражалась и в его непредубежденном отношении к великим восточным духовным философиям, к медиумическим явлениям, к И-Цзин и астрологии.

Наблюдения из ЛСД-психотерапии неоднократно подтверждали большинство блестящих прозрений Юнга. И хотя аналитическая психология не в состоянии полностью охватить весь спектр психоделических явлений, она меньше всех других систем глубинной психотерапии требует пересмотра и модификации. На биографическом уровне описание Юнгом психологических комплексов (Jung, 1973a) почти аналогично описанию СКО, хотя эти концепции не одинаковы. Он и его последователи осознавали значимость процесса смерти-возрождения, обсуждали и анализировали транскультурные примеры этого феномена от мистерий Древней Греции до ритуалов перехода, существующих во многих туземных культурах. Но, конечно, наиболее весомый вклад Юнга в психотерапию заключается в признании духовных измерений психики и его открытиях в трансперсональных областях.

Материалы, полученные в психоделических изысканиях и при глубинной эмпирической работе, явно свидетельствуют о существовании коллективного бессознательного и о дина-

³⁸ - Именно Эйнштейн в беседе с Юнгом поощрил его следовать концепции синхронности (Jung, 1973b). Особенно дружеские отношения сложились у Юнга с Вольфгангом Паули, основоположником квантовой теории, что нашло свое отражение в совместной публикации очерка Юнга о синхронности и исследования Паули, посвященного архетипам в трудах Йоханеса Кеплера (Paul, 1955).

мике архетипических структур, поддерживают представление Юнга о либидо и о различиях между Эго и Самостью, о существовании креативной и проективной функций бессознательного, а также концепцию индивидуации. Все эти элементы можно независимо подтвердить даже в психоделической работе с малообразованными испытуемыми, не знакомыми с теориями Юнга. Данные такого рода часто появляются во время сеансов с ЛСД, проводимых под руководством терапевтов, которые не являются последователями Юнга и не проходили обучения по его методикам. Если говорить конкретнее, литература по аналитической психологии очень много дает для понимания различных архетипических образов и мотивов, спонтанно всплывающих на поверхность сознания во время эмпирических сеансов, отражая трансперсональный уровень бессознательного. Кроме этого, глубинная эмпирическая работа дает независимое подтверждение концепции Юнга о значении синхронности.

Различия между концепциями, представленными в этой книге, и теориями Юнга невелики в сравнении с высокой степенью их соответствия. Уже говорилось о том, что концепция СКО подобна, но не идентична описанию психологического комплекса у Юнга. В психологической системе Юнга хорошо разработано обобщенное понимание процесса смерти-возрождения как архетипической темы, но не признано особое положение этого процесса и некоторые специфические характеристики, которые отличают его от всех других. Перинатальные явления с их акцентом на рождении и смерти представляют критическую грань между областями индивидуального и трансперсонального. Опыт смерти и возрождения является поэтому средством философского отъединения индивида от полного отождествления с единичностью эго-тела и с биологической системой. Глубокое эмпирическое столкновение с этим уровнем психики обычно ассоциируется с чувством серьезной угрозы выживанию и с борьбой на грани жизни и смерти. В переживаниях смерти-возрождения есть один важный биологический аспект; они обычно сопровождаются целым спектром ярких физиологических проявлений - например мощными моторными выплесками, ощущением удушья, расстройствами сердечно-сосудистой системы, потерей контроля над мочеиспусканием, тошнотой и рвотой, повышенным слюноотделением и обильным потением.

Юнгианский анализ, использующий более тонкую технику, чем психоделическая терапия или некоторые из новых мощных эмпирических подходов, основное внимание уделяет психологическим, философским и духовным измерениям процесса смерти-возрождения; при этом психосоматические компоненты исследуются редко, если исследуются вообще. Равным образом, юнгианский анализ уделяет недостаточное, как я полагаю, внимание актуальным биографическим аспектам перинатальных явлений. В эмпирической психотерапии всегда приходится сталкиваться со смесью подробных воспоминаний об ощущениях, действительно имевших место при рождении, и сопутствующих им архетипических тем. В теории и практике аналитической психологии воспоминания о конкретных событиях во время родов играют, по-видимому, ничтожную роль.

Некоторые категории трансперсональной сферы опыта психология Юнга исследовала очень подробно, но при этом совсем опустила некоторые другие. Среди областей, открытых и серьезно изученных Юнгом и его последователями, - динамика архетипов и коллективно-бессознательного, мифотворческие свойства психики, определенные типы медиумических явлений и синхронные связи психологических процессов с объективной реальностью. Нет по-видимому подлинного признания тех трансперсональных переживаний, которые опосредуют связь с различными аспектами материального мира. Сюда относится, например, аутентичное отождествление с другими людьми, животными, растениями или с неорганическими процессами и опыт исторических, филогенетических геофизических, астрономических событий, в котором возможен доступ к новой информации о различных аспектах "объективной реальности". В свете глубокой заинтересованности и больших познаний Юнга в восточных религиозных философиях приходится удивляться, что он почти не обращал внимания на явления, связанные с прошлыми воплощениями, а ведь они имеют ключевое значение в глубинной эмпирической психотерапии. Последнее серьезное различие между анализом Юнга и подходами, изложенными в этой книге (психоделической терапией и хонономической интеграцией), состоит в ориентации последних на непосредственный глубинный опыт с психологическими и актуальными соматическими характеристиками. Хотя биологический компонент наиболее ярко проявляется в связи с перинатальными явлениями, разнообразные переживания биографического и трансперсонального характера могут сопровождаться значительными соматическими проявлениями - это аутентичное детское гримасничанье, голос, поведение или появление сосательного рефлекса во время возрастной регрессии; специфические позы, движения и звуки, сопровождающие отождествление с животными; лихорадочные движения, "маска зла" или даже рвота "фонтаном", связанные

с демоническим архетипом. Но, несмотря на вышеперечисленные различия, с концептуальной точки зрения юнгианцы, по-видимому, наилучшим образом подготовлены к работе с материалами, изложенными в этой книге, при условии, что они смогут привыкнуть к драматичной феноменологии психоделической терапии, сеансов холомической интеграции или других видов эмпирической терапии.

Еще одна интересная и важная трансперсональная система психотерапии - *психосинтез* - разработана недавно умершим итальянским психиатром *Роберто Ассаджиоли* (Assagioli, 1976), который поначалу принадлежал к фрейдистской школе и был одним из пионеров психоанализа в Италии. Однако, в своей докторской диссертации, написанной в 1910 году, он высказал серьезные возражения против подхода Фрейда и показал недостатки и ограниченность психоанализа. В последующие годы Ассаджиоли наметил расширенную модель психики и разработал систему психосинтеза как нового метода терапии и самоисследования. Его концептуальная система основана на предположении, что индивид пребывает в постоянном процессе роста, актуализируя свой непроявленный потенциал. Главное внимание в ней уделяется положительным, творческим и радостным элементам человеческой природы, подчеркивается значимость волевой функции.

Картография личности по Ассаджиоли имеет некоторое сходство с моделью Юнга, так как включает духовные области и коллективные элементы психики. Система эта сложна и складывается из семи динамических составляющих. Низшее бессознательное управляет базовыми психологическими активностями, например, примитивными инстинктивными потребностями и эмоциональными комплексами. Среднее бессознательное, ассимилирующее опыт, прежде чем он достигнет сознания, соответствует в общих чертах подсознанию Фрейда. Сфера сверхсознания - местонахождение высших чувств и способностей, таких, например, как интуиция и вдохновение. Поле сознания включает анализируемые чувства, мысли и побуждения. О точке ясного осознания говорится как о сознательной самости, а высшая самость - это тот аспект индивидуальности, который существует отдельно от сознания ума и тела. Все эти компоненты входят в коллективное бессознательное. Важным элементом психосинтеза Ассаджиоли является понятие субличностей - динамических подструктур, которые обладают относительно независимым существованием. Самые привычные субличности - те, что связаны с ролями, которые мы играем в жизни, например, сына, отца, любимого, врача, учителя или служащего.

Терапевтический процесс психосинтеза включает четыре последовательных стадии. На первой стадии пациент узнает о различных составляющих своей личности. Следующим шагом будет отказ от отождествления себя с этими элементами и приобретение способности их контролировать. После того, как пациент постепенно открывает свой объединяющий психологический центр, можно достичь психосинтеза, для которого характерна кульминация самореализации и интеграция всех самостей вокруг нового центра.

Общими для подхода, описанного в этой книге, и для психосинтеза являются духовный и трансперсональный акцент, концепции сверхсознания и коллективного бессознательного и понятие о том, что определенные состояния, в настоящее время считающиеся психотическими, правильнее рассматривать как духовный кризис, в котором заложена возможность роста и трансформации личности (Assagioli, 1977). Очень сходна также концепция обретения контроля над различными аспектами психики путем их полного переживания и отождествления с ними.

Основные различия между двумя подходами - в отношении к темным аспектам личности. Я разделяю понимание Ассаджиоли творческого и лучезарного сверхсознательного потенциала психики, но, по моему опыту, непосредственная конфронтация с ее темными сторонами (как бы они ни проявлялись в процессе самоисследования) благотворна для исцеления, духовного раскрытия и эволюции сознания. И наоборот, односторонний акцент на светлой, беспроблемной и радостной стороне жизни небезопасен. Если такая позиция используется для подавления "тени", она затем может проявляться в менее привычных формах и обликах и искажать процесс духовного развития. Конечным результатом могут быть различные отклонения от истинной духовности, начиная с неубедительной, напыщенной карикатуры на духовную личность и кончая тиранией и контролем других во имя трансперсональных ценностей. Предпочтительней по-видимому подходить к самоисследованию в духе "трансцендентального реализма", в готовности встретиться со всеми аспектами собственной психики и Вселенной в их диалектическом и взаимодополняющем взаимодействии противоположностей.

Как и в юнгианском анализе, в психосинтезе основное внимание уделяется эмоциональным, перцептуальным и познавательным аспектам процесса, и так же отсутствует адекват-

ное признание биологических компонентов. Сосредоточившись на символическом языке психики, представители этого направления игнорируют тот трансперсональный опыт, который является непосредственным отражением специфических элементов феноменального мира. Некоторые из субличностей (которые в упражнениях по фантазированию могут принимать вид более или менее абстрактных интрапсихических структур) в ходе самоисследования с использованием психоделиков или контролируемого дыхания и музыки отражают подлинные древние, филогенетические, расовые и реинкарнационные матрицы или аутентичный опыт вхождения в сознание других людей, животных и иных составляющих феноменального мира. Таким образом, индивидуальная психика не только шутя комбинирует человеческие, животные или природные символические формы, но по-видимому также способна получать голографически записанную информацию обо всем феноменальном мире - о его настоящем, прошлом и будущем.

С практической точки зрения, основным различием между психосинтезом Ассаджиоли и стратегиями, предложенными в этой книге, является степень формализма и руководства со стороны терапевта. Если психосинтез предлагает исчерпывающую систему четко структурированных упражнений, описываемый здесь подход делает упор на произвольную активацию бессознательного и на спонтанный выход материала, отражающего автономную динамику психики пациента.

Первым принципом трансперсональной психологии явным образом сформулировал *Абрахам Мэслоу* (его роль в развитии гуманистической и трансперсональной психологии уже обсуждалась). Здесь уместно поговорить о тех аспектах его работы, которые имеют непосредственное отношение к трансперсональной теории, сравнить их с данными, полученными в психоделической терапии и глубинной немедикаментозной эмпирической работе.

Одним из крупнейших достижений Мэслоу является проведенное им исследование опыта индивидов, у которых были спонтанные мистические или, как он их назвал, "пиковые" переживания (Maslow, 1964). В традиционной психиатрии к любому мистическому опыту обычно относятся как к серьезной психопатологии, считают признаком психотического процесса. В своем обширном и подробном исследовании Мэслоу показал, что спонтанные "пиковые" переживания часто оказывались благотворными для испытавших их людей, впоследствии они выказывали отчетливую тенденцию к "самореализации" или "самоактуализации". Он предположил, что такой опыт относится к категории выше нормы, а не ниже или вне ее, и тем самым заложил основы для новой психологии, исходящей из этой предпосылки.

Другим важным аспектом работы Мэслоу был анализ человеческих потребностей и пересмотр теории инстинктов. Он считал, что высшие потребности представляют важный и аутентичный аспект структуры человеческой личности, что их нельзя сводить к низшим инстинктам или рассматривать как производные от них. По его мнению, высшие потребности играют важную роль в психическом здоровье и развитии болезней. Высшие ценности (метаценности) и стремление к ним (метамотивация) свойственны природе человека; признание этого факта абсолютно необходимо для любой осмысленной теории человеческой личности (Maslow, 1969).

Наблюдения из глубинной эмпирической терапии обеспечивают сильную поддержку теории Мэслоу. Опыт экстатического единения, который наблюдается в этом контексте, оказывает благотворное (при условии его правильного восприятия) воздействие, в малейших деталях повторяющее описанные Мэслоу случаи, связанные со спонтанными "пиковыми" переживаниями. Их целебный потенциал несравненно выше возможностей того арсенала средств, которым располагает современная психиатрия, и нет совершенно никакой причины считать их патологическими явлениями.

К тому же, разработанная Мэслоу базовая модель человеческой личности в большой степени подтверждается результатами эмпирической терапии. Лишь ранние этапы этого процесса, когда индивид сталкивается с травмами биографического и перинатального характера, отвечают фрейдовской мрачной картине человека, движимого мощными инстинктивными силами, которые поднимаются из темной бездны индивидуального бессознательного. По мере преодоления опыта смерти Эго и выхода в трансперсональные сферы, за экраном негативности открываются внутренние источники духовности и космических чувств. Люди получают доступ к новой системе ценностей и мотиваций, которая не зависит от базовых инстинктов и отвечает критериям метаценностей и метамотиваций по Мэслоу (Maslow, 1969).

Много обнадеживающих параллелей можно указать в концепциях, изложенных в этой книге, и в противоречивых системах *дианетики* и *сайентологии*, которые разработал Л. Рон

Хаббард (Hubbard, 1950). Сравнение двух систем (в которых много и различий и сходства) потребовало бы специального исследования. К сожалению, замечательные идеи Хаббарда были дискредитированы их практическим применением в профессионально подозрительной и скомпрометировавшей себя стремлением к власти организации. Однако этот факт не должен преуменьшать ценность самих идей для прогрессивно мыслящего исследователя, который найдет в сайентологии настоящую сокровищницу блестящих находок. Сравнение результатов Хаббарда с наблюдениями психоделических исследований приведено в специальной работе Клауса Гормсена и Йоргена Лумби (Gormsen and Lumbay, 1979). Здесь достаточно вкратце привести некоторые из основных положений Хаббарда.

Сайентология - это еще одна система, в которой подчеркивается психологическая значимость телесных травм, которая уже доказана в исследованиях с ЛСД и в холотропической терапии. Хаббард различал "энграммы", т. е. ментальные записи времен физической боли и бессознательного состояния, и "вторичности", ментальные образы, содержащие такие эмоции, как горе или гнев. Вторичности возникают за счет энграмм, которые лежат в их основе и являются самым глубоким источником психологических проблем. Некоторое сходство концепций проявляется и в признании первостепенной значимости родовой травмы и пренатальных воздействий (включая опыт зачатия), в признании памяти предков и эволюции (или, как Хаббард ее называл, "опыта по генетической линии"), а также в акценте на прошлых воплощениях.

В последнее десятилетие трансперсональная психология неуклонно развивалась и расширялась. Яркими ее представителями выступают Эйнджелс Эрриен, Артур Дейкман, Джеймс Фэйдмен, Дэниел Гоулмен, Элмер и Элис Грин, Майкл Харнер, Артур Хастингс, Джин Хьюстон, Дора Халф, Джек Корнфилд, Стэнли Криппнер, Лоуренс Лешан, Ральф Мецнер, Клаудио Нараньо, Томас Роберте, Джун Сингер, Чарлз Тарт, Фрэнсис Воон, Роджер Уолш и Кен Уилбер. Каждому из них принадлежит значительный вклад в это поле исследований, сообщая они утвердили его в качестве уважаемого научного предприятия. И если в первые годы транс-персональное движение было довольно изолированным, то сейчас установились богатые смысловые связи с революционными направлениями в других дисциплинах. Эти связи нашли выражение в создании Международной трансперсональной ассоциации (ИТА) с ее междисциплинарной и межнациональной направленностью.

Представляется уместным в заключение определить взаимоотношения трансперсональной психологии и более традиционных психотерапевтических подходов. Как очень ясно выразилась Ф. Воон (Vaughan, 1980), работу терапевта-трансперсоналога характеризует не содержание, а контекст: содержание определяется клиентом. Терапевт-трансперсоналист берет за любую тему, возникающую в терапевтическом процессе, в том числе за житейские дела, биографические данные и экзистенциальные проблемы. Истинной отличительной чертой трансперсональной ориентации является модель человеческой души, в которой признается значимость духовного и космического измерений и возможностей для эволюции сознания. И на каком бы уровне сознания не сосредоточился терапевтический процесс, трансперсоналист постоянно осознает весь спектр Уровней и всегда готов последовать за своим клиентом в новые сферы опыта, если им предоставится такая возможность.

4. АРХИТЕКТУРА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ РАССТРОЙСТВ

Наблюдения в ходе ЛСД-терапии и других методов переживания прошлого опыта без фармакологических средств представили в новом свете концептуальные разногласия среди соперничающих направлений глубинной психологии, позволив впервые проникнуть в сложную и многоплановую структуру психопатологических синдромов. Быстрое, стихийное и спонтанное развертывание терапевтического процесса, характерное для большинства новейших психотерапевтических подходов, сводит до минимума искажения и ограничения, которые навязываются клиенту при вербальных формах терапии. Надо думать, что бессознательный материал, всплывающий при использовании этих новых подходов, более верно отражает действительные динамические образования, лежащие в основе клинических синдромов, причем часто он не укладывается в концептуальную схему терапевта и оказывается полной для него неожиданностью.

В основном, структура психопатологии, выявляемая этими новыми методами, гораздо сложнее и разветвленнее, чем в моделях какой-либо из школ глубинной психологии. Хотя любая из этих теоретических систем верна в определенных границах, ни одна из них не обрисовывает доподлинно истинного положения дел. Для правильного отражения бессознательных процессов, скрытых под психопатологическими состояниями, с которыми сталки-

вается клиническая психиатрия, необходимо рассматривать их с позиции описанной выше расширенной картографии психики; картография охватывает не только биографический уровень анализа воспоминаний, но и перинатальные матрицы и весь спектр трансперсональных явлений.

Находки эмпирической психотерапии явно подсказывают, что лишь очень малое число эмоциональных и психосоматических синдромов можно объяснить исключительно динамикой индивидуального бессознательного. Так как психотерапевтические школы не признают трансбиографические источники психопатологии, их модели сознания весьма поверхностны и неполны. К тому же терапевты, принадлежащие к этим школам, не добиваются полного эффекта в работе с пациентами, поскольку не используют мощные терапевтические механизмы перинатального и трансперсонального уровней. Существует ряд клинических проблем, глубоко коренящихся в динамике смерти-возрождения. Они связаны по смыслу с родовой травмой и страхом смерти и поэтому поддаются терапевтическому воздействию при эмпирической конфронтации с перинатальным уровнем бессознательного. Таким образом, системы психотерапии, включающие в себя перинатальный уровень, обладают при прочих равных условиях более высоким терапевтическим потенциалом, чем те, что ограничиваются биографическим уровнем исследования и воздействия.

Многие из эмоциональных, психосоматических и межличностных проблем тесно увязаны с трансперсональными сферами человеческой психики. Успеха в лечении расстройств из этой категории могут ожидать лишь те терапевты, которые знают о целительной силе трансперсональных переживаний и учитывают духовные измерения психики. Во многих случаях психопатологические симптомы и синдромы проявляют сложную, многоплановую динамическую структуру и имеют глубокую связь с главными областями бессознательного - биографической, перинатальной и трансперсональной. Для эффективной работы с такого рода проблемами терапевт должен быть готов узнать материал всех этих уровней и справиться с ним, это требует большой гибкости и непривязанности к ортодоксальным концепциям.

Излагая новые идеи об "архитектуре психопатологии", я вначале остановлюсь на проблемах сексуальности и агрессивности, потому что эти две стороны человеческой жизни сыграли решающую роль в теоретических построениях Фрейда и многих его последователей. В последующих разделах будут подробно описаны специфические эмоциональные расстройства, в том числе депрессии, психоневрозы, психосоматические заболевания и психозы.

Разнообразие сексуального опыта: дисфункции, отклонения и трансперсональные формы Эроса

Половое влечение, или либидо, во всех своих разнообразных проявлениях и трансформациях играет исключительно значимую роль в психоаналитических теориях. Фрейд в своем классическом исследовании "Три очерка по теории сексуальности" (Freud, 1953a) проследил проблемы, связанные с сексуальностью, до их истоков на ранних стадиях детского психосексуального развития. Он принял как факт, что ребенок последовательно проходит несколько четко выраженных стадий образования либидо, каждая из которых связана с одной из эрогенных зон. В ходе психосексуальной эволюции ребенок добивается простейшего инстинктивного удовлетворения, вначале от оральной активности, позднее от выполнения анальной и уретральной функций во время приучения к туалету. С началом эдипова кризиса внимание, вызванное либидо, перемещается на фаллическую область, пенис или клитор становятся главным его объектом. Если развитие проходит нормально, частные влечения (оральное, анальное и уретральное) на этой стадии объединяются под доминирующим влиянием генитального.

Из-за травм и психологических помех на разных стадиях этого развития могут возникать фиксации и конфликты, приводящие впоследствии к нарушениям сексуальной жизни и специфическим психоневрозам. Фрейд и его последователи разработали сложную динамическую таксономию, в которой конкретные эмоциональные и психосоматические расстройства связываются с фиксациями на различных стадиях развития либидо и с историей развития Эго. В повседневной психоаналитической практике наличие таких фиксированных связей постоянно подтверждалось в свободных ассоциациях пациентов. Любой теории, которая захотела бы поставить под сомнение объяснительную систему психоанализа, пришлось бы ответить, почему сексуальность и определенный вид биографических данных по-

казывают уникальную причинно-следственную связь с различными психопатологическими синдромами, а также предложить иную убедительную интерпретацию этого факта.

Пристальное изучение истории психоанализа показывает, что некоторые последователи Фрейда испытывали потребность в пересмотре положений, выдвинутых им в книге "Три очерка по теории сексуальности". Им стало ясно, что индивидуальные стадии развития либидо и их значение для психопатологии описаны абстрактно и не соответствуют в точности тому, что наблюдается в повседневной психоаналитической практике. По действительной клинической картине, проблемы психиатрических больных, связанные с различными эрогенными зонами, выступают не в чистом виде, а тесно переплетенными между собой. Например, многие больные склонны блокировать сексуальный оргазм из-за страха потерять контроль над мочевым пузырем; по анатомическим причинам такой страх чаще бывает у женщин. В других случаях страх отдаться оргазму связан с беспокойством по поводу нечаянного выхода кишечных газов или даже потери контроля за опорожнением кишечника. У некоторых пациентов анализ факторов, лежащих на основе неспособности достигать эрекции или оргазма, показал глубоко укорененный, примитивный бессознательный страх, что потеря контроля за какой-либо функцией может привести к пожиранию партнера или к риску быть поглощенным самому.

Шандор Ференчи попытался объяснить эти и сходные клинические проблемы в своем чрезвычайно любопытном эссе "Таласса" (Ferenczi, 1938). Он утверждал, что исходно раздельная в индивидуальных эрогенных зонах активность может затем сливаться и приводить к частичному перекрытию функций, которое он называл "*амфимиксис*". В основном соглашаясь с теориями Отто Ранка (1929), Ференчи тоже считал, что для полного понимания сексуальности с точки зрения психологии необходимо учитывать бессознательную тенденцию отменить родовую травму и вернуться в материнское чрево. Однако он пошел дальше Ранка, признав, что за регрессивной тенденцией возврата в чрево стоит более глубокое филогенетическое желание вернуться к условиям, которые существовали в первозданном океане.

Вильгельм Райх (Reich, 1961) в основном согласился с тем вниманием, которое Фрейд уделял половому влечению, но понимал это влечение как почти гидравлическую силу, которой для получения терапевтического эффекта надо дать выход через прямое энергетическое действие. Следует упомянуть еще о двух случаях пересмотра теории Фрейда его учениками. В психологии Альфреда Адлера (Adler, 1932) первостепенное значение уделялось комплексу неполноценности и воле к власти; для него сексуальность оказывается подчиненной комплексу силы. Наиболее резко сексуальную теорию Фрейда критиковал Карл Густав Юнг (Jung, 1956), считавший, что либидо - не биологическая сила, а проявление космического принципа, сравнимого с *elan vital* (жизненным порывом).

Наблюдения в ходе психоделической терапии и некоторых эмпирических методов лечения без применения фармакологических средств представляют сексуальность и сексуальные проблемы в совершенно другом свете; есть веские основания полагать, что эти проблемы гораздо сложнее, чем подразумевалось в любой из прежних теорий. Пока процесс самоисследования остается сосредоточенным на биографическом уровне, эмпирический материал, появляющийся в ходе терапевтических сеансов, вполне соответствует фрейдовской теории. Однако какие-либо значительные улучшения у пациентов с сексуальными расстройствами и отклонениями при таком подходе слишком редки. Пациентам, прорабатывающим свои сексуальные проблемы, рано или поздно придется понять, что их трудности имеют более глубокие корни на уровне перинатальной динамики или даже в различных трансперсональных сферах.

Состояние недостаточного или полностью отсутствующего либидозного влечения (сексуального аппетита) типологически связано с глубокой депрессией³⁹. Это обычно указывает на фундаментальную динамическую связь с БПМ-II, о чем мы будем говорить позже. Человек, находящийся под влиянием второй перинатальной матрицы, испытывает полную эмоциональную изолированность от окружающего и полную блокаду энергетического потока; оба обстоятельства серьезно препятствуют развитию сексуального интереса и переживанию полового возбуждения. В таких условиях приходится часто слышать, что сексуальная активность - вообще последнее, о чем стоит думать. Однако и в этом случае часто всплывает сексуальный материал из прошлой и настоящей жизни, причем пациент относится к нему

³⁹ - Должно быть ясно из контекста, что мы ограничиваемся в нашем обсуждении проблемами, вызванными психологическими факторами, и исключаем состояния явно органического происхождения - например, общее истощение вследствие тяжелого соматического заболевания, параплегию, тяжелые химические нарушения автономной нервной системы.

отрицательно, испытывает отвращение и мучительное чувство вины. Иногда депрессивные состояния, сопровождающиеся потерей интереса к сексу, могут иметь трансперсональные корни.

По большей части, серьезные сексуальные расстройства и отклонения психогенетически связаны с БПМ-III; для понимания такой зависимости необходимо выяснить взаимосвязь между паттерном сексуального оргазма и динамикой этой матрицы. Одной из наиболее важных характеристик последних стадий процесса смерти-возрождения является чрезвычайное повышение либидозного напряжения и энергии влечения вообще; то же самое составляет неотъемлемый интегральный аспект БПМ-III. Такое напряжение может принимать форму недифференцированной энергии, которая пронизывает весь организм и к тому же более ярко проявляется в отдельных эрогенных зонах - оральной, уретральной, анальной или генитальной.

Как уже описывалось ранее, феноменология третьей перинатальной матрицы сочетает в себе элементы титанической борьбы, тенденции к разрушению и самоуничтожению, садомазохистскую смесь агрессивных и эротических побуждений, разнообразные извращения полового влечения, демонические темы и скатологические склонности. К тому же, в контексте глубокого противодействия смерти и повторного проживания рождения необычайно богатое сочетание эмоций и ощущений вызывает крайнюю физическую боль и смертельную тревогу. Вышеперечисленные связи дают естественную основу для развития клинических состояний, при которых сексуальность тесно связана с тревогой, агрессией, страданием, чувством вины (и словно загрязнена ими) или сопровождается склонностью к таким биологическим отходам, как моча, фекалии, кровь или выделения из половых органов. Одновременное возбуждение всех эрогенных зон в контексте перинатальных переживаний может также объяснить, почему многие клинические расстройства характеризуются частичным перекрытием функций оральной, уретральной и генитальной зон.

Глубокая функциональная взаимосвязанность главных эрогенных зон при родах – и у матери и у ребенка - отчетливо проявляется в тех случаях, когда в подготовке роженицы не предусмотрена клизма или введение катетера. В таких условиях мать может не только испытывать мощный сексуальный оргазм, но и выпускать газы, кал и мочу. Аналогичным образом у ребенка будет происходить рефлекторное мочеиспускание, выделение первородного кала, мекония. Если добавить сильное возбуждение оральной зоны и вовлеченность жевательных мышц как у матери, так и у ребенка на последних стадиях родов, а также вызванное удушьем и чрезмерной болью накопление и разрешение сексуальной энергии ребенка, мы получим полное представление об общем функциональном и эмпирическом сплаве всех главных видов активности, которые Фрейд называет эрогенными⁴⁰.

Клинические данные, которые Шандор Ференчи пытался увязать со вторичным слиянием частичных влечений, или с амфимиксисом, просто отражают тот факт, что последовательное развитие активности фрейдовских эрогенных зон накладывается на динамику перинатальных матриц, где все эти функции выполняются одновременно. Ключ к более глубокому пониманию психологии и психопатологии секса в том, что на перинатальном уровне бессознательная сексуальность тесно и неразрывно сплетена с ощущениями и эмоциями, ассоциирующимися с рождением и смертью. Любой теоретический или практический подход к сексуальным проблемам, в котором не признается эта основополагающая связь, а сексуальность рассматривается отдельно от двух других фундаментальных аспектов жизни, обязательно будет неполным, поверхностным и по своей действительности ограниченным.

Связь секса с рождением и смертью и глубокую завязанность сексуальной энергии в психологическом процессе смерти-возрождения объяснить непросто. Но само существование этой связи бесспорно, это можно показать на огромном количестве примеров из антропологии, истории, мифологии и клинической психиатрии. Главенствующее положение триады рождения, секса и смести является как бы общим знаменателем всех ритуалов перехода (в самых разных примитивных культурах), храмовых мистерий ритуалов экстатических религий и посвящений в тайные общества. В мифологии мужские божества, символизирующие смерть и возрождение, такие как Озирис и Шива, часто представлены с возбужденным половым членом; равным образом есть и женские божества, функции которых отражают те же связи. В качестве примера можно указать индийскую богиню Кали, ближневосточную Астарту, богиню Тласолтеотль в доколумбовой Америке. Наблюдения за рожаящими женщинами показывают, что опыт деторождения содержит очень важный сексуальный компонент

⁴⁰ - Поэтому латинская поговорка "Inter feces and urinas nascimur" ("Мы рождаемся среди фекалий и мочи") - не философская метафора, а реалистичное описание того, что происходит при типичных родах, если не приняты конкретные меры для изменения ситуации.

и сильный страх смерти. Такая связь не кажется особенно таинственной, так как генитальная область задействована при родах и прохождение ребенка, конечно, сопровождается возбуждением матки и влагалища с мощным накоплением и последующим разрешением напряжения. Также вполне логичен здесь элемент смерти, поскольку деторождение - серьезное биологическое явление, которое иногда представляет угрозу для жизни матери.

Однако совсем не ясно, почему повторное переживание собственного рождения включает сильный сексуальный компонент. Судя по всему, такая связь отражает глубокий физиологический механизм, действующий в организме человека; это можно показать на примерах из самых разных областей. Известно, что невыносимые физические мучения (особенно те, что сопровождаются тяжелым удушьем), способны вызвать сильное сексуальное возбуждение и даже религиозный экстаз. Многие психиатрические больные, которые пытались повеситься и в последнюю минуту были спасены, потом рассказывали, что при сильном удушьи у них возникало исключительное сексуальное возбуждение. И хорошо известно, что у преступников-мужчин, умирающих на виселице, часто бывает эрекция и даже с эякуляцией во время смертной агонии.

Больные, страдающие так называемым "бандажным" синдромом, путают глубокую тягу к сексуальному удовлетворению в условиях телесной сдавленности и удушья. Другие пользуются разными приспособлениями, например, шарфами или петлями, привязанными к гвоздям, дверным ручкам или веткам дерева, что позволяет им мастурбировать, когда они задыхаются.

Можно думать, что все люди, подвергающиеся физическим и эмоциональным пыткам, обладают способностью преодолеть боль и достичь состояния странного экстаза (Sargant, 1957). Это удостоверяется свидетельствами, полученными в нацистских концентрационных лагерях, где люди подвергались бесчеловечным экспериментам, материалами организации "Международная амнистия", а также сообщениями американских солдат, которые столкнулись с пытками у японцев во время второй мировой войны или побывали в плену во время войны в Корее и во Вьетнаме. То же происходит с членами религиозной секты флагеллантов, которые во все века подвергали себя и своих товарищей тяжким пыткам, чтобы пробудить сильное половое возбуждение, войти в состояние экстатического восторга и в конечном счете испытать единение с Богом. Эмпирическая трансценденция нечеловеческого страдания во время истязаний за веру и смерть мучеников тоже попадают в эту категорию. Можно привести еще много примеров духовной патологии, когда членовредительство, пытки, жертвы, сексуальность, вызывающие ужас обряды и скатологические процедуры соединяются в странной эмпирической амальгаме, органично вплетаются в религиозные или полурелигиозные церемонии.

Дополнительные данные того же рода связаны с психологией войн, революций и тоталитарной политики. Так, атмосфера смертельной опасности в кровавой битве будет вызывать сексуальное возбуждение у многих солдат. В то же время выход агрессивных и сексуальных порывов в условиях боевых действий связан, по-видимому, с перинатальными элементами. Речи военачальников и правителей, объявляющих войну и вдохновляющих массы на кровавые революции, изобилуют метафорами из контекста биологического рождения. Атмосфера концентрационных лагерей самым причудливым образом сочетает в себе сексуальные, садистские и скатологические элементы. Социополитические следствия всего этого подробно обсуждаются в главе восьмой.

Возможно, нейрофизиологической основой таких явлений являются анатомическое строение и функциональные характеристики лимбической системы головного мозга. В этой архаической части центральной нервной системы области, отвечающие за самосохранение организма и поэтому имеющие отношение к агрессивности, близко соседствуют с областями, которые играют важную роль в сохранении вида и поэтому имеют отношение к сексуальности. Понятно, что такие центры могут возбуждаться одновременно, или же возбуждение одного центра может передаваться на другой.

Разнообразный спектр явлений, связанных с человеческой сексуальностью, невозможно правильно описать и объяснить, если в теоретических рассуждениях по-прежнему ограничиваться элементами биологической природы и психологическими факторами, определенными биографией. Данные психоделической терапии доказывают без всякого сомнения, что можно субъективно переживать сексуальность на различных уровнях сознания и в разнообразных формах, хотя стороннему наблюдателю ее биологические, физиологические и поведенческие проявления будут казаться одинаковыми. Исчерпывающее понимание сексуальности невозможно без сокровенного знания динамики перинатального и транс персонального уровней бессознательного.

Далее я сосредоточусь на различных видах сексуального опыта и поведения, буду обсуждать их в свете данных, полученных в новейших исследованиях сознания, проводившихся как с помощью психоделических препаратов, так и без них. Затрагиваемые здесь проблемы попадают в следующие тематические категории:

- (1) "нормальная" сексуальность;
- (2) расстройства и нарушения сексуальной жизни;
- (3) сексуальные вариации, отклонения и извращения;
- (4) трансперсональные формы сексуальности.

1. *"Нормальная" сексуальность.* Хотя вообще признаете я, что полноценный сексуальный опыт - это всегда больше, чем просто адекватное биологическое функционирование, современные медицинские критерии сексуальной нормы в какой-то мере механистичны и ограничены. В них не включены такие элементы, как глубокое уважение к партнеру, состояние синергии и эмоциональной взаимности, чувства любви и единства в повседневных взаимоотношениях партнеров или во время полового акта. Обычно для признания половой функции адекватной считается вполне достаточным, если мужчина способен на эрекцию и на ее поддержание в течение приемлемого количества времени до эякуляции. Равным образом от женщины ожидается, что она будет реагировать на сексуальную ситуацию выделением соответствующих веществ в половых органах и будет способна достичь вагинального оргазма. В понятие нормы для представителей обоих полов также входят гетеросексуальное предпочтение и достаточная степень сексуального аппетита для полового сношения с частотой, соответствующей среднестатистическим данным.

Пациенты ЛСД-терапии и эмпирической психотерапии часто испытывают в ходе лечения глубокие сексуальные перемены. Рано или поздно их представление о сексуальности значительно расширяется, и они обнаруживают, что прежние критерии поверхностны, недостаточны и сомнительны. Они узнают, что сексуальный оргазм и у мужчин, и у женщин - это не событие по типу "все или ничего", что у него много степеней, отличающихся как по интенсивности переживания, так и по полноте разрешения. Во многих случаях лица, до терапии считавшие, что у них адекватный сексуальный оргазм, сообщают об удивительном усилении потенции к оргазму. Обычно это прямо связано с обретением способности отдаться процессу, что происходит благодаря переживаниям смерти-возрождения и космического единства.

Еще одна важная находка состоит в том, что принятое ныне определение нормального секса не исключает даже серьезного загрязнения сексуальных отношений, когда партнеры заняты преимущественно главенством и подчинением, использованием сексуальных отношений для достижения разнообразных целей, с сексом не связанных, или маневрами, более существенными для самоутверждения, чем для сексуального удовольствия. В нашей культуре люди обоих полов, говоря о половых отношениях, часто используют военные принципы и терминологию. Они толкуют сексуальную ситуацию на языке победы поражений, самоутверждения или краха, завоевания или проникновения в партнера и, наоборот, поражения и обреченности насилию. Обеспокоенность тем, кто кого соблазнил и кто от этого выиграл, способна в подобной ситуации только замутив вопрос о сексуальном удовлетворении.

Сходным образом, материальный выигрыш или стремление к преуспеванию, высокому положению, славе, власти могут совершенно заслонить истинно эротические мотивы. Когда секс подчинен целям самоутверждения, сексуальный интерес к партнеру исчезает совсем, после "победы", а число соблазненных партнеров становится важнее, чем качество взаимоотношений. Больше того, если желанный партнер недосыгаем или глубоко предан другому человеку, это может стать решающим фактором его сексуальной привлекательности.

Согласно интуитивным догадкам, полученным в психоделической терапии, все это - конкуренция, маневры, направленные на самоутверждение, неуважение к партнеру, Эгоистичная эксплуатация или механическое стремление гасить напряжение во время полового акта - означает серьезное искажение сексуального взаимодействия, отражает трагическое непонимание его природы. Такое загрязнение сексуальных отношений имеет обычно важные биографические причины, особые травмирующие воспоминания детства. Однако корни проблем всегда уходят глубоко в перинатальный уровень бессознательного. Если перинатальные энергии разряжаются, и содержание перинатальных матриц прорабатывается и интегрируется, человек автоматически приходит в понимании секса к синергии и комплементарности.

Для личности, интегрированной таким образом, становится совершенно очевидным, что в подлинных сексуальных отношениях не может быть отдельных побед или поражений. И поскольку это по определению ситуация взаимодополнительности (комплементарности),

подразумевающая взаимное удовлетворение самых разнообразных потребностей, оба партнера являются, в зависимости от обстоятельств, либо победителями, либо побежденными. Сексуальность можно испытать в самых разных контекстах, и она способна удовлетворить весь спектр иерархически выстроенных потребностей, начиная от биологических и кончая трансцендентальными. Сексуальные отношения, основанные только на примитивных нуждах, представляют не столько плод моральной неполноценности, сколько проблему невежества и упущенных возможностей в высших формах сексуального общения, удовлетворяющих весь диапазон человеческих потребностей, обязательно присутствуют духовность и архетипические измерения, как это происходит в океаническом и тантрическом сексе, описанном в следующих частях этой главы.

2. Расстройства и нарушения сексуальной жизни. В ходе ЛСД-психотерапии и других форм глубокого эмпирического лечения сексуальная жизнь пациентов претерпевает драматические изменения. Речь идет и о сексуальных переживаниях, и о поведении во время лечебных сеансов, и о динамических сдвигах, наблюдаемых в периоды между курсами лечения. На определенных стадиях психотерапии различные сексуальные расстройства могут смягчаться, полностью исчезать, резко преобразовываться или видоизменяться. И наоборот, конфронтация с некоторыми областями бессознательного может ассоциироваться с появлением новых симптомов и осложнений в сексуальной жизни, которых прежде у пациента не было. Тщательное наблюдение и изучение этих динамических перемен и колебаний дает редкую возможность проникнуть в динамическую структуру сексуальной функции и ее нарушений.

Уже упоминалось, что активное влияние БПМ-II связано с глубинным подавлением половой жизни. Если пациент переживает элементы второй перинатальной матрицы в конце терапевтического сеанса и не достигает разрешения, после сеанса у него могут проявиться симптомы заторможенной депрессии, которая характеризуется полным отсутствием либидо и потерей сексуального интереса. В таких обстоятельствах все связанное с сексом будет восприниматься как непозволительное, грязное, греховное, отвратительное и отягощенное виной. Хотя могут найтись более поверхностные биографические причины, которые по-своему объяснят наличие этих проблем у пациента, сам терапевтический контекст ясно указывает на их корни в БПМ-II.

Большинство функциональных сексуальных расстройств связано по-видимому с динамикой третьей перинатальной матрицы, и их можно понять, исходя из основных характеристик этой матрицы, описанных в главе второй. Если в конце лечебного сеанса пациент находится под влиянием сексуального аспекта БПМ-III и не достигает разрешения в переходе к БПМ-IV, это может вызывать грандиозное повышение сексуального аппетита, которое в клинической терминологии называется "сатиризмом" или "нимфоманией". В этом случае неутолимое влечение к половым сношениям связано как правило с чувством неполного облегчения и отсутствием удовлетворенности после сексуального оргазма. Таким образом, получается странная смесь гиперсексуальности и неспособности к оргазму. При более тщательном рассмотрении становится ясно, что ситуация лишь на первый взгляд выглядит сексуальной; на самом деле она псевдосексуальна и имеет очень мало общего с сексом в прямом смысле. Суть проблемы в том, что индивид буквально наводнен перинатальной энергией, которая ищет выхода любыми возможными способами. Из-за сходства паттернов сексуального оргазма и оргазма при рождении гениталии становятся в этом случае идеальным каналом для периферийного высвобождения этой энергии. А так как запас перинатальных энергий огромен, повторяющиеся половые сношения - и даже с оргазмом - не приносят ни облегчения, ни удовлетворения.

Нередко в такой ситуации мужчина может иметь пятнадцать половых контактов в течение одной ночи и каждый раз испытывать полный, но не удовлетворяющий его оргазм. За несколько минут сразу после совокупления перинатальная энергия, накопившаяся в огромном количестве, восстановит напряжение, достаточное чтобы вызвать эрекцию и начать следующий половой акт. Повышенная сексуальность такого типа - и у мужчин, и у женщин - часто приводит к неразборчивости в половых связях. Это, видимо, связано с тем что из-за отсутствия полноценного оргазма, половой акт несколько не удовлетворяет, в чем часто обвиняют партнера, вместо того чтобы увидеть реальную проблему в перинатальном сбросе энергии. Частая смена партнеров отражает, вероятно, и тенденцию компенсировать крайне низкую степень самоуважения, которая обычно связана с перинатальной тематикой, а также упорное влечение к сумасбродству под действием хаотической энергии, ищущей выхода.

Если интенсивность перинатальных энергий слишком высока, возможность их высвобождения может восприниматься как крайне опасная, хотя суть этой опасности будет неяс-

ной. В этом случае индивид может испытывать глубокий страх потерять контроль над этими стихийными силами и будет бессознательно блокировать сексуальные переживания. Поскольку характер выхода перинатальной энергии самым тесным образом связан с паттерном сексуального оргазма, страх в результате перейдет у мужчины в неспособность к поддержанию эрекции, а у женщины - в отсутствие оргазма, т. е. в состояния, которые в старой психиатрии и на общепринятом жаргоне называются "импотенцией" и "фригидностью". По традиции, импотенцию считают симптомом энергетической недостаточности или отсутствия мужской силы, а фригидность - отсутствием эротической чувствительности и сексуального реагирования. Эти представления совершенно ошибочны и, собственно говоря, наиболее далеки от действительности.

Психогенные импотенция и фригидность происходят как раз от обратного - от огромного избытка всколышенной сексуальной энергии. И дело не только в избытке этих чувств и ощущений, но также и в том, что они выражают не чисто сексуальную, а сексуально окрашенную перинатальную энергию. Эта мощная энергетика ассоциируется с садомазохистскими порывами, смертельной тревогой, глубоким чувством вины, со страхом утратить самоконтроль и со всем диапазоном психосоматических симптомов, которые характерны для БПМ-III. Сюда относятся и страх удушья, и расстройство сердечно-сосудистой системы, болезненные спазмы мышц и кишечника, спазмы матки и боязнь потерять контроль над мочевым пузырем или анальным сфинктером. В конечном счете эта энергия демонстрирует собой незавершенный гештальт рождения и состояние организма под угрозой гибели.

Таким образом, человек, страдающий импотенцией или фригидностью, вовсе не испытывает недостатка в сексуальной энергии, а буквально сидит на вулкане инстинктивных сил. Поскольку в таких условиях сексуальный оргазм невозможен отдельно от этих сил, отпустить себя при оргазме - значит дать выход адским переживаниям. И потому бессознательный страх оргазма и потери самоконтроля равноценен страху смерти и уничтожения.

Новая интерпретация фригидности и импотенции подтверждается динамикой терапевтических изменений, наблюдаемых при успешном лечении. Когда избыток перинатальной энергии высвобождается в специально созданной, не связанной с сексом ситуации, можно наблюдать временную гиперсексуальность - сатиризм или нимфоманию, - до тех пор, пока пациент не достигнет состояния, при котором остаточную сексуальную энергию можно будет спокойно удерживать в контексте сексуальных отношений. И, наконец, когда в процессе смерти-возрождения индивид проживет заново элементы БПМ-IV и БПМ-I, он обретает полную сексуальную компетентность, к тому же способность к оргазму достигает необычайной высоты.

В литературе по психоанализу проблема импотенции тесно связывается с комплексом кастрации и с концепцией *vagina dentata*, т. е. влагалища как опасного органа, способного убить или кастрировать. Эти вопросы заслуживают особого внимания с точки зрения более подробной картографии бессознательного, куда включен и перинатальный уровень. Есть определенные аспекты у комплекса кастрации, которым классический психоанализ со своей ориентацией на биографию не нашел удовлетворительного объяснения. Комплекс кастрации бывает у представителей обоих полов;

Фрейд полагал, что мужчины испытывают настоящий страх потерять пенис, а женщины бессознательно верят, что когда-то они его имели, но потеряли из-за того, что плохо себя вели. Фрейд пытался связать это с мазохистскими тенденциями и с большей склонностью чувствовать вину, что вообще характерно для женщин. Другим загадочным аспектом комплекса кастрации является то, что бессознательно кастрация, вероятно, приравнивается к смерти. Даже если признать что с физиологической точки зрения пенис сильно переоценивается, его приравнивание к жизни бессмысленно. Более того, в свободных ассоциациях пациентов психоанализа удушье, разлука и потеря контроля - образы, тесно связанные с кастрацией (Fenichel, 1945).

Наблюдения из ЛСД-терапии дают неожиданное разрешение этих несообразностей; в страхе кастрации словно под тонким биографическим наносом видна вторичная проработка гораздо более серьезной проблемы. С углублением терапевтического процесса при помощи катализирующего действия психоделических препаратов или некоторых мощных безлекарственных методов неизбежно выяснится, что страх кастрации коренится в обрезании пуповины. Значит, он является производным от фундаментальной для человеческого существования биологической и психологической травмы относящейся к жизни и смерти. Часто темы, типичные для кастрации, например, воспоминания об обрезании крайней плоти или об операции по поводу ее сращения переходят в повторное переживание обрезания пуповины. Это обычно сопровождается острой болью в пупке, которая иррадирует в тазовую полость,

пенис, яички и мочевого пузыря⁴¹. Симптомы часто ассоциируются со страхом смерти, удушьем и странными анатомическими изменениями. У женщин пупочный кризис обычно вызывает воспоминания об инфекциях в системе мочеиспускания, абортах и выскабливании матки. Причина взаимоналожения и смешения в перинатальном опыте ощущений пуповины и болей в мочеполовой системе заключается по-видимому в неспособности точно определить, в каком месте тазовой полости чувствуется боль; это верно вообще, а на ранних стадиях развития в особенности.

Перерезание пуповины означает окончательное отделение от материнского организма и, таким образом, является биологическим переходом фундаментальной значимости. Организм ребенка должен полностью перестроиться анатомически и физиологически; нужно создать собственные системы снабжения кислородом, выведения продуктов жизнедеятельности и переваривания пищи. Если мы признаем, что страх кастрации связан с реальным воспоминанием о биологическом событии, имеющем отношение к жизни и смерти, а не с воображаемой потерей половых органов, нам легко будет понять некоторые, иначе необъяснимые свойства этого страха, о которых уже упоминалось. Сразу ясно, почему этот страх присущ обоим полам, тесно связан с тревогой разлуки, взаимозаменен со страхом смерти и уничтожения, почему он предрасполагает к сбоям в дыхании и удушью.

Знаменитая концепция Фрейда о "зубастом влагалище" также приобретает новый смысл, когда картография выходит за рамки биографической сферы и включает перинатальные матрицы. Бессознательное представление о влагалище как об опасном органе, который может травмировать, кастрировать или убить, обсуждается в психоаналитической литературе словно абсурдная и бессмысленная фантазия наивного ребенка. А стоит лишь признать возможность того, что память о рождении сохраняется в бессознательном, это становится просто реалистичной сценкой. Роды - серьезное и потенциально опасное событие, во время родов женские половые органы убили или довели почти до смерти довольно много детей.

Для мужчин, у которых воспоминание о родовой травме расположено в самых верхних слоях бессознательного, образ влагалища как органа-убийцы настолько силен, что они не способны относиться к нему как к источнику наслаждения. Чтобы расчистить себе дорогу к женщине как объекту сексуального влечения, необходимо пережить и проработать такое травмирующее воспоминание. Женщине, психологически близкой к воспоминаниям о собственном рождении, будет трудно признать свою принадлежность к женскому полу, свою сексуальность и детородную функцию, так как для нее женственность и обладание влагалищем ассоциируются с пыткой и убийством. Чтобы вполне освоиться с ролью женщины и соответствующим сексуальным поведением, необходимо проработать воспоминание о родовой травме.

3. *Сексуальные вариации, отклонения и извращения.* Включение перинатальной динамики в картографию бессознательных процессов дает неожиданное решение проблем, которые были настоящим бедствием для психоанализа почти с самого начала. Ключом к такому новому пониманию служит феноменология БПМ-III. матрицы, которая подразумевает тесную связь сексуального возбуждения с тревогой, физической болью, агрессией и скатологией. Именно существование садомазохизма подорвало убежденность Фрейда в главенстве принципа удовольствия в человеческой психике. Если бы стремление к удовольствию было единственным ведущим принципом и побуждающей силой в ментальной жизни, конечно было бы трудно объяснить характерное для мазохистов упорное стремление к физическим и душевным страданиям. Этот вопрос стал основным затруднением в теоретических построениях Фрейда в конце концов он был вынужден целиком изменить структуру психоанализа и включить в свою систему сомнительную концепцию инстинкта смерти, Танатоса.

Рассуждения об инстинкте смерти в связи с садомазохизмом отражали интуитивную догадку Фрейда о том, что суть этого клинического феномена заключается в релевантности жизни и смерти. Следовательно, его нельзя объяснить исходя из сравнительно тривиальных биографических ситуаций, где были тесно связаны активная агрессивность и боль. Объяснения, предложенные некоторыми психоаналитиками, сосредоточиваются на травмах и не дают поэтому убедительной модели для интерпретации глубинных садомазохистских побуждений. Примером этого служит теория Кучеры (Kucera 1959), в которой садомазохизм связывается с прорезыванием зубов, когда активные попытки ребенка укунить становится бо-

⁴¹ - Регулярно получаемые данные о повторном проживании боли от перерезания пуповины противоречат заявлениям медиков о том, что эта процедура не может быть болезненной, поскольку в пуповине нет нервов. Тщательное наблюдение за новорожденными во время перерезания пуповины ясно показывает наличие поведенческой реакции на боль.

лезненными. Однако психоанализ не смог разобраться не только сочетанием активной и пассивной деструктивности в садомазохизме, но и со странным сплавом агрессивности и сексуальности. Модель перинатальных матриц дает весьма логичное объяснение наиболее интересных аспектов этого расстройства.

В процессе погружения в перинатальный опыт садистские и мазохистские переживания проявляются с большим постоянством и вполне естественным образом увязываются с определенными характеристиками рождения. В БПМ-III физическая боль, тревога и агрессивность сочетаются с сильным сексуальным возбуждением, суть и происхождение которого уже обсуждались. В памяти о рождении интроецированный натиск сил, заставляющих матку сокращаться, совпадает и чередуется с активной агрессией, направленной вовне, что означает реакцию на смертельную угрозу. Этим объясняется не только сплав сексуальности и агрессивности но и то что садизм и мазохизм суть две стороны одной медали и попа дают поэтому в одну клиническую категорию - садомазохизм.

Потребность создавать садомазохистские ситуации и экстерниоризовать вышеупомянутый бессознательный комплекс переживаний может проявляться не только как симптоматичное поведение, но и как попытка перечеркнуть и интегрировать изначальное травматичное впечатление. Причина, по которой такие попытки безуспешны и не приводят к самоисцелению, заключается в отсутствии интроспекции, интуиции и осознания природы самого процесса. Индивид исполняет свой комплекс переживаний, привязывая его к внешней ситуации, вместо того чтобы разобраться во внутренней и узнать в нем разыгрывание прошлого события.

Лица, переживающие элементы БПМ-III, выказывают все типичные признаки садомазохизма, например чередование ролей страдающей жертвы и жестокого мучителя, потребность в физической зажатости и боли, взрывы особого вулканического экстаза, то есть смесь агонии и интенсивного сексуального наслаждения. Ранее уже упоминалось, что возможности для преодоления крайнего страдания и для достижения экстаза присущи по видимому самой структуре человеческой личности - хотя наиболее ярко это проявляется у пациентов с садомазохистическими склонностями.

В некоторых предельных случаях преступной сексуальной патологии - например *изнасилований, садистских убийств или некрофилии* - ясно видно их перинатальное происхождение. Лица, переживающие сексуальные аспекты БПМ-III, часто сообщают о том, что эта стадия процесса рождения имеет много общего с *изнасилованием*. Такое сравнение весьма оправданно, если рассмотреть несколько существенных эмпирических черт, характерных для изнасилования. Для жертвы это серьезная опасность, смертельная угроза, чрезвычайная боль, телесная сдавленность, яростные попытки освободиться, сбой дыхания и навязанное сексуальное возбуждение. Переживание насильника включает резко противоположные элементы - запугивание, угрозы, причинение боли, сдавливание, удушение и принуждающее сексуальное возбуждение. То, что испытывает жертва, имеет очень много общего с переживаниями ребенка в родовом канале, насильник же экстерниоризует и воплощает интроецированные силы родового канала, одновременно осуществляя своими действиями месть той, кто заменяет ему мать. Из-за сходства переживаний при изнасиловании и рождении жертва страдает от психологической травмы, которая обусловлена не только воздействием данной ситуации, но и разрушением защитных механизмов, изолирующих сознание от воспоминаний, относящихся к процессу биологического рождения. Продолжительные эмоциональные срывы, которые часто являются следствием изнасилования, вероятно связаны с прорывом в сознание перинатальных эмоций и психосоматических проявлений.

Влияние третьей перинатальной матрицы еще более очевидно в случаях *садистских убийств*, которые по характеру очень близки к изнасилованиям. Кроме одновременного высвобождения сексуальных и агрессивных импульсов в этих действиях присутствуют элементы смерти, увечья, расчленения тела и скатологическое удовольствие от крови и нечистот; все это не что иное как обобщенная характеристика повторного проживания последних стадий рождения. Как будет показано ниже, кровавое самоубийство родственно по динамике садистскому убийству, а их единственное различие в том, что самоубийца играет роль жертвы, убийца - роль агрессора. В конечном же счете обе роли являются разными аспектами одной и той же сущности, -т. е. на агрессора падает интроекция сжимающих и разрушительных сил родового канала, а на жертву - память эмоций и ощущений ребенка во время родов.

Подобное сочетание элементов, но только в несколько иной пропорции, лежит по видимому в основе клинической картины *некрофилии*. У этого извращения широкий спектр проявлений - от сексуального возбуждения при виде трупов до явной сексуальной активности с мертвыми телами в моргах, похоронных домах и на кладбищах. Анализ некрофилии

обнаруживает все ту же странную смесь сексуальности, смерти, агрессии и скатологии, столь характерную для третьей перинатальной матрицы.

Хотя всегда можно обнаружить в личной истории специфические события, из-за которых как будто развивается некрофилия, они являются не причиной ее, а только необходимыми условиями или факторами, способствующими ее развитию. Настоящее понимание связанных с этим проблем невозможно без признания главенствующей роли перинатальной динамики.

Некрофилия встречается во множестве различных форм, от степеней совершенно безвредных до резко криминальных. Наиболее легкие разновидности включают сексуальное возбуждение, вызванное видом трупов, или влечение к кладбищам, могилам и объектам, связанным с ними. Более серьезные формы некрофилии характеризуются страстным желанием осязать и обонять трупы, пробовать их на вкус и наслаждаться видом гниения и разложения. Следующей стадией является манипуляция с трупами в сексуальных целях, кульминирующая в фактическом совокуплении с мертвецом. В крайних случаях этого сексуального извращения сексуальное осквернение трупов сочетается с актами увечья, расчленения тел и с каннибализмом.

Наблюдения в клинической работе с ЛСД позволяют по-новому осмыслить такие своеобразные сексуальные отклонения, как *копрофилия*, *копрофагия* и *уролагния*. Люди, склонные к подобным отклонениям, находят удовольствие в биологических веществах, обычно считающихся отталкивающими, сексуально возбуждаются ими и пробуют совместить функции испражнения со своей половой жизнью. В крайних случаях такие действия, как покрытие себя испражнениями, поедание экскрементов и питье мочи, могут стать необходимым условием для достижения сексуального удовлетворения. Сочетание сексуального возбуждения и скатологического удовольствия довольно часто встречается - причем и у психиатрических пациентов, и у нормальных субъектов - на последней стадии процесса смерти-возрождения. Такой опыт отражает по-видимому тот факт, что при старой акушерской практике, не применявшей катетеры и клизмы, многие новорожденные испытали непосредственный контакт с калом и мочой, а кровь, слизь и зародышевая жидкость, конечно же, - самые обычные биологические вещества в процессе деторождения.

Мой клинический опыт с пациентами этой категории ясно показывает, что глубинные корни проблемы лежат в фиксации воспоминания о моменте рождения. Единственная основа этих крайне причудливых отклонений - непосредственно пережитый новорожденным оральный контакт с калом, мочой, кровью и слизью в тот миг, когда после многих часов агонии и борьбы за жизнь голова освобождается от хватки родового канала. Интимный контакт с этими веществами становится таким образом символом фундаментального оргазмического переживания.

Согласно психоаналитической литературе, младенца изначально привлекают различные виды биологических веществ, и только потом развивается отвращение к ним в результате родительского и социального влияния. Наблюдения из психоделических исследований позволяют предположить, что это не обязательно так. Глубинное отношение к биологическим веществам закладывается, вероятно, в процессе рождения. В зависимости от обстоятельств, это отношение может быть в высшей степени позитивным или негативным.

Очевидно, есть разница в том, встречается ли ребенок со слизью и фекалиями просто как с символами и спутниками физического и эмоционального освобождения, или же он покидает родовой канал, задыхаясь в этих отходах, и должен быть освобожден от них с помощью искусственного дыхания. В некоторых случаях домашних родов без медицинского контроля пациенты оставались в физиологической среде длительное время, пока не приходила помощь, - точность этих воспоминаний, вновь пережитых в ходе психоделических сессий, позднее подтвердилась в беседе с матерями пациентов. Значит, в ситуации родов заложена возможность как для позитивного, так и для негативного столкновения с биологическими отходами, а индивидуальные особенности переживания становятся в дальнейшем основой для биографической разработки.

Те же факторы, что составляют основу описанных выше отклонений, действуют в слабой форме и на обстоятельства повседневной жизни. Так, память о встрече с биологическими веществами в момент рождения может определять расположенность мужчины к орально-генитальному сексу. Хорошо известно, что отношение к *канилингу* изменяется в широком диапазоне от интенсивного неприятия и отвращения до предпочтения и неодолимой привлекательности. Вне сомнения, на самом глубоком уровне это отношение определяется опытом орального контакта с материнским влагалищем во время родов. Точно так же, реакция у обоих полов на контакт со слизистой оболочкой рта и языка при поцелуе окрашена не

только памятью вскармливания, но и памятью контакта со слизистой оболочкой влагалища при рождении. Женская нетерпимость к телесной тяжести партнера во время соития или к тесным объятиям вызвана нежеланием встретиться с комбинацией ощущений, характерных для БПМ-III. Соответственно, одна из важных причин глубокого отвращения к *фелляции* лежит по-видимому в воспоминании о сочетании сексуального возбуждения и удушья во время рождения.

Богатым источником иллюстраций и примеров для многих из этих вопросов является книга "Сексуальный профиль влиятельных мужчин" (Janus, Bess & Saltus, 1977). Исследование построено на результатах опросов "девушек по вызову" высшего класса с Восточного побережья США (общая длительность бесед составила более семисот часов). В отличие от многих других, авторы интересовались не личностями проституток, а склонностями и привычками их клиентов, среди которых были многие выдающиеся представители американской политики, бизнеса, правосудия и юстиции.

В беседах выяснилось, что лишь незначительному меньшинству нужны были обычные сексуальные занятия, но почти всех интересовали различные эротические отклонения и "вычурный секс": обычным требованием, например, было связывание, побои и другие виды пыток. Некоторые клиенты изъявили желание заплатить высокую цену за разыгрывание сложных садомазохистских сцен, вроде той, где американского летчика, схваченного в нацистской Германии, подвергают изощренным пыткам развратные сотрудницы гестапо. Часто заказывались и высоко оплачивались "золотой" и "коричневый душ" - мочеиспускание и испражнение на клиента в сексуальном контексте⁴². Сразу после оргазма многие из этих весьма степенных и влиятельных мужчин возвращались в младенческое состояние, желали лежать на руках и сосать грудь проститутки - поведение, резко контрастирующее с впечатлением, которое они пытаются производить публично.

Сами авторы предлагают строго биографическое и фрейдистское объяснение, соотнося пытки с родительским наказанием, "золотой" и "коричневый душ" с проблемами приучения к туалету, кормление с фиксацией на матери и т.д. Однако при более близком рассмотрении обнаруживается, что высокопоставленные клиенты скорее воплощали классические перинатальные темы, чем постнатальные события детства. Сочетание телесного принуждения, боли и мучений, сексуального возбуждения, скатологического влечения с последующей регрессией орального поведения несомненно указывает на активизацию БПМ-III.

Выводы Ожейнеса, Бэсса и Салтуса заслуживают особого внимания. Они призвали американскую общественность не ожидать от своих политиков и других видных фигур образцов поведения в области секса. В свете их исследований исключительные сексуальные влечения и тяга к отклонениям неразрывно связаны с крайней степенью честолюбия, необходимой для успеха общественной фигуры в нынешнем обществе.

Авторы, таким образом, предлагают разрешение старого спора между Фрейдом и Адлером (признать ли главенствующей силой в психике секс или желание власти), утверждая, что речь на самом деле идет о двух сторонах одной медали. Это полностью соответствует перинатальной модели. В контексте БПМ-III чрезмерное сексуальное влечение и импульс к самоутверждению, компенсирующие чувство беспомощности и неадекватность, представляют две стороны одного и того же переживания.

Гомосексуализм имеет множество типов, подтипов и, несомненно, множество различных определяющих факторов, поэтому здесь невозможно привести какое-либо их обобщение. К тому же мои клинические наблюдения гомосексуальности несколько односторонни, они почти полностью ограничены лицами, добровольно согласившимися на лечение, так как считали гомосексуальность проблемой и имели в связи с ней серьезные затруднения. А есть большая категория людей с явными гомосексуальными предпочтениями, которые находят удовольствие в таком образе жизни - их главной проблемой является скорее конфликт с нетерпимым обществом, а не внутриспсихическая борьба. Мои пациенты гомосексуалисты обычно испытывали другие клинические проблемы, такие как депрессия, склонность к самоубийству, невротические симптомы или психосоматические проявления. Это следует иметь в виду при подходе к наблюдениям, изложенным далее.

Многие из гомосексуалистов-мужчин, с которыми я работал, поддерживали хорошие социальные отношения с женщинами, но совершенно не умели относиться к ним сексуально. В ходе лечения эту проблему можно было проследить назад к тому, что психоанализ назвал бы "страхом кастрации"; я уже указывал выше, что комплекс кастрации и фрейдовский

⁴² - Таковым было, согласно цитируемым в этой книге отчетам ЦРУ, сексуальное предпочтение Адольфа Гитлера. Диктатор, стремившийся стать абсолютным властелином мира, в частной сексуальной жизни хотел, чтобы его связывали, пытали, унижали и испражнялись на него.

образ зубастого влагалища можно расшифровать в ходе психоделической терапии как страх перед женскими гениталиями, основанный на памяти родовой травмы. Кроме этой проблемы, которую следует интерпретировать как бессознательный страх попадания в роль рождающегося, мужская гомосексуальность подразумевает еще один элемент, основанный, очевидно, на отождествлении с рождающей матерью. Речь идет о специфическом сочетании ощущений, характерных для БПМ-III, в первую очередь ощущения биологического объекта в своем теле, а также смеси удовольствия и боли, сочетания сексуального возбуждения с анальным давлением. В том факте, что при анальном сношении будет проявляться сильный садомазохистский оттенок, можно увидеть дополнительную иллюстрацию глубокой связи между мужской гомосексуальностью и динамикой третьей перинатальной матрицы.

На более поверхностном уровне мои пациенты-мужчины часто выказывали глубокое, страстное восхищение мужской фигурой. Реальную подоплеку этого "желания составляет потребность ребенка в отцовском внимании, а для взрослого единственным способом удовлетворить его становятся гомосексуальные отношения. Я встречал также гомосексуалистов с минимальными затруднениями в половой жизни, которые были способны проследить свои сексуальные предпочтения до их корней в трансперсональных сферах, таких как незавершенный гештальт предыдущего женского воплощения, или мужское воплощение с гомосексуальными склонностями в античной Греции.

Комментарии, касающиеся лесбийских тенденций, следует предварить теми же оговорками, что и для мужского гомосексуализма, поскольку мое представление о них так же ограничено и односторонни. Вообще говоря, *женский гомосексуализм* имеет, видимо, менее глубокие психологические корни, чем мужской. Одним из важнейших факторов наверняка служит неудовлетворенная потребность в интимном контакте с женским телом, отражающая период суровой эмоциональной депривации в раннем детстве. Интересно, что женщины часто испытывают гомосексуальные страхи, когда - при глубокой регрессии в детство - подходят к периодам эмоционального голода и начинают страстно желать контакта с женщиной. Когда они осознают, что для маленькой девочки желание телесной привязанности к женщине вполне нормально и естественно, эти страхи обычно исчезают.

Другим важным компонентом лесбиянства является тенденция психологически возвращаться к воспоминанию освобождения в момент рождения, происходившего в тесном соприкосновении с женским гениталиями. Этот фактор по существу тот же, что и обсуждавшийся ранее в связи с мужским гомосексуальным предпочтением орально-генитального секса. Другим элементом, относящимся к памяти рождения, может быть страх подавления, подчинения чужой воле и насилия во время полового акта. Очень часто негативные переживания из детства, связанные с образом отца, дают дополнительные мотивы к тому, чтобы искать женщин и избегать мужчин. Обобщая, можно сказать, что женский гомосексуализм меньше связан с перинатальной динамикой и вопросами жизни и смерти, чем гомосексуализм мужчин, с которыми я работал. Лесбийские наклонности отражают позитивный перинатальный компонент привязанности к материнскому организму, в то время как мужская гомосексуальность ассоциируется с памятью об угрожающем жизни зубастом влагалище. Большая терпимость общества к лесбиянству, чем к мужским гомосексуальным проявлениям, очевидно, поддерживает эту точку зрения.

Несмотря на то, что особое значение в интерпретации вышеописанных сексуальных вариаций и отклонений придается перинатальной динамике, это вовсе не означает, что биографические события не влияют на развитие этих феноменов. Кстати говоря, психогенные факторы, обсуждаемые в психоаналитической литературе, постоянно подтверждались и в работе с психоделиками и в эмпирической немедикаментозной терапии. Единственное различие между фрейдовской точкой зрения и нашими объяснениями в том, что биографические события рассматриваются не как причина этих проблем, а как условие их развития. Биографические факторы значимы потому, что они избирательно усиливают некоторые аспекты, перинатальной динамики или же серьезно ослабляют защитную систему, которая обычно препятствует проявлению в сознании перинатального опыта и соответствующей энергии. Важно также добавить, что во многих случаях некоторые из описанных выше обстоятельств содержат важные трансперсональные составляющие. Они не поддаются систематическому описанию и должны поэтому исследоваться в каждом отдельном случае при условии непредвзятого и открытого подхода к эмпирической работе.

4. *Трансперсональные формы сексуальности.* В сексуальном опыте, имеющем трансперсональные измерения, индивид ощущает выход за пределы самоидентичности и Эго, как они определены в обычном состоянии сознания. Это может быть переживанием себя в разнообразном историческом, этническом или географическом контексте или полным отождествлением с другими личностями, животными или архетипическими сущностями.

нием с другими личностями, животными или архетипическими сущностями. Переживания такого рода могут оставаться целиком внутриспсихическими, когда испытывающий их не включен фактически в сексуальную деятельность, а погружен в процесс самоизучения, или же они могут происходить как часть реального сексуального взаимодействия с партнером. Во втором варианте измененное состояние сознания может предшествовать любовному акту как у партнеров, занимающихся сексом под воздействием марихуаны или ЛСД, или может быть им подстегнуто.

В соответствующей сексуальной ситуации можно либо переживать только собственные чувства, либо одновременно с этим войти в эмоциональное состояние и телесные ощущения партнера. Так, иногда люди под воздействием ЛСД испытывали то, что было судя по всему сексуальными ощущениями их матерей во время симбиотического союза, обусловленного беременностью, родами и кормлением. Иногда к внутриутробным переживаниям присоединялось свидетельство родительского совокупления с точки зрения плода; это ассоциировалось с собственным отчетливым сексуальным переживанием. Реже случается, что личность в измененном состоянии сознания заново переживает сексуальный опыт своего предка. Иногда это относится к ближайшим предкам, к матери, отцу или их родителям, в других случаях эти эпизоды приходят, вероятно, из весьма удаленных исторических периодов и имеют качество расовой памяти. В некоторых случаях под действием ЛСД люди переживали участие в сложных сексуальных ритуалах и церемониях различных культур, таких, как праздники плодородия, обряды перехода, античная храмовая проституция или сцены фаллического культа. Опыт подобного рода часто содержит весьма специфическую и детальную, исторически и антропологически верную информацию, которая индивиду ранее не была доступна. Когда в таких переживаниях чувство фактической биологической связи с участниками не выражено, лучше описывать их в терминах юнговского коллективного бессознательного. Иногда они могут сопровождаться ощущением идентичности и глубокой духовной связи с протагонистом и переживаться как воспоминание. Это характерно для одной из наиболее важных групп трансперсональных переживаний - кармической памяти, или памяти прошлых воплощений.

Удивительной категорией трансперсональных сексуальных переживаний, является полное отождествление с различными животными формами. Будь то млекопитающие, низшие позвоночные или беспозвоночные (насекомые, моллюски и медузы), все эпизоды включают соответствующий образ тела, эмоциональные и другие эмпирические реакции, характерные особенности поведения. Ощущения отличаются высокой подлинностью; они всегда специфичны, уникальны для данного вида и обычно превосходят все, на что может быть способна фантазия неинформированного человека. Подобно опыту коллективного и расового бессознательного, этот опыт часто дает большое количество точной информации, резко превышающее образовательный уровень вовлеченных в него людей.

Новые прозрения, приобретенные в таких переживаниях, могут затрагивать не только психологию животного, динамику его инстинктов, особенности брачного поведения, но и детали сексуальной анатомии, физиологии, иногда даже химии. Обычно происходит отождествление с какой-то одной формой жизни, но иногда в одном составном переживании объединяется несколько форм. Результатом этого может быть картина, как бы представляющая архетип любовного акта в природе, выражающая и иллюстрирующая потрясающую мощь и красоту сексуального соединения. Опыт подобного рода может стать частью океанического секса, переживания божественного слияния типа Шива-Шакти (то и другое будет описано ниже) или контекста открытия второй чакры, когда сексуальная энергия проявляется как господствующая сила во вселенной. В некоторых случаях ЛСД вызывает сексуальные ощущения при отождествлении с растениями, например сознательное переживание, связанное с опылением.

Еще одна важная трансперсональная форма сексуального опыта - *божественное соединение*. Есть два варианта этого в высшей степени интересного явления. В первом человек испытывает сексуальное общение с божеством, но сохраняет при этом свою индивидуальность. Можно упомянуть экстатические восторги св. Терезы Авильской как пример безмедикаментозного переживания подобного рода. Сходные духовные состояния встречаются также в практике приверженцев бхакти-йоги. Второй вариант подразумевает сексуальное переживание при полном отождествлении с божественным существом. Это может происходить в более или менее абстрактной форме как космическое единение мужского и женского принципов -наподобие божественной игры Инь и Ян в даосской традиции. В числе более изощренных архетипических проявлений нужно упомянуть мистический брак, (нерогамию), алхимические *misterium coniunctionis* (мистерии слияния) или отождествление с богом

или богиней, в сексуальном единении с соответствующим супругом (Шива и Шакти, Аполлон и Афродита или тибетские тантрические божества и их шакти).

Три другие трансперсональные формы сексуальности настолько выделяются из всего прочего, что требуют отдельного рассмотрения: это сатанинская, океаническая и тантрическая. *Сатанинская сексуальность* психологически соотносится с рождением и особенно с БПМ-III. Образы и переживания сатанинских оргии очень часто проявляются на финальных стадиях развертывания перинатальной памяти. Для них характерна своеобразная смесь смерти, секса, агрессии, скатологии и религиозных чувств. Важный вариант этой темы заключается в том, что люди видят или даже ощущают себя участниками сложного ритуала *Черной мессы*. Стихия смерти задана самим местом проведения этих церемоний - это кладбища с разверстыми могилами и гробами. Ритуалы включают в себя дефлорацию девственниц, принесение в жертву животных или младенцев, сокопления в могилах и гробах или в неостывших еще внутренностях жертвенных животных. Еще один частый мотив - дьявольский пир, в меню которого входят экскременты, менструальная кровь и разрезанные зародыши. Тем не менее, там царит атмосфера не разнузданной оргии, а странного религиозного ритуала жуткой силы, атмосфера служения Богу Тьмы. Многие пациенты ЛСД-терапии независимо друг от друга сообщали, что феноменология этого переживания включает в себя те же элементы, что и на финальных стадиях рождения; наверное, в этом соответствии заложен особый смысл. Общие черты для сатанинских оргий и для кульминации биологического рождения - садомазохизм, сильное сексуальное возбуждение неестественной природы, присутствие омерзительных биологических отходов, атмосфера смерти и мрачного ужаса, но в то же время ощущение близости божественного.

Другой вариант той же темы - картина *Шабаша ведьм*, или *Вальпургиевой ночи*, и связанные с ней переживания. Этот архетип, доступный в измененных состояниях сознания, имеет исторические прецеденты в европейском средневековье, когда на своих сборищах ведьмы пользовались секретом психоактивных зелий и мазей.

Среди растений, употреблявшихся для этих снадобий, следует выделить - белладону (*Atropa belladonna*), белену (*Hyoscyamus niger*), дурман (*Datura stramonium*) и мандрагору (*Man-dragora officinarum*), иногда добавлялись животные ингредиенты, такие как кожа жаб и саламандр⁴³. Приняв зелье или смазав кожу и вагину мазью, ведьмы воспроизводили опыт участия в шабаше.

Это явление надежно подтверждено историческими документами, но все равно удивительно, насколько схожи с ним переживания, встречающиеся спонтанно на некоторых стадиях психоделического процесса или в ходе немедикаментозной эмпирической психотерапии. Общая атмосфера шабаша ведьм - это дикое возбуждение и подъем обычно запретных инстинктивных влечений. Сексуальный элемент представлен в садомазохистской, кровосмесительной и скатологической формах. Глава шабаша - дьявол в образе огромного черного козла по имени Мастер Леонард. Он ведет болезненный ритуал дефлорации девственниц своим гигантским чешуйчатым penisом, сокопляется без разбора со всеми присутствующими женщинами, принимает почтительные поцелуи в анус и побуждает участников к диким кровосмесительным оргиям.

Матери и сыновья, отцы и дочери, братья и сестры вовлекаются в ходе этого странного и зловещего ритуала в необузданное сексуальное взаимодействие.

Скатологический элемент присутствует в форме странного дьявольского пира, включающего такие биологические вещества, как менструальная кровь, сперма, экскременты и разрезанные зародыши, приправленные специями. Характерным аспектом шабаша является богохульство, осмеяние и извращение христианского символизма. Маленькие дети играют с уродливыми жабами в лужах святой воды, жаб одевают в лоскуты пурпурной материи, изображающие кардинальское облачение, и кормят святым причастием. Шутовское причастие для шабаша приготовлено из теста, которое месят на ягодицах голой девушки.

Важной частью церемонии становятся принятие у новичков отречения от Христа и всех христианских символов. Этот элемент представляет, наверное, особый интерес, поскольку в перинатальном развертывании отождествление с Христом и его страданиями составляет следующую архетипическую ступень в процессе смерти-возрождения, когда испытывающий освобождается от кошмарной атмосферы сатанинских оргий или Вальпургиевой ночи и сам становится связующим звеном на переходе к чистому духовному раскрытию. Отречение от

⁴³ - Использование всех этих ингредиентов более чем оправдано с точки зрения современной психофармакологии. Растения из семейства пасленовых содержат сильнодействующие психоактивные алкалоиды атропин, скополамин и гиосциамин, а кожа жабы является источником психоделиков диметилсеротонина и буфотенина.

христианства, таким образом, обрекает участников шабаша на вечное повторение их ужасных действий, задерживает архетипическое развертывание и мешает им достичь духовного освобождения.

Звучание музыкальных инструментов, сделанных из костей, шкур и волчьих хвостов, дополняет причудливую атмосферу этих ни с чем не сравнимых ритуалов. Как и в сатанинских оргиях, описанных выше, смесь дикого возбуждения, извращенного секса, агрессии, скатологии и духовного элемента в форме богохульственного извращения традиционного религиозного символизма выдает глубокую связь этого эмпирического паттерна с третьей перинатальной матрицей. В отличие от адских элементов БПМ-II, это не опыт жертвы, преследуемой злыми силами, а прежде всего искушение высвободить в экстатической оргии все запретные внутренние импульсы. Опасность здесь скорее в возможности самому стать злом, чем оставаться беспомощной жертвой зла.

Интересно, что многие из процедур, применявшихся инквизицией и к действительным сатанистам и ведьмам, и к тысячам ни в чем не повинных жертв, имеют странное сходство с ритуалами ведьмовского шабаша. Дьявольски изощренные пытки и другие садистские процедуры, массовые аутодафе, бесконечные допросы о сексуальных аспектах шабаша и сатанинских оргий или о сексуальной анатомии и физиологии дьявола, осмотр гениталий подозреваемых ведьм в поисках знаков совокупления с богом тьмы (*signa diaboli*) - все это проделывалось с религиозным пылом, а не в духе извращенности немыслимого масштаба. Проблески интуиции в психоделическом процессе показывают, как мало различий в состояниях сознания инквизиторов и сатанистов; их поведение мотивируется одними и теми же глубинными силами подсознания, связанными с БПМ-III. Преимущество Святого Ордена инквизиции было только в том, что его практику поддерживали законы и государственная власть.

Элементы этих архетипических паттернов в более мягких формах можно найти в разнообразных отклонениях и нарушениях сексуальной жизни и, до некоторой степени, даже в сексуальной активности, которая по теперешним критериям может считаться "нормальной". Все сексуальные феномены, которые мы до сих пор обсуждали, имеют общий базис в сексуальном опыте, полученном во время борьбы на грани жизни и смерти с материнским организмом. У тех, чей опыт связан с элементами БПМ-IV и БПМ-I, развивается совсем иное отношение к сексуальности. Оно основано на памяти внутриутробного и постнатального состояния, когда либидозные чувства переживаются в синергическом и дополняющем взаимодействии с другим организмом. Такие формы сексуальности обладают явно выраженным качеством божественного или духовного; наиболее важные примеры из этой категории - океанический секс и тантрический подход к сексуальности.

Океанический секс - это концепция сексуальности, подход к ней и переживание ее, диаметрально противоположные тому что вытекает из динамики третьей перинатальной матрицы. Я ввожу новый термин, потому что не смог найти в литературе ни подходящего названия для этой формы сексуальности, ни даже ее описания. Ее развитие относится к переживанию космического единства и, на более поверхностном уровне, к экстатическому симбиотическому единству ребенка и материнского организма в течение беременности и в период вскармливания (опыт хорошей матки и хорошей груди). В этой форме будут спонтанно проявляться новое понимание и новая стратегия сексуальности после опыта полного противостояния БПМ-IV и БПМ-I. Однажды пережитые, они будут проявляться неявно и в повседневной жизни - если не как реальный опыт, то как философская концепция или идеал.

В океаническом сексе основная модель сексуального взаимодействия с другим организмом - это не освобождающий сброс и облегчение после периода напряженных усилий и борьбы, а легкий и взаимопитающий поток и обмен энергией, напоминающий танец. Целью взаимодействия становится потеря собственных границ, слияние с партнером и растворение в состоянии блаженного единства. Генитальное соединение и оргазмическая разрядка, пусть даже мощно переживаемые, считаются здесь второстепенными в сравнении с предельной целью - достижением трансцендентного слияния мужского и женского принципов. Хотя на восходящей дуге оргазма можно при этой форме сексуальности достичь божественного или архетипического измерений, сам оргазм не считается единственной или конечной целью. Некоторые из тех, кому довелось ее испытать, на вопрос, какую функцию выполняет в ней генитальный оргазм, отвечали, что он служит для "удаления биологического шума из духовной системы". Если два сексуально заряженных партнера попытаются слиться, то после некоторого периода взаимодействия они начнут испытывать локализованное генитальное напряжение. Это напряжение снимается в генитальном оргазме - и тогда возможен более полный, растворяющий опыт объединения.

Характерной чертой такого подхода к сексу является желание партнеров оставаться в близком физическом контакте и любовном негенитальном взаимодействии долгое время после оргазма. Интенсивные формы океанического переживания всегда содержат мощный духовный компонент; сексуальный союз воспринимается как таинство отчетливо божественного качества. Партнер может восприниматься как представитель всех существ его пола в архетипическом образе. Сексуальное взаимодействие двух людей становится проявлением союза мужского и женского начал на космическом уровне в духе полярности китайских Инь и Ян. В то же самое время партнеры могут пребывать в мифологических измерениях, переживая себя и друг друга как божественных персонажей или воспроизводя различные филогенетические матрицы. Во втором случае соитие испытывается как очень сложное, многоуровневое и многомерное событие, в котором сексуальность предстает как потрясающая природная сила космического масштаба. Партнеры, занимаясь любовью, могут также осознавать, что движение их тел отражает рисунок и ритм, танцев ухаживания и брачного поведения других видов и форм жизни по всей шкале эволюции.

Последняя особая трансперсональная форма сексуальности это *тантрический секс*. Главное в нем - опыт трансценденции и просветления, а гениталии и сексуальная энергия используются просто как подходящие средства. Вряд ли нужно вообще рассматривать эту форму взаимодействия как сексуальную, так как это духовная техника йоги, а не активность, направленная на удовлетворение биологических потребностей. Генитальное соединение используется для активации сил либидо, но не ведет к оргазмическому разряду и эякуляции; по сути дела, биологическое удовлетворение через сексуальный оргазм считалось бы здесь неудачей.

Последователи Вама марга (*Vama marga*), или тантрического "пути левой руки", принимают участие в тщательно разработанных ритуалах, называемых "Панча-макара" (*Pancha makara*). Это название обозначает пять важнейших компонентов этого обряда, все они начинаются с буквы "М": *madya* (вино), *mamsa* (мясо), *matsya* (рыба), *mudra* (выпеченный хлеб) и *maithuna* (сексуальное соединение). Ритуальное соединение происходит коллективно в особом месте и в точно выбранное гуру особое время. В церемонии большое значение придается эстетике, используется очищение, ритуальное купание, свежие цветы, красивые костюмы, тонкие благовония и духи, музыка, пение и специально приготовленные пища и вино. Аюрведические снадобья, в которых сочетаются мощные сексуально возбуждающие и психоделические средства, составляют важную часть ритуала (Mookerjee, 1982).

В то время как практика "пути правой руки", Дакшина марга (*Dakshina marga*), остается на уровне символов и метафор, "путь левой руки" в проведении ритуала конкретен и буквален. Его основной принцип заключается в том, что духовное освобождение может быть достигнуто не в отказе от желаний и страстей, а в преобразовании тех самых элементов, которые обычно ведут нас к грехопадению. На кульминационной стадии ритуала партнеры принимают специальные сексуальные йогические позы, тантра-асаны. Они вместе дышат и созерцают в полном генитальном единении и концентрированном усилии, чтобы продлить и использовать для своего опыта самое последнее мгновение перед оргазмическим разрешением.

Эта активность пробуждает и поднимает дремлющую в нижней, сакральной части позвоночника духовную энергию, названную в тантрической литературе Кундалини - Змеиной Силой. В своей активной форме, называемой Шакти, эта энергия течет вверх по позвоночнику через каналы тонкого тела, называемые Ида (*Ida*) и Пингала (*Pingala*), и вызывает раскрытие и активизацию семи центров психической энергии, чакр. При этом тантрические партнеры испытывают космическое единство мужского и женского принципов, переживают живую связь с трансцендентным божественным источником (Здесь описана тантрическая практика в индуизме, которую не следует путать с буддийской. - Прим. ред.).

В отличие от океанического секса, где локализованное сексуальное напряжение разряжается до момента слияния мужского и женского начал, здесь генитальное соединение и напряжение используется как средство, а сексуальная энергия трансформируется в духовный опыт. Во многих случаях принимавшие ЛСД совершенно спонтанно обнаруживали тантрический подход к сексу во время психоделических сессий и продолжали практиковать его в повседневной жизни, обычно в сочетании с океаническим сексом или даже с общепринятыми формами сексуальности. Трансперсональный сексуальный опыт и глубокие изменения в сексуальной жизни могут также иметь место в контексте различных эмпирических методов без применения психостимуляторов.

В свете ежедневных клинических наблюдений за ходом психоделической терапии и других форм эмпирического самоисследования, я все более убеждался, что объяснения, предложенные аналитически ориентированной психиатрией магистрального направления для большинства эмоциональных расстройств, поверхностны, неполны и неубедительны. Это особенно поражает в случаях крайних форм насилия и саморазрушительной психической деятельности. Становится очевидным, что из психодинамического материала, каким бы травматическим он не был, нельзя получить адекватного объяснения таких серьезных и радикальных психопатологических явлений, как самоувечье, кровавое самоубийство, садомазохизм, зверское умерщвление или беспорядочные импульсивные убийства, наблюдаемые в случаях буйной одержимости. История эмоциональной депривации в детстве, болезненный рост зубов или даже телесные оскорбления со стороны родителей и их заместителей в качестве адекватного психологического мотива леденящих кровь случаев криминальной психопатологии, конечно, никого не убедят.

Последствия этих действий есть вопрос жизни и смерти, следовательно, силы, скрытые в их основе, должны быть такого же масштаба. Объяснения, базирующиеся только на анализе биографического материала, представляются еще более абсурдными и неадекватными, когда их применяют к крайним проявлениям социальной психопатологии - к безумию массового уничтожения и геноцида, апокалиптическим ужасам концентрационных лагерей, коллективной поддержке целыми нациями грандиозных и мегаманиакальных планов авторитарных тиранов, жертвоприношению миллионов во имя наивных утопических видений или бесцельным жертвам войн и кровавых революций. Трудно принимать всерьез психологические теории, которые пытаются соотнести массовую патологию такой глубины с историей родительских шлепков или подобными эмоциональными или телесными травмами. Инстинктивистские рассуждения таких исследователей, как Роберт Одри (Ardrey, 1961; 1966), Десмонд Моррис (Morris, 1967) и Конрад Лоренц (Lorenz, 1963), предположивших, что деструктивное поведение запрограммировано филогенетически, мало чему помогают, поскольку природа и размах человеческой агрессивности не имеют параллелей в мире животных.

Рассмотрим некоторые наиболее важные наблюдения, полученные в глубинной эмпирической работе с применением и без применения психоделиков, имеющие, судя по всему, непосредственную связь с проблемой человеческой агрессии. Этот клинический материал согласуется в основном с работами Эрика Фромма (Fromm, 1973) и ясно показывает необходимость отличать *оборонительную, доброкачественную агрессивность*, которая служит выживанию индивида и вида, от *злой разрушительности и садистской жестокости*. Последнее, видимо, специфично для человека и имеет тенденцию возрастать, а не уменьшаться с развитием цивилизации. Именно эта злая форма агрессии - не имеющая каких-либо существенных биологических или экономических причин, неадаптивная и непрограммируемая филогенетически - составляет реальную проблему человечества. С появлением мощной современной технологии в последние десятилетия злая агрессия представляет серьезную угрозу уже не только существованию человеческого вида, но и сохранению жизни на планете. Поэтому, согласно Фромму, важно отличать агрессивность инстинктивной природы от других форм деструктивности, коренящихся в структуре личности; последние можно описать как "неинстинктивные страсти, укорененные в характере".

Клинические наблюдения из психотерапии с применением ЛСД и других эмпирических техник добавили несколько новых измерений к этому интуитивному пониманию. По ним видно, что паттерны злой агрессии понятны в терминах динамики бессознательного, если к модели человеческого сознания добавить перинатальный и трансперсональный уровни. У этого открытия есть несколько далекоидущих теоретических и практических следствий. Злая агрессия уже представляется не фатальной сущностью органики центральной нервной системы и ее жестких инстинктивных программ, а проявлением гибких и изменчивых функциональных матриц, т.е. "программного обеспечения" мозга.

Далее, с открытием расширенной модели сознания злая агрессия попадает в контекст процесса смерти-возрождения и таким образом связывается с жадой трансценденции и мистическими поисками. Воспринятый внутренне и проработанный в безопасных, организованных и социально санкционированных условиях, опыт злой агрессии и самодеструктивности может стать важным инструментом в процессе духовного преображения. С этой точки зрения многое в бессмысленном насилии, как в индивидуальном, так и в кол-

лективном бессознательном оказывается результатом недопонимания и извращения духовных побуждений. Во многих случаях в ходе терапии с применением надлежащей техники эта энергия может быть перенаправлена к духовным целям. Здесь полезно более подробно рассмотреть источники злостной агрессии и ее клинические и социальные проявления.

Судя по всему, агрессивность по большей части относится к травматическому материалу из детства и другим биографическим факторам, что в основном согласуется с психоаналитической концепцией. Это обычно связано с повторным проживанием воспоминаний, касающихся помех в удовлетворении желания безопасности у ребенка, с вытекающей отсюда фрустрацией. Конфликты вокруг достижения удовольствия в различных либидных зонах, эмоциональная депривация и отвержение со стороны родителей или лиц, их замещающих, грубое телесное надругательство - вот самые типичные примеры таких ситуаций. Задействованность оральной и анальной зон, по-видимому, особенно значима с этой точки зрения. Если психотерапевтический процесс использует технику, несколько ограниченную по способности проникать в бессознательное (например беседы лицом к лицу или фрейдовские свободные ассоциации), всякая агрессия покажется связанной с биографическим материалом, пациент, так же как и терапевт, никогда не достигнет более глубокого понимания этих явлений. А вот при помощи психоделиков и некоторых видов мощной эмпирической техники уже на ранних стадиях терапии начинает проявляться совершенно другая картина.

Сначала индивид может испытывать агрессивность в связи с различными биографическими событиями детства, но интенсивность разрушительных импульсов, связанных с этими событиями, кажется избыточной и не соответствующей по значимости природе и смыслу самих ситуаций. В некоторых случаях различные психологические по виду травмы получают свою эмоциональную силу от физических травм, с которыми они соотносятся тематически. Но даже и этот механизм сам по себе не дает полного и удовлетворительного объяснения. По мере углубления процесса эмпирического самоисследования становится очевидным, что секрет огромной мощности вовлеченных эмоций и ощущений таится на перинатальном уровне и в тематических связях между биографическим материалом и специфическими чертами родовой травмы, что и является истинным источником этих агрессивных импульсов.

Так, в оральной агрессии с убийственными побуждениями и ожесточенным стремлением кусать, которую ребенок обычно переживает в связи с некоторыми неудовлетворительными аспектами кормления, неожиданно всплывает еще и его гнев в отчаянной борьбе за жизнь и дыхание в тисках родового канала. Эмоции и ощущения, первоначально приписываемые травме обрезания и связанным с ней страхом кастрации, осознаются теперь как вызванные пугающим отделением от матери в момент перерезания пуповины при родах. Сочетание яростных агрессивных импульсов, анальных спазмов и страх перед биологическими отходами, которое казалось связанным с суровостью в приучении к туалету, заново интерпретируется как реакция, вызванная борьбой на грани жизни и смерти в финальных стадиях рождения. Подобно этому, ассоциируемый с удушьем гнев, который на биографическом уровне казался метафорой соматической реакции на принуждающую, сдерживающую и "душащую" опеку доминирующей матери, в опыте связывается с буквально ограничивающим и сжимающим материнским организмом во время биологического рождения.

Как только выясняется, что лишь малая часть убийственных агрессивных импульсов относится к травматическим ситуациям из детства, а глубинные корни закладываются родовой травмой, становятся понятными их размах, интенсивность и злокачественная природа. Угроза жизни организма в процессе рождения, тягчайший физический и эмоциональный стресс, мучительная боль, страх удушья характеризуют ситуацию рождения как вероятный источник агрессивности. Понятно, что реактивация бессознательной записи события, в котором жизнь подвергалась угрозе со стороны другого биологического организма, может вылиться в агрессивные импульсы, создающие опасность для жизни самого индивида и окружающих.

Явления, кажущиеся темными и загадочными до тех пор, пока мы пытаемся рассматривать их только как биографически детерминированные, - самоувечье, кровавый суицид, садистское убийство или геноцид, - несомненно станут более понятными, если осознать, что их эмпирическим источником должен быть процесс сопоставимого масштаба и значимости. В том факте, что все фрейдовские эрогенные зоны глубоко задействованы в процессе рождения, виден естественный переход к более поздним травмам на различных стадиях развития либидо. Тяжелые и болезненные переживания, затрагивающие оральную, анальную, уретральную и фаллическую области и соответственные функции, травматичны не только сами по себе, но и из-за близкой тематической связи со специфическими перинатальными

элементами. За счет этой связи возникают эмпирические каналы, через которые различные аспекты перинатальной динамики могут при некоторых условиях влиять на сознательные процессы. Детские переживания, следовательно, не являются первичными источниками злостной агрессии. Они только добавляются к уже существующему бездонному запасу перинатальной агрессивности -ослабляя защиту, которая в норме предотвращает ее прорыв в сознание, и специфически окрашивая ее индивидуальные проявления.

Связь между злостной агрессией и перинатальной динамикой находит важное подтверждение в некоторых достаточно общих наблюдениях из психоделической терапии. Если фармакологический эффект ЛСД ослабевает к тому времени, когда субъект попадает под динамическое влияние БПМ-III, и переживание поэтому не достигает точки разрешения в переходе к БПМ-IV, то чаще всего развивается очень характерная клиническая картина. Речь идет о крайнем физическом и эмоциональном напряжении общего характера с ощущениями огромного давления в различных частях тела, а также о локализованном дискомфорте в некоторых эrogenных зонах. Специфический паттерн этого состояния сильно видоизменяется в каждом отдельном случае в смысле относительной включенности различных анатомических зон и физиологических функций.

Это состояние сочетается с переполняющим выплеском агрессивных импульсов в сознание; часто требуется предельное усилие, чтобы сохранить самоконтроль и удержаться от насильственных действий. В этих случаях люди описывают самих себя как "бомбу с часовым механизмом", готовую взорваться в любую минуту. Деструктивная энергия направлена как внутрь, так и вовне; стихийные саморазрушительные импульсы и агрессия, направленная против других лиц и объектов, в этих условиях могут существовать вместе или чередоваться в довольно быстрой последовательности. Если этим вулканическим силам будет позволено проявить себя и прорвать защитные барьеры индивида, самоубийство и убийство станут одинаково возможными исходами. Хотя всегда присутствуют и разрушительные и саморазрушительные тенденции, в разных случаях будет отчетливо доминировать то или другое стремление.

Эти наблюдения отмечают четкую психогенную связь между насилием, убийством, саморазрушительным поведением и кровавым самоубийством, с одной стороны, и динамикой третьей перинатальной матрицы, с другой. Они также весьма значимы для понимания тех ситуаций, когда индивид совершает беспорядочные убийства и потом прямо или косвенно совершает самоубийство. Феномен амока, культурно-ограниченный синдром, встречающийся в Малайзии, - крайний тому пример. Даже беглый анализ жизни убийц - таких, как Бостон Стрэнглер, техасский бандит Уайт или Чарлз Мэнсон - обнаруживает, что их мечты и фантазии так же, как их повседневная жизнь, изобилуют темами, прямо связанными с БПМ-III.

Одним из самых типичных проявлений БПМ-III является агрессия, направленная и вовне и на себя самого. Это отражено на символическом автопортрете психиатрического пациента, выполненном сразу после мощного перинатального ЛСД-сеанса. Стилизованная хищная птица сжимает в когтях беспомощную мышь. Другая когтистая лапа преобразилась в пушку, направленную в голову самого хищника. Старый автомобиль вверху отражает игру слов (портрет себя = автопортрет), а также связь этого типа агрессивности с безрассудной ездой и аварийностью.

Социокультурный пример поведения, психологически отражающего динамику БПМ-III, - это воин камикадзе: он причиняет колоссальные разрушения и сеет смерть, а затем умирает сам. В то же время его действие рассматривается в более широком духовном контексте как жертва во имя высшего смысла и императора, который персонифицирует божество. В мягких формах активация третьей перинатальной матрицы ведет к состоянию раздражительности и гнева, выливается в тенденцию провоцировать конфликты, притягивать агрессию других и ситуации самонаказания.

Подобные наблюдения позволяют также в новом свете увидеть различные формы саморазрушительного поведения, приводящие к *телесному самоувечью*: как и в предыдущих примерах, ключ к ним опять дает динамика БПМ-III. Когда пациенты испытывают во время сеансов интенсивную боль, которая составляет существенную часть битвы смерти-возрождения, им часто неудержимо хочется страдания привнесенного извне и дающего ощущение, соразмерное с переживанием. Так, человек, испытывающий мучительную боль в шее или в нижней части спины, может просить о болезненном массаже этих мест. Сходным образом, чувство удушья поведет к просьбам или попыткам удушения. В крайних случаях, индивид, испытывающий мучительную боль в разных частях тела, может увериться, что их необходимо отрезать или проткнуть острым предметом и тем самым облегчить непереноси-

мые страдания. Во время некоторых психоделических сеансов такого рода, ассистентам приходилось по-настоящему предохранять пациентов от нанесения вреда самим себе - от опасных поз, способных повредить шею, от ударов головой о стену, от царапания лица или выкалывания глаз.

Более глубокий анализ обнаруживает, что эти явления, внешне предполагающие серьезную психопатологию, мотивируются попытками самоизлечения. Когда пациент переживает интенсивную боль или сильную негативную эмоцию без адекватного внешнего стимула, это указывает на то, что травматический материал поднимается из бессознательного. В этом случае те же самые неприятные эмоции и телесные ощущения предстают с интенсивностью, превосходящей пережитое пациентом сознательно. Когда природа и интенсивность сознательного переживания в точности совпадут с бессознательным гештальтом, проблема будет решена и произойдет излечение.

Значит, догадка о том, что для достижения разрешения нужно испытать тот же самый дискомфорт, в сущности точна. Однако, чтобы это произошло, эмпирический паттерн должен быть внутренне завершен, а не просто отыгран в действии. Пациент должен снова прожить исходную ситуацию во всей ее полноте и с полной сознательной интуицией; переживание ее видоизмененной копии, без доступа к тому уровню бессознательного, к которому она принадлежит, только отягощает проблему, а не решает ее. Главная ошибка тех, кто пытался себя увечить, в смешении внутреннего процесса с элементами внешней реальности. Это та же ошибка, что и в случае, когда индивид, повторно переживающий болезненный процесс рождения, ищет открытое окно, рассчитывая найти в нем спасение из тисков родового канала. Приведенные примеры показывают, что на сеансах обязательно должен присутствовать опытный ассистент, который сумеет создать безопасное окружение и предотвратить возможные несчастные случаи из-за неадекватного отношения к реальности, в которую погружен испытатель.

Когда сеанс, в котором доминирует БПМ-III, завершен плохо, склонности к самоувечью могут на неопределенное время перенестись в повседневную жизнь. Состояния такого рода иногда неотличимы от тенденции к самоувечью, наблюдаемой в психопатологических состояниях естественного происхождения. Если это так, необходимо возобновить незавершенную работу с применением различных эмпирических техник, способствующих разрешению ситуации. Если этого недостаточно, нужен еще один психоделический сеанс и как можно скорее. В некоторых случаях различные степени самоувечья отражают не наличие специфических ощущений в бессознательном, а как раз их отсутствие. В этом случае индивид будет пытаться бить, ранить, резать или жечь себя, стараясь преодолеть этим физическую или эмоциональную анестезию, чтобы испытать хоть какие-то чувства. В конечном счете, даже эта проблема отражает, как правило, присутствие мощных сил, действующих в бессознательном. Отсутствие чувств часто означает не потерю чувствительности, а столкновение конфликтующих сил, которые взаимно нейтрализуются. Динамический конфликт такого рода очень часто имеет перинатальные корни.

Мы уже обсуждали в предыдущем разделе некоторые психопатологические явления, включающие агрессивность в сочетании с сексуальностью и скатологией, как характерные проявления БПМ-III. Для садомазохизма, изнасилования, сексуального убийства и некрофилии наличие сексуального и скатологического элементов настолько существенно, что их, по-видимому, лучше исследовать в контексте сексуальности, а не агрессивности.

Значение интуитивных находок глубинной эмпирической психотерапии для понимания злостной агрессии становится еще более очевидным, когда мы переходим от индивидуальной психопатологии в область массовой психологии и социальной патологии. Новые знания по психологии войн, кровавых революции, тоталитарных систем, концентрационных лагерей и геноцида настолько фундаментальны в своей теоретической и практической значимости, что я предпочитаю рассмотреть их отдельно в главе восьмой, посвященной человеческой культуре.

Хотя с практической точки зрения главные запасы агрессивных импульсов следует искать в негативных перинатальных матрицах, многие трансперсональные переживания могут становиться дополнительным источником разрушительной энергии. Так, большой заряд враждебности зачастую ассоциируется с повторным проживанием различных эмбриональных кризисов, особенно попыток аборта. В некоторых случаях сильный, заряд негативных эмоций может быть связан с травматической или фрустрирующей родовой, расовой или коллективной памятью. Разнообразием специфических форм агрессии сопровождается аутентичное отождествление с разнообразными животными формами, в том числе принятие

на себя роли сражающихся соперников одного вида или хищников (животных, птиц, рептилий и других), преследующих и поедающих свои жертвы.

Другим важным источником агрессивных чувств являются живые травматические воспоминания предыдущих воплощений. Здесь важно повторно прожить эти события, со всеми эмоциями и физическими ощущениями, чтобы освободиться от пут гнева и других негативных аффектов и обрести способность прощать и быть прощенным. Мифология изобилует темами, связанными с агрессией и насилием; во многих архетипических сюжетах присутствуют ужасные демоны и гневные божества, яростные битвы богов, героев и легендарных существ, а также сцены разрушения невиданных масштабов. Много деструктивной энергии привязано к трансперсональным образам неорганических процессов - вулканических извержений, землетрясений, океанских штормов, разрушения небесных тел и черных дыр.

Трансперсональные сферы представляют, таким образом, богатый запас негативной энергии различных видов и разной степени. Подобно биографическому и перинатальному источникам, они весьма значимы для понимания психопатологии и для психотерапии. В настоящей клинической работе трансперсональные корни агрессии иногда охватывают глубочайший многоуровневый слой с биографическими и перинатальными компонентами; в других случаях специфические трансперсональные формы непосредственно лежат в основе эмоциональных и психосоматических симптомов. Так или иначе, клиническая проблема с такой динамической структурой не разрешится до тех пор, пока пациент не позволит себе испытать соответствующие трансперсональные гештальты.

Динамика депрессии, неврозов и психосоматических расстройств

Расширенная картография человеческой психики предоставляет новый базис для углубленного понимания психопатологических состояний, встречающихся в повседневной психиатрической практике. Там, где биографически ориентированные теории предлагают динамические объяснения клинических явлений, новая модель представляет интерпретацию более точную и законченную, а во многих случаях и более простую. Она гораздо более адекватно описывает сложные взаимозависимости между отдельными симптомами и синдромами и точнее отражает клинические наблюдения. Кроме того, в модель вписываются некоторые синдромы или их аспекты, которые не принимались в расчет старыми теориями или объяснялись только при помощи сложных, запутанных и крайне неубедительных рассуждений. Это в особенности касается злостной агрессии, садомазохизма, серьезных сексуальных извращений, различных форм суицида, большинства психотических проявлений и примеров духовной патологии.

Концептуальная система, представленная здесь, описывалась и применялась с явным знанием, что она всегда останется моделью, а не точным описанием реальности. И в качестве таковой ей нет лучшего применения, чем для организации собранных ранее наблюдений и данных, и ее нужно будет пересматривать, расширять или изменять, если появятся новые данные или будут открыты новые принципы объяснения. Самыми важными критериями достоверности служат ее способность принимать и синтезировать данные из многих областей, новизна терапевтических механизмов и подходов, далеко опережающих ранее существовавшие, и способность быть источником невероятных идей для будущих исследований и поисков новых направлений. Если описания биографического уровня бессознательного, полученные в ортодоксальном психоанализе, требуют лишь небольших добавлений для объединения с представленной моделью, роль перинатальной и трансперсональной динамики в понимании психопатологии еще требует подробного обсуждения (как из-за ее новизны, так и из-за ее решающей важности).

Динамика перинатальных матриц имеет особую теоретическую и практическую значимость. Перинатальные явления легко доступны, они проявляются постоянно в сновидениях и даже в обстоятельствах повседневной жизни. Многим людям вообще сложнее удержать эти силы под контролем, чем найти сознательный доступ к ним. При наличии нового понимания, уверенности и ситуационной поддержки, достаточно бывает интенсивного дыхания и музыки, чтобы обеспечить эмпирический доступ к перинатальному материалу. Включение концепции перинатальных матриц и родовой травмы в психиатрическую теорию открывает новые увлекательные перспективы. Теперь с ее помощью можно получить естественные, логичные объяснения главных психопатологических расстройств, базирующихся на связи этого уровня психики с анатомией, физиологией и биохимией биологического рождения.

Выход за пределы узкой биографической ориентации имеет многообещающие приложения и в терапии. В новом контексте, основанном на понимании перинатальной динамики,

стандартные психопатологические категории проявляются как относительно стабильные, тяжелые стадии процесса преобразования и эволюции.

Когда терапевтическая стратегия основывается больше на активации и приятии, чем на подавлении, становятся доступными механизмы самоизлечения и личностной трансформации, превосходящие все известное в традиционной психотерапии и психиатрии.

Проявления, относящиеся к динамике перинатальных матриц, обычно рассматриваются психиатрами как признаки серьезных ментальных заболеваний, которые следует подавлять всеми возможными средствами. Некритичное применение такой терапевтической стратегии, непосредственно вырастающей из медицинской модели, превращает многое в психиатрии в антитерапевтическую по существу силу, так как стратегия эта обособляется в противоборстве с процессом, имеющим внутренние ресурсы исцеления. Во многих случаях новое понимание процесса, с поощрением и облегчением его психологическими или фармакологическими средствами следовало бы рассматривать как лучший метод или, по крайней мере, как важную альтернативу.

Пригладимся теперь внимательнее к новому пониманию психопатологии, основанному на концепции перинатальных матриц. Принято считать, что мышление в терминах четкого и окончательного диагноза согласованной этиологии и патогенеза в психиатрии неприемлемо. Некоторые исключения (ментальные дисфункции, связанные с общим парезом, циркулярными и дегенеративными заболеваниями центральной нервной системы, менингитом, энцефалитом или различными опухолями мозга), относятся фактически к числу проблем, которые диагностируются и лечатся методами, разработанными в неврологии. Пациенты с этими нарушениями будут направлены к психиатру, только если возникнут серьезные проблемы с содержанием их переживаний.

Для большинства же нарушений, с которыми психиатр сталкивается в своей повседневной практике, более приемлемо мышление на языке симптомов и синдромов. Симптомы - это эмоциональные и психосоматические проявления, представляющие основные единицы, составные части или строительные блоки психопатологии. Синдромы - типичные наборы или констелляции симптомов, встречающиеся в клинической практике.

Тщательный анализ наблюдений, полученных в глубинной эмпирической психотерапии, показывает, что концептуальная модель, включающая перинатальную динамику, может логически вывести большинство психиатрических симптомов из специфических характеристик процесса биологического рождения. Она в состоянии также вполне естественно объяснить, почему отдельные психиатрические симптомы - тревога, агрессивность, депрессия, комплекс вины, чувство неполноценности или навязчивость и бред - имеют тенденцию объединяться в типичные синдромы.

Тревога, считающаяся вообще самым важным из психиатрических симптомов, логично и естественно сопутствует процессу рождения, ведь роды - это критическая для выживания ситуация, включающая предельный физический и эмоциональный стресс. Возможность того, что всякая тревога происходит от травмы, которую ребенок получает в родовом канале, была впервые отмечена З. Фрейдом. Однако сам Фрейд не стал разрабатывать эту идею, и теорией родовой травмы в качестве источника будущих страхов занялся позднее его ученик-отступник О. Ранк. Три десятилетия спустя теоретические рассуждения пионеров психоанализа подтвердились в психоделических исследованиях.

Агрессивность крайних степеней также вполне соотносится с процессом рождения, как реакция на чрезмерную физическую и эмоциональную боль, удушье и угрозу жизни. Подобная жестокость по отношению к животному на воле привела бы к вспышкам ярости и двигательной буре. А у ребенка, зажатого в узком пространстве родового канала, нет способа вывести поток эмоциональных и моторных импульсов, так как он не может двигаться, сопротивляться, выйти из ситуации и даже кричать. Понятно поэтому, что огромный запас агрессивных импульсов и общего напряжения будет оставаться внутри организма в ожидании высвобождения. Этот громадный резервуар задержанной энергии может позднее послужить основой не только агрессивности и насильственных импульсов, но и различных моторных явлений, которыми обычно сопровождаются многие психиатрические нарушения, - таких как *общее мышечное напряжение, тремор, судороги, тики и припадки*.

То, что закрытая система родового канала подавляет любое внешнее проявление возникающей биологической ярости, делает ее как бы естественной моделью фрейдовского понятия *депрессии*, т. е. агрессии, обращенной внутрь и направленной на самого индивида. Эта связь ясно видна из того, что крайним исходом и депрессии и агрессии будет убийство. Убийство отличается от самоубийства только направленностью деструктивных импульсов. Следовательно, симптом депрессии также имеет свой перинатальный прототип: для подав-

ленной депрессии им становится безвыходная ситуация второй перинатальной матрицы, где эффективно гасятся любые энергетические разряды и потоки, а для возбужденной депрессии это третья перинатальная матрица, позволяющая некоторые ограниченные проявления агрессии.

Психологические, эмоциональные и физические проявления у пациентов, страдающих депрессией, представляют собой комбинацию элементов, одни из которых отражают роль страдающей жертвы, тогда как другие - мощные силы сдерживания, подавления, самонаказания. В ходе регрессивной эмпирической работы жертвенный аспект депрессии может быть прослежен до переживаний во время родов, тогда как во враждебных, принуждающих и саморазрушительных элементах можно узнать интроекцию маточных сокращений и давления сжимающего родового канала. Перинатальные корни главных типов депрессии могут объяснить многие эмоциональные, физиологические и даже биохимические характеристики этих нарушений. Эту связь мы более подробно будем рассматривать ниже.

Несколько сложнее проследить до момента рождения вину, другой базовый психиатрический симптом. В работе с пациентами, испытывающими всепоглощающее иррациональное чувство вины, обычно можно найти подходящие биографические факторы, которые его как будто объясняют, - постоянные упреки от родителей, явные продуцирующие вину замечания и даже общепринятые ссылки на родовые муки ("Если бы ты знал, сколько я выстрадала, рожая тебя, то не вел бы себя так"). Однако такие биографические факторы представляют только верхний слой; более глубокий источник - резервуар прирожденной вины в метафизических измерениях бессознательного, тесно связанный с перинатальными матрицами. Это соответствие можно иллюстрировать мифологическими и архетипическими примерами. Так, библейский "первородный грех" связывает вину с изгнанием из райской ситуации в Саду Эдема. Если говорить точнее, Божье наказание Евы ясно подразумевает женские репродуктивные функции: "В болезни будешь рожать детей".

Иногда пациенты во время ЛСД-терапии и других форм глубинной работы с переживанием предлагают свою интерпретацию связи между виной и рождением, как они видят ее во время сеанса. Некоторые соотносят вину с обращением причинно-следственной связи между утратой внутриутробного состояния и интенсивными негативными эмоциями во время рождения. Агрессивные и другие инстинктивные силы, восстающие во время биологического рождения, интерпретируются как унаследованное зло, а потеря утробы и агония в родовом канале как наказание за него. Другие чувствуют, что вина отражает ответственность за страдания матери во время родов. Но самое общее и правдоподобное объяснение относит вину к узнаванию или осознанию того, как много страдания записано в человеческом организме, как много мучений он вынес. Поскольку большая часть эмоциональной и физической боли, которую индивид испытывает за всю свою жизнь, связана с родовой травмой, кажется весьма логичным, что чувство вины принимает огромные размеры, когда процесс самоисследования достигает перинатального уровня.

У индивида, который приходит в эмпирическое соприкосновение со страданием, связанным с памятью рождения, есть две возможности интерпретации. Первая - принять факт, что мы живем в очень капризном мире, где самые ужасные вещи могут случаться с нами без всякой причины, совершенно непредсказуемо и без малейшей возможности контроля с нашей стороны. Альтернативная интерпретация чувства вины возникает, когда индивид не способен или не хочет принять этот образ мира и имеет глубокую потребность видеть космос как систему, управляемую фундаментальным моральным законом и порядком. Интересно в этой связи, что люди, обнаруживающие у себя рак или какую-то другую неизлечимую и мучительную болезнь, склонны относиться к ней с чувством вины: "Что я сделал плохого? Чем я это заслужил? Почему "они" так со мной поступают?" Логику, стоящую за этим отношением, можно выразить так: "Такая ужасная вещь не произошла бы со мной, если бы я не сделал чего-то настолько же плохого, чтобы заслужить это".

Судя по всему, степень бессознательной вины соответствует и прямо пропорциональна заряду бессознательной боли. Хотя люди, вовлеченные в подобные переживания, часто имеют тенденцию проецировать вину на специфические ситуации, которые они вспоминают сознательно (на запрещенную сексуальную активность или различные другие формы неприемлемого поведения), ее глубинная природа очень смутна, абстрактна и бессознательна. Вина - это убежденность в том, что совершено некое ужасное деяние, без малейшего представления о том, что именно это было. Есть смысл поэтому рассматривать вину как резуль-

тат отчаянного усилия рационализировать абсурдность страдания, обрушившегося на человека без всякой разумной причины⁴⁴.

Приведенное выше объяснение правдоподобно для этого уровня сознания, но вовсе не окончательно и не абсолютно. Когда процесс самоисследования достигает трансперсонального уровня, возникают новые возможности, о которых индивид не помышлял, будучи погружен в биографическую тематику или перинатальный процесс. Травматический аспект рождения может вдруг идентифицироваться как действие накопленной плохой кармы. Страдание видится тогда не абсурдным и беспричинным, а отражающим индивидуальную кармическую ответственность за действия в предыдущих воплощениях. Глубочайшие трансперсональные корни вины по-видимому отражают узнавание своей идентичности с созидательным принципом, ответственным за все страдание, заложенное в божественной игре существования. Это является ошибкой в логической Цепи, поскольку этические стандарты, являющиеся частью творения, оборачиваются против самого творца.

Мы уже детально разобрались, каким образом избыточное сексуальное возбуждение, являющееся неотъемлемой частью третьей перинатальной матрицы, формирует естественный базис различных *сексуальных дисфункций и отклонений*. Обсуждалось и то, как *необычное отношение к биологическим отходам и экскреторным функциям* можно вполне логично объяснить обстоятельствами, сопровождающими биологическое рождение. Тот факт, что духовное раскрытие и подлинные мистические чувства суть неотъемлемые аспекты перинатальной динамики, способствует новым удивительным прозрениям в *психопатологию религии*, а также проясняет различные клинические случаи с сильным духовным компонентом - неврозы навязчивости и некоторые типы психозов. Эти вопросы будут рассмотрены позднее в связи со специфическими психопатологическими нарушениями, новым пониманием психозов и ролью духовности в человеческой жизни (обсессивно-компульсивные неврозы, психозы и духовные кризисы будут обсуждены ниже в этой главе, духовность в человеческой жизни обсуждается в главах пятой и шестой).

Эмоциональные нарушения почти всегда сопровождаются специфическими *психосоматическими проявлениями* - это различные формы депрессии, психоневрозы, алкоголизм и наркомания, пограничные психотические состояния, психозы и особенно психосоматические заболевания. Природа и некоторые черты типичных соматических проявлений, сопутствующих эмоциональным нарушениям, логично осмысливаются по их отношению к опыту рождения. В прошлом органическая и психологическая школы в психиатрии вели бесконечные споры о том, какие факторы играют главную роль в эмоциональных нарушениях - биологические или психологические. Введение перинатального уровня бессознательного в психиатрическую теорию в значительной степени перекрывает зазор, разделяющий эти две крайние точки зрения, и предлагает неожиданную альтернативу: поскольку переживание рождения это одновременно эмоциональный, физиологический и биохимический процесс, вопрос о том, что первично, а что производно, не имеет значения на этом уровне психики. Эмоциональные и биологические явления представляют две стороны одного процесса и могут быть сведены к общему знаменателю рождения.

Если рассматривать с этой позиции различные эмоциональные нарушения, становятся более понятными их типичные телесные проявления. Сюда относятся опоясывающие головные боли и мигрени, учащенное сердцебиение и другие кардиологические недомогания; субъективное чувство нехватки кислорода и затрудненное дыхание при эмоциональном стрессе; мышечные боли, напряжения, тремор, судороги и припадки; тошнота и рвота; болезненные маточные сокращения; активизация желудочно-кишечного тракта, ведущая к спазматическим запорам или поносам; обильное потение; вспышки жара, сменяющиеся ознобом; изменение кожного кровообращения и различные дерматологические проявления. Это верно и для некоторых крайних психиатрических недугов, имеющих как эмоциональный, так и телесный аспекты, - например, для ощущения переполненности мощной хаотичной энергией с потерей самоконтроля, для страха смерти и неминуемого сумасшествия, для опыта умирания. Аналогичным образом, частые у психиатрических пациентов ожидания катастрофы нетрудно понять в контексте прорвавшейся памяти родовой травмы.

⁴⁴ - Сильное иррациональное и непонятное чувство вины может быть совершенно невыносимым и фактически толкнуть человека на преступление. Возможность связать вину с конкретной ситуацией обычно приносит определенное облегчение. Это состояние, при котором вина предшествует преступлению, по сути дела порождает хорошо известную в психиатрии псевдоделнквентность. Настоящий преступник обычно не страдает от чувства вины, и его конфликт с обществом и законом по природе своей не интрапсихичен.

Таким образом, перинатальный уровень бессознательного представляет собой многогранное и богатоеместилище эмоциональных состояний, телесных ощущений и мощной энергии. По-видимому он функционирует как универсальная и относительно недифференцированная потенциальная матрица для развития большинства форм психопатологии. В той мере, в какой перинатальные матрицы отражают действительную травму рождения, можно ожидать существенного варьирования общего объема негативных элементов в разных случаях. Конечно же, имеется разница, между стремительными родами в лифте или в такси по пути в родильный дом и родами продолжительностью в пятьдесят часов с применением щипцов и других экстренных мер.

Впрочем, согласно представленной здесь модели, характер и длительность рождения не единственный фактор в развития психопатологии. Понятно, что среди индивидов, чье рождение было схожим, одни могут быть относительно нормальны, тогда как другие будут проявлять психопатологию различного вида и разной степени. Вопрос заключается в том, как согласовать эти вариации с очевидной значимостью перинатального уровня бессознательного. Резерв тяжких эмоций и телесных ощущений, вытекающих из родовой травмы, представляет только потенциальный источник ментальных нарушений; разовьется ли психопатология, какую специфическую форму она примет и насколько будет серьезной - все это решающим образом определится индивидуальной постнатальной историей и, следовательно, природой и динамикой систем конденсированного опыта (СКО).

Чуткое обращение с новорожденным, возобновление симбиотического взаимодействия с матерью, достаточное время, затраченное на установление связи, - вот, наверное, ключевые факторы, способные нейтрализовать вред родовой травмы. По данным современных исследований сознания, основательный пересмотр прежних медицинских подходов (а они сосредоточивались на безупречной телесной механике, но упускали фундаментальную биологическую и эмоциональную связь между матерью и ребенком), имеет решающее значение для душевного здоровья всего человечества. В этом смысле нельзя переоценить важность альтернативных техник деторождения, которые пытаются очистить нынешнюю ужасную ситуацию, - таких, как роды без насилия по методике Фредерика Лебойера (Leboyer, 1975) и другие новые подходы, учитывающие потребности матери, отца и ребенка.

Индивиды, заново пережившие свое рождение в психоделических сеансах или в безмедикаментозной эмпирической работе неоднократно сообщали, что обнаруживают глубокую связь обстоятельств и паттернов рождения с общим качеством всей их жизни. Это выглядит так, будто опыт рождения определяет фундаментальные отношения к существованию, мировоззрение, расположенность к другим людям, соотношение оптимизма и пессимизма, всю стратегию жизни, даже такие специфические черты, как доверие к себе и способность справляться с проблемами и проектами.

С точки зрения медицинской модели и расхожего здравого смысла, роды представляют собой акт, по существу своему пассивный со стороны ребенка; вся работа совершается матерью, сокращениями ее матки, в то время как ребенок перемещается как неодушевленный объект. Главенствующее медицинское убеждение состоит в том, что ребенок ничего не осознает и не испытывает боли. Нейрофизиологи отрицают возможность вспомнить рождение, поскольку кора головного мозга у новорожденного еще не развита и нейроны не имеют миелиновой оболочки. В свете клинических свидетельств современных исследований сознания эта точка зрения предстает результатом психологического вытеснения и предвзятого мышления, так что не нужно считать ее научным фактом. Даже на поверхностном уровне этот подход значительно расходится с экспериментами и наблюдениями, демонстрирующими удивительную чувствительность плода в течение пренатального периода, и другими исследованиями, предполагающими наличие примитивных форм памяти даже у одноклеточных организмов.

В любом случае, повторное проживание рождения в эмпирической клинической работе ясно показывает, что этот процесс воспринимается и интерпретируется как суровое испытание, требующее предельно активной борьбы и усилий, как истинно героическое деяние. Например, сам момент рождения при нормальных условиях переживается как личный триумф. Это можно иллюстрировать его характерной ассоциацией с картинами победы в революциях, войнах или с убийством диких и опасных животных. Нередко в контексте памяти рождения человек переживает в сжатой форме все свои жизненные успехи. Опыт рождения, следовательно, функционирует психологически как прототип всех будущих ситуаций, представляющих серьезный вызов для индивида.

Если ситуация рождения прошла без эксцессов и истощения, а постнатальный уход был правильным и чутким, человек остается с "почти клеточным" ощущением веры в себя в

борьбе с препятствиями и в их преодолении. Те же, кто родился в условиях тяжелой общей анестезии, нередко связывают с этим свои нынешние трудности в завершении каких-либо проектов. Они отмечают, что способны мобилизовать достаточно энергии и полны энтузиазма на ранних стадиях любого большого начинания, но потом теряют сосредоточенность и чувствуют, как энергия рассеивается и исчезает. В результате им никогда не доводится испытать полную завершенность своего проекта и следующее за этим удовлетворение. Мануальное вмешательство или применение щипцов для ускорения родов приводит к образованию в чем-то схожего паттерна. Обладатели такого опыта способны работать с адекватной энергией и энтузиазмом на начальных стадиях проекта, но теряют веру в себя перед самым его завершением и вынуждены опираться на внешнюю помощь для "последнего рывка". Те, чье рождение было стимулировано, сообщают, что им не нравится, когда их подталкивают к завершению, пока они еще не чувствуют свою готовность, или же они могут ощущать, что их толкают на что-то нежелательное, даже если объективно это не так.

С точки зрения представленной модели, величайшую теоретическую и практическую важность имеет, конечно, изучение опыта индивидов, рожденных с помощью кесарева сечения. Следует отличать избираемое (неродовое) кесарево сечение от неотложного. Первое планируется заранее по разным причинам (слишком узкий таз, слишком большой плод, матка повреждена предыдущим кесаревым сечением) или же веяние моды может побудить мать избрать кесарево сечение по косметическим соображениям. Ребенок, рожденный этим способом, полностью минует ситуацию, характерную для БПМ-II и БПМ-III. Ему придется все же столкнуться с кризисом отделения от матери и перерезания пуповины, вероятно, с действием анестезии. Неотложное кесарево сечение обычно делают после многих часов травматических родов, когда становится очевидным, что их продолжение будет опасным для матери и ребенка. В этом случае общая травма, как правило, гораздо серьезнее той, которая сопутствует нормальным родам.

Поскольку я работал с немногими клиентами, рожденными избираемым кесаревым сечением, у меня сложилось о нем только первое клиническое впечатление, требующее дальнейшего подтверждения. Если у этих людей не происходит негативного программирования обстоятельствами жизни, они вполне открыты духовному измерению опыта и имеют легкий эмпирический доступ к трансперсональной области. Они естественно принимают многие явления, представляющие для обычного человека серьезные концептуальные затруднения, - возможность экстрасенсорного восприятия, перевоплощение или мир архетипов. В психоделических сеансах они способны коротким путем достигать трансперсонального уровня, причем характерно, что им не нужна встреча с элементами БПМ-II и БПМ-III. Вместо этого, их эмпирическое воспоминание биологического рождения включает переживания, характерные для кесарева сечения, а именно хирургический разрез, мануальное извлечение из матки, появление на свет через кровавое отверстие и действие анестезии.

Достигнув эмпирически уровня рождения, те, кто был рожден избираемым кесаревым сечением, сообщают о чувстве фундаментальной неправильности, как будто они сравнивают способ, каким пришли в этот мир с какой-то филогенетической или архетипической матрицей, показывающей, каким должен быть процесс рождения. Удивительно, что им явно не хватает переживания нормального рождения - содержащегося в нем вызова и стимула, столкновения с препятствиями, триумфального выхода из сжимающего пространства. Они иногда просят ассистентов воспроизвести сдавливающую ситуацию рождения, чтобы иметь возможность бороться за свое освобождение. По-видимому из-за ускоренного разрешения они не готовы к будущим превратностям жизни, лишены выносливости в борьбе и даже способности понимать жизнь как последовательность проектов.

Кроме того, прохождение через сжатия родового канала задает, судя по всему, основу чувствованию всевозможных границ. У рожденных избираемым кесаревым сечением может отсутствовать ощущение их места в мире, они могут не представлять, чего следует реально ожидать от окружающих. Похоже, будто они думают, что весь остальной мир должен быть питающей маткой, которая обеспечивает безусловно все, в чем они нуждаются. Им свойственно брать, и если они добиваются того, чего хотят, то требуют большего. А так как мир существенно отличается от матки, рано или поздно он им отказывает, и уязвленный индивид ускользает в психологическую изоляцию. Жизненный стиль рожденных кесаревым сечением может в крайних случаях стать чередой беспорядочных чрезмерных требований и обиженных уходов⁴⁵.

⁴⁵ - Джейн Инглиш (English, 1982), систематически изучавшая последствия elective кесарева сечения, дает некоторые дополнительные характеристики - например привязанность к акушеру и

Важно понять, насколько велика разница между нормальным рождением и кесаревым. В ходе нормального рождения внутриматочные условия ухудшаются и становятся невыносимыми, так что момент рождения переживается как освобождение, как фундаментальное улучшение по отношению к прежнему. При избираемом кесаревом сечении ребенок перемещается от симбиотических взаимоотношений в утробе прямо во внешний мир, где должен столкнуться с отделенностью, голодом, холодом, необходимостью дышать и другими трудностями. Ситуация явно худшая, чем предшествовавшее внутриутробное состояние, хотя на стадии поздней беременности матка не удовлетворяет нужд ребенка в той же степени, как на ранних стадиях эмбрионального развития.

В том случае, когда после рождения младенец встречает любящее и чуткое отношение, многое в травматическом воздействии этой угрожающей жизни ситуации будет компенсировано или уравновешено. Это особенно верно, если беременность протекала удовлетворительно, и у новорожденного хорошие психологические данные. Такой ребенок провел девять месяцев в хорошей матке и потом был катапультирован в процесс рождения. По моему убеждению, событие рождения так или иначе будет травматическим, даже если роды продолжаются недолго, а рождает психологически устойчивая, любящая и хорошо подготовленная мать. Все равно, сразу после рождения ребенка хорошо бы снова положить на живот или на грудь матери для восстановления симбиотических взаимоотношений. Комфортное воздействие физического контакта уже доказано экспериментально, и хорошо известно, что звук сердечных сокращений является для новорожденного существенной подпиткой.

Симбиотическая ситуация хорошей груди очень близка к тому, что переживается в хорошей утробе. В этих обстоятельствах может произойти психофизиологическая сцепка, которая, согласно некоторым недавним работам (Klaus, 1976; Quinn, 1982), оказывает решающее влияние на все дальнейшие взаимоотношения между матерью и ребенком. Если ребенка затем поместить в слегка подогретую воду, воспроизводящую внутриматочные условия (как это делается в методе Лебойера), - это еще одно мощное успокаивающее и излечивающее средство⁴⁶. Как будто ребенку говорят на языке, доступном его пониманию: "Ничего ужасного и непоправимого не произошло; некоторое время было трудно, но теперь, в общем и целом, ты там же, где был раньше. Такова жизнь: она может быть грубой, но если проявить настойчивость, она снова станет хорошей". Этот подход, надо думать, почти на клеточном уровне производит впечатывание общего оптимизма и реализма по отношению к жизни, здорового доверия к себе и способности встретить будущий вызов. На всю дальнейшую жизнь человеку дается позитивный ответ на вопрос, который у Эйнштейна считался ключевой проблемой существования: "Дружественна ли ко мне Вселенная?"

И наоборот, если ребенок сразу после рождения встречает нынешнее "отличное медицинское обслуживание", психологическая ситуация будет совсем иной. Пуповина обычно перерезается сразу же, респираторные пути прочищаются, ребенка еще и шлепнут по ягодицам для стимуляции дыхания. Затем капля нитрата серебра вводится ему в глаза, чтобы предотвратить возможное заражение гонореей от матери, и его спешно моют и осматривают. Это почти все, что он получает от людей, чтобы справиться с самой серьезной травмой в человеческой жизни - с которой сравнимы по глубине только смертельно опасные ситуации и, в конечном счете, биологическая смерть. После того, как ребенка покажут матери, его забирают в детскую, чтобы носить к ней потом по спланированному акушерами научно обоснованному расписанию. Обслуживаемый таким образом ребенок остается с глубоко укорененным убеждением, что внутриматочный рай потерян навсегда, что ничего хорошего уже никогда не будет. Ощущение психологического поражения и отсутствие уверенности при встрече с трудностями запечатлены в самой сердцевине его существа.

Трудно поверить, что наука, известная своими дотошными исследованиями всех возможных вариантов, сумела развить такой односторонний и искаженный подход к фундаментальному событию человеческой жизни. Однако эта ситуация не единственная - такие же условия созданы для умирания: механическая забота о продлении жизни способна на все, кроме того чтобы заменить собой человеческие измерения переживания смерти. Интеллектуальные знания и подготовка любой глубины и любого охвата не дадут защиты от эмоциональной предубежденности, а в отношении к таким потрясающим событиям, как рождение и смерть, эта предубежденность является наивысшей. По этой самой причине, во всем, что касается рождения и смерти, научные мнения и теории часто становятся не отражением

последующие специфические нарушения взаимоотношений с лицами того же пола, другие паттерны напряжения, оборонительная позиция в отношении телесного контакта и др.

⁴⁶ - Новый метод родов под водой, разработанный советским врачом Игорем Чарковским из московского Научно-исследовательского института, заслуживает в этом контексте особого внимания.

объективных фактов, а изощренной рационализацией иррациональных эмоций и отношений.

Как радикальный, так и мягкий аспекты ситуации рождения представляют мощные эмоциональные стимулы, особенно для тех, кто не сталкивался с этими переживаниями по ходу работы с глубинным опытом. Повторное переживание рождения в групповой ситуации станет ошеломляющим эмоциональным событием, способным вызвать глубокий психологический процесс даже у ассистентов и наблюдателей. Кстати, многое в отстраненном и слишком технологическом подходе современной медицины к рождению происходит не столько из-за недостатка времени и денег, сколько из-за жесткости в профессиональной подготовке, обучающей отстранению и защите от якобы излишней эмоциональности.

Следовательно, патогенные последствия рождения определяются не только объемом и характером родовой травмы, но и тем уходом, который получает ребенок сразу после рождения. И это еще не все: эмоционально важные события последующей жизни (как поддерживающие, так и травматические) также влияют на то, в какой мере динамика перинатальных матриц перейдет в проявленную психопатологию. В этом смысле психоаналитическая доктрина о значимости детских травм остается в силе и в новой модели, несмотря на наше выделение родовой травмы и трансперсональных областей. Однако специфические биографические события, описанные Фрейдом и его последователями, видятся уже не как первопричина эмоциональных нарушений, а как условия для проявления более глубоких уровней бессознательного.

Новое концептуальное обрамление предполагает, что хороший материнский уход, удовлетворенность, безопасность и общее преобладание позитивных переживаний в детстве могут создать динамическую буферную зону, предохраняющую индивида от прямого возмущающего воздействия перинатальных эмоций, ощущений и энергии. И наоборот, продолжение травматизации в детстве не только не даст этого защищающего экрана, но еще и добавит материала к негативным эмоциям и ощущениям, накопленным на перинатальном уровне. Из-за дефектов в защитной системе, перинатальные элементы могут впоследствии прорваться в сознание в виде психопатологических симптомов и синдромов. Содержательная специфика травматических переживаний детства и их распределенность во времени будут в этом случае усиливать некоторые аспекты опыта рождения или перинатальной динамики, определяя тем самым конечную форму симптоматики, которая проявится в жизни индивида.

Так, травматические ситуации, в которых человек играл роль беспомощной жертвы, избирательно усиливают динамическую релевантность БПМ-II. Речь идет о широком круге эмпирики - от мучительных и угрожающих событий в жизни беспомощного младенца до таких взрослых ситуаций, как несчастье побывать засыпанным под руинами во время бомбардировки, почти задохнуться под лавиной или подвергнуться тюремному заключению и пыткам со стороны нацистов или коммунистов. В более легких случаях вторая перинатальная матрица может день за днем подпитываться психологической обстановкой в семье, когда ребенка делают жертвой нападков и не оставляют ему никакого выхода.

Подобно этому, ситуации, включающие насилие, но позволяющие некоторую степень активного сопротивления со стороны субъекта, будут усиливать БПМ-III. Изнасилование будет избирательно усиливать сексуальный аспект третьей перинатальной матрицы, поскольку его жертва испытывает комбинацию страха, агрессии, борьбы и сексуальности. Детские переживания, в которых ребенок столкнулся с фекалиями или какими-то другими биологическими отходами в болезненной, наказующей манере, будут избирательно выделять скатологическую сторону БПМ-III. Есть еще много подобных примеров, но и этих уже достаточно, чтобы выразить общие принципы задействованных механизмов.

Установив соотношение между перинатальными матрицами, родовой травмой и психопатологией, я попробую теперь применить концепцию динамического взаимодействия между перинатальными матрицами и СКО к самым важным категориям эмоциональных нарушений и их специфическим формам. Эмоциональные, психосоматические и межличностные проблемы часто имеют многоуровневую динамическую структуру, включающую не только биографический и перинатальный элементы, но и корни из трансперсональной области. Об этих глубоких связях я иногда буду напоминать. В последующем обсуждении не надо усматривать спекулятивное приложение новой модели к различным формам психопатологии. Это в основном собрание интуитивных догадок, полученных от людей, которые в ходе работы с глубинным опытом изучили и расшифровали динамическую структуру разных проблем, отравлявших их жизнь.

Тяжёлые подавленные депрессии эндогенной и реактивной природы коренятся как правило во второй перинатальной матрице. Феноменология сеансов по линии БМП-II, а также индивидуальное самочувствие после сеансов, в котором преобладает эта матрица, демонстрируют все существенные черты глубокой депрессии. Под влиянием БМП-II индивид агонизирует в ментальных муках, испытывает отчаяние, всепоглощающие чувства вины и неадекватности, глубокую тревогу, отсутствие инициативы, потерю интереса ко всему и неспособность радоваться существованию. Жизнь предстаёт ему бессмысленной, эмоционально пустой и абсурдной. Несмотря на крайнюю мучительность, это состояние не сопровождается плачем или другими драматическими внешними проявлениями, для него характерна общая двигательная заторможенность. Мир и собственная жизнь видятся как бы через негативный трафарет – с избирательным осознанием болезненных, плохих и трагических сторон жизни и слепотой ко всему позитивному. Эта ситуация кажется и действительно ощущается непереносимой, неизбежной и безнадёжной. Иногда это сопровождается потерей способности видеть цвета – весь мир тогда воспринимается как чёрно-белый кинофильм. Экзистенциальная философия и театр абсурда, кажется, наиболее точно описывают такой жизненный опыт.

Для подавленных депрессий характерно не просто перекрытие потока эмоциональной энергии, часто наступает полная энергетическая блокада с суровым угнетением главных физиологических функций – пищеварения, выведения отходов, сексуальной активности, менструального цикла и ритма сна. Это вполне отвечает пониманию этого типа депрессии как проявления БМП-II. Её типичные соматические спутники – ощущения сдавленности, зажатости и ограниченности, удушья, напряжения и давления, головные боли, задержка жидкости и мочи, запоры, сердечные расстройства, потеря интереса к еде и сексу, тенденция к ипохондрической интерпретации различных телесных симптомов. Парадоксальные открытия биохимиков, позволяющие предположить, что у людей, страдающих подавленной депрессией, высокий по содержанию катехоламинов и стероидных гормонов уровень стресса, вполне соответствуют картине БМП-II, которая отражает высокострессовую ситуацию без внешних действий и проявлений.

Теория психоанализа связывает депрессию с ранними оральными проблемами и эмоциональной депривацией. Связь, очевидно, корректна, хотя она не учитывает важные аспекты депрессии – ощущения застопоренности, безнадёжности и безвыходности, энергетическую блокаду и большинство телесных симптомов, включая биохимические данные. Наша модель показывает, что фрейдистское объяснение верно лишь отчасти. И если глубинную природу подавленной депрессии можно понять только по динамике БМП-II, то связанные с ней способствующие её развитию СКО включают биографические элементы, выделенные психоанализом.

Связь биографического материала с БМП-II отражает глубокую эмпирическую логику. На этой стадии биологических родов маточными сокращениями прерывается симбиотическая связь с материнским организмом, отрезаются все сколько-нибудь значимые контакты, прекращается подача питания и тепла, исчезает защита от опасностей. И понятно, почему типичные составляющие СКО, динамически связанные с депрессией, включают отказ, отделение от матери и её отсутствие, чувство одиночества, холод, голод и жажду в младенчестве и раннем детстве. Среди других важных биографических детерминант – семейные ситуации подавления и наказания ребёнка, не допускающие сопротивления или избавления. Они, таким образом, усиливают и увековечивают характерную для БМП-II роль жертвы в безвыходной ситуации.

Важная категория СКО, задействованных в динамике депрессии, включает воспоминания событий, угрожавших жизни или телесной целостности индивида, когда он играл роль беспомощной жертвы. Это совершенно новое наблюдение, поскольку психоанализ и ориентированная на терапию академическая психиатрия выделяют в патогенезе депрессии лишь психологические факторы. Психотравматический эффект серьёзных заболеваний, повреждений, операций и несчастных случаев не рассматривался и по большей части недооценивался. Новые наблюдения, согласно которым первостепенное значение в развитии депрессии имеют физические травмы, трудно совместить с психоаналитической теорией, которая настаивает на оральном происхождении депрессии. И наряду с этим, они совершенно логичны в контексте представленной модели, где ударение делается на комбинированной эмоционально-физиологической травме рождения.

Феноменология *возбуждённой депрессии* динамически ассоциируется не с БМП-II, а с БМП-III, её основные элементы можно наблюдать во время эмпирических сеансов, управляемых этой матрицей, и в промежутках между ними. Характерными чертами депрессии

этого типа являются высокий уровень напряжённости и тревоги, чрезмерное психомоторное возбуждение и агрессивные импульсы, направленные внутрь и вовне. Пациенты с возбуждённой депрессией плачут и кричат, катаются по полу, мечутся, бьются головой о стену, царапают лицо, рвут на себе волосы и одежду. Типичные для этого состояния телесные симптомы – это мышечное напряжение, тремор и болезненные судороги, опоясывающие боли (мигрени), маточные и кишечные спазмы, тошнота и трудности с дыханием.

В СКО, связанных с этой матрицей, замешаны агрессия и насилие, жестокости разного рода, сексуальные надругательства и нападения, болезненное медицинское вмешательство и болезни, вызывающие асфиксию и затруднение дыхания. В отличие от СКО, связанных с БМП-II, в этих ситуациях субъект не является пассивной жертвой; он активно включён в попытки сопротивления, защиты себя, устранения преград или бегства. Воспоминания о противодействии насилию со стороны родителей или братьев и сестёр, о драках со сверстниками, сцены сексуального оскорбления и изнасилования, эпизоды военных действий – вот типичные примеры этих попыток.

Среди психоаналитиков распространено твёрдое убеждение, что психодинамическая интерпретация мании в общем гораздо менее удовлетворительна и убедительна, чем депрессии. Однако большинство авторов согласны в том, что мания представляет средство избежать осознания депрессии и что она включает в себя отрицание болезненной внутренней реальности и бегство во внешний мир. Она отражает победу Эго над Суперэго, решительное облегчение подавленности, повышение самооценки и избыток чувственных и агрессивных импульсов. Несмотря на всё это, мания не производит впечатления подлинной свободы. Психологические теории маниакально-депрессивных расстройств выделяют резкую непоследовательность в поведении маниакальных пациентов и указывают на тот факт, что чувства одновременной любви и ненависти мешают их взаимодействию с другими людьми. Типичная маниакальная жадность к вещам обычно рассматривается как проявление сильно выраженного орального мотива, а периодичность мании и депрессии – как указание на связь цикла сытости и голода.

Многие загадки маниакальных случаев легко объясняются, если рассмотреть их с точки зрения связи с динамикой перинатальных матриц. Мания психогенетически относится к эмпирическому переходу от БМП-III к БМП-IV; в ней можно увидеть явное указание на то, что индивид уже находится частично под воздействием четвёртой перинатальной матрицы, но ещё не расстался с третьей. Оральные импульсы здесь отражают не "фиксацию" на оральном уровне, а состояние, на которое нацелен, но которого ещё не достиг маниакальный пациент. Релаксация и оральное удовлетворение характерны для состояния сразу после биологического рождения. В типичных при мании желаниях (оставаться в покое, спать и есть) проступают естественные цели организма, ещё переполненного импульсами финальной стадии рождения.

В эмпирической психотерапии иногда можно наблюдать переходные маниакальные эпизоды *in statu nascendi* (в момент образования) как указание на неполное повторное проживание рождения. Это обычно случается, когда люди уже прошли через тяжкий опыт борьбы смерти-возрождения и ощутили вкус высвобождения из родовой агонии. Однако, в то же самое время они не хотят и не могут встретиться с оставшимся неразрешённым материалом третьей перинатальной матрицы. В результате опасной привязанности к этой непрочной и незначительной победе новые позитивные ощущения становятся карикатурой. Образ проблеска света в полном мраке, видимо, очень хорошо передаёт это состояние. Преувеличенный и принуждённый характер маниакальных эмоций и поведения ясно выдаёт то, что они являются не выражением подлинной радости и свободы, а реактивными формациями страха и агрессии.

ЛСД-пациенты, чьи сеансы заканчивались на стадии незавершённого рождения, выказывали все типичные признаки мании. Они были гиперактивны, возбуждённо расхаживали, пытались наладить социальные и дружеские отношения со всеми, кто попадался на встречу, и непрерывно рассуждали о своём ощущении триумфа и благополучия, о своём замечательном настроении и о великом переживании, через которое они только что прошли. Они превозносили чудеса лечения с помощью ЛСД и строили грандиозные мессионерские планы преобразования мира, когда подобный опыт станет доступным каждому. Крайняя жажда стимулов и социальных контактов сочетается у них с преувеличенной живостью, самолюбием и самоуважением, а также с потаканием себе в разных аспектах жизни. Распад сдерживающих рамок Суперэго заканчивается тягой к оболыщению, к промискуитету, к непристойным разговорам.

Как установил Отто Феникел (Fenichel, 1945), эти аспекты мании связывают её с психологией карнавалов – с санкционированным социально высвобождением запретных в другое время импульсов, что ещё более подтверждает её глубинное отношение к динамическому сдвигу от БМП-III к БМП-IV. В этой связи жажда стимулов, поиски драмы и действия служат двойной цели погашения высвобождённых импульсов и вовлечения во внешние ситуации, буйство которых совпадает с интенсивностью и качеством внутреннего беспорядка.

Если убедить людей, пребывающих в этом состоянии, обратиться внутрь себя, встретить тяжёлые эмоции, которые остались неразрешёнными, и завершить процесс возрождения, маниакальное качество из их настроения и поведения исчезает. Переживания БМП-IV в чистой форме характеризуются лучезарной радостью, возросшей заинтересованностью, глубокой релаксацией, покоем и безмятежностью, умиротворённостью и полным внутренним удовлетворением; в них нет возбуждения, гротескного преувеличения и показных черт маниакальных состояний.

Наложившиеся на перинатальный механизм мании СКО будут скорее всего включать эпизоды, в которых удовлетворению сопутствуют небезопасность и неуверенность в подлинности и продолжительности удовольствия. Ожидание или требование внешне счастливого поведения в ситуациях, которые не совсем этому соответствуют, тоже, наверное, укладываются в маниакальный паттерн. Кроме того, в истории маниакальных пациентов часто обнаруживаются влияния, обратные их самооценке, гиперкритическое и подрывающее веру в себя отношение со стороны родителей, и это чередуется с внутренней переоценкой, психологической накачкой и нереальными ожиданиями. Чередующиеся переживания ограничения и свободы, характерные для традиционного пеленания младенцев психологически тоже, наверное, относятся к мании.

Все наблюдения из эмпирической работы говорят о том, что память финальной стадии рождения, т.е. внезапного сдвига от агонии к драматичному облегчению, представляет естественную основу для чередующихся паттернов маниакально-депрессивных нарушений. Это, конечно, не исключает участия биохимических факторов как важных пусковых механизмов для этих психологических матриц. Однако даже открытие весомых и значимых биохимических перемен само по себе не объясняет специфической природы и психологических черт этого нарушения. Даже в ситуации, заведомо определённой химически, – в ЛСД-сеансе – введение препарата не объясняет психологического содержания, и случаи депрессивных или маниакальных состояний требуют дальнейшего прояснения. Кроме того, всегда существует вопрос, являются ли биологические факторы причиной нарушения или только сопровождающимися симптомами. Можно думать, что физиологические и биохимические изменения при маниакально-депрессивных нарушениях представляют собой воспроизведение организмом тех условий, которые существовали в организме новорожденного.

Концепция базовых перинатальных матриц предлагает новое проникновение в феномен суицида, который в прошлом серьёзно досаждал психоаналитически ориентированным теоретикам. Всякая теория, пытающаяся объяснить это явление, должна дать ответ на два вопроса. Во-первых, почему конкретный индивид хочет совершить самоубийство, действие, которое нарушает непреложный во всем другом диктат инстинкта самосохранения. И, во-вторых, не менее загадочный вопрос об особенностях выбора средств самоубийства. По-видимому, должна существовать тесная связь между состоянием ума депрессивной личности и типом самоубийства, которое он обдумывает или пытается совершить. Побуждение состоит, следовательно, не просто в том, чтобы прервать свою жизнь, но сделать это особым образом. Кажется естественным, что тот, кто принимает смертельную дозу транквилизаторов или барбитуратов, не стал бы прыгать с обрыва или под поезд. Однако избирательность в средствах работает и в другую сторону: личность, выбравшая кровавое самоубийство, не станет использовать фармакологические препараты, даже если они легко доступны⁴⁷.

Данные психоделических исследований и других форм работы с глубинными переживаниями проливают новый свет на фундаментальные мотивы суицида и проясняют интригующий вопрос о выборе способа самоубийства. Суицидальные идеи и стремления можно наблюдать на всех стадиях ЛСД-терапии, но особенно часто они возникают, когда испыта-

⁴⁷ - Здесь в качестве примера можно упомянуть об одном моем бывшем коллеге, который покончил жизнь самоубийством. Он был видным университетским профессором, специализировался в психиатрии и токсикологии. Во время одного из приступов периодической депрессии он покончил с собой в своем рабочем кабинете, перерезав горло несколькими глубокими рассечениями, нанесенными бритвой. Захоти он просто уйти из жизни, в его распоряжении было множество ядов, любой из которых сделал бы его уход чистым, элегантным и безболезненным. Но что-то в нем самом заставило его избрать ужасный и кровавый путь.

тель встречается с бессознательным материалом, относящимся к негативным перинатальным матрицам. Наблюдения в ходе психоделических сеансов показывают, что тенденции к самоубийству распадаются на две отдельные категории. весьма специфично относящиеся к перинатальному процессу. Если мы согласимся с тем, что подавленная депрессия есть проявление БПМ-II, а возбужденная депрессия вытекает из БПМ-III, тогда различные формы суицидальных фантазий, стремлений и действия могут быть поняты как бессознательно мотивированные попытки избежать этих невыносимых психологических состояний. Для этого используется один из двух путей, в зависимости от индивидуальной биологической истории.

Самоубийство первого типа, или *ненасильственное самоубийство*, основано на бессознательной памяти о том, что безвыходной ситуации БПМ-II предшествовало внутриматочное существование. Индивид, пытающийся избежать элементов второй перинатальной матрицы, выбирает самый легкий в этом состоянии путь возврата в исходное нераздельное единство пренатальных условий (первой перинатальной матрицы). Поскольку уровень бессознательного, на котором принимается это решение, обычно эмпирически недоступен, человека влекут те ситуации и средства в повседневной жизни, которые, как ему кажется, включают похожие элементы. Главное подразумеваемое тут намерение - снизить интенсивность болезненных стимулов и в конце концов избавиться от них совсем. А конечная цель - забыть о болезненном осознании отдельности и индивидуальности и достичь недифференцированного состояния "океанического сознания", которое характерно для эмбрионального существования. Мягкие формы суицидальных идей этого типа проявляются в желании не существовать, погрузиться в глубокий сон, забыть обо всем и никогда не просыпаться. Действительные планы и попытки самоубийства включают применение больших доз снотворного или транквилизаторов, вдыхание углекислого газа, утопление, вскрытие вен в теплой воде и замерзание в снегу⁴⁸

Самоубийство второго типа, или *насильственное самоубийство*, бессознательно следует паттерну, пережитому когда-то при биологическом рождении. Он тесно связан с возбужденной формой депрессии и относится таким образом к БПМ-III. Для человека под влиянием третьей матрицы возврат в океаническое состояние утробы невозможен, поскольку путь туда лежит через адскую безвыходную ситуацию БПМ-II, которая психологически хуже, чем БПМ-III. Но кое-что в качестве процедуры психологического избавления доступно - это память о том, что некогда подобное состояние окончилось взрывом облегчения и освобождением в момент биологического рождения. Как и в ненасильственном самоубийстве, индивиды не имеют эмпирического доступа к перинатальному уровню, они далеки от интуиции того, что психологическим решением было бы повторное проживание рождения, внутреннее завершение процесса смерти-возрождения и соединение в переживании с постнатальной ситуацией. Вместо этого они экстерниорируют процесс и стремятся воспроизвести во внешнем мире ситуацию, которая включала бы те же элементы и имела бы такие же эмпирические свойства.

Основным стремлением здесь будет интенсификация напряжения и страдания, доведение их до кульминационной точки и затем освобождение в контексте взрывного разряджения разрушительных импульсов и в окружении различного рода биологических отходов. Это относится в равной степени и к биологическому рождению и к насильственному самоубийству; и то, и другое включает резкое прекращение чрезмерного эмоционального и телесного напряжения, мгновенный разряд мощнейших энергий, серьезное повреждение тканей и присутствие органических веществ - крови, фекалий и внутренностей. В сопоставлении фотографий биологического рождения и тех, что запечатлели жертв насильственного самоубийства, ясно видны глубокие формальные параллели этих двух ситуаций. О сходстве между ними неоднократно сообщали люди, проходившие психоделическую терапию и пережившие отождествление с самоубийцами (опыт такого рода часто встречается в перинатальных сеансах).

Среди суицидальных фантазий и действий этой категории следует отметить смерть под колесами поезда, в турбине гидроэлектрических агрегатов или в суицидальных дорожных происшествиях; перерезание горла, выстрел в голову, закалывание себя ножом; прыжок из окна, с башни или обрыва; некоторые экзотические формы самоубийства (харакири, камикадзе и амок). Самоубийство через повешение по-видимому относится к ранней фазе БПМ-III, характеризующейся чувствами зажима, удушья и сильного сексуального возбуждения.

⁴⁸ - По общеизвестным данным и по рассказам людей, спасенных от гибели в снегу или во льдах, после начального периода смертельного холода и дрожи следует ощущение приятного тепла и успокоительного растворения в состоянии, напоминающем сон или пребывание в чреве матери.

Работа с ЛСД тоже принесла удивительные прозрения в проблему выбора конкретного типа и специфической формы самоубийства, что плохо понималось в прошлом. Ненасильственный суицид отражает общую тенденцию снизить интенсивность болезненных эмоциональных и физических раздражителей. Специфический выбор средств определяется, судя по всему, неглубокими биографическими элементами. Насильственное же самоубийство имеет механизм совершенно другого рода. Я уже неоднократно отмечал, что индивиды, замышляющие какую-то определенную форму самоубийства, уже знакомы с телесными ощущениями и эмоциями, которые будут вызваны ее конкретным воплощением.

Те, кого привлекают поезда и гидроэлектрические турбины, уже страдают от сильного чувства разорванности на части и раздавленности - нетрудно проследить эти ощущения назад, до перинатальных переживаний. Те, кто имеет тенденцию резать или колоть себя, жалуются на невыносимую боль в тех частях тела, которые они намерены повредить. Сходным образом, тенденции к повешению основаны на сильных и глубоких ощущениях зажатости и невозможности дышать. И снова боль и удушье легко узнаются как элементы третьей перинатальной матрицы. Таким образом, в специфическом выборе средства насильственного самоубийства проглядывает особый пример фундаментальной непереносимости когнитивно-эмоционального диссонанса; этот важный механизм, лежащий в основе многих психопатологических явлений, обсуждается далее. Когда индивид переполнен иррациональными эмоциями и непостижимыми телесными ощущениями огромной силы, тогда даже действия, грозящие тяжелым самоувечьем или саморазрушением, кажутся приемлемым путем к соответствию внутреннего опыта с внешней реальностью.

Но есть и важные исключения из этого общего правила. Механизм насильственного самоубийства требует относительно ясной памяти о внезапном переходе от борьбы в родовом канале во внешний мир и о взрывном освобождении. Если этот переход смазан тяжелой анестезией, индивид будет на почти клеточном уровне запрограммирован искать выход из тяжелых стрессов в наркотическом состоянии. В этих обстоятельствах состояние, характерное для БПМ-III, может привести к ненасильственному суициду. Физиологический опыт рождения без анестезии (или с минимальной анестезией) подготавливает индивида к будущим серьезным превратностям и создает глубокую веру в свою способность справиться с ними. А при патологических обстоятельствах рождения без серьезной фармакологии способно заложить паттерн для насильственного суицида. Тяжелая анестезия может в свою очередь запрограммировать индивида на поиски облегчения тяжелых стрессов в наркотических состояниях и наркотической смерти. При изучении индивидуальных случаев суицида детальную проверку процесса рождения следует дополнить биографическим анализом, так как постнатальные события могут значительно переиначить и по-своему окрасить паттерн самоубийства.

Когда пациенты с тягой к самоубийству проходят психоделическую терапию и завершают процесс смерти-возрождения, суицид видится им ретроспективно как трагическая ошибка, основанная на недостаточном самопонимании. Человек, которому неизвестно о возможности освобождения от непереносимого эмоционального и телесного напряжения в символической смерти и возрождении, в восстановлении связи с пренатальным существованием без мук и телесных повреждений, будет побуждаться катастрофическими размерами своей агонии к воспроизведению в материальном мире какой-то необратимой ситуации, содержащей те же элементы. Поскольку переживания первой и четвертой перинатальных матриц не только представляют симбиотические биологические состояния, но и несут в себе духовные измерения, суицидальные тенденции обоих типов предстают, в свете приведенных выше наблюдений, искаженным и неосознанным стремлением к трансценденции.

Лучшим лекарством от саморазрушительных тенденций и тяги к самоубийству будет поэтому переживание смерти-возрождения Эго и космического единства. В этом процессе не только поглощаются разрушительные энергии и импульсы, в ходе его индивид связывается с трансперсональным контекстом, в котором самоубийство уже не кажется верным решением. Понимание бессмысленности самоубийства связано с интуитивным постижением того, что преобразования сознания и циклы смерти-возрождения продолжатся после биологической смерти, или же, более конкретно, с осознанием невозможности избежать собственных кармических паттернов.

В общем согласии с психоаналитической теорией, *алкоголизм и наркомания* представляются тесно связанными с депрессией и суицидом. Фундаментальной характеристикой алкоголиков и наркоманов, глубочайшим мотивом к принятию токсических препаратов является, по всей видимости, всепоглощающая жажда пережить снова блаженное недифференцированное единство. Чувства такого рода связаны с периодами безмятежной внутриутробной

жизни и хорошего ухода в младенчестве; выше уже отмечалось, что этим состояниям свойственны божественные измерения. Алкоголики и наркоманы испытывают предостаточно эмоциональных мук, вытекающих из СКО и, в конечном счете, из негативных перинатальных матриц; речь идет о депрессии, общей напряженности, тревоге, вине, низкой самооценке и т.д. Чрезмерная привязанность к алкоголю или к наркотикам является по-видимому смягченным аналогом суицидальных тенденций. Алкоголизм и наркомания часто описывались как растянутая во времени, медленная форма самоубийства.

Для этих групп характерен тот же психологический механизм, что и при ненасильственном суициде; он отражает бессознательную потребность отменить сам процесс рождения и вернуться в утробу. Алкоголь и наркотики будут подавлять различные болезненные эмоции и ощущения, приводить индивида в состояние диффузного сознания и безразличия к настоящим и будущим проблемам. Склонные к алкоголю и наркотикам пациенты, испытавшие на психоделических сеансах состояние космического единства, сообщают об интуитивных прозрениях, весьма похожих на интуицию пациентов с тягой к самоубийству. Они осознают, что стремились к трансценденции, а не к наркотической интоксикации; эта подмена основана на некотором поверхностном сходстве в действии алкоголя и наркотиков и переживании космического единства.

Однако от сходства еще далеко до тождественности, и существуют некоторые фундаментальные различия между трансцендентными состояниями и интоксикацией. В то время как алкоголь и наркотики притупляют ощущения, путают сознание, мешают умственной деятельности и вызывают эмоциональную анестезию, для трансцендентных состояний характерны мощное усиление сенсорного восприятия, безмятежность, ясность мышления, обилие философских и духовных прозрений и необычайное богатство эмоций.

Таким образом, вместо состояния космического сознания во всей полноте и со всеми сущностными характеристиками наркотики создают его жалкую карикатуру. Тем не менее, для страдающих людей, отчаянно ищущих помощи и неспособных к проницательному различению, подобного сходства оказывается достаточно, и они соблазняются к систематическому злоупотреблению этими средствами. Повторное введение вызывает физиологическое привыкание и разрушает употребляющего их физически, физиологически и социально.

Как уже отмечалось в связи с суицидом, должен существовать другой механизм, лежащий в основе алкоголизма и наркомании, который отражал бы не естественную динамику процесса рождения, а искусственное вмешательство.

Есть пациенты с явными признаками психологического влияния БПМ-III, все же тяготеющие к алкоголю и наркотикам. Как правило, можно обнаружить, что во время их рождения матери находились под тяжелой общей анестезией. И в результате они вспоминают рождение не как взрывное освобождение, а как медленное пробуждение от наркотической интоксикации. Вследствие этого возникает тенденция убегать от мучительной схватки БПМ-III и сильных стрессов вообще в вызванную химически анестезию - следуя шаблону, который показали им акушеры.

Переживание космического единства вызывает характерное негативное отношение к состояниям сознания, отягощенным интоксикацией алкоголем и наркотиками. В нашей работе с алкоголиками и заядлыми наркоманами резко охлаждение к алкоголю и наркотикам часто наблюдалось даже после одного психоделического сеанса с высокой дозировкой. После переживания смерти Эго и космического единства злоупотребление алкоголем и наркотиками видится трагической ошибкой, вызванной неузнанным или неправильно понятым стремлением к трансценденции; здесь очевидна поразительная параллель с интуицией по поводу самоубийц, страдающих депрессией.

Надо думать, что коренной проблемой алкоголизма и наркомании является всепоглощающая нужда в трансцендентном - сколь невероятным это не казалось бы тем, кто хорошо знаком с личностью, моделью поведения и стилем жизни пациентов этой категории. Ясной иллюстрацией этому служит статистика программ психоделической терапии, проведенных в Центре психиатрических исследований в Мерилэнде (Балтимор). У этих людей во время психоделических сеансов был самый высокий показатель мистических переживаний из всех изучавшихся групп, включая невротиков, психиатрический персонал и людей, умирающих от рака (Grof, 1980).

Обратим внимание на то, что перинатальная динамика при всей ее значимости сама по себе не объясняет структуру личности алкоголика и наркомана или явление злоупотребления наркотиками. Добавочные факторы психологического значения можно найти в биографии пациентов; они в основном соответствуют тем, что приведены в литературе по психодинамике. Так, связанные с алкоголизмом и наркоманией СКО включают раннюю

оральную фрустрацию, эмоциональную депривацию и жажду аналитического удовлетворения. В некоторых случаях важные корни алкоголизма и наркомании прослеживаются и в трансперсональной области.

Мой клинический опыт в лечении относительно *редких импульсивных неврозов* - таких, как бегство из дома и бродяжничество (пориомания), азартные игры, запои (дипсомания), воровство (клептомания) и страсть к поджогам (пиромания), - пожалуй, невелик, но все же могу с уверенностью предположить, что психогенетически они относятся к маниакально-депрессивным нарушениям и тем самым к переходу от БПМ-III к БПМ-IV. В случаях *импульсивного побега*, беспорядочные блуждания представляют собой экстерниоризацию побудительной энергии, характерной для третьей перинатальной матрицы. Здесь побег означает бегство от опасности, ограничений и наказания в направлении безопасности, свободы и удовольствия. Типичная фантазийная цель этих сумасбродных поисков - образ идеального дома с доброй матерью, которая удовлетворит все потребности. Несложно узнать в страстном желании обрести дом психологическую охоту за элементами БПМ-IV и, конечно, БПМ-I. В *импульсивной игре* лихорадочная атмосфера казино, тревожное возбуждение, крайние альтернативы полного краха или магического преобразования всей жизни являются характерными чертами динамики третьей перинатальной матрицы, приближением к смерти и возрождению Эго. Воображаемый при позитивном исходе рог изобилия принадлежит к числу характерных образов БПМ-IV. Сильно выделенный сексуальный аспект БПМ III может придавать особую эротическую окраску игре, связывая ее с мастурбацией. *Дипсомания*, чрезмерное употребление алкоголя в периодических запоях, тесно соотносится с пориоманией, это комбинация импульсивного невроза и алкоголизма. Ее базовыми механизмами являются неспособность переносить крайнее физиологическое напряжение и нужда в немедленной разрядке. Можно предположить, что индивидуальная стихия употребления алкоголя и других наркотиков основана на введении анестетиков или седативных препаратов в ходе финальной стадии рождения. Глубинным корнем *клептомании* по-видимому является потребность получить удовлетворение в контексте опасности, напряжения, возбуждения и тревоги.

Пиромания психогенетически явно относится к пирокатарсическому аспекту БПМ-III. Архетипически финальные стадии процесса смерти-возрождения связаны с элементом огня; принявшие ЛСД в этой точке могут испытывать видения гигантских пожаров, вулканических и атомных взрывов, термоядерных реакций. Это переживание огня ассоциируется с интенсивным сексуальным возбуждением и обладает очистительным свойством. Оно воспринимается как катарсическое разрушение старых структур, устранение биологических нечистот и подготовка к духовному возрождению. Акушеры и медицинские сестры часто наблюдают разновидность этого переживания у рожениц, которые на финальных стадиях родов жалуются на жжение, словно их вагина охвачена огнем.

Интуиция пироманьяка о том, что он должен пройти через опыт огня, чтобы освободиться от неприятного напряжения и достичь удовлетворения, вообще говоря, верна. Однако он не способен осознать, что это переживание принесет эффект, только если будет внутренним, если станет символическим преобразованием. Вместо того, чтобы испытать пирокатарсис и духовное возрождение, он проецирует процесс вовне, экстерниоризирует его и становится поджигателем. Хотя созерцание огня волнует и вызывает сексуальное возбуждение, оно не приносит ожидаемого удовлетворения, так как ожидания привязаны к исходу процесса внутренней трансформации, их нельзя реализовать в наблюдении внешнего события. Поскольку же индивид остается с бессознательно верной и, значит, убедительной интуицией о том, что переживание стихии огня существенно для освобождения и полного удовлетворения, он продолжает повторять эти действия вопреки всем неудачам.

Фундаментальная ошибка, стоящая за всеми импульсивными действиями, - это экстерниоризация, внешнее воплощение внутреннего процесса, разыгрывание его в конкретике. Единственным же правильным решением в таких обстоятельствах должен быть подход к этим проблемам во внутреннем процессе и завершение его на символическом плане. Жажда разрядки непереносимого напряжения, желание сексуального освобождения и нужда во внутренней безопасности, столь характерные для импульсивных неврозов, находят одновременное удовлетворение в контексте экстатических чувств, связанных с БПМ-IV и БПМ-I.

Сложная и запутанная динамическая структура БПМ-III составляет также важный компонент *неврозов навязчивости*, причем главный психологический акцент может падать на разные аспекты матрицы. Пациенты, страдающие этими расстройствами, мучаются от чуждых по отношению к Эго мыслей или чувствуют себя вынужденными постоянно повто-

рять какие-то иррациональные и непостижимые ритуалы. Если они отказываются подчиняться этим странным побуждениям, их охватывает беспричинная тревога. В психоаналитической литературе существует общее согласие в том, что психодинамическую основу этого нарушения составляют конфликты, связанные с гомосексуальностью, агрессией и биологическими отходами, наряду с подавлением генитальности и резким выпячиванием прегенитальных побуждений.

Как уже говорилось, бессознательный страх перед женскими гениталиями и связанные с ним гомосексуальные тенденции имеют отношение к страху перед рождением. Угнетение генитальности происходит в конечном счете из-за сходства между паттерном сексуального оргазма и оргиастическим аспектом рождения. В контексте БПМ-III сексуальное возбуждение тесно переплетено с тревогой и агрессией в сложный эмпирический комплекс. Если элементы этой матрицы близки к поверхности, сексуальное возбуждение будет иметь тенденцию активизировать этот отдельный аспект памяти рождения. Любые попытки контролировать и подавлять тревогу и агрессивность будут в этом случае автоматически приводить к угнетению генитальной сексуальности. Типичная амбивалентность в отношении к таким биологическим веществам, как моча, фекалии, слизь и кровь, имеет естественные корни на финальных стадиях биологического рождения, когда контакт с этими веществами может происходить как в негативном, так и в позитивном контексте, как уже обсуждалось ранее. Далее, отношение обсессивных пациентов к биологическим субстанциям как к потенциально крайне опасным, способным убить, имеет смысл в свете этой связи с памятью об угрожающем жизни событии.

И еще одна характерная черта неврозов навязчивости выдает их психогенетическую связь с БПМ-III, а именно амбивалентность пациентов, страдающих ими, в отношении к духовности и религии. Многие из них живут в постоянном конфликте с Богом и религией, колеблются между бунтом, богохульством и отчаянными стремлениями к раскаянию, искуплению и уничтожению своих проступков и грехов. Проблемы такого рода также характерны для финальных стадий процесса смерти-возрождения, когда решительное сопротивление и бунт против неодолимых высших сил чередуются с желанием сдаться и уступить. Это обычно ассоциируется с осознанием космической значимости ситуации и ее духовной важности,

Пациенты ЛСД-терапии, воспринявшие эту высшую силу в более фигуративной, архетипической форме, описывают ее как строгое, наказующее и жестокое божество, сравнимое с ветхозаветным Иеговой или даже с богами доколумбовой Америки, требовавшими кровавых жертвоприношений. Биологическим соответствием этих наказующих божеств является сжатие родового канала, препятствующее любым внешним выражениям активизированной инстинктивной энергии сексуальной и агрессивной природы и, в свою очередь, причиняет индивиду крайние, угрожающие жизни страдания. После рождения эти принуждающие силы принимают гораздо более утонченную форму, их представителями становятся родительский авторитет, уголовный кодекс и религиозные заповеди и предписания.

Сдавливание в родовом канале представляет, следовательно, естественную основу глубинной инстинктивной части Суперэго, в которой Фрейд видел производную от Ид форму; он считал ее тем диким элементом психики, который может толкнуть индивида на самоубийство и самоубийство. В этом контексте обсессивные пациенты сталкиваются лицом к лицу с болезненной парадоксальной ситуацией странного двойного ограничения. Если следовать паттернам архетипического развертывания, то нужно испытать стихийную агрессивность и извращенные сексуальные ощущения разного рода, которые являются неотъемлемой частью БПМ-III, чтобы перейти к переживанию чистой духовной энергии, связанной с БПМ-IV. Однако опыт этих мощных инстинктивных тенденций многим кажется несовместимым с божественным и поэтому подавляется.

В СКО, психогенетически связанные с неврозами навязчивости включаются травматические переживания, относящиеся к анальной зоне и биологическим отходам, - история строгого приучения к туалету, болезненные клизмы или желудочно-кишечные заболевания. Еще одну важную категорию биографического материала составляют воспоминания о различных ситуациях, представлявших угрозу гениталиям. Эти наблюдения в основном согласуются с психоаналитическим пониманием психогенетических факторов, способствующих развитию неврозов навязчивости.

Согласно психоаналитической литературе, *прегенитальные конверсии* - психогенная астма, различные тики и заикание - представляют собой сочетание обсессивных нарушений и конверсивной истерии. Базовая структура личности таких пациентов имеет обсессивно-компульсивные характеристики, и все же главный механизм формирования симптома -

конверсия. В глубинной эмпирической работе обнаруживается, что прегенитальные конверсии происходят из третьей перинатальной матрицы. При психогенной астме трудности с дыханием могут быть прослежены непосредственно до элементов агонии и удушья во время биологического рождения, их можно излечивать в эмпирическом противостоянии процессу смерти-возрождения. Тщательный анализ психологического процесса, ведущего к астме, позволяет предположить, что многие ее аспекты можно проследить назад к биологической динамике рождения. Здесь тоже, как при неврозах навязчивости, анальный акцент отражает общую энергетическую блокаду и задействованность анальной зоны при рождении. Особенности преобладания элементов удушья или анальной задержки зависят от биографических факторов. Кроме травм, описанных в психоанализе, часто встречаются сообщения о заболеваниях, происшествиях или несчастных случаях с нарушением дыхания.

Мы уже говорили, что агония, боль и удушье, выпадающие на долю ребенка в родовом канале, генерируют нейронное возбуждение огромного размаха, которое сохраняется в системе организма и позднее ищет возможности разрядиться через различные каналы. *Психогенные тики* являют собой пример таких попыток биографически определенным способом высвободить некоторые из этих запертых энергий, накопленных в ситуации гидравлического сжатия при рождении. *Психогенное заикание* имеет глубокие корни в динамике конфликтов, связанных с оральной и анальной агрессией. Оральный компонент заикания отражает бедствие, испытанное ребенком, когда его голова была зажата в родовом канале, а челюсти крепко стиснуты. Анальный компонент может быть прослежен в прошлое до переживания, связанного с возросшим внутрибрюшным давлением и сжатием сфинктера при родах. Как и при других эмоциональных нарушениях, специфический отбор определенных граней сложной динамики БПМ-III в психогенном заикании определяется последующими биографическими событиями. Важным фактором для этого нарушения может послужить подавление вербальной агрессии явно непристойного характера.

Глубинная динамическая основа *конверсивной истерии* в точности подобна базису возбужденной депрессии, это видно и по феноменологическому сходству этих двух состояний. Их соотношение вообще может служить иллюстрацией запутанной геометрии психопатологических синдромов. В целом, возбужденная депрессия - это глубокое расстройство, которое в гораздо более чистой форме проявляет содержимое и динамику БПМ-III. Наблюдение за выражением лица и поведением пациентов с возбужденной депрессией не оставляет сомнений, что это очень серьезное состояние. Кстати, в этой категории пациентов много случаев самоубийства и даже убийства, совмещенного с самоубийством.

Сильный истерический припадок по внешним признакам сходен с возбужденной депрессией, однако общая картина гораздо менее серьезна - в нем нет глубины отчаяния, он выглядит стилизованным и надуманным, имеет определенно театральные черты с сексуальным подтекстом. Вообще, многие характеристики истерического припадка те же, что в БПМ-III, - чрезмерная напряженность, психомоторное возбуждение и волнение, смесь депрессии и агрессии, громкие выкрики, нарушения дыхания и драматическое изгибание (*arc de cercle*). Но эмпирические шаблоны проявляются здесь в относительно более мягкой форме, чем при возбужденной депрессии, они существенно изменены и окрашены позднейшими травмирующими событиями. Природа и временная последовательность биографических компонентов в основном согласуется с фрейдовской теорией. Это типичные сексуальные травмы тех времен, когда пациент достиг фаллической стадии развития и разрешал комплекс Эдипа или Электры. Сами движения при истерическом припадке можно расшифровать как символические намеки на некоторые специфические черты подразумеваемой травмы детства.

Глубокая связь между возбужденной депрессией и конверсивной истерией ясно проявляется в ходе ЛСД-терапии. Сначала истерические симптомы усиливаются, и пациенту приходится повторно прожить и проработать специфические сексуальные травмы детства. Когда биографическая работа завершена, то в последующих психоделических сеансах возникают элементы, напоминающие возбужденную депрессию, которую пациент в конечном итоге расшифровывает как отголосок борьбы в БПМ-III. Разрешение наступает, когда устанавливается эмпирическая связь с элементами БПМ-IV.

Истерический паралич рук и кистей, невозможность стоять (абазия), потеря речи (афазия) и другие конверсивные симптомы основаны по-видимому на конфликтной иннервации, отражающей мощную и хаотичную генерацию нейронных импульсов, вызванную ситуацией рождения. Паралич вызван не отсутствием моторных импульсов, а динамическим конфликтом мощных антагонистических иннервации, которые при взаимодействии гасятся. Эту интерпретацию истерических конверсивных симптомов впервые предложил О. Ранк

в своей новаторской книге "Травма рождения" (Rank, 1929). В то время как Фрейд видел в конверсии отражение психологического конфликта, выраженного на языке соматизации, Ранк считал, что их истинная, основа - в физиологии, отражающей исходную ситуацию во время рождения. Вопрос для Фрейда был в том, как первичная психологическая проблема переходит в телесный симптом, тогда как Ранку нужно было объяснить, как чисто соматическое явление может со временем приобретать (через вторичную биографическую проработку) психологическое содержание и символический смысл.

Некоторые серьезные проявления истерии, граничащие с психозами (психогенный ступор, неконтролируемые грезы наяву и фантазии относительно реальности), видимо, динамически связаны с БПМ-I. В них отражена глубокая потребность восстановить блаженное эмоциональное состояние, свойственное безмятежному внутриматочному существованию и симбиотическому единству с матерью. И если эмоциональный компонент и состояние телесного удовольствия, связанные с этим, легко распознать как относящиеся копыту желанной хорошей утробы и хорошей груди, то в конкретном содержании грез и фантазий проступают темы и элементы, касающиеся детства и взрослой жизни индивида.

В *тревожной истерии* роль перинатальной динамики непривычно очевидна; по самой своей логике, тревога прослеживается назад до переживания серьезной угрозы для жизни. Я уже отмечал, что Фрейд в ранних работах предположил, что ситуация рождения может быть главным источником и прототипом всевозможных тревог в последующей жизни (Freud, 1964). Но он не стал разрабатывать эту идею дальше, а когда ее позднее сформулировал его ученик Ранк (Rank, 1929), Фрейд выступил за исключение Ранка из психоаналитического движения.

Вообще говоря, нефиксированная тревога может быть прослежена в прошлое более или менее точно до смертельной тревоги во время рождения. В различных фобиях, которые скрывают в себе тревогу, кристаллизованную в специфические страхи перед людьми, животными или ситуациями, первоначальная тревога рождения присутствует в измененном и смягченном позднейшими биографическими событиями виде. Если интенсивность аффекта приоткрывает глубокий перинатальный источник, то обобщенный тип фобии отражает конкретную стадию рождения, а специфический выбор людей, объектов и ситуаций определяется более поздними биографическими событиями.

Связь фобий с родовой травмой наиболее очевидна в *боязни закрытого и узкого пространства (клаустрофобии)*. Она возникает в тесноте - в лифте, в маленьких комнатах без окон или в подземном транспорте, причем эмоциональная подавленность строго ограничена временем пребывания в этих местах. Клаустрофобия по-видимому специфично относится к начальной фазе БПМ-II, когда ребенок ощущает, что весь мир сжимается, навит и душит. Переживание этого аспекта БПМ-II в чистой и несмягченной форме сопровождается всеохватной, недифференцированной и необъяснимой тревогой за свою жизнь и общей паранойей. Наблюдения в ходе работы с глубинными переживаниями позволяют установить неожиданно плотную динамическую связь клаустрофобии и паранойи (или по крайней мере, основной формы паранойи, имеющей перинатальные корни). Клаустрофобия - более поверхностное расстройство, и ее симптомы привязаны к специфическим ситуативным факторам, тогда как паранойя глубока, генерализована и относительно независима от обстоятельств. На биографическом уровне СКО, относящиеся к паранойе, включают ситуации с общей угрозой на очень ранних стадиях развития, тогда как клаустрофобия связана с травмами, случающимися позднее, когда личность уже до некоторой степени сложилась. Здесь особенно значимы ситуации, сочетающие в себе физическое сжатие и удушье.

Патологический страх смерти (танатофобия) имеет корни в сопутствующей рождению тревоге за жизнь и ощущении неминуемой биологической катастрофы. В этом неврозе исходное чувство перинатальной аварийности только минимально видоизменяется позднейшими биографическими событиями, потому что соответствующие СКО типично связаны с ситуациями, представляющими угрозу выживанию или цельности тела, - с операциями, повреждениями и особенно с болезнями, нарушающими дыхание. Пациенты, страдающие танатофобией, переживают эпизоды смертельной тревоги, которые считают началом сердечного приступа, апоплексии или закупорки дыхательных путей.

Постоянные медицинские обследования, к которым склонны прибегать эти люди, не обнаруживают никаких органических нарушений, которые объяснили бы субъективные жалобы - ведь пациенты испытывают ощущения и эмоции, относящиеся не к происходящему в настоящий момент физическому процессу, а к эмпирической памяти телесных травм, в том числе и травмы рождения. Это, конечно, не делает их страдание менее реальным. Единственный выход в том, чтобы смело встретить переживание возникающих гештальтов при

помощи различных активизирующих техник; таким образом, танатофобию можно излечить через опыт смерти и возрождения.

Женщины, у которых память о перинатальных событиях близка к порогу бессознательного, могут страдать от *фобии беременности, родов и материнства*. Проблема возникает из-за того, что пассивный и активный аспекты этих функций теснейшим образом связаны с динамикой бессознательного. Женщины, повторно проживающие свое рождение, склонны переживать себя (попеременно или одновременно) как рожаящих. Подобно этому, память о внутриутробной жизни плода характерным образом ассоциируется с переживанием беременности, а воспоминания о материнской груди - с ситуацией кормления. В состояниях, биологически подразумевающих симбиотическое единение матери и ребенка, присутствует и эмпирическое единство.

Клинические наблюдения позволяют предположить, что с началом беременности у женщин активизируется бессознательная память о собственном зачатии. Когда плод развивается в матке, бессознательное матери как бы воспроизводит историю ее собственного эмбрионального развития. Процесс родов, в свою очередь, активизирует память о ее рождении, и в момент, когда она дает жизнь своему ребенку, происходит связывание с бессознательной записью о моменте ее собственного рождения. Вскармливая ребенка, женщина в каком-то смысле повторно проигрывает собственную историю раннего детства.

Близость памяти об агонии рождения осложняет женщине понимание репродуктивной функции и принятие своей женственности, так как для нее это связано с причинением боли и мучений. В таких случаях необходимо повторно прожить и проработать перинатальные муки, чтобы с энтузиазмом принять роль матери. Актуальный страх материнства уже после рождения ребенка обычно соединяет в себе различные насильственные побуждения причинить вред ребенку, паническую боязнь этого и беспричинную озабоченность, что с ним произойдет что-нибудь плохое. Какими бы ни были биологические основания этой проблемы, ее всегда можно проследить до момента рождения. Глубинные корни лежат в ситуации, где мать и ребенок находятся в состоянии биологического антагонизма, причиняя мучения друг другу и обмениваясь огромными зарядами деструктивной энергии. Эта ситуация способна активизировать память матери о своем собственном рождении и высвободить агрессивный потенциал перинатальных матриц.

Глубинная связь между переживанием родов и эмпирическим доступом к перинатальной динамике дает только что родившей женщине ценную возможность проделать необычайно глубокую психологическую работу. С другой стороны, если к ситуации подойти без настоящего понимания, эта связь может стать причиной будущих депрессий, неврозов или даже психозов.

Нозофобия, патологическая боязнь заболеть, тесно связана с *ипохондрией* - беспочвенным, иллюзорным убеждением о якобы уже начавшейся тяжелой болезни. Существуют мягкие переходные формы и взаимоналожения нозофобии, ипохондрии и танатофобии. Пациенты, озабоченные возможностью тяжелого телесного недуга, испытывают странные телесные ощущения и, не умея их объяснить, склонны интерпретировать свое состояние в терминах актуальной соматической патологии. Это могут быть боли, давления и судороги в разных частях тела, странные энергетические потоки, парестезия и другие формы необычных явлений. Бывают у них и признаки дисфункции различных органов - трудности с дыханием, мышечный тремор, диспепсия, тошнота и рвота, запоры и понос, общее недомогание, слабость и утомление. Повторные медицинские обследования не обнаруживают в случаях нозофобии и ипохондрии никаких объективных показаний реального заболевания. Пациенты с такой проблематикой часто требуют клинических и лабораторных проверок, так что рано или поздно становятся настоящим бедствием в приемных врачей и госпиталях. Многие заканчивают свой поход по-врачам у психиатра, который быстро размещает их где-то среди симулянтов и истериков. Во многих случаях они продолжают состоять под наблюдением у терапевтов, неврологов и других специалистов. По некоторым статистическим данным и оценкам, пациенты такого рода могут составлять до 30% клиентуры терапевта.

Согласно моей концепции, к жалобам таких пациентов следует относиться очень серьезно, несмотря на отрицательные медицинские заключения. Их жалобы вполне реальны, но отражают они не настоящую медицинскую проблему, а поверхностную память организма о серьезных физиологических трудностях в прошлом - о болезнях, операциях или повреждениях, особенно о травме рождения.

Три специфические формы нозофобии заслуживают особого внимания: *патологический страх ракового заболевания (канцерофобия)*, *страх микроорганизмов и инфекции (бациллофобия)* и *страх грязи (мизофобия)*. Глубокие корни всех этих проблем - перинатальные, а

специфическая форма определяется биографией. При канцерофобии важным элементом является сходство между раком и беременностью; из психоаналитической литературы хорошо известно, что рост злокачественной опухоли бессознательно отождествляется с эмбриональным развитием. Подобие это не просто воображаемое, его подтверждают анатомические, физиологические и биохимические исследования. Еще одна глубокая связь между раком, беременностью и рождением - соединение всех этих процессов со смертью. При бациллофобии и мизофобии патологический страх сосредоточивается на продуктах жизнедеятельности, запахах тела и нечистотах. Среди биографических детерминант выделяются воспоминания времен приучения к туалету, а самые глубокие корни уходят в скатологический аспект перинатального процесса. Органическое сцепление в БПМ-III смерти, агрессии, сексуального возбуждения и биологических отходов является ключом к пониманию этих фобий.

Пациенты, страдающие этими расстройствами, боятся не только биологического загрязнения, часто они озабочены возможностью заразить других. Поэтому их страх перед биологическими веществами тесно связан с агрессией, направленной как внутрь, так и вовне что в точности совпадает с ситуацией финальных стадий рождения. Глубокое переплетение и отождествление с биологическими нечистотами служит также основанием для низкой самооценки, самоуничтожения и отвращения к себе, о чем обычно говорится как о "неустойчивой самооценке". Часто это сопровождается определенным поведением, связывающим проблему с невротами навязчивости. Речь идет о ритуалах, заключающихся в попытках удалить или нейтрализовать ощущение биологического загрязнения.

Самым распространенным из этих ритуалов является компульсивное мытье рук и других частей тела, хотя существует много других сложных и изощренных форм. В повторяющемся характере этих маневров отражается их полная неэффективность в устранении бессознательной тревоги, поскольку они не достигают уровня, на котором она реально возникает, т. е. уровня перинатальных матриц. Не понимая, что имеет дело с памятью о биологических нечистотах, индивид верит, что борется с реальной гигиенической проблемой в настоящем. Подобно этому, страх смерти, представляющий собой память о реальной биологической опасности, ошибочно воспринимается как присутствующая в данный момент угроза, якобы связанная с инфекцией. Таким образом, неудача всех символических маневров в конечном итоге основана на том, что индивид пойман в сеть самообмана и страдает из-за отсутствия подлинного самопонимания. Необходимо добавить, что на более поверхностном уровне страх инфекции и бактерий бессознательно соотносится со спермой и зачатием, тем самым опять же с беременностью и рождением. Наиболее важные СКО, касающиеся упомянутых выше фобий, включают воспоминания анально-садистской стадии развития либидо и конфликты по поводу приучения к туалету и опрятности. Добавочный биографический материал представлен воспоминаниями, в которых секс и беременность предстают грязными и потому опасными.

Страх езды на поезде и в метро (сидеродромофобия) основан, судя по всему, на некотором формальном и эмпирическом сходстве между отдельными стадиями перинатального процесса и путешествием в закрытых средствах передвижения. Наиболее важные общие черты этих ситуаций - ощущение закрытости или пойманности, огромные силы и энергии, приведенные в движение, быстрая смена переживаний, невозможность контроля над процессом и потенциальная опасность разрушения. Добавочными элементами являются страх перед туннелями и подземными переходами, перед темнотой. Во времена старых паровых двигателей элементы огня, давления пара и громких гудков служили, видимо, сопутствующими факторами. Недостаток контроля является моментом исключительной важности: у пациентов, страдающих фобией поездов, часто не бывает проблем с вождением автомобиля, где они могут по своему усмотрению изменить или прекратить движение.

Близки к этим фобиям *страх путешествия в самолете и страх пользования лифтом*. Интересно в этой связи, что некоторые случаи морской и воздушной болезни связаны с перинатальной динамикой - они могут исчезать после того, как индивид полностью завершит процесс смерти-возрождения. Существенным элементом здесь по-видимому является умение отказаться от контроля и подчиниться потоку событий, вне зависимости от того, к чему они приведут. Трудности начинаются, когда индивид пытается навязать свой порядок процессу, который лежит вне человеческого контроля.

Страх высоты и мостов (акрофобия) в чистой форме не встречается; он всегда соединен с побуждениями прыгнуть или выброситься - с башни, из окна, с обрыва или моста. В ощущении падения с одновременным страхом разбиться типично проявляются финальные ста-

дии БПМ-III⁴⁹. Люди, пережившие элементы этой матрицы, часто сообщают об ощущении падения, акробатических прыжков в воду или спуска на парашюте. Компульсивный интерес к тем видам спорта, где есть падения, близко связан с суицидом второго типа - в нем отражается желание растворить во внешнем действии падения чувство неминуемой беды, а также реакция, направленная против существующего страха, и стремление к контролю, который может предотвратить несчастье (рывок кольца парашюта), и к уверенности, что гибели не произойдет (завершение падения в воде). СКО, ответственные за проявление этой грани родовой травмы, включают воспоминания об играх, когда взрослые подбрасывали ребенка в воздух, нечаянные падения в детстве и различные формы гимнастики и акробатики.

При *фобии улиц и открытых пространств (агорафобии)*, которая противоположна клаустрофобии, связь с биологическим рождением проистекает из контраста между субъективным ощущением замкнутости, зажатости и последующим огромным расширением пространства и эмпирической экспансией. Агорафобия, таким образом, относится к самому концу процесса рождения, к моменту появления на свет. ЛСД-испытатели, проживавшие этот момент в своих психоделических сеансах, характерно описывают глубокий страх перед неминуемой катастрофой и гибелью, который связан с этим финальным переходом. Опыт смерти Эго, одно из самых сложных и тяжелых переживаний в трансформативном процессе, психогенетически принадлежит к этой категории. Для уличной фобии также типичны элементы либидозного напряжения, сексуального искушения, амбивалентных чувств относительно возможности промискуитета и озабоченность импульсивными эксгибиционистскими проявлениями. Многие из этих характеристик отражают специфические биографические моменты, связанные с конкретными аспектами родовой травмы самой логикой переживания. Сексуальный компонент рождения уже обсуждался достаточно подробно, а элемент обнажения на виду у всего мира имеет возвышенный смысл как анахроничное напоминание о первом явлении миру обнаженного тела. Если на первом месте стоит *страх перехода через улицу*, то здесь мощные и опасные силы уличного движения бессознательно отождествляются с родовыми силами. На более поверхностном уровне эта ситуация воспроизводит элементы детской зависимости, когда пересекать улицу без помощи взрослых было запрещено.

Соотношение *боязни различных животных (зоофобии)* и родовой травмы подробно обсудил и ясно показал О. Ранк в "Травме рождения" (Rank, 1929). Если объектом фобии является большое животное, то важны темы, связанные с возможностью быть проглоченным и инкорпорированным (волк) или с беременностью (корова). Ранее уже отмечалось, что архетипическое переживание начала процесса смерти-возрождения - это ощущения проглоченности и инкорпорированности. В случае *мелких животных* важным фактором по-видимому является их способность проникать в маленькие отверстия в земле и снова выходить из них (мыши, змеи).

Вдобавок, некоторые животные имеют особое символическое значение для процесса рождения. Так, образы гигантских тарантулов часто появляются в начальной фазе БПМ-II как символы всепожирающей женской стихии. Это, похоже, отражает тот факт, что пауки ловят свободно летающие жертвы в свою паутину, обездвиживают их, опутывают и сковывают, высасывают из них жизнь. Нетрудно увидеть глубокое сходство между такой последовательностью событий и переживанием ребенка в ходе биологического рождения. Связь эта кажется существенной для развития *боязни пауков (арахнофобии)*.

Образы змей, которые на более поверхностном уровне имеют явно фаллическое значение, на перинатальном уровне передают бессознательно обобщенные символы родовой агонии и, следовательно, разрушительного и пожирающего женского начала. Ядовитые гадюки обычно представляют угрозу для жизни и страх смерти, а большие удавы символизируют сдавливание и удушение, сопутствующие рождению. То, что после усмирения и проглатывания жертвы тело удава поразительно раздувается, делает его также символом беременности. Однако, каким бы важным не был перинатальный компонент в развитии *фобии змей*, змеиная символика простирается глубоко в трансперсональные области, где эти животные играют основополагающую роль во многих архетипических формах, мифических темах и космологиях.

Фобия мелких насекомых может быть легко прослежена до динамики перинатальных матриц. Так, например, *пчелы* соотносятся с воспроизводством и беременностью из-за их

⁴⁹ - Происхождение данного явления не совсем ясно. Здесь по-видимому есть связь с родовой практикой в некоторых этнических группах, где женщины рожают стоя, или с филогенетическими воспоминаниями родов у некоторых видов млекопитающих, когда рождение фактически сопряжено с падением.

способности переносить пыльцу и оплодотворять растения, а также прокалывать кожу жалом, вызывая вздутие. *Мухи* из-за влечения к экскрементам и свойства разносить инфекцию связываются со скатологическим аспектом рождения. Как уже указывалось, это имеет тесное отношение к фобии грязи и микроорганизмов, к компульсивному мытью рук.

Поскольку рождение как базовый биологический процесс включает богатый спектр физиологических явлений, не удивительно, что корни многих эмоциональных нарушений с четко выраженными соматическими проявлениями и психосоматических заболеваний прослеживаются до перинатальных матриц. Самые общие и характерные *органо-невротические симптомы* оказываются производными от физиологических процессов и реакций, составляющих естественную и вполне понятную часть процесса рождения. Эта связь совершенно очевидна и не требует дальнейшего разъяснения в случае различных форм головной боли, особенно "опоясывающей", которую невротики часто описывают как сжатие лба железными обручами.

Легко объяснимы субъективное чувство нехватки кислорода и удушье, обычно переживаемые психиатрическими пациентами при стрессах. Сердцебиение, боль в груди, прилив крови, периферийная ишемия и другие формы сердечно-сосудистых расстройств, мышечное напряжение, тремор и судороги - все это также не представляет трудностей для интерпретации.

Некоторые другие симптомы, связь которых с процессом рождения не так очевидна, отражают, по всей видимости, сложные паттерны активации симпатической и парасимпатической нервной системы на различных стадиях родов. Запоры или спазматические поносы, тошнота и рвота, общее раздражение желудочно-кишечной системы, чрезмерное потение и слюноотделение или сухость во рту и озноб, перемежающийся с жаром, - вот примеры подобного рода симптомов.

Различные наборы вегетативных феноменов появляются во время и после сеансов у людей, уже прошедших фазу смерти-возрождения и столкнувшихся с различными пренатальными переживаниями. Некоторые из этих симптомов сходны с теми, что сопровождают вирусные заболевания (например грипп), - это общая слабость и недомогание, чувство внутреннего холода, чрезмерная нервозность и легкий тремор отдельных мышц и мышечных групп. Другие напоминают похмелье или пищевое отравление - чувство тошноты и отвращения, диспепсия, чрезмерные кишечные газы, общая вегетативная дистония. При такой симптоматике во время сеансов пациенты ощущают характерный плохой вкус во рту, некую смесь металлического или йодистого вкуса и чего-то органического, вроде прокисшего бульона. Весь синдром имеет странное, неуловимое и трудно описуемое качество - по контрасту с гораздо более отчетливыми телесными проявлениями перинатального происхождения. Многие клиенты независимо друг от друга заявляли, что это состояние имеет химическую подоснову. Они связывали его с возмущениями внутриутробного существования, передающимися плоду через химические изменения плацентарной крови. Эти телесные ощущения по-видимому лежат в основе некоторых невротических и пограничных психотических симптомов странной и плохо определяемой природы. В крайней форме они составляют известный тип *ипохондри с психотической интерпретацией*.

Имеются надежные клинические свидетельства в литературе по ЛСД, позволяющие предположить, что перинатальные матрицы задействованы и в патогенезе серьезных *психосоматических заболеваний* - бронхиальной астмы, мигрени, головной боли, псориаза, желудочной язвы, язвенного колита и гипертонии. На то же указывают и материалы моих собственных психоделических исследований, и наблюдения в ходе немедикаментозной эмпирической работы. Первостепенная важность эмоциональных факторов в этих заболеваниях признана всеми и в традиционной медицине. Однако в свете работы с глубинными переживаниями любые психоаналитически ориентированные теории психосоматических заболеваний, объясняющие их только биографическими факторами, безусловно предстают неадекватными и поверхностными. Любой терапевт, применяющий эмпирический подход, не может не обратить внимание на стихийные энергии перинатального происхождения, лежащие в основе психосоматических нарушений.

Вполне обоснованными выглядят сомнения относительно того, что сравнительно легкие биографические травмы способны подавить гомеостатические механизмы тела и вызвать глубокие функциональные нарушения или даже серьезные анатомические повреждения органов, но вот в случаях прорыва врожденной и действительно стихийной деструктивной энергии из опыта рождения, такая возможность более чем просто вероятна. Нередко приходится видеть временные проявления астматических приступов, мигреней, различных экзем и даже псориазные кожные высыпания в ходе процесса смерти-возрождения при психоде-

лической терапии или какой-то иной проработке опыта. Терапевты, использующие психоделическую терапию и другие эмпирические техники, сообщали о резком и устойчивом излечении большей части психосоматических заболеваний. И всякий раз в фактическом описании курса терапии они упоминали повторное проживание родовой травмы как наиболее значимое событие терапевтического свойства.

Вполне очевидная связь между *психогенной астмой* и переживанием рождения уже разбиралась. *Мигрени* характерно прослеживаются в той грани родовой травмы, когда плод испытывает непереносимую боль и давление на голову одновременно с тошнотой и другими желудочно-кишечными расстройствами. Частая при мигренях тяга найти среду, сходную с внутриматочным состоянием (темное место, тишина, мягкие одеяла и подушки), у пациентов, страдающих мигренями, может рассматриваться как попытка отменить процесс рождения и вернуться в пренатальное состояние. Однако, как показывают многие успешные результаты эмпирической терапии, избавление от мигреней достигается прямо противоположной стратегией. В конечном итоге, головная боль должна усилиться до предельной, непереносимой степени сравнимой с болью, фактически пережитой во время рождения. Тогда это принесет внезапное взрывоподобное освобождение от мигрени; как правило за избавлением от нее следует экстатическое переживание трансцендентного характера.

При *псориазе* важным психогенетическим элементом является прохождение деструктивной перинатальной энергии через области кожи, которые в ходе рождения непосредственно соприкасались со стенками матки или родовыми путями и поэтому представляют собой среду мучительной конфронтации двух организмов. Речь идет о зонах предпочтительного распространения псориаза, а именно о затылочной части головы и лбе, спине, коленях и локтях. Как и в случае мигрени, серьезные улучшения тяжелого псориаза наблюдались после повторного проживания биологического рождения.

Важной составляющей сил, ответственных за *язву желудка и язвенный колит*, являются перинатальные энергии с очень четким осевым фокусом; их максимум обычно переживается на продольной оси тела. Конфликтная иннервация как верхней части желудочно-кишечной системы (оральная агрессия, боль в желудке, тошнота и рвота), так и ее нижней части (кишечная боль и спазмы, понос, спазматический запор), часто сопутствуют процессу рождения. Приведет ли этот аспект родового переживания к патологическим проявлениям в будущем, будет ли это связано с желудком или с кишечником, зависит, надо полагать, больше от цепочки последующих биографических событий, чем от особенностей механики родов. Характерно, что СКО пациентов с этими заболеваниями характерно включают воспоминания о событиях, связывающих пищеварение с тревогой, агрессией или сексуальностью; природа этих травм и их распределение по времени в целом согласуется с психоаналитической теорией.

Артериальная гипертония явно соотносится с историей крайних эмоциональных стрессов. Глубинная основа этого расстройства - запись в организме длительного эмоционального и физического стресса биологического рождения. Различные стрессы на протяжении жизни добавляются к этому первичному запасу, облегчают доступ перинатальных элементов в сознание, связывают их со специфическими событиями биографии и обеспечивают их конечное развитие и артикуляцию. В итоге артериальная гипертония является психосоматической реакцией на все незавершенные гештальты стрессовых ситуаций в жизни индивида, включая его перинатальную историю, а не отражением только ближайших по времени обстоятельств.

Неврастения и эмоционально-травматические неврозы занимают особое место среди психопатологических синдромов. В некотором смысле их можно считать наиболее "нормальной" реакцией человека на Тяжелые обстоятельства. Симптомы *неврастении* будут развиваться у тех, кто на длительное время попал в обывающие и объективно стрессовые условия - такие, как избыток работы под давлением с разных сторон; нехватка отдыха, сна и средств восстановления сил; одновременное решение нескольких сложных задач; беспорядочный образ жизни. Неврастения характеризуется мышечным напряжением, треморами, чрезмерным потением, сердечными расстройствами и сбоями, нефиксированной тревогой, чувством подавленности, сильной головной болью и *faiblesse irritable* (раздражительная слабость - франц.), чувством общей слабости и потери энергии в сочетании с повышенной раздражительностью. Ее как правило сопровождают сексуальные нарушения, в частности импотенция, фригидность, изменения менструального цикла и преждевременная эякуляция.

Эмоционально-травматический невроз бывает у людей, которые оказались вовлеченными в природные катастрофы экстремальных размеров, массовые несчастные случаи и во-

енные ситуации, или у тех, кто пережил какие-то другие события, представляющие потенциальную угрозу для жизни или телесной целостности. Следует отметить, что эти условия не подразумевают каких-либо физических повреждений организма, а только психологическую травму, связанную с возможностью вреда. И все же вытекающий отсюда травматический невроз типично включает не только интенсивные эмоциональные симптомы, но и определенные телесные проявления - боль, судороги, резкую дрожь или же паралич.

Неврастения и эмоционально-травматический невроз близко соотносятся психогенетически. И то, и другое - продукт БПМ-III в довольно чистой форме, т. е. не измененной и не окрашенной позднейшими биографическими событиями. Неврастения, являющаяся относительно нормальной реакцией на продолжительный стресс умеренной степени, проявляет существенные черты третьей перинатальной матрицы в несколько смягченной форме. А экстремальные обстоятельства, повергающие человека в эмоционально-травматический невроз, настолько близки ситуации рождения, что преодолевают его защитную систему и эмпирически связывают с самым ядром БПМ-III. Даже после того как непосредственная опасность миновала, невротик по-прежнему переполнен перинатальными энергиями, против которых у него уже нет никакой эффективной психологической защиты.

Эта ситуация представляет проблему, но она может стать и ценной возможностью для эмпирического столкновения с перинатальной энергетикой. Конечный исход будет зависеть от терапевтического подхода к этому состоянию. Кстати, попытки психологического или фармакологического подавления вырвавшейся на свободу перинатальной энергии будут совершенно бесполезны или же приведут к общему истощению пациента.

Терапевтическая стратегия, освобождающая перинатальную энергетiku, может не только разрешить симптомы травматического невроза, но и способствовать процессу глубокого исцеления и трансформации. Лучшие из традиционных подходов в этих условиях - гипноанализ и наркоанализ, которые приводят пациента в соприкосновение с исходной угрожающей жизни ситуацией, позволяя прожить ее повторно. И все же идеальный терапевтический подход должен проводить дальше - к перинатальным матрицам, которые были вскрыты экстремальной ситуацией. Эти наблюдения особенно значимы с точки зрения того факта, что десятки тысяч ветеранов Вьетнама, страдающие от длительных эмоциональных нарушений, вызванных войной, представляют в США серьезную проблему ментального здоровья.

Нередко в ситуациях смертельной опасности люди теряют контроль над мочевым пузырем и кишечником. Это характерно для финальной стадии рождения и перехода от БПМ-III к БПМ-IV. Клинические наблюдения подтверждают, что в старых родильных домах, где не применяли клизм и катетеров, матери часто испражнялись и мочились в момент деторождения, и то же самое происходило с ребенком. *Невротическая потеря контроля над мочевым пузырем (энурез) и более редкая потеря контроля над кишечником (энкопрес)* могут быть прослежены до рефлекторного мочеиспускания и дефекации в момент рождения. У людей, переживающих элементы БПМ-III и БПМ-IV во время психоделических сеансов, часто возникает беспокойство относительно сфинктеров и их контролирования. Мочеиспускание довольно обычно, когда пациент эмпирической психотерапии достигает момента полной сдачи и отпускания себя. Непроизвольная дефекация встречается реже, возможно из-за гораздо более сильного культурного табу, но и она имела место в нескольких случаях. Как и при других расстройствах, только последующие биографические события сходной природы способны перевести этот потенциал, существующий на перинатальном уровне, в актуальную клиническую проблему. Материал относящихся к этим случаям СКО в основном согласуется с психоаналитической теорией. Однако, это только часть дела, а глубинные корни нарушений следует искать в рефлекторном освобождении сфинктеров при рождении, когда прекращаются боль, страх и удушье, и в восстановлении психологической связи с постнатальными и пренатальными состояниями, в которых нет ограничений необусловленной биологической свободы.

Психотический опыт: болезнь или трансперсональный кризис?

Так называемые эндогенные психозы (в частности, шизофрения) представляют одну из наибольших загадок для современной психиатрии и медицины. Несмотря на огромные затраты времени, энергии и денег, проблемы, связанные с природой и этиологией психотических процессов, успешно сопротивляются усилиям целых поколений ученых. Психозы интерпретируются в чрезвычайно широком спектре концепций - от строго органических до

чисто психологических и даже философских. Все эти точки зрения имеют своими представителями блестящих, искушенных и почитаемых ученых с солидной репутацией.

Согласно мнению исследователей, придерживающихся медицинской модели, психозы представляют собой настолько резкое искажение правильного восприятия реальности, что приходится постулировать серьезную патологию органов, которые отвечают за восприятие мира и интерпретацию сенсорных данных, - особенно патологию центральной нервной системы. Сторонники этой точки зрения настаивают на том, что причина психозов лежит в некоторых приобретенных или наследственных биохимических, физиологических и даже анатомических аномалиях мозга. Приемлемая альтернатива предполагает возможность патологии других органов и систем, которая изменяет биохимию всего организма и влияет на мозг косвенно. И хотя поиски таких органических причин до сих пор были по большей части безуспешны, все случаи необычных состояний сознания по-прежнему диагностируются как болезни, этиологию которых якобы еще предстоит выяснить. Поскольку психиатрические исследования так и не обнаружили пока фактических причин психозов, определение "болезнь" характерно приравнивается к проявлению симптомов, и симптоматическое облегчение рассматривается как признак выздоровления.

Психологические теории психозов отчетливо распадаются на три категории. Самые крайние формулировки на противоположном относительно медицинской модели конце спектра рассматривают психозы как фундаментальные проблемы жизни или различные способы бытия в мире. Можно упомянуть здесь феноменологию, экзистенциальный анализ и Dasein-анализ (Dasein - здесь в переводе с нем.: бытие: человеческое бытие Термин М Хайдеггера. - Прим ред.) как важные примеры подходов, выделяющих скорее философское понимание, чем интерпретацию в терминах медицинской патологии. В большинстве психологических теорий психозы рассматриваются как патологические состояния с психологическими, а не органическими корнями. За небольшим исключением, ориентация этих теорий биографическая, и такая узкая точка зрения не позволяет им учитывать значимые психологические факторы, которые выходят за круг детских травм. Некоторые из этих подходов дополняют интрапсихическую динамику факторами социальной природы. Но наиболее интересной и многообещающей представляется третья категория психологических теорий психотических процессов, к которой относятся подходы, подчеркивающие их позитивное значение. Во многих необычных состояниях сознания, которые традиционно считаются психотическими и потому указывают якобы на серьезные ментальные заболевания, эти теории усматривают радикальные попытки разрешения проблем. Будучи правильно поняты и поддержаны, они могут перейти в психосоматическое излечение, личностную трансформацию и эволюцию сознания.

Итак, выясняется, что в психиатрии и психологии нет согласия относительно природы и этиологии психотических процессов. Серьезные исследователи склонны подчеркивать огромную сложность проблемы и размышлять о ней в смысле "множественной этиологии". Этот термин предполагает, что проблема психозов не может быть сведена к какой-либо простой цепочке биологических, психологических или социальных причин. Единство отсутствует даже в названиях клинических диагнозов. Например, американские психиатры предпочитают использовать термин "шизофрения" несколько обобщенно, тогда как их европейские коллеги оставляют этот диагноз только для особых случаев с глубокими "стержневыми проблемами" (Kernschizopfirenie).

Ситуация в терапии психозов так же запутана, за исключением случаев маниакально-депрессивных нарушений, относительно которых единодушие, наверное, больше. Многообразие терапевтических мер прямо отражает различия в теоретическом понимании процесса. Применявшиеся с различной долей успеха подходы образуют ряд от сильнодействующих конвульсивных методов и психирургии через психофармакологическую терапию до чисто психологических процедур. Некоторые из новых терапевтических методов прямо противоположны медицинской стратегии лечения психозов. Вместо того, чтобы снимать симптомы и подавлять психотический процесс, они пытаются создать поддерживающие условия и воодушевить пациента к возможно более полному переживанию симптомов. Допускается даже использование техники, которая усиливает и ускоряет процесс, тем самым приводя его к позитивному разрешению, - речь идет о психоделической терапии и терапии глубинного переживания.

Именно этот подход я предпочитаю изучать и поддерживать, так как, по моему опыту, это в высшей степени жизнеспособная и многообещающая альтернатива традиционному лечению психозов. В нескольких различных областях исследований есть веские свидетельства тому, что среди тех, кто переживает необычные состояния сознания и шаблонно имену-

ется психотиком, всегда имеется группа людей, вовлеченных в экстраординарный и потенциально целебный процесс самоисследования и эволюции сознания. Если условия далеки от оптимальных, а это как раз является нормой в нашей культуре при современном уровне психиатрического понимания, - этот процесс часто останавливается на одной из драматичных и тяжелых стадий.

Психиатр или психолог, который знаком с территорией необычных состояний сознания теоретически и практически, будет способен поддерживать и направлять процесс, отказавшись от неразборчивого подавляющего подхода, в этих случаях неприемлемого, вредного и совсем не продуктивного. Нечутким рутинным применением транквилизаторов и других подавляющих мер можно заморозить эту потенциально благотворную проработку и помешать ее успешному завершению. Такая терапевтическая стратегия может привести к хронике и необходимости длительного лекарственного лечения с вытекающими из этого необратимыми побочными эффектами. Остается понять, какая доля из общего числа психотических состояний принадлежит к этой категории и как много индивидов среди всех остальных вовлечено в такой процесс. Нынешняя психиатрия с ее социально оскорбительными ярлыками, ужасными госпитальными условиями и терапевтическими процедурами создала атмосферу, в которой невозможна искренняя обратная связь.

В этих обстоятельствах маловероятно, что мы сумеем получить надежное статистическое отражение того, что происходит среди населения, - до тех пор, пока не создадим атмосферу понимания и поддержки.

Результаты анонимных опросов (McCready and Greeley, 1976), показывающие, что 35% американцев когда-либо имели мистические переживания, дают представление о том, какими могли бы быть результаты более правдивой и реалистичной статистики о случаях изменения состояний сознания. Пока общая атмосфера не изменится, многие люди, вовлеченные в подобный процесс, будут воздерживаться от сообщений о своем опыте даже ближайшим родственникам, опасаясь, что их сочтут сумасшедшими и подвергнут бездушной рутине психиатрического лечения.

Переходим теперь к рассмотрению психозов с точки зрения модели, представленной в этой книге. Первый вопрос - это нынешняя научная парадигма. Понимание психозов и подход к их лечению полностью определяются философией западной науки и тем фактом, что психиатрия сложилась как медицинская дисциплина. Все определения психозов выделяют как главное неспособность индивида отличить субъективное переживание от объективного восприятия мира; ключевая фраза в определении психоза: "точная оценка реальности". Поэтому ясно, что понятие психоза прямо зависит от текущего научного представления о реальности. Из-за приверженности специалистов ньютоно-картезианской парадигме и отождествления ее с точным, объективным и исчерпывающим описанием реальности традиционная психиатрия определяет нормальность как перцептивное и когнитивное соответствие механистическому мировоззрению. Если мировосприятие индивида серьезно отклоняется от нормы, это будет рассматриваться как признак патологического процесса, связанного с мозгом, т. е. как "болезнь". Поскольку диагностика психозов неотделима от определения реальности, то при серьезном сдвиге научных парадигм, изменяющем представление о самой природе реальности, ее тоже ждут серьезные изменения.

Медицинская модель ментального заболевания значительно ослабла под давлением исторических и антропологических свидетельств, указывающих на относительность и культурную ограниченность критериев душевного здоровья и нормальности. Вариации человеческого поведения, считавшиеся в разных культурах и в различные исторические периоды приемлемыми, нормальными или желательными, различаются в очень широком спектре. И значительная его часть накладывается на то, что нынешняя психиатрия определяет как патологию и признаки ментального заболевания. Медицинская наука пытается, скажем, установить специфическую этиологию многих явлений, которые в более широком межкультурном контексте являются инвариантами человеческого состояния или формами коллективного бессознательного.

Инцест, отвергнутый большинством этнических групп, обожествлялся в высокоразвитых цивилизациях древних египтян и перуанских инков. Гомосексуализм, эксгибиционизм, групповой секс и проституция в некоторых культурах считались совершенно нормальными, а в других - ритуализировались и освящались. В некоторых этнических группах, например, у эскимосов, принято уступать своих жен, в других группах поощряется общий промискуитет, и в то же время существуют культуры, где адюльтер карается смертью. Строгому соблюдению моногамии в одних обществах можно противопоставить социально санкционированную полигамию или полиандрию в других.

И если некоторые этнические группы считают обнаженность естественной, а к сексу или к выделительным функциям организма относятся свободно, другие выказывают отвращение к основным физиологическим функциям и запахам или закрывают все тело, включая лицо. Даже детоубийство, убийство, самоубийство, человеческие жертвоприношения и принесение в жертву себя, пытки, самоувечье и каннибализм были вполне допустимыми в некоторых культурах, а иногда даже прославлялись и ритуализировались. Многие из так называемых культурно-ограниченных психиатрических синдромов -необычных и экзотических форм опыта и поведения у отдельных этнических групп - вряд ли могут быть названы болезнями в строгом медицинском смысле.

Поскольку все эти экстремальные психологические явления были нормой в некоторых культурах или на некоторых культурно-исторических этапах, понятно, что обязательные поиски их медицинских причин являются скорее результатом культурной предубежденности, чем хорошо обоснованным научным суждением. Юнговское понятие о коллективном бессознательном с его бесчисленными вариациями предлагает мощную и многообещающую альтернативу медицинской модели. Достаточно осознать, что даже перемены в духе времени (*Zeitgeist*) и в моде могут иногда вызывать отклонения от прежних норм, но если бы подобные отклонения обнаружили в старом контексте, этого было бы достаточно для диагностирования их как ментальных заболеваний.

То, что должно считаться здоровым, нормальным или рациональным, зависит решающим образом от обстоятельств, от культурного и исторического контекста. Опыт и поведение шаманов, индийских Йогов и саддху (святых отшельников) или духовных искателей других культур по западным психиатрическим стандартам следовало бы диагностировать как явный психоз, и наоборот, ненасытное честолюбие, иррациональные побуждения к компенсации, технократия, современная гонка вооружений, междоусобные войны, революции и перевороты, считающиеся нормой на Западе, рассматривались бы восточным мудрецом как симптомы крайнего безумия. Точно так же, нашу манию постоянного прогресса и "неограниченного роста", наше отрицание космических циклов, загрязнение жизненных ресурсов (воды, почвы и воздуха), превращение в бетон и асфальт тысяч квадратных миль земли в таких местах, как Лос-Анджелес, Токио или Сан-Паулу, американский или мексиканский индеец-шаман посчитал бы чудовищной несообразностью и опасным массовым безумием.

Но уроки истории и антропологии идут дальше относительности опыта, внешности и поведения. Некоторые явления, рассматриваемые западными психиатрами как симптомы ментальных заболеваний, считались в древних и незападных культурах исцеляющими и трансформирующими, если они происходили спонтанно. Глубокое уважение этих культур к таким формам переживания и поведения ясно отражено в том факте, что они затратили много времени и усилий на развитие искусной техники их достижения. Речь идет о процедурах изменения сознания - от таких простых, как голодание, отказ от сна, социальная и сенсорная изоляция (отшельничество в горах, пещерах, пустынях), до изощренных, вроде самоограничения в потреблении кислорода или других дыхательных техник и использования психоделиков. Некоторые духовные традиции тщательно разработали для этого особые методы, использующие визуальную информацию, звуковую технологию, кинестетическую стимуляцию или ментальные упражнения.

Тот, кто добивался успешной интерпретации своего внутреннего путешествия, ближайшим образом знакомился с территориями психики. Он также обретал способность передавать свое знание Другим и вести их по правильному пути. Во многих культурах Азии, Австралии, Полинезии, Европы, Южной и Северной Америки это было традиционной функцией шаманов (Eliade, 1964). Драматичные переживания посвящения у шаманов, включающие яркие эпизоды смерти-возрождения, интерпретировались западными психиатрами и антропологами как признаки душевных заболеваний. Обычно их обсуждают в связи с шизофренией, истерией или эпилепсией как "болезнь шамана".

Здесь отразилось типичное предубеждение западной механистической науки с культурно-ограниченной оценкой, а вовсе не объективное научное суждение. В культурах, где признают и почитают шаманскую практику, шаманом не становится любой человек со странным и непредсказуемым поведением, как предполагают западные ученые. Там очень четко отличают настоящих шаманов от людей больных или психически ненормальных. У шаманов всегда есть свои мощные необычные переживания, и они умеют их созидательно и продуктивно интегрировать. Они способны справляться с повседневной реальностью так же хорошо или даже лучше, чем остальные члены их племени. Кроме того, они имеют эмпирический доступ к другим уровням и областям реальности и могут вызывать необычные со-

стояния сознания у других с целью излечения или трансформации. Таким образом, они демонстрируют превосходную способность к действию и "сверх-нормальность", а не сумасшествие или неумение приспособиться к окружающей обстановке. Думать же, что причудливое и непонятное поведение сойдет среди "необразованных туземцев" за святость, просто глупо⁵⁰.

Многие древние традиции создали тщательно разработанную картографию необычных состояний сознания, имеющую неопределимое значение для тех, кто встретился с тяжелыми стадиями своего внутреннего путешествия. Древние книги мертвых, традиционные индийские, буддийские, даосские и суфийские учения, писания христианских мистиков или каббалистические и алхимические трактаты - вот лишь некоторые примеры такого рода. В такого рода текстах переживания, которые профану или непосвященному могут показаться непонятными и странными, рассматриваются мастерами этого искусства как предсказуемые и закономерные стадии процесса трансформации.

Непредвзято мыслящие исследователи, готовые изучать исцеляющий потенциал таких состояний, к своему большому удивлению обнаружат, что он превосходит все терапевтические средства традиционной психиатрии. Многие мировые культуры независимо одна от другой развили технику вызывания или поддержания подобных состояний. Такая техника применялась постоянно в различных ритуалах перехода, исцеления, церемониях экстатических сект и мистериях смерти-возрождения.

Поскольку ритуальная практика неевропейских культур могла бы показаться слишком экзотической для наших условий, следует обратиться к важным образцам древнегреческой культуры, традиционно считающейся колыбелью европейской цивилизации. Священные мистерии смерти-возрождения процветали в Греции и соседних государствах во множестве форм. Среди наиболее известных нужно назвать зле воинские и орфические мистерии, вакханалии (т.е. дионисийские ритуалы), церемонии Аттиса и Адониса, фракийские ритуалы корибантов.

Два гиганта греческой философской мысли, которых так высоко ценит европейская цивилизация, оставили свидетельства о целительной силе мистерий. Платон, который, вероятно, был посвящен в Элевсине, дал детальное описание опыта ритуального переживания в диалоге "Федр" (Plato, 1961) при обсуждении разных форм сумасшествия. В качестве примера он привел ритуальное безумие корибантов (Plato, 1961b), когда дикий оргиастический танец под аккомпанемент флейт и барабанов выливался в припадок. Платон считал сочетание интенсивной активности экстремальных эмоций с последующей релаксацией мощным катарсическим переживанием, обладающим удивительной лечебной силой⁵¹.

Другой великий греческий философ, ученик Платона Аристотель также видел в мистериях мощные ритуальные события, способные исцелять эмоциональные расстройства (Croissant, 1932). Он верил, что при помощи вина, возбуждающих средств (афродизиаков) и музыки участник посвящения испытывает необычайный страстный подъем с последующим катарсисом. Это было первым явным утверждением, что полное переживание и освобождение подавленных эмоций - эффективный механизм лечения душевных заболеваний. В соответствии с главным тезисом орфиков Аристотель постулирует, что хаос и безумие мистерий в конечном итоге ведут к порядку.

Представленная концепция психозов находит важное подтверждение и в наблюдениях традиционной психиатрии. Уже несколько десятилетий назад было установлено, что психиатрические пациенты могут иногда выходить из кризисных состояний с более высоким уровнем цельности и собранности, чем тот, который был у них до начала болезни (Dabrowski, 1964). Отмечалось, что такой положительный исход наиболее вероятен, когда содержание психотического переживания включает элементы смерти-возрождения или разрушения и воссоздания мира.

Обычная ныне практика фармакологического подавления психотических симптомов странным образом противоречит давнему клиническому наблюдению насчет того, что яр-

⁵⁰ - Очень интересное обсуждение взаимосвязи шаманизма и психоза можно найти в статье Дж. Силвермена "Шаманы и острая шизофрения" (Sil-verman, 1967). Состояние сознания шамана и шаманские приемы освещены с позиций современной науки в превосходной книге Майкла Харнера "Путь шамана" (Harner, 1980) и в классическом исследовании Мирча Элиаде "Шаманизм: архаичная техника экстаза" (Eliade, 1964).

⁵¹ - Здесь следует упомянуть академическую, хорошо документированную работу Вассона, Хоффманна и Рака "Дорога в Элевсин" (Wasson, Hofmann & Ruck, 1978). Авторы приводят серьезные доказательства того, что препарат спорыньи, содержащий ингредиенты, близкие по химическому составу к ЛСД-25, использовался в элевсинских мистериях смерти-возрождения почти 2000 лет.

кие психотические состояния имеют гораздо больше шансов быть излечимыми, чем протекающие вяло. По нескольким проверочным психофармакологическим исследованиям выяснилось, что некоторые группы психотических пациентов имеют лучшие показатели выздоровления, когда подвергаются лечению неактивными препаратами (плацебо), чем в случае приема транквилизаторов (Carpenter et al" 1977; Young and Meltzer, 1980). Это подтвердилось в контрольном эксперименте в госпитале Эгню штата Калифорния (Сан-Хосе), который провели Морис Рапппорт, Джулиан Силвермэн и Джон Перри (Rappaport, Silverman, Perry, 1974; 1978). В некоторых других исследованиях не обнаружено никакой существенной разницы в состоянии психотических пациентов, получающих транквилизаторы и плацебо (Mosher and Menn. 1978). В целом, пациентам с параноидальными симптомами, затрагивающими в первую очередь механизм внешних проекции, по-видимому становится лучше при лечении транквилизаторами, тогда как те, кто переживает интроективный процесс, имеют больше шансов без лекарств.

Были и другие терапевтические эксперименты, в которых пациентам вообще не давали транквилизаторов и всячески поощряли к переживанию психотического процесса, например проект Р. Д. Лэйнга в Великобритании (Laing, 1972a; 1972b) или "Диабэйсис" Дж Перри в Сан-Франциско (Perry, 1974; 1976). Еще более необычный и радикальный подход к психотическому процессу - предоставление пациенту нового понимания, поддержки и воодушевления в ходе психоделических сеансов или немедикаментозной эмпирической проработки дня ускорения процесса и содействия его положительному разрешению. В обширном изучении ЛСД-психотерапии, проведенном в Институте психиатрических исследований в Праге, я наблюдал случаи резкого улучшения у нескольких ярко выраженных психотиков, и эти результаты превосходили все, чего могло бы добиться традиционное подавляющее психофармакологическое лечение. Изменения у этих пациентов заключались не только в исчезновении симптомов, но и в глубокой и серьезной перестройке личности. Краткие биографии этих пациентов и история их лечения опубликованы (Grof, 1980). О сходных результатах сообщали Кеннет Годфри и Хэролд Вотт (Godfrey, Voth, 1971), применявшие ЛСД-психотерапию для лечения психотиков в Правительственном госпитале для ветеранов в Топеке (штат Канзас).

Применение такой терапевтической стратегии требует совершенно нового понимания психозов, так как она не имеет смысла в контексте нынешних теорий органической или психологической ориентации, кроме аналитической психологии Юнга. Традиционная психиатрия предлагает на выбор два главных подхода к лечению психозов, но они оба неубедительны и недостаточно удовлетворительны. Специалисты, ориентирующиеся на органическую теорию, всякое переживание и поведение, которое механистическая парадигма не в силах объяснить, относят к области странного и зловещего. Они приписывают их неким пока еще неизвестным патологическим процессам в организме и пытаются подавить всеми возможными способами. Психиатры и психологи, следующие психогенным теориям психозов, как правило ограничены концепциями механистической науки и узким биографическим акцентом. Они предлагают теоретические объяснения, сводящие проблему психозов к инфантильной регрессии, и применяют в своей психотерапии исключительно интерпретацию и маневры, относящиеся к биографической сфере.

Согласно представленной здесь новой модели, задействованные в психотических эпизодах функциональные матрицы являются неотъемлемыми и интегральными составляющими человеческой личности. Те же самые перинатальные и трансперсональные матрицы, которые связаны с расстройствами психики, могут при некоторых обстоятельствах опосредовать процесс духовной трансформации и эволюции сознания. Следовательно, решающим вопросом в понимании психозов становится определение факторов, отличающих психотический процесс от мистического.

Дальнейшие исследования в направлении, предлагаемом этой моделью, должны сконцентрироваться на двух важных вопросах, имеющих для понимания психозов огромную теоретическую и практическую значимость. Первый вопрос касается пусковых механизмов, делающих возможным появление в сознании разнообразного бессознательного содержания. Важно найти объяснение, почему некоторые люди сталкиваются с перинатальными и трансперсональными элементами своей психики только после приема психоделиков или применения какой-то другой мощной техники, тогда как другие буквально подвержены бомбардировке этим глубинным содержанием бессознательного в самых обыденных обстоятельствах жизни⁵².

⁵² - Наблюдения из практики холотропической терапии (см. ее описание на с. 409-414) с этой точки зрения вполне релевантны. Для эмпирического погружения на перинатальный или трансперсональ-

Однако это только часть проблемы. Другим, возможно даже более важным, является вопрос об индивидуальном отношении к содержанию этих переживаний, собственный стиль работы с ними и способность их интегрировать. Это ясно видно по ЛСД-сеансам, где триггер переживания стандартен и хорошо известен, а стиль может быть мистическим или психотическим. Здесь, как и в спонтанно возникающих необычных переживаниях, способность индивида удерживать процесс внутри, "обладать" им как собственным интрапсихическим событием и завершать его внутренне, не отыгрывая преждевременно во внешних действиях, отчетливо ассоциируется с мистическим отношением и свидетельствует о глубинном здоровье. Экстериоризация процесса, чрезмерное использование механизма проекций и беспорядочные внешние действия характерны для психотического стиля встречи с собственной психикой. Поэтому психотические состояния представляют пограничное смешение внутреннего мира и согласованной реальности. Это резко отличает их от мистического и шаманского состояний сознания, где это разделение постоянно сохраняется. Очевидно, выбор мистического или психотического модуса не только отражает внутренние качества личности, но может решающим образом зависеть от внешних обстоятельств, в которых индивид переживает драматичное столкновение со своим бессознательным.

Психиатрические исследования показывают, что психотический процесс - явление крайне сложное, являющееся конечным результатом взаимодействия множества факторов на самых разных уровнях. Выяснилась значительная изменчивость его динамики в зависимости от конституциональных и генетических элементов, от истории индивидуального развития, гормональных и биохимических изменений, от скорости развертывания ситуации, влияний окружения и общества, даже от космобиологических детерминант. И все же концепция перинатальных и трансперсональных матриц остается решающей для понимания психотических явлений, так как ни один из вышеперечисленных факторов не объясняет их природу, содержание и динамику. В лучшем случае эти факторы можно рассматривать как условия, которые активизируют перинатальные и трансперсональные матрицы или ослабляют защитные механизмы, препятствующие их проявлению в сознании при нормальных обстоятельствах.

Во многих странных и необъяснимых аспектах психотического состояния внезапно обнаруживается глубинная эмпирическая логика, если мы рассматриваем их с точки зрения динамики перинатальных и трансперсональных матриц. Мы уже обсудили связь перинатальных матриц такими явлениями, как депрессии, маниакально-депрессивные расстройства и суицидальные склонности: *подавленная депрессия* психогенетически связана с БПМ-II, *возбужденная депрессия* - с БПМ-III, а *мании* - с незавершенным переходом от БПМ-III к БПМ-IV. Точно так же, две стороны суицидальных фантазий (т. е. импульсы и специфический выбор способа самоубийства) глубоко логичны в контексте перинатальной динамики. Любое из этих проявлений может достичь такой интенсивности и глубины, что приходится квалифицировать его как психотическое. От глубинной депрессии к депрессивному психозу очень плавный переход. Психоз может проявлять содержание БПМ-II в чистой форме, включая галлюцинации ада, чертей и дьявольских пыток. Мания тоже часто достигает психотического размаха.

Однако действительное затруднение для теории и практики психиатрии представляет многообразная и живописная группа психотических состояний, относящихся к шизофрении. Это весьма разнородная группа с общим наименованием, которое по-видимому отражает наше фундаментальное непонимание природы и этиологии замешанных здесь психологических состояний. Возможно, для некоторых форм этого нарушения мы когда-нибудь сумеем выявить четкую органическую этиологию и патологию. Такое случалось в прошлом, когда некоторые пациенты, считавшиеся шизофрениками, переводились в новую диагностическую категорию (общий паралич или временная эпилепсия) и успешно вылечивались. Следовательно, в наших утверждениях относительно шизофрении надо видеть не обобщение, а систему интерпретации для многих состояний, включенных пока в эту категорию.

Поскольку психологические травмы в жизни индивида облегчают эмпирический доступ к перинатальным и трансперсональным матрицам, в симптоматике шизофрении можно отыскать явные биографические черты. Впрочем, одно наличие признаков, наводящих на мысль о ранних этапах психологического развития, еще не означает, что шизофрению мож-

ный уровень не требуется мощного психоактивного препарата, например ЛСД. Благоприятная среда, учащенное дыхание и побудительная музыка в течение нескольких минут вызывают у группы случайно подобранных лиц необычные переживания, которые традиционно считались психотическими. Это явление кратковременно, полностью обратимо, способно вызвать психосоматическое исцеление и личностный рост.

но интерпретировать как регрессию в детство. Многие аспекты шизофренической симптоматики вполне можно соотносить с динамикой перинатальных матриц и, следовательно, с индивидуальными стадиями рождения. Если при неврозах элементы перинатальных матриц проявлены в умеренной форме и окрашены постнатальными травмирующими событиями, то при психозах эти элементы переживаются в чистом виде. Дальнейшее обсуждение основано на клинических наблюдениях в ходе ЛСД-психотерапии, где состояния разного рода, сходные с шизофренией, возникают не только в контексте процесса смерти-возрождения на психоделическом сеансе, но иногда удерживаются на какое-то время и после него, если сеанс, включавший перинатальные элементы, разрешился плохо и не был интегрирован.

Ранние стадии БПМ-II являются, надо думать, глубинным базисом для недифференцированной тревоги и общей угрозы, которые характеризуют паранойю. Соответствующая им биологическая ситуация - это самое начало родов, определяемое сначала по химическим сигналам и изменениям в организмах матери и ребенка, а позднее по маточным сокращениям. Внутриматочный космос, в котором плод пребывал девять месяцев, внезапно перестает быть безопасным местом и становится враждебным. Природа этой атаки на плод вначале только химическая; из-за рассеянного, коварного характера этих отравляющих воздействий и из-за собственных когнитивных ограничений плод не в состоянии определить, что с ним происходит.

Когда это состояние заново переживается взрослым без психологического постижения его реальной природы, оно обязательно будет переноситься на текущую жизненную ситуацию и интерпретироваться через нее. Самой важной стороной этого переживания является состояние сильной тревоги с ощущением неуловимой стихийной угрозы и неразличимой универсальной опасности. Пациенты склонны интерпретировать эти тревожные чувства как результат действия радиации, отравляющих газов, химических ядов, злодеяний членов секретных организаций, нападения враждебных черных магов, политических интриг или вторжения чужеродной энергии инопланетян. В других случаях, человек может переживать, что он тонет в гигантском водовороте, проглочен мифическим чудовищем или спускается в подземный мир, где на него набрасываются хтонические существа, где он подвергается дьявольским пыткам и демоническому судилищу.

БПМ-II в своей полной форме привносит в шизофреническую симптоматику такие темы, как бесчеловечные пытки с хитроумными приспособлениями, атмосфера вечного проклятья, нескончаемые мучения в аду и другие виды безвыходных ситуаций. Детальное штудирование ранней психоаналитической литературы показывает, что машиной воздействия на шизофреника является тело матери. В этой связи особый интерес представляют работы Виктора Тауска (Tausk, 1933), - хотя ему не удалось распознать в угрожающем материнском организме не мать раннего детства, а образ рожаящей матери. Сюда же относится бессмысленный и причудливый мир картонных фигур и безжизненных роботов, гротескная атмосфера странных и фантастичных цирковых представлений.

Феноменология БПМ-III добавляет в клиническую картину шизофрении богатый спектр переживаний, характеризующих различные стороны этой функциональной матрицы. Титанический аспект представлен ощущениями предельного напряжения, мощных энергетических потоков и разрядов, образами сражений и войн. Военные эпизоды могут относиться к событиям феноменального мира или включать архетипические темы гигантского охвата - ангелов, сражающихся с дьяволами, битву героев и полубогов с богами или поединки мифологических монстров. Агрессивные и садомазохистские элементы БПМ-III объясняют случаи проявления насилия среди шизофренических пациентов, самоувечье, убийства и кровавый суицид, а также видения и переживания разного рода жестокостей. Странные искажения сексуальности и извращенные стремления, наблюдаемые у психотиков характерны для сексуального аспекта третьей перинатальной матрицы (что мы уже разбирали раньше). И наконец, патологический интерес к фекалиям и другим биологическим отходам, копрофилия и копрофагия, приписывание магических свойств экскрементам, ритуальные действия с органическими телесными субстанциями, задержка мочи и кала, отказ сфинктерного контроля - все это явно выдает наличие скатологического аспекта в БПМ-III.

Переход от БПМ-III к БПМ-IV привносит в богатую феноменологию шизофрении апокалиптические образы разрушения мира и исчезновения самого индивида, сцены суда над мертвыми или Страшного Суда, переживание возрождения и воссоздания мира, отождествление с Христом или другими божественными персонажами, символизирующими смерть и воскресение, грандиозные мессианские чувства, моменты богоявления, ангельские и небесные видения, чувство искупления и спасения. Этот аспект перинатальной динамики вносит

в шизофреническую симптоматику элемент мании и создает клиническую картину, представляющую смесь шизофренического психоза и маниакально-депрессивного расстройства.

Однако весь спектр симптомов шизофрении не будет адекватно понят без учета элементов БПМ-I и богатства трансперсональных переживаний. Элементы первой перинатальной матрицы проявляются как в позитивном, так и в негативном аспекте. Многие психотики переживают эпизоды экстатического единения с Вселенной и Богом, иногда это тесно связано с чувствами симбиотического единства с материнским организмом на уровне хорошей матки или хорошей груди. Подобные переживания описывались мистиками, святыми и религиозными учителями во все века. В связи с этим естественно возникает вопрос о взаимоотношении психоза и мистицизма, об их сходстве и различиях.

Хорошо завершенное и интегрированное переживание единства с божеством влечет за собой чувство глубокого покоя и просветленности. Индивид осознает свое божественное происхождение не как исключительное и персональное, а как относящееся ко всем и к каждому. По всей видимости, огромное множество людей в прошлом и даже в настоящем уже открыло эту истину о себе, у других есть такая возможность, и они достигнут прозрения в будущем. Это сочетание грандиозности и величайшего смирения, при полном отсутствии нарочитости и демонстративности характеризует мистический подход к переживаниям такого рода.

Шизофренические пациенты, напротив, склонны интерпретировать свою эмпирическую связь с божеством в терминах собственной исключительности и своей особой роли во всеобщем ходе вещей. Они оценивают свое новое интуитивное прозрение с позиции отождествления с обычной личностью, с телесным Эго, от которого им не удалось отказаться. В результате они пишут письма президентам и членам правительства, пытаются убедить весь мир в своем божественном происхождении, требуют, чтобы их признали пророками, и используют всевозможные средства в борьбе против своих реальных или воображаемых врагов и оппонентов.

Конечно, было бы абсурдным упрощением и редукционистской ошибкой приравнивать состояния мистического единства и духовного освобождения к недифференцированным состояниям сознания, которые переживает ребенок во время эмбрионального существования и постнатального симбиотического взаимодействия с материнским организмом. Регрессия, о которой идет речь, переживается индивидом, прошедшим сложное развитие через многие ступени эволюции и достигшим физической, эмоциональной и интеллектуальной зрелости уже после событий раннего детства.

Кроме того, мистик в своем экстазе явно достигает подлинно трансцендентальных и архетипических измерений далеко за пределами биологии. И тем не менее, мистические и психотические состояния далеко не всегда легко различить; это доказал Кен Уилбер в исследовании до-эготического и трансэготического состояний (Wilber, 1980).

Клинические наблюдения наводят на мысль о том, что состояния мистического единства определенного рода глубоко связаны с позитивными аспектами БПМ-I. Индивид, достигший эмпирически моментов безмятежного внутриутробного существования, может, наверное, также легко достичь переживания космического единства, хотя это несколько не означает, что эти два состояния представляют собой одно и то же. И так же существует по-видимому определенная связь между нарушениями эмбриональной жизни (болезни матери во время беременности, тревожные состояния и хронический эмоциональный стресс, токсические или механические помехи, попытки аборта) и шизофреническими искажениями духовности и восприятия мира.

Главной и фундаментальной угрозой эмбриональному существованию является начало родов, ведь именно тогда окончательно и необратимо разрушается внутриутробное состояние. Поэтому кризис внутриутробного развития плода переживается сходно с ранними стадиями БПМ-II; это включает ощущение универсальной опасности, общей паранойи, странные телесные ощущения и восприятие неуловимых токсичных воздействий. Архетипические образы, сопровождающие эти состояния, принимают форму демонов или иных метафизических злых сил, относящихся к различным культурам.

Ранние стадии симбиотического единства с матерью также могут быть источником психотических переживаний, в которых индивид не в состоянии отделить себя от других людей, их различных проявлений, даже от элементов нелюдского мира. Это может вызывать ощущения телепатического воздействия и подверженности всякого рода фантастическим устройствам для передачи мыслей. Люди убеждены, что читают мысли и чувства других людей, что их собственные мысли непременно становятся доступными другим или даже транслируются на весь мир. Намеренные иллюзии, неконтролируемые сны наяву и аутичное

мышление можно понять как попытки воссоздать исходное, ничем не нарушаемое внутриутробное состояние. То же относится к некоторым формам кататонического ступора, когда пациенты могут оставаться в зародышевой позе часами и днями, не проявляя никакого интереса к пище и не заботясь о естественных отправлениях организма.

Те, кому довелось на психоделических сеансах переживать эпизоды внутриутробных расстройств, часто описывают или проявляют перцептуальные и концептуальные искажения, имеющие близкое сходство с теми, которые наблюдаются у шизофреников. ЛСД-пациенты, чьи родственники или друзья страдают от шизофрении или параноидальных состояний, могут испытать в этот момент полное отождествление с ними и обрести глубокое интуитивное понимание их проблем. Некоторые из психиатров и психологов, принимавших участие в ЛСД-тренинге для профессионалов, сообщали о том, что во время перинатальных сеансов они вспоминали или актуально визуализировали своих психотических пациентов и были способны достичь ценных прозрений в их мир.

Наблюдения такого рода позволяют предположить, что повторное проживание ненарушенного внутриутробного опыта тесно связано с некоторыми мистическими и религиозными состояниями, а эпизоды эмбриональных кризисов родственны шизофреническим и параноидальным состояниям. Это открытие с очевидностью выявляет, что существующая все-таки граница между психозом и процессом духовной трансформации является довольно зыбкой. На психоделических сеансах явно психотические состояния могут вырастать до переживания мистических откровений. Индивиды, занятые духовными исканиями и духовной практикой, иногда сталкиваются с психотическими зонами своей души, а пациенты-шизофреники часто посещают области мистического опыта.

Проблему большой значимости и для мистических состояний сознания и для психозов представляют экстатические переживания с их отношением к психопатологии и динамике матриц бессознательного. Наблюдения из психоделической терапии показывают, что существует целый спектр экстатических состояний, значительно различающихся между собой не только по силе воздействия, но и по природе, по уровню психики, к которому они принадлежат. Экстатические состояния, связанные с биографическим уровнем, обычно существенно слабее и менее значимы, чем те, что относятся к перинатальной или трансперсональной областям. Они как правило связаны с позитивными СКО и отражают индивидуальную историю биологической и психологической удовлетворенности. Самый глубокий источник таких экстатических чувств - опыт симбиотического единства с материнским организмом в период вскармливания с ощущением полной организменной осуществленности и эмоционального насыщения. Это переживание характерно сопровождается стойким чувством божественного, хотя в нем очень силен биологический акцент.

Но гораздо более важным источником экстатических переживаний служит перинатальный уровень бессознательного. Феноменология смерти-возрождения, полученная в ходе эмпирической работы, предлагает уникальные интуитивные догадки относительно психологии и психопатологии экстаза. Выше уже описывались два различных типа суицида и их связь с перинатальной динамикой. Подобным образом можно выделить три категории экстаза, принадлежащих к перинатальному уровню, и продемонстрировать их особую связь с базовыми перинатальными матрицами.

Первый тип экстаза можно назвать *океаническим* или *аполлоническим*. Для него характерны глубокий покой, безмятежность и лучезарная радость. Переживающий его человек обычно неподвижен или совершает медленные плавные движения. Он испытывает свободное от напряжения блаженство, потерю границ Эго и абсолютное единство с природой, космическим порядком и Богом. Этому состоянию свойственны глубокое интуитивное понимание существования и поток прозрений космической значимости. Полное отсутствие тревоги, агрессивности, вины, других негативных эмоций и глубокое чувство удовлетворенности, безопасности и трансцендентной любви дополняют картину экстаза такого рода.

Условия океанического экстаза четко соответствуют БПМ-I и, следовательно, опыту симбиотического единства с матерью во время внутриутробного развития и в период вскармливания. Более поздние воспоминания могут относиться к переживаниям теплых эмоциональных взаимоотношений, ситуаций освобожденности и удовольствия, к переживанию прекрасного в природе и искусстве. Им соответствуют образы красот природы в лучших ее качествах - природы созидающей, изобильной, питающей и сохраняющей. Архетипические образы этого состояния - Великая Богиня-мать или Мать-природа, небеса или рай.

Как и следовало ожидать, в состоянии океанического экстаза присутствует стихия воды как колыбели жизни, а также молоко и циркулирующая кровь как две питающие жидкости космического значения. Переживания зародышевого существования, отождествление с раз-

нообразными подводными формами жизни, или сознание океана, видения звездного неба и ощущение космического сознания весьма распространены в этом контексте. Относящиеся к этому опыту формы искусства - это архитектура трансцендентной красоты, живописные и скульптурные произведения, излучающие чистоту и безмятежность, текучая, спокойная и вневременная музыка, классический балет. Монументальные храмы Индии и Греции, Тадж-Махал, живопись Фра Анджело, шедевры Микельанджело или мраморные статуи древней Греции, музыка Баха - примеры таких произведений.

Второй тип экстаза во всех отношениях диаметрально противоположен первому; лучше всего называть его *вулканическим* или *дионисийским* экстазом. Для него характерны крайнее физическое и эмоциональное напряжение, высокая агрессивность, деструктивные импульсы внутренней и внешней направленности, мощные побуждения сексуальной природы, беспорядочная гиперактивность и ритмичные оргиастические движения. Что касается эмпирического содержания, то вулканическому экстазу свойственна уникальная смесь крайних физических и эмоциональных мук с диким чувственным порывом. По мере того как интенсивность странного сплава агонии и экстаза нарастает, эмпирические полярности размываются и становятся одним целым. Переживание ледяного холода оказывается неотличимым от непереносимого жара, убийственная ненависть - от страстной любви, извращенные сексуальные влечения - от стремления к трансцендентному, агония умирания - от экстаза нового рождения, апокалиптические ужасы разрушения - от радости созидания, а угроза жизни - от мистического порыва.

У индивида возникает ощущение, что приближается событие, способное потрясти весь мир - духовное освобождение, откровение предельной истины, или единение всего сущего. Однако каким бы убедительным не казалось обещание физической, эмоциональной и метафизической свободы, каким близким не казалось бы небесное блаженство, переживания, связанные с БПМ-III, к которым принадлежит этот тип экстаза, всегда лишь асимптотически приближают к конечной цели и никогда реально ее не достигают. Чтобы испытать прибытие, завершение духовного странствия, необходимо прийти в соприкосновение с элементами БПМ-IV и БПМ-I, т. е. с океаническим экстазом.

Сопровождающие вулканический экстаз характерные воспоминания или видения относятся к атмосфере необузданных вакханалий и карнавалов, луна-парков, публичных домов, ночных клубов и фейерверков, им свойственно возбуждение, связанное с Рискованными развлечениями типа автогонок и прыжков с парашютом. Религиозные образы, возникающие при этом экстатическом порыве, включают ритуалы жертвоприношения, мученическую смерть, шабаш ведьм и сатанинские ритуалы, дионисийские оргии и храмовую проституцию, самобичевание и туземные церемонии, совмещающие сексуальность и религиозность, праздники плодородия и отправления фаллического культа. В повседневной жизни мощные переживания вулканического экстаза могут быть связаны с финальными стадиями родов. Более мягкие формы встречаются в разного рода активных видах спорта, рок- и диско-танцах, в аттракционах и сексуальных пикниках. Соответствующие формы искусства - это изображение гротескного, чувственного и инстинктивного аспектов жизни, бешеная, ритмическая, вызывающая транс музыка и динамические оргиастические танцы.

Третья категория экстаза, связанная с перинатальным процессом, динамически относится к БПМ-IV и может быть названа *иллюминативным*, или *прометеевским* экстазом. Ему как правило предшествует период определенной эмоциональной и интеллектуальной борьбы, агонизирующего желания и тоски, отчаянных поисков ответа, который кажется недостижимым. Прометеевский экстаз поражает как божественная молния, уничтожающая все ограничения и приносящая неожиданные решения. Индивид наполняется светом сверхъестественной красоты и испытывает состояние божественного присутствия. Он обретает ощущение глубокого эмоционального, интеллектуального и духовного освобождения и получают доступ к потрясающим областям космического вдохновения и озарения. Переживания такого рода явно сопутствовали величайшим в истории человечества достижениям в науке, искусстве, религии и философии.

Другой интересной проблемой, касающейся динамики шизофрении и требующей краткого рассмотрения в контексте перинатальных матриц, является соотношение психозов и женских репродуктивных функций. Хорошо известно, что различные психопатологические нарушения тесно связаны с менструальным циклом и особенно с беременностью, родами и послеродовым периодом. В прошлом это объяснялось почти исключительно гормональным дисбалансом и его влиянием на психику.

Обсуждаемый здесь материал проливает совершенно новый свет на эту проблему. Наблюдения в ходе глубинной эмпирической работы выявляют важную динамическую связь

между переживаниями рождения, родов и сексуального оргазма. Женщины, повторно проживающие свое рождение во время психоделических сеансов, часто одновременно с этим имеют сильное ощущение, что рожают сами. Им на самом деле очень сложно было определить, рождаются ли они или рожают, поскольку в то же самое время они испытывали оргастические сексуальные чувства. Внешне это может выражаться в переходе из зародышевой позы в характерную гинекологическую позицию, задействующую мышцы брюшного пресса. Сама дилемма - рожать или родиться - разрешается в переживании, объединяющем эти две возможности, т. е. в рождении новой самости.

Эти наблюдения ясно показывают, что кроме гормонального дисбаланса, на котором настаивает традиционная психиатрия, причиной послеродовой психопатологии может быть психологическая динамика, связанная с перинатальными матрицами. Процесс родов по-видимому близко подводит мать к переживанию ее собственной травмы рождения. Будут активизированы не только базовые перинатальные матрицы, но и вторичные, более поздние дополнения родовой травмы, включая конфликтные ситуации, связанные с сексом, смертью, биологическими отходами, беременностью, деторождением и болью. При должных обстоятельствах с правильным пониманием и чутким подходом этот период может стать исключительно важным для глубинной психологической работы. И наоборот, если имеющаяся место динамика понята неправильно, и мать вынуждена подавлять поднимающийся из бессознательного материал, это может привести к развитию серьезных эмоциональных и психосоматических проблем. В крайних случаях нарушения такого рода могут достичь размеров психоза

Те же эмоциональные проблемы, но в более слабой форме, могут возникать в период менструации; повышенная тревожность, раздражительность, депрессия и мысли о самоубийстве, возникающие в этот период времени, известны под названием пременструального синдрома. Имеются глубокие анатомические, физиологические и биохимические параллели между менструацией и родами: можно сказать, что каждая менструация это микророды. Вполне возможно поэтому, что во время менструации перинатальный материал становится особенно доступным для переживания. По сходству между менструацией и родами можно предположить, что менструальный период - та же смесь благоприятных возможностей и проблем, которую мы обсуждали выше по поводу родов.

В предыдущем обсуждении особое внимание уделялось перинатальным корням различных симптомов шизофрении. Однако надо полагать, что многие аспекты феноменологии психозов имеют свои истоки в трансперсональных областях человеческой психики. Эти области приносят в симптоматику шизофрении интерес к онтологическим и космологическим проблемам, множество архетипических тем и мифологических сюжетов, встречи с божествами и демонами разных культур, родовую, филогенетическую и инкарнационную память, элементы расового и коллективного бессознательного, эмпирический мир экстрасенсорных и других паранормальных явлений, наконец, реальность принципа синхронности в жизни индивида. Также нужно отметить универсальные переживания более высокого порядка, чем те, которые связаны с перинатальной динамикой. - отождествление с Вселенским Разумом, с Абсолютом и со Сверхкосмической и Метакосмической Пустотой.

Несмотря на поворотные сдвиги в современной психологии, которыми мы обязаны трудам Юнга, Ассаджиоли и Мэслоу, все переживания такого рода по-прежнему автоматически рассматриваются традиционной психиатрией как симптомы психоза. В свете ЛСД-психотерапии и других мощных эмпирических подходов, концепция психозов должна быть радикально пересмотрена и переоценена. Матрицы перинатальных и трансперсональных переживаний по-видимому являются нормальными и естественными компонентами человеческой психики, и эти переживания сами по себе имеют излечивающий потенциал, если подойти к ним с должным пониманием. Поэтому бессмысленно диагностировать психоз на основании одного только содержания индивидуального опыта. Можно с уверенностью предположить, что в будущем определении того, что патологично, а что целебно и направлено на эволюцию сознания, обязательно будет выделяться отношение к опыту, стиль работы с ним и способность к интеграции его в повседневную жизнь. В такой структуре необходимо будет также четко отличать терапевтическую стратегию, способствующую исцелению, от вредной и непродуктивной, ведущей в конце концов к ятрогенным невзгодам.

5. ДИЛЕММЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ПСИХИАТРИИ

В результате сложного исторического развития психиатрия стала отраслью медицины. Почти все в ней - главное направление теоретического мышления, подход к лицам с эмоциональными расстройствами и отклонениями в поведении, стратегия исследований, основы образования с практическим обучением, методы лечения - определяется медицинской моделью. Такое положение дел явилось следствием двух важных обстоятельств: медикам удалось установить этиологию и найти эффективную терапию для особой, относительно небольшой группы душевных расстройств, а кроме того они продемонстрировали способность контролировать симптомы многих нарушений, для которых не найдено специальной этиологии.

Ньютоно-картезианское мировоззрение, давшее мощный толчок развитию многих областей науки. Сыграло решающую роль в прогрессе нейропсихиатрии и психологии. Возрождение научного интереса к случаям душевных заболеваний переросло в XIX веке в серию революционных открытий, прочно установивших за психиатрией статус медицинской дисциплины. Быстрое продвижение и значительные результаты в анатомии, патологии, патофизиологии, химии и бактериологии привели к склонности искать органические причины всех ментальных расстройств в инфекциях, метаболических нарушениях или дегенеративных процессах мозга.

Началу такой "органической ориентации" способствовало открытие этиологии нескольких ментальных заболеваний, а также разработка успешных методов терапии. Так, после выяснения того, что общий парез (состояние, связанное кроме всего прочего с иллюзией величия, нарушениями интеллекта и памяти) является результатом третичного сифилиса мозга, вызванного одноклеточным *Spirochaeta pallida*, была разработана успешная терапия с применением химических препаратов и искусственной лихорадки. Как только выяснилось, что ментальные нарушения, сопровождающие пеллагру, вызваны дефицитом витамина В (когда не хватает никотиновой кислоты или ее амидов), проблему стали решать введением необходимого количества витамина. Некоторые другие типы дисфункции мозга вызываются, как стало ясно, опухолями, энцефалитом и менингитом, дегенеративными изменениями мозга, различными формами нарушений в его снабжении и злокачественной анемией.

Медики научились с успехом контролировать симптомы многих эмоциональных и поведенческих расстройств, этиологию которых невозможно было обнаружить. К таким методам относятся радикальное вмешательство с использованием пентаметилентетразола (кардиозоловый шок), электрошоковая терапия, инсулиновый шок и психохирургия. Особенно эффективна в этом отношении современная психофармакология с ее богатым арсеналом особых лекарственных средств - гипнотиков, седативных препаратов, миорелаксантов, анальгетиков, психостимуляторов, транквилизаторов, антидепрессантов и солей лития.

Явный триумф медицинских исследований и методов лечения послужил тому, что психиатрия была определена в качестве отдельной отрасли медицины и подчинена медицинской модели исследований. С позиции сегодняшнего дня можно сказать, что решение это было преждевременным; именно из-за него возникли определенные затруднения в развитии психиатрии. Прогресс в раскрытии причин ментальных нарушений был, конечно, удивительным, но ограниченным, и относился он к малой части проблем, с которыми имеет дело психиатрия. Несмотря на первоначальный успех, медицинский подход в психиатрии не сумел установить органическую этиологию для заболеваний, от которых страдает абсолютное большинство пациентов: депрессий, психоневрозов и психосоматических расстройств. Более того, сомнительно продвижение в поисках медицинских причин так называемых эндогенных психозов, особенно шизофрении и маниакально-депрессивного психоза. Неудачи медицинского подхода и систематических клинических исследований по поводу эмоциональных нарушений дали толчок альтернативному, психологическому подходу в психиатрии, который положил начало развитию динамических школ психотерапии.

В целом, психологические исследования дали лучшую модель объяснения большинства эмоциональных расстройств, чем медицина; появились серьезные альтернативы биологическому лечению, психиатрия во многом приблизилась к социальным наукам и философии. Однако это не повлияло на статус психиатрии как медицинской дисциплины. В некотором смысле медицина сама себе обеспечивает вечное существование, поскольку многие симптомоподавляющие препараты, открытые в ходе медицинских исследований, обладают опасным побочным действием, и поэтому всегда нужен врач, умеющий их прописывать и вводить. Симбиотические связи между медициной и мощной фармацевтической индустрией, которая жизненно заинтересована в продаже своей продукции и потому выделяет средства на развитие медицины, замыкают этот порочный круг. Главенство медицинской модели

усиливается еще направленностью и структурой психиатрического обучения, а также правовыми аспектами политики в области душевного здоровья.

В большинстве своем психиатры - это врачи, получившие психиатрическое образование и весьма неадекватные знания основ психологии. Лица, страдающие от эмоциональных нарушений, чаще всего проходят лечение в медицинских учреждениях, где за все терапевтические процедуры официально отвечает психиатр. В такой ситуации психолог-клиницист выполняет функции обслуживающего персонала, подчиненного психиатру, т. е. роль, мало чем отличающуюся от роли биохимика или лаборанта. Традиционные требования, предъявляемые к психологу, ограничиваются оценкой умственных способностей, личных качеств и организованности пациента, помощью при дифференциальной диагностике, оценкой степени излечения и профессиональным отбором. Эти задачи замыкают сферу деятельности психологов, не занимающихся исследованиями или психотерапией. Вопрос же о том, насколько психолог уполномочен и квалифицирован, чтобы вести терапию психиатрических пациентов, всегда являлся предметом споров.

Главенство медицинской модели в психиатрии привело к механическому перенесению медицинских концепций и методов, уже доказавших свою эффективность, на лечение эмоциональных расстройств, но без заметных успехов. Применение медицинского способа мышления в решении большинства психиатрических проблем и при лечении эмоциональных нарушений (в особенности различных форм неврозов) подвергалось в последние годы широкой критике. Есть явные указания на то, что эта стратегия создала проблем не меньше, чем разрешила.

Нарушения, для которых не было найдено никакой специфической этиологии, запросто именуются "душевыми заболеваниями"⁵³. Страдающие от них люди получают социально унижительные ярлыки и именуются "пациентами". Они проходят лечение в медицинских учреждениях, где стоимость госпитализации в среднем составляет несколько сотен долларов в месяц. Главную часть этой суммы составляют огромные расходы, непосредственно вытекающие из медицинской модели, вроде стоимости обследования и обслуживания, эффективность которых при лечении подобных нарушений весьма сомнительна. Вложения в науку направляются преимущественно на чисто медицинские исследования, которые рано или поздно обнаруживают этиологию "душевных заболеваний", укрепляя тем самым медицинскую суть психиатрии.

Недовольство использованием медицинской модели в психиатрии возрастало. Вероятно, самым известным и ярким представителем этого движения стал Томас Заз. В серии книг, включающей известную работу "Миф о душевной болезни" (Szasz, 1961), он привел убедительные доказательства того, что большинство случаев так называемых душевных болезней нужно рассматривать как выражение и отражение внутренней борьбы индивида с жизненными проблемами. Они представляют собой скорее социальные, этические и правовые проблемы, чем "болезни" в медицинском смысле. Отношения врача и пациента, предписываемые медицинской моделью, также усиливают пассивную и зависимую роль последнего. Предполагается, что проблема решается главным образом за счет личности врача в роли научного авторитета, а не за счет внутренних ресурсов пациента.

Влияние, которое медицинская модель оказывает на теорию и практику психиатрии, весьма глубоко. В результате механического применения медицинского мышления все нарушения, с которыми имеет дело психиатр, в принципе рассматриваются как болезни, этиология которых в конце концов будет найдена в форме анатомических, физиологических или биохимических отклонений от нормы. То, что эти отклонения еще не обнаружены, не служит причиной для исключения проблемы из контекста медицинской модели. Напротив, это становится поводом для более точных и совершенных исследований в медицинском направлении. Так, например, надежды ориентированных на органику психиатров сегодня подогреваются успехами молекулярной биологии.

Еще одно следствие медицинского подхода - повышенное внимание к правильной постановке диагноза и разработке точной диагностической или классификационной системы. Такой подход имеет решающее значение в медицине, где именно из диагноза вытекает специфическая этиология, а затем ясная, четкая и согласованная терапия и надежный прогноз. Точный диагноз важен для любого инфекционного заболевания, так как каждое из них тре-

⁵³ - Термин "болезнь" или "нозологическая единица" (от греческого *nosos* - "болезнь") имеет весьма специфическое значение в медицине. Он означает расстройство, имеющее конкретную причину, т. е. этиологию, на основании которой можно вывести его патогенез, т. е. развитие симптомов. Из такого понимания расстройства должна вытекать конкретная терапевтическая стратегия вместе с соответствующими мерами, а также прогностическое заключение.

бует своих особых мер и по-разному поддается специфическим антибиотикам. Точно так же, по разновидности опухоли определяется характер терапевтического вмешательства, дальнейший прогноз или опасность метастазов. Кардинальную важность имеет точный диагноз при анемии, поскольку один ее тип требует лекарств, содержащих железо, другой - лекарств с кобальтом и т. д.

Много безрезультатных усилий было потрачено на уточнение и стандартизацию психиатрической диагностики - просто из-за того, что концепция диагноза, удобная в медицине, неприменима к большинству психических нарушений. Отсутствие согласия в этом вопросе может быть проиллюстрировано сравнением систем психиатрической классификации, используемых в разных странах, например в США, Великобритании, Франции и Австралии. Неразборчивое применение в психиатрии медицинского понятия диагноза делает его ненадежным и необоснованным, ставит под сомнение его ценность и пригодность. Диагноз решающим образом зависит от того, к какой школе принадлежит психиатр, от его индивидуальных предпочтений, от суммы доступных оценке данных и от многих других факторов.

Некоторые психиатры приходят к диагнозу только на основе существующего комплекса симптомов, другие - на основе психодинамических соображений, третьи пользуются и тем и другим. Субъективная оценка психиатром психологической значимости существующих соматических расстройств (таких, как проблематика щитовидной железы, вирусные заболевания, диабет) или определенных биографических событий в прошлом и настоящем пациента может существенно повлиять на диагноз. Есть значительное расхождение и в интерпретации некоторых диагностических терминов: например в американской и европейской школах относительно диагноза шизофрении.

На психотерапевтическую диагностику влияет и характер взаимоотношений между психиатром и пациентом. Если диагноз аппендицита или опухоли гипофиза не будет заметно зависеть от личности врача, то на психиатрический диагноз может повлиять поведение пациента по отношению к психиатру, ставящему диагноз. Важным фактором, например, может стать специфическая динамика переноса-контрпереноса или даже неспособность психиатра к межличностному контакту. Хорошо известно, что переживания и поведение пациентов значительно меняются при общении с разными людьми и могут определяться обстоятельствами и ситуационными факторами. Некоторые аспекты обычной психиатрической процедуры могут усиливать или даже провоцировать различные отклонения в их поведении.

Из-за недостатка объективных критериев, которые весьма существенны при медицинском подходе к физическим заболеваниям, в среде психиатров имеется тенденция полагаться на клинические суждения и опыт как на самодостаточные. Кроме того, системы классификации часто являются продуктом медицинской социологии, отражающей специфическое давление на врачей со стороны тех задач, которые на них возложены. Диагноз в психиатрии достаточно податлив, - на него легко может повлиять мотив диагностирования, будь то прием на работу, проблемы страхования или судебное заключение. Но даже без таких особенностей вполне вероятно, что разные психиатры или группы психиатров разойдутся во мнении относительно какого-то конкретного диагноза.

Иногда ясности не хватает даже в таком важном вопросе, как дифференцированная диагностика неврозов и психозов. К этой задаче обычно подходят с большой серьезностью, хотя до сих пор четко не установлено, существует ли одно общее измерение психопатологии. Если психоз и невроз противоположны и независимы, тогда пациент может страдать от обоих одновременно. Если они из одного континуума и разница между ними только количественная, тогда психотический индивид должен пройти через стадию невроза на пути к психозу и снова вернуться к ней в ходе выздоровления.

Даже если психиатрический диагноз будет надежным и основательным, все же остается сомнение в его практической релевантности и полезности. Совершенно очевидно, что за некоторыми исключениями поиск точного диагноза в конечном счете бесплоден из-за отсутствия согласия относительно этиологии, терапии и прогнозирования. Постановка диагноза отнимает много сил и времени у психиатра, а тем более у психолога, который должен иногда часами проводить тестирование, чтобы вывести итоговое заключение.

В конечном счете, выбор терапии будет отражать ориентацию психиатра, а не клинический диагноз. Психиатр, ориентированный на органику, стандартно воспользуется биологическим методом лечения неврозов, а психологически ориентированный психиатр может избрать психотерапию даже при лечении психозов. В ходе психотерапии специалист будет опираться скорее на события в ходе лечения, чем на заранее составленный психотерапевтический план, определяемый диагнозом. Точно так же, в специальных фармакологических

процедурах нет пока общепризнанной связи между диагнозом и выбором конкретного фармакологического средства. Часто выбор определяется субъективным предпочтением терапевта, клинической реакцией пациента, побочными эффектами и т. п.

Другим важным правом медицинской модели является интерпретация динамики психопатологических симптомов. В медицине почти всегда есть линейная зависимость между выраженностью симптомов и тяжестью заболевания. Поэтому ослабление симптомов рассматривается как признак улучшения лежащего в их основе состояния. Терапия в соматической медицине направлена (в той мере, в какой это возможно) на причину заболевания, симптоматическая терапия применяется только при неизлечимых заболеваниях или в дополнение к основной.

Применение этого принципа в психиатрии привело к серьезной путанице. Наряду с общей тенденцией считать ослабление симптомов улучшением, динамическая психиатрия ввела в обиход различие между симптоматическим лечением и каузальным (т.е. лечением причины). Ясно, что симптоматическое лечение не разрешает основную проблему, а как бы маскирует ее. Психоаналитические наблюдения показывают, что усиление симптомов часто свидетельствует о серьезной внутренней работе над главной, скрытой проблемой. Новые эмпирические подходы рассматривают усиление симптомов как главное терапевтическое средство и используют мощные техники для их активизации. Наблюдения, полученные в ходе такой практики, позволяют с уверенностью предположить, что симптомы являются незавершенными попытками организма избавиться от старой проблемы - и эти попытки следует, конечно же, одобрять и поддерживать⁵⁴.

С этой точки зрения, многое в симптоматическом лечении современной психиатрии по сути своей антитерапевтично, ибо мешает спонтанной самоизлечивающей деятельности организма. Следовательно, если пациент явно отказывается от наиболее распространенного варианта лечения, если такое лечение невозможно или недоступно по финансовым или каким-то другим причинам, в этом следует видеть не свободный выбор, а компромисс.

В заключение можно сказать, что гегемония медицинской модели в психиатрии есть не что иное как создавшаяся в результате особых исторических обстоятельств ситуация, поддерживаемая в настоящее время мощным сочетанием философских, политических, экономических, административных и правовых факторов. Это в лучшем случае остается сомнительным благодеянием, но никак не методом, основанным на научном знании о природе эмоциональных нарушений и их оптимальном лечении.

В будущем пациенты с психиатрическими нарушениями явно органического происхождения смогут лечиться в специально оборудованных медицинских учреждениях. Те, у кого в ходе медицинских обследований отклонений не обнаружено, смогут воспользоваться услугами специальных отделений, где главный интерес к ним будет психологическим, социологическим, философским и духовным, а отнюдь не медицинским. А мощные, эффективные методы лечения и трансформации личности, затрагивающие и психологический и соматический аспекты, уже разработаны терапевтами гуманистического и трансперсонального направлений.

Несогласованность в теории и терапевтических мерах

Конфликтующие теории и альтернативные интерпретации данных встречаются в большинстве научных дисциплин. Даже в так называемых точных науках есть своя доля противоречий, что видно на примере различной интерпретации математического аппарата квантовой теории. Однако лишь в немногих научных областях разобщенность будет настолько же большой, а массив общепризнанных научных фактов настолько ограниченным, как в психиатрии и психологии. Здесь мы имеем широкий спектр конкурирующих теорий личности, которые предполагают несколько взаимоисключающих объяснений того, как функционирует психика, как и почему развивается психопатология и что составляет истинно научный подход к терапии.

Степень несогласованности по поводу наиболее фундаментальных положений настолько велика, что несколько не удивительны суждения, которые отказывают психологии и психиатрии в статусе науки. Психиатры и психологи с безупречным академическим образованием, великолепным пониманием и большим талантом в научном наблюдении часто фор-

⁵⁴ - Принцип усиления симптомов - самое главное в психоделической терапии, в холистической интеграции и в гештальт-терапии. На том же построена гомеопатическая медицина, и тот же принцип можно обнаружить в методе парадоксальных намерений Виктора Франкла.

мируют и защищают концепции, абсолютно несовместимые теоретически, и предлагают прямо противоположные практические меры.

Так, есть школы психопатологии с чисто органическими интересами. Они считают ньютоно-картезианскую модель Вселенной точным описанием реальности и убеждены, что нормальный структурно и функционально организм должен правильно воспринимать окружающий материальный мир и функционировать в соответствии с ним. Согласно этой точке зрения, любое отклонение от идеала должно иметь причину в анатомической, физиологической или биохимической ненормальности центральной нервной системы или другой части тела.

Ученые этой школы заняты упорными поисками наследственных факторов, клеточной патологии, гормонального дисбаланса, биохимических отклонений и других физиологических причин. Они не считают объяснение эмоционального расстройства подлинно научным, если оно не имеет смысловой связи с особыми материальными причинами или не вытекает из них. Крайних взглядов придерживается немецкая органическая школа с ее лозунгом "для всякой ненормальной мысли существует ненормальная клетка мозга" и утверждением, что такую прямую зависимость можно найти среди различных аспектов психопатологии и анатомии мозга.

Другой крайний пример - бихевиоризм, сторонники которого любят провозглашать, что их подход к психологии единственно научен. Они рассматривают организм как сложную биологическую машину, функционирование которой (включая высшие ментальные функции) может быть объяснено сложной рефлекторной деятельностью, основанной на принципе стимула-реакции. В соответствии со своим названием, бихевиоризм сосредоточивается на исследовании поведения, а его крайние направления отказываются принимать во внимание интроспективные данные любого рода и даже само представление о сознании.

Хотя этот подход явно заслуживает свое место в психологии при определенном роде лабораторных экспериментах, он конечно же не может серьезно претендовать на главную позицию в систематическом объяснении человеческой психики. Попытка сформулировать психологическую теорию без упоминания о сознании - Довольно странная затея в то время, когда многие физики убеждены, что сознание будет явным образом включено в будущие теории материи. И если органические школы ищут медицинские причины ментальных ненормальностей, бихевиоризм склонен видеть их причины в наборе ошибочных привычек, которые могут быть прослежены в прошлое до условий, их вызвавших.

Средний диапазон в спектре теорий, объясняющих психопатологию, занимает глубинная психология. Кроме фундаментального концептуального конфликта с органическими и бихевиористскими школами ее отдельные течения находятся в серьезном несогласии между собой. Некоторые теоретические послышки этих течений уже обсуждались, когда шла речь об отступниках психоаналитического движения. Во многих случаях противоречия внутри группы глубинной психологии фундаментальны и весьма серьезны.

На другом конце спектра мы находим подходы, не приемлющие ни органическую, ни бихевиористскую, ни психологическую интерпретацию психопатологии. По сути дела, они вообще отказываются о ней говорить. Так, в феноменологии Dasein-анализа почти все состояния, с которыми имеет дело психиатрия, рассматриваются как философские проблемы, поскольку отражают только вариации человеческого существования, различные формы бытия в мире.

В наши дни многие психиатры отказываются следовать описанным выше узким и прямолинейным подходам и говорят вместо этого о множественной этиологии. Они видят в эмоциональных расстройствах конечный результат сложного, многомерного взаимодействия факторов, одни из которых могут быть биологической природы, а другие - психологической, социологической или философской. Психоделические исследования отчетливо подтверждают такое понимание психиатрических проблем. Хотя психоделические состояния вызываются хорошо известными химическими стимуляторами, это совсем не означает, что изучение биохимических и фармакологических взаимодействий, происходящих в человеческом теле после их введения, может дать полное и исчерпывающее объяснение всего спектра психоделических явлений. Препарат следует рассматривать только как триггер (пусковой механизм), как катализатор психологического состояния, которое высвобождает некоторый присущий психике потенциал. Психологическую, философскую и духовную размерности опыта нельзя свести к изучению анатомии, физиологии, биохимии или поведения; их нужно исследовать средствами, соответствующими самим явлениям.

Ситуация в психиатрической терапии так же неудовлетворительна, как и в теории психопатологии. Это не удивительно, ввиду их тесной связанности. Так, ориентированные на

органику психиатры часто выступают за крайние биологические меры, причем не только для лечения тяжелых заболеваний, шизофрении и маниакально-депрессивного психоза, но и при неврозах и психосоматических заболеваниях. До начала 50-х годов почти всякое биологическое лечение в психиатрии было радикальным - кардиазоловый шок, электрошоковая терапия, инсулиновый шок и лоботомия⁵⁵.

Даже современная психофармакология, которой только и удалось заменить собой эти ужасные методы, не свободна от проблем, пусть гораздо более тонких. Все уже поняли, что в психиатрии лекарства не решают проблему, а лишь контролируют симптомы. Во многих случаях за периодом активного лечения следует неопределенный период, в течение которого пациент обязан принимать поддерживающие дозы лекарства. Многие из сильных транквилизаторов применяются довольно шаблонно и как правило в течение длительного времени. Это может приводить к необратимым побочным неврологическим повреждениям или даже к настоящей лекарственной зависимости.

Психологические школы предпочитают психотерапию - и не только для лечения неврозов, но и для многих психотических состояний. Как уже указывалось, не существует общих диагностических критериев (за исключением заболеваний, имеющих установленную органическую причину - энцефалита, опухолей, атеросклероза), которые могли бы четко определить, нужна ли в конкретном случае органическая терапия или же психотерапия. Кроме того, существуют значительные расхождения относительно правил сочетания биологической терапии и психотерапии. Хотя фармакологическое лечение может иногда стать необходимым в психотерапии психотиков, и в целом совместимо с ее поддерживающими, легкими формами, многие терапевты считают, что оно не сочетается с систематическим глубинно-психологическим подходом. В то время как открытая стратегия имеет целью добраться до корней проблемы и использует симптомы для этого, симптоматическая терапия лишь маскирует их и затемняет тем самым проблему.

Ситуация еще более усложнилась с ростом популярности новых эмпирических подходов. Они не только используют симптомы как отправную точку терапии и самоисследования, но видят в них выражение самоизлечивающих усилий организма и пытаются найти мощные методы, их акцентирующие. И пока одна часть представителей психиатрии сосредоточивает свои усилия на развитии все более совершенных методов контроля за симптомами, другая часть столь же напряженно ищет более эффективные методы их экстерииоризации. И если многие из психиатров уже поняли, что симптоматическое лечение является компромиссом, когда неизвестно или неосуществимо более эффективное лечение, то некоторые по-прежнему настаивают на том, что отказ от транквилизаторов представляет серьезное упущение.

Ввиду такой разобщенности во взглядах на психиатрическую терапию, - за исключением заболеваний, которые, строго говоря относятся к неврологии или к некоторым другим областям медицины (вроде общего пареза, опухоли головного мозга или атеросклероза), можно задуматься о новых терапевтических концепциях и стратегиях, не идущих вразрез с принципами, которые для всех психиатров абсолютны и обязательны.

Критерии душевного здоровья и терапевтические результаты

Поскольку большая часть клинических проблем, которыми занимаются психиатры, это не болезни в полном смысле слова, применение в психиатрии медицинской модели сталкивается со значительными трудностями. Хотя уже больше ста лет психиатры упорно пытаются разработать "всестороннюю" диагностическую систему, им до сих пор не удалось этого сделать. Причина заключается в недостаточности патогенеза специфических заболеваний, на котором должна основываться всякая хорошая диагностическая система⁵⁶. Томас

⁵⁵ - Лоботомия - психохирургическая процедура, которая в наиболее жесткой форме разрывает связь между лобными долями и остальной частью головного мозга. Эта методика, за которую португальский хирург Игас Мониц получил в 1949 году Нобелевскую премию, первоначально широко применялась при шизофрении и тяжелых формах невроза навязчивости. Позднее ее заменили более тонким микрохирургическим вмешательством. Значимость иррациональных мотивов в психиатрии видна в том факте, что некоторые психиатры, которые без колебаний рекомендовали эту операцию своим пациентам, позднее противились использованию ЛСД на том основании, что это может вызвать повреждение головного мозга, которое невозможно будет определить существующими методами.

⁵⁶ - Подробное обсуждение проблем, связанных с психиатрическим диагнозом, определением нормальности, классификацией, оценкой терапевтических результатов и др. подобными вопросами,

Шефф (Scheff, 1974) кратко охарактеризовал ситуацию так: "Для классификации серьезно-го душевного заболевания не показателен ни один из компонентов медицинской модели: ни причина, ни набор характерной симптоматики, ни течение заболевания, ни выбор лечения". Существует такое многообразие точек зрения, такое количество школ, такое множество национальных различий, что очень немногие из диагностических понятий означают одно и то же для всех психиатров.

Однако это не разохотило психиатров производить все более объемистые и подробные официальные номенклатуры. Профессионалы продолжают использовать принятую терминологию, несмотря на убедительнейшую очевидность того, что у огромного числа пациентов нет симптомов, которые подходили бы под применяемые диагностические категории. В целом, психиатрическое здравоохранение основано на негодных и необоснованных диагностических критериях и лечебных руководствах. Определить, кто "душевно здоров", а кто "душевно болен", и какова природа этого "заболевания", гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд, так что процесс принятия таких решений значительно менее рационален, чем пытается нам внушить традиционная психиатрия.

Учитывая большое количество людей с серьезными симптомами и проблемами при отсутствии согласованных диагностических критериев, критически важным представляется вопрос, почему и каким образом некоторые из них признаются душевнобольными и подвергаются психиатрическому лечению. Исследования показали, что это больше зависит от различных социальных характеристик, нежели от характера первоначального отклонения (Light, 1980). В частности, чрезвычайно важной является степень проявленности симптомов, т.е. заметны ли эти симптомы всем окружающим или относительно скрыты. Другой важной переменной является культурный контекст, в котором симптомы проявляются: понятия нормального и приемлемого широко меняются в зависимости от социального класса, этнической группы, религиозной общины, географического региона и исторического периода. С диагнозом связаны такие статусные характеристики, как возраст пациента, раса, доходы, образование. Критическим фактором остается предубежденность психиатра; замечательные исследования Розенхэна (Rosenhan, 1973) показывают, что как только человеку приписано душевное заболевание, то даже если он фактически здоров, медицинский персонал склонен интерпретировать его нормальное, обычное поведение как патологическое.

Психиатрический диагноз слишком расплывчат и гибок, так что может быть приспособлен к разным обстоятельствам. Его можно использовать и довольно легко отстоять, когда психиатру нужно оправдать невольное преступление или доказать в суде, что пациент является невменяем. Эта ситуация резко отличается от строгости, которую мог бы проявить психиатр в интересах обвинения или при комиссовании с военной службы. Такой же изменчивой может быть психиатрическая диагностика в уголовном судопроизводстве и в практике страхования; профессиональная аргументация может зависеть от того, на чьей стороне психиатр.

Из-за отсутствия точных и объективных критериев психиатрия остается под глубоким влиянием социальной, культурной и политической структуры общества. В XIX веке мастурбацию считали патологией, многие профессионалы писали назидательные книги, статьи и брошюры о ее вредных последствиях. Сейчас психиатры считают ее безвредной и даже одобряют в качестве предохранительного клапана для избыточного сексуального напряжения. В сталинскую эпоху психиатры в России объявили неврозы и сексуальные отклонения продуктом классовых конфликтов и морального разложения буржуазного общества. Они утверждали, что у них подобные проблемы практически исчезли со сменой общественной формации. Пациенты с этими симптомами рассматривались как представители старого порядка и "враги народа". И ведь совсем недавно в советской психиатрии было привычным рассматривать политическое диссидентство как признак безумия, требующего госпитализации в психиатрическом заведении и лечения. В Соединенных Штатах гомосексуализм определялся как душевное заболевание до 1973 года, пока Ассоциация американских психиатров не пришла к выводу, что это не так. Медики традиционной школы видели у представителей движения хиппи в 60-е годы эмоциональную неустойчивость, психическое нездоровье, вероятные повреждения мозга в результате употребления наркотиков - до тех пор, пока психиатры и психологи "Нового Века" не стали рассматривать хиппи как эмоционально освобожденный авангард человечества. Мы уже обсуждали культурные различия в понятиях нор-

здесь невозможно. Заинтересованный читатель найдет всю необходимую информацию в работах Дональда Лайта (Light, 1980), Томаса Шефа (Scheff, 1974), Р. Л. Спитцера и П. Т. Уилсона (Spitzer, Wilson, 1975), Томаса Заза (Szasz, 1961) и др.

мальности и душевого здоровья. Многие из явлений, в которых западная психиатрия усматривает симптомы душевного заболевания, представляют собой как бы вариации коллективного бессознательного, которые в некоторых культурах в определенные периоды истории человечества считались совершенно нормальными и приемлемыми.

Психиатрическая классификация, опирающаяся на симптоматику, пусть и сомнительную, в какой-то степени проверяется в контексте современных терапевтических практик. Вербальная ориентация в психотерапии предоставляет немного возможностей для решительных изменений в клинических условиях, и репрессивный медицинский подход активно вмешивается в дальнейшее развитие клинической картины, стремясь заморозить процесс в стационарном состоянии. Относительность такого подхода становится, однако, очевидной, когда в терапии прибегают к психоделикам или к мощным методам безлекарственной эмпирической проработки. В результате возникает такой поток симптомов, что иногда пациент в считанные часы перемещается в совершенно иную диагностическую категорию. Становится очевидным, что то, о чем психиатрия говорит как о четких диагностических критериях, есть просто отдельные стадии процесса трансформации, на которых пациент почему-либо задержался.

Едва ли более обнадеживающей выглядит ситуация, когда мы переходим от проблемы психиатрического диагноза к психиатрическому лечению и оценке результатов. У каждого психиатра свой собственный терапевтический стиль, который он применяет к широкому кругу проблем, хотя достаточной очевидности того, что один метод эффективнее какого-то другого, у него как правило не бывает. Критики психотерапии довольно убедительно показывают, что нет серьезных свидетельств того, что пациентам, которых лечат специалисты, становится лучше, чем тем, которых вообще никто не лечит, или тем, кто получает поддержку непрофессионалов (Eysenck and Rachman, 1965). Даже когда в ходе психотерапии улучшение действительно происходит, доказать, что оно непосредственно связано с процессом терапии или с теоретическими убеждениями терапевта, очень трудно.

Более убедительными выглядят свидетельства об эффективности психофармакологических средств и их способности устранять симптомы. Однако главный вопрос здесь в том, означает ли ослабление симптомов подлинное улучшение или же применение фармакологических средств просто маскирует скрытые проблемы и мешает их разрешению. На мой взгляд, все больше фактов свидетельствует о том, что во многих случаях транквилизаторы мешают процессу исцеления и личностной трансформации, что их следует применять только с согласия пациента или если обстоятельства не позволяют использовать раскрывающий процесс.

Поскольку критерии душевного здоровья неясны, сомнительной будет и психиатрическая номенклатура; поскольку не существует единого мнения, из чего собственно складывается эффективность лечения, не следует ожидать особенной ясности в оценке терапевтических результатов. В повседневной клинической практике мерилем состояния пациента является характер и интенсивность проявляющихся симптомов. Усиление симптомов рассматривается как ухудшение клинического состояния, облегчение их считается улучшением. Этот подход вступает в противоречие с динамической психиатрией, где упор делается на разрешение конфликтов и улучшение межличностного понимания. В динамической психиатрии активизация симптомов зачастую предшествует серьезному терапевтическому прогрессу или сопровождает его. Терапевтической философии, базирующейся в основном на оценке симптомов, остро противоречит и наша концепция, в которой интенсивность симптомов свидетельствует об активности процесса исцеления, а симптом настолько же представляет благоприятную возможность, насколько является проблемой.

В то время как некоторые психиатры полагаются исключительно на изменение симптомов, оценивая терапевтические результаты, другие включают в число своих критериев качество межличностных отношений и социальную адаптацию. Более того, зачастую используются такие культурно обусловленные критерии, как профессиональная адаптация и адаптация в среде проживания. Увеличение дохода или переселение в более престижный район могут стать поэтому важными показателями душевного здоровья. Абсурдность таких критериев тотчас становится очевидной, если рассмотреть эмоциональную стабильность и душевное здоровье некоторых личностей, которые по таким стандартам могли бы занять чрезвычайно высокое место (скажем, Говарда Хьюза или Элвиса Пресли). Когда критерии такого рода учитываются в клинических рассуждениях, это свидетельствует только о степени концептуальной путаницы. Было бы легко доказать, что повышение амбиций, соревновательного духа и потребности впечатлять отражают скорее увеличение патологии, нежели улучшение состояния пациента. И наоборот, при нынешнем состоянии мира добро-

вольная простота образа жизни вполне может быть выражением естественного психического здоровья.

Поскольку теоретическая система, изложенная в настоящей книге, обращает много внимания на духовную сторону человеческой жизни, уместно упомянуть и о духовности. В традиционной психиатрии духовные наклонности и интересы имеют четко выраженную патологическую коннотацию. И хотя это не оговаривается четко, все же современная система психиатрического мышления неявно подразумевает, что душевное здоровье связано с атеизмом материализмом и мировоззрением механистической науки. Таким образом, духовные переживания, религиозные верования и участие в духовной практике обычно служат подтверждением психопатологического диагноза.

Я могу привести в качестве примера личный опыт, относящийся к тому времени, когда я приехал в Соединенные Штаты и выступал с лекциями о проведенных мною в Европе исследованиях ЛСД В 1967 году в презентации на факультете психиатрии Гарвардского университета я описал результаты, полученные в группе пациентов с тяжелыми психиатрическими проблемами после курса ЛСД-психотерапии.

Во время дискуссии один из психиатров предложил свою интерпретацию того, что я считал терапевтическим успехом. По его мнению, невротические симптомы пациентов просто заместились психотическими явлениями. Я говорил, что у многих из них наблюдалось значительное улучшение после прохождения через мощное переживание смерти-возрождения и через состояния космического единства. В результате они приобщились духовности и проявили глубокий интерес к древним и восточным философиям. Некоторые восприняли идею перевоплощения, реинкарнации: другие начали заниматься медитацией, йогой и другими формами духовной практики. Эти проявления, по его словам, были четкими признаками психотического процесса. Сегодня придти к такому выводу труднее, чем в конце 60-х годов, учитывая широко распространившийся интерес к духовной практике. И тем не менее, это по-прежнему хороший пример общей ориентации современного психиатрического мышления.

Положение в западной психиатрии с определением душевного здоровья и болезни, клинического диагноза, общей стратегии лечения и оценки терапевтических результатов довольно запутано и оставляет желать много лучшего. Психическое здоровье и нормальная умственная деятельность определяются в ней как отсутствие психопатологии, а позитивного описания нормального человека до сих пор нет. Такие понятия, как активное удовольствие от существования, жизнелюбие, способность любить, альтруизм, уважение к жизни, творчество, самоактуализация едва ли учитываются в психиатрии. Применяемые в настоящее время психотерапевтические методы вряд ли способны достичь даже той цели, которую сформулировал еще Фрейд: "Заменить чрезмерные мучения невротика нормальными страданиями повседневной жизни". Более смелые результаты немислимы без внедрения духовности и трансперсональной перспективы в практику психиатрии, психологии и психотерапии.

Психиатрия и религия: роль духовности в жизни человека

Отношение традиционной психиатрии и психологии к религии и мистицизму определяется механистической и материалистической ориентацией западной науки. Во Вселенной, где первична материя, а жизнь и сознание являются лишь ее случайными продуктами, не может быть подлинного признания духовной размерности существования. Просвещенное научное отношение означало бы принятие собственной незначительности как обитателя одного из бесчисленных небесных тел Вселенной, в которой миллионы галактик. А еще следовало бы признать, что мы являемся не чем иным как только высоко развитыми животными и биологическими машинами, состоящими из клеток, тканей и органов. И наконец, научное понимание нашего существования подразумевает принятие той точки зрения, что сознание есть физиологическая функция мозга и что психика управляется бессознательными силами инстинктивной природы.

Часто подчеркивается, что три главных переворота в истории науки показали человеку его настоящее место во Вселенной. Первым был переворот Коперника, разрушивший убеждение в том, что Земля есть центр Вселенной и человечество занимает в ней особое место. Вторым - дарвиновская революция, положившая конец концепции уникального и привилегированного места людей среди животных. И, наконец, фрейдовский переворот низвел психику к производной от базовых инстинктов.

Психиатрия и психология, управляемые механистическим мировоззрением, не способны отличить ограниченность и поверхностность верований, которые характерны для главенствующих доктрин многих религий, от глубины подлинных мистических традиций и великих духовных философий - различных школ йоги, кашмирского шиваизма, ваджраяны, дзен-буддизма, даосизма, каббалы, гностицизма или суфизма. Западная наука слепа к тому, что эти традиции являются плодами многовекового изучения человеческого разума, соединявшего в себе систематическое наблюдение, эксперимент и построение теорий, причем в манере, очень близкой к научным методам.

Западная психология и психиатрия огульно отвергают любую форму духовности как ненаучную, сколь бы она ни была совершенна и обоснованна. В контексте механистической науки духовность приравнивается к примитивному предрассудку, невежеству или к клинической психопатологии. Правда, когда религиозное верование разделяется большой группой людей, внутри которой оно увековечено культурным программированием, это еще более или менее приемлемо для психиатров. В таких обстоятельствах обычные клинические критерии не применяются, общее верование не рассматривается как обязательный признак психопатологии.

Глубокие духовные убеждения в незападных культурах с несовершенной образовательной системой обычно объясняются невежеством, инфантильным легковерием и предрассудками. В нашем собственном обществе такая интерпретация духовности явно не пройдет, особенно среди хорошо образованных и высоко интеллектуальных личностей. Поэтому психиатрия прибегает к выводам психоанализа, утверждающего, что происхождение религий уходит корнями в неразрешенные конфликты младенческого и детского возраста: понятие божеств отражает инфантильный образ родительских фигур, отношение верующих к ним есть признак незрелости и детской зависимости, а ритуальные действия означают борьбу с угрожающими психосексуальными импульсами, сравнимую с тяготами невроза навязчивости.

Прямые духовные переживания - ощущение космического единства, чувство божественной энергии, струящейся через тело, эпизоды смерти-возрождения, видение света сверхъестественной красоты, память прошлых воплощений или встречи с архетипическими персонажами рассматриваются как серьезные психотические искажения объективной реальности, свидетельствующие о патологическом процессе или о душевной болезни. До публикации исследований Мэслоу академическая психология не хотела признавать, что любое из этих явлений можно интерпретировать иначе. Теории Юнга и Ассаджиоли, указывавшие в том же, альтернативном направлении, слишком удалились от главного течения академической психологии, и их влияние было малозначительным.

В принципе, западная механистическая наука склонна видеть в духовном опыте любого рода патологическое явление. Главенствующее направление в психоанализе, следуя примеру Фрейда, интерпретирует состояние единства и океаническое сознание мистиков как возврат к первичному нарциссизму и инфантильной беспомощности (Freud, 1961), а религию рассматривает как коллективный невроз навязчивости (Freud, 1924). Известный психоаналитик Франц Александер (Alexander, 1931) опубликовал специальную статью, в которой описал состояния, достигаемые в буддийской медитации, как самопроизвольную кататонию. Великие шаманы различных традиций характеризовались как шизофреники или эпилептики, а все видные святые, пророки и религиозные учителя получали всевозможные психиатрические ярлыки. В то время как многие научные работы описывают сходства между мистицизмом и душевной болезнью, до подлинного понимания мистицизма и до осознания различий между мистическим мировоззрением и психозом еще очень далеко. В недавнем отчете Группы за развитие психиатрии. (Group for the Advancement of Psychiatry 1976) мистицизм описывается как промежуточный феномен между нормальностью и психозом. В других источниках эти различия чаще всего обсуждаются в рамках отличий перемежающегося и явного психоза или с упором на культурный контекст, который позволяет интегрировать определенный психоз в социальные или исторические обстоятельства. Эти психиатрические критерии применяются шаблонно и без разбора даже к великим религиозным учителям такого масштаба, как Будда, Иисус, Магомет, Шри Рамана Махариши или Рамкришна.

Все это привело к странному положению дел в нашей культуре. Во многих сообществах сохраняется значительное психологическое социальное и даже политическое давление, заставляющее людей регулярно посещать храмы. Библию можно обнаружить в тумбочках многих гостиничных апартаментов, а видные политики и общественные деятели в своих речах воздают хвалу Богу и религии. И в то же время, если какому-то представителю ти-

пичной конгрегации доведется испытать глубокое религиозное переживание, священник скорее всего направит этого человека на лечение к психиатру.

6. НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Понимание природы, происхождения и динамики психогенных расстройств чрезвычайно важно в теории и практике психотерапии. Оно непосредственно сказывается на концепции процесса исцеления, на определении эффективных механизмов психотерапии и трансформации личности, а также на выборе терапевтических стратегий. К сожалению, в существующих ныне школах психотерапии интерпретации психогенных симптомов и терапевтических стратегий различаются так же резко, как и описания базовой динамики человеческой личности.

Я не буду касаться бихевиоризма, который рассматривает психогенные симптомы как изолированные наборы мало осмысленных дурных привычек, не обращая при этом внимания на лежащее в их основе более сложное расстройство личности. Также оставлю в стороне поддерживающие методы психотерапии и другие формы психологической работы, которые воздерживаются от глубинного проникновения по практическим, а не по теоретическим соображениям. Однако, даже умышленно сужая круг обсуждаемых вопросов и ограничиваясь сравнением школ так называемой глубинной психологии, мы обнаружим существенные расхождения во мнениях.

В классическом фрейдистском анализе симптомы рассматриваются как результат конфликта между инстинктивными потребностями и защитными силами Эго или как компромиссные образования из запретов и установок Суперэго и импульсов Ид. В своих Исходных положениях Фрейд отводил исключительное внимание сексуальным желаниям и рассматривал противостоящие им контрсексуальные силы как проявление "инстинктов Эго", служащих самосохранению. В более позднем решительном пересмотре своей теории он назвал некоторые ментальные явления продуктами конфликта между Эросом (инстинктом любви, устремленным к единству и созданию высших союзов) и Танатосом (инстинктом смерти, целью которого является разрушение и возврат к изначальному неорганическому состоянию). Так или иначе фрейдистская интерпретация строго биографична и оперирует в рамках индивидуального организма. Цель терапии - высвободить энергию инстинктов, зажатую в симптомах, и найти для ее выражения социально приемлемые каналы.

По интерпретации Адлера, предрасположенность к неврозам происходит из программирования в детстве, характеризующегося чрезмерной опекой, отверженностью или смещением того и другого. Из-за этого возникает негативный образ себя и невротическое стремление к превосходству для компенсации утрированной уязвимости и тревожности. В результате такой самоцентрированной жизненной стратегии невротик оказывается неспособным справляться с проблемами и получать удовольствие от социальной жизни. Невротические симптомы являются интегральными аспектами единой системы адаптации, которую индивид сумел построить на основе ошибочного толкования своего окружения. И если в концептуальной системе Фрейда все объясняется обстоятельствами прошлого, следующими жесткой линией причин и следствий, то индивидуальная психология Адлера подчеркивает телеологический принцип. План невротика всегда будет искусственным, и части его должны оставаться неосознанными, потому что они противоречат реальности. Цель терапии - не позволить пациенту жить в этом вымысле и помочь ему признать одностороннюю, стерильную и в конечном счете саморазрушительную природу таких установок. Все же, несмотря на некоторые фундаментальные теоретические различия, индивидуальная психология Адлера имеет общий с психоанализом строго биографический уклон.

Вильгельм Райх привнес в глубинную психологию уникальное понимание динамики сексуальной энергии и энергетической экономии в психопатологических симптомах. Он считал, что вытеснение первоначальной травмы подкрепляется подавлением сексуальности и блокированием сексуального оргазма. Именно подавление сексуальных чувств вместе с соответствующей наработкой мышечной "брони" и особенных характерологических установок составляет, по его мнению, реальный невроз, а психопатологические симптомы являются лишь его вторичными, видимыми проявлениями. Ключевым фактором, определяющим эмоциональное здоровье или болезнь, является экономия сексуальной энергии, баланс между накоплением и разрядкой. Терапия заключается в высвобождении накопленной и сдерживаемой сексуальной энергии и в избавлении от мышечной брони при помощи системы упражнений, в которых используется дыхание и непосредственная работа с телом. Хотя подход Райха представляет многообещающее теоретическое отклонение от классического

психоанализа и революционную новацию в практике психотерапии, ему так и не удалось преодолеть сексуальный акцент своего бывшего учителя и его биографическую ориентацию.

Отто Ранк усомнился в фрейдовской теории сексуального происхождения неврозов и сместил этиологический фокус на травму рождения. Он считал, что во всяком невротическом симптоме кроется попытка экстерниоризации и интеграции этого фундаментального для человеческой жизни эмоционального и биологического шока. Следовательно, нельзя ожидать реального излечения невроза до тех пор, пока пациент не столкнется с этим событием в терапевтической ситуации. Учитывая природу травмы рождения, можно заключить, что вербальная терапия малоэффективна и должна уступить место непосредственному переживанию.

Признание первичности и независимой значимости духовных аспектов психики (или того, что на современном языке можно назвать трансперсональным измерением) было чрезвычайно редким у прямых последователей Фрейда. Только Юнг сумел действительно глубоко проникнуть в трансперсональную область и разработать систему психологии, радикально отличающуюся от других психоаналитических теорий. За годы систематического исследования бессознательного в психике человека Юнг понял, что психопатологию невроза и психоза невозможно адекватно объяснить через забытый и вытесненный биографический материал. Фрейдовское понятие индивидуального бессознательного он дополнил понятием расового и коллективного бессознательного, подчеркнув при этом роль "мифообразующих" структурных элементов в психике. Другим важным вкладом Юнга стало определение архетипов - транскультурных изначально упорядочивающих принципов психики.

Юнговское понимание психопатологии и психотерапии тоже было уникальным. По его мысли, подавленные и не способные развиваться влечения, архетипические понуждения, творческие импульсы, таланты или какие-то другие свойства психики остались примитивными и недифференцированными. Вследствие этого они оказывают потенциально деструктивное воздействие на личность, мешают адаптироваться к реальности и проявляются как психопатологические симптомы. Как только сознательное Эго сумеет встретиться с этими ранее неосознававшимися или вытесненными компонентами, станет возможной их конструктивная интеграция в жизни индивида. Терапевтический подход Юнга выделяет не рациональное понимание и сублимацию, а активную трансформацию сокровенного бытия человека путем непосредственного символического переживания психики как автономной "другой личности". Руководство этим процессом не по силам одному терапевту или отдельной школе. Поэтому существенно важно обеспечить пациенту связь с коллективным бессознательным, чтобы он мог приобщиться к сокровенной там вековой мудрости.

Обсуждение концептуальных различий и противоречий у ведущих школ глубинной психологии относительно природы и происхождения эмоциональных расстройств и эффективных терапевтических механизмов можно продолжать на примере воззрений Шандора Ференчи, Мелани Клейн, Карен Хорни, Эрика Фромма, Гарри Стека Салливана, Роберто Ассаджиоли и Карла Роджерса или новаторских идей Фрица Перлза, Александра Лоуэна, Артура Янова и многих других. Но главной моей целью является доказательство того, что существуют популярные и жизнеспособные теории и системы терапии, радикально несогласные между собой относительно динамики психопатологии и терапевтических методов. Некоторые из них ограничиваются биографическим или аналитическимвоспоминательным уровнем, другие почти все внимание уделяют перинатальным элементам или экзистенциальным проблемам, и лишь немногие придерживаются трансперсональной ориентации.

Теперь можно остановиться на новых открытиях эмпирической психотерапии, позволяющих примирить и интегрировать многие конфликты в современной психиатрии, сформулировать более содержательную теорию психологии и психотерапии.

Природа психогенных симптомов

Данные, полученные в эмпирической психотерапии с применением или без применения психоделиков, убедительно говорят о необходимости "спектрального подхода", уже описанного выше. Совершенно очевидно, что модель психики, используемая в серьезном самоисследовании, должна быть шире, чем любая из ныне существующих. В новом контексте разные психотерапевтические школы предлагают полезные способы концептуализации психической динамики в особых полосах сознания (или только в отдельных аспектах определенной полосы) и не претендуют поэтому на исчерпывающее описание.

Эмоциональные, психосоматические и межличностные проблемы могут быть связаны с любым из уровней бессознательного (биографическим, перинатальным, трансперсональным), а иногда коренятся во всех. Эффективная терапевтическая работа должна следовать за процессом в соответствующую ему область и не ограничиваться при этом концептуальными соображениями. Существует множество симптомов, которые сохраняются до тех пор, пока личность не встретит, не переживет и не интегрирует те перинатальные и трансперсональные темы, с которыми симптомы связаны. Для таких проблем биографическая работа любого вида, масштаба и продолжительности окажется неэффективной.

В свете наблюдения на сеансах эмпирической терапии любой психотерапевтический подход, ограниченный вербальным общением, мало эффективен и не способен добраться до сердцевины проблем. Эмоциональная и психосоматическая энергетика в основе психопатологии настолько стихийна, что только у прямых, невербальных эмпирических подходов есть какие-то шансы справиться с ее проявлениями. Однако вербальное общение все равно необходимо для надлежащей интеллектуальной подготовки к эмпирическим сеансам и для адекватной интеграции. Как это ни парадоксально, но когнитивная работа, возможно, более важна в контексте терапии, ориентированной на переживания, чем в любой другой из ее разновидностей.

Мощные гуманистические и трансперсональные методы психотерапии возникли как реакция на непродуктивность вербальной и чрезмерно интеллектуализированной ориентации традиционной психотерапии. И как таковые, они стремятся выделить непосредственный опыт, невербальное взаимодействие и участие тела в процессе. Быстрая мобилизация энергии и высвобождение эмоциональных и психосоматических блоков, возможные в результате применения этих революционных методов, будут открывать дорогу перинатальным и трансперсональным переживаниям. А содержание этих переживаний настолько необычно, что они чаще всего будут разбивать концептуальные рамки личности, систему фундаментальных убеждений и мировоззрение, принятое в западной цивилизации.

Таким образом, современная психотерапия сталкивается с интересным парадоксом. Если на ранних этапах она пыталась обойти интеллект и исключить его из процесса, то сейчас важным катализатором для ее развития стало новое интеллектуальное постижение реальности. В поверхностных формах психотерапии сопротивление носит эмоциональный и психосоматический характер, но для радикальной терапии главным препятствием будет когнитивный и философский барьер. В трансперсональном опыте многое представляет большую терапевтическую ценность именно тем, что бросает мировоззрению испытателя настолько основательный вызов, что ему очень трудно допустить такие переживания без соответствующей интеллектуальной перестройки.

Интеллектуальная защита ньютоно-картезианского определения реальности и общепринятой картины мира -особо сложная форма сопротивления, и преодолеть его можно лишь совместными усилиями пациента и терапевта. Терапевт, предлагающий своим пациентам какой-либо мощный метод эмпирической психотехники и не способствующий расширению их познаний, подвергает их "'двойному зажиму". Им предлагается отбросить всякое сопротивление и полностью отдаться процессу, а такая отдача обязательно приведет к переживаниям, которые концептуальная система пациента не воспринимает, к которым она просто не готова. В этой ситуации настаивать на биографических интерпретациях, придерживаться механистического мировоззрения и рассматривать процесс с точки зрения линейной причинности значит серьезно мешать успеху лечения и наработать мощный механизм защиты либо у пациента, либо у ведущего. С другой стороны, знать расширенную картографию человеческого разума, включающую перинатальный и трансперсональный опыт, и новые парадигмы, появляющиеся на стыке современной науки и великих мистических традиций, значит получить терапевтические катализаторы необычайной силы.

Поскольку психопатологические симптомы имеют различную динамическую структуру, в зависимости от связанного с ними уровня психики, бесполезно описывать их одной всеобщей формулой, разве что такая формула будет невиданно широкой и обобщенной. На воспоминательно-аналитическом уровне симптомы, судя по всему, связаны по смыслу с важными воспоминаниями из детства и последующей жизни. В этом отношении полезно рассматривать их как исторически определенные компромиссные образования из инстинктивных тенденций и подавляющих сил Суперэго, а также из болезненных эмоций, неприятных телесных ощущений и защищающих от них физиологических реакции. В конечном счете, это элементы прошлого, которые не были в свое время интегрированы и теперь препятствуют надлежащему переживанию в данное время и в данном месте. Как правило, они связаны с ситуациями, которые мешают индивиду ощущать фундаментальное единение и гар-

монию с Вселенной, способствуют развитию отчужденности, изоляции, антагонизма и отлученности. А состояние, в котором удовлетворены все базисные потребности и организм ощущает себя в безопасности, тесно связано с ощущением космического единства. Болезненные переживания или условия чрезвычайной нужды создают дихотомию с присущей ей дифференциацией и конфликтом между жертвенной самостью и пагубным внешним воздействием, между неудовлетворенным субъектом и вождленным объектом.

Когда в собственном опыте индивид соединяется с перинатальной сферой, фрейдистская структура и все прочие системы, довольствующиеся биографией, становятся вовсе бесполезными, и попытки применить их служат лишь интересам защиты Эго. На этом уровне симптомы наилучшим образом могут быть поняты как компромиссные сочетания возникающих в связи с травмой биологического рождения эмоций и ощущений с силами, защищающими личность от повторного их переживания. Полезная биологическая модель этого конфликта противостоящих тенденции заключается в рассмотрении его как эмпирического отождествления с младенцем, борющимся за появление на свет, и одновременно с биологическими силами, представляющими интроективное репрессивное воздействие родового канала. В связи с сильным уклоном этой ситуации в гидравлику, райхианская модель, подчеркивающая высвобождение запертых энергий и расслабление характерной брони, может оказаться чрезвычайно полезной. Сходство паттернов сексуального оргазма и оргазма рождения объясняет, почему Райх перепутал запертые перинатальные энергии со сдавленным либидо, накапливающимся вследствие незавершенных оргазмов.

Еще один путь к пониманию этого динамического столкновения - рассмотреть его в перспективе конфликта между отождествлением со структурой Эго и образом тела, с одной стороны, и необходимостью тотальной сдачи, смерти Эго и трансценденции, с другой. Соответствующие экзистенциальные альтернативы - это либо постоянное застревание в ограниченном образе жизни, управляемой предельно саморазрушительными стратегиями Эго, либо расширенное, просветленное существование с трансперсональной ориентацией. Естественно, неискушенный и неинформированный человек не будет знать ничего о второй альтернативе до тех пор, пока реально не испытает духовного раскрытия. Две основные стратегии существования, связанные с двумя крайними полюсами этого конфликта, следующие: подход к миру, к жизни как к борьбе (словно в родовом канале) или, наоборот, как к взаимному обмену, к поддерживающему динамическому танцу, сравнимому с симбиотическим взаимодействием ребенка и хорошей матки, хорошей материнской груди.

Тревожное цепляние в противоположность полному доверию, намеренная приверженность иллюзии владения ситуацией в противоположность принятию факта полной зависимости от космических сил, желание быть чем-то иным или где-то в ином месте в противоположность принятию своих насущных обстоятельств - вот дополнительные полезные наборы альтернатив для концептуализации процесса, лежащего в основе симптомов на перинатальном уровне.

Динамическую структуру психогенных симптомов, коренящихся в трансперсональной области психики лучше всего описывать через представление их в качестве компромиссных образований из защитного цепляния за рациональный, материалистический и механистический образ мира и из переполняющего осознания того, что человеческое существование и Вселенная суть проявления глубокого таинства, не вмещающегося в рамки рассудка. У искушенных людей философская битва между здравым смыслом и культурным программированием, с одной стороны, и метафизическим по существу мировоззрением, с другой, может принять форму концептуального конфликта между фрейдовской и юнговской психологией или между ньютоно-картезианским подходом к мирозданию и новыми парадигмами.

Как только индивид откроется навстречу переживаниям, лежащим в основе этих симптомов, новая информация о Вселенной и существовании радикально преобразит его мировоззрение. Ему станет очевидно, что некоторые мировые события, которые в соответствии с линейным пониманием времени должны были безвозвратно затеряться в отдаленной истории или еще не произошли, могут при определенных обстоятельствах переживаться со всей сенсорной живостью, обычно присущей лишь настоящему моменту. Различные аспекты Вселенной, от которых мы должны были бы быть отделены непроницаемым пространственным барьером, могут вдруг стать легко доступными эмпирически и в определенном смысле проявиться как части или как продолжение нас Области, обычно не воспринимаемые прямо органами чувств (такие, как физический и биологический микромиры, астрофизические объекты и процессы) становятся доступными для непосредственного восприятия. В наше обыденное ньютоно-картезианское сознание могут с необычайной силой ворваться архетипические сущности и мифологические эпизоды, которые согласно механистической

науке не должны иметь независимого существования. Мифотворческие аспекты психики создадут образы божеств, демонов и ритуалов из различных, никогда и никем не изучавшихся культур. Они будут представлены в одном континууме с элементами феноменального мира и с тон же детальной точностью, которая характерна для исторически и географически удаленных события материальной реальности.

Изложив то, что представляется типичными конфликтами, лежащими в основе психогенных симптомов на биографическом, перинатальном и трансперсональном уровнях психики, мы можем теперь попытаться свести все эти кажущиеся разнородными механизмы к общему знаменателю и сформулировать обобщенную концептуальную модель для психопатологии и психотерапии. С учетом сказанного ранее о принципах спектральной психологии и гетерогенности отдельных полос сознания, такой унифицирующий "парашют" должен быть необычно широким и всеохватывающим. Для его создания нам необходимо вернуться к новому определению человеческой природы, возникающему в современных исследованиях сознания.

Я уже ранее отметил, что человеку свойственна странная двойственность, которая в некотором смысле напоминает частице-волновую дихотомию света и субатомного вещества. В некоторых случаях людей можно с успехом описать как отдельные материальные объекты, как биологические машины, но в других случаях они проявляют свойства обширных полей сознания, которые преодолевают ограничения пространства, времени и линейной причинности. По всей видимости, существует фундаментальное динамическое напряжение между этими двумя аспектами человеческой природы, и в нем отражается двойственность части и целого, которая существует повсюду в космосе на самых разных уровнях реальности.

То, что в психиатрии считается симптомами душевной болезни, можно рассматривать как проявление "информационного шума" на границе взаимодействия этих двух взаимодополняющих крайностей. Симптомы являются эмпирическими гибридами, которые представляют не какой-то один из модусов и не плавную интеграцию обоих, а их конфликт и столкновение. На биографическом уровне примером этому может послужить невротик, чье переживание настоящего момента искажено частичным проникновением опыта, который контекстуально принадлежит к другим временным и пространственным рамкам. У него нет ясного и адекватного опыта, соответствующего настоящим обстоятельствам, нет у него и полной связности с детскими переживаниями, которая оправдала бы имеющиеся эмоции и телесные ощущения. Эта смесь переживаний в отсутствие различительной интуиции как раз и характеризует странную пространственно-временную эмпирическую амальгаму, которую психиатры называют "симптомами".

На перинатальном уровне симптомы представляют такой же пространственно-временной гибриды, связующий настоящий момент с временем и пространством биологического рождения. В каком-то смысле индивид испытывает "здесь и сейчас" словно конфронтацию с родовым каналом: эмоции и телесные ощущения, которые должны быть полным соответствием рождению, становятся, в другом контексте, психопатологическими симптомами. И, как в вышеупомянутом примере, такой человек переживает не текущую ситуацию и не биологическое рождение; в определенном смысле он как бы застревает в родовом канале и еще не родился.

Тот же общий принцип можно применить и к симптомам, включающим переживания трансперсональной природы. Единственное значительное отличие заключается в том, что для большинства из них мы не в состоянии вообразить материальный субстрат, которым они могли бы быть опосредованы. Тем из них, которые связаны с исторической регрессией, очень трудно дать интерпретацию через механизмы памяти в общепринятом смысле. Для других, связанных с трансценденцией пространственных барьеров, передачу информации по материальным каналам невозможно не только обнаружить, но часто и помыслить с позиции механистического мировоззрения. Иногда явления, лежащие в основе трансперсонального типа симптомов, оказываются вообще вне западной структуры объективной реальности - например, архетипы Юнга, конкретные божества и демоны, развоплощенные сущности, духовные проводники или сверхчеловеческие существа.

Следовательно, то, что представляется психиатрическим симптомом, можно в самом широком смысле рассматривать как конфликт на стыке двух различных модусов опыта, в которых люди могут осознавать себя самих. Первый из этих модусов можно назвать *хилотропическим сознанием*⁵⁷: он подразумевает знание о себе как о вещественном физическом существе с четкими границами и ограниченным сенсорным диапазоном, которое живет в

⁵⁷ - Хилотропический (от греч. *hyle*, "материя", и *trepein*, "двигаться в направлении к чему-то") означает "ориентированный на материю".

трехмерном пространстве и линейном времени в мире материальных объектов. Переживания этого модуса систематически поддерживают некоторое число базовых предположений: материя вещественна; два объекта не могут одновременно занимать одно и то же пространство; прошлые события безвозвратно утеряны; будущие события эмпирически недоступны; невозможно одновременно находиться в двух и более местах; можно существовать только в единственной временной системе; целое больше части; нечто не может быть истинным и неистинным одновременно.

Другой эмпирический модус можно назвать *холотропическим сознанием*⁵⁸: он подразумевает поле сознания без определенных границ, которое имеет неограниченный опытный доступ к различным аспектам реальности без посредства органов чувств. И здесь есть много жизнеспособных альтернатив трехмерному пространству и линейному времени. Переживания в холотропическом модусе систематически поддерживаются набором предположений, диаметрально противоположных тем, что характерны для хилотропического плана: вещественность и непрерывность материи является иллюзией, порожденной частной оркестровкой событий в сознании; время и пространство в высшей степени произвольны; одно и то же пространство может одновременно быть занято многими объектами: прошлое и будущее можно эмпирически перенести в настоящий момент; можно иметь опыт пребывания в нескольких местах одновременно; можно переживать несколько временных систем сразу; можно быть частью и одновременно целым; что-то может быть одновременно истинным и неистинным: форма и пустота взаимозаменяемы и т.д.

Скажем, человек может принять ЛСД в Мерилендском научно-исследовательском центре психиатрии в определенный день, месяц и год. И, оставаясь в Балтиморе, он может испытывать конкретную ситуацию из своего детства, прохождение родового канала и свое прежнее воплощение в Древнем Египте. Сознывая свою повседневную идентичность, он способен эмпирически отождествлять себя с другим человеком, другой жизненной формой или мифологическим существом. Он может ощутить себя в другом месте мира или в мифической реальности, например в шумерском подземном мире или на небесах ацтеков. Ни одна из таких идентичностей и пространственно-временных координат не соперничает с другими или с основной личностью и нисколько не противодействует пространству и времени психоделического сеанса.

Жизненный опыт, ограниченный хилотропическим модусом и систематически отрицающий холотропический, в конечном счете лишен завершенности и чреват потерей смысла, хотя может обходиться без больших эмоциональных невзгод. А выборочный к исключительный фокус на холотропическом модусе несовместим (в то время, пока такое переживание длится), с адекватным функционированием в материальном мире. Как и хилотропический, холотропический опыт может быть трудным или же приятным, но в нем нет серьезных проблем до тех пор, пока человек защищен от внешней ситуации. Психопатологические проблемы возникают в столкновении и негармоничном смешении двух модусов, когда ни один из них не переживается в чистом виде, не интегрируется с другим в переживании высшего порядка.

В таких обстоятельствах стихия внезапного перехода в холотропический модус слишком сильна, и она мощно вторгается в хилотропический модус. Но в то же самое время индивид противится возникшему переживанию, потому что оно, как ему кажется, нарушает ментальное равновесие или даже бросает вызов существующему мировоззрению - принятие такого опыта потребовало бы коренного пересмотра природы реальности. И такое смешение двух модусов, интерпретируемое как нарушение согласованного ньютоново-картезианского образа реальности, составляет психопатологическое расстройство⁵⁹. Более мягкие формы с биографическим акцентом, не подразумевающие серьезного сомнения в природе реальности, именуется неврозами или психосоматическими расстройствами. Значительные эмпирические и когнитивные отклонения от обязательной "объективной реальности", которые обычно возмущают о выплеске перинатальных и трансперсональных переживаний, часто диагностируются как психозы. Следует упомянуть в этой связи, что традиционная психиатрия рассматривает всякое чистое переживание холотропического модуса как проявление

⁵⁸ - Холотропический (от греч. holos, "целый", и trepein, "двигаться в направлении к чему-то") означает направленный к целостности, к тотальности.

⁵⁹ - В личной беседе о применении холотропической теории к проблемам психопатологии Карл Прибрам привел очень интересное сравнение. Он указал на то, что ни скалистый берег, ни волны в открытом океане не представляют никакой проблемы или опасности, человек легко с ними справится. А вот граница между морем и сушей, водораздел, где две формы вступают в конфликт, - место самых опасных возмущений.

патологии. Такой подход, все еще преобладающий среди профессионалов, следует считать устаревшим в свете теоретических воззрений Юнга, Ассаджиоли и Мэслоу.

Не только психопатологические симптомы, но и многие другие удивительные наблюдения из психоделической терапии, лабораторных исследований сознания, эмпирической психотерапии и духовной практики выступают в новом свете, если мы прибегаем к модели человеческого существа, в которой отражена фундаментальная двойственность и динамическое напряжение между опытом отдельного существования в качестве материального объекта и опытом безграничного существования как недифференцированного поля сознания. С этой точки зрения, психогенные расстройства можно рассматривать как знаки фундаментального дисбаланса этих взаимодополняющих аспектов человеческой природы. Они, таким образом, оказываются динамическими узловыми точками, указывающими на те области, в которых уже невозможно поддерживать искаженное одностороннее представление о существовании. Для современного психиатра здесь же находятся и точки наименьшего сопротивления, где можно способствовать процессу самопознания и трансформации личности.

Эффективные механизмы психотерапии и трансформация личности

Необычные и зачастую драматические результаты психоделической терапии и других эмпирических подходов естественно вызывают вопрос о терапевтических механизмах, способствующих этим изменениям. И хотя динамику некоторых сильных симптоматических изменений и преобразований личности, наблюдаемых после эмпирических сеансов, можно объяснить по общепринятым воззрениям, в большинстве из них замешаны процессы, еще не открытые и не признанные традиционной академической психиатрией и психологией.

Это, впрочем, не означает, что подобного рода явления никогда не встречались и не обсуждались прежде кое-какие описания есть в антропологической литературе по шаманской практике, обрядам перехода и целительским церемониям различных доиндустриальных культур. Исторические источники и религиозная литература изобилуют описаниями духовной целительской практики и приемов обращения с эмоциональными и психосоматическими расстройствами в различных экстатических сектах. Однако из-за очевидной несовместимости таких отчетов с существующими научными парадигмами никто их серьезно не изучал. Но вот материалы, накопленные за несколько последних десятилетий исследователями сознания, дают все основания для критического пересмотра данных подобного рода. Теперь уже вполне очевидно, что существует много чрезвычайно эффективных механизмов целительства и трансформации личности, которые намного превосходят биографические манипуляции психотерапии ведущих направлений.

Некоторые из терапевтических механизмов, работающие на начальных стадиях и в поверхностных формах эмпирической проработки, ничем не отличаются от тех, что описаны в традиционных пособиях по психотерапии. Однако по интенсивности они значительно превосходят соответствующую технику вербальных подходов. Эмпирическая техника психотерапии ослабляет защитную систему и снижает психологическое сопротивление. Эмоциональные реакции пациента значительно усиливаются, иногда можно наблюдать мощное отреагирование и катарсис. Становится легко доступным вытесненный в бессознательное материал из детства и младенчества. Это может привести не только к значительному облегчению в работе памяти, но и к настоящей возрастной регрессии, к богатому и яркому проживанию эмоционально значимых воспоминаний. Появление этого материала и его интеграция связаны с эмоциональным и интеллектуальным проникновением в психодинамику симптомов пациента и плохо отрегулированных паттернов межличностного общения.

Механизм переноса и его анализ, считающиеся ключевыми в психоаналитически ориентированной терапии заслуживают здесь особого внимания. Приведение в действие исходных патогенных констелляций и развитие трансферного невроза традиционно считалось абсолютно необходимым условием успешной терапии. В эмпирической же терапии (с применением или без применения психоделических препаратов) перенос признан излишним осложнением, которого следует избегать. В использовании подхода столь мощного, что при его помощи можно зачастую всего за один сеанс подвести пациента к актуальному источнику его эмоций и телесных ощущений, перенос на терапевта или на ассистента должен рассматриваться как указание на сопротивление и защитную реакцию пациента, направленные против столкновения с реальной проблемой. И хотя на эмпирическом сеансе ассистент может действительно сыграть роль родителя и даже предложить поддерживающий телесный контакт, очень важно, чтобы эти переживания были минимальными в промежутках между

сеансами. Эмпирическая техника может и должна культивировать независимость и личную ответственность за собственные психические процессы.

Прямое осуществление аналитических потребностей⁶⁰ во время эмпирических сеансов чаще как раз укрепляет самостоятельность, а не развивает зависимость, как можно было бы ожидать. Кстати, это отвечает наблюдениям специалистов по психологии развития, в которых ясно показано, что адекватное эмоциональное удовлетворение в детстве облегчает ребенку путь к независимости от матери. А те дети, которые испытывают хроническую эмоциональную депривацию, никогда не избавляются от привязанности и всю остальную жизнь продолжают искать удовлетворения, которого им так не хватало в детстве. Складывается впечатление, что неизбежная в психоанализе хроническая фрустрация разжигает перенос, тогда как прямое удовлетворение аналитических потребностей индивида в глубоко регрессивном состоянии облегчает его разрешение.

Многие неожиданные и драматические примеры на более глубоких уровнях психики могут быть объяснены взаимодействием бессознательных констелляций, выполняющих функцию динамических управляющих систем. Самыми важными из них являются *системы конденсированного опыта* (СКО), которые организуют материал биографического характера, и *базовые перинатальные матрицы* (БПМ), которые играют аналогичную роль хранилища переживаний, связанных с рождением и процессом смерти-возрождения. Основные характеристики этих двух категорий функциональных управляющих систем подробно описывались выше. Можно также упомянуть здесь *трансперсональные динамические матрицы*, однако из-за чрезвычайного богатства и более свободной организации трансперсональных сфер им не так просто дать исчерпывающие описания. В качестве же вводной части для таких будущих классификаций могла бы быть использована система "вечной философии", которая относит разные трансперсональные явления к различным уровням тонких и каузальных сфер сознания.

По характеру эмоционального заряда нужно отличать *негативные управляющие системы* (негативные СКО, БПМ-II, БПМ-III, негативные аспекты БПМ-I, негативные трансперсональные матрицы) от *позитивных управляющих систем* (позитивные СКО, БПМ-IV, позитивные аспекты БПМ-I, позитивные трансперсональные матрицы). Общая стратегия эмпирической терапии заключается в том, чтобы уменьшить эмоциональный заряд, привязанный к негативным системам и наладить эмпирический доступ к позитивным. Более специальное тактическое правило заключается в структурировании заключительного периода каждого индивидуального сеанса таким образом, чтобы он способствовал завершению и интеграции бессознательного материала, с которым велась работа в этот конкретный день.

Проявленное клиническое состояние индивида не является глобальным отражением природы бессознательного материала и его общего объема (если этот термин вообще приемлем и уместен для описания событий в мире сознания). То, как индивид переживает самого себя и мир, зависит гораздо больше от особенного избирательного фокуса, особого настроения, который делает определенные аспекты бессознательного материала доступными для опыта. Люди, настроенные на различные уровни негативных биографических, перинатальных или трансперсональных управляющих систем, воспринимают себя и мир в общем пессимистически и испытывают эмоциональный и психосоматический дистресс. И наоборот, те, кто находится под влиянием позитивных динамических управляющих систем, пребывают в состоянии эмоционального благополучия и оптимального психосоматического функционирования. Специфические качества итоговых состояний зависят в обоих случаях от природы активизированного материала⁶¹.

Изменения в управляющем влиянии динамических матриц могут произойти в результате различных биохимических или физиологических процессов в организме, могут быть вызваны рядом внешних воздействий физического или психологического характера. Эмпирические сеансы, судя по всему, глубоко вмешиваются в динамику управляющих систем психики и в их функциональное взаимодействие. Детальный анализ феноменологии глубинных эмпирических сеансов показывает, что во многих случаях внезапное и резкое улучшение в ходе терапии можно объяснить сдвигом от психологического преобладания негативной управляющей системы к состоянию, в котором человек находится под исключительным влиянием позитивной констелляции. Такая перемена не обязательно означает, что отработан весь бессознательный материал, лежащий в основе имеющейся психопатологии. Она просто

⁶⁰ - Анаклитические потребности (от греч. anaklinein, "полагаться на что-либо") - это примитивные детские потребности, например, в укачивании, кормлении, ласке.

⁶¹ - Подробное обсуждение воздействия СКО, базовых перинатальных матриц и трансперсональных регулирующих систем см. в моей книге "ЛСД-психотерапия" (Grot, 1980. P. 218-227).

указывает на внутреннее динамическое смещение от одной управляющей системы к другой. Этот процесс, который следовало бы назвать *трансмодуляцией*, может начаться на любом из психических уровней.

Сдвиг, связанный с биографическими констелляциями, можно назвать *трансмодуляцией СКО*. Похожее динамическое смещение от одной доминирующей перинатальной матрицы к другой будет тогда *трансмодуляцией БПМ*. А трансперсональная трансмодуляция связана с управляющими функциональными системами в трансиндивидуальных сферах бессознательного.

Типичная *позитивная трансмодуляция* имеет две фазы. Речь идет об интенсификации доминирующей негативной системы и о внезапном смещении к позитивной. Впрочем, если сильная позитивная система уже доступна, она может преобладать на эмпирическом сеансе с самого начала, в то время как негативная система будет отходить на задний план. И надо сказать, что смещение от одной динамической констелляции к другой не обязательно ведет к клиническому улучшению. Остается возможность того, что плохо проведенный и неадекватно интегрированный сеанс повлечет за собой *негативную трансмодуляцию* - смещение от позитивной системы к негативной. Для такой ситуации характерно неожиданное появление психопатологических симптомов, которые не проявлялись до сеанса. Пожалуй, в эмпирической работе, проводимой знающим и опытным терапевтом, это будет редкостью и послужит указанием на то, что в ближайшем идущем для завершения гештальта необходим еще один сеанс.

Другая интересная возможность - смещение от одной негативной системы к другой, тоже негативной. Внешне это внутриспсихическое событие проявляется в заметном качественном изменении психопатологии, в смене одного клинического синдрома другим. Иногда такое преобразование может быть столь резким, что в течение всего лишь нескольких часов пациент переходит в совершенно иную клиническую категорию⁶². И хотя возникающее в результате состояние на первый взгляд кажется совсем новым, все его главные элементы существовали потенциально в бессознательном пациента до динамического смещения. Важно понять, что эмпирическая терапия помимо тщательной проработки бессознательного материала может включать и резкие смещения фокуса, меняющие его эмпирическую релевантность.

Терапевтические изменения, связанные с биографическим материалом, имеют сравнительно меньшую значимость - кроме тех, которые имеют отношение к повторному проживанию воспоминаний серьезных телесных травм и ситуаций, угрожающих жизни. Терапевтическая сила эмпирических процессов значительно увеличивается, когда самоисследование достигает перинатального уровня⁶³. Переживание эпизодов умирания и рождения может вести к значительному облегчению или даже исчезновению широкого спектра эмоциональных и психосоматических проблем.

Как мы уже подробно разобрали, негативные перинатальные матрицы представляют собой важное хранилище эмоций и телесных ощущений чрезвычайной интенсивности - настоящую универсальную матрицу для многообразных форм психопатологии. Такие важнейшие симптомы, как тревога, агрессивность, депрессия, страх смерти, чувство вины, ощущение неполноценности, беспомощность, общая эмоциональная и телесная напряженность, имеют глубокие корни на перинатальном уровне. Перинатальная модель также дает естественное объяснение ряду психосоматических симптомов и расстройств. Многие аспекты этих явлений и их взаимосвязей наполняются глубочайшим смыслом, если их рассматривать в контексте родовой травмы.

⁶² - Яркий клинический пример такого явления есть в моей книге "ЛСД-психотерапия" (Grof, 1980. P. 219),

⁶³ - Мощный терапевтический эффект и потенциал переживаний с перинатальными элементами недоступен пониманию психотерапевтов, привыкших к бесконечной и монотонной аналитической работе в пределах биографической сферы. Терапевтическое и трансформативное воздействия переживаний на грани смерти и опыта психологической смерти можно иллюстрировать исследованием Дэвида Розена (Rosen, 1975) десяти человек, уцелевших после попытки покончить с собой - они прыгали с мостов "Золотые ворота" и "Окленд-Бэй" в Сан-Франциско. У всех были признаки глубокой трансформации личности - хотя их падение с перил до водной поверхности длилось всего три секунды, а спасательные действия заняли несколько минут. Аналогичные изменения можно часто наблюдать у тех, кто остался в живых после серьезнейших заболеваний, травм и операций. Я привожу эти крайние примеры, чтобы показать необычайный преобразующий потенциал некоторых мощных переживаний. Использование этих целебных механизмов в безопасной и благоприятной среде несет в себе новые, поистине революционные возможности для психотерапии.

Поэтому неудивительно, что мощные переживания смерти-возрождения могут быть связаны с клиническим улучшением широкого круга эмоциональных и психосоматических расстройств - от депрессии, клаустрофобии и садомазохизма до алкоголизма и наркомании, а также астмы, псориаза и мигрени. Из понимания задействованности перинатальных матриц в этих психопатологических проявлениях можно логически вывести даже новую стратегию отношения к некоторым психозам.

Но наиболее интересны, пожалуй, наблюдения эмпирической терапии, касающиеся терапевтического потенциала трансперсональной сферы психики. Во многих случаях специфические клинические симптомы коренятся в динамических структурах трансперсональной природы и поэтому не могут быть разрешены на уровне биографических или даже перинатальных переживаний. Чтобы разрешить конкретную эмоциональную, психосоматическую или межличностную проблему, пациент иногда должен пережить драматичные эпизоды явно трансперсонального характера. Интереснейшие наблюдения в ходе эмпирической терапии указывают на острую необходимость включить трансперсональное измерение и трансперсональную перспективу в повседневную психотерапевтическую практику.

В некоторых случаях серьезные эмоциональные и психосоматические симптомы, которые не удалось разрешить на биографическом или перинатальном уровнях, исчезают или значительно смягчаются, когда пациент сталкивается с какими-то эмбриональными травмами. Повторное проживание попыток аборта, материнских болезней или эмоциональных кризисов во время беременности, переживание своей нежеланности ("отвергающая матка") могут иметь большую терапевтическую ценность. Особенно яркие примеры терапевтических изменений связаны с опытом прошлых воплощений. Иногда он сопутствует перинатальным явлениям, в других случаях выступает как самостоятельный эмпирический гештальт. Аналогичную роль могут играть переживания предков; в этом случае симптомы исчезают после того, как пациенты позволяют себе повторно прожить что-то, связанное с воспоминаниями событий из жизни близких или далеких предков. Я также встречал людей, которые определяли некоторые из своих проблем как интериоризованные конфликты между семьями своих предков и разрешали их на том уровне.

Некоторые психопатологические и психосоматические симптомы идентифицируются как отражения внезапно проявившегося животного или растительного сознания. Когда это происходит, для решения проблемы потребуется полное эмпирическое отождествление с отдельным животным или растением. В некоторых случаях люди обнаруживают во время эмпирических сеансов, что какие-то их симптомы, установки и схемы поведения являются отражениями глубинного архетипического паттерна. Иногда связанные с этим формы энергии могут быть такими чуждыми по качеству, что их проявление напоминает то, что раньше называлось "одержимостью", и терапевтическая процедура будет во многом напоминать экзорцизм, изгнание нечистого духа, как оно практиковалось в средневековой церкви или в доиндустриальных культурах. Ощущение космического единства, отождествление с Универсальным Разумом и переживание Сверхкосмической и Метакосмической Пустоты заслуживают в данном контексте особого внимания. Здесь имеется огромный терапевтический потенциал, который не способна принять во внимание ни одна из существующих теорий ньютоно-картезианской парадигмы.

Величайшей иронией и одним из парадоксов современной науки является то, что трансперсональные переживания, которые до недавних пор без разбора обзывались психотическими, обладают огромным целительным потенциалом, превосходящим почти все из арсенала средств современной психиатрии. Каково бы ни было профессиональное или философское мнение терапевта о характере трансперсональных переживаний, ему всегда следует сознавать их терапевтический потенциал и поддерживать пациентов, если вольное или невольное самоисследование ведет их в трансперсональные сферы.

В самом общем смысле, эмоциональные и психосоматические симптомы указывают на заблокированность потока энергии и в конечном счете представляют собой конденсированные потенциальные переживания, стремящиеся прорваться наружу. Их содержание может складываться из конкретных воспоминаний детства, тяжелых эмоций, накопленных в течение жизни, эпизодов рождения, кармических констелляций, архетипических паттернов, филогенетических эпизодов, отождествлений с животными и растениями, проявлений демонической энергии и многих других феноменов. Следовательно, эффективные терапевтические механизмы несут в себе возможность высвобождения заблокированной энергии и способствуют ее эмпирическому и поведенческому выражению без предвзятого отношения к тому, какую форму примет этот процесс.

Завершение эмпирического гештальта приносит терапевтические результаты независимо от того, осознаются ли на интеллектуальном уровне происходящие процессы. Мы видели (и в психоделической терапии и на эмпирических сеансах с использованием техники хоლოномной интеграции) драматичное разрешение проблем с долгосрочным эффектом, даже когда используемые механизмы уходили за рамки всякого рационального понимания. Можно привести следующий наглядный пример.

Несколько лет назад на одном из наших пятидневных семинаров присутствовала женщина (назовем ее Глэдис), которая на протяжении многих лет страдала от почти ежедневных приступов глубокой депрессии. Они обычно начинались после четырех часов утра и продолжались несколько часов. Ей было чрезвычайно трудно мобилизовать свои ресурсы, чтобы встретить каждый новый день.

На семинаре она приняла участие в сеансе хоლოномной интеграции. Эта техника соединяет контролируемое дыхание, пробуждающую музыку и концентрированную работу с телом - по моему мнению, она является самым мощным эмпирическим подходом, сравнимым лишь с психоделической терапией.

На дыхательном сеансе у Глэдис очень высоко мобилизовалась телесная энергетика, но разрешения не произошло - случай исключительный в нашей работе. На следующее утро депрессия появилась как обычно, но была гораздо более глубокой, чем когда-либо прежде. Глэдис пришла на занятия группы в состоянии чрезвычайного напряжения, подавленности и тревоги. Пришлось изменить утреннюю программу и незамедлительно заняться эмпирической работой с ней одной.

Мы попросили ее лечь, закрыть глаза, чаще дышать, слушать музыку и отдаваться любому переживанию, которое просилось наружу. Примерно пятьдесят минут Глэдис неистово дрожала и проявляла другие признаки сильного психомоторного возбуждения; она громко кричала и сражалась с невидимыми врагами. Уже потом она рассказала, что эта часть ее переживаний была связана с повторным проживанием рождения. В определенный момент ее крики стали более членораздельными, они напоминали слова на непонятном языке. Мы попросили ее издавать звуки в той форме, которую они принимали, и не пытаться оценивать их интеллектуально. Неожиданно ее движения стали крайне стилизованными и подчеркнута выразительными, она стала нараспев произносить очень сильную, как казалось, молитву.

Воздействие этого события на группу было чрезвычайным. Не понимая слов, многие из присутствовавших были глубоко тронуты и расплакались. Закончив свое песнопение, Глэдис успокоилась и перешла в состояние экстатического блаженства, в котором оставалась, не двигаясь, более часа. Позже она не могла объяснить, что с ней произошло, и отметила, что не имеет понятия, на каком языке читала молитву.

Присутствовавший в группе аргентинский психоаналитик, сообщил, что Глэдис читала молитву на прекрасном сефардском языке, который он, как оказалось, знал. Он перевел ее слова следующим образом: "Я страдаю, и я всегда буду страдать. Я плачу и буду плакать вечно. Я молюсь и всегда буду молиться". Сама Глэдис не знает даже современного испанского, не говоря уже о сефардском, и вообще не представляет, что такое сефардский язык.

В других случаях мы были свидетелями шаманского речитатива, говорения на несуществующих языках или оригинальных звуков животных различных видов, и последствия этих проявлений были такими же благоприятными. Поскольку никакая терапевтическая система по всей вероятности не в состоянии предсказать события такого рода, единственной разумной стратегией в подобных ситуациях кажется должно быть, наверное, полное доверие к внутренней мудрости самого процесса.

Зачастую психопатологические симптомы связаны сразу с несколькими уровнями психики или диапазонами сознания. Я завершу этот раздел об эффективных механизмах психотерапии и трансформации личности описанием нашего опыта с участником одной из групп на пятидневном семинаре, с тех пор он стал моим близким другом.

Норберт, психолог и священник, в течение многих лет страдал от сильной боли в плече и грудных мышцах. Повторные медицинские обследования, в том числе рентгеновское, не обнаружили никаких органических изменений, и все терапевтические попытки оставались безуспешными. Во время сеанса холономной интеграции ему с большим трудом удавалось выносить музыку, и его приходилось уговаривать превозмочь испытываемый им острый дискомфорт и оставаться в процессе. Примерно полтора часа он испытывал сильнейшие боли в грудной клетке и плече, яростно сражался, словно его жизни что-то серьезно угрожало, давился и кашлял, испуская громкие крики. Позже успокоился, расслабился и затих, а потом с заметным удивлением сообщил, что это переживание высвободило напряжение в

плече, и он избавился от боли. Облегчение оказалось постоянным; вот уже более пяти лет прошло после сеанса, а симптомы не повторялись.

Позже Норберт рассказал, что в его переживании было три разных слоя, все связанные с болью в плече. На самом поверхностном слое он пережил заново страшную ситуацию из своего детства, когда чуть не лишился жизни. Тогда он с друзьями копал туннель на песчаном пляже. Когда Норберт был внутри, туннель обрушился, и он чуть не задохнулся, пока его откапывали.

По мере углубления переживания он заново испытал несколько эпизодов борьбы в родовом канале, которые тоже были связаны с удушьем и с сильной болью в плече, застрявшим за лобковой костью матери.

В последней части сеанса переживание сильно изменилось. Норберт узнал себя в военном облачении, увидел лошадь и понял, что находится на поле битвы. Он даже смог определить, что это времена Кромвеля в Англии. В какой-то момент он почувствовал острую боль и понял, что его грудь пронзена копьём. Он свалился с коня и почувствовал, как умирает под копытами лошадей.

Отражают подобные переживания "объективную реальность" или нет, все равно их терапевтическая ценность бесспорна. Терапевт, не желающий поддержать их из-за своего интеллектуального скепсиса, отказывается от терапевтического инструмента экстраординарной силы.

Спонтанность и автономность исцеления

Общая терапевтическая стратегия в психиатрии и психотерапии решающим образом зависит от общей терапевтической стратегии в психиатрии и психотерапии решающим образом зависит от медицинской модели, которая уже обсуждалась. Эта стратегия во всех эмоциональных, психосоматических и межличностных проблемах видит проявления болезни. Поэтому характер терапевтических отношений, общин контекст взаимодействия между пациентом и помощником, понимание процесса исцеления - все моделируется на основе физической медицины. В медицине терапевты проходят длительное специальное обучение и практику, их понимание того, что именно не в порядке у пациента, значительно превосходит понимание самих пациентов. Поэтому пациентам отведена пассивная и зависимая роль, они должны просто выполнять то, что им говорится, их вклад в лечение ограничен предоставлением субъективных данных о симптомах и обратной связи по поводу результатов терапии. Главное внимание в лечении отводится медицинскому вмешательству - лекарствам, инъекциям, облучению или хирургии; огромный вклад в исцеление за счет внутренних восстановительных процессов в организме принимается как должное и особо не упоминается. Крайностью является хирургическая модель, когда пациента лечат под общим наркозом, и решение проблемы рассматривается как помощь организму со стороны.

Медицинская модель по-прежнему управляет психиатрией, несмотря на все возрастающую очевидность того, что она непригодна и возможно даже вредна, когда ее применяют как исключительный подход ко всем проблемам, которыми занимаются психиатры.

Она имеет огромное влияние не только на специалистов с ярко выраженной органической ориентацией, но и на практиков динамической психотерапии. Здесь, как и в медицине, врач считается специалистом, который лучше понимает психику пациентов, чем они сами; именно от него ожидается решающее истолкование их переживаний. Пациент вносит в терапевтическую ситуацию только свои интроспективные данные, а деятельность терапевта становится главной направляющей силой всего процесса. Множество явных и неявных аспектов медицинской модели устанавливает и поддерживает пассивную и зависимую роль пациента. А ведь мы уже выяснили, что общая стратегия любой формы психотерапии основана на концепции того, как функционирует психика, почему и как развиваются симптомы, что необходимо сделать для изменения ситуации. Таким образом, по медицинской модели терапевт становится активным действующим лицом, обладающим необходимым знанием и оказывающим критическое и решающее воздействие на терапевтический процесс.

Хотя различные школы глубинной психотерапии в теории подчеркивают необходимость проникновения за симптомы, т. е. к более глубоким и обуславливающим эти симптомы состояниям, в повседневной клинической практике устранение симптомов обычно путают с улучшением, а их интенсификацию - с ухудшением эмоциональных расстройств. Представление о том, что интенсивность симптомов является надежным и однозначным показателем серьезности патологического процесса, имеет некоторую обоснованность в физической медицине. Но даже там оно уместно только в тех случаях, когда исцеление происходит спон-

танно или когда терапевтическое вмешательство направлено на первопричину, а не на имеющиеся симптомы.

Никто не сочтет хорошей медицинской практику, которая ограничит свои усилия облегчением внешних проявлений болезни, в то время как известны лежащие в их основе процессы, на которые можно было бы непосредственно воздействовать⁶⁴. Тем не менее, именно такой стратегии придерживается современная психиатрия. Сведения, полученные в исследовании сознания, заставляют думать, что рутинная медицинская и симптоматическая ориентация не только остается поверхностным компромиссом (что обычно признают более просвещенные психиатры), но во многих случаях является прямо антитерапевтической, потому что мешает динамике спонтанных процессов, несущих в себе подлинно исцеляющий потенциал.

Когда человек, страдающий от эмоциональных или психосоматических симптомов, сталкивается с этими проблемами в ходе психоделической терапии или в одном из видов новой эмпирической техники, эти симптомы характерным образом активизируются и усиливаются по мере того, как пациент приближается к биографическому, перинатальному или трансперсональному материалу, лежащему в их основе. Полное сознательное проявление и интеграция такой основы ведет затем к устранению или к модификации проблемы. Смена внешних проявлений представляет в этом случае динамическое, а не просто симптоматическое разрешение.

Как правило, столкновение с базисным опытом переносится гораздо тяжелее и болезненнее, чем дискомфорт от симптомов в повседневной жизни, хотя здесь много одинаковых элементов. Но зато эта стратегия предоставляет возможность радикального и стабильного разрешения, а не просто подавляет и маскирует подлинные проблемы. Подход значительно отличается от аллопатических стратегий медицинской модели. У него есть, кстати, параллель в гомеопатической медицине, где основные усилия направлены на выделение существующих симптомов для мобилизации подлинных самоисцеляющих сил в организме.

Психологическое понимание такого рода свойственно некоторым гуманистическим эмпирическим подходам, в частности, практике гештальт-терапии. Глубокое уважение к внутренней мудрости процесса самоисцеления отличает также и юнговскую психотерапию. У таких целительных стратегий есть прецеденты и параллели в древних и нынешних доиндустриальных культурах - шаманские процедуры, духовные целительные церемонии, храмовые мистерии, собрания экстатических религиозных групп. Свидетельства Платона и Аристотеля о мощном исцеляющем воздействии греческих мистерий тоже служат важным образцом. Общим для всех этих подходов является убежденность в том, что если поддерживать процесс, стоящий за симптомом, то после временного ужесточения дискомфорта начнется самоисцеление и расширение сознания. Психопатологические проблемы эффективно искореняются не через облегчение эмоциональных и психосоматических симптомов, а через их временное усиление, полное переживание и сознательную интеграцию.

Как отмечалось в предыдущей главе, движущей силой за каждым симптомом является, в конечном счете, тенденция организма преодолеть чувство оторванности, исключительное отождествление с телесным Эго и ограничения материи, трехмерного пространства и линейного времени. В пределе организм стремится подсоединиться к космическому полю сознания, к холомическому восприятию мира, но в систематическом процессе самоисследования эта конечная цель может принять более узкие формы. Это может быть отработкой биографических травм и самоинтеграцией с позитивных и объединяющих аспектах жизненной истории, переживанием травмы рождения и настройкой на океаническое состояние эмбрионального существования, на симбиотическое слияние с матерью в период вскармливания, частичной трансценденцией ограничений времени и пространства или переживанием различных аспектов реальности, недоступных в обычном состоянии сознания.

Главным препятствием в процессе так понимаемого исцеления остается сопротивление Эго, которое выказывает тенденцию защищать представление о себе и ограниченное мировоззрение, хватается за знакомое, страшится неизвестного и, сопротивляется усилению эмоциональной и физической боли. Именно это стремление Эго сохранять *status quo* мешает

⁶⁴ - Фритъоф Капра на лекции по холистической медицине и современной физике однажды показал абсурдность симптоматической ориентации в лечении на забавном примере из повседневной жизни. Он попросил слушателей представить водителя, который отреагировал на красный сигнал в приборном щитке машины, указывающий, что топливо на исходе, тем, что отсоединил кабель, ведущий к сигнальной системе оповещения. Удовлетворенный тем, что адекватно справился с проблемой, водитель едет дальше.

спонтанному процессу исцеления и замораживает его в сравнительно стабильной форме, которую мы знаем как психопатологические симптомы.

С этой точки зрения любая попытка прикрыть или искусственно облегчить симптомы должна рассматриваться не только как отрицание проблемы и уход от нее, но как вмешательство в спонтанные восстановительные тенденции организма⁶⁵. Значит, это можно допустить только в том случае, когда пациент, заранее зная о характере проблем и об альтернативах, твердо решил отказаться от продолжительного самоисследования, или же когда из-за отсутствия времени, человеческих ресурсов и соответствующих условий процесс раскрытия невозможен. В любом случае специалист, использующий симптоматический подход (скажем, транквилизаторы или поддерживающую психотерапию), должен полностью осознавать, что прибегает к полумерам и печальному компромиссу, а не выбирает метод, отражающий научное понимание проблемы.

Очевидные возражения по поводу осуществимости рекомендуемого здесь подхода заключаются, конечно, в отсутствии человеческих ресурсов, в дороговизне глубинно-психологической терапии. До тех пор, пока мы думаем в рамках фрейдовских норм, где один психоаналитик в среднем имеет дело с восьмьюдесятью пациентами за всю свою жизнь, такие опасения представляются уместными. Однако новая эмпирическая техника резко изменила картину. Психоделическая терапия предлагает значительное ускорение терапевтического процесса и позволяет расширить рамки показаний терапии для тех лиц, которые ранее заведомо исключались - для алкоголиков, наркоманов и преступных психопатов. Но поскольку будущее психоделической терапии по-прежнему проблематично ввиду административных, политических и юридических препятствий, кажется более разумным думать о новых эмпирических подходах без использования медикаментов. Некоторые из них предлагают терапевтические возможности, далеко превосходящие то, на что может рассчитывать вербальная техника. К тому же, действительно реалистический подход к эмоциональным расстройствам должен был бы забрать большую часть исключительной ответственности из рук профессионалов и опереться на огромные ресурсы широких слоев населения.

В технике холотропной терапии, разработанной мною вместе с моей женой Кристиной, до двадцати человек за один сеанс в течение двух или трех часов могут добиться значительного прогресса в самоисследовании и самоисцелении. Тем временем еще двадцать человек, выступающих в качестве ассистентов-ситтеров, развивают в себе умение содействовать другим людям в таком процессе. Двое или трое специально обученных людей обычно присутствуют для оказания помощи в случае необходимости. Помогая другим, ситтеры часто получают значительную пользу. Такие ситуации не только увеличивают доверие к себе и приносят удовлетворение, но могут стать источником важного проникновения в собственные психические процессы. Как только с системы будет снято заклятие медицинской модели, науке и искусству самоисследования и помощи эмоциональному процессу других людей может быть найдено место в базовом образовании. Многие уже существующие виды психотехники соединяют самоисследование и психологическое обучение с искусством и развлечением таким образом, что это делает их подходящими для использования в образовательном контексте.

Интуитивные догадки современных исследователей сознания имеют далеко идущие последствия и для определения роли терапевта. Представление о том, что базовая медицинская и специальная психиатрическая подготовка достаточна для решения психиатрических проблем, часто подвергалось критике даже из традиционных источников. И если эмоциональные проблемы нисколько не мешают терапевтическим способностям хирурга или кардиолога (за исключением тех случаев, когда они становятся чрезмерными), они значительно влияют на работу психиатра. Вот почему в идеале психиатр должен сам пройти через процесс глубокого самоисследования.

Впрочем, за несколько лет психоаналитической подготовки по использованию свободных ассоциаций и работы с пациентами под присмотром вряд ли проникнешь дальше поверхности психики. Метод свободных ассоциаций - очень слабый инструмент для эффективного самоисследования. Кроме того, узкий теоретический фокус удерживает процесс в биографической сфере. Даже годы аналитической подготовки (за исключением юнгианского анализа) не дадут аналитику контакта с перинатальными или трансперсональными элементами психики. Значит, использование новой эмпирической техники требует подготовки, включаю-

⁶⁵ - Аналогичными ситуациями в физической медицине будут, например, подавление рвоты, которая освободила бы желудок от токсичного содержимого, вмешательство в воспалительный процесс, посредством которого организм пытается освободиться от инородного тела, или назначение седативных препаратов при сексуальном напряжении вместо поощрения сексуальной активности.

щей личный опыт тех состояний, которые высвобождаются при помощи новой техники. И далее, такой процесс никогда не завершается; в своей терапевтической работе и даже в повседневной жизни он постоянно будет сталкиваться с новыми насущными проблемами. А после успешной проработки и интеграции материала на биографическом и перинатальном уровнях, диапазон возможных трансперсональных проблем будет для него соизмерим с самим существованием.

По той же причине терапевт никогда не станет авторитетом, интерпретирующим за пациентов, что означают их переживания. Даже при большом клиническом опыте не всегда можно правильно определить, что за тема лежит в основе конкретного симптома. Заслуга этого открытия принадлежит Юнгу, который первым осознал, что процесс самоисследования - это путешествие в неизвестное и постоянное обучение. Признание этого факта меняет отношения врача и пациента, преобразует их в совместное путешествие двух искателей.

Безусловно, в этой процедуре старшинство остается - терапевт предлагает технику для активизации бессознательного, создает поддерживающую обстановку для самоисследования, обучает базовым стратегиям и внушает доверие к процессу. Однако в том, что касается внутреннего переживания, авторитетом так или иначе будет сам пациент. Успешно завершённое переживание, не требует интерпретации. Таким образом, большая часть работы по истолкованию уступает место соучастию в происходящем. Одна из важных задач терапевта - обеспечить внутреннее завершение переживания и не позволить ему вылиться в действие, что составляет, возможно, самую серьезную проблему в подобной работе. Во многих случаях разница между дисциплинированной интернализацией процесса и проецирующим отыгрыванием будет решающим фактором, который как раз и отличает мистические поиски от серьезной психопатологии.

Существуют указания на то, что даже те острые психотические состояния, для которых применение методов медицинской модели может показаться наиболее подходящим и оправданным, являются на самом деле драматичными попытками организма решить проблему, самоисцелиться и достичь нового уровня интеграции. Как я уже упоминал, в литературе отмечалось, что в некоторых случаях острый психотический срыв (даже при теперешних условиях, очень далеких от идеальных) приводит к улучшению приспособляемости.

Так же хорошо известно, что острые и драматичные психотические состояния имеют гораздо лучший прогноз, чем те, что развиваются медленно и непредсказуемо. Наблюдения подобного рода согласуются с современными исследованиями сознания в том, что главной проблемой во многих психотических эпизодах является не высвобождение бессознательного материала, а остаточные элементы контроля Эго, которые мешают успешному завершению гештальта. Если это так, то избираемая стратегия должна заключаться не в том, чтобы навесить психопатологический ярлык на процесс и пытаться помешать ему путем подавления симптомов, а в том, чтобы этому процессу способствовать и ускорять его в атмосфере поддержки.

Таким образом, переживания психотических пациентов следует поддерживать, но не в смысле их верности по отношению к материальному миру, а как важные шаги в процессе личностной трансформации. Поэтому поддержка и поощрение в этом процессе не означают согласия с нарушениями восприятия и иллюзорной интерпретацией общепринятой реальности. Стратегия ассистирования состоит в систематическом стремлении направить процесс внутрь и углубить его, переориентируя от феноменального мира к внутренним реалиям. Привязка внутренних переживаний к внешним лицам и событиям часто служит мощным инструментом сопротивления процессу внутренней трансформации.

Немногие из использовавшихся в прошлом альтернативных подходов к психозу основывались на принципе поддержки и невмешательства. Мои наблюдения в ходе психоделической терапии психотиков и эмпирической работы без медикаментов четко указывают на то, что лучше подходить к психотическим эпизодам с позиции ускорения и интенсификации процесса (при помощи химических или немедикаментозных средств). Такая терапевтическая стратегия настолько эффективна и надежна, что ее следует регулярно применять, где только возможно, еще до того как пациента отправят в психиатрическую лечебницу и назначат продолжительное и потенциально опасное медикаментозное лечение большими дозами транквилизаторов.

Несколько раз во время наших семинаров я видел, как люди, чье эмоциональное возбуждение имело психотический размах, были способны достичь (после часа или двух глубинной индивидуальной работы с использованием гипервентиляции, музыки, работы с телом) свободного от всяких симптомов и даже экстатического состояния. Переживания, приводившие к такому резкому изменению, обычно включали перинатальные и трансперсональные те-

мы. И хотя такую транс модуляцию не стоит путать с "исцелением" или с глубокой перестройкой личности, систематическое использование этого подхода в тех случаях, когда появляются тяжелые симптомы, представляет интересную альтернативу психиатрической госпитализации и транквилизаторам. Кроме того, в последовательном применении стратегии раскрытия есть потенциал для фактического решения проблем вместо их маскировки и поворот к самоактуализации, личностной трансформации и расширению сознания.

Вышеописанный подход будет жизнеспособной альтернативой традиционному лечению пациентов с острыми непараноидальными психотическими симптомами. Их ситуация признается и подтверждается в качестве "духовной экстремальной ситуации" или "трансперсонального кризиса", а не просто обозначается "душевной болезнью". Пациента побуждают как можно глубже проникнуть во внутреннее переживание, а терапевт ассистирует ему в этом. В такой практике терапевту не обойтись без знакомства с расширенной картографией психики, он должен чувствовать себя вполне комфортно со всем спектром глубинного опыта, включая перинатальные и трансперсональные явления, глубоко доверять врожденной мудрости и целительной силе человеческой психики.

Это позволит ему помочь пациенту в преодолении страхов, энергетических блоков и сопротивления - т.е. всего, что ломает правильную траекторию процесса, - и поддержать те позитивные явления, которые традиционная психиатрия пыталась бы подавить любой ценой,

Степень и характер участия терапевта зависит от стадии процесса, от расположенности пациента, а также от природы терапевтических отношений. Есть только две категории пациентов, у которых наш подход сталкивается со значительными трудностями и может оказаться неприемлемым. Как правило, пациенты с сильными параноидальными тенденциями будут очень неподатливы; по большей части они испытывают ранние стадии БПМ-II. Любое предположение заняться глубоким самоисследованием в таких обстоятельствах равно приглашению прокатиться в ад, и терапевт, делаящий это, автоматически становится врагом. Чрезмерное использование проекций, нежелание владеть внутренним процессом, тенденция к цеплянию за элементы внешней реальности и неспособность к доверительным отношениям - вот комбинация условий, представляющих серьезное препятствие для эффективной психологической работы. Пока не будет разработана техника, способная справиться с этим сложным набором обстоятельств, параноидальные пациенты останутся кандидатами для терапии с транквилизаторами.

К маниакальным пациентам трудно подступиться по другому ряду причин. Их состояние отражает неполное переживание перехода от БПМ-III к БПМ-IV. Терапевт, пытающийся применить эмпирическую психотерапию к маниакальным пациентам, столкнется со сложной задачей убеждения, что они должны отказаться от оборонительного цепляния за свою шаткую новую свободу и выполнить более серьезную работу с оставшимися элементами БПМ-III. Для многих маниакальных пациентов современное лечение с использованием солей лития будет оставаться предпочтительной терапией даже при наличии опытного профессионального руководства. Параноидальные и маниакальные пациенты плохо воспринимают эмпирический подход, и в их случаях использование внутреннего целительного потенциала психики было бы чрезвычайно утомительным делом. Иногда пациенты из других диагностических категорий могут выказывать нежелание или неспособность встретиться со своими проблемами на опыте; лучшим средством для них будет подавляющий симптомы психофармакологический подход. Кто-то из них получит наибольшую пользу от простой вербальной и невербальной поддержки при невмешательстве терапевта в процесс. Но тем не менее, при благоприятных обстоятельствах активная помощь процессу и его углубление выглядят более предпочтительными.

Как только симптомы мобилизованы и начинают трансформироваться в поток эмоций, телесных ощущений или ярких и сложных переживаний, важно поощрить полную самоотдачу переживаниям и подключение периферийных каналов для запертых энергий, при этом помогая испытателю избавиться от внутренней цензуры и от блокирования процесса по когнитивным предубеждениям. При такой стратегии симптомы буквальным образом трансмутируют в различные последовательности переживаний и поглощаются самим процессом. Важно помнить, что некоторые симптомы и синдромы менее подвержены переменам, чем другие, и так же обстоит дело с чувствительностью и податливостью к психоделическим препаратам. В спектре дифференцированных реакций на одном краю - синдром навязчивости с его исключительной ригидностью и мощными защитами, на другом - истерия с драматическим реагированием на минимальное вмешательство. Высокий уровень сопротивления представляет серьезное препятствие в эмпирической терапии и требует специальных технических модификаций.

Каковы бы не были характер и сила техники, используемой для активизации бессознательного, базовая терапевтическая стратегия остается все той же: и терапевт и пациент должны доверять мудрости организма пациента больше, чем своим собственным интеллектуальным суждениям. Если оба они поддерживают естественное развертывание процесса и разумно сотрудничают с ним - без ограничений, продиктованных традиционными концептуальными, эмоциональными, эстетическими или этическими соображениями, - итоговое переживание непременно будет исцеляющим по самой своей природе.

Психотерапия и духовное развитие

Как уже упоминалось, ни одна западная школа психотерапии, за исключением психосинтеза и юнгианской психологии, не признает духовность подлинной и аутентичной силой психики. Теоретические рассуждения по большей части не учитывают богатства знаний о сознании и разуме, накопленного за века великими духовными традициями мира. Глубокие по смыслу послания этих систем полностью игнорируются и отбрасываются, объясняются как примитивные предрассудки, как вариации детских конфликтов или как культурные эквиваленты неврозов и психозов.

Духовность и религию в западной психиатрии толковали как нечто, генерируемое человеческой психикой в ответ на внешние события - ошеломляющее воздействие окружающего мира, угрозу смерти, страх перед неизвестностью, конфликтные отношения с родителями и т.п. До недавнего времени единственной структурой, где можно было непосредственно испытывать альтернативные реалии духовной природы, были рамки душевной болезни. В конкретной клинической работе с религиозными верованиями пациента мирятся, только если их разделяют большие группы людей. Идиосинкразические системы верований, отклоняющиеся от регламентированных и культурно приемлемых форм, или прямые переживания духовных реалий обычно истолковываются как патологические, свидетельствующие о психотическом процессе.

Но некоторые исследователи сочли традиционную психиатрическую точку зрения на духовность и религию неприемлемой. Основатель психосинтеза Роберто Ассаджиоли, итальянец по происхождению, видел в духовности жизненную силу человеческого существования и самую суть психики. Многие из явлений, которые официальная психиатрия считает психопатологическими, он интерпретировал как сопутствующие духовному раскрытию (Assagioli, 1977). К. Г. Юнг, также придававший огромное значение духовным измерениям и импульсам психики, создал надежную концептуальную систему, которая соединяет и интегрирует психологию и религию. Еще один значимый вклад в новое понимание отношений человеческой личности к мистическому опыту принадлежит Абрахаму Мэслоу. На основе широких исследований многих спонтанных мистических (или "пиковых", по его определению) переживаний, он опроверг традиционное психиатрическое воззрение, приравнивавшее их к психозам, и сформулировал радикально новую психологию. По Мэслоу, мистический опыт не следует считать патологическим; гораздо более уместно было бы рассматривать его как сверхнормальный, поскольку он ведет к самоактуализации и происходит у нормальных во всем остальном и вполне адаптированных индивидов.

Наблюдения в ходе психоделической терапии и других форм глубинной эмпирической работы полностью подтверждают соображения этих трех исследователей и наводят даже на более радикальную формулировку связи между человеческой личностью и духовностью. В соответствии с новыми данными, духовность - неотъемлемое свойство психики, проявляющееся спонтанно при достаточно углубленном самоисследовании. Прямое эмпирическое столкновение с перинатальными и трансперсональными уровнями бессознательного всегда связано со спонтанным пробуждением духовности, и это никак не зависит от переживаний детства, религиозной запрограммированности, конфессии, даже от культурной и расовой принадлежности. Человек, соприкоснувшийся с этими уровнями своей психики, естественным образом вырабатывает новое мировоззрение, в котором духовность становится естественным, сущностным и жизненно необходимым элементом существования. На моих глазах трансформации подобного рода происходят с людьми из широкого круга личностей, включающего упорных атеистов, скептиков, циников, даже марксистских философов и позитивистски ориентированных ученых.

Отсюда следует, что атеистический, механистический и материалистический подход к миру и существованию отражает глубокое отчуждение от сердцевины бытия, отсутствие подлинного понимания себя и психологическое подавление перинатальной и трансперсональной сфер собственной психики. Это также означает, что человек идентифицирует себя

лишь с одним частичным аспектом своей природы, с телесным Эго и хилотропическим модусом сознания. Такое усеченное отношение к себе самому и к существованию чревато, в конечном счете, ощущением тщетности жизни, отчужденностью от космического процесса, а также ненасытными потребностями, состязательностью, тщеславием, которые не в состоянии удовлетворить никакое достижение. В коллективном масштабе такое человеческое состояние приводит к отчуждению от природы, к ориентации на "безграничный рост" и заикливание на объектных и количественных параметрах существования. Такой способ бытия в мире предельно деструктивен и на личном и на коллективном плане.

В процессе систематического глубинного самоисследования эпизоды смерти-возрождения и трансперсональные явления проступают в том же континууме переживаний, что и биографический материал, анализ которого считается терапевтически полезным в традиционной психиатрии. Поэтому интересно, как общепринятая воспоминательно-аналитическая психотерапевтическая работа соотносится с процессом духовного раскрытия. Клинические наблюдения позволяют твердо сказать, что биографически ориентированный анализ и трансперсональные переживания являются двумя взаимодополняющими аспектами процесса систематического самоисследования.

Постепенная отработка травматических аспектов ранней истории пациента часто открывает путь к перинатальному и трансперсональному опыту и способствует духовному раскрытию. И наоборот, люди, имевшие глубокие духовные переживания на раннем этапе самоисследования (при помощи психоделиков или других видов мощной эмпирической техники), находят последующую работу с оставшимися биографическими проблемами гораздо более легкой и быстрой.

В частности, те, кто пережил состояние космического единства, обретают совсем новое отношение к психотерапевтическому процессу. Они обнаружили новый неожиданный источник силы и свою подлинную идентичность. Нынешние жизненные проблемы и прошлый биографический материал предстают теперь в совершенно ином свете. С новой точки зрения события их настоящего существования не кажутся уже столь безусловно важными, как это было прежде. Кроме того, становится ясной цель психологической работы; дальнейшее самоисследование напоминает расширение и расчистку дороги к известному месту назначения, а не слепое копанье в темном туннеле.

Терапевтический потенциал переживаний духовного свойства намного превосходит все связанное с манипуляциями, сосредоточенными на биографическом материале. Любая концептуальная система, любая психотерапевтическая техника, не признающая и не использующая перинатальную и трансперсональную области психики, не только поддерживают поверхностный и незавершенный образ человеческого бытия, но лишают себя и своих пациентов мощных механизмов исцеления и личной трансформации.

Зависимость от узких концептуальных рамок может помешать ученым открыть, распознать или даже вообразить немислимые возможности в сфере естественных явлений. Это можно иллюстрировать двумя примерами из современной физики. Ученые, жестко придерживающиеся ньютоново-картезианской модели Вселенной, (которая подразумевает неразрушимость материи), не могут и помыслить об использовании ядерной энергии, требующей расщепления атома. Точно так же система механической оптики, рассматривающая свет как частицы (фотоны), не дает теоретического доступа к голографии, где используется интерференция световых волн. Заглядывая в будущее, можно сказать, что физик, который будет видеть в теории относительности Эйнштейна точное описание реальности, а не всего лишь удобную и в конечном счете ограниченную модель, никогда не сумеет представить себе передвижение и коммуникацию со скоростью, превышающей световую. По той же причине психиатры, приверженные к строго биографическим моделям человека, не смогут даже вообразить преобразующую мощь перинатальных переживаний или трансперсональных состояний сознания.

Строго персоналистичная концепция бессознательного, ограничивающаяся биографически объяснимыми элементами, не только менее эффективна и менее ценна, но, в конечном счете, антитерапевтична. Логическим следствием такой теоретической ориентации будет навешивание психопатологических ярлыков на те перинатальные и трансперсональные явления, которые нельзя объяснить в столь узком контексте. Это создает непреодолимое препятствие на пути признания целительной и трансформирующей силы процесса, затрагивающего перинатальную и трансперсональную области. Поэтому в контексте традиционного мышления самоисцеление и духовное раскрытие истолковываются как патология, которую нужно подавить любой ценой при помощи любых радикальных мер. Из-за такой терапевтической стратегии современная психиатрия встает перед странной ситуацией: совме-

стные усилия психиатров, психологов, нейрофизиологов, биохимиков и других профессионалов по большей части односторонне направлены на вмешательство в процессы, которые имеют уникальный терапевтический и трансформативный потенциал.

С положительной стороны следует признать, что в свете нынешнего ограниченного понимания природы психопатологии и отсутствия по-настоящему исцеляющих стратегий в психиатрии использование транквилизаторов имело большое историческое значение. Они действительно гуманизировали средневековую атмосферу психиатрических палат, они предотвратили и облегчили многие страдания и, возможно, спасли многие тысячи жизней.

7. ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОТЕРАПИИ И САМОИССЛЕДОВАНИЯ

Новые прозрения относительно структуры психогенных симптомов, динамики терапевтических механизмов и природы целебного процесса придутся весьма кстати для практики психотерапии. Прежде чем обсуждать приложения современных исследований сознания для будущего психотерапии, будет полезно подвести краткие итоги нынешнего положения дел, описанного в предыдущих главах.

Применение медицинской модели в психиатрии имело серьезные последствия для теории и практики терапии вообще и для психотерапии в частности. Она глубоко проникла в понимание психопатологических явлений, базовых терапевтических стратегий и роли терапевта. Заимствованные из соматической медицины термины "симптом", "синдром" и "заболевание" применяются не только к психосоматическим проявлениям, но и к целому ряду феноменов, связанных с изменениями в восприятии, эмоциях и процессе мышления. Интенсивность таких явлений и степень их несовместимости с ведущими парадигмами науки рассматриваются как мера серьезности клинического состояния.

В соответствии с аллопатической ориентацией западной медицины психотерапия подразумевает какое-либо внешнее вмешательство, направленное на противодействие патогенному процессу. Психиатр берет на себя активную роль, он сам решает, какие аспекты ментального функционирования пациента патологичны, и борется с ними при помощи разнообразных методов. В некоторых крайних формах терапевтические методы психиатрии достигли или по меньшей мере приближаются к идеалу западной механистической медицины, хирургии. В таких подходах, как психохирurgia, лечение электрошоком, кардиазоловый, инсулиновый или атропиновый шок и другие формы конвульсивной терапии, медицинское вмешательство происходит без сотрудничества с пациентом или даже без его сознательного согласия. Менее экстремальные формы медицинского лечения включают прием психофармакологических препаратов, предназначенных для изменения ментального функционирования в желаемом направлении. Во время подобных процедур пациент полностью пассивен и ожидает помощи от научного авторитета, который полностью принимает на себя заслугу или вину.

В психотерапии влияние медицинской модели было более тонким и все же значительным. Это верно даже для фрейдовского психоанализа и его производных, которые в особенности отстаивают пассивный и непрямой подход терапевта. В конечном счете терапевтическое изменение в значительной мере зависит от вмешательства терапевта, будь то интуитивное проникновение в исторические и динамические соответствия материала, представленного пациентом, правильные и своевременные интерпретации, анализ сопротивления и переноса, контроль контрпереноса или другие терапевтические маневры, включая надлежащее использование молчания. И теория и практика психоанализа оставляют возможность переложить большую часть ответственности за процесс на пациента, а неудачу лечения или отсутствие прогресса отнести на счет саботирующего действия сопротивления. И тем не менее, в конечном счете клинический успех отражает умение терапевта - он зависит от качества его вербальных или невербальных реакций во время терапевтических сеансов.

Поскольку теоретические построения отдельных школ психотерапии и их техника значительно различаются, уместность вмешательства терапевта можно оценить только в связи с его конкретной ориентацией. В любом случае концептуальные рамки терапевта будут явно или скрыто удерживать пациента в определенной тематической области и ограниченном круге переживаний. А значит, терапевт не сумеет помочь тому, чьи проблемы ключевым образом связаны с областями или аспектами психики, которые в его системе не признаются.

До недавнего времени большинство психотерапевтических подходов было почти исключительно ограничено вербальным взаимодействием. Мощные эмоциональные или поведенческие реакции пациентов рассматривались поэтому как нежелательное отыгрывание, как

нарушение основных правил терапии. Вдобавок, традиционные виды психотерапии концентрировали внимание только на манипулировании ментальным процессом, отрицая телесные проявления эмоциональных расстройств. Непосредственный физический контакт считался противопоказанным и не поощрялся. Из-за этого строгого табу работа с телом не практиковалась даже при неврозах с интенсивным мышечным напряжением, спазмами или с другими формами драматического вовлечения физиологических и психосоматических процессов.

Принципы психотерапевтического ассистирования

Новый всеобъемлющий подход к самоисследованию и психотерапии, основанный на данных современного изучения сознания, отличается от традиционных систем и стратегий по многим важным аспектам. Я разработал этот подход вместе с моей женой Кристиной, и мы применяем его на наших семинарах под названием "*холодная интеграция*" или "*холодотропная терапия*". В целом он представляет уникальную программу, хотя многие из его составных частей можно обнаружить в различных школах психотерапии.

В нем используется уже описанная расширенная картография, полученная в результате психоделических исследований. Эта карта психики шире и содержательнее любой из тех, которые применяются в западных школах психотерапии. В духе спектральной психологии и "шнурочной" философии природы, она интегрирует фрейдовскую, адлеровскую, райховскую, ранковскую и юнговскую точки зрения, важные аспекты работы Ференчи, Федора, Пирболта, Перлза, психологов-экзистенциалистов и многих других. Наша карта включает их концепции не как точные и исчерпывающие описания психики, а как полезные способы организации наблюдений за явлениями, связанными с особыми уровнями психики или Диапазонами сознания. За счет включения архетипических и трансцендентальных областей психики, новая система также заполняет разрыв между западной психотерапией и "вечной философией".

Важной чертой теоретической модели, связанной с новым терапевтическим подходом, является признание странной парадоксальной природы человека, проявляющей иногда свойства сложного ньютоно-картезианского объекта, а иногда - свойства поля сознания, не ограниченного ни временем, ни пространством, ни линейной причинностью. С этой точки зрения, эмоциональные и психосоматические расстройства психогенной природы видятся выражением конфликта между этими двумя аспектами человеческой природы. В самом же конфликте, по нашему мнению, отражено динамическое напряжение между двумя универсальными силами: тенденцией недифференцированных и всеохватывающих форм сознания к членению, отделению, множественности и тенденцией изолированных единиц сознания к возвращению в первоначальную целостность и единство

И если движение к переживанию мира в контексте разделенности связано с усилением конфликта и отчуждения, опыт холотропического сознания обладает неотъемлемым целебным потенциалом. С этой точки зрения, человек, испытывающий психогенные симптомы, вовлечен в саморазрушительную борьбу, когда пытается защитить свою идентичность отдельного существа, живущего в ограниченном пространственно-временном контексте, от неожиданного опыта, способного подорвать такой ограниченный образ себя.

С практической точки зрения эмоциональный или психосоматический симптом можно рассматривать как заблокированное и подавленное переживание холотропического характера. Когда понижено сопротивление и снята блокировка, симптом трансформируется в эмоционально заряженное переживание и поглощается процессом. Так как некоторые симптомы содержат переживания биографического характера, а другие - перинатальные сюжеты или трансперсональные темы, любые концептуальные сужения будут в итоге работать на ослабление психотерапевтического процесса. Терапевт, действующий по системе, описанной в настоящей книге, редко знает, что за материал содержится в симптомах, хотя при достаточной клинической опытности в этой области возможна некоторая степень прогноза и предсказания.

В таких обстоятельствах применение медицинской модели неуместно и неоправданно. Какой бы лестной не была для него роль всезнающего эксперта, честный терапевт должен сделать все возможное, чтобы устранить "хирургический идеал" психиатрической помощи, который может принести в терапию пациент. Следует уяснить, что по самой своей сути психотерапевтический процесс является не лечением болезни, а приключением самоисследования и самооткрытия. Следовательно, с начала и до конца главным героем с полной ответственностью остается пациент. Терапевт выступает в роли сообщника, создает поддер-

живающий контекст для самоисследования и время от времени высказывает свое мнение или дает совет, основанный на прошлом опыте. Главным инструментом терапевта будет тогда не знание конкретной техники, (хотя она представляет собой необходимое условие, все виды техники довольно просты и ими можно овладеть за сравнительно короткое время), а развитость его собственного сознания. Решающую роль будет играть степень его самосознания, способность бесстрашно участвовать в напряженных и экстраординарных переживаниях другого человека и готовность к встрече с новыми фактами и ситуациями, которые могут не вписываться в традиционные теоретические рамки.

Медицинская модель полезна поэтому только на начальных этапах терапии, пока не до конца ясен характер проблемы. Важно провести тщательное психиатрическое и медицинское обследование, чтобы убедиться в отсутствии каких-либо серьезных органических проблем, требующих медицинского лечения. Пациентам, у которых основу психических расстройств составляют физические заболевания, следует проходить лечение в медицинских учреждениях, приспособленных для лечения поведенческих проблем. А пациентов с отрицательными медицинскими диагнозами, предпочитающих борьбе с симптомами путь серьезного самоисследования, следует направлять на психотерапию в специальные немедицинские учреждения. Такая стратегия подходит не только для невротиков и лиц, страдающих психосоматическими расстройствами, но и для многих из тех, кого в традиционном контексте определили бы как психотиков. Пациенты, опасные для самих себя и окружающих, требуют особых условий, зависящих от конкретной ситуации.

Любой специалист, проводивший психоделическую терапию или эмпирические сеансы без использования фармакологических препаратов, прекрасно представляет себе могучую эмоциональную и психосоматическую энергию, лежащую в основе психопатологии. Учитывая эти наблюдения, можно уверенно сказать, что любая исключительно вербальная техника психотерапии не имеет особенной ценности. Вербальный подход к стихийным силам и хранилищам энергии в психике можно сравнить с попыткой ситом вычерпать океан. Наш же подход отличается четкой опорой на опыт, на эмпирию; разговор используется в основном для подготовки пациентов к эмпирическим сеансам, для ретроспективного обсуждения и интеграции переживаний. Что же касается фактической терапевтической процедуры, терапевт предлагает пациенту какую-то технику или комбинацию техник, способную активизировать бессознательное, мобилизовать заблокированные энергии и трансформировать застойное состояние эмоциональных и психосоматических симптомов в поток динамических переживаний. Некоторые виды техники, наиболее подходящие для этого, будут подробно описаны ниже.

Следующий шаг - способствовать возникающим переживаниям и поддерживать их, ассистировать пациенту в преодолении сопротивлений. Иногда полное высвобождение бессознательного материала проблематично и утомительно не только для испытателя, но и для терапевта. Драматичный опыт различных биографических эпизодов, фрагментов смерти и возрождения становится в современной эмпирической терапии все более частым и не должен поэтому представлять каких-либо серьезных проблем для профессионала, надлежащим образом подготовленного в данной области. Важно подчеркнуть, что терапевту следует поощрять и поддерживать процесс независимо от того, какую он примет форму и насколько будет интенсивен. Единственным обязательным ограничением следует считать физическую опасность для испытателя или для окружающих. Большие терапевтические прорывы часто будут происходить после эпизодов полной потери контроля, отключения, сильного удушья, насильственных припадков, обильной рвоты, самопроизвольного мочеиспускания, нечленораздельных криков или диких гримас, поз и звуков, по описаниям напоминающих практику экзорцизма (изгнания бесов). Многие из этих проявлений могут быть логически связаны с процессом биологического рождения.

Если повторное проживание воспоминаний раннего детства и травмы рождения принято теперь даже консервативными специалистами, то для признания трансперсональных процессов потребуется серьезная философская переориентация и фундаментальный сдвиг парадигмы. Многие из возникающих в ходе этого процесса переживаний настолько экстраординарны и абсурдны при взгляде со стороны, что среднему терапевту неловко с ними; ему трудно увидеть их терапевтическую ценность, и он стремится (явно или неявно) оградить пациента от такого опыта. Среди специалистов существует сильная тенденция интерпретировать трансперсональные феномены как проявление биографического материала в символической форме, как сопротивление болезненным травматическим воспоминаниям, как эмпирические странности, не имеющие какого-либо глубинного смысла или даже как знаки из психотической области психики, от которой пациенту надо держаться подальше.

И все же трансперсональные переживания часто обладают необычайным целительным потенциалом, и, подавляя их или не поддерживая, мы значительно снижаем мощь терапевтического процесса. Важные эмоциональные, психосоматические или межличностные проблемы, годами мучившие пациентов и не поддававшиеся традиционным терапевтическим подходам, иногда исчезают благодаря полному переживанию трансперсонального характера - такому, например, как подлинное отождествление с животной или растительной формой, полная отдача динамической силе архетипа, эмпирическое воспроизведение исторического события или драматического сюжета из иной культуры, переживание того, что кажется сценой из прошлого воплощения.

Базисная стратегия, ведущая к наилучшим терапевтическим результатам, требует, чтобы терапевт и пациент на время отказались от каких-либо концептуальных рамок, так же как от ожиданий и представлений о том, куда поведет процесс. Они должны стать открытыми, храбрыми и просто следовать за потоком энергии и опыта, куда бы он ни вел, глубоко веря, что процесс сам прощупает себе дорогу на благо пациенту. Всякий интеллектуальный анализ во время переживания обычно оказывается признаком сопротивления и серьезно мешает прогрессу. Именно поэтому выход за обычные концептуальные границы является неотъемлемой частью путешествия в глубины само исследования. Поскольку ни одно из трансперсональных переживаний не имеет смысла в контексте механистического мировоззрения и линейного детерминизма, интеллектуальная обработка во время трансперсональных сеансов обычно отражает нежелание испытывать то, что нельзя понять, что не вмещается в концептуальные рамки пациента. Определенное виденье себя и мира является составной частью его проблематики и в каком-то смысле порождает эти проблемы. Таким образом, приверженность к старым концептуальным схемам является антитерапевтическим фактором первичного значения.

Если терапевт готов поощрять и поддерживать процесс, даже не понимая его, а пациент открыт навстречу эмпирическому путешествию по незнакомым территориям, их вознаграждает небывалый терапевтический успех и концептуальный прорыв. Некоторые из сложных переживаний, проявившихся в этом процессе, станут понятными позднее, в значительно расширенных или в совершенно новых пределах. Однако иногда можно добиться серьезного эмоционального прорыва и личностной трансформации без адекватного рационального понимания. Это резко отличается от знакомой до боли ситуации во фрейдистском анализе, когда детальное понимание проблем на языке собственной биографии сочетается с терапевтическим застоем и очень небольшим прогрессом.

В предлагаемом подходе терапевт поддерживает переживание независимо от его содержания, а пациент позволяет ему происходить, не анализируя. После того, как переживание завершено, они могут попытаться обосновать происшедшее, если у них появится такое желание, осознавая при этом, что так или иначе обсуждение будет академическим упражнением, не имеющим большой терапевтической ценности. Любую систему объяснения следует рассматривать как временную вспомогательную структуру, поскольку базисные предположения относительно Вселенной и себя самого радикально меняются по мере того, как человек переходит от одного уровня сознания к другому. Вообще, чем полнее опыт, тем менее требует он анализа и интерпретации в силу своей самоочевидности и самооценности. В идеале разговор, следующий за терапевтическим сеансом, приобретает форму доверительного общения о волнующем открытии, а не болезненного стремления понять, что же произошло. Привычка анализировать и интерпретировать переживание в ньютоново-картезианских терминах здесь неприемлема - слишком очевидно, что этот узкий подход к существованию уже дискредитирован и преодолен. Если философское обсуждение и состоится, оно скорее примет форму рассмотрения того, как применить полученный опыт для понимания природы реальности.

Учитывая богатый спектр переживаний в различных диапазонах сознания, которые будут доступны при психоделической терапии или другой эмпирической психотехнике, полезно проводить систематическое самоисследование в духе "шнурочной философии природы". Многие из теоретических систем могут при случае оказаться адекватными для некоторых переживаний и размышлений о них. Важно, однако, сознавать, что имеешь дело всегда с моделью, а не с точным описанием реальности. Кроме того, готовые концепции применимы только к феноменологии отдельных сегментов человеческого опыта, а не к психике в целом. Так что в каждом конкретном случае лучше придерживаться эклектических и творческих позиций, а не пытаться подогнать всех пациентов к концептуальным рамкам одной излюбленной теории или одной психотерапевтической школы.

Психоанализ Фрейда или (в некоторых случаях) индивидуальная психология Адлера оказываются самыми удобными системами для обсуждения переживаний, сосредоточенных вокруг биографических тем. Но обе системы становятся совершенно бесполезными, когда процесс переходит на перинатальный уровень. Для каких-то переживаний, прямо затрагивающих контекст процесса рождения, терапевт и пациент могут применить концептуальные рамки О. Ранка. Одновременно с этим мощную энергетику перинатального уровня можно описывать и понимать в райхианских терминах. Однако и система Ранка и система Райха требуют значительных модификаций, чтобы правильно и подробно отразить весь процесс. Ранк понимает родовую травму с точки зрения различия между внутриутробным состоянием и существованием во внешнем мире, не учитывая конкретного травматического воздействия второй и третьей перинатальных матриц. Райх верно описывает энергетические аспекты перинатального процесса, но говорит при этом о сдавленной сексуальной энергии, а не об энергии рождения.

Для переживаний на трансперсональном уровне по всей видимости ценны только психология Юнга, психосинтез Ассаджиоли и в некоторой степени сайентология Хаббарда. И, конечно, знание мифологии, великих мировых религий станет незаменимым подспорьем для процесса глубинного самоисследования, поскольку многие пациенты будут переживать эпизоды, имеющие смысл только в исторически, географически или культурно конкретной символической системе. Иногда переживания будут понятны в рамках таких систем, как гностицизм, каббала, алхимия, тантра или астрология. В любом случае применение этих систем должно следовать за переживаниями; ни одну из них не следует использовать априори как исключительный контекст для руководства процессом.

Хотя динамика внутриспихического процесса имеет фундаментальное значение, любая психотерапия, сфокусированная исключительно на личности и рассматривающая ее изолированно, не будет иметь большой ценности. Эффективный и всесторонний подход должен видеть пациента в широком межличностном, культурном, социоэкономическом и политическом контексте. Важно анализировать его жизненную ситуацию с холистической точки зрения и осознавать связь между внутренней динамикой и элементами внешнего мира. Конечно, в некоторых случаях условия окружающей среды, культурное и политическое давление и нездоровый образ жизни могут сыграть в формировании эмоциональных расстройств решающую роль. Такие факторы следует выявить и заняться ими, если позволяют обстоятельства. Но первостепенным интересом должны стать самоисследование и трансформация личности - как ключевой и самый доступный аспект любой терапевтической программы.

Психотерапевтическая техника и самоисследование

Техническая цель эмпирической психотерапии заключается в активизации бессознательного, разблокировании энергии, сдерживаемой в эмоциональных и психосоматических симптомах, и в обращении сложившегося энергетического баланса в поток переживаний. Во многих случаях этот баланс настолько неустойчив, что его поддерживает лишь напряженное усилие со стороны пациента. В психотических состояниях такое равновесие складывается из остаточного сопротивления пациента, страха перед социальным давлением и социальными мерами пресечения, из терапевтических и институциональных средств устрашения и действия транквилизаторов. Даже при неглубоких динамических нарушениях, т.е. при депрессии, психосоматических расстройствах и невротических состояниях, часто бывает сложнее подавить возникающие переживания, чем выпустить их наружу. В таких условиях для запуска процесса не нужна мощная техника. Достаточно бывает, как правило, предложить новое понимание самого процесса, наладить добрые взаимоотношения и доверительную атмосферу, создать поддерживающую и свободную обстановку, в которой пациент сможет всецело отдаться процессу. Сосредоточенности на эмоциях и ощущениях, нескольких глубоких дыханий и побуждающей музыки бывает обычно достаточно для глубокого терапевтического опыта.

При сильном сопротивлении необходимо использовать специальную технику для мобилизации заблокированной энергии и преобразования симптомов в переживания. Самым эффективным способом достичь этого несомненно является использование психоделических препаратов. Однако, этот подход связан с большой потенциальной опасностью, требует специальных мер предосторожности и соблюдения ряда строгих правил. Ввиду того, что я уже в нескольких книгах описал терапевтическое применение психоделиков и они все равно малодоступны, я остановлюсь на немедикаментозных подходах, которые считаю наиболее по-

лезными, мощными и эффективными⁶⁶. Так как их все объединяет одна общая стратегия раскрытия, они вполне совместимы, их можно использовать комбинированно и в последовательности.

Первую из этих техник я начал разрабатывать в те годы, когда занимался исследованиями ЛСД, как метод устранения остаточных проблем после незавершенных психоделических сеансов. Когда примерно десять лет назад я начал использовать ее отдельно от психоделической терапии, меня не раз впечатляла эффективность этого метода как независимого терапевтического инструмента. Главное в этом подходе - высвобождение запертых энергий в работе с телесными симптомами по точкам наименьшего сопротивления. Традиционно настроенным психотерапевтам такая техника вряд ли покажется полезной из-за ее акцента на отреагирование. В психиатрической литературе ценность отреагирования (абреакции) кроме как для травматических эмоциональных неврозов вообще подвергалась серьезным сомнениям. Важным прецедентом в этом смысле было отречение Фрейда от своих ранних концепций, приписывавших отреагированию значение ведущего терапевтического механизма, и переключение этого внимания на анализ переноса.

Работа с психоделиками и новыми эмпирическими техниками в значительной мере реабилитировала принципы отреагирования и катарсиса в качестве важнейших аспектов психотерапии. Я знаю по своему опыту, что неудачи с отреагированием, описанные в психиатрической литературе, были результатом того, что его не доводили достаточно далеко и использовали несистематично. Терапевты пытались вызвать его на сравнительно поверхностном уровне биографических травм и не допускали до эмпирических крайностей, хотя обычно как раз это и ведет к успешному разрешению. На перинатальном уровне эти переживания могут включать пугающее удушье, потерю контроля, отключение, рвоту и другие драматичные проявления. Важно подчеркнуть, что механическое отреагирование бесполезно; оно должно произойти в особенной форме, отражающей природу эмпирического гештальта и тип блокировки энергии.

Если испытатель систематически уклоняется от какого-либо конкретного аспекта эмпирического комплекса, механическое повторение остальных аспектов не принесет разрешения. Нужно, чтобы эмоциональная и моторная разрядка переживалась в связи с соответствующим бессознательным содержанием. И не стоит надеяться на значительный терапевтический эффект в применении абреактивных методов, если пациенту не предоставлена неограниченная свобода по всем аспектам переживания, включая перинатальные и трансперсональные явления. Несмотря на все то, что я сказал в защиту отреагирования, было бы ошибкой сводить технику, которую я опишу ниже, к одному лишь отреагированию, так как она включает много других важных элементов.

Человек, желающий использовать эту немедикаментозную технику, должен принять полулежащее положение на удобной большой кушетке, на матрасе или на полу с мягкой подстилкой. Затем его просят концентрироваться на дыхании и на телесных ощущениях, отключив, насколько это возможно, интеллектуальный анализ. По мере того, как дыхание углубляется и учащается, полезно представить облако света, нисходящее по телу и наполняющее все органы и клетки. Короткий период этой начальной гипервентиляции с фокусированным вниманием обычно усилит уже существующие телесные ощущения и эмоции или вызовет какие-то новые. Как только этот паттерн четко проявился, можно начинать эмпирическую работу.

Основной принцип - убедить испытателя полностью отдаться возникающим ощущениям и эмоциям, искать подходящий способ их выражения (звуками, движениями, позами, гримасами или сотрясениями), не судя и не анализируя их. В нужный момент ассистент оказывает ему помощь. Работу ассистента может выполнять один человек, хотя лучше, если в паре работают мужчина и женщина. До начала сеанса испытателю нужно сказать, чтобы он старался на протяжении всего процесса как можно меньшим количеством слов выразить то, что происходит в его теле под воздействием энергии: местоположение блокировок, избыточные заряды в определенных областях, давление, боль или спазмы. Также важно сообщать о качестве эмоций и о различных физиологических ощущениях - о тревоге, чувстве вины, гнева, удушье, тошноте или давлении в области мочевого пузыря.

Функция ассистентов заключается в том, чтобы следить за потоком энергии, усиливать проявляющиеся процессы и ощущения, способствовать их полному переживанию и выражению. Когда клиент сообщает о давлении в голове или в груди, они подчеркивают давле-

⁶⁶ - Читатель, интересующийся терапевтическим использованием психоделических препаратов, может найти более подробную информацию в моих книгах "Области бессознательного" (Grof, 1975), "Встреча человека со смертью" (Grof, Halifax, 1977) и "ЛСД-терапия" (Grof, 1980).

ние именно в этих областях, просто положив туда руку. Аналогично, различные виды мышечной боли должны быть усилены глубоким массажем, иногда приближающимся к рольфингу. Если пациент чувствует, что он толкается во что-то, ассистенты обеспечивают сопротивление. Ритмичным надавливанием или массажем они могут способствовать позывам к рвоте или спазматическому кашлю, переходящему в рвоту или выделение слизи. Ощущения удушья и сдавливания в области горла, очень часто встречающиеся в эмпирической терапии, могут быть проработаны, когда пациенту предлагают сильно выкручивать полотенце, одновременно проецируя ощущение удушья на руки и на скручивание ткани. Также можно надавить на какую-либо твердую точку вблизи горла, например, на нижнюю челюсть, лестничную мышцу (scalenus) или ключицу; по вполне очевидным причинам гортань - одно из тех мест, где нельзя применять прямое нажатие.

Для работы с некоторыми заблокированными участками можно использовать набор из разных биоэнергетических упражнений и маневров, элементы рольфинга и полярного массажа. Основной принцип - поддерживать начавшийся процесс, а не навязывать какую-то схему, отражающую чью-нибудь теорию или идеи ассистентов. Но и в этих пределах остается множество возможностей для творческой импровизации. Она может приобрести вполне конкретную форму, когда ассистент узнает характер и содержание протекающего переживания. В таком случае его вмешательство может привести очень точные детали данной темы. Он способен механически осуществить убедительную имитацию конкретного механизма родов, предложить успокаивающий телесный контакт во время переживания ранней симбиотической ситуации с матерью или усилить нажатием пальца в определенном месте боль, переживаемую в контексте прошлого воплощения и связанную, например, с раной, нанесенной копьём или ножом.

Ассистентам нужно чутко следовать за характером переживаний. В идеале их поведение должно отражать траекторию процесса, разворачивающегося во внутреннем мире клиента, а не какие-либо терапевтические концепции и убеждения. Те, кто опробовал эту технику в качестве испытателей, помощников или наблюдателей-участников, часто сравнивают ее с биологическими родами. Процесс разворачивается стихийно, у него есть собственная траектория и внутренняя мудрость. Роль ассистента, как у хорошей акушерки, заключается в устранении препятствий, а не в навязывании собственной схемы естественному ходу дела, кроме как при крайней необходимости.

В соответствии с базисной стратегией, клиенту четко сообщается, что это его личный процесс, и что ассистенты будут лишь "статистами". Если помощь кажется уместной, она предлагается, а не навязывается. На любой стадии процесса у клиента есть возможность прервать всякое внешнее вмешательство при помощи условного сигнала. Мы сами используем слово "стоп"; при его произнесении ассистенты обязаны прекратить всякую деятельность, как бы они ни были убеждены, что продолжение того, что они делают, показано и благотворно. Любые другие реакции игнорируются и считаются частью переживания. Заявления вроде "ты меня убиваешь", "мне больно", "не надо этого делать" (если они не следуют вместе со словом "стоп") воспринимаются как обращение к символическим прототипам, будь то родители, архетипические сущности или фигуры из прошлых воплощений.

Эта работа требует соблюдения фундаментальных принципов этики, и при любых обстоятельствах ассистенты обязаны уважать физиологическую и психологическую терпимость испытателя. Важно разумно подходить к оценке надлежащего телесного воздействия и приемлемой боли. Поскольку давление применяется в местах первоначальной травмы, клиент часто испытывает гораздо более интенсивную боль, чем она есть в действительности. И даже в этом случае, клиент обычно просит ассистентов усилить дискомфорт, больше того уровня, который кажется им приемлемым. Это, видимо, отражает тот факт, что первоначальная сила боли во много раз превосходит ту, которая причиняется извне, и клиент сам чувствует, что для завершения гештальта ему необходимо сознательно пережить всю полноту эмоций и ощущений, входящих в данную тему.

Ассистенты должны следовать за движением энергии и поощрять полное переживание и выражение всего, что происходит, пока испытатель не достигнет свободного от напряжения, приятного и ясного состояния ума. В это время уместен поддерживающий телесный контакт, особенно если переживание включает воспоминания раннего детства. Нужно выделить достаточно времени на интеграцию переживания и возвращение к обыденному сознанию. Средняя продолжительность такой работы - от получаса до полутора часов. Если невозможно достичь полного завершения гештальта, то правило предписывает заняться теми эмоциями и ощущениями, которые легко доступны без силовых маневров со стороны ассистентов. Затем, как только напряжение снова значительно возрастет, работу следует про-

должить; это может быть делом часов или дней. Пациенту предлагается сохранять открытыми каналы переживания и не позволять ситуации развиваться до того момента, где придется предпринимать чрезмерное усилие для контроля за возникающими эмоциями и ощущениями.

Вышеописанная техника особенно эффективна, когда нужно быстрое облегчение эмоциональных и психосоматических недомоганий, Я видел не раз, как люди, чье эмоциональное состояние с традиционной психиатрической точки зрения требовало госпитализации, буквально за пару часов достигали не только облегчения симптоматики, но и состояния активного благополучия и даже экстаза. Потенциал этого подхода в разрешении острых эмоциональных и психосоматических расстройств столь впечатляет, что я никогда не стал бы думать о госпитализации и о транквилизаторах, не попытавшись сначала его применить. И надо сказать, ценность этой техники выше сиюминутного облегчения. При систематическом продолжении, она становится мощным средством самоисследования и терапии. Если в традиционном психоанализе и связанных с ним формах вербальной терапии могут понадобиться месяцы и годы, чтобы добраться до воспоминаний ранних стадий детского развития, то здесь за несколько минут или часов пациенты зачастую способны не только вспомнить, но полностью пережить события своей ранней постнатальной жизни и даже эпизоды своего рождения.

Важным побочным следствием этой терапевтической стратегии является развитие у пациентов самообладания. Они очень быстро понимают, что могут помочь себе сами и что только они в состоянии это сделать. Такое понимание резко обрубает надежду на магическое вмешательство терапевта - на блестящую интерпретацию, интеллектуальное или эмоциональное раскрытие, совет или руководство. Всего за один такой эмпирический сеанс можно четко разобраться, в чем заключаются проблемы и что необходимо сделать для их проработки. Поэтому пациентов не просят верить во что-то, чего они не испытали непосредственно. Обнаруженные таким образом связи - не предмет мнения или догадки; они обычно настолько самоочевидны и убедительны, что пациент будет отстаивать их перед ассистентами, если те не согласятся.

Этот процесс можно в дальнейшем усилить и углубить правильным использованием музыки. Высококачественная стереофоническая музыкальная программа, специально подобранная и составленная, сама по себе может стать мощным инструментом самоисследования и терапии. Принципы акустического воздействия для расширения сознания были разработаны Элен Бонни (Bonny, 1973), бывшей сотрудницей Научно-исследовательского психиатрического центра в Кэтонсвиле (Мэриленд), где она принимала участие в психоделических исследованиях как музыкальный терапевт. Во время работы с психоделиками она узнала о способности музыки менять состояние сознания и разработала технику под названием "Направленное воображение с музыкой" (GIM, Guided Imagery with Music).

При соответствующей подготовке и интроспективном восприятии музыка способна вызывать мощные переживания и способствовать глубокому эмоциональному и психосоматическому высвобождению. Пробуждающая музыка дает многозначную динамическую структуру для переживания и создает постоянную несущую волну, которая помогает клиенту пройти через трудные эпизоды и тупики, преодолеть психологическую защиту и отдаться эмпирическому потоку. Она задает необходимое ощущение непрерывности и связности при смене различных состояний сознания. Иногда умелое использование музыки может способствовать и воссозданию конкретного содержания - агрессии, сексуальных чувств, эмоциональной или физической боли, экстатического восторга, космического расширения и океанической атмосферы в матке.

Для использования музыки в качестве катализатора глубинных переживаний в самоисследовании приходится отказаться от западного способа ее слушания - от дисциплинированной и интеллектуализированной атмосферы концертного зала, от бессодержательности акустического фона, характерной для записей публичной легкой музыки или фоновой музыки вечеринок, а также от динамичного и стихийного, но слишком экстравертного стиля рок-концертов. Клиентов просят принять расслабленное полулежачее положение на полу или на кушетке и полностью открыться потоку музыки. Нужно позволить ей резонировать во всем теле и дать себе возможность реагировать любым способом, какой кажется уместным, - плакать, смеяться, издавать любые звуки, двигать бедрами, извиваться или отдаться неистовой дрожи.

Применяемая таким образом, музыка становится очень мощным средством введения в необычные состояния сознания, которое можно использовать как независимо, так и в сочетании с другими эмпирическими техниками - например, при работе с телом, описанной вы-

ше. Для этого запись музыки должна быть высокого технического качества и достаточно громкой, чтобы увлечь слушателя. Самое важное правило - уважение к внутренней динамике переживания и подбор соответствующих ей музыкальных произведений, а не попытка воздействовать на ситуацию специально подобранной музыкой.

Еще одна мощная и чрезвычайно интересная техника самоисследования и самоисцеления использует активизирующее воздействие частого дыхания на бессознательное. Она основана на совершенно иных принципах, чем вышеописанная техника фокусированной абреактивной работы с телом. Тем не менее, несмотря на различия между ними, две эти техники кажутся совместимыми и взаимодополняющими. Подход, использующий работу с телом и музыку, проистекает из терапевтической традиции и сложился в контексте эмпирической работы с психиатрическими пациентами. В то же время в нем заложен потенциал, необходимый для проведения человека через биографическую сферу и уровень смерти-возрождения к трансперсональной области.

По контрасту, следующая техника по самой своей природе является процедурой духовной. Она наделена силой очень быстро открывать трансцендентальную сферу опыта. В этом процессе духовного раскрытия многие должны будут коснуться травматических областей биографического характера и пережить столкновение с рождением и смертью. И хотя здесь нет специального терапевтического акцента, исцеление и личностная трансформация происходят как побочный эффект этого процесса. Различные процедуры, использующие дыхательные приемы, сыграли важнейшую роль в некоторых древнеиндийских практиках, во многих других духовных традициях. Этот подход был вновь открыт Л. Орром и С. Рэй (Orr and Ray, 1977), и одна из его разновидностей в настоящее время используется в программах "Второго рождения" (rebirthing) под руководством Орра.

Наш собственный подход основан на сочетании интенсивного Дыхания и интроспективной ориентации. Пациента просят принять положение полулежа с закрытыми глазами, сосредоточиться на дыхании и удерживать режим дыхания более быстрый и эффективный, чем обычно. В этом контексте следует сразу пресекать отреагирование и внешние манипуляции. После периода времени, который длится у разных людей от сорока пяти минут до часа, напряжения в теле скорее всего образуют стереотипную схему мышечной брони и в конце концов с продолжением гипервентиляции высвободятся. Кольца сильного сжатия развиваются примерно там, куда индийская система Кундалини-йоги помещает центры психической энергии, чакры. Они приобретают форму интенсивного опоясывающего давления или даже боли во лбу или в глазах, сжатия горла с напряжением и странными ощущениями вокруг рта и сведением челюстей, тугих поясов в области груди, пупа и низа живота. Кроме того, в кистях и руках, а также в ступнях и ногах обычно происходят характерные сокращения, которые могут стать довольно болезненными. В клинической практике пациенты обычно проходят не через весь спектр сдавливаний и напряжений, а сталкиваются с индивидуальными паттернами их распределения, в которых ярко представлены одни области и совсем не задействованы другие.

В контексте медицинской модели такая реакция на гипервентиляцию (в частности, знаменитые карпопедальные спазмы - сокращения мышц кистей и ступней) считается обязательным физиологическим ответом на учащенное интенсивное дыхание и называется "синдромом гипервентиляции". Синдром связан с аурой тревоги, и с ним обычно справляются при помощи транквилизаторов, инъекций кальция и. когда это случается с невротиками (особенно при склонности к истерии), - с помощью бумажного пакета, надетого на лицо. Использование гипервентиляции для самоисследования и терапии доказывает, что эта точка зрения неверна. При продолжении дыхания области сжатия, как и карпопедальные спазмы, чаще всего релаксируют, и в конце концов человек достигает чрезвычайно мирного, безмятежного состояния с видениями света и ощущением любви и единения.

Часто в финале возникает глубокое мистическое состояние, которое может быть благотворным и значимым для испытателя. По иронии, рутинный психиатрический подход к случайным эпизодам спонтанной гипервентиляции мешает потенциальной терапевтической реакции невротических пациентов. В этой связи интересно упомянуть людей, у которых энергия Кундалини активизируется либо спонтанно, либо в результате шактипата - прямой передачи энергии от продвинутого духовного учителя. В Кундалини-йоге и Сидха-йоге. в отличие от современной психиатрии, такие эпизоды гипервентиляции и сопутствующих ей двигательных и эмоциональных проявлений (так называемых крийя) рассматриваются как процесс очищения и исцеления.

Во время гипервентиляции по мере нарастания напряжения и их постепенного исчезновения, полезно представлять усиление давления при каждом вдохе и освобождение при вы-

дохе. В это время у испытуемого могут возникать разнообразные мощные переживания - повторное проживание важных биографических событий детства или более поздней жизни, различные аспекты памяти биологического рождения и. очень часто, столкновение с явлениями из обширного спектра трансперсонального опыта. В холотропной терапии, которую мы используем в своей работе, сам по себе могучий эффект гипервентиляции еще больше усиливается использованием пробуждающей музыки и других звуковых средств. Примененные в поддерживающем контексте и после надлежащей подготовки, эти два метода усиливают друг друга и образуют, вне всякого сомнения, самое яркое средство изменения сознания, которое можно сравнить лишь с психоделическими препаратами.

Эффективность этой техники можно еще больше усилить в групповом контексте, когда участники образуют рабочие пары и попеременно становятся ситтерами (ассистентами) и испытуемыми. В этом случае опыт у тех и у других будет очень глубоким и значимым. Кроме того, роли ситтера и клиента, видимо, взаимно каталитичны, и работа в паре способна создать атмосферу цепной реакции. В группе случайно отобранных лиц по меньшей мере каждый третий способен достичь трансперсонального состояния сознания в течение часа на первом же сеансе. Очень часто участники рассказывают об аутентичном опыте эмбрионального состояния и даже зачатия, об элементах коллективного и расового бессознательного, об отождествлении с человеческими и животными предками или повторном проживании события прошлого воплощения. Часто происходят встречи с архетипическими образами божеств или демонов и сложные мифологические сцены. Спектр экстрасенсорных переживаний, доступный среднему участнику, включает проблески телепатии, опыт выхода из тела и астральных проекций.

В идеале не нужно ничего, кроме поддержания определенной схемы дыхания и полного раскрытия всему, что бы не происходило. При таком подходе многие заканчивают процесс в полностью разрешившемся, релаксированном состоянии глубоко духовного характера или, по крайней мере, мистических оттенков. Иногда глубокое дыхание может спровоцировать элементы отреагирования - крики, рвоту или кашель; это в частности свойственно тем, кто ранее проходил такие виды абреактивной терапии, как первичное лечение или некоторые неорайхианские подходы. Нужно дать абреактивным реакциям выразиться и как можно скорее вернуть испытуемого к контролируемому дыханию. Иногда гипервентиляция активизирует некую эмпирическую последовательность, но не приводит к ее успешному разрешению. В этом случае полезно не оставлять переживание незаконченным и воспользоваться для завершения гештальта абреактивным подходом.

Сочетание глубокого дыхания, пробуждающей музыки, фокусированной работы с телом и непредвзятого подхода с расширенной картографией психики превосходит, по моему опыту, эффективность любой другой немедикаментозной техники и заслуживает исключительного места в психиатрическом инструментарии.

Другая техника, которую следует упомянуть, это особое использование рисования мандал. И хотя эта техника, возможно, не очень ценна в качестве независимого терапевтического инструмента, она чрезвычайно полезна в соединении с другими эмпирическими подходами. Разработанная Джоан Келлог (Kellogg, 1978), психологом и арт-терапевтом из Балтимора, она успешно использовалась на сеансах психоделической терапии в Научно-исследовательском психиатрическом центре в Мэриленде. Пациент получал цветные мелки или фломастеры и большой лист бумаги с очертанием круга, его просили заполнить круг по собственному усмотрению - просто сочетанием цветов, фигурной композицией, или сложным рисунком.

Полученную в результате "мандалу" можно подвергнуть формальному анализу в соответствии с критериями, разработанными Келлог на основе ее работы с большими группами психиатрических пациентов. Можно ее использовать и как уникальное приспособление для взаимодействия и обмена переживаниями в малых группах. Кроме того, некоторые мандалы поддаются дальнейшей эмпирической работе с использованием практики гештальта, экспрессивного танца и другой техники. Метод мандалы можно применить для документирования сеансов с психоделиками или вышеупомянутых эмпирических подходов. Среди участников наших сеансов и четырехнедельных семинаров очень популярной стала привычка к ведению "дневника мандал", иллюстрирующего процесс самоисследования.

Графическая форма документирования опыта чрезвычайно полезна испытуемому и для передачи своего внутреннего состояния другим членам группы с возможностью его совместной проработки. Мы с женой используем трехшаговый процесс работы с мандалами; который, по нашему мнению, особенно эффективен. Группа из шести-восьми человек в узком кругу обсуждает мандалы, отражающие индивидуальные переживания на сеансах с гипер-

вентиляцией и музыкой. Каждого просят выбрать ту нарисованную другим членом группы мандалу, которая вызывает у него особенно сильную эмоциональную реакцию (все равно, позитивную, или негативную). После того как распределены все мандалы, члены группы продолжают работать поочередно с каждой из них.

Первый шаг - обсуждение мандалы человеком, который выбрал ее по силе своей эмоциональной реакции. После того как он закончит описание своей субъективной реакции, другой член группы добавляет свои наблюдения. Третий шаг - рассказ создателя мандалы о переживании, которое он стремился в ней выразить. Этот процесс требует полного понимания, что в комментариях членов группы их личные проекции неотделимы от того, что может оказаться точным и ценным интуитивным проникновением в ментальные процессы создателя.

Цель этого упражнения не в том, чтобы придти к "объективной" оценке и диагностике, а в том, чтобы способствовать личному психологическому процессу каждого из участников. При таком подходе работа с мандалой представляет уникальный катализатор самоисследования и межличностного взаимодействия. Для тех, кто выбрал мандалы друг друга, будет чрезвычайно полезно и продуктивно провести больше времени вдвоем, исследуя психодинамические факторы, лежащие в основе близости или антипатии, выраженных их выбором.

Другим мощным методом раскрытия является терапевтическая игра в песочнице, разработанная швейцарским психологом Дорой Кальф (Kalff, 1971), в прошлом ученицей Юнга. Пациент имеет в своем распоряжении прямоугольный ящик, наполненный песком, а также несколько тысяч маленьких фигурок и предметов, представляющих людей, животных, деревья и дома из различных стран и культур. Задача - создать индивидуальную символическую сцену, придать песку форму гор, долин или равнин, обнажить голубое дно ящика на месте рек, озер и прудов и завершить картину расстановкой фигурой и объектов по своему выбору. Не испытав на себе эту технику, трудно даже вообразить ее уникальную способность мобилизовать архетипическую динамику психики. Трансперсональный характер процесса хорошо виден в тенденции создавать эмпирическое поле, способствующее возникновению необычайных совпадений, синхронности. Через игру в песочнице глубокий бессознательный материал экстернируется и конкретизируется до такой степени, что его можно полностью прожить заново, проанализировать и интегрировать. Серия сеансов игры в песочнице дает возможность развить имеющиеся темы в мелких деталях, разрешить основополагающие конфликты и упростить бессознательную динамику личности.

Существует большое разнообразие других подходов, которые вполне совместимы с вышеописанными и в чем-то их дополняют. В отличие от традиционной психотерапевтической техники, процесс холотропной терапии уделяет основное внимание психосоматическим аспектам самоисследования. И хотя опора на телесные процессы подразумевается и в абреактивной технике и в дыхательном методе, специалисты могут и должны использовать другие методы, связанные с вовлечением тела в общий процесс. Эксперименты с такими техниками, как "эсаленский" и "полярный" массаж (Gordon, 1978), рольфинг (Rolf, 1977), акупунктура (Mann, 1973), фельденкрайсовские упражнения (Feldenkrais, 1972), психофизическая интеграция Трэйджера (Trager, 1982), тай-цзи, айкидо или различные формы танцевальной терапии, могут послужить ценным вкладом в процесс самоисследования. Полезным дополнением будут также физические упражнения, особенно походы, бег, плавание, работа в саду. Но надо отметить, что интеграция всех этих ориентированных на работу с телом подходов во всеобъемлющую программу личностной трансформации требует постоянного интроспективного акцента и широких концептуальных рамок, позволяющих включить весь спектр переживаний, которые могли бы произойти в контексте чисто телесных процедур.

Практика гештальта (Peris, 1976, 1976b) заслуживает исключительного внимания, поскольку ее основные принципы очень близки вышеописанным. Работа с гештальтом в особенности адекватна технике холотропической терапии. Она может быть чрезвычайно полезной в завершении или дальнейшем исследовании тем и вопросов, которые вышли на поверхность в сеансах, сочетающих дыхание, музыку и работу с телом. Уже говорилось о модификациях практики гештальта, необходимых для ее полной совместимости с защищаемой здесь стратегией. Дополнительные раскрывающие подходы, которые могут оказаться полезными, - это психосинтез Ассаджиоли (Assagioli, 1976) и управляемое аффективное воображение (Guided Affective Imagery) Лойнера (Leuner, 1977; 1978).

Следует также подчеркнуть, что излагаемому здесь подходу не противостоят разнообразные техники медитации и другие формы духовной практики. Если психотерапевтическая система признает перинатальный и трансперсональный уровни психики, она сразу преодолевает разрыв между психологией и мистицизмом, становится совместимой с духовной

практикой, ее дополняющей. Я сам наблюдал, что в таких разнообразных системах, как бразильская умбанда, ритуалы американских индейцев, церемонии мексиканских племен гуичолей и масатеков, интенсивные курсы покойного учителя сиддха-йоги Свами Муктананды, духовные и религиозные по преимуществу события могут обладать мощным целительным воздействием и без труда интегрироваться с глубинным самоисследованием и терапией, как описывается здесь.

Кроме этого, в качестве источника информации о развитии и трансформации личности необычайно полезной может оказаться транзитная астрология - дисциплина, отвергнутая и осмеянная ньютоно-картезианской наукой. Долго объяснять, почему и как астрология может стать замечательной системой координат. Эта возможность кажется совершенно бессмысленной с точки зрения механистической науки, которая рассматривает сознание как эпифеномен материи. Однако астрология была бы вполне логичной и понятной для подхода, в котором сознание есть первичный элемент Вселенной, вплетенный в саму ткань существования, а архетипические структуры признаются как нечто предшествующее явлениям в материальном мире и определяющее их. Впрочем, эта тема настолько сложна, что требует отдельного рассмотрения⁶⁷.

Такой длинный список рекомендуемых подходов может поначалу показаться терапевтической анархией. По-видимому, все большее число лиц, принимающих участие в движении за человеческие возможности, переходят от одной разновидности терапии к другой, не задерживаясь достаточно долго ни на одной из них, и не получают поэтому никакой пользы. Они, конечно, представляют собой пугающий пример терапевтической эклектики. Однако зло такого "терапевтического промискуитета" заключается не в экспериментировании с различными подходами, а в неумении видеть в них отдельные элементы или этапы в процессе самоисследования, а не чудодейственную панацею. Таким образом, нездоровым является не интерес к экспериментированию с различными подходами как таковой, а нереалистичные ожидания и некритичное доверие, за которыми следует столь же сильное разочарование. Все новые подходы могут стать чрезвычайно полезными и синергичными, если видеть в них всего лишь фрагменты общей мозаики и относиться к жизни как к непрерывному приключению самоисследования и поисков знания.

В качестве иллюстрации хотелось бы упомянуть о наших наблюдениях в ходе четырехнедельных курсов экспериментальной обучающей программы, которую мы с женой проводили в Эсаленском институте в Биг-Суре. Я задумал эти семинары более десяти лет назад, первоначально как возможность для профессионалов и студентов из США и других стран встретиться с лидерами гуманистических и трансперсональных исследований во всем их разнообразии и за сравнительно короткое время познакомиться с их концепциями и техникой. Занятия семинаров объединяют в себе лекции и их обсуждение, эмпирические упражнения, групповой процесс, работу с телом, эксперименты с различными средствами изменения сознания, показ слайдов и фильмов. Каждый из этих семинаров имеет свою отдельную тему, связанную с современными исследованиями сознания, революцией в области психотерапии и сдвигом научной парадигмы. Они проводятся силами сотрудников Эсаленского института при участии большого числа приглашенных преподавателей, специально подобранных по конкретным темам. Общую ориентацию семинаров можно представить по названиям нескольких недавних сессий: шизофрения и сознание визионера; холистическая медицина и практика целительства; карты сознания; новые подходы к рождению, сексу и смерти; области бессознательного в человеческой психике; энергия - физическая, эмоциональная и духовная; альтернативы будущего; рубежи науки; паранормальная разумность; феноменология мистических поисков; эволюция сознания-перспективы исследования внутреннего и внешнего космоса.

На занятиях участникам были предложены лекции, расширяющие их концептуальный горизонт, эмоционально стимулирующие слайды и фильмы, холистическая интеграция и другие мощные эмпирические техники, интенсивная работа с телом, групповой процесс, некоторые ритуалы с участием шаманов. Следует подчеркнуть, что все это происходило в напряженной, эстетически изысканной атмосфере Эсаленского института, в местности, славящейся горячими минеральными источниками. Среди приглашенных преподавателей были ученые - Грэгори Бейтсон, Джозеф Кэмпбел, Фритьоф Капра, Майкл Харнер, Джин Хьюстон, Стэнли Кришнер, Ральф Мецнер, Аджид Мукерджи, Карл Прибрам, Руперт Шелдрейк, Хьюстон Смит, Рассел Тарг, Чарльз Тарт и Гордон Вассон, лидеры движения за чело-

⁶⁷ - Выходящая в свет книга Ричарда Тарнаса служит уникальным источником информации о транзитной астрологии. Превосходным учебником по транзитной астрологии является книга Роберта Хэнда "Планеты в движении" (Hand, 1976).

веческие возможности - Джон Хайдер, Майкл Мерфи, Ричард Прайс и Уилл Шутц, а также известные экстрасенсы, восточные и западные духовные учителя, североамериканские и мексиканские шаманы.

Такой формат семинара, первоначально задуманного как средство инновационного образования, оказался самым мощным инструментом личностной трансформации из всех, какие мне когда-либо доводилось испытывать на себе или наблюдать, если не считать психоделических сеансов. В систематической терапевтической работе, ограниченной каким-то одним видом техники, пациент слишком быстро осваивает ее язык и правила, через какое-то время научается сводить ее к терапевтической игре и проходит весь курс по существу без глубоких перемен. А в формате Эсалена, объединяющем многообразие выбранных в случайном сочетании подходов, люди неожиданно для себя испытывают самое разное воздействие со всевозможных сторон, и это происходит в поддерживающем окружении, где поощряются глубинное проникновение в опыт и самоисследование.

В таких условиях мощные процессы трансформации становятся возможными в любой час дня или ночи. Если посвятить самоисследованию все свое время на какой-то ограниченный период, это оказывается гораздо более эффективным, чем обычное, навязанное со стороны психотерапевтическое расписание кратких встреч. Последние вряд ли совпадут с тем временем, когда психологическая защита особенно низка, кроме того, их форма не позволяет процессу развиваться достаточно глубоко и длительно. На эсаленских месячных семинарах мы постоянно использовали технику и стратегии, описанные в этой главе. Множество писем от бывших участников свидетельствует о том, что такой четырехнедельный опыт может пробудить глубинные процессы трансформации и оказать продолжительное влияние на всю жизнь (Чтобы иметь право использовать холотропное дыхание в клинике, специалистам необходимо пройти полное обучение этому методу у Станислава и Кристины Гроф, что занимает обычно 2-3 года. Начальный курс этого обучения можно прослушать в Московском трансперсональном центре. - Прим. ред.).

Цели и результаты психотерапии

Традиционное определение психической нормальности и душевного здоровья связано с фундаментальным постулатом перцептуальной, эмоциональной и когнитивной совместимости с ньютоно-картезианской картиной мира, которая рассматривается не просто как важная прагматическая структура, а как единственное точное описание реальности. Конкретнее, это означает эмпирическое отождествление с собственным физическим телом или с так называемым образом тела, принятие трехмерного пространства и необратимого линейного времени в качестве объективных и обязательных координат существования, а также ограничение собственных источников информации сенсорными каналами и записями на материальном субстрате центральной нервной системы.

Другим критерием точности в восприятии реальности является возможность согласованного подтверждения другими людьми, пребывающими в здравом рассудке и нормально функционирующими (по приведенному выше определению). Если данные, согласованные между двумя или несколькими лицами, будут серьезно отклоняться от общепринятого образа реальности, разделяемое ими восприятие по-прежнему будет рассматриваться в терминах патологии - *folie a deux* (помешательство вдвоем), *folie a famille* (семейное помешательство), предрассудки, массовая суггестия, групповая иллюзия или галлюцинация. Незначительные индивидуальные искажения самовосприятия и восприятия других могут в этом смысле характеризоваться как невроты, если они не бросают серьезного вызова самым существенным ньютоно-картезианским постулатам. Субстанциальные и критические отклонения от согласованного описания реальности будут именоваться психозами.

Душевное здоровье определяется отсутствием психопатологии или психиатрического "заболевания"; оно не требует активного наслаждения существованием или благодарности жизненному процессу. Лучше всего это можно иллюстрировать известной формулировкой Фрейда о цели психоаналитической терапии: заменить крайнее невротическое страдание пациента нормальным несчастьем повседневной жизни. В этом смысле человек, влачащий отчужденное, несчастливое, никому не нужное существование, в котором преобладают потребности к излишней власти, состязательность и ненасытные амбиции, будет тем не менее подпадать под широкое определение душевного здоровья, если он не страдает клиническими симптомами или не проявляет их. Кроме того, при общем отсутствии ясности в критериях душевного здоровья некоторые авторы включают сюда такие внешние показатели, как

колебание достатка, изменение профессионального и социального статуса и "житейскую приспособляемость".

Современные исследования сознания уже накопили массу данных, указывающих на неотложную необходимость пересмотреть такой подход. Новое определение здорового функционирования должно включать в качестве критического фактора признание и культивирование двух взаимодополняющих сторон природы человека - его существование в качестве отдельной материальной сущности и в качестве потенциально безграничного поля сознания. Я уже описывал два соответствующих этим сторонам эмпирических модуса сознания - *хилотропический* и *хилотропический*. В соответствии с этой концепцией "умственно здоровый" человек, функционирующий исключительно в хилотропическом режиме, хотя и не проявляет клинических симптомов, отрезан от жизненно важного аспекта своей природы и не функционирует сбалансированно и гармонично. Человек с такой ориентацией опирается на линейное понятие о существовании, в котором преобладают программы выживания, он смотрит на жизнь с точки зрения ограниченных приоритетов: я, мои дети, моя семья, моя фирма, моя религия, моя страна, моя раса, и не способен видеть и испытывать объединяющий холистический контекст.

Такой человек мало способен получать удовольствие от своей повседневной деятельности и вынужден поэтому прибегать к сложным схемам, связанным с планами на будущее. Возникает подход к жизни, основанный на ощущении ущербности, на неспособности вполне радоваться тому, что есть, и на болезненном осознании нехватки. Такая общая стратегия жизни характерна для конкретных людей и конкретных обстоятельств, но, в конечном счете, представляет собой подвижный паттерн, лишенный конкретного содержания. Значит, он вполне может сработать и при крайних размерах богатства, власти, славы и способен менять свои конкретные формы по мере изменения условий. Человеку, в жизни которого доминирует такой механизм, всего не хватает, никакое обладание и никакое достижение не принесут ему подлинного удовлетворения.

Тогда, если цель раз за разом не достигается, продолжающаяся неудовлетворенность рационализируется и воспринимается как неумение создать желанный набор условий. Но даже если проект удастся, это все равно не приносит желаемого эмоционального результата. В этом случае причиной неудачи считается неправильный выбор или недостаточная значительность избранной цели - проект заменяется еще более амбициозным. Это приводит к тому, что сами индивиды называют "крысиной возней", "битьем головой о стену", - к эмоциональной жизни, заполненной фантазиями о будущем, и к веренице проектов, выполнение которых никогда не приносит чувства завершенности. В экзистенциалистской литературе это называется "авто-проецированием". Жизнь такого человека наполнена ощущением бессмысленности, бесполезности и даже абсурдности, которое не устраняется никаким видимым успехом. И часто бывает, что в таких условиях большой успех влечет за собой глубокую депрессию - полную противоположность тому, что ожидалось. Джозеф Кемпбэл так описывает эту ситуацию: "добраться до вершины лестницы и обнаружить, что она стоит не у той стены".

Существованию личности, чей эмпирический мир ограничен лишь хилотропическим модусом, свойственна неаутентичность. Она характеризуется отсутствием подлинности, избирательным фокусом на преследовании целей и неспособностью воспринимать жизненный процесс с благодарностью. Типичными чертами такого способа бытия в мире являются излишняя занятость прошлым и будущим, недостаточное осознание настоящего момента и исключительное внимание к манипуляциям во внешнем мире, связанное с крайним отчуждением от внутреннего психологического процесса. Болезненное осознание ограниченного диапазона жизни для всех проектов, которые нужно осуществить, чрезмерная потребность контролировать, неспособность вынести непостоянство и старение, глубоко скрытый страх перед смертью являются важными дополнительными атрибутами.

Спроецированный на социальную и глобальную ситуацию, этот модус переживания фокусирует внимание на внешних показателях и на объективных параметрах, видя в них "индексы уровня жизни и благополучия". Появляется тенденция мерить качество жизни объемом материального производства и обладания, а не характером жизненного опыта и не субъективным ощущением удовлетворения. Более того, такая философия и стратегия жизни считается естественной и логичной. Характерные черты этого подхода - близорукая тяга к безграничному росту, эгоистическая и состязательная ориентация, неуважение к природным циклам и холистическим взаимозависимостям - укрепляют и усиливают одна другую. А вместе они намечают роковую траекторию с ядерной катастрофой и тотальным экологическим бедствием в качестве логических альтернатив будущему планете.

В сравнении с этим, человек в холотропическом модусе сознания неспособен адекватно относиться к материальному миру как к обязательной и наиважнейшей системе координат. Прагматическая реальность повседневной жизни, мир твердых материальных объектов и раздельного существования воспринимается как иллюзия. Неспособность отождествиться с телесным Эго и ощущать себя отдельным существом, четко отличимым от тотальности космической сети, приводит к отрицанию основных правил, соблюдение которых необходимо для продолжения существования отдельного организма. Это может выразиться в пренебрежении личной безопасностью, элементарной гигиеной, пищей и водой или даже кислородом. Потеря индивидуальных границ, пространственных и временных координат, адекватной связи с реальностью представляет значительную угрозу выживанию. Экстремальные формы холотропического модуса (такие, как отождествление с Универсальным Разумом и Сверхкосмической Пустотой) полностью противоположны сознанию, ориентированному на материю и телесное Эго. основополагающее единство всего существования, трансцендирующее время и пространство, является единственной реальностью. Все предстает совершенным, как оно есть; нечего делать и некуда идти. Никаких потребностей нет или они полностью удовлетворены - человек, погруженный в холотропический эмпирический модус, нуждается во внимании других людей, заботящихся о его основных потребностях, примером чему служат многочисленные рассказы об учениках, ухаживающих за своими учителями во время самадхи или сатори.

С учетом всего сказанного можно вернуться к проблеме душевного здоровья. В отличие от традиционной психиатрии с ее простой дихотомией "душевное здоровье - душевное заболевание" мы имеем для рассмотрения несколько важных критериев. На первом шаге надо исключить органические болезни, которые могли бы быть причиной, способствующими факторами или пусковыми устройствами эмоциональных и поведенческих расстройств. Если при обследовании обнаружено заболевание в медицинском смысле слова, например воспаление, опухоль или нарушение кровообращения в мозге, уремия, острые гормональные нарушения и т. п., то пациенту нужно безусловно рекомендовать специальное медицинское лечение.

Рассмотрев состояние здоровья пациента, мы встаем перед проблемой оценки двух описанных выше модусов и их комбинаций.

Согласно нашей концептуальной структуре, индивиду, живущему исключительно в холотропическом модусе, лучше подойдет определение "низшего душевного здоровья", даже если он не проявляет психопатологических симптомов в традиционном смысле слова. Этот модус сознания в крайней своей форме связан с материалистическим и атеистическим отношением к существованию, подразумевает подавление животворных аспектов бытия и крайне несовершенен, деструктивен и саморазрушителен.

Опыт холотропического сознания следует рассматривать как проявление свойственного человеческой природе потенциала, и сам по себе он не составляет психопатологии. Когда такое переживание встречается в чистом виде и в соответствующих обстоятельствах, оно может стать исцеляющим, развивающим и преобразующим. Оно может быть чрезвычайно ценным как промежуточное состояние, за которым следует процесс хорошей интеграции, но его нельзя совместить с потребностями повседневной реальности. Его ценность решающим образом зависит от ситуации, от того, как индивид способен его принять и конструктивно интегрировать.

Два модуса могут взаимодействовать так, что будут мешать повседневной жизни или же будут гармонично сливаться и усиливать жизненный опыт. Невротические и психотические явления можно рассматривать как результат неразрешенного конфликта между двумя модусами, как компромиссные образования и "шум на границе взаимодействия". Перцептуальные, эмоциональные, понятийные, психосоматические и другие аспекты психопатологических явлений, проявляющиеся как непостижимые искажения логичного и приемлемого способа реагирования на существующие материальные обстоятельства, будут совершенно понятны как интегральные части холотропического гештальта, который стремится к проявлению.

Это становится ясным испытателю, как только тема, лежащая в основе симптомов, полностью пережита и интегрирована. Иногда в переживание вторгаются сюжеты из другого временного контекста, например, из детства, биологического рождения, внутриутробного существования, истории предков, эволюции, предыдущего воплощения. В другом случае оно будет включать трансценденцию обычных пространственных барьеров; тогда опыт принимает форму сознательного отождествления с другими людьми, различными животными формами, растениями или неорганическими материалами и процессами.

В некоторых случаях возникающая тема не имеет никакого отношения к феноменальному миру и привычным временным и географическим координатам, а представляет различные переходные образования, которые характеризуют уровни реальности, лежащие между недифференцированным космическим сознанием и существованием индивидуальной материальной формы. Яркие столкновения или полное отождествление с архетипическими сущностями в юнговском смысле, участие в драматичных мифологических эпизодах можно отнести к этой категории.

Основной принцип разрешения симптомов - полное эмпирическое смещение в соответствующую холотропическую тему; это требует особого контекста и необусловленной терапевтической поддержки на всем протяжении необычного переживания. Когда процесс завершен, пациент автоматически возвращается к обыденному сознанию. Полноценное переживание в холотропическом модусе облегчит или устранил симптом, но в результате этого ослабнет философская приверженность человека к холотропическому режиму. Когда лежащий в основе гештальт выливается в мощное перинатальное или трансперсональное переживание, это зачастую приводит к процессу духовного раскрытия.

Новый подход к проблеме психогенных эмоциональных расстройств, основанный на расширенной концепции личности, отказывается от навешивания психопатологических ярлыков на содержание человеческого опыта. Наша позиция основана на факте, что многие из переживаний, считавшихся ранее психотическими, можно легко вызвать у наугад отобранных людей - и не только при помощи психоделических препаратов, но и такими простыми методами, как медитация и гипервентиляция.

Кроме того, стало очевидным, что относительная частота спонтанного возникновения таких явлений гораздо выше, чем предполагалось в ортодоксальной психиатрии. Использование позорящих диагнозов, насильственная госпитализация в запертых палатах, устрашающие формы терапии отбили у огромного числа людей охоту признаться даже близким и друзьям в том, что у них были перинатальные и трансперсональные переживания. В таких условиях психиатрия поддерживала искаженное представление о природе человеческого опыта.

Гармоничное соединение двух модусов не искажает внешнюю реальность, а придает ей мистический аромат. Человек, вовлеченный в подобный опыт, способен взаимодействовать с миром так, словно тот сделан из твердых отдельных объектов, но не путает это прагматическое отношение с предельной истиной о реальности. Он переживает многие дополнительные измерения опыта, действующие как бы за сценой, и философски вполне осознает наличие самых разных альтернатив обыденной реальности. Такая ситуация имеет место, когда индивид соприкасается с холономическими аспектами реальности, но в поле его переживаний нет конкретных холотропических гештальтов.

Понятие "высшего психического здоровья" или подлинного душевного здоровья следует применять к тем лицам, которые достигли сбалансированного взаимодействия обоих взаимодополняющих модусов сознания. Они знакомы и освоились с ними, признают и могут использовать их с достаточной гибкостью и различием в зависимости от обстоятельств. Для полноценной и здоровой жизни в этом смысле абсолютно необходима философская трансценденция дуализма, в частности, дуализма части и целого. Человек подходит к повседневной реальности с предельной серьезностью, с полной личной и социальной ответственностью и в то же время осознает относительную ценность такой перспективы. Отождествление с Эго и с телом происходит по своей воле и выбору, оно не безусловно, не абсолютно и не принудительно. Это не чревато страхом, потребностью контролировать и подчиненностью иррациональным программам выживания; принятие материальной реальности и существования прагматично, а не философично. В универсальной схеме глубоко осознается значимость духовного измерения.

Индивид, испытавший и интегрировавший значительное количество холотропического материала, имеет возможность видеть человеческую жизнь и существование в перспективе, выходящей за рамки мировоззрения среднего жителя Запада, "нормального" по меркам традиционной психиатрии. Уравновешенная интеграция двух взаимодополняющих аспектов человеческого опыта ориентируется на жизнеутверждающее отношение к существованию - не к status quo или к каким-то отдельным аспектам жизни, а к космическому процессу во всей его тотальности, к общему жизненному потоку. Интегральной частью здорового функционирования будет способность довольствоваться простыми и обыденными аспектами повседневной жизни, природой, людьми, человеческими отношениями или занятиями, а также едой, сном, сексом и другими физиологическими процессами тела. Такая способность ценить жизнь стихийна и органична; по своей сути она не зависит от внеш-

них условий жизни, за исключением некоторых суровых крайностей- Ее можно почти целиком свести к радости существовать, обладать сознанием. Если человек находится в таком расположении духа, любые другие прелести жизни - подпитывающие взаимоотношения, обладание деньгами и материальными ценностями, хорошие рабочие условия, возможность путешествовать - будут восприниматься как сверхроскошь. А когда такого отношения к жизни и такого эмпирического настроя нет, никакой внешний успех и никакие материальные достижения их не заменят.

Хорошая интеграция хилотропического и холотропического модусов позволяет осуществить полную связь с событиями материального мира, но при этом видеть в них процессы со своим полноценным участием, а не средство достижения конкретных целей. Внимательность к настоящему моменту перевешивает озабоченность прошлым или беспокойство о будущем. Осознание цели присутствует в полностью переживаемых успешных делах, но не становится доминантой до тех пор, пока работа не завершена. Поэтому содержанием настоящего момента будет празднование и удовольствие от достигнутого.

Общее жизнеутверждающее отношение к существованию создает метаструктуру, которая предоставляет возможность интегрировать в позитивном свете даже тяжелые стороны жизни. В такой связи, отношение к тому, что традиционная психиатрия рассматривает как симптомы душевного заболевания, важнее наличия или отсутствия этих симптомов. Здоровое отношение будет рассматривать их как интегральные аспекты космического процесса, которые могут нести в себе великую возможность для личностного роста и духовного раскрытия при условии, что к ним найден правильный подход и что они правильно интегрированы. В каком-то смысле они указывают на возможность освободиться от неудовлетворяющей и уродующей гегемонии хилотропического модуса сознания.

Проявление психогенных форм психопатологии будет указанием на то, что индивид достиг той точки, где продолжение одностороннего существования в хилотропическом модусе стало невозможным. Они возвещают о возникновении специфически холотропических элементов и отражают сопротивление им. Психиатрия, ориентированная на подавление симптомов и возвращение человека к смиренной рубашке неподлинного существования, является, следовательно, по своей сути антитерапевтической. Она вмешивается в процессы, которые при поддержке и завершении могли бы привести к более полному и удовлетворяющему способу существования в мире.

Новое определение того, что нормально, а что патологично. подразумевает не содержание и природу переживания, а стиль обращения с ним в контексте подлинной поддержки, основанной на понимании процесса; самым важным критерием в таком случае становится качество интеграции опыта в личной жизни. Огромный вклад А. Мэслоу в психологию заключался в показе того, что некоторые мистические, "пиковые" переживания не следует считать патологией, что к ним можно подойти позитивно (Maslow, 1964). Это понятие теперь можно расширить на все перинатальные и трансперсональные явления.

Совершенно необходимо, однако, создать для этого специальные обстоятельства и среду для встречи таких переживаний, где условия и правила отличались бы от условий и правил повседневной жизни. Полная конфронтация с возникающим материалом в рамках поддерживающей ситуации с возможной помощью вышеописанных специальных способствующих техник высвободит повседневное существование человека от агонии и хаоса, создаваемых конкурирующими эмпирическими модусами. В новом подходе психогенные расстройства отражают путаницу между хилотропическим и холотропическим модусами сознания, неспособность справиться с возникающим холотропическим материалом и интегрировать его в повседневный опыт материального мира. Общая стратегия, которой следует придерживаться, состоит в том, чтобы полностью эмпирически погрузиться в вышедшую на поверхность тему и по ее завершении вернуться к распутанному и полному переживанию настоящего времени и места. Систематическое применение в жизни этого принципа и открытость диалектическому и гармоническому взаимодействию между двумя базисными модусами сознания являются, по всей видимости, необходимыми предпосылками подлинного душевного порядка и ментального здоровья.

Эпилог

СОВРЕМЕННЫЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС И БУДУЩЕЕ ЭВОЛЮЦИИ СОЗНАНИЯ

Данные, полученные на ЛСД-сеансах, в эмпирических подходах к самоисследованию и в разнообразной религиозной практике, выходят далеко за рамки психиатрии, психологии и психотерапии. Многие из новых прозрений затрагивают явления ключевой важности, спо-

собные определить будущее всего человечества и жизни на планете. Сюда относится новое представление о силах, которые влияют на историю, содействуют динамике социально-политических движений и питают творческие достижения человеческого духа в искусстве, философии и науке. Этот материал также позволяет увидеть в новом свете многие неясные моменты в истории религии, так как дает возможность четко отличить подлинный мистицизм и подлинную духовность от традиционных религиозных течений и господствующей церкви.

Ясно, что эта тема слишком объемна, и подробное обсуждение соответствующих вопросов заняло бы отдельный том. Здесь я хотел бы предложить лишь общий обзор новых взглядов на проблему, которая для всех нас имеет решающее значение, - проблему нынешнего глобального кризиса. С этим намерением я вначале обращусь к некоторым новым данным, связанным с перинатальной и трансперсональной сферами истории человечества, а затем более подробно сосредоточусь на вопросах, касающихся положения дел в мире и будущего эволюции сознания.

Одна из центральных тем человеческой истории - агрессия и склонность к убийству в отношении других рас, наций, религиозных и социальных групп, кланов, семей, отдельных лиц или даже близких родственников. Мы уже обсуждали новый взгляд на перинатальные и трансперсональные корни злостной агрессивности. Ценность данных, полученных при глубинных эмпирических исследованиях, становится еще более очевидной, когда мы переходим от индивидуальной психопатологии к миру массовой психологии и социальной патологии. Многие из тех, кто занимается глубинным самоисследованием, часто переживают ситуации военных действий, кровавых революций, тоталитарных режимов, концентрационных лагерей и геноцида.

Тема войны является типичным и характерным аспектом эмпирических сеансов с перинатальным содержанием. Исторический период, географическое положение, тип вооружения и техники, а также специфические черты битвы могут меняться в широком диапазоне. Многие рассказывали о жестоких сражениях пещерных людей и дикарей, употреблявших каменное оружие и дубины, о древних битвах с участием колесниц и боевых слонов, о средневековых сражениях конных рыцарей в латах, о войнах, где применялись такие новшества, как лазер и ядерное оружие, и о смертоносных схватках будущего, в которых принимали участие межзвездные корабли разных солнечных систем и галактик. Сила и размах этих военных сцен и соответствующих переживаний обычно превышают уровень, который прежде считался переносимым для человека. Хотя общий контекст этих переживаний обеспечивается перинатальными матрицами, их специфическое содержание часто включает трансперсональные явления.

В переживаниях людей, которые действительно воевали или же испытали военные действия на себе как мирные жители, воспоминания о тех временах часто живо воссоздаются одновременно с военными сценами, относящимися к различным историческим периодам, в которых они не могли участвовать лично. Иногда их воображение черпает образы из мифологии различных культур и архетипических сфер; разрушительный потенциал, который высвобождается при переживании этих сцен, может превосходить все мыслимое в пределах феноменального мира. В этом смысле типичны сцены восстания титанов против олимпийских богов, битва светлых сил Ахурамазды против темных сил Аримана, гибель нордических богов в Рагнареке, архетипические сцены полного разрушения Апокалипсиса и Армагеддона.

Две перинатальные матрицы, обеспечивающие почти весь военный символизм - это БПМ-II и БПМ-III. Для целей нашего изучения важно установить главное различие между ними. Обе они тесно связаны с темой ужаса, агонии и смерти, и обе обычно ассоциируются с образным рядом войны и концентрационных лагерей. А отличает их эмпирический акцент и характер ролей, которые отводятся испытателю. Человек, который находится под влиянием БПМ-II, участвует в сценах насилия как беспомощная жертва, тогда как на нападающей стороне всегда выступают другие лица. Он переживает бесконечные мучения, выступая в роли погребенных под останками разрушенных домов мирных жителей во время воздушных налетов, селян, усадьбы которых уничтожаются безжалостными захватчиками, матерей и детей, попавших под действие напалма, солдат, атакованных отравляющими газами заключенных концентрационных лагерей. Общая атмосфера таких сцен связана с горем, отчаянием, мукой, безнадежностью и абсурдностью человеческого существования.

Природа военных переживаний, связанных с БПМ-III, совершенно иная. Хотя актуальный образный ряд может быть тем же, индивид не отождествлен исключительно с угнетенной и растоптанной жертвой. Ему доступен опыт эмоций и телесных ощущений агрессора

или тирана, и одновременно он может выступать в роли наблюдателя. Переживая эту матрицу можно побывать во всех ролях но основной акцент остается на взаимосвязи протагонист и их взаимодействии друг с другом. Преобладающей эмоциональной атмосферой будет необузданное инстинктивное возбуждение наряду с агрессивностью, страхом, сексуальным волнением, странной очарованностью, необычной смесью боли и удовольствия, а также скатологическим компонентом.

Нашему обсуждению будет полезно сравнение эмпирических характеристик этих двух матриц с биологическими ситуациями, к которым они относятся, - с первой и второй стадиями родов. Вторая матрица, которая связана с первой стадией родов, переносит в атмосферу блокады и энергетического застоя. Кажется, что заново проживающий ее человек способен испытывать только эмоции и ощущения жертвенного ребенка со всеми психологическими нюансами и оттенками этого состояния.

БПМ-III которая включает элементы проталкивания через родовый канал: ассоциируется с определенной силой энергетического потока Тот кто сталкивается с этой стадией рождения, может эмпирически отождествляться не только с ребенком, но и с рожает щей матерью и с родовым каналом, включая все соответствующие и поводящие роли и темы. Интересно узнать на собственном опыте что все главные эмпирические аспекты БПМ-III находят свое идеальное выражение в военном контексте психоделических сеансов; нет необходимости подчеркивать, что это так и в случае фактических военных действий. Действительно, трудно поверите чтобы такая связь носила чисто случайный характер и не имела глубокой психологической значимости.

Титанический аспект представлен монументальной военной техникой, использующей и высвобождающей невиданную энергию, начиная с гигантских камнеметателей и таранов древних армий и кончая колоссальными танками, амфибиями, броненосцами, летающими крепостями и ракетами. Атомное и термоядерное оружие имеет по-видимому особое символическое значение, что будет обсуждаться позднее.

Садомазохистский аспект БПМ-III является, конечно, характерным признаком любой военной ситуации; однако отчетливее всего он присутствует в ситуации рукопашного боя, где равно возможно причинить боль и испытать ее, что может происходить одновременно - например в сценах борьбы, бокса, боя гладиаторов, корриды, сражений неандертальцев, туземных битв, средневековых сражений со щитом и мечом, рыцарских поединков и штыковых атак времен первой мировой войны. Очевидно, существует близкая параллель между такой тесной, кровавой схваткой двух воинов и симбиотическим взаимодействием матери и ребенка в процессе родов. В обоих случаях главные участники заперты в безвыходной ситуации на грани жизни и смерти, причем каждый одновременно причиняет и испытывает боль. Особенно важным кажется тот факт, что кровь, проливаемая с обеих сторон, смешивается.

Иногда участники ЛСД-сеансов упоминают о других формах кровавого противоборства, которые кажутся связанными с динамикой БПМ-III. Отношения и взаимосвязь между партнерами садомазохистской практики уже обсуждались. Другим интересным примером являются отношения между первосвященниками и их жертвами в доколумбовой Америке. У ацтеков такие отношения носили ярко выраженный родственный характер и подразумевали близкий душевный контакт. На фресках в древнем центре майя Бонампаке, где представлена церемония принесения в жертву, показано, как жрецы прокусывают себе языки, чтобы их кровь смешивалась с кровью убиваемых жертв. Мы уже обсуждали глубокое психологическое родство инквизиторов с колдунами и ведьмами, которых они преследовали. Садиистские методы инквизиции, пыточные камеры, отвратительные орудия пытки, аутодафе, а также интерес к сексуальному и скатологическому поведению жертв по существу отражают ту же глубинную мотивационную структуру, которая заложена в отпавлении Черной мессы и ведьмовском Шабаше.

За последние годы отчеты о кровавых мятежах в некоторых американских тюрьмах выявили другую характерную пару, а именно, заключенного и охранника. Бесчеловечная природа мятежей может показаться совершенно непонятной и загадочной психиатрам и психологам, обученным по Фрейду, или сторонникам бихевиоризма, которые пытаются объяснить такое поведение на основании биографического материала. Но это совсем не удивительно для любого, кто имеет даже весьма поверхностное представление о перинатальной динамике. Мятежи явно спровоцированы тюремными условиями, активизирующими перинатальный материал, - в том числе жестоким обращением и скученностью, - и поведение бунтовщиков несет в себе классические перинатальные черты. Недавнее расследование по-

ведения полицейских (в частности, нередких случаев превышения ими власти) также дает интересный материал о психологической сцепке между полицейскими и преступниками..

Есть еще два примера с большим социальным и историческим значением - тиран-диктатор и революционер, а также ультраправый политик и левый радикал (обе пары будут обсуждаться ниже в контексте политических переворотов и революций). Во всех случаях протагонисты этой схватки захвачены деструктивным взаимодействием и психологическим порабощением, независимо от того, в какой роли они выступают - жертвы или агрессора. Можно сказать, что в каком-то смысле они создают друг друга, питая действия другой стороны по отношению к себе. Окончательным выходом из каждой ситуации (его предлагают многие из духовных путей и транс персональная психология) будет не выигрыш или победа, а шаг в сторону от психологической привязанности к "нашим и вашим" и продвижение к синергетической стратегии.

Сексуальный аспект БПМ-III выражается в военное время различными путями. В широких слоях населения обычно наблюдается моральное и сексуальное разложение, а также повышенный интерес к эротической активности. Сходный эффект просматривается в ситуациях крупных стихийных бедствий и эпидемий. Речь идет о психологии по принципу *avant deluge* ("после нас хоть потоп" - франц.) или *carpe diem* ("лови момент" - лат.), и это обычно интерпретируется как реакция на неминуемость смерти. Уже подчеркивалось, что повышенный интерес к сексу увеличивает число зачатий и является поэтому естественной компенсацией массовой гибели в ходе боев. Предложенная здесь альтернатива заключается в том, что повышенная сексуальность отражает мощный сексуальный компонент перинатальной динамики и потому составляет неотъемлемый аспект высвобожденных инстинктивных сил.

В недвусмысленных заверениях военачальников перед важными сражениями регулярно звучит обещание отдать солдатам женщин завоеванных городов и деревень. Излишне упоминать об умножении случаев изнасилования во время войны на протяжении всей человеческой истории и о большом числе незаконнорожденных детей, зачатых в добровольном или же насильственном половом акте в военное время. Было множество публикаций о половых преступлениях в концентрационных лагерях, и здесь тоже все достаточно понятно.

Скатологический аспект характерно сопутствует военным сценам во все времена. Одна из самых типичных черт войны - агрессоры, уничтожающие порядок и красоту, оставляющие после себя хаос и запустение. Полная разруха, груды развалин и мусора, антисанитарные условия повсюду, колоссальный уровень загрязнения всевозможных видов, изуродованные и искалеченные тела, панорама разлагающихся трупов и костяков - вот неперемennые последствия войн на протяжении всей истории.

Далее, *пирокатарсический аспект* БПМ-III - типичный и важный элемент в большинстве картин разрушения, причиненного войной. Конкретные ситуации, включающие этот элемент, могут принимать разнообразные формы, начиная с потоков кипящей смолы с крепостных стен и разрушения огнем покоренных сел и городов, кончая взрывами бомб при воздушных налетах, массированным ракетным обстрелом ("шарманка Сталина") и ядерной войной. Стихию огня можно видеть зловещей и разрушительной, но чаще человек воспринимает ее с восторгом пироманьяка, наслаждаясь ее мощью и очистительной силой. Многие из переживших войну вспоминают, что не в силах были сопротивляться притягательности архетипической силы огня, когда попадали в ситуации на грани жизни и смерти. Такое ощущение обычно резко противоречит всем предрасположениям и стандартам повседневной жизни. Фрейд описал психологические изменения, которые происходят в этих условиях, с точки зрения психологии толпы и появления "Суперэго войны" (Freud, 1955a; 1955b).

В видениях, которые сопровождают опыт рождения в контексте БПМ-IV, часты сцены, символизирующие конец войны или победу восстания. Празднование военного триумфа, воодушевленные шествия, развевающиеся флаги, веселье на улицах и братание солдат с гражданским населением - все это сцены, обычные в описаниях людей, проживших заново момент рождения. Подобный период беззаботного веселья после войны или революции, предшествующий переходу к новым обязанностям, кажется психологически равноценным короткому отдохновению после рождения, прежде чем новорожденный встречается с трудностями и превратностями своего существования.

Все эти наблюдения можно кратко выразить в неожиданном выводе: структура человеческой личности содержит - в бессознательном репертуаре перинатального уровня - функциональные матрицы, активация которых может вызывать сложное и реалистичное воспроизведение всех переживаний ужаса, агонии, полиморфного инстинктивного возбуждения и странного очарования, связанных с разнообразными формами войны.

Во многих случаях люди, переживающие во время сеансов перинатальные элементы, рассказывали об интересных прозрениях в суть иных социополитических ситуаций, тесно связанных с темой войны. Речь идет о проблемах *тоталитарных систем, автократии, диктатуры, "полицейских государств" и кровавых революций*. Глубинная эмпирическая конфронтация с элементами БПМ-II обычно включает отождествление с населением стран под гнетом диктатуры, вынужденным проживать в полицейском государстве или при тоталитарном режиме - например в царской России, нацистской Германии, одной из коммунистических или латиноамериканских стран. Подобное эмпатическое отождествление может распространяться и на жестоко преследуемое меньшинство, и на категорию лиц, оказавшихся в особенно трудном положении.

Примеры таких переживаний составляют ряд исторических сюжетов: христиане во времена императора Нерона, крепостные и рабы, группы евреев в различные исторические периоды и в разных местах, узники средневековых темниц, заключенные концлагерей или обитатели сумасшедших домов. Некоторые пациенты чешской национальности, которые прошли через мучительный опыт либо во время нацистской оккупации во второй мировой войне, либо в период коммунистического режима, часто вновь проживают воспоминания о психотравмах, фактически полученных по политическим мотивам - например сцены в концентрационных или трудовых лагерях, жестокие допросы, заключение в тюрьму или эпизоды "промыывания мозгов". По данным, полученным на психоделических сеансах, существует глубокое психологическое родство между атмосферой - в угнетенной стране или опытом преследуемой группы людей и опытом плода в тисках родового канала.

Переживания, связанные с БПМ-III, включают чаще всего образы и символы деспотических сил, агрессоров и тиранов. Динамика этой матрицы связана с политикой силы, тиранией, эксплуатацией и подчинением других, грязными делишками и интригами, дипломатией "плаща и шпаги", тайной полицией, предательством и изменой. Многие люди на ЛСД-сеансах пережили в заключительной фазе родовой агонии отождествление с деспотическими правителями и диктаторами всех времен, с Нероном, Чингисханом, Гитлером, Сталиным. После такой глубинной эмпирической идентификации они перестали считать диктатуру проявлением подлинной силы и власти и поняли, что ментальность диктатора во многом сходна с умственным состоянием ребенка, борющегося в родовом канале. Его раздрают беспорядочные и противоречивые чувства и энергии: странная смесь неудержимой агрессивности в отношении любого препятствия, бездонные сомнения в собственных силах, мегаломаниакальные чувства, неуемные амбиции, примитивная детская тревога, общая паранойя и сильнейший телесный дискомфорт, особенно удушье и сбой дыхания.

Люди, изведавшие это на своем опыте, поняли весь ужас ситуации, когда к власти приходит человек в таком психологическом состоянии, которое на самом деле крайне нуждается в лечении. И далее, они осознали, что массовая поддержка, так остро необходимая диктатору на различных стадиях его продвижения к власти, отражает тот факт, что сходные элементы составляют неперемennую часть в психике всех людей. Становится очевидным, что любой человек способен на те же преступления, если обнажается соответствующий уровень его бессознательного и внешние условия тому способствуют.

Действительная проблема - не в отдельных личностях и не в политических партиях или фракциях. Задача состоит в том, чтобы создать безопасные и социально санкционированные ситуации, при которых определенные вредные и потенциально опасные элементы структуры человеческой личности могут выявляться и прорабатываться без ущерба для других или для общества в целом. Радикальные программы внешней направленности и политическая борьба (даже имеющие особую важность, когда они направлены против убийственных режимов Гитлера или Сталина) не в состоянии решить проблемы, стоящие перед человечеством, без одновременной внутренней трансформации. Они, как правило, создают эффект маятника - вчерашний неудачник становится завтрашним правителем, и наоборот. Хотя роли меняются, запас злостной агрессивности остается тем же, и человечеству в целом это никак не помогает. Продолжают функционировать тюрьмы, концентрационные и трудовые лагеря: сменяются лишь их обитатели.

Подлинная сила не нуждается в афишировании и демагогической риторике; ее наличие самодостаточно. Диктатор испытывает не силу, а мучительный комплекс неполноценности, ненасытную жажду признания, невыносимое одиночество и снедающее недоверие. В ходе глубинной эмпирической терапии "комплекс диктатора" разрешается с завершением процесса смерти-возрождения. Эмпирическая связь с элементами БПМ-IV выводит человека из-под власти ужаса и агонии и открывает пути совершенно новым ощущениям и чувствам - завершенности, причастности и безопасности, уважению к жизни и созиданию, понима-

нию, терпимости, приверженности принципу "живи и давай жить другим" и осознанию собственной космической значимости в соединении со смирением.

Тиран и бунтарь представляют взаимосвязанную пару; глубокая психологическая мотивация обоих имеет один источник и одно качество. Состояния ума злого диктатора и яростного революционера во время их смертельной схватки не различаются по глубинной природе. Очевидные различия существуют лишь в их идеологии и моральном оправдании действий. Иногда могут значительно различаться этическая и социальная ценность отстаиваемых ими систем. Однако и у того, и у другого фундаментальным образом отсутствует истинная психологическая интуиция относительно реальных мотивов своего поведения. Это ситуация, в которой невозможно выиграть, можно только проиграть; неважно, кто побеждает или на чьей стороне будет моральный суд истории - реальное решение проблемы не дано ни одной из сторон.

Обе стороны находятся под влиянием исходно ошибочных представлений и пытаются решить внутреннюю психическую проблему посредством манипуляций во внешнем мире. Это ясно подтверждается тем, что видения кровавых восстаний, вдохновленных утопическими идеалами, и чередование отождествления то с угнетателями, то с революционерами свойственны динамике БПМ-III. Они становятся психологически неприемлемыми и исчезают, когда индивид достигает БПМ-IV. Характерные для третьей перинатальной матрицы конкретные образы охватывают широкий ряд, начиная с восстания римских рабов под предводительством Спартака и взятия Бастилии во время Великой Французской революции до таких недавних событий, как взятие Зимнего дворца большевиками и победа Фиделя Кастро на Кубе.

Лица, проходящие ЛСД-терапию и другие формы глубинного эмпирического самоисследования, независимо друг от друга рассказывают о постижении причин постоянной трагикомической неудачи всех бурных революций, которым не помогают ни высокие идеалы, ни общий порыв поддерживающих их радикальных философий. Следует заметить, что все участники ЛСД-сеансов в Праге имели непосредственный опыт коммунизма и марксизма-ленинизма в теории и на практике, многие из них пережили и нацизм. По существу, внешний гнетреальный или воображаемый - смешивается и отождествляется с внутренней психологической несвободой от бессознательного тяжелого воспоминания о родовой травме. Интуитивно чувствуемая возможность освободиться в инстинктивном выплеске, характерном для БПМ-III, проецируется и переводится в конкретный план свержения тирана. Следовательно, действительный мотив и движущая сила вооруженных переворотов и социально-утопических планов - это бессознательная потребность освободиться от гнетущих и сковывающих последствий родовой травмы и эмпирически соединиться с несущими удовлетворение чувствами, которые связаны с БПМ-IV и БПМ-I.

Что же, например, делает коммунизм особенно мощной и особенно проблематичной силой в современном мире? - То, что он представляет программу, которая психологически верна, если применяется к процессу внутренней трансформации, но абсолютно ложна как рецепт социальной реформы. Основной принцип, утверждающий, что для прекращения угнетения и установления гармонии и всеобщего довольства необходим бурный насильственный переворот, вполне отчетливо отражает динамику внутренней трансформации, связанную с процессом смерти-возрождения. Именно поэтому коммунистический принцип выражает глубокую истину и весьма привлекателен для благовидной и многообещающей политической программы.

Главная же ошибка в том, что стадии архетипического раскрытия духовного процесса проецируются на материальную действительность и маскируются под атеистическое средство социального переустройства мира: совершенно ясно, что в такой форме оно работать не будет. Стоит лишь взглянуть на нынешний распад коммунистического мира, на вражду между странами, исповедующими идеалы марксизма-ленинизма, или на заграждения, минные поля, колючую проволоку и сторожевых собак на все эти средства, к которым им приходится прибегать, чтобы удержать свои народы в рамках социального рая, и можно легко сделать вывод об успехе этого захватывающего эксперимента.

Исторический анализ показывает, что насильственные перевороты как правило мощны и успешны в деструктивной фазе, когда высвобожденные перинатальные силы используются для уничтожения прежнего коррумпированного режима. И они чаще всего сходят на нет в следующей стадии, когда делается попытка создать обещанные райские условия, образ которых был ведущей моральной силой революции. Перинатальные силы, оперирующие подобными социально-политическими переворотами, не поглощаются и не перерабатываются, они просто приводятся в действие и отыгрываются. Итак, эти стихийные силы, столь

необходимые на деструктивной стадии революции, становятся семенем коррупции в новой системе и продолжают действовать после победы в самом лагере архитекторов нового порядка. Таковы, в двух словах, выводы на основе эмпирических исследований, объясняющие удивительные военные успехи радикальных революций и их столь же удивительную неспособность разродиться утопией, видение которой вожди использовали как приманку для масс.

Очевидно, что индивиды, которым оказалось не под силу решить свои собственные психологические проблемы и достичь внутренней гармонии и покоя, не самые лучшие судьи того, что неправильно в этом мире, и каковы средства к его исправлению. Основой действительного решения должна стать эмпирическая связь с ощущениями БПМ-IV и БПМ-I и с трансперсональной сферой собственной психики, установленная прежде, чем предпринимается крестовый поход за переделку мира. Это по сути аналогично утверждению Кришнамурти о том, что единственная революция - это революция внутренняя. Военные перевороты (хотя они по-прежнему до некоторой степени содействуют историческому прогрессу) обречены на неудачу в своих утопических стараниях, потому что их внешние достижения не подкреплены внутренней психологической трансформацией, которая могла бы нейтрализовать мощные деструктивные силы, свойственные человеческой природе.

Этот момент можно иллюстрировать сообщениями ЛСД-пациентов, которые уловили параллель между ситуацией революционной эйфории от побед на баррикадах и состоянием новорожденного, потрясенного взрывным освобождением из удушающих объятий родового канала. Чувство триумфа у новорожденного вскоре заменяется страданием по поводу внезапно обнаруженных ощущений холода, влаги, голода и эмоциональной опустошенности. Революционер, вместо того, чтобы обрести обещанный рай и насладиться им, вынужден мириться с тяготами своего нового положения, в том числе с модифицированной версией старой системы подавления, незаметно развивающейся на обломках утопии.

По ходу жизни новорожденного все больше беспокоит тень перинатальной энергии, с которой он не справился, которую не смог интегрировать. Аналогичным образом перинатальная энергетика, которая явилась движущей силой революции, будет постоянно прорываться в политической структуре нового режима. Так как революционеры не способны осознать фундаментальную несостоятельность своего отношения к реальности, им приходится находить объяснения неудачам в воплощении утопических идей и выискивать виноватых - своих же товарищей, которые якобы опорочили истинную доктрину, отклонившись слишком далеко вправо или влево, потворствовали отвратительным пережиткам старой идеологии или же выказали еще какую-нибудь из многочисленных "детских болезней" революционного движения.

Это не значит, что мы должны отказаться от попыток провести справедливые социальные и политические реформы или прекратить сопротивление тиранам и тоталитарным режимам. Дело в том, что в идеале лидеры подобного движения должны быть людьми, проделавшими достаточно большую внутреннюю работу и достигшими духовной зрелости. Политики, которые прячут свой внутренний эмоциональный беспорядок в программу кровавой революционной резни, просто опасны, доверять им и поддерживать их нельзя. Реальная задача состоит в том, чтобы повысить уровень сознания населения, так, чтобы оно умело узнавать политических деятелей, принадлежащих к этой категории, и отказывать им в своей поддержке.

Еще одна область, о которой в эмпирической психотерапии накопились интересные открытия, - это *концентрационные лагеря, массовые убийства и геноцид*. Уже говорилось о том, что переживания БПМ-II типично подразумевают отождествление с обитателями тюрем и концлагерей, включая их чувства отчаяния, беспомощности, чрезвычайного страдания, голода, физической боли и удушья в газовых камерах. Обычно это связано с глубоким экзистенциальным кризисом. Ощущение бессмысленности и абсурдности человеческого существования чередуется с неотступным желанием и потребностью найти смысл жизни на фоне этой апокалиптической реальности. Ввиду этого легко понять, что совсем неслучайно Виктор Франкл (Frankl, 1956), родоначальник логотерапии и экзистенциального анализа, сформулировал свои идеи о важности ощущения смысла человеческой жизни во время длительного пребывания в нацистском концентрационном лагере. Когда образы концентрационного лагеря появляются в контексте третьей перинатальной матрицы, люди переживают отождествление не только с беспомощными жертвами, но также с коварными, жестокими и бесчеловечными нацистскими офицерами или красными комиссарами Архипелага ГУЛАГ.

Более пристальное изучение общей атмосферы и специфических условий пребывания в концлагерях показывает, что это яркое, буквальное и реалистичное отражение кошмарного

символизма негативных перинатальных матриц в материальном мире. Картины этих лагерей смерти полны безумием и кошмарным страхом. Истощенные голые тела видятся наваленными в гигантские кучи, разбросанными по проходам или повисшими на ограждениях из колючей проволоки - безымянные, лишённые всякой идентичности и человеческого достоинства скелеты. Среди наблюдательных вышек с пулеметами и ограждений, опутанных проводами под высоким напряжением, почти непрерывно раздаются крики и выстрелы; зловещие охранники с их полудикими восточно-европейскими овчарками расхаживают взад и вперед, выискивая очередную жертву.

Насилие и садизм, столь типичные для перинатального опыта, здесь проявлялись в масштабе, который трудно вообразить. Неукротимая ярость и патологическая злоба офицеров СС, их изощренная жестокость и безмерное стремление издеваться, унижать и пытать выходили далеко за рамки предполагавшейся необходимости в системе концлагерей, которая предназначалась для устрашения врагов Третьего Рейха, для обеспечения его рабами и для ликвидации отдельных противников нацистского режима и "расово-неполноценных групп".

Особенно ясно это проявляется в отношении скатологического аспекта, который представлял ошеломляющую сторону жизни в нацистских концентрационных лагерях. Во многих случаях заключенных заставляли мочиться друг другу на лицо или в рот. Им разрешалось ходить в уборную только два раза в день, и те, кто пытался пробраться туда ночью, рисковали быть убитыми охраной; это вынуждало некоторых заключенных использовать свои миски вместо ночных горшков. В Биркенау у заключенных периодически отбирали миски и выбрасывали в отхожее место, откуда те должны были их доставать.

Обитатели нацистских концлагерей буквально утопали в отбросах и довольно часто погибали в экскрементах. Одним из любимых развлечений солдат СС было хватать людей во время испражнения и сбрасывать их в выгребную яму; в Бухенвальде десять заключенных задохнулись в фекалиях за один месяц такого извращенного развлечения. Эти действия, конечно, были более чем рискованны с точки зрения гигиены и здоровья, а потому противоречили обычной педантичности насчет эпидемического контроля в тюрьмах, армии или в других ситуациях массового совместного проживания. Следовательно, их нужно рассматривать с точки зрения психопатологии и в контексте перинатальной динамики, что, видимо, обеспечивает правдоподобное объяснение.

Сексуальный аспект перинатальных переживаний тоже достаточно выражен в условиях концентрационных лагерей. Гетеросексуальное и гомосексуальное насилие над заключенными, включая изнасилование и садистские приемы, носило массовый характер. Нередко офицеры СС ради развлечения заставляли заключенных вступать друг с другом в половой контакт. Отобранные женщины и девушки, включая даже малолетних, передавались в дома терпимости для удовлетворения сексуальных нужд солдат во время отпусков. Потрясающее описание сексуальной практики в германских концентрационных лагерях можно найти в романе "Кукольный дом" знаменитого израильского писателя, который в качестве псевдонима использовал номерное имя, данное ему в концлагере - КаЦетник 135633 (Ka-Tzetnik, 1955).

Перинатальный опыт смерти Эго обычно включает чувства полного унижения, деградации, позора и осквернения. То, что психика ЛСД-пациентов извлекает из богатых запасов бессознательных матриц в форме внутреннего опыта и символических образов, в концентрационных лагерях проявилось с устрашающим реализмом. Заключенных лишали всего, что им принадлежало, - одежды, волос, имен, - всего, что могло быть связано с их самоидентичностью. В лагерных условиях полное отсутствие приватности, невообразимая грязь и неумолимый диктат биологических функций были усилены до гротеска. Затем это стало отправной точкой для более специализированной программы дегуманизации и тотального обесценивания человека, проводимой по генеральной стратегии СС настолько же методично и систематично, насколько она была непостоянна, злокозненна и непредсказуема в своих каждодневных проявлениях.

В ряд безусловных совпадений между эмпирическими элементами перинатальных матриц и практикой концентрационных лагерей попадает также элемент удушья. Нацистская программа систематического уничтожения проводилась посредством газовых камер - жертвы умерщвлялись отравляющим газом в плотно набитых, ограниченных помещениях. Вспомним, что стихия огня играет важную роль в символике второй и третьей перинатальных матриц. В БПМ-II он причастен атмосфере архетипических инфернальных сцен, в которых проклятые души подвергаются нечеловеческим пыткам. В БПМ-III он появляется на заключительной пирокатарсической стадии процесса смерти-возрождения, знаменуя окон-

чание агонии и предвещающая трансценденцию. Горящие печи крематориев были частью дьявольского сценария лагерей и местом, куда свозили мертвые тела и где последние биологические останки измученных жертв уничтожались без следа. Этот аспект перинатального символизма отражен с изумительной силой в другой книге Ка-Цетника 135633 "Восход над адом" (Ka-Tzetnik, 1977).

Следует также упомянуть, что нацисты с особой извращенной свирепостью относились к беременным женщинам и младенцам, что опять свидетельствует в пользу перинатальной гипотезы. Без сомнения, самым сильным местом в книге Терренса Де Пре "Уцелевший" (Pres, 1976) является описание тележки, полной новорожденных детей, которую сваливают в огонь; за этим следует сцена, в которой беременных женщин бьют палками и кнутами, травят собаками, таскают за волосы, пинают в живот и в конце концов швыряют в печь крематория еще живыми.

Профессор Бастианс из Лейдена (Голландия) обладает обширным опытом лечения так называемого "синдрома концлагеря" - комплекса эмоциональных и психосоматических расстройств, который развивается у бывших узников через несколько десятилетий после освобождения. Он провел уникальную программу лечения лиц, страдавших от психологических последствий беды, случившейся много лет назад. Под действием ЛСД бывших узников побуждали пережить, отреагировать и интегрировать различные травматические переживания концлагеря, воспоминания о которых все еще не отпустили их. В статье, описывающей эту программу, Бастианс пришел к выводу, весьма схожему с нашей концепцией, но в менее конкретной форме. Он отметил тот факт, что идея концентрационного лагеря является продуктом человеческого ума. Как бы дико это не звучало, но сама идея должна быть неким проявлением или определенным аспектом человеческой личности и динамики бессознательного. В сжатой форме это отразилось и в названии его статьи: "Человек в концлагере и концлагерь в человеке" (Bastians, n.d.).

Такие наблюдения открывают нам удивительный факт о психике и структуре личности. Так же, как в отношении войн и революций, бессознательное содержит функциональные матрицы, которые в определенных условиях могут генерировать весь набор пассивных и активных переживаний, связанных с концлагерями, отражающих их общую атмосферу и конкретные детали. К тому же, очень часто на сеансах погружения в перинатальный опыт возникают многие другие яркие образы и переживания, включающие сцены массового уничтожения и геноцида в различных культурах и в разные исторические периоды. Они представляют важный канал для экстремального выплеска агрессии, которая связана с динамикой третьей перинатальной матрицы.

В последние годы неожиданное подтверждение соотношению перинатальной динамики с важными социополитическими явлениями поступило из совершенно независимого источника. Ллойд Де-Моз, журналист, психоаналитик и большой сторонник психоистории⁶⁸, изучил речи видных военных и политических деятелей и другие материалы, относящиеся к историческим периодам, предшествующим большим войнам и революциям или связанным с ними (De Mause, 1975; 1982). Его удивительные данные убедительно поддерживают тезис о том, что регрессивный инфантильный материал, в особенности относящийся к процессу биологического рождения, играет важную роль в крупных политических кризисах. Его аналитический метод уникален и вместе с тем образен и созидателен. Помимо традиционных исторических источников Де-Моз воспользовался данными огромной психологической важности из шуток, анекдотов, карикатур, сновидений, личных представлений, оговорок, сторонних ремарок ораторов и даже надписей и пометок на полях документов.

Результаты изучения большого числа исторических кризисов заставляют думать, что политические и военные лидеры, вместо того, чтобы быть сильными эдиповыми фигурами, являются "мусорными баками" для вытесненных чувств отдельных лиц, групп и даже целых наций. В них общество находит санкционированные каналы проецирования и отыгрывания эмоций, которые не могут сдерживаться обычными системами внутриспсихической защиты. По мнению Де-Моза, в психологии больших групп психика регрессирует до архаичных модальностей отношений, которые характерны для довербальной стадии детства. Инфантильные эмоции и ощущения проявляются на всех уровнях психической организации, не только на эдиповой и фаллической стадиях, но также и на анальной, уретральной и оральной.

⁶⁸ - Психоистория - это новая общественная наука, которая изучает историческую мотивацию. Метод глубинного психологического анализа применяется в ней для изучения исторических событий с особым вниманием к практике деторождения в различные периоды и к психологической динамике детства выдающихся исторических деятелей.

При анализе исторического материала, относящегося к периоду, предшествующему началу войны или революции, Де-Моз поразился обилию речевых оборотов и образов, связанных с биологическим рождением. Политики всех возрастов при объявлении войны или описании критической ситуации обычно упоминают удушье, борьбу не на жизнь, а на смерть за право свободно дышать или за жизненное пространство, и чувство сокрушенности вражескими силами. Также часто встречаются аллюзии на темные пещеры и запутанные лабиринты, туннели, нисхождение в бездну или, наоборот, на необходимость выбраться из мрака и найти путь к свету. Другие образы связаны с чувством малости и незащитности, утопания, повешения, горения, падения или прыжка с башни. Хотя последние три образа не имеют непосредственного отношения к рождению, они являются распространенными перинатальными символами, которые наблюдаются в контексте БПМ-III, что подтверждается наблюдениями во время сеансов психоделической терапии и данными аналитической работы со сновидениями Нандора Федора (Fodor, 1949). Тот факт, что беременные женщины и дети оказываются в центре военных фантазий, заслуживает особого внимания.

Психоисторические примеры Де-Моза взяты из многих исторических периодов и регионов земного шара. Примеры из мировой истории с участием таких известных персонажей, как Александр Македонский, Наполеон, кайзер Вильгельм II и Гитлер, дополнены примерами из древней, недавней и современной истории Соединенных Штатов. Так, Де-Моз проанализировал психоисторические корни американской революции и обсудил ее в связи с приемами родов и спецификой вынашивания ребенка. Ему удалось выявить удивительные элементы родового символизма в заявлениях адмирала Шимады и посла Кюрасо перед нападением на Пирл-Харбор. Особенно поразительным было то, как использовались перинатальные символы в связи со взрывом второй атомной бомбы. Самолету, который имел на борту атомную бомбу, дали имя матери летчика, на самой бомбе было написано "Мальчуган", кодированная телеграмма в Вашингтон после успешного взрыва имела следующее содержание: "Малыш родился".

В переписке Джона Кеннеди с Хрущевым по поводу кубинского кризиса упоминается ситуация, которой хотели бы избежать оба; она символизируется двумя слепыми кротами, которые встретились в темном подземном ходе и вступили в смертельный бой. Когда Генри Киссинджера спросили, будут ли США рассматривать возможность военного вмешательства на Ближнем Востоке, он коснулся рукой своего горла и сказал: "Только если произойдет еще одно удушье".

Можно привести еще много примеров в поддержку тезиса Де-Моза. Его исследования неожиданно обнаружили, что упоминания об удушении и подавлении встречаются лишь в речах, предшествующих войне, но не во время военных действий, когда происходит действительное окружение войсками противника. К тому же, обвинения в удушении, перекрытии кислорода или уничтожении иногда произносились в адрес стран, которые даже не являлись сопредельными. Тот факт, что массы эмоционально реагируют на речи такого рода и неспособны увидеть их явную иррациональность и абсурдность, выдает всеобщую неясность и уязвимость в области перинатальной динамики.

Де-Моз привел вполне достаточное доказательство той гипотезе, что во время войн и революций народы действуют исходя из коллективной фантазии о рождении. Из приведенных примеров ясно, что полученные им результаты и выводы тесно связаны с наблюдениями во время психоделических исследований. Его психоисторическая работа продолжает традицию глубинного психологического анализа социальных переворотов, начатую Густавом Лебоном (Le Bon, 1977) и З. Фрейдом (Freud, 1955b). Новые данные в общем соответствуют выводам этих авторов, но в них есть и другие важные и конкретные догадки большого теоретического и практического значения. Произведенный Де-Мозом сдвиг акцента с фрейдовского индивидуального бессознательного на динамику родовой травмы является крупным шагом в понимании стихийных социальных событий.

Согласно новой интерпретации, поддержанной психоделическими наблюдениями и психоисторией Де-Моза, мощные энергии и эмоции, обусловленные родовой травмой или связанные с ней, предстают стандартным компонентом структуры человеческой личности. Их активизация у индивидов (под воздействием ли факторов психологической природы, вследствие биохимических изменений или в связи с другими явлениями) вызывает, в зависимости от обстоятельств, индивидуальную психопатологию или процесс духовного преображения. Вероятно, по причинам, которые в настоящее время еще недостаточно осознаны⁶⁹, психоло-

⁶⁹ - Самой интересной и многообещающей пояснительной системой динамики крупномасштабных исторических событий, на мой взгляд, является транзитная астрология, основанная на архетипическом символизме. Объем этого издания не позволяет включить сюда примеры, показывающие ее

гическая защита, которая в норме препятствует выходу перинатальной энергии на поверхность сознания, может давать сбой одновременно у большого числа лиц, принадлежащих к одной социальной, политической или национальной группе. Это создает общую атмосферу напряженности, тревоги и ожидания худшего. Лидером масс при таком положении дел становится тот, чье осознание перинатальных сил выше среднего, кто способен отказаться от собственности на них и спроецировать их на события внешнего мира. Затем он ясно формулирует свои представления для группы или для нации, предлагая подходящее объяснение эмоционального климата на языке политических проблем.

В напряжении, давлении и удушении обвиняется группа врагов, чувство опасности экстерииоризируется, а в качестве лекарства предлагается вооруженное вмешательство. Окончательный исход кровавых столкновений затем получает метафорическое выражение в образах, относящихся к биологическому рождению и духовному возрождению. Использование символического языка дает возможность эксплуатировать связанную с процессом трансформации силу психологического воздействия в политических целях. В свете этих фактов чрезвычайно важно, чтобы психоисторические открытия были доступны публике и символизм перинатальных процессов стал известен повсюду. Надо сделать так, чтобы демагогические заявления об удушье, сдавливании и отсутствии жизненного пространства принимались как указание на то, что человек, их произносящий, нуждается в глубинной психологической проработке, а не воспринимались как своевременный призыв к праведной войне. После небольшой тренировки люди научатся расшифровывать и понимать символический язык смерти и рождения - точно так же, как они успешно овладели сексуальным символизмом Фрейда.

Рассуждения Де-Моза в этом отношении вполне соответствуют заключениям, к которым я пришел на основе психоделических исследований. Единственное серьезное концептуальное отличие, которое я обнаружил в главных тезисах двух подходов к историческим кризисам, состоит в объяснении психологической динамики в самом начале войны или революции. Уже несколько раз говорилось о том, что когда после периода общей напряженности и ожидания объявляется война, это, как, ни парадоксально, вызывает общее облегчение и необыкновенную ясность. Де-Моз приписывает это психологическому соединению вождей и наций с воспоминанием о рождении. В моей интерпретации предвоенной атмосферы я выделяю сильный эмоционально-когнитивный диссонанс между существующим эмоциональным напряжением и отсутствием конкретной внешней ситуации, к которой можно было бы эту напряженность привязать. Когда война разразилась, уже имеющиеся чувства лидеров и наций сразу получают себе соответствие во внешних обстоятельствах. Эмоции кажутся оправданными и остается только найти наилучший способ справиться с мрачной реальностью. В ходе войны кошмарное содержание перинатальных матриц превращается в действительность повседневной жизни, что мы уже показали. Несмотря на свою абсурдность, чудовищность и безумие, новая ситуация выказывает странную логику, так как нет большого расхождения между событиями и эмоциональными реакциями людей.

Этот механизм имеет параллель в индивидуальной психопатологии. Люди, лопавшие под сильное влияние негативной динамической матрицы бессознательного, не выносят эмоционально-когнитивного диссонанса. Они склонны искать ситуации, соразмерные их внутренним ощущениям или даже научаются бессознательно создавать такие ситуации. Также нередко наблюдалось, как разнообразные эмоциональные расстройства исчезают при некоторых чрезвычайных и крутых обстоятельствах - это подтверждается бесславными примерами концентрационных лагерей, Иностранного Легиона или старых китобойных судов. Эмоционально-когнитивный диссонанс исчезает, когда насыщенность внешних обстоятельств совпадает с существующими уже невротическими ощущениями или затмевает их собой.

Подобное описание перинатальных корней войн, революций или тоталитарных систем отражает лишь один важный аспект очень сложной проблемной области. Присущий ему сильный акцент на перинатальную динамику очень подходит ко всему контексту книги, в которой мне хотелось сообщить о новом интригующем материале, ранее не принимавшемся во внимание. В мои планы ни в коем случае не входило сведение всех проблем к интрапсихической динамике, отрицая или игнорируя их важные исторические, расовые, национальные, политические и экономические стороны. Поэтому новые данные надо рассматривать как вклад в будущее целостное понимание подобных явлений, а не как единственное объяснение, заменяющее все остальные.

Даже с точки зрения психологии такое описание охватывает только одно измерение или один аспект проблемы. Мысль о том, что социополитические явления связаны по смыслу с перинатальной динамикой, не противоречит предположению, что в истории есть также важные трансперсональные размерности. Юнг и его последователи доказали, что мощные архетипические констелляции влияют не только на отдельных людей, но также определяют события и в феноменальном мире и в человеческой истории. Важным примером является юнговская интерпретация нацистского движения как массовой очарованности архетипом Рагнарека (гибели богов) или Геттердаммерунга (сумерек богов) (Jung, 1961). Юнговское понимание истории можно сравнить с подходом астрологии архетипов, которая изучает соответствия исторических событий и транзитов планет. Я уже упоминал об очень интересном исследовании в этой области, проведенном Ричардом Тарнасом.

Обсуждение трансперсональных измерений человеческой истории было бы неполным без упоминания систематизированной и подробной трансперсональной реинтерпретации истории и антропологии, которую предложил К. Уилбер в книге "Выше рая" (Wilber, 1981). В своей неповторимой манере он сумел внести непривычную ясность в непроходимые и беспросветные джунгли исторических фактов и теорий, сведя их к нескольким общим определителям. В основу человеческой эволюции Уилбер положил историю любви между человечеством и божеством. Все ее периоды по очереди он анализирует с точки зрения трех ключевых вопросов: 1) Каковы главные формы трансценденции, имеющиеся в данное время? 2) Какие созданы заменители трансценденции, когда эти формы не удаются - иными словами, каковы формы проекта Атмана, субъективные для самости и объективные для культуры? 3) Во что человечеству обходятся такие заменители?

Как уже отмечалось, мои собственные наблюдения отличаются в определенных деталях от взглядов Уилбера. и в настоящее время я не могу гладко согласовать модель, представленную в этой книге, с его увлекательным видением. Однако сходство между двумя подходами настолько велико, что такой синтез возможен в ближайшем будущем. Я считаю, что, в конечном счете, интуитивные открытия психологии Юнга, архетиповой астрологии, психоделических исследований и спектральной психологии Уилбера сольются в единую всеобъемлющую интерпретацию психологических аспектов человеческой истории и эволюции сознания.

Теперь обратимся к современной ситуации в мире для анализа практической ценности новых постижений. За последние годы многие авторы пытались объяснить катастрофическое положение, в котором человечество оказалось по собственной вине. Опасный раскол, лежащий в основе всего этого, описывался много раз и по-разному как нарушение равновесия между интеллектуальным развитием и эмоциональным взрослением человеческой расы, как непропорциональность эволюции новой коры головного мозга относительно развития его архаичных частей, как вмешательство инстинктивных и иррациональных сил бессознательного в процессы сознания и т.п.

Какие бы метафоры мы не использовали, ситуация кажется довольно ясной. За многие столетия человечество достигло невероятных успехов. Ему удалось высвободить ядерную энергию, послать летательные аппараты на Луну и другие планеты, передавать звук и изображение по всему земному шару и в космическое пространство. В то же время, оно не смогло обуздать некоторые примитивные эмоции и инстинктивные порывы, справиться с наследством из каменного века. В результате человечество, владеющее технологией на уровне научной фантастики, живет в постоянном страхе на грани ядерной и экологической катастрофы.

Современная наука разработала технологию, которая способна решить самые неотложные проблемы современного мира - борьбы с болезнями, голодом и бедностью, разработки возобновляемых источников энергии. Но препятствия прогрессу находятся не в сфере технологии или экономики, это силы, свойственные человеческой природе и человеческой личности. Из-за них невообразимые ресурсы выбрасываются на ветер в безумной гонке вооружений, в борьбе за власть и в погоне за "неограниченным ростом". Эти силы противодействуют более равномерному распределению богатства между отдельными людьми и народами, а также переориентации экологических предпочтений, необходимой для всеобщего выживания. По этой причине весьма интересно будет пристальнее взглянуть в релевантный материал глубинного самоисследования.

Психологический процесс смерти-возрождения и его символический язык вполне можно применить к нашим условиям. Даже беглый взгляд на ситуацию в мире показывает, что мы экстерниоризировали в нашу обыденную жизнь все существенные аспекты БПМ-III, с которыми вовлеченный в процесс трансформации и эволюции индивид должен встретиться

внутренне. Третья перинатальная матрица имеет ряд важных сторон - титаническую, агрессивную и садомазохистскую, сексуальную, демоническую, мессианскую, скатологическую и пирокатарсическую.

Технический прогресс обеспечил нас средствами для ведения современной войны, разрушительный потенциал которых превосходит всякое воображение. Агрессивный импульс высвобождается по всему миру в форме кровавых войн, революций, тоталитарных режимов, расовых беспорядков, концентрационных лагерей, полицейского произвола и секретных служб, студенческих волнений и растущей преступности.

Тем же образом, из-за нарастания сексуального прессинга эротические побуждения проявляются различными прямыми и извращенными путями. Сексуальная свобода подростков, промискуитет, свободные браки, излишне сексуальные спектакли и фильмы, свобода гомосексуальных отношений, порнографическая литература, садомазохистские салоны, рынки сексуальных рабов, популярность рукоблудия - вот несколько примеров этой тенденции.

Демонический элемент выражается в повышенном интересе к книгам и фильмам оккультного содержания, к таким террористическим организациям, как банда Чарльза Мэнсона или Симбионизская Освободительная Армия, действующим на основе извращенных мистических импульсов, а также в возрождении черной магии и сатанинских культов. Мессианский порыв расцветает во многих религиозных течениях "Нового Века" (таких, как "Иисусовы уроды") или в культах, ожидающих спасения от НЛО или внеземного вмешательства. Тот факт, что сегодня крайности духовной патологии, включая перинатальную смесь садомазохизма, извращенной сексуальности, скатологии и тенденций к саморазрушению, привлекают тысячи последователей, лучше всего виден в трагедии Джоунзтауна.

Скатологический аспект проявляется в росте промышленного загрязнения, быстром ухудшении качества воздуха и воды, накоплении мусора в глобальном масштабе, развале гигиенического состояния крупных городов, а если говорить более абстрактно и метафорически, - в ошеломляющем росте политической, социальной и экономической коррупции. Видения термоядерных реакций, атомных взрывов и запуска ракет типичны при переходе от БПМ-III к БПМ-IV. Перспектива приведения этого губительного оружия в действие стала за последние десятилетия реальной угрозой повседневной жизни.

Индивиду, переживающему процесс смерти-возрождения, эти темы предстают во внутреннем опыте как обязательные стадии процесса внутренней же трансформации. Ему нужно пережить их и интегрировать, чтобы тем самым достичь "высшего психического здоровья" и нового уровня сознания. Наблюдения во время эмпирических исследований подсказывают, что успех этого процесса в основном зависит от неуклонной интериоризации переживаний и их завершения на внутреннем плане. Если условие не соблюдается, и человек начинает действовать, путая внутренний процесс с внешней реальностью, его ждут суровые беды. Инстинктивные побуждения, не узнанные и не интегрированные во внутреннем опыте, выплескиваются в разрушительных и саморазрушающих действиях. Решающим поворотным пунктом в процессе внутренней трансформации является смерть Эго и концептуальное уничтожение прежнего индивидуального мира. В худшем случае конечной целью экстериоризации процесса смерти-возрождения и отыгрывания в действии архетипических тем могут стать самоубийство, убийство и всеобщее разрушение. В контексте с этим, интернализация опыта ведет к смерти Эго и трансценденции, и это подразумевает философскую деструкцию старого мировоззрения и приобщение к более здоровому, просветленному бытию.

У людей, систематически занятых глубинным самоисследованием, часто и совершенно независимо развивается интуитивная убежденность в том, что человечество в целом в настоящее время стоит перед серьезной дилеммой, вполне сопоставимой с той, которая свойственна процессу духовной трансформации отдельного человека. Выбор включает либо поддержку нынешней тенденции к экстериоризации, отыгрыванию и внешним манипуляциям в мире, либо обращение внутрь и переход к процессу радикального преобразования на совершенно новом уровне сознания и осознания. И если легко предсказуемым конечным результатом первого варианта будет гибель в атомной войне или среди технологических отходов, вторая альтернатива может стать эволюционной перспективой, намеченной в трудах Шри Ауробиндо, Тейяра де Шардена, Кена Уилбера и многих других.

Целесообразно, по-видимому, рассмотреть с этой позиции характерные изменения, которые будут происходить у тех, кто успешно завершил трансформативный процесс и интегрировал материал с перинатального уровня бессознательного. Тем самым мы получим надежное основание для обсуждения того, станут ли новый тип человека и соответствующий уровень сознания перспективной и надежной альтернативой нынешней ситуации.

Из многочисленных наблюдений следует, что индивид, находящийся под сильным влиянием негативных перинатальных матриц, относится к жизни и ее проблемам не только неполноценно, но (учитывая отдаленные последствия) деструктивно и саморазрушительно. Ранее мы уже обсуждали тип существования по принципу "тараканьих бегов" или "мышинной возни" и жизненную стратегию, которая характеризует в различной степени тех людей, которые не проработали эмпирически свое отношение к смерти и не завершили гештальт рождения.

Динамика негативных перинатальных матриц направляет жизнь по линейной траектории и создает мощное и неподатливое побуждение к преследованию будущих целей. Поскольку психика таких людей определяется воспоминаниями о мучительной сдавленности в родовом канале, они никогда не переживают настоящий момент и наличные обстоятельства как полностью удовлетворительные. Подобно плоду в чреве, который старается избавиться от неприятного сжатия и попасть в более благоприятные условия, такой человек всегда будет хотеть чего-то еще, кроме того, что предлагает ему настоящая ситуация. В целях, которые при таких обстоятельствах выстраиваются в уме, можно легко определить заменители биологического рождения и послеродового ухода. Поскольку такие цели являются психологическими суррогатами, нереальными миражами, их достижение никогда не принесет удовлетворения. Следующая за этим фрустрация будет порождать новые планы или более амбициозные варианты прежних. При таком умственном настрое природа и мир воспринимаются вообще как потенциальная угроза, как то, что необходимо побеждать и контролировать.

В коллективном и глобальном охвате подобное состояние ума генерирует жизненную философию, опирающуюся на силу, конкуренцию и самоутверждение, прославляющую линейный прогресс и неограниченный рост. По этой философии материальная выгода и повышение валового национального продукта являются главными критериями благосостояния и мерилom жизненного стандарта. Такая идеология и вытекающие из нее стратегии влекут людей к серьезному конфликту с их собственной природой, с биологическими системами и с основополагающими законами Вселенной. Хотя биологические организмы так или иначе зависят от оптимальных ценностей, стратегия силы и сверхкомпенсации налагает на них неестественный и опасный императив максимальных результатов⁷⁰. Во Вселенной, сама природа которой циклична, люди бездумно оправдывают линейное развитие и неограниченный рост. Дополнительное затруднение состоит в том, что такой подход к существованию не в состоянии признать настоящую, жизненно необходимую потребность в синергии, дополнении, сотрудничестве и экологической заботе.

Индивид завершивший перинатальный процесс и установивший эмпирическую связь с воспоминаниями о позитивных аспектах внутриутробной жизни (и с позитивными трансперсональными матрицами) выглядит совершенно иначе. Переживания связи с материнским организмом на внутриутробном уровне равноценны опыту взрослого по отношению ко всему миру и всему человечеству. В каком-то смысле первое является прототипом и предпосылкой второго. Характер и качество перинатальной матрицы, воздействующей на индивидуальную психику, очень глубоко влияет не только на субъективный опыт человека, но и на его отношение к другим людям, природе и существованию вообще.

Когда испытывается переход от негативных перинатальных матриц к позитивным, значительно возрастает общий энтузиазм в отношении к жизни и способность ею наслаждаться. Уже возможна удовлетворенность настоящим моментом и многими ординарными ситуациями и обязанностями - например удовольствие от еды, секса, простых взаимоотношений, работы, искусства, музыки, игры или прогулок. Это значительно уменьшает эмоциональные затраты на вовлеченность в различные усложненные схемы, которые должны только в будущем принести вознаграждение и которые так его и не приносят (все равно, достигнуты поставленные цели или нет). При таком состоянии ума конечным критерием уровня жизни становится качество жизненного опыта, а не количество успехов и материальных благ.

⁷⁰ - Если бы целью и идеалом эволюции был максимальный, а не оптимальный размер тела, то динозавры были бы живы поныне и стали бы доминирующим видом; эту тему очень интересно освещает басня о "полиплоидной лошади" в книге Г. Бэйтсона "Разум и природа" (Bateson, 1979). Высокое или низкое кровяное давление, температура, повышенное или пониженное количество кровяных телец, недостаток или избыток гормонов - все эти отклонения в обе стороны связаны с конкретными проблемами. Точно так же большее количество воды, пищи, витаминов или минеральных солей обязательно принесет больше пользы организму, для всего этого существуют определенные оптимальные величины.

Одновременно с этими изменениями у индивида развивается глубокое понимание особой важности синергии, сотрудничества и гармонии, а также естественной заботы об экологии. Отношение к природе ("Матери-Природе"), описанное ранее, моделируется по рискованному и конфликтному опыту плода в контакте с материнским организмом при рождении. Новые ценности и установки отражают опыт плода времен внутриутробного существования. Позитивные аспекты этой ситуации, подразумевающие взаимную поддержку, симбиоз и комплементарность (в случае преимущественно хорошей матки), будут почти автоматически замещать прежнюю систему ценностей, в основном опирающуюся на конкуренцию и эксплуатацию. Понятие человеческого существования как борьбы за выживание на грани смерти уступает место новому представлению о жизни - о проявлении космического танца или божественной игры.

Становится ясно, что в конечном счете мы не можем сделать ничего в отношении других людей и природы, не делая этого одновременно и в отношении себя. Любая серьезная попытка разделить единство существования философски, идеологически, социополитически и духовно на независимые отдельные единичности с противоположными интересами (на отдельных людей, семьи, религиозные и социальные группы, политические партии, коммерческие альянсы и нации) окажется поверхностной, близорукой и в конечном счете саморазрушительной. С этой новой точки зрения трудно себе представить, как можно быть до такой степени слепым, чтобы не видеть самоубийственных перспектив повышения зависимости от быстро исчезающих запасов природного топлива и не понимать абсолютную необходимость перехода промышленности на циклические и возобновляемые источники энергии.

В результате таких перемен стратегия потребления естественным образом переходит от психологии расходования и накопления отходов к сбережению ресурсов и "добровольной простоте", по выражению Дуэйна Элджина (Elgin, 1981). Уже очевидно, что последнюю надежду на политическое и социальное решение современных проблем можно видеть только в трансперсональной перспективе, которая преодолевает безнадежную психологию "мы против них", способную, в лучшем случае, лишь иногда вызывать маятникообразные изменения, когда протагонисты меняются ролями угнетателей и угнетенных.

Лучшим решением было бы признание общечеловеческого характера этой проблемы с последующим определением перспектив, которые были бы удовлетворительными для всех, кто в этом заинтересован. Глубокое осознание единства с остальным миром способно открыть путь к истинному пониманию разнообразия и терпимости к различиям. Сексуальные, расовые, культурные и другие предрассудки кажутся абсурдными и детскими в свете широко распространившегося мировоззрения и понимания реальности, куда включено и трансцендентальное измерение.

Почти четверть века я изучаю скрытые возможности необычных состояний сознания, и у меня нет сомнений, что трансформация, которую я описал, возможна индивидуально. Я сам в течение многих лет был свидетелем множества ярких примеров такой эволюции, когда ассистировал другим в психоделической терапии и в эмпирическом самоисследовании без применения фармакологических средств, в особенности во время холотропической терапии. Остается посмотреть, до какой степени тот же подход приемлем в более широком масштабе. Конечно, рост популярности различных форм медитации и иной духовной практики вместе с самыми разными эмпирическими формами психотерапии является благоприятной тенденцией.

Какие бы вопросы не возникали в связи с возможностью применения этой стратегии в качестве средства изменения мира, она вполне может оказаться нашим единственным шансом при нынешних обстоятельствах. Имеющиеся в настоящее время средства и пути выхода из глобального кризиса не способны достаточно обнадежить критически настроенного наблюдателя. Новый подход практически нацелен на то, чтобы дополнить любой вид деятельности человека во внешнем мире систематическим процессом глубинного самоисследования. В этом случае прагматические технические знания каждого из нас могут быть дополнены и направлены мудростью коллективного бессознательного.

Внутренней трансформации можно достичь только личной решимостью, целенаправленными усилиями и персональной ответственностью. Ценность любых планов по изменению ситуации в мире сомнительна, если они не предусматривают систематической работы по изменению человеческого состояния, которому мы обязаны нынешним кризисом. Исход этого процесса зависит от каждого из нас в той же мере, в какой эволюционное изменение сознания является необходимой предпосылкой для будущего всего мира.

Я написал эту книгу в надежде на то, что изложенные в ней концепции, методы и стратегии могут представлять ценность для тех, кто уже вовлечен в процесс внутренней транс-

**формации или хочет следовать по этому пути. Так мне хотелось выразить свое глубокое до-
верие и уважение к эволюционному процессу, к которому все мы причастны.**

Станислав Гроф

«Путешествие в поисках себя»

Измерения сознания

Новые перспективы в психотерапии и исследовании внутреннего мира

Издательство Трансперсонального Института

Москва

1994

Пиратски отсканировано сканнером

Hewlett-Packard HP

OCR-ed by Cuneiform 2.0 for Windows

при полном отсутствии оператора

январь 1997

Содержание

ОТ РЕДАКТОРА 8

ВВЕДЕНИЕ 10

ЧАСТЬ 1: Измерения сознания: новая картография внутреннего пространства .
17

Сенсорный барьер

и уровень биографических воспоминаний18

Встреча с рождением и смертью:

динамика перинатальных матриц 22

ПЕРВАЯ БАЗОВАЯ ПЕРИНАТАЛЬНАЯ

МАТРИЦА (БПМ-I): амниотическая вселенная....., ... 27

ВТОРАЯ БАЗОВАЯ ПЕРИНАТАЛЬНАЯ

МАТРИЦА (БПМ-II): космическая поглощенность

и, отсутствие выхода31

ТРЕТЬЯ БАЗОВАЯ ПЕРИНАТАЛЬНАЯ

МАТРИЦА (БПМ-III): борьба смерти и возрождения 37

ЧЕТВЕРТАЯ БАЗОВАЯ ПЕРИНАТАЛЬНАЯ

МАТРИЦА (БПМ-IV): переживание смерти

и возрождения45

За пределами мозга: трансперсональные

измерения психики 54

Расширение опыта в пределах общепринятой реальности,

пространства и времени 61

- 1. Выход за пределы пространственных границ . «» 61
- а. Переживание двуединства62
- б. Отождествление с другими людьми..... 63
- в. Отождествление с группой и групповое сознание.....65
- г. Отождествление с животными..... 68
- д. Отождествление с растениями и ботаническими процессами ...74
- е. Единство с жизнью и всем творением...76

ж, Переживание неодушевленной материи и неорганических

процессов 77

- з. Планетарное сознание.....81
- и. 'Внеземные переживания 83
- к. Отождествление со всей физической вселенной....., «34

л. Парапсихические феномены, всходящие за пределы

пространства: переживания вне тела, ясновидение

и яснослышание на расстоянии, «путешествия

- в пространстве» и телепатия....., «Д5
- 2. Выход за пределы линейного времени «», 9Q
- а. Внутриутробные переживания. 9()
- б. Опыт предков94
- в. Опыт расового и коллективного бессознательного.....97
- г. Переживания прошлых воплощений..., 99
- д. филогенетические переживания..... 109
- е. Переживания планетарной эволюции
- ж. Переживания космогенеза..... П14

з. Парапсихические феномены, выходящие за пределы времени: предвидение, ясновидение и яснослышание прошлых и будущих событий, психометрия, путешествия во времени П6

3. Физическая интроверсия и сужение сознания:

сознание органов, тканей и клеток,, П8

Эмпирический выход за пределы общепринятой

реальности и пространства-времени..... 120

- а. Спиритические и медиумические переживания 125
- б. Энергетические феномены тонкого тела

в. Встречи с духами животных..... 130

г. Встречи с духовными учителями

и сверхчеловеческими существами 135

д. Посещение других вселенных и встречи с их обитателями .. 137

е. Переживание мифологических и сказочных сюжетов 140

ж. Встречи с благодетельными и гневными божествами....., 144

з. Переживания универсальных архетипов 147

и. Интуитивное понимание универсальных символов 153

к. Творческое вдохновение и прометеев импульс, 155

к. Опыт Демиурга и переживание космического творения 156

л. Опыт космического сознания 158

м. Сверхкосмическая и метакосмическая пустота 161

Психоидные трансперсональные переживания..... 162

1. Синхронные связи между сознанием и материей 164

2.	Спонтанные психодные события	166
а.	Сверхнормальные физические явления	166
б. Спиритические феномены и физический медиумизм..... 167		
в.	Повторяющийся спонтанный психокинез (полтергейст) ...	168
г.	Неопознанные летающие объекты	170
3.	Намеренный психокинез.....	170
а.	Церемониальная магия.....	171
б.	Целительство и ведовство	171
в. Сидхи 172		
г. Лабораторный психокинез «174		
Философские проблемы, связанные		
с трансперсональными переживаниями174		
ЧАСТЬ 2: Новые перспективы в психотерапии		
и исследовании внутреннего мира..... 178		
<i>Принципы холотропной терапии 180</i>		
Терапевтические эффекты интенсивного		
дыхания (пневмокатарсис) 183		
Терапевтические возможности музыки.....		197
Целенаправленная работа с телом		207
Процедура холотропной терапии		213
Эффективные механизмы исцеления		
и трансформации личности 233		
Интенсификация известных терапевтических механизмов 236		
Динамические сдвиги в системах, управляющих психикой 241		
Терапевтические возможности процесса		
смерти и возрождения 249		
Терапевтические механизмы трансперсонального уровня 251		
Лечение как движение к целостности		253
Возможности и цели эмпирического самоисследования		265
Эмоциональная и психосоматическая терапия		266
Стремление к более вознаграждающей		
жизненной стратегии 275		
Философский и духовный поиск 281		
ПРИЛОЖЕНИЕ А		
Психоделики в психотерапии и самоисследовании 291		
Психоделические растения и вещества 291		
Ритуальное и психотерапевтическое		
использование психоделиков..... 297		
Принципы психоделической терапии..... 305		
ПРИЛОЖЕНИЕ Б		
<i>Таблица базовых перинатальных матриц 316</i>		
БИБЛИОГРАФИЯ..... 319		
ИНДЕКС 327		

От редактора

Эту книгу я ждал с 1985 года, когда, вдохновленный главой о холотропном дыхании в работе С. Грофа «За пределами мозга», я начал собственные эксперименты в этой области. Результатом одного из этих экспериментов, проводившихся на квартире врача, исследователя йоги, Якова Маршака, явилось предложение профессора А. И. Белкика провести демонстрацию холотропного дыхания для медиков-профессионалов во Всесоюзном центре психо-эндокринологии на Арбате, где тогда работал Я. Маршак.

Весной 1988 года я получил копию «Путешествия в поисках себя» и вскоре метод холотропного дыхания был в первый раз опробован официально. Результаты трехдневного семинара были столь удивительными, что о них докладывалось на Первой со-ветско-американской конференции по человеческим возможностям в конце лета этого же года. Майкл Мерфи, основатель и президент Эсаленского института шутил тогда, что неплохо бы теперь провести через такой опыт горбачевское Политбю-ро, чтобы лидеры перестройки на собственном опыте испыта-ли то, о чем они пишут в книгах. Шутки шутками, но весной 1989 года при активном содействии А. И. Белкина в Москву при-ехали супруги Гроф, которые прочли несколько лекций по транс-персональной психологии и провели четырехдневный семинар по холотропному дыханию.

Тогда мы попали под обаяние личности «большого Стэна», чей мягкий, глубокий голос, тихая сердечность, способность просто излагать сложнейшие профессиональные темы, открытое славян-ское лицо с карими, смотрящими из глубины в глубину глазами, с первой встречи завоевывали доверие.

Замечательный рассказчик, непревзойденный профессионал в эмпирической психотерапии и мастер самопознания, человек с ты-сячью талантами - таким раскрылся мне Стэн Гроф. И выхо-дящая серия «Текстов трансперсональной психологии» является одним из следствий полученных за время обучения у супругов Гроф знаний и завязавшихся тогда контактов.

Владимир Майков

ВВЕДЕНИЕ

Когда вы познаете себя,
тогда вы будете познаны
и вы узнаете, что вы -
дети Отца живого.

Если же вы не познаете себя,
тогда вы в бедности
и вы - бедность.

«Евангелие от Фомы», изр. 3

Знающий людей благоразумен.

Знающий себя просвещен.

Побеждающий людей силен.

Побеждающий самого себя могуществен.

«Дао дэ цзин», 33

Познай самого себя.

Сократ

В самом начале моей профессиональной карьеры ряд глубоких переживаний, вызванных психоделическими веществами, а так-же клинические данные по их воздействию на психиатрических пациентов привлекли мое внимание к значительному тера-певтическому и трансформирующему потенциалу необычных состояний сознания. Систематическое исследование теоретических и практических аспектов этих состояний стали центральной темой моих исследований в течение последующих тридцати лет.

В течении первых двадцати лет эта работа фокусировалась исключительно на различных психоделических веществах. Она осуществлялась сначала в Праге, а потом в Мэрилендском центре психиатрических исследований (штат Балтимор). Эта работа убедила меня в том, что психоделики - если они употребляются должным образом и под квалифицированным руководством - являются великолепным средством для психиатрии и психологии. В отличие от других препаратов, они не вызывают специфических лекарственно-зависимых состояний, а действуют как неспецифические катализаторы и усилители бес-сознательных процессов. Повышая энергетический уровень психики, они обнажают ее глубинные содержания и внутреннюю динамику.

Таким образом, клиническая работа с ЛСД и другими психоделиками - это не какое-то изучение экзотических психоактивных веществ, а может быть, наиболее многообещающий путь к исследованию человеческой психики. Результаты, полученные в психоделических исследованиях, непосредственно применимы и для измененных состояний сознания, вызванных различными нефармакологическими средствами. Они проливают новый свет на сведения из истории, антропологии и сравнительного религиоведения относительно древних мистерий смерти и возрождения, посвящений и ритуалов перехода, действий шаманов и других целителей, духовных практик различных религиозных и мистических традиций и других подобных феноменов, имеющих большое значение в различных культурах.

Необычные состояния сознания вызываются в подобных контекстах либо употреблением священных психоделических растений (подробнее см. в Приложении А), либо мощными не-медикаментозными техниками, в которых разнообразными способами сочетаются управление дыханием, пение, барабанный бой, монотонные движения танца, сенсорная перегрузка, социальная и сенсорная изоляция, пост, лишение сна. Интересно

отметить, что спектр переживаний, вызванных психоделическими веществами, практически не отличается от переживаний, индуцированных различными немедикаментозными средствами.

Подобные феномены могут также наблюдаться в работе с помощью современных лабораторных методов, способных вызвать необычные состояния сознания. К ним принадлежат различные формы биологической обратной связи, сеансы сенсорной изоляции в специальной кабине или ванне, использование визуальной или акустической перегрузки, лишение сна или быстрого сна, использование кинестетических средств вроде «вращающейся кушетки», электронная или акустическая стимуляция мозга и др. Феномены, переживаемые некоторыми испытуемыми в гипоксической камере, также могут напоминать психоделические состояния.

С точки зрения основной задачи этой книги специальный интерес представляет тот факт, что весь спектр переживаний, наблюдаемых в психоделических сеансах, может быть вызван различными формами немедикаментозной эмпирической (experiential) психотерапии, исследовательским гипнозом, «первичной» терапией, неорайхианскими методиками, гештальт-терапией, нудистским марафоном, акваэнергетикой, различными вариантами «ребефинга». Как будет показано позже, этот спектр переживаний характерен также для холотропной терапии - мощной техники, которую я и моя жена Кристина используем в течение последних десяти лет.

В этом контексте следует также упомянуть два типа ситуаций ненамеренного возникновения необычных состояний сознания в повседневной жизни. Прежде всего это эпизоды необычных переживаний, спонтанно возникающих у различных людей по неизвестным причинам. Традиционная психиатрия рассматривает их как заболевания неизвестной этиологии. Вторая категория ненамеренных необычных состояний сознания - это опыт близости смерти, о котором рассказывают около 40% людей, попавших в такие ситуации (Noody, 1975; Ring, 1980, Sa-Ь o m, 1982).

В части вышеописанного материала мы вынуждены опираться на исторические реконструкции. Другие ситуации требуют полевых исследований в примитивных культурах, иные же слишком элементарны или непредсказуемы, чтобы быть предметом систематического научного изучения. Тот факт, что подобные феномены находят свое соответствие в психоделических состояниях, обеспечивает уникальную возможность изучать их в контролируемых условиях лабораторного или клинического эксперимента. Это особенно важно потому, что сведения о необычных состояниях сознания имеют важные следствия для многих других областей исследований.

Эти новые данные столь существенны, что могут революционизировать наше понимание человеческой психики, психопатологии и психотерапевтических процессов. Значение некоторых наблюдений выходит за пределы психологии и психиатрии и представляет собой серьезный вызов общепринятой ньютоново-картезианской парадигме западной науки. Они могут решительно изменить наши представления о природе человека, о культуре и истории, о реальности в целом,

Широко распространившееся непрофессиональное использование психоделиков вызвало соответствующие административные, политические и юридические меры, из-за которых психоделические исследования стали чрезвычайно затруднены и непопулярны. По этой причине для меня было очень важно в течение последних десяти лет моей работы убедиться в том, что практически весь спектр психоделических феноменов может быть вызван простыми и безопасными

нефармакологическими средствами. Я и моя жена Кристина разработали для этой цели вполне эффективную технику.

Мы называем этот подход холотропной интеграцией, или холотропной терапией. Теоретически он основан на данных психоделических исследованиях. Он определенным образом соединяет контролируемое дыхание, музыку и другие виды звуковой технологии, фокусированную работу с телом и рисование мандал. Наш опыт с этой техникой ограничен работой в группе, длящейся не более четырех недель. Мы не имели возможности подвергнуть его контролируемому клиническому изучению, сравнимому с моими исследованиями психоделической терапии в Балтиморе.

Как бы то ни было, большинство участников наших рабочих групп нашли эту технику пригодной для самоисследования, обеспечивающей доступ к необычным трансформирующим и мистическим переживаниям, более эффективной, чем любая форма словесной терапии, с которой они были знакомы. Даже в ограниченных условиях коротких семинаров мы были свидетелями драматических улучшений различных эмоциональных и психосоматических состояний, часто беспокоивших людей на протяжении длительного времени. Во многих случаях путем неформальных расспросов по телефону, при встречах, в письмах мы могли убедиться, что эти изменения были устойчивыми. Некоторые коллеги, прошедшие у нас обучение и позже начавшие применять этот подход, пришли к тем же выводам.

В течение десяти лет мы использовали холотропное дыхание в работе с тысячами клиентов в Северной и Южной Америке, в различных странах Европы, в Австралии и Азии и нашли его одинаково эффективным, несмотря на значительные культурные различия. Эта книга является ответом на многочисленные просьбы о руководстве, в котором содержались бы основные сведения по теории и практике холотропной терапии в доступной не только профессионалам, но и широкой публике форме.

В моих предыдущих книгах внимание было обращено прежде всего на психоделическую работу, что, разумеется, ограничивало круг заинтересованных читателей. Поскольку многие новые данные не вписывались в рамки традиционных представлений, я должен был сопровождать материал обсуждением психологических теорий и полемизировать с традиционной ньютонокартезианской парадигмой. Предлагаемая книга отличается от предыдущих во многих важных отношениях. Хотя она и содержит много ссылок на психоделические исследования и описания психоделических состояний, основной упор здесь делается на простые нефармакологические техники самоисследования, легко доступные широкой публике и не ограниченные антипсиходелическим законодательством и другими сложностями психоделического экспериментирования. Все заинтересованные читатели в состоянии проверить наши утверждения в специально организованной эмпирической работе под надлежащим руководством.

В этой книге я не занимаюсь обсуждением связей между новым материалом и общепринятыми знаниями из психологии и других наук. Я предполагаю, что общий интеллектуальный климат достаточно изменился, так что многие читатели либо знакомы с теми аргументами, которые я мог бы привести, либо готовы принять новые данные и так. Поскольку я посвятил этому много страниц в своих предыдущих книгах, я отсылаю к ним тех читателей, которым теоретический контекст покажется необходимым, полезным или интересным,

Основные результаты моих клинических исследований с психоделиками довольно детально описаны в моей книге «ЛСД-психотерапия» (Grof, 1980).

Отношения между новыми представлениями и основными школами глубинной психологии подробно рассмотрены в моей последней книге «За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии» (Grof, 1985). Глава «Архитектура эмоциональных расстройств» в особенности важна в контексте предлагаемой книги и может рассматриваться как важное ее дополнение. Книга «За пределами мозга» содержит также подробное обсуждение научных парадигм и ограниченности ньютоно-картезианской парадигмы в науке. В этом контексте данные современных исследований сознания сопоставляются с революционным развитием в других научных дисциплинах и с различными аспектами нарождающейся парадигмы.

Поскольку данная книга задумана как легко читаемое руководство для самоисследования и эффективной психотерапии, я не хотел перегружать ее отступлениями в смежные проблемные области ради обоснования своих утверждений. Последним «доказательством» для читателей должен быть собственный опыт. Без него многое из того, что описано в этой книге, может показаться неубедительным, сколь бы ни подтверждалось это интеллектуальной аргументацией.

Первая часть книги посвящена картографии психики, разработанной мною в ходе клинической работы с психоделиками. В ней рассказывается об основных типах переживаний, доступных обычному человеку, если он начинает заниматься серьезным самоисследованием с помощью психоделиков или мощных нефармакологических эмпирических техник. Если модель человеческой психики, используемая в традиционной академической психотерапии, ограничена уровнем анализа воспоминаний, то новая картография подразумевает еще два уровня, выходящих за пределы биографии. Это перинашальский уровень, определяемый феноменами рождения и смерти, и трансперсональный уровень, который в принципе может опосредовать связь с любым аспектом феноменального мира и с различными мифологическими и архетипическими мирами. Я считаю знание этой картографии совершенно необходимым для безопасного и эффективного самоисследования.

Во второй части этой книги впервые детально описываются основные принципы холотропной юералии, комбинированной техники нефармакологической терапии, которую я уже упоминал ранее. Она может использоваться как независимо, так и в сочетании с психоделической терапией или другими формами эмпирической психотерапии и различными формами работы с телом. Это описание холотропной терапии не может, разумеется, заменить обучения, предполагающего личный опыт и работу с другими под квалифицированным наблюдением. Тем не менее оно содержит всю необходимую информацию как для испытуемых, так и для ведущих или помощников.

Специальный раздел посвящен механизмам терапии и трансформации личности, действующим в необычных состояниях сознания – спонтанных или вызванных фармакологическими или иными средствами. Хотя большая часть этих механизмов принципиально нова для западных терапевтических представлений, в действительности они являются довольно древними и играют важную роль в шаманских процедурах, целительских

и других ритуалах с незапамятных времен. Ныне они лишь за-ново открываются и переформулируются в современных науч-ных терминах.

Завершает книгу обсуждение возможностей и целей эмпири-ческого самоисследования, использующего терапевтические и трансформирующие механизмы необычных состояний сознания. В этом процессе эмоциональная и психосоматическая терапия соединяется с движением к более плодотворным жизненным стратегиям и поиском ответов на фундаментальные онтологи-ческие и космологические вопросы существования.

Приложение, рассматривающее вкратце вопросы психоде-лической терапии, завершает книгу как в тематическом, так и в историческом отношении. Как я уже упоминал, техника хо-лотропной терапии выросла из работы с психоделиками и хорошо с ней сочетается. Хотя психоделическая терапия сей-час практически невозможна, некоторым читателям этот раздел может показаться интересным либо потому, что у них уже был какой-то психоделический опыт, либо из чисто теоретических соображений. Я надеюсь, что в не столь отдаленном будущем эти уникальные средства будут возвращены психиатрии и пси-хологии. Когда это произойдет, психоделики займут свое мес-то в терапевтическом континууме, наряду с трансперсонально ориентированными интервью, юнгианской «песочницей», различными формами медитации, гештальт-терапией, телесно-ори-ентированной терапией, холомной интеграцией и всеми дру-гими подобными техниками, дополняющими друг друга и ра-ботающими в сходных направлениях. Тогда эти техники можно будет употреблять с необходимой гибкостью для безопасной и эффективной психотерапии и самоисследования. Я написал эту книгу в надежде, что по крайней мере неко-торые из читателей найдут ее полезным руководством для ис-следования себя, которое многие философы и святые считали одной из благороднейших целей человеческого существования.

Станислав Гроф, доктор медицины

Биг-Сур, Калифорния, январь 1986 года

Измерения сознания:

новая картография

внутреннего пространства

Традиционная психиатрия, психология и психотерапия опира-ются на фрейдовскую модель человеческой личности, ограни-ченную биографией и индивидуальным бессознательным челове-ка. Этот подход может представляться приемлемым в контек-сте психотерапевтического самоисследования, использующего вербальные техники, такие, как свободные ассоциации или ин-дивидуальное интервью.

Однако фрейдовская модель не дает возможности понять динамику эмоционального и психосоматического исцеления, трансформации личности и эволюции сознания, которые вызы-ваются мощными техниками, подобными психоделической те-рапии, трансовым танцам или различным эмпирическим под-ходам современной психотерапии. Эти техники мобилизуют и активизируют глубокие бессознательные и сверхсознательные уровни человеческой психики и требуют гораздо более широ-ких теоретических представлений. Человек, использующий эти техники для самоисследования или для оказания помощи дру-гим, должен располагать моделью или картографией психики, включающей трансбиографические уровни. Мы считаем знаком-ство с подобной картографией необходимой предпосылкой для любой серьезной внутренней работы и включаем ее

обсуждение в подготовительный этап как психоделической, так и холо-тропной терапии. Хотя представляемая далее модель предназначена для понимания динамики психоделических сеансов, она равным образом применима для глубинной эмпирической работы и при немедикаментозных подходах.

Новая картография наряду с традиционным уровнем био-графических воспоминаний включает два основных трансбио-графических уровня - перинатальный, связанный с переживанием рождения и смерти, и трансперсональный. Переживания всех трех категорий - биографические, перинатальные и транс-персональные - вполне доступны большинству людей. Они могут возникать в психоделических сеансах, в тех формах эмпирической психотерапии, которые используют дыхание, музыку, танец, работу с телом; они регулярно появляются во сне. Лабораторные техники изменения сознания - биологическая обратная связь, лишение сна, сенсорная изоляция или сенсорная перегрузка, различные кинестические средства - все это так-же может вызвать большую часть этих феноменов.

Существует широкий спектр древних и восточных духовных практик, которые разработаны специально для того, что-бы обеспечить доступ к перинатальным и трансперсональным областям. Не случайно поэтому, что новая модель психики во многом напоминает древние представления великих мистических традиций. Весь этот эмпирический спектр описан также историками, антропологами, специалистами по сравнительно-му изучению религии в виде различных шаманских процедур, ритуалов перехода-инициации и целительства, мистерий смерти и возрождения, трансовых танцев экстатических религий. Та-ким образом, современные исследования сознания впервые сделали возможным серьезный пересмотр древнего и западного опыта и подлинный синтез древней мудрости и современной науки (Grof, 1984).

Тот факт, что перинатальные и трансперсональные переживания могут появляться и в спонтанных эпизодах необычных состояний сознания, имеет далеко идущие последствия для понимания и лечения многих состояний, которые традиционная психиатрия рассматривает как психотические. В свете же новых наблюдений они могут рассматриваться как трансперсональные кризисы или «духовные опасности». При правильном понимании и правильном обращении с ними эти кризисы могут вести к эмоциональному и психосоматическому выздоровлению, трансформации личности и эволюции сознания (S. and C. Grof, 1986).

Сенсорный барьер и уровень

биографических воспоминаний

Техники, обеспечивающие эмпирический доступ к бессознательному, прежде всего активизируют органы чувств. В результате этого для многих людей глубокое самоисследование начинается с различных неспецифических сенсорных переживаний - элементарных визуализации цветов или геометрических фигур, звона или шума в ушах, тактильных ощущений в различных частях тела, вкусов или запахов. Эти более или менее абстрактные переживания, как правило, не имеют глубокого символического значения, так что они не важны для самоисследования и понимания самих себя. Скорее они представляют собой сенсорный барьер, который необходимо преодолеть перед началом путешествия вглубь психики.

Следующая область психики, доступ к которой открывается по мере развития процесса, обычно оказывается уровнем биографических воспоминаний и индивидуального бессознательного. Хотя принадлежащие этому уровню феномены

имеют большое практическое и теоретическое значение, нет необходимости описывать их здесь подробно, поскольку почти все традиционные психотерапевтические подходы со своей обширной профессиональной литературой занимаются нюансами психодинамики именно этого уровня. К сожалению, различные школы противоречат друг другу и не приходят к согласию относительно того, какие факторы психики наиболее значимы, почему возникает психопатология и как следует проводить психотерапию.

Переживания, принадлежащие этому уровню, связаны со значимыми событиями и обстоятельствами жизни человека от его рождения до настоящего момента. Неразрешенный конфликт, вытесненное или неинтегрированное воспоминание, некий незавершенный психологический гештальт - все это может всплыть из бессознательного и стать содержанием переживания.

Однако, чтобы это произошло, воспоминание должно быть достаточно эмоционально заряженным и соответствующим общей ситуации. Одно из важных преимуществ эмпирической психотерапии перед вербальными методами состоит в том, что технические приемы, способные непосредственно активизировать бессознательное, как некий радар сканируют систему психики, выделяют наиболее эмоционально заряженный и значимый материал и облегчают его доступ в сознание. Это не только избавляет терапевта от необходимости отделять значимое от незначимого, но и предохраняет его от принятия решений, которые неизбежно несли бы на себе отпечаток его принадлежности к той или иной школе и его личных наклонностей.

Биографический материал, появляющийся в эмпирической работе, в значительной степени соответствует представлениям Фрейда или его последователей. Есть, однако, несколько важных отличий. В глубокой эмпирической психотерапии биографический материал не вспоминается и не реконструируется, а действительно вновь переживается, включая не только эмоции, но и физические, визуальные и прочие ощущения и восприятия. Как правило, это происходит в полной возрастной регрессии к периоду жизни, в который происходили вспоминаемые события.

Нам удалось продемонстрировать, что возрастная регрессия, наблюдаемая в необычных состояниях сознания, является полной и подлинной. Неврологическое обследование человека, регрессировавшего к раннему детству, дает результаты, характерные для ребенка и нехарактерные для взрослого, в том числе наличие сосательного рефлекса и других так называемых осевых рефлексов, даже позитивного рефлекса Бабинского - веерообразного растопыривания пальцев ног в ответ на стимуляцию подошвенной части стопы заостренным предметом.

Другим важным отличием является то, что значимые биографические элементы в воспоминаниях появляются не изолированно, а образуют определенные динамические сгущения памяти, которые я назвал системами конденсированного опыта (СКО). СКО - это динамическое сочетание воспоминаний (с сопутствующими им фантазиями) из различных периодов жизни человека, которые объединяются сильным эмоциональным зарядом сходного качества, интенсивными физическими ощущениями определенного рода или общими важными элементами. Типичные примеры СКО, клинические иллюстрации их динамики и детальное обсуждение их роли в эмпирическом самоисследовании можно найти в моей книге «Области человеческого бессознательного: данные исследований ЛСД» (G g o f, 1975).

Сначала я понимал СКО как принцип, управляющий динамикой индивидуального бессознательного, когда обнаружил, что знание их существенно для понимания внутренних процессов на этом уровне. Однако позже стало очевидно, что

СКО являются общими организующими принципами, действующими на всех уровнях психики.

Большинство биографических СКО динамически связаны с определенными аспектами процесса рождения, то есть с пери-натальным уровнем психики. Перинатальные же темы и их элементы специфически связаны с соответствующим эмпирическим материалом из трансперсональной области. Обычно определенная динамическая СКО охватывает материал различных биографических периодов, биологического рождения и всевозможных областей трансперсонального мира, наподобие воспоминаний о других воплощениях, отождествления с животными и мифологическими мотивами.

В таком случае эмпирическое сходство этих тем различного уровня психики более важно, чем условные критерии ньютоно-картезианских воззрений, вроде того факта, что связываемые таким образом события разделены годами или столетиями, что человеческая психика отделена от животной непреодолимой пропастью, что элементы «объективной реальности» причудливо переплетены с архетипическими или мифологическими мотивами.

Последнее важное различие между словесной и эмпирической психотерапией состоит в том, что последняя отмечает значимость непосредственных физических травм в психологической истории человека. В традиционной психиатрии, психологии и психотерапии принято делать акцент исключительно на психологические травмы. Считается, что физические травмы не оказывают прямого влияния на психологическое развитие человека и не участвуют в образовании эмоциональных и психосоматических расстройств. Эта точка зрения совершенно не подтверждается наблюдениями глубинной эмпирической работы, в которой воспоминания о физических травмах оказываются чрезвычайно важными. В психоделической, холотропной и других подобного рода формах терапии весьма часто появляются воспоминания о тяжелых заболеваниях, телесных повреждениях, операциях, возможности утонуть и т. п., и значение этих случаев представляется гораздо большим, чем значение обычных психотравм. Эмоции и физические ощущения, оставшиеся от ситуаций, угрожавших выживанию или целостности организма, играют важную роль в развитии различных форм ихопатологии, что еще не нашло признания в академической науке.

Если, например, ребенок задохнулся при дифтерии и ему в последнюю минуту удалось спасти жизнь в больнице посредством трахеотомии, то в традиционной психотерапии это переживание угрозы жизни и крайнего физического дискомфорта не будет рассматриваться как травма, имеющая серьезное значение. Терапевт скорее сосредоточится на переживании, связанном с отделением от матери во время госпитализации, опыте одиночества, испуге при звуках медицинской сирены и т. п.

Психосоматические симптомы, такие, как астма, боль психогенного происхождения или истерический паралич, будут интерпретироваться как «соматизация» первичных психологических конфликтов. Между тем эмпирическая работа явно указывает на то, что травмы, несущие угрозу жизни, оставляют длительные следы в психике и вносят значительный вклад в развитие эмоциональных и психосоматических проблем: депрессий, суицидальных тенденций, состояний тревоги и фобий, садомазохистских наклонностей, сексуальных расстройств, мигреней и астмы. Фактически корни очевидных психосоматических проявлений всегда могут быть прослежены до бессознательных тем (на биографическом или трансперсональном уровнях), включающих в качестве важного элемента физическую травму.

Воспоминания о серьезных физических травмах представляют собой естественный переход от биографического уровня психики к перинатальному, связанному с переживанием рождения и смерти. Физические травмы подразумевают события пост-натальной жизни человека и являются биографическими по своей природе. Однако нахождение на грани жизни и смерти и переживание крайнего дискомфорта и боли связывает их с травмой рождения. По вполне понятным причинам в этом кон-тексте особенно важны воспоминания о болезнях и случаях, связанных со значительными затруднениями в дыхании, - пневмонии, дифтерии, сильном кашле, возможности утонуть и т. п.

Встреча с рождением и смертью:

динамика перинатальных матриц

По мере углубления процесса эмпирического самоисследования эмоциональная и физическая боль может достичь такой интенсивности, что человек как бы переходит границы индивидуального страдания и переживает боль целой группы людей, всего человечества или даже всего живого. Для этого опыта типично отождествление с ранеными или умирающими солдатами различных времен, мучениками подземелий, узниками концентрационных лагерей, гонимыми евреями или первыми христианами, с матерью или ребенком во время родов, с животным, настигнутым хищником. Этот уровень человеческого бессознательного представляет собой пересечение биографического опыта со спектром различных трансперсональных переживаний, к которым мы обратимся в следующем разделе.

Переживания этого уровня бессознательного обычно сопровождаются яркими физиологическими проявлениями, такими, как удушье различной степени, учащенный пульс и сердцебиение, тошнота и рвота, изменения в цвете кожи, колебания температуры тела, спонтанные кожные высыпания и появление сыняков, подергивания, дрожь и судороги, необычные двигательные феномены. В психоделических и немедикаментозных эмпирических сеансах, а также при неожиданно возникающих необычных состояниях сознания эти явления могут быть настолько подлинными и убедительными, что человек может поверить, что действительно умирает. Даже опытный присматривающий или свидетель подобного эпизода может воспринимать ситуацию как серьезную угрозу жизни.

На биографическом уровне лишь люди, действительно пережившие встречу с возможностью смерти, могут столкнуться с такого рода проблемами. Однако, когда процесс углубления в бессознательное выходит за биографические пределы, подобного рода переживания могут стать определяющими. Даже люди, не испытавшие угрозы жизни на собственном опыте, могут прямо переживать подобные феномены. Для тех же, кто пережил серьезные физические травмы, болезни, операции или опыт удушья, воспоминания об этих переживаниях играют роль связующего звена с этой областью.

Встреча со смертью при такой глубине самоисследования может органически переплетаться с различными явлениями, связанными с процессом биологического рождения. Встреча-ясь с предсмертной агонией, люди одновременно переживают родовые муки (как если бы они рожали или рождались). Кроме того, многие физиологические и поведенческие составляющие этих переживаний находят свое естественное объяснение как производные процесса рождения. В этом контексте часто встречается отождествление с плодом в утробе и переживание процесса собственного рождения с очень специфическими и достоверными подробностями.

Стихия смерти может быть представлена поочередным или даже одновременным отождествлением с больными, дряхлыми или умирающими людьми. Хотя полный спектр явлений этого уровня нельзя сводить к повторному переживанию биологического рождения, родовая травма представляет собой, по-видимому, сердцевину этого процесса. Поэтому я называю данную область бессознательного перинатальной.

Термин перинатальный (perinatal) - составное греческо-латинское слово, в котором приставка peri означает «вокруг» или «поблизости», а корень natalis указывает на отношение к рождению. В медицине это слово употребляется для обозначения процессов, предшествующих родам, связанных с ними или следующих непосредственно за ними (так, например, говорят о перинатальной инфекции или перинатальном повреждении мозга). В отличие от традиционного использования термина в акушерстве, здесь он будет применяться для обозначения психических переживаний. Современная нейрофизиология отрицает возможность воспоминаний о рождении в силу того, что кора головного мозга еще не миелинизирована. Однако невозможно отрицать наличие подпинных перинатальных переживаний; частота их возникновения и их огромная клиническая значимость должны послужить поводом для пересмотра исследователями мозга своих теорий.

Связь между биологическим рождением и перинатальными переживаниями глубока и специфична. Это дает возможность использовать стадии биологических родов для построения теоретической модели, позволяющей понять динамику перинатального уровня бессознательного и даже прогнозировать процесс самоисследования на этом уровне,

Перинатальные переживания организованы в типичные тематические группы, базовые характеристики которых эмпирически связаны с анатомическими, физиологическими и биохимическими аспектами определенных клинических стадий рождения. Модель, основанная на этих стадиях, дает новое понимание динамической архитектуры различных форм психопатологии и создает революционные возможности для терапии (Grof, 1985).

Несмотря на свою тесную связь с биологическим рождением, перинатальный процесс выходит за рамки биологии и содержит важные психологические, философские и духовные измерения, так что здесь неуместен механистический редукционизм. Имея дело с мощной динамикой перинатального процесса в качестве переживающего данный процесс субъекта или в качестве исследователя, человек глубоко вовлекается в него и может увидеть в нем универсальный объяснительный принцип, однако в более широкой перспективе это может оказаться препятствием, требующим преодоления. Модель процесса рождения является мощным объяснительным принципом в рамках феноменов специфического уровня бессознательного. Когда же процесс эмпирического самоисследования переходит к трансперсональным областям психики, необходимо использовать иные представления.

Некоторые важные характеристики перинатального процесса ясно указывают, что этот феномен гораздо шире, чем просто повторное переживание процесса биологического рождения. Клиническая работа с необычными состояниями сознания показывает, что многие формы психопатологии имеют глубокие корни в феноменах этого уровня. Эмпирическое переживание смерти и возрождения оказывает сильное терапевтическое воздействие на различные эмоциональные и психосоматические симптомы, связанные с травматическими последствиями рождения как для ребенка, так и для матери. Однако оно имеет и трансперсональные

измерения и ведет к глубоким изменениям в системе представлений о мире, фундаментальной иерархии ценностей и жизненных стратегий.

Эмпирическое переживание смерти и возрождения часто связывается с экзистенциальным кризисом, в котором человек серьезно пересматривает смысл собственной жизни и существования в целом. Этот кризис может быть успешно разрешен только посредством внутренней связи с духовными измерениями психики и глубинными ресурсами коллективного бессознательного. Возникающие в результате этого изменения личности и развитие сознания сравнимы с изменениями, описываемыми в контексте древних мистерий смерти и возрождения, посвящений в тайные общества или так называемых «ритуалов перехода». Таким образом, перинатальный уровень бессознательного представляет собой важную промежуточную область между индивидуальным и коллективным бессознательным, или между традиционной психологией и мистикой.

Переживания смерти и возрождения, отображающие перинатальный уровень бессознательного, богаты и сложны. События, связанные с различными стадиями или аспектами биологического рождения, как правило, перемежаются или ассоциируются с многочисленными мифологическими, мистическими, архетипическими, историческими, социополитическими, антропологическими или филогенетическими трансперсональными переживаниями. Они проявляются в четырех эмпирических структурах или сгущениях, связанных с клиническими стадиями рождения ребенка.

Связь с переживаниями плода на стадиях биологического рождения обеспечивает избирательный доступ к специфическим областям коллективного бессознательного, воплощающим сходные состояния сознания. Для теории и практики эмпирической работы самопознания оказалось полезным постулировать существование четырех гипотетических динамических матриц, управляющих процессами на перинатальном уровне бессознательного. Они называются базовыми перинатальными матрицами (БПМ).

Помимо того, что эти матрицы обладают специфическим эмоциональным и психосоматическим содержанием, они являются также принципом организации материала различных уровней бессознательного. Различные аспекты биографического уровня - насилие и жестокость, угрозы, разлука, боль, удушье или, наоборот, состояния биологической и эмоциональной удовлетворенности - тесно связаны со специфическими аспектами БПМ.

Развертывание перинатального уровня часто сопровождается также трансперсональными переживаниями вроде архетипических видений Великой Матери или Ужасной Богини-Матери, Рая, Чистилища, Ада, отождествлением с животными, с опытом прошлых воплощений. Как и в случае связи СКО и БПМ, связующим звеном между БПМ и трансперсональными феноменами оказываются сходные эмоциональные или физические переживания.

БПМ имеют специфическое отношение к активности во фрейдовских эrogenных зонах и к различным формам психопатологии (см. Приложение Б). Далее я опишу базовые перинатальные матрицы в последовательности соответствующих стадий биологического рождения. Этот порядок редко воспроизводится в процессе глубинного самоисследования; здесь темы различных матриц, как правило, образуют весьма разнообразные сочетания.

ПЕРВАЯ БАЗОВАЯ ПЕРИНАТАЛЬНАЯ

МАТРИЦА (БПМ I):

амниотическая Вселенная

Биологическая основа этой матрицы - опыт исходного симбиотического союза плода с материнским организмом во время его внутриутробного существования. Если не возникает каких-либо помех, такая жизнь близка к идеальной. Однако различные факторы физической, химической, биологической и физиологической природы могут отрицательно повлиять на это состояние. На более поздних стадиях ситуация может стать менее благоприятной также из-за размера плода, механического сжатия или неудовлетворительной работы плаценты.

Перинатальный опыт может быть вновь пережит в конкретной биологической форме или в сочетании с различными символическими образами и другими феноменами, с которыми он связан. Отношение между индивидуальными стадиями рождения и связанными с ними темами очень специфично, избирательно и следует своей глубоко эмпирической логике. отождествление с плодом на различных стадиях процесса рождения, по-видимому, обеспечивает избирательный доступ к темам трансперсональной области, основанным на сходных эмоциональных состояниях или психосоматических переживаниях. Одни из них выглядят как последовательность архетипов, другие отображают ситуации из коллективной памяти человечества или даже из «голографических архивов природы», связанных с животным, растительным и минеральным царствами.

Так, элементы безмятежного внутриутробного состояния могут сопровождаться или перемежаться переживаниями, для которых характерно отсутствие границ или препятствий (например, переживаниями океанического сознания), или глубоким эмпирическим отождествлением с различными водными формами жизни (водорослями, медузами, рыбами, дельфинами, китами), пребыванием в невесомости в межзвездном пространстве или в космическом корабле, находящемся на орбите. Картины природы в ее лучших проявлениях безопасности и изобилия (Природа-Мать), также являются характерными и логически естественными спутниками блаженного внутриутробного состояния,

Из архетипических образов коллективного бессознательного, которые доступны в этом состоянии, можно выделить видения Царства Небесного, или Рая, в представлениях различных мировых культур. Архетипические описания Рая часто содержат обширные открытые пространства: небо, сияющие небесные тела - Солнце или звезды - и другие элементы и характеристики астрономического космоса. Образы Рая в различных культурах часто связаны также с прекраснейшими образами природы, с описанием красивых цветов, роскошных фруктов, экзотических птиц, со сверканием золота, серебра и драгоценных камней, струями фонтанов или потоков жизни.

Все подобные переживания имеют мистический оттенок,

Наиболее же сильным выражением священного и духовного

качества БПМ-1 является переживание космического единства, мистического единения. Для подобных переживаний характерно преодоление пространства и времени, охваченность экзотическими чувствами (аполлонический, или океанический экстаз), чувство единства всего существования, в котором отсутствуют все границы, и глубокое почтение и любовь ко всему творению.

Патологические отклонения во внутриутробной жизни ас-социируются с образами и переживаниями подводных опасно-стей, загрязненных потоков, озер или морей, зараженной или враждебной природы - ядовитой почвы, вулканической грязи, промышленных отходов и свалок, пустынь и пустырей. Эти образы вызваны тем, что большая часть внутриутробных отклонений связана с токсичностью плаценты или с недостаточным питанием. Более грубые нарушения - опасность выкидыша или попытка аборта - переживаются как та или иная форма универсальной угрозы или связываются с кровавыми апокалип-тическими видениями конца света.

Возможно также отождествление с солдатами, подвергши-мися химическому нападению, смертниками в газовых каме-рах, отравленными людьми или животными. Наиболее часто встречающиеся архетипические образы - различные коварные демоны, метафизические силы зла, злоторные астральные вли-яния в мифологическом облачении различных культур мира. На смену мистическому растворению границ, характерному для блаженного внутриутробного существования, приходит их пси-хотическое искажение и дезинтеграция всех знакомых и надеж-ных структур, сопровождающаяся параноидальным страхом.

Позитивные аспекты первой перинатальной матрицы тесно связаны с воспоминаниями о симбиотическом союзе с матерью при грудном вскармливании, с позитивными СКО, с воспомина-ниями о моментах расслабления, удовлетворения, безопаснос-ти, покоя ума и о наслаждении сценами природы и произведени-ями искусства. Подобные избирательные связи осуществляются также и с родственными позитивными трансперсональными переживаниями. Негативные аспекты БПМ-1 связываются с определенного рода негативными СКО и с соответствующими негативными трансперсональными элементами.

Что касается фрейдовских эrogenных зон, позитивные ас-пекты БПМ-1 связаны с биологическим и психологическим состоянием, в котором нет напряжений в какой-либо из этих областей и удовлетворены все частные влечения. Негативные аспекты БПМ-1 имеют, по-видимому, специфическое отноше-ние к тошноте и желудочно-кишечным расстройствам. Я проиллюстрирую динамику перинатальных матриц запи-сями своих учебных психоделических сеансов. В следующих переживаниях (доза составляла 300 микрограмм ЛСД) основ-ное влияние оказывала БПМ-1. Мы неоднократно наблюдали по-добные переживания во время сеансов холотропного дыхания. Мне захотелось свернуться калачиком. Я начал как бы умень-шаться в размерах. Я плывал в сияющей жидкости, окруженный сверкающей прозрачной вуалью. Нетрудно было узнать в этом состоянии глубокую регрессию, возвращение к состоянию плода в утробе. Тонкое, но глубокое чувство блаженства и бесконеч-ный мир - мир, превосходящий всякое понимание, - перепол-няли мое существо. Станным и парадоксальным казалось то, что я становился все меньше и меньше, уменьшаясь до полного ис-чезновения, и вместе с тем как будто не имел границ и достигал бесконечности.

Моя фантазия игриво предложила мне идею, что я - граци-озная медуза, лениво плавающая в океане, мягко колышущаяся в потоках воды. Отождествление, первоначально неуверенное, как во сне, постепенно становилось все более и более реальным. Появились примитивные, весьма убедительные филогенетические ощущения; я пережил множество странных процессов, не имею-щих ничего общего с обычными человеческими ощущениями. Это постепенно стало переходить в отождествление с разного рода рыбами и'водорослями, столь же подлинное и поразительное по богатству биологических деталей.

Но одновременно со всем этим постоянно присутствовало ощущение, что я плод, плавающий в утробе и связанный с мате-ринским организмом через пуповину и плаценту. Я ощущал сложный и богатый обмен, происходивший между нами, частично би-охимический и физиологический, частично эмоциональный и даже телепатический. В какой-то момент мною завладела тема крови как священной жизнедающей субстанции. Я чувствовал связь с матерью через плаценту и ясно ощущал поток крови в артериях и венах, прохождение кислорода и питательных веществ и удаление продуктов метаболизма. Это перемежалось различными архетипическими и мифологическими темами, сосредоточенными вокруг значения крови и различных ее свойств. Внезапный сдвиг на более поверхностный уровень принес также другой аспект сходного переживания - подлинное отождествление с кормящимся младенцем, где священной субстанцией было молоко.

И вдруг эти позитивные переживания были прерваны волнами сильного физического и эмоционального дискомфорта и чувством непонятной таинственной угрозы. Это состояние имело определенный химический аспект - я чувствовал себя отравленным, больным, меня подташнивало. Ужасный вкус во рту чуть не довел меня до рвоты. В то же самое время я чувствовал, что мною овладели темные метафизические силы. Когда этот эпизод демонического нападения закончился и поле переживания вновь расчистилось, я вернулся к глубокому океаническому блаженству. Я подумал, что моему внутриутробному существованию, наверное, нанесло вред какое-то событие в материнском организме.

Затем океанические переживания сменились космическими. Я чувствовал себя космонавтом, плавающим в безграничном космическом океане, связанным поддерживающим жизнь шлангом с «кораблем-маткой», но одновременно с этим я оставался и зародышем, Вселенная звезд и ясно очерченный в ней Млечный путь - все эти миллионы галактик давали мне чувство невероятного покоя и невозмутимости. Оно было настолько всеобъемлющим и вневременным, что события любого рода и любого масштаба казались незначительными пустяками,

По мере того как сеанс подходил к концу, переживания вернулись на Землю, однако чувство вневременности продолжалось, приняв иную форму. Я стал секвойей, безучастно наблюдающей течение тысячелетий, наподобие гигантской статуи Будды, неподвластной суете и хаосу человеческой жизни с ее повторяющимися циклами смерти и рождения. Как бы для того, чтобы подчеркнуть незначимость размеров в мире сознания, переживание превратило меня в колючую конусообразную сосну в горах Сьер-ры, которая также живет тысячи лет.

Вернувшись к нормальному сознанию, я был полон почтения к чуду жизни и дарам природы. Я видел много образов Матери-Земли, питающей своих детей, - зеленые пастбища, поля ржи и пшеницы, фруктовые сады, плодоносную долину Нила, земной рай полинезийских островов.

ВТОРАЯ БАЗОВАЯ ПЕРИНАТАЛЬНАЯ МАТРИЦА (БПМ-II):

космическая поглощенность

и отсутствие выхода

Эта эмпирическая структура связана с началом биологического рождения, с его первой клинической стадией. Первоначальная гармония и равновесие существования плода здесь нарушаются сначала предупреждающими химическими сигналами, а затем механическими сокращениями матки. Когда эта стадия полностью разворачивается, плод периодически сжимается

маточными спазмами. В это время система еще полностью зам-кнута: шейка матки не раскрыта, выход недоступен. Поскольку-ку артерии, снабжающие плаценту, сложным образом пронизывают мышцы матки, каждое ее сокращение ограничивает приток крови, а значит, кислорода, питания и тепла для зародыша.

Конкретные воспоминания об угрозе, которую представля-ет собой для плода начало родов, получают свое символичес-кое соответствие в образах космического поглощения. Это всеобъемлющее чувство возрастающей тревоги и ощущение надвигающейся опасности для жизни. Источник этой опасно-сти определить невозможно, так что восприятие мира стано-вится параноидальным. Это может выразиться в убедительном переживании отравленности, подверженности влиянию гипноза или дьявольских козней, охваченности демоническими силами или в представлениях о нападении инопланетян.

Для этой ситуации характерно видение спирали, воронки или водоворота, неумолимо засасывающих человека в свои щих ничего общего с обычными человеческими ощущениями. Это постепенно стало переходить в отождествление с разного рода рыбами и водорослями, столь же подлинное и поразительное по богатству биологических деталей.

Но одновременно со всем этим постоянно присутствовало ощущение, что я плод, плавающий в утробе и связанный с мате-ринским организмом через пуповину и плаценту. Я ощущал слож-ный и богатый обмен, происходивший между нами, частично би-охимический и физиологический, частично эмоциональный и даже телепатический. В какой-то момент мною завладела тема крови как священной жизнедающей субстанции. Я чувствовал связь с матерью через плаценту и ясно ощущал поток крови в артериях и венах, прохождение кислорода и питательных веществ и уда-ление продуктов метаболизма. Это перемежалось различными архетипическими и мифологическими темами, сосредоточенными вокруг значения крови и различных ее свойств. Внезапный сдвиг на более поверхностный уровень принес также другой аспект сходного переживания - подлинное отождествление с кормящим-ся младенцем, где священной субстанцией было молоко.

Я вдруг эти позитивные переживания были прерваны волна-ми сильного физического и эмоционального дискомфорта и чув-ством непонятной таинственной угрозы. Это состояние имело определенный химический аспект - я чувствовал себя отравлен-ным, больным, меня подташнивало. Ужасный вкус во рту чуть не довел меня до рвоты. В то же самое время я чувствовал, что мною овладели темные метафизические силы. Когда этот эпизод демонического нападения закончился и поле переживания вновь расчистилось, я вернулся к глубокому океаническому блаженству. Я подумал, что моему внутриутробному существованию, навер-ное, нанесло вред какое-то событие в материнском организме.

Затем океанические переживания сменились космическими. Я чувствовал себя космонавтом, плавающим в безграничном косми-ческом океане, связанным поддерживающим жизнь шлангом с «ко-раблем-маткой», но одновременно с этим я оставался и зароды-шем. Вселенная звезд и ясно очерченный в ней Млечный путь - все эти миллионы галактик давали мне чувство невероятного покоя и невозмутимости. Оно было настолько всеобъемлющим и вневременным, что события любого рода и любого масштаба каза-лись незначительными пустяками.

По мере того как сеанс подходил к концу, переживания вер-нулись на Землю, однако чувство вневременности продолжалось, приняв иную форму. Я стал секвойей, безучастно наблюдающей течение тысячелетий, наподобие гигантской статуи Будды, непод-властной суеде и хаосу человеческой жизни с ее повторяющи-центр, переживание поглощения ужасным чудовищем - гигант-ским драконом,

левиафаном, питоном, крокодилом или китом, нападения чудовищного осьминога или тарангула. Менее драматический вариант того же переживания - спуск в опасное подземелье, царство мертвых, систему темных подземных пещер или таинственный лабиринт. Соответствующая мифологическая тематика - начало путешествия героя, падение ангелов или потерянный рай.

Некоторые из этих образов могут показаться странными аналитическому уму, однако они соответствуют логике глубинных переживаний. Так, водоворот представляет собой серьезную опасность для организма, свободно плывущего в водной среде, и вынуждает его к опасному целенаправленному движению. Равным образом и поглощение превращает свободу в опасное для жизни ограничение, что как раз и похоже на положение плода, зажатого в открывающемся родовом канале. Спрут охватывает, сковывает организм и угрожает ему. Паук ловит в свою паутину и обездвиживает насекомых, которые до того свободно порхали в неограниченном воздушном пространстве.

Символическое выражение полностью развернутой первой клинической стадии родов - это переживание отсутствия выхода или ада. Это чувство втянутости, всосанности, пойманности в клаустрофобический, кошмарный мир, переживание невероятных душевных и телесных мучений. Ситуация, как правило, невыносима и представляется бесконечной и безнадежной. Человек теряет ощущение линейного времени и не видит ни конца этой пытке, ни какого-либо способа избежать ее. Это может выразиться в эмпирическом отождествлении с узниками подземелий или концентрационных лагерей, обитателями психиатрических лечебниц, грешниками в аду или с архетипическими фигурами, символизирующими вечное проклятие, - такими, как Вечный жид Агасфер, Летучий голландец, Сизиф, Тантал или Прометей. Часто встречаются также образы людей или животных, одиноко умирающих от голода или от невыносимых природных условий в пустынях, в снегах Сибири или в арктических льдах. Логика этих тем отображает тот факт, что сокращения матки лишают плод притока крови к плаценте, то есть не только значимой связи с миром и человеческого контакта, но также и источников питания и тепла.

Находясь под влиянием этой матрицы, человек перестает воспринимать позитивные возможности в мире и в своей жизни. Эти состояния сознания обычно сопровождаются мучительными чувствами одиночества, беспомощности, безнадежности, униженности, неадекватности, экзистенциального отчаяния и вины. Сквозь призму этих переживаний человеческая жизнь кажется бессмысленным театром абсурда, карточным фарсом, механической толчеей роботов или жестоким цирковым представлением.

БПМ-II привлекает к себе соответствующие СКО, представляющие человека как пассивную и беспомощную жертву превосходящей деструктивной силы, не имеющую шансов на спасение. Она также связана с трансперсональными темами сходного характера.

Что касается фрейдовских эрогенных зон, эта матрица, по-видимому, связана с состояниями неприятных напряжений, боли и фрустрации. На оральном уровне это голод, жажда, тошнота и болезненные раздражения рта; на анальном уровне - задержка кала, на уретральном - задержка мочи. Соответствующие ощущения на генитальном уровне - сексуальная фрустрация, а также боль, испытываемая женщиной на первой стадии родов.

Следующий отчет о моем психоделическом сеансе при дозе 300 микрограмм ЛСД - типичная иллюстрация переживаний под преимущественным влиянием БПМ-II (эта часть отчета выделена прямыми скобками) с несколькими начальными тема-

ми, связывающими перинатальный уровень с биографическим, и с элементами БПМ-IV в конечной фазе.

Примерно через 40 минут после приема препарата я почувствовал, что быстро регрессирую в беззаботный мир удовлетворенного ребенка. Физические ощущения, эмоции и восприятия стали крайне примитивными и подлинно младенческими; они были связаны с произвольными сосательными движениями губ, сильным слюноотделением и периодически появлявшейся отрыжкой.

Время от времени это прерывалось различными эпизодами лихорадочной, насыщенной событиями жизни обычного взрослого человека, полной напряжений, конфликтов и боли. Сравнивая их с райским состоянием младенца, я вдруг понял, что всем нам свойственно глубокое стремление вернуться к этому безмятежному младенческому состоянию. Появился образ Папы Римского с усыпанным драгоценными камнями крестом; на руке его блестяло искусно украшенное кольцо с геммой; толпы народа смотрели на него снизу с огромной надеждой. За этим последовало видение бесчисленных тысяч мусульман вокруг Каабы в Мекке с тем же выражением глубочайшей веры. Затем появились какие-то толпы с красными знаменами, глядящие вверх на гигантские изображения коммунистических вождей во время парада на Красной площади, и миллионы китайцев - последователей Председателя Мао. Я ясно чувствовал, что сила, стоящая за этими великими религиями и политическими системами, - это потребность вновь испытать состояние полноты и удовлетворения, переживаемое в раннем младенчестве.

[По мере нарастания действия препарата я внезапно ощутил приступ панической тревоги. Все потемнело и стало угрожающе надвигаться на меня, мир как бы замкнулся. Образы повседневных невзгод, которые раньше появлялись в качестве контраста к младенческой безмятежности, теперь неумолимо овладели мною, Я почувствовал полную бессмысленность человеческого существования, наполненного страданием от рождения до смерти. Мне стало понятно, что хотели сказать философы-экзистенциалисты и авторы театра абсурда. ОНИ ЗНАЛИ: наша жизнь - чудовищный фарс, жестокая шутка, сыгранная с человечеством.

Мы рождены в страдании, страдаем в течение всей своей жизни и в страдании умираем. Я прочувствовал одновременно боль рождения и агонию умирания, они неразделимо смещались во мне. Это привело к поистине ужасному открытию: человеческая жизнь кончается тем же переживанием, с которого она началась. Все остальное - лишь вопрос времени, «ожидание Годо»! Не это ли так ясно понял Будда?

Мне казалось важным найти в жизни хоть какой-то смысл, чтобы противопоставить его опустошающим прозрениям; должно же быть что-то осмысленное! Но опыт безжалостно и методично разрушал все мои попытки. Каждый образ, который мне удавалось создать, чтобы показать осмысленность человеческой жизни, немедленно подвергался отрицанию или осмеянию. Недолго продержался древнегреческий идеал блестящего ума и прекрасного тела. Физические достижения наиболее энергичных и упорных «бодибилдеров» кончались старческим маразмом, и тела их разрушались, как и тела всех прочих. Знания, собранные в течение многих тысяч часов упорных занятий, частично забывались, частично становились жертвой органического старения мозга. Я видел людей,

известных своими великими интеллектуальными достижениями, с трудом справлявшихся в старости с самыми обыденными делами. А смерть тела и ума приносила окончательное разрушение всех знаний, накопленных за долгую жизнь. Но может быть спасение в детях? Не являются ли они благородной, высокой целью? Однако образы симпатичных улыбающихся малышей сменялись сценами их взросления. Они старели и в конце концов тоже умирали. Невозможно найти смысл собственной жизни в продлении рода, если жизнь потомков так же бессмысленна, как и твоя собственная.

Образы абсурдности и бессмысленности человеческой жизни становились невыносимыми. Мир был полон боли, страдания и смерти. Либо я почему-то был невосприимчив к позитивным аспектам существования, либо их просто-напросто не было. Существовали лишь неизлечимые болезни, к которым принадлежала и сама жизнь, существовало нездоровье, всякого рода жестокость, насилие, преступления, войны, революции, тюрьмы и концентрационные лагеря. Как же я не видел всего этого раньше? Чтобы находить в жизни что-нибудь хорошее, нужно носить розовые очки и постоянно обманывать себя. Мои розовые очки, по-видимому, разбились, и я никогда не смогу дурачить себя, как раньше.

Я чувствовал себя пойманным в круг невыносимого эмоционального и физического страдания, которое будет длиться вечно. Из этого кошмарного мира не было выхода. Даже смерть - пришедшая сама по себе или вызванная самоубийством - не казалась спасением. ЭТО БЫЛ АД! Несколько раз переживания действительно принимали форму архетипических inferнальных ландшафтов. Но постепенно я почувствовал, что в этой мрачной философской перспективе есть измерение, которого я раньше не замечал. Я всем телом ощутил механическое сдавливание и сжатие, максимум давления приходился на лоб. Я понял, что все это как-то связано с переживанием воспоминаний о моем биологическом рождении; о мучительном опыте сдавленности в родовом канале.

Если так, то, может быть, ситуация только казалась безнадежной: такой она представлялась борющемуся младенцу. Может быть, выход был, и задача состояла в том, чтобы завершить переживание своего рождения опытом появления в мир. Однако в течение длительного, как вечность, времени я не был уверен, что мне удастся пережить это завершение, потому что для этого нужно было найти смысл жизни, а как раз это было мне недоступно. Если это было условием освобождения, надежда была невелика.

Внезапно, без всякого предупреждения, давление исчезло, как по волшебству, и я был освобожден из объятий родового канала. Я был переполнен светом и неопишуемой радостью, я переживал новую связь с миром и с потоком жизни. Все казалось свежим и сияло красками, как на лучших картинах Ван Гога. Я чувствовал здоровый аппетит; стакан молока, простой сэндвич и несколько фруктов имели вкус нектара и амброзии олимпийских богов.

Позже я смог пересмотреть в уме свои переживания и сформулировать для себя полученный урок. Глубокие религиозные и утопические стремления людей отражают не только потребность в простом счастье внутриутробного существования, как мне показалось в начале сеанса, но также и жажду избавиться от кошмарных воспоминаний о травме рождения, обретя свободу появившегося на свет младенца. Но и это только поверхность: за всеми биологически детерминированными потребностями лежит подлинное стремление к трансценденции, которое не может быть описано никакой простой формулой естественных наук.

Я понял, что неполнота человеческой жизни объясняется тем, что мы не справились с травмой рождения и страхом смерти. Мы родились только анатомически, но не завершили и не интегрировали этот процесс психологически. Вопросы о смысле жизни симптоматичны для этой ситуации. Поскольку жизнь циклическа и включает в себя смерть, невозможно найти ее смысл посредством разума и логики. Нужно настроиться на поток жизненной энергии и наслаждаться собственным существованием - тогда ценность жизни самоочевидна. После этого переживания я чувствовал себя спортсменом, радостно скользящим на доске по волнам жизни.

ТРЕТЬЯ БАЗОВАЯ ПЕРИНАТАЛЬНАЯ МАТРИЦА (БПМ-III):

борьба смерти и возрождения

Многие важные аспекты этой матрицы объясняются ее связью со второй клинической стадией родов, когда продолжаются сокращения матки, но, в отличие от предыдущей стадии, шейка матки раскрыта, что позволяет плоду постепенно продвигаться по родовому каналу. Это чудовищная борьба за выживание, в которой младенец подвергается сокрушительному механическому давлению, испытывает недостаток кислорода и удушье.

Я уже отмечал, что по анатомическим причинам каждое сокращение матки ограничивает приток крови к плоду, и ограничение его на этой стадии родов усугубляется многими осложнениями. Пуповина может оказаться зажатой между головой и тазовым отверстием или захлестнуться вокруг шеи. Если пуповина коротка анатомически или укорочена петлями, образовавшимися вокруг различных частей тела младенца, она может при натяжении оторвать плаценту от стенки матки. Это прерывает связь с материнским организмом и может привести к опасному удушью. На конечной стадии родов младенец может оказаться в непосредственном контакте с различными биологическими материалами - околоплодной жидкостью, кровью, слизью, мочой и даже калом.

В регрессивных терапевтических переживаниях сложный и разветвленный паттерн БПМ-III принимает форму решительной борьбы с смертью и возрождения. Кроме реалистического воспроизведения различных аспектов борьбы в родовом канале, он включает широкий спектр архетипических и других трансперсональных феноменов, появляющихся в виде типичных групп и последовательностей. Самые важные из них - элементы титанической борьбы, садомазохистские переживания, сильное сексуальное возбуждение, демонические эпизоды, скатологические переживания и встреча с огнем. Все эти аспекты и стороны БПМ-III в силу глубокой эмпирической логики могут быть связаны с различными анатомическими, физиологическими и эмоциональными характеристиками соответствующих стадий родов.

Титанический аспект объясняется чудовищностью сил, действующих на этой стадии родов. Нежная головка младенца втискивается в узкую тазовую полость сокращениями матки с силой от пятидесяти до ста фунтов. Регрессивно воспроизводя этот аспект БПМ-III, человек сталкивается с сокрушительными потоками энергии, усиливающейся до взрывоподобного извержения. Часто это переживается как отождествление с неистовыми силами природы - вулканами, электромагнитными бурями, землетрясениями, волнами прилива или ураганами. Это могут быть также сцены войн или революций, огромные энергетические, технологические объекты высокой

мощности - термоядер-ные реакторы, атомные бомбы, танки, космические корабли, ракеты, лазеры и т.п.

В более мягкой форме это может быть участием в опасных приключениях - охоте или схватке с дикими животными, боях гладиаторов, увлекательных исследованиях, освоении новых земель. Соответствующие архетипические и мифологические образы - Страшный Суд, Чистилище, необыкновенные подвиги мифологических героев, битвы космического размаха между силами света и тьмы, богами и титанами.

Агрессивные и садомпзохистские аспекты этой матрицы отображают одновременно деструктивные силы, действию которых плод подвергается в родовом канале, и его яростную биологическую реакцию на удушье, боль и тревогу. Таким образом, садизм и мазохизм, будучи двумя аспектами одного и того же эмпирического процесса, двумя сторонами одной монеты, образуют логическое единство - садомазохизм. В этом контексте часто появляются сцены кровавых жертвоприношений, самопожертвования, насилия над собой и другими, пыток, казней, поединков, бокса, вольной борьбы, садомазохистские сцены и сцены изнасилования.

Появление в процессе смерти и возрождения сексуально-го компонента не столь логически понятно. Его можно объяснить тем, что некий механизм в психике переводит нечеловеческое страдание и удушье в странного рода сексуальное возбуждение и в некоторых случаях - в экстатический восторг. Примерами этого явления изобилует история религиозных сект. Их можно найти в воспоминаниях о концентрационных лагерях и в свидетельствах «Эмнисти Интернейшнл».

Переживания, принадлежащие к этой категории, характеризуются необыкновенной интенсивностью сексуального влечения, его механичностью, неизбирательностью, часто порно-графической или извращенной природой. Неизбежная на этом уровне связь сексуальности с опасностью, смертью, тревогой, агрессией, саморазрушительными импульсами, физической болью и контактом с различными биологическими материалами (кровью, слизью, калом, мочой) создает естественную основу для появления большинства известных форм сексуальных расстройств, отклонений и извращений. Связь между сексуальным оргазмом и оргазмом рождения дает возможность добавить к фрейдовскому анализу, основанному на поверхностном сексуальном и биографическом материале, более глубокое и значимое перинатальное измерение. Следствие этих взаимосвязей в отношении различных форм сексуальной патологии детально рассмотрены в моей книге «За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии» (Grof, 1985).

Элементы демонизма могут на этой стадии представлять особую трудность как для пациента, так и для терапевта или помощника.

Жуткая сверхъестественная природа подобных переживаний часто вызывает нежелание иметь с ними дело. В этом контексте чаще всего появляются сцены шабаша ведьм (Вальпургиева ночь), сатанинских оргий, черных мессы или искушения. Эти темы связываются с данной стадией родов причудливой амальгамой смерти, извращенной сексуальности, страха, агрессии, скатологии и искаженного духовного порыва.

Скатологический аспект процесса смерти и возрождения имеет своим естественным биологическим основанием тот факт, что на последней стадии родов плод может войти в близкое соприкосновение с фекалиями и другими биологическими продуктами. Однако переживания здесь намного превосходят то, что новорожденный мог остро пережить во время родов. Пациент может почувствовать себя копающимся в отбросах, ползущим через канализационную

трубу, валяющимся в луже нечистот, пьющим кровь или мочу, отвратительно гниющим и разлагающимся. Это непосредственный контакт и потрясающая встреча с самыми худшими аспектами биологического существования.

Элемент огня проявляется либо в своей обычной форме (как наблюдение сцен сожжения или отождествление с жертвой), либо в архетипической форме очищающего огня (пирокатарсис), который разрушает все испорченное в человеке, готовя

его к духовному возрождению. Это самый труднодостижимый аспект символизма рождения. Соответствующим ему биологическим компонентом может быть, наверное, кульминационная сверхстимуляция новорожденного беспорядочной «пальбой» периферических нейронов. Интересно, что аналогичный опыт выпадает на долю роженицы, у которой на этой стадии часто возникает ощущение, что ее влагалище в огне.

Религиозный и мифологический символизм этой матрицы тяготеет к темам жертвоприношения и самопожертвования, Часто встречаются сцены ритуалов жертвоприношений из до-колумбовой Америки, видения распятия и отождествление себя с Христом, переживание связи с божествами, символизирующими смерть и возрождение - Осирисом, Дионисом, Атисом, Адонисом, Персефой, Орфеем, Вотаном, поклонение ужасным богиням Кали, Коатликуэ или Рангде. Сексуальные мотивы представлены эпизодами фаллических поклонений, храмовой проституции, ритуалов плодородия, ритуального изнасилования, различными ритуальными церемониями первобытных племен, включающих чувственные ритмические танцы. Классическим символом перехода от БПМ-III к БПМ-IV является ле-гендарная птица Феникс, умирающая в огне и возрождающаяся из пепла.

Несколько важных характеристик отличает эти переживания от описанного ранее состояния безысходности. Здесь ситуация не кажется безнадежной, и переживающий ее человек не беспомощен. Он принимает активное участие в происходящем и чувствует, что страдание имеет определенную направленность и цель. В религиозном смысле эта ситуация больше похожа на Чистилище, чем на Ад.

Кроме того, роль человека здесь не сводится исключительно к страданиям беспомощной жертвы. Он - активный наблюдатель и способен одновременно отождествлять себя с той и с другой стороной до такой степени, что иногда трудно бывает понять, агрессор он или жертва. В то время как безвыходная ситуация предполагает только страдания, переживание борьбы смерти-возрождения представляет собой границу между агонией и экстазом и слияние того и другого. Этот тип переживаний можно назвать дионисийским, или вулканическим экстазом, в отличие от аполлонического, или океанического экстаза космического единства, связанного с первой перинатальной матрицей.

Специфические характеристики переживаний связывают БПМ-III с СКО, сформировавшимися из воспоминаний о ярких, рискованных чувственных и сексуальных переживаниях - автомобильных гонках, спуске на парашюте, увлекательных, но опасных приключениях, борьбе, боксе, драках, битвах, изнасиловании и сексуальных оргиях, об увеселительных аттракционах. Особая группа воспоминаний, связанных с БПМ-III, - это близкий контакт с биологическими продуктами, включая не-держание мочи и кала, обучение туалету, видение вытекающей крови и расчленения тела на войне или при несчастном случае. Воспоминания о пожарах часто появляются в момент перехода от БПМ-III к БПМ-IV.

Что касается фрейдовских эрогенных зон, то эта матрица связана с теми физиологическими отправлениями, которые приносят внезапное облегчение и релаксацию после длительного напряжения. На оральном уровне это жевание и глотание пищи или, наоборот, рвота; на анальном и уретральном - дефекация и мочеиспускание; на генитальном - восхождение к оргазму, а также ощущения роженицы на второй стадии родов.

Для иллюстрации феноменологии БПМ-III я использую запись своего сеанса с высокой (300 микрограмм) дозой ЛСД. Третья матрица доминировала в первые несколько часов сеанса. Продолжение этого сеанса будет описано в следующем разделе.

Сеанс начался невероятным всплеском инстинктивных сил. Волны оргиастических сексуальных чувств перемежались с агрессивными всплесками необычной силы. Стальная ловушка угрожала задушить меня, но волны жизненной энергии гальванизировали и продвигали меня вперед. Вспышки красного цвета разных оттенков, исполненные потустороннего ужаса, наводили на мысль о власти крови, таинственным образом объединяющей человечество через мглы веков. Я чувствовал себя связанным с метафизическим измерением жестокости разного рода - пыток, изнасилований и убийств, но также и с тайной менструального цикла, зачатия, рождения, смерти, кровного наследования и священных уз братства, истинной дружбы и верности.

За всем этим стояло глубокое отождествление с борьбой младенца за освобождение из объятий родового канала. Я чувствовал соприкосновение со странной силой, связывающей мать и ребенка узами жизни и смерти. Инстинктивно, животом, я ощущал как симбиотический аспект этого отношения, так и его ограничивающую сторону, лишаящую меня свободы и независимости. Я отметил странную «утробную» связь между поколениями женщин - бабушки, матери и дочери, - глубокую мистерию жизни, из которой мужчины были исключены, Сохраняя этот же фон, я отождествился с людьми, объединенными высшей целью, - революционерами и патриотами всех времен, боровшимися за свободу против любых форм угнетения. В какой-то момент я отождествился с Лениным, глубоко прочувствовал его бескомпромиссную жажду освобождения масс от угнетения и огонь революции, горевший в его сердце. Братство! Равенство! Свобода! Образы Французской революции, открывающихся ворот Бастилии проносились в моем уме вместе с соответствующими сценами из бетховенского «Фиделио». Я был тронут до слез и чувствовал глубокое отождествление с борцами за свободу всех времен и народов.

Ко второй половине сеанса содержание переживаний сместилось в сторону секса и жестокости. Яркие образы изнасилований, садомазохистские сцены, сцены проституции и т. п. наполняли мое сознание. Глубоко отождествляясь с участниками этих представлений, сопровождаемых криками, я одновременно оставался сторонним наблюдателем. Затем образные видения, частично превращаясь в арабески, создали вокруг меня непередаваемо соблазнительную атмосферу гарема, Шахерезады, «Тысячи и одной ночи». Постепенно к этому добавился сильный духовный элемент, и я почувствовал себя участником многочисленных африканских церемоний, вавилонской храмовой проституции, древних ритуалов плодородия, ритуальных оргий с групповым сексом где-то в Новой Гвинее или Австралии.

Затем без всякого предупреждения наступил новый сдвиг. Я почувствовал себя в неопишимо мерзкой грязи, тонущим в своего рода архетипической выгребной яме, содержащей отбросы всех времен. Ужасное зловоние пропитало меня насквозь, мой

рот был полон экскрементов, которые не давали мне вдохнуть. Я находился в запутанном лабиринте канализационных систем всего мира, я знал каждый люк и каждую канализационную трубу в любом городе. Я пережил столкновение с худшими сторонами биологической жизни - экскрементами, отбросами, гноем, разложением.

Среди всего этого эстетического ужаса мне пришла в голову мысль: мои переживания - это типичная реакция взрослого человека. Ребенок или собака чувствовали бы себя иначе. И есть множество форм жизни бактерии, черви, личинки, - для которых эта среда была бы совершенно удовлетворительной. Я попытался настроиться на такое восприятие и постепенно смог получить даже странное удовольствие от того, где я находился. (См. продолжение в следующем разделе.)

ЧЕТВЕРАЯ БАЗОВАЯ ПЕРИНАТАЛЬНАЯ МАТРИЦА (БПМ-IV):

Переживание смерти и возрождения

Эта перинатальная матрица по смыслу связана с третьей клинической стадией родов, с непосредственным рождением ребенка. На этой - последней - стадии мучительный процесс борьбы за рождение подходит к концу. Продвижение по родовому каналу достигает кульминации, и за пиком боли, напряжения и сексуального возбуждения следует внезапное облегчение и релаксация. Ребенок родился и после долгого периода темноты впервые сталкивается с ярким светом дня (или операционной). После отсечения пуповины прекращается телесная связь с матерью, и ребенок вступает в новое существование как анатомически независимый индивид.

Как и в других матрицах, некоторые относящиеся к этой стадии переживания представляют точную имитацию реальных биологических событий, произошедших при рождении, и специальных акушерских приемов. Даже люди, ничего не знавшие об обстоятельствах своего рождения, могут вспомнить до мельчайших деталей свое положение в родовом канале, обстоятельства самих родов, применявшуюся анестезию, акушерские вмешательства и то, что делали с ними непосредственно после рождения.

Символическим выражением последней стадии родов является опыт смерти-возрождения. В нем представлено окончание и разрешение борьбы смерти-возрождения. Парадоксально, что, находясь буквально на пороге освобождения, человек ощущает приближение чудовищной катастрофы. Часто этим объясняется отчаянное и непреклонное стремление остановить процесс.

Если же переживания продолжаются, переход от БПМ-III к БПМ-IV влечет за собой чувство полного уничтожения, аннигиляции на всех мыслимых уровнях - физической гибели, эмоционального краха, интеллектуального поражения, окончательного морального и вечного проклятия трансцендентальных масштабов. Такой опыт «гибели Эго» заключается, судя по всему, в мгновенном, безжалостном уничтожении всех прежних опорных точек в жизни человека. Смерть Эго и возрождение - не одноразовое переживание. В глубоком систематическом самоисследовании оно многократно возвращается в различных аспектах и масштабах, пока процесс не завершается.

Под влиянием фрейдовского психоанализа понятие «эго» связывается со способностью приспособляться к реальности и адекватно функционировать в повседневной жизни. При таком подходе смерть Эго представляется человеку чем-то

ужасным. Реально же в этом процессе умирает параноидальное отношение к миру, отображающее негативные переживания младенца во время родов и в последующие периоды жизни. Это чувство общей неадекватности, необходимости быть готовым к любой опасности, обязательное стремление все контроли-ровать и за все отвечать, что-то доказывать себе и другим и прочие аналогичные установки.

В конечной и наиболее полной форме смерть «эго» означа-ет безвозвратный отказ от философского отождествления себя с тем, что Алан Уотс называл «эго, облаченным в кожу». Если переживания хорошо интегрированы, это приводит не только к возрастанию способности наслаждаться существованием, но также и к совершенствованию функционирования в мире. За опытом полной аннигиляции и «попадания на самое дно космо-са», характеризующим смерть «эго», немедленно следует виде-ние ослепительно белого или золотого света сверхъестествен-ной яркости и красоты. Его можно сопоставить с изумительны-ми явлениями архетипических божественных существ, радугой или замысловатым узором павлиньего хвоста. Человек испыты-вает глубокое чувство духовного освобождения, спасения и искупления грехов. Он, как правило, чувствует себя свободным от тревоги, депрессии и чувства вины, очищенным и ничем не обремененным. Это сопровождается потоком положительных эмоций в отношении самого себя, других людей или существо-вания вообще. Мир кажется прекрасным и безопасным мес-том, а интерес к жизни явно возрастает.

Следует однако подчеркнуть, что это описание соответству-ет ситуации нормальных родов. Длительные, изнуряющие роды, использование хирургических щипцов, применение общей ане-стезии и другие осложнения и вмешательства вносят специфи-ческие искажения в феноменологию этой матрицы

Символизм опыта смерти-возрождения может быть извле-чен из многих областей коллективного бессознательного, так как любая значительная культура обладает соответствующи-ми мифологическими формами для этого явления. Смерть «эго» может символически связываться с различными божествами-разрушителями - Шивой, Уицилопочтли, Молохом, Кали, Ко-атликуэ - или выражаться отождествлением с Христом, Оси-рисом, Адонисом, Дионисом или другими жертвенными мифо-логическими персонажами. Богоявление может выражаться как абстрактным сияющим светом, так и более или менее пер-сонифицированными представлениями из различных религий.

Столь же обычен опыт встречи и единения с Великой Naze-р Ю-богиней, представленной в образах Девы Марии, Исиды, Лакшми, Парвати, Геры или Кибелы,

Среди соответствующих биографических элементов - вос-поминания о личных успехах и завершении опасных ситуаций, об окончании войн и революций, о выживании после несчас-тного случая или выздоровлении после тяжелой болезни. Что касается фрей.довских эrogenных зон, БПМ-IV на всех уров-нях развития либидо связана с состоянием удовлетворения, ко-торое наступает сразу же после активности, облегчающей не-приятное напряжение, - после утоления голода, рвоты, дефе-кации, урикации, оргазма и деторождения.

Далее следует продолжение моего ЛСД-сеанса, начало ко-торого было описано ранее, в разделе о БПМ-III. Здесь отра-жен переход от БПМ-III к БПМ-IV и затем развертываются спе-цифические эмпирические элементы, принадлежащие четвер-той матрице.

Я был вполне доволен собой, выполнив нелегкую задачу принять те аспекты моей биологической природы, которые в нашей культуре считаются отвратительными. Однако худшее было еще впереди. Совершенно внезапно я как бы стал терять всякую связь с реальностью, как будто у меня из-под ног вытянули некий во-ображаемый коврик. Все рушилось, весь мой мир разлетелся на куски. Как будто бы проткнули чудовищный метафизический нарыв моего существования; гигантский пузырь нелепого само-обмана разорвался и выявил ложь моей жизни.

Все, во что я когда-либо верил, к чему стремился, все, что при-давало моей жизни смысл, внезапно оказалось совершенной ложью. Все это были бессодержательные уловки, и я напрасно пы-тался залатать таким образом невыносимую реальность существо-вания. Истина сдула все эти уловки как пушинки одуванчика, и остался лишь обнаженный, бессмысленный хаос экзистенциаль-ной пустоты. В немыслимом ужасе я увидел гигантскуЮ'фигуру божества, угрожающе нависающего надо мной. Каким-то образом инстинктивно я узнал, что это индуистский бог Шива в своем деструктивном аспекте. Я почувствовал громоподобный удар его огромной ноги, которая сокрушила меня, размазала в ничто, как ничтожный кусок грязи по дну космоса.

В следующий момент я уже предстоял перед гигантской фигу-рой темной богини, в которой я узнал индийскую богиню Кали. Непреодолимая сила повернула меня лицом к ее широко раскры-той вагине, полной то ли менструальной крови, то ли отврати-тельной послеродовой жижи. Я почувствовал, что от меня тре-буется абсолютное подчинение силам существования и женско-му принципу, представленному богиней. Мне не оставалось ничего другого, как целовать и лизать ее вульву в полной покорности и униженности. В это мгновение (с которым для меня навсегда ушли какие-либо представления о мужском превосходстве), я проникся воспоминанием о моменте моего биологического рождения, когда голова, вышедшая из родового канала, близко соприкасалась с кровоточащей вагиной матери.

Я был затоплен божественным светом сверхъестественной яркости и красоты, лучи которого рассыпались на тысячи изыс-канных павлиньих перьев. Из этого сияющего золотого света по-явилась фигура Великой Матери-богини, воплощающей любовь и защиту всех времен. Она потянула ко мне свои руки и облек-ла меня своей сущностью. Я растворился в невероятном энерге-тическом поле, чувствуя себя очищенным, исцеленным и накор-мленным. Сквозь меня в изобилии текла некая амброзия, архе-типическая смесь меда с молоком.

Затем фигура богини постепенно исчезла, поглощенная еще более сияющим светом. Он был абстрактным, но обладал неки-ми личными характеристиками и излучал бесконечную разум-ность. Мне стало ясно, что я переживаю растворение в Универ-сальной Самости, Бrame, о котором я читал в книгах по индийс-кой философии. Переживание длилось около десяти минут по часам, но само оно превосходило любые представления о време-ни и казалось вечностью. Поток целительной и питательной энер-гии и видение золотого сияния с оттенком павлиньих перьев продолжалось всю ночь, а чувство благополучия оставалось со мной много дней. Воспоминание об этом переживании оставалось для меня живым в течение многих лет и глубоко изменило все мои представления о жизни.

Мне хотелось бы закончить эту главу о перинатальной ди-намике отчетом о сеансе холотропного дыхания Альберта, кли-нического психолога, участника одного из наших пятидневных семинаров. В начале семинара он рассказывал в группе, что считает себя человеком энергичным, трудягой, любит сложные задачи и борьбу. Сеанс Альберта закончился глубоким чувством расслабления и релаксации. Его

отчет - хороший пример мощных переживаний рождения, которые своей простой силой и связанностью с повседневной жизнью переубедили умного, скептически настроенного и хорошо обученного интеллектуала, Он содержит поразительно точные детали.

В начале я отождествился с чешуйчатым червеобразным животным и отдался соответствующим движениям. Я без конца по-вращивался спиралеобразно со спины на живот и обратно. Внезапно я почувствовал прикосновение к ногам, которое показалось мне беспокоящим. Я начал сражаться с ним, сначала потихоньку, потом с все возрастающей силой и решительностью. Постепенно это дошло до того, что я был уверен, что сражаюсь за свою жизнь.

Позже я обнаружил, что меня держат пять человек, поскольку я буйствую, насканивая на других людей. У меня возникла мысль, что я никогда не сдамся, даже если весь мир будет против меня. Используя различные приемы и всю свою силу, громко крича, я боролся с собственной беспомощностью и нападающими врагами.

Когда меня удалось уложить, Стэн продолжал повторять мне, что он и другие вокруг меня - не враги, что они помогают мне справиться с этим переживанием. Через некоторое время я смог отождествить эту борьбу с повторным переживанием своего рождения. Должен сказать, что чувство беспомощности продолжало вызывать во мне мощное сопротивление, а не покорность. Так же я чувствую себя в повседневной жизни.

Мои сильные движения и громкие крики достигли кульминации и начали утихать, я перешел в стадию релаксации. В этот момент я решил сесть. Когда Стэн сказал мне, что еще рано, у меня внезапно мелькнула мысль: «Я родился раньше времени!» Я снова лег, накрылся и почувствовал, что могу возместить себе то время, которое я когда-то не провел в утробе. Это было прекрасно; я почувствовал себя счастливым и смог внутренне расслабиться.

Внезапно я почувствовал сильный и всеохватывающий запах свежесделанной кожи; я чувствовал его снова и снова, и это было очень и очень приятно. Я находился в состоянии крайней релаксации, незнакомом мне в обычной жизни. Сильный запах кожи был наиболее примечательной особенностью моего переживания. Это показалось мне загадочным, я не знал, что с этим делать. Позже во время обсуждения я спросил Стэна, что это может быть. Он сказал, что кожи и кожаный запах вряд ли принадлежат к архетипическим особенностям рождения и что, возможно, это как-то связано с реальными обстоятельствами моего появления на свет.

Позже я выяснил, что моя мать работала на кожаной фабрике и что в день моего рождения она оставалась на работе до поздней ночи, занимаясь шитьем кожаных шорт, держа материал на коленях. Она не думала, что роды могут начаться в этот день, и даже когда отошла околоплодная жидкость не поняла, в чем дело. Мое раннее младенчество также связано с запахом свежей кожи, поскольку мать продолжала шить кожаные шорты как только пришла в себя после родов.

Я убежден, что пережил вновь опыт своего рождения и что запах выделанной кожи также в каком-то смысле является подлинным воспоминанием.

За пределами мозга:

трансперсональные измерения психики

Животных, населяющих эти отдаленные районы ума, совершенно не может быть, как жирафа или утконоса. Тем

не менее они существуют и являются наблюдаемыми фактами, так что если мы честно пытаемся понять мир, в котором живем, мы не можем их игнорировать.

Олдос Хаксли, «Рай и ад»

Эмпирическое переживание смерти и возрождения, как правило, открывает доступ к области человеческой психики, лежащей за пределами биографии, которую лучше всего назвать трансперсональной. Можно сказать, что перинатальный уровень бессознательного представляет собой как бы интерфейс между биографической и трансперсональной областями, или между индивидуальным и коллективным бессознательным. В большинстве случаев трансперсональным переживаниям предшествует драматическая встреча с рождением и смертью, Однако это не строго обязательно: непосредственное соприкосновение с трансперсональными элементами и темами эмпирически возможно и без прохождения перинатального уровня. Общим знаменателем богатой и разветвленной группы трансперсональных феноменов является переход сознания за обычные границы Эго и преодоление ограничений времени и пространства. В обычном, или «нормальном», состоянии сознания мы полагаем себя существующими в границах своего физического тела (своего образа тела); наше восприятие окружающего ограничено возможностями органов чувств. Как внутренние, так и внешние восприятия (интеро- и экстероцепция) осуществляются в пределах обычных пространственных и временных границ. В обычных обстоятельствах мы можем пережить живо и с помощью всех органов чувств только те события, которые происходят в данный момент и в непосредственной близости от нас. Мы можем вспоминать прошлые события, предвосхищать или воображать будущие, но как те, так и другие не поддаются непосредственному восприятию. В трансперсональных переживаниях во время психоделических сеансов, при самоисследовании с помощью немедикаментозных эмпирических техник или возникающих спонтанно, одно или более из этих ограничений, по-видимому, преодолеваются.

На основе вышесказанного трансперсональные переживания можно определить как эмпирическое расширение сознания за пределы обычных границ телесного «эго» и за пределы пространственно-временных ограничений. Они включают очень широкий ряд явлений, происходящих на различных уровнях реальности. В определенном смысле полный спектр трансперсональных переживаний соизмерим с самим существованием. Здесь необходимо ввести два новых термина (более подробно речь пойдет о них во второй части книги), относящихся к двум взаимодополняющим модусам сознания, в которых мы можем воспринимать мир и самих себя. Хияотропный, или ориентированный на материю, модус сознания - это нормальный повседневный опыт общепринятой реальности. Холотропный модус сознания, или сознание, стремящееся к целостности или всеобщности существования, характеризуется определенными необычными психологическими состояниями, такими, например, как медитативные, мистические или психоделические переживания. Такое сознание может также появляться спонтанно, производя на психиатров впечатление психоза.

В хилотропном модусе сознания мы переживаем лишь ограниченный и особый сегмент феноменального мира или общепринятой реальности, следуя от одного момента к другому, Природа и объем этого эмпирического фрагмента совершенно однозначно определены нашими пространственными и временными координатами в феноменальном мире, анатомическими и физиологическими ограничениями наших органов чувств и физическими характеристиками среды.

В холотропном модусе сознания можно получить доступ ко всем остальным аспектам существования - не только к собственной биологической, психологической, социальной, расовой и духовной истории, не только к прошлому, настоящему и будущему всего феноменального мира, но также и ко многим другим уровням и областям реальности, описанным в великих мистических традициях мира. Сравнительное изучение мистической литературы показывает, что большая часть этих систем, по-видимому, принимает комплексную, многослойную и иерархическую Модель реальности, включающей как феноменальный, так и трансперсональные аспекты существования (Wilber, 1980),

Грубая эмпирическая сфера отображает мир обычного бодрствующего сознания и общепринятой реальности, основанной на свидетельствах органов чувств. Соответствующее мировосприятие и способ бытия в мире ограничены информацией, получаемой от физического тела и материального мира, линейной причинностью как единственным связующим принципом и ньютоновским пониманием пространства и времени. Многие системы «вечной» философии описывают, кроме того, несколько трансфеноменальных уровней существования: тонкий, каузальный (причинный) и предельный, или абсолютный.

Как тонкий, так и каузальный уровни могут быть подразделены на верхний и нижний подуровни. Нижний тонкий, или астрально-психический, уровень включает обычно переживания вне тела, астральные путешествия, так называемые парапсихологические феномены (предвидение, ясновидение, психокинез), видение ауры и подобные переживания. Высший тонкий уровень включает архетипические формы божеств, высшие присутствия и духовных учителей, переживания божественного вдохновения, видения света и звуковые озарения.

Нижний каузальный уровень - это мир савикल्प сампидхи последнего Бога, творца всех миров, слышимого света биджп мантры, источника всех индивидуальных божеств. Высший каузальный мир характеризуется предельной трансценденцией и растворением в безграничном сиянии, или нирви-кल्प сампидхи. На этом уровне нет ни субъекта, ни объекта, ни самости, ни Бога, только бесформенное сознание как тако-вое. На уровне Абсолюта сознание пробуждается к своему первоначальному состоянию и «такости», которая является одновременно «такостью» всего существования - грубого, тонкого и каузального.

Современные исследования сознания с применением психоделиков и без них дают мощные подтверждения такому пониманию реальности. Однако картография сознания, содержащаяся в «вечной» философии, должна быть расширена и изменена, чтобы отразить находки современной психиатрии и новых областей эмпирической психотерапии. Далее я попытаюсь предложить классификацию трансперсональных переживаний, основанную на схемах «вечной» философии, но включающей в то же время результаты современных научных исследований.

Создать трансперсональную таксономию, которая точно и всеобъемлюще отражала бы интроспективные данные и объективные наблюдения современных исследований сознания, - нелегкая задача. Спектр трансперсональных переживаний чрезвычайно богат, разветвлен и разнообразен, они трудно выразимы словами и нередко происходят на тех уровнях реальности, где не действуют обычные исходные точки отсчета - время, пространство, дуальность, или полярность, линейная причинность и т. п. Проблема еще более усложняется холографической природой сознания и взаимопроникновением различных слоев и областей.

Однако я полагаю, что, несмотря на все эти трудности,

нижеследующее обсуждение трансперсональных феноменов в достаточной степени отображает эмпирическую реальность, чтобы давать полезную информацию будущим исследователям

этих изумительных областей психики. Вместе с тем я надеюсь, что предлагаемая схема будет дополнена, уточнена и пересмотрена на основе новых экспериментов и наблюдений.

Прежде чем описывать систему классификации трансперсональных явлений, мне хотелось бы пояснить связь между холо-тропным модусом сознания и трансперсональными переживаниями. У холотропного сознания есть возможность соприкоснуться со всеми аспектами существования, включая постнатальную биографию человека, события в будущем, биологическое рождение, жизнь эмбриона и плода, момент зачатия, а также историю предков, расовую, кармическую и филогенетическую память.

В некотором смысле полное переживание событий детства или рождения (в сравнении с просто воспоминанием) можно рассматривать как выход за пределы времени и пространства. Человек, переживающий последовательность событий из своего младенчества, детства или последующей жизни или же борб-бу в родовом канале, не реконструирует эти события по энграмме в нервной системе, а актуально и непосредственно оказывается в пространственных и временных координатах первоначальных событий. Это сравнимо с ситуацией, описываемой в научной фантастике, когда на планетах с большим притяжением астронавты попадают в пространственно-временную петлю и переживают одновременно два различных пространственно-временных состояния, причем могут встретиться с самими собой в различных точках прошлого.

Полное переживание событий детства может иногда сопровождаться эмпирическим отождествлением с протагонистами (например, возможна идентификация с агрессором), что придает этим переживаниям определенно трансперсональный оттенок. Переживание различных стадий рождения не только содержит возможность полного эмпирического отождествления с матерью, но также и опосредует доступ к ситуациям в различных частях мира и в различные моменты истории, где переживаются подобные эмоциональные состояния и физические ощущения. Мы уже говорили об этих связях, обсуждая феноменологию базовых перинатальных матриц

Так что различие следует проводить не между трансперсональными и биографическими или перинатальными переживаниями, а между холотропным модусом – обычным бодрствующим сознанием, переживающим один момент за другим, и холотропным модусом – необычными состояниями сознания, опосредующими доступ ко всем иным аспектам существования, включая не только пространство и время феноменального мира, но также и трансперсональные уровни реальности.

В целом трансперсональные переживания могут быть с точки зрения их содержания разделены на три большие категории. Некоторые из них включают явления материального мира в пространстве и времени, которые наша культура считает объективной реальностью. Другие отображают уровни реальности, отрицаемые западной механистической наукой, но признаваемые многими древними и незападными культурами и великими мистическими традициями мира, которые Олдос Хаксли называет «вечной философией» (Huxley, 1945),

Первая категория трансперсональных переживаний, имеющих дело с миром пространства и времени, может быть далее подразделена на переживания, включающие выход за пределы обычных пространственных границ, и переживания, выходящие за пределы линейного времени. К этому мы можем добавить третью категорию переживаний и явлений, представляющих собой странную смесь между грубым и тонким или кауза-льным уровнями сознания. Они происходят как бы на границе между внутренним миром и внешней реальностью или между материей и сознанием. Я позволил себе воспользоваться для этой категории термином «психоидные явления» (psychoid phenomena), который раньше в разных смыслах использовался немецким биологом Гансом Дришем (Driesch, 1929), одним из главных представителей витализма швейцарским психиатром Блейером (Bleuler, 1925), автором термина «шизофрения», и К. Г. Юнгом (Jung, 1964) в связи с идеей синхронности и архетипическими феноменами. На выреписанных принципах основана следующая классификация:

ТРАНСПЕРСОНАЛЬНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ

РАСШИРЕНИЕ ОПЫТА В ПРЕДЕЛАХ ОБЩЕПРИНЯТОЙ

РЕАЛЬНОСТИ, ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

1. Выход за пределы пространственных границ

- а) переживание двуединства;**
- б) отождествление с другими людьми;**
- в) отождествление с группой и групповое сознание; г) отождествление с животными;**
- д) отождествление с растениями и ботаническими процессами; е) единство с жизнью и всем творением; ж) переживание неодушевленной материи и неорганических процессов; з) планетарное сознание; и) внеземные переживания; к) отождествление со всей физической вселенной; л) парапсихические феномены, выходящие за пределы пространства.**

2. Выход за пределы линейного времени

- а) внутриутробные переживания;**
- б) опыт предков;**
- в) опыт расового и коллективного бессознательного;**
- г) переживания прошлых воплощений;**
- д) филогенетические переживания;**
- е) переживания планетарной эволюции;**
- ж) переживания космогенеза;**
- з) парапсихические феномены, выходящие за пределы времени**

3. Физическая интроверсия и сужение сознания

ЭМПИРИЧЕСКИЙ ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ ОБЩЕПРИНЯТОЙ

РЕАЛЬНОСТИ И ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

- а) спиритические и медиумические переживания;**
- б) энергетические феномены тонкого тела;**
- в) встречи с духами животных;**
- г) встречи с духовными учителями и сверхчеловеческими существами;**
- д) посещение других вселенных-и встречи с их обитателями;**
- е) переживание мифологических и сказочных сюжетов;**

- ж) встречи с божествами;
- з) переживания универсальных архетипов;
- и) интуитивное понимание универсальных символов;
- к) творческое вдохновение и прометеевский импульс;
- л) опыт Демиурга и переживание космического творения;
- м) опыт космического сознания;
- н) сверхкосмическая и метакосмическая пустот

ПСИХОИДНЫЕ ТРАНСПЕРСОНАЛЬНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ

1. Синхронные связи между сознанием и материей

2. Спонтанные психоидные явления

а) сверхнормальные физические способности; б) спиритические феномены и физический медиумизм; в) повторяющийся спонтанный психокинез (полтергейст); г) неопознанные летающие объекты (НЛО-феномены)

3. Намеренный психокинез

- а) ритуальная магия;
- б) целительство и ведовство;
- в) сиддхи;
- г) лабораторный психокинез

Вышеприведенная классификация представляет собой полный список тех типов трансперсональных переживаний, которые я наблюдал в психоделических исследованиях, в сеансах холотропного дыхания и в работе со спонтанными эпизодами необычных состояний сознания. Кроме того, здесь упомянуты психоидные трансперсональные феномены, которые постоянно описываются как в мистической, так и в современной литературе, но которые я сам в своей работе не наблюдал.

Эта картография в общем согласуется с вечной философией, хотя дополняет ее и отличается от нее в некоторых деталях.

Переживания, подразумевающие расширение сознания в пределах общепринятой пространственно-временной реальности, приблизительно соответствуют астрально-психической области нижнего тонкого плана. Большая часть переживаний, характеризующихся эмпирическим выходом за пределы общепринятой реальности и пространства-времени, принадлежит к высшему тонкому плану. Опыт окончательного Божества, или Космического Демиурга (savikalpa samadhi), по-видимому, соответствует нижнему каузальному плану, а переживание бесформенного сознания, превосходящего всякую дуальность (nirvikalpa samadhi), или пустоты (sunyata) - высшему каузальному плану. Абсолют, или Предельное, переживается как «таковость» всех уровней или как сознание в его первоначальном состоянии.

Необходимо иметь в виду, что трансперсональные переживания не всегда осуществляются в чистой форме. Уже упоминалось, например, что переживания, характерные для той или иной перинатальной матрицы, часто сопровождаются специфическими трансперсональными феноменами и что биографические переживания также могут иметь трансперсональные особенности. Различные формы трансперсональных переживаний также объединяются в группы. Так, эмбриональные переживания могут сопровождаться филогенетическими воспоминаниями, переживанием космического единства, архетипическими

образами небес и Рая или видениями различных добрых бо-жеств или демонов. Эти ассоциации очень устойчивы, они ото-бражают важную эмпирическую логику и глубокие внутренние связи различных феноменов в мире сознания.

Далее я кратко опишу основные типы трансперсональных пе-реживаний и проиллюстрирую их типичными примерами.

РАСШИРЕНИЕ ОПЫТА В ПРЕДЕЛАХ ОБШЕПРИНЯТОЙ

РЕАЛЬНОСТИ, ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

1. Выход за прелелы пространственных грани

В трансперсональных переживаниях человек может обнаружить, что пространственные границы между ним и остальной Все-ленной не являются фиксированными и абсолютными, и выйти за их пределы. При особых обстоятельствах возможно эм-пирическое отождествление с чем угодно во Вселенной, в том числе со всем космосом в целом. К этому типу трансперсональных переживаний относится опыт слияния с другим челове-ком в состоянии двуединства, превращение в сознание груп-пы людей, расширение собственного сознания до сознания все-го человечества. Возможен также выход за пределы человечес-кого опыта и отождествление с сознанием животных, растений, даже неорганических объектов и процессов. В пределе можно пережить даже сознание всей биосферы, сознание планеты или всей материальной Вселенной.

а. Переживание двуединства

Этот тип трансперсонального опыта характеризуется ослаб-лением и растворением границ телесного Эго и чувством слия-ния с другим человеком в состоянии двуединства при сохране-нии собственной самотождественности. В психоделических состояниях, сеансах эмпирической психотерапии, в медитации или в спонтанных эпизодах необычного сознания это чувство двуединства может переживаться как по отношению к окру-жающим.- терапевту, сиделке, членам семьи, друзьям, - так и целиком во внутреннем эмпирическом пространстве по от-ношению к людям, не присутствующим на сеансе.

Опыт двуединства регулярно возникает при переживании воспоминаний о симбиозе с материнским организмом («ХОрО-шая матка» и «хорошая грудь»). В перинатальных переживани-ях такого рода отождествление с младенцем сменяется отожде-ствлением с матерью и с обоими одновременно. В состояниях мистического единения со Вселенной переживание двуединства может включать любой аспект существования - не только лю-дей, но и животных, растений и неодушевленных объектов.

Важный пример двуединства - чувство взаимного растворе-ния с партнером по сексу (во время генитального соединения или без него). Это может происходить спонтанно в повседнев-ной жизни или в рамках тантрической практики. В тантричес-ком пути левой руки (vama marga) достижение опыта косми-ческого единства посредством сексуального союза с партнером (maithuna) является целью сложного ритуала (ралсйа тайй-га). Переживание двуединства возникает также часто в систе-матических духовных практиках (в особенности в традиции бхакти), когда ученики чувствуют себя едиными с гуру.

Опыт дуального единства часто сопровождается глубоким чувством любви и святости события. Существуют специальные упражнения (как в духовных традициях, так и в современном движении за реализацию человеческих возможностей), веду-

щие к такого рода переживаниям: смотрение в глаза друг друга, внимание к дыханию другого, синхронизация дыхания, слушание биения сердца друг друга.

В следующем примере из терапевтического ЛСД-сеанса регрессивное переживание двуединства с матерью во время внут-

риутробного существования и во время кормления грудью сочетается с переживанием слияния с терапевтом. Пациентка проходила психолитическую терапию по поводу психотического состояния; краткая история ее терапии описана в моей книге «ЛСД-психотерапия» (Gr o f, 1980, pp. 246-51).

В этот момент Милада приняла позу эмбриона и, по-видимому, находилась в глубокой регрессии. Я отметил значительные и-з-менения в ее лице. Морщины исчезли, и она выглядела как младенец. Она сообщила, что переживает удивительное единство со своей матерью. Их чувства не различались. Она свободно могла переходить от ощущения себя младенцем в утробе или у материнской груди к ощущению себя своей матерью, беременной или кормящей. Она могла также быть тем и другим одновременно, не ощущая границ в этом едином эмпирическом континууме.

Открыв глаза, она с большим удивлением заметила, что не чувствует границ между собой и мною. Ей казалось, что она может читать мои мысли и чувства. В некоторых случаях, когда она выражала вслух свои предположения, я мог подтвердить их. Вместе с тем она полагала, что я также имел неограниченный доступ к ее психике, так что мог «читать ее, как открытую книгу». Однако этот аспект ее переживания, очевидно, был проекцией, так как я не чувствовал этого. В определенный момент Милада обнаружила также элемент параноидального страха, полагая, что все ее мысли передаются не только мне, но и всем людям на Земле.

б. Отождествление с другими людьми

Этот тип трансперсональных переживаний тесно связан с

предыдущим. В опыте двуединства можно в большей или меньшей степени потерять собственную самотождественность. Чувство превращения в другого человека может быть полным и «дожным», включая образ тела, физические ощущения, эмоциональные реакции и отношения, процессы мышления, воспоминания, выражение лица, типичные жесты и особенности поведения, позы, движения и даже интонации голоса.

«Есть различные формы, степени и уровни этого переживания. Оно может относиться к людям, которые находятся поблизости, к реальным людям, которые в данный момент отсутствуют, или происходить как часть внутреннего опыта, включающего протагонистов из личной истории человека, его предков или прошлые воплощения. Эмпирические отождествления такого рода могут касаться знаменитых персонажей прошлого или настоящего, даже мифологических и архетипических персонажей.

Переживание эмоционально значимых биографических воспоминаний, в которых действуют другие люди, часто характеризуется поочередным отождествлением с различными протагонистами, что придает им трансперсональный оттенок. Человек может отождествиться со своими родителями, детьми, родственниками, друзьями, знакомыми, учителями. Возможно также отождествление с известными политиками, учеными, религиозными деятелями

или типичными представителями различных профессиональных, этнических, расовых групп в прошлом и на-стоящем.

Среди знаменитых исторических деятелей, с которыми отождествлялись люди в моем присутствии, можно назвать Алекса-ндра Великого, императора Нерона, Клеопатру, Чингисхана, Ле-онардо да Винчи, Микеланджело, св. Франциска Ассизского, св. Терезу, Авраама Линкольна, Ленина, Сталина, Мартина Лю-тера Кинга, Мохаммеда Али, Джона Кеннеди, множество изве-стных киноактеров. Отождествление с Христом и Его страдани-ями типично в контексте БПМ-III. В отличие от переживания прошлых воплощений, такие отождествления не имеют характе-ра воспоминания и не включают чувство актуального бытия этим человеком.

Переживание двуединства и отождествления с другими людьми часто доступны подготовленным медиумам. Эти пере-живания не носят в таком случае непредсказуемого и элемен-тарного характера, как в психоделических или подобных им со-стояниях, а намеренно вызываются и контролируются. Мы неоднократно были свидетелями этого на лекциях Энни Арм-стронг. Опытные шаманы, по-видимому, действуют таким же образом во время лечения или диагностирования

В качестве примера этого состояния я хочу привести один случай, а именно мощное переживание отождествления с дру-гим человеком, которое моя жена Кристина испытала во время болезни с повышенной температурой. Речь идет о нашем добром друге, покойном антропологе и философе Грегори Бэйтсоне. Он находился тогда в Эсаленском институте с диагнозом «рак лег-ких». Хирурги при проведении пробной операции нашли у него опухоль величиной с виноградину; опухоль была неоперабельна, и ему пообещали не более четырех недель жизни. Эсаленский институт пригласил его провести последние дни в прекрасном окружении на побережье Биг-Сур. Находясь там, он подвергся разнообразным способам лечения и в результате прожил еще - с подъемами и спадами - более даух с половиной лет. Мы много общались с ним и его семьей и стали близкими друзьями. Однажды утром Кристина решила остаться в постели, так как плохо себя чувствовала. Внезапно ее охватило ощущение, что она превращается в Грегори. Она почурствовала как будто сво-ими его огромное тело, громадные руки, его мысли, его особый британский юмор. Она была связана с его болью и каким-то образом знала каждой клеткой своего тела, что он (она) умира-ет. Это удивило ее, потому что не соответствовало ее сознатель-ному представлению о положении дел. Ему действительно было плохо в те дни, но такое не раз случалось и раньше, и не было оснований видеть в этом что-то более серьезное, чем обычное временное ухудшение.

Несколькими часами позже к нам пришел Карл Саймонтон, наш друг, находившийся тогда в Эсалене и лечивший Грегори своим методом визуализации. Он рассказал, что когда проводил с Грегори этим утром сеанс, тот внезапно отказался продолжать и произнес: «Я больше не хочу этого делать. Я хочу умереть». Они позвали жену больного Лоис, и стали говорить о приближа-ющейся смерти. Время этого эпизода точно совпадало с момен-том, когда Кристина пережила отождествление с Грегори.

Кристина двойственно отнеслась к этому эпизоду. С одной стороны, это было непреднамеренным вмешательством в ее созна-ние, что казалось пугающим. С другой - за эти несколько минут она узнала о Грегори больше, чем за несколько лет обычного взаимодействия. Ясно, что переживания такого рода были бы бесценными для диагноза и терапии, если бы полностью подда-вались управлению.

в. Отождествление с группой и групповое сознание

Дальнейшее расширение сознания и растворение границ - опыт отождествления с группой людей, имеющих общие расовые, национальные, культурные, идеологические, политические или профессиональные характеристики. В иных случаях общим знаменателем могут быть качества физических или эмоциональных переживаний или сводящая людей вместе судьба.

В трансперсональных переживаниях такого рода человек настраивается на групповое сознание, например, веками гонимых евреев, христианских мучеников, пытаемых римлянами, жертв инквизиции, узников концентрационных лагерей. В подобном переживании можно прочувствовать религиозный порыв мусульман, направляющихся в Мекку, индусов, поклоняющихся Гангу, фанатизм членов религиозных сект вроде флагеллантов, русских скопцов или «людей Святого Духа».

Эти переживания могут достигать необыкновенной глубины, интенсивности и объема. Можно пережить страдания всех тех солдат, которые полегли на полях сражений с начала истории человечества; огонь в груди революционеров всех времен, стремящихся свергнуть тиранию; любовь, нежность и самоотверженность всех матерей мира, заботящихся о своих детях,

Постепенное исчезновение границ может привести к переживанию отождествления с социальными или политическими группами, населением целой страны или континента, всеми людьми определенной расы, всех последователей одной из великих мировых религий. В конце концов, можно отождествиться со всем человечеством и пережить «человеческое состояние как таковое - со всеми его радостями, гневом, страстями, печалью, трагичностью и славой.

Многочисленные свидетельства трансперсональных переживаний подобного рода описаны в духовной литературе как опыт пророков, святых, великих религиозных деятелей всех времен. Удивительное открытие современных исследований сознания состоит в том, что такие переживания в определенных условиях доступны каждому.

Я проиллюстрирую этот тип трансперсональных переживаний двумя примерами. Первый взят из психоделического сеанса с высокой дозой ЛСД психиатра, который только что вернулся из пятидневного путешествия по Индии.

В этот момент я был переполнен воспоминаниями о моем недавнем путешествии в Индию. Большое впечатление на меня произвел диапазон различий в уровне жизни в этой стране - от глубочайшей, немислимой нищеты, грязи, болезней и смерти до вечной красоты тончайшей храмовой архитектуры и скульптуры и высочайших достижений человеческого духа. Прежде чем я понял, что происходит, в моих переживаниях сместился акцент. Я уже не был гостем и наблюдателем, я отождествился со всем, что видел. А затем спектр моих переживаний вышел за границы моих актуальных воспоминаний об Индии.

Я обнаружил, что стал НАРОДОМ ИНДИИ! Как ни трудно себе это представить с точки зрения обыденного сознания, но я чувствовал себя огромным организмом, разветвлениями и составными частями которого были бесчисленные миллионы людей, населяющих Индийский полуостров. В качестве параллели я могу привести лишь человеческое тело: каждая его клетка является самостоятельной единицей, и одновременно с этим бесконечно малой частью целого. Сознание и самосознание организма отражает целое, а не отдельные части. Таким же образом я был огромным сознательным единством - населением Индии.

Вместе с тем я мог отождествиться с прокаженными и нищи-

ми на улицах Бомбея и Калькутты, торговцами сигаретами и жареными орехами, голодающими или умирающими на дорогах детьми, толпой благочестивых участников священных омовений в Ганге или жертвами самосожжений в Бенаресе, нагими садху, лежащими в симидхи в снегах Гималаев, смущенными невестами на брачных церемониях, сказочно богатыми махараджами

Вся слава и вся нищета Индии явились в моем переживании как различные элементы космического организма, божества невообразимых пропорций, миллионы рук которого протягивались ко мне и становились всеми возможными аспектами моего сущ-ствования. Переживания невероятной глубины и масштаба на-полняли мое существо; я чувствовал неопишемую связь с Ин-дией и ее народом.

Следующий пример является рассказом индейца виннеба-го по имени Разящий Гром о переживаниях после приема пейо-та. Он принял участие в церемонии, с тем чтобы найти облегче-ние от чувства глубокой вины и отчуждения. В свое время инде-ец солгал своему народу, притворяя», что у него было видение, и впоследствии предался пьянству и разврату. Его жизнь описа-на в «Автобиографии индейца виннебаго» Поля Рейдина (йа-din, 1920).

Все мы, сидевшие здесь, имели один дух, или одну душу Я научился по крайней мере этому. Я внезапно стал духом, и я был их духом, или душой. Что бы они ни подумали, я немедленно узнавал это. Мне не нужно было говорить им что-либо и полу-чать ответ, чтобы знать, что они думают.

г. Отождествление с животными

Этот трансперсональный опыт состоит в полном и реалисти-
чном отождествлении с особями различных видов животных. Чаше всего встречается отождествление с млекопитающими, птицами, рептилиями, амфибиями и различными рыбами. Одна-ко возможно отождествление и с более примитивными организ-мами - насекомыми, гастроподами (улитками и слизняками), брахиоподами (моллюсками), цефалоподами (осьминогами и го-ловоногими) и кишечно-полостными (морскими анемонами и медузами).

Эмпирическое отождествление с различными животными может быть предельно подлинным и убедительным. Оно вклю-чает образ тела, специфические физиологические ощущения, инстинктивные влечения, уникальное восприятие среды и эмо-циональные реакции на нее. Специфические характеристики отличают эти феномены от обычного человеческого опыта, часто превосходя всякое воображение.

В холотропном состоянии сознания можно получить эмпири-ческий доступ к тому, что чувствует любопытная кошка, испуганный орел, голодная кобра, сексуально возбужденная чере-паха, дышащая жабрами акула. Отождествившись с угрем во время его самозабвенного путешествия вверх по рекам и ручь-ям, можно понять его стремление; можно почувствовать им-пульсы и ощущения паука, плетущего сеть, или таинственный процесс развития бабочки из яйца, через стадии гусеницы и ко-кона.

Подобные переживания могут сопровождаться получением богатейших знаний о животных и их жизни. Многочисленные клинические наблюдения такого рода находят независимое под-тверждение в книге Лэмба «Волшебник с верховьев Амазон-ки» (Lamb, 1971). Эта книга во многом похожа на серию Кар-лоса Кастанеды, описывающего свое обучение у мексиканского колдуна Дона Хуана. В этой

истории, происходящей в джунглях Амазонки в начале века, полуграмотный шаман перуанских индейцев амахуака в своих видениях, вызванных приемом аяху-яски (йаге) - психоделического снадобья из джунглевой лианы Banisteriopsis саари, видит появление белых людей, ищущих каучук. Он посылает воинов, чтобы захватить определенного молодого человека и обучает его своему ремеслу, готовя к роли культурного посредника.

Обучение охотников племени амахуака предполагает групповое принятие аяхуаски. Под влиянием этого психоделика у участников возникают видения животных, на которых охотится племя. Они могут настроиться на них и отождествиться с ними настолько полно, что непосредственно узнают об их инстинктах и привычках, что увеличивает их охотничий успех, поскольку они всегда могут переходить от сознания охотника к сознанию животного и перехитрить свою жертву.

Первый пример, который я хочу здесь привести, относится к ЛСД-сеансу одного серьезного исследователя, решившего после знакомства с моими книгами поделиться со мной своими записями.

Затем у меня было очень реальное переживание превращения в орла. Я парил, искусно используя воздушные течения и тончайшие изменения положения крыльев. Я просматривал глазами территорию под собой в поисках жертвы. Все, что я видел на земле, казалось увеличенным, как будто я смотрел через бинокль.

Я мог разглядеть мельчайшие детали поверхности земли. Я, по-видимому, реагировал на изменения в визуальном поле. Как только я замечал движение, мои глаза как бы примерзали к этому месту и давали большее увеличение. Это было похоже на туннельное видение, смотрение через длинную узкую трубу. Чувство, что мои переживания точно воспроизводят механизм видения хищных. Следующая иллюстрация принадлежит отчету о систематическом самоисследовании молодой женщины; оно началось во время занятий по холотропному дыханию и продолжилось на психоделическом сеансе. Отождествление с животным интелесным образом сочетается здесь с мотивом ритуального танца, представляющего это животное.

Несколько лет назад на дыхательном сеансе у Грофов я превращалась в большую кошку - тигра или ягуара, - прыгающую и нападающую с открытой пастью. Это переживание произвело на меня сильное впечатление, и я зарисовала его.

Примерно год спустя на терапевтическом психоделическом сеансе я снова соединилась с кошачьей энергией. Я чувствовала себя молодой африканской женщиной, танцующей ритуальный танец, подражая львице. Давая своему телу двигаться в ритме этого танца, я почувствовала особые движения плеч, верхней части спины, шеи и головы. У меня было сильное чувство, что я не только представляю львицу, но действительно становлюсь ею.

Я почувствовала, что львица определяет свою потребность в пище не по ощущениям в желудке; втягивание головы между поднятыми плечами позволяет ей почувствовать, нужна ли ей пища, чтобы получить жир, который скапливается у нее между лопатками. У меня не оставалось сомнений по поводу функций большой подушечки на шее и плечах больших кошек, хотя я и не занялась подтверждением этого факта.

Через две недели я слушала образовательную передачу относительно веса тела. Лектор Уильям Беннет коротко сопоставлял способы накопления жира у человека и у животных. Он описывал так называемый «коричневый жир», не свойственный человеку, но обычный для некоторых животных. Этот жир откладывается у них в виде

подушечки около лопаток, и его количество должно поддерживаться на определенном уровне, чтобы обеспечивать до-статочную энергию организму животного.

Последний пример принадлежит Питеру Стэффорду, при-нимавшему йаге со своими друзьями в Огненной долине око-ло Лас-Вегаса (Aaronsen and Osmond, 1970)

Поверхность воды мерцала и манила к себе. Скоро мы спусти-лись к кромке воды, полные желания потянуться и поплавать, по-грузиться в воду, закружиться в водовороте. Единственной по-мехой был купальный костюм, который казался таким ненужным и неестественным! Тем более что я стал змеей, извивающейся в воде. Я нырял и выныривал из топи. Через некоторое время я почувствовал себя лягушкой и начал двигаться длинными толчка-ми. И в том и в другом случае вода казалась естественной сре-дой обитания, а земля была чем-то далеким, чужим и пугающим.

Через некоторое время мой ум решил, что мне хочется влезть на небольшую горку, которая выглядывала из этого прекрасного окружения, но в это время я был морским львом, так что мне трудно было вылезти на сухую землю. Вылезши из воды, я почув-ствовал себя странным, нелепым, неуместным.

Когда, я говорю, что чувствовал себя то одним водным созда-нием, то другим, это вовсе не означает, что я чувствовал себя скользким или змееподобным. Это переживание было особенным, не похожим ни на что, испытанное мною прежде как физически, так и психически. Под действием йаге я сознавал, что у меня дру-гая память: я потерял свою нормальную самоидентичность.

Это не было змпатией по отношению к тому, что могла бы, по моему мнению, чувствовать змея или лягушка, я полностью был лягушкой и змеей, так что мог бы недоумевать по поводу того, что чувствуют люди по отношению ко мне,

Так что же означает тот факт, что я под действием йаге не просто «сопереживал змее», но в некотором смысле был змеей, каким-то образом достиг уровня опыта, где я мог войти в со-прикосновение с потенциальной «змеиностью» во мне? Что зна-чит, что я разложил свои восприятия на новые, совершенно иные категории?

л. Отождествление с растениями и ботаническими процессами

Трансперсональные переживания, связанные с раститель-ной жизнью, часто встречаются в необычных состояниях со-знания, хотя и реже, чем отождествление с животными. В этой эмпирической области человек чувствует себя отождествив-шимся с различными растениями, частями растений, даже с физиологическими и биохимическими процессами в них. Он мо-жет пережить превращение в дерево, полевой или садовый цве-ток,насекомоядное растение, водоросль, океанский планктон, даже культуру бактерий или отдельную бактерию.

В холотропном модусе можно эмпирически отождествить-ся с корневой системой дерева, занятой водным и минераль-ным обменом, с циркуляцией сока в коре, с листом во время фотосинтеза, с прорастающим зерном, с процессом опыления или клеточного деления во время вегетативного роста. В не-которых случаях люди рассказывали, что были свидетелями ботанических процессов на субклеточном и молекулярном уровнях, эмпирически осознавали деятельность митохондрии или биохимические процессы, лежащие в основе производства ауксинов, растительных пигментов, жиров и сахаров, арома-тических веществ и различных алкалоидов.

Опыт сознания растений представляет собой интересную категорию трансперсональных феноменов. Сколь бы абсурдным это ни казалось здравому смыслу традиционного ученого, эти переживания невозможно считать просто фантазией. Они не-зависимо друг от друга происходят у многих людей на определенной стадии эволюции сознания и обладают качеством подлинности, которое нелегко передать словами. Часто они дают человеку новое глубокое понимание соответствующих процессов и ведут к важным философским и духовным прозрениям.

Наиболее важное из этих прозрений - осознание особого качества и чистоты существования растений, делающих их образцом для духовной жизни человека. В отличие от животных и человека, растения в своей основной массе не убивают и не ведут хищнический образ жизни. Они живут в непосредственном контакте с солнцем - жизнедающим принципом нашей планеты и непосредственным выражением творческой энергии космоса. Растения трансформируют эту космическую энергию в формы, которые могут быть полезны другим организмам.

Особенно важно в этом контексте то, что они снабжают все

прочие формы жизни кислородом, оказываясь таким образом абсолютно необходимыми для обеспечения жизни на нашей планете. Другим важным аспектом является непосредственный контакт растений со всеми остальными элементами - землей, водой и воздухом.

Не убивая, не охотясь и не эксплуатируя другие организмы, многие растения вместе с тем сами служат источником пищи, минералов и витаминов для других форм жизни. Кроме того, они используются и иными способами в жизни человека, обеспечивая его многими материалами и веществами и принося ему красоту и радость. Жизнь растений не искажена неестественным стремлением стать чем-то иным, чем они есть на самом деле, болезненными сожалениями о прошлом, конфликтами по поводу несовпадения целей или заботой о будущем, Они воплощают в себе чистое существование «здесь и сейчас», в полном контакте со своим непосредственным окружением, что является идеалом многих мистических школ. У некоторых людей очарование чистотой растительного царства и отвращение к убийству, порожденное перинатальными переживаниями, могут привести к переходу на вегетарианское питание.

Деревья-долгожители - вроде гиганских сейквой и красного дерева или маленьких колючих сосен - часто олицетворяют собой в переживаниях состояние невозмутимого, сосредоточенного и вневременного сознания, независимого от суеты и перемен мира. Переживание отождествления с растениями часто дает глубокое понимание того, почему некоторые растения считались в определенных культурах священными (например, баньян в Индии, лотос у индусов и египтян, омела у друидов, кукуруза у североамериканских и южноамериканских индейцев),

Наиболее непосредственные прозрения в духовные аспекты жизни растений связаны с видами, которые считались священными и использовались в ритуалах различных культур или групп в связи со своими психоделическими качествами. Среди растений-психоделиков, игравших важную роль в духовной жизни человека, можно назвать легендарную ведическую сому, до сих пор не идентифицированную ботанически, африканскую эбогу (Tabernanthe iboga), различные виды конопли (Cannabis indica и sativa), мухомор (Amanita muscaria), мексиканский священный гриб теонакатль (Psilocibe mexicana), визио-

нерский кактус пейот (*Lophophora williamsii*), семена вьюнка, или ололиукви (*Turbina corymbosa*), и амазонскую лиану *Banisteriopsis caapi* - основной ингредиент йаге или пяхупеки. Понимание роли этих растений в духовной жизни человека наиболее естественно может прийти вместе с испытанием их специфического психоделического действия.

Типичный пример отождествления с растением приведен во второй части этой книги, при обсуждении терапевтических механизмов.

е. Единство с жизнью и всем творением

В отдельных случаях сознание человека в холотропном модуле может расширяться до охвата всей жизни на планете, включая все человечество, фауну и флору, начиная с вирусов и одноклеточных и кончая высоко дифференцированными видами. Это - отождествление не с единичным живым организмом, а с жизнью как космическим явлением.

Иногда переживание может сосредоточиться на определенном аспекте жизни - власти голода, сексуального влечения или материнского инстинкта, императивности того закона, что жизнь основывается на жизни, изумительной мудрости, управляющей жизненными процессами на различных уровнях эволюции. Переживания такого рода не оставляют у человека сомнения, что жизнь не может быть объяснена механической наукой и что, она свидетельствует о существовании творческого космического разума.

В некоторых случаях отождествление касается только «горизонтального» аспекта жизни - взаимозависимости различных ее форм, всех пермутаций, синергизмов и антагонизмов, составляющих планетарную экологию. В других случаях переживается также и эволюционное измерение жизни, о котором речь пойдет несколько позже. Переживания такого рода могут привести к глубокому пониманию космических и природных законов, повышенной экологической чувствительности, чуткости к проблемам, порождаемым бурным развитием технологии и индустриализацией.

Следующий пример взят из отчета психиатра о ЛСД-сеансе (доза 300 микрограмм), в котором ясно проявилось отождествление с жизнью на Земле.

Я почувствовал глубокую связь с жизнью на нашей планете. Сначала я прошел через ряд отождествлений с различными видами, но постепенно переживание становилось все более и более всеохватывающим. Мое отождествление распространялось не только горизонтально - в пространстве, включая все формы жизни, но также и вертикально - во времени. Я превратился в дарвиновское эволюционное дерево со всеми его разветвлениями. Я был всей жизнью!

Я чувствовал космическое качество энергий и переживаний, вовлеченных в мир живых форм, бесконечное любопытство экспериментирования, характерное для жизни, жажду самовыражения, действующую на многих уровнях. Больше всего меня волновал вопрос, будет ли продолжаться жизнь на планете. Является ли она жизнеспособным и конструктивным феноменом, или это злокачественный нарост на лике Земли с неким фатальным, обрекающим его на саморазрушение изъяном в самом замысле? Возможно ли, что в плане эволюции органических форм была заложена фундаментальная ошибка? Могут ли творцы вселенных ошибаться, как ошибаемся мы, люди? Это казалось вполне вероятным, и мысль об этом, никогда раньше не приходившая в голову, пугала меня.

Отождествляясь с жизнью, я пережил весь спектр деструктивных сил, действующих в природе и в людях, и увидел их опасное продолжение в

современной технологии, угрожающей разрушить нашу планету. Я отождествился с бесчисленными жертвами военной машины, узниками концентрационных лагерей, умирающими в газовых камерах, с рыбой, отравленной в реках и морях, с растениями, убитыми гербицидами, с насекомыми, погубленными химикатами.

Это сменялось трогательными видениями улыбающихся младенцев, очаровательных детей, играющих в песке, новорожденных животных и птиц в аккуратных гнездышках, мудрых дельфинов и китов, путешествующих в кристально чистой воде океана, зрелищем прекрасных полей и лесов. Я чувствовал глубокую эмпатию с жизнью, осознавал экологическую опасность и реальную возможность присоединиться к силам, защищающим жизнь на планете.

ж. Переживание неолушевленной материи и неорганических процессов

Эмпирическое расширение сознания в холотропном моду-

се не ограничено миром биологии; оно может включать макро-скопические и микроскопические явления неорганической природы. Люди рассказывают об отождествлении с водой рек и океанов, с различными формами огня, с землей и горами, с силами, образующимися в природных катастрофах, электромагнитных бурях, землетрясениях, ураганах и извержениях вулканов.

Столь же часто встречается отождествление с определенными материалами - алмазами и другими драгоценными камнями, кристаллами кварца, янтарем, гранитом, железом, сталью, ртутью, серебром и золотом. Эти переживания могут распространяться на микромир и касаться динамической структуры молекул и атомов, броуновского движения, межатомных связей и даже электромагнитных сил и субатомных частиц.

В некоторых случаях испытуемые переживают отождествление со сложными продуктами современной технологии - реактивными двигателями, ракетами и космическими кораблями, лазерами, компьютерами. В таких случаях образ тела обретает все качества соответствующих материалов и процессов, так что это становится сложным сознательным переживанием. По-видимому, любой процесс во Вселенной, который можно наблюдать объективно в обычном состоянии сознания, имеет свое субъективное эмпирическое соответствие в холотропной модальности.

Переживания такого рода показывают, что сознание и творческий разум не являются продуктами неолушевленной материи, но играют решающую роль в самой основе существования.

Это представление все в большей мере подкрепляется современными исследованиями в таких областях науки, как физика элементарных частиц, астрофизика, биология, термодинамика, теория систем, теория информации и т. д.

Особенно интересно то, что эмпирическое отождествление с неорганическим миром не ограничивается чисто познавательными аспектами, а часто имеет определенные духовные качества. Отождествление с водой может переживаться как состояние сознания, характеризующееся вневременностью, текучестью, растворением границ, спокойной непритязательной силой, очищением и парадоксальным сочетанием неизменности и динамических перемен.

Огонь также может переживаться как духовная сила пугающей мощи, способная творить и разрушать, трансформировать твердые формы в энергию, создавать удобства и питать, так же как угрожать и наносить ущерб, и потенциально - очи-

щать. Элемент огня, в особенности в виде Солнца, часто переживается как прямое проявление космической творческой силы во Вселенной, наиболее непосредственное проявление божественного в феноменальном мире.

В соответствии с представлениями многих мистических систем разных времен переживания, связанные с различными драгоценными камнями и металлами, в особенности с алмазами и золотом, соответствуют высокодуховным состояниям, характеризующимся абсолютной чистотой, устойчивостью и особым сиянием. Эти образы часто появляются в связи с архетипическими видениями Рая, небес или небесных городов. Известная беседа Олдоса Хаксли «Переживания визионера», в которой он спрашивает, почему драгоценные камни драгоценны (Huxley, 1983), хорошо выражает эту сторону дела. Его ответ состоит в том, что ценность, которую мы приписываем драгоценным камням и металлам, основана на том факте, что они являются суррогатами мистических переживаний. Для повседневного сознания они представляют собой наиболее полное возможное приближение к определенным эмпирическим характеристикам визионерских состояний.

Эмпирическое отождествление с неорганической материей часто сопровождается прозрениями философской, мифологической, религиозной или мистической природы. Соответствие между переживаниями неорганического мира и духовными состояниями может привести к совершенно новому пониманию анимизма и пантеизма, средневековой алхимии, гомеопатии, учений о четырех или пяти элементах, содержащихся в греческой философии, китайской медицине и тантрических рукописях, а также многих других древних и восточных учениях.

Людам, которые пережили отождествление с водой, легко понять, почему она имеет столь большое значение в даосизме и так часто используется в виде духовной метафоры.

На основе глубокого личного переживания также легко понять, почему Солнце почиталось во многих культурах в качестве бога или почему вулканы воспринимались как божества творения и разрушения. Глубокое отождествление с гранитом может привести к пониманию того, почему индусы считают Гималаи склонившимся Шивой или почему многие культуры создают гигантские гранитные скульптуры.

На более глубоком уровне появляются не образы богов или идолов, а сами божества. Состояния сознания, связанные с этими материалами, – недифференцированность, невозмутимость, неизменность и вневременность – и есть истинное божество. Оно почитается потому, что резко отличается от текучих, подвижных и неустойчивых состояний сознания, характеризующих обычное человеческое существование и мир биологии. Важность того, что время различно в различных областях феноменального мира, в последнее время подчеркивают Илья Пригожин (Prigogine and Stengers, 1984) и Эрик Янч (Jantsch, 1980).

Я проиллюстрирую этот интересный тип переживаний отчетом о сеансе со 150 миллиграммами кеталара (кетамин), диссоциативного анестетика, используемого в хирургии и ветеринарии, в связи с которым особенно часто встречаются эмпирические отождествления с неорганической материей.

Атмосфера была темной, тяжелой и зловещей. Она казалась токсичной и ядовитой в химическом смысле, но также опасной и злой в метафизическом смысле. Я

понял, что становлюсь НЕ-ФТБЮ, наполняя немислимо огромные пустоты под землей. Я по-лон интереснейших прозрений относительно химии, геологии, био-логии, психологии, мифологии, экономики и политики Ъ области нефти.

Я понимаю, что нефть - гигантские залежи минерализован-ных жиров биологического происхождения - избежала принуди-тельного цикла смерти и рождения, которому подвержен мир жи-вой материи. Однако смерти не удалось избежать полностью, она только отсрочена. Деструктивный плутоновский потенциал смерти продолжает существовать в нефти в латентной форме и ждет своей возможности, как чудовищная бомба замедленного действия.

Переживая то, что мне представлялось сознанием нефти, я видел смерть в виде убийств, вызванных жадностью и стяжатель-ством тех, кто стремился извлечь из нее астрономические при-были. Я видел сцены политических интриг и экономических пер-турбаций, основанных на «нефтяных деньгах». Нетрудно было проследить цепь событий до грядущей мировой войны за умень-шающиеся ресурсы ископаемого, ставшего необходимым для вы-живания и благополучия индустриальных стран.

Мне стало ясно, что для будущего планеты необходимо перео-риентировать экономическую жизнь на солнечную энергию и другие возобновляемые источники. Продолжение политики после-довательного сжигания ограниченных ресурсов и превращения их в токсичные отходы, загрязняющие среду, порочно в самой своей осноре, будучи совершенно несовместимым с цйкличным по при-роде космическим порядком.

Использование ископаемых источников знергии было понят-но в историческом контексте индустриальной революции, но его продолжение, когда фатальность этой траектории уже понята, ка-жется преступным и самоубийственным.

В длинном ряду отвратительных, неприятных переживаний я прошел через состояния сознания, связанные с химической промышленностью, основанной на нефти. Используя название зна-менитого немецкого химического комбината, я называл эти пережи-вания IG Farben-сознанием. Это было бесконечным рядом состоя-ний сознания с качеством анилиновых красителей, органических растворителей, гебрицидов, пестицидов и отравляющих газов.

Кроме переживаний, связанных с различными индустриальны-ми ядами как таковыми, я также отождествлялся с состояниями сознания различных форм жизни, подвергаемых воздействию продуктов нефти. Я был каждым евреем, умершим в нацистских газовых камерах, каждым отравленным муравьем и тараканом, каждой мухой, пойманной на липучку, каждым растением, уми-рающим от гебрицидов. И за всем этим разворачивалось вероят-ное будущее для всей жизни на планете - смерть от промыш-ленных загрязнений.

Это был непередаваемый урок. Я закончил сеанс с ясным пониманием экологических проблем и того, куда должно идти развитие экономики и политики, чтобы жизнь на планете могла продолжаться.

3. Планетарное сознание

В этом типе трансперсональных переживаний сознание че-ловека расширяется до такой степени, что кажется охватываю-щим все аспекты существования нашей планеты, в том числе геологическую субстанцию с ее минеральным царством, так же как биосферу со всеми формами жизни, включая людей. С этой точки зрения вся Земля представляется одним сложным орга-низмом, космическим единством, различные аспекты которо-го - геологический, биологический, психологический, культур-ный и технологический - могут

рассматриваться как проявления концентрированного стремления достичь более высокого уровня эволюции, интеграции и самоактуализации.

Эти переживания, как правило, включают также мифологическое измерение, имеющее определенно духовное качество.

Земля воспринимается как Мать-земля или божественное существо, как греческая богиня Гея. Легко убедиться, что процессы, протекающие на Земле, руководимы высшим разумом, намного превосходящим наш, и что к этому высшему разуму следует относиться с уважением и доверием, не пытаясь вмешиваться в его деятельность с нашей ограниченной точки зрения. Эти представления, неоднократно возникавшие в необычных состояниях сознания у разных людей, недавно получили подтверждение в новейших научных исследованиях.

Грегори Бэйтсон, достигший в своей работе блестящего синтеза точек зрения кибернетики, теории информации и теории систем, эволюционной теории, антропологии и психологии (Bateson, 1979), пришел к выводу, что не только возможно, но и логически необходимо предполагать существование психических процессов на всех уровнях естественных феноменов достаточной сложности - на уровне клеток, органов, тканей, организмов, групп животных и людей, экосистем и даже Земли и Вселенной как целого. В этом образе мышления наука вновь пришла к старому представлению о *deus sive natura*, существовании имманентного Бога, как говорил об этом Спиноза.

Совершенно независимо Джеймс Лавлок собрал в своей книге *el'es: новый взгляд на жизнь на Земле»* (Lovelock, 1979) свидетельства того, что тонкие гомеостатические механизмы, поддерживающие постоянство температуры Земли и концентрацию ключевых компонентов (солей, кислорода, аммиака и озона) в атмосфере, океанской воде и почве, заставляют предположить, что Земля подобна разумному организму. К аналогичным выводам пришли Теодор Роззак в своей книге *«Личность-планета»* (Roszak, 1978) и Питер Рассел в книге *«Глобальный мозг»* (РияеП, 1983).

Следующий пример планетарного сознания является отчетом о сеансе холотропного дыхания молодой женщины из Германии, участвовавшей несколько лет назад в нашем пятидневном семинаре.

Сначала я чувствовала себя Великой Матерью-богиней, Матерью-землей, затем это перешло в действительное превращение в планету Земля. Было понятно, что я - Земля - являюсь живым организмом, разумным существом, старающимся понять себя, развить более высокий уровень сознания и вступить в общение с другими космическими существами.

Металлы и минералы, составляющие планету, были моими костями, скелетом. Биосфера - растительная жизнь, животные, люди - моей плотью. Я чувствовала в себе циркуляцию воды: из океанов - в тучи, оттуда - в маленькие ручейки и большие реки и снова в море. Водная система была моей кровью, и метеорологические изменения - испарение, воздушные потоки, выпадение дождей, снег - обеспечивали циркуляцию, передачу питания и очищение. Коммуникация между растениями, животными и людьми, включая современную технологию - прессу, телефон, радио, телевидение и компьютерные сети, - составляли мою нервную систему, мой мозг.

Я чувствовала своим телом вред, наносимый вкраплениями шахт, больших городов, токсичных и радиоактивных отходов, загрязнением воздуха и воды. Самым странным было то, что я воспринимала ритуалы, совершаемые различными примитивными племенами, и чувствовала их значительную целительную силу и их

абсолютную для меня необходимость. Сейчас, в моем повсед-невном сознании, мне это кажется странным, но во время моих переживаний я была совершенно убеждена, что совершение ри-туалов важно для Земли.

и. Внеземные переживания

В этих переживаниях сознание охватывает небесные тела, фрагменты Вселенной, астрономические процессы, происходящие вне сферы Земли. Человек может чувствовать себя путе-шествующим на Луну, Солнце, другие планеты, звезды, галак-тики или пережить взрыв сверхновой звезды, сжатие звезд, квазаров и пульсаров, прохождение через черные дыры. Это может происходить в форме простого наблюдения событий или в форме переживания в своем эмпирическом поле всех соответ-ствующих процессов.

Как и отождествление с неорганической материей, эти пе-реживания часто имеют духовную составляющую. Так, напри-мер, эмпирическое отождествление с термоядерным процессом внутри Солнца может связываться с чувством соприкоснове-ния с творческой силой космического сознания. Опыту прохож-дения через черную дыру обычно сопутствуют эмпирическое исчезновение времени, пространства и философской уверенно-сти в материальной реальности феноменального мира. Пережи-вание межзвездного пространства связывается с духовным опы-том Пустоты, речь о котором пойдет несколько позже.

Переживания вне Земли часто появлялись в необычных со-стояниях сознания у Джона Лилли, нейрофизиолога, известно-го своими исследованиями нечеловеческого разума и межвидо-вой коммуникации, так же как и своим беспрецедентным мара-фоном психоделического самоисследования. В своих сеансах он не раз посещал чужие миры и общался со странными существами и «присутствиями». Вот описание одного из таких событий, ини-цированного приемом 75 миллиграммов кеталара (кетамин) и нахождением в изолирующей ванне (Lilly, 1978),

Я оставил свое тело плавающим в ванне на планете Земля и оказался в очень странной и чуждой среде. По-видимому, это было не на Земле, я никогда раньше здесь не был. Это могло быть на какой-то другой планете и в иной цивилизации. Я нахожусь в особом состоянии высшего безразличия, не чувствуя ни страха, ни любви. Я в высшей степени нейтральное существо, наблюдаю-щее и ждущее.

Это очень страннo. Эта планета похожа на Землю, но цвета здесь другие. Здесь есть растительность, но особого пурпурного «»вета. Здесь есть солнце, но фиолетовое, а не знакомое мне оран-жевое Солнце Земли. Я нахожусь на красивой лужайке, вдали виднеются очень высокие горы. Я вижу, как через лужайку ко мне приближаются какие-то существа. Они сверкающе белые и кажутся излучающими свет. Двое из них подходят ближе. Я не могу разглядеть их черт, они слишком сверкают для моего тепе-решнего зрения. Они, по-видимому, прямо передают мне свои мысли. Нет звука. То, что они думают, автоматически переводится в слова, которые я могу понять.

к. Отождествление со всей физической вселенной

Это редкое переживание представляет собой дальнейшее расширение сознания за пределы планетарного и внеземного опыта до такой степени, что человек охватывает всю физичес-

кую вселенную. Все космические процессы переживаются как

внутриорганические и интрапсихические феномены этого огромного существа. Как правило, это связывается с пониманием того, что, если различные существа феноменального мира переживают лишь различные специфические аспекты материальной реальности, космическое или божественное сознание располагает полным и тотальным одновременным опытом всего, что есть, как с точки зрения отдельных единиц сознания, так и с точки зрения неделимого целого, из центра.

л. Парапсихические феномены, выходящие за пределы пространства: переживания вне тела, ясновидение и ясновыслушивание на расстоянии, «путешествия в пространстве» и телепатия

Эта подгруппа экстрасенсорных феноменов может рассматриваться как трансперсональные переживания, подразумевающие выход за пределы пространственных границ и расстояний. Они могут происходить в чистой форме или в соединении с выходом за пределы линейного времени. Переживания сознания, отделенного от тела, или переживания вне тела (ПВТ), могут иметь различные формы и степени. Они могут представлять собой изолированные эпизоды или быть частью психического раскрытия и других типов трансперсональных кризисов.

Обстоятельства, особенно благоприятствующие ПВТ, включают опасность для жизни, ситуации близости к смерти, переживания клинической смерти, сеансы глубокой эмпирической психотерапии, принятие психоделиков, особенно диссоциативного анестетика кетамина (кеталара). Классические описания ПВТ можно найти в духовной литературе и философских текстах всех времен, например, в «Тибетской книге мертвых» (Бардо Тхедол) и другой подобной литературе. До недавнего времени традиционная наука не принимала эти описания всерьез, пока современные исследования в экспериментальной психиатрии и танатологии не подтвердили их подлинность.

В умеренных формах ПВТ человек переживает такое чувство, будто он покидает тело и видит себя как объект с различных расстояний. В более крайних формах человек обнаруживает себя в других помещениях, на больших расстояниях (астральная проекция), летящим над Землей или улетающим от Земли. Яркое описание ПВТ в состоянии, близком к смерти, можно найти в автобиографии К. Г. Юнга (Jung, 1961). В этих состояниях человек может ясно воспринимать события в том месте, куда проецируется его отделившееся сознание. Хотя это невозможно с точки зрения ньютоново-картезианской науки, подлинность этих явлений неоднократно подтверждалась и не вызывает сомнений.

Исследования Раймонда Муди (Moody, 1975), Кеннета Ринга (Ring, 1980, 1984), Майкла Сейбома (Sabom, 1982), Элизабет Кюблер-Росс (Kubler-Ross, 1985), мои собственные исследования (Grof and Halifax, 1977) и работы многих других содержат доказательства существования ПВТ у клинически мертвых людей, во время которых они могут, например, наблюдать сверху процедуры собственного оживления или воспринимать события, происходящие на большом расстоянии. Согласно Элизабет Кюблер-Росс, даже слепые люди в этих обстоятельствах получают способность визуально и в красках воспринимать окружающее (1984). Таким образом, современные танатологические исследования подтверждают описание «Тибетской книги мерных», по которой после смерти человек оказывается в «теле

бардо», выходящем за пределы ограничений времени и пространства и способном свободно путешествовать вокруг Земли

Наблюдения в психоделических исследованиях, сеансах холотропного дыхания и в других типах эмпирической психотерапии также подтверждают возможность подлинных ПВТ во время визионерских состояний, как о них рассказывают различные мистические источники и антропологическая литература. Ясновидение и яснослышание отдаленных событий могут происходить без ощущения пребывания на месте событий, в форме астрального путешествия в нужное место или внезапной астральной проекции. В редких случаях человек может контро-лировать и направлять астральное путешествие. Известный ветеран и исследователь ПВТ Роберт Монро (Monroe, 1971) много лет боролся со спонтанными ПВТ, пока наконец не научился не только контролировать их, но и вызывать с помощью специальных упражнений и электронной технологии.

Подлинность ПВТ демонстрировалась в контролируемых клинических экспериментах знаменитым психологом и парапсихологом Чарльзом Тартом в калифорнийском университете в Дей-висе (Tart, 1974). Ряд весьма успешных научно организованных экспериментов по «видению на расстоянии» осуществили в Стэнфордском исследовательском институте в Калифорнии физики Рассел Тарг и Хэрولد Путхофф (Targ and Puthoff, 1977). Одним из наиболее ярких демонстраторов «видения на расстоянии» является медиум Инго Сванн, который неоднократно показывал свою способность точно описывать любое место на земном шаре, если ему давали его координаты. Еще более интересно, что эти ученые показали, что практически каждый может быть обучен успешному выполнению этих экспериментов.

Телепатия - это прямой доступ к мыслительному процессу .

другого индивида без опосредования словами, невербальными

знаками или иными условными средствами коммуникации. Прорывы телепатии случаются и в обычных состояниях сознания. Однако вероятность телепатического обмена значительно возрастает, когда человек переходит в холотропную модальность посредством медитации, эмпирических техник психотерапии,

психоделиков или при угрозе жизни. И хотя не всегда легко от-

личить телепатию от других типов парапсихологических и трансперсональных переживаний, точные исследования почти не оставляют сомнений в подлинности этого феномена.

Ниже приводится пример примечательного ПВТ с точным восприятием на отдаленном расстоянии, сообщенный Кимбер-ли Кларк из Сиэтла. Обстоятельства этого случая были столь необычными и убедительными, что пробудили в ней устойчивый интерес к ПВТ (Greyson and Flinn, 1984).

Впервые я встретилась с переживанием близости смерти, работая с пациенткой по имени Мария - рабочей-мигранткой, приехавшей в Сиэтл навестить друзей и попавшей в кардиологическое отделение больницы с сердечным приступом. Я в качестве социального работника занималась ее социальными и финансовыми проблемами. Через несколько дней после поступления в больницу у нее была остановка сердца. Поскольку в остальном ее здоровье было в порядке, опытные врачи быстро привели ее в порядок, лишь пару часов подержав на искусственном дыхании.

Некоторое время спустя я зашла навестить ее, полагая, что она могла беспокоиться по поводу остановки сердца. Она действительно была в необычном

пятью различными символами – кругом, квадратом, крестом, звездой и двумя волнистыми линиями вроде астрологического

знака Водолея; клавиши были окрашены по-разному. Эта клавиатура была связана с такой же в соседней комнате, где клавиши могли нажиматься экспериментатором вручную или электронным способом в соответствии с последовательностью случайных чисел. Участник эксперимента, отгадывающий карты, мог получать или не получать обратную связь относительно правильности своих догадок.

Поначалу я играл с клавиатурой, либо нажимая клавиши автоматически, либо используя в качестве руководства цвет моих визуализаций. Через некоторое время я почувствовал серьезность эксперимента: проверка возможности ЭСВ неотделима от фундаментальных вопросов о роли сознания и психики в мире и природе реальности. Мы подвергали проверке не только существование или несуществование ЭСВ, но также и все научное мировоззрение. Безусловно позитивный результат разрушил бы принятую систему представлений и поколебал бы то ощущение безопасности и уверенности, которое средний человек западного мира основывает на ней.

В то же время противоположное представление о мире казалось очевидным. Экстрасенсорное восприятие было легким делом, детской игрой. Я чувствовал полное отождествление с Джоном (Ленноксом), который наблюдал за клавиатурой в соседней комнате. Я мог почувствовать ментоловый привкус резинки, которую он жевал, и был уверен, что могу видеть панель перед его глазами. Было очевидно, что я могу также использовать Хелен (Бонни), более эмоциональную и чувствительную, чтобы узнавать цвета.

В этот момент Вальтер сказал через микрофон, что будет давать мне обратную связь о правильных и неправильных ответах. Я правильно назвал первый символ и ощутил странное чувство возбуждения и азарт. Когда второй символ также был назван правильно, это чувство предельно возросло. Третий правильный ответ подряд привел меня в состояние метафизической паники. Возможность выхода за границы пространства и времени начала становиться реальностью, будучи подтверждена объективной научной проверкой.

Я ясно видел образ четвертого символа, но почувствовал странный страх сказать об этом экспериментаторам. Я решил назвать один из оставшихся, произвольно полагая, что вероятность оказаться правым один к четырем, вместо того чтобы отважиться на уверенное правильное название символа (Как я выяснил после сеанса, образ, который я видел, но решил не называть, был правильным. Такой результат случайно мог получиться в одной из 625 попыток.) После этого я отказался продолжать эксперимент к глубокому огорчению Уолтера. Причиной отказа была странная смесь убежденности, что абсурдно проверять очевидное, и страха подтвердить это методами западной науки.

2. Выход за пределы линейного времени

В необычных состояниях сознания многие люди вполне реалистично переживают эпизоды внутриутробного существования, отождествляясь с эмбрионом на ранних стадиях развития или даже со сперматозоидом или яйцеклеткой во время зачатия. В некоторых случаях регрессия идет дальше во времени, так что человек убедительно переживает эпизоды из жизни своих предков или даже получает доступ к памяти расового или коллективного бессознательного. Когда подобные переживания воспринимаются как личные воспоминания о своей скорее духовной, чем биологической истории, то это можно назвать кармическими традициями или опытом прошлых воплощений. В некоторых случаях люди переживают

отождествление с определенными животными - предками на эволюционной лестнице - или со всем филогенетическим деревом. Можно даже пережить историю Вселенной до зарождения жизни на Земле и оказаться свидетелем драматического Большого взрыва - формирования галактик, рождения Солнечной системы или ранних геологических процессов на нашей планете.

а. Внутриутробные переживания

Я уже упоминал переживания такого рода в контексте первой перинатальной матрицы. Поскольку понятия перинатальных переживаний и перинатальных матриц относятся только к процессам, непосредственно связанным с биологическим рождением, то с БПМ-1 могут быть соотнесены только поздние стадии беременности. Однако систематическое самоисследование с помощью психоделиков, немедикаментозных психотерапевтических техник или медитации может обеспечить эмпирический доступ к любой стадии эмбрионального развития

Эти переживания реалистично, конкретно и детально отображают различные пренатальные ситуации, как правило, наиболее драматические и связанные с сильным эмоциональным зарядом. Благополучное внутриутробное существование переживается как эпизоды океанического экстаза, мистической связи с жизнью или космической творческой силой, а различные кризисы пренатального развития - как состояния мучения, паранойи, физического дискомфорта или нападения демонических сил. Оба типа пренатальных переживаний обычно связываются с другими трансперсональными феноменами, чаще всего с филогенетическими, кармическими и архетипическими переживаниями, а также с сознанием органов, тканей и клеток, о котором речь пойдет дальше.

Многие пренатальные переживания связаны с внутриутроб-

ной травматизацией, причиняемой различными вредными или беспокоящими стимулами механической, физиологической или биохимической природы. Наблюдения во время психоделических и холотропных сеансов позволяют предположить, что младенец в матке может не только воспринимать грубые нарушения внутриутробного существования, вроде грозящего выкидыша или попыток прерывания беременности, сильных механических сотрясений или вибраций, громких звуков, токсических воздействий и соматических болезней материнского организма, но и соучаствовать в эмоциях матери. Он может пережить вместе с ней эмоциональный шок, приступ тревоги, вспышку ненависти или агрессии, подавленность, сексуальное возбуждение или, наоборот, чувство релаксации, удовлетворения, счастья и любви.

Этот обмен не ограничивается лишь интенсивными физическими или эмоциональными событиями. Часто он касается эмоциональных нюансов и включает даже телепатическую передачу мыслей и образов. Люди, переживавшие эпизоды внутриутробного состояния, неоднократно сообщали, что ясно сознавали свою нежеланность и отвержение матерью или наоборот - желанность и ее любовь. Они как бы получали ясное послание от материнского организма, выражающее отношение матери к беременности.

Для многих людей воспоминания о внутриутробной травматизации принадлежат к важным факторам, определяющим общую эмоциональную нестабильность или различные специфические формы психопатологии. Желанность или нежеланность для матери оказывается важнейшей темой и требует много времени и усилий в эмпирической психотерапии любого рода. Для людей, вынашивавшихся как близнецы, необходимость разделять пространство утробы с партнером и соперником

представляет специальную проблему и может оказать глубокое влияние на будущее психологическое развитие.

Важные практические и теоретические следствия вытекают из вопроса о подлинности эмбриональных воспоминаний в сеансах с психоделиками или без них. Этот вопрос сравним с проблемами, возникающими в связи с воспоминаниями о раннем детстве, но еще более сложен и фундаментален. Перинатальный и пренатальный материал постоянно появляется в психоаналитической литературе, но за немногими исключениями, такими как Отто Ранк (Rank, 1929), Шандор Ференчи (Ferenczi, 1938), Нандор Фодор (Fodor, 1949) и Летерт Перболт (Peerbolt, 1975), не принимается всерьез. Постнатальные события, вспоминаемые или реконструируемые пациентами во время психоанализа, если только они не слишком фантастичны и невероятны, всегда принимаются всерьез как возможно отражающие реальную историю, в то время как упоминания о рождении и внутриутробном существовании привычно считаются фантазиями.

Наблюдая в течение многих лет переживания пациентами внутриутробного существования и пережив несколько таких эпизодов в собственных психоделических и немедикаментозных сеансах, я не могу отнестись к ним просто как к выдумкам. Многие профессионалы из разных областей сообщают о подлинности подобных переживаний и богатстве информации относительно анатомии, физиологии, эмбриологии, акушерства и даже гистологии, которую они предоставляют. Даже непрофессионалы часто описывают такие детали, как определенные характеристики сердцебиения матери и плода, шум крови в венах и шумы в кишечнике, специфические детали положения и поведения плода, обмена веществ, даже кровообращения в ворсинках плаценты. Хорошо образованные люди часто подчеркивают, что переживания такого рода возникают в их сеансах вопреки тому, что прежде они не верили в возможность пренатальных воспоминаний и что это противоречит их научному мировоззрению.

Подлинность пренатальных воспоминаний и богатство появляющейся в них информации убедили меня в важности этого феномена, так что я делал все возможное для независимого от сеанса сбора информации от матерей, родственников, из соответствующих акушерских записей и других источников, сравнивая эту информацию с сообщениями пациента. Часто это давало ошеломляющие подтверждения тому, что обнаруживалось во время переживания воспоминаний относительно различных кризисов беременности, попыток аборта, эмоциональной нестабильности или физической болезни матери. Эти наблюдения дают более чем достаточное основание для того, чтобы проводить в будущем систематические исследования этого замечательного феномена.

В некоторых случаях переживания пренатального существования отображают очень ранние стадии биологической истории индивида, вплоть до отождествления со сперматозоидом или яйцеклеткой на клеточном уровне сознания, воспоминаний о прохождении яйцеклеткой или сперматозоидом фаллопиевой трубы, момента зачатия, имплантации оплодотворенной яйцеклетки в слизистую оболочку матки и ранних стадий роста зародыша.

Переиссывания такого рода могут сопровождаться прозрениями относительно влияния наследственности, космологических и астрологических энергетических полей, духовных, кармических и архетипических сил, управляющих развитием эмбриона.

Пример, которым я хочу проиллюстрировать феномен внутриутробных переживаний, принадлежит сеансу психоделической терапии Ричарда, юноши, страдавшего хроническими суицидальными депрессиями. Краткая история его

лечения описана в моей книге «Области человеческого бессознательного» (Grof, 1975, pp. 57-60); там же можно найти детальное описание воспоминаний об отождествлении с зародышевыми клетками и о зачатии (pp. 192-193).

Во время одного из ЛСД-сеансов Ричард описывал, по-видимому, подлинное внутриутробное переживание. Он чувствовал себя погруженным в околоплодную жидкость и прикрепленным к плаценте пуповиной. Он сознавал, что питание приходит в его тело через область пупка и переживал чудесное ощущение симбиотического союза с матерью. Они были связаны друг с другом циркуляцией крови в плаценте, которая казалась волшебной жизнедающей жидкостью. Ричард слышал двойной ряд ударов сердца с разной частотой, объединявшихся в одну волнообразную акустическую картину.

Это сопровождалось специфическими глухими ворчащими звуками, которые Ричард не без колебаний объяснил продвижением крови через тазовые артерии и током жидкостей и газов во время перистальтических движений участков кишечника, близких к матке. Он хорошо сознавал образ своего тела, не похожего на его взрослое тело. Он был маленьким, а его голова была непропорционально большой по отношению к его общему размеру. На основе различных эмпирических сопоставлений и взрослых суждений он определил, что был зрелым плодом незадолго до рождения.

В этом состоянии он внезапно услышал странный шум, исходящий из внешнего мира. Звуки имели странное качество, как будто отражались от стен большого зала и проходили через слой воды. Это было похоже на звучание, которого добиваются современные музыканты в электронных композициях. Он пришел к выводу, что стенки живота и матки, а также околоплодная жидкость преобразуют таким образом звуки, которые извне достигают младенца.

Ричард попытался понять, что это были за звуки и откуда они исходили. Через некоторое время он узнал человеческие голоса, крики и смех, и что-то вроде звучания карнавальных труб. Ему вдруг пришла в голову мысль, что это могли быть звуки ярмарки, которая ежегодно проходила в их деревушке и пришлось в том году за два дня до его рождения. Соединив все эти фрагменты информации, он пришел к выводу, что его мать пошла на эту ярмарку накануне родов.

Когда я расспрашивал мать Ричарда об обстоятельствах его рождения, ничего не говоря ей о его переживании в ЛСД-сеансе, она рассказала мне следующее. В довольно скучной жизни деревни ежегодная ярмарка была редким развлечением. И хотя женщина была на поздней стадии беременности, она ни за что на свете не хотела пропустить эту возможность. Несмотря на то, что ее мать была категорически против этого, она вышла из дому и пошла на праздник. Родные считали, что шум и суета ярмарки ускорили появление Ричарда на свет. Ни Ричард, ни его мать не помнили, чтобы она когда-нибудь рассказывала ему эту историю.

б. Опыт предков

Эта группа трансперсональных переживаний характеризуется определенным чувством исторической регрессии по биологической линии к периодам, предшествующим зачатию человека, и подлинным отождествлением с одним из своих предков. Иногда эти переживания связаны со сравнительно недавней семейной историей и непосредственными предками по отцовской или материнской линии - родителями или дедушками и бабушками. Но возможен и уход назад на несколько поколений и даже веков.

В общем содержание этих переживаний всегда сопоставимо с расовой историей и культурным прошлым человека. Так, пациент-еврей может пережить эпизоды

холокаста из второй мировой войны, средневековый погром или жизнь в племени библейских времен и почувствовать глубокую связь со своим расовым и религиозным наследием. Пациент скандинавского происхождения может оказаться свидетелем различных приключений и войн викингов; эти сцены могут сопровождаться яркими деталями относительно одежды, оружия, украшений, техники мореплавания и морских сражений. Афроамериканец может пережить сцену из жизни африканских предков, жизнь в деревне, ритуал перехода в новую возрастную категорию, церемонию целительства, какой-нибудь праздник в деревне или травматическое событие из истории рабства. Подобные переживания могут сопровождаться психологическими прозрениями относительно связи архаических элементов с особенностями нынешней личности и нынешними психологическими проблемами.

Переживания, связанные с опытом предков, могут быть довольно сложными. Иногда они принимают форму коротких или более развернутых эпизодов из жизни одного из предшественников - конкретных, специфических и богатых деталями. Они могут включать полное эмпирическое отождествление с предком, вплоть до его внешности, выражения лица, жестов, эмоциональных реакций и мышления. В других случаях они могут быть более обобщенными и размытыми, сводящимися к ощущению атмосферы и межличностных отношений в семье, клане или племени, интуитивного понимания культурных установок, систем верований, привычек, традиций, идиосинкразий, предрасположенностей и т. п.

Некоторые люди рассказывали, что обрели таким образом новое понимание структуры своей личности и некоторых своих проблем и конфликтов, которые ранее казались бессмысленными. Например, причиной их могли быть несоответствия между материнской и отцовской линией, так что проблемы, казавшиеся личными, оказывались интроецированными конфликтами между поколениями умерших предков.

Две важные характеристики опыта предков отличают эти переживания от опыта расового и коллективного бессознательного. Первая - это трудноописуемое эмпирическое качество, состоящее в субъективной уверенности, что протагонист принадлежит к кровной родне и переживание подразумевает «прочтение» генетического кода ДНК. Кроме того, объективное исследование, если оно может быть проведено, обычно подтверждает содержание переживаний. В некоторых случаях, когда возникали сомнения, например, в случаях воспоминаний представителя англосаксонской расы о цыганских или негритянских предках, исследование линии Предков подтверждало эмпирические переживания.

Я проиллюстрирую этот феномен интересными наблюдениями из сеанса холотропной терапии, который мы недавно проводили в Стокгольме.

Два других примера опыта предков можно найти в моей книге «области человеческого бессознательного» (Grof, 1975), причем один из них уходит назад на одно поколение (pp. 164-165), другой - на три века (pp. 165-167).

Молодая женщина, которая приехала на семинар из Финляндии, пережила на сеансе мощную последовательность сцен, связанных с агрессией и убийством в различного рода войнах. Это происходило в контексте процесса смерти и возрождения и переживания биологического рождения как типичных черт БПМ-III.

Одна из сцен была необычной и отличалась от других. Паци-ентка почувствовала себя молодым солдатом, участвующим в бою во время второй мировой войны, за четырнадцать лет до ее зачатия. Внезапно она поняла, что превратилась в своего отца и переживает бой с его позиции.

Она полностью отождествилась с ним и чувствовала его тело, его эмоции и мысли, а также ясно воспринимала все, что происходило вокруг нее. В какой-то момент, когда она, вернее, он прятался за деревом, пуля оцарапала его щеку и ухо.

Переживание было очень живым, подлинным и убедительным.

Она не понимала, откуда оно пришло и что с ним делать. Она знала, что ее отец принимал участие в русско-финской войне, но была уверена, что он никогда не рассказывал ей об этом эпизоде. В конце концов она решила выяснить по телефону, помнит ли отец такое событие.

На следующий день она пришла в группу возбужденной. Выяснилось, что когда она позвонила отцу и рассказала ему о своем опыте, он был ошеломлен. Этот эпизод действительно произошел с ним во время войны, ее описание сцены было совершенно точным. Он уверял, что никогда не рассказывал об этом эпизоде ей или кому-нибудь еще в семье, так как не считал его сколько-нибудь важным.

в. Опыт расового и коллективного бессознательного

Эти переживания еще дальше отступают от истории индивидуальной жизни. Здесь протагонистами являются не предки, с которыми человек связан кровным родством, а любые представители той же расы. В случае опыта коллективного бессознательного процесс выходит даже за пределы расы, затрагивая все человечество как целое, подтверждая вызвавшие столько противоречий представления К. Г. Юнга (Jung, 1959).

Если человек в необычном состоянии сознания настраивается на подобные переживания, он принимает участие в драматических, чаще всего коротких, но иногда и более развернутых

эпизодах, имеющих место в более или менее отдаленном историческом времени различных стран и культур. Человек может быть наблюдателем, но чаще эмпирически отождествляется с одним из протагонистов. Обычно он получает при этом ряд све-

дений - иногда общего характера, а иногда очень специфичес-

ких и детальных - относительно социальной структуры, религиозной практики, ритуалов, морали, искусства, технологии соответствующих исторических периодов и культур.

Воспоминания коллективного бессознательного могут относиться к любой стране, расовой группе или культуре, к любому историческому периоду, хотя кажется, что определенные преимущества имеют древние цивилизации с высоко развитыми духовными, философскими и художественными традициями. Удивительно часто появляются эпизоды из Древнего Египта, Древней Индии, Тибета, Китая, Японии, доколумбовой Мексики и Перу, Греции и Рима. Выбор культуры и географического ареала может совершенно не зависеть от собственной расовой, этнической и культурной принадлежности человека, от его образования и интересов.

Так, славянин может принять участие в набегах монгольских орд Чингисхана, отождествиться с африканским бушменом в трансовом танце, пережить ритуальную

инициацию среди австралийских аборигенов или оказаться ритуальной жертвой ацтеков. Человек англосаксонского происхождения может пережить эпизод афроамериканского рабства или поучаствовать в истреблении американских индейцев во времена Дикого Запада, что приведет его к пониманию расовых проблем современной Америки. Еврей может настроиться на культуры Дальнего Востока и в результате получить глубокий опыт и удивительное понимание японской, китайской или тибетской души, определенных аспектов даосских или буддийских учений, военных искусств или восточной музыки и театра.

Иногда подобные переживания могут сопровождаться сложной жестикуляцией, позами и движениями, которые точно отображают определенные специфические аспекты соответствующей культурной традиции. Мы неоднократно наблюдали во время психоделических и холотропных сеансов, как совершен-

но не обученные люди принимали в нужные моменты и в пра-

вильном контексте позы (аспны) и выполняли жесты (мудры) йогической традиции и спонтанно обнаруживали их значение. В некоторых случаях люди, эмпирически настроенные на определенный культурный контекст, чувствуют сильную потребность в танце. Без всякой предварительной подготовки и даже

без знания соответствующей традиции человек может спонтанно исполнить различные танцы и правильно воспроизвести последовательность движений, например, в трансовых танцах кунг

бушменов, индонезийских танцах Явы или Бали, символических танцах индийских школ Катхакали или Манипури, или показать вращения дервишей суфийской традиции.

Во время воспоминаний из области коллективного бессознательного человек чувствует, что переживает один из эпизодов

человеческой истории, отображающий культурное разнообразие человечества или показывающий момент космической драмы и

божественной игры (лилы). Эти переживания не связаны с «чтением кода ДНК», как в случае опыта предков, с принадлежностью к определенной расе или с чувством личных воспоминаний или духовной и кармической непрерывности, как в случае кармических феноменов.

Следующий пример расовых переживаний принадлежит сеансу без наблюдения исследователя-еврея, который поделился со мной своим опытом.

Внезапно я понял, что стыд - это общее переживание всего человечества. Я стыжусь своего отца, так же как стыдился мой отец! Я ясно ощущал, что стыд передается при рождении и имеет какое-то важное отношение к половым органам. Я чувствовал себя старым и усталым, как мой отец, и как его отец, и как отец его отца. Это была смертельная усталость и желание умереть. Я чувствовал глубокую связь с моим еврейским наследием по всей линии предков-мужчин - и через тысячи лет раввинов.

Затем я почувствовал жжение и острую боль в районе пениса и понял, что надо мной совершают обряд обрезания. Сущность церемонии и присутствие отца казались связанными с чувством усталости. Это и был глубокий источник стыда! Все люди, участвовавшие в церемонии, были подсознательно пристыжены и смущены происходящим и передавали ребенку свое чувство боли, стыда и усталости вместе с религиозной традицией.

Я глубоко стыдился себя. «Как тебе не стыдно? Стыдись!» - так говорили мне отец и мать сотни раз. Мне так стыдно, что я стыжусь собственного стыда! Я стыжусь своих потребностей, своих чувств. То общее, что связывает еврейский

народ, - это стыд. Свадебная песня в «Скрипаче на крыше» содержит пожелание:

«Храни тебя Бог от стыда!» Адам съел яблоко и узнал стыд. На-следие, передаваемое от отца к сыну со времен Авраама, - это стыд. Завет Авраама, передаваемый наследникам по мужской ли-нии четыре тысячи лет!

Я обнаружил, что держусь руками за пенис и яички. Внезапно пришло видение, которое все мне объяснило. Обрезание было заменой принесения ребенка в жертву! Авраам был готов пожертвовать сына Богу, но получил повеление вместо этого подвергнуть его обрезанию. Обрезание - это символическая кастрация. Жертвование лучшей части мальчика Богу, принесение в жертву его мужественности вместо жизни. Синдром кастрирующей еврейской матери! Отец предлагает меня в жертву, чтобы заслужить одобрение матери. Жертва первородного! Иисус был Сыном Божьим и был пожертвован. Как будто бы Бог первоначально позволил сыну Авраама жить, но все его потомство принадлежит богу и будет востребовано в последние дни. Вот почему евреи - «из-бранный народ»: избранные для жертвы!

Позже я решил провести исторические исследования, связанные с этими прозрениями. Местный учитель-еврей уверял меня, что ничего подобного принесению в жертву первородного сына в еврейской традиции не было. Он отослал меня к Еврейской Энциклопедии и Посту Первородства. Однако я смог найти многочисленные свидетельства принесения в жертву первородных сыновей, которое практиковалось в течение двух тысяч лет, до времен Судей. Мое переживание глубокого отождествления с этим на-следием убедило меня, что оно оставило неизгладимый след в расовом сознании евреев и других средиземноморских народов.

г. Переживания прошлых воплощений

Это, может быть, наиболее интересная, но также и вызывающая наибольшие противоречия группа трансперсональных феноменов. Как уже говорилось выше, воспоминания о прошлых воплощениях во многом напоминают память предков, расовую и коллективную память. Однако обычно они более драматичны и связаны с интенсивным эмоциональным зарядом отрицательного или положительного качества. Их важной эмпирической характеристикой является убедительное чувство воспоминания чего-то, что ранее случилось с тем же существом, той же единицей сознания. Человек, переживающий подобный драматический эпизод, сохраняет чувство индивидуальности и самотождественности, но воспринимает себя в другой форме, в другом месте, времени и контексте.

Это чувство повторного переживания того, что человек уже видел (deja vu) или переживал (deji vescu) в прошлом воплощении, является фундаментальным и неразложимым. Оно сопоставимо со способностью отличать в повседневной жизни воспоминания о действительно имевших место событиях от снов, фантазий и грез. Трудно было бы убедить человека, пересказывающего нечто случившееся на прошлой неделе, в том, что событие это реально не происходило, а является лишь плодом его воображения. Воспоминания о прошлых воплощениях обладают таким же субъективным качеством подлинности и реальности.

Переживания прошлых воплощений обычно включают других людей. В редких случаях в драматических сценах такого рода в качестве протагонистов могут появиться животные. Человек чувствует как бы «кармический импринтинг» сцены, в которой

он был растерзан тигром, растоптан диким слоном, поднят на рога бешеным быком или укушен ядовитой змеей. Эпизоды такого рода подобны кармическим сценам с людьми по своему длительному воздействию, но не повторяются в последующих воплощениях, относясь таким образом к ситуациям, в которых психологический эффект, выходящий за пределы данного воплощения, вызван внеличными Причинами. Типичными примерами таких ситуаций могут быть горечь, ненависть и ревность, связанные с тяжелой болезнью, порождающей боль и беспомощность, агония; пережитая при смерти от несчастного случая в горах, на боло-тах, в песках или при извержении вулкана.

Кармические переживания подразделяются на две категории в зависимости от связанных с ними эМоций. Некоторые из них

отображают позитивные связи с другими людьми - крепкую дружбу, страстную любовь, духовное партнерство, отношения учителя и ученика, кровные связи, бесконечную преданность, цеобычное взаимопонимание, взаимовыгодный и взаимоподдер-живающий обмен. Чаше, однако, они связаны с драматическими отрицательными эмоциями. Переживания такого рода вовлека-ут людей в различные ситуации прошлой жизни, связанные с фцзической болью и агонией, смертельной агрессией, нечелове-ческим страхом, горечью и ненавистью, патологической ревнос-тью, неутолимой жаждой мести, чудовищным вождедением, страшной жадностью и алчностью.

Многие люди, пережившие негативный кармический опыт, специфическим образом характеризовали природу деструктив-ной связи между протагонистами. Различные эмоциональные качества - убийственная страсть, неутолимое желание, всепо-глощающая ревность, смертельный страх - становятся внешне похожими друг на друга, если их интенсивность выходит за оп-ределенные рамки. По-видимому, существует предел биологи-ческого и эмоционального возбуждения, за которым крайние аффективные качества сходятся и приобретают метафизичес-кий характер. Когда двое или больше людей достигают этой «то-чки плавленияэ страстей и инстинктов, ситуация впечатывает-ся в них независимо от той роли, которую они в ней играют.

В ситуациях крайней интенсивности садистское возбужде-ние мучителя и нечеловеческая боль жертвы все более напоми-нают друг друга, агрессия убийцы сплавляется в некото'рой точ-ке с ужасом и страданием умирающей жертвы. Эта змоциональ-ная см'есь и действует в кармическом импринтинге в большей степени, чем та или иная роль в событии. Если люди оказыва-ются вовлеченными в ситуацию, где их эмоции достигают наи-высшей степени, они оказываются вынужденными повторять ее в последующих жизнях, меняя роли в общем узоре, пока не достигнут уровня осознания, необходимого для разрешения кар-мической связи.

Люди, знакомые с духовной литературой, сравнивают это состояние недифференцированного эмоционального возбужде-ния, порождающего кармическую связь, с буддийским понятием «trsna или tanha», понятием «жажда плоти и крови» - си-ла, вызывающая циклы смерти и рождения и являющаяся при-чиной всех человеческих страданий. Отмечалось также глубокое Соответствие между этим состоянием и последней стадией био-логического рождения (БПМ-III), где резко выраженная агрес-сия, смертельный ужас, крайнее сексуальное возбуждение, де-монические тенденции, скатологические мотивы и религиозная страсть смешиваются в странной амальгаме. Таким образом би-ологическое рождение оказывается чем-то вроде трансформиру-ющей станции, где невидимые

морфогенетические поля карми-ческих записей (называемые в духовной литературе акаша-хро-никой) входят в биопсихологическую жизнь человека.

Самому переживанию опыта прошлого воплощения часто предшествуют (или связаны с ним) сложные прозрения и не-гласные инструкции, касающиеся понимания закона кармы как важной части космического порядка, обязательного для всех чувствующих существ. На основе этого нового понимания человек принимает ответственность за дела прошлых жизней, которые пока еще скрыты от него амнезией. Кроме общей информации, такие прозрения могут содержать детали механизма, заложенного в цикле рождения, и стратегию обретения свободы от кармических цепей.

Чтобы достичь полного освобождения от кармической структуры или связи, человек должен полностью пережить болезненные эмоции и физические ощущения, которые содержатся в деструктивной сцене из прошлого воплощения. Вместе с тем необходимо эмоционально выйти за пределы события, подняться над ним этически, философски и духовно, простить и быть прощенным. Такое полное освобождение от кармической структуры и связи обычно вызывает чувство огромного удовлетворения и рационально непостижимого триумфа. Возникает чувство, что человек ждал этого события и работал ради него веками. Ничто в мире не кажется в этот момент более важным, чем освобождение от кармических цепей.

Обычно это сопровождается экстатическим восторгом и блаженством. В некоторых случаях человек может увидеть быстрое «прокручивание» своей кармической истории и понять, как определенный узор повторялся в различных формах, отягощая его жизнь от рождения к рождению. Некоторые люди рассказывали в таких случаях об очистительном урагане, или «кармическом циклоне», пронсящемся через их прошлое и стирающем кармические следствия системы, которую они разрешили,

Переживания прошлых воплощений очень часто встречаются в глубокой эмпирической психотерапии и обладают огромным терапевтическим потенциалом. Они имеют также важное теоретическое значение, поскольку некоторые их аспекты серьезно противоречат механистическому и материалистическому мировоззрению. Терапевт, который не дает развернуться переживаниям такого рода или пресекает их, когда они появляются спонтанно, отказывается от мощного средства терапии и трансформации личности. Поскольку важным препятствием оказывается здесь философское отрицание прошлых воплощений и кармы, основанное на недостаточном знании фактов, я остановлюсь на этой теме более подробно.

Переживания прошлых воплощений, наблюдаемые в глубокой эмпирической психотерапии, аналогичны переживаниям в медитации и в спонтанных эпизодах необычного состояния сознания, объясняющим распространенность и универсальность веры в перевоплощения. Представления о карме и перевоплощениях составляют одну из основ индуизма, буддизма, джайнизма, сикхизма, зороастризма, тибетского буддизма ваджрайяны, даосизма. Подобные идеи могут быть обнаружены у таких географически и исторически различных народов, как африканские аборигены, американские индейцы, доколумбовские мезоамериканцы, полинезийские кахуны, бразильские последователи умбанды, гаулы, друиды. Среди древнегреческих философских школ этих воззрений придерживались пифагорейцы, орфики и платоники. Это учение принимали ессеи, фарисеи, кариты и другие еврейские и полуеврейские группы; оно составляло важную часть каббалистической средневековой теологии. С ним были согласны неоплатоники и

гностики, а в новое время его принимают теософы, антропософы и некоторые спиритуалисты.

Менее известно, что аналогичные представления существовали в раннем христианстве. Согласно св. Иерониму (340-420 гг.), эзотерическая интерпретация идеи перевоплощения устно передавалась избранным. Наиболее известный христианский мыслитель, размышлявший о предсуществовании душ и мировых циклах, Ориген (186-253 гг.) - один из величайших отцов Церкви всех времен. В своих работах, особенно в книге «О началах», он выразил мнение, что определенные фрагменты Писания можно объяснить только в свете учения о перевоплощении. Его учение было осуждено Вторым Собором в Константинополе и стало считаться еретическим. Константинопольский Собор постановил:

«Если кто-нибудь утверждает вымышленное предсуществование душ и следует чудовищным учениям, вытекающим из этого, - пусть будет подвергнут анафеме». Однако некоторые исследователи утверждают, что следы этого учения могут быть найдены у св. Августина, св. Григория и даже св. Франциска Ассизского.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что переживания прошлых воплощений возникают в эмпирических сеансах без всякого программирования и часто несмотря на то, что ни клиент, ни терапевт не верят в такую возможность. Я был свидетелем подобных переживаний задолго до того, как смог теоретически допустить их существование и начал относиться к ним серьезно. Во многих случаях подобные переживания появляются в сеансах ученых, которые ранее считали веру в перевоплощение абсурдным суеверием и предрассудком примитивных народов, или даже проявлением индивидуальной психопатологии.

В некоторых случаях человек, не знакомый с учением о карме и перевоплощении, не только переживает драматические воспоминания о прошлой жизни, но узнает специфические и сложные детали относительно механизма этого явления, подобные тем, которые можно найти в различных духовных системах и оккультной литературе. В качестве примера я могу привести совершенно необразованного пациента, который участвовал в нашей программе психоделической терапии для раковых больных в Балтиморе. Он был почти неграмотным работником; несмотря на это, в психоделическом сеансе он приобрел сложные сведения о циклах рождения и уверенность в непрерывности жизни. Эти переживания помогли ему принять реальность скорой смерти от рака с множественными метастазами; он умер в состоянии душевного равновесия. Краткую историю этого пациента и отчет о его психоделическом сеансе можно найти в моей книге «Человек перед лицом смерти» (Grof and Halifax, 1977, pp. 80-83).

После этого общего введения я хотел бы описать некоторые специфические аспекты переживания прошлых воплощений, которые особенно интересны и заслуживают внимания исследователей сознания и психики. Люди, переживающие опыт прошлых воплощений, часто узнают интереснейшие детали о времени и культуре, в которые попадают, а иногда и о конкретных исторических событиях. В некоторых случаях не может быть сомнения, что они не могли бы получить эти сведения обычным путем при помощи органов чувств. В этом смысле воспоминания прошлых жизней - подлинно трансперсональные феномены, обеспечивающие прямой и непосредственный доступ к информации о мире.

Другой интересный аспект кармических переживаний состоит в том, что они явным образом связаны с различными эмоциональными, психосоматическими и межличностными проблемами человека. Чаще всего они лежат в самой глубинной сердцевине его проблем, за специфическими биографическими и дегенеративными составляющими. Иногда они напрямую определяют психопатологические симптомы. В таком случае глубокая эмпирическая терапия активизирует эти симптомы и приводит человека прямо непосредственно к его кармической теме, которая объясняет симптомы и создает условия для их разрешения, не только помогая таким образом понять психопатологию, но и являясь эффективнейшим терапевтическим средством.

К характерным чертам переживания прошлых воплощений, которые не могут быть объяснены механистической наукой, принадлежат удивительные явления синхронизма в том смысле, как их трактует К. Г. Юнг (Jung, 1960). Я не раз наблюдал, как человек, переживающий кармический эпизод, отождествляет его протагонистов с определенными людьми в своем окружении - родителями, детьми, мужем или женой, друзьями, начальством и другими значимыми фигурами. Когда полное переживание кармического паттерна завершается и достигает состояния разрешения и прощения, это зачастую сопровождается чувством, что партнер, в определенном смысле вовлеченный в этот процесс, должен чувствовать нечто похожее.

Когда я стал достаточно открытым к возможности проверки подобных утверждений, оказалось, к моему глубокому удивлению, что часто они справедливы. Во многих случаях люди, которых клиент обозначает в качестве протагонистов в кармическом эпизоде, точно в то же время переживают драматическое изменение установок в направлении, которое соответствует разрешению кармического паттерна. Эта трансформация происходит так, что ее невозможно объяснить с точки зрения линейной причинности: люди могут находиться за сотни и тысячи километров, ничего не зная о переживаниях человека и его сеансе, и изменения в них происходят в результате совершенно независимых событий. Они сами проходят глубокие трансформирующие переживания, получают какую-то информацию, которая заставляет их посмотреть на партнера по-новому, или подвергаются какому-то иному трансформирующему влиянию. Время синхронных происшествий также примечательно: в некоторых случаях это происходит лишь несколькими минутами позже разрешения кармического паттерна в сеансе клиента. Этот аспект переживания прошлых воплощений указывает на внепространственные связи во Вселенной, отчасти похожие на феномены, описанные в белловской теореме современной физики (Bell, 1966; Сарга, 1982).

Я не считаю, что описанные характеристики переживания прошлых воплощений доказывают, что мы действительно имели какую-то прошлую жизнь. Однако я совершенно уверен, что этот феномен не может быть адекватно объяснен механистической наукой и представляет собой серьезный концептуальный вызов существующим парадигмам психиатрии и западной науки вообще. Не исключено, что некоторые существенные черты кармических воспоминаний - их универсальность, ощущение подлинности, эмпирические качества, точное описание соответствующего времени и культуры, терапевтический потенциал и сопутствующие им синхронические события - могут быть объяснены с точки зрения новой парадигмы без предположения того, что некая отдельная сущность переживает био-логическую смерть и несет

ответственность за свои прошлые дела. Примером такого объяснения может служить вероятно-стная семантическая модель, созданная советским математиком В. В. Налимовым (Nalimov, 1982).

Интересно отметить, что в мистических традициях буквальная вера в перевоплощения отдельных индивидов рассматривается как упрощенная интерпретация кармических переживаний. В более полной форме теория перевоплощений предполагает, что все разделения и границы во Вселенной условны и иллюзорны.

В конечном счете существует только творческий принцип, или космическое сознание. Индивид, достигающий этого предельного знания, будет рассматривать мир кармических явлений лишь как один из уровней иллюзии. Индуистская концепция Вселенной как божественной игры (лилы) одного высшего существа (Брамы) может служить примером такого подхода.

В некоторых случаях свидетельства, подтверждающие теорию перевоплощений, оказываются весьма специфическими.

Фрагмент переживания может содержать недвусмысленную информацию о жизни человека, с которым пациент чувствует себя связанным. Это могут быть имена людей и названия мест, даты, описания специфических объектов и многое другое. В некоторых случаях подобные сведения могут быть проверены, и часто исторические исследования удивительным образом подтверждают подобные переживания до мельчайших деталей,

Существует еще один интереснейший независимый источник данных о перевоплощении. Многие дети уверяют, что помнят различные моменты своих прошлых жизней. Это может быть название места, где они родились в предыдущей жизни, детальное знание его топографии, имена и подробности из жизни

предполагаемых родственников, знакомых и друзей и другие

детали. Ян Стивенсон, изучивший множество таких случаев в различных странах мира, описал свои находки в знаменитой книге «Двадцать случаев реинкарнации» (Stevens о п, 1984).

Интересно отметить в этом контексте, что в Тибете существует традиция проверки мальчика, которого считают перевоплотившимся ламой: ему предлагают в ряду похожих вещей обнаружить те, которые принадлежали покойному ламе,

Я надеюсь, что приведенный анализ имеющихся данных относительно опыта прошлых воплощений и связанных с ними феноменов убедит читателя, что они заслуживают тщательного и систематического исследования. Хотя они не могут рас-

сматриваться как неопровержимые доказательства продолжения отдельного индивидуального существования в ряде жизней и закона кармы, вряд ли непредубежденный и информированный ученый станет отвергать такую возможность на основе ме-

тафизической приверженности механистическому мировоззрению. Ниже я проиллюстрирую некоторые важные аспекты опыта прошлых воплощений интересным примером. Протагонист этой истории начинал свое самоисследование в терапевтической группе, отколовшейся от Янова из-за несогласия с его ограничивающими теоретическими представлениями. Позже он участвовал в нашем месячном семинаре в Эсалене, где использовалась техника холотропного дыхания.

Переживая в «первичной» терапии различные аспекты травмы рождения, Карл столкнулся одновременно с фрагментами драматических сцен, происходивших, по-видимому, в другом веке и в другой стране. Сцены сопровождалась мощными эмоциями и физическими ощущениями и, казалось, имели какое-то глубокое отношение к его жизни, хотя внешне в ней и не было для них места.

Ему виделись туннели и подземные склады, казармы, толстые стены и бастионы, бывшие, по всей видимости, частями крепости, расположенной на скале на берегу моря. Появлялись также образы солдат в разных ситуациях. Интересно, что солдаты казались испанцами, хотя сцена больше напоминала Шотландию или Ирландию.

Постепенно сцены становились все более драматическими, часто это были битвы и кровавые убийства. Находясь в окружении солдат, Карл вместе с тем чувствовал себя священником и в какой-то момент увидел себя с Библией и крестом. Там же он видел кольцо с печатью на своей руке и ясно рассмотрел инициалы на печати.

Будучи талантливым художником, Карл решил зафиксировать это видение в рисунках, хотя в то время и не понимал его. Некоторые из его рисунков изображали различные части крепости, другие сцены убийства, в немногих рисунках он отображал собственные переживания, в том числе момент, когда его проткнули шпагой и сбросили с бастиона крепости, так что он умирал на берегу. Среди рисунков было и изображение печати с инициалами.

Восстанавливая по кусочкам эту историю, Карл стал находить в ней все больше значимых связей со своей действительной жизнью. Многие эмоции и психосоматические ощущения, а также многие проблемы в его отношениях с людьми явно были связаны с этими таинственными событиями в прошлом.

Поворот произошел, когда Карл внезапно решил провести отпуск в Ирландии. Там он сделал ряд фотоснимков на западном побережье. Он обнаружил позже, что сделал одиннадцать последовательных снимков одного и того же пейзажа, который не выделялся ничем примечательным. По карте он смог восстановить, что его внимание привлекли развалины старой крепости Дунануар, или Fort de oro (Золотая крепость).

Подозревая, что это может быть связано с его переживаниями во время терапии, Карл решил изучить историю крепости. К своему огромному удивлению, он обнаружил, что во времена Уолтера Рейли крепость была взята испанцами и позже вновь отвоевана британцами. Уолтер Рейли вел переговоры с испанцами и пообещал им свободный выход из крепости, если они откроют ворота и сдадутся британцам. Испанцы согласились, но британцы не сдержали слова; попав в крепость, они безжалостно перебили испанцев и сбросили их с бастионов умирать на берегу.

Это ошеломляющее подтверждение истории, которую он реконструировал в своих внутренних исследованиях, все же не до конца удовлетворило Карла. Он продолжал поиски в библиотеке и наконец нашел важные для себя подробности о битве при Дунануаре: священник, находившийся с испанскими солдатами, был убит вместе с ними; его инициалы совпадали с тем, что Карл увидел на печати и зафиксировал в своем рисунке.

ь. Филогенетические переживания

Этот тип трансперсональных переживаний тесно связан с опытом отождествления с животными, о котором речь шла ранее. Здесь также присутствует чувство полного анатомического, физиологического и даже биохимического отождествления с ра-

зличными организмами других видов и могут быть получены инсайты относительно жизни различных форм. Основное отличие состоит в убедительном чувстве регрессии в историческое время, Преодолеваются непространственные границы, и человек отождествляется не с ныне существующим животным, а с особями различных видов в эволюционной истории жизни.

Некоторые из этих переживаний включают в себя чувство исследования собственной биологической истории и отождеств-

ления с собственными животными предками. Таким образом, они оказываются логическим расширением ранее описанных внутриутробных переживаний, опыта предков и опыта расы. Другие состоят в эмпирическом отождествлении с различными аспектами эволюции жизни на Земле или с филогенетичес-

ким деревом жизни в ее тотальности. В этих переживаниях часто появляется интуитивное понимание не только жизненных форм, с которыми отождествляется человек, но и сил, уп-

равляющих эволюцией, - творческих намерений космического разума, архетипической динамики, филогенетической логики и инстинктивных стремлений. Человек может отождествиться с тотальностью жизни и задаться вопросами, является ли она жизнеспособным космическим феноменом, не содержит ли она

. встроенных саморазрушительных тенденций, сильнее ли конструктивные аспекты жизни, чем деструктивные и саморазрушительные (см. пример на с. 77).

Вот пример типичного филогенетического переживания из учебного сеанса в Мэрилендском центре психиатрических исследований.

Значительная часть этих переживаний была связана с эпохой больших рептилий - триасским, юрским и меловым периодами - и концентрировалась на борьбе за выживание. Одно из них помнится мне особенно ярко. Я пережил ужасную битву с плотоядным тиранозавром, сам будучи большим динозавром. Переживание было невероятно реальным. Все его элементы воспринимались как совершенно подлинные, далеко выходящие за пределы того, что я мог бы вообразить с точки зрения моего обычного человеческого опыта.

Я был огромным неуклюжим телом, и меня охватывало смешанное чувство животного страха и примитивной слепой ярости. Я чувствовал боль и ощущал, что мое тело разрывается; это были совершенно нечеловеческие переживания. Наиболее ошеломляющим аспектом переживания был особый вкус во рту - смесь вкуса крови и застоявшейся гниющей болотной воды. Я ясно ощущал, что проиграл эту битву. Моя голова была сброшена в грязь ударами врага, и я умер, Это был наиболее яркий и живой эпизод, хотя были и эпизоды с другими видами рептилий.

е. Переживания планетарной эволюции

В этом типе переживаний перед человеком разворачивает-

ся панорама эволюции всей планеты, включая ее происхождение в качестве части Солнечной системы, ранние геофизические процессы, существование первичного океана, происхождение и развитие жизни. Это может восприниматься с точки зрения наблюдателя, но человек может также эмпирически отождествляться с тотальностью планетарной эволюции или с каким-то ее аспектом. Это явным образом связано с опытом отождествления с Геей, о котором мы уже говорили, но в динамической,

эволюционной перспективе. Как и другие трансперсональные переживания, эпизоды такого рода могут дать глубокое понимание соответствующих процессов, намного превосходящее интеллектуальные знания человека в специфических областях и его общий образовательный уровень.

ж. Переживания космогенеза

Переживания этой группы представляют собой логическое расширение предыдущей. Здесь эволюционное исследование] распространяется на всю Вселенную. Человек может быть свидетелем рождения и развития космоса или отождествиться с различными его аспектами, различными эпизодами космогенетической истории - Большим взрывом, творением материи, пространства и времени, рождением галактик и их «разбеганием», взрывами новых и суперновых звезд, сжатием огромных солнц, порождающим черные дыры, с действием невообразимых Измерений и невысказанных энергий. Вся история космоса может быть проиграна в сознании с необыкновенным изменением чувства времени,

Образованные люди, в том числе математики и физики, рассказывают в этом контексте о примечательных эмпирических «инсайтах» в различных областях астрономии и астрофизики, которые могут быть выражены математически, но не могут быть полностью осознаны в обычном состоянии сознания. Это может быть эйнштейновское представление о бесконечной, но замкнутой Вселенной, неевклидова геометрия Лобачевского и Римана, пространство-время Минковского, «горизонт событий», исчезновение времени, пространства и законов природы в черной дыре и другие сложные представления современной физики.

Эти инсайты в необычных состояниях сознания указывают, что сознание и творческий разум необходимым образом вовлечены в космогенез; они проливают новый свет на так называемый «антропный принцип» - одно из недавно сформулированных астрофизиками представлений (Davies, 1983) относительно того, что космогенетический процесс должен содержать много благоприятных случайностей, чтобы создать Вселенную, в которой возможна жизнь. Можно сказать, что намерение создать Вселенную, в которой будет существовать жизнь, присутствовало в процессе творения с самого начала.

Следующий отчет о психоделическом сеансе известного англо-американского писателя и философа Алана Уотса - яркое описание психоделического переживания, прослеживающего эволюцию от личной истории, через историю органической жизни до происхождения Галактики и Вселенной (Watts, 1962). Я пробирался через лабиринт своего мозга; кружа в его бесчисленных поворотах, я потерял путь, которым пришел в этот лес. Обратное - туннелями, хитрыми стратегиями сохранения своего статуса взрослого человека, стратегиями выживания, бесконечными переходами наших снов, всеми улицами, которыми мы проходили, школьными коридорами, извилистыми путями между ножек стульев, которыми проползали в детстве, через узкий кровавый выход из утробы, через извергающийся канал пениса, через бесконечное блуждание по его губчатым протокам; вниз и назад через сужающиеся трубочки до того места, где проход становится тем, кто проходит, - тонкой цепочкой молекул, переживающей искусство проб и ошибок, чтобы выстроиться в правильном порядке, стать комочком органической жизни; безоглядно назад, через бесконечное круговращение астрономических пространств, окружающих первоначальное ядро мира, центр центров, столь же далекий в глубине, как далеки туманности за пределами нашей Галактики.

Вниз и наконец наружу, вон из космического лабиринта, что-бы обнаружить в себе, озадаченном страннике, и как себя, забы-тое, но знакомое чувство первоначального импульса всех вещей, высшей тождественности, внутреннейшего света, последне-го центра, который более «я», чем я сам.

3. Парапсихические феномены, выходящие за пределы времени: прелвиение, ясновиление и яснослышание прошлых и булуших событий, психометрия, путешествия во времени

Эта группа пси-феноменов показывает, что события в мире

имеют не только транспространственные, но и вневременные,

или трансвременные связи, выходящие за пределы линейного времени повседневного опыта. Пси-феномены этой категории невозможно объяснить привычными энергетическими и инфор-мационными процессами материального мира.

В необычных состояниях сознания, а иногда и в повседнев-

ной жизни бывают вспышки ясного предвосхищения будущих событий, которые оказываются соответствующими реальности

В некоторых случаях это сложные и детальные сцены из буду-щего, воспринимаемые всеми органами чувств. Особенно часто встречаются визуализации событий будущего и их акустическое сопровождение в виде голосов, слов или драматических звуков, связанных с авариями, несчастными случаями и т. п. Верифи-кация подобных фе'номенов требует особой осторожности; если они не зафиксированы в тот момент, когда преДвидение имеет место, возможны различные искажения - неверная интерпе-тация событий, искажение памяти, явления dejavu и пр. Вмес-те с тем нет никаких сомнений в том, что подлинное ясновиде-ние и предвидение будущего действительно случается.

Ясновидение и яснослышание различных событий в прош-лом может наблюдаться в качестве изолированных феноменов или в связи с трансперсональными переживаниями, выходящи-ми за пределы времени (опыт предков, расового или коллектив-ного бессознательного, кармические или эволюционные пережи-вания). Особым явлением этой категории является психометрия, раскрывающая историю определенного объекта (который экспе-риментирующий держит в руках), включая различные связанные с ним эмоции, мысли, видения, звуки, запахи и физические ощущения.

Я неоднократно наблюдал в психоделических и холотроп-ных сеансах подтвержденные случаи предвидения, ясновиде-ния событий прошлого и будущего и психометрии. Кроме того, мне довелось быть свидетелем демонстраций известных медиу'-мов Энни Армстронг и Джека Шварца. Интересны в этой связи также контролируемые эксперименты видения будущего, про-водившиеся в Стэнфордском исследовательском институте Расселом Таргом, Харольдом Путхоффом и Кейт Харари не только с известными медиумами, но и со многими обычными лю-дьми (Targ and Puthoff, 1978; Targ and Nagary, 1984). В пос-ледних двух успешных экспериментах на отдаленное видение советский испытуемый не только описывал случайно выбранное положение определенного объекта в Соединенных Штатах, к которому приближался специально выбранный человек в момент эксперимента, но и мог предсказать, куда он будет передвигаться в будущем.

В некоторых случаях человек может выходить за пределы обычных ограничений времени, произвольно назначая время, в которое он хочет попасть.

Такое «путешествие во времени» напоминает произведения Уэллса и других фантастов. Обычно это сопровождается столь же произвольным выбором места. Чувство свободного выбора отличает эти переживания от спонтанного и произвольного переживания исторических событий детства, рождения, опыта предков, расового и коллективного бессознательного. Направленное путешествие во времени может совершаться под влиянием гипноза, когда испытуемого направляют либо в определенное время, либо к определенному событию. Прекрасное художественное описание спонтанного путешествия во времени содержится в романе Воннегута «Бойня номер пять».

Опыт выхода за пределы линейного времени представляет собой серьезный вызов ньютоно-картезианскому мировоззрению. Возможность непосредственного доступа к информации о различных аспектах прошлого, непосредственного центрального нервной системой, нарушает основную метафизическую догму механистической науки относительно примата материи над сознанием. Она указывает на возможность памяти без материального носителя. Возможность получения информации о будущем подрывает глубоко укоренившееся в западной цивилизации представление о линейности времени. Однако эти данные современных исследований сознания совместимы с интересными альтернативными моделями времени и будущего, например с хронологией Чарльза Мьюзеса (Muses, 1985) или вероятностной концепцией В. В. Налимова (Nalimov, 1982),

Следующий пример опыта предвидения - это фрагмент сеанса с 30 миллиграммами псилоцибина известного американского парапсихолога Стэнли Крипнера в контексте исследовательского проекта Гарвардского университета. Это предвидение убийства Джона Кеннеди, имевшее место более чем за полтора года до этого события (Argons o p and Osmond, 1970).

Я оказался в столице и обнаружил, что рассматриваю статую Линкольна. Статуя была совершенно черной, со склоненной головой. У постамента было ружье, и кто-то прошептал: «Его застрелили. Президента застрелили», - и в воздух поднялся дымок.

Черты Линкольна постепенно стерлись, и вместо них проступили черты Кеннеди. Я все еще был в Вашингтоне, ружье по-прежнему лежало у постамента черной статуи. Дымок поднялся из ствола ружья и растворился в воздухе. Голос повторил: «Его застрелили. Президента застрелили». Мои глаза открылись. Я плакал.

Тогда, в 1962 году, во время первого опыта с псилоцибином, я не обратил особого внимания на эту визуализацию Кеннеди, потому что у меня и без того было много впечатлений. Тем не менее это была единственная визуализация, которая вызвала у меня слезы, так что я полностью ее описал и послал отчет в Гарвард Десять месяцев спустя, 23 ноября 1963 года, эта визуализация вернулась ко мне, когда я оплакивал убийство Кеннеди

3. Физическая интроверсия и сужение сознания: сознание органов, тканей и клеток

В этой группе переживаний сознание остается в пределах тела, но входит в области, недоступные сознательному исследованию при обычных обстоятельствах.

Это не психологическое, а физическое внутреннее пространство. Феномены такого рода подразумевают пространственное сужение сознания и одновременно его функциональное расширение.

В холотропной модальности можно войти в различные части своего тела и наблюдать происходящую там деятельность или даже эмпирически отождествиться с определенными органами или тканями. Человек может буквально стать своим сердцем и пережить работу сердечной мышцы, открывание и закрытие клапанов, биодинамический поток крови и работу синусового узла сердца. Отождествляясь с печенью, можно пережить драму деятельности очищения или синтез, накопление и выделение желчи. Таким же образом можно стать собственной репродуктивной системой, различными частями желудочно-кишечного тракта, любым органом или тканью.

В этих состояниях сознание регрессирует до клеточного уровня или даже до субклеточных структур и процессов. В психоделических или холотропных сеансах люди сообщали, что превращаются в красные или белые кровяные шарики, клетки желудочного эпителия или слизистую оболочку матки, сперму или яйцеклетку, или в нейрон собственного мозга. Другой интересный феномен - исследование клеточных аминокислот и хромосом, связанное с прозрениями относительно физико-химического кода генов и чувством «чтения ДНК». Переживания такого рода очень похожи на различные сцены азимовского фильма «Фантастическое путешествие».

Этот феномен особенно интересен для исследователей, пытающихся сочетать традиционную медицину с психологической терапией. Пионером такого подхода является онколог и радиолог Карл Саймонтон (Simonton, Matthews-Simonton and Greighton, 1978). В нашей программе ЛСД-терапии раковых больных мы неоднократно наблюдали, что люди, страдающие разными формами злокачественных образований, были способны эмпирически связываться со своими опухолями на клеточном уровне. Они делали спонтанные попытки использовать эти переживания для исцеления путем создания психологически позитивных энергетических полей, противостоящих негативным эмоциям, которые они связывали с болезнетворным процессом, путем «обливания защитных сил организма или ментальной борьбы с опухолями. В некоторых случаях наступали удивительные временные ремиссии, указывающие на то, что эта возможность нуждается в систематическом исследовании (Grof and Halifax, 1977).

Многие аспекты сознания органов, тканей и клеток иллюстрируются следующим отчетом о сеансе со 125 микrogramмами МДА (метиленадиокси-амфетамин) - психоделика, являющегося по своей химической структуре промежуточным между мескалином и амфетамином.

Теперь мое внимание перешло от рта к пищеводу Я начал медленное путешествие вниз по желудочно-кишечному тракту, переживая все процессы пищеварения на клеточном и даже биохимическом уровне. Я буквально превратился в клетки эпителия,стилающие мой желудок, и участвовал во всасывании пищи и в невероятной алхимии пищеварения. Определенные запахи и вкусы содержимого желудка совершенно заполнили мое сознание Сначала я оценивал это с человеческой точки зрения и содрогался от отвращения, но постепенно перешел на уровень биологии.

Далее процесс опустился в двенадцатиперстную кишку, тонкую и подвздошную кишки. По мере того как фокус моего сознания постепенно продвигался вниз, я исследовал все нюансы

«букета» кишечных соков, энзимов и желчи в различных сочетаниях, Становясь ворсинками, мембранами и клетками, я был изумлен чудесами лаборатории жизни. Хотя я изучал все это с различных точек зрения, когда получал медицинское образование, я никогда не был способен оценить это таким образом,

На последней стадии этого «фантастического путешествия» я встретился со сложными чувствами и установками, которые сложились в культуре по поводу фекалий. Кроме отвращения, мне пришлось столкнуться с невероятным количеством подавленных, отчужденных и неприемлемых эмоций жадности, алчности, ревности и злобы. В какой-то момент они персонифицировались в виде гротескных гномообразных мифологических созданий.

Я начал понимать смысл процесса, в который был вовлечен, Мне было важно принять весь желудочно-кишечный тракт со всеми его продуктами и содержимым как часть себя и подружиться с ним, чтобы преодолеть вытеснение и отрицание и подлинно и безусловно принять себя и достичь интеграции своей личности. Так что это переживание было по сути дела очень терапевтичным.

**Эмпирический выход за пределы общепринятой
реальности и пространства-времени**

В большой группе трансперсональных переживаний расширяющееся сознание, по-видимому, выходит за пределы феноменального мира и пространственно-временного континуума, воспринимаемого в повседневной жизни. К ним принадлежат определенные астрально-психические феномены, такие как явление умерших и общение с ними, опыт чакр, видение ауры, меридианов и других проявлений тонкой энергии. К важным переживаниям этой категории относятся встречи с духовными водителями в форме животных и в человеческой форме и с различными сверхчеловеческими существами. В некоторых случаях люди сообщают о фантастических событиях, происходящих в других вселенных.

В необычных состояниях сознания может ожить мир первичных образов коллективного бессознательного, описанный Юнгом (Jung, 1959), могут появляться мифологические и легендарные существа, герои сказок, добрые и злые божества различных культур, межкультурные архетипы и универсальные символы. Индивидуальное сознание может даже отождествиться с Творцом и высшими творческими силами космической реальности, слиться с Универсальным Разумом, с Супракосмической и Метакосмической Пустотой или с Абсолютом.

а. Спиритические и мелиумические переживания

Переживания, принадлежащие к этой категории, представляют собой главный интерес участников спиритических сеансов, исследователей жизни после смерти и авторов оккультных книг. Это встречи и телепатическое общение с умершими родственниками и друзьями, вообще контакты с развоплощенными существами и опыт астрального мира. В простейших случаях люди видят привидения умерших и получают от них разнообразные послания. Содержание этих посланий может быть непосредственно адресовано видящему, или он может быть использован как канал передачи его другим людям. Об опыте такого рода рассказывают участники психоделических и холотропных сеансов и люди, пережившие близость смерти.

В мелиумическом трансе выражение лица человека может гротескно измениться, его поза и жесты могут стать отчужденными и странными, резко изменяется голос. Я видел, как люди в таком состоянии разговаривают на языке, которого они не зная,

был свидетелем глоссолалии, автоматического письма, рисования сложных рисунков, непонятных иероглифов и загадочных картинок. Эти проявления также напоминают описания спиритической и оккультной литературы. Много примеров такого рода наблюдалось в Спиритической Церкви на Филиппинах и в Бразилии, основанной на учении Аллана Кардека (Kardek, 1975 ab).

Бразильский психолог и медиум Луи Антонио Гаспаретто, близко связанный со Спиритической Церковью, способен в легком трансе имитировать стиль многих художников различных стран мира. Мы имели возможность наблюдать во время нашего месячного семинара в Эсаленском институте, в котором он принимал участие в качестве гостя, необыкновенную скорость его работы, когда субъективно он воспринимал себя в качестве канала для проявления старых мастеров (до 25 полотен в час). Он мог работать в полной темноте или при красном свете, при котором невозможно различать цвета, рисовать одновременно две картины, иногда мог рисовать под столом ногами, не видя их. Подборка его медиумических рисунков опубликована в специальной монографии (Margalo Gaetani, 1986). Феномен психической хирургии, практикуемой на Филиппинах и в Бразилии, также связан с учением Алана Кардека и Спиритической Церковью

Если бы переживания общения с развоплощенными существами и духами умерших друзей сводились к видению этих существ и субъективным ощущениям общения, их можно было бы сравнительно просто счесть плодом фантазии, комбинирующей воспоминания, воображение и произвольное мышление. Однако дело обстоит сложнее. Позвольте мне привести несколько наблюдений, заслуживающих серьезного внимания.

Как показывают следующие два примера, переживания такого рода иногда содержат необычные моменты, которые нелегко объяснить. Я лично был свидетелем нескольких случаев, когда в эпизодах встречи с развоплощенными родными и друзьями передавалась поддающаяся проверке информация, которая не могла быть получена обычными средствами. Люди, получавшие информацию от умерших, часто обнаруживали, что им давали правильный адрес и имя человека, который недавно умер.

Личная жизнь после физической смерти не является единственно возможным объяснением для такого рода феноменов. Помимо объективного существования астрального мира с развоплощенными существами, можно представить себе и другие интерпретации. Однако ясно, что ни одно из возможных объяснений не совместимо с традиционной ньютоно-картезианской парадигмой. В любом случае мы имеем здесь дело с областью удивительных явлений, заслуживающих систематического изучения.

Было бы ненаучным отрицать необычные черты подобных переживаний и связанные с ними концептуальные трудности только из-за их несовместимости с принятой парадигмой. Мы должны принимать Вселенную такой, какова она есть, а не навязывать ей представления о том, какой она должна быть. Наши теории должны иметь дело со всей совокупностью фактов: не отбирать те, которые соответствуют нашей условной системе представлений. Пока современная западная наука не способна дать правдоподобное объяснение феноменам типа спиритических переживаний или опыта прошлых воплощений, представ-

ления мистической и оккультной литературы следует рассматривать как более адекватные, чем мнения западных ученых, которые либо не знают фактов, либо пытаются их игнорировать.

Первый пример принадлежит психоделической терапии юности в состоянии депрессии, история которого кратко описана в моей книге «Области человеческого бессознательного» (pp. 57-60).

Во время одного из ЛСД-сеансов Ричард оказался в странном и жутковатом астральном мире, мрачно освещенном и полным развоплощенных существ, которые настоятельно и требовательно пытались общаться с Ричардом. Он не мог ни видеть, ни слышать их, но чувствовал их почти осязаемое присутствие и получал от них телепатические сообщения. Я записал одно из этих сообщений, весьма специфическое и доступное последующей проверке.

Это было требование, чтобы Ричард связался с супружеской парой в моравском городке Кромериче и сообщил им, что с их сыном Ладиславом все в порядке и что о нем хорошо заботятся. Этот загадочный эпизод казался странным вкраплением в сеанс, не имеющим отношения к проблемам и терапии Ричарда.

После некоторых колебаний я наконец со смешанным чувством решился позвонить в Кромерич (как смеялись бы мои коллеги, думал я, если бы узнали об этом!). Я набрал указанный номер и попросил Ладислава. К моему изумлению, женщина, подошедшая к телефону, расплакалась. Успокоившись, она сказала мне убитым голосом: «Нашего сына больше нет с нами, мы потеряли его три недели назад».

Вторая иллюстрация касается моего бывшего близкого друга и коллеги, Уолтера Н. Панке, члена нашей исследовательской группы в Мэриленде. Он глубоко интересовался парапсихологией, особенно проблемой сознания после смерти, и работал со многими знаменитыми медиумами, в том числе с Эйлин Гаррет, президентом Американской парапсихологической ассоциации. Кроме того, он был инициатором нашей ЛСД-программы для пациентов, умирающих от рака.

Летом 1971 года Уолтер с женой Евой и детьми отдыхал в маленьком домике на Майне, прямо на берегу океана. Однажды он вышел один к океану с аппаратом для подводного плавания и не вернулся домой. Несмотря на хорошо организованные поиски, не удалось найти ни тела, ни каких-либо частей подводного костюма. При таких обстоятельствах Ева не могла поверить в смерть мужа. Она помнила его выходящим из домика, полным энергии и в совершенном здравии. Ей трудно было поверить, что нужно начинать новую жизнь.

Будучи психологом, она записалась на учебный ЛСД-сеанс в нашем институте, надеясь получить какие-то новые сведения, и попросила меня быть ее ситтером. Во второй половине сеанса она ясно увидела Уолтера и долго с ним беседовала. Он высказал пожелания относительно каждого из их троих детей и посоветовал ей начать новую жизнь, не привязываясь к его памяти. Это было глубокое и освобождающее переживание.

Как раз когда Ева размышляла, не был ли весь этот эпизод желанной фантазией ее ума, Уолтер появился еще раз на короткое время и сказал: «Я забыл одну вещь. Не будешь ли ты так любезна вернуть книгу, которую я взял у приятеля. Она находится в моем кабинете в мансарде», - и он назвал ей имя друга, название книги, полку, на которой она стояла, и книги, между которыми она находилась. Следуя этим указаниям, Ева смогла найти книгу и вернуть ее хозяину; ранее она ничего про эту книгу не знала.

Разумеется, это вполне соответствовало тому, что Уолтер всю жизнь искал научные доказательства паранормальных феноменов; он передал Еве конкретную и проверяемую информацию, чтобы исключить всякую возможность сомнений. Ранее он договаривался с Эйлин Гаррет, что она постарается после смерти дать ему неопровержимые доказательства существования по ту сторону.

б. Энергетические феномены тонкого тела

В необычных состояниях сознания можно увидеть и ощутить различные энергетические поля и потоки энергии, описываемые в мистических традициях древних и незападных культур. Эти описания не соответствуют никаким известным анатомическим структурам или физиологическим процессам, известным западной медицине. Но эзотерические традиции и не утверждают, что это феномены грубого материального мира. Предполагается, что они связаны с тонким телом. Для меня было удивительным, что западные пациенты, даже незнакомые с этими эзотерическими системами, рассказывали о совершенно сходных переживаниях в необычных состояниях сознания.

В необычном состоянии сознания часто можно видеть энергетические поля различного цвета вокруг других людей, соответствующие традиционному описанию ауры. Иногда это ассоциируется со спонтанным восприятием состояния здоровья людей. Я лично наблюдал феномены такого рода не только у людей в необычных состояниях сознания, но также у известных медиумов и экстрасенсов, способных видеть ауру в повседневной жизни. Необыкновенные диагностические способности одного из них, Джека Шварца, неоднократно проверялись и документировались безупречными исследователями.

Другая интересная группа феноменов связана с представлениями о «змеиной силе», кундалини, играющей важную роль в индийской духовной традиции. В традициях индуизма и тантрических школах буддизма кундалини рассматривается как творческая женская энергия Вселенной (Muktananda, 1979;

Moogerjее, 1982). В своем внешнем аспекте она проявляется в феноменальном мире. Во внутреннем аспекте она лежит дремлющей в основании позвоночника человека. В этой форме ее традиционно представляют в виде свернутой змеи. Будучи активизированной посредством духовной практики, контакта с гуру или спонтанно, она поднимается как активная энергия, или Шакти, по каналам тонкого тела, называемым нади, раскрывая и зажигая психические центры, чакры.

Хотя представления о кундалини наиболее полно разработаны в Индии, важные параллели существуют во многих культурах и религиозных учениях - в даосской йоге, корейском дзене, тибетской ваджрайне, в суфизме, у франкмасонов, у африканских бушменов, североамериканских индейцев, особенно хопи, и многих других. Особенно интересно, что о подобных феноменах говорится также в христианской мистической традиции, особенно в исихазме - восточной христианской монашеской практике, опирающейся на постоянную молитву, в которую вовлекается все человеческое существо - душа, ум и тело. Цель этой так называемой «Иисусовой молитвы» - достичь Божественного покоя, или исихии (Matus, 1984).

В тантрических школах созданы сложные карты чакр, описаны в деталях физические, эмоциональные и духовные проявления поднимающейся кундалини и дана развернутая мифология, связанная с этим процессом. Хотя подъем кундалини связан с определенными опасностями, в общем он ведет, по крайней мере потенциально, к психосоматическому оздоровлению, позитивной перестройке личности и эволюции сознания. Однако тексты требуют серьезного отношения к

этому пугающему и небезопасному процессу, рекомендуя руководство опытного учителя.

Подъем кундалини Шакти, описываемый в индийской литературе, может сопровождаться драматическими физическими и психологическими проявлениями, называемые крийя. Наиболее поразительны среди них мощные ощущения тепла и потока энергии, направляющегося вверх по позвоночнику и сопровождающегося интенсивными эмоциями различного рода, треморами, спазмами, сотрясениями и дрожаниями всего тела или его частей. Часто встречаются также непроизвольный смех или плач, распевание мантр или песен, глоссолалия, издавание звуков животных, спонтанное принятие йогических поз (асан) и выполнение жестов (мудр).

Хотя описания кундалини давно известны на Западе, этот феномен до недавнего времени рассматривался как принадлежащий исключительно Востоку. Даже К. Г. Юнг, проявлявший к нему большой интерес (Jung, 1975), полагал, что он редко наблюдается на Западе. Он и его коллеги высказали мнение, что может понадобиться тысяча лет, прежде чем кундалини придет в движение в нашей культуре под влиянием глубинной психологии. Однако эта оценка оказалась неверной,

Может быть, в силу ускоренной эволюции, а может, в силу большой популярности и широкой распространенности различных форм духовной практики и давления глобальных кризисов или под влиянием психоделических препаратов сейчас стало очевидно, что безошибочные признаки пробуждения кундалини можно наблюдать у тысяч людей западного мира. Гопа Кришна, известный кашмирский пандит, сам прошедший глубокий кризис духовного раскрытия, постарался обратить внимание западной публики на значение феномена кундалини в серии популярных книг (Krishna, 1970 и др.). Заслуга привлечения к этому феномену внимания профессиональных кругов принадлежит известному калифорнийскому психиатру и офтальмологу Ли Санелле (Sanelle, 1976).

Я сам не раз наблюдал в психоделических сеансах и различных немедикаментозных состояниях проявления, близко соответствующие описаниям подъема кундалини, раскрытия чакр и протекания энергии кундалини через основные каналы, Иду и Пингалу, и сложную сеть надид, тонких разветвленных каналов для пранической энергии, описанных в тантрических текстах*.

-
- **Чакры** (что значит «колеса» на санскрите) - гипотетические центры излучения первичной энергии (праны), приблизительно соответствующие определенным уровням позвоночника и связанные со специфическими органами тела. Большинство систем описывает семь чакр: 1) корневая чакра (муладхара); 2) генитальная чакра (свадхистана); 3) пупочная чакра (манипура); 4) сердечная чакра (анахата); 5) горловая чакра (вишуддха); 6) межбровная чакра (аджна); 7) коронная чакра (сахасра). Поток праны протекает через центральный канал (сущумна) и два боковых (ида и пингала).

Однако важно подчеркнуть, что переживания такого рода, напоминающие феномены кундалини, в традиционной индийской литературе назывались бы праническими, в отличие от истинного пробуждения кундалини - процесса, обладающего глубоким значением и большой трансформирующей силой, осуществление которого занимает годы. По сравнению с отдельными «праническими» переживаниями такое пробуждение в результате психоделической или эмпирической психотерапии

происходит очень редко и может рассматриваться как самостоятельный феномен.

Образцы протекания энергии, описываемые в литературе по кундалини, не являются универсальными. В некоторых случаях происходит настройка на китайский архетип и переживается поток энергий, точно соответствующий картам меридианов ки-тайской медицины, причем человек осознает значение акупунктурных точек. Это может сопровождаться прозрениями в области китайской системы пяти элементов (дерево, огонь, земля, вода и металл), совершенно отличной от европейской традиции. Я был также свидетелем эмпирического понимания особой роли центра внизу живота (хара) и динамических эффектов энергии ци, лежащих в основе японских боевых искусств.

Различные энергетические феномены тонкого тела особенно часто встречаются во время сеансов холотропного дыхания.

Энергетические поля и потоки энергии могут ощущаться или визуализироваться с закрытыми глазами. Следующий пример из нашего пятидневного семинара напоминает описания тантрической литературы.

Продолжая дышать, я начал ощущать невероятный всплеск энергии в области таза. В крестцовой области находился мощный источник света и жара, излучавшихся во всех направлениях. Затем эта энергия начала подниматься вверх по позвоночнику, следуя строго определенной линии. На своем пути она зажигала дополнительные источники энергии в тех местах, где эзотерические карты помещают различные чакры.

По мере того как это происходило, я испытывал блаженные оргиастические чувства. Одно из наиболее мощных переживаний этого сеанса возникло, когда энергия достигла области сердца. Я почувствовал такую невероятную любовь к миру и другим людям, что мне захотелось встать и крепко обнять всех в группе. Было странно, до чего близкими я чувствовал людей, с которыми познакомился лишь накануне вечером и которых совершенно не знал ранее.

Но я остался со своими переживаниями, и энергия продолжала подниматься вверх. Достигнув макушки, она образовала фантастически красивый ореол розово-оранжевого цвета, как рисуют тысячелестниковый лотос. Я почувствовал потребность согнуть ноги и соединить ступни, чтобы образовать замкнутый круг энергии. Мое энергетическое поле простиралось далеко за границы моего физического тела; я понял, почему эзотерические рисунки изображают тонкое энергетическое тело выходящим за пределы материального. Это можно действительно воспринять в таких состояниях.

Энергия текла вверх, вытекая из макушки, возвращаясь к нижней части тела и опять поднимаясь вверх. Я долго оставался в этом состоянии, извлекая силу и эмоциональное подкрепление из этой энергии.

в. Встречи с духами животных

В этом типе переживаний человек чувствует глубокую связь с различными животными - не с их конкретными физическими формами, а с их архетипической сущностью. В некоторых случаях это может быть вызвано актуальной встречей с представителем определенного вида (если, например, психоделики принимались в лесу или в присутствии домашних животных), который в необычном состоянии сознания воспринимается в обожествленной форме. Но чаще переживания такого рода являются независимыми событиями во внутреннем мире.

Во многих случаях духи животных, встречаемые в необыч-

ном состоянии сознания, воспринимаются не только как божественные по своей природе, но и как учителя или друзья, предлагающие помощь или духовное руководство. Это может быть связано с глубоким пониманием функций различных животных в определенных культурах: коровы - в Индии, кошки, крокодила и сокола - в Египте, ястреба - в Персии. Переживания такого рода могут также помочь понять психологию тотемных культур и функции тотемных животных. Особенно часто встречаются отсылки к шаманизму, где различные животные играют роль духов-помощников шаманов.

Эмпирическое самоисследование может иногда принимать формы, известные по шаманским культурам; это могут быть мощные переживания смерти и возрождения со спуском с подземный и подъемом в сверхъестественный мир, которые антропологи описывают как «шаманскую болезнь». Другая важная характеристика этого процесса - сильное чувство особой связи с природой, частые отождествления с животными и встречи с духовными учителями в виде животных.

Шаманизм - древнейшая религия человечества, насчитывающая десятки тысяч лет. К тому же это практически универсальный феномен, различные варианты которого можно обнаружить в Сибири и других частях Азии, в Северной и Южной Америке, в Австралии, Океании, Африке и Европе (Eliade, 1964; Негандер, 1980; Campbell, 1984). Шаманские и тотемистские переживания связывают человека с глубокими изначальными аспектами психики.

Мне кажется полезным сравнить встречи с духами животных с другими типами трансперсональных феноменов, включающих животных, выделив характеристики, позволяющие отличать их друг от друга. Важно различать эмпирическое отождествление с различными животными, которые принадлежат феноменальному миру, от символических представлений индивидуального бессознательного и от архетипических образов психики.

Люди, работающие над различными биографическими проблемами в эмпирической психотерапии, часто рассказывают о визуализации различных животных или даже отождествлении с ними. Анализ этих феноменов показывает, что это сложные образования динамической структуры, подобные фрейдским образам сновидения. На этом уровне аутосимволические визуализации животных, или трансформации, представляют собой более или менее зашифрованные послания относительно личности человека или его жизненной ситуации, которые легко могут быть распознаны. Аутосимволическое отождествление с хищником - львом, тигром или черной пантерой - можно расшифровать как выражение интенсивных агрессивных чувств. Сильный сексуальный импульс может быть выражен в виде же-ребца или быка. Если он имеет неприемлемую форму чистого вожделения или фундаментального инстинкта, это может быть дикий кабан или свинья. Мужское тщеславие и сексуально окрашенный эксгибиционизм может быть осмеян аутосимволическим отождествлением с петухом, кукарекающим на навозной куче. Боров может символизировать неряшливость и неопрятность, в том числе моральную; обезьяна полиморфные перверзии и стремление к генитальным и прегенитальным удовольствиям, мул - тупоголовость и упрямство, осел - глупость.

В отличие от аутосимволических трансформаций, истинные отождествления с животными являются определенно трансперсональными феноменами и не могут быть выведены из содержания бессознательного или символически проинтерпретированы. Те же люди, которые охотно соучаствовали в расшифровке символического значения переживаний, отказываются подходить таким образом к

подлинному отождествлению. Я много раз слышал в этом контексте: «Нет, вы не понимаете, здесь не-чего анализировать, я действительно был слоном. Я знал, как слон себя чувствует, когда он голоден или сексуально возбужден, и как ощущается вода в хоботе. Слон ничего не обозначает: слон - это слон». Филогенетические переживания обладают всеми чертами отождествления с животными, но кроме этого, они связаны с чувством регрессии по эволюционной лестнице. Интересный феномен, который представляет собой переход от аутоимбовлических трансформаций к отождествлению с животными, - это превращение в вервольфа или вампира. Это напоминает истории о превращении человека в волка в трансильванском фольклоре или аналогичные истории о превращении человека в тигра в Малайзии.

Наряду с отождествлением с определенной особью, можно отождествиться с чем-то вроде «животной души» вида, представляющей собой общий опыт всех особей в исторической перспективе - все, чему научился вид, его инстинктивное поведение, паттерны внутривидового общения, привычки и проч. Переживания такого рода тесно связаны с понятием морфического резонанса Руперта Шелдрейка (She Id ra ke, 1981) и бэйт-соновским пониманием разумности природы (Bates o n, 1972, 1979). По-видимому, этот феномен может обсуждаться в рамках естественных наук.

Духи животных и животные-учителя, с которыми человек может встретиться в необычном состоянии сознания, хотя и связаны с определенными животными видами, принадлежат к миру мифических и архетипических форм. Своей непосредственной связью с природой они отличаются от териоморфных божеств, которые, несмотря на свою животную форму, не укоренены в природе столь интимно или сочетают в себе животные и человеческие черты. Слоновий бог индуистского пантеона Га-неша имеет меньше общего с действительным слоном, чем, например, Дух Оленя мексиканских индейцев уичоли с реальным лесным оленем.

Символичность черт божества становится еще более явной в случае составного образа, сочетающего черты животного и человека. Таков египетский ибисоголовый Тот и шакалоголовый Анубис, индийский Нарасимха, сочетающий элементы льва и человека. Эти божества не имеют полной физической формы животного, с которым они связаны. Особая интересная группа животных появляется в роли перевозчиков божественных существ. Это, например, мышь, на которой едет индийский бог Ганеша, бык Шивы Нанди, лев или тигр, служащие богине Дурге, павлин, поддерживающий супругу Браммы Сарасвати, тибетские ламаистские божества, жеребцы в колеснице греческого бога Солнца Гелиоса, быки нордической богини Фрики.

Прекрасным примером переживания духов животных является рассказ о состоянии видения шамана эквадорского племена дживаро, употреблявшего аяхуаску (H агп ег, 1973).

Он уже выпил напиток, и теперь он мягко пел. Постепенно в темноте начали появляться неясные линии и формы, и вокруг него зазвучала пронзительная музыка цецак, - музыка духовных помощников. Сила питья питала их. Он позвал, и они пришли. Сначала панги, анаконда, свернулась вокруг его головы, превратившись в золотую корону. Затем вампанг, гигантская бабочка, повисла над его плечом и стала петь ему своими крыльями. Змеи, пауки, птицы и летучие

мыши танцевали в воздухе над ним. На его руках появились тысячи глаз, явились его демонические помощники, чтобы искать ночь для врагов.

Звук ревущей воды наполнил его уши, и слыша ее рев, он знал, что располагает силой Цунги, первого шамана. Теперь он мог видеть.

г. Встречи с духовными учителями
и сверхчеловеческими существами

Встречи с учителями и защитниками из духовного мира - наиболее ценные феномены трансперсональной области. Испытуемый воспринимает их как существа с более высоких планов сознания и энергетических уровней. Иногда они появляются спонтанно на определенной стадии духовного развития человека; они могут появиться во время внутреннего кризиса, отвечая на мольбу о неотложной помощи. Во многих случаях они продолжают являться человеку либо по своей собственной инициативе, либо по просьбе своего протеже.

Иногда духовные учителя имеют человеческую форму с определенно божественными качествами. В других случаях они являются в виде источника, излучающего свет или мощные энергетические поля. В некоторых случаях люди не воспринимают своих учителей чувствами, а просто ощущают их присутствие. Учителя разговаривают словами лишь в виде исключения, в большинстве случаев послания, объяснения и инструкции передаются телепатически.

Помощь, оказываемая духовными учителями, принимает различные формы. Иногда они помогают в трудных или опасных ситуациях внешнего мира, иногда проводят человека через критические ситуации на внутреннем плане, как, например, Вергилий вел Данте в «Божественной комедии». Они обеспечивают интеллектуальную, моральную и духовную поддержку, помогают в борьбе со злом и деструктивными силами, создают защитные энергетические поля. В определенных случаях они могут дать специальные указания относительно проблем человека или относительно общего направления его жизни. Иногда духовные учителя остаются анонимными, в других случаях они называют свои имена или человек имеет возможность узнать их по каким-то признакам.

В некоторых случаях люди в необычных состояниях сознания сообщают о прямом контакте с великими религиозными персонажами - Иисусом Христом, Буддой, Магометом, Зороастром, Шри Рама Махарши, Моисеем. Как правило, это случается один раз, личности такого ранга редко оказываются личными учителями, разве что в метафорическом смысле.

Наиболее интересным аспектом опыта встречи с учителями с других планов является то, что они обеспечивают доступ к информации, которой человек не обладал в обычном смысле слова до события. В качестве примера можно привести историю парапсихолога Телмы Мосс: она встретила во время психоделического сеанса с сущностью, назвавшейся Бенджаменом Франклином. Она предпочитала обозначать его как архетип Старого Мудреца. В течение года после этого сеанса она могла переживать его присутствие в медитативном состоянии, беседовать с ним и просить о руководстве. Однажды, когда она зашла в тупик в своих биоэнергетических исследованиях, «Бенджамен Франклин» посоветовал ей обратиться к специальной книге исследователя Беккера, где она нашла необходимую ей информацию.

В этом контексте следует упомянуть феномен, получающий в последнее время все большее распространение. Это «канализирование» - процесс передачи посредством

автоматическо-го письма, наговаривания в трансе или записи под психическую диктовку посланий, внешних по отношению к собственному сознанию. Источник часто утверждает свою непринадлежность к физической реальности; его иерархический ранг может варьироваться от божества или ангела до суперчеловека или раз-воплощенного человека.

Историческими примерами «передачи» духовных учений могут служить Коран (Магомет) и Книга Мормонов (Смит). Алиса Бейли утверждает, что реальным автором ряда ее духовных произведений является существо, именуемое себя Тибетцем. Тому же источнику приписывает свою психологическую систему психосинтеза и Роберто Ассаджиоли. Среди наиболее популярных современных текстов – «Говорит Сем» Робертс, «Послания от Михаила» Ярбро, «Курс чудес» Шукман, «Откровения трансформации новой эры» Спенглера, «Книги Эммануэля» Роудгаст, «Звездная передача» Рафаеля и «Ратма» Найт.

Проявления «передачи», или «каналирования», в религии, философии, искусстве и науке будут подробно описаны в готовящейся к печати книге Артура Хастингса.

д. Посещение других вселенных и встречи с их обитателями

В этом типе переживаний люди оказываются в странных, чуждых мирах, обладающих собственной реальностью вне пределов нашего космоса. Эти вселенные кажутся существующими на других уровнях реальности и в других измерениях, параллельных и сосуществующих с нашими. Населяющие их существа имеют странные физические формы, совершенно иные физиологические и метаболические процессы, действуют на основе непостижимых законов. Многие из них, очевидно, разумны, но характеристики их мышления и эмоций не похожи ни на что, известное людям.

Эти чуждые вселенные могут быть гораздо меньше или бесконечно больше нашей, их обитатели могут быть дружественными по отношению к нам, нейтральными или враждебными. Переживания такого рода обычно воспринимаются как опасные – иногда из-за очевидной враждебности встречаемых существ, иногда просто из-за неуверенности при встрече с неизвестным. В некоторых случаях чувство опасности вызывается ощущением собственной незначительности в чуждом мире и возможности нечаянной гибели при случайном происшествии. Люди, описывающие такие необычные космические приключения, часто сравнивают их с наиболее изобретательными научно-фантастическими рассказами.

В этой связи можно упомянуть переживания, связанные с космическими летательными аппаратами, космическими кораблями и «летающими тарелками». Судя по описаниям людей, видевших их, встречавшихся с их командами или взятых на борт, эти переживания находятся где-то между физической реальностью и архетипическим миром. В одних случаях люди более склонны принимать незнакомцев за действительных пришельцев из другой части нашей Вселенной, в других – как посетителей из иных измерений или из интрапсихических пространств. Я вернусь к этой теме позже в связи с психодными трансперсональными переживаниями.

Подобные сообщения часто включают описания физических осмотров и измерений, использование таинственных технических средств, ментальной коммуникации с чужаками и их интеллектуальными машинами, уроки мышления в высших измерениях и т. д. Систематический анализ содержания сообщений о подобных похищениях, проведенный Альвином Лоусоном (Lawson, 1984),

показал удивительное обилие перинатальных эле-ментов и перинатальной тематики. И хотя это, разумеется, не доказывает фантастичности этих феноменов и их производно-сти от воспоминаний о травме рождения, факт сам по себе заслуживает внимания.

Прекрасные примеры внеземных контактов и визуализаций иных вселенных можно найти в книгах неутомимого исследова-теля внутренних пространств Джона Лилли (Lilly, 1972, 1978)

Следующим примером будут переживания тридцатипяти-летнего исследователя, принявшего в условиях групповой рабо-ты два препарата: сначала 150 миллиграмм МДМА («Адам» или «Экстаз»), а четырьмя часами позже 20 миллиграмм 2С-5 4-бромо-2,5-диметоксифенетиламин (A dams о n, 1986).

Примерно через полтора часа визуализации сохранялись у меня как при открытых, так и при закрытых глазах; я путешество-вал по другим планетам и в других измерениях. В каждом прост-ранстве происходила религиозная церемония. В одном пространст-ве это были огромные существа, похожие на богомолы, - мудрые и мрачно-торжественные, приветствующие меня своим ритуалом, На другом плане зеленые, золотые, голубые и пурпурные суще-ства, похожие на маленьких кристаллических насекомых, соединя-лись и разъединялись в калейдоскопических узорах, посылая мне настойчивые сообщения о взаимной поддержке.

Наконец появилось измерение, где все было кристаллически-ми жизненными формами, невероятно прекрасными энергетичес-кими существами как в микроскопическом, так и в мегаскопичес-ком масштабе.

е. Переживание мифологических и сказочных сюжетов

В этом типе трансперсональных переживаний мир мифов, легенд и сказок в буквальном смысле оживает. Человек может быть свидетелем многочисленных сцен из мифологии и фолькло-ра любой культуры мира, он может посетить любые мифические пространства. Он также может эмпирически отождествиться с героями и героинями мифов и легенд или с фантастическими мифологическими созданиями. Можно пережить подвиги Герак-ла или приключения Тезея и Язона, можно стать легендарным полинезийским ге.роем Мауи или пережить испытание близне-цов Пополь Вух у майя. Среди архетипических существ, с кото-рыми пациенты отождествлялись во время психоделических и холотропных сеансов, - Уроборос, Тифон, Кентавр, Цербер, Сфинкс, различные европейские, восточные и доколумбовские драконы, Снежная Королева, Спящая Красавица, легендарные рыцари, русалки, феи, эльфы, гномы, скандинавские тролли и другие.

Такого рода эпизоды могут появляться как независимые трансперсональные темы или в связи с проблемами пациента. Среди биографических мотивов часто возникают образы злой мачехи и избиваемой падчерицы (Золушка), доброго и злого брата (Каин и Авель), любовь к матери и агрессия по отноше-нию к отцу (Эдип), любовь к отцу и ненависть к матери (Элек-тра), любящие друг друга брат и сестра, подвергающиеся опас-ности из-за злых взрослых (Гензель и Гретель), конфликт любви и власти (Альберих), любовь, противоречащая обстоятельствам (Тристан и Изольда). Все это может появиться в форме, соответ-ствующей определенной культурной традиции, или в более аб-страктной архетипической форме.

Я уже упоминал некоторые специфические ассоциации между определенными мифологическими темами и базовыми перинатальными матрицами. Например, это образы небес и Рая в различных культурах для БПМ-1, образы Ада для БПМ-II и образы Чистилища для БПМ-III. Эпизоды БПМ-II часто включают мифологические сцены вечного проклятия и образы трагических героев, воплощающих страдание без надежды на прощение, – Прометей, Тантала, Сизифа, Иксиона, Вечного Жиды Атасфера и других. Мифологические мотивы, характерные для БПМ-III и БПМ-IV, изображают подвиги, испытания и борьбу героев со счастливым концом – победу над чудовищами, над злом вообще, победу над смертью, личное освобождение или искупление и священную свадьбу.

В принципе каждый человек имеет эмпирический доступ к мифологическим темам всех времен и культур. Во многих случаях совершенно необразованные люди описывали в деталях сложные мифологические образы и даже целые сцены из культур Центральной или Южной Америки, Полинезии, Месопотамии, Индии, Египта, Японии и других стран и народов, которые явно не были известны им до этого. Эти наблюдения определенно подтверждают представления К. Г. Юнга о коллективном бессознательном, основанные на появлении часто сложных и неизвестных человеку мифологических мотивов в снах, в том числе у детей и необразованных людей, и в симптомах невротиков и психотиков (Jung, 1959).

В качестве иллюстрации я приведу описание сеанса холотропного дыхания во время одного из наших пятидневных семинаров. Пациентка – женщина японского происхождения.

В началѐ сеанса я испытывала горе, настолько глубокое, что даже не могла плакать. Я думала о том, чем могло быть вызвано мое горе. Затем я вспомнила, что существует бесформенная темнота, которая взяла у меня ребенка. Я чувствовала себя беспомощной перед темнотой.

Когда я вспомнила причину своего горя, во мне поднялся яростный гнев. Я почувствовала себя могучей и сильной, гнев делал мое тело огромным. Я боролась с темнотой и вернула своего ребенка, но ребенок был мертв. Мне было горько смотреть на тело малыша, сжигаемого моими огненными руками. Сожженное тело превратилось в пепел и рассыпалось по земле.

Я превратилась в спокойную богоподобную фигуру, кружающую вокруг места, куда упал пепел. Мои слезы напитали ростки, проросшие в месте его падения. Одно из растений выросло, и расцвел цветок, в середине которого появилась сияющая сфера. Она превратилась в прелестного младенца. В этот момент я почувствовала, что круг замкнулся. Я поняла, что он будет повторяться вновь и вновь. Я чувствовала, что завершила свою работу.

Затем я ощутила свое тело, и у меня было еще три переживания, хотя я не помню точно, в каком порядке: моя левая сторона превратилась в горы, и я пережила геологический цикл горообразования и эрозии; моя правая сторона превратилась в лес; между ногами я почувствовала океан с его приливами и отливами. Я чувствовала, что переживаемый мною цикл бесконечен: если я попаду в него, он будет продолжаться вечно. Но я обнаружила, что есть прямой путь из каждой стадии к центру, который даст мне возможность разорвать цикл.

ж. Встречи с благостными и гневными божествами

Эта категория тесно связана с предыдущей и может рассматриваться в качестве ее подгруппы. Относящиеся к ней мифологические образы выделяются особой сверхъестественной властью, что наделяет их статусом божеств. Они весьма специфичны и могут быть ясно отождествлены с божествами пантеонов различных культур. В одних случаях человеку испытывающему такое переживание известно это божество, и он может назвать его имя и культуру, к которой оно принадлежит. Однако переживание часто содержит новую информацию, выходящую за пределы предыдущих знаний человека. В других случаях божество совершенно незнакомо человеку, но он может нарисовать его облик, детально описать функции и приблизительно назвать культурный период, так что впоследствии эту информацию можно проверить, обратившись к соответствующим источникам. Возникают также ситуации, когда не удается определить встреченное божество, несмотря на предпринимаемые терапевтом и пациентом усилия.

Божества, встречаемые в необычных состояниях сознания, могут быть раздѐлены на две группы - блаженных и благотворных божеств, связанных с силами Света и Добра, и гневных и злобных, представляющих силы Тьмы и Зла. Однако это не абсолютное разделение: существуют как бы промежуточные божества, а также такие, которые обладают смешанными чертами.

Типичный пример последних - дхьяна-будды в «Тибетской книге мертвых», которые являются умирающему сначала в своей сияющей форме, а позже в демоническом аспекте

Для многих людей первая встреча с архетипическими божествами происходит в процессе переживания смерти и возрождения. Темные божества - Сатана, Люцифер, Гадес, Ари-ман, Уцилопочтли, Кали, Лилит, Рангда, Коатликуэ или Молох, как правило, появляются в контексте БПМ-II и БПМ-III и смерти «эго». Божества, символизирующие смерть и возрождение (Осирис, Плутон и Персефона, Ацис, Адонис, Кецалькоатль, Дионис, Вотан, Бальдр, Христос), связаны с третьей матрицей и переходом к четвертой. Благотворные божества - Дева Мария, Афродита, Аполлон, Исида, Ахура Мазда, Лакшми или Гу-ань-инь - появляются в экстатических эпизодах, связанных с четвертой и первой матрицами.

Однако архетипические образы божеств могут появиться в психоделических и холотропных сеансах и как независимые трансперсональные переживания. Как правило, они появляются в качестве могущественных видений, но возможно и полное отождествление пациента с божеством. Кроме того, божества могут являться не поодиночке: человек может стать свидетелем сложных космических драм вроде битвы между силами Аримана и Ахура Мазда из зороастрийского пантеона, войны между олимпийскими богами и титанами, падения Люцифера и его ангелов, пахтания океана индийскими богами и демонами, стремящимися получить нектар амриту, или рагнарока - сумерек богов нордической мифологии.

Эмоциональная реакция людей, встречающихся в необычном состоянии сознания с благотворными или злотворными божествами, может быть очень интенсивной - от экстатического восторга до метафизического ужаса или невероятной боли.

Однако эти переживания все же отличаются от встречи с Высшим Существом, предельной силой Вселенной, о которой мы будем говорить позже

Пример, который я хочу здесь привести, взят из переживаний после принятия высокой дозы ЛСД и содержит встречу с Христом и Антихристом.

Наиболее трудной частью сеанса было отождествление с дьяволом - олицетворением зла во Вселенной. Примерно напротив меня находилось невероятно мерзкое и грязное существо; оно сидело на корточках и осматривало все вокруг. Я должен был превратиться в него, стать этой отвратительной тварью. Я стал Гитлером, генералом смерти. Чувствовал чистую ненависть, хотел только убивать, приносить боль, заставлять людей страдать. Это было очень болезненно, но я должен был это делать. Я не мог поверить, что во мне столько ненависти. Ненависть была как бы осязаемой на ощупь - как черная злая субстанция или темная густая энергия. Я чувствовал присутствие демонического существа прямо рядом с Христом. Это был Антихрист! Он также был частью космического путешествия. Все гитлеры мира, все деспотические правители и тираны были проявлениями или персонификациями этого принципа зла. Трудно было понять, как Христос и Антихрист могли находиться так близко друг от друга. Это смущало и вводило в заблуждение: как узнать, кто есть кто? Я понял, как трудно найти на земле правильного духовного учителя, за которым можно следовать. Как человеку узнать, исходит ли определенный духовный учитель от Христа или от Антихриста? Духовное добро и зло оказывались двумя сторонами одной монеты. Вместе с тем эта близкая парадоксальная связь двух противоположных космических энергий объясняла непонятные человеческие события - успех нацизма в Германии или странные проявления определенных религиозных учений.

(Встреча с архетипическим злом продолжалась на следующем ЛСД-сеансе этого пациента.) В другой момент у меня было короткое, но очень мощное переживание, которого я никогда не забуду. Я почувствовал присутствие Люцифера и затем ясно его увидел. Это было огромное темное создание, отчасти человек, отчасти животное, с волосатым телом, огромными когтями и крыльями дракона. Он вышел из темной пещеры и пролетел через черное небо посреди ночи как гигантская летучая мышь. Глядя на него с большого расстояния, я, к своему изумлению, заметил, что его голова горит в огне. Дьявол, сам Люцифер, преобразовывался светом в Свет. Теперь я понял, почему имя Люцифер означает буквально «носитель света». Он поглощался очищающим огнем прямо на моих глазах. Я знал, что никогда теперь не буду бояться Зла, или самого Дьявола.

3. Переживания универсальных архетипов

Термин «архетип» был введен в психологию К. Г. Юнгом, употреблявшим его в том же смысле, что и «первичный образ», или «доминанта коллективного бессознательного». В самом широком смысле архетип может пониматься как любая статическая конфигурация или динамическое событие в психике, обладающие трансиндивидуальным характером и качеством универсальности (Jung, 1959). Такое определение слишком общее и могло бы относиться ко многим трансперсональным феноменам, описанным в этом разделе. В юнговской литературе можно найти иерархические описания различных уровней архетипов (см. рис. на с. 151). Я позволю себе здесь ограничить это понятие теми архетипами, которые представляют собой подлинно универсальные структуры в отличие от их специфических культурных проявлений, вариаций и разновидностей.

Некоторые из подобных архетипов представляют собой обобщенные биологические, психологические, социальные или профессиональные роли. Примерами биологически определенных универсальных архетипов могут быть Женщина, Мужчины, Мать, Отец, Ребенок, Еврей, представитель белой, черной или желтой расы. Дополнительные психологические характеристики определяют Добрую или Ужасную Мать, Тиранического Отца, Любовника, Мучителя, Беглеца, Изгнанника, Корыстолюбца, Деспота, Развратителя, Обманщика, Мудрого Старца

или Старую Мудрую Женщину, Аскета, Отшельника и многих других. В некоторых из этих случаев архетипичность достигает мифологических измерений и обладает особой сверхъестественной силой; это могут быть, например, образы Великой или Ужасной Матери-богини, Великого Гермафродита, Космического Человека.

Примерами архетипов, представляющих определенные профессиональные и социальные типы и роли, могут быть Ученый, Целитель, Просвещенный Правитель, Диктатор, Рабочий, Революционер, Капиталист. Такие переживания близки, но не тождественны переживаниям группового сознания, которые были описаны ранее. В последних человек чувствует себя отождествленным одновременно со всеми членами определенной группы, первое же представляет собой персонифицированное представление о самой роли, что-то вроде платоновской идеи.

Примерами этих двух типов феноменов могут быть, с одной стороны, переживание группового сознания всех революционеров мира, а с другой переживание превращения в архетипического Революционера. Архетипические образы такого рода можно представить себе как голографические изображения, созданные последовательной съемкой людей определенной категории без изменения угла зрения. На голографической выставке в Гонолулу несколько лет тому назад демонстрировалось изображение «Дитя Гавайев», состоящее из множества трехмерных изображений гавайских детей, занимающих одно и то же место. Это может быть прекрасной иллюстрацией переживания, о котором идет речь. Менее яркое приближение к подобному феномену - кумулятивное наложение обычных фото-снимков, вроде тех составных фотографий Фрэнсиса Гэлтона, которые использовал Руперт Шелдрейк для иллюстрации своего понятия морфического резонанса (Sheldrake, 1981). Особая категория архетипов представляет собой персонификацию определенных аспектов человеческой личности, например знаменитые юнговские архетипы Анимус, Анима или Тень.

Я хочу привести здесь пример из моего собственного сеанса с 200 мг МДМА («Адам» или «Экстаз»), где архетип Апокалипсиса сочетается с архетипами универсальных принципов.

Я почувствовал сильную активизацию в нижней части тела. Мой таз вибрировал, так как экстатические толчки высвобождали огромное количество энергии. В какой-то момент бешеный поток энергии выбросил меня в космический вихрь творения и разрушения.

В центре этого чудовишного урагана первичных сил находились четыре гигантские фигуры, сплетавшиеся в каком-то космическом танце с саблями. Черты их лиц были явно монгольскими - выступающие скулы, раскосые глаза, бритые головы с оставленными «конскими хвостами». Вращаясь в неистовом танце, они размахивали саблями, похожими на косы или кривые ятаганы. Эти четыре косы образовывали форму быстро вращающейся свастики. Я присоединился к танцу, став одним из них или, может быть, всеми четырьмя сразу, переставая одновременно быть прежним собой.

Затем передо мной открылась невообразимая панорама сцен разрушения. Природные катастрофы - извержения вулканов, землетрясения, падения метеоритов, лесные пожары, наводнения и приливы - сочетались с образами горящих городов, обрушивающихся небоскребов, смертью множества людей, ужасами войн. Эту волну всеобщего уничтожения возглавляли четыре архетипических образа жутких всадников, символизирующих конец света. Я понял, что это Четыре Всадника Апокалипсиса. Продолжающиеся толчки и вибрации моего таза вошли в единый ритм с движением зловещих всадников, и я стал одним из них.

По этому описанию можно составить себе впечатление, что переживание было неприятным и пугающим. Однако, возможно, благодаря общей благотворной природе амфетаминовых эмпагонов, доминирующим чувством было экстатическое растворение в развертывающихся энергиях и восхищение связанными с этим невероятными философскими и духовными прозрениями. Я понял, что представление об Апокалипсисе не следует понимать буквально, как это часто имеет место в общепринятом христианстве.

Хотя и возможно, что Апокалипсис в будущем развернется на планетарной шкале как историческое событие, прежде всего это архетип. В этом качестве он соответствует стадии развития сознания, когда человек обнаруживает иллюзорную природу материального мира. Когда Вселенная обнаруживает свою истинную сущность как космическая игра сознания, мир материи разрушается в душе человека. Это до некоторой степени напоминает более раннюю стадию, когда отождествление с архетипом восхождения на Крест и Воскресения Христа кладет конец философскому отождествлению человека со своим телом.

Апокалиптические видения перемежались архетипическими образами из различных культур, символизирующими нереальность феноменального мира. Может, наибольшее впечатление из них произвела на меня платоновская пещера. Последним значительным эпизодом сеанса был мощный парад персонифицированных вселенских принципов, архетипов, в своей сложной игре создающих иллюзию феноменального мира, - божественная игра, которую индусы называют лила.

Эти персонажи появлялись в изменчивом множестве своих образов, уровней и измерений в невероятно сложной голографической среде моей визуализации. Каждый из них одновременно представлял сущность своей функции и все конкретные проявления элементов в мире материи. Там была Майя - таинственный эфирный принцип, символизирующий мир иллюзии; Анима, воплощающая вечно женственное; похожая на Марса персонификация войны и агрессии, уединившийся Отшельник; творящий иллюзии Обманщик и многие другие. Проходя по сцене, они кланялись в мою сторону, как бы приглашая меня оценить представление божественной игры во Вселенной.

и. Интуитивное понимание универсальных символов

К наиболее интересным архетипическим переживаниям можно отнести понимание внутреннего, эзотерического значения символов, о котором говорил К. Г. Юнг (Jung, 1971, P.473).

В отличие от Фрейда, для которого символы обозначали нечто уже известное, но неприемлемое для сознания, Юнг считал их наилучшей возможной репрезентацией содержания, принадлежащего к более высокому уровню сознания и в основном невыразимого иным образом. Универсальные символы - незашифрованные сообщения о простых биологических функциях. Они относятся к сложным трансцендентальным реальностям. Что касается фрейдовских зашифрованных иллюзий к элементам того же уровня сознания, их можно назвать просто знаками.

В необычных состояниях сознания визуализации различных универсальных символов могут играть значительную роль даже для людей, ранее не проявлявших интереса к мистицизму и эзотеризму. Такие видения могут передавать мгновенное интуитивное понимание этих символов и вызывать глубокий интерес к духовному пути. В своих исследованиях я чаще всего встречался с появлением символов Креста, разделенного на четыре части круга, индо-иранской свастики в двух своих

формах правильной и искаженной, древнеегипетского анха (нильский крест, или стигх ansata), цветка лотоса, даосского инь-ян, ин-дуистского священного фаллоса (Shiva lingam) и вульвы (yo-ni), алмаза и других драгоценных камней, буддийского колеса и шестиконечной звезды как в древнееврейской форме (звезда Давида), так и в тантрической - как символа союза мужской и женской энергии.

В результате переживаний такого рода человек может обрести понимание сложных эзотерических учений. Так, люди, не знакомые с каббалой, рассказывали о переживаниях, подобных описанным в Зогаре или Сефер Иецире и значении каббалистических символов. Другие описывали функции и значение сложных мандал, используемых в тибетской ваджраяне и других тантрических системах. Люди, ранее осмеивавшие астрологию, алхимию и древние формы гаданий - вроде И-Цзина или Таро, - внезапно обнаруживали их глубокий смысл и метафизическое значение. Подобные озарения могут также открыть для скептически настроенных людей значение гностицистических учений или пифагорейских теорий геометрических тел и числового порядка во Вселенной.

Ряд образов и прозрений, связанных с символом Креста, можно найти в книге «Разнообразие психоделического опыта» Роберта Мастерса и Джин Хьюстон (Masters and Houston, 1966, P.222). Это переживание возникло во время психоделиче-

ского сеанса (100 микрограмм ЛСД-25) адвоката, в прошлом студента-богослова, покинувшего семинарию из-за сомнений в вере. Переживания возникли, когда пациент посмотрел на орнаментированный крест, предложенный ему экспериментаторами,

Я увидел распятого Христа и замученного Петра. Я видел ранних христиан, умирающих на аренах, и других, спешащих по римским улочкам, проповедующих учение Христа. Я был рядом, когда изумленному Константину явилось видение Креста в небе. Я видел падение Рима и начало Темных Веков, когда маленькие ивовые крестики, прикрепленные к притолоке, оставались единственной надеждой в жалких хижинах. Я видел, как крестьяне топчут его ногами в странных лесных ритуалах, в то время как за морем, в Византии, он сияет в мозаиках огромных соборов.

Моя рука дрогнула, крест слабо засветился, и история смешалась. Мартин Лютер шел рука об руку с Билли Грэхемом, за ними шед Фома Аквинский с армией крестоносцев. Инквизиторы настаивали свои костлявые пальцы на сумасшедших ведьм, и большие капли крови застыли огромным крестом. Папа Иоанн XXIII благословлял сожжение Жанны д'Арк, а Савонарола приветствовал в огне и сере техасского проповедника. Бомбы летели, образуя крест, в то время как св. Франсиск проповедовал птицам.

Сотни тысяч эпизодов возникали из вспыхивающих граней креста, и я знал, что еще не одна сотня тысяч ждала своей очереди. А затем, не знаю уж как, я оказался погруженным в него; моя субстанция физическая, ментальная, духовная - полностью впиталась в субстанцию Креста. Моя жизнь превратилась в череду вспыхивающих эпизодов истории Креста, и все сотни тысяч событий были событиями моей жизни. Позор и победа Креста бесконечно повторялись в миниатюре в моей собственной жизни; и позор, и победы были моими. Я был инквизитором и святым, я ложно осуждал и тонко оправдывал. Как и Крест, я умирал и жил, умирал и жил, и умирал, чтобы жить снова и снова. И может быть, я

вновь умру. Но я знал (и знаю теперь), что искупление постоянно, а вина - преходяща.

к. Творческое вдохновение и прометеев импульс

Даже беглое изучение литературы по психологии творчества показывает, что истинное артистическое, научное, философское и религиозное вдохновение инспирируется необычными состояниями сознания и приходит из трансперсональных Источников. Динамические механизмы творческого процесса распадаются на три большие категории.

К первой относятся случаи, когда человек годами работает над каким-то вопросом, не в силах найти решение. Этот подготовительный период обычно включает многочисленные наблюдения, изучение всей имеющей отношение к делу литературы, многие безуспешные попытки решить проблему в рамках обычной логики. И решение приходит в необычном состоянии сознания - во сне, во время галлюцинаций, связанных с истощением или болезнью, или во время медитации. Этот механизм известен из множества примеров.

Химик Фридрих Август фон Кекуле нашел формулу бензола - основу органической химии - во сне, увидев бензольное кольцо как маленькую змейку Уроборос, кусающую себя за хвост. Структура решающего эксперимента, приведшая Отто Леви к отмеченному Нобелевской премией открытию химической передачи нейронных импульсов, также пришла к нему во сне. Вернер Гейзенберг нашел математическое решение проблемы квантовой физики в Гельголанде, когда его сознание было изменено тяжелой сенной лихорадкой. Во всех этих случаях необычное состояние сознания создавало возможность нового творческого синтеза, как бы сдерживавшая традиционный образ мышления, препятствовавший разрешению проблемы.

Во второй категории общая форма идеи или системы мышления приходит по внезапному вдохновению из трансперсональной области часто задолго до того, как развитие данной области способно оценить ее. Могут понадобиться годы, десятилетия или даже века, чтобы создать условия для ее принятия. Древними примерами этого механизма могут служить атомистическая теория Левкиппа и Демокрита и идея возникновения жизни в океане, сформулированная ионийским философом Анаксагором. Представление о распределенности информации по всей Вселенной и всем ее частям, обнаруживаемое в древней джайнистской теории дживасов, или идея взаимопроникновения всех вещей, составляющая основу буддизма школы аватамсака (ки-тайская школа хуаянь или японская кегон), могли казаться странными до обнаружения волновой природы Вселенной и холономических принципов. Равным образом древние космогенетические системы, рассматривавшие свет как творческий принцип Вселенной, получили неожиданное независимое подтверждение в науке, благодаря открытию особой роли фотонов среди субатомных частиц и в контексте теории процесса Артура Янга (Young, 1976).

Третья категория - это случаи истинного прометеевского творческого импульса, когда вдохновение приходит в форме законченного продукта, готового для передачи другим.

Никола Тесла сконструировал электрический генератор, революционизировавший промышленность, после того как его устройство и функционирующий прототип явились ему в видении, Альберт Эйнштейн открыл принципы теории относительности в необычном состоянии сознания; по его описанию, большинство инсайтов пришло к нему в форме кинестетических ощу-

щений в мышцах. Считается, что Рихард Вагнер галлюцинативно слышал большую часть написанной им музыки, а Вольфганг Моцарт утверждал, что часто симфонии целиком готовы в его голове, прежде чем он их запишет. Устои мусульманской веры были переданы Магомету в состоянии «экстаза, приближающегося к уничтожению», когда он ощущал присутствие Аллаха

к. Опыт Демиурга и переживание космического творения

В этом типе переживаний человек встречается с Творцом Вселенной или даже отождествляется с ним, начиная при этом понимать процесс творения, его мотивы, специфические механизмы, цели и проблемы. На этом уровне у Творца обычно оказывается много личных характеристик, хотя необязательно в антропоморфной форме. Можно почувствовать силы, лежащие в основе творения или инициирующие его. Испытуемые воспринимают их по-разному: как переизбыток творческой энергии, неоценимый художественный импульс, безграничное любопытство, страсть к экспериментированию, жажда познания и самопознания, стремление к переживаниям, огромная любовь, требующая выражения, и даже как «убегание» от монотонности и скуки.

Переживания такого рода могут вести человека к серьезным размышлениям о своей роли во Вселенной. Некоторые полагают, что возможность эмпирически отождествиться с Творцом и взглянуть оттуда на свои повседневные заботы возвышает их. Они перестают чувствовать себя жертвами враждебных обстоятельств, поняв, что на другом уровне они тождественны силе, которая создала их.

Другие сильно привязаны к своей повседневной самодеструктивности и чувствуют потребность найти смысл своего существования в этой форме. Мысль, что люди являются актерами в predetermined космической игре, может как возвышать, так и обескураживать. Люди переживают это по-разному и находят разные ответы на этот вызов. Для некоторых феноменальный мир превращается в иллюзию, и высшей целью становится пробуждение и осознание этого. Другие полагают, что у людей есть особая роль разумных созданий, пожерживающих эволюцию и устраняющих нежелательные, но неизбежные побочные продукты творения.

Демиург может восприниматься как высшая сила существования, сопоставимая с Богом различных религий. Однако он может появиться в переживании и как один из творцов многих вселенных. В некоторых случаях рассказывают о мужеско-женской диаде творцов, что похоже на космологию некоторых незападных культур, или о том, что Вселенная создана в процессе игры нескольких высших существ.

Отчет, который я использую здесь в качестве иллюстрации этого типа переживаний, относится к психоделическому сеансу с большой дозой ЛСД.

Последовало колоссальное расширение сознания. Я оказался в межзвездном пространстве, перед моими глазами создавались галактика за галактикой. Я чувствовал, что двигаюсь быстрее скорости света. Галактики мелькали мимо меня. Я приближался к центральному взрыву энергии, из которого, по видимому, возникло все во Вселенной. Это был Источник всего созданного. Приближаясь к нему, я чувствовал излучаемый им непереносимый жар. Это была гигантская печь, печь Вселенной.

Чувство жара росло в невероятной степени, как и интенсивность света. Я понял, что это горение Очищающего Огня. Приблизившись, я почувствовал, что перестаю быть проявлением Энергии, а становлюсь самой Энергией. Судя по всему, я на мгновение попал в самую сердцевину этой Универсальной Печи космического творения. Переживание было экстатическим и наполняло меня чувством бесконечной мощи.

Внезапно я понял принцип, лежащий в основе организации Космоса. Это было Универсальное Сознание, разыгрывающее бесконечный ряд драм, подобных тем, которые мы можем видеть на театральных подмостках или в кино. Оно разыгрывает драму потери себя, чтобы вновь себя найти. Универсальное Сознание погружается в разделение, отрицание, боль, зло, агонию и тьму, чтобы пережить бесконечную радость восстановления своей первоначальной безопасности и первоначального блаженства. Его истинная природа - неразделимое единство, отсутствие негативности и дуальностей какого-либо рода. Чтобы отправиться в путешествие, ему нужно создать иллюзию пространства, материи и времени, а вместе с ними категории зла, тьмы, боли и разрушения.

Я продолжал обдумывать аналогию с кинофильмом. Она казалась особенно подходящей метафорой процесса творения. В психоделическом сеансе я как бы повернулся спиной к различным образам, проецируемым на экран, и смотрел прямо на свет проектора. Единственный источник света создавал бесчисленные картины и сцены, появляющиеся на экране! Можно было также последовать за лучом света внутрь проектора. Есть пустота, из которой приходит свет. Фильм же можно уподобить архетипам, определяющим переживания, проецируемые в четырехмерный пространственно-временной континуум.

л. Опыт космического сознания

Люди, переживающие отождествление с космическим сознанием, как бы охватывают всеобщность существования и достигают реальности, лежащей в основе всех реальностей. Они пе-

реживают несомненную связь с высшим и предельным принципом бытия. Этот принцип является единственной истинной тайной; если воспринято его существование, все остальное может быть понято и объяснено из него. Иллюзия материи, пространства, времени, бесконечное количество форм и уровней реальности полностью преодолеваются и сводятся к этому таинственному принципу как к своему общему источнику.

Этот опыт безграничен, непостижим и невыразим. Словесная передача и сама символическая структура языка до смешного не подходят для передачи его качества. Наш феноменальный мир и все, что мы переживаем в обычных состояниях сознания, исчезает как дым в свете этого высшего сознания как ограниченные, иллюзорные и идиосинкратические аспекты этой единственной реальности. Этот принцип, очевидно, непостижим рационально, и вместе с тем даже краткое эмпирическое приобщение к нему удовлетворяет все интеллектуальные и философские запросы человека. Все вопросы, которые когда-либо задавались, получают ответ или исчезает потребность задавать какие бы то ни было вопросы.

Наибольшее приближение к описанию этого переживания

дает индийское представление о сатчитананде. Это составное

санскритское слово содержит три независимых корня: сам – существование, или бытие, чит – обычно переводимое как осознание или знание, и ананда – блаженство. Бесформенное, безмерное и непостижимое Космическое Сознание лучше всего можно описать как Бесконечное Существование, Бесконечное Сознание или Знание и Бесконечное Блаженство. Одна-

ко любые слова относятся прежде всего к феноменам и процес-

сам материальной реальности и поэтому оказываются лишь безнадежной попыткой передать сущность этого трансцендентального принципа.

Единственным средством оказывается написание употребляемых слов с большой буквы, как часто поступают психотические пациенты, отчаянно пытаясь рассказать о своем невыразимом мире. Люди, имевшие подобное переживание, часто говорят, что язык поэтов при всем своем несовершенстве больше подходит для этой цели. Можно упомянуть здесь бессмертное искусство трансцендентальных писателей и поэтов Хильдегарда фон Бингена, Руми, Кабира, Мирабая, Омара Хайама, Калила Джебрана, Рабиндраната Тагора, Шри Ауробиндо.

Следующее переживание из сеанса со 150 миллиграммами кеталара (кетамин) соединяет элементы космического сознания, отождествления с другими людьми и архетипического не-бесного мира.

Я ощущал присутствие многих моих друзей, с которыми у меня были общие интересы, ценности и взгляды на жизнь или цель в жизни. Я не видел их, но каким-то экстрасенсорным образом воспринимал их присутствие. Мы осуществляли сложный процесс нахождения областей согласия и разногласия между нами, чтобы элиминировать различия с помощью алхимической нейтрализации. В какой-то момент мне показалось, что мы достигли этого и стали совершенно единой сетью, единым существом с ясной целью и без внутренних противоречий. В себе я назвал этот организм «космическим кораблем сознания». Мы начали движение, сочетавшее пространственный полет с очень абстрактно представленной эволюцией сознания.

В предыдущем психоделическом сеансе я пережил и принял философию «индийского представления о Вселенной как лиле, Божественной игре. В этой космической игре в прятки на каком-то уровне все уже познано и все уже произошло. Единственная задача человека – поднять покрывало невежества и уловить это. То, что я переживал сейчас, было новым и волнующим. Истинная эволюция казалась реальной возможностью, и каждый из нас мог сыграть в этом важную роль. Эта эволюция вела к измерениям, которых я не сознавал в своей повседневной жизни и не видел в предыдущих необычных состояниях сознания

Движение становилось все быстрее, пока не достигло абсолютного предела, чего-то вроде скорости света в эйнштейновской вселенной. Мы все чувствовали, что можно пробиться за эту границу, но результат был бы совершенно непредсказуемым и может быть опасным. Наша группа была склонна к приключениям, так что мы решили двигаться вперед и встретиться с Неведомым.

Когда предел был преодолен, переживания сдвинулись в измерения, которые трудно описать. Вместо движения через пространство наступило колоссальное расширение сознания. Время остановилось, и мы вошли в состояние, которое я назвал бы созна-

нием янтаря. Внешним выражением этого состояния, где время замораживается, можно считать то, что живые формы - растения или насекомые - сохраняются в янтаре без изменений миллионы лет, как и сам янтарь - минерализованная органическая смола.

Мы прошли процесс очищения, в котором из переживания исключался всякий намек на органическую жизнь. Я понял, что это состояние алмаза. Было важно, что алмаз - это чистый углерод, элемент, на котором основана жизнь, и что он возникает в условиях крайних температур и огромного давления. Алмаз как будто бы содержал всю информацию о жизни и природе в абсолютно чистой и конденсированной форме, как всеобщий универсальный компьютер.

Все остальные физические качества алмаза указывали на его метафизическое значение - красота, прозрачность, блеск, твердость, неизменность, способность разделять белый свет на богатый спектр красок. Я начал понимать, почему тибетский буддизм называется ваджраяной. Единственное, как я мог описать это состояние предельного космического экстаза, - это назвать его «алмазным сознанием». Здесь была сосредоточена вся творческая энергия и разумность Вселенной как чистое сознание, существующее за пределами пространства и времени. Это было очень абстрактным, но содержало все формы и тайны творения..

Я плавал в этой энергии как безразмерная точка сознания, совершенно растворившаяся, но поддерживавшая некоторое чувство отдельной самоидентичности. Я ощущал присутствие своих друзей, совершивших со мной это путешествие. Они были бесформенными, но явно присутствовали. Мы чувствовали, что достигли состояния последнего свершения; мы достигли Источника и последнего предназначения, мы были так близко к Небу, как я только мог себе представить.

м. Сверхкосмическая и метакосмическая пустота

Опыт пустоты - наиболее загадочное и парадоксальное из всех трансперсональных переживаний. Это эмпирическое отождествление с первичной Пустотой, Ничто и Молчанием, которые представляются последней колыбелью всего существования.

Будучи источником всего, она не может быть произведена из чего-либо еще. Это несотворенное и невыразимое Высшее Тер-

мины «сверхкосмическая» и «метакосмическая», используемые интеллигентными испытуемыми для описания этого переживания, выражают тот факт, что эта Пустота как бы объемлет известный нам феноменальный космос и сверху, и снизу.

Пустота находится за пределами пространства и времени, за пределами какого бы то ни было рода форм, любых полярностей - света и тьмы, добра и зла, стабильности и движения, экстаза и агонии. Ничто конкретное не существует в этом состоянии, но ничто, являющееся частью существования, не кажется здесь также и отсутствующим. Эта пустота, так сказать, беременна всем существованием, поскольку содержит все в потенциальной форме. Это переживание чем-то похоже на переживание меж-звездного пространства и связано с понятием динамической пустоты из квантово-релятивистской физики, хотя и находится на гораздо более высоком метафизическом уровне.

Переживание Пустоты выходит также за пределы наших обычных представлений о причинности. Люди, пережившие этот опыт, принимают как само собой разумеющееся, что различные формы феноменальных миров могут возникнуть из пустоты в существовании без всякой видимой причины.

Возможность, что что-то происходит из ничего и исчезает без всяких следов, не кажется здесь абсурдной, как в мире повседневного сознания. На этом уровне опыта не возникает сомнения в том, что нечто может произойти без какого бы то ни было прецедента, доста-точной причины или начального импульса. Парадоксальные и загадочные места буддийских текстов, где форма приравнивается к пустоте, а пустота - к форме, внезапно становятся кристаль-но ясными. Пустота беременна формой, а многочисленные фор-мы на различных уровнях существования по существу пусты.

Психоидные трансперсональные переживания

Психоидные трансперсональные феномены обладают особыми характеристиками. С одной стороны, это чисто субъективные интрапсихические события; с другой - они значимым образом связаны со специфическими физическими изменениями в обще-принятой реальности, которые могут наблюдаться и даже изме-ряться другими.

Термин «психоидные» указывает на то, что эти феномены являются странными гибридами, находящимися в зоне между сознанием и материей. К. Г. Юнг использовал этот термин по отношению к определенным свойствам архетипов и к синхрони-ческим событиям, соединяющим явления психики и элементы материального мира (Jung, 1964); я позволил себе распростра-нить его на другие типы феноменов, рассматриваемые в этой главе.

Явления, описанные в предыдущих разделах, я неоднократно наблюдал в психоделических и холотропных сеансах своих пациентов и многие из них сам пережил в необычных состояни-ях сознания. В отличие от этого, мой опыт психоидных феноме-нов невелик, если не говорить о явлениях синхронии, постоянно присутствующих в работе каждого исследователя необычных состояний сознания. И все-таки, несмотря на всю спорность психоидных явлений, я чувствую необходимость хотя бы вкрат-це упомянуть о них. Есть ряд оснований для того, чтобы вклю-чить их в общий очерк трансперсональных переживаний.

Во-первых, психоидные (парапсихические) феномены столь часто описываются в мистической литературе разных культур и времен, что это заслуживает серьезного внимания. Обычно они обсуждаются в связи со многими другими типами транс-персональных переживаний, существование которых подтвер-ждается современными исследованиями сознания. Кроме того, некоторые из них находят прямое подтверждение в юнговской психологии, экспериментальной психиатрии и современной па-рапсихологии. Наконец, научный климат постепенно все больше изменяется в сторону непредвзятого отношения к этой области исследований.

Основным препятствием для серьезного изучения парапси-хических явлений было механистическое понимание сознания и его отношения к материи, характерное для ньютоно-картези-анской науки. Если считать, что сознание является случайным продуктом материи и эпифеноменом по отношению к физио-логическим процессам мозга, то существование таких явлений невозможно и абсурдно. Однако современные представления квантово-релятивистской физики, теории информации и теории систем, биологии, танатологии, нейрофизиологии и психодели-ческой психотерапии приводят к предположению, что разум и, возможно, сознание являются неотъемлемыми свойствами при-роды и космоса. В контексте нарождающейся новой научной парадигмы существование различных психоидных явлений ка-жется возможным и в некотором смысле правдоподобным. За-дачей серьезного исследования остается непредвзятое научное рассмотрение и теоретическое осмысление соответствующего материала.

Некоторые аспекты психоидных событий могут рассматри-ваться с точки зрения психологии, другие - исключительно с точки зрения физики. Отношение этих двух

составляющих за-висит от типа феноменов, но различно также и в пределах од-ного и того же типа. Даже для одного и того же события оно часто зависит от обстоятельств и точки зрения участников. Во многих случаях психоидные события настолько подвижны, что допускают как психологическую, так и физическую интерпрета-цию - в зависимости от подхода исследователей. Поразительно частые отказы электронного оборудования, происходящие в кри-тические моменты психоидных экспериментов, странные проис-шествия, препятствующие фиксации наиболее убедительных доказательств, двойственность различных сообщений в ис-следованиях по НЛЮ можно привести здесь в качестве приме-ров. Эта трудноуловимость, по-видимому, является внутренней характеристикой психоидных событий, а не основанием для то-го, чтобы сомневаться в их существовании.

Психоидные феномены можно разделить на три большие ка-тегории. К первой относятся необычные синхронные явления, связывающие различного рода трансперсональные пережи-вания с физическими событиями феноменального мира. Здесь сознание особым образом взаимодействует с миром материи, создавая осмысленные гештальты. Однако при этом нет необ-ходимости предполагать, что сознание активно вмешивается в материальную реальность и создает в ней физические измене-ния. Сами по себе материальные события остаются укоренен-ными в ньютоновском мире, соответствуя принципу причины и следствия и не противореча традиционно принимаемым ес-тественным законам.

Ко второй категории относятся спонтанные парапсихичес-кие события, в которых психологические процессы, по-види-мому, влияют на физическую реальность, нарушая обяза-тельные с точки зрения механистической науки законы. Однако такие события происходят не в результате специфического со-знательного намерения, даже если люди сознательно создают контекст для их появления, как в случае специально ориенти-рованных спортивных соревнований или во время спиритиче-ских сеансов (физический медиумизм). Примерами парапсихи-ческих событий такого рода могут служить стигматы, полтер-гейст, НЛЮ, светимость тела святых и духовных учителей.

К третьей категории относятся случаи намеренного психоки-неза, специфических и произвольных вмешательств в физичес-кий мир психологическими средствами. Это различные формы духовного целительства и ведовства, ритуалы примитивных ку-льтур, вызывающие дождь или совершаемые для других подо-бных прагматических целей, различные формы магии, произ-вольный контроль над автономными функциями, сверхестест-венные силы (сиддхи) йогов, феномены транса, передвижение объектов с помощью воли, гипноз на расстоянии, лабораторные эксперименты по психокинезу и др.

1. Синхронные связи между сознанием и материей

Принцип синхронности как альтернативу линейной причин-ности впервые описал К. Г. Юнг, назвав этим термином значи-мые совпадения событий, разделенных во времени и/или в про-странстве (Jung, 1960). Синхронность может проявляться в различных формах. Одни из них связывают людей и события в различных местах, другие - во времени. Здесь я хочу сосредо-точиться на наиболее интересной форме синхронности - связи между интрапсихическими событиями определенного человека (снами, спонтанными видениями, медитативными состояниями, психоделическими феноменами или переживаниями близости смерти) и физическими событиями его жизни.

Синхронные события такого рода могут быть связаны с лю-

быми формами трансперсональных переживаний и иногда с некоторыми аспектами перинатального процесса. Один из примеров самого Юнга - знаменитая история о редком золотокрылом жуке, прилетевшем к нему на подоконник, когда он обсуждал символизм египетского скарабея в сне пациента, сопротивлявшегося любым представлениям о трансперсональной сфере (Jung, 1961). Я уже описывал важные синхронные события, часто окружающие переживание прошлых воплощений. Другой типичный пример - часто встречающееся нагромождение опасных ситуаций, вызываемых другими людьми и внешними событиями, в жизни человека, который в своем внутреннем исследовании подходит к переживанию смерти «эго». Как только смерть «эго» пережита и начинается возрождение, эти ситуации исчезают так же таинственно, как появились.

Если человек в переживании шаманского типа встретил духовного учителя в форме животного, то возможно, что это животное начнет различным образом появляться в его жизни с частотой, превышающей разумную вероятность. При встрече с архетипическими образами Анимы, Анимуса, Старого Мудреца или Страшной Матери-богини идеальные примеры этих фигур могут появиться в повседневной жизни. Многие люди отмечают, что, когда они самоотверженно отдаются делу, вдохновляемому из трансперсональной области, происходят невероятные синхронные события, которые облегчают работу.

Важно знать, что необычные синхронные события могут появляться в жизни людей, которые начинают исследовать трансперсональную область. Традиционная психиатрия не различает истинную синхронность и психотическое видение мира. Любое сообщение пациента о необычных совпадениях автоматически воспринимается как иллюзия и рассматривается как психотический симптом. Однако непредубежденный исследователь часто вынужден признать, что в случае истинной синхронности совпадения выходят за пределы статистической вероятности.

Юнг понимал, что феномен синхронности несовместим с традиционным научным мышлением. Его интересовало развитие квантово-релятивистской физики и предлагаемого ею мировоззрения. Альберт Эйнштейн при личной встрече поддержал юнговскую идею синхронности, подтвердив ее созвучие новому мышлению в физике (Jung, 1973). Юнг также дружил с Вольфгангом Паули, одним из основателей квантовой физики; его эссе о синхронности неоднократно публиковалось вместе с работой Паули о роли архетипов в мышлении астронома Иоганна Кеплера (Pauli, 1955). Синхронные явления в трансперсональной психологии имеют нечто общее с проблемами современной физики, связанными с теоремой Белла (Bell, 1966; Сарга, 1982).

Я встречался со многими примечательными примерами синхронности в своей психоделической и холотропной практике, а также в окружении покойного Свами Муктананды, гла-

вы линии сидха-йоги. Однако мне хочется привести здесь в ка-

честве примера необычную историю, рассказанную всемирно известным мифологом Джоозефом Кэмпбеллом на семинаре в Эсаленском институте в ответ на вопрос о Юнге и не причинных связях во Вселенной.

Я расскажу вам пример синхронности из моей собственной жизни. Мы жили в Нью-Йорке, в квартире на четырнадцатом этаже на углу Уоверли плейс и Шестой авеню. Меньше всего можно ожидать увидеть в Нью-Йорке богомола.

Богомол играет роль героя в фольклоре бушменов. Я читал книгу о мифологии бушменов, про молящегося богомола. В комнате, где я находился, было два окна; одно выходило на Шестую авеню, другое на Гудзон, и в него я постоянно поглядывал. Окно на Шестую авеню я вряд ли раскрыл 'ару раз за все время, пока мы там жили. Итак, я читал про молящегося богомола - героя - и вдруг мне захотелось открыть окно на Шестую авеню. Я открыл его, посмотрел направо и увидел ползущего по стене богомола. Он как раз дополз до подоконника! Он был вот такого (показывает) размера. Он посмотрел на меня, и его лицо было похоже на лицо бушмена. У меня по спине побежали мурашки. Вы можете сказать, что это совпадение, но какова вероятность, чтобы нечто подобное произошло случайно?

2. Спонтанные психодные события

а. Сверхнормальные физические явления

В духовной и мистической литературе всех времен можно найти многочисленные описания ярких физических изменений тела или кажущихся невозможными достижений людей в нео-бычных состояниях сознания. Соматические изменения простираются от стигматов, появляющихся во время экстатических состояний, относительно которых существуют традиционные объяснения, до таких крайностей, как свечение или даже спонтанное. «возгорание» всего тела.

Многое кажется сверхъестественным в различных боевых искусствах. Что-то происходит спонтанно, что-то требует концентрации и целенаправленности и уже принадлежит к следующей категории. Майкл Мерфи и Реа Уайт в своей книге «Парапсихологические аспекты слорта» (Murphy and White, 1978) собрали рассказы очевидцев о способностях атлетов, граничащих с невозможным и предполагающих участие парапсихологических механизмов. Мерфи с соавторами проводит так-же в Эсаленском институте исследование по трансформации тела - обширное исследование всех необычных проявлений связи тела и психики, зафиксированных когда-либо в истории.

б. Спиритические феномены

и физический медиумизм

Другая группа явлений, принадлежащих к этой категории, традиционно изучается парапсихологами. Нередко в «замках с привидениями», домах и других местах люди испытывают странные переживания, часто похожие друг на друга, хотя люди не стовариваются и ничего заранее не знают о данном явлении. В некоторых случаях одно и то же воспринимается одновременно несколькими лицами. Иногда это сопровождается объективно проверяемыми изменениями. Недавним примером подобно-го явления может служить эпизод, описанный Юнгом в авто-биографии (Jung, 1961). В определенный период своей жизни он почувствовал присутствие в своем доме духов и стал слышать их голоса. Это было подтверждено другими членами семьи. Он согласился записать то, что они сообщали, и получилась его знаменитая книга «Семь поучений мертвому» («Septem Sermones AHI hfortuos») - гностический текст, подписанный именем Василида (Jung, 1982).

Во время спиритических сеансов (Дж. Б. Райн называет это физическим медиумизмом) их участники совместно слышат стуки по полу и стенам, голоса, говорящие из ниоткуда, игру на музыкальных инструментах, чувствуют прикосновения невидимых рук, ощущают порывы холодного ветра. В некоторых случаях это сопровождается появлением духов мертвых, сообщающих нечто присутствующим непосредственно или через медиума. В некоторых случаях имеет место телекинез и материализация вещей, и люди поднимаются в воздух, в воздухе

материализуются объекты, на стенах появляются письма (так называемые «аппорты»).

Даже знаменитые медиумы вроде Эусипии Палладино попали на мошенничество; обман и серьезное изучение странным образом соединяются в истории парапсихологии. Однако трудно себе представить, чтобы так много внимания уделялось сфере, в которой не было бы ничего реального. Ни в одной другой области не шельмовалось и не сбрасывалось со счетов так много недвусмысленных свидетельств уважаемых людей. Среди исследователей, разделивших эту судьбу, люди высших научных достижений, такие, как нобелевский лауреат в области медицины и физиологии Чарльз Рише и сэр Оливер Лодж, член Королевского общества Англии.

в. Повторяющийся спонтанный психокинез (полтергейст)

Повторяющийся спонтанный психокинез (ПСП), который парапсихологи назвали немецким термином «полтергейст» (буквально: «стучащий дух»), проявляется по-разному. Это может быть передвижение и разрушение домашних вещей, бросание грязи или камней, различные звуки (удары, стуки, поскребы-вания, свист, пение, разговор) и даже телепортация, таинственное появление различных вещей в запертой комнате или исчезновение их из запертого помещения. Если физический медиумизм в ярко выраженных формах сейчас встречается все реже, то случаи полтергейста описываются и изучаются постоянно.

Наиболее развернутые исследования этого явления проводилось в Германии под педантичным руководством всемирно известного парапсихолога Ганса Бендера. За последние 35 лет его группа в Институте изучения границ психологии и психогигиены во Фрейбурге рассмотрела 65 случаев и собрала примечательные свидетельства этого явления. О некоторых из них (наряду с материалом по телепатии, снам-предсказаниям, психокинетическому сгибанию металлических пластин, оккультной истории войны и НЛО) рассказано в книгах Ганса Бендера (Bender, 1984 ab, 1985). Среди них наиболее известный современный случай ПСП в Калифорнии – Оуклендский полтергейст, изучавшийся Артуром Хастингсом (Hastings, 1978). Считается, что явления полтергейста связаны с подавленными инстинктами подростков или умственно отсталых детей.

В качестве примера этой категории явлений я приведу рассказ Ганса Бендера (Bender, 1984). Он особенно интересен тем, что по меньшей мере сорок человек были непосредственными свидетелями феномена и его последствий, в том числе квалифицированные техники, физики, врачи, психологи и полицейские. Этот случай был также описан в газетах и показывался по телевидению.

В конце ноября 1967 года в юридической фирме Адама в баварском городе Розенхайм начали происходить странные события.

Лампы дневного света, висевшие на потолке в восьми футах над полом, стали выключаться. Электрики обнаруживали, что они оказывались повернутыми на 90 градусов от первоначального положения. Сообщалось также о громких звуках, спонтанных выключениях электричества, исчезновении краски в копироваль-

ной машине. Четыре телефона (фирмы Сименса) часто звонили

одновременно, телефонные разговоры прерывались и терялась связь. Оборудование регистрировало несуществующие телефонные вызовы, а телефонные счета вышли за пределы всякой вероятности. Кроме всего этого, начали двигаться картины, иногда поворачиваясь на 360 градусов. Несколько ламп дневного света упали с потолка, угрожая задеть людей, Электрики заменили лампы дневного света обычными, но они стали поворачиваться или взрываться. Специально поставленное оборудование фиксировало разряды до 50 А, во время которых защита не срабатывала и ток не прерывался. Ганс Бендер вызвал двух экспертов из мюнхенского Института плазмы, которые провели сложные осциллографические измерения. Нарушения в электрическом оборудовании продолжались, хотя были устранены все мыслимые физические причины. Они были настолько серьезными, что фирма возбудила в криминальной полиции дело против «неизвестного».

Ганс Бендер сумел обнаружить, что все это связано с девятна-

дцатилетней девушкой Аннемари Ш. «Аффективное поле» создавалось ее сильным эмоциональным интересом к боссу, специфической ситуацией в бюро и необычным интересом публики к этим событиям. Все это внезапно прекратилось, как только Аннемари перевели на другую работу. Интересно отметить один из результатов анализа физиков. Они пришли к заключению, что для того, чтобы регистрировать телефонные звонки без механического

вращения циферблата, необходимо обладать определенными телесными знаниями и быть способным оценивать интервалы времени порядка миллисекунд.

г. Неопознанные летающие объекты

Последнее явление из этой категории, которое я хочу упомянуть, это НЛО, называемые часто «летающими тарелками». Я уже упоминал, что субъективный опыт видения физических или метафизических космических кораблей, контакта с их экипажами и даже личных встреч с инопланетянами часто встречается в необычных состояниях сознания. Сейчас я остановлюсь на тех случаях, когда субъективные сообщения сочетаются с физическими подтверждениями. Есть основания полагать, что заключения соответствующих проектов Воздушных Сил США мотивированы политическими соображениями. То же относится и к специальному комитету Университета штата Колорадо, пытавшемуся объяснить все физические события естественными причинами, то есть утверждениями, что это воздушные шары, метеориты, птицы, блики света и проч.

Как и в случае парапсихических феноменов, многие рассказы об НЛО принадлежат психически устойчивым, хорошо образованным, интеллигентным людям. Есть основания полагать, что НЛО являются парапсихическими феноменами, в которых различным образом сочетаются физические и психологические проявления. Это затрудняет их изучение механической наукой, стремящейся разделить материальное и психическое. Детальное обсуждение противоречивого материала по НЛО не входит в наши задачи. Заинтересованный читатель может обратиться к книге К. Г. Юнга «Летающие шарелки: современный миф о вещах, видимых на небе» (Jung, 1964) и к работам Жака Вале, посвятившего изучению феномена НЛО многие годы (Vallée, 1965).

3. Намеренный психокинез

Намеренный психокинез можно определить как способность влиять на материальную среду без физического вмешательства тела (мышц и желез), посредством желания, чтобы происходили определенные события, или с помощью специальных действий, не имеющих обычных причинно-следственных связей.

а. Церемониальная магия

Во многих древних и незападных культурах выполняются сложные церемонии для вызывания дождя, получения хорошего урожая, для успешной охоты и других практических целей. Четыре оракула буддийской тибетской традиции, укорененной в древней традиции Бон, считались способными управлять по-годой. Многие другие формы магии веками описывались в мистической и оккультной литературе. Какими бы странными ни казались эти явления современному уму, воспитанному в традициях материалистической науки, они заслуживают серьезного внимания непредубежденных ученых. Есть все основания полагать, что это парапсихологические явления, часто связанные с соответствующими событиями в физическом мире. Невозможно, чтобы такие процедуры, как целительные ритуалы или церемонии вызывания дождя повторялись в течение веков, если бы они не давали эффекта. Шаману было бы трудно сохранять свою репутацию, если бы он постоянно терпел неудачи. Мы сами были свидетелями многочасового дождя, последовавшего за церемонией, проведенной столетним шаманом Доном Хосе Мацуа, мексиканским индейцем уичоли, во время двухлетней засухи в Калифорнии. Тибетская культура известна своими достижениями в изучении человеческой души и сознания, так что репутация тибетских оракулов должна быть основана по крайней мере на ряде примечательных синхронностей и не может быть объяснена просто суевериями и самообманом примитивных людей.

б. Целительство и ведовство

Историческая и антропологическая литература содержит множество сообщений о различных формах духовного целительства и ведовства, реализуемого отдельными индивидами и группами, и о сложных ритуалах такого рода. Исследования антропологов-медиков показали, что терапевтические результаты целительских процедур и церемоний в таких системах, как сан-терия, палерисмо и умбанда, среди групп латиноамериканских эмигрантов во многих случаях превосходят достижения западной психиатрии и медицины. Пока неизвестно, относится ли это только к эмоциональным и психосоматическим расстройствам или распространяется и на определенные физические заболевания. Исследование психоделических веществ показало, что многие шаманы имеют в своем распоряжении средства, гораздо более эффективные, чем словесные техники западной психотерапии. Работа парапсихологических хирургов Арриго в Бразилии и Тони Агпоа и других на Филиппинах произвела большое впечатление на таких исследователей с прекрасной академической репутацией, как Уолтер Панке, Андрия Пухарич и Стэнли Криппнер.

в. Сиддхи

Литература об индийских йогах содержит бесчисленные сообщения об их удивительной способности контролировать различные автономные функции тела: они могут останавливать кровотечение, прекращать биение сердца, жить без пищи и даже без кислорода. Многие из этих сообщений, долго считавшиеся в научном мире фантастической чепухой, были подтверждены современными научными наблюдениями. Систематические исследования этих явлений привели к развитию техники биологической обратной связи, дающей возможность обычным людям добиться умения управлять деятельностью сердца, давлением крови, температурой тела и другими автономными функциями. Сообщения о тибетской практике туммо, приводящей за короткое время к повышению температуры тела на несколько градусов, были подтверждены медицинским исследованием Бен-

сона и Эпштейна, проведенным с разрешения и при поддержке со стороны Далай-ламы (В е п я о п et. al., 1982),

Если вышеописанные явления можно объяснить в пределах представлений западной медицины, то определенные сверхъестественные способности, или сиддхи, по-видимому, достигаемые некоторыми людьми посредством йогической духовной практики, явно противоречат представлениям западной науки.

Сюда относятся сообщения о левитации, способности проецировать себя на большие расстояния, физически находиться в двух разных местах одновременно, материализовать и дематериализовать различные объекты и даже собственное тело, Существование подобных феноменов нуждается в подтверждении или отрицании будущими исследованиями. Однако в свете новой научной парадигмы они не кажутся абсурдными и не-возможными, какими казались механистической науке.

Еще один психоидный феномен - это способность людей в состоянии транса выполнять то, что кажется физически невозможным (например, лечь голым телом на осколки стекла или взбираться по лестнице из обнаженных лезвий). Многие действия такого рода продолжают выполняться различными группами в различных частях света. Так, например, индонезийское хождение по огню было недавно завезено в Калифорнию и быстро вошло в моду, так что это делают тысячи людей. Независимо от того, можно ли объяснить в рамках природных законов хождение по углям с температурой 1400 градусов по Фаренгейту, ясно, что наша культура напрасно отрицает существование множества подобных явлений.

г. Лабораторный психокинез

Современные парапсихологи получили убедительные результаты в систематических лабораторных исследованиях психокинеза. Их методы развивались от простых экспериментов по бросанию костей до сложных устройств, использующих генерацию случайных чисел с помощью излучения электронов в радио-активном распаде, современных средств электроники и компьютеров. Они исследовали психокинез в отношении движущихся мишеней вроде бросания жребия специальными машинами, электрических часов, потока жидкостей и излучения электронов. Значительные успехи были достигнуты при изучении психокинеза относительно более трудных статических мишеней. Парапсихологические эксперименты с живыми мишенями включали изучение лечения животных, психокинетического влияния на рост растений и активность ферментов.

В Соединенных Штатах, Советском Союзе и других странах проводились систематические наблюдения людей, способных двигать объекты без прикосновения к ним, проецировать ментальные изображения на фотопленку, гипнотизировать людей на расстоянии, психокинетически сгибать металлические пластины. Я отмечаю все это, оставляя выводы специалистам. Заинтересованные читатели могут обратиться к работам Чарльза Тарта (Tart, 1975, 1977), Стэнли Криппнера (Krippner, 1977, 1980), Джулса Эйзенбад (Eisenbud, 1967), Рассела Тарга и Харольда Путхоффа (Targ and Puthoff, 1978), Тарга и Хэра-ри (Targ and Harary, 1984) и Ганса Бендера (Bender, 1984 ab, 1985).

Философские проблемы, связанные

с трансперсональными переживаниями

Трансперсональные переживания обладают зачастую характеристиками, заставляющими сомневаться в большинстве фундаментальных предпосылок материалистической науки и механистического мировоззрения. Исследователи, серьезно изучив-

шие и/или пережившие эти феномены, понимают, что попытки традиционной психиатрии отвергать их как незначимые плоды воображения или пустые фантазии, порождаемые патологическими процессами мозга, поверхностны и неуместны. Любое непредвзятое изучение трансперсональной области психики приводит к заключению, что эти наблюдения представляют собой серьезный вызов ньютоно-картезианской парадигме западной науки.

Хотя трансперсональные переживания и возникают в процессе глубокого индивидуального самоисследования, их невозможно интерпретировать как чисто интрапсихические явления в общепринятом смысле слова. С одной стороны, они образуют непрерывный эмпирический континуум с биографическими и перинатальными переживаниями. С другой - они, по-видимому, непосредственно, без помощи органов чувств, подключаются к источникам информации, явно находящимся вне традиционного доступа человека.

Люди, пережившие эпизоды пребывания в утробе или зачатия, элементы сознания тканей, органов или клеток, приобретают при этом точные с точки зрения медицины сведения относительно анатомии, физиологии и биохимии соответствующих процессов. Переживания воспоминаний предков, опыта расового и коллективного бессознательного, прошлых воплощений также часто содержат точные детали архитектуры, одежды, оружия, искусства, социальной структуры и религиозной практики соответствующих культур и периодов или даже сведения о конкретных исторических событиях. Люди, переживающие филогенетические эпизоды или отождествление с существующими формами жизни, находят их не только подлинными и убедительными, но также получают много сведений относительно психологии животных, этологии, их специфических привычек и особенностей репродуктивного цикла. В некоторых случаях это сопровождается архаической мышечной иннервацией, не характерной для человека, или даже такими сложными действиями, как исполнение брачного танца.

Люди, переживающие эпизоды отождествления с растениями или их частями, часто сообщают важные сведения о происходящих в них процессах - прорастании семян, фотосинтезе в листьях, роли ауксина для роста, обмена воды и минералов в корневой системе, об опылении. Часто встречается и убедительное чувство сознательного отождествления с неживой материей или неорганическими процессами - водой в океане, огнем, молнией, деятельностью вулканов, ураганами; с золотом, алмазами, гранитом и даже со звездами, галактиками, атомами и молекулами. Такого рода переживания тоже могут иногда приносить точную информацию о различных природных процессах.

Особая категория трансперсональных переживаний - телепатия, парапсихологическая диагностика, ясновидение, яснослышание, предвидение будущего, психометрия, внетелесные переживания и другие случаи экстрасенсорного восприятия - часто становится предметом внимания и даже экспериментального исследования. Это единственный тип трансперсональных феноменов, который обсуждается в академических кругах, хотя, к сожалению, с немалой долей предубежденности. Парапсихологические трансперсональные феномены представляют, разумеется, значительный теоретический интерес.

Если смотреть на вещи шире, то оснований для того, чтобы выделять так называемые паранормальные феномены в особую категорию, наверное, нет. Поскольку многие другие типы трансперсональных переживаний часто обеспечивают доступ к новой информации о Вселенной посредством экстрасенсорных каналов, признание трансперсональной сферы стирает или делает весьма условной границу между психологией и парапсихологией.

Философские трудности еще более усугубляются тем, что в необычных состояниях сознания отображение материально-го мира переплетается с содержанием, которое с точки зрения западного человека не принадлежит объективной реальности.

Можно упомянуть здесь юнговские архетипы - мир божеств,

демонов, демиургов, героев, наделенных сверхчеловеческими

способностями, и сложные мифологические, легендарные и сказочные эпизоды. Однако даже такие переживания могут

давать точную информацию о религиозном символизме, фольклоре и мифологических структурах в различных культурах, ранее неизвестных человеку.

Существование и природа трансперсональных переживаний нарушают некоторые наиболее фундаментальные предположения механической науки. Они требуют признания таких кажущихся абсурдными представлений, как относительность и условность всех физических границ, непространственные связи Вселенной, коммуникация посредством неизвестных средств и каналов, память без материального субстрата, нелинейность времени, сознание, связанное со всеми живыми организмами, в том числе с низшими животными, растениями, одноклеточными и вирусами, и даже неорганической материей.

Многие трансперсональные переживания включают недоступные непосредственно органам чувств человека события макрокосма и микрокосма или периодов, предшествующих возникновению Солнечной системы, формированию Земли, появлению живых организмов, развитию центральной нервной системы, появлению *homo sapiens*. Все это ясно указывает на то, что каким-то необъяснимым пока образом сознание человека содержит информацию обо всей Вселенной, или обо всем существовании. Человек обладает потенциальным эмпирическим доступом к любой ее части и в некотором смысле является всей космической сетью, будучи одновременно ничтожно малой ее частью, отдельным и незначимым биологическим существом.

Трансперсональные переживания занимают специальное место в картографии человеческой психики. Уровень психоаналитических воспоминаний и индивидуального бессознательного является чисто биографическим по своей природе. Перинатальная динамика представляет собой как бы пересечение границ между личным и трансперсональным. Это отражается в ее глубокой связи с рождением и смертью - началом и концом индивидуального человеческого существования. Трансперсональные феномены обнаруживают связи между индивидом и Космосом, которые пока выходят за пределы нашего понимания. Можно лишь сказать, что в процессе развертывания перинатального уровня возникает странная, напоминающая ленту Мебиуса петля, в которой глубокое самоисследование оборачивается эмпирическим постижением Вселенной в целом, включая космическое сознание и сверхсознательную разумность.

Будучи совершенно несовместимыми с механистической наукой, трансперсональные переживания созвучны революционному развитию различных научных дисциплин, в котором возникает новая научная парадигма. Среди дисциплин и понятий, внесших свой вклад в это кардинальное изменение мировоззрения, можно назвать квантово-релятивистскую физику (Сарга, 1975, 1982), астрофизику (Davis, 1983), кибернетику, теорию информации и теорию систем (Bateson, 1972, 1979; Maturana and Varela, 1980; Varela, 1979), теорию морфического резонанса (Sheldrake, 1981), пригожинскую теорию структур (Prigogine and Stengers,

1984), бомовскую теорию холодвижения (Bohm, 1980), голографическую модель мозга (Pribram, 1971, 1977), янговскую теорию процесса (Young, 1976).

Вышеописанная картография внутренних пространств совершенно необходима для любого серьезного подхода к таким явлениям, как психоделические состояния, шаманизм, религия, мистицизм, первобытные ритуалы, мифология, парапсихология, танатология и психоз. Она представляет собой далеко не просто обычный академический интерес, порождая революционизирующие следствия для понимания психопатологии и предлагая новые терапевтические возможности, немислимые в традиционной психиатрии (Grof, 1985).

2. Новые перспективы в психотерапии и исследовании внутреннего мира

Холотропный подход в психотерапии представляет собой значимую и эффективную альтернативу традиционной глубинной психологии, основанной на обмене словами между терапевтом и пациентом. Слово «холотропный» буквально означает «стремящийся к целостности» (от греч.: «holos» - целое и «trepe-ine - движущийся в определенном направлении, направляющийся»). Основная философская предпосылка холотропной терапии состоит в том, что средний человек в нашей культуре живет и действует на уровне гораздо ниже своих потенциальных возможностей. Это обеднение объясняется тем, что человек отождествляет себя лишь с одним из аспектов своего существа, с физическим телом и Эго. Такое ложное отождествление ведет к неподлинному, нездоровому и лишенному свершений образу жизни, а также вызывает эмоциональные и психосоматические расстройства психологической природы.

Возникновение беспокоящих человека симптомов без какой-либо органической причины может указывать на то, что он достиг критической точки, когда старый, основанный на ложных предпосылках, способ существования в мире становится невыносимым. Такого рода срыв может произойти в определенной ограниченной области жизни - семейных и сексуальных отношениях, профессиональной ориентации или в отношении каких-то определенных жизненных целей, - а может охватить одновременно всю жизнь человека. Обширность и глубина срыва приблизительно соответствуют масштабам невротических или психотических проявлений. Возникающий кризис может представлять собой определенную опасность для человека, но также создает и значительные новые возможности.

Проявившийся симптом отражает усилие организма, стремящегося освободиться от старого давления и травматических впечатлений и упростить свое функционирование. Вместе с тем это одновременно и поиск собственной сущности, и тех измерений бытия, которые связывают человека с космосом в целом, делают его соизмеримым всему сущему. При благоприятных условиях и правильной поддержке результатом этого процесса может быть радикальное разрешение проблем, психосоматическое излечение и эволюция сознания. Следовательно, этот процесс можно рассматривать как потенциально благотворную, спонтанную терапевтическую активность организма, которую следует поддерживать, а не подавлять. Такое понимание природы психопатологии составляет фундаментальное кредо холотропной терапии.

Основная цель эмпирических (то есть основанных на собственном опыте пациента) техник в психотерапии состоит в том, чтобы активизировать бессознательное, высвободить энергию, связанную в эмоциональных и

психосоматических симп-томах, перевести статическое равновесие этой энергии в поток опыта. Холотропная терапия содействует активизации бессозна-тельного до такой степени, что это приводит к необычным состо-яниям сознания. Этот принцип сравнительно нов в западной психотерапии, хотя он в течение столетий и даже тысячелетий использовался в шаманской и целительской практике многих народов, в ритуалах различных экстатических сект, в древних мистериях смерти и возрождения.

Для психотерапии, которая использует столь мощные сред-ства воздействия на сознание, персоналистически и биографи-

чески ориентированные представления современной академи-ческой психологии совершенно недостаточны и неудовлетво-рительны. В такого рода работе нередко уже на первой сессии становится ясным, что корни психопатологии простираются значительно дальше событий раннего детства и выходят за пределы индивидуального бессознательного. Эмпирическая пси-хотерапевтическая работа раскрывает за традиционными био-графическими корнями симптомов глубокие связи с внебио-графическими областями души, такими, как элементы встречи с глубинами смерти и рождения, с характеристиками перина-тального уровня, с широким спектром факторов трансперсо-нальной природы.

Таким образом, узкие «биографические» представления в отношении техник эмпирической терапии могут быть лишь мешающей делу смиренной рубашкой. Подлинно эффе-ктивная работа не может быть ограничена проработкой биографиче-ских проблем. Представления о психике, используемые в холо-тропной терапии, должны быть расширены за пределы биогра-фического уровня, за пределы индивидуального бессознатель-ного, должны включать перинатальные и трансперсональные уровни.

Принципы холотропной терапии

Рассмотрим теперь основные принципы холотропной терапии, Прежде всего, она признает терапевтические, трансформиру-ющие и эволюционные возможности необычных состояний сознания. Поскольку в этих состояниях психика человека про-являет спонтанную целительную деятельность, холотропная терапия использует техники наведения необычных состояний сознания. Это изменяет динамическое равновесие, поддержи-вающее те или иные симптомы, преобразует их в поток нео-бычного опыта и растворяет в этом процессе. Задача ассистиру-ющих на сеансе состоит в том, чтобы поддерживать процесс проживания пациентом своего опыта с полным доверием к его целительной природе, не пытаясь изменить его.

Важно, чтобы терапевт поддерживал то, что разворачива-ется в ходе сеанса, даже если он не понимает этого в данный момент. Возможны мощные трансформирующие переживания, вообще не имеющие никакого специфического содержания. Они состоят из ряда интенсивных всплесков эмоций или физичес-ких напряжений и последующих глубоких расслаблений или успокоений. Часто прозрения или специфическое содержание появляется позже, иногда даже на следующих сеансах. В не-которых случаях разрешение происходит на биографическом уровне, в других включает перинаталькый материал или раз-личные трансперсональные темы. Нередко избавление от эмо-циональных или психосоматических симптомов и устойчивые трансформации личности оказываются связанными с пережи-ваниями, вообще не поддающимися рациональному постиже-

нию, Я опишу одну такую ситуацию, имевшую место на семинаре в Эсаленском институте. Другие примеры необычных терапевтических эффектов можно найти в следующих *gaasax*

Глэдис, участница одного из пятидневных семинаров, в течение многих лет страдала приступами глубокой депрессии, сопровождавшейся интенсивной тревогой. Обычно она начиналась каждый день после четырех часов утра и продолжалась несколько часов. Ей приходилось собирать все свои силы, чтобы встречать каждый новый день.

На сеанс холотропного дыхания Глэдис реагировала чрезвычайной активизацией физической энергии, но, несмотря на интенсивную работу с телом в заключительном периоде, она не достигла желаемого результата. Подобное бывает довольно редко, если предпринимаются систематические действия, чтобы помочь интеграции в конце сеанса. На следующее утро ее депрессия проявилась как обычно, но с еще большей отчетливостью. Видя ее состояние, мы решили изменить программу на утро и немедленно поработать с ней.

Мы попросили ее лечь на пол в середине группы, дышать глубоко, отдаться потоку звучащей музыки и принять любые переживания, которые могли возникнуть в этих обстоятельствах. В течение пятидесяти минут Глэдис сотрясалась в конвульсиях, громко кричала, как будто бы сражаясь с невидимыми врагами, и проявляла иные признаки сильного психомоторного возбуждения. Позже она рассказала, что в этой части сеанса она заново переживала свое рождение.

Постепенно ее крики стали напоминать слова неизвестного нам языка. Мы не высказывали своих суждений, старались не мешать тому, чтобы звуки принимали именно такую форму, даже если ей самой они казались бессмысленными. Через некоторое время ее движения стали принимать определенный рисунок, и она стала с силой пропевать последовательность звуков, напоминавшую своего рода молитву.

Воздействие этого пения на группу было необыкновенно сильным. Не понимая слов и не зная того, что происходит внутри Глэдис, большинство участников группы почувствовали себя глубоко затронутыми и начали плакать. Когда Глэдис кончила песню, она успокоилась и впала в состояние транса, в котором оставалась более часа, совершенно не двигаясь. Позже, рассказывая о том, что с ней было, она говорила, что чувствовала неодолимую потребность делать то, что она делала. Она не понимала того, что случилось, и не имела ни малейшего представления о том, на каком языке она пела свою песню.

Аргентинский психоаналитик, присутствовавший в группе, сказал, что Глэдис пела на чистом сефардском языке, который был ему знаком. Этот язык, называемый также «ладино», является смесью средневекового испанского с ивритом. Глэдис не была еврейкой и не знала даже современного испанского. Она никогда не слышала про существование такого языка

Буквальный перевод песни, которая так сильно подействовала на группу, таков: «Я страдаю и всегда буду страдать. Я плачу» эпизод и то глубокое действие, которое он оказал на Глэдис, навсегда остался таинственным как для нее, так и для нас.

Наиболее сильная техника вызывания необычных состояний сознания и активизирования психики - это, без сомнения, использование психоделических препаратов. Однако здесь есть и серьезные опасности. Это требует специальных предосторожностей. Я не буду в этом разделе обсуждать принципы психоделической терапии, отсылая заинтересованных читателей к моим

предыдущим публикациям, специально посвященным этой теме (Grof, 1977, 1980, 1985). Здесь более уместно остановиться на нефармакологических техниках, легко доступных всем, кто захочет экспериментировать с ними, и не связанных со сложными политическими, административными и юридическими проблемами. Читатели, для которых параллели с психоделической терапией все же очень важны, найдут в приложении к этой книге краткий обзор важнейших психоделических веществ и растений и их использования в ритуальной и психотерапевтической практике.

В течение последних десяти лет я и моя жена Кристина создали нефармакологическую технику, которую мы называем холономной интеграцией, или холотропной терапией. Как уже было сказано, холотропная стратегия в терапии (в широком смысле слова) присуща многим различным подходам, в том числе практике шаманов, лечебным процедурам примитивных племен, ритуалам перехода, трансовым танцам бушменов, некоторым видам гипноза, психоделической психотерапии, другим эмпирическим психотерапиям и различным духовным практикам. Однако я буду понимать под этим термином наши психотерапевтические процедуры, соединяющие управляемое дыхание, музыку и другие формы звукотехнологии и целенаправленную работу с телом. Далее будут описаны элементы этого процесса.

Терапевтические эффекты интенсивного дыхания (пневмокатарсис)

В течение многих веков было известно, что глубокие изменения сознания можно вызвать с помощью техник, воздействующих на дыхание. Процедуры, использовавшиеся для этих целей в древних и незападных культурах, охватывают широкий диапазон возможностей - от грубых вмешательств в дыхание до тонких и сложных упражнений, существующих в различных духовных традициях. Например, первоначальная форма крещения, практиковавшаяся ессеями, состояла в насильственном погружении иницируемого в воду, что, как правило, приводило человека на грань смерти от удушья. Эта грубая процедура таким образом вызывала убедительное переживание смерти и рождения, лишь отдаленным отголоском чего является современная процедура обрызгивания водой и произнесения молитвы. В других школах неопиты подвергались окуриванию дымом до полу-смерти, удушью, у них пережималась сонная артерия. Глубокие изменения в сознании могут быть вызваны обеими крайностями в отношении дыхания - интенсивным дыханием и длительным лишением дыхания, или сочетанием того и другого. Сложные и развернутые методы такого рода можно найти в древнеиндийской науке дыхания - пранаяме.

Специфические техники, включающие интенсивное дыхание, равно как и его задержку, входят в различные упражнения кундалини-йоги, сиддха-йоги, тибетской ваджраяны, суфийских практик, в буддийскую (Бирма) и даосскую медитации и т. д. Более тонкие техники, основанные скорее на специальном внимании к дыханию, чем на изменении его динамики, занимают важное место в дзен-буддизме школы Сото и в некоторых даосских и христианских практиках. Косвенным образом на ритм дыхания значительно влияет исполнение таких ритуалов, как обезьяньи песни Бали, или кетджак, горловая музыка, эскимо-совинуитов, пение киртан, бханджан или суфийских песен.

Мы испробовали в наших месячных семинарах в Эсаленском институте различные техники изменения дыхания, вытекающие как из духовных традиций, так и из различных направлений гуманистической психотерапии. Из всего этого мы выбрали простое увеличение частоты дыхания. Мы пришли к выводу, что специфические техники дыхания менее важны, чем просто

тот факт, что человек дышит быстрее и глубже, чем обычно, полностью сосредоточившись на том, что происходит при этом внутри него. Стратегия холотропной терапии состоит в том, чтобы доверять внутренней мудрости тела. Человеку рекомендуется прислушиваться к внутренним ключам организма, а не следовать какой-либо внешней концептуальной схеме.

Мы многократно убеждались в справедливости наблюдений Вильгельма Райха, что психологические сопротивления и защиты используют механизм ограничения дыхания. Дыхание занимает особое место среди физиологических функций тела. Это автономная (непроизвольная) функция, но она также легко поддается сознательному управлению. Увеличение частоты и глубины дыхания, как правило, ослабляет психологические защиты и ведет к высвобождению и проявлению бессознательного (и сверхсознательного) материала. Человеку, не пережившему это-го процесса или не бывшему его свидетелем, трудно поверить, насколько мощной и эффективной может быть эта техника.

То, что происходит во время терапевтического сеанса, использующего интенсивное дыхание, очень различно у разных людей и может быть описано в самых общих терминах или статистически. В некоторых случаях длительное интенсивное дыхание ведет к возрастающей релаксации, чувству расширения и благополучия, к видению света. Человек может быть исполнен чувства любви и мистической связи с другими людьми, природой, всем космосом, с Богом. Во время подготовки к сеансу надо оговорить, что переживания такого рода в высшей степени целительны и их следует поощрять и поддерживать.

Удивительно, но многие люди западной культуры из-за влияния протестантской этики или по иным причинам испытывают трудности в принятии экстатического опыта, если только ему не предшествуют тяжкие страдания или непосильный труд, да даже и при этом условии. Они полагают, что не заслуживают этих экстатических переживаний, и реагируют на них чувством вины. Если эта проблема выяснена и человек готов принять свой опыт, сеанс может проходить от начала до конца без малейшего вмешательства терапевта и быть чрезвычайно благотворным и продуктивным. Вероятность такого мягкого протекания возрастает по мере увеличения числа холотропных сеансов.

Однако в большинстве случаев интенсивное дыхание поначалу приносит более или менее драматические переживания в форме интенсивных эмоций или психосоматических проявлений. Прежде чем говорить об использовании дыхания в терапевтических целях, представляется необходимым особенно для читателей с медицинским образованием, рассмотреть вкратце некоторые предрассудки относительно интенсивного дыхания, глубоко укоренившиеся в медицинских кругах на Западе. Учебники по физиологии дыхания описывают так называемый гипервентиляционный синдром - якобы стандартную и обязательную физиологическую реакцию на быстрое дыхание. В этот синдром входит знаменитый карпопедальный спазм - тетанические (столбнячные) судороги рук и ног.

Симптомы гипервентиляционного синдрома рассматриваются обычно в контексте патологии и объясняются биохимическими изменениями в составе крови - увеличением щелочности и уменьшением ионизации кальция. Хорошо известно, что у определенных психиатрических пациентов развиваются спонтанные эпизоды гипервентиляции с драматическими эмоциональными и психосоматическими проявлениями; особенно отличаются этим истерические

пациенты. Обычно в таких случаях назначают транквилизаторы, внутривенные вливания кальция и бумажную маску на лицо.

К настоящему времени мы провели дыхательные сессии с многими тысячами людей и пришли к выводу, что такое чисто физиологическое понимание действия интенсивного дыхания не верно. Существует много людей, для которых даже весьма значительное интенсивное дыхание в течение долгого времени не ведет к классическому гипервентиляционному синдрому, а обеспечивает все большую релаксацию, интенсивные сексуальные чувства или даже мистические переживания. У других возникают напряжения в различных частях тела, но в конфигурациях, совершенно не похожих на карпопедальный спазм.

Более того, продолжение интенсивного дыхания ведет не к увеличению этих напряжений, а к их кульминации, за которой следует глубокая релаксация. Эта последовательность по своей структуре напоминает динамику сексуального оргазма

Кроме того, при продолжении холотропных сеансов существует тенденция последовательного уменьшения общего объема мышечных напряжений и неприятных эмоций. По-видимому, организм реагирует на изменяющуюся биохимическую ситуацию тем, что выносит на поверхность, более или менее стереотипным образом, различные старые, глубоко укоренившиеся напряжения и дает им периферическую разрядку. Это высвобождение связанных энергий в течение холотропных сессий может происходить двумя способами.

В первом случае это катарсис, или отреагирование, заключающееся в дерганье, дрожании, резких движениях тела, кашле, рвоте, криках и других горловых проявлениях или в возрастающей активности автономной нервной системы. Этот механизм хорошо известен в психиатрии со времен публикации Зигмундом Фрейдом и Йозефом Брейером их исследования истерии. В традиционной психиатрии таким способом лечат травматические эмоциональные неврозы, и этот путь часто применяется в новых направлениях эмпирической психотерапии - неорайхианстве, гештальт-терапии, терапии «первичным криком». Если дело не ограничивается биографическим уровнем и есть возможность перейти на перинатальный и трансперсональный, то это эффективный психотерапевтический механизм для снятия эмоциональных и психосоматических напряжений,

Второй механизм представляет собой нечто новое в психиатрии и психотерапии и, по-видимому, является в некотором отношении даже более эффективным. Здесь «глубокое напряжение выходи» на поверхность в виде длительного мышечного напряжения или спазмов. Поддерживая в течение продолжительного времени такое мышечное напряжение, организм потребляет огромное количество связанной энергии и затем упрощает свое функционирование, освобождаясь от нее.

Эти два механизма имеют свои параллели в спортивной физиологии, где хорошо известно, что можно совершить работу тренировки мышц одним из двух способов - изотоническим и изометрическим. Как показывает сам термин, во время изотонических упражнений напряжение мышцы остается постоянным, в то время как ее длина меняется; в изометрических упражнениях напряжение мышцы меняется, в то время как длина остается постоянной. Примером изотонической активности может служить бокс, тогда как поднятие тяжестей - изометрическая деятельность. Несмотря на некоторое различие, эти два механизма имеют много общего, и в холотропной терапии они эффективно дополняют друг друга.

Типичный результат хорошего холотропного сеанса - глубокое эмоциональное облегчение и физическое расслабление; многие люди рассказывали, что чувствовали себя при этом более расслабленно, чем когда-либо раньше, продолжающееся в течение сеанса интенсивное дыхание оказывается таким образом чрезвычайно мощным и эффективным средством уменьшения стресса и ведет к эмоциональному и психосоматическому здоровью. Спонтанные эпизоды интенсивного дыхания у психиатрических пациентов можно рассматривать как попытки само-лечения организма. Подобное понимание можно найти в литературе по духовным проблемам. В сиддха-йоге и кундалини-йоге намеренное интенсивное дыхание (бхастрика) используется в качестве одной из медитативных техник, а эпизоды быстрого дыхания, называемые «крия», часто возникают спонтанно как одно из проявлений Шакти, или активизированной энергии кундалини. Эти наблюдения указывают, что спонтанные эпизоды быстрого дыхания, возникающие у психиатрических пациентов, следует скорее поддерживать, чем подавлять любыми средствами.

Протекание холотропных сессий значительно различается не только у разных людей, но и у одного и того же человека.

Как я уже упоминал, в некоторых случаях сессия может от начала до конца проходить без каких-либо эмоциональных или психосоматических трудностей. Однако в большинстве случаев интенсивное дыхание поначалу приводит к более или менее драматическим событиям. Спустя некоторое время у разных людей по-разному возникают сильные эмоции и развиваются стереотипные блоки так называемого мышечного панциря.

Эмоции, возникающие в этом контексте, могут быть весьма разнообразными. Это может быть гнев и агрессия, тревога, печаль и угнетенность, чувство неудачи и неполноценности, вины и отвращения и т. п. Физические проявления могут состоять в мышечном напряжении, головных болях и болях в других частях тела, тошноте, рвоте, удушье, усиленном слюноотделении, потении, сексуальном возбуждении и самых различных движениях.

Некоторые люди остаются совершенно спокойными и неподвижными. У них могут возникать глубокие переживания, но внешне кажется, что с ними ничего не происходит или что они спят. Другие выглядят взволнованными и проявляют двигательную активность, их трясет и скручивает, они крутятся, вертятся, принимают позу эмбриона, ведут себя как младенцы, с усилием проходящие через родовую канал, или выглядят и ведут себя как новорожденные. Часто имеют место движения, напоминающие ползание, плавание, толкание, карабкание. Возможны богатые акустические проявления, в том числе вздохи, рыдания, плач, крики, детский лепет, бормотание, спонтанное пение, глоссолалия и широкий спектр звукоподражаний животным.

Иногда движения и жесты могут быть чрезвычайно утонченными, сложными, дифференцированными и весьма специфическими. Сюда относятся, например, движения, напоминающие ползание змеи, полет птицы или походку кошачьих, сопровождающиеся соответствующими звуками. Иногда люди спонтанно принимают какую-нибудь йогическую позу (асану) или осуществляют соответствующий жест (мудры), не будучи знакомыми с ними в обычном состоянии. Временами автоматические движения и/или звуки напоминают ритуальные танцы или другие ритуальные действия из различных культур - шамайское пение, яванские танцы, балийское обезьянье пение, символические движения индийских школ танца Катакали или

Ма-нипури, горловой музыки эскимосов-инуитов, тибетского или монгольского многоголосного (исполняемого одним человеком) пения, японского Кабуки.

Физические напряжения во время дыхания, как правило, возникают в определенных частях тела. Не будучи простыми

физиологическими реакциями на интенсивное дыхание, они имеют сложную психосоматическую структуру. Они различны у разных людей и обычно имеют для каждого человека специфическое психологическое значение. Иногда они являются усиленным вариантом напряжений и болей, известных человеку по его повседневной жизни, или хронической проблемой, или симптомом, который появляется в определенные моменты (например, в периоды сильного эмоционального или физического стресса, крайней усталости, недосыпания, ослабленности болезнью) или под действием алкоголя или марихуаны. В других случаях в них можно узнать реактивизацию старых трудностей, которые человек переживал в детстве, отрочестве или во время серьезных эмоциональных стрессов.

В большинстве случаев можно распознать специфические биографические, перинатальные или трансперсональные источники различных форм психосоматического дискомфорта, возникающего во время холотропного дыхания, или, по меньшей мере, обнаружить их общее психологическое значение. Далее я опишу типичные области физических напряжений, возникающих во время сеансов холотропного дыхания, и их наиболее распространенные психологические связи. Важно подчеркнуть, что такие описания являются статистическими по своей природе, они указывают лишь на наиболее частые проявления, наблюдавшиеся у больших групп людей в течение большого количества сеансов. В каждом отдельном сеансе человек может пережить лишь некоторый набор подобных напряжений, часто весьма ограниченный.

Если спазм развивается в руках или ногах (карпопедальный спазм), то это обычно отражает глубокий конфликт между сильным импульсом к какому-либо специфическому действию и противостоящим ему столь же сильным запретом. Возникает динамическое равновесие, состоящее в одновременной активизации сгибателей и разгибателей с приблизительно равной интенсивностью. Люди, переживающие такие спазмы, часто рассказывают, что они прочувствовали историю всей своей жизни (часто даже более того) или репрессированную агрессию, блокировку импульсов прикосновения к другим или невыраженные сексуальные тенденции. Иногда болезненные напряжения такого рода могут выражать блокировку творческих проявлений - желания рисовать, писать, играть на музыкальных инструментах, мастерить что-то, лечить руками.

Как правило, в этом контексте возникает глубокое понимание природы конфликта, лежащего в основе мышечных напряжений, его биографических, перинатальных и трансперсональных корней. Обычно напряжение достигает своей кульминации, за которой следует глубокое расслабление. Когда это происходит, человек чувствует, что энергетический блок снят и энергия может свободно протекать через руки. В течение многих лет мы могли наблюдать, что субъективное чувство разблокирования сопровождается необыкновенным освобождением подавлявшегося импульса, лежавшего в основе спазма. Люди часто находили

возможности творческого самовыражения и достигали значительных успехов в рисовании, танце, литературе, ручных ремеслах или в целительстве с помощью рук.

Освобождение энергетических блоков в руках ведет к важным медицинским последствиям. Как правило, энергетически заблокированная область недостаточно снабжается кровью при значительных мышечных напряжениях в конечностях люди обычно страдают от недостатка циркуляции крови и жалуются на холод в руках и ногах. Освобождение от энергетического блокирования может привести к немедленному и длящемуся долгое время восстановлению кровообращения. Мы сталкивались с этим в случаях, когда люди жаловались на столь серьезные проблемы с кровообращением, что врачи диагностировали болезнь Рейно.

Другим важным источником мышечных зажимов являются воспоминания о физических травмах в связи с несчастными случаями или операциями. В такие моменты человек должен подавлять свою физическую и эмоциональную реакцию на боль, часто на долгое время. При медицинском лечении травма исправляется анатомически, однако ее эмоциональные компоненты не прорабатываются и не интегрируются адекватным способом. Воспоминания подобного рода представляют собой важные незавершенные психологические гештальты, вносящие впоследствии весомый вклад в психологические проблемы. Их проработка способствует эмоциональному и психосоматическому выздоровлению.

Напряжения в ногах имеют такую же динамическую структуру, как и напряжение в руках, но они менее сложны, поскольку ноги играют менее специализированную роль в человеческой жизни. Многие проблемы здесь связаны с использованием ног в качестве инструмента агрессии, особенно в ранние периоды жизни. Напряжения и спазмы в бедрах и ягодицах часто связаны с сексуальной защитой, страхами и запретами, особенно у женщин. Старый анатомический термин для одной из приводящих мышц бедра - *musculus custos virginittatis* - в буквальном переводе означал «страж девственности». Многие напряжения ног могут быть также связаны с различными физическими травмами.

На более глубоком уровне динамические конфликты, лежащие в основе напряжений в руках, ногах и многих других частях тела связаны с особенностями рождения. Организм младенца оказывается зажатым, иногда на много часов, в положении, вызывающем крайнюю тревогу, боль, часто удушье. Это порождает огромное количество нейронных стимулов, для которых младенец не имеет периферического выхода, поскольку не имеет еще возможности дышать, не может кричать, двигаться, выйти из ситуации. Блокированная таким образом энергия накапливается в организме и распространяется одновременно на сгибатели и разгибатели. Когда этот динамический конфликт выходит на поверхность для последующей разрядки, он проявляется в виде интенсивных и часто болезненных спазмов. В некоторых случаях более глубокие корни напряжений в руках и ногах могут быть прослежены и в трансперсональной области, нередко в различных воспоминаниях о прошлых жизнях.

Интересно отметить, что многие напряжения в других частях тела группируются в районах, где тантрические системы располагают центры психической энергии тонкого тела, так называемые чакры (подробнее см. в предыдущей части). Это не удивительно, если иметь в виду сходство техник холотропной терапии и упражнений, используемых в тантрической традиции, где также большое внимание уделяется дыханию.

Энергетические блокировки в области головы - «короны», тысячелесткового лотоса, или сахасрара-чакры, - обычно проявляются как боль или давление, зачастую описываемые как стальное кольцо, сдавливающее голову. Они особенно часто встречаются у людей, страдающих головными болями в форме напряжения, давления или мигреней. Чаще всего это явно связано с воспоминанием о биологическом рождении, когда хрупкая головка плода втискивается в тазовую область роженицы, раскрываемую страшным давлением сокращающейся матки. Могут проявиться ассоциации с ушибами головы в этой жизни или в контексте воспоминаний о прошлых жизнях.

Блокировка в области межбровного центра - аджна-чакры - может проявиться во время дыхательного сеанса в форме интенсивных напряжений или даже болей вокруг глаз, иногда сопровождаемых дрожанием век. Это особенно часто случается с людьми, которые в повседневной жизни имеют проблемы со зрением. Некоторые из этих трудностей, например, определенные формы миопии, могут возникать из-за хронического напряжения глазных мышц. Снятие напряжения посредством терапии может привести к значительному улучшению зрения. Однако этого можно ожидать лишь в первые десятилетия жизни человека, пока изменения не стали органическими и необратимыми.

Биографический материал, лежащий в основе проблем такого рода, обычно связан с ситуациями раннего детства, когда ребенку приходилось смотреть на что-то, чего он не хотел видеть, не был готов видеть или когда это оказывалось пугающим. Классическая ситуация такого рода - родители-алкоголики, ежедневно устраивающие малоприятные сцены, или знаменитые фрейдовские «первичные сцены», когда ребенок оказывается свидетелем полового акта взрослых. Как и для других частей тела, и здесь источником напряжения может быть травма рождения. Реже встречаются воспоминания о повреждениях глаз, в том числе - из прошлых рождений.

Район горлового центра - вишуддхи-чакры - является местом многочисленных блоков для многих людей; работа над этими блоками составляет особую проблему, к которой мы вернемся позже. Во время дыхательного сеанса это может проявиться в форме напряжений мышц вокруг рта, особенно жевательных мышц, сведения челюстей, перехватывания горла и субъективного ощущения удушья; чаще всего с этим связаны травматические воспоминания о ситуациях, связанных с затруднением дыхания. Это может быть перенесенное в детстве воспаление легких, коклюш, дифтерия, длительное пребывание под водой с угрозой утонуть, застревание постороннего тела в дыхательном горле, непроизвольное придушивание кем-то из старших во сне и т. п.

Определенный вклад в проблемы этой области могут внести конфликты, связанные с оральной агрессией. Они могут быть связаны с эмоциональными травмами или оральной фрустрацией в раннем младенчестве, с болезненными хирургическими вмешательствами в области рта и горла, с болезненным ростом зубов, применением сильных дезинфицирующих растворов и проч.

Однако чаще оральная агрессия, сжатые челюсти и опыт удушья могут быть прослежены до специфических трудностей биологического рождения, осложнений или интубации и подобных вмешательств сразу после рождения. Частым источником проблем в этой области являются различные переживания из прошлых воплощений - удушье, повешение и прочее. На более тонком уровне встречаются также конфликты, связанные с выражением словесной агрессии. В крайних случаях подавляемая словесная агрессия ведет к заиканию.

Далее идет сердечный центр - анрахата-чакра, - традиционно связываемый с чувствами любви, сострадания, с духовным рождением. Человек, имеющий значительные блоки в этой области, может испытать во время дыхательной сессии сжатие в груди, нередко также проблемы, связанные с сердцем. Это ощущается так, будто стальной обруч сжимает грудную клетку. Чаще всего это связано с воспоминаниями о ситуациях, в которых возникали препятствия в общении с другими людьми. Для одних это первичные трудности в эмоциональном выражении, для других - невозможность принять эмоции других или же то и другое вместе.

Когда после временной интенсификации эти блоки освобождаются, человек внезапно чувствует себя исполненным любви и света, эмоционально свободным и благорасположенным. Он переполняется теплыми чувствами и глубоко принимает других людей, даже посторонних (см. отчет о сеансе на с.129), Это сопровождается ощущением свободного протекания эмоций и энергий и чувством непосредственности и сопричастности.

Может переживаться такая же глубокая связь с животными, со всей природой, со всем космосом. Некоторые люди рассказывают при этом, что до сих пор они жили как бы под стеклянным колпаком или за пленкой, которая отделяла их от мира. Такой опыт раскрытия сердечной чакры может быть в высшей степени целительным и оказать глубокое воздействие на жизнь человека; как правило, эти переживания имеют также духовное и мистическое измерение.

Блокировка центра в районе пупка, манипура-чакры, проявляется во время дыхательных сеансов как напряжение, спазмы и боль в соответствующей области. Обычно это бывает связано с честолюбием, самоутверждением, конкуренцией и проблемами самооценки. Это могут быть переходы между чувством неполноценности, неадекватности и детской беспомощности, с одной стороны, и компенсирующими фантазиями величия, нереальных запросов и диктаторских замашек - с другой. Такое сочетание чувства неполноценности и стремления к власти - центральная тема индивидуальной психологии Альфреда Адлера. На биографическом уровне этому могут соответствовать пережитые в детстве угрозы безопасности, удовлетворению или даже жизни. Однако чаще источником этих проблем оказывается травма биологического рождения, особенно сложности, касающиеся пуповины, - ее пережимание, растягивание и разрыв при отделении от матери. В этой области также часто встречаются связи с травматическими воспоминаниями из прошлых жизней.

Сексуальный центр, свадхистана-чакра, расположен ниже пупка. Блокировка в этой области проявляется во время дыхательного сеанса при интенсивном сексуальном возбуждении и различных болях и напряжениях в тазовой области. Как следует из самого названия этой чакры, основные проблемы, вызывающие блокировку в этой области, имеют сексуальную природу. Это могут быть травматические психосексуальные воспоминания биографического характера, лежащие в основе таких трудностей, как неспособность к эрекции или к ее поддержанию, фригидность, сатиризм, нимфомания, садомазохистические тенденции, а у женщин также менструальные боли. Здесь, однако, также есть типичные связи с биологическим рождением (сексуальный аспект БПМ-III), а также архетипическими темами и воспоминаниями о прошлых жизнях.

Наконец, нижний, корневой центр, муладхара-чакра, имеет прежде всего определенные анальные связи. Блокировки в этой области связаны с анальными спазмами, болями и потерей контроля над анальным сфинктером (метеоризм и

дефекация), Типичный биографический материал, который выходит здесь на поверхность, - детские колики, болезненные клизмы, трудности при обучении туалету. Это часто происходит у людей, склонных к одержимой деятельности, скрытым или про-явленным гомосексуальным тенденциям, ригидным системам защиты или чрезмерному страху потерять контроль над собой. Сюда же относятся такие трудности, как судорожная диаррея или запоры, язвы, колиты, а на более тонком уровне - трудности в обращении с деньгами.

Кроме напряжений в руках, ногах и вышеописанных областях чакр, спазмы и блокировки могут возникать в шее, в животе, в длинных мышцах спины, в пояснице и ягодицах. Они могут появиться как по отдельности, так и в сочетании с блоками— ровками в чакрах. Они связаны с различными проблемами и трудностями биографического, перинатального и трансперсонального характера.

В типичном дыхательном сеансе напряжения и блокировки проявляются и усиливаются. Продолжение интенсивного дыхания доводит их до кульминации, затем до разрешения и рас слабения. Это не зависит от того, какова природа проблемы и где расположено напряжение. Возможно только одно исключение - горловая чакра. Здесь интенсификация напряжения может привести к такой степени сжатия горла, что это начнет мешать реальному дыханию. В этом случае рекомендуется перейти к технике отреагирования, что поможет освободить горло и даст возможность продолжать сеанс. Отреагирование, как правило, означает усиление того, что и так происходит: это может быть крик, кашель, гримасничание, движение головы. Человеку рекомендуется усилить все подобного рода проявления и продолжать их, пока дыхание не освободится, после чего можно вернуться к интенсивному дыханию как основному средству продолжения процесса. Позже, если дыхание не приносит полного разрешения в других областях, терапевт применяет тот же прием отреагирования. Возможности вмешательства терапевта в заключительной фазе сеанса будут описаны далее.

Терапевтические возможности музыки

В холотропной терапии для вызывания необычных состояний сознания наряду с интенсивным дыханием применяется специальная, соответствующая этим состояниям музыка. Так же как и контролируемое дыхание, музыка и другие формы звуковой технологии в течение тысячелетий использовалась как мощное средство изменения сознания. С незапамятных времен монотонное пение и барабанный бой использовались шаманами в различных частях мира. Многие незападные культуры независимо друг от друга создали ритмические рисунки, которые в недавних лабораторных экспериментах проявили способность заметно воздействовать на физиологическую активность мозга, что отражается в изменениях ЭЭГ (Нейг, 1961, 1962). Архивы по культурной антропологии содержат бесчисленные примеры вызывающей транс инструментальной музыки, пения и танцев.

Во многих культурах сложная звуковая технология специфически использовалась в ритуалах исцеления. Соответствующие ритуалы индейцев навахо, исполняемые специально обученными певцами, по своей сложности могут быть сопоставлены с партиями вагнеровских опер. Трансовые танцы африканских бушменов обладают необыкновенной лечебной силой, что было зафиксировано многочисленными антропологическими наблю-

дениями и фильмами (Lee and DeVore, 1976; Katz, 1976). Терапевтические возможности синкретических ритуалов южно-американских племен и племен Карибского бассейна, вроде кубинской сантерии или бразильской умбанды, зафиксированы многими профессионалами из этих стран с европейским образованием. В европейской традиции примечательные случаи эмоционального и психосоматического излечения происходили на собраниях экстатических христианских сект, использовавших трансные танцы, пение и музыку, например, южных черных баптистов, евангелистов, пятидесятников и Людей Святого Духа.

Многие значительные духовные традиции создавали звуковую технологию, которая не только могла вызывать общее состояние транса, но и более специфически воздействовала на сознание. Сюда прежде всего нужно отнести тибетское многоголосное исполняемое одним человеком пение, священные песнопения различных суфийских орденов, индийские бхаджаны и киртаны, в частности древнее искусство нада-йоги, путь к единству посредством звука. Индийское пение постулирует специфическую связь между тонами определенной частоты и отдельными чакрами. Систематически используя это знание, можно влиять на состояние сознания предсказуемым и желательным образом. Это лишь немногие примеры широкого использования музыки в ритуальной практике, целительстве и духовных традициях. Читатель, интересующийся более подробно влиянием музыки на человеческую психику, может обратиться к специальной литературе (Hamel, 1976; Berendt, 1985).

Мы систематически использовали музыку в программе психоделической терапии в Мэрилендском центре психиатрических исследований (штат Балтимор), и убедились в ее огромных психотерапевтических возможностях. В необычных состояниях сознания музыка может выполнять ряд различных функций. Она помогает мобилизовать старые эмоции и сделать их доступными для выражения, она интенсифицирует и углубляет процесс, она создает значимый контекст переживаний. Постоянный поток музыки создает несущую волну, помогающую человеку пройти через трудные переживания и тупики, преодолеть психологическую защиту, отдаться происходящему и войти в его поток.

Искусное применение соответствующей музыки облегчает проявление специфических содержаний - агрессии, эмоциональной или физической боли, сексуальности и чувственности, борьбы за биологическое рождение, экстатических взлетов, океанической атмосферы пребывания в утробе. В работе с группой громкая и динамичная музыка позволяет также заглушить звуки, издаваемые участниками на различных стадиях процесса, включить их в единую художественную форму. Элен Бонни, музыкальный терапевт и наша сотрудница по мэрилендскому научно-исследовательскому психиатрическому центру, разработала на основе своих представлений о терапевтических возможностях музыки технику под названием «Направленное воображение под музыку» (Wolp and Savary, 1973).

Для использования музыки в качестве катализатора глубоких переживаний в самоисследовании необходимо освоить новый способ ее слушания и установку, непривычную в нашей культуре. Мы часто используем музыку как бессодержательный акустический фон на вечеринках, в магазинах и даже на рабочих местах, а также в рамках дисциплинированной и интеллектуализированной установки более подготовленной публики концертных залов. Динамический и элементарный способ использования музыки на рок-концертах ближе к тому, что необходимо в холотропной терапии, но он слишком экстремально ориентирован и ему недостает устойчивой направленности вглубь себя.

В холотропной и психоделической терапии необходимо полностью отдаться потоку музыки, дать ей отзываться во всем теле, реагировать на нее спонтанным и элементарным образом, в том числе разрешить себе проявления, немислимые в концертном зале, где даже молчаливые слезы или тихое покашливание могут стать источниками замешательства. Здесь же необходимо дать полное выражение всему, что вызывает музыка, - здесь надо плакать и смеяться, гримасничать, трястись, двигать бедрами, извиваться всем телом, допускать любые эмоциональные, голосовые и двигательные проявления.

Особенно важно воздерживаться от каких-либо оценок относительно исполняемой музыки, от попыток догадаться, чья это музыка, к какой культуре она принадлежит, на какое знакомое произведение она похожа, оценить, каково качество исполнения, в какой тональности она исполняется, каково качество записи или музыкальной аппаратуры, на которой эта запись воспроизводится и т. д. Музыка надо дать воздействовать на душу и тело совершенно спонтанно и элементарно. Тогда она оказывается мощным средством создания и поддержания необычных состояний сознания. Музыка, используемая для этой цели, должна быть технически высочайшего качества и достаточно громкой, чтобы увлечь слушателя. Когда такого рода звуковая технология изменения состояний сознания используется наряду с ранее описанной техникой дыхания, они усиливают воздействие друг друга и их сочетание как средство психотерапии и самоисследования оказывается чрезвычайно мощным.

В психоделической терапии, где эмпирическая глубина обеспечивается воздействием фармакологического агента, основное правило при выборе музыки состоит в том, чтобы она как можно полнее соответствовала переживаниям пациентов. Например, работая с ЛСД, терапевту следует на начальной фазе выбирать музыку текучего, открытого характера, обладающую качеством постепенного развертывания в соответствии с развертыванием воздействия ЛСД. В средней части сеанса музыка должна быть мощной, влекущей и относительно постоянной в отношении громкости. Между третьим и четвертым часом можно обратиться к музыке «взрывного» характера, поскольку как раз в это время большинство пациентов переживают кульминацию и внезапное разрешение проблем. По мере успокоения переживаний музыка может становиться все более и более спокойной и медитативной.

Кроме того, если терапевту известно специфическое содержание переживаний пациента, он может поддержать протекающий процесс соответствующим выбором музыки. Если движения человека указывают на сексуальный характер переживаний, музыка должна быть чувственной и эротичной.

«Шахерезада» Римского-Корсакова, «Грот Венеры» из «Тангейзера» и «Смерть Изольды» из «Тристана» Вагнера, любовные сцены из «Ромео и Джульетты» Прокофьева являются известными примерами такого рода музыки. Агрессивные переживания требуют динамичной музыки вроде барабанных записей из ритуалов примитивных племен или шаманских камланий, пьесы «Мпрсэ из «Планет» Холста или драматических отрывков из вагнеровских опер.

Эпизоды океанического экстаза, чувства космического единства и переполняющей любви требуют выбора музыки, передающей соответствующие эмоции и состояния сознания. Иногда, если пациент говорит о переживаниях,

относящихся к определенной культуре, например, о воспоминаниях прошлых жизней в России, Индии или Японии, терапевт может выбрать музыку, соответствующую этим культурам или даже непосредственно с ними связанную.

Иногда могут быть очень эффективными записи звуков природы. Это могут быть, например, записи звуков в животе беременной женщины («Колыбельная утробы»), голосов китов, волков, шумов насекомых, скажем, сверчков или пчел, пения птиц, журчания ручья, рокота моря или «астрономических» звуков - излучений пульсаров.

Если используется не ЛСД, а другие психоделики, выбор и организация музыки должны, естественно, соответствовать специфическим особенностям процесса - разворачиванию и длительности сеанса и «динамической кривой» переживаний. Так, например, производные триптамина, такие, как ДМТ или ДПТ, действуют почти сразу, но время их действия короче. Ам-фетаминовые эмпагогены требуют более мягкой и текучей музыки. Диссоциативный анестетик кетамин обладает коротким действием (около часа) и требует медленной и выразительной «пространственной» музыки.

Принципы использования музыки в холотропной терапии в значительной степени подобны тем, которые я описал, касаясь психоделической терапии. Основное отличие состоит здесь в том, что необычное состояние сознания возникает в результате собственных усилий человека, а не химического воздействия препарата; его длительность зависит от поддержания интенсивного дыхания и воздействия музыки; оно не достигается автоматически. Мы обнаружили, что полезно сразу же начинать с музыки, вызывающей подъем, чтобы помочь инициировать необычное состояние сознания. В течение почти всего сеанса музыка в основном должна быть более мощной и эмпатической, чем в психоделической терапии.

Что касается выбора определенной музыки, то я очерчу лишь общие принципы и приведу несколько примеров, основанных на нашем опыте. Каждый терапевт или терапевтическая группа со временем создает собственную подборку определенных музыкальных отрывков для различных фаз сеанса и для определенных специфических ситуаций. Основное правило состоит в том, чтобы чутко реагировать на фазу, интенсивность и содержание переживаний, а не навязывать им что-либо извне. Это соответствует общим представлениям холотропной терапии, которая с глубоким уважением относится к мудрости коллективного бессознательного и к автономности и спонтанности терапевтического процесса.

Как правило, предпочтение должно отдаваться музыке высших художественных достоинств, не слишком известной и не обладающей конкретным содержанием. Следует избегать песен или вокальных пьес, в которых слова вызывают специфические ассоциации или наводят на определенные темы. Если вокальные произведения все же используются, то их слова должны звучать на незнакомом пациенту языке, так чтобы человеческий голос воспринимался наряду с музыкальными инструментами. По той же причине рекомендуется избегать музыкальных пьес, вызывающих у пациентов специфические интеллектуальные ассоциации.

Так, «Свадебный марш» из «Лоэнгрина» Вагнера или из «Сна в летнюю ночь» Мендельсона для большинства людей западной культуры немедленно вызовет ассоциацию брачной церемонии. Увертюра к «Кармен» Бизе вызовет образ арены для боя быков. Известные мессы или духовные оратории вызывают воспоминания, относящиеся к религиозной области. Как правило, программирования переживаний следует избегать, но в некоторых случаях специфические ассоциации, связанные с

определенной музыкой, могут быть полезны для поддержания определенных переживаний.

Ассоциации, связанные с определенной музыкой, различны не только у разных людей, но и в разных культурах разных наций. Так, например, для многих пожилых европейцев «Прелюдия Листа вызывают воспоминания о второй мировой войне, потому что эта музыка использовалась нацистами в их пропаганде и звучала из радиоприемников во всех оккупированных ими городах. Когда мы проводили семинар в Бомбее, мы обнаружили сильную эмоциональную реакцию в ответ на индийскую песню Рагупати Раджа Рамэ; нам объяснили, что по незнанию мы выбрали песню, которая передавалась по радио по всей Индии в течение нескольких дней после убийства Ганди.

Основное возражение против использования музыки в холотропных и психоделических сеансах состоит в том, что выбор музыки оказывает сильное структурирующее воздействие на переживания, даже если мы стараемся избежать грубого программирования и приспособлять музыку к реально происходящему. Это особенно справедливо в том случае, когда холотропная терапия проводится в большой группе. Здесь терапевт может в лучшем случае лишь приспособляться к преобладающей атмосфере, а не к каждому отдельному пациенту. При этом неизбежно, что выбор музыки будет не совсем подходящим для кого-то из участников сеанса.

Однако опасность программирования переживаний той или иной музыкой не так велика, как может показаться. Возможности управлять переживаниями человека в необычном состоянии сознания имеют определенные пределы. Если человек оказался в состоянии отрицательного эмоционального напряжения, любая музыка, сколь бы воодушевляющей она ни была, покажется ему погребальной песней. И наоборот, в глубоком экстазическом состоянии человек с энтузиазмом воспримет любую музыку, сочтет ее подходящей и по-своему интересной. Лишь музыка, представляющая собой нечто среднее между этими двумя крайностями, может реально оказать влияние на качество переживаний.

Однако и в этом случае, несмотря на то что музыка определяет общую атмосферу и эмоциональный настрой, каждый человек воспринимает ее по-своему. Здесь дело обстоит так же, как с возможностью программирования сеанса с помощью предварительной подготовки и словесных инструкций, о чем речь пойдет несколько позже. То, что человек делает с поступающей к нему информацией, является отображением его собственных банков памяти и бессознательной динамики. Это становится понятным, если сравнить большое разнообразие реакций на одну и ту же музыку в большой группе людей. Какова бы ни была роль музыки в структурировании индивидуального опыта, она может быть целительной и трансформирующей и иметь для каждого индивида глубокое личное значение.

С течением лет мы создали собственную подборку музыкальных отрывков, хорошо работающую почти для всех пациентов. На начальной стадии холотропной сессии полезны такие пьесы, как «Вечер-время» и альбом «X» Клауса Шульца, «Шактиэ Маклафлина, «Остров мертвых» Рахманинова. Мы также экспериментировали со специальными подборками, когда вся музыка для определенного сеанса бралась из одной тематической области - например, музыка шаманов или суфийская музыка. В «шаманском» варианте мы на начальной фазе использовали барабанный бой Майкла Харнера, а в «суфийском» - записи пакистанских суфиев или ролик под названием «Исламское мистическое братство».

В средней части сеанса особенно хороши произведения композитора шотландско-американского происхождения Алана Хованнесса («Все люди - братья»,

«Таинственная гора», «И создал Бог великих китов»), «Марс» из «Пякет» Холста, «Поэма экстаза» Скрябина, некоторые пьесы из «Ромео и Джульетты» Прокофьева («Монтеки и Капулетти», «моги-ла Ромео и Джульетты»), Первая симфония Барбера и его знаменитое «Адажио для струнных», сочинения современных авторов Вангелиса, Папатанасиу и Георга Дейтера. Среди фольклорных записей, которые могут быть использованы на этой стадии, можно назвать «Обезьянью песню» с Бали, или «Еет-жак», части из дервишского «Дхикр из Халвети Джеррпи», подлинные записи африканских тамтамов («Барабанные страсти»).

В заключительных стадиях сеанса, когда участники успокоятся, выбирается менее драматическая музыка более медленного темпа, постепенно переходящая в медитативные пьесы.

Мы часто используем здесь «Гарольда в Италии» Берлиоза,

«Каао ре мажор» Пакабеля, «Возрождение кельтской ар-

фы» Алана Стивелла, альбомы Пола Хорна «Внутри Тадж Махала» и «Внутри Великой Пирамиды», «Гобелены Биг-

Сура» Чарльза Ллойда, американскую суфийскую музыку «Ха-бибия», флейтовую музыку с Анд («Урубамба»), японские «Шакухачи», «Музыку для дзен-медитации» и «Музыку для йогической медитации» Тони Скотта, тибетское многоголосное пение, различные индийские раги, бхаджаны и киртаны (в особенности «Ом нама Шивайа» и другие записи группы Ганешрупи) и музыку Стивена Халперна, Джорджии Келли, Пола Уинтера и Брайена Ино.

При систематической работе хорошо начинать с умеренных отрывков и постепенно переходить к более мощной и изменяющей сознание музыке, в особенности к музыке, которая специально создана в различных культурах и духовных традициях для этих целей.

Музыка обладает огромным терапевтическим потенциалом,

и ее возможности нуждаются в дальнейшем изучении. Марлин

Фергюсон посвятила целый выпуск бюллетеня «Мозг/Разум» так называемой «музыкальной медицине» - систематическому научному исследованию эстетического, эмоционального, психологического, физиологического и биохимического воздействия музыки (Ferguson, 1985).

Среди возможностей, которые нуждаются в дальнейшем исследовании в холотропной терапии, находится использование так называемого «белого шума» - акустической стимуляции, осуществляемой звуковым генератором по закону случайных чисел. Много лет назад я использовал его в предварительной работе в психоделических сеансах с интересными результатами. Использование «белого шума» исключает возможность программирования переживаний музыкой, поскольку он состоит из совершенно случайной последовательности акустических стимулов. В психоделическом сеансе большинство участников иллюзорно воспринимали этот монотонный звук как музыку. Причем эта музыка воспринималась как совершенно соответствующая переживанию, поскольку она исходила из того же источника, что и остальное в переживании, - из психики самого человека. Следовало бы посмотреть, может ли то же самое происходить в холотропных сеансах.

Другое интересное направление будущих исследований - изучение воздействия специфических звуковых частот на психику и тело. Эта работа - современный вариант системы, известной в Индии как нада-йога - йога звука. Ее основная пред-

посылка состоит в том, что существует глубокая связь между вибрациями определенных частот и активностью центров психической энергии, чакр. Возможно, что в будущем удастся ввести некоторые из обнаруженных закономерностей такого рода в холотропную терапию. Однако наиболее интересная перспектива для дальнейшего развития холотропной терапии связана с быстро развивающейся областью голофонического звучания. Обнаруживаемые здесь возможности столь интересны, что на них стоит остановиться специально.

Изобретателем голофонической звуковой технологии является аргентино-итальянский исследователь Хьюго Зукарелли. Из соображений патентной тайны он до сих пор не обнародовал информацию, необходимую для полного понимания своего важного открытия. В дальнейшем изложении я использую материалы лекций, которые я прослушал, и собственный опыт слушания голофонического звучания во время трехдневного семинара в Милбре (штат Калифорния), в котором мы с моей женой Кристиной принимали участие.

В детстве Зукарелли пережил потрясение, когда его чуть было не сшиб автомобиль. Жизнь ему спасла его способность точно локализовать звук приближающейся машины, не видя ее. Это вызвало в нем интерес к проблеме того, как различные животные локализуют звук в своем восприятии. После тщательного изучения и анализа механизмов, посредством которых животные различных видов добиваются точной идентификации источников звука, он пришел к выводу, что существующие модели слуха не могут объяснить важные характеристики человеческого акустического восприятия.

Традиционно способность локализации звука объясняется сравнением интенсивности звука, поступающего в левое и правое ухо. Изучая эволюцию этого механизма, Зукарелли обнаружил, что животные, у которых голова неподвижно связана с телом, например, крокодилы, двигаются всем телом, чтобы локализовать слух. У тех видов, у которых движения головы могут быть изолированы от движений тела, например, у птиц, для локализации звука используются движения головы. У большинства млекопитающих даже голова остается неподвижной, двигаются только уши.

Тот факт, что люди могут локализовать источник звука, не двигая головой и не меняя положения ушных раковин, ясно показывает, что различие в интенсивности входного сигнала в правом и левом ухе - не единственный механизм, объясняющий человеческие способности в этой области. Кроме того, даже люди, чей слух поврежден с одной стороны, могут локализовать источник звука. На основании этих данных Зукарелли предположил, что для того, чтобы адекватно объяснить все характеристики пространственного слуха, приходится постулировать, что человеческое слуховое восприятие основано на голографических принципах. Это означает, что, вопреки представлениям официальной медицины, человеческое ухо является не только приемником, но и передатчиком.

Посредством электронного воспроизведения этого механизма Зукарелли создал технологию голофонического звучания: голофонические записи обладают поразительными возможностями воспроизведения акустической реальности со всеми ее пространственными характеристиками до такой степени, что без постоянного визуального контроля невозможно отличить записанное от реальных событий трехмерного мира. Вдобавок, при прослушивании голофонической записи событий помимо прочих чувств может возникать синестезия, то есть соответствующее восприятие в других сенсорных зонах.

Замечательные примеры такого рода синестезии можно пережить при прослушивании экспериментальной записи Зукарелли. Так, звук щелкающих

рядом с головой ножниц вызывает реальное ощущение, что вам стригут волосы, шум фена создает ощущения потока горячего воздуха. Услышав, что кто-то зажигает спичку, вы явственно почувствуете запах серы или увидите вспышку света. Шепот женщины вблизи уха заставит ощутить ее дыхание.

Холофоническое звучание обещает глубокие теоретические и практические приложения во многих областях жизни - от переворота в понимании физиологии и патологии слуха до удивительных прорывов в области психиатрии, психологии и психо-терапии, в средствах массовой информации, предпринимательстве, искусстве, религии, философии и многих других областях. Перспективным представляется и применение холофонического звука в холотропной терапии. Особенно интересными были бы записи музыкальных отрывков, специально предназначенных для индукции или передачи необычных состояний сознания, - трансовых музыкально-танцевальных представлений Бали, ша-манских камланий, суфийской музыки, пейотных церемоний американских индейцев, песен перуанских аяхуаскоро и др.

Целенаправленная работа с телом

Последняя составляющая холотропной терапии, целенаправленная работа с телом, используется лишь в случае необходимости. Во многих таких случаях интенсивное дыхание не вызывает никаких неприятных эмоций или неприятных физических ощущений, ведет к усиливающейся релаксации и экстатическим чувствам. В других случаях, когда проявляются эмоциональные и психосоматические напряжения, сам процесс интенсивного дыхания может привести к разрешению и хорошей интеграции сеанса.

Возможны лишь несколько ситуаций, когда направленная работа с телом необходима на ранних фазах холотропного сеанса. Наиболее важный из них мы уже упоминали - это ситуация, когда значительная блокировка в области горла достигает такой степени, что это мешает продолжению дыхания. В других случаях может возникнуть необходимость во вмешательстве, если реакции - физическая боль, спазм или тревога - становятся столь интенсивными, что человек не может или не хочет» продолжать интенсивное дыхание, пока дискомфорт не будет устранен; тогда также используются техники отреагирования. В редких случаях приходится прибегать к отреагированию, если пациент начинает создавать серьезные проблемы для присматривающих (сидящих) или других участников группы.

Как правило, целенаправленная работа с телом используется в заключительной части сеанса (после полутора-двух часов) в тех случаях, когда дыхание и музыка не привели к полному разрешению трудностей. К этому времени ведущий должен выяснить у пациента, остались ли какие-нибудь признаки дискомфорта и какого именно рода. Работа с ними желательна, так как приводит сеанс к более ясному завершению и лучшей интеграции, но не обязательна. Мы всегда спрашиваем пациентов, хотят ли они такой работы, или предпочитают оставить ситуацию такой, как она есть. Оставшиеся симптомы могут в любом случае исчезнуть со временем.

Основной принцип направленной работы с телом в заключительном периоде холотропного сеанса состоит в том, чтобы экстериоризировать различные формы физического дискомфорта, связанного с эмоциональными проблемами, используя ключи, которые предоставляет тело самого пациента. Какова бы ни была проблема и в каком бы месте тела ни локализовалось ее проявление, пациенту предлагается усилить симптом. Например, в случае головной боли или боли в шее можно усилить эту боль,

приняв определенную позу, определенным образом наклонив

голову, сделав определенную гримасу или напрягая мышцы шеи. Неприятные ощущения в районе таза могут быть усилены подниманием таза, напряжением мышц живота («мостик» или соответствующая поза хатха-йоги) или стремлением удерживать ступни вместе, разводя колени. Если сильный зажим ощущается в руках или если там слишком много энергии, это может быть усилено посредством внешнего вмешательства вроде «мек-сиканской борьбы руками». Тот же принцип можно применить в любой другой части тела.

В то время как в определенном участке тела неприятные ощущения усиливаются и напряжение поддерживается, человеку предлагается в остальном выражать своим телом все, что он чувствует. Важно, чтобы пациент (а также помощник) не пытались оценивать происходящее или изменять что-либо. Однако разумное вмешательство, которое углубляет и усиливает процесс, может быть полезным. Это может быть, например, массаж или давление в напряженных или болезненных участках тела или дополнительное внешнее сопротивление, усиливающее существующее напряжение, - вроде тех, что уже были упомянуты как варианты работы с напряжением таза или рук.

Реакции, которые могут спонтанно возникать в этих обстоятельствах, - это дрожь, гримасничание, кашель, рвота, различные движения, звуки, в том числе крики, детский лепет, глос-солалия, подражание голосам животных, шаманское пение и многое другое. Эти действия следует поощрять и продолжать до тех пор, пока не исчезнет эмоциональный или психосоматический дискомфорт и пока человек не почувствует себя расслабленным и удовлетворенным.

Другим важным аспектом работы с телом в холотропной терапии является поддерживающий физический контакт. В академической психологии, психиатрии и психоанализе существует строгое табу на действия такого рода. С другой стороны, эта форма терапевтического контакта стала совершенно естественной и обычной во многих группах, практикующих различные формы психотерапии посредством углубления личного опыта.

Использование физического контакта, хотя оно и может показаться рискованным с точки зрения традиционного психоаналитика, является мощным и эффективным средством, особенно для людей, испытывавших недостаток эмоциональных и физических контактов в детстве.

Чтобы понять важность физического контакта как психотерапевтического средства, необходимо рассмотреть природу травматических переживаний и способов их лечения. Травмы, играющие важную роль в развитии человека и психопатологической динамике, можно разделить на две категории. Перефразируя здесь юридическую терминологию, можно сказать, что одни травмы порождаются совершением чего-то, другие - несовершенством. Эти категории сильно отличаются друг от друга по своей природе и требуют различных психотерапевтических подходов.

К первой категории относятся воспоминания об инцидентах, связанных с сильной физической болью, негативными эмоциями - страхом, смущением, стыдом, отчаянием, отвращением и т. д. Это воспоминания о физическом насилии, физических травмах или хирургическом вмешательстве, о детских болезнях, изнасиловании, о случаях детского испуга. Травматические воспоминания такого рода можно сравнить с чужеродными включениями в психике; их можно удалить посредством эмоционального выражения и отреагирования.

Вторая категория травм - неудовлетворенность естественных и законных потребностей в безопасности и сочувствии, которые ребенок испытывает в те или иные периоды детства. Особенно важна здесь так называемая «анаклитическая»

по-требность (от греч. «anaklinein» - опираться на кого-то). Это потребность в симбиотическом союзе с матерью, в хорошем ухо-де, потребность в физическом контакте, качании на руках, ла-ске. Если эти потребности не удовлетворялись, они оставили пустоту в психике. Человек может выразить гнев и чувство не-удовлетворенности по поводу того, чего ему не дали, но это не заполнит пустоты. Единственная возможность удовлетворить эти потребности - это когда человек регрессировал к уровню первоначальной травмы.

Использование в психотерапии физического контакта требует безукоризненного соблюдения определенных этических правил. Должно быть совершенно ясно, что предложение физического контакта - так же как и просьба о нем - вызываются исключительно требованиями терапевтической ситуации и не имеют под собой никаких иных мотивов. При этом имеются в виду не только сексуальные потребности взрослых людей, которые, разумеется, следует учитывать прежде всего. Мы сталкивались на наших семинарах с женщинами с сильными невос-требованными материнскими установками, неуместно и без понимания реальной ситуации навязывавшими свое материн-ское отношение людям, с которыми они работали. Они пыта-лись качать и нянчить их тогда, когда это шло вразрез с пережи-ваниями этих людей, - например, когда человек переживал воспоминания о схватке викингков или ощущал себя римским солдатом в походе.

Проблемы физического контакта следует обсудить перед се-ансом. Нужно иметь в виду, что физический контакт вызывает к себе очень различное отношение. Для одних людей это вещь совершенно естественная, для других он связан с серьезными конфликтами. На наших семинарах мы постоянно просим ды-шащих и сидящих обсудить эту тему до того, как они начнут работать друг с другом, чтобы достичь полного взаимопонима-ния и договориться, как они будут с этим поступать.

Выбор времени и формы физического контакта в значитель-ной степени зависит от интуиции и трудно поддается форма-лизации. Однако можно дать несколько общих указаний, ког-да человек, очевидно, глубоко регрессировал и кажется бес-помощным и ранимым. Типичными ситуациями такого рода являются проживание заново эпизодов лишения эмоциональ-ной поддержки в детстве и период после проживания заново биологического рождения. Лучше всего предложить сначала ограниченный физический контакт - прикоснуться к руке или лбу. Если контакт охотно принимается, можно пойти дальше, постепенно достигая полного телесного контакта.

В нашем случае проблема физического контакта несколь-ко упрощается тем, что мы всегда работаем в группе. Основа-ния и правила использования интимной поддержки ясно разьяс-няются и принимаются группой в качестве составной части процедуры в целом. Области прикосновения определяются пе-реживаниями дышащих, а не выбором ассистирующих. Все, что происходит в этом отношении, происходит публично и в усло-виях наблюдения всей группы. Это значительно отличается от контекста индивидуальной работы в частной практике. Умест-ность этого подхода в последнем случае следует оценивать каждый раз индивидуально.

Холотропная терапия в группе придает терапевтическому процессу новые измерения. Наиболее очевидное преимущество состоит, конечно, в экономии времени. Около двадцати чело-век с помощью двух обученных соведущих могут получить

значительные терапевтические и трансформирующие переживания в течение времени, равного трем сеансам классическо-го психоанализа.

Кроме того, сеансы в группе, как правило, значительно более действенны, чем индивидуальная холотропная работа. Они создают сильное каталитическое поле, влияющее на процесс терапии. Интересный аспект коллективной холотропной работы заключается в наличии так называемых синхронических событий (по К. Г. Юнгу), - совпадений во времени переживаний и событий как у дышащих и сидящих, так и между участниками группы и внешним миром.

Есть еще один аспект, в котором очевидны преимущества работы в группе. Это то влияние, которое подобная работа оказывает на сидящих. Обычно каждому участнику группы мы предлагаем выбрать партнера, с которым он хотел бы работать. Участники пары по очереди выполняют роли дышащего и сидящего, или ассистента. Переживания человека в качестве сидящего, как правило, оказывают на него мощное воздействие. Возможность помочь другому в прохождении глубоко личного и интимного опыта - важное событие.

То, как партнеры выбирают друг друга, зачастую оказывается тоже психологически важным и включает порой синхронические факторы. Нередко в переживаниях партнеров наблюдаются элементы необычайной дополнительной или антагонизма. Это может оказаться полезной возможностью эмоционального воспитания. Если сеансы продолжаются систематически, участники имеют возможность выбрать другого партнера - в том случае, если их что-то не устраивает или если их привлекает кто-то другой.

Процедура холотропной терапии

Описав основные элементы холотропной терапии - интенсивное дыхание, использование музыки и работу с телом, перейду теперь к тому, как она проводится. Принципы холотропной терапии очень просты. Во время подготовки, предшествующей холотропному сеансу, мы знакомим участников с расширенной картографией психики, включающей уровень биографических воспоминаний, элементы процесса смерти и возрождения и широкий спектр трансперсональных переживаний. Мы стараемся объяснить, что любое из этих переживаний совершенно естественно и что они возникают в данных обстоятельствах у самых разных людей.

В словесной психотерапии сопротивление принимает форму эмоциональных и даже психосоматических защит, как показал Райх в своей концепции «мышечного панциря характера». Новые эмпирические техники эффективно преодолевают эмоциональную и психосоматическую блокировку, так что это перестает быть проблемой. Наиболее важным защитным барьером при работе с этими новыми техниками оказывается, как это ни удивительно, интеллектуальный, или философский. Техники могут открыть доступ к областям опыта, для которых в нашей культуре нет адекватных представлений. Несмотря на то что такие переживания, как перинатальные и трансперсональные феномены могут быть целителями и трансформирующими, неподготовленный человек западной культуры начинает с ними бороться и блокировать их, потому что они кажутся странными, причудливыми или даже психопатологическими.

По этой причине предварительная подготовка, включающая описание новой расширенной картографии психики, является важной частью процедуры холотропной терапии. На некоторых наших семинарах люди с традиционной научной подготовкой выдвигали возражение, что такая подготовка может оказаться индоктринацией, то есть может внушать переживания, которые будут испытаны позже во время сеанса. Мой опыт говорит, что опасность индоктринации

минимальна. В начале своих психо-делических исследований я многократно наблюдал, как пациенты спонтанно и без всякого программирования входили в перинатальную и трансперсональную области, - задолго до того, как я очертил картографию бессознательного, о которой мы теперь рассказываем перед психоделическими и холотропными сеансами.

Я также сам видел не раз, что перинатальные и трансперсональные переживания возникают в психоделических или холотропных сеансах, проводимых без должной подготовки или вообще без всякой подготовки. Поэтому они, несомненно, являются подлинными проявлениями психики, не требующими никакого программирования. Важно также иметь в виду, что во время подготовки говорится о полном спектре возможного человеческого опыта; актуальные же переживания во время холотропного сеанса представляют собой лишь небольшой, узкий фрагмент того, о чем шла речь, так что выбор должен происходить на основании важных личных причин. При том, что опасность индоктринации представляется минимальной, входение в переживание без необходимого предупреждения и информации может оказаться серьезным препятствием из-за сильного предубеждения, имеющего место в нашей культуре

Другая важная часть подготовки касается технической стороны процесса. Дышащему предлагается провести весь сеанс, удобно откинувшись назад или лежа на спине, закрыть глаза и сосредоточиться на эмоциональных и психосоматических процессах, вызванных дыханием и музыкой, полностью им отдаться, не пытаясь их оценивать. Рекомендуются также воздерживаться от намеренного использования техник отреагирования или любых иных попыток вмешиваться в переживания и влиять на них. Общая установка напоминает определенные моменты буддийской медитации: надо просто следить за возникающими переживаниями, отмечать их и позволять им происходить.

Подготовка включает также обсуждение важных правил работы с телом, о которых подробно говорилось выше. Когда все эти моменты в достаточной мере оказываются затронутыми, терапевт может перейти к организации самого сеанса.

Важное требование и необходимая предпосылка холотропной терапии - правильное размещение дышащих. Помещение должно быть таким, чтобы участники группы, расположившись лежа, имели вокруг себя достаточно пространства. Оно должно быть хорошо изолировано от каких бы то ни было беспокоящих внешних факторов и обеспечивать возможность громкого звучания музыки и полного голосового самовыражения участников группы, если это окажется необходимым.

Пол должен быть обит мягким материалом или покрыт матами; необходимо иметь большой запас разного рода подушек, валиков и другого мягкого материала. Лучше всего проводить сеанс в полутемной комнате или пользоваться повязками для глаз. Многие люди находят, что яркий свет мешает ходу переживаний. Необходим запас носовых платков и тазиков или пластиковых пакетов для тех, кого может начать тошнить.

Одежда должна быть легкой и удобной. Необходимо снять все, что может помешать дыханию и протеканию внутренних процессов, в том числе очки и контактные линзы, вставные зубы, тяжелые серьги, браслеты, ожерелья, пояса и часы.

Существуют противопоказания, которые следует учесть прежде чем человек примет участие в холотропном сеансе, а так-же состояния, которые хотя и не являются противопоказаниями, но требуют принятия специальных мер.

Холотропная терапия может приводить к драматическим переживаниям, сопровождающимся сильным эмоциональным и физическим стрессом. Необходимо исключить лиц с серьезными болезнями сердца, потому что для них это может быть опасным. Сюда относятся пережитые сердечные приступы, операции на сердце, кровоизлияния в мозг, высокое кровяное давление, застарелый атеросклероз, варикозное расширение вен. Рискуют принимать участие в сеансе людям, недавно пережившим операции или повреждения тела, если заживление тканей не закончилось.

Другим важным противопоказанием является беременность, особенно на поздних стадиях. Интенсивное дыхание вызывает сужение сосудов в плаценте, так что Плод может лишиться достаточного кровоснабжения. Кроме того, женщины, переживающие в психоделическом или ХОлотропном сеансе собственное рождение, одновременно с этим сокращают матку; случается, что они переходят от состояния плода, пробивающего себе дорогу наружу, к состоянию роженицы в момент рождения: Мы не раз встречались с тем, что у женщин после сеанса начиналась менструация, хотя по времени это была середина цикла.

Ограниченное кровоснабжение при сильных сокращениях матки опасно для плода и могут привести к выкидышу

Относительным противопоказанием является эпилепсия. В медицине гипервентиляция используется диагностически для усиления характерных для эпилепсии волн энцефалограммы. Таким образом, быстрое дыхание теоретически может вызвать у эпилептика приступ. Правда, в течение нескольких лет мы имели дело с шестью пациентами, страдавшими эпилепсией. Они решились на участие в сеансе, учтя тот факт, что для человека, лежащего на спине, опасность минимальна, если сидящий заботится о том, чтобы в случае приступа защитить его язык.

В эпилептических приступах наиболее опасны случаи, когда человек в момент приступа плывет, ведет машину или находится на высоком месте с возможностью упасть; такого рода последствия обычно опаснее, чем сам приступ. Для человека же, лежащего на матрасе, опасность такого рода минимальна, если язык на всякий случай обвязан полотенцем, Однако ни один из этих шести участников не пережил приступа во время сеанса. Некоторые из них говорили, что холотропная терапия привела к значительному уменьшению напряжения в организме, и считали, что это можно использовать в качестве превентивной меры, позволяющей удерживать напряжение ниже уровня, ведущего к эпилептической разрядке. Тем не менее теоретически возможно, хотя и маловероятно, еще одно осложнение, называемое «status epilepticus», непрерывная серия припадков, которую трудно остановить без специального медицинского вмешательства с применением соответствующих медикаментов.

Прочие противопоказания (или требования специальных мер предосторожности) очевидны без специальных медицинских знаний. Участие в сеансе представляет для организма определенную эмоциональную и физическую нагрузку. Это, естественно, не рекомендуется людям, ослабленным или истощенным какой-либо болезнью. Особо следует отметить инфекционные заболевания, поскольку кашель и прочие явления могут в таком случае представлять для сидящего и других участников сеанса опасность заражения.

Многие во время сеанса совершают интенсивные движения, часто большой амплитуды. Это требует особой предосторожности у тех, кто склонен к вывихам суставов, или у людей с патологически тонкими костями. Если состояние не настолько серьезно, чтобы помешать человеку участвовать в сеансе, то по меньшей мере следует сообщить об этом сидящему, чтобы тот мог предохранить дышащего от рискованных моментов.

Что касается эмоциональных противопоказаний, то здесь необходимо специально остановиться на психопатологии и предыдущих госпитализациях. Холотропная терапия может быть очень эффективной для людей с глубокими эмоциональными проблемами, в том числе с определенными психотическими состояниями. С практической точки зрения важно принимать во внимание два момента - интенсивность симптомов и силу «эго». Проявленные эмоциональные и психосоматические симптомы указывают на то, что эмоционально нагруженный бессознательный материал лежит на поверхности. Само по себе это не является противопоказанием для холотропной терапии. Напротив, во многих случаях такие люди достигали значительных результатов в течение нескольких сеансов, в особенности если человек имел изолированную психическую травму при сравнительно устойчивой личности.

Более важным фактором для прогноза является сила Эго. Эмпирическая работа, как правило, более трудна и длительна для людей, не имеющих достаточной опоры в общепринятой реальности, чья личность неустойчива или экстравагантна, кому трудно поддерживать ясную границу между внутренними процессами и внешним миром. Часто это связано с недостатком питательного симбиотического контакта в раннем детстве («хорошая грудь» и «хорошая матка»). Здесь работа должна быть сосредоточена не на выражении и обнаружении эмоциональных травм, а на систематическом телесном контакте в состоянии регрессии - единственной возможности заполнить эмоциональную пустоту, созданную отсутствием необходимого контакта в младенчестве. Постепенно переживания такого рода у испытуемого придут к интеграции и станут источником его внутренней силы и устойчивости.

Такая эмпирическая работа с тяжелыми психотиками требует клинических условий с хорошо обученным персоналом, где необходимая поддержка может быть обеспечена в любое время суток. Ее не следует проводить с проходящими пациентами. Пациенты с психоневрозами или психосоматическими расстройствами могут принимать участие в регулярных индивидуальных или групповых сеансах холотропной терапии с опытным руководителем. Здесь очень важно достигать максимально возможного завершения и интеграции каждого сеанса посредством систематической работы с телом на завершающей стадии. В некоторых случаях необходим поддерживающий физический контакт.

Холотропная терапия - это форма выражения; она несоместима с лечением транквилизаторами, подавляющими эмоции. Проводить холотропный сеанс с людьми, принимающими сильные транквилизаторы, бессмысленно. Резкое прекращение приема транквилизаторов может привести к взрыву подавляемого бессознательного материала, так что это не рекомендуется делать вне клиники.

Полезно начинать сеанс холотропной терапии короткой медитацией и релаксацией. Мы обычно предлагаем участникам лечь, несколько раздвинуть ноги, свободно положить руки, ладонями вверх. Это физическое выражение установки «откры-

тость и приятие», с которой следует подходить к предстоящему опыту. Скрещивание рук или ног обычно выражает сопротивление или скептицизм. Если у человека есть собственная техника релаксации, которая эффективна для него, то нужно просто дать ему необходимое для этого время.

Другой способ проведения релаксации может быть следующим: ведущий последовательно называет отдельные части тела, начиная со ступней ног и постепенно поднимаясь вверх: икры, бедра, ягодицы, мышцы живота, поясница, длинные мышцы спины, грудь, плечи, руки, кисти, шея и горло, челюсти и мышцы лица, лоб и, наконец, затылок. Участники стараются расслаблять те части тела и мышцы, которые называет ведущий. Области тела, которые человек обычно легко расслабляет, не представляют проблемы. В тех же частях тела, где человек испытывает сильное напряжение, расслабление может не удасться. В таком случае полезно сначала увеличить напряжение, некоторое время поддерживая его, а затем отпустить.

Для некоторых людей оказывается полезным направляемое воображение, включающее такие образы, как океан, волны, морские формы жизни, например, медузы, водоросли, или сцены, связанные с приятными воспоминаниями. Каждый ведущий, проводящий сеансы холотропной терапии, вырабатывает собственный стиль подведения участников к переживаниям, а также находит специфические модификации при необходимости учета индивидуальных особенностей. При повторении сеансов вводный период может сокращаться, поскольку участники привыкают к процедуре.

Когда тело расслаблено настолько, насколько это возможно при данных обстоятельствах, можно переходить к успокоению ума и созданию установки, оптимальной для предстоящих переживаний. На этой стадии мы предлагаем участникам по возможности сосредоточиться на настоящем моменте и месте, в котором они находятся, - «здесь и теперь». Нужно постараться отстраниться от всех воспоминаний прошлого - от того, что происходило в предыдущем опыте самоисследования (с помощью иных техник или на предыдущих сеансах холотропной терапии), что они слышали от других людей, что происходило с ними в этот день или за день до этого, и даже от того, что говорилось во время подготовки к сеансу (кроме необходимых инструкций).

Точно также следует отказаться от предвосхищения будущего, в частности оставить всякое программирование предстоящего сеанса. Мы не рекомендуем приходить на сеанс с конкретными идеями относительно того, над чем участнику нужно поработать, какие переживания он хотел бы получить и как это должно выглядеть, чего ему необходимо избегать. Природа холотропной (так же как и психоделической) терапии такова, что в процессе ее проведения автоматически выявляется материал, наиболее актуальный в данный момент времени. Это касается также и последовательности сеансов с их темами и проблемами, оптимальными для терапии. Наиболее верный подход состоит в том, чтобы, не пытаясь анализировать, полностью довериться мудрости тела и бессознательному (а также сверхсознательному) процессу.

Нечто подобное должно происходить в это время и с сидящим (или сидящими, если это групповой сеанс). Как и дышащий, сидящий должен освободить свой ум от погруженности в прошлое или мыслей о будущем. Важно не ждать чего-то определенного от сеанса и не строить планов относительно него. Лучшей установкой является глубокая человеческая забота о дышащем, заинтересованность в процессе, доверие к мудрости и спонтанному целительному потенциалу психики, а также известная доля сдержанности, которая послужит гарантией, что сидящий не будет

чересчур вовлечен в процесс, слишком лич-но заинтересован в его результатах, не поддается идиосинкра-тическому резонансу с содержанием сеанса.

Систематическая работа в качестве ведущего в холотроп-ной терапии требует не только личного опыта и профессиона-лизма, но и постоянного внимания к своим внутренним процес-сам и постоянной работы над собой. Эмоциональные реакции на различные аспекты процессов у дышащих - лучший баро-метр, указывающий, какие области собственной психики тре-буют внимания и проработки.

Важно иметь в виду, что холотропная работа не имеет фиксированного результата, она открыта. Можно представлять себе ее как продолжающийся исследовательский проект или психологический эксперимент. Представления о психике в ака-демической психотерапии основаны на предположении, что можно приобрести всеобъемлвщие знания о психологических процессах, применимые к каждому отдельно взятому пациен-ту, с которым вы работаете. Теория холотропной терапии явля-ется открытой, готовой к любым неожиданностям. В повседне-вной терапевтической работе могут возникнуть феномены'й проблемы, с которыми ведущий прежде не сталкивался, не чи тал о них, которые являются абсолютно новыми и никем ра-нее не описанными. Обучение ведущего никогда не следует счита-ть завершенным. Холотропная терапия - это непрерывный процесс обучения, а не механическое применение законченной системы понятий и правил.

Заключительная часть вводной фазы после релаксации и психической настройки состоит в специальных инструкциях от-носительно эмпирического процесса. Участникам предлагает-ся сосредоточиться на дыхании, прочувствовать его естествен-ный ритм, поначалу не стараясь его изменить. На этой стадии может быть полезно визуализировать дыхание как облако света и мысленным взглядом проследовать за ним до таза, ног, а затем снизу вверх. Можно представить себе, что пока дыхание движет-ся по телу, оно создает открытое пространство, наполняющее каждую клетку организма светом.

Далее предлагается увеличить частоту дыхания, сделать его полнее и эффективнее, чем обычно. Детали процесса - частота и глубина дыхания, дыхание ртом или носом, участие верхних частей легких или диафрагмальных областей живота - предо-ставляются органической интуиции человека. Когда дыхание стало достаточно быстрым, ведущий готовит дышащего к появ-лению музыки, рекомендуя отдалиться ее потоку, процессу дыха-ния и тем переживаниям, которые могут возникнуть, не анали-зируя их и не пытаясь их изменить, с полным доверием к про-цессу.

В идеальном случае холотропный сеанс требует от сидящего минимального вмешательства. Его роль состоит в наблюдении и слежении за тем, чтобы дышащий подцерживал более быст-рое и более глубокое, чем обычно, дыхание. Частота, глубина и стиль дыхания различны у разных людей на разных сеансах. Сидящий и дышащий должны договориться о мере вмеша-тельства и его формах. Это особенно важно на первых сеансах, ко-гда участник еще не знаком с этими переживаниями и не выра-ботал собственного стиля. Некоторые новички хотят сразу как можно глубже погрузиться в опыт. Они просят сидящих сле-дить за их дыханием, не давать им отвлекаться и выходить из процесса. Другие предпочитают «разогреться» постепенно, входить в опыт не спеша, облегчить себе первые шаги. Есть люди, которые не любят, чтобы до них дотрагивались, а есть и такие, которые просят сидящих вообще не вмешиваться. Та-кого рода просьбы следует принимать во внимание.

Бывает, что дышащий время от времени забывает о необхо-димости обеспечивать интенсивное дыхание, погружается в свои переживания и сдерживает дыхание. Если сидящий хочет напомнить ему о необходимости подцерживать усиленное ды-

хание, то это нужно делать без слов, легким прикосновением к плечу, груди или животу. Рекомендуется вообще воздерживаться от разговоров во время сеанса, кроме отдельных слов или простых предложений в случае необходимости. Холотропная терапия основана на глубоких эмоциональных и психосоматических переживаниях; когнитивные, понятийные и словесные оценки могут оказаться серьезной помехой глубине и потоку эмпирического процесса. Все, что нужно сказать, говорится во время подготовки и во время обсуждения опыта, которое проводится после каждого эмпирического сеанса.

В большинстве случаев переживания участника можно описать кривой, сходной с оргиастью, - постепенное нарастание эмоций и физических проявлений, кульминация, затем более или менее внезапное разрешение. Когда дышащий достигает поворотного пункта, сидящему не следует вмешиваться, предоставляя ему следовать собственному ритму. В это время дыхание может стать чрезвычайно медленным - два-три цикла в минуту. В некоторых случаях человек и ранее может «застрять» в пространстве, в котором усиленное и ускоренное дыхание неуместно, - например, отождествиться с зародышем или рыбой. В таких случаях сидящему не следует настаивать на продолжении интенсивного дыхания. Так или иначе, вмешательства могут быть лишь мягким напоминанием, а никак не настоятельным требованием. Если сидящий видит, что его напоминание замечено, он должен предоставить дышащего самому себе.

В других ситуациях, когда может быть необходимо вмешательство во время дыхательной (пневмокатарсической) части сеанса, речь уже шла. Это необходимость отреагирования в случае блокирования дыхания, уменьшение слишком бурных эмоций или физических проявлений и т. п. За исключением таких ситуаций, дело сидящего - поддержка, защита и забота. Может понадобиться подставить подушку для ударов руками или ногами, позаботиться о том, чтобы дышащие не попадали в пространство друг друга, разделить их, если они оказываются в опасной близости; может понадобиться таз или пластмассовый мешок в случае рвоты, платок или стакан воды. В заключительной части сеанса роль сидящих становится более активной, если имеются неразрешенные проблемы. Техника направленной работы с телом, используемая на этой фазе, уже описана. Может понадобиться также эмоциональная или физическая поддержка или возможность рассказать о своих переживаниях.

Терапевтические результаты сеанса часто косвенным образом зависят от меры внешнего вмешательства. Наиболее продуктивны те переживания, в которых участник все делает сам. Многие традиционные психотерапевтические школы рассматривают терапевта как активного участника процесса, который, используя специфические техники, изменяет психику клиента в определенном направлении, рекомендуемом теорией данной школы. Терапевтам, имеющим такую подготовку, может оказаться нелегко быть ведущими в холотропной терапии, где упор делается на спонтанный терапевтический потенциал самой психики.

Мы часто сочетаем холотропную работу с рисованием ма-ндал - техникой, разработанной Джоан Келлог (Kell o g, 1977), психологом и арт-терапевтом, участвовавшей в нашей работе в Мэрилендском центре психиатрических исследований. Хотя эта техника, возможно, имеет ограниченную ценность как независимый терапевтический инструмент, она чрезвычайно полезна в сочетании с другими эмпирическими подходами. Участник получает цветные мелки или фломастеры и большой лист бумаги с очертаниями круга, и его просят заполнить круг по собственному усмотрению. Это может быть просто сочетанием цветов, геометрической композицией или более или менее сложным рисунком.

Полученную в результате мандалу можно подвергнуть формальному анализу в соответствии с критериями, разработанными Джоан Келлог на основе ее психоделической работы с большими группами психиатрических пациентов. Можно использовать ее также как уникальное средство для фиксации необычных переживаний и их интеграции. В группах рисунки способствуют обмену переживаниями, придавая графическое измерение взаимопониманию в отношении необычного опыта участников. Кроме того, некоторые мандалы поддаются дальнейшей эмпирической работе с использованием техники гештальт-терапии, 'экспрессивного танца и т. д. На наших занятиях во время четырехнедельных семинаров среди участников было популярно ведение «дневников мандал», иллюстрирующих процесс самоисследования.

Очертив принципы и технику холотропной терапии, я иллюстрирую процедуру отчетом 45-летней женщины, участницы нашего пятидневного семинара в Эсалене. В дополнение к двум сеансам холотропного дыхания, которые обычно предлагаются на этих пятидневных семинарах, она участвовала так-же в третьем, проводившемся для персонала Эсалена. Таким образом, описанный ею процесс проходил в течение менее чем недели.

Я приехала на семинар Грофа, плохо представляя себе, на что это может быть похоже. Я ничего не читала о его методах, кроме короткой строчки в каталоге Эсаленского института. Я никогда не принимала психоделиков, даже ни разу в жизни не напилась. Одна из важных проблем моей жизни состояла в том, что я постоянно нуждалась в контроле себя, других, окружающего - всего. Мысль о том, чтобы ослабить контроль, казалась мне пугающей. Я приехала на семинар, чувствуя себя раздраженной, на-пряженной и запутавшейся в своей жизни. Я надеялась, что эта «техника» по крайней мере поможет мне до некоторой степени снять напряжение в безопасном месте.

Моим первым опытом была роль сидящей у Питера. Его сеанс был относительно спокойным, так что у меня было достаточно времени, чтобы наблюдать все остальное, что происходило в группе. В частности, на меня произвела большое впечатление Рут, Она извивалась, стонала, боролась с чем-то. Несколько человек удерживали ее, чтобы не дать ей биться об стену. Это пугало, но одновременно и подбадривало. Казалось, она никогда не вернется в нормальное состояние, однако в конце концов она угомонилась и, выходя лет на десять моложе, как бы светила изнутри. То, что я увидела, дало мне возможность дать себе волю на следующий день.

Первый сеанс дыхания

Когда настала моя очередь, прежде всего мы прошли через расслабление тела, затем начали дышать более глубоко и часто. Музыка разливалась вокруг нас. Следующие десять или пятнадцать минут мой ум боролся за то, чтобы не потерять контроль.

Меня охватило чувство паники, потерянности, одиночества, я боялась, что не выдержу. Появился образ. Днем раньше я видела маленькую черную водяную птичку, ищущую пищу на берегу около эсаленских горячих купален. Когда набегала очередная волна, птичка спокойно погружалась глубже в водоворот. Когда волна

уходила, она снова высовывалась на поверхность

Я решила, что похожа на эту птичку и что единственное мое спасение - это нырять глубже. Я пошла дальше, перестав цепляться за обычную самоощущенность, оставив свои мысли, страхи, идеи, моих родственников и остальных, на кого я могла бы опереться. Близко к концу вводной фразы я воскликнула про себя: «Я иду, о Мать!» - имея в виду не мою человеческую мать, а великий океан, разверзающийся подо мной. Через двадцать - двадцать пять минут (как я посчитала позже) я полностью вошла в процесс. Чего бы ни хотело сделать мое тело, я позволяла ему проделывать это.

Голова у меня начала ритмически поворачиваться из стороны в сторону, ноги согнулись, так что пятки прикасались к ягодицам. Одна из моих рук начала подниматься и опускаться, стуча кулаком по матрасу. У меня не было картин, эмоций или психо-делических цветовых восприятий - только глубоко ощущаемая потребность в этих ритмичных движениях. Скоро обе мои ноги поднимались и ударяли матрас, одна за другой, как в марше или в ритуальном танце. Снова появился образ: я - танцор в какой-то церемонии в африканской деревне.

Мои руки со сжатыми кулаками присоединились к ногам. Пришел импульс дать волю голосу. Я откинула голову назад и издала что-то вроде воя. Звук поднимался все выше и выше - выше, чем когда-либо звучал мой голос. Я чувствовала себя оперной певицей, застрявшей на длинной высокой ноте. Затем на полной мощности голос вошел в единый ритм с телом. Я чувствовала себя американским индейцем, поющим ритуальную песню. Появился образ Эсалена - Биг-Сур, с его мысами, направленными в океан (название «Эсален» - это наименование группы американских индейцев, населявших те земли, где сейчас территория Эсаленского института; причем место, где он расположен, было их священной землей для похорон, а горячие источники - их местом врачевания).

Это пение и танец продолжались около часа, прерываемые лишь недолгими периодами отдыха и обновления дыхания. В конце я отдыхала около двадцати минут. Ко мне подошел Стэн и спросил, остались ли какие-нибудь напряжения в моем теле. Я ответила, что все еще чувствую напряжение в шее. Он нажал на шею и попросил сказать, что я чувствую. Хотя уже некоторое время я не продолжала интенсивного дыхания и чувствовала себя «снова нормальной», я тут же опять начала пение и танец, продолжавшиеся несколько минут. Потом я почувствовала, что освободилась от излишней энергии и действительно ощутила себя расслабившейся - в первый раз за много лет.

Второй сеанс дыхания

Во время второго сеанса я полностью вошла в состояние примерно через десять минут. Я начала бросать голову из стороны в сторону в том же ритмическом движении, что и в предыдущий раз. Это немедленно привело к резкой вспышке раздражения. Я молотила кулаками по матрасу в страшном гневе и громко кричала. Джеймс, Пол и Тара держали мои руки, ноги и плечи. Я впала в панику. Ко мне пришел образ ребенка, попавшего в какую-то слишком узкую щель. Я чуть было не попросила их прекратить - ужас был слишком велик.

Вдруг я вспомнила смелость Пайи во время того сеанса, когда я была сидящей. Четыре человека держали ее со всех сторон, когда она молотила руками и ногами, около двух часов. Я осталась со своим страхом и злостью, пока потребность бороться не покинула меня, и я успокоилась и расслабилась. Через некоторое время я снова начала глубоко дышать. На этот раз я лежала на животе и давила изо всех сил на подушку и на стену. Тара держала меня за ноги, так что я могла

отталкиваться от ее рук. Я извивалась, напрягалась и кричала. Ко мне пришли образы выкарабкивания из утробы, из пещеры, из ограничивающей меня жизненной ситуации. Минут через двадцать я опять успокоилась.

Когда я снова возобновила глубокое дыхание, мои ноги поднялись специфическим образом. Я почувствовала себя изнасилованной одновременно отцом, мужем и колокольной Церкви Христианской Науки в Бостоне! Я кричала и боролась несколько минут, пока это продолжалось. Затем пришел образ, будто мне в рот за- талкивают страницы книжки Христианской Науки и заставляют меня глотать, не прожевав, мировоззрение, отрицающее мое тело, мою сексуальность, меня саму. Чужая вселенная наполняла меня, объясняя мне, что я не хороша. Я устроила «ритуальную рвоту», руками помогая себе собрать желчь и раздражение из всего тела - вверх, к горлу и вон, со всеми звуками рвоты.

Я все более приходила в неистовство, силясь и стремясь до-биться рвоты. Это длилось около часа. Я чувствовала, что если не выброшу это из себя, то унесу эту желчь, эту чужую вселенную из этой комнаты с собой и буду носить ее всю оставшуюся жизнь. Я подумала о своей дочери. Если я не освобожусь от этого-го материала, она тоже попадет в эту ловушку, влипнет в ту же вселенную, которая отравила мою бабушку, моего отца, мужа и меня. «Грехи отцов» падут на нее. Я продолжала ей говорить, что делаю это для нее и что буду продолжать это вечно, если так нужно. А потом сильная потребность управлять переживаниями посредством рвоты покинула меня. Я успокоилась, оставив дочь на попечение вселенной.

Пока я лежала, меня наполнял образ. Я танцевала и радостно бегала вокруг пустой Церкви Матери в Бостоне с Мэри Бэйкер Эдди. Я столкнулась с ней в Комнате Матери. Мы вступили в сексуальную связь, затем побежали на второй балкон с левой стороны церкви. Один за другим все важные люди моей жизни присоединились к нам. Я узнала своего учителя по Христианской Науке, родителей, мужа, дочь, близкую подругу, сестру, терапевта, Рам Даса, Муктананду, Иисуса... Они все смотрели на меня с блаженными улыбками и говорили: «Все в порядке, мы просто шутили, играли роли. Все в порядке». Когда я пришла в себя, я держала правой рукой руку Пола, а левой - Тару. Джеймс мягко гладил меня по лицу. Я рассказала им, что это была за шу-тка, и поблагодарила за то, что они помогли мне снова найти Бога. Я сказала, что никогда еще не чувствовала себя так связанной с людьми, после такого чувства одиночества в моей жизни.

Третий сеанс дыхания

В начале третьего сеанса я все еще волновалась, ожидая начала процесса, хотя проделала это уже дважды. Я ощутила, что чувст-вую себя как космонавт перед стартом, который не вполне уве-рен, как сработают двигатели и куда он в конце концов попадет. В течение нескольких минут я уже была «там». Пришел очень ясный образ. Это было лицо моей дочери через несколько минут после ее рождения. Она смотрела на меня из колыбели в которую ее положили, рядом со мной, пока я лежала на кресле для ро-дов. Меня переполняла любовь к ней. Все сдерживающиеся эмо-ции вырвались из меня, и я стала сильно плакать. Я поняла в пер-вый раз в жизни, как сильно я люблю своего ребенка.

Затем образ изменился. Я увидела ее скелет, лежащий в ко-лыбельке, и потом сразу же снова ее тело, но на этот раз на меня глядело лицо моей матери. Я зарыдала сильнее. Вся любовь к матери, которую я никогда не позволяла себе почувствовать, вырвалась из меня. Я обхватила себя руками, согнулась в позе эмбриона и застонала. Глубокая скорбь переполняла меня. Я плакала о всей любви к ней, которую не смогла пережить. Ее лицо постепенно исчезло, и я увидела

лицо ее матери. Я плакала о моей бабушке, о печали ее жизни. Затем я увидела нас в подземной пещере. Скелет моей бабушки находился в самом низу, создавая опору для скелета матери, на котором, в свою очередь, лежал мой скелет, и я держала скелет дочери. Я застонала сильнее.

Еще около часа я продолжала стонать и качать в своих руках всех значимых в моей жизни женщин, оплакивая потери, упущенные возможности любви, все расставания, недоразумения, разлуки. Наконец я взяла в свои руки мужа (в возрасте около трех лет) и оплакала его - оплакала потерю его матери, потери его детства, недостаток нежности в его жизни. Затем сцена переменялась, и я смотрела, как детей отрывают от их матерей в концен-трационном лагере. Я рыдала и оплакивала их, и держала их в своих руках. Затем я держала тощее, раздувшееся тельце голодающего эфиопского ребенка и оплакивала горе матери. Последовав за этим образом, я оказалась на Юге, держа в руках чернокожую мать, сын которой был убит полицией и лежал умирающий в сточной канаве, а полиция не давала ей похоронить его. Я ре-вела так, будто оплакивала весь мир.

Успокоившись немного, я обнаружила себя утешающей всех мучимых - мужчину из Атланты, которого обвинили в сексуальном убийстве одиннадцати мальчиков, других насильников и убийц, всех, кто на моей памяти делал зло мне или другим. Я тихо напевала детский гимн: «Пастырь, покажи мне дорогу». Другие люди в группе кричали и метались, а я снова и снова напевала свою колыбельную. Еще немного глубокого дыхания, и я почувствовала себя вонне этого пространства, во Вселенной; я смотрела назад - на мир. Я слышала звуки «Обезьяньей песни с остро-ва Бали, которые казались громкими и свирепыми, как вспышки огня. Пах, пах! Я видела, как идет Гражданская война, видела испанскую Армаду, борьбу народов - Южной Америки и Африки, первую мировую войну, вторую мировую войну, Вьетнам... - все сразу, Война шествовала по всему земному шару, и время остановилось. И среди всего этого - маленький тихий островок утешающей музыки - моя колыбельная миру.

Позже, когда я очнулась от своих переживаний и просто лежала, я стала замечать других в комнате, они все еще стонали и метались. Я почувствовала к ним такое сострадание, как будто полные потоки энергий вселенской Матери проходили через меня. Моя женская сущность обрела свободу впервые в моей жизни, я прикоснулась к силам женской природы! Слезы текли у меня по лицу. Я оставалась в медитативном состоянии и видела еще ряд визуальных образов; один из них, наделенный большой силой, - сверкающие облака, расступающиеся в небе и раскрывающие ослепительную гигантскую орлицу. Ее белые сияющие перья были мягкими и сильными. Она привлекла меня к себе и нежно прижала к своей груди.

Через два часа после сеанса мы собрались, чтобы рассказать друг другу о своих переживаниях. Когда я оглядела людей вокруг себя, нежность и сострадание вновь наполнили меня и я почувствовала себя глубоко связанной со всеми присутствующими. Я чувствовала, что пролетела тысячи миль, чтобы соединиться с самой собой, что все мои отдельные «я» готовы соединиться со мной. Я ясно понимала, что никогда больше не буду одинокой, я была окружена другими моими «я»!

Мне хотелось бы завершить этот отчет отрывком из письма, которое мы получили годом позже в ответ на просьбу рассказать о том, как участники по прошествии времени оценивают и пересматривают эти переживания:

Вы спрашиваете о том, как продолжают действовать переживания сеансов дыхания. С тех пор прошло около года, и я полагаю, что то, что осталось у меня,

осталось действительно надолго, Наиболее поразительным и удовлетворяющим меня результатом является то, что я действительно и полностью приняла место, где я живу, почувствовала его своим домом - и это после шестнадцати лет борьбы с сильным желанием уехать оттуда. Я упоминала в своем отчете, что чувствовала, будто пролетела тысячу миль, чтобы встретиться с собой. В тот момент, высоко на холмах Эсалена, я начала жить дома. Это чувство непоколебимо оставалось со мной весь год после этого. Все, кто меня знал, были изумлены произошедшими со мной переменами.

Были и другие существенные изменения в моей жизни, которые я считаю прямым результатом семинара. После многих лет разговоров, раздумий и чтения о духовности, я реально пережила на семинаре состояние, которое считаю подлинно духовным. Этот духовный опыт продолжает наполнять мою жизнь. Какие-то проблемы продолжают возникать - работа, семья, брак, профессия и прочее, - но сохраняется и возрастает желание проникать в собственную глубину и дать этим проблемам решаться изнутри, а не манипулировать внешними обстоятельствами.

Уже два месяца как я медитирую каждый день. Это, как мне кажется, является хорошей практикой для меня. Я не прибегаю к специальным духовным техникам или учителю. Это просто время сосредоточения, время соприкосновения с настоящим, в результате чего я чувствую все большее спокойствие и тихую радость. Я замечаю, что излучаю больше любви, - раньше в моей жизни это было заблокировано. Я всегда хотела совместности, но до сих пор это часто вырождалось в доминирование, когда «эго» оказывалось препятствием для Самости. Сейчас я чувствую себя более свободной. Многие приходят ко мне за помощью и поддержкой разного рода - и это, как мне кажется, есть спонтанное признание извне того продвижения, которое происходит внутри.

Эффективные механизмы исцеления

и трансформации личности

Необыкновенное и часто драматическое воздействие психоделической и холотропной терапии на людей с различными эмоциональными и психосоматическими проблемами естественно ставит вопрос о механизмах происходящих изменений. В рамках традиционной психотерапии, основанной на психоанализе, устойчивые изменения глубоких психодинамических структур, лежащих в основе психопатологических симптомов, требуют многих лет систематической работы. Поэтому психиатры и психотерапевты очень склонны верить, что глубокие и устойчивые изменения личности могут произойти в течение нескольких дней или даже нескольких часов, поскольку принятые сейчас теории не дают возможности объяснить такие изменения.

Описание эффективных исцелений во время шаманских камланий, туземных ритуалов, собраний экстатических сект или трансовых танцев большинством западных ученых не принимались всерьез или приписывались внушаемости доверчивых дикарей. Внезапные изменения личностной структуры при так называемом «обращении» обычно считаются слишком неустойчивыми и непредсказуемыми, чтобы представлять интерес с терапевтической точки зрения. Однако нельзя отрицать тот факт, что религиозное, этическое, сексуальное, политическое и другие типы «обращений» оказывают глубокое и часто устойчивое влияние на человека. Это влияние не ограничено убеждениями, системами ценностей и жизненных стратегий, часто оно несет эмоциональное и психосоматическое исцеление, изменения в межличностных

отношениях и исчезновение таких глубоко ко-рнящихся привычек поведения, как алкоголизм и наркомания.

В этой связи я хотел бы также упомянуть яркий пример терапевтических и трансформирующих возможностей необычных состояний сознания, а именно изменения, наблюдающиеся у многих людей, подошедших близко к смерти. Психиатр Дэвид Роузен провел беседы с одиннадцатью людьми, выжившими после попытки самоубийства в форме прыжка с моста «Золотые ворота» и с моста «Залива» между Окландом и Сан-Франциско (Rosen, 1973). Он воссоздал их жизненную ситуацию и психосоматическое состояние перед попыткой самоубийства, рассмотрел мотивацию, приведшую к такой трагической развязке, расспросил о переживаниях во время падения и действиях по спасанию и изучил изменения личности и жизненного стиля, произошедшие в результате этих переживаний.

Он обнаружил глубокие изменения у всех, кто остался в живых после такой попытки. Это были поразительные эмоциональные и психосоматические улучшения, активное наслаждение жизнью, обнаружение духовных измерений существования или обновления прежних религиозных убеждений. Переживания, приведшие к этим изменениям, включали в себя падение и около десяти минут плавания в холодной воде (время, в течение которого человека можно спасти; если в течение этого времени помощь не приходит, поток уносит человека в открытый океан, что означает верную смерть). Поскольку несколько минут в холодной воде не могут привести к таким глубоким трансформациям (это было вполне основательно исследовано и показано во времена домедикаментозной психиатрии), эти трансформации, очевидно, следует приписать переживаниям во время падения.

Нетрудно подсчитать, что падение с моста до поверхности залива длится около трех секунд. Результаты трудно отнести к воздействию шока. Хотя общий процент смертности при таких прыжках составляет около 99%, большинство людей, с которыми беседовал Роузен, остались практически невредимыми. Следовательно, захватывающие внутренние переживания, длившиеся всего около трех секунд, порождали результаты, которых, возможно, не могли создать годы фрейдовского анализа.

Однако нужно иметь в виду, что в необычных состояниях сознания субъективное переживание времени радикально изменяется. В течение нескольких секунд человек может пережить богатую и сложную последовательность событий, которая субъективно длится долгое время или даже кажется вечностью.

Танатолог Кеннет Ринг приходит к тем же выводам в своей недавней книге «Направляясь к Омеге». Он посвящает специальный раздел книги изучению длительных эффектов переживания близости смерти (Ring, 1984). Среди этих эффектов - возрастание самоуважения и уверенности в себе, способности ценить жизнь и природу, личного статуса и материального достатка и возникновение универсальной духовности, выходящей за пределы разделяющих претензий частных религиозных конфессий. Это поразительно похоже на изменения в результате «пиковых переживаний», которые описывал Абрахам Мэслоу (Maslow, 1964).

История психиатрии содержит много примеров попытки использовать мощные переживания для терапии. В Древней Индии, например, использовали нападение специально обученного слона, который останавливался прямо перед пациентом. В других случаях пациента помещали в яму с кобрами, у которых были вырваны жала. Или организовывалось неожиданное падение в воду, когда пациент переходил мост со специально оборудованным механизмом. Для важных людей организовывали ложный суд, приговаривавший их к смерти. Казнь почти при-

водилась в исполнение, и лишь в последний момент возвещалось о помиловании (Hanzlfcek, 1961). Рассказывая об этом, я не собираюсь рекомендовать реальные или сымитированные ситуации угрозы жизни как терапевтическую стратегию для современной психиатрии. Я лишь хочу проиллюстрировать наблюдение, что психика содержит такие терапевтические и трансформирующие механизмы, возможности которых по своей величине не поддаются описанию ни одной традиционной теорией психотерапии.

Психоделическая и холотропная терапия делает возможным использование терапевтического и трансформирующего потенциала мощных переживаний без того риска, который подразумевается актуальным биологическим кризисом, или сложных розыгрышей вроде тех, которые мы только что описали. Динамика бессознательного, стимулированная соответствующими неспецифическими техниками, спонтанно породит мощные переживания столкновения со смертью, сравнимые по терапевтическому потенциалу с внешне индуцированными ситуациями. Однако, чтобы подход такого рода мог быть принят академической психиатрией, важно разъяснить механизмы драматических изменений и представить их в контексте общей теории личности. Лишь наиболее поверхностные переживания и изменения можно понять в рамках традиционного психиатрического мышления. Большинство же из них требует не только пересмотра концептуальных представлений психиатрии и психологии, но и нового научного мировоззрения, новой парадигмы.

Интенсификация известных терапевтических механизмов

Некоторые из терапевтических изменений, происходящих во время психоделических и холотропных сеансов, можно объяснить с точки зрения механизмов, описанных традиционной психотерапией. Однако даже в сравнительно поверхностных необычных состояниях сознания эти механизмы значительно интенсифицируются по сравнению со словесными процедурами. В более глубоких холотропных состояниях мы обычно встречаемся с механизмами терапевтического изменения, которые еще не обнаружены и не признаны в традиционной психиатрии.

Необычные состояния сознания, как правило, значительно изменяют отношение между сознательной и бессознательной динамикой психики. Они ослабляют защиты и психологические сопротивления. В этих обстоятельствах обычно не только возникают подавлявшиеся воспоминания, но человек полностью переживает эмоционально значимые события прошлого в состоянии возрастной регрессии. Бессознательный материал может также проявиться в форме различных символических переживаний, напоминающих сон и поддающихся расшифровке с помощью фрейдовской техники интерпретации сновидений. Проявление этого бессознательного содержания, которое иначе не было бы доступным, часто сопровождается значительными эмоциональными и интеллектуальными прозрениями относительно природы психопатологических симптомов в межличностных отношениях человека.

Терапевтические возможности проживания заново эмоционально значимых эпизодов детства включают несколько важных моментов. Психопатология черпает свою динамическую силу из хранилищ подавленной эмоциональной и психической энергии. Этот факт впервые был описан Фрейдом и Брейером в их исследовании истерии (Freud, 1936). Сам Фрейд впоследствии преуменьшал значение этого фактора, и лишь известный психоаналитический отступник Вильгельм Райх обнаружил теоретическое и практическое значение биоэнергетической динамики организма (Reich 1949, 1961). В психоделической и холотропной терапии

высвобождение этих энергий и их периферическая разрядка играют очень существенную роль. Традиционно такое высвобождение называют отреагированием, если это связано с определенным специфическим биографическим содержанием. Разрядку более обобщенных эмоциональных и физических напряжений обычно называют катарсисом.

Поскольку роль отреагирования и катарсиса в контексте психоделической и холотропной терапии должна быть существенно пересмотрена, нужно уделить им некоторое внимание. Терапевтические возможности эмоционального катарсиса были известны уже в Древней Греции. Платон дал живое описание эмоционального катарсиса в диалоге «Федр», говоря о ритуальном сумасшествии корибантов. Он отмечал значительные терапевтические возможности дикого танца под звуки флейт и барабанов, доходящего до исступления и завершающегося состоянием глубокой релаксации и покоя. Предполагают, что сам Платон был посвящен в Элевсинские мистерии, так что его описание, по-видимому, основано на собственном опыте.

Другой великий греческий философ, ученик Платона, Аристотель, впервые явно утверждал, что полное переживание и высвобождение подавляемых эмоций является эффективным средством против психических болезней. Аристотель полагал, что хаос и неистовство мистерий в конце концов ведет к установлению порядка. Посредством употребления вина, средств, усиливающих сексуальное возбуждение, и музыки посвященные переживают разгул страстей, за которым следует целительный катарсис (Croissant, 1932).

Механизм отреагирования, описанный Фрейдом и Брейером, играл важную роль в представлениях раннего Фрейда о природе терапии психоневроза, особенно истерии. По этим представлениям невроз вызывается пережитой в детстве травматической ситуацией в обстоятельствах, которые не допускают периферической разрядки эмоциональной энергии, вызванной травмой. Это создает области «застывших», подавленных эмоций. Цель терапии состоит в том, чтобы вернуть вытесненные воспоминания в сознание в безопасной ситуации, создавая условия для несостоявшейся ранее разрядки.

Позже Фрейд отказался от этих представлений, отдав предпочтение другим механизмам терапии, в особенности переносу. Под его влиянием в психотерапии сложилась точка зрения, что отреагирование не способно вызвать устойчивые терапевтические изменения. Однако предполагается, что оно все же является возможным методом при работе с эмоциональными трудностями, вызванными единичной значительной психотравмой, вроде невроза участников войны или других подобных эмоциональных расстройств.

С точки зрения психоделической и холотропной терапии исключение из психоанализа отреагирования в пользу более тонких и поверхностных механизмов и техник было ошибкой Фрейда. Исключительно словесный подход совершенно неадекватен в работе с биоэнергетической ситуацией, лежащей в основе психопатологии. Причина, по которой отреагирование не приводило к устойчивым терапевтическим изменениям, состояла в том, что оно не было достаточно глубоким и радикальным.

Чтобы отреагирование было полностью эффективным, терапевт должен содействовать его полному осуществлению. Часто это выводит за пределы биографической травмы психологической природы, к воспоминаниям о физических событиях, угрожавших жизни (детская пневмония, дифтерия, операции и несчастные случаи, опасность утонуть), о различных аспектах биологического

рождения и даже к воспоминаниям о прошлых воплощениях и других феноменах трансперсональной области.

Такое отреагирование может принимать весьма драматические формы и вести к временной потере контроля, неукротимой рвоте, удушающему кашлю, временной потере сознания (выпа-дению) и другим подобным проявлениям. Это объясняет так-же, почему отреагирование оказывалось эффективным в рабо-те с травматическими невротами, когда терапевт был готов к тому, чтобы иметь дело с воспроизведением ситуаций, угрожа-ющих жизни. Если же терапевт не готов - эмоционально или из-за своих теоретических убеждений - к тому, чтобы иметь дело с полным диапазоном феноменов отреагирования, он до-пустит лишь его урезанные формы и уровни, что не приведет к устойчивым результатам.

Хотя отреагирование и играет важную роль в холотропной терапии, это лишь один из механизмов, приводящих к терапев-тическим изменениям. Существуют важные дополнительные факторы даже на уровне биографических травм. Человек, пере-живающий полную регрессию в детство, к тому времени, когда имела место определенная травма, буквально становится сно-ва младенцем или ребенком. Это предполагает соответствующий образ тела, примитивные эмоции, наивное восприятие и понимание мира. Одновременно с этим он/она имеет доступ к зрелому восприятию мира взрослого. Это делает возможным интеграцию травматических событий посредством их энергетиче-ской разрядки, полного их осознания и оценки их с точки зрения взрослого. Это особенно важно в тех случаях, когда не-зрелость или неясность мировоззрения были важными элемен-тами травмы. Факторы такого рода наиболее ясно описаны Гре-гори Бэйтсоном в его теории «двойной связанности» (Bateson, 1972) и в работе Элис Миллер (Miller, 1985).

Интересный вопрос, касающийся переживания заново тра-вмы детства, заключается в следующем: почему проживание болезненной ситуации прошлого должно стать непременно те-рапевтическим, а не травмирующим опять? Обычный ответ со-стоит в том, что взрослый человек может встретить и интегри-ровать переживания, с которыми он не мог справиться, будучи ребенком. Кроме того, терапевтическая ситуация, с ее подцер-жкой и доверием, резко отличается от ситуации в прошлом. Это может служить объяснением для некоторых сравнитель-но незначительных психологических травм. Для тех ситуаций, когда травма велика, особенно когда имеет место угроза жиз-ни или телу ребенка, в дело вовлекаются другие важные ме-ханизмы.

Очень вероятно, что в ситуациях такого рода травматичес-кое событие не было в действительности полностью пережито в тот момент, когда оно происходило. Значительный психоло-гический шок может вести к потере сознания и обмороку. Можно предположить, что менее драматические обстоятельства приводят к тому, что переживание вытесняется не полностью, а частично. В результате событие не может быть психологиче-ски полностью «переварено» и интегрировано и остается в пси-хике диссоциированным, чуждым элементом. Когда оно появ-ляется из бессознательного во время психоделической или холотропной терапии, то оно не столько «проживается вновь», сколько впервые переживается полностью, что делает возмож-ным завершить и интегрировать его. Проблема «проживания вновь» в сравнении с первым полным сознательным пережива-нием травматического события обсуждается в специальной статье ирландского психиатра Айвора Брауна и его сотрудни-ков (McGee et al., 1984).

Последний традиционный терапевтический механизм, кото-рый следует обсудить в этом контексте, - это перенос. В пси-хоаналитически ориентированной терапии считается необходи-мым, чтобы у пациента в процессе анализа возник невроз пере-

носа, состоящий в проецировании на терапевта целого спектра эмоциональных реакций и установок, обычно возникающих в детстве или младенчестве по отношению к родителям или лицам, выполняющим их роль. Механизм терапии состоит в последующем анализе этого переноса. В психоделической и холотропной терапии потенциал возникновения переноса в принципе очень велик. Однако это оказывается скорее препятствием, нежели необходимым условием успешной терапии.

В отличие от словесной терапии, ситуация эмпирического переживания создает человеку возможность в течение короткого времени войти в первоначальную травмирующую ситуацию и тем самым приблизиться к корням своей проблемы. Люди довольно часто уже во время первого психоделического или холотропного сеанса достигают регрессии к оральному уровню развития, или переживают свое биологическое рождение, или даже соприкасаются с трансперсональным миром. В этих условиях появление переноса можно рассматривать скорее как проявление сопротивления по отношению к проживанию первоначальной травмы.

Для человека во многих случаях менее болезненно создать искусственную проблему в терапевтических отношениях, проецируя на них элементы первоначальной травмы, чем обратиться к реальной проблеме, что может быть гораздо более опустошительным. Задача терапевта в таком случае состоит в том, чтобы вернуть внимание пациента к интроспективным процессам, поскольку лишь это обещает эффективное разрешение проблемы. Когда терапевтическая работа проводится таким образом, становится очевидным, что перенос - это защита, имеющая целью уйти от перегруженной проблемы прошлого посредством создания менее угрожающей и в большей степени поддающейся управлению псевдопроблемы в настоящем.

Другим источником переноса может быть значительный дефицит эмоциональных контактов в детстве. В таком случае пациент ищет в терапевтическом процессе анаклитического удовольствия, не пережитого в детстве. Лучшее разрешение этой проблемы - терапевтическое использование физического контакта. Хотя это очевидным образом нарушает фрейдовское табу, наложенное на физическое прикосновение, это не увеличивает, а уменьшает проблемы переноса, и этот терапевтический эффект вполне очевиден. Проблематику физического контакта во время холотропных сеансов мы обсуждали в одной из предыдущих глав.

Возможности психоделической и холотропной терапии не сводятся к интенсификации известных терапевтических механизмов. Этот подход создает доступ к множеству других могущественных и радикальных терапевтических и трансформирующих механизмов, которые еще не обнаружены и не признаны западной академической психиатрией. Далее я опишу наиболее важные из них.

Динамические сдвиги в системах, управляющих психикой

Многие драматические изменения, возникающие в результате психоделических или холотропных переживаний, можно объяснить динамическим взаимодействием бессознательных сгущений, несущих функцию управляющих систем. Мы уже говорили о наиболее важных системах такого рода, описывая картографию психики. Системы конденсированного опыта (СКО) организуют важный эмоциональный материал на биографическом уровне. Базовые перинатальные матрицы (БПМ) выполняют ту же функцию по отношению к накопленным в психике переживаниям перинатального уровня. Существует также большой спектр динамических матриц, связанных с различными типами трансперсональных переживаний.

В эпизодах необычных состояний сознания динамические управляющие системы определяют контекст переживаний человека. Система, определяющая

переживания заключительного периода в сеансе, более тонким образом определяет восприятия себя и среды, эмоциональные реакции, ценности и даже различные психосоматические функции человека после сеанса. В соответствии с эмоциональной природой мы можем различить негативные управляющие системы (негативные СКО, БПМ-II, БПМ-III, негативные аспекты БПМ-I, негативные трансперсональные матрицы) и позитивные управляющие системы (позитивные СКО, позитивные аспекты БПМ-I, БПМ-IV и позитивные трансперсональные матрицы).

Общая стратегия психоделических и холотропных сеансов состоит в том, чтобы уменьшить эмоциональный заряд негативных систем, обеспечить сознательную интеграцию появляющегося болезненного материала и способствовать эмпирическому доступу к позитивным динамическим системам. Более специфическая тактика заключается в том, чтобы структурировать окончание каждого индивидуального сеанса таким образом, чтобы психологический гештальт, проявившийся на сеансе, успешно завершился и был интегрирован. Проявляющиеся клинические состояния человека - это не общее выражение всего его бессознательного материала. Оно в большей степени зависит от настройки динамической системы, которая выделяет определенный аспект психики и выдвигает его на передний план,

Человек, настроенный на различные уровни негативных матриц, воспринимает себя и мир пессимистически, в той или иной степени переживает эмоциональный и психосоматический стресс. Человек, находящийся под влиянием позитивной динамической системы, пребывает в состоянии эмоционального благополучия и оптимального психосоматического функционирования. И в том и в другом случае качественные особенности состояния зависят от того, какой уровень психики активизирован, от типа динамической матрицы и природы вовлеченного в ситуацию бессознательного материала.

Человек, находящийся под влиянием определенной СКО, конкретнее - под влиянием определенного ее уровня, будет воспринимать себя и мир с точки зрения ее ведущей темы и вести себя таким образом, чтобы в текущей ситуации воспроизводились первоначальные травмирующие элементы. Это могут быть родители или другие авторитеты, братья и сестры, сексуальные партнеры, различные специфические ситуации и другие элементы. Динамическое влияние СКО приносит в жизнь человека архаические и анахронические элементы. Роль СКО в человеческой жизни и связанные с этим механизмы подробно рассматриваются и иллюстрируются клиническим материалом в моей книге «Области человеческого бессознательного».

Под влиянием позитивных аспектов БПМ-I (амниотическая вселенная) человек видит мир необыкновенно прекрасным, сияющим, безопасным и питающим. Он глубоко сознает духовные и мистические измерения бытия и переживает чувство единства со всем и причастности ко всему. Жизнь представляется Божественной игрой, которой можно полностью довериться. Негативные аспекты БПМ-I вносят элемент психотического искажения. Неопределенность границ из мистической и экзотической превращается в пугающую. Испытуемый чувствует угрозу нападения демонических сил, испуган и часто чувствует себя отравленным. В этом состоянии мир пугает своей неопределенностью и вызывает панику и паранойю.

Начальная фаза БПМ-II (космическое поглощение) очень похожа на негативные аспекты БПМ-I. Это естественно, поскольку начало процесса рождения представляет собой фундаментальное и необратимое нарушение внутриутробного состояния. Единственное различие состоит в ощущении механической ловушки и

клаустрофобии, характерных для БПМ-II и отсутствующих в БПМ-I. Под влиянием полностью развернутой БПМ-II (безвыходность, или ад) мир представляется безнадежным местом, исполненным абсурдного, бессмысленного сострадания, или игрой безжизненных роботов. Человек переживает глубокое чувство вины или отождествляется с ролью беспомощной жертвы.

Под влиянием БПМ-III (борьба смерти и возрождения) человек переживает огромное физическое и эмоциональное напряжение и, как правило, сталкивается с проблемой контролирования разрушительных и саморазрушительных импульсов. Это может быть связано с сильными садистскими или мазохистическими фантазиями и наклонностями, сексуальными нарушениями и преобладанием демонических, извращенных и скатологических тем. Мир представляется опасным местом - экзистенциальным полем борьбы по закону джунглей, где каждому нужно быть сильным, чтобы выжить и удовлетворить свои нужды.

Динамическое преобладание БПМ-IV (переживание смерти и возрождения) характеризуется - если биологическое рождение не было осложнено тяжелой анестезией или другими значительными нарушениями - переживанием физического и духовного возрождения, омоложения и эмоционального обновления. Человек возбужден и полон энергии, но при этом сосредоточен и умиротворен и воспринимает мир обновленными чувствами. Он переживает радость жизни и обновленную значимость обычных аспектов существования - природы, музыки, пищи, секса, работы и человеческих отношений.

Трудно дать общее описание воздействия трансперсональных матриц, поскольку они очень разнообразны и создают богатые возможности. В жизни человека может доминировать тема предыдущего воплощения, позитивного или демонического архетипа, фрагмент памяти предков, расы или филогенетической памяти, шаманское чувство единства с природой, легкий доступ к экстрасенсорному восприятию и многое другое.

Изменения в управляющем воздействии динамических матриц могут произойти в результате различных биохимических и физиологических процессов в организме или как реакция на внешнее влияние физиологической или физической природы. Многие случаи клинического улучшения могут быть объяснены сдвигом от физиологического доминирования негативной динамической системы к выборочному влиянию позитивной констелляции. Такое изменение не обязательно означает, что бессознательный материал, лежащий в основе психопатологического состояния, проработан. Это просто указывает на внутренний динамический сдвиг от одной управляющей системы к другой.

Этот сдвиг, который может происходить на различных уровнях, мы будем называть трансмодуляцией. Сдвиг от одной биографической констелляции к другой можно назвать трансмодуляцией СКО. Подобный сдвиг от доминирования одной перинатальной матрицы к доминированию другой можно назвать трансмодуляцией БПМ. Наконец, трансперсональные трансмодуляции состоят в сдвигах между динамическими системами трансиндивидуальной природы. В зависимости от эмоционального качества управляющей системы и соответствующих клинических изменений мы можем говорить о позитивных, негативных и замещающих трансмодуляциях.

Типичная позитивная трансмодуляция происходит в две фазы. На первой интенсифицируется доминирующая негативная система, а затем следует внезапный динамический сдвиг к позитивной. Однако если сильная позитивная система достаточно доступна, она может доминировать в психоделическом или холотропном

сеансе с самого начала. В этом случае негативная система составляет фон. Сдвиг от одной динамической системы к другой не всегда ведет к клиническим улучшениям. Негативная трансмодуляция состоит в сдвиге от нейтральной или даже позитивной ситуации к негативной, что ведет к появлению новых клинических симптомов, которых ранее индивид не проявлял.

Среди динамических сдвигов особый интерес представляет замещающая трансмодуляция, то есть сдвиг от одной негативной системы к другой. Внешнее проявление этого внутриспсихического события состоит в качественном изменении психо-патологии от одного синдрома к другому. В некоторых случаях это изменение может быть столь драматичным, что пациент оказывается в иной диагностической категории. Хотя возникшее в результате этого состояние кажется совершенно новым, тщательный анализ показывает, что его динамические элементы существовали в психике до того, как произошел сдвиг. Драматический пример сдвига от глубокой депрессии к истерическому параличу описан в моей книге «ЛСД-психотерапия» (Grof, 1980, Р. 219). Возможны также замещающие сдвиги от одной позитивной системы к другой, однако их труднее различить, так как спектр негативных проявлений гораздо богаче, чем спектр позитивных.

Терапевт, прибегающий к психоделической или холотропной терапии, должен быть знаком с описанными механизмами и должен сознавать, что устойчивые изменения могут быть следствием не только глубокой проработки бессознательного материала, но и динамических сдвигов, меняющих перспективу переживаний человека.

Терапевтические возможности

процесса смерти и возрождения

Мощное эмпирическое переживание смерти и нового рождения может привести к драматическому смягчению эмоциональных, психосоматических и межличностных трудностей, которые ранее не поддавались психотерапевтической работе, сосредоточенной на постнатальном биографическом материале. Негативные перинатальные матрицы оказываются хранилищем эмоциональных и физических ощущений чрезвычайной интенсивности. Как описано в другой моей книге (Grof, 1985), они являются потенциальным эмпирическим источником многих психопатологических синдромов. Неудивительно, что значимая работа на перинатальном уровне психики может повлиять на широкий спектр психиатрических проблем. Глубокое переживание неомраченного внутриутробного существования и сосуществования космического единства (БПМ-1) обладает универсальными терапевтическими возможностями экстраординарной силы.

Такие важные симптомы, как тревога, агрессия, депрессия, страх смерти, чувство вины, садомазохистические тенденции, общее эмоциональное и физическое напряжение или комплекс неполноценности, по-видимому, коренятся в перинатальной области бессознательного. Точно также патологический интерес к различным физиологическим функциям или биологическому материалу, различные психосоматические симптомы, странные ипохондрические жалобы восходят к процессу смерти и возрождения. Сюда относятся, например, обыкновенная головная боль и мигрени, мышечные спазмы и боль в различных частях тела, различные треморы и дискинезии. Среди физических симптомов определенно имеющих перинатальное происхождение, - сердечная недостаточность, тошнота и рвота, невротическое чувство недостатка кислорода и удушья, психогенная астма и менструальные спазмы.

Эмпирическая работа, затрагивающая перинатальные матрицы, как правило, необходима, чтобы существенным образом воздействовать на вытесняемую или, наоборот, преувеличенную депрессию, ненависть к себе, саморазрушительные тенденции. Мощное проживание смерти и возрождения Эго преодолевает или значительно уменьшает суицидальные тенденции и склонности. Клиенты, пережившие опыт психологической смерти и возрождения и/или чувство космического единства обретают, как правило, негативную установку по отношению к состояниям, вызываемым алкоголем и наркотиками. Уильям Джеймс писал в свое время, что религиозное обращение - лучшая терапия от алкоголизма («лучшее средство от неудержимого пьянства - религиозная неудержимость»). Важность глубоких духовных переживаний для преодоления алкоголизма отмечал также К. Г. Юнг. Его известный рецепт «spiritus contro spiritum» («дух против вина») стал философской базой наиболее успешной программы борьбы с алкоголизмом - АА («А»-нимные алкоголики).

Жестокая агрессия, импульсивное поведение, нанесение вреда самому себе, садомазохистические тенденции также в значительной мере коренятся в переживаниях перинатального уровня. Активизация БПМ-III, как правило, вызывает у человека сцены насилия, массового уничтожения, войны, садомазохистических оргий. Экстериоризация глубоких деструктивных и саморазрушительных тенденций - один из наиболее важных аспектов борьбы смерти и возрождения. При этом мобилизуется и разряжается огромная деструктивная энергия, в результате чего наступает значительное уменьшение агрессивных чувств и тенденций. Переживание психологического и духовного возрождения (БПМ-IV) обычно связано с чувством любви, сострадания и уважения к жизни.

Перинатальные элементы играют важную роль в динамике различных тревожных состояний и фобий, в особенности клаустрофобии, танатофобии и нозофобии. То же относится к симптоматике конверсионной истерии и определенным аспектам неврозов одержимости. Многие сексуальные расстройства и отклонения коренятся на перинатальном уровне психики и могут быть логично объяснены с точки зрения сексуальных компонентов БПМ-III. Это наиболее очевидно для импотенции, неспособности достигнуть оргазма, менструальных спазмов, болезненных вагинальных спазмов во время коитуса. Определенные перинатальные детерминанты можно обнаружить в патологическом интересе к биологическому материалу в сексуальном контексте - копрофагии, уролагнии и в садомазохистических склонностях. Глубокая и эффективная эмпирическая проработка этих проблем всегда доводит по крайней мере до уровня биологического рождения.

Необходимо отметить, что многие необычные состояния сознания, которые традиционная психиатрия рассматривает как психозы, то есть как проявления психического расстройства неизвестной этиологии, могут возникнуть в результате активизации перинатальных матриц. Успешное завершение психологического процесса смерти и возрождения может привести к значительным терапевтическим результатам, которые превосходят все, что может быть достигнуто неразборчивым использованием подавляющей терапии (S. and K. Grof, 1986).

Терапевтические механизмы

трансперсонального уровня

Наиболее, может быть, интересные наблюдения холотропной и психоделической терапии связаны с терапевтическими возможностями трансперсональных переживаний. Во многих случаях специфические эмоциональные и психосоматические симптомы коренятся в динамических матрицах трансперсональной природы и не могут быть разрешены на уровне биографических или даже перинатальных переживаний. Человеку необходимо пережить драматический трансперсональный опыт, чтобы разрешить такие проблемы.

Зачастую проблематичные эмоции или психосоматические симптомы восходят к различным эмбриональным переживаниям. Они исчезают или в значительной степени смягчаются, если человек вновь переживает различные внутриутробные травмы, связанные с медицинскими проблемами матери, с попытками аборта, эмоциональными кризисами матери во время беременности, отравлением плода или с ощущением своей нежеланности («плохая, отвергающая матка»). В таких случаях использование физического контакта («терапия слиянием») может быть особенно ценным (McCrick, n.d.).

В некоторых случаях проблема уходит своими корнями в особые переживания из жизни предков человека и может быть разрешена переживанием и интеграцией памяти предков. Иногда проблемы оказываются интериоризированными конфликтами между семьями предков, и их необходимо решать на этом уровне. Нередко встречаются значимые связи с расовой или коллективной памятью (по К. Г. Юнгу), или же проблема коренится в эволюционном происхождении.

Особенно драматические изменения, относящиеся к эмоциональному или психосоматическому состоянию и многим другим аспектам жизни человека, можно наблюдать в связи с опытом прошлых жизней. Иногда они возникают одновременно с различными перинатальными переживаниями, иногда как самостоятельные эмпирические образы. Проблемы, связанные с кармическим паттерном, исчезают, когда полностью вновь переживаются травматические воспоминания и человек достигает чувства прощения - он прощает или его прощают (см. далее пример пациентов Денис Келси и Джоан Грант). Часто это происходит одновременно с независимыми изменениями в жизни и установках людей, которых испытывающий переживание человек опознает как протагонистов кармического эпизода.

Бывают случаи, когда эмоциональный или психосоматический симптом имеет под собой холотропный гештальт, включающий различные нечеловеческие формы жизни - животных на различных стадиях эволюционной лестницы Дарвина, и даже растения. Чтобы разрешить проблему такого рода, человеку нужно допустить полное эмпирическое отождествление с подобным организмом (см. далее случай Мэрион и Марты). Часто симптомы, установки и поведение оказываются проявлением архетипического образа. Иногда высвобождаемая энергия имеет зловещее качество и воспринимается как «зло» самим испытуемым, а нередко и теми, кто присутствует во время сеанса. Это состояние поразительно напоминает так называемую «одержимость духами», и терапевтический сеанс во многом принимает характер экзорцизма (согласно определению, принятому католической церковью) или изгнания злых духов в примитивных культурах (в качестве типичного примера см. ниже историю Флоры).

Два типа трансперсональных переживаний абстрактной и весьма обобщенной природы заслуживают здесь специального рассмотрения. Первый можно описать как отождествление с Универсальным Разумом, Космическим Сознанием, или Абсолютом. Второй - отождествление со Сверхкосмической и Ме-такосмической

Пустотой. Они обладают экстраординарными терапевтическими возможностями, включая в себя механизмы, находящиеся в метапозиции по отношению ко всем остальным. Их трудно описать словами. Они могут привести к духовным и философским прозрениям столь высокого уровня, что все остальное получает новое определение и начинает выглядеть совершенно иначе.

Трансперсональные переживания крайне важны и ценны. По иронии судьбы, явления с такими огромными терапевтическими возможностями, с которыми в западной психиатрии не может сравниться ничто, рассматриваются преимущественно как патологические, и психиатрия пытается подавлять их медикаментозным путем. Терапевт, не способный принять их в силу своих философских предрассудков, отказывается от терапевтических средств огромной мощности.

Лечение как движение к целостности

Как уже было сказано, терапевтические механизмы, действующие в холотропной терапии, весьма разнообразны. Когда акти-визируется психика и симптомы превращаются в поток опыта, важные терапевтические изменения могут произойти в связи с проживанием заново событий детства - с различными аспектами и гранями перинатальной динамики, со многими различными типами трансперсональных феноменов. Возникает вопрос, не могут ли эти разные терапевтические события быть сведены к чему-то общему. Понятно, что эффективный механизм, который мог бы объяснить столь разнообразные феномены, происходящие на столь различных уровнях, должен быть чрезвычайно обобщенным и универсальным.

Обнаружение общего терапевтического механизма требует совершенно нового понимания природы человека и радикального пересмотра западного научного мировоззрения. Фундаментальная черта этой новой парадигмы для психологии и для науки в целом - это понимание того, что сознание - первичное свойство существования, а не эпифеномен материи. В книге «За пределами мозга» я писал об этом новом видении реальности, независимо возникающем в различных научных дисциплинах, таких, как квантово-релятивистская физика, астрофизика, теория информации и теория систем, кибернетика, термодинамика, биология, антропология, танатология и современные исследования сознания. Здесь же я лишь вкратце опишу то, что следует из этого нового мировоззрения для понимания психотерапии.

Современные исследования ясно показывают, что люди обладают странной и парадоксальной природой. В контексте традиционного подхода механистической науки людей можно представлять себе как отдельные ньютоновские объекты - сложные биологические машины, состоящие из клеток, тканей и органов. Однако недавние открытия подтверждают утверждения древней философии и великих мистических традиций, что люди являются также бесконечными полями сознания, превосходящими пределы времени, пространства и линейной причинности. Это представление сходно с известным парадоксом частиц и волн в отношении материи и света, описанном в принципе дополнителности Бора.

Эти два взаимодополняющие аспекта человеческой природы эмпирически связаны с двумя различными модусами сознания, которые мы вкратце упоминали ранее. Первый можно назвать холотропным сознанием, подчеркивая ориентированность этого сознания на материю (греческое «hile» - материя, «trepein» - двигаться в определенном направлении). Это состояние сознания, в котором мы находимся в нашей повседневной жизни и которое западная психиатрия

рассматривает как единственно нормальное и «законное», полагая, что в нем правильно отражается объективная реальность мира.

В хилотропном модусе сознания человек считает себя физическим телом с определенными границами и ограниченными способностями восприятия. Мир представляется состоящим из отдельных материальных объектов и обладает определенно ньютоновскими характеристиками: время линейно, пространство трехмерно, а все события соответствуют цепочкам причин и следствий. Опыт в этом мире систематически подтверждает ряд фундаментальных положений о мире, вроде следующих: материя обладает плотностью; два объекта не могут занимать одно и то же место в пространстве; прошлые события необратимы; будущие события недоступны непосредственному опыту; человек не может быть более чем в одном месте одновременно; человек может существовать только в одном измерении времени; целое больше части; одно и то же не может быть истинным и неистинным в одно и то же время

В противоположность узкому и ограниченному хилотропно-, му модусу, холотропный предполагает восприятие себя как потенциально неограниченного поля сознания, имеющего доступ к любым аспектам реальности без участия органов восприятия. «Холотропный» буквально переводится как «стремящийся к целостности» или «движущийся к целостности» (от греческих слов «holosi - целое» и «trepein» - двигаться в определенном направлении). Опыт в этом состоянии сознания предлагает много интересных альтернатив ньютоновскому миру материи с линейным временем и трехмерным пространством. Он систематически подтверждает набор положений, кардинально отличающихся от установочных положений хилотропного сознания: плотность и дискретность материи - это иллюзия, порождаемая определенной «оркестровкой» событий в сознании; время и пространство совершенно условны; одно и то же пространство может в одно и то же время занимать многими объектами; прошлое и будущее всегда доступны и могут быть эмпирически привнесены в настоящий момент; человек может воспринимать себя в одно и то же время в разных местах; возможно в одно и то же время воспринимать различные системы времени; можно быть одновременно и частью, и целым; одно и то же может быть и истинным, и неистинным в одно и то же время; форма и пустота существования и несуществования взаимозаменяемы и т. д.

В человеческой психике эти два модуса находятся, по-видимому, в динамическом взаимодействии. Хилотропное сознание привлекается элементами холотропного сознания, и, наоборот, холотропные формы сознания обнаруживают тенденцию к проникновению в повседневное сознание. Средний «здоровый» человек обладает достаточно развитой системой психологических защит от холотропных вторжений. Психопатологические симптомы психогенного характера могут рассматриваться как амальгама или гибрид элементов двух модусов, интерпретируемые как искажения общепринятого образа ньютоновской реальности. Это отражает ситуацию, когда холотропные и хилотропные элементы борются за поле опыта человека, что происходит, когда система защит ослаблена или холотропный образ особенно силен.

Важно понимать, что в хилотропной модальности можно воспринимать только настоящий момент и данное местоположение («здесь и теперь») в феноменальном мире общепринятой реальности и ее изменение от мгновения к мгновению. Это все, что мы можем воспринять в хилотропном модусе сознания. Кроме того, природа и объем сегмента материального мира, который мы можем воспринять, решающим

образом зависит от физических характеристик ньютоновского мира и от свойств органов восприятия. В отличие от этого, в холотропном состоянии сознания человек потенциально имеет эмпирический доступ ко всем остальным аспектам феноменального мира в настоящем, прошлом и будущем, так же как и к тонким причинным мирам и к Абсолюту.

Некоторые из этих холотропных переживаний - когда они происходят в полном сознании - интерпретируются человеком в терминах «обладания» с точки зрения тела-Эго: мое детское воспоминание, мое рождение, мое эмбриональное развитие, мое зачатие, воспоминание из жизни моих человеческих или животных предков, моя прошлая жизнь или эпизод из моей будущей жизни. Другие переживания определенно принимают форму встречи с чем-то, что является, очевидно, иным, нежели тело-Эго при всем его расширении. Примером этого может быть опыт телепатической связи с другим человеком или животным, анимистическое общение с растениями и даже элементами неживой природы, встреча с внеземными сущностями или разумными. Третья возможность - это полное эмпирическое отождествление с различными аспектами мира без интерпретации в духе обладания. Примером может быть медиумический опыт, отождествление с растениями или животными, переживание неорганических объектов или процессов, коллективные или расовые воспоминания по Юнгу и др.

Области, которых может достигнуть холотропное сознание, не ограничиваются материальным пространственно-временным миром. Оно простирается за пределы границ ньютоновской реальности во всех отношениях и обеспечивает доступ к нео-

бычным измерениям реальности. Сюда относятся, например, астральные миры невоплощенных сущностей, мира сверхчеловеческих существ, преисподняя и небеса, населенные блажен-

ными божествами и демонами, мир юнговских архетипов и различные мифологические и легендарные миры. Удивительно обнаружить, что динамические силы, лежащие в основе пси-

хопатологических симптомов, - это холотропные гештальты, представляющие собой различные царства феноменального мира. Однако во многих случаях симптомы явно основываются на элементах необычных реальностей. Часто в динамической структуре определенной проблемы участвуют факторы того и другого рода.

Психогенный симптом представляет собой гибрид холотропного существования и холотропной темы, пытающейся проникнуть в сознание. Человек не способен подавить бессознательный материал, но он также не дает ему полностью войти в сознание и быть интегрированным. Холотропное постижение мира в чистой форме не создает никаких проблем. Точно также и холотропные переживания вполне приемлемы и даже желательны, если только они происходят в безопасном контексте, КОИ-да человеку не приходится иметь дело с внешней реальностью. Лишь труднопостижимое переплетение того и другого порождает психопатологию.

Карл Прибрам, с которым я обсуждал эти представления в связи с голографической моделью Вселенной и мозга, предложил интересную аналогию. Человек, плывущий в океане далеко от берега, имеет дело исключительно с миром волн, и он не должен беспокоиться, как бы они не были велики. Тот же человек может залезть на высокую скалу на берегу и иметь дело исключительно с миром

твердых форм. С этим то же не возникает никаких проблем. Трудности представляет лишь пограничная линия, где смешиваются два мира и ни один из них не может переживаться по своим собственным законам.

Однако эта аналогия нуждается в некотором уточнении. Как хорошо известно из субатомных исследований современной физики, материальный мир, рассматриваемый с хилотропной точки зрения, также не есть мир форм, обладающих плотностью. Вселенная по своей сути является вибрирующей динамической системой. Гносеологический анализ процесса восприятия в хилотропном модусе также разбивает мир твердых нью-тоновских объектов на систему субъективных восприятий, связанных с различными сенсорными модальностями. Так что аналогией здесь может быть соперничество двух телевизионных каналов, передающих программы с различными характеристиками по одной и той же телевизионной сети.

Если мы понимаем психопатологию как интерференцию холотропного и хилотропного модусов сознания, мы приходим к новой психотерапевтической стратегии. Человеку предлагается техника, индуцирующая необычное состояние сознания и обеспечивающая доступ к холотропной модальности. При этом холотропная тема, лежащая в основе симптомов, автоматически wpłyвает в сознание. Различные аспекты симптомов, казавшиеся странными и непостижимыми, внезапно обретают четкий смысл как производные лежащего в их основе холотропного гештальта. Как я уже отмечал, это может быть биографическое воспоминание, последовательность событий во время биологического рождения или трансперсональный опыт. Полное сознательное переживание и интеграция материала, который ранее был бессознательным, поглощает симптом, и человек возвращается к хилотропной модальности повседневного сознания. Важной характеристикой холотропной терапии является то, что каждый терапевтический эпизод такого рода заставляет человека воспринимать жизнь все более мистически

Техники, обеспечивающие доступ к холотропному модусу сознания в терапевтических целях, весьма разнообразны - от медитации, самоисследования с помощью гипноза, биологической обратной связи, эмпирической психотерапии и трансовых танцев до психоделических веществ. Однако необходимо подчеркнуть, что не все необычные состояния сознания обеспечивают доступ к холотропной модальности. Что касается психо-активных веществ, то это относится только к действительным психоделикам, таким, как ЛСД, псилоцибин, мескалин, ибогаин, гармалин, производные триптамина (диметил-, диэтил-, дипропил- и метоксидиметилтриптамины) и основанные на амфетамине эмпагогены (МДА, ММДА, 2С-Б, МДМА, известный как «Адам» или «Экстаз»). Многие другие вещества, влияющие на сознание, вызывают тривиальные делирии, характеризующиеся путанностью, дезориентацией и амнезией, а не холотропным изменением сознания. Подобные состояния делирия связаны также с множеством физических болезней и расстройств.

Поскольку понимание изложенных абстрактных описаний терапевтических механизмов, связанных с холотропным модусом сознания, может быть нелегким» я приведу несколько клинических примеров. Первый из них касается регрессивной гипнотерапии, проводимой Джоан Грант и Деннисом Келси. Однако эта ситуация характерна для многих случаев, которые мы

наблюдали в холотропной и психоделической терапии. Джоан

Грант – француженка, обладающая необычной способностью восстанавливать в аутогипнотических состояниях эпизоды, представляющиеся ее прошлыми жизнями. Она опубликовала

много книг, основанных на результатах этих кармических само-исследований («Крылатый фараон», «Жизнь Карояыз, «Глп-за Горп», «Так был рожден Моисей» и др.). Хотя она намеренно не читает исторических исследований, ее описания определенных исторических периодов поразительно точны.

Муж Джоан, Деннис, – английский психиатр, использующий регрессивный гипноз в работе с различными эмоциональными и психосоматическими расстройствами. Вызвав состояние **транса, он предлагает пациенту отправиться назад во времени**

так далеко, как это необходимо, чтобы обнаружить момент возникновения проблемы. Они работают вместе. Их техника и результаты описаны в книге «Многие жизни» (Kelsey and Grant, 1967). Джоан, по-видимому, обладает столь же легким **доступом к прошлым жизням других, как и к своим, что дает ей возможность помогать протеканию процесса у пациентов.**

В конце 60-х годов Джоан и Деннис провели три недели в Мэ-

рилендском центре психиатрических исследований в качестве консультантов, проводя эмпирические сессии со всеми членами **нашей терапевтической группы. После того как я поработал с ними, я могу говорить об этом на основании личного опыта.**

Пациентка обратилась к Джоан Грант и Деннису Келси после многих лет безуспешного лечения сильной фобии: она боялась птиц и даже птичьих перьев. Деннис загипнотизировал ее и по-просил отправиться настолько далеко, насколько это было необходимо для обнаружения корней этой проблемы и ее значения. Через некоторое время пациентка сообщила, что у нее сильное мускулистое тело, несомненно мужское. Она ощутила себя солдатом какой-то древней армии. Далее начала разворачиваться драматическая история.

Пациентка обнаружила себя участником битвы в Древней Персии. Внезапно она почувствовала острую боль в груди: в нее попала стрела. Она лежала на земле, умирая в пыли посреди жаркого дня. В голубом небе она заметила, круживших над ней грифов. Они опустились на землю и уселись, ожидая ее смерти. Она была еще жива, но некоторые из них начали клевать ее, пытаясь оторвать куски мяса. С яростным криком она вступила в свою последнюю битву. Наконец она уступила птицам и умерла. Вернувшись в обычное состояние сознания, она освободилась от фобии, которая мучила ее в течение долгого времени.

Мы видим здесь ситуацию, когда взрослая интеллигентная женщина в своей повседневной жизни (холотропном сознании) страдает от странного вкрапления: она боится птиц и даже птичьих перьев. В гипнотическом состоянии (холотропное сознание) она переживает лежащий в основе этого трансперсональный гештальт – битву в средневековой Персии. В контексте выявленной в процессе темы – смертельно раненый солдат, умирающий на поле боя в окружении стервятников, – боязнь птиц более чем оправдана. Чтобы избавиться от фобии, было необходимо вывести лежащую в основе холотропную тему из бессознательного в сознание, полностью пережить и интегрировать ее.

Второй пример – история молодой женщины из нашего пятидневного семинара в Эсаленском институте, где мы пользовались техникой холотропной терапии. До этого она много месяцев страдала от сильного мышечного спазма и болей в шее,

верхней части спины и в плечах. Все, что она ни делала, что-бы избавиться от этих болей, в том числе интенсивный мас-саж и горячие ванны, давало лишь частичное и временное облегчение.

После получаса интенсивного дыхания напряжение в шее и плечах Мэрион значительно усилилось. Трапецивидные мышцы стали жесткими и напряженными. Внезапно она открыла глаза и села. Когда мы спросили ее, что случилось, она отказалась продолжать дыхание: «Я не хочу этого больше, это совершенное безумие. Я чувствую, что превращаюсь в краба». Мы постарались ее успокоить и убедить в том, что она может найти корни своей проблемы, и она решила продолжать

Почти все мышцы верхней половины туловища Мэрион длительное время оставались совершенно твердыми, сама же она полностью отождествилась с крабом, причем пережила интересные биологические прозрения. Прекратив интенсивное дыхание, она все еще чувствовала сильное напряжение в спине и плечах. Используя описанную ранее технику фокусированной работы с телом, мы попросили ее увеличить напряжение, продолжая мас-сировать соответствующие мышцы.

Она снова пережила убедительное превращение в краба и четыре раза протащила нас двоих от стены до стены комнаты 30 футов в длину, двигаясь из стороны в сторону, как это делает краб. Этот сеанс полностью освободил ее от напряжений и болей, которые до того не поддавались никакому другому лечению.

Много лет назад я был свидетелем подобной терапевтической ситуации, может быть, еще более необычной. Холотропный гештальт, лежавший в основе симптома, состоял в сочетании переживания себя деревом и некоторых архетипических элементов.

Марта, 32-летняя женщина, обратилась к психоделической терапии из-за целого ряда психопатологических симптомов. Наиболее поразительными из них были жалобы на странные ощущения в ногах, которые ей трудно было описать. Ее диагноз включал такие термины, как странные ипохондрические жалобы, пограничный психоз и искажение образа тела.

На одной из психоделических сессий ощущения в ногах достигли такой силы, что Марта сочла их невыносимыми и попросила прекратить сеанс с помощью торазина. Однако после короткого обсуждения она решила продолжать, чтобы попытаться выяснить, в чем же дело. Полностью сосредоточившись на своих ногах, она внезапно начала воспринимать себя как большое прекрасное дерево. Отождествление было очень подлинным и убедительным и сопровождалось интересными проникновениями в различные растительные процессы.

Она долгое время стояла с поднятыми вверх руками, считая их ветвями с листвой. При этом сама она переживала клеточные процессы фотосинтеза в листьях - таинственного процесса, лежащего в основе всей жизни на нашей планете. Она чувствовала, как растительные соки циркулируют вверх и вниз по телу, по протокам в камбии, ощущала химические процессы и всасывание воды в корнях. То, что казалось странным искажением в восприятии человеческого тела, оказалось совершенно нормальным, восхитительным опытом бытия дерева.

Однако ее переживания не ограничились ботаническим уровнем. То, что сначала воспринималось ею как физическое солнце, стало для нее и Космическим Солнцем - источником творческой силы во Вселенной. Земля стала Матерью-

землей, фантастической мифологической Великой Матерью-богиней. Само дерево получило глубокое архетипическое значение в качестве Древа Жизни. Переживание, которое поначалу было пугающим, стало экстатическим и мистическим. Марта вышла из этого переживания без беспокоящих искажений в образе тела и с чувством глубокого почтения к растительной жизни на Земле.

Последний пример касается эпизода, может быть, наиболее необычного и драматического из всего, что я пережил за тридцать лет исследований необычных состояний сознания. Описываемая ситуация имела место в рамках программы психоделической ЛСД-терапии, во время моего нахождения в Балтиморе. В отличие от предыдущих случаев, холотропный гештальт не содержал элементов феноменального мира и был чисто архетипическим

Будучи сотрудником Мэрилендского центра психиатрических исследований, я был приглашен на конференцию в государственную больницу Спринг Гроув. Один из врачей представил случай Флоры, 28-летней пациентки, которая уже более восьми месяцев находилась в отделении для опасных больных. Были испробованы все возможные терапевтические средства, включая транквилизаторы, антидепрессанты, психотерапию и трудотерапию, но безуспешно, так что ей предстояло перейти в хроническое отделение.

У Флоры было наиболее сложное сочетание симптомов и проблем, какое я когда-либо встречал за свою психиатрическую практику. В шестнадцать лет она оказалась членом шайки, совершившей вооруженное ограбление и убившей ночного сторожа. Как водитель машины, в которой шайка уехала с места преступления, она провела четыре года в тюрьме и была отпущена под залог на оставшееся время наказания. В течение последовавших бурных лет она превратилась в наркоманку и алкоголичку, часто принимая большие дозы героина, психостимулянтов и барбитуратов. Глубокие депрессии сопровождались попытками самоубийства. Ей часто хотелось сбросить машину с обрыва или столкнуться с другой машиной. В ситуациях эмоционального напряжения у нее возникала истерическая рвота.

Наиболее тяжелым из ее симптомов был лицевой спазм, *fic douloureux*, в связи с которым нейрохирург из института Джона Хопкинса рекомендовал операцию на мозге с перерезанием соответствующего нерва. Флора была также лесбиянкой, в связи с чем переживала значительные конфликты и чувство вины; у нее не было гетеросексуальных отношений. Кроме всего прочего, она была под следствием, так как серьезно ранила подругу, когда чистила свой пистолет, находясь под воздействием героина.

В конце конференции психиатр Флоры спросил меня, не соглашусь ли я провести с ней ЛСД-терапию как последнее средство. Решиться на это было трудно, особенно потому, что общество в то время было охвачено истерией в связи с этим психоделиком. Флора и без того имела уже несколько судимостей, она умела найти доступ к оружию и была самоубийцей. Ясно, что все, что бы не случилось с ней после ЛСД-терапии, автоматически связывалось бы с приемом ЛСД, независимо от ее прошлого. С другой стороны, все остальное было испробовано и не принесло

облегчения, так что Флоре предстояла пожизненная госпитализация. После длительного обсуждения с коллегами, мы решили включить Флору в свою ЛСД-программу, полагая, что безнадежная ситуация оправдывает риск.

Первые два сеанса с высокими дозами мало отличались от обычных. Она столкнулась с множеством травматических воспоминаний из своего бурного детства и несколько раз пережила борьбу своего биологического рождения. Она смогла связать свои суицидальные тенденции и лицевой спазм с определенными аспектами травмы рождения и разрядила много физического и эмоционального напряжения. Несмотря на это, терапевтический эффект был минимальным.

В первые два часа третьего сеанса тоже не происходило ничего необычного. Переживания были такими же, как на предыдущих сеансах. Внезапно она пожаловалась, что боль от лицевого спазма становится невыносимой. Прямо на моих глазах спазм гротескно увеличился и ее лицо превратилось в нечто, чему лучше всего подходит наименование «маска зла». Она заговорила глубоким мужским голосом, и все в ней так изменилось, что трудно было связать то, как она выглядела теперь, с ее обычным видом. Ее глаза горели непередаваемым злом; руки сжались в когтистую лапу.

Чужая энергия, вошедшая в ее тело, и голос представились как зло. «Он» прямо обратился ко мне, приказывая мне оставить Флору в покое и не пытаться ей помочь. Она принадлежит ему, и он накажет каждого, кто попытается ступить на его территорию. Затем последовал явный шантаж, поток зловещих откровений относительно того, что произойдет со мной, с моими коллегами и с нашей исследовательской программой, если я не послушаюсь.

Трудно описать зловещую атмосферу, вызванную этой сценой. Присутствие чего-то чуждого в комнате ощущалось совершенно явственно. Воздействие шантажа и чувство сверхъестественного события усиливалось тем, что пациентка не могла в своей повседневной жизни иметь доступа к части информации, которую «голос» использовал в этой ситуации.

Я оказался в состоянии огромного эмоционального стресса, имевшего метафизические измерения. Хотя я и сталкивался с подобными проявлениями во время ЛСД-сеансов ранее, они никогда не были столь реалистичными и убедительными. Мне было трудно контролировать свой страх, готовность воспринять присутствие зла как реальность и сильное желание вступить в активную психоделическую и духовную борьбу. Я наскоро пытался сообразить, как лучше всего вести себя в этой ситуации. В какой-то момент я поймал себя на мысли о том, что следовало бы иметь в терапевтическом зале распятие как орудие терапии. Моя рационализация звучала так, что мы являемся свидетелями проявления юнгианского архетипа, для которого Крест может быть подходящим архетипическим противоядием.

Но скоро мне стало ясно, что мои эмоции, будь то страх или агрессия, делают ситуацию и эту сущность более реальными. Я не мог удержаться от воспоминаний о телефильме «Звездный путь», где чуждая сущность питалась человеческими эмоциями. Я понял, что необходимо оставаться спокойным и сосредоточенным. Я решил погрузиться в медитативное состояние, держа Флору за ее скрюченную руку и пытаясь представить ее себе такой, какой она была раньше. В то же время я старался визуализировать капсулу света, охватывающую нас обоих, основываясь на полярности света и зла. Это длилось около двух часов. С субъективной точки зрения это были самые длинные часы в моей жизни, если не говорить о моих собственных психоделических сеансах.

В конце концов рука Флоры расслабилась, и она вернулась в свое обычное состояние; это изменение было столь же резким, как внезапное появление этого особого состояния. Я скоро обнаружил, что она ничего не помнит о том, что происходило в эти два часа. Позже в своем отчете она описывала первые два часа и затем продолжала описание, переходя к тому, что происходило после «состояния одержимости». Я серьезно задумался, следует ли обсуждать с ней то, что происходило во время ее амнезии, и решил отказаться от этого. Не было никаких причин вводить столь мрачную тему в ее сознание.

К моему глубокому удивлению, сеанс привел к удивительно-му терапевтическому прорыву. Флора избавилась от суицидальных наклонностей и по-новому оценила жизнь. Она перестала пить, отказалась от героина и барбитуратов и стала ревностно посещать встречи маленькой религиозной группы в Катонсвилле. Лицевой спазм почти прошел; по-видимому, энергия его разрядилась во время двухчасового поддержания «маски зла». Хотя боль иногда возвращалась, но столь незначительная, что это не требовало никакого лечения.

Флора попробовала вступить в гетеросексуальные отношения и даже вышла замуж. Однако это не принесло удовлетворения: она была способна на половое сношение, но нашла его неприятным и болезненным. Брак распался через три месяца, и Флора вернулась к лесбийским отношениям, но уже с гораздо меньшим чувством вины. Ее состояние настолько улучшилось, что она смогла работать водителем такси. Хотя последующие годы прошли для нее с переменным успехом, ей не пришлось возвращаться в психиатрическую клинику, которую чуть было не превратили в ее дом. Возможно, Флора получила бы дальнейшее облегчение, если бы могла продолжить ЛСД-терапию. К сожалению, по инструкции НИМХ психоделическое лечение должно ограничиваться тремя сеансами с высокой дозой.

Возможности и цели

эмпирического самоисследования

Вы не можете как следует радоваться миру, если море само не плещется в ваших венах, если вы не одеты в небеса и не коронованы звездами. И считайте себя единственным наследником всего мира - в тем большей степени, что в мире есть и другие такие же единственные наследники, как и вы.

Томас Траерн

Из сказанного ранее должно быть понятно, что самоисследование с помощью психоделиков или мощных немедикаментозных эмпирических техник - это нелегкое дело, за которое не следует приниматься необдуманно. Такое исследование может привести к весьма необычным состояниям сознания, к значительному эмоциональному страданию и тяжелым психосоматическим ощущениям. Кроме того, для эмоционально неустойчивых людей такое исследование представляет и некоторую долю возможного риска. Естественно в таком случае задать вопрос: какую пользу может принести все это и почему кто-то может захотеть подвергнуться такой процедуре?

Психоделическое и холотропное самоисследование выросло из клинической работы с психиатрическими пациентами, из стремления найти более эффективные способы помощи. Первое и наиболее очевидное основание для того, чтобы предпринять подобное самоисследование, состоит в том, что оно представляет собой более эффективную альтернативу известным вербальным формам психотерапии, требующим очень много времени и очень дорогим, а также способно работать с различными формами психопатологии, не поддающимися традиционным методам и средствам.

Однако эмпирическая работа показала, что люди, которые могут считаться нормальными по обычным стандартам в западной психиатрии, часто пользуются жизненными стратегиями, оказывающимися неудовлетворительными, направленными про-тив них и даже саморазрушительными, и часто живут гораздо ниже своих человеческих возможностей. Второе серьезное ос-нование для эмпирического самоисследования состоит, таким образом, в поисках более удовлетворяющего подхода к жизни и новых способов бытия.

Наконец, современные исследования сознания подтверди-ли имеющее за собой не одну сотню лет утверждение филосо-фии, что общепринятая реальность открывает лишь один из аспектов или фрагментов реальности. Существуют важные об-ласти реальности, являющиеся трансцендентальными и транс-феноменальными. Стремление людей обрести доступ к духов-ному миру - это очень мощная и важная сила. По своей приро-де она напоминает сексуальность, но более фундаментальна и требовательна. Отрицание и подавление стремления к транс-цендентальному вносит серьезные нарушения в жизнь человека как на индивидуальной, так и на общественной шкале. Эмпи-рическое самоисследование - важное средство философско-го и духовного поиска. Оно может служить связыванию соб-ственного существования с трансперсональным миром.

Ниже я кратко рассмотрю возможности эмпирического самоисследования в этих трех областях и коснусь возникаю-щих при этом проблем.

Эмоциональная и психосоматическая терапия

Эмпирические формы психотерапии обладают способностью ослаблять психологические сопротивления и защитные меха-низмы гораздо более эффективно, чем вербальные. Довольно часто уже на первом сеансе психоделической или холотропной дыхательной терапии удается достичь воспоминания материа-ла раннего детства, переживания биологического рождения и даже трансперсональных переживаний. В некоторых случаях драматические прорывы и устойчивые психологические изме-нения достигаются в течение нескольких часов или дней. Хотя это далеко не всегда так, но бывает, что одно психоделическое или холотропное переживание приводит к значительным из-менениям личности или разрешает хроническую эмоциональ-ную или психосоматическую проблему. В других случаях один сеанс может стать важным поворотным пунктом в жизни че-ловека. В более скромном и более обычном варианте после дей-ствительно хорошего эмпирического сеанса человек ясно чув-ствует, что произошло нечто важное и что ему стало опреде-ленно лучше.

Это выгодно отличается от ориентированных на биографи-ческие подробности вербальных форм терапии, где нужны ме-сяцы или годы, чтобы добраться до материала детства, рекон-струируя его из воспоминаний, свободных ассоциаций, снов, «психопатологии обыденной жизни», невротических симптомов и искажений переноса. Терапевтические изменения при таком подходе если и появляются, то медленно и постепенно, в те-чение длительного периода времени.

Неудивительно, что мощност и эффективность эмпиричес-ких форм терапии, использующих терапевтический потенциал необычных состояний сознания, имеет и теневую сторону и что эти процедуры сопряжены с определенным риском. Как пра-вило, если сеанс проводится с людьми, обладающими достаточ-ным эмоциональным равновесием, в соответствующей обста-новке, при правильной организации и под наблюдением опыт-ного терапевта, проблемы не возникают. В таких условиях значительные результаты достигаются с минимальным риском. Но

чем больше мы переходим в область клинической психо-патологии, тем важнее становятся осторожность и поддержка.

Эмпирическая работа с людьми, подвергавшимися психи-атрической госпитализации, может проводиться только в том случае, если при необходимости пациенту будет оказана по-мощь. В контексте холотропной терапии значительная активи-зация бессознательной динамики не является осложнением или препятствием, как это рассматривается в традиционной тера-пии, - это нормальное и естественное следствие терапевтиче-ской процедуры. Однако если процесс становится слишком ак-тивным и выходит за пределы сеансов, то это может потребо-вать принятия специальных мер.

Нам часто задают вопрос, можно ли проводить глубокое эм-пирическое самоисследование без ведущего или сидящего. В общем это делать не рекомендуется. Даже если некоторые лю-ди, после определенного начального опыта полагают, что они могут сами успешно проводить свои сеансы, это в значитель-ной степени изменяет соотношение между риском и потенци-альным успехом.

Есть несколько важных оснований для того, чтобы, отправ-ляясь в глубокие тайники своей психики, позаботиться о том, чтобы кто-нибудь обеспечивал заботу о реальных аспектах си-туации. В принципе невозможно предугадать, когда определен-ный сеанс приведет к встрече с неприятным и дезорганизую-щим бессознательным материалом. Это может произойти даже у хорошо приспособленного человека после ряда сеансов, не создавших никаких проблем. Если в качестве средства само-исследования используются большие дозы психоделиков и если человек работает над серьезной эмоциональной или психосо-матической проблемой, значительные трудности и испытания во время сеансов являются скорее нормой, чем исключением. Присутствие человека, к которому пациент и»пытывает дове-рие, может оказаться решающим фактором, обеспечивающим безопасность процедуры и меру успеха определенного сеанса.

Но вероятность того, что определенные аспекты пережива-ний будут опасными и человек может не справиться с ними в одиночку, - не единственная причина потребности в сидящем. Существуют и другие ситуации, «огда присутствие лица, ко-торому проходящий испытание доверяет, является решающим фактором терапевтического успеха сеанса. Существуют важ-ные стадии процесса эмпирического самоисследования, кото-рые требуют полной потери контроля над собой, «отпускания» себя. В принципе это очень целительное и трансформирующее переживание. Однако человеку может быть трудно или даже невозможно войти в такое состояние, если рядом нет кого-то, способного обеспечить поддержку. Потеря контроля, в усло-виях, когда за принявшим психоделик никто не следит, может привести к серьезным последствиям для лица, проходящего сеанс, или для других людей. В такой ситуации жизненно не-обходимо, чтобы определенная часть личности оставалась не вовлеченной в процесс переживания и обеспечивала необхо-димую связь с реальностью. Лишь присутствие помощника, которому можно доверить обеспечение безопасности ситуации, дает возможность полностью и безусловно отказаться от кон-троля.

Еще одной важной причиной необходимости помощника, или сидящего, является работа над проблемами, касающимися-ся человеческих отношений. Я уже говорил о важности терапев-тического физического контакта и анаклитического удовлетво-рения во время проявления травм, которые связаны не с «СО-вершением» чего-то, а с отсутствием необходимой ребенку поддержки. В такой ситуации присутствие теплого и понима-ющего человека крайне существенно. Ведь заново пережить пе-рвоначальную травмирующую ситуацию и обнаружить, что ты снова

один, - это может оказаться не терапевтичным, а наоборот, усиливающим исходную травму. Точно также повторное проживание ситуации, которая привела к разрушению фунда-ментального доверия, не может быть успешно разрешено без корректирующего человеческого опыта. Не следует недооценивать возможность и поделиться интимнейшими психологическими событиями и получить безусловное принятие, независимо от характера переживаний.

Наконец, еще одна причина необходимости в опытной ассистенте состоит в том, что фокусированная работа с телом является важным компонентом холотропной терапии, в особенности в заключительной фазе некоторых сеансов. Когда остаются неразрешенные эмоциональные и психосоматические проблемы, хорошая интеграция может быть обеспечена использованием ранее описанных принципов. Совершенно очевидно, что это потребует присутствия другого человека; при сеансе, проводимом в одиночку, эта часть процедуры либо вообще отсутствует, либо может быть проведена лишь в очень условной форме.

Говоря о терапевтических возможностях необычных состояний сознания, я не буду касаться тех из них, которые индуцируются психоделиками. Это обширная и сложная тема, требующая особого внимания. Существует несколько основных групп психоделиков с несколько различающимися воздействиями, с которыми связаны до некоторой степени специфические проблемы. Исследователи создали в этой области несколько форм терапии, принципиально отличающихся по своей основе, по технике дозирования, организации сеансов и т.д.

Кроме того, использование психоделиков осложняется многими факторами эмоционального, политического, юридического и административного характера. Поэтому я предлагаю лишь краткий и поверхностный обзор этой области, отсылая заинтересованных читателей к приложению к этой книге и к моей ранней книге «ЛСД-психотерапия» (Grof, 1980), которая посвящена непосредственно клиническому использованию психоделиков - технике, показаниям и противопоказаниям, трудностям и осложнениям, терапевтическим возможностям и результатам.

Обзор литературы по психоделикам показывает, что удовлетворительные результаты были получены в широком спектре клинических проблем, включая депрессии, фобии и другие типы психоневрозов, психосоматические расстройства, расстройства характера, сексуальные отклонения, криминальное поведение, алкоголизм, наркоманию и даже психозы. Две области, где были достигнуты успешные результаты, заслуживают специального упоминания. Первая - это использование психоделической терапии для облегчения физических и эмоциональных страданий безнадежных раковых больных (Grof and Halifax, 1977). Вторая - психоделические сеансы для бывших заключенных концентрационных лагерей, помогающие им преодолеть так называемый «синдром концлагеря» - отложенную травматическую реакцию на заключение (Bastians, n.d.).

Хотя большинство сведений и основано на клинических данных терапевтов, некоторые подтверждаются специальными контролируемыми исследованиями. Группа психиатров и психологов в Мэрилендском центре психиатрических исследований (штат Балтимор), в которой принимал участие в течение семи лет, проводила контролируемые клинические исследования воздействия ЛСД, ДПТ (дипропилтриптами́н) и МДА (метилendioксиамфетамин) на алкоголиков, наркоманов и онкологических больных и получила значимые результаты (Grof, 1980)

Терапевтическая работа с психоделиками имеет длинную и богатую историю, насчитывающую более четверти века. Она проводилась многими

индивидуальными исследователями и терапевтическими группами в различных странах мира. В отличие от этого, систематические клинические исследования и контролируемое изучение холотропной терапии еще не проводились. Однако в течение многих лет мы видели терапевтические результаты, которые безусловно оправдывают систематические исследования этой многообещающей формы терапии. Многие из этих результатов были настолько драматическими и убедительными, что вряд ли нуждаются в подтверждении контролируемыми исследованиями.

Оценивая результаты холотропной терапии, нужно иметь в виду, что ситуация здесь во многих отношениях отличается от того, с чем мы имеем дело в вербальной терапии. Драматические изменения могут произойти в течение нескольких часов или дней и затронуть в некоторых случаях эмоциональные и психо-соматические состояния, сохранявшиеся в течение многих лет. Поскольку они явным образом связаны с терапевтическим сеансом и его специфическим содержанием, причинная связь между холотропной процедурой и результатами не может вызвать никаких обоснованных сомнений.

В отличие от этого, динамика симптомов в большинстве типичных вербальных психотерапевтических подходов растягивается на много месяцев или лет. На такой значительной временной шкале изменения происходят настолько медленно, что их трудно оценить. Сомнительной также является причинная связь между тем, что происходит на психотерапевтических сеансах, и имеющими место изменениями. Вполне возможно, что изменения отражают спонтанную динамику симптомов и что они происходили бы без всякой терапии. Кроме того, они могут быть вызваны множеством событий, происходящих в жизни пациента за столь длительное время. Такова, во всяком случае, позиция многих известных критиков психоанализа (Eysenk and Rachman, 1965).

Среди изменений, которые мы наблюдали во время наших рабочих семинаров, были прояснения хронических депрессий, драматические освобождения от состояний тревоги и фобий, исчезновение головных болей, менструальных спазмов, различного рода психосоматических болей. Часто встречается также облегчение общих мышечных напряжений, раскрытие биоэнергетических блокировок в полости носа, в горле, груди, в брюшной полости, в области таза, в матке и прямой кишке.

В некоторых случаях энергетическое разблокирование сопровождалось освобождением от хронических инфекций в этих областях - вроде синусита, фарингита, бронхита или цистита. По-видимому, энергетические блоки связаны с вазоконстрикцией (сжатием сосудов). Недостаток кровотока и его составляющих, играющих важную роль в защите организма от инфекции (белые кровяные клетки и различные антитела), ведет к тому, что ткань или тот или иной орган не могут защититься от бактерий. Когда блокировка исчезает, человек, как правило, отмечает тепло и поток энергии в соответствующей области. При этом хронические инфекции исчезают в течение нескольких дней.

Это указывает на то, что холотропная терапия в будущем может играть важную роль как дополнение при лечении многих состояний, которые прежде относились к чисто медицинской области. Я уже отмечал ранее, что мы видели на наших семинарах несколько случаев драматического выздоровления от болезни Рейно. Трудности периферической циркуляции в руках исчезают после освобождения от энергетических блоков в соответствующих областях.

Наши наблюдения относительно психогенной астмы заслуживают здесь специального упоминания. Можно было бы предположить, что техника, основанная

прежде всего на интенсивном дыхании, не может служить средством для астматиков; однако это не совсем так. Хотя астматики поначалу и относятся к сеансам со страхом и предубеждением, нам приходилось наблюдать значительные улучшения после нескольких холотропных сеансов у нескольких больных. Иногда люди, страдавшие от ежедневных приступов, практически забывали о них на несколько месяцев или лет. Необходимое условие для работы с астматиками - хорошее сердечно-сосудистое состояние, поскольку сеанс предполагает значительный эмоциональный и физический стресс.

Холотропные сеансы с астматиками раньше или позже вызывают астматические симптомы. Когда дыхание становится затрудненным, помощнику необходимо перейти к фокусирующей работе с телом и добиться полного отреагирования, когда дышащий выражает себя голосом, различными движениями, кашлем и другими возможными способами. Как только дыхательные пути открываются, ему следует вернуться к интенсивному дыханию. Это повторяется до тех пор, пока интенсивное дыхание не перестает вызывать дыхательных спазмов. По завершении необходимого объема работы такого рода дыхательные пути остаются постоянно свободными и наступает устойчивое улучшение.

То, что в психоделической и холотропной терапии значительные результаты достигаются в течение нескольких дней или даже часов, кажется невероятным терапевтам, привыкшим к чисто вербальным техникам и не учитывающим перинатального и трансперсонального уровней психики. Чтобы отнестись серьезно к таким утверждениям, нужно представить себе глубину и интенсивность переживаний, возникающих в эмпирических формах терапии. Психологическое переживание смерти может быть настолько убедительным, что его трудно отличить от реальных биологических опасностей и биологической угрозы жизни; эпизоды психической дезорганизации выглядят как сумасшествие, полная потеря контроля может длиться несколько минут; человек задыхается, долгое время находится в треморе, молотит конечностями по всему вокруг себя. Интенсивность подобных переживаний трудно передать словами; это нужно пережить или, по крайней мере, видеть своими глазами.

Хотя результаты эмпирической терапии могут быть в отдельных случаях весьма драматическими, ее не следует рассматривать как панацею, гарантирующую быстрые и впечатляющие результаты в каждом конкретном случае. Одни люди могут получить исцеляющие и изменяющие жизнь переживания, другие же будут двигаться медленно и постепенно. Это особенно касается тех, чья жизнь представляла собой сплошную цепь разочарований и неудач. Если, например, человек пережил в качестве плода нахождение в так называемой «плохой матке», а затем трудные и сложные роды и эмоциональные трудности и лишенность поддержки в детстве, психоделическая или холотропная работа поставит его перед длинной вереницей травм с небольшим количеством позитивных, питающих переживаний. В такой ситуации важно систематически использовать физический контакт для постепенного создания «эго» и не ожидать немедленных терапевтических результатов.

Другой трудностью эмпирической терапии могут быть специфические тупики. Они возникают в ситуациях, когда решение проблемы в принципе возможно, но требует крайне напряженных переживаний определенного рода, с которыми

человек не может или не хочет сталкиваться. Такого рода блоки различны у различных людей. Это может быть страх психологической смерти (смерти «эго»), страх потерять контроль, страх сумасшествия. Или это может быть нежелание пережить значительную физическую боль, удушье или иные формы физического дискомфорта. Такого рода проблемы, как правило, проявляются и в обычной жизни человека в форме специфических страхов или симптомов: «Все, что угодно, но уж от рвоты я удержусь», «Для меня важнее всего контролировать себя в любых обстоятельствах», «Однако только мысль о боли в лице сводит меня с ума» и т. д. В подобной ситуации терапевту необходимо определить природу тупика и помочь человеку преодолеть психологическое сопротивление, мешающее ему принять переживание.

Я уже говорил, что эмпирическая психотерапия с пациентами, имеющими значительные психические нарушения и подвергавшимися психиатрической госпитализации, требует особых мер предосторожности. Нужен опытный ведущий и гарантированная постоянная поддержка в случае необходимости.

Если же эти условия соблюдаются, результаты могут быть очень обнадеживающими. Техники и терапевтические принципы, описанные в этой книге, можно успешно применять в случае глубоких трансперсональных кризисов («духовных опасностей»), принимаемых традиционной психиатрией за психоз – психическую болезнь неизвестной этиологии (S. and K. Grof, 1986).

Терапевтические возможности и достижения психоделической и холотропной терапии нелегко сравнивать с тем, что возможно в традиционных подходах. Значительные расхождения в принципиальных научных и философских предпосылках заставляют рассматривать каждое из этих ответвлений терапии в собственных рамках. Традиционная психотерапия использует сравнительно слабые техники самоисследования, такие, как, свободные ассоциации или психотерапевтические интервью, которые малоэффективны для проникновения в бессознательное. Однако и концептуальные рамки этой терапии ограничены биографическим уровнем, и задача сводится к тому, чтобы, работая с постнатальным биографическим материалом, облегчить симптомы и улучшить приспособляемость человека к условиям его жизни.

Психоделическая и холотропная терапия дает несравненно более эффективное средство доступа к бессознательной части психики. Однако работа с этими техниками показывает, что корни большинства эмоциональных и психосоматических проблем лежат не на биографическом, а на перинатальном и трансперсональном уровнях. Цель их состоит не в том, чтобы вернуть освобожденного от симптомов человека к прежнему мировоззрению, системе ценностей и стилю жизни. Этот процесс предполагает глубокую трансформацию личности, переопределение многих аспектов его жизни. В какой-то момент эта форма терапии естественно переходит в серьезный философский и духовный поиск, направленный на наиболее важные вопросы существования. Когда это происходит, процесс оказывается полностью открытым; духовный и философский поиск становится важным новым измерением жизни.

Стремление к более вознаграждающей
жизненной стратегии

Возможности улучшения качества переживания человеком своей жизни выходят за пределы ослабления или исключения психопатологии. В жизни многих людей, не

страдающих явными эмоциональными или психосоматическими симптомами и имеющими все внешние условия для хорошего существования, оказывается мало смысла и свершений. Хорошим примером такой ситуации является состояние, которое австрийский психиатр, основатель экзистенциального анализа Виктор Франкл назвал ноогенной депрессией (Frankl, 1956). Человек не страдает очевидными эмоциональными расстройствами, прекрасно функционирует в личной и профессиональной жизни. Друзья и соседи завидуют ему, но сам он не видит смысла в своей жизни и не способен получить удовлетворение от своих успехов. В других же случаях люди, которые являются «нормальными» с точки зрения традиционных психиатрических стандартов, переживают существенные отклонения в различных областях своей жизни и искажения восприятия, эмоций, мыслей и поведения.

Эмпирическая психотерапия и самоисследование способны обнаружить факторы, лежащие в основе подобных отклонений и дать возможность исправить положение. На биографическом уровне это могут быть специфические травматические события детства, вмешивающиеся в функционирование человека и в определенные аспекты его межличностных отношений. Такие факты хорошо известны в традиционной динамической психотерапии. Так, травматические переживания, связанные с родителями или заменяющими их авторитетами, могут наложить свой отпечаток на все последующие отношения со старшими или вообще наделенными авторитетом людьми. Сложности в интимных эмоциональных взаимодействиях с матерью или отцом могут создать постоянно возникающие проблемы с сексуальными партнерами. Отсутствие братьев и сестер, или соперничество с братьями и сестрами, или иные специфические проблемы в отношениях с ними могут в последующем привести к трудностям со сверстниками - одноклассниками, друзьями, сослуживцами, сотрудниками. Повторное переживание и интеграция травм, лежащих в основе жизненных проблем человека может оказать на него благоприятное воздействие,

Если эмпирическое самоисследование выходит за пределы биографии и достигает перинатального уровня бессознательного, человек, как правило, делает для себя значительное открытие: он обнаруживает, что неподлинность его жизни не ограничена определенными частичными аспектами, определяемыми «специфическими детскими травмами»; сам подход к жизни и жизненная стратегия неправильны и принципиально искажены. Это тотальное искажение экзистенциальной перспективы основано на том, что действия человека управляются на глубоком бессознательном уровне неразрешенной травмой рождения и связанным с ней страхом смерти. Это ведет к различно-го рода бесполезным и вредоносным способам поведения и лишает человека доступа к более позитивным и плодотворным жизненным стратегиям.

Многочисленные наблюдения показывают, что доминирование одной из негативных перинатальных матриц создает у человека подход к жизни, который не только не приносит удовлетворения, но оказывается в более длительной перспективе разрушительным и саморазрушительным. Если психика находится под влиянием БПМ-II, недостаточно сильным, чтобы выразиться в проявленной психопатологии, человек оказывается в своей жизни пассивным, уступчивым, покорным. БПМ-III в подобных условиях порождает так называемых «опьяненных трудом», людей, склонных к бессмысленной суете и «крысиным бегам».

Динамика БПМ-III принуждает к следованию линейной траектории, создает неослабевающее стремление к неким целям в будущем. Поскольку в психике человека доминируют воспоминания о болезненной ограниченности в родовом канале, он никогда не переживает настоящий момент и данные обстоятельства как полностью удовлетворительные. Мир и собственная жизнь всегда сосредоточены на том, чего не хватает, что не удовлетворяет, что неправильно, выказывая в то же время недостаток способности или полную неспособность ценить то,

что есть, наслаждаться этим и извлекать из имеющегося максимум того, что можно извлечь. Важно подчеркнуть, что эта манера поведения действует независимо от внешних обстоятельств и не может быть изменена никакими достижениями. Человек чувствует неудовлетворенность тем, как он выглядит, своими способностями, достижениями, имуществом, известностью или властью - независимо от того, какова реальная ситуация, и

часто это совершенно не соответствует мнению окружающих. Как рождающийся младенец, переживающий болезненное сдавливание в родовом канале, человек, находящийся под влиянием БПМ-III, всегда борется за что-то иное, чем то, что он имеет в действительности. Он ожидает разрешения проблем и получения удовлетворения от каких-то достижений в будущем.

Цели, которые фантазия предлагает такому человеку в качестве несомненных источников будущего счастья, могут легко быть поняты как суррогаты психологического совершения биологического рождения, а также постнатального или пренатального удовлетворения и безопасности. Поскольку эти цели являются всего лишь психологическими подменами, достижение их не может принести и не приносит истинного удовлетворения. Стратегия, основанная на динамике БПМ-III, - это всегда стратегия проигрыша, независимо от того, достигаются ли цели, поскольку она основана на ложных предпосылках и не приводит к предполагаемым результатам.

Цели, которые фантазия предлагает такому человеку в качестве несомненных источников будущего счастья, могут легко быть поняты как суррогаты психологического совершения биологического рождения, а также постнатального или пренатального удовлетворения и безопасности. Поскольку эти цели являются всего лишь психологическими подменами, достижение их не может принести и не приносит истинного удовлетворения. Стратегия, основанная на динамике БПМ-III, - это всегда стратегия проигрыша, независимо от того, достигаются ли цели, поскольку она основана на ложных предпосылках и не приводит к предполагаемым результатам.

Неудача в достижении специфической цели, от которой ожидалось удовлетворение, усиливает обманчивое представление, что счастье зависит от внешних факторов. В таком случае человек, как правило, предполагает, что если бы он достиг успеха, все было бы иначе. Когда же цель бывает достигнута, то это зачастую не приносит ожидавшегося психологического результата. Но и это обычно не приводит к пониманию того, что стратегия, связывающая счастье с успехом провалилась, что она была неправильно выбрана. Возникающая неудовлетворенность приводит к возникновению новых планов или планов еще более грандиозных. Наиболее важная характеристика стратегии, чреватой поражением, состоит в том, что она отказывается ценить имеющееся и сосредотачивается на воображаемых проектах будущего.

В таком умонастроении другие люди воспринимаются как соперники, а природа - чем-то враждебным, чем-то, что нужно покорить и контролировать. Историческая первая ясная формулировка таких установок принадлежит Фрэнсису Бэкону, определившему основы стратегии нового эмпирического метода западной науки. В природе он говорил следующим образом:

«Природу следует загнать собаками, вздернуть на дыбу, изнасиловать, ее нужно пытаться, чтобы заставить выдать свои тайны ученым, ее нужно превратить в рабу, ограничить и управлять ею» (Бэкон, 1870). Понадобилось несколько веков, чтобы понять, что такого рода идеи опасны и в конечном счете разрушительны и

саморазрушительны. С развитием современной техно-логии они оказываются прекрасным рецептом самоубийства для планеты.

В общечеловеческом масштабе подобное умонастроение порождает философию и жизненную стратегию, основанную на силе, соперничестве и одностороннем контроле, восславляет линейный прогресс и неограниченный рост. Материальная выгода и увеличение национального дохода рассматриваются как основной критерий благосостояния и мера уровня жизни. Идеология, экономическая и политическая стратегия, вырастающие из такого умонастроения, приводят человека к серьезно-му конфликту с его собственной природой как живой системой и с фундаментальными законами Вселенной.

Поскольку все биологические организмы и системы критически зависят от поддержания оптимальных параметров, максимализация в преследовании определенных целей - это неестественная и опасная стратегия. Во Вселенной, природа которой циклична, такая стратегия требует необратимого линейного движения и неограниченного роста. В перспективе это означает полное истощение невозстановимых природных ресурсов, особенно ископаемых энергоносителей, накопление токсичных отходов, загрязняющих воздух, воду и почву - все жизненно важные условия поддержания жизни. Кроме того, этот подход к жизни утверждает соперничество и дарвиновское «выживание наиболее приспособленных» как естественные и здоровые принципы существования и неспособен к признанию необходимости синергии и кооперации.

Когда человек оказывается способным преодолеть доминирование негативных перинатальных матриц и восстановить в себе опыт позитивного симбиотического обмена с материнским организмом во время нахождения в утробе, ситуация радикально меняется. Опыт взаимодействия с матерью в пренатальном и раннем постнатальном периодах на уровне взрослого эквивалентен отношениям человека с человечеством и со всем миром, будучи прототипом последнего. Тип и качество перинатальной матрицы, оказывающей влияние на психику человека, в значительной мере определяет не только его внутренние субъективные переживания, но и его отношение к другим людям, к природе, к существованию в целом.

Когда человек в процессе глубинного самоисследования переживает коренной сдвиг от негативной перинатальной матрицы к позитивной, у него значительно возрастает способность радоваться жизни и интерес к ней. Первоначальный опыт безмятежного пренатального существования и заботы, связанные с этими матрицами, находятся во взаимосвязи с чувством удовлетворения и вечности момента в настоящем. Когда эти переживания пронизывают опыт повседневной жизни, становится возможно получать интенсивное удовлетворение в каждый момент и в каждой обычной ситуации - от еды, простых человеческих контактов, работы, секса, искусства, музыки, прогулок на природе. Это в значительной степени уменьшает постоянное стремление к сложным целям и ложным надеждам. При таком умонастроении становится понятно, что мерой является качество собственного опыта, а не количество достижений или материальных благ.

Эти изменения сопровождаются спонтанным возникновением глубокого понимания экологии. Бэконинское отношение к природе («Матери-природе»), описанное ранее, строится вокруг опасных и антагонистических переживаний младенца во время биологического рождения. Новые ценности и установки отображают симбиотический опыт плода во время пренатального существования и опыт младенца в симбиозе с матерью в начальном периоде жизни. Синергия, взаимное питание и взаимодополняемость автоматически сменяют установки на соперничество и эксплуатацию, характерные для старой системы ценностей.

Представление о человеческом существовании как борьбе не на жизнь, а на смерть, за выживание в мире, руководимом законом джунглей, уступает место новому видению жизни как проявлению космического танца или божественной игры.

Значительно снижается уровень агрессивности; чувство связи и фундаментального единства с миром ведет к сексуальной, политической, национальной, культурной, расовой терпимости. В новом контексте различия перестают быть угрозой, превращаясь в интересные и желательные вариации единой космической сети. Это новое видение мира ведет к «добровольной простоте» (E 1gin, 1981), которая понимается как выражение глубокой мудрости. Становится также очевидным, что единственная надежда на политическое, социальное и экономическое разрешение нынешнего всемирного кризиса может исходить лишь из трансперсональной перспективы, преодолевающей безнадёжную психологию «они против нас», порождающую лишь маятниковые сдвиги, состоящие в смене ролей угнетателей и угнетаемых.

Важно подчеркнуть, что описанные изменения не должны вызывать потери интереса к творческой деятельности. В большинстве случаев имеет место противоположное. Поскольку человек может располагать большей энергией, работа становится более продуктивной, требует меньше усилий, если только он находит ее совместимой со своей жизненной философией. В некоторых случаях возможно оставление определенной деятельности, если она оказывается неподходящей или если ее мотивация теперь кажется ошибочной.

Ключом ко всем этим изменениям является радикальный сдвиг от эмоциональной и психосоматической настроенности на динамику негативных перинатальных матриц к переживанию в опыте позитивных элементов БПМ-1 и БПМ-1Ч. Подобные изменения не происходят или происходят в гораздо меньшей степени у тех людей, чей перинатальный и ранний постнатальный опыт не содержит достаточного количества питающих эмоциональных и биологических переживаний или преимущественно травматичен («плохая матка» и «плохая грудь»). Для таких людей движение в указанном направлении является медленным и требует много времени. Среди прочих элементов оно нуждается в прямо анаклитическом удовлетворении во время регрессивной терапевтической работы, обеспечивающем коррекцию эмоциональной депривации и отверженности в раннем детстве

До сих пор я описывал возможности психоделической и холотропной терапии в коррекции негативных психологических последствий травмы рождения. Однако данные эмпирической работы содержат также важные указания по их предотвращению. Они в значительной степени поддерживают современные попытки переориентировать акушерство от дегуманизированной технологии на понимание и учет биологических, психологических и духовных измерений беременности и родов как критических факторов, определяющих будущее человека и общества.

Психологическая и физическая гигиена беременности, хорошая эмоциональная и соматическая подготовка к родам, роды без насилия по Лебойе (Leboyer, 1975), рождение в воду по Игорю Чарковскому (Sidenbladh, 1983), предоставление достаточного времени для симбиотического контакта между матерью и ребенком, возможностей осуществления их взаимной связи, кормление грудью - все это крайне важные факторы не только для будущего отдельного человека, но, возможно, и для будущей планеты. С другой стороны, возможность зачатия и роста в специальных пробирках, замораживание зародышей, вживляемых позже в матку, искусственное сохранение жизни ребенка при внематочной беременности не всегда

обеспечивает условия для здорового психологического развития ребенка. Нужно провести как можно больше исследований, прежде чем использовать подобные техники в массовом порядке.

Мы рассмотрели изменения в иерархии ценностей и жизненной стратегии, происходящие у человека в связи с проживанием перинатальной последовательности. Эти изменения становятся более явными, устойчивыми и тонкими, когда человек эмпирически связывается с трансперсональным миром, Если этап смерти-возрождения начинает процесс духовного раскрытия, трансперсональные переживания открывают и подтверждают самыми различными путями, что глубинная динамика человеческой психики в сущности своей духовна и что духовность является важнейшим измерением мироздания. Важность духовного и философского поиска в человеческой жизни мы рассмотрим в следующем разделе.

Философский и духовный поиск

Когда самоисследование достигает уровня перинатальных и трансперсональных переживаний, оно автоматически превращается в поиск ответов на основные духовные и философские вопросы существования. Человек соприкасается с важными трансперсональными аспектами реальности, невоспринимаемыми при обычных обстоятельствах. Когда сознание определенным образом изменяется - в спонтанных мистических переживаниях или в психоделических и холотропных сеансах, - некоторые из скрытых аспектов реальности проявляются как имманентно-божественное измерение феноменального мира, другие - как трансцендентные области, радикально отличные от Вселенной, в которой мы живем. Первое можно сравнить, пользуясь аналогией из современной технологии, с возможностью увидеть в цвете программу, которая раньше была черно-белой, а второе - с возможностью переключиться на другие каналы и программы, которые ранее не были доступны.

Соприкосновение с духовными измерениями реальности могут иметь смысл только для тех людей, которые могут связать это с чем-то в своем предыдущем опыте. Без этого оно столь же бессмысленно, как разговоры о цветах с дальтоником. Если человек, который в прошлом заботился лишь о снятии эмоционального и физического стресса и о достижении успеха, внезапно сталкивается с мирами перинатальных и трансперсональных феноменов, он обнаруживает, насколько важны фундаментальные онтологические и космологические вопросы.

Кто или что создало эту Вселенную? Как она была создана, и каким образом я связан с Творцом или творческим принципом? Кто я, откуда я пришел и куда иду? Какова общая цель моей жизни? Есть ли другие уровни и миры существования, столь же реальные, как наша Вселенная? Возможно ли, что архетипические существа и мифологические царства имеют свое собственное существование и значимым образом взаимодействуют с нашей реальностью? Проходим ли мы через цепь существований и связаны ли эти существования закономерным образом? Если цепь воплощений является источником страдания, есть ли знание и последовательность действий, ведущие к освобождению? Вопросы такого рода, которые раньше рассматривались как псевдофилософия, характерная для «примитивных» культур, незрелых юнцов или умалишенных, внезапно видятся в новом свете.

Процесс эмпирического самоисследования не только выявляет реальность и важность этих вопросов, но также и обеспечивает доступ к информации, которая может привести к разрешению этих фундаментальных загадок существования. Традиционные западные ученые любят принимать позу всезнайства и объявлять всякие представления о духовности примитивными суевериями, регрессивным

магическим мышлением, недостатком образования или клинической психопатологией. Механистическая психиатрия и психология не способны провести различие между узколобыми догматическими религиозными верованиями ведущих религий и глубокой мудростью великих духовных философских и мистических традиций, таких, как различные системы йоги, кашмирский шиваизм, тибетская ва-джраяна, дзен, христианский мистицизм, каббала, суфизм или некоторые течения гностицизма.

Западная наука слепа к тому, что названные традиции являются итогом многовековых исследований человеческого разума, сочетающих систематическое наблюдение, экспериментирование и конструирование теорий, что в значительной мере напоминает научный метод. Многие традиционные ученые полагают, что общепринятая ньютоно-картезианская модель мира есть истинное описание реальности, точность и истинность которого доказаны и не подлежат никакому сомнению. Во Вселенной, где материя первична, а жизнь, сознание и разум являются ее производными, нет места для духовности какого-либо рода как значимого аспекта сущего.

Если бы механистическая парадигма действительно была

истинным и полным описанием реальности, «просвещенное» научно-обоснованное понимание Вселенной предполагало бы принятие собственной незначимости, ибо что может значить один из четырех миллиардов обитателей одного из бесчисленных небесных тел во Вселенной, состоящей из миллионов галактик? Это также требовало бы признания того, что люди - не что иное, как высакаразвитые кивотные, биологические машины, состоящие из клеток, тканей и органов. В таком случае наше сознание - это физиологический продукт мозга, а психика управляется бессознательными силами биологической и инстинктивной природы.

Когда духовные убеждения сочетаются в незападных культурах с недостатками образования, они обычно приписываются невежеству, детской доверчивости и суевериям. В нашей культуре такая интерпретация не может удовлетворять, в особенности если речь идет о хорошо образованных людях, обладающих прекрасным интеллектом. Для таких случаев психиатрия прибегает к представлениям психоанализа, ищущего корни религиозных верований в неразрешенных конфликтах младенчества и раннего детства. Представления о божествах интерпретируются как образы родителей; религиозные установки - как признаки эмоциональной незрелости и детской зависимости, а ритуальные действия - как результаты борьбы с ранними психосексуальными импульсами, по типу неврозов одержимости,

Непосредственный духовный опыт - такой, как переживание космического единства, переживание смерти и нового рождения, встречи с архетипическими существами, видение света сверхъестественной красоты или обнаружение предыдущих воплощений, - рассматривается при этом как значительное искажение объективной реальности, указывающее на серьезные психические расстройства. Антропологи часто описывали шаманизм как шизофрению, истерию или эпилепсию, и всем великим пророкам и святым ставили психопатологические диагнозы. Даже медитация рассматривалась в психопатологическом контексте. В качестве примера могут быть приведены следующие строки из статьи известного психоаналитика Франца Александера, приравнивающие буддийскую медитацию к искусственно вызванной кататонии: «С современной психоаналитической точки зрения понятно, что бурдийская самопоглощенность - это либидозное,

нарциссическое стремление к знанию, обращенное внутрь себя, род искусственной шизофрении с полным отрывом либидозного интереса от внешнего мира» (Alexander, 1931). За немногими исключениями - такими, как К. Г. Юнг, Р. Ассаджиоли и А. Мэслоу, - западная психиатрия не признает духовность и не видит разницы между мистицизмом и психозом.

В другой книге (Grof, 1985) я подробно рассматривал ошибки, с которыми связан такой подход к духовности. Путать ньютоно-картезианскую модель реальности с самой реальностью - значит игнорировать современную философию науки с ее пониманием природы научных теорий и динамики смены парадигм. Кроме того, это серьезная логическая ошибка: люди, которые путают «карту и территорию» (Korzybski, 1933), нарушают принцип логических типов - это одна из важных тем в работах Грегори Бэйтсона (Bateson, 1979). Но, кроме всего этого, такой подход экстраполирует представления физических наук на психологию и игнорирует значительное количество наблюдений в современной теории сознания, в особенности наблюдения, связанные с трансперсональным опытом. Любая серьезная научная теория должна стараться организовать существующие факты, а не быть продуктом спекулятивной экстраполяции. Она должна быть основана на наблюдениях, а не на убеждениях «ученых» относительно того, какова Вселенная, или желаний, какой она должна быть, чтобы соответствовать их теориям.

Современные исследования сознания и эмпирическая психотерапия проливают новый свет на проблемы духовности и религии и возвращают человеческой душе ее космический статус. В полном согласии с представлениями К. Г. Юнга духовность и «нуминозность» является внутренним свойством глубинной динамики психики. Если процесс эмпирического самоисследования достигает перинатального и трансперсонального уровней, это ведет к духовному пробуждению и началу духовных поисков. В наших программах и семинарах многие высокообразованные люди пережили этот процесс, и я еще не видел никого, включая атеистов, марксистов, позитивистов, чей скептицизм и цинизм относительно духовного не был бы поколеблен такими переживаниями.

Форма духовности, о которой я говорю, полностью совместима с любым уровнем интеллигентности, образования и специфической информированности в таких областях, как физика, биология, медицина и психология. Среди сложных и образованных людей, с которыми я работал, ни у кого не возникло конфликта между духовным опытом и информацией, которой они располагали относительно физического мира. Вместе с тем часто приходится отказываться от неоправданных обобщений и метафизических предположений, которые привносятся академическим образованием. В наши дни существует обширная литература, предлагающая многие революционные пути в современной науке, вплоть до радикально новой картины мира. Хотя мы еще далеки от всеобъемлющего синтеза, важные элементы возникающей парадигмы показывают знаменательное сближение с мировоззрением великих мистических традиций (Grof, 1984),

Однако важно подчеркнуть, что это не всегда ведет к объединению религии и науки. Духовность, спонтанно возникающая на определенных стадиях эмпирического самоисследования, не следует смешивать с господствующими религиями, их убеждениями, доктринами, догмами и ритуалами. Многие из них совершенно утратили связь со своим первоначальным источником - прямым визионерским опытом трансперсональных

реальностей. Они больше заняты властью, деньгами, иерархией, политикой и социальным контролем. Религия может содержать в себе очень мало духовности, быть вовсе лишенной ее и даже препятствовать духовным поискам

Мой друг, Уолтер Хьюстон Кларк, профессор в отставке, преподававший религию в университете и автор известной книги о психологии религии, после многих лет преподавания получил глубокий мистический опыт, в результате которого он пришел к определенному пониманию отношений между религией и духовностью. Он говорил об этом, используя интересный образ. «Многое в официальных религиях напоминает мне вакцинацию. Человек приходит в церковь и получает «небольшую прививку», что впоследствии защищает его от «реальных вещей». Так, многие люди полагают, что регулярное посещение церкви по воскресеньям, проговаривания молитв и слушания служб достаточно для того, чтобы считаться истинно религиозным человеком. Ложное чувство, что у них это уже есть, мешает им отправиться на поиски действительно духовных открытий». Об этом же говорил К. Г. Юнг (Jung, 1958), считая, что основная функция формализованной религии состоит в том, чтобы защищать людей от непосредственного переживания Бога.

Духовный опыт, пережитый в глубоком самоисследовании, как правило, не делает человека ближе к официальной церкви и не побуждает его чаще ходить на формализованные «службы», идет ли речь о христианских, иудаистских или мусульманских течениях. Чаще это приводит к ясному пониманию проблем и ограничений официальной церкви, к обнаружению того, где и почему религия отклонилась от истинной духовности и потеряла контакт с ней. Однако непосредственные духовные переживания полностью совместимы с мистическими ответвлениями великих мировых религий, таких, как различные направления христианского мистицизма, суфизм, каббала, хасидизм. В мире духовности важно не то, что отделяет одни формальные конфессии от других, а то, что отделяет их от их мистических ответвлений.

Официальные религии, как правило, распространяют представления о Боге как о внешней по отношению к людям силе, соприкосновение с которой должно опосредоваться церковью и священниками. Желательным местом для такого соприкосновения является храм. В отличие от этого, духовность, обнаруживаемая в процессе сосредоточенного самоисследования, видит Бога и Божественное внутри человека. Здесь используются различные техники, опосредующие прямой эмпирический доступ к трансперсональным реальностям, в которых человек обнаруживает собственную Божественность. Для духовной практики такого рода тело и природа выполняют функции храма.

Храмы могут играть важную роль в обеспечении доступа к истинной духовности только если их архитектура и внутреннее убранство столь хороши и совершенны, что само это приводит посетителей ближе к трансцендентальному царству, или если элементы службы - органная музыка, хоровое пение, сверкающие литургические предметы - опосредуют прямой трансперсональный опыт. В качестве немногих примеров можно упомянуть здесь великие готические церкви Европы.

Наиболее важные аспекты отношения между религией и духовным опытом могут быть проиллюстрированы следующим отчетом о сеансе человека - писателя по профессии, - при-

нявшего во время групповой работы амфетаминовые эмпагоны МДМА и 2С-В (Adamson, 1986); часть его переживаний уже описывалась ранее.

Я как будто парил, отделенный несколькими слоями затуманивающей реальности, над огромным ревущим источником света. По мере того как слои непонимания, ложных представлений, иллюзий, общепринятости рассеивались, как разрезающийся туман, звук становился все громче и громче. Это было как шипение световой дуги в миллионы вольт, это был рев тысяч солнц, это был звук вселенского огня. Когда картина прояснилась, это оказался огромный круглый шар, вокруг которого я вращался. Он сверкал - не белый, но сияющий первичным светом - с интенсивностью, которую хотелось назвать абсолютной. Я знал - не на словах, а внутренним знанием, - что это ревущее извержение было самой жизнью. Своим звуком и пульсацией оно пронизывало все живое, оно было источником кристаллического движения жизни. Оно предшествовало первоначальному звездному ядру, которое своим взрывом создало все, что существует в нашей огромной распространяющейся - или пульсирующей, в зависимости от вашей космологии, - Вселенной. Оно протекало через меня. Я был связан с ним невероятной вибрирующей нитью, не только света, но и энергии.

Это был дорегиозный опыт. Религия казалась отдаленным поверхностным следствием пребывания в присутствии этого источника света. Духовность представлялась слабым отображением неистовства и мощи жизни. Это не просто вызывало благоговение, это было само благоговение. Это было не богоподобным, но Божественным. Это не было хорошим, это было таким, каким оно было; это был чистый Абсолют - не правильный, любящий или милосердный, но то, чем оно было, и так, как оно было - живая жизнь.

Конечно, каждый любит всякое живое создание; каждый чувствует, что с творением все в порядке. Нет сомнений, мы все едины. Но мы всего лишь часть огня жизни. Если бы этот источник энергии, который протекает через нас, не существовал, не существовали бы и мы. Любовь, духовность и мир вытекают из этого опыта с той же определенностью, с какой вдох следует за выдохом. Никаких особых свершений - это просто наша природа,

Существует множество доказательств того, что трансцендентальный импульс - наиболее жизненная и мощная сила в человеке. Может быть, именно систематическое отрицание и подавление духовности, столь характерное для современного западного общества, вызывает отчуждение, экзистенциальную тревогу, индивидуальную и социальную психопатологию, преступность, насилие и саморазрушительные тенденции в современном человечестве. Усиливающийся интерес к различным формам самоисследования, ведущим к духовному опыту, имеет в этом контексте очень важное значение.

Важность духовных поисков может быть рассмотрена с точки зрения предлагавшейся ранее модели, аналогичной дополнителности частиц и волн в физике, модели двух модусов сознания - хилотропного, ориентированного на материю, и в полном соответствии со своими возможностями, важно признавать оба аспекта своего бытия, культивировать их и уметь с ними обращаться. На практике это означает внимание к своей внутренней жизни и дополнение повседневной деятельности фокусированным самоисследованием бессознательного и сверх-сознательного. Это может быть достигнуто посредством медитации, техник гуманистической и трансперсональной психотерапии, участия в шаманских ритуалах, занятий трансом, с помощью сенсорной изоляции, психоделической работы под наблюдением специалиста и рядом других средств.

На этом пути жизнь становится активным диалогом между хилотропной и холотропной модальностями. Это можно рассматривать

как переформулировку идеи Карла Густава Юнга, что наиболее настоятельная потребность людей – это потребность обнаружить свою внутреннюю реальность посредством культивирования символической жизни и потребность жить в активном, динамическом соприкосновении с коллективным бессознательным и самостью. **Это дает возможность опираться на много-вековые источники мудрости, кроющиеся в коллективной душе.**

Человек, существование которого ограничено холотропной модальностью, даже если он свободен от проявленных клинических симптомов, **то есть здоров с точки зрения традиционной психиатрии, отрезан от этих внутренних источников и не способен на них опираться. Это ведет к хронической фрустрации** высших трансцендентальных потребностей и чувству несовершенства. Холотропные переживания, получаемые в процессе глубинного самоисследования, обладают внутренним терапевтическим потенциалом. Даже те, которые кажутся трудными и болезненными по своей природе, будучи завершенными и интегрированными, устраняют источники беспокоящих эмоций и напряжений, которые иначе вмешивались бы в повседневную жизнь. Экстатические и объединяющие холотропные переживания устраняют чувство отчужденности, создают ощущение принадлежности, наполняют человека силой, стремлением и оптимизмом, увеличивают самоуважение. Они очищают чувства и делают их способными воспринимать необыкновенное богатство, красоту и таинственность существования. Переживание фундаментального единства со всем творением увеличивает терпимость к другим, уменьшает уровень агрессивности, **совершенствует способности синергии и кооперации.**

Обнаружение скрытых аспектов реальности и связанного с ними вызова добавляет новые измерения к существованию. **Это делает жизнь богаче и интереснее и освобождает некоторые энергии, которые ранее были связаны в различных амбициозных предприятиях, направляя их на занятия самоисследованием.** Повторяющиеся переживания трансперсонального мира могут оказать глубокое воздействие на человека. Они преодолевают узость и ограниченность, характерную для среднего западного человека, и дают возможность увидеть проблемы повседневности в космической перспективе.

Некоторые из переживаний, возникающих во время внутренних поисков, столь интенсивны, что могут изменить представления человека о том, что он способен выдержать, с чем может справиться, что может интегрировать в себе. Помимо того терапевтического воздействия, которое происходит в самом процессе, это изменение перспективы, контекста и критериев оценки жизненных переживаний может стать важным качеством жизни и трансформировать значение повседневного существования.

Таким образом, возрастание интереса к духовности и внутренним поискам – безусловно один из немногих обнадеживающих факторов в нашем проблематичном мире. Если эта тенденция будет развиваться, внутренняя трансформация человечества может стать значительной силой, способной остановить современные самоубийственные тенденции к глобальной катастрофе, к которой мир движется с пугающей скоростью. Ускоряющееся соприкосновение новой науки и мистических традиций «вечной философии» создает великолепные перспективы будущего всеобъемлющего мировоззрения, которое заполнит

пропасть между научными исследованиями и духовным поиском. Эта новая парадигма сможет стать важным катализатором эволюции сознания, которому предстоит играть роль критического фактора в сохранении жизни на нашей планете,

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Психоделики

в психотерапии

и самоисследования

Использование психоделических веществ для целительства, предсказаний и общений со сверхъестественным и хтоническим мирами восходит к началу человеческой истории. С незапамятных времен растения и - реже - ткани животных, со-держащие изменяющие сознание алкалоиды, использовались для ритуальных и магических целей как в примитивных, так и в высокоразвитых культурах в различных частях мира.

Психоделические растения и вещества

В китайской медицине сообщения о психоделических веществах появились по крайней мере три с половиной тысячи лет назад. Легендарное божественное растение и напиток хаома упоминается в древнеперсидской «Зенд-Авесте». Особый исторический интерес представляет древнеиндийская сома, занесенная в Индию арийскими кочевыми племенами и оказавшая глубокое влияние на развитие религии и философии индуизма. Сто двадцать стихов «Ригведы», посвященные соме, восхваляют ее необыкновенные свойства и воздействие на почитателей: их охватывал экстаз, и они оказывались «наполовину на земле, наполовину на небе». Тело их становилось сильнее, сердца наполнялись мужеством, радостью и энтузиазмом, ум просветлялся, и они обретали убеждение в собственном бессмертии.

Широко распространенным растением, обладающим психоделическими свойствами, является конопля. На Ближнем Востоке, в Африке, Индии, Китае, Тибете, Северной и Южной Америке и в Карибском бассейне листья, цветы и смолу различных ее разновидностей, таких, как *Cannabis sativa* и *Cannabis indica*, люди курили и принимали внутрь под различными наименованиями - гашиш, киф, харас, бханг, гинджа, марихуана, и делалось это для удовольствия, целительства и в ритуальных целях. Конопля обеспечивала таинства столь разнообразных сообществ, как примитивные африканские племена, индийские брамины, тантрические буддисты Тибета, некоторые ордена суфиев, древние скифы и растафариане Ямайки.

Психоделическая фармакология была особенно развита в Центральной Америке, где различные доколумбовские культуры (ацтеки, толтеки, майя) и современные племена индейцев (уичоли, яки, масатеки) использовали по меньшей мере шестнадцать различных растений с определенными способностями изменения сознания. Наиболее известные из этих растений - кактус пейот (*Lophophora williamsii*), священный гриб теонананкатль, или «тело бога» (*Psilocybe mexicana* и *subensis*), и ололуикви - местное название семян вьюнка (*Turbina corymbosa*).

Ритуальное употребление пейота осуществляется и в наши дни, в особенности среди мексиканских индейцев уичоли, яки, кора и тарахумара. После американской Гражданской войны религия пейота перешла из района севернее Рио-Гранде в Соединенные Штаты и была ассимилирована более чем пятьюдесятью североамериканскими племенами. По некоторым оценкам более половины американских индейцев (250 тысяч) принадлежат сейчас к Урожденной

Американской Церкви - син-кретической религии, сочетающей культ пейота с элементами христианства. Ритуальное использование псилоцибиновых грибов среди мексиканских индейцев масатеков стало общеизвестным после того, как индианка-курундера Мария Сабина открыла эту тайну американскому банкиру и микологу Гордону Уос-сону и его жене.

Наиболее известный южноамериканский психоделик аяху-аска, или йяге, приготовляемый из коры лесной лианы *Baristeriopsis saari* и известный в Бразилии, Перу, Эквадоре и Колумбии под различными местными названиями, такими, как вино смерти, вино души, лоза смерти (*Soga de muerte*). Он применяется в драматических ритуалах совершеннолетия, включающих бичевание, а еще известен тем, что вызывает очищение, исцеление, видения и телепатические способности. Среди южноамериканцев популярны нюхательные порошки кохобп, приготовляемые из сока *Viola theiodora* или *Viola cuspidata*, и эпена из *Viola calophylla* или *Viola theiodora*. Порошки виролы часто используются индейцами районов Амазонки в Венесуэле, Колумбии и Бразилии для общения с миром духов, диагностирования и лечения болезней, предсказаний, гадания и других магических и религиозных целей. Кактус Сан-Педро (*Trichocereus paschanoi*) в своем действии подобен пейоту, в нем также есть алкалоид мескалин. Он используется шаманами Эквадора в течение более чем трех тысячелетий для предсказания и целительства.

Среди психоделических растений экваториальной Африки можно отметить кустарник ибога (*Tabernanthe iboga*). Его корни откапывают дикие кабаны, гориллы и дикобразы, поведение которых после этого значительно меняется. Измельченная кора этих корней используется аборигенами, называющими ее эбогой или ибогой. В небольших количествах она вызывает сексуальное возбуждение и является психостимулянт. Мужчины на тропе войны и охотники на львов принимают ее, чтобы бодрствовать на протяжении ночи. Культ ибоги, допускающий участие как мужчин (бвити), так и женщин (мбири), использует большие дозы корней в ритуалах, продолжающихся всю ночь и включающих танцы и барабанный бой, в религиозных целях и для общения с духами предков.

Последнее психоделическое растение, которое я хочу отметить, - это мухомор (*Amanita muscaria*), красный в белую крапинку гриб, встречающийся у Льюиса Кэрролла в «Алисе в Стране чудес» и во многих других западных сказках. Мухомор широко употребляется сибирскими шаманами - коряками, самоедами, чукчами, - североамериканскими индейцами вокруг Великих Озер, особенно оджибве, и некоторыми скандинавскими народами. Некоторые исследователи пытались связать его с рассказами викингов о напитке медвежьих людей - *Berserksgang*, - который описан в нордических сагах (Fabing, 1956). Гордон Уоссон (Wasson, 1967) собрал свидетельства относительно того, что мухомор является легендарным растением, из которого приготовлялась ведическая сома. Однако в этой теории возникли неясности и противоречия, так что она при всей своей популярности не стала общепринятой.

Я хочу завершить рассказ о наиболее известных психоделических веществах кратким описанием такого рода веществ животного происхождения. Среди жителей острова Норфолк в южной части Тихого океана известна «сонная рыба» (*Euphrosus fuscus*), вызывающая кошмарные видения. Джо Робертс, фотокорреспондент «National Geographic», сварил и съел несколько кусочков этой рыбы в 1960 году и подтвердил эти утвержде-

ния. Он испытал мощное галлюциногенное состояние с элементами научной фантастики (Rob ert, 1960). Психоактивные свойства кожи и выделений жабы объясняют ее популярность в рецептах средневековых ведьм для шабашей и Вальпургиевой ночи. Способность изменять сознание может быть объяснена наличием в организме этих животных производных триптамина, таких, как диметилтриптами (ДМТ), 5-метокси-ДМТ и буфотенин (диметилсеротонин). Среди основных ингредиентов подготовки к шабашу можно отметить растения семейства пасленовых – красавку (*Atropa belladonna*), дурман вонючий (*Datura stramonium*), мандрагору (*Mandragora officinarum*) и белену (*Hyoscyamus niger*).

В отличие от ритуального использования психоделических веществ, период научного интереса к ним и систематических лабораторных и клинических исследований сравнительно короток, Луи Левин, которого часто называют отцом современной психофармакологии, собрал образцы пейота, привез их в Германию и выделил из них некоторые алкалоиды. В 1897 году его коллеге и сопернику Артуру Хейфтеру удалось выделить психоактивное вещество пейота. Он назвал его мескалином. Первые эксперименты с пейотом проводили Вейр Митчел, Эй-влок Эллис, Хейнрих Клювер. Кульминацией этих исследований была книга Курта Берингера «*Der Meskal inrausch*» («Интоксикация мескалином»).

Затем до 1940 года проводились довольно мало психоделических исследований. Золотая эра психоделиков началась в апреле 1942 года, когда швейцарскому химику Альберту Хофману посчастливилось открыть экстраординарные психоактивные свойства микроскопических доз диэтиламида лизергиновой кислоты (ЛСД-25). Открытие этого полусинтетического производного спорыньи, активного в микроскопических дозах, измеряемых микрограммами (миллионными долями грамма), стало научной сенсацией. Исследования, вдохновленные этим открытием, не ограничились изучением ЛСД, но и возродили интерес к ранее известным психоделическим растениям и веществам и привели буквально к лавине открытий в этой области.

Одна за другой поддавались исследованиям тайны психоделического мира. Были обнаружены и получены лабораторным путем химически активные агенты наиболее известных психоделических растений. Сам Альберт Хофман проявил значительный интерес к химии психоделических растений после своего первого опыта с ЛСД-25 и последующих систематических экспериментов с этим веществом. Ему удалось разрешить тайну священных мексиканских грибов, выделив их активные алкалоиды, псилоцибин и псилоцин. Ему удалось также объяснить действие семян выюнка валичием в них амида d-лизергиновой кислоты и других производных спорыньи, прежде чем на пути этих исследований встали административные и политические препятствия, вызванные появлением черного рынка психоделиков и неконтролируемым любительским экспериментированием.

Основным активным веществом в пяхуаске, или йаге, является алкалоид гармалин, называемый также банистеринном, ягеином или телепатином. Хотя его химическое строение известно с 1919 года, современные химические и фармакологические исследования обнаружили новые важные детали. Особенно интересно то, что гармалин весьма похож на вещества, которые могут быть получены из шишковидной железы, например, на 10-метоксигармалин. Это дает основу для различных спекуляций, так как многие мистические традиции приписывают шишковидной железе большое значение в связи с «раскрытием третьего глаза» и

различными экстрасенсорными способностями. Алкалоиды гармалы были найдены также в нюхательных смесях кохоба и эпена и в сирийской руце (*Peganum harmala*).

Ибогаин, основной психоактивный алкалоид африканского растения ибоги (*Tabernanthe iboga*), был выделен в 1901 году, но его химическая структура была полностью описана лишь в конце 60-х. После преодоления ряда трудностей химики раскрыли также секреты гашиша или марихуаны, связав их типичное действие с группой тетрагидроканнабинолов (ТГК).

Важный теоретический вклад в понимание различных психоделических веществ растительного и животного происхождения внесло исследование психоактивных производных трип-тамина, начатое в Будапеште Божормоньи и Жара. Диметилтриптамин (ДМТ), диэтилтриптамин (ДЭТ), дипропилтриптамин (ДПТ) и другие подобные вещества принадлежат к простейшим молекулам, обладающим психоделическим действием. Они обеспечивают психоделические свойства южноамериканским нюхательным смесям кохоба, эпена и парика и являются важной составляющей смесей аяхуаски. Как уже было отмечено выше, они являются также активными веществами в коже и выделениях жабы и в мясе тихоокеанской «сонной рыбы» (Курьояия иясия).

Теоретический интерес к производным триптамина объясняется тем, что они в естественном виде существуют в человеческом организме, являются производными важной аминокислоты триптофана и химически близки к нейротрансмиттерам. Поэтому они могут быть эндогенными психотомиметическими веществами, могут порождаться метаболическими процессами в теле и могут иметь отношение к биохимии психозов. К встречающимся в природе производным триптамина относятся также активные алкалоиды из мексиканских священных грибов - псилоцибин и псилоцин, о которых уже говорилось.

Таким образом, современные химические исследования определили природу большинства психоделических веществ, игравших значительную роль в истории человечества. Тайной осталась лишь ведическая сома - как ботанически, так и химически. Кроме предположений Вессона о связи ее с мухомором (*Amanita muscaria*), есть и другие, указывающие на сходство с сирийской рутой (*Peganum harmala*), китайской сосной (*Ephedra sinica*) и т. д. Весьма прискорбно, что усилия антропологов, ботаников, фармакологов, химиков, психиатров и психологов, энтузиазм которых отличал психоделические исследования 50 - 60-х годов, были резко прекращены, прежде чем удалось разгадать некоторые из оставшихся тайн психоделического мира, вызывающих научный интерес.

Недавняя дискуссия относительно метилendioксиметам-фетамина (МДМА), известного под названиями «Экстаз» или «Адам», привлекла внимание психологов, психиатров, а также непрофессионалов к широкой группе психоактивных веществ, имеющих молекулярную структуру, сходную с мескалином, допамином и амфетамином. Большинство этих веществ, представляющих интерес для психиатрии, являются полусинтетическими. Они не встречаются в природе в чистом виде, но их химические предшественники и летучие масла содержатся в мускатном орехе, шафране, американском лавре и других растениях. Наиболее известны из этих родственных амфетамин-психоделиков, или эмпаатоенов, МДА (3,4-метилendioкси-амфетамин), ММДА (3-метокси-4,5-метилendioксиамфетамин), ДОМ, или СТП (2,5-диметокси-4-метиламфетамин), ТМА (3,4,5-триметоксиметиламфетамин) и 2С-Б (4-бромо-, 2,5-диметокси-фенетиламин).

Кетамин гидрохлорид (кеталар, кетанест, кетаджет) - это полностью синтетическое вещество, химически родственное известному фенциклидину (РСР, «ангельской

пыли»), анестетику, используемый в ветеринарной медицине и являющемуся опасным психоделиком, используемым непрофессионалами. Несмотря на химическое сходство с фенциклидином, кетамин значительно отличается по своему психоделическому действию. Он производится фирмой «Парк-Девис» в качестве диссоциативного анестетика и считается одним из безопаснейших веществ, вызывающих общую анестезию в хирургии. Первоначально его назначали сотням тысяч пациентов, нуждающихся в немедленном хирургическом вмешательстве. Однако, несмотря на биологическую безопасность, его употребление резко снизилось, поскольку он вызывает так называемый синдром опасности - необычные и весьма значительные изменения восприятия и эмоций, переживаемые пациентами во время возвращения к нормальному сознанию. Психиатрические исследования обнаружили, что кетамин является мощным психоделиком, который в количествах, гораздо меньших, чем используются в хирургии, может использоваться для психических исследований, обучения профессионалов и для терапевтических целей.

РИТУАЛЬНОЕ И ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ

использование психоделиков

Антропологи, исследовавшие ритуальное использование психоделиков в различных примитивных культурах, отметили широкий спектр свойств, приписываемых этим веществам, в том числе возможности определения болезней, эмоциональной или психосоматической терапии, общения с миром духов, предков, божеств и демонов, черную магию и ведовство, возвращение к своим истокам, открытие экстрасенсорных каналов восприятия (телепатия, ясновидение, психометрия и астральная проекция), трансценденцию смерти с последующим исчезновением страха смерти, глубокие личные изменения и омоложение, общение с силами природы, с жизнью растений и животных, укрепление социальных связей в группе и т. д.

Поскольку большинство из этих разнообразных феноменов лежит за пределами концептуальных рамок традиционной западной психологии и вообще научных представлений, неудивительно, что западные ученые и просто образованные люди принимали эти утверждения скептически. Однако лабораторные и клинические исследования психоделиков в 50 - 60-х годах принесли неожиданные подтверждения верованиям примитивных культур, подрывая вместе с тем многие фундаментальные предположения и предрассудки ньютоново-картезианской науки.

Первым шагом в этом направлении было открытие того, что основные психоделики не вызывают специфических фармакологических состояний (токсических психозов), а являются неспецифическими усилителями психических процессов. Исследование человеческой психики с помощью этих мощных катализаторов несомненно показало, что биографическая модель психики, созданная фрейдовской глубинной психологией, касается лишь самой поверхности психической динамики. Чтобы охватить все необычные переживания и наблюдения в психоделических состояниях, необходимо создать более обширную картографию человеческой психики. Эта картография, описанная и иллюстрированная многими клиническими примерами в первой части книги, может быть использована как объединяющая понятийная схема, проливающая свет на богатый мир психоделических наблюдений и приводящая их к общему знаменателю.

Новая модель является настолько широкой, что охватывает все - или почти все - феномены, описанные в различные исторические периоды в разных странах мира

при использовании психоделиков. Различные культуры в различные моменты своей истории акцентируют и культивируют определенные специфические области переживаний или их сочетания. Так, например, древние мистерии смерти и возрождения, как, скажем, элевсинские мистерии, осуществлявшиеся в течение примерно двух тысячелетий в Греции, концентрировались на глубоких трансформациях, связанных с перинатальной динамикой: встреча со смертью, превосхождение ее и возникающие в результате этого изменения в переживании собственной жизни, иерархии ценностей и отношении к Космосу. Уоссон, Хофман и Рак в книге «Дорога к Элевсину» собрали убедительные доказательства того, что священный напиток кикеон, использовавшийся в элевсинских мистериях, содержал производные спорыньи, химически близкие к ЛСД (Wasson, Hoffman and Ruck, 1978).

Так называемые ритуалы перехода, существующие в различных примитивных культурах и знаменующие важные биологические и социальные перемены, вращаются вокруг триады рождения, секса и смерти. Они основываются на переживаниях, характерных для третьей перинатальной матрицы: иницируемые переживают опыт психологической смерти и возрождения, как правило, интерпретируемый как смерть в старой биологической или социальной роли и рождение в новой. Так, в ритуалах совершеннолетия юноши и девушки рассматриваются как умирающие для роли детей и рождающиеся в качестве взрослых. Кроме того, в символический контекст этих ритуалов различные культуры привлекают различные аспекты трансперсонального мира, к примеру, космологические и мифологические темы, утверждение в наследии предков, связь с тотемным животным, соучастие особых божеств или демонов и проч.

Обучение шаманов часто имеет своей кульминацией так называемую шаманскую болезнь, в течение которой посвящаемый переживает различные элементы перинатальных матриц. Процесс смерти-рождения принимает форму спуска в подземный мир, пыток, расчленения тела и уничтожения его демонами и последующего возвращения в более высокий мир. Связанные с этим трансперсональные переживания, как правило, фокусируются на элементах природы - на глубокой связи с космическими силами, животными и духами животных, с жизнью растений и даже с неодушевленными объектами. Развитие экстрасенсорных способностей, появление творческого вдохновения и способности определять и лечить болезни являются трансперсональными следствиями глубокого и хорошо интегрированного переживания «шаманской болезни».

Другие ритуалы связаны с другими типами трансперсональных переживаний - такими, как общение с духами и одержимость божествами, демонами и иными архетипическими существами, целительство посредством духовных помощников или животных, различные парапсихологические феномены и опыт коллективного или расового бессознательного. Культурный и социальный контекст и используемые техники создают избирательные каналы, обеспечивающие доступ к различным уровням и областям описанной ранее картографии. Переживание глубокой эмпатии и значимой связи с другими, чувство принадлежности к группе часто наблюдаются после мощных перинатальных переживаний, так же как и связь с различными типами трансперсональных сущностей.

Важно подчеркнуть, что описанные переживания в мистериях смерти и рождения, ритуалах перехода, шаманской болезни и других ритуальных ситуациях возникают как при использовании психоделических веществ, так и при использовании мощных нефармакологических средств. Это подтверждает один из важных тезисов нашей книги, а именно, что нет существенной разницы между психоделическими переживаниями и необычными состояниями сознания, индуцированными другими

техниками - контролируемым дыханием, пением и барабан-ным боем, трансовыми танцами, практикой медитации и т. д.

Я уже отметил, что психоделические исследования в общем подкрепили утверждения относительно психоделических состояний, характерных для различных западных культур. Психологи, психиатры и антропологи вынуждены интерпретировать эти наблюдения таким образом, чтобы согласовать их с современной западной психологией и научной философией. В контексте этой книги особенно интересен вопрос, насколько утверждения о терапевтических возможностях психоделиков выдерживают проверку современного научного исследования.

Глубокое и часто драматическое воздействие психоделиков на экспериментаторов в лабораторных условиях естественно вызвало предположение о том, что они могут быть полезными и в качестве средств терапии. Однако по определенным причинам во время первой волны проявления интереса к психоделикам - в первые десятилетия нашего века, когда внимание сосредоточивалось преимущественно на мескалине, - по этому пути не пошли. Тогда считали, что это вещество вызывает токсический психоз, что, разумеется, шло вразрез с интересами терапии.

Возможность терапевтического использования ЛСД впервые, в 1949 году, предположил Кондро - через два года после того, как Столл опубликовал в Швейцарии научное исследование по ЛСД. В начале 50-х годов многие исследователи независимо друг от друга рекомендовали ЛСД как средство психотерапии, способное углубить и интенсифицировать терапевтический процесс. Пионерами этого подхода были Буш и Джонсон (1950), Абрамсон (1955) в США, Сэндисон, Спенсер и Уайтлоу (1954) в Англии и Фредеркинг (1953) в Западной Германии.

Первые сообщения об этих исследованиях привлекли серьезное внимание и побудили психиатров и психологов различных стран мира провести собственные терапевтические эксперименты с ЛСД и другими психоделиками. Многие сообщения, опубликованные в течение последующих двадцати лет, подтвердили первоначальные предположения, что психоделики способны ускорять психотерапевтический процесс и сокращать время, необходимое для лечения различных эмоциональных и психосоматических расстройств.

Кроме того, появились многочисленные исследования, указывающие на то, что основанная на ЛСД психотерапия может оказать помощь различным категориям психиатрических пациентов, которые считались непригодными для психоанализа и других форм психотерапии. Многие сообщения указывали на терапевтический успех с хроническими алкоголиками, наркоманами, социопатами, криминальными психопатами, людьми с извращенной сексуальностью и серьезными расстройствами личности.

В начале 60-х годов была обнаружена новая сфера применения психоделической терапии: работа с безнадежными раковыми больными и другими неизлечимыми пациентами. Этот подход смог не только облегчить эмоциональные страдания и сильные физические боли, но значительно изменить представления о смерти и отношения к ней (Grof and Halifax, 1977).

Опыт использования ЛСД и других психоделиков в лечении эмоциональных расстройств насчитывает теперь уже более трех десятилетий. Много времени и усилий было посвящено исследованию их терапевтических возможностей, опубликованы сотни профессиональных статей. Как и следовало ожидать, в этой сложной и революционной области не обошлось без ошибок и достижений.

В течение этих тридцати лет были предложены многие техники терапевтического использования ЛСД и других психоделиков. Некоторые из техник не выдержали испытания временем и были оставлены. Другие подверглись модификациям или были ассимилированы в более сложные терапевтические процедуры.

Здесь не место исследовать все стадии данного процесса: за-

интересованный читатель может найти подробные сведения в моей книге «ЛСД-психотерапия» (Grof, 1980). Я дам лишь краткий критический очерк истории клинического использования психоделиков, рассматривая основные направления и сосредоточиваясь на тех из них, которые заслуживают внимания с точки зрения наших сегодняшних знаний.

Среди подходов, преданных забвению из-за их примитивности и несоответствия сложному воздействию психоделиков, можно отметить попытку рассматривать психоделики как еще одну группу фармакологических веществ и использовать их химические свойства. Это попытки использовать ЛСД в качестве антидепрессанта, агента шока, отреагирования или вещества, активизирующего хронические и стационарно-клинические состояния, чтобы сделать их еще более поддающимися традиционному психиатрическому лечению.

Исследователи, сохранившие доверие к психоделической терапии в условиях противоречивых сообщений начального этапа, пришли к заключению, что психоделические вещества являются в большей или меньшей степени неспецифическими усилителями, а терапевтический успех решающим образом зависит от факторов нефармакологической природы (экстрафармакологических переменных). Наиболее важными среди них являются структура личности пациента, личность гида, или сидящего, терапевтические отношения, природа и мера специфической терапевтической помощи, физический и межличностный контекст сеанса.

Сами по себе психоделические вещества могут лишь активизировать психику и способствовать выявлению бессознательных и сверхсознательных процессов в сознании. Будет ли этот процесс терапевтическим или деструктивным и дезорганизующим, зависит от целого ряда иных переменных, не имеющих ничего общего с фармакологическим воздействием химических веществ. Поскольку факторы организации и устройства сеанса оказываются крайне важными, нельзя ожидать волшебных результатов просто от принятия психоделиков; их следует использовать в контексте сложной психотерапевтической программы.

Даже если ограничиться терапевтическим использованием психоделиков в контексте психотерапии, нетрудно видеть, что эти две составляющие - психотерапевтические процедуры и воздействие психоделиков - могут быть соединены различным образом, с различной степенью эффективности. Менее интересная возможность - использование небольших доз психоделиков для интенсификации психотерапевтического процесса, случайные психоделические сеансы в рамках нефармакологической терапии для преодоления защит и сопротивлений, использование малых доз в групповой психотерапии и сочетание гипноза и психоделиков, или гипноделическая терапия (Levine and Ludwig, 1967). Среди техник терапии с использованием психоделиков наиболее интересными и наиболее распространенными являются две: психолитическая и психоделическая терапия.

Психолитическая терапия. Термин был введен английским исследователем, пионером в области ЛСД-терапии, Рональдом А. Сэндисоном. Корень «litic» (от греч.: elisis) - рас-творение) указывает на процесс освобождения от зажимов, разрешения конфликтов в психике. Как в теории, так и в практике, метод представляет собой модификацию и расширение фрейдовского анализа. Он предполагает прием ряда (15 - 100) средних доз психоделиков с недельными или двухнедельными интервалами.

Психолитическая терапия представляет собой постепенное исследование все более глубоких уровней бессознательного. Терапевт, как правило, присутствует в течение нескольких часов кульминационного периода сеанса, обеспечивая поддержку и в случае необходимости давая интерпретации. Все феномены, происходящие во время сеансов или между ними, трактуются с использованием основных принципов фрейдовской терапии.

Психоделическая терапия. Сам термин был предложен психиатром и исследователем ЛСД Хэмфри Осмондом и одобрен в его переписке с Олдосом Хаксли. Буквально это означает «проявление психики» (от греч.: epsyche - душа и edelein - проявлять). Психоделическая терапия в нескольких важных аспектах отличается от психолитического подхода. Ее главная цель состоит в том, чтобы создать человеку оптимальные условия для глубокого трансформирующего переживания трансперсональной природы. Для большинства людей это принимает форму смерти и рождения Эго, с последующим переживанием космического единства и других трансперсональных феноменов.

Среди факторов, способствующих таким переживаниям, - специальная подготовка, использование больших доз психоделиков, способствование углублению человека в себя через использование повязок для глаз, высококачественной стереофонической музыки в течение всего сеанса, использование духовных сюжетов, искусства и красоты природы в организации сеанса и обстановки. Разговоры допускаются только перед сеансом и после него. Во время реального психоделического переживания разговоры не поощряются, поскольку это мешает погружению в глубину эмоционального и психосоматического исследования себя. Психоделический терапевт не верит в блестящие и своевременные словесные интерпретации или иные вмешательства, соответствующие представлениям той или иной психотерапевтической школы. Он предлагает пациенту отпустить себя, отказаться от обычных защит и отдаться спонтанному терапевтическому потенциалу глубинной динамики души.

Большинство психиатров и психологов, проводивших клинические исследования с психоделиками, явно склоняются либо к психолитической, либо к психоделической модальности. С моей точки зрения, каждый из этих подходов в своей чистой форме имеет существенные недостатки. В психолитической терапии это теоретическое ограничение биографическими рамками, соответствующее фрейдовскому психоанализу, непризнание перинатальных и трансперсональных аспектов психики, а также экстернализация процесса посредством чрезмерного использования словесных интерпретаций.

В противоположность этому в психоделической терапии недостаточно внимания уделяется биографическому материалу, когда он появляется в сеансе, и слишком много ожидается от воздействия единичного трансформирующего переживания. Использование «единичной большой дозы», характерное для психоделической терапии, эффективно для алкоголиков, наркоманов, депрессивных пациентов и людей, умирающих от рака: большинство терапевтических изменений у пациентов с различными психоневрозами,

психосоматическими заболеваниями и дефектами личности требует обычно проработки в течение ряда психоделических сеансов.

В следующем разделе я опишу форму психотерапии с использованием психоделических веществ, которая сложилась в моей клинической работе. Этот подход сочетает в себе преимущества психолитической и психоделической терапии и избегает их недостатков. Его основные принципы во многом подобны принципам холотропной терапии, детально описанной в предыдущих главах этой книги. Это неудивительно, поскольку холотропное дыхание является прямым производным от клинической работы с психоделиками.

Принципы психоделической терапии

Процедура психоделической терапии состоит из трех различных, но взаимосвязанных фаз. Первая - подготовительный период. Это ряд бесед без использования медикаментов, во время которых человек подготавливается к психоделическому опыту. Время, которое для этого необходимо, зависит от личности клиента, характера его проблем, от того, какие вещества предполагается использовать, и некоторых других обстоятельств. В течение этой фазы необходимо получить достаточную информацию об эмоциональных трудностях и личной истории клиента. Еще более важно создать отношения доверия между терапевтом и клиентом, которые являются важнейшим фактором, определяющим течение и результат сеанса.

Когда эти цели достигнуты, необходима специальная встреча для обсуждения специфических вопросов, связанных с психоделическим сеансом. Это касается детальной информации о действии препарата, который будет использован, его возможностях и связанным с ним риском и о том, какого рода переживания он может вызвать. Терапевт должен объяснить клиенту принципы терапевтического подхода, его стратегию, правила проведения психоделического сеанса. В конце этой встречи клиент должен подписать контракт, предусматривающий его информированность.

Вторая фаза - сам психоделический сеанс. Он должен проходить в обстановке защищенности, где человека не будут беспокоить посторонние влияния, а сам он будет иметь возможность полного самовыражения, если это окажется необходимым. Помещение должно быть обставлено по-домашнему и комфортно и со вкусом декорировано. По возможности оно должно быть расположено в красивом загородном окружении, поскольку возвращение к природе является важным аспектом психоделических переживаний. Ванна и туалет должны быть легко доступны. Поскольку музыка является важным элементом психоделической терапии, хорошая звуковоспроизводящая система и фонотека принадлежат к абсолютно необходимым составляющим оборудования для психоделической терапии.

Перед психоделическим сеансом человек должен поститься или есть совсем немного. Пост способствует необычным состояниям сознания и уменьшает возможность проблем с желудком и кишечником. Предпочтительно, чтобы перед сеансом человек был в спокойном, расслабленном и медитативном состоянии, а не в состоянии стресса или хаотической деятельности. Приняв препарат, человек большую часть сеанса должен оставаться в положении лежа или полулежа, с повязкой на глазах и наушниками. Если дозы невелики, возможен и экстернализованный сеанс, во время которого человек держит глаза открытыми. Это в особенности касается производных амфетамина, таких, как МДА и МДМА. Они

могут усилить чувств-венное восприятие окружающего, углубить межличностные отношения и вести к одухотворению обыденной жизни. Однако если принимаются большие дозы, то сосредоточенность на вну-тренних процессах ведет к большей глубине и меньшей спутан-ности переживаний, а также способствует их лучшей интегра-ции. Основное правило безопасности психоделического сеанса состоит в том, что весь материал, который появляется из бессо-знательного, должен быть принят сознанием, полностью пере-жит и интегрирован. В экстернализованной сессии это условие не соблюдается, так как различные внешние отвлекающие фа-кторы мешают сосредоточению на внутренних процессах.

Во время интенсивных психоделических переживаний раз-говоры сводятся к минимуму. Большую часть сеанса пациент держит глаза закрытыми, за исключением моментов, когда ему необходимо прерваться для посещения ванной или туалета. По крайней мере один сидящий должен все время быть рядом, чтобы менять музыку, помогать в случае необходимости и сле-дить за безопасностью внешней ситуации.

Постоянное присутствие сидящих - важная предпосылка для хороших и безопасных психоделических переживаний, да-же если несложный сеанс потребует от них минимума вмеша-тельства. Гид выбирает подходящую музыку в соответствии с переживаниями испытателя, кратко осведомляется каждые пол-часа, каковы эти переживания, может принести воды, помочь дойти до ванной в случае необходимости и т. д.

Во время кульминационных часов сеанса специфические вмешательства могут быть необходимы, если клиент сопротив-ляется переживаниям, отказывается сидеть с повязкой на гла-зах и в наушниках или проявляет стремление к проекциям и активным действиям. Описание этих ситуаций и обсуждение уместных в разных случаях вмешательств читатель может найти в моей книге «ЛСД-психотерапия» (Grof, 1980).

Во время постепенного исчезновения фармакологических эффектов психоделического вещества сидящему следует попро-сить испытателя рассказать о своих переживаниях. В большин-стве случаев сеанс приводит к спонтанному заключению с хоро-шим разрешением проблем, возникших в нем. Подробное обсу-ждение переживаний в конце сеанса или на следующий день может помочь интеграции; полезными в этом отношении могут быть также написание отчета, рисование или медитация.

Если к моменту ослабления фармакологического эффекта не произошло разрешения проблемы, может понадобиться акти-вное вмешательство. Здесь сидящие могут использовать техни-ки холотропной терапии, описанные ранее. Короткий период усиленного дыхания, соединенного с фокусированной работой над телом, обычно ведет к быстрому разрешению остающихся эмоциональных или психосоматических проблем. В случае не-обходимости работа может быть продолжена на следующий день, пока не будет достигнута хорошая интеграция.

Третья фаза, работа после сеанса, обычно состоит из неско-льких интервью без фармакологического вмешательства, во вре-мя которых пациент обсуждает с ведущим свои переживания и возможности их интеграции в повседневную жизнь. Возмож-ны групповые взаимодействия, а также различные художествен-ные выражения психоделических переживаний. Уже упомина-лась возможность дополнительных нефармакологических эмпи-рических сеансов и работы с телом. В крайних случаях может возникнуть необходимость повторного психоделического сеанса в течение той же недели, чтобы завершить гештальт. В идеале курс психоделической терапии не должен быть ограничен за-ранее установленным

количеством сеансов. Терапевт и пациент должны иметь возможность решать, насколько необходимы последующие сеансы. В целом работа по раскрытию предпочтительнее назначения транквилизаторов, которые в этом случае заморозили бы процесс в тяжелом состоянии и воспрепятствовали бы разрешению проблемы.

Психоделические вещества - это мощный инструмент раскрытия глубин бессознательного, равно как и вершин сверх-сознательного. Они обладают значительными позитивными возможностями, но вместе с этим представляют также и серьезную опасность в определенных обстоятельствах. К работе с ними нужно подходить с достаточной осторожностью. Как показывает история психоделического движения, исследования в этой области приводили к опасным срывам не только у новичков-экспериментаторов, но и у опытных исследователей. Если психоделики вернутся в клиническую практику, они должны будут использоваться при работе с группой, под постоянным контролем коллег и взаимным наблюдением.

Холотропная терапия в целом не столь глубокая, как сеансы с большими дозами ЛСД или псилоцибина, обеспечивает доступ к тем же эмпирическим областям и терапевтическим механизмам. Постепенное развитие переживаний и необходимость поддержания их собственными усилиями пациента делает этот подход гораздо более безопасным и легче применимым в широком масштабе. Если в будущем психоделическая работа вновь станет возможной, то холотропная терапия может стать хорошей подготовкой как для терапевтов, так и для пациентов. Привыкнув к ярким эмоциональным и психосоматическим переживаниям, они легче воспримут переход к психоделикам как логичный следующий шаг.

Эта ситуация будет сильно отличаться от ситуации в начале 50-х годов, когда появление ЛСД застало большинство профессионалов совершенно неподготовленными. Привыкшие к уютной атмосфере фрейдовских свободных ассоциаций (интервью один на один) или к бихевиористскому «разобусливанию», мыслящие в строго ньютоново-картезианской парадигме, они оказались неспособными ассимилировать чуждый мир ЛСД-феноменов как практически, так и теоретически. Что бы ни произошло в будущем с психоделической терапией как таковой, теперь уже трудно игнорировать тот факт, что подобные смущающие наблюдения не всегда требуют странных экзотических веществ, но могут быть вызваны такими простыми средствами, как дыхание и звук. Нужно лишь время, для того чтобы этот факт был признан и следствия из него революционизировали психиатрию, психологию и психотерапию.

До сих пор мы говорили об общих принципах терапевтической работы с психоделиками. Хотя эти вещества относительно неспецифическим образом активизируют биографические, перинатальные и трансперсональные области психики, в определенных аспектах своего фармакологического действия они различны и выборочно акцентируют различные параметры психоделического опыта. Далее я хочу добавить несколько специфических замечаний относительно наиболее важных веществ, использовавшихся в психотерапевтической работе.

ЛСД-25 (диэтиламид лизергиновой кислоты) после нескольких десятилетий клинических исследований остается наиболее примечательным и интересным из всех психоделиков. Его невероятная эффективность и биологическая безопасность не знают себе равных среди других психоактивных веществ. Всего лишь 25 микрограмм могут вызвать заметные психологические изменения, продолжающиеся 6 - 8 часов. Оптимальная доза для терапевтической процедуры, описанной выше, от 250 до 500 мкг. Наибольший недостаток ЛСД состоит в том, что в больших дозах он может привести к глубоко дезорганизирующим переживаниям и при

определенных обстоятельствах и неправильном обращении может спровоцировать опасное поведение.

Псилоцибин, чистый алкалоид, выделенный из мексиканских священных грибов, похож по своему действию на ЛСД. Как исследователи в условиях контролируемого эксперимента, так и опытные эксперты с трудом различали эти вещества, разве что по более быстрому действию псилоцибина. Доза, оптимальная для психотерапевтических целей, - между 25 и 35 мг. Несмотря на то что индианка-куруандера Мария Сабина сочла синтетически полученный псилоцибин вполне удовлетворительной заменой священных грибов, большинство экспертов предпочитают вещество естественного происхождения. Свежие или сушеные псилоцибиновые грибы считаются в психоделических кругах наиболее мягким психоактивным веществом и рекомендуются как идеальное средство для введения неофитов в мир психоделического опыта.

Сульфат мескалина, вещество, определяющее психоделическое действие пейота, по своему действию напоминает два названных вещества. Наиболее значительная разница состоит в богатстве цвета в мескалиновых визуализациях, а также частых проблемах с пищеварительным трактом (обычно это тошнота и рвота). Мескалин никогда не был популярен в качестве психотерапевтического средства. Один из его недостатков, кроме побочного действия на пищеварительную систему, - высокая токсичность и небезопасность. Даже дозы, обычно используемые в клинической работе (150 - 500 мг) оказывают влияние на печень и дают изменения, отмечаемые лабораторными тестами. Токсичность мескалина достигает опасного уровня при дозах около 1000 мг. В отличие от этого, натуральный пейот имеет среди индейцев репутацию лекарства с широким спектром применения. Его медицинские возможности признаются даже теми индейцами, которые возражают против его использования в религиозных ритуалах. Горький вкус пейота и рвотный эффект служит фактором, ограничивающим количество перевариваемого вещества.

Среди краткодействующих производных триптамина два заслуживают специального внимания. Дипропилтриптамин (ДПТ) специально исследовался как вспомогательное средство при работе с алкоголиками и раковыми больными и оказался сравнимым с ЛСД (Grof et al., 1973; Richards et al., 1979). Как все производные триптамина, его нужно вводить посредством укола; воздействие ингаляции недостаточно предсказуемо. Оптимальная терапевтическая доза - от 75 до 125 мг, действие резко прекращается через четыре часа. 5-метокси-ДМТ - терапевтически интересное вещество, так как дает возможность получить мощные переживания в течение одного часа. В зависимости от дозы оно может быть использовано для работы на биографическом уровне, на уровне перинатальных и трансперсональных исследований или для глубоких трансформирующих переживаний совершенно абстрактной, бессодержательной природы, которые пациенты часто сравнивают с первичным ясным светом, описанным в «Тибетской книге мертвых».

Йаге считают «великим лекарством» среди аяхуаскеры в Южной Америке, причем принимать его может либо пациент, либо целитель. Попытки проверить это в условиях западной клиники были немногочисленными. Наиболее существенные результаты относительно терапевтического эффекта йаге и гармалиновых алкалоидов получил Клаудио Нараньо (Narahjo, 1973). Он описывает драматические терапевтические изменения у десяти из тридцати пациентов, принимавших гармалин. Интересный аспект этого опыта состоял в необычно частых появлениях специфических образов коллективного бессознательного, в том числе огромных кошек, змей и обнаженных

черных женщин. Наряду с этим имели место и более обычные переживания - прохождение через утробу, смерть, визуализации половых органов, космические пейзажи и др. Эффективная доза гармалина, по Шульгину, - между 300 и 400 мг перорально.

Опыт относительно ибogaина так же невелик, как и в предыдущем случае, и также основным источником данных является отчет Клаудио Нараньо, основанный на 40 сеансах с тридцатью пациентами, где использовался либо ибogaин, либо экстракт ибoги (Naranjo, 1973). Он отмечает, что ибogaин вызывает проявление инстинктивных аспектов психики, преобладание агрессивных и сексуальных тем и образов животных. Оптимальная доза ибogaина, по-видимому, между 3 и 5 мг на килограмм веса.

В отличие от ЛСД, являющегося биологически безопасным, но обладающим глубоким и сильным психологическим действием, психоделические амфетамины (за исключением ДОМ или СТР) психологически мягки, в то время как их физиологические свойства могут вызывать проблемы. Они безопасны лишь в небольших количествах, а их симпатомиметические свойства делают их опасными для людей с сердечно-сосудистыми нарушениями, в особенности для людей с больным сердцем или повышенным давлением. Большинство психоделических амфетаминов (эмпатогенов) вызывают лишь минимальное изменение сенсорного восприятия, одновременно сильно увеличивая эмо-

циональную реакцию, стимулируя философское мышление и вызывая глубокие духовные переживания. Они раскрывают каналы эмпатии и увеличивают чувство связи с другими людьми и с окружающей природой. Их можно использовать в группах полностью или частично экстернализованного типа.

Во время недавней волны профессионального и общественного интереса к МДМА («Адам» или «Экстаз») это вещество считалось «напитком любви», открывающим сердечную чакру. Прежде чем его широкое использование вызвало реакцию законодателей, установивших за ним строжайший контроль, оно использовалось многими профессионалами при консультировании супругов и в семейной терапии, а также как средство восстановления доверия к людям и человеческим отношениям у пациентов, подвергшихся значительным травмам. Терапевтическая работа с эмпатогенами требует иного выбора музыки, чем работа с ЛСД или псилоцибином. Мягкая, текучая, тихая музыка лучше всего соответствует психологическому воздействию этих веществ. Среди эмпатогенов два вещества заслуживают специального упоминания: ДОМ, или СТР, обладает значительной длительностью действия (до нескольких дней), а 2С-Б сочетает общее эмпатогенное воздействие с богатыми изменениями визуального восприятия, что заставляет поместить его где-то между МДМА и ЛСД.

Гидрохлорид кетамина - вещество, сочетающее анестетические и психоделические свойства, - особенно интересно с эвристической точки зрения. Оно дает доступ к наиболее необычным областям опыта, часто к значительным философским или духовным открытиям и к прозрениям космического процесса творения самой реальности. Его недостаток состоит в том, что пациент в значительной степени теряет координацию, испытывает трудности вербального выражения, а также трудности последующего воспоминания своих переживаний. Кетамин наименее интересен с терапевтической точки зрения, так как переживания под его воздействием в наименьшей степени ведут к устойчивым эмоциональным и психосоматическим трансформациям. Его ценность состоит в глубоких и

устойчивых изменений мировосприятия и радикально новом понимании смерти. Оптимальная доза составляет от одной десятой до одной шестой анестетической дозы, то есть от 100 до 150 мг внутри-мышечно. Музыка, используемая для сеанса с кетамином, должна быть медленной, выразительной, «космической» и соответствовать характеру переживаний.

Возможно, что некоторые недостатки кетамина могут быть преодолены посредством разделения его активных компонентов, поскольку кетамин является смесью декстро- и леворотацион-ных фракций. Существует гипотеза, что анестетические и психоделические свойства селективно связаны со способностью двух компонентов вращать поляризованный свет направо или налево. Поскольку они могут быть разделены, психоделические эффекты кетамина могут быть изучены отдельно от анестетических.

Станислав Гроф

Психика и КОСМОС: холотропные состояния сознания, архетипическая психология и транзитная астрология

Психоделические вещества в целом, и в частности ЛСД, могут глубоко влиять на работу человеческой психики. Их действие может быть как исключительно полезным, так и разрушительным, в зависимости от того, какой человек их принимает, в какой компании и в какой обстановке. По этой причине с самого начала экспериментов с психоделиками исследователи пытаются найти способы предсказать, как могут эти вещества повлиять на человека, который их принимает.

Попытка обнаружить метод прогнозирования реакции на психоделики и их терапевтические последствия была одной из целей большого клинического исследования, которое проводила наша исследовательская группа в Мэрилендском центре психиатрических исследований. Для этой цели мы использовали набор стандартных психологических тестов, в том числе Миннесотскую многоаспектную анкету личности (ММАЛ), Шостромовскую анкету личностной ориентации (АЛО), Чернильный тест Роршаха (ЧТР), нашу собственную Анкету психоделических переживаний (АПП) и другие. Это исследование подтвердило мои ранние догадки, к которым я пришел во время работы в Институте психиатрических исследований в Праге, Чехословакия, а также выводы, сделанные на основе изучения специальной литературы: результаты тестов, разработанных и широко используемых западными психологами, для этой цели совершенно бесполезны.

По иронии судьбы, когда после многолетних безуспешных усилий я наконец нашел средство, дающее возможность делать такие прогнозы, оно оказалось еще более противоречивым, чем сами психоделики. Этим средством стала астрология - дисциплина, которую я сам, даже после многолетнего изучения трансперсональных явлений, бесцеремонно отвергал как некую смехотворную псевдонауку. Я также понял, что астрология может стать бесценным инструментом при работе с другими формами холотропных состояний сознания, например, с состояниями, которые наступают при воздействии мощных методов переживательной психотерапии (первичная терапия, ребефинг и холотропное дыхание) или возникают спонтанно во время духовных обострений (психодуховных кризисов).

Коренное изменение моего отношения к астрологии стало результатом сотрудничества с психологом и философом Ричардом Тарнасом, который уже много лет является моим близким другом и коллегой. Самая главная его книга по истории западного мировоззрения, "Страсть западного ума", используется как учебник во многих университетах США и других стран. К тому же Рик - блестящий астролог-исследователь, сочетающий безупречную эрудицию и глубокое знание холотропных состояний сознания, предмета своей докторской диссертации. И еще, Рик привносит в свою работу необычайную широту познаний в области человеческой истории и культуры.

В течение многих лет мы вместе исследовали астрологические корреляты мистических переживаний, психодуховных кризисов, психических проявлений, психоделических состояний и сеансов холотропного дыхания. Эта работа показала, что астрология, особенно исследование транзитов планет, может предсказывать как архетипическое содержание холотропных состояний сознания, так и временную их привязку к тому или иному моменту. Наше систематическое исследование соотношений между природой и содержанием холотропных состояний и транзитов

планет убедило меня, что самая многообещающая стратегия психиатрии будущего - это сочетание глубокой переживательной терапии с трансперсональной психологией и транзитной астрологией.

Я осознаю, что это очень смелое утверждение, особенно учитывая тот факт, что многие передовые ученые считают астрологию - как считал и я - принципиально несовместимой с научным мировоззрением. Чтобы как следует обосновать использование астрологии с философской и научной позиции, потребовалось бы гораздо больше места, чем позволяет это приложение. Всем, кто заинтересовался этим вопросом, советую обратиться к трудам Ричарда Тарнаса, который к тому же гораздо лучше меня подготовлен для этой задачи, В данном контексте я лишь кратко покажу, как менялся статус астрологии на протяжении истории, и приведу факты в поддержку этой древней дисциплины, вытекающие из современных исследований сознания.

Астрология - это древнее искусство и наука, и зародилась она, возможно, уже в третьем тысячелетии до нашей эры в Месопотамии, откуда распространилась в Индию и Грецию. Она была основана на учении о вселенском соответствии. Ее основной принцип, выраженный фразой "что вверху, то и внизу", - это предположение, что микрокосм человеческой психики отражает макрокосм, а также что земные события служат отражением событий космических. В Греции в эллинистическую эпоху астрологи усовершенствовали астрономические вычисления и с каждой планетой сопоставили то или иное мифическое божество, что стало отражением мифологической связи, уже установленной вавилонянами. Потом они стали использовать эту систему для предсказания событий - как в обществе, так и в жизни отдельных людей.

Понимание значений планет, их положений и геометрических аспектов, а также их конкретного влияния на дела людские - впервые всё это оказалось объединено в целостную систему в астрологии Птолемея, который также был величайшим систематизатором древней астрономии. В последующие века поколения астрологов расширяли, пересматривали и совершенствовали систему Птолемея. В своей полностью развитой, "греческой" форме астрология почти 2000 лет оказывала влияние на религию, философию и науку языческой, а позже и христианской Европы. Современные астрологи, используя достижения астрономии, ставшие возможными с изобретением телескопа, впоследствии добавили к древней системе три внешние планеты - Уран, Нептун и Плутон, - которые не были известны в древности, а также изучили и описали архетипическое значение этих планет.

Как и многие другие эзотерические системы, астрология стала жертвой рационализма и материализма, которые вышли на сцену в эпоху научно-технической революции. Она была отвергнута не потому, что была доказана ложность ее предпосылок, а по причине ее несовместимости с основными метафизическими допущениями западной науки, попавшей под власть монистического материализма. Если говорить более конкретно, то неприятие астрологии учеными-материалистами имеет под собой несколько важных причин.

Западные ученые изображают вселенную как обезличенную и большей частью неодушевленную механическую систему, некую супермашину, которая создала саму себя и подчиняется естественным механическим законам. В этом контексте жизнь, сознание и разум выглядят более или менее случайными продуктами материи. Главное же предположение астрологии, что космос - творение высшего разума, основано на более глубоком, непостижимо сложном порядке и отражает высшую цель.

Астрологическая точка зрения точно отражает изначальный смысл греческого слова "космос", которое описывает мир как четко упорядоченную, стройную и последовательно взаимосвязанную систему, неотъемлемой частью которой является человечество. С этой точки зрения человеческая жизнь - не результат действия произвольных сил, управляемых капризным случаем: она движется по четкой траектории, которая созвучна движению небесных тел, а потому может быть интуитивно познана, хотя бы отчасти.

Астрологическое мышление предполагает существование архетипов -вневременных изначальных принципов, которые лежат в основе устройства материального мира, формируют его и

одушевляют. Склонность истолковывать мир с позиции архетипических принципов впервые возникла в Древней Греции и стала одной из самых поразительных черт греческой философии и культуры. Эти архетипы можно рассматривать с нескольких разных точек зрения. В эпических произведениях Гомера они находят воплощение в мифологических персонажах, божествах, таких, как Зевс, Посейдон, Гера, Афродита или Арес. В философии Платона они описаны как чистые метафизические принципы, трансцендентные Идеи и Формы. Они обладают собственным независимым бытием в мире, который обычные человеческие чувства воспринять неспособны. В наше время К. Г. Юнг привнес понятие архетипов в современную психологию, описав их в основном как психологические принципы.

Существование скрытых, незримых измерений реальности - идея, чуждая материалистической науке, если эти измерения нематериальны по своей природе и не могут быть обнаружены с помощью приборов, которые расширяют диапазон нашего восприятия: микроскопов, телескопов или датчиков, регистрирующих различные диапазоны электромагнитного излучения. К тому же психиатры, как теоретики, так и клиницисты, используют очень узкую понятийную структуру, ограниченную послеродовой биографией и фрейдовским индивидуальным бессознательным. Они утверждают, что восприятие архетипических существ и миров есть патологический продукт мозговой деятельности, который необходимо лечить транквилизаторами.

Еще одно большое препятствие, мешающее относиться к астрологии серьезно, - это детерминистский склад мышления, присущий всей западной науке. Критики астрологии обычно рассматривают вселенную как цепочку причин и следствий и считают принцип причинности обязательным для всех процессов во вселенной. Вполне естественно, что для них идея непосредственного физического влияния планет на человеческую психику и на весь мир неправдоподобна и абсурдна. Те, кто рассматривает причинность как единственный связующий принцип во вселенной, склонны пренебрегать такими неудобными проблемами, как вопросы о происхождении вселенной и о "причинах всех причин". К тому же в этой полемике они не учитывают открытий квантово-релятивистской физики.

В конечном счете первостепенное значение, которое астрология придает моменту рождения, не имеет никакого смысла для теоретической психологии и психиатрии, поскольку они не рассматривают биологическое рождение как психологически важное событие и не признают перинатальный уровень бессознательного. Их позиция основана на весьма спорном предположении, что мозг новорожденного якобы не способен регистрировать травмирующее воздействие рождения, поскольку к моменту рождения процесс миелинизации (формирования жировых миелиновых оболочек, покрывающих нейроны) в его мозгу еще не завершен.

За несколько десятилетий систематического исследования холотропных состояний накоплен большой объем информации, которая сокрушает эти основные положения материалистической науки и предоставляет факты в поддержку астрологии. Эти наблюдения обнаруживают следующее:

- 1) существование надличностных переживаний, которые указывают на одушевленный космос, пронизанный сознанием и творческим космическим разумом;
- 2) возможность непосредственного восприятия духовных реальностей, в том числе архетипических персонажей, сюжетов и миров, а также эмпирической оценки достоверности этих переживаний;
- 3) существование синхронностей, представляющих собой важную и жизнеспособную альтернативу принципу причинности;
- 4) чрезвычайная психодинамическая важность переживания процесса рождения для психологического развития и жизни человека;

5) огромный потенциал астрологических транзитов для прогнозирования природы, временных характеристик и содержания холотропных состояний сознания.

1. Факты, подтверждающие одушевленность космоса. Исследование холотропных состояний сознания предоставило убедительные доказательства того, что надличностные переживания нельзя отбрасывать как бесполезные продукты больной психики. То что такие состояния обеспечивают доступ к новой точной информации о различных аспектах бытия, не оставляет сомнения: эти явления, образно говоря, бросают вызов большинству основных положений материалистической науки. Эти состояния предлагают понимание вселенной как единой сети происходящих в сознании событий --сети, которая пронизана высшим разумом и отражает некий высший порядок.

Кроме того, эти переживания эмпирически доказывают, что психика отдельного человека не имеет границ и, в сущности, соизмерима со всем его бытием. Таким образом они подтверждают основной принцип многих эзотерических систем, включая астрологию, который гласит, что микрокосм служит отражением макрокосма. Это представление, которое, с точки зрения механистической науки и Аристотелевой логики казалось совершенно абсурдным, в последние десятилетия получило неожиданную поддержку со стороны еще одной области знания: развитие лазеров и оптической голографии показало принципиально новые возможности связи части и целого.

2. Эмпирические факты в пользу существования архетипов. Холотропные состояния обеспечивают непосредственный эмпирический доступ к чудесным (нуминозным) измерениям бытия, в том числе и к архетипам. Это очень важно, потому что принцип архетипов составляет сущность астрологии. В двадцатом веке К.Г. Юнг возродил древнюю идею архетипов и ввел их в современную глубинную психологию в виде психологических принципов, изначальных организующих структур психики.

Юнг и его последователи исследовали и очень подробно описали важную роль, которую архетипы играют в жизни отдельных людей, народов и природы. Во многих научных статьях и книгах, а в также в популярных произведениях авторов, имеющих юнговскую ориентацию, утверждается, что наши личные качества и поведение отражают динамику мощных архетипических принципов (Hillman, 1975; Shinoda, Bolen, 1984, 1989) и что мы воплощаем эти характерные архетипические темы в своей повседневной жизни (Cambell, 1972).

Важная особенность архетипов - это то, что они не привязаны к человеческому мозгу, но, скорее, действуют из запредельных сфер и производят синхронное влияние как на психику отдельного человека, так и на происходящие в мире события. Союз научной астрологии и архетипической психологии, основанный на трудах К.Г. Юнга, обеспечивает невиданный прогресс обеих этих областей. Он привносит математическую точность астрономии в творческий и образный мир глубинной психологии, существенно обогащая возможности как теоретических гипотез, так и клинических прогнозов.

Психологи-теоретики и психиатры и поныне считают идею Юнга об архетипах ни на чем не обоснованной и умозрительной и отказываются принимать ее всерьез. Однако современные исследования сознания подтверждают несомненное существование архетипов, указывая, что эти архетипы можно непосредственно пережить в холотропных состояниях сознания. В других своих трудах я приводил различные истории, иллюстрирующие то, как трансперсональные переживания, связанные с архетипами, могут давать новую информацию о мифологических реальностях культур, о которых переживший их человек раньше не знал, а также открывают новые терапевтические возможности (Grof, 1985, 1988).

3. Открытие синхронности. Склонность мыслить с позиции причинности - вот одно из главных оснований того, почему астрологию так неистово отвергают. Я вспоминаю одну из бесед о трансперсональной психологии с Карлом Саганом, во время которой он, между прочим, выпалил: "Астрология - полнейшая чушь: ведь я, стоя здесь, влияю на тебя куда больше, чем Плутон".

Совершенно ясно, что он рассматривал эту тему сквозь призму таких понятий, как массы, расстояния, силы тяготения и другие физические величины. Но такой подход совершенно упускает из виду главное. Критики астрологии, в том числе и Карл Саган, не понимают, что астрологи используют сложную парадигму, которая утверждает существование синхронной связи между планетами, человеческой психикой и внешними событиями. Чтобы постичь астрологию, нужно мыслить с позиции синхронности.

Ричард Тарнас и я совместно излагали наши открытия, касающиеся связи между психикой и космосом, на многочисленных курсах Для специалистов в Калифорнийском институте интегральных исследований (КИИИ), а также на учебных семинарах по трансперсональной психологии и в выступлениях для широкой публики. Первое, что мы всегда старались прояснить перед каждым обсуждением данного материала, - это то, что, говоря о взаимосвязи переживаний и событий с движением и аспектами планет, мы никоим образом не имеем в виду причинное влияние небесных тел на человеческую психику или на события в материальном мире.

Более правильное понимание астрологии можно проиллюстрировать на одном простом примере. Когда я смотрю на свои часы показывающие точное время, и вижу, что на них семь, я могу сделать вывод, что все точные часы в этом же часовом поясе тоже будут показывать семь часов. Далее я могу с достаточной уверенностью предположить, что, включив телевизор, смогу увидеть новости которые передают в семь часов, или что в ресторане, где я заказал ужин на семь часов, к моему приходу будет накрыт стол.

Это, разумеется, не означает, что мои часы оказывают непосредственное влияние на все другие часы, вызывают показ новостей по телевизору или влияют на сознание обслуживающего персонала ресторана. Просто все эти события синхронны по отношению к астрономическому времени - скрытому измерению, которое действует "за кулисами" и не может восприниматься непосредственно.

Точно так же понимание, лежащее в основе астрологии, предполагает, что во вселенском порядке вещей движения планет и геометрические аспекты, которые они образуют друг с другом, соотносятся со скрытыми архетипическими движущими силами, которые определяют события во внешнем мире. Поскольку планеты видимы, их можно использовать для того, чтобы предположить, что происходит в мире архетипов или, используя вышеописанный пример, что показывают "часы" в этом архетипическом мире. Угловое соотношение расположения планет в то или иное время и расположения планет в нашем катальном гороскопе (транзиты) указывает на то, как данная ситуация может проявиться в нашей личной жизни.

Принцип синхронности как существенная альтернатива линейной причинно-следственной связи был впервые подробно описан К.Г. Юнгом. Согласно Юнгу, синхронность не причинно-следственный связующий принцип, который относится к важным совпадениям событий, разделенных во времени и пространстве. Юнга, который вообще интересовался странными совпадениями, главным образом интересовали те совпадения, в которых различные внешние события имели осмысленную связь с внутренними переживаниями, например, со снами, фантазиями и видениями.

Именно эти совпадения, самые разнообразные и необычные, Юнг назвал синхронностью. Он определял такую синхронность как "одновременное наступление того или иного психического состояния и одного или нескольких внешних событий, проявляющихся как осмысленные параллели субъективному состоянию, имевшему место в тот момент" (Jung, 1960). Синхронности могут принимать множество различных форм: одни связывают людей и события, разделенные расстоянием, другие - временем.

Из-за глубоко укоренившегося в современном мире убеждения, что основным законом природы является причинность, Юнг долгие годы не решался публиковать свои наблюдения тех событий, которые не вписывались в эту схему. Он откладывал издание своей книги, написанной на эту тему, до тех пор, пока вместе с другими учеными не собрал буквально сотни убедительных

примеров синхронности и не смог с полной уверенностью сказать, что собирается изложить вполне обоснованные факты. Кроме того, для него было важно, что его принцип синхронности получил поддержку со стороны двух первооткрывателей современной физики: Альберта Эйнштейна и Вольфганга Паули. С точки зрения нашего исследования интересен тот факт, что в своем революционном очерке "Синхронность: некаузальный связующий принцип" Юнг отводит особое место астрологии.

В работе с холотропными состояниями случаи поразительной синхронности настолько обычны, что не остается никаких сомнений, что она является важной альтернативой причинности как связующего принципа. В медитативных практиках, терапии с применением психоделиков, холотропном дыхании и спонтанных психодуховных кризисах содержимое, возникающее из подсознания, часто вступает в сложное творческое взаимодействие с различными сторонами общепринятой реальности. Это бросает вызов самым основным нашим предположениям о реальности и полностью стирает то четкое различие, которое мы делаем между внутренним миром и внешним.

Типичным примером служит явление удивительных синхронностей в жизни людей, занимающихся переживанием и сознательным воссозданием воспоминаний о биологическом рождении. Когда в процессе внутреннего исследования эти люди близко подступают к переживанию смерти эго, но не проходят его до конца, они в повседневной жизни часто сталкиваются с поразительным скоплением опасных ситуаций, травм и несчастных случаев. Важно подчеркнуть, что здесь я имею в виду события, которые вызваны другими людьми или внешними обстоятельствами, а не являются следствием саморазрушительных склонностей самих пострадавших.

Когда эти люди переживают в своих глубинных процессах смерть эго и психодуховное рождение, такие ситуации имеют тенденцию раскрываться так же магически, как они развились. По-видимому, на этой стадии личного преображения человеку приходится иметь дело с темой разрушения и потери, но у него есть выбор: пережить это как внутренний процесс или как событие реальной жизни. Это как раз то, что астрологи наблюдают в отношении влияния тяжелых планетарных транзитов.

Столь же удивительные синхронности бывают связаны с различными видами надличностных переживаний. Синхронные события часто сопровождают переживание опыта прошлой жизни а также очень часто возникают во время внутренней встречи с архетипическими персонажами и мотивами. Например, когда человек переживает интенсивный внутренний процесс, связанный с темами Анимуса, Анимы, Мудрого Старца либо Великой или Пожирающей Матери, в их повседневной жизни часто появляются люди, воплощающие в себе черты этих персонажей.

Аналогичным образом, когда у человека возникает сильное шаманское переживание, в котором участвует дух-проводник в облике животного, то это животное может неожиданно и по-разному появляться в жизни этого человека, причем с частотой, не укладывающейся в рамки разумной вероятности. Кроме того, многим людям, бескорыстно участвовавшим в проектах, которые вдохновлялись трансперсональными сферами психики, доводилось переживать необычные синхронности, удивительно облегчавшие их работу.

4. Психологическое значение рождения. Работа с холотропными состояниями позволила исправить поразительное заблуждение психиатров-теоретиков, которые полагали, что биологическое рождение может отразиться на душевном состоянии, эмоциональной жизни и поведении человека только в том случае, если оно вызвало необратимое повреждение клеток мозга. Мне много раз довелось наблюдать, что это критическое переживание оставляет сильный отпечаток душевных чувств и телесных ощущений, которые, взаимодействуя с событиями после рождения, определяют развитие различных душевных и психосоматических расстройств. К тому же общая картина нашего рождения часто отражается на том, как мы справляемся с превратностями судьбы и подходим к важным задачам и проектам. Есть также впечатляющие доказательства того, что в психике отдельных людей перинатальные матрицы могут играть

важную роль, определяя участие этих людей в коллективных общественно-политических событиях и культурных движениях.

Эти наблюдения становятся существенной поддержкой для астрологии, которая давно придавала большое значение моменту рождения как символическому предшественнику всей картины жизни. Они также связаны с еще одним основополагающим принципом астрологии, который точно определяет связь между глобальными событиями и тем, что происходит в жизни отдельных людей. Это предполагает, что важные движения и события, имевшие место человеческой истории, связаны с расположением планет и их взаимоотношениями. Таким образом, степень и природа участия людей в коллективных событиях, а также конкретные случаи в их жизни являются отражениями их личных планетарных транзитов. Они, в свою очередь, выражают связь между мировыми транзитами и личными катальными картами. Мы вернемся к этой теме позднее, когда будем рассматривать основные принципы астрологии.

5. Связь между холотропными состояниями и планетарными транзитами. В то время как все вышеописанные наблюдения указывают на мировоззрение и теорию личности, которые в основе своей созвучны астрологии, за время исследования холотропных состояний также накопилось много удивительных фактов, которые вполне конкретно подтверждают важные предположения, лежащие в основе астрологии. Было открыто существование систематической связи между природой и содержанием холотропных состояний сознания и планетарными транзитами людей, переживающих эти состояния.

Первым на возможность существования некой необычной связи мое описание БПМ было основано на клинических наблюдениях, сделанных совершенно независимо, когда я еще ничего не знал об астрологии.

Положительные стороны первой перинатальной матрицы (БПМ-1) - переживание эпизодов безмятежной внутриутробной жизни, а также сопутствующие ощущения растворения границ, океанического блаженства, космических чувств единения, выхода за пределы времени и пространства и осознания мистических измерений реальности - безошибочно отражают архетип, который астрологи связывают с Нептуном. То же самое справедливо и для отрицательной стороны БПМ-1, связанной с регрессивными переживаниями тревог, предшествующих рождению. Здесь растворение границ по своей природе является не мистическим, а психотическим: оно ведет к смятению, заблуждению, ощущению, что тебя травят химическими веществами, и параноидальному восприятию Реальности. Эта матрица также имеет психодинамическую связь с алкогольной или наркотической интоксикацией и зависимостью.

Все это качества, которые астрологи описывают как теневую сторону архетипа Нептуна.

Самые характерные особенности БГТМ-И, связанной с "безвыходным" этапом рождения, когда матка сокращается, но ее шейка все еще остается закрытой, - это навязчивые мысли о старении и смерти, трудных испытаниях и тяжком труде, депрессии, гнете, нужде и голоде. Эта матрица также вызывает чувства неадекватности, неполноценности и вины. Она связана со скепсисом и глубоко пессимистическим взглядом на жизнь, с сокрушительным кризисом смысла, полной неспособностью радоваться, запутанностью в мире времени и материи и потерей всякой связи с божественным измерением реальности. В астрологии все эти качества приписываются отрицательной стороне архетипа Сатурна.

Особенно замечательно и удивительно точное астрологическое соответствие с эмпирическими сторонами, которое мы наблюдаем в БПМ-III, ибо эта матрица представляет собой необычное сочетание элементов, характерное для завершающего этапа биологического рождения. Сюда относится безжалостный натиск стихийных божественных сил, столкновение титанических энергий, дионисийский экстаз, рождение, секс, смерть-возрождение, уничтожение и скотология. Еще можно упомянуть переживания всей глубины жизни-и-смерти, а также мотивы извержения вулкана, очищающего пламени и подземного мира - геологические, урбанистические,

криминальные, сексуальные, психологические или мифологические. С точки зрения астрологии всё это качества архетипа Плутона.

И наконец, феноменология БПМ-1У - переживание выхода из родового канала - тесно связана с архетипом Урана. Как я покажу дальше, это единственная планета, архетипическое значение которой существенно отклоняется от природы ее мифологического тезки. На самом деле архетип, связанный с Ураном, точно отражает основные черты греческого мифологического героя Прометея (Тарнас, 1995). Для него характерны такие качества, как освобождение, свобода от прежних ограничений, неожиданное разрешение трудной ситуации, прорыв границ и выход за их пределы, просветляющие озарения, прометеевское прозрение и экстаз, неожиданный подъем на новый уровень осознанности и сознания.

Еще более поразительным, чем эти удивительные параллели между феноменологией перинатальных матриц и планетарными архетипами, является сделанное Тарнасом открытие: в холотропных состояниях эмпирическое столкновение с этими матрицами регулярно происходит в те периоды, когда у людей, переживающих эти состояния, бывают важные транзиты соответствующих планет. Теперь, спустя годы, мы можем подтвердить этот факт тысячами конкретных наблюдений. Об этих необычных связях я расскажу ниже и проиллюстрирую их историями конкретных людей.

Натальная и транзитная астрология также помогли глубже понять еще один важный принцип, вытекающий из моих психоделических исследований. Еще в самом их начале я заметил, что эмоционально важные воспоминания моих пациентов хранятся в подсознании не как мозаика из отдельных отпечатков, но в виде сложных динамических групп. Я назвал эти совокупности воспоминаний СКО, что является сокращением от "системы конденсированного опыта". СКО состоит из воспоминаний, несущих сильный эмоциональный заряд и относящихся к различным периодам нашей жизни, причем общим для этих воспоминаний является качество эмоциональных или телесных ощущений.

У каждой СКО есть своя основная тема, которая пронизывает все ее уровни и выражает их общий знаменатель. Отдельные уровни, в свою очередь, содержат вариации этой основной темы, которые имели место в различные периоды жизни человека. По-видимому, все группы СКО накладываются на травму рождения и коренятся в ней, а также имеют динамическую связь с одной из перинатальных матриц или с одним из ее конкретных элементов. Однако типичная СКО простирается еще дальше, своими самыми глубокими корнями уходя в различные виды надличностных явлений, таких, как переживания прошлых рождений или жизней предков, коллективных исторических эпизодов, сознательное отождествление с различными животными, юнговскими архетипами и многое другое.

Самым последним уточнением моего понимания динамики СКО стало удивительное открытие того факта, что природа важных систем СКО, их содержание в человеческой психике демонстрируют поразительное соотношение с основными планетарными аспектами его натальной астрологической карты. К тому же синхронизация биографических пластов СКО совпадает с периодами, когда эти натальные аспекты активизируются важными планетарными транзитами. Таким образом, эти открытия по-новому освещают динамические связи между биографическими, околородовыми и надличностными составляющими СКО, которые мне довелось неоднократно наблюдать в своей клинической работе.

Из-за этих удивительно точных соотношений астрология, особенно транзитная астрология, оказалась для исследований сознания тем самым долгожданным розеттским камнем (черная базальтовая плита с надписью на трех языках - египетском иероглифическом, египетском денотическом (разговорном) и древнегреческом - обнаружена в 1799 г. на берегу Розеттского рукава Нила. Благодаря ее находке были расшифрованы египетские иероглифы), который дает ключ пониманию природы и содержания настоящих, прошлых и будущих холотропных состояний, как спонтанных, так и искусственно вызванных. Открытие этих соотношений для прошлых переживаний представляет огромный теоретический интерес; они также дают

возможность проникнуть взглядом в прошлое и согласовать с ним процесс исцеления и развития. Изучение текущих транзитов может дать важные принципы для психотерапевтической работы с людьми, переживающими духовные обострения и страдающими другими эмоциональными расстройствами. Возможность делать удивительно точные прогнозы основанные на будущих транзитах, служит бесценным инструментом в планировании психоделических и холотропных сеансов.

Теперь, завершив общее вступление, я буду более конкретно исследовать астрологию как справочную систему для работы с холотропными состояниями. Полное и содержательное рассмотрение важности астрологии для исследования сознания, психиатрии и психологии выходит за пределы этого очерка. Однако эта тема так плодотворна и важна для работы с холотропными состояниями, что я дам, по крайней мере, краткое описание основных принципов астрологии и ее применения в этой области. Надеюсь, оно заинтересует тех читателей, которые не настолько знакомы с этой дисциплиной, чтобы искать более подробную информацию в богатой астрологической литературе. Чтобы найти убедительное подтверждение этому необычному средству, нужно познакомиться с астрологией лично - либо став клиентом опытного и сведущего астролога, либо, еще лучше, самому настолько освоить астрологию, чтобы научиться делать собственные наблюдения.

В приведенном ниже описании основных астрологических понятий я буду близко следовать неопубликованной статье Ричарда Тарнаса, которую он давал своим клиентам, чтобы подготовить их к лекциям по астрологии. Те, кто намерен серьезно заняться изучением этого предмета, найдут подробную информацию в книгах, написанных специалистами в этой области. Роберт Хэнд написал популярное руководство, помогающее понять планетарные транзиты. Книга Рейнольда Эбертина по планетарным влияниям является классикой, которую многие астрологи используют в качестве стандартного справочника.

У шедевра Ричарда Тарнаса "Страсть западного ума", посвященного развитию европейской мысли, от философов - предшественников Сократа до самых последних времен, есть чрезвычайно точное, строго документированное продолжение, которое называется "Космос и психика: откровения нового мировоззрения, давшего этой книге астрологические корреляты". Удачно иллюстрирует подход Тарнаса к архетипической психологии и астрологии небольшая книга "Прометей Пробуждающий", в которой автор исследует архетипическое значение планеты Уран и исторические события, совпавшие с расположением Урана в одну линию с другими планетами.

Основная справочная система, используемая астрологами, включает угловые отношения (аспекты) между Солнцем, Луной и восьмью остальными планетами в натальном гороскопе. Транзитная астрология изучает угловые отношения между катальными позициями этих же десяти небесных тел и позициями в то или иное время (транзиты). Кроме того, важную роль в астрологии играет расположение планет по отношению к системе координат, включающей в себя ось "асцендент - десцендент" и ось "зенит - надир".

Таким образом, мы говорим о весьма сложной системе понятий и связей. В контексте короткого очерка невозможно отдать должное этой захватывающей теме и раскрыть ее со всей полнотой. К тому же я полагаю, что многие читатели знакомы с астрологией лишь поверхностно, а некоторые не знакомы вообще. Поэтому придется отложить подробный рассказ о ней до следующей книги, посвященной именно этой теме, которую я надеюсь когда-нибудь написать вместе с Ричардом Тарнасом.

Натальная карта, или гороскоп, - это двумерное изображение ситуации в небе на момент рождения человека. Она представляет собой круг, разделенный горизонтальной и вертикальной осями на четыре квадранта. Периметр этого круга подразделяется на 360 градусов, образующих двенадцать 30-градусных сегментов, каждому из которых соответствует один из двенадцати знаков зодиака. Это общий "фон", на который в гороскопе показывают положения планет на момент рождения и угловые отношения между ними.

Планеты символизируют основные архетипические принципы или силы, а их угловые отношения, или аспекты, отражают взаимодействие между этими архетипами. В астрологии рассматривается десять "планет", поскольку понятие "планета" используется также для Солнца и Луны (это согласуется с первоначальным значением греческого слова *planētēs*, которое означает "странник", то есть небесное тело, которое имеет свою автономную траекторию и не следует общему движению небесной сферы). Как и планеты, астрологические знаки связаны с определенными архетипическими темами и качествами.

Четыре точки, в которых координаты пересекаются с периметром круга, имеют особое значение. Они называются асцендент, десцендент, зенит и надир. Планета, восходящая над горизонтом во время рождения, на карте будет находиться рядом с асцендентом; планета, стоящая прямо над головой, будет находиться в зените, а та которая заходит за горизонт, будет отмечена на десценденте. Планета, находящаяся в самом низу карты, будет стоять "под ногами", в невидимой части неба. Если в момент рождения человека одна из планет располагается очень близко к этим четырем точкам, соответствующий архетип, скорее всего, будет оказывать на жизнь этого человека особенно сильное влияние.

Теперь кратко остановлюсь на качествах архетипов, связанных с отдельными планетами, и на их особых энергиях, причем начну с двух светил - Солнца и Луны.

Солнце символизирует главный принцип жизненной энергии и личности человека, то есть самую суть его личности, или сознательного "я". Оно также управляет волей и склонностью выражать себя в качестве независимой личности. Архетипическая энергия Солнца по природе своей мужская, или янская, и Солнце склонно отражать тех персонажей-мужчин, которые играют важную роль в жизни человека. Архетипы любых планет, образующих важные аспекты с Солнцем, будут оказывать особенно сильное влияние на жизнь человека и его характер.

Луна, напротив, символизирует те наши элементы, которые лежат в основе сознательного "я" и скрыты от него, и отражает психосоматическую основу личности. Она тесно связана с теми сторонами личности, которые эмоционально и инстинктивно реагируют на раздражение, а также с теми сторонами психики, которые мы не осознаём. Этот архетип показывает связь с женским принципом, или инь, с узлами между матерью и ребенком в раннем возрасте и с детством, с женскими персонажами, играющими важную роль в жизни человека, с его домом и наследием предков. Архетипы планет, образующих важные аспекты с Луной, склонны иметь в жизни человека особое значение: они будут проявляться в тех сферах его жизни, которые управляются Луной.

Архетип Меркурия символизирует интеллект, рассудок или Логос. Он управляет умственной деятельностью, способностью воспринимать и учиться, формулировать и выражать идеи, а также пользоваться словами и языком. Кроме того, он связан со способностью передвигаться, переносить с места на место, устанавливать контакты с другими людьми, общаться с ними и обмениваться идеями. Главные аспекты между Меркурием и другими планетами отражают то, как человек получает и передает информацию, а также природу умственной деятельности и особенности воспитания. Мифологическое выражение этого архетипа - греческий бог Гермес (римский Меркурий), посланец богов.

Архетип Венеры связан прежде всего с принципом любви, или Эросом. Он находит свое выражение в иньском аспекте чувственности и сексуальности, в стремлении к романтической связи, партнерству и общественным отношениям, а также умении привлекать других и влечении к ним. Кроме того, Венера управляет эстетическим чувством и его выражением в художественной деятельности, а также поиском гармонии. Главные аспекты, соединяющие Венеру с другими планетами, показывают важную связь со способностью располагать к себе людей, самому испытывать расположение к ним, любить и быть любимым, связь с природой наших социальных взаимодействий, особенно с романтическими отношениями, а также с артистическими интересами, талантами, импульсами, способностью к самовыражению. Этот архетип находит свое

мифологическое олицетворение в греческой Афродите (она же римская Венера), богине любви и красоты.

Архетип Марса символизирует принцип динамической энергии, инициирующий и движущий импульсы. Он связан с архетипом воина, с жизненной энергией и атлетической доблестью, а также с янской стороной сексуальности. В психике он правит честолюбием, самоуверенностью, духом соперничества, смелостью, гневом и яростью. Важные аспекты и транзиты, в которые входит Марс, часто совпадают с самоуверенным и агрессивным поведением, конфликтами и противостоянием, а также с предрасположенностью к импульсивному поведению и травмам. В мифологии Марс (римский Арес) - это бог войны.

Юпитер - это архетип, который связывают с ростом, расширением, успехом, счастьем и удачей. Он управляет склонностью к оптимизму, ощущением изобилия, стремлением к тому, что лучше или выше, щедростью и великодушием. Кроме того, он связан с открытостью ума, далеко идущими* перспективами, высокими нравственными нормами и философскими идеалами, богатым интеллектом и широтой культурного кругозора. Благодаря этим качествам Юпитер часто называют Великим Благодетелем. Его обратная сторона- это чрезмерная снисходительность к себе, самолюбование, всяческие преувеличения и излишества. Юпитер (греческий Зевс) - высшее божество в римском пантеоне и глава олимпийских богов.

Планетарный архетип Сатурна во многом диаметрально противоположен Юпитеру. Сатурн, который часто называют Великим Злодеем, в своем отрицательном проявлении символизирует утеснение, ограничение, скудость, нехватку, подавление, гнет, вину депрессию. В мифологии римское божество Сатурн часто отождествляли с греческим богом Кроносом, поэтому он связан с непостоянством, старением, смертью, концом всего, Отцом-Временем и Беспощадным Жнецом.

Однако у архетипа Сатурна есть и важная положительная функция - принцип, необходимый для того, чтобы наша повседневная жизнь не была оторвана от земли, потому что он управляет структурой, материальной реальностью всех вещей, порядком и линейной последовательностью событий. По отношению к процессу биологического рождения (и психодуховного процесса смерти-возрождения) он символизирует ту стадию, когда сокращающаяся матка периодически сжимает ребенка, но ее шейка все закрыта, и кажется, что выхода нет.

В личной жизни Сатурн олицетворяет надежность, выносливость, зрелость, ответственность и верность. Он также являет собой принцип, который заставляет нас сталкиваться с последствиями наших поступков в этой жизни, а также в прошлых воплощениях и представляет элемент суперэго, нравственных норм, совести и правосудия. Главные аспекты Сатурна указывают на решающие испытания, которые нам предстоит вынести, но также определяют ту работу, которую мы должны выполнить в этом мире, и предлагают важные возможности для роста. Транзиты, в которые входит Сатурн, обычно отмечают критические периоды развития в жизни человека и времена "тяжких трудов". Они приносят трудные личные испытания и невзгоды, но также выковывают прочные структуры и ведут к важным свершениям.

По сравнению со всеми вышеперечисленными планетами, включая Сатурн, архетип, связанный с планетой Уран, не демонстрирует большого сходства со своим греко-римским тезкой Ураном (Небо), который ненавидел своих детей и по просьбе Геи был оскотлен Кроносом. Как убедительно показал нам Ричард Тарнас (1995), свойства планетарного архетипа Урана можно лучше всего понять, если обратиться к такому мифологическому персонажу, как Прометей. Этот титан похитил огонь с небес, чтобы дать человечеству большую свободу.

Уран олицетворяет принцип неожиданного удивления, бунта против существующего положения вещей, революционной деятельности, освобождения, духовного пробуждения, а также эмоционального и интеллектуального прорыва. Кроме того, он управляет внезапным разрушением установленных структур, индивидуализмом и оригинальностью, революционным прозрением, творческим гением, изобретательством и техникой. По отношению к процессу

биологического рождения Уран наиболее тесно связан с последней стадией рождения, на которой дискомфорт и давление достигают кульминации и завершаются бурным освобождением.

Теневая сторона архетипа Урана (Прометея) находит свое выражение в анархии, бесплодной эксцентричности и неразборчивых действиях, направленных против любых ограничений и законов. У людей со слабой психологической и духовной интуицией, которые пытаются противиться воздействию этого архетипа, он также может быть связан разрушительными переменами в жизни, когда человек выступает не страстным носителем перемены, а пассивной и беспомощной жертвой. Когда Уран образует важный аспект с какой-либо другой планетой, он стремится дать этому планетарному архетипу полную свободу выражения, зачастую самого неожиданного, необычного, удивительного и волнующего.

Архетип Нептуна связан с исчезновением границ - между "я" и другими, "я" и природой, "я" и вселенной, между материальным миром и другими реальностями, между "я" и Богом. Это архетип мистического единства, космического сознания, а также мира воображения и духа. Однако исчезновение границ не обязательно означает выход за их пределы. Обратная сторона Нептуна связывает его с отрывом от земли, бегством от повседневной реальности в фантазии, с самообманом, иллюзиями, заблуждениями, психотическим искажением реальности и спутанностью сознания, свойственной алкоголикам и наркоманам.

Нептун находит свое выражение в запредельном блаженстве мистика, но еще и в божественной игре майи, которая держит нас в западне сансарного мира. Он может проявляться как в величайшей ясности мистического переживания, так и в спутанности сознания - следствии психоза. Он лежит в основе бескорыстия святых и йогов, но может приводить к потере индивидуальности, влекущей за собой потерю ориентации и беспомощность.

Нептун - архетип идеалистических мечтаний и стремлений, телесного и психологического целительства, духовных поисков, повышенной интуиции, экстрасенсорного восприятия и творческого воображения. Когда какая-нибудь планета образует важный аспект с Нептуном, ее архетип склонен ослабевать, приобретать идеальные или духовные черты. Как и предполагает мифологическая природа Нептуна, римского бога водной стихии (греческий Посейдон), этот архетип тесно связан с водой, будь то околоплодная среда матки жидкости, присутствующие в организме человека, реки, озера или океаны.

Плутон служит архетипом первозданной энергии стихий _ динамического принципа, стоящего за сотворением космоса, вселенской жизненной силы, которая движет эволюцией в природе и человеческом обществе (Кундалини Шакти), а также энергии разрушения (Пожирающая Богиня-Мать Кали). Он управляет основными биологическими процессами рождения, половой жизни и смерти преобразующим процессом психодуховной смерти и возрождения, а также инстинктивными силами тела и психики человека (фрейдовский Ид). Плутон отражает хтонические стихии, подземный мир, как в буквальном, физическом смысле (метро, инфраструктура крупных городов), так и в метафорическом (районы красных фонарей, организованная преступность), психологическом (подсознание) или архетипическо-мифологическом смысле.

Что касается биологического рождения и его психодуховного аналога, процесса смерти-возрождения, то здесь Плутон управляет всем процессом рождения, но особенно соответствует стадии, на которой ребенок принудительно изгоняется из материнского чрева и пребывает в родовом канале, в борьбе не на жизнь, а на смерть. В это время высвобождаются мощные психические и инстинктивные энергии (относящиеся к либидо и агрессивности). С мифологической точки зрения Плутон (греческий Гадес) - греческий бог подземного мира. Когда Плутон образует аспекты с другой планетой, он склонен усиливать и активизировать архетип этой планеты до такой степени, что тот начинает оказывать важное влияние или даже становится в жизни человека некой понуждающей силой. Это может приводить к борьбе за власть, конфликтам и разрушительному поведению, но также и к глубокому преображению.

Помимо особых индивидуальных качеств архетипов, связанных с десятью планетами, астрологов также интересуют аспекты, то есть угловые отношения между планетами в катальной карте, а также углы, образуемые позициями проходящих планет в тот или иной период жизни человека и позициями тех же планет в катальной карте (транзиты). В зависимости от природы этих угловых отношений планет аспекты и транзиты отражают гармоничное или напряженное взаимодействие между соответствующими архетипами.

Натальная карта показывает общую архетипическую конфигурацию, которая управляет нашей личностью и нашей жизнью в целом. Она указывает, где нам ожидать напряженных отношений и трений между входящими в нее архетипическими принципами или, наоборот, гармоничных отношений между ними. Однако катальный гороскоп остается тем же самым на протяжении всей жизни и сам по себе не дает нам никакой информации о тех изменениях, которые мы претерпеваем на различных этапах и в различные периоды жизни. Как мы знаем, качество нашего жизненного опыта сильно меняется из года в год, из месяца в месяц и даже изо дня в день. Астрология утверждает, что перемены, которые со временем происходят в архетипических сферах, управляющих нашей жизнью, соотносятся с движениями планет и, таким образом, могут быть предсказаны. Эти соотношения являются предметом отдельного направления астрологии, называемого транзитной астрологией.

Транзитная астрология предполагает, что конкретное раскрытие потенциала, запечатленного в натальной карте, управляется планетарными транзитами, то есть отношением между современными позициями планет в конкретное время и их позициями в катальном гороскопе. Эти отношения совершенно удивительны по своей сложности и динамической природе и могут быть использованы как четкая и строго определенная справочная система. В отличие от некоторых общепринятых методов, таких, как традиционные психологические тесты, она явно соответствует меркурианской природе нашего повседневного опыта, а также богатству и разнообразию содержания холотропных состояний сознания.

Продолжительность транзитов зависит от орбит и скорости планет. Основанный на транзитах прогноз архетипического влияния на дела людские можно, таким образом, дать на периоды различной длительности, начиная от часов (Луна), дней (Солнце, Меркурий, Венера, Марс) и заканчивая месяцами и даже годами (внешние планеты). Именно транзиты внешних планет - Сатурна, Урана, Нептуна и Плутона - имеют наибольшее значение, поскольку отражают влияния, формирующие нашу жизнь и особенно динамику нашего психодуховного развития и эволюцию сознания.

Характер взаимодействия между двумя или несколькими планетарными архетипами отражается в угловых отношениях этих планет (измеряемых в градусах небесной долготы вдоль эклиптики). Обычно, чем точнее это отношение, тем глубже архетипическое взаимодействие. Характер этих отношений основан на принципах, которые сформулировал Пифагор в своей теории чисел и музыки. Самые важные аспекты получаются при делении 360 градусов на целые числа 1, 2, 3, 4 и 6, соответственно. Таким образом, характер этих аспектов определяется, исходя из значений соответствующих цифр, выведенных Пифагором.

Конъюнкция (приблизительно 0 градусов) характеризуется мощным слиянием двух планетарных архетипов, включая как положительный их потенциал, так и отрицательный. Оппозиция и квадрат (180 и 90 градусов) выражают напряженное и зачастую конфликтное ("жесткое") взаимодействие, тогда как трин и секстиль приносят гармоничное и плавное ("мягкое") взаимодействия. Еще одна важная ситуация, которая объединяет архетипические влияния, - срединная точка: этот термин используется, когда планета расположена точно посередине между двумя другими.

Есть много других переменных величин, используемых в астрологической практике, например расположение планет в знаках зодиака и "дома", которые подразделяют гороскоп на двенадцать тридцатиградусных сегментов, имеющих определенное значение. Кроме того, можно использовать различные дополнительные методы предсказаний: прогрессии, направления

солнечной дуги, возвращения Солнца и Луны, гармоник, астро-картографию и другие. Однако отдельно взятая система, которую я здесь вкратце описал, может обеспечить необычайно точные и конкретные прогнозы относительно различных сторон бытия. Как и юнговские архетипы, она может быть использована для более глубокого понимания людей - их личностей, шаблонов поведения и того, как разворачиваются события в их жизни, - а также культурных движений и развития исторических событий, затрагивающих множество людей.

Важно понимать, что астрологию можно использовать только для архетипических прогнозов, но никак не для предсказания тех или иных конкретных ситуаций. Она может описывать, какое из архетипических качеств или какой из вселенских принципов будет действовать в определенное время, указывать на природу этого взаимодействия и определять их влияние на катальную карту человека. Какими бы замечательными ни были эти предсказания, их общий диапазон оставляет достаточно места для того, чтобы космическая творческая способность смогла выразить этот архетипический потенциал в виде конкретных событий и поступков. Даже лучший астролог не сможет с определенностью "прочитать" в гороскопе, что именно в этот день нас уволят с работы или что мы потеряем деньги на бирже, встретим свою суженую, выиграем в лотерею или попадаем в полицию.

Когда мы пользуемся астрологией в работе с холотропными состояниями, сложность толкований возрастает вместе с числом планетарных транзитов, имеющих место в одно и то же время, и количеством участвующих в них планет. Во многих случаях два или несколько важных транзитов могут действовать одновременно, и их энергии могут вступать в конфликт друг с другом. Исчерпывающее толкование требует от астролога опыта и умения оценивать конкретную ситуацию, а также рассматривать катальную карту и транзиты как единое поле и целостную структуру.

После этого общего введения мне бы хотелось проиллюстрировать эти замечательные моменты. Меня пригласили в Государственную больницу Спринг-Гроув на конференцию для персонала. Один из психиатров рассказал историю болезни Флоры, двадцативосьмилетней незамужней пациентки, которая к тому времени пробыла взаперти больше восьми месяцев. На ней испробовали все возможные виды лечения, в том числе транквилизаторы, антидепрессанты, психотерапию и трудотерапию, но безуспешно, и ее собирались перевести в палату хроников.

У Флоры было одно из самых запутанных и сложных сочетаний симптомов и проблем, которые мне приходилось встречать в своей психиатрической практике. Когда ей было шестнадцать лет, она входила в банду, которая совершила вооруженное ограбление и убила ночного охранника. Поскольку Флора вела машину, на которой преступники удирали, ей пришлось четыре года отсидеть в тюрьме. Потом ее условно освободили до завершения срока приговора. Последовали годы бурной жизни, в итоге девушка пристрастилась к разным наркотикам. Она стала алкоголичкой, кололась героином и часто принимала большие дозы психостимуляторов и барбитуратов. Ее тяжелая депрессия была связана с сильными суицидальными наклонностями: она часто ощущала непреодолимое желание направить машину к краю обрыва или прямо в лоб другому автомобилю.

Кроме того, Флора страдала от приступов истерической рвоты, которые легко возникали в ситуациях, вызывавших у нее эмоциональное возбуждение. Но больше всего ее мучила невралгия тройничного нерва, болезненная судорога лица, так что нейрохирург из Центра Джона Хопкинса предложил ей сделать операцию на мозге, чтобы рассеять пораженные нервы. Флора была лесбиянкой и за всю жизнь не имела ни одной гетеросексуальной связи, что вызывало серьезные внутренние конфликты и чувство вины. Еще больше осложняло ее ситуацию то обстоятельство, что она находилась под следствием, поскольку серьезно ранила свою подругу и сожительницу, когда, находясь под действием героина, пыталась почистить пистолет.

В конце конференции в Спринг-Гроув лечащий психиатр спросил у доктора Чарльза Сэвиджа и у меня, не хотим ли мы назначить Флоре курс ЛСД-терапии. Нам было чрезвычайно трудно принять такое решение, особенно потому, что это было время общенародной истерии по поводу

ЛСД. У Флоры было криминальное прошлое, она и раньше владела оружием и проявляла серьезные суицидальные наклонности. Мы хорошо осознавали, что, проведи мы при таких обстоятельствах сеанс лечения ЛСД, все неудачи свалили бы на наркотик и наше вмешательство, невзирая на историю болезни пациентки. С другой стороны, все предыдущие попытки оказались безуспешными, и Флоре грозила перспектива провести всю жизнь в палате для хроников. После некоторых размышлений мы решили рискнуть и взять ее в программу ЛСД-терапии, чувствуя, что этот риск оправдан ее отчаянной ситуацией.

Первые два сеанса с высокой дозой ЛСД, которые я провел с Флорой, ненамного отличались от многих других сеансов, проведенных мною раньше. Девушке пришлось столкнуться с рядом ситуаций из ее бурного детства, и она неоднократно переживала эпизоды борьбы в родовом канале. Она смогла связать свои неистовые суицидальные наклонности и болезненные лицевые судороги с некоторыми аспектами родовой травмы и разрядить множество сильных эмоций и физическое напряжение. Несмотря на это, терапевтический эффект казался минимальным. На третьем сеансе ЛСД в течение первых двух часов не произошло ничего из ряда вон выходящего: переживания Флоры не отличались от тех, которые она испытала во время первых двух сеансов. Вдруг она стала жаловаться, что болезненные лицевые судороги становятся невыносимыми. На наших глазах искажавшие ее лицо спазмы невероятно усилились, и оно превратилось в застывшую маску, для которой больше всего подошло бы название "маска зла".

Девушка заговорила низким мужским голосом, и все в ней так изменилось, что я не мог усмотреть никакой связи между ее теперешней внешностью и прежним "я". Глаза выражали неопишемую злобу, руки судорожно сжались и стали походить на когтистые лапы. Энергия, завладевшая ее телом и голосом, приняла персонифицированную форму и предстала в обличье дьявола. "Он" обратился ко мне и велел, чтобы я отстал от Флоры и отказался от попыток ей помочь. Она принадлежала ему, и он обещал покарать любого, кто осмелится вторгнуться на его территорию. Далее последовал явный шантаж, чередой зловещих описаний того, что ждет меня, моих коллег и всю программу, вздумай я не подчиниться. Трудно описать жуткую атмосферу, которая сопровождала эту сцену: в комнате почти ощущалось неуловимое присутствие чего-то враждебного. Шантаж усугублялся тем, что содержал конкретную информацию, к которой пациентка в своей повседневной жизни не может иметь доступа.

Хотя я на некоторых сеансах ЛСД-терапии и наблюдал подобные проявления, они не были столь реалистичными и убедительными. Я сам испытал сильный эмоциональный стресс, затрагивавший метафизические измерения. Мне было трудно сдерживать страх и стремление вступить в активную схватку с таинственной силой, которую я так живо ощущал. Я стремительно прокручивал в мыслях все возможности, пытаюсь выбрать для этой ситуации наилучшую стратегию. В какой-то момент я поймал себя на том, что всерьез думаю о необходимости пополнить наш терапевтический арсенал распятием. Я обосновывал это тем, что мы явно имеем дело с проявлением юнговского архетипа, и в этих обстоятельствах крест мог бы сыграть роль особого архетипического средства.

Вскоре мне стало ясно, что мои эмоции, будь то страх или агрессия, делают это существо еще более реальным. На ум невольно приходили некоторые сцены из "Звездного пути", популярной американской научно-фантастической телепередачи, в которой действует некий пришелец, питающийся эмоциями. В конце концов я понял, что главное - оставаться спокойным и сосредоточенным. Я решил войти в состояние медитации и, держа скрюченную руку Флоры, постарался говорить с ней так, будто она та же, какой знал ее прежде. В то же время я старался зрительно представлять световой кокон, обволакивающий нас обоих, поскольку интуитивно чувствовал, что это самый лучший метод. Такая ситуация длилась больше двух часов, но если исходить из субъективного ощущения времени, эти два часа были самыми длинными из всех, которые мне довелось пережить, не считая моих собственных исследовательских сеансов.

Наконец руки Флоры разжались, а лицо приняло прежнее выражение. Эти изменения произошли так же резко, как возникло это особое состояние. Вскоре я обнаружил, что она не помнит ничего из того, что произошло за эти два часа. Позднее в своем отчете она описала первые часы сеанса и

период, последовавший за "состоянием одержимости". Я очень сомневался, обсуждать ли с ней период амнезии, и решил, что не стоит. Мне казалось, что нет никаких оснований вводить в сознательный ум Флоры такую Жуткую тему.

К моему великому удивлению, результатом этого сеанса ста удивительный прорыв. Флора утратила суицидальные наклонности у нее развилось новое отношение к жизни. Она отказалась от алкоголя, героина и барбитуратов и стала с энтузиазмом посещать встречи небольшой религиозной группы в Кэтонсвилле. Лицевые судороги почти совсем прекратились: казалось, что лежавшая в их основе энергия исчерпала себя в "маске зла", сохранявшейся в течение двух часов. Иногда боли возвращались, но бывали совсем слабыми, так что она даже обходилась без лекарств.

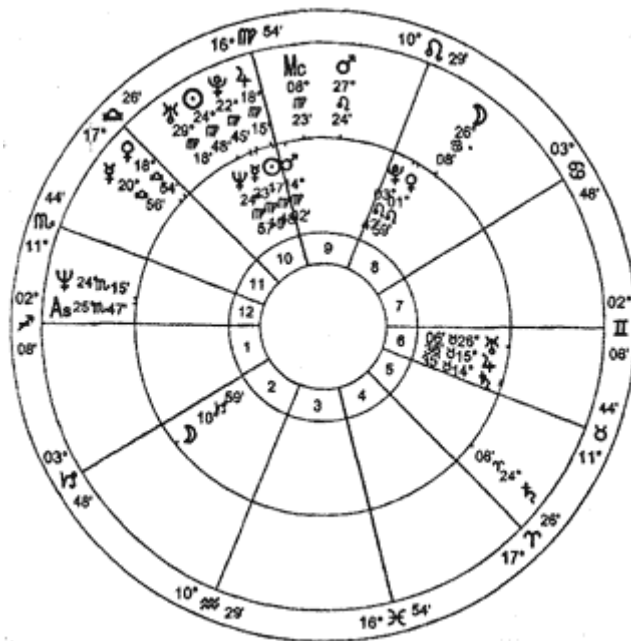
Кроме того, Флора стала экспериментировать с гетеросексуальными связями и в конце концов вышла замуж. Правда, ее сексуальная адаптация оставляла желать лучшего: Флора была способна к половому акту, но находила его болезненным и не очень приятным. Брак продержался три месяца, после чего Флора вернулась к лесбийским отношениям, но на этот раз с меньшим чувством вины. Ее состояние настолько улучшилось, что ее приняли на работу в качестве водителя такси. И хотя в последующие годы у нее бывали взлеты и падения, она никогда не возвращалась в психиатрическую больницу, которая прежде могла бы стать для нее постоянным местом обитания.

Даже беглое знакомство с катальной картой Флоры и ее транзитами, которые пришлось на время сеанса, без учета точного времени рождения, раскрывает поразительное соответствие с природой и содержанием этого эпизода. Самая заметная часть ее катальной карты - стеллиум, образованный четырьмя планетами, расположенными в пределах одиннадцати градусов (Нептун, Меркурий, Солнце и Марс), где Нептун находится в шести с половиной градусах от Солнца.

Если архетип Солнца символизирует принцип человеческой личности и индивидуальности, Нептун стремится ослабить функции эго и стереть психологические границы: он делает их проницаемыми для притока элементов из надличностных измерений и коллективного бессознательного. Аспекты Солнце - Нептун характерны для мистиков и духовных учителей (таких, например, как Мехер Баба или К.Г. Юнг), но, в более проблематичных случаях, эти же аспекты можно обнаружить в людях со слабой структурой эго и потенциальной психологической уязвимостью к вторжению иных реальностей, личностей и влияний. Участие Марса в катальном стеллиуме Флоры придает этой связке отчетливо агрессивное качество, тогда как Меркурий привносит элемент разума и общения.

Inner Wheel
Flora
Natal Chart
Sep 10 1940
12:00 PM EST +5:00
Baltimore
39N17 25 076W36 45
Geocentric
Tropical
Placidus
True Node

Outer Wheel
LSD Session
Natal Chart
Sep 17 1968
12:00 PM EDT +4:00
Baltimore
39N17 25 076W36 45
Geocentric
Tropical
Placidus
True Node

Сеанс с Флорой произошел в 1968 году и совпал с конъюнкцией трех планет: Плутона, Урана и Юпитера, которая в 1968-1969 годах произошла на всем мировом небосводе (один-единственный раз за всё двадцатое столетие). Это соединение четко проходило через ее катальный стеллиум описанных выше конъюнкций. Такое сочетание Юпитера, Урана и Плутона - одна из самых мощных, преображающих и потенциально освобождающих конфигураций, существующих в астрологии. Присутствие всех трех планет в сочетании с солнечным стеллиумом катальной карты Флоры, то есть с самой важной частью ее гороскопа, - это транзит, который выпадает раз в жизни и несет в себе огромную потенциальную возможность психологической перемены и освобождения.

Таким образом, Флора переживала как сильный личный транзит конъюнкцию Плутона с Ураном, которая, являя собой коллективный мировой транзит, была связана с общей атмосферой поразительного культурного, социального, сексуального и духовного освобождения шестидесятых, а также с дионисийским духом того времени. Конъюнкция Урана и Плутона в 1968 и 1969 годах совпала с повсеместным и успешным высвобождением стихийных раскрепощающих энергий. В частности, проходящий Юпитер в сочетании с ее Солнцем - это транзит, который имеет тенденцию вызывать события и переживания, приносящие большую удачу и развитие.

Конъюнкция проходящего Плутона с катальным Нептуном Флоры - сама по себе очень мощная комбинация. Она регулярно совпадает с яркими изменениями сознания, притоком информации из подсознания, важными мистическими переживаниями и духовными обострениями, происходящими в результате глубокого психодуховного преображения. Плутон усиливает действие любого планетарного архетипа, с которым образует важные угловые отношения, придавая ему потенциально разрушительную силу, которая в конечном итоге несет преображение. В случае Флоры это означало усиление освобождающего влияния Урана, а также усиление притока в сознание надличностных энергий и проницаемость личностных границ, что связано с Нептуном.

Такое освобождение демонического и через демоническое, как и волнующее освобождение "я", можно приписать к влиянию архетипа Плутона в сочетании с Ураном, проходящим через катальный солнечный стеллиум Флоры. Пример интереса к сатанинским энергиям, присущего теневой стороне шестидесятых, - убийства, совершенные Чарльзом Мэнсоном, и убийство Шерон Тэйт, которые произошли примерно в то же время, что и сеанс Флоры. В ее случае полное проявление демонической стороны архетипа Плутона (тесно связанного с БПМ-Ш) может объясняться необычайно выраженным ослаблением границ индивидуального эго в сочетании с травмирующим характером ее биографии.

Что же касается способности демонического существа использовать для шантажа информацию, которой сама Флора не располагала, то здесь интересно упомянуть, что конъюнкция Нептун - Меркурий часто присутствует у людей, обладающих необычным психическим даром, а также способностью добывать и передавать информацию за счет ясновидения, как, например, Рудольф Штайнер и современный американский медиум Энн Армстронг. Также представляется значимым и тот факт, что транзит Плутона к катальному Меркурию часто связывают с усилением речевого выражения, словесной агрессией и использованием непристойных слов, а также с доступом к секретной информации и с попытками шантажа. .

Транзитный Нептун, образующий оппозицию с катальным Ураном Флоры, - это конфигурация, совпадающая с неожиданным духовным откровением. Такой коллективный транзит происходил во время Иисусова пастырства и начала христианства. Это особенно интересно, если учесть, что переживание Флоры повлекло за собой обращение к религии, которое привело ее в эктонсвиллскую христианскую общину.

Во время сеанса Флоре было двадцать восемь лет, и этот момент совпал с началом возвращения ее Сатурна, которое происходит у всех людей между двадцатью восемью и тридцатью годами. Возвращение Сатурна бывает отмечено завершением целого жизненного цикла, которое характеризуется ощущением сжатия и тяжести, чрезвычайно важными событиями и переживаниями, имеющими большое значение для наступления зрелости, а иногда и встречей со смертью. За всем этим следует завершение, высвобождение и переход к другому жизненному циклу. В сочетании с мощными транзитами, которые описаны выше, возвращение Сатурна придает наступающим в итоге переменам большую структурную глубину и делает их более прочными.

В момент сеанса в гороскопе Флоры присутствовали некоторые дополнительные аспекты и транзиты, существенно связанные с ее биографией в целом и с содержанием сеанса в частности. Конъюнкцию Венера - Плутон часто соотносят с запретной сексуальностью и связанным с ней стыдом. Это также архетип тяги к темному, архетип любовника, принадлежащего к преступному миру, а в крайнем своем выражении - демонического любовника. В мифологии этот мотив находит выражение в истории о том, как Гадес похитил Персефону и забрал ее в свое подземное царство ("она принадлежит мне"). Конъюнкция Венера - Уран в натальном гороскопе Флоры также является значимой, если учесть ее тягу к преступному миру.

В натальной карте Флоры есть и другой стеллиум - тройное соединение, включающее в себя Уран, Юпитер и Сатурн. Уран в сочетании с Юпитером образует архетип бунтовщика - представителя контркультуры. Конъюнкция Уран - Сатурн вызывает беспокойную депрессию, неистовые импульсы, которые способны привести к повреждению структуры (побуждение столкнуться с другой машиной или броситься с обрыва), а также склонность к несчастным случаям (выстрел в подругу). Ее натальное соединение Марс - Нептун характерно для сильной наркотической зависимости и восприимчивости к агрессивным вторжениям из подсознания. Есть и другие натальные аспекты и транзиты, которые имеют отношение к Флориному случаю, но и это краткое изложение самых основных аспектов может дать хорошее представление об основных влияниях.

Рассмотрев следующую историю болезни и ее астрологические связи, можно увидеть сходства и различия между этими двумя случаями. Эта история также показывает, что конкретные проявления тех же самых архетипов и их сочетаний не являются строго определенными. Астрологические архетипы могут находить разные выражения, оставаясь верными своей коренной природе. Если мы открыты для принципа, выраженного в индийском понятии лила и подразумевающего, что вселенная - это игра Вселенского Разума, то многоплановость архетипов оставляет значительное место для творческих вариаций в пределах архетипических границ.

Карен

Карен изящная молодая женщина лет тридцати, гибкая и светловолосая, лучилась мягкой, мечтательной красотой. Внешне она казалась довольно застенчивой и молчаливой, но на самом деле была очень умной и психически активной. У нее было трудное детство: когда Карен было три года, ее мать покончила с собой, и ее растил отец-алкоголик со своей второй женой. Она ушла из дома совсем юной девушкой, почти подростком, и время от времени то впадала в депрессию, то боролась с тягой к неуправляемому обжорству.

Карен путешествовала, училась и обожала джазовый танец; она научилась так хорошо танцевать, что время от времени даже давала уроки танца. Еще она любила петь и достигла профессиональных высот в искусстве массажа. Карен поселилась в сельской местности, где и встретила Питера, ласкового и любящего, с которым стала жить. И хотя они не состояли в браке, у них была дочь Эрин, в которой они оба души не чаяли.

История Карен представляет самый драматический полюс спектра, который простирается между постепенным, мягким проявлением духовного обострения и духовным обострением, развивающимся в острейший кризис. И вместе с тем многое из того, что она пережила, может быть применимо к любому человеку, проходящему процесс преобразования. Большинство из того, о чем мы сейчас расскажем, нам довелось наблюдать воочию.

Кризис Карен содержал в себе все элементы настоящего духовного обострения. Он длился три с половиной недели и нарушил обычную жизнь Карен, потребовав непрерывного круглосуточного внимания. После того как она пробыла в состоянии психодуховного кризиса несколько дней, ее друзья, которые знали о наших интересах в этой области, попросили нас подключиться к заботе о ней. Последние две с половиной недели критического состояния мы видели ее почти каждый день.

Как и во многих случаях духовных обострений, кризис начался стремительно и неожиданно, и переживания настолько захватили и ошеломили Карен, что она не могла заботиться о себе и о своей трехлетней дочери, которая оставалась с отцом. Ее друзья из городка, где она жила, решили, что не станут класть ее в больницу, а будут сами ухаживать за ней двадцать четыре часа в сутки.

Карен забрали из дома и поселили в отдельной комнате у друзей. Затем друзья организовали дежурство и круглые сутки находились при ней по двое, чередуясь каждые три-четыре часа. Перед входом в ее комнату лежал блокнот, в котором дежурные отмечали приход и уход и записывали свои впечатления о состоянии Карен: что она говорила, делала, что пила и ела, - чтобы следующая пара дежурных знала, какого поведения можно ожидать.

В один из первых дней кризиса Карен отметила, что ее зрение внезапно прояснилось и стало не таким "слабым и нечетким", как прежде. Она слышала женские голоса, говорящие ей, что она на пороге важных и благотворных переживаний. В течение многих дней Карен ощущала, как все тело пышет сильным жаром, видела огонь и пространства, пылающие красным, а иногда чувствовала, что ее пожирает пламя. Чтобы утолить нестерпимую жажду, которую вызывали эти огненные ощущения, она пила очень много воды.

Казалось, через эти переживания ее влекла какая-то мощная энергия, в ней, нося по многим уровням подсознания, а также воспоминаний, эмоций и других чувств и ощущений, которые в нем содержались. Приобретя сходство с ребенком, она пережила такие события из прошлого, как самоубийство матери и последующее жестокое обращение мачехи. Один раз детские воспоминания о том, как ее пороли ремнем, быстро сменились другим переживанием: она ощутила страдания африканского негра, которого пороли на палубе набитого рабами корабля.

Карен претерпевала физические и душевные муки, которыми сопровождалось ее биологическое рождение, и не раз пережила роды, в результате которых на свет появилась ее дочь. Она многократно и многообразно пережила смерть и то, как ее захватил процесс умирания, заставила сиделок опасаться возможной попытки самоубийства. Однако безопасная обстановка и

бдительность ее друзей помогли избежать беды. Все дежурные не спускали с нее глаз ни на секунду и постоянно были с ней, убеждая удерживать переживания в себе, а не воплощать в действие.

Время от времени Карен ощущала связь с покойной матерью, а также с другом, который год назад погиб в автомобильной катастрофе. Она говорила, что скучает по ним и жаждет с ними воссоединиться. Порой она чувствовала, что наблюдает, как умирают другие люди или как умирает она сама.

Говоря, что можно пережить смерть символически и при этом остаться в живых, сиделки просили ее держать глаза закрытыми и убеждали полностью пережить процесс умирания и выразить сопровождающие его тяжелые чувства. Карен согласилась и вскоре перешла от напряженной схватки со смертью к другим переживаниям.

На пару дней ее захватили последовательные переживания, окрашенные элементами зла. Временами она видела себя древней колдуньей, участницей магических жертвенных обрядов, а иногда ощущала у себя внутри какое-то ужасное чудовище. Когда это дьявольское существо проявляло свои демонические энергии, девушка наполняла комнату злобными воплями и каталась по полу, строя злобные гримасы. Ее сиделки, понимая, что все эти выходки направлены не на них, оберегали ее, чтобы она не поранилась, и поощряли к полному и безопасному выражению этих импульсов.

Иногда ее переживания сосредотачивались вокруг сексуальности. Заново пережив некоторые травматические воспоминания из своего сексуального прошлого, Карен обнаружила у себя мощный источник энергии, расположенный в тазовой области. Прежнее отношение к сексуальности как к низменному инстинктивному импульсу сменилось глубоким духовым переживанием, в котором ей открылось то же прозрение, о котором говорят некоторые эзотерические традиции, в частности тантра: сексуальный импульс - это не просто биологическая тяга, но и божественная и духовная сила. Она чувствовала себя первой женщиной, которой было ниспослано такое осознание, и благоговела перед своей мистической ролью матери, дарующей жизнь.

В другой период Карен чувствовала единство с Землей и живущими на ней людьми и страх, что им грозит уничтожение. Она предчувствовала, что планета и все ее население идут к гибели, и высказывала ясные и мудрые прозрения по поводу ситуации в мире. Она видела образы советских и американских вождей, держащих палец на "кнопке", и делала точные и зачастую полные юмора комментарии по поводу внешней политики.

В течение нескольких дней Карен напрямую подключалась к мощному потоку творческой энергии, выражая многие свои переживания в песнях. Наблюдать это было удивительно: как только та или иная внутренняя тема всплывала в ее сознании, она либо сочиняла на эту же тему песню, либо извлекала ее из памяти, с упоением изливая то, что ощущала на этой стадии процесса.

Карен демонстрировала сверхъестественное восприятие и чрезвычайную чувствительность и была чутко настроена на происходящее вокруг. Она могла видеть людей "насквозь" и часто предугадывала их слова и действия. Один из дежурных говорил о Карен перед тем, как войти к ней, а войдя, был поражен тем, как точно она воспроизвела его беседу. Ставя окружающих в неловкое положение, она весьма откровенно высказывалась о любых межличностных играх, которые замечала, и мгновенно давала отпор любому, кто проявлял излишнюю властность или жесткость, отказываясь иметь с ним дело.

Недели через две некоторые тяжелые, мучительные состояния начали ослабевать, и у Карен стали возникать все более благодатные и светлые переживания; она все сильнее ощущала связь с божественным истоком. Карен видела у себя внутри священную драгоценность, сияющую жемчужину, чувствовала, что эта драгоценность символизирует ее доподлинную суть, и

проводила много времени, нежно разговаривая с ней и лелея ее. Из некоего внутреннего источника Карен получала наставления о том, как любить себя и как заботиться о себе, и чувствовала, что душевные раны, которые она носила в душе и теле, исцелились. Она говорила, что теперь чувствует себя по-особому, что "заново родилась", пройдя через "второе рождение", и признавалась: "Я открываюсь жизни, любви, свету и самой себе".

По мере прохождения через свои переживания Карен все меньше и меньше замыкалась на своем внутреннем мире и начинала больше интересоваться дочерью и другими окружающими ее людьми. Она начала есть и спать более регулярно и все лучше могла

справляться с некоторыми из повседневных дел. Она хотела довести свои переживания до конца и вернуться домой, ей стало ясно, что окружающие тоже готовы к завершению эпизода. Между Карен и ее помощниками было достигнуто соглашение, что она постарается возобновить свои повседневные дела, в том числе начнет сама обслуживать себя и свою дочь.

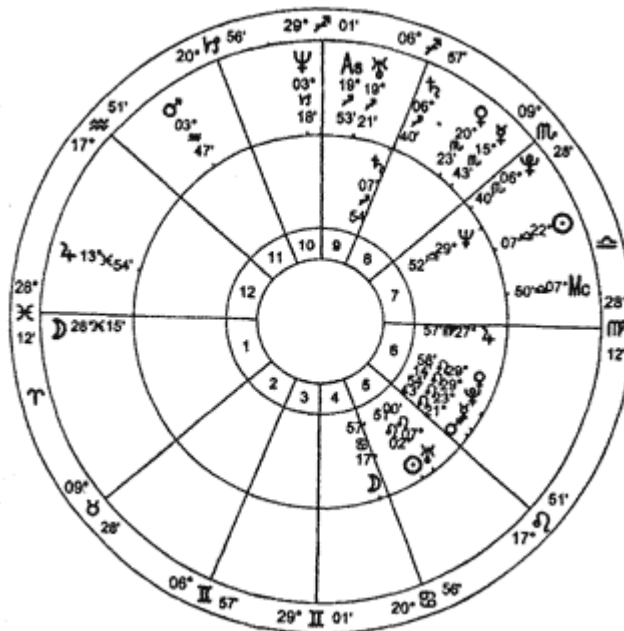
С тех пор нам удавалось несколько раз поговорить с Карен, и мы очень радовались, видя, что перемены к лучшему имеют устойчивый характер. Ее настроение улучшилось, и она остается более уверенной в себе и уживчивой. Благодаря тому, что Карен стала больше доверять себе, она теперь может петь на публике.

Как и в случае Флоры, в гороскопе Карен преобладающее влияние оказывает мощный стеллиум из четырех планет (Венера, Меркурий, Марс и Плутон), сходящихся в узком диапазоне 8 градусов; Солнце и Уран, тоже находятся в близкой конъюнкции, и все эти шесть планет расположены во Льве. Удивительно, что за долгие годы, предшествовавшие этому эпизоду, колоссальная энергия, присущая этому гороскопу, не была особенно заметной - так продолжалось вплоть до того момента, пока гороскоп Карен не привел в действие важные транзиты внешних планет, высвободив его необычный потенциал. Драматический и разрушительный характер этого освобождения объясняется очень важным транзитом, который бывает один раз в жизни, - транзитом Плутона, который в то время образовал квадрат с ее натальной конъюнкцией Солнце - Уран.

Восприимчивость Карен к массивному притоку глубинного подсознательного материала, характеризующая эпизод ее духовного обострения, была отчасти связана с квадратом между Солнцем и Нептуном в ее натальной карте. Подобно соединению Солнца и Нептуна в карте Флоры, у Карен квадрат Солнца и Нептуна был отражен в очень "проницаемом" эго, уязвимом к вторжению материала из надличностных областей. И снова, как и в случае Флоры, проходящий Плутон, образующий квадрат с натальной конъюнкцией Солнце- Уран активизировал у Карен эту катальную конфигурацию. Одновременно транзитный Уран высвобождал объединенные архетипические энергии конъюнкции стеллиума, образованной четырьмя планетами.

Inner Wheel
Karen
Natal Chart
Jul 25 1957
10:50 PM EDT +4:00
Bethesda
True Node

Outer Wheel
Spiritual Emergency
Natal Chart
Oct 15 1986
12:00 PM PDT +7:00
Big Suacidus
True Node

В октябре и ноябре 1986 года, как раз во время этого эпизода, транзит Плутона через конъюнкцию Солнце - Уран совпал с очень яркими переживанием смерти и возрождения, дав толчок яркому и необычайно творческому самовыражению, а также множеству других возможностей для того, чтобы мощные и порой неистовые преобразующие переживания стали неожиданно и поразительно освобождаться, переходя в сознательную осведомленность. Натальная архетипическая комбинация Меркурий - Венера - Марс обрела свободу и нашла свое выражение в потоке идей, безудержном словоизвержении, остроумных неологизмах, каламбурах, игре слов и совершенно новых песнях. Карен часто сопровождала свои песни и тирады весьма оригинальными жестами, гримасами и танцами.

Необычайно агрессивный заряд катальной конъюнкции Марс _ Плутон выразился у Карен в переживаниях, рисовавших многочисленные сцены жестокого обращения, относящиеся к ее детству, младенчеству и прошлым жизням, а также в словесных оскорблениях, адресованных окружающим. Ее саркастический юмор был блестящим и острым, он безжалостно высмеивал слабости и пороки, которые эти люди пытались скрыть или даже не осознавали. Ее речь изобиловала непристойностями, имеющими скотологическую и сексуальную природу. Все эти проявления характеризует сочетание Плутона, Марса и Меркурия. Архетип Венеры обрел выражение в пении, танцах и эротических импульсах Карен.

В переживании Карен транзит Плутона через ее катальную карту выразился во всех элементах БПМ-1П, вызвав такие проявления, как высвобождение мощных вулканических энергий, волны жара, ощущение отождествления с диким зверем, демонические проявления и сексуальные импульсы, которые охватывали широкий спектр- от непристойных жестов до пробуждения Кундалини и тантрийских переживаний. Ее комбинация Плутон - Венера - Марс- это архетипическая группа, характерная для сексуальной агрессии, которую Карен неоднократно проявляла.

Еще один важный астрологический фактор в ситуации Карен - это то, что ей тогда было 29 лет и этот эпизод совпал по времени с возвращением ее Сатурна (транзитный Сатурн находился всего лишь в одном градусе от ее катального Сатурна). Как и в случае Флоры, это указывает на завершение целого жизненного цикла и начало нового. Такое завершение цикла часто включает в себя подведение итогов прошлого и встречу с его нерешенным материалом переживаний. Этот транзит также вызвал устойчивые перемены, обусловленные этим психологическим преобразованием.

Перед вами лишь два примера удивительной связи между холотропными переживаниями и планетарными транзитами, которую мы наблюдали у сотен людей, переживших разные формы холотропных состояний сознания. Я не питаю иллюзий, что эти иллюстрации, изъятые из контекста сложных астрологических карт и к тому же оторванные от живых холотропных переживаний, убедят тех читателей, которые еще не знакомы с астрологией. Современная европейская и американская цивилизация находится под сильным влиянием материалистической науки, поэтому прежде чем удастся снять его заклятье и принять те коренные изменения, которые необходимо внести в понимание человеческой психики и природы реальности, чтобы усвоить эту новую информацию, потребуются многолетние исследования холотропных состояний и активное личное знакомство с ними.

Неудивительно, что этот процесс так труден и что он встречает такое сопротивление. Весь этот колоссальный объем многообещающих наблюдений, полученных на основе холотропных состояний и астрологии, невозможно ввести в обиход, слегка подлатав основную теоретическую базу и сделав кое-какие косметические поправки с помощью несущественных и надуманных гипотез. Для этого необходимо радикально, до основания, пересмотреть самые основные метафизические допущения и убеждения материалистической науки, заменив их новыми. Конкретные задачи психологии и психиатрии выходят далеко за пределы того, что мы обсуждали ранее: это создание гораздо более широкой модели психики, намного более сложной, многоуровневой структуры эмоциональных и психосоматических расстройств, теории внутреннего радара, это доказательство существования и терапевтическое использование внутреннего целительского разума и многое другое.

Поскольку переживания пациентов как в обычных, так и в холотропных состояниях показывают глубокую связь с энергиями архетипов транзитных планет в то или иное время, эти переживания подвержены постоянным изменениям. Я упоминал ранее о разочаровании тех теоретиков, которые пытаются установить жесткую систему классификации психиатрических диагнозов. Сейчас мы пользуемся данными официального четвертого переработанного издания "Диагностическое и статистическое руководство по душевным болезням" (В8М-1У), и клиницисты постоянно говорят, что разочарованы несоответствием между описаниями диагностических категорий и реальными клиническими картинками, которые они наблюдают у своих пациентов. С астрологической точки зрения, такое непостоянство клинической картины отражает постоянно меняющиеся угловые отношения между планетами.

В разные исторические периоды две или несколько планет образуют в небе важные аспекты; они бывают особенно важными и продолжительными, если включают в себя внешние планеты от Юпитера до Плутона. Объединенное архетипическое поле, связанное с этими планетами, придает тому или иному периоду определенный эмпирический оттенок, определяя дух времени. Например, как я уже упоминал, весь период 1960-1972 гг. совпал с конъюнкцией образованной Ураном и Плутоном, единственной за весь двадцатый век. Это архетипическое сочетание точно соответствовало периоду напряженной психодуховной революции дионисийского толка, который был отмечен общественными переворотами, борьбой за гражданские права, триумфом науки и техники, радикальным новаторством в музыке и искусстве, сексуальной революцией, феминистским движением, студенческими волнениями и широко распространенной деятельностью и творчеством представителей контркультуры.

Всему этому в противовес на протяжении девяностых годов главное архетипическое влияние оказывала конъюнкция Уран – Нептун. То был период глубоких, но, как правило, ненасильственных духовных и общественных перемен, "бархатная революция", примерами которой можно назвать воссоединение Германии, освобождение западноевропейских стран и мирный распад Советского Союза, опасной сверхдержавы. В это время юнговская психология, нептуновская по своему характеру, обрела большое признание и в список бестселлеров вошло множество книг, посвященных духовным вопросам. Трансперсональные темы проникли в кино. Мифология, переживания на пороге и после смерти, случаи похищения людей НЛО, телепатическая связь и виртуальная реальность привлекли огромное внимание как специалистов, так и широких масс.

В периоды, когда сочетания планет оказывают влияние на весь мир, это влияние приобретает личную окраску для тех людей, в чьих катальных картах они образуют важные транзиты с конкретными планетами. Тогда эти схождения выражаются в склонностях к определенным эмоциональным и психосоматическим расстройствам. В результате психиатры, работающие в тот или иной исторический период, видят явления, отличные от тех, которые наблюдают их коллеги из более ранних или поздних времен. Возможно, именно поэтому создание постоянного справочника B5M-1У на все времена кажется чрезвычайно проблематичным.

Но это еще не все. На ежегодных курсах, которые Ричард Гарнас и я проводим в Калифорнийском институте интегральных исследований (КИИИ) в Сан-Франциско, мы обсуждаем основные школы глубинной психологии и анализируем астрологические карты их основателей. Скоро станет очевидно, что эти новаторы не были способны объективно подходить к изучению психики своих пациентов и делать общие выводы, которые будут всегда оставаться верными. Они неизбежно втискивали недуги пациентов в свои субъективные схемы или рассматривали их через свою преломляющую призму, что было обусловлено влиянием их собственных аспектов и транзитов в момент наблюдения.

В качестве объекта изучения психиатрия не имеет никакого установленного набора явлений, кроме нарушений, обусловленных органическими причинами. Таким образом, результат любого исследования эмоциональных и психосоматических расстройств, не имеющих органической природы, определяется сложным взаимодействием ряда факторов, к которым относятся: астрологическая карта исследователя и его транзиты в период наблюдения, планетарные аспекты, влияющие на весь мир и определяющие дух времени определенного периода, катальные карты и транзиты пациентов, придающие их переживаниям ту или иную окраску.

Образ психиатрии как дисциплины, располагающей исчерпывающими описаниями навязчивых и непредсказуемых патологических состояний и арсеналом конкретных медикаментов и методов лечения, - это иллюзия. В этих обстоятельствах единственный жизнеспособный подход - это описание психиатрических расстройств с учетом отношений и средств, которые можно использовать, чтобы проанализировать ситуацию в любой конкретный момент и описать ее с позиции феноменологии переживаний пациента и ее связи с его катальной картой и планетарными транзитами. Точности ради необходимо также принимать во внимание глобальные планетарные аспекты, собственную карту исследователя и его транзиты.

Я убежден, что связи, открытые астрологией, являются настолько сложными, неоднозначными и творческими, что не оставляют сомнения в своем божественном происхождении. Они дают убедительные факты существования в основе творения некоего глубинного мудрого порядка и высшего космического разума, который его породил. Отсюда вытекает очень интересный вопрос: существует ли некое всеобъемлющее мировоззрение, способное дать приют астрологии и вобрать ее открытия? С течением времени и не без борьбы и тягот я пришел к заключению, что есть такое мировоззрение, способное вместить в себя и объяснить мои переживания и наблюдения, сделанные в результате исследования сознания, а также приветить астрологию. Однако оно диаметрально противоположно системе убеждений, господствующей в западной цивилизации.

Я описал это мировоззрение в своей книге "Космическая игра: исследование рубежей человеческого сознания". Это видение реальности основано на переживаниях и прозрениях холотропных состояний и изображает вселенную не как материальную систему, но как бесконечно сложную игру Абсолютного Сознания. Древние индуистские тексты изображают подобное видение космоса, называя события, происходящие в мире явлений, липой, божественной игрой. В своих предыдущих публикациях я попытался показать, что это видение вселенной становится все более совместимо с различными революционными достижениями в науке новой парадигмы.

Если космос - не супермашина, создавшая самоё себя, но творение высшего разума, то становится правдоподобным то, что астрология может быть одним из множества различных порядков, встроенных во вселенскую канву. Ее можно рассматривать не как некую непримиримую

соперницу научного мировоззрения, а как важное дополнение к миру науки. Если открыть свой ум такой возможности, можно было бы использовать огромный потенциал, которым владеет астрология, как клиническое и исследовательское средство в психиатрии, психологии и психотерапии, а также во многих других дисциплинах.

+++

КОСМИЧЕСКАЯ ИГРА

ОТ АВТОРА

В этой книге я пытаюсь суммировать философский и духовный опыт моего сорокалетнего личного и профессионального пути, включающего исследования неизведанных границ человеческой психики. Это было сложное и нелегкое странствие, порой весьма спорное, и в одиночку я бы в него не отправился. Все эти годы я получал неоценимую помощь, вдохновение и поддержку от многих людей. Некоторые были мне близкими друзьями, другие - учителями, но большинство сыграли в моей жизни ту и другую роль. Я не могу выразить в этой книге свою признательность каждому в отдельности, но все же некоторых хотелось бы поблагодарить особо.

Энджелес Эрриен, антрополог и дочь "визионера" - духовного наставника, продолжателя мистической традиции басков, - в течение многих лет была мне настоящим другом и серьезным учителем. Занимаясь четыре десятка лет духовными традициями, она стала живым примером, показывающим, как объединить в единое целое женские и мужские аспекты человеческой психики и как "идти мистическим путем, не отрываясь от земли".

Грегори Бейтсон, оригинальный и плодовитый мыслитель, с которым за два с половиной года сотрудничества в Эсаленском институте в Биг-Суре (Калифорния) мне посчастливилось многие и многие часы провести в беседах на личные и профессиональные темы, стал для меня учителем и близким другом. Когда наши разговоры касались области мистического, он неизменно проявлял скептицизм, однако неумолимая логика пытливого ума заставляла его резко критиковать механицизм научной мысли, что открывало путь на широкие просторы трансперсонального видения.

Огромную помощь попыткам увязать мои открытия, касающиеся природы и диапазона человеческого сознания, с одной стороны, и точкой зрения современной науки - с другой, внесла работа Дэвида Бома. Его топографическая модель Вселенной оказалась неоценима для моих теоретических разработок. Хотелось бы отметить, что важную роль сыграла при этом и модель мозга, разработанная Карлом Прибрамом также на основе топографических принципов.

Мой старый друг Джозеф Кэмпбелл, блестящий мыслитель, рассказчик и замечательный учитель, научил меня понимать смысл мифологии и ее функцию, ибо мифология - это мост, ведущий в сферы сакрального. Он оказал сильное влияние и на мое мышление, и на мою личную жизнь. Теперь я считаю, что мифология в понимании К. Г. Юнга и Джозефа Кэмпбелла имеет важнейшее значение для психологии, духовности и религии.

Огромное воздействие на мои интеллектуальные изыскания оказала потрясающая книга Фритьофа Капры "Дао физики". Демонстрируя сближение квантово-релятивистской физики с духовными учениями восточной философии, эта книга вселила в меня надежду, что духовность и трансперсональная психология однажды станут неотъемлемой частью всеобъемлющей научной парадигмы будущего. Она во многом помогла мне освободиться от оков академизма в мышлении. На протяжении многих лет наша дружба была для нас обоих источником вдохновения.

Брат Дэвид Стайндел-Рэст, монах-бенедиктинец и философ, помог мне понять различие между духовностью и религией. И, что наиболее ценно, он научил меня понимать сокровенную сущность христианства и природу изначальной миссии Христа, прежде затемненные сложной и запутанной историей христианской Церкви.

Майкл Харнер, в котором уникальным образом соединились академизм ученого-антрополога и шаманизм амазонского посвященного, - один из самых близких моих друзей и одновременно авторитетный учитель. У него я научился теоретически и эмпирически понимать глубинную суть шаманизма как старейшей религии человечества и целительского искусства, что явилось важным дополнением к моему опыту непосредственного общения с североамериканскими, мексиканскими, южноамериканскими и африканскими шаманами.

Альберт Хофман косвенным образом больше других повлиял на мою личную жизнь и карьеру. Его гениальное открытие мощных психоделических эффектов ЛСД привело в 1956 году меня, тогда еще начинающего психиатра, к первому эксперименту с этим веществом. Этот эксперимент изменил всю мою жизнь и породил глубокий интерес к необычным состояниям сознания.

Джек Корнфилд, мой добрый друг, коллега и духовный учитель, умеет мастерски использовать "хитроумные средства" как в зале для медитаций, так и в повседневной жизни. Ему удалось соединить воедино многолетний опыт буддийского монаха и академизм западного ученого-психолога. Все, кто его знает - и друзья, и ученики, - восхищаются его отзывчивостью, мудростью и чувством юмора. За двадцать лет нашего знакомства мы провели вместе много семинаров и медитаций. Пожалуй, от него я узнал о буддизме и духовности куда больше, чем из всех прочитанных мною книг на эти темы.

Эрвин Ласло, всемирно известный представитель философии систем и теории общей эволюции, оказал очень серьезное влияние на мою профессиональную жизнь. Его книги, в которых ему удалось сформулировать основные принципы науки, объединяющей в себе материю, жизнь и разум, а также личные беседы с ним обеспечили меня прекрасной концептуальной основой, позволяющей осмыслить мои переживания и наблюдения. Благодаря им я смог органически интегрировать свои открытия в целостное мировоззрение, соединяющее духовность и науку.

Ральф Метцнер, психолог и психотерапевт, в котором научная скрупулезность, интерес к природе и будущему человечества сочетаются с неутомимой предприимчивостью, начиная с нашей первой встречи, состоявшейся тридцать лет назад, остается моим другом и соратником. В своей жизни и исследованиях он подавал мне пример душевного равновесия и интеллектуальной трезвости.

Рам Дасс, еще один близкий друг, был для меня одним из самых главных духовных учителей. Являя собой уникальное сочетание джняна-, бхакти-, карма- и раджа-йоги, он играет в нашей культуре роль подлинного духовного искателя, с поразительной откровенностью рассказывающего о своих победах и поражениях в духовных поисках. Из всех наших многочисленных встреч я не помню ни одной, когда бы он не обогатил меня своими уникальными прозрениями и идеями.

Руперт Шелдрейк с необычайной проницательностью и ясностью продемонстрировал мне недостатки традиционной науки. Это помогло мне стать более открытым к новым наблюдениям и научиться доверять собственным суждениям, даже если мои данные противоречат основным метафизическим положениям тех концептуальных основ, на которых я был воспитан. Особенно важным для своей работы я считаю его акцент на необходимости поиска адекватных объяснений формы, структуры, порядка и смысла.

Рик Гарнас, психолог, философ и астролог, а также один из моих самых близких друзей, постоянно является для меня источником вдохновения и новых идей. Когда мы жили и работали в Эсаленском институте в Биг-Суре (Калифорния), а также позднее, когда мы вместе преподавали в Калифорнийском институте интегральных исследований, мы изучали необычные взаимосвязи между холотропными состояниями сознания, архетипической психологией и транзитной астрологией. Своими скрупулезными исследованиями Рик помог мне глубже постичь грандиозный замысел, лежащий в основе творения.

Чарльз Тарт - для меня образец подлинно блестящего ученого, обладающего мужеством, честностью и цельностью для того, чтобы бескомпромиссно отстаивать свои убеждения и идти в своих исследованиях нетрадиционными путями, даже если они кажутся спорными и неверно принимаются за парапсихологию и спиритизм. Я восхищаюсь им и многому у него научился.

Фрэнсис Воон и Роджер Уолш - первооткрыватели и лидеры в области трансперсональной психологии. Они партнеры как в жизни, так и в работе, и не хотелось бы поблагодарить эту замечательную пару. Они всегда были для меня неиссякаемым источником вдохновения и поддержки. Их творческое сотрудничество (лекции, семинары, статьи и книги) и частная жизнь стали для меня образцом соединения науки, духовности и здорового образа жизни. Как замечательно, что у меня есть такие друзья и коллеги!

Пожалуй, самый большой личный вклад в создание прочной философской основы грядущего примирения науки и духовности внес Кен Уилбер. Целый ряд его новаторских книг явил читателю поразительный синтез данных, полученных из разнообразнейших отраслей и дисциплин, как восточных, так и западных. Хотя время от времени у нас возникали разногласия по поводу некоторых частных вопросов, его работа послужила для меня богатым источником информации, стимулом и творческим вызовом. Я также высоко ценю его критические замечания, высказанные по поводу этой книги.

Я очень признателен Джону Буканану за вдохновение и юмор, которыми он наполняет нашу жизнь, а также за многолетнюю щедрую поддержку моей работы. И наконец мне хотелось бы искренне поблагодарить Роберта Макдермотта, президента Калифорнийской школы профессиональной психологии, за необычайное благородство и непредвзятость, с

какими он поддерживает и поощряет свободный обмен идеями в противоречивой сфере трансперсональной психологии, а также за продуманные и ценные замечания, которые он сделал, прочитав рукопись этой книги.

Особую признательность я выражаю членам своей семьи, которые, разделяя со мной все волнения и превратности моего непростого жизненного пути, постоянно поддерживают меня и ободряют - жене Кристине, брату Полу и покойным родителям. Я также хотел бы особо поблагодарить Кэри и Тэва Спарксов, так как они играют в моей жизни важную роль - как близкие друзья и компетентные, преданные своему делу коллеги.

К сожалению, в этой книге я не могу перечислить имена людей, внесших существенный вклад в ее создание, - я имею в виду те тысячи людей, что на протяжении долгих лет делились со мной своими переживаниями и прозрениями, открывшимися им в необычных состояниях сознания. У меня вызывает глубокое уважение их дерзость в изучении сокровенных сфер реальности, и я особенно благодарен им за открытость и честность, с какой они рассказывали мне о своих удивительных приключениях. Без их участия я не смог бы написать эту книгу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ

Самое прекрасное из всех доступных нам переживаний - переживание непостижимого... Тот, кому незнакомо это чувство, кого ничто более не удивляет и не приводит в трепет, все равно что мертвец.

Альберт Эйнштейн

Эта книга рассматривает ряд фундаментальных вопросов бытия, которыми люди задаются с незапамятных времен. Как возникла наша Вселенная? Является ли мир, в котором мы живем, результатом механических процессов, происходящих в неодушевленной, инертной и реагирующей материи? Управлял ли творением и развитием Вселенной высший космический разум? Можно ли материальную реальность объяснить исключительно в терминах естественных законов, или же здесь действуют силы и принципы, не поддающиеся таким описаниям?

Какова связь между жизнью и материей, между сознанием и мозгом? Как нам осмыслить такие дилеммы, как конечность времени и пространства, с одной стороны, и вечность и бесконечность - с другой? Где во Вселенной берут начало порядок, форма и смысл? Весьма актуальны для повседневной жизни и некоторые другие проблемы, обсуждаемые в этой книге, - например, противоречие между добром и злом, тайна кармы и перевоплощения и вопрос о смысле человеческого бытия.

Как профессиональному психиатру мне известно, что такие вопросы обычно не задают в контексте психиатрической практики или психологических исследований. И все же эти насущные вопросы совершенно спонтанно возникали в умах многих людей, с которыми я работал. Объяснение нужно искать в той области исследований, которая на протяжении сорока лет моей профессиональной деятельности остается главным объектом моих интересов, - в работе с необычными состояниями сознания. Этот интерес вспыхнул весьма неожиданно и ярко в 1956 году, всего через несколько месяцев после окончания медицинского института, когда я добровольно вызвался участвовать в эксперименте с ЛСД, проводившемся на факультете психиатрии Пражского медицинского института. Этот эксперимент глубоко повлиял на мою личную и профессиональную жизнь и стал тем творческим стимулом, благодаря которому я на всю жизнь связал себя с исследованиями сознания.

И хотя меня интересовал весь спектр необычных состояний сознания, мой сугубо личный опыт относится к психоделическим исследованиям, к психотерапевтической работе с людьми, переживающими внезапные психодуховные кризисы ("критические состояния духа"), а также к холотропной дыхательной терапии - методу, разработанному мною и моей

женой Кристиной. В психоделической терапии необычные состояния сознания вызываются химическими средствами, в психодуховных кризисах они по неизвестным причинам внезапно развиваются в гуще повседневной жизни, а в холотропной дыхательной терапии они стимулируются сочетанием учащенного дыхания, музыки, пробуждающей воспоминания, и особой формы сосредоточенных физических упражнений. В этой книге я затрагиваю все три упомянутых аспекта, поскольку прозрения, которые в них открываются, очень сходны, если не тождественны.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЗНАНИЯ И ВЕЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

В своих предыдущих публикациях я уже описывал, насколько важно систематическое изучение необычных состояний сознания для понимания природы эмоциональных и психосоматических расстройств, а также для самой психотерапии (Grof 1985, 1992¹). Эта книга посвящена более широким и общим вопросам; в ней исследуются необычные философские, метафизические и духовные озарения, имевшие место в ходе моей работы. Переживания и наблюдения, полученные таким образом, открыли важные аспекты и измерения реальности, которые мы в повседневной жизни, как правило, не осознаем. Многие века эти переживания и сферы бытия, в них открывающиеся, описывались в различных духовных философских и мистических традициях, таких, как веданта, буддизм хинаяны и махаяны, даосизм, суфизм, гностицизм, христианский мистицизм, каббала и прочие сложные духовные системы. Данные моих исследований и вообще результаты современных исследований сознания в целом по сути подтверждают и поддерживают позицию вышеназванных древних учений и потому в корне противоречат основным положениям материалистической науки относительно сознания, человеческой природы и природы реальности. Они четко указывают, что сознание не продукт мозга, но изначальный принцип существования и что оно играет решающую роль в творении чувственного мира.

Эти исследования еще и радикально меняют статус человеческой психики, показывая, что психика индивида в ее самом широком диапазоне по сути соизмерима со всем бытием и абсолютно тождественна космическому творческому принципу. Такой вывод, пусть он и являет собой серьезный вызов мировоззрению современных развитых обществ, вполне согласуется с представлением о реальности, которое содержится в великих духовных и мистических традициях мира, названных у философа и писателя Олдоса Хаксли "вечной философией" (Hugle 1945).

Современные исследования сознания в целом подтвердили базовые тезисы вечной философии. Они раскрыли перед нами грандиозный замысел, лежащий в основе творения, и показали, что высший разум пронизывает все бытие.

В свете этих новых открытий духовность видится важным и законным стремлением человеческой жизни, поскольку она отражает ключевое измерение человеческой психики и всего миропорядка. Зачастую мистические традиции и духовные философские учения прошлого не принимались всерьез и даже становились объектом критики за свою "иррациональность" и "ненаучность". Но такая оценка как нельзя более далека от истины. Многие из великих духовных систем являются продуктом многовекового углубленного изучения человеческой психики и сознания, и в этом они во многом сходны с научными исследованиями.

Эти системы дают подробные указания относительно методов вызова духовных переживаний, на которых они основывают свои философские теории. Достоверность систематически накопленного материала обычно подтверждается многовековым опытом, что и требуется для обеспечения достоверных и надежных знаний в любой области научных исследований (Smith 1976, Wilber 1977). Особенно примечательно, что утверждения различных школ вечной философии теперь могут быть подкреплены данными современных исследований сознания.

Методы самопознания, описанные в этой книге и обеспечивающие такое современное подтверждение, не требуют той же степени самоотдачи и самопожертвования, какая предполагалась древними духовными практиками. Они более доступны и посильны для западного человека, скованного сложностями современной жизни. Использование психоделиков было скомпрометировано бесконтрольным экспериментаторством и в настоящее время ограничено жесткими административно-правовыми рамками, тогда как

¹ - В скобках помещен отсыл к библиографии: фамилия автора и год публикации оригинальной работы или английского перевода. - Прим. ред.

холотропная дыхательная терапия - метод, доступный для всех, кого интересует исследование доказательности прозрений, описанных в этой книге. Опыт наших семинаров, проводимых по всему миру, а также сообщения нескольких сот людей, прошедших наш тренинг и научившихся проводить сеансы холотропного дыхания самостоятельно, убедили меня в том, что наблюдения, описанные мною в этой книге, вполне воспроизводимы.

ХОЛОТРОПНЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ

Прежде чем мы обратимся к духовно-философским практикам, мне хотелось бы объяснить, в каком смысле я использую в этой книге термин "необычные состояния сознания". Моя главная задача - сосредоточиться на переживаниях, представляющих собой полезный источник информации о человеческой психике и природе реальности, в частности на таких, которые раскрывают различные аспекты духовного измерения бытия. Я также хотел бы исследовать заложенный в этих исследованиях целительный, преобразующий и эволюционный потенциал. Для этой цели термин "необычные состояния сознания" является слишком общим, поскольку включает в себя широкий спектр состояний, с данной точки зрения неинтересных или неподходящих.

Глубокие изменения в сознании могут быть обусловлены множеством патологических состояний, например церебральными травмами, отравлением ядовитыми веществами, инфекциями, а также дегенеративными и циркуляторными процессами в мозгу. Разумеется, такие состояния могут вызывать глубокие ментальные изменения и нарушать функционирование психики. Однако мы не будем их рассматривать, поскольку они являются причиной "обычного бреда" или "органических психозов" - состояний, весьма важных с точки зрения клиницистов, но для нас неинтересных. Люди, страдающие бредом, как правило, дезориентированы, порой они даже не знают, кто они, и где находятся, и какое сегодня число. Кроме того, у них зачастую наблюдается нарушение мыслительных функций, а выпавшие на их долю переживания заканчиваются потерей памяти.

Вот почему в нашем обсуждении я намерен ограничиться большой и весьма важной подгруппой необычных состояний сознания, для которых в современной психиатрии не существует специального термина. Поскольку я убежден, что они заслуживают выделения в особую категорию, я придумал для них название холотропные, что буквально означает "ориентированные на целостность" или "движущиеся в направлении целостности" (от греч. *holos* - "целое" и *tzepain* - "двигаться в направлении чего-либо"). Читая эту книгу, вы поймете, что означает этот термин и чем оправдано его использование. Он указывает на то, что, находясь в обычном состоянии сознания, мы не целостны, а раздроблены и отождествляемся лишь с небольшим фрагментом того, что мы есть в действительности.

Холотропные состояния характеризуются особыми трансформациями сознания, связанными с изменениями во всех сферах восприятия, с сильными и зачастую необычными эмоциями, а также с глубокими переменами в мыслительных процессах. Нередко они сопровождаются множеством сильных психосоматических проявлений и неординарным поведением. В сознании происходят чрезвычайно глубокие качественные изменения, но в отличие от бредовых состояний в нем не наблюдается грубых нарушений. В холотропных состояниях мы переживаем вторжение других измерений бытия, которые могут быть очень интенсивными и даже ошеломляющими. Но при этом мы все же не теряем пространственно-временной ориентации и отчасти остаемся в контакте с повседневной реальностью. Иными словами, мы одновременно присутствуем в двух разных реальностях.

Весьма важным и характерным аспектом холотропных состояний являются необычные изменения в чувственном восприятии. Если глаза открыты, формы и краски внешнего мира обычно резко преобразуются, а когда мы закрываем глаза, нас захлестывают образы из нашей личной истории и из коллективного бессознательного. У нас могут возникать и видения различных природных явлений, космоса, мифологических сфер. Иногда все это сопровождается широким диапазоном переживаний, в которых задействованы различные звуки, запахи, физические и вкусовые ощущения.

Эмоции, связанные с холотропными состояниями, охватывают очень широкий спектр и простираются далеко за пределы нашего повседневного опыта - от чувств экстатического восторга, небесного блаженства и непостижимого покоя до чудовищного ужаса, неудержимого гнева, бездонного отчаяния, гложущей вины и других крайних проявлений эмоционального страдания. Интенсивность этих переживаний сопоставима с описаниями адских мук в великих религиях мира. Аналогичным образом поляризованы и сопутствующие физические ощущения - в зависимости от содержания переживания это

может быть как ощущение необычайного здоровья и благополучия, оптимального физиологического функционирования и необычайно сильного сексуального оргазма, так и крайний дискомфорт, например мучительные боли, давление, тошнота или чувство удушья. Особенно интересным аспектом холотропных состояний является их воздействие на процессы мышления. Интеллект не получает повреждений, но работа его весьма отличается от обычного функционального режима. И хотя в таких состояниях мы не можем положиться на свои суждения по обычным практическим вопросам, на нас может буквально обрушиться поток удивительной новой информации, касающейся великого множества других моментов. Нас могут посетить глубокие психологические прозрения, проливающие свет на нашу личную историю, на бессознательные силы, которые движут нами, на наши эмоциональные затруднения и межличностные проблемы. Мы можем также испытать необычайные откровения, затрагивающие различные аспекты природы и космоса и намного превосходящие нашу образовательную и интеллектуальную подготовку. Большинство этих интереснейших прозрений, которые открываются в холотропных состояниях, сосредоточено вокруг философских, метафизических и духовных проблем. Они-то и являются предметом данной книги.

ФИЛОСОФСКИЕ И ДУХОВНЫЕ ПРОЗРЕНИЯ, ПОЛУЧЕННЫЕ В ХОЛОТРОПНЫХ СОСТОЯНИЯХ

Холотропные состояния по содержанию чаще всего бывают философскими и мистическими. Находясь в них, мы можем последовательно испытать психодуховную смерть и возрождение или чувства единства с другими людьми, природой, Вселенной и Богом. Перед нами могут предстать воспоминания о прошлых жизнях, мы можем встретиться с могучими архетипическими существами, общаться с развоплощенными сущностями и путешествовать по многочисленным мифологическим сферам. Богатый спектр этих состояний включает также внетелесные переживания, во время которых развоплощенное сознание сохраняет способность оптического восприятия и может с различных позиций в точности наблюдать события, происходящие как в непосредственной близости, так и в отдаленных местах. Холотропные состояния можно вызвать при помощи целого ряда древних и туземных способов, так называемых "технологий священного". Эти технологии так или иначе сочетают в себе барабанную дробь, звуки трещоток, колоколов или гонгов, монотонное пение, ритмичные танцы, изменения ритма дыхания и особые формы бодрствования. Они могут также включать длительную изоляцию от общества, сенсорную изоляцию, пост, лишение сна, обезвоживание и даже крайние физические вмешательства, такие, как кровопускание, применение сильных слабительных средств и причинение сильной боли. Особенно эффективной "технологией священного" было ритуальное употребление психоделических растений и веществ.

Эти приемы изменения сознания сыграли важную роль в обрядовой и духовной истории человечества. Индукция холотропных состояний была неотъемлемой частью шаманизма, ритуалов перехода и других церемоний туземных культур. Она представляла собой и ключевой элемент древних мистерий смерти и возрождения, которые проводились в разных концах света и особенно процветали в Средиземноморье. Столь же важную роль холотропные переживания сыграли в мистических ветвях великих мировых религий. Эти эзотерические традиции разработали специфические методы индуцирования таких переживаний. Сюда относятся различные формы йоги, буддийская медитация и сосредоточение, многоголосое монотонное пение, кружение дервишей, христианский исихазм, или "Иисусова молитва", и многие другие методы.

В наше время многообразие приемов изменения сознания значительно расширилось. Клинические методы включают применение чистых растительных алкалоидов с психоделическим воздействием или синтетических психоделических веществ, а также мощные формы эмпирической психотерапии, такие, как гипноз, первичная терапия, высвобождение и холотропное дыхание. Самым популярным из лабораторных методов вызова холотропных состояний стала сенсорная изоляция - прием, основанный на лишении человека сенсорных стимулов, в той или иной степени. Другим известным методом является биологическая обратная связь, позволяющая использовать информацию об изменениях электрических мозговых волн в качестве сигнала направляющего к особым состояниям сознания. Существует множество специальных электронных приборов, использующих принцип "управления" мозговыми волнами при помощи различных акустических и оптических стимулов.

Важно подчеркнуть, что эпизоды холотропных состояний различной глубины и продолжительности могут возникать и спонтанно, без какой-либо явной причины, а зачастую и против воли самого человека. Поскольку современная психиатрия не проводит различия между мистическими или духовными состояниями и психотическими эпизодами, людям, переживающим эти состояния, часто диагностируют психическое заболевание. Их госпитализируют и подвергают обычному фармакологическому лечению. Я и моя жена Кристина высказали мысль, что многие из этих состояний на самом деле являются психодуховными кризисами, или "критическими состояниями духа". Если к этим состояниям относиться правильно, а людям, переживающим их, оказывать квалифицированную поддержку, то переживания такого рода могут привести к излечению психосоматических заболеваний, духовному раскрытию, позитивному преобразению личности и эволюции сознания (Grof and Grof 1990).

ДРЕВНЯЯ МУДРОСТЬ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

Как видно из вышесказанного, холотропные переживания являются общим знаменателем во многих процедурах, которые на протяжении веков формировали обрядовую, духовную и культурную жизнь различных народов. Они были главным источником космологических, мифологических, философских и религиозных систем, описывающих духовную природу космоса и бытия, и представляют собой ключ к пониманию духовной жизни человечества, - от шаманизма и священных церемоний туземных племен до великих мировых религий. Но, что самое важное, они содержат ценнейшие практические указания, касающиеся оптимальной жизненной стратегии, позволяющей нам полностью осознать свой творческий потенциал. Принимая во внимание все эти причины, важно, чтобы ученые Запада освободились от материалистических предрассудков и занялись объективным систематическим изучением холотропных состояний.

Все вышеупомянутые категории холотропных состояний сознания вызвали у меня глубокий интерес, и многие из них я пережил на собственном опыте. Однако, как я уже говорил, профессионально я работал главным образом в области психоделической терапии, холотропного дыхания и психодуховного кризиса. И хотя переживания, наблюдаемые в этих трех сферах, различаются по средствам их вызова, они сходны содержанием и духовными и философскими прозрениями.

На протяжении моей профессиональной карьеры я лично провел свыше четырех тысяч психоделических сеансов с такими веществами, как ЛСД, псилоцибин, мескалин, дипропилтриптамин (ДПТ), метилендиоксиамфетамин (МДА), и присутствовал на более чем двух тысячах сеансов, проведенных моими коллегами. Значительная часть пациентов, участвовавших в этих сеансах, страдала различными эмоциональными и психосоматическими расстройствами, такими, как депрессии, психоневрозы, психосоматические нарушения, алкоголизм и наркомания.

Другую большую группу составляли пациенты, страдающие различными формами рака, главным образом на последней стадии. Здесь нужно было не только облегчить душевные муки и сильные физические боли, вызванные болезнью, но и предложить пациентам возможность достижения мистических состояний, позволяющих уменьшить страх смерти, изменить отношение к ней и трансформировать их опыт умирания. Остальные являлись "обычными добровольцами", среди которых были психиатры, психологи, социальные работники, священнослужители, художники и различные ученые: все они согласились участвовать в психоделических сеансах, потому что искали новых прозрений.

Дыхательные сеансы были включены в долгосрочную программу подготовки специалистов и практические семинары, в которых участвовали люди самых разных специальностей. За многие годы мы с Кристиной провели более тридцати тысяч холотропных сеансов (в основном групповых и только в исключительных случаях - индивидуальных). Помимо экспериментов с психоделиками и с холотропным дыханием, я также много лет работал с людьми, подверженными внезапным психодуховным кризисам, однако эта работа проходила не систематически, в рамках проекта, но велась от случая к случаю, как часть моей личной и профессиональной жизни.

В этой книге я использовал заметки, собранные за сорок с лишним лет работы в области изучения сознания. С этой целью я особенно сосредоточился на тех из них, где описаны переживания и наблюдения, относящиеся к основополагающим онтологическим и космологическим вопросам. К своему удивлению, я обнаружил, что из этих описаний

холотропных состояний возникает всеобъемлющая и логически последовательная альтернатива пониманию человеческой природы и жизни, сформулированному материалистической наукой и представляющему официальную идеологию промышленного общества Запада.

У людей, испытывающих холотропные состояния и умеющих включить их в свою жизнь, обычно не развивается своеобразное обманчивое мировосприятие, которое представляет собой разрозненные искажения "объективной реальности". Они обнаруживают различные аспекты грандиозной картины одушевленной Вселенной, пронизанной высшим космическим разумом, который в конечном итоге соизмерим с их собственными психикой и сознанием. Эти прозрения демонстрируют примечательное сходство с таким пониманием реальности, которое на протяжении истории неоднократно, зачастую совершенно независимо, возникало в различных частях мира. В тех или иных вариантах эта картина реальности представала перед всеми, кто смог в дополнение к своему повседневному опыту в материальной реальности получить прозрения из холотропных состояний сознания.

Эти данные - добрая весть для миллионов людей на Западе, которые прошли через различные формы холотропных переживаний и не сумели объединить их с традиционной системой убеждений своей культуры. Из-за этого противоречия многие начинали сомневаться, в здравом ли они уме, да и другие люди - включая специалистов в области психических заболеваний, у которых они искали совета и к которым их порой приводили против их желания, - тоже порой считали их безумцами. Изучение холотропных состояний реабилитирует этих людей и вскрывает недостатки современной психиатрии, показывая срочную необходимость в коренном пересмотре нашего понимания человеческой природы и природы реальности.

По мере того как революционные достижения в различных отраслях современной науки развеивают чары устаревшего материалистического мировоззрения, перед нами проступают контуры нового, целостного понимания самих себя, природы и Вселенной. Мы все отчетливее видим, что этот новый, альтернативный подход к существованию объединит науку и духовность и внесет в наш технический мир важные элементы древней мудрости. Даже в настоящее время мы имеем нечто гораздо большее, чем просто пеструю мозаику революционных теорий и смутные очертания нового. Эрвин Ласло (Laszlo 1993) уже представил блестящий синтез самых важных теоретических достижений в различных областях современной науки, а Кен Уилбер создал удивительную междисциплинарную схему, которая обеспечивает философскую основу для такого целостного понимания реальности (Wilber 1995, 1996, 1997).

Когда это новое видение космоса обретет завершенность, оно, безусловно, будет представлять собой не возврат к донаучному пониманию реальности, но целостный творческий синтез всего самого лучшего, взятого из прошлого и настоящего. Мировоззрение, сохраняющее все достижения современной науки и в то же время заново вводящее в западную цивилизацию утраченные ею духовные ценности, могло бы оказать глубокое воздействие на нашу жизнь, как индивидуальную, так и коллективную. Я твердо верю, что переживания и наблюдения холотропных состояний, исследуемые в данной книге, станут неотъемлемой частью этого поразительного нового облика реальности и человеческой природы, который ныне рождается в муках.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КОСМОС, СОЗНАНИЕ И ДУХ

Совершенствуясь и пробуждаясь, мы увидим душу в нас самих и во всем окружающем и поймем, что сознание присутствует также в растении, в металле, в атоме, в электричестве - в каждой вещи, принадлежащей физической природе.

Шри Ауробиндо Гхош. "Синтез йоги"

Разница между мною и большинством людей заключается в том, что для меня эти "разделяющие стены" прозрачны.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Согласно западной науке, Вселенная есть чрезвычайно сложное скопление материальных частиц, которое, в сущности, создало себя само. На космической сцене жизнь, сознание и разум - пришельцы случайные и поздние и мало что значат. Эти три аспекта существования появились в ничтожно малой части безбрежного космоса после миллиардов лет эволюции материи, а жизнь обязана своим происхождением случайным химическим процессам в первозданном океане, которые соединили атомы и неорганические молекулы в сложные органические структуры. Далее в процессе эволюции этот органический материал обрел способность самосохранения, воспроизведения, а также клеточную организацию. Одноклеточные организмы собирались во все более крупные многоклеточные формы и в итоге образовали множество видов, населяющих планету Земля, в том числе *Homo sapiens*. Утверждают, что сознание возникло на более поздних стадиях этой эволюции за счет сложных физиологических процессов в центральной нервной системе. Оно является продуктом мозга, и как таковое размещается внутри черепа. С этой точки зрения сознание и разум суть функции, свойственные лишь человеку и высшим животным. Они определенно не существуют и не могут существовать независимо от биологических систем. Согласно такому пониманию реальности, содержание человеческой психики в большей или меньшей степени ограничено той информацией, которую мы, начиная с момента рождения, черпаем из внешнего мира посредством органов чувств.

Здесь западная наука в своей основе соглашается со старым положением философии британских эмпириков: "В разуме нет ничего такого, чего бы прежде не существовало в органах чувств". Это положение, впервые сформулированное Джоном Локком в XVIII веке, подразумевает, исключает возможность доступа к информации, не воспринимаемой органами чувств, т.е. возможность экстрасенсорного восприятия (ЭСВ), такого, как телепатия, ясновидение или переживание нахождения вне тела при четком видении событий, происходящих в отдаленных местах.

Вдобавок природа и степень нашего сенсорного восприятия определяются физическими характеристиками окружающей среды, а также физиологическими свойствами и ограниченностью наших органов чувств. Например, мы не можем видеть объекты, если отделены от них плотной стеной. Мы теряем из виду корабль, если он уплыл за горизонт, и не можем наблюдать обратную сторону Луны. Точно так же мы не можем слышать звуки, если акустические волны, возбужденные неким внешним событием, не достигают нашего слуха с достаточной силой. Находясь в Сан-Франциско, мы не можем видеть и слышать, что делают наши друзья в Нью-Йорке, если, разумеется, это восприятие не опосредовано какими-либо современными техническими устройствами, например телевизором или телефоном.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ СО СТОРОНЫ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЗНАНИЯ

Переживания, имеющие место в холотропных состояниях сознания, бросают серьезный вызов столь узкому пониманию потенциала человеческой психики и пределов нашего восприятия. Переживаемое нами в этих состояниях отнюдь не ограничивается воспоминаниями о нашей нынешней жизни и фрейдовским индивидуальным бессознательным, как нам внушали ученые-материалисты. Холотропные переживания выходят далеко за пределы того, что англоамериканский писатель и философ Алан Уоттс в шутку назвал "эго, заключенным в кожу". Они способны вывести нас на широкие просторы психики, которые пока не исследованы западными психологами и психиатрами. В попытках описать и классифицировать совокупность явлений, возможных в этих состояниях, я набросал новую карту человеческих переживаний, расширяющую традиционное понимание психики. Здесь я обрисую эту картографию лишь в общих чертах, более подробное ее описание вы найдете в моих предыдущих книгах (Grof 1975, 1988).

Чтобы учесть все переживания, которые могут возникать в холотропных состояниях, мне пришлось радикально расширить сложившееся на Западе понимание психики, добавив к

нему две большие области. Первая из них - это хранилище сильных физических и эмоциональных ощущений, связанных с травмой рождения, таких, как невероятные физические боли в разных частях тела, ощущения удушья, переживание сильной тревоги, безнадежности и ярости. Кроме того, данная сфера содержит богатый спектр соответствующих символических образов, сосредоточенных вокруг рождения, смерти, секса и насилия. Я называю этот уровень психики перинатальным, поскольку он связан с биологическим рождением (греч. *peri* - "вокруг, около" и лат. *natalis* - "имеющий отношение к

рождению ребенка"). Я вернусь к этому позднее, в главе, посвященной исследованию духовных измерений рождения, секса и смерти.

Вторую новую область, включенную в мою картографию, можно назвать трансперсональной, поскольку основная ее характеристика - переживание выхода за пределы обычных для человека границ тела и эго. Трансперсональные переживания необычайно расширяют ощущение персонального тождества, включая в него элементы внешнего мира и других измерений реальности. Например, одна из важных категорий трансперсональных переживаний включает в себя достоверные эмпирические отождествления с другими людьми, животными, растениями, а также со множеством иных аспектов природы и космоса.

Большую группу трансперсональных феноменов можно описать на языке того, что швейцарский психиатр К. Г. Юнг (1959) называл коллективным бессознательным. Этот огромный кладень родовых, расовых и коллективных воспоминаний содержит все историческое и культурное наследие человечества, а также те изначальные организующие принципы, которые Юнг назвал "архетипами". Согласно Юнгу, архетипы управляют как процессами в нашей психике, так и событиями, происходящими в мире вообще. Они - это творческая сила, стоящая за присутствием нашей психике бесконечно богатым миром воображения с его пантеонами мифологических сфер и существ. В холотропных состояниях содержание коллективного бессознательного становится доступно для осознанного переживания.

Тщательное изучение перинатальных и трансперсональных переживаний показывает, что в конечном счете границы между индивидуальной человеческой психикой и всем остальным космосом произвольны и возможен выход за их пределы. Данная работа неоспоримо доказывает, что в конечном итоге каждый из нас соизмерим с полнотой всего бытия. Практически это означает, что все воспринимаемое нами в обычном состоянии сознания как объект в холотропном состоянии сознания может переживаться как соответствующий субъективный опыт. Помимо переживания элементов материального мы также можем переживать и множество аспектов других измерений реальности, например встречи с архетипическими существами и мифологическими сферами коллективного бессознательного.

В холотропных состояниях мы имеем возможность переживать в ярких подробностях все стадии своего биологического рождения, воспоминания пренатальной жизни и даже информацию о зачатии, записанную на клеточном уровне. Трансперсональные переживания могут вывести нас к эпизодам из жизни близких и далеких предков, в сферу расового и коллективного бессознательного, а также обеспечить доступ к эпизодам, которые относятся к воспоминаниям о прошлых воплощениях или даже к следам из жизни наших животных предков. Мы можем испытать полное сознательное отождествление с другими людьми, группами людей, животными, растениями и даже с неорганическими объектами и процессами. В ходе таких переживаний возможно получить совершенно новую точную информацию о различных аспектах Вселенной, включая данные, доступ к которым для нас в настоящей жизни по обычным каналам невозможен.

Когда мы достаточно глубоко проникли в эти измерения, скрытые от обычного восприятия, в нашем понимании жизни и природы реальности, как правило, происходят глубочайшие перемены. И самое главное из всех метафизических прозрений, которые нам открываются, есть осознание того факта, что Вселенная не автономная система, развившаяся в результате механического взаимодействия материальных частиц. Теперь мы уже не можем принимать всерьез предположение западной материалистической науки, что история Вселенной есть не что иное, как история эволюции материи, ведь нам довелось непосредственно и глубоко пережить божественные, священные, или нуминозные, измерения бытия.

Мощные трансперсональные переживания, как правило, расширяют наше мировоззрение, включая в него элементы космологии различных первобытных народов и древних культур. Это развитие совершенно не зависит ни от нашего интеллекта, ни от образования или профессии. Достоверные и убедительные переживания сознательного отождествления с животными, растениями и даже с неорганическими материалами и процессами позволяет легко понять верования анимистических культур, рассматривавших всю Вселенную как существо, наделенное душой. С позиции этих культур не только животные и растения, но и Солнце, луна, звезды, горы, реки являются живыми существами.

Следующее переживание показывает, что в необычных состояниях сознания неорганические объекты могут восприниматься как божественные сущности. Так произошло с Джоном, умным и образованным американцем, когда он жил со своими друзьями в палаточном лагере в высокогорье Сьерра-Невады. Джон испытал утрату своей обычной идентичности и отождествился с гранитной скалой.

Я отдыхал на большой плоской гранитной плите, погрузив ноги в прозрачный горный ручей. Я грелся на Солнце, всем своим существом впитывая его лучи, и чем больше расслаблялся, тем более глубокая умиротворенность охватывала меня - ничего подобного я прежде не испытывал. Время текло все медленнее и наконец совсем остановилось. Меня коснулось дыхание вечности.

Мало-помалу я утратил ощущение границ и слился с гранитной скалой. Вся внутренняя суета и болтовня угмонились и уступили место абсолютной тишине и неподвижности. И я почувствовал себя "дома". Я находился в состоянии абсолютного покоя, где все мои желания и нужды были удовлетворены и на все вопросы были получены ответы. Внезапно я осознал, что этот глубокий, непостижимый покой каким-то образом связан с природой гранита. И пусть это покажется невероятным, но я ощутил, что стал сознанием гранита.

Я вдруг понял, почему египтяне делали статуи божеств из гранита и почему индусы воспринимали Гималаи как полужелезную фигуру Шивы. Ведь они поклонялись невозмутимому состоянию сознания. Прежде чем хотя бы поверхность гранита разрушится под влиянием стихий, проходят десятки миллионов лет. За это время живой органический мир подвергается бесчисленным изменениям: возникают, существуют и вымирают виды; династии создаются, правят и сменяются другими, и тысячи поколений играют свои жалкие драмы. А гранитная скала все стоит и стоит как величественный свидетель, как божество, непоколебимая, безучастная к происходящему.

МИР БОЖЕСТВ И ДЕМОНОВ

Холотропные состояния сознания позволяют нам глубоко заглянуть в мир, каким его видят культуры, верящие в то, что космос населен мифологическими существами и что им правят мирные и гневные божества. В этих состояниях мы можем обрести непосредственный эмпирический доступ в мир богов, демонов, легендарных героев, сверхчеловеческих существ и духов-проводников, можем посетить мифологические реальности, фантастические ландшафты и обитатели Запредельного. Образы таких переживаний черпаются из коллективного бессознательного и обладают чертами мифологических персонажей и тем из любой культуры, когда-либо существовавшей в истории человечества. Глубокие личные переживания этой сферы помогают нам осознать, что представления о космосе, обнаруженные в доиндустриальных культурах, основаны не на суевериях или "примитивном магическом мышлении", но на непосредственных переживаниях иных реальностей.

Особенно убедительно о подлинности таких переживаний свидетельствует тот факт, что, подобно другим трансперсональным феноменам, они могут снабдить нас новой и точной информацией о различных архетипических существах и сферах. Природа, масштабы и качество этой информации зачастую намного превосходят наше прежнее интеллектуальное знание той или иной мифологии.

Наблюдения такого рода привели К. Г. Юнга к предположению, что помимо фрейдовского индивидуального бессознательного существует также коллективное бессознательное, которое соединяет нас с историческим и культурным наследием всего человечества.

В качестве иллюстрации я приведу здесь одно из интереснейших переживаний из тех, которые я наблюдал за все годы работы с необычными состояниями сознания. Оно касается Отто - одного из моих пражских пациентов, которого я лечил от депрессии и патологического страха смерти (танатофобии).

На одном из психоделических сеансов Отто пережил чрезвычайно впечатляющие события психодуховной смерти и возрождения. В кульминационный момент переживания перед Отто открылось видение зловещего входа в преисподнюю, охраняемого ужасной свиноподобной богиней. И тут он вдруг ощутил настоятельную необходимость начертить особый геометрический узор. Несмотря на мою просьбу оставаться во время сеанса в полулежачем положении с закрытыми глазами и сохранять переживания внутри себя, Отто открыл глаза, сел и попросил меня принести несколько листов бумаги и карандаши. Он начертил целый ряд сложных абстрактных узоров, причем, заканчивая очередной рисунок, с огромным недовольством и отчаянием рвал его и тут же принимался за новый. Он все больше и больше огорчался, поскольку никак не мог выразить то, что хотел. Когда я спросил его, что он делает, он ничего не смог объяснить, только сказал, что почувствовал непреодолимое желание рисовать эти геометрические узоры, и был убежден, что вычерчивание правильного узора как бы является необходимым условием для успешного завершения сеанса.

Было очевидно, что данная тема служила для Отто сильным эмоциональным стимулом, и поэтому я счел необходимым в ней разобраться. В ту пору я еще находился под сильным влиянием теории Фрейда и потому изо всех сил старался определить бессознательные мотивы странного поведения Отто по методу свободных ассоциаций. Мы работали над этой задачей очень долго, но, увы, безуспешно. В совокупности все это казалось бессмыслицей. В конце концов процесс лечения сместился в другие сферы, и я перестал думать на эту тему. Весь эпизод долгие годы оставался для меня совершенно загадочным.

И вот, когда я уже переехал в США, как-то в Балтиморе один из моих друзей предположил, что выводы касательно мифологии, к которым я пришел в результате своих исследований, возможно, заинтересуют Джозефа Кэмпбелла, и предложил устроить встречу с ним. Очень скоро мы с Кэмпбеллом стали добрыми друзьями, и он сыграл важную роль в моей личной и профессиональной жизни. Многие считали Джозефа величайшим мифологом XX века, а возможно, и всех времен. Человек блестящего интеллекта, он обладал поистине энциклопедическими познаниями в мировой мифологии. Он проявлял живой интерес к исследованиям необычных состояний сознания, которые, как он считал, весьма актуальны при изучении мифологии (Campbell 1972). На протяжении многих лет у нас состоялось множество удивительных бесед, во время которых я делился с ним различными наблюдениями не вполне понятных для меня архетипических переживаний, с которыми я встречался в работе, и в большинстве случаев Джозеф без труда определял культурные источники тех или иных символов.

Во время одной из таких бесед я вспомнил приведенный выше эпизод и пересказал его Джозефу. "Вот это да! - сказал он ничуть не колеблясь. - Это же Космическая Мать - Ночь Смерти, Пожирающая Богиня-Мать малекулан, народности из Новой Гвинеи". Далее он рассказал, что малекуланы верят, что им предстоит встретиться с этим божеством в "путешествии умерших". Эта богиня представляла собой устрашающее женское существо с характерными чертами свињи. Согласно малекуланской традиции, она сидела у входа в "нижний мир" и стерегла сложный рисунок священного лабиринта.

У малекулан существовала детально разработанная система обрядов, включавшая разведение и жертвоприношение свиней. Эта сложная обрядовая деятельность была направлена на преодоление зависимости от человеческих матерей, а в конечном итоге и от Пожирающей Матери-Богини. Малекуланы тратили огромное количество времени, практикуясь в вычерчивании лабиринтов, ибо данное мастерство считалось необходимым для успешного путешествия к Запредельному. Джозеф, обладая энциклопедическими познаниями, сумел разгадать важную часть загадки, с которой я столкнулся в своих исследованиях. Лишь на один вопрос он ответить не смог: почему мой пациент во время лечебного сеанса встретился именно с божеством малекулан? Но так или иначе, подготовка к послесмертному путешествию для человека, страдающего танатофобией, определенно имеет смысл.

В холотропных состояниях мы обнаруживаем, что наша психика имеет доступ ко множеству пантеонов различных мифологических персонажей и к тем сферам, где они обитают. По К. Г. Юнгу, это манифестации изначальных универсальных моделей, являющихся неотъемлемыми компонентами коллективного бессознательного. Эти архетипические фигуры можно подразделить на две категории. Первая включает в себя божественные или демонические существа, воплощающие специфические универсальные роли и функции. Наиболее известными из них являются Великая Богиня-Мать, Ужасная Богиня-Мать, Мудрый Старец, Вечная Юность (Puerg Eternus и Puella Eterna), Любовники, Неумолимый Пожиратель и Обманщик. Юнг обнаружил также, что мужское бессознательное хранит обобщенное представление женского принципа, называемого Анима. Двойником Анимы служит Анимус - обобщенное представление мужского принципа в женском бессознательном. Представление же в бессознательном темного, разрушительного аспекта человеческой личности называется в юнговской психологии Тенью.

В холотропных состояниях все эти персонажи могут оживать в виде сложных изменчивых феноменов, топографически конденсирующих несчетные варианты того, что они собой являют. Здесь я для примера опишу свой собственный опыт встречи с миром архетипов.

На заключительном этапе сеанса мне открылось видение большой, ярко освещенной сцены, казалось расположенной где-то за пределами времени и пространства. Там был великолепный узорный занавес, в орнаменте которого как бы содержалась вся история мира. Я интуитивно понял, что нахожусь в Театре Космической Драмы, где главные роли исполняли силы, формирующие человеческую историю. Я созерцал величественный парад таинственных фигур, которые выходили на сцену, представлялись и медленно исчезали за кулисами.

Я понимал, что наблюдаемое мною суть персонифицированные универсальные принципы (архетипы), которые сложным взаимодействием создают иллюзию явленного мира, ту самую божественную игру, какую индусы называют лилой. Это были изменчивые персонажи, собравшие в себе множество личностей, функций и даже сцен. Пока я их наблюдал, они беспрестанно меняли свои формы в чрезвычайно сложном голографическом взаимопроникновении, являясь одним и многим сразу. Я сознавал, что эти фигуры обладают множеством различных граней, уровней и измерений смысла, но никак не мог сосредоточиться на чем-то конкретном. Каждая из этих фигур словно бы одновременно представляла суть своей функции и все конкретные проявления выражаемого ею принципа.

Там были: Майя - завораживающая эфирная фигура, символизирующая мировую иллюзию; Анима - воплощающая вечное Женское Начало; Воин - схожее с Марсом олицетворение войны и агрессии; Любовники - представляющие все сексуальные драмы и романы всех времен; царственная фигура Правителя, или Императора; удалившийся от мира Отшельник; лживый и коварный Обманщик, и многие многие другие. Проходя по сцене, они кланялись в мою сторону, словно ожидая оваций за свою блистательную игру в божественной драме Вселенной.

Архетипические фигуры второй категории представляют различных божеств и демонов, относящихся к отдельным культурам, географическим пространствам и историческим периодам. Например, вместо обобщенного универсального образа Великой Богини-Матери мы можем созерцать одну из ее конкретно-культурных форм - например, Деву Марию, индуистских богинь Лакшми и Парвати, египетскую Исиду, греческую Геру и многих других. Точно так же конкретными образами Ужасной Богини-Матери, кроме описанной выше свиноподобной Богини малекулан, являются индийская Кали, доколумбовская змееголовая Коатлику или египетская львиноголовая Сехмет. Важно еще раз подчеркнуть, что эти образы не ограничены расовым и культурным наследием переживающего их человека. Они могут быть извлечены из мифологии любого народа, даже если переживающему раньше ничего о них не было известно.

Особенно часты встречи или даже отождествления с различными божествами, которые были убиты другими или же сами принесли себя в жертву, а затем вернулись к жизни. Эти персонажи, олицетворяющие смерть и воскресение, имеют тенденцию появляться спонтанно, когда процесс внутреннего самоисследования достигает перинатального уровня

и принимает форму психодуховного возрождения. В этот миг у многих людей могут, например, возникнуть видения распятия или они переживают отождествление с муками Иисуса Христа, распятого на кресте. Появление этой темы в евро-американском ареале вполне объяснимо, ибо христианство столетиями играет в западной культуре важную роль.

Впрочем, на семинарах по холотропному дыханию, проводившихся в Японии и Индии, мы также не раз наблюдали интенсивные отождествления с Иисусом. И происходило это с людьми, воспитанными в буддийской, синтоистской или индуистской среде. И напротив, во время психоделических и холотропных сеансов многие англо-саксонцы, славяне и евреи отождествляли себя с Шивой, Буддой, воскресшим египетским богом Осирисом, шумерской богиней Инанной или греческими божествами (Персефой, Дионисом, Аттисом и Адонисом). Еще более удивительным в данных обстоятельствах было отождествление с ацтекским божеством смерти и возрождения Кецалькоатлем, или Пернатым Змеем, либо с одним из героев-близнецов майяского эпоса "Пополь-Вух", поскольку эти божества на Западе широко известны.

Встречи с этими архетипическими персонажами производили большое впечатление и давали новую и подробную информацию, которая не зависела ни от расовой, культурной или образовательной среды данного индивида, ни от его прежних знаний о той или иной мифологии. Эти переживания, в зависимости от природы соответствующих божеств, сопровождались чрезвычайно сильными эмоциями - от блаженного экстаза до цепящего метафизического ужаса. Люди, пережившие такие видения, обычно взирали на эти архетипические фигуры с огромным трепетом и почтением, как на существ высшего порядка, наделенных невероятными энергиями и силой и способных формировать события в нашем материальном мире. Иными словами, западные созерцатели смотрели на этих божеств так же, как представители многих доиндустриальных культур, верившие в существование божеств и демонов.

Однако никто из индивидов, переживших встречи с архетипическими персонажами, не воспринимал их как встречи с высшим принципом Вселенной и не обретал чувства полного понимания бытия. Эти божества сами казались творениями некоей высшей, превосходящей силы. Такое прозрение созвучно идее мифолога Джозефа Кэмпбелла о том, что эти божества должны быть "прозрачны для трансцендентного". Они служат мостом к божественному источнику, но их не следует путать с ним. Занимаясь систематическим самоисследованием или духовной практикой, важно не впасть в заблуждение, не сделать какое-либо божество "непрозрачным" и не рассматривать его как абсолютную космическую силу, ибо скорее надо считать его окном в Абсолют.

Принятие архетипического образа за абсолютный источник творения ведет к идолопоклонству - а это ошибка опасная и сеющая раздоры, чему не счесть примеров в истории религии и культуры. Она объединяет людей с одинаковыми верованиями, но настраивает их против других людей, выбравших для себя иное представление о божественном. И тогда зачастую имеют место попытки обратить других в свою веру или покорить их и уничтожить. Напротив, подлинная религия универсальна, всеобъемлюща и всепримиряюща. Она обязана выйти за пределы архетипических образов, привязанных к той или иной культуре, и сосредоточиться на абсолютном источнике всех форм. Поэтому самой важной проблемой в мире религии является природа высшего принципа Вселенной. В следующем разделе мы рассмотрим такого рода прозрения, открывающиеся в холотропных состояниях сознания.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КОСМИЧЕСКИЙ ТВОРЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

*О пустота, в которой нет земли,
О пустота, в которой нет неба,
О туманное, бесполезное
пространство,*

Вечное и безвременное.

Стань миром, явись!

Таитянское сказание о творении

*Постигнув того Атмана, что
беззвучен, неосязаем, лишен образа, не*

*гибнет, а также лишен вкуса, вечен,
лишен запаха, без начала, без конца,
превыше великого, постоянен, [человек]
освобождается из пасти смерти.*

(Перевод А.Я. Сыркина)

АБСОЛЮТНОЕ СОЗНАНИЕ

После того как нам довелось непосредственно пережить духовные измерения реальности, мысль о том, что Вселенная, жизнь и сознание могли развиваться без участия высшего творческого разума представляется нам абсурдной, наивной и несостоятельной. Но, как мы видели, переживания одушевленной природы и встречи с архетипическими персонажами сами по себе не могут полностью удовлетворить наши духовные запросы. Поэтому в рассказах людей, с которыми работал, я искал упоминаний о таких состояниях сознания, которые воспринимались как достижение предельных рубежей человеческого духа. Я старался выяснить, какие именно переживания выражают ощущение встречи с высшим вселенским принципом.

Люди, у которых были переживания Абсолюта, полностью удовлетворившие их духовные искания, как правило, не видели никаких специфических фигуративных образов. Когда они чувствовали, что достигли цели своих мистических и философских поисков, их описания высшего принципа были чрезвычайно абстрактны и поразительно сходны. Всех, кто рассказывал о таком абсолютном откровении, объединяло удивительное сходство в эмпирических характеристиках этого состояния. Они говорили о переживании Высочайшего, которое превосходит все ограничения аналитического ума, все рациональные категории и все узкие места обычной логики.

Это переживание не было сковано обычными категориями трехмерного пространства и линейного времени, какие знакомы нам из повседневной жизни. Оно содержало в неразделимом сплаве все мыслимые полярности и тем самым превосходило дуальности любого вида. Раз за разом люди сравнивали Абсолют с сияющим источником света невообразимой силы, одновременно подчеркивая, что этот свет в некоторых аспектах значительно отличался от других форм света, известных нам в материальном мире. При описании Абсолюта как света полностью утрачивается ряд его сущностных характеристик, в частности тот факт, что он являет собой еще и огромное и непостижимое поле сознания, наделенное бесконечным разумом и созидательной силой.

Высший космический принцип можно переживать двояко. В одних случаях все границы личности растворяются или разом стираются, и мы полностью сливаемся воедино с божественным истоком, становясь неотличимыми от него. В других же случаях мы сохраняем чувство отдельной личности, выступая в роли изумленного наблюдателя, лицезреющего со стороны великую тайну бытия. Или подобно некоторым мистикам мы можем испытывать экстаз восхищенного любящего, переживающего встречу с Возлюбленным. Духовная литература всех эпох изобилует описаниями обоих типов переживаний Божественного. Суфии говорят, что мы сливаемся с Божественным, подобно тому как мотылек влетает в пламя и становится с ним един. Шри Рамана Махариши, индийский святой и визионер, в одном из своих духовных стихотворений пишет о "сахарной кукле, которая пошла к океану искупаться и полностью в нем растворилась". В противоположность этому испанская женщина-мистик св. Тереза Авильская, а также Руми, великий персидский поэт, воспевавший Запредельное, называют Бога Возлюбленным. Бхакты, индийские адепты йоги преданности, также предпочитают сохранять чувство своей отдельности от Божественного и связи с Ним. Они не хотят становиться сахарными куклами Шри Раманы Махариши, полностью теряющими свою индивидуальность в космическом океане. Однажды великий индийский святой и мистик Рамакришна выразительно заявил: "Я хочу попробовать сахар, но не хочу им становиться".

Люди, пережившие вышеописанное, знают, что они встретились с Богом. Однако большинство из них чувствуют, что термин "Бог" не передает адекватно глубину их переживания, так как традиционные религии и культуры исказили, упростили и дискредитировали его. Даже такие часто используемые понятия, как Абсолютное сознание и Вселенский разум, совершенно не способны адекватно описать огромное потрясение от подобной встречи. Некоторые считают, что переживание Абсолюта лучше всего выразить безмолвием. Для них вполне очевидно, что знающий молчит, а незнающий говорит. Высший принцип может непосредственно переживаться в холотропных состояниях

сознания, но не поддается никаким попыткам описать его или объяснить. Язык, которым мы пользуемся в повседневной жизни, просто неадекватен данной задаче. Люди, пережившие подобный опыт, как правило, согласны в том, что высший принцип невыразим, ибо слова и сама структура нашего языка совершенно не годятся для его описания, особенно если пытаешься донести это до человека, который не сталкивался ни с чем подобным.

В качестве примера таких откровений приведу рассказ Роберта, тридцатисемилетнего психиатра, но прошу учесть вышеупомянутые оговорки.

Это переживание началось внезапно и ярко. На меня обрушился космический гром невероятной мощи, который в один миг потряс и рассеял мою повседневную реальность. Я совершенно потерял контакт с окружающим миром - он исчез как по волшебству. Осознание моего каждодневного бытия, моей жизни, моего имени смутно, точно сновидение, брезжило где-то далеко, на периферии сознания. Роберт... Калифорния... Соединенные Штаты... планета Земля... Я усиленно пытался напомнить себе о существовании этих реальностей, но они вдруг утратили для меня всякий смысл. Архетипические видения божеств, демонов, мифологических сфер, которые преобладали в моих предыдущих переживаниях, на сей раз отсутствовали.

Теперь моей единственной реальностью была исполинская масса вращающейся энергии, которая как бы в совершенно абстрактной форме содержала все Бытие. Она была яркой, как мириады солнц, однако же никак не сопоставима со светом, известным мне из повседневной жизни. Казалось, я встретился с чистым сознанием, вселенским разумом и творческой энергией, которые выходили за рамки всех разграничений.

Это было беспредельное и предельное, божественное и демоническое, ужасающее и благостное, созидательное и разрушительное... и еще много больше. Увиденное не вмещалось ни в какие понятия и категории. Перед лицом такой мощи я был неспособен сохранить ощущение себя как отдельного существа. Моя обычная личность распалась и растворилась; я слился с Истоком воедино. Время вообще потеряло всякий смысл.

Позднее, оглядываясь назад, я пришел к выводу, что, по всей видимости, это было переживание дхармакайи - изначального чистого света, который, согласно тибетской "Книге мертвых" ("Бардо тодол"), открывается в момент смерти.

Встреча Роберта с Важнейшим длилась, если смотреть на часы, примерно двадцать минут, хотя в ходе ее время, как измерение, для него не существовало вообще. Переживая это состояние, Роберт не имел контакта с окружающей средой и был неспособен к вербальному общению. Затем он мало-помалу начал возвращаться к повседневной реальности. Вот что он пишет об этом:

Казалось, прошла вечность, и вот в поле моего переживания стали возникать конкретные, но как бы сновидческие образы и представления. Я начал ощущать, что где-то на самом деле существует некая Земля с большими континентами и различными странами, только все это казалось очень далеким и нереальным. Потом постепенно выкристаллизовывались образы Соединенных Штатов и Калифорнии, а позднее я соединился со своей обычной личностью и стал ощущать, как передо мной мелькают образы моей нынешней жизни. Поначалу контакт с этой реальностью был чрезвычайно слабым. Я даже подумал, что умираю и переживаю "бардо" - промежуточное состояние между теперешней жизнью и следующим воплощением, - описанное в тибетских текстах.

По мере восстановления контакта с обычной реальностью я достиг мгновения, когда мне стало ясно, что я останусь жив. Я лежал на кушетке, ощущая блаженство и трепет от того, что мне открылось. На фоне всего этого передо мной мелькали драматические ситуации, имевшие место в различных частях света в разные эпохи. Казалось, мне открывались сцены из моих прошлых воплощений, многие из них были полны опасности и страдания. Когда в этих переживаемых ситуациях мое тело испытывало боль и умирало, то сокращались и содрогались соответствующие группы мышц. Но хотя в моем

теле разыгрывалась моя кармическая история, сам я пребывал в состоянии глубокого блаженства, оставаясь абсолютно незатронутым этими драмами.

После этого в течение многих дней я с легкостью достигал в медитациях состояния покоя и безмятежности, и я уверен, что это переживание еще долго будет влиять на мою жизнь. Ведь невозможно испытать такое и не ощутить его преобразующего воздействия.

НАСЫЩЕННАЯ ПУСТОТА

Встреча с Абсолютным Сознанием или отождествление с ним не единственный способ пережить высший космический принцип, или абсолютную реальность. Второй тип переживаний, которые как будто бы удовлетворяют искателей окончательных ответов, особенно удивителен, ибо не имеет определенного содержания. Это отождествление с Космической Пустотой и Ничто, Небытием, которые описаны в мистической литературе просто как Пустота. Важно подчеркнуть, что отнюдь не все переживания пустотности с которыми мы можем столкнуться в необычных состояниях, можно назвать Пустотой. Люди очень часто используют этот термин, описывая неприятное ощущение отсутствия эмоций, инициативы или смысла. Чтобы это состояние заслуживало называться Пустотой, оно должно отвечать весьма особым критериям.

Когда мы сталкиваемся с Пустотой, мы ощущаем ее как изначальную пустотность космического масштаба. Мы становимся чистым сознанием, воспринимающим это абсолютное ничто, но в то же время испытываем парадоксальное ощущение его сущностной наполненности, насыщенности. Этот космический вакуум являет собой абсолютную полноту, ибо в нем, кажется, присутствует все. Он ничего не содержит в конкретной, явленной форме, но словно бы заключает в себе все бытие в его потенциальной форме. Вот таким парадоксальным образом мы можем выйти за пределы обычной дихотомии между пустотой и формой, или существованием и несуществованием. Однако возможность такого разрешения нельзя адекватно передать словами; постичь ее можно только в переживании.

Пустота превосходит обычные категории времени и пространства. Она неизменна и пребывает за пределами всех дихотомий и противоположностей, таких, как свет и тьма, добро и зло, покой и движение, микрокосм и макрокосм, муки и блаженство, единственность и множественность, форма и пустота и даже существование и несуществование. Некоторые называют ее Сверхкосмической или Метакосмической, указывая на то, что эта изначальная пустота, или небытие, представляет собой принцип, лежащий в основе известного нам феноменального мира и одновременно доминирующий над ним. Этот метафизический вакуум, насыщенный потенциалом всего сущего, есть колыбель всякого бытия, абсолютный исток жизни, а сотворение всех феноменальных миров, следовательно, есть реализация и конкретизация этого потенциала.

Когда мы переживаем Пустоту, у нас возникает чувство, что она, являясь истоком всего бытия, содержит в себе все творение. Иными словами, она представляет собой все бытие, ибо вне ее лона не существует ничего. В терминах наших обычных понятий и логических норм здесь как будто бы заключен ряд фундаментальных противоречий. Ведь не может не показаться абсурдом, что пустота содержит в себе мир феноменов, мир явлений, которые характеризуются прежде всего наличием формы. Аналогичным образом здравый смысл подсказывает, что творческий принцип и творение не могут быть одним и тем же и должны отличаться друг от друга. Однако необычная природа Пустоты выходит за пределы этих парадоксов.

В следующем примере описание переживания Космической пустоты дает Кристофер Бах, философ религии, который много лет занимался непрерывными духовными поисками.

Неожиданно внутри этого мира открылась безмерная Пустота. Для меня она проявилась как искривление моего визуального поля, словно туда поместили невидимую чашу, и все очертания загибались за ее края. Ничто не обрывалось и не разрушалось, но все вытягивалось и останавливалось, обнажая эту подспудную реальность. Казалось, Бог внезапно сделал паузу между вдохом и выдохом, и вся Вселенная, вместо того чтобы раствориться, повисла в вечности, где все остается на своих местах. В бытии разверзлась зияющая пропасть. Сначала у меня от этого ощущения перехватило дух - и в прямом, и в переносном смысле, - и я замер в ожидании, когда возобновится движение. Но движение не возобновилось. Я был в полном сознании, только завис в абсолютной неподвижности. Как долго это продолжалось, сказать

невозможно. Погруженный в это переживание, я осознал, что то была Пустота, из которой происходят все формы. Живая Неподвижность, дающая начало всему движению. Такое бессодержательное переживание концентрированного сознания, являющего собой до-форму и вне-форму, по всей видимости, было тем, что индийские философы называли "шуньята". Когда движение исподволь возобновилось и формы снова приняли прежний вид, вслед за Пустотой пришло отчетливое ощущение "таковости". Явившись из этой Пустоты, я соприкоснулся с гранями переживаемого существования, "такого, как оно есть".

В нескольких случаях людей, переживавших и Абсолютное Сознание и Пустоту, посещало прозрение, что два этих состояния, несмотря на свою кажущуюся эмпирическую несовместимость по сути тождественны и равнозначны. Эти люди, по их словам, наблюдали, как творческое Космическое Сознание возникало из Пустоты или, наоборот, возвращалось в Пустоту и исчезало в ней. Другие переживали эти два аспекта Абсолюта одновременно - отождествляясь с Космическим Сознанием и в то же время осознавая его сущностную пустоту.

Переживание Пустоты как источника творения также может быть связано с осознанием пустоты, лежащей в основе материального мира. Осознание пустоты повседневной реальности есть главная идея одного из самых важных духовных текстов махаянистского буддизма - "Сутры Сердца Совершенной Мудрости", или "Алмазной Сутры" (Праджняпарамита-сутра). Этот текст начинается с обращения Авалокитешвары к Шарипутре: "Форма есть пустота. Пустота есть форма. Форма не что иное, как пустота; а пустота нечто иное, как форма. <...> Подобно этому ощущения, восприятия, построения ума, сознание также суть пустота".

Любопытно, что понятие вакуума как заполненности и "насыщенной пустоты" существует и в современной физике. Поль Дирак, один из основоположников квантовой физики и "отец" антиматерии, описывает это следующим образом: "Вся материя сотворена из некоего тончайшего субстрата, и <...> творение материи оставляет в этом субстрате "дыру", которая проявляется как антиматерия. Описание данного субстрата как материального неадекватно, поскольку он однородно заполняет все пространство и не существует методов, какими его можно было бы обнаружить. Но именно он является той исключительной материальной формой ничто, из которой создана материя". Покойный американский физик Хайнц Пэйджелс (Pagels 1990) выразил эту мысль еще более отчетливо: "Современная физика утверждает, что вакуум - это первооснова всей физики. Все когда-либо существовавшее или могущее существовать уже присутствует в этом небытии пространства... и это небытие содержит в себе все бытие".

Проводя опыты с высоким ускорением элементарных частиц и их столкновениями, физики наблюдали возникновение из так называемого "динамического вакуума" новых субатомных частиц и их возврат в эту матрицу. Разумеется, сходство здесь только частичное и заходит не слишком далеко. Вопрос космического творения не ограничивается происхождением фундаментальных строительных блоков материи. Он содержит важные аспекты, выходящие за пределы компетенции физики, например проблему происхождения форм, порядка, законов и смысла. Что же до Пустоты, которую мы способны переживать в холотропных состояниях, то она, как представляется, есть не только сырье для феноменального мира, но и отвечает за все аспекты творения.

Все происходящее в нашей повседневной жизни включает сложные цепи причин и следствий. Допущение строгой линейной причинности является для традиционной западной науки необходимой предпосылкой. Еще одна фундаментальная характеристика материальной реальности заключается в том, что все процессы в нашем мире протекают согласно закону сохранения энергии. Энергия не может быть создана или уничтожена, она может быть только преобразована в другие формы. Такой подход, казалось бы, адекватен для большинства событий макромира. Однако он отказывает, когда мы прослеживаем причинно-следственные цепочки вспять, к истокам Вселенной. Применяя этот подход к процессу космического творения, мы сталкиваемся с огромными проблемами: если все причинно обусловлено, то какова первоначальная причина - причина причин, или перводвигатель? Если энергия должна сохраняться, то откуда она пришла изначально? Каково происхождение материи, пространства и времени?

Вряд ли можно принять в качестве адекватного рационального объяснения глубочайшей тайны бытия популярную ныне космогенетическую теорию "Большого взрыва", гласящую, что материя, время и пространство были одновременно сотворены из лишенной измерений "сингулярности" около пятнадцати миллиардов лет назад. И вообще, у нас в голове не укладывается, что удовлетворительный ответ на этот вопрос может быть каким угодно, только не рациональным. Однако характер и порядок решения этих вопросов в трансцендентных переживаниях совершенно иные. Переживая Абсолютное Сознание, Пустоту и их взаимосвязь, мы получаем возможность выйти за пределы парадоксов, которые ставят в тупик ученых, теоретизирующих по поводу материальной Вселенной, управляемой причинностью и механическими законами. Холотропные состояния могут дать удовлетворительные ответы на все эти вопросы и парадоксы, только ответы эти продиктованы не логикой, а носят эмпирический и трансрациональный характер.

Когда мы переживаем переход от Пустоты к Абсолютному Сознанию или наоборот, у нас не возникает ощущения абсурдности, которое мы испытывали бы в обычном состоянии сознания, рассматривая возможность происхождения чего-то из ничего или, наоборот, бесследного исчезновения в ничто. Напротив, здесь присутствует ощущение самоочевидности, простоты и естественности процесса, и эмпирические прозрения сопровождаются чувством внезапного прояснения, или реакцией: "ну да, конечно". Поскольку на этом уровне материальный мир видится как выражение Абсолютного Сознания, которое, в свою очередь, воспринимается как равнозначное Пустоте, трансцендентальные переживания такого рода дают неожиданное разрешение самых трудных и неотступных проблем, занимающих рациональный ум.

Что касается истока бытия, то в этом пункте прозрения людей, переживших необычные состояния, обнаруживают разительное сходство с прозрениями вечной философии. Я уже приводил описание космической пустоты, данное в Праздникапарамита-сутре. А вот фрагмент древнего произведения "Дао-дэ цзин", написанного китайским мудрецом Лао-цзы.

*Прежде чем родилась Вселенная,
было нечто бесформенное и совершенное.
Оно безмятежно. Пусто.
Единично. Неизменно.
Бесконечно. Существует вечно.
Оно - мать Вселенной.
Не ведая лучшего названия,
я назову его Дао, Путь.
Оно протекает через все сущее,
внутри и снаружи, и возвращается
к истоку всего сущего.*

А вот что сказал об источнике творения Руми, персидский провидец и поэт-мистик XIII века: "Небытие нетерпеливо кипит, ожидая возможности стать бытием... Ибо кладезь и сокровищница творения Божьего есть не что иное, как небытие, обретающее явленность". Здесь хотелось бы привести для сравнения еще два фрагмента из иудейской мистической традиции. Вот что говорит каббалист XIII века Азриель Геройский: "Возможно, вас спросят: "Как Бог из небытия сделал бытие? Неужели нет огромной разницы между бытием и небытием?" Ответ на это таков: "Бытие присутствует в небытии, выражаясь в форме небытия, а небытие присутствует в бытии, выражаясь в форме бытия". Небытие есть бытие, а бытие есть небытие". А каббалист XIV века Давид Бен Авраам хе-Лаван пишет: "Айин, Небытие, является более существующим, чем все, что существует на свете. Но поскольку оно просто, а все самое простое по сравнению с самой простотой сложно, то оно зовется Айин". По утверждению же христианского мистика Мейстера Экхарта, "Небытие Бога наполняет весь мир: Он пребывает везде и нигде".

СЛОВА ДЛЯ НЕВЫРАЗИМОГО

Откровения относительно абсолютных реальностей, переживаемых в мистических состояниях сознания, невозможно адекватно выразить нашим обычным языком. Лао-цзы описал понимание этого факта предельно кратко: "Путь, что может быть "Путь", не есть вечный Путь. Имя, что может быть "Имя", не есть вечное имя". Любые описания и определения должны опираться на слова, разработанные для обозначения объектов и действий в материальном мире повседневной реальности. По этой причине, когда мы хотим

поведать о переживаниях и прозрениях, посетивших нас в холотропных состояниях сознания, обычный язык оказывается несостоятельным и неадекватным. Это особенно справедливо, когда наши переживания сосредоточиваются на абсолютных проблемах бытия, таких, как Пустота, Абсолютное Сознание и творение.

Люди, знакомые с восточными философскими учениями, при описании духовного опыта и прозрений часто обращаются к словам из различных азиатских языков. Для описания высоких запредельных состояний они используют санскритские, тибетские, китайские или японские термины, такие, как *самадхи* (единение с Богом), *шуньята* (Пустота), *кундалини* (змеиная сила), *бардо* (промежуточное состояние после смерти), *анатта* (не-я), *сатори* (переживание просветления), *нирвана*, *энергия ци*, или *ки*, и *Дао*, а говоря о повседневной реальности, такие слова, как *сансара* (мир рождений и смертей), *майя* (мировая иллюзия), *авидья* (неведение) и т.д. Азиатские языки развивались в культурах, где необычным состояниям сознания и духовным реальностям уделялось особое внимание. В отличие от западных языков в них содержится множество терминов, описывающих тонкости мистических переживаний и сопутствующие им аспекты. Однако и эти слова целиком и полностью способен понять только тот, кто имел соответствующие переживания.

Для передачи сути духовных переживаний и описания трансцендентных реальностей более адекватным и подходящим, хотя и далеко не совершенным средством является поэзия. Поэтому для выражения мистических прозрений многие великие провидцы и религиозные учителя обращались именно к поэзии. Многие люди, с которыми я работал, вспоминали и цитировали фрагменты из произведений различных поэтов, воспевающих Запредельное. Часто они говорили, что после собственных мистических переживаний провидческие стихи, прежде непонятные и даже неинтересные, внезапно обрели ясность и наполнились новым смыслом.

Среди людей, увлеченных духовными поисками, особенно популярны поэты-трансценденталисты Среднего Востока, такие, мистики, как Омар Хайям, Руми и Халиль Джебран, а также индийские визионеры: Кабир, принцесса Мира Баи и Шри Ауробиндо. В качестве примера я выбрал стихотворение Кабира - индийского мудреца XV века, сына ткача-мусульманина из Бенареса. За свою долгую двадцатилетнюю жизнь Кабир собрал в своем творчестве все лучшее из индуистской и суфийской традиции и выразил свою духовную мудрость в восторженных стихах. Приведенное (в подстрочнике) стихотворение отражает параллели между круговоротом воды в природе и процессом творения, описанным в следующем разделе данной книги:

*Я размышлял о различии
между водой и волнами, что ее колеблют.
Вздымаясь, вода остается водой,
и, опадая, она тоже вода.
Подскажи мне, как их тогда различить?*

*Не потому ли, что некто выдумал слово "волна",
я должен отличать ее от воды?*

*Незримый Единый Бог присутствует в каждом из нас,
и планеты всех галактик, словно бусины четок,
скользят сквозь Его пальцы.*

*Нить бусин - вот на что ты должен взглянуть
ясным взором.*

На Западе тоже есть богатая традиция визионерческой поэзии, представленная такими именами, как Уильям Блейк, Райнер Мария Рильке, Д. Г. Лоуренс, Уолт Уитмен, Уильям Батлер Йитс и др. Люди, пережившие мистические состояния, часто ссылаются на этих поэтов и декламируют вслух отрывки из их произведений. Приведу здесь часто цитируемое стихотворение Уильяма Блейка, схватывающее тайну вездесущего божественного:

*В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир - в зерне песка,
В единой горсти - бесконечность*

И небо - в чашечке цветка.

(Перевод С.Я. Маршака)

ЗАПРЕДЕЛЬНОЕ ВНУТРИ

В систематической духовной практике, включающей холотропные состояния сознания, мы можем снова и снова выходить за обычные границы тела-эго и отождествляться с другими людьми, животными, растениями или неорганическими аспектами природы, а также с различными архетипическими существами. При этом мы обнаруживаем, что любые границы в материальной Вселенной и в других реальностях совершенно произвольны и условны. Отбросив ограничения рационального ума и оковы здравого смысла и привычной логики, мы способны преодолеть множество разделительных барьеров, расширяя наше сознание до невообразимых масштабов и в конечном итоге переживая единство и тождество с трансцендентным источником всего бытия.

Когда мы достигаем эмпирического отождествления с Абсолютным Сознанием, мы осознаем, что наше собственное бытие полностью соизмеримо со всей Вселенной, со всем бытием. Это узнавание нашей божественной природы, нашей тождественности с космическим истоком есть самое важное открытие из всех, какие мы можем сделать в ходе углубленного самоисследования. Именно в этом заключается суть "тат твам аси" - знаменитого утверждения из "Упанишад", древних индийских писаний. Буквальный перевод данной фразы - "ты есть то", что означает "твоя природа божественна" или "ты - Божественное". Здесь обнаруживается, что наше повседневное отождествление с "эго в капсуле из кожи", воплощенным индивидуальным сознанием, или "именем и формой" (*намарупа*) является иллюзией и что истинная наша природа - природа космической творческой энергии (Атман-Брахман).

Это откровение касательно тождественности человека и божественного есть та первичная тайна, что лежит в основе всех великих духовных традиций, хотя и выражается в них по-разному. Я уже упоминал, что в индуизме Атман - индивидуальное сознание и Брахман - вселенское сознание, суть одно. В каких бы вариантах последователи сиддха-йоги ни трактовали основное положение своей школы, суть его остается следующей: "Бог пребывает в тебе таким, каков ты есть". В буддийских текстах можно прочитать: "Загляни внутрь себя, ты есть Будда". Конфуцианская традиция гласит, что "небеса, земля и человек суть единое тело".

То же самое мы находим и в словах Иисуса Христа: "Я и Отец - одно" (Ин. 10, 30), а св. Григорий Палама, один из крупнейших богословов Православной Церкви, писал: "Ибо Царствие Небесное, более того, Царь наш Небесный... внутри нас". Подобно этому, великий иудейский мудрец, каббалист Авраам бен Шемуэл Абулафия учил, что "Он и мы - одно". Согласно Мохаммеду, "тот, кто знает себя, знает своего Бога". Мансур ал-Халладж, суфийский пророк и поэт, известный как "мученик мистической любви", пишет так: "Я узрел Господа моего Оком Сердца. Я спросил: "Кто ты?" Он ответил: "Ты сам"". За свое утверждение "Ана'л Хакк", что означает "Я есмь Бог, Абсолютная Истина, Истинная Реальность", ал-Халладж был брошен в тюрьму и приговорен к смерти.

БОЖЕСТВЕННОЕ И ЕГО ТВОРЕНИЕ

Теперь мы можем подвести итог сказанному о прозрениях относительно творческого принципа, природы реальности и нашей собственной природы, открывающихся в холотропных состояниях сознания. Как мы видели, эти прозрения повторяют идеи великих духовных традиций мира и наводят на мысль, что мир плотной материи, характеризуемый трехмерным пространством, линейным временем и неумолимой причинностью и переживаемый нами в обычных состояниях сознания, сам по себе не имеет независимого существования. Он не есть единственная истинная реальность, каковым его изображает материалистическая наука, он - творение Абсолютного Сознания.

В свете этих прозрений материальный мир нашей повседневной жизни, в том числе и наше тело, представляется сложным переплетением неправильных восприятий и толкований. Это забавный и до некоторой степени случайный продукт космического творческого принципа, бесконечно изощренная "виртуальная реальность", божественная игра, созданная Абсолютным Сознанием и Космической Пустотой. Наша Вселенная, содержащая мириады отдельных существ и элементов, по своей глубочайшей природе

является одним-единственным существом исполинских размеров и невообразимой сложности.

То же справедливо для всех других измерений и сфер бытия, какие мы можем обнаружить в холотропных состояниях сознания. Поскольку между психикой индивида, любой частью творения и самим космическим принципом нет абсолютных границ, то каждый из нас абсолютно тождествен с божественным источником творения. Таким образом, мы - коллективно и индивидуально - суть и драматурги, и актеры в этой космической драме. И поскольку мы в истинной своей природе тождественны с космическим творческим принципом, мы не можем утолить наши стремления какими бы то ни было средствами материального мира. Ничто не способно удовлетворить наши глубочайшие чаяния, кроме переживания мистического единства с божественным источником.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОЦЕСС ТВОРЕНИЯ

*Как равные друг другу искры тысячами
возникают из пылающего огня, так,
дорогой мой, разные творения возникают
из непреходящего и вновь возвращаются в
него.*

*Мундака-упанишада, II, 1
(Перевод М. Хельзиг)*

*Веревка останется одна, даже если
завязать на ней сотню узлов.*

Руми

МИСТЕРИЯ ТВОРЧЕСКОГО ИМПУЛЬСА

Понимание, что все феноменальные миры, включая наш материальный план, суть виртуальные реальности, созданные Абсолютным Сознанием, выдвигает ряд очень интересных вопросов. Для индивида слияние и единство с космическим творческим принципом, описанное в предыдущем разделе, - опыт весьма необычный и желанный. Достижение этого состояния во многих духовных традициях считается конечной целью духовного пути. Однако те, кто действительно обретает единство с Вселенским Разумом, понимают, что ситуация намного сложнее.

Эти люди обнаруживают, что то, что они полагали целью своего духовного пути, есть также источник творения. Им становится ясно, что для сотворения феноменальных миров Божественное должно оставить свое первородное состояние изначального неделимого единства. Учитывая, сколь фантастично для человека переживание тождества с Абсолютным Сознанием, кажется странным, что для творческого принципа мало просто пережить самого себя, что он должен искать этому некую альтернативу или по крайней мере дополнение. Отсюда естественно вытекает вопрос о природе тех сил, которые вынуждают Абсолютное Сознание оставить его изначальное состояние и вступить в процесс творения эмпирических реальностей, подобных миру, в котором мы живем. Что могло побудить Божественное искать разделения, боли, борьбы, несовершенства и непостоянства - словом, именно тех состояний, которых мы пытаемся избежать, отправляясь в духовное путешествие?

Люди, в ходе самоисследования достигающие тождества с Абсолютным Сознанием, часто испытывают поразительные прозрения в динамику творения. Прежде чем анализировать эти прозрения, важно вновь напомнить, что холотропные состояния вообще, а равно переживания, включающие трансцендентные уровни восприятия в частности, передать словами почти невозможно. Какими бы интересными, вдохновляющими или дающими почву для размышлений ни казались описания таких прозрений, мы не должны ожидать от них логических объяснений, которые полностью удовлетворят наш рационалистический ум. Поскольку возможности нашего интеллекта изначальны ограничены, попытки понять "причины" или "побуждения" творения никогда не приведут к удовлетворительному результату. Разум - неадекватный инструмент для анализа трансцендентных измерений

бытия и принципов, действующих на очень высоком метафизическом уровне. В конечном итоге истинное понимание этих вопросов возможно только посредством прямого личного переживания.

Рассказывая о переживаниях тождества с Божественным, люди неспособны избежать антропоцентрического взгляда и преодолеть языковые ограничения. Поэтому они зачастую описывают творческий импульс Абсолютного Сознания в терминах конкретных психологических состояний, известных в повседневной жизни, таких, как любовь, страстное стремление или одиночество. Однако, стараясь обозначить, что эти слова выражают не обычные человеческие чувства и состояния, но их трансцендентные аналоги, или "высшие октавы", авторы обычно пишут их с заглавной буквы. Психиатрам такая практика хорошо знакома: так поступают пациенты, когда пытаются описать свои переживания необычных откровений, касающихся трансцендентных аспектов.

Рассказы людей, которые в холотропных состояниях имели прозрения в "побуждение" божественного творческого принципа к порождению эмпирических миров, содержат любопытные противоречия. Одна из групп таких прозрений подчеркивает фантастические ресурсы и неисчерпаемые возможности Абсолютного Сознания. Другая группа наводит на мысль, что в процессе творения Абсолютное Сознание ищет что-то, чего ему недостает в изначальном, девственном состоянии. В холотропных состояниях эти две, казалось бы, противоположные позиции не противоречат друг другу и с легкостью сосуществуют.

БОЖЕСТВЕННЫЙ РОГ ИЗОБИЛИЯ

Побуждение к творению зачастую изображают как стихийную первозданную силу, которая отражает невообразимое внутреннее богатство и изобилие Божественного. Космический источник творения настолько огромен и преисполнен неограниченных возможностей, что не может пребывать в себе и должен выразить весь свой скрытый потенциал. Переживание данного качества Абсолютного Сознания иногда сравнивают с рассматриваемыми крупным планом термоядерными процессами на Солнце, которое для нашей планеты служит животворным началом и источником энергии. Люди, пережившие такой опыт, видят в Солнце самое непосредственное из всех выражений божественного, какие можно переживать в материальном мире, и им становится понятно, почему во многих культурах Солнце почитали как Бога.

Однако эти люди обычно подчеркивают, что это сходство не следует понимать слишком буквально, поскольку между Солнцем астрономическим и Солнцем Космическим - творческим принципом, лежащим в основе творения, существуют важные различия. Физическое Солнце только лишь снабжает жизненные процессы необходимой энергией, тогда как божественный источник привносит в творение Логос, создавая порядок, формы и смысл. Но все же в нашей повседневной жизни наблюдение за солнцем представляется самым точным приближением к переживанию божественного источника творения, имеющему место в холотропном состоянии.

В других описаниях подчеркивается неодолимое желание Вселенского Разума познать себя, исследовать и испытать весь свой потенциал. И осуществить это он может только путем экстерниоризации всех своих скрытых возможностей, т. е. в форме конкретного акта творения, для чего требуется разделение на субъект и объект, дихотомия наблюдателя и наблюдаемого. Такие прозрения напоминают толкования процесса творения в некоторых каббалистических текстах, где говорится, что некогда было состояние небытия, когда "Бог не видел Лица своего", и причиной творения стало то, что "Бог возжелал узреть Бога". А вот что писал об этом великий персидский мистик Джалаледдин Руми: "Я был Тайным Сокровищем, и потому возжелал, чтобы меня узнали... Я создал всю Вселенную, ибо цель моя была - сделать Себя явным..." (Hines 1996).

В описаниях процесса творения часто подчеркивается присутствие в нем ряда важных дополнительных измерений, а именно шаловливость Творца, его наслаждение собой и космический юмор. Эти элементы лучше всего описаны в древних индуистских текстах, где рассказывается о Вселенной и о бытии как о лиле, или Божественной Игре. Согласно этой точке зрения, творение - это замысловатая, чрезвычайно сложная космическая игра, которую бог Брахма творит по своей воле и внутри себя. Он - драматург, задумавший игру, а равно ее режиссер-постановщик и все актеры, играющие несчетное множество ролей.

Эта космическая игра игр имеет невообразимые масштабы и многие уровни и измерения. Творение можно также рассматривать как исполинский эксперимент, выражающий безмерную любознательность Космического Сознания - ту страсть, которая подобна

одержимости ученого, посвящающего исследованиям всю свою жизнь. Однако космический эксперимент, конечно же, несравненно сложнее любого коллективного замысла всех ученых мира. Все замечательные открытия науки, простирающиеся как в микромир, так и в отдаленные области Вселенной, лишь легкие царапины на поверхности непостижимой загадки бытия. Наука, какой мы ее знаем, лишь все более рафинированными способами исследует природу и содержание конечных продуктов творения, но не раскрывает суть таинственных процессов, лежащих в основе творения и двигающих его вперед.

В необычных состояниях постоянно возникает вопрос о том, в какой мере Божественное контролирует процесс творения. Именно с этой проблемой часто сталкивался Альберт Эйнштейн. Вот что он говорил по этому поводу: "Вот что меня действительно интересует: обладал ли Бог свободой выбора, когда творил мир?" Люди, достигавшие прозрений такого уровня, отвечают на этот вопрос по-разному. Иногда кажется, что Абсолютное Сознание полностью контролирует творение - и в целом, и во всех деталях. В этом случае какие-либо неожиданности в космической игре происходят только с отдельными участниками, причем вследствие того, что завеса неведения неожиданно поднимается и перед ними предстают прежде скрытые важные аспекты божественного знания.

Порой люди, переживающие холотропные состояния, начинают понимать, что этому сценарию есть существенная альтернатива: возможно, что четко определены только основные параметры творения, но в подробностях конечный результат остается непредсказуем даже для Божественного. Эта последняя модель космической игры сравнима с калейдоскопом или игрой в шахматы. Изобретатель калейдоскопа явно сознавал, что в результате вращения трубки, содержащей расположенные особым образом зеркала и кусочки цветного стекла, получатся красивые меняющиеся изображения. Однако он скорее всего не предвидел всех комбинаций, которые могут возникнуть в процессе использования этого прибора.

Точно так же изобретатель шахмат мог знать общий потенциал игры, где фигуры, согласно своим назначенным ролям, должны передвигаться по доске с шестидесятью четырьмя черными и белыми клетками. Однако что касается конкретных игровых ситуаций, то здесь, вне всякого сомнения, невозможно предвидеть все несметное число вариантов. Разумеется, сложность творения бесконечно грандиознее, чем калейдоскоп или игра в шахматы. И хотя интеллект Космического Сознания безмерен, вполне допустимо, что космическая драма может выйти из-под его контроля и развернуться самым неожиданным образом.

Это тесно связано с вопросом о нашей роли в космической драме. Если вселенский сценарий написан Божественным Разумом во всех подробностях, то он не оставляет нам, индивидам, возможности активного творческого участия. Все, что мы можем сделать, - это пробудиться к пониманию того факта, что в прошлом наша жизнь была ненастоящей, ибо мы неправильно представляли себе основополагающие аспекты бытия и нашу собственную природу. Однако, если определенные аспекты развития непредсказуемы даже для Божественного, различные нежелательные тенденции, например текущий глобальный кризис, могут потребовать нашего вмешательства. В таком случае мы могли бы поистине стать для Абсолютного Сознания в его божественной игре активными участниками и ценными партнерами.

Некоторые люди, пережившие прозрения относительно "побуждений" к творению, подчеркивают также его эстетическую сторону. В повседневной жизни нас зачастую восхищает не только красота человеческих творений - произведений искусства и архитектурных памятников, - но и красота, присущая Вселенной и природе. В холотропных состояниях способность оценить эстетическую сторону различных аспектов бытия намного возрастает. Говоря словами Уильяма Блейка, когда "двери восприятия очищены", трудно не заметить удивительной красоты творения. С этой позиции Вселенная, в которой мы живем, а также все эмпирические реальности в других измерениях также видятся совершеннейшими произведениями искусства, а побуждение творить их можно уподобить вдохновению и творческому энтузиазму величайшего художника.

БОЖЕСТВЕННАЯ ТОСКА

Как я упоминал ранее, в прозрениях относительно сил, лежащих в основе творения, иногда открываются "мотивы", отличные от описанных выше и, казалось бы, им противоречащие. Они отражают не щедрое изобилие, богатство, полную самодостаточность и мастерство космического творческого начала, а определенное чувство недостаточности,

нужды или потребности. Например, можно обнаружить, что Абсолютное Сознание, несмотря на безграничность и совершенство своего состояния бытия, чувствует свое одиночество. Это Одиночество находит выражение в беспредельной жажде партнерства, общения и соучастия - своего рода Божественной Тоске. Самая мощная сила, стоящая за творением, описывается тогда как потребность творческого начала в даянии и получении Любви.

Порой рассказывают и еще об одном важном измерении процесса творения - об изначальном стремлении божественного истока к переживанию осязаемого материального мира. Согласно этим прозрениям, Дух испытывает глубочайшее желание пережить то, что противоположно и полярно его природе. Он хочет исследовать все качества, которыми не обладает в своем изначальном состоянии, и стать всем тем, чем не является. Вечный, бесконечный, неограниченный и бесплотный, он тоскует по эфемерному, бренному, ограниченному пространством и временем, плотному и материальному. Эта динамическая связь между духом и материей отражена в ацтекской мифологии как напряженность между двумя божествами - Тескатлипокой (Дымящимся Зеркалом), символизирующим материю, и Кецалькоатлем (Пернатым Змеем), представляющим дух.

Понимание активной роли сознания в процессе творения необязательно ограничивается религией, философией и мифологией. Как утверждают современные физики, акт сознательного наблюдения превращает вероятность определенных событий в реальность, участвуя таким образом в процессе творения материальной действительности. Физик Фред Алан Вулф в одной из своих лекций, посвященных философским и духовным аспектам квантово-релятивистской физики, упоминал об активной роли сознания в творении материального мира. Размышляя о механизмах, лежащих в основе этого процесса, он высказал предположение, что окончательной причиной сотворения материального мира могла быть склонность сознания и духа к переживанию материи. По всей видимости, в повседневной жизни именно стремление духа к материи является глубочайшим корнем всех человеческих привязанностей и склонностей.

Еще один "мотив" творения, о котором в данном случае упоминают, - это элемент Однообразия. Насколько безмерным и фантастичным представляется человеку переживание божественного, настолько для самого божественного оно всегда одинаково и однообразно. В этом случае творение можно рассматривать как титаническое усилие, выражающее трансцендентную тоску по изменению, действию, движению, драме и удивлению. Бесчисленные эмпирические реальности в различных измерениях и на различных уровнях предоставляют неограниченные возможности для божественных приключений и забав. В крайних формах творение описывается как акт, нацеленный на преодоление монотонности недифференцированного Абсолютного Сознания и даже на преодоление Космической Скуки. Это опять-таки отражено в средневековых каббалистических текстах, согласно которым одной из причин сотворения Богом Вселенной было преодоление скуки.

Творение различных феноменальных миров дает Абсолютному Сознанию и возможность уйти от невыносимого Вечного Здесь и Сейчас в утешительное и предсказуемое переживание линейного времени, ограниченного пространства и непостоянства. В таком случае это прямая противоположность и зеркальное отражение человеческого страха смерти и непостоянства, лежащего в основе нашей глубинной жажды бессмертия и стремления к запредельному. Для людей, переживших подобный опыт, угроза исчезновения сознания может навсегда смениться осознанием того, что в конечном счете сознание никуда не исчезает.

Все, кому посчастливилось пережить такие глубокие проникновения в суть космической лаборатории творения, как будто бы согласны, что никакие описания этого уровня реальности не отражают должным образом то, чему они были свидетелями. Монументальный импульс невообразимых масштабов, влекущий за собой творение феноменальных миров, по всей видимости, содержит все вышеуказанные элементы, какими бы противоречивыми и парадоксальными они ни казались нашему здравому смыслу, а также множество других элементов. Ясно, что, при всех наших стараниях постичь и описать творение природа творческого начала и процесса творения остается окутанной непостижимой тайной.

Помимо откровений относительно "причин" творения в холотропных состояниях людей нередко посещают яркие прозрения, касающиеся особых движущих сил и механизмов процесса творения. Их относят к "технологии сознания", которая порождает переживания с различными чувственными характеристиками и, оформляя их в некую систему, создает виртуальные реальности. И хотя описания этих прозрений различаются в подробностях, языке и метафорах, используемых для их описания, в них четко выделяются два взаимосвязанных и взаимодополняющих элемента, которые вовлечены в творение феноменальных миров.

Первый - это деятельность, раскалывающая первородное недифференцируемое единство Абсолютного Сознания на все возрастающее число производных единиц сознания. Вселенский Разум вовлекается в творческую игру, включающую сложные последовательности разделений, расчленений и различий. В результате образуются эмпирические миры, содержащие несчетное множество отдельных сущностей, наделенных особыми формами сознания, ряд из которых осознает себя. По общему мнению, все это приходит к существованию путем многократного деления и подразделение изначально неделимого поля космического сознания. Таким образом, божественное ничего не создает вне себя, оно творит из себя, преображая то, что находится в нем самом.

Вторым важным элементом в процессе творения является уникальная форма "перегородки", или изолирующего "космического экрана", посредством которого дочерние сознательные сущности все больше утрачивают контакт со своим первородным истоком, а следовательно, и осознание своей изначальной природы. Они также развивают чувство индивидуальной личности и абсолютной отделенности друг от друга. На заключительных стадиях данного процесса между этими расщепленными единицами существуют неосязаемые, но относительно непроницаемые перегородки, которые присутствуют также между каждой из этих единиц и первородным, недифференцируемым резервуаром Вселенского Разума. Важно подчеркнуть, что это ощущение отделенности чисто субъективно и в конечном счете иллюзорно. На более глубоком уровне в основе всего творения по-прежнему остается неделимое и недифференцируемое единство.

Вышеупомянутые термины - "перегородки" и "космический экран" - в данном контексте не вполне годятся, поскольку они предполагают механическое разделение элементов и дробление целого на части. Такие конкретные образы куда больше подходят не для движущих сил, о которых идет речь, но для ремесел, имеющих дело с различными материалами, например для каменщицкого или плотницкого дела. Вот почему многие люди заимствуют термины из психологии и сравнивают данный процесс с такими механизмами, как забвение, вытеснение или диссоциация. Мы говорим здесь о явлении, которое писатель и философ Алан Уоттс назвал "запрет на знание о том, кто ты есть". Как показывают прозрения в различных холотропных состояниях, эти отколовшиеся единицы сознания необязательно люди и животные, это и растения, и элементы неорганического мира, и развоплощенные сущности, и архетипические существа.

Отношения между Абсолютным Разумом и его частями весьма уникальны и сложны и не могут истолковываться в терминах общепринятого мышления и обычной логики. Здравый смысл подсказывает нам, что часть не может одновременно являться целым и что целое как набор частей должно быть больше любого своего компонента. Поскольку же целое представляет собой набор своих составляющих, то мы наверняка сможем разобраться в нем, изучая эти составляющие. До недавнего времени таково и было одно из фундаментальных допущений западной науки. Вдобавок в контексте целого эти части должны иметь определенное расположение и занимать определенную часть его полного размера. Все сказанное выше об отношении целого к его частям кажется очевидным и справедливым в нашей повседневной жизни, но ни одно из этих свойств и ограничений не применимо к космической игре в абсолютном смысле.

В структуре Вселенной отдельные единицы сознания, невзирая на их индивидуальность и особые различия, сохраняют на другом уровне сущностную тождественность своему источнику, а также друг другу. Парадоксальность их природы заключается в том, что они одновременно являют собой как целое, так и его части. Информация о каждой из таких единиц распределена по всему космическому полю, а они, в свою очередь, имеют потенциальный доступ к информации о творении. Это, очевидно, касается людей, поскольку мы имеем возможность непосредственно наблюдать эти отношения в виде целого спектра трансперсональных переживаний.

В трансперсональных состояниях мы способны ощущать себя и некой частью творения, и самим творческим принципом. То же справедливо и для других людей, которые могут ощущать себя и собой, и кем-то иным, в том числе и для нас самих. В этом смысле каждое человеческое существо есть не только малая составная часть Вселенной, но и целое поле творения. Подобная взаимосвязь, по всей видимости, существует и в царстве животных и растений, и даже в неорганическом мире. Именно в этом направлении указывают наблюдения, касающиеся эволюции видов и различных парадоксов квантовой физики.

Данная ситуация напоминает описания, приведенные в древнеиндийских духовных системах, в частности в джайнизме и в буддийской Аватамсака-сутре. Согласно космологии джайнов, сотворенный мир представляет собой бесконечно сложную систему единиц омраченного сознания, или *джива*, пребывающих на различных стадиях и во множестве аспектов космического процесса. Их первородная природа загрязнена вовлеченностью в материальную реальность, особенно в биологические процессы. Джайны связывают *дживы* не только с органическими формами жизни, но и с неорганическими объектами и процессами. Каждый *джива* вопреки своей кажущейся отдельности остается связан с другими *дживами* и содержит знание о них о всех.

В Аватамсака-сутре для иллюстрации взаимосвязи всех вещей, использован красивый поэтический образ - ожерелье ведического бога Индры: "Говорят, на небесах Индры есть нитка жемчужин, расположенных таким образом, что если взглянешь на одну из них, то увидишь в ней отражения всех остальных. Точно так же всякая вещь в этом мире не просто сама эта вещь, но она включает в себя всякую другую вещь и на самом деле является всем остальным". Схожие концепции можно обнаружить в буддийской школе хуаянь, являющейся древнекитайской версией того же учения. Хуаянь - холистическое видение Вселенной, воплощающее одно из самых глубоких прозрений, какие когда-либо посещали человеческий ум. Сущность этой философии можно вкратце выразить в нескольких словах: "Одно в Одном, Одно во Многом, Многое в Одном, Многое во Многом". Это понятие космического взаимопроникновения, характерное для данной школы, прекрасно отражено в следующей истории.

Императрица У, которая никак не могла понять тонкостей философии хуаянь, как-то попросила Фацзана, одного из основоположников этой школы, привести какой-нибудь простой пример космической взаимосвязанности. Фацзан привел ее в большой зал, всю внутренность которого - стены, потолок и пол - покрывали зеркала. Он зажег свечу, повесил ее в центре зала к потолку - и в тот же миг и он сам, и императрица У оказалась в окружении несметного числа зажженных свечей разного размера, достигающих бесконечности. Вот таким образом Фацзан проиллюстрировал связь Одного и Многого.

Затем он поместил в центр зала маленький кристалл со множеством граней. Все, что окружало кристалл, включая бесчисленные образы свечей, теперь собралось и отразилось внутри этого маленького сверкающего камня. Таким образом Фацзан сумел показать, как в Абсолютной Реальности бесконечно малое содержит бесконечно большое, а бесконечно большое - бесконечно малое, причем без искажений. Проделав это, он подчеркнул, что показал лишь статическую модель, которая на самом деле весьма ограничена и несовершенна. Она неспособна охватить вечное многомерное движение во Вселенной, беспрепятственное взаимопроникновение Времени и Вечности, а также прошлое, настоящее и будущее.

МЕТАФОРЫ ДЛЯ ТВОРЕНИЯ

Людям, пережившим в холотропных состояниях динамику космического творческого процесса и пытающимся описать свои наблюдения, часто недостает средств адекватного словесного выражения. Поэтому они обращаются к различным символическим образам, метафорам и параллелям из повседневной жизни в надежде, что это поможет проиллюстрировать и передать их переживания и идеи. В нижеследующем описании творческого процесса я воспользуюсь таким подходом и прибегну к образам, относящимся к круговороту воды в природе. Отсылки к подобным природным явлениям особенно часты в описаниях тех сеансов, где присутствовали космологические видения.

До начала творения Космическое Сознание являет собой безграничное недифференцированное поле с исполинским творческим потенциалом. Творение начинается внутри этого поля подобно возникновению ряби на воде - как нарушение изначального

единства, выражающееся в виде игры воображения и порождения различных форм. Сперва сотворенные сущности сохраняют контакт с источником и разделение присутствует лишь гипотетически, относительно и частично. Если воспользоваться водной метафорой, то изначальное неделимое единство Абсолютного Сознания можно уподобить глубокому и спокойному океану невообразимых размеров. Образ, который лучше всего иллюстрирует начальную стадию процесса творения, - это возникновение волн на океанской глади.

С одной стороны, волны можно рассматривать как индивидуальные и отдельные сущности. Например, можно говорить о волне как о большой, быстрой, зеленой или как о благоприятной либо опасной для тех, кто занимается серфингом. В то же время совершенно ясно, что эта волна, несмотря на свою относительную индивидуальность, есть также неотъемлемая часть океана. Различение волн от океана подобно игре, иллюзорно и неполно. Внезапный ветер может создать волны на океанской глади, но, как только ветер стихает, эти волны возвращаются к своей изначальной тождественности с океаном.

На этой описанной мною стадии источник творения порождает образы, отличные от самого себя, однако данные образы сохраняют связь с истоком и осознают сущностную с ним тождественность. Подлинное творение требует, чтобы его продукты отделились от порождающей матрицы и были четко различимы. В истинном смысле это начинается, только когда связь с истоком прерывается и образуется отдельная сущность. Сперва это может произойти лишь на мгновение, и здесь наиболее подходящий метафорический образ - это волна, разбрызгиваемая ветром или разбивающаяся о берег. Когда единое тело волны разбивается на тысячи мелких брызг, эти летящие в воздухе брызги на миг обретают отдельную сущность независимое существование. Данная ситуация длится очень короткое время - пока все брызги не упадут снова в океан и не воссоединятся с ним.

В следующей фазе это отделение становится намного более определенным: расколотые единицы сознания обретают индивидуальное существование и независимость на значительный период. Это начало дробления, начало создания "космического экрана", или космической диссоциации и забвения. Изначальное единство с истоком временно утрачивается, и божественная сущность забывается. Метафорической параллелью этой ситуации могла бы служить вода, оставшаяся после отлива в углублениях скалистого берега. Вода в луже надолго отделяется от материнских вод, однако во время следующего прилива единство восстанавливается, и отделенная масса воды возвращается к своему истоку.

Развитие процесса индивидуализации приводит к положению, в котором разделение становится завершенным, убедительным и как будто бы перманентным. Происходит радикальная метаморфоза, и отколовшиеся единицы сознания обретают новое тождество, полностью отличное от прежнего. Изначальное единство затуманивается и перестает быть явным, однако полностью не утрачивается. Эта стадия творения может быть уподоблена массе воды, которая испарилась из океана и сформировалась в облако. Прежде чем стать облаком, вода подверглась глубокому преобразованию. Теперь у этой новой сущности есть особая характерная форма и своя собственная жизнь. Однако мелкие водяные капельки, образующие облако, выдают, каков источник и происхождение данного нового явления. Они легко конденсируются и в виде дождя начинают свой путь к возобновлению единства с океаном.

В заключительной фазе этого процесса разделение завершается, и связь с истоком представляется полностью утраченной. Здесь происходит полное, коренное преобразование, в результате которого изначальная сущность забывается, а новая единица выкристаллизовывается в отчетливую, весьма сложную форму и твердеет. В то же время процесс многократного деления зашел так далеко, что сознание сотворенной единицы представляет собой лишь бесконечно малую часть изначального целого. Хороший пример этой стадии - снежинка, выкристаллизовавшаяся в облаке из воды, которая испарилась из океана. Снежинка представляет собой лишь бесконечно малую часть водной массы океана и обладает весьма специфичной формой и структурой. Удивительное многообразие форм снежинок хорошо иллюстрирует богатство творения, характеризующее феноменальный мир. Снежинка несет очень малое сходство со своим источником, и, для того чтобы она могла воссоединиться с ним, ее структура должна подвергнуться коренным изменениям и утратить независимое существование.

Мы могли бы пойти еще дальше и представить себе кусок льда. Здесь вода подверглась настолько принципиальным изменениям и настолько отличается от своей первоначальной формы, что если бы мы не имели интеллектуального знания о процессе замерзания и его последствиях, то не смогли бы распознать в этом куске льда воду. Ведь в

противоположность воде лед плотен, прочен, тверд и жесток. Подобно снежинке, возвращающейся к своему первоначальному водному состоянию, лед должен пройти полную аннигиляцию и утратить все, что составляет его сущностные характеристики.

Аналогичные образы, уподобляющие различные аспекты творения воде, можно найти в мистической литературе всех веков. Вот как описывает Божественное Руми: "Это Океан Единства, где нет ни супруга, ни супруги. Его жемчужины и его рыбы - не что иное, как его волны". <...> "Дух поистине и всегда один, но проявления его на различных планах творения различны. Подобно тому как лед, вода и пар не три разные вещи, но всего лишь три формы одного и того же, Дух один, но его форм множество. В виде тончайшей сущности он пребывает в высочайших запредельных сферах, но по мере нисхождения к более грубым сферам выражается в менее тонких формах".

В предельной ситуации исток не только утрачивается и предается забвению, но отрицается даже само его существование. Для этой стадии творения весьма трудно подобрать образ, связанный с круговоротом воды в природе. Здесь наилучший пример - ситуация атеиста. Вот как один из моих пациентов увидел в холотропном состоянии дилемму атеиста:

Атеист представляет собой крайнее выражение космического юмора. Он - отщепенная единица божественного сознания, посвятившая свое бренное существование трагикомической борьбе за явно недостижимую цель. Он решительно пытается доказать, что как Вселенная, так и он сам - всего лишь случайные материальные образования и что творец не существует. Атеист полностью забыл о своем божественном происхождении, не верит в существование Бога и даже способен неистово и яростно нападать на всех верующих. Шри Ауробиндо описывал атеиста как "Бога, играющего в прятки с самим собой".

Кроме вышеприведенных образов для иллюстрации характера космического процесса нередко используют полный цикл круговорота воды в природе. В зависимости от погоды можно наблюдать удивительную и загадочную игру волн в океане, подобную юре процессов, происходящих во всей Вселенной. Океанская вода испаряется, образуя облака, которым присуща своя богатая динамика, как внутренняя, так и внешняя. Вода в облаках конденсируется и возвращается на землю в виде дождя, града или снега. Это начало пути к воссоединению. Снег и град тают, капли воды сливаются в струйки, которые затем образуют ручьи, потоки и большие реки. После многократных слияний вся эта вода достигает океана и воссоединяется со своим изначальным истоком.

МАКРОКОСМ И МИКРОКОСМ: ЧТО ВВЕРХУ, ТО И ВНИЗУ

Еще одна сфера повседневной жизни, обеспечивающая нас удачными образами для иллюстрации процесса творения, - это биология, и в частности связь между клетками, тканями, органами и организмом в целом, с одной стороны, и организмами, видами и экосистемами - с другой. Этот пример демонстрирует, как в процессе творения различные единицы сознания могут одновременно быть и независимыми индивидами, и частями более крупных "целых", и в конечном итоге частями всего мироздания.

Клетки суть структурно разделенные, но функционально объединенные в ткани и органы единицы. В свою очередь, ткани и органы являют собой отдельные формы все более высокого порядка, но при этом они выполняют важную роль как части целостного организма. Оплодотворенное яйцо в определенном смысле содержит целый организм, а эмбриологическое развитие раскрывает его внутренний потенциал. Точно так же дуб можно рассматривать как желудь, раскрывший свой потенциал.

Можно проследить этот процесс в противоположном направлении и заглянуть в микромир. Клетки содержат органеллы, состоящие из молекул, которые образованы из атомов. Атомы распадаются на субатомные частицы, а те, в свою очередь, - на кварки, считающиеся в наше время самыми малыми составляющими материи. Ни в одном из вышеприведенных примеров части не могут рассматриваться как отдельные сущности, независимые от системы, которую они составляют. Они имеют смысл только в контексте более крупных "целых", а в конечном итоге - как части всей полноты творения.

Человеческое тело развивается из одиночного недифференцированного источника - оплодотворенной яйцеклетки, проходящей сложную последовательность делений, в результате которых образуется огромное многообразие клеток, составляющих различные

органы. Сформировавшееся человеческое тело имеет иерархическое строение, где каждая часть также является сложным целым. Функциональное единство органов тела обеспечивается сложной системой нервных и биохимических регуляторов, которая выходит за пределы анатомических границ всех уровней. Вдобавок каждая клетка несет в себе набор хромосом, содержащих генетическую информацию о целом организме. Генная инженерия - наука, находящаяся еще в начале своего пути, - уже сумела создать из ядра единственной клетки так называемый клон - точную копию родительского организма. Поскольку каждая часть тела содержит информацию обо всем теле, то здесь вполне уместно сравнение с космическим процессом творения, рассмотренным нами ранее.

В мировоззрении тантризма связь между космосом и человеческим организмом не просто метафора или средство, помогающее понять основные идеи. Древние тантрические тексты утверждают, что человеческое тело в буквальном смысле является микрокосмом, отражающим и содержащим в себе весь макрокосм. Если бы человек смог тщательно изучить свое тело и психику, он обрел бы знание всех феноменальных миров (Mookerjee and Khanna 1977). Графически это представлено в Пуруша-янтре - образе Космического Человека. В его фигуре материальный мир, в котором мы живем, располагается в области живота, верхняя часть тела и голова представляют различные небесные сферы, а область таза и ноги - преисподние.

Будда описывал связь между телом и Вселенной следующими словами: "Истинно говорю вам, что это человеческое тело заключает в себе весь мир, и его возникновение, и его исчезновение". В каббале десять Сефирот, архетипических принципов, представляющих различные стадии божественной эманации, рассматриваются как божественное тело Адама Кадмона, с головой, руками, ногами и половыми органами. Человеческое тело есть миниатюрная копия этой первичной формы. Аналогичные концепции можно найти в гностицизме, в герметической традиции и в других эзотерических системах.

Эта глубокая связь между отдельным человеческим организмом и космосом, о которой говорится в различных эзотерических традициях, выражена в знаменитых формулировках: "что наверху, то и внизу" или "что снаружи, то и внутри". Наблюдения, полученные в результате современных исследований сознания, пролили новый свет на это древнее мистическое представление, совершенно абсурдное с точки зрения материалистической науки. Трансперсональная психология обнаружила, что в холотропных состояниях возможно эмпирическое отождествление почти с любым аспектом физической реальности, прошлым и настоящим, равно как и с различными аспектами других измерений бытия. Тем самым она подтвердила, что в психике каждого из нас таинственным образом закодирован весь космос и в процессе углубленного систематического самоисследования любой из нас может получить к нему доступ.

Обсуждение иерархического порядка во всей Вселенной можно опять-таки продолжить за пределы индивидуальных организмов, поскольку каждая живая форма образует часть более крупной группы или системы. Животные формируют колонии, стаи, косяки и стада и принадлежат к семействам и видам. Отдельные люди суть части семьи, клана, племени, культуры, нации, расы и т. д. Живые организмы - растения, животные и люди - принадлежат к различным экосистемам, развившимся внутри биосферы нашей планеты. В сложной динамической структуре Вселенной каждая составная часть является как отдельной единицей, так и частью большего целого. Таким образом, здесь имеет место диалектическое объединение отдельной индивидуальности и ее участия в более расширенном контексте.

ЧАСТЬ И ЦЕЛОЕ

Новая связь между целым и его частями, которую открыла современная наука, была исследована и детально описана британским писателем и философом Артуром Кестлером. Для отражения того, что во Вселенной все одновременно является как целым, так и частью, Кестлер в своей книге "Янус", озаглавленной по имени двуликого римского бога, вводит термин *holon*. Корень этого слова, *hol* - указывает на полноту и целостность (от греч. *holos* - "целое"), а суффикс *on*, как правило используемый в названиях элементарных частиц, обозначает часть, или составляющую. Переходя с одного уровня иерархической структуры на другой, *холоны*, подобно Янусу, проявляют свое двуличие и могут рассматриваться либо как целое, либо как части, в зависимости от того, откуда на них смотрят - "сверху" или "снизу". (Koestler 1978). Дальнейшее творческое развитие понятия холонів предпринял недавно Кен Уилбер (Ken Wilber 1995).

Холоны могут объединяться в довольно крупные агломераты. Например, бактерии могут образовывать культуру, а звезды - собираться в галактику. Это социальные холоны, состоящие из элементов одного порядка. Холоны могут также создавать новые холоны - высшего порядка. Например, атомы водорода и кислорода могут объединяться в молекулы воды, макромолекулы - образовывать клетки, а клетки - организовываться в многоклеточные организмы. Это примеры холонов все более высокого порядка. С точки зрения нашего обсуждения важно, что в холотропных состояниях все индивидуальные, а также социальные холоны имеют соответствующие субъективные состояния. Эти состояния дают нам возможность достоверно и убедительно пережить отождествление с любыми аспектами бытия, которые мы, находясь в обычном состоянии сознания, переживаем как нечто отдельное от нас.

Таким образом, мы способны переживать отождествление с атомом, молекулой или особыми клетками тела либо как с отдельными единицами, либо как с представляющими множество. Мы можем не только переживать отождествление с другими отдельными личностями, но также эмпирически отождествляться с целой группой людей, например со всеми матерями, солдатами или христианами мира. Мы можем представить себе как одного волка, так и целую стаю и наблюдать их как объекты. Кроме того, при эмпирическом отождествлении мы можем переживать себя отдельным волком, а также эмпирически отождествляться с сознанием целой волчьей стаи или даже целого вида.

Некоторые люди, пережившие холотропные состояния, рассказывали о своем опыте отождествления с сознанием экосистемы, со всей полнотой Жизни как космического явления или со всей планетой. В трансперсональных состояниях все аспекты бытия, как они проявляются на различных уровнях и в различных сферах реальности, при определенных обстоятельствах могут стать потенциально доступными для осознанного переживания. Это очень важное наблюдение, во многом помогающее понять Вселенную и бытие как божественную игру Абсолютного Сознания.

Ниже следующий отчет - фрагмент сеанса, проведенного с Кэтлин, которая участвовала в программе психоделического тренинга для специалистов в Мэрилендском центре психиатрических исследований. Это пример трансперсонального переживания, охватывающего всю жизнь и отражающего борьбу за выживание на нашей планете. Итогом его стало чувство глубокого сострадания ко всему живому и повышенное осознание экологических проблем.

Мне казалось, что я на очень глубоком уровне соединилась со всей жизнью на планете. Сперва я прошла длинный ряд отождествлений с животными разных видов, но мало-помалу это переживание становилось все более всеохватным. Моя личность распространялась в пространстве не только по горизонтали, включая в себя все формы жизни, но и по вертикали, во времени. Я стала дарвиновским эволюционным деревом со всеми его ответвлениями. И сколь бы невероятным это ни казалось, но я являла собой всю полноту жизни! Я ощущала космическое качество энергий и переживаний, присущих всем формам жизни, бесконечное любопытство и желание экспериментировать, а также стремление к самовыражению и самосохранению, действующее на различных уровнях. Я осознала, что мы сделали с жизнью и землей, развивая и совершенствуя технику. А поскольку техника тоже продукт жизни, передо мной встал насущный вопрос: сохранится ли жизнь на нашей планете?

Что такое жизнь - жизнеспособный и созидательный феномен или злокачественный нарост на лице Земли, содержащий в своей основе какой-то роковой изъян и обрекающий себя на уничтожение? Возможно ли, что некая фундаментальная ошибка была допущена в самом проекте эволюции органических форм? Могут ли творцы Вселенных допускать ошибки, как люди? В тот миг эта мысль казалась мне правдоподобной и очень пугала меня. Ведь прежде ничего подобного мне в голову не приходило!

Некоторое время Кэтлин билась над вопросом, возможно ли, что бы творческое начало допустило грубую ошибку в осуществлении творения и не полностью контролировало этот процесс? В конце концов она пришла к выводу, что, по-видимому, так оно и есть и что для сохранения творения Божественное нуждается в помощи человечества. Выбрав теорию творения, описанную мною ранее как теория "калейдоскопа" или "игры в шахматы", Кэтлин решила стать активным партнером Божественного в борьбе за сохранение жизни. Вот чем закончился ее сеанс:

Отождествляясь с жизнью, я пережила и исследовала целый спектр разрушительных сил, действующих в природе и в людях, и увидела их опасное развитие и проекции в современной науке и технике, угрожающие сделать нашу планету необитаемой. Я становилась бесчисленными жертвами современного боевого оружия, узниками концлагерей, умирающими в газовых камерах; рыбой, отравленной промышленными отходами; растениями, убитыми гербицидами, и насекомыми, опрысканными химикатами.

Все это перемежалось трогательными видениями улыбающихся младенцев; очаровательных детей, играющих в песочнице; новорожденных животных и только что вылупившихся птенцов в заботливо построенных гнездах; мудрых дельфинов и китов, плавающих в кристально чистых водах океана, и образов прекрасных лугов и лесов. Я глубоко сопереживала жизни, остро сознавала экологические проблемы и испытывала искреннее желание присоединиться к жизнеутверждающим силам планеты.

Идеи, подобные кестлеровскому понятию холонов, были высказаны в XVII веке известным немецким философом и математиком Готфридом Вильгельмом Лейбницем. В своей работе "Монадоло-гия" он описывал Вселенную как состоящую из элементарных единиц, называемых монадами. Этим монадам присущи многие характеристики джайнистских джива. Как и в мировоззрении джайнов, в философии Лейбница все знание о целостной Вселенной может быть выведено из информации, содержащейся в любой единичной монаде.

Интересно, что Лейбниц явился также создателем математического метода, который сыграл важную роль в развитии оптической голографии - новой области, впервые обеспечившей прочную научную основу для принципа взаимопроникновения. Оптические голограммы очень четко демонстрируют парадоксальные отношения, которые могут существовать между частями и целым, включая возможность восстановления информации о целом по каждой его части. Возможно, Абсолютное Сознание, создавая феноменальные миры, использует те же принципы, которые находят свое материальное выражение в оптической голографии. В любом случае для мира трансперсональных явлений голографическая модель является наилучшей понятийной схемой.

ТВОРЕНИЕ И МИР ИСКУССТВА

В холотропных состояниях бытие, человеческая жизнь и мир вокруг нас открываются нам как фантастическое приключение сознания, удивительно сложная и замысловатая космическая драма. Это согласуется с представлениями, которые можно найти в древнеиндийской литературе. Индуистские писания называют эту божественную игру Вселенной лилой и говорят о том, что материальная реальность, какой мы ее воспринимаем в повседневной жизни, есть порождение великой космической иллюзии, или майи. В нашей жизни искусственными, иллюзорными отражениями реальности служат театр, кино и телевидение. По этой причине данные средства массовой информации, а также различные аспекты относящейся к ним творческой деятельности являют еще один источник метафорических образов, которые часто используются для описания процесса творения.

Между ситуацией актера и нашей ролью в космической игре можно провести очень близкие параллели. Хороший актер, играя на сцене, может в значительной степени потерять контакт со своей настоящей реальностью и полностью отождествиться с персонажем, в роли которого он выступает. Во время спектакля он едва ли не верит в то, что он - Отелло, Жанна д'Арк, Офелия или Сирано де Бержерак. Однако актер сохраняет сознание своей личности и полностью возвращается к ней, как только падает занавес и стихают аплодисменты зрителей. Похожий процесс отождествления с персонажем драмы и временная потеря ощущения собственной личности, правда в меньшей степени, могут происходить в зрителях, когда они смотрят хороший фильм или спектакль. У каждого актера и актрисы есть своя глубинная, будничная личность, к которой они возвращаются, когда спектакль окончен. Люди, переживавшие холотропные состояния сознания, часто говорят, что нечто подобное происходит в цепи перевоплощений. В начале каждой своей жизни мы принимаем иную личность и роль, а умирая, прежде чем принять новое воплощение, возвращаемся к своей исконной личности.

С этой точки зрения особенно интересна ситуация драматурга, которую можно использовать для иллюстрации сложности нашей природы, а также проблемы

детерминизма как противоположности свободы воли. Поскольку во Вселенной все границы совершенно произвольны, у нас нет фиксированной личности, и каждый из нас является и творцом, и творением. В зависимости от аспекта творения и уровня творческого процесса, с которым мы отождествляемся, степень нашей свободы резко меняется. В похожей ситуации находится - и автор театральной пьесы или киносценария. Все действующие лица пьесы рождаются в воображении драматурга, изначально являясь, таким образом, различными аспектами одного творческого сознания. Однако, чтобы эта драма могла произвести впечатление на зрителя, ее действующие лица должны быть представлены как отдельные индивиды.

Из этого следует, что личность автора по отношению к пьесе и ее действующим лицам двойственна. В процессе написания автор располагает большой свободой в создании персонажей и определении хода событий. Но тот же самый автор может также - по своему решению - стать одним из исполнителей своей драмы. Например, Уильям Шекспир мог бы решить сам сыграть роль Гамлета или Рихард Вагнер - спеть партию Тангейзера; тогда они были бы в значительной степени ограничены и обусловлены тем же сценарием, при создании которого, находясь в другой ситуации и на другом уровне, обладали много большей свободой. Аналогично этому каждый из нас, участвуя в божественной драме, выступает в двойной роли - драматурга и актера. Качественное и реалистичное исполнение этой роли требует, чтобы мы на время оставили свою подлинную личность. Мы должны забыть о своем авторстве и следовать сценарию.

Что касается проблемы двойственности нашей личности и нашей роли в космической драме, то здесь следует высказать предостережение. В последние десятилетия этот вопрос зачастую понимали и истолковывали неправильно, особенно в рамках движения "Нью-эйдж" и в упрощенных духовных школах. Но что касается холотропных состояний, то мы в них можем выходить на такие уровни сознания, где представляется вполне правдоподобным, что мы сами выбрали себе родителей и обстоятельства рождения. С другой стороны, можно войти в такое состояние сознания, в котором открывается, что мы по своей сути существа духовные и потому свободны в своем решении воплощаться и участвовать в космической драме. А иногда мы способны пережить очень интенсивное отождествление с самим творческим началом, или Богом. Все эти переживания бывают весьма реальны и убедительны.

Однако же было бы серьезной ошибкой делать из таких прозрений какие-либо выводы относительно нашей обычной личности и нашего воплощенного "я". Разумеется, в такой форме мы не принимали ни одного из вышеописанных решений. Утверждения типа "ты - Бог и сам сотворил свою Вселенную", если их применять к телу-эго, вводят в заблуждение. Я вспоминаю семинар в Эсаленском институте в Биг-Суре (Калифорния), на котором руководитель авторитетно навязывал участникам вышеприведенное утверждение. Одну из женщин в группе очень расстроила, ведь она была матерью умственно отсталого ребенка, а руководитель утверждал, что эту трудность она якобы выбрала и создала себе сама, т. е. что она - та, какой она себя ощущает в повседневной жизни - полностью в ответе за несчастье своего ребенка. Такого рода ситуации обусловлены серьезным смещением уровней рассмотрения и неправильной аргументацией, а значит, здесь налицо "ошибка в логическом моделировании".

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ СУЩНОСТИ И СФЕРЫ

Теперь можно вернуться к динамике космического процесса творения, каким он открывается нам в холотропных состояниях сознания. Я уже подробно рассмотрел наиболее часто встречающиеся прозрения, которые наводят на мысль, что Вселенский Разум посредством сложных комбинаций многократного деления и космической диссоциации и забвения создает виртуальные реальности живых существ, каждое из которых ощущает себя как нечто отдельное от других и отчужденное от своего источника. В постоянном динамическом взаимодействии друг с другом эти существа порождают невероятно многообразные эмпирические миры, и, по всей видимости, материальная сфера, в которой мы живем и которую хорошо знаем, является лишь одним из этих миров, самым дальним аванпостом этой творческой активности. Особенно интересна сфера, находящаяся между нашей повседневной реальностью и недифференцированным Космическим Сознанием. Именно эту мифологическую сферу усиленно изучали и описывали К.Г. Юнг и его последователи. Эта сфера в отличие от материальной реальности недоступна обычному чувственному восприятию; ее можно непосредственно воспринимать только в холотропных

состояниях. Юнг говорил о ней как об архетипической сфере коллективного бессознательного. Существа, населяющие ее, наделены экстраординарной энергией и аурой священности, или "нуминозности". По этой причине их обычно представляют и описывают как божества. События, происходящие в этой мифической сфере, разворачиваются в некоем пространстве и во времени, но эти пространство и время не тождественны нашему переживанию данных измерений на материальном уровне. Архетипическим последовательностям событий не свойственна географическая и историческая целостность, характерная для событий материальной реальности. В отличие от событий в нашем мире, которые можно поместить в конкретные пространственные и временные координаты, мифические последовательности событий нельзя поместить в целостную пространственно-временную систему. Не составляет труда определить географические координаты Лондона или установить для Французской революции конкретную историческую дату, но это совершенно невозможно по отношению к небесам Шивы или к битве между греческими богами-олимпийцами и титанами. Когда рассказывают истории, повествующие о мифических событиях, то, чтобы отбить у слушателя охоту искать для них географическое и историческое место в знакомом мире повседневной реальности, их обычно начинают словами: "Давным-давно в одной далекой стране..." Однако отсутствие фиксированных пространственных и временных координат не делает архетипический мир онтологически менее реальным. Встречи с мифологическими существами и посещения мифических краев, переживаемые в холотропных состояниях, могут быть столь же реальны во всех отношениях, как и события нашей повседневной жизни, и даже более того. Архетипическая сфера - это не плод человеческой фантазии и воображения; она существует независимо от нас и в высокой степени автономна. В то же время ее движущие силы, видимо, тесно связаны с материальной реальностью и с человеческой жизнью.

Архетипы явно представляют собой более высокий порядок, нежели события материального мира, они управляют происходящим в повседневной реальности, формируют его и снабжают информацией. Холотропные прозрения относительно данных связей согласуются с идеями, которые мы находим в книгах последователей юнговской психологии. Эти авторы показали, что наши личности, поступки и судьбы можно истолковать в терминах архетипических божественных принципов, действующих через наше бессознательное или в нем (Bohn 1984, 1989), и что в наших повседневных человеческих драмах мы сами разыгрываем различные мифологические темы (Campbell 1972).

Следующее переживание сорокадвухлетнего антрополога Хелен иллюстрирует, как в холотропных состояниях воспринимается архетипический мир и какие прозрения могут нас посетить.

Открывшаяся последовательность была так грандиозна и величественна, что, даже просто вспоминая о ней, я до сих пор ощущаю благоговейный трепет. Это было видение мира, в чем-то сходного с нашей повседневной реальностью, однако никогда прежде я не могла бы и вообразить количество энергии, которым был наделен этот мир, и масштабы его существования. Я видела величавые антропоморфные фигуры, женские и мужские, облаченные в великолепные одеяния и излучавшие невероятную мощь. Все это напоминало древнегреческие описания горы Олимп, где пировали боги, вкушая нектар и амброзию. Но это переживание было намного грандиознее всего, что я прежде связывала с этим образом.

Эти сверхчеловеческие существа находились как бы в некоем социальном взаимодействии, но, казалось, их отношения имели огромную значимость. Я чувствовала, что все происходящее тесно связано с нашей повседневной реальностью и определяет события материального мира. Мне особенно запомнилась одна впечатляющая подробность, которую можно использовать для иллюстрации этой связи и соответствующих измерений. В какой-то миг я увидела на пальце одного из этих божественных существ изумительный перстень с камнем, который показался мне космическим вариантом алмаза. Свет, преломленный одной из его граней, поразил меня ослепительной вспышкой, и я поняла, что он проецируется в наш мир как взрыв атомной бомбы.

Позднее я сопоставила это переживание с кинофильмом, который видела некоторое время назад. По-моему фильм назывался "Золотое руно" и рассказывал о приключениях Ясона и аргонавтов. События в этом фильме

разворачивались на двух уровнях. Один из них изображал мир олимпийских богов, их взаимоотношения, дела, конфликты, разногласия и союзы. Каждое из этих божеств имело в космосе свою сферу влияния. Что же до героев истории, то для одних богов они были любимцами, а для других - мишенями для гнева. Эмоции богов проявлялись на земном плане как динамика природных стихий, внезапных поворотов судьбы или важных столкновений между людьми.

Пережив такой опыт и связанные с ним прозрения, я с сожалением вспоминаю ученое высокомерие, с каким обычно отвергала космологии "примитивных культур", считая их суевериями и магическими измышлениями. Я поняла, что мое высокомерие отражало недалекую позицию нашего общества по отношению к необычным состояниям сознания. Мне стало совершенно ясно, что, серьезно изучив наблюдения, полученные в таких состояниях, мы не можем не подвергнуть свое материалистическое мировоззрение коренному пересмотру. Нам вовсе не обязательно использовать такие понятия, как "божества" и "демоны", которые характерны для "примитивных" культур; мы могли бы заменить их более приемлемыми терминами, например "архетипические образы". Так или иначе, познакомившись с архетипическим измерением, мы уже не можем игнорировать или отрицать его существование и его важность в мироздании.

Приведенный выше рассказ описывает видения небесных архетипических сфер, однако некоторым людям дано "посетить" сферы, населенные существами тьмы, известными нам из мифологических описаний адов и преисподних в разных культурах. Примером такого переживания служит следующий рассказ, записанный сорокалетним преподавателем Арнольдом.

Очередная последовательность увела меня в мир подземных туннелей, очень похожих на канализационные системы всех мегаполисов - Нью-Йорка, Парижа, Лондона, Токио... Казалось, я непосредственным образом знакомился с инфраструктурами этих городов, необходимыми для их существования, во всех деталях. К собственному удивлению, вдруг обнаружил, что в этих туннелях существовал целый мир, сокрытый от большинства людей и, как правило, ими непонятый. Я все глубже и глубже погружался в систему темных лабиринтов, пока не понял, что сфера, куда я вступаю, более не принадлежит миру нашей повседневной реальности.

И хотя я определенно ощущал, что нахожусь в глубочайших недрах земли, на самом деле это была мифологическая сфера, населенная странными архетипическими созданиями. Мне казалось, я наблюдал инфраструктуру космоса, необходимую для его существования и должного функционирования. Подобно подземному миру городов, она скрыта от глаз. Я видел ее обитателей - гигантских и ужасных хтонических существ фантастических форм. Они были наделены колоссальными энергиями, которые наводили на мысль о тектонических разломах, землетрясениях и извержениях вулканов.

Я невольно почувствовал огромную признательность этим неприхотливыми созданиями, которые живут во мраке, терпеливо делая свою неблагодарную работу - приводя в движение механизмы Вселенной. Они были явно рады моему приходу и польщены моими невысказанными похвалами. Казалось, они привыкли к тому, что их боятся и отвергают, и проявляли почти детскую жажду любви и понимания.

Эти переживания свидетельствуют о существовании множества измерений реальности, которые не являются частью феноменального мира нашей повседневной жизни. Они представляют собой иные типы и уровни эмпирических реальностей и, если провести аналогию с миром современной электроники, иные "космические каналы". Обычно мы принимаем материальный мир со всеми его чудесами и сложностями как нечто само собой разумеющееся и отвергаем возможность существования других сфер реальности. Однако если вдуматься, то сама по себе тайна бытия (тот факт, что вообще что-то существует и что возможно переживать любые миры) является настолько громадной и ошеломляющей, что вопрос о специфике природы и содержания этих миров начинает звучит попросту банально.

Любование красотой тихоокеанского заката, Большим каньоном или панорамой Манхэттена в широком смысле не менее чудесно, чем встреча с небесами Шивы или египетским царством мертвых. Если мы принимаем существование высшего принципа, или начала, имеющего в своем распоряжении технологию сознания и способного порождать переживания, то представляется вполне возможным, что этот принцип может творить реальности со множеством различных характеристик. Здесь можно провести параллель с задачей съемочной группы, используя существующую технологию, выпускать фильмы или программы на темы не из повседневной жизни, а из мифологии.

МИСТЕРИЯ ВСЕЛЕННОЙ

Поскольку индуистские философы говорят о космическом процессе как о пиле, или божественной игре, то, пожалуй, уместно проиллюстрировать холотропные прозрения относительно природы реальности, используя аналогию с кинофильмом, который является современной технической версией магического представления. Намерение режиссеров состоит в создании приемлемого факсимиле, "правдоподобной" версии материальной реальности. Для достижения этой цели они применяют все доступные средства. Обычно зрителю очень легко вообразить, что сцены, разворачивающиеся на экране, представляют собой реальные события в материальном мире. В некоторых случаях фильм оказывает на зрителей такое сильное воздействие, что эмоционально они воспринимают его как реальность. Это происходит вопреки тому, что умом они сознают, что все ими наблюдаемое - просто игра электромагнитных волн различной частоты внутри единого неделимого светового поля.

В холотропных состояниях сознания мы, к собственному удивлению, можем обнаружить, что то же самое применимо к нашему переживанию повседневной реальности. Все, что кажется нам миром плотных объектов, - всего лишь игра вибраций, в сущности пустых. Естественно, мы переживаем мир более полно и богато, нежели кино, поскольку переживание мира включает ряд таких измерений, которые современная киноиндустрия передать не может, например тактильные ощущения, запахи и вкусы. Олдос Хаксли в своем знаменитом научно-фантастическом романе "О дивный новый мир" описал особый вид развлечений будущего - "чувствотеки", где этот недостаток преодолен, так как к визуальному и акустическому переживанию зрителей добавлены и эти ощущения. А современные исследователи в области виртуальной реальности уже экспериментируют со специальными перчатками, которые обогатят переживание визуальных и акустических электронных миров тактильными ощущениями.

Я уже описывал переживание "имманентного божественного", когда материальный мир воспринимается как динамическая игра космической энергии творения. Это переживание раскрывает и неделимое единство, лежащее в основе мира разделения. Оно показывает, что все, с чем мы сталкиваемся в повседневной жизни, суть не дискретные единицы и твердые объекты, а составные аспекты единого энергетического поля. Каким бы абсурдным этот вывод ни казался недалекому реалисту, он полностью согласуется с данными современной физики. Они указывают, что все обычно воспринимаемое нами как плотная материя - в сущности пустота. Таким образом, наука XX века подтвердила ошеломительное заявление индусских мудрецов о том, что наше восприятие мира как состоящего из плотных материальных объектов является иллюзией (*майей*).

Давайте теперь продолжим аналогию между постановкой фильмов и творением материальной реальности несколько дальше. Когда мы просто смотрим фильм, мы не можем полностью понять процесс, в который вовлечены, поскольку ряд важных для нас ответов на вопросы о том, что происходит, найти на экране невозможно. То, что мы видим в кино, как таковое не имеет независимого существования и смысла. Кинофильм - это продукт очень сложного процесса, и его существенные стадии остаются за рамками нашего непосредственного переживания при просмотре. Чтобы по-настоящему понять наблюдаемые события, нам следовало бы заменить наивное зрительское переживание систематическим углубленным анализом процесса их создания.

Во-первых, нам следовало бы отвлечься от экрана, обернуться и обнаружить прибор, который воспроизводит наблюдаемые нами иллюзии. Мы бы заметили, что главным его компонентом является мощный источник света, проецирующий изображение на экран. При ближайшем рассмотрении мы бы обнаружили и целлулоидную пленку, которая определяет видимые нами формы и краски. Эта ситуация разительно схожа со знаменитой притчей о

пещере, которую Платон использовал в своем диалоге "Государство" для описания иллюзорной природы материального мира.

В этом диалоге Платон уподобляет человеческое бытие ситуации, в которой некая группа людей оказывается заключенной в подземной пещере. Они жестко прикованы к земле и могут видеть только то, что находится прямо перед ними. Позади этих узников пылает яркий огонь и находится низкая стенка, над которой кукольники показывают марионеток - людей и животных, а также различную утварь. Узники погружены в созерцание теней на стене - единственного аспекта всей ситуации, какой они способны воспринимать. Зачарованные тенью, они совершенно не осознают истинной природы ситуации.

В платоновской притче объекты нашего материального мира уподоблены теням на стене пещеры, в то время как истинная природа реальности остается от нас сокрыта. Платон также делает допущение, что узники пещеры верят в то, что отголоски звуков, идущие сзади, действительно производятся тенями. В нашем примере с кинофильмом мы можем аналогичным образом не только установить источник изображений, но и открыть происхождение звуков, выявив, что они воспроизводятся с магнитной ленты.

Продолжив наше исследование, мы при более подробном изучении процесса проецирования обнаружим, что воспринимаемые нами плавные и непрерывные движения фактически состоят из быстрых последовательностей мелькающих дискретных изображений. Здесь снова напрашиваются параллели с прозрениями необычных состояний сознания относительно природы реальности. Я неоднократно слышал об этом от людей, прошедших через различные формы холотропных переживаний. Такие же прозрения можно найти в традиционных духовных источниках. Например, согласно учению тибетского буддизма, реальность в корне лишена непрерывности. Мир то появляется, то исчезает, подобно вспышкам света. В один миг он растворяется, в другой - воссоздается вновь. Аналогично этому наша жизнь от рождения до смерти не есть непрерывное существование: мы все время умираем и рождаемся. Современная научно обоснованная версия этой концепции содержится в философии Альфреда Норта Уайтхеда (Whitehead 1929).

Следующий шаг в нашем углубленном исследовании переживания кинофильма вообще уведет нас за пределы кинотеатра. Мы обнаружим, что фильм возник как идея в чьем-то мозгу и что все процессы, необходимые, чтобы сделать эту картину, были мотивированы намерением конкретизировать эту идею в сценарии и преобразовать ее в убедительное, яркое переживание. Реальность, изображенная в фильме, сама по себе не имеет независимого существования. Если вычленишь ее из этого широкого контекста, то полностью понять ее станет невозможно. Конечной причиной существования кинофильма является намерение создать особое переживание. Согласно прозрениям, открывшимся в холотропных состояниях, то же самое справедливо относительно нашего переживания материального мира.

Наивный человек, например ребенок или абориген из доиндустриальной культуры, который никогда не сталкивался с современной технологией, может ошибочно принять хороший фильм за реальность. В будущем топографические фильмы с голофоническим звуком, голографическое телевидение и особенно продвинутая технология "виртуальной реальности" сделают это различие еще более трудным. Однако и в настоящее время идея, что космос есть что-то вроде "виртуальной реальности", создаваемой высшим разумом, не кажется столь притянутой за уши, как могло бы показаться сто или даже пятьдесят лет назад.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПУТИ ВОССОЕДИНЕНИЯ С КОСМИЧЕСКИМ ИСТОКОМ

Теперь я возвращаюсь назад... к Целому, частью которого являюсь... Какое счастье - вернуться! Да, теперь я, наконец, знаю, кто я такой, кем был с самого начала и кем останусь всегда... Я - часть Целого, мятущаяся, жаждущая вернуться, но живущая, ищущая выражения в действии, творении, созидании, даянии, росте, больше оставляющая, чем берущая, а превыше

всего жаждущая принести Целому дары любви... и в этом парадокс полного единства и одновременно существования части. Я познал Целое... Я - Целое... и, даже существуя как часть, являю собой всю полноту....

Роберт Монро. "Великое странствие"

Каждый, кто отделился от истока, жаждет вернуться к состоянию единства.

Руми

ИНВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ

В результате процесса творения, описанного в предыдущем разделе, на различных уровнях реальности образуется невероятно богатое разнообразие сущностей: сначала неделимое Абсолютное Сознание, далее пантеоны архетипических существ, а затем несчетное множество индивидуальных единиц, составляющих мир материи. Этот процесс последовательных разделений и все большего отчуждения от истока представляет собой лишь одну сторону космического цикла. Прозрения, посещающие нас в холотропных состояниях, снова и снова открывают нам другую сторону этого процесса, а именно события в сознании, отражающие движение в противоположном направлении - от миров многожертвенности и разделения к исчезновению границ и слиянию в большие целые.

Для краткости я буду называть нисходящую часть космического процесса творения ("инволюцию сознания") *хилотропной* или ориентированной на мир материи (греч. *hyle* - "материя", *trepein* - "двигаться в направлении чего-либо"), а восходящий аспект космического творения, отражающий возврат к изначальному неделимому единству ("эволюция сознания"), - *холотропным* или движущимся в сторону целостности. Напомню, что последний термин происходит от греч. *holos* (целое) и *trepein* (направляющееся к чему-либо).

Данные прозрения вполне сопоставимы с описаниями этих двух направлений развития космического процесса в различных духовных и философских системах. Основоположник неоплатонизма Плотин говорил о хилотропном процессе как об "истечении" (*efflux*), а о холотропном - как о "возвратном течении" (*reflux*). Согласно неоплатоникам, космос во всем разнообразии иерархических градаций создан божественной эманацией, исходящей от высочайшего Единого. Люди обладают потенциальным доступом к высшим интеллектуальным и духовным сферам и могут подняться до сознания Мировой Души. Идеи Плотина стали главной темой всех неоплатонических школ, равно как и писания христианских мистиков и немецких философов-идеалистов. Современный творческий синтез идей нисхождения и восхождения можно найти в работах Кена Уилбера (Ken Wilber 1995).

На Востоке сходные представления нашли наиболее отчетливое выражение в работах индийского мистика и философа Шри Ауробиндо Гроша. Ауробиндо доказывал, что как мир материи Брахман проявляется в процессе *инволюции* Брахман, а затем постепенно осуществляет развитие своих скрытых сил в ходе эволюции. Инволюция - это процесс самоограничения и уплотнения, посредством которого вселенское Сознание-Сила поэтапно отгораживает себя и создает планы бытия. На дальних своих рубежах оно принимает видимость бессознательного материального мира. В каждый план включаются все энергии сознания, принадлежащие к более высоким планам, и таким образом весь потенциал изначального вселенского Сознания-Силы оказывается сконцентрирован и сокрыт даже в Бессознательном.

Эволюция - процесс противоположный, когда из видимого космического Бессознательного, являя свои скрытые энергии, вновь возникает Сознание-Сила. Однако важно подчеркнуть, что, по Ауробиндо, эволюция не прямо противоположна инволюции. Она не есть постепенное утончение и разрежение план за планом, которое в конечном итоге приводит к поглощению всего творения в Едином Непроявленном, а постепенное проявление высших сил сознания в материальной Вселенной, ведущее к еще большей манифестации божественного Сознания-Силы в своем творении.

Прозрения, имевшие место в холотропных состояниях, указывают, что вселенский процесс предлагает не только бесконечное число возможностей становления отдельными

индивидами, но и великое множество способов растворения границ и слияния, опосредующих эмпирическое возвращение к истоку. Однородные соединяющие переживания дают отдельным единицам сознания возможность преодолеть свою отчужденность и освободиться от иллюзии собственной отдельности. В результате растворения границ, которые прежде казались абсолютными, и последующего слияния возникают все более крупные эмпирические единицы. На заключительных этапах этот процесс уничтожает все границы и осуществляет воссоединение с Абсолютным Сознанием. Последовательности слияний, происходящих во множестве форм и на множестве различных уровней, полностью завершает циклический узор космического танца.

МНОГООБРАЗИЕ ПЕРЕЖИВАНИЙ ЕДИНСТВА

Процессы единения можно наблюдать во всех сферах бытия, но они особенно богаты и сложны в людях. Холотропные состояния позволяют непосредственно и систематически их изучать. К сожалению, западная психиатрия не делает различий между мистицизмом и психозом и склонна рассматривать любые мистические переживания как проявления психических заболеваний. За годы моей профессиональной карьеры я не раз встречал людей, которых объявляли психически больными, пичкали транквилизаторами и даже подвергали шоковой терапии только потому, что они переживали единение с другими людьми, природой, космосом и Богом.

Абрахам Маслоу (Maslow 1964), ныне покойный американский психолог, сыгравший важную роль в создании как гуманистической, так и трансперсональной психологии, опросил сотни людей, которые пережили спонтанные состояния единения, или, как он их называл, "пиковые переживания". Он сумел показать, что мистические переживания не являются симптомами патологии и не имеют отношения к психиатрии. Зачастую они происходят с людьми, у которых нет никаких серьезных эмоциональных проблем и которые, не будь этих переживаний, считались бы "нормальными". Более того, если эти переживания происходят в благоприятной обстановке и хорошо усваиваются, они могут дать весьма полезные результаты - улучшить жизнедеятельность, повысить творческие способности и "самоактуализацию".

Чаще всего механизмами, вызывающими переживания единства, бывают необычайно красивые творения природы и человека. У одних людей переживание единства может вызвать беспредельное звездное небо, у других - величие гигантских горных хребтов или внушающее трепет безмолвие пустынь. Посещая такие чудеса природы, как Большой каньон, гигантские водопады или всемирно знаменитые сталагмитовые пещеры, и созерцая их величие, люди могут пережить мистический экстаз. Еще один источник "пиковых переживаний" - это океан с его бушующими волнами и величавой тишиной глубин. Любование красивым закатом, чудом северного сияния или наблюдение полного солнечного затмения тоже могут вызывать глубокие переживания единства сознания. Однако, чтобы пробудить мистическое осознание, вовсе не обязательны события такой грандиозности. При соответствующих обстоятельствах это может быть и что-то "обычное", как, например, паук, плетущий свою паутину, или колибри, порхающий вокруг цветка и собирающий нектар.

Подобный эффект могут вызвать и прекрасные произведения искусства. Увлеченный творческой работой композитор, музыкант-исполнитель, а равно и слушатель может иногда утратить ощущение своих границ и в буквальном смысле слиться с музыкой, испытывая чувство, что он - сама музыка. Великие танцоры нередко достигают на сцене такого состояния, когда между ними и исполняемым танцем уже не остается различия. Готические соборы Европы, мусульманские мечети, Тадж-Махал или индуистские и буддийские храмы вызывали своей монументальной красотой мистические состояния у многих тысяч людей. Точно так же на восприимчивых индивидов могут воздействовать великие скульптуры, картины и другие произведения искусства всех веков и культур. Следует особо упомянуть еще одну область повседневной жизни, которая часто служит источником переживаний единства и которую большинство из нас никак не связывают с мистическими переживаниями. Многие выдающиеся спортсмены рассказывают, что в самые важные моменты своих выступлений они переживали состояния, напоминающие мистические экстазы. Мы склонны приписывать блестящие победы в спортивных соревнованиях сочетанию особой физической одаренности, психологического упорства, безукоризненной дисциплины и усиленных тренировок. Однако некоторые выдающиеся спортсмены говорят, что сами они зачастую видят все иначе. Они относят свои необычайные

достижения на счет особых состояний сознания, которые обеспечивают им способности, граничащие с чудесным и сверхъестественным (Murphy and White 1978). Важным аспектом этих состояний, как правило, является чувство утраты индивидуальных границ и слияние с различными сторонами окружающей среды.

Мистический экстаз, переживаемый участниками спортивных соревнований, дает возможность выйти за пределы того, что мы обычно считаем человеческими возможностями. Я лично наблюдал поразительный пример такого экстраординарного выступления, связанный с состоянием единства. Это произошло во время месячного семинара по буддизму и западной психологии, который мы проводили в Эсаленском институте в Биг-Суре. Корейский мастер фехтования на мечах, которого пригласили в качестве гостя, предложил включить в нашу программу свое показательное выступление. Он попросил одного из своих учеников лечь на траву и положил на его голый живот салфетку, а на нее - большой арбуз. Затем он отошел футов на пятнадцать и на несколько минут застыл в медитации. Голову его обтягивал мешок из толстого черного бархата, а в руке он держал огромный, чрезвычайно острый меч.

Внезапно по всей округе завыли собаки, а мастер фехтования, издав боевой клич, колесом метну лея к спокойно лежащему на траве ученику и сильным взмахом меча рассек лежащий на его животе арбуз пополам. На салфетке остался небольшой след от меча, но на самом ученике не было ни царапины. Изумленные зрители спросили мастера, как он сумел совершить такое. Все предполагали, что мастер с завязанными глазами каким-то образом воспроизвел в памяти все окружающее. Но мастер с улыбкой ответил: "Нет, просто медитируешь и ждешь, пока все не станет одно - и фехтовальщик, и меч, и трава, и арбуз, и ученик, - тогда нет никаких проблем!>

Переживания мистического единства прекрасно отражены в мировой литературе. Вот что, например, рассказывает о своем мистическом переживании океана Эдмунд, герой пьесы Юджина О'Нила "Долгое путешествие в ночь":

Я лежу на бушприте лицом к корме. Подо мной, разбиваясь в брызги, кипит и пенится вода. Прямо перед глазами вздымаются к небу мачты. Туго натянутые паруса залиты белым лунным светом. Красота и поющий ритм опьянили меня, и на какой-то миг я почувствовал, что меня нет, что брэнная жизнь покинула меня. Наступило состояние полной свободы! Я растворился в море, стал белыми парусами и летящими брызгами, красотой и ритмом, лунным светом, кораблем и высоким звездным небом! Не было ни прошлого, ни будущего - лишь ощущение покоя, гармонии и неистовой радости бытия. Я слился воедино с чем-то неизмеримо большим, чем моя собственная жизнь, или даже жизнь человечества - самой Жизнью! Или с самим Богом - если хочешь, можно и так сказать.

<...> И еще было в моей жизни несколько случаев, когда, купаясь в море далеко от берега или лежа в полном одиночестве на отмели, я испытывал такое же чувство. Я вдруг становился солнцем, раскаленным песком, прикрепившимися к скале зелеными водорослями, которые тихонько колеблет прибой. Это все равно что видение святого, который сподобился познать неземное блаженство. Как будто какая-то незримая рука снимает с твоих глаз пелену и ты видишь самую сущность вещей, а не их привычную внешнюю оболочку! На какой-то миг постигаешь сокровенные тайны бытия и сам приобщаешься к ним. Не какой-то миг тебе открывается смысл жизни!

(Перевод В. Воронина)

ПОТЕНЦИАЛ ЕДИНЕНИЯ В ОПЫТЕ СМЕРТИ, СЕКСА И РОДОВ

Хотя переживания единства чаще всего случаются в ситуациях с преобладанием положительных эмоций, они могут иметь место и в неприятных, угрожающих и критических для человека обстоятельствах. В этом случае эго-сознание скорее разбивается вдребезги и сокрушается, чем растворяется и выходит за свои пределы. Так бывает при тяжелом остром или затяжном стрессе, в период сильных душевных и физических страданий или когда сохранность и выживание тела находятся под угрозой. Люди, находящиеся в глубокой депрессии и дошедшие почти до самоубийства, могут внезапно пережить глубинное духовное раскрытие и выйти за пределы своих страданий. Мистические сферы открываются и тем, кто оказался при смерти в результате дорожных аварий, травм, опасных болезней и операций.

Смерть, завершающее событие нашего индивидуального существования воплощенных самостей логически представляет собой связующее звено с трансперсональной сферой. События, ведущие к смерти, связанные с ней и следующие за нею, нередко служат источником духовного раскрытия. Страдания от неизлечимой болезни или непосредственное общение с умирающими людьми, особенно с близкими друзьями или родственниками, могут заставить человека задуматься о собственной смерти и бренности и способствовать мистическому пробуждению. Обучение буддийских монахов в тибетской традиции ваджраяны требует от них проводить много времени с умирающими людьми. Тантрические традиции индуизма включают медитации на кладбищах, на местах кремаций и в непосредственном соседстве с покойниками.

В средневековье христианским монахам наказывали мысленно представить себе собственную смерть и визуализировать все стадии разложения своего тела, вплоть до полного обращения в прах. "Помни о смерти!", "Праха к праху!" "Смерть неизбежна, неведом лишь час", "Так проходит мирская слава!" - вот девизы таких упражнений. Современные западные люди зачастую толкуют эту практику как патологическое потакание смерти, но она являла собой много большее. Переживание близкой встречи со смертью может стимулировать мистические состояния. Воспринимая преходящность и собственную бренность на глубоком эмпирическом уровне, мы обнаруживаем в себе то, что по сути своей трансцендентно и бессмертно.

Древние "Книги мертвых" донесли до нас подробные описания мощных духовных переживаний, происходящих в момент биологической смерти (Grof 1994). Современные исследования в области танатологии - науки, изучающей смерть и процесс умирания - подтвердили многие важные аспекты этих описаний (Ring 1982, 1985). Оказывается, приблизительно треть из тех людей, что побывали на пороге смерти, переживают мощные провидческие состояния, включающие сжатый обзор жизни, прохождение сквозь туннель, встречу с архетипическими существами, контакт с трансцендентальными реальностями и видения божественного света. Во многих случаях имеют место "достоверные" внетелесные переживания, во время которых развоплощенное сознание индивида в точности воспринимает все, что происходит рядом или на расстоянии. Характерно, что люди, пережившие такие ситуации, коренным образом меняют свои жизненные ценности, проходят глубокое духовное раскрытие и преображение личности. Кеннет Ринг (1995), изучая в рамках текущего исследовательского проекта присмертные переживания людей, слепых от рождения, подтверждает, что в развоплощенном состоянии, эти люди способны видеть свое окружение.

Говоря о стимулах, вызывающих переживания единства, нельзя упускать особенно важную категорию - ситуации, связанные с человеческими функциями воспроизведения. Многие - как мужчины, так и женщины - рассказывают, что переживали глубокие мистические состояния, занимаясь любовью. В некоторых случаях сильное сексуальное переживание действительно может вызвать то, что описывается в древнеиндийских йогических текстах как пробуждение кундалины, или змеиной силы. Йоги видят в кундалине творческую энергию Вселенной, женскую по своей природе. Она дремлет в сакральной области человеческого тонкого тела до тех пор, пока ее не пробудят гуру, медитативные практики или другие влияния. Тесная связь, существующая между этой духовной энергией и сексуальным влечением, играет главную роль в кундалини-йоге и тантрических практиках.

Для женщин еще одним значительным источником переживаний единства могут стать ситуации, связанные с материнством. Через зачатие, вынашивание и рождение ребенка женщины непосредственно участвуют в процессе космического творения. При благоприятных обстоятельствах священная природа таких ситуаций становится явной и переживается сознательно. Во время беременности, родов и вскармливания грудью вполне естественно ощущать мистическую связь с эмбрионом или младенцем и даже со всем миром. В этой книге мы еще вернемся к связи мистицизма и триады "рождение-секс-смерть".

Дополнительными важными механизмами, вызывающими состояния единства, и их катализаторами служат мощные методы изменения сознания. Холотропные переживания играли важную роль в духовной и обрядовой жизни человечества, и на протяжении веков люди усиленно разрабатывали различные способы их вызова. Во введении к этой книге я привел краткий обзор древних, туземных и современных "технологий священного", а также различных контекстов, в которых они использовались, - начиная с шаманизма через обряды перехода, мистерии смерти и возрождения, а также различные формы духовной

практики и заканчивая современными методами эмпирической терапии и лабораторных исследований сознания.

ИММАНЕНТНОЕ И ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ БОЖЕСТВЕННОЕ

В холотропных состояниях сознания, независимо от того, приходят ли они спонтанно или вызываются древними и современными методами изменения сознания, есть множество способов выйти за пределы индивидуальных границ и воплощенной самости. Такие переживания позволяют нам стать другими людьми, группами людей, животными, растениями или даже неорганическими элементами природы и космоса. В этом процессе время перестает быть препятствием, и события прошлого и будущего легко доступны, как если бы происходили в настоящем.

Подобные переживания обеспечивают весьма убедительное прозрение, что в материальном мире все границы иллюзорны и что вся Вселенная, какой мы ее знаем, как в пространственных, так и в духовных аспектах является собой в сознании единую вязь событий. Становится совершенно ясно, что космос - это не обычная материальная реальность, но творение мыслящей космической энергии Вселенского Разума. Таким образом, эти переживания раскрывают перед нами "имманентное божественное", *deus sive natura* (Бог или Природа), или Бога, выраженного в феноменальном мире, а также показывают, что каждый из нас, в сущности, соизмерим и со всем творением в целом, и со всеми его частями.

Подобные трансперсональные переживания резко меняют наше понимание природы и повседневной материальной реальности, но существуют и другие переживания, открывающие такие измерения бытия, которые обычно полностью скрыты от нашего восприятия. Эта категория включает развоплощенные сущности, различных божеств и демонов, мифологические сферы, сверхчеловеческих существ, а также сам божественный принцип творения. В противоположность "имманентному божественному" мы можем здесь говорить о "трансцендентном божественном", ибо сферы и существа, с которыми мы сталкиваемся в этих обстоятельствах, не являются частью повседневной реальности. Они принадлежат к иной сфере и иному порядку бытия.

Переживания такого рода свидетельствуют, что космическое творение не ограничивается материальным миром, но проявляется на многих различных уровнях и во многих измерениях. Возможность переживаний единства тоже не ограничивается материальной сферой, но распространяется и на другие сферы. Поэтому мы можем не только встречаться с обитателями архетипических сфер, мы можем и сливаться с ними, и становиться ими, а на самых отдаленных рубежах нашего самоисследования мы можем встретиться с самим творческим принципом и осознать свою тождественность ему.

Переживания имманентного божественного раскрывают священную природу повседневной реальности и единство, лежащее в основе материального мира, который наивный наблюдатель воспринимает как состоящий из отдельных объектов. Выявляя, что все границы внутри материального мира произвольны, эти переживания открывают нам нашу сущностную тождественность пространственно-временному континууму и в конечном итоге самой творческой энергии. Что же до переживаний трансцендентного божественного, то они не только указывают новые пути понимания и восприятия знакомого мира повседневной жизни, но и делают для нас очевидным существование тех измерений реальности, которые обычно невидимы, или "трансфеноменальны", в частности измерений, которые содержат изначальные космические формы и модели, названными К. Г. Юнгом (Jung 1956) архетипами.

Как мы уже видели, мир архетипов, хотя обычно и не воспринимается нами, все же не отделен полностью от нашей повседневной материальной реальности. Он тесно переплетается с ней и играет решающую роль в ее создании. Таким образом, он представляет собой измерение более высокого порядка, которое формирует переживания нашей повседневной жизни, обеспечивая их информацией. Архетипическая сфера представляет тем самым мост между миром материи и недифференцированным полем Космического Сознания. По этой причине переживание трансцендентного божественного - нечто большее, чем просто переживание очередного "космического канала". Оно также обеспечивает проникновение в суть процесса, посредством которого создана материальная реальность. Как сказал один мой пражский пациент, оно позволяет нам "заглянуть на космическую кухню".

Космический спектакль предоставляет нам много возможностей пережить временный выход из той роли, которая нам предписана вселенским сценарием, познать иллюзорную природу повседневной реальности и обнаружить возможность воссоединения с истоком. Холотропные состояния позволяют понять такие переживания единства, и это понимание диаметрально противоположно позиции классической психиатрии. Эти переживания вовсе не искажения правильного восприятия материального мира, вызванные патологическим процессом в мозгу, они, скорее, влекут за собой глубокие прозрения относительно истинной природы реальности, раскрывая существование феноменов, представляющих промежуточные стадии в процессе творения - между недифференцированным Вселенским Разумом и специфически человеческим восприятием материального мира. Поскольку они включают выход за пределы индивидуальных границ и расширение ощущения личности в холотропном направлении, они служат важными ориентирами на пути к духовному пробуждению.

ЗАГАДКА ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

Прежде чем завершить наше обсуждение космического процесса как сложной структуры холотропных и холотропных переживаний, мы должны обсудить еще один важный аспект космического творения, а именно его связь с пространством и временем. Если мы станем описывать процесс творения как движение от недифференцированного единства к множественности, то привычка мыслить в терминах пространства и времени почти наверняка заставит нас представить себе, что этот процесс должен был начаться в определенном месте и развиваться в линейном времени. Однако важные стадии этого процесса происходят в сферах, за пределами известного нам пространства и времени. Как мы видели, космический творческий принцип выходит за пределы всех различий и полярностей, включая пространство и время.

Все, с чем мы сталкиваемся в нашей повседневной жизни, имеет четкие координаты в пространстве и времени. Наше переживание линейности времени и трехмерного пространства весьма заманчиво и убедительно. В результате мы склонны верить, что эти характеристики времени и пространства обязательны и абсолютны. Однако, к нашему удивлению, в холотропных переживаниях мы можем обнаружить, что нашему обычному восприятию и пониманию этих двух измерений есть множество альтернатив. В визионерских состояниях мы способны переживать не только настоящее, но и прошлое, а иногда даже будущее. Эти последовательности событий могут оказаться циклическими, разворачиваться по спирали или развиваться в обратном направлении. Время для нас порой останавливается или мы вообще выходим за его пределы. На тех уровнях, где происходит космическое творение, прошлое, настоящее и будущее не следуют друг за другом, но сосуществуют и все этапы процесса одновременны.

Понятие пространства и переживание в холотропных состояниях оказывается равно произвольными. На различных иерархических уровнях может играючи возникнуть сколько угодно различных пространств, которые в своей объективности и реальности ничуть не уступают друг другу. Переход от микрокосма к макрокосму вовсе не обязан происходить линейно. Малое и большое могут случайным и причудливым образом свободно заменять друг друга. Эмпирическое отождествление с отдельной клеткой без всяких усилий может перерасти в отождествление с галактикой, и наоборот. Эти два измерения могут также сосуществовать в эмпирическом пространстве одного и того же человека. Следовательно, непостижимый парадокс конечности и бесконечности, который мы переживаем в обычном состоянии сознания, преодолевается и перестает существовать.

Чтобы проиллюстрировать многосложность переживания времени и пространства в холотропных состояниях, опишу одно из самых необычайных путешествий сознания, пережитых мною за сорок лет самоисследования. Это произошло во время психоделического сеанса с использованием высокой дозы ЛСД. Проводился он в Мэрилендском центре психиатрических исследований в 1967 году, вскоре после моего переезда в США. Вот выдержки из моего отчета об этом сеансе:

Во второй половине сеанса я вдруг обнаружил, что нахожусь в очень необычном состоянии сознания. Я чувствовал безмятежность, блаженство и простоту, смешанные с трепетом перед тайной бытия. Наверное, похожие ощущения испытывали ранние христиане. Передо мною был мир, в котором возможны, приемлемы и правдоподобны любые чудеса. Я размышлял над

проблемами времени и пространства и с трудом понимал, как я мог всю жизнь верить в то, что линейное время и трехмерное пространство - обязательные и абсолютные измерения реальности.

Мне представлялось совершенно очевидным, что в сфере духа нет никаких границ, а время и пространство - всего лишь произвольные конструкции психики. Я осознал, что мне незачем сковывать себя пределами времени и пространства и что я вполне свободно могу путешествовать по пространственно-временному континууму. Это чувство было настолько убедительно и ошеломляюще, что мне захотелось проверить его на опыте. Я решил отправиться в дом своих родителей, который находится в Праге, за тысячи миль отсюда.

Определив направление и оценив расстояние, я представил себя летящим в пространстве к месту назначения. И действительно, я переживал движение сквозь пространство с невероятной скоростью, но никак не мог добраться до цели. Я не понимал, почему эксперимент не удался, ибо вполне убедительно ощущал, что такое путешествие в пространстве возможно. И вдруг до меня дошло, что я все еще нахожусь под влиянием своих старых представлений о времени и пространстве. Я продолжал думать в терминах направлений и расстояний и в соответствии с ними подходил к своей задаче. Мне пришло в голову, что здесь нужно заставить себя поверить, что место, где проходил сеанс, и место, куда я задумал отправиться, на самом деле тождественны. Я сказал себе: "Это не Балтимор. Это Прага. Прямо здесь и сейчас я нахожусь в Праге, в квартире родителей".

Когда я добился поставленной цели, у меня возникли очень странные ощущения. Я оказался в каком-то диковинном месте, заполненном электрическими схемами, лампами, проводами, резисторами и конденсаторами. После некоторого замешательства я понял, что мое сознание заключено в телевизор, который стоял в квартире моих родителей, в углу комнаты. Чтобы видеть и слышать, я каким-то образом пытался использовать динамики и кинескоп. Спустя некоторое время я невольно рассмеялся, так как осознал, что это переживание - что-то вроде символического розыгрыша, насмешка над тем, что я до сих пор в плену давних представлений о пространстве, времени и материи.

Ведь телевизор был для меня единственным способом увидеть те или иные отдаленные места. Разумеется, такая передача ограничена скоростью соответствующих электромагнитных волн. Как только я четко убедился и твердо уверовал, что мое сознание может выйти за пределы любых ограничений, включая скорость света, переживание быстро изменилось. Телевизор - "вывернулся наизнанку", и я обнаружил, что хожу по квартире своих родителей в Праге. В этот момент я не чувствовал никакого воздействия наркотика, и переживание было настолько ярким, словно все происходило наяву. Дверь в спальню родителей была приоткрыта. Я заглянул туда, увидел, как они спят, и услышал их дыхание. Я подошел к окну, посмотрел на часы, что висели на углу улицы. Время, которое они показывали, на шесть часов отличалось от времени проведения эксперимента в Балтиморе. Хотя шестичасовая разница во времени между этими двумя зонами соответствовала факту, я не счел это убедительным доказательством. Интеллектуально я знал об этой разнице во времени, и мой ум легко мог продуцировать это переживание.

Я лег на кушетку в углу одной из комнат и стал размышлять о своем опыте. Кушетка была та самая, на которой я провел свой последний психоделический сеанс перед отъездом в США. Мое первое ходатайство о разрешении поехать в США по научному обмену было отклонено чешскими властями. Свой последний сеанс в Праге я провел, ожидая ответа на повторное ходатайство. Неожиданно я почувствовал, как на меня нахлынула волна беспокойства. В мозгу возникла странная и жуткая мысль, которая завладела мной с необычайной силой: может быть, я вообще никогда не уезжал из Чехословакии и сейчас возвращаюсь из своего пражского психоделического сеанса? Может быть, положительный ответ на мой запрос, переезд в США, присоединение к балтиморской группе и участие в тамошнем психоделическом сеансе были просто визионерским путешествием, обусловленным неотвязным желанием

уехать. Я попался в коварную западную - пространственно-временной порочный круг и был не в состоянии определить свои реальные исторические и географические координаты.

Долгое время я чувствовал себя подвешенным между двумя равно убедительными реальностями. Я не мог сказать, переживал ли я астральное перенесение в Прагу из Балтимора, где проходил сеанс, или это был выход из проводимого в Праге сеанса, в котором я переживал свою поездку в Соединенные Штаты. Мне невольно вспомнился китайский философ Чжуан-цзы, который, пробудившись от сна, долго не мог понять, кто он: человек, которому снится, что он бабочка, или бабочка, которая во сне видит себя человеком.

ЗНАЧИМЫЕ СОВПАДЕНИЯ И СИНХРОННОСТИ

В этом контексте я хотел бы обсудить еще один важный аспект холотропных состояний, в корне меняющий наше понимание времени и пространства. Трансперсональные переживания часто связаны со странными, многозначительными совпадениями, которые невозможно объяснить в терминах линейной причинности. Во Вселенной, как она описана материалистической наукой, все события должны подчиняться закону причины и следствия. Поэтому любые совпадения, не поддающиеся объяснению в терминах причинности, приписывают тому, что входящие в них явления слишком сложны и что у нас недостаточно знаний о всех составляющих факторах. В силу всех этих неизвестных "скрытых переменных" исход можно предсказать только статистически и без особых подробностей. Однако порой адекватность такого толкования вызывает большие сомнения, так как статистическая невероятность определенных совпадений в нашей повседневной жизни бывает просто поразительной.

Недавно мой друг рассказал мне о совпадении, которое произошло в его семье. Его жена и ее сестра, живущая в другом городе, обе проснулись среди ночи в одно и то же время, потому что в их спальнях находились летучие мыши. На это происшествие они обе отреагировали совершенно одинаково. Несмотря на поздний час, они сразу же позвонили отцу, разбудили его и сообщили о необычном событии. Как известно большинству из нас, ситуации, не подпадающие под статистическую вероятность, встречаются гораздо чаще, чем ожидается. Мне лично довелось переживать множество необычных совпадений. Одно из них было особенно актуальным, поскольку повлекло за собой важные последствия, и его стоит описать.

В 1968 году, когда советские войска вошли в Чехословакию, я стажировался в Соединенных Штатах в Университете Джона Хопкинса в Балтиморе, Мэриленд. После этого вторжения чешские власти предложили мне немедленно вернуться назад, но я решил не подчиниться и остаться в США. В результате я почти двадцать лет не мог посетить родную страну. Все это время я не имел возможности открыто поддерживать контакт с друзьями и коллегами, живущими в Чехословакии. Для них это было политически опасно, поскольку мое пребывание в США считалось нелегальным. После освобождения Восточной Европы правление Международной трансперсональной ассоциации (МТА), где я был президентом, решило провести свою очередную встречу в Чехословакии, и я поехал в Прагу, подыскать место для ее проведения.

В Пражском аэропорту я взял такси и поехал к матери. Сидя в кресле с чашкой чая, я размышлял о своей задаче. По причине долгого отсутствия я потерял все контакты, не знал обстановки и понятия не имел, с чего начать. Минут десять я обдумывал ситуацию, но без толку. Внезапно ход моих мыслей прервал громкий звонок в дверь. Я открыл и увидел Томаса, коллегу-психиатра, который раньше был моим близким другом. Перед моим отъездом в США мы вместе занимались исследованиями необычных состояний, присутствуя на психоделических сеансах друг у друга. Он услышал от знакомых, что я приезжаю в Прагу, и пришел поздороваться.

К своему удивлению, я узнал, что, когда Томас уже собирался выйти из дома, у него зазвонил телефон. Это был Иван Гавел, выдающийся исследователь искусственного интеллекта и брат президента Чехии Вацлава Гавела. Они с Томасом учились в одной школе и с тех пор дружили. Как выяснилось, Иван Гавел возглавлял группу прогрессивных ученых, которые при коммунистах тайно занимались исследованиями новой парадигмы и трансперсональной психологии. Эта группа слышала о моей работе на лекции одного из моих друзей, советского ученого-диссидента Василия Налимова. Иван Гавел знал, что мы с Томасом были друзьями, и позвонил ему, чтобы установить контакт между мной и группой.

Благодаря этому необычайному стечению обстоятельств мне потребовалось всего лишь десять минут, чтобы получить идеальную поддержку для проведения конференции МТА, связаться с группой высококомпетентных специалистов, живо интересующихся данной темой, а также с главой государства, который, как оказалось, имел глубокую духовную ориентацию. Конференция, состоявшаяся в 1992 году под эгидой Вацлава Гавела, прошла очень успешно.

Возможно, самым знаменитым случаем совпадения является забавная история, которую рассказал французский астроном Флам-марион и цитировал К. Г. Юнг. Это история о некоем господине Дешане и об особом пудинге с изюмом. Когда Дешан был мальчишкой, его угостил кусочком этого редкостного пудинга некий господин де Форжибю. С тех пор прошло десять лет, и у Дешана не было возможности еще раз попробовать этот деликатес, пока он не поехал во Францию и не увидел такой пудинг в меню одного из парижских ресторанов. Он заказал официанту принести его. Однако, как оказалось, последняя порция пудинга была уже заказана. И как вы думаете кем? Г-ном де Форжибю, который тоже случился в этом ресторане. Много лет спустя г-на Дешана пригласили на вечеринку, где как особый деликатес подавали этот пудинг. Лакомясь пудингом, г-н Дешан невзначай обронил, что здесь недостает только г-на Форжибю. В этот миг открылась дверь и в комнату вошел пожилой человек, который, казалось, чувствовал себя крайне неловко. Это был г-н Форжибю, который попал на вечеринку по ошибке - ему дали неправильный адрес, а направлялся он совсем в другое место.

Существование таких необычайных совпадений трудно уживается с пониманием вселенной, разработанным материалистической наукой. Легче представить себе, что такие стечения обстоятельств имеют некий глубинный смысл и являются забавами космического разума. Данное объяснение выглядит особенно правдоподобно, когда в совпадениях присутствует элемент юмора, как чаще всего и бывает. Я приведу здесь для иллюстрации подлинную историю из жизни американского астронавта Нейла Армстронга, первого человека, побывавшего на Луне. Астрономическая невероятность того, что нечто подобное может произойти случайно, в сочетании с тонким юмором делает эту историю одним из самых уникальных совпадений всех времен.

Выходя из лунного модуля, прямо перед тем как ступить на поверхность Луны, Нейл Армстронг произнес свои знаменитые слова: "Для человека это маленький шаг, зато для человечества - гигантский". Но куда менее известно, что, покидая поверхность Луны и залезая обратно в лунный модуль, он пробормотал: "Удачи вам, мистер Горски". После возвращения на Землю любопытные корреспонденты допытывались, что бы могло означать это высказывание, но Армстронг отказался его комментировать. Некоторые думали, что оно адресовано кому-то из советских космонавтов, но в их списке никого с такой фамилией не значилось. После множества неудачных попыток выяснить, в чем дело, журналисты об этом забыли.

В прошлом году на одной вечеринке во Флориде кто-то снова вспомнил об этом. На сей раз Нейл Армстронг изъявил готовность раскрыть смысл этого высказывания, поскольку м-р Горски и его жена уже умерли. Когда Нейл был ребенком, семья Горски жила в соседнем доме. Однажды Нейл играл с друзьями в футбол на заднем дворе. Случилось так, что мяч упал в сад Горски, прямо под открытые окна их спальни, и Нейла послали забрать его оттуда. Супруги Горски как раз ссорились, и, когда Нейл поднимал мяч, миссис Горски закричала: <Что, орального секса захотел? Будет тебе оральный секс - когда соседский мальчишка ступит на Луну!"

Хотя совпадения такого рода чрезвычайно интересны сами по себе, работа К.Г. Юнга добавила к этому загадочному явлению еще одно измерение. Ситуации, описанные выше, содержали весьма неправдоподобные стечения обстоятельств в мире материи. Юнг же описывал множество примеров поразительных совпадений, в которых наблюдалась многозначительная связь между различными событиями общепринятой реальности и интрапсихическими переживаниями, такими, как сны или видения. Юнг назвал такие совпадения "синхронностью".

В своей знаменитой работе "Синхронность: непричинный связующий принцип" (1960) Юнг определил синхронность как "одновременное наступление некоего психического состояния и одного или нескольких событий внешнего мира, имеющих существенные параллели с субъективным состоянием на данный момент". Ситуации такого рода показывают, что наша психика может входить в свободное взаимодействие с тем, что вроде бы является миром материи, и тот факт, что это может случиться, стирает границы между субъективной и объективной реальностью.

Среди множества случаев синхронности, имевших место в жизни самого Юнга, особенно известен один, который произошел во время терапевтического сеанса с одной из его пациенток. Эта пациентка очень плохо поддавалась лечению и никак не могла представить себе существование трансперсональных реальностей. Лечение было почти безуспешным до тех пор, пока не произошло следующее событие. Она увидела во сне золотого скарабея. Анализируя этот сон, Юнг услышал легкий стук в окно. Он пошел посмотреть, что там такое, и обнаружил на подоконнике блестящего, похожего на скарабея жука, который пытался пробраться внутрь. Это был очень редкий вид, ближайшая аналогия золотого скарабея в этих широтах. Прежде с Юнгом никогда ничего подобного не случалось. Он открыл окно, взял жука и показал своей пациентке. Эта удивительная синхронность оказала глубокое влияние на процесс выздоровления и знаменовала начало психологического обновления.

СИНХРОННОСТИ И ВНУТРЕННЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Синхронные события особенно часты в жизни людей, которые в медитациях, психоделических сеансах, эмпирической терапии или спонтанных психодуховных кризисах переживают холотропные состояния сознания. Трансперсональные или перинатальные переживания часто связаны с необычными совпадениями. Например, когда мы в самоисследовании приближаемся к переживанию смерти эго, в нашей жизни сразу же накапливаются опасные ситуации и несчастные случаи. Я здесь имею в виду не только события, на которые мы сами каким-то образом повлияли, но и события, причиной которых явились другие люди или независимые факторы. Когда мы в своих внутренних процессах встречаемся со смертью это и затем переживаем возрождение, то опасные жизненные ситуации, как правило, разрешаются таким же чудесным образом, как и возникли. По всей видимости, вместо буквального физического разрушения нам предоставляется альтернатива внутренней, психологической смерти.

Сходным образом, когда нам случается испытать некое сильное переживание шаманского типа, где участвует животный дух-проводник, это животное вдруг может начать появляться в различных формах в нашей жизни с частотностью, выходящей за рамки разумной вероятности. Например, в ходе шестидневного дыхательного тренинга одна из участниц, психолог по профессии, пережила холотропное состояние, где важную роль играла сова, животный дух-проводник. В тот же день она принесла с прогулки в лесу останки совы. Возвращаясь домой по завершении цикла, она вдруг заметила на обочине дороги раненую птицу - это оказалась крупная сова со сломанным крылом, которая без сопротивления позволила женщине взять ее в машину. Вылечив сову, она выпустила ее на волю.

Точно так же в период внутреннего столкновения с архетипическими образами Анимуса, Анимы, Мудрого Старца или Ужасной Богини-Матери идеальные фигуры этих персонажей начинают встречаться в физической форме в повседневной жизни. Многие рассказывали, что когда они включаются в проект, вдохновленный трансперсональными сферами психики, то в их жизни учащаются поразительные синхронности, что удивительным образом облегчает их работу. Мой опыт с пражской конференцией МТА, который я описал ранее, определенно подходит под эту категорию.

Когда мы заняты систематическими внутренними поисками, включающими работу с холотропными состояниями, можно со значительной уверенностью ожидать, что рано или поздно нам предстоит встретиться с синхронностями. Иногда мы замечаем только отдельные случайные совпадения, но бывает и так, что на нас сваливается целая серия таких событий. В зависимости от содержания они могут вызывать либо значительный духовный подъем, либо, наоборот, подавленность и страх. Если такие совпадения убедительны и кумулятивны, они в обоих случаях могут привести к серьезным проблемам в повседневной жизни.

Традиционная психиатрия не проводит различий между подлинными синхронностями и ложным психотическим толкованием мира. Поскольку материалистическое мировоззрение является строго детерминистским и не принимает возможности существования "многозначительных совпадений", то любые намеки на необычные синхронности в рассказе пациента автоматически толкуются как бред отношения, т.е. как симптом серьезного психического заболевания. Однако не может быть никаких сомнений в том, что существуют подлинные синхронности, где любой человек, имеющий доступ к этим фактам, должен признать, что данные совпадения выходят за рамки статистической вероятности.

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЗНАНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ФИЗИКА

Юнг прекрасно отдавал себе отчет, что явление синхронности несовместимо с традиционным научным мышлением. Глубоко укорененное убеждение в том, что основным законом природы является причинность, не позволило Юнгу сразу опубликовать свои наблюдения, которые не соответствовали существующему штампу. Он откладывал публикацию своего труда на эту тему до тех пор, пока вместе с другими учеными не собрал буквально сотни убедительных примеров синхронности и не уверился окончательно, что есть все основания рассказать об этом явлении.

Пытаясь разгадать это явление, Юнг заинтересовался открытиями квантово-релятивистской физики и альтернативным мировоззрением, которое она порождала. Он близко познакомился с Вольфгангом Паули, одним из отцов квантовой физики. Юнг понял, что собственные его наблюдения обретают много большее правдоподобие и приемлемость именно в контексте этой новой физической теории. Дополнительная поддержка идеям Юнга пришла ни больше ни меньше как от самого Альберта Эйнштейна, который при личной встрече с Юнгом побудил его к дальнейшему развитию идеи синхронности, ибо тоже полагал, что она полностью согласуется с новым мышлением в физике (Jung 1973).

Поскольку вышеописанное обсуждение произвольной и двусмысленной природы времени и пространства может показаться человеку, не имеющему трансперсонального опыта, неправдоподобным или даже невозможным, то уместно упомянуть некоторые удивительные альтернативы нашему обычному пониманию реальности, возникшие в этом столетии в современной физике. Фантастические и, казалось бы, абсурдные прозрения холотропных состояний бледнеют рядом с дерзкими гипотезами о микромире и макромире, которые выдвинуты передовыми представителями квантово-релятивистской физики. Благодаря магическим чарам математики самые смелые теории, описывающие природу реальности, принимаются всерьез, если исходят от ученых, занимающихся квантовой физикой, астрофизикой и космологией, тогда как, если источником аналогичных концепций является исследование сознания или трансперсональная психология, их подвергают критике и даже осмеивают.

Согласно ведущей космогенетической теории, около пятнадцати миллиардов лет назад не существовало ни времени, ни пространства. Они были созданы вместе с материей во время "Большого взрыва", когда в результате катаклизма - невообразимо колоссального взрыва безразмерной точки, или сингулярности - родилась Вселенная. И наоборот, через миллиарды лет, когда произойдет сжатие Вселенной, время и пространство, возможно, снова прекратят свое существование. Аналогичный процесс уже идет в космосе в тех местах, где умирающие звезды-гиганты быстро сжимаются, выводят себя из состояния бытия и образуют то, что физики называют "черными дырами". Внутри черных дыр, за определенной границей, которую физики называют "горизонтом событий", пространства, времени и известных нам физических законов более не существует.

В начале нашего века Альберт Эйнштейн, заменив ньютоновское трехмерное пространство и линейное время четырехмерным пространственно-временным континуумом, осуществил концептуальный прорыв беспрецедентных масштабов. Во Вселенной Эйнштейна возможно перемещаться в пространстве-времени таким же образом, как мы обычно перемещаемся в пространстве. Знаменитая формула Эйнштейна гласит, что время замедляется пропорционально скорости движущейся системы и останавливается, когда эта скорость достигает скорости света. Тогда получается, что в системе, движущейся со сверхсветовой скоростью, время должно течь в обратном направлении. Калифорнийский физик Ричард Фейнман, открывший, что частица, движущаяся во времени вперед, тождественна античастице, движущейся во времени вспять, получил за это свое открытие Нобелевскую премию.

Физики-теоретики Джон Уилер, Хью Эверет и Нейл Грэм получили известность, благодаря так называемой "гипотезе множественных миров", согласно которой наша вселенная каждое мгновение раскалывается на бесконечное множество вселенных. Профессор теоретической физики Калифорнийского технологического института Кип С. Торн в своей потрясающей книге (Kip S. Thorn 1994) серьезно обсуждал возможность использования в будущем "червоточин", "лазеек", позволяющих мгновенно перемещаться в различные точки Вселенной, расположенные от нас на расстоянии многих световых лет, и даже возможность путешествий во времени вспять. Согласно Дэвиду Бому (David Bohm 1980), который многие годы сотрудничал с Эйнштейном, мир, как мы его знаем,

представляет собой только один аспект реальности, ее "явный", или "развернутый, порядок". Его порождающей матрицей является "скрытый порядок", т. е., как правило, незримая для нас сфера, в которой время и пространство свернуты.

Я включил в эту книгу краткий экскурс в современную физику, ибо образное и творческое мышление в этой дисциплине образует столь разительный контраст по сравнению с узколобым подходом академических психиатров и психологов к проблеме психики и сознания человека. Безусловно, радуется, до какой степени физики, пытаясь понять мир материи, сумели в своих исследованиях преодолеть укоренившиеся представления. Не исключено, что дерзкие гипотезы современных физиков помогут нам без предубеждений подойти к необычным и интересным результатам современных исследований сознания.

КОСМИЧЕСКИЙ ТАНЕЦ

Попробуем теперь подвести итог сказанному о холотропных прозрениях, которые описывают бытие как фантастичное эмпирическое путешествие Абсолютного Сознания - нескончаемый космический танец, совершенную игру или божественную драму. Разыгрывая эту драму, творческий принцип, или начало, порождает из самого себя и внутри себя несчетное множество индивидуальных образов, отдельных единиц сознания, обладающих различной степенью автономности и независимости. Каждая из этих единиц предоставляет возможность уникального опыта, эксперимента в глубинах сознания. Испытывая творческую страсть исследователя, ученого и художника, творческий принцип экспериментирует со всеми мыслимыми переживаниями в их бесконечных вариациях и сочетаниях.

В этой божественной игре Абсолютное Сознание находит возможность выразить свое внутреннее богатство, изобилие и огромную способность творить. Посредством своих творений оно на всех вообразимых уровнях переживает бесчисленное множество индивидуальных ролей, встреч, замысловатых драм и приключений. Диапазон этой божественной игры всех игр огромен - от галактик, солнц, планет, движущихся по своим орбитам, и лун, через растения, животных и людей до ядерных частиц, атомов и молекул. В архетипических сферах и других измерениях бытия также разворачиваются драмы, но они недоступны нашему восприятию в обычном состоянии сознания.

В бесконечных циклах творения, сохранения и разрушения Абсолютное Сознание преодолевает чувство однообразия и запредельной тоски. Временное отрицание и утрата его изначального состояния чередуются с эпизодами нового обнаружения и возрождения. Периоды агонии, муки и отчаяния сменяются эпизодами блаженства и экстатического восторга. Когда изначальное, недифференцированное сознание после временной утраты вновь обретает себя, оно переживается как восторг, изумление, свежесть и новизна. Существование агонии позволяет по-новому пережить экстаз, знание тьмы поддерживает правильное понимание света, а степень просветленности прямо пропорциональна глубине прежнего неведения. Вдобавок с каждым экскурсом в феноменальные миры, за которым следует возвращение, Вселенский Разум обогащается опытом различных ролей, участвующих в этом процессе. Конкретно выразив большую часть своего внутреннего потенциала, он увеличивает и углубляет познание самого себя.

Для такого понимания космического процесса необходимо допустить, что Вселенский Разум сознательно переживает все аспекты творения - как наблюдаемые объекты, так и субъективные состояния. Таким образом, он может исследовать не только весь спектр человеческих восприятий, эмоций, мыслей и ощущений, но и состояния сознания всех других форм жизни дарвиновского эволюционного древа. На уровне клеточного сознания он может переживать возбужденную погоню сперматозоида за яйцеклеткой и его слияние с ней во время зачатия, равно как и деятельность клеток печени и нейронов мозга.

Выходя за пределы царства животных и расширяясь в мир растений, Абсолютное Сознание может стать гигантской секвойей, переживать себя как насекомоядное растение, поглощающее мух, или участвовать в фотосинтезе, происходящем в листьях, и в оплодотворении семян. Аналогично этому интересные эмпирические возможности дают явления неорганического мира, начиная с внутриатомных связей, землетрясений и взрывов атомных бомб и кончая квазарами и пульсарами, а поскольку по своей глубочайшей природе наша психика тождественна Абсолютному Сознанию, то эти эмпирические возможности при определенных обстоятельствах открыты для каждого из нас.

Глядя на реальность с перспективы Вселенского Разума, мы выходим за пределы всех противоположностей, переживаемых в обычном состоянии. Это справедливо для таких

категорий, как дух-материя, постоянство-движение, добро-зло, мужское-женское, красота-уродство, мучение-экстаз. Что касается различия между субъектом и объектом, наблюдателем и наблюдаемым, переживающим и переживаемым, творцом и творением, то его в конечном итоге не существует. Все роли в космической драме исполняет единственный актер - Абсолютное Сознание. Именно эта простая и важнейшая истина бытия обнаружена в древнеиндийских упанишадах. В наше время она нашла прекрасное художественное выражение в стихотворении вьетнамского буддийского учителя Тхить Нят Ханя "Зовите меня моими истинными именами" ("*Call Me By Me True Names*").

*Не говорите, что я завтра уйду,
ибо и сегодня я все еще прихожу.*

*Глубже всмотритесь, ведь я прихожу каждый миг,
чтобы почкою стать на весеннем побеге,
крошечной птичкой с хрупкими крыльями
и песнь свою спеть в новом гнезде,
чтобы стать гусеницей в сердцевине цветка
или драгоценностью, что таит себя в камне.*

*Я все еще прихожу, чтоб смеяться и плакать,
чтоб испытывать страх и лелеять надежду,
Ритм моего сердца - это смерть и рождение
всего, что живет.*

*Я мушка-однодневка, возникающая из куколки
на речной глади,
и я же - птица, что с наступлением весны
прилетает, чтобы съесть эту мушку.*

*Я лягушка, радостно плавающая
в чистой воде пруда,
и я же - уж, что съедает лягушку,
бесшумно приблизившись к ней.*

*Я дитя Уганды - кожа да кости,
мои ноги тонки, как побеги бамбука,
и я же - торговец оружием,
продающий Уганде то, что несет смерть.*

*Я двенадцатилетняя девочка в маленькой лодке,
Над нею надругался морской пират -
и она бросилась в пучину океана.
И я же - пират,
и сердце мое все еще не способно понимать и любить.*

*Я член Политбюро,
в руках моих сосредоточена власть,
и я же - человек,
который вынужден отдавать свой кровный долг
согражданам, медленно умирая на каторге.*

*Моя радость подобна весне,
вместе с ней распускаются цветы
на всех тропинках жизни.
Боль моя подобна реке слез,
переполняющей все четыре океана.*

*Пожалуйста, зовите меня моими истинными именами -
Тогда я смогу одновременно услышать свой плач и свой смех.
Тогда я смогу узреть, что мои боли и радости суть одно.*

*Пожалуйста, зовите меня моими истинными именами -
Тогда я смогу пробудиться, и врата моего сердца,
врата сострадания
будут открыты всегда.*

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРОБЛЕМА ДОБРА И ЗЛА

*Следовательно, тот, кто хочет иметь
Правильное без неправильного,
Порядок без хаоса,
Не понимает принципов
неба и земли.
Он не знает, как
вещи связаны друг с другом.*

Чжуан-цзы. "Великое и малое"

ЭТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ САМОПОЗНАНИЯ

Один из важнейших вопросов, который постоянно возникает в холотропных состояниях сознания во множестве различных форм и на различных уровнях, - это вопрос этики. Когда наши внутренние переживания сосредоточены на биографических моментах, этические проблемы обычно выражаются в форме настоятельной необходимости пересмотреть всю нашу жизнь, начиная с детства, и оценить ее с нравственной точки зрения. Как правило, они связаны с проблемами представления о самом себе и самооценки. Пересматривая историю нашей жизни, мы порой испытываем острую потребность проверить, соответствуют ли наша личность и поведение моральным стандартам, будь то наши собственные, укоренившиеся в нашей семье или в обществе. Обычно критерии здесь весьма относительны и имеют свои особенности, поскольку в них непременно присутствует сильный личный, семейный и культурный уклон. Мы, в сущности, судим о нашем поведении в терминах ценностей, которые навязаны нам извне.

Существует и другая форма суждения, когда мы оцениваем наш характер и поведение не на основе устоявшихся каждодневных критериев, а с позиций вселенского закона и космического порядка. Такие переживания бывают в различных холотропных состояниях, но особенно часто - в присмертных ситуациях, как часть обзора жизни. Многие люди, побывавшие на грани смерти, рассказывают о своих встречах со Светоносным Существом и о том, как в его присутствии подвергали свою жизнь беспощадному пересмотру. Эта сильная тенденция человеческой психики к моральной самооценке отражена в эсхатологических мифологиях многих культур - в сценах божественного суда.

По мере углубления процесса самоисследования мы можем обнаружить в себе прежде не осознанные и в высшей степени сомнительные эмоции и импульсы, т. е. темные и разрушительные аспекты бессознательного нашей психики, которые К.Г. Юнг называл Тенью. Такое открытие способно напугать нас и встревожить. Некоторые из этих темных элементов представляют собой наши реакции на неприятные аспекты нашей истории, в частности на травмы младенчества и детства. Кроме того, мощный разрушительный потенциал, по всей видимости, связан с перинатальным уровнем нашей психики, с той сферой бессознательного, которая сформирована травмой рождения. Долгие часы мучительных и угрожающих жизни переживаний, связанные с прохождением через родовую канал, вызывают у плода естественную реакцию ярости. В результате образуется хранилище агрессивных наклонностей, которые мы будем носить в нашем бессознательном до конца жизни, если, конечно, не предпримем специальных усилий, чтобы увидеть их воочию и преобразовать в некую разновидность эмпирического самопознания.

С позиции этих открытий становится ясно, что грозные двойники в таких литературных произведениях, как "Странная история доктора Джекила и мистера Хайда" Р.Л. Стивенсона, "Портрет Дориана Грея" Оскара Уайльда или "Вильям Вильсон" Эдгара По, представляют собой не вымышленных литературных персонажей, но теневые аспекты средней человеческой личности. Люди, сумевшие заглянуть в глубину своей психики, часто рассказывают, что обнаруживали в себе разрушительный потенциал, вполне сопоставимый

с разрушительным потенциалом Чингисхана, Гитлера или Сталина. Ввиду столь потрясающих прозрений люди обыкновенно испытывают мучительные опасения по поводу собственной природы и лишь с великим трудом принимают ее.

Когда эмпирическое самоисследование перемещается на трансперсональный уровень, как правило, возникают серьезные этические вопросы касательно человечества в целом, т. е. всего вида *homo sapiens*. Трансперсональные переживания часто отражают яркие исторические события, а иногда представляют даже панораму всей истории. Из них становится ясно, что в человеческой жизни необузданное насилие и ненасытная алчность всегда были чрезвычайно мощными движущими силами. Отсюда вытекает вопрос о человеческой природе и соотношении добра и зла в *homo sapiens*.

Неужели люди по сути своей всего лишь "безволосые обезьяны", и насилие вплетено в структуру человеческого мозга? Как нам объяснить тот аспект человеческого поведения, который психоаналитик Эрих Фромм (Erich Fromm 1973) назвал "пагубной агрессивностью" - порочностью и разрушительностью, которым нет равных в царстве животных? Как объяснить бессмысленное кровопролитие в несчетных войнах, массовые убийства эпохи инквизиции, массовое уничтожение евреев фашистами, сталинский ГУЛАГ, резню в Югославии и Руанде? Что и говорить, трудно найти аналог такому поведению в мире животных!

Текущий глобальный кризис являет нам не слишком воодушевляющий и обнадеживающий образ современного человечества. Постоянно растет насилие - войны, бунты, терроризм, пытки и преступления, - а мощь современного оружия достигла апокалиптических масштабов. Миллионы людей по всему миру живут в нищете и голоде или умирают от болезней, которые излечиваются легко и без особых затрат, и в то же время миллиарды долларов тратятся на безумие гонки вооружений. Страшный суд вполне может стать реальностью - люди сами придумали не один способ погубить себя как вид, а заодно и всю жизнь на планете. Поскольку же все мы склонны считать *homo sapiens* венцом природной эволюции, не содержит ли в себе не только человечество, но и сам феномен жизни некий принципиальный изъян? В холотропных состояниях эти вопросы встают с мучительной требовательностью и яркостью.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ КРИТЕРИЕВ ДОБРА И ЗЛА

Эти прозрения, касающиеся этических предметов, а также ответы на различные моральные вопросы обычно приходят, когда процесс углубленного самоисследования смещается с одного уровня сознания на другой и мы обретаем доступ к информации, которой прежде не располагали. Наше этическое суждение о каждодневных вещах может до некоторой степени меняться, причем довольно резко, и без прозрений, открывающихся с более высоких уровней сознания, а просто благодаря получению новой информации. Из-за нашей недалекости эти кажущиеся благословения могут впоследствии оказаться сущими бедствиями. Когда мы глубоко вникали в ситуацию, действия, которые раньше выглядели полезными, нередко предстают перед нами в весьма зловещем облике.

Для примера возьмем изобретение инсектицида ДДТ вскоре после второй мировой войны. Сначала ДДТ очень хвалили как эффективное оружие против болезней, переносимых насекомыми. С целью искоренения желтой лихорадки и малярии тысячи тонн этого вещества было свалено в болота в различных странах мира. В то время проект, по близорукости, признали ценным и достойным одобрения. Разработку ДДТ сочли столь позитивным вкладом, что в 1948 году его изобретатель Пауль Мюллер был удостоен Нобелевской премии в области физиологии и медицины. Однако, как оказалось, мечта эпидемиологов обернулась экологической катастрофой.

Было обнаружено, что ДДТ не подвержен биологическому распаду и огромные его количества так и остаются в природе. Вдобавок вследствие особого сродства ДДТ с жирами, он стал накапливаться в живых организмах, двигаясь по пищевой цепочке от планктона к мелкой и крупной рыбе, птицам и млекопитающим. В тканях птиц концентрация ДДТ часто была настолько высока, что снижала их способность вырабатывать достаточно прочную яичную скорлупу и ставила под угрозу жизнь эмбриона. Теперь мы знаем, что именно ДДТ привел к исчезновению в некоторых местах пеликанов, бакланов, соколов и орлов. Географически он захватил даже Арктику и Антарктику, будучи обнаружен в жировых тканях пингвинов. ДДТ проник и в молочные железы и молоко кормящих матерей, и, хотя его много лет назад сняли с производства, недавно выяснилось, что он принадлежит к числу факторов, обуславливающих рак молочной железы.

К проблеме относительности добра и зла обращался в своей пьесе "Дьявол и Господь Бог" Жан-Поль Сартр (Sartre 1960). Главный герой этой пьесы - Гец, порочный и безжалостный военный лидер, совершающий в силу своих необузданных амбиций множество преступлений и злодеяний. Однако, воочию увидев ужасы чумы, вспыхнувшей в городе, осажденном и захваченном его войсками, он преисполняется страхом смерти и дает Господу обет стать другим человеком, если Господь спасет ему жизнь. В этот момент чудесным образом появляется некий монах и помогает ему уйти из города через потайной подземный ход. Гец сдерживает свое слово - отныне жизнь его неуклонно направлена к добру. Но, оказывается, эта новая жизнь приносит еще больше зла, чем бывшие жестокие битвы. Эта пьеса, безусловно, была сартровским комментарием к истории христианства, которая являет собой ярчайший пример того, как безжалостное насаждение проповеди любви может привести к злодеяниям и стать причиной огромных страданий.

В моральных кодексах различных культур проблема этики трактовалась по-разному. Например, одни общества подчеркивают ценность человеческого тела и даже считают его священным, тогда как другие убеждены, что все связанное с телом и его физиологическими функциями априорно порочно и несет в себе зло. Одни культуры не придают значения наготы и полагают ее естественной, другие же требуют, чтобы женщины полностью закрывали свое тело и частично лицо. У одних народов прелюбодеяние каралось смертью, а вот по древнему эскимосскому обычаю хозяин дома по долгу гостеприимства предлагал свою жену всякому гостю-мужчине. И полигамия, и полиандрия практиковались в истории различных культур как социально приемлемые альтернативы. В одном из племен Новой Каледонии убивали близнецов, если один был мужского пола, а другой женского, ибо считалось, что они совершили кровосмешение уже в чреве. В противоположность этому в Древнем Египте и в Перу закон требовал, чтобы в семьях правителей братья женились на сестрах.

В Японии самоубийство часто не только рекомендовалось, но в определенных ситуациях, дабы избежать позора, практически требовалось. В Китае и в других местах, когда умирал правитель, его жен и слуг убивали и хоронили вместе с ним. Согласно индийскому обычаю сати, вдова следовала за покойным мужем на погребальный костер. Обычай сати, а также умерщвление младенцев женского пола практиковались в Индии еще долгое время после того, как англичане в XVIII веке наложили на это запрет. Ритуальные человеческие жертвы имели место у многих народов, и каннибализм был принят в таких развитых культурах, как ацтеки и маори. Таким образом, с межкультурной и трансперсональной позиции жесткое соблюдение обычаев и правил, продиктованных различными психобиологическими и социальными аспектами, можно рассматривать как преднамеренный эксперимент космического сознания, в котором систематически исследуются все возможные эмпирические варианты.

ЗЛО КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ТВОРЕНИЯ

Одна из самых трудных этических проблем, которые предстают перед нами в холотропных состояниях сознания, - необходимость примириться с тем, что агрессия неразрывно вплетена в природный порядок и что выживание одних форм жизни возможно только ценой гибели других. Голландский микробиолог и изобретатель микроскопа Антони ван Левенгук так выразил эту мысль: "Одна жизнь существует за счет другой, это жестоко, но такова воля Божия". Английский поэт Альфред Теннисон говорил о природе, что ее "зубы и когти обагрены кровью". Джордж Уильямс (Williams, 1966), размышляя о дарвиновском мировоззрении, высказался еще резче: "Мать-Природа - злая старая ведьма", а маркиз де Сад, давший свое имя садизму, охотно ссылался на жестокость природы, оправдывая собственное поведение.

Даже ведя самый совестливый образ жизни, мы все равно не избежим этой дилеммы. Алан Уоттс в статье "Убийство на кухне" рассмотрел с данной позиции дилемму мясоедства и вегетарианства. Тот факт, что "кролики кричат громче, нежели морковь", не показался ему достаточной причиной, чтобы сделать выбор в пользу последней. По-своему сформулировал эту мысль Джозеф Кэмпбелл в своем определении вегетарианца как "человека, которому недостает чувствительности, чтобы услышать, как плачет помидор". Поскольку жизнь должна питаться жизнью, хоть животной, хоть растительной, Уоттс рекомендовал в качестве решения подход, который обнаруживается во многих туземных культурах - как в общинах охотников/собирателей, так и в земледельческих обществах. Эти

группы прибегают к ритуалам, выражающим благодарность за съеденное, а также покорное согласие с собственным участием в пищевой цепи в обеих ролях.

Этические вопросы и их решения особенно усложняются, когда соответствующие прозрения и информация поступают с таких уровней сознания, которые обычно не всегда доступны, в частности из духовных измерений. Если вводить духовные критерии в ситуации повседневной жизни, причем в экстремальной форме, без учета соображений целесообразности, то последствия могут быть весьма печальными. Здесь в качестве примера можно упомянуть эпизод из жизни знаменитого немецкого врача, музыканта, филантропа и философа Альберта Швейцера. Однажды Альберт Швейцер лечил в своем госпитале в джунглях Ламбарене коренного африканца, страдающего от заражения крови. И вот, стоя возле этого африканца со шприцем, наполненным антибиотиком, Швейцер внезапно спросил себя, кто дал ему право уничтожать миллионы жизней микроорганизмов, чтобы спасти одну человеческую жизнь. Иными словами, согласно каким критериям мы считаем себя вправе полагать человеческую жизнь высшей по отношению к жизни других видов.

Джозефа Кэмпбелла однажды спросили, как можно примирить наше духовное мировоззрение с необходимостью принимать в повседневной жизни практические решения, включая убийство ради спасения жизни. В качестве примера он описал ситуацию, где маленькому ребенку грозит укус змеи, яд которой смертелен. Вмешиваясь в такую ситуацию и убивая змею, мы отнюдь не говорим "нет" змее как неотъемлемой части устройства Вселенной, как значимому элементу космического порядка. Это не отрицает права змеи как части творения на существование и вовсе не означает, что мы не принимаем ее существование. Такое вмешательство не жест абсолютной космической значимости, но наша реакция на конкретную ситуацию.

БОЖЕСТВЕННЫЕ КОРНИ ЗЛА

Когда мы открываем мир архетипов и начинаем постигать воздействие его движущих сил на события материального мира, средоточие этических вопросов смещается с личного и культурного уровней в трансперсональную сферу. Здесь критической проблемой является дихотомия, заложенная в основу архетипической сферы. Мы осознаем, что пантеон архетипических существ содержит как благотворные, так и пагубные начала и силы, или, в терминологии доиндустриальных культур, благие и гневные божества, которые и в ответе за события материального мира. Однако рано или поздно становится ясно, что сами эти сущности не автономны. Они суть создания или проявления еще более высокого принципа, который пронизывает их и правит ими. Исходя из этого, вопрос морали находит новое средоточие - направляется к самому принципу творения.

Это, естественно, порождает совершенно новый ряд вопросов. Существует ли *один* источник творения, выходящий за пределы противоположностей и ответственный за добро и зло? А может быть, Вселенная - это поле сражения, где ведут свою битву две космические силы - добро и зло, как гласят зороастризм, манихейство и христианство? Если так, то какой из этих принципов сильнее и в конечном счете одержит верх? Если Бог, как утверждает традиционное христианство, благ и справедлив, всеведущ и всемогущ, то каким образом можно объяснить огромное зло, существующее в мире? Как это возможно, что миллионы детей гибнут от руки жестоких убийц или умирают от голода, рака и инфекционных болезней, не успев совершить в своей жизни никаких грехов? Здесь христианская теология обычно предлагает следующее объяснение: Бог карает этих людей заранее, ибо предвидит, что из них вырастут грешники. Что говорить, звучит это не слишком убедительно. Понятие кармы и перевоплощения, существующее в некоторых религиях, несколько лучше объясняет эту ситуацию. Оно учитывает также чудовищные несправедливости среди взрослых и различия в их судьбах. Ниже мы коснемся существования аналогичных концепций в раннем христианстве, особенно у гностиков. Во II веке церковь признала гностическое христианство ересью, а в IV веке при поддержке императора Константина подвергла его суровым гонениям.

В 553 году Константинопольский собор исключил из христианского вероучения идеи перевоплощения души, и христианство осталось с проблемой всемогущего, справедливого и благого Творца, создавшего мир, полный несправедливости и зла. Вера в перевоплощение может дать ответ на самые насущные вопросы, касающиеся темной стороны жизни, но она не обращается к вопросу об источнике кармической цепи причин и следствий.

В холотропных состояниях сознания важнейшие этические вопросы, касающиеся природы и происхождения зла, причины его существования и его роли в структуре творения, возникают спонтанно и весьма требовательно. Проблема нравственности творческого принципа, который непосредственно отвечает за все страдания и ужасы бытия или допускает и терпит зло, поистине огромна и трудноразрешима. Наша способность принять творение таким, каково оно есть, включая его теневую сторону и нашу собственную роль в нем, - одна из самых больших трудностей, с которыми мы можем столкнуться в углубленных философских и духовных исканиях. Поэтому интересно проанализировать, какими эти проблемы предстают перед людьми, которые встречаются с ними в своем путешествии в глубины сознания.

Переживания отождествления с Абсолютным Сознанием, или с Пустотой, включают выход за пределы всех противоположностей, в том числе добра и зла. Они содержат весь спектр творения: от самых благих аспектов до самых жестоких - но в непроявленной форме, как чистый потенциал. Поскольку этические суждения применимы только к миру проявленных феноменов, включающему противоположности, то проблема добра и зла тесно связана с процессом космического творения. С точки зрения нашего обсуждения очень важно понять, что этические ценности и нормы сами являются частью творения и потому не имеют абсолютно независимого существования. Вот что сказано об этом в древнеиндийском священном тексте Катха-упанишада:

*Как солнце, глаз всего мира,
не омрачается изъянами, [существующими] вне глаза,
так и единый атман во всех существах
не омрачается изъяном мира, оставаясь вне их.*

(Перевод В. В. Шеворошкина)

РОЛЬ ЗЛА ВО ВСЕЛЕНСКОМ ПОРЯДКЕ

Окончательное понимание и философское приятие зла, похоже, всегда включает признание, что в космическом творении ему отведена важная, даже необходимая роль. Например, глубокие эмпирические прозрения абсолютных реальностей, доступные нам в холотропных состояниях, зачастую показывают, что зло играет важную роль во вселенской драме. Поскольку космическое творение является *creatio ex nihilo*, "творением из ничего", оно должно быть симметрично. Все, что возникает, обретая существование, должно уравниваться своею противоположностью. С этой позиции существование любых противоположностей есть совершенно необходимая предпосылка творения феноменальных миров. Аналогом этому являются эксперименты и теории современных физиков по поводу материи и антиматерии. Ныне полагают, что в самые первые моменты существования вселенной частицы и античастицы были представлены в равном количестве.

Выше мы говорили о том, что один из "мотивов" творения - это, возможно, "необходимость" для творческого принципа познать себя, чтобы "Бог мог увидеть Бога" или "Лицо могло узреть Лицо". Коль скоро божественное творит, желая исследовать свой внутренний потенциал, то неполное выражение этого потенциала означало бы неполноту самопознания. А коль скоро Абсолютное Сознание еще и абсолютный Художник, Экспериментатор и Исследователь, оно скомпрометирует богатство творчества, если опустит некоторые важные варианты. Художники не ограничивают себя только красивыми, этическими и вдохновляющими темами. Они изображают любые стороны жизни, где присутствуют интересные образы и интригующие истории.

Существование теневой стороны творения усиливает его светлые аспекты, обеспечивая контраст и придавая вселенской драме необычайное богатство и глубину. Конфликт между добром и злом во всех сферах и на всех уровнях бытия служит неиссякаемым источником множества захватывающих историй. Однажды один ученик спросил Рамакришну, великого индийского провидца, святого и духовного учителя: "Свамиджи, для чего в мире существует зло?" Немного подумав, Рамакришна кратко ответил: "Чтобы жить было интереснее". Такой ответ может показаться циничным, если взглянуть на природу и масштабы страданий в мире, конкретных страданий, ведь это смерть миллионов детей от голода и болезней, безумие войн на протяжении всей истории, несчетные жертвы пыток и разрушительность стихийных бедствий. Однако мысленный эксперимент может помочь нам встать на другую позицию.

Давайте на миг представим себе, что мы можем устранить из миропорядка все, что обычно считается дурным или злым, - все элементы, которые, как нам кажется, не должны быть частью жизни. Поначалу может создаться впечатление, что тем самым мы сотворим идеальный мир - подлинный рай на земле. Однако далее мы замечаем, что ситуация гораздо сложнее. Допустим, мы начинаем с уничтожения болезней, которые, несомненно, принадлежат темной стороне жизни, и представляем себе, что их никогда не существовало. Вскоре мы обнаружим, что это вовсе не изолированное вмешательство, которое искореняет только один выбранный нами аспект мирового зла, оно глубочайшим образом воздействует на многие позитивные аспекты жизни и творения, нами высоко ценимые.

Вместе с болезнями мы уничтожаем всю историю медицины - медицинские исследования и полученные таким образом знания, открытие причин опасных болезней, а также замечательные средства для их лечения, такие, как витамины, антибиотики и гормоны. Нет больше чудес современной медицины - операций, спасающих людям жизнь, трансплантаций органов и генной инженерии. Мы теряем всех первооткрывателей этой науки - Вирхова, Земмельвайса, Пастера, - героев, посвятивших всю жизнь страстному поиску решения проблем медицины. Нет нужды в любви и сострадании всех тех, кто заботится о больных, начиная от врачей и медсестер и кончая множеством добросердечных людей. Мы теряем мать Терезу вместе с ее заслугами, за которые ей была присуждена Нобелевская премия, теряем шаманов и туземных знахарей с их красочными ритуалами и знанием целебных трав, чудеса Лурда и филиппинских хилеров!

Еще один очевидный аспект тьмы и зла в творении - это существование репрессивных режимов, тоталитарных систем, геноцида и войн. Если мы сосредоточим свои усилия на санации этой сферы, то уничтожим значительную часть человеческой истории и потеряем все героические подвиги борцов за свободу, которые во все времена жертвовали жизнью ради справедливости в своих странах и свободы соотечественников. Нет больше триумфальных побед над империями зла и упоения вновь обретенной свободой. Исчезнут и укрепленные замки всех времен и народов, а также музеи, где представлены уникальные изделия оружейников, образцы фортификационного искусства и разнообразная военная амуниция. Устранение насилия из космической драмы, естественно, сильно отразится и в мире искусства. Библиотеки, художественные музеи, музыкальные коллекции и киноархивы значительно обеднеют, если мы уберем из них все произведения, вдохновленные насилием и борьбой против него.

Отсутствие метафизического зла значительно уменьшит необходимость религии, ведь без мощного противника Бог станет этаким само собой разумеющимся, гарантированным удобством. Все связанное с обрядовой и духовной жизнью человечества будет изъято из миропорядка, и исторические события, вдохновленные религией, будут стерты, как будто их и не было. Незачем говорить, что мы также потеряем ряд лучших произведений искусства - литературы, музыки, живописи, скульптуры и кинематографа - рожденных конфликтом между божественным и демоническим. В мире не станет величественных готических соборов, мусульманских мечетей, синагог, индуистских и буддийских храмов и многих других шедевров архитектуры, вдохновленных религией.

Если мы продолжим дальше этот процесс очистки от вселенской "тени", творение утратит свою огромную глубину и богатство, и в конечном итоге мы придем к чрезвычайно блеклому и неинтересному миру. Поставь Голливуд фильм, отражающий такую реальность, кинотеатры наверняка были бы пусты. В весьма популярном пособии для сценаристов подчеркивается, что напряжение, конфликт и драма суть необходимая предпосылка успеха фильма. Фактически это предостережение касательно того, что фильму о "жизни в счастливом городке" наверняка гарантирован провал и банкротство.

Режиссеры, которые свободны выбирать для своих фильмов любые темы, обычно не останавливаются на слащавых бессобытийных историях со счастливым концом. В их фильмах, как правило, присутствуют приключения, опасности, трудности, серьезные эмоциональные конфликты, секс, насилие и зло. И разумеется, на самих создателей фильмов в значительной степени влияют вкусы и требования зрителей. И коль скоро Бог сотворил людей по своему образу и подобию, было бы не удивительно, если бы космическое творение следовало тем же принципам, что управляют творческой деятельностью и развлечениями в нашем мире.

В процессе глубокого эмпирического самоисследования мы обнаруживаем эту дихотомию творения на всех уровнях, где присутствуют формы и отдельные явления. Абсолютное Сознание и Пустота, существуя за пределами мира явлений, выходят за пределы всех противоположностей. Добро и Зло как отдельные сущности обретают существование и

проявляют себя на начальных стадиях творения, когда из недифференцированной матрицы Пустоты и Абсолютного Сознания возникают темные и светлые аспекты Божественного. Представляя собой полярные противоположности и будучи антагонистами по отношению друг к другу, оба этих аспекта существования суть необходимые элементы творения. В сложном и причудливом взаимодействии они порождают бесчисленное множество действующих лиц и событий на различных уровнях и в различных измерениях реальности, составляющих космическую драму.

ДВА ЛИЦА БОГА

В холотропных состояниях мы можем непосредственно переживать не только единый творческий принцип, но и его благую или злую форму по отдельности, как две дискретные единицы. Когда мы сталкиваемся с благой формой Бога, мы избирательно настраиваемся на позитивные аспекты творения. В этот момент мы не отдаем себе отчета в теневой стороне бытия и видим космическую пьесу в ее полноте, как нечто сияющее и блаженное. Зло представляется эфемерным или почти отсутствующим во вселенском устройстве.

Ближе всего к пониманию природы этого переживания можно подойти с позиций древнеиндийской концепции *сат-чит-ананды*. Это сложное санскритское слово состоит из трех корней: *сат* ("сущее", "существование") *чит* ("сознание") и *ананда* ("блаженство"). В нашем переживании мы отождествляем себя с сияющим, безграничным и безмерным принципом, или состоянием сущности, бытие которой бесконечно и которая обладает бесконечным сознанием или мудростью и переживает бесконечное блаженство, обладая также бесконечной способностью творить из самой себя формы и эмпирические миры.

У этого переживания *сат-чит-ананды*, или Сущего-Сознания-Блаженства, есть обратная сторона - космический принцип, объемлющий весь отрицательный потенциал Божественного. Он являет собой перевернутое зеркальное отражение принципа *сат-чит-ананды*, или диаметрально противоположность его основополагающим качествам. Здесь стоит вспомнить одну из начальных сцен "Фауста" Гете, где Мефистофель представляется Фаусту: "Я отрицаю все - и в этом суть моя"² ("Ich bin der Geist, der verneint"). Если посмотреть на явления, которые мы считаем дурными или вредными, можно увидеть, что они распадаются на три разные категории, каждая из которых есть отрицание одного из основополагающих качеств *сат-чит-ананды*.

Первое из этих трех основополагающих качеств положительного Божественного - это *сат*, сущее или бесконечное бытие. Соответствующая ему категория зла связана с понятиями и переживаниями ограниченного существования, прекращения существования и несуществования. В ней наличествуют недолговечность, правящая в феноменальном мире, и неизбежная перспектива окончательного уничтожения всего сущего. Это подразумевает нашу собственную кончину, смерть всех живых организмов и окончательное разрушение Земли, Солнечной системы и вселенной. Здесь можно вспомнить о горести и печали Будды Гаутамы, когда он, выезжая из отцовского дворца на прогулки, столкнулся с болезнью, старостью и смертью. В нашей традиции христианское средневековье придумало много афоризмов, напоминающих народу об этом аспекте существования: "Прах к праху, и во прах возвратишься", "Помни о смерти", "Так проходит слава мира" или "Смерть неизбежна, неведом лишь час".

Второй важный аспект *сат-чит-ананды* - это *чит*, или безграничное сознание, мудрость и разум. Соответствующая категория зла связана с различными формами и уровнями ограниченного сознания и неведения. Она покрывает широкий спектр явлений - от вредоносных последствий невежества, неадекватной информации и неправильного понимания вопросов повседневной жизни до самообмана и основополагающего неведения, касающегося природы бытия на высоком метафизическом уровне (авидья). Этот тип неведения описан Буддой и другими духовными учителями как один из главных корней страдания. Форма знания, которая может проникнуть сквозь завесу этого неведения и привести к освобождению от страдания, на Востоке называется праджня-парамита или запредельная мудрость.

Третья категория явлений, переживаемых как вред или зло, включает элементы, представляющие отрицание третьего основополагающего качества *сат-чит-ананды* - элемента безграничного блаженства, или *ананды*. Переживания данной категории и их причины наиболее непосредственно, очевидно и наглядно отражают темную сторону,

² - Перевод Н. Холодковского

поскольку препятствуют переживанию блаженства бытия. Они объемлют целый спектр тяжелых эмоций и неприятных физических ощущений, полностью противоположных божественному блаженству, таких, как физическая боль, тревога, стыд, чувство неполноценности, подавленность и вина.

Принцип зла, присущий творению, перевернутое зеркальное отражение *сам-чит-ананды*, может переживаться либо в чисто абстрактной форме, либо как более или менее конкретная манифестация. Одни люди описывают его как Космическую Тень, гигантское поле зловещей энергии, наделенной сознанием, разумом, разрушительным потенциалом и чудовищным стремлением к порождению хаоса, страданий и разрушений. Другие переживают вселенский принцип зла как исполинскую антропоморфную фигуру, символизирующую всепроникающее вселенское зло, или Бога Тьмы. Встреча с теневой стороной бытия может также принимать формы, связанные с той или иной культурой, например выступать в образах таких божеств, как Сатана, Люцифер, Ариман, Гадес, Лилит, Молох, Кали или Коатлику.

Для иллюстрации приведу здесь выдержку из рассказа тридцатипятилетнего психолога Джейн, пережившей в своем тренировочном сеансе потрясающее столкновение с темной стороной бытия, кульминацией которого была встреча с чудовищной персонификацией вселенского зла.

Мне казалось, что вплоть до этого мгновения я смотрела на жизнь сквозь розовые очки, которые мешали мне увидеть всю ее чудовищность. Теперь я видела несчетные образы различных форм жизни, существующих в природе, они нападали и пожирали друг друга. Вся цепь жизни - от самых низших организмов до самых высокоразвитых - вдруг предстала передо мной как жестокая драма, где большие и сильные поедали маленьких и слабых. Это переживание обрушилось на меня с такой сокрушительной силой, что я толком не могла увидеть другие аспекты, например красоту животных или изобретательность и творческий разум жизненной силы. Это была поразительная иллюстрация факта, что насилие есть подлинная основа жизни: жизнь неспособна выжить, не питаясь собою же. Травоядное животное - лишь менее явный и смягченный пример хищника в этом биологическом геноциде. Выражение "природа преступна", которым маркиз де Сад оправдывал собственное поведение, внезапно наполнилось новым смыслом.

Другие образы увлекли меня в путешествие по человеческой истории, и я убедилась, что в ней господствовали насилие и алчность. Я видела жестокие битвы пещерных людей, сражавшихся примитивными дубинками, видела и массовое истребление с помощью все более совершенного оружия. За видениями монгольских орд Чингисхана, прокатившихся по всей Азии, сея бессмысленное убийство и сжигая деревни, последовали ужасы нацистской Германии, сталинской России и африканского апартеида. Были и образы, отражавшие ненасытную алчность и безумие нашего промышленно развитого общества, которое ставит под угрозу всю жизнь на планете. Предельной иронией и жестокой шуткой в этом мрачном портрете человечества выглядела роль великих мировых религий. Было ясно, что эти институты, сулящие установить контакт с божественным, на самом деле зачастую служили каналом зла. От истории ислама, который насаждался огнем и мечом, христианских крестовых походов и жестокостей инквизиции до более поздних злодеяний с религиозной подоплекой религия всегда являла собой не решение проблемы, но ее часть.

Вплоть до этого момента сеанса Джейн наблюдала выборочный показ теневых аспектов жизни как в природе, так и в человеческом обществе, и ее не посещали прозрения относительно причин алчности и насилия. На следующей фазе переживание вывело ее прямо к тому, что казалось метафизическим источником мирового зла.

Внезапно переживание сменилось, и я встретила лицом к лицу с сущностью, отвечающей за все, что я видела. Это был образ, воплощающий квинтэссенцию вневременного Зла, - огромная, невероятно зловещая фигура, излучающая невообразимую мощь. И хотя я не могла точно оценить ее размеры, она казалась колоссальной, быть может объемлющей все галактики.

Она была как бы антропоморфной, но все же не имела совершенно четкой формы, и я могла лишь грубо различать отдельные части ее тела.

Она состояла из быстро сменяющихся, текучих динамических образов, которые голографически пронизывали друг друга. Проявляясь в соответствующих частях тела этого Бога Зла, они отражали различные формы зла. Так, его живот изобиловал сотнями образов жадности, ненасытности и отвращения, область гениталий вмещала в себя половые извращения, изнасилования и сексуальные убийства, руки - насилие, совершенное мечами, кинжалами и огнестрельным оружием. Я испытывала трепет и неопиcуемый ужас. В моем мозгу мелькали имена Сатаны, Люцифера и Аримана, но это были до смешного мягкие названия тому, что я пережила.

РАЗДЕЛЯЮЩАЯ СИЛА ЗЛА

Некоторые из тех, кому довелось переживать личную встречу с Космическим Злом, имели интересные прозрения относительно его природы и функции в миропорядке. Они видели, что этот принцип тесно вплетается в фактуру бытия и, принимая все более конкретные формы, пронизывает все уровни творения. Его различные проявления суть выражения энергии, которая заставляет отколовшиеся единицы сознания чувствовать себя отдельными друг от друга. Принцип зла отчуждает их и от их космического источника - недифференцированного Абсолютного Сознания. Таким образом, Космическое Зло мешает отколовшимся единицам осознать их сущностную тождественность с этим источником, равно как и основополагающее единство друг с другом.

С такой точки зрения зло тесно связано с движущими силами, о которых я говорил ранее как о "космической перегородке", "экране" или "забвении". Поскольку божественную игру, т. е. космическую драму, невозможно представить себе без действующих лиц, без отдельных различающихся сущностей, то в творении мира, каким мы его знаем, существование зла совершенно необходимо. Эта концепция в основе своей согласуется с идеей, высказанной в трудах ряда христианских мистиков; согласно этой идее, падший ангел Люцифер (букв. - "Носитель Света") как представитель противоположностей рассматривался как своего рода демург. Люцифер увлекает человечество в фантастическое путешествие в мир материи. Подходя к этой проблеме с другой позиции, мы можем сказать, что зло и страдания в конечном итоге основываются на ложном представлении о реальности, в частности на вере живых существ в свое отдельное индивидуальное "я". Это прозрение составляет важную часть буддийской доктрины *анатты* (не-я).

Постижение того, что зло во Вселенной является силой разделяющей, помогает понять и ряд типовых эмпирических шаблонов и последовательностей событий в холотропных состояниях. Так, экстатическим переживаниям воссоединения и расширения сознания часто предшествуют наводящие ужас встречи с силами тьмы, представленными в виде архетипических фигур зла или в виде прохождения сквозь демонические препоны. Обычно это связано с чрезвычайными душевными и физическими страданиями. Самым ярким примером, иллюстрирующим эту связь, является процесс психодуховной смерти и возрождения, в котором переживания агонии, ужаса и уничтожения гневными божествами сменяются чувством воссоединения с духовным источником. Эта связь находит конкретное выражение в буддийских храмах Японии, например в прекрасном храме Тогайдзи в Наре, где человек, прежде чем войти внутрь и увидеть сияющее изображение Будды, должен миновать устрашающие фигуры гневных защитников.

ОДНО ВО МНОГОМ, МНОГОЕ В ОДНОМ

Всякая попытка применить этические ценности к процессу космического творения должна учитывать один важный факт. Согласно прозрениям, описанным в этой книге, все воспринимаемые нами во вселенной границы произвольны и в конечном счете иллюзорны. По своей глубочайшей природе весь космос является единичной сущностью невообразимых размеров - Абсолютным Сознанием. Все роли в космической драме исполняет один-единственный актер, о чем и говорит приведенное выше прекрасное стихотворение Тхить Няг Ханя. Во всех ситуациях, где присутствует элемент зла, например ненависть, жестокость, насилие, лишение и страдание, творческий принцип играет в сложную игру сам с собой. Агрессор тождествен своей жертве, диктатор - угнетенному, насильник - изнасилованному, убийца - убитому. Больной, зараженный инфекцией, не отличатся ни от

бактерий, проникших в его организм и вызвавших заболевание, ни от врача, который лечит его антибиотиками, чтобы устранить инфекцию.

Яркой иллюстрацией ошеломительного осознания нашей сущностной тождественности космическому разуму служит выдержка из описания сеанса с Кристофером Бахом, профессором философии и религиоведения. Ранее я уже цитировал его описание встречи с Пустотой.

На передний план мало-помалу выдвинулась тема секса. Сначала секс возник в своей приятной форме, как обоюдное наслаждение и эротическое удовлетворение, но вскоре перешел в агрессивную форму, приняв вид насилия, подавления, травмы и боли. Силы сексуальной агрессии стали проникать и в смежные сферы человеческой жизни. Я стоял лицом к лицу с этими жестокими силами, заслоняя собой ребенка. Я пытался защитить ребенка от этих сил, не допустить, чтобы они настигли его. Мой ужас возрос, когда ребенок превратился в мою трехлетнюю дочку. Это была и она, и все дети мира сразу.

Я продолжал защищать свою дочь, пытаясь сдержать натиск надвигающейся силы, и все же знал, что в конечном итоге мои попытки закончатся провалом. Чем дольше я удерживал эти силы, тем мощнее они становились. Здесь <я> было не просто моим личным "я", в нем присутствовали "я" многих тысяч людей. Ужас был неопишуем. Оглядываясь назад, я ощущал поле, создаваемое испуганным невинным существом, но вот добавился еще один элемент - мотив мистических объятий. На ребенка наложился образ Первичной Женственности, самой Богини-Матери. Она манила меня к себе, чтобы я обнял ее, и я инстинктивно знал, что нигде больше не найду такого упоения, как в ее объятиях.

Удерживая могучий сексуальный натиск, я удерживал себя и от мистических объятий Богини, ибо, несмотря на сладостные обещания искупления, я не мог изнасиловать и убить собственного ребенка. Это безумие нарастало до тех пор, пока я не повернулся лицом к своей жертве. Все еще сдерживая ужасный натиск сил, толкающих на убийство, я теперь стоял перед своей жертвой и разрывался между страстью и защитой. Моей жертвой одновременно была собственная дочь, беспомощная, невинная и хрупкая, и Изначальная Женщина, приглашающая меня к половому акту космических масштабов.

После долгой мучительной битвы с ужасным натиском импульсов насилия Крис стал мало-помалу уступать, позволяя им себя проявить. Мучительная ситуация разрешилась, когда он сумел обнаружить, что за отдельными лицами, участвующими в этих сценах насилия, стояла одна и та же сущность - он сам как творческий принцип.

При всем моем упорном сопротивлении меня тянуло выпустить ярость на свободу. В ужасе и слепой жажде я начал нападать, насиловать, убивать, продолжая в то же время изо всех сил бороться с происходящим. Эта борьба выводила меня на все более глубокие уровни интенсивности до тех пор, пока вдруг что-то не распахнулось и я не пришел к ошеломительному осознанию, что, оказываясь, я убиваю и насирую себя самого. Это открытие таило в себе множество измерений и тем привело меня в замешательство. Интенсивная борьба подвела меня к некоему переломному моменту, где я внезапно постиг, что являюсь одновременно убийцей-насильником и жертвой. Эмпирически я понял, что мы - одно. Глядя в глаза своей жертвы, я обнаружил, что смотрю в глаза себе самому, и в слезах повторил: "Я же это делаю самому себе!"

Это была не кармическая инверсия, не переключение в прежнюю жизнь, где жертва и злодей поменялись местами. Скорее это был квантовый переход на эмпирический уровень, где все двойственности растворялись в едином всеохватном потоке. Это <я>, которым я теперь стал, никоим образом не было моим личным, но являло собой единство, лежавшее в основе всего и включавшее всех людей. Охватывая весь человеческий опыт, оно было коллективным и в то же время крайне простым и неразделенным. Я был одно. Я был агрессором и жертвой, насильником и изнасилованным, убийцей и

убиенным. Я делал все это с самим собой. На протяжении всей истории я делал это с самим собой.

Боль человеческой истории была моей болью. Там не было жертв, помимо меня. Ничего не происходило вне меня: все происходило во мне и со мной. Я был в ответе за все, что переживал, за все, что когда-либо происходило. Я смотрел в лицо своему творению. Я делал это. И делаю. Таков мой выбор. Я сам решил создать все эти ужасные миры.

ФОРМЫ ПУСТОТЫ И ПУСТОТА ФОРМ

В любой метафизической дискуссии о существовании зла мы должны учитывать еще один важный фактор. Тщательный анализ природы реальности, будь то эмпирический, научный или философский, откроет нам, что материальный мир и все происходящие в нем события - по сути пустота. Тексты различных буддийских школ предлагают медитативные практики, посредством которых можно открыть пустоту всех материальных объектов и отсутствие в нашем существе отдельного "я". Следуя наставлениям по духовной практике, мы можем достичь эмпирического подтверждения основного догмата буддизма - форма есть пустота, а пустота есть форма.

Это утверждение, в обычном состоянии могущее показаться нам парадоксальным или даже абсурдным, открывает глубокую истину о реальности, существование которой подтверждено современной наукой. В первые десятилетия XX века физики проводили систематические исследования с целью узнать состав материи вплоть до субатомного уровня. В ходе исследований они все больше убеждались в том, что в основе материи, которую они всегда считали плотной, на самом деле лежит пустота. В итоге вообще все отдаленно напоминающее плотное "вещество" полностью исчезло из картины и было заменено абстрактными вероятностными уравнениями.

Этот факт, обнаруженный буддистами эмпирически, а современными физиками экспериментально, по сути согласуется с метафизическими рассуждениями Альфреда Норта Уайтхеда (Whitehead 1967), одного из величайших философов нашего века. Уайтхед называет веру в устойчивое существование отдельных материальных объектов "обманчивостью мнимой плотности". По Уайтхеду, Вселенная состоит из бесчисленного множества прерывистых всплесков эмпирической деятельности. Основным элементом, составляющим Вселенную, является не устойчивая субстанция, но момент переживания, называемый в его терминологии *действительным событием*. Этот термин применим к явлениям на всех уровнях реальности - от субатомных частиц до человеческих душ.

Как вытекает из сказанного выше, ни одно из событий нашей повседневной жизни, а значит, и ни одна из ситуаций, включающих страдание и зло, не является окончательно реальным в том смысле, в каком мы его обычно воспринимаем и переживаем. Чтобы это проиллюстрировать, я вернусь к уже упомянутой аналогии с кинофильмом. Когда мы смотрим фильм или телевизионное шоу, действующие лица, которых мы видим на экране, на самом деле являются различными аспектами одного и того же неделимого светового поля. В толковании происходящего у нас есть выбор: мы можем воспринимать его как сложную реальную драму жизни или как танец электромагнитных и акустических волн различной частоты, которые с целью создания специфического эффекта особым образом синхронизированы. В то время как неискушенный человек или ребенок может по ошибке принять кино за реальность, искушенный зритель прекрасно отдает себе отчет в том, что участвует в виртуальной, мнимой реальности.

Мы истолковываем игру света и звука как реальную историю, а действующих лиц - как отдельные сущности потому, что нам интересно переживание, к которому приводит подобная стратегия. Мы активно ищем таких переживаний и фактически делаем добровольный выбор, приходя в кино и покупая билет. В то же время, решив реагировать на ситуацию как на реальность, мы на другом уровне вполне сознаем, что герои фильма вымышлены и их играют актеры. С точки зрения нашего обсуждения особенно важно, что кинозритель знает: люди, убитые в фильме, на самом деле не умерли.

В соответствии с прозрениями, описанными в этой книге, человеческое заблуждение очень похоже на заблуждение кинозрителя. Поскольку нас привлекают переживания, которые предоставляет нам материальная реальность, то на некоем другом уровне реальности мы принимаем решение воплотиться. В космической драме отдельная личность действующего лица, включая нашу собственную, есть иллюзия, а материя, из которой, казалось бы, сделана Вселенная, в сущности пуста. Мир, в котором мы живем, реально не

существует в той форме, в какой мы его воспринимаем. Духовные писания Востока сравнивают наше повседневное переживание мира со сном, от которого мы можем пробудиться, Фридьоф Шуон (Schuon 1969) выразил это весьма лаконично: "Вселенная - это сон, сотканный из снов, - бодрствует одна самость".

В космической драме, как и в кино или в театральной пьесе, на самом деле никого не убивают и никто не умирает, поскольку актер после исполнения своей роли вновь возвращается к своей большей, глубинной личности. В определенном смысле ни драмы, ни ее действующих лиц не существует вовсе, или они существуют и не существуют одновременно. С этой точки зрения винить Вселенский Разум за существование зла в мире было бы так же абсурдно, как выносить приговор режиссеру за преступления и убийства, совершенные на экране. Конечно, между живыми существами и персонажами кино есть одно важное различие. Даже если существа в материальном мире не таковы, какими они кажутся, переживание физической боли и душевных страданий, связанное с их ролью, реально. С киноактерами, понятно, обстоит совершенно иначе.

Такой взгляд на творение способен привести в сильное замешательство, даже несмотря на то что основан он на весьма убедительных переживаниях людей, находившихся в холотропных состояниях, и в целом согласуется с научными данными, касающимися природы реальности. Эти проблемы становятся очевидными, как только мы начинаем задумываться о практических последствиях такого видения, например о том, какие перспективы это открывает для нашей жизни и для нашего повседневного поведения. На первый взгляд видение мира как "виртуальной реальности", а человеческой жизни как кинофильма тривиализирует нашу жизнь и не принимает во внимание глубину человеческих лишений. Может показаться, что такое понимание творения отрицает серьезность человеческих страданий и воспитывает в нас циничное безразличие: дескать, по сути ничто не имеет значения. Аналогичным образом принятие зла как неотъемлемой части творения и понимание его относительности может оправдать устранение всяких этических норм и неограниченное стремление к эгоистическим целям, т. е. опять-таки делает якобы бессмысленной всякую борьбу со злом в мире.

Однако в этом смысле ситуация гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Во-первых, практический опыт показывает, что осознание пустоты, стоящей за всеми формами, вовсе не означает отрицания любви ко всему творению. На самом деле трансперсональные переживания, ведущие к глубоким метафизическим прозрениям относительно природы реальности, порождают глубокое уважение ко всем живым существам и ответственное отношение к процессу жизни. Нашему состраданию не требуются материальные объекты: можно просто направлять его живым существам, являющимся единицами сознания.

Осознание пустоты, лежащей в основе мира форм, может значительно помочь и в преодолении трудных жизненных ситуаций. В то же время оно никоим образом не делает жизнь менее значительной и не мешает нам наслаждаться приятными моментами жизни и восхищаться ее красотой. Глубокое сострадание и восхищение творением вполне совместимо с пониманием того, что материальный мир не существует в той форме, в какой мы его переживаем. Ведь, так или иначе, мы способны эмоционально откликаться на великие произведения искусства и глубоко проникаться их образами! Но в отличие от произведений искусства в жизни все переживания действующих лиц реальны.

ВЛИЯНИЕ ХОЛОТРОПНОГО ПРОЦЕССА НА ЭТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ПОВЕДЕНИЕ

Прежде чем полностью оценить этические последствия трансцендентальных прозрений для нашего поведения, мы должны учесть ряд дополнительных факторов. Эмпирическое исследование, дающее доступ к таким глубинным прозрениям, как правило, раскрывает в нашем бессознательном важные биографические, перинатальные и трансперсональные источники насилия и алчности. Психологическая проработка этого материала ведет к значительному уменьшению агрессивности и к увеличению терпимости. Мы также сталкиваемся с широким спектром трансперсональных переживаний, в которых отождествляем себя с различными аспектами творения. Это порождает глубокое уважение к жизни и сочувствие ко всем живым существам. Таким образом, тот же процесс, что позволяет нам постичь пустоту форм и относительность этических ценностей, значительно уменьшает нашу склонность к аморальному и антисоциальному поведению и учит нас любви и состраданию.

Мы развиваем новую систему ценностей, которая основана не на общепринятых нормах, предписаниях, заповедях и страхе наказания, а на знании и понимании вселенского закона. Мы постигаем, что являемся неотъемлемой частью творения и потому, вредя другим, вредим себе. Кроме того, углубленное самоисследование приводит нас к эмпирическому открытию перевоплощения и закона кармы. А отсюда вытекает осознание того, что, даже если избежишь социального возмездия за дурные поступки, они все равно повлекут за собой серьезные эмпирические воздействия.

Платон прекрасно отдавал себе отчет в глубоких нравственных последствиях нашей веры в возможность продолжения жизни после биологической смерти. В "Законах" он вкладывает в уста Сократа утверждение, что признание того, что грядет после смерти, - <благо для нечестивца". На более высоких стадиях духовного развития ослабление агрессивности, уменьшение эгоцентрической ориентации, чувство единства с живыми существами и осознание кармы становятся важными факторами, управляющими нашим повседневным поведением. В этом контексте интересно упомянуть К. Г. Юнга и кризис, который он пережил, осознав относительность всех этических норм и ценностей. Юнг тогда всерьез задавался вопросом, важно ли на более высоких планах то, какое поведение мы выбираем и следуем ли этическим предписаниям. По некотором размышлении он нашел удовлетворительный для себя ответ на этот вопрос. Он пришел к выводу, что, поскольку абсолютных критериев нравственности не существует, каждое этическое решение является творческим актом, отражающим нынешний этап развития нашего сознания и доступную для нас информацию. Когда эти факторы меняются, мы, оглядываясь назад, можем иначе увидеть ситуацию. Однако это не означает, что наше первоначальное решение было неверным. Важно, что при данных обстоятельствах мы делали все возможное.

Хотя в продвинутых трансперсональных переживаниях мы можем выйти за пределы зла, его существование в нашей повседневной жизни и в других эмпирических сферах, в частности в сфере архетипов, представляется весьма реальным. В мире религии мы часто сталкиваемся с тенденциями изображать зло как нечто отдельное от божественного и чуждое ему. Холотропные переживания ведут к позиции, которую один из моих пациентов назвал "запредельным реализмом". Эта позиция примирения с тем фактом, что зло есть неотъемлемая часть творения и что все сферы, содержащие отдельных индивидов, всегда имеют и светлую, и темную стороны. Поскольку зло тесно вплетено в космическую канву и обязательно для существования эмпирических миров, его невозможно победить или уничтожить. Однако, если мы и не можем исключить зло из миропорядка, мы определенно способны преобразить себя и отыскать совершенно иные пути преодоления темной стороны бытия.

В ходе углубленной эмпирической проработки мы осознаем, что, поскольку физическая и душевная боль присущи воплощенному существованию как таковому, мы должны в той или иной степени испытывать их в нашей жизни. Первая Благородная Истина Будды напоминает о том, что жизнь означает страдание (*dukha*) и это особым образом относится к ситуациям и обстоятельствам, влекущим за собой наши страдания, - к рождению, старости, болезни, смерти, к встрече с тем, что мы не любим, к отделению от того, что нам дорого, и отказу в том, что нам хочется. Кроме того, каждый из нас испытывает страдание, которое суждено ему и отражает его кармическое прошлое.

Мы не можем избежать страданий, но способны некоторым образом повлиять на их продолжительность и форму. Мои наблюдения, полученные в ходе работы с холотропными состояниями, указывают, что, сталкиваясь в направленных сеансах с трудными кармическими переживаниями в концентрированной и сжатой форме, мы становимся способны значительно сократить проявление этих элементов в нашей повседневной жизни. Существуют и другие способы, которые при систематическом самоисследовании помогают нам справиться со страданиями и с переживанием трудных аспектов бытия. После того как мы научились выносить чрезвычайную силу этих переживаний в холотропных состояниях, наше отношение к страданию и его порог подвергаются глубоким изменениям, а поэтому испытания и тяготы повседневной жизни переносятся относительно легче.

Мы также обнаруживаем, что не являемся телом-эго или тем, что индуисты называют именем и формой, обликом (*нама-рупа*). В ходе самоисследования мы переживаем коренные сдвиги в собственном ощущении личности. В холотропных состояниях мы можем отождествить себя с чем угодно - начиная с незначительной частицы протоплазмы в огромной материальной Вселенной и кончая полнотой бытия и самим Абсолютным Сознанием. То, как мы видим себя - беспомощными жертвами могучих космических сил или соавторами наших жизненных сценариев, - естественным образом сказывается на том,

до какой степени нам отведено в жизни страдать, а до какой радоваться и наслаждаться свободой.

АРХЕТИПЫ ЗЛА И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Прежде чем закончить эту главу, мне хотелось бы упомянуть некоторые интересные прозрения относительно связи между злом, будущим человечества и сохранением жизни на нашей планете. Горько сознавать, что на пороге нового тысячелетия мы столкнулись с серьезным и опасным глобальным кризисом. Понятно, что нечего и надеяться на выживание, если мы будем продолжать действовать так, как действовали на протяжении почти всей человеческой истории. Теперь необходимо обуздать человеческое насилие, демонтировать оружие массового поражения и обеспечить мир на земле. Не менее важно и остановить промышленное загрязнение воздуха, воды и почвы и переориентировать нашу экономику на возобновляемые энергетические источники. Еще одна важная задача - уничтожение нищеты и голода во всем мире и обеспечение лечения людям, страдающим от излечимых болезней.

Многие из нас глубоко озабочены такой ситуацией и искренне желают изменить ее и создать лучший мир. Очевидно, что ситуация эта достигла критической точки, и трудно представить себе какие-то простые акции, которые могли бы ее исправить. Трудность поисков решения обычно относят на счет чрезвычайной сложности текущего глобального кризиса, который включает целый комплекс проблем экономического, политического, этического, военного, психологического характера. Решения, если таковые возможны, видятся в исправлении аномальных тенденций в этих разнообразных областях.

В холотропных состояниях мы обнаруживаем, что у этой проблемы есть и весьма тревожное метафизическое измерение. Мы начинаем отдавать себе отчет, что происходящее в нашем мире определяется не одними только материальными причинами. В конечном счете оно непосредственно отражает динамику сферы архетипов. Силы и сущности, оперирующие в этой сфере, сильно поляризованы: пантеон архетипических фигур включает в себя как благие, так и гневные божества. Архетипические принципы - добро, нейтральное и зло - представляют собой неотъемлемую часть творения и необходимые элементы в космической игре. По этой причине устранить зло из устройства Вселенной невозможно. Половину архетипического пантеона просто "отстранить от дел" нельзя.

В свете этих прозрений совершенно очевидно, что, если мы хотим улучшить ситуацию в мире и уменьшить воздействие элементов зла на наши повседневные дела, нам нужно найти для архетипических сил, которые в ответе за эти элементы, менее разрушительные и менее опасные формы выражения. Назрела необходимость создавать ситуации, в которых мы могли бы выразить архетипическим силам свое почтение и дать им альтернативную возможность выражения, не разрушающего нашу жизнь, а, наоборот, оказывающего ей поддержку. Иногда в холотропных состояниях приходят интересные идеи относительно такого рода деятельности и институтов.

Для уменьшения воздействия потенциально разрушительных архетипических сил в нашем мире могло бы послужить прежде всего отыскание безопасных каналов для их выражения в холотропных состояниях сознания. Сюда могли бы войти программы систематических духовных практик различной ориентации, разнообразные формы эмпирической психотерапии, обеспечивающие доступ к перинатальным и трансперсональным переживаниям, а также центры, предлагающие психоделические сеансы под наблюдением специалистов. Весьма важно было бы также вернуться к санкционированному обществом ритуальным действиям вроде тех, что существовали в древних и туземных культурах. Современные версии ритуалов перехода могли бы обеспечить сознательное переживание тяжелых энергий, направленных на разрушение и саморазрушение, предотвращая тем самым их неблагоприятное воздействие на общество. Дополнительными интересными альтернативами могли бы стать новые, динамичные формы искусства и развлечений, использующие технологию виртуальной реальности.

Эти преобразовательные методы можно дополнить различными видами деятельности, ориентированной вовне и служащей той же цели. Так, мощные и потенциально разрушительные взрывные энергии, которые ныне выражаются в смертоносных войнах, можно бы отчасти нейтрализовать, направив на реализацию глобальной крупномасштабной программы по освоению космоса или на другие технические проекты. Подобную же возможность могут обеспечить события соревновательного характера -

начиная со спортивных состязаний и кончая соревнованиями в развитии науки и техники. Некоторая часть этой энергии может найти выход в парках хитроумных аттракционов, в проведении карнавалов и зрелищ наподобие древних и средневековых празднеств, в которых участвовали короли, аристократия, дворянство и простой люд. Если в вышеперечисленных прозрениях есть доля истины, задача по разработке таких новых форм приобретает большой интерес.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

РОЖДЕНИЕ, СЕКС И СМЕРТЬ: КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ

Смерть граничит с нашим рождением, и наша колыбель стоит в могиле.

Джозеф Холл

Человек сразу же ставит себя на уровень животного, если ищет лишь ублажения похоти, но он устанавливает свое верховенство, когда, укрощая животное желание, соединяет с сексуальными функциями идеи смертности, возвышенного и прекрасного.

Рихард Крафт-Эбич

СОКРОВЕННЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ РОЖДЕНИЕМ, СЕКСОМ И СМЕРТЬЮ

В главе о способах воссоединения с космическим истоком я вкратце упомянул три аспекта человеческой жизни, которые особо тесно связаны с трансперсональной сферой, а именно рождение, секс и смерть. Как мы видели, все эти три аспекта суть врата, позволяющие человеку выйти за пределы собственной личности и предоставляющие ему уникальные возможности космического воссоединения. Это справедливо независимо от того, встречаемся ли мы с данными ситуациями реально, в повседневной жизни, или символически, в процессе углубленного эмпирического самоисследования.

Как сами роженицы, так и люди, помогающие процессу родов или наблюдающие его, могут переживать мощное духовное раскрытие. Это случается, если роды происходят не в дегуманизированной обстановке больницы, но в условиях, где возможно полное переживание их психологического и духовного воздействия. Мощным катализатором мистических переживаний может послужить и близкое соприкосновение человека со смертью или общение с умирающими. Порой глубокодуховным событием может стать физическая близость с чрезвычайно удачным партнером, а в некоторых случаях она даже инициирует непрерывный процесс эволюции сознания. Эта тесная связь между сексуальностью и духовностью лежит в основе многих тантрических практик Востока.

Кроме тесной связи с духовностью рождение, секс и смерть демонстрируют значимое эмпирическое взаимодействие. Для многих женщин роды, протекающие без осложнений и в благоприятных условиях, могут стать сильнейшим сексуальным переживанием в их жизни. И наоборот, мощный сексуальный оргазм как у женщин, так и у мужчин может иногда принимать форму психодуховного возрождения. Такой оргазм порой бывает настолько всепоглощающим, что может субъективно переживаться как смерть. Связь между сексуальным оргазмом и смертью во французском языке отражена выражением "la petite mort", что означает "малая смерть". А умирание, особенно связанное с удушьем, может содержать сильный сексуальный компонент.

Такая же тесная связь существует между рождением и смертью. Многие женщины на поздних стадиях беременности видят сны, содержащие мотивы смерти и разрушения. Как для матери, так и для ребенка, роды - событие, несущее в себе потенциальную угрозу жизни. Даже если роды проходят легко, ничем не угрожают жизни, они все равно могут сопровождаться сильным страхом смерти. Справедливо и обратное: в присмертных переживаниях и родах есть общие элементы, например ощущение прохождения сквозь туннель или трубу, навстречу свету.

В работе с холотропными состояниями нас могут посетить глубокие прозрения, касающиеся природы эмпирических связей между рождением, сексом и смертью. В бессознательном эти три важные области нашей жизни настолько тесно связаны и переплетены между собой, что невозможно переживать одну из них, не соприкасаясь с двумя другими. Это кажется удивительным, поскольку в повседневной жизни мы обычно рассматриваем данные три области отдельно друг от друга и обсуждаем их в различных контекстах. Рождение отмечает начало нашей жизни, позволяя младенцу появиться на свет. Смерть, если, конечно, она не является результатом тяжелой болезни или несчастного случая, связана с преклонным возрастом и, таким образом, с заключительной стадией нашей жизни. Сексуальность, в полном смысле этого слова, относится к среднему периоду нашей жизни - физической зрелости.

РОЖДЕНИЕ, СЕКС И СМЕРТЬ В ПЕРИНАТАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Этот общепринятый взгляд на связь между рождением, сексом и смертью подвергается глубочайшим изменениям, когда процесс глубокого эмпирического самоисследования покидает уровень воспоминаний детства и младенчества и восходит к рождению, к перинатальной сфере психики. Мы начинаем сталкиваться с эмоциями и физическими ощущениями чрезвычайной интенсивности, зачастую превосходящей все, что мы прежде считали человеческими возможностями. В этот момент переживания становятся странной смесью двух тем - рождения и смерти. Они несут в себе ощущение сурового, угрожающего жизни узилища и отчаянной, упорной борьбы за освобождение и выживание. На перинатальном уровне эта тесная связь между рождением и смертью отражает тот факт, что роды - событие, потенциально угрожающее жизни. В их процессе ребенок и мать могут погибнуть на самом деле. Иногда дети рождаются бездыханными и их приходится оживлять.

Воскрешение в памяти различных аспектов биологического рождения может быть весьма ярким, убедительным и зачастую воспроизводит этот процесс в фотографических подробностях. Это случается даже с людьми, которые ничего не знают о подробностях своего рождения и уж тем более не имеют акушерских знаний. Например, в непосредственном переживании мы можем открыть для себя, что родились в ягодичном предлежании, что во время родов использовались щипцы или что мы родились с обвитой вокруг шеи пуповиной. Мы можем почувствовать тревогу, биологическую ярость, физическую боль и удушье, связанные с этим устрашающим событием, а также в точности узнать, какая анестезия применялась при нашем рождении. Эти переживания часто сопровождаются различными позами и движениями головы и тела, которые в точности воссоздают механику того или иного типа родов. Все эти подробности можно документально подтвердить, если сохранились записи о процессе родов или есть надежные свидетели.

Представленность в нашей психике рождения и смерти, а также тесной связи между ними может удивить традиционных психологов и психиатров, хотя на самом деле она логически объяснима и вполне понятна. Процесс родов беспощадно обрывает внутриматочное существование плода. Плод "умирает" как водный организм и рождается как воздуходышащая, физиологически и даже анатомически отличная от него форма жизни. Прохождение через родовой канал - ситуация сама по себе трудная и потенциально угрожающая жизни.

Однако не так-то легко понять, почему в перинатальную динамику постоянно входит еще и сексуальный аспект. Тем не менее, когда мы, отождествляя себя с плодом, воскрешаем в памяти заключительные стадии своего рождения, этот процесс, как правило, сопровождается необычайно сильным сексуальным возбуждением. То же самое справедливо для рожениц, переживания которых характеризуются смесью страха смерти и сильного сексуального возбуждения. Эта связь кажется странной и загадочной, особенно что касается эмбриона, и ее определенно следует объяснить хотя бы в нескольких словах.

В человеческом организме, по всей видимости, есть механизм, который преобразует крайние страдания, особенно связанные с удушьем, в особую форму сексуального возбуждения. Кроме родов эта эмпирическая связь может наблюдаться в ряде других ситуаций. Люди, которые пытались повеситься, но в последнюю минуту были спасены, обычно рассказывают, что в момент удушения ощущали почти невыносимое сексуальное возбуждение. Известно, что у мужчин, казненных через повешение, зачастую наблюдается эрекция и даже эякуляция. В литературе, описывающей пытки и "промывку мозгов", отмечается, что нечеловеческие физические страдания часто вызывают состояния

сексуального оргазма. В менее крайней форме этот механизм действует в различных садомазохистских практиках, которые включают удушение. У флагеллантов, регулярно подвергавших себя пыткам, а также у религиозных мучеников, переносивших невообразимые страдания, первоначальная нестерпимая боль вызывала сексуальное возбуждение, а затем экстатическое блаженство и запредельные переживания.

ДИНАМИКА И СИМВОЛИЗМ БАЗОВЫХ ПЕРИНАТАЛЬНЫХ МАТРИЦ (БПМ)

До сих пор мы обсуждали только эмоциональные и физические аспекты переживаний рождения. Однако эмпирический спектр перинатальной сферы бессознательного не ограничивается элементами, происходящими из биологических процессов деторождения. Он включает также множество символических образов, взятых из трансперсональных сфер. Перинатальная сфера является важным связующим звеном между биографическим и трансперсональным уровнями психики. Она представляет собой врата к историческому и архетипическому аспектам коллективного бессознательного в юнговском смысле. Поскольку специфический символизм этих переживаний ведет свое происхождение не из банков индивидуальной памяти, а из коллективного бессознательного, он может исходить из любого географического и исторического контекста, равно как из любой духовной традиции мира, независимо от расы, культуры, образования и вероисповедания индивида.

Отождествление с младенцем, претерпевающим муки прохождения через родовый канал, обеспечивает доступ к переживаниям людей других времен и других культур, а также к переживаниям всевозможных животных и мифологических персонажей. Соединяясь с переживанием плода, борющегося за свое рождение, человек словно достигает близкой, почти мистической связи с сознанием всего рода человеческого, а также с сознанием других живых существ, которые находятся или находились в подобном трудном положении.

Эмпирическая встреча с рождением и смертью, похоже, автоматически влечет за собой духовное раскрытие и обнаружение мистических измерений психики и бытия. Как я упоминал ранее, не имеет значения, происходит ли эта встреча с рождением и смертью в реальных жизненных ситуациях, таких, как роды и присмертные переживания, или же она является чисто символической. Впечатляющие перинатальные события, переживаемые на психоделических и холотропных сеансах или в ходе спонтанных психодуховных кризисов ("критических состояний духа"), по всей видимости, имеют один и тот же результат. Биологическое рождение подразделяется на три этапа. На первом из них периодически сокращающиеся мышцы матки сжимают зародыш, не давая ему никакого шанса избежать этой ситуации, поскольку шейка матки плотно закрыта. Дальнейшие сокращения как бы натягивают шейку матки на головку плода, до тех пор пока шейка достаточно не расширится, чтобы обеспечить проход через родовый канал. Полное расширение шейки матки отмечает переход от первого этапа родов ко второму, который характеризуется нисхождением головки плода в область таза матери и постепенным проталкиванием через родовый проход. И в конце концов на третьем этапе новорожденный появляется из родового канала и после перерезания пуповины становится биологически независимым организмом.

На каждом из этих этапов младенец испытывает особый набор интенсивных эмоций и физических ощущений. Эти переживания оставляют в бессознательном психики глубокие отпечатки, которые играют важную роль в дальнейшей жизни индивида. Воспоминания о рождении, усиленные эмоционально важными переживаниями младенчества и детства, могут формировать мировосприятие, оказывать глубокое влияние на повседневное поведение и вносить свой вклад в развитие различных эмоциональных и психосоматических расстройств. В холотропных состояниях этот бессознательный материал может всплыть на поверхность и полностью явиться в переживания. Когда в ходе углубленного самоисследования мы возвращаемся к переживанию своего рождения, мы обнаруживаем, что воскрешение в памяти каждой стадии родов связывается с различными эмпирическими моделями, которые характеризуются особым сочетанием эмоций, физических ощущений и символических образов. Я называю эти модели базовыми перинатальными матрицами (БПМ).

ПЕРВАЯ БАЗОВАЯ ПЕРИНАТАЛЬНАЯ МАТРИЦА (БПМ-I)

Первая перинатальная матрица (БПМ-I) относится к внутриматочному переживанию, предшествующему родам, а остальные три (БПМ-II - БПМ-IV) - к трем вышеописанным клиническим этапам родов. Кроме элементов, представляющих переигрывание

действительной ситуации плода на каждом конкретном этапе родов, базовые перинатальные матрицы включают различные природные, исторические и мифологические сцены из трансперсональных сфер, обладающие похожими эмпирическими качествами. Далее я вкратце обрисую эту специфическую связь между перинатальными движущими силами и трансперсональной сферой.

Прежде чем рассматривать эту специфику, я хотел бы подчеркнуть, что каждый этап родов связан с особыми символическими образами и переживаниями. Причину этих связей невозможно понять, пользуясь терминами общепринятой логики. Однако это не означает, что связи эти произвольны и случайны. У них есть свой глубинный порядок, который лучше всего было бы назвать "эмпирической логикой". Иными словами, связь между переживаниями, характерными для различных этапов родов, и сопутствующими символическими темами основывается не на некоем формальном эмпирическом сходстве, а на том, что их объединяют одинаковые эмоции, чувства и физические ощущения. Переживая эпизоды безмятежного эмбрионального существования (БПМ-1), мы часто встречаемся с образами огромных просторов, где нет никаких границ. Иногда мы отождествляемся с галактиками, межзвездным пространством или со всем космосом, а порой как бы плаваем в океане или становимся различными океаническими животными, такими, как рыба, дельфин или кит. Переживание безмятежного внутриутробного существования в "хорошей матке" может выразиться и в видениях природы - безопасной, красивой и всегда дающей пропитание (Мать-Природа). Мы можем видеть пышные фруктовые сады, поля, на которых зреет урожай, сельскохозяйственные террасы Анд и девственную природу островов Полинезии. Переживание хорошей матки может иногда обеспечивать доступ к архетипической сфере коллективного бессознательного и раскрываться в образахрая и небес, описанных в мифах различных культур.

Когда мы воскрешаем в памяти эпизоды внутриутробных расстройств, или переживания "плохой матки", у нас возникает ощущение мрачной, зловещей угрозы, и мы зачастую чувствуем, что нас отравляют. У нас могут возникнуть образы загрязненных вод и токсичных свалок. Здесь отражается тот факт, что многие пренатальные расстройства вызываются токсикозом организма будущей матери. Переживание токсичного лона может сопровождаться видениями устрашающих демонических персонажей из архетипической сферы коллективного бессознательного. Переживания более сильных помех во время пренатального существования, таких, как, например, угроза выкидыша или попытка аборта, сопровождаются ощущениями вселенской угрозы или кровавыми апокалиптическими видениями конца света.

ВТОРАЯ БАЗОВАЯ ПЕРИНАТАЛЬНАЯ МАТРИЦА (БПМ-II)

Когда эмпирическая регрессия достигает начала биологического рождения, мы, как правило, чувствуем, что нас засасывает гигантский водоворот или проглатывает какое-то мифическое животное. Порой люди переживают и поглощение всего мира или даже космоса. Это может сопровождаться образами алчных архетипических чудовищ, вроде левиафанов, драконов, гигантских змей, тарантулов и кракенов. Это подавляющее чувство угрозы для жизни вызывает сильнейшую тревогу и подозрительность, граничащую с паранойей. Мы можем переживать и нисхождение в глубины преисподней, обитель мертвых или ад. По красноречивому выражению мифолога Джозефа Кэмпбелла, это универсальный мотив мифов о странствиях героя (Campbell 1968).

Воскрешение в памяти всего первого этапа биологического рождения, когда матка сокращается, но шейка ее еще не раскрылась (БПМ-II), является для человека одним из самых тяжелых переживаний. Мы чувствуем, как нами овладевает чудовищный кошмар безвыходно замкнутого пространства, страдаем от мучительной душевной и физической боли и испытываем полную беспомощность и безнадежность. Чувства одиночества, вины, абсурдности жизни и экзистенциального отчаяния могут достигать метафизических масштабов. Мы теряем связь с линейным временем и приходим к убеждению, что эта ситуация никогда не кончится и что из нее нет абсолютно никакого выхода. У нас нет ни малейшего сомнения, что происходящее с нами не что иное, как описанный в религиях Ад, - невыносимые душевные и физические муки без какой-либо надежды на освобождение. Это переживание может действительно сопровождаться архетипическими образами дьяволов и ландшафтами преисподней, описанными в различных культурах.

В этой гнетущей, безвыходной ситуации нахождения в тисках сокращающейся матки мы можем эмпирически выйти на события из коллективного бессознательного, где люди,

животные и даже мифологические существа находятся в сходных мучительных и безнадежных обстоятельствах. Мы отождествляем себя с узниками тюрем, концлагерей и сумасшедших домов, а также с животными, попавшими в западню. Возможны переживания нестерпимых мук грешников в аду или Сизифа, катящего свой камень на вершину горы в глубочайших недрах преисподней. Наша боль может стать терзаниями Христа, вопрошающего Бога, почему Он оставил его. Нам кажется, будто перед нами перспектива вечного проклятия. Это состояние мрака и крайнего отчаяния известно из духовной литературы как "темная ночь души". Но если посмотреть шире, абстрагируясь от чувства крайней безнадежности, то можно увидеть в этом состоянии важный этап духовного раскрытия. Переживаемое во всей глубине, оно может стать для человека невероятно очищающим и освобождающим.

ТРЕТЬЯ БАЗОВАЯ ПЕРИНАТАЛЬНАЯ МАТРИЦА (БПМ-III)

Переживание второго этапа рождения - проталкивания через родовой канал после того, как раскроется шейка матки и головка плода опустится в область таза (БПМ-III) - обычно характеризуется богатой динамикой. Когда мы сталкиваемся с энергией схваток и гидравлическим давлением, нас переполняют образы из коллективного бессознательного, отражающие события чудовищных битв, а также сцены кровопролития и пыток. На этой фазе мы сталкиваемся и с невероятно мощными сексуальными импульсами и энергиями сомнительной природы.

Ранее я уже говорил о том, что сексуальное возбуждение является важным элементом переживания рождения. Тем самым эта первая встреча с сексуальностью происходит в очень рискованной ситуации, где наша жизнь находится под угрозой, где мы испытываем боль сами и причиняем ее матери и где мы неспособны дышать. В то же время мы охвачены сильнейшей тревогой и примитивной биологической яростью, каковая представляет собой вполне понятную реакцию плода на столь мучительное и угрожающее жизни переживание. На заключительных этапах родов возможен контакт с различными видами биологического материала - кровью, слизью, мочой и даже калом.

Ввиду сомнительно-проблематичного характера этой связи переживания и образы, с которыми мы встречаемся на этом этапе, обычно представляют секс в грубой и искаженной форме. Странная смесь сексуального возбуждения с физической болью, агрессией, острой тревогой и биологическим материалом приводит к образам порнографическим, извращенным, садомазохистским, скатологическим и даже сатанинским. На нас могут обрушиться драматические сцены сексуальных оскорблений, извращений, изнасилований и убийств на сексуальной почве.

В некоторых случаях эти переживания могут принимать форму участия в ритуалах ведьм и сатанистов. Видимо, потому, что повторное переживание этого этапа рождения включает ту же странную смесь эмоций, ощущений и элементов, которая характеризует архетипические сцены черной мессы и ведьмовского шабаша (вальпургиевой ночи), иначе говоря, смесь сексуального возбуждения, панической тревоги, агрессии, угрозы жизни, боли, ощущения принесения в жертву и контакта с отвратительными биологическими материалами. Эта причудливая эмпирическая смесь сопровождается переживанием священного или божественного, поскольку данные события разворачиваются в непосредственной близости к духовному раскрытию.

Данной стадии рождения сопутствуют порой несчетные образы из коллективного бессознательного, отражающие сцены чудовищной агрессии, - грязные побоища, кровопролитные революции, жестокая резня и геноцид. Во всех сценах секса и насилия, с которыми мы сталкиваемся на этой стадии, мы выступаем то в роли палача, то в роли жертвы. Это - время главной встречи с темной стороной нашей личности, с юнговской Тенью, о которой мы говорили в главе о добре и зле. Когда эта перинатальная фаза достигает своей кульминации и близится к разрешению, у многих людей возникают видения Христа, крестного пути и распятия, а иногда они даже переживают полное отождествление со страданиями Иисуса. Архетипическая сфера коллективного бессознательного привносит в эту фазу героические и мифологические персонажи и божества, представляющие смерть и возрождение, такие, как египетский Осирис, греческие божества Дионис и Персефона и шумерская богиня Инанна.

ЧЕТВЕРТАЯ БАЗОВАЯ ПЕРИНАТАЛЬНАЯ МАТРИЦА (БПМ-IV)

Третий этап процесса рождения, т. е. собственно появление на свет (БПМ-IV), как правило, начинается темой огня. У нас может возникнуть ощущение, что наше тело охватывает иссушающий жар, видения пылающих городов и лесов или отождествления с теми, кого приносят в жертву. Архетипические версии этого огня могут принять форму очистительного пламени чистилища или легендарной птицы Феникс, которая погибает в своем горящем гнезде, чтобы восстать из пепла и возродиться обновленной. Очистительный огонь разрушает в нас все извращенное и готовит нас к духовному возрождению. Воскрешая в памяти настоящий момент рождения, мы переживаем его как полное уничтожение, за которым следует воскрешение и возрождение.

Чтобы понять, почему мы вновь переживаем биологическое рождение как смерть и возрождение, нужно отдавать себе отчет, что происходящее являет собой нечто гораздо большее, чем просто повторение подлинного события рождения. Во время родов мы полностью скованы родовым каналом и потому не имеем возможности выразить экстремальные эмоции и ощущения, вовлеченные в этот процесс. Таким образом, наша память об этом событии остается психологически "непереваренной" и неувоенной. Наше более позднее представление о себе и отношение к миру большей частью сильно загрязнены этим постоянным глубоким напоминанием об уязвимости, неполноценности и слабости, которые мы переживали при рождении. В некотором смысле наше "эмоциональное" рождение отстает от рождения анатомического, когда критическая ситуация и опасность остаются позади. В борьбе за возрождение "умирание" и агония отражают реальную боль и угрозу жизни, присущие биологическому процессу рождения. Однако смерть "я", непосредственно предшествующая возрождению, есть смерть наших старых представлений о себе и о мире, выкованных травмирующими отпечатками рождения.

По очищению психики и тела от этих старых программ путем перевода их на уровень сознания мы уменьшаем их энергетический заряд и разрушительное воздействие на нашу жизнь. Если смотреть на этот процесс шире, то можно увидеть, что он обладает целительным и преображающим свойством. И все же по мере приближения к его окончательному завершению у нас возникает парадоксальное ощущение, что вместе с избавлением от старых отпечатков мы умираем. Иногда мы переживаем не только это чувство собственного уничтожения, но и разрушение всего известного нам мира.

Когда от переживания полного освобождения нас отделяет всего лишь один шаг, в нас возникает чувство всепроникающей тревоги и надвигающейся катастрофы огромных масштабов. Это ощущение неминуемой гибели может быть очень убедительным и ошеломляющим. Здесь преобладает чувство утраты всего нам известного, утраты себя. Вместе с тем мы совершенно не представляем, что находится на другой стороне и есть ли там что-либо вообще. Из-за этого страха многие люди на данном этапе по возможности пытаются отчаянно сопротивляться. В результате они могут остаться психологически прикованными к этой проблемной области на неопределенный период времени.

Встреча со смертью "я" - такая стадия духовного странствия, на которой нам могут потребоваться ободрение и психологическая поддержка. Когда мы успешно преодолеваем метафизический страх, связанный с этим критическим моментом, и позволяем процессу течь свободно, мы переживаем полное уничтожение на всех воображимых уровнях, включая физическое разрушение, эмоциональное опустошение, интеллектуальное и философское поражение, окончательное моральное падение и даже духовное проклятие. В ходе этого переживания все точки отсчета, а также все, что в нашей жизни было важно и значимо, безжалостно уничтожается.

Вслед за переживанием полного уничтожения - "достижения космического дна" - нас захлестывают видения света сверхъестественной яркости и красоты, который обычно воспринимается как нечто священное. Это божественное прозрение порой сопровождается красивыми радугами, сквозистыми узорами павлиньих перьев и видениями небесных сфер с ангельскими существами и божествами в ореоле света. В это же время мы переживаем захватывающую встречу с архетипической фигурой Великой Богини-Матери или с одной из ее форм, относящейся к той или иной культуре.

Переживание психодуховной смерти и возрождения - главный шаг к ослаблению нашего отождествления с "эго в коконе из кожи" и воссоединению с запредельным. Мы чувствуем искупление, освобождение и благословение и по-новому осознаем свою божественную природу и космический статус. Мы также обычно переживаем наплыв положительных эмоций по отношению к себе, другим людям, природе, Богу и существованию в целом. Нас наполняют оптимизм и чувство душевного и физического комфорта.

Однако важно подчеркнуть, что этот вид целительного и изменяющего жизнь переживания встречается, лишь если процесс биологического рождения не перебивался слишком сильной анестезией. Если же такой факт имел место, то переживание возрождения не ощущается как победоносное появление на свет. Оно больше походит на пробуждение и выздоровление от похмелья, с присущими ему головокружением, тошнотой и помутнением сознания. Эти дополнительные моменты нуждаются в серьезной психологической проработке, и положительные результаты здесь не столь поразительны.

ПЕРИНАТАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Из всего вышесказанного видно, что перинатальная сфера психики представляет собой чрезвычайно важный эмпирический перекресток. Это не просто точка схождения трех самых критических моментов биологического существования - рождения, секса и смерти, - а линия раздела между жизнью и смертью, индивидом и видом, психикой и духом. Полностью осознанное переживание содержания этой сферы психики с последующим сведением воедино всех ее моментов может очень сильно повлиять на человека и привести его к духовному раскрытию и глубокому личному преобразению.

Люди обычно начинают этот процесс интенсивного эмпирического самоисследования по весьма личным причинам - либо с терапевтическими целями, либо ради собственного эмоционального и духовного роста. Однако определенные аспекты перинатальных переживаний явно указывают на то, что по своей значимости происходящее намного превосходит узкие интересы индивида. Сила задействованных эмоций и физических ощущений, а также частое отождествление с бесчисленным множеством людей различных исторических эпох придает этим переживаниям отчетливый трансперсональный характер.

В нижеследующей выдержке из отчета о мощном сеансе, включающем холотропное состояние сознания, прекрасно схвачена природа перинатальных переживаний, их сила и степень участия в них коллективного бессознательного человечества:

Я был удивлен и обескуражен тем, насколько мучительным оказался этот сеанс. Он не был личным и мало касался моего биологического рождения. Испытываемая мною боль явно относилась прежде всего к рождению человека как вида, а уже потом - к моему рождению. Границы моего опыта расширились настолько, что охватили всю человеческую расу и всю человеческую историю, и это "я" было во власти такого ужаса, который не поддается описанию. Там было яростное безумие, кипящий океан хаоса, боли и разрушения. Казалось, весь род человеческий собрался отовсюду и совершенно обезумел.

Люди нападали друг на друга с бешеной яростью, усиленной фантастическим оружием. Передо мной вихрем проносились и сталкивались тысячи людей: одни убивали своих жертв самыми различными способами, другие бежали в панике, третьи оказывались в окружении, а четвертые при виде происходящего кричали от ужаса, либо, наблюдая, как человечество сходит с ума, переживали невероятные страдания, - и все переживания этих людей одновременно были в моем «я». Масштаб этих смертей и безумия описать невозможно, ибо невозможно найти критерий оценки, а доступные мне категории суть упрощенческие приближения, дающие лишь очень смутное представление о происходящем.

Эти страдания охватывают всю историю человечества и носят как видовой, чисто человеческий, так и архетипический характер. Они включают самые необузданные научно-фантастические миры, где царит невообразимый ужас, и распространяются не только на людей, но и на многие миллиарды ключев материи, разорванной страшными взрывами галактик. Этому ужасу нет конца. Это конвульсии человечества, корчи Вселенной. Мимо проплывали сцены трагических страданий, вызванных природными катаклизмами человеческой безответственностью. Я видел тысячи голодающих детей со всего земного шара, их распухшие от голода тела, их глаза, безучастно вззирающие на человечество, которое убивает их систематическим и хищническим уничтожением окружающей среды и наплевательским отношением к ней. Я видел непрекращающееся насилие между мужчинами и женщинами - изнасилования, побои, угрозы, месть, - и все это на протяжении всей истории, цикл за циклом.

Ввиду необычной природы перинатальных переживаний возникает ряд интересных и важных вопросов. Почему в процессе углубленного самоисследования мы достигаем такой фазы, когда выходим за пределы наших индивидуальных границ и соединяемся с коллективным бессознательным и с историей нашего вида? Почему это так тесно связано со смертью и с переживанием рождения? Каким образом и почему этот процесс связан с сексуальностью? Какую роль в этих переживаниях играют нередко встречающиеся архетипические элементы? И наконец, каковы функция и смысл этого процесса и как он связан с духовностью и эволюцией сознания?

Здесь я хочу обратиться к трудам Кристофера Баха (Christofer Bache 1996), который внес в эти вопросы некоторую ясность. Бах показал, что ключом к пониманию перинатального процесса является его функция, а именно освобождение нас от оков изолированного, непросветленного существования и пробуждение сознания нашей истинной природы, нашей сущностной тождественности творческому принципу. Перинатальная сфера, подобно римскому богу Янусу, имеет двойственную природу. Она оборачивается к нам то одним ликом, то другим, в зависимости от того, с какой стороны мы на нее смотрим - с позиции телесного это или с позиции нашей трансперсональной самости.

Если взглянуть на перинатальную сферу с личностной позиции, она предстает как основа нашего индивидуального бессознательного, как хранилище "непереваренных" фрагментов переживаний, которые более всего ставят под угрозу нашу жизнь и сохранность тела. С этой точки зрения мы воспринимаем перинатальный процесс и насилие, которое он за собой влечет, прежде всего как угрозу нашему индивидуальному существованию. С трансперсональной точки зрения отождествление с телесным эго есть продукт укоренившегося неведения, опасная иллюзия, которая в ответе за то, что мы проживаем свою жизнь непродуктивно, разрушительно и самоуничтожающе. Как только мы начинаем понимать эту основополагающую истину бытия, перинатальные переживания, несмотря на их яростную и мучительную природу, становятся для нас хотя и радикальными, жесткими, но в то же время сострадательными попытками разрушить тюрьму нашей ложной личности и духовно освободиться. Мы не разрушаемся, но рождаемся к более высокой реальности, где воссоединяемся с нашей истинной природой.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИСЦЕЛЕНИЕ СОЗНАНИЯ ВИДА

Из практики эмпирической терапии известно, что, полностью проработав воспоминания душевной и физической боли младенчества, детства и более поздней жизни, мы можем очистить свое бессознательное от "непредвиденных" моментов. Обеспечивая доступ к положительным переживаниям, этот процесс еще и освобождает нас от искажающего влияния давних травм, которые делают нашу жизнь неудовлетворительной и неполноценной. Кристофер Бах утверждает, что перинатальные переживания аналогичным образом могут сыграть важную роль в лечении травматического прошлого человечества как вида.

Разве не похоже на правду, задает вопрос Кристофер Бах, что память о насилии и ненасытной алчности, вплетенная в ткань человеческой истории, вызывает нарушения в коллективном бессознательном, которые заражают настоящее человечества? Почему целительное воздействие, по мере расширения нашего сознания за пределы телесного эго, не может распространиться не только на отдельного человека, но и на всех людей? Неужели непонятно, что, переживая боль, которую бесчисленные поколения людей причиняли друг другу на протяжении всей человеческой истории, мы в действительности очищаем коллективное бессознательное и способствуем лучшему будущему планеты?

В духовной литературе представлено много великих примеров индивидуальных страданий во искупление вины мира. В христианской традиции таким примером является Иисус Христос, который умер на кресте за грехи человечества. Этот факт ярко отражен в мифологической теме сошествия во ад, где рассказывается, как Иисус после смерти на кресте и до воскресения нисходит во ад и силой своего страдания и самопожертвования освобождает грешников. Индуистская традиция принимает возможность, что очень продвинутые йоги могут оказать значительное положительное влияние на ситуацию в мире и коллективные проблемы человечества, встречаясь с ними лицом к лицу в глубокой медитации, но физически не покидая своих пещер.

В буддизме махаяны есть прекрасный архетипический образ Бодхисатвы, который, достигнув просветления, отказывается уйти в нирвану и дает священный обет продолжать перевоплощаться до тех пор, пока не будут освобождены все живые существа. В своем обете

Бодхисатва выражает намерение принимать страдания воплощенного существования, чтобы помочь другим:

*Нет числа живым существам,
но я обещаю всех их спасти.
Заблуждения неисчерпаемы,
Но я обещаю положить им конец.
Врата Дхармы многочисленны,
Но я обещаю войти во все.
Путь Будды - наивысший,
Но я обещаю свершить его.*

УМИРАНИЕ ПРЕЖДЕ СМЕРТИ

Многие люди, которым довелось переживать холотропные состояния, сообщают, что перинатальный уровень психики видится им как врата между трансцендентной сферой и материальной реальностью, как проход, действующий в обоих направлениях. Во время нашего биологического рождения, когда мы являемся в материальный мир, мы "умираем" для трансцендентного измерения; и наоборот, нашу физическую смерть можно рассматривать как рождение в мир духа.

Однако духовное рождение не обязательно связано со смертью тела. Оно может произойти, в любое время в ходе глубинного самоисследования или даже во время спонтанного психодуховного кризиса ("критического состояния духа"). Таким образом, оно является чисто символическим событием, "смертью эго", или "умиранием прежде смерти", не влекущим за собой никаких биологических разрушений. Абрагам а Санта-Клара, австрийский монах-августинианец XVII века, выразил это в одной фразе: "Человек, умирающий прежде смерти, не умирает, когда приходит смерть".

Это "умирание прежде смерти" играло важную роль во всех шаманских традициях. Шаманы, переживая кризисы посвящения, утрачивают страх смерти и хорошо осваивают ее эмпирическую территорию. В результате они учатся посещать эту сферу по своему желанию и обеспечивать аналогичные переживания другим. В мистериях смерти и возрождения, широко распространенных в Средиземноморье и других частях Древнего мира, посвящаемые переживали глубокую символическую встречу со смертью. В этом процессе они утрачивали страх смерти и развивали в себе совершенно новую систему ценностей и жизненную стратегию.

Переживание психодуховной смерти и возрождения ("второе рождение", "рождение из влаги и духа", становление "двиджей", дваждырожденных) играло важную роль во многих религиозных традициях. Все доиндустриальные культуры считали, что эти переживания имеют огромное значение как для отдельного человека, так и для всего общества, и разрабатывали надежные и эффективные способы их вызова в различных ритуалах. Современная психиатрия рассматривает те же переживания как патологические и, если такие переживания возникают у людей спонтанно, без разбору старается их подавить. Эта неудачная стратегия явилась одним из факторов потери духовности западной цивилизацией.

СЕКСУАЛЬНОСТЬ: ПУТЬ К ОСВОБОЖДЕНИЮ ИЛИ ЛОВУШКА НА ДУХОВНОМ ПУТИ?

Секс, подобно рождению и смерти, также демонстрирует внутреннюю двойственность. Смотри по обстоятельствам, он может вызвать состояние глубокого единения или, наоборот, усугубить разобщение и отчуждение. Который из этих двух вариантов проявится в конкретном случае, зависит от обстоятельств и от позиции самих людей. Если партнеры, вступившие в сексуальные отношения, не испытывают друг к другу любви и уважения и ими управляют только инстинктивные побуждения или жажда власти и превосходства, то такая связь скорее всего усилит чувства разобщенности и отчуждения. Если в половом союзе соединяются два партнера, которые созрели как личности и обладают не только хорошей биологической совместимостью, но и глубоким эмоциональным резонансом и взаимопониманием, то любовная связь может стать глубоким духовным переживанием. В таком случае партнеры способны выйти за пределы своих индивидуальных границ и переживать как единство друг с другом, так и воссоединение с космическим истоком.

Этот духовный потенциал секса - основа древнеиндийских тантрических практик. "Панчамакара" - сложный тантрический ритуал, включающий употребление сильных аюрведических травяных сборов, сочетающих в себе свойства афродизиаков и психоделиков. Эта детально разработанная традиционная процедура помогает партнерам отождествиться с архетипическими началами - женским и мужским. Она достигает своей кульминации в длительном ритуальном соитии (*майтхуна*).

Благодаря специальным методам участники способны подавить биологический оргазм, и тогда растянутое сексуальное возбуждение вызывает мистические переживания. В ходе этого ритуального события партнеры выходят за пределы своей обычной личности. В полном отождествлении с архетипическими существами, Шивой и Шакти, они переживают священный брак, божественный союз друг с другом и с космическим источником. В тантрической символике различные аспекты сексуальности и функций воспроизводства, такие, как половой союз, менструации, беременность и роды, не имеют чисто биологического значения, а соотносятся с различными высшими уровнями космического процесса творения.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ОТКРЫТИЙ В ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЗНАНИЯ, КАСАЮЩИХСЯ РОЖДЕНИЯ, СЕКСА И СМЕРТИ

Из наблюдений, описанных в этой главе, можно сделать важные практические выводы. Они однозначно указывают на то, что изменения нашей позиции по отношению к триаде "рождение-секс-смерть" и к практикам, связанным с ней, могли бы глубоко повлиять не только на качество нашей личной жизни, но и на будущее человечества как вида и на всю планету. Мы видели, что память о пренатальном существовании, рождении и ранних постнатальных событиях оставляет глубокие отпечатки в нашем бессознательном и оказывает глубокое воздействие на нашу жизнь. Следовательно, в будущем нам необходимо сделать все возможное для улучшения условий зачатия, развития эмбриона, рождения ребенка и ухода за ним после родов.

Начинать здесь нужно с просвещения молодого поколения, с обеспечения его необходимой информацией о сексе без неразумных моральных и религиозных искажений и нереалистичных предписаний, запретов и ожиданий. Однако недостаточно только дать точную техническую информацию о функциях воспроизводства. Важно возвысить представление о сексе, который мы привыкли считать событием чисто биологическим и часто изображали в худших его проявлениях, - возвысить до уровня деятельности, где в основе лежит духовность. Еще одна важная задача - осознать, что эмбрион есть существо, обладающее сознанием. Это увеличит ответственность в отношении зачатия ребенка и понимание того, насколько важно эмоциональное и физическое состояние беременной матери. Следовало бы также включить в образование молодых людей элементы, способствующие воспитанию психодуховной зрелости, необходимой будущим родителям.

Роды обычно активизируют перинатальное бессознательное самой матери, которое может препятствовать процессу рождения как на эмоциональном, так и на физиологическом уровне. Поэтому, прежде чем решиться завести ребенка, женщинам было бы полезно проделать над собой глубокую эмпирическую работу, чтобы устранить из подсознания элементы, которые потенциально могут вызывать нарушения. Далее, особое внимание следует уделить самому процессу родов. Это предполагает хорошую психологическую и техническую подготовку к родам, естественные условия для рождения ребенка и сердечную заботу в постнатальный период, где бы сохранялось необходимое общение младенца и матери. Необходимо понять, что обстоятельства рождения играют важную роль как в создании предрасположенности к насилию и саморазрушающим наклонностям, так и к милосердному поведению и здоровым межличностным отношениям.

Французский акушер Мишель Оден (Michel Odent 1995) показал, каким образом эти перинатальные отпечатки (импринтинг), потенциально способные толкнуть нашу эмоциональную жизнь в направлении либо любви, либо ненависти, отражаются в истории вида *homo sapiens*. Процесс рождения имеет два различных аспекта, и в каждом из них задействованы особые гормоны. Напряженная активность матери во время родов в первую очередь связана с механизмами выработки адреналина. Эти же механизмы играли важную роль в эволюции вида как посредники агрессивных и защитных инстинктов матери в те времена, когда роды обычно проходили в открытой, природной среде. Они давали самкам возможность в случае нападения хищника быстро переключаться с родов на защиту или бегство.

Другая важная с эволюционной точки зрения задача, связанная с родами, - это создание связи между матерью и новорожденным. В этом процессе задействован гормон окситоцин, который вызывает у животных и людей материнское поведение, а также эндорфины, благодаря которым воспитывается зависимость и привязанность. Гормон пролактин, необходимый при кормлении грудью, оказывает сходное воздействие. Беспокойная, шумная и суетливая обстановка многих больниц порождает тревогу и без всякой нужды включает механизмы выработки адреналина, ибо внушает картину мира, где потенциально существует опасность. Такая ситуация, подобно первобытным джунглям, вызывает агрессивные реакции. И напротив, спокойная, надежная, уютная обстановка создает атмосферу безопасности и запечатлевает в бессознательном благорасположенность. Если коренным образом улучшить ситуацию, связанную с родами, то в дальнейшем это весьма благотворно отразится на душевном и физическом состоянии человека как вида и усмирит безумство в его поведении, которое постоянно грозит разрушить саму основу жизни на планете.

Пренатальная и перинатальная история играет важную роль и в нашей духовной жизни. Как мы видели ранее, воплощение и рождение представляют собой отделение и отчуждение от нашей истинной природы, т.е. от Абсолютного Сознания. Положительные пренатальные и постнатальные переживания ближе всего к божественному, которое мы способны переживать в эмбриональный период или в младенчестве. Таким образом, "хорошая матка" и "хорошая грудь" суть эмпирические мосты к трансцендентному уровню. И наоборот, отрицательные и болезненные переживания, с которыми мы сталкиваемся во внутриутробном периоде, во время рождения и в ранний постнатальный период, еще больше углубляют наше отчуждение от божественного истока.

Когда среди пренатальных и ранних постнатальных переживаний преобладают положительные, мы всю жизнь склонны поддерживать естественную связь с космическим истоком. Мы можем ощущать в природе и в космосе божественное измерение и способны в высокой степени наслаждаться воплощенным существованием. И напротив, если в раннем нашем развитии травмы следовали одна за другой, то потеря связи с духовным источником может оказаться настолько кардинальной, что наше существование в материальном мире превращается в мучительное испытание, полное душевных страданий.

Не могу не упомянуть, что иногда чрезвычайно серьезная травма может повлечь за собой ситуацию, когда сознание "откалывается" от тела и "катапультируется" в трансперсональную сферу, прокладывая путь бегства, который в дальнейшей жизни будет регулярно использоваться как защитный механизм в трудных ситуациях. Поскольку данный механизм недостаточно органично сочетается с остальными аспектами личности, эта форма духовной связи способна защитить нас от невыносимой боли, но не улучшает качества жизни.

Необходимо существенно изменить и отношение к смерти. Как я уже говорил, в нашем бессознательном смерть занимает очень важное место. Ее глубочайшие проявления по своей природе трансперсональны и имеют форму гневных архетипических фигур и кармических записей угрожающих жизни ситуаций, относящихся к другим воплощениям. Память об угрозе для жизни во внутриутробном периоде, во время родов и после рождения обеспечивает дополнительные важные источники страха смерти. Для многих из нас к этому присовокупляются воспоминания о серьезных травмах, пережитых нами в жизни позднее. Грозный призрак смерти, который мы носим в своем бессознательном, вредит нашему повседневному существованию и делает нашу жизнь во многом неполноценной. В промышленно развитых обществах преобладающей реакцией на эту ситуацию служит массовое отрицание и нигилизм, последствия которых разрушительны как для индивида, так и для общества.

Для будущего человечества важно, чтобы мы преодолели это отрицание и примирились с преходящностью и брэнностью. Существуют древние и современные методы углубленного самоисследования, которые помогут нам встретиться лицом к лицу со страхом смерти, полностью осознать его и преодолеть. Мы уже видели, как "умирание прежде смерти" открывает каналы к трансцендентным измерениям бытия и отправляет нас в странствие, которое в конечном итоге ведет нас к обнаружению истинной нашей личности. В этом процессе мы переживаем душевное и психосоматическое исцеление, и наша жизнь становится более полноценной. Это глубинное психосоматическое преображение поднимает наше сознание на совершенно новый уровень, когда жизнь для нас уже не бремя, а награда. Важно сознавать существование и природу этого процесса и снабжать руководством и поддержкой людей, которые непреднамеренно переживают его в присмертных ситуациях

или спонтанных психодуховных кризисах ("критические состояния духа"). Еще один важный шаг - сделать более широко доступными различные древние и современные методы углубленного самоисследования, позволяющие сознательно осуществлять этот процесс. В доиндустриальных и древних обществах имелись определенные процедуры в форме ритуалов перехода и мистерий смерти и возрождения, предназначенные специально для этой цели. Благодаря древним знаниям, которые в последние десятилетия были заново открыты при исследовании сознания, трансперсональной психологии и танатологии, у нас теперь есть возможность значительно улучшить эмоциональное качество нашей жизни и смерти.

Люди, которым при жизни довелось эмпирически пережить рождение и смерть и выйти в трансперсональную сферу, имеют все причины верить, что физическая кончина не означает прекращения их существования. Они весьма убедительно переживали, как их сознание покидает границы тела и существует независимо от него. Поэтому такие люди склонны видеть в смерти не полное поражение и уничтожение, но переход в другое состояние бытия и ошеломляющее событие в сознании. Естественно, эта позиция сама по себе может существенно изменить подход к смерти и переживанию умирания. У людей, занимающихся углубленным самоисследованием, есть еще и возможность постепенного примирения со многими тяжелыми аспектами своего бессознательного, с которыми мы так или иначе должны разобраться на последнем этапе жизни.

Прозрения, полученные в холотропных состояниях, содержат важные моменты, касающиеся приближения к заключительным стадиям жизни, нашей собственной и других людей. Когда мы убеждены, что самым важным измерением нашего бытия является не материя, а сознание, в первую очередь у нас возникает не стремление механически, любой ценой продлить жизнь, но интерес к природе и качеству переживания процесса умирания и самой смерти. Работая с умирающими людьми, мы будем обращать особое внимание на качество общения и оказывать им значительную психодуховную поддержку. Мы дополним, а в некоторых случаях и заменим чудеса современной медицины подлинной человеческой заботой. Если информация, содержащаяся в "Бардо тодол", или "тибетской книге мертвых", правильна, то наш подход к смерти и переживание ее чрезвычайно важны. При соответствующей подготовке это время - уникальная возможность мгновенно достичь освобождения. Согласно тибетским учениям, даже если мы не добьемся абсолютного освобождения, наличие и качество нашей подготовки к смерти все равно определяют природу нашего следующего воплощения.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ТАЙНА КАРМЫ И ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

...Некогда я уже был мальчиком и девочкой, кустом, птицей и вынырывающей из моря немой рыбой.

Эмпедокл

Попроси меня азиат дать определение Европы, мне придется ответить так: "Это часть света, пребывающая во власти невероятного заблуждения, будто человек создан из ничего, а его нынешнее рождение - это первое вступление и в жизнь".

Артур Шопенгауэр.

"Парерга и паралипомена"

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ НА ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

Согласно западной материалистической науке, срок нашей жизни ограничивается периодом от зачатия до биологической смерти. Такое допущение есть логическое следствие убежденности, будто мы - это наши тела. Поскольку у биологической смертью тело начинает

разлагаться и разрушаться, то создается впечатление, что мы прекращаем свое существование. Данная позиция противоречит верованиям всех великих религий и духовных систем древних и доиндустриальных культур, которые понимают смерть не как прекращение любой формы существования, но как важный переход. Западная наука отвергает мнение, что наше существование может продолжаться после смерти, и относит его на счет недостатка образованности, суеверий или примитивных мечтаний людей, неспособных принять мрачную реальность бренности и смерти.

В доиндустриальных обществах вера в жизнь после смерти не ограничивается туманным представлением о том, что где-то есть Запредельное. Мифологии многих культур дают весьма конкретные описания происходящего с человеком после смерти. Они обеспечивают нас надежными путеводителями посмертных странствий души и изображают различные обитатели - небеса, рай и ад, - населенные развоплощенными существами. Особенно интересна вера в перевоплощение, согласно которой индивидуальные единицы сознания продолжают возвращаться на землю и проходят целый ряд воплощенных существований. Некоторые духовные системы сочетают веру в перевоплощение с законом кармы, утверждающим, что заслуги и проступки прошлых жизней определяют качество последующих воплощений. Различные формы веры в перевоплощение находили широкое распространение в разных странах в разные исторические периоды. Зачастую они независимо развивались в культурах, разделенных тысячами миль и многими веками.

Понятие перевоплощения и кармы является краеугольным камнем многих азиатских религий: индуизма, буддизма, джайнизма, сикизма, зороастризма, тибетской ваджраяны, японского синтоизма и китайского даосизма. Сходные идеи можно найти в таких исторически, географически и культурно далеких друг от друга группах, как различные африканские племена, американские индейцы, доколумбовские культуры, полинезийские кахуна, сторонники бразильской умбанды, галлы и друиды. В Древней Греции этой доктрины придерживалось несколько важных философских школ, в том числе пифагорейцы, орфики и платоники. Понятие перевоплощения было принято ессеями, фарисеями, караимами и другими иудейскими и полуиудейскими группами. Оно составляло важную часть каббалистической теории средневекового еврейства. Этот перечень будет неполным, если не упомянуть неоплатоников, гностиков, а также современных теософов, антропософов и некоторых спиритуалистов.

Несмотря на то что вера в перевоплощение не является частью современного христианства, подобные понятия существовали и среди ранних христиан. Согласно св. Иерони (340-420), перевоплощению было дано эзотерическое толкование, доступное только избранным. Вера в перевоплощение была, по всей видимости, неотъемлемой частью гностического христианства, о котором мы знаем из свитков, найденных в 1945 году в Наг-Хамадди. В гностическом тексте под названием "*Пистис София*" ("Мудрость Веры") Иисус объясняет своим ученикам, как проступки одной жизни переносятся в другую. Так, например, что касается людей, посылающих проклятия по адресу других, то в следующей жизни "их сердца никогда не успокоятся", а люди надменные, не знающие ни в чем меры могут переродиться калеками, и другие будут смотреть на них свысока.

Самым знаменитым христианским мыслителем, говорившим о предсуществовании души и о мировых циклах, был Ориген (186-253), один из величайших Отцов Церкви всех времен. В своих трудах, особенно в книге "*De Principiis*" ("О началах", Origenes Adamantius 1973), он высказал мнение относительно того, что определенные духовные переходы можно объяснить только в свете перевоплощения. Его учения были осуждены Вторым собором, созванным в Константинополе императором Юстинианом в 553 г., и признаны ересью. Вынесенный Оригену приговор гласил: "Если кто-либо будет отстаивать это вымышленное предсуществование душ и подчиняться исходящей из этого чудовищной доктрине, предать его анафеме!" Однако некоторые ученые полагают, что следы этого учения можно найти в писаниях св. Августина, св. Григория и даже св. Франциска Ассизского.

Как нам объяснить, что столь многие культурные группы в ходе истории придерживались этого необычного верования и создали для описания его сложные теоретические системы? Неужели все они соглашались в вопросе, столь чуждом индустриальной цивилизации Запада и представляющемся западной материалистической науке совершенно абсурдным? Обычно это объясняют якобы нашим превосходством в научном понимании Вселенной и природы человека. Однако более подробное исследование показывает, что истинная причина этого разногласия - склонность западных ученых придерживаться собственной системы убеждений и игнорировать, подвергать цензуре и искажать все наблюдения, которые ей противоречат. А говоря еще более конкретно, такая

позиция отражает нежелание западных психологов и психиатров обращать внимание на переживания и наблюдения, полученные из холотропных состояний.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Понятие перевоплощения и кармы не есть "верование" в обычном смысле слова, которое означает теоретическую и чувственную позицию, не подтвержденную фактами и являющуюся необоснованной и произвольной. Для индуистов, буддистов, даоистов и других групп перевоплощение не вопрос верования: для них это понятие составляет важную часть их религии. Это высокий эмпирический вопрос, основанный на весьма особых переживаниях и наблюдениях. То же справедливо для западных исследователей сознания, обладающих открытым умом и обширными знаниями. Они вовсе не наивны и не несведущи в философской позиции и мировоззрении материалистической науки, как их любят изображать критики.

Многие из этих исследователей имеют хорошую академическую подготовку и солидные дипломы. Причина, почему они настаивают на своей позиции, состоит в том, что они сделали ряд важных наблюдений касательно перевоплощения, адекватно объяснить которые на базе академических знаний невозможно. Многие из этих ученых лично прошли через необычные переживания, которые никак нельзя было оставить без внимания. Как утверждает Кристофер Бах, исследователь, тщательно проработавший литературу о перевоплощениях и встретившийся с переживаниями прошлой жизни в собственном внутреннем исследовании, свидетельства существования этой сферы настолько богаты и замечательны, что ученые, которые не считают проблему перевоплощения заслуживающей серьезного изучения, "либо несведущи, либо глупы" (Bache 1990).

Давайте сделаем краткий обзор существующих свидетельств, с которыми следует ознакомиться, прежде чем выносить суждения относительно перевоплощений. Вот как описывает мифологическим языком природу этих свидетельств хасидский ученый Шолем Аш (Sholem Ash 1967): "Не сила памятования, но, наоборот, сила забвения является необходимым условием нашего существования. Если знания о переселении душ истинны, то эти души во время перехода из одного тела в другое должны пересечь океан забвения. Как мы, иудеи, считаем, этот переход осуществляется под водительством ангела забвения. Но порой этот ангел забвения сам забывает стереть из нашей памяти записи о прежнем мире, и тогда в наши чувства внедряются призраки отрывочных воспоминаний об иной жизни. Они плывут подобно обрывкам облаков над холмами и равнинами ума, вплетаясь в обстоятельства нашей теперешней жизни".

Современные исследователи накопили большой объем наблюдений, указывающих на частичное снятие завесы забвения, о которой говорит Шолем Аш. Многие изучали и описывали яркие переживания прошлой жизни, которые спонтанно всплывают в повседневной жизни или в ходе различных психотерапевтических сеансов, включающих холотропные состояния сознания. Другие же собирали дополнительную информацию о перевоплощениях, направляя людей в особые области психики при помощи гипноза или других методов. Были также интересные попытки верификации достоверности таких направленных переживаний прошлой жизни (Wambach 1979). И наконец, интересные прозрения в понимании этого вопроса предоставляет нам тибетская духовная традиция.

ДЕТИ ПОМНЯТ ПРОШЛЫЕ ЖИЗНИ

Среди самых интересных явлений, относящихся к проблеме перевоплощения, можно назвать спонтанные переживания прошлых жизней у детей. Материалы, полученные из различных стран мира, свидетельствуют, что в некоторых случаях маленькие дети помнят и описывают свою прошлую жизнь в другом теле, в другом месте, в другое время и с другими людьми. Эти воспоминания могут создавать множество проблем в жизни ребенка и его родителей. Их часто связывают с "патологиями переноса", такими, как фобии, необычные идиосинক্রазии и странные реакции на определенных людей, а также на определенные места и ситуации. Некоторым детским психиатрам доводилось лечить и описывать подобные случаи. Доступ к этим воспоминаниям обычно появляется к трем годам и постепенно исчезает между пятью и восемью годами.

Ян Стивенсон, профессор психологии Виргинского университета в Шарлотсвилле, тщательно исследовал более трех тысяч подобных случаев, описав их затем в своих книгах

(Stevenson 1966, 1984 и 1987). Стивенсон анализировал случаи, относящиеся не только к "примитивным" "экзотическим" культурам с априорной верой в перевоплощение, но также и к западным странам, включая Великобританию и США. Поскольку многие случаи не соответствовали тем высоким стандартам, которые Стивенсон принял для своих исследований, он, будучи исследователем осторожным и консервативным, опубликовал описания лишь нескольких сот, максимально обеспеченных научным подтверждением. Ряд наблюдений он исключил потому, что некоторые семьи извлекали из такого поведения своих детей выгоду как в финансовом смысле, так и в смысле престижа в обществе и внимания публики. Еще ряд случаев не вошел в книгу по причине непоследовательной информации, нарушения памяти (криптомнезия), сомнительного или возможного обмана.

Данные, полученные Стивенсоном, замечательны. Хотя во всех описанных случаях он исключил возможность, что дети могли овладеть этой информацией по общепринятым каналам, он сумел найти факты, которые подтверждали эти рассказы до невероятных подробностей. В ряде случаев он привозил этих детей в деревню или город, которые они помнили из своей прошлой жизни, и, несмотря на то что в нынешней своей жизни они никогда там не бывали, они узнавали дом, в котором якобы жили. Они даже узнавали членов своей "семьи" и соседей и знали их имена. Возможно, самым ярким свидетельством в поддержку гипотезы о реинкарнации является поразительное размещение родимых пятен, которое особым образом отражало повреждения и другие события из вспоминаемой прошлой жизни; это подтверждается и независимыми исследованиями (Stevenson 1995).

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛЫХ ЖИЗНЯХ У ВЗРОСЛЫХ

Спонтанные переживания эпизодов прошлой жизни у взрослых чаще всего происходят во время психодуховных кризисов ("духовных критических ситуаций"). В то же время такие воспоминания в разной степени могут посещать и людей, находящихся в более или менее обычных состояниях сознания и в обычных обстоятельствах. Психиатрам-традиционалистам известно о существовании переживаний прошлых жизней, но они, как правило, считают их симптомами серьезной психопатологии и стараются подавить посредством лекарственной терапии. Ведущие теории личности современной психологии жестко укоренены в материалистической парадигме и потому, естественно, придерживаются мнения, что у человека только одна жизнь.

Переживания прошлой жизни можно стимулировать широким набором методов, обеспечивающих доступ к глубинным уровням психики, сюда относятся, например, медитация, гипноз, использование психоделических веществ и сенсорная изоляция. Они могут возникать во время физических тренингов и в сеансах эмпирической терапии, например в процессе повторного рождения, холотропной терапии или первичной терапии. Мне доводилось слышать о многих случаях, где эпизоды прошлой жизни сами по себе проявлялись в сеансах, проводимых психотерапевтами, у которых были весьма устоявшиеся теоретические схемы и которые не верили в перевоплощение или даже всеми силами противостояли этой идее. Проявление кармического материала также совершенно не зависит от прежней системы философских и религиозных убеждений переживающего.

В развернутом переживании прошлой жизни мы оказываемся в некоей эмоционально заряженной ситуации, которая относится к другому историческому периоду и к другой стране. Наше ощущение личности сохраняется, но переживается в связи с другим человеком, а также другим временем и местом. Эти переживания часто включают других людей, с которыми у нас тесная связь в этой жизни. Такие эпизоды, как правило, имеют весьма негативную эмоциональную окраску. В одних случаях они связаны с физической болью, панической тревогой, глубокой печалью или чувством вины, в других - всепоглощающей ненавистью, чудовищным гневом или безумной ревностью. Но бывает и так, что эти события отражают огромное эмоциональное удовлетворение и счастье. В них изображаются пылкая любовь, преданная дружба или духовное партнерство.

Самым характерным аспектом переживаний прошлой жизни является убежденность, что ситуация, с которой мы сталкиваемся, для нас не нова. Мы четко помним, что это с нами уже когда-то происходило и что в одной из наших прежних жизней мы действительно были именно тем человеком. Это чувство воскрешения в памяти когда-то уже виденного (*deja vu*) или когда-то пережитого (*deja vécu*) в прошлых воплощениях обычно бывает весьма отчетливым. Оно сравнимо с нашей способностью отличать от сновидений и фантазий воспоминания о событиях, которые действительно имели место в нашей жизни. Трудно было бы убедить человека, рассказывающего нам о воспоминании, случившемся неделю

назад, в том, что этого события на самом деле не было и что он просто вообразил его. Подобным качеством достоверности и реалистичности обладают и воспоминания о прошлых воплощениях.

УНИКАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФЕНОМЕНА ПРОШЛЫХ ЖИЗНЕЙ

Переживания прошлых жизней обладают рядом необычных характеристик, которые заслуживают серьезного внимания исследователей, изучающих сознание и человеческую психику. Взятые в целом, эти характеристики не оставляют никаких сомнений в том, что кармические цепочки являются уникальным *sui genera*, а вовсе не просто фантазиями или плодом больного воображения. Переживания прошлых жизней происходят в том же самом континууме, что и четкие воспоминания юности, детства, младенчества, рождения, внутриутробного периода - явлений, которые зачастую можно точно проверить. Иногда они возникают одновременно или чередуются с биографическим материалом из теперешней жизни (Grof 1988, 1992).

Другой интересной характеристикой переживаний прошлых жизней является то, что зачастую они тесно связаны с важными моментами и обстоятельствами нашей теперешней жизни. Когда эти кармические эпизоды полностью выходят на сознательный уровень, будь то спонтанно или в ситуации глубинной эмпирической психотерапии, они способны пролить свет на различные аспекты нашей жизни, которые ранее были непостижимы и загадочны. Эти аспекты включают в себя широкий спектр эмоциональных, психосоматических и межличностных проблем, которым общепринятые виды психотерапии не смогли дать объяснение.

Переживания воспоминаний о прошлой жизни, как правило, дают больше, чем просто новое понимание этих проблем. Данный процесс может повлечь за собой облегчение или полное исчезновение неприятных симптомов, таких, как различные фобии, психосоматические боли или астма. Порой он помогает и улучшению напряженных отношений с другими людьми. Таким образом, переживания прошлых жизней могут внести значительный вклад в понимание психопатологии и сыграть существенную роль в успешности психотерапии. Психотерапевты, которые отказываются работать с этими переживаниями, поскольку отвергают понятие перевоплощения, лишают своих пациентов весьма эффективного терапевтического механизма.

Людей, переживающих кармические явления, часто посещают яркие прозрения, проливающие свет на социальную структуру, верования, ритуалы, обычаи, архитектуру, одежду, оружие и другие аспекты жизни той или иной эпохи и культуры. Во многих случаях природа и качество информации указывают на то, что эти люди вряд ли могли узнать обо всем этом через общепринятые каналы. Иногда переживания прошлой жизни дают информацию о конкретных исторических событиях.

ПРОВЕРКА ДОСТОВЕРНОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЙ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ

Критерии верификации переживаний прошлой жизни те же, что используются в случае воспоминаний о событиях детства и младенчества, относящихся к настоящей жизни. Из этих вернувшихся к нам воспоминаний мы стараемся извлечь как можно больше подробностей, а затем найти независимые доказательства, подтверждающие или опровергающие их содержание. К сожалению, во многих переживаниях прошлых жизней эта информация недостаточно конкретна, чтобы можно было подвергнуть ее независимой проверке. Иногда же информация по своему качеству адекватна, но невозможно найти достаточно подробные исторические источники, позволяющие провести процедуру проверки.

Большая часть воспоминаний прошлых жизней у взрослых не поддается верификации в той степени, как изучавшиеся Стивенсоном спонтанные воспоминания у детей, как правило, более свежие. Чтобы понять проблему, связанную с такой попыткой, важно принять во внимание, что даже наши воспоминания из этой жизни не всегда легко поддаются объективной проверке. Психотерапевтам хорошо известны проблемы, связанные с попытками определить достоверность воспоминаний детства и младенчества, возвращающихся в процессе вербальной или регрессивной терапии. Разумеется, проверить достоверность переживаний прошлых жизней много труднее, чем аналогичные переживания, касающиеся материала данной жизни. Даже если такие переживания содержат весьма конкретные подробности, найти объективные доказательства их

достоверности гораздо сложнее, поскольку материал значительно старше и часто относится к другим странам и культурам.

Однако, несмотря на все эти трудности, изредка встречаются примеры, удовлетворяющие всем необходимым критериям. Результаты таких непредвзятых исследований могут быть поистине необычными. За многие годы работы я сумел сделать несколько наблюдений, где содержание переживаний прошлых жизней удалось подтвердить. Во всех этих случаях я не мог найти обычное объяснение этому явлению. Но я не сомневаюсь, что информация, всплывшая в этих переживаниях, шла по экстрасенсорным каналам. Подобные же истории я слышал и от других исследователей.

В предыдущих публикациях (Grof 1975, 1988) я описал два таких случая. Первый касался нервнобольной пациентки, которая проходила психоделическую терапию. В четырех последовательных сеансах она переживала эпизоды из жизни чешского дворянина XVII века. Этот человек вместе с еще двадцатью шестью видными аристократами был публично казнен в Праге на Староместской площади. Эта публичная казнь являлась попыткой Габсбургов подорвать дух чехов после поражения чешского короля в битве на Белой горе. В этом случае отец пациентки без ее ведома провел независимое исследование семейной родословной, которое подтвердило, что моя пациентка и ее отец являются потомками этого несчастного человека.

Второй случай касается человека, который в во время сеансов первичной терапии и позднее, во время сеансов холотропной терапии, проводившихся нами в ходе месячного семинара в Эсаленском институте, пережил ряд эпизодов, относящихся к XVI веку, к войне между Англией и Испанией. Они были сосредоточены вокруг массового убийства испанских солдат британцами в осажденной крепости Дунанор на западном побережье Ирландии. Во время сеансов этот человек переживал себя священником, сопровождавшим испанских солдат, и был убит с вместе с ними. В какой-то миг он увидел на своей руке перстень с печаткой, на которой были выгравированы инициалы, и зарисовал его.

В дальнейшем, проведя историческое исследование, этот человек смог подтвердить достоверность всего эпизода, о котором ему прежде ничего не было известно. В одном из исторических архивов он нашел документ, где было указано имя священника, сопровождавшего испанских солдат в этом военном походе. К всеобщему удивлению, инициалы имени священника совпадали с инициалами на перстне с печаткой, который этот человек увидел во время сеанса и подробно зарисовал.

Поразительным аспектом переживаний прошлых жизней является их частая связь с примечательными синхронностями, включающими других людей и другие ситуации. Действующими лицами наших воспоминаний прошлых жизней часто являются важные для нас люди из нашей теперешней жизни, такие, как родители, дети, супруги, друзья и начальство. Складывается впечатление, что сильные переживания прошлых жизней способны повлечь за собой драматические перемены в наших чувствах и поведении по отношению к человеку, являющемуся важным действующим лицом нашего кармического сценария. Впрочем, эти переживания часто показывают и необъяснимые синхронные связи с переменами в жизни других важных персонажей наших воспоминаний прошлых жизней. Эти люди могут находиться в сотнях и тысячах миль от того места, где мы испытываем это переживание, и совершенно ничего не знают о происходящем. Однако как раз в это время в их чувствах и в отношении к нам могут совершенно независимо от нас произойти соответствующие драматические перемены.

КАРМИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Чтобы проиллюстрировать это знаменательное явление, приведу пример из моей собственной жизни. За многие годы я не раз наблюдал подобные случаи, касающиеся других людей. Эпизод, который я собираюсь описать, имел место вскоре после моего прибытия в Соединенные Штаты. Эмиграция в Соединенные Штаты, состоявшаяся в 1967 году, коренным образом изменила мое личное, профессиональное, политическое и культурное окружение. Я приехал в Балтимор, имея при себе около пятидесяти фунтов багажа. Более половины его составляла документация по психоделическим исследованиям, проводившимся в Праге, а остальное - мои личные вещи. И это все, что оставалось от моей жизни в Европе. Для меня это было новое начинание на всех воображимых уровнях. Я искренне восхищался своими коллегами из Спринг-Гроув, радовался невообразимой

свободе выражения, новизне окружающего мира, но мне никак не удавалось устроить свою личную жизнь.

Все женщины моего социального круга, которые подходили мне по возрасту и разделяли мои интересы, были либо замужем, либо заняты как-то еще. Такая ситуация меня огорчала, поскольку на этом этапе жизненного пути я испытывал особенно глубокую потребность в партнерстве. Мои друзья и коллеги из Спринг-Гроув, по-видимому, были больше озабочены моей ситуацией, нежели я сам, и изо всех сил старались ее исправить. Они подыскивали мне потенциальных партнерш и постоянно приглашали их на всякие дружеские встречи. Это повлекло за собой ряд весьма неловких ситуаций и не дало никаких результатов. Но затем положение внезапно изменилось самым неожиданным и радикальным образом.

Трудные взаимоотношения моего коллеги-психотерапевта Сеймура с его подругой Моникой резко оборвались, и мои друзья, решив меня с ней познакомить, пригласили ее на обед. Когда мы с Моникой встретились впервые, я сразу же почувствовал к ней сильное влечение и между нами мгновенно возникло ощущение глубинной связи. Влюбиться в нее не составляло труда. Она, как и я, была родом из Европы, одинока, красива и умна. Благодаря своему необычному шарму, остроумию и красноречию она быстро становилась центром внимания на любой вечеринке. Я быстро увлекся и не сумел сохранить объективность и трезвость взгляда.

Меня не смущало, что Моника была значительно моложе, чем я. Я предпочел игнорировать и ее рассказы о чрезвычайно тяжелом детстве, и истории о бурных межличностных отношениях, которые в обычной ситуации посчитал бы серьезными предостережениями. Я уверил себя, что все это пустяки, которые легко поддадутся проработке. Сумей я тогда проанализировать ситуацию, я бы понял, что встретил то, что К. Г. Юнг называл *анимой*. Мы с Моникой стали встречаться, и наши отношения развивались бурно и страстно.

Настроения и поведение Моника, менялись каждый день, а порой и каждый час. Порывы горячей любви ко мне перемежались эпизодами равнодушия, уклончивости и отчужденности. Ситуация осложнилась еще двумя необычными обстоятельствами. Приехав в Балтимор, я поселился в однокомнатной квартире, которую одно время снимал Сеймур, бывший друг Моника и в которой она часто навещала его. Теперь она приходила в ту же квартиру, к другому мужчине. Кроме того, Вольфганг, брат Моника, возненавидел меня с самой первой встречи. У него с Моникой была необычайно сильная связь, в которой, как будто бы четко прослеживались кровосмесительные тенденции. Вольфганг яростно противился нашим с Моникой отношениям и держался со мной как соперник.

Мне очень хотелось нормализовать наши отношения, но я был абсолютно не в состоянии повлиять на эту бешеную гонку вдвоем на виражах. Порой казалось, будто я стою то под горячим душем, то под холодным. Меня это очень огорчало, но в то же время влечение к Монике обладало странным магнетизмом, и я не мог порвать нашу запутанную и неудачную связь.

Я испытывал отчаянную необходимость в прозрении относительно дезориентирующего безумия, в котором я очутился. В нашем институте была программа, предоставлявшая специалистам-психологам и психиатрам возможность пройти до трех психоделических сеансов. Члены нашей психотерапевтической группы имели право участвовать в этой программе. И вот как раз когда, когда наши с Моникой трудности достигли апогея, я, в стремлении хоть немного прояснить отношения с Моникой, обратился с просьбой пройти сеанс ЛСД-терапии. Далее я приведу выдержку из описания этого сеанса, где рассказывается о моем первом знакомстве с миром переживаний прошлой жизни и закона кармы.

В середине сеанса у меня внезапно возникло видение темной скалы неправильной формы, которая была похожа на гигантский метеорит и казалась невероятно древней. Небо разверзлось, и молния невероятной силы ударила в скалу и стала выжигать на ней какие-то загадочные архаические символы. Эти странные иероглифы, выжженные на поверхности скалы, продолжали гореть и испускать ослепительно яркий свет. И хотя я не мог расшифровать и прочесть их, я чувствовал, что они священны и что я каким-то образом могу понять сообщение, которое они передают. Они поведали мне о том, что моей нынешней жизни предшествовала длинная цепь существований и что, согласно закону кармы, я в ответе за поступки, совершенные в тех жизнях, несмотря на то что ничего о них не помню.

Я пытался отвергнуть ответственность за то, о чем у меня нет никаких воспоминаний, но не мог противостоять колоссальному психологическому натиску, заставлявшему меня сдаваться. В конце концов я волей-неволей признал то, что совершенно определено было древним вселенским законом, уйти от которого невозможно. Как только я капитулировал, я увидел, что держу в объятиях Монику, точь-в-точь как в прошлый уикенд. Мы парили в пространстве исполинской архетипической бездны, медленно опускаясь по широкой спирали. Я инстинктивно понимал, что это - Бездна Веков и что мы путешествуем во времени вспять.

Казалось, этому нисхождению нет и не будет конца. Но все же мы достигли дна пропасти. Моника исчезла из моих объятий, и я обнаружил, что расхаживаю по залу древнеегипетского дворца облаченным в изысканно украшенные одежды. На стенах вокруг были красивые рельефы, которые соседствовали с резными иероглифами. Я понимал их смысл точно так же, как понимал бы смысл плакатов где-нибудь на информационной доске в Балтиморе. По другую сторону большого зала я увидел медленно приближающуюся ко мне фигуру. Я знал, что я сын знатных египтян и что приближающийся человек приходится мне в той жизни братом.

Когда тот подошел, я узнал Вольфганга. Он остановился футах в десяти, глядя на меня с лютой ненавистью. Я понял, что в этом воплощении Вольфганг был моим родным братом, а Моника - родной сестрой. Как старший сын, я женился на Монике и получил еще множество привилегий, связанных с этим статусом. Вольфганг чувствовал себя обделенным и испытывал ко мне неистовую ревность и сильную ненависть. Я отчетливо увидел, что это была основа деструктивной кармической матрицы, которая в разнообразных вариантах повторялась на протяжении многих веков.

Я стоял лицом к лицу с Вольфгангом и чувствовал его ненависть ко мне. Стремясь разрешить эту мучительную ситуацию, я попытался телепатически послать ему сообщение: "Я не знаю, в каком я облике и как я сюда попал. Я путешественник во времени из двадцатого века, где принял сильное психотропное вещество, изменяющее сознание. Я очень сожалею, что между нами создалось такое напряжение, и хочу что-нибудь сделать, чтобы снять его". Я широко раскинул руки ему навстречу и послал ему следующее сообщение: "Вот я, вот все, что у меня есть! Пожалуйста, сделай что-нибудь, что считаешь нужным, дабы мы избавились от этих мучительных уз. Освободи нас!"

Вольфганг, казалось, был очень взволнован моим предложением и согласился. Его ненависть приняла форму двух ярких лучей энергии, напоминающих мощные лазерные пучки, они жгли мое тело, причиняя невероятную боль. Мучительная пытка продолжалась очень долго, но лучи постепенно утрачивали свою силу и в конце концов погасли. Вольфганг и зал исчезли, и я снова держал в объятиях Монику.

На сей раз мы восходили сквозь ту же Бездну Веков, двигаясь во времени вперед. Стены этой архетипической пропасти раскрывались, и я видел сцены из разных исторических периодов, показывающих Монику, Вольфганга и меня во многих прошлых жизнях. Все эти сцены отражали сложные и деструктивные ситуации треугольника, в которых мы причиняли друг другу боль. Но казалось, что сквозь века пронесется сильный ветер, "кармический ураган", разгоняя боль этих ситуаций и освобождая нас троих от фатальных мучительных уз.

Когда эта последовательность событий закончилась и я полностью вернулся в настоящее, меня охватило неопределимое блаженство и экстатический восторг. Я чувствовал, что даже если до конца своих дней ничего не достигну, то все равно могу считать, что прожил свою жизнь продуктивно и успешно. Для одной жизни разрешение и освобождение от кармической матрицы - это уже очень много!

Присутствие Моника в моем переживании было настолько сильным, что я был убежден: она наверняка чувствовала происходившее со мной. Я решил выяснить, что она переживала днем, когда я проходил сеанс. Стараясь избежать возможности внушения, я преднамеренно ничего не сказал ей о сеансе. Я просто спросил ее, что она делала днем между

16 и 16.30, когда я в своем сеансе переживал кармические эпизоды, связанные с Египтом. "Странно, почему ты спрашиваешь меня об этом, - ответила она, - пожалуй, это время было самым худшим в моей жизни!"

Затем она описала мне драматическую ситуацию с начальником, закончившуюся тем, что она бросилась вон из офиса. Она была уверена, что потеряла работу, и в полном отчаянии отправилась в ближайший бар и там здорово напилась. В какой-то момент дверь бара открылась, вошел мужчина. Моника узнала Роберта, с которым у нее были сексуальные отношения в то время, когда она встретила меня. Роберт был очень богат и сделал ей много дорогих подарков, в том числе новую машину и лошадь.

Втайне от меня Моника продолжала отношения с этим человеком даже после того, как мы начали встречаться, поскольку не могла сделать выбор между нами двоими. Увидев Роберта на пороге бара, она пошла к нему, намереваясь броситься ему на шею с поцелуями. Однако Роберт сделал уклончивый жест и просто пожал ей руку. Моника заметила, что с ним была элегантная дама. Явно в смущении, Роберт представил ее Монике: оказалось, что это его жена. Моника была потрясена - ведь Роберт внушал ей, что он холост.

Моника почувствовала, что почва уходит у нее из-под ног. Она выбежала из бара и помчалась к своей машине, той самой, которую ей подарил Роберт. Совершенно пьяная, она под ужасным ливнем гнала по кольцевой автодороге со скоростью более 90 миль, решив покончить сразу со всем. Слишком много всего произошло за этот день - и теперь ей уже было все равно! Как оказалось, именно в то время, когда я в своем сеансе достиг разрешения кармической матрицы, в мозгу Моника возник мой образ. Она начала думать обо мне и о наших отношениях. Поняв, что в ее жизни есть человек, на которого она может положиться, она успокоилась, сбросила скорость, свернула с кольцевой автодороги и припарковалась у обочины. Когда она протрезвела настолько, что могла безопасно вести машину, она вернулась домой и легла спать.

На следующий день после разговора с Моникой мне позвонил Вольфганг и попросил о встрече. Такой поворот был абсолютно неожиданным и удивительным, ведь раньше Вольфганг никогда мне не звонил и тем более не просил о встрече. Когда он приехал, он сказал, что хочет поговорить на очень интимную и щекотливую тему. Это оказалась проблема, которую в психоанализе называют комплексом проститутки-мадонны. В жизни Вольфганга было много случайных и поверхностных сексуальных связей, в том числе забав на одну ночь, и у него никогда не возникало сложностей с эрекцией. Теперь, по его словам, он нашел женщину своей мечты и впервые в жизни по-настоящему влюбился. Однако сексуальные отношения с ней у него не складывались, он неоднократно терпел мучительные поражения.

Вольфганг был в отчаянии, поскольку боялся потерять эту женщину, не справится со своей импотенцией. Он сказал мне, что стеснялся говорить об этом с незнакомыми людьми и подумывал обсудить эту проблему со мной, но так ничего и не сделал, поскольку испытывал ко мне сильные негативные чувства. И вдруг его отношение ко мне в один миг изменилось. Ненависть, как по волшебству, исчезла, и он решил позвонить мне и попросить о помощи. Спросив его, когда это произошло, я обнаружил, что время в точности совпало с завершением моего египетского эпизода.

Несколько недель спустя, на сеансе гипноза с Полип Маккририк, психоаналитиком из Лондона, я восстановил недостающий фрагмент моей египетской истории. Далее я привожу выдержку из описания этого опыта.

Я лежал на песке в знойной, иссушенной солнцем пустыне, чувствовал мучительную боль в животе, и все мое тело сводили судороги. Я знал, что меня отравили и что я умираю. Понятно мне и что единственные люди, которые могли отравить меня, это Моника и ее любовник. По египетскому закону она должна была выйти замуж за старшего брата, то есть за меня, но любовь ее принадлежала другому мужчине. Я узнал об их романе и пытался вмешаться в их отношения. Сознание, что я предан и отравлен, наполнило меня слепым гневом. Я умер в одиночестве, в пустыне, и все мое существо было переполнено ненавистью.

Переживание этой ситуации принесло еще одно интересное прозрение. Я вспомнил, что в той жизни в Египте участвовал в мистериях Исиды и Осириса и знал их тайны. Я чувствовал, что яд и ненависть отравляли мой разум и затмевали все, включая это знание. Именно это не позволило мне во

время смерти воспользоваться тайными учениями. По той же причине моя связь с этим тайным знанием грубо прервалась.

Я вдруг увидел, что большая часть моей настоящей жизни была посвящена неустанному поиску этих утраченных учений. Я вспомнил, какое волнение испытывал каждый раз, когда мне попадалась информация, прямо или косвенно связанная с этой областью. В свете этого прозрения моя работа с психоделиками, сосредоточенная вокруг психодуховной смерти и возрождения, была как бы открытием заново и современной переформулировкой процессов, входивших в древние мистерии.

В последующей медитации на меня неожиданно нахлынула целая симфония образов, представляющих основные моменты моих переживаний, касающихся Моники и Вольфганга: одни относились к нынешней жизни, другие были из моих сеансов. Интенсивность и скорость этого пересмотра, быстро нарастая, достигли взрывной кульминации. И внезапно я ощутил разрешение проблемы и покой. Теперь я знал, что кармическая матрица полностью рассосалась. Пока я жил в Балтиморе, мы с Моникой оставались друзьями. Из нашего общения исчезли напряжение и хаос, и ни один из нас более не чувствовал побуждений продолжать интимную связь. Мы оба понимали, что в этой жизни не предназначены быть партнерами.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ И КАРМА В ТИБЕТСКОМ БУДДИЗМЕ

Есть еще один интересный аспект загадки перевоплощения. Эта информация известна нам из определенных тибетских учений и практик, касающихся того, в какой мере возможно фактически влиять на процесс смерти и перевоплощения. Тибетская литература рассказывает, что определенные высокосвершенные духовные мастера способны выбирать время и место своей смерти, предсказывать или назначать время и место своего следующего воплощения и даже сохранять непрерывность сознания при прохождении через "бардо" (промежуточные состояния между смертью и следующим воплощением).

Согласно этим текстам, совершенные тибетские монахи, чтобы определить местонахождение ребенка, являющегося перевоплощением какого-либо тулку или далай-ламы, могут использовать особые указания, полученные в сновидениях и медитациях, а также различные внешние знамения. В итоге ребенка находят, привозят в монастырь и подвергают тестам, в которых он должен правильно определить, какие предметы из нескольких наборов принадлежали ему в прошлой жизни. Некоторые аспекты этой практики можно, по крайней мере теоретически, строго протестировать согласно западным критериям.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ: ФАКТ ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

Теперь мы можем обобщить объективные свидетельства, которые составляют основу широко распространенного "верования" в перевоплощение и карму. На самом деле слово "верование" здесь совершенно не годится. Ведь "верование" - это теоретическая система мысли, концептуальная основа, которая пытается дать объяснение множеству необычных переживаний и наблюдений. В холотропных состояниях, спонтанных или вызванных искусственно, переживания эпизодов из жизней людей различных исторических периодов и разных стран мира не только возможны, но и вполне обычны. Переживая эти события, мы испытываем убедительное чувство, что действительно были когда-то этими людьми и жили их жизнью. Эти переживания, как правило, очень ярки и могут захватывать все наши чувства.

По содержанию переживания прошлых жизней выходят за пределы расовых и культурных границ и могут иметь место в любой стране мира и в любой период человеческой истории и предыстории. Они часто обеспечивают подробную информацию о странах, культурах и эпохах. Во многих случаях эта информация далеко превышает наше прежнее знание того или иного вопроса и наш уровень образования. Иногда в сценах из прошлой жизни могут действовать животные. Например, мы можем переживать ситуацию, в которой нас терзает тигр или затаптывает слон. За многие годы я наблюдал и переживания прошлых жизней, где присутствовал только один живой персонаж, например эпизоды, где на переживающего обрушивалась лавина или падало дерево. Терапевтический потенциал переживаний прошлых жизней и связанные с ними синхронности - дополнительные яркие черты этих явлений. Вот какие факты нам следует знать, прежде

чем мы попробуем вынести суждение относительно "верования" в перевоплощение и карму.

Необычные свойства переживаний прошлых жизней неоднократно подтверждались независимыми наблюдателями. Однако все эти впечатляющие факты вовсе не обязательно представляют собой окончательное "доказательство" того, что мы переживаем смерть и воплощаемся как те же самые отдельные единицы сознания, или те же самые индивидуальные души. Этот вывод - лишь одно из возможных толкований существующих фактов. В сущности, с той же ситуацией мы сталкиваемся в науке, когда, собрав данные наблюдений, ищем теорию, которая могла бы их объяснить и поместить в соответствующую понятийную схему.

Одно из основных правил современной философии науки гласит, что теория никогда не должна по ошибке приниматься за реальность, которую она описывает. История науки четко свидетельствует, что для толкования доступной информации всегда существует не один способ. В изучении феноменов прошлой жизни, равно как и в любой другой исследуемой области, мы должны отделять факты наблюдений от теорий, которые пытаются их объяснить. Например, падение предмета - факт наблюдения, тогда как теории, пытающиеся дать объяснение, почему это происходит, в ходе истории несколько раз менялись и, разумеется, будут меняться дальше.

Существование переживаний прошлых жизней со всеми присущими им замечательными характеристиками есть неоспоримый факт, который может быть проверен всяким серьезным, достаточно непредвзятым и заинтересованным исследователем. Понятно также, что с позиций традиционной психиатрии и психологии невозможно убедительно объяснить это явление. С другой стороны, толкование существующих данных - вопрос гораздо более сложный и трудный. Популярное понимание перевоплощения как повторяющегося цикла жизни, смерти и нового рождения того же самого индивида - вполне резонный вывод, который можно сделать, исходя из доступных фактов. Оно, безусловно, прогрессивнее позиции традиционных психологов и психиатров, которые игнорируют все имеющиеся факты и жестко придерживаются укоренившегося образа мыслей. Однако нетрудно представить себе альтернативные толкования той же информации. Разумеется, ни одно из этих объяснений не соответствует материалистической парадигме.

В духовной литературе можно найти по меньшей мере две альтернативные точки зрения. В индуистской традиции вера в перевоплощение отдельных индивидов представлена как популярное и наивное понимание перевоплощения. В конечном итоге лишь одно существо обладает истинным существованием - это Брахма, или сам творческий принцип. Все отдельные индивиды во всех измерениях бытия - продукт бесконечных метаморфоз этой огромной сущности. Поскольку во вселенной все разделения и границы иллюзорны и произвольны, реально воплощается только Брахма. Все действующие лица в этой божественной игре бытия являют собой различные аспекты этого Одного. Обретая это абсолютное знание, мы становимся способны увидеть, что переживания наших прошлых воплощений представляют собой просто еще один уровень иллюзии, или майи. Чтобы видеть эти жизни как наши собственные, от нас, участников космической драмы, требуется воспринимать себя как отдельных индивидов и сохранять неведение относительно основополагающего единства всего сущего.

Кристофер Бах в своей книге "Жизненные циклы" (Bache 1991) обсуждает любопытное понимание перевоплощения, изложенное в книгах Джейн Роберте (Roberts 1973) и в работах других авторов. Здесь акцент сделан не на индивидуальной единице сознания и не на Боге, но на Сверхдуше - сущности, находящейся между ними. Если термин "душа" относится к сознанию, которое собирает и объединяет переживания индивидуального воплощения, то Сверхдуша, или Душа, - имя большего сознания, которое собирает и объединяет переживания многих воплощений. Согласно этой точке зрения, воплощается не отдельная единица сознания, а именно Сверхдуша.

Бах показывает, что если мы рассмотрим продолжения наших прошлых жизней, то станет ясно, что мы не представляем собой просто совокупность всех содержащихся в них переживаний. Сверхдуша воплощается с целью собрать особые переживания. Полная вовлеченность в какую-либо отдельную жизнь требует разрыва связи со Сверхдушой и принятия отдельной, конкретной личности. В момент смерти отдельный индивид растворяется в Сверхдуше, оставляя после себя только мозаику неусвоенных трудных переживаний. Далее в процессе, который можно сравнить со сдачей карт в карточной игре, эти переживания включаются в жизнь других воплощенных существ.

В этой модели не существует подлинной непрерывности между жизнями индивидов, воплощающихся в разное время. Переживая непроработанные фрагменты других жизней, мы имеем дело не с нашей личной кармой, но в действительности расчищаем поле Сверхдуши. Образ, который Бах использует для иллюстрации связи между индивидуальной душой и Сверхдушой, - это раковина наутилуса. В ней каждая камера представляет отдельную единицу и отражает определенный период жизни моллюска, но все эти камеры объединены в большее целое.

Пока что мы рассмотрели три разных способа интерпретации наблюдений, относящихся к феноменам прошлой жизни. В них воплощающиеся единицы были соответственно индивидуальными единицами сознания, Абсолютным Сознанием и Сверхдушой. Но мы не исчерпали всех возможностей альтернативных объяснений наблюдаемых фактов. Поскольку во вселенной все границы по своей природе произвольны, мы точно так же могли бы определить в качестве принципа воплощения единицу большую, чем Сверхдуша, например поле сознания всего человеческого вида или всех форм жизни.

Мы могли бы продолжить наш анализ, сделав еще один шаг вперед, и исследовать факторы, определяющие специфический выбор кармических переживаний, которые предназначены воплощающимся единицам сознания. Например, отдельных людей, с которыми мне доводилось работать, посещали убедительные прозрения, что в процессе выбора этих переживаний, возможно, играют важную роль время и место конкретного воплощения, а также соответствующее расположение планет. Это понимание в общем согласуется с наблюдениями из психоделических сеансов, холотропной терапии и спонтанных эпизодов психодуховного кризиса. Они показывают, что во всех этих ситуациях содержание и продолжительность необычных состояний тесно связаны с транзитами планет (Тарнас, в печати).

ХОЛОТРОПНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА НАШУ СИСТЕМУ ВЕРОВАНИЙ

Чтобы шире взглянуть на вопрос о перевоплощении, давайте исследуем изменения в наших верованиях, происходящие во время систематической внутренней работы, включающей холотропные состояния. Наша вера и неверие в перевоплощение, равно как и понимание того, что существует нечто, остающееся жить после смерти, отражают природу и уровень наших переживаний. Типичный представитель западного индустриального общества верит, что он - физическое тело. Это, безусловно, ограничивает существование индивида сроком жизни, который начинается с момента зачатия и заканчивается смертью. Но, как мы видели, этот "односрочный" подход противоречит позиции многих человеческих обществ, существовавших на протяжении истории. В нашей культуре его сильно поддерживает неудачный союз материалистической науки и христианской церкви. Проблема перевоплощения - одна из тех редких областей, где эти институты приходят к полному согласию.

Личные переживания воспоминаний о прошлых жизнях, с которыми мы встречаемся в медитации, эмпирической психотерапии, психоделических сеансах или психодуховных кризисах, бывают чрезвычайно достоверны и убедительны. Они могут вызвать в нашем мировоззрении коренные перемены и открыть нас к пониманию перевоплощения не как "верования", а как эмпирической реальности. Поэтому акцент нашего самоисследования может значительно измениться. Ранее мы, возможно, чувствовали, что важнее всего прорабатывать травмы детства, младенчества и рождения, поскольку понимали, что они являются источником трудностей теперешней, настоящей жизни. Открыв для себя кармическую сферу, мы обретаем еще большую заинтересованность в освобождении от травматических кармических матриц, ибо они потенциально загрязняют не только одну теперешнюю жизнь, но и последующие.

На этом этапе у нас часто возникают дополнительные переживания прошлой жизни, которые могут быть весьма богаты точными подробностями и сопровождаться удивительными синхронностями. Таким образом, мы продолжаем накапливать убедительные доказательства реальности и достоверности такого понимания существования. Мы более не считаем себя тем, что Алан Уоттс назвал "это в капсуле из кожи". Теперь мы уже не отождествляем себя с одним конкретным индивидом, который живет от зачатия до смерти, - теперь мы имеем более широкое представление о себе.

Наша новая личность - это личность некоего существа, бытие которого длится много жизней: одни из них уже миновали, другие ожидают нас в будущем. Чтобы увидеть себя

таким образом, нам нужно выйти за пределы прежнего убеждения в том, что наша жизнь ограничивается сроком от зачатия до смерти. Однако в то же самое время мы должны сохранять веру в абсолютную природу пространственных границ, которые отделяют нас от других людей и от остального мира. Мы понимаем, что не являемся замкнутыми последовательностями жизней, и точно так же видим своих кармических партнеров.

Если мы продолжим наше внутреннее путешествие, то дополнительные холотропные переживания могут открыть нам, что даже эти пространственные границы в конечном счете иллюзорны и способны растворяться. Тем самым формируется совершенно новый взгляд на идею перевоплощения. Теперь мы вышли за пределы идеи кармы, как ее обычно понимают, поскольку достигли уровня, где уже нет отдельных индивидов. Что же до существования "различных персонажей", то это необходимая предпосылка любого кармического взаимодействия. В этот момент мы отождествляемся с единым полем космической творческой энергии и с Абсолютным Сознанием. С данной точки зрения драмы прошлой жизни - лишь еще один уровень иллюзии, игры майи. Становится ясно, что в абсолютном смысле все жизни имеют только одно действующее лицо и в конечном счете не содержат вещества.

Теперь мы более не верим в карму - разумеется, в том смысле, в каком мы верили прежде. Эта форма неверия в корне отлична от позиции материалиста-скептика и атеиста. Мы все еще помним то время, когда мы жили в совершенно зажатом состоянии сознания и отвергали идею перевоплощения как смешную и абсурдную. Мы также отдаем себе отчет, что сильные и захватывающие переживания могут вывести нас на такой уровень сознания, где перевоплощение уже не концепция, но живая реальность. И мы знаем, что можно выйти за пределы и этой стадии, когда процесс внутреннего самоисследования приводит нас к переживаниям, которые позволяют нам понять относительность всех границ и Пустоту, лежащую в основе всех форм.

Ни категорическое отрицание возможности перевоплощения, ни вера в его объективное существование не истинны в абсолютном смысле. Все три вышеупомянутых подхода к данной проблеме эмпирически весьма реальны, и каждый из них отражает определенный уровень прозрения относительно устройства вселенной. В конечном счете реально только существование самого творческого принципа. И тот мир, в котором перевоплощение кажется невозможным, и тот, где оно является неоспоримым фактом, суть виртуальные реальности, созданные симфонией переживаний. По этой причине космическая игра может включать сценарии, которые с нашей ограниченной, обыденной позиции могут показаться несовместимыми и противоречащими друг другу. Во Вселенском Разуме и его божественной игре эти сценарии могут сосуществовать совершенно естественным образом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЗАПРЕТ НА ЗНАНИЕ ТОГО, КТО МЫ ЕСТЬ

*Наше рождение - лишь сон и забвение:
Душа, восходящая с нами, Звезда нашей жизни
Зашла в другом месте
И приходит издалека -
Не в полном забвении,
И не совершенно нагими,
Но стелющимися облаками славы приходим мы
в этот мир:
Небеса лгут нам, младенцам, о нас самих!
Над нами начинается сумрак
темницы.*
Уильям Вордсворт. "Знаки бессмертия"

СОВЕРШЕННАЯ ИЛЛЮЗИЯ

В холотропных состояниях мы способны выходить за пределы воплощенного эго, с которым обычно отождествляемся, и переживать себя другими людьми, животными, растениями и даже неорганическими частями природы или различными мифологическими существами. Мы обнаруживаем, что разделение и прерывистость, которые нам обычно видятся в творении, произвольны и иллюзорны. Когда все границы растворяются и мы

оказываемся за их пределами, мы можем переживать отождествление с самим истоком творения, который проявляется либо в форме Абсолютного Сознания, либо как Космическая Пустота. Таким образом, мы обнаруживаем, что наша истинная личность - это не индивидуальное "я", но "Я" Вселенское.

Каким образом нам объяснить силу своей веры в то, что мы - существующие в мире физические тела, если наша глубочайшая природа действительно божественна и мы тождественны вселенскому творческому принципу? Какова природа этого фундаментального неведения касательно нашей истинной личности, этой таинственной пелены забвения, которую Алан Уоттс называл "запрет на знание того, кто ты есть" (Watts 1966)? Как возможно, что неисчерпаемая и вневременная духовная сущность фактически творит из себя и внутри себя виртуальное факсимиле материальной реальности, населенной живыми существами, переживающими себя отделенными как от своего истока, так и друг от друга? Почему актеры, играющие в мировой драме, заблуждаясь, верят в объективное существование своей иллюзорной реальности?

Самое лучшее из всех объяснений, какие мне доводилось слышать, - это то, что космический творческий принцип сам себя заманивает в ловушку собственного совершенства. Творческое намерение, стоящее за божественной игрой, заключается в том, чтобы вызвать к бытию такие эмпирические реальности, которые обеспечат наилучшие возможности для приключений в сознании. Чтобы удовлетворять такому требованию, эти реальности должны быть убедительны и правдоподобны до мелочей. В качестве примера мы можем использовать здесь такие направления искусства, как театр и кино. В некоторых случаях игра и постановка бывают настолько совершенны, что мы забываем об иллюзорности наблюдаемых событий и реагируем на них так, словно они реальны. Иногда и хороший актер может утратить ощущение своей личности и временно слиться с исполняемой ролью.

Как я уже говорил, мир, в котором мы живем, обладает множеством характеристик, отсутствующих у Абсолютного Сознания в его чистой форме, например многообразием, противоположностями, плотностью, физическими характеристиками, изменчивостью и непостоянством. Проект творения факсимиле материальной реальности, обладающей этими свойствами, выполняется с таким художественным и научным совершенством, что отколовшиеся единицы Вселенского Разума находят его целиком и полностью убедительным и ошибочно принимают за реальность. Что же до атеиста, то через него, крайнее выражение своего художественного мастерства, божественное превосходно выдвигает доводы не только против своего участия в творении, но и против самого своего существования.

Одной из важных хитростей, помогающих творить иллюзию обычной материальной реальности, является существование банального и уродливого. Если бы мы все были сияющими эфирными существами, получающими жизненную энергию прямо от солнца и живущими в мире, где все ландшафты выглядели бы как на Гималаях, в Большом каньоне или на девственных островах Тихого океана, то наша причастность к божественной реальности стала бы очевидной. Аналогичным образом, если бы в нашем мире все здания были подобны Альгамбре, Тадж-Махалу, Занаду или Шартрскому собору или если бы нас окружали скульптуры Микеланджело и мы бы слушали музыку Бетховена или Баха, то было бы легче узреть божественность природы нашего мира.

То, что мы обладаем физическими телами со всеми присущими им секретами, выделениями, запахами, несовершенствами и патологиями, а также желудочно-кишечным трактом, содержимое которого весьма неприятно, несомненно, затуманивает и запутывает вопрос о нашей божественной природе. Физиологические функции организма, такие, как рвота, отрыжка, метеоризм, дефекация и мочеиспускание, вместе с окончательным разложением человеческого тела еще больше усложняют картину. Таким же образом, нам мешает увидеть нашу жизнь как божественную игру существование отталкивающих "пейзажей", например свалок, загрязненных промышленных территорий, помоек, зловонных туалетов с непристойными "граффити" на стенах, городских гетто и тысяч и тысяч притонов. Существование зла и сама хищническая природа жизни делают эту задачу почти неразрешимой для среднего человека. Еще одно серьезное препятствие для образованных западных людей - это мировоззрение, созданное материалистической наукой.

Разумеется, связывать божественное с красотой гораздо легче, чем с уродством. Однако, если посмотреть на устройство Вселенной с более широкой перспективы, то можно увидеть, что включение в него отталкивающих моментов делает спектр бытия богаче и помогает замаскировать божественную природу творения. Образ отвратительного может быть

исполнен огромного совершенства, и способность творить его может стать интересной задачей. Когда мы осознаем, что сложная природа Космического Сознания включает, в частности, определенные характеристики, которые на нашем уровне отражаются в художниках и ученых, то стремление исследовать весь спектр возможностей, включая проявления безобразного, вызывающего отвращение, тотчас перестает быть для нас неожиданностью.

Мир нашего искусства, включая живопись, литературу и кино, вряд ли можно упрекнуть в односторонней склонности к прекрасному и возвышенному. Точно так же и ученых не отпугивают исследования любых аспектов бытия, и многие из них не прекращают своих страстных поисков, даже если их открытия чреваты трагическими и грозными последствиями для всего нашего мира. Осознав происхождение и цель космической драмы, мы не можем не пересмотреть решительным образом обычные критерии совершенства и красоты. Одна из важных задач духовного странствия - суметь увидеть божественное не только в необычном и обычном, но и в низком и безобразном.

По нашим обычным критериям Альберт Эйнштейн - гений, который явно возвышается над всеми своими соплеменниками-людьми и тем паче над приматами вроде шимпанзе. Однако с космической перспективы между Эйнштейном и человекообразной обезьяной нет никакой разницы, поскольку оба они являются совершенными образцами того, чем им назначено быть. В шекспировской пьесе король определенно стоит выше придворного шута. Однако на актерском статусе Лоуренса Оливье никоим образом не отражается то, кого из этих двух персонажей он играет, поскольку игра его совершенна. Аналогичным образом Эйнштейн - это Бог, безусловно воплощающий себя в Альберте Эйнштейне, а шимпанзе - это Бог, в совершенстве играющий роль шимпанзе.

Обычно, если у нас неплохой эстетический вкус, мы восхищаемся творениями Микеланджело или Винсента Ван Гога и не интересуемся кичем. Все это верно, если сопоставить усилия обычного человека, дающие столь разные результаты. Но истинными создателями этих работ были не воплощенные самости авторов, а Абсолютное Сознание и космическая творческая энергия, действующая через них и осуществляющая конкретную цель. Если творческий замысел состоял не в том, чтобы создать великий шедевр, но добавить к космической игре феномен кича, замысел сам по себе был совершенством.

То же можно сказать и о безобразной жабе, создании, включенном в устройство Вселенной тем же источником, который мог сотворить бабочек-парусников, павлинов и газелей. Очевидно, именно понимаемое таким образом абсолютное совершенство творения отвечает за "запрет на знание того, кто мы есть". Виртуальная реальность, имитирующая материальную Вселенную, разработана настолько подробно, что результат абсолютно убедителен и правдоподобен. Единицы сознания, которым в этой пьесе пьес назначено бесчисленное множество ролей, переплетаются в сложной и запутанной канве ее иллюзорной магии.

ТВОРЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ ДЕМИУРГОВ

Прозрения относительно природы и движущих сил космической игры необязательно проявляются на уровне высшего творческого принципа. Гэйл, консультант, участвовавшая в нашей тренировочной программе для специалистов в Мэрилендском центре психиатрических исследований, пережила в своем психоделическом сеансе интересные события, которые отражали космогонию как творческую игру-соперничество четырех сверхчеловеческих существ-демиургов. И хотя ее переживание необычно в том смысле, что включает не один творческий принцип, а несколько существ-демиургов, я все-таки процитирую его. Оно с чрезвычайной ясностью иллюстрирует множество вопросов, относящихся к проблеме воплощения духовных существ и "запрета на знание того, кто ты есть". Вот соответствующая выдержка из описания этого сеанса:

Я очутилась в измерении, которое, похоже, находилось за пределами времени и пространства, как мы их знаем. Теперь, когда я размышляю об этом переживании, мне приходит на ум понятие гиперпространства, используемое современными физиками. Правда, такой технический термин не передает глубочайшего чувства благоговения перед божественным, которое наполняло мое переживание. Я осознавала себя сверхчеловеческим существом невероятных размеров, которое выходило за пределы всех ограничений и существовало прежде, чем появились ограничения. Я не обладала никакой формой, я была чистым сознанием, парящим в Абсолютном Пространстве. И

хотя там не было источника света, я не могу сказать, что находилась в абсолютной темноте.

Я пребывала в этом пространстве вместе с тремя другими существами. Несмотря на то что они, подобно мне, были чисто абстрактными и аморфными, я могла отчетливо ощущать присутствие каждого из них и телепатически общаться с ними. Мы развлекали друг друга разнообразными и блестящими интеллектуальными играми: необычные идеи вспыхивали как фейерверк. Эти игры по своей сложности, изысканности и уровню воображения превосходили все известное людям. Это было чистое развлечение, искусство для искусства, поскольку в той форме, в которой мы пребывали, ничто не имело практического применения.

В связи с этой ситуацией мне приходят в голову киты, плавающие в океане, которые обладают огромным мозгом и наделены интеллектом, соответствующим нашему или даже превосходящем его. Поскольку природа не создает и не поддерживает органы и функции, которые не используются, умственная деятельность представителей семейства китов должна быть сопоставима с человеческой. Однако их анатомия дает им лишь минимальную возможность физически выразить то, что происходит в их мозгу. Однажды мне довелось читать рассуждения одного исследователя, который утверждал, что киты, возможно, проводят большую часть времени, развлекая друг друга своими удивительными голосами, которые слышны в океане за сотни миль. Не рассказывают ли они друг другу истории и не передают ли художественные произведения? А может быть, они ведут философские диалоги или играют в сложные игры? А вдруг они подобны индийским и тибетским йогам, которые в своих глубоких медитациях, в тишине своих пещер и келий переживают связь со всей историей космоса и другими реальностями?

После этого вступления, описывающего общую атмосферу и ситуацию этого переживания, а также размышления о развоплощенном существовании как чисто духовном бытии, Гэйл сосредоточила внимание на той части сеанса, которая непосредственно относится к нашему обсуждению - "запрету на знание того, кто ты есть".

Одно из существ выступило с интригующей идеей. Оно предложило попробовать создать игру, включающую реальность со множеством всяческих существ различных размеров и форм. Они будут якобы плотными и твердыми и существовать в мире, наполненном объектами, различными по форме, структуре и содержанию. Эти существа будут рождаться, развиваться, вступать друг с другом в сложные взаимодействия, а затем прекращать свое существование. В каждой из этих групп существ различных порядков будут две формы - мужская и женская, дополняющие друг друга и участвующие в воспроизведении.

В этой реальности будут существовать пространственно-временные координаты и время в ней будет течь только в одном направлении - от прошлого через настоящее к будущему, а последующие события определяться предыдущими. Там будут огромные исторические периоды, отличные друг от друга. В этой реальности нужно будет разными способами путешествовать, чтобы добраться из одного места в другое. Как и во всех играх, этими событиями, происходящими в мире, будут управлять разнообразные жесткие ограничения, правила и законы. Вхождение в эту реальность и принятие в ней различных ролей обеспечит уникальное и изысканное развлечение.

Три духовных существа были заинтригованы, но выражали сомнения и недоверие по поводу предложенного проекта. Эта идея была столь же потрясающей, сколь и малоосуществимой. Как заставить неограниченное духовное существо, пребывающее в мире всех возможностей, поверить, что оно ограничено твердым телом странной формы, имеющим голову, туловище и конечности, и что оно зависит от употребления в пищу других живых существ и наличия газа под названием кислород? Как убедить его, что оно обладает ограниченными интеллектуальными способностями и что его восприятие ограничено органами чувств? Слишком фантастично, чтобы говорить об этом всерьез! Далее Гэйл описывает, как существа-демиурги разрешили эту проблему.

Далее последовал живой интеллектуальный обмен. Автор плана отвечал на все наши возражения, настаивая, что проект полностью осуществим. Он был убежден, что достаточная сложность и интригующая природа этого сценария, последовательная связь специфических ситуаций с захватывающими переживаниями, а также тщательная маскировка всех лазеек - это все, что нужно, чтобы заманить участника в сложную сеть иллюзий и подвести его к вере в реальность игры. Мы все больше восхищались имеющимися возможностями и, в конце концов убедившись, что этот необычный проект жизнеспособен, заинтригованные обещанием необычных приключений сознания, согласились вступить в игру воплощений.

Это переживание каким-то образом разрешило все мои тревоги относительно проблемы кармы. Я твердо поверила, что я по своей сути существо духовное и если уж вовлечена в эту космическую драму, то только по своей воле. Выбор воплощения подразумевает добровольное принятие большого числа ограничений, правил и законов, как это всегда делается, когда мы решаем начать игру. С этой позиции бессмысленно обвинять кого-либо за все то, что происходит в нашей жизни. Тот факт, что на высшем уровне мы свободны в выборе, вступить нам в космическую игру или нет, создает метаструктуру, которая переопределяет все, что происходит внутри нас.

ПРЕВРАТНОСТИ И ЛОВУШКИ ПУТЕШЕСТВИЯ НАЗАД

Существует еще одна важная причина тому, отчего так трудно освободиться от иллюзии отдельности нашего существования в качестве индивидов, живущих в материальном мире. Пути к воссоединению с божественным истоком преисполнены всяческих трудностей, перемен и неоднозначностей. Божественная пьеса не является полностью закрытой системой, она предлагает действующим лицам возможность обнаружить истинную природу творения, включая их собственный космический статус. Но в целях поддержания равновесия в космической драме пути к просветлению и воссоединению нелегки; прямые пути бегства из иллюзорного мира материальной реальности преисполнены трудностей, а большая часть потенциальных обходных путей в творении тщательно сокрыта. Эти превратности и ловушки на духовном пути суть важная часть запрета на знание о том, кто мы есть.

Все возможности духовного раскрытия осложнены разнообразными препятствующими силами. В средние века людям, имевшим спонтанные психодуховные переживания, святая инквизиция угрожала пытками и экзекуцией. В наше время на смену обвинениям в колдовстве, пыткам и аутодафе пришли психиатрические ярлыки и решительные терапевтические меры.

Материалистическое наукообразие XX века осмеивало любые духовные искания, считая их патологией, независимо от того, насколько они серьезны и сложны.

Авторитет науки в современном обществе затрудняет серьезное восприятие духовности и следование по пути духовных открытий. Вдобавок догмы и деятельность главных религий имеют тенденцию затуманивать тот факт, что единственным местом, где можно обнаружить истинную духовность, служит наша психика. Организованная религия в худшем своем проявлении становится не институтом, который помогал бы нам поддерживать связь с божественным, но серьезным препятствием к любым духовным поискам.

Технологии священного, разработанные различными туземными культурами, отвергались на Западе как продукты магического мышления и примитивных дикарских суеверий. Духовный потенциал сексуальности, который находит свое выражение в тантре, намного перевешивают ошибочные выводы относительно того, что секс якобы есть хищный, животный инстинкт. Появление психоделиков, которые дают возможность широко раскрыть врата в трансцендентные измерения, вскоре привело к безответственному мирскому потреблению этих снадобий, чреватому помрачением рассудка, нарушениями на хромосомном уровне, что вызвало законодательные санкции.

НЕУДАВШИЙСЯ ЭКСПЕРИМЕНТ С АСТРАЛЬНЫМ ПЕРЕНОСОМ

Мы настолько срослись с нашим убеждением в объективности существующего и предсказуемого материального мира, что неожиданное разрушение знакомой реальности и нарушение "запрета на знание того, кто ты есть" может сопровождаться неопишным

метафизическим ужасом. Я проиллюстрирую этот момент захватывающей историей о моем "астральном переносе" из Балтимора в Прагу, о котором я упоминал ранее. Я прервал свой рассказ на том месте, где мне показалось, что я угодил в пространственно-временную петлю и не мог понять, в каком из двух городов я на самом деле находился. Вот чем закончилось это необычное путешествие сознания:

Я чувствовал, что мне нужно более убедительное доказательство, что переживаемое мною "объективно реально" в обычном смысле. В конце концов я решил провести опыт: убрать картину со стены, а затем проверить, заметили ли родители в квартире что-нибудь необычное. Я потянулся к картине, но, прежде чем смог до нее дотронуться, мною овладело неприятное чувство, что мое намерение рискованно и опасно. Я вдруг ощутил, что меня атакуют злые силы черной магии. Мне казалось, что я начинаю азартную игру, поставив на кон собственную душу.

Я остановился и сделал отчаянную попытку понять, что происходит. Перед моими глазами сверкали самые знаменитые в мире казино - Монте-Карло, Лидо в Венеции, Лас-Вегас, Рино. Я видел шары или рулетки, вращающиеся с умопомрачительной скоростью, рычаги игорных автоматов, двигающиеся вверх-вниз, кости, выбрасываемые на зеленое сукно игорных столов. Видел группы картежников, сдающих карты, группы игроков в баккара, а также толпы зевак, глазеющих на мерцающие огни досок для кено. Далее последовали сцены тайных встреч глав государств, политиков, военных чиновников и ведущих ученых.

В конце концов меня осенило, что я все еще не преодолел свой эгоцентризм и неспособен сопротивляться искушению обрести власть. Возможность выхода за пределы ограничений времени и пространства казалась мне пьянящей и опасно соблазнительной. Если бы я мог удерживать контроль над пространством и временем, мне были бы обеспечены невероятные суммы денег, а также все, что можно на эти деньги купить. И тогда мне оставалось бы только пойти в ближайшее казино, лотерейный пункт или на фондовую биржу. Обрести я власть над временем и пространством, для меня не существовало бы никаких секретов. Я мог бы подслушивать на встречах в верхах и иметь доступ к самым секретным разработкам. Мне открылись бы такие возможности управления ходом событий в мире, о которых и мечтать не приходится.

Я понял, какими опасностями чреват мой эксперимент. Мне вспомнились отрывки из различных духовных книг, предупреждающие от баловства со сверхъестественными силами, пока мы не преодолели ограничений нашего эго и не достигли духовной зрелости. Но было и нечто еще более важное. Я обнаружил, что чрезвычайно двойственно отношусь к исходу своего опыта. С одной стороны, чрезвычайно заманчиво было освободиться от оков времени и пространства. С другой же стороны, было очевидно, что положительный исход этого опыта повлечет за собой серьезные и далеко идущие последствия. Мою затею явно нельзя было рассматривать как изолированный эксперимент, открывающий произвольную природу пространства и времени.

Если я найду подтверждение того, что возможно манипулировать физической средой на расстоянии нескольких тысяч миль, то в результате этого разрушится все мое представление об окружающем мире и я окажусь в состоянии полного метафизического замешательства. Знакомый мне мир перестанет существовать. Я потеряю все карты, на помощь которых до сих пор полагался и с которыми чувствовал себя уверенно. Исчезнет понимание того, кто я, где я и в каком времени со мной все это происходит, а в итоге я затеряюсь в совершенно новой, жуткой вселенной, законы которой для меня чужды. Обладай я этими силами, почти наверняка нашлись бы люди, которые также ими обладают. Я нигде не смогу найти уединения, и никакие двери и стены меня больше не защитят. Мой новый мир будет полон потенциальных непредвиденных опасностей.

Я не смог заставить себя завершить эксперимент и решил оставить вопрос об объективности и реальности этого переживания открытым. Все это дало мне возможность поиграть с идеей выхода за пределы пространства и времени. В то же время, как казалось, открылась возможность увидеть весь

эпизод как некий обман, вызванный сильным психоделическим веществом. Мне стало жутко при мысли, что разрушение знакомой мне реальности было объективно подтверждено.

Прекратив эксперимент, я тотчас же оказался в Балтиморе, в той комнате, где принимал вещество, и за несколько часов все окружающее стабилизировалось и приняло форму привычной "объективной реальности". Я долго не мог простить себе, что упустил шанс завершить такой уникальный и фантастический эксперимент. Однако сомневаюсь, что вновь не упущу аналогичный шанс, предоставься он мне в будущем, ибо метафизический ужас, наполнявший этот опыт, для меня незабываем.

ТАЙНЫ ЛОЖНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Теперь мы можем реализовать прозрения холотропных состояний, касающиеся "запрета на знание того, кто мы есть". На всех уровнях творения, за исключением Абсолютного, участие в космической игре требует, чтобы отделившиеся единицы сознания, забыв о своей истинной сущности, считали себя отдельными индивидуальностями и воспринимали других участников совершенно отличными от себя. Процесс творения порождает множество сфер с различными характеристиками, и каждая из них предоставляет уникальные возможности невероятных приключений в сознании. Переживание мира грубой материи и отождествление с биологическими организмами, существующими в мире, - это всего лишь крайнее выражение вселенского процесса, о котором мы говорим.

Мастерство, с которым творческий принцип изображает различные сферы существования, делает переживания соответствующих ролей настолько правдоподобными и убедительными, что увидеть их иллюзорную природу чрезвычайно трудно. Кроме того, возможности преодоления иллюзии обособленности и переживания воссоединения связаны с чрезвычайными трудностями и сложными неоднозначностями. В сущности, у нас нет фиксированной личности, и мы можем переживать себя как нечто пребывающее в континууме между воплощенным "я" и Абсолютным Сознанием. Степень свободы выбора, которой мы, как действующие лица, обладаем на различных уровнях космической игры, падает по мере нисхождения сознания из Абсолюта на план материального существования и возрастает по мере нашего возвращения к истоку. Поскольку по своей истинной природе мы - неограниченные духовные существа, мы входим в космическую игру на основе свободного выбора и оказываемся в западне того совершенства, с каким она разыгрывается.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ИГРАЯ В КОСМИЧЕСКУЮ ИГРУ

*Две птицы с прекрасным оперением,
подруги и товарки, сидят на одном
дереве. Одна из них лакомится сладким
плодом, другая же просто рассматривает
его и не ест.*

Ригведа

*Как мало мы знаем о самих себе!
И насколько меньше о том, кем мы
можем
быть!*

Джордж Гордон Байрон

ТРИ ЯДА В СООТВЕТСТВИИ С ТИБЕТСКИМ БУДДИЗМОМ

В предыдущей главе мы довольно подробно исследовали всеохватную картину творения, а также возвышенный образ человеческой природы, открывшиеся в работе с холотропными состояниями. И поскольку наше повествование близится к концу, целесообразно рассмотреть практическое применение этой информации в повседневной жизни. Здесь

самый важный вопрос: как систематическое самоисследование с использованием холотропных состояний влияет на наше душевное и физическое здоровье, личность, мировоззрение и систему ценностей? Могут ли эти новые открытия дать нам особые указания относительно того, как нам следует жить, чтобы извлечь максимальную пользу из полученных сведений?

Духовные учителя всех веков согласны в том, что преследование материальных целей само по себе никогда не приводит к совершенству самовыражения, счастью и внутреннему спокойствию. В развитых обществах ширящийся глобальный кризис, моральное разложение и растущее недовольство, сопровождающие рост материального изобилия, все больше свидетельствуют об истинности этой древней мудрости. Вся мистическая литература объединена одной общей мыслью: чтобы излечить экзистенциальный недуг, гложущий человечество, нужно обратиться внутрь себя, искать ответ в своей душе и подвергнуться глубокому психодуховному преображению. Из этого, разумеется, вытекает вопрос о природе и направлении изменений, которые мы должны пройти, чтобы улучшить качество своей жизни.

Очень четкий и точный ответ на этот вопрос можно найти в различных школах буддизма махаяны. В качестве основы нашего обсуждения мы можем здесь воспользоваться известным тибетским изображением цикла жизни, смерти и перевоплощения. Это так называемое Колесо Жизни, которое держит устрашающий Бог Смерти. Оно разделено на шесть сегментов, представляющих различные *локи*, или области, в которых мы можем родиться. Небесная сфера богов соседствует с миром воинствующих богов, или *асуров*, которые постоянно претендуют на ее завоевание. Сфера голодных духов населена *претами* - жалкими созданиями, воплощающими ненасытную алчность. У них огромные животы и неимоверный аппетит, но рты размером лишь с игольное ушко. Остальные сегменты колеса отражают миры людей, диких животных, а также сферу ада. Внутри колеса находятся два концентрических круга. Внешний показывает восходящий и нисходящий пути странствия души в сансаре, а во внутреннем изображены три животных - свинья, змея и петух.

Животные в центре круга представляют "три яда", или силы, которые, согласно учению Будды, увековечивают циклы рождений и смертей и отвечают за все страдания нашей жизни. Свинья символизирует неведение о природе реальности и о нашей собственной природе, змея - гнев и агрессию, а петух - желание и вожделение, ведущие к привязанности. Качество нашей жизни и наша способность справляться с ее проблемами решающим образом зависят от того, насколько мы способны устранить или преобразовать эти силы, правящие миром чувствующих существ. Теперь давайте рассмотрим с этой позиции процесс систематического самоисследования, включающего холотропные состояния сознания.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ МУДРОСТЬ

Самая очевидная польза, которую мы можем извлечь из углубленной эмпирической работы, - это доступ к удивительному знанию самих себя, других людей, природы и космоса. В холотропных состояниях мы можем обрести глубокое понимание бессознательных движущих сил нашей психики. Мы можем выяснить, каким образом на наше восприятие самих себя и окружающего мира влияют забытые и подавленные воспоминания детства, младенчества, рождения и пренатального существования. Кроме того, в трансперсональных переживаниях мы можем отождествляться с другими людьми, с различными животными, растениями и элементами неорганического мира. Переживания такого рода представляют собой чрезвычайно богатый источник уникальных прозрений о мире, в котором мы живем.

В этом процессе мы можем обрести существенный объем знаний, которые принесут нам пользу в повседневной жизни. Что касается неведения, запечатленного на тибетских танках в виде свиньи, то оно не означает отсутствие либо недостаток знания в обычном смысле или адекватную информацию о различных аспектах материального мира. Подразумеваемая здесь форма неведения (*авидья*) - это основополагающее непонимание природы реальности и нашей собственной природы и вытекающие из него заблуждения. Единственным средством преодоления этого вида неведения служит запредельная мудрость (*праджня-парамита*). С этой точки зрения очень важно, что внутренняя работа, включающая холотропные состояния, не просто увеличивает наши знания об устройстве вселенной; она, как мы уже говорили, является также уникальным

способом постижения трансцендентных вопросов.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ, ПЕРИНАТАЛЬНЫЕ И ТРАНСПЕРСОНАЛЬНЫЕ КОРНИ АГРЕССИИ

Давайте теперь рассмотрим с той же позиции второй "яд" - человеческую склонность к агрессии. Природу и масштабы человеческой агрессивности невозможно объяснить, просто ссылаясь на наше животное происхождение. Взгляд на людей как на "обезьян без шерсти", агрессивность которых исходит из тех же факторов, что и агрессивность животных, т.е. из основных инстинктов, стратегии "генов-эгоистов" или сигналов из "мозга рептилий", не принимает во внимание природу и степень человеческого насилия. Животные агрессивны, когда голодны, защищают свое территорию или борются за обладание половым партнером. Насилие же, проявляемое людьми, - Эрих Фромм назвал его "злостной агрессией" (Fromm 1973), - не имеет себе равных в животном мире.

Традиционные психологи и психиатры считают, что человеческая агрессивность является результатом расстройств, оскорблений и недостатка любви в младенчестве и детстве. Однако подобные объяснения упускают из виду крайние формы насилия, например серийные убийства, совершенные "бостонским душителем" или типом вроде Джеффри Дэгмера, а также массовые социальные явления, такие, как нацизм и коммунизм. Трудности в ранней истории индивидов недостаточно объясняют психологические мотивы кровопролитных войн, революций, геноцида и концлагерей - явлений, которыми охвачено большое число людей. Самоисследование с использованием холотропных состояний проливает совершенно новый свет на эти формы человеческого насилия. Исследуя глубины нашей психики, мы обнаруживаем, что корни этой опасной стороны человеческой природы находятся гораздо глубже и более труднодоступны, чем полагают ученые-психологи.

Несомненно, травмы и расстройства, относящиеся к детству и младенчеству, суть важные источники агрессии. Однако эта связь затрагивает данную проблему лишь поверхностно. Систематическая и углубленная внутренняя работа рано или поздно раскрывает перед нами тот факт, что человеческое насилие во многом коренится в травме биологического рождения. Угроза жизни, боль и удушье, переживаемые при рождении в течение многих часов, порождают огромную тревогу и чудовищную агрессию, которые хранятся в памяти психики и тела. Это хранилище врожденного недоверия и враждебности к миру составляет значительную часть темной стороны человеческой личности, которую Юнг назвал Тенью.

Как мы уже видели ранее, повторное переживание рождения в холотропных состояниях обычно сопровождается образами немислимого насилия, как индивидуального, так и коллективного. Сюда входят переживания увечий, убийств, изнасилований, а также сцен кровопролитных войн, революций, мятежей и концлагерей. Ллойд де Моз (Mause 1975), пионер психоистории, дисциплины, применяющей методы глубинной психологии к социально-политическим явлениям, изучал речи политических и военных лидеров, а также плакаты и карикатуры времен войн и революций. Он был поражен обилием изречений, метафор и образов, относящихся к биологическому рождению, обнаруженных в этом материале.

Военные лидеры и политики всех времен, говоря о критической ситуации или объявляя войну, обычно использовали понятия, описывающие различные моменты перинатальных страданий. Они обвиняли врага в том, что он "душит и подавляет нас", "выжимает из наших легких последний воздух" или "держит нас взаперти и отнимает жизненное пространство" (Hitlers "Lebensraum"). Часто встречаются и упоминания о зыбучих песках, темных пещерах, туннелях, лабиринтах, об опасных пропастях, куда нас могут столкнуть, и об угрозе гибели в пучине или потоке.

Аналогичным образом и военные лидеры облекают свои обещания победы в форму перинатальных образов. Они заявляют, что "спасут нас из предательского лабиринта и поведут к свету, что брезжит в конце туннеля". Клянутся, что, как только угнетатель будет побежден, "все вновь смогут свободно вздохнуть". Я уже показал в другом контексте глубокое сходство между картинами и зарисовками, изображающими перинатальные переживания, и символизмом плакатов и карикатур времен войн и революций (Grof 1996).

Однако даже объяснения, учитывающие перинатальные истоки агрессии, не могут полностью раскрыть природу, масштабы и глубину человеческого насилия. Его глубочайшие корни выходят далеко за пределы индивида - в трансперсональную сферу. В холотропных состояниях эти источники агрессии являются нам в форме гневных божеств, дьяволов и демонов, присутствующих во многих мифологических темах, таких, как Апокалипсис или Рагпарек (гибель богов). В этой книге я уже приводил примеры этих

архетипических сил, действующих в глубинах нашей психики. Дополнительными потенциальными хранилищами агрессии на трансперсональном уровне являются воспоминания прошлых жизней и филогенетические матрицы, отражающие наше животное прошлое.

Как мы видели, образ человеческой природы, который раскрывается при изучении холотропных состояний, а также масштабы и глубина человеческой агрессивности, унаследованной пашей плотью, весьма обескураживают. Однако, выявляя колоссальность проблемы, изучение холотропных состояний обеспечивает и совершенно новые перспективы и надежды. Оно показывает, что для решения проблемы человеческого насилия существуют мощные и эффективные способы. В углубленной эмпирической работе, достигающей перинатального и трансперсонального уровней, за относительно короткое время можно безопасно выразить огромные объемы агрессивности, проработать их и преобразовать. Эта работа проливает новый свет на природу агрессии и ее отношение к человеческой психике. Согласно холотропным прозрениям, агрессия не отражает нашу истинную природу, а скорее служит экраном, отделяющим нас от нее.

Проникнув сквозь эту темную завесу стихийных инстинктивных сил, мы обнаруживаем, что наша внутренняя сущность не животна, но божественна. Это откровение полностью согласуется со знаменитым пассажем из индийских упанишад, который я уже цитировал выше. Суть этих древних писаний предельно ясна: "Тат твам аси" (ты есть то) - "в глубочайшей своей природе ты тождествен Богу". Я на собственном опыте убедился, что ответственная работа с холотропными состояниями может дать весьма обнадеживающие практические результаты. Углубленное внутреннее самоисследование регулярно ведет к уменьшению агрессии и саморазрушительных тенденций, а также к увеличению терпимости и сострадания. Оно также воспитывает уважение к жизни, сострадание к другим живым существам и экологическую чуткость.

ПСИХОДУХОВНЫЕ ИСТОКИ НЕНАСЫТНОЙ ЖАДНОСТИ

Здесь мы подходим к рассмотрению третьего "яда", о котором говорит тибетский буддизм, - к мощной силе, сочетающей в себе качества вождения, желания и ненасытной алчности. Несомненно, именно эти качества, вместе со "злостной агрессией", в ответе за самые мрачные главы в истории человечества. Западные психологи связывают различные аспекты этой силы с импульсами либидо, описанными Зигмундом Фрейдом. С этой позиции ненасытную алчность можно объяснить исходя из нерешенных оральных проблем периода вскармливания. Аналогично этому чрезмерное пристрастие к деньгам можно связать с подавлением анальных импульсов, а сексуальные крайности - с фаллической фиксацией. Жажда власти подробно описана в психологии Альфреда Адлера - ученика Фрейда, впоследствии отступившего от своего учителя. Адлер рассматривал стремление к власти как компенсацию чувства униженности и неполноценности.

Прозрения, открывшиеся в холотропных состояниях, значительно обогащают эту картину, вскрывая на перинатальном и трансперсональном уровнях психики дополнительные глубинные истоки этого аспекта человеческой природы. Когда процесс нашего эмпирического самоисследования достигает перинатального уровня, мы, как правило, обнаруживаем, что вплоть до этого момента наше существование было во многом неполноценным. К своему удивлению, мы осознаем, что вся наша жизненная стратегия была неправильной. Нам становится ясно, что многое из того, к чему мы стремились, было продиктовано бессознательными эмоциями и движущими энергиями, впечатанными в наши психику и тело в момент рождения.

В нашем организме остаются жить воспоминания о пугающей и чрезвычайно дискомфортной ситуации, в которой мы находились в момент рождения. Если мы посредством систематического эмпирического самоисследования не выведем эти воспоминания на полностью сознательный уровень и не проработаем их, то они будут воздействовать на нас всю нашу жизнь. Многое из того, что мы делаем в жизни и как мы это делаем, можно истолковать в терминах запоздалых попыток совладать с несовершенным гештальтом рождения и с сопутствующим ему страхом смерти.

Когда эти травмирующие воспоминания близки к поверхности нашей психики, мы испытываем чувство дискомфорта и неудовлетворенности настоящей ситуацией. Это недовольство само по себе аморфно и не поддается точному определению, но может проецироваться на широкий спектр проблем. Мы можем отнести его к своей внешности,

нехватке возможностей и материальных средств, низкому социальному положению и влиянию, недостаточной власти и известности, а также ко многому другому.

Какова бы ни была реальность нынешних обстоятельств, ситуация всегда кажется нам неудовлетворительной и решение представляется делом будущего. Подобно тому как плод, проходя по родовому каналу, борется за свою жизнь, мы ощущаем сильную потребность в ситуации, которая лучше настоящей. В результате непреодолимого стремления к будущему мы никогда не живем полностью настоящим моментом и ощущаем свою жизнь как подготовку к лучшему будущему.

Наша фантазия реагирует на это чувство экзистенциального дискомфорта, создавая образ будущей ситуации, которая принесет удовлетворение и исправит все воспринимаемые ныне пороки и недостатки. Экзистенциалисты называют этот механизм "автопроецированием" в будущее. Последовательное применение данной стратегии влечет за собой модель жизни, которую называют "вечной суетой" или "мышинной возней", - погоню за миражами грядущего счастья и неспособность в полной мере наслаждаться тем, что доступно в настоящем. Зачастую люди живут так всю жизнь, пока смерть не раскрывает им истину, а с нею всю пустоту и тщетность такого существования.

Достигаем мы желаемых целей или нет, автопроецирование в будущее как средство устранения экзистенциальной неудовлетворенности является "стратегией проигравшего". Оно основывается на коренном непонимании и неправильном толковании наших потребностей. По этой причине оно никогда не дает нам ожидаемого удовлетворения. Когда мы не в состоянии достичь намеченных целей, мы приписываем нашу постоянную неудовлетворенность тому, что якобы не сумели внести в жизнь коррективы. Но когда мы достигаем этих целей, как правило, оказывается, что хотели-то мы совсем другого, и от этого нам ничуть не легче. Вдобавок мы неспособны точно определить причины своей вечной неудовлетворенности. Мы не отдаем себе отчета, что следуем заведомо ложной стратегии жизни и что, каковы бы ни были ее результаты, она все равно не осуществит наших надежд. Обычно мы относим свое поражение на счет того, что не слишком старались добиться цели или что цель была выбрана неправильно.

Этот шаблон часто приводит нас к безрассудной погоне за всевозможными грандиозными целями, что влечет за собой множество проблем в мире и человеческие страдания. В этой стратегии отсутствует всякая связь с реальностями жизни, и потому она может проигрываться на различных уровнях. Поскольку она никогда не приносит полного удовлетворения, безразлично, является ли действующее лицо бедняком или миллиардером вроде Аристотеля Онассиса или Говарда Хьюза. Когда наши основные нужды удовлетворены, переживание качества жизни больше связано с состоянием нашего сознания, а не с внешними обстоятельствами.

Ложная направленность усилий на достижение удовлетворения путем погони за внешними целями может фактически принести парадоксальный результат. Я работал с людьми, которые после десятилетий упорной работы и борьбы в конце концов добивались цели, о которой мечтали всю свою жизнь, однако на следующий же день их охватывала глубокая подавленность. Джозеф Кэмпбелл описывал эту ситуацию следующим образом: "взобравшись до самого верха лестницы, замечаешь, что лестница стоит не у той стены". Этот образ крушения надежд можно значительно ослабить, если перевести на сознательный уровень воспоминания о рождении, о встрече со страхом смерти, который с ним связан, и пережить психодуховное возрождение. Если в большей степени эмпирически соединится не с импринтом борьбы в родовом канале, а с воспоминаниями о пренатальной и постнатальной ситуации, можно значительно уменьшить неотвязную озабоченность будущими достижениями и извлечь из настоящего много больше пользы. Однако корни нашей неудовлетворенности и экзистенциального недуга уходят гораздо глубже перинатального уровня. В конечном счете ненасытное желание, которое правит человеческой жизнью, но своей природе трансцендентно. Вот что по этому поводу сказал итальянский поэт эпохи Возрождения Данте Алигьери: "Желание совершенства из тех, что делают всякое наслаждение несовершенным, ибо в этой жизни даже самые великие радости и наслаждения неспособны утолить жажду нашей души". Эти глубочайшие трансперсональные корни ненасытной алчности очень четко сформулировал Кен Уилбер в книге "Проект Атмана" (Wilber 1980).

Уилбер исследовал и описал специфические следствия из основного положения вечной философии, утверждающего божественность нашей природы. Эта суть нашего бытия может быть названа различными именами: Бог, Космический Христос, Кетер, Аллах, Будда, Брахман, Дао и др. Несмотря на то что процесс творения отделяет и отчуждает нас от

космического истока и от нашей божественной сущности, сознание этой связи никогда полностью не утрачивается. Глубочайшая побуждающая сила, действующая в человеческой психике на всех уровнях развития, - это стремление вернуться к переживанию нашей божественности. Однако ограничивающие обстоятельства воплощенного существования не позволяют нам пережить полное духовное освобождение и воссоединиться с Богом.

В качестве иллюстрации здесь можно использовать историю об Александре Великом, человеке, мирские достижения которого трудно с чем-либо сопоставить. Он, как никто другой, достиг божественного статуса в материальном мире, что выражалось в одном из атрибутов, какими обычно сопровождали его имя, - Божественный Александр. Вот о чем повествует эта история.

После целого рода уникальных военных побед, благодаря которым Александр завоевал земли, лежавшие между его родной Македонией и Индией, он в конце концов достиг территории Индии. Там Александр услышал о гимнософисте (йогине), обладающем необычными силами, или *siddhi*, в том числе способностью видеть будущее, и решил посетить его. Когда он достиг пещеры мудреца, то увидел, что гимнософист погружен в свои духовные упражнения. Александр нетерпеливо прервал его медитацию, спросив, вправду ли он обладает способностью видеть будущее. Мудрец молча кивнул в знак согласия и вернулся к своей медитации. Александр задал ему новый вопрос: "Можешь ли ты сказать, будет ли мое завоевание Индии успешным?" Некоторое время гимнософист медитировал, потом медленно открыл глаза, долго смотрел на Александра и наконец с состраданием произнес: "Все, что тебе в конце концов понадобится, - это сажень земли".

Трудно найти более яркую иллюстрацию нашей человеческой дилеммы - наших отчаянных попыток обрести божественность с помощью материальных средств. На самом деле достичь полной реализации нашего божественного потенциала можно лишь посредством внутреннего опыта. Это требует выхода за пределы наших отдельных "я" и смерти нашей личности как "эго в капсуле из кожи". Мы боимся собственного уничтожения, цепляемся за эго и поэтому принимаем за Атман суррогаты. Они меняются на протяжении нашей жизни и на каждом этапе вполне конкретны.

Для эмбриона и новорожденного заменителем Атмана служит блаженство, переживаемое в хорошей матке, а затем у хорошей груди. Для младенца - это удовлетворение основных физиологических побуждений и потребности в защищенности. К тому времени, когда мы становимся взрослыми, проект Атмана достигает невероятной сложности. Теперь заменители Атмана охватывают широкий спектр и помимо пищи и секса включают в себя деньги, известность, власть, внешность, знания и многие другие вещи. В то же время у всех нас возникает сильное ощущение, что наша истинная личность являет собой полноту космического творения и сам творческий принцип. По этой причине заменители, каковы бы они ни были, никогда не удовлетворяют нашим чаяниям, ибо окончательное решение проблемы ненасытной алчности не в безудержной погоне за мирскими материальными целями, но в нашем внутреннем мире. Только переживание человеком своей божественной природы в холотропном состоянии сознания может удовлетворить его глубинные потребности.

Это очень ясно выразил персидский поэт-мистик Руми: "Святой знает, что всеми надеждами, желаниями, любовью и привязанностью, которые люди испытывают ко всему окружающему: к отцам, матерям, друзьям, небесам, земле, дворцам, наукам, ремеслам, еде и питью, - они взыскуют Бога, а все эти вещи - лишь покровы. Когда люди покидают сей мир и видят Господа без этих покровов, они узнают, что все, с чем они сталкивались в этом мире, было покровом и что в действительности объектом их желаний было Единое" (Hines 1996). Такое же понимание явилось в глубоком мистическом прозрении Томасу Трахерну, английскому поэту и священнослужителю XVII века, пылкому выразителю жизненного принципа, который он называл "блаженством". Вот что он пишет о своем прозрении.

Улицы были моими, храм был моим, люди были моими. Моими были небеса, равно как и солнце, луна и звезды - весь мир был моим, и я один созерцал его и любовался им. Мне были неведомы ни скверна, ни границы, ни пределы - все качества и пределы были моими. Мне принадлежали все сокровища и их обладатели. И такое обилие меня развратило, и пришлось мне познать нечистые помыслы этого мира. Теперь же я их забываю и становлюсь, как прежде, малым ребенком, дабы мне было дозволено войти в царство Божье.

Каковы будут практические выводы из этого прозрения, если мы примем, что известная нам материальная вселенная не есть механическая система, но виртуальная реальность, сотворенная Абсолютным Сознанием посредством беспредельно сложной оркестровки переживаний? И как влияет на нашу систему ценностей и образ жизни осознание того, что наше бытие соизмеримо с бытием космического творческого принципа? Эти вопросы имеют для нас огромную теоретическую и практическую актуальность не только для каждого индивида, но и для всего человечества, а также для будущей жизни на этой планете. Пытаясь на них ответить, давайте еще раз вернемся к прозрениям людей, переживших холотропные состояния сознания.

Многие религии утверждают, что совладать с трудностями жизни можно, лишь приуменьшив важность земного плана и сосредоточившись на запредельных сферах. Некоторые из них рекомендуют переключить внимание с материального мира на другие реальности. Путь к общению с различными высшими сферами и высшими существами они видят в молитве. Другие же религии предлагают непосредственный эмпирический доступ к запредельным сферам посредством медитации и других форм личной духовной практики. Религиозные системы такой ориентации изображают материальный мир как низшую сферу, которая несовершенна, нечиста и ведет к страданиям и лишениям. С их точки зрения, реальность - это юдоль слез, а воплощенное существование - проклятие или трясина смертей и перерождений.

Эти религии и их служители обещают своим преданным последователям осуществление всех их желаний в Запредельном. В более примитивных формах вероисповеданий есть различные обители блаженства, райские сады и небеса. Они доступны после смерти тем, кто соблюдает заповеди соответствующего вероучения. Для более сложных и утонченных систем небеса и рай - лишь этапы духовного странствия, конечным пунктом которого является растворение личных границ и соединение с божественным или затухание огня жизни и растворение в ничто (*нирвана*).

Согласно религии джайнов, мы по своей глубочайшей природе являемся чистыми монадами сознания (*дживами*), запятнанными через вовлечение в мир биологии. Цель практики джайнов - решительное сокращение нашего участия в мире материи, освобождение от загрязняющих влияний и возвращение изначальной чистоты. Еще одним таким примером является изначальная форма буддизма, называемая "тхеравадой", или "хинаяной" (малой колесницей). Это направление буддизма представляет собой строгую монашескую традицию, которая предлагает учение и духовную дисциплину, необходимые для достижения личного просветления. Ее идеал - *архат*, святой или мудрец, находящийся на высшей стадии развития и живущий отшельником вдали от мира. Аналогичный акцент на личном освобождении (*мокша*) можно обнаружить и в индуистской веданте.

Однако другие духовные направления считают, что природа и материальный мир содержат в себе или воплощают Божественное. Так, тантрийские ответвления джайнизма, индуизма и буддизма носят отчетливо жизнеутверждающий характер. Буддизм махаяны (великой колесницы) учит, что мы можем достичь освобождения прямо в повседневной жизни, если освободимся от трех "ядов" - неведения, гнева и желания. Когда мы этого добьемся, "*сансара*", или мир иллюзии, рождений и смертей, станет для нас "*нирваной*".

Различные школы махаяны подчеркивают важность сострадания как выражения духовной реализации. Их идеал - Бодхисатва, который стремится не только к собственному просветлению, но и к освобождению всех других живых существ.

Давайте взглянем на эту дилемму, используя прозрения, открывшиеся нам в холотропных состояниях. Что мы можем обрести, если отстранимся от жизни и уйдем из материального плана в запредельные реальности? И наоборот, какова польза искреннего принятия мира повседневной реальности? Многие духовные системы определяют цель духовного путешествия как растворение личных границ и воссоединение с Божественным. Однако люди, пережившие в своих внутренних исследованиях отождествление с Абсолютным Сознанием, понимают, что определение конечной цели духовного странствия как переживания единства с высшим принципом бытия включает серьезную проблему.

Эти люди осознают, что недифференцированное Абсолютное Сознание-Пустота представляет собой не только конец духовного странствия, но и источник творения, а стало быть, его начало. Божественное - это принцип, воссоединяющий разделенное, и вместе движущая сила, отвечающая за разделение и отделение от изначального единства. Будь этот принцип совершенен и самодостаточен, у него не было бы потребности творить и других эмпирических миров не существовало бы. Но поскольку они существуют, тенденция

Абсолютного Сознания к творению четко выражает эту основополагающую "потребность". Таким образом, миры многообразия представляют собой важное дополнение к недифференцированному состоянию Божественного. По терминологии каббалы, "людям нужен Бог, а Богу нужны люди".

Касательно творческого принципа всеохватная схема космической драмы включает динамическое взаимодействие двух основополагающих сил - центробежной (хилотропной, или ориентированной на материю) и центростремительной (холотропной, или направленной на целостность). Недифференцированное Космическое Сознание демонстрирует стихийную тенденцию творить миры многообразия, которые содержат несчетное множество отдельных существ. Ранее мы уже обсуждали ряд возможных "причин", или "мотивов", этой страсти порождать виртуальные реальности. И наоборот, индивидуализированные единицы сознания переживают свое отделение и отчуждение как страдание и выказывают сильную потребность вернуться к истоку и воссоединиться с ним. Отождествление с воплощенным "я" - один из многих обманов, влекущих за собой душевные и физические страдания, пространственно-временные ограничения, преходящность и смерть.

Мы можем переживать этот динамический конфликт во всей его полноте, когда наше самоисследование в холотропных состояниях подводит нас к грани смерти "эго". В такой момент мы колеблемся и разрываемся между этими двумя мощными силами. Одна часть нас, холотропная, желает выйти за пределы отождествления с телесным "эго" и пережить растворение в большем и объединение с ним. Другая же часть, хилотропная, движимая страхом смерти и инстинктом самосохранения, цепляется за нашу отдельную личность. Этот конфликт чрезвычайно сложен и может стать серьезным препятствием в процессе психодуховного преобразования. Он неукоснительно требует, чтобы мы пожертвовали нашей, знакомой личностью, не зная, что придет ей на смену - и придет ли вообще.

Даже если наше бытие в этом мире не особо утешительно и альтернатива неизвестна, мы все равно цепляемся за него. Однако в глубине души мы чувствуем, что наше существование как отдельного воплощенного "я" в материальном мире само по себе неполноценно и не может удовлетворить наших самых насущных потребностей. Мы испытываем сильную тягу к преодолению собственных ограничений и обретению нашей истинной личности. Это помогает, прежде чем мы включимся в систематическую внутреннюю работу, умом понять, что переживание смерти "это" есть переживание символическое и оно не влечет за собой реальной смерти и уничтожения. Однако страх смерти и отказа от "эго" настолько силен и убедителен, что, когда мы переживаем его, нам трудно поверить этому знанию и найти в нем поддержку.

Если нашей психикой в самом деле управляют эти две мощные космические силы, хилотропная и холотропная, которые изначально находятся друг с другом в коренном противоречии, то существует ли подход к жизни, способный полноценно разрешить эту ситуацию? Поскольку ни отделенное существование, ни недифференцированное единство не дают полного удовлетворения, то какова же альтернатива? Возможно ли при таких обстоятельствах вообще найти решение - жизненную стратегию, обращенную к этому парадоксу? Можем ли мы в этом урагане конфликтующих космических тенденций найти "око бури", где бы нам был обеспечен покой? Можем ли мы найти удовлетворение во вселенной, ткань которой соткана из двух противоборствующих сил?

Совершенно ясно, что решение этой дилеммы заключается не в отвержении воплощенного существования, как низшего и бесполезного, и не в попытках его избежать. Мы увидели, что эмпирические миры, включая мир материи, представляют собой не только важное и ценное, но и необходимое дополнение к недифференцированному состоянию творческого принципа. В то же время, если наши попытки достичь самоосуществления и спокойствия ума учитывают лишь объекты и цели материального мира, они непременно потерпят поражение, а ударят по нам рикошетом. Таким образом, всякое удовлетворительное решение должно охватывать и земные, и запредельные измерения - как мир форм, так и Бесформенное.

Известная нам материальная вселенная предоставляет несчетные возможности необычайных путешествий в сознании. Как воплощенные самости, мы можем наблюдать небесный спектакль с мириадами галактик, захватывающими солнечными восходами и закатами, растущей и убывающей луной и мистериями лунных и солнечных затмений. Мы можем любоваться фантастическими формами облаков, благородной красотой радуг и переливами красок полярного сияния. На поверхности земли природа создала бесконечное множество ландшафтов, - от великих океанов, рек и озер до исполинских горных хребтов,

безмолвных пустынь и холодной красоты Арктики. Наряду с поразительным разнообразием форм жизни в царстве животных и растений все это дает бесконечные возможности уникальных переживаний.

Только в физической форме и на материальном плане мы можем влюбляться, наслаждаться сексом, иметь детей, слушать музыку Бетховена или восхищаться полотнами Рембрандта. Где еще, как не на земле, мы можем слушать пение соловья или смаковать пирожные? К этому списку радостей можно добавить спорт, путешествия, игру на музыкальных инструментах, живопись и многое, многое другое. Материальный мир предлагает бесконечные возможности исследования органической и неорганической сфер, поверхности земли, океанских глубин и космических просторов. Возможности исследования микро- и макромира фактически безграничны. Кроме переживаний настоящего можно отправиться и в исследовательское путешествие в прошлое - от древних цивилизаций и допотопного мира к событиям первых микросекунд Большого взрыва".

ПОЛЬЗА ОТ ЗАНЯТИЙ САМОИССЛЕДОВАНИЕМ И ДУХОВНОЙ ПРАКТИКОЙ

Участие в феноменальном мире и способность переживать этот богатый спектр приключений требуют определенной степени отождествления с воплощенным "я" и принятия мира материи. Однако, когда наше отождествление с телесным "это" абсолютно, а убеждение в том, что материальный мир есть единственная реальность, непоколебимо, мы теряем возможность во всей полноте наслаждаться нашим участием в творении. Призраки нашей ничтожности, преходящности и смертности могут полностью затмить положительную сторону жизни и лишить ее всякого интереса. Мы также должны добавить к этому разочарование, связанное с неоднократными тщетными попытками полностью реализовать наш божественный потенциал, находясь внутри ограничений, наложенных на нас нашим телом и материальным миром.

Чтобы найти решение этой дилеммы, мы должны обратиться внутрь себя. Повторные переживания холотропных состояний подрывают нашу уверенность в том, что мы "это в капсуле из кожи". Для осуществления прагматических целей мы продолжаем отождествлять себя с телесным "это", однако это отождествление становится более гибким и носит временный характер. Если у нас достаточно эмпирических знаний о трансперсональных аспектах существования, включая нашу истинную личность и космический статус, то повседневная жизнь становится намного легче и полезнее. По мере продолжения внутренних поисков мы также рано или поздно обнаруживаем, что все формы - по сути своей пустота. Как утверждает буддийское учение, знание фактической природы феноменального мира и его пустоты может помочь нам освободиться от страданий. Сюда входит и осознание того, что вера в какое-либо отдельное "я", включая наше собственное, в абсолютном смысле иллюзорна. В буддийских текстах осознание сущностной пустоты всех форм и вытекающее из этого понимание, что не существует отдельных "я", называется *анаттой*, что буквально означает "не-я".

Джек Корнфилд, психолог и учитель буддийской випассаны, описывает свое первое знакомство с понятием *анатты* во время встречи с ныне покойным учителем тибетского буддизма Калу Ринпоче. Пытаясь извлечь из встречи с замечательным человеком как можно больше, Джек с энтузиазмом новичка обратился к Учителю с просьбой: "Не могли бы вы мне в нескольких фразах изложить самую суть буддийских учений?" Калу Ринпоче ответил: "Я бы мог это сделать, но вы не поверите мне, и, чтобы понять, о чем я говорю, вам потребуется много лет". Однако Джек вежливо настаивал: "Но вы все равно, пожалуйста, объясните. Я ведь так хочу это знать!" Ответ Калу Ринпоче был предельно краток: "Вас реально не существует".

Осознание нашей божественной природы и сущностной пустоты всех вещей, обнаруживаемое в трансперсональных переживаниях, образует основу метаструктуры, которая способна значительно помочь нам справиться со сложностями повседневной жизни. Мы можем целиком охватить переживание материального мира и наслаждаться всем, что он нам дает: красотой природы, человеческими взаимоотношениями, любовью, семьей, произведениями искусства, спортом, кулинарными деликатесами и множеством других вещей. Однако, что бы мы ни делали, жизнь постоянно ставит перед нами препятствия, проблемы, мучительные переживания и потери. Сталкиваясь с трудностями и лишениями, мы можем посмотреть на них с космической перспективы, которая открывается нам во внутренних поисках. Связь с высшими реальностями и освобождающее знание *анатты*, а также пустота, стоящая за всеми формами, позволяют выдержать такие испытания,

которые, если посмотреть на них с другой позиции, кажутся невыносимыми. С помощью этого трансцендентного осознания мы, возможно, обретем способность переживать весь спектр жизни, или, как говорил грек Зорба, "полную катастрофу".

Систематическое самоисследование с использованием холотропных переживаний может также помочь нам поддержать и очистить сенсорное восприятие мира. Это "очищение дверей восприятия", как называл его Олдос Хаксли, позволяет полностью оценить все возможности приключений в сознании, связанных с воплощенным существованием, и насладиться ими. Во время мистических состояний, а также в последующие часы и дни ощущение вкуса жизни приобретает максимальную яркость. Здесь оно зачастую настолько интенсивно, что мы можем говорить о "послевкусии". В более сглаженной форме продолжительные последствия таких мистических откровений выражаются в росте вкуса к жизни и ее общем улучшении.

Человеку, воспринимающему жизнь хилотропно и не имеющему эмпирического доступа к запредельным и божественным измерениям очень трудно преодолеть глубоко укоренившийся страх смерти и увидеть в жизни более глубокий смысл. При таких обстоятельствах повседневное поведение человека и его реакции на существенные аспекты жизни во многом определяются потребностями ложного "эго". Поэтому необходимо систематически дополнять ежедневную практическую деятельность духовными упражнениями, обеспечивающими доступ к трансцендентным сферам.

В доиндустриальных обществах возможность трансцендентных переживаний существовала в разных формах - от шаманских ритуалов, ритуалов перехода и целительских обрядов до древних мистерий смерти и возрождения, мистических школ и медитационных практик великих мировых религий. В последние десятилетия на Западе наблюдается значительное возрождение различных духовных практик древности. Кроме того, представители современной глубинной психологии разработали новые эффективные методы, помогающие человеку в духовном раскрытии. Эти средства доступны всем, кто заинтересован в психодуховном преображении и эволюции сознания.

К.Г. Юнг, предтеча трансперсональной психологии, описал в своих работах жизненную стратегию, обращенную как к мирскому, так и к космическому измерению человека и бытия. Он утверждал, что мы должны дополнять нашу повседневную деятельность во внешнем мире систематическим самоисследованием - внутренними поисками, достигающими глубинных тайников нашей психики. Направляя внимание внутрь себя, мы можем соприкоснуться со своим <Я" - высшим аспектом своего бытия и пользоваться благами его руководства. Именно так мы сумеем приблизиться к огромным ресурсам коллективного бессознательного, содержащего в себе вековую мудрость.

Согласно Юнгу, не следует ориентироваться в жизни только на основе внешних аспектов ситуаций, с которыми мы встречаемся. Наши решения должны основываться на творческом синтезе прагматического знания материального мира и глубокой мудрости, извлеченной из коллективного бессознательного в процессе систематического внутреннего самоисследования. Это предположение великого швейцарского психиатра в целом согласуется с выводами, которые сделали из холотропных исследований многие известные мне люди.

Я неоднократно убеждался, что следование этой стратегии может привести к более совершенному образу жизни - радостному и творческому. Оно позволяет полностью находиться в мире повседневной реальности и вместе с тем осознавать нуминозные измерения бытия и нашу божественную природу. Способность примирить и объединить эти два аспекта жизни исходит из самых возвышенных стремлений мистических традиций. Шейх ал-Алави описывает Высшую Стоянку - высшую стадию духовного развития в традиции суфиев - как состояние, когда человек внутренне опьяняется Божественной Сущностью, оставаясь при этом внешне трезвым.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПЛАНЕТАРНОЕ БУДУЩЕЕ

Потенциальная польза такого подхода к жизни выходит за пределы узких интересов людей, его практикующих, и может стать очень важной для человеческого общества и нашего будущего. В последние несколько десятилетий стало совершенно очевидно, что человечество переживает кризис беспрецедентных масштабов. Современная наука разработала эффективные меры, которые могли бы разрешить большинство насущных проблем современного мира: победить многие болезни, побороть голод и нищету, сократить

объем промышленных отходов, а также заменить вредные виды ископаемого топлива на возобновляемые источники чистой энергии.

Проблемы, которые преграждают нам путь, по своей природе связаны не с экономикой и не с развитием науки и техники. Глубочайшие источники глобального кризиса лежат в основе человеческой личности и отражают уровень видовой эволюции человеческого сознания. Поскольку силы человеческой психики не укрощены, огромные ресурсы растрачиваются в абсурдной гонке вооружений, борьбе за власть и погоне за "неограниченным приростом". Эти стихии человеческой природы препятствуют и должному распределению благ среди индивидов и наций, равно как и переориентации с чисто экономических и политических интересов на экологические приоритеты, необходимые для сохранения жизни на планете.

Дипломатические переговоры, административные и законодательные меры, экономические и социальные санкции, а также военные вмешательства и прочее до сих пор не дали никаких результатов. Более того, зачастую они создавали проблемы, а не решали их. Теперь становится ясно, почему они были обречены на провал. Невозможно справиться с кризисом, применяя стратегии, основанные на той же идеологии, что породила его. В конечном итоге нынешний глобальный кризис имеет психодуховную природу. Поэтому трудно представить себе, что он может быть разрешен без коренного внутреннего преобразования человечества, выхода его на более высокий уровень эмоциональной зрелости и духовной восприимчивости.

Разумеется, учитывая доминирующую роль насилия и алчности в человеческой истории, возможность преобразования современного человечества в вид, представители которого могли бы мирно сосуществовать друг с другом независимо от расы, цвета кожи, а также религиозных и политических убеждений, выглядит не слишком правдоподобной, равно как и возможность сосуществования человека с другими видами. Мы стоим перед огромной проблемой: как внушить человечеству основополагающие этические ценности - чуткость к нуждам собратьев, открытость, а также четкое осознание экологических императивов? На первый взгляд эта задача представляется вообще полной утопией.

Впрочем, ситуация не столь безнадежна, как кажется. Ранее мы уже видели, что именно такое глубинное преобразование и происходит в ходе систематической внутренней работы, использующей холотропные состояния, будь то практика медитации, мощные формы эмпирической терапии или осознанная работа с психоделическими веществами, проводимая под наблюдением специалистов. Аналогичные перемены можно наблюдать и в людях, которые, переживая спонтанный психодуховный кризис, к счастью, обеспечены поддержкой и чутким руководством.

Таким образом, жизненная стратегия, соединяющая в себе углубленную внутреннюю работу и вдохновенную деятельность во внешнем мире, если ее осуществлять в достаточном масштабе, могла бы стать важным фактором разрешения глобального кризиса. Внутреннее преобразование и ускоренное развитие сознания значительно увеличили бы наши шансы выжить и мирно существовать. Я надеюсь, что мое описание прозрений, открывшихся в изучении холотропных состояний, принесет пользу людям, которые изберут или уже избрали этот путь.

РЕЦЕПТ ИСЦЕЛЕНИЯ ПЛАНЕТЫ: УРОКИ ИЗ ЦЕРЕМОНИИ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Завершить эту книгу мне хотелось бы рассказом о переживании глубинного исцеления и преобразования, имевшем место много лет назад в группе людей, с которыми я разделял холотропное состояние сознания. Хотя с тех пор минуло почти четверть века, всякий раз, когда я вспоминаю и рассказываю об этом переживании, у меня на глазах выступают слезы. Это событие не только показало мне глубину проблем, с которыми мы сталкиваемся в нашем мире, где ненависть веками переходила из поколения в поколение, но и дало надежду и уверенность, что мы можем избавиться от этого проклятия и растворить границы, отделяющие нас друг от друга.

Приехав в 1967 году в Соединенные Штаты, я участвовал в исследованиях потенциала психоделической терапии, которые проводились Мерилендским центром психиатрических исследований и финансировались правительством. Одним из наших проектов была тренировочная программа для специалистов в области душевного здоровья. Она дала нам возможность провести, в образовательных целях, до трех сеансов с высокой дозой ЛСД, в которых участвовали психиатры, психологи и социальные работники. Одним из

участников этой программы был Кеннет Годфри, психиатр, работавший в больнице для ветеранов в Топеке, Канзас. Все три его сеанса прошли под моим наблюдением, и мы стали очень близкими друзьями.

Еще в Чехословакии я читал о Церкви американских индейцев, синкретической религии, соединяющей в себе индейские и христианские элементы и использующей в качестве причастия мексиканский психоделический кактус пейот (мескал). Мне показалось очень интересным самому принять участие в такой церемонии, ибо это дало бы мне возможность сравнить терапевтическое использование психоделиков с ритуальным. Приехав в США, я долго искал такую возможность, но, увы, безуспешно. И вот оказалось, что Кен и его жена имели индейские корни, а также хорошие связи со своим народом. После третьего сеанса я на прощание спросил Кена, не поможет ли он мне принять участие в ритуальной церемонии, и он сказал, что попытается. Несколько дней спустя Кен позвонил мне и сказал, что его близкий друг приглашает меня и еще нескольких сотрудников участвовать в церемонии индейцев патаватоме.

В следующий уикенд мы впятером прилетели из Балтимора в Топеку, Канзас. В группу входили наш музыкальный терапевт Хелен Бонни, ее сестра, психоделический терапевт Боб Лихи, профессор религиоведения Уолтер Хустон Кларк и я сам. В аэропорту Топеки мы взяли напрокат машину и отправились в глубину канзасских прерий. Там в степи стояло несколько типи: здесь-то и состоится обряд. Солнце садилось, индейцы готовились начать церемонию. Прежде чем присоединиться к церемонии, мы должны были получить разрешение других участников, все они были американскими индейцами. Процедура чем-то напоминала обвинительный процесс.

Вспоминая историю своих страданий, индейцы яростно обвиняли белых завоевателей, вторгшихся в Америку. Они говорили о геноциде американских индейцев, о насилии над женщинами, об экспроприации их исконных земель, о бессмысленном истреблении бизонов и о многом другом. Час-другой продолжался этот бурный обмен мнениями, наконец эмоции утихли, и индейцы один за другим приняли нас в свою церемонию. В итоге остался только один человек - высокий угрюмый мужчина, - который категорически возражал против нашего присутствия. Его ненависть к белым не знала предела. Прошло много времени, прежде чем он все же согласился, чтобы мы присоединились к группе: его с большим трудом уговорили собственные соплеменники, недовольные такой задержкой церемонии.

Наконец все уладилось (по крайней мере внешне), и мы расположились в большом типи. Разожгли костер, и священный ритуал начался. Мы отведали "шишек" мескола и начали передавать друг другу бубен и колотушку. Согласно обычаю американских индейцев, каждый, кто держал бубен с колотушкой, мог спеть песню или сделать высказывание, а мог и молча передать их дальше. Человек, который так настойчиво сопротивлялся нашему участию в церемонии, сидел прямо напротив меня. Было ясно, что на самом деле он не хотел раскрываться перед нами, и каждый раз, когда бубен с колотушкой переходил к нему в руки, он с негодованием передавал их дальше по кругу. Под воздействием мескала мое восприятие окружающей обстановки резко обострилось. Этот человек стал больным местом в моем мире, и я обнаружил, что вид его причинял мне растущую боль. Казалось, его глаза излучали ненависть, которая наполняла весь типи.

Наступало утро, и прямо перед рассветом мы в последний раз пустили по кругу бубен с колотушкой. Каждый сказал несколько слов, подводя итог переживаниям и впечатлениям ночи. Особенно длинной и эмоциональной была речь Уолтера Хустона Кларка. Он выразил глубокую признательность друзьям-индейцам, разделившим с нами свою чудесную церемонию. Уолтер особо подчеркнул, что они приняли нас, несмотря на все, что мы причинили: вторглись на их земли, убивали их людей, насильничали их женщин и истребляли бизонов. Не помню точно, в каком контексте, но где-то в своей речи он упомянул и меня, "Стэна, находящегося вдали от своей родины, от своей родной Чехословакии".

Когда Уолтер упомянул о Чехословакии, человека, который всю ночь негодовал по поводу нашего присутствия, вдруг охватило какое-то странное беспокойство. Он встал, пересек типи и пал передо мной ниц. Он уткнулся лицом в мои колени и громко зарыдал. Минут через двадцать он успокоился, вернулся на свое место и заговорил. Он объяснил, что вечером перед церемонией видел всех нас как "бледнолицых", автоматически считая врагами индейцев. Однако, услышав замечание Уолтера, он понял, что я, уроженец Чехословакии, никоим образом не причастен к трагедии его народа и его ненависть ко мне во время священной церемонии была неоправданной.

Этот человек определенно был глубоко опечален и огорчен. После первого заявления последовало долгое молчание, во время которого в нем шла внутренняя борьба. Было ясно,

что сейчас произойдет что-то еще, и в конце концов он рассказал нам остальную свою историю. Во время второй мировой войны его призвали в ВВС США, и за несколько дней до окончания войны он лично участвовал в нелепом и ненужном налете на чехословацкий город Пльзень, известный своим пивом и автомобильным заводом. Не только его ненависть ко мне была неоправданной, но и роли наши были совершенно противоположными: он был мучителем, а я - жертвой. Он вторгся в мою страну и убивал мой народ. Это открытие было для него невыносимо.

Когда я заверил этого человека, что не питаю к нему никаких враждебных чувств, случилось нечто весьма примечательное. Он подошел к моим четверым друзьям из Балтимора (они все были американцами), извинился за свое поведение до и во время церемонии и сказал, что этот эпизод помог ему понять, что если все мы будем ненавидеть друг друга за дела, совершенные нашими предками, то у мира не останется никакой надежды. Он осознал и то, что нельзя огульно судить о людях, принадлежащих различным расам, национальностям и культурам. О людях нужно судить, основываясь не на том, к какой группе они принадлежат, а на том, кто они сами.

Его речь была достойным продолжением знаменитого письма вождя племени, обитавшего на территории нынешнего Сиэтла, европейским колонизаторам. Он завершил ее следующими словами: "Вы не враги мне, вы братья и сестры. Вы ничего не сделали ни мне, ни моим людям. Все это дела минувших дней и жизней наших предков. В то время я мог бы действительно быть на другой стороне. Мы все дети Великого Духа, все принадлежим Матери-Земле. Наша планета в великой опасности, и если мы будем таить старые обиды и не станем работать вместе, то все погибнем".

В этот миг на глазах у большинства выступили слезы. Мы все ощутили глубокую связь с человеческой семьей и свою принадлежность к ней. Солнце медленно восходило, и мы принялись за ритуальную трапезу. Мы ели пищу, которая в течение всей ночи находилась в центре типи и была освящена ритуалом. Затем после долгих объятий и трогательного прощания мы отправились домой, увозя с собой память об этом бесценном уроке по разрешению межрасового и межнационального конфликта, и урок этот мы не забудем до конца дней своих. У меня же эта необычная синхронность, пережитая в холотропном состоянии сознания, породила надежду, что когда-нибудь аналогичное исцеление произойдет со всей нашей планетой.

Приложение СВЯЩЕННОЕ И ПРОФАННОЕ

Мы не понимаем многого - от "Большого взрыва" и до частиц в атомах бактериальной клетки. Перед нами столетия пути через джунгли тайн.

Льюис Томас, биолог

ДУХОВНОСТЬ И РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Представления о человеческой природе и космосе, характерные для современных технократических обществ, значительно отличаются от мировоззрения древних и доиндустриальных культур. Такое различие вполне предсказуемо, ибо до некоторой степени является естественным результатом исторического прогресса. Веками ученые систематически исследовали различные аспекты материального мира и накопили внушительный объем информации, которая в прошлом была недоступна. Они невероятно расширили, откорректировали и заменили прежние взгляды на природу и вселенную. Однако самое поразительное различие между двумя мировоззрениями вовсе не в объеме и точности информации о материальной реальности, а в фундаментальной несогласии касательно священного, или духовного, измерения бытия.

Все человеческие группы доиндустриальной эры были согласны в том, что материальный мир, который мы воспринимаем и в котором действуем в нашей повседневной жизни, не есть единственная реальность. Их взгляды, хотя и различные в деталях, описывали космос как сложную систему иерархически организованных уровней бытия. В таком понимании реальности, которую Артур Лавджой (Arthur Lovejoy 1964) называл Великой цепью бытия, мир грубой материи был последним звеном. Высшие сферы бытия, включенные в космологии доиндустриальных обществ, были населены божествами,

демонами, развоплощенными сущностями, духами предков и могущественными животными. В древних и доиндустриальных культурах существовала богатая обрядовая и духовная жизнь, сосредоточенная вокруг возможности достичь непосредственного контакта с этими обычно сокрытыми измерениями реальности и получить из них важную информацию, помощь или даже вмешательство в ход событий материального мира.

Повседневная деятельность обществ, разделяющих это мировоззрение, основывалась на информации, получаемой не только посредством органов чувств, но и посредством контакта с этими невидимыми измерениями. Антропологов с традиционным западным образованием, изучавших туземные культуры, зачастую озадачивала присутствующая в них так называемая "двойная логика". Явно демонстрируя практический разум, владение необычными навыками и способность изобретать множество вещей, необходимых для выживания и поддержания жизни, аборигены сочетали прагматическую деятельность, такую, как охота, рыболовство и постройка жилищ, с удивительными и нередко сложными ритуалами. В этих ритуалах они обращались к разным сущностям и реальностям, по мнению антропологов воображаемым и реально не существующим.

Эти различия в мировоззрениях находят свое ярчайшее выражение в области, касающейся смерти и процесса умирания. Космологии, философии и мифологии, а также духовная и ритуальная жизнь доиндустриальных обществ отчетливо гласит, что смерть не есть абсолютный и бесповоротный конец всего и что жизнь, приняв другую форму, продолжает существовать после физической смерти. Сложные эсхатологические мифологии этих культур в общем согласны в том, что духовный принцип, или душа, остается жить после смерти тела и переживает сложную цепь странствий в сознании по иным реальностям.

Это послесмертное странствие души иногда описывают как путешествие по фантастическим ландшафтам, которые отчасти сходны с земными, а иногда как встречи с различными архетипическими существами или как последовательное прохождение необычных состояний сознания. В некоторых культурах душа достигает в Запредельном временных сфер пребывания, таких, как, например, христианское чистилище или локи тибетского буддизма, в других - вечной обители: небес, ада, рая или солнечной сферы. Многие культуры независимо друг от друга разработали систему верований в метемпсихоз, или перевоплощение, которая включает в себя возврат единицы сознания к другой физической жизни на земле.

Все доиндустриальные общества, по-видимому, сходились во мнении, что смерть является не окончательным прекращением всего, а переходом к другой форме существования. Переживания, связанные со смертью, рассматривались как посещения важных измерений реальности, которые заслуживают того, чтобы их постигли, изучали и составляли их подробные карты. Умиравшие люди были знакомы с эсхатологическими картографиями своих культур, будь то шаманские карты похоронных ландшафтов или сложные описания восточных духовных систем, таких, как "*Бардо тодол*" (тибетская "Книга мертвых").

В данном контексте "*Бардо тодол*" заслуживает особого внимания. Этот важный текст тибетского буддизма являет собой любопытный контраст с исключительно прагматическим акцентом на производительной жизни и отрицании смерти, который присущ индустриальной цивилизации Запада. Книга описывает время смерти как уникальную возможность духовного высвобождения из циклов смертей и перерождений, а также как период, определяющий наше следующее воплощение в случае, если освобождение не достигнуто. С этой позиции переживания бар до, или промежуточных состояний между жизнями, даже важнее, чем воплощенное существование. Поэтому считается, что в теперешней жизни нам совершенно необходимо готовиться к этому периоду, систематически занимаясь духовными упражнениями.

Такие описания священных измерений реальности и акцент на духовном прямо противоположны системе убеждений, преобладающих в индустриальном обществе. Наше мировоззрение во многом сформировано материалистической наукой, считающей, что мы живем во вселенной, где реальна только материя. Теоретики различных дисциплин сформулировали представление о реальности, согласно которому история вселенной есть не что иное, как история развивающейся материи. В этом развитии жизнь, сознание и разум представляются более или менее случайными и несущественными вторичными феноменами. Они появились в ничтожной части огромной вселенной после миллиардов лет эволюции пассивной и инертной материи. Разумеется, понимание природы человека и вселенной, основанное на таких предпосылках, в принципе несовместимо ни с одной из

форм духовных убеждений. Когда мы соглашаемся с таким представлением реальности, духовность выглядит как иллюзорный, а порой и обманчивый подход к жизни.

Эта кажущаяся несовместимость науки и духовности весьма примечательна. На протяжении истории человечества духовность и религия играли в жизни людей первостепенную роль, до тех пор пока их влияние не было подорвано научной и индустриальной революцией. И наука, и религия - каждая по-своему - суть чрезвычайно важные части человеческой жизни. Наука - наиболее мощное средство получения информации о мире, в котором мы живем, а духовность необходима как источник смысла жизни. Религиозный импульс, несомненно, был одной из самых могучих движущих сил человеческой истории и культуры. Трудно представить себе прогресс человечества, если бы ритуальная и духовная жизнь полностью зиждильсь на необоснованных фантазиях и заблуждениях. Чтобы оказывать столь сильное воздействие на ход человеческой истории, религия должна отражать основополагающие аспекты человеческой природы, хотя способы этого отражения зачастую были весьма сомнительны и превратны.

Если бы мировоззрение, созданное материалистической наукой, было поистине правильным, полным и точным описанием реальности, то на протяжении всей истории человечества единственной группой, обладавшей полноценным пониманием человеческой психики и бытия, была бы интеллигенция развитых обществ, подписавшаяся под философией материализма. В таком случае все прочие взгляды и мировоззрения, включая великие мистические традиции мира и духовные философские учения Востока, казались бы примитивными, незрелыми и обманчивыми. Это относилось бы и к веданте, и к различным школам йоги, к даосизму, к буддийской ваджраяне, хиньяне и махаяне, к суфизму, к христианскому мистицизму, каббале и многим другим сложным духовным традициям, являющимся продуктом многовековых углубленных исследований психики и сознания человека.

Поскольку идеи, изложенные в этой книге, в основе своей согласуются с различными школами вечной философии, они, естественно попадают в ту же категорию. Их можно было бы игнорировать, считать нерациональными, необоснованными и ненаучными, заведомо отменяя очевидные факты, на которых они основываются. Поэтому важно прояснить взаимоотношения религии и науки и определить, действительно ли эти два важных аспекта человеческой жизни несовместимы. И если мы увидим, что есть способ объединить эти идеи, то надо будет определить и условия их объединения.

Убеждение, что религия и наука должны быть друг с другом несовместимы, отражает коренное непонимание природы их обеих. Правильно понимаемые истинная религия и истинная наука являются собой два важных подхода к бытию, которые дополняют друг друга и никоим образом не находятся в противоречии. Как тонко подметил Кен Уилбер, между истинной религией и подлинной наукой не может быть противоречий. Если же таковые наличествуют, то мы, скорее всего, имеем дело с "поддельной религией" и(или) с "поддельной наукой" (Wilber 1983).

Многие заблуждения в этой области основаны на ложном понимании природы и функции науки, которое ведет к некорректному использованию научного мышления. Дополнительный источник ненужных проблем создает неправильное понимание природы и функции религии. Вот почему нам очень важно научиться отличать подлинную науку от наукообразия, а духовность - от организованной религии.

НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ И НАУЧНЫЙ МЕТОД

Современная философия науки прояснила природу, функцию и должное использование теорий в исследовании различных аспектов вселенной. Она выявила ошибки, приведшие к преобладанию материалистического монизма в западной науке, а также, косвенным образом, в мировоззрении индустриального общества. Оглядываясь назад, нетрудно увидеть, как это произошло. Ньютоновское представление о физическом мире как о полностью детерминированной механической системе оказалось на практике настолько успешным, что послужило моделью для всех других научных дисциплин. "Думать научно" стало означать "думать в механистических терминах".

Триумфы физики стали мощной поддержкой философскому материализму - позиции, которую сам Ньютон не разделял. Для него творение вселенной было немислимо без божественного вмешательства, без высшего разума Творца. Ньютон верил, что Бог создал вселенную как систему, управляемую механическими законами, и потому считал, что, раз она создана, ее можно изучить и понять. Последователи Ньютона восприняли эту модель

вселенной как детерминированной супермашины, но понятие разумного творческого принципа сочли ненужным и сомнительным пережитком темного иррационального прошлого. Информация о материальной реальности, получаемая при помощи органов чувств, стала единственным допустимым источником данных во всех отраслях науки.

История современной науки показывает, что представление о материальном мире, основанное на ньютоновской механике, доминировало в биологии, медицине, психологии, психиатрии и во всех прочих дисциплинах. Эта стратегия отражала основное метафизическое положение философского материализма и была его логическим следствием. Если вселенная по сути своей материальна, а физика есть научная дисциплина, изучающая материю, то физики суть последняя инстанция в вопросах природы всех вещей и данным, полученным в других областях, непозволительно вступать в противоречие с основополагающими теориями этой дисциплины. Неукоснительное применение такой логики повлекло за собой систематическое замалчивание или искаженное толкование данных по многим областям, не согласующихся с материалистическим мировоззрением.

Эта стратегия была серьезным нарушением основных принципов современной философии науки. Строго говоря, научные теории используют только те наблюдения, на основе которых они выведены. Их нельзя автоматически экстраполировать на другие дисциплины. Теоретические основы, которые формулируют информацию, доступную в некоей конкретной области, нельзя использовать для определения того, что возможно и что невозможно в какой-либо другой сфере; точно так же они не могут диктовать, что можно, а что нельзя наблюдать в соответствующей научной дисциплине. Теории человеческой психики должны базироваться на наблюдениях психологических процессов, а не на теориях физиков касательно материального мира. Однако именно таким образом ученые-традиционалисты использовали в прошлом концептуальную основу физики XVII века.

Практика неправомерного приложения мировоззрения физиков к другим областям была лишь частью проблемы. Другой серьезной и общей ошибкой, которая еще больше усложняет ситуацию, является тенденция многих ученых не только придерживаться устаревших теорий и обобщенно применять их к другим областям, но и ошибочно принимать их за точные и окончательные описания реальности. В результате такие ученые склонны отвергать любую информацию, которая несовместима с их концептуальной основой, вместо того чтобы рассматривать ее как повод изменить свои теории. Это ошибочное принятие карты местности за саму местность - пример того, что в современной логике называется "ошибкой в определении логических типов". Грегори Бейтсон, блестящий эрудит и философ, посвятивший много времени изучению этого феномена, однажды в шутку заявил, что если ученые и дальше будут совершать подобные ошибки, то в один прекрасный день они, придя в ресторан, съедят меню вместо обеда.

Главное качество истинного ученого отнюдь не беспрекословная приверженность материалистической философии и не непоколебимая преданность теориям вселенной, провозглашенным официальной наукой. Истинного ученого отличает преданность неуклонному и скрупулезному применению научного метода исследований ко всем сферам реальности, т.е. систематическое накопление наблюдений в определенных ситуациях, постоянное экспериментирование в любой сфере бытия, где возможно применение такой стратегии, а также сравнение этих результатов с другими, полученными при подобных обстоятельствах.

Важнейшим критерием адекватности той или иной теории является не то, соответствует ли она взглядам, поддерживаемым академическими институтами, угождает ли нашему здравому смыслу и насколько она правдоподобна, а то, согласуется ли она с фактами систематического и организованного наблюдения. Теории - незаменимый инструмент исследований и научного прогресса. Однако не следует путать их с точным и исчерпывающим описанием того, как все есть на самом деле. Истинный ученый рассматривает свои теории как наиболее доступную концептуализацию имеющихся данных, и если эти теории не могут вместить в себя новые свидетельства, то они всегда открыты для изменений. С этих позиций мировоззрение материалистической науки стало своего рода "смирительной рубашкой", препятствующей дальнейшему прогрессу.

Наука зиждется не на какой-то одной особой теории, сколь бы убедительной и самоочевидной та ни казалась. В истории человечества представление о вселенной и научные теории, описывающие ее, неоднократно менялись. Науку характеризует метод получения информации и подтверждения или опровержения теорий. Научные исследования невозможны без теоретических формулировок и гипотез. Реальность слишком сложна, чтобы изучать ее во всей полноте, и при построении теоретических моделей диапазон

наблюдаемых явлений неизбежно сужается. Истинный ученый, используя теории, сознает их относительность и всегда готов в случае появления новых данных либо уточнить эти теории, либо отказаться от них. Он скрупулезно изучает все феномены, которые поддаются научному исследованию, включая противоречивые и спорные, такие, как, например, необычные состояния сознания и трансперсональные переживания.

В XX веке сами физики в корне изменили свое понимание материального мира. Революционные открытия в субатомной и астрофизической сферах разрушили представление о вселенной как о бесконечно сложной, полностью детерминированной механической системе, состоящей из неразрушимых частиц материи. Когда исследование вселенной сместилось из мира повседневной реальности, или "зоны промежуточных измерений", в микромир субатомных частиц и мегамир далеких галактик, физики обнаружили ограничения механистического мировоззрения и вышли за их пределы.

Лавина новых наблюдений и экспериментальных данных смела представление о вселенной, преобладавшее в физике почти три столетия. Устоявшееся ньютоновское понимание материи, времени и пространства сменилось странным миром квантово-релятивистской физики, полным загадочных парадоксов. Материя, воспринимаемая обычно как "плотное вещество", полностью исчезла со сцены. Отдельные измерения абсолютного пространства и времени влились в эйнштейновский четырехмерный пространственно-временной континуум, а сознание наблюдателя предстало элементом, играющим важную роль в создании того, что ранее представлялось чисто объективной, не зависящей от наблюдателя реальностью.

Аналогичные прорывы произошли и во многих других дисциплинах. Теория информации и теория систем, концепция морфогенетических полей Руперта Шелдрейка, холомная философия Дэвида Бома и Карла Прибрама, исследования диссипативных структур Ильи Пригожина, теория хаоса и объединенная интерактивная динамика Эрвина Ласло - вот лишь немногие яркие примеры таких новых разработок. Новые теории обнаруживают растущее сближение с мистическим мировоззрением и с данными трансперсональной психологии. Они также помогают заново постичь древнюю мудрость, которую материалистическая наука отвергала и высмеивала.

Сокращение разрыва между мировоззрением точных наук и трансперсональной психологии - явление, несомненно, поразительное и вдохновляющее. Однако психологи, психиатры и исследователи сознания совершили бы серьезную ошибку, если бы взамен старых теорий отдали свое концептуальное мышление под контроль новых теорий физики. Как я уже говорил, каждая дисциплина должна базировать свои теоретические построения на наблюдениях в своей собственной области. Критерием достоверности научных данных и понятий в каждой конкретной области является не сколько их совместимость с теориями другой области, сколько строгость научного метода, с помощью которого они были получены.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ФАКТ И ВЫМЫСЕЛ

В целом западная наука добилась значительных успехов в выявлении законов, управляющих процессами материального мира, и научилась контролировать эти процессы. Вместе с тем она не слишком стремилась дать ответы на некоторые фундаментальные вопросы бытия: например, как мир возник и стал таким, каков он есть сейчас. Чтобы должным образом оценить эту ситуацию, важно отдавать себе отчет, что так называемое "научное" мировоззрение есть представление о вселенной, основанное на множестве смелых метафизических предположений. Эти предположения зачастую трактуются как факты, доказанность которых не подлежит сомнению, хотя на самом деле основа их довольно шаткая, они могут противоречить друг другу и основываться исключительно на "здравом смысле".

В любом случае ответы материалистической науки на большинство основных метафизических вопросов не более логичны и не менее фантастичны, чем ответы вечной философии. Так, что касается происхождения вселенной, то на сей счет существует много конкурирующих теорий. Самая популярная из них утверждает, что все началось около пятнадцати миллиардов лет назад "Большим взрывом", когда вся материя во вселенной внезапно проявилась к существованию из безразмерной точки, или сингулярности. Другая теория - теория непрерывного творения - изображает вечно существующую вселенную без начала и конца, где материя постоянно создается из ничего. Ни одна из этих альтернатив не дает точного, здравого, логичного ответа на этот основополагающий вопрос бытия.

Таковыми же дерзкими и спорными являются теории ученых-материалистов, касающиеся сферы биологии. Как утверждается, явление жизни, включая молекулу ДНК и ее способность к самовоспроизведению, спонтанно возникло из случайных взаимодействий неорганической материи в химической тине первородного океана. Таким образом, эволюция от примитивных одноклеточных организмов до необычайного многообразия видов, составляющих жизнь животных и растений на нашей планете, явилась результатом случайных мутаций генов и естественного отбора. Может быть, самое фантастическое утверждение материалистической науки заключается в том, что сознание появилось в процессе эволюции как продукт нейрофизиологических процессов, происходящих в центральной нервной системе.

Когда мы подвергнем вышеупомянутые концепции скрупулезному исследованию, основанному на современной философии науки, систематическом применении научного метода и логическом анализе, мы обнаружим, что они вряд ли являются здоровыми фактами и что во многих случаях им недостает адекватной поддержки фактов, полученных из наблюдений. Теория спонтанного появления вселенной из сингулярности вряд ли покажется нам удовлетворительной. У нас останется множество острых вопросов, например, каков источник материала, появившегося в результате "Большого взрыва", что послужило причиной и началом этого события, откуда произошли законы, управляющие вселенной, и другие. Идея вечно существующей вселенной, в которой материя постоянно создается из ничего, сама по себе ставит в тупик. То же самое справедливо и для других теорий, описывающих происхождение вселенной.

Нам говорили, что вселенная, в сущности, сама создала себя и что вся ее история, от атомов кислорода до *homo sapiens*, не требовала вмешательства разума и что она, вселенная, может адекватно быть понята как результат материальных процессов, управляемых естественными законами. Многие физики признают это предположение не слишком убедительным. Стивен Хоукинг, которого считают величайшим физиком нашего времени, заявил, что "несообразности теории "Большого взрыва" слишком велики". А физик из Принстонского университета Фримэн Дайсон однажды заметил: "Чем больше я изучаю вселенную и подробности ее архитектуры, тем больше обнаруживаю очевидных доказательств того, что вселенная в некотором смысле должна была знать о нашем появлении".

Реконструктивное изучение ранних процессов, происходящих в первые минуты существования вселенной, открыло удивительный факт: будь изначальные условия немного иными - например, будь величина одной из основополагающих физических констант изменена на несколько процентов, жизнь в созданной таким образом вселенной не могла бы поддерживаться. В такой вселенной люди никогда бы не стали существовать в функции наблюдателей. Крайне низкая вероятность существующего взаимного соответствия величин множества основополагающих физических констант было отражено в формулировке так называемого Человеческого Принципа, сформулированного Барроу и Типлером (Barrow and Tipler 1986). В нем утверждается, что вселенная могла быть создана с определенным намерением или с целью зарождения жизни и человеческих наблюдателей, что указывает на участие высшего космического разума в процессе творения или по меньшей мере дает основания для подобного толкования.

Вероятность того, что жизнь произошла из случайных химических процессов, является астрономически малой величиной, что убедительно продемонстрировали такие ученые, как всемирно известный астроном Фред Хоили (1983) и Фрэнсис Крик (1981), один из авторов открытия структуры ДНК. Фред Хоили нашел решение этой дилеммы в теории панспермии, согласно которой микроорганизмы, распределенные по всей вселенной, попали на нашу планету в результате межзвездного путешествия, по всей видимости находясь в хвосте кометы. Он утверждал, что жизнь - "явление космологическое и, возможно, самый основополагающий аспект вселенной".

Френсис Крик высказался более оригинально. Вот что он утверждал: "Чтобы избежать повреждения, микроорганизмы, как я полагаю, путешествовали в переднем отсеке космического корабля, посланного на Землю высшей цивилизацией, которая где-то развилась несколько миллиардов лет назад.... Жизнь здесь началась тогда, когда эти организмы начали размножаться". Подход Хоили и Крика, разумеется, не открывает тайну происхождения жизни: он просто представляет другое время и местоположение. Оба ученых ничего не говорят о том, как жизнь появилась впервые.

Становится все более очевидной неспособность теории Дарвина представить эволюцию и необычайное богатство форм жизни как результат механически действующих естественных

сил. Несообразности и слабости теории Дарвина и неodarвинизма были рассмотрены в книге Филиппа Джонсона "Суд над Дарвином" (1993). Поскольку эволюция сама по себе является хорошо продуманным явлением, крайне маловероятно, что она могла произойти без руководства высшего разума. К ней вряд ли можно было бы применить знаменитое определение Ричарда Доукинса: "работа слепого часовщика". В эволюции существует слишком много фактов, несовместимых с таким пониманием природы.

Известно, что случайные мутации в генах, возникновение которых считается основным механизмом эволюции в теории неodarвинизма, в большинстве случаев являются пагубными, и поэтому они вряд ли могли бы послужить источником прогрессивных изменений в организмах. Более того, для появления новых видов потребовалось бы практически невероятное сочетание разнообразных и весьма специфических мутаций. В качестве примера можно привести эволюционный переход от рептилий к птицам, который потребовал наряду с другими факторами одновременного развития перьев, легких и полых костей и совершенно другого строения скелета. Во многих случаях традиционные формы, ведущие к появлению новых органов, не приводят к эволюционным преимуществам (например, частично развитый глаз) или являются нефункциональными (не полностью сформированные крылья).

Чтобы поставить в тупик последователей теории Дарвина, природа как нарочно поддержала развитие таких форм, которые уж никак не обладают эволюционными преимуществами. Например, красивый хвост павлина служит самцам этого вида для привлечения самок, но в то же время делает их более уязвимыми для хищников. Филипп Джонсон заметил, что такая ситуация гораздо более согласуется с концепцией разумного божественного творения, нежели с теорией Дарвина, ставящей в основу эволюции слепые силы материи. "На мой взгляд, павлин и пава - это лишь один из видов существ, к которым эксцентричный творец проявил благосклонность. Но такой безжалостный механический процесс, как естественный отбор, никогда бы не позволил этим существам развиваться".

Еще одним веским аргументом против дарвиновского толкования эволюции является анализ палеонтологических находок. Несмотря на попытки палеонтологов определить по ископаемым останкам древних животных связь между видами, им это никак не удавалось. По срезам ископаемого пласта признаков перехода от одного вида к другому не обнаруживалось. Основываясь на существующих научных данных, можно сказать, что идея происхождения жизни на нашей планете и развития богатого многообразия видов в результате действия случайных механических сил кажется во многом неправдоподобной. Трудно себе представить, что все это могло произойти без вмешательства и участия высшего разума.

Это приводит нас к самому важному моменту нашего обсуждения: к заявлению материалистической науки о том, что материя является единственной реальностью, а сознание - ее продукт. Этот тезис авторитетные ученые часто представляли как научный факт, истинность которого несомненна. Однако при более подробном изучении становится очевидно, что он ни в коей мере не является и никогда не был серьезным научным утверждением, но выдавал себя за таковое, являясь лишь метафизическим предположением. Это такое утверждение, которое не может быть доказано, и поэтому в нем отсутствует основное требование, предъявляемое к научной гипотезе, а именно возможность проверки.

СОЗНАНИЕ И МАТЕРИЯ

Разрыв между материей и сознанием настолько основателен и глубок, что трудно себе представить, чтобы сознание могло возникнуть как побочный результат сложных материальных процессов, происходящих в центральной нервной системе. У нас есть вполне достаточные клинические и экспериментальные данные, демонстрирующие глубокую взаимосвязь между анатомией, психологией, биохимическими процессами в мозгу и процессами, происходящими в сознании. Однако ни одно из этих открытий окончательно не доказывает, что сознание является порождением мозга. Теория происхождения сознания из материи воспринимается как очевидный факт, основанный на убеждении в том, что материя во вселенной была первичной. На протяжении всей истории никто не смог предложить ни убедительного объяснения того, как материя могла породить сознание, ни должного подхода к этой проблеме.

Позиция западной науки в отношении этого вопроса напоминает знаменитую суфийскую притчу.

Как-то раз один человек, проходя темной ночью мимо фонаря, увидел, как под ним кто-то ползает на коленках.

- Что ты здесь делаешь? Ты что-нибудь потерял? - спросил он ползающего под фонарем человека. И тот ответил:

- Я ищу ключ.

И прохожий предложил ему свою помощь. После длительных совместных попыток найти ключ прохожий понял, что надо как-то прояснить ситуацию, и спросил потерявшего:

- Ты хоть помнишь, где его потерял? Ответ был весьма неожиданным. Этот человек, показывая пальцем куда-то вдаль, за пределы освещенной фонарем территории, пробормотал:

- Кажется где-то там. Помощника это озадачило, и он задал следующий вопрос:

- Так почему же ты ищешь не там, а здесь?

- Да потому, что здесь светло, и я могу видеть, а там у меня все равно не было бы никаких шансов! - последовал ответ.

Точно так же материалистическая наука систематически избегала проблемы происхождения сознания, поскольку данная проблема не могла быть решена в контексте принятой концептуальной основы. Были и такие примеры, когда некоторые исследователи заявляли, что они нашли ответ на вопрос о связи мозга с сознанием, однако эти попытки при более тщательном рассмотрении оказывались несостоятельными. Самым последним примером такого рода является широко известная книга "Поразительная гипотеза британского физика и биохимика Фрэнсиса Крика" (1994), лауреата Нобелевской премии, которому наряду с Джеймсом Уотсоном принадлежит открытие химической структуры ДНК. Как он пишет в своей книге, "поразительная гипотеза" оказывается не чем иным, как новым утверждением основного метафизического положения материалистической науки: "Вы сами, ваши радости и печали, ваши воспоминания и стремления, ваше чувство личности и свободы воли на самом деле являются не более чем поведением огромного скопления нервных клеток и соответствующих им молекул".

Обращаясь к этому вопросу, Крик сначала упрощает проблему сознания, сводя ее к процессу зрительного восприятия. Затем он продолжает просматривать длинный перечень экспериментов, показывающих, что акт зрительного восприятия связан с деятельностью нейронов, принадлежащих оптической системе. В этом нет ничего нового: давно известно, что, когда мы смотрим на какой-либо объект, в сетчатке глаза, в зрительном канале и в затылочной части коры головного мозга происходят химические и электрические изменения. Более тщательные и подробные исследования и анализ этих процессов не привнесли ничего нового в раскрытие тайны: что же способно преобразовывать химические и электрические изменения, происходящие в коре головного мозга, в субъективно переживаемое, обоснованное факсимиле наблюдаемого объекта?

Материалистическая наука хочет, чтобы мы поверили в способность мозга самостоятельно переводить эти химические и электрические изменения в сознательное субъективное восприятие наблюдаемого материального объекта. Природа и механизм этого процесса неподвластны никакому научному анализу. Утверждение, что такая способность мозга возможна, скорее является не столько научным фактом, поддержанным прочными доказательствами, сколько грубой и неподтвержденной догадкой, основанной на метафизических предпосылках. В книге Крика приведены впечатляющие экспериментальные доказательства связи между сознанием и нейрофизиологическими процессами, но в ней никак не затрагивается самый важный вопрос, и, таким образом, мы снова возвращаемся к суфийской притче, упомянутой ранее.

Разумеется, идея о том, что сознание является продуктом мозга, не совсем произвольна. Как сам Крик, так и другие последователи этой идеи, дабы поддержать свою позицию, обычно ссылались на результаты многих нейрологических и психиатрических экспериментов, а также на множество весьма специфичных клинических наблюдений из области неврологии, нейрохирургии и психиатрии. Но когда мы ставим под сомнение это глубоко укоренившееся убеждение, означает ли это, что мы сомневаемся в правильности этих наблюдений? Очевидность тесной связи между анатомией мозга, нейрофизиологией и сознанием несомненна. Проблемой здесь является не природа представленных фактов, но их толкование, а также логика, применяемая при доказательствах и выводы, сделанные из этих наблюдений.

В то время как эти эксперименты ясно показывают, что сознание тесно связано с нейрофизиологическими и биохимическими процессами в мозгу, они очень мало касаются природы и происхождения сознания. Но все же имеются вполне достаточные свидетельства, утверждающие совершенно противоположное, а именно что сознание может при определенных обстоятельствах функционировать независимо от своего материального субстрата и демонстрировать функции, далеко выходящие за пределы возможностей мозга. Это наиболее четко иллюстрируется существованием переживаний вне тела (ПВТ). Они могут происходить либо спонтанно, либо в разнообразных способствующих им ситуациях, таких, как шаманский транс, психоделические сеансы, гипноз, эмпирическая психотерапия, а также присмертные ситуации.

Во всех вышеперечисленных ситуациях сознание может отделяться от тела и, свободно перемещаясь на любые расстояния, сохранять способность чувственного восприятия. Особенно интересны "переживания вне тела, отражающие действительные события", независимая проверка которых показала точность восприятия той или иной среды человеком, находившимся в таком состоянии. Существует много других видов трансперсональных явлений, дающих точную информацию о различных аспектах вселенной, которая прежде не могла быть ни получена, ни записана в мозгу.

Давайте теперь подробнее рассмотрим соответствующие клинические наблюдения и лабораторные эксперименты, а также толкования этих свидетельств традиционной наукой. Без сомнения, различные процессы, происходящие в мозгу, тесно соотносятся с особыми изменениями в сознании. Удар по голове, приводящий к сотрясению мозга и сжатию сонной артерии, ограничивает подачу кислорода в мозг, что может привести к потере сознания. Повреждение или опухоль височной доли мозга часто вызывает в сознании весьма характерные изменения, которые разительно отличаются от изменений, наблюдаемых у людей с патологическими процессами в передней доле мозга. Эти отличия настолько очевидны, что помогают неврологу определить, какая область мозга поражена патологическим процессом. Иногда такая проблема может быть решена удачным нейрохирургическим вмешательством, и тогда сознание человека возвращается к нормальному состоянию.

Эти факты зачастую представляют в доказательство того, что мозг является источником человеческого сознания. На первый взгляд эти наблюдения могут показаться впечатляющими и убедительными. Однако при более пристальном рассмотрении они перестают быть таковыми. Строго говоря, эти данные четко указывают, что изменения в деятельности мозга тесно и весьма особым образом связаны с изменениями в сознании, но почти ничего не говорят о природе сознания и о его происхождении, оставляя эти вопросы открытыми. Здесь, разумеется, можно подумать об альтернативном толковании, которое, используя те же данные, привело бы к совершенно иным выводам.

Проиллюстрировать это утверждение можно связью между телевизором и телевизионной программой. Здесь ситуация упрощена, поскольку подразумевает систему, которая создана человеком. Окончательная форма телепередачи, качество изображения и звука существенно зависят от исправности телевизора и целостности его деталей. Неисправности его деталей сопровождаются специфическими изменениями в качестве транслируемых передач. Одни неисправности приводят к искажениям формы, цвета или звука, другие - к помехам между каналами. Телевизионный мастер, подобно неврологу, использующему в качестве средств диагностики изменения в сознании, может, исходя из природы этих аномалий, определить, какой блок телевизора и какие его специфические компоненты неисправны. Когда выявлена причина, создающая проблему, искажения устраняются путем ремонта или замены соответствующих деталей.

Зная основные принципы устройства телевизора, мы понимаем, что телевизор не генерирует свои передачи и ничего в них не вкладывает: он просто передает их. Мы бы посмеялись над человеком, который в попытках определить, что же в телевизоре создает телепередачи, стал изучать все его транзисторы, цепи и провода. Даже если мы перенесем эти тщетные попытки на молекулярный, атомный или субатомный уровень, мы все равно не выясним, почему в определенное время на экране появляется мультфильм про Микки Мауса, сериал "Звездный путь" или фильм, ставший классикой Голливуда. Да, работа телевизора и качество передачи тесно связаны, но это вовсе не означает, что секрет передачи целиком заключен в самом телевизоре. Однако именно такое заключение о связи мозга с сознанием сделала традиционная материалистическая наука.

Итак, западная материалистическая наука оказалась неспособна привести убедительные доказательства, что сознание есть продукт нейрофизиологических процессов в мозгу. Она

сумела удержать свои позиции только путем сопротивления, цензуры и даже высмеивания обширных наблюдений, указывающих на то, что сознание может существовать и функционировать независимо от тела и физических чувств. Такие доказательства приходят из парапсихологии, антропологии, исследований с применением ЛСД, эмпирической терапии, танатологии и изучения спонтанно возникающих необычных состояний сознания. Все эти дисциплины накопили впечатляющую информацию, недвусмысленно свидетельствующую, что человеческое сознание способно делать многие вещи, которые мозгу (как его понимает традиционная наука) едва ли под силу.

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Авторитет материалистической науки в современном обществе сделал атеизм самой влиятельной идеологией индустриального мира. И хотя в последние десятилетия эта тенденция начала менять направление, вместе с научным прогрессом численность людей, серьезно практикующих религию и считающих себя верующими, значительно сократилась. Поскольку развитое общество находится во власти чар материалистической науки, даже верующим зачастую бывает трудно избежать подрывающего и дискредитирующего влияния, которое наука оказывает на религию. Люди, выросшие в религиозной среде, но получившие научное образование, зачастую отвергают религию, так как начинают считать любые духовные притязания примитивными и необоснованными.

Организованная религия, лишенная эмпирической компоненты, во многом утратила связь со своим глубоким духовным истоком и в итоге стала пустой, бессмысленной и все более оторванной от нашей жизни. Во многих случаях на смену живой духовности, основанной на личном переживании, пришли догматизм, ритуализм и морализаторство. Воинствующие приверженцы официальной религии настаивают на буквальной вере в экзотерические версии духовных текстов, которые для современного образованного ума выглядят наивными и нелепо-иррациональными. Ситуацию усугубляет несостоятельность взглядов религиозных авторитетов на целый ряд важных проблем современной жизни. Например, отказ женщинам в праве на духовный сан идет вразрез с демократическими ценностями, а запрет на применение противозачаточных средств перед лицом таких опасностей, как СПИД и перенаселение, абсурден и во многом безответствен.

Если рассмотреть описания вселенной, природы и человека в материалистической науке, то становится ясно, что они резко противоречат отражению этих аспектов в писаниях великих мировых религий. Истории о сотворении мира, о происхождении человечества, о непорочном зачатии, о смерти и возрождении божественных личностей, об искушении демоническими силами и о суде над умершими, воспринимаемые буквально и оцененные на основе критериев различных научных дисциплин, отнесены теперь к числу сказок или помещены в справочнике по психиатрии. Примирить такие понятия, как Космическое Сознание, перевоплощение или духовное просветление, с базовыми положениями материалистической науки чрезвычайно трудно. Однако если науку и религию понимать правильно, то между ними можно перебросить мост.

Как мы уже видели, путаница в этой области обусловлена главным образом серьезным непониманием природы и функции науки и научных теорий. То, что нам преподносят как научное опровержение духовных реальностей, зачастую основывается скорее на наукообразной аргументации, а не науке как таковой. Дополнительный источник ненужных проблем, касающихся религии, - серьезное непонимание и неправильное толкование духовного символизма священных писаний. Этот подход характерен для фундаменталистских движений в официальных религиях.

Когда наукообразие и фундаментализм сталкиваются друг с другом, то ни та ни другая сторона, похоже, не отдает себе отчета в том, что многие пассажи духовных писаний, вокруг которых возникают разногласия, следует понимать не как ссылки на конкретных персонажей, географические места и исторические события, но как отчет о трансперсональных переживаниях. Научные описания вселенной и истории в религиозных текстах не относятся к одним и тем же реальностям и не претендуют на одну и ту же территорию. Как подчеркивал мифолог Джозеф Кэмпбелл, "непорочное зачатие не проблема для гинекологов, а Земля обетованная не объект недвижимости".

Современные астрономы не обнаружили изображений Бога и ангелов на фотографиях, сделанных с использованием самых лучших телескопов, но это отнюдь не является научным доказательством того, что их не существует. Подобным образом и знание о том, что земля внутри состоит из жидкого железа и никеля, никоим образом не опровергает

существования низшего мира и ада. Духовный символизм не соотносится с происходящим в материальном мире нашей повседневной реальности, но точно отображает события и реальности, переживаемые нами в необычных состояниях сознания. Олдос Хаксли очень удачно сформулировал это в своем блестящем эссе "Рай и ад" (Huxley 1959). Есть лишь один научный подход к духовности - исследование сознания, сосредоточенное на систематическом и неуклонном изучении его необычных состояний.

Многие ученые используют понятийный аппарат современной науки способом, напоминающим скорее манипуляции религиозных фундаменталистов. Они ошибочно провозглашают его окончательным описанием реальности и потому авторитарно подвергают цензуре и замалчиванию все наблюдения, которые бросают вызов его базовым положениям. Взгляды материалистической науки явно несовместимы с теологиями официальных религий, и авторитет, которым наука пользуется в нашем обществе, безусловно, способствует этой несовместимости. Поскольку большинство людей в нашей культуре не осознают различия между религией и духовностью, разрушительное влияние такого рода "науки" не только отражается на религии, но распространяется и на всю духовную деятельность. Если мы хотим достичь ясности в основных вопросах, касающихся этого конфликта, важно провести четкое различие не только между наукой и наукообразием, но и между религией и духовностью.

ДУХОВНОСТЬ И РЕЛИГИЯ

Неумение отличить духовность от религии - по всей видимости, самый главный источник неправильного понимания взаимосвязи науки и религии. Духовность базируется на прямых переживаниях необычных измерений реальности и необязательно требует, чтобы контакт с божественным осуществлялся в особом месте или через официально назначенное лицо. Он подразумевает особые отношения между индивидом и космосом и по сути своей является личным, приватным делом. Мистики основывают свои убеждения на эмпирических свидетельствах. Они не нуждаются в церквях и храмах: среда, в которой они переживают священные измерения реальности, включая свое божество, - это их тело и природа, а вместо священника им нужна поддержка группы соискателей или же руководство учителя, который обладает большим опытом во внутреннем путешествии, чем они сами.

Колыбелью всех великих религий были провидческие переживания их основоположников, пророков, святых и даже обычных верующих. Все величайшие духовные писания (веды, упанишады, буддийский палийский канон, Библия, Коран, "Книга Мормона" и многие другие) основаны на непосредственных личных откровениях. Как только религия становится организованной, она нередко совершенно утрачивает связь с духовным истоком и превращается в светский институт, эксплуатирующий духовные потребности человека, не удовлетворяя их. Вместо этого она создает иерархическую систему, сосредоточенную на погоне за властью, контролем, политикой, деньгами, собственностью и прочими мирскими интересами.

Организованная религия является статуированной групповой деятельностью, происходящей в установленном месте (в храме или церкви), и включает систему назначенных служителей, и здесь неважно, имели они личные переживания духовных реальностей или нет. Религиозная иерархия, из опасения, что ее члены обретут независимость и их станет невозможно контролировать, стремится активно порицать и подавлять их духовные переживания. В такой обстановке подлинная духовная жизнь продолжается лишь в мистических ответвлениях, монашеских орденах и экстатических системах, входящих в ту или иную религию.

Нет сомнения, что догмы организованных религий в корне противоречат науке, независимо о того, использует ли последняя ньютоново-картезианскую модель или же основывается на новой парадигме. Однако касательно духовных переживаний ситуация во многом отлична. За последние двадцать пять лет систематическое изучение этих переживаний стало главным средоточием особой дисциплины, называемой "трансперсональной психологией". Духовные переживания, как и любой другой аспект реальности, могут изучаться научно; их возможно подвергнуть тщательному непредвзятому исследованию. Что ненаучного в беспристрастном и строгом изучении самих этих феноменов и их несоответствия материалистическому пониманию мира? Самым спорным вопросом здесь является природа и онтологический статус мистических переживаний.

Открывают ли они глубокую истину о некоторых основополагающих аспектах жизни или же представляют собой продукт суеверия, фантазии и душевной болезни?

Главное препятствие в изучении трансперсональных переживаний заключается в том, что традиционная психология и психиатрия находятся во власти материалистической философии и не обладают истинным пониманием религии и духовности. В своем подчеркнутом отрицании религии они не проводят различий между верованиями примитивных народов или буквальными фундамен-талистскими толкованиями священных писаний, с одной стороны, и сложнейшими мистическими традициями или духовными философскими учениями Востока - с другой. Западная материалистическая наука огульно отрицала любые духовные понятия и виды деятельности, включая и те, что основаны на многовековом систематическом интроспективном исследовании психики. Многие из великих мистических традиций разработали особые методы вызова духовных переживаний и соединения наблюдение и теорию примерно так же, как это делает современная наука.

Крайним примером такого неразличения является то, что западная наука отвергает тантру - систему, предлагающую необычное духовное видение бытия в контексте всеохватного и сложного научного мировоззрения. Ученые-тантристы разработали глубокую концепцию вселенной, во многом подтвержденную современной наукой. Она включала сложные модели пространства и времени, понятие "Большого взрыва", а также такие элементы, как гелиоцентрическая система, межпланетное притяжение, сферическая форма Земли и планет и энтропия.

Дополнительные достижения тантры - продвинутая математика, десятичное счисление и введение нуля. Тантра обладала глубокой теорией психологии и эмпирическим методом, основанным на картах тонкого энергетического тела, где указаны психические центры (чакры) и каналы (нади). В тантре разработаны изысканное абстрактное и фигуративное духовное искусство, а также сложная система обрядов (Mookerjee and Khanna 1977).

КАКОЙ ВИДИТ РЕЛИГИЮ ПСИХИАТРИЯ

С точки зрения западной академической науки материалистический мир есть единственная реальность, а любая форма духовных убеждений отражает недостаток образования, примитивное суеверие, магическое мышление или возврат к инфантильным моделям деятельности. Вера в какую-либо форму существования после смерти не только опровергалась, но и зачастую подвергалась насмешкам. С материалистической позиции совершенно ясно и неоспоримо, что смерть тела, и особенно мозга, есть прекращение всякой формы сознательной деятельности. Вера в посмертное странствие души, в жизнь после смерти или перевоплощение - всего лишь мечтания людей, неспособных принять биологический императив смерти.

В нашей культуре людей, имеющих непосредственные переживания духовных реальностей, считают душевнобольными. Официальная психиатрия не делает различий между мистическими и психотическими переживаниями, считая то и другое проявлением психоза. Из всех оценок мистицизма, высказанных официальными академическими кругами, самой мягкой был отчет Комитета по психиатрии и религии, являвшегося частью Группы продвижения психиатрии. Этот документ, опубликованный в 1976 году, носил название "Мистицизм: духовные искания или психическое расстройство?" и признал, что мистицизм возможно, представляет собой феномен, находящийся на грани между нормальным состоянием психики и психозом.

В сложившейся ныне ситуации ученым с традиционным образованием даже намек на то, что духовные переживания заслуживают серьезного изучения и критического анализа, представляется абсурдом. Серьезный интерес к этой области могут расценить как признак слабости суждения, что способно подорвать профессиональную репутацию исследователя. На самом же деле нет ни одного научного "доказательства" тому, что духовного измерения не существует. Отрицание его существования - в принципе всего лишь метафизическое положение западной науки, опирающееся на неправильное применение устаревшей парадигмы. Фактически же изучение холотропных состояний вообще и трансперсональных переживаний в частности дает нам более чем достаточно информации, свидетельствующей, что мы с полным правом можем постулировать существование духовного измерения (Grof 1985, 1988).

Сильные личные переживания визионеров - божественные прозрения пророков, мистиков и святых - легли в основу всех великих религий мира. Эти переживания, открывающие существование священных измерений реальности, были вдохновенным и

животворным источником всех религиозных движений. Будду Гаутаму, медитирующего под деревом бодхи, постигло яркое визионерское переживание Кама-Мары - мастера иллюзий мира, его трех обольстительных дочерей, пытавшихся отвлечь Будду от духовной цели, и грозных его полчищ, старавшихся запугать Будду и помешать достижению просветления. Будда успешно преодолел все эти препятствия и достиг просветления и духовной пробужденности. В другом случае Будда, также созерцая, увидел длинную цепь своих прошлых воплощений и испытал глубинное освобождение от кармических оков.

"Чудесное путешествие" Мухаммеда - мощное провидческое состояние, во время которого архангел Гавриил провел его через семь мусульманских небес, Рай и Ад, - послужило вдохновением для Корана и исламской религии. В иудео-христианской традиции Ветхий Завет предлагает драматическое повествование о том, как Моисею открылся Яхве в пылающем терновом кусте, а в Новом Завете описывается искушение Иисуса дьяволом в пустыне. Подобно этому ослепительное видение Христа, представшее Савлу на пути в Дамаск, апокалиптическое Откровение Иоанна Богослова в пещере на острове Патмос и многие другие эпизоды определенно являются трансперсональными переживаниями, происходящими в необычных состояниях сознания. В Библии есть множество других примеров непосредственного общения с Богом и ангелами. Описания искушений св. Антония и провидческие переживания других святых и отцов-пустынников представляют собой документально подтвержденные факты христианской истории.

Западные психиатры истолковывают такие провидческие переживания как симптомы серьезных психических заболеваний, хотя и не имеют адекватного медицинского объяснения и лабораторных данных, подкрепляющих такую позицию. Литература по официальной психиатрии содержит статьи и книги, дискутирующие вопрос о том, какой клинический диагноз можно поставить тому или иному великому деятелю духовной истории. Св. Хуан де ла Крус назван "наследственным дегенератом", св. Тереза Авильская - "истерической психопаткой", а мистические переживания Мухаммеда отнесли на счет эпилепсии.

Многих других религиозных и духовных деятелей, таких, как Будда, Иисус, Рамакришна и Шри Рамана Махарши, только из-за их визионерских переживаний считали больными психозом. Точно также некоторые антропологи-традиционалисты спорили о том, какое заболевание следует диагностировать у шаманов - шизофрению, вялотекущий психоз, эпилепсию или истерию. Известный психоаналитик Франц Александер, прославившийся как один из основоположников психосоматической медицины, написал статью, где даже буддийская медитация описывается в терминах психопатологии и именуется "искусственной кататонией" (Aleksander 1931).

Религия и духовность были в истории человечества и цивилизации чрезвычайно важными силами. Будь визионерские переживания основоположников религий всего лишь продуктом патологии мозга, трудно было бы объяснить и глубокое воздействие, которое они оказывают на людей в течение многих веков, и архитектуру, живопись, скульптуру, и литературу, вдохновленную ими. Нет ни одной древней или доиндустриальной культуры, где бы ритуальная и духовная жизнь не играли центральной роли. Таким образом, современная западная психиатрия и психология считают патологией не только духовную, но и культурную жизнь всех человеческих сообществ, существовавших на протяжении веков, делая исключение лишь для образованной элиты западной индустриальной цивилизаций, разделяющей материалистическое мировоззрение.

Такая позиция современной психиатрии по отношению к духовным переживаниям создает в нашем обществе еще и значительный раскол. В Соединенных Штатах религия официально признана и защищена законом, и определенные круги даже содействуют ее процветанию. В каждом номере каждого мотеля лежит Библия, политики в каждой своей речи - на словах - поминают Бога, коллективная молитва даже является частью церемонии инаугурации президента. Однако в свете материалистической науки религиозные люди считаются необразованными, страдающими коллективными заблуждениями или эмоционально незрелыми.

А если какой-либо человек, принадлежащий к нашей культуре, достигнет духовного переживания, подобного тем, что вдохновляли все мировые религии, то средний священнослужитель вполне пошлет его к психиатру. Во многих случаях люди, которых по причине интенсивных духовных переживаний помещали в психиатрические лечебницы, подвергались лечению транквилизаторами или даже шоковой терапией и на всю жизнь получали ярлык психопатологического диагноза.

ХОЛОТРОПНЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ И ОБРАЗ РЕАЛЬНОСТИ

Различия в понимании природы, вселенной, людей и сознания западной наукой и древними и доиндустриальными обществами обычно объясняются в терминах превосходства материалистической науки над суевериями и примитивным магическим мышлением туземных культур. Однако тщательный анализ данной ситуации показывает, что причина этого различия не в превосходстве западной науки, а в невежестве и наивности индустриальных обществ касательно холотропных состояний сознания.

Все доиндустриальные культуры высоко ценили эти состояния и тратили много времени и сил на разработку эффективных и безопасных способов их вызова. Они обладали глубоким знанием об этих состояниях, систематически их культивировали и использовали в качестве главного инструмента ритуальной и духовной жизни. Мировоззрения этих культур отражали не только переживания и наблюдения, сделанные в обычном состоянии сознания, но также и те, что явились в глубоких визионерских состояниях. Современные исследования сознания и трансперсональная психология показали, что многие из этих переживаний действительно раскрывают те измерения реальности, которые обычно от нас скрыты, а следовательно, их никак нельзя назвать патологическими.

В визионерских состояниях переживания иных реальностей и нового видения нашей повседневной жизни настолько убедительны и бесспорны, что людям, их имевшим, остается только включить их в свое мировоззрение. Следовательно, идеологически разделяет эти две группы - туземные культуры и развитые общества - именно эмпирическая открытость трансперсональным переживаниям, с одной стороны, и отсутствие таковой - с другой. Мне еще ни разу не встречался человек, который, пройдя через переживание трансперсональных сфер, продолжал бы подписываться под мировоззрением западной материалистической науки. Это развитие никак не зависит ни от уровня интеллекта, ни от вида и степени образования, ни от профессионального уровня человека.

ХОЛОТРОПНЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

В этой книге мы исследовали холотропные состояния сознания, их природу, содержание и глубокое воздействие на мировоззрение, систему ценностей и стратегию жизни. То, что мы узнали о холотропных переживаниях, проливает совершенно новый свет на духовную историю человечества, показывая, что духовность есть чрезвычайно важное измерение человеческой психики и бытия, а также изымает истинную религию из контекста патологии, куда она была отнесена материалистической наукой.

В человеческой истории все культуры, за исключением западной индустриальной цивилизации, высоко ценили холотропные состояния сознания и вызывали их всякий раз, когда хотели соприкоснуться со своими божествами, иными измерениями реальности и силами природы. Они также использовали их для диагностики и лечения болезней, развития экстрасенсорного восприятия и творческого вдохновения. Эти культуры много сил и времени отводили разработкам безопасных и эффективных методов вызова таких состояний. Как мы уже говорили во введении к этой книге, "технологии священного" - методы изменения сознания, разработанные древними и туземными культурами в ритуальных и духовных целях, - варьировались от шаманских приемов вхождения в транс до сложных практик различных мистических традиций и духовно-философских учений Востока.

Практика холотропных состояний восходит к самым началам человеческой истории. Она - самая характерная черта шаманизма, древнейшей религии человечества, включающей искусство целительства. Холотропные состояния тесно связаны с шаманизмом, и эта важная связь выражается несколькими способами. Карьера многих шаманов начинается со спонтанных эпизодов визионерских состояний, или психодуховных кризисов, которые антропологи с типичным западным предубеждением называют "шаманской болезнью". Другие шаманы получают "профессию" через посвящение у практикующих шаманов, тогда аналогичные переживания вызываются мощными процедурами изменения сознания, "технологиями священного" (религиозными обрядами), в частности стучанием в бубен, трещотками, монотонным пением, танцами или растениями-психоделиками. Искусные шаманы умеют входить в холотропное состояние по своей воле и контролировать этот процесс. Они пользуются им для целительства, экстрасенсорного восприятия, исследования иных измерений реальности и пр. Они могут также вызывать его у своих соплеменников и обеспечивать им необходимое руководство.

Происхождение шаманизма теряется в глубине веков. Ему, вероятно, по меньшей мере от тридцати до сорока тысяч лет, и своими корнями он уходит в эпоху палеолита. Стены знаменитых пещер Южной Франции и Северной Испании, таких, как Ляско, Фон-Де-Гом, пещера Трех Братьев, Альтамира и др., расписаны прекрасными изображениями животных. Большинство из них представляют собой виды, которые фактически населяли ландшафты каменного века - бизонов, диких лошадей, каменных козлов, мамонтов, волков, носорогов и оленей. Однако другие животные, такие, как, например, "чудесный зверь" в пещере Ляско, являются мифическими существами и определенно имеют магическое и ритуальное назначение. В нескольких пещерах есть рисунки и рельефы странных фигур, которые сочетают в себе черты человека и животного и, вне всяких сомнений, изображают древних шаманов.

Самое известное из таких изображений - "Колдун" из пещеры Трех Братьев, таинственная, сложная фигура, объединяющая в себе различные мужские символы. У этой фигуры имеются рога оленя, глаза совы, хвост дикой лошади или волка, борода и пенис человека и лапы льва. Еще один знаменитый рельеф, изображающий шамана, в том же самом пещерном комплексе - это "Владыка зверей", который правит Землями Удачной Охоты, изобилующими удивительными животными. Также широко известной является сцена охоты, на стене пещеры Ляско. Здесь изображены раненый бизон и лежащая фигура шамана с пенисом в состоянии эрекции. Грот под названием Ла-Габиллу скрывает рельефное изображение фигуры шамана в движении, археологи называют его "танцором". Вдобавок на глиняном полу одной из пещер исследователи обнаружили отпечатки ног, расположенные по кругу. Это наводит на мысль, что ее обитатели исполняли танцы вроде тех, что по сей день исполняются во многих туземных культурах для вызова трансовых состояний.

Шаманизм не только древен - он универсален; его можно обнаружить в Северной и Южной Америке, Европе, Африке, Азии, Австралии, Микронезии и Полинезии. Тот факт, что множество различных культур на протяжении человеческой истории находило шаманские техники полезными и необходимыми, свидетельствует, что в холотропных состояниях задействуется "первичное сознание", как его называют антропологи, - основополагающий и изначальный аспект человеческой психики, который выходит за пределы расы, пола, культуры и исторического времени. В культурах, избежавших сильного влияния западной индустриальной цивилизации, шаманские техники и процедуры дожили до сегодняшнего дня.

В большинстве примитивных обществ обрядовая и духовная жизнь практически равнозначна работе с холотропными состояниями сознания в контексте ритуалов целительства и различных других сакральных церемоний, проводимых с разными целями и в различных случаях. Особенно важны так называемые ритуалы перехода, которым впервые дал определение и описание голландский антрополог Арнольд ван Геннеп (van Gennep 1960). Эти мощные ритуалы проводились в различных доиндустриальных культурах во время важных биологических и социальных переходов, таких, как обрезание, половое созревание, брак, рождение ребенка, менопауза и смерть.

Как и в шаманских обрядах, в ритуалах перехода используются сильнодействующие методы изменения сознания. Посвящаемые проходят через глубокие трансперсональные переживания, сосредоточенные вокруг психодуховной смерти и возрождения. Истолковывается это как умирание в старой роли и возрождение в новой. Например, в одной из самых важных церемоний такого рода - ритуале, отмечающем половое созревание, - психологическая смерть и возрождение подростков понимаются как смерть мальчиков и девочек и рождение взрослых мужчин и женщин. Важной функцией подобных ритуалов является также обеспечение эмпирического доступа к трансцендентной сфере, утверждение групповой космологии и мифологии и установление или поддержание связи индивида с другими реальностями.

Холотропные состояния сознания играли решающую роль и в древних мистериях смерти и возрождения - сакральных таинствах, в которых посвящаемые переживали мощное психодуховное преобразование. Эти мистерии были основаны на мифологических повествованиях о божествах, символизирующих смерть и преобразование. У древних шумеров это были Инанна и Таммуз, у египтян - Исида и Осирис, у греков - Аттис, Адонис, Вакх и Персефона. Их центральноамериканскими параллелями были ацтекский Кецалькоатль, или Пернатый Змей, и Близнецы-Герои из майяского эпоса "Пополь-Вух". Такие мистерии были широко распространены в странах Средиземноморья и на Среднем

Востоке, примером чему служат шумерские и египетские храмовые посвящения, мистерии митраизма или греческие ритуалы корибантов, вакханалии и элевсинские мистерии.

Впечатляющим свидетельством в пользу силы и воздействия подобных переживаний является тот факт, что элевсинские мистерии проводились регулярно и непрерывно в течение почти двух тысяч лет и всегда привлекали выдающихся людей всего античного мира. Культурная значимость этих мистерий для древнего мира становится очевидна, когда мы узнаем, что среди посвященных были многие знаменитые и прославленные деятели античности. В список неофитов входили философы Платон, Аристотель и Эпиктет, полководец Алкивиад, драматурги Еврипид и Софокл, поэт Пиндар. Известный государственный деятель Цицерон, участвовавший в этих мистериях, замечательно описал их роль в античной цивилизации в своей книге "О законах" (Cicero 1987).

В телестерионе (огромном зале для посвящений в Элевсине) три тысячи мистов-неофитов одновременно переживали глубокое психодуховное преобразование. Участие такого огромного числа людей, включая выдающихся философов, художников и государственных деятелей, удивительным образом повлияло на греческую культуру, а значит, и на историю европейской культуры вообще. Поистине удивительно, что этот важный аспект античного мира остался во многом не признан историками.

Специфика процедур изменения сознания, включенных в эти таинства, осталась большей частью неизвестна, хотя вполне вероятно, что священное питье кикеон, игравшее важную роль в элевсинских мистериях, являлось отваром, содержащим алкалоиды спорыньи и сходным с ЛСД (Wasson, Hofmann, and Ruck 1978), и что те же психоделические вещества включались и в вакханалии и другие ритуалы. Какие бы "технологии священного" ни использовались в Элевсине, их воздействие на психику мистов было настолько глубоко, что они оставались в центре внимания на протяжении почти двух тысячелетий.

Холотропные состояния играли важную роль и в великих религиях мира. Как я уже говорил, визионерские переживания основоположников послужили живым источником, вдохновившим эти религии. Изначальные переживания были в той или иной степени спонтанны и стихийны, но на протяжении своей истории многие религии разработали сложные процедуры, специально предназначенные для вызова мистических переживаний. К таким процедурам относятся, например, различные методы йоги, медитации випассаны, дзен и тибетского буддизма, равно как и духовные упражнения даосской традиции и сложные тантрийские ритуалы. Мы могли бы добавить сюда различные методы, разработанные суфиями, исламскими мистиками. В своих священных церемониях, или зикрах, они регулярно использовали усиленное дыхание, религиозные песнопения и танцев-верчение, вызывающий состояние транса. Из иудео-христианской традиции можно упомянуть здесь дыхательные упражнения ессеев и их крещение, когда человека погружали в воду и топили до полусмерти, христианскую Иисусову молитву (исихазм), практики Игнатия Лойолы, а также различные каббалистические и хасидские процедуры. Методы, предназначенные для того, чтобы вызывать непосредственные духовные переживания и способствовать их развитию, характерны для всех мистических ответвлений великих религий и их монашеских орденов.

Особенно эффективным средством вызова холотропных состояний сознания было ритуальное использование психоделических растений и веществ. Знание об этих сильнодействующих средствах восходит к самой древней человеческой истории. В китайской медицине упоминания о растениях-психоделиках относятся к периоду почти трехтысячелетней давности. Легендарный божественный напиток, известный из древнеперсидской "Зенд-Авесты" как хаома, а в Индии как сома, использовался индо-иранскими племенами несколько тысячелетий назад и, по всей видимости, был важнейшим источником ведической религии и философии.

В странах Востока, Африки и Карибского бассейна снадобья из конопли разных видов курили и вкушали под различными названиями (гашиш, чарас, бханг, ганжа, киф, марихуана) не только для восстановления сил, для удовольствия и во время религиозных церемоний. Они считались священными у столь разных религиозных групп, как брахманисты, определенные суфийские ордена, древние скифы и ямайские растафариане.

В Центральной Америке церемониальное использование различных психоделических веществ тоже имеет длинную историю. Высокоэффективные растения, изменяющие состояние сознания, были широко известны в нескольких доиспанских индейских культурах - у ацтеков, майя, ольмеков и мацатеков. Самыми известными среди них были кактус *пейот*, или *месхал* (*Anhalonium Lewinii*), священный гриб *теонанакатль* (*Psilocybe*

mexicana) и *ололиуки* - семена различных видов вьюнка пурпурного (*Ipomoea violacea* и *Turbina corymbosa*). Эти субстанции по сей день используются как священные мацатеками, уичолами, чичемеками, цора и другими племенами мексиканских индейцев, а также Церковью американских индейцев.

Небезызвестная южноамериканская *йаге*, или *аяхуаска*, представляет собой отвар из произрастающей в джунглях лианы (*Banisteriopsis caapi*) с некоторыми растительными же добавками. Амазония также известна множеством нюхательных психоделических снадобий. Туземные племена Африки жуют и вдыхают снадобья, приготовленные из коры кустарника *эбога* (*Tabernanthe iboga*). Они употребляют их в небольших количествах как стимуляторы, а в больших дозах - во время ритуалов посвящения для мужчин и женщин. В перечне, приведенном выше, упомянута лишь малая часть составов, которые использовались на протяжении многих веков в ритуальной и духовной жизни различных человеческих сообществ по всему миру.

ХОЛОТРОПНЫЕ СОСТОЯНИЯ В ИСТОРИИ ПСИХИАТРИИ

Холотропные состояния сознания сыграли очень важную роль в развитии глубинной психологии и психотерапии. Большинство книг об этом движении относят его начало к экспериментам австрийского врача и мистика Франца Антона Месмера. Хотя сам Месмер относил изменения в сознании, переживаемые его пациентами, к "животному магнетизму", его знаменитые парижские опыты подготовили почву для обширной работы с клиническим гипнозом. Сеансы гипноза, которые в парижской больнице Сальпетриер проводил с больными истерией Жан Мартен Шарко, а также исследование гипноза, которым занимались в Нанси Ипполит Бернгейм и Амбруаз Огюст Льебо, оказали серьезное воздействие на профессиональное развитие Зигмунда Фрейда.

Во время учебной поездки во Францию Фрейд посетил Шарко и группу в Нанси, где научился использованию гипноза. Он применял это умение в своих ранних исследованиях бессознательного у пациентов. Однако холотропные состояния в истории психоанализа сыграли важную роль совсем иначе. Ранние аналитические рассуждения Фрейда были вдохновлены работой с одной пациенткой, которая страдала истерией и которую он лечил совместно со своим другом Йозефом Бройером. Эта пациентка (Фрейд в своих работах называет ее Анна О.) эпизодически переживала спонтанные холотропные состояния, в которых она психологически постоянно возвращалась в детство. Возможность наблюдать переживание травматических воспоминаний, происходившее в этих состояниях, а также психотерапевтические результаты этого процесса оказали на идеи Фрейда глубокое влияние.

По многим причинам Фрейд позднее радикально изменил свою стратегию. Он отказался от гипноза и переместил акцент с непосредственных переживаний на свободные ассоциации, с действительной травмы на фантазии эдипова комплекса, с сознательного переживания и эмоционального отреагирования бессознательного материала на динамику переноса. Оглядываясь назад, можно сказать, что эти перемены были неудачны: они ограничили западную психотерапию и задали ей на последующие пятьдесят лет ложное направление (Ross 1989). В результате психотерапия первой половины XX века стала практически синонимом беседы - разговорами один на один, свободными ассоциациями психоанализа и снятием поведенческих обусловленностей.

Как только психоанализ и другие формы вербальной психотерапии набрали силу и завоевали репутацию, статус непосредственного эмпирического доступа к бессознательному драматически изменился. Холотропные состояния, ранее считавшиеся потенциально лечебными и способными предоставить ценную информацию о человеческой психике, стали связываться с патологией. С тех пор основным методом лечения этих состояний, если они возникают спонтанно, стало их подавление любыми средствами. Прошло много лет, прежде чем специалисты начали вновь открывать ценность холотропных состояний и непосредственных эмоциональных переживаний.

ХОЛОТРОПНЫЕ СОСТОЯНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЗНАНИЯ

Возрождение профессионального интереса к холотропным состояниям проявилось к началу 50-х гг., когда, вскоре после открытия ЛСД-25, возникла психоделическая терапия. Оно продолжалось и далее, вместе с новыми революционными разработками в психологии и психотерапии. Группа американских психологов и психиатров, глубоко разочарованных в

бихевиоризме и фрейдовском психоанализе, почувствовала и сформулировала необходимость в новой ориентации. На этот призыв откликнулись Абрахам Маслоу и Энтони Сутич, которые заложили основы нового ответвления в психологии - гуманистической психологии. Это направление быстро обрело популярность.

Гуманистическая психология обеспечила базу для развития широкого спектра новых психотерапевтических методов. В отличие от традиционных методов психотерапии, использующих преимущественно вербальные средства и интеллектуальный анализ, эти новые так называемые методы эмпирической терапии делали акцент на непосредственном переживании и выражении эмоций. Неотъемлемой частью этого процесса были различные формы телесной работы. По сей день одним из самых популярных методов, который широко используется прежде всего за пределами академических кругов, является гештальттерапия Фрица Перлза (Perls 1976).

Несмотря на эти существенные отклонения от традиционных стратегий психотерапии, большая часть приемов эмпирической терапии по-прежнему в значительной степени основывалась на вербальном общении и требовала, чтобы пациент находился в обычном состоянии сознания. Однако некоторые из новых подходов были настолько действенны, что могли вызывать в сознании пациента глубокие изменения. Кроме психоделической терапии к этой категории относятся некоторые неорайхианские техники, первичная терапия, реберфинг, холотропное дыхание и др.

Хотя эти эмпирические методы еще не приняты официальными академическими кругами, с их развитием и использованием началась новая глава в истории психотерапии. Они тесно соотносятся с древними и туземными психодуховными технологиями, которые играли существенную роль в ритуальной, духовной и культурной истории человечества. Если в будущем эти методы будут приняты и их ценность признана, они непременно произведут революцию в теории и практике психиатрии.

Во второй половине нашего столетия значительный вклад в технологию вызова холотропных состояний внесла не только клиническая работа, но и лабораторные исследования. Биохимики сумели выявить активные алкалоиды во многих растениях-психоделиках и воссоздать их в лабораторных условиях. Наиболее известными среди них являются *мескалин*, содержащийся в пейоте (мескале), *псилоцибин*, содержащийся в чудодейственных мексиканских грибах, и *ибогаин*, получаемый из африканского кустарника ибоба. Менее известным, но также важным считается *гармалин*, присутствующий в аяхуаске, *тетрагидроканнабинол* (ТГК), содержащийся в гашише, а также *производные триптамина*, обнаруженные в южноамериканских нюхательных снадобьях и в кожных железах особых видов жаб.

Химические исследования добавили к уже существующему богатому арсеналу чрезвычайно сильное полусинтетическое вещество ЛСД-25, а также множество синтетических веществ, в частности МДА, МДМА (Экстази), и другие производные амфетаминов. Это позволило в широком масштабе систематически проводить клинические и лабораторные исследования действия этих компонентов и изучать вызываемые ими физиологические, биохимические и психологические процессы.

Очень эффективным способом вызова холотропных состояний является сенсорная изоляция, подразумевающая значительное сокращение важных сенсорных стимулов. Крайняя ее форма представляет собой погружение пациента в большой, совершенно темный и акустически изолированный резервуар, причем лицо испытуемого закрывают специальной маской с трубкой для подачи воздуха. Сходным образом лишение сна и даже лишение сновидений могут вызвать глубокие изменения в сознании. Лишения сновидений без лишения сна можно достичь, если человека, участвующего в эксперименте, будить каждый раз, когда фаза быстрых движений глаз (БДГ) указывает на то, что он видит сон. Кроме того, существуют лабораторные приборы, дающие возможность индуцировать яркие сновидения.

Другой хорошо известный лабораторный метод изменения сознания - это биологическая обратная связь, процедура, позволяющая с помощью электронных сигналов направить человека в особые эмпирические сферы, для которых характерно преобладание определенных частот мозговых волн. Быстро растущий рынок в настоящее время предлагает богатый спектр приспособлений для изменения сознания, которые могут индуцировать холотропные состояния сознания, сочетая различным образом акустические, оптические и кинестетические стимулы. Перечень новых путей в исследовании сознания будет неполным, если не упомянуть танатологию, дисциплину, сосредоточенную на

изучении присмертных переживаний. Танатологические исследования стали источником ряда самых замечательных наблюдений в трансперсональной сфере.

Возрождение интереса к холотропным состояниям, наблюдаемое в последние десятилетия, способствовало накоплению огромного объема революционных данных. Исследователи различных сфер сознания собрали впечатляющие свидетельства, которые бросают серьезный вызов теориям материалистической науки относительно природы сознания. Остается мало сомнений в том, что существующее научное мировоззрение, утверждающее первичность материи и рассматривающее сознание как ее производную, не могут быть адекватно подкреплены фактами наблюдений.

В самом деле, наблюдения трансперсональной психологии прямо противоречат существующему представлению о сознании как побочном продукте нейрофизиологических процессов в мозгу. Достаточно упомянуть хотя бы о существовании "переживаний вне тела, отражающих действительные события" в присмертных ситуациях, чтобы опровергнуть этот главный миф материалистической науки. Такие переживания показывают, что развоплощенное сознание при определенных условиях способно в точности воспринимать окружающую среду без посредства органов чувств.

В нынешней ситуации, пожалуй, особенно примечательно, до какой степени академические круги умудрились игнорировать и замалчивать все новые данные, ставящие под сомнение самые фундаментальные метафизические предположения материалистической науки. Признание ограниченности существующих понятийных баз и принятие новой, революционной информации побудило Абрахама Маслоу и Энтони Сутича, основоположников гуманистической психологии, дать начало еще одной психологической дисциплине, которая стала известна как трансперсональная психология. Эта область знания занимается изучением всего спектра человеческих переживаний, включая холотропные состояния, и представляет собой серьезную попытку объединить науку и духовность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главная задача этого приложения - разъяснить, что космология, описанная в данной книге, входит в противоречие не с научными данными, а лишь с философскими выводами, ошибочно сделанными на основе этих данных. Переживания и наблюдения, описанные в этой книге, бросают вызов не науке, но материалистическому монизму. Надеюсь, я сумел показать, что материалистическое мировоззрение основывается на целом ряде спорных метафизических предположений, которые не находят адекватного подтверждения в фактах и научных свидетельствах.

Истинную науку характеризует открытое и динамичное применение научного метода исследования к любым сферам реальности, допускающим такой подход, сколь бы абсурдными ни казались эти попытки, если взглянуть на них с общепринятой позиции. Я уверен, что именно так поступали первопроходцы в различных областях современного исследования сознания. Они дерзко изучали широкий спектр холотропных переживаний, накопив огромный объем удивительных сведений. Многие из феноменов, которые они наблюдали, представляют собой вызов глубоко укоренившимся убеждениям, которые долгое время ошибочно считались установленными научными фактами.

Более четырех десятков лет, отданных исследованиям сознания, убедили меня, что единственный способ, с помощью которого приверженцам материалистической науки удастся поддерживать свое теперешнее мировоззрение, - это систематическая цензура и ложное толкование всех данных, касающихся холотропных состояний. Несомненно, в прошлом они с успехом использовали эту стратегию, независимо от того, что являлось источником неординарных данных - исторические штудии, сравнительная религия, антропология или различные области современного исследования сознания. То же самое, разумеется, справедливо для парапсихологии, психоделической терапии и методов эмпирической психотерапии. Дополнительными примерами здесь являются танатология и лабораторные методы изменения сознания.

Я уверен, что до бесконечности применять эту стратегию невозможно. Становится все более очевидным, что новые научные данные не обеспечивают адекватного подкрепления базовым предположениям, представляющим собой краеугольный камень материалистического монизма. Вдобавок объем данных, которые получены из исследований сознания и, по идее, должны замалчиваться и игнорироваться, быстро растет. Недостаточно

показать, что претензии трансперсональной психологии несовместимы с мировоззрением материалистической науки. Чтобы замолчать концептуальный вызов, нужно будет продемонстрировать, что наблюдения, полученные из трансперсональной психологии и исследований сознания, включая описанные в этой книге, могут быть адекватно учтены и объяснены в контексте материалистической парадигмы.

Я серьезно сомневаюсь, что традиционные критики-материалисты преуспеют в выполнении этой задачи больше, чем сами исследователи трансперсональной области. Мне выпало счастье знать многих из этих исследователей лично. Все они имеют академическое образование и затратили много усилий, пытаясь найти традиционное объяснение своим наблюдениям, прежде чем решились на поиски принципиально иного истолкования. Я знаю по собственному опыту, что истоком трансперсональной психологии были не иконоборческий пыл и не восторг, но неудачные и мучительные попытки объяснить новые данные при помощи старой парадигмы.

Важно подчеркнуть, что космология, изложенная в этой книге, не противоречит фактам и наблюдениям любой научной дисциплины. Под сомнение ставится уместность философских выводов, сделанных из этих наблюдений. Идеи этой книги не меняют специфических моментов, описанных материалистической наукой. Они просто обеспечивают метаструктуру для явлений, составляющих общепринятую реальность. Согласно материалистическому мировоззрению, вселенная есть механическая система, которая по сути сама создает себя, а сознание является побочным эффектом материальных процессов. Данные трансперсональной психологии и исследования сознания утверждают, что вселенная может быть творением высшего космического разума, а сознание - существенным аспектом бытия.

Нет таких научных данных, которые демонстрируют первичность материи по отношению к сознанию и отсутствие в мировом порядке творческого разума. Добавляя к данным материалистической науки инсайты (прозрения), открывшиеся при исследовании сознания, мы обеспечим более полное понимание многих важных аспектов космоса, для которых пока что отсутствуют удовлетворительные и убедительные объяснения. Эти аспекты включают такие основополагающие вопросы, как сотворение вселенной, происхождение жизни на нашей планете, эволюция видов, а также природа и деятельность сознания.

Кроме того, неотъемлемой частью нового видения реальности является богатый спектр холотропных переживаний и связанных с ними явлений. Это обширная и важная сфера бытия, для которой у материалистической науки не нашлось разумных и убедительных объяснений. После неоднократных неудачных попыток я сам потерял надежду на то, что сумею объяснить свои переживания и наблюдения в контексте понятийной схемы, которую дало мне академическое образование. Если кто-либо из критиков трансперсональной психологии сумеет сформулировать убедительную, трезвую и приземленную материалистическую теорию, объясняющую удивительный мир холотропных переживаний, я первым пожму ему руку и принесу свои поздравления.

Станислав Гроф

ПРОБЛЕМА ДОБРА И ЗЛА

(отрывок из книги Станислава Грофа "Космическая игра", ГЛАВА ШЕСТАЯ)

*Следовательно, тот, кто хочет
иметь*

Правильное без неправильного,

Порядок без хаоса,

Не понимает принципов

неба и земли.

Он не знает, как

вещи связаны друг с другом.

Чжуан-цзы. "Великое и малое"

ЭТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ САМОПОЗНАНИЯ

Один из важнейших вопросов, который постоянно возникает в холотропных состояниях сознания [1] во множестве различных форм и на различных уровнях, - это вопрос этики. Когда наши внутренние переживания сосредоточены на биографических моментах, этические проблемы обычно выражаются в форме настоятельной необходимости пересмотреть всю нашу жизнь, начиная с детства, и оценить ее с нравственной точки зрения. Как правило, они связаны с проблемами представления о самом себе и самооценки. Пересматривая историю нашей жизни, мы порой испытываем острую потребность проверить, соответствуют ли наша личность и поведение моральным стандартам, будь то наши собственные, укоренившиеся в нашей семье или в обществе. Обычно критерии здесь весьма относительны и имеют свои особенности, поскольку в них непременно присутствует сильный личный, семейный и культурный уклон. Мы, в сущности, судим о нашем поведении в терминах ценностей, которые навязаны нам извне.

Существует и другая форма суждения, когда мы оцениваем наш характер и поведение не на основе устоявшихся каждодневных критериев, а с позиций вселенского закона и космического порядка. Такие переживания бывают в различных холотропных состояниях, но особенно часто - в присмертных ситуациях, как часть обзора жизни. Многие люди, побывавшие на грани смерти,

рассказывают о своих встречах со Светоносным Существом и о том, как в его присутствии подвергали свою жизнь беспощадному пересмотру. Эта сильная тенденция человеческой психики к моральной самооценке отражена в эсхатологических мифологиях многих культур - в сценах божественного суда.

По мере углубления процесса самоисследования мы можем обнаружить в себе прежде не осознанные и в высшей степени сомнительные эмоции и импульсы, т. е. темные и разрушительные аспекты бессознательного нашей психики, которые К.Г. Юнг называл Тенью. Такое открытие способно напугать нас и встревожить. Некоторые из этих темных элементов представляют собой наши реакции на неприятные аспекты нашей истории, в частности на травмы младенчества и детства. Кроме того, мощный разрушительный потенциал, по всей видимости, связан с перинатальным уровнем нашей психики, с той сферой бессознательного, которая сформирована травмой рождения. Долгие часы мучительных и угрожающих жизни переживаний, связанные с прохождением через родовую канал, вызывают у плода естественную реакцию ярости. В результате образуется хранилище агрессивных наклонностей, которые мы будем носить в нашем бессознательном до конца жизни, если, конечно, не предпримем специальных усилий, чтобы увидеть их воочию и преобразовать в некую разновидность эмпирического самопознания.

С позиции этих открытий становится ясно, что грозные двойники в таких литературных произведениях, как "Странная история доктора Джекила и мистера Хайда" Р.Л. Стивенсона, "Портрет Дориана Грея" Оскара Уайльда или "Вильям Вильсон" Эдгара По, представляют собой не вымышленных литературных персонажей, но теневые аспекты средней человеческой личности. Люди, сумевшие заглянуть в глубину своей психики, часто рассказывают, что обнаруживали в себе разрушительный потенциал, вполне сопоставимый с разрушительным потенциалом Чингисхана, Гитлера или Сталина. Ввиду столь потрясающих прозрений люди обыкновенно испытывают мучительные опасения по поводу собственной природы и лишь с великим трудом принимают ее.

Когда эмпирическое самоисследование перемещается на трансперсональный уровень, как правило, возникают серьезные этические вопросы касательно человечества в целом, т. е. всего вида *homo sapiens*. Трансперсональные переживания часто отражают яркие исторические события, а иногда представляют даже панораму всей истории. Из них становится ясно, что в человеческой жизни необузданное насилие и ненасытная алчность всегда были чрезвычайно мощными движущими силами. Отсюда вытекает вопрос о человеческой природе и соотношении добра и зла в *homo sapiens*.

Неужели люди по сути своей всего лишь "безволосые обезьяны", и насилие вплетено в структуру человеческого мозга? Как нам объяснить тот аспект человеческого поведения, который психоаналитик Эрих Фромм (Erich Fromm 1973) назвал "пагубной агрессивностью" - порочностью и разрушительностью, которым нет равных в царстве животных? Как объяснить бессмысленное кровопролитие в несчетных войнах, массовые убийства эпохи инквизиции, массовое уничтожение евреев фашистами, сталинский ГУЛАГ, резню в Югославии и Руанде? Что и говорить, трудно найти аналог такому поведению в мире животных!

Текущий глобальный кризис являет нам не слишком воодушевляющий и обнадеживающий образ современного человечества. Постоянно растет насилие - войны, бунты, терроризм, пытки и преступления, - а мощь современного оружия достигла апокалиптических масштабов. Миллионы людей по всему миру живут в нищете и голоде или умирают от болезней, которые излечиваются легко и без особых затрат, и в то же время миллиарды долларов тратятся на безумие гонки вооружений. Страшный суд вполне может стать реальностью -

люди сами придумали не один способ погубить себя как вид, а заодно и всю жизнь на планете. Поскольку же все мы склонны считать *homo sapiens* венцом природной эволюции, не содержит ли в себе не только человечество, но и сам феномен жизни некий принципиальный изъян? В холотропных состояниях эти вопросы встают с мучительной требовательностью и яркостью.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ КРИТЕРИЕВ ДОБРА И ЗЛА

Эти прозрения, касающиеся этических предметов, а также ответы на различные моральные вопросы обычно приходят, когда процесс углубленного самоисследования смещается с одного уровня сознания на другой и мы обретаем доступ к информации, которой прежде не располагали. Наше этическое суждение о каждодневных вещах может до некоторой степени меняться, причем довольно резко, и без прозрений, открывающихся с более высоких уровней сознания, а просто благодаря получению новой информации. Из-за нашей недалёковидности эти кажущиеся благословения могут впоследствии оказаться сущими бедствиями. Когда мы глубоко вникали в ситуацию, действия, которые раньше выглядели полезными, нередко предстают перед нами в весьма зловещем облике.

Для примера возьмем изобретение инсектицида ДДТ вскоре после второй мировой войны. Сначала ДДТ очень хвалили как эффективное оружие против болезней, переносимых насекомыми. С целью искоренения желтой лихорадки и малярии тысячи тонн этого вещества было свалено в болота в различных странах мира. В то время проект, по близорукости, признали ценным и достойным одобрения. Разработку ДДТ сочли столь позитивным вкладом, что в 1948 году его изобретатель Пауль Мюллер был удостоен Нобелевской премии в области физиологии и медицины. Однако, как оказалось, мечта эпидемиологов обернулась экологической катастрофой.

Было обнаружено, что ДДТ не подвержен биологическому распаду и огромные его количества так и остаются в природе. Вдобавок вследствие особого сродства ДДТ с жирами, он стал накапливаться в живых организмах, двигаясь по пищевой цепочке от планктона к мелкой и крупной рыбе, птицам и млекопитающим. В тканях птиц концентрация ДДТ часто была настолько высока, что снижала их способность вырабатывать достаточно прочную яичную скорлупу и ставила под угрозу жизнь эмбриона. Теперь мы знаем, что именно ДДТ привел к исчезновению в некоторых местах пеликанов, бакланов, соколов и орлов. Географически он захватил даже Арктику и Антарктику, будучи обнаружен в жировых тканях пингвинов. ДДТ проник и в молочные железы и молоко кормящих матерей, и, хотя его много лет назад сняли с производства, недавно выяснилось, что он принадлежит к числу факторов, обуславливающих рак молочной железы.

К проблеме относительности добра и зла обращался в своей пьесе "Дьявол и Господь Бог" Жан-Поль Сартр (Sartre 1960). Главный герой этой пьесы - Гец, порочный и безжалостный военный лидер, совершающий в силу своих необузданных амбиций множество преступлений и злодеяний. Однако, воочию увидев ужасы чумы, вспыхнувшей в городе, осажденном и захваченном его войсками, он преисполняется страхом смерти и дает Господу обет стать другим человеком, если Господь спасет ему жизнь. В этот момент чудесным образом появляется некий монах и помогает ему уйти из города через потайной подземный ход. Гец сдерживает свое слово - отныне жизнь его неуклонно направлена к добру. Но, оказывается, эта новая жизнь приносит еще больше зла, чем былые жестокие битвы. Эта пьеса, безусловно, была сартровским

комментарием к истории христианства, которая являет собой ярчайший пример того, как безжалостное насаждение проповеди любви может привести к злодеяниям и стать причиной огромных страданий.

В моральных кодексах различных культур проблема этики трактовалась по-разному. Например, одни общества подчеркивают ценность человеческого тела и даже считают его священным, тогда как другие убеждены, что все связанное с телом и его физиологическими функциями априорно порочно и несет в себе зло. Одни культуры не придают значения нагоде и полагают ее естественной, другие же требуют, чтобы женщины полностью закрывали свое тело и частично лицо. У одних народов прелюбодеяние каралось смертью, а вот по древнему эскимосскому обычаю хозяин дома по долгу гостеприимства предлагал свою жену всякому гостю-мужчине. И полигамия, и полиандрия практиковались в истории различных культур как социально приемлемые альтернативы. В одном из племен Новой Каледонии убивали близнецов, если один был мужского пола, а другой женского, ибо считалось, что они совершили кровосмешение уже в чреве. В противоположность этому в Древнем Египте и в Перу закон требовал, чтобы в семьях правителей братья женились на сестрах.

В Японии самоубийство часто не только рекомендовалось, но в определенных ситуациях, дабы избежать позора, практически требовалось. В Китае и в других местах, когда умирал правитель, его жен и слуг убивали и хоронили вместе с ним. Согласно индийскому обычаю сати, вдова следовала за покойным мужем на погребальный костер. Обычай сати, а также умерщвление младенцев женского пола практиковались в Индии еще долгое время после того, как англичане в XVIII веке наложили на это запрет. Ритуальные человеческие жертвы имели место у многих народов, и каннибализм был принят в таких развитых культурах, как ацтеки и маори. Таким образом, с межкультурной и трансперсональной позиции жесткое соблюдение обычаев и правил, продиктованных различными психобиологическими и социальными аспектами, можно рассматривать как преднамеренный эксперимент космического сознания, в котором систематически исследуются все возможные эмпирические варианты.

ЗЛО КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ТВОРЕНИЯ

Одна из самых трудных этических проблем, которые предстают перед нами в холотропных состояниях сознания, - необходимость примириться с тем, что агрессия неразрывно вплетена в природный порядок и что выживание одних форм жизни возможно только ценой гибели других. Голландский микробиолог и изобретатель микроскопа Антони ван Левенгук так выразил эту мысль: "Одна жизнь существует за счет другой, это жестоко, но такова воля Божия". Английский поэт Альфред Теннисон говорил о природе, что ее "зубы и когти обагрены кровью". Джордж Уильямс (Williams, 1966), размышляя о дарвиновском мировоззрении, высказался еще резче: "Мать-Природа - злая старая ведьма", а маркиз де Сад, давший свое имя садизму, охотно ссылался на жестокость природы, оправдывая собственное поведение.

Даже ведя самый совестливый образ жизни, мы все равно не избежим этой дилеммы. Алан Уоттс в статье "Убийство на кухне" рассмотрел с данной позиции дилемму мясоедства и вегетарианства. Тот факт, что "кролики кричат громче, нежели морковь", не показался ему достаточной причиной, чтобы сделать выбор в пользу последней. По-своему сформулировал эту мысль Джозеф Кэмпбелл в своем определении вегетарианца как "человека, которому недостает чувствительности, чтобы услышать, как плачет помидор". Поскольку

жизнь должна питаться жизнью, хоть животной, хоть растительной, Уоттс рекомендовал в качестве решения подход, который обнаруживается во многих туземных культурах - как в общинах охотников/собираателей, так и в земледельческих обществах. Эти группы прибегают к ритуалам, выражающим благодарность за съеденное, а также покорное согласие с собственным участием в пищевой цепи в обеих ролях.

Этические вопросы и их решения особенно усложняются, когда соответствующие прозрения и информация поступают с таких уровней сознания, которые обычно не всегда доступны, в частности из духовных измерений. Если вводить духовные критерии в ситуации повседневной жизни, причем в экстремальной форме, без учета соображений целесообразности, то последствия могут быть весьма печальными. Здесь в качестве примера можно упомянуть эпизод из жизни знаменитого немецкого врача, музыканта, филантропа и философа Альберта Швейцера. Однажды Альберт Швейцер лечил в своем госпитале в джунглях Ламбарене коренного африканца, страдающего от заражения крови. И вот, стоя возле этого африканца со шприцем, наполненным антибиотиком, Швейцер внезапно спросил себя, кто дал ему право уничтожать миллионы жизней микроорганизмов, чтобы спасти одну человеческую жизнь. Иными словами, согласно каким критериям мы считаем себя вправе полагать человеческую жизнь высшей по отношению к жизни других видов.

Джозефа Кэмпбелла однажды спросили, как можно примирить наше духовное мировоззрение с необходимостью принимать в повседневной жизни практические решения, включая убийство ради спасения жизни. В качестве примера он описал ситуацию, где маленькому ребенку грозит укус змеи, яд которой смертелен. Вмешиваясь в такую ситуацию и убивая змею, мы отнюдь не говорим "нет" змее как неотъемлемой части устройства Вселенной, как значимому элементу космического порядка. Это не отрицает права змеи как части творения на существование и вовсе не означает, что мы не принимаем ее существование. Такое вмешательство не жест абсолютной космической значимости, но наша реакция на конкретную ситуацию.

БОЖЕСТВЕННЫЕ КОРНИ ЗЛА

Когда мы открываем мир архетипов и начинаем постигать воздействие его движущих сил на события материального мира, средоточие этических вопросов смещается с личного и культурного уровней в трансперсональную сферу. Здесь критической проблемой является дихотомия, заложенная в основу архетипической сферы. Мы осознаем, что пантеон архетипических существ содержит как благотворные, так и пагубные начала и силы, или, в терминологии доиндустриальных культур, благие и гневные божества, которые и в ответе за события материального мира. Однако рано или поздно становится ясно, что сами эти сущности не автономны. Они суть создания или проявления еще более высокого принципа, который пронизывает их и правит ими. Исходя из этого, вопрос морали находит новое средоточие - направляется к самому принципу творения.

Это, естественно, порождает совершенно новый ряд вопросов. Существует ли **один** источник творения, выходящий за пределы противоположностей и ответственный за добро и зло? А может быть, Вселенная - это поле сражения, где ведут свою битву две космические силы - добро и зло, как гласят зороастризм, манихейство и христианство? Если так, то какой из этих принципов сильнее и в конечном счете одержит верх? Если Бог, как утверждает

традиционное христианство, благ и справедлив, всеведущ и всемогущ, то каким образом можно объяснить огромное зло, существующее в мире? Как это возможно, что миллионы детей гибнут от руки жестоких убийц или умирают от голода, рака и инфекционных болезней, не успев совершить в своей жизни никаких грехов? Здесь христианская теология обычно предлагает следующее объяснение: Бог карает этих людей заранее, ибо предвидит, что из них вырастут грешники. Что говорить, звучит это не слишком убедительно. Понятие кармы и перевоплощения, существующее в некоторых религиях, несколько лучше объясняет эту ситуацию. Оно учитывает также чудовищные несправедливости среди взрослых и различия в их судьбах. Ниже мы коснемся существования аналогичных концепций в раннем христианстве, особенно у гностиков. Во II веке церковь признала гностическое христианство ересью, а в IV веке при поддержке императора Константина подвергла его суровым гонениям.

В 553 году Константинопольский собор исключил из христианского вероучения идеи перевоплощения души, и христианство осталось с проблемой всемогущего, справедливого и благого Творца, создавшего мир, полный несправедливости и зла. Вера в перевоплощение может дать ответ на самые насущные вопросы, касающиеся темной стороны жизни, но она не обращается к вопросу об источнике кармической цепи причин и следствий.

В холотропных состояниях сознания важнейшие этические вопросы, касающиеся природы и происхождения зла, причины его существования и его роли в структуре творения, возникают спонтанно и весьма требовательно. Проблема нравственности творческого принципа, который непосредственно отвечает за все страдания и ужасы бытия или допускает и терпит зло, поистине огромна и трудноразрешима. Наша способность принять творение таким, каково оно есть, включая его теневую сторону и нашу собственную роль в нем, - одна из самых больших трудностей, с которыми мы можем столкнуться в углубленных философских и духовных исканиях. Поэтому интересно проанализировать, какими эти проблемы предстают перед людьми, которые встречаются с ними в своем путешествии в глубины сознания.

Переживания отождествления с Абсолютным Сознанием, или с Пустотой, включают выход за пределы всех противоположностей, в том числе добра и зла. Они содержат весь спектр творения: от самых благих аспектов до самых жестоких - но в непроявленной форме, как чистый потенциал. Поскольку этические суждения применимы только к миру проявленных феноменов, включающему противоположности, то проблема добра и зла тесно связана с процессом космического творения. С точки зрения нашего обсуждения очень важно понять, что этические ценности и нормы сами являются частью творения и потому не имеют абсолютно независимого существования. Вот что сказано об этом в древнеиндийском священном тексте Катха-упанишада:

*Как солнце, глаз всего мира,
не омрачается изъянами, [существующими] вне глаза,
так и единый атман во всех существах
не омрачается изъяном мира, оставаясь вне их.*

(Перевод В. В. Шеворошкина)

РОЛЬ ЗЛА ВО ВСЕЛЕНСКОМ ПОРЯДКЕ

Окончательное понимание и философское приятие зла, похоже, всегда включает признание, что в космическом творении ему отведена важная, даже необходимая роль. Например, глубокие эмпирические прозрения абсолютных реальностей, доступные нам в холотропных состояниях, зачастую показывают, что зло играет важную роль во вселенской драме. Поскольку космическое творение является *creatio ex nihilo*, "творением из ничего", оно должно быть симметрично. Все, что возникает, обретая существование, должно уравниваться своей противоположностью. С этой позиции существование любых противоположностей есть совершенно необходимая предпосылка творения феноменальных миров. Аналогом этому являются эксперименты и теории современных физиков по поводу материи и антиматерии. Ныне полагают, что в самые первые моменты существования вселенной частицы и античастицы были представлены в равном количестве.

Выше мы говорили о том, что один из "мотивов" творения - это, возможно, "необходимость" для творческого принципа познать себя, чтобы "Бог мог увидеть Бога" или "Лицо могло узреть Лицо". Коль скоро божественное творит, желая исследовать свой внутренний потенциал, то неполное выражение этого потенциала означало бы неполноту самопознания. А коль скоро Абсолютное Сознание еще и абсолютный Художник, Экспериментатор и Исследователь, оно скомпрометирует богатство творчества, если опустит некоторые важные варианты. Художники не ограничивают себя только красивыми, этическими и вдохновляющими темами. Они изображают любые стороны жизни, где присутствуют интересные образы и интригующие истории.

Существование теневой стороны творения усиливает его светлые аспекты, обеспечивая контраст и придавая вселенской драме необычайное богатство и глубину. Конфликт между добром и злом во всех сферах и на всех уровнях бытия служит неиссякаемым источником множества захватывающих историй. Однажды один ученик спросил Рамакришну, великого индийского провидца, святого и духовного учителя: "Свамиджи, для чего в мире существует зло?" Немного подумав, Рамакришна кратко ответил: "Чтобы жить было интереснее". Такой ответ может показаться циничным, если взглянуть на природу и масштабы страданий в мире, конкретных страданий, ведь это смерть миллионов детей от голода и болезней, безумие войн на протяжении всей истории, несчетные жертвы пыток и разрушительность стихийных бедствий. Однако мысленный эксперимент может помочь нам встать на другую позицию.

Давайте на миг представим себе, что мы можем устранить из миропорядка все, что обычно считается дурным или злым, - все элементы, которые, как нам кажется, не должны быть частью жизни. Поначалу может создаться впечатление, что тем самым мы сотворим идеальный мир - подлинный рай на земле. Однако далее мы замечаем, что ситуация гораздо сложнее. Допустим, мы начинаем с уничтожения болезней, которые, несомненно, принадлежат темной стороне жизни, и представляем себе, что их никогда не существовало. Вскоре мы обнаружим, что это вовсе не изолированное вмешательство, которое искореняет только один выбранный нами аспект мирового зла, оно глубочайшим образом воздействует на многие позитивные аспекты жизни и творения, нами высоко ценимые.

Вместе с болезнями мы уничтожаем всю историю медицины - медицинские исследования и полученные таким образом знания, открытие причин опасных болезней, а также замечательные средства для их лечения, такие, как

витамины, антибиотики и гормоны. Нет больше чудес современной медицины - операций, спасающих людям жизнь, трансплантаций органов и генной инженерии. Мы теряем всех первооткрывателей этой науки - Вирхова, Земмельвайса, Пастера, - героев, посвятивших всю жизнь страстному поиску решения проблем медицины. Нет нужды в любви и сострадании всех тех, кто заботится о больных, начиная от врачей и медсестер и кончая множеством добросердечных людей. Мы теряем мать Терезу вместе с ее заслугами, за которые ей была присуждена Нобелевская премия, теряем шаманов и туземных знахарей с их красочными ритуалами и знанием целебных трав, чудеса Лурда и филиппинских хилеров!

Еще один очевидный аспект тьмы и зла в творении - это существование репрессивных режимов, тоталитарных систем, геноцида и войн. Если мы сосредоточим свои усилия на санации этой сферы, то уничтожим значительную часть человеческой истории и потеряем все героические подвиги борцов за свободу, которые во все времена жертвовали жизнью ради справедливости в своих странах и свободы соотечественников. Нет больше триумфальных побед над империями зла и упоения вновь обретенной свободой. Исчезнут и укрепленные замки всех времен и народов, а также музеи, где представлены уникальные изделия оружейников, образцы фортификационного искусства и разнообразная военная амуниция. Устранение насилия из космической драмы, естественно, сильно отразится и в мире искусства. Библиотеки, художественные музеи, музыкальные коллекции и киноархивы значительно обеднеют, если мы уберем из них все произведения, вдохновленные насилием и борьбой против него.

Отсутствие метафизического зла значительно уменьшит необходимость религии, ведь без мощного противника Бог станет этаким само собой разумеющимся, гарантированным удобством. Все связанное с обрядовой и духовной жизнью человечества будет изъято из миропорядка, и исторические события, вдохновленные религией, будут стерты, как будто их и не было. Незачем говорить, что мы также потеряем ряд лучших произведений искусства - литературы, музыки, живописи, скульптуры и кинематографа - рожденных конфликтом между божественным и демоническим. В мире не станет величественных готических соборов, мусульманских мечетей, синагог, индуистских и буддийских храмов и многих других шедевров архитектуры, вдохновленных религией.

Если мы продолжим дальше этот процесс очистки от вселенской "тени", творение утратит свою огромную глубину и богатство, и в конечном итоге мы придем к чрезвычайно блеклому и неинтересному миру. Поставь Голливуд фильм, отражающий такую реальность, кинотеатры наверняка были бы пусты. В весьма популярном пособии для сценаристов подчеркивается, что напряжение, конфликт и драма суть необходимая предпосылка успеха фильма. Фактически это предостережение касательно того, что фильму о "жизни в счастливом городке" наверняка гарантирован провал и банкротство.

Режиссеры, которые свободны выбирать для своих фильмов любые темы, обычно не останавливаются на слащавых бессобытийных историях со счастливым концом. В их фильмах, как правило, присутствуют приключения, опасности, трудности, серьезные эмоциональные конфликты, секс, насилие и зло. И разумеется, на самих создателей фильмов в значительной степени влияют вкусы и требования зрителей. И коль скоро Бог сотворил людей по своему образу и подобию, было бы не удивительно, если бы космическое творение следовало тем же принципам, что управляют творческой деятельностью и развлечениями в нашем мире.

В процессе глубокого эмпирического самоисследования мы обнаруживаем эту дихотомию творения на всех уровнях, где присутствуют формы и отдельные

явления. Абсолютное Сознание и Пустота, существуя за пределами мира явлений, выходят за пределы всех противоположностей. Добро и Зло как отдельные сущности обретают существование и проявляют себя на начальных стадиях творения, когда из недифференцированной матрицы Пустоты и Абсолютного Сознания возникают темные и светлые аспекты Божественного. Представляя собой полярные противоположности и будучи антагонистами по отношению друг к другу, оба этих аспекта существования суть необходимые элементы творения. В сложном и причудливом взаимодействии они порождают бесчисленное множество действующих лиц и событий на различных уровнях и в различных измерениях реальности, составляющих космическую драму.

ДВА ЛИЦА БОГА

В холотропных состояниях мы можем непосредственно переживать не только единый творческий принцип, но и его благую или злую форму по отдельности, как две дискретные единицы. Когда мы сталкиваемся с благой формой Бога, мы избирательно настраиваемся на позитивные аспекты творения. В этот момент мы не отдаем себе отчета в теневой стороне бытия и видим космическую пьесу в ее полноте, как нечто сияющее и блаженное. Зло представляется эфемерным или почти отсутствующим во вселенском устройстве.

Ближе всего к пониманию природы этого переживания можно подойти с позиций древнеиндийской концепции *сат-чит-ананды*. Это сложное санскритское слово состоит из трех корней: *сат* ("сущее", "существование") *чит* ("сознание") и *ананда* ("блаженство"). В нашем переживании мы отождествляем себя с сияющим, безграничным и безмерным принципом, или состоянием сущности, бытие которой бесконечно и которая обладает бесконечным сознанием или мудростью и переживает бесконечное блаженство, обладая также бесконечной способностью творить из самой себя формы и эмпирические миры.

У этого переживания *сат-чит-ананды*, или Сущего-Сознания-Блаженства, есть обратная сторона - космический принцип, объемлющий весь отрицательный потенциал Божественного. Он являет собой перевернутое зеркальное отражение принципа *сат-чит-ананды*, или диаметрально противоположность его основополагающим качествам. Здесь стоит вспомнить одну из начальных сцен "Фауста" Гете, где Мефистофель представляется Фаусту: "Я отрицаю все - и в этом суть моя" (*Перевод Н. Холодковского*) ("Ich bin der Geist, der verneint"). Если посмотреть на явления, которые мы считаем дурными или вредными, можно увидеть, что они распадаются на три разные категории, каждая из которых есть отрицание одного из основополагающих качеств *сат-чит-ананды*.

Первое из этих трех основополагающих качеств положительного Божественного - это *сат*, сущее или бесконечное бытие. Соответствующая ему категория зла связана с понятиями и переживаниями ограниченного существования, прекращения существования и несуществования. В ней наличествуют недолговечность, правящая в феноменальном мире, и неизбежная перспектива окончательного уничтожения всего сущего. Это подразумевает нашу собственную кончину, смерть всех живых организмов и окончательное разрушение Земли, Солнечной системы и вселенной. Здесь можно вспомнить о горести и печали Будды Гаутамы, когда он, выезжая из отцовского дворца на прогулку, столкнулся с болезнью, старостью и смертью. В нашей традиции христианское средневековье придумало много афоризмов, напоминающих народу об этом аспекте существования: "Прах к праху, и во

прах возвратишься", "Помни о смерти", "Так проходит слава мира" или "Смерть неизбежна, неведом лишь час".

Второй важный аспект *сат-чит-ананды* - это *чит*, или безграничное сознание, мудрость и разум. Соответствующая категория зла связана с различными формами и уровнями ограниченного сознания и неведения. Она покрывает широкий спектр явлений - от вредоносных последствий невежества, неадекватной информации и неправильного понимания вопросов повседневной жизни до самообмана и основополагающего неведения, касающегося природы бытия на высоком метафизическом уровне (авидья). Этот тип неведения описан Буддой и другими духовными учителями как один из главных корней страдания. Форма знания, которая может проникнуть сквозь завесу этого неведения и привести к освобождению от страдания, на Востоке называется праджня-парамита или запредельная мудрость.

Третья категория явлений, переживаемых как вред или зло, включает элементы, представляющие отрицание третьего основополагающего качества *сат-чит-ананды* - элемента безграничного блаженства, или *ананды*. Переживания данной категории и их причины наиболее непосредственно, очевидно и наглядно отражают темную сторону, поскольку препятствуют переживанию блаженства бытия. Они охватывают целый спектр тяжелых эмоций и неприятных физических ощущений, полностью противоположных божественному блаженству, таких, как физическая боль, тревога, стыд, чувство неполноценности, подавленность и вина.

Принцип зла, присущий творению, перевернутое зеркальное отражение *сат-чит-ананды*, может переживаться либо в чисто абстрактной форме, либо как более или менее конкретная манифестация. Одни люди описывают его как Космическую Тень, гигантское поле зловещей энергии, наделенной сознанием, разумом, разрушительным потенциалом и чудовищным стремлением к порождению хаоса, страданий и разрушений. Другие переживают вселенский принцип зла как исполинскую антропоморфную фигуру, символизирующую всепроникающее вселенское зло, или Бога Тьмы. Встреча с теневой стороной бытия может также принимать формы, связанные с той или иной культурой, например выступать в образах таких божеств, как Сатана, Люцифер, Ариман, Гадес, Лилит, Молох, Кали или Коатлику.

Для иллюстрации приведу здесь выдержку из рассказа тридцатипятилетнего психолога Джейн, пережившей в своем тренировочном сеансе потрясающее столкновение с темной стороной бытия, кульминацией которого была встреча с чудовищной персонификацией вселенского зла.

Мне казалось, что вплоть до этого мгновения я смотрела на жизнь сквозь розовые очки, которые мешали мне увидеть всю ее чудовищность. Теперь я видела несчетные образы различных форм жизни, существующих в природе, они нападали и пожирала друг друга. Вся цепь жизни - от самых низших организмов до самых высокоразвитых - вдруг предстала передо мной как жестокая драма, где большие и сильные поедали маленьких и слабых. Это переживание обрушилось на меня с такой сокрушительной силой, что я толком не могла увидеть другие аспекты, например красоту животных или изобретательность и творческий разум жизненной силы. Это была поразительная иллюстрация факта, что насилие есть подлинная основа жизни: жизнь неспособна выжить, не питаясь собою же. Травоядное животное - лишь менее явный и смягченный пример хищника в этом биологическом геноциде. Выражение "природа преступна", которым маркиз де Сад

оправдывал собственное поведение, внезапно наполнилось новым смыслом.

Другие образы увлекли меня в путешествие по человеческой истории, и я убедилась, что в ней господствовали насилие и алчность. Я видела жестокие битвы пещерных людей, сражавшихся примитивными дубинками, видела и массовое истребление с помощью все более совершенного оружия. За видениями монгольских орд Чингисхана, прокатившихся по всей Азии, сея бессмысленное убийство и сжигая деревни, последовали ужасы нацистской Германии, сталинской России и африканского апартеида. Были и образы, отражавшие ненасытную алчность и безумие нашего промышленно развитого общества, которое ставит под угрозу всю жизнь на планете. Предельной иронией и жестокой шуткой в этом мрачном портрете человечества выглядела роль великих мировых религий. Было ясно, что эти институты, сулящие установить контакт с божественным, на самом деле зачастую служили каналом зла. От истории ислама, который насаждался огнем и мечом, христианских крестовых походов и жестокостей инквизиции до более поздних злодеяний с религиозной подоплекой религия всегда являла собой не решение проблемы, но ее часть.

Вплоть до этого момента сеанса Джейн наблюдала выборочный показ теневых аспектов жизни как в природе, так и в человеческом обществе, и ее не посещали прозрения относительно причин алчности и насилия. На следующей фазе переживание вывело ее прямо к тому, что казалось метафизическим источником мирового зла.

Внезапно переживание сменилось, и я встретила лицом к лицу с сущностью, отвечающей за все, что я видела. Это был образ, воплощающий квинтэссенцию вневременного Зла, - огромная, невероятно зловещая фигура, излучающая невообразимую мощь. И хотя я не могла точно оценить ее размеры, она казалась колоссальной, быть может объемлющей все галактики. Она была как бы антропоморфной, но все же не имела совершенно четкой формы, и я могла лишь грубо различать отдельные части ее тела.

Она состояла из быстро сменяющихся, текучих динамических образов, которые голографически пронизывали друг друга. Проявляясь в соответствующих частях тела этого Бога Зла, они отражали различные формы зла. Так, его живот изобиловал сотнями образов жадности, ненасытности и отвращения, область гениталий вмещала в себя половые извращения, изнасилования и сексуальные убийства, руки - насилие, совершенное мечами, кинжалами и огнестрельным оружием. Я испытывала трепет и неопикуемый ужас. В моем мозгу мелькали имена Сатаны, Люцифера и Аримана, но это были до смешного мягкие названия тому, что я переживала.

РАЗДЕЛЯЮЩАЯ СИЛА ЗЛА

Некоторые из тех, кому довелось переживать личную встречу с Космическим Злом, имели интересные прозрения относительно его природы и функции в миропорядке. Они видели, что этот принцип тесно вплетается в фактуру бытия и, принимая все более конкретные формы, пронизывает все уровни творения. Его различные проявления суть выражения энергии, которая заставляет отколовшиеся единицы сознания чувствовать себя отдельными друг от друга. Принцип зла отчуждает их и от их космического источника - недифференцированного Абсолютного Сознания. Таким образом, Космическое Зло мешает отколовшимся единицам осознать их сущностную тождественность с этим источником, равно как и основополагающее единство друг с другом.

С такой точки зрения зло тесно связано с движущими силами, о которых я говорил ранее как о "космической перегородке", "экране" или "забвении". Поскольку божественную игру, т. е. космическую драму, невозможно представить себе без действующих лиц, без отдельных различающихся сущностей, то в творении мира, каким мы его знаем, существование зла совершенно необходимо. Эта концепция в основе своей согласуется с идеей, высказанной в трудах ряда христианских мистиков; согласно этой идее, падший ангел Люцифер (букв. - "Носитель Света") как представитель противоположностей рассматривался как своего рода демург. Люцифер увлекает человечество в фантастическое путешествие в мир материи. Подходя к этой проблеме с другой позиции, мы можем сказать, что зло и страдания в конечном итоге основываются на ложном представлении о реальности, в частности на вере живых существ в свое отдельное индивидуальное "я". Это прозрение составляет важную часть буддийской доктрины *анатты* (не-я).

Постижение того, что зло во Вселенной является силой разделяющей, помогает понять и ряд типовых эмпирических шаблонов и последовательностей событий в холотропных состояниях. Так, экстатическим переживаниям воссоединения и расширения сознания часто предшествуют наводящие ужас встречи с силами тьмы, представленными в виде архетипических фигур зла или в виде прохождения сквозь демонические препоны. Обычно это связано с чрезвычайными душевными и физическими страданиями. Самым ярким примером, иллюстрирующим эту связь, является процесс психодуховной смерти и возрождения, в котором переживания агонии, ужаса и уничтожения гневными божествами сменяются чувством воссоединения с духовным источником. Эта связь находит конкретное выражение в буддийских храмах Японии, например в прекрасном храме Тодайдзи в Наре, где человек, прежде чем войти внутрь и увидеть сияющее изображение Будды, должен миновать устрашающие фигуры гневных защитников.

ОДНО ВО МНОГОМ, МНОГОЕ В ОДНОМ

Всякая попытка применить этические ценности к процессу космического творения должна учитывать один важный факт. Согласно прозрениям, описанным в этой книге, все воспринимаемые нами во вселенной границы произвольны и в конечном счете иллюзорны. По своей глубочайшей природе весь космос является единичной сущностью невообразимых размеров - Абсолютным Сознанием. Все роли в космической драме исполняет один-единственный актер, о чем и говорит приведенное выше прекрасное стихотворение Тхить Няч Ханя. Во всех ситуациях, где присутствует элемент зла, например ненависть, жестокость, насилие, лишение и страдание, творческий принцип играет в сложную игру сам с собой. Агрессор тождествен

своей жертве, диктатор - угнетенному, насильник - изнасилованному, убийца - убитому. Больной, зараженный инфекцией, не отличатся ни от бактерий, проникших в его организм и вызвавших заболевание, ни от врача, который лечит его антибиотиками, чтобы устранить инфекцию.

Яркой иллюстрацией ошеломительного осознания нашей сущностной тождественности космическому разуму служит выдержка из описания сеанса с Кристофером Бахом, профессором философии и религиоведения. Ранее я уже цитировал его описание встречи с Пустотой.

На передний план мало-помалу выдвинулась тема секса. Сначала секс возник в своей приятной форме, как обоюдное наслаждение и эротическое удовлетворение, но вскоре перешел в агрессивную форму, приняв вид насилия, подавления, травмы и боли. Силы сексуальной агрессии стали проникать и в смежные сферы человеческой жизни. Я стоял лицом к лицу с этими жестокими силами, заслоняя собой ребенка. Я пытался защитить ребенка от этих сил, не допустить, чтобы они настигли его. Мой ужас возрос, когда ребенок превратился в мою трехлетнюю дочку. Это была и она, и все дети мира сразу.

Я продолжал защищать свою дочь, пытаюсь сдерживать натиск надвигающейся силы, и все же знал, что в конечном итоге мои попытки закончатся провалом. Чем дольше я удерживал эти силы, тем мощнее они становились. Здесь <я> было не просто моим личным "я", в нем присутствовали "я" многих тысяч людей. Ужас был неопишем. Оглядываясь назад, я ощущал поле, создаваемое испуганным невинным существом, но вот добавился еще один элемент - мотив мистических объятий. На ребенка наложился образ Первичной Женственности, самой Богини-Матери. Она манила меня к себе, чтобы я обнял ее, и я инстинктивно знал, что нигде больше не найду такого упоения, как в ее объятиях.

Удерживая могучий сексуальный натиск, я удерживал себя и от мистических объятий Богини, ибо, несмотря на сладостные обещания искупления, я не мог изнасиловать и убить собственного ребенка. Это безумие нарастало до тех пор, пока я не повернулся лицом к своей жертве. Все еще сдерживая ужасный натиск сил, толкающих на убийство, я теперь стоял перед своей жертвой и разрывался между страстью и защитой. Моей жертвой одновременно была собственная дочь, беспомощная, невинная и хрупкая, и Изначальная Женщина, приглашающая меня к половому акту космических масштабов.

После долгой мучительной битвы с ужасным натиском импульсов насилия Крис стал мало-помалу уступать, позволяя им себя проявить. Мучительная ситуация разрешилась, когда он сумел обнаружить, что за отдельными лицами, участвующими в этих сценах насилия, стояла одна и та же сущность - он сам как творческий принцип.

При всем моем упорном сопротивлении меня тянуло выпустить ярость на свободу. В ужасе и слепой жажде я начал нападать, насиловать, убивать, продолжая в то же время изо всех сил бороться с происходящим. Эта борьба выводила меня на все более

глубокие уровни интенсивности до тех пор, пока вдруг что-то не распахнулось и я не пришел к ошеломительному осознанию, что, оказывается, я убиваю и насирую себя самого. Это открытие таило в себе множество измерений и тем привело меня в замешательство. Интенсивная борьба подвела меня к некоему переломному моменту, где я внезапно постиг, что являюсь одновременно убийцей-насильником и жертвой. Эмпирически я понял, что мы - одно. Глядя в глаза своей жертвы, я обнаружил, что смотрю в глаза себе самому, и в слезах повторял: "Я же это делаю самому себе!"

Это была не кармическая инверсия, не переключение в прежнюю жизнь, где жертва и злодей поменялись местами. Скорее это был квантовый переход на эмпирический уровень, где все двойственности растворялись в едином всеохватном потоке. Это <я", которым я теперь стал, никоим образом не было моим личным, но являло собой единство, лежавшее в основе всего и включавшее всех людей. Охватывая весь человеческий опыт, оно было коллективным и в то же время крайне простым и неразделенным. Я был одно. Я был агрессором и жертвой, насильником и изнасилованным, убийцей и убиенным. Я делал все это с самим собой. На протяжении всей истории я делал это с самим собой.

Боль человеческой истории была моей болью. Там не было жертв, помимо меня. Ничего не происходило вне меня: все происходило во мне и со мной. Я был в ответе за все, что переживал, за все, что когда-либо происходило. Я смотрел в лицо своему творению. Я делал это. И делаю. Таков мой выбор. Я сам решил создать все эти ужасные миры.

ФОРМЫ ПУСТОТЫ И ПУСТОТА ФОРМ

В любой метафизической дискуссии о существовании зла мы должны учитывать еще один важный фактор. Тщательный анализ природы реальности, будь то эмпирический, научный или философский, откроет нам, что материальный мир и все происходящие в нем события - по сути пустота. Тексты различных буддийских школ предлагают медитативные практики, посредством которых можно открыть пустоту всех материальных объектов и отсутствие в нашем существе отдельного "я". Следуя наставлениям по духовной практике, мы можем достичь эмпирического подтверждения основного догмата буддизма - форма есть пустота, а пустота есть форма.

Это утверждение, в обычном состоянии могущее показаться нам парадоксальным или даже абсурдным, открывает глубокую истину о реальности, существование которой подтверждено современной наукой. В первые десятилетия XX века физики проводили систематические исследования с целью узнать состав материи вплоть до субатомного уровня. В ходе исследований они все больше убеждались в том, что в основе материи, которую они всегда считали плотной, на самом деле лежит пустота. В итоге вообще все отдаленно напоминающее плотное "вещество" полностью исчезло из картины и было заменено абстрактными вероятностными уравнениями.

Этот факт, обнаруженный буддистами эмпирически, а современными физиками экспериментально, по сути согласуется с метафизическими рассуждениями Альфреда Норта Уайтхеда (Whitehead 1967), одного из величайших философов нашего века. Уайтхед называет веру в устойчивое

существование отдельных материальных объектов "обманчивостью мнимой плотности". По Уайтхеду, Вселенная состоит из бесчисленного множества прерывистых всплесков эмпирической деятельности. Основным элементом, составляющим Вселенную, является не устойчивая субстанция, но момент переживания, называемый в его терминологии **действительным событием**. Этот термин применим к явлениям на всех уровнях реальности - от субатомных частиц до человеческих душ.

Как вытекает из сказанного выше, ни одно из событий нашей повседневной жизни, а значит, и ни одна из ситуаций, включающих страдание и зло, не является окончательно реальным в том смысле, в каком мы его обычно воспринимаем и переживаем. Чтобы это проиллюстрировать, я вернусь к уже упомянутой аналогии с кинофильмом. Когда мы смотрим фильм или телевизионное шоу, действующие лица, которых мы видим на экране, на самом деле являются различными аспектами одного и того же неделимого светового поля. В толковании происходящего у нас есть выбор: мы можем воспринимать его как сложную реальную драму жизни или как танец электромагнитных и акустических волн различной частоты, которые с целью создания специфического эффекта особым образом синхронизированы. В то время как неискушенный человек или ребенок может по ошибке принять кино за реальность, искушенный зритель прекрасно отдает себе отчет в том, что участвует в виртуальной, мнимой реальности.

Мы истолковываем игру света и звука как реальную историю, а действующих лиц - как отдельные сущности потому, что нам интересно переживание, к которому приводит подобная стратегия. Мы активно ищем таких переживаний и фактически делаем добровольный выбор, приходя в кино и покупая билет. В то же время, решив реагировать на ситуацию как на реальность, мы на другом уровне вполне сознаем, что герои фильма вымышлены и их играют актеры. С точки зрения нашего обсуждения особенно важно, что кинозритель знает: люди, убитые в фильме, на самом деле не умерли.

В соответствии с прозрениями, описанными в этой книге, человеческое заблуждение очень похоже на заблуждение кинозрителя. Поскольку нас привлекают переживания, которые предоставляет нам материальная реальность, то на некоем другом уровне реальности мы принимаем решение воплотиться. В космической драме отдельная личность действующего лица, включая нашу собственную, есть иллюзия, а материя, из которой, казалось бы, сделана Вселенная, в сущности пуста. Мир, в котором мы живем, реально не существует в той форме, в какой мы его воспринимаем. Духовные писания Востока сравнивают наше повседневное переживание мира со сном, от которого мы можем пробудиться, Фритьоф Шуон (Schuon 1969) выразил это весьма лаконично: "Вселенная - это сон, сотканный из снов, - бодрствует одна самость".

В космической драме, как и в кино или в театральной пьесе, на самом деле никого не убивают и никто не умирает, поскольку актер после исполнения своей роли вновь возвращается к своей большей, глубинной личности. В определенном смысле ни драмы, ни ее действующих лиц не существует вовсе, или они существуют и не существуют одновременно. С этой точки зрения винить Вселенский Разум за существование зла в мире было бы так же абсурдно, как выносить приговор режиссеру за преступления и убийства, совершенные на экране. Конечно, между живыми существами и персонажами кино есть одно важное различие. Даже если существа в материальном мире не таковы, какими они кажутся, переживание физической боли и душевных страданий, связанное с их ролью, реально. С киноактерами, понятно, обстоит совершенно иначе.

Такой взгляд на творение способен привести в сильное замешательство,

даже несмотря на то что основан он на весьма убедительных переживаниях людей, находившихся в холотропных состояниях, и в целом согласуется с научными данными, касающимися природы реальности. Эти проблемы становятся очевидными, как только мы начинаем задумываться о практических последствиях такого видения, например о том, какие перспективы это открывает для нашей жизни и для нашего повседневного поведения. На первый взгляд видение мира как "виртуальной реальности", а человеческой жизни как кинофильма тривиализирует нашу жизнь и не принимает во внимание глубину человеческих лишений. Может показаться, что такое понимание творения отрицает серьезность человеческих страданий и воспитывает в нас циничное безразличие: дескать, по сути ничто не имеет значения. Аналогичным образом принятие зла как неотъемлемой части творения и понимание его относительности может оправдать устранение всяких этических норм и неограниченное стремление к эгоистическим целям, т. е. опять-таки делает якобы бессмысленной всякую борьбу со злом в мире.

Однако в этом смысле ситуация гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Во-первых, практический опыт показывает, что осознание пустоты, стоящей за всеми формами, вовсе не означает отрицания любви ко всему творению. На самом деле трансперсональные переживания, ведущие к глубоким метафизическим прозрениям относительно природы реальности, порождают глубокое уважение ко всем живым существам и ответственное отношение к процессу жизни. Нашему состраданию не требуются материальные объекты: можно просто направлять его живым существам, являющимся единицами сознания.

Осознание пустоты, лежащей в основе мира форм, может значительно помочь и в преодолении трудных жизненных ситуаций. В то же время оно никоим образом не делает жизнь менее значительной и не мешает нам наслаждаться приятными моментами жизни и восхищаться ее красотой. Глубокое сострадание и восхищение творением вполне совместимо с пониманием того, что материальный мир не существует в той форме, в какой мы его переживаем. Ведь, так или иначе, мы способны эмоционально откликаться на великие произведения искусства и глубоко проникаться их образами! Но в отличие от произведений искусства в жизни все переживания действующих лиц реальны.

ВЛИЯНИЕ ХОЛОТРОПНОГО ПРОЦЕССА НА ЭТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ПОВЕДЕНИЕ

Прежде чем полностью оценить этические последствия трансцендентальных прозрений для нашего поведения, мы должны учесть ряд дополнительных факторов. Эмпирическое исследование, дающее доступ к таким глубинным прозрениям, как правило, раскрывает в нашем бессознательном важные биографические, перинатальные и трансперсональные источники насилия и алчности. Психологическая проработка этого материала ведет к значительному уменьшению агрессивности и к увеличению терпимости. Мы также сталкиваемся с широким спектром трансперсональных переживаний, в которых отождествляем себя с различными аспектами творения. Это порождает глубокое уважение к жизни и сочувствие ко всем живым существам. Таким образом, тот же процесс, что позволяет нам постичь пустоту форм и относительность этических ценностей, значительно уменьшает нашу склонность к аморальному и антисоциальному поведению и учит нас любви и состраданию.

Мы развиваем новую систему ценностей, которая основана не на

общепринятых нормах, предписаниях, заповедях и страхе наказания, а на знании и понимании вселенского закона. Мы постигаем, что являемся неотъемлемой частью творения и потому, вредя другим, вредим себе. Кроме того, углубленное самоисследование приводит нас к эмпирическому открытию перевоплощения и закона кармы. А отсюда вытекает осознание того, что, даже если избежишь социального возмездия за дурные поступки, они все равно повлекут за собой серьезные эмпирические воздействия.

Платон прекрасно отдавал себе отчет в глубоких нравственных последствиях нашей веры в возможность продолжения жизни после биологической смерти. В "Законах" он вкладывает в уста Сократа утверждение, что признание того, что грядет после смерти, - <благо для нечестивца". На более высоких стадиях духовного развития ослабление агрессивности, уменьшение эгоцентрической ориентации, чувство единства с живыми существами и осознание кармы становятся важными факторами, управляющими нашим повседневным поведением. В этом контексте интересно упомянуть К. Г. Юнга и кризис, который он пережил, осознав относительность всех этических норм и ценностей. Юнг тогда всерьез задавался вопросом, важно ли на более высоких планах то, какое поведение мы выбираем и следуем ли этическим предписаниям. По некотором размышлении он нашел удовлетворительный для себя ответ на этот вопрос. Он пришел к выводу, что, поскольку абсолютных критериев нравственности не существует, каждое этическое решение является творческим актом, отражающим нынешний этап развития нашего сознания и доступную для нас информацию. Когда эти факторы меняются, мы, оглядываясь назад, можем иначе увидеть ситуацию. Однако это не означает, что наше первоначальное решение было неверным. Важно, что при данных обстоятельствах мы делали все возможное.

Хотя в продвинутых трансперсональных переживаниях мы можем выйти за пределы зла, его существование в нашей повседневной жизни и в других эмпирических сферах, в частности в сфере архетипов, представляется весьма реальным. В мире религии мы часто сталкиваемся с тенденциями изображать зло как нечто отдельное от божественного и чуждое ему. Холотропные переживания ведут к позиции, которую один из моих пациентов назвал "запредельным реализмом". Эта позиция примирения с тем фактом, что зло есть неотъемлемая часть творения и что все сферы, содержащие отдельных индивидов, всегда имеют и светлую, и темную стороны. Поскольку зло тесно вплетено в космическую канву и обязательно для существования эмпирических миров, его невозможно победить или уничтожить. Однако, если мы и не можем исключить зло из миропорядка, мы определенно способны преобразить себя и отыскать совершенно иные пути преодоления темной стороны бытия.

В ходе углубленной эмпирической проработки мы осознаем, что, поскольку физическая и душевная боль присущи воплощенному существованию как таковому, мы должны в той или иной степени испытывать их в нашей жизни. Первая Благородная Истина Будды напоминает о том, что жизнь означает страдание (*dukha*) и это особым образом относится к ситуациям и обстоятельствам, влекущим за собой наши страдания, - к рождению, старости, болезни, смерти, к встрече с тем, что мы не любим, к отделению от того, что нам дорого, и отказу в том, что нам хочется. Кроме того, каждый из нас испытывает страдание, которое суждено ему и отражает его кармическое прошлое.

Мы не можем избежать страданий, но способны некоторым образом повлиять на их продолжительность и форму. Мои наблюдения, полученные в ходе работы с холотропными состояниями, указывают, что, сталкиваясь в направленных сеансах с трудными кармическими переживаниями в концентрированной и сжатой форме, мы становимся способны значительно сократить проявление этих элементов в нашей повседневной жизни. Существуют и другие способы,

которые при систематическом самоисследовании помогают нам справиться со страданиями и с переживанием трудных аспектов бытия. После того как мы научились выносить чрезвычайную силу этих переживаний в холотропных состояниях, наше отношение к страданию и его порог подвергаются глубоким изменениям, а поэтому испытания и тяготы повседневной жизни переносятся относительно легче.

Мы также обнаруживаем, что не являемся телом-эго или тем, что индуисты называют именем и формой, обликом (*нама-рупа*). В ходе самоисследования мы переживаем коренные сдвиги в собственном ощущении личности. В холотропных состояниях мы можем отождествить себя с чем угодно - начиная с незначительной частицы протоплазмы в огромной материальной Вселенной и кончая полнотой бытия и самим Абсолютным Сознанием. То, как мы видим себя - беспомощными жертвами могучих космических сил или соавторами наших жизненных сценариев, - естественным образом сказывается на том, до какой степени нам отведено в жизни страдать, а до какой радоваться и наслаждаться свободой.

АРХЕТИПЫ ЗЛА И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Прежде чем закончить эту главу, мне хотелось бы упомянуть некоторые интересные прозрения относительно связи между злом, будущим человечества и сохранением жизни на нашей планете. Горько сознавать, что на пороге нового тысячелетия мы столкнулись с серьезным и опасным глобальным кризисом. Понятно, что нечего и надеяться на выживание, если мы будем продолжать действовать так, как действовали на протяжении почти всей человеческой истории. Теперь необходимо обуздать человеческое насилие, демонтировать оружие массового поражения и обеспечить мир на земле. Не менее важно и остановить промышленное загрязнение воздуха, воды и почвы и переориентировать нашу экономику на возобновляемые энергетические источники. Еще одна важная задача - уничтожение нищеты и голода во всем мире и обеспечение лечения людям, страдающим от излечимых болезней.

Многие из нас глубоко озабочены такой ситуацией и искренне желают изменить ее и создать лучший мир. Очевидно, что ситуация эта достигла критической точки, и трудно представить себе какие-то простые акции, которые могли бы ее исправить. Трудность поисков решения обычно относят на счет чрезвычайной сложности текущего глобального кризиса, который включает целый комплекс проблем экономического, политического, этического, военного, психологического характера. Решения, если таковые возможны, видятся в исправлении аномальных тенденций в этих разнообразных областях.

В холотропных состояниях мы обнаруживаем, что у этой проблемы есть и весьма тревожное метафизическое измерение. Мы начинаем отдавать себе отчет, что происходящее в нашем мире определяется не одними только материальными причинами. В конечном счете оно непосредственно отражает динамику сферы архетипов. Силы и сущности, оперирующие в этой сфере, сильно поляризованы: пантеон архетипических фигур включает в себя как благие, так и гневные божества. Архетипические принципы - добро, нейтральное и зло - представляют собой неотъемлемую часть творения и необходимые элементы в космической игре. По этой причине устранить зло из устройства Вселенной невозможно. Половину архетипического пантеона просто

"отстранить от дел" нельзя.

В свете этих прозрений совершенно очевидно, что, если мы хотим улучшить ситуацию в мире и уменьшить воздействие элементов зла на наши повседневные дела, нам нужно найти для архетипических сил, которые в ответе за эти элементы, менее разрушительные и менее опасные формы выражения. Назрела необходимость создавать ситуации, в которых мы могли бы выразить архетипическим силам свое почтение и дать им альтернативную возможность выражения, не разрушающего нашу жизнь, а, наоборот, оказывающего ей поддержку. Иногда в холотропных состояниях приходят интересные идеи относительно такого рода деятельности и институтов.

Для уменьшения воздействия потенциально разрушительных архетипических сил в нашем мире могло бы послужить прежде всего отыскание безопасных каналов для их выражения в холотропных состояниях сознания. Сюда могли бы войти программы систематических духовных практик различной ориентации, разнообразные формы эмпирической психотерапии, обеспечивающие доступ к перинатальным и трансперсональным переживаниям, а также центры, предлагающие психоделические сеансы под наблюдением специалистов. Весьма важно было бы также вернуться к санкционированным обществом ритуальным действиям вроде тех, что существовали в древних и туземных культурах. Современные версии ритуалов перехода могли бы обеспечить сознательное переживание тяжелых энергий, направленных на разрушение и саморазрушение, предотвращая тем самым их неблагоприятное воздействие на общество. Дополнительными интересными альтернативами могли бы стать новые, динамичные формы искусства и развлечений, использующие технологию виртуальной реальности.

Эти преобразовательные методы можно дополнить различными видами деятельности, ориентированной вовне и служащей той же цели. Так, мощные и потенциально разрушительные взрывные энергии, которые ныне выражаются в смертоносных войнах, можно бы отчасти нейтрализовать, направив на реализацию глобальной крупномасштабной программы по освоению космоса или на другие технические проекты. Подобную же возможность могут обеспечить события соревновательного характера - начиная со спортивных состязаний и кончая соревнованиями в развитии науки и техники. Некоторая часть этой энергии может найти выход в парках хитроумных аттракционов, в проведении карнавалов и зрелищ наподобие древних и средневековых празднеств, в которых участвовали короли, аристократия, дворянство и простой люд. Если в вышеперечисленных прозрениях есть доля истины, задача по разработке таких новых форм приобретает большой интерес.

[1]

холотропные, что буквально означает "ориентированные на целостность" или "движущиеся в направлении целостности" (от греч. *holos* - "целое" и *trepein* - "двигаться в направлении чего-либо"). Читая эту книгу, вы поймете, что означает этот термин и чем оправдано его использование. Он указывает на то, что, находясь в обычном состоянии сознания, мы не целостны, а раздроблены и отождествляемся лишь с небольшим фрагментом того, что мы есть в действительности.

Холотропные состояния характеризуются особыми трансформациями сознания, связанными с изменениями во всех сферах восприятия, с сильными и

зачастую необычными эмоциями, а также с глубокими переменами в мыслительных процессах. Нередко они сопровождаются множеством сильных психосоматических проявлений и неординарным поведением. В сознании происходят чрезвычайно глубокие качественные изменения, но в отличие от бредовых состояний в нем не наблюдается грубых нарушений. В холотропных состояниях мы переживаем вторжение других измерений бытия, которые могут быть очень интенсивными и даже ошеломляющими. Но при этом мы все же не теряем пространственно-временной ориентации и отчасти остаемся в контакте с повседневной реальностью. Иными словами, мы одновременно присутствуем в двух разных реальностях.